За нашу Советскую Родину!

Военно-исторический журнал

Основан в августе 1939 года

Орган министерства обороны

Издается ежемесячно

Главный редактор В. И. ФИЛАТОВ

Редакционная коллегия:

Н. Т. АКСЕНОВ (отв. секретарь), А. В. БЕТЕХТИН, Д. А. ВОЛКОГОНОВ, В. С. ГРИЧУК, В. В. ГУРКИН, И. С. ДАНИЛЕНКО, В. Т. ИМИНОВ, П. Н. ЛАЩЕНКО, В. Н. ЛОБОВ, Ю. К. ЛОСКУТОВ (зам. главного редактора), А. М. МАЙОРОВ, В. Н. ОГУРЦОВ, С. В. ОГОРОДНИК, В. Г. ОППОКОВ, Б. Ф. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. М. ПОРТУГАЛЬСКИЙ.

Художественный редактор Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции: 103160, Москва, К-160, «Военно-исторический журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95, 296-45-01, 296-45-35.

Из рубрики ЧИТАТЕЛЬ:
ПОДОЗРЕВАЕТ

Пишу вам после того, как получил журнал № 1 за 1989 год. Желание подписаться на ваше издание появилось после широкой рекламы, созданной печатью, но, ознакомившись с содержанием, был ошеломлен и удручен той тенденциозностью, которая сквозит на его страницах. Как я понял и мои товарищи по работе тоже, вы являетесь ярыми сторонниками той «когорты», к которой относятся журналы «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник», писатели Ю. Бондарев, М. Алексеев. Это мы поняли по однобокому характеру писем ваших читателей-корреспондентов, пожилых и молодых. Нельзя печатать письма, которые выгодны только вам и вышеназванным товарищам... А так журнал ваш неплохой, и мне с товарищами не хочется его терять.

Е. Л. СОРОКИН, слесарь
(г. Ярославль)

Содержание

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ - Маршал Советского Союза К. К. РОКОССОВСКИЙ 5
Из дневника Маршала Советского Союза А. И. Еременко 14
ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ВЕРМАХТА К НАПАДЕНИЮ НА СССР 50
ЭШЕЛОН ДЛИНОЙ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА 57
ПИШИТЕ ТОЛЬКО ПРАВДУ 64
Т-4 ударный ракетоносец 65
Фото из музея, самолет Мясищева 66
ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ 67
ДОКУМЕНТЫ ВЕРМАХТА 73
ДОКУМЕНТЫ ВЕРМАХТА 83
ДОКУМЕНТЫ ВЕРМАХТА 92
О наступательной операции Юго-Западного фронта в мае 1942 100
О деле Блюхера 116
Маршал Блюхер: правда и около нее 119
ГЕОРГИЕВСКИЕ НАГРАДЫ 127
РОДИОН ЯКОВЛЕВИЧ МАЛИНОВСКИЙ 132
Летчик Л. Н. Хрущев 136
ПОГИБ? ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ? ЖИВ?.. (О судьбе старшего сына Хрущева) 140
ЧЬИ ТОПОКАРТЫ БЫЛИ ЛУЧШЕ? 143
Мог ли пасть Берлин в феврале 1945 года 144
ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ 150
Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ 152
АФГАНИСТАН: ИТОГИ И ВЫВОДЫ 154
Кабул-Москва: война по заказу 159
Форма одежды защитного цвета в русской армии 1906-1917 гг. 163
От «юнкерса» 1941 года к «цессне» 1987-го 167
ШТРАФНИКИ 170
ИУДЫ 175
ИКОНА «ТОРЖЕСТВО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ», ИЛИ «ПОРТ-АРТУРСКАЯ» 186
КАТЕХИЗИС ДЛЯ ВОИНОВ 187
Северный узел (О советско-финляндской войне) 189
Комплектование сухопутных войск США 196
ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ (Евреи в Гражданской войне) 198
НЕИЗВЕСТНОЕ О РАЗВЯЗКЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА 206
НЕ СОТВОРИ КУМИРА (О Солженицыне) 211
ВЕТРОВ, ОН ЖЕ — СОЛЖЕНИЦЫН 226
Кто такой П. Г. Григоренко? 231
ВЫДУМАННОЕ в «Непридуманном» (О лжи Льва Разгона) 234
ЛИЦЕДЕИ (О попытке угона за границу БПК «Сторожевой» под руководством изменника Саблина) 235
«Герой» нашего времени в версии Н. Черкашина 246
Отповедь Солженицыну: «СТАВЛЮ ПОД СОМНЕНИЕ КАЖДОЕ ВАШЕ СЛОВО» 255
Солженицын, Рыбаков: ТЕХНОЛОГИЯ ЛЖИ 256
РУБРИКА ЧИТАТЕЛЬ (Инструктор горкома - перевёртыш; Боннэр - специалистка ПВО) 261
БАБИЙ ЯР ПОД КАТЫНЬЮ? 262
Справка комиссии под руководством Н.Н. Бурденко 275
В.Я. ТАРТАКОВСКИЙ: «Я знал поляков, якобы расстрелянных в Катыни» 282
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ (Материал болгарской прессы) 284
Заявление чехословацкого профессора судебной медицины Ф. Гаека по поводу так называемого «катынского дела» 286
КАТЫНСКИЙ ЛЕС (Начало) 287
КАТЫНСКИЙ ЛЕС (Окончание) 290
ХУЖЕ ЛЖИ (О боях в р-не В. Кумского в декабре 1942, Сталинградская битва) 298
НЕ ПРИКАЖЕТЕ ЛИ ВЕШАТЬ? (О восстании Пугачева) 304
НЕИЗВЕСТНОЕ О ТУХАЧЕВСКОМ 308
Подвиг Клауса Фукса 310
Оборонительная операция 16-й армии Западного фронта в битве под Москвой 321
Пылающее Подмосковье 327
ЧУЖАЯ СЛАВА (Прикрывшись мертвыми панфиловцами) 332
ПЕРСИДСКИЙ КОРИДОР 346
Авиационный ленд-лиз 352
Мои воспоминания - А. А. БРУСИЛОВ 354
«НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ» - Из истории мирных переговоров в Брест-Литовске в 1918 г. 359
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР 362

Правительству СССР - ЗАЯВЛЕНИЕ МЮЛЛЕРА ... *369*
УКАЗАНИЯ ОКВ ОТ 6 СЕНТЯБРЯ 1940 Г. ... *371*
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ЛОССБЕРГА - РУКОВОДИТЕЛЯ ГРУППЫ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ... *371*
ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В СТАВКЕ 5 ДЕКАБРЯ 1940 г. ... *375*
ИЗ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ ГЕНЕРАЛА ФОН ЗОДЕНШТЕРНА ... *375*
ПЛАН «БАРБАРОССА» ... *377*
ДИРЕКТИВА ПО ДЕЗИНФОРМАЦИИ ПРОТИВНИКА ... *378*
СПЕЦИАЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ К ДИРЕКТИВЕ № 21 (план «Барбаросса») ... *380*
ДИРЕКТИВА ПО СОСРЕДОТОЧЕНИЮ ВОЙСК (план «Барбаросса») ... *381*
ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ народного комиссара обороны Союза ССР ... *383*
Содержание в плену советских военнопленных. Свидетельства ... 383
КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ: ДОКУМЕНТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ... 386
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» ... 392
ЗАПИСКИ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО СОВЕТНИКА (Египет 1967-1968) ... 400
Линия фронта - Суэцкий канал ... 406
Поклонимся и мертвым и живым (Блокада Ленинграда 1941-1944) ... 415
Побратимы А. Матросова ... 418
ПОБРАТИМЫ А. МАТРОСОВА ... 422
СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛЬСКИЕ... ... 438
ВЕНГРИЯ, ГОД 1956-й ... 443
ЧЕХОСЛОВАКИЯ, ГОД 1968-й ... 447
Изобретатель боевой ракеты (прототип реактивного снаряда) ... 454
Кто изобрёл «КАТЮШУ» ... 458
ЗАПИСКИ ИСПЫТАТЕЛЯ РАКЕТ ... 467
Записки военного советника в Китае 1939-1940 ... 474
Миссия в Дамаск - (Заметки главного военного советника в Сирии) ... 479
О роли советских военных в Эфиопии в отражении сомалийской агрессии ... 485
Американские военнопленные ... 490
РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ ... 492
МЕХЛИС: «УНИЧТОЖАТЬ, КАК БЕШЕНЫХ СОБАК» ... 503
«Благодаря товарищу Мехлису справляемся...» ... 506
Н. С. Хрущев: «Сам я не слышал, но мне говорили...» ... 508
Из дневника Й. Геббельса ... 513
«ПЕРЕДЕЛ МИРА ПО-НОВОМУ, КТО ОПОЗДАЕТ, НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТ...» - Из дневника Й. Геббельса ... 528
ДНЕВНИК НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА ... 539
ВЕРНИТЕ ДЕНЬГИ («Германия - неоплатный должник России») ... 549
От Бисмарка до... («Славная» история Германии. Знать историю!-Ю.З.) ... 553
КАК НЕМЕЦКАЯ ВЛАСТЬ ОБИДЕЛА «ФРОНТ ЛИТОВСКИХ АКТИВИСТОВ» ... 555
МОСКВЕ КРИЧАЛИ О ВОЙНЕ ... 559
Бездействовал ли Сталин в первые дни войны? ... 564
СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ: ОТКУДА, КУДА И ПОЧЕМУ? ... 567
Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.) ... 576
В ФОРТАХ КЕНИГСБЕРГА ... 580
Два взгляда: из 1941 и 1945 ... 581
НОТА министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года ... 582
НАСТУПЛЕНИЕ БАТАЛЬОНА В ПУСТЫНЕ ... 588
Авиаполевые дивизии вермахта на советско-германском фронте в 1942 —1945 гг. ... 590
АФГАНИСТАН: КАК ПРИНИМАЛОСЬ РЕШЕНИЕ ... 592
Кавказ. 1942—1943 годы: ГЕРОИЗМ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ... 602
1937. ПОКАЗАНИЯ МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО ... 606
«Сталин не помышлял сдавать Москву» ... 618
О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны ... 622
Готовил ли СССР превентивный удар? ... 629
Японский дневник А. Н. Куропаткина ... 650
КТО КОМУ ДОЛЖЕН? (Освобождение Польши) ... 654
АТОМНЫЙ ВЗРЫВ У ПОСЕЛКА ТОЦКОЕ ... 655
Август 1991 года: документы свидетельствуют ... 660
НРАВСТВЕННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЛЕНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ... 662
Вооруженные силы Германии и Чехословакии и планы сторон к осени 1938 г. ... 666
Присяга Сталина ... 669
Оборона Ленинграда. 1941 год ... 670
НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ (1937-1941) ... 680
«РАЗВЕДКА СЫГРАЛА ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ РОЛЬ» ... 686
В ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДВОЕННЫЕ ... 688
Николай Николаевич ВОРОНОВ - главный маршал артиллерии ... 693
ЭПОХА В АВТОБИОГРАФИЯХ - Н.Н. ВОРОНОВ ... 699

«ХРАБРЫЕ ДЕЛА ВАШИ НИКОГДА НЕ БУДУТ ЗАБЫТЫ ПОТОМСТВОМ» - К 280-летию Полтавского сражения 701
О СОСТАВЕ РУССКОЙ И ШВЕДСКОЙ АРМИЙ В ПОЛТАВСКОМ СРАЖЕНИИ 703
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ — БОЕВОЙ ОФИЦЕР 712
О сестре милосердия, награжденной орд. св. Георгия 715

ВИЖ №5 1989

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 4.

КУПЮРЫ, ПРОПУСКИ, ИЗЪЯТИЯ

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ - Маршал Советского Союза К. К. РОКОССОВСКИЙ

26 ИЮНЯ я выехал с группой офицеров штаба на одну из высот в расположение ведущих бой частей 20-й танковой дивизии. Отсюда наблюдали движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны машин, танков и артиллерии противника Одновременно с ней с юга в направлении действий наших 20 и 35 тд подходили танковые, моторизованные и пехотные части с артиллерией. Не менее тревожное сообщение поступило от командира 131 мд. Он доносил, что противник (пехота с танками) отбросил части дивизии, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировал реку. Следовательно, на направлении, где действовал наш корпус, можно было ожидать удара более крупными силами.

Нужно заметить, что к этому времени, о котором упоминаю, с информацией войск о положении на фронте дело обстояло из рук вон плохо. Информацию приходилось добывать самим. И если о событиях на нашем направлении удавалось более-менее узнавать и догадываться, то о происшедшем или происходящем на участке других армий Юго-Западного фронта мы ничего не знали. По-видимому, и штаб 5-й армии тоже ничего не знал, ибо он нас не информировал. Связь корпуса со штабом 5-й армии чаще всего отсутствовала, а с соседями периодически прекращалась.

Нам стало известно, что 22 мк атакован противником, понес большие потери и отброшен на северо-восток от Луцка. Сосед слева, 19 мк, при попытке перейти в наступление тоже атакован противником и, понеся большие потери, отброшен к Ровно, где продолжает вести бой.

К вечеру 25 июня на КП нашего корпуса в районе Клевани прибыл пешком командир танковой дивизии 22 мк, насколько мне память не изменяет, генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита. Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглагольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним.

А накануне в районе той же Клевани мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спороли знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло.

Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26 июня. Приказание было выполнено. В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса.

В разгар боев под Новоград-Волынском и юго-восточнее его мною было получено распоряжение Ставки о назначении меня командующим армией Западного фронта и о немедленном прибытии в Москву. 14 июля я отправился на машине в Киев.

В город прибыл ночью и поразился безлюдью и царившей в нем зловещей тишине.

Крещатик, обычно в это. время кишевший народом, оглашавшийся громкими разговорами, шумом, смехом и сияющий огнями витрин, был пуст, молчалив и погружен в темноту. Ни одной живой души не видно на улицах. Остановив машину для того, чтобы узнать, где можно найти штаб фронта, я закурил папиросу. И тут же из мрака на меня обрушилось: «Гаси огонь!..», «Что, жизнь тебе надоела?..», «Немедленно гаси!..» Раздались и другие слова, уже покрепче. Это, должен сознаться, меня сильно удивило. Уж очень истерические были голоса. Это походило уже не на разумную осторожность, а на признаки панического страха. Что ж, пришлось покориться и быстро потушить папиросу.

КП фронта оказался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Остаток ночи я провел в штабе фронта, а утром представился командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. Меня крайне удивила его резко бросающа-

яся в глаза растерянность. Заметив, видимо, мое удивление, он пытался напустить на себя спокойствие, но это ему не удалось. Мою сжатую информацию об обстановке на участке 5-й армии и корпуса он то рассеянно слушал, то часто прерывал, подбегая к окну с возгласами: «Что же делает ПВО?.. Самолеты летают, и никто их не сбивает... Безобразие!» Тут же приказывал дать распоряжение об усилении активности ПВО и о вызове к нему ее начальника. Да, это была растерянность, поскольку в сложившейся на то время обстановке другому командующему фронтом, на мой взгляд, было бы не до ПВО.

Правда, он пытался решать и более важные вопросы Так, несколько раз по телефону отдавал распоряжения штабу о передаче приказаний кому-то о решительных контрударах. Но все это звучало неуверенно, суетливо, необстоятельно. Приказывая бросать в бой то одну, то две дивизии, командующий даже не интересовался, могут ли названные соединения контратаковать, не объяснял конкретной цели их использования. Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать.

В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным.

С таким настроением я покинул штаб Юго-Западного фронта, направляясь в Москву. Предварительно узнал о том, что на Западном фронте сложилась тоже весьма тяжелая обстановка: немцы подходят к Смоленску. Зная командующего Западным фронтом генерала Д. Г. Павлова еще задолго до начала войны (в 1930 г. он был командиром полка в дивизии, которой я командовал), мог заранее сделать вывод, что он пара Кирпоносу, если даже не слабее его.

В дороге невольно стал думать о том, что же произошло, что мы потерпели такое тяжелое поражение в первоначальный период войны.

Конечно, можно было предположить, что противник, упредивший нас в сосредоточении и развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Но где-то, в глубине, по реальным расчетам Генерального штаба, должны успеть развернуться наши главные силы. Им надлежало организованно встретить врага и нанести ему контрудар. Почему же этого не произошло?..

Приходилось слышать и читать во многих трудах военного характера, издаваемых у нас в послеоктябрьский период острую критику русского генералитета, в том числе и русского Генерального штаба, обвинявшихся в тупоумии, бездарности, самодурстве и пр. Но, вспоминая начало первой мировой войны и изучая план русского Генерального штаба, составленный до ее начала, я убедился в обратном. Этот план был составлен именно с учетом всех реальных особенностей, могущих оказать то или иное влияние на сроки готовности, сосредоточения и развертывания главных сил. Им предусматривались сравнительные возможности России и Германии быстро отмобилизоваться и сосредоточить на границе свои главные силы. Из этого исходили при определении рубежа развертывания и его удаления от границы. В соответствии с этим определялись также силы и состав войск прикрытия развертывания. По тем временам рубежом развертывания являлся преимущественно рубеж крепостей. Вот такой план для меня был понятен.

Какой же план разработал и представил правительству наш Генеральный штаб? Да и имелся ли он вообще?..

Мне остро захотелось узнать, где намечался рубеж развертывания. Предположим, что раньше он совпадал с рубежом наших УРов, отнесенных на соответствующее расстояние от старой границы. Это было реально. Но мог ли этот рубеж сохранить свое назначение и в 1941 году? Да, мог, поскольку соседом стала фашистская Германия. Она уже вела захватническую войну, имея полностью отмобилизованными свои вооруженные силы.

Кроме того, необходимость заставляла учитывать такой важный фактор, как оснащение вооруженных сил новой техникой и вообще новыми средствами, чего не было в прежних армиях. Ведь он обусловил и новый характер ведения войны. К примеру, значительно увеличилась подвижность, а стало быть, и маневренность войск на театре военных действий.

Не прибегая к мобилизации, мы обязаны были сохранять и усиливать, а не разрушать наши УРы по старой границе. Неуместной, думаю, явилась затея строительства новых УРов на самой границе на глазах у немцев. Кроме того, что допускалось грубейшее нарушение существующих по этому вопросу инструкций, сама по себе общая обстановка к весне 1941 года подсказывала, что мы не успеем построить эти укрепления. Только слепой мог этого не видеть. Священным долгом Генерального штаба было доказать такую очевидность правительству и отстоять свои предложения.

Вспомнилась окружная полевая поездка в июне 1941 года, то есть накануне войны, и беседы со многими товарищами, которые здраво оценивали положение, создавшееся к тому времени. Мы сходились во мнении, что немцы развязали себе руки на западе, готовы к использованию своего преимущества для нападения на СССР. Но неужели это не чувствовали военные руководители центрального и окружного масштаба? Ну, допустим, Генеральный штаб не успел составить реальный план на начальный период войны в случае нападения фашистской Германии. Чем же тогда объяснить такую преступную беспечность, допущенную командованием округа (округами пограничными)? Из тех наблюдений, которые я вынес за период службы в КОВО и которые подтвердились в первые дни войны, уже тогда пришел к выводу, что ничего не было сделано местным командованием в пределах его прав и возможностей, чтобы достойно встретить врага.

На мою долю выпала честь всю свою службу в Красной Армии провести в приграничных округах: на Дальнем Востоке, в Забайкалье, в БВО и ЛВО. Это дало мне возможность глубоко изучить задачи, возлагаемые на приграничные войска, а также положения, обязывающие их поддерживать постоянную повышенную боевую готовность, способность в течение нескольких часов приступить к активным действиям. Соответственно определялась и дислокация войск в мирное время. Кроме того, на период угрожаемого положения войска выводились в предусмотренные заблаговременно районы. Все эти вопросы тщательно отрабатывались на военных играх и в полевых поездках в окружном масштабе с высшим командным составом. Примерно такая же подготовка велась с командирами в корпусах и дивизиях... Велась, но только не в КОВО. Потому-то войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно неподготовленными к встрече врага. Их дислокация не соответствовала создавшемуся у нашей границы положению явной угрозы возможного нападения. Многие соединения не имели положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили.

То, что произошло 22 июня, не предусматривалось никакими планами, поэтому войска были захвачены врасплох в полном смысле этого слова. Потеря связи штаба округа с войсками усугубила тяжелое положение.

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предпринимало своевременно соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому еще и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся у границы обстановкой. А этого сделано не было. Все ожидали указаний свыше.

Могу о том судить хотя бы по содержанию оперативного пакета, который был мною вскрыт в первый день войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему как боевому соединению. А поскольку он находился только в первой, то есть начальной, стадии формирования, то, как Генеральным штабом, так и командованием округа, должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9 мк, но и 19, 22 да и другие, кроме 4 и 8, которые начали формирование значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ.

Сохранение трех упомянутых корпусов (всего таких в КОВО имелось пять) сыграло бы решающую роль в нанесении последующего контрудара совместно с подходившими из глубины страны общевойсковыми армиями. А так они из-за слабого оснащения танками представляли собой плохие пехотные соединения, к тому же не имели и положенного стрелковому соединению вооружения. В то же время задачи им ставились исходя из их предназначения, то есть формального названия, а не из возможностей.

Но о чем думали те, кто составлял подобные директивы, вкладывая их в оперативные пакеты и сохраняя за семью замками? Ведь их распоряжения были явно нереальными. Зная об этом, они все же их отдавали; преследуя, уверен, цель оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для «решительных» действий таким-то войскам (соединениям) ими был отдан. Их не беспокоило, что такой приказ — посылка мехкорпусов на истребление. Погибали в неравном бою хорошие танкистские кадры, самоотверженно исполняя в боях роль пехоты.

Даже тогда, когда совершенно ясно были установлены направление главных ударов, наносимых германскими войсками, а также их группировка и силы, командование округа оказалось неспособным взять на себя ответственность и принять кардинальное решение для спасения положения, сохранить от полного разгрома большую часть войск, оттянув их в старый укрепленный район.

Уж если этого не сделал своевременно Генеральный штаб, то командование округа обязано было это сделать, находясь непосредственно там, где развертывались эти трагические события.

Роль командования округа свелась к тому, что оно слепо выполняло устаревшие и не соответствующие сложившейся на фронте и быстро менявшейся обстановке директивы Генерального штаба и Ставки. Оно последовательно, нервозно и безответственно, а главное, без пользы пыталось наложить на бреши от ударов главной группировки врага непрочные «пластыри», то есть неподготовленные соединения и части. Между тем заранее знало, что такими «пластырями» остановить противника нельзя: не позволяли ни время, ни обстановка, ни собственные возможности. Организацию подобных мероприятий можно было наладить где-то в глубине территории, собрав соответствующие для проведения этих мероприятий силы. А такими силами округ обладал, но они вводились в действие и истреблялись по частям.

Я уже упоминал выше о тех распоряжениях, которые отдавались командующим фронтом М. П. Кирпоносом в моем присутствии и которые сводились к тому, что под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывались по одной-две дивизии. К чему это приводило? Ответ может быть один — к истреблению наших сил по частям, что было на руку только противнику.

Вспоминая в дороге все, что мне пришлось видеть, ощущать и узнать в первые недели войны, я никак не мог разобраться, что же происходит.

Ведь элементарные правила тактики, оперативного искусства, не касаясь уже стратегии, гласят о том, что, проиграв сражение или битву, войска должны стремиться к тому, чтобы, прикрываясь частью сил, оторваться основными силами от противника, не допустив их полного разгрома. Затем с подходом из глубины свежих соединений и частей организовать надежную оборону и в последующем нанести поражение врагу.

(Продолжение следует)

ВИЖ №6 1989

ВСЕМ ПАМЯТНЫ действия русских войск под командованием таких полководцев, как Барклай-де-Толли и Кутузов, в 1812 году. А ведь как один, так и другой тоже могли дать приказ войскам «стоять насмерть» (что особенно привилось у нас и чем стали хвастаться некоторые полководцы!). Но этого они не сделали, и не потому, что сомневались в стойкости вверенных им войск. Нет, не потому. В людях они были уверены. Все дело в том, что они мудро учитывали неравенство сторон и понимали: умирать если и надо, то с толком. Главное же — подравнять силы и создать более выгодное положение. Поэтому, не ввязываясь в решительное сражение, отводили войска в глубь страны.

Сражение, у Бородино, данное Кутузовым, явилось пробой: не пора ли нанести врагу решительный удар? Но, убедившись в том, что противник еще крепок и что имевшихся к этому времени собственных сил еще недостаточно для подобной схватки, Кутузов принял решение на отход с оставлением даже Москвы.

В течение первых дней Великой Отечественной войны определилось, что приграничное сражение нами проиграно. Остановить противника представлялось возможным лишь где-то в глубине, сосредоточив для этого необходимые силы путем отвода соединений, сохранивших свою боеспособность или еще не участвовавших в сражении, а также подходивших из глубины по плану развертывания.

Войскам, ввязавшимся в бой с наседавшим противником, следовало поставить задачу: применяя подвижную оборону, отходить под давлением врага от рубежа к рубежу, замедляя этим его продвижение. Такое решение соответствовало бы сложившейся обстановке на фронте. И если бы оно было принято Генеральным штабом и командующими фронтами, то совершенно иначе протекала бы война и мы бы избежали тех огромных потерь, людских, материальных, которые понесли в начальный период фашистской агрессии.

Прибыв в Москву, я был направлен в распоряжение командующего Западным фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, командный пункт которого перебрался из-под Смоленска в Касню. Туда я и направился.

Как на юго-западном направлении, так и на западном ни Генеральный штаб, ни командование Западного особого военного округа (ЗОВО; до июля 1940 г. Белорусский ОВО) не приняли кардинальных решений, диктуемых обстановкой с первого же дня войны для улучшения создавшегося крайне невыгодного положения, в котором оказались наши войска. Но так как в ЗОВО войск оказалось к началу войны меньше, чем в КОВО, то и противнику удалось сразу продвинуться на большую глубину, чем на Юго-Западном фронте.

На меня возлагалась задача прикрыть смоленское направление и не допустить продвижения противника в сторону Вязьмы.

На мой вопрос, какие войска и откуда будут выделены для выполнения этой задачи, я получил ответ, что пока войска будут те, которые мне следует задерживать и подчинять себе, начиная по дороге от Москвы до Ярцево.

Более конкретные указания мне следовало получить у командующего фронтом.

В мое распоряжение Генштабом была выделена группа офицеров на автомашинах, радиостанция и две автомашины с счетверенными пулеметами и личным составом.

К вечеру наша маленькая группа прибыла на КП фронта и я представился командующему С. К. Тимошенко, которого знал раньше. В 1930—1931 годах он был командиром 3-го кавалерийского корпуса, в котором я командовал 7-й Самарской имени английского пролетариата дивизией. Встреча наша получилась теплой и сердечной. В ней не чувствовалось разницы в занимаемом положении. Семен Константинович не проявил никакого напускного величия, а сохранял простоту в обращении и товарищескую доступность, как в те времена, когда являлся комкором. Должен сказать, что он у всех нас, конников, пользовался не только уважением, но и любовью.

Ознакомившись с обстановкой по данным, имевшимся на это время в штабе фронта, я убедился: здесь ни у кого нет уверенности в том, что эти данные соответствуют действительности. С некоторыми армиями, в частности 19-й и 22-й, связь нарушилась, и положение их оставалось неизвестным. Имелись, к примеру, непроверенные сведения о высадке крупного воздушного десанта в районе Ярцево, но если бы они и подтвердились, то оставалось неясным, прикрыто ли кем-либо ярцевское направление. Поступили также разрозненные и нечеткие сообщения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника.

Получив дополнительные указания от командующего фронтом, чтобы задерживать всех, кто будет под любым предлогом отходить на восток, и подчинять себе любые части и соединения, которые могут оказаться на ярцевском направлении, а также организовать оборону этого рубежа, я в ту же ночь выехал в Ярцево. По пути подбирали всех, кто мог быть использован для организации противодействия врагу.

Итак, с этого момента началось формирование в районе Ярцево объединения, получившего официальное название группа войск генерала Рокоссовского. Пополнялось оно также за счет накапливавшихся на сборном пункте бойцов, отставших от своих частей, вышедших из окружения. К сожалению, последние, вернее большинство из них, приходили без оружия, и нам с большим трудом удавалось вооружать их. Причем делать это приходилось во время боев, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Люди познавали друг друга, можно сказать, сразу же в горячем деле.

В те дни текучесть личного состава была огромной.

В непрерывных боях со все усиливающимся на ярцевском направлении противником было много случаев проявления героизма как со стороны отдельных лиц (красноармейцев, офицеров), так и подразделений и частей.

К великому прискорбию, о чем я не имею права умалчивать, встречалось немало фактов проявления военнослужащими трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя.

Вначале появились так называемые «леворучники», простреливавшие себе ладонь левой руки или отстреливавшие на ней палец, несколько пальцев. Когда на это обратили внимание, то стали появляться «праворучники», проделывавшие то же самое, но уже с правой рукой.

Случалось членовредительство по сговору: двое взаимно простреливали друг другу руки.

Вскоре вышел закон, предусматривавший применение высшей меры (расстрел) за дезертирство, уклонение от боя, «самострел», неподчинение начальнику в боевой обстановке. Интересы Родины были превыше всего, и во имя их требовалось применение самых суровых мер, а всякое послабление шкурникам становилось не только излишним, но и вредным.

Вскоре наша группа слилась с 16-й армией, приняв ее наименование. Командующим назначили меня, начальником штаба — полковника М. С. Малинина, начальником артиллерии — генерал-майора В. И. Казакова, членом военного совета — генерал-майора А. А. Лобачева. Мой предшественник генерал М. Ф. Лукин принял 20-ю армию вместо отозванного в Москву генерала П. А. Курочкина.

Во второй половине сентября нами был тщательно разработан план действий войск 16-й армии, в котором наряду с мероприятиями, не допускавшими прорыва нашей обороны противником, предусматривались и другие — на случай отхода.

Но командующий в то время Западным фронтом И. С. Конев утвердил только первую часть плана, а вторую, предусматривавшую порядок вынужденного отхода, отклонил. Считаю, что это решение являлось не совсем обдуманным и противоречило сложившейся обстановке. Враг еще был сильнее, маневреннее нас и по-прежнему удерживал инициативу в своих руках. Поэтому крайне необходимым являлось предусмотреть организацию вынужденного отхода обороняющихся войск под давлением превосходящего противника.

Следует заметить, что ни Верховное Главнокомандование, ни многие командующие фронтами не учитывали это обстоятельство, что являлось крупной ошибкой. В войска продолжали поступать громкие, трескучие директивы, не учитывающие реальность их выполнения. Они служили поводом для неоправданных потерь, а также причиной того, что фронты то на одном, то на другом направлении откатывались назад.

Общая обстановка, сложившаяся к 14 октября на Западном фронте, оказалась очень тяжелой. Нанеся удар своими крупными танковыми и моторизованными группами на флангах, противник смог прорвать фронт на обоих направлениях как на севере, так и на юге, быстро продвинуться в глубину и, сомкнув кольцо, окружить войска нескольких армий, оставленных на прежних рубежах западнее Вязьмы. Если в Смоленском сражении в июле 1941 года немецкому командованию подобный маневр не удался, то теперь он осуществился полностью. Окруженные наши войска, не получив помощи извне и мужественно сражаясь, погибли во вражеском кольце. На московском направлении оказалась почти пустота. Потребовались титанические усилия партии, правительства и ВГК для ликвидации нависшей над столицей Родины угрозы.

Расположив свой командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотдела во всех направлениях для розыска и установления связи с войсками, находившимися уже в этом районе или прибывающими с тыла, и для перехвата выходящих из окружения частей, групп и одиночек.

Бои еще на дальних подступах к столице, предшествовавшие сражению на волоколамском направлении, сроднили личный состав армии с жителями столицы. Огромная забота, проявленная москвичами о воинах армии, подняла дух бойцов, воодушевила их на борьбу и победу.

Между тем противник, завершив окружение войск нескольких армий Западного и Резервного фронтов западнее Вязьмы, продолжал наступление на восток своими подвижными танковыми и моторизованными соединениями и уже 16 октября с утра нанес удар на левом фланге нашей 16-й армии.

Встретив хорошо организованное сопротивление, фашисты отходили и вновь начинали атаки.

Неся большие потери в живой силе и технике, враг вынужден был вводить в бой все новые и новые силы.

Вскоре сражение разгорелось на всем фронте обороны армии.

В боях с 16 по 27 октября всеми, от рядового солдата до командарма, было сделано все возможное для того, чтобы не допустить прорыва врагом нашей обороны. И несмотря на это, к нам в штаб прибыла специальная комиссия, назначенная комфронта Г. К. Жуковым для расследования и привлечения к ответственности виновных, допустивших овладение противником Волоколамском.

Жест недоверия к подчиненным со стороны такого большого начальника и в такой обстановке возмутил меня до глубины души. Мы оценили этот жест как попытку заручиться документом на всякий случай для оправдания себя, так как комфронта не мог не знать, в какой обстановке и при каких условиях противник овладел Волоколамском. Комиссия сделала оправдательный вывод, но нам с членом военного совета пришлось подписать составленный ею документ.

Истощив свои силы в прошедших под Волоколамском и севернее его боях, противник приостановил наступление.

Используя временную передышку, войска армии вели мелкие бои, продолжая укреплять оборонительные позиции. В этот час вызвал меня в Звенигород прибывший туда комфронта и предложил возглавить конную армию, которую мне предлагалось сформировать из прибывающих из Средней Азии четырех кавдивизий и корпуса Л. М. Доватора. Этой армии, по мнению Г. К. Жукова, предстояло прорвать вражеский фронт южнее Волжского водохранилища и нанести удар во фланг и тыл противнику, сосредоточивающемуся в районе Волоколамска. С большим трудом мне удалось доказать нецелесообразность затеи, которая могла привести только к бесполезной гибели множества людей и потере коней. Собранные вместе, кавалерийские соединения были бы легко истреблены авиацией и танками. Не знаю, то ли я убедил Жукова, то ли осложнившаяся обстановка на фронте повлияла, но, обязав меня обдумать его предложение, он к этому вопросу больше не возвращался.

Произведя перегруппировку, подтянув новые части и пополнив участвовавшие уже в боях соединения, немецко-фашистские войска группы армий «Центр», возглавляемые фон Боком, 16 ноября перешли в наступление.

К этому времени в 16-ю армию прибыло пополнение, в том числе три кавалерийские дивизии, прибывшие из Средней Азии. С ними довелось натерпеться. Лошади оказались некованными по-зимнему, и это в то время, когда в Подмосковье грунт замерз и образовался лед на мокрых и заболоченных местах. Они то и дело скользили и падали, затрудняя общее передвижение. Кроме того, личный состав не имел навыков действий на пересеченной и лесисто-болотистой местности, что снижало боевые качества соединений.

Зато прибывшая к нам из Сибири 78-я стрелковая дивизия, полностью укомплектованная личным составом и всем положенным по штатам военного времени вооружением и имуществом, возглавляемая боевым замечательным генералом А. П. Белобородовым, состоящая преимущественно из сибиряков, крепко нас обрадовала. Вошли в состав армии также две танковые бригады с небольшим количеством танков и одна так называемая танковая дивизия почти без них. Пополнилась несколько и наша артиллерия.

Перед самым началом неприятельского наступления неожиданно поступил приказ комфронта Г. К. Жукова нанести удар из района севернее Волоколамска по волоколамской вражеской группировке. Чем руководствовался знавший обстановку командующий фронтом, давая такой приказ, мне и до сегодняшнего дня непонятно. Ведь мы имели крайне ограниченные силы, а срок подготовки определялся одной ночью. Мои доводы об отмене этого наступления или о продлении хотя бы срока подготовки к нему остались без внимания.

Поначалу нашим частям, использовавшим неожиданность, удалось продвинуться до трех километров в глубину расположения противника, но затем еле удалось освободиться от этого вклинения. Участвовавшая в наступлении конная группа Л. М. Доватора отражала удары, наносимые врагом со всех сторон. Пользуясь подвижностью и смекалкой, она все же сумела вырваться и избежать полного окружения. Почти одновременно с этим нашим так называемым наступлением двинулся на всем участке, занимаемом армией, противник.

Наступил решающий момент. Правда, вражеское наступление не явилось неожиданным и к нему мы подготовились. Конечно, в пределах тех возможностей, которыми к тому времени располагали, хотя и очень ограниченных.

К началу наступления противника у нас были собраны приблизительно точные данные о его группировке. Об этом неоднократно докладывалось в штаб фронта. Но по замечанию, сделанному мне комфронтом при разговоре с ним по ВЧ, будто бы мы «паникуем» и во много раз преувеличиваем вражеские силы, можно было сделать вывод: нашим донесениям не доверяют.

Между тем взятые в бою в районе Скирманово и северо-западнее Волоколамска пленные подтверждали имеющиеся у нас сведения. Мы, конечно, понимали, что командующему фронтом хотелось бы, чтобы сил у противника было меньше. Но ведь и мы не возражали бы против этого, только приходилось считаться с фактами и готовиться встретить худшее. Успокаивать, а тем более расслаблять себя и войска мы не имели права.

В трехдневных боях, встречая стойкую оборону наших войск, враг убедился, что на волоколамском направлении ему не удастся прорвать оборону. Продолжая упорно наносить удар за ударом на этом направлении, медленно оттесняя наши части на 2—3 км в сутки, он приступил к подготовке удара южнее Волжского водохранилища на клинском направлении.

К этому времени бои шли в центре и на левом крыле армии в 10—12 км от Истринского водохранилища. Это водохранилище, река Истра и сама местность, прилегающая к ним, представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно можно было организовать прочную оборону небольшими силами.

Тщательно все продумав и всесторонне обсудив возникший план со своими помощниками, я ознакомил с ним командующего фронтом. Попросил разрешить нам отвести войска на выгодный рубеж, не ожидая, пока противник силой опрокинет с трудом оборонявшиеся войска и на плечах форсирует и реку, и водохранилище.

Командующий не принял во внимание всей целесообразности моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг. Такое выражение, между прочим, стало модным в то время. Причем чаще всего оно произносилось теми лицами, которые, находясь вдали от событий, не видели и не знали, как они развиваются, где и в каких условиях происходит то или иное сражение. Стоять насмерть и умереть нужно с умом, только тогда, когда этим достигается важная цель, лишь в том случае, если она, смерть немногих, предотвращая гибель большинства, обеспечивает общий успех. Но в данном случае такая необходимость не существовала, и командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков был не прав.

Привожу дословно содержание короткой, но грозной шифровки Жукова: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать».

На Жукова это было похоже. В этом его распоряжении чувствовалось: я — Жуков. Его личное «я» очень часто пре-

валировало над общими интересами.

Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Сплошь и рядом такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможных неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не умевшие якобы выполнить приказ, а «волевой» документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти «волевые» приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!

Снятые с истринских позиций войска, получившие приказ армии занять оборону у Солнечногорска с тем, чтобы задержать продвижение противника в сторону Москвы, форсированным маршем перебрасывались в указанный район. Но уже в пути по приказу комфронтом им была изменена задача: вместо обороны они получили распоряжение наступать и выбить противника из Солнечногорска. Этот эпизод является ярким примером несоответствия желания возможностям.

На организацию наступления времени не отводилось. Оно началось поспешно, поскольку фронт настойчиво требовал наступать немедленно. Поначалу наши войска имели частичный успех, несколько продвинувшись вперед. Но затем были остановлены и отброшены в исходное положение. Противник успел подтянуть достаточно сил для отражения всех наших попыток выбить его из города. Правда, врагу тоже не удалось развить успех в сторону Москвы.

Войска 16-й армии переживали тяжелые дни. Они напрягались из последних сил, чтобы не допустить дальнейшего продвижения врага ни на один шаг. Все мы, от солдата до генерала, чувствовали, что наступили решающие дни и что нужно во что бы то ни стало устоять. Каждый горел этим желанием и старался сделать все как можно лучше. Напрасно некоторые, занимающие высокие посты начальники думали, что только они могут хорошо справляться с делами, что только они желают успеха, а к остальным, чтобы подтянуть их к собственному желанию, нужно применять окрики и запугивание. К этим лицам я бы отнес и нашего комфронтом. Доходило до того, что начальник штаба армии Малинин неоднократно упрашивал меня намечать КП в стороне от дорог, желая избавиться от телефона «ВЧ», по которому ему чаще всего приходилось выслушивать внушения Жукова. Доставалось и мне, но я чаще находился в войсках и это удовольствие испытывал реже.

Вспоминаю один момент, когда после разговора по «ВЧ» с Жуковым я вынужден был ему заявить, что если он не изменит тона, то я прерву разговор с ним. Допускаемая им в тот день грубость переходила всякие границы. Между тем я не заметил, что в соседней комнате находились два представителя Главного политического управления Красной Армии. По-видимому, они, вернувшись в Москву, сообщили в ЦК об имевшем место случае. Это, конечно, мое предположение, но, как бы там ни было, на следующий день, вызвав меня к «ВЧ», Жуков заявил, что ему крепко попало от Сталина. Затем спросил, жаловался ли я Сталину за вчерашний разговор. Я ему ответил, что не в моей привычке жаловаться вообще, а в данном случае тем более.

Некоторая нервозность и горячность, допускаемая в такой сложной обстановке, в которой находился Западный фронт, мне была понятна. И все же достоинством военного руководителя в любой обстановке являются его выдержка, спокойствие и уважение к своим подчиненным. Ни один командир, уважающий себя, не имеет права оскорблять в какой бы то ни было форме подчиненных, унижать их достоинство. К сожалению, у Г. К. Жукова этого чувства не хватало и он часто срывался, причем чаще всего несправедливо, как говорят, под горячую руку. К примеру, никак в моем сознании не мог уложиться тот факт, когда после присоединения к 1-й ударной армии генерала Ф. Д. Захарова он предпринял меры для привлечения последнего к ответственности за сдачу Клина. И это несмотря на то, что тот умело руководил действиями войск, сумевших замедлить продвижение противника. К чести прокурора, который приехал по распоряжению Жукова, он объективно и справедливо рассмотрел выдвинутые против Захарова обвинения и производство дела прекратил.

На фоне описываемых событий хочу вспомнить один эпизод.

Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронтом Г. К. Жуков и привез с собой командарма-5 Л. А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: «Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать».

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии немцев действовали против 16-й армии, против 5-й же — только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронтом за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно.

Мы все были бы рады, если бы его приезд только этим «уроком» и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным. Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...» И т. д. и т. п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался от разгневанного владыки.

Действительно, в этот день с утра противник, подтянув свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешел в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 км. Все это произошло за то время, пока комфронтом и командарм-5 добирались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта.

После бурного разговора с Говоровым пыл комфронтом несколько поубавился. Уезжая, он слегка, в сравнении со своими обычными нотациями, пожурил нас и сказал, что едет наводить порядок у Говорова.

Это тоже был один из его методов руководства и воздействия — противопоставлять одного командующего другому, играть на самолюбии людей.

(Продолжение следует).

ВИЖ №2 1990

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал, — 1989, — № 4, 5, 6,

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ сражение подходило к концу. К этому времени противник на московском направлении израсходовал все свои резервы, но прорвать нашу оборону не смог. Наступил и для него момент перехода к обороне.

Нужно было сорвать этот план, не позволить врагу закрепиться на захваченных рубежах, и Ставка Верховного Главнокомандования своевременно приняла соответствующее решение.

В контрнаступление войска армии перешли без всякой паузы. Чем дальше они отдалялись от Москвы, тем сильнее сопротивлялся противник. Еще до подхода к волоколамскому рубежу командование фронтом стало прибегать к созданию группировок то на одном, то на другом участке, для чего какая-то часть сил из одной армии передавалась в другую. Подобная импровизация обеспечивала некоторый успех местного значения. С выходом же наших войск на волоколамский рубеж стало совершенно ясно, что противнику удалось оправиться от полученного удара и что его оборона становится организованней. Продолжать наступление имевшимися к тому времени у нас силами с расчетом на решительный прорыв обороны противника и дальнейшее развитие успеха уже было нельзя. Наступил момент, когда и нашему верховному командованию надлежало подумать об извлечении пользы из одержанных результатов и начать серьезную подготовку к летней кампании 1942 года.

К великому сожалению, этого не произошло, и войска, выполняя приказ, продолжали наступать. Причем командованию фронта была поставлена задача: «изматывать» противника, не давая ему никакой передышки. Вот это было для меня непонятным. Одно дело изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что и делали мы до перехода в контрнаступление. Но чтобы «изматывать» и ослаблять его наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу да еще в суровых зимних условиях, я этого никак понять не мог, видя в том грубейшую ошибку.

Неоднократные наши доклады командованию фронтом о тяжелом состоянии армии в результате понесенных потерь, о несоответствии ее сил и задач, которые ставил фронт перед нами, не принимались во внимание. Приходилось с натугой наступать, выталкивая противника то на одном, то на другом участке. О прорыве вражеской обороны не могло быть и речи. Наши возможности истощились до крайности, а противник продолжал пополнять свои войска свежими силами, перебрасывая их с запада.

Продолжавшееся наступление 16-й армии с волоколамского рубежа оказалось особенно тяжелым. Противник прилагал все усилия к тому, чтобы задержать наше продвижение. Для этого у него оказались соединения и части, сохранившие высокую боеспособность. Силами войск одной армии уже нельзя было рассчитывать на успех наступления, поэтому чаще всего для продолжения наступления на волоколамском направлении командование фронта привлекало несколько армий. При этом одна из них, наносившая главный удар, усиливалась за счет соседних.

16-й чаще всего приходилось взаимодействовать с 20-й и 1-й гвардейской, а также с соседней (слева) 5-й. Чтобы глубже разобраться в причинах столь низких результатов наступательных действий, я неоднократно бывал в расположении различных частей и на разных участках наступления армии. И то, что мне удалось лично увидеть и на себе испытать, окончательно убедило меня в том, что при таком состоянии, в каком в это время находились наши войска, добиться решающего успеха над противником мы не в состоянии.

Наша слабость определялась уже не только малочисленностью в людском составе частей и соединений, но и слабым вооружением. Не хватало в большом количестве автоматического оружия (пулеметов), мало имелось минометов, образовался огромный некомплект артиллерийских орудий разных калибров, танки исчислялись единицами, недоставало транспортных средств... Самым больным местом оказалось очень слабое обеспечение артиллерийскими и минометными боеприпасами.

Основой обороны, организуемой врагом, являлись опорные пункты, располагавшиеся в населенных пунктах или в рощах. Промежутки между ними минировались и простреливались пулеметным, минометным и артиллерийским огнем.

Нашей пехоте, наступавшей жиденькими цепями, приходилось продвигаться по глубокому снегу под сильным огнем. Весьма слабую поддержку оказывала ей артиллерия, располагавшая малым количеством стволов и испытывавшая нехватку снарядов.

Еще не видя противника, то есть задолго до атаки, наша героическая, но измученная пехота выбивалась из сил и несла большие потери.

Штаб фронта не скупился на директивы, наставления и инструкции, побуждавшие к активности и разъяснявшие, как нужно действовать и быстрее преодолевать в различных условиях сопротивление врага. Эти истины прекрасно были известны командирам и бойцам. Все мы от рядового до генерала сами стремились к изгнанию захватчика и победе над ним. Кроме того, находившиеся непосредственно в боевых порядках частей более глубоко и детально знали, в чем нуждаются войска и каковы причины медленного их продвижения. Не инструкции были нужны в то время, а пополнение соединений и частей личным составом, оружием, минометами, орудиями, транспортом, танками, специальной инженерной техникой, минами и снарядами.

Все мы прекрасно сознавали, какие трудности переживала наша страна, и все чувствовали, что трудящиеся Советского Союза под руководством нашей ленинской Коммунистической партии напрягают все силы для обеспечения своих вооруженных сил всем необходимым для одержания победы над врагом. Но слишком большие потери понесли вооруженные силы при своем вынужденном отходе с первого дня войны. Чтобы восполнить эти потери, нужно время. Мы понимали, что война, по сути, только начинается, что наша победа в этой грандиозной битве под Москвой, развернувшейся на огромном пространстве, где участвовали войска почти трех фронтов, является переломом в ходе всей войны, что этой победой завоевана та передышка, которая нужна нашим вооруженным силам как воздух.

Сам враг признал свое поражение и в основном на всем советско-германском фронте перешел к стратегической обороне, правильно оценив, что война в Советском Союзе приняла затяжной характер.

Невольно возникал у меня, у многих других вопрос: почему же наше Верховное Главнокомандование, Генеральный штаб да и командование фронта продолжают бесцельные наступательные операции? Ведь было совершенно ясно, что противник, хотя и отброшен от Москвы на сто с лишним километров, еще не потерял своей боеспособности, что у него еще достаточно возможностей для организации прочной обороны и, чтобы решиться на «разгромный» штурм, необходимо накопить силы, оснащенные в достаточном количестве вооружением и техникой. Всего этого у нас в январе 1942 года не было. Почему же в таком случае мы не используем отвоеванное у врага время для подготовки вооруженных сил к предстоявшим на лето операциям, а продолжаем изматывать не столько врага, сколько себя в бесперспективном

наступлении? Это была грубейшая ошибка Ставки ВГК и Генерального штаба, В значительной степени она относится и к командующим Западным и Калининским фронтами, не сумевшим убедить Ставку в несостоятельности наступательной затеи, которая оказалась выгодной только врагу, перешедшему к обороне и готовившему по директиве Гитлера свои войска к решительным действиям в летнюю кампанию 1942 года. Об этом нельзя умалчивать.

В связи с неблагополучной обстановкой, сложившейся на участке 10-й армии, которой командовал генерал Ф. И. Голиков, и нависшей из-за этого угрозой над левым крылом Западного фронта управлению и штабу 16-й армии 21 января 1942 года комфронта приказал: перейти в район Сухиничей, принять в свое подчинение соединения и части 10-й армии, организовать противодействие противнику и восстановить положение.

24 января мы уже находились в Мещовске...

Подытожив все данные, собранные штабом о противнике, местности, а также о наших силах и средствах, приняли решение в первую очередь приступить к проведению операции по овладению Сухиничами.

Нужно же было, чтоб в самый разгар подготовки операции приехал к нам заместитель командующего фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Расположившись в одном из домов со своей машинисткой (больше с ним никого не было), он вызвал меня к себе. Выслушав мой доклад, в повышенном тоне заявил, что наши мероприятия никуда не годятся. Дескать, вместо того, чтобы усиливать равномерно всю занимаемую нами полосу, мы, стягивая к Сухиничам силы, ослабляем другие участки, давая возможность этим воспользоваться противнику. С ним я не мог никак согласиться и счел своим долгом доложить о том командующему фронтом по телеграфу. Тот мое решение одобрил, а Кузнецову приказал выехать в 61-ю армию.

Задачу комфронта мы выполнили и город Сухиничи освободили. Этому донесению в штабе фронта, по-видимому, не особенно поверили, так как меня вызвал к проводу комфронта и потребовал подтвердить, соответствует ли донесение действительности. Успокоился он лишь тогда, когда я сообщил, что говорю с ним по телеграфу, находясь у себя в штабе в Сухиничах. После этого Г. К. Жуков сообщил мне, что на днях нам будет прислана директива фронта о задачах армии на ближайшее время.

Вскоре директива поступила. В ней комфронта приказывал: «Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы». Для меня стало совершенно непонятным требование фронта. Наши войска нуждались в передышке. Наступательными действиями мы изматывали свои войска во много раз больше, чем вражеские. Это изматывание было выгодно противнику, а не нам. Наши силы были уже исчерпаны до предела. Командование фронта не могло не знать этого, а раз так, то оно не имело права требовать от войск того, чего те выполнить не могли. Получалось, что Ставка и Генеральный штаб не хотели видеть настоящего положения дел, а командование фронтов, зная хорошо состояние войск, не желало доказывать несостоятельность наступательных мероприятий. Механически отписываясь директивами, явно невыполнимыми, оно перекладывало ответственность на командование армий.

Что же нам, командармам, оставалось делать в тех условиях? В первую очередь мы приступили к тщательному подсчету сил и определению возможностей. С прискорбием убедились, что имеющимися силами хорошо бы удержаться на занимаемом рубеже, если противник сам начнет наступать. Так, по добытым у нас данным, довольно правдивым, находившийся против нашей армии противник значительно превосходил нас. К тому же, суровая многоснежная зима при обороне благоприятствовала ему, а не нам. Получается какой-то парадокс: более сильный оборонялся, а менее — наступал.

Обстоятельный доклад об этом, подкрепленный подсчетами и выводами, был представлен командующему фронтом. Как и следовало ожидать от Г. К. Жукова, ответ он дал короткий и в резком тоне. Его реакция, исключала надежду на то, что там, наверху (фронт, Ставка) поймут, может быть, что наступила пора подумать и о накапливании сил для летней кампании, а не доводить войска, как говорится, до ручки.

Не могу умолчать о том, что по отношению к подчиненным у Жукова преобладала манера в большей степени повелевать, чем руководить. В тяжелые минуты подчиненный не мог рассчитывать на поддержку с его стороны — поддержку товарища, начальника, теплым словом, дружеским советом. К этому мы уже привыкли и старались в случае необходимости обращаться к начальнику штаба фронта В. Д. Соколовскому.

Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому «каждый солдат должен знать свой маневр». И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи — «изматывать противника», осознавая и видя, что мы изматываем прежде всего себя. Это обстоятельство тревожило не только меня одного.

После ответа командующего фронтом на мой доклад нам оставалось лишь одно — думать о том, как лучше выполнить задачу.

Поскольку на широкомасштабные активные действия сил не хватало, решили не прибегать к наступлению вообще, а вести его с конкретной целью и на определенные объекты. Наиболее заманчивыми объектами были населенные пункты, занимаемые противником. Потеря каждого из них являлась чувствительным ударом, ибо это сразу отражалось на всей системе обороны в районе потерянного врагом пункта. Такие соображения натолкнули нас на мысль наносить удары последовательно, сосредоточивая (конечно, в пределах возможностей и не оголяя слишком нашу оборону) то тут, то там необходимые силы. Подобные наступательные действия мы провели на нашем правом фланге, В них участвовали две неполные дивизии, так как остальная их часть была оставлена на занимаемом ими участке.

К полудню один населенный пункт полностью очистили от врага, который, понеся большие потери, отошел в лес. Оттуда (слева) и из населенного пункта (справа) во второй половине дня противник предпринял несколько контратак, поддержанных артиллерией и авиацией. Однако все они оказались безрезультатными, и населенный пункт остался за нами. Причем наши зенитчики сбили 6 немецких самолетов. Не обошлось без потерь и у нас. Особенно значительными они оказались при захвате населенного пункта, где почти каждый дом приходилось брать с боем. Потеряли мы также 7 танков: 4 — сожженными, 3 — подбитыми.

Когда я упоминаю о дивизиях, полках и т. п., это не значит, что все наименования соответствуют обычным представлениям о них, сложившимся у военных (да, пожалуй, не только у военных). Например, считалось, что дивизия мирного времени имеет в своем составе 10—12 тыс. человек, а по штатам военного времени — и того больше: 16 тыс. В ходе же войны мы о таких цифрах даже забыли. Наши дивизии в описываемый период насчитывали от двух до трех тысяч человек. Редко какая имела четыре тысячи, и та после одного-двух боев подравнивалась по основной массе. Непрерыв-

ные наступательные бои пожирали людей, как пламя сухую траву. Пополнение, которое время от времени получали соединения, не успевало покрывать расход. Войска переживали хронический недостаток в живой силе.

Обидно было, когда нас упрекали за неуспехи в ряде проводимых операций, ссылаясь на то, что у противника меньшее количество дивизий, чем у нас. Количеством дивизий уже нельзя было определять наше соотношение с количеством дивизий, имевшихся против нас у противника, потому что численность личного состава немецких пехотной, танковой и моторизованной дивизий по сравнению с нашими была выше в несколько раз. Из дивизий противника, понесших большие потери, весь рядовой и младший командный состав передавался для укомплектования других дивизий, а командование и штабы выводились в тыл для новых формирований, чего у нас не делалось. Поэтому неудивительно, когда сейчас со стороны многих лиц приходится часто слышать удивление: как же это получалось, что у нас в ряде операций по количеству дивизий было больше, чем у противника, а мы отступали или не могли прорвать его оборону. Вот такое положение было и у нас на сухиническом направлении. Хорошо еще, что мы не отступали, а постепенно вгрызались в оборону противника, расшатывая ее то на одном, то на другом участке.

Тесная связь установилась у нас с соседом слева — 61-й армией. До меня дошли любопытные сведения относительно «дебюта» Ф. И. Кузнецова, о чем я уже рассказывал, после того, как он побывал у нас и был направлен Г. К. Жуковым в 61-ю армию. Ему так же, как и в 16-й, не понравились мероприятия, проводимые командармом М. М. Поповым. О своих претензиях он доложил по телеграфу комфронтом. Тот незамедлительно отреагировал на его доклад, приказав ему вступить в командование 61-й армией. Ф. И. Кузнецов, пытаясь избежать столь неожиданного назначения, доказывал, что М. М. Попов в состоянии выправить положение после полученных указаний, но его доводы не помогли ему избавиться от более ответственной самостоятельной должности. И пришлось ему вступить в командование 61-й армией. Но не повезло, оказывается, Кузнецову и здесь, так же как не везло в Прибалтике и Крыму. Не прошло и недели, как противник перешел в наступление и продвинулся на одном из участков 61-й армии до 30 километров. М. М. Попов опять вступил в командование армией, а Ф. И. Кузнецов вообще выбыл из состава Западного фронта.

В мае 1942 года, подлечившись в госпитале после тяжелого ранения, третьего за время службы в Красной Армии, я возвратился к себе в 16-ю, штаб которой к моему прибытию перебрался на новое место, оборудовав КП, как у нас называют командный пункт, в лесу. В мое отсутствие армия отбросила противника за реку Жиздру, и бои на участке нашей армии временно прекратились.

Приехав, я сразу окунулся в боевую обстановку. Она выдалась довольно горячей: по директиве фронта нашей армии совместно с 61-й на смежных флангах предстояло провести наступательную операцию.

Подготовившись к операции, мы с генералом В. И. Казаковым выехали к соседям для отработки взаимодействия. Еле разыскали командарма, забравшегося в глухую деревушку, куда мы попали пешком (проезжей дороги не было). М.М. Попов встретил нас тепло. Он оказался весьма приятным собеседником и здравомыслящим военным руководителем, произвел на меня очень хорошее впечатление. Обговорили деловые вопросы, вспомнили «набег» Ф. И. Кузнецова, а также фиаско, которое тот потерпел. Нет, не злорадствуя, а просто удивляясь его поведению. Распрощавшись и пообещав поддерживать тесную связь, мы добрались до дрезины и вернулись к себе. В соединениях 61-й армии почти так же, как и у нас, не хватало личного состава. Здесь тоже, готовясь к предстоящим боям, подобрали, как говорится, все, что было можно — выписали из госпиталей и поставили в строй излечившихся раненых, «подчистили» армейские тылы; в частях и соединениях выискивали собственные резервы. Но это — капля в море... Вместе с тем надоедливая мысль, что, расходуя так нецелесообразно наши силы и средства, мы можем оказаться к летней кампании не способными для действий крупного масштаба, неотступно преследовала меня.

Уже тогда стало ясно, что зимние наступательные действия как Западного, так и Калининского фронта не увенчались тем успехом, на который они были рассчитаны. Операции остались незавершенными. А раз так, то они не оправдали затраченных на них сил и средств. Выталкивая противника, мы только ослабили себя. К тому же оказались в невыгодном положении: растянули линию фронта, выписав из нее такие невероятные «вензеля», чем предоставили врагу возможность срезать многочисленные выступы. Подобное частично произошло с 33-й армией М. Г. Ефремова. Словом, повторилось то, что мы уже испытали в начале войны, — желание не соответствовало возможностям.

А ведь в свое время, проходя военную подготовку, весь высший командный состав изучал, что всякая военная операция должна основываться на всестороннем и тщательном подсчете сил, средств и возможностей, как своих, так и противника, Это же аксиома. Почему тогда такое правило не соблюдалось теми, от кого зависели замыслы оперативно-стратегических операций: Ставкой ВГК и Генеральным штабом, а отчасти и командованием фронтов? Об этом нужно говорить, потому что это необходимо для воспитания будущих полководцев и начальников крупных штабов.

На войска 16-й и 61-й армий директивой фронта возлагалась задача разгромить болховско-брянскую группировку противника. Задача, явно не соответствующая силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Занимая широкий фронт обороны, мы не могли оголять его. Вместе с тем только созданием мощной группировки можно было рассчитывать на прорыв вражеской обороны и развитие успеха в глубину и на флангах прорыва.

Откровенно говоря, такие операции, так сказать, местного значения, проводимые оторванно от общих, на отдельных армейских участках, никогда себя не оправдывали и влекли за собой значительные потери.

Плохо было еще и то, что командование фронта почему-то не всегда считало обязанностью посвящать командующего армией в свои замыслы, т. е. не ставило в известность о том, какая роль отводится армии в данной операции во фронтовом масштабе. В данном случае это было так. После согласования с командармом-61 дня и часа наступления участвовавшие в нем войска нашей армии к установленному времени, ночью, скрытно заняли исходное положение.

Вместе с группой руководящих товарищей я находился на наблюдательном пункте и имел возможность следить за происходившим боем от начала и до конца. Особенно запомнился тревожный момент, когда настала пора ввести для быстрейшего прорыва вражеской обороны танковый корпус. Получилось так, что наши штабы, разрабатывая планы ввода этого соединения, забыли о заблаговременной разведке местности, не проверили степень проходимости намеченного маршрута. Два часа потребовалось на то, чтобы вывести корпус к указанному месту. И за эти два часа противник сумел подтянуть свежие силы с разных направлений и из глубины.

Между тем наша пехота продолжала продвигаться вперед, преодолевая одну позицию за другой, и к моменту появления на поле боя танков продвинулась вперед до 10 км.

Мы были в полной уверенности, что оборону врага прорвем и овладеем Жиздрой, открыв себе дорогу на Брянск. Но противник стал предпринимать все меры к тому, чтобы этого не произошло. Войск, которые могли бы остановить наше наступление, у него, по-видимому, вблизи не оказалось. Чтобы выиграть время для их подброски, он использовал свою авиацию.

(Продолжение следует)

ВИЖ №3 1994
ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА
Год 1940-й: КАУНАС ВСТРЕТИЛ ЦВЕТАМИ

Из дневника Маршала Советского Союза А. И. Еременко

Командир 6-го кавалерийского корпуса А. И. Еременко. 1940 г.

В 1993 году «Военно-исторический журнал» напечатал воспоминания Маршала Советского Союза А. И. Еременко о встрече с И. В. Сталиным во время его поездки па Калининский фронт в 1943 году.

Опубликованная в журнале рукопись была подготовлена военачальником по дневниковым записям 1940-1945 гг. В силу различных причин часть дневников не попала в прижизненные и последующие издания его книг.

Между тем многие подробности, детали существенно дополняют картину событий, очевидцем и участником которых довелось быть А. И. Еременко.

Летом 1940 года Андрей Иванович командовал сначала 6-м кавалерийским корпусом, вступившим на территорию Литвы, а затем 3-м механизированным, сформированным и размещенным в районе Вильнюса.

7 июня 1940 года

В 2 часа мочи меня позвали к телефону ВЧ.

- У аппарата генерал-лейтенант Пуркаев [1], - сообщил телефонист.

- Передаю приказ командующего [войсками] округа: немедленно поднять по боевой тревоге 4 и 6-ю кавалерийские дивизии и кратчайшим маршрутом к исходу 9 июня выдвинуться в район Гродно. Штаб корпуса - Гродно.

[8 июня 1940 года]

В 7 часов 8 июня 6-я кавдивизия выступила из Ломжи, 4-я кавдивизия - из Белостока (здесь они были расквартированы после польского похода[2]).

Вечером 8 июня я был вызван в район города Лиды на совещание, которое проводил заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант Кузнецов[3]. Оно носило секретный характер и касалось возможных действий против Литвы.

Кузнецов огласил решение о назначении его командующим 11-й армией, а начальником штаба армии - товарища Климовских[4].

[9 июня 1940 года]

К 7 часам [утра] я возвратился в Белосток и пробыл там до 9 часов, ожидая распоряжения относительно 11-й кавдивизии, которая входила в 6-й кавкорпус, но оставалась пока на зимних квартирах. Я ставил вопрос о том, что и она должна идти с корпусом.

Последовало распоряжение: оставить 11-ю кавдивизию на месте.

В 12 часов 9 июня выехал на рекогносцировку. Нужно было изучить участок местности в четыре километра по фронту и восемь в глубину от реки Неман до немецкой границы, где намечалось пустить 6-й кавалерийский корпус, с тем чтобы отрезать Литву от Германии. Этот коридор пересекался четырьмя водными преградами: Августовским каналом, рекой Черная Ганьча и двумя безымянными ручьями, протекавшими по глубоким балкам. Местность была очень тяжелой для действий всех родов войск, но зато нас здесь меньше всего ожидали.

После рекогносцировки я просил коменданта погранотряда, чтобы он наглухо закрыл этот участок границы.

10 июня 1940 года, Гродно, артиллерийские казармы

Весь день занимались оргмероприятиями и подготовкой к постройке мостов через реку Черная Ганьча. В этот же день я, переодевшись в форму капитана пограничной службы, в сопровождении лейтенанта - помощника начальника погранзаставы проводил [инженерную] разведку. Выбрали место для наведения мостов.

К исходу дня получил от товарища Кузнецова приказание подготовить корпус к действиям. Я сразу же поставил погранотряду задачу на глубокую разведку. Побывал в районах расположения 4-й кавдивизии и 22-й танковой бригады.

В 22 часа 10 июня принимал командира 33 сд генерал-майора Железняка[5]. Он докладывал о состоянии дивизии, только что поступившей в мое подчинение. Выяснилось, что у нее почти нет артиллерийских снарядов: гаубичный полк имел 190, а легкий артполк - 300 снарядов. Я видел это соединение во время разгрузки. Впечатление осталось плохое: вид у людей какой-то кислый, не подтянутые, неряшливые и т.д.

6-я кавдивизия совершила марш для сосредоточения в районе станции Марцековцы, за 8 и 9 июня прошла 175-180 км. 10 июня ей осталось еще 80 км. Такие тяжелые марши на первых порах могут подорвать силы дивизии.

11 июня 1940 года, Гродно, артиллерийские казармы

С 13 до 16 часов был на совещании в городе Лида. Его проводил генерал-полковник Павлов[6]. Он изложил план боевых действий, задачи войск, вытекающие из этого плана, дал следующие указания:

а) по самолетам противника одиночной стрельбы не вести, огонь открывать только организованно и по команде офицера в чине не ниже лейтенанта;

б) категорически запретить стрельбу в ночное время, действовать бесшумно штыком (при переходе границы);

в) категорически запрещается останавливаться на дорогах;

г) танки, БТРы нельзя располагать у дорог ближе 50 метров;

д) каждого отлучившегося из расположения без разрешения командира отделения и пробывшего в отлучке два часа считать дезертиром;

е) вопросы награждения: обычно начинают награждать после войны; это неверно, отличившихся награждать немедленно;

ж) вопросы тыла продумать самим, иметь концентраты на четыре дня;

з) власть в городах и прилегающих к ним местностях переходит к начальникам [советских] гарнизонов, первые слова в их приказах: «сдать оружие»;

и) [промтоварные] магазины закрыть и опечатать; продовольственные лавки и столовые должны работать;

к) машины переключить на подвоз боеприпасов;

л) за несвоевременное донесение строго наказывать;

м) всегда знать обстановку;

н) за удар в спину расстреливать на месте;

о) местные ресурсы использовать тогда, когда нельзя подвезти и то только с разрешения начальника снабжения дивизии;

п) за каждый случай неисполнения приказа судить;

р) беспощадно карать за пьянство.

Ориентировочные указания по действиям. Первый день: Волковшанки, Мариамполь. Второй день: река Неман, Вержболово. 16 ск - удерживать Алитус и переправу через Неман. Авиадесант будет высажен в первый день в 6 часов.

Встретив упорную оборону, не атаковать, а обходить и блокировать ее, при подходе вторых эшелонов и артиллерии разгромить обороняющихся.

6 кд в три дня выйти в район Нербург.

Авиацию противника [в районе] Шавли [Шяуляй] уничтожить на аэродромах.

Готовность войск к наступлению - утро 11 июня 1940 года.

12 июня 1940 года, Гродно

Слушали во второй раз доклад командира 33 сд Железняка [Железникова]. Командир дивизии не знает ее состояния, сам большой неряха.

Провел совещание с руководящим составом 4-й кавдивизии по выполнению указаний командующего войсками округа. Был в Сопоцкой погранкомендатуре, получил результаты моего задания по разведке и постройке мостов.

13 июня 1940 года, Гродно

Весь день ушел на отработку решения и планирование предстоящей операции.

Теперь корпус состоит из двух кавдивизий, двух танковых полков кавалерийских дивизий, 22-й танковой бригады и 33-й стрелковой дивизии. Получился смешанный корпус, и планировать его бои будет непросто.

В этот день дивизионный комиссар товарищ Николаев проводил совещание с политработниками корпуса по директиве начальника Главного политического управления.

В этот день кузнецы 4-й кавдивизии подковали 400 коней 33 сд, иначе 33 сд не могла тянуть артиллерию (это говорит о порядке в этой дивизии).

Офицер связи с авиацией полковник Тануков явился в штаб корпуса и доложил, что в 21 час получен приказ на наступление.

14 июня 1940 года, лес у Августовского канала

Весь день ушел на подготовку мостов и маршрутов для движения. Вечером сменил командный пункт - подошел поближе к границе. Ночью заменил, что много машин идет со светом. Приказал навести порядок. Смотрел 132 сп и 27 ап. Немного подтянулись, начали походить на воинские части.

15 июня 1940 года, лес у канала

Получил приказание к 9 часам 15 июня быть готовым к действиям.

К 8 часам все было готово. Войска заняли исходные позиции, ожидали сигнала.

За один час до начала наступления корпуса от командующего войсками Белорусского округа товарища Павлова получен приказ «Стой». Он сообщал, что Литва капитулировала[7] и корпусу изменена задача.

Кавкорпус получил новую задачу: форсированным маршем через Каунас выйти в район германской границы и закрыть ее.

[После 15 июня 1940 года]

В начале своего движения мы должны были форсировать реку Неман. Потребовалось два дня на постройку двух тяжелых мостов, но это не задержало движения основных сил конницы. Кавдивизия переправилась вплавь, а по легкому сборному мосту была переправлена вся техника, за исключением тяжелой. Тяжелая техника и 33 сд переправились по построенным тяжелым мостам. В ночь на 16 июня 1940 года войска кавкорпуса закончили переправу (вплавь и по легким мостам) и двинулись на Каунас.

6-я кавдивизия с 15 часов 15 июня до 17 часов 16 июня проделала марш в 135 км, показав исключительную выносливость и маршевую способность.

17 июня утром 6-я кавдивизия проходила через Каунас, а 18 июня с 13 до 18 часов - 4-я кавдивизия.

Танковые и кавалерийские части были тепло встречены горожанами Каунаса. Многим бойцам поднесли цветы, я тоже получил несколько букетов.

Впечатление, которое произвел 6-й кавкорпус, было очень хорошее. Даже военные атташе капиталистических стран [находившиеся в столице Литвы Каунасе] в своих донесениях дали [ему] высокую оценку. Они были удивлены нашим форсированным маршем, силой прекрасных коней и большой дисциплиной и организованностью.

Корпус проследовал через город в парадном обмундировании в форме терских, кубанских и донских казаков (когда мы выступали в поход, я приказал, чтобы каждый полк взял свое парадное обмундирование, и оно нам пригодилось. За 3-5 км до Каунаса на большом привале все переоделись в парадное обмундирование).

18 июня я посетил 3-й батальон 3-го пехотного полка литовских войск, расположенный в городе Россиены. Полк был в полной боевой готовности; личный состав и офицеры находились в казармах, ожидали распоряжений. Когда я появился в его расположении, офицеры растерялись, не знали, что делать. Правда, дежурный по части представился мне, доложил на русском языке о том, что она готовится [следовать] на ужин.

В 20 часов я прибыл в г. Шяуляй (Шавли), где встретил генерал-полковника О. И. Городовикова. Он как инспектор

кавалерии хотел посмотреть конницу 6-го кавалерийского корпуса. Все было в порядке, он остался доволен.

19 июня 1940 года, Шяуляй

С начальником гарнизона литовских войск осматривали помещения, предназначенные для размещения штаба корпуса, его служб и подразделений обеспечения. Подобрали здание окружного суда, оно вполне нас устраивало.

В городе Шяуляй наша комендантская служба за один день задержала 45 красноармейцев 537-го авиатранспортного полка, которые бесцельно бродили по городу и занимались покупкой различных товаров широкого потребления. Я сразу же положил этому конец. Собрал личный состав двух авиаполков, разобрал их похабные поступки и приказал прекратить увольнения в город, повысить бдительность. Ни один литовский самолет не должен подняться в воздух. Ни в коем случае не допускать барахольства, каждую минуту быть готовым к боевым действиям. Кроме этого, я отметил превосходную работу авиации по перебазированию в новый район и хорошее сообщение войск по воздуху.

20 июня 1940 года, Шяуляй

В 11 часов получил приказ о переводе штаба 6-го кавкорпуса в город Тельшяй. Пока шли сборы, поехал посмотреть, как было намечено по плану, главную литовскую тюрьму, в которой содержались каторжники и политические заключенные, осужденные на длительные сроки. В это время в тюрьме содержалось более 600 человек, из них 50 - политических, которые, как мне сообщило тюремное начальство, вскоре будут освобождены.

Когда я на машине с охраной подъехал к тюрьме, администрация ее растерялась, она подумала, что их всех арестуют, и распахнула было двери, готовая выпустить всех арестантов. Я растолковал, что пришел не выпускать осужденных, а посмотреть, как содержатся политические заключенные и кто именно здесь сидит, что нужно нести службу, как несли до этого. Сейчас создано новое правительство, добавил я, оно и решит, кого освободить, а кого нет. После этого разъяснения администрация успокоилась, мне удалось осмотреть тюрьму.

Когда вошел в камеру политических, то один из заключенных по фамилии Фельдман от радости упал на пол и стал страшно рыдать. Ведь, подумать, он уже сидит 20 лет и не знает, сколько ему еще осталось; другой сказал, что он уже 7 лет в тюрьме и ему так и не предъявлено обвинение. Многие сидели по 15-20 лет только за то, что сочувствовали Советскому Союзу.

Условия содержания политических заключенных жуткие: камеры совершенно сырые и переполненные, по 20 человек, в камере набито людей как сельдей в бочке, вонища невыносимая. Можно просто задохнуться от недостатка кислорода. Заключенных почти не выводят на прогулку. По тюремной инструкции она полагается раз в день по 30 минут. Но это расписание не выдерживалось и люди выводились на прогулку, как правило, через день.

Шяуляйская тюрьма - самая жестокая в Литве. Побег исключается. Чтобы проникнуть в здание, нужно попасть в первый, так называемый наружный двор; он обнесен высокой стеной, и вход закрывается железными воротами. Затем идет внутренний двор с такими же стенами и запорами, он охраняется караульными. Шяуляйская тюрьма новая. Она построена по «последнему слову техники», с газовыми камерами для удушения людей.

Палач Сметона большую часть передовых людей литовского народа засадил в тюрьмы.

К 19 часам этого же дня я прибыл в город Тельшяй, местный комендант Тельшяйского гарнизона отвел квартиры для офицеров штаба кавкорпуса и помещение для штаба.

21 июня 1940 года, Тельшяй

Ездил в Кретингу, Палангу, Горджей, Ретавас и осматривал их с целью размещения частей корпуса.

Нам нужно прикрывать это направление.

В Паланге сосредоточена почти вся авиация Литвы для того, чтобы вести боевую подготовку со стрельбой и бомбометанием на морском полигоне; других авиационных полигонов в Литве нет.

Я осмотрел аэродром в Паланге, самолеты на стоянках и отдал приказание старшему офицеру литовской авиации: прекратить всякие занятия, связанные с полетами, пока не будет особого распоряжения нового правительства.

Командиру 142-го кавалерийского полка, который располагался в Паланге и нес пока погранслужбу, дал строжайшее указание, чтобы он особо следил за авиацией Литвы, не допустил ни одного взлета. Предложил в районе аэродрома расположить пулеметный эскадрон, в котором всегда держать в боевой готовности дежурный взвод. Если кто-то вздумает вырулить для взлета, предупреждать, что этого делать нельзя, в случае неподчинения открывать по самолету огонь и уничтожать его.

22 июня 1940 года, Тельшяй

Встречался со многими офицерами литовской армии. Все они хорошо говорят по-русски, это весьма характерно. Многие служили в царской армии, а молодежь учила русский язык. Чего не хватает нашим офицерам, так это знания иностранных языков.

23 июня 1940 года, Тельшяй

Был в 6-й кавдивизии. Купался в озере, переплыл его, а оно имеет ширину два километра. Местные жители поражены таким дерзким поступком.

25 июня 1940 года, Тельшяй

Был в 48-м кавполку. Смотрел размещение полка, нашел, что оно удачное. Командир полка полковник Плиев[9] - очень заботливый командир.

Сегодня, наконец, установил, что начальник ветеринарной службы [корпуса] военврач 2 ранга тов. Попок, будучи пьяным, 20 июня заходил в казармы литовского батальона в городе Россиены, был в столовой, снял пробу и остался недоволен вкусовыми качествами пищи, затем на вечерней поверке требовал исполнения «Интернационала» вместо национального литовского гимна... Поверкой остался недоволен и сделал замечание, чтобы выучили «Интернационал». Когда я узнал подробности этого посещения, то оказалось, что военврача 2 ранга (он носил две шпалы) приняли за подполковника, инспектора, а другого врача, который был с ним, - за его адъютанта.

Они такого «жару» нагнали на литовскую часть, что на второй день об этом стало известно во всей литовской армии и в правительстве. Я получил от своего командования запрос, кто из наших офицеров проверял литовскую часть в г. Россиены. Ответил, что такого случая не знаю, а сам продолжал розыски «инспектора». На второй день после его

«инспекции» литовские командиры запросили у меня ноты «Интернационала». Я поинтересовался, зачем они им потребовались. Мне ответили, что советские офицеры требуют, чтобы на вечерней поверке исполнялся не национальный, а пролетарский гимн. Я распорядился дать им ноты, но сказал, что [они] хотят, то пусть и играют, а [те] наши офицеры, кто требует исполнения «Интернационала», неправильно поступают.

28 июня 1940 года, Тельшяй

Несколько слов о Литовском походе. 4-я кавдивизия с места дислокации (г. Белосток) прошла 550 км, в среднем получалось по 50 км ежесуточно. Она показала большую выносливость и хорошую слаженность - маршевую и боевую. За шесть дней после перехода литовской границы соединение прошло 400 км без дневок, что составляет по 70-75 км ежесуточно. Погода стояла сухая и жаркая. За весь поход из строя вышло 70 лошадей, безвозвратные потери - пять коней.

6-я кавдивизия за пять дней прошла поменьше - 380-390 км, а всего вместе с маршем к границе - 600-620 км, что составляет 77 км за один переход. В первые дни похода по Литве она преодолевала ежесуточно по 130-135 км. Дивизия показала высокую маршевую подготовку. За это время из строя выбыло 27 лошадей, из них безвозвратно потеряны семь.

30 июня 1940 года, Тельшяй

В 15 часов состоялась общегородская демонстрация, она открылась митингом. Выступили десять человек, все требовали национализации крупных помещичьих земель. Присутствовали руководители правительства из Каунаса. Митинг проходил в воскресным день и был очень многолюдным.

7 июля 1940 года, Тельшяй

Этот день ничем не выделялся п прошел спокойно.

Примерно в 24 часа я лег отдохнуть. Еще не погрузился в сон, как начальник штаба корпуса Варенников Иван Семенович разбудил меня и прочел телеграмму. Ее текст таков: «Командиру 6-го кавалерийского корпуса товарищу Еременко немедленно сдать 6-й кавкорпус Никитину Ивану Самсоновичу и выехать в город Минск с таким расчетом, чтобы быть в нем к 15 часам 8 июля 1940 года».

Любил я этот корпус, всю душу вкладывал в его подготовку, в воспитание людей. Два года и 18 дней прокомандовал им, а казалось, что уже долго, и так глубоко «врос», что очень жаль было расставаться. На том и кончилась моя служба в кавалерии, в которой прослужил более 20 лет.

Еще несколько слов о 6-м кавкорпусе.

4-й кавдивизией командовал Никитин Андрей Григорьевич - это донской чистокровный казак, но таких людей, каким являлся Никитин А. Г. по натуре, по характеру, я еще не встречал в жизни. Это очень ограниченный человек, вспыльчивый, грубый до невозможности. Звание имел большое - генерал-майор, а знания - на уровне лейтенанта. По общему развитию это очень отсталый человек, он остался тем казаком, которые были при царе, в худшем понимании этого слова.

Его обращение с людьми было настолько грубым, что непрерывно поступали на него жалобы, приходилось постоянно заниматься их разбором. А сколько случалось конфликтов с партийными организациями!

Особенностью его было то, что он никому не верил, даже своим близким помощникам и заместителям. При разговоре с подчиненными держал себя недопустимо грубо, оскорблял нецензурной бранью. Его излюбленное выражение: «Вы врете». Десятки раз я разговаривал с товарищем Никитиным о его поведении, обращении с людьми. В последней беседе сказал, что если он не исправится и не возьмет себя в руки, то останется за бортом армии.

***

С 15 июля по декабрь 1940 года командовал 3-м механизированным корпусом. Этот корпус был сформирован на базе различных частей и соединений в очень короткий срок. Отставание нашей страны в создании механизированных и танковых соединений подгоняло нас[11].

Люди исключительно напряженно работали. И это благотворно сказалось на деле. 4 сентября 1940 года [проводившая] проверку боевой подготовки комиссия наркома обороны во главе с начальником бронетанковых войск Красной Армии товарищем Федоренко[12] отметила, что 3-й мехкорпус по своей организованности и боевой подготовке лучший в Красной Армии. Мои командиры... старались скорее освоить технику, вождение машин, изучить тактику.

Что еще можно сказать об этом периоде? Корпус подчинялся непосредственно командующему войсками Прибалтийского округа, сначала товарищу Галактионову, а затем товарищу Кузнецову. Они были очень мало знакомы с этим новым родом войск, ни разу не приезжали в соединение и меня не вызывали с докладом о том, как идут дела с его формированием, вооружением и подготовкой. А было чем поинтересоваться. Центр уделял больше внимания корпусу, чем командование округа. Я это объясняю тем, что товарищ Кузнецов вообще недооценивал этот род войск. По сему поводу у нас с ним были стычки, еще когда он был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа.

В тот период еще существовали независимые литовские войска, которые были сведены в корпус и дислоцировались в районе Вильнюса. Мне как начальнику Вильнюсского гарнизона пришлось много [заниматься] с этими войсками, совершенно не похожими на советские. Нужно было проводить нашу национальную политику, лояльно обращаться с солдатами и офицерами литовской армии. Следовало расквартировать части, офицеров и их семьи. Вильнюс и его окрестности заняли наши войска и литовские, которые собрали со всей Литвы в этот район. Мороки было много, но благодаря тому, что новое правительство шло нам навстречу, мы решили большую и важную задачу: реорганизовали литовскую армию, расквартировали все войска, наши и литовские, разместили по квартирам семьи офицеров.

Прокомандовав 3-м мехкорпусом с июля по ноябрь 1940 года и сделав из него образцовое соединение, я был назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. Много пришлось потрудиться, можно было написать целую повесть о формировании корпуса и его учебе.

Публикации Н. И. ЕРЕМЕНКО

Фото из архива автора

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Пуркаев Михаил Алексеевич (1894-1953) - генерал армии (1944). В 1938-1940 гг. начальник штаба ряда военных округов, в том числе и Белорусского Особого (в 1939 г. временно переименованного в Белорусский фронт).

[2]17 сентября 1939 г. войска Киевского и Белорусского Особых военных округов, выполняя решение правительства СССР, перешли советско-польскую границу. Включенный в конно-механизированную группу 6-й кавалерийский корпус под командованием А. И. Еременко совершил почти 100-километровый марш от границы и к исходу 17 сентября вступил в г. Новогрудок. 19 сентября занял г. Волковыск, 23 сентября - г. Белосток. Продолжая наступать на запад, войска корпуса углубились на 30 км за реку Буг, по которой была установлена демаркационная линия между советскими и германскими войсками. Вскоре корпус был отведен назад и дислоцировался: штаб - в Белостоке, 6-я кавдивизия - в Белостоке и Ломже, 4-я кавдивизпя - в районе Сувалки - Августов, 11-я кавдивизия - в районе Пружаны.

[3] Кузнецов Федор Исидорович (1898-1961) - генерал-полковник (1941). С июля 1938 г. заместитель командующего войсками Белорусского Особого военного округа. В годы Великой Отечественной войны командовал армиями, был заместителем командующего войсками ряда фронтов.

[4] Климовских Владимир Ефимович (1895-1941) - генерал-майор (1940). С сентября 1939 г. заместитель начальника штаба Белорусского Особого военного округа. В июле 1941 г., будучи начальником штаба Западного фронта, арестован и впоследствии расстрелян. Посмертно реабилитирован.

[5] Железняк (правильно: Железников) Карп Афанасьевич (1895-1957) - генерал-майор (1940). С августа 1939 г. командир 33-й стрелковой дивизии. В последующем снят с должности. В годы Великой Отечественной войны командовал стрелковым полком, исполнял должность командира стрелковой дивизии, был начальником Владимирского пехотного и Горьковского суворовского училищ.

[6] Павлов Дмитрий Григорьевич (1897-1941) - генерал армии (1941). В 1940-1941 гг. командующий Белорусским (Западным Особым) военным округом, с началом Великой Отечественной войны преобразованным в Западный фронт. В конце июня 1941 г. в связи с поражениями смещен с должности. Расстрелян. Посмертно реабилитирован. В командование Западным фронтом после Д. Г. Павлова 1 июля 1941 г. вступил А. И. Еременко.

[7] В сентябре-октябре 1939 г. Советский Союз и Литва, Латвия, Эстония заключили пакты о взаимопомощи, направленные на предотвращение угрозы гитлеровской агрессии против прибалтийских республик. 14 июня 1 940 г. правительствам этих стран были переданы дипломатические ноты, в которых Советский Союз выражал протест по поводу нарушения договорных обязательств и выдвигал ряд требований. Правительство Литвы согласилось их выполнить, о чем и стало известно в войсках Белорусского Особого военного округа утром 15 июня.

[8] Городовиков Ока Иванович (1879-1960) - генерал-полковник (1940), Герой Советского Союза (1958). В предвоенные годы инспектор кавалерии, с 1941 г. генерал-инспектор и командующий кавалерией Красной Армии.

[9] Плиев Исса Александрович (1903-1979) - генерал армии (1962), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), Герой МНР. В 1940 г. командир 48-го кавалерийского полка, входившего в 6-й кавалерийский корпус. В Великую Отечественную войну командовал гвардейскими кавалерийскими дивизиями, корпусами, конно-механизированными группами.

[10] Никитин Андрей Григорьевич (1891-1957) - генерал-майор (1940). В годы Великой Отечественной войны командовал механизированным корпусом, исполнял должность заместителя командующего армией. Будучи командиром 5-й запасной кавалерийской бригады, в 1943 г. был отстранен от должности командующим кавалерией Красной Армии. В последующем исполнял обязанности инспектора кавалерии 2-го Украинского фронта.

[11] Идеи создания мощных танковых и механизированных соединений и объединений, их первостепенной роли в глубокой наступательной операции впервые были сформулированы в трудах советских военных ученых и полководцев М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова, В. К. Триандафиллова. Первая механизированная бригада была создана в Красной Армии в 1931 г. На ее базе через год были сформированы механизированный корпус в составе двух механизированных и одной стрелковой бригад (в Москве), а затем еще два мех корпуса (в Ленинграде и в Киеве). В Англии и во Франции первые части подобного типа были созданы как опытные только в 1934 г.

Однако в последующем в руководстве Вооруженных Сил СССР, основываясь на анализе войны в республиканской Испании, сделали вывод о ненужности крупных танковых и механизированных соединений. В 1938 г. мехкорпуса были расформированы. Начавшаяся вторая мировая война со всей очевидностью показала огромные преимущества сильных моторизованных группировок перед стрелковыми и кавалерийскими соединениями в ходе наступления, особенно в оперативной глубине и при действиях на открытых флангах противника. К идее создания мехкорпусов пришлось вернуться, но развитие советских танковых и механизированных войск задержалось не менее чем на два года. Формирование одного из таких вновь создаваемых соединений и было поручено А. И. Еременко.

[12] Федоренко Яков Николаевич (1896-1947) - маршал бронетанковых войск (1944). В 1940-1942 гг. начальник Автобронетанкового (затем Главного антобронетанкового) управления, с декабря 1942 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками.

Примечания подполковника А. В. ПРОНИНА

(Продолжение следует)

Генерал-полковник А.И.Еременко и генерал-лейтенант И.В.Болдин у гроба дивизионного комиссара Д.А.Лестева. А.И.Еременко и Д.А.Лестева связывали теплые, дружеские отношения. В бытность его командующим, а затем заместителем командующего Западным фронтом Д.А.Лестев был членом военного совета фронта. Он умер от раны, полученной при разрыве авиабомбы. Москва, госпиталь. Ноябрь 1941 года.

ВИЖ №4 1994

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1994. № 3.

«Под Сталинградом сложная обстановка...»

[14 -15 июня 1942 года, госпиталь]

15 февраля 1942 года рано утром меня привезли в Москву в полевой госпиталь, размещавшийся в здании сельскохозяйственной академии имени М.К.Тимирязева[1]. Полтора часа нас не принимали: начальник госпиталя Вольпер и его заместитель изволили спать, и их

Командующий 4-й ударной армией генерал-полковник А.И.Еременко, будучи раненным, ставит по карте задачи в ходе Торопецко-Холмской операции. Старая Торопа (под Торопцом). Февраль 1942 года.

не разрешено было будить. Пришлось ждать в машине, хотя я находился в тяжелом состоянии. Об этом я написал товарищам Жукову и Хрулеву[2]. Сложившаяся ситуация вызвала у меня подозрение. [Впоследствии выяснилось, что] начальник госпиталя, его заместитель Лившиц, комиссар и ряд других лиц из их приближения оказались жуликами, были арестованы и преданы суду.

Как после первого ранения, так и после второго меня лечил главный хирург госпиталя товарищ Коган. Это замечательный врач, и относился он ко мне очень хорошо. Лежать в госпитале было скучно. Чтобы убить время, я почти два месяца занимался с учительницей изучением английского языка.

В госпитале меня посещало много людей. Были Щаденко, Федоренко, Воронов, Горкин, Николаев, Ярославский, Апанасенко и многие другие, военные и гражданские. 16 мая в 2 часа звонил мне Сталин, спрашивал о здоровье. Я ответил, что лечение идет хорошо и врачи говорят, что через 30-35 дней я поправлюсь. На это он сказал: «Спешить не надо, нужно вылечиться как следует».

В начале июня дело шло на поправку, как вдруг состояние ухудшилось, [рана на ноге] стала воспаляться и очень болеть.

14 июня по ВЧ звонил товарищ Поскребышев, справлялся о здоровье. Было понятно, кто им интересовался. Я ответил, как сказал мне врач, что еще потребуется неделька-две.

16 июня 1942 года, госпиталь

Набросал план описания Торопецкой операции[3].

1. Подготовка операции:

а) разведка - вскрытие системы обороны противника;

б) подготовка войск: 10 дней занятий в лесу, в поле, марш по бездорожью, ночевки в населенных пунктах при температуре 30-35 град., обход укрепленных узлов и т.д.;

в) подготовка средств связи, основных и дублирующих.

2. Дать характеристику обороны противника и его узлов сопротивления и т.д.

3. План операции по этапам. Главный удар там, где противник не ожидает. Общая идея операции по замыслу товарища Сталина. Удар на глубину 300 км, вбить клин между северной и центральной группами войск. Перерезать рокады и коммуникации.

4. Группировка войск для наступления. Задачи соединений, [предназначенных для нанесения] главного удара (249 и 332 сд).

5. Ослабление операции в стратегическом ее значении произошло из-за оперативной нерасторопности командующего фронтом Курочкина[4], он чуть было совсем не сорвал операцию, хотел направить главный удар туда, где войска растратили бы силы на борьбу с бездорожьем и никакой задачи не решили.

6. Прорыв оборонительной полосы противника и его особенности.

7. Развитие наступления и бои в глубине.

8. Маневр в сложных условиях суровой зимы и полного бездорожья.

9. Тактика действий: не ввязываться в затяжные бои за укрепленные населенные пункты, а смело обходить их.

10. Глубокое построение боевых порядков, при каких условиях оно выгодно.

11. Оперативная подвижность и ее основа - смелое и стремительное движение вперед.

12. Вопросы танкового и артиллерийского наступления.

13. Авиация разведывательная, истребительная и бомбардировочная.

14. Секрет успеха: хорошая подготовка, бесперебойное управление войсками, глубокое знание противника (разведка), командирская воля, маневр резервами, замена уставших войск другими, непрерывная политическая работа, цементирующая дисциплину и повышающая боевой дух.

15. Моя оценка действий противника.

16. Оценка наших действий противником. «Мы не успевали поворачиваться под стремительным натиском русских», - сказал пленный майор.

Художник С. В.Герасимов пишет портрет А.И.Еременко. Москва, 1942 год.

2 июля 1942 года, госпиталь

В прошлое воскресенье приезжал товарищ Щаденко[5] с художником товарищем Герасимовым[6], которому он поручил написать мой портрет. За четыре сеанса (каждый

А.И.Еременко и скульптор М.Г.Манизер. На переднем плане бюст, выполненный во время пребывания Андрея Ивановича в госпитале. Москва, 1942 год.

длился 2-3 часа) он написал хороший портрет и продал его в Третьяковскую галерею, или так передал, мне это неизвестно.

Уходя, Щаденко сказал: «Ты скоро уезжаешь на фронт, побереги себя, не лезь куда зря, прошел год войны, а ты уже два раза ранен. При решении вопросов не горячись, я тебя знаю, ты парень горячий, решай все целесообразно, как требует обстановка. Помни одно святое большевистское правило: к людям относись по-человечески, заботливо, требовательно». Конечно, это мудрое наставление. Нужно правду сказать, что товарищ Щаденко - мудрый человек, член партии с 1904 года, пламенный революционер и очень требовательный, справедливый человек.

Он ко мне заезжал не потому, что имел особую симпатию. Ему [видимо] было поручено навещать меня и поддерживать мое моральное состояние.

1 июля разговаривал по ВЧ с товарищем Поскребышевым, он тактично расспрашивал меня, когда я выйду. Я просил его доложить И.В.Сталину, что больше не могу лежать в госпитале и через пять дней выйду при любом состоянии здоровья.

Еще 29 июня из Куйбышева приехала дочь Валентина и гостила у меня пять дней. Она сейчас осталась вдовой, ее муж, командир танковой бригады Погребняк, убит в бою.

14 июля 1942 года, госпиталь

Сегодня ко мне приезжали товарищи Болтрушко, Снечкус, Палецкис, Гедвилис -это главные руководители Литвы. Звонил Киселев, бывший председатель Совета Министров БССР, и сказал, что был на выставке и видел мой портрет [работы] художника Герасимова - это шедевр, надо больше таких портретов на выставку.

16 июля 1942 года, госпиталь

15 июля в 20 ч звонил Сталину и доложил ему, что готов [продолжать] службу, а врачи насильно меня задерживают. Он мне ответил, что, по имеющимся у него данным, ходить без костылей я не могу. На этом он меня поймал. «Поэтому вам нужно окрепнуть, больше выходить на воздух, отдыхайте, набирайтесь сил, ибо предстоит большая работа». Оказывается, товарищ Сталин все знает, ему каждый день докладывают о состоянии моего здоровья.

Мне очень надоело лежать, и я с большим удовольствием уехал бы на фронт, но Сталин решил по-другому и, по-видимому, он мудро поступил. Сталин - это большой умница. Счастье нашей страны, что во главе ее стоит Сталин, это клад для нашей Родины. Титаническая воля, железный характер, могучий и глубокий ум, прозорливость и знание людей, особое умение подбирать кадры, забота о человеке и одаренность в познании и решении оперативно-стратегических вопросов сделали его бессмертным. Ясно одно, что Сталин приведет нашу страну к победе, в этом нет никаких сомнений.

23 июля 1942 года, госпиталь

На днях по поручению Сталина говорил со мной Василевский[7], он допрашивал меня о моем здоровье. Я сказал все откровенно, добавил, что готов к действию, но на первых порах буду ходить с палками и еще не смогу обувать сапоги. Товарищ Василевский заметил, что я не могу сейчас ехать на фронт, так он и будет докладывать Сталину. В конце беседы я заявил Василевскому, что с таким ранением, но только в более тяжелом состоянии, что называется, с носилок 23 дня командовал 4-й ударной армией и хорошо управлял войсками, руководил нашим наступлением.

После этого разговора прошло четыре дня, пока никаких сигналов относительно моей отправки на фронт.

30 июля 1942 года

Сегодня опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении военных орденов: Суворова, Кутузова, [Александра] Невского. Замечательное решение, мудрое и своевременное. Оно вызовет новую волну патриотических чувств в нашем народе, среди командиров. Значит, мой труд не пропал даром; я писал товарищу Сталину о введении этих орденов.

2 августа 1942 года

1 и 2 августа вел разговоры в Генеральном] штабе о создании еще одного фронта в районе Сталинграда. Принципиальное решение ГКО уже было. Сталинградский фронт разделяют на два новых. Во главе одного из них поставят меня.

1 августа изучал обстановку на фронтах (начал врастать в боевую обстановку). Прежде чем прибыть в Генеральный штаб, нанес визит заместителю наркома товарищу Щаденко. Пробыл у него около часа, но узнал очень много. Он прочитал мне приказ наркома Сталина ... в котором клеймятся позором отступление и оставление Ворошиловграда, Новочеркасска, Ростова и других городов.

Когда слушаешь этот приказ, плачешь в душе, два раза пробивались у меня слезы... Спокойно слушать нельзя. И больно, и стыдно за наши неуспехи. А все это происходит потому, что очень слабая дисциплина в войсках.

Как я был прав, когда принимал самые жесткие меры к трусам, паникерам и другим нарушителям дисциплины. Еще когда я командовал Брянским фронтом[8], просил своей телеграммой Генеральный штаб разрешить мне создать в каждой дивизии заградительные отряды, разрешение было дано, и отряды образованы.

Разговор с товарищем Щаденко. Он очень скверно отозвался о товарищах Тимошенко, Жукове и Буденном, назвал их барами, которые завели по десятку лошадей, обставили себя холуями и по-настоящему войсками не руководят. Причем заметил, что холуи Тимошенко звонили ему, Щаденко, что-де, мол, Тимошенко еще не сдал наркомат, на что он иронически заметил, что хотя тот и не сдал наркомат, зато сдал всю Украину и погубил там шесть армий . Щаденко сообщил, что Тимошенко сейчас находится в Москве, его сняли с фронта.

На днях он [Тимошенко] ездил на Северо-Западный фронт к товарищу Курочкину и очень расхваливал его. Это напоминает известную басню ИА.Крылова о петухе и кукушке.

3 августа 1942 года

Я уже устал от ожидания звонка, а его все нет и нет. Время подходило к 12 часам ночи. Но я знал, что ГКО работает по ночам, это не случайное явление и не каприз чей-то. Командующие войсками фронтов к исходу каждого дня, т.е. к 12 часам ночи, обязаны доложить Верховному Главнокомандующему о том, что они сделали за прошедшие сутки, что собираются делать завтра и какие у них просьбы к Верховному. С этими главными документами, т.е. с боевыми донесениями фронтов, нужно разобраться и дать соответствующие указания. На это уходило 7-8 часов работы, затрачивалась вся ночь. Оставить же рассмотрение на завтра невозможно, это будет преступление, ибо затормозит боевую деятельность войск. Вот от чего зависела ночная работа.

В 11 часов 20 минут я выключил свет и лег спать, но как я ни давил на себя, уснуть не мог. Разные мысли появлялись в моей голове, казалось, помимо воли вспоминались боевые события на Брянском фронте, в 4-й ударной армии, мои ранения, падение с самолета, посещение меня в госпитале Сталиным[10] и т.д. Когда начала одолевать дремота, раздался телефонный звонок. Сразу, сквозь дремоту, я не понял, какой из телефонов звонит. Пока я нащупывал кнопку, чтобы зажечь свет, раздался второй звонок, теперь я ясно понял, что это звонит [телефон] ВЧ.

Беру трубку.

- Слушает генерал-полковник Еременко.

- Говорит Поскребышев. Прошу вас, товарищ Еременко, сейчас же прибыть в ГКО.

- Хорошо, сейчас буду.

Я немного полежал, собираясь с мыслями, и тут же вызвал дежурную медицинскую сестру, попросил ее вызвать мою машину, которая находилась в гараже госпиталя, а сам начал одеваться в военную полевую форму. Не прошло и 10 минут, как водитель товарищ Горланов доложил, что машина подана (в это время у меня была новейшая машина - последняя модель «бьюика», которую мы захватили в городе Торопце). С большим трудом я добрался до Кремля, десятки раз меня останавливали, спрашивали, кто я и куда еду (бдительность была на высоте). Наконец добрались до приемной Верховного Главнокомандующего.

Поскребышев немедленно доложил о моем появлении. Меня уже ждали. Оставив свою клюшку в приемной, я осторожно, но бодро вошел в кабинет, где заседал ГКО. Большая продолговатая комната, слева у глухой стены стоял длинный стол, за которым сидели члены Государственного Комитета Обороны: у торца Молотов, рядом с ним сбоку - Маленков и Берия. Сталин был за рабочим столом в дальнем правом углу кабинета, на котором стояли телефоны и лежало несколько книг. Иосиф Виссарионович, по-видимому, только что закончил разговаривать по телефону и был заметно возбужден. Я вышел на середину кабинета и доложил о прибытии. И.В.Сталин не спеша подошел ко мне, поздоровался, подал руку и, пристально посмотрев в лицо, спросил:

- Значит, считаете, что совсем поправились или недолеченность скрываете?

- Хорошо подлечился и готов к действиям, - ответил я.

- Видимо, рана еще беспокоит, ходит-то он здорово прихрамывая, - бросил реплику Берия.

- Прошу вас, товарищ Сталин, не беспокоиться, у меня все в порядке, кости срослись, правда, были сломаны неудачно, поэтому создается впечатление хромоты, а на самом деле ее нет.

- Хорошо, - сказал Сталин, - будем считать товарища Еременко в строю. Вы очень нужны нам именно сейчас.

Перейдя к делу, он сказал:

- Под Сталинградом сложная обстановка, так что нельзя обойтись без срочных организационных мер по укреплению Сталинградского направления. Без мер, рассчитанных на улучшение управления войсками, ничего не выйдет. Мы сделали наметки, чтобы Сталинградский фронт, образованный несколько дней тому назад, разделить на два. Возглавить один из них ГКО намерен поручить вам. Как вы на это смотрите? - спросил Сталин и пристально посмотрел на меня.

- Готов служить там, куда вы меня пошлете, - ответил я.

- Ну, хорошо, - сказал Сталин, - тогда не будем терять времени, поезжайте в Генеральный штаб, познакомьтесь там с обстановкой под Сталинградом и теми нашими наметками по оперативным и организационным вопросам, которые ГКО решил провести на Сталинградском фронте, а вечером вместе с товарищем Василевским приезжайте в ГКО, где и будет принято окончательное решение. Рассчитайте так, чтобы послезавтра выехать в Сталинград, - закончил Иосиф Виссарионович и подал мне руку.

Прощаясь, я невольно задержал взгляд на портрете Ленина, который висел над рабочим столом. Живые прищуренные глаза Ильича смотрели подбадривающе. Поодаль, на этой же стене, висели два портрета - Суворова и Кутузова, взоры которых как бы говорили: «Мы побеждали врагов, победите и вы, выше голову, не падать духом. Россию никто никогда не побеждал и не победит».

2 августа работал в Генеральном штабе, о чем уже сделал запись за 2 августа.

Узнал, что Сталинградский фронт был образован 12 июля 1942 года. В состав его включены три свежие армии, прибывшие из резерва Ставки, и три ослабевшие, отходившие под ударами врага. Последние были включены в Сталинградский фронт в последней декаде июля.

Прием у Верховного Главнокомандующего состоялся поздно вечером 2 августа... И.В.Сталин после обычных приветствий, пока Василевский разворачивал карту и готовился к докладу, подошел ко мне вплотную и, потрогав две золотые полоски на кителе с правой стороны груди, сказал: «Правильно, что мы ввели знаки ранения. Народ должен знать тех, кто пролил свою кровь, защищая Родину».

Когда Василевский доложил проект директивы по организационным вопросам на Сталинградском фронте, Сталин спросил меня:

- Товарищ Еременко, вы ознакомились с обстановкой под Сталинградом и нашими наметками, которые доложил товарищ Василевский?

- Да, - ответил я, - почти сутки занимался этим вопросом, оперативную обстановку более-менее уяснил. И наметки

ГКО по организационным вопросам тоже понял.

Выслушав мой ответ, Сталин заключил:

- Значит, вы вошли в курс дела? Это и требовалось. Все ли вам ясно, товарищ Еременко?

- Мне все ясно, но, пока вы не приняли окончательного решения, позвольте мне доложить некоторые свои соображения, - сказал я.

- Хорошо, докладывайте.

Коротко остановившись на обстановке, сложившейся в районе Сталинграда, вернее, на дальних подступах к городу, я подчеркнуто заметил, что придерживаюсь иного мнения, нежели сказано в проекте директивы, в отношении разделения Сталинградского фронта на два [новых], и в особенности не согласен с тем, что граница между ними проходит по реке Царица и далее на Калач. При таком решении Сталинград разделяется на две части, а известно, что стык между фронтами всегда уязвимое место обороны. Поэтому целесообразно оборону города возложить целиком на один из фронтов. Если оставить, как намечено в директиве, пояснил я, это будет оперативно безграмотно. После этих слов сделал паузу и посмотрел на Сталина, чтобы выслушать его замечания, если таковые будут. Неожиданно для меня, да и, по-видимому, для всех присутствующих И.В.Сталин нервно отреагировал на мое предложение, он даже выругался и высказал неодобрение, правда, не в мой адрес, а в адрес тех командующих войсками, которые отступали.

Маленков сделал знак, чтобы я молчал. Какова причина этой вспышки, я не понял. То ли И.В.Сталин не терпит возражений и замечаний, то ли, что весьма вероятно, эта раздражительность явилась следствием телефонного разговора, который Иосиф Виссарионович вел в нашем присутствии с [командованием] ряда фронтов. Его то и дело подзывали к телефону ВЧ, чувствовалось по тону, что докладывали о тяжелом положении на фронтах и просили помощи.

Положение было действительно не только тяжелым, а тяжелейшим. На юге наши войска продолжали отходить. Противник устремился на Кубань и Сталинград. Я невольно подумал о той большой ответственности за судьбы Родины, о той тяжелой ноше, которая сейчас лежала на плечах товарища Сталина как главы правительства, как Верховного Главнокомандующего.

Наступила пауза. Все молчали, молчал и Сталин. Пройдя по кабинету несколько раз, он остановился и, обращаясь к Василевскому, раздраженно сказал: «Все оставить, как мы наметили. Сталинградский фронт разделить на два фронта: границу между фронтами провести по реке Царице и далее на Калач».

Василевский, сидевший с торца противоположной стороны длинного стола, за которым располагались и члены ГКО, [делал пометки] в директиве.

И.В.Сталин еще раз прошелся по кабинету и, как бы обращаясь ко всем, спросил: «Так как же мы все-таки назовем фронты?»

Все молчали. Он повторил вопрос.

Тогда Молотов ответил: «Фронту, который будет действовать в северной части Сталинграда и севернее, оставить название Сталинградский, а фронту, действующему в южной части Сталинграда и южнее, дать наименование Юго-Восточный». Все согласились с ним. Его предложение сейчас же было внесено в директиву.

Теперь возник вопрос, кто же будет командовать фронтами? Были названы две кандидатуры: моя и генерал-лейтенанта В.Н.Гордова. Я снова попросил разрешения изложить свои соображения. И.В.Сталин уже успокоился и, чтобы смягчить напряженность, с душевной улыбкой обращаясь ко мне, сказал: «Ну что ж, доложите ваши соображения. Послушаем».

Я сказал, что, изучив вчера оперативную обстановку на Сталинградском стратегическом направлении, пришел к выводу, что в будущем левое крыло Сталинградского фронта закрепится на подступах к Сталинграду, а правое, значительно усиленное свежими силами, нанесет решительный удар по западному берегу Дона на междуречье и во взаимодействии с Юго-Восточным фронтом уничтожит противника под Сталинградом. С севера - главный удар, с юга -вспомогательный. Закончив, я просил назначить меня, если мои наметки будут приняты, на Сталинградский фронт и добавил, что моя военная душа больше лежит к наступлению, чем к обороне, даже самой ответственной.

Присутствовавшие слушали меня внимательно.

Сталин ответил: «Ваше предложение заслуживает внимания и мы его используем, но это дело будущего, а сейчас нужно остановить наступление немцев на Сталинград». Набивая табак в трубку, он сделал паузу. Я воспользовался этим, чтобы вставить реплику: «Я и предлагаю на будущее, а сейчас нужно задержать немцев во что бы то ни стало».

- Правильно понимаете, - утвердительно сказал Сталин, - поэтому мы и решили послать вас на Юго-Восточный фронт, чтобы остановить противника, который наносит удар из района Котельникова. Там действует танковая армия, а вы, как бывший танкист, знаете, как вести борьбу с танками. Кроме того, Юго-Восточный фронт нужно создавать, у вас и в этом деле есть опыт.

Мне стало ясно, что вопрос о моем назначении был решен раньше, и я ответил: «Хорошо, слушаюсь».

Итак, я был назначен командующим войсками вновь созданного фронта, получившего название Юго-Восточный. В заключение беседы И.В.Сталин особо подчеркнул, что необходимо повысить требовательность, поднять дисциплину, навести строжайший порядок в войсках, принимая для этого самые решительные меры.

Прощаясь с нами, И.В.Сталин пожелал боевого успеха и, пожимая мне руку, еще раз добавил: «Покрепче берите людей в руки, не стесняйтесь. Завтра быть в Сталинграде».

Я вышел из ГКО с чувством глубочайшей ответственности за порученное мне дело.

При посещении Верховного Главнокомандующего в этот раз мне бросилось в глаза, что Сталин заметно постарел. Видно было, что он очень много работает и обладает колоссальнейшей памятью: при мне называл множество пунктов на Калининском и Западном фронтах, которые подлежат бомбардировке нашей авиацией, многих людей знал по фамилиям.

Публикация Н.И.ЕРЕМЕНКО

Фото из архива автора

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 20 января 1942 года при проведении Торопецко-Холмской операции командующий 4-й ударной армией генерал-полковник А.И.Еременко выехал на наблюдательный пункт командира 249-й стрелковой дивизии. Здесь он попал под бомбовый удар вражеской авиации и был ранен. Доставленный на армейский командный пункт со множественным переломом костей правой голени, Еременко отверг предложение врачей немедленно ампутировать ногу во избежание грозившей смертельным исходом гангрены и, более того, отказался эвакуироваться в тыловой хирургический госпиталь.

Этот обычный в боевой обстановке случай произошел, к сожалению, в то время, когда наступательная операция была еще в полном разгаре, - писал Андрей Иванович в одной из своих книг. - Армия выполнила лишь первую половину задачи. И я решил, несмотря ни на что, остаться в армии до тех пор, пока задача не будет выполнена полностью, о чем безотлагательно и донес в штаб фронта и в Ставку. Я сделал это по здравом размышлении, зная, что остаться в строю с таким тяжелым ранением нелегко, ведь нужно командовать и непрерывно руководить войсками с носилок. Я рассчитывал, что у меня хватит на это выдержки... Я, что называется, выносил план этой операции, врос в боевую обстановку на этом участке, поэтому считал, что мне, даже раненому, будет легче довести дело до конца, чем новому человеку» (Еременко А.И. В начале войны. М.: Наука, 1965. С.439).

[2] Хрулев Андрей Васильевич (1892-1962) -генерал армии (1943). В Великую Отечественную войну заместитель наркома обороны СССР -начальник Главного управления тыла Красной Армии, затем начальник Тыла Советской Армии.

[3] Торопецко-Холмская операция (9 января - 6 февраля 1942 г.) проводилась войсками левого крыла (3-я и 4-я ударные армии) Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта П.А.Курочкина, а с 22 января и войсками Калининского фронта под командованием генерал-лейтенанта И.С.Конева. В ходе операции советские войска прорвали оборону 16-й армии (группа армий «Север»), продвинулись до 250 км, обошли с запада ржевско-вяземскую и глубоко охватили с юга демянскую группировки противника.

[4] Результат Торопецко-Холмской операции оказался более скромным, нежели предполагалось. А.И.Еременко намеревался, как он пишет в книге «В начале войны» (с.407), нанести один главный удар - в направлении Пено - Андреаполь - Торопец. Здесь был стык двух немецких армий. «К сожалению, нашему замыслу не суждено было осуществиться. Командование фронта его не утвердило и приказало нам усилить правый фланг армии и нанести не один, а два удара - на правом фланге армии и в центре. Это распыляло силы армии... Я настаивал на одном ударе в центре в стык соединений противника и опасался, что наступление на правом фланге не будет иметь успеха. Мои опасения в процессе операции подтвердились полностью, - пишет'Еременко. - Требование командующего Северо-Западным фронтом усилить правый фланг армии и нанести там второй удар было обусловлено его стремлением усилить 3-ю ударную армию, которой предстояло нанести удар в общем направлении на Великие Луки. Поэтому состав 4-й ударной армии, определенный ранее Генеральным штабом и Ставкой, был изменен и из 4-й ударной передали в 3-ю ударную армию три стрелковые дивизии... два артиллерийских полка и танковый батальон. Изъятие... трех стрелковых дивизий и других средств усиления значительно ослабило армию и было оперативным просчетом командования фронта».

[5] Щаденко Ефим Александрович (1885-1951) - генерал-полковник (1942). В описываемый период заместитель наркома обороны - начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии.

[6] Герасимов Сергей Васильевич (1885-1964) - русский советский живописец, народный художник СССР (1958), действительный член Академии художеств СССР (1947). В годы Великой Отечественной войны создал наряду с проникнутыми патриотическим пафосом картинами серию портретов полководцев и рядовых воинов. Портрет А.И.Еременко относится к числу наиболее ярких его произведений того периода (хранится в Государственной Третьяковской галерее).

[7] Василевский Александр Михайлович (1895-1977) - советский государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). С июня 1942 г. начальник Генерального штаба, с октября 1942 г. одновременно заместитель наркома обороны СССР.

[8] Командующим Брянским фронтом А.И.Еременко был назначен в августе 1941 г., когда создалась реальная угроза прорыва танковой группы Гудериана с этого направления к Москве.

Примечательно, что, рассказывая о тяжелых боях лета и осени 1941 г. и о своих действиях как командующего в этот период в книге «В начале войны», А.И.Еременко не упоминает о заградительных отрядах, применявшихся по его решению.

[9] Имеется в виду Харьковское сражение 1942 г. (12-29 мая), в котором Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко командовал Юго-Западным фронтом, потерпевшим наряду с Южным фронтом тяжелое поражение, повлекшее за собой изменение всей стратегической ситуации на советско-германском фронте. Разгром под Харьковом в значительной мере явился результатом неверной оценки советским командованием оперативно-стратегической обстановки и слабой подготовки наступления.

[10] В 1941-1942 гг. А.И.Еременко был ранен дважды: в октябре 1941 г., будучи командующим Брянским фронтом, и в январе 1942-го, когда командовал 4-й ударной армией в Торопецко-Холмской операции. Раненный первый раз в ногу и плечо осколками авиабомбы, он был эвакуирован 13 октября на самолете По-2 в Москву. Однако до аэродрома долететь не удалось. Мотор самолета сдал, с большим трудом пилоту удалось спланировать в полнейшей темноте в районе деревни Пилюгино Иваньковского района Тульской области. При посадке на огород самолет ударился о землю и перевернулся. Местные жители оказали первую помощь тяжелораненому генералу, получившему новые травмы при падении, и приютили его у себя. 14 октября А.И.Еременко доставили в Москву и в тот же день сделали операцию в Центральном военном госпитале (ныне имени П.В.Мандрыки). Ночью 15 октября в палате А.И.Еременко навестил Сталин. «Он расспросил меня о делах на фронте и обстоятельствах моего ранения и пожурил за то, что я не берег себя», -пишет Андрей Иванович в книге «В начале войны» (с.369).

Примечания подполковника А. В. ПРОНИНА

ВИЖ №5 1994

Продолжение. См.: Воен.-истор.журнал. 1994. № 3, 4.

Годы 1942-1943-й: «Один день... съел два месяца и принес много жертв»

4 ноября 1942 года, Сталинград

За три месяца не записал в дневник ни строчки: не было времени, даже не мог выкроить на отдых для восстановления сил.

Если [удавалось отдохнуть] 3-4 часа, было хорошо.

Мои «сталинградский дневник» можно проследить по таким документам, как журнал боевых действий фронтов, которыми командовал[1], [моим] донесениям Верховному Главнокомандующему.

5 ноября 1942 года, Сталинград

Этот день прошел более спокойно. Авиация противника, хотя и «плотно» бомбила Сталинград, наши тылы и железные дороги, но разбросанно.

Подробно занимался подготовкой нашей авиации к предстоящей операции (контрнаступлению).

Слушал доклад командира 4-го кавалерийского корпуса Т. Т. Шапкина. [Корпус] только что прибыл из Средней Азии. 70 проц. его личного состава - узбеки и казахи. Лошади закуплены в Сянцзяне (Китай), низкорослые и слабые. Таким образом, конница не сильна.

Говорил по [телефону] ВЧ с командармами 57,64 и 62-й армии. Чуйков нервничает.

7 ноября 1942 года, Сталинград

Вечером 6 ноября слушал выступление товарища Сталина на торжественном заседании, посвященном [25-й годовщине] Великой Октябрьской социалистической революции.

10 ноября 1942 года, Сталинград

Поздно вечером заместитель Верховного Главнокомандующего товарищ Г. К. Жуков присутствовал на совещании, которое я проводил с целью контроля готовности дивизий, корпусов и армий к контрнаступлению. Присутствовали командармы 51, 57 и 64-й армий, командиры корпусов и дивизии. С короткими сообщениями выступили командармы, некоторые командиры соединений.

В заключение слово взял Жуков, он коротко изложил планы контрнаступления трех фронтов и их взаимодействия[2].

Мое решение Жуков одобрил.

13 ноября 1942 года

Противник атаковал на участке 62-й армии, в районе завода «Баррикады», но успеха не имел.

Третий день по Волге идет «сало», страшно затрудняя переправы ночью. Самолеты подавали для Чуйкова боеприпасы. Всю ночь возился с переправами и доставкой грузов самолетами.

Современная война прожорлива, она требует исключительного внимания к вопросам снабжения войск боеприпасами, горючим и другими видами обеспечения.

Фронт всегда терпел нужду в материальных средствах, а железная дорога, имеющая и без того слабую пропускную способность, часто подвергалась ударам авиации противника и разрушалась.

14 ноября 1942 года

Сегодня три раза говорил с И. В. Сталиным по [телефону] ВЧ, просил подбросить силенок, он дал 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии, 85-ю танковую бригаду и два отдельных танковых полка.

16 ноября 1942 года

Отдал приказ 62-й армии контратаковать противника в районе завода «Баррикады». Утром 17 ноября артиллерийская группа фронта нанесет удар перед контратакой.

Авиация противника свирепствует, [особенно достается] нашим железным дорогам. Разрушены все железнодорожные сооружения, разбиты станции, разъезды и даже железнодорожные будки.

В этот день страшно болела нога, раскрылись раны, и нога начала чрезмерно отекать.

17 ноября 1942 года

Весь день прошел в очень напряженных боях на двух участках 62-й армии. Враг наступал на группу Горохова в районах «Рынок» и «Спартаковец». На этом направлении создалось исключительно тяжелое положение.

В районе [завода] «Баррикады» наступали мы при очень сильной артиллерийской поддержке; целый день я находился на НП, следя за боем.

Говорил с Федоренко о танках 4 мк, об использовании их в эшелоне прорыва. Это мера нежелательная, но другого выхода не было.

18 января 1943 года

31 декабря я получил внезапный и очень тяжелый удар от Ставки Верховного Главнокомандования. Вот уже 18 января, а я никак не могу прийти в себя. Никогда раньше не переживал таких потрясений, несмотря на то, что бывал в тяжелых перипетиях войны.

Я сейчас совершенно больной человек, меня мучают раны, которые не только не зажили, а, наоборот, еще больше разболелись. Эти страшные пять месяцев Сталинградской битвы совершенно подорвали мое здоровье, а тут еще Сталин, затаив обиду на меня из-за Хрущева, проводит политику «разделяй и властвуй», принимает решения, которые наносят ущерб нашему государству... [Он делает это] в угоду [собственному] тщеславию...

Я переживал за себя, штаб и весь Сталинградский фронт, который должен был закончить битву, забрать трофеи и пленных. Это его право, он выиграл сражение, а Сталин нарочно ликвидировал наш фронт[3].

В данном случае Ставка допустила две крупные ошибки.

Сталинградский фронт сыграл главную роль в победе наших войск в этой битве[4], а именно: остановил наступление врага, отбил 800 атак на Сталинград, нанес колоссальный [урон], подготовил условия для контрнаступления, выбрал направления для удара и их оборудовал (в инженерном отношении.-А.П.); принял самое активное участие в окружении [фашистов] под Сталинградом. Мы разрушили «воздушный мост», по которому враг пытался снабжать окруженные войска, и, наконец, разгром [или] группу Гота - Манштейна, пытавшуюся освободить окруженных. Это сделали войска Сталинградского фронта. И вот когда все задачи по разгрому решены, осталось только забрать трофеи и пленных, фронт ликвидировали в угоду тщеславию Сталина. Это [первая] политическая ошибка.

Вторая, еще большая, вытекающая из первой, - стратегического характера. После разгрома группы Манштейна следовало, как и предлагал [штаб] Сталинградского фронта, не атаковать окруженных, а задушить блокадой[5], они бы продержались не больше одного месяца, а Донской фронт направить по правому берегу Дона на Шахты, Ростов.

В итоге получился бы удар трех фронтов: Воронежского, Юго-Западного и Донского. Он был бы исключительно сильным, закрыл бы, как в ловушке, всю группировку противника на Северном Кавказе. Вместо этого был принят другой план, не выгодный для страны, но выгодный для Сталина: он переименовал Сталинградский фронт в Южный и [нацелил его на] Ростов.

Ошибочность [такого] решения заключается в том, о чем я уже сказал выше, а также в том, что силы Южного фронта находились очень далеко, за Волгой и никаких путей подвоза не оказалось, железной дороги не было. Кроме того, Волга

тогда еще не стала. Я доложил об этом товарищу Сталину, но он был неумолим. Решение о наступлении Южного фронта на Ростов неверно еще и потому, что оно [наступление] было фронтальным, мы выталкивали противника.

Правда, Сталин в разговоре сказал мне: «Чего вы волнуетесь, вы в Сталинградской битве сыграли главную роль, мы это знаем, теперь любой может добивать привязанного зайца. Мы на вас возлагаем более важную задачу, ударом на Ростов отрезать кавказскую группировку противника». Я сомневался в искренности этого заявления.

19 января 1943 года

В чем причины того, что товарищ Сталин стал относиться ко мне по-другому, хуже, чем раньше? [Их] две. Первая: в октябре 1942 года мне по [телефону] ВЧ звонил товарнщ Сталин и спрашивал, где Хрущев[6]. Я ответил, что он уехал в Астрахань, в 28-ю армию. Сталин, судя по голосу, был очень возбужден и [грубым тоном] сказал: «Гоните [его], что вы его держите у себя!» Я не сразу ответил. Он еще раз повторил [то же самое] в [еще] более [непристойной] форме. Я ответил: «Товарищ Сталин! Это же не моя категория, он ведь член Политбюро ЦК». Он еще резче сказал: «Не ваша, не ваша категория, да вы еще не знаете этого подлеца, это такой пройдоха, что пробы негде ставить. Гоните его от себя». И повесил трубку.

Я [был ошарашен], как будто по голове ударили.

Со слов Сталина понял, что мне необходимо донести шифровкой о снятии Хрущева с должности члена военного совета. Это было ясно. Но, очевидно, следовало дать какую-то мотивировку [этого]. Вот тут во мне совесть заговорила. Клеветать не могу. «Сроду ни на кого не клеветал и не доносил и теперь не буду»,- решил я. Коммунисту не положено клеветать, он должен быть порядочным, честным п правдивым человеком.

Так и не донес Сталину на Хрущева, хотя имел прямые указания [сделать] это. Хрущев не знает об этом разговоре до сегодня. По сути дела, я спас его, а сам попал в немилость.

Вторая причина натянутого отношения Сталина ко мне помельче. Масло в огонь подливал Г. К. Жуков, ставший заместителем Главкома... Жуков, этот узурпатор и грубиян, относился ко мне очень плохо, просто не по-человечески. Он всех топтал на своем пути, но мне доставалось больше других. Не мог мне простить, что я нет-нет да и скажу о его недостатках в ЦК или Верховному Главнокомандующему. Я обязан был это делать, как командующий войсками [фронта], отвечающий за порученный участок работы, и как коммунист. Мне от Жукова за это попадало.

Я с товарищем Жуковым уже работал, знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист... Если представится возможность, напишу о нем побольше[7].

22 января 1943 года

Был во 2-й гвардейской армии, допрашивал немецкого майора, захваченного в плен... в районе станицы Мелиховской. Он принадлежал инженерном части и ничего интересного не показал.

В этот же день побывал в 28-й армии: в передовых частях и в Сальске. В управлении войсками [обнаружил] много непорядков, мало заботы о людях. Части располагаются в разбитых и холодных зданиях, хотя есть возможность (и люди это заслужили после тяжелых напряженных боев) разместить их в теплых жилых домах.

В Сальске население растаскивает захваченные нами у противника склады. Тыловые работники отстают и не занимаются учетом и хранением трофейного имущества.

29 января 1943 года

Звонок Хрущева из Москвы. Поздравил меня с наградой - орденом Суворова I степени.

Меня наградили, как и других командующих фронтами и армиями, даже товарища Малиновского со мной сравняли, а он очень мало сделал для [победы] в Сталинградской битве[8]. Награждение было за контрнаступление и разгром немцев под Сталинградом, а за четырехмесячную оборону ничего не дали и даже за время всей обороны доброго слова не сказали о тех, кто ее вел.

Награждено 2000 человек... Я нес главную ответственность за оборону Сталинграда, но не только не отмечен за это, а даже подвергся насмешкам Жукова...

Я спросил Хрущева, как обстоит дело с моим рапортом[9]. Ом ответил, что еще нет решения. Я был страшно удивлен. Два часа назад звонил Жуков и сказал, что решение состоялось. На заседании ГКО присутствовал и Хрущев. Я никогда не мог допустить, что он такой лицемер. Чужая душа - потемки.

1 февраля 1943 года, Мартыновка

Нельзя отдавать победу в руки тех, кто ее не заслужил. Это морально и физически подрывает силы людей, приложивших титанические усилия, чтобы ее добиться. Мой ум отказывается мне служить после анализа того, что произошло. Как можно губить человека, так горячо преданного Родине, партии и правительству, собственной кровью не раз омывшего победу. Я уже десяток раз ронял горькие слезы, но никто, даже адъютанты, не видели их.

Это, конечно, работа Жукова, он подбил Сталина на такое решение. Я и в наградах обойден благодаря ему. За Сталинградскую битву все командующие фронтами, кроме меня, получили орден Суворова 1 степени и звание генерал-полковник. Командующий Сталинградским фронтом, который больше всего сделал, не получил [очередного] звания. Да и за оборону ничего не дали[10].

Из всего этого я сделал следующий вывод: первостепенное значение [при получении наград] имеют не заслуги, а взаимоотношения с начальством... Страшная беда, что и в наш век все еще так решаются вопросы.

5 февраля 1943 года

Поздно вечером Хрущев вернулся из Сталинграда, он ездил [туда, чтобы] принять участие в митинге и засняться на кинопленку. [Хрущев] присутствовал на [торжественном] вечере в 64-й армии, где [ему] вручили [для меня] подарок: аккордеон, фотоаппарат и револьвер Паулюса.

[После] 23 февраля 1943 года [Цхалтубо, санаторий]

28 февраля 1943 года я почувствовал себя значительно лучше и приступил к описанию Сталинградской битвы.

В ходе работы у меня возникла [мысль], что если бы товарищ Жуков утвердил время атаки, которое предлагал я, то противник не только не задержал [бы] нас на реке Червленной, а, наоборот, сталинградская группировка была бы разбита еще в ноябре. Один день, недооцененным Жуковым, «съел» два месяца и принес много жертв.

Первоначально по общему плану контрнаступления Юго-Западный и Сталинградский фронты должны были наступать одновременно. Я был категорически против одновременного начала наступления и доказывал, что мы должны обмануть противника и поставить в исключительно невыгодные условия, заставить его измотать и задергать свои танковые дивизии и механизированные] войска, и к тому же без всякой пользы. У нас [была для этого] полная возможность. Мое утверждение основано на реальном расчете и анализе [вероятных] действий противника. С началом нашего наступления факты полностью подтвердили мои доводы. Я не считаю себя сейчас умнее, чем был тогда, когда настаивал на [своем] предложении и добивался его утверждения.

Обстановка к моменту начала действий наших фронтов складывалась так: противник имел основную группировку в районе Сталинграда, здесь были его ударные силы из танковых п моторизованных дивизий.

Я считал, что, если мы начнем действовать одновременно, [Паулюс] должен будет, хочет он этого или нет, нанести контрудар на юг по 4-му и 13-му мехкорпусам (Так в тексте. Имеются в виду 4-й механизированный и 13-й танковый корпуса.). Он будет бить ближайшего и [более] подвижного противника, который создаст непосредственную угрозу его сталинградской группировке, грозя разрушением жизненно важных тылов... А это может привести к срыву нашего наступления, тем более, подкрепить мехкорпуса у нас было нечем. Я доказывал, что при одновременном начале наступления окружение может не состояться...

Ведь если Юго-Западный фронт (ЮЗФ) начнет наступление на два дня раньше, чем Сталинградский, то для противника создастся весьма сложная обстановка, которая может привести его к катастрофе. На эти мои [соображения] Жуков ответил [так]: «Обождите с «катастрофой», хоть отгоните противника от Сталинграда километров на 60-70, и то будет хорошо».

«Нет, у меня другое мнение,- сказал я. -Считаю, что мы своим наступлением положим начало разгрому фашистов. Прошу утвердить срок начала атаки с разрывом в два дня. Если войска Юго-Западного фронта прорвут [оборону], в чем уверен, и начнут развивать свой успех в направлении Калач, Паулюсу ничего не останется делать, как только снимать из-под Сталинграда ударные дивизии и бросать их [в бой], чтобы спасти положение, ибо нет другого выхода. Он это сделает еще и потому, что в [данное] время на юге будет спокойно, а о нашей подготовке он пока не знает. Даже если бы кое-что и знал, то обстановка требовала посылки [резервов] на север. Таким образом, если ЮЗФ начнет атаку 19 ноября, то Паулюс, разобравшись с обстановкой к вечеру, ночью с 19 на 20 ноября станет перебрасывать на север за Дон подвижные соединения. Но для того, чтобы покрыть расстояние в 150-160 км с учетом переправы через Дон по узкому мосту в районе Вертячий, потребуется не менее двух суток. Вот почему и нужно начало атаки Сталинградского фронта [назначить] на двое суток позже». Затем я добавил: «Нечего бояться того, чего опасается товарищ Жуков, - что противник нанесет удар по Ватутину. Враг к исходу 21 ноября будет заканчивать сосредоточение для контрудара, но в тот же день почувствует наш удар на юге. Паулюс станет перед дилеммой: или контратаковать с утра 22 ноября Ватутина - тогда ввяжется в бои на несколько дней, что приведет к катастрофе на юге, или отменить свой приказ [о переброске] на север и возвратить дивизии обратно. [Но они] передовыми частями [вступят в сражение], а наши мехкорпуса будут уже подходить с юга и наносить удар в самое живое место - по тылам сталинградской группировки. Поэтому Паулюс откажется от контрудара на севере и будет быстро перебрасывать войска обратно, но они и на юг опоздают. В результате в самый ответственный момент танковые и механизированные войска противника помыкаются в одну, в другую сторону и в боях участия не примут, н горючее сожгут, и измотаются. Вот что получится, если мы начнем атаку на два дня позже».

На сей раз Жуков слушал меня с большим вниманием и в конце моего доклада сказал:

- Хорошо, согласен на один сутки. Так и буду докладывать Сталину на утверждение.

- Я прошу доложить на двое суток.

- Нет, нет, - сердито возразил он, - одни сутки, больше не дадим!»

«Ясно»,- ответил я и подумал, что не для себя прошу эти дни, а для общего дела, для нашей страны... На этом *я* закончилось обсуждение вопроса о сроке начала атаки. Я весь кипел внутри и возмущался...

Жуков боялся, как бы не застопорилось наступление ЮЗФ. В какой-то мере он вместе с Ватутиным готовил это наступление. Подготовку войск Сталинградского фронта осуществлял я. И вдруг они более успешно будут действовать?!

Здесь следует сказать, что жуковское оперативное искусство - это превосходство в силах в 5-6 раз... Он боялся [потерпеть неудачу] даже в таких условиях, когда Ватутин сосредоточил на узком фронте танковую армию товарища Романенко, два совершенно свежих отдельных танковых корпуса, 3-ю ударную общевойсковую армию товарища Кузнецова (Так в тексте. В. И. Кузнецов командовал в этот период 1-й гвардейской армией, входившей в Юго-Западный фронт.), 21-ю общевойсковую армию, несколько отдельных танковых бригад, кавалерийский корпус и много других частей усиления. С такой силищей трусил, хотел, чтобы войска Сталинградского фронта оттянули на себя силы противника. Вот когда Жуков показал свою шкуру.

Сталинградский фронт прорывал оборону противника на двух направлениях, силами пяти дивизии при плотности артиллерийского огня 50-60 орудий на километр фронта. Вводились в прорыв два мехкорпуса и один очень слабый 4-й кавалерийский корпус. С этими силами я был больше уверен в успехе, чем он. События подтвердили правильность доложенных мной расчетов. Я был прав, тысячу раз прав!

День, которого я с трудом добился, сыграл большую роль. Благодаря только ему состоялось окружение[12], а если бы разрыв в сроках наступления был в два дня, то противника под Сталинградом разбили бы еще в ноябре. Враг задержал наши мехкорпуса на реке Червленная только потому, что вернул одну танковую дивизию, еще неуспевшую переправиться через Дон к началу нашего наступления. Если бы мы выждали еще сутки, то дивизия противника ушла бы далеко и спасти положение [ему] было нечем. Мы своими поспешными действиями на юге не дали развиться ошибке врага - маневр на север до катастрофы. И все это произошло из-за непонимания обстановки Жуковым, он и Сталина убедил в своей [правоте]. Обидно, что из-за этого просчета напрасно пролилось много крови. Вот тебе и Жуков, а-ля Наполеон!

5 апреля 1943 года, Цхалтубо

Меня не раз обходили в наградах и званиях. К примеру, за руководство боями в Смоленском сражении представлялся, но не получил, за Торопецкую операцию, в которой командовал 23 дня с носилок, с перебитой ногой, представлялся к званию Героя, но тоже был обойден, за оборону Сталинграда не [дали] награды. Так где же справедливость?.. Я обижаюсь потому, что другие, менее заслуживающие наград, получают их, а [меня] обходят, [из-за того] что у [меня] плохие взаимоотношения с начальством.

Во всех делах подхалимы играют очень большую роль. Их множество, тактика и приемы у них разные. Одни как

банный лист прилипают, другие действуют более тонко, через вторых и третьих лиц, стоя как бы в стороне, третьи клевещут на людей, мажут их грязью, выставляя в выгодном свете себя...

Наконец, есть просто двуличные люди, которые говорят не то, что думают, всегда обманывают и всегда с пеной у рта доказывают, что их не так поняли или они того-то не говорили.

6 апреля 1943 года, Цхалтубо

Мое лечение подходит к концу, я чувствую себя хорошо и физически, и морально. Я очень доволен тем, что за время лечения написал два тома воспоминаний о Сталинградской битве (оборона и контрнаступление) и поэму о Сталинграде. Я понял, что сильные потрясения, пережитые во время Сталинградской битвы, вызвали огромный прилив энергии и помогли по свежей памяти написать замечательные труды. Я писал запоем и очень быстро.

После 6 апреля 1943 года

21 апреля прибыл в Москву я сразу же явился к товарищу Маленкову (сам просил меня об этом). Он пригласил меня на завтрак. Вел беседу с глазу на глаз о предстоящих операциях, направлении главного удара. [Оценивались] и люди. Маленков сказал: «Ворошилов задержал на год выпуск автомата и окружил себя «хмельницкими» [любителями хмельного. - А. П.], а хороших людей затирал. Затирал он и вас, товарищ Еременко. Куда девать [его], сами не знаем. Тимошенко несколько лучше Ворошилова, но нигде у него не вышло: какой-то он несчастный. Буденный - это ярый кавалерист, [кроме конницы], ничего больше не признает, оперативный кругозор [у него] очень узкий».

Товарищ Маленков передал отзывы Сталина о наших командующих фронтами. Они были положительными.

Затем Маленков перевел разговор на Сталинградскую битву. Он сказал: «Хорошо у нас получилось под Сталинградом. Вы там сыграли главную роль в разгроме фашистской армии. Страна никогда не забудет этого большого подвига. Это не только мое мнение, но и Верховного Главнокомандующего». Я ничего не ответил. Понял, что товарищ Маленков ведет беседу по указанию товарища Сталина, который понимал, что меня обидел, и теперь сглаживал остроту.

Потом еще раз вернулись к положению на фронтах. Маленков страшно возмущался сдачей противнику Харькова. Особенно был неудовлетворен работой и поведением командующего Воронежским фронтом товарища Ф. И. Голикова[13]. Да и кто таким подлецом будет доволен? Это же трус из трусов. Мы его раскусили еще в Сталинграде. Когда была тяжелая обстановка, он тоже струсил и стал имитировать сумасшествие. Ночью лез на стенку блиндажа. Это трус и болтун, язык у которого [подвешен] неплохо, но его слова всегда расходятся с делом.

Вечером был у товарища Е. А. Щаденко, обедал у него, вели разные разговоры. Вызвал меня по телефону товарищ Василевский и очень любезным тоном спросил, не нуждаюсь ли в чем. Первый раз он говорил со мной так приветливо, даже заискивающе, как будто был в чем-то виноват. Как говорится, «на воре шапка горит».

Я доложил, что всем удовлетворен.

25 апреля 1943 года, Москва

Сегодня был на приеме у товарища Сталина. Принял он меня [достаточно] хорошо, но очень уж холодно. Это была первая встреча после Сталинградской битвы и, конечно, если бы он не держал на меня зла и был более человечным человеком, то не мог бы не расспросить о Сталинградской битве, которую я возглавлял много времени (так в тексте. - А. П.), поблагодарить меня лично, а может, и наградить. Не тут-то было. Я заключил, что из-за наговоров Жукова [Верховный стал] недоброжелательно [ко мне относиться].

Сталин спросил меня только о состоянии здоровья. Я ответил, что хорошо подлечился. После этого он объявил мне, что я назначен командующим Калининским фронтом.

Публикация И. И. ЕРЕМЕНКО

Фото из архива автора

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] 7 августа 1942 г. генерал-полковник А. И. Еременко вступил в командование войсками Юго-Восточного фронта. В связи с исключительно тяжелой обстановкой, сложившейся на левом крыле Сталинградского фронта, 13 августа он был назначен и командующим Сталинградским фронтом (по совместительству). 30 сентября 1942 г. Ставка ВГК вновь разделила фронты. Располагавшийся к северу от Сталинграда (бывший Сталинградский) был переименован в Донской и передан в подчинение генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Юго-Восточный получил наименование Сталинградского и остался в подчинении А. И. Еременко. 1 января 1943 г. был переименован в Южный. А. И. Еременко командовал им до начала февраля 1943 г.

[2] В книге «Сталинград» А. И. Еременко вспоминает об этом совещании: «9 ноября к нам на фронт прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего товарищ Жуков с задачей проверить нашу готовность к контрнаступлению. На 10 ноября было назначено совещание командующих армиями, командиров корпусов и дивизии...

На совещании, которое проводилось военным советом фронта, были заслушаны решения командующих армиями, командиров отдельных корпусов, некоторых командиров дивизии. Мы внесли ряд поправок в решения и утвердили их. Выступивший в заключение товарищ Жуков положительно отозвался о решениях к подготовке Сталинградского фронта, подчеркнув, что доложит в Ставке суть этих решений.

В конце совещания был отработан план взаимодействия фронтов, в особенности Сталинградского и Юго-Западного, которые наступали навстречу друг другу и должны были соединиться и замкнуть кольцо окружения» *(Еременко А. И.* Сталинград. М.: Воениздат, 1961. С. 334-335).

Несколько иначе рассказывает об этом совещании Г. К. Жуков: «Для окончательной отработки плана наступления войск Сталинградского фронта, как мы договорились с А. М. Василевским, я прибыл на командный пункт 57-й армии в Татьяновку утром 10 ноября, где к тому времени, кроме военного совета фронта, были: М. М. Попов, М. С. Шумилов, Ф. И. Толбухин, Н. И. Труфанов, командиры корпусов В. Т. Вольский и Т. Т. Шапкин и другие генералы фронта. Перед совещанием мы с А. М. Василевским, командующими 51-й и 57-й армиями Н. И. Труфановым и Ф. И. Толбухиным, М. М. Поповым и другими генералами выехали на участки войск этих армии, с тем чтобы еще раз осмотреть местность, где предстояло развернуть наступление главных сил Сталинградского фронта.

После рекогносцировки были рассмотрены вопросы взаимодействия фронта с Юго-Западным фронтом, увязана техника встречи передовых частей в районе Калача, взаимодействие частей после завершения окружения и другие проблемы предстоящей операции.

После этого были рассмотрены армейские планы, о которых докладывали командующие армиями и командиры корпусов.

Вечером 11 ноября я сообщил Верховному по «Бодо»: «В течение двух дней работал у Еременко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану»... *(Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 3 т. 10-е изд., доп. М.: Изд-во АПН, 1990. Т. 2. С. 330-331).

[3] По этому поводу А. И. Еременко пишет: «Параллельно с проведением Котельниковской операции планировался разгром окруженных войск...

Уже к концу декабря были подготовлены и спланированы оперативные мероприятия по выполнению этой задачи. Они, естественно, связывались с изменившейся обстановкой на котельниковском направлении, где противнику к этому времени было нанесено решающее поражение, и он вынужден был отходить под ударами наших войск в юго-западном направлении. Главной задачей 62, 64 и 57-й армий в этой связи являлось в тесном взаимодействии с Донским фронтом уничтожить окруженную группировку противника под Сталинградом...

Однако в разгар наших подготовительных мероприятий стало известно, что ликвидация окруженной группировки возложена на Донской фронт, в состав которого было приказано передать три сталинградские армии (62, 64 и 57-ю)...

Это решение было для нас полной неожиданностью. Обычно подобные решения (изменение основной задачи фронта, его реорганизация) согласовывались с командованием фронта; во всяком случае запрашивалось мнение командующего фронтом и члена военного совета. На этот раз нам был сразу предъявлен к исполнению соответствующий приказ Верховного Главнокомандующего» *(Еременко А. И.* Указ. соч. С. 424, 426).

Вот как излагает обстоятельства появления этого приказа Г. К. Жуков: «Ставка Верховного Главнокомандования... принимала меры к тому, чтобы быстрее покончить с окруженной группировкой и высвободить войска двух фронтов, необходимые для быстрейшего разгрома отходящих войск с Кавказа и на юге нашей страны.

Верховный всемерно торопил командующих фронтами.

В конце декабря в Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение дальнейших действий.

Верховный предложил:

- Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствовавшие члены ГКО поддержали это мнение.

- Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

- А вы что молчите? - обратился Верховный ко мне. - *Или вы не имеете своего мнения?* (Здесь И далее курсивом выделен текст, восстановленный по рукописи автора при переиздании книги.-А. П.).

- На мой взгляд, оба командующих достойны,- ответил я. - Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

- Сейчас не время обижаться, - отрезал И. В. Сталин и приказал мне:

- Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны.

В тот же вечер я позвонил А. И. Еременко по ВЧ и сказал:

- Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить Рокоссовскому, для чего 57, 64 и 62-ю армии Сталинградского фронта вам следует передать в состав Донского фронта.

- Чем это вызвано? - спросил А. И. Еременко.

Я разъяснил ему, чем вызвано такое решение.

Все это, видимо, расстроило Андрея Ивановича, и чувствовалось, что он не в состоянии спокойно продолжать разговор. Я предложил ему перезвонить мне позже. Минут через 15 вновь раздался звонок:

- Товарищ генерал армии, я все же не понимаю, почему отдается предпочтение командованию Донского фронта. Я вас прошу доложить товарищу Сталину мою просьбу оставить меня здесь до конца ликвидации противника.

На мое предложение позвонить по этому вопросу лично Верховному А. И. Еременко ответил:

- Я уже звонил, но Поскребышев сказал, что товарищ Сталин распорядился по всем этим вопросам говорить только с вами.

Мне пришлось позвонить Верховному и передать разговор с А. И. Еременко. И. В. Сталин меня, конечно, отругал и сказал, чтобы немедленно была дана директива о передаче трех армий Сталинградского фронта под командование К. К. Рокоссовского.Такая директива была дана 30 декабря 1942 года» *(Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 352-353).

[4]В связи с утверждением А И. Еременко о том, что Сталинградскому фронту принадлежит главная роль в победе наших войск в Сталинградской битве, нельзя не принять во внимание мнение Г. К. Жукова, считавшего иначе. Отмечая в «Воспоминаниях и размышлениях», что о плане контрнаступления под Сталинградом и ходе операции в нашей военно-исторической литературе написано много и в основном правильно, он далее пишет: *«Исключение, на мой взгляд, составляют работы А. И. Еременко, который необъективно изложил роль фронтов в контрнаступлении. В связи с чем считаю себя обязанным кратко осветить и эту сторону дела»* (примечательно, что эти две фразы появились только в десятом издании мемуаров Г. К. Жукова, дополненных по рукописи автора *(Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 326).

[5]В Ставке ВГК сложилось другое мнение о целесообразности предложения штаба Сталинградского фронта.

Г. К. Жуков отмечает: «Гитлеровское военно-политическое руководство после полного провала попыток деблокады видело главную задачу уже не в том, чтобы спасти окруженные и обреченные на гибель свои войска, а в том, чтобы заставить их дольше драться в окружении, сковать советские войска. Им необходимо было выиграть максимум времени для отвода своих войск с Кавказа и переброски сил с других фронтов для создания нового фронта, способного в какой-то степени остановить наше контрнаступление» *(Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 351-352).

[6]Н. С. Хрущев был в тот период членом военного совета Сталинградского фронта.

[7]О натянутых отношениях Г. К. Жукова и А. И. Еременко свидетельствует, в частности, тот факт, что Жуков во многом на него возлагает ответственность за катастрофическое развитие событий на Юго-Западном фронте летом 1941 г., когда киевская группировка наших войск оказалась окруженной. Анализируя в «Воспоминаниях и размышлениях», почему И. В. Сталин не последовал его рекомендации о быстрейшем отводе всех войск правого крыла Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра ввиду реальности прорыва на центральном направлении и выхода врага в тыл киевской группировке, Жуков подчеркивает: негативную роль сыграли, в частности, клятвенные заверения А. И. Еременко, что Брянский фронт под его командованием разгромит противника, не допустит такого поворота событии. Он передает свой

разговор с начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым 21 августа 1941 г.: «Лично я... считаю, что формируемый Брянский фронт не сможет пресечь возможный удар центральной группировки противника, - [сказал Б. М. Шапошников]. - *К сожалению...* генерал-лейтенант Еременко в разговоре со Сталиным *клялся* разгромить противника, действующего против Центрального фронта...

Я знал, что собой представляют в боевом отношении войска создаваемого в спешке Брянского фронта, и поэтому счел необходимым еще раз весьма настоятельно доложить по ВЧ Верховному Главнокомандующему о необходимости быстрейшего отвода всех войск правого крыла Юго-Западного фронта...

С моей рекомендацией и на этот раз не посчитались...

Как известно, войска Юго-Западного фронта в скором времени тяжело поплатились за это решение *Верховного,* которое было *построено на несерьезных заявлениях» (Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 131).

[8] 2-я гвардейская армия под командованием Р. Я. Малиновского сыграла важную роль в предотвращении попытки группы армии «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна деблокировать сталинградскую группировку ударом из района Котельникова. «...Противник находился в 40 километрах от Сталинграда, и ему, видимо, казалось, что победа близка и реальна, - пишет Г. К. Жуков. - Но это были преждевременные надежды. Согласно указаниям Ставки А. М. Василевский подтянул и ввел здесь в сражение усиленную 2-ю гвардейскую армию генерала Р. Я. Малиновского, хорошо оснащенную танками и артиллерией, удар которой окончательно решил участь сражения в пользу советских войск» *(Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 348).

[9] Ввиду резкого ухудшения здоровья А. И. Еременко в январе 1943 г. обратился к Верховному Главнокомандующему с рапортом о предоставлении ему отпуска для лечения.

[10] За победу в Сталинградском сражении А. И. Еременко наряду с А. М. Василевским, Н. Н. Вороновым, Н. Ф. Ватутиным, К. К. Рокоссовским наградили орденом Суворова I степени. Орден Суворова I степени № 1 был вручен Г. К. Жукову.

[11] О том, как принималось решение о сроках перехода в наступление войск фронтов, участвовавших в Сталинградской операции, Г. К. Жуков пишет: «14 ноября я вновь был в войсках Н. Ф. Ватутина, А. М. Василевский - у А. И. Еременко. На следующий день я получил от И. В. Сталина нижеследующую телеграмму:

«Товарищу Константинову (псевдоним Г. К. Жукова.-А. П.)

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова (срок начала наступления фронтов Н. Ф. Ватутина и А. И. Еременко. - А. П.) можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев (псевдоним И. В.Сталина.-А. П.)

13 часов 10 минут

15.11.42 г.»

Переговорив с А. М. Василевским, мы назначили срок перехода в наступление для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, для Сталинградского фронта - 20 ноября. Верховный утвердил наше решение» *(Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 334-335).

О предложении А. И. Еременко разнести на два дня сроки перехода фронтов в контрнаступление Г. К. Жуков не упоминает. Разницу в один день Георгий Константинович объясняет тем, что перед Юго-Западным фронтом стояли более сложные задачи, он находился на большем удалении от района Калач - хутор Советский, и ему предстояло форсировать Дон.

[12]В «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жуков, избегая резких оценок и не акцентируя внимания на личностях, ведет с А.И.Еременко и некоторыми другими полководцами подкрепленный аргументами спор о том, кому же все-таки принадлежит авторство замысла Сталинградской победы: *«Одно время в печати и различных высказываниях* появилась некоторая неясность, кто же все-таки является автором плана такого значительного по своим масштабам, эффекту и результатам контрнаступления?

При жизни И. В. Сталина версия была одна: все приписывалось его гению. После смерти И. В. Сталина претендентов на авторство появилось больше, чем следует...

Имели место... высказывания, что 6 октября 1942 года военный совет Сталинградского фронта *в лице генерал-полковника А. И. Еременко и члена военного совета Н. С. Хрущева* направил в Ставку свои предложения по организации и проведению контрнаступления по собственной инициативе.

На это дает ответ А. М. Василевский:

«С рассветом 6 октября мы вместе с И. Н. Вороновым и В. Д. Ивановым... отправились на НП 51-й армии (входила в Сталинградский фронт. - А. П.)... Здесь мы заслушали доклад командарма Н. И. Труфанова. В тотже вечер на КП фронта, встретившись с командующим войсками и членом военного совета (А. И. Еременко и Н. С. Хрущевым. - А. П.), мы еще раз обсудили предложенный Ставкой план предстоящего контрнаступления п, так как никаких принципиальных возражении у командования фронта план не вызывал, подготовили в ночь на 7 октября на имя Верховного Главнокомандующего соответствующее донесение...»

...Данные, изложенные им (А. М. Василевским. - А. П.), убеждают, что главная роль в планировании контрнаступления принадлежит Ставке и Генеральному штабу...

О чем здесь необходимо сказать, так это о том, что каждый командующий фронтом, разрабатывая план действий вверенного ему фронта, согласно существующей практике и порядку, докладывал его на утверждение Ставки в Москве или ее представителям на месте и при этом, естественно, излагал свои соображения о взаимодействии с соседями и просьбы к Ставке.

Чтобы разработать такую крупнейшую стратегическую операцию, как план наступления трех фронтов в районе Сталинграда, нужно было основываться не только на оперативных выводах, но и на определенных материально-технических расчетах.

Кто же мог производить конкретные расчеты сил и средств для операции такого масштаба? Конечно, только тот орган, который держал в руках эти материальные силы и средства. В данном случае это могли быть только Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб.

Вполне естественно, что Ставка и Ген[еральный] штаб в процессе боевых действий тщательно изучали разведывательные данные о противнике, поступавшие от фронтов и войск, анализировали их и делали выводы о характере действий противника и своих войск. Они изучали соображения штабов, командующих фронтами, видами вооруженных сил и родами войск и, анализируя все эти данные, принимали то или иное решение.

Следовательно, план проведения операции стратегического масштаба мог возникнуть в полном объеме только в результате длительных усилий войск, штабов и командования всех степеней.

Еще раз повторяю: основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу» *(Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 324-326).

[13] Голиков Филипп Иванович (1900-1980) - Маршал Советского Союза (1961). Перед Великой Отечественной войной заместитель начальника Генерального штаба - начальник Главного разведуправления. В период войны командовал 10-й и 4-й ударной армиями, Брянским и Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией. С апреля 1943 г. заместитель наркома обороны СССР по кадрам, с мая 1943-го - начальник Главного управления кадров МО СССР. В 1958-1962 гг. начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Примечания подполковника А. В. ПРОНИНА

ВИЖ №6 1994

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1994. № 3 - 5.

Год 1943-й: «Удивительная бездарность фашистского командования»

[После 25 апреля 1943 года]

29 апреля 1943 года в 15 часов я подписал рапорт о принятии Калининского фронта от товарища Пуркаева.

7 мая 1943 года, Калининский фронт

Все дни с 1 по 7 мая ездил по армиям, изучал войска, командиров, оперативное положение и т. д.

Командарм Галицкий[1] и его [3-я ударная] армия произвели хорошее впечатление.

Командарм 43 А Голубев[2], старый знакомый по Брянскому фронту, он был снят [мной] с 13-й армии. Доклад о состоянии войск очень сумбурный и нелогичный, трудно понять состояние дел. Товарищ Голубев заметно волновался, с него градом лился пот.

6 мая 1943 года на Калининский фронт приехала комиссия ГКО во главе с товарищем Щербаковым[3] (секретарь ЦК и начальник [Главного] политуправления). Цель приезда - проверка и наведение порядка в снабжении и обеспечении войск, так как случались большие перебои в питании, люди недоедали из-за плохой организации снабжения, за что и сняли Пуркаева. В первом квартале 1943 года было 76 случаев смерти от истощения.

В связи с этим проходила конференция врачей. Некоторые медики, в том числе и начальник санупрфронта, доказывали, что наш паек плохой - мало калорий, из-за этого солдаты болеют дистрофией и умирают. Эту вредную теорию мы разбили. Организовали нормальное снабжение, контроль за сохранностью продуктов, и дело пошло на лад.

Комиссия [ГКО] провела совещание с начальниками тылов дивизии, армий и другими хозяйственными работниками и установила большую [неразбериху] в организации снабжения и в особенности в подвозе [продуктов]. Из-за этого были большие перерывы в питании, кроме того, продукты расхищались, и люди голодали.

В день отъезда комиссии я пригласил товарищей Щербакова, Хрулева, Кузнецова и членов военного совета к себе на ужин. Мы говорили о служебных делах, а потом перешли на другое. Когда зашла речь о культуре, я воспользовался случаем и попросил товарища Щербакова (знал, что он в этих вопросах силен) прослушать пару глав из поэмы «Сталинград», которую только что написал в санатории Цхалтубо. Он и другие товарищи с удовольствием прослушали мое чтение двух глав: «Город в огне» и «Мамаев курган». Все высказали одобрение, а товарищ Щербаков сказал: «Написана хорошо, с душой, написана кровью. Некоторые места нужно доработать и послать в Москву...»

Я поблагодарил товарища Щербакова за высокую оценку и дал обещание выполнить его, секретаря ЦК, указание.

23 мая 1943 года, Калининский фронт

Весь май был загружен работой по изучению войск. Я лично, через своих заместителей и работников штаба фронта проверял ход боевой подготовки, состояние оборонительных полос, материально-техническое обеспечение, питание и др. Нужно откровенно сказать, что по главным вопросам запущенность большая.

Я потребовал от командармов, командиров корпусов и дивизий повысить требовательность к себе и подчиненным, усилить руководство войсками, контроль и [проверку] исполнения. Навести порядок в организации питания. Усовершенствовать и укрепить полосы обороны. Отрыть окопы полного профиля, ходы сообщения, построить на каждый взвод блиндаж в 5 - 6 накатов, с таким расчетом, чтобы его не могла пробить полевая артиллерия противника. Лучше организовать боевую подготовку войск, повысить ее качество. Командирам корпусов и дивизий лично провести в каждом соединении показательные учения на тему «Батальон в наступлении при прорыве оборонительной полосы противника». Поднять действенность и результативность разведки.

За 18 - 20 дней моего пребывания на Калининском фронте проведена большая работа:

1. Составлен оперативный план обороны фронта и армии, в котором предусмотрено совершенствование группировки войск, усиление наших позиций в тактическом отношении; для этого намечено захватить у противника ряд высот.

2. Для более эффективного использования [инженерной] службы созданы специальные минно-заградительные бригады в составе резервных войск фронта.

3. Налажена служба тыла. Главной причиной плохого питания людей были перебои в подвозе продовольствия. [В армейских уставах не зря говорится], что [доставка] всех грузов идет сверху вниз: фронт подает армиям, армии - корпусам, дивизиям, дивизии - полкам. Эта совершенно правильная система была сломана, а [существовала] такая практика: каждая дивизия [отправляла] свой транспорт на армейские склады и сама доставляла себе продовольствие и другие грузы. На такой [интенсивный] подвоз дивизионный транспорт не рассчитан, он работал с перегрузкой и не справлялся, а учитывая еще и бездорожье в тылах Калининского фронта, совсем «зашился».

[Поэтому] части [действующей армии] нередко вынуждены были делить суточный паек на несколько дней, и люди недоедали. К сожалению, некоторые командиры, [одни] по халатности, другие по нерадивости уделяли мало внимания вопросам питания, не понимая значения, которое [оно] оказывает на моральное состояние войск, солдатское настроение, формирование бодрости и задора.

В связи с этим мне хотелось бы сказать, что я обнаружил в 43-й армии. Командующий армией генерал-лейтенант Голубев вместо заботы о войсках занялся обеспечением своей персоны. Он держал для личного довольствия одну, а иногда и две коровы (для производства свежего молока и масла), три - пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал.

Наши кадровики очень плохо зна[ют] людей и часто, к сожалению, формально подходит к подбору высших командных кадров.

Когда мы в академии изучали русско-японскую воину, то от души смеялись над генералом Сахаровым, который возил в теплушке корову, чтобы пить парное молоко. А теперь у нас еще похлеще Сахарова оказался генерал Голубев. Смех и горе.

Может ли быть хороший воин из этакого генерала? Никогда! Ведь он думает не о подчиненных, не о Родине, а о своем брюхе. Ведь подумать только - он весит 160 кг.

Нужно сказать еще об одном [генерале]. При проверке 39-й армии обнаружено, что ее командарм генерал Зыгин[4] страшно растранжиривал продовольствие. Просто диву даешься, как люди теряют честь командирскую и совесть партийную. Зыгин перебрал одной водки 310 литров (по литру в день выпивать, и то на год хватит), а таких продуктов, как колбаса, масло, сыр, сахар и другие, брал без счета. Все это делалось в условиях, когда и в стране трудновато с продовольствием, и в войсках не налажено снабжение.

Такие люди, как Голубев и Зыгин, в делах ничтожны, это обжоры и обыватели, они случайно попадают на [высокие] должности и бесславно с них уходят.

Сегодня мне доложили, что наши саперы, действующие в тылу противника, взорвали около двадцати эшелонов врага с разными грузами. Приказал представить к орденам и медалям отличившихся в операции «Эшелонная война».

Поздно вечером принял решение создать четыре инженерно-минных полка с постоянным запасом мин в каждом по 2000 штук. Полки держать в моем резерве как подвижные средства заграждения и использовать их для уничтожения наступающих танков противника, в случае нашего наступления [применять] для прикрытия флангов наступающей группировки и против контратакующих танков.

На сон грядущий беседовал с товарищем Хлебниковым Николаем Михайловичем. Он удивил меня. Оказалось, плохо знает наше новое оружие, еще хуже знает оружие врага, понятия не имеет о шестиствольных минометах фашистов. В этой беседе Хлебников не раз краснел.

Большие наши генералы заболели барством, не трудятся над собой и людей плохо учат. Как можно побеждать врага, не зная его сильных и слабых сторон, не зная своей техники, ее возможностей?! С такими знаниями победы не одержать.

Хлебников - большой говорун и непревзойденный хвастун. Язык подвешен хорошо. Много врет, но складно. Его нужно проверять на каждом шагу.

27 мая 1943 года, Калининский фронт

Во время проведения проверки мы обнаружили, что масса людей под разными предлогами осела в тыловых учреждениях и госпиталях. По этому поводу, а также по вопросу [организации] питания проводил вчера совещание. Как раз подоспело постановление ГКО, вынесенное на основании материалов проверки фронта комиссией Щербакова. В нем резко осуждались диктат и плохая работа товарища Пуркаева; начальник тыла товарищ Смокачев снят с должности и отдан под суд; начальники тылов 39-й и 43-й армии сняты с должностей и понижены в званиях; Пуркаеву и члену военного совета Леонову объявлены выговоры. Покритиковали очень хорошо, иначе и нельзя. Нельзя мириться с теми руководителями, которые не проявляют заботу о человеке. Таким командирам грош цена.

На этом совещании я резко поставил вопрос о немедленном очищении тылов. Ни один человек сверх штата не должен оставаться в тылах... Будет проверяться, [почему часть, подразделение не укомплектованы до) штатной численности.

7 июня 1943 года, Калининский фронт

1, 2 и 3 июня работал в 3-й ударной армии. Знакомился с организацией обороны, с командирами полков и дивизий. Что характерно для большинства командиров? [Они] плохо [изучили] противника на своих участках и, к сожалению, не знают боевых и технических свойств нашей артиллерии, новых боеприпасов (кумулятивных, подкалиберных, бронебойных и т. д.), а о «катюшах» так сказали: «Они стреляют электричеством, а не порохом». Не знают, как [ставятся минные] поля, [не имеют представления об] основных [тактико-технических] данных вооружения противника.

4, 5 и 6 июня был в 4-й ударной армии. Такая же картина. Очень плох артиллерийский огонь. Нельзя сосредоточить [его] на важном направлении. Не случайно, что противник без особой натуги захватил на участке 3-й ударной армии высоту Птахино и лишил нас очень важного узла сопротивления и наблюдательного пункта.

Дело в том, что во время атаки противника на эту высоту наша артиллерия только одной батареей вела огонь, а при хорошей организации его могут вести 10 - 12 батареи, перемещая огневые позиции. Это, конечно, недоработка товарища Галицкого...

24 июня 1943 года, [Калининский фронт]

Был в армейских госпиталях. Мало проявляется заботы о [людях], и прежде всего плохо кормят.

Основная дорога Нелидово - Белый в очень плохом состоянии. [Беда] 39-й армии - малая подвижность ее командующего товарища Зыгина. Он редко бывает в войсках, многих вопросов не знает. Низкая требовательность к себе и подчиненным; не вникает в организацию артиллерийского огня...

Командующий 43-й армией Голубев, снятый мною с 13-й армии на Брянском фронте, теперь здесь творит «чудеса». Что я установил? КП Голубева, как трусливого человека, размещен в 25 - 30 км от переднего края и представляет собой укрепленный узел площадью 1-2 гектара, обнесенный в два [ряда] колючей проволокой. Посередине - новенький рубленый, с русской резьбой пятистенок (прямо-таки боярский теремок). В доме четыре комнаты, отделанные по последней моде, и подземелье из двух комнат, так что хватает помещений и для адъютантов, и для обслуживающих командующего лиц.

Кроме этого, построен домик для связных, ординарцев, кухни и охраны. Подземелье и ход в него отделаны лучше, чем московское метро.

|Построен] маленький коптильный завод. Голубев очень любит копчености: колбасы, окорока, а в особенности рыбу, держит для этого человека, хорошо знающего ремесло [копчения].

Член военного совета армии Шабалов не отставал от командующего.

На это строительство затрачено много сил и средств, два инженерных батальона почти месяц трудились, чтобы возвести такой КП. Это делалось в то время, когда чувствовалась острая нехватка саперных частей для производства [инженерных] работ на переднем крае.

Этот штрих [ярко] характеризует этих горе-руководителей.

Шабалов по приказу должен заниматься тылами, но ему некогда, и тылы запущены, особо плохо выглядят дороги.

В то время, когда я приехал в [43-ю] армию, произошел возмутительный случай на участке 306 сд. Из-за слабой дисциплины и пониженной бдительности противник внезапно ворвался в наши окопы, захватил в плен девять красноармейцев и три пулемета. Я побывал на месте [происшествия] и установил, что оборона очень плохо организована и не прикрыта заграждениями. Окопы мелкие, ходов сообщения нет. Из всех армий хуже всего в 43-й поставлена разведка; около трех месяцев армия не берет пленных.

Голубев - высшей марки перестраховщик, он на каждый случай страхует себя документами и справками. Это скользкий человек и опасный...

В этой армии по его примеру от командарма до командиров частей каждый имеет свою личную кухню и большое количество людей, прикомандированных для обслуживания. Я там, конечно, навел порядок и приказал командующему и члену [военного совета], чтобы все мои замечания, которые здесь сделал, были немедленно учтены, в противном случае будут приняты очень строгие меры.

Тяжело такие факты писать даже в дневник, но история требует правды и только правды, какая бы она ни была горькая.

Вчера проводили операцию по захвату высоты Птахино. Дело вот в чем. Противник в районе [города] Великие Луки захватил у нас высоту. И вот в отместку я решил проучить фашистов. Выбрал лучший участок в обороне противника, которым была высота Птахино (она занималась батальоном). Рано утром после 20-минутного артиллерийского налета полк товарища Романенко при поддержке танкового батальона захватил [эту] высоту, сильно укрепленную. Через два часа противник начал контратаку, [которая] была отбита с большими потерями для него. Еще спустя два часа [была предпринята] новая контратака. Она тоже была [отражена], и так шесть дней противник атаковал высоту, по два-три раза в день. Враг так и не смог ворваться на высоту. Здорово проучили фашистов; они понесли большие потери в людском составе и технике.

Много семей комсостава приехало к офицерам - народ начал перестраиваться на мирный лад. Это очень плохо влияло на боеспособность войск, пришлось принимать меры по удалению непрошеных гостей.

4 июля 1943 года, [Калининский фронт]

Время летит своим чередом... Все ожидали, что летом развернутся большие события, перейдем в наступление. Весна прошла, лето в разгаре, а событий нет и нет. Я держался и сейчас держусь [такого] мнения о возможности немецкого наступления. Немцы уже проиграли войну. Сталинград был поворотным пунктом, и сейчас фашисты если где и затевают короткое наступление, так это для того, чтобы поднять свой пошатнувшийся престиж и показать, что они еще сильны и все будут делать для того, чтобы свести войну к ничейному концу.

А [мощного удара] они не в силах организовать. Организовать [его] - значит идти ва-банк, [решиться] на последнюю авантюру. Вывод: фашистская стратегия зашла в тупик и выход из него один - безоговорочная капитуляция.

Поражение неизбежно, но стратегическая оборона (эластичная), которую принял Гитлер на 1943 год, может оттянуть на некоторое время гибель фашизма. [На это направлены] все драконовские меры, которые принимает сейчас фашистское командование.

5 июля 1943 года, [Калининский фронт]

Уже несколько дней идут бои в районе высоты Птахино, о чем я говорил выше. Полк товарища Романенко из 46 гв. сд отбивает [одну] атаку за [другой], уже отражено около 30 атак. Немцы оказались страшными идиотами. Я специально подготовил захват высоты, чтобы перемолоть врага. С нашей стороны работает около 30 батарей и все [усилия] противника разбиваются вдребезги. Получилось, как мы и предполагали. Уже убито более 2000 человек, а враг продолжает атаковать. Удивительная бездарность фашистского командования.

Вчера произошел исключительный случай. Наша рота 234-й стрелковой дивизии внезапно, без выстрелов, атаковала село Никольское, которое оборонял противник двумя ротами. Результаты: убито 60 солдат противника, захвачено в плен 9, остальные бежали с позором. Качество немецкого солдата резко упало, его моральный дух подорван. Надвигается катастрофа.

8 июля 1943 года, [Калининский фронт]

5 июля противник перешел в наступление на брянско-курском и белгородско-харьковском направлениях. За три дня наступления, несмотря на применение крупных танковых сил («королевских тигров»), враг не добился успеха; всего продвинулся на белгородском направлении на 30-35 км; на орловском - на 7-8 км.

Сегодня смотрел размещение штаба фронта. В землянках разведотдела страшная сырость, на пишущие машинки течет, грязно. Офицеры в рабочее время играют в шахматы, в помещении накурено, все в дыму, как в тумане. Я их здорово постыдил.

В 12 часов получил из Генерального штаба план и программы показа частей 3-й ударной армии английской миссии, которая прибывает на фронт на самолете и сделает посадку на аэродроме в г. Торопце.

По этому случаю я дал указания командующему 3-й [ударной] армией товарищу Галицкому.

19 июля 1943 года, [Калининский фронт]

С 11 по 14 июля находился в 4-й ударной армии, проверял боевую подготовку штрафных рот и батальонов.

Как они попали к нам на Калининским фронт? Как-то позвонил мне заместитель начальника Генерального штаба товарищ Антонов[7] и говорит: «По решению ГКО мы формируем штрафные роты из людей, которые осуждены на длительные сроки и находятся в заключении. Не желаете ли принять 15 - 20 таких рот?» «Прошу дать подумать часок», - сказал я. «Хорошо», - ответил [Антонов] и добавил, что если штрафники будут хорошо воевать, судимость с них снимут, а [тех,] кто отличится в боях, представят к наградам наравне со всеми. Я подумал, что это такой народ, [которому] море по колено, могут и перебежать на сторону противника, но могут и хорошо воевать, им терять нечего. Решил взять их. И мне прислали 20 рот, я направил их в две армии и определил программу боевой подготовки на 20 дней. По истечении этого срока приехал проверить и побеседовать о правах и обязанностях бойцов. Подготовка оказалась слабой, плохо стреляли. Продлил учебу еще на неделю.

16 - 18 июля 1943 г. [находился] в Москве, два раза был на приеме у Сталина: 17 июля в 23.00 и 18 июля в 2.00, вернее, это уже было 19-го. Присутствовали: Молотов, Маленков, Берия и от Ген[ерального] штаба Антонов. Обсуждал-

Генерал–полковник А. И. Еременко награждает отличившихся воинов разведывательного подразделения. 1943 год.

ся вопрос о наступлении Калининского фронта левым крылом на Смоленск. [Я] увязывал свои действия с Западным фронтом.

Настроение у Сталина было очень хорошее; принял меня он ласково. Был в форме Маршала Советского Союза. В первый раз я видел его в военной форме.

19 июля утром вылетел из Москвы и к своему прилету вызвал на КП фронта командармов. Провел с ними совещание о предстоящей операции. От 3-й и 4-й ударных армии я брал по одному стрелковому корпусу и передавал их в 39-ю армию. Но предупредил командармов, что о намеченном операции знают только они, больше никто не должен быть посвящен в эту тайну.

22 июля 1943 года, КП [Калининского] фронта

Сегодня всю ночь не спал, вырабатывал решение и составлял наметки плана Смоленской операции. В 12 часов 22 июля в присутствии начальника штаба фронта, командующего артиллерией, командующего бронетанковыми войсками, начальника тыла, начальника оперативного отдела штаба фронта и члена военного совета я изложил наметки своего решения и дал указания на разработку плана операции, ее материальное обеспечение и подготовку войск.

25 июля 1943 года, [Калининский фронт]

Последние дни непрерывно идут ливневые дожди. Дороги совершенно раскисли и стали малопроезжими; на некоторых участках колеи залиты водой или [размыты]. Все это затруднило подготовку Смоленской операции.

После того как принято решение о ее проведении, она не выходит у меня из головы. Я каждый день занимаюсь тем, что разрабатываю отдельные детали, [рассчитываю] плотность артиллерийского огня, совершенствую группировку [войск для] главного удара, готовлю подвижные группы развития успеха.

28 июля 1943 года, [Калининский фронт]

Проверял сосредоточение войск на участке 39-й армии. Оно [отстает от] графика на два-три дня из-за дождей, которые шли до 26 июля. Вода в реках поднялась на 2 метра, снесло много мостов.

27 июля стояла летная погода, противник вел усиленную воздушную разведку и, несмотря на принятые меры маскировки, кое-что заметил на грунтовых и железных дорогах.

28 июля в 7 часов противник бомбил станции Пречистое и Ломоносово, на станции Ломоносово разбил: 6 пустых вагонов, 2 со снарядами, 1 [с боеприпасами для «катюш»], паровоз, 2 грузовые машины, разрушил 150 м пути. Убито 22 человека и 25 - 30 ранено. С 28 июля противник значительно поднял активность своей разведки.

Для дезориентации противника мы [направили] 8-й эстонский стрелковый корпус на Великие Луки. Этот корпус пригоден как раз для того, чтобы издали показывать врагу, в серьезный бой его пускать нельзя. Он мало боеспособен...

Дезориентация, которую проводили, необходима нашему фронту, так как мы [стремились] привлечь особое внимание [немцев] к этому направлению. [Надо было] заставить врага не только снять войска с [других участков фронта], но и подтянуть туда свежие резервы.

Как мы предполагали, так и получилось. Уже 26, 27 и 28 июля противник проявил некоторую активность наземной и воздушной разведки, особенно привлекал [его] район г. Торопца, откуда выдвигался 8-й эстонский стрелковый корпус. [Фашисты] нервничали, усиливали ночную стрельбу.

3 августа 1943 года, [Калининский фронт]

Уже четвертый день, как нахожусь в 39-й армии, веду подготовку ее к наступлению. Провел совещание с командирами 83-го, 84-го и 2-го гвардейского стрелковых корпусов, начальниками артиллерии корпусов, начальниками штабов, оперативных и разведывательных отделов. Заслушал решения комкоров, некоторых начальников артиллерии... В заключение сделал некоторые замечания по решениям командиров корпусов и подробно изложил метод артиллерийской подготовки и артиллерийского сопровождения атаки: вначале 5-минутный огневой налет из орудий всех видов, затем 20-минутная артиллерийская подготовка, [потом] вступает в бой артиллерия прямой наводки и ведет огонь 10 минут. В это время артиллерийская подготовка продолжается, но огонь уже ведется не по первой траншее, а по второй и третьей, а первую траншею обрабатывает артиллерия прямой наводки. Артиллерия сопровождает пехоту с

А. И. Еременко с супругой и офицерами для поручений. Фотоснимок сделан около 1943 – 1944 гг.

Командующий Юго–Восточным фронтом генерал–полковник А. И. Еременко и член военного совета фронта

Н. С. Хрущев в одной из частей 64–й армии перед контрударом в районе Абганерово. Август 1942 г.

начала [атаки] до первой траншеи, потом до второй и так далее. Дал указания насчет усиления разведки и принятия самых строгих мер по маскировке.

4 августа 1943 года, [Калининский фронт]

3 августа побывал в 43-й армии, заслушал решения командарма и командиров 306-й и 179-й дивизий. Решения соответствовали моему замыслу. С небольшими поправками утвердил их и дал ряд указаний по разведке, артподготовке и [проведению] атаки.

Я еще раз убедился, что товарищ Голубев большой формалист. Всякую работу он выполняет без души, без задора и огонька, а главное, без уверенности в успехе. Этого человека нужно держать в ежовых рукавицах и постоянно нажимать на него, иначе провалит дело. Голубев очень плохой командующий. При первой возможности нужно избавиться от него. Несчастны те, кем он командует.

Есть люди, которые своим поведением, грубостью, трусливостью и жадностью вызывают отвращение и начальства, и подчиненных. Вот к какой категории относится товарищ Голубев. О нем [недаром] разговоры идут: ехидный, жадный, хитрый, большой плут, строптивый барин. Не любит работать, даже то, что сам должен делать, перекладывает на [других]. Вот так примерно говорит о нем народ, а он всем нам судья.

Сегодня был в 4-й ударной армии. Лично, с глазу на глаз, изложил командующему товарищу Швецову[8] , свое совершенно секретное решение на проведение Велижско-Демидовской операции, которая должна начаться сразу же после успешного [завершения] Духовщинско-Смоленской [9].

Я дал исчерпывающие указания на подготовку операции, указал направления ударов, ближайшую и [последующую] задачи. «За два дня до начала наступления вы получите приказ», - сказал я в заключение товарищу Швецову.

Он производит хорошее впечатление, толковый и требовательный командир.

5 августа 1943 года, [Калининский фронт]

Начало нашего наступления в районе Курска, успешные действия на Западном, Брянском, Центральном и Воронежском фронтах создали благоприятную обстановку для наступления на Калининском фронте.

Была разработана Духовщинско-Смоленская операция по заданию Верховного Главнокомандования, кроме того, я по собственной инициативе разработал охватывающие операции: Велижско-Демидовскую и Невельскую[10], которые намечено было проводить после Смоленской.

В начале августа товарищ Сталин принял решение выехать лично на Калининский фронт, чтобы разобраться на месте [в обстановке] и утвердить план Духовщинско-Смоленской операции».

Публикация Н. И. ЕРЕМЕНКО

Фото из архива автора

ПРИМЕЧАНИЯ

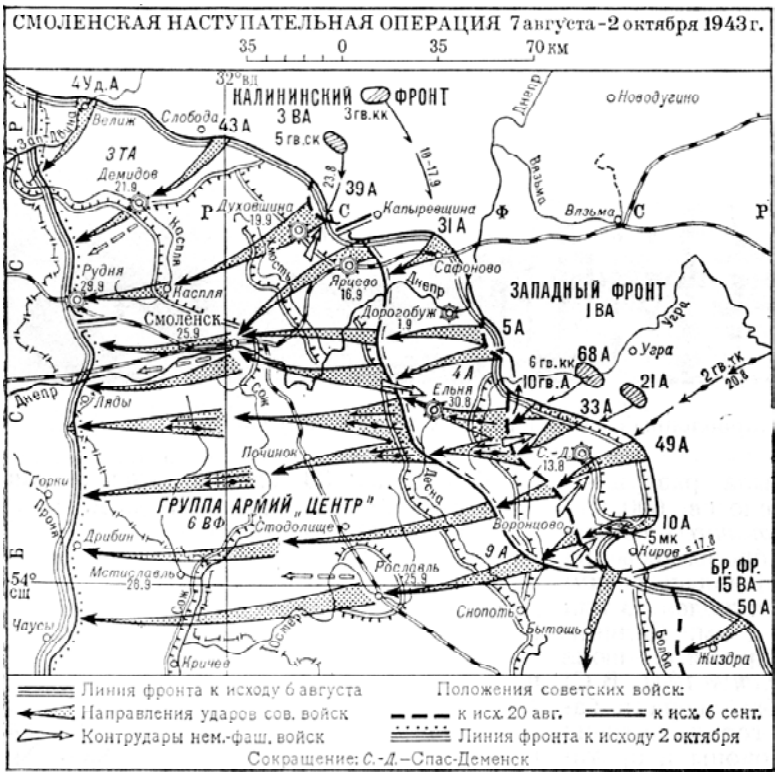
[1]Галицкий Кузьма Никитович (1897 - 1973) - генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1945). Окончил Военную академию имени М. И. Фрунзе (1927). В Великую Отечественную войну командир дивизии, корпуса, заместитель командующего армией. С 1942 г. командующий 3-й ударной, а в последующем (в 1943 г.) - 11 -й гвардейской армиями. После войны командовал войсками ПрикВО, ОдВО, ЗакВО и СРВ.

[2] Голубев Константин Дмитриевич (1896 -1956) - генерал-лейтенант (1942). Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1926), Военную академию Генерального штаба (1938). В Великую Отечественную войну командовал 13-й и 43-й армиями, с 1944 г. заместитель, затем первый заместитель уполномоченного СНК (Совета Министров СССР) по делам репатриации советских граждан. В 1949 - 1953 гг. преподаватель Военной академии Генерального штаба.

[3] Щербаков Александр Сергеевич (1901 -1945) - советский партийный и государственный деятель, генерал-полковник (1943). С июня 1942 г. - начальник Главного политического управления, заместитель наркома обороны СССР, начальник Совинформбюро.

[4] Зыгин Алексей Иванович (1896 - 1943) - генерал-лейтенант (1943). Окончил курсы «Выстрел» (1928). В Великую Отечественную войну командовал стрелковой дивизией, 58, 39 и 4-й гвардейской армиями. Погиб в бою.

[5] Хлебников Николай Михайлович (1895 -1981) - генерал-полковник артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1945). Окончил артиллерийское училище (1916), Военную академию Генерального штаба (1952). В Великую Отечественную войну начальник артиллерии армии,



с 1942 г. командующий артиллерией Калининского, затем 1-го Прибалтийского фронта и Земландской оперативной группы войск 3-го Белорусского фронта. После войны командующий артиллерией военного округа, начальник кафедры Военной академии Генерального штаба, в 1956 -1960 гг. старший военный советник в Китае.

[6] Леонов Дмитрий Сергеевич (1899 - 1981) -генерал-лейтенант (1942). Окончил курсы высшего политсостава при Военно-политической академии имени В. И. Ленина (1941). В Великую Отечественную войну член военных советов 22-й армии, с октября 1941 г. - Калининского фронта, затем 1-го Прибалтийского. С 1944 г. заместитель начальника Генерального штаба по политчасти. В 1945 г. член военного совета Дальневосточного и 2-го Дальневосточного фронтов. После войны член военного совета и заместитель командующего войсками по политической части ряда военных округов. В 1953 -1959 гг. на руководящих постах в органах МВД и КГБ.

[7] Антонов Алексей Иннокентьевич (1896 -1962) - генерал армии (1943). Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1931) и Военную академию Генерального штаба (1937). В описываемый период первый заместитель начальника Генерального штаба.

[8] Швецов Василий Иванович (1898 - 1958) -генерал-полковник (1954). Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1929). В Великую Отечественную войну командир стрелковой дивизии, с декабря 1941 г. командующий 29-й армией, с сентября 1942-го заместитель командующего 3-й ударной армией, с мая 1943-го командующий 4-й ударной армией. В последующем командовал 21-й и 23-й армиями.

[9] Первоначальный замысел Л. И. Еременко на проведение Велижско-Демидовской операции был изменен, и впоследствии она получила название Духовщинско-Демидовской, явившись составной частью более широкой Смоленской операции. Вот как объяснял причины изменения оперативного замысла А. И. Еременко 5 августа 1943 г. при личной встрече с Верховным Главнокомандующим во время его выезда на Калининский фронт: «Я доложил, что первоначально мы были склонны избрать для первого удара велижское направление, где несколько легче было взломать оборону противника, но тогда не решалась бы главная задача - быстро прорвать его ключевые позиции. Причем действия на велижском направлении значительно ослабили бы наши силы, что не могло не сказаться затем на успехах в выполнении основной задачи. Удар же на Духовщину открывал кратчайший путь на Смоленск, в наши руки переходил крупный узел дорог и в крайне опасном положении оказывались фланги обороны противника, в том числе и в районе Велижа. Кроме того, в этом случае значительно облегчалось взаимодействие с ударной правофланговой группировкой Западного фронта, нацеленного на Смоленск и район южнее города. Поэтому и было решено нанести главный удар силами 39-й армии и частью сил 43-й армии на духовщинском направлении с целью взломать оборону противника на всю глубину, создавая превосходство в силах и средствах на избранных для атаки направлениях» *(Еременко А. И.* Годы возмездия. Киев : Политиздат Украины, 1986. С. 37 - 38).

Смоленская операция 1943 года проводилась с 7 августа по 2 октября войсками Западного (генерал-полковник В. Д. Соколовский) и левого крыла Калининского (генерал-полковник А. И. Еременко) фронтов. В ходе ее войска Западного фронта провели Спас-Деменскую, Ельнинско-Дорогобужскую и Смоленско-Рославльскую операции, а войска Калининского - Духовщинско-Демидовскую операцию. Последняя были начата 14 сентября 1943 г. В ходе операции войска Калининского фронта (39-я, часть сил 43-й и 3-й воздушной армий) в сложных условиях лесисто-болотистой местности прорвали мощную оборону противника и разгромили духовщинско-демидовскую группировку (6 дивизий). Это сыграло важную роль в успешном завершении Смоленской операции и создало благоприятные условия для последующего наступления на витебском направлении и охвата с севера немецко-фашистских войск, действовавших в Белоруссии.

[10] Невельская операция проводилась с 6 по 10 октября 1943 г. войсками правого крыла (3-я и 4-я ударная армии) Калининского фронта под командованием генерал-полковника А. И. Еременко с целью освободить г. Невель и создать условия для последующего наступления в Белоруссии и Прибалтике. В первые сутки наступления советские войска с ходу ворвались в Невель, превращенный противником в сильный узел сопротивления, и овладели им, лишив врага свободы маневра на стыке групп армий «Север» и «Центр». В ходе операции наступающие продвинулись в общей сложности на 25 - 30 км.

[11] О встрече А. И. Еременко с И. В. Сталиным 5 августа 1943 г. на Калининском фронте подробно рассказано в публикации «Смоленские ворота в Европу» (Воен.-истор. журнал. 1993. № 12).

Примечания подполковника А. В. ПРОНИНА

№7 (июль-август) 1994
Продолжение. См.: Воен.-нстор. журнал. 1994. № 3-6.

Год 1945-й: «Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены...»

Из дневника Маршала Советского Союза А. И. Еременко

21 марта 1945 года

Находясь в Москве, я получил назначение командующим 4-м Украинским фронтом. Это было мое десятое по счету назначение за период Великой Отечественной войны.

В тот же день в 23 часа с Киевского вокзала поезд понес нас на фронт. Предстояли бои на территории Чехословакии и Польши в трудном горно-лесистом районе.

Командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал армии А. И. Еременко на наблюдательном пункте 22-й армии (командующий генерал-лейтенант Г. П. Коротков). Декабрь 1944 г.

Что сулил новый театр войны? Я полагал, что он не из легких, в этом убеждал опыт всех моих предыдущих назначений за войну: Смоленск... Брянск... Сталинград... Крым... Прибалтика... То, что партия и товарищ Сталин посылали меня на тяжелые, ответственные участки военных действий, подтверждается уже этим беглым перечислением фронтов, а также обстоятельствами, при которых производились назначения.

29 июня, т. е. на 7-й день войны, я принял Западный фронт. Полчища фашистских головорезов, накопивших опыт в двухлетней победоносной для них войне в Европе, пытались лобовым ударом взять Москву. Перед Западным фронтом стояла задача задержать центральную группировку фашистских войск, стремительно рвавшихся кратчайшим путем к столице. Это и было сделано в развернувшихся жестоких боях, которые легли на плечи 20, 16 и 19-й армий, задержавших гитлеровцев на целый месяц под Смоленском, Духовщнной и Ярцево.

Затем я получил назначение на Брянский фронт, который создавал заново в крайне тяжелых условиях оперативной обстановки.

[Сталинградский] фронт, ставший для меня самым трудным и почетным, сыграл решающую роль в моем развитии как военачальника lie только потому, что здесь были действительно сложные условия, а от решения задач фронта во многом зависела судьба Родины. [Но и потому, что] здесь я работал бок о бок с ближайшим соратником великого Сталина товарищем Хрущевым, при самой широкой помощи Ставки, представители которой товарищ Василевский и особенно товарищ Маленков очень часто бывали в Сталинграде. А также (и это особенно важно) потому, что здесь я буквально ежечасно чувствовал сталинское руководство, личную поддержку великого полководца, Я действовал в соответствии с прямыми практическими указаниями Иосифа Виссарионовича.

После Сталинграда принял Калининский фронт. Положение здесь [складывалось] критическое, т.к. прежнее командование не справилось с возложенной на него задачей. Пришлось приложить много сил и энергии, чтобы выправить [создавшееся положение].

В дальнейшем я был назначен в Отдельную Приморскую армию, действовавшую в Крыму. Ей в оперативном отношении подчинялись Черноморский флот, Азовская [военная] флотилия, 4-я воздушная армия. Таким образом, это был в высшей степени сложный военный организм, руководство которым оказалось значительно более трудным делом, чем командование обычным фронтом. До [меня] Отдельной Приморской армией командовал генерал армии Петров[1], не сумевший в достаточной степени обеспечить [выполнение] поставленной Ставкой задачи и потому освобожденный от должности.

После [завершения] Крымской операции я получил назначение на 2-й Прибалтийский фронт. Здесь также несколько неудачно проведенных операций обусловили крайне сложную оперативную обстановку.

Командование Прибалтийского фронта. Слева направо: член военного совета фронта генерал-лейтенант В. Н. Богаткин, начальник штаба фронта генерал-полковник Л. М. Сандалов, начальник политуправления фронта генерал-лейтенант А. П. Пигурнов, командующий войсками фронта генерал армии А. И. Еременко. Командный пункт 18 октября 1944 г.

Когда Прибалтийские фронты были объединены в один, я получил назначение, о котором уже упоминал выше (командующим 4-м Украинским фронтом)... Нужно отметить, что, назначая меня на ответственные участки, партия и лично товарищ Сталин всегда оказывали мне действенную помощь.

Хотелось бы коротко отметить некоторые события последних дней. 1 марта я покинул 2-й Прибалтийский фронт, через двое суток был в Москве, в нашей красавице столице, такой дорогой и близкой сердцу каждого советского человека. Жить я остался в вагоне на Ржевском вокзале, так как был уверен, что новое назначение получу скоро.

За время пребывания в Москве несколько раз говорил по телефону с Прибалтийским фронтом. Боевые дела были там не блестящими, хотя оба Прибалтийских фронта под командованием товарища Говорова[2] были сведены в один и, кроме того, усилены частями Ленинградского фронта. Три попытки сбросить врага в море не увенчались успехом.

Мне казалось, что при такой плотной группировке, сильной концентрации войск и большом количестве танков имелись все возможности разгрома курляндской группировки врага[3], особенно если принять во внимание, что ранее войска 2-го Прибалтийского фронта при более суровых обстоятельствах и незначительном усилении танками прошли здесь более 500 км.

22 марта 1945 года

21-го числа за час до отхода поезда на вокзал прибыл генерал-лейтенант [А. А.] Грызлов[4] и вручил мне необходимые документы уже как командующему 4-м Украинским фронтом.

Поезд тронулся, медленно покидая крытый перрон Киевского вокзала. Я и все ехавшие со мной стояли у окон, прощаясь с Москвой. Мысленно перебирал все мои многочисленные посещения родной Москвы, чувствуя, что всякий раз, побывав здесь, я получал новый заряд энергии, воли, уверенности в собственных силах. Стоя у окна и следя глазами за удаляющимися очертаниями великого города, я думал о том, по чьему приказу я ехал к новому месту службы. Благодаря сталинскому гению война приближалась к своему справедливому концу. Гитлеровцы изгнаны из пределов Родины. Но нельзя ни на минуту ослаблять упорства в борьбе. Страстное желание отдать все силы, сделать все возможное, чтобы приблизить победу, наполнило мою грудь...

День клонился к концу. На ужин в салоне собрались все, кто ехал со мной. Мы выпили за нашу Москву, за успехи на новом фронте. Долго потом играли в шахматы...

Проснулись уже под Брянском. За окном вагона на полях лежал серый тающий снег, чернели лужи. Это было место, где пролегал Брянский фронт, здесь я был ранен в плечо и ногу.

На Брянском фронте мне приходилось часто бывать в таких переплетах, что смерть казалась неминуемой, она смотрела, что называется, прямо в лицо. Только поддержка, которую я чувствовал ежечасно со стороны великого Сталина, необходимость выполнить веление Родины и вызванные этим хладнокровие, воля к жизни помогли преодолеть все препятствия, заставили отступить саму смерть.

23 марта 1945 года

Горланов (шофер) разбудил нас в 7 часов утра. Все были разочарованы - проспали Днепр... Подъезжаем к Киеву. Здравствуй, древний прославленный русский город! Здравствуй, столица молодой республики!

Здесь сейчас живет Никита Сергеевич Хрущев, старый боевой товарищ по Сталинграду, обаятельнейший, глубоко и разнообразно одаренный человек, отличный организатор, несгибаемый коммунист.

Командуя рядом фронтов в период Великой Отечественной войны, я имел возможность работать со многими членами военного совета - людьми с большим опытом партийной и государственной деятельности, но такого душевного, отзывчивого товарища, как Никита Сергеевич, не встречал...

Я вышел из вагона и позвонил по телефону в приемную товарища Хрущева, чтобы прислали машину, так как, имея время до отхода поезда, намеревался осмотреть город. В 10 часов утра неожиданно в правительственную комнату вокзала вошел Никита Сергеевич и с ним заместитель председателя Совнаркома товарищ Старченко.

Встреча боевых друзей была радостной, мы расцеловались. В машине, которая понесла нас на главную магистраль Киева -Крещатик, завязалась оживленная беседа о событиях, происшедших после того, как мы расстались.

На Крещатике, чтобы лучше осмотреть его, мы вышли из машины и пошли пешком. Показывая мне зияющие раны, нанесенные городу врагом, Никита Сергеевич с жаром говорил о плане восстановления и реконструкции города, о громадной помощи в деле реализации этого плана со стороны Советского правительства и лично товарища Сталина.

Уже сейчас, несмотря на то, что война продолжалась, сделано было много, но, судя по масштабам разрушений, [предстояла] еще масса [дел]. Примечательно, что [на] каждом разрушенном доме шли работы, причем восстановлением занимались те, кто [явился] виновником разрушений - военнопленные. В этом была высшая справедливость и наглядный урок на будущее. Я подумал, что немцы, трудившиеся здесь под руководством наших инженеров, проходят, кроме всего прочего, хорошую школу - получают навыки, необходимые им для восстановления собственной страны (не сомневаюсь, что послевоенная Германия станет государством демократическим и миролюбивым).

Никита Сергеевич тем временем говорил о реконструкции Крещатика: он должен быть вдвое расширен, его украсит просторная площадь Победы с монументом воину-победителю.

В 11.30 Никита Сергеевич, отложив на время свои дела в Совнаркоме, повез меня за город. Мы проехали мимо Киево-Печер-ской лавры. Фашистские варвары устроили в ней конюшню, осквернив исторический памятник нашего народа, святыню православной церкви. Это гнусное святотатство вызвало чувство ненависти и гнева к разбойникам-осквернителям.

Проехали двое ворот старой Киевской крепости. Светлой полосой открылся перед нами Днепр. Невольно [вспомнилась] мелодия народной песни - «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч...» На другую сторону реки переехали по новому деревянному мосту, наведенному саперами. Наши машины со скоростью 100 км понеслись по Черниговскому шоссе.

Оказалось, что Никита Сергеевич так же, как и я, не переносит медленной езды. Этот незначительный штрих, показалось мне, говорил о сходстве наших натур, деятельных, стремящихся вперед к поставленной цели.

На обратном пути любовались панорамой города.

Правда, купола церквей еще сохраняли защитный зеленый цвет и не горели ярким золотом, как прежде, но облик древнего города невольно будил в сердце чувство гордости за нашу великую державу.

Мы вновь проехали через весь город и еще раз окинули его взглядом с Гоголевских высот. Никита Сергеевич предложил мне осмотреть городскую выставку трофейного вооружения. Здесь я впервые увидел Фау-1, так как в Москве в Парке культуры им. Горького такого экспоната не было.

Затем мы отправились в Межгорье, где в сентябре 1943 года в горячей битве была решена судьба Киева. На этом поле тогда находился КП Никиты Сергеевича. В боевой обстановке он также энергично действовал, как теперь, перейдя на другой КП, в величественное здание украинского Совнаркома, Обедать мы поехали на квартиру товарища Хрущева. Здесь среди других товарищей был украинский поэт Микола Бажан. В 8 часов вернулись на вокзал. В вагоне нас ждал еще один сюрприз - подарок Никиты Сергеевича. Самым дорогим в нем был великолепный рушник, вышитый национальным украинским орнаментом с надписью: «Генералу армии Еременко А. И. от народа УССР». Эта замечательная встреча останется у меня в памяти навсегда, так же как до самой смерти не забудутся сталинградские боевые «дни и ночи», которые были пережиты [вместе] с Никитой Сергеевичем...

...Когда я вспоминаю о товарище Хрущеве, мне всегда хочется сказать: «Вот настоящий русский человек!»

24 марта 1945 года

Утром мы были на станции Шепетовка - родине писателя-героя Николая Островского. Я подумал о том, сколько

Павлов Корчагиных, следуя на фронт мимо этой станции, с благоговением повторяют замечательные слова Островского: «Самое дорогое у человека - это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так... чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире -борьбе за освобождение человечества».

В 5 часов вечера проехали станцию Рудня. В этих местах 30 лет тому назад я впервые участвовал в бою в первую мировую войну. Я был тогда ефрейтором и командовал отделением. В августе 1914 года я получил первое ранение в бою за Львов. В рукопашной схватке уложил более десяти вражеских солдат и сам был тяжело ранен, пришел в сознание уже в лазарете через несколько дней.

Ровно в 10 часов [вечера] мы были во Львове. Здешний вокзал чем-то напоминает Киевский в Москве; он сильно разрушен, да и во всем облике города чувствуются следы недавних боев.

В окрестных лесах до сих пор скрываются банды изменников украинского народа, продавшихся за иудины сребреники фашистским извергам. Ночью бандиты обстреливают поезда, нападают на автомашины, стреляют из-за угла в наших людей, вырезают семьи советских и партийных работников. Ведется беспощадная борьба по окончательному уничтожению этого вражеского отребья. Вчера уничтожена бандитская группа числом 600 человек (200 человек убито и 400 взято в плен), об этом мне рассказал командующий Львовским военным округом, в штаб которого я заехал. Узнав о моем приезде, туда же приехал товарищ Гапочка, бывший секретарь и помощник Никиты Сергеевича во время Сталинградской битвы. Сейчас он секретарь Львовского обкома КП (б)У.

Гапочка пригласил меня на ужин, я не смог отказаться. Вечер прошел в воспоминаниях о незабываемом Сталинграде. Сталинградцы всегда друзья, даже если им не довелось видеть друг друга в дни боев. Фронтовая дружба крепче и надежней всякой другой - она скреплена кровью.

26 марта 1945 года

Сегодня я подписал первый приказ по войскам 4-го Украинского фронта - о вступлении в должность командующего. Весь день работал в штабе, принимая дела от генерала Петрова.

За несколько дней до моего приезда фронт перешел в наступление[5]. Главный удар наносила 38-я армия, которой командовал генерал-полковник Москаленко[6]. Наступление развивалось исключительно медленно - войска продвигались по 3-4 км в сутки.

Вечером поехал в 38-ю армию, здесь на месте ознакомился с положением наступающих войск. С тем чтобы изучить противника, лично допросил двух офицеров, взятых в плен 24-25 марта. Я пришел к выводу, что решение на наступление только силами 38-й армии неправильно: соседняя 1-я гвардейская армия генерала Гречко[7], достаточно сильная, продолжала стоять в обороне и безучастно наблюдать, как 38-я истекала кровью.

Исходя из этого, приказал командиру 1-й гвардейской силами не менее пяти стрелковых дивизий прорвать фронт противника... и наступать в направлении Фриштат -Фридэк, имея ближайшей задачей овладение Фриштатом и форсирование р. Ольши. В дальнейшем, наступая главными силами в направлении Фридэк, обойти Моравска-Остраву с юга, форсировать р. Остравицу. Готовность войск к наступлению я назначил на 28-е, с утра. Плотность артиллерии на участке главного удара определялась не менее чем в 160 стволов на 1 км фронта.

Поздно вечером в 22-23 ч я принял общее решение на 27 марта 1945 года: 38-я армия продолжает наступление в прежнем направлении, 1-я гвардейская и 18-я армии, развивая наступление частью сил, производят перегруппировку, готовя главные силы к активным действиям.

28 марта 1945 года

Вчера поздно вечером уехал товарищ Петров. За эту войну я второй раз принимаю у него командование, причем и в том, и другом случае он освобождается от должности за неуспехи в руководстве войсками. [Это] высококультурный человек, он, естественно, понимает, что я здесь ни при чем, но тем не менее в таких случаях остается неприятный осадок.

Целый день работал в штабе, продолжал изучать состояние дел. По нескольку раз разговаривал с армиями по телефону...

В Москве сегодня состоялись похороны маршала Б. М. Шапошникова. Не стало в наших рядах выдающегося военачальника, крупного военного специалиста, замечательного советского патриота, человека большой и чистой души. Такая потеря ощутима всегда, но особенно тяжела она в годину войны.

29 марта 1945 года

В первой половине дня занимался планированием наступательной операции 1-й гвардейской армии, а во второй выехал на КП [ее] командарма. Здесь провел совместно с генералом Гречко совещание командиров корпусов и дивизий и командующих артиллерией соединений.

Командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии А. И. Еременко Чехословакия. Март 1945 г.

На совещание ехали кратчайшим путем по полотну железной дороги, с которого сняты рельсы и шпалы - импровизированное шоссе.

Заслушав планы наступления армии, корпусов и дивизий, я внес в них ряд поправок и в исправленном виде утвердил. В ходе совещания приехал член военного совета тов[арищ] Мехлис[8]. В его поведении я с сожалением почувствовал нотки пренебрежения к проводимому мероприятию. Это насторожило меня и неприятно удивило - невольно возник вопрос, как член военного совета мог пренебрежительно относиться к такому делу, как наступление.

Самым крупным недостатком в планировании наступления оказались вопросы артиллерийской подготовки атаки, рассчитанной на огневые налеты (бесцельный расход снарядов).

Я решительно отверг эту прожорливую, безвредную для противника тактику и приказал применить другую: вслед за коротким огневым ударом, рассчитанным на внезапность, переход на методичный наблюдаемый огонь, направленный на разрушение целей и уничтожение [живой силы].

Это было, конечно, труднее, чем выбросить энное количество снарядов за время огневого налета, ни за что [потом] не отвечая. После того как [будут] разбиты все основные цели противника, пехота с танками под прикрытием огневого вала при дополнительном сосредоточении огня, прижимаясь к артиллерийским разрывам, стремительно атакует врага. Этот метод артиллерийской подготовки и [артиллерийского] сопровождения [атаки] полностью оправдал себя.

Кроме «артиллерийских» вопросов, я уделил также много внимания [организации] взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Далее обратил внимание генералов и офицеров на особую важность предстоящей операции.

Если операция будет иметь успех, а добиться его необходимо во что бы то ни стало, фронт с трудно[проходимой] горно-лесистой местности перейдет на равнину, что, естественно, обеспечит его дальнейшие действия.

Товарищ Сталин, посылая меня на 4-й Украинский фронт, приказал ускорить захват Моравска-Остравы.

«Чем быстрее мы выполним приказ товарища Сталина, - вышибем фашистов из Моравска-Остравы, тем ближе будет день полного и окончательного разгрома гитлеровской Германии. Стало быть, задача фронта имеет не только [оперативное], но и важное стратегическое значение», - этими словами я закончил совещание.

30 марта 1945 года

[У меня] был на приеме командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта. Речь шла о танках. Их на фронте было лишь 40 проц. штатного комплекта. Послали телеграмму товарищу Сталину с просьбой пополнить количество танков до [положенного по штату].

Прибывшему по моему вызову заместителю начальника отдела кадров приказал составить альбом командного состава фронта до командира полка включительно (для повседневного изучения кадров).

31 марта 1945 года

...1-я гвардейская армия продвинулась за день всего на 1-2 км. Правда, она была вынуждена отразить несколько контратак противника. Однако продвижение ее неоправданно медленное, в течение двух дней она не сумела обеспечить даже выполнение задачи первого дня, несмотря на то, что все условия налицо. Имелось подавляющее превосходство над противником в живой силе (против четырех полков - две дивизии) и в артиллерийском огне (против 15 батарей противника до 150 наших, не считая минометов).

Я убедился, что у товарища Гречко плохо обстояло дело с организацией боя, на что и обратил его внимание, потребовав быстрейшего выполнения поставленной задачи.

Сегодня мне доложили потери фронта за март: убито 8262 человека, ранено 30 834, пропало без вести 1247. Всего 40 343 человека. Противник за это время потерял 23 997 человек только убитыми, следует полагать, что ранено больше в три-четыре раза.

3 апреля 1945 года

Сегодня подписан приказ о вступлении в должность начальника штаба фронта товарища Сандалова[9].

Рано утром с докладом пришли товарищ Корженевич[10] и Сандалов, их сопровождал Коровиков[11]. Беседа длилась около двух часов. Генерал Корженевич, выйдя в приемную, сказал: «Хотя мне и приходится уезжать, но командующий у вас хороший, он и учит, и воодушевляет».

В течение дня принимал генералов и офицеров, говорил по телефону с армиями.

Сегодня войска, продолжая наступление по всему фронту, на правом фланге - на плацдармах за рекой Одер и в центре - на участке 1-й гвардейской армии вследствие сильного огневого сопротивления и многочисленных контратак противника имели незначительный успех; на правом фланге и в центре 18-й армии продвинулись до 15 км, овладев узлом шоссейных дорог Наместово...

5 апреля 1945 года

Сегодня в 12.00 наши войска овладели городом Ружомбероком на территории Чехословакии и продвшгулись вперед до 20 км.

До 18 ч работал в штабе, затем выехал в 38-ю армию к товарищу Москаленко... Речь шла о предстоящей крупной операции и необходимости при этом всестороннего взаимодействия армий.

В 21 ч, когда я находился еще в 38-й армии, мне доложили о крупной атаке противника, начатой им в районе Тунскирха с целью выбить нас с левобережного плацдарма за Одером. Позже мне доложили, что атака противника с большими потерями для него отбита нашими частями.

Между прочим, следует отметить, что немцы неоднократно практик[уют] атаки сра-зуже после наступления сумерек. Это делается ими в расчете на то, что [удастся] расстроить наши ряды, а так как ночью трудно будет навести порядок в частях и подразделениях, они воспользуются этим для мощного удара. Эта тактика показывала, что немцы пытаются мерить советские войска на свой аршин, предполагая, что они также неспособны к бою ночью. Грубый просчет: советский солдат способен активно драться в любое время года и суток на любой местности, в любую погоду...

6 апреля 1945 года

В 20 ч представились корреспонденты «Правды», «Красной звезды», Совинформбюро и другие. В конце продолжительной беседы я рассказал о городе Славкове, который находится недалеко. Вся суть в том, что чешское название этого города Славков, а немецкое Аустерлиц. Именно здесь потерпели поражение русско-австрийские войска от французов в 1805 году[12].

Сегодня на мое имя получена телеграмма от премьер-министра чехословацкого правительства. Текст ее гласит: «В момент, когда в городе Восточной Словакии Кошице на земле нашей республики начинает свою работу новое чехословацкое правительство, я считаю своим долгом выразить от имени правительства искренние приветствия Вам и руководимым Вами храбрым советским войскам 4-го Украинского фронта, начавшим освобождение чехословацкой территории и отличившимся в деле быстрого освобождения города Кошице».

Правительство [Чехословакии] брало на себя обязательство оказывать практическую поддержку войскам нашего фронта.

В 22 ч 30 мин подписал боевое донесение Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

В 24 ч сели ужинать, присутствовали товарищ Мехлис, Сандалов, Пронин[13], начальник «Смерш», посол Зорин[14] и с ним еще один товарищ. Ужин прошел очень оживленно.

В 0 ч 50 мин звонил товарищ Штеменко из Генерального штаба, сообщил, что часть средств усиления, которая была отобрана у 60-й армии при ее передаче в состав 4-го Украинского фронта, будет возвращена обратно. Сведения эти всех обрадовали.

7 апреля 1945 года

Сегодня поднялся поздно, около 10 ч.

Наметил провести перед большим наступлением серию тактических учений в армиях, как я всегда это делал.

Планировал провести показное учение [по теме] «Наступление усиленного стрелкового батальона на хорошо укрепленную оборону противника». Целью занятий было показать офицерскому составу:

а) метод артиллерийской подготовки при прорыве оборонительной полосы противника;

б) организацию сопровождения пехоты артогнем на всю глубину обороны;

в) организацию взаимодействия пехоты с танками и артиллерией;

г) [необходимый темп] стремительной атаки пехоты;

д) использование ручных гранат и автоматов в ближнем и рукопашном боях.

Поскольку учения должны проводиться без каких-либо условностей, при полном применении огневых средств, был выработан план мероприятий по мерам безопасности согласно приказу НКО...

В 13 ч опять говорил с товарищем] Вороновым[15], вновь настаивая на назначении Хлебникова на место Кариофилли[16], но получил ответ, что Хлебников очень занят и прислать его нет возможности.

Несколько позже Грязнов[17] докладывал новые сведения о противнике. По данным разведки, в районе Моравска-Остравы противник сосредоточил несколько танковых дивизий (3-4). Сейчас я уделял максимум внимания разведке, интересовался ее данными каждый час, обновлял сведения, пополнял их, перепроверяя. Это было моим непреложным правилом перед каждой крупной операцией, хотя я и всегда уделял разведке много времени. Да это и естественно, хочешь бить врага - должен его изучить до мельчайших подробностей. Это сталинский принцип.

9 апреля 1945 года

В 15 ч выехал на место учений. Товарищ Мехлис, узнав об этом мероприятии, сказал, что тоже приедет туда обязательно.

В Ратиборе и за ним на шоссе встретили поток повозок, колясок с домашним скарбом. Гражданское население переводят из прифронтовой полосы. Это напомнило мне начальный период войны, эвакуацию наших граждан в тыл. За авантюризм шайки гитлеровских главарей и их вдохновителей - монополистических воротил расплачивалось население Германии.

Я лично проверил готовность личного состава и техники и установил, что все готово...

По красной ракете началась артиллерийская подготовка, затем пехота поднялась в атаку. Однако взаимодействие между пехотой и артиллерией оставляло желать лучшего. В момент, когда пехота атаковала первую траншею, артиллерия не вела огня по второй и третьей, хотя это было необходимо и по ходу учения, и по [его] плану. При таком «взаимодействии» пехота ляжет костьми, атакуя последующие траншеи. Не позволять огневым средствам противника безнаказанно [бить] по атакующим. Пехота же в свою очередь должна «прижиматься» к артиллерийским разрывам и двигаться за огневым валом в 80-100 м, причем этот промежуток должен заполняться [за счет] «карманной» артиллерии (ручные гранаты) и автоматной [стрельбы]. Таким образом можно добиться максимального сосредоточения нашего огня во всех его видах и максимального подавления противника.

При разборе обратил серьезное внимание на управление боем. На учениях как раз эта сторона страдала многими недостатками, которые я подробно вскрыл, указав на способы их устранення. Солдат похвалил за радение, решительность и настойчивость в наступлении, приказав выдать им по 100 граммов водки.

Завтра здесь же будут проводиться учения 60-й армии.

Нужно спешить, а войска очень слабо подготовлены к наступательным действиям, на 4-м Украинском фронте своевременно не занимались этим решающим успех дела вопросом. Войска замечательные, не их вина, что они не подготовлены.

10 апреля 1945 года

Утром был в районе Тунскирх, где начала действовать 1-я гвардейская армия. На НП командарма, откуда прекрасно видно поле боя, я застал товарищей Гречко, Кариофилли.

Противник после вчерашнего успеха еще продвигается, но вступившие в бой две наши дивизии преградили ему дорогу и начали теснить назад.

Проехал вперед на НП командира гаубичного артполка полковника Абушева. Он устроил свой НП или из-за трусости, или из-за неумения в доме, из которого передний край совсем не виден. Это возмутительно. Такая силища, как гаубицы, не ведут прицельного огня. Отчитав артиллеристов, приказал им немедленно переменить НП. Пристыдил и командира 107-го корпуса за то, что артиллерийский огонь по противнику не ведется, а если ведется, то слепой, т[ак] к[ак] с НП артиллеристы ничего не видят, а передовых наблюдательных пунктов нет.

Командующий артиллерией Кариофилли страшно запустил руководство подчиненными ему частями. Он плохой организатор, к тому же трусоват, как мне кажется. Вот почему я настойчиво просил прислать Хлебникова...

Вскоре мне удалось поправить дело с артогнем, его эффективное действие не замедлило сказаться: противник был быстро отброшен, и плацдарм для наступления мы получили вновь. Из этой частной операции, которая длилась всего около трех часов, я сделал для себя выводы по организации огня, созданию передовых наблюдательных пунктов для его корректировки, взаимодействию артиллерии и пехоты.

Дав необходимые указания командарму и командующему артиллерией, я поехал на учения в 60-ю армию.

Учения прошли хорошо: было достигнуто полное взаимодействие артиллерии и пехоты, последняя шла за огневым валом на установленном расстоянии.

Я обратил внимание на необходимость тренировки солдат в метании гранат, т[ак] к[ак] на учении два человека были легко ранены из-за неумения [это делать].

Занятия были всесторонне подготовлены и хорошо организованы. Когда пехота атаковала передний край и прошла тактическую глубину на 2-3 км, я приказал дать отбой и собрал людей для разбора.

В первую очередь подвел итоги с командирами. Особо обратил внимание на необходимость постоянной заботы о подчиненных. Чтобы они стали героями, надо ставить их в лучшие условия по отношению к противнику, научить действовать, обеспечить исправным оружием и достаточным количеством боеприпасов, следить за тем, чтобы они были сыты и обмундированы, [по] возможности отдыхали, а отличившиеся награждались. Указал на обязательность непрерывной информации старших [командиров] младшими о состоянии подразделении и частей, а также противнике, если с ним ведется бой. Такая информация должна быть своевременной и правдивой. Лишь при таких условиях старшие начальники в состоянии знать истинное положение вещей, действительную обстановку и в соответствии с этим принимать правильные решения, эффективно управлять боем. Я потребовал от офицерского состава строгого соблюдения этих двух условий, [определяющих] успех боя.

В подтверждение своих слов я привел пример из практики нашего фронта. Командир дивизии с опозданием на 4 часа сообщил об атаке противника на участке своего соединения. Командарм, не зная обстановки, не поддержал

дивизию, хотя у него были для этого все возможности. Комдив привлечен к ответственности, но дивизии нанесен серьезный урон. Я указал, что командирам вверена партией жизнь наших советских людей, и они обязаны сделать все, чтобы их подчиненные стали подлинными героями.

Выступил также товарищ Мехлис, обративший внимание офицеров на контроль за правильными взаимоотношениями между войсками и гражданским населением.

После беседы с офицерами я отправился к солдатам стрелкового полка, которые были выстроены буквой «П» в 500 м от офицеров.

Здесь я избрал другую форму разбора учений. Сначала [назвал] тех, кто отлично действовал в наступлении, и объявил им благодарность, 15 человек наградил часами, тут же вручив их. В числе награжденных был минометный расчет сержанта Шевченко, показавший прекрасные результаты в быстроте и меткости огня. По моему приказанию расчет еще раз продемонстрировал свое умение, при этом за 45 сек минометчики выпустили 25 мин, между тем уставное требование - 24 мины в одну минуту.

Тут же перед [строем] полка и командным составом армии я проверил действия по занятию позиции и изготовке к бою еще двух минометных расчетов. Результаты были удовлетворительные, проверяемые уложились в уставное время.

Я расспросил солдат о питании, осмотрел подгонку обмундирования и снаряжения. Только после этого приступил к разбору. Еще раз подробно разъяснил, как нужно двигаться за огневым валом, как с наибольшим эффектом использовать гранату и автомат.

Личному составу объявил благодарность и приказал выдать по 100 граммов водки.

11 апреля 1945 года

В 4 часа утра части 18-й армии заняли город Святой Мартин, а в 8 часов в него вошли войска Малиновского, причем он утверждает, что город занят войсками 2-го Украинского фронта. Странно.

В 15 часов я звонил Штеменко и докладывал об обстоятельствах, при которых был занят город.

13 апреля 1945 года

В 10 часов вечера, т. е. в назначенное время, прибыли Жданов[18] и командир 1-й чехословацкой авиадивизии. Я уже работал, хотя лег в 6 часов утра.

С ними я детально разобрал вопросы участия чехословацкой авиадивизии в предстоящей операции.

Дивизия новая, необстрелянная, поэтому нужно было хорошо организовать ее первый бой.

По моему приказанию явились начальник штаба артиллерии и начальник отдела боевой подготовки для составления плана нового учения, вскоре выехали в предполагаемый район учения.

Дорогой я обдумывал детали предстоящей операции... Сопровождавшие меня офицеры рассказали, что в поселке, где стоит штаб, раскрыта подпольная организация фашистской партии, причем руководитель ее жил в доме, где была квартира одного советского генерала. Хорошо, что это соседство скоро кончилось.

В 14.35 говорил по телефону с Антоновым, просил ходатайствовать об отсрочке наступления на два дня, но без успеха. Дело в том, что наше наступление должно помешать противнику в переброске войск на берлинское направление. Повторил просьбу о снарядах, особенно гаубичных... Снаряды обещали.

Послал телеграмму Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину, также с просьбой перенести начало операции с 15 апреля 1945 года на 20 апреля 1945 года в связи с крайне низкой обеспеченностью фронта боеприпасами.

Войска фронта вели огневой бой на прежних рубежах.

Публикация Н. И. ЕРЕМЕНКО

Фото из архива автора

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Петров Иван Ефимович (1896-1958) - генерал армии (1944), Герой Советского Союза (1945). Окончил курсы усовершенствования комсостава (1926, 1931). В ходе Великой Отечественной войны с июня 1941 г. командовал 2-й кавалерийской дивизией, с августа 1941 г. - 25-й стрелковой дивизией в составе Приморской армии. В октябре 1941 - июле 1942 г. и ноябре 1943 - феврале 1944 г. командовал Приморской, в августе-октябре 1942 г. - 44-й армиями. С октября 1942 г. командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта. С марта 1943 г. начальник штаба, а с мая 1943 г. командующий Северо-Кавказским фронтом. С марта 1944 г. командовал 33-й армией, с апреля 1944 г. - 2-м Белорусским, с августа 1944 г. - 4-м Украинским фронтом. С апреля 1945 г. начальник штаба 1-го Украинского фронта.

[2]Говоров Леонид Александрович (1897-1955) - Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1945). Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1933), Военную академию Генерального штаба (1938). В войну начальник артиллерии Западного направления (июль 1941) и затем Резервного фронта, заместитель командующего войсками Можайской линии обороны, начальник артиллерии Западного фронта (август-октябрь 1941), командующий 5-й армией (соктября 1941), группой войск Ленинградского фронта (с апреля 1942), войсками Ленинградского фронта (с июня 1942). Командуя этим фронтом, одновременно с 1 октября 1944 г. координировал действия Ленинградского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. С февраля 1945 года командующий 2-м Прибалтийским фронтом, в состав которого вошли и войска 1-го Прибалтийского фронта, действовавшие против курляндской группировки противника. После войны командовал войсками ЛенВО, был главным инспектором Сухопутный войск, затем - Вооруженных Сил, командующим Войсками ПВО страны (1948-1952 и 1954-1955), одновременно (с 1950) -заместитель министра обороны СССР.

[3]Впоследствии А. И. Еременко изменил мнение о возможности быстрой ликвидации курляндской группировки фашистов. Размышляя в книге «Годы возмездия. 1943-1945» (М.: Наука, 1969. С. 508-509), почему наступление на группировку практически прекратилось еще 31 декабря 1944 г. и войска 2-го Прибалтийского фронта начали закрепляться на достигнутых рубежах, он пишет:

«Враг в Курляндии оборонялся на сравнительно небольшом фронте в 220 км, имея лишь на 9 дивизий меньше сил и средств, чем для обороны всей Эстонии, Латвии и Литвы. Это позволяло гитлеровцам создавать большую оперативную и тактическую плотность: по пехоте - 6 км на одну пехотную дивизию, по артиллерии - свыше 20 орудий на 1 км фронта, по танкам - 1 танк на I км. Противник на сравнительно небольшом участке Курляндии построил большое число оборонительных полос с тремя-четырьмя траншеями в каждой, устраивал проволочные, минные заграждения и противотанковые рвы. Как правило, все три траншеи занимались войсками, в тактической глубине имелись пехотные резервы, а далее оперативный резерв - танковая дивизия...

При плотной, глубокоэшелонированной обороне, большой насыщенности ее артиллерией и штурмовыми орудиями нам нигде не удалось произвести оперативного прорыва, поэтому нельзя было ввести в бой танковые соединения... Главная причина малой эффективности наших действий состояла в том, что мы не имели превосходства в силах и средствах над противником, не было возможности и для маневра с последующим ударом по наиболее уязвимому

месту обороны врага, ибо фланги курляндской группировки упирались в море. Поскольку у нас не было сил для равномерного одновременного удара по всему периметру полевой крепости, в которую была превращена Курляндия, враг имел возможность быстрого перераспределения сил по внутренним коммуникациям и мощного наращивания обороны на угрожаемых участках».

По решению Ставки Верховного Главнокомандования курляндская группировка немецко-фа-шистских войск (с 26 января 1945 г. группа армий «Курляндия») была блокирована с суши и с моря, и дополнительных сил для ее ликвидации не выделялось. Она сдалась в плен в мае 1945 г. после подписания Акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии.

[4]Грызлов Анатолий Алексеевич (1904-1973) - генерал-полковник (1956). Окончил Военную электротехническую академию (1937), Военную академию Генерального штаба (1940). С 1940 г. -в Генеральном штабе (в июне 1941 г. подполковник). В ходе войны старший помощник и заместитель начальника направления (с августа 1941), начальник направления (с декабря 1942), заместитель и первый заместитель начальника оперативного управления (с мая 1943 г.). После войны служил на ответственных штабных должностях в войсках и в Генеральном штабе.

[5]10 марта 1945 г. началась Моравска-Остравская операция 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии И. Е. Петрова (в последующем - под командованием генерала армии А. И. Еременко). Ей предшествовала Западно-Карпатская операция войск 4-го Украинского и основных сил 2-го Украинского (командующий Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский) фронтов, которая проводилась с 12 января по 18 февраля 1945 г. Хотя Западно-Карпатская операция в целом развивалась успешно и войска 4-го Украинского фронта, продвинувшись на 170-230 км, освободили южный район Польши и значительную часть территории Чехословакии, ее главная цель - разбить противостоящего противника и выйти основными силами в верховья рек Вислы и Одера до Моравска-Остравы - полностью достигнута не была. Противник сумел перейти к организованной обороне на заблаговременно подготовленных рубежах. Последним крупным успехом фронта было овладение 13 февраля г. Бельско, превращенным гитлеровцами в мощную крепость.

«Командование и штаб фронта сочли, что поспешные попытки дальнейшего продвижения не принесут успеха, и поставили перед Ставкой вопрос о необходимости временного перехода к обороне для подготовки к последующим ударам по врагу, в результате которых войска должны были выйти на рубеж р. Влтавы и овладеть столицей Чехословакии, - писал А. И. Еременко. - Командование фронта предлагало осуществить операцию в три этапа на общую глубину до 450 км. Однако фактически спланирован был лишь первый этап - освобождение Моравска-Остравского промышленного района... Ориентировочно срок готовности войск к продолжению операции намечался на 8-10 марта. Ставка 17 февраля утвердила предложения командования фронта... При подготовке этой фактически новой операции было немало трудностей; многие вопросы остались нерешенными, но командование фронта не доложило Ставке о неполной готовности войск к наступлению» *(Еременко А. И.* Указ. соч. С. 514, 516).

[6]Москаленко Кирилл Семенович (1902-1985) - Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1978), Герой ЧССР. Окончил факультет усовершенствования высшего командного состава Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского (1939). Участник советско-финляндской войны 1938-1940 гг. Великую Отечественную войну начал в должности командира 1-й моторизованной противотанковой бригады, затем командовал 15-м стрелковым корпусом и конно-механизированной группой. В декабре 1941 - январе 1942 г. заместитель и временно исполняющий обязанности командующего 6-й армией Юго-Западного фронта. В январе-феврале 1942 г. командир 6-го кавалерийского корпуса, с марта 1942 г. командующий 38-й, с июля 1942 г. - 1 -й танковой армиями. С августа 1942 г. командовал 1-й гвардейской, с октября 1942 г. -40-й, с октября 1943 г. и до конца войны 38-й армиями. В послевоенный период командовал Московским округом ПВО, затем войсками Московского военного округа, в 1960-1962 гг. главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения - заместитель министра обороны СССР.

[7]Гречко Андрей Антонович (1903-1976) - Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1958, 1973), Герой ЧССР. Окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе (1936), Военную академию Генерального штаба (1941). В 1941 г. командовал 34-й кавалерийской дивизией Юго-Западного фронта, с января 1942 г. - командир 5-го кавалерийского корпуса Южного фронта. В апреле-августе 1942 г. командующий 12-й армией, которая вела оборонительные бои в Донбассе и на Северном Кавказе, в сентябре-декабре 1942 г. - 47-й, затем 18-й армиями на новороссийском и туапсинском направлениях. В январе-октябре 1943 г, командующий 56-й армией, участвовавшей в освобождении Северного Кавказа и Таманского полуострова. С декабря 1943 г. до конца войны командовал 1-й гвардейской армией. В послевоенный период командовал Киевским военным округом, Группой советских войск в Германии. С 1957 г. первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Сухопутными войсками, с 1960 г. - первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств - участников Варшавского договора. В 1967-1976 гг. министр обороны СССР.

[8]Мехлис Лев Захарович (1889-1953) - генерал-полковник (1944). Окончил Институт красной профессуры (1930). В 1937-1940 гг. начальник Политуправления РККА. С 1940 г. нарком Госконтроля СССР. В Великую Отечественную войну начальник Главного политуправления РККА и заместитель наркома обороны (до июня 1942 г.), затем член военного совета армии, Воронежского, Волховского, Брянского, 2-го Прибалтийского, Западного, 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. В 1945-1946 гг. член военного совета ПрикВО. В 1946-1950 гг. министр Госконтроля СССР.

[9]Сандалов Леонид Михайлович (1900-1987) -генерал-полковник (1944). Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1934) и Военную академию Генерального штаба (1937). В Великую Отечественную войну начальник штаба Центрального и Брянского фронтов, 20-й армии, 2-го Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов. После войны начальник штаба ПрикВО, заместитель начальника Главного штаба Сухопутных войск, начальник управления этого штаба, начальник штаба -1-й заместитель командующего войсками МВО. В 1955 г. уволен из Советской Армии.

В должности начальника штаба 4-го Украинского фронта Л. М. Сандалов сменил генерал-лейтенанта Ф. Н. Корженевича. А. И. Еременко хорошо знал Сандалова по совместной службе на Брянском, Калининском и 2-м Прибалтийском фронтах и добился его перевода на 4-й Украинский.

[10]Корженевич Феодосий Константинович (1899-1972) - генерал-лейтенант (1943). Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1931), Военную академию Генерального штаба (1952). В Великую Отечественную войну начальник оперативного отдела штаба фронта и армии, начальник штаба 61, 9 и 66-й (5-й гвардейской) армий, в 1943-1945 гг. начальник штаба Воронежского, Юго-Западного, 3-го и 4-го Украинских фронтов. После войны начальник штаба военного округа, Центральной группы войск, на преподавательской работе в Военной академии Генерального штаба. В 1957-1960 гг. служил в Генеральном штабе.

[11] Коровиков Василий Архипович (1899-1969) - генерал-лейтенант (1949). Окончил Высшую стрелковую школу (1922),

Военную академию имени М. В. Фрунзе (1933). В 1945 г. генерал-майор, начальник оперативного управления 4-го Украинского фронта.

[12] Аустерлицкое сражение 20 ноября (2 декабря) 1805 г. произошло между русско-австрийскими под командованием М. И. Кутузова и французскими войсками Наполеона I во время русско-австро-французской войны 1805 г. Армия Наполеона I (73 тыс. человек, 250 орудий) нанесла поражение русско-австрийской (86 тыс. человек, 250 орудий), действовавшей по неудачному плану австрийского генерала Ф. Вейротера.

[13] Пронин Михаил Михайлович (1901-1967) -генерал-лейтенант (1944). Окончил Военно-политическую академию (1935), Коммунистический университет имени Свердлова (1938). В ходе Великой Отечественной войны служил в должности начальника политуправления Южного, затем (с октября 1943) 4-го Украинского фронтов. После войны начальник политуправления ГСВГ, заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота (1946-1954), начальник политического управления Сухопутных войск (1955-1985).

[14] Зорин Валериан Александрович (1902-1986) - известный советский дипломат. В 1945-1947 гг. посол СССР в Чехословакии.

[15] Воронов Николай Николаевич (1899-1968) - главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1945). Окончил Высшую артиллерийскую школу комсостава (1924), Военную академию имени М. В. Фрунзе (1930). В 1937-1940 гг. начальник артиллерии Красной Армии, с 1940 г. - заместитель начальника Главного артиллерийского управления. В Великую Отечественную войну начальник Главного управления ПВО, начальник артиллерии Красной Армии -заместитель наркома обороны СССР. С 1943 г. командующий артиллерией Красной Армии, представитель Ставки ВГК на фронтах при проведении ряда операций. После войны президент Академии артиллерийских наук (с 1950 г.), начальник Военно-артиллерийской командной академии (1953-1958).

[16] Кариофилли Георгий Спиридонович (1901-1971) - генерал-полковник артиллерии (1958). Окончил Высшую артиллерийскую школу (1923), Военную академию имени М. В. Фрунзе (1935). В Великую Отечественную войну начальник штаба артиллерии Западного фронта, начальник артиллерии СКВО, начальник артиллерии ряда армий, с февраля 1944 г. заместитель командующего артиллерией 1-го Украинского фронта, с сентября 1944 г. - командующий артиллерией 4-го Украинского фронта. В 1945-1946 гг. заместитель командующего артиллерией Центральной группы войск, в 1956-1968 гг. начальник штаба артиллерии и ракетных войск Сухопутных войск.

[17] Грязнов Михаил Яковлевич (1901-1973) -генерал-майор (1942). В 1945 г. начальник разведотдела 4-го Украинского фронта.

[18] Жданов Василий Николаевич (1896-1956) -генерал-полковник авиации (1946). Окончил Высшую школу военных летчиков (1924), Высшую летную тактическую школу (1938). В Великую Отечественную войну был заместителем командующего ВВС Ленинградского фронта (с сентября 1941), заместителем командующего 13-й воздушной армией (с октября 1942), командующим ВВС Среднеазиатского военного округа (с мая 1943). В августе 1944 - мае 1945 г. командовал 8-й воздушной армией, входившей в состав 4-го Украинского фронта. После войны до 1953 г. - командующий объединением.

Примечания подполковника А. В. ПРОНИНА

(Окончание следует)

№8 (сентябрь-октябрь) 1994

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1994. №3 - 7.

Год 1945-й: «Я приказал наказать этих генералов»

Из дневника Маршала Советского Союза А.И.Еременко

4-й Украинский фронт 14 апреля 1945 года

...Завтра начнется наступление. Ставка на наши просьбы отложить его на 5 - 6 дней [ответила отказом]. Да и по правде сказать, меня уговорили поставить вопрос о [переносе] срока товарищ Мехлис, командарм Курочкин и другие. Ставка очень верно сделала, что не согласилась с нашими доводами и приказала начать операцию в назначенный срок[1].

16 апреля 1945 года

Поднялся в 5 ч. Звонил во все армии, узнавал обстановку.

В 8 ч поехал на НП. [Там] уже находились Сандалов, Жданов, Грязнов. Они доложили, что делается на участках наступления.

В 9 ч 30 мин распорядился, чтобы начальник оперативного управления показал мне карту с положением частей по часам. На карте этого не оказалось. Не нанесено даже положение частей к началу сегодняшней атаки. Начальник оперативного управления не знал точно, [где располагались] дивизии. Я крепко пробрал товарища Коровикова. Объявил ему выговор за такое безответственное [отношение] к делу и предупредил, [что] при повторении подобного он будет снят с должности. Позвонил товарищу Сандалову и сделал ему замечание [по поводу] плохой работы оперативного] управления. В работе разведуправления также много недостатков]. Сделал замечание товарищу Грязнову: слабая активность разведки и его личная медлительность в обработке данных о противнике...

В 17 [ч] 30 [мин] говорил с Курочкиным, утвердил его решение и план дальнейшей атаки. Звонил Сандалову, спрашивал, как идут дела на фронте. Он доложил, что везде продвигаемся медленно. Говорил с генералом Запорожченко[2] - командиром корпуса, который наносит главный удар. Потребовал выполнения задачи дня.

Говорил с Гречко. Отругал за то, что он, ссылаясь на [противодействие] танков противника, очень медленно продви-

гается. У Гречко не используются артиллерийские [части] в борьбе с танками противника. Кроме того, очень плохо налажены управление огнем, взаимодействие пехоты и артиллерии. Ссылка на немецкие танки, видимо, просто отговорка. Приказал Гречко поехать в корпуса и организовать как следует бой, послать оперативных работников в дивизии, проверить, в чем дело. К вечеру организовать атаку...

Продвижение войск за день 5-6 км. Ясно, что темпы наступления медленные. У нас меньше танков, чем у противника, в этом главное. Но [причина] еще и в том, что наше большое преимущество в артиллерии плохо используется для борьбы с [ними].

17 апреля 1945 года

Поднявшись рано, как всегда, звонил в армии, узнавал обстановку. Войска готовились к продолжению наступления. Затем позвонил Мехлису и сказал, что, так как мы проводим операцию, предстоящий прием Бенеша[3] необходимо отложить. Попросил сообщить об этом чехословацкому правительству.

Сандалов с моего разрешения выехал в [1-ю гвардейскую] армию, я тоже в 11 ч приехал на [ее] КП. Командующий товарищ Гречко встретил меня и доложил обстановку: противник оказывает исключительно упорное сопротивление, выдыхаясь, бросает в бой саперов, понтонеров, различные мастеровые команды.

Командующий артиллерией армии доложил, что наблюдением обнаружено скопление пехоты, туда сейчас бьют две установки реактивных минометов. Приказал усилить удар еще батареей «катюш».

Так бывает всюду, где я появляюсь. Куда бы ни приехал во время боя, [везде] немцы чувствовали [это] на своей шкуре. Я всегда придавал особое [значение] огню, и раз уж появился на передовой, то огонь обязательно возрастает. Активней начинает действовать авиация, дружней атакует пехота...

[В тот день] небольшая группа [контратакующего] противника прорвалась в Тойхунов. В бою всякое бывает, но здесь [враг] совершенно незаслуженно имел успех. Дело в том, что командир артиллерийской бригады, которая поддерживала войска, действующие [на этом участке], обосновался на НП, [устроенном] позади НП армии, и ничего не видел, что делается впереди: где наши войска, где противник. Раз нет наблюдения - значит, нет эффективного огня... Я пришел к выводу, что артиллерийское наступление в 1-й гвардейской армии вообще организовано плохо, поэтому и продвижение медленное, и контратаки противника имеютуспех. Тотчас вмещался. Велел командиру артбригады немедленно вынести свой НП вперед, откуда было бы видно поле боя.

Для действенности артиллерийского огня приказал создать армейскую артгруппу из двух корпусных подгрупп...

Вызвал командующего артиллерией [1-й гвардейской] армии, приказал ему лично заняться армейской группой. Говорил с ним о том, как массировать огонь. Ведь пехота истекает кровью, а артиллерия из-за неорганизованности, безответственности командиров артиллерийских соединений не может оказать ей существенную помощь... И это при том, что мы имеем на данном участке абсолютное превосходство в орудиях и минометах.

Вызвал 107-й корпус. У аппарата оказался начальник штаба. Проверил по ориентирам, видит ли он поле боя, оказалось - не видит. Отругал его. Как можно управлять наступающими войсками, когда не видишь их действий на местности, не знаешь, как работает артиллерия...

В заключение побеседовал с командармом товарищем Гречко наедине, что называется, по душам. Прямо ему сказал, что он выпустил из рук управление войсками и выглядит какой-то мокрой курицей - штабы бездействуют, командиры корпусов и дивизий поля боя не видят, артиллерия молчит, ее наблюдательные пункты позади НП армии... Приказал Гречко лучше руководить войсками, особенно артиллерией. Люди, конечно, устали от непрерывного наступления, поэтому совершенно необходимо главную тяжесть боя перенести на артиллерию, лучше организовать ее огонь. То, что сегодня наблюдал [в 1-й гвардейской армии] - просто преступление. Командир артбригады, устроившийся позади армейского НП, - настоящий прохвост. Потребовал от Гречко навести порядок с управлением войсками, добавив, что в противном случае вынужден буду доложить Верховному Главнокомандующему о плохом командовании армией...

Звонил Курочкину, ответил его начальник штаба. Спросил его, как ведет себя противник, работают ли наши эрэсы, затем предупредил, что пора ставить задачу авиации... Курочкин очень медлительный человек... Обстановка иногда так резко меняется, что от [первоначального] плана почти ничего не остается. Тогда нужно быстро сориентироваться, дать войскам новое направление удара, короче говоря, изменить план наступления. Курочкин на быстрые действия, вытекающие из резких изменений обстановки, на дерзновенные шаги не [решается]. Он чрезмерно осторожен в оперативных действиях...

Командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии А. И. Еременко и член военного совета фронта генерал-полковник Л. З. Мехлис. Чехословакия. Апрель 1945 г.

В 24 ч подписал боевое донесение Верховному Главнокомандующему т[оварищу] Сталину. Доложил, что войска фронта, наступая силами 60, 38 и 1-й гвардейской армий и преодолевая сильное сопротивление, отбивая контратаки танков и пехоты противника, за день напряженных боев продвинулись на 5 - 6 км, вышли к р. Опаве, частями 15-го и 11-го стрелковых корпусов форсировали ее и захватили плацдарм южнее Краварже.

В этот день привезли древние вина из ратиборского хранилища. Нужно несколько слов сказать об этом. 15 апреля начальник политуправления товарищ Пронин доложил мне, что из г. Ратибора, захваченного войсками 60-й армии, идут машины, нагруженные винами. Берут его из какого-то большого подвала. Я немедленно послал туда людей. Приказал поставить часовых у складов, поручил охрану коменданту города и приказал выяснить, что это за вино и сколько его.

Спустя время он доложил, что это всегер-манское хранилище старейших вин - громаднейший подвал или, вернее, помещение на глубине 8 м, занимающее несколько кварталов. Настоящий

А. И. Еременко в освобожденной Моравска-Остраве. Май 1945 г.

лабиринт улиц и переулков под землей. Хранятся вина разных сортов, [вывезенные] из многих стран. Там и русские, и французские, и венгерские, и итальянские производства 1811 года, а также более молодые, но в большинстве 20 - 30-летней выдержки. Всего 1 млн. литров...

О количестве захваченного вина я сообщил начальнику тыла А. В. Хрулеву и А. И. Микояну. Приказал поставить надежную охрану.

18 апреля 1945 года

...Приказал товарищу Сандалову написать документ о том, что в 1-й гвардейской армии плохо действует артиллерия, и назвать фамилии виновных - полковников Давыдова и Дроздова - тех самых, что вчера завалили дело с артиллерийским обеспечением наступления 1-й гвардейской армии. В приказе также указать на слабое управление артиллерией в [масштабах] фронта... Видимо, в войсках 4-го Украинского фронта использованию артиллерии не придавалось того значения, которое придает ей Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин...

В 14 ч 30 мин выехал в войска. По дороге десятки раз останавливал машину, чтобы сделать замечание тому или иному солдату, нарушившему [форму одежды] - ватник без погон, дать указания старшему колонны навести порядок, наконец, посмотреть, что везут в повозках. Установил, что по большей части перевозятся совершенно ненужные, обременительные [в наступлении] вещи, как, например, столы, табуретки, кровати, велосипеды и прочее невоенное имущество. Приказал начальнику колонны разобраться.

По дороге увидел установки эрэсов на позиции (второй дивизион 4-го гвардейского минометного полка). Разговаривал с солдатами. Оказалось, этот полк дрался под Сталинградом. Приказал подготовить к залпу одну установку, чтобы проверить работу расчета. Минометчики действовали четко и умело. Дали залп в район, занятый противником, по цели, которую указал я. Наградив тут же двух лучших минометчиков часами, попрощался и, пожелав им всего хорошего, отправился к Гречко на новый наблюдательный пункт...

Под вечер поехал на КП фронта. Дорогой пришлось ликвидировать два больших скопления машин и повозок. За войну я не объехал ни одной пробки, чтобы не устранить ее. Не могу без возмущения смотреть на беспорядки.

Чуть не забыл еще один вопрос, которым сегодня занимался. Приезжал генерал-майор Кузнецов[4]. Докладывал, в частности, о фронтовом резерве - 15-й штурмовой инженерно-саперной бригаде. Она по моему приказанию была брошена на усиление ударной группировки 60-й армии. Командарм 60-й Курочкин использовал ее для строительства мостов, т. е. не по назначению. Я был крайне удивлен неграмотностью Курочкина, приказал немедленно это отменить. В бригаде имеются огнеметный батальон и две отдельные огнеметные роты. Эта громадная силища пропадала зря. Я приказал усилить стрелковые роты ударных дивизий группами огнеметчиков, направив по 6 человек в каждую роту, а остальные части бригады использовать на главных направлениях. Это даст сплошное море огня на всем участке прорыва армии. Особенно эффективно использование огнеметов в сумерках и ночью...

20 апреля 1945 года

Звонил, узнавал обстановку, давал указания Курочкину, Москаленко. Отметил, что наша артиллерия ведет огонь недостаточно метко. По-видимому, нет сопряженного наблюдения. Еще не везде используются подкалиберные и бронебойные снаряды...

Сандалов сообщил, что говорил с Москвой. Там знают, что перед нами сильно укрепленные дотами и дзотами оборонительные полосы противника и что мы нуждаемся в снарядах тяжелого калибра...

В блиндаж пришел начальник разведотдела армии полковник Черных. Он принес схему чехословацкого УРа на границе с Германией. Его сейчас преодолевают 1-я гвардейская, 38-я и 60-я армии. Схема составлена со слов чехословацкого штабс-капитана, участника строительства этого УРа, который сейчас воюет в одной из чехословацких частей, входящих в 38-ю армию.

Мне показалось, что этот чертеж не точен, и я приказал пригласить штабс-капитана, составлявшего его...

Оказалось, что штабс-капитан хорошо знает район, показал на местности 13 дотов. Это мощные железобетонные укрепления, уходящие на 38 м вглубь, имеющие много этажей. Внизу казармы, затем склады, наверху артиллерийские и пулеметные отделения. Укрепления называются «Смолковская крепость». Это действительно крепость, состоящая из многих узлов сопротивления. Каждое отдельное сооружение -комбинированная огневая точка, артиллерийско-пулеметная. Толщина потолка и стен, обращенных к переднему краю - 2,5 -3 м железобетона. Огневые точки укрыты еще и щебенкой в 2 - 3 м и замаскированы под местность... Прямое попадание в амбразуру почти невозможно...

На переднем крае противник сегодня выкинул красные флаги с белыми краями и черной свастикой. Фрицы празднуют день рождения своего фюрера - зарвавшегося маньяка. Наши артиллеристы и минометчики этот день тоже отметили, кроме ураганного огня по [вражеским позициям], они еще палят и по фрицевским знаменам...

Я долго сидел, обдумывая завтрашние мероприятия по удару на Тропау. Вспоминая весь накопленный [мной] опыт войны, искал метод прорыва железобетонного пояса, подобного Моравска-Остравскому. Искал и не находил. Правда, был случай прорыва войсками Калининского фронта, которым я командовал, сильной оборонительной полосы противника, где применялись с его стороны не только дзоты, но и стальные колпаки. Это было под Духовщиной [в 1943 году]. Там тоже приходилось очень трудно, но не было таких капониров, которые артиллерия не пробивала бы, а здесь есть такие «орешки», что трудно их будет раскусить...[5]

Дал подробные указания Курочкину о подготовке удара на Тропау. Распорядился создать специальные группы, которые должны блокировать огневые точки противника, «ослеплять» его, используя задымление, выжигать огнеметами через амбразуры, проводить подрывные работы и [применять] другие [средства]...

Приехал Мехлис. Вернулся из 38-й армии. Обсуждали вопросы, связанные с ударом на Тропау. Создана плотность артиллерийского огня 150 стволов на километр фронта. Это не так много, но больше не смогли из-за недостатка снарядов...

Вызвал Кариофилли, который доложил о наличии боеприпасов. Их не было и одного [боекомплекта]. Снарядов мало, значит, стрелять нужно метко. Больше внимания артогню прямой наводкой. Он эффективнее стрельбы с закрытых [огневых] позиций в 15 - 18 раз...

21 апреля 1945 года

В 12 ч приехал на новый НП штаба фронта, где уже были Коровиков и командующий ВВС товарищ Жданов[6].

В 11 ч 30 мин Курочкин перешел в наступление. Я поднялся на наблюдательную вышку, построенную на опушке леса, почти ничего не видно. Это не в моем духе. Поехал вперед.

Выбрали на высоте старую траншею. Кое-что видно. В небе группа за группой проходят самолеты в направлении на Тро-пау. Видно, как они заходят на цели, и глухо слышны их бомбовые удары.

Пересел из «шевроле» в «виллис» и без дороги, по полям, поехал на НП Курочкина.

Заехали далеко вперед, за армейский наблюдательный пункт, на позицию 63-й бригады. Приказал комбригу двигаться вперед, так как из этого пункта не видно действии его частей, к тому же он потерял с ними связь из-за того, что отстал.

Едем дальше, опять без дорог, по полям, через канавы, между воронками, мимо трупов убитых и раздавленных фрицев, разбитых танков и пушек противника, через разрушенные нашей авиацией и артиллерией траншеи...

Замечательная машина «виллис», везде пройдет. Этот «виллис» у меня еще с 1-го Прибалтийского фронта. Он побывал со мной и в Крыму, и на 2-м Прибалтийском фронте, и здесь исправно служит...

Повернули обратно к НП Курочкина. Он доложил, что с начала атаки уже пройдены первые траншеи (хотя я это и сам видел, ездил там только что).

По докладам командиров корпусов и дивизий, сейчас войска преодолевают последнюю линию дотов перед Тропау.

Разобравшись с авиацией, установил, что она действует вяло, к моему приезду сделано 65 вылетов. Я приказал усилить [интенсивность] действий авиации.

Кариофилли начал несколько перестраиваться в руководстве артиллерией, сейчас приехал из одной дивизии. Доложил мне, что командиры не видят поле боя. Пехота лежит, продвинулась на 1 км. Правда, перед дивизией доты, но они подавляются артиллерией и огнеметами. В целях ослепления применяются дымы. Я приказал немедленно послать оперативных работников, находящихся здесь, на НП, и подтолкнуть пехоту, Кариофилли же - выслать вперед артиллерийских офицеров и подгонять артиллерию, чтобы не отставала от пехоты...

Авиация противника активничает. В воздухе то и дело появляются восьмерки «фоккеров». Большая нам помеха - ветер в нашу сторону. Тропау горит, идет бомбежка, обстрел, палят «катюши», и дым закрывает цели...

Доложили, что наши танки уже в 500 м от Тропау. В километре от нас на высотах за деревней нашими войсками обойдены два огромнейших дота, где засели немцы. Наши огнеметчики сейчас срочно выжигают их из железобетонных берлог...

Вновь установил, что артиллерия отстает от пехоты, в особенности орудия прямой наводки. Вызвал к себе командующего артиллерией армии, резко указал ему на неоднократное повторение подобных случаев, приказал в присутствии Курочкина немедленно выдвинуть вперед всю артиллерию за исключением тяжелой. Курочкину дал указание требовать, чтобы артиллерия вплотную подошла к пехоте, и следить за тем, чтобы она не отставала от нее, к вечеру ворваться в город, а ночью очистить его от противника...

Начальник разведотдела [армии] полковник Козырев доложил сведения, полученные от обер-лейтенанта, сдавшегося сегодня в плен на этом участке. В его роте осталось 8 человек, в других - по 10 - 12, полк же его стоит на направлении нашего главного удара. Он сдался еще и по другой причине. Раньше командовал ротой. Рота отступила. Его [сняли с командования ротой и] поставили на взвод. Взвод отступил. Теперь в соответствии с приказом Гитлера офицера должны расстрелять... Плен -единственное спасение для немцев. Но гитлеровская пропаганда еще удерживает [многих], запуская самые нелепые «утки». Она твердит, что Красная Армия и союзники, встретившись, начнут воевать между собой, а Гитлер заключит договор с последними, и [вместе они] пойдут опять на Россию.

Наша авиация бомбит и штурмует непрерывно. Подтянутая поближе к пехоте артиллерия ведет интенсивный огонь. Бой в полном разгаре, развернулся широко по фронту и растянулся в глубину. Из дотов, оставшихся у нас в тылу, немцы все еще не выкурены. Трехметровые железобетонные стены не поддаются никаким снарядам. Продолжают долбить их артогнем и жечь фосфором через амбразуры...

Курочкин доложил, что гарнизон большого немецкого дота в количестве 30 человек во главе с офицером сдался в плен. Выкурили [его], как охотники выкуривают из норы лису.

Приехал Ремизов[7]. Доложил, что танкисты выполнили задачу - обеспечили продвижение пехоты. В критические моменты корпусами танков закрывали амбразуры. Танкисты сражались храбро и умело. Правда, более двух десятков танков сгорело...

Передали, что взято еще 7 дотов и 3 блокировано. Специально созданные блокировочные группы берут доты один за другим, как орехи щелкают. Этот метод полностью себя оправдал. Это единственно правильный способ захвата долговременных сооружений в условиях, когда артиллерия не в силах их разрушить.

Встреча через многие годы. А.И. Еременко и Людвик Свобода. ЧССР. 1963 г.

В 23 ч 30 мин командир 28-го корпуса доложил, что левый фланг 100-й стрелковой дивизии и вечером введенная в бой 246-я резервная дивизия только что ворвались в Тропау. Занято несколько кварталов. Войска продвигаются и очищают квартал за кварталом.

Я приказал немедленно послать 10 политработников в 246-ю дивизию, чтобы подбодрить солдат...

23 апреля 1945 года

...Звонил главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову, еще раз просил прислать Хлебникова вместо Кариофилли. Воронов и на этот раз отказал. Просил его помочь снарядами, вкратце рассказал о положении на нашем фронте. Чехи с помощью французов построили мощные укрепления против Германии, а преодолевать их приходится нам с чехами, которых, правда, у нас мало, небольшой корпус...

Сандалов доложил по телефону, что только что

говорил с Москвой, докладывал обстановку. Сообщили из Генерального штаба: салют за Тропау (Опаву) будет сегодня. Из двухсот двадцати орудий...

В 17 ч приехал на НП к Москаленко. Продвижения никакого. Москаленко кричит по телефону на подчиненных. То агитирует их наступать, то упрашивает, но не воздействует на них твердым приказом. Я сделал командарму замечание. Решил сам повлиять на ход боя. Взялся за авиацию. Вызвал товарища Рубанова[8], [объявил] выговор за плохое руководство авиацией, которая только что произвела бомбометание. Бомбовые удары наносились неприцельно. Самолеты в развернутом строю отбомбились одним [заходом], когда нужно было встать в круг и заходить на цели один за другим по три-четыре раза. Эрэсы пускали с горизонтального полета, наобум. Я приказал ведущего этой плохо бомбившей группы строго наказать и доложить его фамилию мне. Кроме этого, распорядился собрать еще ряд отрицательных фактов из боевой работы авиации для приказа...

Занимался многими другими вопросами организации боевой деятельности войск, вплоть до постановки задач отдельным танкам и пулеметным расчетам с тем, чтобы повлиять на ход боя...[9]

Читали радиоперехват из Берлина. О нашем наступлении немцы говорят, что у Моравска-Остравы русские ввели в бой колоссальную массу живой силы и техники. Мы здорово смеялись. У нас в батальонах по 20 - 30 человек, а танков в бою участвует столько, что не стоит о них и говорить. Немцы набивают себе цену, оправдывают свои провалы.

Командир 101-го корпуса, заместитель командующего 38-й армией и командующий артиллерией 101-го корпуса, несмотря на приказание командующего армией выдвинуться вперед, все еще отсиживаются в селе Дальне-Бенешеве, абсолютно не видя поля боя. Я приказал наказать этих генералов.

Москаленко доложил, что на участке 11-го корпуса противник силой до 600 человек пехоты при поддержке 14 танков и самоходок перешел в контратаку. Идет жестокий бой. Распорядился усилить артиллерийский огонь по контратакующему противнику: сначала дать беглый сосредоточенный по колонне, а затем добивать методическим огнем...

Мехлис по телефону информировал меня: прибыл генерал армии Захаров[10] на должность заместителя командующего фронтом. Неприятный человек этот Захаров...

24 апреля 1945 года

Весь день на КП фронта. Приходил генерал армии Захаров. Пришел как к старому другу, с которым долго не виделся. И действительно, ведь он был в Сталинграде начальником штаба [фронта], а затем заместителем командующего фронтом. У Захарова голова неплохая, он человек большой воли и требователен по службе, но страшный грубиян, я бы сказал, просто самодур. Не разобравшись как следует, накричит на человека, а иногда и изобьет. Теперь вновь приехал моим заместителем. После Сталинграда я в нем разочаровался.

В этот день много занимался кадровыми вопросами. Начальник отдела кадров приходил с альбомом комсостава фронта, который я приказал сделать еще в первые дни после приезда на 4-й Украинский. Такой альбом необходим для удобства изучения командного состава, особенно в условиях большой его текучести. Хорошие кадры на войне - это успех боя, операции, это победа. Вот почему товарищ Сталин учит нас всегда заниматься подбором и расстановкой кадров.

25 апреля 1945 года

В 12 ч выехал в войска. По дороге заехал к командиру горнострелкового корпуса, побывал в расположении [некоторых] частей, установил, что очень много прикомандировано к штабу и отдельным командирам не положенных по штату людей (уборщицы, официантки, ординарцы, повара и т. д.). Приказал немедленно сократить неполагающийся [обслуживающий] персонал и отправить людей на свои штатные должности.

В 14 ч Курочкин доложил, что дивизии пошли [в наступление]. Но бомбардировщики отбомбились не там, где нужно. Я решил, что [представитель] авиации при 60-й армии, который с начала операции уже несколько раз допускал подобное, будет строго наказан.

Работа авиации в разгаре. Вмешался в управление [ее действиями] и лично указывал важнейшие цели, которые нужно [подавить]...

Приказал Курочкину послать в дивизии офицеров, чтобы они влияли на продвижение [войск] и докладывали истинную обстановку...

Распорядился, чтобы адъютант позвонил в штаб-квартиру в Тропау и заказал ужин на 8 персон к 21 ч. К моему приезду все было готово для приема гостей.

В 21 ч приехал министр национальной обороны Чехословакии генерал Свобода[11] в сопровождении двух человек. На ужине присутствовали, кроме Свободы, один чех, начальник штаба Сандалов, начальник «Смерша», начальник политуправления фронта. Уехали гости за полночь...

26 апреля 1945 года

Жданов докладывал итоги и просил уточнить задачу на завтра. Приказал ему всю авиацию бросить на главное направление -правый фланг Москаленко и левый Курочкина[12], организовать взаимодействие с командармами и уточнить цели. Обратил его внимание на то, что многие самолеты по-прежнему бомбят и стреляют не пикируя и пускают эрэсы с горизонтального полета, а один раз ударили по своим. Потребовал впредь этого не допускать...

27 апреля 1945 года

...В 9 ч говорил с Курочкиным, который доложил, что начал наступать... Противник перебросил танки с направления 60-й армии на направление 38-й армии.

В 11 ч 50 мин авиаразведка донесла, что на участке прорыва 38-й армии обнаружено до 45 танков и самоходок противника.

В 12 ч звонил командиру 11-го корпуса. Дело в том, что наблюдая [за полем сражения], я заметил: в боевых порядках пехоты нет орудий сопровождения, ни одна пушка не действует с прямой наводки. Артиллерия корпуса отстает, когда 60 проц. ее должны двигаться вместе с пехотой.

Пехота же легла на высоте 402,0, не может продвигаться, но ни артиллерия, ни самоходки не поддерживают ее. Установил точку, где сидит комкор [11 ск]. Взглянул на карту и, отыскав место, сказал Запорожченко, что он оттуда поля боя не видит. Отругал его за плохое управление боем и предупредил, что если приеду туда сам и не увижу улучшения в управлении войсками, от должности он будет отстранен и привлечен к строгой ответственности.

Звонил Сандалову. Приказал трех офицеров послать в 11-й корпус к Запорожченко с задачей добиваться, чтобы энергичней действовала пехота, артиллерия прямой наводки шла вместе с ней, а самоходки поддерживали пехоту.

В 14 ч говорил с Москаленко и Ждановым. На 17 ч назначена повторная атака. Жданову приказал готовить массированный удар штурмовиков и бомбардировщиков на участке 38-й армии.

Опять [состоялся] разговор с Запорожченко. Особо обратил внимание на 11-й корпус, так как он наиболее боеспо-

собный и занимает самое выгодное положение по отношению к противнику, который, по всем данным, сильно не сопротивляется, но продвижения нет. Артиллерия отстает от пехоты. В этом главная причина. Запорожченко же это объясняет еще и тем, что [опасается] подставить корпус под огонь соседей и что заминированы дороги. В самом деле, 11 ск несколько впереди соседей и, действительно, справа и слева от него стреляют, идет бой, но это нисколько не мешает его продвижению. Я дал ряд указаний по организации связи с соседями, приказал немедленно подтянуть артиллерию и продвигаться.

29 апреля 1945 года [НП 1-й гвардейской армии]

Вызвал к телефону начальника штаба 127 ск. Спросил, какого рубежа достигли передовые части [корпуса]. Не знает. Куда вышел сосед справа, тоже не знает. Просто ничего не знает. Я еще в жизни не видел таких беспечных начальников штабов...

Вызвал армейского инженера. Установил, что он не ведет инженерной разведки. Ему неизвестно, где исправные мосты, а где нет, и вообще есть или нет мосты на переправах, занятых вчера. Предупредил, что при повторении подобных случаев он будет строго наказан, вплоть до снятия с должности.

Отругал начштаба товарища Батюню[13] [за то], что он не занимается инженерными вопросами. Приказал ему и начальнику инженерных войск армии объявить выговор в приказе по фронту за то, что мосты на переправах до сих пор не отремонтированы.

Прибывших операторов послал проверить дорогу и мосты до [населенного] пункта Даячилово.

Приехал Кариофилли. Я послал его в 127-й корпус узнать истинную обстановку и навести порядок в артиллерии, чтобы она не отставала от пехоты.

Наблюдаем местность и бой.

Впереди высота, господствующая над всем районом. Я оценил местность и сделал замечание Гречко, что он неправильно выбрал направление удара, изменив направление, данное мной в приказе. Нужно было не трусить, идти на захват высоты, а не обходить ее по лощине, которая укреплена сильнее, чем сама высота. Между прочим, это особенность всей здешней укрепленной полосы. Сделано грамотно в тактическом отношении. Все построено на [ведении] флангового] огня. Если б[ы] Гречко выполнил мои указания и пошел прямо на высоту, а не пытался обойти ее, продвижение было бы, безусловно, большее...

Связался с командиром 127 ск. Он тоже говорит, что наносить удар по высоте было бы эффективнее. Я попросил к телефону Кариофилли, который послан туда мной. Он доложил организацию действий артиллерии. Дал ему указание массировать артогонь. Одна из причин неуспеха - неправильное использование артиллерии. Приказал сосредоточить огонь на одном километре и вообще лучше его организовать.

[Распорядился] вызвать армейского химика, чтобы узнать, как используются дымы. Ветер для дымопуска благоприятствует. Химика на НП не оказалось.

Я указал Гречко и Батюне на недооценку дымов. Высоту, с которой противник ведет огонь и препятствует нашему продвижению, конечно, нужно было задымить, но [командование армии] не додумалось.

Прибыли для доклада два оперативных работника. Докладывают результаты поездки на переправы и в передовые части. Путаются, забыли даже карту, ничего не смогли доложить. Пожурил их за плохое выполнение поручения и отослал на КП фронта. Приказал Сандалову, чтобы он объявил им выговор в приказе и перевел на неоперативную работу... Продвижение идет медленно. Командарму Гречко приказал самому выехать в [127-й стрелковый] корпус и организовать бой...

Едем на новый НП фронта. По дороге много трупов и немецких солдат и наших красноармейцев, все еще не погребенных. Встретился начальник госпиталя. Приказал опознать все трупы красноармейцев и захоронить в братской могиле...

30 апреля 1945 года

...Предупредил начальника штаба 127 ск полковника Шнейдермана, что сниму с должности за ложную информацию о положении частей...

Наблюдая за артиллерийской и минометной стрельбой, установил, что минометы стреляют на предельной дальности. Отругал командующего артиллерией корпуса за то, что минометы стоят не с пехотой, а далеко за ней, на удалении 3 км, вместе с артиллерией...

Вернулся на НП фронта. Говорил с Батюней, который доложил обстановку. Я упрекнул его, что артиллерия по-прежнему отстает от боевых порядков пехоты. Ругал за то, что, несмотря на вчерашнее приказание, мост в районе [переправы] 127-го корпуса все еще не готов. Штаб и управление 1-й гв[ардейской] армии страшно неповоротливы. Сам Батюня чрезмерно спокоен и медлителен в работе, малотребователен и недостаточно организует контроль. Гречко - малоопытный командир и тоже мягкотелый.

Приказал Сандалову составить приказ. Суть его: в районе Богуславице на высотах 306,0 и 341,4 много непогребенных тел наших [погибших бойцов], которые лежат несколько дней. Такое преступное отношение к [отданию почестей] героям, не пожалевшим жизни за Родину, может быть только со стороны подлецов. Немедленно произвести похороны. Прокурору фронта в короткий срок провести расследование для привлечения виновных к строгой ответственности (существуют похоронные команды, а они, видно, бездействуют).

За последнее время телефон ВЧ работает с перебоями, а сегодня совсем плохо. Приказал начальнику связи фронта написать приказ о плохой работе ВЧ...

В 12 ч 30 мин говорил с Батюней. Медленно вводится свежая дивизия. Потребовал вводить быстрее...

В 14 ч 45 м звонит Гречко, чувствую по голосу, что будет докладывать об успехе (когдау него плохо, заставляет докладывать Батюню). [Сообщает:] переправились через реку, заняли шахты, продвигаются дальше. Просит помочь авиацией, ударить по Пршивоз[14]. Я тут же дал приказание товарищу Жданову бить по Пршивоз...

В 127-й корпус послал двух офицеров с задачей повлиять на быстрейшее продвижение войск, вселить в людей мысль, что Моравска-Остраву сегодня необходимо взять во что бы то ни стало, передать от меня командиру корпуса и командирам бригад, что они за взятие города получат награды, [а] если сегодня не будут в городе, строго накажу, вплоть до снятия с должностей...[15]

1 мая 1945 года

...Поехали в освобожденную вчера Моравска-Остраву. На переправе - тысячи машин, подвод, танков. Ужасная пробка. Пробились. Наладил порядок на переправе. В городе местные жители дарят цветы, кричат приветствия, машут платками, кидают вверх шляпы, целуют наших солдат и офицеров. Выражают глубочайшую благодарность за освобождение их от гитлеровской тирании.

Осматриваем город. Масса промышленности. Город невредим[16]. Поехали к сталелитейному заводу. Вместе с нами от переправы ездит начальник контрразведки фронта.

У ворот завода взорвались гранаты. Я был в шести метрах от взрыва. Просто чудом не задело...

Поехали на КП фронта.

Надо, наконец, и попраздновать. Смыли окопную грязь и дорожную пыль. Оделись в чистые мундиры. Вечером пригласил всех, [в том числе] адъютантов и шоферов, к столу. Хорошо закусили и немножко выпили. Поднимали тосты за 1 Мая, за Моравска-Остраву. Как раз в это время по радио транслировали салют за взятие Моравска-Остравы...

Публикация Н. И. ЕРЕМЕНКО

Фото из архива автора

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Ставка Верховного Главнокомандования приказала начать второй этап Моравска-Остравской операции не позднее 15 апреля, несмотря на то, что войска 4-го Украинского фронта к этому времени еще не были укомплектованы до штатной численности личным составом и танками, а артиллерия имела лишь 40 проц. боекомплекта. Торопиться с наступлением в Чехословакии необходимо было как по оперативно-стратегическим причинам (воспрепятствовать переброске резервов гитлеровским командованием на берлинское направление и прикрыть оголившиеся фланги соседних, вырвавшихся вперед 1-го и 2-го Украинских фронтов), так и по политическим. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. Шернер и германский имперский министр по делам протектората Чехия-Моравия К. Франк рассчитывали не допустить вступления советских войск в Моравска-Остравский и другие важнейшие экономические районы Чехословакии, передав «протекторат» под контроль англоамериканского командования и некоего «нового» чешского правительства, созданного нацистами в те дни в противовес правительству К. Готвальда и 3. Фирлингера, находившемуся в Кошице. С этой целью Франк и Шернер 25 апреля направили в Мюнхен своих доверенных лиц во главе с Р. Бинертом, который был премьер-министром марионеточного правительства «протектората». Они должны были связаться с Д. Эйзенхауэром и заручиться согласием англо-американских союзников на реализацию замысла сепаратного сговора. Наступление 4-го Украинского фронта помешало осуществить этот план.

[2]Запорожченко Михаил Иванович (1893 -1970) - генерал-лейтенант (1945). В 1945 г. командир 11-го стрелкового корпуса 4-го Украинского фронта.

[3]Бенеш Эдуард (1884 - 1948) - чехословацкий государственный и политический деятель, президент Чехословакии (1935 - 1938). С 1940 г, в эмиграции. После освобождения Чехословакии вновь избирается президентом республики.

[4]Кузнецов Григорий Гаврилович (1896 -1964) - генерал-майор танковых войск (1944). В 1945 г. командир 31-го танкового корпуса 60-й армии 4-го Украинского фронта.

[5]О мощнейшей оборонительной системе, построенной на Моравска-Остравском направлении по типу французской линии Мажино и модернизированной впоследствии гитлеровцами, А. И. Еременко подробно рассказал в книге «Годы возмездия» (см.: *Еременко А. И.* Годы возмездия. Киев: Политиздат Украины, 1986. С. 498 - 500).

[6]В описываемый период генерал-полковник авиации В. Н. Жданов был командующим 8-й воздушной армией, входившей в состав 4-го Украинского фронта.

[7]Ремизов Федор Тимофеевич (1895 - 1974) -генерал-лейтенант танковых войск (1943). С 15 апреля 1945 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками 4-го Украинского фронта.

[8]Рубанов Степан Ульянович (1901 - 1961) -генерал-полковник авиации (1955). В 1945 г. командир 8-го штурмового авиационного корпуса 8-й воздушной армии 4-го Украинского фронта. В ходе Моравска-Остравской операции ему была поручена организация взаимодействия авиации с сухопутными войсками на участке 38-й армии.

[9]Ход боев за овладение Моравска-Остравским районом А. И. Еременко обстоятельно изложил в книге «Годы возмездия», в основу которой он положил “свои фронтовые записи. В настоящую публикацию включены только фрагменты дневника А. И. Еременко, относящиеся к апрелю - маю 1945 г., не вошедшие в его книгу или подвергшиеся при редактировании рукописи коренной переработке.

[10]Захаров Георгий Федорович (1897 -1957) -генерал армии (1944). Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе (1933), Военную академию Генерального штаба (1939). В Великую Отечественную войну начальник штаба 22-й армии. С августа 1941 г. начальник штаба, а с октября командующий Брянским фронтом, с декабря заместитель командующего Западным фронтом. С мая 1942 г. начальник штаба Северо-Кавказского направления, затем Северо-Кавказского фронта, Юго-Восточного фронта, с октября 1942 г. заместитель командующего Сталинградским, затем Южным фронтом, с февраля 1943 г. командующий 51-й, 2-й гвардейской армиями, с июня 1944 г. командующий 2-м Белорусским фронтом, с ноября 1944 г. - 4-й гвардейской армией, с апреля 1945 г. заместитель командующего 4-м Украинским фронтом.

[11]Свобода Людвик (1895 - 1979) - чехословацкий государственный, политический и военный деятель, генерал армии (1945), трижды Герой ЧССР (1965, 1970, 1975), Герой Советского Союза (1965). Во вторую мировую войну активно участвовал в создании чехословацких частей на территории СССР, с 1944 г. командир 1-го чехословацкого корпуса, сражавшегося против немецко-фашистских войск вместе с Красной Армией. В 1945 - 1950 гг. министр национальной обороны Чехословакии, в 1968 - 1975 гг. президент ЧССР.

[12]Имеются в виду смежные фланги 38-й и 60-й армий, 26 - 29 апреля наносившие сосредоточенные удары на главном направлении под Моравска-Остравой.

[13]Батюня Александр Григорьевич (1898 -1976) - генерал-полковник (1968). В описываемый период начальник штаба 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, генерал-лейтенант.

[14]Пршивоз - название железнодорожного вокзала в Моравска-Остраве и прилегающей к нему местности.

[15]К 18 ч 30 апреля Моравска-Острава и близлежащие города Витковице, Марианские Горы были полностью очищены от немецко-фашистских войск.

[16]Овладеть Моравска-Остравой, во что бы то ни стало избежав ее разрушения, - такая задача стояла среди прочих перед войсками 4-го Украинского фронта. А. И. Еременко писал впоследствии: «...Моравска-Остраву мы брали в обход, нанося удар по укреплениям, хотя была возможность прямым ударом с применением авиации и артиллерии большой мощности взять город без излишних усилий, но это могло бы вызвать большие жертвы и нанести ущерб его промышленности» *(Еременко А. И.* Указ. соч. С 509).

Примечания подполковника А. В. ПРОНИНА

ВИЖ №5 1989

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ВЕРМАХТА К НАПАДЕНИЮ НА СССР

СЕЙЧАС, КОГДА У НАС ПОЯВИЛАСЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СВОБОДНО ОБСУЖДАТЬ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ, ВО МНОГОМ ПО-НОВОМУ РАСКРЫВАЮТСЯ И ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ К НАПАДЕНИЮ НА СССР

В РАЗЛИЧНЫХ советских публикациях по истории Великой Отечественной войны обычно приводились данные о том, что к 22 июня 1941 года Германия сосредоточила на западной границе СССР огромную армию в 5,5 млн. человек и обрушила ее против Советского Союза, который мог первоначально противопоставить ей армию в 2,7—2,9 млн. человек[1]. Тем самым подчеркивалось почти двойное численное превосходство немецко-фашистских войск над советскими и у читателя создавалось впечатление, что недостаток сил явился главной причиной наших тяжелых поражений в начальный период войны. Однако в действительности картина событий была несколько иной. Если лучше проанализировать сложившееся к тому времени соотношение сил, то можно обнаружить ряд изъянов в устоявшихся воззрениях.

В первую очередь следует учитывать, что в 1940—1941 гг. немецкое военно-политическое руководство рассматривало Советский Союз как противника, превосходящего Германию по количеству оружия и военной техники, по численности вооруженных сил. Согласно сведениям германской разведки, в начале 1941 года в составе Вооруженных Сил СССР имелось 12—14 тыс. боевых самолетов, 10 тыс. танков (без учебных), 180 соединений масштаба дивизии. К середине июня 1941 года число расчетных дивизий в СССР, по немецким данным, достигало 240, 195 из них располагались в западных районах страны и с началом войны[2] могли быть использованы против войск Германии и ее сателлитов. Поэтому, готовясь к нападению на Советский Союз, немецко-фашистское руководство делало основную ставку не на количественное, а на качественное превосходство германской армии над нашей.

Командование вермахта учитывало также опыт своих предшествующих кампаний во второй мировой войне. К примеру, успех в военных действиях против англо-французской коалиции в мае — июне 1940 года был достигнут в результате качественного превосходства немецких войск над противником, ведь по численности войск и оружия западные союзники не уступали Германии, а кое в чем даже превосходили ее. В «восточном походе» планировалось достичь более высокой степени качественного превосходства немецко-фашистских войск и одновременно увеличить их численность.

Общее количество вооруженных сил рейха с мая 1940 года по июнь 1941-го возросло на одну треть и составило 7 млн. 254 тыс. При этом численность сухопутных войск увеличилась до 5 млн. 170 тыс. человек, ВВС —до 1 млн. 680 тыс., ВМС —до 404 тыс. В сухопутных войсках, в действующей армии насчитывалось 3 млн. 800 тыс. человек (в марте 1940 г. — 3 млн. 300 тыс.), в армии резерва— 1 млн. 200 тыс., в войсках СС— 150 тыс., в иностранных формированиях — 20 тыс. человек[3]. Больше всего в указанный период возросла численность немецких ВВС (на 71,4 проц.). Это происходило в первую очередь за счет формирования новых частей ПВО, предназначенных для защиты территории Германии от воздушных налетов. Увеличить количество сухопутных войск (на 23 проц.) удалось в основном за счет формирования новых пехотных соединений и частей, которые намечалось использовать для несения оккупационной службы, а также роста численности административно-хозяйственных служб в армии резерва, осуществлявшей обучение призывников. Если в мае 1940 года вермахт имел только 9 дивизий охраны тылов, относившихся к оккупационным войскам, то в июне 1941-го — 41. Число всех дивизий в действующей армии Германии за указанный период возросло со 156 до 208, т. е. на 33,3 проц.[4].

Стремясь увеличить количество живой силы войск вермахта, немецко-фашистское руководство не считало, однако, эту проблему главной в подготовке войны против СССР. Основная ставка делалась на качественное совершенствование своих вооруженных сил. С этой целью проводились мероприятия по переформированию и доукомплектованию войск, повышению их обученности, оснащению новым оружием и техникой, переподготовке командного состава, улучшению организационно-штатной структуры частей и соединений.

Непосредственная подготовка фашистской Германии **к** войне против СССР подразделяется на три этапа. На первом этапе (конец июня— начало октября 1940 г.) были приняты основные военно-политические решения об агрессии против Советского Союза, детально разрабатывался и обсуждался ее замысел, была начата соответствующая переориентация вооруженных сил и военной экономики, перебрасывалось с Запада на Восток около 30 дивизий для оборудования там театра военных действий. В ходе второго этапа (середина октября 1940 г. — середина февраля 1941 г.) проводились основные мероприятия по качественному совершенствованию и увеличению численности войск, шли работы по интенсивному оборудованию Восточного ТВД и усиленная боевая подготовка войск, предназначенных для «восточного похода». Во время третьего этапа (со второй половины февраля по 22 июня 1941 г.) была осуществлена переброска на Восток основной массы сухопутных войск и почти всех ВВС, передислоцирована часть ВМС, созданы ударные группировки для нападения на СССР, завершено оборудование Восточного ТВД. Кроме того, отрабатывались вопросы взаимодействия сухопутных войск с ВВС и ВМС, вооруженных сил вермахта с союзными им войсками Финляндии, Румынии и Венгрии, налаживалось управление войсками и связь, решались проблемы материально-технического обеспечения войск.

На первом этапе наблюдалась определенная «стратегическая раздвоенность» в действиях немецко-фашистского руководства. Хотя уже было принято решение о нападении на Советский Союз, планы вторжения в Англию еще не были отставлены, что наложило отпечаток на выбор «приоритетов» в строительстве вооруженных сил и в военном производстве Германии.

Еще до полного окончания кампании на Западе, 15 июня 1940 года, Гитлер утвердил предложение генерального штаба о сокращении общего количества дивизий вермахта со 156 до 120 и увеличении количества подвижных (танковых и моторизованных) соединений в два раза[5]. Однако по мере того, как вызревал замысел войны против СССР, в принятое решение вносились изменения. Было приказано, например, в течение июля — августа расформировать 17 дивизий, а личному составу других 18 дивизий предоставить долгосрочный отпуск, сохранив их костяк, состоящий из кадровых военнослужащих[6].

Расформировали, однако, лишь дивизии, имевшие очень низкую боеспособность, большая часть личного состава которых достигла к тому времени предельных для службы в армии возрастов. Демобилизованных направляли трудиться в военной промышленности, испытывавшей недостаток в квалифицированной рабочей силе в связи с расширением производства вооружений. В результате военные власти получили возможность призвать в вооруженные силы более

молодых людей, которым раньше предоставлялась бронь как специалистам. Эти лица вначале обучались в частях армии резерва, а оттуда их отправляли в соединения действующей армии. Таким был один из путей качественного совершенствования германских войск.

Увольнение же в долгосрочный отпуск осуществлялось только из дивизий, накопивших немалый боевой опыт, военнослужащие которых не нуждались в дополнительном обучении. Было предусмотрено, что уволенные, отработав несколько месяцев на предприятиях в военных отраслях промышленности, в январе — марте 1941 года прибудут в свои соединения и в их составе примут участие в «восточном походе». Таким образом, немецкое руководство нашло рациональный способ удовлетворения нужд и промышленности, и вооруженных сил, позволивший не допустить снижения боеспособности войск.

Исключительно важное значение для качественного совершенствования вооруженных сил Германии имело формирование в период с августа 1940 года по январь 1941-го 23 новых дивизий, которые немецкое командование относило к подвижным и предназначало для создания танковых клиньев, призванных обеспечить высокие темпы наступления во время продвижения войск вермахта по советской территории. Было сформировано 11 танковых, 8 моторизованных и 4 легкие пехотные дивизии. В результате к июню 1941 года общее количество танковых дивизий в вермахте по сравнению с маем 1940 года возросло в 2,1 раза (с 10 до 21 дивизии), моторизованных (с учетом дивизий СС) — в 2,7 раза (с 6,5 до 17,5 расчетной дивизии). Доля танковых и моторизованных соединений в действующей армии увеличилась за тот же период с 10,5 до 18 проц.[7].

При создании четырех легких пехотных дивизий учитывалось то, что на советской территории им придется действовать в условиях труднопроходимой местности. В них включались вместо трех только два пехотных полка. Для увеличения проходимости каждая пехотная рота имела 16 двуколок и соответствующее количество лошадей. Противотанковые орудия транспортировались бронированными, на гусеничном ходу тягачами. Первые два легких дивизиона артполка оснащались горными орудиями, а батареи третьего легкого и тяжелого артиллерийских дивизионов были моторизованными. Учитывая высокую проходимость этих дивизий, командование планировало использовать их в районах со слаборазвитой дорожной сетью[8].

Кроме 23 подвижных, в указанный период были сформированы 17 новых пехотных дивизий 7, 11 и 12-й волн и 3 горнострелковые дивизии. Они считались наиболее боеспособными.

Стремясь обеспечить высокую боеспособность новых формирований, командование сухопутных войск включало в их состав части и подразделения из соединений, уже имевших солидный боевой опыт. Обычно это были целые полки или батальоны. Они затем служили основой для создания новых дивизий. Базой формирования 11 новых танковых дивизий явились части и подразделения шести пехотных и двух моторизованных дивизий, а также одной моторизованной бригады. Например, в состав вновь сформированной 14-й танковой дивизии вошли два полка бывшей 4-й пехотной дивизии, а третий полк этой дивизии стал основой 18-й танковой дивизии. В состав новых танковых дивизий было включено также несколько пулеметных батальонов резерва главного командования. Во вновь сформированные горнострелковые и пехотные дивизии 11-й и 12-й волн от одной трети до двух третей личного состава поступило из расформированных соединений действующей армий и из армии резерва (в основном это были военнослужащие 1920 года рождения). Лишь 39 новых дивизий, сформированных зимой и весной 1941 года и предназначенных для охраны тылов и несения оккупационной службы, почти не получили пополнения из действующей армии и укомплектовывались в основном за счет военнослужащих старших возрастов, находившихся в армии резерва[9].

Наряду с созданием новых дивизий происходило доукомплектование и частичное переформирование существовавших ранее соединений. Все они переводились на штаты военного времени. Для обеспечения их личным составом осенью 1940 года также были призваны оставшиеся военнообязанные 1919 и 1920 годов рождения. Причем те из них, которые были призваны раньше и проходили обучение в армии резерва, переводились в действующую армию [10].

Последовавший 12 октября 1940 года полный отказ немецко-фашистского руководства от вторжения на Британские острова стал толчком к более интенсивным действиям по реорганизации сухопутных войск Германии с целью подготовки их к «восточному походу».

Войска с Западного ТВД начали перебрасываться на территорию Германии. Там они переформировывались и доукомплектовывались. В конце октября из Франции в Германию (г. Дрезден) был переведен штаб группы армий «Ц», который вместе с командованием армии резерва включился в процесс переформирования и обучения войск. Ему подчинялись соединения, переброшенные с Запада в Германию, а также вновь создаваемые дивизии. Из Фонтенбло (южнее Парижа) в Цоссен (под Берлином) 30 октября была переведена ставка главного командования сухопутных войск, что приблизило ее к войскам, готовившимся к войне против СССР «. .

Со второй половины октября 1940 года реорганизация сухопутных войск приняла массовый характер. В ноябре одновременно переформировывалась 51 пехотная дивизия, что в то время составляло более трети соединений действующей армии Германии. С 25 ноября это количество возросло еще на 22 дивизии[12]. В результате в тот период снизилась боеспособность немецкой армии, так как при переформировании значительная часть личного состава старых дивизий (нередко до половины) передавалась во вновь создаваемые соединения. Немецко-фашистское командование сознательно пошло на большой риск, связанный с подобным способом реорганизации, с тем, чтобы добиться наивысшего качественного уровня действующей армии к началу войны против СССР.

С начала 1941 года на новой основе стали воссоздаваться 18 дивизий, личный состав которых ранее был уволен в долгосрочный отпуск. В эти соединения были возвращены все лица, ранее проходившие в них службу. Кроме того, они пополнялись военнослужащими, призывниками осени 1940 года, прошедшими обучение в армии резерва.

Немецко-фашистское командование заблаговременно позаботилось и о подготовке обученных контингентов для восполнения потерь в действующей армии в ходе войны против СССР. В соответствии с расчетами генерального штаба предполагалось, что эти потери окажутся значительно выше, чем в предшествующих кампаниях второй мировой войны. Если к июню 1941 года германская армия потеряла убитыми и пропавшими без вести 97 тыс. человек, то возможные потери в ходе двух первых месяцев «восточного похода», по мнению немецкого командования, должны были составить 275 тыс. человек, а к концу сентября —уже 475 тыс. человек. Основываясь на этих выводах, руководство вермахта решило воссоздать при дивизиях действующей армии полевые запасные батальоны, расформированные в начале 1940 года. В этих батальонах уже к середине июня 1941 года служило 90 тыс. человек, за счет которых командиры дивизий могли восполнять потери первых недель войны. Кроме того, после призыва 1 марта 1941 года военнообязанных 1921 года рождения и 1 мая — военнообязанных 1922 года рождения армия резерва пополнилась на 475 тыс. человек. Правда, 90 тыс. из них предназначались для пополнения военно-воздушных сил. В целом контингент обученных военнослу-

жащих, предназначенный для пополнения действующих сухопутных войск в ходе «восточного похода», был в 7 раз больше, чем накануне Западной кампании, и составлял около 475 тыс. человек [13].

Важным организационным мероприятием, способствовавшим качественному совершенствованию германской армии перед нападением на СССР, наряду с переукомплектованием дивизий и повышением их боеспособности стало формирование соответствующего количества высших штабов и частей резерва главного командования. По сравнению с маем 1940 года были дополнительно сформированы штабы одной новой группы армий, 4 армий, 6 армейских корпусов, 6 моторизованных корпусов и 4 корпусов сокращенного состава. Особое значение имело создание крупных моторизованных объединений, включавших танковые, моторизованные и пехотные дивизии. Для управления ими в ходе «восточного похода» в ноябре — декабре 1940 года были созданы штабы четырех танковых групп, на которые возлагались такие же задачи по оперативному руководству войсками, как и на штабы армий. Танковые группы, подобно клиньям, должны были взламывать оборону противника и, следуя впереди армий, устремляться к главным объектам операций. В отличие от армий на них не возлагались задачи по захвату и удержанию территории [14]. Увеличению мобильности танковых групп способствовало также отсутствие у них громоздких тыловых обозов. Материально-техническое обеспечение танковых групп возлагалось на полевые армии, в полосе которых они действовали.

Увеличение частей резерва главного командования происходило в первую очередь за счет создания новых самоходно-артиллерийских, зенитно-артиллерийских, инженерных, связи, строительных и других частей усиления и обеспечения. По сравнению с маем 1940 года, например, было дополнительно сформировано 11 отдельных дивизионов и 2 батареи самоходно-артиллерийских установок, 14 моторизованных истребительно-противотанковых дивизионов, 4 полка шестиствольных химических минометов, свыше 50 понтонно-мостовых парков [15].

Достижению качественного превосходства немецких войск над советскими способствовало привлечение германским командованием для войны против СССР нового вооружения, обладавшего более высокими тактико-техническими данными, чем в кампаниях в Польше и на Западе. К числу новых видов оружия и военной техники, поступивших на вооружение действующей армии к 22 июня 1941 года, относятся: противотанковые 50-мм орудия, счетверенные зенитные 20-мм орудия, шестиствольные реактивные химические 158,5-мм минометы с дальностью стрельбы до 6,7 км, установки для метания тяжелых реактивных мин калибра 280 мм и 320 мм [16].

По сравнению с показателями Западной кампании в танковых соединениях, подготавливаемых для нападения на СССР, количество средних танков увеличилось в 2,3 раза (с 627 до 1423). Причем многие танки T-III вместо 37-мм пушки были оснащены 50-мм пушкой. Средние танки в этих дивизиях составили 39 проц. общего количества танков, выделенных для нападения на СССР. Если же к средним танкам добавить еще 250 штурмовых орудий, которые по тактико-техническим данным соответствовали средним танкам, то доля средних танков в составе войск для войны против СССР возрастет до 45 проц. Аналогичный показатель в ходе Западной кампании составлял всего 24,5 проц[17].

Из 5,7 тыс. танков и штурмовых орудий, которыми располагали вооруженные силы Германии к 1 июня 1941 года, в первый оперативный эшелон для нападения на Советский Союз немецко-фашистское командование выделило примерно 3350 боевых машин. Кроме того, в резерве верховного командования, предназначенном для наращивания первоначального удара, имелось примерно 350 танков в составе двух танковых дивизий. Таким образом, для войны против СССР выделялось около 3,7 тыс. танков и штурмовых орудий (66 проц. общего количества). Это были наиболее мощные и боеспособные гусеничные машины. Остальные танки, главным образом легкие немецкие T-II, T-I и трофейные, входили в состав двух танковых дивизий, действовавших в Северной Африке, а также отдельных танковых частей в Норвегии и Франции и в армию резерва, где они использовались для обучения нового пополнения [18].

Поступление на вооружение значительного количества новых средних танков позволило немецкому командованию произвести перестройку организационно-штатной структуры танковых дивизий, с тем чтобы придать им большую маневренность и самостоятельность в ходе боевых действий. Во всех соединениях было оставлено по одному танковому полку (по три или по два танковых батальона в каждом), в то время как в ходе Западной кампании в большинстве дивизий было по два танковых полка. Соответственно количество танков в дивизии уменьшилось с 210—300 до 154—208. Моторизованных полков в ней по-прежнему осталось два. Чтобы увеличить запас хода танков, им придавались прицепы с горючим, а для преодоления труднодоступных участков местности танки снабжались фашинами[19].

Рост производства автоматического стрелкового оружия позволил увеличить боевые возможности моторизованных и пехотных дивизий. В моторизованной дивизии, например, число пистолетов-пулеметов возросло с 31 до 762, а в пехотной дивизии — до 767[20].

Располагая данными, свидетельствовавшими о советском превосходстве в танках, немецкое командование уделило первостепенное внимание насыщению своих войск противотанковыми средствами. С лета 1940 года был налажен массовый выпуск 50-мм противотанковых пушек (пробиваемость брони до 65 мм). Легкие противотанковые ружья калибра 7,92 мм с пробиваемостью брони до 20 мм заменялись тяжелыми— калибра 28 мм, с пробиваемостью брони до 40 мм. Истребительно-противотанковый дивизион пехотной дивизии стал моторизованным. К июню 1941 года в сухопутных войсках Германии имелось 1047 50-мм противотанковых пушек, 14,5 тыс. 37-мм противотанковых орудий, 25,3 тыс. легких противотанковых ружей образца 1938/39 года, 183 тяжелых противотанковых ружья образца 1941 года. По сравнению с апрелем 1940 года количество противотанковых орудий увеличилось на 2674 единицы, а противотанковых ружей — более чем на 20 тыс. Помимо этого, на вооружении имелись чешские противотанковые пушки калибра 37 и 47 мм, часть из них была смонтирована на самоходных лафетах. С помощью всех этих средств военное руководство Германии надеялось полностью нейтрализовать действия советских танков[21].

Достижению качественного превосходства над Красной Армией, имевшей больше самолетов, чем вермахт, могли послужить, по мнению немецкого командования, более совершенная материальная часть ВВС Германии, насыщение войск зенитными средствами и налаживание тесного взаимодействия между авиацией и сухопутными войсками. К началу 1941 года был увеличен выпуск самолетов, хорошо зарекомендовавших себя в ходе Западной кампании, осуществлена их модификация. Большое внимание уделялось подготовке ВВС к нанесению ударов по советским аэродромам, для чего были расширены возможности ведения воздушной разведки. Из 3664 боевых самолетов, выделенных германским командованием для обеспечения операции «Барбаросса», 623 (т. е. 17 проц. общего числа) были разведывательными[22]. Этот показатель в несколько раз превышал аналогичный, характеризующий советские ВВС. В целях укрепления взаимодействия между авиацией и сухопутными войсками Германии в декабре 1940 года принимается решение о создании эскадрилий ближней разведки в дополнение к имевшимся частям дальней воздушной разведки. Всего сформировали 56 эскадрилий ближней воздушной разведки. Их придали сухопутным войскам, ь том числе 20 эскадрилий для поддержки бронетанковых сил (на каждую танковую дивизию по шесть самолетов Хш-126, Ме-110) и 36 эскадрилий

для поддержки пехоты (на корпус семь самолетов Хш-126 и ФВ-189). Кроме того, сухопутные войска получили 16 эскадрилий дальней разведки, включая три вновь сформированные для ночной разведки. Все эти эскадрильи предназначались для обеспечения штабов танковых групп, армий и групп армий[23].

В соответствии с оперативными планами главной задачей воздушной разведки являлось обнаружение сосредоточения танков и живой силы противника и осуществление контроля за перевозками на железнодорожных и автомобильных магистралях. Силы ночной воздушной разведки дислоцировались только в тех районах, откуда планировалось нанести главные удары. Эскадрильи дальней разведки предусматривалось использовать также для корректировки огня при обстрелах противника тяжелой, особенно железнодорожной артиллерией.

Сухопутным войскам подчинялись в оперативном отношении многие части зенитной артиллерии, организационно входившей в состав немецких ВВС. Всего армиям и танковым группам, задействованным в операции «Барбаросса», было придано 37 смешанных зенитных артдивизионов и 14 легких. Тем самым обеспечивалась более эффективная противовоздушная оборона сухопутных войск[24].

Приданные и оперативно подчиненные сухопутным войскам силы ближней и дальней воздушной разведки, а также зенитной артиллерии и войск связи ВВС действовали под руководством представителей ВВС при штабах армий и танковых групп, которые в свою очередь подчинялись командующим ВВС при штабах групп армий.

Во главе всех подчиненных сухопутным войскам частей ВВС стоял авиационный генерал при главнокомандующем сухопутными войсками. Для поддержания тесной взаимосвязи со штабами сухопутных войск и непрерывной информации воздушных флотов и авиационных корпусов о наземной обстановке, а также о потребностях сухопутных войск выделялись отряды связи авиации с сухопутными войсками при армиях, армейских корпусах и танковых дивизиях. Все это обеспечивало своевременность поступления информации и давало возможность командованию оперативно реагировать на поступавшие данные[25].

Исключительно большое значение для достижения качественного превосходства вермахта над советскими войсками имела подготовка немецко-фашистских войск, проводившаяся с лета 1940 года, к войне против СССР.

Уже в начале июля 1940 года определились основные направления в обучении войск. Обучение рекрутов было организовано заново с тем, чтобы сразу включить в процесс боевой подготовки военнослужащих, призванных осенью 1940 года. Сроки индивидуальной подготовки были увеличены. В армии резерва они составляли для рядовых не менее восьми недель, в действующей армии — не менее трех месяцев. 7 октября 1940 года была издана директива главнокомандующего сухопутными войсками В. Браухича о задачах боевой подготовки на зиму 1940/41 года. Она требовала использовать зимнюю учебу таким образом, чтобы «войска были готовы выполнить любое задание Гитлера». Командующие группами армий и армиями получили указание проследить, чтобы боевой опыт в Западной кампании не переоценивался и чтобы войска готовились к «борьбе всеми силами против равного противника» [26]. Хотя в директиве открыто не говорилось о войне против СССР, все содержание учебы указывало на подготовку войск именно к такой войне.

Чтобы более определенно ориентировать обучение немецких войск, поставив главной его целью борьбу против Красной Армии, осенью 1940 года отдел по изучению иностранных армий Востока на основе финских данных подготовил обзор «Из опыта русско-финской войны», который по указанию главнокомандующего сухопутными войсками в октябре был направлен во все нижестоящие штабы вплоть до дивизии. В обзоре обобщалась тактика советских войск в наступлении и обороне, приводились конкретные примеры их действий, давалась им оценка. В частности, обращалось внимание на умение советских военнослужащих быстро и основательно окапываться, а также на то, что после этого их трудно было выбить из занятых позиций. Сообщалось, что финны поэтому контратаковали остановившегося противника сразу, не давая ему закрепиться, что обычно приносило им успех. В отчете подчеркивалось упорство советских войск в обороне, но одновременно отмечались ее небольшая глубина, неумелое использование местности, плохая маскировка. Указывалось на однообразие и большую длительность советской артиллерийской подготовки. Это позволяло финнам уходить из-под обстрела, а затем возвращаться на старые позиции в полной готовности к отражению атаки. Отмечались также многие недостатки в организации советским командованием наступления: плохая разведка, демаскирующий шум танков в выжидательных районах, отсутствие четкого взаимодействия и т. д. Командование вермахта предполагало, что опыт советско-финской войны с пользой будет применен при подготовке немецких войск к операции «Барбаросса»[27].

В феврале — апреле 1941 года главнокомандующий сухопутными войсками В. Браухич издал ряд новых директив по вопросам обучения и воспитания личного состава. В них требовалось обучать военнослужащих «в духе агрессивности и безжалостности, смелости и решительности в действиях», добиваться «создания у немецкого солдата чувства превосходства над любым противником и непоколебимой веры в победу»[28]. В директивах обращалось внимание на трудности ведения войны в глубине территории СССР в условиях бездорожья, указывалось на необходимость выработки умения командиров всех степеней быстро принимать решения, организовывать боевое и материально-техническое обеспечение войск, заботиться о прикрытии флангов. Они требовали отрабатывать действия войск по отражению ударов противника из засад, обучать войска способам достижения внезапности. Всем родам войск, соединениям, частям и подразделениям, в том числе маршевым и тыловым, предписывалось освоить применение имеющихся средств противотанковой обороны, изучить способы борьбы с танками и противотанковыми средствами противника. Указывалось также на необходимость обучить командный состав и войска умению работать с ограниченным количеством карт и устаревшими данными, нанесенными на них. 28 мая была издана директива, требовавшая в ходе боевой подготовки учитывать опыт действий немецких войск в Балканской кампании.

Особое внимание обращалось на обеспечение гибкости и оперативности управления войсками, готовности командиров принять решение, не дожидаясь письменного приказа. Для осуществления контроля за ходом обучения войск, подготовки к операции «Барбаросса» Браухич привлек генерал-лейтенанта Э. Мюллера, бывшего генерал-квартирмейстера при генеральном штабе, наделив его «особыми полномочиями»[29].

По указанию Браухича пехотные подразделения, части и соединения обучались наступлению ударными группами («клиньями»). При таком способе действий более эффективным становился огонь поддерживающих пехоту средств (пехотных орудий, минометов, станковых пулеметов, противотанковых ружей, пушек и т. п.), ведущийся в промежутках между наступающими ударными группами[30]. :

При обучении летного состава ВВС первостепенное внимание обращалось на совершенствование выучки экипажей, особенно новых, на приобретение ими боевого опыта и навыков по организации навигационного обеспечения боевых полетов на Востоке. В начале 1941 года командованию авиационных корпусов на Западе было дано указание сократить действия против Англии до такой степени, чтобы полностью восстановить боеспособность летных соединений к началу операции «Барбаросса». С этого момента немецкая авиация совершала налеты в основном только на ближние объек-

ты, имевшие слабую ПВО с тем, чтобы полностью избежать потерь и одновременно приобрести опыт боевых действий[31].

Немалое значение немецкое командование придавало оперативно-тактической подготовке офицерского и генеральского состава. С этой целью были организованы различные курсы, проводились занятия в частях и соединениях. Важнейшей формой непосредственной подготовки к войне против Советского Союза были многочисленные командно-штабные учения на всех уровнях. К ним очень тщательно готовились. Основной их задачей, как указывалось, например, в разработке 2-й армии на командно-штабное учение от 10—13 марта 1941 года, было «развитие оперативного мышления офицеров»[32]. Генеральный штаб сухопутных войск в своих указаниях требовал в ходе командно-штабных учений и других занятий с офицерами учить их умело вести разведку, постоянно заботиться об организации взаимодействия между родами войск, соседями и с авиацией, быстро реагировать на изменение боевой обстановки, рационально использовать имеющиеся силы и средства, заблаговременно готовиться к борьбе с танками и авиацией противника.

Особое место отводилось подготовке офицеров службы генерального штаба. Они имели академическое военное образование и занимали должности начальников штабов и начальников оперативных отделов соединений и объединений, а также некоторые другие должности в высших штабах. В связи с увеличением действующей армии, созданием новых штабов армий, танковых групп, корпусов, дивизий, потребность в офицерах этой категории возросла. К 22 июня 1941 года в германской армии имелись 1053 должности, подлежащие замещению этими офицерами [33]. Такого количества офицеров с академическим образованием у немецкого командования в середине 1940 года не было. Генеральный штаб сухопутных войск решил создать десятинедельные курсы для подготовки штабных работников. По приказу начальника генерального штаба Ф. Гальдера курсы начали функционировать с 14 октября 1940 года при военной академии в Берлине. Для обучения на них отбирались наиболее способные офицеры. Задача курсов, по определению Гальдера, состояла прежде всего в том, чтобы «научить офицеров осмысленным действиям в условиях боевой обстановки в расширенном великогерманском пространстве». Особо подчеркивалась необходимость научить этих офицеров мыслить на уровне высшего военного руководства, знать условия и способы действий высокоподвижных механизированных соединений[34].

Каждую неделю слушатели курсов решали две тактические задачи и участвовали в двух командно-штабных учениях, в том числе в ночное время. Ежедневно проводились занятия по организации разведки, связи, боевого, инженерного и тылового обеспечения и по другим темам. Усиленно изучался Советский Союз и его Вооруженные Силы. В расписание занятий были включены такие темы, как «военно-географическое описание России», «Русские сухопутные войска», «Военно-политическое положение России» и др. Много времени отводилось подготовке различных штабных документов[35].

К началу войны против СССР состоялось четыре выпуска курсов. Они подготовили 250 офицеров генерального штаба. Кроме того, было привлечено на службу свыше 100 бывших офицеров этой категории, уволенных в запас в 1918 году. Принятые меры позволили немецкому командованию сохранить на прежнем высоком профессиональном уровне качество подготовки офицеров генерального штаба. Однако ограничение числа должностей, подлежащих замещению этими офицерами, обусловило увеличение нагрузки на каждого из них, что особенно сказалось во время войны, где неизбежны потери[36]. В дивизиях, корпусах и армиях тоже были созданы курсы, на которых велась подготовка общевойсковых командиров к выполнению специальных задач оперативных и разведывательных отделов. Командиры, прошедшие обучение на этих курсах, рассматривались как резерв для замещения офицеров генерального штаба, но их профессиональный уровень был значительно ниже[37].

Немецкое командование сумело к 22 июня 1941 года полностью обеспечить квалифицированными командными кадрами войска, предназначенные для нападения на СССР, и создать необходимый резерв офицеров. Например, для каждой из трех групп армий оказался подготовлен резерв в 300 человек. Наиболее квалифицированные командные кадры направлялись в соединения, которые должны были действовать на главных направлениях. Так, в танковых, моторизованных и горно-стрелковых дивизиях кадровые офицеры составляли 50 проц. офицерского состава, в пехотных дивизиях 1, 4, 11 и 12-й волн, прошедших переукомплектование в конце 1940—начале 1941 года, — 35 проц., а в остальных дивизиях— только 10 проц. 90 проц. приходилось на офицеров-резервистов, чья профессиональная подготовка была значительно ниже, чем у кадровых[38].

Качественному совершенствованию немецко-фашистских войск в определенной степени способствовала и более четкая система организации их материально-технического обеспечения в связи с подготовкой к операции «Барбаросса».

Основываясь на опыте Западной кампании, немецкое командование пришло к выводу о невозможности осуществлять снабжение войск в войне против СССР через тыловые службы армий непосредственно **с** территории Германии. Поэтому оно разработало новые методы тылового обеспечения, что было обусловлено огромными размерами театра военных действий на Востоке. В частности, к штабам групп армий прикомандировали представителей генерал-квартирмейстера (начальника тыла сухопутных войск), которые по поручению последнего должны были руководить снабжением в полосе соответствующей группы армий во взаимодействии с ее штабом. Командование группы армий занималось лишь постановкой общих задач по тыловому снабжению и осуществляло контроль за распределением транспортных средств, что позволяло ему уделять больше времени и внимания непосредственно руководству боевыми действиями[39].

В группах армий были созданы округа снабжения во главе **с** представителем генерал-квартирмейстера, а в армиях — районы снабжения. В каждом из районов перед началом операции «Барбаросса» накапливались запасы всех материально-технических средств, которые должны были обеспечить потребности войск в течение 14 суток в случае отсутствия подвоза с баз округов снабжения. Кроме тоге, там имелись по два боекомплекта боеприпасов для всех видов оружия армии, восемь заправок горючего в бочках и по две заправки в стационарных складских емкостях, 20 сутодач продовольствия[40].

Важнейшее значение в деле организации подвоза материально-технических средств придавалось согласованному использованию транспорта сухопутными войсками и ВВС, привлечению сил ВМС для снабжения войск через порты Балтийского и Черного морей. В первые недели операции «Барбаросса», по мнению немецкого командования, подвоз должен был почти полностью обеспечиваться автотранспортом. Поэтому грузоподъемность «большого транспортного парка» (автотранспортные полки и батальоны), находившегося непосредственно в распоряжении генерал-квартирмейстера, была увеличена по сравнению с весной 1940 года с 20 тыс. до 45 тыс. т[41]. Начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер 5 мая 1941 года отмечал, что положение с автотранспортом в вермахте «лучше, чем год назад (перед наступлением на Запад)... Части подвоза и снабжения полностью оснащены для проведения операции «Барба-

росса»[42]. Наряду с автотранспортом для снабжения войск, участвующих в «восточном походе», были подготовлены 15 тыс. гужевых повозок с ездовыми[43]. Были усилены также железнодорожные войска и проведена подготовка к перешивке советской железнодорожной колеи на европейскую и к эксплуатации головных участков без предварительной перешивки колеи. Для этой цели создали грузовые автодрезины, которые придавались передовым наступающим войскам. Они могли одновременно тянуть по три товарных вагона. К началу «восточного похода» имелось более 170 таких машин[44]. В штабах многое делалось для того, чтобы обеспечить упорядоченное использование транспорта, не выдвигать вперед большого количества транспортных средств, держать свободными автомобильные дороги в Германии и Польше после перехода вермахта в наступление.

Немецкое командование стремилось повысить профессиональные навыки командного состава тыловых служб, особенно в звене дивизия— корпус. С офицерами квартирмейстерской службы проводились занятия и штабные игры по изучению организации снабжения в условиях широкомасштабных наступательных операций при быстром продвижении войск. Их внимание обращалось на различие в материально-техническом обеспечении подвижных (танковых) и пехотных соединений. Много времени отводилось отработке расчетов необходимого количества средств снабжения и транспорта, а также проблемам использования оккупированной территории для снабжения войск[45].

Все мероприятия по качественному совершенствованию вермахта военно-политическое руководство Германии намечало завершить приблизительно к середине мая 1941 года. Выступая на совещании высшего командования 5 декабря 1940 года, Гитлер, как отмечал Франц Гальдер, говорил: «Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества»[46].

Анализ состояния вооруженных сил Германии к моменту нападения на СССР показывает, что немецкому командованию поставленную задачу по основным показателям выполнить удалось. В качественном отношении вермахт стал более совершенным, чем за год до войны с Советским Союзом, когда он сумел одержать быструю победу в Западной кампании. Следует, конечно, подчеркнуть, что его подготовка к агрессии против Советского государства велась в соответствии с концепцией запланированной «молниеносной войны» против СССР.

Невольно возникает вопрос, сумело ли военное руководство СССР правильно оценить особенности подготовки вермахта в 1940—1941 гг. Развитие событий в начальном периоде Великой Отечественной войны показывает, что в Советском Союзе в то время не обратили должного внимания на качественное совершенствование вермахта, а в основном занимались подсчетом количества дивизий, других сил и средств вооруженной борьбы возможного противника. Именно поэтому для советского командования оказалась полной неожиданностью сила ударов, которые немецко-фашистские войска обрушили на нашу страну уже в первые дни войны.

Сделав упор на качественное совершенствование вермахта, германское военно-политическое руководство сумело использовать все имевшиеся в 1940—1941 гг. в его распоряжении ресурсы и время более эффективно, чем советское. Руководство СССР, несмотря на то что с ноября 1040 года неизбежность войны с Германией стала вполне очевидной, продолжало проводить прежний курс на увеличение численности вооруженных сил, количества оружия и военной техники. Даже в феврале 1941 года правительство СССР по предложению начальника Генерального штаба Красной Армии Г. К. Жукова приняло план расширения сухопутных войск еще почти на сто дивизий, хотя более целесообразно в создавшейся обстановке было бы доукомплектовать, перевести на штаты военного времени имевшиеся двести с лишним дивизий и повысить их боеспособность[47]. Результатом этих мероприятий явилось относительное ослабление Вооруженных Сил СССР по сравнению с вермахтом, о чем стало известно немецко-фашистскому военному руководству.

Однако в 1939 году оно еще оценивало Красную Армию как противника, столкновение с которым пока нежелательно. «Русские вооруженные силы военного времени, — говорилось, например, в разведсводке генерального штаба сухопутных войск Германии от 28 января 1939 года, — в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определенны»[48]. В 1939 году на вопрос Гитлера, чем кончится дело, если Германия нападет на Польшу, а Франция и Англия придут ей на помощь, начальник штаба верховного главнокомандования В. Кейтель и главнокомандующий сухопутными войсками В. Браухич ответили, что она покончит с Польшей в течение месяца. Кейтель полагал, что Германия разгромит затем также Францию и Англию. Далее Гитлер спросил, что случится, если против Германии выступит и Советский Союз. Браухич ответил: «Германия потерпит поражение»[49].

В начале 1941 года немецкое военное руководство уже отмечало слабость Вооруженных Сил СССР, считало возможным их быстрый разгром. Вот что говорилось в секретном докладе о состоянии Красной Армии, подготовленном разведывательным отделом генерального штаба сухопутных войск Германии 15 января 1941 года: «В связи с последовавшей после расстрела летом 1937 года Тухачевского и большой группы генералов «чисткой», жертвой которой стало 60—70 проц. старшего начальствующего состава, имевшего частично опыт войны, у руководства «высшим военным эшелоном» (от главнокомандования до командования армий) находится совсем незначительное количество незаурядных личностей... На смену репрессированным пришли более молодые и имеющие меньший опыт лица. Преобладающее большинство нынешнего высшего командного состава не обладает способностями и опытом руководства войсковыми объединениями. Они не смогут отойти от шаблона и будут мешать осуществлению смелых решений. Старшему и младшему командному составу (от командира корпуса до лейтенанта включительно) также, по имеющимся данным, свойственны очень крупные недостатки»[50]. В докладе отмечалось, что с конца 1939 года советским руководством принимались меры по укреплению Красной Армии. «Вооруженные силы, особенно после опыта, приобретенного в финской войне,— указывалось в нем, — претерпевают изменения. От большевистского пристрастия к проведению гигантских маневров и учений они возвращаются к кропотливой работе по индивидуальной подготовке офицера и бойца... Однако в условиях России положительная роль новых методов может сказаться лишь спустя несколько лет, если не десятилетий... Такие черты характера русских людей, как инертность, косность, боязнь принять решение и страх перед ответственностью, продолжают оставаться»[51].

Приведенные факты свидетельствуют, что качественное, а не количественное превосходство немецко-фашистских войск над советскими явилось решающим фактором их успехов в начальный период Великой Отечественной войны. Красная Армия, увеличив с 1 сентября 1939 года общую численность в 2,8 раза, ненамного уступала в этом вермахту[52]. В первом стратегическом эшелоне численность вооруженных сил Германии и Советского Союза была приблизительно равной. Превосходство в самолетах и танках было на стороне СССР. Даже по количеству новых тяжелых и средних танков советские войска превосходили немецко-фашистские. Разница заключалась в том, что наши силы были рассредоточены на значительную глубину (200—250 км), а немецко-фашистские выдвинуты непосредственно к границе СССР и сконцентрированы на нескольких главных направлениях, где на некоторых участках им удалось достичь пяти-шестикратного превосходства над советскими.

Недостатки в качественном состоянии Советской Армии были в первую очередь причиной ее неудач в начальный период войны. Одним из этих факторов объясняются и потери наших войск в этот период.

Анализ упущений советского военного руководства в оценке состояния вооруженных сил вероятного противника и в подготовке собственной армии накануне Великой Отечественной войны приводит к выводу, что в условиях сохраняющейся в мире военной опасности важно иметь не большую по численности армию, а более совершенную в качественном отношении.

Полковник А. С. ЯКУШЕВСКИЙ, кандидат исторических наук

[1] См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941 —1945: Краткая история.— Изд. 3-е.— М.: Воениздат, 1984.— С. 35; Вторая мировая война: Краткая история.— М.: Наука, 1984.— С. 120.

[2] Militararchiv der DDR, WF-10/21797, Bl. 794—796.

[3] История второй мировой войны 1939 — 1945.— Т. 4.— М.: Воениздат, 1975.— С. 13.

[4] См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933 — 1945 г.— Т. П.: Пер. с нем.— М.: Изд-во иностр. лит. 1958.— С. 53, 137, 140.

[5] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Stuttgart, 1983.—Bd. 4.—S. 260.

[6] Мюллер-Гиллебранд Б.— Указ. соч.— С. 82.

[7] Там же.—С. 53. 105, 152.

[8] Там же.—С. 239.

[9] Там же.—С. 105, 210—212.

[10] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. —S. 261.

[11] Мюллер-Гиллебранд Б. — Указ. соч.— С. 104.

[12] Там же.— С. 101.

[13] Там же. — С. 47, 138—139; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. — S. 269.

[14] Мюллер-Гиллебранд Б. — Указ. соч.—С. 151, 168—170, 215.

[15] Там же. — С. 170—178, 215— 219.

[16] Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres: 1933—1945. Koblenz, 1986. S. 187.

[17] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. —S. 185.

[18] Мюллер-Гиллебранд Б. — Указ. соч.— С. 144.

[19] Там же.—С. 194—197, 248— 252; Гудериан Г. Танки — вперед!: Пер с нем.— М.: Воениздат, 1957.— С. 28.

[20] Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941 — 1945; Краткий военно-исторический очерк.— Т. 1.— М.: Воениздат, 1958.— С. 358, 362.

[21] Мюллер-Гиллебранд Б. — Указ. соч.— С. 147.

[22] Das Deutsche Reich und der Zweiie Weltkrieg. — Bd. 4. — S. 313.

[23] Ibid. — S. 303.

[24] Militararchiv der DDR, WF-10/2829, Bl. 850.

[25] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.— Bd. 4. — S. 302—304.

[26] Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbe-reitung der- faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sovjetunion (1940— 1941). — Berlin, 1970. — S. 239—241.

[27] Militararchiv der DDR, WF-03/5669, Bl. 703—712.

[28] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. — S. 266.

[29] I b i d. — S. 266—267.

[30] Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем.— Т. И.— М.: Воениздат, 1969.—С. 178—179.

[31] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. — S. 278—279.

[32] Militararchiv der DDR, WF-03/24215. Bl. 713—714, 833—836.

[33] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. — S. 255.

[34] Ibid. —S. 265—266.

[35] Militararchiv der DDR, WF-03/24215, Bl. 4.— S. 265.

[36] Мюллер-Гиллебранд Б. — Указ. соч.— С. 140—141.

[37] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. — S. 265.

[38] Ibid. —S. 271.

[39] Ibid. — S. 248—249.

[40] Ibid. — S. 249, 252.

[41] Мюллер-Г иллебранд Б. — Указ. соч.— С. 107 — 108.

[42] Гальдер Ф.— Указ. соч.—С. 502.

[43] Там же.— С. 417.

[44] Мюллер-Гиллебранд Б. — Указ. соч.— С. 108.

[45] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. — Bd. 4. — S. 247—249.

[46] Гальдер Ф.— Указ. соч.— С. 282.

[47] История второй мировой войны 1939—1945.—Т. 3.— М.: Воениздат, 1974.— С. 412—420.

[48] Цит. по: Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса».— М.: Изд-во АПН, 1972.— С. 95.

[49] Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. — М.: Международные отношения, 1979. — С. 273.

[50] Militararchiv der DDR. W-10/21797, Bl. 793.

[51] Ibid, Bl. 801—803.

[52] История второй мировой войны.— Т. III.— С. 441.

ЭШЕЛОН ДЛИНОЙ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

1. ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ

Исполнил рядовой Федор Яковлевич Радченко солдатский долг честь по чести: в боях за товарищей не прятался, спину врагу не показывал. В конце войны получил тяжелое ранение и контузию. Возвратился домой инвалидом. Но когда руки и ноги целы, а природа силой и выносливостью не обделила, разве инвалидность в счет? Однако недолго пришлось бывшему бойцу проявлять старание на трудовом фронте. Как-то после завершения работ на току, когда некоторые колхозники стали набивать карманы, специально нашитые в разных местах, только что вымолоченным зерном, не удержался и Федор Яковлевич: в доме хлебушка не хватало. И... оказался на скамье подсудимых. За содеянное пришлось поработать в северных краях

Вернувшись из заключения, Федор Яковлезич повел честную трудовую жизнь. И все же односельчане нет-нет да и подшучивали над ним:

— Что ж ты, Федор, такой неумейка? Другие мешками воруют — ничего, а ты и горсти унести не смог.

— Уж чем-чем, а воровством хвастаться нечего,— отвечал Федор Яковлевич.— И неправда, что большое воровство сходит с рук. За большее и дают больше. Я вот получил по году, считайте за каждый килограмм зерна. Ну а в лагере рассказывали про одного генерала, который целый эшелон добра присвоил. Так ему за каждый вагон — по году. Итого двадцать пять.

— А не врешь? — изумлялись слушатели.— Генералу? Быть того не может!

— Не вру. Об этой истории, почитай, вся страна гудит. Пока домой добрался, такого наслышался. Говорят разное, а суть одна: сколько бы веревочке не виться... И я так скажу, жизнь честная, конечно, проще, да нужнее. И сам больше крошки чужой не возьму, и детям с внуками закажу.

...Случай, о котором поведал Федор Яковлевич Радченко односельчанам, действительно был. И породил множество порой невероятных слухов. Чаще всего говорили так: боевой генерал ничего себе не взял, а сформировал эшелон с ценным грузом, чтобы помочь вдовам и сиротам, и на каждой железнодорожной станции раздавал добро по списку самым нуждающимся. В устах иных рассказ об эшелоне обрастал прямо сказочными деталями. Получалось, что этому поезду не нужны ни шпалы, ни рельсы, он мог вдруг появляться то в лесу, то в степи, то в горах. В общем он приобретал черты «летучего голландца», хотя и не бороздил просторы морей. Люди передавали друг другу, что попавшие в эшелон вдовы, сироты и фронтовики-инвалиды щедро одаривались и отпускались, а грабители и воры пропадали бесследно. «Летучим эшелоном» будто бы управлял некий бравый капитан, который на станциях докладывал генералу: тому-то и тому-то выделено и передано того-то и того-то столько-то, а тот и тот так-то и так-то наказаны...

Недавно, разбирая архивы следственных и судебных материалов, мы ознакомились с делом, в котором, похоже, фигурируют тот самый генерал, тот самый капитан и тот самый эшелон. Нам показалось, что эту судебную историю, используя документы, следует рассказать читателям, чтобы восстановить историческую истину по отношению к нашумевшему когда-то происшествию.

2. АРЕСТ

В надзорном производстве по заинтересовавшему нас делу сохранился любопытный документ. Воспроизводим его полностью.

«28 ноября 1953 г. Министру внутренних дел Союза ССР
генерал-полковнику тов. КРУГЛОВУ С. Н.

В 1948 году органами бывшего МГБ СССР были арестованы генерал-лейтенант ТЕЛЕГИН Константин Федорович, генерал-лейтенант КРЮКОВ Владимир Викторович и его жена КРЮКОВА-РУСЛАНОВА Лидия Андреевна, которые впоследствии были осуждены к различным срокам лишения свободы в ИТЛ [1] с конфискацией у них имущества.

28 июля 1953 года Военная коллегия Верховного суда Союзз ССР ранее вынесенные в отношении ТЕЛЕГИНА К. Ф. и КРЮКОВА В. В. решения отменила, дела в отношении их прекратила, и ТЕЛЕГИН К. Ф. и КРЮКОВ В. В. полностью реабилитированы.

3 августа 1953 года Особым совещанием при МВД СССР было пересмотрено и прекращено дело КРЮКОВОЙ-РУСЛАНОВОЙ Л. А., и она тоже полностью реабилитирована.

В связи с этим прошу Вас дать указания о возвращении ТЕЛЕГИНУ К. Ф., КРЮКОВУ В. В. и КРЮКОВОЙ-РУСЛАНОВОЙ Л. А. конфискованного у них личного имущества за исключением имущества, изъятого у них по особому указанию.

Заместитель главного военного прокурора генерал-майор юстиции Д. КИТАЕВ».

Поводом для ареста супружеской четы, о чем свидетельствуют документы, послужила склонность к обогащению. У Крюковых конфисковали более 700 тыс. рублей да еще драгоценностей на значительную сумму, 123 картины известных мастеров, две дачи и много другого добра.

Но наша речь не о Крюкове и его жене, известной певице. О них мы упомянули лишь потому, что их фамилии оказались рядом с фамилией генерала Телегина. Именно он, Константин Федорович, больше подходит на роль героя распространявшихся после войны в народе легенд.

13 марта 1954 года заместитель главного военного прокурорэ полковник юстиции Д. Терехов подготовил на имя заместителя Генерального прокурора СССР Н. Хохлова справку по делу К. Телегина следующего содержания:

«ТЕЛЕГИН К. Ф. был арестован МГБ СССР 24 января 1948 года...

В имущественном деле ТЕЛЕГИНА, находящемся в 1-м спецотделе МВД СССР, имеется копия письма бывшего министра госбезопасности СССР АБАКУМОВА от 5 марта 1948 года в адрес И. В. Сталина.

В этом письме есть такие строки: «В соответствии с Вашим указанием имущество и ценности, отобранные у арестованного генерал-лейтенанта ТЕЛЕГИНА К. Ф., переданы 4 марта 1948 года по актам Управляющему Делами Совета Министров СССР тов. БАДАЕВУ». Вместе с письмом были представлены акты и описи на имущество и ценности, изъятые у ТЕЛЕГИНА и переданные Управляющему Делами Совета Министров СССР...»

Резонно заметить, что если Сталин давал указания министру государственной безопасности в отношении имущества и ценностей, изъятых у арестованного генерала Телегина, то сомнительно, чтобы он не ведал, за что того арестовали и в каких грехах обвиняют. Ведь эта фамилия, судя по следственным материалам, засела в голове вождя значительно раньше. Памятным мог оказаться хотя бы такой случай. В 1947 году у члена военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина случилась крупная неприятность: его обвинили в нарушении узаконенного порядка награждения орденами. Решением ЦК ВКП(б) он был переведен из членов в кандидаты в члены партии, затем уволен в отставку с минимальной пенсией без права ношения формы.

И вот арест.

3. МУЖ И ОТЕЦ ПРОПАЛ...

«Главному военному прокурору

Вооруженных] С [ил] Союза ССР товарищу АФАНАСЬЕВУ (лично).

От жены арестованного генерал-лейтенанта (бывшего члена военного совете 1-го Белорусского фронта) ТЕЛЕГИНА Константина Федоровича гр[аждан]ки ТЕЛЕГИНОЙ Марии Львовны.

ЖАЛОБА[2]

Около полутора лет тому назад был арестован органами МГБ мой муж, и с тех пор мне В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО УКАЗАННОГО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ СООБЩАЛИ О ТОМ, ЧТО ПО ДЕЛУ МУЖА ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ.

Понимая, что так долго следствие ни при каких обстоятельствах вестись не может, я вынуждена считать даваемые мне работниками по справкам сведения совершенно неправильными и дезориентирующими меня в отношении положения с делами моего мужа...»

Мы еще вернемся к этой жалобе, а сейчас попытаемся внести ясность в создавшуюся тогда ситуацию. Марию Львовну не обманывали. Следствие затягивалось. Оно продлится еще не один год. Шло вымогательство показаний. Это нашло отражение в документах. Вот они.

«УТВЕРЖДАЮ.

Министр госбезопасности СССР генерал-полковник

(АБАКУМОВ) 30 января 1948 года

АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ Гл[авный] военный прокурор

Советской Армии генерал-лейтенант юстиции

(АФАНАСЬЕВ) 31 января 1948 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (на арест)

гор. Москва

1948 года, января дня[3]

Я, пом[ощник] начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник СОКОЛОВ, рассмотрев поступившие материалы о преступной деятельности ТЕЛЕГИНА Константина Федоровича, 1899 года рождения, уроженца г. Татарска Новосибирской области, русского, в 1947 году переведенного из членов ВКП(б) в кандидаты и уволенного с военной службы в Советской Армии, генерал-лейтенанта в отставке, НАШЕЛ:

Имеющимися в МГБ СССР материалами устанавливается, что ТЕЛЕГИН проводит антисоветскую деятельность, а также, что в 1945—1946 гг., находясь на территории Германии, он занимался мародерством. Руководствуясь статьями 145 и 158 УПК[4] РСФСР, ПОСТАНОВИЛ:

ТЕЛЕГИНА Константина Федоровича подвергнуть аресту и обыску».

Спустя полмесяца после утверждения этого документа тем же Соколовым составляется постановление о предъявлении обвинения Телегину, где почему-то отсутствует подпись обвиняемого, хотя соответствующая пометка имеется. Проходит еще два с половиной года, в течение которых ежемесячно оформляются ходатайство и постановление на продление срока следствия. Меняются только фамилии следователей: Соколов, Самарин, снова Соколов, Седов... 12 сентября 1951 года оформляется постановление о перепредъявлении обвинения, а спустя еще две недели — обвинительное заключение.

Приводим последнее полностью:

«УТВЕРЖДАЮ.

Зам. министра госбезопасности Союза ССР генерал-полковник (ГОГЛИДЗЕ)[5]

26 сентября 1951 года.

По следственному делу № 960

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ[6]

по обвинению ТЕЛЕГИНА Константина Федоровича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-10 ч. II и 193-17 п. «а» УК РСФСР. МГБ СССР 24 января 1948 года за вражескую деятельность был арестован ТЕЛЕГИН Константин Федорович — бывший член военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии, генерал-лейтенант в отставке.

Следствием по делу установлено, что ТЕЛЕГИН, находясь на руководящей политической работе в Советской Армии, совершил преступление против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено, ТЕЛЕГИН допускал высказывания, носившие антисоветский характер.

Так, в 1943 г. ТЕЛЕГИН в беседе с соприкасавшимися с ним военачальниками, критикуя систему тактической подготовки, существующей в Советской Армии до Отечественной войны, называл ее порочной и клеветнически заявлял, что Советская Армия к войне с Германией в достаточной степени подготовлена якобы не была. В 1945 г. также в беседе с одним из военачальников ТЕЛЕГИН заявил: «Нам стыдно перед заграницей за наши войска, находящиеся в Германии, за то, что они выглядят такими грязными и оборванными, в то время как англо-американские войска одеты «с иголочки».

Материалами следствия установлено также, что ТЕЛЕГИН, располагая фактами, свидетельствовавшими о враждебном отношении со стороны близких ему военачальников к Верховному Главнокомандованию и к политработе в Советской Армии, скрывал это от ЦК ВКП(б) и сам в отдельных случаях скатывался на позиции их единомышленника.

Как установлено, брат ТЕЛЕГИНА — ТЕЛЕГИН Д. Ф. в 1948 году осужден за проведение антисоветской агитации, причем свои вражеские убеждения он высказывал обвиняемому ТЕЛЕГИНУ, ведя с ним беседы антисоветского содержания.

Кроме того, следствием установлено, что ТЕЛЕГИН, находясь в 1944—1946 гг. вместе с советскими войсками на территории Польши и Германии, используя свое служебное положение, занимался стяжательством, скупая за бесценок и присваивая ценности и имущество, подлежавшие сдаче в доход государства.

При обыске у ТЕЛЕГИНА изъято большое количество ценностей, свыше 16 килограммоз изделий из серебра, 218 отрезов шерстяных и шелковых тканей, 21 охотничье ружье, много антикварных изделий из фарфора и фаянса, меха, гобелены работы французских и фламандских мастеров XVII и XVIII веков и другие дорогостоящие вещи.

ТЕЛЕГИН виновным себя признал. Изобличается в высказывании враждебных взглядов показаниями ТЕЛЕГИНА Д. Ф. и в присвоении имущества, подлежащего сдаче в доход государства, показаниями осужденных МОРОЗОВОЙ А. И., ВАСЮКОВА В. В. и БОРИСОВА В. Н., арестованных СЕМОЧКИНА А. С. и ЧЕРНОРЫЖА Л. С. и материалами обыска.

На основании изложенного обвиняется:

ТЕЛЕГИН К. Ф. ...[7] в том, что в беседах со своими знакомыми высказывал антисоветские взгляды, обманывал ЦК ВКП(б), скрывая известные ему факты проявления враждебности к Верховному Главнокомандованию и политаппарату в армии со стороны близких ему военачальников, и в 1944—1946 гг. использовал свое служебное положение, занимаясь обогащением, скупал и присваивал ценности и имущество, подлежавшие сдаче в доход государства, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-10 ч. II и 193-17 п. «а» УК РСФСР.

Следственное дело N° 960 по обвинению ТЕЛЕГИНА в соответствии со ст. 203 УПк РСФСР направить на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

Старший следователь следственной] части по особо важным делам МГБ СССР капитан САМАРИН

СОГЛАСЕН:

ВРИО начальника следственной] части по особо важным делам МГБ СССР

подполковник РЮМИН».

Однако жена Телегина всех этих подробностей не знала, а потому в жалобе, начало которой уже известно читателям, писала:

«Надо отметить, что вот уже более года, как я пишу в целый ряд инстанций И МНЕ ВООБЩЕ НИКТО НИЧЕГО НЕ СООБЩАЕТ, И Я СЕЙЧАС ВЫНУЖДЕНА ПРИБЕГНУТЬ К ВАШЕМУ ВМЕШАТЕЛЬСТВУ.

Ввиду изложенного прошу Вас сделать распоряжение о выдаче мне самой обыкновенной справки: кончилось ли дело моего мужа, если [он] осужден, то к какому наказанию, а если нет, то, хотя [бы] примерно, когда закончится следствие и в каком судебном органе будет разбираться дело?..»

Иначе составлено заявление сына Телегина, направленное сразу и Генеральному, и Главному военному прокурорам. Бросается в глаза, что жена арестованного генерала, пытаясь выяснить, куда пропал муж, больше беспокоится за его дальнейшую судьбу, требует ясной информации о нем, сын же главным образом пишет о вещах. Думается, делает он это умышленно. Располагая в отличие от матери более точными данными о состоянии дел отца, о том, что антисоветская версия обвинения трудно доказуема и теперь следствие сместит акценты в деле К. Ф. Телегина, сын предпринимает попытку, насколько возможно, уменьшить масштабы отцовской вины. Вот почему он заостряет внимание следствия на том, что «после обыска все сколько-нибудь интересные вещи, в том числе и лично мне принадлежащие, были опечатаны в одной комнате, а затем вывезены». «Все мои вещи,— подчеркивает в заявлении Телегин-младший,— были записаны как вещи Телегина Константина Федоровича, т.е. на имя моего отца, против чего я так же безуспешно возражал... На мое замечание о том, что мои вещи неправильно записаны на имя моего отца, сотрудники МГБ сказали, что все разберется и мое будет возвращено, а на кого вещи записаны, не имеет значения. Так ли это? Если не так, то здесь можно усмотреть сознательный обман...» В конце документа он прямо и настойчиво требует: «...прошу разобрать мое заявление с точки зрения советских законов, ускорить разбор этого слишком затянувшегося дела, а для начала вернуть мои вещи, матери книжку и распечатать комнату».

А между тем существовал еще «летучий голландец», генеральский эшелон, о котором, видимо, не подозревали не только жена, но и сын Константина Федоровича. Пришла пора рассказать о нем и людях, его сопровождавших.

4. КАПИТАН «ЛЕТУЧЕГО ГОЛЛАНДЦА» И СТРАСТИ ВОКРУГ ЭШЕЛОНА

Сведения об этом человеке очень скудные. Сохранились лишь два его письма, адресованные полковнику Нотэй-Голенко, командиру 21-й отдельной трофейной бригады. Капитан Калачев, а речь идет именно о нем, видно по всему, имел твердый характер, умел держать слово, заботливо и уважительно относился к подчиненным, был беспредельно честным, т. е. человеком долга и дела.

Вот одно из его писем:

«19.4.[19]46 г.

Командиру 21-й отдельной бригады.

Доношу, что команда в составе 5 человек, два офицера и три рядовых красноармейца, высланная для сопровождения транспорта № 178/4899 с имуществом генерал-лейтенанта Телегина со станции Ораниенбург на ст. Татарск, Омской области[8], до настоящего времени находится на ст. Ораниенбург. Прошел ровно месяц. В настоящее время имеются погруженные 3 платформы под тракторами и экскаваторами, имеется вагон для теплушки, имущество остальное не погружено, а указанное в списке имущество, как неполученное, ориентировочно до 25 вагонов, неизвестно где находится. Прошу Вас ускорить доставку этого имущества через соответствующие инстанции или в крайнем случае возвратить нас опять в бригаду, избавив от этой затяжной и забытой работы.

Пом[ощник] нач[альника] т[рофейного]

о[тдела] к[апита]н Калачев [9]».

Далее события развертывались так:

«1.08.47 г. Военному прокурору сухопутных войск

генерал-майору юстиции тов. ЧЕПЦОВУ А. А.

Представляю некоторые документы предварительной проверки данных об отправке оборудования и автомашин, произведенной, как утверждает ряд лиц, по распоряжению бывшего члена военного совета группы СОВГ генерал-лейтенанта Телегина.

Полагал бы необходимым отобрать объяснения у генерал-лейтенанта Телегина по этому вопросу.

Бывший начальник трофейного управления группы СОВГ генерал-лейтенант Жижин подтвердил получение такого приказания от генерал-лейтенанта Телегина, однако письменных объяснений по этому вопросу не представил, убыв по месту нового назначения в Северную группу войск. В документации же военного совета нет никаких данных об отправке этого груза.

Генерал-лейтенант Жижин нами через В[оенную] п[рокуратуру] Северной группы войск запрошен с тем, чтобы его письменное объяснение военным прокурором Северной группы войск было бы представлено непосредственно Вам.

Полагаю, что имеющихся данных достаточно для того, чтобы, выслушав объяснения генерал-лейтенанта Телегина, составить мнение о законности или незаконности непосредственной отправки большого груза в адрес местных партийных и советских органов по месту жительства самого т[оварища] Телегина [10].

Если исключить возможность решения на этот счет соответствующих центральных органов, то действия генерал-лейтенанта Телегина выглядят самоуправством со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Приложение: на 52 листах.

Зам[еститель] военного прокурора группы СОВГ генерал-майор юстиции ОГАНДЖАНЯН».

В следственных материалах имеются объяснительные записки генерал-лейтенантов Телегина и Жижина, датированные 12 сентября и 22 августа 1947 года. В первой сообщалось, что в ответ на просьбу Татарского горсовета и горкома ВКП(б) к своему земляку оказать помощь городу в оборудовании электростанции и кирпично-черепичного завода, в автотранспорте и прочем последовал официальный запрос в ЦК партии, а точнее, Г. М. Маленкову о разрешении на отправку по указанному адресу необходимого оборудования и имущества. Маленков подтвердил свое согласие телеграммой. «Как мой запрос товарищу Маленкову,— уточнял К. Ф. Телегин,— так и ответ его обязательно должны быть в делах военного совета ГСОВГ или... штаба ГСОВГ... [11]. Имущество было отправлено по накладным трофейного управления, получено Татарским горсоветом. Последний получил специальное решение С[овета] М[инистров] РСФСР об установке этого оборудования». Он ссылался также на бывшего помощника Г. М. Маленкова — Н. Г. Жукова, работавшего в то время уже в Военком отделе ЦК ВКП(б). Жижин, в сущности, подтверждая эти факты, дополнил их. «Тов[арищ] Жуков и его аппарат,— докладывал он военному прокурору Северной группы войск генерал-майору юстиции Чернову,— безусловно, знали об отгрузке и санкционировали отправку, иначе бы не был получен централизованный транспорт на ст. Татарск. Все транспорты для отгрузки оборудования давались только Москвой...»

Как эти объяснения, так и другие настолько, видимо, убеждали в отсутствии противозаконных действий со стороны генерала Телегина, что военный прокурор ГСОВГ генерал-майор юстиции Б. Шавер 14 ноября 1947 года сделал соответствующее заключение. В нем, в частности, указывалось, что переписка по данному вопросу возникла в июле 1946 года и основанием для нее явилось заявление о незаконном изъятии во 2-й гвардейской механизированной армии трех штатных грузовых машин ЗИС-5. Исследовав эту переписку, а также учитывая, что разрешение на вывоз оборудования и имущества в город Татарск, находившийся в зоне, не пострадавшей от фашистской оккупации, осуществлялся по разрешению директивных органов, Шавер сделал вывод, что в действиях бывшего члена военного совета ГСОВГ нет состава преступления, наказуемого в уголовном порядке, и постановил указанную переписку и дальнейшее производство дела прекратить.

Не проходит однако и трех месяцев, как все документы о «генеральском поезде» изымаются из архива по приказу того же Шавера и направляются в адрес военного прокурора Сухопутных войск Чепцова с примечательным комментарием: «Возможно, что эта переписка в связи с последними событиями, имеющими место в отношении ТЕЛЕГИНА, будет представлять некоторый интерес и потребует в свете новых обстоятельств дополнительной проверки и может быть использована соответствующими следственными органами». Какие это «последние события» и «новые обстоятельства», мы уже сообщили.

9 марта 1948 года Чепцов, к тому времени уже заместитель Главного военного прокурора, отсылает указание прокурору Татарска: **«Прошу срочно лично проверить и сообщить для доклада Генеральному прокурору, какое именно имущество было доставлено эшелоном, как... оно использовалось, а также почему горсовет нам не ответил...»**

На этот запрос пришел ответ, что имущество, отправленное из Германии в адрес Татарского горсовета генерал-лейтенантом Телегиным, прибыло 31 июля 1946 года в соответствии с ведомостью (на двух листах). **«Используется оно,** — отмечалось в нем, — **в городском коммунальном хозяйстве».** Объяснить, почему на неоднократные запросы Главной военной прокуратуры не отсылались ответы, прокурор Татарска не смог, видимо, потому, что **«бывшего председателя горсовета в данный момент нет и вообще весь аппарат горсовета новый...».**

Таким образом, капитан «летучего голландца» Калачев раньше, чем предполагал, сумел доставить вверенный ему груз в целости и сохранности, проявив, по-видимому, немалую настойчивость, завидную оборотистость и смекалку.

5. ВИНУ НЕ ПРИЗНАЛ

Выше мы, правда, вскользь упоминали, что история с «генеральским поездом» потребовалась следствию в связи с вынужденной переориентацией обвинения, предъявляемого К. Ф. Телегину. Но не успели еще сообщить о том, что сам обвиняемый от предыдущих показаний, данных им в ходе следствия, отказался. И не где-нибудь, а в суде! Почему? Ответом на этот вопрос может служить выдержка из определения Военной коллегии Верховного суда СССР, сделанного в ходе закрытого судебного заседания 3 ноября 1951 года.

«На судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР,— говорится в нем,— **ТЕЛЕГИН виновным себя в антисоветской агитации не признал** и показал, что беседы, которые он проводил с отдельными военачальниками по вопросу о степени тактической подготовки Советской Армии и о том, что наши войска, находящиеся в Германии, плохо обмундированы, он не считает антисоветскими или антипартийными и что эти беседы были вполне законными и естественными и не содержали никакой критики по адресу Советского правительства или Верховного Командования.

ТЕЛЕГИН не отрицает того обстоятельства, что он в присутствии начальника штаба 1-го Белорусского фронта действительно говорил, что войска наши нуждаются в более лучшей тактической подготовке. Но речь шла о войсках, которые попадали в окружение противника и которые были тактически недостаточно подготовленными к боям в окружении... этот вопрос в тот период был весьма актуален, поэтому и подвергался обсуждению.

По вопросу о беседе ТЕЛЕГИНА с одним из военачальников о том, что наши войска, находящиеся в Германии, выглядят грязными и оборванными, ТЕЛЕГИН на суде показал, что разговор такой действительно имел место и он говорил, что обмундирование у наших солдат в связи с особыми условиями боев и походной жизни частично пришло в

негодность и загрязнено и что необходимо принять срочно меры к тому, чтобы одеть наших солдат в новое обмундирование, поскольку им приходится соприкасаться с иностранными войсками, одетыми в новое обмундирование, и что тогда же было решено обратиться с ходатайством относительно обмундирования к Верховному Командованию и, как известно, ходатайство это было удовлетворено».

Кроме того, в определении Военной коллегии указывалось, что обвинения против К. Ф. Телегина в антисоветизме построены исключительно на его личных показаниях, которые он дал на предварительном следствии по принуждению «в результате применения к нему незаконных методов следствия».

Впрочем, предоставим слово самому К. Ф. Телегину. После суда над ним [12] в письме, отправленном из заключения К. Е. Ворошилову, он сообщал [13]:

«Климент Ефремович!

Я прошу прощения за обращение к Вам с настоящим письмом, но ужасная трагедия моей жизни вынуждает меня довести до Вашего сведения о той жестокой несправедливости, которая обрушилась на меня.

Я, б[ывший] генерал-лейтенант, член военного совета МВО, Сталинградского, Центрального, 1[-го] Белорусского фронтов, Группы советских оккупационных войск в Германии Телегин Константин Федорович, осужден судом на 25 лет ИТЛ и лишен всего, что было заслужено 30 годами честной, безупречной службы Родине и партии в пограничной охране и Советской Армии.

Меня обвинили в расхищении социалистической собственности, в хищении, грабеже и сокрытии антисоветской агитации моего брата Дмитрия Телегина, на основе чего Военная коллегия Верховного суда 20 марта 1952 года осудила: по Указу Президиума Верховного Совета от 2 апреля 1932 г. (видимо, здесь ошибка: следует читать 7 августа.— **Авт.)** к 25 ИТЛ, а по ст. 58-12 — к 10 годам ИТЛ, а по совокупности к 25 годам.

Разрешите в дополнение к представляемому одновременно с этим письмом прошению Президиуму Верховного Совета СССР о снятии с меня этого незаслуженного позорного клейма изложить, что случилось со мной.

24 января 1948 года я был арестован МГБ СССР и посажен во внутреннюю тюрьму. 30 января мне предъявлено обвинение по статьям 58-10-11 У[головного] К[одекса] РСФСР и 193-17. 27 января 1948 года я был вызван бывшим министром Абакумовым, который с самого начала разговора обругал меня матом, обозвал врагом, грабителем и предложил мне «дать показания о своей преступной деятельности против партии и государства», Я потребовал от него конкретного обвинения меня, в чем именно заключается моя «враждебная деятельность», ибо я такой совершенно не вел никогда и не знаю. Абакумов мне ответил, что, в чем моя вина, я должен сказать сам, а если не буду говорить, то «отправим в военную тюрьму и набьем ж..., то все скажешь сам». Так этим разговором был дан тон ходу следствия. Бесцеремонность и цинизм министра Абакумова, добавленные к тяжелому нервному потрясению, вызванному наказанием ЦК 22 июня [19]47 года [14] и самим фактом ареста, настолько сильно подействовали на меня, что я начал терять здравый рассудок, перестал соображать, что говорю и подписываю.

В течение месяца следователь по ответственным] делам Соколов и его помощник Самарин, не давая мне почти совершенно спать ни днем, ни ночью, довели меня до полного отчаяния. Не добившись от меня желаемого им показания об участии **в руководстве военным заговором,** состоящим из Жукова Г. К., Серова А. И. и ряда других генералов, шантажируя тем, что Жуков и Серов арестованы уже, они требовали от меня показаний **«о методах работы и планах заговора»**.

После того как они совершенно недвусмысленно заявили об аресте Жукова, Серова и других «заговорщиков», веря им, органу нашей партии и государства, я старался припомнить все, чему я раньше мог не придать значения и что в совершенно новой обстановке может принять другую окраску и поможет партии до конца разоблачить «врагов-заговорщиков».

Ряд фактов, которые с трудом я вспоминал, оговаривал тем, что я тогда не видел в них ничего преступного. Следствие, пользуясь моей беспомощностью, измученностью, **сознательно** их извращало, придавая им ярко антисоветскую окраску, добавляя от себя то, что им было желательно. В течение этого месяца каждый день я подвергался угрозе быть отправленным в военную тюрьму для истязаний, если не дам показаний о «заговоре». Это еще больше усиливало истощение моей нервной системы, доводя [меня] до невменяемости.

И вот 16 февраля 1948 года руководство МГБ наконец, не удовлетворившись моими показаниями, осуществляет свою угрозу — отправляет меня в Лефортовскую тюрьму и в тот же день вечером в следственном корпусе (комната 72) я подвергаюсь жесточайшему избиению резиновыми дубинками (Соколов, Самарин). Из комнаты до камеры меня уже тащили два надзирателя — я не мог двигаться. 27, 28, 29 февраля, 1 и 2 марта я подвергаюсь вновь жестокому избиению этими же двумя лицами уже в 31-й комнате следственного корпуса. Я стал безумен, не мог ходить, не разрешали лежать, не мог сидеть. Упав затылком на пол, я, казалось, уже дошел до крайнего напряжения нервной системы, боль и шум в голове окончательно подорвали силы; ум, сердце и воля были парализованы. Шесть месяцев я не мог сидеть, ходить начел понемногу на четвертый месяц. Истязатели вырвали из тела куски мяса, повредили позвоночник, бедренную кость, били по ногам. Все это довело меня до полного отчаяния, совершенного безразличия к своей судьбе и оставило только одно желание — скорей конец, скорей смерть, конец мучениям. Ибо как я могу мечтать о жизни и свободе, мне стыдно будет смотреть в лицо каждому честному советскому человеку, на мне позорное клеймо «государственного преступника», на мне следы тяжелых истязаний. Мне даже стыдно будет перед своей семьей, которая знает мою честность и преданность Родине и партии. Я не могу объяснить ей, что это у меня за новые следы на теле.

13 марта [19]48 г[ода] я был перевезен обратно во внутреннюю тюрьму. И несмотря на то, что я не мог ходить и сидеть, что я в стадии полного истощения сил и нервной системы, меня продолжали вызывать на допросы, повторяя угрозы свозить вновь в Лефортово на новые истязания. Но этого я уже вынести не мог, и, не отдавая себе отчета, я подписывал все, что им было угодно, лишь бы не мучили, не истязали.

С сентября 1948 года по сентябрь 1951 года всякие допросы прекратились, меня оставили в покое и в конце 1949 года, начав немного приходить в себя, вспоминая свол показания, я ужаснулся мысли о том, что ведь если я сам безразличен к своей жизни, то ведь там, в показаниях моих, фигурируют другие лица, о которых следствие сознательно извратило факты. Этим они (МГБ) обманут партию, и пострадают люди. Я стал настойчиво добиваться исправления показаний, объяснений к ним, так как никаких моих мотивировок следствие не принимало категорически. Мне в этом было отказано решительно, и только в сентябре 1950 г[ода] составили один протокол, изменяющий прежние показания о якобы «имевших место систематических разговорах между Жуковым, Серовым и мною, осуждающими и высмеивающими Верховное Главнокомандование и лично И. В. Сталина, рассказывании антисоветских анекдотов». Все это, конечно, была сплошная чушь, сознательное извращение сообщенных мною фактов о разговорах между нами.

Не добившись полного исправления протоколов, я неоднократно требовал дать мне возможность написать заявление в ЦК КПСС, мне в этом под различными предлогами было отказано. За все время пребывания в тюрьме, до сентября 1950 г[ода], я не видел прокурора. Во встрече с ним мне также было отказано, и таким образом все дело довели до суда...

Все пережитое мною за эти 5 лет не поколебало моей любви и преданности партии, правительству и Родине, а еще больше закалило и укрепило ее. Но мне тяжело, очень тяжело носить незаслуженное позорное клеймо «враг народа», «грабитель, вор». Этим меня преследуют и здесь, в лагерях, некоторые заключенные, распространяя всякую клевету о размерах моего «ограбления государства». Я глубоко страдаю от этого, но юридически не имею права ничего им сказать.

Я обращаюсь к Вам, Климент Ефремович, зная Вашу чуткость и внимание к живому человеку и много знающему меня, Я верю, что Ваше личное вмешательство поможет скорее снять с меня это тяжелейшее незаслуженное наказание и позор, даст мне возможность вновь возвратиться к честному труду на благо нашей Родины...

Сейчас, истерзанный, искалеченный, я еще не хочу списывать себя в расход, а сколько хватит сил, опыта, знаний [хочу] работать во славу нашей партии и Родины...

[Подпись] ТЕЛЕГИН.

P. S. В декабре 1952 [года] об этих же фактах я написал письмо В. М. Молотову».

6. ПОМИЛОВАНИЕ

Настойчиво продолжала писать в различные инстанции и Мария Львовна. Так, в апреле 1952 года она отослала очередную жалобу в адрес Генерального прокурора Союза ССР. В то время ей стало известно, что Константина Федоровича осудили в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1932 года за расхищение государственного имущества на 25 лет. О второй части обвинения (в сокрытии антисоветской пропаганды братом) она, видимо, не знала.

Наличие значительного количества вещей в доме Мария Львовна объясняла так: в квартире, по сути, жили три семьи (она с мужем, замужняя дочь и сын, демобилизованный офицер), но все вещи записали на одного Константина Федоровича. Кроме того, преобладающая часть вещей из этого общего списка была приобретена четой Телегиных-старших в Советском Союзе задолго до Отечественной войны или в военные годы. Вещи же, приобретенные в Германии, были куплены там через Военторг, административно-хозяйственный отдел (АХО) и т. д. Причем в дополнении к жалобе Мария Львовна подробно объясняла, что, где и когда куплено, называла фамилии свидетелей и владельцев местных магазинов. Чувствуется, что она являлась в доме полновластной хозяйкой, знала цену и место каждой вещи, была осведомлена, где ее купить и, возможно, чрезмерно любила это делать. О сосредоточении семейного бюджета в ее руках убедительно говорит и тот факт, что в семье имелась общая и единственная сберкнижка, записанная на имя Марии Львовны.

В своей жалобе М. Л. Телегина заостряет внимание Генерального прокурора на том, что в период войны Константину Федоровичу, как и всему руководству фронтов, где он воевал, приходило много подарков от республик, отдельных организаций и воинских частей. Это чаще всего были часы, ружья, посуда, кожаные изделия... «У нас и сейчас сохранились часть документов о присылаемых подарках и часть именных табличек, которые во время обыска были зачем-то отковырены от рещей и брошены, — писала Мария Львовна. — В МГБ находится 40 счетов и 2 квитанции на две тысячи советских рублей каждая, по которым Телегин внес в банк финотдела Группы деньги за часть вещей, приобретенных через АХО, но не оформленных счетами. По расценкам, существовавшим тогда в Германии, эти четыре тысячи советских рублей значительно превышали стоимость приобретенных вещей».

У нас нет оснований считать, что жалобы М. Л. Телегиной, в том числе и только что упомянутая, а также письмо К. Ф. Телегина к К. Е. Ворошилову помогли в выяснении истины, вернее подтолкнули правоохранительные органы к пересмотру приговора. Скорее всего здесь сыграла роль смерть И. В. Сталина.

Из секретариата Президиума Верховного Совета СССР было направлено соответствующее отношение с указанием «разобраться» в Главную военную прокуратуру, о чем поставили в известность и К. Ф. Телегина.

7. РЕАБИЛИТАЦИЯ... С НАМЕКОМ

Документ, с которым мы хотим познакомить читателей, стоит того, чтобы его привести почти полностью (опускаются лишь уже знакомые моменты).

«УТВЕРЖДАЮ.

Заместитель Главного военного прокурора генерал-майор юстиции

Д. КИТАЕВ 27 июля 1953 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ[15]

1953 года, июля 27 дня, гор. Москва.

Военный прокурор военной прокуратуры войск МВД СССР капитан юстиции КОЖУРА рассмотрел в порядке надзора архивно-следственное дело... [16] по обвинению ТЕЛЕГИНА Константина Федоровича, **НАШЕЛ:**

Приговором Военной коллегии Верховного суда Союза ССР 20 марта 1952 года по ст. 58-12 У[головного] К[одекса] РСФСР и Закону от 7 августа 1932 года осужден к лишению свободы в ИТЛ сроком на 25 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества — ТЕЛЕГИН Константин Федорович...[17] Арестован 24 января 1948 года.

Военной коллегией Верховного суда Союза ССР ТЕЛЕГИН признан виновным в том... [18].

Приговор по делу ТЕЛЕГИНА не может быть оставлен в силе и подлежит отмене, а дело прекращено по следующим мотивам.

Основанием к осуждению ТЕЛЕГИНА по Статье 58-12 Уголовного] К[одекса] РСФСР послужили его же показания о том, что он не донес органам Советской власти об антисоветских разговорах своего брата ТЕЛЕГИНА Д. Ф.

По этому поводу ТЕЛЕГИН в суде показал:

«С братом я разговаривал два раза, и оба раза он был в нетрезвом состоянии. Я хотел поговорить с ним с трезвым и установить, не в бреду ли он допускал антисоветские высказывания или он действительно является антисоветским человеком, но сделать мне этого не удалось. По этой причине я и не донес на него в МГБ, хотя и поздно, но брат арестован по моим показаниям, которые я дал, уже будучи сам арестован».

Эти показания ТЕЛЕГИНА нужно расценивать не как доказательства его виновности по ст. 58-12 У[головного] К[одекса] РСФСР, а как показания свидетеля об известных ему фактах антисоветских высказываний, данные по его инициативе. Поэтому обвинение по ст. 58-12 У[головного] К[одекса] РСФСР подлежит прекращению.

Обвинение ТЕЛЕГИНА по Закону от 7.VIII.1932 года основано на показаниях свидетелей Морозовой, Васюкова, Борисова, Семочкина и Чернорыж. Показания этих свидетелей ни на предварительном следствии, ни в суде проверены не были. Очные ставки ТЕЛЕГИНА с указанными свидетелями даны не были, хотя их показания он отрицал.

ТЕЛЕГИН в суде заявил, что он не занимался хищением трофейного имущества, а большинство изъятых у него при обыске ценностей было им приобретено на его личные сбережения, на что имелись у него соответствующие документы, изъятые при его аресте. ТЕЛЕГИН не отрицает, что, получая высокий оклад содержания (9 тысяч немецких рейхсмарок), он излишне обогащался, однако расценивает это как непартийное поведение. Не отрицает он также и того, что незначительная часть имущества, главным образом предметы бытового обихода, не составляющие государственной ценности, им была приобретена незаконным путем.

Как видно из материалов дела, при обыске у ТЕЛЕГИНА были изъяты 42 счета и квитанции на имущество и ценности, приобретенные им за границей за наличный расчет, однако следственными органами эти документы были уничтожены, что лишило возможности следствие, а затем и суд с достоверностью установить, какая часть имущества и ценностей была приобретена ТЕЛЕГИНЫМ незаконным путем и что им было куплено на личные сбережения.

При таком положении у суда не было достаточно оснований признать виновным ТЕЛЕГИНА по Закону от 7.VIII.[19]32 года.

ТЕЛЕГИН на протяжении многих лет служил в Советской Армии на руководящих должностях, является участником Отечественной войны и за успешное выполнение ряда боевых заданий командования Советской Армии неоднократно награжден правительственными орденами.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 373 УПК РСФСР **ПОЛАГАЛ БЫ:**

приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 марта 1952 года по делу ТЕЛЕГИНА Константина Федоровича отменить, дело прекратить, освободив его из-под стражи.

Военный прокурор В[оенной] Прокуратуры] войск МВД СССР

капитан юстиции (КОЖУРА)».

7 августа 1953 года генерал-майор юстиции Китаев сообщал секретарю Президиума Верховного Совета СССР Пегову, что дело Телегина пересмотрено и в уголовном порядке прекращено. Подобное сообщение вместе **с** соответствующими документами было отправлено и в ЦК КПСС, возможно, для восстановления Телегина в партии.

В следственных и судебных материалах содержится множество интересных и поучительных фактов. Например, обращает внимание длительная переписка генерала Телегина «о возвращении принадлежащих ему и незаконно конфискованных вещей». Заканчивается она тем, что ему в конце концов напомнили: «летучий голландец», т. е. «генеральский поезд», еще не забыт навечно. Это сделал А. А. Чепцов, к тому времени генерал-лейтенант юстиции, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР.

В одном из своих ответов на очередное заявление Телегина Чепцов от имени Генерального прокурора СССР Руденко недвусмысленно напомнил настойчивому жалобщику, что вещи, которые тот требует возвратить, «приобретены незаконным путем», а потому возврату не подлежат.

8. ТРУДНО ОБЪЯСНИТЬ

Что же побудило больного, столько натерпевшегося человека, не так давно мечтавшего в тюремной камере, а потом в лагере о том, чтобы лишь вернуть себе свободу и доброе имя, тратить столько времени и нервов на деятельное участие в «имущественном скандале»? Трудно объяснить!..

Нам все-таки больше по душе нравственная позиция, которую занял после своих злоключений рядовой запаса Федор Яковлевич Радченко, о котором мы рассказали в начале этой поучительной истории. Да, честно жить и трудиться, быть может, кому-то кажется уделом «неудачников» и «ограниченных». По убеждению любителей легкой наживы честная жизнь и повседневная напряженная работа не обеспечивают «райского» изобилия, не удовлетворяют все возрастающих потребностей в роскоши и удовольствии, а поэтому они ищут иные пути к обогащению.

Видимо, что-то не ладится в нашем доме, если одни даже в трудные военные годы могли превращать свои квартиры в картинные галереи и музеи, а другие еле-еле сводили концы с концами. Напомним, что речь идет не об «уравниловке», а об элементарной социальной справедливости, которая считалась одним из главных завоеваний Советской власти.

Освещенное нами судебное дело может послужить для всех нас хорошим уроком.

Полковник юстиции Н. Л. АНИСИМОВ,

капитан 1 ранга В. Г. ОППОКОВ

[1] Исправительно-трудовой лагерь.

[2] Такая же жалоба была отправлена Генеральному прокурору СССР.

[3] Пропуск даты не случаен. Целую неделю К. Ф. Телегин содержался под стражей без санкции прокурора на арест.

[4] Уголовно процессуальный кодекс.

[5] Подручный Берии по преступным делам в Грузии и Закавказье в 1921 — 1938 гг.; позже являлся начальником УНКВД по Ленинградской области, уполномоченным НКВД—НКГБ СССР по Дальнему Востоку.

[6] От руки по тексту обвинительного заключения сделана запись: «Справка. Дело Телегина 3.X.[19]51 г. с обвинительным заключением было доложено Генеральному прокурору СССР тов. Сафонову, который дал -указание направить дело на рассмотрение Воен[ной] коллегии».»

[7] Пропущены уже известные читателям анкетные данные.

[8] Явная неточность. Начиная с 1925 г. Татарск относился к Новосибирской области.

[9] в нижнем углу письма рукой командира бригады, судя по росписи, сделана пометка: «Написано письмо генерал-лейтенанту т. Жижину 17.05.(19]48 г.».

[10] К тому времени К. Ф. Телегин не жил в Татарске, городе детства и юности, свыше тридцати лет. Правда, там находилась его замужняя сестра.

[11] Эти документы работникам следственных органов обнаружить не удалось.

[12] 3 ноября 1951 г. Военная коллегия Верховного суда СССР определила на закрытом судебном заседании отправить дело на дополнительное расследование. Спустя три месяца было составлено новое обвинительное заключение. В приговоре Военной коллегии, зачитанном на закрытом судебном заседании 20 марта 1952 г., главной виной Телегину

вменялось расхищение и присвоение в крупных размерах трофейных ценностей и имущества, которые «он из-за границы вывез в город Москву».

[13] Письмо печатается с некоторыми сокращениями.

[14] Ранее мы уже сообщали, что за «нарушение узаконенного порядка награждения орденами» К. Ф. Телегина решением ЦК ВКП(б) перевели из членов в кандидаты в члены партии.

[15] На документе от руки сделана пометка: «Военной коллегией дело в уголовном порядке прекращено».

[16] Пропущен номер дела.

[17] Даются уже известные анкетные данные К. Ф. Телегина.

[18] Излагается суть дела.

ВИЖ №1 1992

ПИШИТЕ ТОЛЬКО ПРАВДУ

В 44-М НОМЕРЕ газеты «Ветеран» читаю о том, что Военное издательство готовит к выпуску книгу Станислава Грибанова «Заложники времени». Тут же (с. 6) помещен отрывок из нее.

Очень заинтересовался, встретив имя Константина Федоровича Телегина. Подумал, что теперь-то узнаю тайну «Летучего голландца», с которым познакомился в вашем журнале (№ 6 за 1989 г.).

Но не тут-то было. Читаю: «А в Москве, в тайных, накрепко закрытых и бдительно охраняемых кабинетах зрели планы расправы с воинами-победителями куда коварнее и страшнее! Над Русской равниной царствовали шантаж, насилие над законами...» Далее повествуется: «Опричники Берия вскоре арестуют заслуженную артистку Русланову и ее мужа, Героя Советского Союза... уволят из армии генерала Телегина за допущенную ошибку в награждении орденом т. Руслановой». Якобы за эту «ошибку» он был арестован и получил 25 лет «отсидки».

Так убедительно пишет все это полковник Грибанов, что я вынужден был найти ваш журнал и снова перечитать материал «Эшелон длиной в четверть века». Там есть такие строки: «У Крюковых (генерала и знаменитой певицы) конфисковали более 700 тыс. рублей да еще драгоценностей на значительную сумму, 123 картины известных мастеров, две дачи и много другого добра». А при обыске у Телегина «изъяли большое количество ценностей, свыше 16 килограммов изделий из серебра, 218 отрезов шерстяных и шелковых тканей, 21 охотничье ружье, много антикварных изделий из фарфора и фаянса, меха, гобелены работы французских и фламандских мастеров XVII и XVIII веков и другие дорогостоящие вещи». И это в то время, когда вдовы, матери, дети, не успев оплакать погибших, бросились, полуголодные, полураздетые, залечивать раны растерзанной войной Родины! Правда, как сказано в публикации, это послужило лишь поводом для ареста. Основное же обвинение заключалось в антисоветизме, попустительстве вражеским элементам, злоупотреблениях служебным положением... Что ж, пусть основные обвинения были преувеличенны, предвзяты и надуманны. Но и святыми этих людей, как это делает полковник Грибанов, провозглашать не следует.

Вспоминаю, как в июле 1944 года старшину артиллерийского подразделения военный трибунал 179-й стрелковой дивизии приговорил к высшей мере наказания (расстрелу) лишь за то, что он забрал у литовского крестьянина лошадь для транспортировки пушки. Соизмеримы ли солдатские и генеральские наказания? Первый поплатился жизнью, а вторые, хотя поступки их значительно тяжелее, отделались «легким испугом». Вот что нужно было полковнику показать в той действительной жизни. Правду и только правду. Кто же расскажет ее?..

Ваш журнал, к примеру, опубликовал документы, а полковник Грибанов с помощью Воениздата извращает их суть. А может быть, у вас оказались «липовые» документы?..

Просил бы всеми средствами доносить до народа, особенно молодежи, правду.

Н. ТОЛОЧКО

Т-4 ударный ракетоносец

3-я страница обложки журнала «МК» №11 1994 (№11 1995)

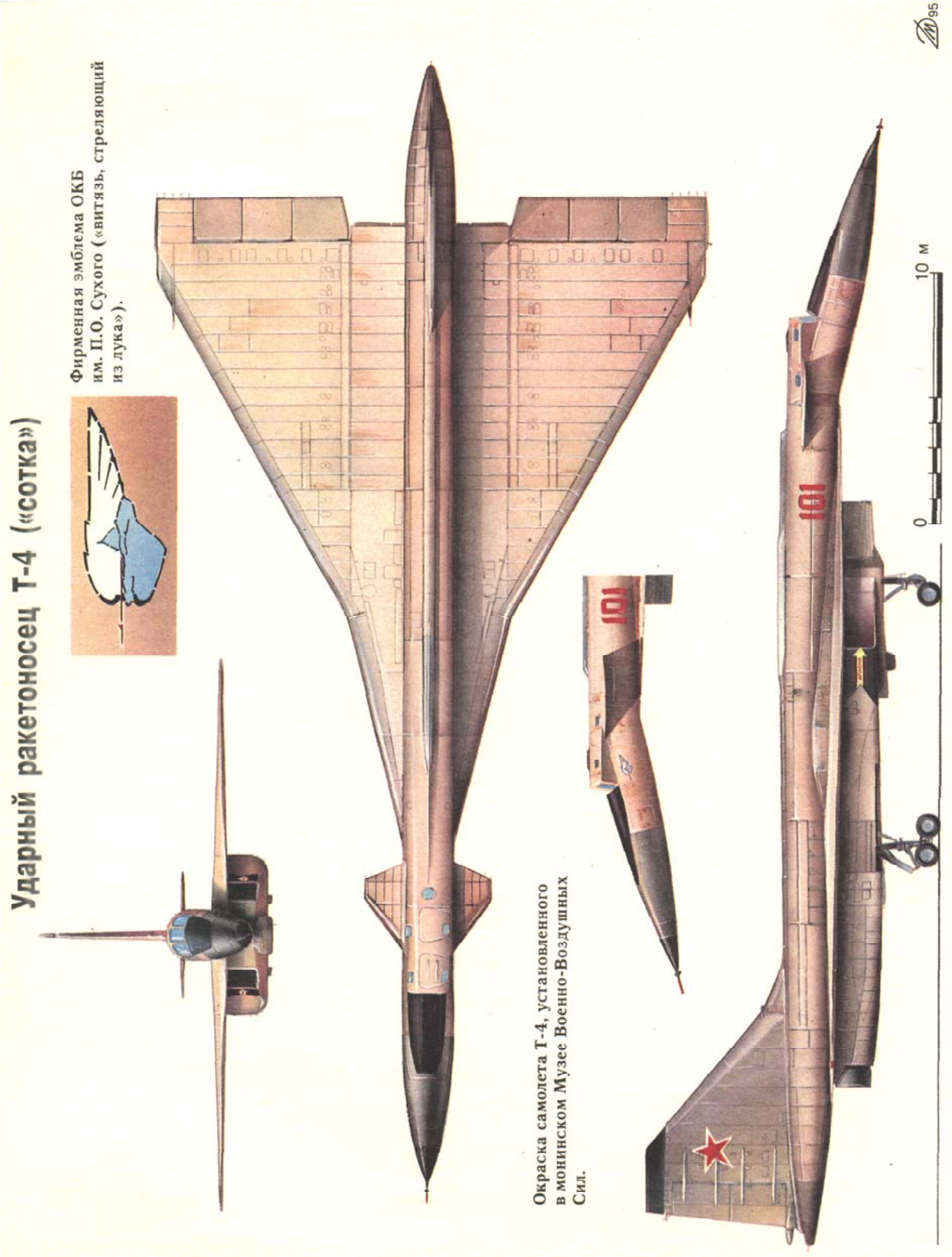


Фото из музея, самолет Мясищева

ВИЖ №5 1989

● Воины-авиаторы в одном из залов Музея ВВС в Монино.

Эти фотографии сделаны в Музее Военно-Воздушных Сил. Созданный по инициативе Героев Советского Союза маршалов авиации С. И. Руденко и С. А. Красовского, он занимает важное место в системе пропаганды русской и советской авиации, славных боевых традиций наших авиаторов. Главная особенность музея состоит в натурном характере его богатой коллекции авиационной техники. Многие экспонаты находятся в исправном, летном состоянии. В этом — неповторимость, уникальность музея.

(Подробнее о Музее ВВС читайте на с. 95)

● Самолет В. М. Мясищева „100" или Т-4

ИЗ АРХИВОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ

СОРОК ВОСЕМЬ лет назад, ранним воскресным утром 22 июня 1941 года, фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз.

Тысячи вражеских орудий открыли огонь по пограничным заставам, укреплениям, штабам, узлам связи и районам расположения советских войск. Крупные силы авиации нанесли удары по аэродромам, военно-морским базам и железнодорожным узлам. Одновременно бомбардировке подверглись многие города нашей страны — Киев, Минск, Смоленск, Севастополь и др.

Боевые действия развернулись от Балтийского моря до Карпат (на фронте до 1500 км). В последующие дни фронт стратегического наступления противника расширялся и к середине июля достиг 3000 км, глубина вторжения на главных направлениях составила 400—600 км.

В первый день войны враг ввел в действие 117 дивизий, а спустя 10 дней, с вступлением в сражение соединений из вторых эшелонов и войск сателлитов, количество дивизий противника, действовавших в первой линии, увеличилось до 171 (Вторая мировая война 1939—1945 гг.: Военно-исторический очерк. — М.: Воениздат, 1958. — С. 196). Со стороны же Советского Союза в приграничной полосе могли вести боевые действия лишь армии прикрытия пяти западных военных округов. Враг превосходил советские войска в силах и средствах на важнейших направлениях в три-четыре раза.

Начало войны для Советской Армии сложилось крайне неблагоприятно. К моменту удара агрессоров они не были приведены в боевую готовность и не закончили стратегического развертывания. Наши войска были рассредоточены на фронте 4500 км и в глубину более чем на 400 км (50 лет Вооруженных Сил СССР. — М.: Воениздат, 1968. — С. 252). Советские части, атакованные внезапно, вынуждены были принять бой в крайне невыгодных для себя условиях. Многие полки и дивизии были захвачены врасплох, находились в учебных лагерях, на стрельбищах и в городках. Им приходилось вступить в бой по частям без необходимой поддержки авиации и артиллерии.

Несмотря на столь трудные условия, наши войска с первых же часов войны оказали врагу стойкое сопротивление, не считаясь с жертвами, сражались с необычайной выдержкой и героизмом. Однако под ударами превосходящих сил врага были вынуждены с тяжелыми боями отступать в глубь страны.

Чем объяснить наши неудачи в начале войны? Этот вопрос сегодня, как и 48 лет назад, задают миллионы советских людей. Однозначно ответить на него вряд ли возможно. Мы говорим: одной из главных причин было то, что высшее военно-политическое руководство ошиблось в оценке военно-стратегической обстановки. Есть тут истина, но не вся. Мы говорим, что при явном нарастании угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз не последовало своевременного указания о полном стратегическом развертывании и приведении в боевую готовность Вооруженных Сил, хотя бы в приграничных округах. И это верно. Но все-таки для исчерпывающего ответа на вопрос только названных причин мало. Историкам еще предстоит найти ответ на него.

Мы начинаем публикацию документов первых дней войны. Некоторые из них разработаны до 22 июня 1941 года. Мы их печатаем с тем, чтобы читатель яснее представил себе самое начало войны.

Публикацию подготовили начальник отдела Центрального архива Министерства обороны СССР
полковник В. Р. ЖУРАВЛЕВ, капитан А. С. АНУФРИЕВ, Н. М. ЕМЕЛЬЯНОВА, старший научный сотрудник архива

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

19 июня 1941 г.

По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано. Аэродромные поля не все засеяны, полосы взлета под цвет местности не окрашены, аэродромные постройки, резко выделяясь ярким цветом, привлекают внимание наблюдателя на десятки километров, скученное и линейное расположение самолетов на аэродроме при отсутствии их маскировки и плохой организации аэродромного узла обслуживания с применением демаскирующих знаков и сигналов окончательно демаскируют аэродромы. Современный аэродром должен полностью слиться с окружающей обстановкой, и ничто не аэродроме не должно привлекать внимание с воздуха. Аналогичную беспечность к маскировке проявляют артиллерийские и мотомехчасти: скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели: танки, бронемашины, командирские и другие специальные машины; мотомеханизированные и другие войска окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемые не только с воздуха, но и с земли. Ничего не сделано для маскировки складов и других военных объектов.

ПРИКАЗЫВАЮ.

1. К 1.7.41 года засеять все аэродромы травами под цвет окружающей местности, взлетные полосы покрасить и имитировать всю аэродромную обстановку соответственно окружающему фону.

2. Аэродромные постройки до крыш включительно закрасить под один стиль с окружающими аэродромными постройками. Бензохранилища зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать.

3. Категорически воспретить линейно и скученно располагать самолеты. Рассредоточение и замаскирование самолетов обеспечат их полную ненаблюдаемость.

4. Организовать к 5.7.41 года в каждом районе авиационного базирования [в] 500-километровой погранполосе 8—10 ложных аэродромов, оборудовать каждый из них 40—50 макетами самолетов.

5. К 1.7.41 г [ода] провести окраску танков, бронемашин, командирских, специальных и транспортных машин. Для камуфлированного окрашивания применять матовые краски применительно к местности района расположения и действия. Категорически воспретить применять краски, дающие отблески.

6. Округам, входящим в угрожающие зоны, провести мероприятия по маскировке: складов, мастерских, парков и к 15.7.41 года обеспечить их ненаблюдаемость с воздуха.

7. Проведенную маскировку аэродромов, складов, боевых и транспортных машин проверить с воздуха наблюдением ответственными командирами штабов округов и фотосъемками.

8 Исполнение донести 1.7.41 и 15.7.41 года через начальника Генштаба КА.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза ТИМОШЕНКО

Начальник Генерального штаба КА
генерал армии ЖУКОВ
ЦАМО СССР, ф 334. оп. 5307. д. 845. л. 193. Копия.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР № 1 *

22 июня 1941 г.

1. В течение 22—23.6.41 [года] возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) В течение ночи на 22.6.41 г [ода] скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) Перед рассветом 22.6.41 [года] рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) Все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

ТИМОШЕНКО ЖУКОВ

ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 69. Подлинник.

* Поступил в штаб Западного особого военного округа 22 июня 1941 г. в 0 ч 45 мин. Отправлен в войска 22 июня 1941 г. в 2 ч 25 мин, 2 ч 35 мин.

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА 139-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КОМАНДИРУ 37-го СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА И КОМАНДУЮЩЕМУ 6-й АРМИЕЙ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

18 июня 1941 г.

На оборонных работах в районе Вашкоуп, Жадова, Старожиней находятся три стрелковых батальона, два артдивизиона, саперные роты стрелковых полков, 150 подвод, 20 автомашин. Два стрелковых батальона и 40 подвод находятся на подходе к району оборонительных работ. Саперный батальон дивизии на оборонительных работах в районе Львова. Две роты находятся на охране складов Тарнополь. Два батальона несут охрану гарнизонных окружных и армейских объектов.

Фактически в лагеря выступать не с кем.

Прошу разрешить снять части дивизии с оборонительных работ и вернуть две роты с охраны Тарнополь — дабы выполнить директиву о выходе в лагеря.

Для этого требуется оттяжка 5—6 суток.

Прошу срочных распоряжений.

Командир 139 сд ЛОГИНОВ Нач. штаба 139 сд КАРПЕНКО

ЦАМО, ф. 334. оп. 5307, д. 22, л. 210. Подлинник.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 6-й АРМИИ КОМАНДИРАМ 6-го СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА, 4-го И 15-го МЕХАНИЗИРОВАННЫХ КОРПУСОВ И 3-й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

20 июня 1941 г.

Штабам корпусов, дивизий, полков находиться на месте. Из района дислокации никуда не убывать. На всякие учения, связанные с отрывом от района дислокации, испрашивать разрешение военного совета.

Батальоны с оборонительного строительства не снимать.

Командующий 6-й армией
генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО

ЦАМО, ф. 334, оп. 5307, д. 22, л. 183. Подлинник.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 6-й АРМИИ КОМАНДИРАМ 4-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА, 8-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ И 81-й МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

20 июня 1941 г.

Зенитные дивизионы срочно отозвать из Львовского лагсбора к своим соединениям.

По прибытии поставить задачу—прикрыть с воздуха расположение дивизий.

Каждой зенитной батарее иметь на ОП 0,25 бк, окончательно снаряженных.

Огонь открывать по иностранным самолетам только с разрешения, полученного от начальника штаба армии.

Для проведения боевых стрельб на Львовском артполигоне зенитная артиллерия отправляется побатарейно по плану начальника Львовского артлагсбора.

Исполнение донести.

Командующий 6-й армией
генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО

ЦАМО, ф. 334, оп. 5307, д. 22, л. 197. Подлинник.

ТЕЛЕГРАММА ШТАБА 6-й АРМИИ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ОКРУГА

21 июня 1941 года 01 ч 35 мин

Командующий армией просит дать указания: следует ли проводить учения штабов 4 мк и 6 ск, намеченные [в] районе Розвадув, Роздул, реки Днестр, куда придется выводить все средства связи и штабы. Прошу ответ ускорить *.

Начальник штаба 6-й армии

комбриг ИВАНОВ
ЦАМО, ф. 229, оп. 161. д. 26, л. 64. Подлинник.
* На телеграмме имеется резолюция: Нач. ОП перенести на последующее
Начальник штаба Юго-Западного фронта
генерал-лейтенант ПУРКАЕВ

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ЗАПАДНОГО ФРОНТА

22 июня 1941 г.

...Около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии.

Примерно в 2—2.30 аналогичное приказание было сделано шифром: армиям, частям УР, им предписывалось немедленно занять УРы. По сигналу «Гроза» вводился в действие «Красный пакет», содержащий в себе план прикрытия госграницы.

Шифровки штаба округа штабами армий были получены, как оказалось, слишком поздно. 3-я и 4-я армии успели расшифровать приказание и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала предупреждение уже после начала военных действий...

В 4.00 22.6 в штаб округа начали беспрерывно поступать донесения, главным образом по системе ПВО о бомбардировках.

В 4.00 22.6 немецкие части открыли артиллерийский огонь по нашим войскам, расположенным у границы. В 5.00 перешли по всему фронту в наступление.

Две эскадры немецких самолетов бомбардировали г. Гродно. В 4.00 подвергся бомбардировке г. Брест.

Наша ИА ведет бой в районе Каролин (3 км юго-западнее Гродно).

5.25 — подверглась бомбардировке Лида двумя группами самолетов (одна — 2 самолета, вторая — 3).

4.30 — бомбардировался г. Волковыск одним самолетом.

В 4.30 проволочная связь с 3, 10 и 4-й армиями была нарушена.

По донесению управления ПВО.

В 4.00—4.30 ротный пост ПВО Вельск разбит, имеются жертвы.

4.00—4.30 — бомбардирован аэродром Борисовщизна (г. Волковыск).

6.37 — один ДО-17 бомбардировал Лида, сбросил 5 бомб с большой высоты. Бомбы упали за город.

В Лида разбит пассажирский поезд...

Заместитель начальника штаба Запфронта
генерал-лейтенант МАЛАНДИН
ЦАМО, ф 208, оп. 2511, д. 207. лл. 4, 10. 11. Подлинник.

РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 8-й АРМИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

18 июня 1941 г.

Оперативную группу штаба армии перебросить на КП Бубяй к утру 19 июня. Немедленно готовить место нового КП. Выезд произвести скрытно, отдельными машинами.

С нового КП организовать связь **с** корпусами е течение первой половины дня 19 июня.

Начальник штаба 8-й армии
генерал-майор ЛАРИОНОВ
ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 16. Подлинник.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

18 июня 1941 г.

С целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ:

4. Командующим 8-й и 11-й армиями:

а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, ПТ мин, ВВ и противопехотных заграждений на предмет устройства определенных, предусмотренных планом заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41;

б) для постановки минных заграждений определить состав команд, откуда их выделять, и план работы их. Все это через начинжов пограничных дивизий;

в) приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т. д.) для устройства переправ через реки Вилия, Невяжа, Дубисса. Пункты переправ установить совместно с оперативным отделом штаба округа.

30-й и 4-й понтонные полки подчинить военному совету 11-й армии. Полки иметь в полной готовности для наводки мостов через р. Неман. Рядом учений проверить условие наводки мостов этими полками, добившись минимальных сроков выполнения;

е) командующим войсками 8-й и 11-й армий — с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе: госграница и тыловая линия Шяуляй, Каунас, р. Неман прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество ВВ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания. План разрушения мостов утвердить военному совету армии.

Срок выполнения 21.6.41.

7. Командующим войсками армий и начальнику АБТВ округа.

Создать за счет каждого автобата отдельные взводы цистерн, применив для этой цели установку контейнеров на грузовых машинах, количество создаваемых отдельных взводов — 4. Срок выполнения — 23.6. 41 г. Эти отдельные взводы в количестве подвижного резерва держать: Тельшай, Шяуляй, Кейданы, Ионова в распоряжении командующих армиями.

д) Отобрать из числа частей округа (кроме механизированных и авиационных) бензоцистерны и передать их по 50 проц. в 3 и 12 мк. Срок выполнения 21.6.41 г.;

е) Принять все меры обеспечения каждой машины и трактора запасными частями, а через начальника ОСГ принадлежностями для заправки машин (воронки, ведра).

Командующий войсками ПрибОВО генерал-полковник КУЗНЕЦОВ

Член военного совета корпусной комиссар ДИБРОВА
Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЕНОВ ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, Д. 1, лл. 12—13. Подлинник.

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА 125-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИЙ КОМАНДУЮЩЕМУ ПРИБАЛТИЙСКИМ ОСОБЫМ ВОЕННЫМ ОКРУГОМ

18 июня 1941 г. 20 ч 10 мин

По агентурным данным и данным перебежчиков, последние дни в р-не Тильэит немцами сосредоточено до семи дивизий, не считая войск, расположенных в р-не Шилуте и с. з.

Часть войск непосредственно подтянута к границе.

Имеются мотомеханизированные] дивизии.

[С] нашей стороны [мероприятий] противооборонительного характера, гарантирующих от нападения мотомех[анизированных] частей, не предпринято, и достаточно немцам пустить один танковый батальон, как удерживающий гарнизон может остаться захваченным врасплох.

Внутренний наряд и патрули могут только предупредить части, но не обеспечить.

Полоса предполья без гарнизонов, войск наступления немцев не задержит, а погранчасти могут своевременно полевые войска и не предупредить.

Полоса предполья дивизии находится к госгранице ближе, чем к частям дивизии, и без предварительных мероприятий по расчету времени немцами будет захвачена ранее вывода туда наших частей.

Докладывая о создавшейся обстановке на границе, прошу:

1. Дать указание, какие мероприятия сейчас я могу провести в жизнь, гарантирующие от неожиданного вторжения мотомех[анизированных] частей немцев, или дать мне право самому разработать план мероприятий, но средств дивизии для этого мало.

2. Для сокращения срока боевой готовности частей разрешить иметь у бойца на руках укомплектованный ранец, плащ-палатку, каску и 60 боевых патронов. В этом случае боевая готовность подразделений может быть доведена через 10—15 минут.

3. Ускорить решение вопроса о семьях начсостава, так как последние могут дезорганизовать работу командиров.

4. Разрешить мне вывести для работы на полосу предполья не два батальона, а четыре.

5. Прикажите УНС ускорить постройку противотанковых и противопехотных препятствий на рубеже УР.

6. Было бы желательным иметь танковую часть и противотанковую дивизию, артиллерию кроме дивизионной в р-не ст. Янишки и Стргутышки, как на одном из вероятных направлений наступления мотомех[анизированных] частей.

Командир 125 сд
генерал-майор БОГАЙЧУК
ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, Д. 10, лл. 3—4. Подлинник.

ДИРЕКТИВА ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

19 июня 1941 г.

1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций, на основной полосе УР, работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и [в] основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности.

В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи с погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для пр[отивни]ка и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану командующего армией — тоже по плану оборонительного строительства.

5. Штарм, корпусу и дивизии — на своих КП, которые обеспечить ПТО по решению соответствующего командира.

6. Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия. Учитывать участившиеся случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

7. Продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения.

Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте.

Командующий войсками ПрнбОВО Начальник управления
генерал-полковник КУЗНЕЦОВ политпропаганды РЯБЧИЙ
Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЕНОВ ЦАМО, ф. 344, оп. 5564. д. 1, лл. 34—35. Подлинник.

РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КОМАНДИРАМ 10-го И 11-го СТРЕЛКОВЫХ КОРПУСОВ

20 июня 1941 г.

1. Еще раз подтверждаю, что боевые сооружения в полосе предполья частями не занимать. Подразделения держать позади сооружений в боевой готовности, производя работы по усилению обороны.

2. Завалы производить таким образом, чтобы они не были заметны со стороны границы.

Командующий войсками 8-й армии
генерал-майор СОБЕННИКОВ
ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 10, п. 36. Подлинник.

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА 11-й АРМИИ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

20 июня 1941 г. 23 ч 46 мин

Задержанный в ночь на 20.6.41 перебежчик 13-й роты 58 пп 6 пд показал, что их рота стоит в Пшеросль (рота 150-мм

тяжелых орудий). 6 пд переброшена эшелонами в район Сувалки в конце мая из Парижа и разгрузилась в 180 км от Пшеросль.

Будучи в Сувалки, сообщает перебежчик, в Сувалки большое количество войск, в данное аремя все войска из Сувалки переброшены к границе.

Пехота располагается в 5 км от границы, артиллерия на позициях, крупные танковые части перебежчик не видел.

Перебежчик показал, что немецкие части у границы окопы не копают, имея в виду переход в наступление. По словам перебежчика, военные действия начнутся через 8—10 дней. Вот уже 2 месяца, как солдат агитируют офицеры, говоря, что СССР — главный враг Германии. Солдаты 50 проц. настроены против войны.

Начальник штаба 11-й армии
генерал-майор ШЛЕМИН
ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 2, л. 76.
* На документе имеется резолюция: «Донесено [в] Москву, т. Кореневскому 21.6.41 г.».

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО КРАСНОЗНАМЕННЫМ БАЛТИЙСКИМ ФЛОТОМ КОМАНДУЮЩИМ ЛЕНИНГРАДСКИМ И ПРИБАЛТИЙСКИМ ОСОБЫМИ ВОЕННЫМИ ОКРУГАМИ, НАЧАЛЬНИКУ ПОГРАНВОЙСК

20 июня 1941 г.

Части КБФ с 19.6.41 года приведены в боевую готовность по плану № 2, развернуты КП, усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенского пролива.

Командующий КБФ
вице-адмирал ТРИБУЦ
ЦАМО, ф. 221. оп. 1304. д. 2, л. 59. Подлинник.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 8, 11 И 27-й АРМИЙ

21 июня 1941 г. 14 ч 30 мин

Начиная с сегодняшней ночи до особого распоряжения ввести светомаскировку в гарнизонах и местах расположения войск. Обеспечить автотранспорт светомаскировочной аппаратурой. Организовать тщательный контроль за качеством светомаскировки. Обратить особое внимание на состояние маскировки войск и технику ведения воздушного наблюдения.

Помощник командующего войсками С[еверо-]З[ападного] ф[ронта] ПО ПВО
полковник КАРЛИН
ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 62. Подлинник.

ПРИКАЗ ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КОМАНДИРУ 3-й СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ

21 июня 1941 г. 16 ч 05 мин

Все аэродромы на островах Эзель и Даго, не занятые авиацией, немедленно привести в негодное состояние, завалить крупными камнями, деревьями, пнями и т. п. тяжелыми предметами, но не нарушать земляного покрова. Исполнение донести 25 июня 1941 г.

Заместитель командующего ПрибОВО
генерал-лейтенант СОФРОНОВ
ЦАМО, ф. 221, оп 1394, д. 22, л. 340. Подлинник.

РАЗВЕДСВОДКА ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 02

21 июня 1941 г. 20.00

По данным, заслуживающим доверия, продолжается сосредоточение немецких войск в пределы Восточной Пруссии. По достоверным данным, 20.6.41 г. на участке ж. д. Кенигсберг, Тильзит, граница — движения воинских эшелонов.

Выдвижение частей к госгранице продолжается.

Вдоль госграницы продолжаются интенсивные фортификационные работы. Закончено строительство новых понтонных мостов через р. Неман в р-нах: м. Рус, Татамишкен, Елокен, Тильзит, Винкел; продолжается строительство в р-не Вишвилл, особенно форсированное строительство понтонных мостов отмечено в р-не Винге.

Охрана границы и наблюдение за нашей территорией возложены на полевые части.

В Клайпедской области гражданскому населению (главным обр[азом] лицам преклонного возраста) предложено эвакуироваться вглубь от границы на 20 км.

В Сувалкском уезде жители выселены вглубь от границы на 5 км.

12.6.41 г. в р-не Сувалки производился учет лошадей, которые должны быть взяты 20.6.41 г. в армию.

Среди военнослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления.

ПЕРВОЕ. ШЯУЛЯЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

а) Данными нашей агентуры подтверждена и установлена следующая дислокация:

Клайпеда: Штаб 291 пд, 504, 505 и 506 пп, 291 ап, 291 танк. б-н, 291 сап. б-н, 291 б-н связи; 7 полк берегов, обороны в составе арт. д-на и двух пех. б-нов; тяжелый арт. полк, танк. б-н 20-й бронетанковой дивизии. Отряд штурмовиков в составе трех рот.

Приекуле: Зап. б-н 348 пп 217 пд.

Шилутэ: 161 мд в полном составе, танк. б-н 20-й бронетанковой дивизии.

Тильзит: Штаб 7 ак, штаб 1 пд, 216, 43, 45 пп, 213 зап. б-н, 21 лап, 22 тап, 101 танк. б-н, штаб 8 мд, 202, 204, 227 мп, 505 моторизован. тап.

Штаб 290 пд, 501, 502, 503 пп, 290 ап.

Штаб 20-й бронетанковой дивизии, нумерация частей, организационно входящих в состав дивизии, точно не установлена.

Штаб 1 кав. бриг., 1 и 2 кп, 1 арт. д-н.

Авиационная группа до 63 самолетов.

Нойкирх: Штаб 217 пд, 348 пп, нумерация остальных частей, организационно входящих в состав дивизии, не установлена.

Кенигсберг: Штаб 1-й армии, штаб 8 ак, штаб 4 и 43 пд, штаб 3 ак (данные требуют проверки).

21, 207, 201, 210 пп, 25 мп, 4 и 19 ап, бронетанковый полк, штаб 1-го возд. округа, на аэродромах Кенигсберг до 300 самолетов неустановленных типов.

Пиллау: 215-й полк морской зенитной артиллерии, тяжелый артполк, авиачасть до 100 гидросамолетов и до 50 Ю-87.

Тапиау: Штаб 205 пд (ранее, в сводке № 15, нами отмечались части, входящие в состав 205 пд, в Мемельской области).

Натткишкен, Коадиутен: Танк, б-н 20-й бронедивизии и арт. дивизион 511 тап.

в) По данным 105 ПО в г. Клайпеда отмечается штаб 61 пд, в лесу до б-на пехоты и кав. эскадрон, в лесу — до б-на танков с артиллерией; в лесу — до двух б-нов танков (данные требуют проверки).

Примечание: Данными нашей агентуры штаб 61 пд в Клайпеда не отмечался.

ВТОРОЕ. КАУНАССКО-ВИЛЕНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

а) Продолжается выдвижение немецких частей непосредственно к госгранице. В р-не фл. Судавске окапывается до б-на пехоты с 6-ю пушками, выдвинувшимися из Вишайны.

б) По данным 4-й комендатуры 107 ПО отмечено, что в период с 14.6 по 15.6.41 через Сейны проследовало до 200 танков.

В августовских лесах, в р-не Вержники, Налеты, Кукле подтверждается сосредоточение до корпуса пехоты, артиллерии, до 200 танков, до 400 автомашин.

В р-не Сейны — 26 пд, Сувалки — 17 и 37 мд, зенитный артполк.

В р-не Брызголь, Лясь-Подсерский — части 5 пд.

Примечание: Ранее, по нашим данным, 5 пд отмечалась в районе Шилутэ. Убытие из р-на Шилутэ нами не отмечено.

в) Данными нашей агентуры подтверждена и установлена на направлении Каунас, Вильно следующая дислокация:

Инстербург: Штаб 12 ак, штаб 16 пд, штаб 22 пд (нами в сводке № 15, по непроверенным данным, отмечался штаб 22 ак, очевидно, это был штаб 22 пд).

27, 29, 69 пп, 10, 43 запасн. пех. б-на.

61, 206 ап, 4 ап ПТО, 206 кп, 25 танк. б-н, 337 конв. б-н, 16-я авиагруппа — до 170 самолетов.

Гумбинен: Штаб 120 пд (нами, в св. № 15, ранее отмечался штаб пд неустановленной нумерации) 222, 203, 204 пп, 317 арт. д-н ПВО, 494 запасн. пех. б-н.

Шталлупенен: Штаб 405 пп — 1, 2 и 3 б-ны 405 пп расположены у границы в р-не Аддкунен.

Выводы:

1. Продолжается сосредоточение немецких войск к госгранице и из глубины в р-ны Восточной Пруссии.
2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах.
3. Требуется установить достоверность дислокации в г. Кенигсберг штаба 3 ак, штаба 1-й армии (нашими данными в течение продолжительного времени отмечался штаб 18-й армии. Данных о его убытии не поступало).

Продолжают ли оставаться части, не указанные в этой сводке, ранее нами отмечаемые?

Начальник штаба ПрибОВО
генерал-лейтенант КЛЕНОВ
Зам. нач. Р[азвед]О[тдела[штаба ПрибОВО
полковник КАШНИКОВ

ЦАМО, ф. 221. оп. 1362, д. 5. лл. 27 — 30. Подлинник.

ДИРЕКТИВА УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТПРОПАГАНДЫ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

21 июня 1941 г. 21 ч 35 мин

Обстановка требует полной боевой готовности частей. Всемерно усилить разъяснение личному составу сложности международной обстановки, чреватой всякими неожиданностями.

Все действия командиров, политработников, красноармейцев должны быть направлены на полное выполнение задачи и повышение боевой выучки войск. Боевая учеба не должна прекращаться ни на минуту. Учиться на марше, [в] походах и местах сосредоточения. Тщательно учитывать все недостатки, обнаруженные в боевой выучке при выполнении заданий, доносить о них и немедленно принимать меры к их устранению.

Навести четкий порядок в тылах и вторых эшелонах. Начальникам политорга-нов и зам. командиров по политчасти точно знать боевые задачи и докладывать вышестоящему политоргану. Организуйте точный учет людей и постоянный контроль за их деятельностью. Сейчас особо важно, чтобы все политработники находились постоянно в массах и разъясняли красноармейцам все неясные для них вопросы. Коммунисты и комсомольцы должны на деле показать образцы дисциплинированности и бдительности.

Отделам ПП корпусов и дивизий письменных директив в части не давать. Задачи политработы ставить устно через своих представителей.

Настоящую директиву немедленно полностью довести до нач. политорганов соединений.

Начальник управления политлропаганды ПрибОВО РЯБЧИЙ

ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 47. Подлинник.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КОМАНДИРУ 11-го СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА

21 июня 1941 г. 22 ч 15 мин

С целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий командующий 8-й армией приказал:

1. Немедленно приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т. д.) для устройства переправ через р. Дубисса. Пункты переправ будут даны дополнительно.

Начальник штаба 8-й армии
генерал-майор ЛАРИОНОВ

ЦАМО. ф. 344, оп. 5564, д. 10, л. 53. Подлинник.

ПРИКАЗ ШТАБА 27-й АРМИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

22 июня 1941 г. 3 ч 45 мин

Со стороны немцев могут быть действия мелких групп нарушения нашей границы. Не поддаваться [на] провокации.

Командующий войсками 27-й армии Член военного совета

генерал-майор БЕРЗАРИН дивизионный комиссар БАТРАКОВ

Начальник штаба полковник БОЛОЗНЕВ ЦАМО, ф. 325, оп. 4579, д. 1-л, л. 43. Подлинник.

ДОКУМЕНТЫ ВЕРМАХТА

Главное командование сухопутных войск, Ставка, 20.3.41 г.

Генеральный штаб сухопутных войск. Только для начальников

IV обер-квартирмейстер, высших штабов!

Отдел иностранных армий Востока (II) Передавать только

№ 35/41 Совершенно секретно через офицера!

Разведывательная сводка № 2

1) **В Прибалтике** каждую ночь с 10.3 наблюдается движение эшелонов (8—12 поездов) с пехотой и танками в направлении на Литву, в основном через Ригу. Исходя из передвижений частей на границе, можно заключить, что имеется **следующая группировка:**

Вост. г. Кретинга — 1—2 дивизии,

1 мот. мех. бригада (?) Вост. г. Таураге — 1 дивизия,

1 мот. мех. бригада (?) Вост. п. Вирбалис — 1 дивизия,

1 мот. мех. бригада (?) Вост. г. Калвария— 1 дивизия.

2) Перед центральной частью Восточного фронта (между Гродно и Влодавой), по неподтвержденным данным, появились: (на глубине до 250 км):

4 штаба корпуса

5 дивизий. Подтверждение 1 мот. мех. бригада отсутствует.

3) **Перед Южным фронтом** (между Влодавой и Черным морем), по неподтвержденным данным, появились (на глубине до 250 км):

4 штаба корпуса. Их главные силы находятся 7 дивизий в районе между Львовом и

5 мот. мех. бригад Черновцами

Здесь же, в районе г. Проскуров, возможно наличие крупной мотомеханизированной группы (штаб крупного формирования, 2 мотомеханизированные бригады, 1 автотранспортная бригада).

Подтверждение отсутствует.

По неподтвержденным данным, 15.3 маршал Тимошенко прибыл в штаб Прибалтийского особого военного округа на совещание.

14 и 15.3 в частях Рижского гарнизона проводились занятия, в ходе которых политруки открыто заявляли, что будет война с Германией.

Выводы: Дивизионные группы в Прибалтике, боевой и численный состав которых установлен неточно, но которые оцениваются приблизительно в 4—5 дивизий и 3 мот. мех. бригады (?), могут рассматриваться в качестве прикрытия сил, развертывающихся на рубеже Вента—Дубиса—Неман, численность которых пока неизвестна.

Подписал: КИНЦЕЛЬ

ЦАМО, оп. 12462. д. 584, лл. 4—5. Пер. с нем.

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами

Ставка фюрера, 13.5.41 г.

УКАЗ

О ПРИМЕНЕНИИ ВОЕННОЙ ЮРИСДИКЦИИ И ОБ ОСОБЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ВОЙСК

Подсудность в вооруженных силах служит в первую очередь **поддержанию воинской дисциплины.**

Большие размеры оперативных районов на Востоке, определенная этим форма боевых действий и специфичность противника ставят военные суды перед задачами, которые они, учитывая их малочисленность, смогут решить во время боевых действий и до первого усмирения завоеванной территории только в том случае, если юрисдикция ограничится выполнением своей главной задачи.

Это возможно только тогда, если войска сами будут давать отпор каждой угрозе со стороны гражданского населения противника.

В соответствии с этим для оперативных районов, тыловых районов групп армий и в сфере политического руководства определяется следующее:

I.

Преступления гражданского населения вражеской стороны

1. Преступления гражданских лиц вражеской стороны не относятся к компетенции военных трибуналов и военно-полевых судов.

2. Партизаны подлежат беспощадному уничтожению в бою или при попытке к бегству.

3. Все другие вооруженные действия гражданских лиц вражеской стороны против вермахта, его военнослужащих и вольнонаемных подавляются на месте крайними средствами, вплоть до уничтожения нападавшего.

4. Если такого рода меры не были предприняты или не были сначала возможны, то **подозреваемые лица должны быть немедленно доставлены к офицеру,** который решает, следует ли их расстреливать.

Против населенных пунктов, из которых были вероломно атакованы наши части, по распоряжению офицера в должности не ниже командира батальона незамедлительно принимаются **коллективные насильственные** меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновных.

5. **Запрещается** брать под охрану подозреваемых преступников, с тем чтобы **с** восстановлением судопроизводства над гражданским населением передать их суду.

6. Командующие группами армий по согласованию с компетентными инстанциями ВВС и ВМС могут устанавливать

военное судопроизводство над гражданским населением там, где местность достаточно усмирена.

В отношении политического руководства последует распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил.

II.

Преступления военнослужащих и вольнонаемных вермахта против местного населения

1. Военнослужащие и вольнонаемные вермахта, совершившие какие-либо действия против гражданского населения вражеской стороны, необязательно привлекаются к ответственности, даже в том случае, если эти действия одновременно являются и военным преступлением.

2. При оценке таких проступков следует принимать во внимание, что поражение в 1918 году, последующие годы страданий и лишений немецкого народа и борьба против национал-социализма, повлекшая многочисленные жертвы, объясняются в решающей степени большевистским влиянием и что ни один немец не забыл этого.

3. Председатель трибунала решает, можно ли в таких случаях наложить дисциплинарное взыскание или же необходимо судебное вмешательство. Председатель трибунала назначает преследование за преступление против местного населения военно-полевым судом только тогда, когда этого требуют поддержание воинской дисциплины или безопасность войск. Это относится, например, к тяжелым преступлениям, которые объясняются половой невоздержанностью, склонностью к преступлениям или свидетельствуют о падении морального уровня в войсках. Как правило, строго оцениваются преступления, которыми наносится ущерб нашим войскам (бессмысленное уничтожение жилого фонда, запасов и другого трофейного имущества).

В каждом отдельном случае расследование начинается только по распоряжению председателя трибунала.

4. Требуется крайняя **осторожность** при оценке достоверности показаний гражданских лиц вражеской стороны.

III.

Ответственность командующих войсками

Командующие в рамках своей компетенции несут личную ответственность за то,

1) чтобы все офицеры подчиненных им подразделений своевременно и в самой доходчивой форме были ознакомлены с положением части 1;

2) чтобы их юрисконсульты были ознакомлены с этими указаниями и с устными сообщениями, в которых командующим разъясняются политические планы командования;

3) чтобы выносились только такие приговоры, которые соответствовали бы политическим планам командования.

IV.

Меры по сохранению секретности

После объявления настоящий Указ приобретает гриф «Совершенно секретно».

Подписал КЕЙТЕЛЬ ЦАМО, оп. 12462. Д. 564. лл. 23—26. Пер. с нем.

Генерал-майор Оберхойзер,
Начальник связи группы армий «Б»
В штаб группы армий «Б»

21.4.1941 г.

Для сведения: Крепостному штабу «Блаурок»

ПО ВОПРОСУ: Чрезвычайное происшествие на русской границе.

21.4 в рамках командировки в Восточную Пруссию я совершил на легковой машине Н 135 054 (водитель вахмистр Гитце) в сопровождении подполковника Беденка, майора Никса и оберлейтенанта Рюккера поездку в район Сувалки для проверки осуществления маскировки пересекающих границу линий связи.

Около 11.00 я ехал по дороге Сейны — Берзники в направлении имперской границы. Чтобы не привлекать излишнего внимания, я надел накидку и приказал снять с машины штабной флаг. Примерно в 50 м от неокрашенного шлагбаума у насыпи мы вышли из машины.

Мы полагали, что в деревянной избушке, стоявшей в 100 м от нас, находится немецкая пограничная будка, обошли шлагбаум и, так как никакого часового не было видно, подошли к будке. Я открыл дверь, заглянул внутрь и увидел, что в будке никого нет. В углу помещения была развалившаяся печь.

Когда я выразил удивление по поводу состояния помещения, майор Никс заметил, что здесь, видимо, нет постоянного пограничного поста, а только патрулирование. Мы предположили, что избушка служит патрулям временным пристанищем. Мы пробыли около избушки 5 минут, посмотрели с высоты в сторону немецкой и русской территории. Высота была лесистой. Через кустарник примерно на высоте избушки по обе стороны дороги с севера на юг тянулась колючая проволока, которую мы считали собственно границей и не пересекали. Тропинка вдоль леса показалась нам пограничной дорогой. К югу от дороги лес на каком-то участке был вырублен. Кругом лежали упавшие деревья. Там, где лес кончался, граница была обозначена высокими соснами с зелеными шапками наверху.

Вдруг подполковник Беденк указал на двух людей, которые приближались к нам с юга через кустарник с винтовками на изготовку. Очень быстро мы, к нашему удивлению, узнали, что это были не немецкие пограничники, а русские. Это были без сомнения солдаты. На них были землисто-бурого цвета шинели, кожаное снаряжение, тесно облегающие фуражки, к винтовкам примкнуты штыки. Они производили впечатление очень молодых и нерешительных солдат Когда они были в 20 шагах от нас, один из них встал за стволом дерева и изготовился к стрельбе, второй крикнул: «Стой, стой!» Мы вынули свои пистолеты, также крикнули русским «Стой» и беспрепятственно вернулись к нашей машине. Мы сели в машину и поехали в Берзники, чтобы доложить о происшествии местному таможенному чиновнику. Перед развилкой дороги у Берзники нас остановил часовой из 6-го противотанкового дивизиона и сказал, что он имеет задание задерживать все транспортные средства, направляющиеся в сторону имперской границы.

В заявлении, что имеет место случай нарушения границы с русской стороны, я сообщил служащему охраны границы в Берзниках, а именно таможенному секретарю, все о происшествии. От него я узнал, чго избушка находится на русской территории и, следовательно, налицо случай нарушения границы с нашей стороны.

О происшествии я поставил в известность таможеннного комиссара в Сейны Шубеля.

Я утверждаю следующее:

1) По дороге к границе мы не были задержаны часовым и вообще такового не видели.

2) Мне представляется целесообразным установить шлагбаум уже под Берзники.

3) Я считаю совершенно необходимым, чтобы граница была ясно обозначена указателем или государственным знач-

ком. Каждому объективному человеку шлагбаум представляется знаком «Стой» для транспортных средств. Любой объективный человек предположит, что в деревянной избушке находится немецкий пограничный пост. В упомянутом месте нет ни щита, ни государственного знака, шлагбаум не обозначен германскими цветами.

4) Тот шлагбаум, что мы обошли, видимо, русский. Непонятно, почему там нет немецкого?

5) Я имел возможность в ходе служебной поездки в январе этого года вдоль русской границы между Санок и Остроленка увидеть много пограничных пунктов и был удивлен, насколько хорошо обозначена линия границы проволочными заборами, шлагбаумами (немецкий: черно-бело-красный; русский; зелено-красный) и постоянными постами. Поэтому я даже не мог предположить, что в районе Сувалки граница с немецкой стороны вообще не обозначена.

6) Я считаю необходимым, чтобы на всех дорогах, ведущих к границе, были предусмотрены шлагбаумы, указатели и по возможности установлены постоянные посты.

Подписал генерал-майор ОБЕРХОЙЗЕ ЦАМО, оп. 12462, д. 586. лл. 96—98. Пер. с нем.

Отдел разведки и контрразведки
Офицер контрразведки
27.4.41 г.

Суточное донесение крепостного штаба «Блаурок»

Дополнение: 26.4.41 г. между 20.00 и 21. 00 русский младший лейтенант, 2 младших сержанта и 1 рядовой по ошибке перешли германскую границу по дороге Калвария — Сувалки. Они были на одноконной войсковой повозке (ср. суточное донесение 27.4).

Опрос русских солдат выявил следующее:

Солдаты принадлежат 3-му дивизиону гаубичного артиллерийского полка. Место расположения — Калвария. Принадлежность: 128 сд, также в Калвария.

Эти данные содержатся в удостоверении младшего лейтенанта, перефотографированном органом контрразведки в Лётцен.

Четверо солдат 1918 года рождения, один — 1921 года рождения. Национальность: 2 украинца, 3 русских, из них 1 из Курска, 1 из Рязани. На троих солдатах была артиллерийская униформа (черный цвет погон); на двоих были белые петлицы, но они утверждали, что служат в разведывательном взводе артиллерийского полка. На войсковой повозке обозначено «91/40». Вооружение: 4 автомата, 1 винтовка со штыком, 1 стереотруба, боевые патроны. Оружие в хорошем состоянии. Обмундирование и прочее оснащение русских солдат хорошее. ЦАМО, оп. 12462, д. 586, л. 89. Пер. с нем.

Командование 4-й танковой группы,
№ 249/41 сов. секретно только для командования
Штаб группы, оперативный отдел
14.6.41 г

ПРИКАЗ ПО БОЕВОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ 800-го УЧЕБНОГО ПОЛКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ «БРАНДЕНБУРГ»

1. **В распоряжение 4-й танковой группы** выделяется до одной роты 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» в составе; офицеров — 2: унтерофицеров и рядового состава — 220.

В целях маскировки рота названа «охранной ротой».

Офицером связи 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» при штабе 4-й танковой группы по вопросам боевого использования полка назначен капитан Вальтер.

2. Подчинение:

56-му армейскому корпусу: 1 офицер, 65 человек унтер-офицерского и рядового состава, обоз в 30 человек; около 10—15 человек со знанием языка (выделяются дополнительно особым распоряжением).

41-му армейскому корпусу: 1 офицер, 95 человек унтер-офицерского и рядового состава, обоз в 30 человек; около 10—15 человек со знанием языка (выделяются дополнительно особым распоряжением).

3. Подвоз и расквартирование:

Выделенные в распоряжение корпуса подразделения прибудут: в 56 ак — в день В-5 в Гросс-Ленкенау; в 41 ак — в день В-4 в Ульменталь (2 км восточнее Зандфельде).

Расквартировать по возможности отдельно от других частей и подразделений, по прибытии на место материально-техническое снабжение берет на себя корпус.

4. Боевое использование:

Боевое использование подразделений согласовано между представителем корпуса и офицером связи 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» личным общением.

Исходя из имеющегося опыта боевое использование их в составе передовых отрядов является особенно многообещающим.

Войсковых командиров, в чье распоряжение будут выделены спецподразделения, необходимо тщательно проинструктировать о задачах и методах действий «охранной роты».

Боевые группы необходимо использовать только для выполнения свойственных им задач и когда обстановка и объем задач обещают успех; бережно к ним относиться и использовать только на важных объектах; своевременно их поддерживать своими подразделениями, чтобы группы не несли неоправданных потерь.

Перед выходом на выполнение боевого задания войсковые командиры должны пригласить к себе командиров спецподразделений, выслушать их предложения, пожелания и потом только определить форму боевого использования и маскировочного обмундирования.

Чтобы избежать напрасных потерь от огня своих, в состав передовых войсковых отрядов, которые должны захватить назначенный объект и штурм которого уже начали спецгруппы, выделить одного посредника из «охранной роты». При приближении к объекту этот посредник должен предупредить спецгруппу «охранной роты» о приближении передовых отрядов.

Пароль для войсковых подразделений и групп «охранной роты» — «Веклабрюк». В целях маскировки пароль должен быть доведен до всех передовых отрядов войск только с отдачей приказа на наступление. Кроме того, передовые войсковые отряды и группы «охранной роты» должны договориться об опознавательных знаках.

Первые захваченные у противника автомашины, в особенности разведывательные бронемашины и им подобные, оружие и боеприпасы, снаряжение должны быть незамедлительно переданы в спецгруппы «охранной роты», т. к. они им более необходимы для выполнения их специфических задач.

5. Обеспечение автомобильной техникой:

«Охранная рота» полностью моторизована, однако в ходе выполнения своих задач она может нести потери и не всегда будет иметь возможность их пополнения. Широкая поддержка и обеспечение роты — в интересах корпуса.

За три дня до начала боевых действий корпуса докладывают об окончательном решении на боевое использование спецгруппы с указанием объектов. С началом боевых действий — постоянно о предполагаемом боевом использовании и о результатах.

За командира танковой группы начальник штаба (подпись)

Проект подписал: Ш. де БОЛЬЮ

ЦАМО оп. 12462, д. 594, лл. 5—8. Пер. с нем.

ВИЖ №6 1989 продолжение

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ ВОЕННЫМ СОВЕТАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО, ЗАПАДНОГО, ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ № 3

22 июня 1941 г., 22.07.

1. Противник, нанося главные удары из сувалкского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шауляй и Седлец, Волковыск в течение 22 июня, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках гос[ударственной] границы с Германией и на всей гос[ударственной] границе с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23—24 июня ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6А окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды.

К исходу 24 июня овладеть районом Люблин. 3. Приказываю:

а) армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие гос[ударственной] границы, граница слева — прежняя;

б) армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки, граница слева — прежняя;

в) армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мех[анизированных] корпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки, граница слева — прежняя;

г) армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая гос[ударственную] границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6А, не менее пяти мех[анизированных] корпусов и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24 июня овладеть районом Люблин, прочно обеспечить себя с краковского направления;

д) армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию; при попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать реки Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами в ночь на 23 июня сосредоточиться в районе Кишинев и лесов северо-западнее Кишинева.

4. На фронте от Балтийского моря до гос[ударственной] границы с Венгрией разрешаю переход гос[ударственной] границы и действия, не считаясь с границей.

5. Авиации Главного Командования:

а) поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го ав[иационного] корпуса] ДД и Западный фронт одним вылетом 3-го ав[иационного] корп[уса] ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалкской группировки противника;

б) включить в состав Юго-Западного фронта 18-ю авиа[ционную] дивизию ДД и поддержать Юго-Западный фронт одним вылетом 2-го ав [иационного] корп[уса] ДД на период выполнения ими задачи по разгрому люблинской группировки противника;

в) 4-й ав[иационный] корп[ус] ДД оставить в моем распоряжении в готовности содействовать главной группировке Юго-Западного фронта и частью сил Черноморскому флоту.

Народный комиссар обороны Союза ССР

Маршал Советского Союза ТИМОШЕНКО

Член главного военсовета МАЛЕНКОВ

Начальник генерального штаба Красной Армии генерал армии ЖУКОВ

ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 9, л. 444.

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

22 июня 1941 г.

...Наша агентура и перебежчики указывали, что надо ожидать в ближайшее время вооруженного выступления Германии против нас. Почти точно указывались сроки начала наступления — 20—22 июня 1941 г.

Таким образом, война становилась фактом, события требовали принятия срочных мероприятий с обеих сторон, и в первую очередь в области оперативного развертывания войсковых соединений всех родов войск и сосредоточения их по моб[илизационному] плану для ведения операций.

Командованию Северо-Западного фронта в последние дни перед войной представлялась возможность немедленно передислоцировать ряд частей ближе к границе. Однако темпы сосредоточения и развертывания— усиливались крайне

медленно. Необходимо было учитывать слабую пропускную способность железных дорог Прибалтики, разбросанность войск на большой территории и их удаленность от гос[ударственной] границы.

Вместе с тем представлялась полная возможность под видом вывода частей в лагеря произвести скрытное сосредоточение главных сил у гос[ударственной] границы, занять и совершенствовать полевые оборонительные сооружения при условии правильной оценки и предвидения надвигающихся событий на Северо-Западном фронте. Своевременно были выведены только 90, 188, 5 сд, но и они в своем большинстве занимались оборудованием лагерей, меньше боевой подготовкой.

Таким образом, непосредственно у гос[ударственной] границы находились от Балтийского побережья до Аугстогаллен: 10 ск — 10, 90 и 125 сд 11 ск; от р. Неман и до Копциово — 16 ск — 5, 33, 188 сд и 128 сд.

Эти части в основном располагались в лагерях, имея непосредственно у гос[ударственной] границы прикрытие от роты до батальона, по существу, усилив пограничную службу...

ЦАМО, ф. 221. оп. 1351, д. 202, л. 1. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА 27-й АРМИИ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

22 июня 1941 г., 7.05.

По данным на *6* часов 22 июня 1941 г. Паланга обстреляна, горит, связь потеряна. Немецкие части перешли [в] наступление, наши части ведут бой. Было 7 налетов — [на] Либаву сброшены зажигательные бомбы. [На] виндавском побережье и острове спокойно.

Данные проверяются и уточняются.

Командующий войсками 27-й армии
генерал-майор БЕРЗАРИН
Член военного совета БАТРАКОВ
Начальник штаба БОЛОЗНЕВ
ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 2, л. 154. Подлинник.

ТЕЛЕГРАММА ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЕННО-ВОЗДУШНЫМИ СИЛАМИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКУ СНАБЖЕНИЯ И РЕМОНТА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ КРАСНОЙ АРМИИ

22 июня 1941 г., 7.10.

[В] своей телеграмме от 20 июня 1941 г. я просил ответить, когда будут поданы боеприпасы. Боевые действия на территории округа начались, Вторично прошу срочно сообщить, когда будут поданы боеприпасы.

Заместитель командующего ВВС Прибалтийского особого военного округа генерал-майор авиации АНДРЕЕВ
ЦАМО, ф. 221, оп. 1394, д. 22, л. 389. Подлинник.

ПРИКАЗ ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ 8-й и 11-й АРМИЙ

22 июня 1941 г., 11.30 — 12.00

Противник занял танковыми и мотоциклетными частями Кретингу; [в] Тауроген ворвались его танки и мотопехота. Противник пытался окружить части 8-й армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

12 мк — ликвидировать 23 тд танки противника в Кретинге, главные силы корпуса развернуть на фронте Тельшяй, Повентис для удара по флангу и тылу противника, прорывающемуся на Тауроген. 3 мк, оставив 5 тд в распоряжении командующего 11-й армии, 2 тд и 84 мд в ночь на 23 июня выйти заранее в путь движения район Россиены для удара во взаимодействии 12 мк с 9-й артбригадой ПТО по противнику.

Командарму 8-й использовать широко заграждения, не допустив выхода противника в тыл 11 ск, объединить действия 3 и 12 мк.

Командарму 11-й обезопасить отход 28 сд, не допустив ее окружения, подготовить позиции по вост[очному] берегу р. Неман до лев[ой] границы фронта. Войти во взаимодействие с 3А.

Командующему ВВС бить сильными ударами Тильзитскую и Кальварийскую группировки противника.

Командармам 8-й и 11-й доложить решения.

Командующий войсками
Прибалтийского особого военного округа
генерал-полковник КУЗНЕЦОВ
Член военного совета
корпусной комиссар ДИБРОВА
Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЕНОВ
ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 64. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ] СВОДКА ШТАБА 27-й АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

22 июня 1941 г., 11.45.

1. В период между 4.00 и 6.00 22 июня авиация пр[отивни]ка произвела налет и бомбила Виндаву и Либаву.

Одновременно на фронте 8 А в 4.00 пр[отивни]к перешел гос[ударственную] границу, к 9.00 овладел Палангой и продвинулся на 4 км. Севернее Паланги к 10.45 противник занял Тауроген, Шаки, Кальвария.

2. 27-я армия выполняет поставленную задачу.

3. 3 сбр согласно приказу заняла оборону на островах...

4. 67 сд заняла оборону по плану. Связь поддерживаю со 114 сп (Виндава), со шта[бом] див[изии] 67-й связь прервана с 4.00.

5. От 24 и 65 ск новых сведений не поступало.

Начальник оперативного отдела штаба 27-й армии
майор СТЕПАНОВ
ЦАМО, ф. 325, оП. 4579. д. 1, лл. 54—61. Подлинник.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 03

22 июня 1941 г., 12.00

После артиллерийской подготовки ВВС противника нарушили гос[ударственную] границу и, начиная с 4.15 22 июня 1941, производили налеты и бомбардировку ряда объектов на нашей территории.

С 5.25 пехота и танки пр[отивни]ка перешли в наступление.

Налеты авиации и бомбардировка производились на следующие объекты: [в] 4.42 22 июня 1941 до 45 самолетов бомбили Шауляй. Над Шауляем происходил воздушный бой; в 4.15 группа самолетов действовала над Виндавой; [в] 4.18 — 5 самолетов обстреляли Виштынец и эти же самолеты действовали над Кальварией; [в] 4.25 — на Юрбург сброшены бомбы; [в] 4.20 — до полка авиации бомбило Каунас, Кальварию; в 4.55 — 5 самолетов бомбили аэродром Паневежис.

В этот же период времени были подвергнуты бомбардировке Кейданы, Симно, Алитус. В период с 9.08 до 9.12 12 Ю-88 пролетели на Шауляй и 9 бомбардировщиков с направления Россиены также на Шауляй. [В] 8.20 с высоты 3000 м бомбили Ораны и в 9.25 бомбили аэродром Шауляй.

Первое. **Шауляйское направление.**

а) После артиллерийской подготовки противник перешел в наступление, нанося основной удар на направлении Кретинга, Картена и более мощный — на участке Тауроген, Юрбург.

В 6.00 22 июня 1941 мотоциклетный батальон с танками занял Кретингу и к 9.00 до полка пехоты занял Картену.

В р[айо]не Вежайчей до б[атальо]на танков прорвалось к Рьэтавас. В 6.30 до б[атальо]на танков перешло границу на направлении Тауроген; в 7.30 — 9.00 к Таурогену подошло до батальона пехоты и моточасти; в 7.30 — танковый батальон противника занял Гавры.

Западнее Юрбурга наступает до пп, охватывая левый фланг 8 сд.

б) В р[айо]не Тильзита крупное скопление пехоты и танков. Р[айо]н Тильзит, Рагнит, Жиллен прикрыт сильной ПВО.

Второе. **Каунасско-виленское направление.**

а) На участке Юрбург, Виштынец к 9.00 противник вышел на фронт: на направлении Шаки наступает до пехотного полка; Наумиестис, Кибарты, Вирбалис занимает до двух пех[отных] полков; в р[айо]не Виштынец наступает пехота неустановленной численности.

б) на фронте Виштынец, Копцево основной удар пр[отивни]к развивает в общем направлении на Алитус и к 9.00 на участке занимает следующее положение: Виргеле и р[айо]н занимает до пп с танками, в р[айо]не Любово — до кав[алерийского] полка наступает на Кальварию; до 500 танков прорвалось в районе Лоздзее, развивая наступление на Алитус; Копцево занято пехотой.

в) Августов занят пехотой пр[отивни]ка.

г) в 7.30 в районе Воджгиры пр[отивни]к выбросил авиадесант, к 10.00 численность десанта не установлена.

Выводы:

1. После артиллерийской подготовки и бомбардировки ВВС, пехота и танки пр[отивни]ка перешли в наступление, развивая основной удар на Каунас, Вильно.

2. Пр[отивни]к еще не вводил в действие значительных [сил] ВВС ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов.

Начальник штаба Прибалтийского особого военного округа

генерал-лейтенант КЛЕНОВ

Заместитель начальника разведывательного отдела штаба Прибалтийского особого военного округа

полковник КАШНИКОВ

ЦАМО, ф. 221. оп. 1362, д. 5, лл. 25—26. Подлинник.

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 27-й АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

22 июня 1941 г.

В 4.00 7 самолетов пр[отивни]ка бомбили аэродром в Либаве, 4 самолета уничтожены на земле и ранены 3 кр[асноармей]ца.

Один самолет противника сделал вынужденную посадку в лесу (район Либава), 6 самолетов ушли обратно.

Части 67 сд согласно боевому приказу занимают боевые позиции.

По неточным данным [в] лес южнее Либавы (точный район не установлен) выброшен парашютный десант. Требуется проверка.

16.00. Противник проявляет на фронте большую активность. Противник произвел бомбардировку Либавы 5 раз. В 12.00 противник занял Руцаву, имея абсолютное превосходство перед нашими частями, которые на этом участке, не имея танков, не могут сдержать противника.

10 сд быстро отходит на север и северо-запад.

В р[айо]не Элтвилки высадился десант. 67 сд получила задание во что бы то ни стало удержать Либаву. Для приостановления распространения пр[отивни]ка на север [к] ст[анции] Руцава (до 2 пех[отных] батальонов) направлены 2 сб с артиллерией, один батальон — поездом и второй — на автомашинах.

Сосредоточение частей 65 и 24 ск идет медленно, перебрасываются они по плану и приказам округа.

ЦАМО, ф. 325, оп.4570, д. 36, лл. 1 — 1 об. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 2

22 июня 1941 г., 14.30

Первое. Противник перешел в наступление по всему фронту в 6.30. Наступление предварялось бомбардировкой аэродромов и войск в Виндаве, Таурогене, Шауляе, Кейданах, Каунасе, Кальварии, Паневежисе.

Второе. На фронте 8 А мотоциклетные части с танками заняли Кретингу, Картену. Контратакой в 12.30 Картена возвращена частями 10 сд.

Противник прорвал фронт с[еверо]-з[ападнее] и ю[го]-з[ападнее] Кулей и окружает части 10 сд, действующей в этом районе. На Таурогенском направлении 125 сд, неся большие потери, ведет бои за р. Юра. Против дивизии действует до двух мотодивизий с танками, обходящими ее фланги.

48 сд, подвергшаяся на подходе к Воджгири нападению авиации противника, ведет бой, отходя в с[еверо]-в[осточном] направлении.

В районе Россиены, Видукле в 12,52 высажен десант неустановленной численности. Противник, заняв Юрбург, рас-

пространяется вдоль Немана на восток, северо-восток.

Третье. На фронте 11 А противник наступает, имея основную группировку до 500 танков в направлении Кальвария и Алитус.

5 сд контратакует противника, прорвавшегося на Шаки и Скордубяны.

33 сд удерживается на фронте Карднишки, Волковышки; 1 сп выходит в район Мариамполя; 188 сд — на подходе к рубежу Волковышки, Буденце. 126 сд — в движении от Прены к озеру Жувинты.

23 сд передовыми частями подошла к Каунасу и выдвигается на р. Невяжа. 128 сд ведет тяжелые бои в районе озера Дусь, ее фланги обходятся танковыми частями.

В Алитусе — авиадесант противника, его танки.

Четвертое. Авиация ведет борьбу в воздухе и действует по войскам. Потери — 56 самолетов.

Начальник штаба Прибалтийского особого военного округа

генерал-лейтенант Н. КЛЕНОВ

Заместитель начальника штаба генерал-майор Ф. ТРУХИН

ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57, лл. 16 — 17. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА 67-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

22 июня 1941 г., 15.20.

Части 10 сд отступают по донесению быстро. Находятся подходом Руцава; Либаву без крепкой помощи удержать трудно. Просим поддержки. Либаву обороняет строительный батальон, на Либаву сделано 13 налетов. Зенитная артиллерия не задерживает [самолеты противника].

Командир 67-й стрелковой дивизии

генерал-майор Н. А. ДЕДАЕВ

ЦАМО, ф, 221, оп. 1394, д. 2, л. 194. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА 8-й АРМИИ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

22 июня 1941 г., 15.30.

По донесению командира 11 ск 125 сд охватывается на обоих флангах из районов м. Паграмантис, м. Гавры. Дивизия несет большие потери, снарядов мало, части постепенно отходят. Перед ней до 3 пд и до 2 полков танков.

48 сд отходит.

Командиру корпуса приказано упорной обороной в лесах вост[очнее] Тауроген задержать пр[отивни]ка.

Командир 125 сд меняет [местоположение] КП [на] район леса ю[го]-з[ападнее] М. Скаудвиле,

В 15.00 связи с КП 125 и 48 сд ком[анди]р корпуса не имел.

Начальник штаба 8-й армии

генерал-майор ЛАРИОНОВ

ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 10, л. 69. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 67-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА 27-й АРМИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

22 июня 1941 г., 20.00.

1. 67 сд (без 114 сп) вышла на учения в район: Павилоста, Либава, Барта, на тему: оборона побережья и борьба с воздушными десантами противника.

2. 56 сп с 94 ап проводят занятия в районе: Павилоста, Либава, Гробиня...

4. 114 сп в зимних квартирах Виндава, выступает на учение в своем составе 22 июня 1941 г. ...

Начальник штаба 67-й стрелковой дивизии

полковник БОБОВИЧ

ЦАМО, ф. 325, оп. 4579, д. 1-а, л. 58. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

22 июня 1941 г., 22.00

1. Части СЗФ продолжают сдерживать противника, стремящегося охватить таурогенскую группировку (90, 125, 48 сд) с флангов, одновременно противодействуя развитию его наступления в каунасском и алитусском направлениях.

2. 27 А: части подняты по тревоге и заняли: 3 осбр — 1 батальоном остров Даго, остальными силами прибрежные укрепления озера Эзель;

67 сд — 114 сп, артдивизионом побережье м. Колкас-Рагас, Виндава, 156 сп в районе Либава и Павилоста, 281 сп в подвижных резервах. На островах противник не делал попыток высадки. По непроверенным данным высадился незначительный морской десант у Павилосты.

Либава бомбардировалась 13 раз.

3. 8 А — 10 ск штаб Варняй. Фронт дивизий прорван в направлении Кретинги танками и мотоциклетными частями и в направлении Кулей — пехотой.

Части 10 сд отошли к Плунге, 204 сп с артиллерией выбился из окружения в районе Кулей. Район Рьэтавас удерживается частями 10 сд, потери выясняются.

90 сд ведет упорный бой за Шилале с превосходящими силами противника. Противник атакует стык 10 и 125 сд в районе Паюрис. 11 ск — 125 сд понесла большие потери, потеряла связь и, охватываемая с обоих флангов, ведет борьбу в лесах между Тауроген и Скаудзиле.

48 сд отходила во второй половине дня от Эржвилки на северо-восток.

12 мк сосредоточен: 23 тд — севернее Тельшяй, 28 тд — севернее Шауляй,

202 мд — Келме.

11 сд продолжает выгрузку [в] районе Радвилишкис, Бейсагола, Шедува.

9 птб на рубеже Варняй, Келме.

3 мк (шта[б] корп[уса], лес сев[ернее] Кейданы).

84 мд выдвинута на р. Невяжис к югу от Лабуново.

2 тд — в лесах в районе Гайжюняй.

5 тд оставлена в 11 А, обороняет переправы в Алитусе. Корпус готовится к наступлению, занимая в течение ночи исходное положение в районе Россиены.

Вследствие бомбардировки проводная связь с 8 А с 14.00 отсутствует. Потери выясняются.

4. 11 А — шта[бом] арм[ии] переходит Кайшядорис. Связь, разрушенная авиацией противника, почти не действует. Связь поддерживается только [по] радио.

Под натиском превосходящих сил противника соединения отходят: 16 ск — 5 и 33 сд отброшены в Козловарудские леса.

188 сд ведет бои в лесах юго-восточнее Прены.

126 сд ведет [бои] у Алитуса.

128 сд понесла большие потери; связи с ней шта[б] арм[ии] не имеет.

5. Авиация противника бомбила в течение дня узлы связи, населенные пункты, склады, аэродромы, причинила серьезные повреждения Шауляю и Каунасу.

ВВС, выполняя задачи, вели борьбу с авиацией противника и бомбили скопление танков и танковые колонны в районе Тильзит и на алитусском направлении. ПОТЕРИ: 56 самолетов уничтожены; 32 повреждено на аэродромах. Сбито авиации — 19 самолетов противника и 8 самолетов сбито 3 А. Эти цифры уточняются.

Начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант КЛЕНОВ

Заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-майор ТРУХИН

ЦАМО, ф. 344, оп. 5554, д. 32, л. 11. Подлинник.

ПРИКАЗ ВОЕННОГО СОВЕТА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 05

22 июня 1941 г.

В связи с начавшимися по вине Германии военными действиями, объявляю территории Литовской и Латвийской ССР на военном положении. .

1. Все сухопутные силы, находящиеся на территории Прибалтийского особого военного округа, подчиняю себе.

2. Войска НКВД подчинить начальникам гарнизонов для борьбы с авиадесантами противника и диверсиями.

3. Во всех населенных пунктах огней не зажигать, движение по улицам в городах и населенных пунктах для местного населения запрещаю с 20 часов до 5 часов утра. Всех виновников нарушения установленного порядка предавать суду по закону военного времени.

4. В городах и во всех прочих населенных пунктах поддержание революционного порядка и дисциплины возлагаю на органы рабоче-крестьянской милиции.

Командующий войсками округа генерал-полковник Ф. КУЗНЕЦОВ

Член военного совета округа корпусной комиссар ДИБРОВА

Начальник штаба округа генерал-лейтенант П. КЛЕНОВ

ЦАМО, ф. 221, оп. 1362, д. 5, л. 2. Подлинник.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА КОМАНДИРАМ 10-го и 11-го СТРЕЛКОВЫХ КОРПУСОВ

22 июня 1941 г.

Приказываю немедленно имеющимися у Вас средствами эвакуировать семьи начсостава из Паланги, Коетинги, Картена, Алунге, Таурогена. Эвакуацию произвести 10 ск — Тельшяй, 11 ск — Шауляй.

Нач[альни]ку УНС 85 выделить в распоряжение командира 10 ск необходимое количество машин, по требованию командира корпуса.

Нач[альни]кам ОПП выделить по одному политработнику на гарнизон для устройства семей нач[альствующего] с[остава].

Требую при проведении этой работы соблюдения полного порядка, не допускать паники.

Командующий войсками 8-й армии генерал-майор СОБЕННИКОВ

Член военного совета дивизионный комиссар ШАБАЛОВ

ЦАМО, ф. 344. оп. 5564, д. 10, л. 56. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ № 001/оп

22 июня 1941 г., 4.20.

Первое: 3-я армия — до 60 самолетов немцев бомбят Гродно. Наша авиация завязала воздушный бой.

Второе: 10-я армия — группа диверсантов перешла границу, из них 2 убито, 2 ранено, 3 захвачено в плен, один бежал.

Третье: 4-я армия — в 4.20 началась бомбежка Бреста. Количество самолетов не выяснено.

Четвертое: По всей границе по данным постов ВНОС — артиллерийская перестрелка.

Пятое: Приказано поднять войска и действовать по-боевому.

Начальник штаба Западного особого военного округа генерал-майор КЛИМОВСКИХ

ЦАМО. ф. 344, оп. 5564, д. 10, л. 56. Подлинник;

БОЕВОЙ ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ЗАПАДНЫМ ОСОБЫМ ВОЕННЫМ ОКРУГОМ КОМАНДУЮЩЕМУ 4-й АРМИЕЙ

*22 июня 1941 г. (*Вручен делегатом фронта в 18.00 22 июня 1941 г.*)*

Командующий Западным особым военным округом приказал: прорвавшиеся и прорывающиеся банды решительно уничтожать, для чего в первую очередь использовать корпус Оборина (Имеется в виду 14-й механизированный корпус, командир корпуса генерал-майор Оборин Степан Ильич). В отношении действий руководствуйтесь красным пакетом. Авиацию используйте для совместных атак с мех[анизированными] частями. Обращаю исключительное внимание на поддержание связи постов ВНОС, делегатов на самолетах [направлять] прямо в штаб округа [или] до ближайшей переговорной телеграфной и телефонной станций. Информируйте через каждые 2 часа. Ответственность за это возлагаю на Вас. До сих пор не имею связи с тов. Голубевым (Голубев Константна Дмитриевич, командующий 10-й армией), Устано-

вите ее [через] делегата и передайте ему, чтобы он донес о положении на фронте всеми имеющимися средствами. Передаю для руководства выписку из приказа НКО № 2.

Командующий войсками Западного особого военного округа
генерал армии ПАВЛОВ
Член военного совета
корпусной комиссар ФОМИНЫХ
Начальник штаба
генерал-майор КЛИМОВСКИХ
ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 1. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ № 002/оп

22 июня 1941 г., 7.00.

Первое: 3-я армия — в 5 ч 16 мин немцы произвели вторую бомбардировку Гродно. Между 5.00—5 ч 25 мин произведена бомбежка Лиды тремя группами: 3 самолета, 2 самолета, 3 самолета. Бомбардировалась Россь — в 4 ч 30 мин. В 6 ч 36 мин Лида снова подверглась бомбардировке. На перегоне Лида — ст. Гавья произведен налет на пассажирский поезд, сброшены 2 бомбы. Поезд расстрелян. Ранено 10 человек, поезд горит. В 5 ч 40 мин обстрелян поезд на ст. Бастуны.

Второе: 10-я армия — подверглись бомбардировке Белосток, Вельск. РП — ВНОС Бельск разрушен. Бомбился аэродром Борисовщизна. Есть потери.

Третье: По всей границе ружейно-пулеметный артиллерийский огонь.

Четвертое: По сообщению КОВО подверглись бомбардирове Луцк, Дубно, Белецк. Немцы перешли государственную границу на территории КОВО. Пятое: Проводной связи с армиями не имеем.

Заместитель начальника штаба Западного особого военного округа
генерал-майор СЕМЕНОВ
ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 71. лл. 85, 86. Подлинник

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА 4-й АРМИИ ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 05

22 июня 1941 г., 11.55.

1. К 10.00 22 июня части армии продолжают выходить в районы обороны (49 и 75 сд), причем гарнизон крепости Брест — 42 сд — потерпел от авиации и артиллерии противника] большой урон, в результате... 6 сд вынуждена была к 7.00 22 июня отдать с боями Брест, а разрозненные части 42 сд собираются на рубеж Курнеща Бельке, Черне (459 сп с 472 ап в районе Жабинка, Каролин, Хведковиж) и приводят себя в порядок. Таким образом, 42 сд только около 12.00 будет следовать для занятия своего района севернее — на уровень своего участка.

Пр[отивни]к превосходит в воздухе; наши авиаполки имеют большие (30—40 проц. личного состава) потери. Штаб армии (в Кобрине). Шта[б] кор[пуса] 28 ск — Жабинка — также в 12 ч 15 мин 22 июня бомбили; штаб корпуса 14 мк — Тевли.

2. Отдал приказание:

а) 28 ск — не допустить дальнейшего продвижения противника на Жабинка, Кобрин;

б) 14 мк в составе 22 и 30 тд, сосредоточившихся в районе Видомля, Жабинка, атаковать противника в брестском направлении и уничтожить вместе с 28 ск и 10 сад и восстановить положение.

3. Штаб армии из Буховиче переходит в Запруды.

4. Прошу задержать продвижение противника с брестского направления авиацией.

5. Связь имеется с штабом 28 ск и периодическая с штабом 14 мк.

6. 205 мсд осталась на /месте, выбросив один сп на р. Мухавец.

Командующий войсками 4-й армии
генерал-майор КОРОБКОВ
Член военного совета
дивизионный комиссар ШЛЫКОВ
Начальник штаба полковник САНДАЛОВ
ЦАМО, ф. 318. оп. 4631, д. 6, лл. 28—29. Подлинник.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 4-й АРМИИ ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА № 02

22 июня 1941 г., 18.30.

1. Противник бандитски напал на советские города и потеснил наши части от границы в восточном направлении.

2. Войска 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23 июня переходят в наступление в обход Брест-Литовска, а с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Западный Буг.

Удар наносят: 14 мк совместно с 28 ск и сбп 10 сад.

75 и 49 сд продолжать удерживать занимаемые рубежи.

3. 14 мк (22 и 30 тд и 205 мсд) с утра 23 июня нанести удар с рубежа Крывляны, Пелище, Хмелево в общем направлении Высоке-Литовски с задачей к исходу дня уничтожить противника восточнее р. З[ападный] Буг.

На правом заходящем фланге иметь роту и для развития успеха и прикрытия правого фланга 205 мсд.

Атаку танков поддерживает сбп 10 сад.

4. 28 ск наносит удар своим правым флангом: 6, 42 сд и батальоном танков 205 мсд — в общем направлении на Брест, имея задачей к исходу дня занять Брест.

5. Атаку начать в 5.00 23 июня после 15-минутного огневого налета.

6. Границу до особого распоряжения не переходить.

7. КП — Запруды.

8. Донесение присылать через каждые 2 часа.

9. Командирам частей принять решительные меры по обеспечению частей ночью боеприпасами (Бронна Гура и Пинск) и горючим (Кобрин, Оранчицы).

Командующий войсками 4-й армии
генерал-майор КОРОБКОВ
Член военного совета дивизионный комиссар ШЛЫКОВ
Начальник штаба полковник САНДАЛОВ
ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, лл. 7—7 об. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 1-го СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА 10-й АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА (Дело находилось у противника)

22 июня 1941 г., 19.00

1. Противник ориентировочно силой до двух пд, поддержанный артиллерией и авиацией, в 5.00 22 июня 1941 г. нарушил государственную] границу, сбил пограничные части и развивал успех в восточном и юго-восточном направлении.

2. Части 8 сд, упрежденные противником в захвате передовой позиции УР, поднятые по тревоге, заняли оборону на рубеже: Щучын, Грабово, Кольно, Ворково, Конты. Вели сдерживающие упорные бои в течение дня, к 19.00 22 июня 1941 г. находятся на рубежах:

3. 229 сп — Щучын, фл. Ментусево, имея перед собой до одного пп, потери уточняются.

4. 151 сп сдерживает натиск до двух-трех пб на рубеже Марки, Лэбки-Дуже, Полянки.

5. 310 сп ведет сдерживающие бои на рубеже безым[янной] выс[оты] восточнее] Кольно, Ворково (ее восточная окраина), Конты — Малы, Плоцк, занятый противником в 12.00—14.00, был очищен от противника, который отошел сев[еро]-зап[аднее] Конты.

6. 57 осб в районе Попки до 12.00 сдерживал натиск противника невыясненной силы и к 19.00 отошел к лесу Рогенице Вельки. В ночь на 23 июня сап[ерный] батальон отводится к м. Визна для прикрытия и восстановления переправ.

7. В результате двукратного налета бомбардировочной авиации м. Визна сожжено. Мост, получивший незначительное повреждение, исправляется.

8. Слева в направлении Лубы и далее к югу действуют части 6 кд.

9. Части 2 сд ведут сдерживающие бои в районе Руда. Противник с силой до одного пп. Граево взято противником,

10. Создается резерв КСК в составе 1 сб от 261 сп.

11. Связи со штабом армии 10-й в течение дня нет ни по радио, ни телеграфной. С дивизиями — телефонная, с частыми перебоями. Потери в частях уточняются.

Начальник штаба 1-го стрелкового корпуса полковник СОКОЛОВ
Начальник оперативного отдела майор СТАВРОВСКИЙ
ЦАМО, ф. 353, оп. 5908, д. 2, л. 2. Подлинник.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ ШТАБА КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КОМАНДИРАМ 24-го МЕХ[АНИЗИРОВАННОГО] КОРПУСА И 45-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ

22 июня 1941 г.

С рассвета 22 июня немцы начали наступление. Бой идет на границе. Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года.

Командующий войсками Киевского особого военного округа
генерал-полковник КИРПОНОС
Член военного совета Киевского особого военного округа
корпусной комиссар ВАШУГИН
Начальник штаба Киевского особого военного округа
генерал-лейтенант ПУРКАЕВ
ЦАМО, ф. 229, ОП. 164, д. 50, л. 3. Подлинник.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТПРОПАГАНДЫ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКАМ ПОЛИТОРГАНОВ СОЕДИНЕНИЙ ОКРУГА

22 июня 1941 г.

Предлагаю проверить расстановку партийно-комсомольских сил и политическое обеспечение боевых действий частей в ночь на 23 июня 1941 г., обратив особое внимание на слаженность, взаимодействие и связь между собой подразделений, частей и соединений.

Непрерывная разведка, знание обстановки, доведение боевой задачи до бойцов, постоянная бдительность — необходимое условие предотвращения растерянности, паники, особенно опасных в ночное время.

Ликвидация мелких групп парашютистов, диверсантов, переодевающихся в красноармейское обмундирование, обеспечит спокойствие в тылу.

Популяризуйте факты героизма и самоотверженной работы отдельных красноармейцев, начсостава, подразделений и частей.

Обеспечьте четкую работу тыла, эвакуацию раненых, бесперебойное питание личного состава, доставку газет и радиослушание.

Ежедневно к 8.00 и 20.00 доносить телеграфом, а через день представлять подробные письменные донесения.

Начальник управления политпропаганды Киевского особого военного округа
бригадный комиссар МИХАЙЛОВ
ЦАМО, ф. 229, оп. 213, д. 1, л. 3. Подлинник.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТПРОПАГАНДЫ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

22 июня 1941 г., 13.00.

22 июня 1941 года в 4.00 немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на ряд наших аэродромов и городов вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Наиболее подверглись бомбардировке аэродромы —

Черновиц (сгорел ангар и уничтожен 21 самолет, вражеских самолетов сбито 8), Станислава (уничтожено 36 наших самолетов).

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли границу. В районе Любомль, Владимир-Волынск противник форсировал р. Буг. Открыт артиллерийский огонь по Перемышлю. Неоднократно подвергался бомбардировке с воздуха Луцк.

В Карчежи перешли границу румыны и нашими передовыми частями были приостановлены. В районе Гута готовится к переправе полк кавалерии. В районе Устилуг действуют диверсионные группы противника, переодетые в нашу форму. В этом же районе горят склады.

Войска округа вскрыли пакеты и выступили в места, указанные мобилизационными планами.

Штаб и УПП КОВО 22 июня к 5.00 сосредоточились в гор. Тарнополь и приступили к оперативной работе.

Моральный дух войск округа высокий. Личный состав полон грозной ненависти к германскому фашизму, нагло нарушившему мирный договор с СССР. Все силы и средства войск округа обрушены на врага, уничтожают его там, где он перешел границы.

Даны указания отделам полит[ической] пропаганды армий и соединений о глубоком разъяснении войскам приказа наркома и организации разъяснения сообщения тов. Молотова по радио.

ОПП соединений предложено организовать беспрерывную партийно-политическую] работу в частях и тылах, правильно расставить партийные силы. Также предложено сдать партийное хозяйство в УПП КОВО (г. Киев).

Начальник управления политпропаганды
Киевского особого военного округа
бригадный комиссар МИХАЙЛОВ
ЦАМО, ф. 229, оп. 213, д. 12, лл. 7, 8. Подлинник.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

22 июня 1941 г., 22.05.

На всех участках, где противник перешел границу, наши части ведут упорные бои, сдерживая в ряде мест численно превосходящие силы противника.

Особенно ожесточенные бои происходят в районе Перемышля, где действуют части 99 сд, 8 УРа.

69 сп 97 сд в районе Любачева сдерживает наступление противника силой до двух полков.

Личный состав 4 УРа, окруженный в отдельных сооружениях, яростно отражает атаки врага. Все опорные пункты 6 УРа ведут напряженный огонь. На этом участке противник отошел и выбросил три небольших десанта. Для борьбы с этими группами вооружены рабочие строительных батальонов.

Все части КОВО, вошедшие в соприкосновение с противником, самоотверженно защищают каждую пядь советской земли, проявляя при этом образцы мужества и героизма.

Кр[асноармее]ц 244 сп т. Романов, подкравшись к вражескому разведчику-мотоциклисту, уничтожил его.

К[оманди]р роты этого полка мл[адший] лейтенант Мезуев, будучи трижды раненым, не ушел с поля боя, продолжая вести бой.

Шофер строительного батальона 6 ск задержал 4 летчиков, которые выбросились с подбитого самолета и пытались скрыться.

В районе Жолков немецкие самолеты сбросили антисоветские листовки, которые подобраны и уничтожены.

Выступление по радио тов. Молотова и приказ наркома обороны доведены до бойцов и командиров. Личный состав полностью одобряет мероприятия Советского правительства и горит желанием разгромить зарвавшегося врага.

Военным советом издана директива об усилении боевого порыва войск и действиях их ночью.

Проинструктированы и посланы в армии и соединения оперативные работники Управления полит[ической] пропаганды КОВО. Подобраны все начальники и заместители] отделов политической] пропаганды корпусов и дивизий.

Подобраны (за исключением трех вакантных должностей) все заместители командиров полков.

Выпущены досрочно окружные курсы партактива (250 человек). Киевское военно-политическое училище (200 человек), окружные курсы замполитруков — 200 человек. Формируется 18 санитарных поездов. 23 июня 1941 г. вступят в строй 1—2 санитарных состава на ст. Киев и 3 санитарных состава на ст. Тараса Шевченко.

Установлена связь и информация с Тарнопольским обкомом КП(б)У. Партактив гражданских организаций мобилизован и вооружен для борьбы с парашютными десантами противника и поддержания порядка в городе.

Подготовлены для печати листовки на немецком и румынском языках. Готовится первый номер газеты на немецком языке. Организован радиоперехват иностранных радиостанций.

Создана в количестве 13 человек фронтовая экспедиция, имеющая в своем распоряжении 15 автомашин. Дан запрос о доставке газет самолетами.

Созданы две походные автомастерские для ремонта политпросветимущества.

Из Киева отправлены окружная кинобаза и поезд-типография. Даны указания отделам политпропаганды армий об организации кинобаз. Приближен к фронту фонд «НЗ» кинокартин.

Начальник управления полит[ической] пропаганды Киевского особого военного округа
бригадный комиссар МИХАЙЛОВ
ЦАМО, ф. 229, оп. 213, д. 12, лл. 9—11. Подлинник.

ДОКУМЕНТЫ ВЕРМАХТА

Перевод с немецкого

Группа армий «Центр»

Штаб-квартира

22 июня 1941 г., 8.00.

УТРЕННЕЕ ДОНЕСЕНИЕ

4-я армия:

1) Наступление развивается успешно. Противник оказывает в основном слабое сопротивление. Создается впечатление, что он захвачен врасплох.

Мосты через р. Буг: Овладели мостом под Кодонь, железнодорожным мостом под Брестом и мостом Фронолов.

К 6.00 передовые наступающие части продвинулись в основном на глубину от 4 до 5 км восточнее р. Буг. Занят Дрогижин. В Бресте, прежде всего в крепости, сопротивление усиливается. Все корпуса ведут наводку мостов.

2) Внезапность используется усилением натиска.

3) Действия вражеской авиации пока слабые. Сбит один наш самолет-разведчик.

9-я армия:

1) Наступление началось планомерно и по всему фронту развивается успешно. 800-й полк «Осназ», введенный в бой до начала наступления на Августов, получил отпор.

2) Общее впечатление о противнике:

На всем протяжении фронта армии сопротивление пока слабое, местами ведет огонь легкая артиллерия. В полосе 8 АК обнаружена одна тяжелая батарея.

3) К 5 ч 30 мин достигли:

42 АК: Купнина и опушка леса западнее Червоне. В Бинчета противник продолжает оказывать слабое сопротивление. Занят н[аселенный] п[ункт] Граево. Бункеры перед Граево были не заняты противником.

20 АК: 162 пд овладела северным дефиле Августов. Переправы не повреждены. 256 пд вышла к шоссе Августов — Гродно южнее Красное и левым флангом приближается к Курянка.

8 АК: 3 пд, преодолев сравнительно упорное сопротивление ня высотах западнее Бохатеры Лезке, вышла к шоссе Курянка — Сопоцкин под Хопынка. В Марксзце еще идет бой. 28 пд на полпути от границы к Сопоцкин 161 пд на высоте 118 и 3 км западнее Жабани и под Мсцевичай.

3-я танковая группа; К 5 ч 30 мин достигнута линия: 5 км юго-западнее Капциа-мистис — Лаздняй — Асава (9 км юго-западнее Кальвария) — Граузиняй (12 км восточнее южной оконечности оз. Выстытер).

39 АК: Частями обеих танковых дивизий в 4 ч 45 мин выступил в направлении рубежа Кирсна. В 6 ч 15 мин вышел к Мургининкай (5 км юго-западнее Кальвария).

4) Мосты под Савантей, через р. Неман под Меркине и Олита пока не разрушены.

5) Часть населения бежит.

Группа армий «Центр» Секретно

ЦАМО, ОП. 12462, д. 547, ЛЛ. 2, 3, 4.

ТЕЛЕГРАММА В ГРУППУ АРМИЙ «ЦЕНТР» *22 июня 1941 г.*

1. 3-я танковая группа ведет бои за узловой дорожный пункт Вильна для продолжения наступления северным флангом на Михалишки.

2. Положение противника: противник отходит на восток. В районе Вильны отмечены сосредоточения.

3. 57-й армейский корпус в 9.00 продвигается из Варены на Ошмиану, прикрывая южный фланг.

4. 39-й армейский корпус начинает продвижение из Олиты на Вильну и, отбросив противника на север, продолжает продвигаться на Михалишки.

5. Вопрос о подчинении частей штабу 9-й армии будет разрешен не раньше полудня 23 июня.

6. Вечером 22 июня 7-я танковая дивизия имела крупнейшую танковую битву за период этой войны восточнее Олита против 5-й танковой дивизии. Уничтожено 70 танков и 20 самолетов (на аэродромах) противника. Мы потеряли 11 танков, из них 4 тяжелых.

7. Следует уделить особое внимание маршевой способности 56-го усиленного пехотного полка 22 июня в направлении к Неман.

Штаб 3-й танковой группы

ЦАМО. ОП. 12462, Д. 118, л. 2.

ДОНЕСЕНИЕ В ГРУППУ АРМИЙ «ЦЕНТР»

Группа армий «Центр»

Штаб-квартира

секретно

22 июня 1941 г., 20.30.

Штаб 9-й армии:

1) Внезапность при переходе границы полностью удалась. Примерно с 9.00 сопротивление противника стало частично усиливаться. На отдельных участках по-прежнему лишь разрозненное сопротивление плохо управляемого противника.

2. 9-я армия продвигается вперед по всему фронту и под Жабаны, Меркине и Олита перешла р. Неман.

42 АК: 87 пд (южная группа) продвинулась до высот по обеим сторонам Каты. Планируется продолжить наступление на северо-восток. Северная группа, начиная с 15.00, атакует с плацдарма Кольно на северо-зосток.

102 пд: успешная ближняя разведка дозорами и штурмовыми группами. 129 пд в 14 ч 15 мин с ударной группой 87 пд достигла района юго-западнее Окол (10 км западнее Граево). Левый фланг наступает на Руда вдоль дороги на Осовец. Противник слабый. 2/3 900-й бригады «Осназ» прибыло в район Ортельсбург. Штаб рейхсфюрера СС — в Грабник. 1-я бригада (пока прибыли лишь некоторые части) — восточнее оз. Арыс.

2-я бригада (прибыли главные силы) — в районе Цейзен (севернее Луцк) в распоряжении 42 АК. О прибытии кавалерийского полка СС будет сообщено дополнительно.

20 АК: Наступающие группы обеих дивизий продвигаются вперед. Особенно успешно развивается наступление 256 пд. 162 пд: Бой за Августов. Овладели северным дефиле. 256 пд: В 13 ч 15 мин одним полком овладели Новый Двор. Другой полк у отм. 196 в 2 км южнее Липск.

8 АК: После упорного боя прорвал пограничные позиции русских под Бохатеры, Лезне и Сопоцкин и продвигается к реке Неман. К 14.00 достигнута линия Конюхи — высота 214 (9 км южнее Сопоцкин) — Васильевичи. На северном фланге 161 пд, начиная с 8.00, двумя полками переправляется через Неман по обеим сторонам Жабаны, а с 16.00 одним полком выступила на Язерки.

Перед 3-й танковой группой слабые вражеские части отходят на восток. Восточнее р. Неман значительных передвижений противника не обнаружено.

К 16.00 достигнута линия: Южная оконечность озера Метелио — Прыга (8 км юго-запеднее Зимнас) — Олита — Мариамполе.

План на 23 июня: Продолжить наступление через р. Неман в направлении Веренов — Вильно.

Общее впечатление: По эту сторону р. Неман установлены части 8 дивизий, которые не вполне изготовились к обороне и были буквально ошарашены нашим наступлением. Планы противнике пока не установлены.

Наши планы без изменений.

4-я армия:

1) Внезапность наступления через р. Буг и через сухопутную границу удалась полностью. Пограничные укрепления прорваны на участках всех корпусов.

Противник охраняет цитадель Брест и Дрохижин.

Общее впечатление: Противник не ожидал нашего наступления, что позволило прорвать пограничные позиции. Действия артиллерии и авиации слабые. Более крупные силы противника пока не появились.

К 16.00 достигли:

2-я танковая группа: Передовой отряд 255 пд: Олтуш, главные силы дивизии.— Пуща, Блодава...

18 тд: В районе Пелище (15 км северо-западнее Цабинка) и севернее отразила сильную танковую атаку русских.

2) Воздушная обстановка:

Сильных налетов не было. Наша авиация во всех отношениях превосходит русскую. Оперативная и тактическая воздушная разведка нигде не встречала существенных преград.

Пока еще нельзя с уверенностью сказать, будут ли русские до конца сражаться вблизи границы или же отойдут, чтобы принять бой на тыловых позициях. В любом случае ясно, что в тактическом плане они застигнуты врасплох. Против факта готовившегося планомерного отхода говорит содержание многочисленных подслушанных радиограмм, показания пленных, неуверенные действия авиации и то, что пока все мосты попали в наши руки неразрушенными. В пользу же этого говорит малое количество артиллерии, незначительное пока число пленных и показания жителей, что буквально вчера русские пехотные соединения отошли на восток.

Группа армий намерена продолжать наступление прежними группировками, ускорив продвижение моторизованных соединений на главных направлениях.

ЦАМО, сп. 12462, д. 547, лл. 11, 12. 13. 14, 15.

Публикацию документов подготовили полковник В. Р. ЖУРАВЛЕВ, капитан А. С. АНУФРИЕВ, Н. М. ЕМЕЛЬЯНОВА

(Продолжение следует)

СОКРАЩЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ *В* ДОКУМЕНТАХ

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА

СЗФ — Северо-Западный фронт
А — армия
ск — стрелковый корпус
мк — механизированный корпус
сд — стрелковая дивизия
тд — танковая дивизия
мд — моторизованная дивизия
сбр — стрелковая бригада
сп — стрелковый полк
осб — отдельный стрелковый батальон
птб — противотанковый батальон
сапб — саперный батальон
ДД — дальнего действия
ВВС — Военно-воздушные силы
сад — смешанная авиационная дивизия
сбп — скоростной бомбардировочный полк
ПВО — противовоздушная оборона
КП — командный пункт
Упп — управление политической пропаганды
опп — отдел политической пропаганды
ВНОС — визуальное наблюдение и обнаружение самолетов
УНС — управление начальника строительства
УР — укрепленный район

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ВОЙСКА

пд — пехотная дивизия
пп — пехотный полк
АК — армейский корпус
ТГр — танковая группа
«Осназ» — особого назначения

ВИЖ №7 1989

ПОЛИТИЧЕСКОЕ] ДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТ [ИЧЕСКОЙ] ПРОПАГАНДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ] ПРОПАГАНДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

23 июня 1941 г.

Войска Северо-Западного фронта ведут упорные бои, сдерживая ожесточенное наступление противника. Ненависть личного состава к врагам подтверждается многочисленными фактами проявления мужества и отваги.

Младший сержант Трофимов, командир орудия 8-й батареи 459 гап 125 сд, повторил боевой подвиг артиллериста Героя Советского Союза тов. Лаптева.

В обстановке когда батарея находилась в окружении противника и боевой расчет его орудия был выведен из строя, Трофимов увел в укрытие трех раненых товарищей своего орудия, а затем один хладнокровно расстреливал противника прямой наводкой. Когда сопротивление стало бесполезно, танки противника были почти на огневой позиции, Трофимов взорвал орудие и сам умело вышел из окружения врагов.

Красноармеец Воронцов, связист 1-й батареи 459 гап 125 сд, под ожесточенным артиллерийским обстрелом противника отважно выполнял задание командира по исправлению повреждений на линии связи.

Наши части ожесточенно дерутся с врагом. Врагу лишь в результате преобладающего перевеса сил удается продвигаться вперед. Отдельные части, будучи окруженными противником, продолжали упорную борьбу, а затем умело выходили из окружения.

204 сп 10 сд 22 июня в районе Кулей был окружен, но умелым энергичным ударом он пробил в кольце врага брешь и вышел из окружения, сохранив всю материальную часть.

Командир 1-го батальона 173 сп 90 сд капитан Кошель во время боя 22 июня умело организовал систему пулеметного огня. Спокойно подпустил противника на близкое расстояние и взял его под перекрестный пулеметный огонь. Наступающий враг понес большие потери, две вражеские роты были уничтожены.

Партполитаппарат частей на примерах мужества и отваги ведет политическую работу в бою. Личный пример отваги, бесстрашия коммунистов и комсомольцев и популяризация отличившихся, а также их боевого опыта — таковы основные формы проводимой сейчас партийно-политической работы в частях...

Части ВВС фронта в течение двух дней вели бои с авиацией противника и противодействовали наступлению его мотомеханизированных частей.

Личный состав ВВС отдает все силы на выполнение боевых заданий. Несмотря на частые воздушные бомбардировки противником наших аэродромов и большие потери от бомбежки, летно-технический состав не прекращал работы по подготовке материальной части, а личный состав авиабаз — по восстановлению аэродромов. Есть случаи, когда техсостав под огнем воздушной бомбардировки спасал самолеты, выводя их из-под удара.

Наши летчики бесстрашно вступают в бой с врагом.

Летчик 61-го авиаполка Андрейченко, командир 31-го авиаполка Путивко в одиночку вступали в бой с 6—7 самолетами противника.

Вместе с тем следует отметить, что среди летно-технического состава есть много разговоров о том, что самолеты противника превосходят по скоростям наши самолеты СБ, И-16, И-153. Самолетов же новых конструкций мало. К тому же они еще недостаточно освоены летным составом. Летчики, вылетевшие на новых типах истребителей, овладевали до войны только техникой пилотирования, полетов на стрельбу не производили. Естественно, что они в первых воздушных боях на этих машинах не могли полностью использовать их преимуществ.

Переучивание летного состава на новые машины во фронтовых условиях невозможно. Целесообразно дальнейшее переучивание летного состава фронта организовать на аэродромах, удаленных от фронта на большое расстояние.

Как показали боевые вылеты, истребитель МиГ-3 имеет следующие недостатки: его мотор после 3 часов полета требует замены свечей, а при эксплуатации на пыльном аэродроме засоряются соты радиатора и мотор перегревается.

Наши аэродромы слабо прикрыты зенитными средствами обороны, а наличие зенитных пулеметов не обеспечивает надлежащей защиты. Имеющиеся зенитные батареи стреляют плохо.

Отсутствие походных мастерских не позволяет быстро ремонтировать даже легкоповрежденные самолеты. Поэтому при перебазировании много самолетов было просто оставлено на аэродромах или уничтожено своим же летно-техническим составом.

Напрашивается потребность в создании на время войны при ВВС фронта отрядов по эвакуации самолетов, которые после ремонта могут войти в строй.

Ощущается острый недостаток кислорода для высотных полетов. Запаса кислорода для войны создать нельзя было из-за недостатка баллонов и наличия только трех зарядных станций на 24 авиаполка. Также недостаточны запасы свечей для моторов МиГ-3. Перед началом военных действий их имелось только 700 штук, что явно недостаточно для бесперебойного использования данных самолетов.

В связи с большими потерями матчасти и уменьшением самолето-моторесурсов необходимо пополнение самолетного парка.

Управлением политпропаганды фронта за день проведены следующие мероприятия:

1. Совместно с санитарным отделом фронта в 8-ю армию направлена группа работников с задачей помочь санитарным учреждениям в организации эвакуации раненых.

2. Для оказания помощи гражданским организациям в ликвидации бандитских групп в г. Вильно направлен инспектор управления политпропаганды фронта. С такой же задачей направлен в Купишкис ст[арший] инструктор УПП фронта.

3. В распоряжение начальников отделов политпропаганды 8-й и 11-й армий направлены 25 политработников для создания групп резерва.

4. Нашей авиацией в районе расположения противника сброшено 32 тысячи листовок на немецком языке, обращенных к немецким солдатам.

Разработаны листовки-воззвания, обращенные к резервам противника на немецком языке, листовка о героизме и мужестве бойцов наших частей, памятка для красноармейца «О сохранении военной тайны».

Начальник управления политпропаганды Северо-Западного фронта бригадный комиссар РЯБЧИЙ

ЦАМО СССР, ф. 221, оп. 1362, д. 18, лл. 3—7. Подлинник.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ШТАБА 27-й АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

24 июня 1941 г. 7.50.

Оповестите все части, что пр[отивни]к сбрасывает парашютистов в форме красноармейцев и войск НКВД.

Начальник штаба 27-й армии полковник БОЛОЗНЕВ

ЦАМО, ф. 325, оп. 4579, д. 1, л. 88. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 27-Й АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

24 июня 1941 г. 8.00.

1. Противник продолжает нажим на Либаву, распространяясь мелкими группами на сев[ер], сев[еро]-восток. Положение Либавы точно не установлено, но имеются непроверенные данные, что гарнизон Либавы держится.

2. 16 сд — продолжает оборонять побережье Таллин, Хайсалу.

3. 3 осбр подготовила к обороне [острова] Эзель и Даго.

4. 67 сд — двумя батальонами 56 сп и 281 сп ведут бои, удерживая Либаву, район Каря Оста (данные требуют проверки, приняты меры к выяснению), 114 сп и 1/56 сп обороняют побережье на участке Колгасраго, Павилоста. Поте-

ри не установлены.

5. Мотополк в 12.30 был подвергнут авианалету 9 бомбардировщиками в районе Айзпуте.

Потери: 5 машин, 30 чел. ранено, 10 убито.

В 14.30 24.6 мотополк развернул 1,5 батальона перед Гробиня (у Либавы) и вступил в бой с мелкими частями противника, которые особого сопротивления не оказывают. Командиру мотополка приказано активнее уничтожать пр[отивни]ка.

В состав дивизии включены до 600 чел[овек] из различных частей, дивизия имеет возможность их вооружить, имея 800 винтовок.

6. 65 ск — с 16.30 23.6 приступил к погрузке в эшелоны. 123 обс отправлен в 15.30.

7. 24 ск — корпусные части, 181 сд в прежних районах. 183 сд на дневке [в] районе Инчукалнс (35 км с[еверо]-в[осточнее] Риги).

8. Саперный батальон 67 сд — работал в районе Кретинги, где он сейчас, выясняется.

Саперные батальоны 65 ск работали на участке 11 А. Остальные сап[ерные] бат[альоны] при своих соединениях.

Начальник штаба полковник БОЛОЗНЕВ

Зам. начальника оперотдела майор СТЕПАНОВ

ЦАМО. ф. 325, оп 4579, д. 1, л. 103. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ] СВОДКА ШТАБА 27-Й АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

24 июня 1941 г. 15.20.

Противник проявляет особую активность действий на Либава. 2.00 24.6.41 г. произвел бомбардировку, объектами налетов были порт, аэродром, жел[езно]-дорожная станция, последствия бомбежки выясняются. 67 сд в течение 23.6.41 г. ведет тяжелые бои в окружении, неся тяжелые потери.

В 24.00 связь с Либавой была прервана и установить ее не удалось. В 4 часа из Айзпуте передано, что Либава горит. 114 сп продолжает оборонять передн. участок, подчинив себе 2/56 сп в районе Павилоста, пр-к продолжает распространяться на Завилос.

Обороняет остров Эзель и ведет оборонительные работы 16 сд. 26 ск и корпусн. части в прежнем районе, в готовности к погрузке в эшелоны.

181 сд — в лагерях Гулбэнэ, 183 сд — с 22.00 23.6 на марше в р[айо]не севернее Риги, 11 сд к 1.00 23.6 убыла в нов[ый] район сосредоточения.

Начальник штаба 27-й армии БОЛОЗНЕВ

ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, лл. 74—75. Подлинник.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 27-Й АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА КОМАНДИРУ 67-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

26 июня 1941 г. 15.45.

Не ожидая соединения с поддержкой, немедленным прорывом оставить Либаву, подчинив себе мотополк и батальоны Рижского училища и 114 сп, отойти на рубеж р. Лиелупе направлением Кульдига — Тунумск, организовав прочную оборону [в] полосе Рига — Юрмала — Пучас. Левее вас части 8-й армии.

Командующий войсками 27-й армии

генерал-майор БЕРЗАРИН

Член военного совета

дивизионный комиссар БАТРАКОВ

ЦАМО. ф. 325, оп. 4579, д. 1, л. 115. Подлинник.

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА 3-ГО МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА КОМАНДУЮЩИМ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ И 8-Й АРМИЕЙ

24 июня 1941 г. 19.45.

На протяжении всех боевых действий нет нашей авиации. Пр[отивни]к все время бомбит. Прошу действия Скаудвиле прикрыть.

Командир 3-го механизированного корпуса генерал-майор танковых войск КУРКИН

ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 77. Подлинник,

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДУЮЩЕГО 8-Й АРМИЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

27 июня 1941 г.

Прошу прикрыть истребителями. Немецкая авиация обнаглела.

Командующий 8-й армией генерал-майор СОБЕННИКОВ

ЦАМО, ф, 221, оп. 1394, д. 2, л. 525. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

30 июня 1941 г. 9.30.

1. Рижск[ое] направление — части 8-й армии вечером 28 6.41 и в ночь на 29.6.41 г, переправлялись через оз. Цесарка... К утру 29.6.41 основные силы 8-й армии переправились.

Точных районов расположения каждого соединения армии получить не удалось, связь работает с большими перебоями.

Части 67 сд, мотополк 28 тд и Рижск[ое] пехотное училище из района Либавы отходят.

Сведений о них нет. В боях погиб со своей опергруппой командир 12 мк Шестопалов...

Решением командующего фронтом части корпуса выводятся в р[айо]н Мадона.

Начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант КЛЕНОВ

ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, лл. 95—95 об. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА 4-Й АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 06

23 июня 1941 г. 9.00.

1. С 6.00 23.6 части армии перешли в контратаку: 14 мк в направлении Видомля и 28 ск — на Брест.

В результате предпринятого противником встречного боя силами не менее 2 танковых дивизий в направлении Пружаны и силами до трех пд с танками на Кобрин контрнаступление армии успеха не имело, и части к 8.30 23.6 отошли на рубеж Куклин, Слободка, (иск) Чахец, Кобрин.

Успеху пр[отивни]ка особенно содействовала беспрерывная поддержка авиации при полном отсутствии действия авиации с нашей стороны.

2. 14 мк к 8.30 23.6 занимал положение:

а) 30 тд с мотополком 205 мд после боя с танковыми дивизиями противника (танки с 75-мм пушками) и авиадесантом в районе Пружаны отошли на рубеж Куклин, Минево. Наши танковые орудия, по заявлению командиров танковых частей, броню танков противника не пробивают.

Штадив — Забелин. Дивизия потеряла 60 танков.

б) 22 тд к тому же времени после боя с пехотой и танками пр[отивни]ка сосредоточилась в районе Гуцки, Понятичи, Андроново. Дивизия понесла большие потери в боевых и транспортных машинах в момент выхода из района дислокации и от бомбежки ВВС противника.

3. 28 ск (42 и 6 сд) с тп и мотополком 205 мсд был встречен противником силою до трех пд с танками и сильной авиацией и отошел к Кобрину на рубеж Шитовичи, Мазичи, Кобрин, причем части 42 и 6 сд перепутались и управляются как корпусом, так и дивизией весьма слабо.

Части 42 и 6 сд при выходе из Бреста потеряли большое количество личного состава и техники (почти целиком 31 ап, значительное количество орудий в 204 и 17 гап, 447 кап).

75 сд отходит, прикрывая пинское направление. О 49 сд данных нет.

По связи делегат на танке.

4. Слабоуправляемые части, напуганные беспрерывными атаками с низких высот и бреющего полета ВВС пр[отивни]ка, отходят без малейших причин.

Ночью созданы в разных местах вост[очнее] и зап[аднее] Картуз-Береза пункты для задержания отходящего личного состава, боевых машин, артиллерии и транспорта. При этом формируются из них отряды и посылаются для занятия участков.

5. 10 сад совершенно небоеспособна из-за потерь.

6. Я решил перейти к обороне на рубеже р. Ясельда, Дрогичин, где и привести части в порядок.

7. Прошу! Настоятельно прошу:

а) активизировать нашу авиацию на борьбу с авиацией противника, задержать авиацией продвижение танков на Пружаны и Картуз-Береза направления.

б) артсклад в Бонна Гура противником взорван, боеприпасов в частях осталось мало, а транспорта для подвоза из Пинска недостаточно.

Командующий войсками 4-й армии
генерал-майор КОРОБКОВ
Член военного совета
дивизионный комиссар ШЛЫКОВ
Начальник штаба полковник САНДАЛОВ

ПОЛИТ[ИЧЕСКОЕ] ДОНЕСЕНИЕ ПОЛИТОТДЕЛА 47-ГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТПРОПАГАНДЫ ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

23 июня 1941 г.

Корпусные части 47-го стрелкового корпуса в основном вполне боеспособны и готовы выполнить любую задачу, поставленную партией и правительством: 1. Боевая готовность частей и их обеспеченность на 23.6.41 г.: 462 кап — недоукомплектован следующей матчастью:

— грузовые машины 1,5 т. Положено 101, имеется — 49
— грузовые машины 2, 5 т. » 72, » 1
— трактора гусеничные » 84, » 35
— тракторные прицепы » 72, » 39
— мотоциклы » 14, » 9

Орудиями и боеприпасами полк обеспечен на 100 проц.

273 обс личный состав в соответствии с моб[илизационным] планом рядовым и начальствующим составом обеспечен на 95 проц.

Некомплект политсостава: два зам[естителя] командиров рот по политической части и зам[еститель] командира сап[ерного] батальона по политчасти.

Материальной частью обеспечены:

а) Имущество связи на 55 проц., аппараты Морзе на 50 проц.

Плохо обстоит дело с автотранспортом — батальон укомплектован только на 40 проц., 60 проц. даже не занаряжено облвоенкоматом. Имеющийся автотранспорт не обеспечивает нормальной работы батальона.

47-я корпусная авиаэскадрилья: нет зам[естителя] командира эскадрильи по политической части. Часть к бою готова с тем количеством материальной части, которая есть налицо, т. е. на 47 проц. Есть приказ недостающее количество матчасти получить в г. Витебске, куда и выехал представитель за приемкой.

Партийные и комсомольские бюро в корпусных частях имеются в полном составе.

Партийно-политические работники соответствуют своему назначению и с возложенными задачами справятся.

Техническими средствами партийно-политической пропаганды в условиях войны корпусные части обеспечены на 80 проц.

С получением сообщения по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров тов. В. М. Молотова о том, что германские воздушные силы нарушили наши границы, сразу же во всех частях были проведены митинги. Из информации политсостава корпусных частей видно, что настроение у бойцов и командиров вполне здоровое, все охвачены боевым духом, чувством классовой ненависти к фашизму.

Курсант полковой школы 462 кап тов. Маслов в беседе с товарищами говорил: «Буду бить фашистов, пока жив буду, отомщу им за родную Украину и за любимый Киев».

Красноармеец Григорьян сказал: «Идти в бой хочу коммунистом, прошу принять меня в партию».

Красноармеец Иваненко: «Я должен вместе со всей Красной Армией изгнать фашистскую свору со всего мира, прошу с сего числа считать меня коммунистом».

В 462 кап в течение нескольких часов подано 67 заявлений в партию и 42 заявления в комсомол.

Приписной состав в корпусные части еще не прибыл, ожидаем 23—24.6.41 г.

Врио начальника отдела политпропаганды 47 ск батальонный комиссар КРУПСКИЙ

ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 27, лл. 8—9. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ] СВОДКА ШТАБА 4-Й АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 01

24 июня 1941 г.

1. Части 4-й армии, после бандитского налета противника, отходили, оказывая сопротивление, по рубежам обороны на Картуз-Береза и к 18.00 24.6 отошли с остатками своих корпусов на рубеж р. Щара, где закрепляются для оказания дальнейшего сопротивления.

2. Остатки частей 28 ск, 6 и 42 сд после ряда оборонительных боев **к** 18.00 отошли в район: Русиновичи, Тальмановичи, где приводятся в порядок; эти остатки не имеют боеспособности.

3. 75 сд — сведений нет. Должна прикрывать (с правого фланга) — Пинское направление на рубеже в 6—7 км вост. Кобрин.

4. 55 сд после разгрузки с автотранспорта перешла к обороне по рубежу Стелово, Кулаки. В 14.00 не выдержала наступления мотомехчастей противника при сильной авиационной подготовке, начала отход и к 18.00 отошла на рубеж Вотки, Мазурки.

5. 14 мк, активно обороняясь, переходя неоднократно в контратаки, понес большие потери в материальной части и личном составе и к 25.6 не представляет боеспособного соединения.

120 гап почти не использовался из-за скоротечности боев.

10 сад 22.6 понесла громадные потери (почти целиком уничтожены оба иап и шап). В первой половине дня 24.6. участия в боевых действиях не принимала. Дислоцируется в Пинске.

6. С 49 сд с момента выхода по тревоге связи нет. Вывод:

а) все части за исключением 55 и 25 сд небоеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и материальной частью и приведения в порядок;

б) основные потери в материальной части от авиационного и артналетов и внезапного нападения в 1-й день (почти целиком выведены 447 и 455 кап, и в значительной части 31 ап, 204 и 17 гап, свыше 75 проц. матчасти 14 мк).

Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части, приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали.

Штаб — роща 2 км южн. Синявка. Связь только делегатами.

Начальник штаба 4-й армии полковник САНДАЛОВ

ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, лл. 18—19. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ] СВОДКА ШТАБА 4-Й АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 02

25 июня 1941 г. 19.00.

1. Части 4-й армии в течение прошедшего дня продолжали обороняться на Слуцком и Пинском направлениях.

2. Остатки 28 ск (6 и 42 сд) собираются в районе Слуцк для переформирования.

Штакор — Слуцк.

3. 55 сд, оказывая упорное сопротивление, отошла на рубеж Русиновичи, Тальмановичи. Дальнейшее наступление противника отражалось контратаками.

4. От 49 и 75 сд сведений нет.

5. От 121 и 143 сд сведений не поступило.

6. Управление 47 сд к 18.00 разгрузилось на ст. Слуцк и поступило в распоряжение 4 А.

7. 14 мк проводит реорганизацию остатков дивизии в отдельные отряды, находясь в районах; остатки 22 тд — Милашевичи; 30 тд — Вессия, 205 мсд — штакор район Лидно.

8. Связь с частями только делегатами.

Начальник штаба 4-й армии полковник САНДАЛОВ

ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, лл. 20—21. Подлинник.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО 4-Й АРМИЕЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 010

26 июня 1941 г. 16.00.

С трудом восстановил порядок и на двух направлениях от Волошево и от Уречье лично довел части обратно почти до Слуцка.

Бросил весь аппарат армии на передовой фронт для восстановления положения. Противник сжег Слуцк и с 15.30 организует наступление. Требуются немедленно свежие части.

Командующий 4-й армией генерал-майор КОРОБКОВ

ЦАМО, ф. 318, оп. 4631, д. 6, л. 42. Подлинник.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ ШТАБА ВВС ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № ОП/1

23 июня 1941 г. 01.00.

1. Противник, введя механизированные] соединения в направлении Устилуг, Владимир-Волынский и Кристынополь-Радзихов на фронте 5 А создал угрозу разрыва наших обороняющихся частей.

На фронте 6,26,12 А атаки противника отбиты и войска удерживают рубеж государственной] границы.

ВВС противника 22.6. подвергли бомбометанию наши аэродромы, действуя мелкими группами с низких высот.

2. 22.6. подвижные части фронта 5 и 6 А наносят концентрированный удар с задачей уничтожения группировки противника в районе Сокаль, Грубешув.

3. ВВС фронта 23.6, поддерживая наступление войск фронта, действуют по мотомех[анизированным] частям противника в районе Сокаль, Грубешув.

4. ВВС 5 А/14, 62 ад и 18 ад, взаимодействуя с 22 мк (22 мк к 11.00 23.6 сосредоточивается в р-не станции Войница и Турийск), уничтожают мотомехчасти противника в районе Устилуг, Грабешув (Так в документе).

а) 18 ад с рассвета 23.6 эшелонированными последовательными ударами уничтожать скопление танков противника в районе Устилуг, Грабешув (Так в документе), Корытница.

Напряжение — один дивизия-вылет.

По выполнению указанной задачи быть в готовности № 2 для выполнения последующей задачи.

С утра 23.6. 90 дбп с аэродрома Бронники передислоцировать на аэродромы согласно оперативному плану.

б) 62 ад (52 и 94 сбп только самолеты СБ), взаимодействуя с 22 мк, с 11.00 23.6 эшелонированно по высоте и времени последовательными налетами уничтожать мотомеханизированные] части противника в районе Устилуг, Грубешув, Корытница, не допуская их выхода в район Владимир-Волынский.

Напряжение — один дивизия-вылет.

По выполнении поставленной задачи быть в готовности № 2 для действий по танковой группировке противника в том же направлении.

в) 14 ад прикрыть 22 мк в районе его сосредоточения (район Турийск и ст. Войница) и патрулированием в том же районе обеспечить боевые действия 18 и 62 ад

5. ВВС 6 А (15 и 16 ад) и 33 сбп 19 ад уничтожают группировку противника в районе Сокаль, Кристынополь, Пархач.

а) 33 сбп с рассвета 23.6 последовательными эшелонированными действиями по времени и высоте уничтожают группировку противника в районе Сокаль, Кристынополь, Пархач.

При возвращении на аэродром базирования посадка на аэродроме Романовне (Бердичев) на случай дозарядки с последующим перелетом на свой аэродром (Городище).

Напряжение — один полко-вылет (только Ар-2 и Сб).

По выполнении задачи быть в готовности № 2 для последующих действий в этом же районе.

б) 16 ад, взаимодействуя с 4 мк, последовательными эшелонированными действиями уничтожать наземные войска противника в районе Кристынополь, Сокаль.

Действия 86 сбп прикрыть истребителями 92 иап. Напряжение бомбардировщиков — два полко-вылета.

в) 15 ад прикрыть район Львова и район сосредоточения 4 мк и 3 кд.

6. 17 ад (20 и 91 иап) прикрыть железнодорожные узлы Проскуров, Шепетовка, Новоград-Волынск, не допуская проникновения ВВС противника в этот район.

48 сбп (самолеты Пе-2) рассредоточить на оперативных аэродромах с выводом за границу аэродромов и тщательно замаскировать.

7. 64 ад (12,149,166 иап) прикрывать от воздушного противника сосредоточение войск 12-й армии и район Станиславув, Черновицы, уничтожая ВВС противника.

8. 44 ад передислоцировать 88 иап на аэродромы Кочубеев, Пудловцы и передать полк в распоряжение командира 64 ад.

9. 138 и 136 ббп в моем резерве в готовности № 2 для выполнения задачи для действий по наземным войскам противника.

10. Я на КП — Тарнололь.

Командующий ВВС фронта
генерал-лейтенант ПТУХИН
Врид начальника штаба ВВС фронта
полковник ТАЙГРЕБЕРТ

ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 5, лл. 3—5. Подлинник.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ
УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТПРОПАГАНДЫ КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТПРОПАГАНДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

23 июня 1941 г.

В течение ночи с 22 на 23 июня 1941 г. противник проявлял активность на флангах 6-й армии и высадил воздушные десанты в ряде пунктов в тылу армий фронта.

Напряженные бои идут на фронте 5-й армии. Отмечено наступление 4 пехотных и одной танковой дивизии. В тылу армии выброшено за ночь несколько десантов противника.

В лесу севернее Олешице отмечено скопление танков. Крупные силы противника ведут наступление в районе Перемышль — Краковец — Рава-Русска. Львов неоднократно бомбился мелкими группами самолетов противника.

12-я армия, отразив все атаки противника, на левом фланге по всему фронту удерживает гос [ударственную] границу в строгом соответствии с планом прикрытия. На черновицком направлении противник отброшен за р. Прут.

26-я армия успешно отражает непрекращающиеся атаки противника в районе Перемышль, удерживает р. Сан.

В течение ночи и утра противник высадил десанты — Ходоров, Дрогобыч, Борислав (последние два уничтожены). Косков (20 км южнее Шепетовки). Последний отряд выдвигается на Старо-Константинов. Взят под воздействие истребителей 17 ад.

5, 6, 12 и 26-я армии частями прикрытия ведут упорные бои и продолжают сосредоточение войск к фронту.

Упорные бои ведет 99 сд в районе Перемышля. Противник пытается обходить город с севера и юга и приступил к наводке мостов через р. Сан.

60 сд, отбив атаки противника в районе Херца, захватила 6 пулеметов, одно орудие и один миномет. Взято в плен 7 немецких солдат.

В воздушном бою 15-я авиадивизия (6-я армия) сбила 9 самолетов противника и потеряла 5 самолетов. В течение 22 июня дивизия провела одиннадцать воздушных боев.

Авиачасти 12-й армии сбили 19 самолетов противника. 2 самолета сбито зенитной артиллерией (расчетами младших командиров Ковалева и Малохова в районе Станиславува). 4 немецких летчика взяты в плен бойцами этих расчетов. Всего по 12-й армии взято в плен 12 немецких летчиков.

Политико-моральное состояние частей здоровое. Личному составу частей фронта широко разъясняются речь тов.

Молотова и приказ наркома. Там, где позволяла обстановка, проведены митинги. Настроение личного состава боевое. Речь тов. Молотова, приказ наркома обороны вызвали величайший боевой порыв среди личного состава. Бойцы и командиры обязуются выполнить с честью требования правительства и приказ наркома по уничтожению фашистских разбойников.

Личный состав частей, сражающихся с противником, показывает исключительный героизм и отвагу.

Один взвод пограничников отбил атаку 2000 немцев с большими для них потерями (12-я армия).

Командир пул[еметной] роты 140 опб, находясь в окружении более 8 часов, непрерывно ведет бой с противником, отбивая блокировочные группы. Несколько раз восстанавливал связь с дотами. Его заместитель—мл[адший] политрук Колесников в таких же условиях успешно отражает блокировочные группы.

Мл[адший] лейтенант 1-й роты 35 опб Дзирук с 20 бойцами и 40 рабочими УНС № 81 в течение нескольких часов 22.6.41 г. удерживал Корчин до прихода подкрепления и интенсивно вел бой.

Во время маршей части показывают исключительную выносливость и организованность. Так, ряд полков 58 сд в течение суток прошли 120—130 км к району сосредоточения. Марш совершен без отстающих. В период марша полит[ический] аппарат, партийные и комсомольские организации глубоко разъясняли личному составу приказ наркома обороны и речь тов. Молотова.

За период военных действий резко повысилась дисциплина в частях округа. Командный состав стал предъявлять больше требований к своим подчиненным.

Имеют место факты, когда крестьяне оказывают частям Красной Армии активную помощь в вылавливании вражеских парашютистов и диверсантов. Так, в районе Херца из подбитого немецкого самолета выбросилось 3 летчика, которые пойманы крестьянами и доставлены в воинскую часть...

Сегодня вышли армейские и дивизионные газеты, в которых освещены мужество и героизм, проявленные частями в боях с немецким фашизмом.

Политорганы продолжают работу вокруг речи тов. Молотова и приказа НКО, мобилизуют все силы на выполнение поставленных задач.

По предложению военного совета и управления политпропаганды Тарнопольский обком партии принял ряд мероприятий по повышению бдительности, мобилизационной готовности местного населения, по очистке от враждебных элементов, по охране порядка в городе и в районах.

Усилена охрана штабов частей и соединений, аэродромов и парков, учреждений, предприятий.

В районах местными парторганизациями проводится большая политическая работа среди населения.

Начальник управления политической пропаганды Киевского особого военного округа

бригадный комиссар МИХАЙЛОВ

ЦАМО, ф. 229, оп. 213, д. 12, лл. 12—16. Подлинник.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 12-Й АРМИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

23 июня 1941 г. 7.00.

1. 12 А на протяжении дня 22.6.41 г., отбив атаки противника на отдельных участках, прочно удерживает рубеж вдоль государственной границы.

2. Наибольшую активность пр[отивни]к проявляет в направлении Херца, Новоселица, Липканы.

3. 13 ск к 5.00 вышел к гос[ударственной] границе в свои оборонительные районы. Точного расположения частей не установлено.

Штакор 13 — Синовудзко Выжне.

4. 58 гсд вышла в свои оборонительные районы. Противник активных действий не проявляет.

170 гсп занимает участок: Воревка, Сывуля, Рафаилова, Семена. Одной ротой район Поляница.

5. 335 гсп занимает выс. 1256,0, Татарув, Ворохта.

279 гсп — выс. 1240, г. Крева. Одной ротой занимает выс. 1152, Дземброня. 368 гсп во втором эшелоне [в] районе Делятын. Шта[б] див[изии] — Делятын.

6. 17 ск на протяжении всего дня 22.6 вел упорные бои на рубеже Фонтина-Альба, Херца, к 5.00 занимает:

96 гсд — Ур. Медведи, Селетин, Фонтина-Альба исключительно. 2-й эшелон 155 гсп сосредоточился [в] районе Вергомет, 651 гсп— [в] районе Сторожинец, выс. 500, Панка. Шта[б] див[изии] 96 — опушка леса 8 км ю [го]-з [западнее] Волока.

60 гсп — Фонтина-Альба, Джербоуц, Проботесчий, Херца. Отразив неоднократные атаки противника в направлении Херца, прочно удерживает фронт: 2-й эшелон 350 гсп сосредоточен [в] районе выс. 338, выс. 309, Котул Баинский. Шта[б] див[изии] — Волока.

164 сд, отразив атаки противника и попытки переправ [в] районе Тарасауць, Ваньчикауць, Липканы, прочно удерживает фронт Тарасауць, Липканы, Тецкань. 2-й эшелон 620 сп сосредоточен [в] районе Стаучени. Шта [б] див[изии] 164 сд — Хотин. Шта[б] кор[пуса] 17 — Черновицы.

7. 16 мк с 5.00: 15 тд заканчивает сосредоточение в районе Коуман, Садагура, Юрковцэ. Штадив Кучурмик.

39 тд сосредоточилась в районе Терешены, Лукавица, вост[очная] окр[аина] Чахор.

240 мсд (без 836 мсп) на марше, головой колонн вышла на рубеж Грембочек, Новосюлка. Штакор-16 — Коцман.

8. Связь имеется проволочная с 58 гсд, с 16 мк по радио, с 13 и 17 ск, связь с соседом справа 26 А по аппарату СТ-35. С соседом слева связи нет.

9. Погода переменно-облачная.

10. Авиация противника бомбила 6.00 Станислав, Заблотув. Потери и трофеи уточняются.

В течение 22.6 авиация 12 А потеряла:

12 иап на земле 36, из них четыре могут быть восстановлены, в бою три самолета. Сбито авиации противника 11 самолетов.

149 иап потерял на земле —15, в воздухе 2 самолета. Сбито самолетов противника 8.

247 иап — выведено из строя и уничтожено 42 самолета.

166 иап — уничтожено на земле 4, повреждено 10 самолетов.

Потери стрелковых частей устанавливаются.

Начальник штаба 12-й армии АРУШАНЯН

Начальник опер[ативного] отдела ЛЕВИН

ЦАМО, ф. 359, оп. 6435, д. 1, л. 2. Подлинник.

ДОКУМЕНТЫ ВЕРМАХТА

23.6.1941 г.

Отдел разведки и контрразведки

1) Оценка сил противника в районе Белостока:

На основании последней карты, изданной ОКХ, отдел по изучению иностранных армий Востока, перед началом операции в районе Брест (иск) — Пружаны — Волковыск — Гродно — Ломжа предполагались следующие силы противника: 15 стрелковых дивизий, 1 моторизованная дивизия, 1 танковая дивизия, 4 танковые бригады, 8 кавалерийских дивизий.

Из этих соединений показаниями пленных пока подтвердились: 8 стрелковых дивизий, 1 моторизованная дивизия, 1 (?) танковая бригада, 1 танковая дивизия.

Несмотря на усиленную разведку, в районе Белостока пока еще не обнаружено крупных сил кавалерии и танков. Лишь на основании того, что утренняя воздушная разведка 23.6 обнаружила сильное движение с запада на восток в общем направлении на Барановичи и Лиду, можно заключить, что в районе Белостока находятся еще крупные силы противника.

2) По донесению отдела 1ц штаба 4-й армии по сравнению с днем — Б противник не изменил метода ведения боевых действий. При слабых действиях артиллерии противник сражается местами упорно и отчаянно. Донесений о перебежчиках или сдавшихся в плен русских солдатах пока не было. Число пленных по-прежнему невелико.

ЦАМО. оп. 12462, д. 547, лл. 35—36, Пер. с нем.

Командный пункт 23.6.41 г.

Оперативный отдел

3-й танковой группы

ПРИКАЗ № 3 ПО 3-Й ТАНКОВОЙ ГРУППЕ НА 24.6.41

1. Противник продолжает отходить перед 3-й танковой группой на восток и в направлении Вильна и в отдельных местах оказывает слабое сопротивление. Дальше на юг в боях участвуют более крупные силы противника. Подробности даны в прилагаемом информационном бюллетене о противнике.

2. 9-я армия 23.6. силами 8-го армейского корпуса взяла Гродно и 24.6. силами 20-го армейского корпуса начнет наступление в направлении Лунна, а силами 8-го армейского корпуса — в направлении Лида, с целью обнаруженным в районе Белостока дивизиям противника преградить дорогу на восток.

Командование 2-й танковой группы намеревается еще вечером 23.6. достигнуть участка Шара — Бытень — Слоним.

16-я армия во второй половине дня достигла общую линию 25 км западнее Ковно в районе Вильки (30 км северо-западнее Ковно). Создано предмостное укрепление.

4-я танковая группа продвигается на восток с правым корпусом восточнее Дубисса между Середзиус—Аригала, с левым корпусом — через линию Росини — Видукле — Лиолиай.

3. 3-я танковая группа, с 24.00 23.6.1941 г. подчиняющаяся непосредственно группе армий «Б», продолжает прорыв, повернув на юго-восток в направлении севернее Минска, и занимает пока перешеек между Воложин и Молодечно, чтобы во взаимодействии со 2-й танковой группой воспрепятствовать отходу противника, находящегося в районе Белосток, через Минск.

При этом:

57-й армейский корпус через Ольшаны должен занять высоты в районе Воложин: 39-й армейский корпус через Сморгонь должен занять предмостное укрепление в районе и южнее Молодечно.

Наземная разведка должна проводиться до линии Раков — Радошковичи.

4. 5-й и 6-й армейские корпуса с 24.00 23.6. непосредственно подчиняются 9-й армии.

5. Разграничительная линия между 57-м и 39-м армейскими корпусами: Ошмиана (39 ак) — дорога Ошмиана, Войничи, Крево (39 ак) — Лоск (39 ак) — Копаце (57 ак) — Гродек (57 ак), Калашки (57 ак) — р. Свислочь (39 ак).

6. Взаимодействие авиации:

а) 8-й авиакорпус передислоцирует временные аэродромы вперед в район Варена и продолжает производить налеты на предполагаемые дальше на восток авиационные части противника.

Следует обратить усиленное внимание на непосредственную поддержку в наземном бою.

б) Воздушная разведка: после передислокации разведывательных эскадрилий на аэродромы восточнее Немана Минск — Борисов — Полазак — Ковно. Необходимо установить, подтягивает ли противник силы из района Минск, из Полазак [а] и Двинска, в особенности намеревается ли он перейти к обороне на р. Вилия и на дотовых позициях под Минском. Отмечаются ли тыловые движения на восток и северо-восток.

Необходимо произвести аэрофотосъемку переправ через р. Вилия в районе Совенка, Вилейка, Сморгонь, Данисев, Жодзишки, Нестанишки, Михалишки.

бб) Тактическая разведка для 57-го армейского корпуса сначала должна проводиться в районе Жаблок—Лида — Богданов — Ошмиана — Олькиники.

Тактическая разведка для 39-го армейского корпуса сначала должна проводиться в районе Олькиники — Ошмиана — Михалишки — Неменчин — Ковно (исключительно). Необходимо установить, подтягивает ли противник силы против флангов танковой группы, отмечаются ли движения по отходу на восток. Особое внимание следует уделять танковым сосредоточениям.

вв) Боевая разведка:

Боевая разведка должна проводиться впереди и по сторонам полос движения танковых дивизий.

в) Использование зенитной артиллерии

Легкие зенитные дивизионы защищают путь продвижения своих дивизий,

1. Зенитный дивизион 29-го артиллерийского полка после смены *в* районе Меркине охраняет дорожные узлы Эйшышки и Веренов.

2. Зенитный дивизион 36-го артиллерийского полка до смены охраняет переправу через р. Неман в районе Олита и после этого принимает на себя охрану теснины в районе Троки Нове.

7. Связь.

а) Полк связи 3-й танковой группы прокладывает групповую связь от Алове через Бабрискис (коммутатор), Варена (коммутатор), Эйшышки (коммутатор), Веренов (коммутатор) на Ошмиану и устанавливает поперечную связь с 39-м армейским корпусом от Веренов до Золесники (27 км севернее Веренов).

57-й армейский корпус прокладывает свою корпусную ось от коммутатора Эйшышки или Веренов.

39-й армейский корпус прокладывает свою корпусную ось от коммутатора Золесники в наступательную полосу.

б) Организация:

57-й армейский корпус включает в свой состав 2-ю роту кабелей дальнего действия полка связи 3-й танковой группы в Варена. В остальном организация остается прежней.

8. Командные пункты: 3-й танковой группы с 10.00 ч. 24.6. Алове (12 км юго-восточнее Олита).

57-го армейского корпуса: поместье Окла (2 км севернее Эйшышки). 5-го армейского корпуса: Зейрияй.

39-го армейского корпуса: Вазгирдониай (12 км севернее Варена). 6-го армейского корпуса: Вартай (11 км юго-западнее Приенай).

(Подпись неразборчива)

Приложение к приказу № 3 по 3-й танковой группе от 23.6.41 г.

Информационный бюллетень № 7 о противнике

Установлено отступление противника 23.6. через Вильнюс на юго-восток, восток и северо-восток. Разрушения мостов противником нигде не обнаружены. Движение на железнодорожном участке Лида, Вильнюс часто прекращалось из-за налетов нашей авиации, вследствие чего целые транспортные поезда выгружались в районе Веренов и севернее.

По высказываниям пленных и местных жителей, 29-й армейский корпус (корпусные части и 184-я стрелковая дивизия) с 22.6. должен был начать выступление из лагеря Варена на восток. В районе Воложин — Ошмиана — Золесники — Ивье войска не установлены. В 18.00 из Ошмиана на восток были отмечены колонны грузовых автомашин. К Минску с востока стекаются новые слабые моторизованные силы. Следует рассчитывать на то, что противник, удерживая дорожный узел Вильнюс, будет продолжать свое отступление на восток и северо-восток.

На наступление сил противника из Минска на северо-запад рассчитывать пока не следует. Возможно, что эти силы занятием позиции для отступающих войск среди укреплений в районе Минска должны будут облегчить отход сил из района Белосток, так как вследствие захвата Гродно путь отступления через этот дорожный узел частям противника отрезан.

Дивизии противника, установленные 22.6. перед 3-й танковой группой: части 23-й, 8-й или 188, 128, 33 стрелковых дивизий и 5-й танковой дивизии. Предположения, что стрелковые дивизии не были еще полностью мобилизованы и часть их артиллерии без средств тяги должна была оставаться в арсеналах, нуждаются еще в подтверждениях. 5-ю танковую дивизию следует рассматривать как сильно потрепанную.

ЦАМО, оп. 12462, д. 118. лл. 2 — 8. Пер. с нем.

Отдел разведки и контрразведки

23.6.1941 г. 17.40

Вечернее донесение отдела разведки и контрразведки штаба 9-й армии

1) Действия противника приняли более планомерный характер. На участке Ломжа отход 8, 2 и 27-й дивизий на позицию Бобр. Показания пленных подтверждают, что противник намерен удержать эту позицию. На участке Гродно попытка 3-й армии силами 56-й и 85-й дивизий организовать оборону за Неманом севернее Гродно на линии Даброва — Новы Двор — Гродно. При этом контратаковали сильные танковые группы (29-я, 86-я мот [о] пех [отная], 18-й танковый полк и отдельные батальоны). На трофейной карте южнее Гродно за Лозозна обозначена оборона 2, 6 и 10-й дивизий. Возможно, что это карта учений.

В районе южнее Гродно появились 1-я и 2-я мот [о] мех [анизированые] бригады. Попытки 5 тд и, возможно, частей 29 ск остановить прорыв танковой группы были полностью отражены.

2) Следующие соединения можно считать разбитыми или не представляющими никакой боевой мощи: 56, 85 сд, 86-я мот [о] мех [анизированная] бригада, 188 сд, 23 и 128 мд, 5 тд, части 29-го лит[овского] корпуса.

Из состава 56 сд в районе Сопоцкин держится лишь 132 сп.

3) Русские сражаются до последнего, предпочитают плену смерть (приказ политксмиссаров). Большие потери личного состава, мало пленных. В Гродно захвачены большие трофеи оружия, боеприпасов и продовольствия 22.6. подбито 180 танков,. Из них только 8 пд в боях за Гродно уничтожила 80 танков.

ЦАМО. оп. 12462, д. 547, лл. 83. 34. Пер. с нем.

Публикацию документов подготовили полковник В. Р. ЖУРАВЛЕВ, капитан А. С. АНУФРИЕВ, Н. М. ЕМЕЛЬЯНОВА

(Продолжение следует)

СОКРАЩЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В ДОКУМЕНТАХ

Советские войска

СЗФ — Северо Западный фронт
А — армия
ск — стрелковый корпус
мк — механизированный корпус
сд — стрелковая дивизия
тд — танковая дивизия
мсд — мотострелковая дивизия
мд — моторизованная дивизия
гсд — горнострелковая дивизия
кц — кавалерийская дивизия
сбр — стрелковая бригада
сп — стрелковый полк
гсп — горнострелковый полк
тп — танковый полк
ап — артиллерийский полк
гап — гаубичный артиллерийский полк

кап — корпусной артиллерийский полк
осб — отдельный стрелковый батальон
опб — отдельный пулеметный батальон
птб — противотанковый батальон
сапб — саперный батальон
обс — отдельный батальон связи
ВВС — Военно Воздушные Силы
ДД — дальнего действия
ад — авиационная дивизия
дбп — дальнебомбардировочный полк
сбп — скоростной бомбардировочный полк
иап — истребительный авиационный полк
ПВО — противовоздушная оборона
КП — командный пункт
Упп — управление политической пропаганды
опп — отдел политической пропаганды
ВНОС — визуальное наблюдение и обнаружение самолетов
УНС — управление начальника строительства
УР — укрепленный район

Немецко-фашистские войска

АК — армейский корпус
ТГр — танковая группа
пд — пехотная дивизия
пп — пехотный полк
«Осназ» — особого назначения

ВИЖ №9 1989

Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 5, 6, 7, 8.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТПРОПАГАНДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

5 июля 1941 г.

Авиация фронта имеет большие потери. В начале войны ВВС имели: бомбардировщиков — 343, истребителей — 519.

На 5 июля ВВС фронта имеют: бомбардировщиков—64 (из них СБ—57, Пе-2—7) и истребителей — 154 (МиГ-3 — 14; И-16— 38, И-53 — 74 и И-15Б — 28 самолетов). Таким образом, потери составляют: бомбардировочной авиации — 279 самолетов и истребительной — 365 самолетов.

Большинство потерянных самолетов уничтожено противником бомбардировкой наших аэродромов и часть уничтожена нами при отходе, чтобы не дать возможности противнику захватить самолеты.

В числе потерянных к началу войны значительная часть самолетов была неисправной. Например, в 31 иап из 37 самолетов МИГ было неисправных 24 самолета.

Приведенные данные о потерях говорят о том, что противник нанес нашей авиации весьма большой удар. Достаточно сказать, что 57 ад потеряла 82 проц. имевшихся у нее до войны самолетов, по 8 ад уничтожено противником на земле 156 самолетов (МиГ-3 — 67, И-16 — 20, И-53 — 59, И-15 и др. — 10 самолетов).

Такое большое количество потерь самолетов объясняется следующим:

1. Внезапностью налетов фашистской авиации на наши аэродромы.

2. Некомплектом летного состава и несоответствием между наличием на аэродромах самолетов и числом подготовленных летчиков к полетам на новой материальной части. Например, 42 иап в первый день войны имел 100 самолетов, а летчиков только 24, 15 иап имел самолетов МиГ-1 — 54, а летчиков, летающих на них, — 23, в 6-й авиадивизии при наличии 236 бомбардировщиков и истребителей летающих на них летчков было 175.

Большие потери материальной части привели к тому, что, во-первых, действия нашей авиации в первые дни боев были расстроены, а боевая их работа сужена, во-вторых, значительное число летчиков осталось без самолетов и, в-третьих, что самое главное, противник получил господство в воздухе.

Сейчас в ВВС фронта проводятся следующие мероприятия:

1. Самолеты, имеющие небольшие поломки, ремонтируются и приводятся в боевую готовность силами частей. С прибытием подвижных авиамастерских из Москвы будут восстанавливаться и самолеты, требующие капитального ремонта.

2. Летный состав, не имеющий материальной части, 400 человек, направлен в центральные округа за получением самолетов, но до сих пор обратно не вернулся, и неизвестно, когда вернется.

Имеющиеся силы ВВС фронта используются сейчас главным образом в помощь наземным войскам: производится разведка, совершаются налеты на скопление сил противника и его базы, производится прикрытие с воздуха наших частей, аэродромов и баз снабжения.

Большинство летного состава в борьбе с противником проявляет мужество и отвагу.

Заместитель командира 15 иап капитан Довженко в первый день войны совершил 8 боевых вылетов. В последний вылет он бесстрашно вступил в бой с группой вражеских самолетов. Отважно и умело сражаясь с врагом, Довженко сбил два самолета противника. Затем в неравной борьбе геройски погиб.

Звено самолетов 61 иап под командой ст[аршего] лейтенанта Андрейченко вступило в бой с 9 вражескими самолетами. Летчик этого звена ст[арший] лейтенант Камышенко попал в тяжелое положение. На него наседали несколько самолетов противника. К нему на помощь поспешил Андрейченко и сбил один вражеский самолет, чем выручил товарища. Не удовлетворись этим, Андрейченко упорно вел атаки на врага. После длительного боя отважно погиб в неравной борьбе.

В 15 иап старший лейтенант Дмитриев, героически борясь с врагом, сбил 3 бомбардирозщика противника, лейтенант Шульц — 2 бомбардировщика и сам героически погиб.

Летным составом 15 иап с 22.6 по 1.7 в воздушных боях сбито 13 вражеских самолетов.

Подобные примеры имеются и в других частях.

Начальник управления полит[ической] пропаганды Северо-Западного фронта

бригадный комиссар РЯБЧИЙ

ЦАМО, ф. 221, оп. 1362, д. 18, лл. 33—34. Подлинник.

ИЗ ОТЧЕТА О БОЕВОЙ РАБОТЕ ВВС СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 22 ИЮНЯ 1941 г. ПО 1 ИЮЛЯ 1942 г.

21 июля 1942 г.

...Части ВВС ПрибОВО к началу войны были подготовлены на старой материальной части — бомбардировочная авиация на самолетах СБ, истребительная авиация — на самолетах И-153 и И-16.

Война застала части ПрибОВО в период перехода на новую материальную часть — истребителей на самолеты МиГ-3, на которых летали два полка и овладели этим самолетом, а часть полков бомбардировщиков проходила переучивание на самолетах Пе-2 за пределами округа.

По уровню боевой подготовки части ВВС ПрибОВО были способны выполнять боевые задачи днем в несложных метеорологических условиях, на малых высотах, средних и больших высотах в составе звеньев и девятки. В сложных условиях были подготовлены отдельные экипажи, звенья и ночные эскадрильи. В условиях ночи летало примерно 15 проц. всего состава бомбардировочной и истребительной авиации, которые были способны выполнять боевые задачи в условиях ночи, только ограниченно. Учебно-боевая подготовка частей проходила в соответствии с наставлениями, изданными ВВС КА на 1941 г...

Командующий 6 ВА генерал-майор авиации КОНДРАТЮК

Военный комиссар 6 ВА бригадный комиссар МАШНИН

Начальник штаба 6 ВА полковник СТОРОЖЕНКО

ЦАМО. ф. 221. оп. 1374, д. 15, л. 8. Подлинник.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ ПОЛИТОТДЕЛА 6-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ] ПРОПАГАНДЫ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 5 ИЮЛЯ 1941 г.

Доношу о боевых действиях соединения и работе, проведенной сейчас в формируемых частях соединения.

В результате неожиданного, вероломного нападения на нашу страну артиллерийским огнем в 4.00 часа 22 июня 1941 г. живая сила свыше одного пехотного полка, материальная часть, конский состав сразу же были выведены из строя.

Одновременно артиллерийским огнем было нанесено поражение живой силе, свыше одного пехотного полка, находящегося на Буге. Личный состав саперных и подразделений связи, находящихся в отдельных лагерях, также был взят в огневой шквал

Исключительной силы бомбардировке подвергся район крепости и сама крепость. Противник первыми артиллерийскими снарядами вывел из строя в большинстве своем начальствующий состав, живущий внутри крепости и около нее. Одновременно все остальное, как-то: артиллерийские парки, конюшни, гаражи, склады, штабы явились первыми объектами бомбардировки.

Вывод: До 2/3 личного состава, свыше 90 проц. материальной] части артиллерии дивизионной и полковой, не меньший процент конского состава явились жертвой неслыханных по вероломству и гнусности преступлений, творимых немецкими фашистами. В этих исключительно трудных условиях личный состав дрался, показывая образцы героизма, отваги в защите каждой пяди советской земли.

Например. Личный состав 95-го отдельного] дивизиона ПТО во главе с командиром дивизиона капитаном Никитиным, не имея возможности подойти к артиллерийскому парку, обстреливаемому со стороны неприятеля, бросились в штыковую атаку и в громадном своем составе во главе с командиром были убиты и тяжело ранены. Есть сведения, что командир дивизиона т. Никитин тяжело ранен.

Батарея тов. Леонтьева (246 озад), стоящая дежурной зенитной батареей с двумя своими орудиями, метко разила воздушного врага, выведя из строя 7 вражеских самолетов. Особо отличившиеся из личного состава следующие товарищи: командир батареи лейтенант Леонтьев, наводчик Глушков, красноармеец Король, красноармеец Слонец.

Батарея старшего лейтенанта Чемезова (204 гап) непосредственно со всех огневых позиций вела огонь по переправам, противодействуя переправам неприятеля на нашу территорию.

Особенно надо отметить отличившихся: тов. Калюжного — врио командира 2-го дивизиона, красноармейца Толмачева, лейтенанта Стрепетова, политрука Кузьменко.

Оставшийся в живых личный состав на расстоянии 6—7 км от Бреста был сведен в отдельные группы и отряды, которые и заняли оборону, ведя бой с наступающим противником. Отрядами численностью от 100 до 150 человек руководили командиры: 333 сп-полковник Матвеев, 84 сп-майор Дородных, секретарь ДПК, батальонный комиссар Нелепа, старший инструктор по орг[анизационной] пар[тийной] работе полковник Крючков и остальной состав ОПП, работающий в подразделениях.

К вечеру 22.6.41 г. под действием превосходящих сил противника большая часть личного состава была выведена из строя. Командиры, полковник Матвеев и майор Дородных, были убиты.

В ночь на 23 и 24 июня оставшиеся подразделения соединения в р[айо]не Жабинки, Картуз-Береза вели бои. В период с 24 по 30 июня личный состав, оставшийся от 6-й дивизии, принимал участие в боях в составе других частей. С 1 июля 1941 года положено начало новому формированию частей соединения.

Начальник о[тдела] политической пропаганды 6 сд

полковой комиссар Г. ПИМЕНОВ

ЦАМО, ф, 208, оп. 2526, д, 27а, лл. 334—338 об. Подлинник.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ ПОЛИТОТДЕЛА 11-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА ВОЕННОМУ СОВЕТУ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 15 ИЮЛЯ 1941 г.

Нападение фашистской Германии застало 11 мк необеспеченным материально-техническим имуществом. Танков имелось: Т-26 — 242, огнеметов — 18, БТ-5 — 44, Т-34 — 24, КВ—3. Танки Т-26 и БТ-5 составляли главным образом учебно-боевой парк, полученный на укомплектование из других частей.

До 10—15 проц. танков в поход не были взяты, так как находились в ремонте. Артиллерийские полки не были укомплектованы полностью орудиями, приборами управления, тракторами и автомашинами. Автомашинами корпус был обеспечен в пределах 10—15 проц. Мотоциклетный полк — пул[еметный] бат[альон], батальон связи, понтонные батальоны совершенно не были обеспечены инженерным и специальным имуществом. Батальон связи корпуса из 19 положенных раций имел одну 5-АК.

Карт топографических районов боевых действий совершенно не было. Личным составом обеспеченность была: рядовым составом — 100 проц. (из них до 60—65 майского призыва), младшим начальствующим составом мотострелковой дивизии до 60 проц., в других частях корпуса 13—30 проц, и комначсоставом до 60 проц. Отдел политической пропаганды не был совершенно укомплектован инструкторским составом.

Политико-моральное состояние частей корпуса, как до событий, так и в период событий было вполне здоровое, что было проявлено в период боев с фашистами.

В первый день, т. е. с момента налета немецких самолетов на Волковыск в 4.00 22.6, связи со штабом 3-й армии и штабом округа не было, и части корпуса выступили самостоятельно в район Гродно, Соколки, Индур согласно разработанному плану прикрытия.

По боевой тревоге все части вывели весь личный состав, имеющий вооружение и могущий драться, что составило 50—60 проц. всего состава, а остальной состав был оставлен в районе дислокации частей, из которых часть была вооружена впоследствии и использована по борьбе с авиадесантами противника в тылу, а частично отошли с отступающими частями. Ввиду необеспеченности автотранспортом 204 мсд 1-й эшелон из района Волковыск перебросила на автомашинах, а последующие перебрасывались комбинированным маршем. Через 7 часов (29-я танковая дивизия через 3 часа и 33 тд — через 4 часа) после объявления боевой тревоги части корпуса заняли район сосредоточения и в связи с отходом с границы наших частей перешли в наступление на фронте Липск, Новый Двор, Домброво. В связи с отходом стрелковых частей 4 ск вся тяжесть боевых действий легла на части 11 мк как по прикрытию отхода частей 4 ск, так и задержке продвижения немцев; мсп 29 тд по приказу командарма-3 находился в его резерве по борьбе с авиадесантами в районе Гродно, и дивизия вела бой без пехоты и артиллерии, неся особенно большие потери от ПТ артиллерии противника.

В течение 22 и 23.6 части корпуса вели бой на фронте Конюхи, Новый Двор, Домброво. Под давлением противника к 24.6 части корпуса отошли на фронт Гродно (Фолеш), Кузница, Соколка, удерживая фронт западнее шоссе Гродно и ж[елезной] д[ороги! Гродно—Белосток. 24.6 по приказу командарма-3 корпус должен был отойти на рубеж реки Свислочь, но по предложению командира корпуса части оставались на фронте Погараны, Гибуричи, Кузнеца-Соколки до исхода дня 26.6.

В связи с быстрым отходом на восток от Гродно частей, действовавших севернее реки Неман, противник пытался форсировать реку Неман с выходом частями корпуса в тыл. Но все попытки немцев форсировать реку Неман были отбиты. Для удержания продвижения противника приказом армии было выброшено 26.6 два мотобатальона 204 мд через Лунно на рубеж реки Котры. 1-й стрелковый батальон по приказу командира корпуса был выброшен для удержания моста у Лунна.

Понесенные большие потери за время боев с 22 до 26.6 как личного состава, так и материальной части делали корпус малобоеспособным. В танковых дивизиях оставалось не более 300—400 человек, а в мд— по одному неполному батальону в полку, танков — до 30 шт. и до 20 бронемашин. Все небольшие тылы дивизий были сожжены или расстреляны авиацией противника, которая гонялась буквально за отдельными машинами.

Заместитель командира 11-го корпуса
по политической части
полковой комиссар АНДРЕЕВ
ЦАМО. ф. 208. оп. 2526. д. 28, лл. 65—72.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ] ДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

8 июля 1941 г.

Ряд частей с начала войны ведут упорные бои, не прекращающиеся ни днем, ни ночью.

Несмотря на усталость, настроение личного состава здоровое.

За период боевых действий в ряде частей и соединений значительны потери материальной части.

В 15 ск потеряно с 22 июня по 1 июля 70 грузовых автомашин, 52 трактора.

В 22 мк за это же время потеряно 46 автомашин, 119 танков, из них 58 подорвано нашими частями во время отхода из-за невозможности отремонтировать в пути.

Исключительно велики потери танков КВ в 41 тд. Из 31 танка, имевшегося в дивизии, на 6.7.41 г осталось 9. Выведено из строя противником — 5, подорвано экипажами — 12, отправлено на ремонт — 5.

В бою танк КВ показал исключительно высокие качества. Средняя противотанковая артиллерия противника не пробивала его брони.

Большие потери танков КВ объясняются в первую очередь слабой технической подготовкой экипажей, низким знанием ими материальной части танка, а также отсутствием запасных частей. Были случаи, когда экипажи не могли устранить неисправности остановившихся танков КВ и подрывали их.

ВВС Ю[го-]З[ападного] фронта с 22.6 по 7.7.41 г. выполняли задачу по уничтожению прорвавшихся мотомеханизированных частей противника, прикрывали ж[елезно-]д[орожные] узлы, населенные пункты, вели разведку и прикрывали отход своих войск.

По неполным данным, за 13 дней войны в воздушных боях нашей авиацией сбито свыше 300 самолетов противника.

Частями ВВС фронта с 22 июня по 1 июля с. г. потеряно 354 самолета, в том числе:

на аэродромах (главным образом 22.6) — 180
сбито зен[итной] артиллерией — 29
сбито в воздушном бою — 145.

Помимо этого, выведено временно из строя 225. 60 проц. этих самолетов восстановлены и участвуют в боях.

Потери в личном составе ВВС характеризуются следующими данными: убито и пропало без вести 309 чел[овек], ранено — 165.

Ежедневно возвращаются части экипажи большинства сбитых самолетов. Кадры летно-техкического состава, как правило, сохранены.

В результате больших потерь в ВВС фронта осталось очень малое количество материальной части.

Всего самолетов осталось в строю 359, из них истребителей — 169 и бомбардировщиков — 190. Неисправных и находящихся в ремонте — 209.

Из общего количества потерь материальной части в воздушных боях больше всего падает на бомбардировочную авиацию, которая не всегда сопровождается истребителями ввиду их малого количества.

Политико-моральное состояние летно-технического состава исключительно высокое. Летный состав проявляет массовый героизм в борьбе с фашистско-немецкой авиацией.

Вследствие больших потерь материальной части установлена очередность полетов для летного состава, что вызывает недовольство со стороны тех, кому меньше приходится летать на выполнение боевых заданий.

Начальник управления
политической] пропаганды
Ю[го-]З[ападного] фронта
бригадный комиссар МИХАЙЛОВ
ЦАМО, ф. 229, оп. 213, д. 12, лл. 73 — 78. Подлинник.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА К НАГРАЖДЕНИЮ 99-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ОРДЕНОМ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» *

19 июля 1941 г.

99-я стрелковая дивизия в период с 22 июня по 12 июля 1941 года, ведя исключительно напряженные бои с превосходящим численно противником, блестяще выполнила свою задачу. Благодаря героизму бойцов, командиров и политработников 99-й стрелковой дивизии город Перемышль трижды переходил из рук в руки, и последний раз дивизия оставила Перемышль только по приказу в связи с отходом левофланговых частей 6-й армии. Отходя от Перемышля до Острополя, дивизия и ее части несколько раз контратаками отбивали превосходящего их численно и технически противника.

Несмотря на большие потери, дивизия до последнего дня не потеряла стойкости и героизма в борьбе с фашистскими ордами. Военный совет Юго-Западного фронта ходатайствует о награждении 99-й стрелковой дивизии орденом «Красное Знамя».

Командующий войсками ЮЗФ генерал-полковник КИРПОНОС
Член военного совета ЮЗФ дивизионный комиссар РЫКОВ
Член военного совета ЮЗФ ХРУЩЕВ
Начальник штаба ЮЗФ генерал-лейтенант ПУРКАЕВ
ЦАМО, ф. 33, оп. 682523, д. 5, л. 13. Подлинник.

* Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1941 г. 99-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

ДОКУМЕНТЫ ВЕРМАХТА

Командующий войсками группы армий «Центр»
Штаб-квартира, 8 июля 1941 г.

ПРИКАЗ

Сражение в районе Белосток — Минск завершено. Войска группы армий сражались с четырьмя русскими армиями, в состав которых входило около 32 стрелковых, 8 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Из них разгромлено: 22 стрелковые дивизии, 7 танковых дивизий, 6 мотомеханизированных бригад, 3 кавалерийские дивизии. Боевая мощь остальных соединений, которым удалось избежать окружения, также значительно ослаблена. Потери противника в живой силе очень велики.

Подсчет пленных и трофеев к сегодняшнему дню выявил:

287 704 пленных, в том числе несколько командиров корпусов и дивизий, 2585 захваченных или уничтоженных танков, 1449 орудий, 246 самолетов, множество ручного оружия, боеприпасов, транспортных средств, склады продовольствия и горючего. Наши потери были не выше, чем те, какие готовы понести мужественные войска. Этим крупным успехом, достигнутым в битве с сильным, отчаянно сражающимся противником, мы обязаны вашей вере и вашему мужеству. Всем войскам и штабам, а также всем транспортным частям и рабочим формированиям группы армий я выражаю признательность за неустанное выполнение своего долга и выдающиеся достижения. Наша особая благодарность нашим товарищам по оружию — военно-воздушным войскам. Сейчас главное — использовать достигнутую победу! Я уверен, что войска группы армий и впредь сделают все от них зависящее: покоя не будет, пока не будет достигнута окончательная победа!

Да здравствует фюрер!
фон БОК, генерал-фельдмаршал
ЦАМО, оп. 12462, д. 544, лл. 42—43. Пер. с нем.

ЦАМО, оп. 12462, д. 596, лл. 2, 3. Пер. с нем.

Публикацию подготовили: полковник В. Р. ЖУРАВЛЕВ, капитан А. С. АНУФРИЕВ, Н. М. ЕМЕЛЬЯНОВА

СОКРАЩЕНИЯ. УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В ДОКУМЕНТАХ

Советские войска

ПрибОВО — Прибалтийский особый военный округ.
ЮЗФ — Юго-Западный фронт
А — армия
ск — стрелковый корпус
мк — механизированный корпус
сд — стрелковая дивизия
тд — танковая дивизия
мсд — мотострелковая дивизия
мд — моторизованная дивизия

сп — стрелковый полк
мсп — мотострелковый полк
тп — танковый полк
гап — гаубичный артиллерийский полк
озад — отдельный зенитно-артиллерийский дивизион
ВВС — Военно-Воздушные Силы
ад — авиационная дивизия
иап — истребительный авиационный полк
ПТартиллерия — противотанковая артиллерия
ПТО — противотанковая оборона
КП — командный пункт
ГУПП КА — Главное управление политпропаганды Красной Армии
УПП — управление политической пропаганды

Немецко-фашистские войска

АК — армейский корпус
ТГ — танковая группа
пд — пехотная дивизия
пп — пехотный полк

ВИЖ №1 1990
ИЗ АРХИВОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

О наступательной операции Юго-Западного фронта в мае 1942

(ВОТ ГДЕ ПРАВДА, Никита Сергеевич!)

Продолжение Начало см.: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 12

(Для удобства поиска названия некоторых статей мои, оригинал в скобках-Ю.З.)

ПРИ РАССМОТРЕНИИ в Ставке ВГК плана наступательной операции Юго-Западного фронта начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников предложил воздержаться от ее проведения, указав на рискованность наступления войск Юго-Западного фронта из оперативного «мешка», каким являлся для них барвенковский выступ. Однако командование Юго-Западного направления, пишет маршал А. М. Василевский, «продолжало настаивать на своем предложении и заверило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться» (Василевский А М. Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1974. — С. 191)

Такова вкратце история зарождения идеи и принятия решения на проведение наступательной операции в районе Харькова.

Как же развивались события дальше?

Вскоре Ставка вывела Брянский фронт из состава войск Юго-Западного направления и взяла в свое непосредственное подчинение. Главком Юго-Западного направления С. К. Тимошенко вступил одновременно в непосредственное командование Юго-Западным фронтом, а командовавший ранее этим фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко был назначен его заместителем. Генерал И. Х. Баграмян стал начальником штаба фронта, сохранив за собой должность начальника штаба направления. Такое совмещение функций главкома и начальника Штаба в последующем отрицательно сказалось на действиях Южного фронта.

10 апреля военный совет направления оперативной директивой (ЦАМО. ф. 229, оп, 161, д 800, лл. 284— 288) поставил перед Юго-Западным и Южным фронтами задачи, определил силы и средства, привлекавшиеся к участию в операции, назначил срок готовности к наступлению. Фронты приступили к детальному планированию выполнения задач, начали перегруппировку и сосредоточение сил. Как эти мероприятия выполнялись, какие просчеты и ошибки были допущены при этом, подробно рассказывалось в «Военно-историческом журнале» №2 10 за 1987 год. Здесь лишь подчеркнем, что одним из крупных недочетов планирования и организации операции являлось то, что не было уделено должного внимания оперативному обеспечению главной ударной группировки Юго-Западного фронта с юга силами Южного фронта.

28 апреля в связи с поступлением новых сведений о противнике военный совет издал новую оперативную директиву, которой несколько изменил и уточнил задачи войск (документ № 3).

№ 3

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ № 00275 ВОЙСКАМ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА НА ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ С ЗАДАЧЕЙ ОКРУЖИТЬ И УНИЧТОЖИТЬ ХАРЬКОВСКУЮ ГРУППИРОВКУ ПРОТИВНИКА

28 апреля 1942 г.

1. Противник, учитывая занимаемый рубеж обороны, продолжает накопление оперативных резервов в районе Харьков. До четырех пд отмечается в районах Ахтырка, Кременчуг, Красноград, Полтава. С наступлением сухой погоды возможна попытка противника ликвидировать барвенково-лозовский выступ и одновременно предпринять наступление в направлении Харьков, Купянск с целью выхода на основные коммуникации наших армий, действующих на внутренних крыльях фронтов ЮЗН (38, 6, 57 и 9 А).

2. Справа 40 А Брянского фронта обороняет рубеж: Нов. Савины, Становое, Семица, прикрывая направление Курск, Воронеж...

Слева 57 А Южного фронта правым флангом атакует противника и выходит на рубеж: Соси-Петрополь, х. Ново-Уплатнов, Криштоповка. На остальном фронте обороняет прежний рубеж: Благодатное, Ново-Кавказ, прикрывая левое крыло Юго-Западного фронта...

3. С целью овладения районом Харьков Юго-Западный фронт переходит в наступление с задачей прорвать оборону противника и концентрическим ударом 6-й и 28-й армий окружить и уничтожить его харьковскую группировку в районе Харьков, Змиев, Балаклея, Печенеги. На 15—18-й день операции перейти к обороне на рубеже: Золочев, Б. Цаповка, Сковородиновка, Старая Водолага.

Готовность наступления к исходу 4.5.42.

4. 21 А в составе 8 мсд, 293, 297, 76, 301 и 227 сд, 1 мсбр, 10 тбр, 8 отб, 338 лап, 538 лап, 135 ап, 156 ап второго типа... тремя дивизиями прочно удерживать рубеж: Спартак, Мало-Яблоново, Шляхово, Мясоедово, Титовка, Гатище №2. Двумя дивизиями с танковой бригадой и артиллерией усиления, имея главные силы южнее Старицы, перейти в наступление с фронта Заводы 1-е, Прилипка, выс. 163,2 с задачей прорвать оборону противнике, овладеть районом Муром и к исходу третьего дня наступления выйти на рубеж Муром, выс. 219,5. В дальнейшем, наступая в направлении Черемошное, выйти на фронт Пристень, Недоступовка, Петровка, выс. 205,8 и, закрепившись, обеспечивать правый фланг 28-й армии от ударов противника с севера и северо-запада.

Резервы армии — 1 мсбр сосредоточить в районе Чуево, Кривые Балки, Холодное и 301 сд — в районе Ивица, Протопоповка, Красная Поляна. Штарм — Короча. ВПУ — Волчанские Хутора, свх. КИМ...

5. 28-я армия в составе 13 гв, 244, 175, 169, 162 и 38 сд, 3 гв. кк (5, 6 гв. и 32 кд, 34 мсбр), 6 гв., 84, 90 и 6 тбр, 764 ап ПТО, 651 и 612 лап, 7 гв. и 870 ran, 594 и 266 пап, 5 гв. и 233 ап второго типа РГК, 1 и 2/4 гв. мп, 110 огвмдн — перейти в наступление на фронте Избицкое, Федоровка, прорвать оборону противника и, овладев районом Терновая, к исходу третьего дня наступления главными силами выйти на рубеж: Высокий, Веселое, Петровское, выс. 219,1. В дальнейшем, стремительно развивая удар правым флангом в направлении Борщевое, сев[еро]-зап[адная] окр[аина] Харьков, к исходу шестого дня наступления выйти на фронт: Черкасское-Лозовое, Большая Даниловка, х. Заикин. По овладении районом Липцы вывести одну сд в арм[ейский] резерв в район Борисовка, Нескучное, Середа. По выходе дивизий первого эшелона на рубеж Середа, Веселое ввести в прорыв 3 гв. кк с задачей выйти в район Дементьевка, свх. им. НКВД, Липцы, Высокая Яруга и обеспечить овладение главными силами армии рубежом: Черкасское-Лозовое, Большая Дани-

ловка, х. Бражники. В дальнейшем, сменив 3 гв. кк пехотой, использовать его для удара в обход Харькова в направлении Дергачи, Гавриловка.

Штарм—Петропавловка...

6. 38 А в составе 226, 300, 199, 304, 124 и 81 сд, 22 тк (36 и 13 тбр), 738 ап ПТО, 468 и 507 лап, 574 гап, 51 и 648 ап второго типа РГК... 3/5 и 3/4 гв. мп, прочно удерживая рубеж Базалеевка, Богодаровка, Борщевое, Ольховатка, главными силами (четыре сд. 22 тк) перейти в наступление с фронта выс. 199,8, Арт. Селянин, Пятницкое, Мартовая и, нанеся удар в направлении Молодовое, Рогань, прорвать оборону противника на участке Песчаное, Большая Бабка и к исходу третьего дня наступления выйти на рубеж Лебединка, выс. 208,7, Зарожное, Пятницкое. В дальнейшем, развивая наступление в направлении Рогать, Терновое, частью сил овладеть переправами на участке Введенское, Чугуев и завершить с частями 6 А окружение чугуево-балаклейской группировки противника. Одновременно силами двух сд и двух тбр атаковать город Харьков во взаимодействии с 28-й и 6-й армиями с востока. Штарм— Купянск. ВПУ — Борщевое (северн.)...

7. 6 А в составе 253, 266, 103, 411, 47, 337, 248 и 41 сд, 5 гв., 37, 38 и 48 тбр, 21 тк (198, 199 и 64 тбр и 4 мсбр), 23 тк (6, 130, 131 тбр и 23 мсбр), 582, 591 ап ПТО, 8, 116, 375, 209, 399, 435, 269 пап, 3 гв. и 671 ап второго типа РГК. 1 и 2/5 гв. мп, 206 огвмдн... прикрывшись двумя сд по южному берегу р. Сев[ерский] Донец, главными силами перейти в наступление с фронта Нижне-Русский Бишкин, Алексеевка, выс. 178,5, прорвать оборону противника и овладеть районами Берека, Ефремовна, к исходу четвертого дня наступления выйти на рубеж: Змиев, Тарановка, х. Васильевский, выс. 195,4, Берестовая.

В дальнейшем, наступая главными силами в направлении Мерефа, Харьков и 2—3 усиленными сп из района Змиев на Красная Поляна, к исходу седьмого дня наступления выйти на рубеж Бутовка, х. Трасной, Мерефа, Ракитное. С выходом на указанный рубеж вывести одну сд в арм [ейский] резерв в районе Рябухино, Княжной, Мелеховка. По достижении дивизиями первого эшелона рубежа Берека, Ефремовка быть готовым к вводу в прорыв подвижных соединений армии с задачей:

21 тк, развивая удар первого эшелона, к исходу пятого дня наступления захватить переправы через р. Мжа и выйти в район Комаровка, Ракитное, х. Голубое, Островерховка, перерезать дороги, связывающие Харьков с западом. В дальнейшем во взаимодействии с пехотой атаковать Харьков с юго-запада и запада.

23 тк, развивая удар первого эшелона, к исходу третьего дня наступления выйти в район Старая Водолага, Караванское, Стулеповка, Новая Водолага и, в зависимости от обстановки, быть готовым к нанесению ударов на Люботин или Валки, Ковяги.

Штарм—Федоровка...

8. Армгруппа Бобкина в составе 393, 270 сд, 6 кавкорпуса (26, 28 и 49 кд, 7 тбр), 872 кап, 29 и 236 гап РГК перейти в наступление, отбросить противника на запад и к исходу третьего дня главными силами стрелковых дивизий выйти на рубеж: Софиевка, Тарасовка, Веселая, Юрьевка, Лукашевка. В дальнейшем, продолжая наступление, овладеть районом Кегичевка, Сахновщина и к исходу седьмого дня выйти на фронт: 393 сд — Кегичевка, Червоноармейский, Дар Надежды; 270 сд — Гришевка, Гладковка, Андреевка, Лукашевка. С выходом частей 393 сд на рубеж Дмитровка, Михайловка ввести в прорыв 6 кк с задачей нанести удар в направлении Казачий Майдан и к исходу пятого дня наступления овладеть районом Красноград, В дальнейшем, прочно удерживая районы Красноград, Петровка, Кирилловна, обеспечивать левый фланг 6 А от ударов противника с запада. Штарм—Петровка. Штаб армгруппы — Краснопавловка (западн.)...

9. Военно-воздушные силы фронта. Армейская авиация:

21 А — 43 иап, 135 ббп, 596 ибп (20 истребителей, 15 ночных бомбардировщиков и 12 дневных бомбардировщиков).

28 А — РАГ-4 (46 истребителей, 20 штурмовиков, 17 бомбардировщиков).

38 А — 164 и 182 иап, 598 ибп (40 истребителей, 14 ночных бомбардировщиков).

6 А — 23, 296 и 181 иап, 92 шап, 13 гв. ббп, 623 и 633 ибп (47 истребителей, 12 штурмовиков, 14 дневных и 28 ночных бомбардировщиков).

Армгруппа Бобкина — РАГ-5.

Фронтовая авиация:

Группа Рязанова и группа Горбацевича (117 истребителей, 60 штурмовиков, 20 дневных и 121 ночной бомбардировщик, 15 самолетов ДБ-3).

Задачи фронтовой авиации:

а) в течение подготовительного периода операции подавлять авиацию противника на аэродромах, не допускать подвоза к району Харьков из районов Белгород, Готня, Ахтырка, Полтава, Красноград; прикрыть подход и сосредоточение ударных сил 28-й и 6-й армий, обратив особое внимание на прикрытие подвижных соединений;

б) с началом наступления быть готовой привлечь все силы авиации для непосредственного взаимодействия с ударными группами 28 и 6 А на поле боя. Держать под наблюдением направления: Полтава, Кременчуг, Красноград, Днепропетровск, Синельниково;

в) систематическими ударами разрушать переправы через р. Днепр у Кременчуга и Днепропетровска.

10. Резервы фронта:

277 сд — в районе Новониколаевка, Волосская Балаклейка, Благодатное. Штадив—Староверовка. Подготовить к обороне рубеж: Аркадиевна, Ивановка, выс. 182,4, Волосская Балаклейка и быть готовой к нанесению контрудара в направлениях: Аркадиевка, Печенеги, Полтава, Балаклея. 343 сд — в районе Сухой Яр, Александровка, Кунье, Бугаевка, Штадив—Бугаевка.

Подготовить к обороне рубеж Нурово, выс. 191,0, Кунье, Красная Поляна.

Быть готовой для контрудара в направлениях: Нурово, Богодаровка; Александровка, Балаклея; Кунье, Изюм.

2-й кав[алерийский] корпус — в районе Новобунаково, Гороховка, Миролюбовка, Приволье, Катериновка, Красная Балка. Штакор—Гороховка.

Быть готовым к нанесению контрудара в направлениях: Лозовенька, Шебелинка; Князево, Лозовая; Мечебиловка, Барвенково.

11. Штаб фронта с 2.5.42 — Валуйки. ВПУ—Сватово.

Главнокомандующий ЮЗН

командующий ЮЗФ

Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

Член военного совета ЮЗН Н. ХРУЩЕВ
Начальник штаба ЮЗН и ЮЗФ генерал-лейтенант И. БАГРАМЯН
ЗНШ И. РУХЛЕ (На документе только его подпись)
ЦАМО СССР, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 189—196. Копия.

В ПРИВЕДЕННОЙ директиве сообщалось о накапливании противником резервов в районе Харькова и делался вывод о том, что с наступлением сухой погоды возможна попытка ликвидировать барвенковско-лозовский выступ. При этом наступление врага ожидалось только из района Харькова в направлении Изюма. Возможность нанесения удара с юга во фланг южной ударной группировки Юго-Западного фронта в директиве вновь не предусматривалась, хотя командование Южного фронта еще 6 апреля при постановке задач армиям (документ № 4) указывало на усиление противником своей группировки на славянско-краматорском направлении за счет подвоза пополнения из глубины и переброски части сил с таганрогского и макеевского направлений. Делался также важным вывод о возможности активных действий врага на барвенковском направлении.

№ 4
ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ КОМАНДОВАНИЯ ЮЖНОГО ФРОНТА № 00177
НА ОБОРОНУ С ЗАДАЧЕЙ ОБЕСПЕЧИТЬ СВОИМ ПРАВЫМ КРЫЛОМ
НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА НА ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ
6 апреля 1942 г.

1. Противник продолжает обороняться на всем фронте, усиливая свою группировку на красноармейском и славянско-краматорском направлениях за счет подвоза пополнения из глубины и переброски части сил с таганрогского и макеевского направлений.

Резервы его — в районах Павлоград, Красноармейское, Краматорское, Артемовск, Макеевка, Мариуполь.

Отмечен подход резервов из глубины на линии Днепропетровск—Запорожье.

Возможны активные действия противника в направлениях: барвенковском, лисичанском и ворошиловградском.

2. Армии фронта прочно закрепляются на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым крылом наступление войск ЮЗФ на харьковском направлении и левым крылом прикрывая ворошиловградское и ростовское направления.

Граница справа (иск.) Вешенская, Старобельск, Изюм (пункт общего пользования с ЮЗФ), Вел. Камышеваха, Панютино, Павловка. Граница слева прежняя.

3. 57 А в составе 99, 317, 150, 351 сд, 14 гв. сд, отдтб, 476 пап, 558 и 754 ап ПТО с двумя отдельными] батальонами ПТР оборонять рубеж Царедаровка, Криштоповка, Ново-Павловка, Мал. Раздол, сменив к утру 14.4 части 270 сд и группы Комкова.

Прочно прикрыть район Лозовая и обеспечить стык с ЮЗФ. Одну сд иметь в арм[ейском] резерве в районе Близнецы.

Штарм — Бол. Андреевка. ВПУ — Близнецы. Граница слева — Первомайское, Студенок, (иск.) Долгенькая, (иск) Барвенково, Богдановка, (иск.) Ново-Бахметьево, Марьянка.

4. 9 А в составе 341, 106, 216, 349, 335, 51, 333 сд, 78 сбр, 121 и 15 тбр, 4 гв., 437, 229 тап, 186 и 665 ап ПТО с двумя батальонами ПТР оборонять рубеж Ново-Бахметьево, Громовая Балка, Ново-Яковлевка, Кантемировка, Красноармейск, Глубокая Макатыха, Щурово, Брусовка. Прочно прикрывать район Барвенково и направления Изюм и Красный Лиман со стороны Славянск. Обеспечить стык с 57 А.

Одну сд и две тбр иметь [в] арм [ейском] резерве [в] районе Барвенково. В дальнейшем вывести дополнительно в арм [ейский [резерв в район Ивановский еще одну сд. Штарм — Богородичное. ВПУ — Приволье. Граница слева — прежняя...

11. фронтовые резервы с 12.4:

а) 5 кк с 12 тбр [в] районе Бражовка, Курулька, Голая Долина;

б) 255 сд и 2 тбр — Ворошиловград;

в) 347 сд и 4 гв. тбр — Ровеньки, пос. им. Дзержинского;

г) 102 сбр — Ростов.

12. От всех командармов и командиров сд требую прочной обороны, развитой в глубину, с продуманной системой огня, ПТО, с максимальным развитием оборонительных сооружений и ПТ и ПП препятствий и широким приспособлением к обороне населенных пунктов.

13. ВВС:

1) систематической разведкой на глубину до реки Днепр вскрывать группировку противника и его резервов;

2) препятствовать перегруппировкам противника;

3) наносить поражения сосредоточивающимся резервам противника;

4) нарушать работу ж[елезных[д[орог] разрушением ж[елезно-]д[орожных] узлов и перегонов;

5) разрушить ремонтные заводы в Мариуполе, Таганроге и Краматорском.

14. Штаб фронта — Рубежная, запасный КП — Старобельск и Каменск...

Командующий Южным фронтом МАЛИНОВСКИЙ
Член военного совета Южного фронта КОРНИЕЦ
Начальник штаба АНТОНОВ
ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 265, лл. 119—120, 122—123. Подлинник.

В ЭТИХ условиях, очевидно, необходимо было уделить прикрытию левофланговой, главной группировки ЮЗФ самое пристальное внимание. Главнокомандующий же войсками направления не только ограничился постановкой Южному фронту, по существу, пассивной задачи «прочно закрепиться на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым флангом наступление войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении...», но и ослабил правофланговые армии этого фронта (57-ю и 9-ю), оборонявшие южный фас барвенковского выступа, изъяв из их состава восемь артиллерийских полков, три танковых и одну стрелковую бригады для усиления Юго-Западного фронта и взяв одну стрелковую бригаду в свой резерв. Кроме того, в середине апреля одна стрелковая дивизия (216-я) из 9-й армии была переброшена в 18-ю, оборонявшуюся на ворошиловградском направлении. Для прикрытия барвенковского направления в составе 57-й и 9-й армий, где удар немцев был наиболее вероятен, оставалось одиннадцать слабоукомплектованных стрелковых дивизий и одна стрелковая бригада (численный состав дивизий — в среднем от 5 до 7 тыс. человек). Ширина фронта обороны

этих армий достигала 176 км. В результате армии даже не имели достаточно сил для создания прочной обороны. Средняя оперативная плотность в 57-й армии была 16 км на одну дивизию при 4—6 орудиях и минометах на 1 км фронта. В 9-й армии одна дивизия находилась на 10 км фронта и 11—12 орудий и минометов на 1 км. Оборона строилась по системе опорных пунктов и узлов сопротивления, боевые порядки — в один эшелон. На всем 176-километровом фронте 9-й и 57-й армий было построено всего 11 км проволочных заграждений, противотанковые заграждения в нарушение требований приведенной директивы не создавались. Таким образом, ни оперативное построение этих армий, ни инженерное оборудование местности, всюду доступной для танков, не обеспечивали жесткой обороны южного фаса барвенковского выступа.

Генерал И. Х. Баграмян в мемуарах пишет, что военный совет направления в результате довольно детального обсуждения вопроса оперативного обеспечения наступления левого фланга Юго-Западного фронта пришел к выводу, что удар под основание барвенковского выступа противник мог осуществить за счет выделения для этого сил из состава своей группировки, действующей против левого крыла Южного фронта на ростовском и ворошиловградском направлениях. Поэтому, пишет он, командование и штаб Южного фронта должны были «быть готовы в случае необходимости своевременно усилить оборону своих двух правофланговых армий за счет оперативных резервов, сосредоточенных за левым крылом фронта» (Баграмян И. Х Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 72).

Нетрудно понять, что в ходе наступления противника маневрировать резервами на сотни километров вдоль фронта в условиях бездорожья, разлива рек, при отсутствии автотранспорта, господстве противника в воздухе было затруднительно. Баграмян и сам пишет, с какими трудностями пришлось проводить перегруппировку и сосредоточивать силы для наступления и что для этого потребовалось более 30 суток. Совершенно очевидно, что пояснения Баграмяна являются неудачной попыткой в какой-то мере переложить вину за грубейшие промахи, допущенные главнокомандующим и штабом Юго-Западного направления при подготовке операции, на командование Южным фронтом. Переход войск Юго-Западного фронта в наступление на Харьков сначала намечался на 4 мая, но затем из-за опоздания с перегруппировкой и сосредоточением сил и несвоевременного поступления пополнения из резервов центра был перенесен на 12 мая.

Для полноты картины рассмотрим кратко, что делалось в стане противника во время подготовки наступления на Харьков.

Немецко-фашистское командование также готовило в районе Харькова наступательную операцию под условным наименованием «Фридерикус-1», начало которой намечалось на 17 мая. Основная цель этой операции состояла *е* том, чтобы встречными ударами 6-й немецкой армии из района Балаклеи в направлении Изюма и армейской группы генерала Клейста с юга на северо-запад ликвидировать барвенковский выступ, восстановить фронт по Северскому Донцу и создать на северо-восточном берегу этой реки плацдарм в районе Изюма. Плацдарм гитлеровское командование намеревалось использовать в качестве исходного рубежа для развития наступления на левобережье Северского Донца.

Противостоящая войскам Юго-Западного направления немецкая группа армий «Юг» по планам гитлеровского командования в летней кампании должна была стать основной силой для вторжения на Кавказ и прорыва к Волге у Сталинграда. Проведением операции «Фридерикус-1» и намечалось создать благоприятные условия для развертывания генерального наступления. Соединения группы армий «Юг» спешно пополнялись личным составом и боевой техникой. Все ее пехотные дивизии укомплектовывались до штатного состава и уже в начале мая имели по 14—15 тыс. человек. Количество танков в каждой танковой дивизии достигло 170—185 единиц. Войска группы были усилены одиннадцатью дивизиями, из них пять дивизий (три пехотные и две танковые) сосредоточились против войск Юго-Западного фронта в районе Харькова. Значительно усилен был боевыми самолетами немецкий 4-й воздушный флот. Соотношение сил на Юго-Западном направлении к началу Харьковской операции сложилось не в пользу советских войск. По танкам оно было равным, а в живой силе противник превосходил нас в 1,1 раза, в орудиях и минометах — в 1,3, в самолетах — в 1,6 раза. Лишь в полосе предназначенного для наступления Юго-Западного фронта удалось достичь превосходства над врагом в людях и танках s 1,5—2 раза. По количеству артиллерии и минометов силы примерно были равны. Соотношение сил в воздухе показано в таблице (Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. — Вып. 5. — М.: Воениздат, 1951. — С. 20).

Из 316 бомбардировщиков Юго-Западного фронта в дневное время могли летать только 93 (Пе-2 и Су-2). Остальные самолеты способны были выполнять боевые задачи только в ночное время (223 самолета У-2). Поэтому фактическое превосходство в бомбардировщиках было на стороне противника и составляло 3,3:1.

Южный фронт значительно уступал врагу и в танках, и в артиллерии, и в авиации. В частности, на южном фасе барвенковского выступа гитлеровцы превосходили 57-ю и 9-ю армии по пехоте в 1,3 раза, по танкам — в 4,4, по артиллерии — в 1,7 раза (Там же. — С. 18).

Таким образом, завершение подготовки наступательной операции в районе Харькова совпало по времени с готовившимся крупным наступлением немцев на чугуево-изюмском и барвенковском направлениях.

Первыми утром 12 мая наступление начали советские войска. Сначала оно развивалось успешно. Как это видно из публикуемого доклада (документ № 5), командование Юго-Западного направления доносило в Ставку, что ударные группировки Юго-Западного фронта прорвали оборону 6-й немецкой армии севернее и южнее Харькова, продвинулись из района Волчанска на 25, а от барвенковского выступа — на 50 км, получили свободу действий и что созданы благоприятные условия для включения в наступление Брянского фронта.

№ 5

ДОКЛАД ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
В СТАВКУ ВГК О ПЕРЕХОДЕ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
В НАСТУПЛЕНИЕ НА ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ И СООБРАЖЕНИЯХ

О ДАЛЬНЕЙШЕМ ВЕДЕНИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

15 мая 1942 г.

Выполняя Ваши указания, после тщательно и скрытно проведенной подготовки армии Юго-Западного фронта с утра 12 мая перешли в наступление на харьковском направлении. Переход наших войск в наступление оказался для противника внезапным. На всем фронте было намечено и предпринято наступление, нашим войскам в первый же день наступления удалось прорвать сильно укрепленные рубежи и глубоко вклиниться в расположение противника.

На правом крыле фронта наши войска, наступая на Харьков с востока, разгромили части 79, 294, 297, 71 пд, нанесли значительные потери 3 и 23 тд противника и к исходу 15 мая вышли на фронт: Маслова Пристань, Муром, Пыльная, Веселое, Петровское, Октябрьский, р. Бабка.

Общая ширина фронта прорыва обороны противника достигает 50 км и глубина нашего проникновения — 18—25 км.

Левофланговые армии фронта разгромили в общей сложности до трех [дивизий] противника и, успешно развивая наступление на Харьков с юга и в направлении Красноград, к исходу 15.5 вышли на фронт: х. Коробов, Большая Гомольша, Охочае, Дьячковка, Поповка, Кегичевка, Сахновщина, Юрьевка.

Общая ширина фронта прорыва обороны противника достигает 50 км и глубина нашего проникновения — 25—50 км.

ВВС фронта накануне наступления нанесли авиации противника ряд внезапных ударов на аэродромах Харьков, Красноград и Полтава и этим обеспечили за собой инициативу действий.

Успешный прорыв обороны противника на столь широком фронте (100 км) объясняется, главным образом, четко организованным на поле боя взаимодействием пехоты с артиллерией, танками и авиацией.

Для парирования нашего наступления на Харьков с востока противник выдвинул из Харькова в район Чугуев, Зарожное, Каменная Яруга до двух танковых дивизий (свыше 400 танков) и ударом в направлении Зарожное, Песчаное, Непокрытая оттеснил ударную группировку 38-й армии в исходное положение и *в* настоящее время пытается развить свой успех из района Непокрытая во фланг и тыл 28-й армии. В двухдневных жесточайших боях танковые дивизии противника потеряли свыше 150 танков. Наши потери в танках на этом участке фронта — до 100 единиц.

На других участках фронта наше наступление не встречает большого сопротивления и развивается успешно.

Судя по этим данным, мы приходим к выводу, что до сего времени противник не разгадал замысла нашей операции и свой основной ударный кулак направил на второстепенный участок фронта и этим предоставил свободу действий нашим ударным группировкам.

Для нас теперь совершенно ясно, что противник, сосредоточив в Харьков[е] две полнокровных тд, вероятно готовился к наступлению в направлении Купянск и что нам удалось сорвать это наступление в процессе его подготовки.

Очевидно также, что сейчас противник в районе Харьков не располагает такими силами, чтобы развернуть против нас встречное наступление.

Наши действия на харьковском направлении создают весьма благоприятные условия для намеченного наступления Голикова (Голиков Ф. И. — генерал-лейтенант, командующий войсками Брянского фронта).

Оценивая сложившуюся обстановку, мы приходим к выводу, что, несмотря на большой урон, нанесенный нами танковой группе противника, последняя является серьезной помехой для развития наступления армий правого крыла фронта на Харьков. Без быстрого и решительного разгрома главных сил танковых дивизий противника наша операция может затянуться по времени, что позволит противнику подвозом резервов усилить сопротивление на харьковском направлении.

Для обеспечения успешного выполнения основной задачи фронта мы приняли все зависящие от нас меры.

Для разгрома танковых групп и для непрерывного питания операции у нас не хватает танков, авиации и нескольких стрелковых дивизий. Для успешного завершения операции просим Вас:

в ближайшие дни выделить для усиления правого крыла фронта четыре танковые бригады и две стрелковые дивизии и левого крыла фронта — две стрелковые дивизии;

обязать Голикова к переходу в наступление.

Удовлетворить наши заявки по авиации, боеприпасам и горючему.

С. ТИМОШЕНКО

И. БАГРАМЯН

Н. ХРУЩЕВ

ЦАМО. ф. 220. оп. 226, д. 17, лл. 1—6. Подлинник.

ТАКОЕ развитие событий дало Верховному Главнокомандующему повод, пишет маршал А. М. Василевский, «бросить Генштабу резкий упрек в том, что по нашему настоянию он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию» (Василевский А.М. Дело всей жизни. — С. 191).

В послевоенные годы, когда в наших руках оказались документы немецко-фашистского командования, стало предельно ясно, что в результате наступления войск левого фланга Юго-Западного фронта действительно 6-я немецкая армия Паулюса была поставлена в тяжелое положение. Это вынудило командующего группой армий «Юг» 14 мая просить у главнокомандования сухопутных войск Германии разрешения перебросить из группы «Клейста» три-четыре дивизии, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся на харьковском направлении.

Однако командование Юго-Западного фронта и направления не использовало сложившуюся к исходу дня 14 мая благоприятную обстановку для ввода в сражение подвижной группы 6-й армии — 21-го и 23-го танковых корпусов, имевших в своем составе более 260 танков. Не поздно было исправить положение еще и 15 мая. Если бы предложение командующего 6-й армией генерала Городнянского было утверждено и подвижная группа введена, развитие событий могло бы принять иной оборот и, возможно, запланированный гитлеровцами удар под основание барвенковского выступа не состоялся бы. Во всяком случае, вражеское командование вынуждено было бы значительно ослабить состав группы «Клейста», предназначенной для удара на Барвенково.

Отказ от использования подвижных соединений 14 и 15 мая для наращивания удара стрелковых войск отрицательно повлиял на развитие операции. Наступающие стрелковые войска истощили свои силы, и темп их продвижения резко снизился. Противник за это время успел подтянуть резервы и организовать оборону на тыловых рубежах. На северном участке вводом двух танковых и одной пехотной дивизий он добился превосходства в силах. С 14 мая наши войска утратили инициативу действий на этом направлении и были вынуждены отражать контрудар врага на подступах к железной дороге на шоссе Белгород—Харьков.

Только утром 17 мая командование Юго-Западного фронта решилось ввести в бой 21-й танковый корпус. Но выгод-

ный момент был уже упущен. Противнику удалось стабилизировать фронт и перегруппировать свои силы. В это же утро армейская группа «Клейст», насчитывавшая восемь пехотных, две танковые и одну моторизованную дивизии, перешла в наступление из района Славянск — Краматорск против 9-й армии Южного фронта. Против 57-й армии действовало до пяти пехотных дивизий. Сухопутные войска были поддержаны с воздуха крупными силами авиации 4-го воздушного флота.

Отразить такой мощный удар 9-я и 57-я армии оказались не в состоянии. В известной мере это объяснялось, как уже говорилось, их малочисленностью. Кроме этого, оборона 9-й армии еще до перехода противника в наступление была серьезно ослаблена проведением в период с 7 по 15 мая частной операции с целью овладения сильно укрепленным узлом сопротивления в районе Маяков. Для осуществления этой операции были привлечены значительные силы, в том числе все резервы 9-й армии и 5-й кавалерийский корпус, составлявший резерв командующего войсками Южного фронта. Операция оказалась безуспешной, резервы понесли большие потери и к началу перехода группы «Клейст» в наступление не успели перегруппироваться и занять место в оперативном построении армии для обороны. Немецко-фашистским войскам уже к 10 часам первого дня наступления удалось прорвать оборону 9-й армии и продвинуться на 20 км. Авиация противника разбомбила узел связи армии, управление ее войсками нарушилось. Левофланговые соединения армии начали отходить за Северский Донец, а правофланговые — на Барвенково. Главком направления отстранил генерала Ф. М. Харитонова от командования 9-й армией, возложил эту обязанность на командующего Южным фронтом генерала Р. Я. Малиновского, передал ему свой резерв — 2-й кавалерийский корпус и приказал силами 2-го и 5-го кавалерийских корпусов и 14-й гв. стрелковой дивизии нанести с утра 18 мая контрудар по прервавшемуся противнику и восстановить положение 9-й армии (документ № 6).

ОДНОВРЕМЕННО с этим военный совет направления доложил о сложившейся обстановке Ставке ВГК и просил укрепить Южный фронт резервами (документ № 7).

№ 6

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ШТАБА ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ № 0140/оп
КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНЫМ ФРОНТОМ О МЕРОПРИЯТИЯХ С ЦЕЛЬЮ
ОТРАЖЕНИЯ НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА, ПРЕДПРИНЯТОГО ИМ
НА УЧАСТКЕ 9-й АРМИИ

17 мая 1942 г. 16.00

В целях отражения наступления противника, предпринятого на участке нашей 9-й армии, главком приказал:

1. Передать в оперативное подчинение командующего ЮФ 2-й кавалерийский корпус (38, 62, 70 кд), дислоцирующийся в районе Рождественское, Шатово, Городная, Мечебиловка, Надеждовка. Штакор — Ново-Мечебиловка.

2. Для разгрома группы противника, наступающей на Барвенково с юга, организовать и нанести с рассвета 18.5 контрудар силами 2 кк и 14 гв. сд со средствами усиления с рубежа р. Сухой Торец (Барбалатово, Ивановка) во фланг и тыл прорывающейся группе противника.

Возможно быстрее выдвинуть на р. Сухой Торец отдельные отряды из состава 2 кк для удержания за собой переправ на участке иск. Барвенково, Ивановка. Одновременно стр[елковому] полку 333 сд со средствами усиления прочно удерживать за собой Барвенково, не допуская прорыва танков и мотопехоты противника на север.

3. Разгром группы противника, наступающей из района Славянск против левого фланга 9-й армии, организовать силами 5 кк, 12 и 121 тбр и 333 сд (без одного сп).

4. Не менее одной кд иметь в резерве командующего фронтом в районе Барвенково.

Одновременно немедленно начать переброску в район Барвенково одной сд и одной тбр из состава 37-й армии.

5. Резерв главкома — 343 сд, батальон ПТР и 92 отб сосредоточить распоряжением Юго-Западного фронта в район Изюм, подготовить и занять для прочной обороны рубеж: Семеновка, Мал. Камышевка, Сухая Каменка, Сеничено. Дивизии быть в готовности к нанесению контрударов в направлениях Барвенково и Славянск: 343 сд с придаваемыми средствами усиления с выходом в район Изюма подчинить командующему ЮФ. Использование — с разрешения главкома.

6. Командующему ЮФ принять меры к недопущению распространения противника на сев[ерный] берег р. Сев[ерский] Донец на стыке между 78 сбр и 51 сд.

7. Действия ударных группировок 9-й армии усилить двумя полками ГМЧ.

8. Получение настоящего распоряжения и план контрударов донести.

Начальник штаба ЮЗН
генерал-лейтенант И. БАГРАМЯН
Военный комиссар штаба ЮЗН
бригадный комиссар 3. ИВАНЧЕНКО
Начальник оперативного отдела генерал-майор ВЕТОШНИКОВ
ЦАМО, ф. 220, оп. 226, д. 17, лл. 8—10. Подлинник.

№ 7

ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
В СТАВКУ ВГК О ПЕРЕХОДЕ ПРОТИВНИКА В НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ
9-й АРМИИ ЮЖНОГО ФРОНТА И МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УСИЛЕНИЮ
ПРАВОГО КРЫЛА ЭТОГО ФРОНТА

17 мая 1942 г. 17.30 Ставка. Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

С рассветом 17.5 противник перешел в наступление против обоих флангов 9-й армии Южного фронта. Вероятная цель действия противника — овладеть районом Барвенково, Изюм и попытаться сорвать наше наступление на Харьков с юга.

Первый удар противника, нанесенный при поддержке авиации и более 100—120 танков, части 9-й армии не выдержали, и противнику удалось к 10.00 утра на отдельных участках фронта вклиниться в наше расположение на глубину 5—8 км.

Для отражения наступления противника и последующего его разгрома кроме мероприятий, изложенных в нашем боевом распоряжении № 0140/оп, мы выделили для усиления правого крыла Южного фронта из прибывающих в наше распоряжение танков: Т-34 — 57 и Т-60 — 23 шт., всего 80 танков.

Учитывая исключительную важность сохранения прочного положения войск правого крыла Южного фронта для обеспечения нашего наступления на Харьков, мы просим Вас выделить для усиления правого крыла Южного фронта две стрелковые дивизии, две танковые бригады, одну авиадивизию в составе двух иап и двух полков Ил-2, направить их теперь же в район Изюм.

ТИМОШЕНКО
БАГРАМЯН
ХРУЩЕВ
ЦАМО, д. 220, оп. 226, д. 17, лл. 11 —11 об. Подлинник.

СЛЕДУЕТ отметить, что Ставка оперативно отреагировала на это сообщение, разрешив перебросить на правый фланг Южного фронта с ворошиловградского направления стрелковую дивизию и дополнительно выделила в распоряжение главкома направления из своего резерва две стрелковые дивизии и две танковые бригады. Но прибыть эти соединения в район их будущих боевых действий могли не ранее 20—23 мая.

События же продолжали резко ухудшаться. К исходу дня 17 мая вследствие отхода 9-й армии и продвижения противника на север вдоль реки Северский Донец создалась угроза окружения всей группировки советских войск, действующих в барвенковском выступе. Обстановка требовала прекращения Харьковской операции.

18 мая кризис в полосе обороны 9-й армии продолжал резко обостряться. С утра этого дня Клейст нарастил свой удар. Контрудар по его группе силами 2-го и 5-го кавкорпусов и 14-й гвардейской стрелковой дивизии не состоялся. Ко времени получения приказа о контрударе 5-й кавалерийский корпус уже втянулся в оборонительные бои на широком фронте и сосредоточить силы на одно направление не смог. 2-й кавкорпус опоздал с выходом на исходный рубеж. Соединения 9-й армии продолжали отходить за р. Северский Донец, а основные силы Юго-Западного фронта продолжали наступление на Харьков, что еще больше осложнило обстановку.

В военно-исторической литературе эти события и действия ответственных лиц освещаются противоречиво. В труде «История второй мировой войны 1939—1945» (Т. 5. — С. 130) сказано: «Генеральный штаб еще раз предложил Верховному Главнокомандующему прекратить наступательную операцию под Харьковом, повернуть основные силы барвенковской ударной группировки, ликвидировать прорыв противника и восстановить положение 9-й армии Южного фронта. Однако военный совет Юго-Западного фронта смог убедить И. В. Сталина в том, что опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию». Маршал Г. К. Жуков об этих фактах писал так: «Ссылаясь на эти доклады военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — Т. 2. — Изд. 6-е. — М.: Изд-во АПН, 1985. — С. 257). Примерно в таком же плане события за 18 мая излагает генерал И. Х. Баграмян.

В труде же «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945» (Т. 2. — С. 414) эти события освещаются несколько иначе. В нем сказано: «Военный совет Юго-Западного направления принял решение прекратить дальнейшее наступление на Харьков и, быстро перегруппировав войска, создать сильную группу для отражения контрудара группы «Клейст». Ставка Верховного Главнокомандования не утвердила это отвечавшее обстановке решение и потребовала... силами Юго-Западного фронта продолжать наступление на Харьков, а 9-й и 57-й армиями Южного фронта и имевшимися на этом направлении резервами отразить контрудар противника». Н. С. Хрущев, сказано далее в этом труде, «с решением Ставки не согласился... обратился непосредственно к Верховному Главнокомандующему с предложением немедленно прекратить наступление на Харьков, а основные усилия Юго-Западного фронта сосредоточить для отражения контрудара противника. Но Ставка настаивала на выполнении ранее отданных приказов».

Таким образом, в упомянутых трех первых трудах ответственность за непринятие 18 мая решительных мер, чтобы избежать назревавшей угрозы, возлагается всецело на военный совет Юго-Западного направления, а в последнем труде — на Верховного Главнокомандующего. Следует заметить, что ни в одной из указанных работ нет ссылок на источники. Нельзя не учитывать и то, что 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» создавалась в период, когда Н. С. Хрущев стоял во главе КПСС и Советского правительства.

Перед нами подлинные боевые донесения того времени. В донесении командования Юго-Западного фронта Ставке ВГК о боевых действиях за 18 мая (документ № 8), подписанном и Тимошенко, и Хрущевым, и Баграмяном, ничего не сказано о необходимости прекращения дальнейшего наступления на Харьков.

№ 8

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 0119 В СТАВКУ ВГК О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ФРОНТА ЗА 18 МАЯ 1942 г.

19 мая 1942 г. 00.30

Ставка Верховного Главного Командования. Товарищу Сталину.

1. Войска Юго-Западного фронта с утра 18.5 продолжали наступление, встречая сильное сопротивление противника, переходящего в контратаки на отдельных участках фронта.

Противник контратаками пехоты, танков и усилившимся воздействием авиации сдерживал наступление наших частей. Танковые части и мотопехота противника, прорвавшиеся на участке 9-й армии Южного фронта, вышли к Изюм и угрожают сообщениям 6-й армии.

2. 21-я армия — правым флангом обороняла ранее занимаемые рубежи, левым флангом с 12.00 18.5 перешла в наступление и, встретив сильное огневое сопротивление и контратаку противника силою до пп с группой танков, вела бои на ранее занимаемом рубеже.

В бою в районе выс. 214,6 подбито 8 танков противника.

3. 28-я армия — правым флангом обороняет занимаемый рубеж, левым флангом с утра 18.5 перешла в наступление и к исходу дня вела бои на рубеже: восточные] скаты выс. 205,4, вост[очные] скаты выс. (3 км зап[аднее] Перемогасев[ерная]), рощи 2 км вост[очнее] выс. 214,3, выс. 194,5, Мартыновка.

Авиация противника группами самолетов в течение дня неоднократно производила налеты на боевые порядки частей армии.

4. 38-я армия — с утра 18.5 перейдя в наступление, правым флангом вела бой на рубеже: вост [очные] скаты выс. 199,0, 172,0, «К» (1 км юго-вост[очнее] Песчаное), безым[янная] выс. 2 км вост[очнее] выс. 203,1, отм. 196,3, сев[ерная] часть Большая Бабка. Левым флангом обороняла ранее занимаемые рубежи.

Противник из района Непокрытая, Песчаное, рощи юго-западнее Песчаное оказывал упорное огневое сопротивле-

ние наступающим частям.

5. 6-я армия — во второй половине дня 18.5 перешла в наступление и к исходу дня, отражая сопротивление противника, вела бой на рубеже: сев[ерная] окр[аина[Гайдары, отм. 173,2, 126,8, х. Пожарный, свх. Красный Гигант, южная окр[аина] Рябухино, вост[очная] окр[аина] Княжное, Стулеповка. 23 тк главными силами выведен из боя и находится в движении на Нечебиловка.

Противник сильной противотанковой обороной, контратаками и воздействием авиации оказывал упорное сопротивление наступающим частям.

6. Группа генерал-майора Бобкина — правым флангом продолжала бой за Красноград, на остальном участке фронта оборонялась на достигнутых ранее рубежах.

7. ВВС фронта в течение 18.5 произведено 322 самолето-вылета.

В результате действий авиации уничтожено и подбито: до 20 танков, 26 автомашин, 6 подвод с грузом и 8 орудий противника.

В воздушных боях сбито 7 самолетов противника. Наши потери: не вернулись на свои аэродромы 3 самолета.

С. ТИМОШЕНКО

И. БАГРАМЯН

Н. ХРУЩЕВ

ЦАМО, ф 229, оп. 161, д. 842, лл. 243—245. Подлинник.

Публикацию подготовили генерал-майор С. Ф. БЕГУНОВ; подполковник А. В. ЛИТВИНЧУК, В. А. СУТУЛОВ, сотрудники ЦАМО СССР

(Окончание следует)

СОКРАЩЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В ДОКУМЕНТАХ

ЮЗН — Юго-Западное направление

ЮЗФ — Юго-Западный фронт

ЮФ — Южный фронт

БФ — Брянский фронт

А — армия

мк — механизированный корпус

кк — кавалерийский корпус

гв. кк — гвардейский кавалерийский корпус

мсд — мотострелковая дивизия

сд — стрелковая дивизия

гв. сд — гвардейская стрелковая дивизия

мсбр — мотострелковая бригада

тк — танковый корпус

тбр — танковая бригада

отб — отдельный танковый батальон

ап — артиллерийский полк

аап — армейский артиллерийский полк

кап — корпусной артиллерийский полк

пап — пушечный артиллерийский полк

гап — гаубичный артиллерийский полк

лап — легкий артиллерийский полк

тап — тяжелый артиллерийский полк

гв. мп — гвардейский минометный полк

огвмдн — отдельный гвардейский минометный дивизион

ВВС — Военно-Воздушные Силы

иап — истребительный авиационный полк

ббп — ближнебомбардировочный авиационный полк

ибп — истребительно-бомбардировочный авиационный полк

шап — штурмовой авиационный полк

РГК — резерв Главного Командования

ВПУ — вспомогательный пункт управления

ПТО — противотанковая оборона

ПТР — противотанковое ружье

ПТ и ПП препятствия — противотанковые и противопехотные препятствия

Армгруппа — армейская группа

Штарм — штаб армии

Окончание. Начало см.: Военно-исторический журнал.— 1989. — № 12; 1990. — № 1

БОЛЕЕ ТОГО, Н. С. Хрущев, не ограничившись подписанием указанного донесения, через полтора часа после его отправки адресату приказал своему порученцу полковому комиссару Гапочке (П. И. Гапочка — полковой комиссар для особых поручений при члене военного совета Юго-Западного направления) передать по телеграфу в Ставку свое личное донесение (документ № 9), в котором также ничего не сказал о необходимости принятия решительных мер по отражению удара группы «Клейста». Мы не располагаем записями прямых переговоров главкома и члена военного совета Юго-Западного направления с И. В. Сталиным, которые бы внесли ясность в эти противоречивые суждения. Остается ждать допуска историков к этим записям.

№9
ДОНЕСЕНИЕ ЧЛЕНА ВОЕННОГО СОВЕТА ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В
СТАВКУ ВГК О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК НАПРАВЛЕНИЯ ЗА 18 МАЯ 1942 г.
Москва. Товарищу СТАЛИНУ.
19 мая 1942 г. 02.00

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Войска Юго-Западного фронта с утра 18.5 продолжали наступление, встречая сильное сопротивление противника, переходящего на отдельных участках в контратаки.

Противник, подбросив резервы, контратаками пехоты и танков и воздействием авиации сдерживал наступление наших частей.

21-я армия правым флангом обороняла занимаемые рубежи, левым флангом перешла в наступление, встретив сильное огневое сопротивление и контратаку до пехотного полка с группой танков противника, вела бой на занимаемом рубеже.

В бою подбито 8 танков.

28-я армия левым флангом перешла в наступление. Авиация противника в течение дня неоднократно производила налеты на боевые порядки частей армии.

38-я армия правым флангом перешла в наступление. В течение дня армия имела незначительное продвижение. Левым флангом занимала прежний рубеж.

6-я армия во второй половине дня перешла в наступление и к исходу дня овладела совхозом Красный Гигант, Стулеповкой. Армия отражала контратаки пехоты, поддержанные танками противника.

Группа Бобкина правым флангом продолжала бой за Красноград. 7-я танковая бригада перерезала дорогу Красноград — Полтава. На остальных участках на прежнем рубеже.

ВВС фронта произвели 322 самолето-вылета. Рассеяно и частично уничтожено до 150 человек пехоты. Выведено из строя 20 танков. Разбито: автомашин — 24, подвод — 7, боевых орудий — 8. Подожжен на ж[елезно-]д[орожном] перегоне Харьков — Дергачи один эшелон (50 вагонов).

Сбито в воздушных боях 7 самолетов противника.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Противник перед 9-й армией в первой половине дня 18.5 продолжал наступление в двух направлениях: 1) барвенковском направлении — силами 1-й горнострелковой дивизии, 100-й пехотной дивизии и 14-й танковой дивизии (до 70 танков) потеснил 9-ю армию на север. К 11.00 противник пехотой и танками (30—40) овладел Барвенково[м] и передовыми частями вышел в район совхоз Ильичевка (7 км северо-восточнее Барвенково). 2) славянск-изюмском направлении — силами 101-й пехотной дивизии с 50 танками (16-й танковой дивизии) [в] 14.30 группой автоматчиков и отдельными танками овладел южной частью Изюм[а] (на правом берегу р. Северский Донец), Шпаковкой, Семеновкой и продолжал наступление отдельными группами танков с автоматчиками в северо-западном направлении на Вел. Камышеваху (20 км от Изюма).

Части 9-й армии в течение дня вели бой на северо-западной окраине Барвенкова.

По данным разведавиации, утром 18.5 отмечалось движение до 200 танков и 200 автомашин из района Андреевка на Барвенково.

Авиация противника численностью до 50 самолетов на участке 9-й армии в ночь и с утра 18.5 бомбила переправу через р. Северский Донец, дороги к переправам и линии связи в районе Изюм[а].

Части 9-й армии отходят с боями организованно на новые рубежи.

Передал по ВЧ по поручению т. ХРУЩЕВА
ГАПОЧКА
ЦАМО СССР, ф. 28, оп. 11627. Д. 1162, лл. 14—16. Машинописная копия.

19 МАЯ наступавшая вражеская группировка, нанеся тяжелое поражение 9-й армии Южного фронта, образовала в полосе ее обороны 80-километровую брешь и вышла на основные коммуникации советских войск, находившихся на барвенковском плацдарме. Во второй половине этого дня главком направления маршал С. К. Тимошенко с согласия Ставки приказал прекратить дальнейшее наступление на Харьков и большую часть сил 6-й армии, а также 57-ю армию использовать для ликвидации образовавшегося прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии (документы № 10, 11, 12, 13).

№ 10
ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. М. ВАСИЛЕВСКОГО
С ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕМ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
19 мая 1942 г. 15.35

У аппарата Тимошенко, Хрущев. Здравствуйте. У аппарата Василевский. Здравствуйте, я слушаю.

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. На утро 19.5 ввиду резкого ухудшения положения на фронте 9-й армии Южного фронта и быстрого продвижения (распространения) противника в общем направлении на Изюм численностью пять пд и двух танковых дивизий (14-й и 16-й) с наличием группировки резервов в районе Сталино, Краматорская (по данным развед-

ки), где учитывалась 13 тд, мы решили, не оттягивая времени, взять для удара с целью разгрома группировки противника, распространяющегося на Изюм, все, что только можно, исходя из наших возможностей.

1. На фронте Змиев — Староверовка решаем оставить три сд, две танковые бригады и четыре артполка усиления. Группу Бобкина оставить в полном составе в занимаемых границах, имея в виду по занятию Красноград главные силы кавалерийского корпуса и танковой бригады вывести в резерв [и расположить] в стыке группы Бобкина и оставленных на фронте Городнянского трех сд.

2. Управление этими войсками возложить на генерал-лейтенанта тов. Костенко, подчинив ему для этого управление Бобкина.

3. Управлению 6-й армии во главе с Городнянским взять и подчинить хозяйства Пушкина и Кузьмина (Е. Г. Пушкин ~ генерал-майор танковых войск, командир 23 тк. Е. И. Кузьмин — генерал-майор танковых войск, командир 21 тк), уже вышедшие в известный Вам район, и там же подчинить выводимые из состава 6-й армии три сд, две тбр, 5 кк, оставшиеся в районе Городнянского, и 106 сд 9-й армии, находящуюся в подчинении 5 кк. Таким образом, у Городнянского будет четыре сд, семь тбр, одна мотобригада и шесть артполков усиления. Тов. Подласу подчинить 2 кк, находящийся в нашем резерве, одну тбр из состава 6-й армии и 341 сд 9-й армии, отошедшую на левый фланг Подласа. Создать группировку на левом фланге Подласа для вспомогательного удара правее Городнянского.

4. На участке Сеничено — Студенок у Малиновского в составе 9-й армии собираются 6 сд, 4 тбр и 30 кд из состава 5 кк. Эта группа, действуя левее Городнянского, будет наносить вспомогательный удар.

5. Тов. Подласа мы решили подчинить себе, так как управление и главным образом материальное обеспечение его Малиновскому не представляется возможным, поскольку все это будет идти по пути Городнянского.

6. Прибывающие ваши две сд и две тбр сосредоточить на направлении Волохов Яр — Балаклея, где уже нами сосредоточена одна тбр. Эта группа намечается для удара на запад во взаимодействии с давлением на противника 38 А на Рубежное — Чугуев и группы Костенко со стороны Змиев на переправы на р. Северский Донец. На участке Рябышева и Москаленко продолжать выполнение ранее поставленной задачи. Группе Костенко обороняться на достигнутом к исходу сегодняшнего дня рубеже. Всеми силами и средствами обрушиться на южную группировку противника и разгромить ее. Ударом со стороны Крупянск[а] в направлении Волохов Яр — Андреевка — Змиев вывести левое крыло 38-й армии на линию р. Северский Донец, примкнув флангом группы Костенко в районе Змиев. Этим самым высвободить до пяти сд и три тбр для группы Костенко в направлении Мерефа. Просим немедленно доложить наше решение и просим утвердить его. Мы приступили к разработке, подробный план представим позже. Ответ нужен немедленно для отдачи распоряжений войскам. У нас всё.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Как планируете выполнение этого решения по времени?

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. Сейчас сказать очень трудно, потому что многое зависит от действий противника, возможно, навяжутся бои Пушкину и Кузьмину сегодня, но ориентировочно, если нам будет позволено обстановкой, то начало к исходу 21.5 или утро 22.5. Всё.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Когда мыслите начать вывод Городнянского?

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. От вашего решения все зависит, обстановка требует вывода немедленно.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Хорошо, сейчас иду докладывать. Кстати, поставленный вами вопрос сегодня утром уже обсуждался в Ставке. Провод оставляю за собой и по нему дам ответ после доклада. Всё.

ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 809а. лл. 528—530. Телеграфная лента.

№ 11

ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. М. ВАСИЛЕВСКОГО С ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕМ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

19 мая 1942 г. 15.50

У аппарата Тимошенко, Хрущев.

У аппарата Василевский.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Ставка утвердила Ваше решение и предлагает немедленно приступить к его выполнению. Разработанный план прошу направить шифром. Всё. До свидания.

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. Все понятно, приступеем к выполнению. План будет представлен шифром. До свидания.

ЦАМО, ф. 28. оп. 11627. п. 950, л. 159. Телеграфная лента.

№ 12

БОЕВОЙ ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ № 00320

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 6-Й АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ А.М. ГОРОДНЯНСКОМУ И КОМАНДУЮЩЕМУ АРМЕЙСКОЙ ГРУППОЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ Ф.Я. КОСТЕНКО НА ПРОВЕДЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЦЕЛЬЮ РАЗГРОМА ПРОТИВНИКА НА ИЗЮМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

19 мая 1942 г. 19.00

1. Противник, сдерживая наступление армий Юго-Западного фронта на харьковском направлении, перешел силами пяти пд и двух тд в наступление на изюмском направлении и пытается выйти на тылы и коммуникации 57-й и 6-й армий.

2. С целью разгрома этой группировки противника и обеспечения дальнейшего развития наступления на Харьков

ПРИКАЗЫВАЮ:

Армейской группе Костенко в составе 253, 41, 266, 393 и 270 сд, 57 и 48 тбр, 6 кк, четырех ап РГК и двух ап ПТО с утра 20.5 перейти к обороне на достигнутом рубеже и, прочно удерживая его, обеспечивать 6-ю и 57-ю армии от ударов с харьковского, красноградского и павлоградского направлений. Главные силы 6 кк (две кд, две тбр) вывести в резерв армгруппы в район Ефремовка, Шляховая, Ниж. Орель, в готовности для контрудара в указанных направлениях. Выделить сильный отряд для овладения районом Змиев и захвата переправ на р[еках] Сев[ерский] Донец, Черемушная.

Разгранлиния справа — х. Коробов, Верхний Бишкин, (иск) Кисели.

Слева с 57А — прежняя.

Для управления подчинить себе штаб группы Бобкина и часть штаба 6 А, не нарушая управления 253, 266 и 41 сд.

6 А в составе 337, 47, 103, 248 и 411 сд, 21 и 23 тк, 37 тбр и шести ап РГК,. продолжая частями 23 тк удерживать переправы на р. Берека и 337 и 47 сд — южный берег р. Сев[ерский] Донец, скрытно развернуть к утру 21.5 на рубеже Бол. Андреевка, Петровская главные силы армии и, нанося главный удар правым флангом в направлении Ново-Дмит-

ровка, разгромить во взаимодействии с 9 и 57 А барвенковскую группировку противника.

Правее 57 А тремя сд, 2 кк и одной тбр с фронта Ново-Пригожая, Федоровка наносит удар в обход Барвенкова с юга.

Разгранлиния с ней — Червоный Шпиль, Барвенково, (иск) Очеретино.

Левее 9 А, сдерживая противника на переправах р. Сев[ерский] Донец на участке устье р. Берека, Изюм наносит удар из района Студенок в направлении Курульки 1-й.

Разгранлиния с ней — Стародольск, Изюм, устье р. Берека, Барабашевха.

Севернее 6-й армии группа Шерсткжа в составе четырех сд и трех тбр переходит с утра 22.5 в наступление в направлении Волохов Яр, Чугуев.

Разгранлиния с ней — р. Северский Донец.

4. Материальное обеспечение группы Костенко возлагается на 6 А. Иметь в виду, что подвоз и эвакуация 57-й армии будет производиться в полосе 6 А.

Главнокомандующий ЮЗН
командующий ЮЗФ
Маршал Советского Союза
С. ТИМОШЕНКО
Член военного совета ЮЗН и ЮЗФ
Н. ХРУЩЕВ
Начальник штаба ЮЗН и ЮЗФ
генерал-лейтенант И. БАГРАМЯН
ЦАМО. ф. 220, оп, 226. Д. 17, лл. 22—24. Подлинник.

№ 13
БОЕВОЙ ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
N2 0143/ОП КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ЮЖНОГО ФРОНТА И 57-й АРМИИ
НА НАСТУПЛЕНИЕ С ЗАДАЧЕЙ ОКРУЖИТЬ И УНИЧТОЖИТЬ БАРВЕНКОВСКУЮ
ГРУППИРОВКУ ПРОТИВНИКА
19 мая 1942 г. 19.00

Противник, сдерживая наступление армий Ю[го]-З[ападного] фронта на харьковском направлении, перешел силами пяти пд и двух тд в наступление на изюмском направлении и пытается выйти на тылы и коммуникации 57-й и 6-й армий.

С целью разгрома этой группировки противника и обеспечения дальнейшего развития наступления на Харьков приказываю:

57-й армии в составе 150, 99, 351, 317, 341 сд, 14 гв. сд, одного сп 333 сд, 2-го кав[алерийского] корпус[а] (62, 38 и 70 кд), 38 тбр, трех артполков усиления, прочно удерживая занимаемый рубеж, подготовить удар силами не менее трех сд, 2 кк (трех кд), трех артполков усиления и одной тбр с рубежа Ново-Пригожая, Федоровка в обход Барвенково с юга в общем направлении на Викнино. Задача: во взаимодействии с 6-й и 9-й арми[ями] окружить и уничтожить барвенковскую группировку противника. В дальнейшем иметь в виду частями ударной группы выйти на р. Самара на фронте Никольское, Беззаботовка, Очеретино.

Готовность к наступлению с утра 21 мая 1942 г.

С 12.00 20 мая 1942 г. 57-я армия переходит в мое подчинение.

Правее — армгруппа генерал-лейтенанта Костенко, подчинив себе группу генерала] Бобкина, с утра 20.5.42 переходит к обороне на достигнутом рубеже и прочно удерживает его, обеспечивая удары 6-й и 57-й армий с харьковского и красноград-ского направлений.

Граница с ней прежняя.

Левее — 6-я армия с утра 21.5.42 [находится] в готовности к переходу в наступление с рубежа Бол. Андреевка, Петровская для нанесения главного удара правым флангом в общем направлении Ново-Дмитровка.

Граница с ней — иск. Червоный Шпиль, иск. Барвенково, Викнино, Очеретино.

Материальное обеспечение организовать через переправы и полосу действий 6-й армии из баз и средствами Южного фронта.

Главнокомандующий ЮЗН
командующий ЮЗФ
Маршал Советского Союза
С. ТИМОШЕНКО
Член военного совета ЮЗН и ЮЗФ
Н. ХРУЩЕВ
Начальник штаба ЮЗН и ЮЗФ
генерал-лейтенант И. БАГРАМЯН
ЦАМО. ф. 220. оп. 226. д. 17, лл. 27—29. Подлинник.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ход событий показал, что это решение было принято слишком поздно. Стремительное продвижение танковых и моторизованных соединений группы «Клейста» вдоль правого берега Северского Донца сорвало планомерное сосредоточение войск 6-й армии к участку прорыва и вынудило их вступать в бой разрозненно, без должной артиллерийской и авиационной поддержки (документ № 14). Остановить продвижение врага не удалось.

№ 14
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
№ 00323/ОП В СТАВКУ ВГК О НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК
НАПРАВЛЕНИЯ С 12 МАЯ 1942 г., ПОЛОЖЕНИИ К УТРУ 21 МАЯ 1942 г.
И ПЛАНЕ ДАЛЬНЕЙШИХ ДЕЙСТВИЙ
21 мая 1942 г. 19.00

Наступление армий Ю[го]-З[ападного] ф[ронте] на Харьков по времени совпало с готовившимся крупным наступлением немцев на чугуево-изюмском и барвенковском направлениях.

Наш удар на Харьков с северо-востока вынудил противника отказаться от наступления в направлении Чугуев, Изюм

и повернуть свои основные силы — танковые соединения и авиацию — против правого крыла фронта.

Наступление 6-й армии Ю[го]-З[ападного] ф[ронта] на Харьков с юга развивалось успешно, но, так как 9-я армия Ю[жного] фронта не смогла отразить удара противника на барвенковском направлении, противнику удалось выйти на глубокие тылы 6-й и 57-й армий и нам пришлось приостановить наступление этой армии на Харьков и в условиях незаконченной перегруппировки вступить на р. Берека и р. Бритай во встречное сражение с крупными мотомеханизированными соединениями противника (две-три тд), развивающими удар от Барвенково на северо-запад.

К утру 21.5 обстановка представляется в следующем виде:

1. **Части 21, 28 и 38-й армий** ведут на занимаемых рубежах ожесточенные бои, отражая частые танковые атаки противника при поддержке мощной авиации.

С утра 21.5 установлено скопление войск противника в районе Балаклея.

2. Сильно потрепанные **части 9-й армии,** отошедшие за р. Сев[ерский] Донец, обороняют ее северный берег на фронте Протопоповка, Изюм, Студенок.

Армия частью сил форсировала реку и захватила плацдармы у Изюма и Студенка в готовности к расширению этих плацдармов.

3. **57-я** армия отражала 20.5 на всем занимаемом фронте наступление пяти-шести пд противника.

На левом фланге подверглась атаке 120—150 танков и вынуждена была поспешно разрозненными группами *2* кк и 14 гв. сд отходить за р. Бретань на фронт Стар. Близнецы, Благовещенский, Рождественское.

Армия имеет задачей ударом на север — северо-восток при содействии 6-й армии выйти на соединение с ней.

4. **6-я армия** главными силами — 21 и 23 тк, 103 и 248 сд — к утру 21.5 развертывается на рубеже Краснопавловка, р. Берека и ведет своим левым флангом наступление на восток с целью очищения от противника районов Протопоповка, Волвенково, Марьевка, Петровское. Остальные силы на подходе.

5. **Армгруппа КОСТЕНКО,** подвергаясь частным контратакам, удерживала занимаемые рубежи, имея задачей отойти на рубеж Териновка, Ефремовна, р. Орель, Лиговка, Веселая.

6. **ВВС фронта** основные усилия направляют на уничтожение танков и мотопехоты противника в районах Петровская, Грушеваха, Мечебиловка и к сев[еро]-востоку от Лозовой.

7. Односременно силами подвозимых резервов подготавливаем удар с востока по чугуев-балаклеевской гоуппировке противника.

Ориентировочно начало наступления с утра 23.5.

С. ТИМОШЕНКО

Н. ХРУЩЕВ

И. БАГРАМЯН

ЦАМО. ф. 229. оп. 161, д. 809а, лл. 621—524. Подлинник.

22 МАЯ одновременно с наступлением группы «Клейста» противник нанес удар силами двух танковых дивизий 6-й полевой армии с чугуевского выступа в южном направлении. К исходу дня его наступающие группировки соединились в 10 км южнее Балаклеи. Для советских войск, действовавших на барвенковском плацдарме, пути отхода за Северский Донец оказались отрезанными.

Руководство войсками 6-й и 57-й армий и армейской группы генерала Бобкина, оставшимися в кольце на барвенковском плацдарме, было возложено на заместителя командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко. Эти войска вели героическую борьбу **с** превосходящими силами противника в условиях полного господства в воздухе его авиации, при остром недостатке боеприпасов, горючего и продовольствия.

Командование Юго-Западного фронта предприняло попытку организовать прорыв кольца окружения ударом части сил 38-й армии, но из-за малочисленности войск, выделенных для нанесения этого удара, и слабого его обеспечения авиацией успех оказался незначительным. Из окружения вырвалось всего 22 тыс. бойцов и командиров во главе с членом военного совета Юго-Западного фронта дивизионным комиссаром К. А. Гуровым и начальником штаба 6-й армии генералом А. Г. Батюней.

Оставшиеся в окружении советские воины продолжали сражаться вплоть до 29 мая. В неравных боях героически погибли многие солдаты, командиры и политработники. На поле боя смертью храбрых пали генералы А. Ф. Анисов, Л. В. Бобкин, А. И. Власов, А. М. Городнянский, Ф. Я. Костенко, К. П. Подлас и другие.

Одновременно с ликвидацией барвенковского выступа гитлеровское командование вводом в сражение новых подкреплений усилило удары северо-восточнее Харькова, на волчанском направлении, где ему также удалось окружить часть сил Северной ударной группировки Юго-Западного фронта.

Общие потери войск Юго-Западного направления за период боев под Харьковом, по неполным данным, составили 267 тыс. человек, из них свыше 207 тыс. воинов не смогли вырваться из кольца окружения (документ № 15). Установить хотя бы приблизительно потери вооружения и техники из-за отсутствия документов по ряду соединений и частей не представилось возможным.

Сведения о потерях наших войск, приведенные в публикуемом описании боевых действий 1-й танковой армии Клейста и 6-й полевой армии врага (документ № 16), явно завышены, особенно в части количества попавших в окружение наших стрелковых дивизий, захваченных и уничтоженных танков и сбитых самолетов.

№ 16

ОПИСАНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 1-й НЕМЕЦКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИИ ВЕСНОЙ 1942 г.

Не ранее 5 ноября 1942 г. (Датировка делается по содержанию)

...28 января 1 ТА вела боевые действия в районе прорыве и на фронте по р. Миус уже в качестве армейской группы фон Клейста.

Оборонительные рубежи удерживались в жестоких боях с большими потерями. Снабжение теперь уже двух армий, зачастую с перебоями, обеспечивалось по единственной дороге Днепропетровск — Сталино.

Ждать контрнаступления вновь пополненным дивизиям пришлось до мая. Окружить и уничтожить русских планировалось ударами непосредственно к западу от Донца: армейской группы — с юга и 6-й армии — с севера.

Однако 6-я армия была вынуждена отказаться от своего замысла, так как за несколько дней до начала наступления русские танковые части нанесли удар на Харьков и таким образом сковали 6-ю армию.

Для армейской группы сложилась благоприятная обстановка, так как русские сосредоточили основные усилия в

наступлении на Харьков и тем самым ослабили свой фронт в полосе армейской группы. Поэтому целью наступления стало не только расчленение противника, но и отвлечение его сил от 6-й армии.

17 мая армейская группа перешла в наступление. Уже во второй день части 17 А и 3 тк отбросили противника на правом фланге к Изюму.

На четвертый день было приостановлено успешно развивавшееся в западном направлении наступление с целью отвлечения сил противника от 11 ак и принято дерзкое, важнейшее для исхода сражения решение: развернуть подвижные соединения 3 тк на север, соединиться с 6 А и таким образом уничтожить крупные силы противника в районе южнее Харькова.

На шестой день боевых действий, 22 мая, после перегруппировки 14 и 16 тд, наступавшие северо-западнее излучины Донца, соединились с 6 А в районе Балаклеи, а 60 мпд и 1 гпд в это же время завершили окружение противника. 6 А преследовала противника, отходившего на восток в результате успешного окружения.

Теперь уже и 11 ак удалось в ходе успешного наступления отбросить противника на север. Русские конечно же сосредоточили все силы, чтобы пробиться через узкий коридор 3 тк. 24 мая красные войска в результате непрерывного наступления соединений 6 А и армейской группы фон Клейста были стиснуты на территории 48х27 км. Лишь немногим частям противника удалось с ожесточенными боями вырваться из окружения и избежать полного уничтожения.

26 мая армия доложила об уничтожении главных сил красных. В ходе весеннего сражения под Харьковом была разгромлена самая боеспособная ударная группировка Юго-Западного фронта красных. Главная предпосылка для летних операций была создана.

Главнокомандующий ГА генерал-фельдмаршал фон Бок отметил успехи армии в специальном приказе. Особым признанием успехов командования и соединений подвижных войск, внесших основной вклад в успех операции, явилось присвоение фюрером Дубовых листьев к Рыцарскому кресту командующему 3 тк генералу фон Макензену.

Одна лишь 1 ТА взяла 137 355 пленных, а также захватила или уничтожила 50 танков, 641 орудие, 195 противотанковых и зенитных пушек, 15 самолетов. Всего было разгромлено 22 сд, 7 кд и 15 тбр.

Армейская группа фон Клейста и 6-я армия взяли 215 000 пленных, а также захватили или уничтожили 1812 орудий, 1270 танков. Сбито 542 самолета.

В течение всего этого времени войска Миусского фронта и восточного фронта 17 А, ослабленные в интересах наступления, непоколебимо удерживали свои рубежи и таким образом также внесли существенный вклад в уничтожение противнике в котле южнее Харькова.

ЦАМО. оп. 12479. д. 1188, лл. 5—7. Пер. с нем.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, успешно начатая Харьковская наступательная операция к концу мая закончилась крупной неудачей. Причины, приведшие войска Юго-Западного и Южного фронтов к проигрышу операции, командование направления изложило в публикуемом докладе в Ставку ВГК об итогах операции (документ № 17).

№ 17

ИЗ ДОКЛАДА ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
В СТАВКУ ВГК ПО ИТОГАМ МАЙСКОЙ ОПЕРАЦИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
И АРМИЙ ПРАВОГО КРЫЛА ЮЖНОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 12 ПО 30 МАЯ 1942 г.

Не ранее 30 мая 1942 *г.*(Документ даты не имеет. Датировка делается по содержанию)

Ставка. Верховному Главнокомандующему товарищу СТАЛИНУ.

...VI. Основные причины поражения

1. Хорошо задуманное и организованное наступление на Харьков оказалось не вполне обеспеченным от ударов противника на барвенковском направлении.

Ослабление боевого состава и нарушение намеченного боевого построения обороны 9-й армии, вызванные боями за Маяки и уменьшением ее состава на одну стрелковую дивизию (216 сд), лишило эту армию возможности создать глубоко эшелонированную оборону с наличием достаточных резервов, способных не допустить прорыва фронта.

В первый же день наступления вытянутая почти в одну линию оборона 9-й армии относительно легко была прорвана танковыми соединениями противника. В результате этого части 6-й и 57-й армий и группы Бобкина быстро оказались

отрезанными от своих баз и попали в условия окружения.

Поражение 9-й армии в значительной мере явилось результатом несостоятельности командования этой армии для управления войсками в сложных условиях боя. Разведка всех видов 9-й армии и Южного фронта своевременно не вскрыла готовящегося удара и этим лишила командование возможности принять дополнительные меры для отражения удара противника по 9-й армии.

2. Было очевидно, что без поворота основной массы танковых соединений 6-й армии на восток нельзя избежать назревающей катастрофы. Своевременно не были приняты меры для немедленного поворота 21-го и 23-го танковых корпусов на восток навстречу танковым соединениям противника, стремившимся к захвату переправ через р. Сев[ерский] Донец на участке Савинцы, Петровская. Вместо того чтобы бить противника сразу массированно, вначале был повернут лишь один 23 тк, затем с опозданием на одни сутки — 21 тк с 248 сд.

3. Командование армий и часть командиров корпусов и дивизий со своими штабами оказались несостоятельными руководить войсками в сложных условиях боя. Как правило, руководящий командный состав армий, корпусов и дивизий в ответственные моменты операций и боя не руководил соединениями войск, а разъезжал по подразделениям. Так происходило в группе генерала Костенко и 6-й армии в период полуокружения и окружения, когда командующий армией уезжал в одну дивизию, член военного совета — в другую, а начальник штаба — в третью.

Примерно этому же порядку следовало командование корпусов и дивизий.

Таким образом, централизованное управление целыми соединениями терялось и этим срывались намеченные действия. Нужно учесть, что все это происходило в самый напряженный момент обстановки, когда требовалось приложить максимум усилий по нацеливанию частей армий на выход из окружения и организации взаимодействия между родами войск на поле боя.

Такое самоустранение от руководства войсками армий в целом окончательно приводило к потере управления войсками и порождало стихийность в боевых действиях на поле боя. Это одна из основных причин поражения 9, 6 и 57-й армий.

4. Большую роль в поражении наших войск в этой операции сыграла авиация противника, которая со второго дня нашего наступления завоевала господство в воздухе и непрерывными ударами большого количества самолетов по войскам наносила поражение, приковывала к земле и лишала их маневра на поле боя.

Особенно убедительными оказались действия авиации противника по нашим войскам, оказавшимся в окружении. Непрерывные воздушные атаки противника крайне затрудняли перегруппировку войск для удара на восток, нарушали управление войсками и, расстраивая боевые порядки, срывали действия войск по выходу из окружения.

ВВС фронта, невзирая на стремление массировать свои действия на важнейших направлениях, все-таки из-за значительного количественного превосходства авиации противника не обеспечивали действия своих войск...

Главнокомандующий войсками ЮЗН
Маршал Советского Союза
С. К. ТИМОШЕНКО
Член военного совета ЮЗН
Н. С. ХРУЩЕВ
Начальник штаба ЮЗН генерал-лейтенант И. Х. БАГРАМЯН
ЦАМО, ф. 251. оп. 646, д. 145, лл. 238. 266—269. Копия.

АНАЛИЗИРУЯ содержание этого донесения, нетрудно заметить, что командование направления поступило не самокритично и не искренне, возложив основную ответственность за провал операции на командующих Южным фронтом и 9-й армией, якобы допустивших ослабление боевого состава и нарушение намеченного боевого построения обороны 9-й армии, а также на руководящий состав армий, корпусов и дивизий, будто бы оказавшийся не состоятельным руководить войсками в сложных условиях боя. Справедливости ради следует заметить, что уменьшение состава 9-й армии на одну дивизию (216 сд) командованием Южного фронта произведено, во-первых, вынужденно, крайне необходимо было усилить 18-ю армию, и во-вторых, по личному указанию начальника штаба ЮЗН генерала Баграмяна, который приказал в составе 57-й и 9-й армий оставить девять (из двенадцати) стрелковых дивизий и создать сильные резервы на ворошиловградском направлении. Это убедительно показано в докладе командования Южного фронта начальнику Генерального штаба и в копии главкому направления о прорыве противником оборонительной полосы 9-й армии (документ № 18).

№ 18
ИЗ ДОКЛАДА КОМАНДОВАНИЯ ЮЖНОГО ФРОНТА НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ И В КОПИИ ГЛАВКОМУ ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С. К. ТИМОШЕНКО О ПРОРЫВЕ ПРОТИВНИКОМ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ПОЛОСЫ 9-й АРМИИ ЮЖНОГО ФРОНТА 17—20 МАЯ 1942 г.
7 июня 1942 г.

ЗАДАЧА АРМИЙ ЮЖНОГО ФРОНТА

При личном вызове военного совета фронта (генерал-лейтенанта Малиновского, членов военного совета т. Корнийца, генерал-майора Вершинина и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Антонова) к главкому ЮЗН маршалу тов. Тимошенко 6.4.42 г. был получен приказ главкома: Южному фронту прочно закрепиться на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым крылом наступление войск ЮЗФ на харьковском направлении и левым крылом прочно прикрыть ворошиловградское и ростовское направления.

С 14.4 устанавливалась новая разграничительная линия между ЮЗФ и ЮФ, согласно которой правый фланг ЮФ протягивался до Цередаровки (7 км с.-з. Лозовая).

За счет правого крыла ЮФ выделялось на усиление ЮЗФ восемь артполков усиления, три тбр, одна сбр и в резерв главкома одна сбр.

По личному указанию начальника штаба ЮЗН генерал-лейтенанта Баграмяна в составе 57 и 9 А следовало оставить девять сд и создать сильные резервы на ворошиловградском направлении.

ГРУППИРОВКА АРМИЙ ПРАВОГО КРЫЛА И РЕЗЕРВОВ ФРОНТА

В соответствии с поставленной задачей была произведена перегруппировка по директиве фронта № 00177 от 6.4,

причем для прикрытия изюм-барвенковского направления было оставлено в составе 57-й и 9-й армий двенадцать сд и одна сбр. 57 А в составе 99, 317, 150, 351 сд, 14 гв. сд, отб, 476 тап, 558 и 754 лап с двумя батальонами ПТР имела задачу оборонять рубеж Цередаровка, Криштоповка, Ново-Павловка, Мал. Раздол, выделив в арм[ейский] резерв одну сд.

Общая ширина фронта армии — 80 км, плотность в среднем на одну сд — 16—20 км.

К этому времени численный состав дивизий был в среднем от 6 тыс. до 7 тыс. чел[овек].

9 А в составе 341, 106, 216, 349, 335, 51, 333 сд, 78 сбр, 121, 15 тбр, 4 гв. тап, 437, 229 тап, 186 и 685 лап с двумя батальонами ПТР имела задачу оборонять рубеж Ново-Бахметьево, Громовая Балка, Ново-Яковлевка, Кантемироака, Красноармейск, Глубокая Макатыха, Щурово, Брусовка, прочно прикрывая район Барвенково и направления на Изюм и Красный Лиман со стороны Славянска. Одну сд и две тбр иметь в арм[ейском] резерва в районе Барвенково. В дальнейшем вывести дополнительно в арм[ейский] резерв в район Ивановский еще одну сд.

Общая ширина фронта армии — 90 км, плотность в среднем на одну сд — 15—18 км.

К этому времени численный состав дивизий был в среднем от 5 тыс. до 6 тыс. чел[овек].

Резервы фронта:

5 кк с 12 тбр — в районе Бражовка, Курулька, Голая Долина; 255 сд и 2 тбр — Ворошиловград; 347 сд и 4 гв. тбр — Ровеньки.

От всех командармов и командиров сд требовалось создать прочную оборону, развитую в глубину, с продуманной системой огня ПТО, с максимальным развитием оборонительных сооружений, противотанковых и противопехотных препятствий и широким приспособлением к обороне населенных пунктов.

К 17.4 в 9 А 216 сд была выведена в арм[ейский] резерв в район восточнее Барвенково.

К этому времени распоряжением Ставки 15 гв. сд из состава 18 А была отправлена в МВО для развертывания ее в корпус.

В результате этого в 18 А на фронте 80 км оставалось только три сд и то неполного состава.

255 сд, выведенная в район Ворошиловград! а], еще не была доукомплектована и имела в своем составе 5424 чел[овека].

Требовалось немедленно усилить 18 А, чтобы достигнуть прочного обеспечения ворошиловг радского направления. С этой целью на усиление 18 А была переброшена из 9 А 216 сд...

Командующий фронтом
генерал-лейтенант МАЛИНОВСКИЙ
Член военного совета
дивизионный комиссар ЛАРИН
Начальник штаба Южфронта генерал-лейтенант АНТОНОВ
ЦАМО, ф. 251. оп. 646, д. 189, лл. 2—4. 23. Подлинник.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ТОГО, что авиация противника вывела из строя технические средства связи, централизованное управление войсками стало невозможным. Такое положение вынудило руководящий командный состав в целях управления подчиненными войсками постоянно выезжать в соединения (части). Это явилось одной из основных причин быстрой гибели всех командармов, большинства членов военных советов и начальников штабов армий, командиров корпусов и дивизий. Они героически сражались в окружении, честно и добросовестно выполнили свой долг перед Родиной, сложив свои головы на поле боя. Обвинять их в неумении руководить войсками является не чем иным, как проявлением кощунства со стороны командования направления, которое, допустив грубейшие ошибки при подготовке и ведении операции, поставило войска в тяжелейшие условия.

По нашему мнению, самой существенной, даже решающей причиной неудачи был недостаток сил и средств для успешного осуществления наступления на Харьков и поэтому проводить его было нецелесообразно. Ведь не случайно Генеральный штаб дважды пытался убедить Верховного Главнокомандующего отказаться от этой операции. Именно из-за крайнего недостатка сил не удалось и достаточно надежно обеспечить фланги южной группировки Юго-Западного фронта, наступавшей из барвенковского выступа в обход Харькова с юга.

Когда немцы сами перешли в наступление, прорвали оборону 9-й армии Южного фронта и стали выходить в тыл войскам 6-й армии и армейской группы генерала Бобкина, наступавшим на Харьков, командование направления не приняло своевременных мер к тому, чтобы прекратить наступление и разгромить прорвавшуюся вражескую группировку.

Другие ошибки и недочеты, допущенные как при подготовке операции, так и при ее осуществлении, уже рассматривались на страницах нашего журнала (№ 10, 1987 г.). Здесь подчеркнем лишь, что имели место и недочеты в ведении разведки. В частности, разведка не сумела вскрыть подготовку немецко-фашистским командованием ударе с юга во фланг и тыл войск Юго-Западного фронта. Были недооценены силы противника и его возможности маневрировать ими в ходе отражения наших ударов. Не всегда четким было управление войсками. Командование и штаб направления в недостаточной степени осуществляли контроль за деятельностью командования Южного фронта.

Какова же была реакция Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина на провал наступления под Харьковом?

Ставка ВГК поставила в конце мая перед войсками Юго-Западного фронта задачу перейти к обороне на занимаемых рубежах, прочно закрепиться на них силами 21, 28, 38-й армий, в также остатками 9-й и не допустить развития наступления противника на восток. Чтобы решить эту задачу, фронт после понесенных потерь нуждался в подкреплении резервами центра. С просьбой о помощи С. К. Тимошенко направил в Ставку Н. С. Хрущева и И. Х. Баграмяна.

И. Х. Баграмян вспоминает, как волновался он в связи с предстоящей встречей с Верховным Главнокомандующим, полагая, что всю тяжесть ответственности за неудачу операции Сталин возложит на командование войсками направления. Однако Сталин принял Хрущева и Баграмяна незамедлительно, внимательно выслушал и обсудил с ними сложившееся на южном крыле советско-германского фронта тяжелое положение. При этом он был спокоен, сдержан и даже не сделал упрека за допущенные ошибки. По-видимому, считал виновным за неудачу и себя.

Учитывая важность направления, обороняемого Юго-Западным фронтом, Ставка усилила его семью стрелковыми дивизиями, двумя танковыми корпусами и четырьмя танковыми бригадами. Но даже с учетом этих сил противник сохранял примерно полуторное превосходство над войсками фронта. Особенно внушительным продолжало оставаться его превосходство в авиации.

Как выяснилось впоследствии, немецкое командование еще в последние дни мая приступило к подготовке двух

частных операций, проведением которых намечало создать благоприятные условия для развертывания генерального наступления на южном крыле советско-германского фронта. 10 июня ударные группировки противника атаковали 28-ю армию в районе Волчанска и правый фланг 38-й армии из-под Чугуева. Враг стремился уничтожить главные силы 28-й армии в междуречье Северского Донца и Большого Бурлака. Не выдержав удара превосходящих сил, наши армии начали отходить на восток. 14 июня контрударом двух свежих танковых корпусов и двух стрелковых дивизий гитлеровцев удалось остановить в 35 км от Волчанска. Так закончилась их первая операция под названием «Вильгельм».

21 июня Ставка ВГК решила Юго-Западное направление как командную инстанцию ликвидировать. Штаб направления подлежал расформированию. С. К. Тимошенко стал командовать только Юго-Западным фронтом, И. Х. Баграмян остался начальником штаба этого фронта. Юго-Западный и Южный фронты поступили в непосредственное подчинение Ставки.

Гитлеровское командование, осуществив необходимую перегруппировку сил, 22 июня начало вторую операцию под кодовым наименованием «Фридерикус II». Главный удар противник наносил из района Чугуева на Купянск, а вспомогательный — из района Балаклеи на Изюм. Стремясь избежать излишних потерь в войсках, С. К. Тимошенко решил отвести 38-ю и 9-ю армии за реку Оскол, где они к 26 июня закрепились и остановили продвижение врага.

Достигнув своей цели в полосе Юго-Западного фронта, немцы приступили к переброске танковых и моторизованных дивизий 1-й танковой армии генерала Клейста в Донбасс для подготовки наступления против войск Южного фронта на ростовском направлении. На этом, по существу, закончился первый этап весенне-летней кампании противника на Юго-Западном направлении, который привел к оставлению Советской Армией сравнительно незначительной по размерам, но весьма важной в оперативно-стратегическом отношении территории и к большим людским и материальным потерям.

Тогда-то и последовало директивное письмо И. В. Сталина (документ № 19) с кратким подведением результатов действий войск Юго-Западного фронта и определением ответственности его руководящих лиц. Наиболее строго Верховный наказал за неудачи начальника штаба фронта генерала И. Х. Баграмяна. Основные виновники провала операции — командующий войсками фронта маршал С. К. Тимошенко и член военного совета Н. С. Хрущев — отделались получением строгих предупреждений. Почему Сталин принял такое решение, комментировать не станем, надеясь, что читатель разберется в этом сам.

№ 19

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО И. В. СТАЛИНА ВОЕННОМУ СОВЕТУ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА С ОЦЕНКОЙ КОМАНДОВАНИЯ ФРОНТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ХАРЬКОВСКОЙ ОПЕРАЦИИ И О ДАЛЬНЕЙШИХ ЗАДАЧАХ ВОЙСК ФРОНТА

26 июня 1942 г.

Мы здесь в Москве, члены Комитета Обороны и люди из Генштаба, решили снять с поста начальника штаба Юго-Западного фронта тов. Баграмяна. Тов. Баграмян не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку даже и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18—20 дивизий.

Это катастрофа, которая по своим пагубным результатам равносильна катастрофе с Ренненкампфом и Самсоновым в Восточной Пруссии. После всего случившегося тов. Баграмян мог бы при желании извлечь урок и научиться чему-либо. К сожалению, этого пока не видно. Теперь, как и до катастрофы, связь штаба с армиями остается неудовлетворительной, информация недоброкачественная, приказы даются армиям с запозданием, отвод частей происходит также с опозданием, в результате чего наши полки и дивизии попадают в окружение теперь так же, как и две недели тому назад.

Я считаю, что с этим надо покончить. Правда, Вы очень сочувствуете и высоко цените т. Баграмяна. Я думаю, однако, что Вы здесь ошибаетесь, как и во многом другом.

Направляем к Вам временно в качестве начальника штаба заместителя начальника Генштаба тов. Бодина, который знает Ваш фронт и может оказать большую услугу.

Тов. Баграмян назначается начальником штаба 28-й армии. Если тов. Баграмян покажет себя с хорошей стороны в качестве начальника штаба армии, то я поставлю вопрос о том, чтобы дать ему потом возможность двигаться дальше.

Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов военного совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущева. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе — с потерей 18—20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто. Поэтому Вы должны учесть допущенные Вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места.

Главная задача фронта на сегодняшний день состоит в том, чтобы прочно удерживать в своих руках восточный берег р. Оскол и северный берег р. [Северский] Донец, удерживать во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило. За целость и сохранность всех наших позиций на восточном берегу Оскола, на северном берегу [Северского] Донца и на других участках фронта будете отвечать все вы, члены Военного совета, своей головой.

Мы решили оказать Вам помощь и дать Вам шесть истребительных бригад (без дивизионных управлений), один танковый корпус, два полка РС, несколько полков противотанковой артиллерии, 800 противотанковых ружей.

Стрелковых дивизий не можем дать, так как нет у нас готовых к бою.

Желаю Вам успеха,

И. СТАЛИН

ЦАМО, ф. 3, ОП. 11556. д. 8. лл. 212-214. Копия.

Публикацию подготовили генерал-майор С. Ф. БЕГУНОВ
подполковник А. В. ЛИТВИНЧУК, В. А. СУТУЛОВ, сотрудники ЦАМО СССР

ВИЖ №1 1990

О деле Блюхера

(Название статьи дано мной-Ю.З.)

Совершенно секретно

ПРИКАЗ

народного комиссара обороны Союза ССР № 0040

4 сентября 1938 г. г. Москва

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием Председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского.

Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена военного совета КДфронта (Краснознаменного Дальневосточного фронта. Так в документе) тов. Мазепова, пришел к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КДфронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии КДфронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, сбережение и учет мобилизационных и неприкосновенных запасов, как фронтовых складов, так и в войсковых частях, оказалось в хаотическом состоянии.

Ко всему этому обнаружено, что важнейшие директивы Главного военного совета и народного комиссара обороны командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери — 408 чел[овек] убитыми и 2807 чел[овек] ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев.

Количество наших войск, участие в операциях наших авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери в боях могли бы быть намного меньшими.

И только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик — 40%, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев тов. Штерна и правильному руководству тов. Рычагова действиями нашей авиации.

Таким образом, основная задача, поставленная Правительством и Главным военным советом войскам КДфронта — обеспечить на Д[альнем] В[остоке] полную и постоянную мобилизационную и боевую готовность войск фронта, — оказалась невыполненной.

3. Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы.

Главный военный совет, зная об этих фактах, еще в мае с. г. своим постановлением (протокол № 8) категорически запретил разбазаривать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал возвращения в части к 1 июля с. г. всех бойцов, находящихся в таких откомандировках. Несмотря на это, командование фронта ничего не сделало для возвращения в свои части бойцов и командиров, и в частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе. В результате этого в период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из разных подразделений и отдельных бойцов части, допуская вредную организационную импровизацию, создавая невозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск;

б) войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальник управления фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются. Во многих случаях целые арт[иллерийские] батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий;

в) все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях Д[альнего] В[остока], изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск. Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

4. Виновными в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КДфронта, и в первую очередь — командующий КДФ маршал Блюхер.

Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации последствий вредительства и боевой подготовки КДфронта и правдиво информировать наркома и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта, т. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28—31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск КДФ и

утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск КДфронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под флагом особой бдительности он оставлял вопреки указаниям Главного военного совета и наркома незамещенными сотни должностей командиров и начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников, не способными к выполнению своих задач. Такое положение т. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам КДфронта.

5. Руководство командующего КДфронтом маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. Все его поведение за время, предшествующее боевым действиям, и во время самих боев явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемицу, получив еще 22 июля директиву народного комиссара обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, — тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. В тайне от члена военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. наркома обороны т. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» нашими пограничниками Маньчжурской границы **на 3 метра** и, следовательно, **«установила»** нашу **«виновность»** в возникновении конфликта на оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами Маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других «виновников в провоцировании конфликта» с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также в тайне от перечисленных выше товарищей.

Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов наркома т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с. г., при разговоре по прямому проводу тт. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером, тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: «Скажите, т. Блюхер, честно, — есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, — я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедля».

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определенных задач и полномочий. Лишь после неоднократных указаний Правительства и народного комиссара обороны о прекращении преступной неразберихи и устранении дезорганизации в управлении войсками и только после того, как нарком назначил тов. Штерна командиром корпуса, действующего у озера Хасан, специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался под предлогом опасения поражений корейского населения, только после приказания т. Блюхеру выехать на место событий т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом более чем странном руководстве он не ставит войскам ясных задач на уничтожение противника, мешает боевой работе подчиненных ему командиров, в частности командование 1-й армии фактически отстраняется от руководства своими войсками без всяких к тому оснований; дезорганизует работу фронтового управления и тормозит разгром находящихся на нашей территории японских войск. Вместе с тем т. Блюхер, выехав к месту событий, всячески уклоняется от установления непрерывной связи с Москвой, несмотря на бесконечные вызовы его по прямому проводу народным комиссаром обороны. Целых трое суток при наличии нормально работающей телеграфной связи нельзя было добиться разговора с т. Блюхером.

Вся эта оперативная «деятельность» маршала Блюхера была завершена отдачей им 10 августа приказа о призыве в 1-ю армию 12 возрастов. Этот незаконный акт явился тем непонятней, что Главный военный совет в мае с. г., с участием т. Блюхера и по его же предложению, решил призвать в военное время на Дальнем] В[остоке] всего лишь 6 возрастов. Этот приказ т. Блюхера провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедля отменен наркомом.

На основании указаний Главного военного совета

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В целях скорейшей ликвидации всех выявленных крупных недочетов в боевой подготовке и состоянии войсковых частей КДФ, замены негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении командования и улучшения условий руководства, в смысле приближения его к войсковым частям, а также усиления мероприятий по оборонной подготовке Дальневосточного театра в целом, — управление Дальневосточного Краснознаменного фронта расформировать.

2. Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного военного совета РККА.

3. Создать из войск Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознаменную армию в составе войск согласно приложению № 1, подчинив военному совету 1-й армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление армии дислоцировать — г. Ворошилов. В состав армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й армией — по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознаменную армию в составе войск согласно приложению № 2, подчинив военному совету 2-й армии в оперативном отношении Амурскую Краснознаменную флотилию.

Управление армии дислоцировать — г. Хабаровск. В состав армии включить Нижне-Амурскую, Хабаровскую, Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую области, Еврейскую автономную область, Корякский, Чукотский национальные округа;

в) личный состав расформировываемого фронтового управления обратить на укомплектование управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий.

4. Утвердить:

а) Командующим 1-й Отдельной Краснознаменной армией — комкора тов. Штерна Г. М., членом военного совета армии — дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба — комбрига тов. Попова М. М.;

б) командующим 2-й Отдельной Краснознаменной армией — комкора тов. Конева И. С, членом военного совета армии — бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И., начальником штаба — комбрига тов. Мельника К. С.

5. Вновь назначенным командующим армиями сформировать управления армий по прилагаемому проекту штатов №...

6. До прибытия в Хабаровск командующего 2-й Отдельной Краснознаменной армией комкора тов. Конева И. С. во временное командование вступить комдиву тов. Романовскому.

7. К формированию армий приступить немедленно и закончить к 15 сентября 1938 года.

8. Начальнику управления по комначсоставу РККА личный состав расформировываемого управления Дальневосточного Краснознаменного фронта использовать для укомплектования управлений 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий.

9. Начальнику Генерального штаба дать соответствующее указание командующим 1-й и 2-й армиями о распределении между армиями складов, баз и проч[его] фронт [ового] имущества. Иметь в виду при этом возможность использования начальников родов войск РККА и их представителей, находящихся в данное время на Дальнем Востоке, для быстрого выполнения этой работы.

10. Военному совету 2-й Отдельной Краснознаменной армии к 1 октября с. г. восстановить управления 18-го и 20-го стрелковых корпусов с дислокацией: 18 ск — Куйбышевка и 20 ск — Биробиджан.

На восстановление этих корпусных управлений обратить расформировываемые управления Хабаровской оперативной группы и 2-й армии КДфронта.

11. Военным советам 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий:

а) немедля приступить к наведению порядка в войсках и обеспечить в кратчайший срок их полную мобилизационную готовность, о принятых мероприятиях и проведении их в жизнь военным советам армий доносить народному комиссару обороны один раз в пятидневку;

б) обеспечить полное выполнение приказов народного комиссара обороны №№ 071 и 0165 — 1938 г. О ходе выполнения этих приказов доносить через каждые три дня, начиная с 7 сентября 1938 г.;

в) категорически запрещается растаскивание бойцов, командиров и политработников на различного вида работы.

В случаях крайней необходимости военным советам армий разрешается, только с утверждения народного комиссара обороны, привлекать к работам войсковые части, при условии использования их только организованно, чтобы на работах были целые подразделения во главе со своими командирами, политработниками, сохраняя всегда полную их боевую готовность, для чего подразделения должны своевременно сменяться другими.

12. О ходе формирования управлений командующим 1-й и 2-й Отдельными Краснознаменными армиями доносить мне по телеграфу шифром 8, 12 и 15 сентября.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ
Начальник Генерального штаба РККА
командарм 1 ранга
ШАПОШНИКОВ

«Уральский следопыт», № 6, 2001
Иван ПЛОТНИКОВ, Екатеринбург

Маршал Блюхер: правда и около нее

Статья печатается в сокращении.

В.К. Блюхер. На фотографии надпись рукой В.К. Блюхера: «Яше Суворову на память долгой дружбы и походов. 9.11 - 19 г. Б. Сосновка. Блюхер»

Блюхеры из Барщинки

О происхождении, дате рождения и, разумеется, необычной фамилии Блюхера далеко не все известно не только широкому читателю, но и составителям энциклопедических изданий, даже некоторым его родственникам. Например, вдова Блюхера — Глафира Лукинична в публикациях указывала неточную дату рождения по старому стилю — 18 ноября 1890 года. Прежде, а подчас и поныне годом рождения полководца называют и 1889-й. Дочь Зоя в недавней телепередаче «Большие родители» (24 декабря 2000 года) указала, что настоящая фамилия предков отца — Медведевы. Выясним эти вопросы.

Согласно сохранившимся церковным записям, Василий Константинович Блюхер родился 19 ноября (по старому стилю) 1890 года в деревне Барщинка Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Крещен был 4 декабря того же года в церкви села Георгиевское-Роменье. Родители: отец — Константин Павлович Блюхер, мать — Анна Васильевна Блюхер (урожденная Медведева). Оба — крестьяне, православные. Уже из этой записи видно, что фамилию Медведева носила в девичестве мать Василия Константиновича. Отец же его и, очевидно, дед владели фамилией Блюхер. В Барщинке, состоявшей из 16 дворов, половина семей носила эту экзотическую для русской деревенской глубинки фамилию, причем одни относились, по крестьянской терминологии, к «горячим» (более состоятельным), другие — к «холодным» (бедным) ее жителям. Семья Василия Константиновича относилась к последним.

Известно, что предок В.К. Блюхера — прапрадед Лаврентий Феоклистович, выделявшийся среди односельчан, имел награду за подвиги в Отечественной войне с Наполеоном. По преданию это была медаль «За участие в Лейпцигской битве». По одной из версий, «Блюхером» Лаврентия прозвал, увидев награды на его груди, владелец Барщинки помещик Кожин, по другим — сами крестьяне, наслышанные о прусском генерал-фельдмаршале Г.Л. Блюхере. Он особо отличился в Лейпцигском сражении 1813 года. Таковы истоки и обстоятельства появления русского крестьянина Блюхера.

Изменение года рождения Василия с 1890 на 1889 было связано с его отправкой родителями на заработки в Петербург — «старшинство» давало больше шансов при найме. Ко времени отъезда в город Блюхер окончил церковно-приходскую школу. Иного официального образования у него не было. В 1916 году он некоторое время состоял слушателем Народного университета им. А.Л. Шанявского, намеревался официально оформить поступление в него, но так этого и не сделал. Всю жизнь Блюхер занимался самообразованием, постиг многое, особенно в военной области.

Георгиевская медаль

Трудовая биография Блюхера в бытность его подростком и юношей была очень разнообразной — от «мальчика» в магазине до слесаря. Жил и работал в разных городах — Петербурге, Москве, Мытищах.

В феврале 1910 года за революционную деятельность, а именно — за попытку выступить с речью перед толпой и призыв к забастовке — он был арестован и отбывал тюремное заключение в течение двух лет и восьми месяцев. С августа 1914 года Блюхер в армии, а с ноября того же года — на фронте в составе 3-й роты 19-го Костромского полка 5-й пехотной дивизии 8-й армии, действовавшей на Юго-Западном фронте. Армией в то время командовал генерал А.А. Брусилов. Блюхер, несмотря на причастность к большевистскому бунтарству, оказался настоящим солдатом, воевал отважно, отличался бесстрашием в боях. Через полтора месяца участия в боях он был ранен. Ранение оказалось тяжелейшим — множеством осколков от снаряда (отсюда — ошибочная версия о его многократных ранениях в разное время). Едва выжил. Всю жизнь страдал от болей в тазобедренной области, в ноге. Выписался из госпиталя лишь в марте 1916 года. В связи со службой Блюхера в Русской армии (это ее официальное название) сложилось немало легенд, переходящих из одного литературного издания в другое, в реальность которых уверовали и его родственники. Считается, что он был унтер-офицером или младшим унтер-офицером и многократно награжден Георгиевскими медалями и крестами. Документы же свидетельствуют, что он был рядовым солдатом и награжден куда скромнее. Как инвалид он был уволен «врачебной комиссией Главного Московского военного госпиталя имени Императора Петра I в первобытное состояние (в запас. — Авт.) с пенсией первого разряда». И был награжден только однажды и тоже как солдат (так значится в документе) одной Георгиевской медалью (за № 313935).

При возобновлении им в августе 1917 года воинской службы в запасном полку, по предъявленным документам, он был зачислен опять же рядовым солдатом. Сохранившиеся его снимки той поры в военной форме свидетельствуют о том же: погоны на плечах без единой нашивки, а на груди — лишь одна медаль. Главным источником и доказательством «многонагражденности» Блюхера послужило его выступление перед писателями в Москве в середине 30-х годов. Запись выступления гласит: «С большим трудом и только благодаря наличию Георгиевских крестов и медалей мне удалось попасть... в 102-й запасной полк». (Блюхер В.К. Статьи и речи. М., 1963. С. 4). Но не исключено, что он сказал как-то иначе.

На дутовском фронте

Солдат-инвалид, уволенный из армии, некоторое время работал в мануфактурном магазине в Москве, затем рабочим в поволжских городах, в основном в Казани, на механическом заводе Остермана. Здесь в июне 1916 года вступил в партию большевиков. Вскоре после переезда в Самару, он, уже заметный партиец, участвовавший в агитационной работе среди солдат, снова вступил в армию — в 102-й запасной полк. Блюхера, как пропагандиста и организатора солдатских масс, пестовали видные коммунисты — В.В. Куйбышев и А.А. Масленников, их окружение. Блюхер избирается в городской совет и военно-революционный комитет Самары.

На Урал, в Челябинск, он прибыл 20 ноября 1917 года в составе отряда, призванного помочь местным красногвардейцам в борьбе с войсками атамана А.И. Дутова, отстаивавшими в крае демократическую власть. Он был тогда комиссаром, но не всего отряда, как часто указывается в литературе, а лишь одного из его подразделений — артиллерийской батареи. Самарский отряд с присоединившимися к нему в Уфе красногвардейцами, оказался основной боевой силой большевистской власти в Челябинске. Поэтому здесь стали доминировать комиссары-большевики из Самары. Над местным советом, возглавляемым Е.Л. Елькиным, встал Военно-революционный комитет под председательством комиссара отряда А.П. Галактионова. Блюхера избрали членом Челябинского ВРК, действовавшего в обширном районе Южного Урала и подчинявшегося большевистским властям Уральской области с центром в Екатеринбурге. 30 ноября принимается решение ВРК о создании «Штаба Главноначальствующего всеми вооруженными силами города» во главе с Главноначальствующим бывшим капитаном В.К. Садлуцким и начальником штаба «членом военно-революционного комитета солдатом В.К. Блюхером». Блюхер становится первым лицом в этом революционном органе с беспартийным еще тогда офицером Садлуцким во главе. Блюхер, по его признанию, многому научился у него в военном искусстве и в это время, и в дальнейшем.

В начале декабря Галактионов был отозван в Самару. Блюхер со 2-го числа этого месяца исполняет обязанности председателя и ВРК, а вскоре избирается его председателем. Он — член исполкома Совета, затем заместитель его председателя, а с 8 марта 1918 года — председатель.

Это были месяцы возникновения крупнейшего, наряду с Донской областью, очага гражданской войны в стране. Блюхер в гуще событий на Южном Урале. Обстоятельствами, судьбой ему представилась возможность оказаться в революционных военных верхах на Урале в целом. Конечно же, помогли тому и его дореволюционный партийный стаж, и солдатский послужной список, и, само собой разумеется, природные данные. А также успехи в организации вооруженной борьбы с дутовцами.

14 апреля В.К. Блюхер послал на имя Ш.И. Голощекина обстоятельный доклад о положении на фронте, высказал ряд дельных предложений о последующих действиях. Вольно или невольно он заявлял претензии на общее руководство боевыми действиями против Дутова. После борьбы с переменным успехом, в середине апреля частям Дутова было нанесено тяжелое поражение под непосредственным командованием В.К. Блюхера. Дутов с остатками сил бежал в Тургайские степи. Следует отметить, что методы борьбы были уже тогда жестокими. Страдало и мирное, прежде всего, казачье население. Особенно свирепствовал в районе Верхнеуральска со своими отрядами Кадомцев. Грабежи, расстрелы были постоянными явлениями. Блюхер тоже вступил на этот «классовый» путь борьбы. В одном из приказов он угрожал станицам и поселкам артобстрелом, если не прекратиться близ них порча железнодорожного полотна.

Часть красногвардейских отрядов с победой вернулась в уральскую столицу — Екатеринбург.

Весть о роли Блюхера в достижении победы передавалась из уст в уста, опосредованно всесильному Ш.И. Голощекину — областному военному комиссару и фактическому лидеру уральских большевиков. Между тем его военное ведомство стало получать сведения о признаках активизации дутовцев вне пределов Уральской области и на ее юге. Требовались и информация о прошедших боях, и оценка перспектив борьбы с «врагами революции». С этой целью для доклада в Екатеринбург был вызван В.К. Блюхер. Он встретился с руководством области, военными комиссарами Ш.И. Голощекиным и С.А. Анучиным, дал необходимую информацию и произвел на них хорошее впечатление. И как раз в это время вспыхивают новые очаги сопротивления казачества большевикам. Ими захвачена станица Ново-Сергиевская, перерезана железная дорога, приближался к Оренбургу с новыми силами и сам А.И. Дутов. Возникала угроза советской власти на Южном Урале. В это время решался вопрос о едином командном органе по руководству борьбой с дутовцами, как модно в ту пору было говорить, — главкоме.

Несмотря на болезнь (открылись раны), временную госпитализацию, 8 мая Блюхер был вызван в облвоенкомиссариат и назначен на такую должность в Оренбуржье — район борьбы с А.И. Дутовым. В выданном ему мандате значилось: «Предъявитель сего Василий Блюхер Уральским областным военным комиссариатом назначен главнокомандующим всеми отрядами, оперирующими под Оренбургом, что подписью и приложением печати удостоверяется...».

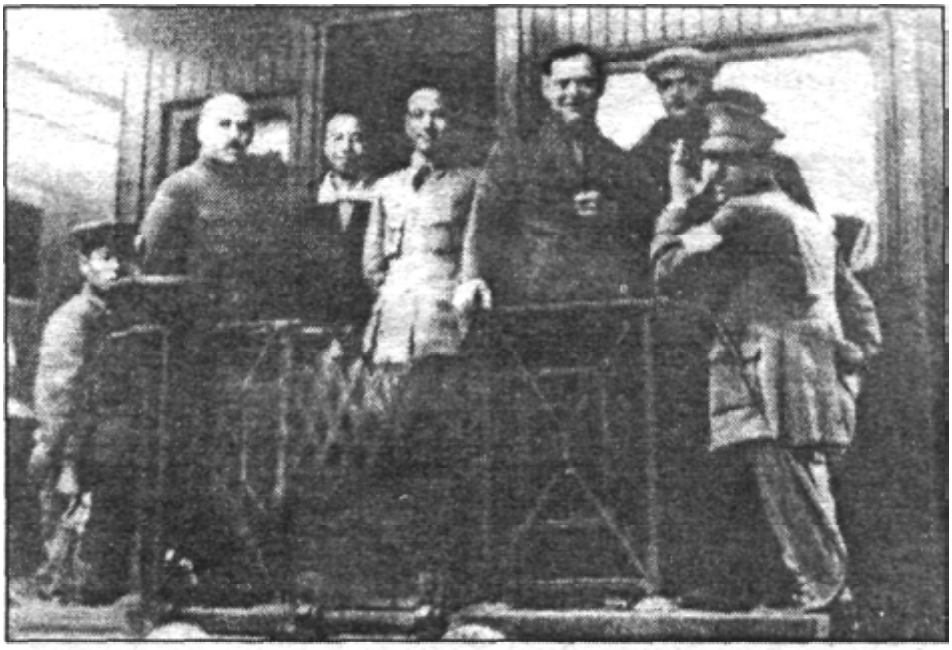
Кто над кем начальник

В это время происходят кардинальные изменения на фронте, в стране в целом и, прежде всего, на Урале, чему главной причиной послужило восстание в двадцатых числах мая Чехословацкого корпуса, остановленного властью большевиков с его эшелонами на громадном протяжении Транссибирской магистрали. В связи с этим руководство вооруженной борьбой с чехословаками, повстанческим движением населения, дутовцами на Урале переходит от местного областного центра к Москве, наркомвоенмору Л.Д. Троцкому и лично к В.И. Ленину. Постепенно боевые участки на Востоке — в Поволжье и на Урале — смыкаются, объединяются, в итоге создается единый Восточный фронт, летом и осенью 1918 года являвшийся главным в республике. В этом процессе не осталось и не могло остаться неизменным положение Оренбургского фронта и должностное положение В.К. Блюхера.

Этот вопрос в современной литературе освещается весьма противоречиво, путано. Наблюдаются и заведомо уничижительные характеристики военачальника Блюхера. Так, автор книжки «Неизвестная гражданская война» (Екатеринбург, 1999) Д.В. Суворов полагает, что уже в те дни на южном Урале существовала и действовала красная «Оренбургская армия», будто бы впоследствии переименованная в «Туркестанскую»(»Оренбургской армии» на самом деле не существовало, а «Туркестанская» была заново сформированная армия.) (с. 51) и ею, дескать, «командовал» «Георгий Зиновьев», и этот «командарм» «был начальником Блюхера и Каширина». Причем Г.В. Зиновьев автором возводится в чин «капитана царской армии» (с. 56). Какую же должность тогда под Оренбургом занимал Блюхер — автор не уточняет.

Как же было в действительности?

Г.В. Зиновьев, бывший старший унтер-офицер, прибыл с отрядом примерно в 800 человек из центра в район Кинели-Бузулука почти одновременно с Уральским отрядом В.К. Блюхера. Зиновьев вошел в подчинение Блюхера в качестве



Главный военный советник в Китае Галин (В.К. Блюхер) — второй слева, Чан Кайши — четвертый слева во время первого Восточного похода. 1925 год

его заместителя, т.е. заместителя Главкома Оренбургского фронта. Почти до середины июня они состоят в таком статусе. Но в это бурное время в процессе формирования Восточного фронта, а перед этим — локальных фронтов происходит много назначений центральной военной властью с использованием комсостава и местного, прежде всего ближайшего — уфимского. Екатеринбург, уральское областное руководство оказываются все более оторванными от Южного Урала и Среднего Поволжья, занимаются непосредственно Средним Уралом, Зауральем, формировавшимся там Северо-Урало-Сибирским фронтом. Происходят, как и отмечалось, накладки.

В это время в район боейых действий в Поволжье, а 29 мая в Уфу прибыл председатель Высшей Военной инспекции РККА Н.И. Подвойский, действовавший и от имени Народного Комиссариата по военным и морским делам, и РВС республики. Сложившийся район боевых действий в Среднем Поволжье и Оренбуржье некоторое время именуется «Урало-Оренбургским» и «Урало-Самаро-Оренбургским». Его командующим был назначен В.В. Яковлев (настоящее имя — К.А. Мячин). Этот бывший большевистский боевик в Уфимской губернии, на Урале, не имел военного опыта и, как потом выяснилось, умения набираться его. Но он проявлял большую амбициозность. Действия его и на посту главкома фронта и затем — командарма-2 оказались неудачными, и он был смещен.

В.К. Блюхер в майско-июньские дни продолжает действовать в соответствии с назначением в Екатеринбурге. Зиновьев — его заместитель. Они в Оренбуржье — главные военные личности красных. Отряды Блюхера сумели сломить сопротивление казаков, действовавших восточнее, по железной дороге. Оставив часть сил на западном участке, Блюхер и Зиновьев прорвались на восток и 23 мая прибыли на ст. Сырт, в полусотне километров от Оренбурга.

Блюхер телеграфирует в центр о положении в районе боевых действий всей группы войск и о своих дальнейших планах. О его успехах, конкретном положении в Оренбуржье стало известно Подвойскому. 8 июня Н.И. Подвойский через голову В.В. Яковлева издал приказ о назначении В.К. Блюхера «командующим войсками, действующими в районе Уфа-Самара» (то есть вообще как бы вместо В.В. Яковлева). Возможно, в те дни Яковлев выпал из его поля зрения.

А Яковлев в эти дни как раз приехал в Оренбуржье, встретился с Блюхером. Полностью выяснить обстоятельства их встречи не удается. Но суть выражается в попытке Яковлева навязать Блюхеру свой план действий и обвинить его в недостаточной активности против Дутова. Блюхер с этим не соглашался. Вспыхнула ссора. Ее подробно описал сподвижник В.К. Блюхера, его штабной работник Я.М. Суворов. Суть плана Блюхера выражалась, в передаче Суворова, в стремлении дифференцировать подход к различным слоям казачества, оторвать бедноту от зажиточной части. В.В. Яковлев же был настроен к казачеству в целом враждебно. Сам он в последующих своих записях указал просто: «сместил» Блюхера.

У Блюхера, действительно, были основания не соглашаться с Яковлевым: под Оренбургом в эти дни войска Блюхера развивали успех, в то время как западнее, в Среднем Поволжье красные части и отряды, которыми руководили Яковлев с Кадомцевым, терпели серьезные неудачи, отступали и 8 июня сдали Самару. Подвойскому в те дни доносили: «Отряд Блюхера (700-800 человек) один сдерживает наступление противника, силы которого доходят до четырех тысяч».

Блюхер, тем не менее, отказался от командования группой (фронтом) и порекомендовал назначить вместо себя Зиновьева. Подвойский запросил на этот счет Яковлева, который тоже высказался за назначение Зиновьева. В тот же день Яковлев получает телеграмму: «Ваше предложение назначить т. Зиновьева к-щим на Кинель-Оренбург. направлении одобряю... Заместителем предлагаю назначить т. Блюхера. Наркомвоен, член Высш. Совета Н. Подвойский». Вот когда Г.В. Зиновьев стал командующим войсками в Оренбуржье!

До этого времени Зиновьев никаким главкомом не был. Он только что прибыл с поста начальника Смоленского военного гарнизона и назначен был 9 июня не «главкомом», а «командующим». По инерции и Блюхер, а затем и Зиновьев, официально — командующие фронтовыми участками — именовались «главкомами».

Пермская катастрофа

В последнее время появились заявления, будто под Оренбургом отряды В.К. Блюхера и Н.Д. Каширина оказались чуть ли не во враждебных взаимоотношениях, грозящих «столкновением» и что «в случае разбирательства Блюхеру и Каширину светил не орден, а скорый трибунал». Вместе с тем делается «открытие», будто партизанский «рейд не закончился в Кунгуре. Блюхер повел свои отряды дальше — через Удмуртию на запад от Перми: конечным пунктом стала Оса, небольшой городок на Каме... по тылам Ижевской Народной армии» (см.: Суворов Д. «Неизвестная гражданская война». С. 54, 58).

Автор принял сообщение о действиях блюхеровцев осенью 1918 года в районе с. Зипуново, что близ г. Сарапула, за продолжение рейда. На самом деле речь в этом случае должна идти уже о последующих действиях только части партизанского соединения — полков Архангельского отряда, включенных в сентябре в состав 5-й Уральской дивизии, которая

была развернута на запад, в сторону Нижнего Прикамья. 5-й дивизией стал командовать участник рейда В.Г. Данберг. Основная же масса полков партизанского соединения (в сущности регулярных красноармейских полков, перешедших на партизанское положение) во главе с В.К. Блюхером действительно вышла к Кунгуру, завершив тем самым еще в середине сентября свой рейд. Она была объединена с обескровленной 4-й Уральской (потом — 30-я стрелковая) дивизией и под командованием Блюхера стала действовать совсем в другом — восточном — направлении. Что касается решения Блюхера, Каширина не отходить в Туркестан, а прорываться через занятые белыми районы Урала на соединение с главными силами красных, то оно никакого скандала не вызывало, воспринималось в тех условиях как допустимое и логичное. Поэтому речь о «трибунале» — абсурдна.

Нет слов, что о советских полководцах и военачальниках, когда стали доступны многие ранее засекреченные фонды архивохранилищ, появились новые документы, следует писать по-новому. Но при этом необходимо следовать исторической правде. В этой связи стоит остановиться на публикации В.В. Дубленных, который ставит в вину Блюхеру так называемую «Пермскую катастрофу» — тяжелое поражение 3-й армии красных в ноябре-декабре 1918 года, паническую сдачу города Перми под ударами правофланговых частей Екатеринбургской группы белых генерала Р. Гайды. Автор считает, что Блюхер и его 30-я дивизия, которая действовала южнее, в районе Кунгура, не помогли 29-й дивизии и особой бригаде 3-й армии (см. Урал в панораме XX века. С. 152-153). При этом он ни словом не обмолвился о том, что 30-ая на своем участке также испытывала сильное давление противника и вынуждена была отступить, но делала это организованно, тогда как в 29-й дивизии, Особой бригаде, в штабе, управлении армии наблюдались дезорганизованность и факты предательства. В штабе армии в Перми процветали пьянство, развал, отмечавшиеся в дальнейшем и Комиссией ЦК РКП(б) во главе с Ф.Э. Дзержинским и И.В. Сталиным. Не была задействована командующим армией М.М. Лашевичем и вновь сформированная 4-ая Уральская стрелковая дивизия, тоже дислоцировавшаяся в Перми. 30-я же армия (так в тексте, армий с таким номером в гражданскую войну не было, возможно автор попутал понятия армия-дивизия, скорее всего речь либо о 30-й сд, либо об армии, но с номером Три. Прим. Ю.З.) сохранялась как серьезная боевая единица.

Но дело даже не в этом, а в том, что Блюхер с конца октября по середину декабря 1918 года не командовал дивизией, отсутствовал по болезни (открылись раны), уезжал долечиваться и отдыхать в родную деревеньку Барщинку на Ярославщину. Об этом гласят документы. 29 октября, перед отъездом он издал приказ о передаче командования дивизии своему помощнику (заместителю) Н.Д. Каширину и на время распрощался с личным составом.

К моменту его возвращения на Урал в декабре на участке дивизии создалось тяжелое положение. Блюхер отчасти выправил его, но соединению пришлось-таки отступить, оставив 21 декабря Кунгур. Отступление было организованным, ни чем не напоминавшим преступно-пьяное трусливое бегство частей из Перми. Ведь из города не было вывезено, оказалось брошено 123 орудия, более 1000 пулеметов, 9 бронепоездов, свыше пяти тысяч вагонов с боеприпасами, имуществом, продовольствием, склады с огромными ценностями. 32 тысячи человек было потеряно пленными. Реввоенсовет, штабники не смогли выявить агентов белых, командиров, готовых перейти к ним, предотвратить переход к противнику целых частей и подразделений. При должных действиях командования 3-й армии, ее еще трех многочисленных соединений в Перми и Пермском районе, имевших мощный боезапас, не уступавших в этом и в живой силе противнику (она и по сей день преувеличивается), можно было вполне выстоять, выдержать натиск корпуса генерал-майора А.Н. Пепеляева.

Да, начдивы, командиры, провалившие операцию, пытались оправдываться, пеняли и на дивизию и штаб Блюхера. Но главная причина Пермской катастрофы — в бездарных действиях командования 3-й армии. Автор же считает, что «в Прикамье и на Среднем Урале осенью 1918 года В.К. Блюхер себя никак не проявил. Однако он активно эксплуатировал (!) прежнюю славу и даже Штаб армии и командарм М.М. Лашевич были не в силах призвать к порядку недисциплинированного начдива. Более того, 15 января 1919 года, после Пермской катастрофы, В.К. Блюхер назначается помощником командующего 3-й армии, которая вынуждена была отступать к Вятке».

Дети В.К. Блюхера: Всеволод (стоит), Ваира, Василий (второй ряд), Зоя и племянница Нина (сидят, справа налево)

Да, авторитет Блюхера был настолько высок, что личный состав 3-й армии, командиры, политическое руководство требовали замены командующего армией, виновного в ее развале и Пермской катастрофе, именно начдивом 30-й — Блюхером. Комиссия ЦК вняла этому. Вопрос обсуждался и в Москве. Но в итоге, высоко оценивая командные данные Блюхера, сочли, что опыта руководства столь крупным соединением у него еще нет, и ограничились назначением Блюхера на указанный, довольно высокий пост. И уж совсем нелепо звучат слова «милостивое прощение» Блюхера о последующих его действиях: «военные действия Блюхера в Сибири были удачнее, чем на Урале». Это притом, что военачальник блестяще действовал осенью 1919 года в Притоболье, совершил малыми силами рейд по тылам противника, занял Тобольск, расстроил планы белых и боевой порядок, во многом обеспечил успех советских войск в Зауралье!

В.К. Блюхер, как и другие военачальники, в ходе гражданской войны допускал и ошибки, и просчеты, но в целом на протяжении всех лет боевой деятельности он сильно выделялся из числа многих других, слава его не была беспочвенной и ложной.

Жены и дети маршала

После 1919 года В.К. Блюхер действовал уже вне Уральского края. Но в большей или меньшей степени

Галина Павловна Блюхер — первая жена В.К. Блюхера

был связан со многими уральцами, в том числе командирами. Примечательно, что некоторые свои приказы он подписывал «Уральский». И личная жизнь его была связана с Уралом. В Вятке, тогда входившей в Уральскую область, он женился на девушке, работавшей машинисткой в его штабе. Это была 19-летняя вчерашняя выпускница местной гимназии. Звали ее Галиной Павловной. Почти все авторы называют ее девичью фамилию «Покровская». Но, по некоторым данным, это — фамилия ее второго мужа — врача Леонида Васильевича Покровского, за которого она вышла замуж в Ленинграде после развода с Василием Константиновичем. Трудно верить, что фамилия мужа совпала с ее девичьей фамилией. А ее пока установить не удается.

Следует сказать, что о личном, семейном положении Блюхера читателю далеко не все известно, в частности, о его женах, особенно детях. В освещении этого вопроса встречается много неверного. Авторы допускают путаницу по поводу его двух первых жен, носивших одинаковое имя — Галина, данные о детях и их именах. Даже в современных книгах о Блюхере В.В. Карпова («Расстрелянные маршалы». М, 1999) и В.В. Соколова («Истребленные маршалы». М., 1999) за первую жену выдается вторая, путаются их фамилии, инициалы, годы совместной жизни с Блюхером и т.д.

Второй женой Блюхера стала Галина Александровна Кольчугина, встретившаяся ему в Китае, в бытность его главным военным советником при Национально-революционном правительстве (1924-1927 годы). Она выросла в русском городе Китая — Харбине, получила среднее образование, хорошо знала английский язык, являлась одним из помощников Блюхера («генерал Галина»), отличалась деловитостью. Остававшаяся во Владивостоке Галина Павловна по получении сообщения о появлении у супруга новой жены уехала в Ленинград, училась в медицинском институте и, как уже отмечалось, вышла замуж за врача Покровского.

При возвращении Блюхера в СССР с ним приехала и Галина Александровна. Обе жены были одногодками — с 1899 года рождения. Оформлены были развод с первой женой и брак со второй. Но и с Кольчугиной жизнь у Блюхера не заладилась. Они развелись. Галина Александровна училась в Военной академии связи, но не окончила ее.

Официально Блюхер после этого в брак уже не вступал, но в бытность командующим Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, в Хабаровске, где находился ее штаб, он в 1932 году встретился с семнадцатилетней студенткой рабфака Дальневосточного мединститута Глафирой Лукиничной Безверховой. Их совместная жизнь продолжалась до его кончины. В 50-е годы в юридическом порядке, с согласия детей от первых жен, Глафира Лукинична получила фамилию Василия Константиновича, как его бывшая жена. Тот факт, что она не состояла в официальном браке с Блюхером, вероятно, и спас ей жизнь. Потом она была и скотницей, и штукатуром с клеймом «врага народа», а в 1957 году реабилитирована. Галина Павловна Блюхер-Покровская и Галина Александровна Кольчугина- Блюхер 10 и 14 марта 1931 года соответственно были приговорены к расстрелу и погибли. Посмертно реабилитированы.

Детей В.К. Блюхер имел от всех трех жен, всего их было шестеро. От Галины Павловны — дочь Зою, родившуюся в 1921 году и умершую в младенчестве, сына Всеволода (родился в 1922 году), дочь, вновь названную Зоей (родилась в 1923 году). От Галины Александровны имел сына Василия (рождения 1928 года), от Глафиры Лукиничны — дочь Ваиру (с 1933 года) и сына Василина (с 1938 года). В семье проживала вплоть до 1938 года и племянница Василия Константиновича — Нина (дочь его умершей сестры Елизаветы) и несколько лет — сирота-воспитанница Катя (уехала к нашедшейся старшей сестре). При разводе с Галиной Павловной договорились, что сын Всеволод останется с отцом, а дочь Зоя — с матерью. Сын Василий оставался с Галиной Александровной, но воспитывался в основном в семье ее родителей Кольчугиных. Изредка и он, и Зоя приезжали к отцу на Дальний Восток.

Не буду подробно говорить о путанице в вопросе о детях, отмечу лишь, что из-за сходных имен «Василия» и «Василина» того или другого из перечня часто исключают, Василия кое-кто называет «Вячеславом», Нина-племянница принимается за приемную дочь Катю и т.д. Дети во время ареста Блюхера и их матерей были еще несовершеннолетними, смерти избежали, хотя колесо репрессий прокатилось и по ним, но они выжили. Один из них — Василий — уже после посмертной реабилитации отца и матери смог получить высшее образование, стал ученым — кандидатом наук, профессором. Лишь судьба младенца Василина, помещенного в детское учреждение, осталась неизвестной. Вполне возможно, что не только фамилия, но и имя его были изменены, и он живет еще среди нас, не зная о том, кто он на самом деле (появлялись ведь и самозванцы, но проверкой их принадлежность к Блюхерам не подтверждалась).

Глафира Лукинична (Безверхова) Блюхер — третья жена В.К. Блюхера

Поцелуй Иуды

Блюхер в жизни, в беседах проявлял незаурядный ум, приобретенные знания, прежде всего по военным вопросам. Но на уровень крупного военного мыслителя, теоретика он не поднялся, в наследство теоретических работ не оставил. Он знал жизнь, особенно простого человека, умел найти к нему подходы. Но его самообучение, отсутствие систематического общего образования нередко обнаруживало пробелы и, уловив их в беседах, он порой не столько удручался, сколько проявлял раздражительность, стремился их замять. В целом же его сильную, а во многом и цельную личность уважали почти все.

Одной из его человеческих слабостей, главным образом в последние сложные годы, при нависавшей опасности гибели, было увлечение спиртным. Не лишним будет сказать об отношении к этой его слабости И.В. Ста-

лина в пору его благоволения к В.К. Блюхеру. Речь идет о выступлении вождя 2 июня 1937 года на заседании Главного Военного Совета, когда обсуждался вопрос о «военно-фашистском заговоре в Красной армии» — М.Н. Тухачевского и других, стремившихся, как утверждал оратор, сместить Блюхера с поста командующего ОКДВА, будто бы сообщая об этом германскому руководству.

> «Они сообщают, — читаем в стенограмме выступления Сталина, — что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты — я, Тухачевский, а вон, Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, что еще? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадет. Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путна бомбардирует, Аронштам бомбардирует, нас в Москве бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело? Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализируют, созываем совещание в зале ЦК. Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командные должности, которые не пьют и воевать не умеют, — нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим опытом, действительно, из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть, немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит».

Речь довольно сумбурная, но суть ясна. Сталин защищал Блюхера, имея в виду его командный многолетний опыт, но отмечал и недостатки, о которых шла в военных кругах молва. Сталин защищал Блюхера, в общем, хвалил его. Это, однако, не помешало ему через год с небольшим бросить в топку тоталитаризма и Блюхера вслед за Тухачевским.

К настоящему времени прояснились вопросы, связанные с ролью В.К. Блюхера в судебном политическом процессе в июне 1937 года над так называемой «Антисоветской троцкистской военной организацией» (маршал М.Н. Тухачевский и другие военачальники). Ранее, главным образом в связи с заявлением в 50-е годы бывшего председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульриха, будто Блюхер приговора не подписал и требовал перерасследования дела, а также с подобными утверждениями родственников считалось, что так оно и было. Выясняется, что и Блюхер, наряду с другими маршалами и командирами, включенными в «Специальное судебное присутствие», поверил в обвинения Тухачевского и других, признавших таковое гласно, солидаризовался с другими, приговор подписал (иначе трудно было бы объяснить тот факт, что он сам тогда же не был репрессирован). Увы, подписал.

В ежовых рукавицах

Нечто подобное выясняется и по делу его собственного обвинения и самой гибели. Блюхер был арестован в Сочи 22 октября 1938 года, будучи уже снятым с поста командующего. Обвиняли его в заговорщической деятельности, связях с «правыми», наконец — в шпионаже в пользу Японии и подготовке к бегству из СССР в эту страну. На поверку все они оказались сфабрикованными. Ордер на арест и обыск у Блюхера был подписан наркомом Н.И. Ежовым. Очевидно, с санкции «Самого» — Сталина. Блюхера пытали, избивали и калечили неимоверно, видимо, сильнее, чем кого-либо из его сподвижников и прежде, и потом. Избиения производились под руководством и с непосредственным участием тогда еще заместителя наркома внутренних дел Л.П. Берии. Увидевшая его на очной ставке Г.А. Кольчугина-Блюхер в своей камере рассказывала: «Он выглядит так, как будто побывал под танком». Следует указать на такие важные «детали»: вначале Блюхер находился в заключении на Лубянке, а потом уж в Лефортовской тюрьме (не сразу в ней, как считается). Вторая из тюрем отличалась применением особенно изуверских методов пыток. Выясняется, что в Бутырке, в камере с Блюхером поместили «подсадную утку» — бывшего начальника управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриева, который усиленно и тонко склонял маршала к добровольным признаниям. Не подействовало (сам Дмитриев впоследствии также не избежал смерти).

Лубянка сломала Блюхера. Он стал признавать некоторые обвинения, клеветать на себя (до того на него оказывали давление и через сломленных сослуживцев, в частности командарма И.Ф. Федько). И, тем не менее, до последних дней Блюхер отказывался составлять письменные показания, потом все же написал, что военный переворот готовил и был связан с «правыми». Текст «признания» гласит: «Мое вступление в связь в «правыми» произошло в 1930 году». Признания в шпионаже, измене Родине из него так и не выжали.

Было ли что-то, за что чекисты могли зацепиться, строя обвинения в связи Блюхера с «правыми», т.е. с А.И. Рыковым и другими? Возможно, было. В узком кругу Блюхер еще с конца 20-х годов выражал недовольство теми или иными явлениями в жизни страны, особенно в военной области. Как и М.Н. Тухачевский и многие другие, он был недоволен действиями плохо разбирающегося в военном строительстве подручного Сталина маршала К.Е. Ворошилова. Такие, не всегда скрываемые позиции, у Блюхера были и в конце 20-х годов, и позднее. Вероятно, и какая-то связь с Рыковым, «правыми» имела место. В его окружении шли разговоры о том, что во время одной из встреч в его квартире и просмотра книг, из одной из них выпало письмо Рыкова. Блюхер, подняв его, объяснил, что это — «провокация». Но вот более предметные данные на этот счет. Бежавший 13 июня 1938 года в Японию через Маньчжурию начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшков еще до ареста Блюхера, до событий у озера Хасан, на допросах в Токио утверждал, что группа начальников из окружения Блюхера «пыталась вовлечь» его в политические опасные разговоры, что после ареста одного из них — Гулина — тот на допросах говорил Люшкову, что «Блюхер, выпивая вместе с ним, Гулиным, ругал НКВД за проводимые аресты, а также ругал Ворошилова, Лазаря Кагановича и др. Блюхер признался Гулину, что до устранения Рыкова он был связан с ним и часто получал от того письма, что «правые» хотят видеть его,

Блюхера, во главе Красной Армии». От себя, по совокупным наблюдениям, Люшков добавлял: «Я считаю, что это довольно показательный факт для выяснения истинных чувств Блюхера. Вообще Блюхер очень любит власть. Его не удовлетворяет уже та роль, которую он играет на Дальнем Востоке, он хочет большего. Он считает себя выше Ворошилова. Политически сомнительно, что он удовлетворен общей ситуацией, хотя и весьма осторожен. В армии он более популярен, чем Ворошилов. Блюхеру не нравятся военные комиссары и военные советы, которые ограничивают его право отдавать приказы».

Что-то в этом было, хотя и странно, что какая-то возможная связь или просто тяготение в 20-е годы Блюхера к «правым», к Рыкову не стала известна Сталину тогда же или была им проигнорирована. Слухи о возможной смене Ворошилова чрезвычайно популярным в 20-е годы Блюхером ходили по стране, проникали и за рубеж. Не случайно писатель-эмигрант Р.В. Гуль в книге «Красные маршалы» писал об этом же, связывая имя Блюхера, идею его высокого назначения с заговором во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), председателем СНК РСФСР С.И. Сырцовым в 1930 году.

Ныне кое-кто считает, что снятие В.К. Блюхера с должности командующего Особым Краснознаменным Дальневосточным фронтом, в каковой 1 июля 1938 года была преобразована ОКДВА, и репрессия, убийство связаны с советско-японским военным конфликтом у Хасана. Так считает историк Б.В. Соколов, и, больше того, он полагает, что неудачи советских войск под Хасаном были допущены собственно по вине Блюхера. С долей злорадства этот автор как бы оправдывает действия Сталина, посланных им в Хабаровск еще до военных действий начальника Главного политуправления РККА Л.З. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел М.П. Фриновского. Он полагает, что маршал, мол, все равно из-за отсутствия должного образования не проявил бы себя в 1941-1945 годах. Приводится высказывание маршала И.С. Конева (в записи писателя К.М. Симонова), будто Блюхер не справился бы в этой войне с фронтом, что он «провалил» Хасанскую операцию. Но, во-первых, Конев делал кощунственные высказывания вообще о репрессированных военных в 30-е годы: дескать, они были непригодными для последовавшей войны; во-вторых, другому писателю — Б.Н. Полевому он говорил совсем иначе: «Я должен добрым словом помянуть Василия Константиновича Блюхера... действовал он тогда и как полководец, и как политик, и как дипломат. Его опыт очень помогал мне, когда я стал командующим фронтом». Оценки других полководцев Отечественной войны, служивших в прошлом с Блюхером, общавшихся с ним, сплошь высокоположительные. Достаточно указать на высказывание маршала Г. К. Жукова: «Я был очарован душевностью этого человека. Бесстрашный боец с врагами Советской Республики, легендарный герой, В.К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого замечательного, чудесного товарища и талантливого полководца». Эта оценка чего-то стоит!

Высота Заозерная

Что касается хасанских событий и роли Блюхера в них, то и тут следует говорить о нем никак не уничижительно. Отношения с Японией, японскими военными властями, захватившими северо-восточную часть Китая — Маньчжурию и создавшими марионеточную империю Маньчжоу-Го, были сложными. Как руководство Советского Союза, так и милитаристский режим Японии проявляли агрессивность. Но, как свидетельствуют выявленные и опубликованные в наши дни документы, в наибольшей степени агрессивность была тогда все же присуща именно советской стороне, Сталину. Хасанские события лета 1938 года как раз об этом наглядно свидетельствуют. Блюхер, конечно же, это чувствовал и пытался военное столкновение предотвратить. Он действительно, как отмечали современники, имел наклонности (да и опыт) дипломата. Хасан был явно спровоцирован советской стороной.

Началась война. Блюхер действовал в ходе нее явно замедленно, мешкая, но стал подтягивать войска к границе, сопкам практически по бездорожью. С опережением должен был бросить против японцев авиацию, но не делал этого из-за тумана. 2 августа прибыл на место, произвел атаку Заозерной, закончившуюся провалом. Накануне, 1 августа, он был вызван на прямые переговоры с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, К.Е. Ворошиловым. Сталин возмущенно спросил: «Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?» Блюхер оправдывался нелетной погодой, опасностью попадания бомб в своих и в мирные (корейские) селения, затем заявил, что, «не считаясь ни с чем», поднимет авиацию для атаки.

Прямой путь на сопки открыт для обстрела противником и неимоверно крут — 45 градусов. Сколько солдат ни бросай — всех скашивают обороняющиеся. Штаб Блюхера требует разрешения о наступлении на позиции японцев не в лоб, а с правом захода им во фланги и в тыл, т.е. использование и территории противника. Но в этом ему отказывают. С 6 августа начался лобовой штурм высот по открытой местности, узкими коридорами. Красноармейцы шли волна за волной. Перекрестным огнем противник их косил, истреблял, остатки откатывались вниз. Затем, раз за разом все это повторялось. 5 августа Москва разрешила действовать и с маньчжурской территории. Стало «горячей» и японцам. Еще накануне, 4 августа, японские представители в Москве вновь предлагают урегулировать спор мирно. Но нарком Литвинов им пока отказывает. Однако с 9 августа атаки на высоты все же прекратились, а 11-го — военные действия вообще. Утром 12 августа заключается перемирие, а затем и мир.

Так обстояло дело. Официально говорилось о 285 убитых и 2807 раненых. Косвенные данные говорят о том, что потери были раза в три больше, многократно превышали таковые с японской стороны. А итог? — совершенно не изменившийся статус на дальневосточной границе! Конечно же, это был провал, военный, дипломатический и прочий. Блюхер лишь вовлечен, замешан в нем, при стремлении помешать авантюре накануне.

Надо отмести еще одно бытующее сейчас обвинение Блюхера в избиении военных кадров в смысле самостоятельных целенаправленных репрессий. Он был вовлечен в это, но постоянно понукался и обвинялся в препятствовании этому кровавому процессу. Блюхер вступался за арестованных командиров. В разгромном в отношении Блюхера приказе № 0040 наркома К.Е. Ворошилова от 4 сентября 1938 года сказано: «Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск КД фронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа».

Чудовищно-масштабные репрессии в войсках Блюхера развернули как раз присланные Сталиным агенты — Мехлис и Фриновский. Вот телеграмма Мехлиса начальнику Управления кадров Наркомата обороны Е.А. Щаденко от 27 июля: «Нач. штаба Лукин крайне сомнительный человек... Не ошибетесь, если уберете немедля». А вот его телеграмма лично Сталину от 28 июля: «Уволил двести пятнадцать политработников, значительная часть из них арестована...». В тот же день Мехлис Сталину и Ворошилову телеграфирует: «Блюхер ведет себя по инциденту на высоте Заозерной крайне

Маршал В.К. Блюхер на военных учениях

двойственно. Такую же двойственную позицию он занимает по ряду других важных вопросов. Порой трудно отличить, когда перед тобой выступает командующий или человек в маске...». На Блюхера льется компромат и далее, в телеграммах он именуется «фигурантом». Подобным же образом действует и Фриновский. 31 июля Мехлис передает в Москву предложение — назначить в районе боев «настоящего диктатора». И таковым в районе боевых действий назначается начальник штаба Г.М. Штерн, а за Блюхером оставлено «общее руководство». Фактически он отстраняется от командования, а ответственность за ним, тем не менее, сохраняется. С него почти незамедлительно и спросили. Обвинили во всем его. И сейчас есть охотники до этого же.

Как отмечалось, главные обвинения в адрес Блюхера делались не в связи с Хасаном. Ему ставили в вину шпионаж в пользу Японии, связь с «правыми», участие в заговоре. Все — вымысел, фабрикация.

В.К. Блюхер погиб через две недели после ареста. Его забили до смерти. Умер в тюремной больнице. Сведения о дне его смерти противоречивы. В связи с реабилитацией Блюхера постановлением Военной прокуратуры от 12 марта 1956 года («за отсутствием состава преступления») родственникам было сообщено, что смерть его последовала 9 ноября 1938 года. Эта дата вошла в справочную литературу. Но вот в 70-80-е годы генерал-лейтенант в отставке Б.А. Викторов, сведущий в творившихся в 30-е годы репрессивных делах, изучавший архивные документы, в выступлениях по телевидению, в печати стал указывать на 11 ноября. В 1990 году в Москве вышла в свет его книга «Без грифа «Секретно». И в ней мы читаем: «Из тюремной камеры Блюхер больше не вышел. Следователь Иванов получил из медчасти тюрьмы справку, что его «подследственный Блюхер В.К. 11 ноября 1938 года умер от закупорки легочной артерии, образовавшейся в венах таза» (с. 249). Казалось, следовало верить и этому авторитетному источнику. Автор этих строк делал запросы в Центральный архив ФСБ, но ответа не было. Наконец, на новый запрос в ноябре 2000 года таковой последовал:

«Уважаемый Иван Федорович! Сообщаем, что в хранящемся в Центральном архиве ФСБ России архивном следственном деле на Блюхера В.К. имеются рапорт 1938 года и акт судебно-медицинского исследования трупа Блюхера В.К., в которых говорится о том, что доставленному в амбулаторию в 22 часа 45 минут Блюхеру В.К. была оказана медицинская помощь, однако, арестованный скончался через 3-4 минуты от «закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза». 10 ноября 1938 года в 7 часов 25 минут (так указано в акте кремации) тело Блюхера В.К. было кремировано...

Начальник архива (подпись) Н.П. Михейкин».

Здесь имеются и данные о времени кремирования (указание о производстве которого, выясняется, дал лично И.В. Сталин) еще до 11 ноября. Значит, погиб Блюхер не 11-го, а именно 9 ноября, на исходе этого дня, не дожив три недели до своего 47-летия. Он для крупного военного деятеля был еще молодым, полным сил. Нужным был стране маршал Блюхер!

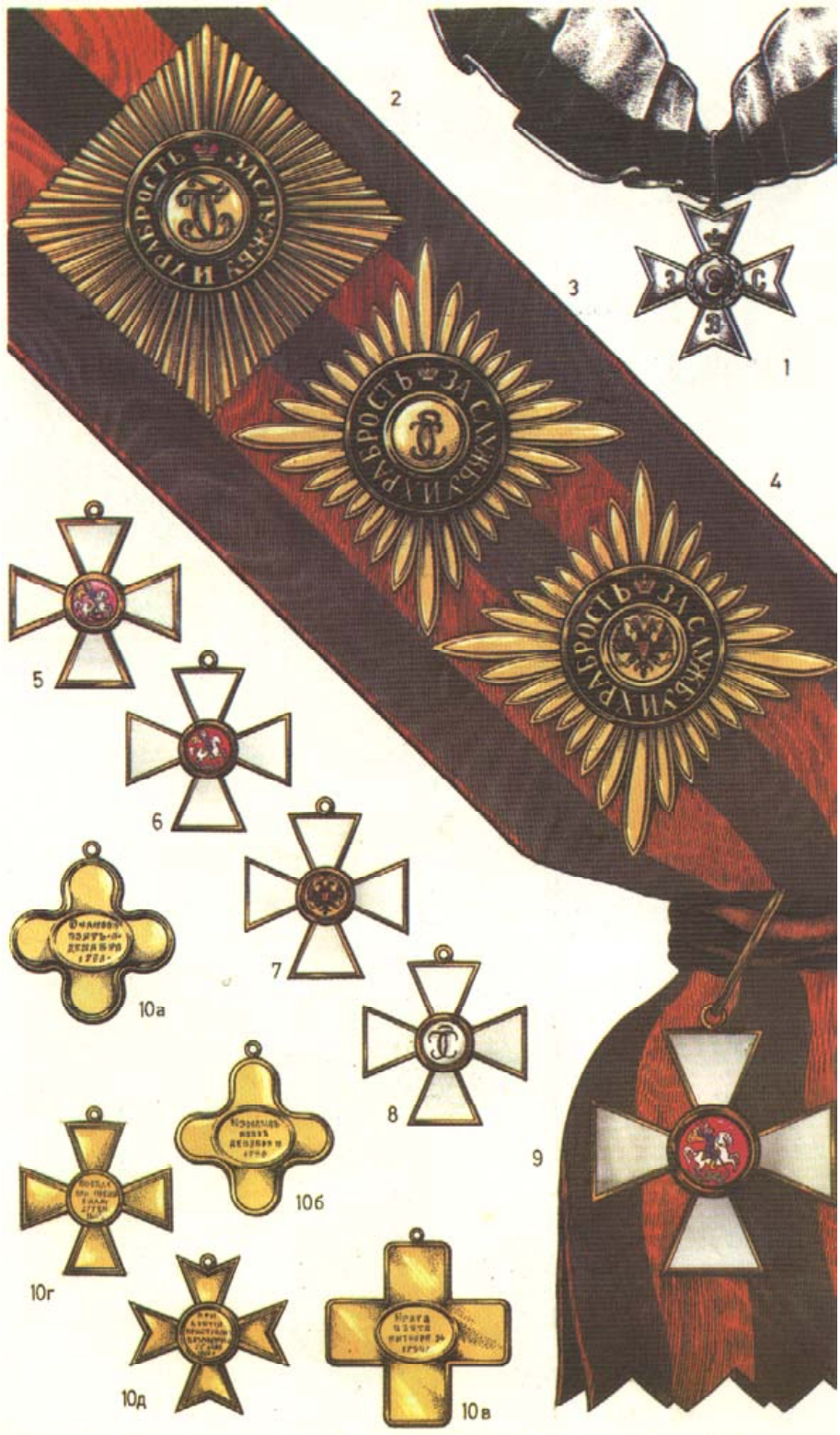
Изучение документов, доступных теперь историкам, свидетельствуют о том, что В.К. Блюхер был сыном большевистской партии, Октября 17-го года, советской эпохи в целом. Но он, к его чести, не был все же слепым, послушным военным орудием сталинского режима. Он в той или иной степени был недоволен им, больше того, — в какой-то мере пытался противодействовать ему, его агрессии и авантюризму.

ГЕОРГИЕВСКИЕ НАГРАДЫ

ПОД ГЕОРГИЕВСКИМИ наградами подразумеваются: орден св. великомученика и победоносца Георгия, Знак отличия этого ордена, Георгиевские кресты и медали «За храбрость», Золотое оружие, Георгиевские знамена, штандарты, флаги (кормовой и знаменный), вымпелы и Георгиевские трубы.

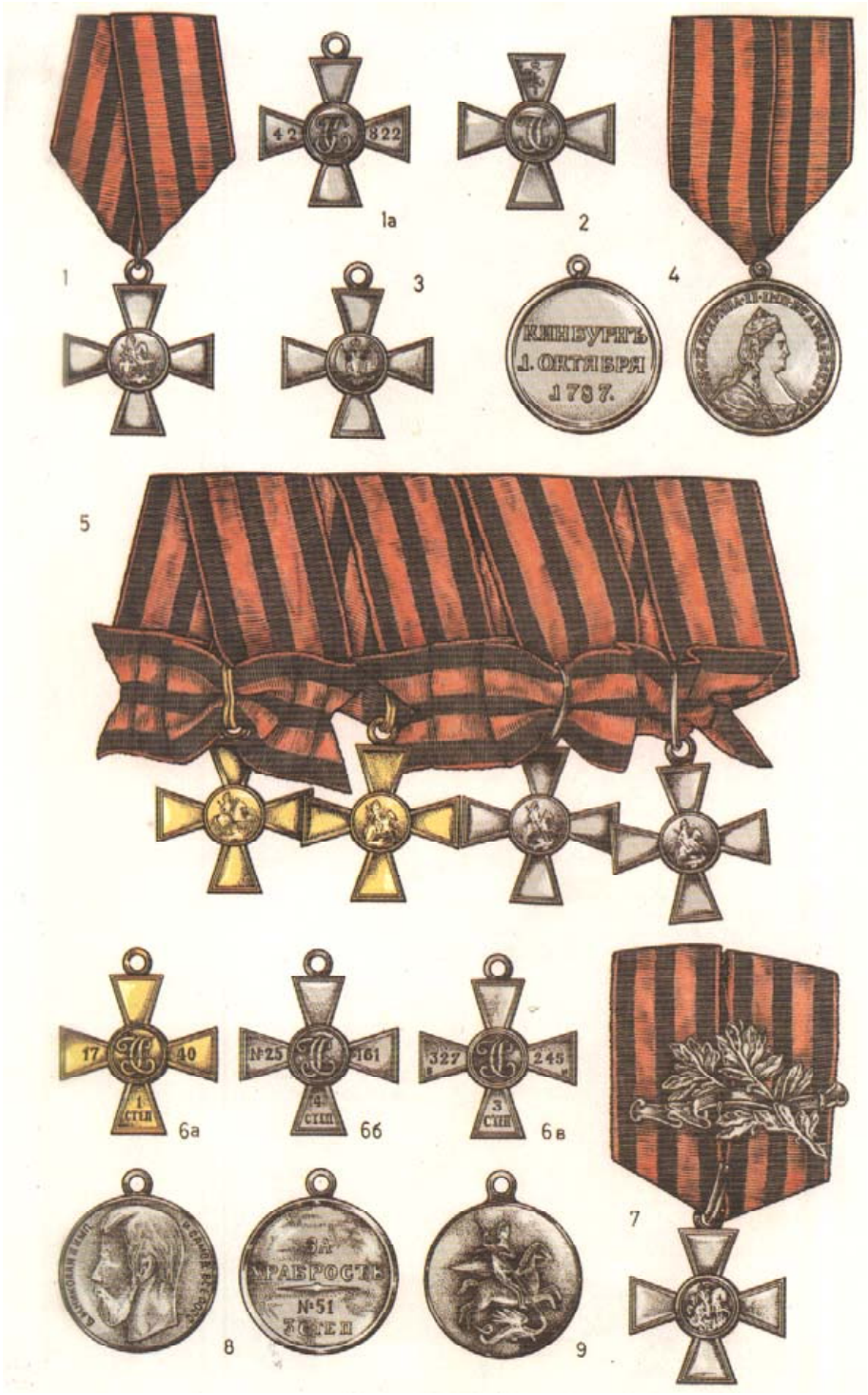
Военный орден в память святого великомученика и победоносца Георгия был учрежден императрицей Екатериной II 26 ноября 1769 года. Но еще раньше, а 1765 году, ею рассматривался проект военного ордена двух степеней: «большого и малого крестов» (рис. 1, л. 1 цветной вклейки).

Цель учреждения ордена св. Георгия характеризовалась так: «...как российской империи слава наипаче распространилась и возвысилась верностию и храбростию и благоразумным поведением воинского чина, то из особливой Нашей Императорской милости к служащим в войсках наших, в отмету и награждение им за оказанную от них во многих случаях Нам и предкам Нашим ревность и службу, также и для поощрения их в военном искусстве, восхотели Мы учредить новый, военный орден и снабдить оный всеми теми преимуществами, кои поспешествовать будут сему Нашему предприятию» (Военный сборник. — 1909. — № 3. — С. 252). В статуте ордена указывалось, что им награждался только тот, «кто, презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотвержения, совершил отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу» (Учреждение орденов и других знаков отличия. — СПб., 1876— С. 61).



Вновь учрежденный орден имел четыре степени. **1-я степень** — золотой крест, покрытый белой эмалью, в центральном круге которого на красном фоне изображался святой Георгий на белом коне, поражающий копьем дракона. Крест носился на ленте, перекинутой через правое плечо с чередующимися тремя черными и двумя оранжевыми полосами (рис. 9, л. 1). Звезда ордена 1-й степени из 32 исходящих от центра солнечных лучей имела четырехугольную форму. В центре, в круге, были выгравированы **девиз** ордена «За службу и храбрость» (рис. 3, л. 1) и императорский вензель. Носился знак на левой стороне груди. Орден **2-й степени** имел такой же, как и 1-й степени, золотой крест на ленте, которую носили на шее, и четырехугольную звезду с аналогичной надписью и вензелем в центре (рис. 2, л. 1). Для награждения лиц нехристианской веры вместо изображения святого Георгия и императорского вензеля в центре чеканился герб России — двуглавый орел (рис. 4, л, 1). Орден **3-й степени** представлял собой только золотой крест на ленте, носившейся на шее (до 30-х годов XIX в. круг розового фона — рис. 5, л. 1), а **4-й степени** — золотой крест на ленте, носившейся на левой стороне груди (после 30-х годов XIX в. круг красного цвета — рис. 6, л. 1). На оборотной стороне орденского креста всех степеней в центре круга изображался вензель (рис. 8, л. 1). Орденом 4-й степени до 1855 года награждались также за 25 лет службы в армии и за участие в 18—20 кампаниях на флоте (при условии непосредственного участия хотя бы *в* одном сражении). На поперечных концах орденского креста в этом случае помещалась соответствующая надпись: «25 лет» (рис. 7, л. 3 вклейки), «18 камп.» (рис. 7, л. 4 вклейки).

Согласно статуту ордена св. Георгия награждение им начиналось, как правило, с низшей 4-й степени, причем пожалование ордена 1-й и 2-й степени проходило по утверждению императора. В последующем, с 1849

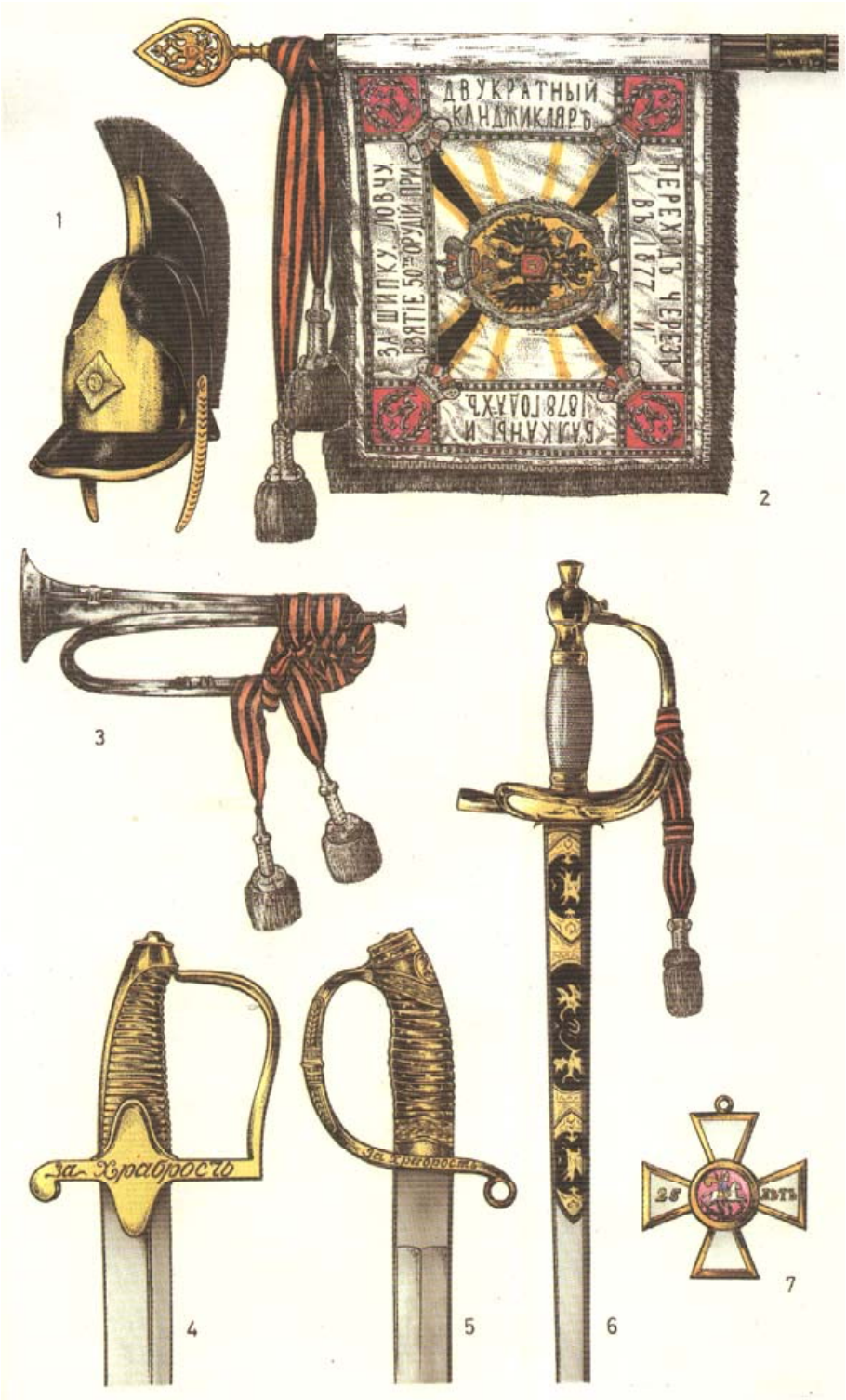


года, имена кавалеров ордена заносились на специальные мраморные доски стен Георгиевского зала Московского Кремлевского дворца, а затем и в тех учебных заведениях, которые они оканчивали. В период царствования Павла I (1796—1801 гг.) награждение орденом не проводилось и было возобновлено Манифестом императора Александра I от 12 декабря 1801 года. **За 148 лет существования ордена св. Георгия до 1917 года 1-й степени его удостоились только 25 человек.**

Орденом св. Георгия 2-й степени за 148 лет его существования награжден 121 человек, 3-й — 647 и 4-й — около 3,5 тыс. **За всю историю России полных кавалеров ордена св. Георгия было всего лишь четыре человека:** генерал-фельдмаршалы М. Б. Барклай-де-Толли, И. И. Дибич-Забайкальский, М. И. Кутузов-Смоленский и И. Ф. Паскевич-Эриванский.

Для награждения рядовых и унтер-офицеров в 1807 году учреждается «Знак отличия Военного ордена» который с 1856 года стал иметь четыре степени: 1-я и 2-я золотые (рис. 1, л. 2 лицевая сторона, рис. 1а — оборотная сторона Знака), 3-я и 4-я — серебряные. С 1913 года эти Знаки отличия стали именоваться крестами (статьи статута о Георгиевском кресте см: «Военно-исторический журнал» — 1989. - № 11. — С. 23—27). Особыми знаками отличия, близкими к ордену св. Георгия, являлись золотые кресты, которыми награждались в конце XVIII — начале XIX века офицеры — участники взятия Очакова 6 декабря 1788 года (рис. 10 а, л. 1 вклейки), Измаила 11 декабря 1790 года (рис. 10 б), Басарджика в 1810 году (рис. 10 д), сражения при Прейсиш-Эйлау 27 января 1807 года (рис. 10 г), Праги 24 декабря 1794 года (рис. 10 в), но не награжденные орденом (Военный Энциклопедический Словарь. — М. Воениздат, 1983. — С. 520). Эти знаки отличия носились на ленте ордена св. Георгия на левой стороне груди. Для награждения солдат-ветеранов, участвовавших в сражениях против наполеоновских войск в составе прусской армии в 1813—1814 гг., было отчеканено 4500 знаков отличия ордена (рис. 2, л. 2 вклейки). В 1844 году учреждается Знак отличия для награждения военнослужащих нехристианского вероисповедания (рис. 3, л. 2), который через два года отменяется и возобновляется **в 1913** году, когда утверждается новый статут ордена и Знак стал официально именоваться Георгиевским крестом с новой нумерацией (на рис. 5, л. 2 изображен полный бант Георгиевских крестов). Начавшаяся в 1914 году первая мировая война повлекла значительное увеличение количества награжденных Георгиевскими крестами (к началу 1917 г. Крест 1-й степени был выдан около 30 тыс. человек, а 4-й степени — более миллиону). Возникла необходимость уменьшить содержание драгоценных металлов в крестах, которое начинается с июня 1915 года, а в октябре 1916 года принимается решение о замене золота и серебра недрагоценными металлами. На новых Георгиевских крестах стали ставить дополнительное обозначение «ЖМ» (желтый металл) и «БМ» (белый металл), чеканка которых началась в феврале 1917 года (на рис. 6а, б и в, л. 2 вклейки показана оборотная сторона Георгиевских крестов 1-й, 4-й и 3-й степени соответственно). В августе 1917 года утверждается измененный образец Георгиевского креста: на ленту накладывается металлическая лавровая ветвь (рис. 7, л. 2 вклейки).

Медали на георгиевской ленте впервые были учреждены при Петре I в начале XVIII века «для награждения участников взятия крепости Нотебург (Шлиссельбург) в октябре 1702 года и захвата двух шведских военных кораблей в устье Невы в мае 1703 г. В дальнейшем золотые медали вручались, как правило, офицерам, а серебряные — солдатам, матросам и унтер-офицерам» (Военный Энциклопедический словарь. — М. Воениздат, 1983. — С. 433). Наиболее известны следующие медали: за сражение при Калише (1706 г.), Лесной (1708 г.), за отличия в Полтавской битве (1709 г.), Гангутском морском сражении (1714 г.), при Кунерсдорфе (1759 г.), Чесме (1770 г.), Кагуле (1770 г.), Кинбурне (1787 г.) — (см. рис. 4, л. 2 вклейки, лицевая и оборотная стороны), за поход на Анапу (1790 г.), участникам Роченсальмского морс-



кого сражения (1789 г.) и боя в устье реки Кюмене (1789 г.); за участие в русско-турецких, русско-шведской и последующих войнах, сражениях и походах.

Серебряная медаль «За храбрость» на георгиевской ленте к середине XIX века становится наградой для нижних чинов за разнообразные военные подвиги. Этой же медалью иногда награждались и гражданские лица за мужество в боевой обстановке. В связи со 100-летием со дня учреждения ордена св. Георгия (26 ноября 1869 г.) учреждается медаль, на лицевой стороне которой в середине — Знак отличия ордена и надпись: вверху — «За службу и храбрость», внизу — «1769 26 ноября 1869»; на оборотной стороне надпись: «Б. М. Екатерина II императрица и Александр II император всероссийский» с изображением их портретов (рис. 9, л. 4).

В 1878 году медаль «За храбрость» для награждения нижних чинов пограничной стражи, армии и флота устанавливается четырех степеней: 1-я — золотая на ленте с бантом; 2-я такая же, но без банта; 3-я — серебряная с бантом (рис. 8, л. 2, лицевая и оборотная стороны) и 4-я—серебряная без банта. На оборотной стороне медали выбивался порядковый номер. Носились медали на груди в ряд после Георгиевских крестов.

По новому статуту ордена св. Георгия 1913 года медаль «За храбрость» отнесена к разряду Георгиевской и «установлена для пожалования нижних воинских чинов за проявленные ими в военное или мирное время подвиги мужества и храбрости» (ст. 141). В ходе первой мировой войны Георгиевские медали, как и кресты, изготавливались из недрагоценных металлов с буквами «ЖМ» и «БМ». После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года на лицевой стороне медали вместо портрета Николая II изображался Георгий Победоносец на коне (рис. 9, л. 2 вклейки).

Георгиевское золотое оружие «За храбрость» было учреждено еще Петром 1 и считалось одной из престижных наград, вручаемых за боевые заслуги (на рис. 4 и 5, л. 3 вклейки изображены сабли с надписью «За храбрость», а на рис. 6 — шпага с георгиевской лентой). Одним из первых золотой шпагой с бриллиантами был награжден адмирал Ф. М. Апраксин за большие заслуги в руководстве войсками при овладении крепостью Выборг в 1710 году (Военная Энциклопедия. — Т. 2. — СПб., 1911. — С. 613). Такой же награды удостоен 27 июня 1720 года главнокомандующий войсками в Финляндии князь М. М. Голицын за победу, одержанную над шведским флотом при острове Грен-гаме. В 1740 году после успешно завершенной русско-турецкой войны 1735— 1739 гг. шпагами, украшенными бриллиантами, награждены командующий войсками в Крыму и Бессарабии фельдмаршал Б. Х. Миних и командующий Донской армией фельдмаршал П. П. Ласси (Биографии российских генералиссимусов и фельдмаршалов. — Ч. I. — СПб., 1840. — С. 190, 211). В 1762 году такого же оружия удостаивается участник Семилетней войны 1756— 1763 гг. генерал-фельдмаршал П. С. Салтыков (там же. — С. 289). После заключенного в 1774 году Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией, закрепившего выход России к Черному морю, шпагами с алмазами награждены генерал-фельдмаршалы А. А. Прозоровский и П. А. Румянцев-Задунайский, генерал-поручик Г. А. Потемкин и генерал-аншеф И. П. Салтыков. По случаю заключения мира между Российской империей и Оттоманской Портой пожалован шпагой с алмазами великий русский полководец А. В, Суворов, а в 1789 году за победу вблизи Фокшан над превосходящими турецкими войсками И на реке Рымнике он был отмечен второй шпагой, украшенной алмазами, с надписью в память об этих сражениях.

Первоначально золотым оружием награждались исключительно только высшие генералы, но к концу XVIII века круг награждаемых лиц расширился, и в него вошли уже офицеры армии и флота. Сводом «Учреждения орденов и других

Рисунки Ю. М. ЮРОВА

знаков отличия», принятым в 1807 году, определялось пять видов пожалования золотым оружием: простым; с надписью «За храбрость»; украшенным алмазами; украшенным бриллиантами; украшенным лаврами и алмазами. Оружием, украшенным алмазами, с надписью «За храбрость» награждены такие видные военачальники, как генерал А. П. Ермолов, войсковой атаман Донского казачьего войска М. И. Платов, генералы П. И. Багратион, А. И. Кутайсов, М. Д. Скобелев, Д. В. Давыдов и другие.

За выдающиеся заслуги перед государством иногда вручалось особое почетное золотое оружие с дополнительными атрибутами, не предусмотренными сводом «Учреждения орденов и других знаков отличия». Так, главнокомандующий русской армией герой Отечественной войны 1812 года фельдмаршал М. И. Кутузов был награжден золотой шпагой с алмазами и лавровым венком. Барклай-де-Толли удостоен золотой шпаги, украшенной алмазными лаврами, с надписью «За 20 января 1814 года» (сражение при Бриенне), участник Отечественной войны 1812 года генерал П. Х. Витгенштейн — золотой шпаги, украшенной лаврами и алмазами, с надписью «За храбрость».

В XVIII веке золотое оружие было пожаловано 117 лицам высшего командного состава русской армии, а в XIX веке этой награды удостоены 3384 офицера и генерала. Только в первом десятилетии XX века более 600 человек стали кавалерами почетного оружия (Русский инвалид. — 1908. — № 256). Столь щедрое награждение постепенно умаляло значение этой боевой награды, которой очень гордились видные русские полководцы.

В новом статуте ордена св. Георгия 1913 года к нему отнесено и золотое оружие, получившее официальное незвание «Героическое оружие» и «Георгиевское оружие, украшенное бриллиантами». На всех его видах стал помещаться маленький эмалевый крестик. С 1914 года на оружии для генералов надпись «За храбрость» заменялась указанием конкретного подвига. Например, генерал А. А. Брусилов был отмечен шпагой с бриллиантами и надписью «За поражение австро-венгерских армий на Волыни, в Буковине и Галиции 22—26 мая 1916 г.». Февральская революция 1917 года не внесла изменений в порядок награждения золотым оружием, но несколько изменила его внешний вид: на эфесах и клинках не делали вензель императора.

В русской армии существовали также коллективные Георгиевские награды, присваивавшиеся целым воинским частям за особые боевые заслуги и отличия: знамена и штандарты, флаги, вымпелы, трубы и сигнальные рожки. Георгиевскими знаменами впервые Павел I наградил в 1800 году за боевые отличия Таврический, Московский, Архангелогородский и Смоленский полки. Затем при императоре Александре I Георгиевские знамена стали еще больше отличаться от простых знамен полков: на навершии древка вместо двуглавого орла прикрепляли изображение креста орденов Георгия, знаменные кисти подвешивали на черно-оранжевой (георгиевской) ленте. Первое награждение такими знаменами состоялось в 1806 году: Павлоградский гусарский и Черниговский драгунский полки получили кавалерийские штандарты, а Киевский гренадерский и две казачьих полка Войска Донского — знамена с георгиевскими лентами (на рис. 2, л. 3 вклейки изображен штандарт 30-го Донского казачьего полка с надписью «За Шипку, Ловчу, двукратный переход через Балканы и взятие 50-ти орудий при Канджикляре в 1877—1878 годах»). На рис. 3 этого листа вклейки изображена наградная георгиевская труба, а на рис. 1 — каска ордена св. Георгия кирасирского полка.

В 1819 году учреждаются Георгиевский кормовой флаг, знаменный флаг и вымпел — высшие награды за воинскую доблесть боевых кораблей русского военно-морского флота. Первый Георгиевский вымпел был пожалован гвардейскому экипажу за Кульмский бой (рис. 1, л. 4 вклейки), а Георгиевский знаменный флаг — экипажам Черноморского флота «За оборону Севастополя с 13 сентября 1854 года по *21* августа 1855 года» (рис. 2). Первым заслужил право поднять

Георгиевский кормовой флаг (рис. 3) линейный корабль «Азов» (рис. 6), команда которого под командованием капитана 1 ранга М. П. Лазарева (впоследствии известного адмирала) в Наваринском морском сражении 1827 года с турецко-египетским флотом проявила мужество и героизм. На рис. 4 показан Георгиевский флаг командующего флотом, на рис. 5 — Георгиевский вымпел экипажей ЧФ, а на рис. 8 — бескозырка членов гвардейского экипажа с георгиевской лентой.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции одной из первых наград являлось Почетное революционное оружие как знак особого боевого отличия (рис. 1, с. 66). Оно учреждено Декретом ВЦИК от 8 апреля 1920 года. Еще раньше, 3 августа 1918 года, приказом Народного комиссариата по военным делам была введена награда «Почетное революционное Красное Знамя», а 16 сентября 1918 года декретом ВЦИК учрежден первый советский орден — Красного Знамени. Как продолжение боевых традиций русской армии 8 сентября 1943 года был учрежден орден Славы трех степеней для награждения рядового и сержантского состава (а в авиации и лиц в воинском звании младший лейтенант) за мужество и бесстрашие в бою. Лента на планке, к которой крепится орден, имела ту же окраску (черно-оранжевые полосы), что и на ленте Георгиевских наград (рис, 2), подтверждая тем самым традиционные цвета российской воинской доблести. Такую же окраску имеют планки и лента на матросской бескозырке современных гвардейских боевых кораблей (рис. 3 и 4).

Г. К. ФЕДОРОВ

РОДИОН ЯКОВЛЕВИЧ МАЛИНОВСКИЙ

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яновлевич (1898— 1967), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1945, 1958), Народный Герой Югославии (1964). Член КПСС с 1926 года. В Советской Армии с 1919 года Участник 1-й мировой и гражданской войн. В 1930 году окончил Военную академию имени М. В Фрунзе. В июне 1941 года — генерал-майор. В годы Великой Отечественной войны командовал стрелковым корпусом, армиями, был заместителем командующего фронтом, командовал рядом фронтов. С июля 1945 года — командующий Забайкальским фронтом, войска которого участвовали в разгроме японской Квантунской армии. В 1945 —1947 гг. командовал войсками Забайкальско-Амурского военного округа, в 1947 — 1953 гг.— главнокомандующий войсками Дальнего Востока, в 1953 — 1956 гг.— командующий войсками Дальневосточного военного округа. С марта 1956 года — 1-й заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий Сухопутными войсками. В 1957 — 1967 гг. — министр обороны СССР. С 1956 года — член ЦК КПСС (кандидат в члены ЦК КПСС в 1952—1956 гг). Депутат Верховного Совета СССР с 1946 года. Награжден 5 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени. Удостоен ордена «Победа». Урна с прахом захоронена в Кремлевской стене, бронзовый бюст установлен в Одессе.

Автобиография

Родился в 1898 году 23 ноября по новому стилю в г. Одессе, отца своего не знаю, в моей метрике было написано «незаконнорожденный». В моей памяти отложился лишь период 1903 г[ода], когда моя мать Варвара Николаевна Малиновская жила у своей замужней сестры Елены на ст[анции] Слободка Ю[го]-З[ападной] железной дороги, где муж ее Михаил Данилов служил весовщиком в товарной конторе. Затем в 1904 году моя мать переехала в село Сутиски, недалеко от ст[анции] Гнивань Ю[го]-З[ападной] железной] дороги — ныне Винницкой области — и поступила в этом селе кухаркой в земскую больницу, купила в рассрочку себе швейную машинку у компании Зингер и немного занималась шитьем. В 1908—1909 гг. ее забрала к себе местная помещица, которая иногда навещала больницу с благотворительной целью, графиня Гейден, мать у графини Гейден работала экономкой и очень часто поварихой, т. к. повар был запойный пьяница, здесь она познакомилась с молодым лакеем и за это была уволена с работы, поселилась в этом же селе Сутиски и занималась швейным делом, чем и добывала себе средства к существозанию, — в этом же селе я начал ходить в сельскую школу. К осени 1910 г[ода] она вышла замуж за этого лакея, и я с мамой переехали к нему, Сергею Залесному, в село Клищев (в 7 верстах от Сутиски), и мать стала носить фамилию Залесная, а я остался Малиновским, т[ак] к[ак] не был усыновлен. Здесь в 1911 году весной я окончил в селе Клищеве церковно-приходскую школу, и в эту же весну меня этот Залесный выгнал из дому, после продолжительных скандалов на этой почве с мамой, Я ушел вместе с другими мальчуганами из села на фольварк Мендеров помещика Ярошинского и стал работать батраком на возможной работе (больше всего работал погонщиком и плугатером при глубокой пахоте под сахарную свеклу, а зимой стал работать в воловне и по вывозке навоза в поле). Так я проработал до августа 1913 г[ода], за это время списался с тетками своими и по приглашению тетки Елены, муж которой был переведен со ст[анции] Слободка на ст[анцию] Одесса-товарная и работал весовщиком. Осенью 1913 года я приехал в Одессу и при помощи этого дядьки Данилова поступил подростком в галантерейный магазин купца по Торговой улице, № 29, этот купец часто выкупал товары в товарной конторе, и весовщики его знали. Я получал 5 рублей в месяц на всем своем, в мае 1914 г[ода] я заболел скарлатиной и по выходе из городской больницы я уже застал у этого купца другого подростка, принятого на мое место, мне купец сказал, чтобы я после болезни погулял месяца два, а там будет видно, так я оказался без работы, тут подоспела война, а как раз в больнице я прочитал брошюру про войну 1812 г[ода] и проникся желанием тоже так воевать геройски, как воевали под Бородином в 1812 г[оду], кстати, был без дела и часто пропадал у дядьки в товарных пролетах на товарной станции, откуда грузились воинские эшелоны.

В один из эшелонов я залез тайком и уехал вместе с солдатами на фронт. Уже в Вильно меня представили начальству, и я был зачислен официально добровольцем в пулеметную команду 266-го пех[отного] Елисаветградского полка, в команде я отличался строптивым характером, мало оказывал почтения начальству, за что оно меня не любило, я все время был в строю, сперва подносчиком патронов, а затем наводчиком и начальником пулемета — разумеется, участвовал абсолютно во всех боях, а наград все же не получал, был награжден Георгием IV степени, да и то по представлению чужого командира б[атальона| — кажется, 290-го Валуйского, на поддержку которого был брошен один батальон нашего полка и наш пулеметный взвод во время прорыва немцев в марте 1915 г[ода] у Кальвария (севернее Сувалки). В октябре 1915 г[ода] я был ранен под Сморгонью, лечился в г, Казани в 66-м городском госпитале, по излечении прибыл в 1-й зап[асный] пулеметный полк в г. Ораниенбаум, в 6-ю роту командиром отделения, в конце декабря 1915 г[ода] был назначен в маршевую пулеметную команду особого назначения и попал вместе с командой в г. Самару во вновь формируемый 2-й полк, который в январе 1916 г [ода] был отправлен через Маньчжурию на погрузку на пароход в порт Дайрен, а оттуда через Индийский океан, Суэцкий канал в Марсель, во Францию, куда прибыли в апреле 1916 г[ода], нас в порту вооружили и привезли в лагерь Майн, где целый месяц производили все короли и президенты беспрерывные смотры и парады, а в июне 1-я бригада (1-й и 2-й полки) была направлена на фронт под Мармелон — недалеко от Реймса, потом были переброшены под Силери, а затем под форт Бримон, там нас захватила Февральская революция, там же на фронте с выходом приказа № 1 я был избран председателем ротного комитета, 17 апреля 1917 г[ода], после долгих дебатов на собраниях и делегатских совещаниях бригада приняла решение все же участвовать в общем апрельском наступлении союзников, мы пошли в атаку на этот форт Бримон, в первый же день атаки я был ранен разрывной пулей в левую руку с раздроблением кости и очень долго лечился в госпиталях в г. Бордо, Сен-Серван, Сен-Мадьо — где также избирался в госпитальные комитеты. В конце июня 1917 г[ода] произошло разделение бригад по приказу генерала Зенкевича в ла[гере] Ля-Куртин, я, не закончив хорошо лечения, поторопился в полк и прибыл в Ля-Куртин, когда 1-я бригада была объявлена взбунтовавшейся, но на деле бунта никакого не было, просто бригада отказалась сдать оружие и отказалась идти на фронт, а требовала отправки в Россию. По прибытии в роту я опять был избран в ротный комитет и делегатом отрядного комитета. В конце августа отрядный комитет не хотел доводить дело до вооруженного подавления, вынес решение сдать оружие, с этим не согласились солдаты на митинге всей бригады, и был избран тут же на митинге новый состав от ротного комитета. В этот период у меня открылась рана и я с большим трудом был направлен в госпиталь в Сен-Серван (лагерь был уже в это время сильно изолирован и прибывали французские части на обложение лагеря Ля-Куртин), в 15-х числах сентября в этот же госпиталь прибыли раненые русские солдаты, и мы узнали, что 13 сентября лагерь Ля-Куртин был расстрелян (т. е. по лагерю был открыт огонь и лагерь сдался). По выходе из госпиталя был направлен в лагерь Курно (там была другая половина русских войск [реакционно настроенных]), там

был подвергнут аресту, хотели учинить даже суд надо мной, как и над всеми куртинскими комитетчиками, но успели допрос только провести, как произошла Октябрьская революция, французское правительство ввиду этого издало приказ о разоружении всех без различия русских войск, об отправке их на работы, т[ак] к[ак], дескать, во время войны нечего даром хлеб есть, а кто, мол, не захочет работать, тот будет направлен в Африку на принудительные работы. Я попал на работы в район Бельфор. Ссылаясь на свою раненую руку, я манкировал работой, пока не был заключен под стражу. После расстрела двух наших товарищей — одного т. Ушакова, а другого фамилии не помню, это мне показало полную нашу беззащитность с одной стороны и все же я чувствовал моральную необходимость побить немцев — в это время они оккупировали Украину, издеваясь над народом, — я решил пойти на фронт и был направлен в иностранный легион 1-й Марокканской дивизии французской армии, куда попал в январе 1918 г [ода], а в марте 1918 г [ода] дивизия была брошена на [встречу] немецкому мартовскому прорыву в Пикардии, и с этого дня эту дивизию безжалостно избивали во всех тяжелых боях 1918 г[ода]. Я был наводчиком, а затем начальником пулемета вплоть до перемирия. В январе 1919 г[ода] нас всех русских изъяли из иностранного легиона, кроме тех, которые подписали контракт служить 5 или 10 лет независимо от войны, за это давалась единовременная денежная премия, и на эту удочку многие попались, и собрали в деревне Плер недалеко от гор[ода] Сюзана, первоначально думали направить всех к Деникину, но встретили отпор, что мы, мол, подписывались воевать только против немцев, о чем делалась пометка в наших солдатских книжках, все же им удалось направить в Новороссийск одну стрелковую роту — человек 200, остальные — около 300 человек — так и остались в деревне до подписания Версальского договора. В июле стали записывать, кто куда хочет ехать в Россию — писали уже по городам, нас человек 20 записалось ехать в Одессу. В августе 1919 г[ода] нас направили в г. Марсель и, погрузив 14 августа на пароход Поль-Лека, оказалось, что повезли не в Одессу, а во Владивосток, куда мы и прибыли 7 или 9 октября 1919 г[ода]. Нас сразу хотели забрать в белую армию, мы начали бросаться, куда попало, чтоб нас вперед пустили по домам, это мы добились в комитете «Пленбеж», над которым держало гегемонию американское общество АРА. Получив разрешение ехать по домам на побывку, мы тронулись на Омск, в Иркутске на станции нас стали задерживать — мы бросились наутек, кто куда, — все были из центральных губерний и из Украины. Кое-как добрались до Омска (в кондукторских бригадах товарных поездов — железнодорожники были почти все поголовно настроены против колчаковцев и охотно оказывали содействие). Дальше Омска было трудно пробираться — поезда ходили только воинские, лед на Иртыше ломали, через несколько дней, когда уже Петропавловск был взят Красной Армией, я на рассвете пробрался через Иртыш перед проходом ледокола и пошел по целине по снегу, держась телеграфных столбов железной дороги на зрительное расстояние, по дорогам идти нельзя было — по ним тянулись бесконечные колонны отступающих колчаковцев, пройдя весь день и ночь, на другой день к вечеру я совершенно выбился из сил и выбрался на дорогу, к этому времени уже опустевшую от колчаковских колонн. Немного пройдя по дороге, я наткнулся на разведку 240-го Тверского стрелкового полка 27-й дивизии, был остановлен и обыскан, разведчики нашли у меня в кармане французский военный крест (за бои в 1918 г[оду] я был трижды награжден французским орденом Круа де Гер с мечами), вот в этих мечах и все зло заключалось, разведчики посчитали, что я не солдат, а офицер, потому что солдатам никогда не давали крестов с мечами, и решили просто меня расстрелять, кстати, недалеко от дороги были кусты: «Тащи его в кусты и крышка», — слышал я возгласы. Мной овладела сильная обида и злость, и я стал так сильно ругаться, как никогда не ругался, в это время один из разведчиков подал голос: «А то, ребята, давайте доведем его до штаба», а ему в ответ: «Охота тебе с ним возиться, ну, и веди». Так меня этот разведчик довел до ближайшего села, в котором расположился штаб батальона на ночлег. Командир б[атальона| выслушал меня и позвал доктора, чтобы тот, как ученый человек, проверил мои французские документы, доктор проверил их и подтвердил, что документы на самом деле французские — это солдатская книжка и продовольственный аттестат, выданный в Марселе при погрузке на пароход, — они у меня и сейчас есть. Наутро в это же село подошел штаб 240-го стрелкового полка, в штабе полка я встретил еще трех товарищей из группы в 20 человек, с которыми я прибыл из Франции, — это тов. Василий Ермаченко, Сергей Трофимов и Иван Цыб. С нами четырьмя имел беседу кто-то из подива-27, выяснял условия прибытия нашего из Франции и предложил, что если мы хотим ехать домой, то можем поехать — мы все четыре изъявили желание служить в рядах РККА. Тогда он с запиской послал нас к коменданту штадива, а последний с препроводительным документом направил нас на службу в 240-й Тверской стр[елковый] полк. Так мы попали в полковую пулеметную команду и вечером вместе с командой выступили по направлению на Омск — это было 10 или 11 ноября 1919 г[ода]. На второй день к вечеру мы вступили в Омск после небольшой перестрелки, затем продолжали преследование колчаковцев, были небольшие бои под Канском, Ново-Николаевском и сильный бой под ст. Тайга с поляками и воткинцами. После занятия Мариинска наша дивизия стала на отдых, а 30-я дивизия преследовала колчаковцев дальше. Наша пулеметная] команда разместилась в селе Собакино (его называли еще Дмитриевское), недалеко, в верстах 30, от г. Мариинска. Там мы получили пополнение и стали заниматься. В начале февраля я заболел сильно тифом, меня отвезли в госпиталь в Мариинск, держали всех тифозников вместе, и я, будучи больным возвратным тифом, заболел и сыпным тифом — болел в очень тяжелой форме, из Мариинска нас перевезли в Томск в более благоустроенный госпиталь, там даже были уже простыни и одеяла. В апреле я выписался из госпиталя, но был настолько слаб, что еле ходил, прибыл к коменданту города для отправки в свою часть. Началась оттепель, потекли ручьи по улицам, а у меня (да и у всех, которые накопились у коменданта) были только валенки, мы требовали хоть опорки, но комендант не имел, все обещал, что вот скоро придут ботинки, так мы прождали дней 20, а там комендант объявил, что тифозников направлять в свои части запрещено, и в мае месяце уже направил в Канск-Енисейский — в 137-й отд[ельный] батальон обороны ж[елезной] д[ороги] Сибири. По прибытии в Канск-Енисейский мне стало известно, что 27-я дивизия из района Минусинск (куда она во время моей болезни ушла) убыла на Польский фронт. Я никак не смог пробраться за дивизией и так и остался в 137-м бат[альоне], был направлен в школу подготовки младшего комсостава при 35-й отд[ельной] стр[елковой] бригаде обороны ж[елезной] д[ороги] Сибири, которую и окончил в августе месяце 1920 г[ода] и был назначен начальником пулемета во 2-ю роту 137-го б[атальона]. В декабря 1920 г[ода] 137-й отд[ельный] б[атальон] слился с еще одним батальоном и сформировался 246-й полк, я был назначен командиром пулеметного взвода 2-й роты, а 1 февраля 1921 г[ода] — начальником пулеметной команды. 28 февраля этот полк переименовали в 3-й Сибирский стрелковый полк и [он] был переброшен в Забайкалье на охрану туннелей Забайкальской ж[елезной] д[ороги] и на охрану монгольской границы. В декабре 1921 г[ода], когда были уже ликвидированы банды Унгерна в Монголии, после боев в районе ст[анции] Мысовая, 3-й полк был расформирован и я был назначен в 309-й полк 35-й стр[елковой] дивизии, сперва помощником] начальника] пулькоманды, а с 17 декабря 1921 года — начальником пулеметной команды. В августе 1922 г [ода] 35-я дивизия прибыла в Иркутск и переформировалась из 9-полкового состава в 3-полковой, я был назначен председателем ликвидационной комиссии 309-го полка, а 23 августа 1922 г[ода] назначен начальником пулеметной команды 104-го стр[елкового] полка этой же 35-й дивизии. 1 августа 1923

г[ода] я назначен пом[ощником] командира 1-го батальона этого же полка, а в конце октября мы были выделены из 35-й дивизии как второочередной кадр и прибыли в г. Калугу на формирование 81-й стрелковой дивизии, 18 ноября 1923 г[ода] был назначен командиром 1-го батальона 243-го стр[елкового] полка, в этой должности работал до 1 октября 1927 г[ода]. После учился в Академии имени Фрунзе и окончил ее весной 1930 г[ода]. По окончании военной академии назначен начальником штаба 67-го Кавказского кавалерийского полка (хотя никогда не чувствовал кавалерийских наклонностей). 25 января 1931 г[ода] назначен пом[ощником] начальника 1-го отдела штаба СКВО [Северо-Кавказского военного округа], а с 15 февраля 1931 г[ода] — помощником] начальника 3-го сектора 1-го отдела штаба БВО [Белорусского военного округа], с 14 марта 1933 г[ода[— начальником 2-го сектора этого же отдела. 10 января 1935 г[ода] назначен начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса. 19 июня 1936 года назначен помощником кавалерийского инспектора БВО по оперативному отделу.

Мать моя и ее муж Залесный с детьми, которые пошли от Залесного: Нина, Александр, Вера и Анна Залесные — жили до революции очень бедно: на три брата Залесных было три четверти десятины земли, никогда не было лошадей, и только кое-как при моей помощи мать приобрела корову, с 1931 г[ода] состоят в колхозе в этом же селе Клищев Тывровского района Винницкой области. Муж мамы Сергей Залесный умер в 1937 г[оду], мать теперь живет одна, я ей систематически помогаю.

Тетка Елена уже давно умерла, ее муж Михаил Данилов живет теперь у своих детей в г. Одессе на Пионерской улице, дом № 69: дочь его вышла замуж за Ясинского — рабочий механического Одесского завода, а сыновья его работают на этом же заводе — один слесарем, а другой инженером. Никто из них у белых не служил и не репрессирован. Вторая тетка Лидия вышла еще в 1910 г[оду] замуж за Наготчука, село Роговино (11 км от Клищева), а теперь живут в гор. Немиров — муж ее где-то там служит — связи с ней не имею.

Третья тетка Наталия Николаевна Малиновская замуж не выходила — приобрела сына в девушках, до революции работала санитаркой в детском приюте в г. Киеве, где живет и сейчас по ул. Кирова, дом № 11, кв. 11— сама теперь работает сортировщицей на Киевской обувной фабрике, а сын ее Евгений Георгиевич Малиновский работает сверловщиком в Киевском Арсенале — стахановец, к первому съезду стахановцев дал рекорд производительности труда, выполнив норму на 1200%, о чем писали в «Известиях». С ними поддерживаю связь, бываю у них, они у меня, т[ак] к[ак] с давних времен тетя эта оказывала мне внимание и помощь, а теперь я ей. Дядя мой Яков Николаевич Малиновский был смотрителем зданий на ст[анции] Бирзула Ю[го]-З[западной] ж[елезной] д[ороги], я его видел проездом в Одессу в 1913 г[оду], с тех пор связи с ним не имею и где они сейчас, не знаю, знаю, что на ст[анции] Бирзула он перестал работать с 1913 г [ода]. Дед мой Николай Малиновский служил приказчиком у помещика в местечке Ворошиловка (7 км от ст[анции] Гнивань Ю[го]-З[западной] ж[елезной] д[ороги]) и умер в 1902 г[оду], брат его Василий Малиновский сидел на каторге в период японской войны и еще раньше, за что, не знаю, в 1913 г[оду] приезжал в Жмеринку Ю[го]-З [западной] ж[елезной] д[ороги] и в этот же год уехал опять, но куда, я не знаю.

Родственники жены: женился я в 1925 г[оду] в г. Иркутске, для чего специально ездил из гор. Калуги, на Ларисе Николаевне Шарабаровой рождения 1904 г[ода], с которой познакомился в 1923 г[оду], когда она работала машинисткой в штабе 104-го стр[елкового] полка. Она воспитывалась у своего дедушки и бабушки в гор. Иркутске по ул. Степана Разина, д. № 3. Дед ее был сперва печником, каменщиком, а потом завел себе в тайге кирпичный завод, на котором работал сам и нанимал рабочих. Под конец сделался подрядчиком — брал подряды на постройку домов. Умер в 1920 г[оду], был старик и в белой армии не служил. Бабушка ее — домохозяйка. Мать ее родила в девушках, поэтому она воспитывалась у дедушки и бабушки, мать стала жить без брака с почтовым чиновником Пучковым — он умер в 1916 году или 1917 г[оду], сама она работала на почте телеграфисткой и умерла после операции в 1919 г[оду] в Иркутске, оставшиеся от нее дети — Евлогий и Андроник, перешли также на воспитание к бабушке, поэтому жена стала работать с 16 лет, бросив учиться. Младший брат жены Евлогий — примерно 1909 г[ода] рождения, будучи мальчишкой, стал торговать мелочью с лотка, а теперь служит заведующим складом Иркутской обувной фабрики, в Красной Армии не служил. Самый младший брат жены Андроник Шарабаров рождения так 1914—[19]15 г[ода], работает сейчас бухгалтером в системе совхозов на периферии в Иркутской области, в Красной Армии не служил (освобожден по болезни — ярко выраженное косоглазие). Сейчас в Иркутске по ул. Степана Разина, д. № 3 живет дядя жены Федор Михайлович Шарабурин (сын дедушки, у которого жена воспитывалась), теперь уже пенсионер, до этого был печником, каменщиком, а последнее время проводником почтовых вагонов. Бабушка жены умерла в 1928 г[оду].

В партию я вступил кандидатом в 1923 г[оду] в 243-м стрелковом полку, в члены переведен в октябре 1926 г[ода]. Принят парткомиссией 81-й дивизии в г. Калуге. № партбилета 1040844. Партвзысканий не имею и не подвергался. Работал два года членом выездной сессии военного трибунала 81-й дивизии. В других партиях не состоял. Отклонений от генеральной линии партии не имел, во время троцкистской оппозиции 1925—1927 гг. разобрался во всей контрреволюционной сущности троцкизма во время развернувшейся дискуссии в Военной академии имени Фрунзе. Осенью 1927 г [ода] в этой борьбе я твердо стоял за линию ЦК нашей партии. В белой армии не служил, службу в старой армии и французской армии закончил ефрейтором. Под судом и следствием не состоял. Родственников за границей не имею. Владею французским и испанским языками — самостоятельно объясняюсь, пишу и читаю со словарем. В 1937 г[оду] постановлением Президиума ЦИК СССР от 17 июля награжден орденом Ленина, а постановлением Президиума ЦИК СССР от 22 октября награжден орденом «Красное Знамя».

Комбриг МАЛИНОВСКИЙ. 28 декабря 1933 г. (после сканера 1933, ср. упом. 1937, возможно 1938 - Ю.З.)

***

В личном деле Р. Я. Малиновского есть и другая автобиография, в которой более широко рассказывается о его деятельности в годы Великой Отечественной войны. Мы публикуем отрывок из нее, касающийся этого периода.

***

...В сентябре 1939 года назначен преподавателем в Военную академию им|ени] Фрунзе, а в марте 1941 года командиром 48-го стр[елкового] корпуса в Одесский военный округ.

В этой должности начал войну 22 июня 1941 года на р. Прут...

В конце августа 1941 года я принял в командование 6-ю армию под Днепропетровском и в тяжелых боях благополучно отошел с армией на реку Донец к Изюму, где с октября 1941 года фронт прочно стабилизировался.

18 декабря 1941 года назначен командующим Южным фронтом, в этой должности провел январскую операцию на Барвенково — Лозовая силами 57-й и 9-й армий довольно успешно.

По приказу Ставки в связи с неудачами под Харьковом и отходом войск Ю[го]-З[ападного] ф[ронта] начал в июле планомерный отход и Южный фронт, во время этого отхода, будучи глубоко охвачен с фланга и тыла, не сумел удержать Новочеркасск и Ростов и оставил их без разрешения Ставки; Южный фронт был слит с Северо-Кавказским фронтом в один Северо-Кавказский фронт, командующим был назначен маршал Буденный, а я — его первым заместителем...

27 августа 1942 года я был назначен командующим 66-й армией, которую принял в районе Камышина и повел под Сталинград... 14 октября я был назначен заместителем командующего Воронежским фронтом, а 29 ноября 1942 года — командующим 2-й гвардейской армией, с которой выступил из района Тамбова под Сталинград, в конце декабря головные части 2-й гв[ардейской] армии вступили в тяжелые бои с прорывавшейся к Сталинграду группой Манштейна на реке Мышкова — к югу от Сталинграда, и 26 декабря 1942 года, перейдя в решительное наступление, разгромили группу Манштейна...

В середине января 1943 года 2-я гвардейская армия подошла к Новочеркасску и Аксайская. 29 января 1943 года я вновь назначен командующим Южным фронтом (бывший Сталинградский)...

22 марта 1943 года я назначен командующим Юго-Западным фронтом (затем переименован в 3-й Украинский)...

15 мая 1944 года назначен командующим 2-м Украинским фронтом...

В июле 1945 года управление фронта прибыло в Читу и стало во главе войск Забайкальского фронта, войска которого 9 августа нанесли решительный удар по Квантунской армии японцев через Монголию...

Забайкальский фронт переименован затем в Забайкальско-Амурский военный округ, которым я командовал до мая 1947 года, а с мая 1947 года назначен Главнокомандующим войсками Дальнего Востока...

4 марта 1948 г.

МАЛИНОВСКИЙ

№11-1989
СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Летчик Л. Н. Хрущев

В редакцию журнала поступает много писем с просьбой рассказать о судьбе Леонида Никитовича Хрущева, военного летчика, сына Никиты Сергеевича Хрущева.

Вот одно из них:

Мне семьдесят четыре года. Стопроцентно поддерживаю перестройку и гласность. Спасибо редакции «ВИЖ», М. С. Горбачеву за то, что нам открыли глаза. Много читаю. Узнал наконец о судьбах детей Сталина. Наконец-то правда берет верх над закрытыми зонами. Расскажите о судьбе детей Н. С. Хрущева. Особенно волнует судьба его старшего сына Леонида.

В. И. ТУМАНОВ (г. Киев).

Выполняя просьбу В. И. Туманова из Киева, Д, А. Власова из Чимкента, А. Н. Колоколова из Барнаула, Гусейн Гасан Гусейновича Гасанова из Махачкалы и многих других наших читателей, публикуем материал А. Н. Колесника «Летчик Л. Н. Хрущев».

В НЕКОТОРЫХ письмах читателей утверждается, что Н. С. Хрущев..... выступил на XX сьезде партии с разоблачением культа личности Сталина только из-за того, что последний якобы не отменил смертный приговор его сыну за измену Родине.

ЛЕОНИД — сын Никиты Сергеевича от первого брака — родился 10 ноября 1917 года. Мальчику едва исполнилось два года, когда умерла мать. Закончив в 1932 году семилетку, он поступил в фабрично-заводское училище, затем работал слесарем на рентгеновском заводе. Оттуда решением собрания коллектива в декабре 1933 года был направлен на учебу в Балашов в школу Гражданского Воздушного Флота. Успешно освоив четырехгодичную программу, он сразу же после выпуска прошел дополнительную подготовку в Ульяновске на курсах усовершенствования командного состава. После этого Леонид месяц проработал инструктором Центральных авиационных курсов в Москве, потом перебрался в Киев.

В феврале 1939 года Л. Н. Хрущев добровольно вступил в Красную Армию и был зачислен слушателем подготовительного курса командного факультета Военно-воздушной академии, Однако уже через год его перевели в Энгельсскую военную авиационную школу. О том периоде жизни рассказывают следующие документы из личного дела.

АВТОБИОГРАФИЯ (Здесь и далее сохранена орфография подлинников.) Хрущева Леонида Никитовича

Родился в Донбассе, г. Сталино, в семье рабочего. До революции отец работал слесарем на шахтах и заводе Боссе. В настоящее время член Политбюро ЦК ВКП(б), Секретарь ЦК КП(б) Украины. Родственников за границей нет. Женат. Жена работает штурманом-летчиком эскадрильи аэроклуба в г. Москве. Отец жены — рабочий. Брат — военнослужащий ВВС, г. Одесса. Сестра — домохозяйка.

Общее и специальное образование получил, учась в семилетке, ФЗУ, школе пилотов ГВФ, на подготовит [ельном] курсе академии. Школу ГВФ окончил в 1937 году.

В ряды ВЛКСМ вступил в 1932 г [оду], принят организацией Краснопресненского района г. Москвы: билет № 1029961. В ФЗУ работал секретарем ячейки первичной организации ВЛКСМ.

В 1936 году в школе ГВФ был комсоргом звена. В 1940 г [оду] за задолженность уплаты членских взносов получил выговор. Не снят.

В РККА добровольно с февраля 1939 г[ода], слушатель подготовительного курса ВВА им. Жуковского. С февраля 1940 г. ЭВАШ. За границей не был, под судом не был. 22 мая 1940 г [ода]

Курсант (Хрущев)

ВЫПУСКНАЯ АТТЕСТАЦИЯ

Тов. Хрущев Л. Н. предан партии Ленина — Сталина и социалистической Родине. Общее развитие хорошее. Политически грамотен, идеологически выдержан, морально устойчив. Бдителен и умеет хранить военную тайну. Как на работе, так и в быту дисциплинирован, требователен к себе. Развито чувство ответственности за порученное дело. По теоретическим дисциплинам учится отлично, материальную часть самолета СБ знает отлично и эксплуатирует грамотно. Летную программу усваивает легко и отлично закрепляет. Техника пилотирования на самолете СБ отличная, ориентировка хорошая. К оружию и социалистической собственности относится хорошо. В быту общителен, выдержан и скромен. Активно участвует в общественно-политической работе. В работе энергичен, решителен, инициативен и выносливый. Много работает над повышением идейно-политического и культурного уровня. Физически развит, внутренне подтянут. Строевая выправка отличная.

Вывод. Целесообразно использовать в скоростной бомбардировочной авиации. Достоин присвоения воинского звания лейтенант РККА.

Инструктор по теории и технике пилотирования лейтенант [ЩЕРБАКОВ]

21 мая 1940 г.

Леонид Хрущев начал воевать с начала июля 1941 года. В полетах он отличался смелостью и надежностью. Вот что говорилось в боевом донесении начальнику штаба ВВС 22-й армии от 16 июля 1941 года:

«Командир экипажа Леонид Никитович Хрущев (сын Никиты Сергеевича), член ВЛКСМ, имеет 12 боевых вылетов. Все боевые задания выполняет отлично. Мужественный, бесстрашный летчик. В воздушном бою 6.7.1941 г. храбро дрался с истребителями противника вплоть до отражения их атаки.

Из боя тов. Хрущев вышел с изрешеченной машиной. Инициативный. Его машина безотказна, неоднократно он шел в бой и подменял неподготовленные экипажи.

Ходатайствую о награждении тов. Хрущева орденом Красного Знамени. Командир 46 й авиадивизии полковник [ПИСАРСКИЙ]»

В конце июля в одном из вылетов самолет лейтенанта Л. Н. Хрущева был сбит. Журнал боевых действий 134-го

скоростного бомбардировочного авиационного полка содержит такую запись:

«(26.7.1941 г.— 1 аэ в составе одного звена, 2 аэ двумя самолетами и 3 аэ одним звеном вышли бомбить аэродром в районе ст. Изоча, что 3 км сев.-зап. ст. Чернуха, пехоту, артиллерию в районе Хикало.

На аэродроме самолетов не обнаружено, звено 3 аэ бомбило аэродром, расстреляло из пулеметов аэродромные объекты и пехоту противника.

Задание всеми выполнено.

При уходе от цели были атакованы Ме-109 до 8 шт. В результате боя мы имеем потери — 4 экипажа;

1 экипаж —
Кляпчин
Щербаков
Щепков
2 экипаж —
Камалягин
Шакало
Супрун
3 экипаж —
Крюков
Шишкин
Комов
4 экипаж —
Хрущев
Елинов
Новиков»

Леонид Хрущев сумел посадить поврежденную машину, но при этом сломал ногу. Его отправили в госпиталь на излечение. По невыясненным причинам он награжден не был. Через несколько месяцев командир и военный комиссар дивизии возбудили ходатайство (исх. № 0207 от 5.11.41 г.):

«Командующему ВВС Западного фронта. Прошу представить к награде перечисленных ниже товарищей, представленных 14—17/VII—41 г., но до сих пор «в отмеченных вследствие того, что наградной материал застрял в 22-й Армии.

1. Лейтенанта Хрущева Леонида Никитовича, имеет 27 боевых вылетов, к ордену Красного Знамени...»

Такое внимание к летчику было следствием его личных заслуг, а не высокого должностного положения отца. Это подтверждает следующий документ.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НА ПИЛОТА 134 сбп ЛЕЙТЕНАНТА ХРУЩЕВА ЛЕОНИДА НИКИТОВИЧА

Дисциплинирован. Техника пилотирования на самолетах СБ и АР-2 отличная. В воздухе спокоен и расчетлив. Аварий и поломок как в мирное время, так и на фронте не имел.

Особенно хорошо проявил себя, находясь на фронте, в борьбе с фашистскими варварами. Неутомимый в бою, бесстрашный, всегда рвался в бой. Были дни, когда он делал по 3—4 вылета в день и никогда не жаловался на усталость.

На Западном фронте пробыл два месяца в начальный период, т. е. в самый тяжелый период, когда полк летал без прикрытия, и он не боялся трудностей и смело шел в бой.

За период боевой деятельности совершил 27 боевых вылетов по войскам врага.

За свою хорошую работу командованием 46 АД представлен к правительственной награде — ордену Красного Знамени. В бою был сбит противником и при посадке сломал ногу.

Вывод: Хороший, опытный летчик и может быть назван хорошим сыном своего отца. По выздоровлении желательно направить в 134-й полк».

В феврале 1942 года летчику наконец вручили награду. В следующем месяце Хрущев выписался из госпиталя и добился перевода в истребительную авиацию. Его направили в 3-й отдельный учебно-тренировочный смешанный авиаполк. 4 апреля приказом наркома обороны № 02520 летчику присвоили очередное воинское звание старший лейтенант. Он успешно прошел программу переучивания на самолет Як-7 и в декабре был назначен в распоряжение командующего 1-й воздушной армией.

18-й гвардейский истребительный авиационный полк, куда Леонид прибыл для дальнейшего прохождения службы, базировался на аэродроме Хатенки, расположенном в 10 км севернее города Козельска. Эта авиачасть имела хорошую учебную базу и была укомплектована опытным летным составом. К Хрущеву там отнеслись доброжелательно и создали все условия для быстрейшего ввода в строй. Он упорно совершенствовал свое мастерство и очень скоро стал участвовать в выполнении боевых задач. Очередной вылет состоялся 11 марта 1943 года. Его подробности отражены в документе, сохранившемся в Центральном архиве Министерства обороны СССР (исх. № 038 от 14.3.43 г.).

ОПИСАНИЕ ВОЗДУШНОГО БОЯ 11 МАРТА 1943 ГОДА

11 марта 1943 г. в 12.13 группа из 9 Як-7б, ведущий капитан Мазуров, вышла на боевое задание с задачей уничтожения бомбардировщиков противника в районе Кожановка, Ашково, Ясенок, Дынное, Жеребовка.

Группы для выполнения боевого задания пошли эшелонирование по высоте, т. е. одна группа в 5 самолетов, ведущий Мазуров, шла на Н-2000 м и другая группа — 4 самолета, ведущий гв[ардии] мл[адший] лейтенант Ляпунов, шла на Н-2500 м. Придя в район действий, группы из-за плохих метеоусловий (дымка до 2000 м) стали действовать самостоятельно. В момент прихода на линию фронта летчики справились о воздушной обстановке, станции наведения ответили: «Самолетов противника пока нет, но будьте осторожны».

После 3—5-минутного пребывания над линией фронта появились истребители противника, которые, пользуясь дымкой, начали производить атаку наших самолетов; наши самолеты, приняв бой, разбились на три группы.

Два наших самолета, ведущий гв[ардии] ст[арший] лейтенант Заморин и ведомый гв[ардии] ст[арший] лейтенант Хрущев, были атакованы 2 ФВ-190, в результате завязался воздушный бой пары на пару на Н-2500 м. Закончился воздушный бой в районе Мужитенский (вост[очнее] Жиздры 6 км). Сам воздушный бой происходил следующим образом: гв[ардии] ст[арший] лейтенант Заморин производил атаку одного ФВ-190 и с дистанции 50—70 м открыл огонь и сбил

самолет противника. Хрущев шел с правой стороны... Заморин сбил самолет противника и увидел, что к хвосту машины Хрущева пристроился один ФВ-190 и вел по нему огонь. Заморин открыл огонь по самолету противника под углом, немецкий летчик, видя свое невыгодное положение, отвалил от Хрущева и с пикирования пошел на юг, Заморин продолжал атаковать.

В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущева, Хрущев с переворота под углом 65—70° пошел к земле и, когда Заморин возвратился, то Хрущева не нашел и считает, что сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а перетянул ручку и сорвался в штопор.

В момент, когда вел [и] воздушный бой Заморин и Хрущев, все остальные 7 на различных высотах и [в] районах вели воздушный бой с истребителями противника, которых было 8—10 штук, а именно: гв[ардии] лейтенант Ходаковский вел воздушный бой в районе Жиздра с 2 ФВ-190, из которых по докладу летчика оба были сбиты.

3-я группа из 5 самолетов вела воздушный бой с 4 ФВ-190 в районе Акимовка, в результате которого по докладу летчиков мл[адшим] лейтенантом Замковским сбит один ФВ-190.

Командир 18 гиап гв [ардии] майор

(ГОЛУБЕВ)

Начальник штаба 18 гиап гв[ардии] подполковник

(ВЫШИНСКИЙ)

Примечание. За время нахождения тов. Хрущева в 13 гиап им произведено 6 боевых вылетов с налетом 4 ч 26 мин и проведено 3 воздушных боя. Кроме боевых вылетов, произведено 28 учебных полетов с налетом 13 ч 01 мин».

В течение месяца однополчане ожидали возвращения Леонида, но безрезультатно. 11 апреля на имя его отца пришло печальное сообщение.

ЧЛЕНУ ВОЕННОГО СОВЕТА ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА

Генерал-лейтенанту ХРУЩЕВУ

Дорогой Никита Сергеевич! С глубоким прискорбием сообщаю Вам печальную новость. Ваш сын, летчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка, гвардии старший лейтенант Леонид Никитович Хрущев 11 марта 1943 года не возвратился с боевого задания. Отважный сталинский сокол, он на протяжении всей Отечественной войны храбро сражался против немецких захватчиков.

В 134-м скоростном бомбардировочном авиационном полку он совершил 27 успешных боевых вылетов, за что был награжден орденом Красного Знамени. В боях получил тяжелое ранение и до 1.03.42 г. находился на излечении.

После выздоровления гвардии старший лейтенант Леонид Никитович Хрущев настойчиво просил направить его для переучивания на истребителях.

Леониду хотелось в воздушных схватках уничтожать врага, очищая советское небо от немецких фашистов.

Обучение в учебно-тренировочном авиаполку проходило успешно, так как Ваш сын был хорошо подготовленным и способным летчиком, имевшим богатый опыт летной работы. Еще до войны его налет равнялся 1268 часам, из которых: на У-2 —600 часов, на Р-5 — 300 часов, на УТ-1—8 часов, на СБ — 250 часов, на АР-2—110 часов.

Программу переучивания гвардии старший лейтенант Хрущев окончил 3.11.42 с оценкой ОТЛИЧНО и был назначен летчиком в 18-й гвардейский истребительный авиационный полк.

Мною и начальником штаба армии было предложено Вашему сыну перейти на работу в Управление Воздушной армии, но он пожелал остаться в боевом полку и от предложения отказался.

4.12.42 гвардии старший лейтенант Леонид Никитич (Так в документе) Хрущев был проверен по технике пилотирования. Командир аэ 18 гв. иап гвардии капитан Мазуров дал общую оценку ХОРОШО.

Для обучения воздушному бою к Вашему сыну был прикреплен лучший боевой летчик полка старший лейтенант Заморин, имевший на своем счету 18 лично им сбитых самолетов противника.

Все элементы воздушного боя были отработаны в строгой последовательности и в соответствии с курсом боевого использования истребительной авиации. Не неоднократных проверках в зоне гвардии старший лейтенант Леонид Никитич (Так в документе) Хрущев неизменно показывал отличные результаты, мастерство, напористость и отвагу, свойственные талантливым летчикам-истребителям. И все же, несмотря на это, командование пслка продолжало дальнейшую его тренировку, под разными предлогами удерживая от боевой работы.

Настойчивые просьбы Вашего сына, который очень обижался; «Почему так долго возятся?» и блестящая техника пилотирования, умение вести себя в воздушном бою послужили командиру полка гвардии майору Голубеву основой для разрешения гвардии старшему лейтенанту Л. Н. Хрущеву выполнять боевые задания в составе группы 6—9 самолетов под наблюдением и контролем старшего лейтенанта Заморина.

В первых же боях ваш сын показал беспримерную храбрость и боевую хватку настоящего истребителя.

Гвардии старший лейтенант Заморин в первых совместных воздушных операциях сам боя не вел, а охранял своего ученика и наблюдал за его поведением. По его докладу, Ваш сын атаковал врага смело, преследовал неотступно, правильно использовал освещение, облачность, умело маневрировал — словом, вел бой грамотно и решительно.

Гвардии старший лейтенант Хрущев произвел 6 боевых вылетов по прикрытию войск 16-й армии и участвовал в трех воздушных боях.

Возвращаясь после воздушного боя, Ваш сын буквально ликовал, вспоминая подробности схватки и бегство «фрица», которому он зашел сзади в хвост и, преследуя, расстреливал почти в упор.

11 марта 1943 года в 12.13 группа 9 Як-7б, в составе которой находился Ваш сын, под командой гвардии капитана Мазурова вылетела на выполнение боевого задания в район Кожановка, Ашково, Нижнее, Ясенок, Дынное, Жеребовка (все пункты 7—9 км севернее Жиздра).

Группе была поставлена задача: уничтожить бомбардировщики противника, не допуская бомбометания по наступающим войскам 16 А.

Боевой порядок девятки был эшелонирован по высоте. Пять самолетов под командой гвардии капитана Мазурова летели на высоте 2000 метров, четыре самолета под командой гвардии младшего лейтенанта Ляпунова — на высоте 2500 метров.

При подходе к линии фронта летчики справлялись о воздушной обстановке. Радиостанции наведения сообщили: «Самолетов противника пока нет, но будьте осторожны». После 3—5-минутного патрулирования в воздухе появилось до 8— 10 «Фокке-Вульф-190», которые, используя дымку, начали производить групповые атаки. При завязке воздушного боя наши истребители разделились на три группы.

Гвардии старшие лейтенанты Заморин и Л. Н. Хрущев вступили в поединок против двух «Фокке-Вульф-190», постепенно оттесняя их на территорию противника.

Гвардии старший лейтенант Заморин атаковал и огнем с дистанции 50—70 метров сбил одного ФВ-190. Гвардии старший лейтенант Хрущев в это время летел справа, охраняя хвост ведущего, и в свою очередь был атакован вторым ФВ-190. Гвардии старший лейтенант Заморин немедленно бросился к своему ученику на выручку и огнем отогнал противника, продолжая его преследовать, он видел, что самолет Вашего сына с переворота, под углом 65—70° пошел к земле.

Закончив воздушный бой, Заморин вернулся в район, где оставил старшего лейтенанта Хрущева, но не обнаружил его. Увидев в стороне свои самолеты и полагая, что гвардии старший лейтенант Хрущев находится среди них, он присоединился к общему строю и прилетел на свой аэродром.

Во время этого боя было сбито 4 самолета противника «Фокке-Вульф-190». Из состава наших истребителей не возвратился Ваш сын — гвардии старший лейтенант Л. Н. Хрущев.

Организованные мною самые тщательные поиски с воздуха и через партизан пока не дали результатов.

В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын — гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитич (Так в документе) пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков.

Первая Воздушная Армия потеряла молодого талантливого летчика-истребителя, а Вы лишились сына.

Сообщая Вам эту тяжелую весть, прошу принять мое искреннее соболезнование.

Командующий 1-й Воздушной армией
генерал-лейтенант авиации
ХУДЯКОВ».

В представлении и приказе о награждении гвардии старшего лейтенанта Л. Н. Хрущева орденом Отечественной войны I степени слово «посмертно» не фигурировало, хотя все это произошло уже после его гибели. И последнее. Работая в архивах, я обратил внимание на то, что многие страницы из личного дела сына Н. С. Хрущева оказались замененными уже в послевоенный период. Было ли это сделано для большего «удобства» самого Н. С. Хрущева или с какой другой целью, ответа на этот вопрос я не нашел.

***Публикацию подготовил подполковник А. Н. КОЛЕСНИК,* кандидат исторических наук**

ВИЖ №4 1990

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

В предыдущей статье рассматривалась версия исчезновения сына Хрущева - летчика.

Путь от рабочего до пилота бомбардировщика СБ. Служба в ВВС начала войны, до ранения. Волокита с награждением (первым), лечение и переучивание, по его рапорту, на летчика-истребителя.

Прибытие на фронт в достаточной степени обучения. Служба в полку, учебные и первые боевые вылеты, их количество и кто обеспечивал безопасность полетов.

Подробнейшее описание последнего боевого вылета, отчет ведущего (в данном случае - опекуна) летчика.

Месяц ожидания возвращения исчезнувшего пилота и письмо соболезнование-отчет командующего воздушной армией Н.С. Хрущеву. /Ю.З./

ПОГИБ? ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ? ЖИВ?.. (О судьбе старшего сына Хрущева)

В 11-м номере нашего журнала за 1989 год была помещена статья кандидата исторических наук подполковника А. Н. Колесника «Летчик Л. Н. Хрущев». На имя автора поступило **письмо майора в отставке А. Андреева** из г. Подольска Московской области. Вот его содержание:

«В «Военно-историческом журнале» № 11 за 1989 год опубликованы Ваши разъяснения о судьбе сына Н. С. Хрущева — офицера Хрущева Леонида Никитовича, 1917 года рождения.

У меня нет никаких оснований для того, чтобы обвинить Вас в недобросовестном отношении к делу и неверной информации читателей. По статье, опубликованной в «Военно-историческом журнале», чувствуется, что Вы старались узнать истину, но она Вам так и не далась.

Я долгие годы дружил с бывшим командиром 69-й стрелковой дивизии, а в последние годы его службы заместителем начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР генерал-полковником Кузовковым Иваном Александровичем. Жаль, что он уже умер (17 августа 1989 г.).

Мог бы я Вам воспроизвести полностью весь разговор с И. А. Кузовковым на тему, близкую Вашей публикации, но едва ли в этом есть какая-то необходимость.

Однако кое о чем упомяну. И. А. Кузовков рассказывал мне, что сын Н. С. Хрущева, Леонид, в 1943 году попал в плен к немцам. По настоятельной просьбе Н. С. Хрущева И. В. Сталин дал согласие на обмен его сына на немецкого военнопленного. Обмен состоялся, но, как установили работники КГБ, когда Л. Н. Хрущев находился в фильтрационном лагере для бывших военнослужащих, в плену он вел себя плохо, работал в интересах гитлеровской Германии. По совокупности совершенных преступлений Л. Н. Хрущев военным трибуналом был осужден и приговорен к расстрелу.

После вынесения такого сурового приговора Н. С. Хрущев обратился к И. В. Сталину с просьбой о помиловании сыне. Сталин ему ответил:

— Виновность вашего сына доказана, и у меня нет ни юридических, ни моральных прав не согласиться с решением суда военного трибунала.

И. А. Кузовков рассказывал мне, что именно в отместку за отказ о помиловании сына Н. С. Хрущев затеял борьбу против культа личности И. В. Сталина. И. А. Кузовков в Главном управлении кадров МО СССР работал с декабря 1945 года по 20 апреля 1969 года, был в курсе всех происходящих событий в Вооруженных Силах СССР, и обманывать меня ради красного словца он не мог.

Как бывший работник Центрального архива МО СССР, рекомендую Вам еще раз вернуться к этому вопросу и еще раз перепроверить необходимые сведения по документам: алфавитной картотеке учета офицеров и генералов Управления кадров ВВС, выяснив, на основании чего Л. Н. Хрущев был исключен из списков офицеров ВВС; алфавитной картотеке учета осужденных военными трибуналами в 5-м архивохранилище 5-го отдела Центрального архива МО СССР, алфавитной картотеке учета осужденных в информационном центре МВД СССР».

А вот еще письма, поступившие в редакцию:

«В статье «Летчик Л. Н. Хрущев» ничего не сказано об обстоятельствах гибели Л. Н. Хрущева и нет ответа на вопрос читателей об истинной причине «разоблачения» культа личности И. В. Сталина Н. С. Хрущевым.

Свидетельство ведущего летчика (непосредственного командира Л. Н. Хрущева) о выходе ведомого из «последнего боя» перечеркивает все дифирамбы о нем. И сбит не был, и исчез бесследно, и награжден не посмертно. К тому же писатель Солженицын в журнале «Литература Киргизстана» № 10 упоминает, что Л. Н. Хрущев погиб в штрафном батальоне, куда героев не направляли. А есть разговоры, что он и до штрафбата не дотянул. Где же истина? Без истины ни нам, ни журналу жить нельзя.

И. В. Грачев (г. Климовск)»

«К сожалению, не могу помочь Вам в Ваших розысках, но, может, наведу на след. А след такой: архивы КГБ.

Дело в том, что много-много лет назад один довольно крупный чин КГБ (мы с ним были в одной депутатской группе, и он почему-то благоволил ко мне) рассказал, что сын Хрущева попал в плен и слишком там «разговорился». Узнав об этом, Сталин рассвирепел и приказал его выкрасть, что и было сделано. Сына Хрущева судили и расстреляли.

У меня создалось впечатление, что этот товарищ (ныне покойный) имел к этому делу какое-то отношение. Поскольку разговор был доверительный, я никому за двадцать с лишним лет о нем не говорила. По причине той же доверительности не могу даже сейчас назвать фамилию того полковника (или генерала?). Он всегда на депутатских советах был в штатском. Какими делами он ведал, не имею представления, таких вопросов я ему, понятное дело, не задавала.

Р.И. Степанова (г. Москва)»

Эти письма поставили перед редакцией острый вопрос, где же истина: в статье А. Колесника или в письмах-откликах на нее?

Я выехал в Центральный архив Министерства обороны СССР в город Подольск. Там постепенно были сняты возникшие вопросы.

Первое. В алфавитной картотеке учета офицеров (в карточке Л. Н. Хрущева) значится, что он погиб 11 марта 1943 года.

Второе. В алфавитной картотеке учета осужденных военными трибуналами 5-го отдела ЦАМО СССР карточка на Л. Н. Хрущева отсутствует.

Статья А. Колесника заканчивается так: «В представлении и приказе о награждении гвардии старшего лейтенанта Л. Н. Хрущева орденом Отечественной войны 1 степени слово «посмертно» не фигурировало, хотя все это произошло уже после его гибели. И последнее. Работая в архивах, я обратил внимание на то, что многие страницы из личного дела

сына Н. С. Хрущева оказались замененными уже в послевоенный период. Было ли это сделано для большего «удобства» самого Н. С. Хрущева или с какой другой целью, ответа на этот вопрос я не нашел».

Сейчас, отвечая на вопрос, почему в представлении и приказе о награждении гвардии старшего лейтенанта Л. Н. Хрущева орденом отсутствует слово «посмертно», можно утверждать следующее. Наградной лист на него был составлен командиром 18-го гвардейского истребительного полка гвардии майором Голубовым 3 апреля 1943 года. Командир 303-й истребительной авиационной дивизии генерал-майор авиации Захаров подписал этот документ 4 апреля 1943 года, то есть в то время, когда Л. Н. Хрущева еще не считали погибшим. Лишь 11 апреля 1943 года Н. С. Хрущев получил письмо командующего 1-й воздушной армией генерал-лейтенанта С. А. Худякова, в котором говорилось: «В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын — гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитич — пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков». Вот почему в представлении отсутствует слово «посмертно». Наградной лист оформлялся за неделю до того, как Л. Н. Хрущев официально был объявлен погибшим. Кроме того, в одном иэ архивных документов значится, что «награда вручена». Кому ее вручили?

Орден Отечественной войны I степени, которым был награжден Л. Н. Хрущев единственный из орденов того времени согласно статуту в случае гибели или смерти военнослужащего передавался семье награжденного вместе с орденской книжкой и хранился у нее как память (На хранение семье передавался орден Отечественной войны и II степени). Этот орден за № 56428 был вручен на память отцу Л. Н. Хрущева Н. С. Хрущеву.

Что же касается слов автора статьи А. Колесника о том, что многие страницы из личного дела Л. Н. Хрущева оказались замененными в послевоенный период, то это ошибка. В личном деле из подлинных документов имеется только послужной список. Остальные документы являются копиями с подлинных документов, которые хранятся здесь же, в ЦАМО СССР, а также в архиве Управления кадров ВВС СССР. На каждом из них есть ссылка на то, откуда он взят. По всей вероятности, они были собраны в личное дело либо по просьбе Н. С. Хрущева, либо по чьей-то инициативе, но тем не менее нет никаких сомнений в том, что эти документы достоверны.

Однако есть один вопрос, ответа на который не нашлось. Странно, что командование 1-й воздушной армии посчитало Л. Н. Хрущева погибшим, а не без вести пропавшим. Ведь ни ведущий летчик Л. Н. Хрущева, гвардии старший лейтенант Заморин, ни остальные летчики из группы гвардии капитана Мазурова не видели, что он погиб.

Вот как описал эти события командир 18 гиап гвардии майор А. Е. Голубов (В статье А Н Колесника допущена ошибка. Командир 18 гиап не Голубев, а Голубов):

«...Заморин сбил самолет противника и увидел, что к хвосту машины Хрущева пристроился один ФВ-190 и вел по нему огонь. Заморин открыл огонь по самолету противника под углом, немецкий летчик, видя свое невыгодное положение, отвалил от Хрущева и с пикирования пошел на юг, Заморин продолжал атаковать.

В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущева, Хрущев с переворота под углом 65—70° пошел к земле и, когда Заморин возвратился, то Хрущева не нашел, и считает, что сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а перетянул ручку и сорвался в штопор» (ЦАМО СССР. ф. 1823. ОП. 213617. д. 2, лл. 8—9). Но ведь сорвался в штопор, это не значит, что погиб. Никто не видел Хрущева убитым, никто не мог сказать, где он похоронен, где находится его могила.

Странно и то, что сразу после освобождения Жиздры (это произошло 16 августа 1943 г., то есть через пять месяцев после того боя) Н. С. Хрущевым не были организованы поиски места падения самолета и гибели сына, хотя бы только для того, чтобы поставить памятник. А ведь он мог себе это позволить.

И лишь спустя 17 лет были начаты поиски. Были описаны захоронения и братские могилы, находящиеся на территории Жиздринского района Калужской области. Таких насчитывается 19. Были воспроизведены надписи на памятниках. Приводим одну из 19, сделанную на кладбище г. Жиздра в летнем парке: «Здесь похоронены 24 неизвестных партизана и 10 неизвестных воинов Советской Армии, погибших смертью храбрых в боях за Родину 1942—1943 гг.». Но не было сделано попыток установить личности неизвестных.

В это же время в этом же районе велись поиски мест падений самолетов Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. В докладе генерал-майора авиации Васильева главнокомандующему ВВС главному маршалу авиации К. А. Вершинину, сделанном 22 декабря 1960 года, говорится, что с 6 по 15 декабря 1960 года проводился поиск останков летчиков в Жиздринском районе. Найдено 35 мест падения советских самолетов, осмотрено на месте — 30 (остальные не осматривались, как явно не подходящие по типам машин, срокам и удалению). Какой из этого напрашивается вывод? Искали определенный самолет, самолет Л. Н. Хрущева, и не нашли.

Не найдя ответа в наших документах, что же все-таки случилось с летчиком Л. Н. Хрущевым, пришлось обратиться к трофейным (немецким). Поставив перед капитаном О. Ю. Старковым, начальником бюро переводов ЦАМО СССР, вопросы: погиб ли Л. Н. Хрущев действительно в воздушном бою 11 марта 1943 года или же попал в плен, почему ранее не были обнаружены документы, так или иначе подтверждающие его гибель или пленение, сохранились ли в настоящее время такие документы и можно ли их найти,— попросили его ответить на них. Вот что он нам сообщил:

«Совершенно очевидно, что, если Леонид Хрущев после того, как его самолет был подбит, каким-то образом остался жив, попал в плен и на первом же допросе выяснилось, что он — сын одного из советских руководителей, он привлек бы к себе пристальное внимание немцев. Из того небольшого количества трофейных документов, что хранятся в Центральном архиве Министерства обороны СССР, мы попытались отобрать лишь те из них, где есть описание боевых действий северо-восточнее г. Жиздра в марте 1943 года. В то время там находились части корпусной группы генерала фон Шееля и 296-й пехотной дивизии.

Вот выдержки из оперативной сводки группы армий «Центр» за интересующий нас день:

«,,.На участке корпусной группы генерала фон Шееля за исключением активности штурмовых групп противника в районе действий 9 тд и 208 пд и сконцентрированных огневых ударов артиллерии, особенно орудий большого калибра, в течение 11.3.43 г. особых событий не отмечено».

«...Экипаж одного из ночных бомбардировщиков сбил самолет противника».

«...Истребители люфтваффе, осуществляя свободный поиск цели и прикрытие, сбили 3 самолета русских».

«...При налете на г. Смоленск зенитной артиллерией был сбит один самолет противника».

Каких-то конкретных сведений о русских летчиках, возможно попавших в плен, не приводится.

Не отличается в этом плане и содержание разведсводки ГА «Центр» от 11 марта 1943 года. Сказано лишь, что противник ведет воздушную разведку.

Что-то, казалось, мог бы прояснить отчет штаба корпусной группы генерала фон Шееля об оборонительных боях севернее Жиздры в период с 22 февраля по 21 марта 1943 года (кстати, его наличие можно считать большой удзчей, ибо этот документ, как ни странно, относится к описываемым событиям, что при работе в основном с отрывочными сведениями из трофейных документов случается исключительно редко), но 11 марта в нем упоминается лишь как день короткого перерыва в боевых действиях без особых событий.

Всего в ходе этих боев немцы захватили в плен 63 офицера, 1674 солдата и сержанта и сбили 93 самолета (один из них — огнем пехоты).

Был ли среди пленных старший лейтенант 18-го гвардейского истребительного авиаполка 303-й истребительной авиадивизии Леонид Хрущев, а среди сбитых самолетов его боевая машина, не указано.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно обстоятельство. Среди других документов имеются разрозненные протоколы допросов советских военнопленных. В нескольких делах, к примеру, есть записи такого содержания:

«Из дела 7 (папка 299) Архива Военно-исторического управления изъято для оперативного использования 180 листов.

Старший лейтенант МВД Малахов»; «Дело проверено, лица по данному делу не проходят». **Верно:**

Старший оперуполномоченный МВД майор Ефанов».

Кроме того, составлены краткие аннотации некоторых изъятых дел, где указывается, что в тексте упоминаются фамилии русских военнопленных солдат и офицеров, а также приведены их краткие демографические данные.

На титульном листе дела № 892 по описи № 12481, относящегося к 296 пд, среди прочих документов указаны и материалы допросов советских военнопленных, но в деле их не оказалось, да и старая нумерация листов изрядно нарушена. Чистка этих документов первый раз происходила в 1947 году, была продолжена в 1949, 1953 и 1954 гг. И если только из одного дела изъято 180 листов, то можно представить размеры всей «обработки». Кто и, главное, с какой целью проводил ревизию этих дел, остается загадкой, которую еще предстоит разгадать историкам».

Публикацию подготовил подполковник Б. Е. ПЕСТОВ

ЧЬИ ТОПОКАРТЫ БЫЛИ ЛУЧШЕ?

У многих наших людей бытует мнение, что во время Великой Отечественной войны немецко-фашистские войска пользовались превосходными топографическими картами и наш комсостав часто их применял, так как они были лучше наших. Если это так, то каким образом немцы могли изготовить такие карты?

Е. А. ГРИНЕВ (г. Харьков)

На вопрос читателя отвечают подполковник А. А. ШАРАВИН, кандидат военных наук, преподаватель ВИА имени В. В. Куйбышева, и майор В. В. МОЛЧАНОВ, сотрудник Института военной истории.

ПО ПЛАНАМ топогеодезических работ 1939-1941 гг. почти все топографические и геодезические отряды ВТС, находящиеся в европейской части СССР, выполняли геодезические работы и топографические съемки в полосе между старой и новой границами. До начала Великой Отечественной войны были закончены топографические съемки в Бессарабии Западной Украине, Западной Белоруссии, на Карельском перешейке, части территории Прибалтийских советских республик и созданы топографические карты масштаба 1:25000 и мельче на приграничную полосу, а карты масштаба 1:100 000 и мельче были созданы и на некоторую часть зарубежной территории. Однако на глубинные районы СССР топографических карт было недостаточно. Восточнее рубежа Петрозаводск — Витебск — Киев — Одесса топографические карты масштабов 1:50 000, 1:100 000 имелись лишь на районы городов Москва, Горький, Харьков, Ростов-на-Дону и некоторые другие. Карта масштаба 1:500 000 на территорию СССР была исполнена лишь до московского меридиана. Вся территория СССР к началу Великой Отечественной войны была запечатлена на карте масштаба 1:1 000 000, издание которой закончилось в 1941 году.

Запасы топографических карт на Западный ТВД (театр военных действий), отпечатанных большими тиражами, находились на складах карт приграничных военных округов и складах центрального подчинения. Однако значительную часть их составляли карты на территорию сопредельных государств на глубину до 400 — 500 км к западу от государственной границы СССР, в то время как на некоторые области европейской части нашей страны их вообще не оказалось.

Причиной этого явилось господство среди военно-политического руководства страны взглядов, согласно которым войну предполагалось вести «малой кровью и на чужой территории».

В июле 1941 года начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников поставил перед Военно-топографической службой задачу до 31 декабря 1941 года создать карту масштаба 1 : 100 000 на территорию европейской части СССР до рубежа реки Волги. Задача эта была своевременно выполнена (Военно-исторический журнал— 1970— № 12.—С. 23). Однако чтобы удовлетворить первоочередные требования войск и избежать перебоев в обеспечении их картами, пришлось пойти на сокращение красочности. Топографические карты масштабов 1:50 000 и 1:100 000 в первый месяц войны издавались одноцветными. Только после создания небольших запасов таких карт стали издаваться четырехцветные. Но можно ли утверждать в этой связи, что наши карты были хуже немецких?

На снабжение войск поступали карты разных масштабов, значительно различающиеся по степени соответствия местности, — карты масштаба 1:25 000, 1:50 000, 1:42 000 (верстовка), достаточно высокого качества.

Вспоминая о поездке в 1939 году по территории Западной Белоруссии в составе группы руководителей штаба и управлений ЗапОВО, генерал-полковник Л. М. Сандалов отмечал, что при осмотре городов, мелких населенных пунктов и дорог участнини поездки «...удивились, с какой точностью сообщала данные о них старая карта» (Сандалов Л. М. Пережитое. — М.: Воениздат, 1961.— С. 45). Что же касается немецких карт, то внешне они выглядели привлекательнее, так как печатались в пять цветов и на хорошей бумаге. Однако составлялись они, как правило, по нашим топографическим картам и, следовательно, не могли превосходить их по точности и содержанию.

Анализ трофейных документов, захваченных в первый период боевых действий, показал, что немецкие карты масштаба 1:100 000 издавались счетверенными листами в пять цветов. В качестве картматериала использовалась наша карта масштаба 1:200 000, составленная в 1931 году по материалам съемок 1908— 1909 гг. и 1910 — 1912 гг. (масштаб 1 : 42 000) и обновленная в 1928 —1929 гг.

Проекция немецких карт — многогранная Мюфлинга, координатная сетка Гаусса-Крюгера — нанесена через 5 см (5 км на местности). На полях даны коричневым цветом все условные знаки на немецком языке и в латинской транскрипции на русском языке.

Дата издания карты — апрель 1941 года, что говорит о заблаговременной подготовке к военным действиям.

В заключение можно привести выдержку из одного из немецких журналов, относящуюся к 1943 году. «Придерживаясь мнения, что в Советской России ничего существенного не сделано и картографическое дело не пошло далее старых верстовых карт царского времени. мы совершили большую ошибку. Оказалось, что Советской Россией было создано картографическое производство, которое по своим планам, широкой организации, объему работ и их качеству превосходит все то, что до сего времени было где-либо осуществлено» (Военно-исторический журнал.— 1970.— № 12,— С. 24).

ВИЖ №5 1990
ИЗ АРХИВОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Мог ли пасть Берлин в феврале 1945 года

Генерал-полковник Ю. А. ГОРЬКОВ

В ЖИЗНИ каждого народа есть памятные даты и события, которые помнят и чтут его потомки. Таким событием в нашей стране была, есть и всегда будет победа Советского Союза в Великой Отечественной войне против фашистской Германии. К ней мы шли дни и ночи дорогами неудач и побед. Она была завоевана ценой жизни миллионов людей. Советское военное искусство ярко проявилось в ряде классических наступательных операций завершающего периода войны. Но особое место среди них занимает Берлинская наступательная операция, проведенная 2-м, 1-м Белорусскими, 1-м Украинским фронтами и Днепровской военной флотилией. День Победы — 9 Мая — был долгожданным для всего советского народа, всех народов мира, в том числе и немецкого, брошенного Гитлером в пучину войны.

Сталин и его окружение хотели продолжать наступление на Берлин без оперативной паузы. Состоялся особо острый разговор по этому поводу Сталина и Молотова с командующим 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуковым. Первые требовали наступать без передышки, но доводы Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, а также И. С. Конева (командующий 1-м Украинским фронтом) оказались убедительными: враг был еще силен, требовалась серьезная подготовка к операции войск и тыла.

Продолжать военные действия предлагали некоторые пленные генералы противника, например генерал-лейтенант рейха фон Куровский (см. док. 1) — кадровый офицер германской армии, окончивший немецкую академию генерального штаба в 1933 году, бывший командир 110-й пехотной дивизии, взятый в плен 21 июля 1944 года. Он советовал продолжать наступление без потери времени, разработал наметки замысла военных действий продолжительностью 3 месяца, где определил направление главного и других ударов. Замысел нашего командования на операцию отличался от предложенного. По мнению других пленных генералов вермахта, он характеризовался ясностью целей и способов разгрома противника; разгром главной группировки противника, овладение столицей Германии, выход на рубеж Эльбы и соединение с войсками союзников. Для чего мощными ударами трех фронтов окружить, рассечь на части группировку немецко-фашистских войск и уничтожить каждую в отдельности. Продолжительность операции намечалась 12—15 суток, то есть гораздо меньшая, чем предлагал фон Куровский. Направления главного и других ударов также были иными.

Для того чтобы принизить, сфальсифицировать роль Советской Армии, нашего народа и советского военного искусства в Великой Отечественной войне, до сих пор даются различные толкования и оценки Берлинской операции. Небезынтересна, на мой взгляд, ее оценка некоторыми генералами и офицерами гитлеровской армии, непосредственными участниками сражения за Берлин, и в частности подполковником Вернером (см. док. 2) и последним командующим обороной Берлина командиром 36-го танкового корпуса генерал-лейтенантом артиллерии фон Вейдлингом (см. док. 3).

Документ 1

Перевод с немецкого 16 февраля 1945 года «РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОДОЛЖЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В скорейшем окончании потерявшей уже смысл войны заинтересованы не только объединенные нации, но, прежде всего, и сама Германия. Задача заключается в том, чтобы сохранить последние людские и материальные ресурсы, столь необходимые для восстановления Германии. Обязанностью каждого немца-патриота является служение этой задаче.

За короткий период (один месяц) вся германская Восточная армия была наголову разбита. Пришлось отдать всю Польшу, а также часть Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурга и Силезии. Какое значение имеют эти потери для дальнейшего ведения войны?

Значительная часть дивизий полностью уничтожена и не может быть использована в дальнейших боях. Другие соединения настолько потрепаны, что могут быть использованы лишь условно. Не будет преувеличением сказать, что потери составляют примерно 60 дивизий. Помимо того, потеряно много военных средств всех видов, особенно орудий и автомашин. При этом следует иметь в виду не только вооружение воинских частей, но и то военное имущество складов и мастерских, которое вывезти не удалось вследствие быстрого продвижения Красной Армии.

Не менее тяжелой потерей является сдача важных оборонительных укреплений. Потеряны не только позиции на фронте, создававшиеся в течение нескольких месяцев, но и прорваны долговременные укрепления Восточного вала, являющегося последней линией обороны сердца Германии. Там, где еще борются за удержание этой линии, падение ее является вопросом лишь нескольких дней. Крепость Летцен и линия дотов Гейльсбергского треугольника Померанской линии обороны между Шнайдемюль и Ной-Штеттин, укрепления восточнее Франкфурта-на-Одере (у Глогау и Оппельн) пали в чрезвычайно короткий срок. Столь значительные препятствия, как Висла и Одер, преодолены, не послужив существенной задержкой продвижению русских войск.

Таким образом, остатки Восточной армии и подтянутых для ее подкрепления резервов оказались в самом тяжелом положении; под натиском превосходящих сил противника они лишены средств, необходимых для успешной обороны.

Однако последствия катастрофы Восточной армии распространяются не только на военную область, но в не меньшей степени и на экономическую. Потенциал вооружения каждого государства, ведущего войну, крайне напряжен. Поэтому любое его уменьшение должно рано или поздно оказать свое влияние на ход войны и тем самым непосредственно повлиять на ход военных действий. Однако здесь речь идет не об уменьшении, а о полной потере важнейших центров военной промышленности и сырья. Если потеря польских индустриальных центров — Кракова, Лодзи, Познани — явилась тяжелым ударом, то занятие Верхнесилезского индустриального района является смертельным. Этот район являлся одним из важнейших арсеналов вооружения гитлеровской военной машины. Этот район с богатейшими запасами каменного угля представлял собой самую мощную концентрацию тяжелой промышленности Германии.

После того как возросшая воздушная война уничтожила или парализовала значительную часть западногерманской промышленности, последняя была перебазирована главным образом на восток, в Верхнесилезский индустриальный район или на берега Одера.

Около Глейвица расположены самые крупные в Германии залежи цинка. Отсюда поставлялось сырье для производства бензола, а также стальные и железные детали машин, вагонов и автомашин. Прокатные заводы поставляли большую часть броневых плит для производства танков. Кроме того, Верхняя Силезия являлась главным поставщиком горючего, а также полуфабрикатов для всей станкостроительной и моторостроительной промышленности Саксонии. Точно так же промышленность Северной Италии в большой мере зависит от верхнесилезского угля.

Это краткое, далеко не полное обозрение показывает, что русское наступление разбило не только силы германской армии, но и смертельно поразило военный потенциал Германии. Нетрудно понять, какие последствия должно это иметь.

Германия является индустриальной страной. Сельскохозяйственные производящие районы находятся главным образом на востоке. Они или пострадали от войны, или же полностью заняты противником. Вследствие этого в скором времени наступит голод. Даже из районов, в которых еще имеются запасы последнего урожая, вывоз продуктов затрудняется расшатанностью транспорта. Снабжение городов и густонаселенных районов становится одной из наиболее сложных проблем не только сейчас, во время войны, но и после войны. С освобождением сотен тысяч иностранных рабочих Германия лишается рабочей силы, с помощью которой она поддерживала промышленность и сельское хозяйство.

Наряду с этими невозвратимыми для Германии потерями в армии и народе наблюдается моральный упадок, который выражается в росте количества пленных и в нарастании внутренней напряженности, как это явствует из многочисленных сводок. Внешние признаки этого: террор и драконовские меры по отношению к тем, кто пытается освободиться от гитлеровского гнета. Неизбежным последствием всего этого будет тот факт, что и внутри Германии будут нарастать волнения среди иностранных рабочих, которые выразятся в многочисленных актах саботажа. Все эти признаки внутреннего распада обостряются трудностями, связанными с потоком беженцев с востока в глубь страны. Наряду с нуждой пострадавших от бомбардировок людей создаются условия, делающие невозможным нормальное управление, а также государственное руководство, вызванная необходимостью эвакуация многочисленных учреждений из Берлина и других находящихся под угрозой городов создает хаос, который не может не влиять на ход войны гитлеровской Германии.

Несмотря на вышеуказанные признаки распада и потерю Германией восточных областей, у Гитлера сохранились еще ограниченные возможности для продолжения войны. К сожалению, следует отметить, что геббельсовской пропаганде удалось обмануть германский народ, убедив его в том, что война ведется оборонительная, с целью сохранения германского народа. Выступления отдельных государственных деятелей, как, например, Черчилля и де Голля, высказывающихся за отделение исконно немецких земель на западе и востоке, могут крайне усилить волю к сопротивлению даже в тех кругах, которые настроены против Гитлера. Об этом не следует забывать, чтобы правильно оценить остающиеся у Гитлера возможности для продолжения войны.

Германской армии, ослабленной в результате огромных потерь, понесенных ею за последние недели, в широких масштабах приходится пользоваться естественными линиями обороны, Имевшиеся укрепления отчасти прорваны, отчасти за них идут бои, как, например, Кюстрин, Глогау. Внутри страны не имеется таких сооружений, которые могли бы быть использованы для обороны в современной войне. Поэтому укрепление естественных рубежей может быть осуществлено лишь созданием наскоро выстроенных полевых укреплений. Также не следует забывать, что Западный вал, а за ним и Рейнский участок до некоторой степени задержат продвижение армий в глубь страны. Этим самым бои внутри Германии выпадут в первое время на долю Красной Армии.

Учитывая существующую обстановку, единственной возможной линией обороны гитлеровского командования является участок Одер — Нейсе, от Штеттина через Франкфурт-на-Одере до Гёрлица (см. приложение 1); от Гёрлица через Судетский хребет на Моравску Остраву и далее через отроги Карпат на Братиславу. Соответствующими участками обороны на западе является Рейн, на юге и юго-востоке — Альпы.

В случае ранней весны (в марте) Одер может оказаться препятствием, которое не следует недооценивать. Горы лесисты, что исключает возможность использования крупных танковых соединений. Их (горы) можно длительное время защищать небольшими силами, например отрядами фольксштурма. Исключительно слабые места расположены между Гёрлицем и Одером. Нейсе не является серьезным препятствием. Слабым местом является также Моравская низменность, расположенная по обе стороны Остравы, которая может оказаться воротами в Богемию.

Следующей линией обороны может оказаться линия Эльбы с продолжением через горный хребет богемско-баварского леса. Эту линию следует рассматривать как сильное препятствие, особенно в горных местностях, хотя Эльба, в особенности на участке между Дрезденом и Виттенбергом, исключая весеннее половодье, не является серьезным препятствием.

Последней вообще еще возможной позицией следует рассматривать линию: Везер — Гарц — Тюрингский лес — Баварский лес. Для изоляции Южной Германии необходимо соединение армий от Таунуса у Майнца до рейнских позиций. Указанные позиции представляют собой опасность в районе Плауэн между Тюрингским и Баварским лесами. На юге и юго-востоке Альпы с их отрогами представляют собой легко обороняемый барьер, который недоступен союзным армиям, находящимся в Италии. Возможен прорыв из Вены по течению Дуная через Линц-Пассау, однако он связан со значительными трудностями, зависящими от характера местности. Между указанными линиями возможны различные комбинации в зависимости от хода событий.

Вышеуказанные участки будут иметь ценность лишь в том случае, если германскому командованию удастся обеспечить их необходимыми силами. Небольшой подсчет показывает, что протяжение линии Одер — Нейсе от Штеттина до Гёрлица составляет 300 км. Примыкающий горный фронт через Остраву до Братиславы составляет 500 км. Для первой линии требуется по крайней мере 20 дивизий, для второй — 25. Кроме того, для четырех наиболее важных пунктов — Берлин, Гёрлиц, Острава и Братислава — потребуется по шесть дивизий; всего 24 дивизии, из них половина танковых дивизий как оперативный резерв. Можно сомневаться в том, что столь большое число дивизий удастся выставить своевременно. Но как раз в этом весь смысл. Имевшиеся в Германии резервы полностью введены в действие, большая часть их уже израсходована. Следовательно, в интересах Восточного фронта необходимо ослабить другие фронты. Это может быть проведено следующим образом:

а) на Западном фронте — путем отхода на Рейн на южном участке и на Западный вал на центральном участке; если пойти на ослабление и северного участка, то с запада возможно будет снять 15 дивизий;

б) на Южном фронте — путем постепенного отвода фронта на Альпы; этим самым освободится 8—10 дивизий;

в) переброской морским путем частей Северной группы, около 5—8 дивизий;

г) пополнением потрепанных дивизий; это возможно будет произвести на венгерском и богемском участках.

Из этого вычисления видно, что количество дивизий, необходимых для приостановления русского наступления, полностью никак не может быть покрыто. Боеспособность же потрепанных, а затем вновь пополненных дивизий будет очень низкой. Бреши придется заполнять отрядами фольксштурма, подготовка, вооружение и снаряжение которых явно недостаточны для крупных боев. К тому же новый фронт не может быть создан сразу без подготовки.

Резервы можно перебрасывать с других фронтов лишь постепенно, а между тем нередко бывает необходимо срочно

бросить их в бой на угрожаемых местах. Время, необходимое для стабилизации фронта, определяется в один-полтора месяца. Сомнительно, чтобы русские дали немцам такой срок.

Не подлежит сомнению, что до русского вторжения германская промышленность обладала большой производительностью и что в области производства материалов и вооружения, в частности танков и самоходных орудий, она достигала значительного уровня. Тем не менее существующими резервами не удастся, хотя бы приблизительно, покрыть неслыханные материальные потери на Востоке.

Способ ведения войны германским командованием обусловливается существующим отчаянным положением. В дальнейшем связь между отдельными участками фронта не может быть обеспечена. Таким образом, командованию придется ограничиваться обороной наиболее важных участков или опорных пунктов. Это не исключает и контратак местного значения. Эффективного контрнаступления на каком-либо участке Германия не в состоянии осуществить. От качества введенных в бой частей будет зависеть сопротивление в том или ином месте.

Чем еще располагает Германия в области вооружения после потери польской и верхнесилезской территорий (см. приложение 2)?

Наиболее важным районом все еще является Рурская область, хотя она и пострадала значительно от бомбардировок. Добываемый здесь уголь сможет частично покрыть потерю верхнесилезского угля. По степени важности следует Саксонский индустриальный район, расположенный в треугольнике Виттенберг — Дрезден — Плауэн. Наряду с обрабатывающей промышленностью здесь имеются бурый уголь и крупные заводы по производству горючего у Лейна. Особое значение имеют районы Остравы (уголь), Вены (нефть) и Линца (железо). Важные отрасли обрабатывающей промышленности имеются и в районах Иена — Эйзенах, Мюнхен — Аугсбург и Прага — Пльзень. Промышленность Западного и Северо-Западного районов Германии под воздействием сильных бомбардировок в значительной мере утратила свою производительность. Еще не утратил своего значения район Мангейм — Франкфурт-на-Одере.

Проблема питания резко ухудшилась. Из производящих районов остались лишь отдельные области Северной Германии. Запасов продовольствия, очевидно, не хватит до следующего урожая. Это положение будет обостряться с увеличением числа беженцев в Центральной и Южной Германии.

Истощены также и людские ресурсы. Это доказывает мобилизация стариков и детей в фольксштурм. В армии не хватает обученных солдат, и прежде всего офицеров и унтер-офицеров. Может быть, кое-где и удастся снять людей, но сделать из них солдат и бойцов будет невозможно. Уход каждого человека в отдельности с военного производства в армию вызовет понижение производительности. Это означает, что производительность труда отдельного германского рабочего пала до предела.

Какие выводы на основании изложенного следует извлечь русскому командованию для скорейшего окончания войны?

1. Успехи, достигнутые до сих пор, необходимо использовать самым энергичным образом. Дальнейшие операции должны проводиться без всякой потери времени и не ожидая поддержки со стороны западных союзников. Отсрочка даст Гитлеру возможность стабилизировать фронт. Наступающий весной разлив рек может задержать операции. Развязка должна произойти до этого времени. Ускорение действий предотвратит дальнейшее кровопролитие с обеих сторон и сократит разрушения в Германии.

2. Сущность главных ударов наступления и главных задач наступления должна заключаться в том, чтобы поразить военный потенциал, исключить возможность обороны гитлеровской Германии и способствовать тем самым скорейшему окончанию войны. В этом смысле взятие столицы — Берлина — будет большим фактическим и моральным успехом. Затем потенциал вооружения следует поразить таким образом, чтобы парализовать дальнейшее ведение войны Гитлером. Это может произойти в результате занятия Саксонского, Богемского и Австрийского индустриальных районов. Одновременно западным державам следует занять Рурскую область.

3. Если после этого еще потребуется продолжение борьбы, то совместный удар, с одной стороны, русских войск из Саксонии и Богемии, с другой стороны, западных держав вдоль реки Майн на Нюрнберг изолирует Южную Германию и принесет мир по крайней мере Северной Германии, где будет создано временное народное правительство.

Нецелесообразным представляется соединение союзных армий Востока и Запада к северу от Гарца, примерно в направлении на Ганновер. Это направление поразило бы именно ту часть Германии, которая представляет наименьшую ценность для дальнейшего ведения войны Гитлером. Этим самым Гитлеру была бы дана возможность снова обосноваться в горной местности Средней Германии. Таким образом, окончание войны затянулось бы надолго. Имело бы смысл лишь нанести дополнительный удар через Кассель на Эйзенах. Стремление Англии к занятию побережья Северного моря должно отойти на задний план в интересах скорейшего окончания войны.

Операции, о которых шла речь, предполагают наличие обеспеченного базиса как исходного положения (см. приложение 3). Происходящие в настоящее время бои развиваются в этом направлении. На севере линия Эльба — Нейсе достигнута почти на всем ее протяжении. Ликвидация очагов сопротивления в Восточной Пруссии, Померании и Силезии продолжается. После падения Будапешта созданы предпосылки к перенесению южного участка фронта на линию Моравска Острава — Братислава. Для продолжения операций необходима концентрация сил в районе восточнее реки Нейсе (танковые силы), а также в районе Комарно — Братислава и Моравска Острава. Эту исходную позицию следует рассматривать как плацдарм для решающего наступления. Возможны три главных направления:

а) из линии Гёрлиц — Зоммерфельд; левым флангом на Дрезден, правым — на Котбус; затем между Эльбой и Шпрее на север с угрозой Берлину; этот удар может быть поддержан предпринятым позднее постепенным форсированием Одера на участке северо-западнее Кюстрина и продвижением больших сил на Берлин; целью этих операций будет достижение линии Дрезден — Виттенберг — Берлин — канал Финов. Создание плацдармов у Дрездена и Виттенберга явится подготовкой для дальнейших операций;

б) независимо от действий в районе Берлина следует предпринять удар в районе Моравска Острава против линии Прага — Пльзень; части, которые выступят из района севернее Братиславы, окажут поддержку продвижению частей из Остравы;

в) одновременно освободившиеся силы в районе Будапешта будут наступать вдоль Дуная, возьмут Вену и продолжат наступление через Линц на Пассау.

Следует ожидать, что в это же время начнется англо-американское наступление в Италии и на западе. На юге оно оттеснит немецкую оборону к Альпам, на западе овладеет Рейном и создаст плацдарм в Голландии, к востоку от Рейна.

Следующий этап (см. приложение 4) создает предпосылки к последней фазе борьбы в том случае, если к этому времени не будет свергнут гитлеровский режим и тем самым окончена война.

Из Берлина в направлении на северо-запад будет занят район до линии Магдебург — Анклам, в то время как главные силы, особенно танковые армии, будут продвигаться через Эльбу на юго-запад в район Саксонии до линии Магдебург — Плауэн. В этом смогут принять участие и те войска, которые к тому времени сломят последнее сопротивление в Силезии, Померании и Восточной Пруссии. Можно предполагать, что в то время, как будут вестись указанные выше операции на Берлин, эти войска сконцентрируются в районе Дрезден — Гёрлиц — Котбус. Одновременно на западе произойдет занятие Рурской области и создание предмостного укрепления у Майнца.

Этим могли бы закончиться собственно военные действия. Если Гитлер все же будет продолжать сопротивление, то союзные армии попытаются кратчайшим путем объединиться и добиться изоляции Южной Германии.

Для этой цели возможна следующая операция (см. приложение 5).

Главный удар наносит Красная Армия из Саксонии к востоку от Тюрингского леса на Нюрнберг и от Пльзеня на Регенсбург, в то время как западные державы продвигаются вверх по течению Майна. Другие армии смогут соединиться на Везерской возвышенности через Эйзенах или Кассель. Другая русская армия будет продвигаться из Пассау на Мюнхен. Поскольку следует рассчитывать на то, что в Северной Германии или вовсе не будет оказываться сопротивление, или оно будет незначительным, оккупация может быть осуществлена в направлении на Гамбург или Бремен сравнительно небольшими силами.

При быстром и правильном размещении сил война может быть окончена не позже, чем через три месяца. И в этой последней фазе боев главная тяжесть выпадет на долю русских. Поэтому Россия будет играть главную роль в послевоенной организации мира. Пусть этот мир для Германии будет хотя и суровым, но справедливым! Пусть право наций на самоопределение будет применено и к германской нации, дабы предотвратить зло, порожденное в свое время Версальским договором!

Весь мир увидит, что германский народ не является тем, чем изображал его Гитлер. Без устали восстанавливая разрушения, причиненные войной, германский народ докажет трудом своих рук и силой ума, что он готов создать свое будущее на социалистических началах.

Фон КУРОВСКИЙ, генерал-лейтенант»

Документ 2

ВЫПИСКИ ИЗ ДОПРОСА ПОДПОЛКОВНИКА ВЕРНЕРА

«Немецкое командование, я подразумеваю командование армии и группы армий, а равно и нижестоящих соединений, располагало убедительными данными о готовящемся большом наступлении советских войск. Эти данные подтверждались выявлением нашей авиаразведкой большого скопления крупных танковых сил в районах плацдармов русских войск на западном берегу р. Одер, об этом же свидетельствовало строительство русскими мостов через р. Одер. Мероприятия нашего командования на случай наступления русских сводились к следующему:

1. Создавались укрепления на большую глубину от р. Одер вплоть до Берлина.

2. Немецкое командование концентрировало на данном участке фронта значительные силы артиллерии.

3. Наше командование держало в резерве ряд дивизий в качестве ударного кулака для контрударов против прорвавшихся русских частей. Мне известно, что в резерве находились мотодивизия «Мюнхенберг», 25 мд, авиаполевые части и другие. Как до начала, так и после начала наступления немецкие войска имели категорический приказ обороняться на Одере до последнего человека и удерживать позиции при всех обстоятельствах и что бы ни случилось. Было ясно сказано, что судьба Берлина решается на Одере и что оборонять Берлин можно только на Одере. Однако, несмотря на то, что наше командование знало и ожидало наступления русских войск, несмотря на то, что мы были предупреждены об этом, русское командование все же сумело добиться внезапности. Объясняется это следующим: после действия русских подразделений, видимо, с целью разведки 14.4 мы были в боевой готовности и ожидали наступления ваших войск на утро 15.4. Когда же 15.4 ваши войска не перешли в наступление, мы были убеждены, что наступление последует только через 3—4 дня, но никак не ожидали наступления на следующий день. Кроме того, мы, я говорю о немецких офицерах всех степеней, включая и командиров крупных соединений, никак не предполагали, что ураганная артиллерийская подготовка будет проводиться фактически ночью: она началась в четыре часа. Говоря о ночной артиллерийской подготовке, мне хочется сказать следующее: русская тактика такова, что никогда не знаешь, в какие часы русские войска начнут наступление, артиллерийскую подготовку русских можно было ожидать и на рассвете, и в первой половине дня, и во второй половине дня, и вечером, уже это причиняло нам много беспокойства. Ночью *мы* никогда не ожидали ее, когда же она последовала, ее моральное воздействие, а также воздействие в отношении потерь были огромными и уничтожающими. В течение 2—3 минут все телефонные пинии были выведены из строя, и если штаб еще мог поддерживать с батальонами и дивизией связь по радио, то связь с ротами и взводами совершенно отсутствовала. По-моему, преимущество ночной артиллерийской подготовки для наступающих заключается в следующем;

1. Темнота не давала возможности обороняющимся рассматривать с НП, что делается на передовых позициях.

2. Обороняющимся затруднено определить момент перехода пехоты противника в атаку.

3. Пехота противника получает возможность под покровом ночи приблизиться вплотную к нашим оборонительным линиям.

4. Темнота затрудняет офицеру управлять, а также морально поддерживать своих солдат и лишает его возможности следить за их поведением и направлять их действия.

5. Солдаты обороняющейся стороны, не видя (из-за темноты) своих офицеров, в значительной степени теряют мужество и стойкость, отсюда усиленное моральное воздействие ночной артиллерийской подготовки в сравнении с артподготовкой, проводимой в другие часы суток.

Суммируя сказанное, я считаю, что одной из характерных черт советских войск является умение почти во всех операциях добиваться внезапности, что достигается разнообразием тактических приемов. Я хочу отметить еще следующие характерные черты операции русских войск:

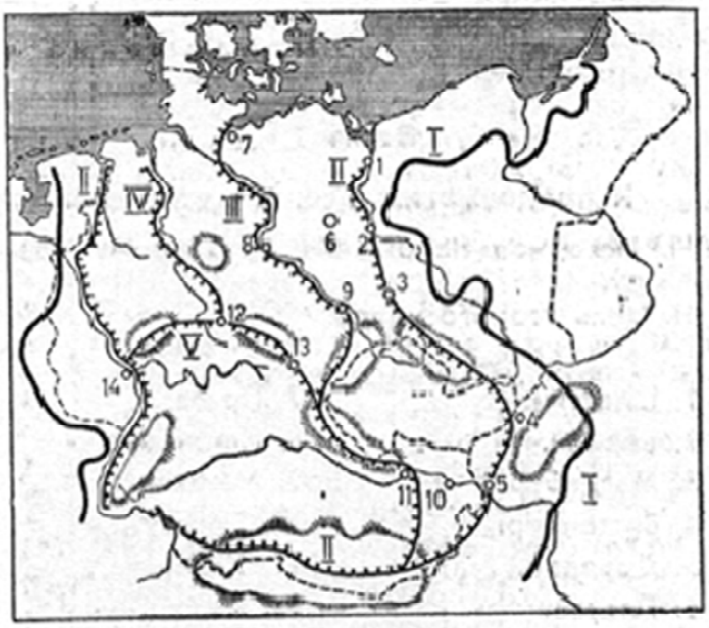
1. Умелая маскировка русских войск на исходных позициях и в районах сосредоточения, что почти во всех случаях дает возможность русскому командованию скрыть размеры подготавливаемого удара.

2. Умение сосредоточить крупные силы и в первую очередь тяжелое оружие в короткие сроки, что опять-таки обеспечивает определенную скрытность подготовки.

3. Мастерское массирование артиллерийских средств и умение создавать уничтожающие артиллерийские налеты.

4. Блестящее взаимодействие пехоты и танков.

5. Сопровождение наступающих частей большим количеством противотанковой артиллерии, что в значительной

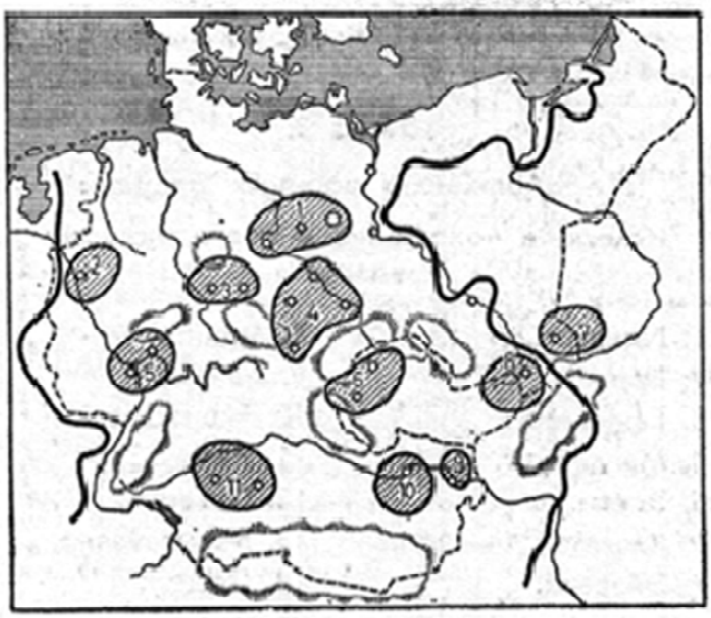


Приложение 1*

Эскиз возможных оборонительных линий

I. Линия фронта в настоящий момент.
II. Линия Одер — Нейсе — Судеты — Карпаты. На западе — Рейн, на юге — линия Альп.
III. Линия Эльба — Богемский лес — Баварский лес.
IV. Линия Везер — Гарц — Тюрингский лес.
V. Линия Таунус.

1. Штеттин.
2. Франкфурт-на-Одере.
3. Гёрлиц.
4. Моравска Острава.
5. Братислава.
6. Берлин.
7. Любек.
8. Магдебург.
9. Дрезден.
10. Вена.
11. Линц.
12. Эйзенах.
13. Пассау.
14. Майнц.



Приложение 2

Эскиз оставшихся у Германии районов военной промышленности

(линия фронта на 12.2.1945 г.)

1. Индустриальный район Берлин — Бранденбург — Магдебург.
2. Эссен и Рурская область.
3. Иена — Эйзенах, Тюрингский индустриальный район.
4. Саксонский индустриальный треугольник Виттенберг, Дрезден, Плауэн, Лейпциг.
5. Индустриальный район Франкфурт — Мангейм.
6. Богемская военная промышленность, Прага — Пльзень.
7. Беутен и Верхнесилезский центр военной промышленности.
8. Острава с Моравским индустриальным районом.
9. Венский район — нефть.
10. Линц — железорудный район.
11. Мюнхен — Аугсбург — индустриальный район.

Приложение 3

Эскиз 1.
К продолжению военных операций

I. Линия, достигнутая к 12.2.1945 г.
II. Линия, которая должна быть достигнута до начала решающего наступления.
III. Цели ближайшего наступления.
Области, которые должны быть освобождены в первую очередь:

1. Штеттин.
2. Берлин.
3. Виттенберг.
4. Дрезден.
5. Гёрлиц.
6. Моравска Острава.
7. Прага.
8. Пльзень.
9. Братислава.
10. Вена.
11. Пассау.
12. Кёльн.
13. Майнц.

* Оригиналы схем были собственноручно исполнены фон Куровским.

степени парализует наши контратаки и придает устойчивость вашей обороне во время немецких контратак в противотанковом отношении.

6. Сильная концентрация зенитных средств в районах сосредоточения войск, что затрудняет нашу авиаразведку».

Документ 3

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ КОМАНДУЮЩЕГО ОБОРОНОЙ БЕРЛИНА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА АРТИЛЛЕРИИ ВЕЙДЛИНГА

«Я считаю, что основными чертами данной операции русских, как и в других операциях, является следующее:

1. Умелый выбор направления главного удара.

2. Концентрация и ввод крупных сил, и в первую очередь танковых и артиллерийских масс на участках, где наметился наибольший успех, быстрые и энергичные действия по расширению созданных разрывов в немецком фронте.

3. Применение различных тактических приемов, достижение моментов внезапности, даже в случаях, когда наше командование располагало данными о предстоящем русском наступлении и ожидало его.

4. Исключительно маневренное руководство войсками, операции русских войск характеризуются ясностью замыслов, целеустремленностью и настойчивостью в осуществлении этих замыслов...

13.4 я встретился с командующим 9-й армией генералом пехоты Буссе. Он указал, что надо рассчитывать на наступление советских войск, которое они предпримут очень крупными силами в направлении на Берлин. Характеризуя положение, он заявил, что 9-я армия имеет приказ при любых обстоятельствах и ценой любых жертв удержать фронт на Одере, так как здесь будет решаться судьба Берлина.

То, что русские после действий своих разведотрядов 14.4 и 15.4 не наступали, ввело наше командование в заблуждение, и когда мой начальник штаба полковник фон Дуфинг 15.4 от моего имени сказал начальнику штаба 11 тк СС, что нельзя менять 20 мд на дивизию «Мюнхенберг» накануне русского наступления, начальник штаба 11 тк ответил: «Если русские сегодня не наступали, значит, они предпримут наступление только через несколько дней». Таково было мнение и других высших офицеров 9-й армии».

Приложение 4

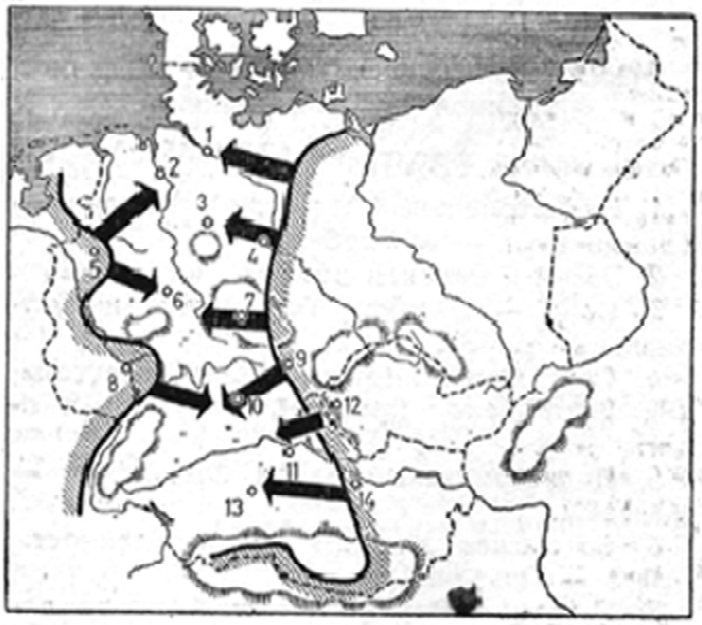
Эскиз 2.

К продолжению военных операций

I. Исходное положение ко второму удару.

II. Цель второго удара.

1. Штеттин.
2. Берлин.
3. Магдебург.
4. Виттенберг.
5. Дрезден.
6. Плауэн.
7. Прага.
8. Нюрнберг.
9. Мюнхен.
10. Пассау.
11. Кёльн.
12. Майнц.



Приложение 5

Эскиз 3.

К продолжению военных операций

Исходное положение к последующему удару:

1. Гамбург.
2. Бремен.
3. Ганновер.
4. Магдебург.
5. Эссен.
6. Кассель.
7. Эйзенах.
8. Майнц.
9. Плауэн.
10. Нюрнберг.
11. Регенсбург.
12. Пльзень.
13. Мюнхен.
14. Пассау.

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ

ЖУКОВ ГЕОРГИИ КОНСТАНТИНОВИЧ (1896 — 1974), Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956), Герой МНР (1969). Член КПСС с 1919 года, участник первой мировой войны. В Советской Армии с 1918 года. В гражданскую войну командовал эскадроном. В 1930 году окончил курсы высшего начсостава, в 1939 году командовал 1-й армейской группой советских войск в Монголии, которая совместно с частями Монгольской народной революционной армии разгромила крупную группировку японских войск в районе реки Халхин-Гол. С июня 1940 года — командующий войсками Киевского Особого военного Округа. С января по июль 1941 года был начальником Генерального штаба — заместителем наркома обороны СССР. В июне 1941 года — генерал армии. В ходе войны с 23 июня 1941 года — член Ставки ВГК. С августа 1942 года — 1-й заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного Главнокомандующего.

Непосредственно участвовал в разработке и осуществлении стратегических планов ВГК, в подготовке и проведении многих крупных операций Советских Вооруженных Сил. В первые дни войны, как представитель Ставки, совместно с командованием Юго-Западного фронта организовал контрудар силами нескольких механизированных корпусов в районе г. Броды, Командовал Резервным, Ленинградским и Западным фронтами. В 1942 — 1943 гг. осуществлял координацию действий фронтов под Сталинградом, по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепр. В марте—мае 1944 года командовал 1-м Украинским фронтом, затем координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов. В ноябре 1944 — июне 1945 года — командующий 1-м Белорусским фронтом. От имени и по поручению Советского Верховного Главнокомандования 8 мая 1945 года принял капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии.

После войны был главнокомандующим Группой советских войск в Германии и главноначальствующим Советской военной администрации (июнь 1945 — март 1946), главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил (март — июль 1946). В 1946 — 1953 гг. командовал войсками Одесского и Уральского военных округов. С марта 1953 года — 1-й заместитель министра, а с февраля 1955 года по октябрь 1957 года — министр обороны СССР. Член ЦК КПСС с 1953-го по 1957 год (кандидат в члены ЦК КПСС в 1941 — 1946 гг. и 1952 — 1953 гг.). Кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС в 1956 — 1957 гг. Депутат Верховного Совета СССР в 1941 — 1958 гг. Награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени. Дважды удостоен ордена «Победа». Урна с прахом установлена в Кремлевской стене. Бронзовый бюст — в селе Жуково Калужской области.

Родился в ноябре (Так в документе) 1896 года. Общее образование получил за 4 класса городского училища.

Социальное положение родителей:

а) до Октябрьской революции: отец — рабочий, сапожник, мать — крестьянка-беднячка;

б) после Октябрьской революции: отец занимался крестьянством. В [19] 21 году умер. Мать занимается крестьянством, состоит в колхозе;

в) местожительство: Московская область Угодско-Заводского района дер[евня] Стрелковщино (Так в документе)

Профессия до 1915 года — меховщик (скорняк).

В старой армии с 7 августа 1915 г[ода]. В [19]16 году кончил учебную команду при 5-м запасном кав[алерийском] полку. Службу в старой армии кончил младшим унтер-офицером. С февраля [19]17 года был председателем эскадронного комитета и постоянным делегатом полкового совета.

В РККА с 1918 года.

В гражданской войне участвовал: 1) под Уральском; 2) под Царицыном; 3) против десанта Врангеля; 4) по ликвидации банд в Кубанской области; 5) по ликвидации Тамбовского восстания — антоновщины; 6) ликвидация банд Колесникова в Воронежской губ[ернии] и банд Зверева в Дубровском районе.

В гражданской войне участвовал с [19]18 года по 1 января 1922 года.

В ряды ВКП(б) вступил 1 марта 1919 года. Сочувствующий с октября [19]18 года. В других партиях не состоял.

До [19]22 года командовал эскадроном.

До мая [19]23 года — помощник командира полка по строевой части. С мая [19]23 года по июль (Так в документе) [19]30 года командовал 3-м кавалерийским полком 7-й к[авалерийской] д[ивизии]. С мая 1930 г[од]а по май 1931 года командовал 2-й кавалерийской бригадой 7-й к[авалерийской] д[ивизии].

С мая 1931 года — в должности помощника инспектора кавалерии РККА.

Жуков

К сожалению, редакция располагает лишь этой небольшой автобиографией полководца. Точная дата написания ее на документе отсутствует. В личном деле Г. К. Жукова имеются две аттестации, которые мы и предлагаем нашим читателям.

АТТЕСТАЦИЯ

[На] командира 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавдивизии

ЖУКОВА Георгия Константиновича

Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовкой бригады добился крупных достижений в области строевого и тактическо-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и ее знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава, добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне СООТВЕТСТВУЕТ. Может быть использован с пользой для дела **по должности помкомдива или командира** мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу [назначен] быть не может — органически ее ненавидит.

8 ноября 1930 г.

Командир — военком дивизии: (РОКОССОВСКИЙ)

АТТЕСТАЦИЯ
На помощника инспектора кавалерии РККА
тов. ЖУКОВА Георгия Констант[иновича]
за 1931 год

1) Т[ов]. ЖУКОВ Г. К. приступил к исполнению настоящей должности с мая месяца 1931 года. По предыдущей работе в должности командира кав[алерийского] полка и командира неотдельной кав[алерийской] бригады имеет отличные аттестации как строевой, тактически и оперативно грамотный, волевой, авторитетный командир (см. приказ III к. к. от 15 мая 1931 г. № 15).

2) По ныне занимаемой должности тов. ЖУКОВ Г. К. выполняет следующие основные работы и задания:

1. Принимал деятельное участие в разработке указаний по подготовке конницы на летний период (см. темы и организационные указания в приказе РВС СССР № 031), им же составлен примерный план боевой подготовки кав[алерийского] полка, рекомендованный штабом боевой подготовки для всех частей РККА как образцовый.

2. Разрабатывал и организовывал проведение учения № 3 и № 5 на сборах высшего начальствующего состава конницы РККА, участвовал в остальных учениях.

3. На 3 Всесоюзных конно-спортивных состязаниях руководил состязаниями кав[алерийских] взводов по пятиборью (проведены весьма успешно).

4. Проделал очень большую работу по составлению руководства по подготовке бойцов и мелких подразделений конницы РККА. К данному моменту заканчивает разработку руководства по подготовке полковых школ и младшего нач[альствующего] состава конницы.

5. Для разработки указанных руководств провел большую работу (подготовительную — опытную) с нач[альствующим] составом строевых подразделений в 1-й кав[алерийской] дивизии (Меджибожский лагерь).

6. Участвовал в маневрах УВО в качестве полкового посредника.

Все перечисленные работы выполнены тов. ЖУКОВЫМ Г. К. в ударном порядке, успешно и в назначенные сроки.

3) В результате выполненных работ и целого ряда других отдельных поручений и заданий вполне подтверждается та положительная оценка тов. ЖУКОВА Г. К., которая давалась ему по предыдущей работе на строевых должностях, а именно, что тов. ЖУКОВ Г. К. является:

1. Командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, в последнем случае наблюдается излишняя жесткость и грубоватость.

Чувство ответственности за порученную работу развито в высокой степени (пример: разработка указанных выше руководств по боевой подготовке не только формально, но с постоянным исканием, уточнением новых, лучших форм и методов, большой инициативы и т. д.).

2. Тактически и оперативно грамотным общевойсковым командиром, овладевшим задачами, которые были поставлены приказом № 080 (разработка указаний к приказу № 031, участие в кав[алерийских] сборах, маневрах, составил правильную оценку боевой подготовки взвода и эскадрона во всех отношениях к Пленуму РВС СССР этого года и [написал] ряд статей в Кав[алерийском] сборнике). Может хорошо и поучительно организовывать и проводить занятия с командным составом, штабом и войсками (отзывы по прежней работе, занятия на кав[алерийских] сборах и работа в 1 к.д; разработка руководства по боевой подготовке). Политически развит вполне удовлетворительно, твердый и выдержанный член партии. Задачи партийно-политической работы в РККА усвоены. Не имея академического образования, много работает над своим личным военным и политическим развитием.

3. С техническими средствами и новым оружием, имеющимся и вводимым на вооружение конницы РККА и других родов войск, знаком (техническое учение на кавалерийских сборах и остальные учения) с техникой.

4) Личная стрелковая подготовка не проверялась, систематически в Инспекции не проводилась.

5) Состояние здоровья вполне удовлетворительное.

6) **ОБЩИЙ ВЫВОД.**

Тов. ЖУКОВ Г. К. — подготовленный общевойсковой командир-единоначальник; вполне соответствует занимаемой должности [и] должности командира кавалерийской] дивизии и начальника нормальной кав[алерийской] школы.

Член Реввоенсовета Союза ССР и инспектор кавалерии РККА (С. БУДЕННЫЙ)

31.10.31.

ВИЖ №5 1990
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦА

Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ конкретной виновности лиц, развязавших вторую мировую войну, союзными государствами — СССР, США, Англией и Францией — был создан Международный военный трибунал. Он начал работу в Нюрнберге 20 ноября 1945 года и закончил ее 1 октября 1946 года вынесением смертного приговора двенадцати главным военным преступникам. За время заседаний было рассмотрено свыше пяти тысяч документальных доказательств преступлений нацистских вожаков.

Характерная особенность процессе состояла в том, что подсудимые пытались доказать, что нападение на Советский Союз 22 июня 1941 года, по их мнению, носило не агрессивный, а оборонительный, превентивный характер, что таким образом Германия якобы предупредила готовившееся нападение на нее со стороны СССР. Этот вымысел был разоблачен свидетельскими показаниями, самыми убедительными из которых явились показания генерал-фельдмаршала немецко-фашистской армии Фридриха Паулюса. Именно он назвал конкретных виновников так называемой «оборонительной» войны, назвал поименно, указав долю участия каждого из них в подготовке агрессивной войны не только против Советского Союза, но и против других стран. Если до свидетельских показаний Паулюса подсудимые чувствовали себя свободно, не обращали особого внимания на показания свидетелей и демонстрировавшиеся в ходе процесса фильмы об агрессии фашистской Германии, то с появлением в зале суда Паулюса они сразу сникли.

В этой связи хочется рассказать о двух свидетелях обвинения — генерал-фельдмаршале Ф. Паулюсе и генерале Бушенгагене, в сопровождении которых на процесс военного трибунала мне довелось непосредственно участвовать. А было это так.

После сдачи в плен 31 января 1943 года генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс находился в офицерских лагерях для военнопленных. Первое время пленные офицеры приходили в лагерную столовую, садились за накрытые столы и ожидали Паулюса. При его появлении все они вскакивали и приветствовали его по-нацистски, после чего он садился за стол, опирался головой на руки и сидел, не дотрагиваясь до пищи, потом поднимался и уходил. Вслед за ним покидали столовую остальные, не прикоснувшись к еде. Такие демарши продолжались недолго.

Паулюс обратился к руководству лагеря с просьбой изолировать его от пленных офицеров, чтобы они не чувствовали себя скованными в поступках, да и самому взвесить все происходящее. Его просьбу удовлетворили. Вместе с сыном он стал жить отдельно от остальных военнопленных и с этого времени на допросах начал подробно рассказывать о своей службе. В частности, сообщил, что с 3 сентября 1940 года как начальник оперативного управления генерального штаба сухопутных войск и вплоть до начала войны против Советского Союза руководил разработкой плана «Барбаросса». При разработке плана у него складывалось мнение о невозможности победить Советский Союз. В этом его убеждал тот факт, что, сколько бы раз в прошлом Германия ни развязывала войну против России, каждый раз она терпела поражение. Эта историческая закономерность подтвердилась, когда Паулюс был назначен командующим группировкой немецких войск под Сталинградом, окруженной и разгромленной советскими войсками: сам он сдался в плен вместе со своим штабом.

9 января 1946 года Ф. Паулюс обратился с письменным заявлением к Советскому правительству, в котором разоблачал конкретных виновников развязывания второй мировой войны, рассказывал о допущенных ими зверствах и злодеяниях на оккупированных территориях. Это заявление не оставили без внимания, и МВД СССР поручили подготовить вылет Паулюса в Нюрнберг для выступления в качестве свидетеля обвинения на заседании Международного военного трибунала. В ходе его подготовки к советскому руководству обратился еще один военнопленный — генерал фашистской армии, ставленник Гитлера в Финляндии — Бушенгаген, также изъявивший желание выступить в качестве свидетеля обвинения.

Из числа сотрудников Главного управления по военнопленным и интернированным Министерства внутренних дел СССР в начале 1946 года были отобраны 5 человек, в том числе и я. Группу возглавил генерал-майор Павлов. Вскоре с генералами Паулюсом и Бушенгагеном мы специальным самолетом вылетели в Берлин. Оттуда направились в Потсдам к Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, который приказал разместить нас в той вилле, где останавливался И. В. Сталин во время Потсдамской конференции. Через несколько дней прибыл Р. А. Руденко — главный обвинитель от Советского Союза на Нюрнбергском процессе. С ним мы согласовали сроки нашего прибытия в Нюрнберг, обсудили детали выступлений Паулюса и Бушенгагена на процессе. Вначале нам предстояло переехать поближе к границе американской зоны оккупации — в город Плауэн, недалеко от Нюрнберга. По распоряжению Маршала Советского Союза Г. К. Жукова нам выделили для этого пять легковых автомобилей, а для охраны — 10 младших офицеров. Так мы оказались в Плауэне.

Р. А. Руденко трижды приезжал туда из Нюрнберга, информировал о ходе судебного процесса, а 9 февраля привез нам пропуска на право проезда через границу американской зоны оккупации. Они были оформлены на вымышленные фамилии, кроме тех, которые предназначались для сопровождавших офицеров. Это вызывалось необходимостью отвлечь от нас внимание. По таким же фамилиям и фотокарточкам были оформлены пропуска для прохода в здание, где проходил Нюрнбергский процесс. На следующий день, 10 февраля, мы прибыли в Нюрнберг. Там нас разместили в полуразрушенном здании — весь город был в развалинах,— и только единственное здание, где заседал Международный военный трибунал, сохранилось в хорошем состоянии.

Утром 11 февраля нам принесли пропуска для прохода в здание, где заседал Международный военный трибунал, охранявшееся американскими военнослужащими. В это же время Р. А. Руденко начал свою обвинительную речь, в которой упоминалось о письменном заявлении генерал фельдмаршала Ф. Паулюса Советскому правительству. Зачитав письмо Паулюса, он просил суд приобщить его к материалам суда, как существенное доказательство вины подсудимых. Председательствовавший английский юрист Лоуренс начал согласовывать вопрос с членами суда и обвинителями. Большинство высказалось против, мотивируя тем, что Паулюса, дескать, нет уже и в живых, а документ от его имени можно изготовить за десятками подписей и печатей. Р. А. Рудечко, продолжая обвинительную речь, настаивал на согласии суда на приглашение Паулюса для личного его допроса. Посовещавшись с судьями, Лоуренс заявил; «Такую просьбу удовлетворить не можем, потому что Советскому представительству понадобится много времени, чтобы доставить Паулюса, а мы не можем задерживать процесс». Тут же последовало заявление Р. А. Руденко: «Для того чтобы доставить свидетеля на процесс, Советскому представительству понадобится всего пять минут. Свидетель Паулюс находится в здании трибунала».

Заявление Руденко прозвучало для присутствующих словно взрыв бомбы. Среди подсудимых и их защитников возникли смятение, растерянность. Начался грохот стульев, с которых буквально сорвались представители прессы, защитники начали беспорядочные выкрики. Лоуренс с трудом восстановил порядок в зале и, посовещавшись с судьями, объявил перерыв, после которого распорядился ввести свидетеля.

Все присутствующие в зале ожидали, что войдет немецкий генерал-фельдмаршал в истрепанной военной форме с сорванными погонами. Но Паулюс появился в черном костюме при белой рубашке с бабочкой, в лакированных туфлях. Подойдя к трибуне, поклялся на Библии говорить правду, и только правду. Лоуренс обратился к нему с вопросом: «Не угодно ли свидетелю присесть?» Комендант, подставив стул, усадил Паулюса и опустил пониже микрофон. Случай, пожалуй, единственный в практике международной юриспруденции, когда свидетель давал показания сидя.

Начался допрос. Р. А. Руденко задавал вопросы по содержанию письменного заявления Паулюса Советскому правительству. В своих ответах Паулюс конкретно называл фамилии подсудимых, указывая меру виновности каждого в преступлениях. Затем Лоуренс обратился к судьям, обвинителям, адвокатам и подсудимым с просьбой задавать вопросы свидетелю. Желающих не оказалось, кроме защитника генерального штаба сухопутных войск немецкой армии, который внес новое предложение: «Свидетель Паулюс появился настолько неожиданно, что на нас подействовал ошеломляюще. Если уважаемый суд сможет допрос свидетеля перенести на завтра, то мы сможем подготовиться и произвести перекрестный допрос». Просьба защитника была удовлетворена.

На следующий день, то есть 12 февраля, защитники провели перекрестный допрос. На все их вопросы Паулюс дал исчерпывающие ответы, охарактеризовав замысел о подготовке второй мировой войны, и в частности войны против Советского Союза, как преступный. Говоря о ходе боевых действий и роли в них фашистских организаций, отрицательно отозвался об СС, СД, которые допускали зверства и злодеяния над военнопленными и лицами, находившимися в концентрационных лагерях, жителями оккупированных территорий, а также преследование лиц еврейской национальности.

После допроса Паулюса мы собрались в кабинете Р. А. Руденко, куда нам подали обед. Паулюс налил в стакан водку и произнес на ломаном русском языке: «Теперь можно выпить и русский водка». До этого он почти ничего не ел из-за сильных переживаний. После обеда пригласили в качестве свидетеля генерала Бушенгагена, но ему никто вопросов не задавал.

В Нюрнберге мы задержались на сутки, надеясь на свидание Паулюса с женой и дочерью, находившимися в английской зоне оккупации, но командование английских войск такой возможности ему не предоставило. 14 февраля мы отбыли в том же составе в Плауэн, где несколько дней ожидали разрешения английской администрации на свидание Паулюса с семьей. 21 февраля последовало распоряжение из Москвы о нашем переезде в Дрезден, куда через четверо суток должен был прибыть за нами самолет, чтобы доставить нас в Москву. Свидание же Паулюса с семьей состоялось только в Москве, откуда его жена и дочь выехали в ГДР. В 1953 году военнопленного Паулюса репатриировали в Германскую Демократическую Республику, где он погиб в 1957 году при странных обстоятельствах.

Старший лейтенант в отставке И. Ф. ФИЛЯЕВ

АФГАНИСТАН: ИТОГИ И ВЫВОДЫ

КАК ЭТО БЫЛО
(Комментарий историка)

В АПРЕЛЕ 1978 года в одной из самых отсталых стран Азии — Афганистане — под командованием начальника штаба ВВС и ПВО вооруженных сил страны Абдул Кадыра был совершен военный переворот. Переворот, встреченный с воодушевлением народными массами Афганистана, положил начало глубоким социально-политическим преобразованиям афганского общества. По своему основному содержанию они были антиимпериалистическими и антифеодальными.

Однако проведение реформ сразу же натолкнулось на противодействие феодально-племенной знати, представителей компрадорской буржуазии, реакционной части духовенства, сторонников возвращения монархии.

Сопротивление внутренней реакции при содействии и активной «помощи» империалистических иностранных кругов, и прежде всего США, приняло характер вооруженной борьбы с новой властью. Афганистан был втянут в долгую и кровавую гражданскую войну.

В истории развития военно-политических событий на фронте борьбы с контрреволюцией можно выделить три основных периода: возникновение гражданской войны и глубокого кризиса государственной власти (апрель 1978 г.— декабрь 1979 г.); попытки закончить гражданскую войну военными средствами (декабрь 1979 г.— май 1986 г.); осуществление политики национального примирения (май 1986 г.— настоящее время).

Революционные преобразования в Афганистане совершались в условиях тяжелейшего наследия прошлого. Страна в экономическом отношении находилась на стадии перехода от феодализма к капитализму с глубокими пережитками родоплеменных устоев и общинно-патриархального уклада жизни. Из 16,6 млн. афганцев около 3 млн. вели кочевой или полукочевой образ жизни. Более 80 проц. жителей страны были полностью безграмотными. Жизненный уровень народа был одним из самых низких в мире. Страна многоязычная и разноплеменная раздиралась национально-этническими распрями (основная народность страны — пуштуны — 8,2 млн. человек, т. е. около 50 проц. населения, другую половину составляют: таджики — 3,3 млн. человек, узбеки — около 2 млн. человек, туркмены — около 0,5 млн. человек, хазарейцы—0,5 млн. человек и другие более малочисленные народности) .

Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), ставшая руководящей политической и государственной силой строительства новой жизни, носила на себе все отпечатки неразвитости классовой и национальной структуры афганского общества. Основную и подавляющую часть ее членов составляли выходцы из интеллигенции (учителя, студенты, офицеры, чиновники), процент людей физического труда был ничтожным. Многие члены партии были серьезно заражены националистическими предрассудками. Хотя формально партия была единой, фактически она состояла из двух враждующих фракций (крыльев): «Парчам» («Знамя») во главе с Бабраком Кармалем и «Хальк» («Народ»), лидером которой был Тараки.

В основе вражды фракций лежали не столько принципиальные разногласия по вопросам революционной теории и практики, сколько родоплеменная принадлежность их членов.

Настоящим же бедствием для партии и дела всей революции явился после злодейского убийства Тараки приход в сентябре 1979 года к партийной и государственной власти одного из руководителей крыла «Хальк» Х. Амина, который был, несмотря на его архиреволюционную фразеологию, политическим авантюристом и ярым пуштунским националистом-шовинистом. Амин стал назначать на руководящие должности в партии и государстве верных ему людей, исходя из родственных соображений, личной преданности и национальной принадлежности. В нарушение революционной законности он и его сообщники начали производить аресты и казни, и прежде всего своих противников по партии — парчамистов.

Был взят авантюристический ультралевацкий курс ускоренного строительства социализма (и это в стране, где только еще зарождались капиталистические отношения). Строительство такого псевдосоциализма проводилось командно-приказным способом, без учета народных традиций, религиозных убеждений и экономических возможностей страны.

Все это вызвало недовольство среди широких слоев населения, чем не замедлила воспользоваться внешняя и внутренняя реакция, скапливавшая силы для вооруженной «борьбы. Основным источником формирования ее боевых отрядов был нарастающий поток беженцев из Афганистана. Оторванные от дома, лишенные всех средств существования, они часто силой жизненных обстоятельств, а не по убеждению становились душманами (врагами).

Уже в мае 1978 года на территории Пакистана была создана первая база-центр для подготовки бандформирований для действий на территории Афганистана. К весне 1980 года таких баз стало около 80. Здесь с помощью военных специалистов из США, Пакистана и Египта обучались, вооружались и готовились к засылке на территорию Афганистана десятки тысяч «солдат» контрреволюционного войска.

Немало подобных центров было создано и на территории Ирана, а также в Саудовской Аравии и Египте.

В качестве своего идейного оружия афганская реакция использовала ислам, имеющий огромную идеологическую силу в формировании общественного сознания в стране и располагающий внушительным религиозным аппаратом (более чем 250 тыс. мулл и других служителей культа, в своем большинстве враждебно встретивших демократические реформы). Реакционное духовенство, умело используя левацкие загибы правительства в вопросах религии, призывало правоверных мусульман к «священной войне» против вероотступников и безбожников.

Другим мощным источником формирования рядов контрреволюции было сепаратистское движение национальных меньшинств внутри страны.

Национальные трения между пуштунами и представителями национальных меньшинств Афганистана имеют под собой глубокие исторические корни (при создании афганского государства насильственное присоединение национальных окраин) и современные социально-экономические причины (экономическое неравенство национальностей, причем господствующая и самая большая народность — пуштуны, в значительной части состоящая из кочевников, по уровню экономического и культурного развития — одна из самых отсталых в стране, представители же большинства национальных меньшинств — земледельцы с большей национальной общностью, экономической развитостью и культурой), что создает благодатную почву для национальных распрей и вооруженных столкновений «передовых» национально-этнических меньшинств северных и западных окраин с центральной властью, исторически закрепленной за «отсталыми» пуштунами, населяющими остальные части страны.

В октябре 1978 года начались вооруженные выступления в Нуристане, в марте 1979 года вспыхнул мятеж в Герате,

затем в апреле—мае в Баглане, Урузгане, Фарахе, Бадгисе, Гуре, Логаре и позднее по цепочке в ряде других провинций Афганистана.

Весной 1979 года был провозглашен «Свободный Нуристан», а в августе возник исламский независимый Хазараджат со своим войском — «Союзом исламских воинов» в 3000 человек. Начались вооруженные выступления против центральной власти в Кабуле и других народностей. Возникла реальная ситуация государственного распада и расчленения страны.

Причем если в начале вооруженной борьбы контрреволюции в 1978-м и начале 1979 года душманы действовали мелкими группами и ограничивались в основном диверсионно-террористическими акциями, то теперь численность некоторых отрядов составляла 500—1000 и более человек. Многие районы страны оказались под их полным контролем, где они начали устанавливать свои органы власти в лице «исламских комитетов». Окрепшие вооруженные формирования контрреволюции перешли в наступление и в городах Герат, Кандагар, Джелалабад, Хост. Летом и осенью 1979 года сильные волнения прокатились по городам Газни, Гардез, Асмар и др. В июне — августе неоднократно предпринимались попытки поднять мятеж в Кабуле и его окрестностях, захватить столичный аэропорт.

Главари контрреволюции с самого начала делали все возможное для разложения изнутри афганской армии — этой главной опоры центральной власти в Кабуле и добились в этом деле существенных результатов.

После Апрельской революции НДПА взяла курс не на слом старой армии (в рядах которой и зародилось революционное движение), а на ее совершенствование.

Бывшее военное командование армии в ходе революции в значительной степени распалось: часть офицеров высшего и среднего звена погибла, другая — бежала за рубеж. На командные посты выдвинулись в основном офицеры из младшего командного звена. Однако революционные процессы демократизации старой армии были существенно нарушены с приходом к управлению страной авантюристической группы Амина. Фракционная борьба по ликвидации парчамистов была перенесена и в ряды вооруженных сил, и в первую очередь их офицерского корпуса. Подверглись увольнению многие офицеры противоборствующего «крыла» и беспартийные представители национальных меньшинств. Немало из них было арестовано и казнено. Офицерский корпус оказался дезорганизованным. Среди рядового состава массовым явлением стало дезертирство.

Прогрессирующий развал армии явился грозным признаком все более очевидной гибели республики в условиях начавшегося генерального наступления вооруженных сил контрреволюции. Назревала опасность не только утраты афганским народом всех революционных завоеваний апреля 1978 года, но и создания у границ Советского Союза враждебного ему проимпериалисгического государства.

В этих чрезвычайных обстоятельствах для защиты молодой республики от наступления сил контрреволюции и империализма 25—28 декабря 1979 года Советский Союз ввел свои регулярные части в Афганистан. Борьба с врагами афганской революции вступила в новую фазу своего развития.

Правовой основой ввода советских войск был Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА 1978 года, который предусматривал такую меру «в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран» (Новое время. — 1980. — № 17. — С. 23), (Просьбы о вводе советских войск на территорию Афганистана поступали неоднократно от правительства Афганистана, но вплоть до декабря 1979 года советское руководство считало, что афганское правительство само способно справиться с контрреволюцией).

Ввод советских войск осуществлялся по двум дорожным направлениям: из района Кушки на Герат и Кандагар и через Термез с форсированием Амударьи в направлении Кабула. Одновременно был высажен авиадесант на военном аэродроме в Баграме в окрестностях Кабула. Советские войска совместно с частями афганской армии приступили к ликвидации контрреволюционных центров мятежников.

27 декабря 1979 года в результате выступления верных идеалам революции частей армии Афганистана был свергнут режим Амина. Диктатор был арестован, предан суду и казнен. Председателем Революционного совета, премьер-министром республики и генеральным секретарем ЦК НДПА стал Бабрак Кармаль. Одним из первых мероприятий нового руководства стала амнистия политзаключенных, в результате которой вышли из тюрем на свободу 15 тыс. человек. Предпринимались шаги по возвращению на родину беженцев. Эти меры служили делу оздоровления политического климата в стране и, в частности, повышения боеспособности афганской армии.

Однако в силу серьезной ее дезорганизации и слабой еще боеспособности основную тяжесть борьбы с отрядами вооруженной оппозиции в начале 80-х годов несли на себе советские войска. Крупные контрреволюционные группировки были разгромлены в районах Файзабада, Таликана, Тахара, Баглана, Джелалабада и других городов, ликвидированы крупные формирования сепаратистов в Нуристане и Хазараджате.

Столкнувшись с мощной реальной силой, руководители афганской оппозиции быстро пришли к выводу, что если сохранятся в неизменном виде крупные группировки, то они будут разгромлены. Отказавшись от тактики действий крупными отрядами, они разбили все свои формирования на группы и отряды численностью от 20 до 100 человек и перешли к партизанским действиям.

Перед советскими регулярными войсками по-новому встали вопросы боевых действий против небольших, чрезвычайно мобильных групп душманов с их маневренной тактикой действий. Попытки командования организовать наступление на отряды душманов крупными войсковыми соединениями по правилам классической войны и преследование их эффекта не приносили.

Сказались изъяны в подготовке советских войск по ряду вопросов. Собственный большой опыт борьбы с басмачеством в Средней Азии за годы сталинщины был начисто забыт, а вернее похоронен усилиями сталинских военных теоретиков типа К. Е. Ворошилова, а современный богатейший опыт других стран в проведении партизанских и контрпартизанских действий в региональных войнах 1945—1980 гг. в мирной боевой учебе советских войск, к сожалению, нацеленной только на изучение классических традиционных форм военных действий, также игнорировался. Не находил в войсках должного изучения и немалый опыт партизанских действий периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. К тому же наша армия никогда не предусматривалась для использования в подобных ситуациях.

Вот почему наши солдаты, офицеры и генералы, посланные в Афганистан, были вынуждены познавать, начиная с нулевого цикла, тактические азы науки борьбы с бандформированиями непосредственно в бою.

Переход примерно с 1981—1982 гг. в основном к рейдовым маневренным операциям в составе отдельных усиленных батальонов с широким применением охватов и обходов и десантированием вертолетами десантно-штурмовых групп был свидетельством уже накопленного опыта. Но и они не давали необходимого результата, так как мобильные отряды душманов, прекрасно знающие местность, как правило, находили пути и возможности увести свои основные силы от

преследования и разгрома. Выявился также ряд недостатков тяжелой современной техники для действий в условиях горной труднопроходимой местности. Это касается подготовки артиллерийских орудий для стрельбы в горах, а главное, артиллерия была крепко привязана к дорогам, вьючной же горной артиллерии не было; танки и боевые машины пехоты в большинстве случаев не имели оперативного простора для своего применения и часто становились бесполезными. А такой наиболее эффективный для действия в горно-пустынной местности род войск, как кавалерия (кстати, сослуживший великую службу в борьбе с басмачеством в горах и пустынях Средней Азии в 20-е годы), был в свое время расформирован за ненадобностью в современной «термоядерной» войне.

В условиях гор ограниченными оказались и возможности использования современных реактивных самолетов.

Наиболее грозным оружием для действий против душманов были боевые вертолеты. Однако с появлением на вооружении отрядов мятежников различных переносных зенитных ракетных систем, таких, например, как американские «Стингер» или английские «Блоупайп», потери в вертолетной технике резко возросли. Не без успеха душманы вели огонь по вертолетам и из ДШК и ручных противотанковых гранатометов, в основном китайского производства.

Для советского командования становилось все более очевидным, что полностью разгромить мятежников военными средствами, по крайней мере ОКСВ в существующем составе, не удастся.

Однако главные причины военных неудач, сохранения и даже определенного расширения масштабов партизанской войны афганских моджахедов лежали не в военной сфере, а в политической.

Пришедшие к власти парчамисты во главе с Бабраком Кармалем не оправдали возлагавшихся на них надежд народных масс. Реабилитировав недавно осужденных Амином парчамистов, руководство Бабрака Кармаля само встало на путь насилия и притеснений, но теперь по отношению к отстраненным от власти представителям противоборствующего крыла «Хальк». Партия НДПА по-прежнему раздиралась острыми и непримиримыми внутренними распрями. Особенно острокризисным стало положение в сельском хозяйстве в связи с проведением непродуманных и преждевременных преобразований в афганской деревне.

Афганская правительственная армия в условиях политической нестабильности в стране оставалась малобоеспособной, несмотря на значительное увеличение ее численности и насыщение частей советской военной техникой и оружием.

Поэтому советские войска вынуждены были самой логикой обстоятельств все глубже втягиваться в ход гражданской войны. А это имело крайне негативные политические последствия.

Введя свои войска на территорию Афганистана, Советское правительство и советское военное командование не учли национально-исторические факторы этой страны, ее многовековую историю борьбы с различными завоевателями. В сознании афганца прочно укрепилось представление, что любой иностранец, вошедший в страну с оружием в руках, даже имеющий самые благие намерения, — это иноземный оккупант.

Как нам представляется, нашим командованием была допущена и еще одна ошибка. Первоначально среди бойцов советских частей, введенных в Афганистан, большой процент составляли представители наших среднеазиатских народов (узбеки, таджики, туркмены). Очевидно, командование исходило из соображений, что воины этих национальностей найдут большее понимание у родственных жителей Афганистана. Однако на деле это имело обратный эффект. Пуштунские племена, ставшие активным звеном антиправительственного движения, исторически всегда враждовали с нацменьшинствами севера. Появление же узбеков, таджиков и туркмен из чужой страны явилось дополнительным раздражающим фактором, который умело использовали агитаторы и пропагандисты контрреволюции.

Силы вооруженной оппозиции возрастали. Так, если в 1981—1983 гг. на территории Афганистана численность активных формирований моджахедов составляла около 45 тыс. человек, то к 1986 году уже 150 тыс. человек. И несмотря на то что объединенные афгано-советские вооруженные силы, действующие в Афганистане, достигли к этому времени численности округленно 400 тыс. человек (из них советские войска около 100 тыс. солдат и офицеров), они надежно контролировали всего около 23 проц. территории страны. Под контролем правительства оставались города и связывающие их основные автомобильные магистрали. Подавляющее большинство сельских районов контролировалось исламскими комитетами моджахедов.

Нарастали и масштабы вооруженной борьбы оппозиции, все чаще принимавшей формы маневренных наступательных и оборонительных действий крупных полурегулярных формирований. Со второй половины 1984 года делались попытки создания на базе отдельных банд моджахедов «исламских полков» в составе 3—5 батальонов (каждый батальон состоял из трех рот, а рота — из трех взводов. Общая численность «исламского полка» — 500—900 человек), во «фронты» объединялись от одной до нескольких тысяч человек. На вооружении этих полурегулярных формирований состояли не только стрелковое оружие и крупнокалиберные пулеметы, но и горная артиллерия, минометы, ракеты. В труднодоступной горной местности мятежники для размещения своих формирований создавали базовые районы с хорошо организованной многоярусной системой огня и инженерных заграждений.

Главную силу мятежников составляли региональные группы и отряды. Их цели, организационные формы и тактику ведения боевых действий определяли местные племенные и религиозные авторитеты — «полевые командиры», а зона действия ограничивалась районом проживания моджахедов. Эти формирования, как правило, не имели постоянного состава и организации. В случае опасности душманы растворялись среди местных жителей, что делало их выявление практически невозможным. Состав групп и отрядов в социально-этническом отношении однороден — местные жители одной национально-этнической группы. В большинстве случаев их командиры не имели постоянной связи с зарубежными организациями афганской контрреволюции, но их главным преимуществом была активная поддержка местного населения.

Полурегулярные формирования первоначально создавались на базах и в лагерях Пакистана и Ирана из афганских беженцев. Душманы имели достаточно хорошую военную выучку, были хорошо вооружены. Действия этих формирований не привязывались к одному району и носили высокоманевренный характер. Отряды и группы получали конкретные задачи, после выполнения которых, как правило, возвращались на свои базы для доукомплектования, перевооружения и отдыха. По оценкам западных источников, их численность составляла не более 5—8 проц. общей численности сил афганской оппозиции.

В состав этих бандформирований входило много деклассированных элементов, а сами действия носили преимущественно насильственный характер по отношению к местному населению (насильственный призыв, грабежи, убийства и т. д.). Своими действиями бандиты сами возвели стену определенного отчуждения от афганского народа. По существу они являлись наемниками империалистических кругов и афганской реакции. Формирования этой категории представляли собой различные по классовому составу, политическим целям и платформам эмигрантские организации оппозиции,

раздираемые внутренними противоречиями и идеологической борьбой, в силу чего главной их слабостью являлось отсутствие боевого взаимодействия, а нередко и военное противоборство между собой.

Составной частью вооруженных формирований контрреволюции являлись и террористические группы, действовавшие в городах. Они обладали разветвленной сетью глубоко законспирированных ячеек. Наряду с осуществлением террористических актов, саботажа, диверсий, инспирированием массовых беспорядков главари подполья имели задачи проникновения в партгосаппарат, армию и спецслужбы РА с целью развала государственной власти изнутри.

Одной из главных задач борьбы с вооруженной оппозицией являлось лишение ее источников пополнения, т. е. решение вопроса о возвращении на родину афганских беженцев. Но разрешение этой проблемы напрямую зависело от верности избранного общеполитического курса правительства. На практике же в результате грубых ошибок, допущенных в годы правления Бабрака Кармаля, численность беженцев не только не уменьшилась, но и возросла до 5 млн. человек (из них около 3 млн. в Пакистане).

Все предпринимаемые попытки перекрыть военными средствами пути поступления на территорию Афганистана свежих резервов моджахедов успеха не давали. Засадные действия советских войск на маршрутах движения караванов не всегда оказывались эффективными. Движение советских подразделений и частей для осуществления таких операций и занятие ими позиций в засадах зачастую не могли быть скрыты от разведки противника. Но даже если засаду удавалось организовать скрытно, успех операции был весьма проблематичным. Караваны моджахедов обеспечивались хорошо отработанной системой походного охранения. На засаду натыкались их передовые разведывательные дозоры, а основные силы каравана проникали в глубь территории в обход.

Практически можно считать, что граница для проникновения из-за рубежа новых бандитских формирований и поступления оружия и боеприпасов оставалась открытой.

Осознание того, что главными средствами борьбы с вооруженной оппозицией должны быть не военные действия регулярных войск, а продуманные социально-экономические, политические и организационно-пропагандистские мероприятия власти, привело к известной модификации тактики действий советских войск в Афганистане— их отказу от проведения многочисленных «полевых» операций против отдельных отрядов и групп душманов и сосредоточению основных усилий на удержании стратегически важных районов и обеспечении работы коммуникаций, от чего непосредственно зависели вопросы снабжения местного населения необходимыми продуктами и товарами, а следовательно, в значительной степени и успехи административно-хозяйственной и политической деятельности государственной власти.

В решении этих задач участвовало не менее 60 проц. наличных сил советских войск. Остальные части (преимущественно воздушно-десантные) участвовали в проведении масштабных операций по разгрому крупных баз и бандформирований мятежников. Примерами таких удачно проведенных операций в 1985 году являлись: Кунарская операция в ущелье, протянувшемся на 170 км от Джелалабада до Барикота (характерным для нее была высадка крупного вертолетного десанта); в 1986 году — операция по разгрому хорошо оборудованной базы моджахедов Джавара в округе Хост провинции Пактия; а в 1987 году крупнейшая за все время войны в Афганистане совместная операция советских и афганских войск «Магистраль» в провинции Пактия по доставке народнохозяйственных грузов из Гардеза в Хост с разгромом крупных сил мятежников, блокировавших дорогу (в ней участвовали силы пяти дивизий).

С весны 1985 года наметилась тенденция к постепенному уходу советских войск от активной боевой деятельности, к передаче инициативы афганским вооруженным силам, тогда как за советскими частями сохранялись только задачи авиационного, артиллерийского и инженерного обеспечения их действий.

Постепенно все «частные» операции по разгрому отдельных банд, прочесыванию местности, организации огневых налетов, блокированию отдельных очагов сопротивления и т. д. стали проводиться преимущественно афганскими частями.

Началась работа по созданию местных вооруженных отрядов самообороны путем переговоров с местными вождями племен и старейшинами. Там, где удавалось этого достичь, антиправительственная деятельность прекращалась и жители, уставшие до предела от братоубийственной войны, с радостью возвращались к мирному труду.

Большим политическим успехом государственной власти было установление мира с рядом пуштунских племен на границе с Пакистаном. Имелись положительные результаты на переговорах с местными вождями и религиозными авторитетами в целом ряде других районов Афганистана, особенно на севере страны.

Таким образом, самой жизнью на первый план все активнее стали выдвигаться методы политического урегулирования афганской проблемы и примирения вражеских сторон. На рубеже 1986 года война в Афганистане вступила в третий, принципиально новый период своей истории. Начался этап «национального примирения».

Принятие курса «национального примирения» отражало реально сложившуюся в стране обстановку, когда невозможно было достичь окончания войны военными средствами. Однако воплощение политики примирения в жизнь стало возможным только после проведения по инициативе Советского Союза целого комплекса предварительных мер, создавших необходимую для этого почву.

Главным и решающим шагом было согласованное с афганским руководством решение Советского правительства о начале вывода советских войск из Афганистана при условии прекращения вооруженной помощи афганским мятежникам со стороны Пакистана и других стран.

Завершающей международной акцией в решении афганского вопроса явилось подписание в Женеве 14 апреля 1988 года Соглашения по Афганистану министрами иностранных дел четырех заинтересованных стран (Афганистана, Пакистана, Советского Союза и США).

Правительство Наджибуллы искало пути претворения в жизнь политики национального примирения. В области партийной жизни основной задачей стало укрепление и консолидация рядов НДПА, искоренение фракционнсй, губительной для партии деятельности двух крыльев.

В области внешней политики был взят курс на развитие отношений со всеми странами, неприсоединения ни к каким блокам.

В области военной намечалось превратить армию республики в силу, способную самостоятельно защищать Афганистан. С этой целью в армии стали приниматься меры по укреплению воинской дисциплины, началась решительная борьба *с* дезертирством, обеспечена полная свобода вероисповедания (с 1985 г. в армии введены штатные должности мулл, открыты курсы по их подготовке).

В деле обеспечения мирного труда афганцев ставилась задача создания добровольных отрядов самообороны, заключения компромиссных договоров с местными национальными и духовными авторитетами и «полевыми командирами».

Решение задачи прикрытия границы с Пакистаном во многом зависело от взаимоотношений с пуштунскими племенами кочевников, знающих горные тропы через границу. Поэтому вопросам установления мира с ними уделялось особое внимание.

Сложной и трудноразрешимой проблемой в политике примирения и прекращения огня в Афганистане являлся вопрос отношений с шиитским Ираном и вооруженными отрядами его приверженцев и единоверцев в самом Афганистане. Иран не признал Женевского соглашения четырех сторон, отказавшись от его подписания в качестве пятой заинтересованной стороны. Он не поддавался влиянию международных авторитетов и не собирался отказывать в военной помощи через ирано-афганскую границу бандформированиям, близким ему по духу, равно как ликвидировать на своей территории центры по подготовке моджахедов.

После вывода из Афганистана советских войск в чисто военном плане наиболее существенным являлось решение трех кардинальных вопросов: насколько крепкими в организационном и морально-политическом отношении будут вооруженные силы республики (что касается численности и вооруженности, то их было достаточно для защиты страны от сил контрреволюции); какую позицию в гражданской войне займут местные региональные отряды моджахедов, руководимые «полевыми командирами» (показательно, что с уходом советских войсх эти отряды в своем большинстве заняли выжидательную позицию); удастся ли решить проблему возвращения на родину беженцев (лишение «непримиримых» возможности пополнять свои ряды за счет беженцев было бы для них гибельным).

Решение всех этих проблем, как мы уже подчеркивали выше, определялось не столько ходом боевых действий, сколько успехами политики национального примирения, взвешенностью и продуманностью решений и действий государственного и политического руководства страны.

***

В советской печати неоднократно поднимался вопрос о том, надо ли было вводить советские войска в Афганистан. Чтобы правильно на него ответить, необходимо знать конкретные исторические факты, а не руководствоваться только хотя и понятными, но все же эмоциями. Изучение военной стороны развития событий в Афганистане позволяет сделать вывод, что объективно афганское руководство в 1979 году своими собственными силами, не располагая боеспособной армией и не пользуясь всеобщей поддержкой народных масс, остановить натиск сил контрреволюции не смогло бы. Без сомнения, вся территория страны была бы занята отрядами оппозиции. Следовательно, главный вопрос состоял в том, насколько политические силы, стоявшие у власти, отвечали задачам революционного преобразования страны, чтобы им была оказана интернациональная помощь регулярными войсками. А это уже компетенция не военных, а политических руководителей. И безусловно, решение о вводе ограниченного контингента советских войск в соседнюю страну не должно было приниматься в итоге «секретных раздумий» небольшой группы политиков, как это было на практике в 1979 году.

Безусловно и другое. Затянувшееся на годы пребывание советских войск в Афганистане, их вовлечение в гражданскую войну, борьбу с массовым антиправительственным движением, т. е. разрешение, по существу, внутренних суверенных проблем страны путем применения силы, не имеют исторического оправдания, как и не имеют морального прощения понесенные в связи с этим человеческие жертвы (По состоянию на 25 мая 1988 г. потери советских войск в боях с моджахедами составили: 13 310 убитых, 35 478 раненых и 311 пропавших без вести).

При этом надо понимать, что ошибки прежнего руководства никоим образом не умаляют чести и достоинства советских воинов-интернационалистов — наших офицеров и солдат, самоотверженно и героически выполнявших свой воинский долг в Афганистане с полной уверенностью в правильности поставленных задач.

Полковник ***В. Г. САФРОНОВ,***
кандидат исторических наук

Гонорар за эту статью перечисляется на счет № 700344 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

Кабул-Москва: война по заказу

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 10-12.

ВПЕРЕДИ БЫЛИ БОИ

Традиционные формы боевых действий в условиях Афганистана не всегда были эффективными. Поэтому изыскивались новые способы их ведения, которые позволили бы решить поставленные задачи малой кровью. Много сложностей доставили нам легенда «об английском карабине», боевые группы в частях и вражеские мины.

У мятежников кроме современного оружия имелись и старые его образцы, в частности, английский карабин времен первой мировой войны. Кто-то пустил слух, что дальность его стрельбы достигает 1000 м. У нашего же автомата она составляла около 400 м, а у ручного пулемета — примерно 600 м. В результате возникла «карабинобоязнь». Пришлось приложить немало усилий, чтобы от нее избавиться. Провели несколько специальных занятий со всеми мотострелковыми ротами, и легенда «об английском карабине» развеялась. К тому же была раскрыта хитрость моджахедов.

Заключалась она в том, что после обнаружения нашей колонны отряд мятежников разбивался на две группы. Одна из них, основная, располагалась в 1000-1200 м от предполагаемого рубежа встречи, а другая, состоявшая из нескольких метких стрелков и тщательно замаскированная, — в 500-600 м в стороне от маршрута. При подходе нашего подразделения к рубежу, намеченному мятежниками, основная группа поднималась, открывала стрельбу и имитировала отход. Обнаружив это, мы переходили к преследованию, ведя беспрерывный огонь из всех видов стрелкового оружия. За этим грохотом, естественно, никто не слышал одиночных выстрелов второй группы, пулями которой и поражались наши солдаты. Затем стрелки скрытно отходили. Так и возникла эта легенда о мощной убойной силе карабина.

Немало усилий потребовалось командованию армии и для того, чтобы ликвидировать так называемые боевые группы.

Дело в том, что все дивизии и полки наряду с боевыми имели и охранные функции. Последние осуществлялись решением командиров полков. А так как контроль старшей инстанции отсутствовал, все чаще создавалась ситуация, когда в большинстве частей не оказывалось полнокровных батальонов и даже рот. Вместо того чтобы возложить охрану на подразделения одного мотострелкового батальона, к выполнению этой задачи привлекались взводы и роты из различных. Когда же нужно было назначить подразделение для боевых действий, то образовывались сводные батальоны и даже роты, называвшиеся боевыми группами. Это преподносилось как развитие тактики общевойскового боя и находило поддержку некоторых довольно крупных начальников. Однако боеспособность таких формирований была ниже, чем у штатных. К тому же личный состав не был уверен в том, что воины из вновь включенных подразделений не подведут в бою. Опыт боевых действий подобных отрядов не оправдал себя.

Вообще на первых порах создавалось впечатление, что с переходом государственной границы СССР часть офицеров оставила в Союзе все свои военные знания, забыла требования боевых уставов и растеряла командирский опыт. А некоторые поступки и поведение «горе-командиров» в бою вызывали удивление. Однако подавляющее большинство офицерского корпуса действовало иначе.

...Из донесений, поступавших в нашу оперативную группу, явствовало, что во время боев в «зеленой зоне» подразделения 40-й армии стали нести большие потери, чем раньше. С. Л. Соколов приказал мне разобраться, в чем дело. Выяснив, что один из батальонов 70-й отдельной мотострелковой бригады как раз проводит операцию по разгрому банды юго-западнее Кандагара, я вылетел туда.

На место прибыл во второй половине дня. Командир батальона доложил обстановку, свое решение и продолжал уверенно командовать подчиненными. Через несколько часов он обратился ко мне с просьбой разрешить до наступления темноты отвести подразделение в исходное положение. Это меня удивило. Ведь задача еще не была выполнена, бой продолжался и стало очевидно, что его придется вести и ночью, зачем же тогда отходить? Выяснилось, что сия «тактика» спущена сверху и призвана якобы способствовать снижению потерь личного состава.

После возвращения в штаб армии у меня состоялся серьезный разговор с автором этой «челночной операции»...

На территории Афганистана мятежники развернули настоящую «минную войну», особенно на дорогах. Ими использовались мины итальянского, американского, английского и бельгийского производства, а также самодельные мины, фугасы и другие устройства. Устанавливались они на путях движения заблаговременно или в момент приближения войск. После их подрыва наша колонна обычно обстреливалась из всех видов оружия.

К «минной войне» 40-я армия практически не была готова. Имевшиеся на вооружении общевойсковых и инженерно-саперных частей средства разминирования по техническим характеристикам и количеству не отвечали боевым требованиям. В основном при поиске мин использовался по-прежнему щуп. Только с появлением машины разграждения наметились некоторые перемены к лучшему. Хотя, к сожалению, указанная проблема так и не была до конца решена.

Изнурительные марши, тяжелые бои, которые почти всегда заканчивались преследованием мятежников, труднопроходимая местность, враждебно настроенное к нам население — все это предъявляло к нашим бойцам и командирам высокие требования. И они их с честью выполняли.

История войн не знает ни одной победы, одержанной войсками без тщательной и всесторонней разведки противника.

Условия в Афганистане были для нас весьма неблагоприятными. Факт появления даже небольшой группы советских солдат, тем более европейцев, сразу же фиксировался местным населением и становился достоянием находившегося вблизи (а порой и в самом кишлаке) отряда мятежников. Личный состав разведывательных подразделений не знал многочисленных местных языков. Переводчиков же в дивизии было один-два. Поэтому даже опрос населения исключался.

Действия советских разведчиков, облаченных в национальную одежду, раскрывали их национальную принадлежность ввиду особенностей поведения, обращения с населением, незнания обычаев и т. п. Сама же афганская армия фактически саботировала ведение разведки, хотя имела для этого огромные возможности.

Из многих способов войсковой разведки наиболее широко применялись наблюдение, допрос пленных и, пожалуй, засады. Но воспользоваться ими было возможно только в ходе боя, а добыть сведения о местонахождении отрядов мятежников, их составе, вооружении, намерениях являлось делом крайне трудным.

Таким образом, наиболее действенными и эффективными в тех условиях являлись агентурная и воздушная разведки, благодаря которым армия и получала данные о противнике. Требовалось значительно расширить сеть агентуры.

Однако подготовленных кадров на месте не было, а имевшиеся далеко не в полной мере соответствовали предъявляемым требованиям.

Подбирались они в основном по рекомендациям местных органов власти, не располагавших порой достаточными сведениями о том или ином человеке.

Большинство агентов весьма смутно представляли характер предстоящей работы, да и техническое оснащение их равнялось нулю. Добытые сведения доставлялись резиденту пешком, либо на попутном транспорте, а уж затем отправлялись в штаб армии. На это затрачивалось 5-7 суток, и, естественно, сведения часто устаревали.

Попадались среди агентуры и двойники, которые передавали дезинформацию, чтобы скомпрометировать Советскую Армию в глазах населения. Например, сообщались данные о местонахождении складов оружия, боеприпасов, штаба мятежников. По объекту наносился авиаудар. Но уничтоженными оказывались школа или мечеть, которые внешне не отличались от обычных зданий.

Подчеркну, однако, что когда мы получали сведения о расположении отряда в мечети, то никогда ее не бомбили, а высаживали воздушный десант или высылали подразделение на бронетехнике. Затем окружали культовое сооружение и через представителя духовенства призывали мятежников сдаться. Затем их передавали органам царандоя или государственной безопасности...

Встречались среди агентов и просто жулики, которые поставляли выдуманные сведения лишь для получения вознаграждения. Уличить их в обмане было весьма сложно. Ведь когда этим мошенникам предъявлялись претензии, они заявляли примерно одно и то же: «Когда я там был (5-7 дней тому назад — В. М.), отряд находился в кишлаке (пещере и т.п.), а где он сейчас, я не знаю». Иногда дело доходило до курьезов. Для того чтобы отомстить обидчику, агент указывал на его дом как на место хранения оружия или боеприпасов.

Стремясь получить достоверные данные, мы стали применять перекрестные проверки. На один и тот же объект направлялись как минимум два агента из различных разведывательных центров. Такая проверка давала положительные результаты.

Наиболее точными были сведения о местонахождении крупных складов вооружения, боеприпасов, продовольствия, а также о крупных группировках мятежников в определенных районах. Именно по их захвату или разгрому планировались и проводились боевые действия, так как переместить указанное в короткие сроки было нельзя.

Вот и получалось, что воевали давно, а опыта, навыков не имели. То совершенно не считались с противником, то удивлялись его упорству, сноровке и хитрости.

Наконец по договоренности с Комитетом государственной безопасности СССР в Афганистан направили специальные отряды, целью которых являлось обеспечение надежными данными командования 40-й армии. Они имели кодовое название «Каскад» и укомплектовывались высококлассными специалистами. Но, к сожалению, большинство личного состава не владело языками пушту и дари, что затрудняло общение с местным населением. И все же сравнительно скоро от «Каскада» стали поступать разведывательные данные.

Попытки же самостоятельных боевых действий группами «Каскада» по ликвидации отрядов мятежников успеха не имели, поскольку они для этого не предназначались. Позже их руководство от таких действий отказалось.

Разумеется, эффективной была авиаразведка. Районы, требовавшие особого внимания, закреплялись тогда за каждым авиаполком.

С целью же активизации войсковой разведки было решено собрать командиров подразделений, назначенных для устройства засад. Проведение сборов С. Л. Соколов поручил мне. От каждого мотострелкового полка или бригады были выделены офицеры одного батальона. Для их подготовки привлекли «спецназовцев», вызванных из Союза.

Как я уже отмечал, масштаб деятельности разведки был вообще-то велик, но ее эффективность в полной мере не отвечала требованиям сложившейся обстановки. На мой взгляд, это объяснялось недостатком подготовленных кадров и специального технического оснащения. Хотя во всех дивизиях функционировали разведывательные центры, которые возглавляли офицеры ГРУ, тем не менее информация от них поступала весьма скудная, да и несвоевременно.

Фактически нам сообщали только, что в определенном месте зафиксирован отряд мятежников, пришедший оттуда-то, численностью 50-60 человек. И все. Почти никогда не было донесений, заблаговременно предсказывавших возможное развитие того или иного события, что позволило бы своевременно принять необходимые контрмеры.

Я не раз говорил об этом с С. Ф. Ахромеевым. Он со мной соглашался, ставил вопрос перед ГРУ, но изменений мы дождались лишь немногих. Очень робко, пожалуй эпизодически, проникала наша агентура в наиболее крупные отряды мятежников, чтобы своевременно передавать ценную информацию.

Однако все это касалось только агентурной разведки, работавшей на 40-ю армию в пределах Афганистана, а не оперативной или стратегической.

С целью более оперативного использования разведывательных данных были установлены зоны ответственности каждой дивизии, бригады и отдельного полка. Командиры обязывались сразу же после получения сведений от разведки принимать решения, не ожидая команды сверху. Кроме того, им предоставлялось право вызывать с близлежащего аэродрома дежурную пару вертолетов.

И, надо сказать, такой порядок себя полностью оправдал.

Все соединения и части Сухопутных войск, отправляемые в Афганистан, за исключением воздушно-десантных, до ввода были сокращенного состава, что не могло не сказаться на уровне подготовки офицеров. Последние, находясь длительное время без личного состава, в определенной степени утрачивали командирские навыки, да и уровень их личной (особенно горной) подготовки был сравнительно невысоким. Взводные же, прибывшие на укомплектование частей из равнинных округов, так же не имели специальных навыков.

Поэтому в первых боях определенная часть офицеров чувствовала себя неуверенно. Даже не в очень сложной обстановке они просили у старшего начальника помощи.

Такая нерешительность являлась и результатом повального опекунства, распространившегося в нашей армии в 70-е годы. Старший начальник не учил подчиненного, как поступать в той или иной ситуации, а многое сам выполнял за него. И число неумельцев быстро росло. Война в Афганистане потребовала изменения поведения «опекунов». В ходе ее имели место и организационные упущения нашего высшего военного руководства. По всей вероятности, они явились следствием исключения возможности длительного пребывания советских войск в Афганистане и ведения ими боевых действий.

Неправильно оценивалась и санитарно-эпидемиологическая обстановка в стране, в том числе в районах расположения наших соединений. Мне трудно назвать виновников. То ли это были медики, то ли другое начальство, которое не

пустило их в Афганистан. В результате такой «небрежности», граничившей с преступлением, десятки тысяч военнослужащих переболели инфекционным гепатитом, брюшным тифом и дизентерией. Причем немало из них стало инвалидами.

Очень долго разворачивалось главное квартирно-эксплуатационное управление Министерства обороны. Строительство санитарных узлов, умывальников, бань, столовых и других объектов велось крайне медленно. Впрочем, у строителей были и объективные трудности. Они заключались в отсутствии необходимых материалов, имелись сложности с их доставкой.

В частях не хватало водовозок, воды, даже для питья. Все это создавало благоприятные условия для возникновения различных эпидемий.

При первой же замене офицеров и увольнении солдат и сержантов, выслуживших установленные сроки службы, возникла проблема ввода в строй нового пополнения.

На месте решать эти вопросы оказалось невозможно. Полностью отсутствовала учебно-материальная база и не было свободных командиров. Каждый офицер имел своих подчиненных, с которыми шел в бой. Он не мог их оставить и заняться обучением вновь прибывших солдат, не прошедших даже курса молодого бойца.

Не продумана была и замена офицеров. Часто случалось, что в роту приезжали сразу три офицера или в полку менялись все комбаты. К тому же в армии и в Туркестанском военном округе отсутствовал офицерский резерв для пополнения подразделений, понесших в боях потери.

Непродуманность комплектования 40-й армии, воюющей армии, привела к тому, что при стопроцентной списочной численности подразделения шли в бой, будучи укомплектованы только на 70-75 проц. Остальные же проходили подготовку.

Усилиями С. Л. Соколова, С. Ф. Ахромеева и командующего войсками Туркестанского военного округа Ю. М. Максимова, Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск подготовку молодого пополнения и офицеров организовали на территории Советского Союза: были развернуты два учебных полка, задействована учебная дивизия и вновь созданы два горных учебных центра. Занятия проводили офицеры и сержанты, прошедшие школу Афганистана. После шестимесячного обучения пополнение направлялось в войска.

Между тем состав 40-й армии воевал и, естественно, кто-то воевал лучше, кто-то хуже, а кто-то отличался и заслуживал государственных наград. И вот тогда-то, особенно в начале войны, ярко проявился махровый бюрократизм нашего Главного управления кадров (ГУК).

Представления командиров, направленные в ГУК, залеживались по нескольку месяцев в ожидании ближайшего государственного праздника. Многие награды незаслуженно снижались на одну, а то и на две ступени, а некоторым военнослужащим в них вообще отказывали, мотивируя это тем, что они уже награждались тремя-четырьмя годами раньше, а срок награждения был установлен для мирного времени не чаще одного раза в пять-шесть лет. Естественно, аналогичная мотивировка отказа была и при представлении военнослужащего к повторному награждению.

Давал о себе знать бюрократизм и при досрочном присвоении воинских званий.

Нужно отметить и еще один момент. Зачастую к наградам представлялись лица, приближенные к командиру, но не имевшие ратных отличий. В то же время забывались водители автобатов, совершавшие рейсы по маршрутам Термез — Кабул и Кушка — Кандагар. А ведь они проявляли мужество, смелость и героизм ничуть не меньшие, чем солдаты мотострелковых подразделений.

Только после неоднократных обращений С. Л. Соколова к министру обороны Д. Ф. Устинову, а затем и в Политбюро ЦК КПСС с этой рутиной удалось покончить. Более того, было принято решение обязательно награждать раненых и погибших. Но сроки прохождения документов все же оставались большими.

Только к третьему году войны вопрос с награждением в принципе нормализовался.

Не все обстояло благополучно и с афганской армией. Несмотря на принимавшиеся нами меры, Б. Кармаль продолжал выражать недоверие к армии. В ее рядах находилось большое количество халькистов, а это он считал недопустимым. В противовес им афганский лидер прилагал немало усилий для скорейшего укомплектования частей полиции и государственной безопасности, которые, по его мнению, будут преданы ему, так как в них преобладали парчамисты.

Обстановка в афганской армии была сложной. Рассредоточенная по мелким гарнизонам для охраны органов местной власти, она испытывала сильное влияние пропаганды мятежников, теряла боеспособность. Подразделения, а порой и целые части сдавались или добровольно переходили на сторону оппозиции.

Тем не менее мы старались добиться от нового министра обороны генерала А. Кадыра согласия на привлечение подразделений афганской армии к вооруженной борьбе с мятежниками. На то были веские причины.

Значительная часть территории ДРА находилась под контролем мятежников. Боевые действия, которые вели наши части, имели целью разгром или уничтожение живой силы противника, его баз, складов и т. п. Захват и удержание территории в таких операциях не предусматривался. Слишком ограниченным был состав наших сил.

Для расширения и укрепления государственной власти проводились специальные операции совместными усилиями советских и афганских войск, а также государственных органов.

Осуществлялись операции в три этапа. Прежде всего шла подготовка к внедрению и закреплению в кишлаке, волости, уезде ядра государственной власти, которое затем расширяло сферу своего влияния при содействии войск, блокировавших намеченный район. Перед населением выступали представители оргядра с разъяснением обстановки и цели его прибытия. При необходимости проводилась фильтрация местных жителей. Формировались отряды защиты революции и самообороны, велся учет населения, а затем ему оказывалась медицинская и материальная помощь.

Закреплению народной власти во многом содействовала агитационно-пропагандистская работа. Устанавливались прямые контакты оргядра с населением и определялся порядок поддержки его после ухода войск действиями дежурных подразделений с ближайших пунктов дислокации войск.

Мы полагали, что организационное ядро должно в основном состоять из жителей данного уезда, волости или кишлака. Кабульские же власти считали, что оно должно комплектоваться центром из преданных ему людей независимо от их местожительства.

Вот и получалось, что прибывали такие правители в уезд, где их никто не знал, да и они никого не знали. Конечно, веры им не было. К тому же случалось, что вновь назначенный старейшина оказывался очень молодым. А это противоречило вековым традициям народа. На указанном посту обычно находились наиболее уважаемые и достаточно пожилые люди.

Руководство страны, как я уже отмечал, не очень надеялось на стойкость своей армии и просило для закрепления на местах органов власти оставлять подразделения советских войск. Мы категорически возражали против этого, считая

такую постановку вопроса политической ошибкой, и убеждали соответствующих начальников укомплектовывать оргядро местными жителями, которые никуда не убегут и охраны не потребуют.

В последующем афганское руководство убедилось в целесообразности наших доводов и следовало им. Но время было упущенно.

Медленный ход стабилизации обстановки в Афганистане побуждал находившийся в республике советский аппарат проявлять большую активность. Но вместо настойчивого объяснения как поступать и что делать, афганцев подменяли и делали за них необходимую работу. Постепенно это привело к тому, что решение всех проблем было переложено на наших советников. Не имея соответствующей подготовки для такой работы, не зная глубоко страны, ее народа, а зачастую и не разобравшись в сущности происходящих процессов, последние навязывали афганцам свое понимание ситуации, наши методы и способы решения задач, которые зачастую для окружающих были непонятны.

Наши партийные советники не смогли остановить массовый, по спискам, прием в члены НДПА. В результате партия превратилась в аморфное обьединение с острыми фракционными противоречиями, не способное играть роль авангардной политической организации.

Такой стиль работы ведомственных и партийных советников порождал пассивность у афганских руководителей, ухудшал состояние дел, которое и так было плачевным.

Работники посольства, партийные советники, представители других ведомств, стремясь успокоить своих начальников в Москве, в донесениях не освещали объективное положение дел, а писали то, что наверху желали от них получить. По этой причине С. Л. Соколов и С. Ф. Ахромеев часто отказывались подписывать такие бумаги нашего посольства. И тогда начинались согласования, затягивавшиеся на несколько дней. Только один раз С. Л. Соколов, несмотря на несогласие с текстом доклада, под давлением все же подписал его, но сразу же отправил свое донесение министру обороны, в котором излагал собственную точку зрения и давал свою оценку происходящих событий.

Наша группа получила статус оперативной группы Министерства обороны. По численности она увеличилась примерно в 2,5 раза, имела свои средства связи с Москвой и управлением 40-й армии, министром обороны Афганистана и командирами соединений. Размещалась группа вблизи штаба армии и министерства обороны ДРА в особняке совета министров, который с чьей-то легкой руки получил название «резиденции».

Среди нас были и участники Великой Отечественной войны. Все офицеры имели высшее военное образование и опыт работы на высоких военных должностях. Из Главного управления боевой подготовки прилетели генерал Н. С. Генералов, полковники В. Я. Доценко, В. Н. Смирнов и др.

В нашу оперативную группу из разных источников поступала информация о военно-политической обстановке в стране. Она анализировалась, оценивалась. Исходя из нее делались определенные выводы.

Объем получаемых сведений позволял составить представление о государственном аппарате не только в столице, но и в провинциях, оценить, как он действует, найти его сильные и слабые стороны и сделать вывод о состоянии дел в стране в целом, в афганской и в советской армиях в частности. Мы не только знали о происходивших событиях, но и могли оказывать влияние на их развитие.

Путем анализа боевых действий советских войск уже в первые годы их пребывания в ДРА мы пришли к заключению, что в Афганистане возникшие проблемы не могут быть решены военным путем.

Когда об этом было доложено С. Л. Соколову, то он, согласившись с нашим выводом, сказал, что и сам оценивает положение так же.

Через некоторое время я спросил у Сергея Леонидовича, говорил ли он по этому поводу с министром обороны Д. Ф. Устиновым и каково его решение. На мой вопрос Соколов нехотя ответил:

— Говорить-то говорил. Разговор был трудный. Он соглашался и не соглашался, а в конце спросил у меня: «Ну, хорошо, с контрреволюцией вы справиться не можете, а от вторжения извне защитить можете?» Я ответил, что можем, а он в ответ: «Ну, вот и защищайте». У меня сложилось впечатление, что министр в принципе согласен с нашим заключением, но что-то мешает ему сказать об этом.

— Но если министр обороны разделяет нашу точку зрения, зачем тогда отдает приказы на дальнейшее развертывание боевых действий? — поинтересовался я. — Ведь что получается: в течение этого года мы должны ликвидировать основные банды в центральных провинциях, а затем приступить к уничтожению всех вооруженных формирований мятежников и добиться стабильной обстановки в Афганистане. Разве для армии такого состава эта задача под силу? Разве Устинов не знает, что к боевым действиям мы можем привлекать не более сорока процентов ее состава, так как остальной личный состав занят охраной гарнизонов? Как же все-таки это все понять?

— Министр все знает, Виктор Аркадьевич, — ответил С. Л. Соколов. — Все прекрасно понимает. Но на него в Кремле «давят». Подождем немного, и я снова вернусь к разговору о будущем 40-й армии.

Никто из нас не мог и предположить, что впереди 40-ю армию ждали долгие годы жестокой войны. И только на исходе десятилетнего пребывания советских войск в Афганистане прозвучал долгожданный приказ: «Домой!» До сих пор не могу понять, почему этот приказ не мог прозвучать раньше...

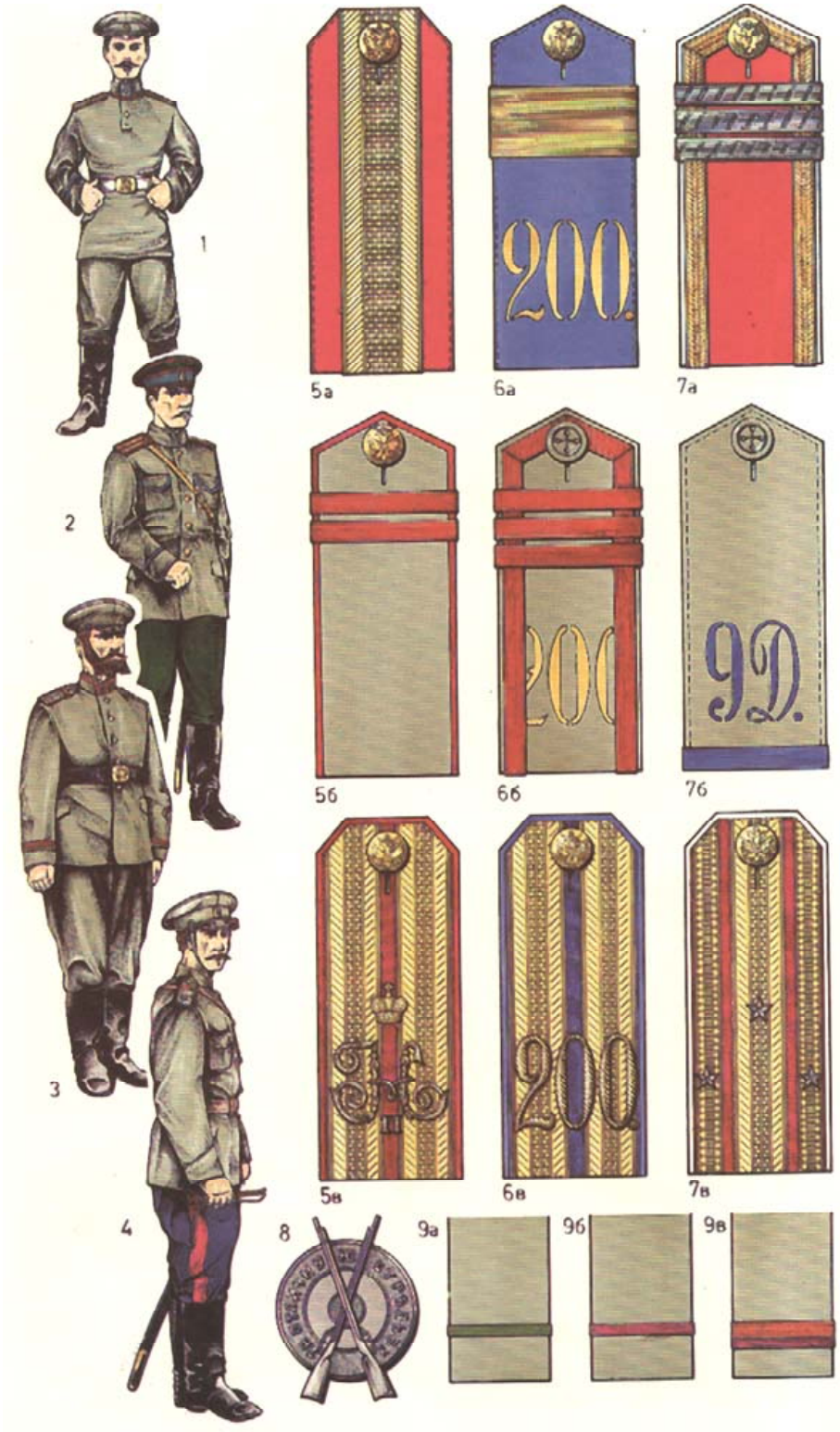
Генерал-полковник в отставке В. А. МЕРИМСКИЙ

ВИЖ №6 1990

Форма одежды защитного цвета в русской армии 1906-1917 гг.

На странице 1 цветной вклейки: 1 — пехотинец в летней форме одежды (приказ по военному ведомству № 632, 1907 г.); 2 — офицер кавалерии (1908 г.): 3 — рядовой стрелкового полка вне строя (1907 г.); 4 — пехотинец в летней форме одежды (приказ № 100, 1909 г.); 5 — погоны нижних чинов к 1907 г.: а) вольноопределяющегося 12-го гренадерского Астраханского полка; б) бомбардира-наблюдателя 8-й артиллерийской бригады; в) приказного 6-го Донского казачьего полка; 6 — изображения на бляхах и пуговицах пехотных, артиллерийских и инженерных войск (приказ N° 552, 1907 г.); а) пехоты; б) артиллерии; в) инженерных войск; 7 — изображения на бляхах и пуговицах гренадерских частей (приказ N° 552, 1907 г.): а) пехоты; б) артиллерии; в) саперного батальона и электротехнической школы; 8 — кокарда: а) для нижних чинов; б) для офицеров; 9 — фуражки: а) летняя пехотная (1907 г.): б) летняя — кавалерийских, казачьих войск, пешей и конной артиллерии (1907 г.); в) летняя офицеров, чиновников и нижних чинов управлений, заведений военного ведомства, пажей, юнкеров и студентов военно-медицинской академии 1907 —1910 гг. (цвет околыша и кантов по роду войск и служб); г) походная фуражка для нижних чинов (приказ № 100, 1909 г.); 10 — нагрудный знак разведчика полевой артиллерии (приказ № 442, 1907 г.); 11 — нарукавный знак специалистов: а) сигналиста артиллерии; б) телефониста артиллерии (приказ № 442, 1907 г); в) войскового сапера (приказ № 258, 1883 г.).

На странице 2 цветной вклейки; 1 — артиллерист в летней форме одеж-



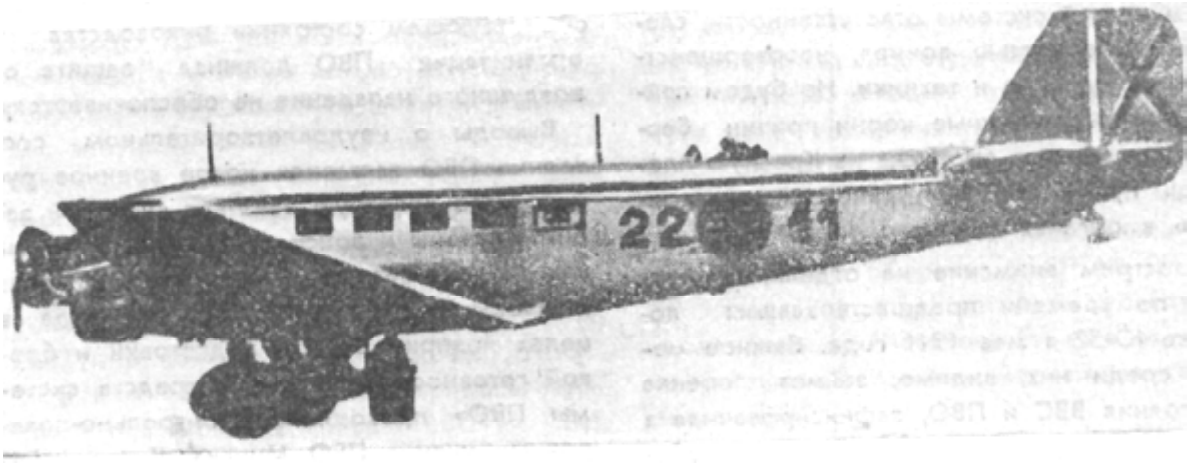
ды лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (приказ № 100, 1909 г.): 2 — офицер лейб-гвардии Семеновского полка (1910 г.): 3 — унтер-офицер команды разведчиков пехотного полка (1910 г.); 4 — казак войска Донского (1910 г.); 5 — погоны личного состава гвардейских частей (1909 г.). а) цветная сторона — подпрапорщик; б) защитная сторона — младший унтер-офицер (цвет выпушек по месту полка в дивизии); в) капитан шефских рот; 6 — погоны личного состава пехотных полков (на рис. 200-й пехотный Кроншлоцкий полк): а) цветная сторона — фельдфебель: б) защитная сторона — старший унтер-офицер сверхсрочной службы (с 1911 г.); в) капитан; 7 — погоны личного состава кавалерийских полков (на рис. 9-й драгунский Казанский полк, до 1912 г. шифровка полагалась только в военное время): а) цветная сторона — старший унтер-офицер сверхсрочной службы (с 1911 г.); б) защитная сторона — разведчик; в) подполковник; 8 — нагрудный знак «За отличную стрельбу из винтовки» (III степень); 9 — отличия для нижних чинов специальных команд: а) охотничьих команд (команд разведчиков); б) пулеметных команд: в) унтер-офицеров пулеметных команд.

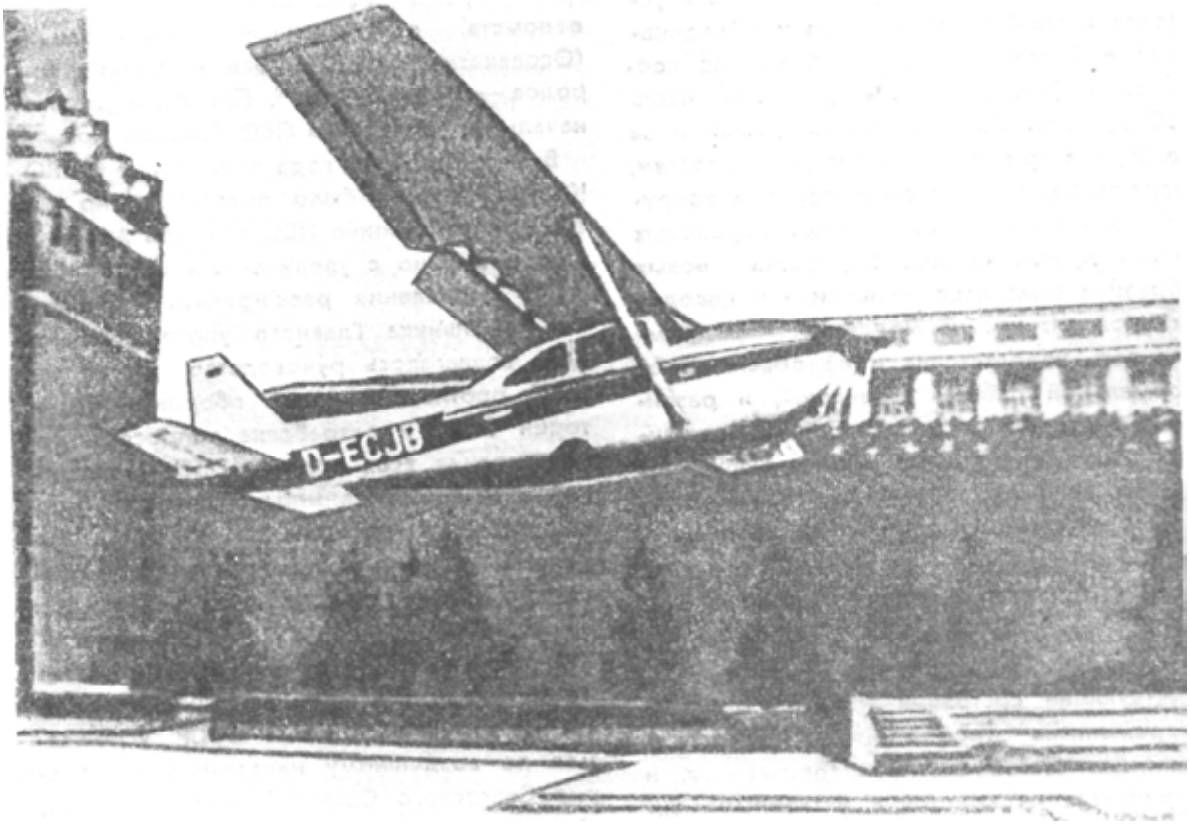
На странице 3 цветной вклейки:1 — рядовой стрелкового полка в зимней парадной форме одежды (приказ

N° 106, 1913 г.): 2 — пехотинец в зимней парадной форме одежды: 3 — обер-офицер легкой артиллерии в зимней парадной форме; 4 — штаб-офицер инженерных войск; 5 — пехотинец в повседневной форме одежды; 6 — обер офицерские эполеты: а) подпоручика 113-го пехотного Старорусского полка; б) поручика 4-го стрелкового полка; 7 — погоны гусарских офицеров (шифровка номера полка как в мирное, так и в военное время, в кавалерии введена приказом N° 46Т. 1912 г.); а) корнета 8-го гусарского Лубенского полка; б) полковника 9-го гусарского Киевского полка; 8 — погон поручика 7-й артиллерийской бригады: 9 — воротники к парадной форме: а) с офицерскими петлицами «За отличие» (артиллерия); б) с петлицами «За отличие» нижних чинов (пехота); в) с обычными офицерскими петлицами (пехота); г) с унтер-офицерским галуном (инженерные войска); 10 — офицерская фуражка (приказ N° 106, 1913 г.): 11 — знак «За отличие» на головных уборах нижних чинов; 12 - офицерский знак по приказу N° 347, 1909 г. (инженерные войска); 13 — обшлага для гренадерских частей: а) нижних чинов (кроме саперных); б) с петлицами «За отличие» для офицеров артиллерии.

На странице 4 цветной вклейки — защитная форма одежды русской армии в 1914—1917 гг.: 1, 3 — офицеры кавалерии; 2 — пехотинцы в походном

снаряжении: 4 — пехотинец в зимней форме; 5 — погоны для нижних чинов: а) вольноопределяющегося разведчика 9-го драгунского Казанского полка; б) бомбардира-наводчика 3-й артиллерийской бригады; в) наездника унтер-офицерского звания; 6 — погоны офицеров и подпрапорщиков (приказ N° 698, 1914 г.); а) подпрапорщика 23-го пехотного Низовского полка: б) прапорщика 90-го пехотного Онежского полка; 7 — погон охотника-добровольца (приказ N° 560, 1916 г.): 8 — каска стальная французского образца: 9 — папаха солдатская; 10 — нарукавный знак офицерам и солдатам, бежавшим из плена (приказ N° 607, 1917 г.): а) из германского; б) из австро-венгерского; 11 — отличия для раненых, контуженых или отравленных газами и возвратившихся в строй (приказ № 710. 1916 г): а) для нижних чинов; б) для офицеров; 12 — отличие за фактическое пребывание на фронте (приказ № 649, 1917 г.): а) для нижних чинов — желтая тесьма: для офицеров — золотой галун, (одна нашивка — полгода).





ВИЖ №6 1990
ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

От «юнкерса» 1941 года к «цессне» 1987-го

СЕЙЧАС мало кто знает, что буквально за месяц с небольшим до нападения фашистской Германии на Советский Союз — 15 мая 1941 года — немецкий военный самолет «Юнкерс-52», нарушив воздушное пространство СССР, совершил перелет по маршруту Белосток—Минск— Смоленск—Москва и благополучно приземлился на московском аэродроме. И если цели полета Руста в 1987 году трактуются по-разному, то маршрут полета «юнкерса» четко высвечивает его цель: в планах «Барбаросса» это направление главного удара немецких войск, и надо было проверить, так сказать, состояние местности и противовоздушной обороны. Вместе с тем эти два полета имеют много общего. Успех их был обусловлен примерно одним и тем же: беспечностью и несогласованностью действий наших дежурных смен ВВС и ПВО, отсутствием четкой системы ответственности, слабой обученностью воинов, несовершенством вооружения и техники. Не будем сейчас искать глубинные корни причин беспрепятственного пропуска на Красную площадь Руста. Все тщательно анализировалось в органах военного управления.

Заострим внимание на отдельных фактах, по времени предшествовавших посадке Ю-52 в мае 1941 года. Важное место среди них, видимо, займет оценка состояния ВВС и ПВО, зафиксированная в акте 1940 года о приеме Наркомата обороны С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова. Был такой очень пространный документ. Вот некоторые выдержки из него: «Организация Военно-Воздушных Сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения (Так в документе) в более крупные авиационные соединения (дивизии)... Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран... Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно. Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей, и развитие ее отстает от роста Военно-Воздушных Сил. Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных главным образом на старой материальной части...»

Теперь выдержка из того же документа — о ПВО: «Противовоздушная оборона войск и охраняемых пунктов находится в состоянии полной запущенности. Существующее состояние ПВО не отвечает современным требованиям. Подготовка зенитных частей неудовлетворительная, и тренировка их ведется с устарелыми типами самолетов... Слабо развиты прожекторные части, не все объекты обеспечены прожекторами, и вследствие этого имеющаяся в них зенитная артиллерия способна отражать воздушного противника только днем.

Служба ВНОС плохо организована, слабо подготовлена, плохо вооружена и не обеспечивает своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радиоперехватывающие средства (РУС и РЕДУТ) имеются только в отдельных образцах. Нет ясности, кому подчиняется служба ВНОС: командующему ВВС или отделу ПВО». И в заключение вывод: «При существующем состоянии руководства и организации ПВО должная защита от воздушного нападения не обеспечивается». Выводы о неудовлетворительном состоянии ПВО заставили новое военное руководство вплотную заняться системой защиты страны и войск от авиации противника. В соответствии с приказом наркома обороны № 0142 от 11 июля 1940 года «в целях поверки боевой подготовки и боевой готовности всех сил и средств системы ПВО» проводились контрольно-поверочные учения ПВО Минска, Киева, Ленинграда и Баку. Для участия в них привлекались «все силы и средства ПВО пунктов (ВНОС, АЗО, МПВО), войсковые соединения и части гарнизонов, расположенных в пунктах ПВО, объекты ПВО всех ведомств, общественные организации (Осоавиахим, РОКК) и все население городов — пунктов ПВО» (Так в документе). Проводил учения начальник управления ПВО Красной Армии. В декабре 1940 года управление ПВО Красной Армии было преобразовано в Главное управление ПВО Красной Армии (Приказ наркома обороны СССР № 0368 от 27 декабря 1940 г). Одновременно с увеличением штатов органов управления расширялись полномочия начальника Главного управления. На него возлагалось руководство организацией противовоздушной обороны территории СССР и разработка вопросов использования всех средств ПВО — зенитной артиллерии, зенитных пулеметов, прожекторов, истребительной авиации, выделенной для противовоздушной обороны пунктов, аэростатов заграждения и службы ВНОС.

В феврале 1941 года «во исполнение решения правительства по усилению противовоздушной обороны СССР угрожаемая по воздушному нападению территория Советского Союза» (Так в документе) подразделялась: а) на районы ПВО в границах военных округов; б) на районы ПВО внутри военных округов; в) на пункты ПВО внутри районов. Устанавливались следующие зоны ПВО: Северная, Северо-Западная, Западная, Киевская, Южная, Северо-Кавказская, Закавказская, Среднеазиатская, Забайкальская, Дальневосточная, Московская, Орловская, Харьковская. В каждой зоне имелось несколько (до 8) районов. В центре руководство ПВО возлагалось на начальника Главного управления ПВО, в округах — на помощника командующего войсками округа по ПВО (он же командующий зоной ПВО), в районах — соответственно на командиров ПВО корпуса, дивизии и бригады, в пунктах — на командира части или соединения ПВО, объединяющего данный пункт (Приказ наркома обороны СССР М° 0015 от 14 февраля 1941 г).

Одновременно вводилось в действие Положение о помощнике командующего войсками военного округа (фронта) по ПВО и о командующем районом ПВО (Приказ наркома обороны СССР ЧЬ 056 от 18 февраля 1941 г). ...Таким образом, причины неблагоприятной обстановки в войсках ВВС и ПВО, способствующие в последующем беспрепятственному пролету и посадке Ю-52, были вскрыты еще в 1940 году. К сожалению, реализация намеченных мер явно запоздала, к началу войны противовоздушная оборона страны так и осталась крайне слабой.

Однако все это лежит на поверхности. Главная причина такого состояния дел глубже. Ее следует искать прежде всего в предвоенных взглядах военного руководства на роль и задачи ПВО в системе Вооруженных Сил. Слабым было техническое оснащение частей ПВО, предназначенных для защиты войск и объектов от самолетов противника. Крупные соединения и части зенитной артиллерии так и не были созданы. В ВВС главенствовала бомбардировочная авиация, истребителей явно не хватало для отражения массированных налетов авиации противника, да, по сути дела, возможность таковых, по мнению командования, исключалась.

Думаю, эти пояснения помогут читателю лучше разобраться в содержании приказа Наркома обороны СССР № 0035 от 10 июня 1941 года, который публикуется в этом номере. Хотелось бы еще отметить слабость, по нынешним меркам, взысканий и выводов.

Впрочем, пусть читатель судит сам. Самолет-нарушитель, в экипаж которого входило 3 человека, широко применялся немцами на Восточном фронте как бомбардировщик и военно-транспортный самолет. Он имел: моторов — 3, максимальную скорость — 290 км/ч, дальность полета — 1286 км, практический потолок — 6300 м, бомбовую нагрузку — 2000 кг, или 17 десантников с легким вооружением.

Генерал-майор* Л. Г. *ИВАШОВ, кандидат исторических наук

10 июня 1941 г.

ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР № 0035

О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52 15 мая 1941 года

г. Москва

15 мая 1941 г. германский внерейсовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было.

Посты ВНОС 4-й от [дельной] бригады ПВО Западного особого военного округа вследствие плохой организации службы ВНОС обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за рейсовый самолет ДС-3 и никого о появлении внерейсового Ю-52 не оповестили.

Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военнослужащими. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь.

В результате командир Западной зоны ПВО генерал-майор артиллерии Сазонов и начальник штаба 4-й отдельной бригады ПВО майор Автономов никаких данных о полете Ю-52 до извещения из Москвы не имели.

В свою очередь вследствие плохой организации службы в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москвы командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Тихонов и заместитель начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 1-го корпуса

ПВО 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерейсовый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета внерейсового самолета Ю-52 не было предпринято и по линии Главного управления ВВС КА (Красной Армии.— Ред.). Более того, начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву — разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет.

Все эти факты говорят о неблагополучном состоянии службы ПВО Западного особого военного округа, о плохой ее организации, слабой подготовленности личного состава ВНОС ПВО, потере бдительности в 4-й от[дельной] бригаде ПВО и отсутствии должной требовательности со стороны командующих военными округами и высшего начсостава ПВО и ВВС к четкости несения службы ПВО.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Военному совету Западного особого военного округа тщательно расследовать факт самовольного пролета самолета Ю-52 через территорию округа, выявить всех виновных лиц и наложить на них взыскания своей властью. Немедленно восстановить телефонную связь Белостокского аэропорта с 9-й смешанной авиадивизией и штабом 4-й бригады ПВО и в пятидневный срок проверить состояние связи аэропортов со штабами ПВО. Исполнение донести к 20.6.[19]41 г.

2. Военным советам округов (ДВФ) назначить авторитетные комиссии, которые обязать к 1.7. [19]41 г. обследовать всю систему ПВО на территории округов, обратив особое внимание на ее боеготовность, состояние службы наблюдения, оповещения, связи и подготовку постов ВНОС.

Все недочеты, вскрытые комиссиями, устранить на месте в процессе их работы.

Результаты обследования и о принятых мерах донести мне к 5.7. [19]41 г.

3. Начальнику Главного управления ПВО до 1. 7. [1941 г.] обследовать состояние ПВО в Западном особом и Московском военных округах и результаты обследования доложить мне лично.

Его же распоряжением обеспечить к 1.7. [19]41 г. все посты ВНОС силуэтами самолетов и организовать поверку знаний постами ВНОС силуэтов и умения определять по ним принадлежность самолетов.

4. За плохую организацию службы ВНОС, отсутствие должного воинского порядка в частях ПВО и слабую подготовку личного состава постов ВНОС командующему Западной зоной ПВО генерал-майору артиллерии Сазонову, начальнику штаба 4-й бригады ПВО майору Автономову объявить выговор.

5. За самовольное разрешение пролета и посадки Ю-52 на Московском аэродроме без поверки прав на полет в Москву начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации Володину и заместителю начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майору авиации Грендаль объявить замечание.

6. К[оманди]ру 1-го корпуса ПВО генерал-майору артиллерии Тихонову и заместителю начальника Главного управления ПВО генерал-майору артиллерии Осипову обратить особое внимание на слабую организацию системы наблюдения и оповещения.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
С. ТИМОШЕНКО
Начальник Генерального штаба
Красной Армии
генерал армии ЖУКОВ

ШТРАФНИКИ

(Вымыслы и документы спецслужб Геббельса на советском экране)

«Многие сегодня говорят, что в годы Великой Отечественной войны за воинские преступления [1] в штрафные роты и батальоны направлялись военнослужащие Красной Армии незаконно, часто решениями командиров, по тем или иным причинам предвзято относившихся к подчиненным солдатам, сержантам и офицерам.

О.Т. САЗЧЕНКО (г. Витебск)»

АНАЛОГИЧНЫХ писем в редакции немало. Особенно их число увеличилось после издания в СССР книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», выхода на экраны страны документального фильма «Штрафники» режиссера Л. С. Данилова и рецензии на него В. Кондратьева, опубликованной в «Литературной газете» за 31 января 1990 года.

Безусловно, правда нынче на вес золота. Особенно правда об острых, неординарных событиях и явлениях жизни. Надо ли говорить о том, с каким интересом читают сейчас миллионы советских людей книги (ранее у нас запрещенные, но изданные на Западе), журнальные и газетные статьи, смотрят телевизор, слушают радио, чтобы узнать, как на самом деле происходили те или иные события в годы Великой Отечественной войны. Не ослабевает интерес людей к истории появления известного приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года и к созданию в структуре Советских Вооруженных Сил штрафных подразделений (рот, батальонов),

Действительно, А. И. Солженицын в указанном романе упомянул о штрафниках так: «В том же году (1942 г.— В. К.) после неудач под Керчью... под Харьковом... в ходе крупного южного отступления на Кавказ и к Волге,— прокачан был еще очень важный поток офицеров и солдат, не желавших стоять насмерть и отступавших без разрешения,— тех самых, кому по словам бессмертного сталинского приказа № 227 (июль 1942), Родина не может простить своего позора. Этот поток не достиг, однако, ГУЛАГа: ускоренно обработанный трибуналами дивизий, он весь гнался в штрафные роты и бесследно рассосался в красном песке передовой»[2]. Как это созвучно с немецкой листовкой того времени: «После взятия Крыма и поражения войск ЮЗФ Германские Армии вышли на Волгу и продвигаются по Сев. Кавказу, не встречая должного сопротивления. Бойцы, не желая драться за чуждые им интересы, бросают оружие, технику и толпами сдаются в плен»[3].

Л. С. Данилов в рассмотрении этого вопроса пошел еще дальше. Положив в основу сюжета фильма известней приказ И. Сталина «Ни шагу назад!» № 227, он не захотел почему-то рассказать зрителям о причинах его появления. Умолчал режиссер, на наш взгляд, и о важных моментах его. Приведу несколько выдержек из приказа [4] : **«После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.**

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

И далее:

«Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину...

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи... Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу!..

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов, и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда...

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий, и прежде всего командующим армиями...

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность

искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Являются ли первопроходцами А. И. Солженицын и Л. С. Данилов, авторы вышеназванных работ по исследованию «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны? Нет!

Первыми дезинформаторами и фальсификаторами исторической истины о штрафниках в Советской Армии были аппарат Геббельса и спецслужбы фашистской Германии. Власовские идеологи в листовках, разбрасываемых над позициями советских войск, писали: «Большевизм — враг русского народа. Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и наконец вовлек русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина. Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время»[5].

В фильме Л. С. Данилова выпячивается и «доброта» гитлеровских оккупантов. НКВД расстреливает своих же, а они якобы нет. Данилов мастерски поясняет: «Уничтожаем гадину: считалось, после этого мы станем крепче, монолитней, сильней, непобедимей...». Он настойчиво убеждает нас, что воины Советской Армии (по фильму получается 100 проц. военнослужащих) добровольно подразделениями, частями сдаются в плен. Почему? Видимо, потому, что они верили призыву гитлеровского командования и власовцев: «Война, которую ведет Германия, — это война за прогресс, борьба за создание Нового европейского порядка, построенного на основах социальной справедливости, национальной свободы и независимости. Наш долг помогать Германии в исторической борьбе для освобождения нашей родины» [6].

«Мы узнали немцев, убедились, что это честный, справедливый народ, мужественно борющийся за свое существование и за свои права против всех темных сил. Мы убедились, что немцы нам не враги, а верные друзья, борющиеся не против Русского народа, а против его поработителей, против кровавой сталинской большевистской шайки. Многие из нас побывали в Германии и увидели, как хорошо живет народ без большевиков и капиталистов. Избавившись от надсмотрщиков и шпионов НКВД, мы смогли сказать друг другу все, что думали, все, что у нас на душе, и мы убедились, что все мы ненавидим сталинский режим»[7].

Однако вернемся к штрафным подразделениям. В. Кондратьев в статье «Парии войны» заявляет: «Да, не очень-то разбирались военные трибуналы во всех этих делах — не на десять же лет, а до «первой крови», а на войне не привыкать, тут кому как повезет, можно и царапиной отделаться, а — искупил... Но не только отсюда легкость, с какой выносились приговоры, есть здесь и другое, та еще довоенная практика наших органов, когда за гвоздь, вынесенный с завода, за колосок ржи, сорванный в поле, давали чудовищные сроки. Нужна была армия бесплатной рабочей силы, которую можно послать куда угодно и на самые тяжелые работы... Так и на войне очень сгодились подразделения, которыми можно было затыкать все «дыры», исправлять промахи начальства, производить разведки боем, когда ради обнаружения огневых средств противника клали на полях сражений сотни и сотни, а то и тысячи — ведь осужденные, жизнь их ничего не стоит, никто за эти жизни не ответчик. Вот и гнали в самое пекло один штрафной батальон за другим, одну штрафную роту за другой...»[8].

Что же это за подразделения — штрафные роты и батальоны — в составе Советской Армии в годы минувшей войны, кто принимал решения и за что военнослужащие направлялись туда?

Чтобы установить истину, мы, не выбирая, взяли четыре судебных дела, относящиеся к 1941—1943 гг. Почему мы обратились и к 1941 году, ведь тогда еще штрафных подразделений в Советской Армии не существовало? Нас побудил это сделать Л. С. Данилов. В его фильме, к примеру, показаны события, происходившие на фронте якобы в 1943—1944 гг. Здесь режиссер (он же автор дикторского текста и диктор), как и ранее, использует трофейные кинодокументы. Но знающему военную историю человеку видно, что в них запечатлены советские воины, участвующие в боевых действиях 1941—1942 гг. Об этом говорят форма одежды военнослужащих Советской Армии, вид оружия, техника и т. д.

Все же вернемся к документу 1941 года. За уголовные и воинские преступления в тот год военнослужащие, безусловно, несли ответственность, но она была разной. Как наказание применялось и **направление на передовую** (подчеркнуто мной.— В. К.)[9]. Вот один из примеров.

В октябре—декабре 1941 года в различные инстанции стали поступать жалобы на командование корпусного госпиталя (бывшего 11-го стрелкового корпуса), входившего в то время в Приморскую оперативную группу (ПОГ) Ленинградского фронта, от раненых, больных и сотрудников. Люди жаловались на плохое питание, невыдачу положенного довольствия. Однако тяжелая обстановка на ленинградском направлении не позволила оперативно осуществить контроль и проверку многочисленных заявлений военнослужащих. Лишь в начале декабря 1941 года, когда положение на фронте несколько стабилизировалось, в госпиталь был направлен для проверки жалоб инспектор Интендантского управления ПОГ — техник-интендант 1 ранга А. А. Сухоруков. 14 декабря 1941 года в рапорте о проделанной работе он докладывал, что начальник, комиссар и начальник АХЧ госпиталя «вопреки приказам о проведении жесткой экономии продуктов питания и одновременном доведении положенных норм до больных и раненых занялись самообеспечением, создали для себя большой резерв продуктов путем преступной экономии. Созданный резерв продуктов по книге учета не оприходован и нигде не значится, хранится отдельно от общих продуктов в гараже в санитарной машине. Для хранения был привлечен шофер (Л. К. Цвейк). Указанный запас продуктов тщательно укрывался при проверке...

При снятии натуральных остатков по основной кладовой госпиталя выявлен большой излишек основных продуктов...

Экономия в первом случае и излишек во втором случае создавались за счет недодачи больным, раненым и обслуживающему персоналу положенных норм и за счет больных, прибывших к концу дня, на которых продукты выписывались полностью дневной нормой. Например, до 30 ноября 1941 г. масло больным выдавалось на руки только по 15 г вместо 40, сахар— 25 г вместо 35, компот выписывался изредка. Обеды готовятся плохого качества, жидкие и выдаются больным и раненым уменьшенными порциями...

Имеющейся при госпитале группе выздоравливающих бойцов, нормы питания которым установлены госпитальные, между тем продукты выдавались общие, и таким путем за их счет также создавалась экономия». В рапорте А. А. Сухоруков предложил: «Все материалы на командование госпиталя передать прокурору для ведения следствия и предания суду виновных.

Требуется немедленно выслать работника для налаживания учета и отчетности по продовольствию».

Главный интендант группы в тот же день передал дело прокурору, который 15 декабря постановил; «...по изложенным обстоятельствам возбудить уголовное дело по признакам ст. 193—17 п. «б» УК РСФСР...» против начальника АХЧ

техника-интенданта 1 ранга Г. М. Говердова, начальника госпиталя военврача 2 ранга А. П. Соболева и комиссара госпиталя батальонного комиссара Н. С. Милюкина.

После произведенного расследования дополнительно вскрылось, что, например, Говердов с 12 ноября по 11 декабря 1941 года «снял с норм госпитального пайка команду выздоравливающих, переведя ее на общеармейский паек, не додав им 8 кг сахара, 10 кг сливочного масла, 13 кг рыбных продуктов и прочее, излишки продуктов не оприходовались, в отчетах не показывались, скрывались в автомашине в лесу и использовались сверх положенных норм Говердовым... лично Милюкиным... Соболевым и с их санкции частью работников госпиталя», а также обнаружились другие правонарушения. При этом учитывалось, что 8 ноября 1941 года враг захватил Тихвин и перерезал последнюю железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру доставлялись грузы, переправляемые затем в Ленинград, в связи с чем сложилось тяжелое положение с продовольствием на Ленинградском фронте.

Уголовное дело на командование госпиталя было передано в военный трибунал Приморской оперативной группы, который рассмотрел его 30—31 декабря 1941 года в открытом судебном заседании.

Военный трибунал признал всех троих виновными в совершении преступления и приговорил: Г. М. Говердова и А. П. Соболева «подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелять, лишив предварительно их воинского звания; Говердова — «техник-интендант 1 ранга», а Соболева — «военврач 2 ранга». Н. С. Милюкина «лишить воинского звания «батальонный комиссар» и подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на десять лет, без поражения в правах. Не усматривая необходимости и целесообразности в изоляции Милюкина от общества, на основании применения п. 2 к ст. 28 УК приговор в отношении его исполнения отсрочить до окончания военных действий, с направлением Милюкина на передовую линию фронта. Если Милюкин проявит себя стойким защитником СССР, то военный трибунал может по ходатайству командования снизить ему меру наказания или вовсе освободить от такового».

3 января 1942 года А. П. Соболев обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании. Он просил: «...дать... возможность искупить свою вину в качестве рядового бойца на передних позициях...» Учитывая положительную характеристику, данную А. П. Соболеву вышестоящим командованием, ходатайство было удовлетворено. Военный трибунал Ленинградского фронта 17 января рассмотрел его дело и определил ему такую же меру наказания, как и Н. С. Милюкину.

В отношении последнего в деле сохранились данные, что 14 мая 1942 года военный трибунал 48-й стрелковой дивизии рассмотрел ходатайство командования 268-го стрелкового полка, поддержанное командованием дивизии, «об освобождении от наказания красноармейца 4-й роты 268-го стрелкового полка». Трибунал определил освободить от наказания Н. С. Милюкина и возбудить ходатайство перед военным советом Ленинградского фронта о снятии с него судимости.

А на экране смонтированные Даниловым кадры: идут штрафники, окружая под Сталинградом крупную немецко-фашистскую группировку; форсируют Днепр; освобождают советские города и села; неизвестно зачем переходят государственную границу СССР; первыми врываются в Будапешт; решают судьбу Берлина. И конечно, «станковый пулемет заградотрядчика, нацеленный на идущих а это обреченное наступление, в котором не остановиться, не отойти ни на шаг...»[10]. Так зрителю и хочется спросить, неужели все правда в фашистской листовке, продиктованной Геббельсом: «Вас назначили в заградительные отряды и объяснили, что вы должны уничтожить ТРУСОВ И ВРАГОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, т. е. стрелять в своих товарищей красноармейцев...

ВАС ЗАСТАВЛЯЮТ БЫТЬ ПАЛАЧАМИ! Вы позорите не только себя, но и своих родных, не только свой народ, но и звание бойца Красной Армии.

Ведь армия —это не охранка, не НКВД! А солдат-боец — это не арестант, не преступник!..

Вы пришли в армию, чтобы быть бойцами, защитниками народа, а теперь вас сделали его палачами. Вы стали, выражаясь блатным жаргоном, «лягавыми». С той только разницей, что «лягавые» охотятся за ворами и преступниками, А ВАС НАТРАВЛИВАЮТ НА НАРОД, НА БОЙЦОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ АРМИИ...

Железная немецкая армия несет свободу русскому народу и гибель его угнетателям и кровопийцам. ПОДЫМАЕТСЯ НА БОРЬБУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ И РУССКИЙ НАРОД. Уже много русских освободительных отрядов дерутся плечом к плечу с немцами...» [11].

Трудным для страны был и 1942 год. Мы это знаем и должны помнить. Знаем, а может, и не все, какой важный вклад в идейное воспитание советских людей внесли литература и искусство. Вдохновляемые партией, окрыленные ее высоким доверием, в годину тяжелых испытаний писатели, художники, композиторы и кинематографисты по свежим следам событий создали многочисленные произведения, воодушевляющие советских людей на ратные и трудовые подвиги, укрепляющие в них чувство патриотизма. Во второй половине 1942 года были опубликованы публицистические статьи А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, И. Эренбурга и других, а также художественные произведения, посвященные Великой Отчественной войне; «Радуга» В. Василевской, «Письма товарищу» Б. Горбатова, «Морская душа» Л. Соболева, «Наука ненависти» М. Шолохова и другие. Большой популярностью пользовались пьесы «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л, Леонова. Близкими каждому читателю стали герои поэтических произведений «Слово о 28 гвардейцах» Н. Тихонова и «Зоя» М. Алигер. В сентябре 1942 года начала печататься в газете Западного фронта «Красноармейская правда» поэма А. Твардовского «Василий Теркин».

Своим искусством помогали укреплять духовные силы народа и советские кинематографисты. Военной теме было посвящено творчество советских художников и композиторов. Большой силой воздействия обладали плакаты Б. Ефимова, Н. Жукова, П. Васильева, В. Корецкого, Кукрыниксов и других, созданные в 1942 году. Тема народного героизма получила отражение в песнях композиторов И. Дунаевского, А. Александрова, К. Листова, Б. Мокроусова, А. Новикова, В. Соловьева-Седого, Т. Хренникова и поэтов М. Исаковского, В. Лебедева-Кумача, АЛ. Светлова, А. Суркова, в кантатах и ораториях Д. Кабалевского, Ю. Шапорина. Незабываемым событием в культурной жизни страны стало исполнение 7-й симфонии Д. Шостаковича.

В 1979 году по Центральному телевидению демонстрировалась правдивая, документальная двадцатисерийная кинолента «Великая Отечественная война». В создании ее участвовал и Л. С. Данилов. И вдруг — «Штрафники», в основу которых положены кинодокументы, смонтированные геббельсовским пропагандистским аппаратом В каждом кадре тут видна рука фашистского режиссера, в каждом эпизоде — злобная ненависть к нашему прошлому. Как созвучно все с призывом изменника Родины Власова: «Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу!..

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину.

Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно вставший

вопрос: **Да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылал на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь Русский народ?**..» [12].

Однако вернемся к событиям 1942 года. В сложной стратегической обстановке на фронте и неблагоприятных экономических условиях в стране усиливается охрана социалистической собственности, еще решительнее проводится борьба со всеми посягательствами на нее. Ужесточается контроль за деятельностью должностных лиц, по вине которых наносился ущерб боеспособности Вооруженных Сил. В руководящих документах того времени отмечалось, что «хищение военного имущества военнослужащим является посягательством на боевую мощь армии...» [13], «В ряды армии попадают преступные элементы, которые расхищают жизненно необходимые для снабжения армии предметы: оружие, снаряжение, обмундирование, горючее, продовольствие и пр. При этом преступниками нередко являются лица, непосредственно отвечающие за сохранность и сбережение имущества. Благоприятную почву для расхищения, разбазаривания, утраты и порчи военного имущества создают преступная бесхозяйственность, невежественное хозяйствование, бесконтрольность, а иногда попустительство со стороны отдельных начальников, призванных оберегать военное имущество, плохая охрана хранилища, транспортов и т. п.

Важнейшая задача органов военной юстиции состоит в применении строжайших мер уголовного наказания не только в отношении лиц, непосредственно посягающих на военное имущество, но и а отношении тех должностных лиц Советской Армии, которые своей бездеятельностью или слабостью руководства создают условия, благоприятствующие подобным посягательствам и затрудняющие борьбу с ними» [14].

Рассмотрим еще одно судебное дело, относящееся теперь к 1942 году, после выхода к тому же и приказа № 227.

26 ноября 1942 года секретарь партийного бюро 27-го отдельного артиллерийско-пупеметного батальона старший лейтенант Анохин в рапорте доложил начальнику политотдела 153-го укрепленного района батальонному комиссару Грушкину следующее; «...31 октября 1942 года были отпущены командиром батальона майором В. Гринченко помощник командира батальона по материальному обеспечению лейтенант интендантской службы В. П. Подгорнов и шофер Б. В. Воловик в отпуск до 13 ноября 1942 года, но они приехали 16 ноября 1942 года.

Когда Подгорнов уезжал, забрал с собой сверх положенной нормы 10 кг мяса, 3 кг комбижира, 1 кг сахара, 10 пачек табака, 3 буханки хлеба. Это все получил шофер Воловик. Выдал кладовщик, но выписано было на кухню.

Обнаружено 9 поддельных накладных, о которых завделопроизводством И. А. Ляпин донес рапортом интенданту С. Н. Власенко, но меры последний не принял. Хуже того, он скрыл преступление.

11 ноября 1942 года под руководством начальника интендантской службы Власенко организована пьянка, где участвовали...

Утром Власенко принес на квартиру шофера Г. И. Ломилина 10 кг мяса и ранее было принесено 10—15 кг муки... Это все за счет желудка красноармейцев...»

По данному рапорту и другим было назначено административное расследование, произведенное военным дознавателем 153-го укрепрайона лейтенантом Сердюковым. Вскрылось, «что Подгорнов В. П. с августа включительно по октябрь 1942 года занимался злоупотреблением по службе в корыстных целях. Подчиненным приказывал продавать дрова, деньги отдавать ему. В результате им получено денег до 45 тыс., и незаконно получал в кладовой продукты...»

Дело было передано в военную прокуратуру Московской зоны обороны, которая избрала меру пресечения, констатируя: «Оставление Подгорнова на свободе сопряжено с возможностью уклонения его от следствия и суда Военного трибунала».

В результате тщательной следственной работы военная прокуратура Московской зоны обороны привлекла к уголовкой ответственности «В. П. Подгорнова, С. Н. Власенко, А. В. Алимова, майора Гринченко, шофера Воловика и завскладом Рыбалка». Им вменялось: «Помощник командира 27-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона по материальному обеспечению Подгорнов Василий Павлович, начальник интендантской службы того же батальона Власенко Сергей Николаевич и кладовщик Алимов Антон Васильевич по предварительному сговору систематически злоупотребляли служебным положением в корыстных целях, т. е. совместно пьянствовали, а на закуски брали продукты, принадлежащие бойцам, этим возбуждали недовольство среди личного состава. Кладовщик Алимов, получая на мясокомбинате города Калуги сбой (головы, легкие и т. д.) из расчета 2 кг за 1 кг мяса, бойцам выдавал 1 кг сбоя за 1 кг мяса. Таким путем за октябрь и ноябрь недодано бойцам 245 кг мяса, из которого Алимов приготовлял разные блюда, употребляемые на закуски. Совместно с указанными лицами занимался пьянством командир батальона майор Гринченко, который не контролировал работу подчиненных, в результате чего Подгорнов на протяжении двух месяцев использовал автотранспорт, принадлежащий батальону, в личных корыстных целях. По его приказанию шофер Воловик возил в Калугу дрова, продавал от 1000 до 1500 руб. каждую автомашину и передал Подгорнову не менее 45 тыс. рублей. На свои нужды израсходовал 1500 руб. Завскладом Рыбалка не контролировал работу Алимова, передоверял начальнику караула, охранявшему овощехранилище, выдавать картофель. Кроме того, при заготовке не перевешивал картофель, доверяя Алимову, В результате получилась недостача картофеля свыше 7 тонн. Таким образом, Гринченко, Рыбалка, Воловик совершили преступления, предусмотренное ст. 193—17 п. «б», но, принимая во внимание, что Гринченко своими действиями не причинил вреда государству, а за все материальные ценности отвечал его помощник по материальной части Подгорнов и начальник интендантской службы Власенко, поэтому его действия надлежит квалифицировать по пункту «в» ст. 193—17 УК РСФСР».

12 января 1943 года в открытом судебном заседании Военного трибунала 20-го района авиабазирования Западного фронта слушалось дело вышеназванных военнослужащих. Суд приговорил; В. П. Подгорнова к расстрелу, С. Н. Власенко к лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет, А. В. Алимова— на 7, обоих без поражения в правах, с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий. В связи с этим оба подсудимых были освобождены из-под стражи и направлены: Власенко — в штрафной батальон, а Алимов — в штрафную роту.

Итак, мы рассмотрели два судебных дела, относящиеся к 1941—1942 гг. Они показывают и теневую сторону состояния дел в Советской Армии в то время. Однако, как сказал В. Кондратьев, «чтобы осознать всю пропасть между полуправдой, которая, как говорится, хуже всякого вранья, и подлинной, беспощадной правдой...» [15], это необходимо делать, а то так недалеко и до оправдания власовцев. Они ведь тоже призывали: «История не поворачивается вспять. Не к возврату к прошлому зову народ. Нет. Я зову его,— писал в так называемом открытом письме Власов,— к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа...

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнослужащих, но и в широких массах Русского народа в области, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших

готовность встать под знамена Русской Освободительной Армии, дает мне право сказать, что **я нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь,— правое дело, дело Русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией.**

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, в корне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за Отечество, за Россию.

Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступал и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия — наша. Прошлое Русского народа—наше! Будущее Русского народа— наше!

Многочисленный русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье» [16].

Полковник В. П. КРИКУНОВ

(Продолжение следует)

[1] К воинским преступлениям в военное время по закону от 7 августа 1932 г. относились: сдача неприятелю начальником вверенных ему сил; самовольное отступление начальника от данного ему для боя распоряжения; самовольное оставление поля сражения; переписка во время войны с лицами принадлежащими к составу неприятельской армии; похищение на поле сражения вещей, находящихся на убитых и раненых (мародерство); преступное обращение с населением в районе военных действий; дурное обращение с пленными; нарушение международных соглашений, касающихся знаков Красного Креста.

Отягчающими вину обстоятельствами совершения воинского преступления в условиях военного времени считались неповиновение, оказание сопротивления, принуждение, самовольная отлучка, дезертирство или неявка в срок, уклонение от призыва по мобилизации, членовредительство, промотание и повреждение военного имущества, нарушение уставных правил караульной и внутренней службы, злоупотребление властью, превышение власти и бездействие власти (см.: Советское право в период Великой Отечественной войны.— Ч. II.— М.: Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948.— С. 5).

[2] Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. — Т. 1. — М.: Советский писатель // Новый мир, — 1989, — С. 88.

[3] ЦАМО СССР, ф. 32, оп. 11309, д. 163, л. 66.

[4] Приказ № 227 полностью с оригинала, подписанного И. В. Сталиным, опубликован в № 8 «Военно-исторического журнала» за 1988 г.

[5] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 163, л. 1

[6] Там же, л. 3.

[7] Там же, л. 31 об.

[8] Литературная газета.— 1990.— 31 января.

[9] «Приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий, с тем что осужденный направляется в действующую армию. В отношении указанных военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками Союза ССР, допускается, по ходатайству соответствующего военного начальства, освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты, либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор» (Советское право в период Великой Отечественной войны,— Ч. П.— С. 3).

[10] Литературная газета.— 1990.— 31 января.

[11] ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 164, лл. 26 26 об.

[12] Там ж е. д. 163. лл. 10 об., 44.

[13] Чхиквадзе В. М. Военно-уголовное право.— Часть II.— Особенная.— М.: Изд. РИО ВЮА. 1947.— С. 11.

[14] Там же,— С. 144.

[15] Литературная газета.— 1990.— 31 января.

[16] ЦАМО, ф. 32. оп. 11309, д. 163, л. 44 об.

ИУДЫ

(Власовцы на службе у фашизма)

РАССКАЖИТЕ О ВЛАСОВЕ

«Товарищи из редакции «Военно-исторического журнала»! Вам пишет ветеран Отечественной войны и труда из Башкирии Ф. А. КУЛУЕВ.

Я хочу поделиться с вами мыслями, так как выписываю и с удовольствием читаю журнал.

Мне сейчас 69 лет. Великую Отечественную войну прошел со своей частью гвардейских минометов с 1942 года (Волховский, Северо-Западный, 3-й Белорусский и 2-й Прибалтийский фронты), так что я много видел своими глазами. И сейчас вот о чем вспоминаю. Мне не раз вольно ила невольно приходилось читать на фронте выброшенные немцами на нашу территорию разные листовки и газеты. Помню, однажды пришлось поднять газету власовцев («Русской освободительной армии», как они там писали). Под заголовком газеты было такое изречение: «Смерть Сталина спасет Россию», — и далее шли всякие факты о Сталине.

В настоящее время из печати мы узнали, что Сталин как бы оказался врагом Страны Советов.

Власовцы и сам Власов действительно были изменниками своей Родины и воевали против своего народа злее немцев, это знает каждый фронтовик. Но возникает вопрос, когда читаем сегодняшнюю прессу, о том, что, может, власовцы еще в те времена знали правду о Сталине и хотели нас в этом убедить, а мы тогда не понимали? Сейчас мы как будто становимся порой, читая нашу прессу, идеализирующую Власова, единомышленниками власовцев. У меня в голове никак не укладывается такая мысль. Наверное, о том, о чем я пишу, думают и многие другие ветераны войны, так как газеты власовцев встречал не я один.

Хотелось бы узнать об этом мнение нашего журнала и его читателей».

В ПОСЛЕДНЕЕ время в Главную военную прокуратуру хлынул поток писем с просьбой о пересмотре тех или иных уголовных дел. Какие только фамилии не упоминаются в этих письмах. Зачастую — отпетых преступников и предателей, к примеру приспешников Берии или же прислужников Гитлера. Вот и на небезызвестных «героев» второй мировой войны — власовцев стремятся надеть терновый венок мучеников-страдальцев, представить их стойкими народными борцами против сталинизма...

Листаешь уголовное дело «власовского ядра» — двенадцати бывших советских генералов и старших офицеров, вчитываешься в страницы 29 томов и диву даешься спекулятивной предприимчивости, наглости и безнравственности торговцев честью, моралью, долгом, Родиной.

Приведем выдержку из приговора Военной коллегии Верховного суда СССР, где указывается, что в закрытом судебном заседании в городе Москве 30, 31 июля и 1 августа 1946 года рассмотрено дело по обвинению:

«1) б[ывшего] заместителя командующего войсками Волховского фронта и командующего 2-й Ударной армией генерал-лейтенанта Власова Андрея Андреевича, 1901 г[ода] р[ождения], уроженца деревни Ломакино Гагинского района Горьковской области...

2) б[ывшего] начальника штаба 19-й армии генерал-майора Малышкина Василия Федоровича, 1896 г[ода] рождения], уроженца Марковского рудника Сталинской[1] области...

3) б[ывшего] члена военного совета 32-й армии бригадного комиссара Жиленкова Георгия Николаевича, 1910 г[ода] рождения], уроженца гор[ода] Воронежа...

4) б[ывшего] заместителя начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-майора Трухина Федора Ивановича, 1896 г[ода] р[ождения], уроженца города Костромы...

5) б[ывшего] начальника Военно-морского училища ПВО в городе Либаве генерал-майора береговой службы Благовещенского Ивана Алексеевича, 1893 г[ода] р[ождения], уроженца города Юрьевца Ивановской области...

6) б[ывшего] командира 21-го стрелкового корпуса генерал-майора Закутного Дмитрия Ефимовича, 1897 г[ода] рождения], уроженца г[орода] Зимовники Ростовской области...

7) б[ывшего] начальника санатория Аэрофлота в г[ороде] Ялте полковника запаса Мальцева Виктора Ивановича, 1895 г[ода] рождения], уроженца г[орода] Гусь-Хрустальный...

8) б[ывшего] командира 59-й стрелковой бригады полковника Буняченко Сергея Кузьмича, 1902 г[ода] р[ождения], уроженца села Коровякова Глушковского района Курской области...

9) б[ывшего] командира 350-й стрелковой дивизии полковника Зверева Григория Александровича, 1900 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Ворошиловска...

10) б[ывшего] заместителя начальника штаба 6-й армии полковника Меандрова Михаила Алексеевича, 1894 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Москвы...

11) б[ывшего] помощника начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта подполковника Корбукова Владимира Денисовича, 1900 г[ода] р[ождения], уроженца г[орода] Двинска...

12) б[ывшего] начальника артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа подполковника Шатова Николая Степановича, 1901 г[ода] р[ождения], уроженца деревни Шатово Котельнического района Кировской области...

Предварительным и судебным следствием установлено:

подсудимые... являясь военнослужащими и будучи антисоветски настроенными, в напряженный для Советского Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили социалистической Родине и в разное время добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск...»

Анализируя эту выдержку, пытаешься осмыслить фразу **«будучи антисоветски настроенными»** и приходишь к выводу, что она не совсем точна и вставлена членами суда для придания большей весомости и преступникам, и следствию. Хотя что может быть страшнее предательства? И все же, если бы Власовым и его компанией действительно управляло последовательное неприятие социалистических идей и советского образа жизни, то оценить их враждебные поступки было бы в какой-то мере проще. Что ж тут судить столь строго, коль у людей иные взгляды на устройство жизни?.. Но это далеко не так. Изучая следственные и судебные материалы, сравнивая их с показаниями свидетелей и обвиняемых того времени и «примеряя» к высказываниям нынешних защитников «патриотов»-изменников, приходишь к закономерному выводу: Власов и его ближайшее окружение отнюдь не идейные борцы. В них было столько же идей-

ности, сколько ее имеет флюгер, послушно поворачивающийся за ветром. А если они и боролись, то только за свое существование. В любой ситуации ставили во главу угла личное благополучие, стремясь отыскать наиболее безопасное и защищенное место обитания.

О каком идейном борении может идти речь, если все помыслы «борцов» уходили на то, чтобы перестроить всего себя под требования и уклад жизни приютившей их среды, на обдумывание ходов возможного возвращения в преданное ими общество. Шатов, к примеру, добровольно переходя на службу к оккупантам, на всякий случай припрятал в «надежном месте» билет члена ВКП(б), что не помешало ему затем активно «состоять» в антикоммунистической «партии»[2]. Ну а Власов, тоже на всякий случай, почти всю войну держал при себе советскую партийную книжицу и расчетную книжку начальствующего состава Красной Армии. Их обнаружили при его аресте вместе с книжкой военнослужащего «Русской освободительной армии» (РОА), временным удостоверением о награждении «добровольческой» медалью, германскими имперскими марками (более 30 тыс.) и датскими кронами, золотыми «мирскими» вещами и золотым крестом... Так и напрашивается образ библейского Иуды Искариота, предавшего своего учителя за тридцать сребреников. Правда, Власов запросил за свое предательство более высокую цену, чем его древний предшественник. Возможно, считал, что сребреники иудиной поры котировались значительно выше фашистской валюты, а может, потому, что вместе с другими иудами — своими сообщниками предавал целый народ. Продажный характер Власова подтверждало и другое содержимое его личного «сундука». Помимо перечисленного здесь, о чем свидетельствует протокол обыска, имелись переписка с фашистскими боссами и «открытое письмо солдат и офицеров 1-й дивизии РОА» к правительствам США и Великобритании с просьбой (это уже в 1945 г.) о предоставлении убежища «политическим эмигрантам». Так сказать, запасся разнообразными атрибутами для различной среды обитания, всевозможными «рекомендательными» предметами тем или иным хозяевам — «на предъявителя».

«Идейность» власовцев, подобно коже склонных к мимикрии рептилий, приобретала тот же «цвет», в какой были окрашены мысли, планы и дела их временных опекунов-попутчиков. Они — иуды-хамелеоны. Причем не только в переносном смысле. Стремление выжить в любой ситуации и при любом строе вынуждало их изменять «окраску кожи» — наряжаться то в советскую, то в фашистскую военную форму, а в последний год своей предательской карьеры подумывать об ином облачении (американском или английском мундире).

Показания власовской верхушки в ходе следствия и на суде убеждают, что «животное процветание» если не полностью удовлетворяло всех ее представителей, то и не вызывало у них особых угрызений совести. Выражая общую иудину настроенность, Жиленков заявил на суде: **«Я жил у немцев неплохо, а поэтому и имел такой выхоленный вид немецкого генерала...»**

Перечитываешь в который раз эти безнравственные строки и с тревогой думаешь о том, что ведь и сейчас по нашим улицам, в наших домах, в самых разных учреждениях ходят, копят богатства и владычествуют, спекулируя красивыми «идейными» фразами и доверием людей, не в таком уж малом числе приспособленцы и торговцы идеалами с психологией и нравственными устоями власовых, жиленковых, шатовых. Предел их мечтаний — ЖИТЬ НЕПЛОХО и ИМЕТЬ ТАКОЙ ВЫХОЛЕННЫЙ ВИД. А для этого нужно лишь, отвергнув принципы и понятия о совести и долге, подняться над «чернью», приобрести соответствующее кресло и оклад, научиться провозглашать декларативные и «декоративные» фразы.

Конечно, нельзя слишком упрощенно смотреть на предпосылки к предательству власовского «генералитета». Не на само предательство, а именно на предпосылки к нему. Взять, к примеру, Шатова. Вот как он излагал оправдательные мотивы, подтолкнувшие его к измене.

Во второй половине октября 1941 года он был вызван в

штаб Северо-Кавказского военного округа (СКВО), где служил заместителем начальника артиллерии округа по артснабжению. Вызов исходил от маршала Кулика, **«приехавшего наводить порядок в войсках»** в связи с прорывом немцев к Таганрогу. От подполковника Шатова потребовался доклад об обеспечении двух вновь сформированных дивизий вооружением и о срочной эвакуации артиллерийских складов. Маршал не удовлетворился докладом и в присутствии командующего округом генерал-майора Ремезова [3], члена военного совета корпусного комиссара Николаева, секретаря Ростовского обкома ВКП(б), тоже члена военного совета СКВО, Двинского и начальника штаба полковника Бармина обвинил Шатова во вредительстве. Тот в ответ попытался объяснить, что действует в соответствии с указаниями как командующего округом, так и начальника артиллерии генерал-майора Карпофилина. Грубой бранью маршал оборвал оправдания подполковника, выхватил пистолет. Увидев направленный на него ствол, оторопевший Шатов, по его словам, только и успел выдавить: **«Товарищ маршал!.. Я двадцать два года честно прослужил в армии, прошу пощадить!..»** Вслед за этим Кулик несколько раз ударил его рукой по лицу.

Что сказать, ситуация и обидная, и унизительная для Шатова. Повинен в ней всецело Кулик, спровоцировавший конфликт. Но разве даже такая крайняя ситуация может оправдать то, что совершил Шатов? Разве должен был он обиду на обидчика переносить на всех своих сослуживцев, на всю армию, на весь народ? Да и осмысленная, неторопливая подготовка к предательству убеждает в том, что не сиюминутное оскорбление руководило Шатовым, сделавшим роковой шаг. Рассчитывая, что советские войска долго не продержатся под натиском германской армии, он решил сдаться на милость победителя и тем самым спасти свою жизнь. **«Узнав в Батайске, что разгрузка боеприпасов идет нормально,** — рассказывал он на допросе 14 сентября 1945 года**, — я оттуда в штаб СКВО не возвратился, а пошел на квартиру работавшей в то время у нас в отделе бухгалтерии... Нестеренко и попросил ее, чтобы она посодействовала мне в подыскании квартиры, где бы я смог скрыться от командования Красной Армии и дождаться прихода немецких войск. При этом мною руководило только, как я сказал, незаслуженное оскорбление от маршала, но не политические убеждения... На новую квартиру я переехал ночью и проживал в ней, скрываясь до прихода немцев, один месяц... С приходом немцев в Ростов... я явился в комендатуру, но принят не был, так как, очевидно, в связи с неустойчивым положением в Ростове в тот день комендатура не работала. В комендатуру я заходил в гражданском платье, в котором и до этого проживал на новой квартире. Все документы я имел при себе, за исключением партийного билета, который я спрятал во дворе... На второй день немцы покинули Ростов, и я также с группой гражданских лиц, не желающих оставаться в городе, пошел пешком в Таганрог, куда прибыл 28 или 29 ноября 1941 года...»** Так что времени для того, чтобы опомниться, у Шатова было предостаточно. Ведь в Таганроге, ожидая, когда хозяева, на службу к которым он так стремился, обратят на «обиженного» подполковника внимание, он в течение полутора месяцев ходил в полицию отмечать свое терпеливое холуйское присутствие и иудину готовность к предательству. И дождался, подтвердив эту готовность в Хаммельбургском лагере советских военнопленных офицеров, куда был направлен после соответствующей обработки германской разведкой в июле 1942 года. **«В этот же лагерь,** — показывал следствию Шатов, — **летом 1942 года приезжал полковник Боярский с целью вербовки во власовскую армию, я тоже изъявил желание и записался».** К этому времени Шатов стал не только рядовым членом «Русской трудовой народной партии», но и председателем ее комитета. По его словам, эта организация ставила своей задачей свержение Советской власти и установление на территории Советского Союза (при помощи немцев) буржуазного строя. Для практического осуществления этой задачи намечалось со-

здать «свою армию» из числа военнопленных. С теми же, кто не соглашался на предательство или мешал работе активистов РТНП, жестоко расправлялись с помощью германской разведки, которую в Хаммельбургском лагере представлял зондерфюрер Арноль. Вот что сообщил об этом Шатов: **«Являясь председателем комитета РТНП, я уже имел постоянную связь с Арнолем и доносил ему о лицах, которые проводили антифашистскую деятельность и противодействовали проведению антисоветской деятельности среди военнопленных лагеря... В сентябре — октябре 1942 года, бывая у Арноля, я донес ему, что содержавшиеся в Хаммельбургском лагере пленные генерал Шепетов и майор Новодаров среди военнопленных проводят антифашистскую агитацию и мешают проводить антисоветскую работу комитету и членам организации РТНП. Фамилии других лиц, о ком мне приходилось сообщать немцам, я не помню...»**

По словам Шатова, доносы он оформлял исходя как из личных наблюдений за соотечественниками, так и информации других членов РТНП. Особенно усердствовал в этом деле бывший командир 13-й стрелковой дивизии Наумов. В один из дней в умывальнике была обнаружена записка, в которой Наумову предлагалось снять с себя знаки отличия советского генерала, поскольку он, как изменник, носить их не достоин. Тот побежал жаловаться Шатову, высказав подозрение, что авторы записки — Шепетов и Новодаров. При этом сообщил, что генерал Шепетов не так давно заявил одному из активных членов РТНП бывшему майору Дикому: **«Ты, Дикий, изменник Родины. Как только мы будем освобождены из немецкого плена, повесим тебя на первом сучке, петля для тебя готова».** Информацию Наумова Шатов передал зондерфюреру Арнолю.

Продажную роль «народных партийцев» подтвердил и Благовещенский, который входил в руководящее ядро этой иудиной организации (он называл себя членом ЦК) с ноября 1941 по июнь 1942 года. В то время представителем германской разведки в Хаммельбургском лагере являлся капитан Зиферт, который, по словам Благовещенского, фактически руководил всей деятельностью «Русской трудовой народной партии» и ее «Центрального комитета» и с помощью членов так называемого «секретного отдела» РТНП собирал сведения о «неблагонадежных». По признанию Благовещенского, агенты-осведомители и полицейские лагеря выявляли среди военнопленных политработников, а также лиц, враждебно настроенных против немцев, и выдавали их руководству РТНП, а те в свою очередь — Зиферту. **«Должен сказать,** — сообщал Благовещенский, отделяя себя от сообщников-иуд, — **что их предательская работа была довольно активная, ибо мне известно, что в одном из своих отчетов немцам, составленном в феврале 1942 года... указывалось, что членами «Русской трудовой народной партии» было выявлено и предано в руки гестапо более 2000 советских военнопленных, которые затем были уничтожены».**

В Хаммельбургском лагере хозяева предоставили «обиженным на Родину» еще одну возможность для изменнической деятельности, организовав «Военно-исторический кабинет». Втянутые в это «научное общество» бывшие командиры, находившиеся в лагере, составляли справки по отдельным военным округам. Они отвечали на следующие вопросы: «Наличие войск к моменту начала войны с Германией?», «Развертывание военных действий?», «Формирование частей и их обеспечение?» и др. Эти материалы, по словам Шатова, отправлялись в Берлин, где они обрабатывались и систематизировались. **«Я также писал справку по вышеуказанным вопросам,** — сознался он, — **по Северо-Кавказскому округу. За эти труды мы получали лишнюю порцию пищи».** Даже не тридцать сребреников!..

Неистребимую «обиду» на Советскую власть затаил и Мальцев. Война с Германией застала его в Ялте в должности начальника санатория Аэрофлота. Там же и дожидался «освободителей», посчитав символичным вступление в город оккупантов в начале ноября, в дни 24-й годовщины Ок-

тябрьской революции. Раскрывая свою иудину душу капитану СС Хайнцу, Мальцев заявил, что ненавидит Советскую власть за свой арест органами НКВД в 1938 году и за то, что **«после освобождения из-под стражи меня назначили начальником санатория, тогда как я имел звание полковника и занимал ранее видные командные должности в Красной Армии, в частности являлся командующим ВВС Сибирского военного округа».** Немцы оказались «лояльны и щедры» к Мальцеву, доверив ему командовать авиацией власовской армии. И тот очень гордился таким доверием, а еще тем, что вербовал «под свое крыло» других бывших советских летчиков. **«В январе 1944 года,** — показывал он в ходе следствия, — **я выезжал в м[естечко] Зюдау-эн-Зюд (Польша], где содержались бывш[ие] советские летчики, перешедшие на службу к немцам. Из их числа я завербовал в РОА 10 человек... Вербовку летчиков я также производил в лагере военнопленных в г[ороде] Морицфельде. В марте 1944 года там же был завербован в РОА Герой Советского Союза капитан Бычков, которого я длительное время обрабатывал я антисоветском духе... Из этих летчиков в начале февраля 1945 года мною была сформирована истребительная эскадрилья под командованием бывшего капитана Красной Армии Бычкова, получившего затем звание майора РОА».**

Мальцев по указке хозяев активно занимался и антисоветской пропагандистской деятельностью. Любопытны его показания об одной радиопередаче, состоявшейся в апреле 1944 года в Кенигсберге, в которой ему пришлось участвовать. Эта передача носила такой же лживый характер, как и вся фашистская пропаганда, и предназначалась бывшим советским гражданам, насильно угнанным на различные работы в Германию. Сценарий предписывал выступление Мальцева и других «патриотов» на рабочем митинге, причем в подготовленных и розданных им заранее речах указывалось, после каких слов следует ожидать аплодисментов и одобрительных выкриков. **«Когда я явился для произнесения речи, то увидел, что в зале вместо рабочих собраны сотрудники радиоцентра, которым заранее было сказано, где они должны аплодировать,** — вспоминал на одном из допросов Мальцев. — **Это мое выступление было направлено в основном против англичан и американцев в связи с ожидаемым открытием второго фронта. В своем выступлении я клеветнически утверждал, что большевики вместе с англичанами и американцами являются врагами русского народа. После меня перед микрофоном выступил диктор радиостанции, который изображал из себя русского рабочего. За ним выступила жена артиста Блюменталь-Тамарина, подделываясь под русскую крестьянку. В конце выступил сам Блюменталь-Тамарин, заявивший, что он будто бы проездом оказался в Кенигсберге и случайно попал на этот рабочий митинг».**

Буняченко и Зверев, командиры двух дивизий РОА, оказались в стане врага из-за боязни справедливого наказания. Первый из них еще в сентябре 1942 года был приговорен военным трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта к расстрелу. За месяц до этого он, командуя 389-й стрелковой дивизией, занимавшей оборону у реки Терек, преждевременно, не сообразуясь с обстановкой, разрушил железнодорожное полотно на участке Моздок — Червляная. Была создана угроза окружения не только для 9-й армии, куда входила дивизия, но и для других соединений и частей Северной группы войск. Но Буняченко простили его тяжелый проступок — расстрел был заменен десятью годами заключения в исправительно-трудовом лагере, причем была предоставлена возможность отбывать наказание в действующих войсках. После освобождения из-под стражи Буняченко назначили командиром 59-й отдельной стрелковой бригады. В период с 26 по 30 октября 1942 года бригада по вине командира понесла большие потери, которые день спустя еще больше возросли. Из-за нераспорядительности Буняченко, не выполнившего своевременно приказ об отводе бригады на новый рубеж обороны, подчиненные ему части прибыли к указанному месту **с** опозданием на 3 часа. Это дало врагу возможность опередить их и атаковать на подходе, нанеся бригаде большой урон. Не закрепившись, оголяя фланги соседей, остатки бригады стали поспешно отходить на юго-восток по направлению к Алагиру. Еще некоторое время, встретившись в горах с командиром 351-й стрелковой дивизии генерал-майором Сергацковым и получив от него соответствующие указания, Буняченко командовал так называемой восточной группой, но затем, прослышав, что его снова привлекают к уголовной ответственности, решил дезертировать. **«Опасаясь быть арестованным вторично...** — сознался он в ходе послевоенного следствия, — **17 декабря 1942 года я перешел на сторону врага...»**

Но славы немецкому и «власовскому» оружию он тоже не принес. На вопрос следователя: «Какие боевые действия вела 1-я дивизия РОА против Красной Армии?» — Буняченко сообщил, что в начале марта 1945 года дивизия в основном была сформирована и к этому времени насчитывала около 20 тыс. человек. 6 апреля части дивизии прибыли на фронт в район станции Либерозы. Неделю спустя, выполняя приказ Власова и фашистского командования, новоиспеченный генерал-майор РОА Буняченко выделил для участия в боевых действиях против советских войск по одному батальону из 2-го и 3-го пехотных полков, противотанковый дивизион и артиллерийский полк. **«Эти части дивизии,** — рассказывал Буняченко, — **по приказу немецкого штаба вели бои с Красной Армией на реке Одер... После поражения моих частей на реке Одер я больше дивизии в бой с частями Красной Армии не вводил. При наступлении советских войск на Берлин я, поняв неизбежность поражения Германии, увел свои части на территорию Чехословакии с тем, чтобы после перейти на сторону англоамериканских войск»**. Сдача американцам произошла в 80 км от Праги. «Оприходовав» вооружение дивизии на свой реестр, американское командование 14 мая 1945 года передало ее командира вместе со штабом советским оккупационным властям. Увод частей РОА на территорию Чехословакии, осуществленный испуганным наступлением советских войск Буняченко, с тем чтобы поискать убежища у американцев и англичан, породил легенду, которая муссируется и сейчас, об «освобождении» Праги от фашистов власовцами.

Зверев же оказался в фашистском плену дважды. Первый раз «случайно». Произошло это в августе 1941 года в районе местечка Высокое (близ города Умани). Он являлся командиром 190-й стрелковой дивизии, входившей в состав 49-го корпуса 6-й армии. Во время выхода из окружения Зверев был пленен вместе с комиссаром дивизии Коладзе. Словчив, Зверев попал в группу раненых (у него на шее был фурункул) и, назвавшись украинцем Шевченко, якобы был освобожден немцами из лагеря военнопленных. Затем ему удалось перейти линию фронта и оказаться у своих. Ему поверили и назначили на должность командира 8-й Семипалатинской дивизии. В марте 1943 года он, уже командуя 350-й стрелковой дивизией, снова оказался в окружении на территории Харьковской области. В плен к немцам на этот раз сдался добровольно.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и другие мотивы предательства. Взять того же Власова. Кроме трусости и растерянности, проявленных им в сложной фронтовой обстановке, кроме отчаяния, что поражение неизбежно, что враг одолеет Красную Армию и не пощадит тех, кто не сдался на милость победителя, кроме стремления обезопасить себя и устроиться получше, им управляли еще и какие-то амбиции. Торговля с немцами о том, как выгоднее продать свое имя и авторитет советского генерала, видимо, породила надежды на возможность сделать политическую карьеру, выдвинуться с помощью хозяев в верховные правители будущей России. Но если и были эти притязания, то их с первых же шагов укоротили, указав иуде предназначенное ему место. Так, по признанию самого Власова, он предпринял попытки

попасть на прием к Гитлеру, чтобы **«решить свою судьбу»** (не России, как утверждают нынешние защитники «героя»-предателя, а свою собственную!), так сказать, во время «договоров в верхах». Через фашистского посредника капитана Штрикфельда ему стало известно, что встреча с Гитлером не состоится. **«...Я узнал,** — сетовал впоследствии Власов, — **что Гитлер не желает видеть меня потому, что он ненавидит русских и что он поручил принять меня Гиммлеру».** Но и Гиммлер поначалу не торопился вести переговоры **с** генералом-перебежчиком, выказывая ему откровенное презрение. Помог Жиленков, сделавшись агентом гестапо. **«...Только после моей поездки в район Львова,** — показывал он на суде, — **и установления связи с представителем Гиммлера Далькеном при посредстве последнего нам удалось организовать встречу Власова с Гиммлером. Мне было известно, что Гиммлер называл Власова перебежавшей свиньей и дураком. На мою долю выпала роль доказать Далькену, что Власов не свинья и не дурак».**

Вот каков борец против диктатуры Сталина (именно так пытаются представить Власова ныне иные «историки»). Ему плюют в лицо, а он, утершись, продолжает выслуживаться перед чужеземным диктатором, несущим его стране разруху и рабство.

Не менее показательной в этом отношении является история предательства одного из ближайших помощников Власова Жиленкова. Стремление выжить любой ценой вынуждало его торговать своим именем дважды, а Родиной и того больше. Жиленков, по его словам, попав в районе Вязьмы вместе с советскими войсками в окружение, сдался в плен. Назвавшись рядовым Максимовым, шофером, он с ноября 1941 года по май 1942 года служил в германской 252-й пехотной дивизии. Но, по представлению бывшего бригадного комиссара, это вовсе не предательство, а военная хитрость. **«Тогда у меня не было умысла изменить своей Родине»,** — с притворной наивностью рассуждал он. Правда, он тут же выдвинул «героическую» версию, согласно которой сколотил группу из шоферов, проводившую под его руководством «антигерманскую деятельность», совершившую несколько диверсий в тылу фашистских войск. При подготовке к очередной диверсии (взрыва Гжатского армейского склада) Жиленкова-Максимова якобы предал лесник Гжатского лесничества Черников. По этому доносу «комиссара-шофера» арестовали. Кто выдал остальных «подпольщиков», неизвестно, но в гестапо оказалась вся группа. Не исключено, что этим доносчиком был сам Жиленков, ставший впоследствии постоянным осведомителем гестапо. Когда снова нависла угроза жизни, ЕГО ЖИЗНИ, Жиленков «спекульнул» фамилией и честью советского офицера-политработника. **«На допросе у немцев мне было объявлено о том,** — сознался он, — **что я буду расстрелян за антигерманскую деятельность. Проявив трусость... я назвал свою действительную фамилию и выполняемую мною должность в Красной Армии — члена военного совета 32-й армии, при этом изъявил готовность бороться против Советской власти».**

О том, как контролировалась антисоветская работа гитлеровским гестапо и руководством рейха, как «дергали за нужные веревочки» марионеток их хозяева, каким презрительным недоверием были окружены «будущие правители свободной России», дает некоторое представление диалог между председательствующим суда и Жиленковым:

— Подсудимый Жиленков, вы являлись автором манифеста так называемого «Комитета освобождения народов России»?

— Для разработки манифеста была создана редакционная комиссия, председателем которой был избран я. Участие в подготовке проекта манифеста КОНР[4] принимали: Малышкин, Трухин, Закутный, Ковальчук и Зайцев. Я лично принимал активное участие в обработке манифеста. После того как проект манифеста был составлен, он был дан для просмотра Гиммлеру, который сделал несколько поправок, в частности в проект манифеста лично внес фамилию Сталина и упомянул правительство Англии и Америки. После чего манифест был утвержден Гиммлером. Формально манифест КОНР был принят на первом заседании «Комитета освобождения народов России» в Праге 14 ноября 1944 года, где участвовало около 200 человек гостей, представителей разных немецких организаций, белоэмигрантов и 50 человек членов «Комитета». На этом заседании присутствовал представитель Гиммлера Франк.

— С какой целью было открыто заседание «Комитета» в Праге, причем так торжественно!

— Все это затея немцев, на средства которых проводилось это заседание. В Праге же было организовано заседание с целью показать, что «Комитет» якобы независим от немцев[5]. К тому же некоторые члены «Комитета» не верили в победу Германии над СССР и мечтали в будущем перейти на сторону англо-американских войск для проведения своей антисоветской деятельности.

Имел такую мечту и Жиленков, для осуществления которой он к концу войны отправился в Италию. Формально его совместная с Малышкиным поездка была связана с установлением контакта с белоказаками. По пути эмиссары Власова остановились в Тироле, где и дождались прихода американских войск. Вот как рассказывал об очередном предательстве и безнравственном торге сам Жиленков: **«При встрече с американцами я обратился к ним с просьбой о принятии под их опеку членов КОНР. Американцы меня и Малышкина пленили. Так я оказался на территории, оккупированной американцами. Там я начал искать себе нового хозяина и стал писать для американской разведки секретные сведения о Советском Союзе, а также написал ряд клеветнических документов о послевоенной политике ВКП(б) и Советского правительства. Кроме того, написал биографии и клеветнического содержания справки на некоторых лиц, интересовавших американскую разведку»**. Чтобы еще больше заинтересовать новых хозяев своими способностями на предательство и подлость, Жиленков предложил также им свои услуги по организации на территории СССР шпионской работы.

Подобно Жиленкову устроил «самосуд», конечно же, не без надежды на снисхождение и милосердие, и Малышкин. На дневном судебном заседании 31 июля 1946 года он сделал следующее признание: **«Я признаю себя виновным... из-за трусости я сдался в плен к немцам, изменил Родине... Как получилось, что я, состоявший больше 20 лет в партии и больше 22 лет служивший в Красной Армии, очутился в таком положении! В чем же дело! Я честно говорю, что до перехода на сторону немцев я не совершил ни одного преступления, но в тяжкой обстановке у меня не нашлось внутри стержня. Переломным годом был 1942 год — год немецких успехов, и это не могло не оказать на меня влияния. Я, свихнувшись, не имея внутренней опоры, оказался тряпкой, кислым интеллигентом, мной двигал животный страх. Моей деятельности трудно подобрать название, ей нет имени...»**

Да, на счету Малышкина тяжкие преступления, в которых он полностью сознался. Сдавшись немцам, бывший начальник штаба 19-й армии рассказал все, что знал о своем объединении, а затем включился в активную пропагандистскую работу, прославлявшую силу и непобедимость рейха, призывал, где только мог, к моральной и «физической» поддержке «освободителей». Так, в июле 1943 года сотрудник отдела пропаганды германских вооруженных сил бывший советский генерал Малышкин выступил в Париже на митинге белоэмигрантов с клеветой, по его же словам, на Со-

ветское правительство, на Коммунистическую партию и русский народ. Его «патриотическая» речь, видимо, пришлась по душе «единомышленникам», поскольку была опубликованз в белоэмигрантской печати. Еще большим успехом пользовался доклад Малышкина «Большевизм в Европе», сделанный им в декабре 1944 года на фашистской конференции в Веймере и помещенный в газете «Воля народа». В том же году Малышкин в течение 5 месяцев совершал поездки по Бельгии, Голландии, Франции, где вел агитационную и мобилизационную работу в «добровольческих батальонах». Активнейшее участие он принял в создании «Комитета освобождения народов России»: подбирал кандидатов в его состав, участвовал в подготовке манифеста, возглавлял организационное управление КОНР, куда наряду с другими подразделениями входили разведка и контрразведка. Малышкин являлся вдохновителем организации в Мариенбаде школы шпионов и диверсантов, засылаемых в тыл Красной Армии. Он же явился инициатором сосредоточения частей «Русской освободительной армии» в Южной Баварии для перехода их на сторону американцев.

«...Мой план был принят, — рассказывал Малышкин на суде, — **а сам я 29 апреля отправился к американцам с просьбой не выдавать нас Советской власти. Я, Власов, Жиленков, Закутный договорились о том, чтобы добиться у американцев их согласия на продолжение нами антисоветской борьбы. Находясь в плену у американцев, я занимался гнусной деятельностью. Я имел связь с американской разведкой и выдал интересующие ее сведения...»**

Поучительна и «исповедь» бывшего советского генерала — командира 21-го стрелкового корпуса Закутного. Попав в окружение, а затем в плен, он отвечал на все вопросы, которые ему задавали на допросах. Заинтересовавшись таким откровенным и немало знающим «собеседником», немцы перевезли его из Лодзинского лагеря военнопленных в Берлин. Там ему предъявили документы об укрепленных районах Северо-Кавказского фронта и секретное наставление. Закутный дал исчерпывающую и компетентную «консультацию», дополнил полученные немецкой разведкой сведения собственными уточняющими данными об укрепленных районах СССР. После этого с его согласия он оказывается в особом лагере военнопленных, где проводилась усиленная идеологическая обработка его обитателей группой белоэмигрантов под руководством Байдалакова. От последнего Закутный получил предложение войти в состав антисоветской организации «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП). Закутный «поторговался»: дескать, ему, бывшему члену ВКП(б) с большим стажем, вроде не с руки объявить себя бойцом такой известной организации (да и **«мне... не будет доверия, ибо у меня осталась идеология, против которой боролась организация, возглавляемая Байдалаковым»)**. Но заниматься агитационной и пропагандистской работой (для чего же он был послан «хозяевами» в этот лагерь!) среди военнопленных в интересах энтээсовцев «нового поколения» не отказался. Работу эту он, видимо, вел с большим усердием, поскольку по ходатайству Байдалакова был освобожден из лагеря и в феврале 1943 года поступил на службу в отдел «восточной пропаганды» германского министерства пропаганды, именовавшийся «Винета». Там он являлся авторитетным консультантом по выпускаемой антисоветской литературе. Закутный сообщил, что в «Винете» он был тесно связан с другим изменником Родины — профессором Минаевым, который во время формирования КОНР поручил Закутному войти в состав «Комитета» и наблюдать за деятельностью его членов. Закутный усердно выполнил это указание, кроме того, привлек для работы в КОНР несколько бывших советских научных работников [6]. Задания по вовлечению гражданских лиц в деятельность «Комитета» давал ему и Власов. Так Закутный стал руководителем гражданского управления КОНР. На суде он попытался утверждать, что возглавляемое им управление занималось **«улучшением правового и материального положения советских граждан, угнанных на работы в Германию».** В конце концов все же вынужден был сознаться, что эта «патриотическая благотворительная» деятельность была сведена всего лишь к докладной записке, которую Закутный после пражского заседания КОНР написал немецким властям, где осветил бедственное положение бывших советских граждан. Но цель этой записки преследовала интересы тех же властей, поскольку Закутный стремился, формально беспокоясь о бывших согражданах, заручиться поддержкой последних в своей предательской работе, а точнее, завербовать их, пообещав «улучшение жизни», в ряды КОНР. Да и немцы, по его словам, так ничего и не сделали, находясь накануне полного разгрома.

В апреле 1945 года Власов поручил Закутному особой важности задание. Он вручил ему удостоверение, свидетельствовавшее о том, что Закутный уполномочивается «Комитетом освобождения народов России» вести переговоры с командованием американских войск о предоставлении КОНР убежища в американской зоне оккупации.

Подводя итог своей предательской деятельности, Закутный сказал: **«В первые дни войны, когда немцы занимали нашу территорию, я потерял веру в победу советского оружия. Затем, когда я попал в плен и мне угрожали расстрелом, если я не буду работать в пользу немцев, я струсил и так оказался изменником своей Родины. В данное время я не могу отрицать своей предательской и шпионской работы, так как все это полностью подтверждается всеми материалами моего дела, и в частности моими показаниями, данными немцам в период моего пленения, моей активной антисоветской деятельностью, проводимой как членом «Комитета», которым руководило берлинское гестапо. В своих показаниях, данных немцам при моем пленении, я оклеветал честных советских граждан, в чем также признаю себя виновным...»**

Предельно ясно и недвусмысленно объяснил суть своего иудиного предательства Благовещенский. После того как в лагере военнопленных немцы дважды его избили, он замыслил, по его словам, «невинность сохранить и капитал на этом нажить», а поэтому и решил заняться пропагандистской работой в пользу рейха, участвуя в антисоветских разговорах. Но нажить «капитал» этим было трудно. В декабре 1941 года Благовещенский совместно с Егоровым и Зыбиным составил обращение в адрес германского командования с просьбой разрешить им **«сформировать русские части для борьбы против большевиков».** Но «вождей» в предательском движении, а точнее «руководящих марионеток», рейху хватало, поэтому Благовещенскому и его компании ответили, что Мальцевым и другими «патриотами» уже создан комитет «Русской трудовой народной партии» (РТНП), преследующий ту же цель. Ведший с ними переговоры капитан германской разведки Зиферт предложил вступить в эту партию. Благовещенский дал согласие и вскоре благодаря активности и разворотливости вошел в состав «Центрального комитета» РТНП, а заодно возглавил «военный отдел» организации. **«...Я создал комиссию,** — показывал он на суде, — **дпя проверки военной квалификации военнопленных командиров Красной Армии. По существу, во время этой проверки производилась вербовка новых членов в РТНП. Боясь репрессий, около 75 проц. военнопленных изъявили свое желание участвовать в вооруженной борьбе против Советской власти».**

В сентябре 1942 года Благовещенского назначили начальником «школы молодежи», созданной для подготовки фашистских пропагандистов. Как и Жиленков, Благовещенский старается вкрапить в свои предательские дела «героические» фактики. Вот и в руководимой им школе он, по его словам, не готовил нужные рейху кадры, поскольку набрал на учебу

физически слабых мальчишек, которые через два месяца были отправлены на сельскохозяйственные работы из-за своей непригодности для серьезной работы. «Школа молодежи» тоже была ликвидирована. **«В антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым,** — старался обелить он себя на суде, — **я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью разлагательской работы...»** Он — «подпольщик», герой-одиночка, ни больше ни меньше. Он не только не хотел казаться безыдейным карьеристом и трусом, а «советски идейным», хотя и свою предательскую деятельность на оккупированной фашистами территории полностью признал. А деятельность эта довольно «богата» и разнообразна. После ликвидации «школы молодежи» капитан Штрикфельд, сотрудник отдела пропаганды верховного германского командования, рекомендует Благовещенского редактором антисоветской газеты «Клич», переименованной впоследствии в «Зарю». В этот же период (конец 1942 г.) происходит встреча и сближение Благовещенского с Власовым. В начале следующего года сотрудники редакдии газеты во главе с Благовещенским дают присягу на верность «Русскому комитету». А принимает ее начальник отдела пропаганды верховного командования вооруженных сил Германии полковник Мартин под надзором капитана Штрикфельда и в присутствии генерала Власова. **«После принятия присяги,** — сообщал суду Благовещенский, — **я был одет в форму немецкого генерала и получил повышение по службе — был назначен начальником курсов пропагандистов РОА. При непосредственном моем участии было выпущено около полутора тысяч пропагандистов... Бронзовую медаль за отвагу 2-го класса я получил от немцев за хорошую работу по должности начальника курсов пропагандистов РОА. Медаль мне вручил лично Малышкин»** [7].

Дальше Благовещенский рассказал, что в связи с наступлением Красной Армии он вместе со всем составом «идеологической группы» выехал из Берлина в Карлсбад, а затем го указанию Жиленкова, под руководством которого якобы должен был разработать теоретические основы программы КОНР, переехал в Мариенбад. В апреле 1945 года по вызову Жиленкова снова возвратился в Карлсбад на совещание, где обсуждалась возможность подпольной деятельности КОНР. **«После совещания я выехал в Мариенбад, куда вскоре приехал Власов,** — давал показания Благовещенский, — **и так как немцы меня выгоняли из Мариенбада, я получил от Власова удостоверение о том, что я являюсь представителем КОНР и остаюсь в Мариенбаде для оказания помощи остающимся в Мариенбаде русским гражданам. Данное удостоверение было написано с одной стороны на немецком языке для немцев и с другой стороны—на английском, на случай прихода в Мариенбад англичан или американцев. Из Мариенбада я никуда не выезжал. В Мариенбад вошли американские войска, а вскоре я был арестован органами Советской власти».**

Не желал считаться безыдейным предателем и Малышкин, о котором уже шла речь. Приведем любопытный диалог, происшедший между ним и председательствующим на суде:

— **Ответьте, как вы попали к немцам?**

— Я сдался немцам из-за трусости.

— А антисоветская деятельность проводилась вами из-за трусости или по убеждению?

— **Только по убеждению...**

Вот с какими безнравственными ухищрениями творили марионетки-хамелеоны свое черное дело. В следственных и судебных материалах содержится бесчисленное количество убедительных фактов и доказательств их предательства. Власов и его сообщники, возглавляя созданный немцами «Комитет освобождения народов России», обнародовали «свою» цель — вооруженную борьбу против СССР. Под руководством германского военного командования они участвовали в создании так называемой «Русской освободительной армии» и вели бои против советских войск. Власов еще в декабре 1942 года обратился к немецкому командованию с предложением своих услуг по руководству сформированными немцами к этому времени «добровольческими отрядами». Позже в ходе следствия он показал: **«Формированием частей из числа русских военнопленных занимался немецкий штаб добровольческих войск, возглавлявшийся генералами Хельмигом и Кестрингом. В декабре 1942 года я поставил перед Штрикфельдом вопрос о передаче под мое командование всех сформированных русских частей и объединении их в армию».** Вместе с тем при поддержке гестапо и других фашистских карательных органов в «Русскую освободительную армию» вовлекались военнопленные. **«Как правило, вербовка военнопленных на службу в создававшуюся Власовым «Русскую освободительную армию»,** — сообщил в своих признаниях бывший заместитель командира запасной бригады РОА И. П. Скугаревский,— **проводилась не только с санкции германских органов в лагерях, но и при их прямой поддержке и сопровождалась террором гестапо в отношении большинства военнопленных, не желавших сотрудничать с немцами и Власовым. Так... в мае 1943 года, в бытность мою в Ченстоховском офицерском лагере, бывший командир автороты одной из танковых частей Красной Армии лейтенант Баев, который не дал согласия вербовщику Власова Калугину служить в РОА, неоднократно вызывался в гестапо, где подвергался избиению. В другом случае пленный военфельдшер Красной Армии Страхов, также не давший согласия Калугину пойти на службу в РОА, был арестован и расстрелян».**

В РОА была установлена постоянная слежка за каждым человеком, которую осуществлял специально созданный «отдел безопасности». Через сеть широко разветвленной агентуры он выявлял в частях «освободительной армии» сомневающихся или просоветски настроенных лиц и подвергал их репрессиям. Все это делалось с ведома Власова. Особое усердие проявлял Трухин, возглавлявший разведотдел штаба РОА, а также курировавший созданные в дивизиях контрразведывательные отделы. Лица, заподозренные в действиях, направленных против немцев или власовцев, арестовывались, подвергались допросам и жестоким избиениям, а затем расстреливались. Санкцию на расстрел давал и Власов. Это подтвердил на допросе Мальцев. **«...Примерно 15 апреля 1945 года, накануне нашей эвакуации из Мариенбада,** — рассказывал он, — **заместитель Каюкова Тухольников мне доложил, что в «отделе безопасности» содержится 18 арестованных, судьбу которых необходимо решить. Большинство арестованных обвинялись в деятельности против Власова, однако дела следствием были закончены лишь в отношении шести... Тухольников предоставил мне список всех арестованных** и **предложил шесть из них, на которых были закончены дела, расстрелять. Я этот список представил Власову. Власов распорядился намеченных шесть человек расстрелять...»**

Командир 1-й дивизии РОА Буняченко признался, что принимал все меры к тому, чтобы не допускать проникновения в свое соединение советских разведчиков, **«могущих разложить дивизию»,** а также чтобы пресечь влияние тех, кто **«высказывал симпатию к Советской власти».** С этой целью по указанию Власова Буняченко создал в дивизии «контрразведывательный аппарат». 10 апреля этот аппарат арестовал группу из 10 человек, возглавляемую майором Погромским, которая готовилась к переходу на сторону Красной Армии. **«Во время допроса, —** сообщал Буняченко, **— начальник контрразведки дивизии Ольховик подвергал Погромского избиению...»**

Аресты и расстрелы лиц, отказавшихся от службы в РОА, продолжались и после капитуляции Германии. Власов и

его ближайшие сообщники вынуждали личный состав подчиненных им частей снова «перекрашиваться», т. е. переходить на сторону американских войск, а тех, кто отказывался, подвергали репрессиям. Упоминаемый уже здесь Скугаревский сообщил такие сведения: **«...значительная часть рядового и офицерского состава, привлеченная на службу в РОА путем обмана и провокаций со стороны Власова и его сподвижников, не желала перехода на сторону американцев и не имела намерений продолжать борьбу против Советского Союза. Для того чтобы уменьшить количество перебежчиков на сторону Красной Армии, командование РОА предприняло ряд мер пропагандистского и карательного характера... Были мобилизованы все силы контрразведки РОА и полевой жандармерии, которые на марше беспрестанно преследовали уклонявшихся от движения в колонне. Отставшие подвергались избиениям и возвращались в свои подразделения, а некоторые из них арестовывались... Имевший намерение перейти на сторону советских войск начальник снабжения 2-й дивизии РОА капитан Владимирский был арестован контрразведкой и расстрелян».**

Во время вербовки военнопленных уж какие золотые горы и какую перспективу ни сулил Власов неустойчивым или запуганным людям в обмен на предательство, на согласие бороться с оружием в руках против своего народа. Сейчас эту его авантюристическую и провокационную затею иные выдают за «патриотический подвиг», направленный якобы на облегчение участи военнопленных в концлагерях и спасение их жизней. Вот как «откровенничал» на суде об этом своем «патриотизме» и «благотворительности» сам Власов: **«...после создания «Комитета освобождения народов России» Гиммлер, стремясь использовать советских военнопленных в борьбе с Красной Армией и видя, возможно, в этом известный выход из тяжелого положения, в котором очутилась Германия, стал настоятельно требовать от меня ускорения формирования частей «Русской освободительной армии» и в этих целях предоставил нам в декабре 1944 г [ода] военные лагеря в Мюнзингене и Хойберге. В связи с этим мне удалось сформировать две дивизии. В Мюнзингене формировались первая дивизия, насчитывавшая до 20 000 человек** и **офицерская школа до 1000 человек... В Хойберге формировалась вторая дивизия, которая имела численность до 12000 человек. В этих же лагерях размещалось несколько строительных батальонов и одна запасная бригада общей численностью до 5000 человек. Первую дивизию к концу войны удалось вооружить 100 орудиями, 12 танками Т-34, винтовками и автоматами...»**

Ближайшим помощником Власова в «благотворительной» работе с военнопленными, а также по вооружению формируемых отрядов «освободителей» являлся Трухин. С этой целью, по словам последнего, были созданы и посланы в лагеря около десяти специальных комиссий, куда входило немало «власовских пропагандистов», окончивших курсы в Дабендорфе. Две такие комиссии возглавляли Зверев и Шатов. Первый из них за время командировки в Норвегию сумел завербовать в РОА около 300 человек бывших советских офицеров и солдат. **«Все эти лица,** — показывал Зверев, — **были сконцентрированы в лагере № 303, а затем в первой половине декабря 1944 года были вывезены в Мюнзинген (Германия), где в то время начались формирования первой дивизии РОА...».**

1-ю дивизию, как уже сообщалось, возглавил Буняченко, а 2-ю — Зверев. По мнению «комдива-1», вверенное ему соединение было отборным, поскольку в его состав полностью вошла карательная бригада СС, которой до этого командовал Каминский. Эта бригада, по словам Буняченко, состояла в своем большинстве из обстрелянных людей, приобретших боевой опыт в борьбе с партизанами на оккупированной советской территории и во время подавления варшавского восстания летом 1944 года. Правда, обследовавший «воинство Каминского» командир полка РОА Жуковский оценил ее состояние по-иному. **«...После посещения нами этой бригады,**— сообщил он, — **мы составили акт о ее боевой готовности, где было также указано, что солдаты этой бригады являются морально разложившимися и занимаются бандитизмом и грабежом... Что у всех солдат при себе имеется большое количество золотых вещей, награбленных у мирных жителей. После ознакомления с нашим актом Власов приказал сформировать из этого контингента дивизию».**

Из наиболее преданных ему людей Власов по разрешению «хозяев» создал особый отряд, командиром которого назначил белоэмигранта Сахарова. Отряд был направлен на советско-германский фронт и принял участие в боях севернее Кюстрина. За отличия он удостоился благодарности Гиммлера. Вслед за отрядом Сахарова была введена в действие и дивизия Буняченко.

Одновременно с формированием 1-й и 2-й дивизий Власов по указанию фашистского командования приступил к созданию спецчастей, в первую очередь авиации РОА. По «авиационному» вопросу в декабре 1944 года его вызывал к себе Геринг. На суде, вспоминая о встрече с Герингом, Власов сообщил, что тот назначил уполномоченным по авиации при РОА Ашенбренера...

Взаимоотношения марионеточной «освободительной» армии со своими «хозяевами» были довольно сложными и запутанными. Командование вермахта в целях пропаганды, стремясь придать РОА «патриотический, добровольческий» характер, на всех перекрестках объявляло о самостоятельности «команды Власова», дескать, лучшие представители русского народа да и сам народ восстали против Советов. Но глубокое знание сути этих «лучших представителей», их марионеточной психологии и шкурных интересов заставляло представителей вермахта держать командование и личный состав РОА под неусыпным строжайшим наблюдением, на любом участке иметь своих инструкторов и наблюдателей, а для пущей надежности сделать и «освободителей» агентами и осведомителями гестапо. Вот почему в материалах, хранящихся в уголовном деле Власова и его сообщников, множество разноречивых показаний. Так, бывший начальник разведшколы «Комитета освобождения народов России» Беккер показывал: **«...немцы представляли отделу безопасности» КОНР возможность самостоятельно проводить всю работу в частях РОА и готовить агентуру для заброски в тыл Советского Союза... Материальные расходы, связанные с подготовкой и переброской агентуры в Советский Союз, СД брало на себя... Власов не только был осведомлен о деятельности разведшколы, но непосредственно ею руководил и направлял ее работу...»** Сам же Власов по-иному оценивал предоставленные ему «ответственность и самостоятельность». Вот что он сообщил на одном из допросов: **«...должен признать, что после создания мною в ноябре 1944 года по указанию Гиммлера «Комитета освобождения народов России» СД предложило мне организовать подготовку и засылку диверсантов в тыл советских войск. В декабре 1944 года вместе с постоянным представителем Гиммлера при мне оберфюрером СС Крегером ко мне явился штурмбанфюрер СС Радецкий, который заявил, что ему руководством СД поручено договориться со мной о совместном налаживании диверсионной деятельности на советской территории... Я заявил Радецкому, что надо готовить тысячи таких агентов, которые могли бы после переброски в СССР стать руководителями повстанческих отрядов, наносящих удары Красной Армии с тыла».**

«Инициатива» и «творческий зуд активности» Власова вполне понятны — выслужиться, оправдать расходы, которые тратят на «освободительную армаду» и ее руководство «хозяева». «Плата по векселям», т. е. содержание РОА, — это еще один из самых болезненных вопросов в истории иудовской банды Власова. О какой самостоятельности могла идти речь, если рейх оплачивал любую акцию (пропагандистскую, террористическую) этой команды. **«Я... ведал всеми финансовыми средствами «Комитета освобождения народов России...»** — сообщил следствию бывший начальник главного финансового управления КОНР Андреев. **— Все финансовые средства я получал из государственного банка Германии с текущего счета министерства внутренних дел, по заданиям которого был создан КОНР. Все денежные суммы из банка я получал по чекам, выписанным представителями министерства внутренних дел Сиверсом и Рюппелем, которые контролировали финансовую деятельность КОНР... По таким чекам из госбанка Германии я получил около двух миллионов марок».**

В конце января 1945 года Власов был вызван в министерство иностранных дел Германии и имел там встречу с Риббентропом. Шеф фашистского МИДа довел до «вождя русских освободителей», что его ведомство предоставляет КОНР для организации антисоветской работы специальные денежные кредиты. В ходе заключенного между Риббентропом и Власовым «финансового соглашения» было оговорено, кто и за что платит и кто что делает за эту плату. Словом, как в известной поговорке: кто платит, тот и заказывает музыку. А «музыка», к примеру, была такой. О ней рассказал следствию один из предателей — Жиленков, который еще в 1943 году принимал участие в формировании из числа предателей «гвардейской ударной бригады», где готовились кадры террористов в соответствии со специальным планом их обучения. **«Для проведения террористических заданий в Москве должны выделяться особо убежденные, специально подготовленные националистско-революционные гвардейцы «Русской освободительной армии»,** — откровенничал Жиленков. **— В круг их деятельности входит покушение против Сталина, Молотова, Кагановича, Берия».**

Гитлер стремился побыстрее закончить войну, а для этого не гнушался никакими средствами, ничьей помощью. Власов же и его «эсэсовская команда» усиленно способствовали стремящемуся к мировому господству фюреру достичь сумасбродной цели, подбирая с фашистского стола объедки и крохи. Власовцы были настолько ничтожными винтиками в гитлеровской захватнической машине, что их и «музыкантами» в фашистском «оркестре» не назовешь. Они за плату не играли свою «музыку», а «плясали» под дудку рейха. Уподобляясь исполнительным марионеткам, они суетливо двигались по замыслу тех, кто держал в руках концы их карьеры и судьбы. Как отъявленные иуды, они продавали врагу истинных патриотов, предавали народ и страну. Такова сущность власовщины, такова правда о распространяемой лжи.

Генерал-лейтенант юстиции А. Ф. КАТУСЕВ, капитан 1 ранга В. Г. ОППОКОВ

[1] В настоящее время Донецкая область.

[2] Меандров же, прислуживая фашистам и работая на их разведку, в течение полутора лет сумел стать членом трех политических организаций, а именно: «Русской трудовой народной партии» (РТНП), «Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) и «Политического центра борьбы с большевизмом» (ПЦБ). Все они объявили своей главной целью свержение в СССР советского строя и установление буржуазных порядков, но последняя из них, пожалуй, была наиболее враждебной и агрессивной. «Разработанным планом практической деятельности ПЦБ, — показывал Меандров на допросе 16 марта 1946 г., — предусматривалось подготовить из числа пленных воздушный десант численностью до 5 тыс. человек, перебросить его с помощью авиации немцев в район рек Северная Двина—Обь и от Крайнего Севера до Сибирской железнодорожной магистрали захватить в свои руки расположенные в этих районах лагеря НКВД, привлечь заключенных и ссыльных на сторону повстанцев, вооружить их и вместе с ними, пользуясь отдаленностью районов от Западного и Восточного фронтов и от жизненных центров страны, а также отсутствием крупных военных гарнизонов, развивать повстанческую деятельность в направлении на юг. Расширяя таким путем районы действий повстанческих групп и привлекая к восстанию антисоветские и неустойчивые элементы, мы намеревались овладеть промышленными центрами Урала, отчленить Западный фронт от Дальнего Востока и лишить Советский Союз важнейшей стратегической базы на Урале...» Меандров, по его признанию, являлся членом руководящего ядра ПЦБ и принимал непосредственное участие в обсуждении планов проведения диверсионных операций в тылу советских войск. Вовлечение Меандрова в активную деятельность «Политического центра борьбы с большевизмом» значительно «обогатило» теоретическую и идеологическую платформу организации, а также «усилило» ее практическую направленность. Он к примеру, явился одним из соавторов популярной в то время среди антисоветчиков брошюры «СССР и мировая революция». По признанию Меандрова, «содержание этой брошюры сводилось к клеветническому утверждению, что Советское правительство якобы в течение долгих лет готовило агрессивную войну против народов Европы, в результате чего и возникла настоящая война с Германией». Так вот когда и где родилась клевета на СССР, кощунственное обвинение против нашей страны в чужих захватнических грехах! Так вот чьи лживые басни повторяют взахлеб нынешние зарубежные и доморощенные псевдоисторики и псевдодемократы, с упоением и озлобленностью муссируя геббельсовскую и власовскую сплетню о вине Советского Союза в развязывании второй мировой войны!.. Меандров был основным составителем «Устава военно-политической борьбы» ПЦБ. В «Уставе» подробно излагались инструкции предполагаемым диверсионным отрядам: действия в лесу после парашютной высадки, выбор места временного базирования, захват населенных пунктов и их последующая оборона, нападение на исправительно-трудовые лагеря НКВД, «освобождение» заключенных и их вербовка в диверсионные отряды. Меандров же проводил практические занятия по тактике с группой офицеров— членов ПЦБ. В июле 1943 г., выполняя указание высшего германского командования (задачу поставил гауптштурмфюрер СД Кюндель), он сколотил из членов ПЦБ карательный отряд для действий на территории СССР. С этим же отрядом (командир— лейтенант СС Фюрст) спустя непродолжительное время прибыл в город Остров. Здесь началась усиленная подготовка к карательным акциям. Но поскольку из отряда 15 человек перебежали к партизанам, немецкое командование всполошилось и отправило диверсантов с советской земли в польский город Радом, а оттуда, видимо, для профилактики в лагерь военнопленных — в Ченстохов. Самого же Меандрова, рвавшегося в бой с большевизмом, по его многочисленным просьбам и по ходатайству Кюнделя перевели в «свободный лагерь» под Бреславлем. Комендантом здесь являлся сам Кюндель, а Меандров стал у него помощником. Их подопечными были советские военнопленные — в основном инженеры и техники, которых вынудили дать согласие работать в немецкой промышленности. Из них также была создана диверсионная группа в количестве 25 человек, усиленно изучавшая радиоаппаратуру. В конце декабря 1943 г. она, возглавляемая белоэмигрантами Семеновым и Кочубеем, куда-то выехала. Зарабатывая благо-

склонность и доверие хозяев, Меандров продавал «оптом и в розницу» всех своих бывших сослуживцев по Советской Армии. «В течение июня 1942 года, — откровенничал он на допросе, — я написал подробную докладную записку об известных мне секретных данных 6-й армии, в частности о ее численном составе, вооруженности, местах боевых действий, оперативных планах командования и по другим вопросам, которые могли интересовать немцев». Весь этот иудин материал Меандров носил частями офицеру германской разведки Арнолю. Ну а когда пришло время держать ответ за измену, он с такой же готовностью продавал «союзников» по предательству.

[3] Шатов ошибается: Ф. Н. Ремезов в то время имел званне генерал-лейтенант.

[4] «Комитет освобождения народов России».

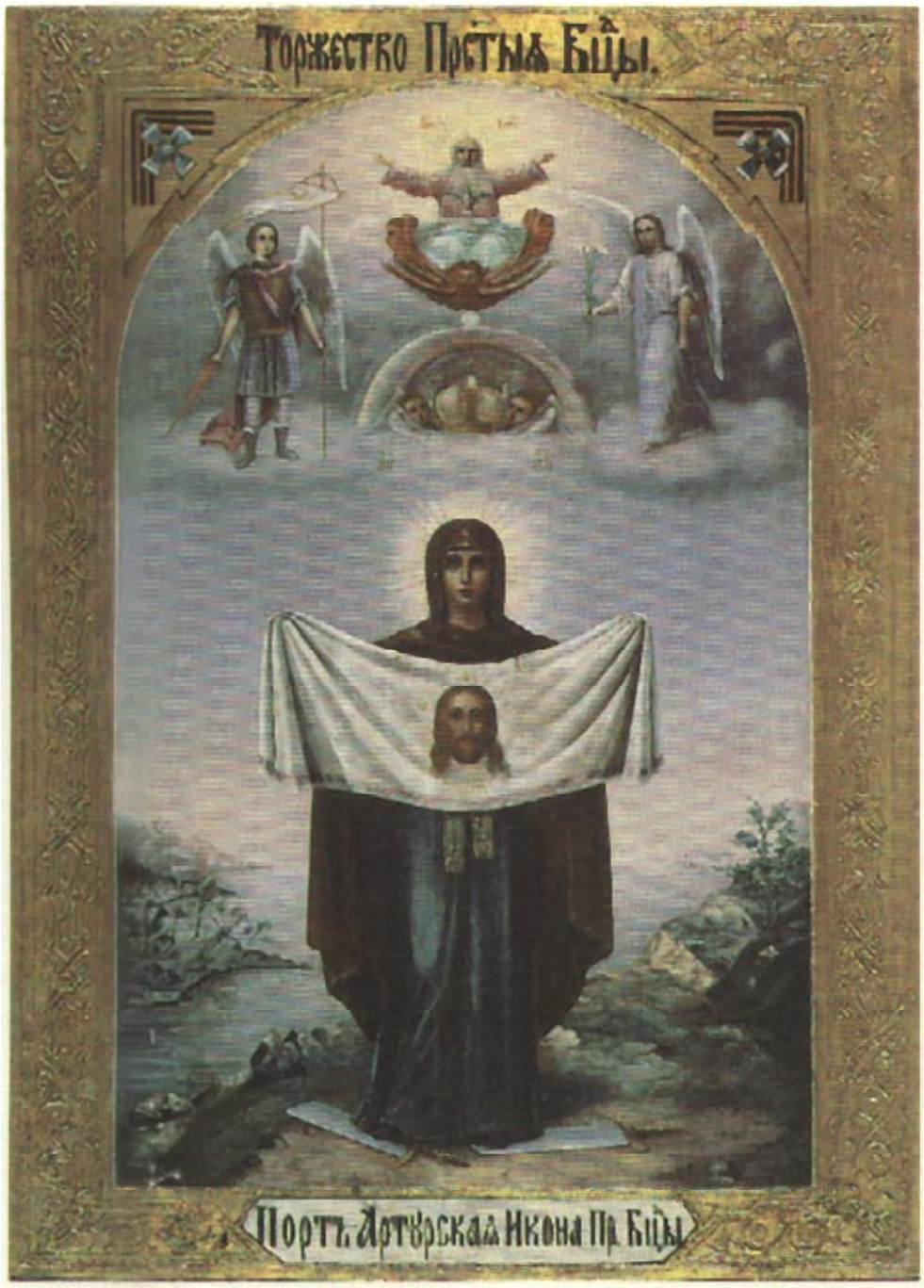
[5] Дополнительный свет на эту «независимость» проливают показания других предателей, в частности самого Власова. Вот что он сообщил о своей встрече с Гиммлером, в организации которой проявил участие осведомитель гестапо Жиленков: **«Гиммлер мне заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии не смог организовать русских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем он этой работой будет руководить лично. Всеми русскими делами, как сказал Гиммлер, будет заниматься его заместитель Бергер, и своим представителем при мне он назначил Крегера. Для успешной борьбы против Советской власти Гиммлер предложил объединить все существующие на оккупированной немцами территории и внутри Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр».** По распоряжению Гиммлера в ведение КОНР были переданы существовавшие воинские части и подразделения, созданные германским командованием из числа изменивших Родине советских военнопленных, на базе которых были сформированы новые части РОА. Кроме того. КОНР было передано все руководство пропагандой в лагерях военнопленных и наблюдение за лагерями ОСТ, в которых содержались советские граждане, насильно угнанные на работу в Германию. В правительственных кругах рейха «Комитет освобождения народов России» именовался не иначе как **«Зондеркоманда В гауптампт СС», т. е. «особая команда Власова при Главном управлении СС».** Практически «самостоятельная» деятельность КОНР направлялась специальной группой «Комитет», состоявшей из работников берлинского гестапо. Вот что сообщил об этом бывший начальник группы «Комитет» В. А. Анисин: **«Вся работа по созданию «Комитета освобождения народов России» проводилась под руководством начальника 4-го отдела берлинского гестапо гауптштурмфюрера Эвелинга... Заместитель Власова генерал Малышкин, а также начальник управления пропаганды Жиленков и начальник гражданского управления Закутный являлись агентами гестапо, через которых мы направляли и контролировали деятельность «Комитета освобождения народов России»... В группе «Комитет» имелась картотека учета агентуры, и в ней я лично видел карточки на Жиленкова, Малышкина и Закутного как на информаторов гестапо... Нужно сказать, что большинство начальников отделов управления «Комитета освобождения народов России» являлись агентами гестапо».**

[6] Власов уточнил показания Закутного. сообщив, что именно тот **«завербовал в «Комитет» до 60 проц. членов»**, и в частности **«из состава интеллигенции»**. Закутный же в свою очередь охарактеризовал возглавляемый Власовым и направляемый рейхом, в том числе гестапо, КОНР как организацию которая ставила перед собой цель — **«свержение Советской власти путем вооруженного выступления, террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, шпионажа и диверсий»**.

[7] Малышкин при этом сделал уточнение: **«Подсудимый Благовещенский был награжден отделом пропаганды верховного командования германских вооруженных сил за хорошо проведенную им работу по выпуску пропагандистов РОА. Медаль я получил для вручения Благовещенскому от капитана Штрикфельда»**. Но в этом случае более важно иное. Наградили Благовещенского отнюдь не за храбрость, а за иудову продажную старательность. Впрочем, это подтвердил сам Благовещенский. На допросе 6 марта 1946 г. он показал: **«...в июне 1943 года, когда я был начальником курсов пропагандистов в м[естечке] Дабендорф, ко мне пришел Трухин и показал полученную им от белоэмигранта Сергеева антифашистскую листовку, которая была написана Бушмановым. Я и Трухин взяли имевшуюся у меня рукописную работу Бушманова, сличили с ней почерк, которым была выполнена листовка, и, убедившись, что почерки идентичны, доложили об этом Власову... После разговора с Власовым я по его приказанию отнес листовку немецкому представителю в Дабендорфе Штрик-Штрикфельду, которому высказал также свои соображения о том, что автором листовки является Бушманов... На второй день после моего разговора с Штрик-Штрикфельдом Бушманов немцами был арестован».**

ВИЖ №7 1990

ИКОНА «ТОРЖЕСТВО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ», ИЛИ «ПОРТ-АРТУРСКАЯ»



Написана в Киеве на пожертвования верующих «в благословение и знамение торжества христолюбивому воинству Дальней России». После начала русско-японской войны икона была доставлена в Санкт-Петербург на Страстной седмице Великого поста 1904 года. По преданию покровительница русской земли Пресвятая Богородица повелела доставить икону в Порт-Артур, обещав в этом случае победу русскому оружию. Доставить икону во Владивосток было поручено адмиралу Скрыдлову.

Впоследствии вопреки воле Божией Матери в Порт-Артур пытались доставить лишь копии подлинной иконы на транспортах с припасами из страха подвергнуть опасности саму святую икону ввиду трудности сообщения с блокируемым японцами Порт-Артуром. Но первый транспорт не попал в Порт-Артур из-за бури, а судьба второго осталась неизвестной. «Временное» пребывание подлинной иконы во Владивостокском соборе продолжалось до тех пор, пока наконец на другом конце России, в Санкт-Петербурге, не нашелся доброволец, вызвавшийся доставить ее в осажденный Порт-Артур. Им стал участник войны 1877-1878 гг. отставной ротмистр лейб-гвардии уланского полка, делопроизводитель Императорской охоты Н.Н.Федоров. Во Владивосток он прибыл 7 ноября. Через две недели Н. Н. Федоров отправился с иконою на норвежском судне в Порт-Артур через Шанхай и Чифу... Миновал месяц, влади-востокцы узнали о падении Порт-Артура, но никаких вестей о Н. Н. Федорове и иконе не поступало. О том, почему икона не была доставлена в Порт-Артур, Н. Н. Федоров рассказал в письме из Чифу во Владивосток от 21 декабря: «20-го утром пришли четыре миноносца, и я обрадовался, рассчитывая, что на одном из них доеду до Порт-Артура. Какова же была моя скорбь, когда я узнал на миноносце «Сердитом», что они в Порт-Артур не возвращаются, потому что крепость сдается. Таким образом, иконе не суждено было попасть в Порт-Артур. Неисповедимы пути Божии! Попутный ветер от Бога, и если я не попал в Порт-Артур, то ясно, что на это не было воли Божией. Я просил из Петербурга разрешения отвезти икону к генералу Куропаткину и жду теперь ответа».

Такое разрешение было дано, икона находилась в Гунчжулине, в походной церкви главнокомандующего,а впоследствии ее возвратили во Владивосток.

Изображенная на фото икона хранится ныне в Церковно-археологическом кабинете Московской Духовной Академии.

А.Г. МИХАЙЛОВ

ВИЖ №7 1990

КАТЕХИЗИС ДЛЯ ВОИНОВ

(Ответы и размышления на вопросы о войне и воинском звании)*

Предисловие

Ввиду важности переживаемого нашей Родиной военно-исторического времени далеко не излишне познакомиться с прибавлением к «Пространному Христианскому Катехизису** Католической Восточной Греко-Российской Церкви», изданному Московской Синодальной Типографией в 1829 году, с прибавлением, заключающим в себе «изречения Священного Писания с размышлениями, для употребления в военных училищах» и имеющим поэтому несомненный интерес. Изданный более 85 лет тому назад названный труд приснопамятного и богомудрого московского святителя митрополита Филарета составляет теперь, конечно, большую книжную редкость. А потому и все, что в нем заключается, невольно приковывает к себе благоговейное внимание читателя и заслуживает того, чтобы остановиться на самых частностях этого знаменитого труда, хотя бы они были помещены там в виде прибавлений или примечаний. Из сделанного митр[ополитом] Филаретом прибавления к Катехизису видно, как сей заботливый и мудрый святитель на основании Священного Писания предписывал воинам держать и вести себя вообще, а на поле битвы — лицом к лицу с неприятелем — в частности.

Этот драгоценный завет великого святителя нашему христолюбивому воинству — названное прибавление к «Пространному Катехизису» митрополита Филарета, изданному Московской Синодальной Типографией в 1829 году — оканчивается примечанием для законоучителя следующего содержания:

«По сему примеру, смотря по надобности и насколько время позволит, может законоучитель предлагать учащимся и другие места Священного Писания, с изъяснением и с размышлениями, приспособленными к настоящему состоянию учащихся и к будущему их назначению».

Руководствуясь этим примечанием, мы позволяем себе дополнить прибавление к Катехизису митрополита Филарета некоторыми замечательными по глубине мысли извлечениями из проповедей самого приснопамятного святителя — извлечениями, относящимися к вопросу о войне же и воинском звании и более подробно раскрывающими краткую речь Катехизиса. Извлечения эти напечатаны здесь более мелким шрифтом и помещены непосредственно за теми глазами «Катехизиса», дополнением которых они служат.

Переходим к самому прибавлению к Катехизису, как оно изложено у великого святителя Московского. Следует оно сразу же после заключения к Катехизису, содержащего в себе, как и прочие издания, употребление учения о вере и благочестии, и состоит, как значится в подлиннике, по порядку изложения в следующем.

Краткая наука нравственности дпя воинов

«Вопрошаху же его (Иоанна Крестителя) и воины, глаголюще: и мы что сотворим? И рече к ним; никого же обидите, ни оклеветывайте: и довольны будете оброки вашими» (Лук, 3.14) [1].

Вопрос. По какому случаю воины имели с Иоанном Крестителем сей разговор?

Ответ. Когда Иоанн Креститель, обличая во грехах приходивших к нему разного звания людей, называл их порождениями ехидновыми и требовал от них плодов, достойных покаяния, т. е. исправления жизни, тогда и весь народ, а в особенности воины спрашивали его, что им делать для спасения душ своих.

Вопрос. Какое из слов Иоанна Крестителя можно вывести заключение о звании воинов вообще?

Ответ. То, что он звание воинов одобряет и почитает, так же, как и другие звания, способным для благочестия, добродетели и спасения души, ибо не советует воинам выходить из своего звания.

Вопрос. Какие из слов Иоанна Крестителя можно заимствовать особенные наставления для воинов?

Ответ. В них ясно излагаются три особенных нравственных правила для воинов:

1) никого не обижай, или не поступай ни с кем нагло и насильственно; 2) никого не оклеветывай, когда, например, будешь стоять на страже и должен будешь свидетельствовать о случившемся во время твоей стражи в глазах твоих; 3) будь доволен своим положением, т[о] е[сть] содержанием, какое тебе определено, должностью, какая на тебя возложена, чином, в какой ты поставлен от самого Государя или чрез военачальника.

Итак, Бог любит добродушный мир, и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как есть на земле немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частию, надобно завоевать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию[2].

С утешением видим вас, идущих на защиту Отечества. Исполняйте священный долг, и тем лучше исполняйте, что на сей подвиг вас вызвала свободно ваша добрая воля и любовь к Царю и Отечеству. Тем паче благословит вас Бог, любящий добровольные жертвы; тем более признательно будет вам Отечество, если подвиг, так ревностно начатый, столь же ревностно продолжите и совершите.

Если бы на какой дом напали разбойники, кто из семейства, имея силу и возможность, не восстал бы на защиту себя и своих, и общего достояния? Не с большим ли самопожертвованием должно восстать против врагов, которые на великий дом Царя нашего, на Россию, напали без правды и, нарушив законы честной войны, позволяют себе разбойнические хищения и опустошения?

Некогда, во время нападения иноплеменников на землю народа Божия, Цессей трех старших сынов своих поспал на брань за Отечество, а младшего Давида посылал потом доставить им пищу в походе, и сей носитель пищи сделался внезапным воином и, победителем врагов. Так, праведные жертвуют Отечеству тем, что имеют любезнейшего; так и праведный Бог дает благородному самопожертвованию дивную помощь и силу.

Брагия по вере и вы — народ Божий — продолжайте и подвигами являть в себе народ Божий. Для такого народа не оскудеет дивная помощь Божья[3],

Побуждение воинам жить по заповедям Божиим

«Аще в повелениях Моих ходите, и заповеди Мои сохраните, и сотворите я ...: поженете враги ваша, и падут пред вами убиением: и поженут от вас пять сто, и сто вас поженет тмы, и падут врази ваши пред вами мечем» (Левит. 26, 3, 7—8)[4].

Вопрос. Что содержится в сих словах?

Ответ. Бог обещает сделать избранный народ Свой победоносным в награду за исполнение заповедей Своих.

Вопрос. Какое для сего наставление для воина?

Ответ. Воин должен жить по заповедям Божиим, чтобы благовременно приобрести благословение и помощь Божию ко времени брани.

Дух порядка, совершенного повиновения, точности в исполнении должного, который составляет одно из отличительных достоинств военного звания, сохраняйте и в гражданском положении вашем и легким способом доброго примера простирайте его на других.

Не забывайте, что добрый воин — лев против врагов — должен быть агнцем между своими. Живите кротко и любовно, а гнев и грозу берегите для врагов Отечества [5].

Публикацию подготовил подполковник А. С. СУХИНИН

* Книга издана в Самаре типографией Губернского земства в 1916 г. Публикуется в сокращении.

** Катехизис (Katechesis — греч.) — поучение, наставление, в переносном смысле — произведение, написанное в форме вопросов—ответов. Это книга, учебное руководство, популярно излагающее (обычно в форме вопросов и ответов) учение христианской церкви.

[1] «Спрашивали его также воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем».

[2] Выдержки из речей митрополита Филарета, которые здесь помещаются, произнесены во время Севастопольской кампании.

[3] Из речи Стрелковому полку, сказанной 9 сентября 1855 г.

[4] «Если вы будете поступать по уставам Моим, и заповеди Мои будете хранить и исполнять их, то будете прогонять врагов ваших, и падут они пред вами от меча. Пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши пред вами от меча».

[5] Из речи к воинам, сказанной 2 октября 1843 г.

Северный узел (О советско-финляндской войне)

ТРИ ВОЕННЫЕ кампании конца 1939 — начала 1940 года, последовавшие одна за другой (сначала германо-польская, затем советско-финляндская и, наконец, скандинавская), поразили мировое общественное мнение своей внезапностью, необычностью хода и неожиданностью результатов.

Начиная войну против Польши, германское военное руководство ни в малейшей степени не сомневалось в быстрой победе. Превосходство в силах было целиком на немецкой стороне: по пехоте—1,6:1, по артиллерии и минометам— 1,4:1, по танкам — 3,2:1, по боевым самолетам — 4:1 (История второй мировой войны 1939— 1945. — Т. 3, — М.- Воениздат, 1974, — С, 20).

Уже первые дни наступления вермахта заставили содрогнуться весь мир: моторизованные корпуса при мощной поддержке авиации лавиной устремились в глубь Польши. В этой военной машине все отличалось от стереотипов неподвижных позиционных фронтов прошлой войны. Поражали воображение стремительные темпы наступления, мощные комбинированные удары, четкое взаимодействие видов вооруженных сил, массовое применение новых средств вооруженной борьбы.

В первых числах октября 1939 года вермахт практически ликвидировал последние очаги сопротивления польских регулярных частей. Польша потерпела полное поражение, а ее армия, считавшаяся одной из сильнейших в Европе, потеряла 66,3 тыс. убитыми, 133,7 тыс. ранеными около 420 тыс. пленными. Потери немцев были незначительными: 10,6 тыс. убитыми, 30,3 тыс. ранеными и 3,4 тыс. пропавшими без вести (Там же. — С. 31). В целом эта молниеносная операция вермахта, сопровождавшаяся мощной пропагандистской кампанией, породила в умах людей страх перед столь зловещей силой, страх, который захлестнул весь мир.

Месяц с небольшим спустя война вспыхнула на севере Европы, на этот раз между Советским Союзом и Финляндией, население которой в 1939 году насчитывало всего лишь около 4 млн. человек (в СССР — 172 млн.). В мировой табели о рангах малочисленные и слабо вооруженные силы Финляндии не считались серьезным соперником Красной Армии, которая в октябре 1939 года совершила успешные походы в Польшу, Прибалтийские страны. Не считали Финляндию серьезным противником и в Кремле: в этом же месяце Сталин отверг «план Б. М. Шапошникова», согласно которому финская кампания обещала быть далеко не легким делом.

Был принят «план К. А. Мерецкова». В нем ставка делалась на мощный первоначальный удар крупных сил и средств по «несговорчивым» финнам. Превосходство в силах было целиком на советской стороне: по живой силе — 2:1, артиллерии— 5:1, танкам — 7,5 : 1, боевым самолетам—10: 1 (ЦГАСА СССР, ф, 33987, оп. 14. д. 2, лл. 2, 15). Вся эта масса советской боевой техники и войск перебрасывалась с Украины и из Белоруссии в величайшей спешке, в жгучий декабрьский мороз. Личный состав был в летнем обмундировании. У Сталина и его ближайших советников — Ворошилова, Буденного, Берии, Жданова, Кулика, Мехлиса — не было и тени сомнения в том, что после двух-трех недель боевых действий финны запросят мира и Советский Союз улучшит свои стратегические позиции на чрезвычайно важном для него северном фланге. Стремление быстрее использовать скованность Берлина советско-германскими соглашениями, в том числе и секретным, по которому Финляндия относилась к сфере влияния СССР, явно толкало Сталина к поспешным, недостаточно продуманным и опрометчивым шагам. В мае 1941 года один из высокопоставленных немецких дипломатов в Москве во время ужина в ресторане «Арагви» доверительно заявил: «Буду до конца откровенным— напав 30 ноября 1939 года на Финляндию, он (Сталин) поставил нас в тяжелое положение. Он понимал, что наши руки связаны...»(Горизонт. - 1988. - № 6. — С. 36). Впрочем, многие на Западе, в том числе и военные специалисты, считали, что финская армия не сможет долго продержаться и финский вариант блицкрига неизбежен.

Однако произошло неожиданное: блицкрига не получилось. Финская разведка довольно точно оценила назревающий конфликт и определила основные направления возможных ударов Красной Армии, с учетом которых еще в 1927 году начала строиться оборона страны с использованием ее суровых природно-климатических условий. Высокой моторизации наших войск была противопоставлена отличная одиночная тактическая и стрелковая подготовка финнов. Они планировали блокировать немногочисленные дороги, к которым неизбежно привязывались соединения наступающих, и атаковать их с флангов и тыла. Для действий в типичных для Финляндии бездорожных и глухих лесных районах были созданы многочисленные подвижные лыжные отряды, имевшие облегченное обмундирование и обувь. Все имущество таких отрядов, вооруженных автоматами, винтовками и небольшим количеством минометов, было на спинах солдат и офицеров, на специально приспособленных санях-лыжах и волокушах.

В первые дни Красная Армия имела некоторый успех. Однако по мере ее продвижения финны наращивали сопротивление, развив активную диверсионно-партизанскую деятельность в ближайшем тылу советских войск, а на флангах создав гарнизонные узлы сопротивления. Снабжение наших частей и соединений было нарушено: на редких дорогах возникли заторы, километровые «пробки». Танки и тяжелая техника увязали в снегу и останавливались перед многочисленными препятствиями. Некоторые соединения (например, 44-я стрелковая дивизия) попали в окружение, а личный состав, бросив значительную часть боевой техники, пытался мелкими группами пробиться к границе. Войска несли огромные небоевые потери в технике от поломок. В частях и соединениях начались массовые обморожения и простудные заболевания.

Только после месяца ожесточенных боев было в конце концов уточнено, где проходит линия Маннергейма. Стало очевидным, что для завершения кампании необходимы специальная подготовка, формирование лыжных подразделений, совершенствование управления войсками и налаживание взаимодействия между видами и родами вооруженных сил. В начале января 1940 года был отдан приказ о переходе к обороне и произведена реорганизация войск, что фактически явилось признанием провала первоначальных планов и замыслов. «Сталин, — вспоминал тогдашний командующий 7-й армией командарм 2 ранга К. А. Мерецков, — сердился: почему не продвигаемся? Неэффективные военные действия, подчеркивал он, могут сказаться на нашей политике. На нас смотрит весь мир. Авторитет Красной Армии — это гарантия безопасности СССР. Если застрянем надолго перед таким слабым противником, то тем самым стимулируем антисоветские усилия империалистических кругов» (Мерецков К. А. На службе народу: Страницы воспоминаний. — М.: Политиздат, 1970. — С. 185).

Слова Сталина в отношении «застрянем» оказались пророческими, хотя сам он был виноват во многом. В период с начала второй мировой войны и до момента нападения Германии на СССР эта война оказалась самой длительной в Европе. Она продолжалась 105 дней, в то время как вермахт закончил кампанию в Польше за 36 дней, завоевал Норвегию за 50, разгромил англо-французскую коалицию за 35, захватил Югославию и Грецию за 21 день, а Данию — за двое

суток.

Эта война оказалась и самой кровопролитной. Ожесточенные бои продолжались почти до середины марта 1940 года. И если вермахт, оккупировав почти всю Западную и Центральную Европу, потерял 211600 человек (из них 40,5 тыс. убитыми), то потери Красной Армии в Финляндии составили 289 510 человек (72 408 убитыми, 186 129 ранеными, 17 520 пропавшими без вести, 13 213 обмороженными и 240 контуженными) (ЦГАСА, ф. 33377, оп 6. Д. 77, лл. 8—10; ф. 33987. оп. 3, Д. 1387. лл. 234. 247. 248, приложение № 6). Финские потери, по официальным данным, составили 25 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными.

Потери в финской кампании оказались для Красной Армии весьма чувствительными. Война последовала за волной репрессий, когда, по словам приближенного к Сталину Л. 3. Мехлиса, «Центральный Комитет ВКП(б) разгромил вражеский заговор в стране и в армии»(ЦАМО СССР, ф. 32, оп, 11399, Д. 15, л. 69).

Всего лишь за несколько месяцев до начала войны, в марте 1939 года, на XVIII съезде ВКП(б) Ворошилов, похваляясь результатами репрессий и очищения Красной Армии от «мерзких» людей, изменивших своему государству, уверял, что после «чистки» армия стала намного сильнее и что враг будет накоротке смят и уничтожен. Большая часть наиболее квалифицированных командно-политических кадров была репрессирована. В ходе боев в Финляндии погибло и пропало без вести еще 4046 старших и средних командиров и 9988 младших. К концу войны некомплект начсостава в армии составлял 21 проц. к штатной численности (ЦГАСА. ф. 40442, оп. 1, д.- 1875. л. 118). Создалось критическое положение с командными кадрами. В «Акте о приеме наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.» (май 1940 г.) говорилось: «Для полного отмобилизования армии по военному времени недостает 290 000 человек комсостава запаса»(ЦАМО. ф. 32, оп. 11309. д. 15, л. 8).

Большие потери Красная Армия понесла и в боевой технике. В ходе кампании было потеряно 422 боевых самолета и 3543 танка (Там же, ф. 33977. оп. 6 д 77, лл. 8 — 10, 77. 50: Ф. 33987. оп 3, Д. 1337. лл. 234, 247, 248, приложение № 6). Значительные потери в танках старых образцов и задержка в производстве танков новых образцов создали напряженное положение в автобронетанковых войсках. Выступая в декабре 1940 года на совещании комсостава, начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии комкор Я. Н. Федоренко подчеркнул, что войскам «придется учиться на минимальном количестве материальной части... Я хочу просить высший командный состав о том, чтобы принять все меры к тому, чтобы сберечь материальную часть. В этом году вышла из строя масса боевых и вспомогательных машин. 21 000 машин по заявкам округов требует капитального ремонта» (ЦГАСА. ф. 33987. оп. 14, д. 742, л. 92).

Возникли значительные трудности в экономике страны в целом, особенно с продовольствием: с раннего утра у магазинов стали выстраиваться длинные очереди за хлебом. 17 января 1940 года Берия информировал Ворошилова о том, что «злобой дня для всех дипломатов», аккредитованных в СССР, стали «хлебные очереди в Москве». Шведский военный атташе майор Флодстрем, в частности, говорил, что многие дипломаты «ходили, смотрели и измеряли очереди шагами. Лично Флодстрем где-то на Арбате также измерял очереди шагами и насчитал более двух тысяч шагов» (Там же, ф. 33987, оп. 13, д. 1342. л. 15). И все это всего лишь за полгода до нападения фашистской Германии на СССР.

Слабость Красной Армии в начале войны с Финляндией, неожиданная для мировой общественности, особенно резко проявилась на фоне только что закончившейся молниеносной кампании вермахта в Польше. Подтвердились в определенной мере прогнозы зарубежных военных специалистов, что массовые репрессии, которым подверглись наиболее квалифицированные кадры командного состава Красной Армии, значительно ослабили ее военную мощь, несмотря на обилие в ней военной техники.

Финская кампания Красной Армии как бы на миг высветила тот дисбаланс военной мощи в пользу фашистской Германии, который возник в результате раскола антифашистских сил как в каждой из европейских стран, так и в Европе в целом. Советский Союз уже не стал рассматриваться как серьезный фактор силы или надежный союзник в наступившей войне. Москва оказалась в еще большей изоляции. 29 декабря 1939 года английский посол Сииде, посетивший заместителя наркома иностранных дел Потемкина по случаю ухода «в отпуск на 1—2 месяца», заявил, что «английское правительство не желало бы ничего большего, как сохранение Советским Союзом нейтралитета в происходящей войне. Сейчас оно вынуждено констатировать, что фактически с каждым днем все определеннее Советский Союз выступает в качестве союзника Германии» (Там же, д. 1235, л. 130).

Западные державы стали занимать открыто враждебную позицию в отношении СССР, рассматривая его как потенциального противника. 18 декабря 1939 года советский посланник в Швеции А. М. Коллонтай записала в своем «Дипломатическом дневнике»: «Парижская пресса высказывает опасение, что теперь Советский Союз уже окончательно сблизится с Германией и полчища Гитлера и большевиков двинутся на западные державы, чтобы снести с лица земли всю высокую культуру, достигнутую человечеством за многие тысячелетия» (Международная жизнь, — 1989. — № 12. — С. 206).

Стали заметны изменения и в политике США. Второй секретарь американского посольства в Москве Болен, делясь своими впечатлениями о ходе советско-финляндской войны, говорил в конце декабря 1939 года; «Самая критическая оценка Советских Вооруженных Сил, имевшая место до финского конфликта, кажется теперь пропагандой в пользу Советов. Ввиду такого неожиданного оборота дел, которого никто фактически не ожидал, в ряде стран возникает сильная тенденция увеличить активную помощь финнам, в частности, американское правительство предлагает наладить регулярное снабжение финнов последними моделями самолетов... Немцы в Москве очень довольны и смеются, что, чем больше русские завязнут в Финляндии, тем выгоднее это для Германии, так как последняя тогда будет иметь Советский Союз в своих руках и сможет выставить требования любого экономического и политического характера, угрожая в противном случае оказанием неофициальной помощи Финляндии» (ЦГАСА, ф. 33987 оп, 3, Д. 1221, л, 156).

По мнению Болена, как, впрочем, и подавляющего большинства зарубежных государственных деятелей и военных специалистов, «основное несчастье Советской Армии — это плохая экипировка, солдаты не имеют даже теплых перчаток. Снабжение и питание из рук вон плохое, а тактика ведения боя показывает малую компетентность командного состава» (Там же, л. 155).

В возникшем советско-финляндском военном конфликте западные союзники увидели реальную возможность изменить сам характер второй мировой войны.

Западная пресса открыто высказывала надежды, что этот конфликт вполне может привести к созданию единого фронта против СССР. Союзные правительства, как писал впоследствии английский генерал лорд А. Брук, «с азартом охотников на зверя» принялись за создание нового фронта в Северной Европе. Французские государственные деятели с энтузиазмом взялись за разработку планов низвержения советского гиганта с его «глиняных ног».

По свидетельству английского историка Л. Вудворда, западные страны намеревались с помощью финляндско-советского военного конфликта подтолкнуть фашистскую Германию к войне против Советского Союза. Прежде всего предполагалось запугать Швецию, Норвегию и отчасти Германию угрозой «неминуемой советской экспансии» в Швецию и Норвегию. Опасаясь за судьбу Балтики и шведской железной руды, Германия, по расчетам западных стратегов, попросит Швецию дать возможность защитить ее от русских и таким образом ввяжется в вооруженную схватку с Советским Союзом. Это приведет к распылению сил рейха и ослаблению угрозы вторжения во Францию и Англию.

Антисоветские замыслы западных держав нашли горячую поддержку в наиболее реакционных кругах Швеции, Норвегии, Дании. Последние развернули широкую антисоветскую кампанию под лозунгом «Дело Финляндии — наше дело». Швеция, как заметил М. Якобсон, была на самой грани войны с Советским Союзом. Начался сбор средств и набор «добровольцев» в так называемую дивизию «стран группы Осло». Норвежская профашистская газета «Гиденс тейн» в декабре 1939 года поместила интервью своего корреспондента с руководителем набора «добровольцев» майором Винге, который недвусмысленно высказался о классовой, антисоветской направленности предстоящей войны: «Она (т. е. дивизия «стран группы Осло».— А. Н.) обойдется очень дорого. Она будет стоить миллионы. Но я знаю, что эти деньги оправдают себя. Я уверен, что правда дойдет до сознания скандинавских миллионеров. Если мы не остановим этой опасности против свободы сейчас, то скоро настанет такое время, когда вообще не будет никаких миллионеров».

2 и 3 января 1940 года заседания английского военного кабинета были полностью посвящены обсуждению планов возможной интервенции западных союзников в северные районы Скандинавского полуострова, Южную Норвегию и Южную Швецию.

Эта интервенция должна была, с одной стороны, объединить Скандинавские страны с Финляндией в их борьбе против СССР, а с другой — создать угрозу для фашистской Германии с севера, лишить ее шведской руды и таким образом вынудить командование вермахта пойти на «распыление сил», т. е. осуществить высадку своих войск в Северной Европе.

Начальники штабов в докладе военному кабинету высказывались за необходимость опередить вермахт в высадке в Скандинавии, для чего потребуются не только значительные силы флота, но и сухопутных войск.

В своем докладе военному кабинету вступление союзных войск в вооруженную борьбу в Северной Европе начальники штабов рассматривали как качественный перелом во всей политике западных держав, направленный на захват стратегической инициативы в начавшейся войне. «Следует иметь в виду,— говорилось в докладе,— что переход в наступление в Скандинавии весной 1940 г. обозначит кардинальное изменение в нашей политике. До сих пор, пока мы наращивали наше вооружение, она была оборонительной на суше и в воздухе. Обсуждаемый план позволит нам перейти к наступательным операциям, которые могут оказаться решающими. Возможности, предоставленные нам, невероятно велики, и мы не видим равных им в будущем на каких-либо других театрах».

Перспектива отвлечения ударных сил вермахта с Запада, надежды на возможность столкновения Германии с СССР на приморском театре представлялись для правящих кругов Англии и Франции чрезвычайно заманчивыми. Эти иллюзии подогревались распространившимися на Западе слухами о «стремлении» немецко-фашистского руководства заключить мир с Англией и Францией, чтобы обрушиться на СССР.

Так, в начале января 1940 года американский посол в Норвегии доносил в Вашингтон: «По данным, исходящим из близких к Герингу кругов, Германия в случае заключения мира на Западе порвет договор с СССР и окажет помощь Финляндии» (Архив Института военной истории Министерства обороны СССР, ф. а, оп. 9165, д. 6. л. 12).

В возникшей ситуации англофранцузское командование пришло к выводу о решающем для войны значении Североевропейского театра военных действий. «Если рекомендации комитета начальников штабов будут приняты, — говорил 3 января на заседании военного кабинета английский маршал авиации С. Нюолл, — то Скандинавия будет рассматриваться в настоящее время как решающий театр военных действий. Вопрос о безопасности нашей территории, Франции и других районов будет отодвинут на второе место».

На заседании кабинета рассматривались два варианта плана вторжения союзных войск в Северную Европу. Комитет начальников штабов предлагал одновременно высадку десантов в северных районах Скандинавского полуострова, Южной Швеции и Южной Норвегии. Черчилль выступал за захват первоначально только Нарвика, однако с последующей оккупацией железорудных районов Швеции, граничащих с Финляндией.

Чемберлен, а затем и весь кабинет поддержали вариант Черчилля. Но слухи о предстоящем вторжении серьезно встревожили общественность Скандинавских стран. 7 января король Норвегии Хокон VII в телеграмме, адресованной английскому королю Георгу VI, настоятельно просил последнего предотвратить такие шаги, ибо, по его мнению, они с неизбежностью вовлекли бы Норвегию в войну и явились бы величайшей опасностью для существования ее как суверенного государства.

Даже в правящих кругах Финляндии возникли подозрения, что Англия и Франция стремятся не столько помочь Финляндии, сколько использовать ее в своих корыстных интересах. 4 января германский посланник В. Блюхер доносил из Хельсинки в МИД рейха о своей беседе с министром иностранных дел Финляндии В. Таннером, который заявил, что Финляндия не заинтересована в том, чтобы представлять из себя поле битвы для великих держав.

Надежды на возможность изменить характер войны настолько овладели умами политических и военных руководителей западных стран, что они на время перестали видеть опасность агрессии со стороны Германии и сосредоточили свое внимание и силы на разработке вариантов антисоветских акций через североевропейский плацдарм.

24 января 1940 года начальник имперского генерального штаба Англии генерал Э. Айронсайд представил военному кабинету меморандум «Главная стратегия войны». Айронсайд писал, что в континентальной Европе Германия имеет перед западными союзниками значительные преимущества. Находясь в центре континента и обладая развитой системой коммуникаций, она сможет наносить удары в любом направлении. Однако на Скандинавском ТВД, где большую роль играют морские сообщения, она потеряет эти преимущества и, следовательно, станет наиболее уязвимой.

Анализируя соотношение сил между Германией (140 дивизий) и западными союзниками (110 дивизий), Айронсайд приходил к выводу, что если Германия не добьется распыления наших сил, то она вряд ли сможет перейти в наступление на западном фронте с реальными шансами на решающий успех. В то же время он считал, что западные союзники, не располагая преимуществом в сухопутных и военно-воздушных силах, также не смогут в 1940 году перейти в решающее наступление против рейха с территории Франции. В такой обстановке западные союзники будут в силах «вырвать стратегическую инициативу у Германии» лишь действиями на периферийных театрах и особенно с помощью экономической блокады.

В этом отношении Северная Европа, подчеркивал Айронсайд, является тем районом, который предоставляет нам

наилучшие возможности. Прекращение поставок шведской железной руды не только нанесет рейху серьезный удар, но и заставит его в целях восстановления поставок руды втянуться в боевые действия в этом районе и тем самым распылить свои военно-морские, военно-воздушные и сухопутные силы.

В этом меморандуме начальник имперского генерального штаба изложил позицию, которую западные союзники должны были занять в отношении СССР. «В настоящее время,— писал он,— невозможно определить, является ли Россия действительно партнером Германии или она ведет самостоятельную игру... Однако при определении нашей стратегии в создавшейся обстановке будет единственно верным решением считать Германию и Россию партнерами». Поэтому «позиционные преимущества, полученные Россией, могут стать доступными и для Германии» (PRO. Cab 80/104. - P. 65, 66). Следовательно, необходимо будет предпринимать активные боевые действия и против Советского Союза.

«На мой взгляд,— подчеркивал Айронсайд,— мы сможем оказать эффективную помощь Финляндии лишь в том случае, если атакуем Россию по возможности с большего количества направлений и, что особенно важно, нанесем удар по Баку — району добычи нефти, чтобы вызвать серьезнейший государственный кризис в России» (Ibid. - P. 86). Айронсайд, выражая мнение определенных кругов английского правительства и командования, отдавал себе отчет в том, что подобные действия неизбежно приведут западных союзников к войне с СССР, но в сложившейся обстановке считал это совершенно оправданным.

Примерно в это же время сделал оценку обстановки и французский генеральный штаб. 31 января генерал М. Гамелен, выражая точку зрения генерального штаба Франции, с уверенностью заявил, что в 1940 году Германия не нападет на западные страны, и предложил английскому правительству план высадки экспедиционного корпуса в Петсамо, чтобы совместно с Финляндией развернуть активные боевые действия против Советского Союза. По мнению французского командования, Скандинавские страны еще «не созрели» для самостоятельных действий на стороне Финляндии. Высадка же экспедиционного корпуса укрепит их решимость и ободрит в борьбе против Советского Союза.

Английское правительство в принципе было готово пойти на войну с СССР. «События, видимо, ведут к тому, — заявил Чемберлен 29 января на заседании кабинета министров,— что союзники открыто вступят в боевые действия против России». Однако при оценке зрелости Скандинавских стран англичане выражали опасение, как бы участие англо-французских войск на стороне Финляндии не отпугнуло скандинавов от борьбы с СССР, тогда Норвегия и Швеция опять «вползут в раковину политики нейтралитета».

5 февраля английский премьер отправился в Париж, чтобы вместе с французами обсудить на высшем военном совете конкретный план совместной интервенции в Северную Европу.

На совете Чемберлен выдвинул план высадки экспедиционного корпуса в Норвегии и Швеции, что, по его мнению, расширило бы финляндско-советский военный конфликт и в то же время блокировало поставки шведской руды в Германию. Однако первая задача являлась главной. «Предотвращение разгрома Финляндии Россией этой весной имеет чрезвычайно важное значение, — подчеркивалось в постановлении военного кабинета Англии,— и это могут сделать только значительные силы хорошо подготовленных войск, посланных из Норвегии и Швеции или же через эти страны»(PRO. Cab 65/6 Cabinet 31 (40/; Cab. 65/5. W. P. (40). - P, 41). Даладье присоединился к мнению Чемберлена. Было решено помимо французских контингентов направить на Скандинавский театр и в Финляндию 5, 44 и 45-ю английские пехотные дивизии, сформированные специально для посылки во Францию.

Решение об отправке в Швецию, Норвегию и Финляндию значительных контингентов регулярных экспедиционных войск означало новый этап в эскалации антисоветских замыслов западных союзников. Теперь вопрос ставился уже не столько о помощи Финляндии, сколько о развертывании открытой войны против Советского Союза. В это время во французских правящих кругах вынашивалась идея организации наступления против СССР «гигантскими клещами»: ударом с севера (включая оккупацию Ленинграда) и ударом с юга (со стороны Кавказа). Это, по мнению Даладье, явилось бы «триумфом периферийной стратегии», в которой бы Скандинавские страны и Финляндия сыграли решающую для исхода войны роль. Именно этими планами французский премьер собирался поделиться с Чемберленом на их встрече в Париже 5 февраля.

13 февраля комитет начальников штабов Англии дал указание своим представителям в объединенном военном комитете союзников подготовить директиву, на основании которой планирующие органы штаба смогли бы подготовить план действий англо-французских войск в Северной Финляндии «Петсамская операция», предусматривавший высадку более 100 тыс. англо-французских войск в Норвегии и Швеции.

При рассмотрении этого плана 15 февраля начальник имперского штаба генерал Айронсайд подчеркнул, что войска, которые будут действовать в Северной Финляндии, должны иметь линию коммуникаций. Если они высадятся в Петсамо, то будут вынуждены повернуть либо на восток, захватив Мурманск и Мурманскую железную дорогу, либо на запад, открыв себе путь через Нарвик.

В результате обсуждения было решено оказать помощь Финляндии, высадив десант в Петсамо или его окрестностях с целью перерезать Мурманскую железную дорогу, и в последующем захватить Мурманск, чтобы превратить его в базу для осуществления операции.

В первом разделе плана, где излагались политические факторы, которые могут оказать влияние на ход операции, говорилось, что высадка в районе Петсамо неизбежно приведет вооруженные силы союзников к прямому и немедленному столкновению с русскими вооруженными силами, и поэтому следует исходить из того положения, что война с Россией станет естественным результатом, так как вторжение на русскую территорию будет являться необходимой составной частью предстоящей операции.

Шведский посланник в Москве В. Ассарсон 22 февраля предупреждал В. М. Молотова о планах западных союзников. И хотя нарком отвечал ему, что «Англия и Франция только проиграют от вмешательства в конфликт»(ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 1304. л. 90), в Кремле с большой тревогой относились к этой угрозе. По оценке А. Н. Яковлева, СССР находился «на волоске» от военного столкновения с Англией и Францией, которые требовали пропуска своих войск через территорию Швеции и Норвегии в Финляндию.

Напряженность создавшейся обстановки хорошо передала в своем «Дипломатическом дневнике» прозорливый и опытный дипломат А. М. Коллонтай. 26 февраля она записала: «Весь февраль этот вопрос волновал и занимал Стокгольм, Париж и Лондон, да и всю Европу. Что значит пропустить войска западных держав в Финляндию? Это равносильно объявлению войны Германии. Французы нажимали, кабинет Черчилля — Галифакса уговаривал, но премьер Швеции П. А. Хансон человек с крепкой волей.

«Пока я жив, мы нейтралитета не покинем». Эта позиция Хансона нам на руку. Я опять на днях «пила кофе» с его женой в его домике в Ольстене. В беседе со мной он объяснил мне причину проволочек финнов и затяжку в переговорах

с нами несомненным нажимом Парижа и Лондона на Хельсинки.

«Таннер, мягко говоря, наивен,— сказал Хансон.— Он верит обещаниям помощи со стороны западных держав, но они сами боятся Гитлера и эффективную помощь финнам не дадут»(Международная жизнь, — 1989. — № 12, — С, 210-211).

В феврале 1940 года, после того как советские войска развернули на Карельском перешейке мощное наступление, положение финской армии стало критическим. Финляндия была уже не в состоянии продолжать сопротивление и 12 марта подписала договор о мире с СССР. На следующий день генерал Айронсайд сделал в своем дневнике следующую запись: «Вот пришло и наше второе поражение, и мы обязаны сейчас подыскивать что-либо другое». Через две недели в Лондоне состоялось заседание высшего военного совета союзников. Чемберлен открыл его словами: «Из последних событий наиболее важным является крах Финляндии... Этот крах оказал большое влияние на общую обстановку и должен быть откровенно расценен как удар по делу союзников». Неожиданный исход кампании на севере, по свидетельству Чемберлена, вызвал страшную депрессию в нейтральных странах и у самих союзников. Напротив, ход и результаты этой войны вызвали у руководства фашистского рейха большие надежды и породили новые планы. В опьянении от быстрой победы над Польшей Гитлер какое-то время носился с мыслью, не разорвать ли свежеиспеченный договор о ненападении с Советским Союзом и не атаковать ли внезапно и нашу страну? Однако военное руководство вермахта и после советско-германских договоренностей сначала с опаской смотрело на Россию — в прошлом традиционного союзника Лондона и Парижа. В 1938—1939 гг. германский генеральный штаб оценивал Красную Армию как очень серьезного противника, столкновение с которым считал пока нежелательным. «Русские вооруженные силы военного времени, — говорилось, например, в сводке 12-го отдела генштаба от 28 января 1939 года,— в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определенны. Богатые источники страны и глубина оперативного пространства — хорошие союзники [Красной Армии]»(Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». Документальная повесть, — М,; Изд-во АПН, 1972, - С, 95).

Характерно в этой связи мнение начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля и главнокомандующего сухопутными войсками В. Браухича. На вопрос Гитлера, чем кончится дело, если рейх нападет на Польшу, а Франция и Англия придут ей на помощь, оба генерала ответили, что Германия покончит с Польшей в течение месяца. Кейтель полагал также, что затем Германия еще разгромит Францию и Англию. Если же против Германии выступит и Советский Союз, то, по мнению Браухича, она потерпит поражение. После окончания советско-финляндской войны тот же Браухич, оценивая военный потенциал СССР, так описывал предстоящие боевые действия вермахта на Восточном фронте: «Предположительно крупные приграничные сражения, продолжительностью до 4 недель. В дальнейшем следует ожидать лишь незначительного сопротивления»(Дашичев В. А. Банкротство стратегии германского фашизма- Исторические очерки. Документы и материалы. — М.: Наука, 1973, — Т, 2. — С. 63). Гитлер же на совещании руководителей вермахта 9 января 1941 года говорил, что «русские вооруженные силы — глиняный колосс без головы».

В Берлине торопились использовать неожиданно проявленную Красной Армией слабость в войне против Финляндии для форсированной подготовки операции «Норд» по захвату стратегически важного плацдарма в Северной Европе для широкомасштабного развертывания вооруженной борьбы на суше и на море сначала против западных союзников, а затем и против СССР. Такая операция фактически обесценивала те территориальные приобретения СССР в Финляндии, которые он получил в ходе тяжелой советско-финляндской войны.

К середине января 1940 года, когда Красная Армия, истощенная декабрьскими боями, готовилась к штурму линии Маннергейма, штаб ОКВ закончил составлять оперативно-стратегические установки на захват Дании и Норвегии. 1 марта 1940 года, т. е. за две недели до окончания советско-финляндской войны, Гитлер подписал приказ на проведение операции «Везерюбунг», который в целях строжайшей секретности был размножен всего лишь в 9 экземплярах.

Высадка 9 апреля немецких десантов на побережье Дании и Норвегии произвела эффект грома среди ясного неба. Она застала врасплох не только Лондон и Париж, но и СССР, который в то время был больше занят поиском виновников «роковых просчетов» в войне с Финляндией.

В Берлине панически боялись реакции Запада и Востока, особенно объединенной. По свидетельству полковника В. Варлимонта, Гитлер пришел в «безрассудное возбуждение» даже после поспешной высадки слабо подготовленных англофранцузских войск в районе Нарвика. Несмотря на имеющийся стул, он сидел в углу на корточках, пристально глядя перед собой, озаряясь лишь в ожидании новостей. Однако с разобщенных Востока и Запада шли утешительные для рейха вести.

9 апреля 1940 года германский посол в Москве Ф. В. Шуленбург нанес визит Молотову, чтобы «проинформировать» его о предпринятой германским правительством акции в отношении северных стран. Этой операцией, подчеркнул посол, германское правительство хочет лишь предупредить возникновение на севере нового очага войны.

Ответ Молотова соответствовал тем чрезвычайно напряженным отношениям, которые сложились в то время между СССР и западными союзниками. Молотов заявил, что ему понятны действия германского правительства, так как, видимо, Англия слишком далеко зашла в отношении нарушения нейтралитета Норвегии и Дании. Не исключено, что Англия действительно готовилась к занятию побережья Норвегии и Дании. Поэтому меры Германии в отношении этих стран следует считать вынужденными.

Вполне возможно, что Сталин и его ближайшее окружение отнеслись к вторжению вермахта в Скандинавские страны как к наименьшему из двух неизбежных зол, и поэтому из Кремля вскоре последовало поздравление руководству третьего рейха с победой на севере Европы. Однако безусловно и то, что в ходе «зимней войны» Красная Армия понесла значительные потери в живой силе и технике. Она требовала передышки, коренной перестройки и переоснащения. Все это порождало у Сталина элементы неуверенности в собственных вооруженных силах, тактику «выжидания», боязнь «провокаций» и политику «умиротворения» Гитлера. В результате рейх получил редкую для себя возможность — избавиться от кошмара ведения вооруженной борьбы на два фронта. В Берлине появилась уверенность, что Советский Союз, если бы он даже и захотел, не смог бы оказать реальной помощи Франции и Англии, как это было в начале первой мировой войны.

Кампания вермахта на Западе и разгром англо-французской коалиции в мае—июне 1940 года явились для мировой общественности, в том числе и советской, еще большей сенсацией, чем ход и результаты «зимней войны». Сталин, в частности, надеялся, что Гитлер может увязнуть на Европейском театре боевых действий. Однако этого не случилось, и Англия оказалась на пороге катастрофы.

После неожиданно быстрого разгрома Франции в мае—июне 1940 года перед гитлеровским военным руководством стала дилемма: сосредоточить ли очередные усилия вермахта на выводе из войны Англии, чтобы до конца избавиться

от всякой опасности с тыла в предстоящем походе на восток, или, оставив пока в стороне Британию, обрушиться на Советский Союз.

Слабость Красной Армии, проявленная в советско-финляндской войне, и военная мощь вермахта, продемонстрированная в блицкриге на Западе, дали Гитлеру основание для утверждения, что «русские вооруженные силы» слабы и будут разбиты быстрее англо-французских. Поэтому Гитлер предлагал немедленно использовать эту слабость и в июле 1940 года настаивал на том, чтобы уже осенью напасть на Советский Союз. Однако Кейтель и Йодль сочли этот срок совершенно нереальным из-за неподготовленности вооруженных сил, районов сосредоточения и развертывания войск и неподходящих с этой точки зрения метеорологических условий — скорого наступления зимы. С тех пор гитлеровское руководство экстренно принялось за подготовку в кратчайшее время планов нападения на СССР, стараясь не упустить благоприятного для него момента. Если бы общее впечатление от усилий Советского Союза в минувшей войне, считал Маннергейм, не было таким неблагоприятным, Германия вряд ли так низко оценила бы военный потенциал «русского колосса», как это произошло, и вряд ли бы повторила ошибку Наполеона.

Однако ошибки и просчеты в 1939—1940 гг. были характерным явлением в политике большинства европейских держав, когда процесс поляризации сил еще не закончился, а формирование противостоящих коалиций продолжалось. Гитлер, например, ошибся, полагая, что из-за Польши не начнется мировая война. Польша просчиталась в своей уверенности в помощи западных союзников и отклонении сотрудничества с СССР. Москва недооценила способности Финляндии к сопротивлению. Лондон и Париж возлагали слишком большие надежды на неприступность линии Мажино.

Однако самой крупной, фатальной ошибкой, приведшей к катастрофе, была оценка оборонного потенциала Советского Союза по результатам советско-финляндской войны. Это привело противоборствовавшие стороны в Европе к существенному, а то и кардинальному пересмотру своих стратегических планов войны.

Англия и Франция, проводившие до войны линию на сотрудничество с СССР (хотя шаткую и уклончивую), встали на позицию вооруженной конфронтации. После нападения фашистской Германии на СССР политика неверия в советскую военную мощь привела к задержке военной помощи Красной Армии, что привело к затяжке войны в целом. Пересмотрело свои былые оценки советского военного потенциала и германское руководство, приступив к форсированной подготовке агрессии против СССР. Это в свою очередь спутало планы Москвы, считавшей, что вермахт «завязнет» на Западе и двинется на завоевание жизненного пространства на Востоке не раньше 1942 года.

Не сумели трезво оценить силу бывшего противника и в Хельсинки. Опьяненные декабрьскими успехами, финны сразу же приступили к подготовке войны с Советским Союзом в надежде в партнерстве с фашистским рейхом расширить «великую Финляндию» до Уральского хребта.

Однако в зарубежной печати, как и в общественном мнении, случались (правда, мало) и такие оценки опыта советско-финляндской войны, которые в какой-то мере объясняли причины неудач Красной Армии и предостерегали от недооценки ее сил.

«Финско-русская война, — писал стокгольмский корреспондент Джеймс Эльдрайдж, — раскрыла больше секретов Красной Армии, чем любознательный узнал бы за 20 лет ее существования».

Эти «секреты», по мнению Эльдрайджа, заключались в следующем:

— Красная Армия была «снаряжена самым большим количеством единиц на человека пулеметов, грузовиков, танков, автомобилей, зависящих от горючего, и она превратилась в неуклюжий механизм с того момента, как только покинула свою базу»;

— имея «слишком хорошее снаряжение», Красная Армия фактически «не была построена с расчетом на войну лишь в Финляндии»;

— солдаты и командиры были обучены ведению боя на открытой местности, но «с того момента, когда они оказались в лесу... такая тактика не выдержала испытания»;

— советские войска «были обучены ведению операций в составе крупных формирований, но оказались непригодными для столкновения индивидуального рода — человек на человека. Без практики в лыжном деле и без особого опыта в спорте солдаты Красной Армии были вынуждены драться с силой, которая, в сущности, превосходила их в два раза. В самих сражениях финны могли выдвинуть армию больше русской. Это звучит парадоксально, но это правильно, так как колоссальная подвижность финнов делала возможным для них в проходивших боях концентрировать больше людей, чем это могли сделать русские. Это один, но самый важный момент всей войны...»

В заключение статьи Эльдрайдж спрашивает: «...делали ли русские успехи?» И отвечает: «Да, и делали очень быстро. Так быстро... что до окончания войны достигли уровня, который поражал финнов и который в результате привел к зажатию обороны финнов... В течение трех месяцев Красная Армия стала совершенно иной, чем та колеблющаяся масса, которая сначала вторглась в Финляндию»(ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1306, лл. 111).

Конечно, неудачи и большие потери Красной Армии в значительной степени объяснялись «роковыми просчетами» Сталина и Ворошилова, который «слабо знал военное дело» и «находился в плену устаревших представлений». Однако немаловажную роль играли специфика театра и суровые природно-климатические условия, часто вызывавшие аварии техники и большие небоевые потери личного состава. Так, из 422 потерянных самолетов 203 (т. е. почти 50 проц.) потерпели аварию или катастрофу (Там же, ф. 33977. оп. 6, д. 77, лл. 8— 10, 77. 50: ф, 33987, оп. 3, д. 1387, лл. 234, 247; 248; приложение № 6).

Для действий же танков, по заключению начальника автобронетанкового управления РККА комкора Д. Г. Павлова, финский театр, за исключением отдельных участков, «вообще ...непригоден» (Там же, ф. 33087. оп. 1, д. 1378, л, 52). Резко пересеченная лесисто-болотистая местность, бездорожье, лютые морозы и глубокие снега приводили к большим потерям танков. Так, например, на Карельском перешейке за период с 30 ноября 1939 года по 10 марта 1940 года потери в танках составили 3178 машин, в том числе по техническим причинам выбыло из строя 1275 машин. Если же взять за основу, что в среднем на Карельском перешейке находилось 1500 боевых машин, то каждая из них дважды выходила из строя, восстанавливалась и опять шла в бой (Там же, ф. 34980, оп. 1, д. 1470, лл. 7 — 8).

Финские потери, по официальным данным, составили 25 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными, т. е. почти каждый третий человек в финской действующей армии был убит или ранен (Upton A. Finland 1939—1940. — London, 1974. - P. 154).

Конечно, общепризнано, что наступающий должен иметь тройное превосходство в силах над обороняющимся, тем более против того, который занимает оборону в линии долговременных сооружений. И в этом смысле, если к тому же учесть необычайность финского театра и его природно-климатические условия зимой, пропорция потерь финской и советской сторон в живой силе как бы «укладывается в норму». Следует к тому же учесть, что в предвоенные годы ведущие военные теоретики Англии и Франции, в том числе и Лиддел Гарт, считали, что в грядущей войне обороня-

ющийся получит решающее преимущество над наступающим и долговременные оборонительные линии вообще станут непреодолимыми.

Исходя из этой теории, англофранцузское командование приходило к выводу, что если германский вермахт без поддержки своих союзников нападет на Францию, то французская армия численностью всего лишь в 100 тыс. человек, опираясь на линию Мажино, сможет успешно отразить наступление всей германской военной машины. Основная же часть французской армии должна была исполнять роль стратегического резерва, готового нанести завершающий удар по противнику.

После войны многие историки, как советские, так и зарубежные, анализируя ход и результаты советско-финляндской кампании, часто сравнивают линию Маннергейма с линией Мажино. Причем первые нередко подчеркивают, что линия Маннергейма «по своей технической мощи не уступала железобетонным укреплениям линии Мажино и германской линии Зигфрида, а в сочетании с многочисленными полевыми укреплениями и тяжелыми условиями театра военных действий она представляла исключительно труднопреодолимое препятствие и неизмеримо более солидное, чем линия Мажино и Зигфрида».

Вторые, напротив, представляют финскую оборону в виде антипода линии Мажино, поспешно возведенных и слабо оснащенных полевых сооружений, державшихся исключительно на упорстве и военном мастерстве оборонявшихся.

Думается, что оба суждения представляют собой крайности: если одни из историков путем гиперболизации финской обороны стремятся как-то объяснить срыв первоначальных планов наступления и понесенные при этом большие и неоправданные потери, то другие—истолковать свои успехи чистым превосходством «человеческого духа и просвещенного руководства» над «грубой материальной силой».

Неправомерно такое сравнение и по ряду других причин. Общеизвестно, что линия Мажино никогда и никем не штурмовалась и не прорывалась и ее оборонительная мощь так и осталась в области догадок и теоретических предположений. Ее просто обошли в том числе мощными танковыми клиньями и массой механизированных войск (около 1800 танков и 41 140 различных машин).

Линию Маннергейма обойти не удалось. Примерно столько же танков и различных машин в первые же дни войны увязли в снегу, на бездорожье, застряли в таежных лесах, скованные морозом. Попытки обойти финскую оборону, мастерски «вписанную» в систему рек, озер, лесов, с востока, со стороны Карелии, кончились тем, что брошенным в таежную глушь массам войск и боевой техники фактически хватило сил и материальных ресурсов лишь для того, чтобы добраться до финской границы и по инерции падающего тела продвинуться еще на десяток-другой километров практически без воздействия противника. Совершенно очевидно, что на этом театре в отличие от Франции наряду с профессиональным мастерством и компетентным руководством оборонявшихся «воевали» природа, специфика театра и его климатические условия.

Если германский вермахт при «прорыве» линии Мажино и последовавшем разгроме англо-французской коалиции потерял убитыми 27 074 человека, то в ходе советско-финляндской войны Красная Армия потеряла только обмороженными 13 213 человек и пропавшими без вести 17 520 (в основном это были раненые или просто замерзшие и затем занесенные снегом люди) (ЦГАСА, ф. 33987, оп. 6, д. 77. лл. 8—10, 47 50; ф. 33987. оп. 3. Д. 1387, л. 234. 247, 248, приложение № 6). По болезням же (главным образом простудным заболеваниям) было госпитализировано более 53 тыс. человек (Там же, ф. 40442, оп. 1, д, 1875, л. 117).

В целом же в ходе боев в Финляндии советские войска, командные кадры и штабы многому научились, приобрели боевой опыт, многие уроки были учтены. Последовавшие события 1941—1945 гг. показали, что и войска вермахта значительно уступали финской армии в искусстве ведения вооруженной борьбы в условиях Карелии и Заполярья. Совершенно очевидно, что советско-финляндская война явилась для Красной Армии хотя и тяжелой, но в целом поучительной школой перед грядущим и более суровым испытанием — схваткой с фашистской Германией и ее союзниками, в том числе и Финляндией.

А. М. НОСКОВ, доктор исторических наук, профессор

Комплектование сухопутных войск США

СОЕДИНЕННЫМ штатам Америки никогда не приходилось защищать свою собственную территорию от нашествия неприятеля. Они не нуждались в обязательном призыве (исключение составляют случаи участия США в двух мировых войнах и некоторых региональных вооруженных конфликтах), и вооруженные силы комплектовались добровольцами.

Потребности сухопутных войск в личном составе определяются на уровне министра обороны и штаба армии в зависимости от сложившегося исторического момента и проводимого военно-политического курса страны.

В настоящее время численность регулярных сухопутных войск определена на уровне 772 тыс. человек, национальной гвардии и резерва — 863 тыс. при ежегодном наборе добровольцев в количестве 130—140 тыс.

На добровольную действительную службу по существующему законодательству США принимаются граждане США — мужчины и одинокие женщины в возрасте с 17 (женщины с 18) до 34 лет, годные по состоянию здоровья и умственному развитию, имеющие незаконченное (мужчины) и законченное (женщины) среднее образование. На службу они зачисляются согласно контракту на срок от трех (для женщин — двух) до шести лет. По истечении первого контракта или даже раньше добровольцы могут продлить его действие еще на такой же срок. Обычно им предоставляется право выбора воинской части и места службы. Вместе с тем существующие юридические положения, регламентирующие набор добровольцев, содержат и ряд ограничений в отношении лиц, имеющих судимость, находящихся под следствием или условно осужденных, отказывающихся от военной службы по религиозно-этическим причинам, а также хронических наркоманов, алкоголиков, гомосексуалистов и других.

При проведении набора и отбора добровольцев органы комплектования сухопутных войск большое внимание уделяют качественным аспектам набираемого контингента. В связи с этим широко используются специально разработанные методики для оценки физического состояния и умственных способностей поступающих на военную службу. Физическое развитие новобранцев оценивается по трем степеням: годен без ограничений (категория А), годен с незначительными ограничениями (В) и ограниченно годен (С). Добровольцы последней категории в мирное время на военную службу не зачисляются. Уровень умственного развития и способности определяются на основе специального тестирования по 100-балльной шкале, подразделяющей кандидатов на следующие категории: I (набравшие 93—100 баллов), II (65—92 балла), III (31 — 64 балла), IV (10—30 баллов) и V(0— 9 баллов). Согласно его результатам кандидаты распределяются по соответствующим военно-учетным специальностям. Пригодность к военной службе определяется по минимально допустимому количеству проходных баллов для данной специальности, причем добровольцы V категории вообще не учитываются.

Наряду с умственными и физическими способностями тщательно проверяется также политическая благонадежность желающих служить в армии. Для этих целей привлекаются местные полицейские органы и агенты ФБР. Отобранные новобранцы подписывают контракт, принимают присягу и направляются в учебные центры сухопутных войск для прохождения курса начальной подготовки. День подписания контракта и присяги считается датой зачисления на военную службу.

Комплектование сухопутных войск офицерским составом осуществляется за счет слушателей военного училища Вест-Пойнт, курсов вневойсковой подготовки при гражданских высших учебных заведениях и офицерских кандидатских школ. Наряду с этим часть офицеров набирается из числа ворэнт-офицеров, офицеров национальной гвардии и резерва сухопутных войск, а также из гражданских специалистов — юристов, врачей и т. д.

Принятая в настоящее время система комплектования сухопутных войск на первоначальном этапе испытывала значительные трудности, связанные с хроническим недобором личного состава (вплоть до 1981 г.), усилением текучести кадров (с 1973 по 1980 г. по различным мотивам из армии было уволено свыше 600 тыс. рядовых и сержантов до истечения контракта), понижением качественного состава набираемого контингента (численность новобранцев со средним образованием, например, в начале 80-х годов составляла 50 проц., а кандидатов IV категории умственного развития — 52 проц.).

Кроме того, изменился расовый состав армии. Предполагалось, что с переходом к добровольному принципу комплектования общее число лиц негритянского происхождения в сухопутных войсках не превысит 19 проц., однако их доля среди рядового и сержантского состава регулярных войск возросла с 18,4 до 30,4 проц., а среди офицеров — с 4 проц. до 10,4 проц.

Наличие всех этих про-

блем, по признанию американского военного руководства, отрицательно сказывалось в первую очередь на боеспособности и боеготовности войск, а также на престиже и авторитете армии. Поэтому необходимость устранения этих негативных моментов или снижения их остроты потребовала проведения в сухопутных войсках ряда компенсирующих мероприятий: повышения денежного содержания личного состава; увеличения поощрительных мер (в 1988 финансовом году эта сумма составляла 39,4 млн. долларов, в 1990-м — 58,6 млн.); финансирования образовательных программ военнослужащих (например, в 1989 финансовом году выделялось 58,5 млн. долларов); нарашивания усилий в рекламно-вербовочной работе (в этом году ассигновано 71,4 млн. долларов); реализации программы поощрительного обеспечений семей военнослужащих (в 1988 финансовом году — 93 млн., а в 1989-м — 104,4 млн. долларов). В таблице приведены данные комитета по делам вооруженных сил палаты представителей конгресса США, характеризующие основной оклад американских военнослужащих по состоянию на 1989 год.

Финансовые и организационные затраты, а также ряд других мероприятий, реализованных в последние годы, по свидетельству иностранной военной печати, благоприятно сказались на комплектовании сухопутных войск. Ежегодные планы набора добровольцев в настоящее время выполняются при качественном повышении уровня подготовленности личного состава. По официальной статистике такое состояние дел подтверждается также данными министерства армии. В частности, в период 1980—1988 финансовых годов показатель укомплектованности рядового и сержантского состава возрос с 80,7 до 84,2 проц., а средний срок службы увеличился с 5,5 года до 6,2. Доля новобранцев со средним образованием в 1988 году уже составляла 93 проц. По уровню умственного развития число новобранцев первых трех категорий, судя по методике оценки их способностей, увеличилось до 66 проц., а низшей категории снизилось почти до 4 проц.

Тем не менее состояние войск (армии), и прежде всего качественное, по-прежнему вызывает беспокойство американского военного руководства. По его мнению, все еще существует тенденция значительного притока добровольцев негритянского происхождения и представителей других национальных меньшинств, в текущем году по сравнению с 1988 годом несколько уменьшился набор добровольцев (на 2 проц.) и сократилось (на 14 проц.) количество новобранцев трех верхних категорий. Ощущается нехватка высококвалифицированных специалистов дефицитных специальностей. Более того, по прогнозам иностранных военных экспертов, на комплектование сухопутных войск могут также негативно повлиять другие социальные явления (демографические, политические, психологические и т. д.).

В целом же, по оценке американских специалистов, существующая система комплектования не имеет альтернативы и позволяет в основном обеспечить достаточно высокую боеспособность и боеготовность сухопутных войск.

Полковник Ю. В. МГИМОВ

ВИЖ №8 1990
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛИЦАХ И ФАКТАХ

ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ (Евреи в Гражданской войне)

В 1982 году в Тель-Авиве (Израиль) вышел первый том второго издания книги Арона Лазаревича Абрамовича «В решающей войне». В ней показаны участие и роль советских евреев в войне против нацизма, а также в гражданской войне. По просьбе читателей мы даем одну из ее глав.

Фамилии лиц еврейской национальности, как и в книге, напечатаны прописными буквами.

15 ЯНВАРЯ 1918 года Советское правительство (Совет Народных Комиссаров) издало Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), а 29 января — о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ). После того началось формирование руководящих органов и частей новых Вооруженных Сил страны.

Вскоре, 18 февраля, после отказа советской делегации, возглавляемой Л. Д. ТРОЦКИМ, принять предложенные Германией ультимативные условия мира, началось наступление немецких войск на Советскую республику.

Для руководства военными действиями против немцев, двигавшихся в направлении Петрограда, Наркомвоен 21 февраля издал приказ об учреждении Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, который возглавил Моисей Соломонович УРИЦКИЙ. В тот же день Петроградский Совет образовал Комитет революционной обороны, куда вошли Яков Михайлович СВЕРДЛОВ (председатель), Моисей Маркович ВОЛОДАРСКИЙ (ГОЛЬДШТЕЙН), С. И. ГУСЕВ (ДРАБКИН Я. Д.), Яков Моисеевич ФИШМАН (от левых эсеров), Григорий Исаакович ЧУДНОВСКИЙ и другие. К 23-му февраля части Красной Армии приостановили продвижение немецких войск под Псковом и Нарвой.

После подписания 3-го марта 1918 года мирного договора с Германией развернулась работа по формированию Красной Армии и ее руководящих органов.

4 марта Совнаркомом был утвержден Высший Военный Совет в составе: военного руководителя Бонч-Бруевича (бывший генерал царской армии) и двух политических комиссаров — П. П. Прошьяна (левый эсер) и К. И. Шитко (большевик).

Постановлением Совнаркома от 19 марта 1918 года были определены задачи и права, а также расширен состав этого органа. Новым председателем Высшего Военного Совета и Народным Комиссаром военных дел назначался Лев Давидович ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН). Его заместителем — Эфраим Маркович СКЛЯНСКИЙ. Кроме них было еще пять членов Совета.

В мае 1918 года на территории Советской республики было создано одиннадцать военных округов, военными комиссарами которых назначены: Емельян Михайлович ЯРОСЛАВСКИЙ (ГУБЕЛЬМАН Миней Израилевич) — в Московский округ, Семен Михайлович НАХИМСОН — в Ярославский, и т. д.

Однако «мирный» период формирования Красной Армии вскоре закончился. В марте 1918 года началась военная интервенция ряда стран (Англии, Франции, Италии, Японии, США и других) в Советскую республику. 25 мая вспыхнул антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, находившегося в России. Против Советской власти открыли военные действия крупные формирования под командованием видных царских военачальников — Колчака, Краснова, Деникина и других, мечтавших возродить монархию. Началась гражданская война. В Москве, Ярославле, Рыбинске, Муроме и других местах также произошли антисоветские мятежи. 10 июня правительство издало закон об обязательной военной службе в Красной Армии, которая насчитывала тогда 300 тысяч человек.

В 1918—1920 гг. гражданская война охватила почти всю страну. В различные периоды той войны противникам Советской власти удавалось овладеть важнейшими районами, временами превышавшими в общем три четверти территории страны.

2 сентября 1918 года постановлением ВЦИК был образован Революционный Военный Совет Республики (РВСР), который осуществлял управление Вооруженными Силами. Ему подчинялись все органы и должностные лица военного ведомства: Главнокомандующий Вооруженными Силами, Главный штаб республики и другие. Этим же постановлением был упразднен прежний Высший Военный Совет.

Председателем Реввоенсовета был назначен Народный Комиссар по военным и морским делам ТРОЦКИЙ Лев Давидович (занимал эту должность с 6.9.1918 г. до 26.1.1925 г.). Его заместителем — зам. народного комиссара по военным и морским делам СКЛЯНСКИЙ Эфраим Маркович (занимал эту должность с 22.10.18 г. до 11.3.1924 г.). Членами РВСР являлись РОЗЕНГОЛЬЦ Аркадий Павлович (с 30.9.1918 г. до 8.7.1919 г.) и 8 других. В дальнейшем, некоторое время (с 21.6.1919 г. до 4.12.1919 г.) членом РВСР был Сергей Иванович ГУСЕВ (Я. Д. ДРАБКИН).

Приказом председателя Реввоенсовета Л. Д. ТРОЦКОГО от 11 сентября 1918 г. были образованы фронты с их штабами, а также новые армии. Возглавляли каждый фронт и каждую армию Реввоенсоветы в составе: командующего —

военного специалиста и двух политических комиссаров. Следует сказать, что почти во все Реввоенсоветы фронтов и армий входили евреи. Не имея возможности в рамках этой главы дать имена всех и подробный обзор деятельности их на многочисленных фронтах длительной гражданской войны, ограничимся перечнем наиболее известных.

Членами Реввоенсовета (РВС) фронтов (в скобках указан период) были евреи:

1. Восточного — Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (28.8—6.12.1918), Сергей Иванович ГУСЕВ (10.12.18—15.6.19), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (23.3—16.8.19).

2. Западного — Роберт Александрович РИММ (19.2—19.5.19), Евгений Михайлович ПЯТНИЦКИЙ (19.2—15.5.19), Иосиф Станиславович УНШЛИХТ (11.12.1919—12.4.1921), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (8.5— 2.6.1920), Д. И. ВАЙМАН и другие.

3. Кавказского — Сергей Иванович ГУСЕВ (16.1—29.8.20), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (23.8—5.9.20).

4. Северного — Лев Маркович ГЛЕЗАРОВ (30.9—8.12.18), Евгений Михайлович ПЯТНИЦКИЙ (30.9.18—19.2.19).

5. Туркестанского — Лев Филиппович ПЕЧЕРСКИЙ, Иосиф Еремеевич СЛАВИН, Моисей Янович ЛИСОВСКИЙ, Исаак Абрамович ЗЕЛЕНСКИЙ, Герман Самойлович БИТКЕР.

6. Юго-Восточного — Сергей Иванович ГУСЕВ (18.12.19—16.1.20).

7. Юго-Западного — Сергей Иванович ГУСЕВ (3.9—15.10.20), Моисей Львович РУХИМОВИЧ.

8. Южного (против Врангеля) — Бела КУН (4.10—16.11.20), Сергей Иванович ГУСЕВ (27.9—14.12.20).

9. Южного (против Деникина) — Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ-БРИЛЛИАНТ (1.12.18—6.10.19), Иосиф Исаевич ХОДОРОВСКИЙ (17.1—6.7.19), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (11.8—19.10.19).

Командующими армиями были евреи:

1. 3-й армии Восточного фронта — Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (30.11.18— 5.3.19).

2. 3-й армии Западного фронта — Владимир Соломонович ЛАЗАРЕВИЧ (12.6— 18.10.20).

3. 7-й армии — Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (30.7—25.8.20).

4. 8-й армии Южного фронта — Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ (12.10.19— 20.3.20).

5. 9-й армии — Наум Семенович СОРКИН.

6. 14-й армии Южного и др. фронтов — Иона Эммануилович ЯКИР (15.12.20— 6.1.21).

Начальники штабов армии были:

1. 4-й армии Восточного фронта — Владимир Соломонович ЛАЗАРЕВИЧ (25.2— 22.4.19).

2. 14-й армии Южного и др. фронтов — Вадим Михайлович БУХМАН (27.8—6.10.19).

3. 16-й армии Западного фронта — Евгений Александрович ШИЛОВСКИЙ (10.10.20—24.4.21).

4. Туркестанской армии Восточного фронта — Александр Исаевич МИТИН (28.3—11.4.19), Владимир Соломонович ЛАЗАРЕВИЧ (24.5—1.7.19).

5. Народно-революционной армии ДВР— Борис Миронович ФЕЛЬДМАН (4.5—4.7.22).

В Реввоенсоветах армий один или два из трех его членов были евреями. Таковы **члены Реввоенсоветов**:

1. 1-й армии Восточного и Туркестанского фронтов — Арий Константинович МИРСКИЙ (7.4—19.7.19), Григорий Исаакович БРЕЙДО, Илья Савельевич ШЕЛЕХЕС.

2. 2-й армии Восточного фронта — Сергей Иванович ГУСЕВ (12.11—4.12.18), Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ (19.9— 22.11.18), Григорий Наумович КАМИНСКИЙ.

3. 3-й армии Восточного фронта — Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (7.8—29.11.18), Филипп Исаевич ГОЛОЩЕКИН, Яков Лазаревич АСКОЛЬДОВ.

4. 4-й армии Восточного и Туркестанского фронтов — Борис Григорьевич МОЛДАВСКИЙ (26.5—19.7.18), Гавриил Давидович ЛИНДОВ-ЛЕЙТЕЙЗЕН (10.9.18—13.1.19), Борис Григорьевич ЗУЛЬ.

5. 4-й армии Западного фронта — Евгений Ильич ВЕГЕР (18.6—19.10.20).

6. 5-й Отдельной армии — Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (18.8—15.9.18), Исаак Семойлович КИЗЕЛЬШТЕЙН (15.11.18— 25.1.19), Борис Захарович ШУМЯЦКИЙ (31.1.21—27.2.22), М. А. ВОЛЬФОВИЧ (заместитель начальника политуправления армии).

7. 6-й Отдельной армии — Герман Самойлович БИТКЕР (4.8—15.12.19), Р. В. ПИКЕЛЬ, Лев Захарович МЕХЛИС.

8. 7-й армии Северного, Западного и др. фронтов — Михаил Иосифович РОЗЕН (1.10.18—21.1.19), Самуил Петрович ВОСКОВ (19.11.18—23.3.19), Моисей Маркович ХАРИТОНОВ (24.5—22.10.19), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (28.6—30.9.19), Григорий Евсеевич ЗИНОВЬЕВ (РАДОМЫСЛЬСКИЙ) (14.7—26.11.19), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (23.10.19—31.8.20).

9. 8-й армии Южного и др. фронтов — Иона Эммануилович ЯКИР (8.10.18—1.7.19), Яков Ильич ВЕСНИК (7.11.18—28.8.19), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (7.12.18— 18.3.19), Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ.

10. 9-й армии — Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ (2.12.18—7.11.19), Иосиф Исаевич ХОДОРОВСКИЙ (23.3—27.8.19), Адольф Михайлович ЛИДЕ (10.3—8.7.20).

11. 10-й армии П. И. КУШНЕР (20— 29.4.21), Лев Филиппович ПЕЧЕРСКИЙ (22.4—11.5.21), Михаил Ефимович ШТЕЙМАН.

12. 11-й армии — Оскар Моисеевич ЛЕЩИНСКИЙ (22.1—13.2.19), Яков Ильич ВЕСНИК (27.5—31.8.20 и 26.1—29.5.21), Исаак Соломонович КИЗЕЛЬШТЕЙН, М. И. ШНЕЙДЕРМАН, П. И. КУШНЕР.

13. 12-й армии — Михаил Михайлович ЛАНДА (комиссар армии), Борис Маркович ТАЛЬ (комиссар штаба армии), Иона Эммануилович ЯКИР (командующий Южной группой войск 12-й армии), Ян (Яков) Борисович ГАМАРНИК (комиссар группы).

14. 13-й армии — Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (7.10—19.12.19), Борис Григорьевич ЗУЛЬ (4.6—31.8.20), Адольф Михайлович ЛИДЕ (22.10—12.11.20), Иосиф Моисеевич БИК, Исаак Самойлович КИЗЕЛЬШТЕЙН, Григорий Яковлевич СОКОЛЬНИКОВ, Розалия Самойловна ЗЕМЛЯЧКА-САМОЙЛОВА (начальник политотдела).

15. 14-й армии — Исаак Самойлович КИЗЕЛЬШТЕЙН (17.6—15.9.19), Моисей Львович РУХИМОВИЧ (8.12.19—21.11.20).

16. 15-й армии — Ян (Яков) Давидович ЛЕНЦМАН (9.4.19—20.2.20), Аркадий Павлович РОЗЕНГОЛЬЦ (14.6—26.9.20), Михаил Михайлович ЛАШЕВИЧ (29.8—30.11.20), Яков Ильич ВЕСНИК (10.11—26.12.20).

17. 16-й армии — Иосиф Станиславович УНШЛИХТ (21.6—11.12.19), Александр Яковлевич ЭСТРИН (14.4—7.5.21).

18. Туркестанской армии — Арий Константинович МИРСКИЙ (9.5—7.6.19).

19. Резервной армии — Б. И. ГОЛЬДБЕРГ, Г. М. ЗУСМАНОВИЧ.

20. Народно-революционной армии ДВР (Дальне-Восточной республики) Моисей Израилевич ГУБЕЛЬМАН (30.6.21—16.11.22). 21. Отдельной Кавказской армии — Моисей Янович ЛИСОВСКИЙ.

В период гражданской войны многие евреи занимали должности командиров (начальников), военкомов (военных комиссаров), начальников штабов и политотделов дивизий, бригад, полков и других соединений и частей.

Командирами (начальниками) дивизий были евреи:

Григорий Михайлович БОРЗИНСКИЙ — 1-й Витебской пехотной (3— 23.10.18), Сергей Михайлович ШЕЙДЕМАН — 1-й Рязанской пехотной, БЛЮМЕНФЕЛЬД — 1-й Сибирской кавалерийской, Михаил Георгиевич МЕЙЕР — 1-й Кавказской кавалерийской (16.5—14.8.20), Борис Николаевич ФРЕЙМАН — 6-й стрелковой (14.4—24.5.19), Михаил Иосифович РОЗЕН — 8-й стрелковой, Александр Яковлевич ЯНОВСКИЙ — 9-й стрелковой (18.6—7.7.21), Семен Абрамович ТУРОВСКИЙ — 8-й кавалерийской дивизии Червонного казачества (14.3—14.5.20, 14.5—6.12.20 и 3.11.19— 14.3.20), Андрей Иосифович РАТАЙСКИЙ — 12-й стрелковой (25—27.11.18 и 7.3—3.7.19), Андрей Иосифович РАТАЙСКИЙ — 13-й стрелковой (29.7—9.10.18), Михаил Иосифович РОЗЕН — 13-й стрелковой (6.6— 18.8.20), Александр Савельевич СИРОТКИН — 15-й Сивашской стрелковой (14— 29.11.19), Эдуард Давидович ЛЕПИН — той же дивизии (19.6—22.7.20), Самуил Пинхусович МЕДВЕДЕВСКИЙ — 16-й стрелковой (13.1—3.3.19 и 2.8.19—17.5.22), Мирон Львович ПОЛУНОВ — той же дивизии (19.4— 27.5.21), Григорий Михайлович БОРЗИНСКИЙ — 17-й Нижегородской стрелковой (26.10.18—25.7.19), Давид Аронович ГУТМАН (Дмитрий Аркадьевич ШМИДТ) — 17-й кавалерийской дивизии Червонного казачества, Александр Генрихович ШИРМАХЕР — 18-й стрелковой (25.12.20— 24.5.21), Евгений Петрович КОФЕЛЬ — 20-й Пензенской стрелковой (1.1—5.2.19), Борис Владимирович МАЙСТРАХ — той же дивизии (29.2—2.4.20), Рувим Лейбович ИЦКОВСКИЙ — 22-й стрелковой (24.4—8.5.20), Борис Владимирович МАЙСТРАХ—той же дивизии (8.5—26.9.20), Николай Иосифович ЛОТОЦКИЙ — 23-й стрелковой (5—27.9.19), Борис Маркович ТАЛЬ — 25-й стрелковой имени В. И. Чапаева (18.7—4.8.20), Марк Семенович БЕЛИЦКИЙ — 26-й Златоустовской стрелковой (10.8—8.9.19 и 10—21.9.19), Михаил Георгиевич МЕЙЕР — 33-й Кубанской стрелковой (12.11.18—14.3.19), Леонид Ильич ВЕРМАН — 35-й Сибирской стрелковой (27.6—20.9.19), Константин Августович НЕЙМАН — той же дивизии (28.9.19— 19.8.21), Нехемия Львович ФЕЛЬДМАН — 42-й стрелковой (14.4—20.6.20), Михаил Иосифович РОЗЕН — той же дивизии (17.10—27.12.20), Иона Эммануилович ЯКИР — 45-й стрелковой (7.7—18.8.19 и 19.10.19— 6.4.21), Л. А. ШНИТМАН — той же дивизии, Лев Михайлович ГОРДОН — 54-й стрелковой, Михаил Иосифович РОЗЕН — 55-й стрелковой (21.8—11.9.20), Борис Миронович ФЕЛЬДМАН — той же дивизии (24.9—21.12.20), Михаил СЛУВИС — 56-й стрелковой (28.4—16.10.19), Яков Львович ДАВИДОВСКИЙ.

Военкомами дивизий были евреи: Яков Иосифович ШВАРЦМАН — 1-й Азербайджанской сводной стрелковой (19.7—1.11.20), Адольф Яковлевич РЕДЕР — 1-й Витебской стрелковой (16.7—23.10.18), Моисей Наумович АХМАНОВ — той же дивизии (16.7—21.9.18), Александр Яковлевич ГРИНШТЕЙН — 1-й Донской стрелковой (28.4—28.6.20), КЛЕЙТМАН — 1-й Заднепровской стрелковой (28.4—28.6.20), Абрам Исаакович ХАСИС — 1-й Смоленской пехотной (14.7—20.8.18), Михаил Борисович ПОШЕМАНСКИЙ — 1-й Туркестанской стрелковой (28.3—15.7.20), ГРОССМАН — той же дивизии (15,1—21.3.20), Раиса Моисеевна АЗАРХ — 1-й Особой Вятской, Яков Лазаревич АСКОЛЬДОВ — 1-й Литовской стрелковой, Семен Маркович НОРДШТЕЙН — 2-й Московской пехотной (1.7— 24.9.18), Михаил Иосифович РОЗЕН — 2-й Новгородской пехотной (15.5—14.11.18), Михаил Абрамович ЛЕВИН — той же дивизии (15.5.18—6.2.19), Александр Давидович РИХТЕР — 2-й стрелковой дивизии армии Советской Латвии (1.1—12.5.19), Исай Григорьевич ПОЛОНСКИЙ — 2-й стрелковой (24.10.18—14.4.19), ВОСКОВ — той же дивизии (10—5.9.19), Михаил Петрович ДУКАЛЬСКИЙ — той же дивизии (15.11.19— 18.5.20), Исаак Израилевич МИНЦ — 2-й Украинской советской дивизии (21.3— 16.6.19), Михаил Георгиевич МЕЙЕР — 1-й Кавказской кавалерийской дивизии (16.5— 14.8.20), Адольф Яковлевич РЕДЕР — 1-й Туркестанской кавалерийской (6.10.20— 3.3.21), Илья Маркович ЗЕЙЛИНКОВИЧ — 2-й Кавказской кавалерийской дивизии (7—23.6.20), Наум Давидович ЕФУНИ — 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии (с 18.8.20), Нехамия Львович ФЕЛЬДМАН — 3-й Кавказской стрелковой (14.11.20— 20.5.21), Семен Маркович НОРДШТЕЙН — 3-й стрелковой (1—9.10.18), Моисей Маркович ХАРИТОНОВ — 3-й Украинской (31.10— 11.11.18), Яков ЛЕВИН — 3-й Туркестанской кавалерийской (с 21.3.19), Адольф Яковлевич РЕДЕР — той же дивизии (9.6—1.10.20), Зиновий Семенович ДУБИНСКИЙ — 4-й Украинской стрелковой (30.4—12.7.19), Лазарь Наумович АРОНШТАМ — 4-й стрелковой, Исай Григорьевич ПОЛОНСКИЙ — 5-й Московской пехотной (18.7—20.8.18), Яков Юрьевич ПЕТЕРСОН — 6-й Орловской стрелковой (18.8—16.12.18), Владимир Осипович ЛИХТЕНШТАДТ — 6-й стрелковой, Наум Натанович РАБИЧЕВ — 7-й стрелковой, Зиновий Семенович БЫЧ — 9-й стрелковой (9.5—2.7.18), Лев Владимирович ЛЕМБЕРГ (5.2—7.4.19)—той же дивизии, Абрам Ильич ВАЙМАН — той же дивизии (7—26.3.19), Самуил Петрович ВОСКОВ — той же дивизии (26.9.19—9.4.20), Иосиф Моисеевич БЫК — той же дивизии (14— 29.10.19), Моисей ЛИСОВСКИЙ — той же дивизии (21.10.20—3.5.21), Лев Михайлович ГОРДОН — 9-й кавалерийской Крымской (19.10—11.20), Лев Вениаминович ЖМУДСКИЙ — 10-й Тамбовской стрелковой (13.10—18.12.18), Самуил Петрович ВОСКОВ — той же дивизии (14.7—5.10.19), Иосиф Маркович КРИГЕР — той же дивизии (13.2— 9.6.20), Ефим Александрович ДРЕЙЦЕР — той же дивизии (5.7.20—8.1.21), Яков Лазаревич АСКОЛЬДОВ — 10-й стрелковой, Иосиф Рафаилович РОЗЕНБЛЮМ — 11-й Петроградской стрелковой (10.2—9.9.20), Илья Савельевич ШЕЛЕХЕС — 13-й стрелковой (14.10.19—15.3.20), Михаил Петрович ДУКАЛЬСКИЙ — той же дивизии (8.7—22.8.20), Наум Давидович ЕФУНИ — 14-й стрелковой, Лазарь Наумович АРОНШТАМ — той же дивизии (28.2.20—13.10.21), Лев Николаевич РУБИНШТЕЙН и Ефим Борисович РАБИКОВИЧ — той же дивизии, Морис Львович БЕЛИЦКИЙ — 11-й кавалерийской, Л. И. ЛОЗОВСКИЙ — 16-й стрелковой (27.11.18—4.2.19), Аркадий Борисович ДУБСОН — 16-й кавалерийской (12— 26.11.19), Маркель Львович КРОЖЕВСКИЙ — той же дивизии (7.5—12.6.20), Наум Давидович ЕФУНИ — той же дивизии (13.6—13.8.20), Адольф Яковлевич РЕДЕР — 17-й Нижегородской стрелковой (26.1.18—10.4.19), Моисей Наумович АХМАНОВ — той же дивизии (16.7—7.8.19), Макс Давидович АВСАРГОВ — 19-й стрелковой (25.11—28.12.18 и 9.10—19.12.19), Адольф Михайлович ЛИДЕ — 21-й Пермской стрелковой (10.1—16.3.19 и 29.3.19—17.4.20), Исаак ГРИНБЕРГ — 21-й кавалерийской (27.2— 14.3.21), Рувим Лейбович ИЦКОВСКИЙ — 22-й стрелковой (11.10.19—24.4.20), Исай Юрьевич РАБИНОВИЧ — той же дивизии (3.7.20—12.5.21), Борис Соломонович ЛИВШИЦ — 24-й Симбирской железной стрелковой (15.8—27.11.18, 30.4—3.7.19 и 13.9.19— 20.4.20), Борис Маркович ТАЛЬ — 25-й стрелковой имени В. И. Чапаева (Чапаев командовал этой дивизией с 9.4 до 5.9.19), (10—29.1.20 и 10.5—4.8.20), Александр Львович ШИФРЕС — 26-й Златоустовской стрелковой (17.12.19—2.1.20), Лазарь Наумович АРОНШТАМ — 28-й Горской стрелковой (—9.6.19), Александр Ильич СТЕЛЬМАХ — той же дивизии (28.11—22.12.19), Николай Львович ЕЛЕЦКИЙ — той же дивизии (23.4—27.6.20), Илья Гедеонович ГЕРТ — той же дивизии, Евсей Абрамович АЙЗЕНШТАДТ — 30-й Иркутской стрелковой (11—28.8.18), Евсей Маркович КОНЮХОВСКИЙ — 32-й стрелковой (25.4— 5.6.19), Маркель Львович КРОЖЕВСКИЙ — той же дивизии (1—28.4.21), Евгений Павлович ТОЛЬСКИЙ — 34-й стрелковой (22.6— 22.10.20), Нехамия Львович ФЕЛЬДМАН — 40-й Богучарской стрелковой (26.7—6.9.20), Лазарь Львович ЗИЛЬБЕРБЕРГ — той же дивизии, Исай Павлович ГОЛЬДШМИДТ — 41-й стрелковой, Моисей Львович РУХИМОВИЧ — той же дивизии (11.8—24.10.19), Нехамия Львович ФЕЛЬДМАН — 42-й стрелковой (14.4—20.6.20), Михаил Иосифович РОЗЕН — той же диви-

зии (17.10— 27.12.20), Иосиф Александрович ШВАРЦ — 43-й стрелковой (12—23.12.20), Борис Маркович ТАЛЬ — 44-й Киевской стрелковой (12.8—29.11.20), Александр Яковлевич ГРИНШТЕЙН — 45-й Волынской стрелковой (1 — 26.12.19, 12—21.1.20 и 8.4—13.7.20), Иона Эммануилович ЯКИР — той же дивизии (4.10.20—6.4.21), Исаак Израилевич МИНЦ— 46-й Екатеринославской стрелковой (24.6— 7.19), Лев Захарович МЕХЛИС — той же дивизии (7.19—17.4.20 и 13.9— 12.12.20), Федор Львович БОРОВСКИЙ — 48-й Тверской стрелковой (21.10.19—15.3.20), Давид Мануилович СКАЛОВ — той же дивизии (21.10.19—7.3.20), Семен Маркович БОТКАЧИН — 51-й Перекопской стрелковой (21.11.20—21.4.21), Константин ШВАРЦ — той же дивизии (16.7—6.10.19), Евсей Борисович БРАУДЕ — 53-й стрелковой (1.2— 8.9.19), Лев Михайлович ГОРДОН — 54-й стрелковой, Михаил Петрович ДУКАЛЬСКИЙ — 55-й стрелковой (20.8—21.12.20), Марк Михайлович ТЕМКИН — 57-й стрелковой (16.12.19—26.4.20), Юрий Исаакович КАПЛОВСКИЙ — той же дивизии (28.5— 26.6.20), Ян (Яков) Борисович ГАМАРНИК— 58-й стрелковой (10.11.19—27.4.20), Лев Александрович ШНИТМАН — 61-й стрелковой (24.10—10.11.19), Лев Вениаминович ЖМУДСКИЙ — Вятской пехотной (9.18), Илья Гедеонович ГЕРД — Морская экспедиционная дивизия (28.9.20—1.1.21), Абрам Миронович ВОЛЬПЕ — Новоузенская пехотная (14.8—24.9.18).

Начальниками штабов дивизий были евреи:

Карл Яковлевич КРИЖМАН — 1-й Донской стрелковой (8—19.10.20), Генрих Яковлевич БЕЗЕЛЬ — 1-й кавалерийской (27.5— 25.6.19), Владимир Юльевич ГИЛЬКНЕР — 2-й Тверской пехотной (10.8—25.10.18), Евгений Абрамович ГЕЛЬФЕР — 2-й Тульской стрелковой (8.9—18.11.20), РОШАЛЬ — 2-й Туркестанской стрелковой (8.12.19—5.1.20), Иосиф Исаевич ХОДОРОВСКИЙ — той же дивизии (2—16.6.20), Иосиф Юлианович ТОМАШЕВСКИЙ — 2-й Казанской стрелковой (4.7—9.9.20), Яков Миронович ГРУНИН — 2-й Ставропольской кавалерийской (17.11.19 —19.7.20), Владимир ГИРШЕЛЬМАН — 3-й Московской стрелковой (19.8—30.9.18), Борис Николаевич ФРЕЙМАН — 6-й Орловской стрелковой (23.3—14.4.19), Владимир Константинович ГИРШЕЛЬМАН — 7-й Владимирской стрелковой (2.10.18—30.1.19), Борис Фадеевич ЧЕРНИГОВСКИЙ-СОКОЛ— 7-й Украинской стрелковой (6—13.5.19), Семен Абрамович ТУРОВСКИЙ — 8-й кавалерийской Червонного казачества (3.11.19—14,3.20 и 14.5.—6.12.20), Константин Николаевич ЗИЛЬБЕРМАН — 9-й стрелковой (20.7—1.10.18), Александр Яковлевич ЯНОВСКИЙ — той же дивизии (2.11 — 5.12.18, 15.4—26.6.19, 11.5— 30.9.20 и 2.1 — 18.6.21), Михаил Александрович ЯКОБСОН — 9-й кавалерийской (23.3—26.5.20), Илья Абрамович ЛЕОНОВ — 9-й Крымской кавалерийской (5—12.9.20), Карл Яковлевич КРИЖМАН — 10-й Тамбовской стрелковой (7.12.20— 16.1.21), Михаил Иосифович ЛЕЩИНСКИЙ — той же дивизии (16.1—7.7.21), Евгений Михайлович ЗОРИН — 12-й кавалерийской (4.10—17.11.19), Исаак Абрамович ЗЕЛЕНСКИЙ — 16-й стрелковой (31.5.18—15.6.19), Иосиф Наумович РУБИН — 16-й кавалерийской (12.11—6.12.19), Мирон Львович ПОЛУНОВ — той же дивизии (23.2.20—19.4.20 и 27.5—27.10.21), Валентин Михайлович СИГАЛЬ — 18-й стрелковой (21.4—14.5.19), Всеволод Петрович АБРАМОВИЧ — 19-й стрелковой (21—29.8.19), Илья Абрамович ЛЕОНОВ — 20-й кавалерийской (15.8—6.9.20), Евгений Петрович КОФАЛЬ — 20-й Пензенской стрелковой (20.11.18—1.1.19 и 5—15.2.19), Марк Семенович БЕЛИЦКИЙ — 26-й Златоустовской стрелковой (5.10—6.11.19), Борис Робертович ТЕРПИЛОВСКИЙ — 27-й Омской стрелковой (23.11.18—31.3.19), Евгений Николаевич РИГЕЛЬМАН — 32-й стрелковой (17— 25.12.18), Марк Львович ТКАЧЕВ — той же дивизии (3—26.12.19), Яков Дмитриевич КОЗИК — 33-й Кубанской стрелковой (3.11.18—13.1.19), Абрам Миронович ВОЛЬПЕ — 35-й Сибирской стрелковой (19.6— 17.12.20), Мирон Львович ПОЛУНОВ — 36-й стрелковой (1.9.19—3.1.20), Р. БЕРНШТАМ — 40-й Богучарской стрелковой (11.6—6.8.19), Владимир Иосифович КРУШИНСКИЙ — 41-й стрелковой (7.1—13.3.19), Александр Маркович ОСАДЧИЙ — 46-й Екатерино-славской стрелковой (4—10.12.19), Семен Маркович БЕЛИЦКИЙ — 51-й Перекопской стрелковой (12.3—23.5.20 и 6.7—20.8.20), Всеволод Петрович АБРАМОВИЧ — 55-й стрелковой (27.11.19—10.7.20), Борис Миронович ФЕЛЬДМАН — 57-й стрелковой (21.5—23.9.20), Александр Дмитриевич БЕРДИЧЕВСКИЙ — Донецкой сводной (10.3—1.4.19), Николай Николаевич БЕРМАН — Костромской пехотной (18.5—4.10.18), Михаил БАРАН — 1-й дивизии Червонного казачества, Давид Моисеевич КОРЕНБЛИТ — 45-й стрелковой, Михаил Осипович ЗИЮК — начальник артиллерии 8-й дивизии Червонного казачества, Семен Петрович УРИЦКИЙ — помощник начальника оперативного отдела штаба 58-й стрелковой дивизии, Владимир Александрович ЛЕВИНСОН — начальник связи 58-й стрелковой дивизии.

Командирами бригад были евреи: Леонид Яковлевич ВАЙНЕР — 1-й Донской Особой кавалерийской, Илья Владимирович ДУБИНСКИЙ — кавалерийской Червонного казачества, Давид Аронович ГУТМАН (Дмитрий Аркадьевич ШМИДТ)— бригады 37-й стрелковой дивизии, Ф. Я. ЛЕВЕНЗОН — 133-й стрелковой, Семен Петрович УРИЦКИЙ — кавалерийской Особого назначения, И. М. ПЕВЗНЕР — стрелковой Народно-революционной армии Дальневосточной республики и ряд других.

Военкомами (комиссарами) бригад были евреи:

Ф. Я. ЛЕВЕНЗОН — 1-й стрелковой, Л. Н. РУБИНШТЕЙН — 57-й стрелковой, И. О. ГОЛЬДЕНБЕРГ — 135-й стрелковой, Борис Маркович ТАЛЬ — 73-й стрелковой и ряда других.

Военкомами [комиссарами] полков были евреи:

Семен Моисеевич КРИВОШЕИН — 31-го кавалерийского, Давид ШАФРАНСКИЙ — 1-го Богучарского, Григорий Ефимович ФАРБЕНШТЕЙН — 64-го стрелкового и ряда других.

Начальниками политотделов были евреи: М. А. ВОЛЬФОВИЧ — заместитель начальника политотдела 5-й Отдельной армии, Илья Савельевич ШЕЛЕХЕС — 8-й армии, Розалия Самойловна ЗЕМЛЯЧКА — 8-й армии, Моисей Самойлович ЭПШТЕЙН — 9-й армии (3.10.20—9.5.21), Давид Григорьевич ПЕРЧИХИН, Моисей Ильич ФРУМКИН и Анна Самойловна СУЦКЕВЕР — работники политотдела 9-й армии, Борис Иосифович МАГИЛОВ — 10-й армии, Ехиль Львович БАНКВИЦЕР — заместитель начальника политотдела 10-й армии, Яков Аркадьевич ЯКОВЛЕВ (ЭПШТЕЙН) — 14-й армии, Морис Львович БЕЛОЦКИЙ — заместитель начальника политуправления 1-й Конной армии, Борис Исаакович БОРИСОВ — заместитель начальника политотдела 7-й стрелковой дивизии, Рузя Иосифовна ЧЕРНЯК-ТОДОРСКАЯ — 20-й, 32-й и 38-й стрелковых дивизий, Мендель Маркович ХАТАЕВИЧ и Лев Романович МИЛЯХ — 21-й стрелковой дивизии, Александр Львович ШИФРЕС — 26-й и 35-й стрелковых дивизий, Моисей Львович РУХИМОВИЧ — 41-й стрелковой дивизии, Иосиф Иеремеевич СЛАВИН, Исай Павлович ГОЛЬДШМИТ-ШМИДТ — 45-й стрелковой дивизии, Михаил Львович СЛАВИН.

Председателями Ревтрибуналов были евреи:

Борис Маркович ГУРОВИЧ — 5-й армии, Яков Аронович АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — 55-й стрелковой дивизии, Аркадий Леонидович СПИВАКОВСКИЙ — 26-й стрелковой дивизии и ряда других.

Видную роль играли евреи в снабжении фронтов, армий и дивизий. Назовем некоторых:

Эммануил Викторович ЛУГАНОВСКИЙ — начальник снабжения армий Северного фронта, М. И. КАЛМАНОВИЧ — начальник снабжения армий Западного фронта, Г. М. ЗУСМАНОВИЧ — начальник продовольственного снабжения Вос-

точного фронта, Максим Львович МАЗО — начальник снабжения 1-й армии Восточного фронта, Иосиф Хаимович ГИНЗБУРГ — начальник снабжения 22-й стрелковой дивизии 4-й армии и ряд других.

Командирами полков и отрядов были евреи:

Леонид Львович РАПОПОРТ — Трудового казачества 1-го полка, послужившего ядром Конной армии Буденного, Л. Я. ВАЙ-НЕР — Луганского кавалерийского полка, Григорий Исаакович ЧУДНОВСКИЙ — одного из отрядов на Украине, Александр Григорьевич ГИНЦБУРГ — Казанского отряда, впоследствии — 319-го Горнострелкового полка имени А. Г, ГИНЦБУРГА, Иосиф Зунделевич ЛЕВЕНСОН и ряда других.

В период гражданской войны евреи занимали крупные должности и в военной медицине: начальников санитарных управлений фронтов и армий, старших врачей соединений, частей. В этой области особенно отличились: Соломон Исаевич ЧЕРНОМОРДИК (П. ЛАРИОНОВ) — помощник начальника Санитарного управления Южного фронта, затем — начальник санитарной части Симбирского Укрепленного района; Илья Давидович СТРАШУН — начальник Санитарно-просветительного отдела Кавказского фронта; Раиса Моисеевна АЗАРХ — начальник Санитарного управления 5-й армии; Соломон Ильич КАНТОРОВИЧ — начальник Санитарного управления 14-й армии; Иосиф Абрамович КАССИРСКИЙ — полковой врач 1-й Конной армии; военные врачи: Соломон Самуилович ВАЙЛЬ, Антон Мартынович ЗАБЛУДОВСКИЙ, Павел Ефимович ЗАБЛУДОВСКИЙ, Лев Александрович ЗИЛЬБЕР, Давид Владимирович ГОРФИН, Григорий Михайлович ДАНИШЕВСКИЙ.

Особенно велик был процент евреев среди политработников всех звеньев Красной Армии: членов военных советов фронтов и армий, комиссаров и начальников политических отделов армий, дивизий, бригад, полков и подразделений.

Относительно меньший процент евреев среди командного состава объясняется тем, что в первый период гражданской войны на командные должности назначались военные специалисты из числа бывших генералов и офицеров царской армии. Однако те евреи, которые все же стали командирами соединений, частей и подразделений, выделились своей отвагой, героизмом и полководческим мастерством. Таковы, например, командир 16-й стрелковой дивизии Самуил Пинхусович МЕДВЕДОВСКИЙ, командир 45-й стрелковой дивизии Иона Эммануилович ЯКИР, командир кавалерийской бригады Илья Владимирович ДУБИНСКИЙ и некоторые другие.

Обзорный характер этой главы не позволяет дать подробные описания подвигов красноармейцев, командиров и политработников — евреев. Напомним лишь, что многие из них удостоились ордена Красного Знамени и других боевых наград. Немалое число их пало в боях гражданской войны.

Арон АБРАМОВИЧ

№2 1991

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ВМЕСТЕ СО СТАЛИНЫМ (Ой ли? - прим. Ю.З.)

В № 8 «Военно-исторического журнала» за 1990 год под заголовком «Вместе с Троцким» опубликована одна из глав первого тома (второе издание) книги Арона Абрамовича «В решающей войне», изданной в 1982 году в Тель-Авиве. В ней рассказывается об участии евреев в гражданской войне в России, о замещении лицами еврейской национальности должностей командно-политического состава (до бригады и полка) в Красной Армии. Однако сразу надо отметить, что категория бригады и полка представлена в этой главе крайне отрывочными и неполными сведениями не в пример фронту, армии и дивизии. Хотя и там имеются существенные пропуски. Могу предложить фактический материал, дополняющий опубликованную главу.

Кроме того, читателям, вероятно, будет интересно узнать о степени участия советских евреев в строительстве и функционировании РККА в последующие годы.

Предлагаемый материал содержит сведения о службе советских евреев в РККА в середине 30-х годов, а точнее, с ноября 1935-го по июнь 1936 года. Выбор данного периода объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, это время стабильности кадров Красной Армии — до начала массовых репрессий оставался еще целый год; во-вторых, что очень существенно для систематизации сведений о кадрах, именно в этот период впервые в РККА всему командно-начальствующему составу (от наркома обороны до командира взвода) были присвоены персональные воинские звания (от Маршала Советского Союза до лейтенанта).

Как и в книге А. Абрамовича, фамилии лиц еврейской национальности напечатаны прописными буквами.

Командарм 1 ранга:

ЯКИР Иона Эммануилович — командующий войсками Киевского военного округа.

Армейский комиссар 1 ранга:

ГАМАРНИК Ян Борисович — начальник Политического управления РККА.

Армейский комиссар 2 ранга:

АРОНШТАМ Лазарь Наумович — заместитель командующего по политической части, начальник политического управления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА); ИППО Борис Михайлович — начальник Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева; ЛАНДА Михаил Маркович — ответственный редактор газеты «Красная звезда»; СЛАВИН Иосиф Еремеевич — начальник Управления военно-учебных заведений РККА; ШИФРЕС Александр Львович — начальник Военно-хозяйственной академии РККА.

Комкор:

ВАЙНЕР Леонид Яковлевич — состоявший в распоряжении Разведывательного управления РККА; ТУРОВСКИЙ Семен Абрамович — заместитель командующего войсками Харьковского военного округа; УРИЦКИЙ Семен Петрович — начальник Разведывательного управления РККА; ФЕЛЬДМАН Борис Миронович — начальник Управления по начальствующему составу РККА.

Корпусной комиссар:

АВИНОВИЦКИЙ Яков Лазаревич — начальник Химической академии РККА; ГРИНБЕРГ Исаак Моисеевич — заместитель начальника политического управления Ленинградского военного округа; ГРУБЕР Лазарь Яковлевич — помощник командира 8-го стрелкового корпуса по политической части; ЗАХАРОВ (МЕЙЕР) Лев Николаевич — помощник начальника Разведывательного управления РККА; ОРЛОВ Наум Иосифович — заместитель начальника политического управления Киевского военного округа; РАЗГОН Израиль Борисович — помощник командующего Черноморским флотом; САВКО Николай Аркадьевич — заместитель начальника политического управления Харьковского военного округа; ТРОЯНКЕР Бенедикт Устинович — начальник отдела Политического управления РККА; ХОРОШ Мордух Лейбович — заместитель начальника политического управления Киевского военного округа.

Коринженер:

ФИШМАН Яков Моисеевич — начальник Химического управления РККА.

Корвоенюрист:

МАТУЛЕВИЧ Иван Осипович — заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда СССР; РОЗОВСКИЙ Наум Савельевич — заместитель Главного военного прокурора РККА.

Комдив:

БАКШИ Михаил Маркович — командир 7-го механизированного корпуса; БЕЛИЦКИЙ Семен Маркович — состоящий в распоряжении народного комиссара обороны СССР; БЕЛЫЙ Семен Осипович — начальник Объединенной военной школы имени С. С. Каменева; ВОЛЬПЕ Абрам Миронович — начальник Административно-мобилизационного управления РККА; ГРЕНДАЛЬ Владимир Давыдович — старший руководитель кафедры артиллерии Военной академии имени М. В. Фрунзе; ДАВИДОВСКИЙ Яков Львович — заместитель командующего войсками Забайкальского военного округа; ЗУСМАНОВИЧ Григорий Моисеевич— комендант Новоград-Волынского укрепленного района; ЛАЗАРЕВИЧ Владимир Соломонович— начальник кафедры тактики и боевого управления Военно-транспортной академии; МЕДНИКОВ Михаил Лазаревич — начальник Управления тылового ополчения РККА; ШМИДТ Дмитрий Аркадьевич (ГУТМАН Давид Аронович) — командир 8-й отдельной механизированной бригады; РУБИНОВ Яков Григорьевич — начальник штаба Забайкальского военного округа; ХМЕЛЬНИЦКИЙ Рафаил Павлович — адъютант народного комиссара обороны СССР; ШТЕРН Григорий Михайлович — для особо важных поручений при народном комиссаре обороны СССР.

Дивизионный комиссар:

БАРГЕР Моисей Павлович — заместитель начальника политического управления Приволжского военного округа; БАУЗЕР Фриц Давыдович — заместитель начальника политического управления Средне-Азиатского военного округа; БОРОВИЧ Лев Александрович — заместитель начальника 2-го отдела Разведывательного управления РККА; ВАЙНЕР Марк Яковлевич — состоящий в распоряжении Управления по начальствующему составу РККА; ВАЙНЕРОС Исидор Давыдович — заместитель начальника политического управления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии; ВЕЙНЕРОВИЧ Исай Моисеевич — начальник политического отдела Артиллерийских курсов усовершенствования начальствующего состава РККА; ГОРИН Григорий Исаевич — военный комиссар корпуса военно-строительных частей; ЗЕЛЬДОВИЧ Михаил Евсеевич — помощник по политической части командира 5-го стрелкового корпуса; ЗИЛЬБЕРТ Иосиф Исаевич — состоявший в распоряжении Разведывательного управления РККА; ДРАКОХРУСТ Абрам Генрихович — помощник командира по политической части, начальник политического отдела 5-й механизированной бригады; КАГАН Лазарь Григорьевич — военный комиссар и начальник политического отдела 21-й стрелковой дивизии; КАЛЬПУС Борис Алексеевич — инспектор физической подготовки и спорта РККА; КОГАН Илья Лазаревич — военный комиссар пункта противовоздушной обороны г. Ленинграда; КОЛОСОВ Павел Иосифович — военный цензор РККА; КРОЛЕВЕЦКИЙ Григорий Максимович — помощник командира по политической части, начальник политического отдела Забайкальского укрепленного района; ЛЕВЕНЗОН Филипп Яковлевич — начальник Строительно-квартирного управления РККА; МАРКОВ Григорий Наумович — помощник по политической части командира корпуса военно-учебных заведений Киевского военного округа; НИЖЕЧЕК Илья Соломонович — заместитель начальника Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева; ПИСМАНИК Григорий Ефимович — заместитель начальника политического управления Белорусского военного округа; РАБИНОВИЧ Исай Юрьевич — помощник по политической части начальника Военно-инженерной академии; РАБИНОВИЧ Соломон Зиновьевич — заместитель начальника политического управления Балтийского флота; СЛАВИН Михаил Львович — помощник по политической части начальника Военно-химической академии; СМОЛЕНСКИЙ Яков Львович — военный комиссар Военно-воздушной академии имени профессора Н, Е. Жуковского; ФЕЛЬДМАН Петр Максимович — помощник по политической части командира 7-го механизированного корпуса; ХОВКИН Аркадий Борисович — начальник курса сухопутного факультета Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева; ШИМАНОВСКИЙ Григорий Соломонович — старший инспектор Политического управления РККА; ЩЕГОЛЕВ Лев Израилевич — старший инспектор Политического управления РККА; ЯКУБОВСКИЙ Лев Григорьевич — помощник по политической части командира 18-го стрелкового корпуса,

Дивинтендант:

БЕККЕР Семен Иванович — помощник командующего Приморской группой войск ОКДВА по материальному обеспечению; КОМАРОВСКИЙ Зиновий Соломонович — слушатель Особого факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Диврач:

РЕЙНЕР Борис Аронович — помощник начальника Санитарного управления РККА.

Дивветврач:

ПЕТУХОВСКИЙ Абрам Аронович — начальник военно-ветеринарного факультета Московского ветеринарного института.

Диввоенюрист:

БЕРМАН Юлий Яковлевич — военный прокурор Московского военного округа; ГРОДКО Арон Самуилович — помощник Главного военного прокурора РККА; КАЗАРИНСКИЙ Яков Абрамович — помощник Главного военного прокурора РККА; ОРЛОВ Александр Моисеевич — член Военной коллегии Верховного суда СССР; СУБОЦКИЙ Лев Матвеевич — помощник Главного военного прокурора РККА.

Комбриг:

БЕРЕЗОВСКИЙ Илья Николаевич — слушатель Особого факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе; БЕТТИХЕР Николай Иосифович — старший руководитель кафедры тактики Артиллерийской академии РККА; БЛЮМ Иосиф Эрастович — начальник артиллерии Уральского военного округа; БОРИСОВ Аркадий Борисович — начальник штаба 1-го кавалерийского корпуса; ДРАГИЛЕВ Владимир Григорьевич — начальник противовоздушной обороны Ленинградского военного округа; ЗЮК (ЗИЮК) Михаил Осипович — командир 25-й стрелковой дивизии; ИССЕРСОН Георгий Самойлович — командир 4-й стрелковой дивизии; КАГАН Михаил Андреевич — командир 206-й легкобомбардировочной авиационной бригады; КИТ-ВИЙТЕНКО Илья Павлович — начальник штаба Военной академии имени М. В. Фрунзе; КОЗЕРОВСКИЙ Антон Иосифович — старший руководитель Военной электротехнической академии РККА; КОЛЧУК Федор Самуилович — командир 6-й эксплуатационной железнодорожной бригады Особого корпуса железнодорожных войск; КОЛПАКЧИ Владимир Яковлевич — командир 8-й стрелковой дивизии; КОСОБУЦКИЙ Иван Степанович — начальник штаба Новоград-Волынского укрепленного района; КРУК Иосиф Михайлович — начальник 3-го отдела штаба Северо-Кавказского военного округа; ЛАБАС Абрам Аркадьевич — начальник штаба 45-го механизированного корпусе; ЛАВИНОВСКИЙ Борис Яковлевич — начальник кафедры общей тактики Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского; ЛАХИНСКИЙ Кусель Карпович — начальник противовоздушной обороны Белорусского военного округа; МАШЕНДЖИНОВ Борис Яковлевич — начальник военной школы техников специальных служб Военно-Воздушных Сил РККА; ОСТРОВСКИЙ Александр Ильич — заместитель начальника штаба Ленинградского военного округа; ПОЛУНОВ Мирон Львович — командир 2-й Белорусской стрелковой дивизии; ПУГАЧЕВСКИЙ Поликарп Осипо-

вич — военный комендант г. Ленинграда; РОСМАН Илья Данилович — начальник Московской артиллерийской школы; СМУШКЕВИЧ Яков Владимирович— командир 201-й легкобомбардировочной авиационной бригады; ТАНТЛЕВСКИЙ Евсей Борисович — командир 23-й тяжелобомбардировочной авиационной бригады; ТКАЧЕВ Марк Львович — начальник группы контроля при народном комиссаре обороны СССР; ЧЕРНЯВСКИЙ Михаил Львович — начальник Орловской бронетанковой школы; ШИЛОВСКИЙ Евгений Александрович — начальник факультета Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского; ШМАЙ-КРЕЙЦБЕРГ Аврамий Иосифович — начальник Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования командного состава РККА.

Бригадный комиссар:

АЛЕКСАНДРОВ Александр Соломонович — начальник отдела материального обеспечения Политического управления РККА; АРШ Марк Исаакович — начальник политического отдела 10-й стрелковой дивизии; БОЛОТИН Илья Миронович — состоящий в распоряжении Разведывательного управления РККА; БОРИСОВ Ефим Михайлович — заместитель начальника 5-го отдела Политического управления РККА; БРОНИН Яков Григорьевич — состоящий в распоряжении Разведывательного управления РККА; ВАЙНБЕРГ Михаил Яковлевич — — состоящий в распоряжении Разведывательного управления РККА; ВАСЬКОВИЧ Исаак Наумович — начальник политического отдела 9-й стрелковой дивизии; ВОЛЯ Владимир Федорович — состоявший в распоряжении Разведывательного управления РККА; ВОЛОДАРСКИЙ Ефрем Яковлевич — начальник политического отдела 9-й военной школы летчиков; ГАМБУРГ Борис Абрамович — помощник командира по политической части, начальник политического отдела 254-й легкобомбардировочной авиационной бригады; ГЕРОНИМУС Александр Абрамович — помощник командира по политической части, начальник политического отдела 52-й стрелковой дивизии; ГЛУСКИН Марк Семенович — состоящий в распоряжении Разведывательного управления РККА; ГОДЕС Михаил Соломонович — начальник кафедры всеобщей истории Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева; ИДЕЛЬСОН Лев Исаакович — начальник политического отдела 16-й стрелковой дивизии; КАДИШЕВ Арнольд Борисович — старший руководитель кафедры истории гражданской войны Военной академии имени М. В. Фрунзе; КИВЕРЦЕВ Андрей Юрьевич — начальник управления военно-строительных работ N2 79; КОГАН Арон Израилевич — помощник командира по политической части, начальник политического отдела 2-й стрелковой колхозной дивизии; КОРОЛЬ Михаил Давидович — слушатель школы Разведывательного управления РККА; КРУГЛОВ-ЛАНДА Александр Михайлович — старший инспектор 1-го отдела Политического управления РККА; ЛЕВИТ Климентий Давыдович — помощник по политической части начальника Московской артиллерийской школы имени Л. Б. Красина; ЛЕОНИДОВ Леонид Осипович — старший руководитель кафедры марксистско-ленинского учения о войне Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева; ЛОСЕВ Мендель Абрамович— военный комиссар и начальник политического отдела 9-й авиационной бригады; ЛЕВИН Аркадий Яковлевич — военный комиссар и начальник политического отдела 1-й Кавказской стрелковой дивизии; МАЕР Ян Иосифович — состоявший в распоряжении Управления по начальствующему составу РККА; МАЙЗЕЛИС Лев Мордухович — начальник политического отдела войсковой части 3277; МАСЕВИЦКИЙ Исаак Ефимович — помощник по политической части командира Владивостокского главного военного порта; МЕДОВЫЙ Давид Иосифович — помощник командира по политической части, начальник политического отдела 37-й стрелковой дивизии, НЕМИРОВСКИЙ Семен Борисович — начальник политического отдела 256-й авиационной бригады; ОРЛОВСКИЙ Изяслав Яковлевич — начальник политического отдела 1-й военной школы пилотов; ПИВОВАРОВ Моисей Ефимович — начальник отдела кадров Политического управления РККА; ПЛОТНИКОВ Исаак Соломонович — старший руководитель кафедры политической экономии Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева; ПОДЗЮНСКИЙ Абрам Маркович — начальник политического отдела 7-й стрелковой дивизии; ПУГАЧЕВСКИЙ Борис Исаакович — старший инспектор 1-го отдела Политического управления РККА; РЕЙЗИН Семен Борисович — начальник отдела культурно-просветительной работы Политического управления РККА; СКОРОХОДОВ Аркадий Касторович — военный комиссар геодезического факультета Военно-инженерной академии; СУБОЦКИЙ Михаил Матвеевич — военный комиссар и начальник политического отдела бригады крейсеров; РОЗЕНБЛЮМ Карл Ильич — начальник кафедры ленинизма Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева; РЫБИНСКИЙ Иосиф Иосифович — военный комиссар и начальник политического отдела 5-й отдельной железнодорожной бригады; УСАТЫЙ Федор Иудович — начальник политического отдела 3-й авиационной бригады особого назначения; ФРУМИН Семен Михайлович — начальник Государственного центрального института физической культуры; ЦЕЙТЛИН Залман Карпович — начальник политического отдела 20-й стрелковой дивизии; ЧЕРНЫЙ Григорий Семенович — начальник политического отдела школы морских летчиков; ЧЕРНЯК Григорий Израилевич — начальник политического отдела 46-й стрелковой дивизии; ШНЕЙДЕРМАН Марк Павлович — слушатель школы Разведывательного управления РККА; ШПЕКТОРОВ Натан Лазаревич — начальник 5-го отдела Генерального штаба РККА; ШУБИН Исидор Григорьевич — заместитель начальника 1-го отдела Политического управления РККА.

Бригинженер:

ГОРИККЕР Михаил Львович — начальник Московской школы танковых техников; ГУРВИЧ Александр Иосифович — начальник научно-исследовательского института по технике связи Разведывательного управления РККА; ЖЕЛЕЗНЯКОВ Яков Моисеевич — начальник научно-технического отдела Артиллерийского управления РККА; КОЗЛОВСКИЙ Давид Евстафьевич — старший преподаватель специально-технического цикла Артиллерийской академии РККА; МИЛЕЙКОВСКИЙ Илья Маркович — начальник научно-испытательного технического института войск связи РККА; ФАЙВУШ Яков Аронович — заместитель начальника 5-го отдела Разведывательного управления РККА; ЦАЛЬКОВИЧ Исай Маркович — начальник штаба Военно-инженерной академии; ШАПИРО Самуил Григорьевич — начальник Особого строительства Центрального театра Красной Армии.

Бригинтендант:

ВОЛКОВ Аркадий Абрамович — командир 3-й отдельной бригады тылового ополчения; ЗАФРАН Иосиф Исаевич — начальник финансового отдела Приволжского военного округа; ПЛАТОВСКИЙ Николай Абрамович — помощник начальника отдела артиллерийских баз Артиллерийского управления РККА; ПЕВЗНЕР Иосиф Борисович — начальник отдела продовольственно-фуражного снабжения Киевского военного округа; ПЕРЦОВСКИЙ Захарий Давидович — заместитель начальника финансового отдела Народного комиссариата обороны СССР.

Инженер-флагман 3 ранга:

КИМБАР Юлий Юльевич — командир минного сектора специальных курсов командного состава Морских Сил РККА; ХАЙТ Наум Моисеевич — начальник научно-исследовательского химического института Морских Сил РККА.

Бригврач:

АХИЕЗЕР Георгий Александрович — начальник санитарно-эпидемиологической лаборатории Киевского военного округа; БОТВИННИК Наум Рафаилович — старший преподаватель кафедры глазных болезней Военно-медицинской

академии; ГИР-ШМАН Александр Михайлович — начальник санитарной части Военно-инженерной академии; ЗАЛКИНД Исай Абрамович — старший инспектор по Военно-Воздушным Силам при Санитарном управлении РККА; НЕМЕНОВ Михаил Исаевич — начальник кафедры Военно-медицинской академии; КОЛОДИЗНЕР Абрам Иосифович — начальник санитарной службы Приволжского военного округа; ЗАРАЙСКИЙ Александр Николаевич — помощник начальника 1-го отдела Санитарного управления РККА.

Бригветврач:

БАЙТИН Леопольд Абрамович — начальник и военный комиссар военно-ветеринарной школы; ГАННУШКИН Матвей Соломонович — преподаватель военно-ветеринарного факультета Московского ветеринарного института; ГОБЕРМАН Лев Соломонович — начальник ветеринарной службы Северо-Кавказского военного округа; ЛЯНДА Юлий Абрамович — начальник ветеринарной службы Ленинградского военного округа; ШПАЙЕР Николай Маркович — преподаватель военно-ветеринарного факультета Московского ветеринарного института; ШУР Иосиф Васильевич — преподаватель военно-ветеринарного факультета Московского ветеринарного института; ЭЛЬБОМ Яков Наумович — начальник ветеринарной службы Московского военного округа; ЯБЛОНСКИЙ Аркадий Ксенофонтович — начальник ветеринарной службы Средне-Азиатского военного округа.

Бригвоенюрист:

БАУМАНОВСКИЙ Федор Яковлевич — заместитель председателя военного трибунала Сибирского военного округа; БИНЕНБОЙМ Исаак Вениаминович — военный прокурор 5-го механизированного корпуса; БОТВИНИК Яков Соломонович — председатель военного трибунала 10-го стрелкового корпуса; БРАЙНИН Лев Маркович — помощник Главного военного прокурора РККА; ГОХЕНБЕРГ Михаил Маркович — прокурор — старший инспектор Главной военной прокуратуры РККА; ДУБЕЛИР Григорий Григорьевич — старший помощник военного прокурора Киевского военного округа; КИТИН Илья Григорьевич — председатель военного трибунала Восточно-Сибирской железной дороги; ЛАПИДУС Рувим Борисович — военный прокурор Амурской железной дороги; ЛЕРНЕР Моисей Яковлевич — заместитель председателя военного трибунала Белорусского военного округа; МАЛКИС Владимир Исаакович — военный прокурор Особой Краснознаменной Дальневосточной армии; МАРШАК Максим Григорьевич — заместитель военного прокурора Киевского военного округа; РАБКОВСКИЙ Илья Федорович — заместитель председателя военного трибунала Тихоокеанского флота; РЕВЗИС Исаак Маркович — председатель военного трибунала 11-го механизированного корпуса; САВИЦКИЙ Михаил Яковлевич — помощник Главного военного прокурора РККА; СТАВИЦКИЙ Моисей Исаевич — помощник военного прокурора Харьковского военного округа; СТЕЛЬМАХОВИЧ Аркадий Данилович — заместитель председателя военного трибунала Московского военного округа; ЧЕРНОГЛАЗОВ Давид Борисович — военный прокурор 6-го стрелкового корпуса; ШАРЛОТ Семен Яковлевич — помощник Главного военного прокурора РККА; ШАХТЭН Яков Маркович — военный прокурор Особого железнодорожного корпуса; ШМУЛЕВИЧ Владимир Григорьевич — военный прокурор Уральского военного округа.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Занимаемая должность названных лиц указана на момент присвоения им соответствующего первичного персонального воинского звания (ноябрь 1935 — июнь 1936 г.).

2. Приведенные сведения относятся к евреям, находившимся в кадрах Красной Армии.

3. В статье приведены сведения о службе в РККА евреев в званиях от командарма 1 ранга (армейского комиссара 1 ранга) до комбрига (бригадного комиссара) и им разных, т. е. рассмотрены звенья высшего командно-начальствующего состава РККА.

4. Для подготовки статьи использованы материалы ЦГАСА, ф. 37837, оп. 4, д, 57 — 71, 79 — 82, а также архивные материалы ГУН МО СССР, Военной академии имени М. В. Фрунзе и Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

Публикацию подготовил полковник Н. С. ЧЕРУШЕВ, кандидат исторических наук, доцент

ВИЖ №10 1990
ИЗ АРХИВОВ КГБ

НЕИЗВЕСТНОЕ О РАЗВЯЗКЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА

В Вашингтоне в ресторане «Оксидентал» висит табличка, на которой значится: «В напряженный период Кубинского кризиса, октябрь 1962 г., за этим столом состоялась беседа таинственного русского «мистера Х» с корреспондентом телевизионной компании АВС Джоном Скали. На основе этой встречи угроза ядерной войны была предотвращена».

Этот таинственный русский — Александр Семенович Феклисов, резидент разведки КГБ в Вашингтоне.

Наш корреспондент встретился с полковником Александром Семеновичем. Ему 76 лет. Сейчас он на заслуженном отдыхе.

Александр Семенович, как свидетель и участник тех событий октября 1962 года, много рассказал такого, что, думается, позволит устранить некоторые «белые пятна» в истории Карибского кризиса.

ПРАВЯЩИЕ круги США, привыкшие рассматривать Кубу вотчиной американского капитала, были ослеплены ненавистью к революционному правительству Фиделя Кастро. Они считали одной из главных внешнеполитических задач уничтожение кубинской революции, так как опасались ее воздействия на другие страны Латинской Америки,

Избранный президентом в январе 1961 года Джон Ф. Кеннеди, являясь представителем монополистического капитала, также питал чувство враждебности и ненависти к независимой и свободной Кубе. Он уделял большое внимание рассмотрению плана организации вторжения на Кубу и свержения правительства Ф. Кастро. Этот план был составлен еще по указанию президента Эйзенхауэра, 17 марта 1960 года он приказал: 1. Собрать и подготовить для вторжения на остров армию, состоящую из кубинских эмигрантов. 2. Сформировать политическую коалицию из различных кубинских эмигрантских групп с целью превращения ее после свержения Кастро в правительство Кубы. Подготовка и осуществление этого замысла были возложены на Центральное разведывательное управление США.

Во время окончательного рассмотрения плана в Белом доме руководители ЦРУ заверили президента и участников совещания, что на Кубе уже подготовлено свыше 2500 вооруженных контрреволюционеров и что, как только на остров высадится бригада вторжения, на помощь им придет по меньшей мере четверть населения Кубы. Министр обороны Р. Макнамара и начальники штабов видов вооруженных сил поддержали ЦРУ. После этого президент Кеннеди утвердил план вторжения на Кубу 14-тысячной армии наемников, которой должны были помогать американские регулярные войска. Однако 17— 19 апреля 1961 года эта операция закончилась полной катастрофой для США.

Но Кеннеди на этом не успокоился. Он жаждал реванша. По его указанию ЦРУ и Пентагон начали готовить новую широкую программу мероприятий по ликвидации кубинской революции. Программа включала экономическую блокаду, подготовку воинских формирований из числа наемников для вторжения, проведение разведывательно-диверсионных акций и организацию покушения на Ф. Кастро.

Президент Кеннеди назначил своего брата Роберта — министра юстиции «неофициальным президентским куратором тайных операций ЦРУ». Он санкционировал программу подрывных операций против Кубы под кодовым названием «Мангуста», возложив ответственность за ее осуществление на генерала Э. Лэнсдейла. Во Флориде создали два оперативных подразделения ЦРУ, насчитывавших более 700 сотрудников, которые начали подрывные акции против Кубы. Направляемые на остров разведывательно-диверсионные группы из кубинских контрас занялись диверсиями, саботажем, уничтожением урожая сахарного тростника. С помощью спецсредств распространяли эпидемические болезни среди домашнего скота, терроризировали население, создавали подпольные вооруженные банды, вербовали агентуру. В США готовились к новому крупномасштабному вторжению с целью свержения Ф. Кастро.

Чтобы предотвратить задуманное Вашингтоном, Советский Союз стал окаэывать усиленную экономическую и военную помощь Кубе, в том числе ракетной техникой.

Разведка США вела непрерывное наблюдение за всеми поставками на остров, особенно из СССР. 14 октября 1962 года разведывательный самолет У-2 зафиксировал строительство на Кубе пусковых ракетных установок, с которых, по заключению американских специалистов, могли в случае вторжения на Кубу нанести ответный ракетно-ядерный удар по центрам восточного побережья США, включая Вашингтон и Нью-Йорк. Реакция Белого дома на это была стремительной. Президент немедленно создал Исполнительный комитет Совета национальной безопасности (СНБ), в состав которого были включены вице-президент Л. Джонсон, госсекретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, министр юстиции Р. Кеннеди, директор ЦРУ Д. Маккоун, председатель объединенного комитета начальников штабов М. Тейлор и несколько ответственных сотрудников СНБ и специалистов по СССР. В задачу комитета входило в срочном порядке выработать мероприятия по устранению ракеткой угрозы со стороны Кубы. Были приняты строжайшие меры по предотвращению какой-либо утечки информации о его работе. Чтобы не привлечь внимание корреспондентов, заседания Исполкома проводились в различных местах: в ситуационной комнате Белого дома, расположенных по соседству правительственных зданиях.

Первое заседание Исполкома президент Кеннеди провел 16 октября в Белом доме. Оно проходило под знаком откровенно агрессивных настроений. Тон задавали военные и представители ЦРУ, призывавшие подвергнуть Кубу массированной бомбардировке, *а* затем провести вторжение на остров и свергнуть правительство Кастро. Их выступления поддерживали советник президента по делам национальной безопасности М. Д. Банди, министр финансов Д. Диллон, бывший госсекретарь Д. Ачесон. Позднее первым против предложения военных выступил Макнамара. Он заявил: «Бомбардировка ракетных установок приведет к гибели находящихся там советских специалистов. Это, несомненно, вызовет ответные меры Москвы. В этом случае США могут потерять контроль за положением вещей, и тогда эскалация конфликта может привести к войне». Макнамара также считал, что в результате бомбардировки могут быть уничтожены не все советские ракеты и что уцелевшие немедленно будут выпущены по городам США. К 19 октября большинство членов Исполкома согласились с предложением Макнамары о введении морской блокады. Однако военные отмечали, что это первый шаг, за которым последуют бомбардировка и вторжение на Кубу.

Из всего сказанного видно, что при решении возникшего кризиса руководящие круги США стремились добиться не только вывода советских ракет с Кубы, но и, самое главное, свержения правительства Ф. Кастро.

Для сокрытия работы Исполкома президент Кеннеди продолжал выполнять все ранее намеченные протокольные мероприятия, а Исполком ежедневно по многу часов заседал в его отсутствие, вырабатывая предложения для решения возникшего кризиса. Был канун промежуточных выборов. Президент вылетал в различные штаты, где выступал на со-

браниях демократической партии. 17 октября он — в штате Коннектикут, 19 октября — в городе Кливленде, а на следующий день прибыл в Чикаго.

18 октября вечером президент принял в Белом доме министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, прибывшего в США для участия в Генеральной Ассамблее ООН. Как пишет Р. Кеннеди в книге «13 дней», во время в целом скучной беседы Громыко дважды сказал президенту, что СССР поставляет на Кубу исключительно оборонительное вооружение, которое не представляет никакой угрозы для США.

Пока президента Кеннеди не было в Вашингтоне, Пентагон стянул на близлежащие к Кубе базы военно-морские силы, морскую пехоту, 18-й парашютный корпус и другие части, необходимые для вторжения. Всего было собрано около 100 тыс. человек.

Управление планирования деятельности правительства в чрезвычайных условиях подготовило введение военного положения в стране. Белый дом, Пентагон и другие важные правительственные учреждения получили инструкции о возможном переезде в ближайшие дни в заранее подготовленные подземные помещения. Инструкции получили и семьи ответственных руководителей о возможном выезде из Вашингтона в отдаленные районы страны. Подготавливалось введение военной цензуры.

20 октября рано утром в разговоре по телефону Роберт Кеннеди проинформировал президента, что Исполком все мероприятия подготовил, что согласно новым данным фоторазведки советские и кубинские специалисты в спешном порядке ведут строительство нескольких пусковых установок и что президенту необходимо возвратиться в столицу.

В полдень того же дня Дж. Кеннеди передал своему пресс-секретарю Салинжеру записку, в которой его рукой было написано: «У президента воспаление верхних дыхательных путей. Температура 99,2 градуса (по Фаренгейту. — Ред.). Доктор рекомендовал возвратиться в Вашингтон». Салинжер об этом объявил прессе.

В тот же день Дж. Кеннеди возвратился в Вашингтон. На его усмотрение были представлены следующие альтернативные решения: 1. Вторжение на Кубу. 2. Уничтожение ракетных установок бомбардировкой с воздуха. 3. Установление блокады Кубы. 4. Ведение секретных переговоров с Хрущевым по дипломатическим каналам. 5. Представление проблемы на обсуждение в ООН. Исполком рекомендовал президенту принять 3-й вариант — установление блокады Кубы.

Первые сведения о возникновении кризиса я неожиданно получил в полдень 21 октября от советского корреспондента, который сообщил мне, что многие американские корреспонденты с утра собрались у Белого дома, где под председательством президента заседает кабинет вместе с руководством Пентагона. Ждут каких-то важных событий, каких — ему известно не было. Я попросил его встретиться с американскими журналистами и попытаться узнать характер обсуждаемых вопросов. Направил в центр короткую телеграмму о чрезвычайных заседаниях.

На совещании у посла А. Ф. Добрынина военный атташе сообщил, что в вооруженных силах южных штатов США объявлена высшая степень боевой готовности. Ни посол, ни военные атташе никакой информацией о сосредоточении советских ракет «земля — земля» на Кубе не располагали. Американская пресса, телевидение по указанию Белого дома никаких сведений о надвигающемся конфликте, заседаниях Исполкома не сообщали.

22 октября все сотрудники посольства занялись сбором информации о секретных совещаниях в Белом доме.

Меня неожиданно пригласил на ланч Джон Скали, с которым я регулярно встречался в течение почти полутора лет. Он был в то время известным внешнеполитическим обозревателем телестанции ABC, раз в неделю вел программу «Вопросы и ответы», в которой выступали министры, члены конгресса, известные политические деятели. Программа была популярной, Скали вел ее интересно. Он рассказывал мне, что родился в Бостоне, лично знаком с кланом Кеннеди, включая президента. Очень хорошие отношения у него с госсекретарем Дином Раском, которого часто сопровождал в поездках по странам. Скали был, несомненно, информированным человеком, но в беседах с ним я всегда осторожничал, считая, что о встречах со мной он докладывает в госдепартамент или ЦРУ. Скали был знатоком английского языка, имел прекрасное произношение и дикцию. Беседуя с ним, я узнавал многое о привычках, нравах и жизни американцев, а также совершенствовал свои языковые знания. От него мне удавалось иногда получать полезную несекретную информацию. Со своей стороны я растолковывал неясные ему различные стороны политики СССР. Отношения у нас были хорошие. Мы друг друга называли по имени.

Встретились в ресторане «Оксидентал».

Скали выглядел возбужденным. Без каких-либо предисловий он начал обвинять Хрущева в агрессивной, авантюристической политике, говоря, что во время венской встречи последний вместо переговоров пытался путем диктата навязать Кеннеди свою позицию по Западному Берлину, а теперь вот угрожает США ракетным обстрелом с Кубы. Я перевел разговор на внешнюю политику США. Напомнил ему, что его страна пытается окружить СССР сетью военных баз, сколачивает антисоветские военные блоки. Упомянул о полетах самолетов У-2 над территорией Советского Союза, попытках Эйзенхауэра и Кеннеди свергнуть правительство Ф. Кастро в апреле 1961 года. Закончил я утверждением, что застрельщиком гонки вооружений и агрессивных действий являются США. СССР же приходится принимать контрмеры в качестве обороны.

Наша беседа была нервной, к тому же Скали куда-то явно торопился. Перед уходом из ресторана он сказал, что в 7 часов вечера президент Кеннеди выступит с важным обращением к американскому народу, в котором объявит меры, принятые правительством США против Советского Союза и Кубы.

В 19 часов почти вся Америка была у телевизоров. Кеннеди обвинил Советский Союз в проведении агрессивной политики, сказал, что Куба стала форпостом СССР в Западном полушарии, сообщил, что на острове устанавливаются советские ракеты, способные нанести ядерные удары по Вашингтону, Нью-Йорку, Мексике, Панамскому каналу. Эти ракеты угрожают безопасности не только США, но и всей Америки.

Президент объявил, что в целях прекращения наращивания советского ракетно-ядерного потенциала на Кубе вводится строгий морской карантин, т. е. блокада Кубы, что уже отдан приказ военно-морским силам США останавливать все суда, направляющиеся на Кубу, и досматривать их. В случае обнаружения оружия отправлять их обратно, что приводятся в состояние боевой готовности вооруженные силы США. Сообщил о внесении в Совет Безопасности ООН резолюции, требующей, чтобы СССР демонтировал пусковые установки для запуска ракет среднего радиуса действия и вывез их с Кубы. В обращении к народу Кеннеди подчеркнул: блокада всего лишь первый шаг и что он отдал распоряжение Пентагону осуществлять дальнейшие военные приготовления.

В соответствии с этим распоряжением министр обороны начал готовить армию вторжения на Кубу в составе 250 тыс. военнослужащих сухопутных войск, 90 тыс. морских пехотинцев и десантников, авиационной группировки, способной произвести 2000 самолето-вылетов в один день для удара по различным объектам на острове. Все эти силы срочно перебрасывались в юго-восточные районы США. Туда же стягивалось свыше 100 судов для проведения десантных

операций. По подсчетам Пентагона, потери войск США могли превысить 25 тыс человек (Кеннеди Роберт. 13 дней. — Париж, 1969. — С. 34, 35).

После речи Кеннеди по команде Белого дома средства массовой информации начали оглушительную кампанию против Советского Союза. В прессе появились сообщения, исходящие из Пентагона, что на пути к Кубе находятся 25 советских торговых судов и что 90 кораблей ВМС США встретят их в открытом океане. Несколько раз в день сообщалось о ходе сближения судов. Рисовались картины возможных столкновений американских и советских моряков, когда американцы поднимутся на советские суда. В сенсационном духе средства массовой информации сообщали, что в районе блокады и около Кубы обнаружены советские подводные лодки. Позднее стало известно, что президент Кеннеди приказал внимательно следить за ними и принять меры для охраны американских авианосцев, в частности «Эссекса» и других кораблей. За советскими подводными лодками непрерывно следили миноносцы, самолеты и вертолеты, которые по первому приказу могли сбросить на них глубинные бомбы.

Вокруг Кубы США уже сосредоточили 25 эсминцев, два крейсера, несколько авианосцев и подводных лодок, большое количество вспомогательных судов. Самолеты У-2 вели непрерывную фоторазведку кубинской территории. Фотоснимки показывали, что строительство установок для запуска ракет ведется круглосуточно и они скоро начнут действовать. Как стало известно позднее, в это время на Кубе уже находились 42 советские ракеты с ядерными боеголовками.

Исполком высоко оценивал деятельность фоторазведки, которая позволяла знать все о военных приготовлениях на Кубе. В связи с этим было решено, что, если кубинцы собьют У-2, Куба немедленно подвергнется бомбардировке.

Кубинцы серьезно готовились к отражению американской агрессии. На заседании «круглого стола» по Карибскому кризису в январе 1989 года глава кубинской делегации видный политический деятель Х. Рискет сообщил, что кроме вооруженных сил к отражению американской агрессии готовился один миллион добровольцев. Кроме того, командиры советских частей на острове заявляли, что находившиеся там 40 тыс. советских военнослужащих готовы принять участие в защите страны. Кубинские руководители допускали, что в ходе отражения американской агрессии их потери составят около 100 тыс. человек.

С каждым днем обстановка вокруг острова осложнялась все больше и больше. На юго-востоке США в воздухе круглосуточно дежурили стратегические бомбардировщики В-52 с ядерным оружием на борту. Как только один из них приземлялся для заправки, другой немедленно поднимался в воздух.

Некоторые американцы, опасаясь ядерной войны, уезжали в глубь страны. Многие из них ежедневно ходили молиться в церковь, чтобы не началась война.

Когда советские торговые суда приблизились к линии морской блокады, часть из них остановилась, а другие развернулись и направились обратно в советские порты. Средства массовой информации США истолковали это как признание советской стороной слабости своей позиции, заявляя: «Хрущев и СССР дрогнули», «Хрущев и СССР начали отступать».

С 21 октября в посольстве СССР работали круглосуточно. Некоторые сотрудники каждую ночь объезжали здания Белого дома, Пентагона, госдепартамента, ФБР и ЦРУ и отмечали, что во многих окнах горит свет. На парковках большое количество служебных автомашин. На случай возможного нападения на советское посольство мы усилили его охрану, установили дополнительные замки и запоры на всех этажах, проверили сигнализацию и провели другие мероприятия.

Каждый день Хрущев направлял послания Кеннеди, а Кеннеди — Хрущеву. Телеграфные линии связи между Москвой и Вашингтоном были забиты информацией. Так как зашифровка и расшифровка посланий занимали много времени, главы правительств США и СССР стали вести переписку открытым текстом.

Военная истерия накалилась до такой степени, что достаточно было произойти случайному столкновению на море или в воздухе, как могли начаться военные действия с непредсказуемыми последствиями. Под воздействием мощной антисоветской и антикубинской пропаганды, проводимой прессой и телевидением, обстановка в США продолжала осложняться.

В пятницу 26 октября утром я пригласил Джона Скали на ланч в ресторан «Оксидентал». Состоявшаяся там беседа для меня и теперь незабываема. Как только мы сели за стол, Скали, потирая руки и с улыбкой глядя на меня, спросил:

— Ну, как самочувствие Хрущева?

— Это мне неизвестно. Я лично не знаком с Хрущевым. Да и находится он сейчас далеко от меня, — ответил я, а затем продолжил:

— Это вы на короткой ноге с президентом Кеннеди и много знаете, что происходит в Белом доме.

Скали ухмыльнулся, а потом рьяно стал обвинять Хрущева в агрессивных действиях в отношении США. «Он, видимо, считает Кеннеди молодым, неопытным государственным деятелем. Но Хрущев глубоко ошибается, в чем он скоро убедится». Продолжая говорить с жаром и решительным тоном, Скали заявил:

— Все члены Исполнительного комитета все более склоняются к принятию предложения военных о необходимости безотлагательного вторжения на Кубу. Военные заверяют президента, что в случае его согласия они в 48 часов покончат с советскими ракетами и режимом Кастро.

В ответ я заявил своему собеседнику:

— Во-первых, насколько мне известно, советское руководство считает Кеннеди спокойным и дальновидным государственным деятелем. Думаю, что разумность президента остановит воинственных генералов и адмиралов, собирающихся втянуть Кеннеди в величайшую авантюру, а может быть, и катастрофу. Во-вторых, кубинский народ во главе с Фиделем Кастро готов на смертный бой. С возгласами «Патрия э Муэрто» они будут защищать свою родину до последней капли крови. Произойдет жестокая, кровавая и длительная битва. В-третьих, президент должен отдавать себе ясный отчет, что вторжение на Кубу равносильно предоставлению свободы действий Хрущеву. Советский Союз может нанести ответный удар по уязвимому месту в другом районе мира, имеющему важное военно-политическое значение для США.

Скали, видимо, не ожидал такого ответа. Молча посмотрел мне в глаза и спросил:

— Ты думаешь, Александр, это будет Западный Берлин?

— Как ответная мера это вполне возможно, — сказал я.

— США и союзные войска будут упорно защищать Западный Берлин, — парировал мой собеседник.

На это я заметил:

— Знаешь, Джон, когда в бой идет лавина советских танков, а перед ними на бреющем полете атакуют самолеты-штурмовики, то они все сметут на своем пути. Кроме того, войска ГДР поддержат наступательные действия советских

частей. Я думаю, что войскам СССР и ГДР едва ли потребуется более 24 часов, чтобы сломить сопротивление американских, английских и французских гарнизонов и захватить Западный Берлин.

На этом наша полемика закончилась. Молча мы допивали остывший кофе, обдумывая сложившуюся ситуацию. Затем Скали как бы про себя произнес:

— Выходит, что война с ее непредсказуемыми последствиями не так уж далека. Из-за чего же она может начаться?

— Из-за взаимного страха, — ответил я и продолжал: — Куба опасается вторжения США. США опасаются ракетного обстрела с Кубы.

Никаких попыток сформулировать предложение о разрешении возникшего кризиса мы не делали, лишь проиграли первые ступени эскалации возможной войны. Выразив надежду, что наши руководители не допустят ее возникновения, расстались. Я пошел докладывать содержание беседы послу А. Ф. Добрынину, а Скали, как оказалось, отправился в Белый дом.

Здесь я должен сказать, что никто меня не уполномочивал проводить с Джоном Скали такую беседу и говорить ему о возможном захвате Западного Берлина как ответной мере СССР на вторжение американцев на Кубу. Это был сокровенный порыв моей души, возникший в ходе беседы. Я также не ожидал, что это мое высказывание будет быстро доведено до сведения хозяина Белого дома и что через два-три часа Кеннеди через Скали передаст мне компромиссное предложение об урегулировании Карибского кризиса.

Приблизительно в 17 часов я докладывал Добрынину о состоявшейся беседе со Скали. Вскоре в кабинет посла вошел помощник Добрынина и сообщил, что меня срочно к телефону просит Скали. Он попросил немедленно встретиться с ним.

Через 5—10 минут мы уже сидели в кафе, находящемся между посольством и Белым домом. Без предисловий Скали заявил, что по поручению «высочайшей власти» он предлагает следующее условие разрешения «кубинского ракетного кризиса»: 1) СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН; 2) США снимают карантин (блокаду); 3) США дают публичные обязательства не вторгаться на Кубу. Скали добавил, что такое соглашение может быть оформлено в рамках ООН.

Я записал и прочитал Скали все, что тот мне сказал. Он подтвердил, что все записано правильно. Затем я попросил Джона уточнить, что означает термин «высочайшая власть». Чеканя каждое слово, он произнес:

— Джон Фицджералд Кеннеди — президент Соединенных Штатов Америки.

Я заверил Скали, что немедленно доложу это предложение советскому послу и оно будет направлено в Москву. В то же время заметил, что предлагаемые условия не совсем равнозначны. Если вывоз ракет с Кубы производится под контролем ООН, то под наблюдением ООН должен быть осуществлен и отвод войск, стянутых в юго-восточные районы США для вторжения на остров. На это Скали заметил, что такое добавление осложнит и затянет достижение соглашения в период, когда время является самым существенным элементом в разрешении конфликта. Скали взволнованно добавил, что военные продолжают давить на президента и требуют согласия на вторжение американских войск на Кубу. Кеннеди не хочет войти в историю как второй Тодзио (Тодзио Хидэки (1884—1948 гг.). В 1940— 1941 гг. — военный министр Японии. Утвердил план нападения на СССР. В 1941 — 1944 гг. — премьер-министр и одновременно военный министр. Казнен по приговору Международного военного трибунала по Дальнему Востоку) и добивается разрешения кризиса мирным путем. Я еще раз заверил Скали, что переданное мне предложение будет немедленно сообщено в Москву. Однако быстро это сделать не удалось. Я составил подробную телеграмму о двух встречах со Скали и передал послу для направления в Москву за его подписью. Добрынин 3 часа изучал проект телеграммы, а потом вызвал меня и сказал, что не может послать ее, так как МИД не уполномочивал посольство вести такие переговоры. Удивившись нерешительности посла, я подписал телеграмму и передал шифровальщику для отправки своему руководству.

В субботу утром 27 октября мы с большим волнением ждали ответа из Москвы. Я думаю, это был самый тяжелый, судьбоносный день для руководителей Белого дома и Кремля, а главное — для американского, советского и кубинского народов. В этот день решалось, быть войне или нет.

Еще утром в пятницу 26 октября президент Кеннеди дал указание государственному департаменту приступить к разработке срочных мер по установлению гражданской власти на Кубе после высадки и оккупации страны (Кеннеди Роберт. Указ. соч. — С. 57).

Однако вернемся к субботе. Утром в разгар заседания Исполкома в Белом доме президенту принесли сообщение, что над Кубой сбит самолет У-2, а летчик майор Р. Андерсен убит. Реакция членов Исполкома была почти единодушной: завтра утром американская авиация должна разбомбить все установки зенитных управляемых ракет на Кубе. Но Кеннеди медлил, не давал согласия на такую бомбардировку. Возможно, он ждал ответ Хрущева на предложение, переданное через Скали. Но ответ из Москвы не приходил. Обстановка на заседании достигла крайнего напряжения. От споров все устали и находились в подавленном состоянии. Впоследствии Р. Кеннеди писал: «И росло ощущение, что вокруг всех нас, вокруг американцев, вокруг всего человечества, стягивается петля, из которой высвободиться становится все труднее» (Там же. — С. 65).

Еще вечером 26 октября от Хрущева пришли два послания. Первое было примирительное, с проблесками желания достичь соглашения, второе — более жесткое. Ответ, подготовленный госдепартаментом, президенту не понравился, и он поручил Р. Кеннеди и Т. Соренсону быстро составить другой текст. Через 45 минут ответ был готов. Ссылаясь на первое послание Хрущева, американская сторона подтверждала, что она также желает урегулировать кризис мирным путем. Далее были дословно повторены условия соглашения, которые накануне президент Кеннеди направил через Скали и меня. Ответ был подписан президентом и открытым текстом передан Хрущеву.

В субботу в 16 часов Скали вновь вызвал меня на встречу в кафе отеля «Статлер». В резких выражениях принялся обвинять в обмане и коварстве. Утверждал, что переговоры с ним я намеренно затягиваю якобы для того, чтобы закончить монтаж ракетных установок и сосредоточение новых Ил-28 на Кубе. Неоднократно повторял, что своим обманом я поставил его в глупое положение перед руководителями США.

Как мог, я старался успокоить Скали. Несколько раз разъяснял ему, что каналы связи на Москву забиты, что Хрущев завален срочной информацией из многих стран мира, что я его не обманываю и что посольство ожидает ответа на их предложения в ближайшие часы. Как казалось, мне удалось сбить ярость Скали и убедить его в искренности моих действий. Оба мы были расстроены и уходили со встречи с понурыми головами. Скали, как оказалось, направился прямо в Белый дом и рассказал Кеннеди и Исполкому о содержании нашей беседы.

Президент поручил брату Роберту встретиться с послом Добрыниным. В 19 ч 45 мин встреча состоялась в кабинете Р. Кеннеди. В ходе беседы Роберт заявил послу: «Нам необходимо получить обещание не позже завтрашнего дня, что

базы эти будут ликвидированы... Советы должны понять, что если этих баз не снесут они, то снесем их мы» (Там же. — С. 74).

Поздно вечером Р. Кеннеди встретился с советником нашего посольства Ю. Большаковым, через которого главы СССР и США иногда обменивались конфиденциальными письмами. В беседе Р. Кеннеди повторил Большакову то, что уже сказал Добрынину. При этом подчеркнул, что, если в ближайшие сутки не поступит позитивного ответа из Москвы, президенту будет невозможно удержать военных от вторжения на Кубу.

Ответ Хрущева пришел в Белый дом в 9 часов утра в воскресенье 28 октября и принес огромное облегчение и успокоение как в Вашингтоне и США, так и в Москве и СССР.

Предложения Кеннеди и ответ Хрущева о мирном разрешении Карибского кризиса были немедленно направлены генеральному секретарю ООН У. Тану, который вместе с представителями СССР и США В. Н. Зориным и Э. Стивенсоном должны были оформить официальное соглашение по этому вопросу.

29 октября и 3 ноября Скали приглашал меня на ланчи в шикарные рестораны (как стало известно позднее, он делал это по рекомендации президента). В ресторанах он предлагал выбирать самые изысканные, дорогие блюда, заявляя, что мы заслужили это. Скали прежде всего извинился за то, что на предыдущей встрече обвинял меня в обмане и коварстве. За обедом разговоры велись главным образом о том, как мир был напуган возможностью ракетно-ядерного конфликта. Он рассказывал, какое напряжение было в Белом доме. Отмечали мудрость руководств наших государств, которые в последний момент пошли на разумный компромисс. Много велось светских разговоров. Шутили. Обсуждали будущее мира. Я подчеркивал, что сейчас наступило такое время, когда США, несмотря на свою экономическую и военную мощь, обязаны считаться с мировым общественным мнением, иначе американское правительство восстановит против себя многие страны нашей планеты.

Иногда в США и СССР раздаются голоса, что во время Карибского кризиса Советский Союз отступил под нажимом военной мощи США. По-моему, это неправильно. Кризис был урегулирован путем разумного обоюдного компромисса, в результате чего удалось избежать ядерного конфликта с его непредсказуемыми последствиями. К тому же СССР удалось получить от США обязательство, что они не будут вторгаться на Кубу в будущем. Ранее же правящие круги США открыто заявляли о своих планах свержения режима Фиделя Кастро.

Запись полковника В. П. КРИКУНОВА

НЕ СОТВОРИ КУМИРА (О Солженицыне)

НАШЕ ВРЕМЯ — время безудержных надежд и горьких разочарований. Оно сбрасывает с постаментов недавних идолов и до небес возносит новых, часто еще вчера столь же безоговорочно гонимых и официальной пропагандой, и общественным мнением. Один из переживших подобную метаморфозу — Солженицын. Совсем недавно символ злобной антисоветчины, стал этот писатель ныне едва ли не самым читаемым и чтимым из современников в советском обществе. Журналы с солженицынскими произведениями нарасхват, «Новому миру», напечатавшему в прошлом году «Архипелаг ГУЛАГ», не хватает бумаги для удовлетворения всех подписчиков, желающих и в нынешнем читать Солженицына, издательство «Советский писатель» срочно готовит к выпуску в свет сочинения этого литератора. Похоже, послеоктябрьскую историю нашей Родины многие теперь представляют «по Солженицыну».

Но крайности всегда порочны. И пьедесталы в нашей общественной жизни, как показывают события последних лет, на удивление и до неприличия шатки. И потому, прежде чем громоздить новый, столь важно всмотреться: кого теперь-то возносим над собственными головами? Мы предлагаем читателям журнала вместе с нами попристальнее взглянуть — что за фигура Солженицын, каково нравственное лицо этого сегодняшнего властителя миллионов людских душ? С этой целью редакция решила начать публикацию рукописи книги недавно умершего Л. А. Самутина «Не сотвори кумира». Полагаем, автор, близко знавший Александра Исаевича, беспристрастен в оценках. Бывший власовец, честно отсидевший после войны свой срок в воркутинском лагере, диссидент, он, по сути, был соавтором некоторых страниц «Архипелага ГУЛАГ». В семидесятые годы по просьбе Солженицына прятал у себя рукопись от КГБ. Понятное дело, случайным людям такое не поручают. Поэтому не доверять его оценкам и выводам оснований вроде бы нет. К тому же вряд ли можно заподозрить Самутина в желании понравиться Советской власти, против которой он долгие годы боролся вполне сознательно. Ведь за перо он взялся на склоне лет, когда, как говорится, впору было думать о душе.

Быть может, кто-то из наиболее ярых и некритичных приверженцев творчества Солженицына, прочитав публикуемый отрывок из книги Самутина, поспешит обвинить нас в попытке скомпрометировать Александра Исаевича. Не торопитесь. Дочитайте до конца. Рукопись объемная, и публиковать ее с небольшими сокращениями мы будем долго.

Публикация капитана 2 ранга С. Г. ИЩЕНКО

Я СТАЛ диссидентом, как принято говорить, лет за сорок до того, как это, скажем прямо, не очень точное словечко вошло в обиход, и остался тем самым «горбатым», которого исправит только могила: хотя годы и события многому научили меня, продолжаю исповедовать свои собственные взгляды на некоторые вопросы жизни, политики, истории.

Но я сел за машинку вовсе не для того, чтобы отстаивать их или полемизировать с теми, кто мыслит не так, как я. Мне хочется просто рассказать снисходительному читателю историю двух поворотных пунктов моей жизни, двух кардинальных разочарований.

Мой диссидентский счет не мал. В годы войны судьба сложилась так, что я оказался на посту редактора одной из газет, издававшихся власовским пропагандистским аппаратом для власовских солдат и офицеров. Закономерным продолжением этой «карьеры» были десять лет лагерей...

Несколько лет хранил я в глубокой тайне рукопись книги с авторскими правками на полях и между строчек. Человек, написавший книгу, мелким, почти бисерным почерком внес в машинописный текст свои поправки, изменения и дополнения. С ним судьба познакомила меня за девять лет до описываемых событий. При обстоятельствах, о которых пойдет речь ниже, рукопись исчезла.

И вот сейчас эта книга снова лежит предо мной — на этот раз уже в напечатанном виде. Парижское издательство издало ее тремя пухлыми томами, напечатав на толстой, ярко-белой бумаге с глянцевыми, красочными обложками. Авторское предуведомление к книге звучит как великопостный колокол: «Со стеснением в сердце я годами воздерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед еще живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность все равно взяла эту книгу, мне ничего не остается, как немедленно опубликовать ее.

А. Солженицын. Сентябрь, 1973»

Эта книга — «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. И рукопись именно этой книги взяла у меня госбезопасность в ночь с 29 на 30 августа 1973 года.

Когда-нибудь историки литературы будут копаться в архивах, отыскивая детали ушедших событий, что сопровождали появление на свет «Архипелага». Сам автор прямо связывает свое решение о его публикации с изъятием экземпляра рукописи госбезопасностью.

Мне же сейчас, пока рука водит пером и память не ослабла, внутренний голос говорит о необходимости переложить все на бумагу так, как это произошло, чтобы толки и слухи не исказили действительность до неузнаваемости.

Действующих лиц истории хранения рукописи «Архипелага» было двое в Ленинграде — Елизавета Денисовна Воронянская и я. Елизавета Денисовна работала машинисткой, много печатала Солженицыну, выполняла многие его поручения и просьбы. Причем делала все совершенно бескорыстно, из одной беспредельной преданности, доходившей до полного самопожертвования. Воронянская печатала и рукопись «Архипелага».

Познакомил меня с ней сам Солженицын, когда ранней весной 1968 года мы встретились в Ленинграде. Я приехал туда из Воркуты, он — из Рязани. Целью встреч была передача мною Солженицыну материалов, нужных ему для литературной работы, как выяснилось потом — для его книги «Архипелаг ГУЛАГ». Воронянская оказалась очень интересным, литературно широко образованным человеком, полностью разделяла взгляды и Солженицына, и мои, и мне с ней было легко, свободно и занимательно. У нас возникла хорошая, большая, доверительная дружба.

Летом 1969 года Елизавета Денисовна дала мне рукопись «Архипелага» сначала прочитать, сопроводив всевозможными наставлениями о соблюдении строжайшей секретности и осторожности, а потом обратилась с просьбой взять рукопись на хранение. При этом сказала, что с автором согласовано, он не возражает, чтобы рукопись хранилась у меня.

О существовании «Архипелага ГУЛАГ» к тому времени я уже знал от самого Солженицына. Мне показалось чрезвычайно лестным выполнить это поручение, и я согласился. Сознание, что в хранении такой крамольной рукописи заключалась реальная опасность, меня не остановило. В жизни мне пришлось подвергнуться столько раз всякого рода напастям, что притупилось чувство боязни. И поэтому целых четыре года я был хранителем этой литературной сверхбомбы.

Я хранил верность Солженицыну до той ночи, когда у меня на даче был изъят его архив. Впрочем, к тому моменту я уже достаточно разочаровался в Александре Исаевиче. Есть смысл начать мои записки именно с тех дней.

Глава первая

Кажется, только вчера, 28 августа 1973 года я с семьей вернулся с дачи. Детям предстояло идти в школу, у жены заканчивался отпуск, мы предполагали провести оставшиеся до 1 сентября дни в последних летних хлопотах. Но все вышло иначе. Вечером к нам пришла дальняя родственница нашего большого друга Елизаветы Денисовны и сообщила, что Воронянской, увы, уже нет в живых. Похороны — послезавтра. На все вопросы: где, когда, по какой причине и т. д., эта женщина давала один ответ:

— Ничего не знаю.

Единственное, что удалось выжать из нее, это что смерть произошла несколько дней назад, но тело находилось в морге, потому что шло следствие. Почему оно назначено, кто его вел, каковы результаты? Все оставалось неизвестным. Ясно было лишь, раз тело выдано для погребения — это означает конец следствия.

Весь вечер и все следующее утро мы с женой потратили на то, чтобы хоть что-то выяснить. Но никто, решительно никто из наших общих знакомых не мог дать нам хотя бы самой скудной информации. Удалось, правда, выяснить, что Воронянская вернулась из Крыма, где она отдыхала, в первых числах месяца. С той поры она по каким-то непонятным причинам никому не звонила, никого не навестила. Мы с женой были более всего удивлены тем, что Елизавета Денисовна не приехала к нам на дачу. Обычно она была у нас самой частой гостьей, приезжала запросто, без приглашений и предупреждений.

Но как бы непонятно и печально все это ни было, жизнь есть жизнь. Утром мне пришлось поехать в поликлинику. Ее здание совсем близко от автобусной остановки. Нужно лишь перейти на другую сторону улицы. Здесь ни светофора, ни пешеходной дорожки и обычно очень сильное движение. Но в этот раз повезло. Ни одной машины. Я шагнул на мостовую и вдруг услышал негромкий оклик:

— Леонид Александрович! Оборачиваюсь, вижу незнакомого молодого человека. Он вынул из внутреннего кармана пиджака удостоверение в темно-красной обложке и показал мне.

— Я из Комитета государственной безопасности. Прошу Вас, Леонид Александрович, в машину. Вас ждут.

У тротуара прижалась серая «Волга». Откуда она взялась? Секунду назад улица была пуста.

«Берут, — пронеслось в голове. — Нет. Уже взяли».

Молча шагнул к машине. Дверь любезно приоткрылась, и я опустился на заднее сиденье. Мой похититель сел рядом с шофером, и «Волга» рванулась с места.

Итак, взяли. Дома уже, наверное, обыск в полном разгаре. Жена потеряла от ужаса дар речи. Дети... Лучше и не думать о том, что происходит с детьми.

Машина свернула на круглую площадь и, огибая ее, проехала мимо нашей улицы. Значит, меня везут не домой. Куда бы то ни было — это хорошо... Дети не увидят уничтоженного, раздавленного отца. А я... Когда-то теперь увижу дочь и сына! Но права на сочувствие к самому себе у меня нет. Знал, на что шел. Точно так же, как и тогда. Но четверть века назад меня не волновали заботы о жене и детях.

Впрочем, все это лирика. А нужно спокойно и трезво подумать, что может мне грозить, как будет звучать формула обвинения, что они знают?

Легче всего заняться самообманом, гордо и непримиримо доказывать самому себе, что, мол, ничего страшного за тобой нет. Ну, хранил какие-то бумаги, иногда участвовал в их обсуждении, высказывал крамольные, с точки зрения властей, мысли. Но, помилуйте, никаких активных действий, никакой практической деятельности. Будь я следователем по делу Леонида Александровича Самутина, я так бы и рассудил и написал бы постановление об освобождении из-под стражи за отсутствием состава преступления. Но такая позиция хороша перед женой или друзьями. А что касается властей, жизнь давно научила меня — нужно рассчитывать на самые худшие варианты. Они могут выглядеть так: группа, антисоветски настроенных граждан систематически занималась изготовлением и распространением материалов, направленных на подрыв существующего строя. Часть этих материалов размножалась машинописным путем, часть нелегально отправлялась за рубеж, издавалась там и оплачивалась валютой, которая опять-таки, проходя через руки членов упомянутой группы, попадала затем к авторам. В свое время Александр Исаевич Солженицын получил восемь лет лагерей за намерение создать нелегальную группу. Намерение неосуществленное. А тут — налицо вещественные доказательства. Представляю себе, что могли найти в комнате Елизаветы Денисовны. Думаю о том, насколько эти находки прольют свет на мои отношения с группой.

Пока что все абсолютно неясно, и будет выявляться крупица по крупице в ходе следствия. Нельзя же представить, что покойная перед смертью оставила специально для КГБ обстоятельное письмо, где сообщила бы, что весь объемистый архив хранится у некоего Самутина... Впрочем, все эти бумаги найдут и так. При первом же обыске. И я никак не смогу объяснить, откуда они взялись, не упоминая о Елизавете Денисовне.

И вдруг острая и запоздалая догадка. Записная книжка — при мне. Там десятки фамилий и телефонов. Все это «связи». Сколько же людей потяну я за собой, если не в яму, то на край ее! Ведь по каждому имени и телефону будут расспрашивать. Но книжку незаметно не выбросишь и не растворишь во рту как таблетку.

Машина сворачивает с Литейного и останавливается у дома, сотни раз проходя мимо которого я читал вывеску «Бюро пропусков». Однако меня просят пройти за угол и войти в другие двери. Дежурный милиционер даже не взглянул на меня. За дверью оказывается мрачная комната: единственное окно почти упирается в стену соседнего дома. Два стола — письменный и маленький квадратный, тумбочка с двумя телефонами. Позади кресло, что стоит у письменного стола, еще одна дверь. «Шмональная камера?» — как это называется на лагерном жаргоне. Впрочем, не похоже. Дверь, наверное, ведет в подвал. Туда сейчас придется проследовать. Молчу, не задаю никаких вопросов. Знаю, что никакого ответа все равно не получу. Не хочу унижаться. Пусть пропускают через свою чертову мельницу, судьба моя все равно давно решена, днем раньше, днем позже — какая разница?

* * *

Вручая мне документы об освобождении весной 1955 года, лагерный офицер сказал:

— Только никаких «до свидания». Самое искреннее пожелание, чтобы никогда не встречаться.

Я оказался на свободе. Не в качестве реабилитированного, невинно осужденного в свое время, не как амнистированный, а просто отсидев «от звонка до звонка» свои десять лет, полученные за измену Родине в военное время и службу сначала у немцев в различных «национальных» формированиях, а затем в «русской освободительной армии» генерала Власова. Что ожидало меня впереди? Еще в лагере, в грустную минуту мой товарищ по беде сказал как-то:

— А если и доживем до свободы, что делать будем? Пирожками торговать? Куда нас еще возьмут?

Но и мой товарищ, и я, полностью разделявший этот мрачный прогноз, ошиблись. Я, пользуясь модным ныне словечком, быстро «интегрировался» в обычной, как у миллионов людей, жизни. У меня была прекрасная работа, и я благополучно вышел на пенсию по старости, получив ее в положенный срок и в максимальном размере. И мой товарищ тоже сразу нашел работу по профессии и проработал свои 15 лет до пенсии сначала инженером-конструктором, а потом — начальником конструкторского отдела завода. Не пришлось нам пирожками торговать...

Я не могу пожаловаться на свою квартиру в Ленинграде и на дачу в Чаще, километрах в ста от великого города.

По понятным причинам я не афишировал своего прошлого. Да никто о нем и не спрашивал. Ленинград — не село, где жизнь и прошлое каждого на виду у всех. Словом, я был в глазах окружающих человеком вполне респектабельным, лояльным.

Никто и подумать не мог, что есть у меня вторая жизнь. За десятилетия до того, как распространилось словечко «диссидент», у меня сложились свои собственные взгляды на все, что происходит вокруг. Мне не нравились Советская власть и советский образ жизни. Ни моя служба у немцев, ни десять лет в лагерях Воркуты появлению симпатий к ним, конечно, не содействовали. Но после выхода из лагеря я постарался запрятать свои чувства достаточно глубоко и помалкивал. Во всяком случае самый строгий следователь не нашел бы в моем поведении в первые годы после освобождения никакой крамолы.

Перелом случился, когда в журнале «Новый мир» я прочитал повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Нет, конечно, я не нашел для себя в этой повести чего-то нового. Мне-то сразу было видно, что повидал я куда побольше, чем автор. Да и в официальных речах и в тех воспоминаниях, что появлялись еще до или почти одновременно с повестью, было сказано ничуть не меньше. Не пришел я в восторг и от художественных качеств этого произведения. Для тех; кто не хлебал лагерной баланды, язык этой книги казался откровением. Нам же, былым лагерникам, он был хорошо известен. Что касается характеров — они (как, впрочем, во всех вещах Солженицына) только фишки на схеме, покорно иллюстрирующие замысел литератора. Меня взволновало в этой повести совсем другое.

Читатель, который не прошел через лагеря, рисовал себе Солженицына в первую очередь мучеником, которому многое прощается. Он, неискушенный читатель, не мог, да и не хотел увидеть, каковы на самом деле взгляды автора на государство, на народ, на товарищей по несчастью. А мне, знавшему жизнь и описываемых людей не хуже, чем знал Солженицын, по десяткам мало что говоривших посторонним деталей было ясно, что у этого человека на уме.

Все годы, прошедшие после освобождения, я не искал единомышленников, но тосковал по ним. А тут он сам словно вошел в мой дом, и будто глаза его без слов сказали мне:

— Мы из одного теста, Леонид. Я так же, как и ты, недоволен этой страной. И теми, кто ей управляет, и теми, кто позволяет управлять собой.

Я стал искать случай познакомиться с Солженицыным, и это мне удалось. Потом, это случилось как-то естественно, узнавал больше и больше о его делах и планах, принимал их все ближе к сердцу. Идея ищет персонификации в какой-либо, чем крупнее, тем лучше, единой фигуре. Ею для меня стал Солженицын. Еще крепче связала нас покойница Воронянская. Я знал, что у нее с А. И. — так называли мы его в своем кругу — отношения особые, очень тесные. Она выполняла все его поручения, вплоть до самых деликатных, готова была за него идти в огонь и в воду. Мнение Александра Исаевича было для нее высшим мерилом и в политике, и в морали, и в отношении к людям.

Меня не удивило, когда Елизавета Денисовна попросила меня предоставить в ее распоряжение «захоронку» (это было словечко Солженицына) в Чаще, на моей даче, для хранения своего архива. Так стали копиться у меня и материалы самого Солженицына, и «самиздатовские» рукописи, и неведомыми мне путями прибывавшая с Запада литература. Однажды Елизавета Денисовна вручила мне пухлую стопу листов — рукопись «Архипелага ГУЛАГ». Я уже слышал об этой работе от самого Солженицына, знал, что Солженицын пишет историю лагерей, и сам дал ему свой материал. Я перечитал будущую книгу от корки до корки.

Несколько дней спустя мы сидели у меня дома за чаем. Дождавшись, когда жена вышла на кухню, Елизавета Денисовна патетически воскликнула:

— Вы понимаете, что если эта рукопись станет известна — погибнут сотни людей?!

— Почему? — удивился я.

— Там записаны рассказы бывших «зеков». Каждому из них грозит гибель.

Я попытался успокоить разволновавшуюся гостью, объяснить ей, что коль скоро эти рассказы анонимны за немногими исключениями, то рассказчикам ничего не может угрожать. Тем более что, как правило, в этой книге нет свидетелей. Вся информация идет из вторых или третьих рук. Это лишает ее доказательного значения (что плохо!), зато и не налагает на пересказчиков никакой ответственности (что хорошо!).

— Вот автору за слишком вольное обращение с фактами, да нам с вами за помощь ему, конечно, дадут по мозгам...

С таким же успехом я мог бы доказать что-нибудь бронзовому памятнику Екатерины Второй.

— Вы не понимаете, — лицо Елизаветы Денисовны искривила гримаса страдания, — А. И. считает так. А он знает...

Я пробормотал нечто вроде того, что, мол, наши головы мне тоже достаточно дороги, и поэтому я, конечно, приму все меры. Какие — я и сам не знал, но на Елизавету Денисовну это подействовало.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно произнесла она. — Слава богу, вы признали, что ОН прав.

* * *

Легонько стукнула наружная дверь, открылась внутренняя, и в комнату вошли один за другим два осанистых пожилых человека в добротных костюмах. Оба в очках. Старший сел за письменный стол, второй устроился у маленького. Я чувствовал, как недобро смотрят из-за темных стекол на меня его колючие глаза.

Оба вошедших оказались в одинаковом звании. Полковники. Старший представился Николаем Семеновичем и представил второго — Петр Иванович. Сразу же перешел к делу.

— Нам доподлинно известно — подчеркиваю, доподлинно, что у вас хранится ряд книг и рукописей Солженицына. Так или нет?

Что отвечать? Сказать, что не вижу в этом преступления? Что это даст? Отрицать? Бессмысленно. Все равно найдут.

— Впрочем, вы можете не отвечать, — подсказывает полковник.— Я просто ставлю вас в известность о том, что мы точно знаем, какие именно материалы находятся у вас.

Он вынимает из кармана листок и перечисляет. Все точно, кроме одной рукописи, в листке не значащейся — «Архипа»! Видимо, у покойницы Воронянской нашли список или что-нибудь в этом роде.

— Может быть, я что-то пропустил? — любезно спрашивает Николай Семенович.

— Ну-у, есть еще кое-какие самиздатовские рукописи, — мямлю я.

Если они так осведомлены, то почему просто не нагрянули с обыском? Что тут за игра?

— Нет, — слышу голос Николая Семеновича. — Не кое-какие материалы, а вполне определенные.

Он делает паузу и добавляет:

— «Архипелаг ГУЛАГ», или, как вы его называете, «Архип».

Я продолжал молчать.

Мой собеседник явно чувствует, что я опасаюсь «хода» с его стороны. И спокойно, даже, кажется, чуть улыбнувшись, называет дату вручения мне рукописи. Больше того, он называет те самые дни (это было дважды), когда я по просьбе Елизаветы Денисовны на время возвращал ей «Архипа»: видимо, она давала ее кому-то на прочтение.

— Перейдем к сути дела, — продолжал Николай Семенович. — Вот два ордера. Один на производство обыска у вас на квартире. Другой — на даче. Бригады для обысков уже готовы и ожидают распоряжения. Вы сами понимаете, коль скоро мы не знаем, где нужно искать, то не остановимся, пока не найдем. Но есть ли смысл усложнять все это? Вы представляете, что при этом не избежать определенной нервной травмы и вашей жене, и вашим детям? Особено детям. Поэтому не лучше ли все упростить. Вы добровольно отдаете нам все перечисленное, в том числе и «Архипелаг». А мы воздерживаемся от обысков.

Провал полный. Можно считать, что рукописи и книги Солженицына у них в руках. Это ясно. Но можно спасти некоторые материалы, которые хранятся в квартире. Это сохранит в неизвестности для них несколько имен, смягчит все происходящее для жены и детей. Придется соглашаться. Но я все-таки пытаюсь еще оттянуть время, выиграть какие-то секунды, что-то придумать...

— Значит, вам нужен архив Воронянской, — говорю я только для того, чтобы что-то сказать. И тут же чувствую: это находка!

Бедная Елизавета Денисовна! Но ей-то теперь все равно... Полковники переглядываются.

— Ну что ж. Пусть это называется «архив Воронянской». Где он находится? В городе или в Чаще?

— В Чаще.

— Совсем хорошо. Значит, в квартиру и заглядывать не придется.

Пока вызывают машины и сопровождающих, я лихорадочно соображаю, не стоит ли спросить о Воронянской? Но Николай Семенович опережает:

— Когда вы узнали о смерти Воронянской?

«Можно подумать, что он этого не знает», — усмехнулся я про себя. Наверняка эту родственницу **с** известием о смерти послали они. А потом ждали, что я схвачу чемодан с крамолой и побегу перепрятывать. Тут бы меня и взяли.

— Вчера узнал, — коротко отвечаю я.

— От кого? Я объясняю.

— А эта женщина не рассказала вам, отчего умерла Воронянская?

— Я до сих пор этого не знаю.

— Она повесилась, — тихо говорит полковник. — Была у нас, очень многое рассказала. Собственно, все рассказала. А потом ушла... И вот повесилась.

Слова полковника дошли до меня откуда-то издалека. Чувство острой жалости к Елизавете Денисовне вытеснило на время все остальные. Зачем? Зачем она сделала это?

— Мы виделись с ней за две недели до смерти, — добавляет собеседник.

Как, две недели прошло после ее допроса, и она не приехала к нам, ничего не сообщила о всех этих событиях?

Спустя всего несколько часов мы уже возвращались из Чащи. На полу машины, в ногах у молчаливого молодого чекиста, сопровождавшего нас, стоял рюкзак, где среди других папок лежала рукопись «Архипелага». Что будет с ней и теми, кто имел к ней отношение?

Я не беспокоился за судьбу многочисленных «соавторов» этой книги. О причинах этого уже упоминал. Могу добавить, что многие из приведенных там историй мне доводилось слышать в лагерях, да и не один раз, во многих вариантах. В ту пору мы обычно отмахивались от них, как отмахивается солдат в лазарете от попытки рассказать о случае, который, дескать, «был в нашем полку». Но если «просто рассказчиков» лишь не баловали вниманием, то туго приходилось тем, кто пытался выдавать себя за очевидца одного из таких эпизодов, или — еще хуже — участника-жертву. Неделями, при каждом удобном случае, издевались над ним. И это было естественно. В каждом лагере были свои жертвы и свои герои, которым платили своеобразным лагерным уважением. И любая попытка вырасти в глазах окружающих за счет старых баек вызывала неприязнь.

Конечно, никто и никогда не стал бы заниматься розысками этих безымянных деятелей тюремного творчества, создателей лагерного эпоса, перенесенного с великой тщательностью на бумагу Солженицыным. А вот мне могли грозить серьезные неприятности, что усугублялось моим прошлым. Как это ни странно, мысль о том, что пострадавшим окажусь один я, поскольку Воронянской уже никто ничего не мог сделать, меня успокоила. В конце концов никого не «заложил», уже хорошо!

Вспомнил свою собственную реакцию на эту странную книгу. Прочел первый том залпом и пришел в восторг. Не думайте, что я не заметил нелепостей и несуразностей, натяжек, искажения фактов, выдумок и тому подобного. Кому-кому, а мне-то описываемое в рукописи было достаточно знакомо. Но я пришел в веселое, если не сказать победное настроение. «Так и надо! — мысленно восклицал я тогда.— Пусть опровергают! Пусть доказывают обратное! Комочки грязи все равно присохнут! Клевета, ну и пусть! Зато влепил А. И. им пощечину!»

Впрочем, моего энтузиазма хватило ненадолго. Быстро пришло похмелье. Сначала я подумал о многочисленных «достоверных данных», которых так много в этой книге. Боже, как они мне знакомы! Еще с тех времен, когда я занимался пропагандой во власовской армии и нас усиленно питали материалами из геббельсовского министерства пропаганды. Да и в вермахте не было батальонной библиотечки, в которой не валялись бы тощие брошюрки о «большевистских зверствах». В них в разных комбинациях цитировались достижения безымянных гениев статистики, с предельной точностью знавших все о стране, где они никогда не были, ни с одним гражданином которой они не беседовали и о которой за всю жизнь не прочли ни одной путной книги. Великолепные «свидетельства жертв», которые поначалу показались мне горючим материалом, способным кое-что запалить в этой стране, теперь приводили меня в бешенство. Кто поверит в эту «туфту»? Из каких шепотков на нарах, от каких жалких личностей слышал Исаич, а потом силой своего авторитета попытался возвести в ранг непреложной истины эти «открытия»?

Но, пожалуй, самое большое разочарование вызвали у меня, как это ни странно, те немногие страницы «Архипелага», где автор писал правду. Вот он на «общих работах» в сравнительно легком подмосковном лагере. Пребывание его там продолжалось три недели из восьми лет заключения. Всего три недели Александр Исаевич был как все. Впрочем, нет — в значительно лучшем положении, чем все, чем 99 процентов заключенных: с передачами, возможностью свиданий, спокойным режимом. И что же? Проклятия судьбе, мысли о смерти, ненависть ко всем окружающим... Вопли, которых никогда не слышали ни в штрафных изоляторах, ни в бараках усиленного режима, ни за Полярным кругом, ни на лесоповале — во всех тех местах, о которых Солженицын знал только понаслышке и где действительно можно было отчаяться...

А что стоило поведение героя книги на следствии? Когда я беседовал с людьми, читавшими эту главу или слышавшими ее по радио, я убедился, что никто ничего в ней не понял. Даже Н. А. Решетовская (жена А. И. Солженицына), которая не раз слышала обо всех деталях следствия от супруга и перепечатывала когда-то эту главу, даже покойная Воронянская, знавшая ее чуть ли не наизусть. Удивляться тут не приходится. Там, как говорится, «наворочено» столько, что из массы уместных и неуместных эмоций, отступлений и т. п. выделить факты невероятно трудно...

Пока я предавался воспоминаниям, машина затормозила у моего дома.

В квартире я застал жену, которая не спала, охваченная глубокой тревогой. На ее расспросы отвечал:

— Чаю. Крепкого чаю.

Потом коротко рассказал, что со мной случилось, сообщил, что нужно немедленно, во избежание худшего, уничтожить весь хранившийся дома «компромат». Выносить нельзя, наверняка на улице стоит пост наблюдения. И оставлять нельзя, так как я не верю обещанию работников КГБ не производить обыск. Немедленно все уничтожать: книги Конквиста, Кестлера, магнитозаписи, рукописи, письма, адреса и весь архив писем Солженицына к его жене Решетовской в фотокопиях! Но печи нет, пробуем жечь в ванной на противне.

Эту затею пришлось сейчас же отменить. Жар, дым, вытяжная труба не справится с вентиляцией. Верхние соседи обязательно всполошатся, вызовут пожарных. Тогда — последний выход. В унитаз!! Но надо все резать намелко. И заработали ножницы! Забурлил унитаз!! И битых два часа непрерывного булькания и шума спускаемой воды.

С минуты на минуту ожидали рокового звонка. Но он не прозвенел. Уже засветло, в седьмом часу утра, все было кончено. Спать некогда. Начинался новый день. Жене — ехать на работу. Мне — кормить детей. И еще — ни жене на работе, ни мне перед детьми не показать никакого вида тревоги, озабоченности, усталости. Сохранять внешнее спокойствие и невозмутимость. Это не так легко, но нужно, обязательно нужно. И мы сохраняли это спокойствие, дожидаясь «гостей».

Однажды, в самых первых числах сентября, в половине первого ночи вдруг — звонок! Я только что улегся, не успел заснуть. Вот, оказывается, когда они за мной все-таки пришли! Подождали, пока все успокоилось и мы сами начали маломало успокаиваться — тут-то нас и накрыли, как перепелов! Кто же мог еще быть в такой несуразный час?

Я не успел выйти в переднюю, жена открыла. Кого-то впустила. Слышу тихий разговор в передней, кто-то идет в мою комнату. Входит один московский знакомец. Оказывается — посланец Солженицына. Рубит:

— Разговаривать некогда, такси ждет. Велено получить ответ только на один вопрос: взят «архив» или «Архип»?

Прямо каламбур, не правда ли? И какой уместный! Во мне поднимается глухое раздражение.

— И то, и то.

— Так «архив» или «Архип»? — повторяет московский гонец.

— И то, и то! — с ударением отвечаю я, уже начиная стискивать зубы от злости. Мне-то понятно, что этот господин от самой Москвы привел за собой «хвост» прямо ко мне и после его ухода меня снова поволокут по кочкам. Говорю ему об этом. Он отвечает:

— «Хвоста» не заметил.

— Если вы не заметили, это вовсе не значит, что его нет.

Жду, что он еще спросит. Думаю, ему поручено спросить о Елизавете Денисовне что-нибудь, какие-нибудь слова сочувствия передать, поручить нам что-нибудь на могилу положить от «того» имени в знак внимания и памяти. Ни звука. Может, обо мне самом справляются там, в Москве, я тоже ведь как-никак лицо потерпевшее? Ни самомалейшего вздоха!

Вместо этого:

— Исаевич говорит, нужно немедленно ваше заявление для иностранных корреспондентов. Запад должен знать все, мы не должны молчать, гласность, гласность нужна, полная гласность...

Л. А. САМУТИН

(Продолжение следует)

ВИЖ №10 1990

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал, — 1990. — № 9.

ВОТ ОНО что, оказывается! Александру Исаевичу Солженицыну нужна гласность. Ему — лично. Для себя! Для саморекламы. Еще раз протрубить на весь мир очередное заявление, в котором его собственное имя было бы центральным пунктом, а все остальное — обстоятельства, события, люди — обрамлением, рамочкой. И какая удобная, в самый раз подвернувшаяся трибуна для оглашения такого заявления — могила Воронянской! Этой несчастной старухи, заплатившей жизнью за свою собачью преданность ему. Говорю:

— Не пойдет. Не будет от меня никаких заявлений.

Заявлять — это значит жаловаться. За всю жизнь никогда никому не жаловался. Тем более сейчас не буду жаловаться, да еще Западу, который 27 лет назад спокойно и вежливо вытолкнул меня, вымел, как выметают мусор. А что с нами должно было случиться — это их не касалось. Для них в тот момент хорошие отношения с большевиками были важнее моей персоны. И не только моей, а и многих тысяч таких же, как я.

— Так и передайте — никаких заявлений от Самутина не будет.

Ушел. По всей видимости, недовольный.

А меня завинтило. Не могу уснуть. Верчусь и чертыхаюсь.

Что за поветрие — жалобы иностранным корреспондентам?

Ведь до того дело дошло, что я покойницу Елизавету Денисовну даже пугал своим «пророческим даром». Как-то уловил «ритм» выступлений и заявлений Александра Исаевича. И за неделю-другую предсказывал его очередное обра-

щение к иностранным корреспондентам. Темы, правда, не угадывал. Поди узнай, когда о творческих планах расскажет, а когда просто на голодуху пожалуется. Но сроки определял точно: каждый раз, когда шум вокруг его имени утихал и нужно было поддержать его уровень очередным сообщением о жизни «великого страдальца».

Ну, с ним-то все ясно. А другим эта толкотня в передних у иностранцев для чего? Не хочется же дурно думать о людях и предполагать только материальный интерес. Что касается «идейной» стороны дела, то только очень уж наивный и несмышленый, начинающий может вообразить, что такие обращения к заграницам могут принести какую-то пользу. Знал я про одного «инакомыслящего», о котором в какой-то голландской газете расписали, что он-де видный советский историк и длительное время находился в заключении. Казалось бы, сделали доброе дело человеку: создали ему приличную репутацию в стране Голландия. Парень по недомыслию стал хвастаться иноземной газеткой среди знакомых. И результат— оказался посмешищем. Окружающие-то знали, что «ученого» выперли со второго курса истфака за прогулы. А «отсидка» длилась четыре... дня, пока не разобрались, что фарцевал наш знакомый по мелочам, и отпустили.

Впрочем, забегая вперед. Недавно я узнал, что этот самый мелкий грешник попал наконец в свою дорогую Голландию и подвизается там в качестве... доцента-историка!

Иной пример. На этот раз всамделишний академик. Очень ему польстило обращение всемирно известной газеты «Ди вельт» за интервью. А когда номер этой всемирно известной появился в Москве, академика спросили: что же это вы такую околесицу несете? Академик пришел в ужас, когда ему перевели немецкий текст. Объяснил, что, во-первых, никогда ничего подобного не говорил, а во-вторых... Произошло, дескать, недоразумение. Корреспондент, видите ли, владел только немецким языком, а он, академик, слабо английским. Академик каялся в безответственности.

Любопытна и мотивировка, которую он привел как объяснение самого факта интервью. Ему, видите ли, хотелось сообщить... Советскому правительству о некоторых нарушениях законов, о которых ему стало известно. Решил сделать это через западную прессу, так как опасался, что иначе письмо его будет перехвачено... КГБ.

Итак, Солженицын посылал гонца за моим заявлением.

Не тот человек А. И., чтобы оплачивать такую поездку, да еще на такси, ради одного только вопроса: «архив» или «Архип»? Значит, мое заявление ему особенно нужно. Я должен из первых рук возвестить Западу, что «Архипелаг ГУЛАГ» взят. И пожаловаться на изъятие бумаг, которые принадлежали отнюдь не мне, а покойной Воронянской. О, если бы вы, почтенный А. И., приехали бы сами тремя днями раньше, разве не отдал бы я вам бумаги, да еще и поспешил бы, пока они не спохватились. Где же были вы или ваш человек? Почему наконец ни намека: жгите, мол, немедля все?..

Я еще раз хочу проверить себя. Может быть, я все-таки подвожу кого-то? Анонимных соавторов «Архипелага»? Но в рукописи всего несколько фамилий, связанных с такими незначительными эпизодами, что ими никто не заинтересуется. А генерал Головин из Праги или братья Солоневичи, из «произведений» которых взята вся «научная» часть книги, давно померли в надежных заграницах.

Пройдет немало времени, пока я смогу составить по отдельным репликам чекистов, сопровождавших меня в поездке на дачу и обратно, по скудным сведениям, что получу от наших общих с Елизаветой Денисовной знакомых, картину, что была мне еще неясна той ночью. И до сих пор я не нахожу ответа на некоторые недоуменные вопросы, мучившие меня тогда, потерявшие сегодня всякую актуальность для меня, но, может быть, очень важные для выяснения истины. Как же случилось, что у меня смогли забрать рукопись «Архипа»?

Выяснится, что Елизавету Денисовну «пригласили» (по всей вероятности, так же как и меня) побеседовать с Николаем Семеновичем за три с лишним недели до моей с ним встречи и примерно за две недели до ее печальной кончины. Все это время она оставалась на свободе, имела полную возможность дать мне знать, что рукопись должна быть немедленно уничтожена. Или, по крайней мере, что надо мной сгущаются тучи. Она была свободна в своих передвижениях, могла приехать на дачу к нам, могла попросить сделать это кого-нибудь из своих немалочисленных друзей. Но этого не случилось.

Я не могу предположить, что Александру Исаевичу не было немедленно доложено и о разговорах с полковниками, и о том, что стало им известно. Какие же распоряжения отдал Александр Исаевич? Да намекни он хоть полсловечком, что я должен быть предупрежден, Елизавета Денисовна не на поезде — ползком, на карачках добралась бы до моей дачи, чтобы выполнить волю своего повелителя!

Значит, об этом речь не шла, и Александр Исаевич в течение двух-трех недель спокойно выжидал, пока «Архипелаг» будет взят.

Я представляю себе изумленную физиономию читателя. Как же так?! Выходит, что Солженицын был заинтересован в изъятии «Архипа»? Но другого объяснения я не вижу. И вместе с тем не вижу ничего странного в таком поведении Солженицына. Вспомним, 1973 год подходит к концу. Уже три с лишним года на свет божий не появляются новые произведения писателя, хотя обещано, что ежегодно будет выходить по новому роману из цикла, посвященного русской революции. Интервью, заявления или жалобы на то, будто ему, дескать, нечего кушать, способны в какой-то степени подогревать интерес к Солженицыну на Западе, но они вызывают в лучшем случае сострадание, однако никак уж не восхищение.

Просто дать на Запад сигнал — публикуйте? Нельзя. Возмутятся самые близкие друзья, которых годами уверяли, дескать, обнародование «Архипа» приведет к гибели сотен людей. Так это или не так, но коли Исаич подобное утверждал, а потом решился на публикацию, значит, он решил пренебречь сотнями жизней? И ради видимой вынужденности такого шага отдал рукопись в руки властей.

Тем, кто решит, что я преувеличиваю, что пытаюсь навязать читателю плоды своей воспаленной фантазии, я хотел бы задать два вопроса.

Еще за 5 лет до описываемых событий знал я о существовании книги под названием «Архипелаг ГУЛАГ». Слышал не только от «посвященных», но и от людей, далеких от всякого диссидентства, самиздатовщины и прежде всего от знакомств с Солженицыным. Естественно предположить, что доходили сведения об этом и до властей. Но, насколько я могу судить, никаких мер по части поисков рукописи не предпринималось.

В начале августа 1973 года Воронянская сообщает сотрудникам госбезопасности, что «Архипелаг» хранится у некоего Леонида Самутина, адрес которого достаточно хорошо известен. Проходит три недели, и никто не интересуется ни Самутиным, ни рукописью. Только после самоубийства несчастной Воронянской, лишь через неделю после этого, Самутина задерживают и проявляют вдруг интерес к рукописи. А где же вы были, дорогие товарищи, три недели? Не так уж вы просты, чтобы не предположить, что Самутин мог за это время узнать о показаниях Воронянской и принять свои меры. Что останавливало вас перед тем, чтобы пожаловать, скажем, на дачу все к тому же Самутину и с присущей вам в наши дни вежливостью поинтересоваться, где хранится эта злосчастная рукопись?

Так что устраивает вас это или не устраивает, дорогой читатель, но я вынужден предположить следующее: после того как Воронянская сообщила властям о местонахождении рукописи, а они, тем не менее, на эту информацию не отреагировали, кто-то дополнительно известил соответствующие органы, будто «Архип» настолько опасен, что его следует немедленно изымать. Кто мог такое сделать? Предоставляю читателю возможность самому поломать голову над этим вопросом.

Проходят недели и месяцы. Я живу с этим страшным предположением, стараюсь самому себе доказать, что это невозможно. Абсолютно невозможно! Но доводы «защитника», чем больше пытаюсь укрепить и обосновать их, оказываются все более слабыми и иллюзорными. В конечном счете остается один, столь часто и столь многих вводивший в заблуждение во все века и у всех народов: **«Он не мог сделать этого!»**

«А почему, собственно говоря, не мог?» — слышу я голос «обвинителя». Вспомним-ка некоторые факты его биографии, чем-то похожие на эту ситуацию.

Один обыск и одно изъятие архива уже было. За семь лет до этого. Архив хранился у некоего Теуша. Фигуры в высшей степени одиозной. Десятки людей знали, что Теуш, ставший на старости лет философом-теософом, ищет легальных и нелегальных связей с Западом, встречается с иностранцами и наверняка находится в поле зрения соответствующей службы. Живет в коммунальной квартире. Сам Александр Исаевич рассказывал, что подозревает: его разговоры с Теушем мог запросто подслушать сосед. Да и место для хранения чемоданчика с рукописями — не в глухом лесу, а в коммунальном чуланчике!..

И вот именно в тот момент, когда это было исключительно выгодно Солженицыну, нагрянули «гости». Но самое удивительное развернулось потом.

Александр Исаевич, естественно, потребовал возвращения конфискованного. Ко всему миру обращался он с протестами.

Задолго до семейной драмы Солженицыных Наталья Алексеевна Решетовская сообщила мне, что мужа вскоре приглашали для разговора в Рязанский обком партии. Он идти не пожелал (пока не вернут рукописи — никаких разговоров!). Пошла она. Там ей сообщили, что все бумаги Солженицына находятся в прокуратуре СССР, откуда он и может их незамедлительно получить. Наивная женщина полагала, муж обрадуется этому известию, тут же сядет за руль «Москвича» и помчится в прокуратуру за архивом. Увы, он не сделал этого ни на следующий день, ни через год, ни через несколько лет, продолжая повсюду устно и письменно жаловаться, что ему не возвращают его собственность. Наталья Алексеевна повторяла объяснения горячо любимого мужа: Саня, дескать, не хочет иметь дело с госбезопасностью. На простой довод, что прокуратура — это совсем иное учреждение, она возражала: «Саня считает, что это одно и то же». Поскольку так считал Саня, дальнейшая дискуссия была бесполезна.

А странная история «самодоноса» Солженицына на фронте, в результате которого он оказался за решеткой, но вдали от передовой? К этой истории мы еще вернемся...

А факты биографии А. И. Солженицына, о которых идет речь в «Архипелаге»,— факты, которые не скажут многого тысячам читателей, но самоубийственные для автора с точки зрения тех, кто сам побывал на островах «Архипелага»? И о них мы еще поговорим...

Тем временем то на даче, то в городской квартире среди каких-то бумаг и папок, в книгах и просто на полках продолжали обнаруживаться «спасшиеся» от огня и канализации письма, странички рукописей, конверты и негативы. Они немедленно уничтожались. Но на одном кусочке пленки в маленьком без надписи пакетике я невольно задержался взглядом. И, как выяснилось, не напрасно. Сейчас, столько лет спустя, сколько ни силюсь, не могу припомнить, от кого пришел ко мне этот кусочек пленки — то ли остался от обширного архива Н. А. Решетовской, то ли это остатки «архива Воронянской». Да это в конце концов и не имеет теперь значения. Суть в том, что на документ под названием «Заявление от уроженца города Кисловодска, находящегося в Москве на 2-м Лагучастке 15-го ОЛП Солженицына А. И.» я в свое время не обратил достаточного внимания. Но в тот момент, когда голова моя была занята стараниями разобраться в подлинном облике Солженицына, я многое увидел за казенными строками документа. Его стоит процитировать подробнее.

На бумаге (3 страницы) — нет даты, и можно лишь вычислить, когда она написана. «...Полтора года я лишен свободы». Значит, это июнь — июль 1946 года. О чем же просит в своем заявлении заключенный Солженицын?

«Прошу смягчить наказание, наложенное на меня, и заменить мне отбывание срока в исправительно-трудовых лагерях **административной высылкой** в любой, самый отдаленный район страны».

Если на подобное снисхождение всерьез можно было рассчитывать, если такая практика существовала в «Архипелаге» (а Солженицын был к тому времени уже далеко не новичком там), то все три тома «великой книги» следует немедленно бросить в печку! Если же ее не было, то для чего заявление, в котором перечисляются все доказательства преданности Солженицына Советской власти и того, что «Советская власть — это **моя** кровная власть и может рассчитывать на глубокую преданность... **на деле»** (выделенный шрифт Солженицына).

Этот документ заинтересовал меня, однако, не перечислением мнимых и действительных заслуг автора перед Советской властью — скрыть свои взгляды в официальном заявлении — это далеко не самое худшее, — а другим. Я не видел и никогда не увижу подлинного следственного дела Солженицына, и единственный источник сведений о нем — он сам. А вот что сообщает он в документе, в котором не солжешь, ибо тот, кому предстоит решить дальнейшую судьбу автора, будет держать его «дело» в руках: «Советскую власть я считал единственно правильной в мире... внешней политикой нашего государства я восхищался, марксистско-ленинскую теорию признавал незыблемой (был воспитан и вырос на ней); все основные принципы нашей внутренней политики (колхозный строй, индустриализация, победа социализма в одной стране, сталинская национальная политика, социалистическая плановость в экономике и др.) разделял...» Виноват Солженицын (по его же словам) лишь в том, что «по некоторым вопросам находился в заблуждении» да в «манере горячо и необдумаяно бросаться фразами». Мы еще не раз сопоставим это по необходимости правдивое свидетельство с тем, что рассказывает нам сам Солженицын о своем «деле».

Вторая мысль, которая хочешь не хочешь приходит в голову при чтении этого документа. На что же в действительности рассчитывал Солженицын? На фантастическую наивность властей? На чудо? На помощь со стороны небес? Нет, расчет был гораздо трезвее и реальнее.

Один раз цензура сделала свое дело: хоть и путями неисповедимыми, Солженицын оказался вдали от фронта. Пусть цензура снова поработает. Письма лагерников читаются так же, как письма фронтовиков. Пусть тот, кто читает это письмо, знает, что здесь, за проволокой на Большой Калужской улице, сидит не враг, а «верный сын Советской Родины», который может быть «полезнее для Родимы во много раз, чем в качестве чернорабочего».

Июнь — июль 1946 года. Лагерь на Калужской. Не такой уж плохой лагерь. В одном из писем того времени Солженицын просит Наташу (Решетовскую. — **Ред.)** принести хозяйственного мыла. Он отдает стирать постельное белье и платит за это... хлебом!. Многие ли в ту пору на воле могли позволить себе такое? И все-таки хочется принести больше пользы «моей кровной власти». Случайно ли, что именно в то лето Солженицын был вызван для вербовки и стал Ветровым?

Я чувствовал, что не мог не заниматься дальше раздумьями над психологическим портретом Солженицына. И речь шла уже не о «моем больном вопросе», почему ко мне пришли за «архивом» и «Архипом», а о чем-то большем.

С каждым годом я все больше и больше по отдельным, доходившим до меня **с** разных сторон рассказам, по действиям, поступкам и высказываниям самого А. И. проникал в суть этого человеческого характера. И постепенно в моем сознании стал вырисовываться портрет человека, совсем не похожий на тот, который существовал вначале, сложившийся под впечатлением его ранних книг, его официальной биографии, немногих личных встреч **с** ним и восторженных отзывов отовсюду.

Дорисовала этот портрет его последняя книга — «Бодался теленок с дубом». У многих некритичных сторонников Солженицына она вызвала очередную бурю восторгов, а мне открыла совсем другое — моральное падение писателя и деградацию художника. Но об этом должен быть совсем особый и некраткий разговор.

Глава вторая

«Die Zeit»

23.IV.1976 Тео Зоммер

Политика, пророчество, мораль. «...Голос Солженицына, голос Титана, пророка ветхозаветной суровости, опирающегося на опыт своего и чужого страдания, не может не вызвать нашего уважения...»

«Новое Русское Слово»

17.III.1976 Е. Рачинская

«...Это был голос человека, поистине прошедшего испытание огненным крещением...»

«Times»

2.III.1976 Бернард Левин

«Видя его, начинаешь понимать, что означало когда-то выражение «Святая Русь». В словах Солженицына слышатся отзвуки Толстого и другого русского писателя, философским детищем которого он является, человека, который за 100 лет до Солженицына был таким же ясновидцем человеческой души...»

«Sundey Telegraph»

7.III.1976

Дж. Томсон

«...(Солженицын) человек, испытавший муки ада и чудесно спасенный, сумел выкристаллизовать те смутные опасения, которые в глубине души таятся у многих».

Перед нами — четыре стороны «рамки», в которую оправлен портрет Солженицына, каким его видят западные читатели и западные зрители. Немало таких же зрителей-читателей и у нас. Сам я долгое время был в их числе.

Солженицына такое обрамление собственного портрета совершенно устраивает. Да и создано оно не без его умелого и ловкого участия. Портрет, вставленный в такую рамку, есть автопортрет, в значительной степени произведение, так сказать, художественного вымысла.

Каково же истинное лицо этого человека?

Лет семь назад я стал задавать себе этот вопрос, сначала робко, с боязнью и внутренним негодованием на себя, но постепенно, по мере того, как копились факты, питавшие мои сомнения, он все настойчивее сверлил в мозгу, пока не заставил меня заняться настоящим исследованием этой личности. Против ожидания работа не оказалась непреодолимо трудной. Материалов для такого «исследования» вокруг сколько угодно, и главную их часть поставлял сам объект изучения: своей жизнью, своими поступками, словами и особенно книгами. В жизни Солженицын порядочно наследил за собой, и за ним остались люди, знавшие и помнившие эти «следы». Сам же он, по мере того, как крепло в нем самообольщение и уверенность в собственной абсолютной непогрешимости, стал публично выдавать такие материалы, которые начали рисовать его с совершенно неожиданной для нас, его почитателей, стороны, крайне невыгодной ему самому.

Оказалось, что увидеть все до смешного просто — достаточно только снять очки с поляризационным фильтром и взглянуть на наше «божество» невооруженным глазом. И тогда многое, совершенно нечаянное, открывалось изумленным глазам...

Помнится, как-то раз Елизавета Денисовна показала мне толстую машинописную книгу в красном дерматиновом переплете. На титульном листе имя автора названо не было, стояло только одно заглавие книги: **«Читают «Один день Ивана Денисовича»**. И более ничего. Книга начиналась вступительным текстом, занявшим несколько страниц и содержавшим похвалу автору «Одного дня» в самых высоких, превосходных степенях. Далее шли документы, относящиеся к критике этой книги, как положительной, так и отрицательной. Перепечатаны были хвалебные рецензии первых дней, появившиеся тогда в центральных газетах, затем многочисленные письма читателей, большинство восторженных, затем были также и ругательные статьи, появившиеся позже, и несколько такого же содержания писем...

Но главным в книге были не документы, а тот вступительный текст, который предварял перепечатку этих материалов, и некоторые комментарии. Все эти безымянные тексты оказались составленными гладким и безличным литературным языком. В них содержалось безудержное, преувеличенное восхваление Солженицына, превозношение его как писателя и как бесстрашного человека, не сгибающегося и не сдающегося, несмотря на поднятую вокруг него травлю и свистопляску недругов.

Естественно, у меня возник вопрос: кто же автор этих текстов? Спросил об этом Елизавету Денисовну. Она молчит. Немного как бы жмется...

— Нельзя говорить, кто автор? Кто писал этот текст? Вы писали? — приступал я с расспросами.

— Не-ет, не я... Вам, пожалуй, можно сказать... Сам же он и писал... — негромко, без обычной твердой решительности ответила Воронянская.

Я стоял огорошенный. Молча обдумывал такую неожиданную новость. Потом заговорил:

— Как сам? Неужели он сам про себя в таких выражениях и в таком тоне написал? Как это возможно?

— Ну, а что тут особенного? — вопросом ответила Елизавета Денисовна. Она уже овладела собой и решила перейти

в наступление, памятуя, что это лучший способ обороны. — Ждать, пока другие напишут? Так ведь у него нет времени ждать, борьба идет сейчас, ждать некогда. А что, тут неправда написана про него? Разве он не такой на самом деле? Вы несогласны с этими оценками?

— Да-а, в общем-то согласен...— тяну я, — только как-то странно это, впервые сталкиваюсь с таким делом... человек сам про себя пишет в таких выражениях... Нескромно это, Елизавета Денисовна! — заключил я наконец более решительно.

— Как вы не понимаете! — с жаром воскликнула она. — Идет борьба, его хотят забить, заколотить и не стесняются в средствах! Он имеет право тоже выбирать любые средства защиты, которые сочтет нужными. Это не самореклама, а самозащита!

Вот так подвела итог того разговора Елизавета Денисовна, самая беззаветная защитница А. И.

Много пищи для размышлений дал мне тогда этот случай.

Своей выходкой я подорвал несколько доверие к себе в глазах Елизаветы Денисовны. Это выразилось в том, что она не дала мне на хранение ту книгу в красном переплете и вообще никогда больше ее мне не показывала и не говорила о ней.

С тех пор прошло много лет. Произошли многие события, вместе с которыми открылось столько нового, ранее неизвестного. Через мои руки прошло также немало новых документов, принесших столь неожиданную информацию, что оставаться в плену прежних представлений о Солженицыне я уже не смог бы, даже если бы и очень хотел. Факты — упрямая вещь, спорить с ними бессмысленно, им приходится подчиняться.

В биографии Солженицына есть темные пятна. Он отчетливо понимает их значение, и они его беспокоят. Он предпринимает усилия забелить их. Но не только забелить, но и заставить их служить ему, помогать достижению той главной цели, которую он поставил перед собой в жизни, — его личному возвеличению.

Делая признания в некрасивых и даже просто мерзких поступках, он или находит им объективные оправдания, или взывает к милосердию читателя, растроганного предыдущими описаниями. Либо, наконец, рисуется своим бесстрашием и приверженностью «великой традиции русского покаяния». При этом Солженицын, кажется, уверен, что не найдется человека, способного возразить ему по существу. Он убежден, что большинство промолчит из-за незнания фактической обстановки (не все же сидели!). Другие, знающие, промолчат из пиетета. Третьих уже просто нет. Но не все еще «ушли», и не все сохранили ту всепрощающую почтительность, которая так необходима для скромного молчания даже тогда, когда можно возразить и решительно не согласиться.

Вот одна из подобных ситуаций.

Солженицын рассказывает о вербовке его в лагерные осведомители — «стукачи».

«В этой главе не хватает материала. Что-то неохотно рассказывают мне лагерники, как их вербовали. Расскажу же о себе».

Когда я первый раз прочитал этот отрывок еще в том злополучном машинописном экземпляре, который у меня был изъят, я загорелся: вот-вот, сейчас будет рассказ о том, как блестяще Солженицын «отбрил» оперуполномоченного, как послал он его туда, куда мы сами друг друга посылали так часто, как он подвергся потом гонениям и преследованиям мстительного чекиста за свою твердость и мужество.

Я читаю его рассказ о вызове к лагерному оперуполномоченному в том небольшом лагерьке, который был тогда в самом сердце Москвы, на тогдашней Калужской. Полное драматизма и напряженности описание обстановки «беседы» под тихо струящуюся музыку включенного трофейного «Филипса». Переживания самого автора, поведение хозяина кабинета — оперуполномоченного — захватывают читателя, обращают все симпатии на беззащитного «зека» — автора тех строк. Но следует совсем неожиданный финал. После угрозы оперуполномоченного «загнать» в северные лагеря Солженицын думает: «Страшно-то как: зима, вьюги да ехать в Заполярье. А тут я устроен, спать сухо, тепло и белье даже. В Москве ко мне жена приходит на свидания, носит передачи... Куда ехать, зачем ехать, если можно остаться?»

Следует рассказ о «томлении духа» и... буквально непостижимом решении — купить себе временное и относительное благополучие прямым предательством.

Позволю себе напомнить некоторые, может быть, неизвестные современному читателю, но стопроцентно ясные для тех, кому в 1946 году было более пятнадцати-шестнадцати лет, детали времени.

Став осведомителем, человек утрачивал последние остатки личной свободы, своего «я». Его показаний было достаточно, чтобы любого начали считать подозрительным, лишили доверия, выдернули оттуда, где «спать сухо, тепло и белье даже», где жены приходят на свидания и носят передачи...

Лагерное начальство знало, как нелегко завербовать в осведомители человека с совестью и честью. Может быть, поэтому вербовка Солженицына последовала только после его пресловутого «Заявления»?

Так или иначе, она состоялась. Испугавшись «зимы, вьюг, Заполярья», Солженицын идет на то, о чем сам он рассказал: на подписание обязательства доносить и на выбор стукаческой клички «Ветров».

Мне доводилось слышать споры, был ли Солженицын осведомителем лагерной администрации или ему и вправду удалось перехитрить всех и не сделать ни одного доноса.

К этому вопросу мы еще вернемся, но уместно подумать и о другом. Допустим, произошло чудо и Солженицын никого не заложил. Но кто мог гарантировать под музыку трофейного «Филипса», что завтра же Солженицыну не придется «стучать» на лучшего друга или «продавать» собственную жену? Что опер и все его начальники окажутся полными лопухами, что будут нарушены все правила и инструкции только для того, чтобы Ветров остался чист?

Никто, конечно.

Однако вот что любопытно. Рассказ этот воспринимается по-разному. Люди, безоговорочно верящие Солженицыну и знающие лагерный мир только с его слов, даже не чувствуют вины Александра Исаевича. Старые лагерники видят тут другое. Их поражает легкость сдачи человека, который потом, годы спустя, задним числом, сделает заявку на необыкновенное геройство.

То, что рассказано дальше, уже совсем не принимается лагерным умом, отвергается им как нечто вовсе несообразное.

«В тот год я, вероятно, не сумел бы остановиться на этом рубеже... Но что-то мне помогло удержаться... (Ветров, по-видимому, знал, давая подписку, что обязательно объявится этакое «что-то»). При встрече Сенин (лагерный надзиратель, резидент оперуполномоченного ГБ. — Наше примечание) понукал: Ну? Ну? Я разводил руками: ничего не слышал... А тут меня по спецнаряду министерства выдернули на шарашку. Так и обошлось. Ни разу больше не пришлось подписаться «Ветров».

Этот рассказ, конечно, рассчитан на людей совершенно несведущих — таких большинство среди читателей, и с годами их число будет все увеличиваться. Но мы, обломанные лагерями старые «зеки», твердо знаем: такое было невозможно! Нельзя поверить, чтобы, дав подписку «стучать», от опера можно было так легко отделаться. Да еще как отделаться? Переводом на привилегированное положение в особый, да еще и сверхсекретный лагерь! Кому он это рассказывает? Заявляю: подобная нелепость была совершенно невозможна, она находится в вопиющем противоречии с незыблемым лагерным законом — «зеку» не спускается даром ничего, никакое малое нарушение. Как же могло пройти ненаказанным такое ужасное преступление, как вероломство с подпиской на стукачество? Да какой же опер мог допустить такой «брак» в работе? Он подчиненное и подотчетное лицо, его проверяют. К чему подставлять свою собственную шею за этого мерзавца? Никогда такого не было и не могло быть. А что касается «мер воздействия» на нерадивого, то это пожалуйста, сколько угодно, хоть и до второго срока под любым предлогом.

Рассказ Солженицына поражает уж не своей несообразностью, а наивностью автора в том, что он серьезно думает кого-нибудь обмануть такой «байкой».

Как же технически осуществлялся перевод заключенного из лагеря в лагерь по так называемому «спецнаряду»? Этот документ о переводе — спецнаряд — приходит из Управления лагерей и поступает к начальнику местного лагеря. Но никак не минует и оперуполномоченного, без визы которого в действие приведен быть не может. Характеристику на переводимого пишет он же. С плохой характеристикой нельзя переводить заключенного в привилегированный лагерь. А хорошую характеристику на взявшего обязательства и кличку получившего, а потом нагло уклонившегося от этого дела какой оперуполномоченный напишет? Где найдется такой дурак?

Вот и получается, что перевели Солженицына в шарашку только потому, что оперуполномоченный написал нужную характеристику, дал «добро» на перевод. Не надо больше разжевывать, чтобы объяснить, что означало такое «добро» в той ситуации, которую так неосторожно рассказал сам Солженицын.

Но это еще не все. Ведь письменное обязательство «стучать» не пропадает бесследно. Оно вшивается в «дело» заключенного и следует за ним всюду, куда бы тот ни попал. Эта каинова печать прилеплена к нему на веки вечные. И, прибыв на шарашку, он непременно попадает в цепкие лапы теперь уж другого опера. Даже если допустить, что в прежнем лагере на Калужской Солженицыну и удалось совершенно безнаказанно «отвертеться» от тамошнего опера (а это совершенно невероятно!) и тем не менее попасть на шарашку, то уж там-то с такой бумагой, подшитой в его личном деле, он никак не мог избежать специального внимания.

О том, как на шарашке Солженицын «сумел» уклониться от своей новой службы, мы, к сожалению, не знаем. Об этом он почему-то в «Архипелаге» не распространился...

Вернемся-ка к началу нашего рассказа об этом скользком эпизоде жизни Александра Исаевича. Вот он сказал:

«Что-то неохотно рассказывают мне лагерники, как их вербовали».

Сказал и не подумал, что он ведь плюнул в лицо тысячам и тысячам честных старых лагерников! «Неохотно рассказывают» — это, значит, боятся, не хотят рассказывать? Значит, у них совесть нечиста? Тоже, значит, давали подписку и «стучали»? Так, что ли? По Солженицыну выходит — только так.

А спрашивал ли он? Много ли он об этом спрашивал старых лагерников, с которыми беседовал? Мне так думается, что он их совсем не спрашивал о том, как их вербовали и вербовали ли их вообще, потому что ему неприятно было бы услышать рассказы о том, как люди устаивали, не сдавались, оставались чистыми на весь лагерный срок, не боялись преследований лагерного начальства.

Вот мне он не задал такого вопроса. Спросил о власовщине, о пополнениях в воркутинских лагерях летом 1953 года, а вот о том, вербовали ли меня и как это было, не спросил. Постеснялся, может быть. А может, не хотелось? Напрасно. Кое-что, не лишенное для него интереса, услышал бы.

Не знаю только, устроил ли бы Александра Исаевича мой рассказ. Ведь он прямое доказательство невозможности версии автора «Архипа». Я тоже был отобран для «спецнаряда», т. е. перевода в таинственную «шарашку». Работал я тогда в т. н. геотехнической конторе, и мой начальник профессор Баженов — тоже заключенный — давал уже напутствия, кому кланяться от его имени в Останкино (именно там находилась «марфинская» шарашка). Словом, все было готово для того, чтобы нам с А. И. познакомиться на двадцать лет раньше...

Но путь на завидный этап лежал через кабинет старшего лейтенанта Воробьева — оперативного уполномоченного. Я получил предложение о сотрудничестве и, несмотря на уговоры, длившиеся целый день, отверг его. (Заполярья я не боялся, поскольку и без этого уже находился в нем!) В результате я никуда не уехал, вскоре вылетел из моей благополучной научной конторы, да не куда-нибудь, а в подземелье, в шахту при каторжанском лагере, и почти до самого конца срока, добрых семь лет, ощущал чью-то «заботливую руку».

Десятки подобных же лагерных судеб могу рассказать. Но ни разу не слышал, чтобы «саботажников» и «дезертиров» (а именно таким должен был выглядеть А. И. в глазах начальства) поощряли переводом на «райские острова».

Я недолго оставался одиноким в своих подозрениях. И попал в компанию, которой, признаюсь прямо, горжусь. В руках у меня статья 90-летнего М. Якубовича, одного из 227 «соавторов» Солженицына по «Архипелагу», расписанного в этой книге на целых восьми страницах. М. Якубович — правнук декабриста А. Якубовича, видный меньшевик, один из главных обвиняемых нашумевшего в 1930 году процесса по делу так называемого Союзного Бюро Меньшевиков.

Статья названа «Постскриптум к «Архипелагу», и вот что там, между прочим, написал этот «старейшина корпуса диссидентов» — пусть уж извинит он мне такую игривость: «Если бы это сообщение исходило не от самого Солженицына, я бы, пожалуй, этому и не поверил. (Как же человек, претендующий на роль пророка, «глаголом жгущего сердца людей», и вдруг... секретный осведомитель органов ГПУ! Того самого ГПУ, которое он всячески поносит в «Архипелаге»! Несовместимо...

Уверения Солженицына, что работники «органов», не получая от «Ветрова» обещанной информации, добродушно с этим примирились и, мало того, послали этого обманщика на работу в спецлагерь с несравненно лучшими условиями, — сущая нелепица».

Якубович дает ответ и на другой, занимавший и меня вопрос: для чего понадобилось Солженицыну это полусаморазоблачение?

«Мне кажется, что это психологически объяснимо. Покрытый на Западе славой неустрашимого борца против «варварского коммунизма», сидя на мешке золота... Александр Солженицын все-таки не знает покоя. Его, несомненно, обуревает страх, и «мальчики кровавые» ему мерещатся — те самые мальчики, на которых он доносил. А вдруг КГБ выступит с разоблачениями и опубликует во всемирное сведение тайну «Ветрова» — каков будет удар для нравственной репутации «пророка» и лауреата? Так не лучше ли упредить, перехватить, подать разоблачение в своей версии, в своей интер-

претации? Его логика проста: да, я был секретным осведомителем, но в действительности я никаких доносов ни на кого не делал. Мне «удалось» избежать выполнения принятых обязательств, и доказательством этого как раз и является мое выступление с саморазоблачением.

Такова, на мой взгляд, психологическая причина саморазоблачения Солженицына».

Вот мнение старого лагерника, чей срок заключения измерялся не годами, как мой, а десятилетиями, а жизненный опыт пропорционален возрасту!

Л. А. САМУТИН

(Продолжение следует)
ВИЖ №11 1990

К главе «Архипелага», которая называется «Следствие», у меня с самого начала предвзятое отношение. Что делать, когда читаешь о ситуациях, близких тем, в которых сам находился, — невольно «примеряешь на себя», на свой опыт. А он у меня был таким... ...В начале июня 1946 года в датском полицейском автобусе под сильной охраной датчане перевезли меня, мою секретаршу и еще пятерых «перемещенных лиц» из Копенгагена в английскую зону оккупации, в город Любек, и передали там англичанам. Те, проверив сопроводительные бумаги, не только не стали допрашивать нас, но даже ни единого вопроса не задали и доставили всех на контрольно-пропускной пунт демаркационной линии с советской оккупационной зоной. Потом просто выпихнули нас через эту линию под дула родных, советских же автоматов... Покоряясь судьбе, нисколько не сомневаясь в том, что нас ожидает, спустились под этими дулами вниз по каменным ступенькам в подвал контрразведки «Смерш».

Наши предчувствия предельно сурового и жестокого обращения не оправдались. Мы ожидали тут же и немедленно беспощадной встречи с отбиванием внутренностей и отнятием, по крайней мере, полжизни. Ничего похожего не произошло. Был обыск, тщательный, очень придирчивый, с окриками и понуканиями, с обращением, которое не назовешь изысканным, но оно нас как-то не возмутило.

Это было первое «разочарование» в наших ожиданиях. Датчане передали вместе с нами одного молодого бывшего казачьего офицера, с которым я встречался летом 1944 года, когда через датский город Ольборг, в котором располагалась наша редакция, проезжал атаман Г. Шкуро со свитой из нескольких человек. Атаман ехал вербовать из лагерей, находившихся на территории Норвегии, добровольцев в казачьи части. Части эти были сведены в отдельный корпус под командованием генерала фон Панневитца, но при нем был казачий совет с председателем — атаманом П. Красновым, бывшим донским атаманом, свитским генералом царских времен и казачьим «вождем» начальной эпохи гражданской войны. Между прочим, тем самым Красновым, которого большевики выпустили из тюрьмы в ноябре 1917 года под честное слово, что он не возобновит вооруженной борьбы против Советской власти. Фамилии и Краснова, и Шкуро мне были хорошо известны — в годы нашего учения в школе, на рабфаке и в ВУЗе историю тогда еще недавней гражданской войны изучали подробно и детально.

Я хорошо запомнил тот день, когда мой ординарец доложил, что какие-то незнакомые офицеры приехали из Германии и хотят меня видеть. Вошли два офицера, лейтенант и капитан. Оба представились, поздоровались. Заговорил почему-то лейтенант, капитан молчал. От них узнал я, что они сопровождают генерал-майора Шкуро в поездке в Норвегию за пополнением. Корпус стоит в Югославии, участвует в борьбе с Тито и Михайловичем. Сейчас они ждут самолета и остановились в отеле «Ритц», генерал просит меня «на стакан чаю».

Так состоялась моя встреча с еще одной печально известной «исторической» личностью — казачьим атаманом Шкуро. Я даже помнил по литературе описание внешности атамана: шрам от сабельного удара наискосок через все лицо. Встреча в отеле «Ритц» в общем-то подтвердила мое представление об атамане. Действительно, лицо было разрублено наискосок от левого края лба через нос, правую щеку и вниз почти до шеи. Страшный удар! Но, видимо, здоров был в молодости атаман! Выдержал такое ранение. В общем же он поразил меня примитивизмом профессионального рубаки и отчаянного выпивохи. Датский «Аквавит» — тминную сорокаградусную — он глушил, как лимонад, не пьянел нисколько, только краснел и распалялся. Темами его речей были вино, женщины и рубка. Ни военные дела, ни политика его, казалось, совершенно не интересовали.

Вот с этим-то лейтенантом из окружения генерала Шкуро и свела меня судьба в подвале советской контрразведки. Его судьба выглядела куда печальней моей. После всеобщего крушения он каким-то образом очутился опять в Дании. Молодой, смазливый и ловкий парень, он сумел быстро охмурить какую-то датскую девчонку в провинции, прибился к ее семье, успел наградить ее ребенком и стать весьма ценным помощником папаши — владельца небольшой авторемонтной мастерской. С чисто русской ловкостью быстро овладев слесарным делом, завоевав своим трудолюбием и способностями уважение датчан, а главное — тестя, уже видевшего совершенно реальные возможности расширения своего «бизнеса», он считал себя вполне устроенным и спасенным. Но молодые решили оформить брак в муниципалитете. Это привлекло внимание властей, дошло до полиции, которая имела инструкции выискивать скрывающихся русских и подвергать их насильственной репатриации через англичан. Так, в один непрекрасный день за нашим молодым счастливцем прибыл черный полицейский автомобиль... И теперь недавний лейтенант тяжело и несколько истерично переживал крушение своей судьбы, то переходя к бурному веселью и браваде, то впадая в глубокое уныние и депрессию. Он очень боялся предстоящего следствия и суда, имея, видимо, в прошлом какие-то серьезные грешки...

Итак, хоть нас и встретили не с распростертыми объятиями, а дулами автоматов, но не били и кормили. После датских и шведских разносолов отечественная тюремная пища первое время никак не шла в рот, не в силу непригодности, а по резкому контрасту. Мы, конечно, избаловались в благословенной Дании и привыкли к другой еде.

Но жизнь и нужда берут свое, и скоро пришлось выскребать ложками баланду и кашу со дна тюремных мисок и подбирать крошки. Пайка хлеба, граммов 400—500, полмиски овсяной каши и кружка сладковатой, подчерненной чем-то жидкости — завтрак. Какой-то картофельно-крупяной супчик — баланда, и опять полмиски каши, той же овсянки или дробленого пшена, или «магары» — обед. Вечером на ужин — еще раз каша.

Конечно, это однообразно и невкусно, но с голоду не умрешь. Это было второе «разочарование», постигшее нас, — мы ждали, кроме избиений, еще и пытки жестоким голодом: зачем же кормить людей, обреченных на уничтожение? Но рядом с нами, за стенкой, находилась камера смертников, уже осужденных к высшей мере, — их кормили так же, как и нас. С соседями мы перестукивались по ночам. Основная информация: сколько вас? А вот сколько нас! Колебания численности за стенкой весьма занимали наше сознание. Мы почти не сомневались, что через какое-то время будем постукивать в эту же стенку, но с той стороны...

Третий пункт наших «ожиданий» тоже не оправдался. Мы все ждали «пыточного следствия», не сомневались, что нас будут избивать не только следователи, но и специально обученные и натренированные дюжие молодцы с засучен-

ными рукавами. Но опять «не угадали»: не было ни пыток, ни дюжих молодцов с волосатыми руками. Из пятерых моих товарищей по беде ни один не возвращался из кабинета следователя избитым и растерзанным, никого ии разу не втащили в камеру надзиратели в бессознательном состоянии, как ожидали мы, начитавшись за эти годы на страницах немецких продагандистских материалов рассказов о следствии в советских тюрьмах.

Спустя четверть века, листая рукопись «Архипелага», я снова увижу описание «пыточного следствия», да еще в тех же самых словах и красках, которые помнятся мне еще с того, немецко-военного времени. Это картины, сошедшие почти в неизменном виде с гитлеровских газетных статей и страниц пропагандистских брошюр. Теперь они заняли десятки страниц «Архипелага», книги, которая претендует на исключительность, объективность и безупречность информации.

Из-за водянистости, отсутствия строгой организации материала и умения автора затуманивать сознание читателя, играя на его чувствах, при первом чтении проскакивает как-то незамеченным одно очевидное несоответствие. Красочно и драматично рисуя картины «пыточного следствия» над другими, дошедшие до Солженицына в пересказах, он затем на доброй сотне страниц будет рассказывать не столько о самом себе в роли подследственного, сколько о том, в какой обстановке протекала жизнь в следственной тюрьме: как заключенные читали книги, играли в шахматы, вели исторические, философские и литературные диспуты. И как-то не сразу придет мне в голову несоответствие картин фантастических пыток с воспоминаниями самого автора о его благополучном пребывании в камере.

Итак, пыток перенести не привелось ни автору «Архипелага ГУЛАГ» Солженицыну ни его соседям по тюрьме в Москве, ни мне с товарищами в подвале контрразведки 5-й ударной армии на территории Германии. И в то же время у меня нет оснований утверждать, что мое следствие шло гладко и без неприятностей. Уже первый допрос следователь начал с мата и угроз. Я отказался говорить в таком «ключе» и, несмотря на усилившийся крик, устоял. Меня отправили вниз, я был уверен — на избиение, но привели «домой», то есть в ту же камеру. Два дня не вызывали, потом вызвали снова, все началось на тех же нотах, и результат был тот же. Следователь позвонил по телефону, пришел майор, как потом оказалось, начальник отдела. Посмотрев на меня сухими, недобрыми глазами и выслушав претензии и жалобы следователя, он спросил: «Почему не даете старшему лейтенанту возможности работать? Почему отказываетесь давать показания? Ведь все равно мы знаем, кто вы такой, и все, что нам еще нужно, узнаем. Не от вас, так другими путями».

Я объяснил, что не отказываюсь от показаний и готов давать их, но протестую против оскорблений и угроз. Честно говоря, я ожидал, что майор бросит мне: «А чего еще ты, сволочь, заслуживаешь? Ждешь, что с тобой тут нянчиться будут?» Но он еще раз сухо взглянул на меня и сделал какой-то знак следователю. Тот ткнул рукой под стол — нажал кнопку вызова конвоира. Тут же открылась дверь, и меня увели.

Опять не вызывали несколько дней, а когда вызвали, привели в другой кабинет и меня встретил другой человек с капитанскими погонами. Предложил сесть на «позорную табуретку» — так мы называли привинченную табуретку у входа, на которую усаживают подследственного во время допроса, потом сказал:

— Я — капитан Галицкий, ваш следователь, надеюсь, что мы с вами сработаемся. Это не только в моих, но и в ваших интересах.

И далее повел свое следствие в формах, вполне приемлемых. Я стал давать показания. Тем более что с первого же дня нашего общения капитан усадил меня за отдельный столик, дал чистые листы бумаги и предложил писать так называемые «собственноручные показания». Лишь потом, когда показания он стал переводить на язык следственных протоколов, я понял, что этот человек «мягко стелет, да жестко спать». Галицкий умело поворачивал мои признания в сторону, нужную ему и отягчавшую мое положение. Но делал это в форме, которая тем не менее не вызывала у меня чувства ущемленной справедливости, так как все-таки ведь я был действительно преступник, что уж там говорить. Но беседовал капитан со мной на человеческом языке, стараясь добираться только до фактической сути событий, не пытался давать фактам и действиям собственной эмоционально окрашенной оценки. Иногда, желая, очевидно, дать мне, да и себе тоже, возможность отдохнуть, Галицкий заводил и разговоры общего характера. Во время одного я спросил, почему не слышу от него никаких ругательных и оскорбительных оценок моего поведения во время войны, моей измены и службы у немцев. Он ответил:

— Это не входит в круг моих обязанностей. Мое дело — добыть от вас сведения фактического характера, максимально точные и подтвержденные. А как я сам отношусь ко всему вашему поведению— это мое личное дело, к следствию не касающееся. Конечно, вы понимаете, одобрять ваше поведение и восхищаться им у меня оснований нет, но, повторяю, это к следствию не относится.

Я подумал тогда про себя, что такая позиция капитана вряд ли соответствует существовавшей в те времена партийной этике и уж, конечно, противоречит инструкциям для чекистских следователей, обязанных ненавидеть смертной ненавистью своих подследственных (в существование таких инструкций я верил безусловно). Однако факт остается фактом, именно такие слова я услышал от своего следователя капитана Галицкого.

Итак, следствие шло к концу. Я ожидал своей меры наказания. В 1946 году такой мерой было 10 лет лагерей и 5 «по рогам», то есть 5 лет лишения гражданских прав после отбытия срока наказания. «Лишение прав» — это в основном лишение права «избирать и быть избранным» в органы Советской власти. Весьма условное наказание для нашего брата, антисоветчика...

Именно так было и с нами — нас судил военный трибунал 5-й ударной армии и дал обоим (мне и моей секретарше) одинаковый срока 10 и 5, несмотря на совершенно очевидную разницу в степени фактической ответственности за содеянное. Важно было, как я понял, не различие тягости преступных действий, а сам факт наличия таковых, лишь бы он не достигал той критической черты, за которой следовала более суровая мера наказания. В те годы это означало расстрел. Такой приговор выносили тем, против кого были собраны неопровержимые доказательства участия в карательных операциях на оккупированной территории, в казнях и тому подобных акциях. Любопытны сохранившиеся в памяти слова прокурора, полковника, фамилию которого не запомнил, сказанные им мне при закрытии следственного дела. В соответствии с так называемой 206-й статьей тогдашнего Уголовно-процессуального кодекса это «закрытие» заключалось в том, что в присутствии прокурора подследственному давали для ознакомления все его «дело».

В моем деле были вещественные доказательства преступной деятельности — номера нашей газеты «На дальнем посту» с моей подписью: «Отв. редактор...» Были ли они добыты советской разведкой за границей или вывезены советскими репатриантами из числа насильно угнанных немцами из России, добровольно возвратившимися на Родину, не знаю. Считаю одинаково вероятным и то и другое. Были еще в деле две удивившие меня бумаги: первая о том, что для производства следствия нас (меня и мою спутницу) следует перевести в более высокую инстанцию — из дивизионной в контрразведку армии,. а - вторая - ходатайство начальника следственного отдела армейской контрразведки примерно следующего содержания: «Подследственный такой-то продолжает упорствовать в сообщении сведений о своей измен-

нической деятельности, не раскрывает своих преступных связей с различными контрреволюционными элементами и организациями и т. д., вследствие чего считаю необходимым продление следствия с переводом подследственного в контрразведку Группы оккупационных войск». На этой бумажке была наложена резолюция: . «Материалы, полученные следствием достаточно изобличают подследственного... в его преступной антисоветской деятельности, поэтому необходимости передачи его для продолжения следствия в контрразведку Группы оккупационных войск не имеется, и он надлежит быть предан суду военного трибунала 5-й ударной армии». Эта резолюция была подписана прокурором 5-й армии, перед которым я теперь сидел.

— Считайте, что вам повезло, Самутин. Вы получите 10 лет, отсидите их и еще вернетесь к нормальной гражданской жизни. Если захотите, конечно. Попали бы вы к нам в прошлом, 45-м году, мы бы вас расстреляли.

Часто потом приходили на память те слова. Ведь вернулся я к «нормальной гражданской жизни».

Время пребывания в следственных подвалах растянулось на четыре месяца из-за продления следствия. Я боролся изо всех своих силенок, сопротивлялся усилиям следователей «намотать» мне как можно больше. Так как я скупо рассказывал о себе, а других материалов у следствия было мало, то следователи и старались, по обычаям того времени, приписать мне такие действия и навалить на меня такие грехи, которые я не совершал. В спорах и возне вокруг не подписываемых протоколов мне удалось скрыть целый год службы у немцев, вся моя «эпопея» у Гиля в его дружине осталась неизвестной. Не могу сказать, какое имело бы последствие в то время разоблачение еще и этого этапа моей «деятельности», изменило бы оно ход дела или всё осталось бы в том же виде. Тут можно предполагать в равной степени и то и другое. Тем не менее весь свой лагерный срок до Указа об амнистии в сентябре 1955 года я прожил в постоянном страхе, что этот мой обман вскроется и меня потащат к новой ответственности.

Но вернемся к Александру Исаевичу Солженицыну.

Общие рассуждения о следствиях вообще, о которых слышал из пятых или десятых рук автор, внимания не заслуживают. Описания камерного быта были бы интересны, не топи автор читателя в болотах невыносимых длиннот и скучных подробностях. Да и прямого отношения к делу они не имеют. И так ясно: сухо, тепло, белье даже. Правда, вот библиотекарша неумело пользуется косметикой. Но тут, как говорится, «мне бы ваши заботы...»

Самое удивительное другое.

Невозможно понять, в чем же конкретно обвиняли Солженицына, каковой была тактика следователя и как вел себя на допросе подследственный. В чем суть «криминала» автора «Архипелага?» Намеки, недомолвки, «полуправды». Впечатление такое, будто автор все время хочет что-то скрыть.

Я решил проверить свое впечатление, пересказав (в ту пору рукопись еще лежала у меня на даче) содержание главы старому другу-юристу.

Мой «однополчанин» по Воркуте занимал в свое время немалые должности в судебных органах. Вскоре по окончании войны был обвинен в «либерализме» и «потачках преступникам», снят с должности, и сам отхватил десять лет. Освободились мы почти одновременно, он был реабилитирован и вернулся в Ленинград. Звали его и на прежнее поле деятельности, и в науку, но решил он, что будет отныне «жить только для себя», и на должности выше, чем юрисконсульт маленького заводика с окладом рублей в восемьдесят, не соглашался. Вскоре получил неплохую персональную пенсию и совсем оставил работу. Но если мне когда-нибудь (пронеси, господи!) доведется снова стоять перед судом - ни на какого другого адвоката я не соглашусь. Друг выслушал меня и спросил:

— А приговор?

— Приговора нет... А что, без него нельзя?

Мне было объяснено, что в приговоре содержится формула обвинения (это я знал и так!), что, не зная, в чем именно обвиняли человека, невозможно составить объективное мнение ни о следствии, ни о поведении подследственного во время оного (это я и сам чувствовал). И что осужденный скрывает содержание приговора только в одном случае: если разглашение может нанести ему ущерб.

Я не упустил случая поинтересоваться у Н. А. Решетовской, видела ли она когда-нибудь копию приговора мужа. Наталья Алексеевна, ответила, что, конечно, не раз держала ее в руках, когда хлопотала о пересмотре дела в 1946 году. Но обращала внимание только на заключительные фразы, говорящие о лишении свободы. А потом как-то куда-то Саня этот документ прибрал. Ему виднее, он больше в таких вещах разбирается.

В самом деле, почему там, где так много места уделено последним мелочам, нет того, что по важности можно было бы назвать «документ номер один»?!

Что бы мы узнали, прочитав этот документ?

Не так уж мало: перечисление квалифицированных как преступные деяний обвиняемого. Если у него были соучастники — их имена и степень виновности. Далее должна следовать ссылка на доказательства: показания свидетелей таких-то и таких-то, перечисление вещественных доказательств, упоминание об экспертизах и т. д. и т. д.

Но о приговоре в главе «Следствие» нет ни слова.

Зато вдруг какие-то неожиданные для сурового, никому ничего не прощающего Александра Исаевича призывы к кроткости и мягкосердечию.

«Брат мой! Не осуди тех, кто так попал, кто оказался слаб и подписал лишнее... Не кинь в него камень!» И это заявляет человек, который метал молнии в Якира и Красина. Не за «подписание лишнего», не за оговоры и ложные обвинения, а всего-навсего за признание и без того доказанных следствием фактов.

Почему вдруг забыта нетерпимость, которой так гордится Солженицын?

Ага! Вот оно в чем дело! «Из тюремной протяженности, оглядываясь потом на свое следствие, я не имел оснований им гордиться. Я, конечно, мог держаться тверже и извернуться находчивей. Затмение ума и упадок духа сопутствовали мне в первые недели...»

Из материалов Н. Виткевича и покойного профессора К. С. Симоняна мы знаем, что значило это «я, конечно, мог держаться тверже». Солженицын оговорил на следствии нескольких ни в чем не виновных людей. Но последуем призыву и не будем бросать камень! Что взять с человека, на которого накатило «затмение ума и упадок духа»? Многие ли способны перенести такую пытку, как необходимость спать при свете лампочки под потолком!

Если мы и можем осудить Солженицына, то не за слабость духа в то время. (Прошли все сроки давности). Ему действительно казалось, что жизнь его кончена, и он цеплялся за нее любыми средствами. Вызывает отвращение другое. Будучи пойман за руку сейчас, фактически признав в той же самой главе свой давний грех, он все-таки пытается изворачиваться и льет новую грязь на оговоренных им же старых друзей, в то же самое время трубя на весь мир, что человечество может спасти только... покаяние.

Но, повторяю, речь идет не об этом. Свидетельства Виткевича и Симоняна достаточно известны. Авторитет и честность этих людей не могут вызвать сомнения у самых закоренелых скептиков. Меня интересовало другое. Как в действительности шло следствие?

Для этого нужно ответить на несколько вопросов, которые никогда не придут в голову читателю более молодого поколения даже у нас в стране, а тем более неискушенному западному.

1. Почему понадобилось везти, да еще индивидуальным порядком, арестованного Солженицына с фронта в Москву? Неужели любой армейский трибунал не мог «влепить» ему «законную десятку»?! Улики-то были налицо. Фотокопии писем, где арестованный «критиковал Сталина». Мы-то знаем, как просто это делалось, хотя бы на примере судебного дела Виткевича.

2. В «преступной переписке» участвовали двое. К концу апреля следствие по делу одного из них закончено. День Победы — 9 Мая — Солженицын встречает уже старожилом общей камеры. А второй? Спокойно разгуливает по берегу Эльбы, в двух шагах от союзников... И берут его под стражу лишь после окончания следствия над Солженицыным!

3. Почему Солженицын получает такой, по тем временам буквально неестественно малый срок по совокупности двух статей, из которой 58—11 (создание антисоветской группы) была погрозней, чем простое 58—10? Почему при этом «без конфискации имущества и лишения наград», как отмечается в заявлении Солженицына от 1946 года?

4. Почему, когда при подписании ст. 206 следователь предложи в ответ на претензии Солженицына начать следствие сначала, т. е. дал шанс исправить то, что было создано «помутненным разумом», Солженицын отказался от всяких замечаний и протестов?

5. Почему нигде и никогда не говорит Александр Исаевич, в чем же конкретно он обвинял Сталина, каково было содержание пресловутой «Резолюции № 1»?

Как объяснить все это?

Восстановить ход следствия пыталась Наталья Алексеевна Решетовская. Ей мешали два обстоятельства. Во-первых, она, несмотря на все стремление к объективности, была лицом заинтересованным. Все, что отягощало совесть Сани, убивало и ее, и она инстинктивно сторонилась этого. Во-вторых, ей попросту, не хватало житейского опыта, знакомства с такими мрачными сферами действительности, как следственные изоляторы, суды, лагеря. Немало интересных мыслей выскажет позднее чехословацкий журналист Томаш Ржезач в своей во многом блистательной книге. Но он не жил в Советском Союзе тех времен.

Хотя мой собственный «судебно-следственный» опыт минимален, я знаком с судьбами сотен людей, которым повезло куда меньше, чем мне, помню их рассказы, а с некоторыми могу проконсультироваться дополнительно. По-видимому, возможности чеха были гораздо больше моих. Ему даже удалось разыскать бывшего следователя Солженицына. Почему он не догадался задать ему мои вопросы? Я понимаю, что, конечно, мне такой случай никогда не представится. Это такая же утопия, как шанс заглянуть в судебное дело!

И вдруг я вспомнил о хранящейся у меня и по сию пору фотокопии «Заявления»! Это, конечно, не «дело», даже не приговор, но, в известной степени «аннотация» его. В «Заявлении» Александр Исаевич не мог писать ничего, что противоречило бы материалам дела. Он был бы тут же уличен в попытке обмана. А между тем... Вот оно, заявление!

Все, вплоть до умного и недоверчивого профессора Симоняна, как-то безоговорочно приняли версию самого Александра Исаевича, что он в злополучных письмах ругал и поносил Сталина. Но как мне самому прежде не пришло в голову, что в СССР в 1944—1945 годах это было стопроцентно невозможно.

Солженицын находился не в Дании, как я, а в действующей армии, где существовали свои, определенные военным временем предельно жесткие законы. Не могу сказать, сколько часов прошло бы от обнаружения цензором в письме слов, порочащих Верховного Главнокомандующего, до военно-полевого суда. Но полагаю, что не так много. Армейская юстиция не всегда справедлива, но всегда скора.

А тут? Что-то около года кто-то терпеливо снимает фотокопии с письма за письмом, терпеливо ожидая чего-то. Чего именно?

Да ведь тот человек, цензор или контрразведчик, который бы год целый тянул дело с разоблачением явного антисоветчика, уже обнаружившего себя, сам страшно рисковал своей собственной головой, если бы вдруг такая проволочка обнаружилась. И можно ли в таком деле ждать чего-то еще, если «враг» уже очевиден и прямые доказательства налицо? Что, ждать, пока человек с такими настроениями совсем дозреет и перебежит к немцам, да еще и со своей секретной техникой?

Совершенно нелепо утверждение Солженицына, что цензура и контрразведка год следили за его перепиской с Виткевичем, в которой-де содержалась ругань и хула в адрес Сталина. Сколько мы знали людей, отхвативших свою «десятку» за одно только единственное ругательное слово в адрес Сталина и арестованных тут же, на другой день!

Значит, в письмах никакой ругани или даже критики не было. А были (см. стр. 2 «Заявления») «...ошибки, которые я открыто излагал в письмах, ибо искренне считал себя верным сыном Советской Родины, и мне даже в голову не приходило, что меня могут квалифицировать как врага ее».

Так что понятна медлительность органов, занимавшихся наблюдением за перепиской офицера Солженицына. И они ломали голову, кто же это пишет: сумасшедший, заблудшая овца, дурак или... враг? На врага, пока не тянуло. Иначе, если и не арестовали бы, то нашли бы любой из десятков способов убрать с фронта, да еще из такой сверхответственной части. Тамошние же чекисты (а они-то наверняка были поставлены в курс дела) первыми бы попытались избавиться от слишком много пишущего комбатареи. Случись что, жизни не хватит на объяснения, куда, мол, растяпы, глядели! Сигналы-то вот они, в папочках подшиты!

Что же за «ошибки... излагал» автор этих писем?

Вот это установить не так уж трудно! Письма к Решетовской сохранились, и надо думать, что даже у такого не во всем последовательного человека, как Александр Исаевич, не было обыкновения по четным дням проповедовать одну политическую концепцию, а по нечетным — другую. Вот они, эти письма, которые теперь может прочесть каждый. Книга (Решетовская Н. А. В споре со временем. — М.: *Изд-во* АПН. 1975) выпущена Издательством АПН хотя и ограниченным тиражом, но доступна.

«Превращение войны отечественной в войну революционную». «Война после войны» — короче говоря, вперед, до Ла-Манша! Даешь Париж! Даешь Европу!..

Это противоречило официальным установкам того времени. Но в армии такие разговоры ходили, и «ошибавшихся», как правило, только журили, их считали хорошими ребятами, лишь с излишней долей лихости. Были и разговоры о том, что роспуск Коминтерна, запрет на рассуждения о «мировой революции» и т. п. — все это «тактика». «Так, мол, Федя, надо! А мы-то, «фронтовые орлы» — сами с усами, нас не проведёшь...»

По-разному относились к таким разговорам. Можно было увидеть и подмигивающий глаз строгого начальника при чтении нотации, а могло дело обернуться наказанием за повторение «троцкистских бредней». Но и в этом случае Солженицын прав — ему «даже в голову, не приходило, что его могут квалифицировать как врага».

Это косвенно подтвердил... генерал Травкин. Тот самый командир бригады, в штабе которого с Солженицына сорвали погоны. Как описывает сам автор, генерал напутствовал схваченного контрразведкой словами: «Желаю вам счастья, капитан». И это, между прочим, в присутствии двух сотрудников контрразведки. Думается, что, не знай генерал сути дела, он никогда бы не поступил так. Судите сами, человека уводят чекисты. Генерал не знает, может быть, это искусно маскировавшийся шпион? Может быть, это негодяй, в нетрезвом виде критиковавший Верховного Главнокомандующего? Может быть, предатель, готовивший переход на сторону врага? Нет, службист Травкин точно знал, что берут подчиненного за мальчишество, за неуместную лихость и браваду. И пожалел дурачка, зафиксировавшего на бумаге то, что другие болтали в узком кругу.

Для армейской контрразведки «дело» крамольного офицера тоже было «уравнением со всеми неизвестными». «Прокоминтерновская пропаганда» вроде бы не числилась в реестрах государственных и военных преступлений. С другой стороны, какие-то таинственные «группы», хотя и в послевоенной проекции, какая-то необходимость объединения единомышленников и распространения влияния на все общество, вплоть до правительства... Словом, то дело, на котором как раз и можно поскользнуться. Поэтому послать этого «писателя» куда подальше. И послали... в Москву. Дело, дескать, не военное, а сугубо политическое. Пусть в высоких сферах сами разбираются.

На всякий случай: мало ли что придет в голову столичному начальству— не в арестантском вагоне, не в телячьей теплушке, а как бы «под домашним арестом», в сопровождении офицера, в общем «бесплацкартном».

Так претворилась в жизнь первая часть «плана» Александра Исаевича. Его увезли с фронта.

Нет, дорогой читатель, слово «план» — отнюдь не оговорка.

Любой, кто остановит свое внимание на этих страницах — неизбежно задаст вопрос: для чего же нужно было Солженицыну афишировать свои, мы бы сказали теперь, «диссидентские» (только не справа, а слева!) взгляды? Ведь не от Решетовской зависели приказы о марше на Париж или издание инструкций по проведению «мировой революции».

Позже, когда я прочту статью профессора Симоняна «Ремарка», мне захочется пожать ему руку, хотя я и не совсем согласен с его версией. Симонян считает, что Солженицын совершил «моральный самодонос», чтобы дожидаться конца войны в тюрьме, а потом быть освобожденным по амнистии. Это, конечно, не исключается. Но Симонян исходил опять-таки из версии о ругательствах и критике в адрес Сталина, а с ней, как мы видим, не все получается. Поэтому, хотя по схеме наши рассуждения и совпадают с мнением профессора, вопрос требует более широкого толкования.

Давая пищу для размышлений и догадок цензуре и контрразведке, Александр Исаевич вовсе не ставил своей целью непременно тюремное заключение (хотя и считался с его возможностью!). Главное было навести на себя какие-то подозрения, которые сделали бы его пребывание на фронте нежелательным. Солженицыну, конечно, был известен не один десяток случаев (не забывайте, не забывайте: это же военное время, 1944 год!), когда людей откомандировывали с запада на восток по самым удивительным причинам. Я знавал одного храбреца кавказца, лихого командира батальона, которого отозвали с передовой и сделали на годы комендантом гарнизона в скучнейшем тыловом городке, так как обнаружилось, что его мать... гречанка! В Воркуте работал (я познакомился с ним, когда этот симпатичный парняга отбыл свой недолгий, годичный срок и был «вольным») молодой техник, попавшийся на том, что сообщил о себе в какой-то из бесчисленных анкет того времени «неверные сведения»: скрыл, что находился в начале войны на оккупированной территории.

И наверное, из частей «особой секретности», вроде той, в которой служил Александр Исаевич, отправляли в тыл и лиц с подозрительными связями и родствами, и сомнительных политически и т. д.

Чем плохо было бы заканчивать войну в каком-нибудь запасном артполку? Или, на худой конец, охраняя мост где-нибудь на Волге?

Риск, что увязнешь поглубже, конечно, был. Но и на случай ареста держал Александр Исаевич некоторые козыри про запас. Рукописи. Рукописи первых рассказов, которые (я опять цитирую все то же «Заявление») «...выношенные на фронте... сами говорят за себя — они выражают ТОЛЬКО (выделено Солженицыным. — Л. С.) искреннюю советскую идеологию».

Такую же идеологию выражала и пресловутая «Резолюция № 1», постоянно носимая при себе. Автор ее, конечно, что-то путал! Но ведь наш, советский, сверхреволюционер, суперкоммунист, патриот из патриотов!

Был, вероятно, еще расчет, как говорят теперь, «на личное обаяние». Неужели следователь не оценит рубаку-фронтовика, бравого артиллериста, прошедшего огонь и воду, да к тому же такого эрудита и умницу, такого мастака на цветистое слово, не будет обворожен талантом случайно попавшего в сети контрразведки своего парня!

Солженицын, по-видимому, и начал с этого. Во всяком случае, намек на такое есть в «Круге». Нержин начал объяснять следователю, что все пошло, мол, от изучения марксизма, что он как бы ультрамарксист...

Тут-то и провалился весь блистательный план.

Следователь Солженицына, так же как следователь Нержина, не пошел на разговор о тонких материях философского характера, а прямо и недвусмысленно потребовал рассказ об антисоветской деятельности подследственного. Кто знает, прояви в этот момент Александр Исаевич хотя бы минимум твердости и силы духа, скажи решительное «нет», заяви, что удивлен и возмущен такими обвинениями — может, и отпустили бы бедолагу с миром, не было бы ни отсидки, ни «Ивана Денисовича», ни «Архипа», а кропал бы член Союза писателей Солженицын до конца дней слащаво-патриотические рассказики вроде тех, что лежали «приобщенными к делу» и которые следователь и смотреть не стал, почувствовав, кто сидит перед ним... («Страшно подумать, — признает А. И. в «Теленке», — какой бы я стал писатель!»). Но тут-то и наступило то самое примечательное «помутнение сознания». Александр Исаевич вместо хоть каких-то попыток борьбы со следователем начал признаваться во всех грехах — подлинных и мнимых, своих и чужих.

По рассказу Виткевича, читавшего протокол допроса, это выглядело так. Следователю хватило одного окрика: «Солженицын, вы не искренни со следствием!»

На что было отвечено:

«Я искренен... Но я все забыл. К следующему допросу вспомню»...

Я не сомневаюсь в подлинности этой сцены, ибо она подтверждена не только Виткевичем, но и самим Солженицыным. Когда в американских газетах появилось интервью АПН с Виткевичем, Солженицын не мог оспаривать обвинений бывшего друга. Он высказал три упрека, которые могут увести от сути дела, но только подтверждают ее.

1. Виткевич читал протоколы не при реабилитации, а позже. (Значит, они все-таки были и содержание их соответствует сообщению Виткевича.)

2. Формулировки протоколов принадлежат следователю, а не Солженицыну. (А исправления рукой Солженицына на полях?).

3. Виткевич был настоящим «соучастником», так как подписал «Резолюцию №1». Но Виткевича судили-то не за эту злосчастную резолюцию, а за «злобную клевету на Сталина и антисоветские высказывания», которых в «резолюции» не было.

Итак, Александр Исаевич, находясь в «помутненном сознании», начал вспоминать.

А отуманенность эта была, по-видимому, вызвана неким психологическим шоком, связанным с тем, что Солженицын внезапно ощутил себя потерянным, утратил всякие надежды и доминирующим чувством всего его поведения стал страх. Страх уже имманентный, непреодолимый.

Впрочем, это уже область догадок.

Вернемся к теме.

Ответ на второй вопрос, почему дело против Виткевича было возбуждено лишь по окончании следствия над Солженицыным, напрашивается сам. Потому что обвинения против Виткевича возникли только в ходе допросов Солженицына, когда он «навспоминал» и целую антисоветскую организацию, и преступную деятельность ее членов. Из сказанного становится ясным и все, что касается третьего вопроса о малом наказании Солженицына. Он сам признает, что в его отуманенном мозгу оставалась лишь одна четкая, над всем довлеющая мысль: понравиться следователю, не сердить следователя, угодить следователю. Он охотно давал любые показания. Он полностью доказал, что он все-таки «советский», «свой парень», что он предельно безвреден для властей.

В эпизоде подписания Солженицыным статьи 206 — завершение следствия — Солженицын обращается к прокурору Котову с единственной просьбой. Пусть будет статья 58—10. Против этого он не протестует. Но почему же еще 58— 11 — группа? Ведь нас было только двое?!

Котов отвечал ему в хлестком стиле собственных солженицынских речей, где словесный шик иногда заменяет здравый смысл:

— Полтора человека — это уже группа.

Звучит красиво, но в деле были показания самого подследственного против остальных потенциальных участников «группы». И конструкция обвинения состояла не в том, что действительно создана группа, а в том, что существовало намерение создать таковую. Так что, наверное, эта часть сцены тоже фольклор.

Когда следователь в ответ на претензии Солженицына предложил начать следствие сначала, то Александр Исаевич снова пережил состояние шока. Иначе он сообразил бы, что это благо, а не наказание. Ведь он сможет отказаться и от самооговора, и от оговора других, ни в чем не повинных людей. Спасти не только себя, но и Виткевича, Симоняна, Ежерец, любимую жену. А в том, что опасность для них всех представлялась Александру Исаевичу вполне реальной — сомнений нет. Ведь все его первые письма, как только разрешили после следствия переписку, полны вопросов. Что с Кириллом? Где Наташа? Где Виткевич?

Но он панически боится снова оказаться в кабинете следователя. Видимо, тут опять срабатывает уже укоренившаяся боязнь «рассердить», «не угодить». Страх настолько велик, что можно и чужими жизнями пожертвовать.

Итак, все, как говорится, стало на свои места. И тайн-то, в настоящем смысле этого слова, никаких не было. Просто так много было наболтано и накручено, что не сразу разберешься. Вот что может наделать одна-единственная электрическая лампочка под потолком камеры, если ее не выключать на ночь!

Л. А. САМУТИН

(Продолжение следует)

ВИЖ №12 1990

ИЗ ОПУБЛИКОВАННОГО

ВЕТРОВ, ОН ЖЕ — СОЛЖЕНИЦЫН

По документальной повести Л. А. Самутина «Не сотвори кумира», часть которой была опубликована в 9, 10 и 11-м номерах нашего журнала, в редакцию поступает много писем с различными мнениями о ней. Читатели интересуются: неужели о событиях, о которых говорится в повести, стало известно лишь недавно? Нет, за рубежом об этом говорят давно.

В этом номере мы перепечатываем статью из независимого ежемесячного журнала «Нойе политик» (№ 2. — 1978. — Гамбург). Она была помещена под заголовком «Советской службе безопасности. Сообщение провокатора Ветрова — он же Александр Солженицын. Из посмертных документов Франка Арнау».

Мы это делаем также и потому, что 19 октября сего года газета «Книжное обозрение» опубликовала письмо вдовы Л. А. Самутина, в котором утверждается, что повесть написана под диктовку КГБ.

Думаем, что тем интереснее узнать мнение и другого автора о Солженицыне.

11 февраля 1976 года в Швейцарии умер выдающийся криминолог и писатель Франк Арнау. Вплоть до самых последних дней своей жизни он являлся неутомимым борцом за правду и право. В последнее время он также еще работал над рукописью книги, которой дал рабочее название «Борода снята» и для написания которой произвел многочисленные расследования, приведшие его также в Советский Союз. При этом его занимал миф, возникший на Западе вокруг личности Александра Солженицына и который поддерживается кругом людей, желающих возрождения холодной войны. Между тем обстановка вокруг Солженицына на политической арене стала несколько спокойнее.

Если мы сегодня кое-что опубликуем из рукописи книги Франка Арнау, которую не хотело принимать ни одно издательство, хотя автор относился к тем, кому, как говорится, сопутствует успех, то не произойдет ничего такого, что повредило бы лично Александру Солженицыну, а явится лишь заслуженной данью работе Франка Арнау. Публикация осуществляется с согласия жены и нотариуса покойного.

Александру Солженицыну придется дать ответ, признает ли он аутентичным (подлинным. — Прим. пер.) найденный Арнау и затем переведенный на немецкий язык документ, который, должно быть, написан его собственной рукой, или он считает этот документ также одной из тех фальшивок, о которых он предупреждал в заявлении прессе, опубликованном также в «Нойе Цюрихер цайтунг» 30/31.5. 1976 года, после того, как он узнал о существовании определенных документов, в том числе документов из архива Франка Арнау.

Редакция

* * *

Бог мой, да он правее самих царей!

Генри Киссинджер об Александре Солженицыне

(«Франкфуртер Альгемайне цайтунг», 5 мая 1976 г.)

Что общего между «Ветровым» и Солженицыным ?

Во втором томе «Архипелага ГУЛАГ» на страницах с 346 по 355 немецкого издания подробно изложено, как лауреат Нобелевской премии по литературе Солженицын в лагере был завербован КГБ. Ему была присвоена и признана им письменно кличка «Ветров»: «Ветров» — Солженицын.

Это признание известно из сотен тысяч экземпляров. Свидетельством этому служит подписка, данная им офицеру КГБ, о которой он сам рассказал.

С ошеломлением и с некоторым смущением поэтому было воспринято то, что было опубликовано некоторыми органами печати, такими, как берлинская «Тагесшпигель» от 27 мая, в качестве сообщения ДПА из Парижа: «Советский писатель и лауреат Нобелевской премии в области литературы Солженицын обвинил советскую службу безопасности КГБ в распространении фальшивых документов, которые изображают его провокатором КГБ во время пребывания в лагере. По данным Солженицына, который нашел в Швейцарии свою вторую родину, советская служба безопасности передала так называемое письмо корреспондентам западной прессы для того, чтобы обвинить его в связях с КГБ в прошлом. С тем чтобы наиболее достоверно имитировать его почерк, КГБ якобы получил от его первой жены несколько писем, которые он написал ей из лагеря».

В этом случае признание Солженицына становится еще более бессмысленным: зачем, собственно говоря, советской службе безопасности раскошеливаться лишь для того, чтобы тайно подкинуть западным журналистам письменные документы, тем более «сфабрикованные», которые изобличают «Ветрова»/Солженицына как их собственного провокатора, если об этом сообщается самим Солженицыным в течение многих лет в новых и новых изданиях?

Все же Солженицын сам вновь ставит вопрос, который, как нам известно, вначале был публично поставлен криминологом и писателем Франком Арнау, умершим в феврале 1976 года: почему же, собственно говоря, Солженицын сделал это малоукрашающее его и известное ограниченному кругу людей признание?

В первой главе одной из написанных и до сих пор еще не опубликованных работ Арнау указывается, что этому имеются два толкования: «Солженицын опасался, что его связь могла бы быть публично предана гласности на Западе органами КГБ в невыгодном для него свете или он благодаря собственной публикации хотел дискриминировать на собственном опыте порочную систему вербовки провокаторов в лагере органами КГБ... Никто не обязан верить утверждениям Солженицына о том, что он никогда не представлял КГБ донесений в письменной форме. Столь же мало есть оснований пренебрегать утверждением, что его интерпретация является неверной».

Насколько известно близкому ему окружению, Арнау собрал объемный материал по делу «Ветров»/ Солженицын и неоднократно официально заявлял публикацию на эту тему.

Сегодня мы можем познакомить наших читателей и общественность с некоторыми документами из архива, которые, вероятно, смогут в некоторой степени пролить свет на подоплеку сделанного в свое время заявления Солженицына (См. «Нойе Цюрихер цайтунг» от 30/31.5. 1976 г), но которые едва ли могли бы вызвать симпатии советских учреждений. Вы являетесь свидетелями еще одного сговора в ущерб третьему (Как уже вышеприведенный текст из посмертной рукописи Арнау, так и последующая документация страница за страницей заверены инициалами Э. А. — Этта Арнау, вдова и литературный секретарь ученого и писателя).

В ходе своих расследований Арнау с 10 по 14 сентября 1974 года находился в Москве, где по его желанию ему были предоставлены встречи с целым рядом лиц. Между тем он также встретился по крайней мере с одним человеком, встреча с которым, очевидно, не была предусмотрена программой.

В результате этой встречи Арнау сделал следующую запись: «Как я уже доказывал перед общественностью, С., несомненно, признался во втором томе «ГУЛАГа» на странице 346 и последующих, что он являлся доверенным лицом «органов» и работал в качестве агента КГБ в лагере под кличкой «Ветров». Насколько я смог сделать логический вывод из других обстоятельств, единственной явной причиной для С. донести на самого себя явилось беспокойство о том, что, несмотря на его надежды на то, что все документы в ходе реабилитации уничтожены, а всех его личных врагов заставили молчать или они молчат по другим причинам, никакой абсолютной безопасности нет.

Если, как я уже неоднократно свидетельствовал, просто не умещается в рамки здравого смысла то, что сотрудники КГБ, так подробно описанные им, довольствовались лишь его подписью под обязательством и которые либо не требовали за это никакой отдачи с его стороны, либо должны были довольствоваться малозначительными материалами, как хочет заставить поверить в это С, то я теперь имею в руках документальное свидетельство его активной деятельности. Мне ясно, что злобные нападки защитников С. и все попытки блокировать мои неподтвержденные высказывания о С. перед мировой общественностью в конечном счете, видимо, основываются на том, что мое предположение стало бы доказательством сознательной преступной агентурной деятельности С. в пользу КГБ и использовалось бы в целях личной мести. Знаменательно то, что в моей многочисленной корреспонденции с издательствами и ведущими газетами именно с моей стороны был предложен такой подход к делу: чтобы я **с** точки зрения научной криминалистики смог изобличить С. с помощью документального материала, однако другая сторона это до сих пор не приемлет.

Для того чтобы не допустить, чтобы этот основной изобличающий документ, который в связи с признанием С. — также, правда, прочитанным лишь немногими покупателями «Архипелага» — о том, что он давал обязательство работать в качестве агента КГБ, представляет собой неопровержимое доказательство его преступной деятельности — рассматривался в ущерб другим лицам, я не намеревался использовать в печати этот абсолютно убийственный для репутации С. на Западе материал, а собирался придержать его в качестве основного момента, несмотря на все возражения, для книги, которую я должен написать о Солженицыне».

В документе, названном Арнау «основным изобличающим», речь идет о рукописном доносе «Ветрова» с некоторыми ведомственными пометками на полях (см. факсимиле).

Немецкий перевод в том варианте, который взят из архива Арнау, гласит:

Совершенно секретно Донесение с/о «Ветров» от 20.1.52 г.

В свое время мне удалось, по вашему заданию, сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полузагадочно сказал: «Ну, все, скоро сбудутся пророчества гимна, кто был ничем, тот станет всем!» Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надежную группу, в основ-

Сов. секретно

86

Донесение с/о „Ветров" от 20/I-52 г.

В свое время мне удалось, по ранее заданию, обмениться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня в полной растерянности и полузаикаясь сказал: „Ну, вы, сказал сбывается пророчества гимна, что был никем, тот станет всем!" Из дальнейшего разговора Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Корженко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надежную группу, в составом, из своих-бандеровцев, припрятали ножи, арматурные трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из 2, 8, и 10 бараков должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать „своих". Далее разговор дословно: „Она же займется и стукачами. Всех знаем! Их нам для отвода глаз тоже в штрафник загонят. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и красноармейцев. Вот так-то!" Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают деньги. Теперь я окончательно убежден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля „а палешка-то, вроде умнее всех хочет быть, ну, посмотрим!"

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами.

Ветров

Верно:
Нач. отдела
розыска и обработки

Ветров
20.1.52. —

ном, из своих—бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из 2, 8 и 10 бараков должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать «своих». Далее разговор дословно: «Она же займется и стукачами. Всех знаем! Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и красно-погонников. Вот так-то!» Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают деньги. Теперь я окончательно убежден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля «а полячишка-то вроде умнее всех хочет быть, ну, посмотрим!»

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами.

Ветров 20.1.52

Пометка на полях: «Доложено в Главное управление лагерей МВД СССР. Усилить наряды охраны автоматчиками». Подпись. Пометка внизу: «Верно: начальник отдела режима и оперработы». Подпись (та же, что на полях).

К этому документу Арнау 13 сентября 1974 года надиктовал на магнитофон запись следующего содержания: «В беседе **с** В., профессором С. и фрау Р. неоднократно высказывалось мнение, что С. занимал в лагере «доверительные позиции». Я предполагаю, что один из моих собеседников рассказал знакомым о моем посещении. В гостиницу «Россия» мне позвонил кто-то на ломаном немецком языке, и я затем встретился в холле **с** одним мужчиной. Он представился мне, назвав себя, и дал свой точный адрес. Я намереваюсь во время моего посещения Советской России встретиться с ним, если получу разрешение, посетить его по месту жительства **с** тем, чтобы самому проверить его условия жизни. Особо важным было бы для меня узнать из государственных учреждений на месте, действительно ли он реабилитирован и каковы условия жизни такого реабилитированного человека. Я не могу исключить, что этот человек был подослан, но не верю в это. У меня сложилось мнение, что он говорит и ищет правду, поскольку он в течение многих лет имел большие трудности. Он показал мне копии писем и петиций, направленных во все возможные официальные инстанции, хотя я их не мог прочесть, их адресовка, кажется, подтверждала его высказывания.

К. сообщил мне, что вся его жизнь была и сейчас тесно связана с С. Он передал мне один документ, который он мне грубо перевел, так что я понял его основное содержание (точный его перевод, как перевод и других документов, будет сделан нотариальным переводчиком). Из него вытекает, что все предположения относительно «доверительной позиции» С. в ГУЛАГе далеко выходят за рамки всего ранее предполагавшегося *.

В статье «Архипелаг судьбы» Льва Колодного говорится: «...в этом лагере некий настойчивый сотрудник органов сумел-таки вынудить еще не закаленного зэка Солженицына подписать обязательство «сообщать оперуполномоченному лагучастка о готовящихся побегах заключенных», получив от него в результате такой договоренности первый псевдоним — Ветров... Что было бы дальше — остановился бы настойчивый оперуполномоченный на достигнутом или постарался развить успех, — никто, даже автор «Архипелага», не знает, потому что вскоре после этого падения зэку Солженицыну велели собраться с вещами» (Московская правда. — 1989. — 5 декабря).

К. поклялся передо мной в подлинности почерка С. Он заявил мне, что этот документ был предъявлен в ходе одного из процессов по реабилитации одного третьего лица и, к счастью, сохранился у одного адвоката. Он получил документ от этого адвоката, который исходил из того, что документ может быть полезен для собственной возможной реабилитации. Однако, к сожалению, он не может использовать документ сам, поскольку владение совершенно секретным материалом может быть расценено как дополнительное преступление и даже может привести к наказанию.

В связи с изменившейся общей обстановкой и тем обстоятельством, что сейчас на Западе кое-что публикуется из того, что у него в собственной стране запрещено, он хотел бы передать этот документ мне. Поскольку в нем назывались многие фамилии, невозможно непосредственно определить среди них его.

По поводу происхождения документа он заявил мне: «Без сомнения, это типичное донесение одного «стукача» (как он мне сказал — это «профессиональное название»(Так в статье Ф. Арнау) агента, давшего обязательство о сотрудничестве, среди заключенных) «куму» (это человек, который по поручению лагерного руководства дает этим агентам задания и получает донесения о настроениях, доносы и т. д.).

В данном случае, хотя документ и подлинный, фактические события были полностью искажены, что привело к страшным последствиям.

В действительности в лагере не планировалось никакого восстания, небольшая группа заключенных лагеря «Песчаный» (находился вблизи Караганды) намеревалась 22 января 1952 года пойти к руководству лагеря, чтобы просить его перевести некоторых других заключенных, которые сидели в карцере (усиленный арестантский режим), в обычный лагерь. Кроме того, они хотели добиться, чтобы и в этом лагере разрешили посещения родственников, получение посылок и т. д.

В связи с тем, как заявил с возбуждением К., что Ветров представил подготовку всего этого как вооруженный заговор «бандеровцев» (т. е. украинских националистов, которых лагерное руководство всегда считало особо опасными и соответственно относилось к ним), это привело к тяжелым последствиям.

В действительности на документе начертан приказ ГУЛАГа — «усилить лагерную охрану автоматчиками».

К. сообщил мне, что 22 января 1952 года в действительности образовалась группа заключенных и направилась к руководству лагеря. Раздались выстрелы. Возникла большая паника. К. полагает, что многие из этой группы были убиты.

Тогда, 22 января 1952 года, реакция лагерной охраны была для К. непонятной. Когда в его руки попал документ, ему стало ясно, что реакция охраны была вызвана донесением «Ветрова» о якобы готовящемся вооруженном восстании.

К. заявил мне, что ему абсолютно точно известно, что во время этой стрельбы названный в документе С. («Ветровым») информант Иван был убит прицельным выстрелом в голову. Это был применявшийся в лагерях метод устранения людей, которые могли быть опасными для секретных осведомителей лагерного руководства.

Далее, как он вспоминает, С., он же «Ветров», сразу же после стрельбы был переведен в лагерный лазарет, который находился в отдельной зоне от других заключенных. С тех пор как он получил в руки документ, для К. стало совершенно очевидным то, что это явилось мерой защиты, которую выклянчил сам «Ветров», от мести заключенных.

К. обратил мое внимание также на то, что для моих расследований было бы полезно разыскать некоего Трофимова, полный адрес которого он мне дал. Этот Трофимов являлся, должно быть, инициатором мирно задуманного обращения к руководству лагеря. В связи с трагическими последствиями он был отдан под суд с обвинением в подготовке вооруженного восстания. Он получил за это 25 лет.

Сейчас Трофимов реабилитирован. На суде в то время Т. напрасно просил судей вызвать С. в качестве свидетеля его невиновности, надеясь, что С. сообщит действительное положение вещей. Просьба Т. была отклонена со ссылкой на якобы отсутствие С, которого якобы перевели в другой лагерь.

В осторожных выражениях, которые я все же могу совершенно однозначно истолковать, К. намекнул, что эта техническая «невозможность» вызова С. на суд также относилась к обычным трюкам, с помощью которых «органы» охраняли своих доверенных лиц.

Во время моей будущей поездки посещение Трофимова стоит на первом месте моей программы».

Друзья Арнау не хотят исключать возможности того, что как Солженицыну и его советчикам, так и КГБ между тем известно о существовании этих документов, занявших обе страницы.

Незадолго перед своей смертью Арнау высказал своему коллеге-писателю предположение о том, что недостаточный успех его интенсивных усилий в плане публикаций в возможных издательствах и редакциях может быть объяснен не только вмешательством сторонников Солженицына. Даже издательство, которое ориентировано на Германскую коммунистическую партию, после первоначального согласия, уже согласованного устно проекта также отказалось.

№3 1991 Рубрика ЧИТАТЕЛЬ

«ЭТУ ПОДПИСЬ УЗНАЛ БЫ СРАЗУ»

Читая в вашем журнале № 12 за 1990 г. статью «Ветров, он же — Солженицын», увидел копию донесения с/о «Ветрова» от 20.01.1952 г. с резолюцией И. Д. Стожарова. Дело в том, что эту подпись я узнал бы сразу из тысячи и без ошибки. И вот почему. Более 13 лет мне пришлось работать, вернее, служить вместе со Стожаровым в ИТУ — УВД Куйбышевской области. Он был старшим по службе — заместителем начальника ИТК-6 по режиму и оперработе. Он умер в 1976 году. Хорошо помню, как Стожаров рассказывал нам о своей работе начальником отдела режима и оперработы ИТЛ Песчаный недалеко от Караганды, а также о готовившемся якобы восстании бандеровцев, власовцев и т. д. Но его удалось предотвратить оперативными мерами.

Я — бывший детдомовец, воевал в пехоте рядовым, в Сталинграде в 422-й Дальневосточной дивизии, участвовал в Курской и Харьковской битвах, потом — ранения, госпитали, демобилизация. В 1949-м поступил в милицию, работал в уголовном розыске — оперработником, а с 1958-го перевели на оперработу в ИТК-6.

А. С. АТИФЬЕВ, инвалид Великой Отечественной войны, пенсионер МВД СССР (Тольятти)

№5 1991

В № 9, 10, 11 за прошлый год мы начали знакомить читателей с рукописью Л. А. Самутина «Не сотвори кумира». Речь в ней главным образом шла об А. И. Солженицыне и его книге «Архипелаг ГУЛАГ». В связи с тем, что Самутина давно уже нет в живых, соответствующий договор на публикацию заключен не был.

После выхода первого отрывка рукописи в свет в ряде изданий появились бездоказательные, абсолютно ничем не подтвержденные заявления, будто Самутин бывший власовец, написал свою книгу под давлением и по указке КГБ. Обнаружилось, что у Самутина есть наследники авторских прав. Заключить договор с редакцией они категорически отказались, требуя прекратить выход в свет произведения Л. А. Самутина. В беседе дочь автора пояснила, что в случае прекращения публикации в «Военно-историческом журнале» ей обещано издание других книг отца за рубежом.

В сложившейся ситуации продолжение выхода в сает произведения Самутина противоречило бы авторскому праву.

Кто такой П. Г. Григоренко?

Недавно в журнале «Звезда» прочитал «Воспоминания» П. Григоренко. Из них узнал, что Петр Григорьевич был одним нз самых деятельных участников правозащитного движения 60—70-х годов в нашей стране, борцом за права крымско-татарского народа. За свое инакомыслие изгнан из рядов Советской Армии, лишен звания, дважды заключался в спецпсихбольницы. В 1977 г. был приглашен на полгода в США, а через три месяца его лишили советского гражданства.

Не мог бы «ВИЖ» опубликовать какие-либо документы, раскрывающие личность этого человека?

С. МЕЛЬНИКОВ (Севастополь)

ПЕТР Григорьевич Григоренко родился в 1907 году в селе Борисовка Приморского района Запорожской области. Украинец, из крестьян. После окончания в 1918 году начальной школы помогал отцу в хозяйстве, работал слесарем. В 1928 году окончил рабфак, а затем два курса Харьковского инженерно-строительного института. В Красной Армии — с 1931 года. До 1934 года обучался в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Выпущен военинженером 3 ранга и проходил службу начальником штаба, затем командиром отдельного саперного батальона и начальником инженерной службы 13-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа. В 1937—1939 гг. — слушатель Академии Генерального штаба. Майор П. Г. Григоренко в 1939 году принимал участие в боях у реки Халхин-Гол, будучи старшим помощником начальника оперативного отдела штаба фронтовой группы. В течение почти всей Великой Отечественной войны проходил службу в штабе Дальневосточного фронта. В боях с немецко-фашистскими захватчиками участвовал с 10 января по 29 февраля 1944 года в должности заместителя начальника штаба 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта по вспомогательному пункту управления. Был ранен. С 23 августа 1944 года и до конца войны — снова в действующей армии. Войну закончил полковником, начальником штаба 8-й стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта. После Великой Отечественной войны был прикомандирован к управлению по обобщению опыта войны Генерального штаба. С ноября 1945 по сентябрь 1961 года — на преподавательской и военно-научной работе в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Был там же начальником кафедры оперативно-тактической подготовки. Кандидат военных наук, доцент. В 1962—1964 гг. работал начальником оперативного отдела штаба армии Дальневосточного военного округа. Генерал-майор с 1959 года. 25 августа 1964 года постановлением Совета Министров СССР «лишен звания генерал-майор, как дискредитировавший себя и недостойный в связи с этим звания генерал» и исключен из списков офицерского состава Вооруженных Сил СССР. Член КПСС с 1928 по 1964 год. Был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, а также пятью медалями.

За время прохождения службы в армии характеризовался неоднозначно. Первая справка об аттестовании (док. 2), сохранившаяся в личном деле, была составлена в апреле 1939 года после обращения майора П. Г. Григоренко к секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву (док. 1). Последующие аттестации периода Великой Отечественной войны см. док. 3—5.

Документы о результатах расследования дела по доносу П. Г. Григоренко и его послевоенной деятельности читайте в ближайших номерах.

Документ 1

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. АНДРЕЕВУ

Подготовка работников для высших штабов РККА, т. е. учеба в единственной в СССР академии Генерального штаба РККА, страдает громаднейшими недостатками.

1. Нельзя мыслить высококвалифицированного общевойскового к[оманди]ра, не овладевшего с достаточной глубиной военно-историческим опытом. А между тем военная история как учебная дисциплина находится на задворках учебного плана академии. Она занимает 11,1% учебного временя, отставая даже от иностранных языков, занимающих 14,7% учебного времени (а проходятся они не в порядке изучения, а в порядке тренировки).

Но еще хуже дело обстоит с преподаванием этой важнейшей учебной дисциплины. **Преподавание отдано «на откуп» кафедре военной истории** (начальник профессор комдив Меликов). Кафедра до недавнего времени была исключительно засорена врагами народа. **Разоблачение и изъятие врагов народа не улучшило преподавания.** Преподается военная история в отрыве от марксистско-ленинского учения о войне и армии.

Больше того, в преподавании военной истории марксизмом и не пахнет. Учебники, которые мы изучаем, в лучшем случае— являются более или менее подробными журналами боевых действий (Зайончковский, Новицкий), а в худшем случае вредными идеалистическими книгами («Проблемы стратегического развертывания» Меликова). В этой книге Меликова, в частности, много труда положено для того, чтобы доказать, что план Шлиффена потерпел крах не потому, что он является авантюристичным планом «молниеносной войны», продуктом творчества загнивающего класса империалистической буржуазии Германии, а тем, что Шлиффен не был признан в Германии, что Мольтке-младший «испортил» и «провалил» его план (кстати сказать, это же самое доказывают и нынешние фашистские «военные теоретики», поднимающие Шлиффена на щит в целях проповеди «молниеносной войны»). И вот все эти многотомные и многословные «труды» мы вынуждены изучать, т. к. их необходимо пересказать на экзамене. Убивая время на это чтение, которое приносит больше вреда, чем пользы, мы тем самым лишены возможности читать труды классиков марксизма по военным вопросам (знание этих трудов для экзамена не нужно, и время на них поэтому не отводится).

Не лучше учебников и читаемые нам лекции (счастливое исключение составляют несколько лекций молодых преподавателей, которые только в этом году окончили академию и только начинают читать лекции).

Основным лектором является начальник кафедры профессор комдив Меликов. Его лекции всегда одинаково бессвязные по содержанию, иногда обращаются во враждебные вылазки. Примеры:

а) В лекции о Варшавской операции 1920 г. комдив Меликов взял на себя задачу доказать, что враг народа Тухачевский в то время не был врагом. «Аргументировал» он это тем, что, во-первых, нет материалов, подтверждающих его вражескую работу в этот период; во-вторых, сам Тухачевский очень сильно «переживал» поражение, т. к. ему уже был преподнесен бинокль с надписью: «Победителю под Варшавой», и его очень «угнетало», что теперь этот подарок обращался в насмешку над ним, и, наконец, в-третьих, если признать, что Тухачевский вредил, то встает вопрос, что делали партия, Ленин, Сталин, Дзержинский, который все время был на польском фронте.

б) В одной из лекций об операциях 1919 г. на Восточном фронте он посвящает значительную часть лекции реабилитации другого врага народа — С. С. Каменева.

в) В 1-й лекции об обороне Царицына профессор Меликов почти истерически кричал о гениальности т. Сталина, а о самих событиях говорил настолько бессвязно, что человеку, который не читал книгу т. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», понять что-либо было невозможно. Схему же, которая иллюстрировала эту, с позволения сказать, лекцию, иначе, как пасквилем на сталинский план обороны Царицына, назвать нельзя.

Вначале я сказал, что военная история проходится в отрыве от марксистско-ленинского учения о войне и армии, но это не совсем правильно, ибо фактическое положение дела таково, что марксистско-ленинское учение, хотя и стоит в учебном плане, из-за отсутствия соответствующих кадров фактически не проходится. После всего этого станет ясным то совершенно нетерпимое положение с марксистско-ленинской подготовкой людей, предназначенных для большой руководящей работы в РККА.

2. Подлинный руководящий работник нашей армии должен в совершенстве знать наших вероятных противников: внешнюю политику важнейших капиталистических стран, возможные антисоветские коалиции, их экономику, уровень классовой и национально-освободительной борьбы, состояние вооруженных сил (их организацию, тенденцию развития, военную доктрину, тактику), будущие театры военных действий. Это, по-моему, бесспорно. И, однако, ничего этого мы не изучаем. В этом отношении наша академия целиком и полностью повторяет «опыт» старой царской армии.

3. Мы не занимаемся по-серьезному и изучением опыта современных войн. Нам иногда приводят примеры из опыта войны в Испании, но эти примеры берутся только из опыта республиканцев, приводятся эти примеры только мимоходом и главным образом для того, чтобы отмахнуться от этого опыта, т. к. там все-де, мол, не так, как будет в будущей большой войне.

А между тем подобное отношение к опыту современных войн не выдерживает никакой критики хотя бы потому, что эти войны по времени ближе всего стоят к будущей большой войне, потому что в этой войне участвуют наши вероятные противники, потому, наконец, что этот опыт уже в значительной степени учтен нашей армией и используется при обучении войск.

4. И наконец, штабной работник немыслим без хорошей оперативно-тактической подготовки. Для этой подготовки выделено относительно много времени (50%) всего учебного времени, но спланировано так неудачно, что все задачи проходятся только в порядке ознакомления. Результатом такой подготовки явился полный провал летней полевой оперативной игры. Вместо того чтобы сделать соответствующие выводы из этого факта, руководители академии сочли за лучшее ускользнуть от слушательской критики (не провели итогового собрания) и замазать факт провала полевой поездки в своем донесении в Генштаб.

5. Обо всех этих фактах много говорилось на наших партийных собраниях, но никакой ощутительной пользы это не принесло. Руководство академии (начальник комбриг т. Шлемин и комиссар бригадный комиссар т. Гаврилов) заняло позицию невмешательства в дела академии и пустило учебу на самотек. Генеральный штаб также никакого интереса к делам академии ие проявляет. В результате такого «руководства» и создалось то нетерпимое положение с подготовкой кадров высшей квалификации из людей, которые имеют за своими плечами уже одну академию и немалый практический опыт. В результате такого «руководства» академия очутилась в непригодном для учебы помещении и в довольно плохих материальных условиях, несмотря на те большие средства, которые тратит на нее государство. Я не затронул всех вопросов. Так, например, не упорядочен вопрос с подбором кадров в академию и с распределением окончивших академию, но и сказанного, мне кажется, достаточно, чтобы сделать вывод, что в таком виде академия своей задачи не выполняет.

Мои предложения:

1. Решительно перестроить учебный план и программы академии, обсудив предварительно этот вопрос на подготовленном партийном собрании академии.

2. Создать высококачественные пособия, и в первую очередь марксистский учебник по военной истории. Учитывая важность этого учебника для всей РККА, привлечь для его создания наиболее квалифицированные военно-исторические кадры армии и проверить его качество в ЦК ВКП(б) и НКО.

3. Добиться от руководителей академии настоящего большевистского руководства делом подготовки высококвалифицированных кадров, а от Генерального штаба повседневного руководства академией. 30.12.38.

Слушатель II курса АГШ РККА, член ВКП(б), партбилет № 1038981 Майор ГРИГОРЕНКО Адрес: служебный — Кропоткинская ул., № 19, АГШ РККА; домашний — Б. Трубецкой пер., д. № 18, кв. 501.

Документ 2 СПРАВКА
об аттестовании слушателя Академии
Генерального штаба РККА майора
Григоренко Петра Григорьевича
за время с 1933 г. по 1938 г.

1933 г. — слушатель Военно-инженерной академии. Дисциплинирован. Общая и военно-тактическая подготовка хорошая. Политически развит хорошо. Требователен к подчиненным. Настойчив, решителен. Излишне самоуверен, иногда упрям. Подлежит оставлению в академии адъюнктом по кафедре организации, а также может быть назначен на должность начальника штаба саперного батальона или начальника участка УР.

1935 г. — начальник штаба саперного батальона. С работой справляется хорошо. Инициативен. Предприимчив. Требователен. Авторитетен. Дисциплинирован. Должности начальника штаба батальона соответствует.

1937 г. — командир саперного батальона. Подтверждаются положительные качества тов. Григоренко. С работой командира батальона справляется. Пользуется авторитетом. Активный член партии. Достоин выдвижения на должность начальника инженерной службы дивизии и начальника инженеров укрепленного района.

Справку на тов. Григоренко П. Г. на основании его аттестационной тетради составил майор Новиков. 4.4.1939 года.

п. п. Начальник Академии
Генштаба Кр[асной]
Армии Комбриг ШЛЕМИН
п. п. Военный комиссар Академии
Генерального штаба РККА
бригадный комиссар ФУРТ

Документ 3
СЛУЖЕБНЫЙ ОТЗЫВ
на командира 18-й отдельной стрелковой
бригады ДВФ подполковника
Григоренко Петра Григорьевича

Предан партии Ленина—Сталина и социалистической Родине. Окончил инженерную академию в 1934 г. и Академию Генерального штаба в 1939 г. Учился много, но ничему не научился. Командного опыта почти не имеет, вял, неповоротлив, в работе имеет много недостатков. Сам дисциплинирован, смел, к подчиненным мало требователен, нуждается в повседневном контроле и руководстве.

п. п. Командующий войсками ДВФ
генерал армии АПАНАСЕНКО
п. п. Член военного совета ДВФ
генерал-майор ЯКОВЛЕВ
(передано по телеграфу из ОК ДВФ от 23.4.1943 г. №ОК1/1056).

Документ 4
СЛУЖЕБНЫЙ ОТЗЫВ
на бывшего командира 18-й стрелковой
бригады подполковника Григоренко
Петра Григорьевича

В Красной Армии с 1931 г. Окончил инженерную академию в 1934 г., Академию Генштаба КА в 1939 г. Бригадой командовал один год и 3 месяца. За это время показал низкие волевые качества, мягкотел, не требователен и не организован. На всем протяжении в бригаде была низкая дисциплина, неорганизованность, слабая выучка личного состава. Т. Григоренко неоднократно предупреждался за плохую работу, но добиться лучших результатов не смог. Имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку, но практически организовать взаимодействие родов войск и управлять соединением не умеет. Сам дисциплинирован, но навести твердую дисциплину в частях в силу своей нетребовательности не может. Страдает чрезмерным зазнайством, переоценкой своих знаний и способностей, а на деле их не оправдывает.

По своему складу характера на командной должности использовать нельзя. Лучше использовать на оперативно-штабной работе.

За неорганизованность, отсутствие должной дисциплины в бригаде и слабое воспитание личного состава, вследствие чего в начале ноября с. г. было массовое отравление личного состава бригады, от должности командира бригады отстранен.

ВЫВОД: Командовать соединением не может, на командную должность можно назначить не выше ком[андира] полка. Лучше использовать на оперативно-штабной работе в крупном штабе или начштаба бригады, дивизии.

Командующий войсками ДВФ
генерал-полковник ПУРКАЕВ
Член военного совета ДВФ
генерал-майор ЯКОВЛЕВ
18 ноября 1943 г.

Документ 5 БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
на заместителя начальника штаба 10-й
гвардейской армии по вспомогательному
пункту управления гвардии подполковника
Григоренко Петра Григорьевича

Подполковник Григоренко в занимаемой должности с января 1944 г. Прибыл из тыловых частей с должности командира бригады. Опыта штабной работы в боевых условиях не имеет. По причине излишнего самолюбия авторитетом у товарищей и подчиненных не пользуется. К вопросу организации управления войсками относится поверхностно. Инициативы не проявляет. В военном отношении подготовлен достаточно. Смел и решителен.

Для приобретения опыта работы в боевой обстановке необходимо назначить тов. Григоренко начальником штаба стрелковой дивизии, действующей на активном участке армии.

Начальник штаба 10-й гв. армии гвардии генерал-майор СИДЕЛЬНИКОВ 28 февраля 1944 г.

Публикация В. К. ПЕТРОВА

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот материал был подготовлен к печати, «Аргументы и факты» сообщили, что в Москве основан фонд имени П. Григоренко. Главная задача фонда — «экономическая и моральная поддержка офицеров СА, МВД, КГБ, пострадавших за свои политические убеждения». Жаль, еженедельник не сообщил, кто будет субсидировать такую благотворительность. Зато поведал, что учреждена и медаль имени Григоренко. Медаль за № 1 и премия в размере 10 тыс. рублей, оказывается, будет вручена семье преступившего закон бывшего капитана 3 ранга Саблина, о котором мы тоже рассказываем в этом номере журнала. Прочтите материал «Лицедеи», и вы убедитесь, что инициаторы акции не ошиблись: «медалист» достоин того, чье имя носит фонд.

Рискнем предложить учредителям фонда и кандидатов на медали № 2, № 3 и № 4. Бывший командующий РОА Власов, бывший генерал КГБ Калугин и бывший подполковник — политработник Уражцев — чем не лауреаты? Об их деятельности писать, думается, нет необходимости, рассказами, исполненными симпатией, полны страницы «демократической печати». Нет, безусловно, все трое достойны имени Григоренко.

ВЫДУМАННОЕ в «Непридуманном» (О лжи Льва Разгона)

РАССКАЗЫ Л. Разгона, опубликованные в журнале «Юность» (1988. — № 5), написаны, по утверждению автора, с целью «возвращения правды» о нашем времени. По его же мнению, они являются пусть небольшим, но вкладом в «историческую правду». В них нет придуманных сюжетов, эпизодов и фамилий, но есть хлёсткие характеристики известных личностей, большинство из которых Л. Разгон бесцеремонно стаскивает с пьедестала почета и славы, что, возможно, и делает рассказы привлекательными, но в то же время, как нам кажется, не может не зародить сомнения в достоверности фактов.

У нас лично вызвал сомнение сюжет о генерал-майоре В. И. Книге (Там же. — С. 15 — 16). В мае 1942 года этот человек, по словам автора, командовал в Крыму конницей, «которую зачем-то согнали туда видимо-невидимо. Обрадованные немцы двинули на наши конные дивизии танки». Книга якобы «построил армию в ранжир», кинул ее с обнаженными шашками на танки, и вся конница полегла под их гусеницами, в самого генерала, легко раненного, эвакуировали в тыл.

В этом сюжете так много придуманного, что трудно найти правду. Василий Иванович Книга в Крыму командовал не армией, а 72-й кавалерийской дивизией. Она была единственным кавалерийским соединением Крымского фронта и насчитывала всего 4 тыс. человек (ЦАМО СССР, ф. 32, оп. 11309, д. 140, лл. 147— 150). Как показал анализ немецких трофейных карт, противник до начала своего наступления ничего не знал о существовании кавалерийской дивизии. Гитлеровцы выявили 72-ю дивизию только на второй день операции, и уже поэтому «обрадованные немцы» не могли двинуть на нашу конницу танки. Следует заметить, что командование 11-й немецкой армии и не стремилось к этому. Его замысел состоял в том, чтобы ударом на север, в тыл Крымскому фронту, окружить и уничтожить основные силы советских войск на Керченском полуострове. В нанесении этого удара решающую роль играла 22-я танковая дивизия, которая включала все немецкие танки на полуострове. 72-я кавалерийская дивизия находилась на южном участке фронта, где противник танков не имел.

Дивизия генерала В. И. Книги не кидалась с шашками не только на танки, но и на пехоту. Никакого контрудара она не наносила, а перейдя 9 мая к обороне, вела сдерживающие бои до конца Керченской операции (Там же, ф. 8, оп. 11627. д. 1125. л. 267). Дивизия не полегла под гусеницами танков, а оставалась до конца боевых действий единственным соединением Крымского фронта, которое сохранило боеспособность. 16 мая, руководя боем частей дивизии в районе Керчи, Василий Иванович был ранен, контужен и получил ожоги обеих рук. Ранен не легко, как утверждает автор, а так, что лечение в госпитале потребовало более четырех месяцев.

Изложенное показывает, что «Верховному» (И. В. Сталину) не за что было расстреливать отважного генерала. Не мог Сталин также приказать: «Книгу близко к фронту не подпускать». Залечив крымские раны, Василий Иванович вновь встал в боевой строй, он снова сражался на фронте. Выполняя поручение командующего Северной группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанта И. И. Масленникова по организации обороны в Моздокской операции, генерал В. И. Книга 19 октября 1942 года был ранен и контужен. На этот раз еще тяжелее. Последовало госпитальное лечение, которое длилось девять месяцев. Тем не менее израненный 60-летний генерал воевать уже не мог. Однако до конца войны он командовал 6-й запасной кавалерийской бригадой, отдавая силы и богатейший опыт подготовке пополнения фронту.

Таковы факты, которые извратил Л. Разгон. А реальности, характеризующие путь сына крестьянина-бедняка из Ставропольской губернии, другие. Василий в школе не учился вообще. Неграмотным был призван на военную службу в русскую армию в 1905 году, где кое-как научился читать и писать. После этого смышленого солдата направили в полковую учебную команду, где он стал младшим унтер-офицером. С 1908 по 1914 год В. И. Книга снова занимался крестьянским трудом, самообразованием, много читал. В начале первой мировой войны был вахмистром команды разведчиков, а в феврале 1917 года становится прапорщиком. Во время гражданской войны Василий Иванович являлся военным комиссаром и председателем военно-революционного комитета в Ставропольской губернии, затем командиром 4-го Ставропольского кавалерийского полка и наконец — командиром 1-й кавалерийской бригады.

После войны упорно учился, окончив Военную академию имени М. В. Фрунзе. В дальнейшем командовал дивизией, работал в Генеральном штабе. Такой биографией в нашей стране гордились и раньше, и теперь, в годы перестройки. Л. Разгон издевается над заслуженным воином, прошедшим через горнило трех войн. Кстати, В. И. Книга в первую мировую войну был не на Юго-Западном, как утверждает «довольно хорошо» знающий его Л. Разгон, а на Кавказском фронте (Там же. личное дело Книги В. И., инв. № 0775686).

Выставлять на посмешище человека, которого Л. Разгон встретил в 75-летнем возрасте, израненного, получившего две контузии с сотрясением мозга, ограниченного в движении из-за травмы колена, с негнущимися пальцами рук, человека, который умер и не может постоять за себя, — низко!

В. И КИСЕЛЕВ, кандидат военных наук, доцент;
В. И. НЕВЗОРОВ, кандидат исторических наук, доцент

№10 1990

ЛИЦЕДЕИ (О попытке угона за границу БПК «Сторожевой» под руководством изменника Саблина)

Название материала в скобках, для удобства поиска. Многочисленные выделения в статье жирным текстом отсутствуют-Ю.З.

Поводом для настоящей публикации послужили многочисленные письма наших читателей, которые просят рассказать о событиях пятнадцатилетней давности, происшедших на большом противолодочном корабле (БПК) «Сторожевой». Полковник в отставке В. Кошелев, к примеру, пишет: «Почему с нашей страной еще считаются? Пожалуй, одна из немногих, но главных причин та, что у нас есть пока такие Вооруженные Силы, игнорировать которые никто не решается. Поэтому заветной мечтой наших недругов... является стремление лишить наше ослабленное в последнее время в политическом и экономическом отношении государство этой его реальной опоры. Пособников в этом неблаговидном деле они находят и в нашей стране, в чем убеждаешься, прочитав статью Н. Черкашина «Последний парад» («Комсомольская правда», 1 марта сего года). До какого идейного и нравственного распада надо дойти, чтобы прославлять со страниц газеты, имеющей десятки миллионов читателей, изменника Родины...»

Ну а есть и такие читатели, в письмах которых проявляется обычный интерес к этому непростому событию. «Очень хочется на страницах вашего журнала, — пишет А. Турин, — увидеть материал о капитане третьего ранга Валерии Михайловиче Саблине, о большом противолодочном корабле дважды Краснознаменного Балтийского флота «Сторожевой»... и о событиях, происшедших на борту этого корабля в ноябре 1975 г.».

Надеемся, что с помощью опубликованной ниже статьи многие сумеют развеять сомнения, поселившиеся в их душах после чтения других публикаций, выяснить, где истина, а где фальшь. Не исключено, что у иных появятся новые вопросы. Так или иначе, но представленные материалы — это правда без прикрас и преувеличений, которыми изобилует публикация в «Комсомольской правде».

ВОТ УЖ никогда не думал, что настанет такое время, когда преступление будет выдаваться за подвиг, а преступник за патриота-революционера. И где? На героическом флоте, давшем нашей истории целую плеяду стойких борцов за Советскую власть. И кем?! Главной газетой комсомола, в течение многих лет являвшегося бессменным шефом Советского Военно-Морского Флота, настойчиво опекавшего флот, ревностно оберегавшего и горячо пропагандировавшего флотские традиции. Так что же случилось? Где былая верность комсомола? Где честность и патриотизм «Комсомольской правды»? Ведь, откровенно говоря, публикация, подобная черкашинской, с такой вот сомнительной подачей материала, не первая на страницах этой газеты.

Но будем говорить именно об очерке Николая Черкашина «Последний парад» в «Комсомольской правде» (1990.— 1 марта), а точнее, о событии, описываемом в нем. Вообще-то слово «парад» довольно уместно в жизнеописании черкашинского героя. Саблин все время стремился к парадности, показухе, то и дело лицемерил, лицедействовал. Разоблачая в своих «революциониых воззваниях» очковтирательство советской бюрократии, сам занимался укрывательством уставных проступков и правонарушений на корабле, покровительствовал нарушителям, завышал оценки на политзанятиях, к которым, как и к обязанностям политработника, относился более чем прохладно и формально, подтасовывал другие результаты соревнования и учебы личного состава. Цель — вверенный ему корабль должен быть «отличным», «лучшим», «показательным». Неважно, что хвалебные рапорты о достижениях находятся в резком противоречии с реальным положением дел. И после всего этого — разоблачать «застойные порядки»?.. Он стремился к всесоюзной популярности и славе. Его программа, которую он вынашивал тайно долгие годы, заключалась в создании новой партии, сформировании нового правительства, создании нового «коммунистического» общества. Вообще-то в нынешние времена на многочисленных митингах можно услышать куда более «крамольные» прожекты и фразы. Но дело не в планах и программах. Дело в том, каким способом они навязывались другим, с помощью каких средств осуществлялись. Саблин это решил сделать с позиции силы.

Анализируя поступки этого человека, удивляешься той главной цели, которую он поставил перед собой: ему во что бы то ни стало хотелось выступить по Центральному телевидению и изложить свои убеждения. С годами это желание настолько овладело им, что он подобно герою рассказа Стефана Цвейга «Амок» готов был, кажется, пожертвовать репутациями и жизнями отца, матери, двух братьев, жены и сына, целого экипажа. Он был одержим этой идеей, и получилось в итоге так, что одержимость породила бездумную решительность, болезненную настойчивость, преступную агрессивность. Саблин стал на путь экстремизма и разбоя.

Все это сегодня преподносится в ином свете со страниц газет, журналов, в передачах Центрального телевидения. Снова сошлюсь на очерк Николая Черкашина в «Комсомольской правде», а также публикации Андрея Майданова в трех номерах (начиная с 7 марта нынешнего года) в газете «Советская молодежь», выходящей в Риге. В последней помещены «откровения» В. М. Бородая, служившего мичманом на БПК «Сторожевой» в описываемое время. «Следователи в КГБ были в штатском... — говорил он корреспонденту. — Ответы их не интересовали. Как и свои же вопросы... Они хотели выбить из нас любой материал. Но только против Саблина и только обливающий его грязью, только компрометирующий, только очерняющий. Любой ценой. И выбивали... А то и просто писали за нас показания сами...» Цель же, по словам Бородая, у следователей была одна: доказать, что «142 дурачков-губошлепов подбил на измену враг народа прямо из пеленок Валерий Саблин».

Хитрит, мягко говоря, бывший мичман. Видимо, в расчете на то, что материалы следствия и суда не будут преданы широкой огласке, он замалчивает собственные показания в ходе следствия. Если бы последнее действительно укладывалось в ту примитивную схему, которую описывает Бородай разбитному газетчику, то во всех показаниях обвиняемых и свидетелей она бы четко просматривалась. Вот, дескать, мерзавец Саблин подбил меня, второго, десятого, сотого, но никто из нас не виноват — ни я, ни второй, ни десятый, ни сотый. Единственный виновник и изменник — Саблин.

Но многочисленные показания совершенно иные. Взять хотя бы протоколы допросов того же Бородая. Кстати, Саблин отозвался о нем как о неустойчивом и ненадежном человеке, который во время событий «вилял», поддерживая то одну, то другую сторону. Наиболее показательный материал в сорокатомном уголовном деле, позволяющий оценить поведение Бородая,— это его заявление следствию, написанное им на 21 стандартном листе убористым почерком. Наряду с глубоким раскаянием, чистосердечными признаниями, клятвенными заверениями и обещаниями «никогда и низачто впредь» (сохранена орфография подлинника.— Ред.) и т. д. и т. п. в нем даны подробные характеристики если не на всех «142 дурачков-губошлепов», то на многих из них. Причем изобличается в недостойных поступках не только «злодей Саблин», но почти каждый, кто упоминается в этом заявлении.

Приведу короткую выдержку из этого документа. Ругая себя за то, что по молодости и неопытности поддался на агитацию Саблина и вначале поддержал его, Бородай вместе с тем очень сожалеет о том, что, поняв свою ошибку «буквально через час» после содеянного, «сделать ничего не мог, ибо не находил поддержки от оставшихся мичманов и офицеров». Выходит — все заговорщики, кроме него, Бородая. Тогда при чем здесь следователь и придуманная версия об «одном разбойнике и 142 дурачках»?

И все же, чтобы не дать лишнего повода (повторюсь) для сомнений недоверчивым читателям, перейду к изложению материалов суда. Ведь на судебных заседаниях следователи не могли «выбивать» показания, «писать» их за подсудимых и свидетелей. Те же, кто считал свои сообщения, записанные в протоколах допросов в ходе следствия, сфальсифицированными, могли отказаться от них. Правда, для более объективного изложения сути дела и выяснения отдельных противоречивых сведений буду возвращаться к неискреннему интервью Бородая корреспонденту «Советской молодежи» и его следственным показаниям.

Закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором слушалось дело Валерия Михайловича Саблина и его ближайшего подручного Александра Николаевича Шеина, открылось в Москве 6 июля 1976 года.

Первым заслушивался подсудимый Шеин. О себе он говорил так:

«Я, Шеин Александр Николаевич, родился 7 марта 1955 года в городе Рубцовске Алтайского края... с октября 1973 года до ареста проходил военную службу на большом противолодочном корабле «Сторожевой» в должности названии матроса. В 1S73 году до призыва в Советскую Армию был осужден за хищение государственного и общественного имущества к 1 году исправительных работ»[1]

По существу дела Шеин, который вопреки штатному корабельному списку «внештатно» всецело подчинялся Саблину, считаясь, опять же «внештатно», корабельным художником и руководителем ансамбля, показал следующее:

«5 ноября 1975 года Саблин вызвал меня в каюту... усадил меня на диван и заявил, что разговор будет серьезным. Он стал рассказывать свою биографию[2]... В разговоре он уделял много внимания недостаткам, имеющимся в нашей стране...

Я спросил Саблина, как он собирается ликвидировать существующие недостатки в стране. Он ответил, что хочет вывести корабль за пределы государственной границы СССР и в нейтральных водах дать телеграмму Главкому ВМФ и предъявить определенные требования. Затем, когда их выполнят, выступить по радио и телевидению с призывом создать новую партию и общественный порядок. Я не спросил Саблина, а он не сказал, какую он партию хочет создать. Я считал, что, кроме КПСС, не должно быть другой партии. Затем Саблин заявил, что ему нужна моя помощь[3]. Я сказал, что надо мне подумать. Вышел на ют. Я очень сожалею, что не зашел к командиру корабля и не рассказал ему о тех высказываниях и предложениях Саблина. Если бы я это сделал, то никто бы не пострадал...»

Да, по словам Шеина и Саблина, первый не сразу согласился на неожиданное предложение последнего. Более того, у матроса возникло даже подозрение: не шпион ли их замполит. Собравшись с духом, он возвратился в каюту и спросил об этом напрямик. Саблин сумел развеять подозрения Шеина, убедить того, что он честный человек и вынужденно идет на крайние решительные меры, руководствуясь любовью к народу, верностью ленинским идеалам, заботой о будущем страны. Его якобы толкают на это внутренние неурядицы в стране. Шеин согласился поддержать Саблина, поскольку ему многое тоже было не по душе: то, что молодежь выпивает, что старшие живут неинтересно и нечестно [4]...

«Саблин сказал мне, — продолжал свою исповедь на суде Шеин,— что он намечает взять власть на корабле 8 ноября, вечером, и что командир будет изолирован для его же пользы.

После ужина в ленкаюту зашел мой друг матрос Буров. Я решил его посвятить в планы Саблина. Я от Бурова ничего не скрывал и рассказал ему о намерениях Саблина. Я хотел узнать, как Буров отнесется к программе Саблина. Буров выслушал мой рассказ и заявил: «Люблю такие заварухи». Я Бурову сказал, что сам не знаю, прав ли Саблин, не является ли он шпионом. Тогда Буров испугался и сказал, что он пока подождет принимать свое решение до выявления реакции других членов экипажа корабля. Если другие поддержат Саблина, то и он это сделает».

В тот же вечер Шеин прослушал автобиографию и будущее выступление Саблина перед офицерами и мичманами, записанное на магнитной пленке. У него снова возникли сомнения. Он собрался поделиться ими с комсоргом боевой части-3 членом КПСС Авериным. Но прежде решил заинтриговать его, спросив, как тот смотрит на то, чтобы «поработать на органы Комитета государственной безопасности». Аверина это заинтересовало, и он ответил; что согласился бы «поработать». Вместе с тем довольно терпимо и даже с пониманием отнесся к тому, что возможна попытка «одного из офицеров захватить и угнать корабль». На это он ответил, что не стал бы «закладывать» этого офицера. Тогда Шеин более подробно изложил план и программу Саблина, и Аверин согласился поддержать их. Матросу Саливончику Шеин сообщил лишь то, что 8 ноября на корабле произойдут крупные события, и посоветовал держаться около него, Шеина. Потом был разговор с Манько и Лапенко. Причем последний безапелляционно заявил, что такие, как Саблин, просто ненужные люди. Правда, тут же смутился и даже как будто испугался. Шеин успокоил его, сказав, что этот разговор останется между ними.

«8 ноября 1975 года ко мне в каюту, — показывал Шеин, имея в виду ленинскую каюту, где считался «хозяином», — пришли Буров и Манько. Манько сказал, что он не будет поддерживать программу Саблина. Я с ним поссорился, стал доказывать, что программа Саблина правильная...»

Затем Шеин зашел к Саблину и сообщил, что посвятил в его планы четырех матросов. Саблин огорчился и упрекнул Шеина в том, что тот не выполнил его указание держать все до поры до времени в тайне. В ответ на это Шеин уже на правах сообщника «Саблину пояснил, что пускай будет ударная группа».

Саблин дает Шеину одно из самых ответственных на том этапе поручений — подготовить для предстоящей изоляции командира корабля, а также офицеров и мичманов, которые не согласятся с намечаемой преступной программой, помещения. Об этом Шеин так рассказывал: «В связи с тем, что 1-й— 3-й, а также 4-й—6-й посты были соединены между собой и другими постами связью, Саблин приказал мне в первую очередь отсоединить трубки от телефонных аппаратов всех шести постов РТС [5], чтобы изолированные лица в названных помещениях не имели возможности связаться по телефону с кем-либо на корабле».

Вскоре Шеин доложил Саблину по телефону о выполнении задания. После ужина явился к нему на очередное совещание. Саблин вручил ему пистолет без патронов. Поначалу Шеин растерялся, а затем спрятал оружие под рубаху. Между тем Саблин объяснил, что вскоре состоится встреча с офицерами и мичманами в мичманской кают-компании, где будет провозглашена «революционная коммунистическая программа». И как же намеревался новый «вождь»,

борец за «новую демократию» приобщить к своей программе будущих единомышленников? Очень просто — если не поможет слово, окажет содействие «товарищ маузер».

«Саблин попросил меня,— комментировал на суде этот эпизод Шеин, — во время его выступления перед офицерами и мичманами находиться в киноаппаратной мичманской кают-компании с тем, чтобы наблюдать за присутствующими на собрании и пресечь при необходимости их попытки оказать ему какое-либо противодействие, а также во время проводимых Саблиным мероприятий на корабле охранять командира корабля и не допускать освобождения его из второго поста РТС»[6].

Дальше события разворачивались следующем образом. Примерно в 19 ч 30 мин 8 ноября 1975 года по корабельной трансляции объявили о начале просмотра кинофильма для личного состава в столовой команды. Вслед за этим прозвучало приглашение офицерам и мичманам собраться в мичманской кают-компании. Для Шеина это был условный сигнал для активных действий.

«Я надел бушлат и, переложив пистолет в карман бушлата, — продолжал свои показания на суде Шеин,— вышел из ленкаюты и направился на бак (носовая часть палубы корабля.— Ред.). Проходя мимо люка 3-го поста, ведущего во 2-й пост, где был изолирован Потульный[7], я увидел, что указанный люк закрыт на навесной замок[8]. Встретив на баке матроса Уткина, попросил его сходить за Авериным, чтобы он помог мне охранять командира корабля Потульного, так как я должен был во время собрания офицеров и мичманов находиться в киноаппаратной мичманской кают-компании и наблюдать за происходящим. Аверин пришел, и я его попросил во время моего отсутствия наблюдать за тем, чтобы никто не предпринял попыток освободить Потульного».

Аверин заступил на «революционный» пост охранять попавшего обманным путем в ловушку командира [9], а Шеин направился на «наблюдательный пункт» в киноаппаратной мичманской кают-компании. Приоткрыв задвижку на одном из двух окошек, выходящих в каюту, стал наблюдать за происходящим [10].

Когда все расселись, Саблин, по словам Шеина, стал им рассказывать свою автобиографию. Основное внимание он уделял неравенству, которое сложилось в обществе и которое он, сын привилегированных родителей, мог наблюдать с раннего детства и безнравственно пользоваться этими привилегиями, все время мучаясь от того, что не мог от них отказаться. «Постепенно развивая мысль, он остановился на наших недостатках, — говорил Шеин. — По его утверждению, люди в нашей стране утратили всякие идеалы, пропала у них и вера в партию, так как среди коммунистов появилось много приспособленцев, ловкачей, бюрократов, которые ставят свои интересы, свое личное благополучие выше интересов народа...»

Здесь уместно рассказать немного о самом Саблине устами его подчиненных, чтобы читатель мог увидеть разительный контраст между его красивыми словами и лицемерными «бюрократическими» поступками, чтобы стала явственнее видна фальшь черкашинского розово-героического очерка и бородаевского хвалебно-лицемерного интервью.

На одном из допросов в январе 1976 года бывший старшина электротехнической команды БПК «Сторожевой» мичман Анатолий Тимофеевич Хомяков привел такой пример. В конце ноября 1973 года Хомяков вместе с мичманом Жеруно-вым входил в состав так называемой «сходной смены» и согласно Корабельному уставу оба отдыхали. Несмотря на это, ночью их подняли и повелели нести вахту у трапа. Отстояв положенное время и сменившись с вахты, Хомяков с Жеруновым обратились за разъяснением и заступничеством к заместителю командира корабля по политчасти. Но тот возмутился их «дерзостью». «Вы еще молоды, чтобы рассуждать, — оборвал он их. — Раз вас поставили, значит, стойте». Но на этом «воспитательные меры» не закончились. На собрании мичманов, стараясь настроить против Хомякова и Жерунова остальных и таким образом раз и навсегда отучить их от «поиска справедливости», Саблин заявил, что вот, дескать, объявились тут у нас молодые, да ранние, которые, не успев прийти на корабль, уже диктуют свои условия, говорят о каких-то правах и законах, предъявляют претензии и требования. «Публично обвинил нас в том, — сетовал старшина команды, — что мы не хотим служить. От этого у меня о Саблине сложилось впечатление как о несправедливом человеке, и я старался как можно меньше сталкиваться с ним по службе».

Когда анализируешь приводимые в ходе следствия и на суде факты о внедрявшихся на кораблях порядках, то невольно напрашивается мысль, что командир корабля делал это в силу своего грубого характера, а его заместитель по политчасти — с определенной целью, то есть провоцировал нездоровые отношения между людьми, накапливал их недовольство, постепенно накалял обстановку. Так, экипажу был известен случай, когда Саблин противопоставил офицеров мичманам. Произошло это летом 1974 года, когда мичманы пригласили на свое собрание командира и замполита, чтобы обсудить вопрос об улучшении питания. Командир проигнорировал это приглашение, а Саблин принял его. Но когда услышал сетования, что офицеры питаются значительно лучше, чем мичманы, не говоря уж о матросах, то резко оборвал говоривших. Затем с высокомерием заявил, что офицерам служить не менее 25 лет, а поэтому их здоровье необходимо неукоснительно беречь, матросы же и мичманы «отслужат свое и разбегутся». В экипаже эта «демократическая речь» Саблина вызвала немало кривотолков, точно так же, как и его поучение тому же Хомякову, одернувшему своего коллегу, обзывавшего грубыми словами матроса Сахневича, дескать, «мичман должен быть всегда прав, а матрос виноватым».

Но, пожалуй, самый большой резонанс вызвала позиция командира и особенно его заместителя по политчасти при разбирательстве издевательств одних матросов над другими. Случилось это за рубежом, во время дружественного визита на Кубу, в гаванском порту. Тогда Зарецкий и Горшков избили Сахневича и Чертова. На комсомольском собрании в боевой части-5, где рассматривалось это происшествие, было принято решение исключить Зарецкого и Горшкова из членов ВЛКСМ. Командир корабля капитан 2 ранга Потульный, присутствовавший на собрании, настаивал на том, чтобы этого не делать. Объяснял свою позицию тем, что выписка из решения собрания пойдет в политотдел и там узнают о ЧП. Тогда кораблю не видать звания «отличный». Потульного горячо поддержал Саблин.

А вот что говорил по этому поводу сам черкашинский герой. Так, на допросе 1 марта 1976 года, рассказывая об обстановке на корабле, он признался: «...как я считаю, партийно-политическая и индивидуально-воспитательная работа на БПК «Сторожевой» была примерно на одном уровне с другими кораблями соединения. Вместе с тем я думаю, что она была организована не лучшим образом и страдала многими недостатками, в том числе формализмом, очковтирательством и начетничеством». Саблин привел пример: когда в сентябре 1975 года он анализировал оценки, выставленные слушателям групп политзанятий в ходе итоговой проверки, то ясно видел, что многие оценки завышены. Но это его устраивало, как и проверяющих, которые, по словам Саблина, «не желая портить нам общую картину, соглашались с этими оценками».

Генерал-майор юстиции А. Е. БОРИСКИН

Примечания

[1] Шеин в 1973 г. осужден условно, а перед призывом на флот судимость с него была снята. И все же это не дает основания Бородаю обвинять следствие в фальсификации прошлого Шеина. В своем интервью специальному корреспонденту «Советской молодежи» Майданову он очень уж возмущался по этому поводу, считая сенсационным утверждение, что «старший матрос Александр Шеин был ранее судим». Никакой сенсации, как видим, нет. Скорее «сенсационно» то, что Бородай (а может, Майданов) «повысил» матроса Шеина в звании.

[2] Пропагандировать свою биографию, точнее автобиографию, — это еще одна болезненная страсть Саблина. Текст ее составил он более чем за полгода до захвата корабля, который запланировал тоже загодя, размножил в нескольких экземплярах на магнитной пленке. Выступления как перед офицерами и мичманами, так и перед старшинами и матросами тоже начинал с автобиографии. Прокручивал ее запись по корабельной трансляции. Видимо, считал, что будущего лидера новой партии и главу государства народ должен хорошо знать.

[3] Единственный из всех членов корабельного экипажа, кому Саблин решил довериться за несколько дней до преступной акции, был Шеин. Но эти доверительные отношения сложились значительно раньше. Что сыграло здесь роль, то ли не совсем честное прошлое матроса, то ли его независимый строптивый нрав, трудно сказать Как бы там ни было, но Саблин стал приближать к себе Шеина с первых месяцев службы того на корабле. Несмотря на многочисленные жалобы на проступки Шеина, поступавшие от некоторых офицеров и мичманов, Саблин всячески поддерживал его. По ходатайству Саблина этот матрос сумел дважды побывать в отпуске, хотя имел дисциплинарные взыскания.

[4] О том, что Шеин лицемерил не только перед «революционно настроенным» замполитом, но и перед самим собой, убеждают его предыдущие показания. На допросе 11 декабря 1975 г. он рассказал некоторые эпизоды из своей «предфлотской» жизни. В начале 1970 г. отца Шеина. Николая Алексеевича, инженера Алтайского тракторного завода, назначили начальником управления труда и зарплаты Волжского автомобильного завода (ВАЗ), и вся семья (кроме Александра были еще сестра и мать) в феврале того же года переехала в Тольятти. Год спустя Александр, ученик девятого класса, бросает школу и поступает на ВАЗ сборщиком. Осенью 1971 г. «устраивается» в вечернюю школу рабочей молодежи. «Устраивается», видимо, не без помощи отца, потому что идет не в девятый класс, который в свое время не закончил, а сразу в десятый. К воровству его «пристрастил» знакомый, попросивший вынести с завода для личных «Жигулей» несколько поршневых колец и приводных ремней. В еще большую авантюру «втянул» Шеина Юрий Филипченко, занимавшийся систематическим воровством и предложивший Александру вынести за территорию завода амортизаторы. «Я вынес с завода, — откровенничал Шеин. — 5 или 6 амортизаторов». Вскоре Филипченко попался и выдал своих сообщников, в том числе Шеина. Филипченко осудили на 3 года, Чупрунова — на два. Ну а Шеина — на год, да и то условно. Для него почему-то сделали исключение. Как и позже, после задержания и привода в милицию за пьяную групповую драку. На службу он пришел, это уже упоминалось, без судимости, но того, что было, не скрывал, в том числе и от Саблина.

[5] Боевые посты радиотехнической службы.

[6] В материалах дела имеется протокол допроса Шеина от 10 ноября 1975 г. Вопреки утверждению Бородая, по словам которого на следствии «выбивались» сведения, порочащие только Саблина, в этом протоколе содержится запись несколько иных шеинских показаний. облагораживающих Саблина. «Вечером 8 ноября 1975 г., — говорил Шеин, — примерно в 18.00— 19.00 часов (так в оригинале. — Ред.) заместитель командира по политчасти капитан 3 ранга Саблин сказал мне. что он созывает в кают-компании собрание офицеров, и пригласил меня послушать, о чем будет разговор на этом собрании. Он сказал, чтобы я послушал и сам решил, кто прав и к кому я хочу присоединиться. При этом он дал мне пистолет без патронов и заявил, что если найду, что он (Саблин) не прав, то могу его арестовать». Если верить Бородаю, то таких показаний не должно быть вообще или они должны были бы быть тут же подправлены или даже переписаны следователем.

[7] Командир корабля.

[8] Вот что об этом показал Саблин на допросе 12 ноября 1975 г.: «...для того чтобы иметь возможность закрыть помещения, где будут изолированы командир и те лица, которые выступят против меня, я купил в городе Калининграде шесть навесных замков и хранил их у себя в каюте». Это он сделал более чем за месяц до «мятежа».

[9] Как же угодил командир под замок? Черкашин, занявшись измышлениями и преувеличивая хитроумие Саблина, выдает подлость за революционную решительность и предприимчивость и описывает это так: в каюту командира корабля вбежал бледный, взволнованный замполит (это же надо, какое мастерство перевоплощения — даже побледнеть себя заставил!) и сообщил, что случилось ЧП. Командир впереди замполита бросился к месту происшествия. Когда спустился вниз, Саблин захлопнул за ним люк... Надуманность деталей рассказа об изоляции капитана 2 ранга Потульного, если ознакомиться с показаниями последнего на суде, очевидна. Поэтому Бородай вроде бы и прав, называя в интервью газете «Советская молодежь» выдумкой «иезуитскую ловушку», якобы подстроенную Саблиным «для наивно-легковерного командира». Что ж, на первый взгляд никакой ловушки не было. Все получилось как будто намного прозаичнее и проще, чем у Черкашина. По крайней мере сам Потульный на заседании суда показал следующее: «Утром 8 ноября 1975 года Саблин мне предложил погулять по городу, но я отказался. В 19 часов я находился в своей каюте, зашел Саблин и предложил мне пройти во 2-й пост РТС. Это на 2-й платформе, в носу корабля. Я подумал, что, возможно, там пьянствуют матросы (это случалось не однажды. — Авт.), и решил пойти. Я шел впереди, Саблин за мной. Тогда Саблин сказал спуститься дальше, и я через 2-й люк спустился в помещение 2-го поста, а Саблин остался наверху. Затем Саблин закрыл люк на замок и сказал: «Посиди, подумай, там есть 3 книжки...» Это был низкий и бесчестный поступок (даже без черкашинской выдумки), начиная с заранее купленных в посудо-хозяйственном магазине замков, отключения связи, унизительно-оскорбительной заботе о командирском быте (книжки, постельное белье) и кончая вызывающе-издевательским выставлением часового у боевого поста, где находился под арестом и навесным амбарным замком командир корабля. Это было преступление. Это была чрезвычайно острая предпосылка взрывного неповиновения старшинам, мичманам и офицерам некоторых экстремистски настроенных матросов, предпосылка вражды, раскола и драк на корабле. Понимая это, Черкашин делает фарисейскую оговорку в стиле своего героя: мол, «это не был захват корабля в духе пиратских романов...». Но в том-то и дело, что был! Применялась не только саблинская хитрость. Звучали угрозы, использовалось оружие, пролилась кровь.

[10] Отвечая на вопрос председательствующего на суде, Шеин уточнил свою роль, отводимую ему Саблиным. «Когда я зашел к Саблину, — показал подсудимый, — он достал из шкафа пистолет и передал его мне. При этом он пояснил, что когда он будет выступать в мичманской кают-компании перед офицерами и мичманами, то через окошечко киноаппаратной я должен наблюдать за присутствующими и в случае нападения на Саблина кого-либо из находящихся в кают-компании пригрозить пистолетом».

(Окончание следует)

№2 1991

Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 10

(Для удобства чтения убраны многочисленные выделения жирным шрифтом-Ю.З.)

САБЛИН не только мирился с процветающей на корабле «год-ковщиной», то есть негласным правом старших по сроку службы пользоваться неуставными льготами, привилегиями, а также унижать младших, но всячески поддерживал ее.

Этот извращенный, подобный уголовному порядок, по признанию Саблина, был «чуть ли не официально разрешенным на «Сторожевом», Практиковались ночные работы по уборке помещений, выполнявшиеся только молодыми матросами, понукание которых бранью, подзатыльниками, пинками стало обычным явлением. Командир корабля, по мнению Саблина, полагал, что «годковщина» в какой-то мере способствовала поддержанию порядка на корабле. И Саблин разделял эту установку. «В известной степени это, как я думаю, — лицемерно откровенничал он, — справедливо, но противоречит всем нормам и уставам Вооруженных Сил».

Однако если Потульный, возможно, в силу своей недальновидности, пытался с помощью «годковщины» поддерживать порядок на корабле, то Саблин планировал с помощью этой уголовной силы захватить на корабле власть. Не случайно, что во время описываемых событий он отдельно собирал старшин и матросов последнего года службы для беседы. Пообещав им самое скорое увольнение, попросил у них поддержки и помощи. Так, вызванный в суд в качестве свидетеля Николай Сергеевич Соловьев (в ноябре 1975 г. командир отделения рулевых, старшина 1-й статьи), отвечая на вопросы членов суда, сообщил: «В кубрике, где собрались старослужащие, Саблин говорил им, что часть будет уволена по пути в Кронштадт, высажена на гражданские суда, а оттуда на берег, а остальные будут уволены в Кронштадте... Саблин, обращаясь, называл нас годками... Раньше я от него не слышал такого выражения».

Возвеличивая «светлый и чистый образ» Саблина до запредельных высот, Черкашин грешит против истины. Точно так же, как и бывший мичман Бородай, который, «уничтожая» нынче в печати убийственной характеристикой командира корабля, возвеличивает его заместителя по политчасти: «...Офицерской и человеческой альтернативой Потульному был заместитель командира по политической части капитан 3 ранга Валерий Михайлович Саблин». Какая цена этой «альтернативе», уже было сказано. Но любопытно, что в материалах дела имеются совершенно иные отзывы о Саблине того же Бородая, которые в немалой степени характеризуют его самого. «...Ни командир, ни замполит Саблин, как мне кажется, — размышлял он на допросе 2 декабря 1975 года, — авторитетом у матросов срочной службы не пользовались. Командир капитан 2 ранга Потульный — прежде всего за высокомерие... Саблин стоял как бы в стороне от всех событий, в том числе политико-массовой работы. Считалось, что на корабле нет замполита, а есть два старших помощника командира корабля...»

Еще более определенный отзыв Хомякова: «Командира корабля Потульного и замполита Саблина матросы, по-моему, не любили. Я несколько раз был свидетелем, когда матросы высказывали недовольство в отношении указанных лиц за то, что Потульный и Саблин не могут правильно организовать службу на корабле, не. интересуются их личной жизнью, занимаются укрывательством различных поступков с той целью, чтобы сделать БПК «Сторожевой» отличным».

Сам же Саблин ценил себя, свои добродетели и способности еще выше, чем его «летописец» Черка-шин. Кстати, последний, усердно окружая сомнительную личность ореолом героя, сумел за полгода опубликоваться не только в «Комсомольской правде», но и в журналах «Родина» и «На боевом посту». Все эти черкашинские очерки почти неотличимы друг от друга. В них бесцеремонно повторяется одна и та же мысль о якобы благородстве, бескорыстии и патриотизме «рыцаря нового демократического общества» — Саблина. Но о том, что Саблин лицедействовал, ярко свидетельствуют многие его откровения, зафиксированные в уголовном деле. Причем это не показания на следствии или суде, которые пытаются безуспешно опровергнуть журналисты Черкашин и Майданов (о втором речь шла в предыдущей публикации), а, к примеру, стенограмма звукозаписи «пламенных речей к народу». На магнитной ленте, изъятой при обыске в корабельной каюте Саблина, записаны две его речи, речи «вождя коммунистической революции», которые планировалось в удобный момент «довести» до сограждан. Записал их Саблин, соблюдая строжайшую тайну, за семь месяцев до описываемых событий. Видимо, не случайно выбрал для этого и день — 12 апреля. По его мнению, надо полагать, это обращение с «революционным призывом» должно было походить на прорыв Гагарина в космос.

«Революционно - исповедальные» откровения Саблина очень насыщены. Так, в одной из речей подробно сообщается о детских годах Саблина в «сложной, но хорошей, дружной семье», где дети, однако, были лишены «взаимной любви, ласки» (?) отца, служившего на флоте «в штабе большим начальником». В школе же дела шли ни шатко ни валко. И поскольку преподавание велось «вяло, настырно, нудно», учился Саблин «по настроению». Черные краски при изображении действительности и своего окружения — самые его любимые. Вот как, например, развивается тема «Как я попал на службу». После окончания школы перед Саблиным встал вопрос— куда идти дальше. «Насмотревшись на затхлую, мерзкую жизнь горьковских горожан, — вещал он, — я отшатнулся от всякого варианта идти в институт».

Не обращая внимания на слезы матери, юный искатель правды решил пойти в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. Но и здесь душевного спокойствия не обрел из-за лени и боязни трудностей, а по его всеочерняющим словам, потому, что училище встретило его «сильнейшей проверкой... моральных качеств». Далее он жаловался на «жестокий лагерный режим, общевойсковую подготовку молодого матроса». Как учился? А вот как: «Примерно год я не думал о политике, жизнь была сплошным комком переплетения служебных и учебных вопросов, личного ничего не было. Второй и третий курс — поиск справедливости и истины по ряду мелких вопросов...» Ну а вопросы эти были, к примеру, такие: о равенстве родителей курсантов (выступление на партийном собрании); о непозволительности растить из нахимовцев барчат (письмо в ЦК ВЛКСМ); о том, что «крейсера — плавающие гробы, до тех пор, пока на них все-таки служат люди» (письмо Н. С. Хрущеву).

По признанию Саблина, на него многие, особенно начальники, смотрели как на чумного. Сам же он называл эти поступки мелочной детской борьбой за справедливость. Но и здесь был неискренен, поскольку уже тогда наметил со всей одержимостью стратегическую цель — заявить о себе как о политическом деятеле с большим будущим. Об этом свидетельствует в определенной мере отношение к изучению программных предметов в училище. Из соответствующей справки, подшитой к делу, видно, что будущий артиллерийский офицер высшую математику и теоретическую механику сдал на «удовлетворительно», в то время как историю КПСС, диалектический материализм, политэкономию — на «отлично».

Ну, а как Саблин выполнял свои первые офицерские обязанности, прибыв в декабре 1960 года на Черноморский флот? Черкашин описывает этот период восторженно, пересыпая текст восклицательными знаками. На самом же деле все было по-иному, поскольку молодому офицеру было не до службы: ему не давали покоя «более важные проблемы». Одна из них — смена корабельной специальности. Как большинство амбициозных и эгоистичных людей, Саблин с недоброй завистью оценивал чужой труд. Ему казалось, что хлеб политработника намного легче, чем тот, который предстоит добывать ему. В этом мнении он утвердился после того, как действительно столкнулся с трудностя-

ми — не эфемерными, а настоящими. С первых же месяцев лейтенантской службы Саблин мучается своей «тяжелой корабельной участью», строит планы о смене тяжелых «серых» будней корабельного артиллериста на «райское ничегонеделание» политработника. В одной из «программных» речей он довольно подробно рассказывает о своих «метаниях». В ней меркантильные цели проглядывают довольно явственно. Судите сами.

«В этот момент мысли у меня клокотали в голове, — наговаривал на магнитную ленту Саблин, — и все искал я причин, почему так, а не иначе, у нас складываются отношения в стране... Что-то, я чувствую, надо было делать, но не хватало знаний. Забивали меня цитатами и давали понять, что серый я в вопросах политики. Пишу в Ленинградский университет с просьбой разрешить учиться если не заочно, то экстерном. Дали отказ, экстерном, говорят, нельзя, а заочно не положено...» Какая уж тут служба, если гложет забота о личных делах? Потому-то и очередное звание не присваивали. Черкашин, возможно, не ведая о подобных «идейных мучениях» своего героя, пытается объяснить этот факт спекулятивным методом. Приведя несколько отзывов о «блестящей службе» Саблина, данных ему в 1965 году, с непонятно на кого рассчитанной хитростью снова отправляет читателя в 1960-й, первый офицерский саблинский год.

«Несмотря на блестящие аттестации — сетует Черкашин, — лейтенант Саблин очень не скоро стал старшим лейтенантом. Звание ему задержали почти на год». И винит в этом, что сейчас очень модно, систему и советских партийных бюрократов. Потому якобы оказался правдолюбец Саблин в таком положении, что «написал письмо Н. С. Хрущеву, где излагал свои мысли насчет чистоты партийных рядов».

Мягко говоря, Черкашин извращает факты, поскольку письмо было написано позже. Тут ему судья сам Саблин, который на допросе 10 ноября 1975 года показал: «...когда я служил на одном из кораблей Североморского флота (Так в документе), написал письмо в ЦК КПСС. В нем я наряду с изложением ряда вопросов теоретического плана писал, что партию надо очистить от подхалимов и взяточников. После этого я был приглашен в Мурманский обком партии, где меня крепко отругали». Так что письмо «в высокую инстанцию» с Севера и задержка очередного воинского звания во время службы на Черном море совершенно ничем между собой не связаны. А если и связаны, то только тем, что подобные письма, а также другие саблин-ские потуги («изменить свой профиль», заявить о себе «на высочайшем уровне») мешали добросовестному исполнению должностных обязанностей. Впрочем, продолжим рассказ Саблина о корабельных мучениях в первые офицерские годы:

«Остается один выход — это Военно-политическая академия. Пишу туда. Это было в шестьдесят четвертом году. Присылают правила приема. Оказывается, надо с должности капитан-лейтенанта и надо два года прослужить в этой должности. В Севастополе такие должности не валяются, и надо минимум ждать два года. Созревает решение — все-таки поступить в академию. Решение серьезное, сложное... Пишу рапорт о переводе на Север. Переводят, предлагают должность помощника командира на СКР — на сторожевой корабль. При назначении предупреждаю комбрига капитана 1 ранга Крылова, что через два года — по положению, как я сказал, два года служить в должности, — что через два года буду уходить в Политическую академию. Он воспринял это как шутку и легко согласился».

Из последующей записи речи можно понять, что эти два года (1966—1968) забрали у Саблина несколько лет жизни. Не привыкший нигде раньше выкладываться сполна, в то время он себя не жалел, а тут еще должность помощника командира корабля попалась на редкость «очень сложная, нервная, ответственная». Претендующий на роль политического вождя нового толка [1а], Саблин проявлял завидное усердие, готовя плацдарм для осуществления своих амбициозных целей. «Служить надо было хорошо, — нисколько не смущаясь, сознается он в своей программной речи, — чтобы отпустили в академию». Его очень огорчает, что «политику пришлось отставить на второй план». Он в этот тяжелейший для себя период обходится лишь тем, что собирает факты, «обличающие нашу действительность», и читает классиков марксизма-ленинизма.

Но вот два памятных года позади, и Саблин начинает доказывать начальству, что шутить не любит: «Наступил шестьдесят восьмой год. Пишу рапорт в Академию...» И тут, по его словам, перед ним воздвигаются различные препоны. Начальство словно предчувствует, что перед ним будущий «государственный лидер» и «народный вождь», а потому делает все возможное и невозможное, чтобы «не пущать» Саблина в политику. Кроме запретов и отговорок, нет избытка в лестных предложениях, в обещаниях гладкой и быстрой карьеры, если Саблин продолжит службу по командирской линии и перестанет заниматься политикой. «Вызывали все начальники, — горделиво сообщает он, — вплоть до начальника отдела кадров флота». Непонятно только одно: если и впрямь воздвигались намеренно всевозможные препоны, то почему Саблину предоставили возможность беспрепятственно выехать в Москву, непосредственно в академию, чтобы решать там свои вопросы?

«Коварным» оказался и начальник факультета академии адмирал Горелкин. Он якобы обнадежил, успокоил, что, дескать, все образуется, и предложил возвращаться в часть. Саблин взял очередной отпуск и по пути к месту отдыха снова заехал в академию. Но тут узнал, что его поступление отложили на следующий год, поскольку произошла задержка с оформлением документов. «...Ему трудно представить, — укоряет Саблин начальника академии, — что значит год на корабле служить в должности помощника, сложно и тяжело... Я скрипел зубами, но был бессилен. Пришлось еще год мучиться...» Так вот что скрывалось зя «усердной службой» Саблина в это время и «блестящими аттестациями», которые процитировал в «Комсомольской правде» Черкашин!

В одной из записанных Саблиным речей на магнитной пленке говорится и еще об одном испытании, которому он подвергся перед поступлением в академию. Находясь в отпуске в Горьком, Саблин встретился с давним своим приятелем Сергеем Родионовым. У того жизнь несколько не заладилась, а поэтому Саблин стал делиться своим «опытом». Выпив и потеряв над собой контроль, он раскрыл приятелю свою «стратегическую цель» поступления в академию. Родионов же, то ли из зависти, то ли по здравом размышлении о двуличности, безнравственности или же расстроенном рассудке будущего политработника, написал, по всей видимости, в политуправление Северного флота об услышанном.

Как бы там ни было, но, по словам Саблина, дней за 12 до выезда в академию его вызвал к себе член военного совета флота контр-адмирал Сизов и стал «прощупывать» кандидата в «вожди». Затем достал из ящика стола письмо и сказал, что, дескать, некий друг из Горького заявляет о подготовке Саблина к государственному перевороту... Если было действительно так, как сообщается в саблинской речи, то его сетования на препоны, которые ставились ему, а также черкашинские рассуждения о задержке звания «по политическим мотивам» ломаного гроша не стоят. Ведь даже несмотря на такой факт, Саблина зачислили в академию. Правда, объяснил он проявленную к нему благосклонность тем, что «Родионов сам был с подмоченной репутацией» и ему не поверили. Саблину же поверили, как ему показалось, тоже «скрепя сердце». И как же могло быть иначе? Разве у политического лидера может быть гладкой дорога? Ну а если тернии отсутствуют, то помогут собственная ложь и богатое творческое воображение беспринципных летописцев типа Черкашина.

В упоминаемой публикации «Комсомольской правды» елейно выписан портрет Саблина — искреннего, бескорыстного, доброжелательного человека, с которым служить и дружить одно удовольствие: почти все, кто сталкивается с ним, восхищаются его благородством. А ведь Саблин относился к окружающим, как правило, высокомерно и неуважительно. Об этом уже упоминалось. Часть его речи об учебе в академии еще больше подтверждает наличие в саблинском характере низких черт и стоит того, чтобы привести ее здесь. Из нее также следует, что Саблин, меняя командирскую службу на политическую работу, руководствовался амбициозными и преступными целями. Вот эта выдержка:

«Я никогда не был высокого мнения о политработниках послевоенного времени, так как они, как правило, очень недалекие в рассуждениях, много думают о личном благе и мало о деле, бездельники и болтуны, иногда очень красивые болтуны, и они, как правило, не пользуются авторитетом среди личного состава[2]. Учеба в академии утвердила меня, мое мнение в том. Окружение было очень плохое. Постоянные интриги, споры между собой, стремление выслужиться перед начальниками, склоки. Это было в основе. Хотя было человек десять, которые были порядочными, в определенных пределах товарищами. Начальник факультета адмирал Горелкин поощрял такую обстановку среди слушателей, не терпел противоречащих, но умел очень возвышенно говорить о партийной принципиальности... Я, естественно, побаивался выходить на беседы с такими вопросами, так как можно было далеко зайти в споре и в итоге выйти из академии...»

Уже приводились «искренние» высказывания Саблина о жизни в городе Горьком и горьковчанах. Не нашлось у него светлых воспоминаний о Москве и москвичах. «К сожалению, — сетовал он, — в Москве я не видел щели хотя бы, в которую можно было высунуть голову, чтобы подышать свежим воздухом свободной мысли, чтобы где-то можно было высказывать свои мысли, поговорить. Были попытки найти мыслящих людей вне академии. Год я вел группу партшколы на заводе «Динамо», пытался вызвать на откровенность некоторых рабочих. Но что они — критикуют начальство заводское, порядки, но не более... Стал членом общества «Знание» от Краснопресненского райкома партии, ездил с лекциями по Москве... Чувствовал... когда читал лекции, отчуждение аудитории, когда говорил о цифрах пятилетки, призывах партии... Была встреча у меня с начальником цеха завода «Динамо» в домашней обстановке. Оказался мелким человеком... Пытался встретиться с поэтом Евтушенко. Мне нравится его гражданственная стихия. Но он также уклонился от встречи, так как собирался улетать в Японию...»

Что ж, поэт Евтушенко может гордиться тем, что своей последовательной «гражданственной стихией» повлиял на формирование такого «бескорыстного» революционного характера, какой «выковал» в себе Саблин. В материалах уголовного дела последнего хранится немало выписанных саблинскою рукою евтушенковских поэтических строчек. Поскольку Евтушенко, как уже отмечал «Военно-исторический журнал» [3], чаще всего придерживается тех лозунгов, благоволит тем героям, которые в моде, то, возможно, огорчится, что в свое время «уклонился от встречи» с вошедшей нынче в моду личностью. Хотя наряду с другими «младодемократами» может утешиться тем, что Саблин все-таки готовил «коммунистическую революцию», а это, увы, уже не модно. Если же, основываясь на материалах следствия и суда по делу Саблина, скажу, что Саблин свои преступные действия только прикрывал коммунистическим призывом, а на самом деле готовил себя в военные диктаторы, вроде генерала Корнилова или адмирала Колчака [4], то Евтушенко, надо понимать, и вовсе обрадуется. И действительно, как можно было поддержать человека, который, по мнению многих свидетелей, хотя и придерживался тактики академика Сахарова, но не разделял его взглядов. Так, когда Саблин держал речь перед офицерами и мичманами после пиратской изоляции командира корабля, мичман Житенев подал реплику, что он выступает как академик Сахаров, Саблин проигнорировал это замечание. Но того же мнения, что и Житенев, придерживался и небезызвестный мичман Бородай, который сейчас пытается героизировать Саблина, а заодно и себя самого. На допросе 10 ноября 1975 года он показал: «Я начал анализировать его выступления, и у меня сложилось убеждение, что Саблин повторяет во многом слова Сахарова, Солженицына и дикторов зарубежных радиопередач «Голос Америки». Сам же Саблин, комментируя на суде подобные заявления, однозначно ответил: «Нет, Сахарова и Солженицына я не имел в виду».

Конечно не исключено, что Саблин, везде и во всем привыкший кривить душой, и в этом своем признании проявил двуличие и неискренность. Точно так, как лгал командиру корабля Потульному, завлекая его в западню, как потом, выступая в мичманской кают-компании, хитрил и изворачивался, убеждая офицеров и мичманов в том, что командир находится в своей каюте, что он то ли знает о намерениях Саблина и согласен с ними, то ли Саблин уверен в согласии командира и посвятит его во все детали, когда будет принято общее решение. Обманул он и тех, кто не согласился поддержать его. Перед голосованием, которое, впрочем, воспринималось большинством как очередная развлекательная затея [5], он предупредил, что все несогласные с ним смогут разойтись по своим каютам, ну а после, почувствовав определенную поддержку, подверг их, как и командира, аресту[6]. Причем делалось это под угрозой применения оружия. Готовясь к выступлению, Саблин, по его же словам, имел в кармане заряженный, с патроном в стволе, пистолет. На собрании он не скрывал, что вооружен, а выступая на палубе корабля перед матросами и старшинами, предупредил, что неплохо стреляет. Был вооружен пистолетом, как уже сообщалось, и Шеин, который неоднократно угрожал этим оружием особо несговорчивым. В ультимативной радиограмме командованию флота Саблин сообщил о создании на корабле ревкома, хотя ничего подобного не существовало. Кстати, от имени членов мифического ревкома подписана и другая радиограмма, обращенная ко «всем, всем, всем!» На самом деле у Саблина на то время имелось лишь одно «особо доверенное лицо» — матрос Шеин. Последнему определялась роль боевика, телохранителя Саблина, а также... шпиона. Вот как об этом говорил на суде сам Саблин: «Сначала я намеревался закрыть всех офицеров и мичманов в кают-компании и попросить Шеина находиться в киноаппаратной и послушать, что они будут говорить обо мне, выявить согласных и несогласных с моей программой...»

Как же новоявленный «вождь народа», кстати намеревавшийся объявить о ПЕРЕСТРОЙКЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, рассчитывал «перевоспитывать» инакомыслящих? А так, как и положено военному диктатору, — с помощью оружия! Впрочем, матрос Аверин, которому, несмотря на пьянки и другие нарушения дисциплины [7], Саблин в свое время дал рекомендацию для вступления в партию, привел одно высказывание своего идейного наставника о народе, которое свойственно всем властолюбивым и амбициозным людям. «Саблин сказал, — говорил Аверин на суде, — что народ — это безликая масса, но есть «прогрессивные люди, которые поддержат нас...» Ну а диктаторские замашки организатора новой партии и ЛИДЕРА ПЕРЕСТРОЙКИ явственно проявились в намерениях претворить в жизнь «коммунистическую программу». Вот что он заявил об этом на суде: «Что бы я делал, если бы разрешили выступления по телевидению и радио? Я сейчас понимаю и сознаю абсурдность своих требований, это с моей стороны был авантюризм, но тогда я предполагал... выступить по телевидению и из тех, кто будет собираться, создать оперативный центр политической активности и на этой базе потом создать новую партию, которая поведет политическую, идеологическую борьбу с теми, кто будет против перестройки, вплоть до вооруженных мероприятий. Произойдет переворот».

А если бы не разрешили выступление по телевидению? Что он предполагал делать? На эти вопросы имеются ответы Саблина. Когда, по его словам, его спрашивали об этом некоторые члены экипажа, он давал следующие объяснения: «Я ответил, что в любом случае за границу не пойдем». Но, по всей видимости, именно этот крайний выход и имел в виду. Ведь личному составу Саблин объявил, что корабль идет в Ленинград и Кронштадт. Шеин же был осведомлен о том, что корабль выйдет в нейтральные воды, откуда пошлет ультиматум командованию флота и правительству с требованием предоставить возможность выступать в течение полугода по Центральному телевидению и радиовещанию, просвещая таким образом народ и готовя переворот. В ожидании положительного результата корабль, по словам Саблина, покинув территориальные воды СССР, курсировал бы вдали от советских берегов на оживленных международных водных трассах, останавливал бы встречные суда, пополняясь за их счет водой, горючим и продовольствием. В общем, занимаясь пиратством, а точнее — международным терроризмом. Выдвигая ультимативные требования советскому руководству и рассчитывая на «помощь» встречных судов в море, Саблин также надеялся на силу оружия. Тем не менее Бородай в интервью корреспонденту газеты «Советская молодежь» всячески отрицает этот факт, утверждая, что корабль готовился к постановке в док и в период описываемых событий, по сути дела, был безоружен. Такое утверждение — ложь.

Кстати, тот же Бородай на допросе 19 января 1976 года говорил о совершенно противоположном, в частности: «...насколько мне известно, в Балтийске с корабля были сданы ракеты типа «корабль—воздух» и противолодочные. Все остальное вооружение оставлено до непосредственного захода в док. Где остальное должно было сдаваться, сказать не могу, не знаю. На период 8—9 ноября 1975 года на корабле находились комплекты снарядов для артиллерийских установок... противолодочные бомбы... личное оружие: автоматы, пистолеты и патроны к ним...» Саблин дал более исчерпывающие сведения: «...на 8 ноября сего года на «Сторожевом» был полностью артиллерийский боезапас, полный боевой комплект противовоздушных ракет и реактивных глубинных бомб, а также стрелкового оружия экипажа и боеприпасов к нему».

Использовать современный хорошо вооруженный корабль для давления на правительство и общественное мнение — такова была стратегическая цель террориста Саблина. Ее он наметил еще в академии. В записанной на магнитную пленку «программной» речи говорится: «Напряженно и долго думал о дальнейших действиях, принял решение кончать с теорией и. становиться практиком. Понял, что нужна какая-то трибуна, с которой можно было бы начать высказывать свободные мысли о необходимости изменения существующего положения дел... Лучше надводного корабля, я думаю, такой трибуны не найдешь, а из морей лучше всего Балтийское, так как в центре Европы». Желание применить тактику с позиции силы явственнее просматривается в обращении к экипажу, тоже записанном заранее на магнитную ленту. «Никто в Советском Союзе не имеет и не может иметь такую возможность, как мы, — делал Саблин свой диктаторский, вывод, — потребовать от правительства разрешения выступить по телевидению с критикой внутреннего положения. Это позволяет изолированная территория, подвижность и вооруженность корабля, автономность и вооруженность связью...»

Завладев кораблем, несостоявшийся диктатор действительно рвался в «центр Европы», то есть на оживленные водные перекрестки. Составив заранее для себя и для экипажа всевозможные инструкции, тщательно проштудировав штурманское и шифровальное дело, запасшись даже такими мелочами, как замки для изоляции командира и членов экипажа, он, если бы действительно намеревался идти в Кронштадт и Ленинград, подумал бы заранее и о соответствующих картах. Но их у него не оказалось. А без навигационных карт указанных районов провести туда корабль невозможно даже искушенному штурману. Так что курс у него был намечен один — подальше от территориальных вод СССР. Там он считал бы себя в полной безопасности, более того — хозяином положения. «Саблин сказал, — показывал на суде старший лейтенант Фирсов, — что корабль сильно вооружен, находится на Балтике, которая славится боевыми традициями флота, и с нашими требованиями не должны не посчитаться». Как всякий рвущийся к власти авантюрист, не очень-то надеющийся на поддержку внутри страны, Саблин возлагал большие надежды на заграницу. Для этого он тоже предварительно составил текст соответствующей радиограммы. Чтобы передать ее, шел даже на разглашение военной тайны. Он приказывал радистам передавать свое воззвание открытым текстом, но в этом ему отказывались повиноваться даже те матросы, которые из страха или по недомыслию поначалу поддержали его. «Передав один абзац, — показывал на суде матрос Виноградов, — я пошел к Саблину. Он приказал передать это воззвание открытым текстом. Я ему сказал, что передавать открытым текстом нельзя, так как это является грубым нарушением правил связи, об этом будет известно за рубежом, будут расшифрованы наши коды. Саблин, несмотря на такие убедительные доводы, настаивал на своем. «Передачей радиограммы «Всем, всем, всем!» я имел в виду, — объяснял он свое упорство, — что будет какая-то поддержка из-за рубежа...»

Саблина, направившего корабль к чужим берегам, долго и терпеливо пытались урезонить. На корабль поступали десятки просьб и приказаний остановиться. Но он на них не реагировал. Как не прислушался и к предупреждению об открытии огня по кораблю. Более того, он даже не сообщил об этом личному составу, подвергнув его смертельной опасности. Главной задачей Саблина в те роковые минуты являлось сокрытие всей правды от людей, чтобы на корабле не начались «беспорядки», то есть по его словам, «попытки противодействовать моим планам». Чтобы иметь более полное представление об этих планах и понять их авантюризм и несостоятельность, уместно ознакомиться с протоколом допроса Саблина от 23 февраля 1976 года. Привожу выдержки из него:

«Следователь: Как видно из предъявленного вам заключения экспертов, пограничные катера не влияли на курс «Сторожевого», который после прохода Ирбенского маяка мог лечь на любой курс. Этот вывод экспертов опровергает ваше утверждение, что назначить курс 290 градусов, ведущий к шведскому острову Готска-Сандён, вас вынудили действия пограничных катеров, маневрировавших на острых курсовых углах...

Саблин: Я не утверждаю, что пограничные катера специально произвели маневры... Курс же 290 градусов я назначил совершенно произвольно без учета его конечной направленности, тем более что на карте, находящейся в тот момент на столе автопрокладчика, не имелось изображений шведского берега и шведских островов [8].

Следователь: Из заключения штурманской экспертизы видно, что к 10 часам 09 минутам после отхода пограничных катеров от БПК на 50 кабельтовых[9] «Сторожевой» следовал примерно 23 минуты без сопровождения, но назначенный курс не менял. Почему же за этот период вы не изменили курс, ведущий в сторону Швеции, и удалялись от берегов СССР?

Саблин: Я еще раз заявляю, что курс в тот момент не имел для меня никакого значения — я старался уйти как можно дальше в открытое море от советских берегов [10]».

Представьте себе картину с точки зрения шведской пограничной службы, в зону ответственности которой устремился большой противолодочный, корабль соседней страны, сопровождаемый пограничными, тоже чужими кораблями,

а также боевыми самолетами... Трудно сказать, чем бы это могло закончиться. Не исключено, что и серьезным военным конфликтом. По крайней мере это могло произойти, если бы какой-нибудь шведский офицер руководствовался соображениями Саблина, который на суде сделал такое откровение: «С пограничных кораблей я получал приказы остановиться и следовать в город Ригу, но этого не сделал. Это было диким упрямством с моей стороны, которое я объяснить не могу...»

И вот ныне объявился популяризатор «революционного подвига» Саблина Черкашин и все «объяснил» на страницах «Комсомольской правды» и других изданий. Однако творения последнего — фальсификация и вымысел, о чем свидетельствуют документы.

Черкашин умиляется умением Саблина сходиться с сослуживцами, его чуткостью и внимательностью к службе и запросам личного состава. На деле же тот чурался работы с людьми, не интересовался не только их делами, но даже не знал элементарных анкетных данных многих матросов и старшин, что постыдно для политработника. В том убеждают следующие показания Саблина, которые он дал 5 и 6 января 1975 года в отношении некоторых лиц, активно помогавших ему: «Матрос Буров (имени и отчества не помню), — рассказывал Саблин, — проходит службу на корабле «Сторожевой» в должности радиометриста-наблюдателя с июня 1974 года... 8 ноября 1975 года около 17 часов я позвонил в кубрик РТС и приказал дневальному разыскать и направить ко мне матроса Бурова. Приказал Бурову открыть посты № 1—3 и 4—6, снять в них с телефонных аппаратов трубки, обеспечить постелью пост № 2, где собирался закрыть Потульного. Затем сам проверил, как Буров выполнил приказ, оставив во втором посту конверт — «Потульному А. В.»...

Матрос Аверин (имени и отчества не помню) [11]. Служит на корабле «Сторожевой» с ноября 1973 года в должности минера... 8 ноября 1975 года я видел Аверина только в момент, когда разговаривал с Потульным через люк 3-го поста. В это время Аверин стоял у трапа в тамбур № 1, слышал наш разговор и наблюдал за происходящим. Здесь же был и Шеин. После разговора с Потульным я приказал Шеину и Аверину поставить на люк 3-го поста металлический раздвижной упор. Если не ошибаюсь, Аверин принес упор. Когда я уходил, то видел, что он и Шеин ставят этот упор на люк поста, где находился Потульный...

Матрос Сахневич (имени и отчества не помню) служит на «Сторожевом» электриком БЧ-5 с мая 1973 года и в декабре 1975 года должен демобилизоваться... Во время захвата власти на БПК «Сторожевой» 8—9 ноября 1975 года Сахневич проявил себя довольно активно. Впервые я увидел Сахневича в коридоре офицерского состава. Когда я вместе с Хомяковым пытался открыть дверь в каюту Фирсова [12], Сахневич подошел ко мне и сообщил, что в каюте Саитова собрались офицеры и мичманы и что-то, как он выразился, замышляют против меня. Я видел, что в конце коридора офицерского состава находилась группа матросов БЧ-5. Вместе с Сахневичем я подошел к каюте Саитова и, стоя на пороге этой каюты (в ней находилось несколько человек), разговаривал с Саитовым... На мой вопрос, где Фирсов, Саитов ответил, что все необходимо прекратить, так как Фирсов уже на берегу, все там стало известно и, очевидно, к нам будут предприняты какие-то меры. Я ответил, что раз они меня больше не поддерживают, то я должен их изолировать. В этот момент Степанов через порог каюты схватил меня за руку и потащил в каюту, а мичман Ковальченков толкал в спину. Пытаясь втолкнуть меня в каюту, Степанов и Ковальченков хотели вытащить у меня из внутреннего кармана офицерской тужурки пистолет, оборвав при этом пуговицы на тужурке.

Когда я уже наполовину был в каюте Саитова, подбежали матросы БЧ-5 и вместе с Сахневичем освободили меня из рук Степанова и Ковальченкова. Сахневича я запомнил в этот момент потому, что он выделялся среди других матросов большой активностью, кричал: «На помощь! Спасайте Саблина!», а также тем, что позже задавал мне вопросы, что мы будем делать с офицерами и мичманами, находящимися в каюте Саитова.

Я был взбешен поведением находящихся в каюте Саитова лиц и сказал, что они предатели, что предали дело и будут изолированы. При этом я держал в руке пистолет — я вытащил его, так как мне оборвали пуговицы, тужурка распахнулась и я боялся, что кто-нибудь вытащит этот пистолет из кармана...»

Это был один из тех опасных моментов, когда на корабле могла начаться перестрелка, так как члены корабельного экипажа были спровоцированы воинственностью и озлобленностью Саблина Ведь в стволе пистолета Саблина уже находился патрон... Но это не все. Пистолеты с патронами имели в то время и другие офицеры, к примеру, Степанов. Добыто было оружие сразу же после прослушивания речи Саблина. Вот что по этому поводу показал на суде уже упоминавшийся старший лейтенант Фирсов. Он поначалу голосовал за план Саблина, почему и не был изолирован. «Я прошел в кормовую часть корабля, — рассказывал Фирсов, — встретил там лейтенанта Степанова. Мы стали искать командира, но не нашли. На баке мы увидели Саитова. Решили поговорить с Саитовым и разобраться в обстановке на корабле. Первым делом мы решили достать оружие. С Саитовым достали второй экземпляр ключей от арсенала в каюте командира БЧ-2 и вместе, отключив сигнализацию, открыли арсенал, взяли 5 пистолетов. Но патронов там не было. Они находились в 4-м погребе. Саитов вызвал Сметанина — заведующего погребом, — и у него взяли патроны». Лейтенант Степанов подтвердил эти показания, заявив: «У меня был пистолет, но я его не применил...»

Потерявший голову и контроль над своими поступками, террорист Саблин провоцировал на открытие огня и преследовавшие его пограничные корабли. Причем позже, когда пришлось держать ответ, пытался свалить ответственность за эти преступные действия на других. Показателен в этом отношении протокол его допроса, датированный 5 марта 1976 года:

«Следователь: Вам предъявляется протокол допроса свидетеля А. А. Петрушина от 20 февраля 1976 года в части, где он показывает о получении от вас указания попугать идущие рядом со «Сторожевым» пограничные катера стволами артиллерийских установок. Вы же показывали, что предложение «попугать пограничные катера» исходило от Петрушина. Что вы можете показать по существу предъявленных вам показаний Петрушина?

Саблин: Протокол допроса Петрушина от 20 февраля 1976 года в части, где он показывает о полученном от меня указании, мне предъявлен и мною прочитан. Показания Петрушина я подтверждаю. Как я теперь вспоминаю, действительно указание о том, чтобы Петрушин провернул по горизонту стволы орудий для того, чтобы попугать идущие рядом пограничные катера, давал ему я. Кроме того, тогда же Петрушин мною был предупрежден, чтобы он не произвел случайный выстрел, так как это явится поводом для применения по отношению к «Сторожевому» оружия...»

Как уже упоминалось, свои экстремистские и террористические выходки Саблин объяснял усложнившейся ситуацией. В общем-то, с самого начала он ею не владел. Ее взяли в свои руки хулигански настроенные элементы, многие из которых пребывали в нетрезвом состоянии. Кроме полупьяного матроса Аверина, о котором уже шла речь, был навеселе, к примеру, мичман Хомяков. По его словам, 8 ноября вместе с ним распивали на корабле коньяк и вино мичманы Величко и Ковальченков, Сверев и Гоменчук. Нынешний ярый пропагандист «революционных идей Саблина» мичман Бородай на допросе 25 декабря 1975 года об употреблении спиртных напитков не говорил, но вот как передал свое

состояние в тот день: «...мне и во время выступления [Саблина], и тогда, когда задавали вопросы, не удавалось соблюсти спокойствие: было какое-то беззаботное и веселое настроение, ведь я только недавно возвратился на корабль из дому. Боцман Житенев да и некоторые другие из присутствующих одергивали меня и просили не улыбаться, не мешать им слушать выступление Саблина. Я же никак не мог воспринять все происходящее серьезно...»

Но вскоре веселость перешла в агрессивность. Здесь уместно привести показания старшины 2-й статьи Копылова, одного из тех, кто всячески препятствовал осуществлению преступного замысла Саблина и его подручных. На суде Копылов, бывший старшина команды радиометристов, рассказал следующее:

«8 ноября 1975 года после ужина личный состав смотрел сначала один фильм, а затем сразу же стали показывать второй фильм... После окончания второго фильма, примерно в 22 часа, мы с Набиевым пошли перекурить на бак. Чтобы туда попасть, надо было подняться по трапу через 2-й тамбур. Как только я стал подниматься по трапу, матрос Шеин, находившийся во 2-м тамбуре, сказал, что во 2-й тамбур идти нельзя. Рука у него была в кармане. Но я продолжал идти. Шеин отступил, и я вошел во 2-й тамбур. Набиев находился сзади меня. Здесь я услышал стук в нижнюю часть люка и голос командира корабля Потульного. Он сказал: «Саблин и Шеин — изменники Родины». Я хотел открыть люк, но Шеин вынул пистолет и, направив на меня, сказал: «Буду стрелять». Я понял, что этот человек способен на все, и отступил на один шаг, а Набиев в это время ударил по руке Шеина поручнем от трапа и выбил пистолет. В тамбур вошли мичманы Калиничев, Величко, Гоменчук и Бородай. Они схватили меня. Шеин поднял пистолет. Набиев куда-то исчез. В это время Шеин ударил меня рукояткой пистолета по голове. Я схватился за голову, пошла кровь. Началась драка с мичманами. Потом я от них вырвался и пошел в кубрик умываться. В это время был объявлен «большой сбор». Я пошел на ют. Там уже был собран личный состав. Перед матросами выступал Саблин. Увидев меня, он прервал речь и сказал: «Вот Копылов, тоже ничего не понял... и получил за это». Саблин предложил мне остаться. Я не остался и пошел во 2-й тамбур. Там стояли Саитов и Шеин. Люк во 2-й тамбур был закрыт на замок. Шеин попросил у меня извинения за нанесенные удары. Потом подошли Гоменчук и Кутейников. Они спросили меня, доволен ли я жизнью. Я ответил, что всем доволен. Они ушли. Зашел Фирсов и ушел на бак. Я пошел в кубрик...

Около 10 часов в кубрик № 5 позвонил старшина 2-й статьи Станкявичус и предложил мне, Лыкову и Набиеву собраться в кубрике № 10. Мы собрались и обсудили положение на корабле. Решили освобождать офицеров и командира. Матросы Ферапонтов, Лыков, Борисов приготовили ломики, и мы пошли к посту № 6. По пути к нам присоединилось еще много матросов. Охраны у поста № 6 не было. Мы открыли люк, взломали дверь и освободили офицеров. Я видел, как выходили Кузьмин, Прошутинский и Виноградов. С указанными офицерами мы пошли освобождать Потульного. Пост № 3 охранял матрос Аверин. Сопротивления он не оказывал. Матросы Борисов, Лыков взломали дверь и выпустили командира».

Чтобы представить полнее, как и чем закончились эти события, воспользуюсь выдержками из показаний на суде Шеина и Саблина — главных виновников этой преступной и трагической авантюры. Первый из них рассказал: «В 8 часов утра 9 ноября 1975 года был подъем... я поднялся на ходовой пост... В это время вбежал какой-то матрос и крикнул, что арестованные во главе с командиром корабля освобождены и устремились к арсеналу. Саблин скомандовал по корабельной трансляции: «Все к арсеналу!» Я тоже побежал туда, но было уже поздно. Командир корабля Потульный отдавал приказания матросам, офицерам, и эти приказания исполнялись».

Ну а Саблин о последних минутах своего пиратского командования вспоминал так:

«В 10 часов 30 минут 9 ноября 1975 года я услышал взрывы бомб и удары осколков в борт нашего корабля [13].

Обернувшись, я увидел Потульного, поднимающегося по трапу. Он выстрелил в меня, я упал. Я был легко ранен. Потульный вступил в командование кораблем».

Приговором закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР Шеин был осужден к 8 годам заключения: первые два года — в тюрьме, остальные шесть лет — в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Саблина приговорили к исключительной мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 3 августа 1976 года. В покаянной своей речи Саблин говорил: «Рассказывая о всех моих преступных действиях, я вспоминаю все, что было написано на следствии в 39 томах данного дела, и понимаю, что это была авантюра. Когда меня спрашивали, признаю ли я себя изменником Родины, я ответил: «Не могу считать себя изменником Родины...» Если же смотреть объективно, все мои действия являются изменой Родине». Эти слова не нуждаются в комментариях.

Генерал-майор юстиции А. Е. БОРИСКИН

* * *

От редакции. Говорят, судьбы зачастую бывают слепыми и необузданными. Случается и так, что они имеют довольно схожие параллели в жизни, казалось бы, разных людей. Вот Саблин. В его авантюрных и безответственных поступках, в его отношении к родной стране было много такого, что перекликалось с деятельностью академика Сахарова, которого Саблин, по его словам, не признавал. Но случай распорядился так, что немалая часть их жизни и деятельности связана с одним городом — Горьким (Нижним Новгородом). А разве не является парадоксом судьбоносного времени (хотя, возможно, и закономерностью, которой следуют нечистоплотные люди), что имя Саблина повязано в наши дни с другим, ставшим уже нарицательным именем — Григоренко? Учрежденной в наши дни «неформалами» медалью имени Григоренко (№1!) оценена «революционная доблесть». Саблина, которую тот сам в конце концов осудил и от которой отказался. Но такое награждение вполне резонно, поскольку оба этих деятеля придерживались примерно одинаковых жизненных принципов и строили свою карьеру по одинаковому методу. Григоренко, являясь слушателем Академии Генерального штаба, писал доносы, пытаясь выставить в лучшем свете себя и в худшем других, что затем делал и его последователь Саблин, обучаясь в Военно-политической академии. И тем, в другим руководили личные выгоды и амбиция, прикрытые фальшивой саморекламой правдолюбцев и «народных страдальцев». Или такое совпадение. Разрабатывая «демократические» программы по совершенствованию советского общества, записывая на магнитную пленку (записи составили около полукилометра) свои речи и автобиографию, Саблин в то же время глушил на корабле всякие попытки добиться справедливости и истины силой недисциплинированных матросов и старшин, издевавшихся над молодыми воинами. Он отмахивался от жалоб последних, покрывая и защищая их притеснителей, в чем цинично признавался. «Мне известно много случаев,— сообщил Саблин на допросе 1 марта 1976 года,— когда молодых матросов не пускали на просмотр кинофильмов, заставляли отрабатывать наряды в это время, вне очереди мыть посуду и обслуживать за столом, причем все это в унизительной форме. Особенно в этом отличались такие старшины, как Гавриленко, Уловкин, Берия...» Фамилия последнего, являвшегося соратником Саблина, тоже заставляет усомниться: а так ли уж слепа судьба в выборе лжегероев-лицедеев, попирающих честь, совесть, законы? А так ли уж безвинны и те, кто пропагандирует подобных героев-лицедеев? Они, эти пропагандисты, тоже ведь лицедействуют.

Примечания:

[1a] О том, что такие претензии появились у него именно в тот период, можно понять из письма Саблина родителям, датированного 10 октября 1975 г. В нем он писал, что прошедшие десять лет прошли в мучительный поисках «справедливости и общественной свободы... т. к. постоянно приходилось сдерживать свое возмущение существующими порядками и отказываться от волнующих теоретических споров, чтобы добиться нынешнего положения, позволяющего выступить более или менее эффективно», то есть с позиций силы и экстремизма.

[2] Именно такого рода оценку давали Саблину многие его подчиненные.

[3] См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 4.

[4] Саблин не только через матросов и старшин пытался рассылать по стране свою автобиографию и программную речь, но и лживо их уверял, что у него есть сторонники на других кораблях и флотах. Как показал на суде старший лейтенант Фирсов, Саблин говорил, что выступление «Сторожевого» послужит сигналом для других кораблей, что этого сигнала ждут. Старшина 1-й статьи Соловьев показал: «Саблин заявил, что его выступления ждут на Северном флоте. ТОФ и Камчатке, а также в Москве» «На юте Саблин говорил, — подтвердил эти показания матрос Аверин, — что у него есть единомышленники, друзья. Он уже написал письма, и нас поддержат на Северном, Тихоокеанском и других флотах».

[5] «Я попросил офицеров и мичманов взять по одной белой и по одной черной шашке, — рассказывал Саблин на допросе 14 ноября 1975 г. — Со смехом и шутками они разобрали эти шашки».

[6] Выдержка из того же протокола допроса: «10 офицеров и мичманов, в числе которых были офицеры Овчаров, Гиндин, Смирнов, Виноградов, Садков, Кузьмин, Боганец, мичманы Хохлов, Житенев и Грица, вышли из кают-компании и под моим наблюдением спустились в пост №4, расположенный в трех метрах от двери кают-компании мичманов. В этот момент я увидел недалеко матроса Шеина, наблюдавшего за происходящим. Я закрыл дверь поста ключом, а люк этого же поста навесным замком и вернулся в кают-компанию».

[7] О двуличии Саблина и а сущности происшедшего на «Сторожевом» дают определенное представление ответы Аверина на суде: «Еще до событий на корабле проходило партийное собрание, и меня на нем поругали. После этого я имел беседу с Саблиным, который сказал мне: «Не огорчайся, скоро узнаешь, какие будут события на корабле»... 7 ноября 1975 года я был в увольнении и возвратился на корабль в нетрезвом состоянии, поэтому не смог сразу ничего понять... Уже на юте, когда выступал Саблин, я понял, что надо бороться с пьяницами и карьеристами... Я не пошел... освобождать командира, потому что боялся... Сейчас, если бы предложили принять участие в подобных событиях, я бы тому перегрыз горло...»

[8] На суде Саблин значительно уточнил эти свои отговорки заявлением о том, что «знал, что почти любой курс ведет или в Швецию, или в Финляндию». Это он сделал после показаний капитана 2 ранга Чистякова, командовавшего группой пограничных катеров, преследовавших «Сторожевой», с которых в течение трех часов и всеми возможными средствами (сигнальными ракетами, флагами, семафором, голосом посредством мегафона) Саблину передавали приказ остановиться. «Я предупредил Саблина, — показывал Чистяков, — после поворота у Ирбенского маяка, что он держит курс на Швецию». Такое же предупреждение было сделано и с другого пограничного корабля. Саблин на это заметил, что предупреждения не слышал, но об истинном направлении примерно знал.

[9] Один кабельтов равен 0,1 морской мили или 185,2 м.

[10] Судя по показаниям капитана 2 ранга Чистякова, во время принудительной остановки «Сторожевой» находился в 29 милях за пределами территориальных вод СССР (морская миля - 1852 м). В постановлении же о дополнении обвинения от 29 марта 1976 г. указывалось: «В 10 часов 32 минуты 9 ноября 1975 года преступные действия Саблина и его пособника Шеина силами Военно-Морского Флота СССР и экипажа «Сторожевого» были пресечены, корабль остановлен в Балтийским море в точке с координатами: широта — 57°58”6", долгота — 21°02”9", в 21 миле от советской государетвенной границы и на расстоянии 50 миль от территориальных вод Швеции».

[11] Аверин являлся не только комсомольским активистом: по рекомендации Саблина вступил в партию.

[12] Старший лейтенант Фирсов еще до того, как корабль, захваченный Саблиным, покинул Рижский рейд, сумел по швартовому концу спуститься на бочку. Его заметили со стоявшей неподалеку подводной лодки и прислали за ним катер. Фирсов известил командование о пиратской акции Саблина. Он сделал это еще до выхода «Сторожевого в море. Черкашин же пишет, что все зто совершил «некий мичман».

[13] Когда «Сторожевой» не удалось остановить группе пограничных катеров, в воздух были подняты самолеты. Они сбросили по курсу движения корабля несколько бомб с таким расчетом, чтобы, заставив его остановиться, не причинить ему вреда.

Большой противолодочный корабль «Сторожевой»

Валерий Саблин

«Герой» нашего времени в версии Н. Черкашина

Заглавие материала - Ю.З., инф. и фото из книги Н. Черкашина «Чрезвычайные происшествия на Советском флоте». М.:Вече, 2010.— 448 с. : ил. — (Морская летопись). Автор поместил в книге большой материал под названием «Мятеж». Здесь воспроизводится последняя глава и доп. материал.

Глава одиннадцатая ВЕНОК ИЗ ПИСЕМ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Сдать эти письма в архив не поднимается рука. Это отклики, пришедшие в «Комсомольскую правду» и другие газеты, на радио, телевидение после публикаций материалов о Саблине и «Сторожевом».

Прежде всего — слово участникам событий. Письмо бывшего старшего матроса «Сторожевого», ныне московского строителя Сергея Лыкова:

«На днях ребята по бригаде принесли мне газету. «Почитай, тебе будет интересно». Развернул и увидел фотографию своего замполита Валерия Михайловича Саблина. У меня в душе все перевернулось, а на глазах появились слезы... Слишком много вспомнилось.

То, что произошло в Риге в ноябре 1975 года, нам, рядовому составу, приказали забыть, а после двухмесячного разбирательства напутствовали нас так: «Только честным трудом вы смоете позор с Балтийского флота». Домой ехать не хотелось, все боялся — вот приеду, и тут же на вокзале арестуют. Приехал домой ночью, мать обрадовалась и, плача, спросила — почему же так долго не приезжал? Сказал, что служба такая. Пока она хлопотала на кухне, подсел к приемнику, и, прокручивая станции, вдруг услыхал сквозь трескотню помех сообщение «Голоса Америки»: мол, такого-то числа в Балтийском море был обстрелян советскими истребителями советский военный корабль. Дальше слушать не мог. Сидел и ревел, как девчонка. Было так обидно и стыдно за тех, кто послал эти самолеты...

Теперь вот прочитал в латвийской «молодежке» статью А. Майданова «Прямо по курсу—смерть», и снова стало обидно и стыдно, на этот раз за автора: столько неточностей и откровенной полуправды. Зачем так пинать нашего командира капитана 2-го ранга Потульного, которого на корабле уважали, несмотря и на некоторый гонор? И, наконец, полный бред, ясный и школьнику — самолет с водородной бомбой на борту, посланный вдогонку за «Сторожевым», чтобы уничтожить его — и где! — у берегов Латвии. Не надо драматизировать и без того трагическую ситуацию нелепыми домыслами. И чтобы подобное не накручивалось и впредь, прошу всех, кто причастен к тем событиям, самим рассказать, как все было на самом деле».

Бывший матрос, художник Тольяттинского народного театра Александр Николаевич Шеин три года отдал флоту, восемь — тюрьме и лагерю. Но даже там, за решеткой и «колючкой», его старались держать подальше от остальных заключенных, дабы бывший матрос не проговорился, за что сидит. Он научился медитировать и выходить в астральное пространство — за неимением пространства иного.

В лагерной общеобразовательной школе Шеин впервые в жизни влюбился. В вольную. В учительницу литературы. В жену замполита конвойной роты. С таким же успехом он мог влюбляться в Жаклин Кеннеди или Эдиту Пьеху. Но произошло чудо, случавшееся разве что в старой русской жизни: его возлюбленная оставила мужа-охранника и потянулась к нему, бритоголовому невольнику, дождалась, когда кончится срок, и уехала с ним навсегда.

С Шеиным у меня завязалась обширная переписка.

«У нас напрасно искали потом подпольную организацию на корабле, — писал Шеин в очередном письме, — ее не было. Если уж меня определили ближайшим помощником Саблина, то я о его намерениях узнал лишь за три дня до выступления.

Саблина поддержали в основном матросы. Мы не были сильны в теории социализма, но мы хорошо чувствовали всю фальшь того, что нам внушали и как далеко расходились газетные словеса с нашей жизнью. Наглядный урок показухи, барства, лицемерия преподал нам бывший Главком ВМФ Горшков, который выходил на нашем корабле в море вместе с министром обороны Гречко. Мы должны были продемонстрировать стрельбу ракетоторпедой по подводкой лодке. Лодку искали долго, но так и не нашли. Тогда высокое начальство решило стрелять наобум, получив данные о цели по прибору, имитирующему на тренировках подводную лодку. Ну и вжахнули! Красивое было зрелище, если не считать тех сотен тысяч рублей, которых оно стоило. Министр остался доволен. Все газеты расписали нашу блестящую атаку. А мы читали — плевались. И еще деталь. На том выходе корабельные коридоры были устланы ковровыми дорожками, прямо через комингсы, хотя это и мешало закрывать водонепроницаемые двери, как велят корабельные правила. Но что им Корабельный устав... Ребята все видели...»

В конверте я нашел и вырезку из газеты «Страж Балтики» с отчетом о том походе. Любопытный документ.

«ПОД ФЛАГОМ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР». Высокий патриотический дух царит на кораблях и в частях дважды Краснознаменного Балтийского флота. Воины-балтийцы глубоко осознают всю сложность и ответственность, вытекающие из решений XXIV съезда КПСС...

Руководители партии и правительства лично уделяют большое внимание военным морякам. Корабли ичасти ВМФ неоднократно посещали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

На дважды Краснознаменном Балтийском флоте не раз бывал член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А.А.Гречко. Сегодня такой чести удостоен этот корабль...

...И вот корабль вышел в море. На ходовом мостике — министр обороны СССР Маршал Советского Союза

А.А.Гречко. Он заслушивает доклад командира корабля о поставленной перед экипажем задаче. Министр обороны подробно интересуется тем, как военные моряки осваивают новую технику и оружие, какие тактические приемы применяет командир в ходе боевой подготовки в море, как он учит подчиненных умению использовать оружие, организует занятия, тренировки, учения. Командир корабля докладывает министру обороны о том, что воодушевленные Обращением Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу, офицеры и мичманы, старшины и матросы экипажа выполнили социалистические обязательства, принятые ими на зимний период обучения в соревновании под девизом «За дальнейшее повышение боевой готовности, отличное знание и сбережение оружия и военной техники».

Министр обороны СССР обстоятельно заслушивает командира о людях экипажа корабля, офицерах, мичманах, старшинах, матросах, условиях их жизни, быта, отдыха.

Маршал Советского Союза А.А. Гречко спрашивает, как личный состав выполняет свои обязанности на боевых постах по различным вводным и командам. Специальная подготовленность моряков, уровень их тактической и морской выучки, морально-волевой настрой — это и многое другое в поле зрения Маршала Советского Союза А.А. Гречко.

Корабль под флагом министра обороны СССР следует в заданный район. А в это время поступает радиосообщение от вертолетчиков об обнаружении подводной лодки «противника». На всех боевых постах корабля идет боевая работа. Особо ответственна сейчас роль гидроакустиков. И они справились с задачей. По их данным, командир принимает решение атаковать подводную лодку. Считанные минуты пролетели после установления контакта с подводной лодкой, и вот уже на подводную лодку обрушился удар всего комплекса противолодочного оружия корабля — реактивных бомбометных установок и торпед.

На выходе экипаж корабля продемонстрировал высокий уровень боевой подготовленности, выучки и мастерства. Сказалась большая партийно-политическая работа, проведенная в экипаже.

Коммунисты и комсомольские активисты беседовали с воинами о заботе, проявляемой партией и правительством о военных моряках, призывали балтийцев ответить на это внимание новыми достижениями в совершенствовании боевого мастерства. Коммунисты и комсомольцы показали личный пример.

Начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А.А. Епишев проявил глубокий интерес к организации партийно-политической работы на корабле, заслушал доклад заместителя командира корабля по политчасти».

Заслушать заслушал, но по-настоящему услышал лишь через год — в мятежном ноябре 1975-го.

Строки из писем.

«Я ровесница Саблина, и я восхищаюсь его самоотверженным поступком... Ценой жизни решил разбудить нас, вывести из состояния глубокого сна. Он знал, на что шел! Сын может гордиться своим отцом.

Л. Мороз, Москва».

«Я тоже служил в то время на Балтике, на корабле такого же проекта. Но мы ушли на Тихоокеанский флот в сентябре, и весть об этом случае до нас дошла уже в Индийском океане. Но преподнесли нам его совсем в другом виде: В. Саблин — изменник Родины и хотел угнать корабль за границу и т. д. И все 15 лет я так и думал. Вот только горько, что уже нельзя извиниться перед В. Саблиным. Уверен, что многие, кто служил в то время на флоте, смогут понять теперь, с какой чудовищной неправдой мы жили, служили бок о бок.

В. Рубцов, Хабаровский край, Ванинский район».

«Я обращаюсь к «Комсомолке» с предложением начать кампанию по переименованию корабля «Сторожевой» в «Валерий Саблин». Хватит нам «Ждановых», «Ворошиловых», «Устиновых», «Калининых»! Народ, а не Главпур должен давать имена строящимся на его деньги кораблям! Имена подлинных героев, а не сталинско-брежневских креатур! Имя Валерия Саблина — Человека и Офицера, — выступившего против извратившей и изолгавшей идею социализма бюрократическо-авторитарной шайки, должно навечно остаться в памяти советского народа!

Константин Чуприн, член КПСС, г. Баку».

«Люди издавна путают понятие «родина» с понятием «государство». А разница между этими понятиями очевидна уже на уровне грамматики: слово «родина» имеет общий корень со словом «народ», слово «государство» — со словом «государь». Так что делать народу, когда государь жесток и неразумен? Вот и получается, что выступить на защиту родины иногда означает — восстать против государства.

Валерий Саблин поступил согласно присяге — он выступил на защиту своей Родины и защищал ее, не щадя своей крови и самой жизни. И то, что Саблин был политработником, убежденным марксистом — очень характерно. Я помню, как в 1984 году, придя на второй курс Университета марксизма-ленинизма, я услышал буквально следующее: изучать марксизм-ленинизм необходимо для того, чтобы бороться с теми, кто нами правит. С этого заявления началось первое занятие по научному коммунизму. Человек, действительно узнавший и понявший Маркса и Ленина, не может не быть убежденным и последовательным врагом той общественной системы, в которой мы жили.

Вопрос в том, как бороться. И в этом смысле поступок Саблина — это авантюра. Петра Петровича Шмидта матросы сами позвали. Он согласился возглавить выступление на «Очакове», согласившись разделить их судьбу. Матросов «Сторожевого» Валерий Саблин подставил, сделал их заложниками. Делать такие вещи можно лишь тогда, когда люди разделяют твои убеждения, идут на риск сознательно. Сахаров и Солженицын при любом исходе отвечали за свои поступки и слова сами. Саблин сделал заложниками десятки человек. И вот в этом самый главный урок событий на Балтике. Чтобы бороться с государством — хотя бы и во имя народа, — надо либо оставаться рыцарем-одиночкой, как Радищев, как Сахаров. Либо — организуя и воспитывая людей, создавая организацию революционеров — людей, на все идущих сознательно. Иначе любая революционность оборачивается авантюризмом и неизбежно приводит к гибели невинных людей. Бомбы, летящие с баррикады в батальон карателей, — это одно. Бомба, бросаемая из-за угла и калечащая, помимо главной жертвы — министра или генерала, — случайных прохожих, это совсем другое.

Ну что же, нельзя забывать, что мировоззрение Саблина вызревало на марксистско-коммунистических идеях. Он действовал в рамках партийной, революционно-большевистской морали, а логика ее позволяет во имя высшего блага большинства приносить в жертву невинное меньшинство.

Николай Кудряков, Десногорск».

«С горечью вынужден констатировать, что публикация данного очерка отнюдь не способствует патриотическому воспитанию нашей молодежи... Не следует забывать старинный российский военный призыв: «За Веру, Царя и Отечество!» Веру у нас отобрал тот, величием которого проникся военный преступник Саблин, Царя свергли и расстреляли

тоже не без его участия. А Отечество у нас осталось — наша Родина, земля предков. И задача Вооруженных Сил защищать Отечество от посягательства на него извне, которые в истории еще долго не прекратятся. Каждый воин должен на своем посту укреплять Вооруженные Силы, независимо от того, хорош или плох правитель, стоящий во главе Отечества в данное время... Кто знает, сколько еще появится тайных или явных сторонников «партийных» переворотов в Вооруженных Силах?.. Считаю, настало время убрать институт «политиканов» из ВС страны. Каждый гражданин на время службы не должен состоять ни в какой партии. К этому разумному выводу пришли руководители многих стран Варшавского Договора и, к сожалению, раньше нас.

Ветеран Вооруженных Сил, подполковник запаса В. Бабич, Ленинград».

«Нет, не готово наше общество к таким героям, и не герои плохи, а жизнь наша слишком сложна... Я полностью разделяю мнение генерал-майора юстиции А. Борискина: «Авантюризм, в том числе и политический тем более, если он опирается на противоправные действия, ничем не может быть оправдан и приводит к элементарной уголовщине.

Раиса Аркадьевна Огнева, член КПСС, г. Калининград»

«Прекрасные слова! Их бы напомнить тем, кто свергал законное правительство в октябре 17-го, кто разгонял Учредительное собрание в 18-м, кто уводил в Румынию воспетый во всех партийных хрестоматиях броненосец «Потёмкин». Я не восхваляю Саблина, но я понимаю его. Он боролся с политической системой теми средствами, которыми система эта его и вооружила.

В. Ткаченко, Киев»

«Я полагаю, напрасно некоторые авторы изображают Саблина пострадавшим за идейные разногласия, «буревестником» новых политических взглядов. На деле его поступок — нарушение военной присяги, дешевый политический авантюризм, граничащий с элементарной уголовщиной.

Так думают и мои сослуживцы, которым довелось принять участие в пресечении ухода БПК «Сторожевой» к берегам Швеции. Ибо, если следовать их логике, то можно оправдать не только Саблина, но и воздушных террористов, убивших бортпроводницу Надю Курченко, и небезызвестного летчика Беленко, угнавшего МиГ-25 в Японию. А почему бы и нет? Ведь они тоже якобы боролись с «системой», выступали таким «неординарным» способом против тоталитарного режима. Следовательно, они не клятвопреступники, а герои? Но, извините, назвать их таковыми просто язык не поворачивается.

Подполковник Анатолий Юдин, г. Рига»

«В статье «Последний парад» вы были обязаны назвать фамилии и нынешние должности прокурора, судей и исполнителей приговора Саблину. Не для суда над ними, а чтобы страна знала всех своих героев. Не сомневаюсь, что после процесса они выросли в должностях и сейчас, конечно, за перестройку.

Е.Верещук, экскаваторщик. Магаданская обл., п. Духот»

«Убедительно прошу откликнуться на мое письмо и помочь нашему музею — Музею П.П. Шмидта — в сборе материалов, документов, фотографий, реликвий, связанных с именем Валерия Саблина. Я думаю, мы обязаны рассказать о нем в экспозиции нашего музея. Знаменательно, что и в годы застоя среди офицеров морского флота нашелся человек с совестью лейтенанта Шмидта.

И еще одно совпадение. Валерий окончил то же училище, в стенах которого учился и П.П. Шмидт.

Заведующая музеем П П. Шмидта А. Иващенко, г. Очаков»

«Я автор песен, две из которых получили широкую известность: «Медленным шагом, робким зигзагом» (1953) и «По тундре, по железной дороге» (1942). Последняя вошла в лагерную классику. Песня о Валерии Саблине — не случайный эпизод в моей творческой биографии. Ее пели уже со второй половины 70-х годов на вечеринках и сходках в Москве, Киеве, на Урале. Те, кто слышал песню, частенько удивлялись: замполит, а решился на такое... Тогда я обычно напоминал слова Солженицына: «Я верю, что здоровые силы русского народа имеются на всех ступенях социальной лестницы». Песня написана на мотив «Варяга»:

...Команда в застенках. А Саблин казнен.
Их подвиг стране неизвестен.
И только в сердцах обездоленных жен
Звучит лебединою песней...

Григорий Щурмак, г. Электросталь»

«Почему пусть даже за попытку измены Родине человека втихую расстреляли и его просьба о помиловании отклонена. Ведь поступили более жестоко, чем самодержец всероссийский с декабристами... Как офицер флота знаю, что в одиночку никакой авантюрист такой корабль, как «Сторожевой» (я сам служу на корабле такого же проекта) вместе с его экипажем, у членов которого есть семьи, дети, родные, Родина, наконец, угнать за границу не сможет... Кому-то и по сей день не выгодно проливать свет на «дело Саблина». Ведь если это был не примитивный угон, а политический протест, тогда это пример, на котором надо воспитывать всех и в первую очередь политработников, институт которых в годы застоя послужил удобной подстилкой для клана командно-административной системы.

Капитан-лейтенант А. Давыдов»

Письма эти, как венки из терний и роз, пусть лягут к подножию безвестной могилы капитана 3-го ранга Валерия Саблина, похороненного не по морскому и не по людскому обычаю.

Только документы...

Из Особой папки ЦК КПСС

Из Обращения Саблина к советскому народу, записанного на магнитную пленку (расшифровка органов следствия КГБ):

«Товарищи! Прослушайте текст выступления, с которым мы стремимся выступить по радио и телевидению.

Прежде всего большое спасибо вам за поддержку, иначе бы я не беседовал сегодня с вами. Наше выступление не есть предательство Родины, а чисто политическое, прогрессивное выступление, и предателями Родины будут те, кто пытается нам помешать. Мои товарищи просили передать, что в случае военных действий против нашей страны мы будем достойно защищать ее. А сейчас наша цель другая: поднять голос правды.

Мы твердо убеждены, что необходимость изложить свои взгляды на внутреннее положение в нашей стране, причем чисто критического плана по отношению к политике Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, имеется у многих честных людей в Советском Союзе.

<...> Ленин мечтал о государстве справедливости и свободы, а не о государстве жесткого подчинения и политического бесправия. <...> Я думаю, нет смысла доказывать, что в настоящее время слуги общества уже превратились в

господ над обществом. На этот счет каждый имеет не один пример из жизни. Мы наблюдаем игру в формальный парламентаризм при выборах в советские органы и в исполнении Советами своих обязанностей. Практически судьба всего народа находится в руках избранной элиты в лице Политбюро ЦК КПСС. Всеобъемлющая концентрация власти, политической, государственной, стала стабильным и общепризнанным фактом. Особенно роковую роль в развитии революционного процесса в нашей стране сыграло уничтожение инакомыслящих в период культа личности Сталина, Хрущёва. А сейчас, к сведению, тоже ежегодно арестовывается до 75 человек по политическим мотивам. Пропала вера в существование справедливости в нашем обществе. А это первый симптом тяжелой болезни общества. <...> Почему-то считается, что народ должен довольствоваться фактами и быть политически безвольной массой. А народу нужна политическая активность... Скажите, где, в каком печатном органе или в передаче радио и телевидения допускается критика верхов? Это исключено. И мы должны честно признаться, что у нас нет политического или общественного органа, который бы позволил развернуть дискуссию по многим спорным вопросам общественного, политического, экономического и культурного развития нашей страны, так как все находится под давлением партийных и государственных органов. Самый передовой в социальном развитии строй в исторически короткий период времени, 50 лет, преломился в такую социальную систему, в которой народ оказался в затхлой атмосфере беспрекословной веры в указание свыше, в атмосфере политической бесправности и бессловесности, в которой процветает боязнь выступить против партии и иного государственного органа, так как это отразится на личной судьбе. Наш народ уже значительно пострадал и страдает из-за своего политического бесправия. Только узкому кругу специалистов известно, сколько вреда принесло и приносит волюнтаристское вмешательство государственных и партийных органов в развитие науки и искусства, в развитие вооруженных сил и экономики, в решение национальных вопросов и воспитание молодежи.

Мы, конечно, можем миллион раз хохотать над сатирой Райкина, журнала «Крокодил», киножурнала «Фитиль», но должны же когда-то появиться слезы сквозь смех по поводу настоящего и будущего Родины. Пора уже не смеяться, а привлечь кое-кого к всенародному суду и спросить со всей строгостью за весь этот горький смех. Сейчас в нашей стране сложилась сложная ситуация: с одной стороны, с внешней, официальной, в нашем обществе всеобщая гармония и социальное согласие, ни дать ни взять — всенародное государство, а с другой стороны — всеобщая индивидуальная неудовлетворенность существующим положением дел. <...> Наше выступление — это только маленький импульс, который должен послужить началом всплеска. <...> Будет ли революция коммунистическая носить характер острой классовой борьбы в виде вооруженной борьбы или ограничится политической борьбой? Это зависит от ряда факторов. Во-первых, сразу ли поверит народ в необходимость социальных преобразований. И в то, что путь к ним только через коммунистическую революцию. Или это будет длительный процесс роста общественного понимания, политического сознания. Во-вторых, будет ли создана в ближайшее время организующая и вдохновляющая сила революции, то есть новая революционная партия, опирающаяся на новую передовую теорию. И, наконец, насколько яростно верхи будут оказывать сопротивление революции, топить ее в крови народной, а это во многом зависит от того, на чью сторону встанут войска, милиция и другие вооруженные части. Можно лишь теоретически предположить, что наличие современных средств информации, связи и транспорта, а также высокий культурный уровень населения, большой опыт социальных революций в прошлом позволят нашему народу заставить правительство отказаться от насильственных контрреволюционных мер и направить революцию по мирному пути развития. Однако мы никогда не должны забывать, что революционная бдительность — основа успеха борьбы в революционную эпоху, и поэтому надо быть готовым к различным поворотам истории. Главная наша задача на настоящий момент, когда по всей стране нет пока широкой сети революционных кружков, нет ни профсоюзных, ни молодежных, ни общественных (а они будут расти быстро, как грибы после дождя), главная задача сейчас — вселить в людей непоколебимую веру в жизненную необходимость коммунистической революции, в то, что иного пути нет, все иное приведет к внутренним, еще большим осложнениям и мучениям. И сомнения одного поколения все равно выльются в резолюцию следующего поколения, более болезненную и тяжелую. Эта вера в необходимость революции будет тем дождем, который даст организационные всходы.

<...> Сразу же возникает вопрос — кто, какой класс будет гегемоном революции? Это будет класс трудовой, рабоче-крестьянской интеллигенции, к которому мы относим, с одной стороны, высококвалифицированных рабочих и крестьян, а с другой стороны — инженерно-технический персонал в промышленности и сельском хозяйстве. За этим классом — будущее. Это класс, который постепенно превратится в общество без классов после коммунистической революции. А кто будет противостоять этому классу? Каково социальное лицо противника? Класс управляющих. Он не является многочисленным, но у него сконцентрировано руководство экономикой, средствами информации, финансы. На базе него построена вся государственная надстройка, и за счет него она держится. К классу управляющих относятся партийные и профсоюзные освобожденные работники, руководители крупных и средних производственных коллективов и торговых центров, кто успешно использует, не нарушая, конечно, советских законов, социалистическую систему хозяйствования для личного обогащения, личного утверждения в обществе в качестве хозяина, путем получения через государственную сеть дополнительных материальных и моральных льгот. Эта новая система эксплуатации путем оборота капитала через государственный бюджет требует еще подробного изучения для разоблачения и разрушения. <...>

И, наконец, стержневой вопрос любой революций — это вопрос власти... Предполагается... что, во-первых, нынешний государственный аппарат будет основательно очищен, а по некоторым узлам разбит и выброшен на свалку истории, так как он глубоко заражен семейственностью, взяточничеством, карьеризмом, высокомерен по отношению к народу, во-вторых, на свалку должна быть выброшена система выборов, превращающая народ в безликую массу. В-третьих, должны быть ликвидированы все условия, порождающие всесильность и бесконтрольность государственных органов со стороны народных масс. Будут ли эти вопросы решаться через диктатуру ведущего класса? Обязательно! Иначе вся революция закончится захватом власти — и не более. Только через величайшую всенародную бдительность — путь к обществу счастья». <...>

«А теперь прослушайте радиограмму, которую предполагается дать в адрес командования Флота о нашем выступлении.

Радиограмма в адрес Главнокомандующего ВМФ СССР

Прошу срочно доложить Политбюро ЦК КПСС и Советскому правительству, что на БПК «Сторожевой» поднят флаг грядущей коммунистической революции.

Мы требуем: первое — объявить территорию корабля «Сторожевой» свободной и независимой от государственных и партийных органов в течение года.

Второе — предоставить возможность одному на членов экипажа по нашему решению выступать по Центральному

радио и телевидению в течение 30 минут в период с 21.30 до 22.00 по московскому времени ежедневно...

Третье — обеспечивать корабль «Сторожевой» всеми видами довольствия согласно нормам в любой базе.

Четвертое — разрешить «Сторожевому» постановку на якорь и швартовые в любой базе и точке территориальных вод СССР.

Пятое — обеспечить доставку и отправку почты «Сторожевого».

Шестое — разрешить радиопередачи радиостанции «Сторожевого» в радиосети «Маяк» в вечернее время».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Оснований для утверждения о намерении САБЛИНА увести корабль в Швецию в ходе расследования не выявлено.

Из докладной записки министру обороны СССР

Министру обороны Союза ССР Маршалу Советского Союза товарищу ГРЕЧКО А.А.

Докладываем!

Комиссия, назначенная Вашим приказом № 800105 от 9 ноября 1975 года, произвела расследование случая неповиновения, имевшего место 8—9 ноября с. г. на большом противолодочном корабле «Сторожевой» 128-й бригады ракетных кораблей Балтийского флота. <...>

<...> На корабле находилось 194 человека. Из них: офицеров — 15, мичманов— 14, старшин и матросов— 165; членов КПСС — 7, кандидатов в члены КПСС — 9, комсомольцев — 164. В составе экипажа представители 18 национальностей, в том числе: 111 русских, 22 украинца, 12 белорусов, 5 латышей, 5 молдаван, 3 литовца, 2 поляка и др. По социальному положению: 114 рабочих, 19 колхозников, 29 служащих, 32 учащихся. <...>

Самовольный выход корабля в море и неповиновение командованию явились следствием преступных действий бывшего заместителя командира корабля по политической части САБЛИНА, злобного перерожденца-антисоветчика, прикрывавшегося формой офицера, которому путем демагогических заявлений и обмана удалось временно склонить на свою сторону часть личного состава корабля.

Чрезвычайное происшествие явилось также следствием неосознанных действий определенной группы людей, поддавшейся на демагогическую, лживую агитацию врага, который в течение длительного времени вынашивал преступные замыслы против существующих порядков в партии и нашем государстве. Используя высокий авторитет занимаемой должности, зная психологию многих своих подчиненных, тонко играя на их чувствах, подтасовывая факты, САБЛИН сумел убедить психологически неустойчивую часть личного состава в том, что он только хочет публично выступить с критикой недостатков в политическом, социальном и экономическом развитии нашей страны.

Изучение личных записей САБЛИНА, отдельных подобранных им материалов, поведение при обследовании позволяют охарактеризовать его как человека с болезненным честолюбием, одержимого навязчивой идеей и стремлением выделяться из общей массы и стать исключительной личностью. Одним из путей этого он считал публичные выступления по телевидению.

В ходе работы комиссией не выявлено наличие на ВПК «Сторожевой» вражеской антисоветской группы и так называемого «ревкома», фигурирующего в телеграмме на имя Главнокомандующего ВМФ. Саблин действовал единолично при поддержке нескольких человек, обработанных им лишь накануне открытых действий. Оснований для утверждения о намерении САБЛИНА увести корабль в Швецию в ходе расследования не выявлено. <...>

САБЛИН является ярым замаскировавшимся антисоветчиком, который длительное время вынашивал свои враждебные взгляды. Демагогическими приемами, используя высокий должностной авторитет, недостаточную политическую зрелость, пассивность и нерешительность части личного состава, ему удалось овладеть на короткое время положением на корабле.

Командир корабля капитан 2-го ранга ПОТУЛЬНЫЙ А.В. не сумел воспитать экипаж как единый боевой коллектив, способный в любой обстановке выполнить свой воинский долг. Расследование также показало определенную пассивность и растерянность офицерского состава, не сумевшего своевременно распознать антисоветский смысл выступлений и намерений предателя и решительно пресечь его деятельность.

В самовольном выходе корабля во многом повинны дежурная служба и руководство Рижского морского гарнизона... Получив доклад от старшего лейтенанта ФИРСОВА В.В., начальник штаба 78-й бригады кораблей охраны водного района капитан 2-го ранга ВЛАСОВ В.С., начальник особого отдела бригады капитан 2-го ранга ЮДИН В.Г., дежурный по рейду, командир подводной лодки С-263 капитан 2-го ранга СВЕТЛОВСКИЙ Л.В. вместо принятия должных мер длительное время созещались, с большим запозданием доложили по команде, проявили нераспорядительность и нерешительность, граничащие с трусостью.

Одновременно докладываем:

Во время бесед комиссии и руководящих должностных лиц Военно-Морского Флота со многими членами экипажа, а также со всем личным составом большого противолодочного корабля «Сторожевой», люди выражали возмущение предательскими действиями САБЛИНА и просили заверить Министра обороны, ЦК КПСС и лично товарища БРЕЖНЕВА Л.И. в том, что матросы, старшины, мичманы и офицеры глубоко осознали свое временное заблуждение и готовы к выполнению своего воинского долга.

По чрезвычайному происшествию ведется следствие для привлечения виновных к уголовной ответственности. Проведено партийное собрание, на котором явные виновники, в том числе САБЛИН, исключены из рядов КПСС. Экипаж корабля расформирован, корабль передан новому экипажу. БПК «Сторожевой» находится в строю, оружие и технические средства **в** исправности. На флоте приняты меры к исключению утечки информации.

Председатель комиссии Адмирал флота Советского Союза С. Горшков

Члены комиссии:

Генерал армии А. Епишев

Вице-адмирал П. Навойцев

Генерал-лейтенант С. Романов

Контр-адмирал В. Сабанеев

Генерал-майор Ю. Любанский

Контр-адмирал М. Гуляев».

17 ноября 1975 года.

Из магнитофонной расшифровки следственными органами КГБ:

«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Говорит большой противолодочный корабль «Сторожевой».

Мы не предатели Родины и не авантюристы, ищущие известности любыми средствами. Назрела крайняя необходимость открыто поставить ряд вопросов о политическом, социальном и экономическом развитии нашей страны, о будущем нашего народа, требующих коллективного, именно всенародного, обсуждения без давления со стороны государственных и партийных органов. Мы решились на данное выступление с ясным пониманием ответственности за судьбу Родины, с чувством горячего желания добиться коммунистических отношений в нашем обществе. Но мы также сознаем опасность быть уничтоженными физически или в моральном смысле соответствующими органами государства или наемными лицами. Поэтому мы обращаемся за поддержкой ко всем честным людям нашей страны и за рубежом. И если в указанное нами время, день, в 21.30 по московскому времени, на экранах ваших телевизоров не появится один из представителей нашего корабля, просьба не выходить на следующий день на работу и продолжать эту телевизионную забастовку до тех пор, пока правительство не откажется от грубого попрания свободы слова и пока не состоится наша с вами встреча.

Поддержите нас, товарищи! До свидания».

Радиотелеграфист от себя добавил: «Прощайте, братишки!..»

Любимая поговорка Валерия Саблина: «Ничто не вышибет нас из седла». Его любимая песня — «Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно...»

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Из Особой папки ЦК КПСС

Комитетом госбезопасности заканчивается расследование уголовного дела по обвинению капитана III ранга САБЛИНА В.М. и других военнослужащих — участников преступной акции 8—9 ноября 1975 г. на большом противолодочном корабле «Сторожевой» (всего 14 человек).

Установлено, что организатор этого преступления САБЛИН, подпав под влияние ревизионистской идеологии, на протяжении ряда лет вынашивал враждебные взгляды на советскую действительность. В апреле 1975 г. он, сформулировав их в письменном виде, записал на магнитофонную ленту и во время событий на «Сторожевом» выступил с записанной речью перед личным составом. Политическая «платформа» САБЛИНА включала набор заимствованных из буржуазной пропаганды клеветнических утверждений об «устарелости марксизма-ленинизма», о «бюрократическом перерождении» государственного и партийного аппарата СССР и призывы к отстранению КПСС от руководства обществом, к созданию новой, «более прогрессивной» партии.

Весной 1975 г. он разработал детальный план захвата военного корабля, который намеревался использовать как «политическую трибуну» для выдвижения требований об изменении государственного строя в СССР и борьбы с Советской властью.

Готовясь к реализации этого плана, САБЛИН изучал настроения членов экипажа, приближал к себе отдельных военнослужащих, обрабатывал их в духе негативного отношения к советской действительности, однако, как установлено следствием, найти единомышленников и создать на корабле антисоветскую группу ему не удалось. Лишь за три дня до событий САБЛИН посвятил в свои преступные замыслы матроса ШЕИНА А.Н., заручился его поддержкой и передал для распространения магнитную ленту с речью антисоветского содержания.

ШЕИН до призыва на военную службу привлекался к уголовной ответственности за участие в хищении, в период службы имел 13 дисциплинарных взысканий, допускал политически нездоровые суждения.

Во время событий на «Сторожевом» ШЕИН, получив от САБЛИНА пистолет, оказал ему содействие в аресте командира корабля, принял участие в изоляции и охране офицеров и мичманов, отказавшихся поддержать САБЛИНА, противодействовал попыткам отдельных членов экипажа освободить командира и арестовать САБЛИНА, нанес при этом телесные повреждения старшине КОПЫЛОВУ.

В целях вовлечения части экипажа в противоправные действия по захвату «Сторожевого» САБЛИН использовал свое служебное положение заместителя командира по политчасти, а для маскировки враждебных намерений прибег к изощренным демагогическим заявлениям, сопровождая их цитатами из произведений классиков марксизма-ленинизма.

В результате преступных действий САБЛИНА «Сторожевой» был самовольно угнан из Рижского залива за пределы советских территориальных вод в сторону Швеции (на 21 милю). Неоднократные и категорические требования командования о возвращении корабля в порт САБЛИН игнорировал. Только решительными мерами командования «Сторожевой» при участии членов экипажа был остановлен и возвращен на базу. Таким образом, большой противолодочный корабль на 16 часов был выведен из боевого состава Военно-Морского Флота.

На основании полученных в ходе следствия доказательств преступные действия САБЛИНА квалифицированы как изменнические, совершенные умышленно в целях подрыва существующего в СССР строя и в ущерб военной мощи нашей страны, а преступление ШЕИНА — как пособничество в измене Родине.

Остальные обвиняемые: лейтенанты ВАВИЛКИН В.И. и ДУДНИК В.К, мичманы БОРОДАЙ В.М., ВЕЛИЧКО В.Г, ГОМЕНЧУК А.А, КАЛИНИЧЕВ В.А. и ХОМЯКОВ А.Т., старшина СКИДАНОВ А.Б., матросы АВЕРИН В.Н, БУРОВ М.М, САЛИВОНЧИК Н.Ф. и САХНЕВИЧ Г.В. — молодые люди в возрасте 20—23 лет, не имеющие еще достаточного жизненного опыта и политической закалки, были спровоцированы и введены в заблуждение САБЛИНЫМ. О его изменнических замыслах они не знали, однако, поддержав действия САБЛИНА, по существу способствовали ему в реализации преступного плана захвата корабля. Некоторые из них еще на первоначальном этапе отказались от поддержки САБЛИНА и были им изолированы. Из материалов следствия усматривается, что умысла изменить Родине они не имели, в связи с неожиданностью и скоротечностью событий своевременно не разобрались во враждебной направленности намерений САБЛИНА и не смогли их правильно оценить.

На допросах указанные обвиняемые дали исчерпывающие показания о совершенных правонарушениях, глубоко раскаиваются в содеянном и осуждают преступную авантюру САБЛИНА. Ранее к уголовной ответственности они не привлекались.

Действия этой группы обвиняемых подлежат квалификации как воинские преступления.

С учетом установленных обстоятельств и причин чрезвычайного происшествия на БПК «Сторожевой» считаем целесообразным уголовное дело на САБЛИНА и ШЕИНА по обвинению в измене Родине направить на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

Остальных 12 обвиняемых, совершивших воинские преступления, в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1958 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1958 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1973 г., регламентирующими вопросы привлечения военнослужащих к уголовной ответственности, суду не предавать, дела на них прекратить, строго наказать в дисциплинарном порядке властью министра обороны СССР.

Просим рассмотреть.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Ю. АНДРОПОВ А. ГРЕЧКО Р. РУДЕНКО Л. СМИРНОВ.

18 февраля 1976 года.

«ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

13 июля 1976 г.

г. Москва

Военная коллегия Верховного суда СССР в составе: председательствующего генерал-майора юстиции БУШУЕВА Г.И. и народных заседателей: генерал-лейтенанта-инженера ЦЫГАНКОВА И.С., генерал-майора инженерных войск КОЗЛОВА Б.В. при секретарях: полковнике административной службы Афанасьеве М.В. и служащем Советской Армии Кузнецове В.С. с участием государственного обвинителя — старшего помощника Главного военного прокурора генерал-майора юстиции Шантурова В.С. и защитников — адвокатов Аксенова Л.В. и Попова Л.М. рассмотрела в закрытом судебном заседании в помещении Верховного суда СССР уголовное дело по обвинению военнослужащих:

1. Капитана III ранга Саблина Валерия Михайловича, родившегося 1 января 1939 года в городе Ленинграде, русского, исключенного из членов КПСС в связи с данным делом, имеющего высшее образование, женатого, ранее не судимого, на службе в Военно-Морском Флоте СССР с июля 1956 года, — в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 УК РСФСР.

2. Матроса Шеина Александра Николаевича, родившегося 7 марта 1955 года в городе Рубцовске Алтайского края, русского, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с данным делом, с образованием 10 классов, холостого, не имеющего судимости, на службу в Военно-Морской Флот СССР призванного в мае 1973 года, — в совершении преступления, предусмотренного ст. 17 и пунктом «а» ст. 664 УК РСФСР.

При назначении Шеину наказания суд, принимая во внимание признание им своей вины и раскаяние в содеянном, что преступление он совершил под влиянием Саблина, который был его начальником, а также степень и характер его участия в совершении преступления, находит возможным применить к нему ст. 43 УК РСФСР и не применять ссылку.

В отношении Саблина, учитывая исключительную опасность совершенного им преступления, суд считает необходимым применить исключительную меру наказания, предусмотренную законом, хотя в судебном заседании Саблин полностью признал свою вину, раскаялся в содеянном, имеет на иждивении ребенка, а за время военной службы неоднократно поощрялся.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 44 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. ст. 301—303, 312—315 и 317 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

приговорила:

Саблина Валерия Михайловича признать виновным в измене Родине, т.е. в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» ст. 64 УК РСФСР, и на основании этого уголовного закона подвергнуть его смертной казни — расстрелу без конфискации имущества за отсутствием такового.

На основании ст. 36 УК РСФСР Саблина В.М. лишить воинского звания «капитан III ранга». Внести представление в Президиум Верховного Совета СССР о лишении Саблина В.М. ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и медалей «За воинскую доблесть», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», а также министру обороны СССР о лишении Саблина В.М. медалей «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» II и III степени.

Шеина Александра Николаевича признать виновным в соучастии в измене Родине (в качестве пособника), т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 17 и пунктом «а» ст. 64 УК РСФСР, и на основании этого уголовного закона, с применением ст. 43 УК РСФСР, лишить его свободы сроком на 8 (восемь) лет, из которых первые два года содержать в тюрьме, а остальной срок — в исправительно-трудовой колонии строгого режима, без ссылки и без конфискации имущества за отсутствием такого.

Начальный срок отбытия Шеиным А.Н. наказания, с зачетом предварительного заключения, исчислять с 9 ноября 1975 года.

Вещественные доказательства, перечисленные в том 39 лд, 211 (в части первой пункта 6) — оставить при деле, перечисленные в томе 39 лд. 211—-212 (часть 2 пункта б) — возвратить по принадлежности в воинские части: два пистолета и две обоймы, переданные на хранение в войсковую часть 49358, возвратить по принадлежности в воинскую часть.

Судебные издержки на общую сумму 243 рубля 10 коп. распределить следующим образом: взыскать с Шеина Александра Николаевича в доход государству 186 (сто восемьдесят шесть) рублей 50 копеек; остальную сумму (56 руб. 60 коп.) — принять на счет государства.

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит.

ВЕРНО: Судебный секретарь Военной коллегии Верховного суда СССР».

И, наконец, как образец социалистической гуманности:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об отклонении ходатайства о помиловании Саблина В.М., осужденного к смертной казни.

Рассмотрев ходатайство о помиловании Саблина В.М., осужденного к смертной казни, предложения в связи с этим Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР, ввиду исключительной тяжести совершенного им преступления, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Отклонить ходатайство о помиловании САБЛИНА Валерия Михайловича, рожд. 1939 года, уроженца гор. Ленинграда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР (Н. Подгорный)

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (М. Георгадзе)
Москва. Кремль. 2 августа 1976 г.
№ 4305 — IX.»

Таков финал этой трагедии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронометраж события

8 ноября 1975 г., 18.00 — ужин на «Сторожевом». Затем начало показа первого кинофильма в столовой личного состава. 19.00 — визит Саблина к командиру. Сообщает о ЧП.

19.10 — оба спускаются в носовые выгородки. Саблин запирает командира в каюте.

19.20 — матросы Шеин и Аверин подпирают люк запертого командира раздвижным упором (2-й БП РТС).

19.30 — выступление Саблина перед офицерами. Голосование шашками в мичманской кают-компании.

19.45 — арест офицеров.

20.00 — начало показа второго фильма «Броненосец «Потемкин»».

22.10 — сигнал «Большой сбор». Построение экипажа на юте. Выступление Саблина перед матросами. В это же время матросы Копылов и Набиев пытаются обезоружить матроса Шеина во 2-м тамбуре.

22.50 — попытка лейтенантов Степанова, Саитова и мичмана Ковальченкоза арестовать Саблина в каюте лейтенанта Саитова и офицерском коридоре.

22.00—22.30 — старший лейтенант Фирсов покидает корабль и перебирается на подводную лодку.

2300 — Фирсов на берегу, в Риге. На «Сторожевом» начато экстренное приготовление корабля к бою и походу. «Сторожевой» снимается с якорной бочки и выходит в Даугаву.

00.00 — Фирсов у дежурного по штабу Рижской военно-морской базы.

9 ноября 1.30—1.40 — оперативный дежурный штаба Балтийского флота сообщает Косову о самовольном уходе «Сторожевого» из Риги.

1-40—1.50 — вице-адмирал Косов прибывает на командный пункт Балтийского флота.

2.00—2.30 — Косов докладывает Главкому ВМФ Адмиралу Флота Советского Союза С. Горшкову о ЧП на «Сторожевом».

2.30 — Косов выходит на связь с Саблиным (до выхода корабля в залив).

4.00 — Адмирал Флота С. Горшков ведет разговор с Саблиным по радиотелефону.

5.00 — министр обороны Маршал Советского Союза А.А. Гречко ведет разговор с Саблиным по радиотелефону.

5.00—6.00 — корабли под командованием капитана 1-го ранга Бобракова выходят из Лиепаи на перехват «Сторожевого».

6.00 — поднята в воздух разведывательная авиация Балтийского флота. Доклад: в пятне нанесения удара 15—18 судов, не считая малых рыболовецких сейнеров.

6.30 — подняты в воздух армейские бомбардировщики.

7.00 — подняты ракетоносцы из Белоруссии (с аэродрома «Быково»).

8.00 — транспортный отцеп ракет. Появление пограничных катеров. Попытка передать в эфир воззвание: «Всем! Всем! Всем!»

9.40 — матросы Лыков, Набиев, старшина 2-й статьи Станкявичус освобождают запертых офицеров.

10.00 — матросы Лыков и Борисов взламывают люк 2-го поста РТС и освобождают командира Потульного. Раздача оружия.

10.09 — пограничные катера уходят.

10.20—10.32 — облеты самолетов. Обстрел. Арест Саблина.

Все трое летчиков, бомбивших «Сторожевой», умерли от рака. Первым скончался подполковник Поротиков...

Историческая справка

Первый корабль, который носил имя «Сторожевой», входил в состав Порт-артурской эскадры. До декабря 1904 года им командовал лейтенант Лукин, затем лейтенант Непенин. Миноносец «Сторожевой» принимал активное участие в морской обороне Порт-Артура и был подорван и затоплен при сдаче Крепости японцам 2 января 1905 года.

Второй корабль, унаследовавший это имя, был построен на Балтике и принимал активное участие в Первой мировой войне под командованием капитана 2-го ранга Коптева 2-го. В Гражданскую войну корабль ходил под красным флагом. Разобран на металл в конце 1925 года.

Третий «Сторожевой» заложен в 1936 году. В 1940 году вошел в состав Краснознаменного Балтийского флота. Участвовал в обороне Ленинграда и Рижского залива. Потоплен в Ирбенском проливе немецкими самолетами в 1941 году.

Четвертый «Сторожевой» был построен на Калининградском судостроительном объединении «Янтарь». Переведен из класса сторожевых кораблей в большие противолодочные в 1972 году. Корабль 2-го ранга. Многоцелевой. Главное назначение — поиск и уничтожение подводных лодок, охранение больших кораблей в составе ударных корабельных группировок. Может ставить мины, высаживать десанты.

Его основные тактико-технические данные:

Водоизмещение — 3800 т

Длина — 123 м

Ширина — 14 м

Осадка — 4,5 м

Скорость — 30 узлов

Экипаж — 250 человек.

БПК вооружен зенитным ракетным комплексом, башенными артустановками, реактивными противолодочными бомбометами.

Район плавания не ограничен.

Саблин — первый из политработников Балтийского флота был награжден орденом «За службу Родине».

Саблины на российском флоте

Старинная казачья фамилия Саблиных на флоте прижилась давно и прочно. На царской яхте «Штандарт» служили

сразу двое Саблиных — не родственников, однофамильцев, тезок и ровесников: Николай Васильевич Саблин и Николай Павлович Саблин.

Первый — Николай Васильевич, родившийся в 1880 году, окончил Морской корпус в 1901 году (за 60 лет до выпуска из него Валерия Саблина). Служил на эскадренном броненосце «Ретвизан», участвовал в обороне Порт-Артура. Потом был начальником Сатакундской флотилии. Был зачислен в Гвардейский экипаж. Революцию встретил в чине капитана 2-го ранга.

Эмигрировал в Румынию. Жил в Бухаресте. В 1928 году вступил в Кружок офицеров российского императорского флота и вскоре возглазил его. Сотрудничал с парижским журналом «Военная быль», публиковался в «Морском журнале», во многих эмигрантских газетах. Написал воспоминания «Эскадренный броненосец «Ретвизан» и «Десять лет на императорской яхте «Штандарт».

В 1945 году с вступлением советских войск в Румынию был арестован и депортирован в СССР, отбывал свой срок в Джезказгане (Казахстан). Ввиду тяжелой болезни был передан румынским властям в 1955 году. Но через три года был арестован румынскими «чекистами» и приговорен к 28 годам заключения. Умер в тюрьме города Деж 20 января 1962 года в возрасте 82 лет.

Интересно, что Николай Васильевич Саблин приходился родным дядей Любови Евгеньевне Белозерской, второй жене Михаила Булгакова. Именно ей посвящены «Белая гвардия», «Бег» и «Собачье сердце».

Судьба второго Николая Саблина — Павловича, была более милостивой, если не считать, что жизненный путь его оборвался в 57 лет. Капитан 1-го ранга Саблин был лицом приближенным к императору, его часто приглашали на обед, семейные прогулки и вечера

Скончался он в Париже 21 августа 1937 года и погребен на кладбище Сен-Женевьев де Буа. По всей вероятности, полковник лейб-гвардии Конной артиллерии Александр Павлович Саблин приходился ему братом. Он также кончил свои дни в Париже в 1961 году.

В «Морском биографическом словаре» имя Валерия Саблина мы не найдем (хотя его кумир — лейтенант Шмидт — представлен, как подобает герою Отечества). Но мы обнаружим в этом авторитетном издании двух других Саблиных — одного контр-адмирала, отнесенного советскими историками к «белогвардейцам», другого — Героя Социалистического Труда, капитана мощного землесоса «Северо-Западный-14».

Контр-адмирал Михаил Павлович Саблин принял Черноморский флот от вице-адмирала Колчака в лихолетье 1917 года. Он также питомец Морского корпуса (выпуска 1890 года), участвовал в русско-китайской и русско-японских войнах, командовал миноносцем «Завидный», канонерской лодкой «Донец». Цусимское сражение принял на борту миноносца «Бравый», который в числе немногих кораблей смог прорваться во Владивосток. В 1912 году получил в командование линейный корабль «Ростислав» на Черноморском флоте. В годы Первой мировой войны командовал 2-й бригадой линкоров на Черном море, был награжден многими боевыми орденами и золотым оружием.

Умер он от рака печени 17 октября 1920 года в Ялте и погребен в Севастополе — в усыпальнице знаменитых адмиралов. Однако с приходом в Крым Красной армии адмиральская усыпальница в нижнем храме Свято-Владимирского собора была уничтожена.

Саблин Петр Петрович, углубитель морей и каналов, окончил в 1970 году Горьковский институт инженеров водного транспорта, в котором преподавал в то время отец Валерия Саблина — Михаил Петрович Саблин.

И, наконец, еще один Саблин — Юрий Борисович, капитан 2-го ранга, погибший на «Курске». Он родом из Севастополя, родился в 1966 году в семье офицера-подводника. Сам стал подводником — командиром электромеханической боевой части новейшего атомного подводного крейсера. Писал стихи. В том числе и эти, пророческие:

А Родина тебе венок сплетет
Из нежных пластмассовых цветов.
По совести судить вновь не смогла
Всю правду рассказать, не приукрасив слов.
Но верю я, что время то придет
И будет ясно, кто был виноват.
Ну а пока — мы вновь за шагом шаг
Идем но лестнице крутой, ведущей в ад.

Эти строки вполне могли бы стать эпитафией и морякам «Курска», и Валерию Саблину.

Есть нечто мистическое в том, что спустя 20 лет после мятежа судовой колокол «Сторожевого» перелетел (его доставили авиарейсом) с Тихого океана в Москву и занял свое место в бывшем Музее Октябрьской революции, ныне Музее политической истории. Но не это самое удивительное. Поразительно то, что в 1996 году в Москву привели боевой корабль одного проекта со «Сторожевым». Его купил некий частный предприниматель, чтобы поставить на вечную стоянку в Тушинском затоне. Это мог быть любой иной корабль — тральщик, эсминец, малый противолодочный корабль — покупателю все равно. Но все же пришел именно стальной собрат «Сторожевого». Стоит уже который год. Конечно, не крейсер «Аврора». Но на размышления наводит...

«Военно-исторический журнал» №7 1991
Нам пишут:

Отповедь Солженицыну: «СТАВЛЮ ПОД СОМНЕНИЕ КАЖДОЕ ВАШЕ СЛОВО»

ЖУРНАЛ «Волга» опубликовал в прошлом году некоторые главы из «Архипелага ГУЛАГ», которых не было в «Новом мире». В одной, посвященной женщинам, я с удивлением прочла несколько строк о своих однополчанках, правда, без указания имен. А написал А. Солженицын о том, что на фронте действовал женский полк легких бомбардировщиков - ночников. Однажды экипажж, испугавшись сильного обстрела, не долетел до цели и выбросил бомбы в поле. Летчицу, «комсомолку-доброволку», замучила совесть, и она призналась своему комсоргу в проступке. Троих осудили на 30 лет каторги.

Сначала я удивилась, потом рассердилась, возмутилась и написала письмо автору, переправив его в «Новый мир». Мне сообщили, что письмо послали А. Солженицыну. Однако он до сей поры не ответил. Я написала ему примерно так: «Зачем вам понадобился такой вымысел? Я в этом полку, а он был единственным чисто женским полком, воевала от начала его формирования и до конца войны. За все эти годы было у нас два заседания суда военного трибунала. Первый — еще до вылета на фронт. Летчицы на бреющем полете врезались в провода высоковольтной линии, повредив ее и разбив самолет. Но после суда их оставили в полку. Обе потом стали Героями Советского Союза. Одна погибла, а другая живет в Рязани. Второй суд — уже на фронте. На Северном Кавказе. Девчонки раскрыли САБ-5, чтобы из парашюта сшить себе предметы женского туалета и занавески в комнате, где жили. Тот САБ пролежал несколько дней у хвоста самолета. На мой взгляд, 17-летней девчонки, суд был несправедлив. Командование дивизии и армии узнало о суде, когда уже выносился приговор. 10 лет! Это ужасно! Однако девочки (19 и 17 лет) остались в полку. Их никуда не увезли. Одна из них погибла под Новороссийском на 126-м боевом вылете, другая вернулась с войны с двумя орденами и боевой медалью. Живет в Болшеве, под Москвой.

Никто из полка не был взят под стражу! Относительно бомбометания... Ведь мы вылетали с интерчалом в одну минуту и видели, где бомбит впереди вылетающий... Может, и не всегда падали наши бомбы в цель, но на чем мы петали? Какие прицелы? Все мы стремились честно выполнить свой долг...» И еще я написала: «Если раньше я верила каждой вашей строке, то сейчас ставлю под сомнение каждое ваше слово. Ну зачем вам понадобилось придумывать? Лгать?..» Возможно, мое письмо к Солженицыну получилось резким, но я должна была дать ему отповедь. Сколько лжи останется после нашей смерти! Читаешь иной раз и диву даешься: кому надо порочить прошлое, армию? В декабре 1990 года я былэ в Швеции. Так мне там многие говорили: «Ни одна страна не потерпит оплевывания своей истории. Что же вы?.. Что детям оставляете?» До чего же мы дожили?

Я из армии уволилась с выслугой в 20 лет. Армия научила меня, береженую мамину доченьку, ценить время, быть терпеливой, стойкой, уметь помочь человеку в беде, не ныть, когда плохо, а преодолевать трудности. Я благодарна армии. Что же сейчас делается?!

О. Т. ГОЛУБЕВА (Саратов)

Солженицын, Рыбаков: ТЕХНОЛОГИЯ ЛЖИ

ТОЛЬКО на первый взгляд может показаться парадоксальным бесспорное, на наш взгляд, утверждение, что в ряде случаев реальные данные о масштабах репрессий в наше время скрываются так же старательно, как во время разгула беззакония. Почему это делалось раньше — понятно. Сейчас это следствие крайней политизации истории. От нее не ждут ответа, что истинно, а лишь используют в качестве поставщика фактов, подкрепляющих заранее выбранную концепцию. Посему неудивительно: на смену одномерному историческому полотну где все было только хорошо, предлагается столь же одномерное, где все плохо. Время рассудит, кто наносил черные и серые мазки преднамеренно, а кто в порыве искреннего раскаяния, стыда за «святую Русь» и любви к ней. Результат в последнем случае, однако, может быть даже более скверным, чем в первом. В основе исторических исследований должны лежать документальные данные. Если история не станет точной наукой, сохранится опасность использования ее в качестве орудия политических манипуляций.

Большинство советских читателей о трагических событиях 30-х—начала 50-х годов узнали из многочисленных работ публицистов и писателей. В произведениях А. И. Солженицына, Р. А. Медведева, Б. А. Рыбакова и других авторов эти десятилетия рисуются как период кровавых беззаконий, массовых репрессий. Общественное сознание уже свыклось с десятками миллионов невинных жертв, о которых идет речь в этих книгах.

Мы являемся свидетелями любопытного феномена: мнения и оценки публицистов кладутся в оснозу научных статей (тогда как должно быть наоборот: публицистике следует отталкиваться от выводов науки) и те годы оцениваются как сталинский геноцид, массовый сталинский террор и т. д. Можно ли сегодня сказать, что мы знаем подлинную правду о трагедии тех лет? Знаем ли мы ее истинные масштабы? Нам известно, что пишут по этому поводу А. И. Солженицын и Р. А. Медведев. Но знают ли они сами всю правду? Вот что, например, замечает А. И. Солженицын: «Я не дерзну писать историю Архипелага: мне не досталось читать документов. Но кому-нибудь когда-нибудь — достанется ли?..» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ 1918—1956. — Т. 1. — М.- Советский писатель — Новый мир. — 1989. — С. 9). Тем не менее в книге неоднократно приводятся количественные данные о масштабах репрессий. «Можно допустить, что **одновременно в лагерях** (подчеркнуто нами. — **А. Д., А. М.**) не находилось больше двенадцати миллионов (одни уходили в землю. Машина приволакивала новых). И не больше половины из них было политических. Шесть миллионов?» (Там же. — С. 561).

«Но что же истинно произошло с Архипелагом в 1937 году? В согласии с Вышинским Архипелаг очень «укрепился»: резко умножилось его население» (Там ж е. — Т. 2. — 1989. — С. 109).

«Пострадало от них (сотрудников НКВД. — **А. Д., А. М.**) миллионов людей куда больше, чем от фашистов, — да ведь не пленных, не покоренных, а — своих соотечественников, на родной земле. Кто это нам объяснит?» (Там же. — С. 486).

Откуда же могли взяться подобные оценки и цифры, если к документам автор не обращался? Может быть, права первая жена А. И. Солженицына Н. А. Решетовская, написавшая в свое время, что «Архипелаг» составлен из лагерных легенд, или К. Пархоменко, прошедший ГУЛАГ и считающий, что Солженицын писал со слов других, т.е., как говорят, с лагерных анекдотов? Анекдотом же обычно называют вранье. А может, на эту тему писали и раньше? Действительно, Александр Исаевич оказался далеко не первым, кто пытался раскрыть мрачные страницы нашей истории.

Эмигрантская печать 20-х годов изобиловала данными по отдельным местам заключения. Общие цифры без указания источников получения сведений начинают появляться уже в конце 20-х — начале 30-х годов (напомним, что исправительно-трудовые лагеря как особый вид мест лишения свободы появились в 1929 г.). 28 декабря 1929 года в парижском зале Вагран проходил русско-французский митинг «Против зверств Советской власти в России». На нем А. В. Карташев заявил: «У нас погибло 30 миллионов народа. Это целая нация. Из них половина погублена коммунистами. В тюрьме непрерывно томится 5 миллионов человек» (Битва за Россию (газета). — Париж. — 1930. — 8 января. — С. 4).

К этому времени появляются и первые книги. Назовем лишь некоторые: В. Чернявин «Я говорю за безмолвных заключенных Советов», А. Анзарова «С земли безмолвных», Н. Киселев-Громов «Лагеря смерти в СССР», М. Никонов-Смородин «Красная каторга», «Методы ОГПУ» и др.

Несколько изданий выдержала книга бывшего известинца И. Л. Солоневича «Россия в концлагере», побывавшего в лагерях и бежавшего за границу. Он писал: «Я не думаю, чтобы общее число всех заключенных в этих лагерях бьпо меньше пяти миллионов человек. Вероятно — несколько больше. **Но, конечно, ни о какой точности подсчета не может быть и речи**» (Солоневич И. Л. Россия в концлагере. — Изд 3-е. — Прага: Голос России, 1938. — С. 7) (подчеркнуто нами.— **А. Д., А. М.**).

Изобилует цифровыми данными и книга эмигрировавших из СССР видных деятелей партии меньшевиков Д. Далина и Б. Николаевского «Принудительный труд в СССР» (Лондон, 1948). Назовем некоторые из них. Так, утверждается, что в 1930 году общее число заключенных во всей системе лагерей составляло 662 257 человек (эти данные приводятся со ссылкой на Киселева-Громова). В 1931 году их было около 2 млн., в 1933—1935 гг. — около 5 млн., а к 1942 году — от 8 до 16 млн. (Da1in D., Nikolaevsky B. Forced Labour in the USSR. — London. 1948. - P. 52, 54—62).

Вот еще некоторые измышления Антона Цилиги, возглавлявшего некогда компартию Югославии и длительное время содержавшегося в советских лагерях, который считал, что в середине 30-х годов в них находилось не менее 10 млн. человек (Ciliga A. The Russian Enigma. — London, 1940. — P. 249).

Известный советолог Тони Клифф в книге «Сталинская Россия. Марксистский анализ» (вышла в Лондоне в 1955 г.), возможно, первым обратился к математическим приемам определения количества содержащихся в концлагерях. Сопоставив официальные данные переписи населения с числом имевших право участвовать в выборах, он пришел к выводу, что в конце 30-х годов в лагерях должно было находиться по крайней мере 11 млн. человек (Cliff 1. Stalinist Russia. Marxist Analysis. — London, 1955. — P. 24—25). Примерно такие же цифры приводили С. Свяневич (6,9 млн.) (Swianiewicz S. Forced Labour and Economic Development. An enquiry into the Experience of Soviet Industrialisation. — London, 1965. — P. 31), Р. Конквест (8 млн.) (Conquest R. Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. — New York, 1968. - P. 528), П. Джувилер (12 млн.) (Juvi1er P. Revolutionary Law and Order Politics and Social Changies in the USSR.—New York, 1976,— P. 64).

В некоторых работах имеются данные об общем числе жертв репрессий. Чаще всего речь идет о 20 млн. (Cohen S. The Stalin Question. In: The Soviet Union Today. An interpretive guide.—Chicago, 1983___P. 27) (Р. Конквест, С. Коэн). Небезынтересно, что эта цифра чаще всего появлялась к юбилейным датам годовщине Октябрьской революции, Дню Победы — с вполне очевидной целью, чтобы читатель сопоставил ее с потерями в Великой Отечественной войне.

Насколько эти сведения соответствуют фактическим данным, можно будет судить, когда мы обратимся к архивным материалам. А сейчас несколько оценок советологами своей продукции.

Сами западные ученые неоднократно отмечали, что необходимо критически оценивать все написанное ими по истории СССР. Еще в 1929 году немецкий историк М. Смилг-Бенарио сказал: «Вышедшие до сих пор исторические труды... или неполны, или... явно политически пристрастны и тенденциозны» (Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н. Три революции в России и буржуазная историография. — М.: Мысль, 1977. — С. 229).

22 января 1952 г,
Начальнику оргтдела ГУЛАГа МВД СССР
подполковнику т. Лямину В. С. (лично)
ВЫПИСКА
из сводной ведомости оперативных сведений за 1951 год,
полученной от лагерей, УИТЛК, ОИТК МВД/УМВД

	В ИТЛ	В ИТК	ВСЕГО
Общая численность заключенных на 1.01.52	1 713 905	789 170	2 503 075
В том числе за контрреволюционные преступления	492 188	90 334	582 522
Из них: — за измену Родине	236 839	44 107	280 946
— за шпионаж	19 321	296	19 117
— за террор	8 564	329	8 893
— за диверсии	3 725	55	3 780
— осужденных националистов	95 377	1 134	96 511
— за прочие контрреволюционные преступления	128 362	43 913	172 275
Наличие заключенных, кроме осужденных за контрреволюционные преступления	1221 717	698 836	1 920 553
В том числе по ст. 2 Указа от 4.VI.47 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» (разбой)	87 202	27 940	115 142
По другим статьям того же Указа	223 400	104 773	328 173
По ст. 2 и 4 Указа от 4.VI.47 (повторно)	121 074	47 924	168 988
За другие преступления по тому же Указу	322 892	155 630	478 522
По закону от 7 августа 1932 г.	41 655	23 494	65 149
За бандитизм и вооруженные ограбления	43 322	6 847	50 169
За разбой по ст. 167	16 575	3 350	19 925
За имущественные преступления	20 030	12 436	32 466
За должностные и хозяйственные преступления	49 117	57 610	106 727
За прочие преступления	296 450	258 832	555 282
На срок до 3 лет	75 012	146 587	221 599
На срок до 10 лет	1 164 743	486 423	1 651 166
На срок до 20 лет	136 191	20 612	156 803
Сколько заключенных освобождено в 1951 г.	248 838	351 892	600 730

Начальник 2-го управления ГУЛАГа МВД СССР генерал-майор МАТЕВОСОВ

Эмигрантский историк В. Маклаков в 1939 году сделал важное, как бы дающее общую оценку признание: «Многое из того, что мы сейчас называем «развесистая клюква», было сфабриковано нами для целей политической борьбы» (Mac1acov B. On the Fall of Tsardom // The Slavonie and East European Review. — 1939,— Vol. 18. — № 52. — P. 73).

И позже не раз высказывалось мнение, что при анализе происходящих в СССР процессов игнорировались многие факты, не укладывавшиеся в заданную «модель». Так, Дж. Хоф отмечал, что «идеологические представления довлеют над советологами» (Hough J Political Participation in the Soviet Union // Soviet Studies. — 1976. — Vol. XXVIII.-L3 - P. 18). Еще более откровенно высказался А. Далин: «Постоянная неудача наших усилий понять и объяснить советскую реальность, ее прошлое, настоящее и будущее происходит в немалой степени от непреднамеренного вторжения политики в академическую жизнь» (Касьяненко В. И Правда и ложь о Стране Советов. — М.. Мысль, 1987. — С. 231).

Поучительно интервью, наверное, самого известного у нас советолога профессора Принстонского университета С. Коэна. Он сказал, что советология как обширная область исследований зародилась одновременно с началом «холодной войны» и имела установку на изучение врага. Поэтому часто превалировали не научные, а конъюнктурные подходы. С. Коэн высказал справедливую мысль о том, что опаснее не прямая ложь, а то, что и мы, и они говорим полуправду друг о друге.

Итак, мы выяснили, что приводимые в «Архипелаге» данные совпадают с теми, что публиковались за рубежом. Посмотрим теперь, что говорят нам пожелтевшие материалы с грифом «секретно» и «совершенно секретно» документы ГУЛАГа, еще в начале 60-х годов переданные в Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР).

Совершенно секретно
10 февраля 1938 г.
СПРАВКА
о численности заключенных, содержащихся в лагерях, тюрьмах и колониях НКВД
на 1 февраля 1937 г.

Таблица 1
Количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД (до 1934 г. — ОГПУ)

Годы	По состоянию на 1 января		
	в лагерях	в колониях *	всего
1930	179 000		179 000
1931	212 000	–	212 000
1932	268 700	–	268 700
1933	334 300	–	334 300
1934	510 307	–	510 307
1935	725 483	240 259 [1]	965 742
1936	839 406	457 088 [2]	1 296 494
1937	820 881	375 488	1 196 369
1938	996 367	885 203	1 881 570
1939	1 317 195	355 243 [3]	1 672 438
1940	1 344 408	315 584	1 659 992
1941	1 500 524	429 205 [3]	1 929 729
1942	1 415 596	361 447	1 777 043
1943	983 974	500 208	1 484 182
1944	663 594	516 225	1 179 819
1945	715 505	745 171	1 460 677
1946	746 871	956 224	1 703 095
1947	808 839	912 704	1 721 543
1948	1 108 057	1 091 478	2 199 535 [4]
1949	1 216 361	1 140 324	2 356 685
1950	1416300	1 145 051	2 561 351
1951	1 533 767	994 379	2 528 146
1952	1 711 202	793 312	2 504 514
1953	1 727 970	740 554	2 468 524

* До 1934 года колонии находились в ведении республиканских наркоматов юстиции, верховных судов.
[1] Только в тюрьмах.
[2] В тюрьмах и колониях.
[3] Только в колониях.
[4] По докладу министра внутренних дел С. Круглова И. В. Сталину.

Таблица 2
Состав заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления

Год	Количество	В процентах ко всему составу лагерей
1934	135 190	26,5
1935	118 256	16,3
1936	105 849	12,6
1937	104 826	12,8
1938	185 324	18,6
1939	454 432	34,5
1940	444 999	33,1
1941	420 293	28,7
1942	407 988	29,6
1943	345 397	35,6
1944	268 861	40,7
1945	289 351	41,2
1946	333 883	59,2
1947	427 653	54,3
1948	416 156	38,0
1949	420 696	34 9
1950	578 912*	22,7
1951	475 976	31,0
1952	480 766	28,1
1953	465 256	26,9

* В лагерях и колониях.

А) в лагерях (в т. ч. находящихся в пути к лагерям) 1 127 000
б) в тюрьмах 545 000
в) в колониях 340 000
всего: 2 012 000
Из них в тюрьмах:
а) осужденных 157 000
б) кассационных 41 000
в) следственных 347 000
всего: 545 000
Из числа следственных числилось:
а) за органами УГБ 193 400
б) за органами милиции 72 800
в) за органами суда и прокуратуры 80 800
всего: 347 000
Помощник начальника ГУЛАГа НКВД СССР
ст. майор госбезопасности ЛЕОНЮК

Совершенно секретно
1 марта 1940 г.

Общий контингент заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа: 1 668 200 человек.

Из них осуждены за контрреволюционную деятельность 28,7%, в том числе:
— за антисоветскую агитацию— 12,2%
— за вредительство — 1,7%
— за шпионаж, террор, диверсии — 2,4%
— за правотроцкистскую деятельность — 1,2%

Совершенно секретно
Февраль 1948 г.
Товарищу Сталину И. В.
Доклад о работе ГУЛАГа МВД СССР

...В составе ГУЛАГа МВД СССР имеется 63 ИТЛ, подчиненных ему непосредственно, и 1016 колоний, руководство которыми осуществляется через республиканские, краевые и областные управления...

В числе лагерей 27 организовано в 1947 году в связи со значительным увеличением численности осужденных к лишению свободы. На 1 января 1948 года в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержалось 2 199 535 заключенных.

За 1947 год принято лагерями и колониями вновь осужденных 1 490 959 человек и освобождено по отбытию наказания, а также выбыло по другим причинам 1 012 967 человек.

Общее число заключенных за 1947 год увеличилось на 477 992 человека, или на 27,8%.

Как показывают учетные данные, число заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, составляет 545 696 человек (25,8% общей численности). В их числе: за измену Родине — 287 618 человек, шпионаж — 11 830 человек, террор — 7097 человек, диверсии — 2877 человек, участие в антисоветских заговорах — 36 272 человека, а также осужденные к каторжным работам — 60 382 человека.

Остальные 1 653 859 человек отбывают наказание за прочие уголовные преступления, в том числе: за воровство— 464 968 человек, бандитизм, вооруженные ограбления и разбой — 108 928 человек, должностные и хозяйственные преступления — 171 209 человек, по закону от 7 августа 1932 года—74 448 человек и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года — 100 221 человек.

...Уменьшилось число осужденных за контрреволюционные преступления с 571 408 человек, или 34,1%, на 1 января 1947 г. до 545 696 человек, или 25,8%, на 1 января 1948 года.

Министр внутренних дел СССР С. КРУГЛОВ

Приведенные документы дают представление о количестве лагерей и других мест лишения свободы и о числе заключенных в них. Как видим, они значительно меньше приводимых А. И. Солженицыным.

Имеющиеся а нашем распоряжении подлинные архивные документы ГУЛАГа за весь период 30—50-х годов позволили составить помещенные ниже таблицы.

Анализируя приведенные данные, следует иметь в виду, что в общее число находившихся в местах лишения свободы в 1937, 1938 и другие годы входили обычные уголовники и привлеченные по печально известной статье 58 УК РСФСР. Поэтому, используя выявленные архивные документы, попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, связанные с деятельностью двух крупных блоков системы ГУЛАГа: исправительно-трудовых лагерей и испра-

вительно-трудовых колоний. В Положении об исправительно-трудовых лагерях, утвержденном постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 года (Собрание законов СССР и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — №22. — 1930. — Ст. 248), говорилось, что их задачей является охрана общества от особо социально опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно полезным трудом, и приспособления этих правонарушителей к условиям трудового общежития. В ИТЛ могли направляться исключительно лица, приговоренные судом к лишению свободы на срок не ниже трех лет, либо лица, осужденные особым постановлением Объединенного государственного политического управления, в ведении которого и находились исправительно-трудовые лагеря.

Осужденные на меньшие сроки (т. е. за преступления, не представляющие повышенной общественной опасности) должны были помещаться в колонии. Однако с передачей в ведение образованного в июле 1934 года Наркомата внутренних дел СССР всех мест лишения свободы стало возможным нарушать эти условия. Как мы увидим, известная часть осужденных за так называемые контрреволюционные преступления помещалась в колонии.

По мнению Р. А. Медведева, в исправительно-трудовые лагеря поступило большинство из 5—7 млн. арестованных в 1937 — 1938 гг. (Московские новости. — 1988. — 27 ноября; Аргументы и факты. — 1989. — №5). Посмотрим, о чем говорят архивные источники. Из таблицы 1 следует, что на 1 января 1937 года в исправительно-трудовых лагерях находилось 820 881 человек, на 1 января 1938 года — 896 367 человек, на 1 января 1939 года — 1 317 195 человек. Но,

Выселяются		Количество семей	Начало вывоза	Окончание вывоза
откуда	куда			
УССР	В Севкрай	20 000	20 II	15 апреля
СКК	На Урал	10 000	11 II	»
СВК	В Севкрай	6 000	20 II	
ЦЧО	В Севкрай	8 000	20 II	
НВК	В Севкрай	8 000	20 II	»
БССР	На Урал и в Севкрай	8 000	5 III	

Таблица 3

Совершенно секретно

Откуда выселено	Было намечено выселить		Выселено	
	семей	человек	семей	человек
УССР	20 000	100 000	20 761	98 743
БССР	8 000	40 000	9 231	44 083
ЦЧО[1]	8000	40 000	8 237	52 837
НВК[2]	8 000	40 000	7 931	40 001
СВК[3]	6 000	30 000	5 566	29 211
СКК[4]	10 000	50 000	10 595	51577
Крым	3 000	15 000	3 179	14 029
Татария	2 000	10 000	650	3 310
Закавказье	200	1000		—
Всего	65 600	346 500	56445	342 545

[1] ЦЧО — Центральная черноземная область.
[2] НВК — Нижневолжский край.
[3] СВК — Средневолжский край.
[4] СКК — Северо-Кавказский край.

Таблица 4

Совершенно секретно

Количество переселенных внутри областей в северные районы и на необжитые земли кулаков 2-й категории и их семей по сравнению с контрольными цифрами

Откуда переселялись	Намечено		Переселено		Примечание
	семей	человек	семей	человек	
Сибирь	30 000	150 000	16 061	80 305	В северные необжитые районы Сибири
Урал	14 800	74 000	13 708	66 115	
Казахстан	6 000	30 000	1 341	7 535	В район Аральского моря
ДВО		3 000		2 555	
ДВК	4 000	20 000	447	2 235	На апатитовые рудники
Севкрай	1 500	7 500			В Амурск, Зейск
Всего	56 300	284 500	31 557	158 745	

разумеется, нельзя, автоматически складывая эти цифры, получить общее количество вновь арестованных в 1937 — 1938 гг. Почему? Прежде всего потому, что определенное количество заключенных после окончания срока наказания или по другим причинам освобождалось из лагерей. Приведем и эти данные. В 1937 году из лагерей было освобождено 364 437 человек, в 1938-м — 279 966 человек.

Далее, учитывая число заключенных, ежегодно погибавших в лагерях, можно найти ответ на интересующий нас вопрос: в 1937—1938 гг. в исправительно-трудовые лагеря поступило приблизительно 1,2 млн. осужденных как за «политические», так и за общеуголовные преступления.

Общие итоги
по выселению кулаков 2-й категории в их семей из областей и по переселению в северные, необжитые районы своих областей

Куда переселялись	Намечено выселить		Выселено		Будет выселено	
	семей	человек	семей	человек	семей	человек
Выселено в другие области	65 600	346 500	66 445	342 545	2 400	12 000
Переселено внутри области	56 300	284 500	31 557	158 745	1 500	7 945
Итого	121 900	631 000	98 002	501 290	3 900	19 945

Начальник опергруппы ПУЗИЦКИЙ
6 мая 1930 года

Сколько же из них относилось к первой категории? Архивные документы дают такой ответ: в 1937 году по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР в лагерях находилось 104 826 человек (12,8 проц. общего числа заключенных), в 1938 году — 185 324 человека (18,6 проц.), в 1939 году — 454 432 человека (34,5 проц.). Таким образом, и это представляется документально подтвержденным, общее число репрессированных в 1937—1938 гг. по политическим мотивам следует уменьшить с 5—7 млн. по крайней мере в 10 раз.

Объем журнальной публикации на позволяет подробнее познакомить читателя с другими документами ЦГАОР СССР по данной теме. Но на основании их мы можем сделать вывод: за весь период 20-х—начала 50-х гг. в исправительно-трудовых лагерях «политических» прошло 2,1—2,3 млн. человек, а в исправительно-трудовых колониях 1,1 — 1,2 млн. Таким образом, общее число репрессированных за этот период по политическим мотивам составляет 3,2—3,5 млн. человек.

Однако при этом не следует забывать, что далеко не все осужденные оказались в ГУЛАГе незаслуженно. Обратимся вновь к документам.

Секретно

Рапорт

Оперчастью тюрьмы г. Златоуста Челябинской области был взят в разработку заключенный Никулин А. И., 1913 года рождения, уроженец г. Керчи, доставленный в порядке эвакуации из Краснодарского края, где в июле 1942 года был в станице Тимошевской арестован как дезертир Красной Армии и трибуналом войск НКВД Челябинской области осужден к 7 годам лишения свободы.

В результате разработки установлено, что настоящая фамилия Никулина — Дудченко, что, проживая в г. Керчи, он в октябре 1941 года был призван в Красную Армию, но в связи с приближением немецких войск от явки в воинскую часть уклонился и остался в Керчи.

Связавшись с начальником немецкой полиции г. Керчи посредством своего старого друга по уголовным делам Моторина, поступившего в немецкую полицию, Никулин-Дудченко также был привлечен в качестве агента гестапо и получил задание выявлять оставшихся в Керчи коммунистов и советских активистов. За время пребывания в Керчи с 16 ноября по 31 декабря 1941 года Никулин-Дудченко предал 7 советских активистов, впоследствии расстрелянных немцами, а также лично принимал участие в расправе с советскими гражданами, в истреблении детей тех родителей, которые расстреливались немцами.

Вместе с другими агентами немецкой полиции Моториным, Колковским, Невеселовым и братьями Николаем и Владимиром Зубовичами во время отступления немецких войск из Керчи в декабре 1941 года был оставлен гестапо с заданием вести в советском тылу профашистскую агитацию.

Никулин-Дудченко Военным трибуналом УралВО осужден к ВМН.

Начальник оперчасти
(подпись)

Коснемся еще одной темы, о которой идет речь в «Архипелаге». Это трагедия насильственной коллективизации и раскулачивания. Как писал Солженицын, до арестов 1937—1938 гг. «был поток 29—30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как бы и не поболе)» (Солженицын А. Указ соч. — Т. 1,— С. 34). Итак, пятнадцать миллионов раскулаченных крестьян. Что это? Творческий вымысел писателя или достоверный факт истории? Судя по тому, что эта цифра воспроизводится в многочисленных публикациях, ее предпочитают считать отражающей реальную картину.

Вновь обратимся к архивным материалам. В конце 1929 года ОГПУ получило тайное указание о подготовке и проведении операции по выселению кулачества. О результатах ее повествует двухтомный отчет.

Совершенно секретно

Из доклада об итогах работы по выселению кулачества 2-й категории 1930 год

А. Выселение

30 января Коллегией ОГПУ было созвано совещание всех ПП (полномочных представительств) ОГПУ, где были подробно обсуждены все вопросы операции по кулачеству, в том числе и вопросы о выселении кулаков 2-й категории.

Директива о выселении кулаков 2-й категории была дана 2 февраля приказом ОГПУ № 44/21. Основные установки приказа № 44/21 и последующих директив:

I. Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива (1-я категория). Эта операция в основном должна быть закончена к началу развертывания кампании по выселению кулаков 2-й категории...

II. По всем делам (привлекаемых по 1-й категории) обеспечить строгую классовую линию, чтобы бедняк и середняк не были затронуты.

...Ввиду неподготовленности некоторых районов (Сибирь и Казахстан) для принятия выселяемых кулаков 2-й кате-

гории 4 февраля количество намеченных к выселению и сроки проведения операции были изменены и окончательно установлены следующие:

О количестве выселенных в другие области кулаков и их семей по сравнению с контрольными цифрами можно судить по табл. 3.

Все, о чем шла речь, естественно, не означает попытки оправдать сталинизм. И того, что уже известно о том периоде и что подтверждено архивными документами, с лихвой достаточно для политической и просто человеческой оценки этого явления. Затронутые вопросы еще далеки от окончательного разрешения. Они требуют привлечения новых источников и их дальнейшего критического анализа для того, чтобы максимально приблизиться к исторической правде. И не следует делать еа страшнее, чем она была, иначе трагедия станет похожей на фарс.

Публикацию подготовили А. И. ДУГИН, кандидат иеторичесхих наук;
А. Я. МАЛЫГИН, кандидат юридических наук, доцент

ОТ РЕДАКЦИИ: «Комсомолка», испытывающая особое доверие к вермонтскому «оракулу», 4 июня с. г. под заголовком «Размышления по поводу двух гражданских войн» поместила очередные солженицынские измышления, но теперь уже пятнадцатилетней давности. В интервью испанскому телевидению в 1976 году Александр Исаевич сообщил, что «профессор Курганов **косвенным путем** (подчеркнуто нами. — Ред.) подсчитал, что с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек». Приводит Солженицын и другую цифру: в войну мы якобы потеряли 44 млн. человек. И итожит: «...всего мы потеряли от социалистического строя — 110 миллионов человек!»

Цену такого рода подсчетам мы показали выше. Удивляет вот еще что. Допустим, ни Солженицыну, ни работникам «Комсомолки» «не досталось читать документов» и все необходимые данные они обнаружили на потолке. Но вот публикует газета без всякого комментария такой пассаж Солженицына: когда любой советский человек попадает в самую бедную страну Запада, дескать, его душит зависть. «Мы не можем видеть, как остатки еды выбрасываются. Мы не можем видеть, как не доедают, отставляют тарелку». И далее про то, как в нашей стране голодают.

Нужны ли закрытые архивы, чтобы квалифицировать это как злонамеренную ложь? Уж пятнадцать-то лет назад голодающих у нас не было. Булками мальчишки в футбол, к нашему великому стыду, играли — это правда. Сегодня, к сожалению, прилавки действительно пусты. Но довел до этого не социализм, а бездарная политика нынешнего руководства, приведшая страну к катастрофе.

№1 1991

РУБРИКА ЧИТАТЕЛЬ (Инструктор горкома - перевёртыш; Боннэр - специалистка ПВО)

«ВОИН, СПАСИ!»

ВЧЕРА встретил бывшего комсомольского функционера, бывшего инструктора горкома партии, бывшего секретаря парткома, который заявил, что социализм — ошибка природы и самое естественное и справедливое — капитализм. Этому человеку 40 лет. Воин Красной Армии, спаси!

Е. П. ОВЕРЧИК (Северодонецк)

«ВРЕМЯ ЗАДАВАТЬ ГЛУПЫЕ ВОПРОСЫ» (Е. Боннэр - специалист ПВО)

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ развелось много говорунов, дилетантов. Яркий тому пример — Е. Боннэр, вдова А. Д. Сахарова. Не знаю ее общего и специального образования, но в вопросах ПВО, тактики истребителей-бомбардировщиков израильских ВВС, подготовки летного состава и командования, думаю, познания Боннзр неглубоки. Это было бы неопасно, если бы она не задавала провокационных вопросов со страниц «Известий» начальнику одного из управлений Генштаба Вооруженных Сил СССР. Через «Известия» я попросил ее ответить, служила ли она в истребительной авиации. Попутно поинтересовался, на какие деньги она ездит за рубеж и кто ее туда приглашает. Редакция «Известий» не сочла нужным ответить мне, а вот задавать глупые вопросы генералу из Генштаба на ее страницах может чуть ли не каждый член добровольного общества борьбы за трезвость.

В. И. ПРОТАСОВ (Иркутск)

ВИЖ №11 1990
ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

БАБИЙ ЯР ПОД КАТЫНЬЮ?

В шестом номере «Военно-исторического журнала» мы опубликовали статью «Нюрнбергский бумеранг», посвященную Хатынскому делу. Впервые увидели свет документы органов НКВД по польским военнопленным, содержавшимся в лагерях Старобельска, Козельска, Осташкова.

К сожалению, полной ясности и эти документы в Катынское дело не внесли.

Опубликованные материалы подтверждают, что польские военнослужащие и полицейские содержались в лагерях для военнопленных на территории СССР, что в период с 3 по 14 апреля 1940 года большинство польских военнослужащих, содержавшихся в Осташковском лагере, несколькими партиями отправлены в Смоленск. В политдонесении УНКВД СССР от 22 апреля 1940 года говорится, что при осмотре вагонов, возвращенных после отправки первой партии военнослужащих поляков, была обнаружена надпись на польском языке: «Вторая партия — Смоленск, 6/14 — 1940 года». По мнению авторов публикации, наличие в делах НКВД актов на уничтожение учетных дел на военнопленных, опросных листов и личной корреспонденции является бесспорным доказательством уничтожения поляков. Однако в ходе дальнейшей работы в архивах СССР было выявлено много документов, которые ставят под сомнение версию о расстреле в Катыни органами НКВД 15 000 польских военнопленных.

В этом и последующих номерах мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с важнейшими документами, хранящимися в архивах. Надеемся, что они заинтересуют исследователей и позволят им внести полную ясность.

Итак, слово документам!

Совершенно секретно
СПРАВКА
О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «КАТЫНСКОГО ДЕЛА»

Вскоре после освобождения Красной Армией Смоленска от немецко-фашистских захватчиков (25 сентября 1943 г.) в период с 5 октября 1943 года по 10 января 1944 года по распоряжению Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств немецких оккупантов специальная Комиссия из представителей соответствующих органов провела расследование сфабрикованного немецко-фашистскими захватчиками провокационного дела «О расстреле большевиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Было допрошено 95 свидетелей, проверено 17 заявлений, поданных в Чрезвычайную комиссию, рассмотрены и изучены различные документы, относящиеся к делу, проведена необходимая экспертиза, осмотрено место расположения катынских могил.

В результате расследования установлено:

1. Описание места расположения катынских могил и режима, применявшегося в районе Козьих Гор до захвата этого района немцами

Местность Козьи Горы расположена в 15 км от Смоленска по шоссе Смоленск—Витебск. С севера она примыкает к шоссе, с юга подходит вплотную к реке Днепр. Ширина участка от шоссе до Днепра около одного километра. Козьи Горы входят в состав лесного массива, называющегося Катынским лесом и простирающегося от Козьих Гор к западу и востоку. В двух с половиной километрах от Козьих Гор по шоссе к востоку расположена железнодорожная станция Западной железной дороги Гнездово. Далее на восток расположена дачная местность Красный Бор.

В Козьих Горах на крутом берегу Днепра до войны находился дом отдыха УНКВД Смоленской области: обширное двухэтажное здание с соответствующими хозяйственными постройками. От дома отдыха к шоссе Смоленск — Витебск пролегает извилистая проселочная дорога протяжением около одного километра. Могилы польских офицеров находятся в непосредственной близости к этой дороге на расстоянии по прямой менее 200 м от шоссе и 700 м от дачи.

Эскизный план местности прилагается.

Многочисленными свидетельскими показаниями устанавливается, что район Козьих Гор был местом отдыха для трудящихся Смоленска и был доступен для всего окружающего населения.

Так, например, Чепиков Л. Т. — учитель Невещанской школы Катынского сельского с[овета] на допросе 14 октября 1943 года показал: «До войны с немцами в Козьих Горах я бывал очень часто. Ходил я туда не один, там бывало все население деревни Гнездово, никто нас там никогда не задерживал, ни о каких расстрелах людей в то время мы не слышали».

Жительница деревни Новые Батеки, полька по национальности, Чернис К. И. в своем заявлении от 24 ноября 1943 г[ода] пишет: «До прихода немцев Козьи Горы были местом гулянья, сбора грибов и дров. Оно было открыто для всех жителей как нашей, так и других деревень».

Ученик ремесленного училища связи Устинов Е. Ф. показал: «Перед войной в Катынском лесу... находился пионерский лагерь Облпромкассы, и я был в этом пионерском лагере до 20 июня 1941 года... Я хорошо помню, что до прихода немцев никаких ограждений в этом районе не было и всем доступ в лес и в то место, где впоследствии немцами демонстрировались раскопки, был совершенно свободный».

«В лесном массиве Козьи Горы раньше, до занятия немцами Смоленска, была дача НКВД, однако проживавшие там люди никогда не запрещали нам, местным жителям, ходить в этот лес по ягоды и грибы. Мимо этой дачи мы ходили купаться на реку Днепр» (из показаний Кривозерцева М. Г., жителя деревни Новые Батеки, от 22 ноября 1943 г.).

Аналогичные показания дали также Орлова Вера, учительница Гнездовской начальной школы, Киселева М. К., проживавшая на хуторе у Козьих Гор, Солдатенков Д. И., колхозник дер[евни] Борок Смоленского района, Сергеев Т. И., дорожный мастер, и др[угие].

В официальной справке от 3 января 1944 г[ода] за № 17 смоленский городской Совет депутатов трудящихся удостоверяет что «район Козьих Гор и прилегающих к нему Катынского леса и Красного Бора являлся местом отдыха трудя-

щихся города Смоленска, местом маевок и общественных гуляний и никогда, вплоть до захвата города Смоленска немцами (16 июля 1941 г.), не подвергался никаким ограничениям и запретам в смысле передвижения населения по всей указанной территории».

Смоленская областная промстрахкасса в своей справке за № 5 от 5 января 1944 года удостоверяет, что район Козьих Гор и прилегающей к нему местности «являлся местом организации пионерских лагерей, принадлежавших системе промстрахкассы по Смоленской области».

Могилы польских офицеров, как указано было выше, расположены менее чем в 200 м от шоссе Смоленск — Витебск. Невозможно допустить, чтобы в такой близости от оживленной трассы могли быть в мирное время расстреляны несколько тысяч человек без того, чтобы об этом стало известно населению. Только фашистско-немецкие мерзавцы, не стеснявшиеся в применении различных способов уничтожения людей, могли, воспользовавшись обстоятельствами военного времени, совершить такое преступление.

Таким образом, придуманная немцами легенда о том, что Катынский лес при Советской власти тщательно охранялся и был огражден проволокой, так как якобы являлся местом расстрела органами НКВД советских граждан и военнопленных поляков, не выдерживает никакой критики.

II. Режим, установленный в районе Козьих Гор немцами после захвата ими этого района

Свидетельскими показаниями устанавливается, что именно немцы вскоре после своего прихода в этот район установили в Катынском лесу строжайшую охрану, никого не допуская близко к этому месту под угрозой расстрела.

На бывшей даче УНКВД в Козьих Горах разместился штаб какого-то немецкого учреждения. Работавшая на кухне при этом штабе Алексеева А. М., 1916 года рождения, уроженка дер[евни] Борок Катынского с[ельского] с[овета], показала: «Дача в Козьих Горах осенью 1941 года усиленно охранялась вооруженными немецкими солдатами, вход в дачу со стороны леса был строго воспрещен, всюду были повешены таблички о запрете прохода в лес с предупреждением о расстреле на месте за нарушение. Специальный пост был и у Днепра, с тыловой стороны дачи. Нам, русским, работавшим на даче в Козьих Горах, разрешалось проходить только по основной дороге, шедшей от шоссе Смоленск — Витебск. Мы даже не имели права самостоятельно возвращаться с работы. Когда мы уходили с дачи домой, до шоссе нас обычно сопровождали один-два немца».

Проживающий на хуторе в Катынском лесу Киселев Л. Г. на допросе 9 октября 1943 года показал: «Через некоторое время после прихода немцев Катынский лес вблизи Козьих Гор был взят под охрану. Местное население было оповещено, что каждый человек, появившийся в лесу, будет расстрелян. Я лично читал одно из таких объявлений, вывешенное на столбике на шоссе. В этом объявлении было написано: «Кто сойдет с шоссе в сторону леса на сто шагов, будет расстрелян без окрика».

Упоминавшийся выше Кривозерцев, 1904 года рождения, плотник на ст[анции] Красный Бор, показал: «Немецкая охрана леса Козьи Горы и ведущих к нему проезжих дорог и пешеходных стежек была установлена с июля месяца 1941 года и до марта месяца 1943 года».

Бывший начальник железнодорожной станции Гнездово, расположенной в двух с половиной километрах от Козьих Гор, работавший при немцах сторожем на переезде, Иванов [С.В.] на допросе 15 ноября 1943 года показал: «Не только в этот лес, но даже близко к нему нельзя было подойти, так как стоявшие часовые держали всегда наготове автоматы и мы хорошо знали, что пустить их в ход им ничего не стоит».

Аналогичные показания дали быв[ший] дежурный по станции Гнездово Савватеев И. В., быв[ший] полицейский Кутейников Е. Н., учитель Невещанской школы Катынского сельского с[овета] Чепиков Л. Т., священник Оглоблин А. П., колхозник д[еревни] Борок Смоленского р[айо]на Алексеев М. А., жительница деревни Новые Батеки Чернис К. И. и др[угие].

III. Где находились военнопленные поляки в период до и после начала военных действий с Германией

Немцы в своих сообщениях утверждали, что польские военнопленные офицеры были расстреляны большевиками якобы весной 1940 года.

Между тем официальными документами Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР устанавливается, что в районах западнее Смоленска до начала военных действий с Германией находились три лагеря особого назначения, именовавшиеся лагерь № 1-ОН, лагерь № 2-ОН и лагерь № 3-ОН, в которых содержались пленные поляки, использовавшиеся на строительстве и ремонте шоссейных дорог вплоть до начала военных действий с немцами.

Лагерь № 1-ОН находился на 408-м км от Москвы и на 23-м км от Смоленска, на магистрали Москва — Минск.

Лагерь № 2-ОН находился в 25 км на запад от Смоленска по шоссе Смоленск — Витебск.

Лагерь № 3-ОН находился в 45 км на запад от Смоленска в Красненском районе Смоленской области.

После начала военных действий в силу сложившейся обстановки **лагеря не могли быть своевременно эвакуированы и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам, и судьба их до опубликования немцами своих сообщений по «Катынскому делу» была неизвестна** (выделено нами.— **Ред.).**

Начальник лагеря № 1-ОН лейтенант госбезопасности Ветошников В. М., давая объяснения о судьбе порученного ему лагеря, в своем рапорте на имя начальника Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР от 12 августа 1941 года пишет: «После того, как я получил от Вас указание подготовить лагерь к эвакуации, я принял к этому необходимые меры.

Охрана и пленные поляки были мною предупреждены.

Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к начальнику движения Смоленского участка Западной железной дороги тов. Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но тов. Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения от Вас разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря, и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной, я не знаю».

Опрошенный инженер Смоленского отделения движения Западной железной дороги тов. Иванов С. В. подтвердил, что в июле месяце 1941 года к нему обращались (он не помнит кто) с просьбой предоставить вагоны для вывоза военнопленных поляков, но в силу сложившейся на участке обстановки он этого сделать не имел возможности.

Присутствие в указанных выше районах польских военнопленных подтверждено многочисленными показаниями свидетелей, наблюдавших военнопленных поляков на протяжении 1940—1941 гг. как до оккупации Смоленска немцами, так и в первые месяцы после оккупации, до сентября месяца 1941 г[ода] включительно.

После этого срока никто военнопленных поляков в этом районе не видел.

Так, например, дежурный на станции Гнездово Савватеев И. В. на допросе 16 октября 1943 года показал: «Мне известно, что польские военнопленные, следовавшие в 1940 году через станцию Гнездово, использовались на дорожных работах в нашем районе. Я лично несколько раз в 1940 и 1941 гг. видел, как работали на шоссе польские военнопленные...

После прихода немцев в Смоленский район я встречал группы польских военнопленных в августе — сентябре 1941 года, под конвоем направлявшиеся к лесу Козьи Горы».

Священник Городецкий В. П. на допросе 30 ноября 1943 г[ода] показал: «Я лично видел осенью 1941 года, как немцы гнали по шоссе группы военнопленных поляков, их сопровождал усиленный конвой».

Свидетельница Базекина А. Т., бухгалтер отделения Госбанка в Смоленске, на допросе 21 ноября 1943 года показала: «Вскоре после занятия Смоленска немцами я видела польских солдат и офицеров, которые работали по очистке и ремонту дорог, они были одеты в польскую форму, и их охраняли немецкие солдаты. Я их видела партиями человек по 30. Это относится к периоду осени 1941 года, и потом я их не встречала».

Учительница школы в поселке Катынь Ветрова Е. Н. на допросе 29 ноября 1943 года показала: «Осенью 1941 года, когда нас принудительно немцы выгнали для работы на шоссе Смоленск — Витебск, мне приходилось видеть, как на грузовых машинах провозили военнопленных поляков. Их форма совпадала с формой виденных мною расстрелянных поляков в Козьих Горах...»

Аналогичные показания о том, что военнопленные поляки находились в районе Смоленска не только перед оккупацией Смоленска немцами, но и в первые месяцы после оккупации, дали свидетели: бывший начальник станции Гнездово Иванов С. В., житель гор[ода] Смоленска Бычков И. И., священник Оглоблин А. П., жительница гор [ода] Смоленска Ляпунова С. В., проживавшие на хуторе в районе Козьих Гор Киселева А. А. и Киселева М. К. и многие другие.

Таким образом, из приведенных выше показаний и документов устанавливается:

1. Что район Козьих Гор и прилегающих к нему Катынского леса и Красного Бора до захвата немцами Смоленской области не являлся запретной зоной, а стал таковой только вскоре после прихода в этот район немцев.

2. Что военнопленные поляки, прибывшие весной 1940 года в районы Смоленска, находились в этих районах на дорожно-строительных работах в 1940—1941 гг., вплоть до начала военных действий с Германией.

3. Что военнопленных поляков видели также в первые месяцы после захвата немцами гор[ода] Смоленска, в августе— сентябре 1941 года.

4. Что после этого срока военнопленных поляков больше никто не видел.

IV. Как осенью 1941 г [ода] в районе Козьих Гор немцы расстреляли военнопленных поляков

Что же произошло с военнопленными поляками, находившимися осенью 1941 г [ода] в районах западнее Смоленска?

Ясный ответ на этот вопрос о трагической судьбе военнопленных поляков дают ниже помещенные документы и показания свидетелей, полученные Комиссией по расследованию зверств немецких оккупантов.

Как было сказано выше, в Козьих Горах разместилось какое-то немецкое учреждение, деятельность которого тщательно немцами конспирировалась.

В средних числах августа 1941 года по требованию немцев староста деревни Борок, расположенной от Козьих Гор в четырех километрах, Солдатенков Д. И. направил в распоряжение указанного немецкого учреждения для работы на кухне трех жительниц дер[евни] Борок— Алексееву А. М., 1916 года рождения, Михайлову О. А., 1924 года рождения, и Конаховскую 3. П., 1925 года рождения.

По прибытии в Козьи Горы им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано Алексеевой, Михайловой и Конаховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения обер-лейтенантом Арнесом, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе немецкого учреждения Алексеева А. М. показала: «На даче в Козьих Горах постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был обер-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Греневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья, имя его, кажется, Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне не известны».

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Конаховская стали замечать, что на даче совершаются какие-то темные дела.

Алексеева А. М. на допросе 23 декабря 1943 года показала: «...переводчик Иоганн от имени Арнеса нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держать язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в Козьи Горы почти ежедневно приезжало несколько крытых грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но примерно одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала, и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно, к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться к тому, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где зто происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид». (Далее приводится выдержка из того же документа. — **Ред.] «Вопрос.** Кого же, по вашему мнению, немцы расстреливали на даче?

Ответ. Я твердо убеждена в том, что немцы расстреливали военнопленных поляков. Это убеждение сложилось у меня еще тогда же, осенью 1941 года, и основывалось на следующих моих наблюдениях.

Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков, человек 30, под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в Козьи Горы.

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые одиночные выстрелы. Тогда мне стало все ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью, в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в Козьи Горы мы догадывались по напряженной обстановке, которая царила в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил с дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...». Михайлова О. А., 1924 года рождения, на допросе 24 декабря 1943 г[ода] показала: «В сентябре месяце 1941 года в лесу Козьи Горы очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимание на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжыми волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры как по команде шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира.

Замечала я и такую вещь: пока унтер-офицеры мылись в бане, их шоферы постоянно чистили и смазывали оружие. Особенно бросалось в глаза то, что закрытые грузовые автомашины приезжали к даче всегда вскоре по окончании стрельбы в лесу на Козьих Горах».

Конаховская З.П., 1925 года рождения, на допросе 23 декабря 1943 года показала: «...через несколько дней после моего поступления на работу в Козьи Горы я начала замечать, что на территорию дачи приезжают какие-то крытые грузовые машины. Обычно в это время из леса слышались выстрелы. Минут через 40—50 фургоны подъезжали к даче, и ехавшие в кабинах шоферов немцы уходили в баню. В эти дни нам на кухне доставалось много работы. Повар Густав заставлял чистить большое количество картофеля, в котел закладывалась удвоенная, а иногда утроенная порция продуктов, а Розе по нескольку раз на день забегал на кухню, справляясь у повара, все ли в порядке. Было еще одно обстоятельство, благодаря которому дни приезда фургонов мне особенно хорошо запомнились: мне, Алексеевой и Михайловой при появлении крытых машин на территории дачи приказывали немедленно уходить на кухню и ни в коем случае не выходить во двор...»

Работавшие у немцев на даче в Козьих Горах Михайлова О. А. и Конаховская 3. П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно, бежавших от немцев и затем пойманных.

Михайлова об этом на допросе 24 декабря 1943 года показала: «Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел обер-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик Глиневский (Так в документе) по знаку Розе загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе ожи-

вленно разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: «Все в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти двое поляков расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также Конаховская З. П.

Напуганные всем тем, что происходило на даче, Алексеева, Михайлова и Конаховская решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3 марок в месяц, в начале января 1942 г[ода] по предложению Михайловой они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную: Михайлову — на 8 суток, а Алексееву и Конаховскую — на 3 суток.

После того как они отсидели этот срок, их всех, к их большой радости, уволили.

За время своей работы на даче Алексеева, Михайлова и Конаховская боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе 24 декабря 1943 года показала: «Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но оказалось, что и Конаховская и Алексеева также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в Козьих Горах расстреливали именно польских военнопленных, так как Алексеева рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес Козьи Горы большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу. Она же сообщила нам, что и в закрытых машинах, о которых я показала ранее, немцы привозили поляков».

Аналогичные показания об этом дали также Алексеева и Конаховская.

Сопоставив свои наблюдения, Алексеева, Михайлова и Конаховская пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в Козьих Горах немцами проводились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания Алексеевой подтверждаются показаниями ее отца Алексеева Михаила, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила, только приходила домой и жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу Козьи Горы немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья» (из показаний Алексеева Михаила от 24 декабря 1943 г.).

По вопросу о том, что делалось осенью 1941 года на даче в Козьих Горах, заслуживают внимания показания Кривозерцева М. Г., 1904 года рождения, по специальности плотника.

На допросе 22 ноября 1943 года Кривозерцев показал: «Осенью 1941 года по распоряжению лесника Сурикова я был мобилизован на дровозаготовки, по крайней мере, мне так было объявлено. На самом деле с группой крестьян из разных деревень, мне лично незнакомых, я в течение шести дней работал по очистке леса Козьи Горы. Лес вырубался со стороны шоссе, и нам было ясно, что немцы вырубают лес, боясь партизанских налетов на шоссе. Все мы, работавшие в лесу, были зарегистрированы у немцев, и часовые пропускали нас в лес после того, как сверяли по документам нашу личность. Однажды лесник Суриков повел меня лесом показать новую делянку, и нам пришлось проходить с ним по дороге, ведущей с шоссе к лесной даче Козьи Горы. Примерно в 300 метрах от шоссе я увидел поляну шагов сорок в длину и столько же в ширину, обсыпанную песком. Никогда ранее ее на этом месте не было, она резко выделялась от общего тона земли. Видно было, что эта поляна, обсыпанная по поверхности песком, была устроена руками человека. Я спросил Сурикова, откуда и каким образом появилась на Козьих Горах эта поляна. Суриков сказал мне, что здесь зарыты люди, и, как я ни допытывался, он мне больше ничего не сказал и велел молчать, если я не желаю себе зла. Здесь же Суриков мне сказал, чтобы вокруг этой поляны я не вырезал лес. Этот разговор относится, как я теперь вспоминаю, к середине октября 1941 года. Поскольку эта поляна действительно производила впечатление какой-то свежевырытой и засыпанной большой ямы, которой никогда до прихода немцев в Смоленск я ранее не видел, я поверил Сурикову. Но так как Суриков не стал мне говорить, кто погребен в этой яме, то для меня стало ясным, что усиленная охрана немцами Козьих Гор не случайна, а здесь действительно закапываются трупы замученных немцами людей».

Кривозерцев представил Комиссии три стреляные гильзы калибром 7,65 мм немецкого образца с надписями на шляпках «GECO», «RWS» и «PWH 479 A».

По словам Кривозерцева, эти гильзы он нашел в катынских могилах весной 1943 года, когда он был привлечен немцами к работам на могилах.

О том, что во второй половине августа и в сентябре 1941 года в районе Козьих Гор постоянно слышались выстрелы, причем не автоматные очереди, а одиночные пистолетные выстрелы, следовавшие часто один за другим, показывают многочисленные свидетели, и в частности ближе всего проживавший к району Козьих Гор у себя на хуторе Киселев П. Г. Последний на допросе 9 октября 1943 года показал: «Немного позже, в конце августа или начале сентября 1941 года, в район Козьих Гор стали прибывать на грузовых автомашинах под охраной группы польских военных. Кроме того, иногда в это место гнали поляков пешком группами по 30—40 человек. Какое количество поляков было доставлено немцами в Катынский лес, я не знаю. После прибытия машин в Козьи Горы я в разное время суток слышал из леса стрельбу».

Особо важное значение в вопросе о том, что происходило на даче в Козьих Горах осенью 1941 года, имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в городе Смоленске Базилевского Бориса Васильевича.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами гор[ода] Смоленска был насильно назначен ими (25 июля 1941 г.) заместителем начальника города (бургомистра), в каковой должности состоял до 1 октября 1942 года. Начальником города (бургомистром) был назначенный немцами адвокат гор[ода] Смоленска Меньшагин, впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием немецкого командования, и в частности коменданта города Смоленска фон Швец[а]. В доверительной беседе Меньшагин рассказал Базилевскому о планах немцев в отношении военнопленных поляков.

Базилевский Б. В., 1885 года рождения, на допросе 20 декабря 1943 года показал: «Вскоре после занятия Смоленска немецкими войсками, в августе 1941 года, в конце 1-й Красненской улицы был создан для русских военнопленных лагерь, известный под № 126, в котором содержалось несколько десятков тысяч военнопленных командиров и красноармейцев. Это был не лагерь, приспособленный к содержанию пленных в сколько-нибудь человеческих условиях, а, по общему отзыву, какой-то «загон», где люди жили в помещениях без окон и дверей, в условиях неописуемой скученности. В числе находившихся в лагере и близких к гибели был и хорошо мне известный смоленский педагог (заведующий учебной частью 3-й смоленской средней школы) Георгий Дмитриевич Жиглинский.

В начале сентября 1941 года после своего очередного доклада Меньшагину по делам подведомственных мне отделов городского управления я обратился к нему с просьбой возбудить ходатайство перед немецким командованием об освобождении Жиглинского из лагеря, так как без ходатайства начальника города освобождение осуществлено быть не могло. Меньшагин после небольшого колебания согласился подписать ходатайство, но при этом заметил: «Что ж, одного спасем, а тысячи все равно погибнут». В этой связи я высказал мысль, что хорошо бы поставить перед немецким командованием вопрос о разгрузке лагеря № 126 и создании в нем более человеческих условий, что он, Меньшагин, пользуясь определенным доверием немецкой комендатуры в лице коменданта города фон Швец[а], может добиться в этом вопросе положительного результата. Это тем более необходимо, продолжал я, что лагерь является очагом распространения эпидемических заболеваний и потому представляет прямую угрозу для населения города, за судьбу которого мы с вами, как лица, стоящие во главе городского управления, несем определенную ответственность.

Меньшагин задумался, а затем сказал: «Вы, пожалуй, правы. Об этом стоит поговорить с господином фон Швец[ем], так как лагерь представляет угрозу не только для населения города, но и для частей германской армии, размещенных в городе».

Через два дня Меньшагин вызвал меня к себе в кабинет и с некоторым раздражением сообщил: «Из-за вашей просьбы я попал в неудобное положение. Фон Швец отказался удовлетворить наше ходатайство об освобождении Жиглинского».

Он объяснил мне, что получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе.

Я невольно возразил: «Что же может быть жестче существующего в лагере режима?»

Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские по крайней мере сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить». «Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

— Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина, — ответил Меньшагин и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить. Я заверил его, что сохраню этот разговор в тайне.

Вопрос. Вам известна дальнейшая судьба военнопленных поляков?

Ответ. Да, известна. Вопрос о поляках, признаюсь, меня очень мучил, и я никак не мог отвязаться от мысли о них. Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках?»

Меньшагин помедлил, а потом все же ответил: «С ними уже покончено. Фон Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

Видя мой растерянный вид, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Объективным документальным подтверждением показаний Базилевского являются собственноручные записи Меньшагина, сделанные им в своем блокноте. Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского управления города Смоленска после его освобождения Красной Армией.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электрической энергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшагиным, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры города Смоленска.

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены как показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, так и графической экспертизой.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

Из записей заслуживают внимания и представляют интерес следующие: «... 4. Весь город, кроме евр[ейского] квартала, должен быть до 16 часов 5.8 освобожден евреями.

5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны.

6. Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.

7. Район евр[ейского] поселения должен быть огражден проволокой, и в дальнейшем должно быть выстроено массивное ограждение.

8. Квартиры, освобожденные от евреев, поступают в распоряжение начальника города для заселения...

11. Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением начальника города и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Еврейский комитет.

12. Все евреи, достигшие 10-летнего возраста, обязаны нашить на одежду круглый знак из желтой материи диаметром 10 см. Эти знаки помещаются с правой стороны груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 часов 5.8 без указанных знаков, должны быть задержаны и препровождены в немецкую полицию (здание бывшей НКВД) для расстрела.

Объявить населению, что все жители старше 16 лет по указаниям комендатуры и Управления города подлежат трудовой повинности до распоряжения, причем отказ преследуется по законам военного времени.

VI. Немцев и лиц немецкого происхождения командировать в полицию.

VIII. О большевиках, комиссарах немедленно сообщить полиции.

О работе суда, прокуратуры, адвокатуры.

Всех бежавших поляков-военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру.

Завод № 2. Анищенков Андрей — коммунист. Костенко Ефим — кандидат ВКП(б) и жена — депутат.

11. Борьба с партизанами и наблюдение за ними...
13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз[ьих] Гор [ах] (Умнову).

3. Священников, старосту, Алферчика * и др[угих] командировать в СД и Буевича, ком. 218».

Приведенные выше две записи Меньшагина о поляках в сопоставлении с показаниями Базилевского с неопровержимой ясностью говорят о том, что немцы захватили в бывших лагерях НКВД и на строительных работах военнопленных поляков, что некоторые из поляков, видимо, бежали и затем были выловлены и к их поимке привлекалась русская полиция и что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среде гражданского населения, специально давало указание о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, являлся начальником русской полиции города Смоленска, был назначен на эту должность немцами в первые месяцы оккупации гор[ода] Смоленска и позже перешел на работу официальным сотрудником гестапо.

Фотоснимки с записей Меньшагина из его блокнота при этом прилагаются.

ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 114. д. 6, лл. 1 — 23.

Публикацию подготовил подполковник А. С. СУХИНИН

О том, как немцы весной 1943 года готовили свою провокацию, о могилах польских офицеров в Катынском лесу читайте в следующем номере.

* В Смоленске начала работу следственная группа отдела специальных расследований директората общественных обвинений (Прокуратуры Австралии). Дело одного из военных преступников завершено, и материалы переданы в суд. Мы так же, как и сотрудники газеты «Труд», надеемся, что не останутся «без внимания кровавые дела на Смоленщине, в Белоруссии и Польше бывшего начальника политического отдела городской полиции Смоленска Н. Алферчика, который сейчас проживает в Австралии под другой фамилией» (Труд. — 1990.— 27 сентября).

ВИЖ №12 1990

Окончание. См. Военно-исторический журнал. — 1990. — № 11.

«ГЕББЕЛЬСОВСКАЯ ПРОПАГАНДА» — этот термин вошел в сознание мировой общественности как одна из форм самой ядовитой лжи, гнусного подстрекательства, грязной провокации, всегда замешенной на зоологическом антисемитизме, звериной ненависти к коммунистам, к СССР. Обратите внимание, как называлась должность Геббельса — министр просвещения и пропаганды. Мы публикуем документы, из которых каждый может представить себе, как это делалось, т. е. как делалась эта самая геббельсовская пропаганда. Документы эти хранятся в Центральном Государственном архиве. Здесь же приводятся протоколы ежедневных рабочих совещаний структурного подразделения министерства просвещения и пропаганды. На этих совещаниях сам Геббельс или кто-то из иных чинов министерства проводил инструктаж всей прессы, радио и кинохроники.

Следует отметить умение, с каким боссы нацистской пропаганды оперативно и убедительно использовали как фальшивки, так и действительные факты для опорочивания своих противников. Итак, слово документам.

Директивы господина министра от 6 апреля 1943 г.

После доклада о военном положении майор Бальцер дает описание только что ставшего известным массового убийства Советами польских офицеров. Примерно в 19 км западнее Смоленска, так, в частности, излагает майор Бальцер, около километра влево от шоссе к Витебску за оградой из колючей проволоки находится холмистая местность, поросшая сорняком, на которой в то время, когда там находились еще большевики, людьми ГПУ проводились расстрелы каких-то осужденных или арестантов. Тамошнему населению это было известно, но из-за страха оно никогда не решалось говорить об этом. Теперь случайно обер-лейтенант полевой полиции группы армий «Центр» догадался о том, что там, по-видимому, лежат горы трупов, а именно в том месте, где находятся два березовых креста, которые были поставлены там год тому назад двумя поляками, которые нашли трупы при проведении раскопок. На этом месте, которое заметно благодаря молодым посадкам сосен, теперь проведены раскопки и установлено, что там лежат слоями в 9—12 человек один над другим великое множество преимущественно или почти исключительно польских офицеров. У большей части из них руки были связаны за спиной. Часов и колец уже не было, у них, правда, были еще злотые, а главное, личные документы с фотографиями, документы о награждении орденами и т. д., так что идентификация может быть проведена чрезвычайно легко. Там работает сейчас известный химик из Кенигсберга со своими помощниками, чтобы провести идентификацию, установить звания убитых. Несомненно доказано, что все люди были убиты путем выстрела в затылок — иногда пуля пробивала голову насквозь, иногда застревала в голове. Всего, по предварительным подсчетам, там закопано около 10—12 тыс. польских офицеров, среди них находятся только единицы простых солдат — очевидно, денщики офицеров. Население сообщило, что в период с 1 марта до 18 апреля 1940 г. на тамошнем вокзале выгружали ежедневно 3—4 вагона с польскими солдатами, которых затем отвозили на автобусах, так называемых «черных воронах», в названный сосновый лес. Слышали и выстрелы, но, как уже сказано, из страха не решались говорить об этом. Характерным для склада ума советских преступников является, между прочим, тот факт, что они только в нескольких сотнях метров от этого места казни на опушке соснового леса построили дом отдыха, где высшие чины имели обыкновение устраивать свои оргии.

Что будет предпринято дальше, пока неизвестно. Майор Бальцер только сегодня разговаривал с некоторыми компетентными людьми группы армий «Центр» и настоятельно просил сообщить, будет продолжена идентификация или нет. Правда, для этого в распоряжении полевой полиции мало полицейских, тогда как требуется целая рота. Майор Бальцер указал на то, что идентификация непременно должна быть проведена в пропагандистских целях, и предложил привлечь для этого членов польского Красного Креста под немецким контролем. Соответствующую бумагу майор Бальцер направил полковнику Веделю; копию ее получит статс-секретарь, для того чтобы и с этой стороны было оказано влияние на продолжение проведения идентификации.

Гуттерер поручает Берндту немедленно связаться с Краковом, чтобы предпринять соответствующие шаги.

Представители иностранной прессы, отмечает майор Бальцер, находились под чрезвычайно глубоким впечатлением. Некоторые из них беседовали с епископом Смоленского кафедрального собора, который рассказал им всю правду о поведении Советов. Были проведены беседы с преподавателями и студентами на улицах Смоленска, и повсюду давалась ужасная характеристика большевистского господства. Хотя и сегодня тамошние условия, в особенности в

экономическом отношении, не представляют собой ничего хорошего, тем не менее все части населения как бы освободились от тяжелого кошмарного сна.

Браувейлер замечает, что возникла трудность в корреспонденции, поскольку иностранцы говорят, что они не могут давать информацию в свои газеты, пока эту тему не начнут немецкие газеты.

Гуттерер дает поручение Бальцеру распорядиться, чтобы докладчики пропагандистских рот подготовили сообщения: между тем ввиду большой важности дело должно быть, естественно, доложено фюреру.

Конференция от 14 апреля 1943 г.

Перед оглашением директив министра статс-секретарь убедительно просит освещать советские зверства под Смоленском теперь и по радио, которое в противоположность прессе вчера вечером только кратко коснулось этой темы.

Директивы господина министра от 14 апреля 1943 г.

Центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни будет и далее сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство. Миру нужно показать на эти советские зверства путем непрерывной подачи все новых фактов. В особенности в комментариях надо, как это частично уже было, показать: это те же самые большевики, о которых англичане и американцы утверждают, что они якобы изменились и поменяли свои политические убеждения. Это те же самые большевики, за которых молятся в так называемых демократиях и которых благословляют в торжественном церемониале английские епископы. Это те же самые большевики, которые уже получили от англичан абсолютные полномочия на господство и большевистское проникновение в Европу. Наконец, можно также подчеркнуть, что здесь, *в* массовых могилах, лежат не только польские офицеры, которые разыскиваются так называемой польской эмигрантской кликой в Лондоне, подающей в Кремль все новые прошения. Об этом имеется хорошее сообщение в 46 загранагентствах, согласно которому в Лондоне имеют обоснованную надежду найти в скором времени давно пропавших без вести поляков. По этому поводу мы можем только сказать: мы их нашли убитых большевиками в бесконечных массовых могилах.

Поднимаемый в том же сообщении польский пограничный вопрос нас, естественно, не интересует.

Директивы господина министра от 15 апреля 1943 г.

Хорошо, если бы к гнусному убийству в Катыни нам представились бы еще новые актуальные политические случаи, чтобы этим событием пропитать еще сильнее международные политические дебаты. Такой случай предоставляет ЕД 149 , где в связи с мнимыми переговорами Спеллмана освещаются современные польско-советские отношения. Если, например, речь идет о добрососедских отношениях, к которым необходимо стремиться, и говорится о щекотливом обстоятельстве, что все находившиеся в Советском Союзе поляки стали советскими гражданами, то мы противопоставим этим утверждениям массовые могилы Катыни с 12 тыс. казненных польских офицеров и прежде всего заклеймим цинизм английских евреев, советские союзники которых способны на отвратительные преступления, каких не помнит мировая история.

Реакцию польского населения на Катынь мы включили также в немецкую прессу как действенное усиление (ЕД 123).

Конференция от 16 апреля 1943 г.

По делу о собственно Катыни министр обращает внимание на следующие психологические соображения.

Было бы неправильно дальнейшие занятия делом Катыни проводить под знаком обороны: виноват не убийца, а убитый! Вначале мы дадим несколько столбцов фактического материала, чтобы затем в качестве добавления изложить следующее:

«Наконец, под тяжестью сообщенного нами доказательного материала и постоянно повторяемых обвинений, которые мы изо дня в день давали по радио и которые теперь вместе с неопровержимыми аргументами прошли через всю нейтральную заграничную прессу — а об этом мы позаботились, чтобы эти еврейские негодяи, заключившие совместный сговор между Лондоном и Москвой, не достали нас своими щупальцами, под тяжестью этого материала они теперь начинают заикаться. Каково же содержание этого заикания? Не веришь своим глазам, когда видишь заявление ТАСС. Признания вины там вообще нет. Там говорится, что речь идет о печальной судьбе бывших польских военнопленных, которые в 1941 году находились в районах западнее Смоленска на строительных работах! Там находились бригадный генерал такой-то, командующий армией такой-то и полковник такой-то на строительных работах! Странным образом большевики не знали о том, что польские офицеры, находившиеся на строительных работах, попали в немецкий плен, в то время как англичане месяцами атаковали их вопросами: что стало с этими офицерами? Тогда было сказано: они стали советскими гражданами. Тогда не пришло в голову сказать: их держат немцы. Два года поляки, союзники Советов, разыскивали этих офицеров официально, и Кремль ни разу не сказал, что они были в лагере под Смоленском и затем попали в плен к немцам. Теперь, когда мы показали, что они были убиты, после того как стали уже добровольными советскими гражданами, теперь вдруг говорят, что они попали в немецкий плен. Более глупого тупые евреи в Москве действительно ничего не могли придумать. Но этого мало. Теперь, когда мы вскрыли могилы и опознали польских офицеров по их униформе, знакам отличия, паспортам, бумагам и т. д., теперь говорят, что геббельсовские лжецы забывают, что вблизи деревни Гнездовая проводились археологические раскопки (радиообзор положения, пункт 5). За каких дураков считают эти нахальные еврейские болваны европейскую интеллигенцию! Что, они думают, что европейскую интеллигенцию можно в чем-то обвинить?! Они говорят об «археологических раскопках»! Посмотрите на снимки убитых польских офицеров в «Вохеншау». Может быть, московские евреи станут после этого утверждать, что мы одели в польскую униформу 12 тыс. скелетов из времен 200 года до Христа!»

«Под тяжестью этих обвинений евреи могут произносить лишь бессвязный лепет, из которого видно только сознание их виновности. Не то чтобы они имели нечистую совесть, потому что расстреляли 12 тыс. офицеров; они имеют нечистую совесть потому, что об этом узнала европейская общественность; потому, что с попытками маскировки ничего не выходит. Наряду с ТАССовскими евреями и англичане придумали махинацию, но, к их неудаче, не согласовав с большевиками; во-первых, она не очень ловкая и потом является прямой противоположностью тому, что утверждают большевики. Там, между прочим, говорится: «Немецкая пропаганда, которая никогда не упускает случая посеять рознь между союзниками, начала передавать по радио сообщения о якобы обнаруженных могилах 10 тыс. польских офицеров в лесу вблизи Смоленска». Что касается «якобы обнаруженных», то нужно сказать примерно так: «Вам это будет показано в ближайшем недельном обозрении». Далее в сообщении говорится, что, очевидно, речь может идти только о «предположении»; польские власти заявляют, что действительно несколько тысяч польских офицеров, взятых в плен русскими,

пропали без вести и что проводившиеся до сих пор розыски по дипломатическим каналам не привели к их обнаружению». На это следует сказать: «Тогда большевикам и в голову не пришло сказать, что польские офицеры попали в плен к нам. Было бы гораздо проще сказать: сожалею, я с удовольствием отдал бы 12 тыс. офицеров, но они были взяты в плен немцами тогда-то под Смоленском в лагере таком-то».

Несмотря на все демарши, так говорится далее в сообщении, их отыскать не удалось, хотя было сделано заверение, что эти интернированные офицеры были отпущены. На это следует возразить: «Значит, большевики говорят, что они были в трудовом лагере; поляки говорят, что они узнали от большевиков, что они были отпущены из лагеря для интернированных. До обнаружения поляки списали офицеров как «пропавших где-то в России». Теперь ведущая польская газета пишет: «Это страшное обвинение, возможно, является очередной попыткой немецкой пропаганды, направленной на то, чтобы нарушить польско-русские отношения. С другой стороны, судьба польских военнопленных в настоящее время неизвестна и дает повод к большой озабоченности польской общественности». На это мы можем только сказать: «На кого вы могли положиться!»

С предложением Берндтса официально пригласить для осмотра могил английских и американских полномочных представителей в Берне министр согласен. Между прочим, следует отметить заявление женевского Красного Креста, в котором было сказано, что женевский Красный Крест не интересуется мертвыми, а только живыми. Министр считает очень хорошим предложение полковника Мартина пригласить для осмотра массовых могил английских и американских военнопленных.

Министр рекомендует всю полемику, включая и внутри страны, с целью заинтересовать немецкую общественность, направить на эту тему и вести ее так тщательно, как это делали раньше евреи во время казни Якубовского, во время процесса над ложно обвиненным в государственной измене Буллерьяном и т. д., когда они месяцами скакали вокруг этих дел. Сначала нужно подождать все еще отсутствующего ответа Красного Креста на наше приглашение. За это время следует отвезти в Катынь известные личности, заявления которых об их впечатлении, хорошо взвешенные, нужно издать для мировой общественности. Наряду с отображением настроения вокруг Кракова и т. д. эти заявления должны быть также отмечены в немецкой прессе. Прежде всего следует обеспечить, чтобы в распоряжении имелся постоянно новый фактический материал; в особенности необходимо как можно скорее получить заявление польского комитета помощи и Красного Креста. Согласно данным вчера (Рёлленблегу) указаниям киносъемки теперь все-таки должны включаться в еженедельное обозрение. В прессе следует прежде всего показать, как в данном случае действовали евреи. Сначала они четыре дня пытались дело замять в надежде, что оно скоро снова забудется. Когда теперь они увидели, какие волны в мировой общественности поднимают наши открытия, они поняли, что было бы лучше что-то об этом сказать, причем, конечно, упустив до этого согласовать тему, о чем говорили лондонские евреи. Такого идеального случая соединения еврейского зверства с отвратительной еврейской лживостью мы еще не знали во всей военной истории; поэтому дни и недели напролет мы должны снова и снова с большим размахом вести наступление.

Конференция от 17 апреля 1943 г.

...В начале непосредственно конференции министр подчеркивает, что катынское дело приняло такой размах, которого он сначала не ожидал. Если бы мы теперь продолжали работать исключительно умело и точно, придерживались принципов, которые определены здесь на конференции, если бы мы далее позаботились о том, чтобы никто не выходил вон из ряда, то можно было бы надеяться, что нам удастся катынским делом внести довольно большой раскол во фронт противника...

Большой ошибкой, излагает далее тему министр, которую совершили большевики вчера, является та, что они заговорили об «археологических находках». Здесь международные комиссии приведут контраргумент и опровергнут эту бесстыдную ложь. Второй ошибкой было то, что они сказали, что речь идет о польских офицерах, попавших в немецкий плен, т. к. теперь поляки обращаются с многочисленными запросами даже лично к Сталину о местонахождении этих офицеров. Следует предположить, что польское эмигрантское правительство в Лондоне использует этот благоприятный случай нанести чувствительный удар Советам, которые не хотят признать их старую границу от 1939 г., и, таким образом, возникнет положение, которое при случае может стать заразительным.

В продолжительных рассуждениях лондонского радио на польском языке, например, между прочим, говорится: «Битва, которую ведет немецкая пропаганда в Катынском лесу и на весы которой она бросает свыше 10 тыс. убитых, может иметь большое значение для исхода войны, как какая-нибудь битва, в которой участвуют тысячи живых. Нельзя допустить, чтобы немцы выиграли эту битву. Этим мы не хотим сказать, что эту битву не следует вести и что в ее течение не следует вмешиваться. Для этого вмешательства имеется только один путь: цепь немецкой лжи может быть разбита только правдой». Это именно то, чего мы хотим! Мы заставили врага болтать и должны поддерживать эту болтовню путем выдвижения все новых утверждений. Так как теперь следует ожидать Международных комиссий, мы, естественно, не должны говорить наобум, а выдвигать только обоснованные утверждения.

Международный Красный Крест, приглашенный не только нами, но и поляками, не может более уклоняться от этого приглашения, иначе мы обрушимся на Красный Крест. Мы должны принять его очень вежливо, без всякой пропагандистской тенденции. Мы скажем: «Нам нужна правда!» Немецкие офицеры, **которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать.** Министр, между прочим, считает целесообразным, чтобы присутствовал кто-то из круга министерской конференции, чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться. Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста **все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии.** Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОКБ, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу.

По поводу вражеской клеветы, что наши данные о преступлении в Катыни являются пропагандистской битвой, нужно сказать следующее:

«Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды. Для нас, конечно, эти польские офицеры не являются вопросом главным и национальным. Нас касается только тот факт, что большевики не изменились, что об обновлении большевизма вообще не может быть никакой речи, что это те же кровожадные псы, которые набросились на русское дворянство, которые убили латвийское дворянство и латвийскую буржуазию — латвийских врачей, адвокатов и т. д., которые так страшно свирепствовали в Бессарабии, которые точно так же хотели свирепствовать в Финляндии — поэтому и поднялся этот маленький 2,5-миллионный народ, которые и в других частях Европы стали бы так же свирепствовать.

Первое, что бы они сделали, устранили бы выстрелом в затылок тех, кто хоть немного имеет в голове мозга, так, как это случилось с теми 12 тыс. польских офицеров и молоденьких прапорщиков».

Вообще нам нужно чаще говорить о 17—18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т. д., т. к. это действует особенно потрясающе.

Опубликованная на первой полосе газеты «Рейзон» телеграмма лондонского (бюро) Ю. П. (Юнайтед Пресс), согласно которой лондонское правительство призвало Международный Красный Крест расследовать исчезновение 10 тыс. офицеров, должна быть опубликована и в немецкой прессе. Впрочем, в изложении всего этого дела внутри страны мы не будем касаться внешнеполитических проблем. Было бы совершенно неправильно предполагать, что мы подавляем нашу заграничную пропаганду тем, что мы внутри страны включаем еврейский вопрос в катынское дело. И фюрер придает значение тому, чтобы еврейский вопрос был связан с катынским делом. Соответствующее указание для прессы было дано уже вчера в дневном пароле. Мы должны, как этому учит опыт периода до захвата власти, действовать с величайшим постоянством и, как репей, не отставать от противника...

По замечанию Раувейлера о том, что до сих пор не подхвачен тот факт, что и польское эмигрантское правительство обратилось к Красному Кресту, министр замечает, что этот факт может быть отмечен как внутри страны, так и в отношении заграничной прессы. Мы, конечно, это дело немножко подправим и понятие «польское эмигрантское правительство в Лондоне» опишем другими словами; однако сам факт мы должны огласить, подчеркнув: <Красный Крест как польской, так и немецкой стороной был приглашен на место действия большевистских преступников. Он не может уклониться от этого приглашения. Мы ждем теперь событий, которые должны наступить».

По отношению к англичанам мы нахально скажем: «Не врите столько, Красный Крест уже на пути в Катынь! Советское утверждение об «археологических находках» скоро не будет больше покупаться».

Берндт предлагает направить в Катынь комиссию из представителей всех европейских наций, которая затем должна будет составить общую декларацию. Министр считает это предложение хорошим и подчеркивает, что яркая антибольшевистская декларация произведет глубокое впечатление. Вообще отовсюду должны быть посланы полуофициальные личности или комиссии, лучше всего, конечно, Красный Крест или какие-нибудь благотворительные организации. Если Красный Крест и не подготовит никакой политической декларации, то их можно было бы сделать дополнительно. Вообще работы по раскопке и идентификации должны по возможности проводиться по мере надобности только тогда, когда туда прибывает какая-либо комиссия.

Хорошо также использовать изданное польским эмигрантским правительством в Лондоне коммюнике, в котором прежде всего имеется указание на публикацию в «Красной звезде» от 17 сентября о 10 тыс. польских офицеров. Значит, этим большевики сами признали, что польские офицеры находились в их власти. Далее указывается на проводившиеся позднее переговоры между Сталиным и Сикорским об освобождении пленных, во время которых Сталин заявил, что Советское правительство освободило всех польских офицеров. «А именно для массовой могилы» — так можно сказать на это. Польское правительство, говорится затем в конце, не получило ответа о судьбе офицеров и других пленных. «И это, — так можно в этой связи изложить, — несмотря на то, что Советское правительство «знало», что эти офицеры попали в немецкий плен. Но тогда они не сказали об этом своим союзникам; это они утверждают только теперь».

Очень подробно, снабдив комментарием, во внутренней и внешней прессе нужно изложить пункт [коммюнике]: «Мы привыкли к[о] лжи немецкой пропаганды, но после обстоятельных данных... мы хотим подключить Международный Красный Крест... и т. д.». Вместо «польского правительства» нужно, конечно, подобрать какое-нибудь другое выражение.

Глубокое впечатление, которое произвело все это дело на польский народ, необходимо изображать снова и снова посредством новых свидетельских показаний, передачи настроений из Кракова и т. д.

Министр снова обращает внимание на то, что снимки Катыни должны помещаться и в немецкое еженедельное обозрение.

Отлично использовать затем еще и стамбульское донесение, в котором сказано, что тамошний советский консул отказался обсуждать с представителем Ватикана вопрос обращения с военнопленными и что в этой связи Ватикан снова указал на то, что Московское правительство является единственным государством в мира, которое отказывается давать какие-либо сообщения о местонахождении военнопленных или пропавших без вести. Этим Московское правительство исключает себя из числа цивилизованных государств.

Конференция от 18 апреля 1943 г.

Министр подчеркивает, что катынское дело идет почти по программе. Как следует из радиоотчета, в Лондоне начинают беспокоиться о польской позиции, из которой вытекает, что польские эмигранты склонны скорее верить немецким данным, т. к. они уже и так считают себя обманутыми союзниками. Министр просит рассматривать катынское дело совершенно аполитично.

Директивы министра от 23 апреля 1942 г.

По делу Катыни хорошо использовать шведские голоса прессы из провинции (ЕД 84/85); в особенности подходит утверждение, что сегодня для поляков победа союзников является совершенно бесполезным делом и что их существование в таком случае ставится абсолютно под сомнение. Для дальнейшего обоснования убийства в Катыни ТО/КП 60 дает отличный материал. Там речь идет о 300 тыс. поляков, которые предположительно все еще находятся в Советском Союзе и отправка которых в Иран задерживается Советами со ссылкой на трудности с транспортом. Катынское дело предоставляет немедленную возможность высказать по отношению к Советам подозрение, выдвинуть обвинение в том, что и этих поляков они ликвидировали путем массовых расстрелов.

Директивы господина министра от 24 апреля 1943 г.

Очень важно не дать замолкнуть Катыни, поэтому донесения, связанные с Катынью, должны подогреваться и сегодня. Для этого отлично подходит фраза из сегодняшнего специального списка А 14, 2-я страница: «Немцы делают большую историю из убийства польских офицеров». (Напротив, политическую сторону этого сообщения британской официальной службы прессы мы использовать не можем, так же как мы, например, не станем подписывать декларацию исполнительного комитета американо-польского политического объединения.)

По вопросу ответа Международному Красному Кресту господин министр желает, чтобы действия были согласованы с фюрером. По предложению господина министра следует сказать, что передачу телеграммы с ответом рекомендуется дать не полным текстом, а только краткими выдержками в косвенной речи. Так же в косвенной речи следовало бы затем дать официальное весьма краткое изложение в комментарии. Последняя фраза этого комментария должна

была бы примерно звучать так: не годится большевиков привлекать в качестве экспертов, т. к. это примерно означало бы, что уличенного убийцу привлекают в качестве эксперта на совещании по вынесению ему приговора.

Таким образом, участие Советов может быть допущено только в роли обвиняемого.

Между прочим, господин министр просит в возможных комментариях ни в коем случае не делать выпадов против Международного Красного Креста; комментарии могут быть даны таким образом, что каждый немецкий читатель поймет и без этих выпадов его позицию.

Сообщение на ЕД 56 от вчерашнего дня о новой находке массовых захоронений под Одессой господин министр просит пока отставить, покуда в этом деле не прояснится больше, оно станет лишь отвлекать, а не усиливать Катынь.

Директивы господина министра от 25 апреля 1943 г.

Новых массовых могил под Одессой мы в сообщениях не будем касаться, следует подождать дальнейшего продолжения дела, тем более что в соответствующем донесении из Бухареста не значится, что ранее чем в середине этой недели следует рассчитывать на конкретные подробности. Пока не будет достаточно хорошо подготовленного материала по этому делу, новые находки способны только отвлечь от катынского дела в пользу Советов.

Конференция от 26 апреля 1943 г.

Министериаль диригент д-р Браувейлер знакомит с указаниями министра по обращению с имеющимся информационным материалом.

Вопросом, который теперь необходимо прояснить, Браувейлер называет находку трупов под Одессой, которые, по-видимому, являются убитыми возвращенцами из Бессарабии и Буковины. Министерством иностранных дел обращено внимание на то, что во вторник могила была вскрыта; однако, по сообщению немецкого консула, в Одессе раскопки начались уже 23 апреля. Очевидно, на место раскопок прибыли уже некоторые представители прессы. Теперь стоит вопрос, как следует поступить с этим делом, не нарушая катынского дела.

Конференция от 27 апреля 1943 г.

...Указав на заявление Международного Красного Креста в Женеве, согласно которому он готов принять участие в расследовании дела в Катыни, если об этом попросят все участвующие в этом деле, а значит, и Советы, статс-секретарь подчеркивает: это заявление следует использовать как повод, в особенности в службах на иностранных языках, чтобы постоянно кричать большевикам: «Где же ваше приглашение Красному Кресту? Почему вы не участвуете в том, чтобы этот якобы немецкий пропагандистский трюк был разоблачен?» Так как Министерство иностранных дел в субботу было еще против этой полемики, этот вопрос должен быть обсужден с МИДом еще раз.

Сообщения о доставке иностранных ученых в Смоленск не следует помещать до того, как будет готово заключение, т. к. иначе существует вероятность, что целый ряд государств откажется от своих приглашений.

Директивы господина министра от 27 апреля 1943 г.

...Каковым бы ни было указание фюрера, мы ни в коем случае не должны себя даже в малейшем показывать злорадными. Наоборот, мы должны даже отражать подозрения, что мы якобы изобрели катынское дело, чтобы вбить клин в неприятельский фронт.

Конференция от 28 апреля 1943 г.

В продолжительной речи министр занимается вопросом развития катынского дела и вытекающими из него последствиями для нашей информационно-пропагандистской службы. В частности, министр говорит по этой теме следующее:

«Мы должны теперь в трактовке катынского дела и связанного с ним разрыва между Советским правительством и польским эмигрантским правительством оперировать с большой осторожностью. Вся информация, которая дается по этому вопросу, должна быть прежде согласована со мной. Все дело протекает чрезвычайно счастливо для нас и может при случае повлечь за собой последствия, которые сейчас совершенно нельзя себе представить. Все это дело является не просто делом так называемой пропаганды ужасов, но оно развилось в государственную акцию высокой политики. По обстоятельствам будет необходимо по ходу событий менять нашу тактику. Мы должны попытаться теперь при соответствующих данных проявить гибкость и ни при каких обстоятельствах не иметь застывшей точки зрения. В настоящий момент кажется наиболее лучшим как во внутренней, так и во внешней политике не проявлять абсолютно никакого интереса к разногласиям между Москвой и польским эмигрантским правительством в Лондоне, которые при случае могут превратиться в разногласия между Лондоном и Вашингтоном, — Лондон при этом стоит больше на стороне Советов, а американцы на стороне поляков. Это тем более подходит к нашей общей линии, [потому] что мы все равно не признаем польского эмигрантского правительства, за что на нас всегда накладывали некий гандикап. Мы не должны снова впадать в ошибку, которую мы совершили тогда, при разработке дела Жиро — де Голль, когда мы, к сожалению, слишком показали свое злорадство и этим значительно способствовали тому, чтобы заделать трещину. Мы теперь даем лишь сообщения, которые мы должны дать, чтобы до некоторой степени удовлетворить обязанности летописцев и потому что иначе мы бы себя слишком разоблачили противнику. Однако мы отказываемся от одной позиции. Ни при каких обстоятельствах мы не должны начинать дела Каторки (Здесь ошибка. Речь идёт о местечке Татарка), так как тогда, естественно, перекроется катынское дело, тем более что делом Каторки никогда не вызвать разногласий среди союзников. Хотя воздействия катынского дела на стороны союзников в полной их мере необозримы, однако чрезвычайные возбуждение и нервозность в английской прессе указывают на то, что оно гораздо больше, чем это может внешне казаться».

Конференция от 29 апреля 1943 г.

...Попытки союзников оказать давление на поляков, чтобы они отказались от катынского дела, могут быть использованы для полемики, главным образом с заграницей.

Конференция от 30 апреля 1943 г.

При трактовке катынского дела следует придерживаться уже известных директив. Мы должны и в дальнейшем ограничиваться тем, чтобы представлять события в хронологическом порядке. Министр считает целесообразным задать теперь вопрос: «Как вы, собственно, пришли к тому, чтобы бросить нас в один горшок с поляками и выставить абсурдное утверждение, что мы установили связь с Сикорским? Вы же делаете себя смешными! Если евреи в Кремле

выдумывают такую сказку, то это знаменательно для того душевного состояния, в котором сейчас находятся советские властители». Подобным же образом мы можем также защитить себя от нападок в статье «Гитлеровские палачи и польское правительство», появившейся в газете «Роте штерн». Красный Крест (имеется в виду Общество Красного Креста и Красного Полумесяца. — **Ред.)** мы в полемике по возможности выпустим из игры.

Чрезвычайно важным является сообщение, в предисловии к которому сказано: «Юнайтед пресс» на основании исследований своего лондонского бюро доверительно сообщает, что едва ли можно рассчитывать на ноту Польского правительства Красному Кресту». Для нас существенным в этом сообщении является пункт, в котором говорится, что надеются суметь замолчать катынское дело и таким образом без шума похоронить его; в то же время надеются, что в случае общего молчания немецкой пропаганды ей можно дать нахлобучку.

Здесь нам снова предоставляется случай направить внимание немецкой и мировой общественности на евреев, высказав следующее:

«Теперь евреи снова придумали махинацию! Снова они действуют своими давно известными методами: замалчивать вещи, которые им не подходят. Еврейское агентство прессы, придумавшее эту махинацию, довольно дерзко и нагло, в открытую признает намерение евреев убить молчанием и похоронить без шума катынское дело, после того как уже было разбито столько фарфора. Это чисто по-еврейски. Таким путем думают затушевать исчезновение 12 тыс. польских офицеров». Соответствующий пункт должен быть включен сегодня в лозунг дня. В остальном мы должны твердо держаться наших утверждений, что многие другие поляки в Советском Союзе, которых еще разыскивают, само собой разумеется, лежат в советских массовых могилах с простреленными затылками.

«Лучшим средством доказать несостоятельность немецких утверждений, — пишет «Дер бунд», — было бы, если русские перед всем миром дали бы промаршировать тем полякам, которые значатся в списках Катыни мертвыми». На это мы можем только заявить: «Совершенно верно! Это нужно когда-нибудь сказать большевикам!»

ЦГА СССР, ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 — 29, пер. с нем.

***

Опубликованные документы убедительно показывают, на наш взгляд, самые разнообразные, порой казуистически тонкие методы и приемы воздействия геббельсовской пропаганды на международную общественность.

Плоды этой работы мы пожинаем и сегодня. В этой связи является несомненным, что истину можно восстановить, только изучив всю массу документов, хранящихся как у нас, так и за рубежом. Публикуя советские и трофейные немецкие документы, относящиеся к катынскому делу, мы предоставляем возможность широкому кругу читателей принять участие в поисках правды.

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ АКТ

Сим свидетельствую, что в 1942 году я посылала письма из г. Кнышин некоему доктору Ляточу, уроженцу дер. Бобровца, проживавшему и имевшему практику в Варшаве. Я читала также письма, которые он писал своей сестре, бывшей моей соседкой.

По истечении некоторого времени я нашла его фамилию в числе погибших в Катыни в газете «Новы Час», издававшейся в Белостоке.

Таких случаев было очень много, и мы хорошо знаем, что представляет собой огромная ложь немцев относительно Катыни в СССР. Мы, поляки, хорошо знакомы с немецкой Катынью. Недалеко от нашего местечка, в лесу у д[ер]. Новоселки немцы зверски замучили 1500 матерей и детей. В 1944 году, в июне м[ея]це, немцы, видя приближение советских войск, отрыли трупы замученных и сожгли их, пытаясь этим замести следы своей «культуры». Они привлекли для этой работы людей из трудового лагеря в Кнышине.

Таких Катыней в Польше тысячи, и мы хорошо понимаем, как нам судить о Катыни в СССР.

Пусть теперь невинная кровь тысяч поляков, которую скрывала, на которую миллионы раз клеветала немецкая пропаганда, послужит свидетельством о сущности пресловутой «высокой немецкой культуры». Пусть Катынь польских офицеров в СССР и Катынь невинных детей в Польше навсегда останутся в истории незабываемой и никогда не прощаемой обидой, нанесенной немцами всему польскому народу.

23.8.44 г.

ПЕХОЦКАЯ Анна

Акт подписал также

ОСТРОВСКИЙ Мечислав

Показания военнопленных солдат-поляков германской армии,
находящихся в специальном лагере № 24,
о Катыни

ПОТКАНСКИЙ ЭДВАРД. Поляк. Домашний адрес: Варшава, ул. 11 Листопада, 72, кв. 43. По профессии — маляр. До 1943 года работал в Творках. Самовольно оставил работу из-за низкой заработной платы. 8 июня 1943 года во время облавы на улице Велькая (Варшава) был схвачен и направлен в строительный батальон, в Россию, в Красный Бор близ Смоленска. В Красном Бору работал сапожником. 20 сентября 1943 года вместе с Ковальским Романом (см. его показания ниже) сбежал и прятался до прихода частей Красной Армии. Был задержан офицером Красной Армии и направлен во фронтовой лагерь № 24.

Показал: «В разгар катынской кампании я был в Польше. Гитлеровская польская газета «Курьер Варшавский» заполняла целые страницы фамилиями польских офицеров, будто бы замученных большевиками в Катыни. С больших предприятий в Катынь посылались делегаты, которые по возвращении должны были рассказывать о зверствах большевиков. Таких же представителей немцы посылали даже из концлагерей. Это были польские офицеры.

Многие делегаты, возвратясь из поездки, рассказывали обратное тому, что хотелось гитлеровцам. Вскоре эти делегаты были арестованы и пропали без вести.

На стенах домов появились надписи: «Катынь — дело рук гестапо». Такие надписи можно было прочесть на Новогрудской, Маршалковской и других улицах.

На скамейках в Саском саду были приклеены записи, в которых сообщалось, что убийцами лольских офицеров в Катыни являются немцы. Поляки говорили о Катыни как о новом злодеянии немецких разбойников.

Что касается меня, то я убедился в этом следующим образом: у моего брата Потканского Леона, проживающего в Пружкове, ул. Марьянская, дом № 13, был приятель — польский офицер Марьян Рудковский, проживавший в Варшаве,

Обращение к населению.

Кто может дать данные про массовое убийство совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи Горы около шоссе Гнездово—Катыи?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездово в Козьи Горы или

кто видел или слышал растрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово в немецкую полицию дом № 105 у вогзала.

3 май 1943 г.

Фосс
Лейтенант полевой полиции

ПОВЕСТКА №_____

29 апреля 1943 г.

Гр-ну Зубарев Иван

проживающему Краснофлотская ул. д. 12

Предлагается Вам явиться в стражу г. Смоленска, Крепостная ул. № 11 к 3 часам 30 апреля 1943 г.

в 4 отдел, комн. № ___ к следователю

При себе иметь паспорт.

Зубарев арестован. Была задержана в гестапо. Под арестом с 29 апреля 1943 г.

Следователь

в Праге. В 1942 году немцы арестовали его и заточили в концлагерь в Освенциме.

6 недель спустя жена офицера Марьяна Рудковского получила из Освенцимского концлагеря одежду мужа и извещение о его смерти. Кроме того, ей предлагали, если она хочет иметь пепел своего мужа, выслать по указанному адресу 500 злотых.

Когда началось катынское дело, жена Рудковского нашла имя своего мужа в списках польских офицеров, «замученных большевиками в Катыни». Тогда она отправилась в гестапо с тем, чтобы узнать, где же в самом деле погиб ее муж. В гестапо жена Рудковского была задержана и домой больше не возвратилась.

13 июня 1943 года, в день нашего приезда в Красный Бор, нас спросили, кто хочет посмотреть могилы польских офицеров в Катыни. Согласились все вновь прибывшие — 20 человек. Нас посадили в машину и отвезли в Катынь. Могилы были зарыты. Но там валялось много разных вещей, принадлежащих убитым офицерам, польские деньги (совсем новые) и другие вещи. Мы незаметно брали что-нибудь из этих вещей себе на память. Так, я нашел медальон и 100-злотовую бумажку.

Возвратясь к себе в казармы, мы, поляки (а в строительном батальоне были только поляки), стали обсуждать, кто убил польских офицеров в Катыни. Разговор был оживленный, Я тоже рассказал случай со знакомым офицером Марьяном Рудковским. Тогда десятник этого батальона Виски Эдвард вызвал меня из дома и сказал, что я, не зная людей, поступаю неосторожно и что со мной может быть то же, что с шофером-поляком этого же батальона по фамилии Лепянко, который сказал, что польских офицеров в Катыни расстреляли немцы, за что он бып арестован и расстрелян».

3-й Белорусский фронт, № 17392 н/с

СЕКРЕТНО
Управление генерал-губернаторства Телеграфный отдел
Телеграмма № 6
Отправитель: Варшава, 3 мая 1943, 17.20,
Отдел внутренней администрации Варшавы

НЕКРОЛОГОМЕТАЛЛ
Наш Великому Сталинскому Выполнению
Промстрахкасса
Смоленской обл.
СМОЛОБЛПРОМКАССА
5 февраля 1947 г.
№ 5

С П Р А В К А.-

Промстрахкасса по Смоленской области настоящим удостоверяет, что район "Козьих гор" и прилегающик к нему Катынского леса и Красного Бора являлся местом организации пионерских лагерей, принадлежавших системе Промстрахкассы по Смоленской области.

Последний раз пионерский лагерь в этом месте был организован летом 1941 года и был ликвидирован в связи с занятием немцами города Смоленска в июле 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОРГБЮРО ПРОМСТРАХКАССЫ
по СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОСЬМИНА)

Получатель: Управление генерал-губернаторства, Главный отдел внутреннего управления, Главному административному советнику Вайраух — Краков.

ВЕСЬМА ВАЖНО

НЕМЕДЛЕННО

Секретно: Часть польского Красного Креста вчера из Катыни возвратилась. Служащие польского Красного Креста привезли гильзы патронов, которыми были расстреляны жертвы Катыни. Оказалось, что это немецкие боеприпасы калибра 7,65 фирмы Геко.

Письмо следует Хайнрих

Передано: из Варшавы. Фидлер. **Принял:** Сидов

Перевел капитан (Гришаев)

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 114, д. 38, л. 1.

Публикацию подготовили А. С. ПРОКОПЕНКО, директор Центрального государственного архива СССР;
А. С. СУХИНИН

№4 1991 ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ «БАБИЙ ЯР ПОД КАТЫНЬЮ?»

Справка комиссии под руководством Н.Н. Бурденко

В № 11 вашего журнала за 1990 год опубликовали первые четыре раздела из Справки комиссии под руководством Н. Н. Бурденко о результатах предварительного расследования так называемого «катынского дела». По многочисленным просьбам читателей мы печатаем последующие разделы этой Справки.

Сов. секретно

Справка о результатах предварительного расследования так называемого «катынского дела»

V

Как немцы весной 1943 года готовили свою провокацию о могилах польских офицеров в Катынском лесу.

Расстрел немцами военнопленных поляков просто являлся, как сказано выше, одним из звеньев в их политике физического уничтожения «неполноценных» славянских народов.

Осенью 1941 года немцы не чувствовали политической необходимости заняться провокационными измышлениями о «катынском деле». Но если они и пожелали бы этого, то практически не смогли бы в тот период начать провокацию: надо было выждать время для того, чтобы трупы, захороненные в Катынском лесу, достаточно разложились и имели вид давно захороненных в соответствии с принятой немцами версией.

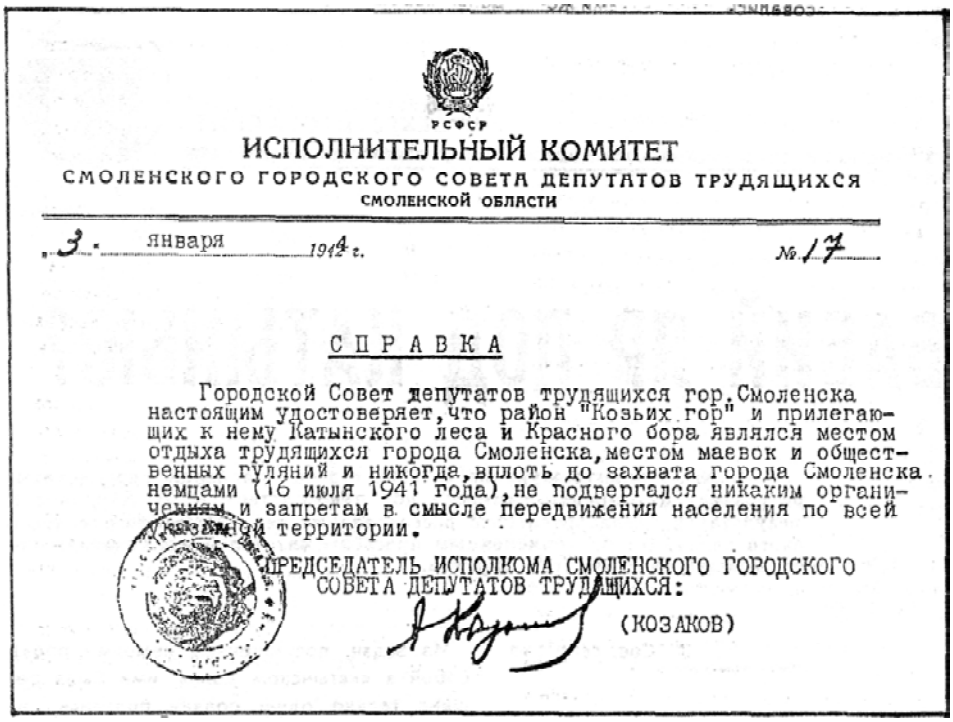
Зимой 1942/43 г. обстановка на фронтах изменилась не в пользу немцев, со дня на день усиливалась военная мощь Советского Союза, крепло единение СССР с союзниками. Немцам надо было постараться вбить клин между СССР и союзниками, как-нибудь опорочив для этой цели Советским Союз и, кстати, поссорить поляков с русскими.

Из задач, поставленных немцами перед собой в «катынском деле», ими была решена только одна: поляки попались на удочку Гитлера, и польское правительство под воздействием прогитлеровских элементов среди поляков взяло линию на оказание помощи Гитлеру в «катынском деле», что, как известно, привело к разрыву договорных отношений между правительством СССР и польским правительством Сикорского.

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы в первую очередь занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать требуемые показания о том, что военнопленные польские офицеры в Катынском лесу весной 1940 года расстреляны большевиками.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всего к даче в Козьих Горах крестьянин Киселев Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему якобы известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в Козьих Горах расстреляли военнопленных поляков.



РСФСР

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

3. января 1944 г. № 17

СПРАВКА

Городской Совет депутатов трудящихся гор.Смоленска настоящим удостоверяет,что район "Козьих гор" и прилегающих к нему Катынского леса и Красного бора являлся местом отдыха трудящихся города Смоленска,местом маевок и общественных гуляний и никогда,вплоть до захвата города Смоленска немцами (16 июля 1941 года),не подвергался никаким ограничениям и запретам в смысле передвижения населения по всей указанной территории.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ:

(КОЗАКОВ)

Киселев тогда дать ложные показания отказался, и его отпустили, предупредив, что вызовут еще.

Действительно, в феврале 1943 года Киселев был снова вызван в гестапо. Об этом на допросе 9 октября 1943 года он показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо...

После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке Козьих Гор расстреляли польских офицеров, и спросил меня, какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что

вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в Козьих Горах, да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как Козьи Горы совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень... Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания. Офицер убеждал меня, заявляя: «Германия ведет борьбу с большевизмом, и мы должны показать русскому народу, какие большевики звери...»

Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишете, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», Киселева заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией».

Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало Киселева и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Показания Киселева П. Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой Киселевой Аксиньей, 1870 года рождения, сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования, произведенного 25 декабря 1943 года Комиссией в составе капитана медслужбы Цветкова, капитана медслужбы Шканаевой и врача Журавлевой.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от Козьих Гор.

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово Иванов С. В., дежурный по станции Савватеев И. В. и другие (В деле имеются также показания и этих свидетелей о том. что путем избиений и угроз немецкими властями от них были получены свидетельства о расстреле польских военнопленных органами НКВД).

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные им ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области Игнатюка Е. Л., немцы упорно путем угроз и избиений добивались от него дать показания о том, что он якобы являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е. Л., 1903 года рождения, на допросе от 29 декабря 1943 года показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Алферчика, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Алферчик на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером. Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жоржем, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и Алферчик требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания Алферчик обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае Они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь Александров, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и Алферчик, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы известно».

Таким образом, в результате поисков немцам удалось избиением и угрозами добиться ложных показаний фактически от одного упомянутого выше Киселева П. Г., которого они заставляли неоднократно выступать перед «делегациями», посещавшими по приглашению немцев раскопки катынских могил.

Показания Киселева о том, как происходили эти «выступления», приведены выше.

Фамилии других «свидетелей» немцы в своих сообщениях полностью не приводили, обозначая их фамилии одной буквой, очевидно, для того, чтобы они не были сразу же разоблачены населением г. Смоленска и окружающих деревень, как лица, явно подставленные немцами.

Так, например, в сообщении германского информбюро от 17 апреля 1943 года говорилось:

«Вместе с Киселевым в правильности этих слов клянутся и другие добровольно дающие свои свидетельские показания против большевистских зверей. Это Иван Г., Матвей С, Григорий С, Иван А. и др.».

Так как поиски достаточного количества «свидетелей» не увенчались успехом, немцы вынуждены были расклеить по городу Смоленску и деревням специальные объявления с приглашением за «вознаграждение» дать «показания» о «катынском деле», надеясь таким путем найти подходящих для себя лиц из числа предателей и изменников Родины.

В распоряжении Комиссии по расследованию имеется подлинный экземпляр такого объявления, текст которого гласит: «Обращение к населению

Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи Горы около шоссе Гнездово — Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездово в Козьи Горы или

Кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом? Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица, 6, в Гнездово в немецкую полицию, дом № 105 у вокзала.

ФОСС,

лейтенант полевой полиции 3 мая 1943 года»...

Аналогичное объявление было помещено также в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы широко обещали крупное вознаграждение за дачу нужных им показаний по «катынскому делу», показали опрошенные Комиссией Соколова О. Е., ныне секретарь отделения Смоленского военторга, Пущина Е, А., Бычков И. И., Бондарева А. А., Устинов Е. Ф. и многие другие жители г. Смоленска и окружающих деревень.

Наряду с поисками «свидетелей» немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды трупов всех случайно сохранившихся документов, датированных позже апреля 1940 года, т. е. той даты, когда согласно немецкой версии поляки были расстреляны большевиками; к изготовлению и вкладыванию в одежду трупов новых документов, подтверждающих дату расстрела или удостоверяющих личности польских офицеров, и т. д.

Как установлено расследованием, для этой цели немцами были использованы около 500 русских военнопленных, специально отобранных из числа наиболее физически здоровых, содержавшихся в немецком лагере № 126, расположенном в г. Смоленске.

По этому вопросу Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями и заявлениями, из которых в первую очередь заслуживают внимания показания и заявления врачебного персонала лагеря № 126.

Так, например, врач Чижов А. Т., в дни оккупации немцами г. Смоленска работавший военнопленным врачом в лагере № 126, а ныне работающий врачом ППГ-725, показал на допросе 16 октября 1943 года:

«Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126 из числа наиболее физически крепких пленных было направлено несколько партий пленных общим количеством до 500 человек якобы на окопные работы. Но впоследствии никто из этих пленных в лагерь не возвратился...»

Врач Хмыров В. А., также работавший при немцах в лагере № 126, а ныне врач ППГ-725, на допросе 21 октября 1943 года показал:

«Кроме того, мне известно, что примерно во 2-й половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из лагеря № 126 было отправлено *в* неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправлялись они партиями по 60—80 человек. Отправка этих пленных проводилась на якобы окопные работы, в связи с чем отбирались физически полноценные люди...».

Ленковская О. Г., медсестра Смоленской инфекционной больницы, на допросе 22 октября 1943 года показала:

«...В феврале или марте мес[яце] 1943 г., в лагере № 126 немцами было отобрано около 500 наиболее здоровых военнопленных и партиями направлено куда-то. Немцы говорили, что их направляют на окопные работы.

Из этого количества людей ни один в лагерь не возвратился...».

Аналогичные показания дали медсестра инфекционной больницы Тимофеева А. И., работавшая при немцах медсестрой в лагере № 126, сотрудница Катынской больницы Орлова П. М., кучер Красноармейского райисполкома г. Смоленска Кочетков В. Е., гр[аждан]ка г. Смоленска Добросердова Е. Г. и др.

Судьба этих военнопленных оказалась трагической: чтобы замести следы своей подлой работы и скрыть концы в воду, всех их расстреляли.

Об этом говорит тот факт, что по показаниям указанных выше свидетелей, врачей и медсестер, работавших в лагере № 126, никто из отобранных военнопленных не вернулся в лагерь, хотя обычно взятые для работ военнопленные в лагерь возвращались.

Кроме того, факт расстрела указанных военнопленных с неопровержимой ясностью доказывается показанием гр[аждан]ки Московской.

Гр[аждан]ка Московская Александра Михайловна, проживавшая на окраине г. Смоленска по Ново-Московской улице, в доме № 6 и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 года заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, 18 октября 1943 года показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее.

Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Хатынский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Часть военнопленных была занята тем, что откуда-то по ночам возила сотни трупов, которые складывались в могилы вместе с ранее выкопанными трупами. Для этой цели ямы расширялись.

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись. Кормили плохо.

Егоров говорил о своих переживаниях, об ужасных ощущениях, когда возишься с трупами, дышишь их запахом. Он с ужасом думал, что не выдержит и сойдет с ума, и твердо решил при первом удобном случае бежать, о чем договорился с другими военнопленными, близкими товарищами по лагерю. Их было вместе с ним 5 человек. Они тщательно присматривались к обстановке, пытаясь найти возможность использовать какой-нибудь промах охраны и бежать. Однако это не удавалось.

Лишь в самую последнюю, в самую страшную ночь он бежал один. Дело было так:

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать. Обессиленные, изголодавшиеся, они лежали группами на земле

возле того места, которое было отведено им в Катынском лесу «для отдыха».

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Создалась крайне напряженная обстановка, военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы. Напрягая силы, ему удалось скрыться от преследования.

Два или три дня Егоров скрывался в лесу. Видел неподалеку деревню, но не решился туда зайти, учитывая, что в окрестных селениях его будут особенно усиленно разыскивать. Потом ночью вышел из леса и пробрался в Смоленск.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жаль, и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился, сказав, что ему нельзя задерживаться и что он не хочет подвергать меня опасности, так как немцы, обнаружив его у меня на квартире, могут меня также расстрелять. Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии или уйти к партизанам.

На прощанье Егоров сказал, что никогда не забудет меня и после войны, если будет жив, обязательно приедет в гости. Но в этот вечер. Егоров не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день-два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть.

Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседи — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

В связи с обнаружением в сарае Московской военнопленного Егорова она вызывалась в гестапо, где ее обвинили в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдал, она была выпущена из гестапо...

Факт завоза в катынские могилы в большом количестве трупов, расстрелянных немцами в других местах, подтверждается также показаниями инженера-механика Сухачева П. Ф. и бывш[его] полицейского Егорова В. А.

Сухачев П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван, он 20 октября 1943 года показал:

«...Как-то раз на мельнице во 2-й половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофером, слабо владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день в десятом часу вечера мы выехали на шоссе Смоленск—Витебск. Нас в машине было дзое — я и немец шофер. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23-м километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было несильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор, наша машина осталась на колесах, я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Еще не доходя до нее, меня поразил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. **Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму. Трупы были, видимо, основательно разложившимися, так как издавали, как я уже сказал, сильный специфический запах.**

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подъехали еще две грузовые машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот так же тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше.Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах.

Раздумывая об этом случае позже, после того как немцы начали известную кампанию о «катынском деле», я решил, что, очевидно, немцы расстреляли военнопленных поляков не только в Катынском лесу, а и в других местах, а затем, организуя катынскую провокацию, стали трупы всех расстрелянных ими поляков свозить в одно место, в Козьи Горы, может быть, потому, что в Козьих Горах, как известно, находился дом отдыха НКВД, что в глазах немцев придавало правдоподобность их версии о том, что расстрел поляков — «дело рук НКВД».

Показания Сухачева объективно подтверждаются показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, 1924 года рождения, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров 15 декабря 1943 года показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссейных дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по нескольку человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка Головневу Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держать язык за зубами», и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания Яковлев-Соколов Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш[ий] агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытые брезентом грузовые автомашины, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трупный запах,

VI

Организация немцами агитационной кампании «о зверствах большевиков над военнопленными поляками»

В апреле 1943 года, закончив проведение всех «подготовительных работ», считая, что все «доказательства» собраны, все учтено и все меры приняты, немцы приступили к широкой кампании в печати и по радио, пытаясь обвинить Советскую власть в совершении зверств над военнопленными поляками.

В этих целях как один из методов агитации немцы применяли организацию поездок и «экскурсий» в Катынский лес на осмотр катынских могил как жителей города Смоленска и его окрестностей, так и «делегаций» из стран, оккупированных немцами или находившихся в вассальной зависимости от них.

Как правило, «экскурсия» местного населения проходила следующим образом. Сотрудникам различных учреждений г. Смоленска предлагалось в определенный день в обязательном порядке поехать в Катынский лес, для чего немцами предоставлялись автомашины или поезда до станции Гнездово.

По прибытии в Катынский лес экскурсантам предварительно показывались находящиеся в особом помещении в ящиках под стеклом различные «документы», якобы изъятые из одежды расстрелянных в Катынском лесу польских военнопленных: письма, фотографии, польские деньги, польские ордена и медали.

Затем, выстроив экскурсантов в шеренги по 3 или 4 человека, их проводили вокруг могил, не давая им останавливаться. Иногда при этом кто-либо из немцев через переводчика «объяснял», что в ямах лежат «замученные большевиками польские офицеры».

Все допрошенные участники экскурсий в своих показаниях единодушно указывают на тот факт, что виденные ими трупы польских офицеров очень хорошо сохранились: сохранилась одежда, обувь, кожные покровы, волосы и проч. Поэтому, по их убеждению, трупы не могли находить-ся в земле тот длительный срок, о котором говорили немцы (3 года)...

Телефонистка Смоленского отделения связи Щедрова М. Г. на допросе 3 декабря 1943 года показала:

«Нас построили в ряд и повели к раскопанным ямам. Я осмотрела две ямы, причем немцы долго останавливаться не разрешали, а можно было смотреть трупы, проходя мимо ям. Трупы лежали в ямах рядами, на земле около ям и на стоявших недалеко от ям столах. Я обратила внимание на то, что трупы хорошо сохранились. Одежда на них была военная, шинели, сапоги или ботинки, которые также хорошо сохранились и имели довольно прочный вид. Пуговицы и пряжки от ремней были слегка поржавевшие, однако сохраняли блеск. У некоторых трупов руки были перевязаны веревкой, но какой, я рассмотреть не успела. После осмотра трупов у меня создалось твердое убеждение в том, что немцы сами расстреляли поляков и с целью опорочить Советскую власть и скрыть свои преступления начали демонстрировать «катынские раскопки»...

Зубков К. П., 1908 года рождения, на допросе 18 ноября 1943 года показал:

«Лежавшие около ям на земле трупы были частично раздеты, без шинелей, в гимнастерках, брюках и в обуви.

Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни были довольно хорошо сохранившимися, и даже местами серо-зеленый цвет шинели был отчетливым. В отдельных случаях сапоги, голенища которых были в виде лакированных, сохраняли свой блеск. Металлические части одежды, пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках, котелки и прочее имели нерезко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла.

Веревки, которыми были связаны руки, сохранились хорошо, были витые, светло-желтого цвета. Распустившийся конец одной из таких веревок давал повод считать, что веревка сделана из бумаги, по-видимому, немецкого происхождения, так как бумажные веревки в Советском Союзе не делаются.

Ткани тела трупов, доступные осмотру, лица, шеи, рук, имели преимущественно грязно-зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязно-коричневый, но полного разрушения тканей гниением не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и части мышц. В ряде случаев в головах трупов в области затылка или лба были видны круглые отверстия, сходные с отверстиями пулевых ран, и в тех случаях гниение тканей было выражено сильнее.

Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивая их за руки, за ноги и одежду с места на место. При этом они действовали довольно грубо и решительно, но ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались или отрывались их отдельные части, это указывало на сохранность и прочность тканей тела и одежды. Учитывая все вышеизложенное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле не три года, как это утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение протекает быстрее, чем в одиночных, и тем более без гробов, что одежда и металлические части в таких случаях тоже менее устойчивы, и сопоставляя «выставленный» немцами срок давности события три года с тем, что удалось обнаружить на месте раскопок, я пришел к выводу, что массовый расстрел был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к периоду осени 1941 года или весны 1942 года.

В результате посещения раскопок я укрепил мое твердое убеждение, что совершенное массовое злодеяние — дело рук немцев.

Я делился своим мнением среди близких мне врачей, среди которых был врач Шепетков Леонид Александрович,

проживавший в то время в г. Смоленске и работавший вместе со мной. Он высказывал свои суждения по этому поводу, которые совпадали с теми доводами, которые высказывал и я».

Аналогичные показания дали: житель дер[евни] Ворок Алексеев М. А., житель дер[евни] Новые Батеки Кривозерцев М. Г., дежурный по станции Гнездово Савватеев, гражданка г. Смоленска Пущина Е. А., врач 2-й больницы г. Смоленска Сидорук Т. А., врач той же больницы Кесарев Т. А., житель г. Смоленска Бычков И. И., работник смоленского духового оркестра Трыкин М, И., учитель Смоленской школы Хацкевич С. В., сторож станции Смоленск Чумак А. С, жительница г. Смоленска Бондарева А. А., сотрудница Смоленского телеграфа Шмидре М. А., врач г. Смоленска Соболев А. В. и многие другие.

Для осмотра катынских могил немцы по специальному выбору привозили в Смоленск «экскурсантов» из всех оккупированных ими областей, в частности с Украины.

В г. Нежине Черниговской области УССР арестован один из участников такой экскурсии — Симоненко Д. С., 1913 года рождения, работавший некоторое время у немцев надзирателем в нежинской тюрьме.

На допросе Симоненко показал:

«В г. Смоленск я выезжал в качестве члена «украинской делегации», которая по заданию немецкого командования ездила для обозрения могил в Катынском лесу... После приезда в г. Смоленск мы сразу же были отвезены в дом пропаганды... В доме пропаганды нам отвели три комнаты для ночлега и организовали ужин с выпивкой... На второй день после завтрака, сопровождавшегося выпивкой, нас на грузовой машине повезли в Хатынский лес...»

После того как в Катынском лесу «украинской делегации», и Симоненко в том числе, были показаны несколько трупов и в ящике под стеклом различные польские документы, их снова отвезли в Смоленск, устроили банкет с выпивкой, а затем отправили поездом в г. Нежин с предложением вести агитацию среди населения о том, что «большевики в 1940 году расстреляли 12 тысяч безоружных польских офицеров, а немецкое командование это дело вскрыло».

Для доказательства этого Симоненко была вручена пачка фотоснимков, на которых были засняты могилы в Катынском лесу, трупы, некоторые польские документы и проч.

По возвращении в Нежин всей «украинской делегации» опять был устроен банкет с обильной выпивкой.

Так, обрабатывая «делегатов» банкетами с вином, немцы пытались с их помощью заставить население оккупированных областей поверить в «большевистские зверства».

При этом немецкие пропагандисты, инструктируя своих помощников, почему-то забывали рассказать им, кем же и при каких обстоятельствах были обнаружены трупы польских военнопленных. Чтобы ликвидировать этот пробел, мы приводим еще два документа.

Ковальский Роман. Поляк. Работал в мастерской хозяина, поляка Рудничного, до 5 апреля 1943 года. Во время облавы был задержан на улице Варшавы и, так как не имел трудовой книжки (потому что работал в частной мастерской поляка), был схвачен и замкнут в комнате на бирже труда. Просидев там два дчя, был посажен в вагон и отправлен в строительный батальон, в Красный Бор, в Россию, близ Смоленска. 20 сентября вместе с Потканским (см. его показания выше) сбежал и спрятался до прихода частей Красной Армии. На Витебском шоссе был задержан и отправлен в лагерь военнопленных № 24.

Показал. «Началось это так: несколько русских военнопленных под конвоем немецких солдат были посланы в Катынский лес за песком. Копали песок, а выкопали несколько трупов польских офицеров. Я думал, что это было устроено нарочно, так как немцам нужно было, чтобы эти трупы обнаружили не сами немцы. Шофер-поляк по имени Казик (фамилии его я не знаю), который был при этом открытии, возвратился в батальон и рассказал о случившемся. Потом, когда отрыли могилы, поляков повезли показать трупы польских офицеров.

Трупы офицеров очень хорошо сохранились. Мы не верили, что они могли так долго пролежать в земле и не разложиться.

В одной могиле я увидел трупы офицеров, у которых руки были связаны бумажным немецким шпагатом.

Меня подтолкнули сзади товарищи, которые этим хотели обратить внимание на то, что этот шпагат является вещественным доказательством злодейского убийства польских офицеров немецкими бандитами».

VII

Преследование немцами лиц, выражавших сомнение в правильности немецкой версии «катынского дела»

Однако организация экскурсий для обозрения «большевистских зверств» в Катынском лесу не дала немцам нужных им результатов: даже те, кто испытывал некоторые сомнения в существе «катынского дела», побывав на могилах, убеждались в том, что перед ними налицо явная немецкая провокация.

Не верили в немецкую версию и некоторые из участников «делегаций», приезжавших в Катынский лес из других стран, в частности из Польши, хотя, вероятно, немцы тщательно подбирали состав таких «делегаций».

Так, например, Солдатенков Д. И., 1891 года рождения, работавший при немцах старостой в дер[евне] Борок, на допросе 29 декабря 1943 года показал:

«Польские врачи, прибывшие для осмотра могил в Козьих Горах, останавливались в помещении школы на ст. Катынь. Эта школа была приписана к нашей деревне. В июле или августе 1943 года, проходя мимо школы, я заметил двух неизвестных. Я подошел к ним, сказал, что являюсь старостой, и спросил, кто они такие. Один из них на чистом русском языке ответил мне, что в школе помещаются польские врачи, прибывшие для обследования трупов, обнаруженных в могилах в Козьих Горах, сам он и его товарищ также являются польскими врачами. Мы разговорились...

Из разговора с польскими врачами Я понял, что они сами не верят в то, что польские офицеры будто расстреляны советскими органами. Один из них, широкоплечий, белокурый (другой был среднего роста и черноволосый, у обоих на рукавах пальто были повязки с красным крестом), сказал мне прямо, что не верит в то, что русские расстреляли поляков. Врач также добавил, что при раскопках могил в лесу Козьи Горы там найдены немецкие патроны, вероятно, немцы сами расстреляли польских военнопленных офицеров, а вину хотят свалить на русских».

Слухи о том, что немцы расстреляли в Катынском лесу осенью 1941 года военнопленных поляков, а затем весной 1943 года пытаются приписать это преступление советским органам, усилились среди населения как г. Смоленска, так и окружающих сел.

Тогда немцы предприняли ряд мер к пресечению подобного рода слухов и стали преследовать лиц, высказывающих сомнение в правильности немецких утверждений о зверствах большевиков над военнопленными поляками.

Гестапо стало выявлять и арестовывать таких лиц.

Специальные указания были дана также по линии русской полиции.

Допрошенный быв[ший] начальник полиции Катынского участка Яковлев-Соколов Ф. М., 1896 года рождения, на

допросе 21 ноября 1943 года признался в том, что, выполняя указания немецкого командования, он проводил инструктаж подчиненных ему полицейских по вопросу репрессирования лиц, выражавших сомнения по «катынскому делу»...

Комиссией был опрошен ряд лиц, подвергавшихся репрессиям со стороны немцев.

Зубарева М. С., 1905 года рождения, уборщица аптеки № 1 г. Смоленска, на допросе 20 ноября 1943 года показала:

«Я была арестована полицией и просидела 5 дней за то, что сказала правду о провокации немцев в Катынском лесу... Во время читки газеты я сказала рабочим: «Не может быть, чтобы в течение трех лет сохранились трупы польских офицеров и документы, которые приводятся в газете. Они бы все истлели. Польских офицеров расстреляли сами немцы и сваливают на Советскую власть».

Присутствующие при этом рабочие, фамилий которых я не знаю, со мной согласились...

Через несколько дней после этого разговора меня арестовали и посадили под стражу в караульное помещение полиции...

Меня арестовали 30 апреля 1943 года, предварительно вызвав в полицию повесткой, которую я случайно сохранила и передаю следствию. Эту повестку мне возвратил следователь при моем освобождении из тюрьмы с пометкой «Зубарева была задержана и содер[жалась] под стражей с 29 апреля по 4 мая». Повестку мне выдали для представления на работу как объяснение причины моего отсутствия. Однако эта повестка осталась у меня, так как ее никто не спрашивал, зная, что я действительно была арестована».

Козлова В. Ф., 1922 года рождения, помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела г. Смоленска, на допросе 23 ноября 1943 года показала, что **в апреле месяце 1943 года она была арестована гестапо и содержалась в тюрьме 10 дней за то, что среди своих знакомых высказывала сомнения по поводу «катынского дела».**

Фролова А. И., 1912 года рождения, домашняя хозяйка, работавшая при немцах прачкой в Катынской школе разведчиков, на допросе 4 декабря 1943 года показала:

«Меня уволили из немецкой школы разведчиков вскоре после того, как я, побывав на месте раскопок в лесу, именуемом Козьи Горы, имела неосторожность заявить, что не верю немцам, что Советская власть произвела расстрелы польских офицеров, зарытых где-то в лесу и якобы откопанных немцами...

Как только администрации школы стало известно об этих моих разговорах, меня уволили. Причем как я ни добивалась узнать, за что меня увольняют, мне только сказали: «Надо иметь короче язык».

Однако не всегда высказывание сомнений по «катынскому делу» так легко сходило для сомневавшихся.

Комиссией выявлены два случая расстрела за это «преступление» — бывшего командира полицейского взвода при немцах Загайнова и работавшего по раскопке могил в Катынском лесу Егорова Александра Лукьяновича, 1924 года рождения. (См. показания Королевича Ивана Матвеевича от 26 октября 1943 года, Черненко Михаила Ивановича от 30 декабря 1943 года и Егоровой Евдокии Ивановны от 27 декабря 1943 года).

VIII

Попытки немцев перед отступлением из Смоленска замести следы своего преступления в Катынском лесу

Грубая подтасовка фактов, допущенная немцами в «катынском деле», фальсифицирование свидетельских показаний и прочие примененные ими «мероприятия» могут быть объяснены тем, что немцы чувствовали себя в Смоленске достаточно твердо и не ожидали того, что им придется под натиском Красной Армии убираться из Смоленска.

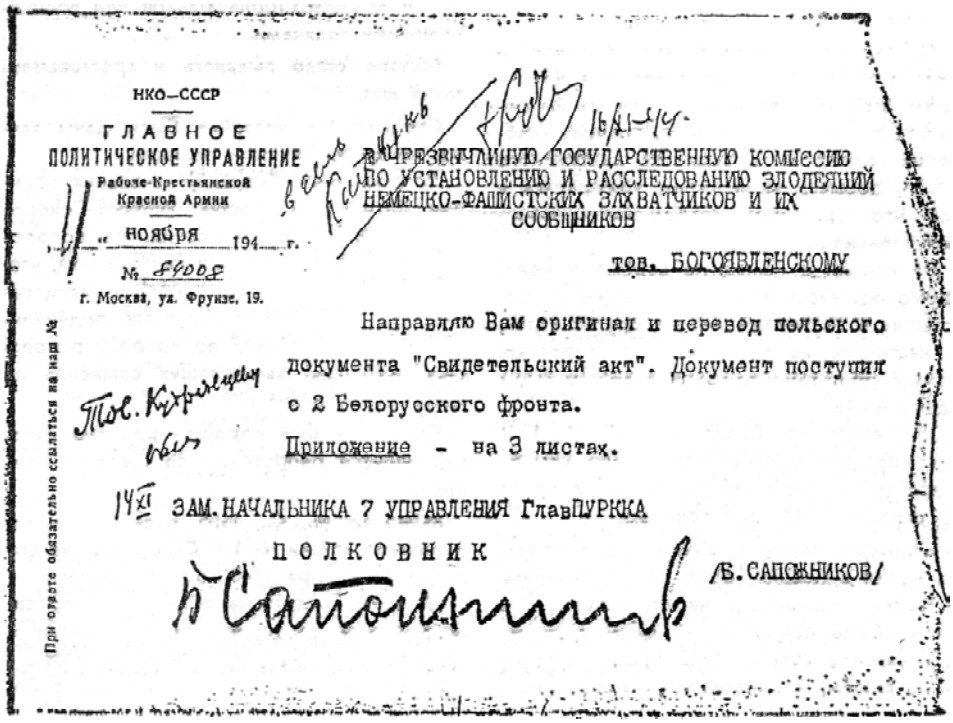
Вынужденные к этому, немцы в последние дни своего пребывания в Смоленске стали наспех предпринимать меры к тому, чтобы замести следы своего преступления.

Так, покидая Козьи Горы, они сожгли дотла занимавшееся ими помещение дачи.

Немцы выслали в дер[евню] Борок людей с целью изъятия и увоза, а может быть, и расстрела служивших на даче девушек: Алексеевой, Михайловой и Конаховской. Те спаслись только тем, что незадолго до этого в предвидении такой возможности скрылись в лесу.

Немцы разыскивали также своего главного «свидетеля» — Киселева П. Г. и его семью. Разыскивались также «свидетели»: бывший начальник станции Гнездово Иванов, дежурный по станции Савватеев и др.

Разыскивались в последние дни перед эвакуацией немцами г. Смоленска также профессор Базилевский, профессор Ефимов.



НКО—СССР

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ Рабоче-Крестьянской Красной Армии

«11» ноября 1944 г.

№ 84008

г. Москва, ул. Фрунзе, 19.

При ответе обязательно ссылаться на наш №

В ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ

тов. БОГОЯВЛЕНСКОМУ

Направляю Вам оригинал и перевод польского документа "Свидетельский акт". Документ поступил с 2 Белорусского фронта.

Приложение - на 3 листах.

14/XI ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 7 УПРАВЛЕНИЯ ГлавПУРККА

ПОЛКОВНИК /Б. САПОЖНИКОВ/

Всем этим лицам удалось избежать насильственной эвакуации лишь потому, что они своевременно скрылись с мест своего постоянного жительства, ожидая прихода Красной Армии.

Подробные показания о том, каким образом удалось спастись от немцев, дали как названные выше лица, так и другие, в той или иной степени знавшие и потому могущие разоблачить немецкую провокацию о «катынском деле».

Далее в документе следуют выводы. Мы их не приводим, дабы дать возможность читателям и исследователям сформулировать их самостоятельно.

ЦГАОР СССР, ф. 7021 оп. 114, д. 6, лл. 24—53

Публикацию подготовил А. С. САХНОВ

В.Я. ТАРТАКОВСКИЙ: «Я знал поляков, якобы расстрелянных в Катыни»

Из многочисленной почты, поступившей в адрес редакции по поводу статьи «Бабий Яр под Катынъю?», нас заинтересовало письмо В. Я. ТАРТАКОВСКОГО, в *котором он благодарит редакцию за стремление восстановить истину (более 95 проц. писем, полученных нами, аналогичны). Вспоминая годы своей службы, автор приводит ряд интересных фактов, позволяющих расширить поиск документов по Катынской трагедии. Редактор журнала подполковник А. С. СУ ХИНИН встретился* с *ветераном и попросил его подробнее ответить на затронутые в письме вопросы.*

Борис Павлович, расскажите, пожалуйста, когда впервые Вы столкнулись с Хатынским делом.

С 1944 года я служил в польском корпусе, который формировался в Житомире. Как-то над нашим расположением пролетел немецкий самолет и разбросал листовки, в которых сообщалось, что русские расстреляли в Катыни тысячи польских пленных. Я в то время был строевым офицером и историей не очень интересовался, но все же этот факт меня заинтересовал.

Второй раз о Катынской трагедии я услышал уже на территории Польши. Нашей части пришлось освобождать Люблин и Майданек. В Люблине к нам пришло пополнение, состоявшее из польских граждан. Среди прибывших были два сержанта — польские евреи. Один из них — Векслер, фамилии второго, к сожалению, не помню. Из беседы с ними узнал, что они находились в 1940—1941 гг, в советском лагере для военнопленных, расположенном в Козьих Горах, в так называемом Катынском лагере. Сержанты рассказали: когда немцы подходили к Смоленску, начальник лагеря приказал эвакуировать всех военнопленных. Железной дорогой этого сделать не смогли, то ли вагонов не хватало, то ли по какой другой причине. Тогда начальник лагеря приказал идти пешком, но поляки отказались. Среди военнопленных начался бунт. Правда, не совсем бунт, но поляки оказали охране сопротивление. Немцы уже подходили к лагерю, были слышны автоматные очереди. И в этот момент охрана лагеря и еще несколько человек, в основном польские коммунисты, сочувствующие им и еще те люди, которые считали, что от немцев им ничего хорошего ждать не приходится, в том числе и эти сержанты, ушли из лагеря.

Оказавшись в тылу Советской Армии, все были арестованы и направлены в Сибирь. Там они и жили где-то в деревне до мобилизации в армию Андерса. **Значит, часть польских военнопленных вместе с охраной лагеря оказались в нашем тылу!**

Да, совершенно верно, по их рассказу, военнопленные ушли от немцев вместе с охраной лагеря. Будучи мобилизованными в армию Андерса, они прослужили в ней до момента вывода последней с территории СССР. Уходить в Иран с Андерсом они отказались, тогда многие поляки не ушли, причем добровольно. Не ушли и многие старшие офицеры, в том числе генерал Берлинг.

По второй мобилизации Векслер с товарищем были направлены вначале в первую польскую дивизию, а затем переведены в нашу часть, где прослужили до конца войны. Впоследствии оба уехали в Израиль. **Вы сейчас рассказали очень интересные факты. В этой связи хотелось бы уточнить вот что. Часть, в кетовой служили Вы и эти люди, была советская или Войска Польского!**

Это была часть Войска Польского, и никакого отношения к Советской Армии не имела. Хочу рассказать еще об одном случае.

В Люблине я жил на квартире у одной женщины по фамилии Зелинская. Мы ее звали пани Зелинская. Она одно время жила в России, работала медсестрой в Басманной больнице в Москве. Тут она оказалась в первую мировую войну, эвакуировавшись с родителями. В период гражданской войны выехала в Люблин, там же вышла замуж. Ее муж был судьей.

Однажды она меня познакомила со своим племянником. Он был солдатом Войска Польского в 1939 году, потом оказался в советском лагере.

В 1941 году в момент подхода к лагерю немцев он с товарищами совершил побег.

Извините, что перебиваю, не говорил ли он Вам, в каком лагере находился! Вы не помните?

Помню, именно в Катынском. Об этом он рассказал мне сам. Я уже говорил, что тогда меня это дело мало интересовало, так что специальных каких-то уточняющих вопросов я ему не задавал.

Вы не знаете, жива сейчас пани Зелинская!

К сожалению, не знаю, но мне кажется, что это маловероятно. Ведь она уже в годы гражданской войны была взрослой.

А племянник был намного моложе пани Зелинской? Может быть, он сейчас еще жив!

Этого я тоже не знаю.

Не могли бы Вы вспомнить адрес, где проживала пани Зелинская?

Почтового адреса я не помню. Но если бы поехать в Люблин, то ее дом я сразу бы нашел. Постараюсь объяснить. Дом пани Зелинской находился недалеко от центральной площади, через которую проходила дорога на Варшаву. Второй или третий дом от центра, если идти по этой улице в сторону Варшавы, по-моему, она называлась Варшавская.

Хотелось бы рассказать вот еще о чем. Я в 1944 году служил в первом самоходовом (Самоходовый полк (польск.) — автомобильный полк) полку в должности командира взвода. Полк дислоцировался в Люблине. В это же время там находилось и правительство Польши (примерно до января 1945 года). Кажется, в октябре 1944-го представители польского правительства во главе с Осубко Моравским, тогдашним премьером, поехали в Катынь.

Мне было приказано сопровождать Моравского и его группу. Наш полк в то время подчинялся непосредственно Главному штабу Войскз Польского. Мне приказали взять две-три машины для сопровождения группы Моравского в Смоленск. Так я оказался в Катынском лесу. В это время там работала комиссия, возглавляемая Бурденко. У меня, кстати, имеется акт, составленный комиссией. Лежит где-то среди бумаг.

Моравский со своей группой находился в Катыни около трех дней. Я жил в это время на квартире недалеко от Катынского леса. Как-то я разговорился с хозяйкой, и она рассказала, что расстреливали польских военнопленных немцы. И еще она рассказала, что одно время, когда Смоленск еще был оккупирован немцами, у нее в сарае прятался польский офицер, бежавший из лагеря. О том, что немцы расстреливали поляков, он ей и поведал.

И вот еще что. Во время пребывания в Катыни я подходил к рвам-могилам, видел, как эксгумировали трупы. Как потом мне стало известно, в карманах некоторых трупов (форма на них сохранилась) находили письма, написанные в октябре и ноябре 1941 года, т. е. тогда, когда в Смоленске хозяйничали немцы. Эти письма я видел и держал их в руках. Так что я полностью уверен, что Катынь — это их рук дело.

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать о Катынских событиях, о которых узнал в период службы в Люблине.

Затем меня перевели в другую часть, которая участвовала в освобождении Варшавы. После освобождения польской столицы нашу часть разместили в Гродецк-Мазовецком, что приблизительно в 15 км от Варшавы. Мы были расквартированы на химическом заводе. В этот период я занимал должность помощника, а затем коменданта города. Кроме поляков в этом городе дислоцировались и советские части, поэтому был и советский комендант, с которым мы часто и успешно взаимодействовали.

В доме, где я жил, проживала польская женщина. Она плохо относилась к русским, говорила, что ее муж был польским офицером и его уничтожили русские, У нее сложилось такое мнение, как я понял, в результате деятельности АК (АК — Армия Крайова). Людьми из АК на домах делались надписи. «Красная Армия — вруг (Вруг (польск.) — враг)» и ей подобные. Будучи комендантом, я ближе познакомился с некоторыми деятелями из этой организации и понял, что это очень сомнительные люди.

Они собирали списки всех погибших, ходили по домам, в частности приходили и к этой женщине. Их интересовали анкетные данные людей, служивших перед войной в польской армии. Затем они составляли списки и говорили, что эти люди якобы погибли в Катыни. В эти списки вносили всех — и пропавших без вести, и погибших на территории Польши, и т. д. Издавались эти списки типографским способом и расклеивались на улицах города. В одном из этих списков оказалась и фамилия мужа этой женщины. И вдруг, война еще, по-моему, не закончилась, к этой женщине является муж, цел и невредим.

Борис Павлович, Вы с ним лично разговаривали? Он подтвердил, что находился в Катынском лагере?

Когда он пришел домой, то собрались все родственники и соседи. Ведь все знали, что он погиб, и вдруг человек вернулся. Пришедшие расспрашивали о сыновьях, мужьях, родственниках, встречал пи он их, и т. д. Он рассказал, что прибыл из Карпат, где партизанил. К партизанам попал после побега из Катынского лагеря. А бежал он из лагеря в момент захвата его немцами. Видите, история практически повторяется, как и с теми поляками, что служили у меня в Люблине.

А еще Вы встречали людей, которые находились в Катынском лагере?

Да, встречал. Но это было уже после войны. Я в то время был зам. начальника танкоремонтной базы. У меня в подчинении были два сержанта-водителя. Хорошие люди. В Польше в это время начался период амнистий. Причем порядок амнистирования был упрощен до предела.

Например, вот как проходила одна из амнистий. Человек, претендующий на амнистию, писал рапорт по команде, к рапорту прикладывал автобиографию. Рядовые и сержанты амнистировались по решению командира части, получали справку об амнистии на руки и продолжали служить в этой части. Бывшие офицеры направлялись в отдел кадров вышестоящего штаба, им восстанавливали звание и направляли к новому месту службы.

Как-то вечером сижу в своем кабинете, раздается стук. Приглашаю войти. Входят два польских офицера, два бравых капитана в форме старого образца. Я посмотрел — бог мой! — так это же мои сержанты-водители. Я пригласил их присесть, каждому дал бумагу и предложил написать автобиографию.

Знакомясь с документами, узнал, что оба служили в старой польской армии, долго скрывали свое офицерское прошлое. Один из них находился в Катынском лагере. Правда, называл он его несколько по-другому: Козельский лагерь, который находился под Смоленском. Так же как и другие свидетели, он писал, что из лагеря бежал в период захвата его немцами.

Не могли бы Вы назвать его фамилию?

К сожалению, фамилии я не помню. Если бы я собирался исследовать эту проблему или предположил бы, что она так остро встанет в будущем, я бы непременно все записал. Но, увы...

Я долгое время служил в польской армии, был патриотом Польши. Вы знаете, у меня родственники тоже были репрессированы, в частности тесть. Органы НКВД, конечно, борясь с явными врагами, арестовали немало и случайных людей. И все же осужденным предъявляли какие-то обвинения, пусть не всегда обоснованные, т. е. соблюдалась хотя бы видимость законности.

В этой связи отсутствие в архивах каких-то обвинительных документов на польских военнолленных вызывает серьезное недоверие к выдвигаемой версии о расстреле 15 тысяч человек органами НКВД. Я не верю, что пленных поляков вот так просто взяли и расстреляли.

И в заключение хочу обратиться с просьбой. Напишите, что ветераны — а с сослуживцами мы обсуждали эту проблему, в частности, можно сослаться лично на меня, — очень недовольны заявлением ТАСС по Катынскому вопросу.

№6 1991 ВПЕРВЫЕ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ

Бабий яр под Катынью

ПУБЛИКУЯ материалы, посвященные Катынской трагедии, мы обещали знакомить читателей не только с документами, хранящимися в советских архивах, но и с теми, которые находятся за рубежом.

К 43-летию Нюрнбергского процесса в газете «Софийские новости» от 1 октября 1986 года была напечатана статья научного сотрудника Национального музея революционного движения в Софии Ангела Филчева «Преступление в Катынском лесу», раскрывающая истину о фашистских зверствах периода второй мировой войны.

На наш взгляд, читателей заинтересуют факты, о которых в нашей прессе не рассказывалось.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ (Материал болгарской прессы)

...ЧТО ОБЩЕГО со всей этой историей [подразумевается расследование Катынской трагедии] имел доктор Марко Марков, проживавший за тысячи километров от Катыни?

Оказывается, имел. После «раскрытия большевистских преступлений» нацистские власти по инициативе имперского руководителя здравоохранения Леонардо Конти привезли в Катынский лес многочисленную «Международную следственную комиссию». Все ее члены, за исключением швейцарского представителя, были гражданами оккупированных, союзных с Германией государств или ее сателлитов. Так что само их существование зависело от гитлеровцев. Но и здесь, в который уж раз, произошла «техническая ошибка». Все началось с одного не особенно интересного на первый взгляд письма. Но 13 мая 1943 года оно попало в деканат медицинского факультета Софийского государственного университета. Письмо было послано из Министерства иностранных дел и исповеданий. В нем говорилось:

«Имею честь уведомить Вас, что по распоряжению господина Премьер-министра доктор Марко Марков, доцент, штатный сотрудник кафедры судебной медицины, вылетел 26-го числа в Берлин, чтобы принять участие в работе международной комиссии по расследованию большевистских злодеяний в Катыни... Главный секретарь, полномочный министр: (подпись) Д. Шишманов».

Так доктор Марков оказался в составе «беспристрастной комиссии» установившей, что расстрел был совершен весной 1940 года, когда Катынский лес находился под контролем советских властей. О том, как точно это было «установлено», доктор Марков рассказал 19 февраля 1945 года, явившись по собственной инициативе в Софийский суд. Позднее он повторил свои показания и перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге:

«Смирнов (советский прокурор): Прошу Вас ответить на следующий вопрос: свидетельствовал ли судебно-медицинский осмотр трупов о том, что они находились в земле в течение трех лет?

— По моему мнению, эти трупы находились в земле гораздо меньше трех лет. Я считал, что труп, аутопсию которого я проводил, находился в земле около года или полгода.

— В практике болгарских судебных медиков принято при освидетельствовании трупа составлять по этому поводу судебный медицинский акт, включающий две части: описательную часть и выводы. В составленном Вам [и] протоколе есть заключение или нет?

— Мой протокол состоит из описательной части без заключения.

— Почему?

— Потому что, судя по предоставленным нам документам, я понял, что нам заранее стараются внушить, будто бы трупы находились в земле три года...

— В момент подписания обобщенного протокола было ли совершенно ясно всей комиссии, что убийства в Катыни в любом случае совершены не ранее последней четверти 1941 года и что 1940 год в любом случае исключается?

— Да, мне это было ясно, и именно по этой причине я не написал заключение к протоколу, составленному мною в Катынском лесу».

Утром 1 мая комиссия уже вылетела обратно, но вместо Берлина самолет неожиданно приземлился на глухом и уединенном аэродроме. «Аэродром был явно военным, — рассказал доктор Марков. — Там мы обедали, и сразу после обеда нам предложили подписать экземпляры протокола. Нам предложили их подписать именно здесь, на этом изолированном аэродроме!»

По словам его тогдашнего ассистента доктора Георгия Михайлова, далее события развивались следующим образом: «Одна из целей, которую преследовало германское правительство, организуя Международную комиссию в Катыни, состояла в том, чтобы ее участники после возвращения в свои страны выступили с публичными заявлениями о зверствах большевиков. Доктор Марков ничего такого не сделал, На него был оказан нажим, но он упорно отказывался. Затем немцы, уже обнаружившие, что в его протоколе нет заключения, выслали ему этот документ с требованием написать заключение и подписаться под ним. Доктор Марков вернул его, оставив без ответа. Протоколы высылались и возвращались снова. И это повторялось несколько раз. Доктор Марков демонстративно отказывался написать требуемое от него неверное заключение. Неоднократно к нему приходил и сам германский полномочный министр Бекерле. Так дело дошло до открытого столкновения. Доктор Марков заявил ему, что он является болгарским подданным и Бекерле ничего не может приказывать ему.

Его отношения с немцами чрезвычайно обострились...»

В скором времени гитлеровцы подготовили очередную подобную провокацию, и нацистская пропаганда затрубила, что недалеко от Винницы, на Украине, обнаружено еще одно массовое захоронение «убитых большевиками около 10 тысяч украинцев» и что на место выедет новая международная комиссия для расследования случая. Позже и здесь правда вышла наружу. Было доказано, что это — узники концлагерей, в основном советские военнопленные, которых заставили работать на строительстве гитлеровской штаб-квартиры в Восточной Пруссии. Затем их ликвидировали типичным для гитлеровцев способом, примененным в Катыни, — выстрелом в спину. Но в то время нацисты все еще надеялись прикрыться ширмой своей «международной комиссии». А для этого доктор Марков оказался личностью крайне неудобной.

№8 1991

БАБИЙ ЯР ПОД КАТЫНЬЮ?

В НОМЕРЕ 12-м за 1990 год мы опубликовали директивы и протоколы конференций геббельсовского аппарата за период с 6 по 30 апреля 1943 года, относящиеся к «катынскому делу». Эти документы указывают на причастность фашистов к гибели польских военнослужащих и раскрывают механизм организации крупнейшей политической диверсии, направленной на раскол антигитлеровской коалиции. Тогда геббельсовским игрокам не удалось разыграть «катынскую карту», однако «факты» о Катыни, распространенные по всему свету нацистской пропагандой в годы войны, используются и по сей день. Не изменились, в сущности, и основные цепи, которые преследуют наши недоброжелатели.

После окончания второй мировой войны можно было надеяться, что союз военных лет откроет новую эру широкого мирного взаимного сотрудничества Востока и Запада. Наступил, однако, не мир, а «холодная война».

Старшее поколение помнит, что в те годы симпатии большинстве прогрессивно мыслящих людей были на стороне СССР, Определенные круги это не устраивало. Поэтому именно тогда на страницах западных газет вновь появляются материалы тан называемого «катынского дела», основывающиеся на фашистских документах и свидетельствах.

Очередной всплеск «интереса» к Катыни приходится на конец 80-х годов. И опять, как прежде, призывают «сказать правду», ликвидировать еще одно «белое пятно». И опять «катынское дело» пытаются использовать в неблаговидных целях, ибо «приспел» момент еще раз показать «звериное лицо социализма».

Не обошла эту тему молчанием и наша печать. 14 апреля 1990 года ТАСС сообщил, что «советскими архивистами и историками обнаружены некоторые документы о польских военнослужащих». В заявлении был сделан вывод о непосредственной ответственности за это злодеяние Берии, Меркулова и их подручных. Прозвучала мысль и о том, что судьба 15 000 польских граждан до конца еще не выяснена, что советские исследователи и историки продолжают работу, «в том числе и на катынском направлении» (Известия. — 1990. — 15 апреля).

В этой связи возникает ряд вопросов. Почему, не дождавшись завершения исследовательской работы, журналисты и исследователи делают вывод, будто косвенные документы и свидетельские показания подтверждают, что ответственность за преступление, во всяком случае ее основная часть, лежит на органах НКВД? (Новая и новейшая история. — 1990. — Т. 3. — С. 36) Почему материалы комиссии, возглавлявшейся Н. Н. Бурденко, или игнорируются, или делаются осторожные намеки на то, что это очередная «фальсификация Советов»! Почему не опубликованы «выявленные документы, однозначно свидетельствующие»? Среди собранных комиссией палаты представителей Конгресса США в 1951—1952 гг. материалов имеется сообщение о каких-то словах смертельно больного Н. Н. Бурденко, будто бы сказанных сыну своего друга С. Меляку в 1946 году. (Ничего не скажешь, хорош источник!) В изложении С. Меляка это звучит так: «Нас (!) заставили [?] подготовить формальное обоснование для обвинения немцев. Подчиняясь личному приказу Сталина [?], я прибыл в Катынь, где были обнаружены захоронения... Все тела находились там уже 4 года (!). Они (!) погибли в 1940 году (!). Для меня, как врача, факты были очевидными (!) и не было никаких сомнений [?]. Сомневаться невозможно (!). Наши товарищи (!) из НКВД допустили страшную ошибку» (Там ж е. — №3 — С. 35). Тут же делается приписка: «Следует иметь в виду, что собеседник Бурденко дезертировал вскоре из Советской Армии и уехал на Запад» (Там же). Вот такая клюква, иначе и не назовешь, и главное — чьи тела-то? Хотелось бы напомнить «исследователям», что помимо публикаций по «катынскому делу» в западной прессе и США в 1952 году были и такие свидетельства, как заявление чехословацкого профессора судебной медицины Ф. Гаека.

А. С. СУХИНИН

Заявление чехословацкого профессора судебной медицины Ф. Гаека по поводу так называемого «катынского дела»

ПРАГА, 10 марта (ТАСС). Под заголовком «Чехословацкий ученый опровергает американские провокационные измышления» газета «Лидове демократие» напечатала вчера заявление профессора судебной медицины Карлова университета в Праге Франтишека Гаека... основывающегося на личных наблюдениях в качестве свидетеля и на непосредственных наблюдениях и на непосредственных доказательствах, полученных весной 1943 года на месте преступления гитлеровцев в Катынском лесу.

Будучи представителем судебной медицины, говорится в заявлении, считаю своей обязанностью высказать свое мнение по поводу возобновления Соединенными Штатами Америки так называемого «катынского дела» тем более, что я лично побывал на самом месте преступления в то время, когда гитлеровские нацисты начали против Советского Союза кампанию в связи с так называемым «катынским делом», а также лично участвовал в осмотре трупов в Катынском лесу весной 1943 г.

Цель гитлеровских военных преступников и их мошеннической кампании в связи с так называемым «катынским делом» была уже тогда ясна. Они хотели отвлечь внимание всего мира от ужасных преступлений, совершенных ими в Польше и Советском Союзе, в которых они позднее были изобличены и за которые были осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

Я лично уже с самого начала считал всю нацистскую пропаганду вокруг так называемого «катынского дела» лживой и вымышленной. Поэтому я хочу, как судебно-медицинский эксперт и очевидец, представить установленные факты, изобличающие нацистов в постыдном мошенничестве.

Характерен уже сам по себе тот способ, каким гитлеровцы организовали поездку в Катынский лес 12 профессоров-экспертов из стран, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками. Тогдашнее министерство внутренних дел протектората передало мне приказ гитлеровских оккупантов направиться в Катынский лес, указывая при этом, что если я не поеду и сошлюсь на болезнь (что я и делал), то мой поступок будет рассматриваться как саботаж и в лучшем случае я буду арестован и отправлен в концентрационный лагерь. Из Берлина, куда съехались все члены этой экспертизы из отдельных оккупированных стран, мы были доставлены на самолете в Смоленск, где нас ожидали нацисты и где у них все уже было подготовлено.

Поражала бросающаяся в глаза подготовленность, и у меня с первого же момента сложилось твердое убеждение, что все это страшное злодеяние совершили сами же нацисты. В этом меня окончательно убедило сообщение советской специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров, которое я прочитал в чешском переводе уже в 1945 году и с которым я полностью солидализировался на основе личных моих наблюдений, заключений и доказательств.

При этом подчеркиваю, что установление фактов я произвел весной 1943 года, т. е. значительно раньше, чем это установление и расследование производилось советской специальной комиссией, приступившей к выполнению этой задачи осенью 1943 года после освобождения Смоленска, так что мое суждение, поскольку дело идет о времени уложения трупов в приготовленные нацистами ямы, было, принимая во внимание более благоприятные условия для судебно-медицинской экспертизы, еще точнее. Сразу же после освобождения Чехословакии в 1945 году я издал брошюру «Катынские доказательства», в которой описал расположение, величину и глубину общих могил, в которых были зарыты казненные гитлеровцами польские офицеры, определяя количество последних в 8 000.

Кроме того, я занимался вопросом, сколько времени прошло с момента уложения трупов в раскопанные могилы в Катынском лесу, и на основании таких наблюдений и вскрытия нескольких трупов установил, что трупы, безусловно, не могли лежать там 3 года, как это утверждали гитлеровцы, а только очень короткий срок, максимально немногим более одного года.

Показания свидетелей, допрошенных самими гитлеровцами, использованные для изданного ими тогда отчета, были неопределенны, противоречивы, потому что ни один из них не был непосредственным очевидцем. Мы же не имели возможности изучить их показания или убедиться в том, говорят ли они правду.

Решающими поэтому были иные обстоятельства и прежде всего степень разложения трупов. Трупы очень хорошо сохранились, лишь в некоторых случаях отсутствовали мягкие покровы в области темени, но суставы не были отделены, сохранились нос, губы, пальцы, даже кожа на теле. Если мы сравним то, что мы нашли здесь, с тем, что было найдено в общих могилах на пути так называемого похода смерти от западных границ Чехии к Терезину, особенно с тем, что было найдено в общей могиле вблизи Богосудова, где от трупов, несмотря на то, что они лежали в земле лишь 6—8 месяцев, оставались одни скелеты, — мы неизбежно придем к заключению, что трупы в Катынском лесу не могли быть погребены за три года до этого, но были погребены только за год, самое большее за полтора года до нашего прибытия.

Об этом свидетельствовало также установленное экспертизой начало адипоцирации трупов в могиле № 5, куда проникла вода. Адипоцирация — это превращение мягких частей в особую серо-белую клейкую массу, которая, как показывает опыт, образуется приблизительно через год на коже и в подкожной соединительной ткани, через два года — в мягких частях на поверхности тела и приблизительно через три года — во внутренних органах, грудной и брюшной полости. Если бы трупы лежали в могиле № 5 три года, этот процесс захватил бы и внутренние органы, но этого не было.

Форменная одежда польских офицеров совершенно сохранилась, ее отдельные части можно было снять с тела без повреждения, расстегнуть пуговицы, ткань не истлела и не расползлась. Металлические части, как, например, сапожные гвозди или пряжки, несколько заржавели, но кое-где сохранили свой блеск. Табак в портсигарах был желтый, не испорченный, хотя за три года пребывания в земле и табак, и ткань должны были сильно пострадать от сырости.

На одежде некоторых трупов были обнаружены отверстия кругловатые, с рваными краями и лучеобразные (4 луча), но под ними на теле не было никаких повреждений, за исключением одного случая— сломанного ребра. Немцы сделали заключение, что эти отверстия были сделаны четырехгранными русскими штыками, которыми гнали жертвы на место расправы. Но хотя русские штыки и четырехгранные, у них долотообразное острие, и так как штыки нигде не проникли глубоко в тело, то эти четырехгранные отверстия не могли быть произведены русскими штыками. В качестве дальнейшего доказательства немцы привели то обстоятельство, что на могилах были обнаружены 5-летние сосенки, имевшие на разрезах ближе к середине малозаметные темноватые полоски. Происхождение такой полоски объяснили тем, что 2-летняя сосенка была пересажена на могилу и после пересадки в том году перестала расти, отчего и получилась полоска. Однако вызванный немцами лесничий заявил, что сосенка плохо принялась и что она росла в тени высоких

деревьев. Таким образом, эта полоска могла произойти не от пересадки, а от других причин. Мы, разумеется, эту сосенку не видели, так как могила была уже открыта, а нам принесли всего лишь сосенку для показа.

Любопытно также, что польские офицеры были застрелены из револьверов немецкого производства — фирмы Г. Геншоу и К⁰ в Дурлахе, около Карлсруэ. Кроме того, характерно для всего этого дела, что русская комиссия обнаружила на различных трупах 9 документов, помеченных датами от 12 сентября 1940 года и до 20 июня 1941 года.

Небезынтересно происходило также составление тогдашнего отчета с подписями судебно-медицинских экспертов из оккупированных европейских стран. Некоторые из членов экспертизы не владели в такой степени немецким языком, чтобы суметь написать научный отчет. Написал его и стилизовал немецкий врач из Бреславля Бутц, который позже погиб. Написав и стилизовав отчет, он собрал нас, прочел нам его и дал подписать. Так было создано творение гитлеровской пропаганды, которое в настоящий момент снова предназначено для подлого использования против Советского Союза.

Как представитель науки, который собственными глазами и на основании неопровержимых научных фактов убедился в преступной пропаганде и подлом обмане гитлеровских фашистов в так называемом «катынском деле», а также и в том, что гитлеровский отчет об убийствах в Катынском лесу был умышленно составлен против Советского Союза, чтобы гитлеровские фашисты могли замести следы своих собственных преступлений, и что эти массовые убийства в Катынском лесу, как и ряд других массовых убийств, совершили сами гитлеровские фашисты, я могу только сказать, что нынешняя американская кампания в связи с так называемым «катынским делом» является такой же пропагандой против Советского Союза, какой была и гитлеровская в 1943 году.

Поэтому я призываю ученых и научных работников во всем мире поднять свой голос против американской кампании в связи с так называемым «катынским делом», которое пытаются снова подло использовать против Советского Союза. (Правда. — 1952. — 12 марта).

ВИЖ №7 1991

КАТЫНСКИЙ ЛЕС (Начало)

Впервые в советской прессе

ROMUALD SWIATEK
THE KATYN FOREST
PANDA PRESS LONDON
1988

Бабий Яр под Катынью?

ПУБЛИКАЦИЯ в номерах 6, 11, 12 за 1990 год и 4 за 1991 год под заголовком «Бабий Яр под Катынью?» вызвала у читателей, судя по почте, большой интерес. Получили мы и отклик на официальном бланке посольства Республики Польша в СССР. Письмо подписала советник по печати А. Магдзяк-Мишевска.

«Уважаемый господин редактор!

Мой предшественник, советник Еремы Чулиньски, насколько мне известно, уже высказался по поводу публикации в Вашем журнале рапорта комиссии Бурденко. К сожалению, я тоже должна это сделать. Дело это тем более позорное, что вопрос ответственности советской стороны подтверждается не только сообщением ТАСС, но также и следствием, проводимым Главной военной прокуратурой СССР. Насколько мне известно, специальная группа под руководством прокурора А. В. Третецкого, занимающаяся следствием по делу смерти польских офицеров (не только тех, которые были в лагере в Козельске, но также и в Старобельске и Осташкове), имеет в своем распоряжении показания настоящих свидетелей, занимавших во время второй мировой войны ответственные посты в НКВД.

Конечно, газета может представлять любую точку зрения. Однако, как мне кажется, такой серьезный журнал, каким является Ваш, должен обращаться к более чем одному источнику. Чтобы обеспечить Вам работу, сообщаю телефон прокурора А. В. Третецкого. Я также надеюсь, что Вы опубликуете решительный протест против очередной попытки фальсифицирования уже раз, казалось бы, выясненной истории. Такая попытка наверняка не способствует благоприятному развитию отношений между нашими государствами и народами. Помочь в их восстановлении и успешном развитии может только правда».

ПРЕЖДЕ всего уточним. Еремы Чулиньски, вопреки мнению своей преемницы, никогда не обращался в нашу редакцию. Его письмо, опубликованное в нашем журнале № 12 за прошлый год под заголовком «Окрик из посольства», было адресовано редакции газеты «Орловская правда». В своем послании ретивый советник отчитал советских журналистов за попытку разобраться в Катынской трагедии. По мнению Чулиньски, разбираться тут нечего — виновато НКВД, а не гитлеровцы. «Орловская правда», а вместе с ней и мы позволили себе не согласиться с такой категоричностью советника.

Теперь нам снова говорят из посольства Польши: нечего разбираться, все ясно. Говорят, такая попытка «не способствует благоприятному развитию отношений между нашими государствами и народами». Мы же считаем, что «не способствует» только ложь, истина, коль скоро она будет установлена, никому не нанесет вреда. Вот установить ее-то и пытаемся.

Странно, что мешало работникам посольства Польши заметить; редакция публикует не только те материалы, которые «работают» на какую-то определенную версию. Вспомним хотя бы подборку документов под заголовком «Нюрнбергский бумеранг» (1990. — № 6). Кстати, эти документы впервые увидели свет именно в нашем журнале. Автор вступительной статьи кандидат военных наук Ю. Н. Зоря сделал тогда вывод, что поляков в Катынском лесу, видимо, расстреляли работники НКВД. Однако, познакомившись с другими материалами, мы усомнились в этой версии, поделились сомнениями с читателями. Теперь, получив много новых фактов и свидетельств, полагаем: «катынское дело» — это большая ложь, запущенная в обращение Геббельсом и омрачающая отношения между нашими народами почти полвека. У посольства Польши есть бесспорные доказательства обратного? Присылайте документы, мы готовы рассмотреть возможность их публикации.

Что касается любезного предложения обратиться в военную прокуратуру, то считаем это преждевременным. Следствие ведь еще не закончено. Однако не кажется ли уважаемому советнику, что и по этой причине окончательные выводы делать рановато?

А пока письмо нашей читательницы из Ленинграда Н. Ф. Фелисовой:

«Недавно в «Военно-историческом журнале» за 1990 год прочитала публикацию «Бабий Яр под Катынью?» и решила написать несколько слов.

Дело в том, что с 28 декабря 1945 года по 4 января 1946 года в Ленинграде военный трибунал судил немецко-фашистских карателей, совершивших преступления в годы войны на территории Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Судили 11 человек, 8 из них были приговорены к высшей мере наказания— смертной казни через повешение, 3 — осуждены на различные сроки, сосланы на каторгу.

Я была делегирована на суд как представитель молодежи.

Зная, что мне потом нужно будет о суде рассказывать на собраниях, я аккуратно вела дневник судебного заседания, исписала карандашом толстую тетрадь, которая сохранилась до сих пор.

Особенно мне врезался в память допрос подсудимого немца Арно Дюре, 1920 года рождения. Дюре в своих показаниях говорил, что он и другие подсудимые служили в батальоне «особого назначения». Из допроса Дюре выяснились некоторые подробности чудовищного злодеяния фашистов в Катынском лесу.

В сентябре 1941 года Дюре был переброшен в район Катыни и здесь вместе с другими по ночам рыл ямы (днем спали) глубиной 15—20 метров (о глубине рвов 15—20 м Дюре повторял неоднократно по просьбе прокурора уточнить глубину). Стены ямы (рва) укрепляли зелеными сучьями. Несколько дней в октябре—ноябре 1941 года СС на машинах возили трупы польских, русских офицеров, «нечистых» немцев (по словам Дгаре, людей не чисто арийского происхождения), евреев. Было уложено в подготовленные ямы 15— 20 тыс. трупов.

Дюре показал, что в германских газетах он сам видел снимок этой могилы, причем под снимком было написано, что это сделали русские.

Военный трибунал осудил Арно Дюре на 15 лет каторги, возможно, он еще жив и мог бы дать показания».

ПОЧТИ одновременно с письмом из польского посольства редакция получила письмо из Лондона от Ромуальда Святека:

«В Лондоне в еженедельной польской газете за 5 января 1991 года напечатано, что вы собираетесь рассказать о том, что польские офицеры в Катыни были расстреляны немцами. Ваши намерения меня очень заинтересовали, поскольку я давно занимаюсь этой темой и в 1988 году издал в Лондоне книгу под названием «Катынский лес». В ней я также утверждаю, что ответственность за трагедию в Катыни лежит на нацистах. Поскольку эмигрантская польская критике была не согласна со мной, я решил пополнить эту книгу новыми материалами из английских архивов...»

В НАСТОЯЩЕЕ время редакция располагает подборкой материалов по Катыни, предоставленной Р. Святеком, озаглавленной «Катынь в свете английских документов», предисловие к которой мы предлагаем вниманию читателей.

Ромуалъд СВЯТЕК

КАТЫНСКИЙ ЛЕС

ОДНОЙ из привилегий свободного человека является право писать и публиковать то, что ему хочется. Но для меня воспользоваться этой привилегией оказалось довольно сложно, когда я приехал в Англию в 1968 году с рукописью моей книги «Перед лицом Красного трибунала», содержащей главу, в которой подвергается сомнению версия о катынском убийстве, представленная польским правительством в Лондоне в 1943 году. Мой отличный от общепринятого подход ко всей этой проблеме не вызывал симпатий у польской коммуны в Англии, что делало очень сложным вопрос о публикации моей книги. В конце концов я нашел издателя, который согласился выпустить ее в свет с условием, что спорная глава о Катыни будет изъята. Выхода не было, я должен был принять условие, и моя книга в конце концов была издана.

По натуре я упорный человек, а кроме того, меня раздражала нетерпимость к иному мнению среди польской эмиграции. Я проявил настойчивость и решил доказать, что прав. Без промедления направился в Лондонский архив, где изучил значительное количество документов, относящихся ко временам второй мировой войны, начиная с апреля 1943 года. К моему великому изумлению, там я обнаружил чрезвычайно интересную дипломатическую переписку между Москвой и Лондоном, изучая которую мне стало совершенно ясно, что в 1943 году британское правительство было полностью убеждено в том, что массовое уничтожение польских офицеров в Катыни дело рук нацистов. Президент США Рузвельт был абсолютно такого же мнения.

Изучив все документы, касающиеся Катыни, я окончательно понял, почему англичане оказывали такое грубое давление на польского премьер-министра того времени генерала Сикорского (Сикорский (Sikorski) Владислав (20.5.1881 —4.7.1943 гг.), польский военный и политический деятель, генерал. По образованию инженер. В 1914—1917 гг. полковник легионов польских, противник Ю. Пилсудского. Во время польско-советской войны 1920 г. командующий 5-й, а затем 3-й армией. В 1921 — 1922 гг. начальник генерального штаба. В 1939—1943 гг. премьер-министр польского эмигрантского правительства, военный министр и верховный главнокомандующий польскими вооруженными силами. 30 июля 1941 г. подписал договор с СССР о возобновлении дипломатических отношений. Погиб в авиационной катастрофе около Гибралтара (здесь и далее примечания переводчика)), чтобы отозвать обратно запрос польского правительства в Международный Красный Крест в Женеву на проведение расследования относительно катынской резни (17 апреля 1943 г. в соответствии с инструкциями польского эмигрантского правительства в Лондоне представитель Польского Красного Креста в Швейцарии принц С. Радзивилл передал ноту польского правительства представителю Международного Красного Креста).

В 1988 году я опубликовал книгу на английском языке под названием «Катынский лес», основанную на архивных документах. В этой публикации я прямо обвиняю немцев в уничтожении польских офицеров. «Катынский лес» был встречен недоброжелательными отзывами в польской прессе и ожесточенной критикой польской прессы в изгнании. Что побудило меня написать эту книгу? В мае 1950 года я очутился в советском лагере в Воркуте среди немецких военнопленных, членов польского ополчения, власовцев, бандеровцев, воевавших на стороне Германии, а также среди различных противников советского тоталитарного режима. Там, в лагерях, часто горячо обсуждались вопросы относительно катынской бойни.

Будучи эмигрантом из Англии, в то время я верил, что польские узники в Катыни были казнены НКВД — предшественником КГБ. Верил, пока мои собратья по заключению не сообщили мне новые, неизвестные детали, касающиеся этой проблемы. Я чаще стал задумываться над этим, а со временем под влиянием новых открытий катынская версия, как. ее преподнесло немецкое радио в апреле 1943 года («Радио Берлина» 13 апреля 1943 г. в 9.15 утра по нью-йоркскому времени сообщило - «Как сообщается из Смоленска, местные жители известили немецкие власти о существовании места массовых казней, проводимых большевиками, где ГПУ было убито 10 тыс. польских офицеров...»), и повторенная польским правительством в Лондоне, стала казаться мне все более и более сомнительной историей.

В течение семилетнего пребывания в разных лагерях я встречался с сотнями немецких военнослужащих, которые говорили, что после осады Смоленска летом 1941 года они видели лагеря с польскими военнопленными на оккупированной немцами советской территории. Я встречал также некоторых жителей из окрестностей Смоленска, подтверждавших свидетельства немецких пленных.

Но окончательно мое мнение о Катыни изменилось после того, как я встретил в лагере № 4 в Норильске одного польского офицера. Капитан Владыслав Зак из Кракова, попавший в плен в сентябре 1939 года, не имел оснований лгать, когда рассказал мне, что он избежал трагической участи польских офицеров в Катыни только потому, что за две недели до начала германо-советской войны он был переведен НКВД из лагеря под Смоленском в тюрьму, которая находилась в Москве. Его свидетельство окончательно убедило меня в том, что реакционные элементы из польского правительства в изгнании приняли немецкую версию о Катыни без ее изучения вовсе не потому, что она для них казалась правдивой, а потому, что сильно подрывала восточную политику генерала Сикорского, которого высокопоставленные политические деятели режима «санации» решили вывести из состава правительства. Кроме того, обвинив русских в убийстве польских офицеров, они получали для себя политические преимущества, поскольку это усугубляло среди поляков чувство враждебности по отношению к русским (25 апреля 1943 г. Советский Союз порвал отношения с польским эмигрантским правительством в Лондоне, которое проводило политику, чуждую интересам общей борьбы с фашизмом. «...Нынешнее правительство Польши, — говорилось в ноте Советского правительства, — скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу»).

Англичане и американцы, которые после войны делали западноевропейскую политику, видели в Советском Союзе опасность для своего политического влияния в Европе. Они использовали катынский вопрос в качестве психологического оружия с целью дискредитировать НКВД, посеять разлад среди народов, охваченных советским влиянием, и противодействовать всей коммунистической системе.

Я планировал опубликовать книгу о Катыни на польском языке в 1990 году, однако ввиду заявления ТАСС (Правда. — 1990. — 14 апреля) по этому вопросу, сделанного в апреле, я дал указание приостановить печатание до тех пор, пока не выясню, откуда дует ветер в новой советской политике. Должен отметить, что апрельское заявление ТАСС явилось для меня некоторой неожиданностью, но ни в коей мере не поколебало уверенности, что преступление в Катыни совершили немцы.

С другой стороны, касаясь открытий Лебедевой относительно гибели польских офицеров, опубликованных недавно «Московскими новостями», должен заметить, что здесь я не нашел для себя ничего нового. И мне не нужно было даже заглядывать в советские архивы, поскольку для любого бывшего заключенного советских трудовых лагерей совершенно очевидно, что с того момента, когда польские офицеры попали в плен, они автоматически попадали под надзор НКВД, а не только с апреля 1940 года, как заявила Лебедева. Но одного я все же не могу понять: почему ни в заявлении ТАСС, ни в статье Лебедевой не упоминается тот факт, что **во время проведения операции по обмену населением между Германией и Советским Союзом подавляющее большинство польских офицеров из козельского, осташковского и старобельского лагерей было в 1940 году передано немецкой стороне** (здесь и далее подчеркнуто мной. — В. П.). В конце концов в польской прессе в изгнании, и я это читал неоднократно, сообщалось, что представители польского Красного Креста знали об обмене польскими военнопленными. Это касалось тех лиц, чьи семьи оставались в немецкой оккупационной зоне в Польше, или кто проживал там до войны. Писали также, что представители польского Красного Креста с продовольственными посылками ожидали под городом Бжесц прибытия из Советского Союза польских военнопленных.

Более того, полковник Адам Савтшынски, заключенный в 1939 году немцами в лагерь 2Б в Арнсвальде (Хоштшно) для польских военнопленных, заявил после окончания второй мировой войны, что в лагере той пары любой знал об обмене польскими пленными, имевшем место между Германией и Советским Союзом. Он сам и другие польские офицеры записались для обмена их советской стороне, так как они думали, что смогут продолжить воевать за Польшу в Советском Союзе. **Обмен производился только из советской зоны, поскольку немцы хотели добиться освобождения максимального количества польских офицеров. Нацисты очень хорошо понимали, что, как только начнется война с Советским Союзом, которую они уже запланировали, польские офицеры примут активное участие в борьбе против немцев. Лишних штыков против себя они, естественно, иметь не хотели.**

Поскольку советская пресса с апреля этого года (1990 г.) не опубликовала ничего нового относительно катынского вопроса, то моим выводом является то, что изменение отношения Советского правительства к данному вопросу было вызвано бескомпромиссной позицией польской стороны. Ни для кого не является секретом, что новое правительство Польши, сильно зависимое от «Солидарности», не дало Москве никакой возможности для маневра, используя заявление, в котором сказано, что установление действительно дружественных отношений с СССР будет возможно, если Советское правительство возьмет на себя ответственность за избиение польских офицеров в Катыни.

Вместе с тем поездка генерала Ярузельского в СССР была отнюдь не случайной. Он прилетел в Москву, чтобы извиниться или, по крайней мере, убедить Президента Горбачева в том, что он лично, как товарищ, знает правду о Катыни. но что другие поляки думают по-другому и уверены, что польские офицеры были убиты НКВД. И это должно было быть серьезной дилеммой для Горбачева, но. по-видимому, этот гибкий советский политик решил встретить поляков на полпути, хорошо зная, что истина в действительности не очень важна в политике. Поэтому, оценивая свою стратегию **с** чисто политической точки зрения, Горбачев завоевал поддержку поляков, еще большее доверие Запада и пожизненную благодарность немцев. Он еще раз доказал всему миру, что не имеет себе равных среди современных политиков. Учитывая это, я могу сказать только одно: пусть поляки думают, что наши офицеры погибли от рук НКВД, но я сам все-таки **не могу поверить, что Сталин был настолько глуп, чтобы доставить польских офицеров ближе к польской границе лишь для того, чтобы здесь их убить**. Как хотите, но одно с другим не вяжется. Для меня Катынь — выжженное клеймо преступления нацистов. Коммунистическая система Сталина отделывалась от своих противников, ссылая их в отдаленные лагеря в арктической Сибири, откуда вряд ли кто возвращался, а когда пресловутой «тройкой» выносился смертный приговор, заключенного обычно убивали выстрелом в голову там же, в тюрьме.

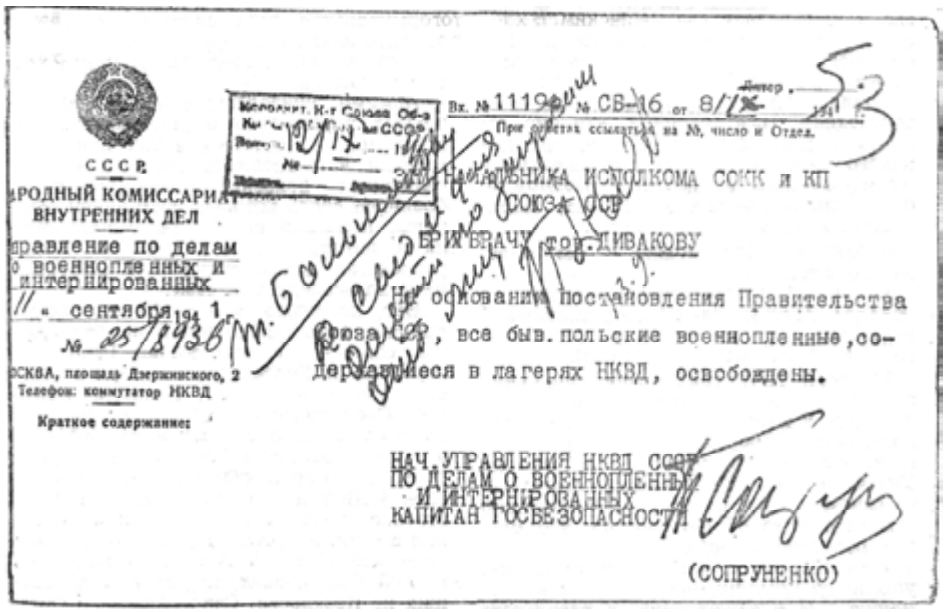
Поэтому я поверю, что ответственность за Катынь должен нести Сталин, а не Гитлер только в том случае, если могилы польских заключенных из Осташкова и Старобельска будут найдены в окрестностях Калинина или Харькова.

Перевел с английского капитан 2 ранга В. Ф. ПЕТРОВ

От редакции. Выдержки из книги Ромуальда Святека «Катынский лес», изданной издательством «Панда Пресс» в Лондоне в 1988 году, а также документы английских архивов редакция планирует опубликовать в одном из ближайших номеров.

ВИЖ №9 1991

Окончание. Начало см.: Военно-исторический журнал. — 1991. — № 7.



СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление по делам о военнопленных и интернированных
«11» сентября 1941
№ 25/8936
МОСКВА, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор НКВД
Краткое содержание:

Вх. № 1119 № СВ-16 от 8/IX 1941
При ответе ссылаться на №, число и Отдел.

НАЧАЛЬНИКА ИСПОЛКОМА СОНК и КП СОКА СССР
ГЕНЕРАЛ-ВРАЧУ тов. ДИВАКОВУ

На основании постановления Правительства Союза ССР, все быв. польские военнопленные, содержащиеся в лагерях НКВД, освобождены.

НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ПО ДЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ
И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(СОПРУНЕНКО)

КАТЫНСКИЙ ЛЕС
(Окончание)

Ромуалъд СВЯТЕК

ПРЕЖДЕ чем представить имеющуюся в моем распоряжении информацию, мне бы хотелось восстановить в памяти читателей политическую обстановку того времени, а потом задать вопрос: кто больше выиграл на убийстве польских офицеров?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно хотя бы поверхностно выяснить отношение немцев и русских к полякам. Известно, что немцы начали войну с Польшей, поскольку им нужны были польские земли и польские рабочие. С первых дней оккупации они начали уничтожение польской интеллектуальной элиты. Продвижение русских в восточной части Польши имело иной характер, что было отражено в ноте Советского правительства, врученной польскому послу в Москве [1].

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши больше не существовала. Польское правительство распалось и не проявляло признаков жизни. Это означало, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не могло больше безучастно относиться к этим фактам, а также к тому, что единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии [2]. После того как это произошло, война между Польшей и Советским Союзом была официально закончена, и Польша больше не представляла собой опасности для СССР [3]. Те элементы из числа польского населения, которые все еще были опасными, депортировались советскими властями в 1940 году в различные районы Сибири.

Ситуация же с немцами была совершенно противоположной. Несмотря на то что немецкие войска оккупировали Польшу, война между двумя государствами продолжалась, так как польские военнослужащие сражались против немцев и во Франции, и в Англии, поэтому любой польский офицер представлял для немцев потенциальную опасность.

Согласно польской статистике, в сентябре 1939 года русские взяли в плен от десяти до двенадцати тысяч польских офицеров. Было известно, также, что большинство из них содержалось в двух лагерях: в Козельском, где размещалось около 4500 человек, и в Старобельском — около 4000 офицеров. Был и третий лагерь в Осташкове, в котором содержалось около 400 офицеров, остальную часть составляли офицеры, унтер-офицеры, рядовые полиции, полевой жандармерии, разведывательных органов, пограничной стражи, охраны тюрем.

Козельск — давняя резиденция знатных польских родов Огински и Пузына, расположен в 250 км юго-восточнее Смоленска. Лагерь размещался в строениях бывшего монастыря, включавших основной комплекс зданий и «скит», окруженный лесом и расположенный в полукилометре от главного комплекса.

В конце ноября 1939 года Козельск стал офицерским лагерем, где содержалось около 5000 человек. Вплоть до начала апреля 1940 года лагерь покинули лишь незначительные группы заключенных и отдельные лица (то же самое было и в Старобельском лагере). Накануне Рождества 1939 года все священники, исключая отца Шелковского, были вывезены из лагеря. Из всей этой группы уцелел лишь преподобный отец Кантак, профессор семинарии в Пинске.

Вывоз заключенных из лагерей заканчивался в начале апреля 1940 года. Среди отъезжающих было несколько высших офицеров: генералы Б. Бохатеревич, Х. Минкевич, М. Сморовинский, И. Волковицкий и контр-адмирал Чарницкий.

Среди офицеров более низкого ранга насчитывалось около 100 полковников и подполковников, 300 майоров, 1000 капитанов, 2500 первых и вторых лейтенантов, 500 курсантов военных училищ. Общее количество офицеров — около 4500 человек, среди них 200 военных летчиков и 50 морских офицеров. Примерно 50 проц. из последней партии заключенных составляли офицеры резерва, среди них 21 профессор и преподаватель университета, более 300 медиков (хирурги и терапевты), многие из которых были выдающимися специалистами, несколько сотен судей, адвокатов, делопроизводителей, работников судов, сотни инженеров с университетским образованием, учителей, журналистов, бизнесменов и т. п.

Старобельск — районный городок в восточной части Украины, к юго-востоку от Харькова. Польский лагерь был расположен в окрестностях бывшего монастыря, стены которого охватывали участок площадью около 15 акров с большой православной церковью посередине. В левом крыле комплекса находилась другая, маленькая церковь и более десятка различных строений из кирпича и дерева. В послереволюционные годы монастырь использовался в качестве пересыльного лагеря для заключенных, этапируемых дальше на восток. В последующем, вплоть до прибытия поляков, там хранили зерно.

С конца ноября 1939 до первых дней апреля 1940 года, когда вывозились последние группы заключенных, в лагере находились исключительно польские кадровые офицеры и офицеры резерва общим числом около 4000 человек. Примерно половина из них была взята в плен после сдачи Львова и сослана на восток вопреки условиям сдачи в плен. Другие были захвачены как военнопленные или арестованы в разных частях Восточной Польши как результат приказа о регистрации, действующего на оккупированных территориях.

Общее количество военнопленных, равно как и характер их содержания в лагере, оставались неизменными вплоть до начала апреля 1940 года. Как и из Козельского лагеря, отсюда офицеры вывозились небольшими группами, большая часть из которых бесследно исчезла. На момент начала эвакуации пленных, по данным польских властей, в лагере находилось 8 генералов, 150 полковников и подполковников, 230 майоров, 1000 капитанов, 2450 первых и вторых лейтенантов, 30 курсантов, а также 52 гражданских лица. Ориентировочно число заключенных — 3910 человек, из них несколько сот офицеров польских ВВС, весь коллектив института химической защиты, хирурги, священники всех вероисповеданий. Среди офицеров резерва было несколько сотен профессоров и преподавателей университетов, около 400 военных и гражданских хирургов и терапевтов, несколько сот инженеров с университетским образованием, работников юстиции, адвокатов, судей, множество школьных учителей, поэтов, писателей, журналистов, бизнесменов, общественных и политических деятелей и среди них вице-президент антигитлеровской лиги в Польше А. Еигер.

Осташков — провинциальный город, расположенный северо-западнее Калинина (Твери) на озере Селигер, на отрезке железной дороги между станциями Великие Луки и Бологое. Сам лагерь располагался на острове озера в 15 км от города и, как и вышеописанные лагеря, размещался на территории бывшего монастыря.

С ноября 1939 года до начала апреля 1940 года, т. е. до момента начала эвакуации лагеря, в нем содержалось около 6500 заключенных. В отличие от двух уже упомянутых лагерей этот не был офицерским. Там находилось всего около 400 офицеров, 300 из которых принадлежали военной полиции, остальные же офицеры, сержанты и рядовые были из разведки, военной полиции, пограничной стражи, районной полиции и охраны тюрем.

Из воспоминаний офицеров, содержавшихся в Козельске и Старобельске, мы знаем, что в начале 1940 года все три лагеря посетили комиссии по контролю за содержанием военнопленных, в ходе работы которых заключенным были сделаны прививки против тифа и холеры, выяснены и зафиксированы такие данные по каждому человеку, как дата и место рождения, адрес последнего места жительства, род занятий до войны и где он намерен поселиться после освобождения из плена. Когда комиссии закончили свою работу, заключенных разделили на группы по территориальному признаку, т. е. в соответствии с тем, в каком районе они проживали до войны. Одновременно с этим пошли слухи, что лица из центральных и западных районов Польши вскоре будут отправлены домой. И действительно, начиная с апреля 1940 года руководство лагерей начало отправлять группы численностью 200—300 военнопленных по направлению к Смоленску, откуда офицеры, проживавшие в Западной и Центральной Польше, направлялись в Брест, а остальные — в лагеря в районе Смоленска. Сейчас мне сложно сказать, сколько тысяч польских офицеров было передано немцам советскими властями с апреля 1940 года до момента начала немецко-русской войны 1941 года [4]. Лишь одно известно: как только польские офицеры пересекли немецкую границу, о них не поступало никаких сведений вплоть до 13 апреля 1943 года, когда немецкое радио передало сенсационное сообщение всему миру об обнаружении массовых захоронений убитых польских офицеров в катынских лесах. У меня есть основания полагать, что часть, возможно, 2000—3000 офицеров, найденных в лесах Катыни, были перевезены из района Смоленска, оккупированного немцами в 1941 году, а остальные — из других мест, известных только немцам. Зная историю зверств, творимых гитлеровцами, я не сомневаюсь в том, что немцы спланировали это убийство и осуществили его с присущей им аккуратностью. Они знали, что внезапное исчезновение нескольких тысяч польских офицеров, которые, как все знали, содержались в заключении в СССР, вызовет серьезные подозрения у их друзей, которые все еще находились в Советском Союзе, и станет яблоком раздора в польско-советских отношениях. И в самом деле, после подписания польско-советского договора [5] в отношениях между нашими странами возникли трения, вызванные именно тем, что польские офицеры не прибыли для регистрации в польскую армию после объявления об амнистии[6].

В действительности ни для кого не является неожиданным, что немцы делали все возможное для того, чтобы посеять семена недовольства между поляками и русскими, так как они опасались их объединения против Германии. В подтверждение тому, что такой немецкий заговор действительно существовал, я привожу отрывок из рассказа «Салус» Зджислава Бау, опубликованного в «Парыска культура» (№ 4/367/1978), где утверждается, что в начале декабря 1941 года в штаб генерала Андерса в Бузулуке явилось четыре человека, которыми занимался лейтенант Шатковский. Они заявили, что прибыли из Польши и принадлежат к подпольной организации под названием «Мушкетеры», принесли с собой микропленку, а также слухи о том, что исчезнувшие польские офицеры были убиты где-то под Смоленском. Содержание микропленки осталось неизвестным, вероятно, потому, что эта четверка в то время в Польше работала в гестапо и была направлена с целью посеять разногласия в польской армии и недоверие к русским. Подобного рода провокации со стороны немцев были обычным явлением и еще раз подтверждали то, что фашисты не остановятся ни перед чем, чтобы разжечь ненависть между поляками и русскими, помешать объединению славян. Именно с этой точки зрения мы и должны рассматривать обнаружение немцами захоронений в Катыни. Общеизвестно, что весной 1943 года немцы отступали по всему Восточному фронту, и «обнаружение» могил убитых вовсе не случайное, как твердила об этом германская пресса и пропагандистская машина Геббельса, а являлось хорошо спланированным и просчитанным ходом гестапо, которое хотело вызвать у поляков враждебные чувства по отношению к приближающейся Красной Армии.

Конечно, если рассматривать ситуацию с немецкой точки зрения, то во всей этой процедуре нет ничего предосудительного. Ведь можно сказать, что немцы вели себя так, как и другие государства во время войны, когда можно использовать любую возможность, чтобы вызвать разногласия в стране врагов или их ослабить. Нельзя, мол, упрекать немцев, поскольку поляки сами позволили втянуть себя в это дело, на практике означающее, что они слушали и верили геббельсовской пропаганде. На мой взгляд, немцы обыграли катынский вопрос мастерски. Они повесили обвинение за резню на дверь русских, тем самым расчищая себе дорогу для отступления по польской территории. Одновременно они вызвали серьезные споры между поляками и русскими, а если добавить, что породили также и разногласия в лагере наших союзников то можно сказать, что они достигли колоссальных успехов, достойных восхищения.

У меня нет никаких сомнений в том, что немцы знали: раскрыв катынскую резню, они найдут для себя наиболее выгодный выход, поскольку понимали, что через короткий промежуток времени этот район будет вновь отвоеван русскими и все тайное здесь станет явным, так как местное население видело польских заключенных, до и после того, как этот район был оккупирован немецкими войсками, а также знало, что в первый период оккупации Смоленска немцы охотились на беглых заключенных из лагерей с польскими военнопленными[7].

Имеет смысл еще отметить и то, что местечко под названием Козьи Горы, где, как известно, находился дом отдыха НКВД, вплоть до начала войны открытое для посещения местным населением, с прибытием немцев было обнесено колючей проволокой и строго охранялось, так что никто не мог туда проникнуть.

Даже русские, нанятые немцами для работы на кухне, не могли заходить в местный лес, где впоследствии были обнаружены захоронения убитых офицеров. Поэтому из самого характера поведения немцев можно сделать вывод,

что уже с самого начала пребывания в этом районе они строили планы на убийство, но предпринимали все для того, чтобы сохранять их в тайне.

Будучи в Воркуте в лагере №10, я встретил майора немецкой армии, который с 1941 года находился в оккупированном Смоленске. От него я узнал, что немцы и в самом деле захватили несколько лагерей с польскими военнопленными, расположенных в этом районе. Однажды в беседе я поинтересовался его мнением о Катыни. Он прямо мне ответил, что это дело рук немцев, поскольку это отвечало их интересам, и искренне удивился польским протестам. Майор придерживался мнения, что хороший солдат, а тем более офицер должен умереть, если погибает его родина. Он заявил, что, попав в руки русских, хорошо понимал, что может умереть, и если этому суждено было случиться, он примет смерть как подобает немецкому офицеру. Я также слышал от него, что немцы знали о попытках генерала Сикорского в Москве освободить польских офицеров и солдат, что способствовало бы заключению советско-польского соглашения. Майор ни в малейшей степени не считал убийство этих польских офицеров преступлением. По его мнению, после всего, что произошло, эти польские офицеры представляли серьезную опасность для Германии. Этого же мнения придерживались и многие другие немецкие военнопленные[8].

В лагере № 11 в Воркуте я повстречал Влодзимежа Мандрыка, который до войны и в период оккупации работал на главпочтамте в Смоленске. Мандрык совершенно определенно утверждал, что в окрестностях Смоленска с 1940 года были лагеря с польскими узниками. Он готов был даже поклясться, что они ликвидированы немцами. По его рассказу это произошло в период между августом и октябрем 1941 года, поскольку именно в это время на почту прекратили поступать письма, написанные в этих лагерях, а любая корреспонденция, адресованная в лагеря, в соответствии с указанием немцев уничтожалась. Мандрык помнил также, что приблизительно в это же время немцы объявили, что польские военнопленные отправлены в Польшу.

Осенью 1952 года меня перевели в Норильск, где в лагере № 4 я встретил капитана Владислава Зака, попавшего в русский плен в сентябре 1939 года. В течение целого года мы прожили в одном бараке, и я был свидетелем многих дискуссий и споров среди поляков по катынскому вопросу, непременным участником которых был капитан Зак, постоянно утверждавший, что он абсолютно уверен в том, что Катынь является делом рук немцев и что он тоже бы разделил участь своих убитых товарищей, если бы не случай: за две недели до нападения Германии на Советский Союз он был переведен из лагеря под Смоленском в тюрьму в Москве, где его, обвинив в шпионаже и саботаже, приговорили к десяти годам лишения свободы. В лагерь под Смоленском капитан Зак прибыл вместе с группой польских офицеров в конце апреля 1940 года. Все остальные поляки, которых я встречал в Норильске, склонны были верить, что польские офицеры погибли от рук русских. Большинство из них, моих товарищей по несчастью, были из состава польской повстанческой армии и просто-напросто бездумно повторяли ту информацию, которая распространялась нацистской пропагандой и реакционными польскими группировками в Лондоне.

На мой взгляд, капитан Зак был важным свидетелем по катынскому делу, поскольку его рассказ большей частью совпадал с рассказами других польских офицеров, которые в 1942 году ушли с польской армией на Средний Восток.

Среди многих воспоминаний, которые я прочитал о Катыни, была книга Станислава Свяневича под названием «В тени Катыни», а также книга Юзефа Чапского «На бесчеловечной земле». Из них я узнал, что польские военнопленные в советском плену были не такие уж бедные, к ним относились довольно хорошо. Например, Юзеф Чапский в своей книге пишет о лагере с польскими офицерами, где в 1940 году русские власти содержали трех польских генералов: Х. Минкевича, М. Сморовинского, Б. Бохатеревича. В один из дней, когда последние должны были покинуть лагерь, лагерная администрация устроила прощальный обед. Для того, кто не знает Советского Союза, этот жест не будет иметь какого-либо иного, более глубокого смысла. Для меня же и других мне подобных, проведших не один год в Советском Союзе, это ясно указывает, что руководство лагеря таким способом демонстрировало свое уважение к этим высшим офицерам. Для меня даже упоминание о таком факте, что офицеры, покидавшие лагерь в Козельске, получали сельдь, завернутую не как обычно в газету, а в качественную новую серую бумагу, говорит о том, что офицеры возвращались в Польшу и русские хотели показать немцам, что и они тоже цивилизованные люди. Да, значение подобных, казалось бы, малозначительных жестов может понять лишь человек, проживший в России много лет[9]. Убежден, что у лагерной администрации не было другой возможности, чтобы сформировать у отъезжающих польских офицеров хорошее впечатление о себе. Тем же, кто бездумно обвиняет русских в убийстве польских офицеров, я советую все же внимательнее присмотреться к маленьким деталям из повседневной жизни поляков в России, поскольку именно эти небольшие штрихи привели к подписанию польско-советского договора в 1941 году, к освобождению многих тысяч польских заключенных из лагерей и к формированию польской армии в СССР [10].

В июле 1953 года вместе с группой инвалидов я был направлен в район Иркутска в лагерь № 233. Здесь я познакомился с отцом Козера, проявлявшим очень большой интерес к катынскому делу. В течение более чем восьмилетнего пребывания во многих лагерях отец Козера собрал много интересных материалов, приведших его к окончательному выводу, что катынское преступление совершено немцами. Но из всех людей, которых я встречал, наиболее весомым было свидетельство русского майора, который до войны работал в смоленской комиссии по лесозаготовкам, а с приходом немцев, будучи подпольщиком, устроился работать на железную дорогу. Этот майор рассказал мне, что его интерес к убитым офицерам пробудился по воле случая, когда один из его людей доложил ему. что немцы обнесли район Козьих Гор колючей проволокой и установили таблички с надписями, что вход в эту зону запрещен.

«Я подумал, — рассказывал майор,— что немцы там строят какой-то секретный объект или склад с боеприпасами, а поэтому я приказал своим людям проверить это. Однако когда доложили, что местное население видело, как немецкие грузовики, полностью загруженные польскими военнопленными, въезжали в зону, я решил, что немцы, по всей вероятности, строят там лагерь для поляков. В начале 1943 года я был отправлен на работы в Германию и когда услышал о том, что немцы обнаружили в катынском лесу могилы убитых польских офицеров и что обвинения возлагаются на Советский Союз, то понял всю глубину вероломства нацистской пропаганды».

Только случай помог мне встретиться с этим майором из Смоленска, и его заявление убедило меня в том, что только немцы должны нести ответственность за смерть тех польских офицеров в Катыни.

Всего в Советском Союзе я провел девять лет: два года в ссылке и семь в лагерях. За это время я через многое прошел, всякое повидал, встретил тысячи интересных людей и полагаю, что, если советские власти захотели бы отделаться от тех польских офицеров, они прибегнули бы к своим хорошо освоенным методам, заслав их на Новую Землю, на Колыму или в Норильск, как они это уже делали с миллионами русских и украинских политических оппонентов, где по меньшей мере половина умрет в течение года от холода, голода и болезней.

Как бывший политический заключенный, осужденный советским военным трибуналом во Львове к 25 годам лишения свободы с отбыванием срока в лагерях, я далек от попыток реабилитировать советскую систему. Я сам стал безвинной жертвой и едва не погиб от рук тирана. Я понял также всю преступную историю сталинского времени и знаю,

что многие сотни тысяч людей были убиты, многие миллионы сосланы в сибирские лагеря, откуда вернулись лишь единицы. И если я поднялся на защиту русских, то только с целью исправить существующее неправильное мнение по катынскому вопросу, поскольку, как мне известно, подобная информация была состряпана столь вероломно и безответственными людьми.

Должен заметить, что при всей своей неприглядности и жестокости коммунистическая система отличается от нацистской тем, что она всегда пыталась соблюдать приличия в отношении закона и порядка. Советские суды с момента своего появления приговаривали людей к расстрелу. Однако эти приговоры приводились в исполнение в тюрьме и только после подтверждения Верховного суда или Верховного Совета Союза ССР.

Этим я хочу сказать, что во времена Сталина коммунистическая система находилась в чрезвычайно дегенеративном виде, но ее юрисдикция никогда не допускала массовых убийств людей без суда, как это было в Катынском лесу Подобные убийства имели место в России только в ходе революции. Поэтому расследование Международной комиссий, состоящей из представителей стран, находившихся в немецкой оккупации, нельзя принимать в расчет, так как они работали под контролем гестапо. Профессор Бухц из Вроцлавского университета, принимавший участие в эксгумации, мог знать правду, но позднее был убит немцами [11] . На основании накопленных мною материалов я располагаю всеми необходимыми доказательствами для того, чтобы заявить, что обвинения польского правительства в Лондоне были основаны лишь на политических мотивах. То же я могу сказать и о генерале Андерсе, который, услышав сообщение о катынской резне, начал демонстрировать нездоровые психические симптомы, приказав создать при штабе польской армии в России документальную службу и поисковую партию для установлений места нахождения исчезнувших польских офицеров. Он также приказал капитану Ю. Чапскому собирать клеветнические материалы против Советского Союза, на основании которых Чапский после выезда из СССР написал и опубликовал книгу под названием «На бесчеловечной земле» с целью отравить польско-русские отношения. Здесь я должен добавить, что назначение генерала Андерса главнокомандующим польской армией в России было одной из крупнейших ошибок и продемонстрировало неспособность генерала Сикорского найти на эту должность достойного человека. Будь вместо Андерса главнокомандующим генерал Борута-Спехович, я уверен, что он не побоялся бы сражаться на Восточном фронте. Его бы не раздражал русский ржаной хлеб и сон на соломенном матраце. Он бы знал, как взглянуть в будущее, и был бы во главе польской армии, входящей в освобожденную Варшаву. Мы знаем, что генерал Андерс не мог забыть то унизительное время, проведенное в тюрьме, и дышал ненавистью и презрением к России и русскому народу и с самого начала делал все, что было в его силах, для создания максимально плохих отношений между русским и польским командованиями. Любым своим шагом он проявлял огромное нежелание, граничащее со страхом, как только поднимался вопрос об участии польской армии в боевых действиях на Восточном фронте.

С самого начала он маневрировал с целью вывести польскую армию из России на Средний Восток. Вместе с польским послом Котом они не понимали, что выполняют чрезвычайно важные функции в единственной в своем роде системе, и поступали столь эгоистично, словно находились в своем собственном доме, нанося таким поведением громадный вред полякам и Польше.

Исследуя документы дипломатической переписки, хранящейся в архиве Польского института в Лондоне и Британском архиве, я выяснил, что некоторые ответы, данные советскими властями на вопросы об исчезнувших польских офицерах, были скрыты от общественности.

Вот эти ответы:

— 8 сентября 1941 года Молотов в соответствии с объявленной амнистией от 12 августа того же года заявил, что на основании указания Председателя Совета Народных Комиссаров СССР все граждане Польши, лишенные свободы, как, например, военнопленные и другие лица, освобождены, а кроме того, этим людям Советским правительством оказана финансовая помощь.

— Сталин в беседе с польским послом Котом 18 марта 1942 года сказал, что он приказал освободить всех поляков. Зачем их держать? Возможно, они оказались на немецкой территории, рассеялись, бежали.

— Министр безопасности (нарком внутренних дел. — В. П.) Берия ответил: «Мы совершили огромную ошибку, передав большую часть немцам».

— Комиссар (заместитель наркома иностранных дел.— В. П.) Вышинский сказал: «Мы возвратили всех людей, которые у нас были, мы не можем вернуть тех, кого у нас нет».

Из приведенных выше заявлений ясно видно, что оба, посол Кот и генерал Андерс, получили достаточную информацию о судьбе исчезнувших польских офицеров, и можно только удивляться тому, что они вводили в заблуждение польское правительство в Лондоне и помогали немцам в катынском вопросе.

THE KATYN IN THE LIGHT OF BRITISH DOCUMENTS

Как мы уже сообщали, редакция располагает архивными материалами, присланными Ромуальдом Святеком из Лондона. Ниже приводятся выдержки из бесед представителей польской и советской сторон, темой которых послужило исчезновение пленных польских офицеров.

14 октября 1941 года состоялась очередная встреча между польским послом профессором Котом и Вышинским. В ходе нее польский посол, ссылаясь на намечаемый визит в Москву генерала Сикорского, сказал: «Я позволю себе надеяться, что генерал Сикорский найдет своих офицеров, когда приедет».

— Мы доставим вам всех, кто у нас есть, — ответил Вышинский, — но мы не можем передать вам тех, кого у нас нет. Англичане, например, передали нам список своих сограждан, которые, по их мнению, находятся в СССР, но которых в действительности никогда здесь не было.

8 ноября 1941 года комиссар Молотов направил ноту, в которой, в частности, отмечалось: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года об амнистии все польские граждане, содержащиеся под стражей в качестве военнопленных или задержанные по другим аналогичным причинам, были освобождены. Вышеуказанным категориям лиц и военнопленным советские власти оказали всю необходимую помощь».

14 ноября 1941 года советский посол при польском правительстве в Лондоне Богомолов вручил польскому представителю ноту, повторяющую по содержанию ноту Молотова от 8 ноября. В ней подчеркивалось: «Освобождены также все польские офицеры, содержавшиеся под стражей на территории СССР. Предположения, сделанные польским премьер-министром, что множество польских офицеров содержится в северных районах СССР, по-видимому, базируются на неточной информации».

Двумя днями раньше, 12 ноября 1941 года, состоялась очередная встреча польского посла Кота с Вышинским, который заявил: «По моему мнению, все офицеры уже освобождены. Сейчас необходимо лишь установить их местонахождение. И если кто-либо из них еще не освобожден, он обязательно будет освобожден. По-моему, этой проблемы больше не существует».

В конце концов после трех с половиной месяцев бесплодных попыток разыскать пропавших людей, в течение которых ни одно из советских учреждений не было в состоянии дать удовлетворительный ответ на вопрос о том, что же стало с теми тысячами польских военнопленных, в большинстве своем офицеров, польский посол 14 ноября 1941 года попросил об аудиенции с советским диктатором Сталиным. На встрече присутствовал комиссар Молотов. Ниже приводится запись беседы, сделанная сразу после этой встречи:

Посол. Я уже отнял у вас, господин президент, много времени, тогда как у вас так много важных дел. Однако у меня есть еще один важный вопрое. Могу я его задать?

Сталин (вежливо). Конечно, господин посол.

Посол. Вы — автор амнистии для польских граждан в СССР. Не затруднит ли вас использовать свое влияние для того, чтобы эта инициатива была выполнена полностью?

Сталин. Разве есть поляки, которых еще не освободили?

Посол. Ни один офицер не прибыл к нам из лагеря в Старобельске, которым был закрыт весной 1940 года...

Сталин (перебивая). Я это проверю. Однако после освобождения многое могло случиться. Как звали командующего обороной Львова? Лангнер, если я не ошибаюсь?

Посол. Генерал Лангнер, господин президент.

Сталин. Совершенно верно, генерал Лангнер. Мы освободили его в прошлом году. Мы привезли его в Москву, беседовали с ним. Затем он исчез за рубежом, вероятно, в Румынии.

(Молотов кивает).

Сталин. Для нашей амнистии нет исключений, однако нечто подобное могло случиться и с другими офицерами, как и с генералом Лангнером.

Посол. У нас есть список. Например, генерал Станислав Халлер до сих пор не найден, офицеры из Старобельска, Козельска и Осташкова, которые были вывезены из этих лагерей в апреле и мае 1940 года, исчезли.

Сталин. Мы освободили всех, даже тех людей, которые были засланы к нам генералом Сикорским взрывать мосты и убивать советских людей; мы освободили даже зтих людей. (На самом деле это не генерал Сикорский, который послал их, а его начальник штаба Соснковский [12]).

Посол. У меня к вам просьба, господин президент, чтобы вы дали указание освободить офицеров, которые нам нужны для организации армии. Мы располагаем сведениями на момент их вывоза из лагерей.

Сталин. Это точные списки?

Посол. Каждое имя записано русским руководством лагерей, которое делало ежедневную перекличку всех заключенных. В дополнение к этому НКВД на каждое лицо заводило дело. Нам не было передано ни одного офицера штаба армии генерала Андерса, которой он командовал в Польше.

(Сталин, который до этого несколько минут стоял, начал медленно двигаться вокруг стола, куря папиросу, но внимательно слушая и отвечая на вопросы, быстро подошел к телефону, стоявшему на столе Молотова, чтобы позвонить в НКВД).

Молотов (также встает и подходит к телефону). Так не соединится. (Он поворачивает выключатель и снова садится за стол).

Сталин (в телефонную трубку). Сталин говорит. Все поляки освобождены из тюрьмы? (Некоторое время молчит, слушая ответ.) У меня здесь посол, который говорит мне, что освобождены не все. (Он снова слушает ответ, затем кладет трубку и возвращается к столу).

После нескольких минут беседы на другую тему зазвонил телефон. Сталин покидает стол заседаний и некоторое время слушает, вероятно, ответ на вопрос, заданный ранее, относительно освобождения поляков. Положив трубку, он возвращается на свое место, не говоря ни слова.

3 декабря 1941 года в Кремле состоялась встреча Сталина с генералом Сикорским, на которой присутствовали генерал Андерс и комиссар Молотов. Приводим часть этой беседы:

Сикорекий. Хочу отметить в вашем присутствии, господин президент, что ваша декларация относительно амнистии не претворена в жизнь. Многие наши наиболее полезные нам люди до сих пор находятся в лагерях и тюрьмах.

Сталин. (делая пометки). Это невозможно, поскольку амнистия распространяется на всех и все поляки были освобождены (последние слова были адресованы Молотову. Молотов кивает).

Андерс. (сообщив подробности относительно вопроса, поднятого генералом Сикорским). Это не соответствует истинному положению дел.

Сикорскнй. Это не наше дело передавать Советскому правительству подробный список наших людей; это могут сделать коменданты лагерей. У меня с собой есть список примерно 4000 офицеров, которые были насильственно депортированы и которые все еще находятся в тюрьмах и лагерях, но этот список еще неполный, поскольку содержит имена людей, записанные по памяти. Я предпринял ряд шагов, чтобы проверить, не находятся ли они дома, поскольку мы поддерживаем тесный контакт с Польшей. Было установлено, что никого из них там нет, нет и в немецких лагерях для военнопленных. Эти люди здесь. Никто не вернулся.

Сталин. Это невозможно. Они скрылись.

Андерс. Где они могли скрыться?

Сталин. Ну, в Маньчжурии.

Аидерс. Невозможно, чтобы все они скрылись... Большинство офицеров из этого списка я знаю лично. Там офицеры моего штаба, а также командиры, которые служили под моим началом...

Сталин. Они, безусловно, освобождены, но еще не прибыли.

Сикорский. Россия огромна, трудности громадные. Возможно, что кто-то из властей на местах еще не получил указаний... Если бы кто-нибудь скрылся за пределами России, он бы мне сообщил.

Сталин. Пожалуйста, поймите, что у Советского правительства нет причин задерживать хоть одного поляка.

Молотов. Представляется невозможным, чтобы ваши люди могли все еще находиться в лагерях.

Андерс. Но я абсолютно уверен, что они еще там....

Сталин. Этот вопрос будет решен. Должностным лицам будут даны особые указания. Вместе с тем вы должны учитывать, что идет война.

18 марта 1942 года генерал Андерс в сопровождении начальника штаба полковника Л. Окулицкого встретился со Сталиным и в очередной раз поднял вопрос об исчезнувших польских военнопленных. Вот выдержки из их записей зтой беседы:

Андерс. Кроме этого, многие наши люди все еще находятся в тюрьмах и лагерях. До настоящего времени никто из

офицеров, вывезенных из Козельска, Старобельска и Осташкова, не появился. Поэтому они, безусловно, находятся у вас. (Он передает два листа со списками, которые принимает Молотов). Где они могут быть? Мы пытались установить их местонахождение на Колыме.

Сталин. Я уже дал указания, чтобы их освободили. Нам говорили, что они даже на Земле Франца-Иосифа, но там никого нет. Я не знаю, где они. Почему мы должны их держать? Возможно, они были в лагерях в районах, захваченных немцами, и рассеялись.

Окулицкий. Невозможно — мы бы узнали об этом.

Сталин. Мы задерживаем только тех поляков, которые занимались шпионской деятельностью по приказу Германии. (Затем он сменил тему беседы).

10 июля 1942 года поляки получили памятную записку Наркомата иностранных дел, в которой, в частности, говорилось: «Известно, что многие польские граждане, освобожденные до выхода Указа об амнистии, уехали из Советского Союза к себе на родину. Необходимо отметить и то обстоятельство, что многие польские граждане, освобожденные в соответствии с условиями амнистии, уехали за границу, часть из них в Германию... И в заключении, в результате стихийной миграции из северных в южные районы СССР зимой 1941 года, несмотря на неоднократно повторяемые предостережения Наркомата, многие польские граждане по дороге заболели и были сняты с поезда на различных станциях. Часть из них умерло в пути. Все эти обстоятельства хорошо объясняют тот факт, что определенное число польских граждан не подает признаков жизни».

Вопрос об «исчезнувших» заключенных в последний раз обсуждался 8 июля 1942 года, когда посол Кот, сопровождаемый временным поверенным в делах Польши в СССР Сокольницким, нанес прощальный визит Вышинскому. Сокольницкий описал обсуждение этой темы следующим образом:

Вышинский. Что же касается содержащихся в тюрьме и лагерях поляках, я должен заверить вас, господин посол, что мы проверили этот вопрос и удостоверились в том, что их в действительности там нет. Офицеров нет ни на Крайнем Севере, ни на Дальнем Востоке, ни в каком-либо другом месте. Возможно, они за пределами СССР, возможно, часть из них умерла. Все они были освобождены. Часть была освобождена до начала войны с Германией, часть после ее начала.

Кот. ...Что касается офицеров, то я должен заметить, что из Польши я получил большое число запросов от их семей, очень волнующихся об их судьбе и продолжающемся отсутствии. Ни одного из них там нет.

Сокольницкий. Если наши пленные были освобождены, то, пожалуйста, дайте мне их список с указанием даты и места их освобождения. Советской администрацией составлялось несколько списков заключенных в лагерях, поэтому формирование этих списков не может вызвать каких-либо трудностей.

Вышинский. К сожалению, у нас нет таких списков.

Помимо приведенных выше официальных переговоров и дипломатических контактов, на которых в той или иной степени затрагивались вопросы об исчезнувших польских военнопленных, большую часть которых составляли офицеры, польский штаб, размещавшийся на территории Советского Союза, также располагал конфиденциальной информацией по исследуемой теме.

Вот, например, что сообщили офицеры польского генерального штаба, которых советские власти осенью 1940 года перевели из Грязовецкого лагеря в Москву. Группа офицеров, симпатизировавших Советскому Союзу, была переведена в Бутырскую тюрьму и на Лубянку, а затем привезена на подмосковную дачу. Там Берия и Меркулов, руководитель НКВД и его заместитель соответственно, собрали поляков для обсуждения с ними вопроса об организации ядра Польской Красной Армии. В ходе дискуссий был поднят вопрос и о пропавших из Козельска, Старобельска и Осташкова польских офицерах.

Юзеф Чапский в своих «Воспоминаниях из Старобельска» пишет: «В октябре 1940 года — за восемь месяцев до начала советско-германской войны — большевики перевезли в специальный лагерь недалеко от Москвы несколько офицеров нашего штаба, среди которых был подполковник Берлинг, и предложили им организовать польскую армию, чтобы воевать против немцев. Берлинг с одобрением отнесся к этому предложению, сделав при этом одну существенную оговорку, чтобы в эту армию могли вступить все офицеры и другие польские военнослужащие независимо от их политических взглядов. Во встрече участвовали Берия и Меркулов.

— Ну конечно же, — заявили они, — поляки всех политических взглядов будут иметь право вступить в эту армию.

— Очень хорошо, — ответил Берлинг, — в лагерях в Козельске и Старобельске находятся прекрасные кадры для этой армии.

На что Меркулов заметил:

— Нет, не эти. Мы совершили с ними огромную ошибку.

В штабе армии генерала Андерса знали об этой ремарке Меркулова относительно «огромной ошибки», что усилило опасения за судьбу исчезнувших заключенных.

В апреле 1943 года, когда немцы обнаружили тела польских офицеров в Катыни, слова Берии и Меркулова, сказанные в октябре 1940 года, снова вспомнили. Польская армия под командованием генерала Андерса была уже на Ближнем Востоке, и там полковник Е. Горчинский представил в штаб рапорт, датированный 6 мая 1943 года. В нем говорилось: «Когда мы сказали комиссару Берия, что большое число первоклассных офицеров для активной службы находится в лагерях в Старобельске и Козельске, он заявил: «Составьте их список, однако немного из них осталось, поскольку мы совершили большую ошибку, передав большую их часть немцам»[13].

Это заявление полковника Е. Горчинского содержит в себе важное дополнение. По свидетельству Чапского, он и его коллеги из группы просоветски настроенных офицеров ранее цитировали реплику Берии и Меркулова, не упоминая пассажа относительно передачи пропавших офицеров немцам.

4 мая 1943 года британский министр иностранных дел Иден сделал такое заявление в палате общин:

«Палата, без сомнения, выслушает мое короткое заявление относительно трудностей, к сожалению, возникших между советским и польским правительствами. Я не вижу необходимости вдаваться в причину возникновения этого спора. Я хочу лишь привлечь внимание, что, впрочем, уже сделали советское и польское правительства в своих опубли-

кованных заявлениях, к цинизму, с которым нацистские убийцы сотен тысяч ни в чем не повинных поляков и русских используют историю о массовом убийстве с целью нарушить единство союзников.

С самого начала правительство его величества делало все возможное, чтобы убедить поляков и русских не позволить немецким манипуляциям иметь даже малейший успех. Именно поэтому правительство с сожалением узнало о том, что вслед за обращением польского правительства в Международный Красный Крест[14] о расследовании предложенной немцами версии советское правительство посчитало необходимым прервать отношения с польским правительством. Правительство его величества не желает возлагать обвинения за эти события ни на кого, кроме как на общего врага. Единственное желание английского правительства состоит в том, чтобы эти разногласия между двумя государствами — членами Объединенных Наций были устранены как можно быстрее и чтобы отношения между Советским Союзом и Польшей были восстановлены на базе сотрудничества, налаженного невзирая на все трудности между маршалом Сталиным и генералом Сикорским и доказавшего свое положительное воздействие в Объединенных Нациях и (которое) имеет чрезвычайно важное значение для будущего благополучия Европы.

Проводя такую политику, правительство его величества безусловно работает, поддерживая теснейшее взаимодействие и консультации с правительством Соединенных Штатов. Они надеются, что государственная мудрость, приведшая к заключению советско-польского договора от 30 июля 1941 года, снова, как и ранее, будет иметь успех. По крайней мере в одном можно быть уверенным: у немцев нет никаких надежд на то, что их маневры ослабят совместное наступление союзников или растущее сопротивление порабощенного населения «Европы».

Авторское заключение

В заключение этой грустной истории мне бы хотелось посоветовать полякам, чтобы они раз и навсегда прекратили таить обиды по отношению к своему восточному соседу, поскольку как география, так и границы Польши изменились после войны.

Каждый истинный поляк должен быть этим не только удовлетворен, но и благодарен тем, кто это сделал. Когда я вернулся из лагеря в 1956 году и посетил наши западные территории, я осознал всю экономическую важность новых польских границ и в душе простил Сталина за причиненные мне и моей семье страдания, так как он был главной силой, приведшей к формированию этих польских границ.

Для всех тех, кто все еще упрямо мечтает о Польше, простирающейся от Балтики до Черного моря, я прилагаю письмо Уинстона Черчилля, стоящее того, чтобы его прочитать. Оно призывает подумать тех поляков, которые часто не знают ни того, чего они хотят, ни того, чем они владеют, и не желают знать того, что Советский Союз пожертвовал многими миллионами своих солдат, чтобы поляки смогли иметь свое собственное независимое государство, чего они никогда не смогли бы получить своими силами:

«Премьер-министр — Форин офис

7 января 1944 года

1. Я не думаю, что нужно приглашать поляков, но я сообщу вам об этом в течение ближайших двух суток.

2. Я бы глубоко задумался, прежде чем сообщать миру о том, что мы объявляем войну за Польшу и что польская нация достойна иметь лучшую территорию, тем более что мы никогда не брали на себя обязательств защищать существующие польские границы и что жизни 20—30 млн. русских дают право на гарантированную безопасность западных границ Польши.

3. Более того, без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать. Сейчас Польше отводится положение великой независимой нации в сердце Европы, с прекрасным морским побережьем и лучшей территорией, чем та, которую она имела прежде. И если она не примет этого, Британия снимает с себя все свои обязательства и пусть поляки сами договариваются с Советами.

4. Я не думаю, что мы можем давать хоть какие-то авансы на дальнейшую помощь или признание до тех пор, пока они не выразят своей искренней поддержки решения, к которому мы пришли вместе с нашим советским союзником. Они должны быть очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости.

Уинстон Черчилль».

Публикация и перевод редактора «Военно-исторического журнала»
капитана 2 ранга В. Ф. ПАТРУШЕВА

От редакции. Вот, уважаемый читатель, еще одна версия относительно судьбы польских военнопленных, чьи тела были обнаружены в Катынском лесу. Ромуальд Святек высказал свое мнение. И в логике рассуждений ему не откажешь. Хотя, конечно, можно с ним в чем-то не соглашаться. Вот, скажем, беседы польских представителей с Вышинским, Берией, Меркуловым. Приводя отрывки из них, автор вправе рассчитывать на то, что столь высокопоставленные особы не могут покривить душой, а тем более лгать. Да это и понятно: Святек воспитывался в иных условиях, живет в другой стране, где политические и государственные деятели с большим уважением относятся к закону, где не принято, наверное, идти на сделку с совестью в угоду каким-то корыстным интересам. Но ведь это является правилом лишь в том случае, если у людей есть совесть, развито чувство самоуважения, чувство долга перед Отечеством. А для таких «деятелей», как Берия, Вышинский, Меркулов, и других им подобных, манипулировавших статьей закона, вершивших произвол, посылавших людей на смерть на основании грубо состряпанных обвинений-фальшивок, а то и вообще без суда и следствия, такие понятия, как честь, совесть, просто не существовали. Трудно, видимо, до конца верить и в искренность Молотова и Сталина. А ведь именно последний впервые высказал «предположение», впоследствии подхваченное его прихлебателями, что польские офицеры могли скрыться в Маньчжурии.

Мы не ставим точку на расследовании этой страшной страницы истории. Возможно, что в недалеком будущем у нас появятся новые сведения о Катыни, которые мы непременно опубликуем в нашем журнале.

[1] Нота правительства СССР была вручена чрезвычайному и Полномочному Послу Польши Гржибовскому утром 17 сентября 1339 года. В этот же день в 11 ч. 30 мин. утра Председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов выступил с речью по радио, в которой сообщил, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. — Правда. — 1939. — 18 сентября (здесь и далее примечания редакции).

[2] В ноте правительства СССР также говорилось, что «одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью». — Правда — 1939. — 18 сентября.

[3] 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан германо-советский Договор о дружбе и границах между СССР и Германией, в котором, в частности, говорилось, что «правительство СССР и германское правительство после распада бывшего польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям», — Правда. — 1939. — 29 сентября.

[4] В соответствии с постановлением СНК Союза ССР от 14 октября 1939 г. за № 1691-415 в октябре и ноябре 1939 г. было передано немцам 42 492 человека военнопленных поляков, родившихся на территории Польши, отошедшей к Германии. Передача производилась в двух пограничных пунктах: у Брест-Литовска и между станцией Яготин и городом Дорогуск. — Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6.—

[5] Договор был подписан 30 июля 1941 г.

[6] Президиум Верховного Совета СССР Указом от 12 августа 1941 г. амнистировал всех польских граждан, содержащихся в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях. — Правда. — 1941, — 13 августа.

[7] Свидетель Т. Е. Фатьков, колхозник, показал: «Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе—сентябре 1941 г. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились, и больше никто польских военнопленных не видел». — Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. — М.; Госполитиздат. 1946. — С. 107.

[8] Вот что писала английская газета «Таймс» 1 сентября 1943 г. в статье, посвященной второй годовщине гитлеровского вторжения в Польшу; «Никакая другая страна не подвергалась такому ужасающему опустошению и не терпела таких безжалостных преследований со стороны нацистских оккупационных армий, как Польша. Нигде еще губительная «теория» «народа-господина» не применялась с такой настойчивостью и с такой бессовестностью. Со всем польским народом нацисты обращаются как с низшей расой. В лице Советской России Польша имеет могучего союзника, обширные ресурсы которого и упорство сопротивления ускорят победу союзников и вместе с тем освобождение Польши».

[9] Каждому офицеру, покидающему лагерь, выдавалось 800 г. хлеба, немного сахара и три селедки.

[10] В соответствии с советско-польским соглашением от 30 июля 1941 г. между Верховным Главным Командованием СССР и верховным командованием Польши 14 августа того же года было заключено в Москве военное соглашение, подписанное со стороны СССР уполномоченным Верховного Главного Командования СССР генерал-майором А. Василевским, со стороны Польши — уполномоченным верховного командования Польши генерал-майором С. Богущ-Шишко. В качестве командующего польской армией на территории СССР главнокомандующий польскими вооруженными силами генерал Сикорский назначил генерала Андерса. Генерал Андерс приступил к формированию польской армии.- Правда. — 1941. — 20 августа.

[11] В своем докладе профессор Герхард Бухц, в частности, отмечает: «1 марта 1943 г. я получил для исследования доклад из гестапо от 28 февраля 1943 г. относительно обнаружения в Катынском лесу массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных в 1940 г. НКВД. Вместе с представителями гестапо я провел ряд подобных эксгумаций». Как мы видим, уже в марте 1943 г. гестапо было абсолютно уверено в том, что польских офицеров уничтожило НКВД, тогда как основные исследования захоронений проводились до 7 июня 1943 г. ,

[12] Генерал Соснковский был министром в правительстве генерала Сикорского в период с 1939 по 1941 г., а не начальником штаба.

[13] В октябре и ноябре 1939 г. немцам было передано 42 492 военнопленных поляка, уроженцев территории Польши, отошедшей к Германии. — Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 52 — 53.

[14] Думается, читателям небезынтересно будет узнать о том, кто же входил в руководящий состав Международной Организации Красного Креста:

Справка

о руководящем составе, возглавляющем Организацию Красного Креста за границей: США — Президент Франклин Рузвельт, Вице-Президент Герберт Гувер, Председатель Исполнительного Комитета Норман Дэвис; Англия — Высокий патрон король Георг, Почетный председатель королева, Председатель Исполнительного Комитета — сэр фельдмаршал Четвуд: Германия — Высокий патрон Гитлер. Председатель герцог Заксен-Кобург-Готский; Япония — Высокие патроны японский император и императрица. Почетный председатель принц Котохито-Канин, Председатель Центрального Комитета принц Коньюки Токугава; Бельгия — Высокий патрон бельгийский король, Почетный председатель бельгийская королева. Председатель Центрального комитета д-р Нольф. бывший министр: Франция — Почетный председатель маршал Петэн, Председатель маркиз де Мюн; Норвегия — Высокие патроны Норвежский король и королева. Председатель Исполнительного Комитета полковник Мейних; Турция — Высокий патрон президент республики, Председатель Административного Совета Рана Тюрхан, депутат Истамбула; Швеция — Высокий патрон шведский король, Председатель Центрального Комитета принц Карл Шведский; Италия — Высокие патроны король и королева Италии, Председатель Центрального Комитета сенатор Джузеппе Мормино.

ЦГАОР СССР, ф. 9501, оп. 7, д. 352, л. 119.

ВИЖ №11 1990

ХУЖЕ ЛЖИ (О боях в р-не В. Кумского в декабре 1942, Сталинградская битва)

ПИСАТЕЛЬ Г. В. Ключарев в статьях и выступлениях пытается убедить читателя и аудиторию в том, что он дает «новое прочтение Сталинградской битвы». Однако при внимательном рассмотрении претензий писателя «на истину и новизну» видения великой битвы становится ясно, что они, мягко выражаясь, беспочвенны. Ключарев просто неточно толкует источники и преувеличивает значение отдельных событий, участником которых был. Особенно характерны, по существу, идентичные статьи в «Литературной газете» за 8 марта прошлого года и в журнале «Вопросы истории» № 12 за тот же год.

Так, предпослав своей статье «За пределами Сталинградского «кольца», помещенной в «Литературной газете», вступление генерал-лейтенанта М. М. Кирьяна, которое, как выяснилось, тот никогда не писал, Ключарев объявил о начале «последовательной борьбы с историческими стереотипами», что в принципе можно было бы только приветствовать. Однако схема рассуждений писателя «оригинальна». Чтобы придать большую весомость эпизоду борьбы 14—19 декабря 1942 года у хутора Верхне-Кумского, он начинает искать корни тактического события в стратегических просчетах Верховного Главнокомандующего в ноябре — декабре 1942 года, который якобы упорно продолжал игнорировать мнения и предложения своих ближайших помощников — заместителя Г. К. Жукова и начальника Генерального штаба А. М. Василевского.

Здесь, вероятно, писателя подвела инерция мышления. Да, действительно, грубые просчеты Сталина в 1941 году, в первой половине 1942 года являлись следствием того, что он часто поступал вопреки мнению профессионалов-военачальников. Однако уже с осени 1942 года это было не так, о чем свидетельствуют и ход событий на фронтах, и мнения выдающихся полководцев Жукова и Василевского. «И, надо отметить, с этого момента (Имеется в виду назначение в конце августа 1942 г. Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего) Сталин почти не принимал решений по вопросам организации операций, не посоветовавшись со мной»(Правда.— 1989.— 20 января). В таком же плане высказывался и Василевский: «Поворотной вехой глубокой перестройки Сталина как Верховного Главнокомандующего явился сентябрь 1942 года... С тех пор, прежде чем принять решение по тому или иному важному вопросу ведения вооруженной борьбы, Сталин советуется, обсуждает его при участии своего заместителя, руководящих работников Генерального штаба...»(Василевский А. Дело всей жизни.— М.: Политиздат, 1975.— С. 643).

Однако над Ключаревым довлеют стереотипы сталинского поведения первого года войны, и он их упорно навязывает читателю. Почему? Вероятно, в погоне писателя за «жареным» очень уж привлекательно выглядит критика сталинизма как способ привлечь к себе внимание публики.

А в чем суть его критики?

В статьях, письмах и выступлениях писатель обрушивает свой творческий гнев на сталинизм, считая, что его духом пронизана экспозиция музея-панорамы «Сталинградская битва». У Ключарева это выражается якобы в «игнорировании (Сталиным. — Г. Х.) настойчивых предупреждений Жукова и Василевского» о необходимости создания надежного внешнего фронта после окружения войск Паулюса под Сталинградом и в том, что Верховный вопреки мнению военачальников «давил» на всех, безосновательно стремясь быстрее ликвидировать 300-тысячную окруженную вражескую группировку. Ключарев «уличает» Верховного чуть ли не в умышленном затягивании начала второго этапа стратегического контрнаступления (операция «Сатурн»), «в престижно-политических целях»; не смущаясь, «делает открытие» о якобы проявившихся «серьезнейших разногласиях в советском командовании» и о том, что «вопреки правильному мнению немецких генералов» советское командование безосновательно вдруг отказалось от варианта операции «Сатурн» и предпочло провести операцию «Малый Сатурн». Он бездоказательно утверждает об ошибочном использовании 2-й гвардейской армии и оспаривает точку зрения писателя Ю. Бондарева, выраженную в его произведении «Горячий снег». А 51-я армия на внешнем фронте, оказывается, по его мнению, и не армия, «а какая-то наспех сколоченная группировка».

Можно было бы продолжить разговор о неуемной фантазии писателя, строящего пирамиду личных представлений о событиях битвы, происходивших в декабре 1942 года. Однако следует задуматься, зачем ему, участнику шестидневных боев у Верхне-Кумского, все это потребовалось?

Ключарев считает, что кто-то, будучи приверженцем сталинизма, недооценивает роль и значение подвигов солдат и офицеров 4-го механизированного корпуса. Вот и пришлось ему «притягивать за уши» тактические аспекты битвы к стратегическим. Так ли все объективно и правдиво подает Ключарев? Рассмотрим по порядку.

Итак, первым объектом его «критики» стала экспозиция музея в Волгограде. С самого начала автор, вольно или невольно сместив временные рамки экспозиции, пытается доказать, что в ней не отражены события, происшедшие на рубеже ноября — декабря 1942 года, в частности бои в районе Верхне-Кумского. В действительности же в музее в разделе «Великая победа под Сталинградом» рассказывается о событиях, имевших место в период с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года. Между прочим, там экспонируются даже образцы оружия, подобранного на поле боя в районе Верхне-Кумского. Попытка приписать идею «быстрейшей ликвидации окруженной группировки Паулюса» лично Верховному выглядит типичной полуправдой. Идея была заложена Жуковым и Василевским в разработанный и вполне обоснованный замысел операции «Уран» — прорыв вражеской обороны, окружение, рассечение и быстрая ликвидация неприятельской группировки. Затем предусматривалось, расширяя фронт стратегического контрнаступления — операция «Сатурн», добиться полного разгрома войск фашистского блока на сталинградско-ростовском направлении и отсечения (изоляции) его группы армий «А» на Кавказе (ЦАМО СССР, ф 132-А, оп 2642. д 32 ЛЛ. 211—214). Эту мысль неоднократно подчеркивал А. М. Василевский (Василевский А. Указ. соч.— С 252—253). Придерживался такой же точки зрения и Г. К. Жуков, предлагая Верховному 29 ноября наряду с отражением возможных попыток врага к деблокаде разорвать его окруженную группировку на две части и после этого уничтожить сначала более слабую, а затем ту, что сильнее (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления.— М.: Изд-во АПН, 1969.— С. 447).

Когда же ликвидация окруженных замедлилась, эта проблема приковала внимание не только Сталина, но в первую очередь Жукова, Василевского и командующих фронтами (К. К. Рокоссовского и А. И. Еременко, так как окруженный противник отвлекал (сковывал) почти полумиллионную группировку советских войск, которая была так необходима для действий на внешнем фронте окружения, и надо было для быстрой ликвидации сил Паулюса использовать отсутствие крупных сил врага на внешнем фронте, пока последний не сосредоточил резервы и не деблокировал окруженных. Это было особенно важно, если учесть опыт почти сорванной из-за затянувшейся ликвидации окруженного противника Демянской операции.

Ликвидация окруженных войск Паулюса явно затягивалась. Причинами явились: ошибочная оценка разведорганами фронтов сил окруженных — вместо ожидаемых 80— 90 тыс. человек оказалось свыше 300, что привело к постановке советским войскам заведомо непосильных задач; неудачи Донского фронта еще на первом этапе операции, когда он не смог, как замышлялось, отсечь так называемую «задонскую группу» войск 6-й армии (Рокоссовский К. К. Солдатский долг.— М.: Воениздат 1968.— С. 159), и как следствие невозможность использовать образуемую при этом брешь для развития удара с запада в направлении города, рассечения наиболее сильной части немецкой группировки и быстрого уничтожения врага по частям. Таким образом, советским войскам не удалось превратить в единый, непрерывный процесс прорыв вражеской обороны, окружение и ликвидацию противника. Бои на внутреннем фронте приняли, как известно, затяжной характер.

Да, Сталину были присущи нетерпение, спешка и даже нервозность в подготовке и проведении операций после того, как было принято решение (Маршал Жуков. Каким мы его помним.— М.: Политиздат. 1988.— С. 244), но у стен Сталинграда в ноябре — декабре 1942 года этого не было. Здесь идея о необходимости быстрой ликвидации принадлежала и Ставке, и Генеральному штабу, и командующим фронтами. И в этом была большая стратегическая целесообразность. Но, как часто бывает в ходе вооруженной борьбы, действительность вносит свои коррективы, и тогда приходится решать задачи со множеством неизвестных. Однако справедливости ради и забегая вперед, нужно заметить, что, когда обстановка в середине декабря изменилась, именно Ставка приказала временно отложить операцию по ликвидации. Но Ключарев это трактует двусмысленно.

Далее писатель бездоказательно утверждает о якобы игнорировании Ставкой, ну и, конечно, Генеральным штабом предупреждений Жукова, Василевского и Еременко о необходимости усиления войск на внешнем фронте окружения. При этом он ссылается на предложения Жукова от 29 ноября 1942 года, который в это время находился далеко от Сталинграда — под Ржевом и руководил операцией «Марс»(Жуков Г. К. Указ. соч.— С. 446, 447).

Соображения носили характер оперативно-стратегического прогноза. Жуков исходил из того, что может в принципе предпринять фашистское командование, чтобы выручить свою окруженную группировку, и что следует предпринять в ответ. Заметим, что в конце ноября на внешнем фронте окружения от Нижне-Чирской до Котельниково противник не имел устойчивого фронта обороны и достаточных сил. Не имели превосходства здесь и советские войска, так как развернулась подготовка новой операции на Среднем Дону для нанесения удара на Ростов. Поэтому Ставка реагировала на предложения Жукова по мере возможности.

На его предложение «отбросить противника от Нижне-Чирской и Котельниково дальше на запад» было решено создать новую 5-ю ударную армию на нижнечирском направлении, усиленную 7-м танковым корпусом. На котельниковское направление перенацеливались 4-й механизированный, 13-й танковый корпуса, три стрелковые дивизии и другие части. Большего в тот момент дать сюда было невозможно.

На предложение о создании двух танковых резервных группировок в глубине на случай парирования возможных ударов врага с целью соединения с окруженными перенацеливались выдвигавшаяся из резерва Ставки 2-я гвардейская армия и 6-й механизированный корпус. Раньше сделать что-либо было просто невозможно, так как не было свободных сил.

Рекомендация нанести по окруженной группировке врага встречные удары с севера и юга с целью рассечения была далека от реальности: ни Донской, ни Сталинградский фронты не обладали в начале декабря для этого достаточными ударными возможностями.

Когда же нависла угроза со стороны вновь образованной неприятельской группы армий «Дон» под командованием Э. Манштейна, советское Верховное Главнокомандование немедленно изменило решение и нашло ответный ход: операция «Сатурн» была заменена операцией «Малый Сатурн». Мощный удар советских войск из района Среднего Дона во фланг и тыл группе армий «Дон» в направлении на Морозовск привел не только к полному разгрому армий союзников Германии, но и сорвал замыслы Манштейна на деблокаду армии Паулюса. Контрударные группировки противника «рассасывались для латания брешей». Враг потерял ближайшие аэродромы, так необходимые ему для эффективного функционирования «воздушного моста» и снабжения окруженных.

Напрашивается вопрос: чего же стоит «критика» Ключарева?

Затем писатель строит ложную версию по поводу отсрочки Верховным начала операции «Малый Сатурн». Да, отсрочка имела место, хотя была нежелательна. Однако Сталин пошел на это по настойчивой, вызванной неготовностью войск просьбе представителя Ставки генерала Н. Н. Воронова, а также командующего войсками Юго-Западного фронта генерала Н. Ф. Ватутина. Перенос начала операции с 10 на 16 декабря был вполне разумен и обоснован: не прибыли еще артиллерия РВГК, боеприпасы и др.

Ключарев тенденциозно судит о вариантах плана операции на Среднем Доку. Оценивая ее первоначальный вариант, он заявляет, что будто бы Сталин не понимал вообще всего его стратегического значения (операция «Сатурн»). Заметим, однако, что ссылка при этом писателя на страницу 25 1-го номера «Военно-исторического журнала» за 1966 год не подтверждает этого. Что это суждение Ключарева ошибочно, видно из директивы Ставки от 13 декабря, где разъяснялось, почему следует в изменившейся обстановке отказаться от операции «Сатурн» и ограничиться вариантом «Малый Сатурн» (ЦАМО. ф. 132-А, оп. 2642. Д. 32 лл. 211 — 214).

При этом бьет мимо цели и попытка Ключарева противопоставить решению Верховного мнение Манштейна. Потерпев поражение в декабре 1942 года, Манштейн задним числом указывал на ряд ошибок и упущений советского Главного Командования, в частности на то, что оно упустило реальный шанс отсечь весь немецкий южный фланг, отказавшись от глубокого удара на Ростов (Видер Иоахим. Катастрофа на Волге: Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса: Пер. с нем.— М.: Воениздат 1965.— С. 190). Однако нужно учитывать, что Манштейн не давал советскому Главному Командованию «справки» о состоянии своих войск в начале декабря и многое для Ставки было, конечно, не ясно в условиях высокодинамично изменяющейся обстановки. Поэтому, когда у противника появились крупные резервы, Ставка на необоснованный риск не пошла.

Хотелось бы, конечно, чтобы свои критические замечания Ключарев подкрепил доказательствами, чтобы он высказал собственные соображения по поводу того, откуда нужно было взять дополнительные силы, куда и когда их направить. Но, к сожалению, писатель только сетует на кого-то и к месту и не к месту пытается бросить тень на Ставку, Генеральный штаб. Конечно, модно, но неубедительно.

Если временно отвлечься от рассуждений Ключарева и предположить, что силы, нацеленные на Средний Дон, были бы в первой половине декабря перенацелены, как он рекомендует, в район Котельниково, то легко можно представить, что уж если они опаздывали на Средний Дон, то на котельниковское направление не успели бы прибыть и к середине

декабря. Слишком ограничены были возможности железнодорожного транспорта. Известно, что весь сталинградский железнодорожный узел находился еще в руках противника. Пропускная способность железных дорог в сторону Сталинграда была низкой. Поэтому более реальной в то время являлась быстрая доставка войск в район Среднего Дона и проведение операции «Малый Сатурн», хотя и с ее началом явно запоздали из-за несвоевременного прибытия необходимых сил и средств.

Надуманным выглядит также утверждение «борца со стереотипами» о якобы проявившихся в ходе декабрьских событий «серьезнейших разногласиях в советском командовании». В подтверждение этого ложного умозаключения он пытается апеллировать опять же к соображениям Жукова от 29 ноября, но там нет таких слов: «...что на этом этапе не выпускать из окружения группировку Паулюса — далеко не самое важное». Это, вероятно, мнение Ключарева, но оно ничего не доказывает. Может быть, писателя смущают резкие возражения при обсуждении Верховным вопросов с Жуковым, Василевским, Вороновым и другими, но это не разногласия, а выработка оптимального решения. О таких фактах применительно к тому периоду писали и Василевский, и Воронов, и Рокоссовский (Василевский А. Указ. соч.— С. 270—271; Воронов Н. Н. На службе военной.— М.: Воениздат, 1963.— С. 311—312).

Все, о чем шла речь выше, понадобилось писателю для того, чтобы умышленно преувеличить роль в боях у хутора Верхне-Кумского 4-го механизированного корпуса, в котором он служил. Без какого бы то ни было смущения Ключарев уверяет, что бои в середине декабря 1942 года в районе хутора предрешили исход Сталинградской битвы, и ссылается на высказывание Василевского. Однако в книге маршала при оценке событий второй половины декабря отмечается не только роль 4-го механизированного (на верхнекумском направлении), но и 13-го танкового корпуса, действовавшего на кругляковском направлении. При этом маршал не взял на себя смелость утверждать, что шестидневные события на двух этих направлениях предрешили исход битвы (Василевский А. Указ. соч.— С. 275).

Если уж говорить всерьез, то предрешил победный исход продолжавшейся полгода битвы, в которой враг потерял 1,5 млн. человек, ряд важнейших операций, проведенных Советскими Вооруженными Силами в период с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 года. К ним относятся: героические оборонительные действия советских войск в июле—ноябре 1942 года, когда враг вынужден был втянуться в изнурительные бои под Сталинградом и изменить, по существу, план своей летней кампании, понеся огромные потери; внезапное поражение и окружение главных сил противника у стен города в ходе стратегического контрнаступления; искусные действия советского командования и войск в связи с изменением плана операции на Среднем Дону (ноябрь — декабрь 1942 г.); срыв благодаря высокому искусству и самопожертвованию личного состава 51-й и 2-й гвардейской армий и авиации 8-й воздушной армии попытки противника деблокировать окруженную армию Паулюса (декабрь 1942 г.); наконец, окончательный разгром в ходе операции «Кольцо» почти 300-тысячной окруженной неприятельской группировки (январь —февраль 1943 г.).

Теперь целесообразно остановиться более подробно на том, как писатель пытается гиперболизировать, по нашему мнению, роль 4-го мехкорпуса и в то же самое время не желает охватить события в более широком плане. Подробно развитие событий на котельниковском направлении 12—23 декабря 1942 года отображено на схеме.

Итак, 12 декабря 1942 года армейская группа «Гот», не ожидая сосредоточения всех войск, нанесла сильный контрудар, однако не такой мощный, как пытается представить Ключарев. Он уверяет, что вражеская группировка насчитывала до 900 танков и штурмовых орудий. В действительности их было около 500, а с учетом подошедших дополнительно в ходе операции (но без учета понесенных потерь) — не более 650 (Василевский А. Указ. соч.— С. 269; История второй мировой войны 1939— 1945.—. Т. 6.—М.: Воениздат, 1976 — С. 64).

Соединения 51-й армии (командующий Н. И. Труфанов) — 302, 126, 91-я стрелковые дивизии, 4-й кавалерийский корпус, 13-я и 254-я танковые бригады, 76-й укрепленный район, усиленные шестью полками артиллерии, но имеющие некомплект, поддержанные авиацией 8-й воздушной армии, оказали ожесточенное сопротивление. Правда, писатель на полном серьезе утверждает, что это была не армия, а какая-то «наспех сколоченная Василевским и Еременко» опергруппа. До такого «глубокого умозаключения» никто ранее не додумывался. 51-я армия как оперативное объединение участвовала в Сталинградской битве с первых и до последних дней. Действительно, в ходе наступления войска всех фронтов понесли потери, в том числе и 51-я армия. К тому же она провела с 28 ноября по 3 декабря частную операцию с целью отодвинуть внешний фронт и выявить намерения противника. Ее части даже ворвались в Котельниково, но затем под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отойти и перейти к обороне на широком фронте на рубеже Верхне-Яблочный, Гремячий и далее до Нурги. Десять дней оборона совершенствовалась. Ее основой являлась система опорных пунктов пехоты и противотанковых опорных пунктов, в каждом из которых имелось от 2 до 14 орудий. Опорные пункты перехватывали основные танкоопасные направления. Узким местом обороны армии являлись отсутствие резервов и слабость прикрытия ее войск с воздуха. Командующий фронтом, учитывая это, принял меры по перегруппировке своих резервов в полосу 51-й армии (Еременко А. И. Сталинград.— М.: Воениздат 1961.— С. 395—396; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941 — 1945.— М.: Воениздат. I960.— С. 170).

Фашистское командование стремилось протаранить оборону армии частями 6-й и 23-й танковых дивизий и на одном дыхании прорваться от Котельниково к Сталинграду. Силы сторон были слишком неравные, и противнику удалось, несмотря на потери, к исходу 13 декабря прорваться к реке Аксай, а его передовой отряд даже захватил хутор Верхне-Кумский. В создавшейся угрожающей обстановке командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко образовал оперативную группу во главе с генералом Г. Ф. Захаровым — 4-й механизированный корпус, 87-я стрелковая дивизия, 235-я огнеметная танковая бригада, 234-й танковый полк и 20-я истребительная бригада — с целью не допустить на верхнекумском направлении прорыва противника к реке Мышкове и облегчить управление войсками командарму-51 (Еременко А. И, Указ соч.— С. 402). Одновременно он усилил 51-ю армию 13-м танковым корпусом в районе Кругляков.

Заметим, что, учитывая равнинный характер местности, глубокий снежный покров, морозы и обилие труднодоступных для танков балок, противник был вынужден чаще действовать вдоль дорог и быстрее захватывать и удерживать населенные пункты. Это облегчало борьбу с вражеской группировкой. 14—15 декабря войска группы Захарова выдвинулись к Верхне-Кумскому и, поддержанные авиацией, с ходу внезапно контратаковали передовые части врага в районе хутора. Наголову разбив противника, остатки его они отбросили к реке Аксай. Одновременно на кругляковском направлении части 13-го танкового корпуса и 302-й стрелковой дивизии 51-й армии, проявляя упорство и активность, успешно сдерживали противника и создали угрозу с фланга для главной группировки группы «Гот» в районе Верхне-Кумского.

Несмотря на суровые морозы и метели, группа Захарова организовала достаточно устойчивую оборону южнее хутора на рубеже колхоз 8 Марта, выс. 146,0, Заготскот. На главном направлении оборонялся 1378-й стрелковый полк (командир М. С. Диасамидзе) со средствами усиления, а главную силу резерва составлял 55-й отдельный танковый полк (командир А. А. Асланов).

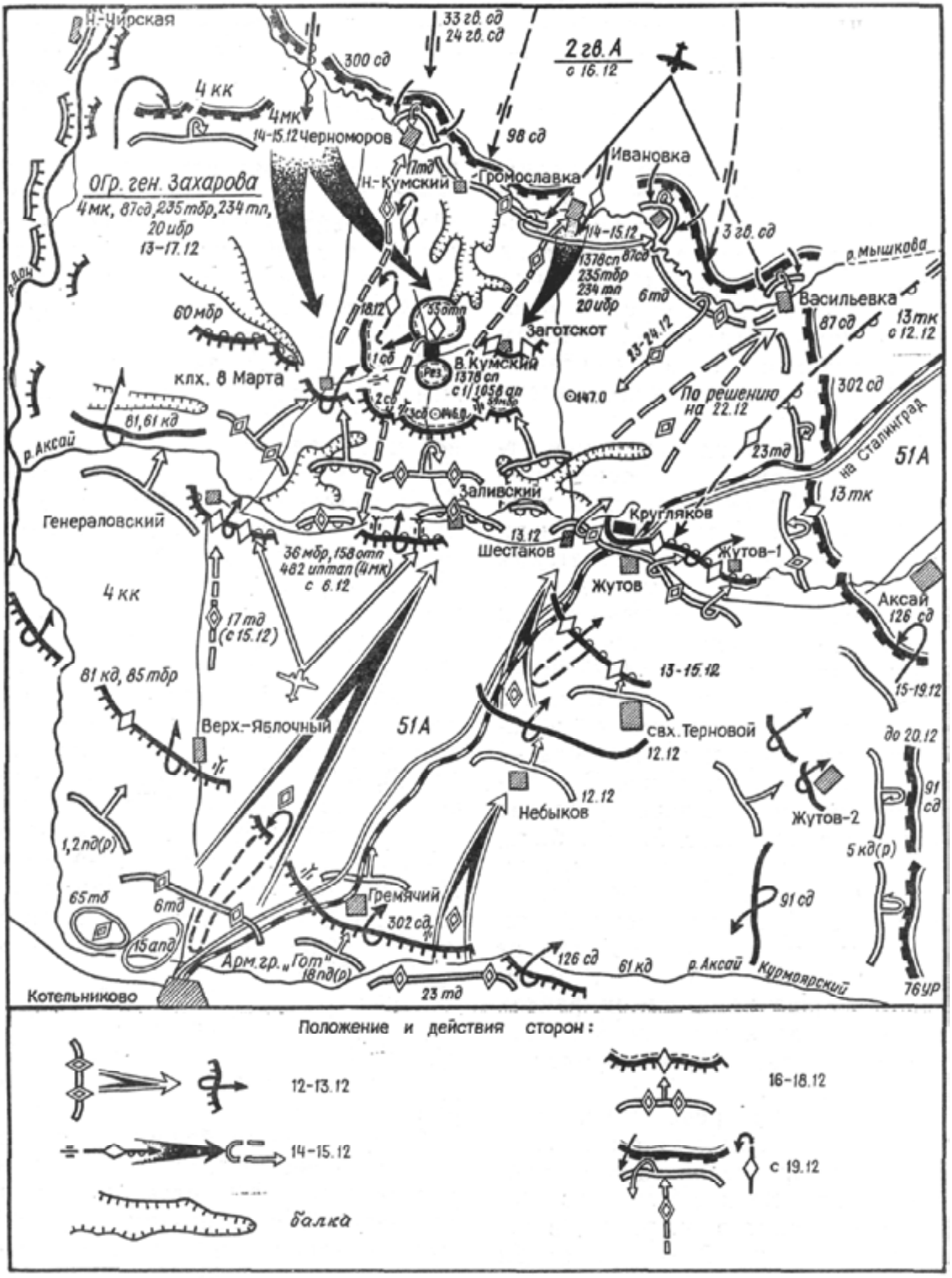


Схема отражения контрудара группы «Гот» 12—23 декабря 1942 г.

Противник, готовя новый удар, с 15 декабря начал подтягивать прибывшую 17-ю танковую дивизию на помощь 6-й танковой. В районе Верхне-Кумского 16—18 декабря ожесточенность боев нарастала. Силы защитников таяли. 18 декабря врагу удалось все же потеснить правофланговый батальон 1378-го полка. Однако умелыми контратаками танкистов Асланова им удалось задержать врага.

Следует обратить внимание читателя на то, что с 18 декабря все войска группы Захарова вошли в состав выдвигавшейся к реке Мышкове 2-й гвардейской армии (командующий Р. Я. Малиновский). С этого дня сложилась обстановка,

когда армия Малиновского главными силами подходила к Мышкове, а переподчиненными ей войсками бывшей группы Захарова отражала атаки в районе Верхне-Кумского (ЦАМО, ф 320, оп. 455, д 35, лл 134— 135). В этих боях проявили беспримерный героизм воины стрелковой роты 3-го батальона 1378-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта П. Н. Наумова. Отражая атаки врага на высоту 137,2, воины-герои уничтожили около 300 гитлеровцев и подбили 18 танков и штурмовых орудий. Враг захватил высоту только тогда, когда вся героическая рота во главе с командиром погибла.

Наращивая силу удара, противнику удалось 19 декабря прорваться через боевые порядки советских подразделений и частей западнее и восточнее Верхне-Кумского. Сдерживаемые подразделениями 55-го танкового полка, танки и мотопехота врага начали выходить к реке Мышкове и овладели небольшими плацдармами на ее северном берегу в районах Черноморов, Ивановка, Васильевка. Однако на этом успех противника и ограничился. Занявшие оборону по реке 98-я и 3-я гвардейская стрелковые дивизии 2-й гвардейской армии, поддержанные авиацией, огнем и контратаками окончательно остановили врага на рубеже реки, а соединения 51-й армии — на рубеже Васильевка, Аксай.

С захватом противником Верхне-Кумского подразделения 1378-го стрелкового полка со средствами усиления оказались в окружении южнее хутора. После получения приказа о выходе из окружения полк во главе с командиром в ночь на 20 декабря внезапно атаковал врага и прорвался через Заготскот к Громославке, где соединился с частями 98-й стрелковой дивизии.

С 20 декабря 4-й мехкорпус, который теперь стал 3-м гвардейским, был выведен во второй эшелон армии Малиновского (Там же ф. 3 гв. мк оп. 420575, д 1, лл. 9—10).

Таким образом, под Верхне-Кумским советские воины, уступая врагу в силах, проявили мастерство, исключительную стойкость, мужество и высокие моральные качества. Они понесли большие потери, но и врагу причинили значительный урон. При этом, не считая подбитых, они только уничтожили не менее 60 неприятельских танков, в том числе и типа «Тигр». Благодаря их героическим усилиям удалось выиграть время, чтобы организовать с 19 декабря непреодолимую для врага оборону главными силами 2-й гвардейской армии и во взаимодействии с 51-й армией окончательно остановить контрударную группировку Манштейна. Многие отличившиеся воины были награждены, а двоим из них — командирам полков подполковникам Диасамидзе и Асланову по ходатайству генерала Захарова от 20 декабря 1942 года было присвоено звание Героя Советского Союза (Там же, ф. 220, оп 455, д 11, л 447). 4-м гвардейским мехкорпусом стал и бывший 13-й танковый корпус.

Оценивая события на верхне-кумском направлении, нельзя все сводить, как делает Ключарев, только к действиям 4-го мехкорпуса «под командованием забытого историей, — утверждает писатель, — генерала Вольского», так как, во-первых, в составе группы Захарова кроме 4-го мехкорпуса (50—70 танков и 2000 бойцов) находились полк 87-й стрелковой дивизии, танковая бригада, танковый полк, истребительная бригада и другие (свыше 2000 бойцов, 50 танков и артиллерия), и хотя корпус был важной силой, но далеко не единственной в шестидневных боях у Верхне-Кумского, а во-вторых, на события на верхнекумском направлении существенно повлияли умелые и героические действия 13-го танкового корпуса и 302-й стрелковой дивизии в районе Круглякова, Жутова.

Несерьезным выглядит и утверждение писателя о том, что историки забыли о доблести 4-го мехкорпуса и его командире. Об этом написано во многих работах и даже в труде «История второй мировой войны 1939—1945» (Т. 6.— С. 67—68). «По секрету» можно напомнить Ключареву, что в истории запечатлены многие стороны деятельности командира корпуса генерала В. Т. Вольского и даже такой факт, как отправка им письма на имя Сталина накануне контрнаступления. Это письмо могло «дорого» обойтись в те времена А. М. Василевскому. Но лишь глубокое знание им обстановки и твердая уверенность в реальности плана операции позволили начальнику Генерального штаба доказать Верховному необоснованность сомнений Вольского в успехе (Василевский А. Указ, соч.— С. 249 — 250).

Ключарев, подвергая «нападкам» 2-ю гвардейскую армию, решительно отвергает ее важную роль в окончательном срыве контрудара группы «Гот» и в связи с этим критикует писателя Ю. Бондарева.

Несостоятельность отрицания роли армии Малиновского в событиях второй половины декабря 1942 года на котельниковском направлении выше уже показана. К этому еще следует добавить, что эта армия была главной силой с 24 декабря, когда войска Сталинградского фронта возобновили контрнаступление и, по существу, завершили разгром армейской группы «Гот».

Мимо цели бьет критика Ключарева и в адрес произведения Бондарева «Горячий снег». Напрасны попытки критикующего опереться на авторитет академика А. М. Самсонова. У Бондарева были все основания положить в основу сюжета действия и 51-й, и 2-й гвардейской армий. Он сделал крен на армию Малиновского и ничего противоречивого не допустил, так как эта армия с 18 декабря включилась в кровопролитное оборонительное сражение, остановила врага на реке Мышкове, а затем во взаимодействии с 51-й полностью разгромила противника. А вот если бы она не подошла к 19 декабря к Мышкове, трудно предсказать, как развернулись бы события. Об этом, к сожалению, Ключарев предпочитает умалчивать.

В преувеличении значимости событий у Верхне-Кумского писатель не останавливается и перед тем, чтобы привести слова немецкого мемуариста Меллентина о том, что якобы события на берегу безвестной реки Аксай привели к кризису третьего рейха. Утверждение сильное. Однако допущены две неточности. Во-первых, известно, что начало кризиса третьего рейха было порождено победным исходом в феврале 1943 года шестимесячной битвы под Сталинградом и отмечено колокольным траурным звоном по всей фашистской Германии 3—6 февраля 1943 года, а также объявлением Гитлером тотальной мобилизации. Во-вторых Меллентин выражал не свою точку зрения, а лишь по тексту пересказал настроение какого-то офицера немецкого генштаба (Меллентин Ф. Танковые сражения: Пер. с нем.— М.: Воениздат, 1957.—С. 170— 171). Сказал или услышал от кого-то — это же не одно и то же! В данном случае эмоции Ключарева одержали верх.

Неточным оказалось и цитирование писателем высказываний командующего фронтом, который писал: «Бои в районе Жутово и в особенности в районе Верхне-Кумского — это ярчайший образец доблести...»(Еременко А. И. Указ. соч.— С. 406) и т. д. Ключарев же почему-то цитирует Еременко, но опускает при этом слова «в районе Жутово», т. е. замалчивает оценку событий на кругляковском направлении и, таким образом, выпячивает только Верхне-Кумский и, конечно, 4-й мехкорпус. В результате он и в этом не избежал полуправды.

Ключарев любит порассуждать на тему, нужно ли было держать столько войск на внутреннем фронте окружения, если, по его представлениям, котел являл собой толпу дистрофиков, лагерь вооруженных военнопленных и др. Здесь налицо глубокое заблуждение писателя. Эту оценку в свое время развенчал маршал Василевский. Он категорически опроверг утверждение о том, что армия Паулюса — это «заяц на привязи», а вместе с этим и идею некоторых о том, что

достаточно было ограничиться лишь ее блокадой малыми силами (Василевский А. Указ. соч.— С. 265).

Может быть, маршал ошибался в оценке котла? Может быть, участнику битвы Ключареву было виднее, как поступить? Чтобы вынести решение по этому вопросу, предоставим слово для оценки состояния 300-тысячной вражеской группировки тоже участникам битвы генералу П. А. Батову и генерал-фельдмаршалу Паулюсу.

Паулюс, оценивая свою армию к 10 января 1943 года, отверг гуманный советский ультиматум на том основании, что считал в то время 6-ю вполне боеспособной и надежно управляемой во всех звеньях, хотя и намечались определенные трудности в условиях блокады (Военно-исторический журнал.— 1960.— № 2.— С. 89).

Командарм-65 П. А. Батов, оценивая моральное состояние окруженных войск, отмечал, что надлом их духовных сил обозначился лишь под ударами Советской Армии в последние дни января 1943 года (Батов П. А. В походах и боях.— М.: Воениздат, 1984.— С. 224), а не в ноябре и декабре 1942-го, как считает писатель.

В заключение хотелось бы отметить, что громогласные, но недостаточно профессионально обоснованные призывы Ключарева писать правду о Сталинградской битве скорее походят на выискивание полуправды, которая его, вероятно, устраивает больше.

Полковник Г. Т. ХОРОШИЛОВ,
лауреат Государственной премии СССР,
кандидат военных наук, доцент.

ВИЖ №11 1990
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

НЕ ПРИКАЖЕТЕ ЛИ ВЕШАТЬ? (О восстании Пугачева)

«...Они в крови доползли друг к другу,
и обнявшись, испустили дух».
А. ВЕЙДЕМЕЙЕР
«Советские люди воздают должное
высокому подвигу Пугачева и пугачевцев.
Имя и дела его стали одной из самых выдающихся страниц
истории Отечества, деяний наших великих предков».
В. БУГАНОВ.

ИТАК, о деяниях «нашего великого предка» Емельяна Пугачева... О начале их — одна из старых книг, изданная в XIX веке, а именно «Двор и замечательные люди в России, во второй половине XVIII столетия», сообщает следующее: «...Пугачев был донской казак. В 1770 году он находился при взятии Бендер. Через год, по болезни, отпущен на Дон; там за покражу лошади, и за то, что подговаривал некоторых казаков бежать на Кубань, положено было его отдать в руки правительства. Два раза бежал он с Дона и наконец ушел в Польшу, где скрывался у раскольников...»(Вейдемейер А. Двор и замечательные люди в России, во второй половине XVIII столетия. — часть первая. — СПб. 1846. — С. 149).

Здесь сразу нужно оговорить одно условие. Мы не будем касаться тех работ, которые перекраивали и переписывали историки времени застоя и предшествовавших ему периодов, когда хаять Русь почиталось за высшее достоинство.

Казалось бы, не пустячный факт — кража лошади, но и он не попал во многие послереволюционные работы о Пугачеве. А историки эпохи застоя сочли его, видимо, пустяковым на том основании, что ноне, мол, воруют все... Что же касается побега Пугачева за Кубань, то это ведь относится к «правам человека», то есть можно бежать куда угодно: в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. — к туркам, а в годы Великой Отечественной войны — к гитлеровцам. Уточним — в XVIII веке за Кубанью были турецкие владения... А Россия с Турцией как раз вела тогда жестокую и непримиримую войну.

Правда, Пугачев бежал в Польшу. Но ведь и с Польшей воевала в тот период Россия. Не будем вдаваться в причины той войны, хотя вспомним, что начало ее не Российское государство. Развязала очередную бойню Порта, подстрекаемая и Англией, и Францией, и ... польскими конфедератами.

С точки зрения морали, Пугачев совершил сначала уголовное преступление, а потом измену Родине. Но это только начало. Что же было дальше? Об этом пишет профессор Дерптского университета А. Г. Брикнер: «Здесь, на польской границе, в одном раскольническом монастыре, его (Пугачева. — Н. Ш.) натолкнули на мысль назвать себя Петром III и вооружить казаков на юго-востоке против власти. Руководствуясь этими внушениями и получив кое-какие денежные средства... Пугачев явился на Урале, где вскоре был схвачен. Его привезли в Казань, откуда, однако, ему удалось бежать...» (Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. — Части первая и вторая. — СПб., 1885. — С. 225).

Относительно того, что бунт возник не сам собой и что первые сподвижники Пугачева были им куплены, есть некоторые интересные данные, правда, не всегда совпадающие. Тот же Брикнер, к примеру, пишет, что Алексей Орлов, находившийся в то время в Италии, подозревал в пугачевщине какую-то интригу Франции и что такое же предположение было высказано Вольтером.

Могло ли это быть? Видимо, могло, ведь в польском монастыре Пугачева снабдили и деньгами, и инструкциями. Цель же более чем ясна. Шла война, в кампанию 1770 года Румянцев одержал три блестящие победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, которые подорвали мощь Османской империи. Нужно было срочно что-то придумать, тем более что война хотя и затягивалась, преимущество России проявлялось все заметнее. Правда, раскачать народ быстро не удалось. Действовал же Пугачев ничем не гнушаясь. И прежде всего он использовал веру народа в «доброго царя», выдавая себя за Петра III. Что это был, за «добрый царь» Петр III, теперь широко известно. Тогда же информированность населения, мягко говоря, уступала нынешней, хотя ведь и ныне мы зачастую голосуем черт знает за кого...

Итак, сначала действовали деньги, затем эксплуатировались добрые чувства людей, поднимавшихся за «обиженного законного царя». Но и этого было мало. А. Вейдемейер пишет: «Злодей, освобождая заключенных преступников, умерщвлял тех, кои ему противились; последние подвергались жестоким казням; некоторые были сожжены...» (Вейдемейер А. — Указ. соч. — С. 172).

Даже преступники и те не все шли за Пугачевым, однако уж те, которые шли, были им отмечены, а уж способностями в умерщвлении людей они обладали несомненными.

Далее была агитация... «Пугачев обнародованиями своими уловлял легковерных, освобождал от податей, от РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ (это столь современно, что не мог не выделить. — Н. Ш.); убеждал истреблять дворян (что делать — тогда не партия и не армия, а именно дворяне цементировали государство. — Н. Ш.), давал волю курить вино, владеть всякими угодьями и торговать **«безданно и беспошлинно»,** словом, сказано в его обнародовании, **«будете яко звери в поле жить»** (Там же. — С. 161)**.**

А теперь посмотрим, кто мог идти к Пугачеву добровольно? Да те, кому нравилось, во-первых, убивать, те, кому не хотелось служить в армии и защищать Отечество (ведь шла война с Османской империей), те, кто хотел ради личной выгоды споить собственный народ... Но как ни старались «агитаторы», дело шло худо, и потому Пугачев «в противном случае угрожал неизбежною казнию. В воззваниях своих к раскольникам обещал за верную службу наградить их **кафтанами, реками, озерами, морями, бородами, крестом,** т. е. позволять им носить бороды и делать крестное знамение по их обычаю» (Там же).

Пленных, которые отказывались служить ему, он вешал. Обставлялось это действие «пышно». «...Не прикажете ли вешать? (спрашивали у Пугачева.—Н. Ш.)— ничего не отвечая, он махал платком, и казнь совершалась. Признавшие его Императором должны были присягнуть, потом, поклонившись в ноги, целовали его руку, покрытую полотенцем, и поддерживаемую двумя казаками: он говорил, отпуская: поди, Бог и Государь тебя прощают. Возмущение его продолжалось год, и в течение этого времени умерщвлено им до 700 дворян обоего пола, 135 разночинцев, 53 священника, 86 диаконов и церковных служителей, 35 купцов, 167 дворовых людей и 108 крестьян»(Там же. — С. 176).

В книге П. Сумарокова указана другая цифра — 1512 человек разного звания (См: Сумароков П. Обозрение царствования и свойств Екатерины Великия.— Часть первая. — СПб., 1852, - С. 262).

Основной удар был направлен на дворянство. Историки эпохи застоя и других плачевных для нашей Родины периодов объясняют это страшной, бесчеловечной жестокостью и самой императрицы Екатерины II, и русского дворянства.

А вот отзыв Павла Сумарокова: «Екатерина была кротка, приветлива, милостива; и все старались подражать ей в том, по крайней мере по наружности казались добрыми...» (Там же.— с. 71). Он же приводит некоторые ее высказывания и письма. «Строгость законов умножает только число преступников и не исправляет их, — писала императрица. — Обвиняемый, терпящий жестокие пытки, не властен над собою в том, чтоб мог говорить правду...» (Там же. С. 64).

А вот несколько ее высказываний, тоже любопытных:

«Самодержавие есть не в том, чтоб отнять у подданных естественную свободу, но чтоб направить их действия к величайшему благу».

«В странах, где человечество угнетено, суд прост и решителен».

«Прямое оскорбление Величества есть только злодейский умысел, не должно наказывать за слова, как за действие».

«Хотите ли предупредить злодеяние, сделайте, чтоб законы благотворили, и чтоб боялись законов, и ничего более, и чтоб оные уничтожали бедственную свободу вредить ближнему».

«Знак падения государства, когда не оказывают почтения государю, начальствующим; когда не почитают ни старых, ни отцов, ни матерей, ни господ своих».

«Лучше простить десять виновных, нежели погубить одного неповинного».

«Если бы я была мужчиною, то смерть не дозволила бы мне дослужиться до капитанского чина».

«Я хвалю вслух, а браню потихоньку» (Там же.— С. 75-77).

И это были не только слова. Известен такой случай. Однажды граф Брюс доложил ей, что в Москве кто-то распространяет порочащие ее стишки и что он уже вышел на след сочинителя. «Оставьте его в покое, — велела Екатерина, — он уже довольно несчастлив, когда скрывает свое имя». В другой раз она велела внимательнее разобраться в деле подобного же пасквилянта, которого схватили, и выяснить, чем же он так на нее озлоблен.

— Я его не знаю, — говорила императрица, — ничем не оскорбила и наверное полагаю, что обращает на меня злобу за какую-то тяжбу. Призовите его к себе, обойдитесь поласковее и узнайте обстоятельство.

Она оказалась права. Человек, потерпевший от своего дяди и проигравший судебное дело, был обижен несправедливо, и справедливость императрица приказала восстановить, а потом заметила:

— Всегда нападают на меня за грехи судей.

А что же дворянство? Всяко бывало, как и во всякие времена. Если спросить, все ли хороши были деятели «новой эры», начатой выстрелом «Авроры», теперь мы получим однозначно отрицательный ответ. Лагеря, тюрьмы, расстрелы, расказачивание и раскрестьянивание... Это, однако, не значит, что таковыми были все. Наша история послереволюционная столь же славна, как и дореволюционная, и столь же богата замечательными людьми, хотя имеет и примеры ужасные...

Были подобные и в екатерининское время, как, к примеру, известная всем Салтычиха, которая долго увертывалась от наказания и изобличена была лишь после того, как сама императрица взяла дело под личный контроль. Не будем останавливаться на мерзостях Салтыковой, подобных мерзостей с избытком было и в ягодо-бериевских лагерях. А вот о российском дворянстве приведем отзыв не русских историков, а иностранных, именно иностранных, ибо мнение зарубежное, к сожалению, а в нашем примере, к счастию, почитается выше. Возьмем записки человека известного, французского посланника графа Сегюра. Он писал: «Помещики в России имеют почти неограниченную власть над своими крестьянами, но, надо признаться, почти все они пользуются ею с чрезвычайною умеренностью; при постепенном смягчении нравов подчинение их приближается к тому положению, в котором были в Европе крестьяне, прикрепленные к земле... Каждый крестьянин платит умеренный оброк за землю, которую обрабатывает, и распределение этого налога производится старостами, выбранными из их среды» (Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789). — СПб.. 1865. — С. 31).

Приводит граф Сегюр и ряд примеров, подтверждающих его мысли: «Дворовые люди, взятые из крестьян, считают господскую службу за честь и милость; они почитали бы себя наказанными и разжалованными, если бы их возвратили в деревню. Эти люди вступают между собою в браки и размножаются до такой степени, что нередко встречаешь помещика, у которого 400 и 500 человек дворовых всех возрастов, обоих полов, и всех их он считает долгом держать при себе, хоть и не может занять их всех работою...» (Там же. — С. 33—34).

А вот еще один удивительный пример: «Я уже говорил, с какою умеренностью русские помещики пользуются своею, по закону неограниченною властью над своими крепостными. Во время моего долгого пребывания в России, многие примеры привязанности крестьян к своим помещикам, доказали мне, что я на счет этого не ошибся. В числе многих подобных примеров, на какие я бы мог указать, ограничусь одним. Обер-камергер граф***, наделав больших долгов, вынужден был для их уплаты продать имение, находившееся в трех- или четырехстах верстах от столицы. Однажды утром, проснувшись, он слышит ужасный шум у себя на дворе; шумела толпа собравшихся крестьян; он их призывает и спрашивает о причине этой сходки. «До нас дошли слухи, говорят эти добрые люди, — что вашей милости приходится продавать нашу деревню, чтобы заплатить долги. Мы спокойны и довольны под вашей властью, вы нас осчастливили, мы вам благодарны за то и не хотим остаться без вас.

Для этого мы сделали складчину и поспешили поднести вам деньги, какие вам нужны; умоляем вас принять их». Граф, после некоторого сопротивления, принял дар, с удовольствием сознавая, что его хорошее обращение с крестьянами вознаградилось таким приятным образом» (Там же. — С. 34).

Деяния же самого Пугачева более близки по характеру своему к мерзостям Салтычихи.

Первый удар восставших приняли на себя российские пограничные крепости, охранявшие юго-восточные рубежи страны, огромные территории, заселенные людьми разных национальностей, от набегов всевозможных банд кочевников. Верные своему долгу коменданты этих крепостей и офицеры, служившие в них, обороняли свои форпосты и тем заслужили лютую ненависть Пугачева. Остановить огромные массы восставших было сложно, крепости просто захлестывала волна мятежников. В крепости Рассыпной Пугачев повесил коменданта секунд-майора Веловского, его жену и всех офицеров, жену перед тем, как и было принято у пугачевцев, изнасиловали. С коменданта Татищевской крепости Елагина Пугачев приказал с живого содрать кожу, жену же изрубить на куски. У коменданта были малолетний сын и дочь, бежавшая из крепости Нижне-Озерной, уже потерпевшая расправу и потерявшая там мужа. Сообщники Пугачева устроили неописуемую по жестокости оргию. Сначала сестру насиловали поочередно на глазах младшего братишки, потом обоих начали резать и колоть, после чего «они в крови доползли друг к другу, и обнявшись, испустили дух»

(Вейдемейер А. — Указ. соч. — С. 152).

Подобные оргии устраивались и в других крепостях. Многие сообщники не выдерживали. Состоявший при Пугачеве младший брат бывшего польского конфедерата Пулавского покинул его войско, «негодуя на свирепость».

А она, эта свирепость, возрастала не по дням, а по часам. «Среди измен, которые, к несчастью, способствовали самозванцу усиливаться и опустошать занимаемые им места, — рассказывает А. Вейдемейер, — потомство должно с признательностью и удивлением вспоминать примеры непоколебимой твердости и приверженности к престолу: когда капитан Ставропольского гарнизона Калмыков был приведен в числе пленных к Пугачеву, то не устрашился назвать его самозванцем, и увещевал товарищей своих не верить ни в чем злодею. Пугачев приказал его пятерить, но Калмыков при отсечении рук и ног, повторял те же самые слова; взбешенный самозванец велел ему распороть грудь... В том же году яицкий казак Копеичкин был захвачен в плен мятежниками. Пугачев велел его тоже пятерить... но верный казак, несмотря на претерпеваемые мучения, называл его вором, бунтовщиком и государственным злодеем» (Там же. — С. 177).

Когда Пугачев подошел к Казани, губернатор приказал жителям удалиться в крепость, не имея возможности защитить весь город. Однако генерал-майор Нефед Никитич Кудрявцев, которому незадолго перед этим исполнилось сто лет, решил остаться в предместье и велел отнести его в Казанский девичий монастырь.

— Хочу изобличить самозванца и его людей! — заявил он.

Надо сказать, что это был заслуженный русский воин, начавший службу еще при Петре I поручиком лейб-гвардии Преображенского полка. Персидский поход, русско-турецкая война 1735—1739 гг., Семилетняя война — таковы были этапы его боевого пути. Защитник Отечества решил еще раз послужить России.

Когда сообщники Пугачева ворвались в святой храм, Кудрявцев заявил им:

— Злодеи! Вы забыли Бога, изменили вере, государю. Страшитесь Суда Божия, невинная кровь, вами пролитая, вопиет к небесам и вы дерзаете присутствием своим осквернять Храм Господен!

Бунтовщики бросились на него, стали рубить, но генерал продолжал говорить и голос его гулким эхом разносился по храму:

— Я не страшусь смерти, вы отворяете мне путь в селения небесные, для вас будет ужасна и жизнь, и смерть. Обратитесь к богу, вспомните присягу, истребите злодея, он ведет вас к пагубе!

Выстрел в упор оборвал жизнь старого героя.

Пророчество сбылось, хотя Пугачев и не любил пророчеств. Когда привели к нему астронома Ловица, который рассказал, что наблюдает «течение небесных светил», Пугачев велел его повесить, с ухмылкой сказав:

— Пусть будет он поближе к звездам! Восставшие врывались в святые храмы, срывали со стен и рубили иконы, жгли церкви. Пугачев умело разжигал национальную рознь, натравливая одни народы на другие. И лилась немеряно кровь. Быть может, и дорог был потому сей «великий предок» деятелям расказачивания, раскрестьянивания и так далее...

Но был ли он даже в их интерпретации народным героем? А. Г. Брикнер писал: «Хотя шайка, образовавшаяся около Пугачева, в принципе ратовала против государства и правительства вообще... все-таки они подражали некоторым образом внешним формам двора и государственного организма» (Брикнер А. Г. — Указ. соч. — С. 225).

Да, на словах Пугачев был против государства как средства подавления, на словах был за народ, но что же на самом деле? При живой жене, имевшей от него трех детей, он женился на молодой яицкой казачке и окружил ее челядью и прислугой, которую звал на дворцовый лад «фрейлинами». Его ближайший сподвижник, отличавшийся особой звероподобностью,— Чика именовался графом Чернышевым, были сообщники, званые Орловыми, Воронцовыми, Паниными. Каторжник, отбывавший до того срок за убийство, возглавил артиллерию, чтобы совершать привычные деяния, располагая большими возможностями.

Восставшие относились к крестьянам так, как и помещики не относились, — они отбирали скот, имущество, сжигали дома.

Что же представляло из себя огромное войско Пугачева? Сброд, бандитскую ватагу и более ничего. Люди, объединенные единой великой целью, становятся непобедимыми, многотысячную же ватажку Пугачева разбил под Казанью 13 июля 1774 года уроженец Лифляндии подполковник Иван Иванович Михельсон, имевший всего 800 кавалеристов. Пугачев бежал. Однако, узнав о малочисленности отряда Михельсона, сам 15 числа атаковал его. Но снова был бит, потерял 5 тыс. человек, 9 пушек и едва унес ноги.

Это было начало заката пугачевщины. После этого Пугачев был побиваем не единожды и наконец выдан своими сообщниками, которых накануне полного поражения умолял бежать в Персию или Турцию. Опять в его мечтах промелькнула Турция... Война с ней только закончилась.

Известно, что А. В. Суворов четыре часа с глазу на глаз беседовал с Пугачевым сразу после ареста самозванца, но так и осталось тайной, о чем была та беседа. Стыдливо скрывали мы тот факт, что именно Суворов, всегда исключительно милосердный к пленным (вспомним факты из истории русско-турецких войн, вспомним его отношение к варшавянам), на этот раз проявил себя иначе, приказав смастерить для Пугачева клетку... словно для зверя. Значит, мало увидел в «народном герое» человеческого.

И все же правительство Екатерины II оказалось милосерднее пугачевцев... Императрица требовала: «Для Бога... удержитесь от всякого рода пристрастных расспросов, всегда затемняющих истину» (Брикнер А.Г. — Указ соч. — С. 241). И уже на первом допросе Пугачев открыл свою идею, ради которой вел на смерть тысячи людей, ради которой убивал, сдирал кожу, сжигал, как сжег в избе коменданта офицеров одной из крепостей, поощрял надругательство над девушками, детьми, женами офицеров, рубил людей на пять частей: «Не думал к правлению быть и владеть всем Российским царством», а шел на то, надеясь, «если удастся чем поживиться или убиту быть на войне... «День мой — век мой!» — вот девиз Пугачева», — справедливо замечает один из исследователей этих событий» (Там ж е. — С. 239. 240).

Встал вопрос, как поступить с сим истинным извергом рода человеческого?! Смертная казнь была в России отменена, и потому решение судьбы Пугачева и его ближайших сообщников Екатерина отдала на волю Сенату. Дело рассматривалось на заседании сенаторов трех первых классов и президентов коллегий. Приговор был таков: четвертовать Пугачева, воткнуть голову на кол и разнести отрубленные члены в четыре части города, где сжечь.

Екатерина приказала отрубить Пугачеву прежде голову, чтобы он не мучился. Приказ был отдан в своеобразной, но категорической форме. Об этом она писала госпоже Бьельке: «Сказать вам правду: вы верно отгадали относительно промаха палача при казни Пугачева (в газетах написали, что палач по ошибке отрубил сначала голову. — Н. Ш.), я думаю, что генерал-прокурор и обер-полицмейстер помогли случиться этому промаху, потому что, когда первый из них уезжал из Петербурга для производства суда, я сказала ему шутя: никогда больше не попадайтесь мне на глаза, если вы допустите малейшее мнение, что заставили кого бы то ни было претерпеть мучения — и я вижу, что он принял это к

сведению» (Там же. — С. 241).

Жестоко... Многие историки возмущались этой жестокостью, но приветствовали «справедливые казни» Пугачева, а стало быть, истязания, сожжения, пятирения, сдирание кожи с людей, ни в чем не виноватых.

Вот и пример, приведённый П. Сумароковым: «Осужденных ставили в ряды, иным рубили головы, других мучили, терзали за верность, детей убивали обухами, рассекали на части, жен и девиц предавали на поругание; кровь лилась ручьями у шатра царя-самозванца...» (Сумароков П. — Указ соч. — С.249).

О прочих казнях сообщников Пугачева А. Вейдемейер рассказывает следующее: «Иван Чика, главный любимец Пугачева и прозванный от него графом Чернышевым, отличавшийся бесчеловечием... был свидетелем казни Пугачева и в тот же самый день отправлен в Уфу, где ему отрубили голову и воткнули на кол, а труп его сожжен с эшафотом. Максим Шагаев, тоже из главных любимцев самозванца, и прозванный графом Воронцовым, повешен в Москве в день казни Пугачева. Афанасий Хлопуша был пожалован Пугачевым полковником. Он перед бунтом содержался в Оренбурге в числе злейших разбойников, и, для получения свободы, вызвался доставить в войско Пугачева увещание от оренбургского губернатора .... но .... передался совершенно Пугачеву, взбунтовал башкирцев, разорил Илецкую крепость, несколько заводов... Ему отрублена голова близ Оренбурга...» (Вейдемейер А. — Указ. соч. — С. 175—176).

Рассказы о том, что вся страна была покрыта виселицами, подтверждаются только источниками, сочиненными в последние десятилетия.

Так закончилась «одна из самых выдающихся страниц истории Отечества», и, наверное, советским людям настала пора воздать должное «высокому подвигу» Пугачева, как уже воздано многим еще недавно восхваляемым душителям великого русского народа предсталинской и сталинской эпох.

Полковник Н. Ф. ШАХМАГОНОВ

ВИЖ №12 1990
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

НЕИЗВЕСТНОЕ О ТУХАЧЕВСКОМ

В ЦЕНТРАЛЬНОМ государственном архиве Октябрьской революции СССР хранится небольшой документ размером со школьную тетрадь. В нем — воспоминания о М. Н. Тухачевском.

К сожалению, о судьбе автора воспоминаний В. Посторонкине почти ничего неизвестно. По дате и месту написания можно предположить, что он — бывший офицер. Белогвардеец. Эмигрант. Но как сложилась в дальнейшем его судьба? И о главном. Как отнестись к этому документу? Завидовал ли Посторонкин Тухачевскому? Ведь «некоторые из его завистников, оказавшиеся в числе белоэмигрантов и считавшие его изменником своему классу, сочинили немало небылиц о необыкновенном тщеславии, властолюбии, жестокости «красного генерала» из дворян» (Иванов В. М. Маршал М. Н Тухачевский. — М.: Воениздат, 1990. — С. 23**). А зависть способна на многое. Как бы то ни было, но вот такой архивный документ.**

ТУХАЧЕВСКИЙ
по личным воспоминаниям составил Владимир Никитич Посторонкин

15 июня 1928 года в Праге Чешской

От автора

Приступая к изложению в настоящем историческом очерке воспоминаний о личности Тухачевского, автор считает предпослать нижеследующее: Тухачевский был фельдфебелем Александровского военного училища в 1913—1914 учебно-военном году, в то время как автор состоял юнкером Алексеевского военного училища. Совместная служба по Москве всех обучавшихся в этих двух училищах-близнецах слишком близко соприкасалась, что было связано воедино обстоятельствами служебной подготовки по стрельбе, лагерно-полевой и тактическо-маневренной.

Кроме того, посещая друг друга в праздничное и внеслужебное время в стенах своих училищ, юнкера близко знакомились один с другим.

Этими-то именно обстоятельствами автор вкратце желает осветить юнкерскую службу Тухачевского...

Происходя из небогатой дворянской семьи, несколько членов которой служили когда-то на военной службе, Тухачевский блестяще вице-фельдфебелем окончил кадетский корпус и был назначен для прохождения курса наук в Александровском военном училище.

С 1 сентября 1912 года он был зачислен в списки Александровского военного училища юнкером 2-й роты.

Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделяется из среды прочих юнкеров.

19-летний юноша (Тухачевский родился в 1893 г.) быстро вживается в обстановку жизни юнкера тогдашнего времени. Дисциплинированный и преданный требованиям службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится сослуживцев и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем роты или старшим портупей-юнкером.

На одном из тактических учений юнкер младшего курса Тухачевский проявляет себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга. Будучи назначен [ным] часовым в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному им посланным юнкером.

Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На все это потребовалось еще некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили [в пример] его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба. Его выдвинули производством в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках.

Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к «карьере», он с течением времени становился слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку.

По службе у него не было ни близких, ни жалости к другим. При переходе в старший класс он получает приз-награду за первоклассное решение экзаменационной тактической задачи (выдавалось одно из сочинений известных авторов по тактике). Далее, за глазомерное определение расстояний и успешную стрельбу получает благодарность по училищу.

Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он получает первый приз на турнире училища весной 1913 года — саблю только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя.

В дни Романовских торжеств, когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось в период приезда государя-императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце, портупей-юнкер Тухачевский отменно, добросовестно и с отличием исполняет караульные обязанности, возложенные на него.

Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его Величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил свое удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского.

В 1913 году, уже на старшем курсе, Тухачевский был назначен фельдфебелем своей 2-й роты. Учился он очень хорошо, в среде же своих однокурсников он не пользовался ни симпатиями, ни сочувствиями; все сторонились его, боялись и твердо знали, что в случае какой-либо оплошности ждать пощады нельзя, фельдфебель не покроет поступка провинившегося. С младшим курсом фельдфебель Тухачевский обращался совершенно деспотически: он наказывал самой высшей мерой взыскания за малейший проступок новичков, только что вступивших в службу и еще не свыкшихся с создавшейся служебной обстановкой и не втянувшихся в училищную жизнь.

Обладая большими дисциплинарными правами, он полной мерой и в изобилии раздавал взыскания, никогда не входя в рассмотрение мотивов, побудивших то или иное упущение по службе...

Однако в служебной деятельности в роли фельдфебеля роты юнкеров требовательный и беспощадный Тухачевский оставил глубокий след в жизни училища: создался целый ряд конфликтов и инцидентов, имевших тогда печальные последствия. По докладу фельдфебеля два юнкера 2-й роты были переведены в Алексеевское военное училище: Немчинов Евгений за то, что позволил себе заметить фельдфебелю его излишнюю придирчивость, выразившуюся в ряде мелких замечаний, которые наконец вывели из терпения упомянутого юнкера, и отчислен из училища Маслов Георгий (впоследствии был убит в бою с немцами) за то, что не в силах выдержать режима в роте, создавшегося под действием Тухачевского, выразил желание пожаловаться на излишнюю по службе требовательность фельдфебеля, назначавшего его безоглядно на все очередные и неочередные обязанности, вредно отзывавшиеся на учебной деятельности юнкера. Эти два конфликта, в результате имевшие лишь перевод из училища в училище, закончились благополучно.

Трое же юнкеров: Красовский, Яновский и Авдеев — по докладу фельдфебеля были переведены начальником училища генерал-майором Геништой в 3-й разряд по поведению; несчастные юноши, самолюбивые и решительные, один за другим поочередно в короткий период (в течение двух месяцев) покончили с собой. «Протекцию» для перевода в третий разряд по поведению означенным юнкерам составил исключительно фельдфебель Тухачевский.

Красовский отправился в городской отпуск, будучи подвергнут[ым] лишению отпуска лично фельдфебелем, причем на эту крайность решился лишь после того, как фельдфебель несколько недель подряд лишал его права на отпуск.

Авдеев отправился в отпуск в неформенном обмундировании, приобретенном на собственные средства, и хотя дежурный офицер не обратил никакого внимания на это обстоятельство, тем не менее фельдфебель доложил ротному командиру и настаивал на строжайшем взыскании с виновного.

Яновский был доведен до самого подавленного состояния тем обстоятельством, что фельдфебель наказал его неотлучкою, не разрешил ему отправиться на свидание с приехавшей из провинции сестрой. Фельдфебель не мог отменить наложенного им взыскания, несмотря ни на какие мольбы и доводы несчастного юнкера. Яновский, оставшись в роте, застрелился в умывальной комнате, и труп его был обнаружен лишь после вечерней переклички. Все это едва не вызвало расследований главного начальства военно-учебных заведений. Тем не менее властный и самолюбивый, но холодный и уравновешенный Тухачевский был постоянно настороже, чутко озираясь на все, что могло бы так или иначе угрожать его служебной «карьере».

Окончательно за время пребывания в училище характер Тухачевского сложиться не мог, но из всего изложенного возможно уже усмотреть основные черты, доминирующие во всех описанных проявлениях и действиях ярко вырисовавшегося склада его характера, деятельности его юнкерской жизни.

По окончании Александровского военного училища Тухачевский был произведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, был назначен в 6-ю роту, которой тогда командовал Веселаго, капитан, один из достойных и боевых офицеров гвардии, по собственному желанию участвовавший с отличиями в русско-японской кампании.

Прекрасная подготовка, полученная Тухачевским в первоклассном училище, быстро сказалась блестящими его действиями, начиная с первого же боя. Особенно отличается 6-я рота в бою под фольварком Викмундово. Капитан Веселаго получил орден Св. Георгия 4-й ст[епени], подпоручик Тухачевский, как младший офицер 6-й роты, — Св. Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом. Эта награда совершенно его не удовлетворяет.

В бою 5 ноября 1914 года под посадом Скала Тухачевский был ранен и эвакуирован в город Москву, Здесь автор, тоже раненный, в последний раз встретился с Тухачевским, который особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии. В его глазах светился огонек затаенной досады — его заветная мечта о получении ордена Св. Георгия 4-й ст[епени] не осуществилась.

В Ломжинских боях, в ночь с 20 на 21 февраля 1915 года, Тухачевский при невыясненных до настоящего времени обстоятельствах попадает в плен... Немцы окружили с тыла 6-ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется, «на носу» и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале достаточно растерялись от неожиданности, но потом оправились и вступили в отчаянную схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходивших их немцев. Командир роты, капитан, на ходу вступает в командование группами людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя: он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по тому лишь признаку, что на трупе был нетронутым Георгиевский крест, было обнаружено более 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселаго. Подпоручик Тухачевский лежал в легком наносном окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но, не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...

Когда он вернулся из плена на Родину, терзаемую смутами и беспорядками, он примкнул к тому лагерю, где, по его расчетам, было легче сделать карьеру, не теряя ничего, и без особенного риску достичь высокого положения и широкой известности...

Публикацию подготовил В. А. АЛЕКСЕЕВ

ЦГАОР СССР, ф: 5881, оп. 2, д. 579. лл. 1 — 10.

Подвиг Клауса Фукса

ЭТОТ МАТЕРИАЛ написан разведчиком о разведчике.. Публикации такого рода всегда привлекают читательский интерес. Но не одно лишь желание развлечь вас и снабдить малоизвестными подробностями работы секретных спецслужб заставило редакцию поместить документальный очерк на страницах журнала. Куда существенней, на наш взгляд, вернуть отечественной истории незаслуженно забытое имя мужественного разведчика и талантливого ученого Клауса Фукса. Публикации о нем, впрочем, в последние несколько лет уже появлялись на страницах советской печати. Однако, без сомнения, то, что сделал этот человек для Советского Союза, заслуживает несравненно большего.

И еще одно. Никуда не уйти от вопроса: почему лишь через столько лет мы воздаем должное еще одному своему герою? Как тут не вспомнить подобное же с Рихардом Зорге? Весь мир в книгах, статьях и кинофильмах давно признал мастерство и мужество советского разведчика, а мы, заинтригованные, только в шестидесятые годы кинулись к билетным кассам кинотеатров, чтобы узнать ответ на вопрос, содержавшийся в названии только что привезенной из-за рубежа киноленты «Кто вы, доктор Зорге?».

Подобное случилось и с Клаусом Фуксом. Рассказать о нем — тоже, очевидно, по разумению некоторых, означало поставить под сомнение исключительные заслуги группы советских ученых, создавших атомную, а потом и водородную бомбу. Хотелось бы ошибиться, но чем иным объяснить многолетнее замалчивание подвига разведчика-антифашиста, помогшего нашей стране обрести ядерный щит, но не получившего ни одного самого скромного советского ордена?

* * *

НАКАНУНЕ и особенно во время второй мировой войны Германия, Англия, США, Франция уделяли огромное внимание созданию нового, более эффективного оружия. Интенсивные работы в этом направлении велись и в Советском Союзе. Ученые и инженеры создали совершенные по тому времени образцы танков, артиллерии, реактивные снаряды, самолеты и т. д. Но несомненно, самым выдающимся достижением в этой области явилось создание атомной бомбы с ее фантастической разрушительной силой.

Ученые-физики нескольких стран, в том числе Советского Союза, еще в конце 30-х годов провели успешные исследования по расщеплению ядра атома урана, в результате чего пришли к выводу о возможности создания атомной бомбы. Было известно, что над созданием такой бомбы работали и ученые фашистской Германии. Аналогичные исследования вели английские и американские ученые. При этом в Англии в этих работах участвовали эмигрировавшие туда немецкие ученые-антифашисты, а также ученые других европейских стран.

С конца 1940 года Англия и США начали обмениваться информацией по теории создания атомной бомбы.

19 августа 1943 года на встрече в Квебеке Рузвельт и Черчилль подписали секретное соглашение о совместных работах в области атомной энергетики. Оно содержало такие пункты: 1. Англия и США не будут использовать атомную бомбу друг против друга; 2. США и Англия будут использовать атомную бомбу только с обоюдного согласия; 3. США и Англия не будут сообщать какую-либо информацию по атомной бомбе третьим странам, т. е. СССР и Франции. (И это несмотря на то, что в 1942 году Англия и Советский Союз заключили соглашение об обмене секретной военной и технологической информацией.) Было решено также допустить к участию в создании атомной бомбы Канаду, поскольку она располагала огромными запасами урановой руды.

Следует отметить, что английское правительство охотно согласилось, чтобы центр по созданию нового оружия находился в США: производить его на территории Англии было опасно — страна подвергалась налетам гитлеровской авиации. К тому же Британия не могла выделить для работы необходимых материальных и людских ресурсов. По решению правительства США научный и производственный центр, где собирались в спешном порядке произвести атомную бомбу, был создан в 1942 году в пустынных просторах штата Нью-Мексико, в маленьком городке Лос-Аламосе.

Еще в процессе создания грозного оружия у многих видных ученых возникли опасения, что монопольное владение атомной бомбой таит огромную угрозу для мира. Некоторые атомщики уже тогда поняли, что использование чудовищной мощи их детища должно быть поставлено под международный контроль, а информацией об атомной бомбе следует поделиться с СССР. В частности, с таким предложением к Рузвельту и Черчиллю обратился лауреат Нобелевской премии Нильс Бор. Но его за это резко отчитали. Напротив, власти США и Англии постоянно ужесточали охрану «атомных» секретов с тем, чтобы они не попали в руки советских разведчиков.

Однако среди ученых, принимавших участие в создании американской атомной бомбы, были мужественные прогрессивные люди, которые, несмотря на смертельную опасность, считали своим долгом тайно сообщить Советскому Союзу о создававшемся оружии массового уничтожения, которое, очевидно, предназначалось для использования и против СССР. Одним из них был Клаус Фукс. По своей инициативе он связался с представителями советской разведки и на протяжении многих лет регулярно передавал нам информацию о ходе секретных исследований в Англии и США по созданию атомной бомбы. Эти сведения своевременно попадали в руки советских ученых.

Восьмилетняя разведывательная деятельность К. Фукса — талантливого ученого-антифашиста, помогшего нашей стране в кратчайшие сроки создать свою атомную бомбу, была, несомненно, героическим подвигом. На Западе Фукса считают одним из самых важных и ценных агентов советской разведки за всю историю. За рубежом о нем написаны многочисленные статьи, опубликовано более ста книг, создано около десятка кинофильмов.

I

ОТЕЦ КЛАУСА, Эмиль Фукс, был известным протестантским религиозным деятелем. После окончания богословского факультета университета в Гессене он несколько лет жил в бедных районах Манчестера (Англия), где читал проповеди немецким эмигрантам и английским рабочим. Через несколько лет после возвращения в Германию, в 1914 году, он стал доктором богословия. Под влиянием общения с рабочими в годы первой мировой войны Эмиль Фукс стал воинствующим пацифистом. В 1921 году он одним из первых немецких священнослужителей вступил в члены Социалистической партии Германии.

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 года в маленьком городе Рюсельхейме, около Дормштадта. Кроме него в семье были сестры Елизавета, Кристель и брат Герхард.

Выдающиеся способности Клауса проявились еще на школьной скамье. Он всегда был лучшим учеником. В 1928 году по окончании школы Клауса наградили медалью, которую, однако, не вручили на общем школьном собрании, а передали ему частным образом: руководство школы не одобряло связи отца мальчика с социалистами.

В 1930—1931 гг. Клаус учился в Лейпцигском университете, где стал членом Социалистической партии. В мае 1931 года семья Эмиля Фукса переехала в Киль, где ее глава получил место профессора богословия в педагогической академии. Лекции профессора Фукса пользовались большим успехом у студентов и вызывали злобу у нацистов. В это время его дети вступили в коммунистическую партию и вели активную политическую работу.

Пришедший к власти Гитлер запретил Компартию Германии. Начались аресты и убийства коммунистов. КПГ ушла в подполье. Перешел на нелегальное положение и Клаус Фукс, розыском которого занялось гестапо.

В этих условиях руководство КПГ, чтобы сохранить будущее партии, приняло решение отправить молодых коммунистов в эмиграцию. Среди них оказался и Клаус. В июле 1933 года Фукс приехал в Париж, а через несколько месяцев с помощью друзей отца прибыл в Англию.

Сестра Клауса Фукса Елизавета вместе с мужем была арестована фашистами. Однако затем оба бежали в Чехословакию. Туда же бежал его брат Герхард с женой. Младшая сестра Кристель уехала в США.

II

В ТО ВРЕМЯ дальновидные английские политики с опаской наблюдали за действиями Гитлера и поэтому терпимо относились к антифашистам-эмигрантам, среди которых было много коммунистов. Вообще тогда для многих идея коммунизма виделась как надежда человечества. В то время как капиталистические страны переживали период депрессии и спада в своей экономике, СССР успешно выполнил первый пятилетний план. Многим людям Советская страна представлялась перспективной моделью организации общества.

Фукса принял на жительство в Бристоле известный промышленник — друг Советского Союза Рональд Ганн. Последний и убедил ученого-физика Невиля Мотта, преподававшего в Бристольском университете, принять молодого немца-антифашиста в свою лабораторию в качестве аспиранта. Клаус работал у Н. Мотта и проживал в семье Р. Ганна в течение трех лет. В декабре 1936 года, т. е. в возрасте 25 лет, Фукс защитил докторскую диссертацию.

В целях дальнейшего совершенствования знаний молодого доктора Н. Мотт рекомендовал Клауса на работу в лабораторию профессора Макса Борна в Эдинбурге. В Эдинбургском университете К. Фукс совместно с М. Борном написал ряд научных статей.

Советско-германский пакт о ненападении в августе 1939 года вызвал заметное ухудшение англо-советских отношений. Резкие расхождения в оценке пакта отмечались среди немецкой эмиграции. Были некоторые колебания по этому вопросу и у Фукса. Позднее нападение фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 года окончательно рассеяло его сомнения.

Опасаясь нацистского вторжения на остров, английское правительство изменило свое отношение к немецкой антифашистской эмиграции. Все немцы вызывались в специальные трибуналы для проверки. В ноябре 1939 года вызвали и Фукса. В мае 1940 года он был интернирован и заключен в лагерь на острове Мэн. М. Борн и Н. Мотт ходатайствовали перед властями об освобождении ученого, утверждая, что он является одним из самых одаренных физиков молодого поколения и мог бы выполнять работу, важную для страны. Но это успеха не возымело.

Вскоре Клаус вместе с другими интернированными был переведен в Канаду. Там его заключили в лагерь, расположенный в Квебеке. Условия содержания в нем были тяжелые, отчего нередко случались среди интернированных самоубийства.

Благодаря ходатайству друзей-ученых и промышленника Рональда Ганна в конце декабря 1940 года Фукс был освобожден из лагеря и возвращен в Англию.

III

В БРИТАНИИ уже приступили к созданию атомной бомбы. В начале 1940 года немецкие ученые-эмигранты Отто Фриш и Рудольф Пайерлс представили Генри Тизарду, научному советнику Черчилля, меморандум «О создании супербомбы, основанной на ядерной цепной реакции в уране». Английское правительство создало сверхсекретный комитет под кодовым названием МАУД по изучению возможности создания урановой бомбы. В целях зашифровки программа стала называться «Тьюб Аллой».

Летом 1940 года, когда Лондон и другие города Англии подвергались массированным бомбардировкам немецкой авиации, по инициативе английского правительства началось сотрудничество и обмен секретной информацией в области науки и техники с США. Англия передала США ряд своих важных научных разработок по атомной бомбе и электронике.

В конце 1940 года английское правительство приняло решение о начале строительства завода по выделению урана-235 методом газовой диффузии. Профессору Р. Пайерлсу для развертывания работ по атомной бомбе были выделены значительные средства в Бирмингемском университете. В поисках новых научных сотрудников Р. Пайерлс ознакомился с трудами Фукса и рекомендациями М. Борна и Н. Мотта. Молодой ученый привлек его внимание. Профессор знал, что Фукс был активным членом социалистической студенческой группы в Бристоле. Но Пайерлс хотел иметь хорошего ученого и не обращал внимание на его политические взгляды. Так Клаус Фукс приступил к исследованиям по созданию сверхбомбы.

Работая в Бирмингеме, он решил несколько важных математических задач по уточнению параметров урановой бомбы. В июне 1942 года исследователь был принят в английское подданство, и его стали привлекать к более секретным работам. В частности, ему было поручено вести наблюдение за соответствующими работами в Германии. Для этого Фукс получил допуск и к совершенно секретным материалам, полученным «Интеллидженс сервис» от своих агентов. Следует заметить, что в течение всей войны английская разведка имела ценного агента-ученого Пауля Росбауда, который регулярно передавал информацию о работах нацистов по созданию атомной бомбы и ракет.

IV

КОГДА фашистская Германия напала на Советский Союз, в Англии, как и во всем мире, началась массовая кампания по оказанию помощи Красной Армии и Советскому государству. Народы требовали скорейшего открытия второго фронта, активных военных действий в Европе против Гитлера. Но правящие круги США и Англии не торопились. У них были другие планы.

Эта двуличная политика вызывала негодование и у Клауса Фукса. Он не мог бездействовать, не мог не включиться в борьбу против своих злейших врагов — нацистов. Поздней осенью 1941 года К. Фукс посетил советское посольство в Лондоне, где рассказал о своем участии в осуществлении сверхсекретной англо-американской программы создания нового мощного оружия. Он выразил желание передать эту информацию Советскому Союзу.

С К. Фуксом была установлена конспиративная связь через советскую разведчицу Урсулу Кучинскую, немку по происхождению. В 1942 и 1943 годах Клаус встречался с Урсулой один раз в 3—4 месяца, передавая ей секретные материалы о ходе исследований (В 1942—1943 гг. с К. Фуксом работала разведка Наркомата обороны СССР. В дальнейшем связь с ним поддерживала разведка МГБ — КГБ СССР, в которой служил автор статьи).

В конце 1943 года Роберт Оппенгеймер, руководитель работ по созданию американской атомной бомбы, высоко ценивший теоретические работы К. Фукса, попросил включить его в состав английской научной миссии, направлявшейся в США для оказания помощи. До этого момента информация, переданная Клаусом Фуксом, за некоторым исключением была известна советским ученым по их собственным исследованиям. Но она подтверждала, что, во-первых, соответствующие работы в гитлеровской Германии зашли в тупик; во-вторых, что США и Англия уже строят промышленные объекты по созданию атомных бомб. Это значительно подкрепило рекомендации наших ученых Сталину о том, что Советский Союз должен срочно приступить к созданию своей атомной бомбы.

V

В ДЕКАБРЕ 1943 года Клаус Фукс в составе английской миссии прибыл в США, чтобы участвовать в «Манхаттэн проджект» (кодированное название американской программы по созданию атомной бомбы). Руководство советской разведки понимало, что прибытие К. Фукса в США значительно расширило его возможности по добыче сведений о создании атомного оружия в Соединенных Штатах. Но также было ясно, что поддержание конспиративной связи с источником в США будет сопряжено со значительными трудностями. Контрразведывательные службы этой страны, в первую очередь ФБР, активизировали свою деятельность против американских прогрессивных организаций и лиц, особенно усилив наблюдение за советскими учреждениями в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Руководство советской разведки приняло решение поручить связь с Клаусом Фуксом агенту «Раймонду» — американскому гражданину Гарри Голду.

В первых числах февраля 1944 года Голд установил связь с Фуксом и стал получать от него важную информацию о ходе строительства завода в Окридже, штат Теннесси, где должен был производиться методом газовой диффузии уран-235, а также материалы о научно-исследовательских работах, подготовленных членами английской миссии. Голд в течение пяти месяцев регулярно встречался с Фуксом в различных районах Нью-Йорка. Полученные материалы он через несколько минут передавал сотруднику советской разведки Анатолию Яковлеву.

Затем Клаус Фукс перестал выходить на обусловленные встречи. Естественно, внезапный перерыв связи с таким ценным источником вызвал большое беспокойство у нашей разведки.

Много времени потратили, чтобы установить, что К. Фукс срочно уехал из Нью-Йорка неизвестно куда. Было решено поручить Голду посетить сестру Фукса Кристель, проживавшую в окрестностях Бостона, и выяснить у нее местонахождение брата. Первый приезд Голда был неудачным — Кристель он не увидел. В разговоре с хозяйкой дома узнал, что Кристель уехала с семьей отдыхать.

Во второй приезд Голд побеседовал с Кристель и выяснил, что ее брат уехал куда-то на юго-запад, но его адреса она не имеет. Тогда, как было заранее предусмотрено, Голд передал Кристель запечатанный конверт и попросил передать его Клаусу, если тот к ней приедет. В конверте находилась записка, в которой сообщалось, чтобы Клаус по ее получении позвонил в определенное время по указанному там телефону. Звонок означал бы, что на следующий день к нему приедет «Раймонд».

Кристель сообщила, что, по ее мнению, брат наведается к ней на рождество, так как он очень любит ее детей и ему доставляет удовольствие делать им подарки. Однако и в рождественские дни сигнала от Фукса не поступило. Сигнал пришел только в январе 1945 года.

VI

ПОКА НАША РАЗВЕДКА искала Фукса, он с середины августа 1944 года находился в самом секретном атомном центре США в Лос-Аламосе, строжайше охранявшемся двумя контрразведывательными службами — военной контрразведкой и ФБР. В центре работали 45 тысяч гражданских лиц и несколько воинских частей. Проникновение в Лос-Аламос, святая святых американских секретных работ периода второй мировой войны, было сокровенной мечтой советской разведки. Теперь заветная цель становилась реальностью.

Два фактора позволили Клаусу Фуксу проникнуть в Лос-Аламос. Бдительное, безукоризненное поведение и его гениальные способности как ученого. Он не давал какого-либо повода заподозрить его в чем-либо предосудительном.

В Лос-Аламосе над созданием атомного оружия трудились 12 лауреатов Нобелевской премии из США и Европы. Даже в их компании Клаус Фукс считался выдающимся ученым, а ему поручали решение важнейших физико-математических задач. Ганс Бете, глава теоретического отдела в Лос-Аламосе, так характеризовал Фукса: «Он один из наиболее ценных людей моего отдела. Скромный, способный, трудолюбивый, блестящий ученый, внесший большой вклад в успех Манхаттенской программы».

Встреча с К. Фуксом состоялась в январе 1945 года в квартире его сестры Кристель в ее отсутствие. Дверь «Раймонду» открыла прислуга. К. Фукс пригласил гостя в комнату, где они беседовали около 20 минут. Клаус рассказал о месте и содержании своей работы, о том, что руководители и коллеги относятся к нему хорошо. Сообщил, что создание урановой бомбы близится к завершению и одновременно успешно идут работы по созданию плутониевой бомбы. На встрече по всем этим вопросам он передал обстоятельную письменную информацию с необходимыми математическими расчетами, чертежами и указанием размеров «штучки» (или «бейби» — так называли между собой коллеги Клауса атомную бомбу).

По указанию Центра Голд передал Фуксу рождественский подарок и в вежливой форме спросил ученого, не нуждается ли он в средствах. Клаус решительно отказался от денег и просил не продолжать разговор об этом.

Тогда же выяснилось, что в течение года Фукс не сможет выехать из района атомного центра. Поэтому следующую встречу назначили на начало июня 1945 года в городе Санта-Фе, находящемся недалеко от Лос-Аламоса. Ученый взял план этого города и указал на нем желательное место встречи. Кроме плана Санта-Фе Клаус передал Голду расписание движения местных автобусов.

На встрече в июне 1945 года Клаус заверил, что будет продолжать помогать советскому народу, перед которым, по его словам, человечество в неоплатном долгу после победы над фашизмом. Фукс передал письменную информацию о завершавшихся работах по созданию урановой и плутониевой бомб и взрывных устройств к ним. Особенно важным для правительства СССР было сообщение ученого о предстоящем в середине июня испытании плутониевой бомбы.

В то время как Красная Армия с боями продвигалась к Берлину, а американские и английские войска вели наступление в Западной Германии, политики торопили создателей бомб, чтобы испытать новое оружие, пока не кончилась война. С самого начала планировалось сбросить плутониевую и урановую бомбы на Японию, что и было сделано в августе 1945 года.

Вторая встреча с Фуксом в Санта-Фе состоялась 19 сентября 1945 года. Учитывая сложную обстановку в небольшом городке, где многие жители знали друг друга в лицо и где активно работали контрразведки, беседа ученого и Голда проходила в автомашине во время езды по известным Фуксу окраинным дорогам и была непродолжительной. Фукс рассказал, что 16 июня 1945 года в 5.30 утра присутствовал при испытании первой атомной бомбы. После яркой ослепительной вспышки и взрыва, по его словам, небо над полигоном покрылось бело-багровым бушующим клубящимся пламенем. От Фукса были получены также письменные сообщения о дальнейших усовершенствованиях плутониевой бомбы и о том, что США ежемесячно производят 100 кг урана-235 и 20 кг плутония. Эти цифры давали советским ученым возможность определить, сколько атомных бомб США могли произвести за год. Однако в тот раз ученый не мог сообщить технологию производства плутония.

В связи с тем что, как выяснилось, ожидалось скорое возвращение Фукса в Англию, ему были переданы условия встречи с представителями советской разведки в Лондоне.

19 сентября 1945 года состоялась последняя встреча Клауса Фукса с представителем советской разведки в США. Во время встреч в Нью-Йорке и Санта-Фе он передал ряд важных совершенно секретных материалов по теории создания урановой и плутониевой бомб, их устройству, по методам сборки.

VII

ПОД ДАВЛЕНИЕМ существовавшего среди ученых мнения о необходимости установления международного контроля над атомным оружием в 1944 году американское правительство сочло необходимым подготовить и опубликовать доклад о создании атомной бомбы в США. Часть этого доклада писали ученые Лос-Аламоса. Однако Пентагон подверг документ жесткой цензуре, поэтому многое из написанного не увидело свет. Доклад был представлен для одобрения Р. Оппенгеймеру, но тот отказался поставить свою подпись. По его мнению, доклад был «однобоким и вводящим в заблуждение». Иными словами, в документ была заложена дезинформация с целью направить ученых других стран, в первую очередь СССР, по неправильному пути. 12 августа 1945 года доклад был опубликован под названием «Атомная энергия для военных целей. Официальный доклад о создании атомной бомбы под руководством правительства Соединенных Штатов, 1940 — 1945 гг.».

Осенью 1945 года директор атомного центра в Лос-Аламосе Р. Оппенгеймер был заменен Н. Брэдбери. Многие американские и английские ученые уходили из Лос-Аламоса, возвращаясь на гражданскую работу. По просьбе нового директора Клаус Фукс продолжал работу в центре. Он занимался анализом результатов атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, участвовал в составлении подробного научного отчета о создании атомных бомб. А также помогал составить программу исследований при проведении взрывов атомных бомб против военных кораблей в районе атолла Бикини. В Лос-Аламосе тогда регулярно проводились семинары и коллоквиумы по вопросам возможности создания нового ядерного оружия — водородной бомбы. Клаус Фукс принимал участие почти во всех этих научных обсуждениях.

Он покинул Лос-Аламос в середине июня 1946 года. Навестил свою сестру Кристель в Кембридже, затем вылетел на военном самолете из Монреаля в Англию.

VIII

ЗА НЕСКОЛЬКО месяцев до окончания войны английское правительство решило приступить к созданию своего атомного оружия. Летом 1945 года премьер-министр К. Эттли создал сверхсекретный комитет «ГЕН-75» по планированию и строительству объектов для производства атомных бомб. Эттли считал, что без собственного атомного оружия Англия попала бы целиком в зависимость от США.

Программа Эттли была весьма широкой, и на ее реализацию он выделил 100 миллионов фунтов стерлингов, не поставив в известность парламент. Предусматривалось создание научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле, реакторов и химического завода по производству плутония в Уиндскейле, завода по получению урана-235 в Капенхёрсте, арсенала в Олдермастоне, предназначавшегося для конструирования и сборки атомного оружия. Харуэлл, находящийся недалеко от Оксфорда, замышлялся как главный научный и административный центр всей атомной программы Англии.

Английское правительство поставило цель — сделать плутониевую бомбу в 1952 году.

Следует отметить, что США, как только у них появилось атомное оружие, стремились к монопольному праву обладания им, чтобы лишить другие страны, в первую очередь СССР, возможности использовать атомную энергию по своему усмотрению. С этой целью они стали добиваться через ООН принятия их «плана Баруха», который закрепил бы за США монопольное владение атомным оружием.

США оказывали на Англию давление, чтобы та отказалась от производства своей атомной бомбы. Первоначально американцы отказывались передать Англии даже документацию о результатах научно-исследовательских работ, выполненных английскими учеными в Лос-Аламосе. США также добивались пересмотра Квебекского соглашения 1943 года. Некоторые члены конгресса США были потрясены, когда узнали, что согласно этому секретному соглашению США не могли сбросить атомную бомбу на Москву без английского разрешения.

В 1946—1947 гг. сотрудничество между США и Англией в области атомных дел было плохим. С целью выработки приемлемого соглашения в этот период несколько раз проводились переговоры между делегациями США и Великобритании, в работе которых обычно участвовал Клаус Фукс. Только 7 января 1948 года было подписано кратковременное соглашение, которое заменяло Квебекское. По новому соглашению Англия отказывалась от своего права вето на американское применение атомных бомб и разрешала США приобретать до двух третей урана, производимого в Бельгийском Конго и Южной Африке. В обмен США соглашались предоставить Англии дополнительную информацию по реакторам, производству плутония и методам обнаружения ядерных взрывов.

В 1949 году начались новые переговоры об англо-американском сотрудничестве, так как временное соглашение истекло 31 декабря 1948 года.

Администрация президента Трумэна под надуманным предлогом, будто Советский Союз может оккупировать Англию и захватить атомные секреты, возвратилась к идее, что атомное оружие должно производиться только в США. Взамен для защиты Англии от угрозы со стороны СССР США предлагали разместить на ее территории несколько готовых атомных бомб и самолетов для их доставки и сброса на советские города.

Осенью 1949 года позиции сторон на переговорах были следующими. Великобритания будет продолжать работы по созданию своей атомной бомбы, сотрудничать в проведении испытаний ядерного оружия, поставлять плутоний для производства боевых головок в США и разрешит, чтобы около 20 американских атомных бомб были размещены на территории Англии. Американцы со своей стороны хотели контролировать производство плутония и всей атомной программы Великобритании.

Но произошло событие, вследствие которого эти переговоры были прерваны.

IX

В АНГЛИИ Клаус Фукс был назначен главой отдела теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле. Его репутация в научном мире была очень высокой. Р. Оппенгеймер, в то время директор Принстонского университета фундаментальных исследований, пригласил Клауса к себе на должность члена Совета по научно-исследовательской работе. К. Фукс отказался. В начале 1948 года профессор Р. Пайерлс писал директору Харуэлла Дж. Кокрофту: «К. Фукс, вероятно, является первым кандидатом на должность главы кафедры университета по математической физике, если откроется такая вакансия, ибо он один из немногих ученых, кто способен создать сильную школу по теоретической физике». Вскоре Пайерлс предложил кандидатуру Фукса для избрания в члены английской Академии наук. Дж. Кокрофт поддержал это предложение.

Клаус Фукс участвовал в решении многих научных задач, связанных с развертыванием английской атомной промышленности. Он был членом многих комитетов и комиссий по этой проблематике, в том числе членом комиссии по противоатомной обороне Англии, входил в состав английской делегации на переговорах с американцами, во время которых вырабатывались соглашения о сотрудничестве между Англией и США в области атомной энергии.

Вскоре в составе группы английских ученых Фукс был направлен в Германию, чтобы допросить интернированного известного немецкого ученого Отто Гана, занимавшегося у нацистов созданием атомной бомбы. Во время командировки Клаус впервые за десять лет дважды встречался **с** отцом и рассказывал ему о своей работе.

Осенью 1947 года после годичной задержки Эмиль Фукс получил английскую визу на поездку к сыну. Он остановился в городе Абингдоне, недалеко от Харуэлла. Прожил там около месяца. Изредка встречался с Клаусом, а большую часть времени посвящал чтению лекций на собраниях квакеров в различных городах Англии. Затем возвратился в Западную Германию.

X

РУКОВОДСТВО разведки МГБ поручило проводить встречи с Клаусом Фуксом в Лондоне автору этих строк. К тому времени я уже несколько лет работал за границей. Однако в атомных делах разбирался, к сожалению, слабо. Для устранения этого пробела, который мог помешать работе с Клаусом Фуксом, ко мне прикрепили ученого-атомщика, под руководством которого пришлось засесть за изучение устройства и технологии производства атомной бомбы, а также разобрать задания, по которым планировалось получить информацию от Фукса на первых встречах.

Перед возвращением в Англию меня принял начальник разведки генерал-лейтенант С. Р. Савченко. Генерал особо подчеркнул чрезвычайную ценность Фукса, оказывающего неоценимую помощь нашим ученым, занятым созданием отечественной атомной бомбы. Работу с Фуксом глава разведки рекомендовал строить с учетом пожеланий ученого, быть внимательным к нему и всегда помнить, что тот является нашим идейным соратником.

Возобновление связи с К. Фуксом проходило в период, когда «холодная война» достигла максимальной интенсивности. США и Англия проводили жесткую политику сдерживания и отбрасывания коммунизма, фактически объявили экономическую блокаду СССР. Вокруг нашей страны создавали широкую сеть военных баз и открыто угрожали свержением социалистических порядков.

В такое опасное время только беспредельная преданность К. Фукса социализму, его огромное мужество позволили ему продолжать тайные встречи с представителем советской разведки.

В 1947—1949 гг. я встречался с Клаусом Фуксом раз в 3—4 месяца. Встречам предшествовала тщательная подготовка, а план каждой утверждался в Москве. Все встречи по форме имели много общего. Всегда требовалась скрупулезная проверка, чтобы убедиться, что оба партнера пришли на свидание без «хвоста». Во время беседы следовало обсудить:

— обстановку вокруг ученого, выяснить его возможности и вероятные подозрительные моменты;
— получить от него устную информацию;
— дать задание по подготовке нужных материалов;
— побеседовать о международной обстановке и ответить на вопросы ученого;
— назначить очередную встречу и условиться о запасных вариантах;
— принять от ученого принесенные материалы.

Однако по своему содержанию каждая встреча была специфической: разные места и районы встреч, разные методы проверки. Мне особенно запомнилась первая. Она была назначена в пивном баре в отдаленном районе Лондона. Хотя место встречи я изучил заблаговременно, пришел туда за 15 минут до назначенного времени. Ничего подозрительного не было. Стал ждать прихода Фукса с противоположной стороны улицы. Тот пришел без опоздания и зашел в бар. Я понаблюдал минуты три, не последует ли кто следом. Потом сам зашел в бар и сразу увидел сидящего за стойкой человека, читающего, как и следовало по условиям, определенную газету. Перед ним стоял наполовину опорожненный стакан с пивом.

Выбрал себе место неподалеку, заказал пиво и положил на стойку обусловленный журнал так, чтобы его мог увидеть Фукс. Как было условлено, Фукс, держа в руке стакан с пивом, подошел к щиту с фотографиями известных английских боксеров. Там уже стояло несколько человек, обсуждавших достоинства спортсменов. Подошел к этой группе и я. В обсуждение вступил ученый и согласно паролю произнес фразу:

— Брюс Вудкок самый лучший боксер Великобритании во все времена.

На это я возразил:

— Томми Фарр был значительно лучше Брюса Вудкока.

Это была вторая часть устного пароля. Начались споры. Оставив беседовавших у щита, Фукс поставил стакан на

стойку, поблагодарил бармена и вышел на улицу. За ним никто не последовал. Секунд через 30 я направился следом. Догнал Фукса и, поздоровавшись с ним, назвал его по имени, а сам представился как Юджин.

Выяснилось, что по своей инициативе Клаус Фукс принес важные материалы по технологии производства плутония, которые не мог достать в США. Ученый рассказал, что в Харуэлле его приняли хорошо. Руководство с ним считается, и он в курсе всех работ по созданию английской «штучки».

Я передал Фуксу листок с вопросами и попросил подготовить информацию к следующей встрече. Клаус внимательно прочитал записку и возвратил ее, сказав, что сможет выполнить и это.

После некоторой паузы Клаус внимательно посмотрел мне в глаза и, улыбаясь, спросил:

— Неужели и ваш «бейби» будет скоро рожден?

Заметив мое недоумение, пояснил:

— Я имею в виду советскую атомную бомбу. Судя по вашим словам и письменным вопросам, понимаю, что года через два советские товарищи подорвут «штучку».

Я отказался комментировать высказывание Клауса, сославшись на свою некомпетентность и неосведомленность в этих вопросах.

С заметной радостью Клаус продолжал:

— Я-то вижу, что дела у советских коллег продвигаются успешно. Никто из американских и английских ученых не ожидает, что Советский Союз построит свою «штучку» ранее чем через 6—8 лет. Для этого у СССР, считают они, нет технического и промышленного потенциала.

Перед расставанием я принял от ученого довольно пухлый пакет с материалами, поблагодарил его за помощь и преданность нашей стране.

— Не нужно об этом говорить, — заметил Клаус и продолжал:

— Я ваш вечный должник...

Полковник в отставке А. С. ФЕКЛИСОВ, кандидат исторических наук

ВИЖ №1 1991

ЧЕРЕЗ полтора месяца из Москвы была получена оценка материалов Клауса Фукса о промышленном объекте по производству плутония в Уиндскейле. В ней указывалось: «Полученные материалы очень ценные, позволят сэкономить 200—250 миллионов рублей и сократить сроки освоения проблемы».

Последующие встречи с Клаусом проходили так же напряженно, но спокойнее, чем первая. Мы уже знали друг друга, была договоренность о проверке и взаимной проверке перед тем, как вступать в контакт, выработана система поддержания надежной непрерывной связи и многое другое. К своей деятельности по оказанию помощи Советскому Союзу Фукс относился очень серьезно, с душой. Он всегда старался полностью выполнять наши задания. Передавая информацию, часто говорил: «Здесь то, что вы просили, и еще кое-что дополнительно, по-моему, нужное для ваших ученых».

Начиная с января 1948 года оценки материалов Клауса из Москвы стали приходить краткие, но высокие. Обычно сообщалось, что полученные от ученого сведения «очень ценны», «ценные», «весьма ценные». Однажды, услышав от меня такую оценку его работы, Клаус сказал, что он рад слышать это. А затем добавил примерно следующее: «Я уверен, что советские товарищи могут сделать свою атомную бомбу без посторонней помощи. Передавая материалы, я хочу, чтобы они поступили в Москву своевременно, с тем чтобы советские ученые не пошли по неправильному пути. Я также хочу, чтобы советский народ мог сэкономить материальные средства и сократить срок создания ядерного оружия».

Запомнилась мне встреча с Клаусом Фуксом в феврале 1949 года. Получив от него материалы, я быстро передал их товарищу для доставки по назначению. Освободившись от секретных документов, ка к было условлено, направился в близлежащий небольшой парк, где планировалось провести беседу. Был субботний полдень, стояла типичная лондонская прохладная, пасмурная, с небольшим туманом погода. Сели на лавочку, начали беседу. Когда обсуждение сугубо деловых вопросов было закончено, Клаус радостно произнес:

— Да, команда Курчатова на всех парах идет к цели. Это очень хорошо!

Как и прежде, я заметил, что не в курсе советских атомных дел. Однако собеседник горячо возразил:

— Из ваших вопросов совершенно ясно, что скоро советский «бейби» подаст голос и его услышит весь мир. Когда это произойдет, в моей жизни будет самая большая радость. И не только в моей. Конец атомного шантажа, затеянного американской администрацией, — вот что это будет означать. Помолчав, я спросил Клауса:

— Вам не надоело быть холостяком? Может быть, лучше жениться, создать семью? Нам кажется, что тогда к вам будет больше доверия со стороны англичан. Вы будете вхожи в более респектабельные научные и светские круги Англии, что, несомненно, будет способствовать дальнейшей карьере.

Серьезно, как бы выдавая свои сокровенные замыслы, ученый поведал следующее:

— Я неоднократно сам думал об этом. Юджин, я отдаю себе ясный отчет, что, помогая Советскому Союзу, встречаясь с вами, подвергаюсь большой опасности. Один неверный шаг, малейшая ошибка в нашей работе будет иметь для меня роковые последствия. Сам я готов к этому. Но, честно говоря, не хочу, чтобы из-за меня страдали жена, дети. Главное же — в мои планы не входит создание семьи в Англии.

— Что это за планы? — спросил я.

Ученый уверенным голосом ответил:

— Я хотел бы помогать Советскому Союзу до тех пор, пока он не создаст и не испытает свою атомную бомбу. После этого думаю возвратиться домой, в Восточную Германию. У меня там есть друзья. Тогда женюсь и буду спокойно работать. Это моя самая заветная мечта.

Клаус рассказал мне в тот раз, что отец его проживает в Западной Германии и сам зарабатывает себе на жизнь. Брат Герхард болен, лечится в Швейцарии. Иногда удается ему кое-чем помогать.

У меня было разрешение руководства разведки в случае необходимости выдать Фуксу вознаграждение. Однако делать это следовало с особой деликатностью, чтобы не обидеть ученого. Мне показалось, что наш хороший, откровенный разговор — это как раз подходящий случай. Я по-дружески попросил Клауса принять конверт. Принять не как ценность, а как символ благодарности и уважения к нему советских людей.

Взглянув мельком на меня, Фукс взял предложенный пакет, заметив, что принимает его именно в таком качестве. Часть суммы он, по его словам, намеревался переслать больному брату, который во время войны сидел в нацистском концлагере.

После этого состоялась еще одна, как обычно, продуктивная встреча с Клаусом Фуксом, а потом он перестал выходить на связь.

Всего с осени 1947 по май 1949 года Фукс шесть раз передавал Советскому Союзу подробную письменную информацию, получавшую, как правило, высокую оценку Центра. Вот наименование только некоторых из этих материалов:

— подробные данные о реакторах и о химическом заводе по производству плутония в Уиндскейле;

— сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;

— планы строительства завода по разделению изотопов, который, предполагалось, даст большую экономию сырьевых материалов;

— принципиальная схема водородной бомбы и теоретические выкладки по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии к 1948 году;

— данные о результатах испытаний американцами ураново-плутониевых бомб в районе атолла Энивиток.

Кроме того, на каждой встрече Фукс давал устную информацию по присылаемым из Центра вопросам, интересовавшим советских атомщиков.

XI

По существу, только после окончания второй мировой войны Советский Союз после тщательных научных исследований и экспериментов приступил к строительству промышленных объектов по созданию атомной бомбы. Зная о тайно ведущихся в США работах по атомной проблематике и несмотря на огромные разрушения, людские потери, наше правительство дальновидно сочло необходимым и возможным выделить большие материальные средства и десятки тысяч рабочих, инженеров и ученых для создания советской атомной бомбы. В принятии столь важного решения огромную роль сыграла разведка. Прежде всего она своевременно получила достоверные материалы от нескольких источников о начале и ходе работ по созданию ядерного оружия в США. В дальнейшем, на протяжении ряда лет, наши разведчики добывали совершенно секретные сведения о результатах испытательных взрывов урановой, плутониевой и ураново-плутониевых бомб, проводившихся Соединенными Штатами.

После успешного взрыва первой советской атомной бомбы, произведенного 29 августа 1949 года, академик И. Курчатов, руководивший всеми работами по ее созданию и испытанию, прислал руководству МГБ письмо, в котором, в частности, писал: «Разведка оказала неоценимую помощь в создании советского атомного оружия». О том, что разведки МГБ и Министерства обороны внесли крупный вклад в создание атомной бомбы, наши ученые открыто начали говорить только в последние 3—4 года. При этом они не раз отмечали, что информация поступала от нескольких источников, но секретные материалы Клауса Фукса были наиболее ценными, так как отличались своей научностью, содержательностью, убедительностью и систематичностью.

Взрыв советской атомной бомбы вызвал экстренные секретные заседания кабинетов Трумэна в США и Эттли в Англии. На них обсуждались военно-политические аспекты этого события, а также изменения, которые необходимо внести во внешнеполитическую деятельность названных государств. Один из главных вопросов, которым не могли не задаться участники заседаний, был таков: почему Советский Союз, до крайности истощенный войной, так быстро создал атомное оружие и почему о предстоящем испытании они заблаговременно не получили никаких сведений от своих разведок?

XII

Неожиданно быстрое появление в СССР нового мощного оружия вызвало в правительственных кругах США и Англии предположение, что советские агенты выкрали у них соответствующую информацию. Исходя из того что первая атомная бомба делалась в Лос-Аламосе, они пришли к выводу, что секреты могли передать лица, работавшие там. Спецслужбы США начали бешеную кампанию по выявлению советских агентов. Были взяты в активную разработку все хоть сколько-нибудь подозрительные лица из числа работавших в Лос-Аламосе или приезжавших туда. Тщательному повторному анализу были подвергнуты старые дела и материалы на них.

ФБР вновь проанализировало и дело на Клауса Фукса, которое было заведено во время его нахождения в США. Следует признать, что «грехов» за Фуксом с точки зрения контрразведки к тому времени накопилось немало. В частности, ФБР было известно, что:

1. Фукс был прогрессивным человеком, в студенческие годы участвовал в работе компартии Германии;

2. Во время работы в Бристоле и Бирмингеме (Англия) в 1940— 1941 гг. Фукс в кругу друзей доброжелательно высказывался об СССР;

3. В архивах гестапо, захваченных спецслужбами США и Англии, в одном из списков под № 210 числился Клаус Фукс. Эти списки направлялись в подразделения СС на советско-германском фронте. Против фамилии Фукса имелась пометка «Доставить в Германию, если будет обнаружен в Советском Союзе»;

4. В сентябре 1945 года шифровальщик нашего военного атташата в Оттаве И. Гузенко стал предателем и передал канадским властям много секретных документов. В одном из них значились имена Клауса Фукса и его сестры Кристель, проживавшей тогда в Кембридже;

5. В американской прессе сообщалось, что некоторые советские представители в Комиссии ООН по атомной энергии, обсуждавшей вопрос запрещения атомной бомбы, в неофициальных беседах со своими коллегами, к удивлению последних, использовали специальные термины, которые могли быть известны только из американских секретных материалов.

XIII

После предательства Гузенко ФБР в 1946 году начало разработку Кристель, в результате чего было установлено, что в 1945 году к ней трижды приходил неизвестный американец. В первом случае Кристель не было дома, и приходивший американец интересовался у хозяйки, когда к Кристель приедет ее брат. В другой раз дверь незнакомцу в квартиру Кристель открыла ее домработница. От хозяйки дома и домработницы сотрудники ФБР получили описание внешности приходившего к Кристель незнакомого американца, который интересовался Клаусом Фуксом.

В 1947 году, когда у нашей разведки с Голдом не было связи, другая предательница — Елизавета Бентли дала показания о том, что он был связан с советской разведкой. Голда допрашивали сотрудники ФБР, он вызывался в суд по обвинению в шпионаже по делу, не относящемуся к работе с Фуксом. Но ввиду отсутствия доказательств не был осужден. Тем не менее ФБР продолжало держать Голда в поле зрения.

После взрыва советской бомбы ФБР в поисках лиц, причастных к утечке атомных секретов, снова стало изучать дело

Голда. Контрразведчики обратили внимание на то, что его внешность схожа с описанием внешности неизвестного американца, три раза приходившего в 1945 году к сестре Фукса Кристель. В 1948 году Голда снова вызвали в ФБР. На допросе его спрашивали, почему тот приезжал к Кристель и знает ли он ее брата — Клауса Фукса, не встречался ли с ним. Голд дал отрицательные ответы.

Сотрудники ФБР провели негласный обыск квартиры разведчика и в числе прочих вещей нашли план города Санта-Фе, на котором карандашом было помечено место встречи. Это был тот самый план, что Фукс передал Голду на квартире своей сестры Кристель. В лаборатории ФБР на нем были обнаружены отпечатки пальцев и Голда, и Фукса.

При очередном допросе, используя неопровержимые улики, сотрудники ФБР усилили нажим на Голда. И он, полагая, что контрразведка уже все знает о его связи с Фуксом, дал полные показания о своей работе на советскую разведку и обо всех встречах с ученым в Нью-Йорке и Санта-Фе.

Позднее были получены достоверные данные из закрытых источников, подтвердившие, что именно Голд выдал Фукса. О том же свидетельствует и такой факт: после 10-летнего заключения Голд мог ходатайствовать о помиловании и выйти на свободу. Однако он отказался это сделать. Вместо этого по просьбе Голда ему было предоставлено жилье и работа на территории тюрьмы. Голд поступил так, очевидно, потому, что опасался за свою жизнь.

Директор ФБР Гувер немедленно доложил президенту Трумэну, что его сотрудники выявили источник утечки атомных секретов. Полученные сведения Гувер сообщил и начальнику английской контрразведки MI-5. В первых числах сентября 1949 года английская контрразведка взяла Фукса в интенсивную разработку, которую ученый почувствовал, и перестал выходить на встречи со мной.

В сентябре 1949 года премьер-министр Эттли дал указание приступить к допросу Фукса. Английская контрразведка запросила у ФБР материалы, которые можно было бы предъявить Фуксу во время допроса как доказательство его разведывательной деятельности в пользу СССР. Через некоторое время американцы представили:

— якобы расшифрованную советскую телеграмму, отправленную генконсульством Советского Союза в Нью-Йорке в Москву. В ней сообщалось о содержании встречи Голда с Фуксом на квартире Кристель в январе 1945 года (Эта фальшивая телеграмма была составлена ФБР с целью скрыть истинный источник провала. В действительности советские дипломатические шифры американцы раскрыть не смогли);

— план Санта-Фе с указанием места встречи и отпечатками на документе пальцев Фукса и Голда;

— несколько фотографий Голда;

— короткометражный фильм, на котором Голд был заснят под различными ракурсами во время хождения по улицам.

Начало допроса Фукса было ускорено еще одним непредвиденным событием. В начале октября 1949 года Клаус узнал, что его отец переехал на постоянное жительство из Западной Германии в Восточную, в Лейпциг, где ему дали должность профессора в университете. После недолгого размышления ученый доложил об этом начальнику службы безопасности Харуэлла Г. Арнольду.

Арнольд доложил о своем разговоре с ученым руководству MI-5. Английская контрразведка воспользовалась этим случаем и приступила к допросам Фукса. Допросы вел руководящий сотрудник MI-5, известный специалист по работе против Советского Союза Вильям Скардон. На первой же беседе Скардон заявил Фуксу, что тот подозревается в передаче секретной информации Советскому Союзу. Клаус отрицал это.

Во время допросов Фукс не отстранялся от работы в Харуэлле. Видимо, это делалось преднамеренно, чтобы усилить психологическое давление на ученого. Многие сотрудники Харуэлла тогда уже знали, что глава отдела теоретической физики подозревается в шпионаже и его допрашивает MI-5. Естественно, реакция большинства была далека от одобрительной.

Как позднее, уже находясь в ГДР, рассказывал сам Фукс, он сделал роковую ошибку, когда на прямой вопрос своего хорошего друга заместителя директора Харуэлла Скиннера о том, имеют ли почву подозрения в шпионаже, дал невразумительный ответ. Из этого можно было сделать вывод, что сотрудничество с советской разведкой имело место. Кроме того, как рассказал Фукс, в ходе допросов он пришел к выводу, что «Раймонд» (Голд) выдал его. Об этом, казалось Клаусу, свидетельствовали не только предъявленный план Санта-Фе, который он передал «Раймонду», но и показанные фотографии и фильм.

После мучительных колебаний, решив, что запирательства бессмысленны, Фукс решил признаться в своей разведывательной деятельности. На встрече со Скардоном 13 января 1950 года он рассказал, что передавал Советскому Союзу секретные материалы по атомной бомбе. При этом Клаус заявил, что секретную информацию он сообщал лицам, действительные имена которых не знал. В США — американцу, изображенному на фото, известному ему как «Раймонд». По внешнему описанию, сообщенному Фуксом, английская контрразведка определила, что ранее, в 1942—1943 гг., Фукс передавал секретные материалы Урсуле Кучинской. Кому передавал ученый материалы в 1947— 1949 гг., судя по сообщениям прессы, MI-5 не установила.

После письменного признания 2 февраля 1950 года Клаус Фукс был арестован. 3 февраля 1950 года в лондонском городском суде в присутствии нескольких человек прокурор Хэмфрис предъявил ему обвинение в том, что в период между 1943 и 1947 годами он, по крайней мере, четыре раза передал неизвестному лицу информацию, касающуюся секретных атомных исследований, которая могла быть полезной врагу. При этом Хэмфрис отметил, что Фукс был «одним из самых блестящих физиков-теоретиков нашего времени». По словам прокурора, преступление ученый совершал «не ради денег, а в силу идей коммунизма».

XIV

Дело Фукса разразилось небывало мощным взрывом на страницах мировой прессы. Заголовки об аресте разведчика были напечатаны крупными буквами, иногда на всю первую страницу газет: «Фукс — самый опасный шпион века», «Фукс передал красным данные о водородной бомбе». В статьях подчеркивалось, что подсудимый выдал Советскому Союзу все атомные секреты США и Англии.

В прессе сообщалось, что американское правосудие требовало передачи дела в суд США, где Клаус неминуемо был бы приговорен к смертной казни. Однако английское правительство отказало в этом, считая, что он, как подданный Великобритании, должен быть судим в Англии.

Суд над Клаусом Фуксом состоялся 1 марта 1950 года в известном лондонском суде Олд Бейли. Директор ФБР Гувер предлагал начальнику английской контрразведки Силитоу любую помощь в ходе суда. Англичане отказались. Они были намерены провести суд очень быстро и таким образом раскрыть как можно меньше деталей. С целью избежать лишних свидетелей не было присяжных. На суде оказался лишь один свидетель — сотрудник MI-5 В. Скардон, проводивший допрос Фукса.

Судьей был назначен лорд Годдард, верховный судья Англии, главным обвинителем — генеральный прокурор Англии Шоукросс. В качестве защитника Фукса был выделен известный адвокат Д. Беннетт. В предъявленном обвинении указывалось:

1. Однажды в г. Бирмингеме, Англия;
2. Однажды между 31 декабря 1943 года и 7 августа 1944 года;
3. Однажды в феврале 1945 года в г. Бостоне, США;
4. Однажды в 1947 году в Англии он передал неизвестным лицам информацию, касающуюся атомных исследований, которая предназначалась противнику.

Как отмечали присутствовавшие на суде корреспонденты, обвинение, предъявленное Фуксу, было знаменательно не тем, что в нем содержалось, а тем, что в нем отсутствовало. На этом необычном суде не предоставили слово обвиняемому, а были зачитаны лишь краткие выдержки из письменного признания Клауса.

Перед тем как был вынесен приговор, к Фуксу подошел его защитник Беннетт и спросил, какое наказание он ожидает. «Смертный приговор», — тихо ответил Фукс. В тюрьме он уже приготовился к смерти. Однако суд определил ему 14 лет заключения. Фукс избежал смертной казни лишь потому, что СССР совсем еще недавно был союзником Англии в войне.

Все судебное разбирательство по делу Клауса Фукса продолжалось полтора часа.

8 марта 1950 года было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось: «Агентство Рейтер сообщило о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-атомщиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступавший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передал атомные секреты «агентам советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

XV

После суда над Фуксом Комиссия Конгресса США по атомной энергии потребовала от директора Лос-Аламоса Н. Брэдбери представить доклад обо всех секретных документах, к которым Фукс имел доступ. Директору ФБР Гуверу было поручено представить в Комиссию полные тексты признаний, которые Фукс дал в Англии. Полученные документы тщательно проанализировали и установили, что Фукс передал СССР не только результаты научно-исследовательских работ, но и подробные сведения по практическому созданию урановой и плутониевой бомб.

Особенно тщательно выяснялось, что Фукс знал и передал СССР по водородной бомбе. Выяснилось: Фукс знал все. Председатель Комиссии Конгресса по атомной энергии Л. Страус твердо заявил: «В 1947 году Фукс передал русским информацию по водородной бомбе».

В прессе сообщалось, что, по оценке американских ученых и политических деятелей, информация, переданная Фуксом, дала возможность Советскому Союзу значительно сократить сроки создания атомного оружия. Хорошо информированный научный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» писал, что Фукс помог СССР ускорить решение этой проблемы на срок от 3 до 10 лет. Что касается термоядерной бомбы, то его информация позволила СССР начать работы по ее созданию значительно раньше, чем США.

Американцев особенно беспокоило то, что Советский Союз получил «фору» при создании водородной бомбы. Вопрос о ее создании обсуждался 9 марта 1950 года в специальной подкомиссии Совета национальной безопасности, которая рекомендовала президенту США производство водородной бомбы считать делом чрезвычайной срочности. На следующий день президент Трумэн принял решение о всемерном развертывании работ по созданию термоядерной бомбы.

В правительственных кругах Англии в это время возникли другие заботы.

Известно, что сведения о том, что Фукс является советским агентом, англичане получили от ФБР. Представители этой службы были недовольны, что английская контрразведка не смогла поймать Фукса с поличным, когда он передавал материалы представителю нашей разведки. В прессе высказывались предположения, что в руководстве MI-5 есть советские агенты, которые прикрывали деятельность Фукса и разрешали ему работать на самых секретных объектах. Дело дошло до того, что начали подозревать Р. Холлиса, начальника «советского» отдела английской контрразведки. Все это осложняло сотрудничество не только между спецслужбами двух стран, но и совместные работы в области атомной энергии.

Появились статьи, судя по всему, инспирированные спецслужбами США, которые преследовали цель вызвать взаимно враждебное отношение между Фуксом и Советским Союзом. В них утверждалось, что Фукс в последние годы идейно переродился и стал критически относиться к политике СССР. В свою очередь якобы руководство советской разведки крайне озлоблено на ученого за то, что он признался в работе на нашу страну. Подбрасывалась массовому читателю и такая грубая клевета, будто советская разведка сознательно пожертвовала Фуксом, возможности которого уже были полностью использованы, ради того, чтобы ухудшить англо-американские отношения и тем самым ослабить их военно-экономический нажим на СССР.

Почему Клаус во время допроса говорил о своих идейных колебаниях и неодобрении внешней политики СССР в последние годы? То, что ученый высказывал такие сомнения, не исключено. Здесь напрашивается двоякое объяснение. Во-первых, со времени начала сотрудничества с советской разведкой и до ареста, т. е. в течение восьми лет, на него действовала все возрастающая антисоветская пропаганда периода «холодной войны». С 1942 года в целях конспирации Клаус не мог читать прогрессивную прессу или открыто высказывать свои социалистические, просоветские взгляды. В этой обстановке, конечно, у него могли возникнуть политические колебания.

Во-вторых, можно предположить, что, высказывая в ходе следствия и на суде сомнения в политике Советского Союза, Фукс надеялся таким образом спасти свою жизнь. Однако ни разу во время следствия и суда Фукс не заявил, что порывает с коммунизмом. Верность этой идее Клаус Фукс подтвердил всей своей дальнейшей жизнью.

XVI

24 июня 1959 года, после девяти с половиной лет заключения, за примерное поведение Фукс был досрочно освобожден из тюрьмы. За два-три месяца до этого в лондонских газетах появились сообщения, что английское правительство хотело бы использовать ученого в одном из университетов Англии или Канады. Упоминалась в качестве возможного варианта и Западная Германия. Вместо этого по желанию Фукса прямо из тюрьмы его отвезли в лондонский аэропорт, и

он на польском рейсовом самолете прибыл в Восточный Берлин. Ему было тогда 48 лет. Тем самым Клаус опроверг сплетни англо-американской прессы об идейном перерождении. Западным корреспондентам он заявил, что по-прежнему является коммунистом. Через два дня Фукс получил гражданство ГДР.

Руководство Министерства государственной безопасности СССР обратилось к Вальтеру Ульбрихту с просьбой оказать Клаусу Фуксу всемерное содействие, а также выяснить, не согласится ли он жить и работать в Советском Союзе. Ссылаясь на то, что ему спокойней и легче жить и работать среди соотечественников, Фукс от предложения отказался. Вскоре он был назначен заместителем директора Института ядерной физики. Спустя некоторое время Фукс женился на своей знакомой Маргарите Кейлсон, и они поселились в Дрездене. Клаус включился в общественно-политическую жизнь: выступал в прессе, по телевидению и радио по проблемам прекращения ядерных испытаний и борьбы за мир. Читал лекции по физике и философии для студентов и аспирантов.

В 1972 году Фукс был избран членом Академии наук ГДР и членом Центрального Комитета СЕПГ. В 1975 году за научные достижения он получил Государственную премию первой степени, а в 1979 году был награжден орденом Карла Маркса.

XVII

До 1943 года советские ученые вели научные исследования по урановой проблеме разрозненно. Затем была организована центральная лаборатория при АН СССР по урановой проблеме. Ее возглавил Курчатов. К нему стали поступать все сведения по атомным исследованиям, включая секретные разведывательные материалы о соответствующих работах в Англии и США.

После того как США в 1945 году взорвали атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, в СССР было принято решение о начале строительства промышленных объектов для создания собственного атомного оружия. Решением Государственного Комитета Обороны СССР 20 августа 1945 года создали Специальный Комитет при ГКО. Научно-технический Совет по урановому проекту при Совнаркоме СССР возглавил Б. Ванников. Его заместителем стал И. Курчатов.

С этого времени задания советской разведке обрели более конкретные формы, отвечающие потребностям развернутой программы научно-технических работ по созданию советской атомной бомбы. Клаус Фукс фактически стал работать по заданиям, как и советские ученые, только он трудился не в спокойных условиях, а в обстановке огромной опасности, постоянно угрожавшей его жизни.

Информация, передаваемая Фуксом, всегда получала высокую оценку. Та же, что поступала из Лос-Аламоса и Харуэлла, была особенно ценной. В ней создатели советской атомной бомбы находили не только теоретические, но и научно-практические сведения.

После успешного испытания первой советской атомной бомбы нашим ведущим ученым были присвоены звания Героев Социалистического Труда и лауреатов Сталинской премии, были вручены высокие советские ордена. Орденами были отмечены и некоторые сотрудники разведки. К. сожалению, Клаус Фукс получил 14 лет тюремного заключения, едва спасся от смертной казни — и ничего более.

В 1964 году я обратился с рапортом на имя начальника разведки КГБ, в котором просил его ходатайствовать перед Советским правительством о награждении немецкого ученого или об избрании его иностранным членом Академии наук СССР. Как впоследствии мне стало известно, президент АН СССР М. Келдыш заявил: «Это делать нецелесообразно, так как бросит тень на заслуги советских ученых в создании ядерного оружия».

Забегая вперед, следует сказать и вот что. Еще несколько лет назад в ГДР кинорежиссер И. Хельвиг принялся делать документальный фильм о Клаусе Фуксе под названием «Отцы тысячи солнц». Интервью кинодокументалисту дали многие известные физики США, Англии и других стран — те, кто был причастен к созданию ядерного оружия. В Москве состоялась беседа с академиком Г. Н. Флеровым. Академик А. Д. Сахаров беседовать с Хельвигом отказался.

Все люди, у которых Хельвиг брал интервью, отзываются о Клаусе Фуксе как об ученом редких дарований, скромном, трудолюбивом человеке. Некоторые из них после долгих лет раздумий изменили свое отношение к его нелегальной деятельности в пользу Советского Союза. Теперь эти ученые говорят, что разведывательная деятельность К. Фукса, возможно, предотвратила применение США атомной бомбы во время войны в Корее 1950— 1953 гг., а также сорвала планы США применить атомное оружие против СССР.

Летом 1968 года Клаус Фукс в составе делегации ученых-атомщиков ГДР приезжал в Москву, посетил ряд советских научно-исследовательских институтов, встречался с нашими учеными. Будучи по характеру деликатным, скромным человеком, он ни словом не обмолвился о том, что 8 лет помогал нам в создании ядерного оружия. Вел себя Фукс настороженно. Возможно, опасался обвинения в том, что при допросе он признался в сотрудничестве с Советским Союзом.

Незадолго до отъезда из Москвы с Фуксом встретился руководящий сотрудник разведки КГБ. Беседа шла через переводчика и была напряженной. Ведь ученый впервые оказался в СССР и беседовал с представителем советской разведки после почти 20-летнего перерыва. Наш представитель поблагодарил Клауса за большую помощь Советскому Союзу, рассказал, что руководство разведки через немецких друзей все время следит, чтобы в ГДР у него не было проблем в жизни. В заключение представитель КГБ предложил Фуксу вместе с женой отдохнуть в одном из наших южных санаториев. Поблагодарив, Клаус заметил, что с удовольствием воспользовался бы предложением в следующем году. Ему обещали, что в 1969 году он получит приглашение. Но вскоре тот руководитель ушел на пенсию, произошли и другие изменения в разведке. Про приглашение забыли.

Советские люди впервые узнали о Клаусе Фуксе в июле 1988 года из телефильма «РИСК-II». В нем говорилось, что ученый добровольно передавал СССР секретные материалы о создании атомной бомбы в США. Реакция ведущих советских ученых на фильм была более чем сдержанной. Газета «Известия» 22 июля 1988 года опубликовала интервью с бывшим президентом АН СССР А. Александровым под заголовком «Как делали бомбу». Корреспондент спросил: «После «РИСКа-II» многие наши читатели спрашивают, действительно ли К. Фукс помогал СССР?» Академик невнятно, с явным нежеланием ответил: «Было что-то. Но в общем это не играло существенную роль».

16 января 1988 года в связи с 85-летием со дня рождения И. Курчатова по телевидению передавалась беседа с видными советскими атомщиками А. Александровым, Ю. Харитоном, Г. Флеровым, Е. Славским и другими. Участники беседы, в частности, отметили:

— при создании атомной бомбы Курчатов не сделал больших ошибок;

— имея только несколько микрограммов искусственно полученного плутония, Курчатов стал смело строить промышленные объекты по получению плутония для атомных бомб;

— первая советская бомба была создана в кратчайшие сроки — за 3 года.

У телезрителей, очевидно, могли возникнуть вопросы, и среди них главный: США совместно с Англией й Канадой, используя выдающихся ученых Европы, не испытав войны на своей территории, имея огромный научно-технический потенциал, создали атомную бомбу за 4 года, затратив на это 5 млрд. долларов. Советский Союз же, понеся неисчислимые людские потери, только приступая к восстановлению разрушенной гитлеровцами промышленности и научной базы, решил ту же сложнейшую задачу на год быстрее (В «Литературной газете» за 6 июня 1990 г. опубликовано интервью с профессором Л. В. Альтшулером, работавшим вместе с академиком Ю. Б. Харитоном над созданием первой советской атомной бомбы. В этом интервью Альтшулер утверждает, что наша атомная бомба была создана даже за два года). Почему это произошло? Безусловно, советская атомная бомба была создана так быстро прежде всего благодаря самоотверженному труду десятков тысяч наших ученых, организаторов производства, инженеров, рабочих. Однако в немалой степени этому способствовала и успешная работа советской разведки. В подтверждение этого еще раз можно привести слова из письма Курчатова руководству МГБ СССР: «Советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия».

Было бы правильным признать помощь прогрессивных иностранных ученых, в том числе и Клауса Фукса, в создании отечественной атомной бомбы. При этом следует подчеркнуть, что эти ученые помогали Советскому Союзу не за материальные блага, а в силу своих коммунистических убеждений, в знак благодарности нашему народу и Советской Армии за победу над общим врагом человечества.

Клаус Фукс и его друзья в ГДР в течение почти 30 лет ждали, что Советский Союз признает наконец его заслуги. Но этого не произошло. 28 февраля 1988 года выдающийся ученый и разведчик умер. Как члена ЦК СЕПГ, его похоронили на кладбище социалистов, где находятся могилы известных деятелей социалистической партии Германии. На похороны пришло много людей. И сколь велико было удивление многих тем, что на печальной церемонии не оказалось ни одного представителя нашей страны. Мало того, на подушечках, на которых покоились ордена ГДР, не было ни одной советской награды. Как это могло случиться? Ведь всему миру известно, что Фукс в течение нескольких лет передавал СССР секреты чрезвычайной важности, сидел за это в тюрьме.

Сегодня, когда гласность открыла общественности много доселе неизвестных героев в собственной истории, думается, настала пора воздать должное и подвигу Клауса Фукса — талантливого ученого и разведчика, подлинного коммуниста-интернационалиста.

Полковник в отставке А. С. ФЕКЛИСОВ, кандидат исторических наук

От редакции. Жизнь горазда на аналогии. Недавно в наших газетах промелькнуло сообщение, что в архивах бывшей секретной службы «штази» бывшей ГДР хозяйничают цереушники. Нынешние хозяева Германии целехонькими получили множество документов в прошлом союзного нам государства, в том числе и его разведки. Сообщалось, что многие разведчики недавней ГДР уже разоблачены и арестованы. По мнению прессы, среди них могут оказаться и те, кто оказывал помощь советской разведке. Более того, глава спецслужбы Соединенных Штатов заявил, что руководитель КГБ теперь постоянно должен ломать голову: кто еще из помогавших нам немцев будет разоблачен на следующей неделе?

Конечно, это дело самих восточных немцев, какие материалы следовало оставить перед объединением Германии, а какие уничтожить. Но все ли меры для спасения верных делу интернационализма, идее социализма да и просто союзническому долгу людей предприняли мы? Неизвестно. Судя по торжеству работников ЦРУ, им досталась ценная добыча.

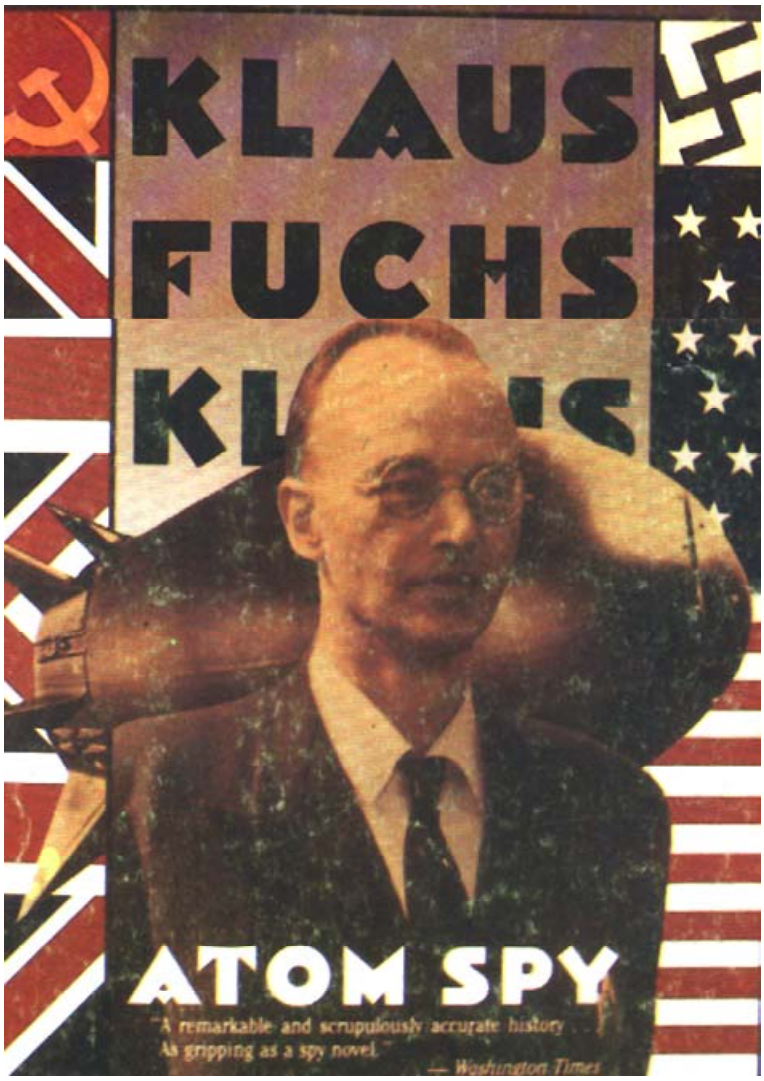


Иллюстрация из книги Роберта Ч. Вильямса «Клаус Фукс — атомный шпион».

Оборонительная операция 16-й армии Западного фронта в битве под Москвой

Полковник Б. И. НЕВЗОРОВ, кандидат исторических наук

ПРОТИВНИК, перейдя в конце октября к обороне, сразу же начал подготовку к захвату Москвы до наступления зимы. Замыслом командования группы армий «Центр» предусматривался охват столицы с севера (операция «Волжское водохранилище»). Суть его заключалась в том, чтобы ударами с рубежа нижнего течения реки Лама на Клин, Солнечногорск и из района Волоколамска на Истру, Солнечногорск окружить и уничтожить войска правого крыла Западного фронта, в дальнейшем намечалось развивать наступление в обход Москвы с северо-востока [1]. Окружение планировалось осуществить соединениями 9-й и 4-й полевых армий. Ударная группа 9-й армии — 3-я танковая группа имела в полосе 16-й армии до 1,5 дивизии (7 тд, 14 мд). Из состава 4-й армии перед фронтом 16-й армии находилось десять дивизий 4-й танковой группы и двух армейских корпусов (схема 1). Некоторые количественные характеристики войск сторон в полосе 16-й армии приведены в таблице. Из нее видно, что враг имел общее превосходство в силах и средствах, особенно по танкам. Преимущество его по всем показателям обеспечивало возможность ведения маневренных действий, а наличие оперативных и тактических резервов позволяло быстро наращивать усилия в ходе наступления. К слабым сторонам наступательных возможностей противника необходимо отнести растянутость коммуникаций и неподготовленность войск к боям в зимних условиях.

16-я армия [2] Западного фронта имела задачу не допустить прорыва противника на волоколамско-истринском и теряево-клинском направлениях. Справа от нее оборонялась 30-я армия Калининского фронта, слева — 5-я армия. Разрыв между ними был соответственно до 15 и 10 км. Отсутствие войск на стыках с соседями создавало угрозу обоим флангам армии.

Командующий армией принял решение на оборонительную операцию. Основные усилия он сосредоточил на удержании главной полосы с массированием сил и средств на важнейшем волоколамско-истринском направлении. Здесь плотности по артиллерии и танкам были соответственно в 3,3 и 5 раз выше, чем их средние значения во всей полосе обороны. Наличие второго эшелона и резервов увеличивало ее глубину до 50 км. Глубокое оперативное построение армии обеспечивало нарастающее противодействие врагу, возможность маневра и своевременного проведения контрударов, повышало устойчивость и активность обороны.

Оборудование второй (армейской) полосы, кроме главной, а также наличие фронтового рубежа были новым явлением в практике советского военного искусства, положившим начало переходу от однополосного к многополосному построению обороны.

Система противотанковой обороны (ПТО) охватывала всю глубину построения армии. Количество противотанковых районов по сравнению с началом октября увеличилось с 1 — 2 до 30, а плотность минирования — в 5 раз (до 540 ПТМ на 1 км фронта)[3]. Для борьбы с танками предусматривалось использовать артиллерию всех систем, танки, средства пехоты и армейскую авиацию. Создавались артиллерийский противотанковый резерв (АПТР) и подвижный отряд заграждения (ПОЗ). Массирование противотанковой артиллерии на главном направлении позволило увеличить ее плотность в 4,5 раза по сравнению со средним значением во всей полосе обороны.

Плотность в 0,57 зенитного орудия на 1 км фронта (ниже требуемой в 25—35 раз) делало символической противовоздушную оборону армии. Использовать же в этих целях истребительную авиацию оказалось невозможным. При визуальной разведке (РЛС обнаружения отсутствовали) рубеж перехвата вражеских самолетов из положения «дежурство на аэродроме» оказывался в 60—70 км от переднего края. Нереальной была и организация дежурства в воздухе, когда в составе самолетного парка 46-й смешанной авиационной дивизии (командир полковник А. А. Бурдин) имелось всего 11 истребителей. Крайняя слабость системы ПВО снижала устойчивость обороны армии.

Стрелковые дивизии получили задачу оборонять полосы шириной от 9 до 16 км, курсантский полк — участок в 10 км. При такой их величине боевые порядки большинства соединений (частей) были одноэшелонными с выделением резерва (1—2 стрелковых батальона) и организацией 2—3 артиллерийских групп поддержки пехоты (ПП). В два эшелона строились только 18-я и 78-я стрелковые дивизии (командиры полковники П. Н. Чернышев и А. П. Белобородое). Для прикрытия открытого правого фланга армии от 126-й стрелковой дивизии полковника А. Н. Вронского и курсантского полка полковника С. И. Младенцева высылались отдельные отряды (силой до взвода каждый). Левый фланг обеспечивала 78-я стрелковая дивизия, заняв часть полосы обороны 5-й армии шириной до 10 км.

В целом построение обороны 16-й армии отвечало обстановке, замыслу на операцию и боевым возможностям войск. Опираясь на высокий моральный дух воинов, она была способна успешно выполнить поставленную боевую задачу.

Однако перед самым началом операции созданная оборона была нарушена. Во второй половине дня 14 ноября Верховный Главнокомандующий поставил Западному фронту задачу сорвать готовившееся наступление противника уп-

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ, ПЛОТНОСТЬ И СООТНОШЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ СТОРОН НА 14 НОЯБРЯ 1941 года

Наименование	Общее в полосе армии (70 км)					На направлении Волоколамск, Истра (10 км)				
	Противник		16-я армия		Соотношение	Противник		16-я армия		Соотношение
	Количество	Плотность (на 1 км фронта)	Количество	Плотность (на 1 км фронта)		Количество	Плотность (на 1 км фронта)	Количество	Плотность (на 1 км фронта)	
Личный состав, тыс.	140	—	59	—	2,4:1	61	—	34	—	1,8:1
Орудия и минометы	2017	28,8	657	9,4	3,0:1	806	80,6	316	31,6	2,5:1
в том числе противотанковые орудия	533	7,6	245	3,5	2,2:1	206	20,6	156	15,6	1,3:1
Танки	755	10,8	75	1,0	10,0:1	604	60,4	52	5,2	12,0:1

См.: ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 6892, д. ц, лл. 5 — 27; ф. 358, оп. 5931, д. 20, л. 49;
Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. - М.: Воениздат, 1964. — С. 52.

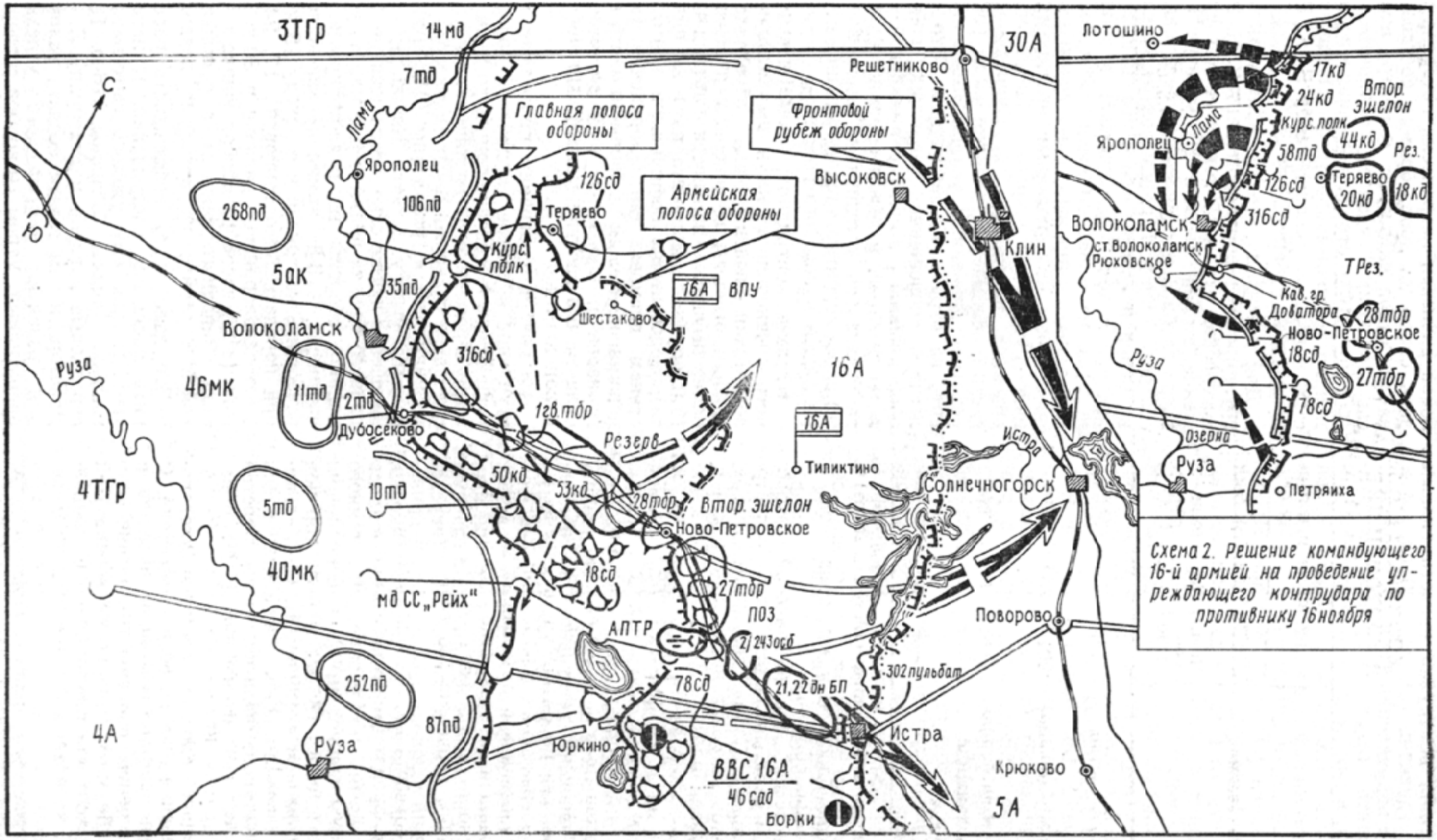


Схема 2. Решение командующего 16-й армией на проведение упреждающего контрудара по противнику 16 ноября

Схема 1. Решение командующего 16-й армией на оборонительную операцию. Положение войск на 14 ноября 1941 г.

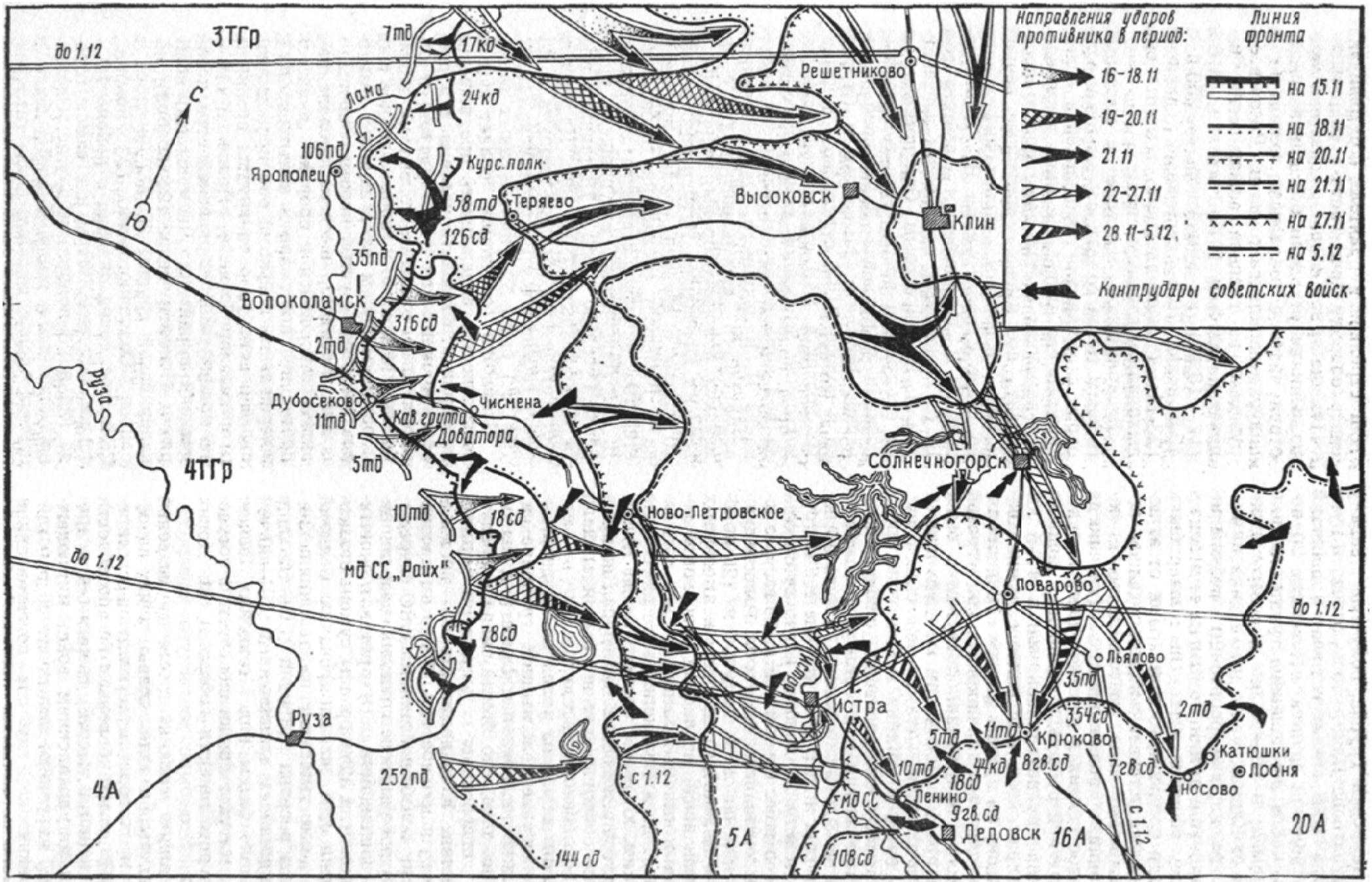


Схема 3. Ведение оборонительной операции войсками 16-й армии 16 ноября—5 декабря 1941 г.

реждающими контрударами из районов Волоколамска и Серпухова. Контрудар в районе Волоколамска возлагался на 16-ю армию. Его цель: разгромить 106-ю, 35-ю пехотные и 2-ю танковую гитлеровские дивизии, овладеть Волоколамском и, выйдя на реку Лама, закрепиться там. Группировку войск приказывалось создать за счет соединений, передаваемых из резерва фронта[4], и проведения маневра внутри армии.

Генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский решил контрудар нанести силами четырех дивизий (58 тд, 126 сд, 44 и 20 кд) в направлении Теряево, Ярополец, уничтожить основную вражескую группировку, в дальнейшем наступать на Волоколамск (схема 2). Планировался вспомогательный удар двумя дивизиями (17 и 24 кд) и курсантским полком в направлении Лотошино, западнее Ярополец, ст. Волоколамск. Он должен был обеспечить главные силы армии от атак противника с севера и северо-запада и отрезать ему пути отхода на запад и юго-запад. Одновременно наступлением в центре (двумя левофланговыми полками 316-й стрелковой дивизии, кавалерийской группой генерал-майора Л. М. Доватора с 1-й гвардейской танковой бригадой) и на левом фланге (78-й стрелковой дивизией) предполагалось оказать содействие контрударной группе в разгроме врага у Волоколамска и улучшить свое положение. Атака назначалась на 10 часов 16 ноября [5].

С прибытием танковой и четырех кавалерийских дивизий состав армии увеличился на 22 тыс. человек, 187 орудий и минометов и 191 танк (БТ-7м и Т-26)[6]. И хотя этим несколько улучшилось общее соотношение сил и средств, оно в целом оставалось в пользу немецко-фашистских войск (в 1,7; 2,4 и 2,8 раза соответственно). Следует также отметить, что указанные соединения прибыли в исходные и выжидательные районы за 1 — 1,5 часа до наступления.

Таким образом, армия должна была нанести упреждающий контрудар по противнику, уступая ему в силах и средствах. Это обстоятельство делало весьма слабыми шансы на успех контрудара, а также оказало негативное влияние на возможности обороны. Последнее вытекало из того, что была уменьшена глубина оперативного построения армии вследствие ликвидации второго эшелона (перегруппировкой 126 и 78 сд в главную полосу); ослаблена система ПВО (передача орудий ударным группировкам привела к ликвидации 13 противотанковых районов и АПТР армии); уменьшились возможности по парированию всякого рода неожиданностей из-за сокращения состава резерва (53 кд и 1 гв. тбр под командованием комбрига К. С Мельника и генерал-майора танковых войск М. Е. Катукова были включены в состав кавгруппы генерал-майора Л. М Доватора).

В таких условиях после двухнедельной паузы начались боевые действия. С утра 16 ноября гитлеровцы перешли в атаку в центре обороны 16-й армии (схема 3). Двумя часами позже войска 16-й армии контратаковали врага и продвинулись на правом фланге от 2 до 9 км на левом - 2 км. При этом ее 17-я кавалерийская дивизия полковника В. А. Гайдукова во встречном бою с 7-й танковой дивизией неприятеля потеряла за день около 75 проц. боевого состава и начала отход на восток, в центре полосы противнику удалось вклиниться в оборону 316-й стрелковой дивизии (командир генерал-майор И. В. Панфилов, с 20 ноября — генерал-майор В. А. Ревякин) на глубину 2—3 км[7].

Для развития успеха контрударных группировок генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский утром 17 ноября ввел в сражение второй эшелон. На участке его ввода глубина продвижения увеличилась с 2 до 5—6 км. В целом контрудар своих целей не достиг и наступающие соединения к концу дня перешли к обороне. Тем не менее он имел такие положительные стороны, как достижение внезапности и сковывание противостоящей группировки врага. Застигнутый врасплох, противник был вынужден отвести с занимаемых позиций части 106-й пехотной дивизии, а усилия 35-й направить на отражение наших атак. Это облегчило положение советских войск оборонявшихся в центре армейской полосы. Но цена в целом скромного успеха оказалась слишком высокой - 92 проц. подбитых танков, большие потери людей и конского состава.

Неудача контрудара, кроме невыгодного соотношения сил и недостаточной подготовки войск, была обусловлена слабым огневым поражением противника из-за низкой плотности артиллерии (9,8 орудия и миномета на 1 км фронта); недостатком боеприпасов и отсутствием плановой артиллерийской поддержки; неумелым выбором момента его проведения, ибо «враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел» [8].

17 ноября противник продолжал наступление в центре армейской полосы расширив участок вклинения до 8 км. К этому времени его 3-я танковая группа вышла на северный берег Волжского водохранилища и, расчленив 30-ю армию создала угрозу захвата Клина. В сложившейся обстановке командование Западного фронта приняло ряд мер по усилению обороны на правом крыле. В частности, 16-й армии приказывалось завершить контрудар и к исходу 18 ноября передать 58-ю танковую, 17, 24 и 18-ю кавалерийские дивизии в 30-ю армию (с 23 часов 17 ноября вошла в состав Западного фронта), а остальным войскам отойти на исходные позиции.

Это дало врагу возможность расширить масштабы наступления, к исходу третьего дня ему удалось вытеснить с главной полосы обороны 316-ю, 18-ю стрелковые дивизии и кавгруппу Л. М. Доватора и тем самым создать условия для развития тактического успеха в оперативный. Утром 19 ноября гитлеровцы нанесли удар в полосе 16-й армии силами семи дивизий и к концу дня продвинулись от 2 до 10 км. Одновременно 3-я танковая группа получила задачу наступать на Клин, чтобы отрезать пути отхода 16-й армии в полосе действий 4-й танковой группы [9]. К исходу 20 ноября части 3-й танковой группы вышли на рубеж в 15—20 км к северу и западу от Клина.

Командование фронта 20 ноября приказало 16-й армии отойти на армейскую полосу обороны. Отход был завершен к исходу следующего дня. При этом немецко-фашистским войскам удалось использовать свое превосходство в маневренных возможностях. Так, когда 126-я стрелковая дивизия достигла указанного ей рубежа, 2-я танковая дивизия противника находилась уже в 4—5 км восточнее него, еще более осложнив обстановку на правом фланге объединения. 23 ноября армия, находясь под угрозой полного окружения, вынуждена была оставить Клин, в тот же день пал и Солнечногорск.

С потерей Клина и Солнечногорска по приказу командования фронта соединения армии к 25 ноября отошли на фронтовой рубеж обороны. Утром 26 ноября враг повел наступление на Истру. К рассвету 27 ноября, когда противник обошел его с севера и юга, 78-я стрелковая дивизия оставила город. В последующие восемь дней наступления (28 ноября — 5 декабря) за счет неимоверных усилий, ввода последних резервов и огромных потерь противник смог продвинуться вдоль Волоколамского шоссе еще на 7 км, а Ленинградского — до 15 км. На рубеже поселков Крюково, Ленино в полосе обороны армии фашисты были остановлены окончательно.

Таким образом, несмотря на энергичное наступление мощной группировки, имевшей высокие плотности и значительное превосходство в силах и средствах, гитлеровцам к 5 декабря удалось оттеснить 16-ю армию на 40—70 км к востоку и юго-востоку. При этом противник не добился главной цели; осуществить глубокий оперативный прорыв, отрезать пути отхода, окружить и уничтожить войска армии и тем самым создать условия для захвата Москвы. Средний темп его наступления составил 2— 3,5 км в сутки (против 50—60 км в приграничных сражениях и 30—40 км в начале битвы под Москвой). Резкое его снижение свидетельствует о возросшей устойчивости обороны советских войск. Это

было достигнуто; совершенствованием ее построения; высокой стойкостью и активностью войск; завоеванием господства в воздухе; своевременным восстановлением боеспособности соединений и частей; твердым и непрерывным управлением войсками; действенной партийно-политической работой.

Увеличение глубины подготовленной обороны и создание системы оборонительных рубежей позволили задерживать наступление противника при прорыве им тактической зоны. Так, отошедшие на вторую (армейскую) полосу части 78-й стрелковой дивизии удерживали здесь оборону почти пять суток.

Войска армии оборонялись очень стойко. Они не отходили без приказа, действуя часто с открытыми флангами, в полуокружении и окружении. Бои в окружении на главной полосе вели, например, 690-й и 1077-й полки 316-й (17—18.11), на армейской — 258-й и 40-й полки 78-й стрелковой дивизии (23.11). С наступлением темноты они выходили к главным силам.

Беспримерное мужество и массовый героизм тысяч солдат, сержантов и офицеров задерживали продвижение врага, срывали его планы. Не имея возможности в рамках статьи даже просто перечислить все имена, достойные вечной памяти, вспомним героев-панфиловцев во главе с политруками В. Г. Клочковым и П. Б. Вихревым, лейтенантом В. Г. Угрюмовым и младшим лейтенантом П. И. Фирстовым. Они погибли, но не пропустили врага через занимаемые позиции у разъезда Дубосеково и деревень Петелино, Мыканино и Строково в полосе 316-й стрелковой дивизии. Их подвиг в 18-й стрелковой дивизии повторили 36 бойцов химического взвода под командованием младшего лейтенанта Н. Кульчицкого. Они обеспечили отход 365-го стрелкового полка с армейской полосы обороны, уничтожив у деревни Ефимоново Истринского района 20 танков и десятки солдат противника [10]. Вызывает восхищение боевое мастерство экипажа старшего лейтенанта Д. Ф. Лавриненко, вступившего у деревни Гусенево в бой с 18 танками врага и подбившего 7 из них. На боевом счету отважного офицера-танкиста к моменту гибели его у Волоколамска (19.12. 1941 г.) было 52 уничтоженных танка.

Стойкость советских солдат давала возможность задерживать продвижение противника, создавать условия для проведения контратак (контрударов) и организованно отводить войска на новые рубежи. Мужество и героизм воинов был и остается одним из решающих факторов повышения устойчивости обороны.

Как известно, высшим проявлением активности войск в обороне является проведение контратак и контрударов. В ходе ведения операции они проводились силами контрударной группы армии на направлении Теряево, Ярополец (16—18 ноября); 8-й гвардейской стрелковой дивизии в районах Чисмены (20 ноября) и Новопетровское (21 ноября); кавалерийской группы Л. М. Доватора в районе Солнечногорска (23 ноября); 78-й стрелковой дивизии в районе 10— 12 км западнее Истры и в самом городе (25 и 26 ноября) и другие. Особенно успешными такие действия были в первых числах декабря, когда гитлеровцы израсходовали свои наступательные возможности. Нанесенные в эти дни контрудары 8-й, 9-й гвардейских, 18-й стрелковых дивизий совместно с 1-й гвардейской, 17-й и 146-й танковыми бригадами в полосе от Крюково до Дедовска заставили противника поспешно перейти к обороне.

Отход войск на новые оборонительные рубежи осуществлялся на основе решений вышестоящего командования, имел характер маневра и обеспечивался арьергардами, засадами, огнем артиллерии и ударами авиации. Расстояние по глубине между оборонительными рубежами было в среднем 20—25 км. Соединения отходили, как правило, перекатами по промежуточным рубежам. Например, командир 78-й стрелковой дивизии выделил в арьергард стрелковый полк. В полках создавались свои арьергарды и другие органы походного охранения. С выходом главных сил на промежуточный рубеж и отходом на него арьергарда соединения в состав последнего назначался другой стрелковый полк, усиленный артиллерией. Арьергард, отражая атаки противника, давал возможность остальным частям дивизии занять оборону на армейском (фронтовом) рубеже. Хорошо организованный отход обеспечивал вывод армии из-под удара превосходящих сил противника, снимал угрозу его глубокого оперативного прорыва и тем самым способствовал достижению устойчивости обороны.

В конце ноября советская авиация впервые с начала войны завоевала оперативное господство в воздухе под Москвой, в итоге соединения армии получили возможность успешно выполнять боевые задачи без серьезного противодействия воздушного противника, что также значительно повысило устойчивость их обороны.

Настойчивость в проведении принятых решений, оперативное реагирование на изменение обстановки, наиболее эффективное использование войск для выполнения поставленных армии задач являлись главными в непрерывном и твердом управлении в ходе операции. Вместе с тем в условиях сложной, быстро менявшейся обстановки, отсутствия сильных резервов и острого недостатка средств связи было затруднительно управлять большим количеством подчиненных инстанций. Поэтому командование армии создавало оперативные группы путем временного объединения части войск, действовавших на разобщенных направлениях. Они создавались: для обороны Клина (группа генерал-майора Ф. Д. Захарова), обеспечения отхода войск с армейской полосы (группа генерал-майора танковых войск М. Е. Катукова), нанесения контрудара западнее Солнечногорска (группа генерал-майора Л. М. Доватора) и удержания важного рубежа восточнее Крюкова (группа генерал-майора танковых войск Ф. Т. Ремизова). Следует заметить, что отсутствие заранее подготовленных органов управления со средствами связи и поспешное формирование групп затрудняли подготовку войск и организацию взаимодействия между ними.

Противник, понеся большие потери в танках в тактической зоне, изменил тактику. Вместо нанесения ударов крупными их массами вдоль дорог он стал применять танки более мелкими группами, как правило, вне основных дорог. Ударам танков нередко предшествовали атаки пехоты, стремившейся проникнуть на огневые позиции противотанковой артиллерии и уничтожить расчеты орудий. Командование армии быстро среагировало на эти тактические приемы. Ему пришлось более широко маневрировать противотанковыми средствами, выделять больше резервов, ставить заграждения на путях движения вражеских танков, улучшать взаимодействие между родами войск. Подвижный отряд заграждений армии и три фронтовых отряда в полосе ее обороны разрушили 310 мостов, установили 53 тыс. мин и фугасов, устроили около 400 завалов на дорогах [11], поднятием шлюзов затопили долины рек Истра (24 ноября), Сестра и Яхрома (28 ноября), заставив врага искать обходы. Такие методы борьбы с танками повышали устойчивость обороны.

В тяжелых оборонительных боях войска несли большие потери. На 21 ноября, например, они достигли 60 проц. в полках 78-й стрелковой дивизии и 90 проц. — в частях 18-й. Четыре танковые бригады (1 гв., 23, 27 и 28-я), вместе взятые, имели лишь 15 исправных танков [12]. Задача восстановления боеспособности соединений в таких условиях решалась вышестоящим командованием. Оно в разные сроки передало в состав армии три стрелковые дивизии, шесть стрелковых и восемь танковых бригад [13], два артиллерийских полка и отдельные подразделения. Кроме того, ширина полосы обороны армии была сокращена почти в три раза (с 70 до 24 км). Все это способствовало росту устойчивости обороны.

Партийно-политическая работа направлялась на воспитание стойкости и мужества личного состава, личной примерности коммунистов в бою, на поддержание наступательного порыва войск. Она велась непрерывно под мобилизующими лозунгами: «Остановить врага, отстоять Москву!», «Выстоять под Москвой — значит выиграть войну», нацеленных на выполнение боевых задач и приказов. Среди них одной из самых важных была проблема повышения устойчивости обороны в противотанковом отношении. В этих целях, например, в 316-й стрелковой дивизии пропагандировали опыт бойцов — истребителей танков. Боевая практика войск армии показала, что моральная стойкость личного состава — один из самых важных факторов успешной борьбы с сильным врагом.

[1] Рейнгардт Клаус Поворот под Москвой. — М: Воениздат. 1980. — С. 166— 168.

[2] 16-я армия (командующий — генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, член военного совета — дивизионный комиссар А. А. Лобачев. начальник штаба — полковник М. С. Малинин) в своем составе к 14 ноября имела: четыре стрелковые (316, 18, 78, 126 сд), две кавалерийские (50, 53 кд), одну авиационную (46 сад) дивизии, три танковые бригады (1 гв., 27, 28 тбр), курсантский полк МКПУ и отдельные части.

[3] История военного искусства. — М.: Воениздат, 1984. — С. 140

[4] С 15 ноября в состав 16-й армии передавались одна танковая (58 тд — командир генерал-майор танковых войск А. А. Котляров) и пять кавалерийских (17, 18, 20, 24 и 44 кд — под командованием полковника В. А. Гайдукова, генерал-майора П. С. Иванова, полковников А. В. Ставенкова, Я. К. Кулиева и П. Ф. Куклина) дивизий, находившихся в районах сосредоточения на удалении 40—80 км от переднего края. При этом 18 кд к началу контрудара не прибыла и в его проведении не участвовала.

[5] ЦАМО СССР ф. 358 оп. 5916. д. 64. лл. 84-87

[6] Там же.

[7] Там же. ф. 358, оп. 5916, д. 77 лл. 1—5

[8] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М.: АПН, 1974. — С. 29.

[9] Рейнгардт Клаус. Указ. соч. — С. 190.

[10] За проявленную отвагу в боях, за стойкость, мужество и героизм личного состава были преобразованы в гвардейские: 316 сд в 8 гв.сд (18 ноября); 78 сд в 9 гв. сд; кавгруппа генерал-майора Л М. Доватора в 2 гв. кк (26 ноября); 18 сд в 11 гв. сд (5 января 1942 г.).

[11] Военно-исторический журнал — 1981. № 10. — С. 59—64.

[12] Подсчитано по: ЦАМО. ф. 783. оп 10268 д. 2, л. 147; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. — С. 118.

[13] В состав армии были переданы: 7-я гвардейская, 133-я и 354-я стрелковые дивизии; 17, 36, 40, 49, 37, 53-я стрелковые бригады; 17, 19, 23, 24, 25, 33, 145, 146-я танковые бригады; 126, 138 отб; 509, 610 ап ПТО и другие подразделения.

Пылающее Подмосковье

НЫНЕШНЕЙ осенью, как и полвека назад, журавлиные стаи улетали на юг. Над Подмосковьем маршрут их клиньев пролегал над теми местами, где в 1941 году шли ожесточенные сражения за советскую столицу, где пылали города, веси и леса, окутывая все дымом, где со зловещим грохотом рвались снаряды, мины, бомбы, где лязгали танковые гусеницы... Четкий строй перелетных птиц тогда нередко нарушали пикирующие бомбардировщики. Ряды журавлей редели от осколков зенитных гранат и шальных пуль.

Да, война никого не щадила. И если от случайных разрывов гибли птицы в небе, то что говорить о людях на земле. Ведь на них обрушивалась вся мощь прицельного огня артиллерии, авиации, танков и других средств врага. Последствия были ужасны. Осенью 1941-го под Москвой погибало и выходило из строя в среднем 11 — 12 человек в минуту! Об этом, естественно, тогда никто не знал...

30 сентября — 2 октября противник прорвал оборону советских войск на трех участках, отстоящих друг от друга на 150—200 км, осуществил глубокий охват с флангов и вышел в тыл Западного, Резервного и Брянского фронтов. 7 октября немцы замкнули кольцо вокруг войск, сражавшихся западнее Вязьмы. Через день, 9 октября, в сводке главного командования Сухопутных войск (ОКХ) было отмечено, что «закрыт Брянский котел» (ЦАМО СССР, ф. 500. оп. 12462 д. 548, лл. 196, 203).

Ситуация для Москвы стала в высшей степени опасной. Стратегический фронт на Западном направлении был разорван. Образовавшаяся в обороне брешь достигала 500 км. Закрыть ее оказалось нечем. Резервов в районе Москвы Ставка не имела. Все они после катастрофы под Киевом были задействованы для восстановления стратегического фронта на Юго-Западном направлении. В те дни почти все пути на Москву открылись. Стала реальной угроза внезапного появления в ней бронетанковых войск противника, ибо слабое прикрытие на Можайской линии задержать их не могло.

В чем причины столь неудачных действий советских войск в прологе битвы?

Причин много. Если их обобщить, то можно выделить две основные группы. К первой относятся: превосходство противника в силах и средствах, маневренных возможностях войск и их опытности, господство авиации в воздухе и владение стратегической инициативой. Перечисленные факторы давали врагу крупные преимущества. Но, по мнению маршала Г. К. Жукова, и «имевшимися войсками можно было предотвратить столь неудачный для нас исход начального этапа битвы» (Военно-исторический журнал.- 1971 — № 10. — С. 63). Помешала этому вторая группа причин: промахи и ошибки, допущенные советским командованием в организации и ведении обороны.

Ставке ВГК и Генеральному штабу не удалось вскрыть замысел врага и противопоставить удару его сконцентрированных сил массирование советских войск. В результате на участках прорыва немцы добились многократного превосходства. Например, в районе Рославля они превосходили соединения 43-й армии Резервного фронта по людям в 5 раз, артиллерии — в 13 и танкам — в 14 раз, имея общее преимущество по этим показателям в пределах 1,4—1,8 раза (Подсчитано по: ЦАМО. ф. 8. оп. 11627. д. 205, л. 114; История второй мировой войны 1939—1945. — Т. 4. — С. 93; укомплектованность немецких дивизий равнялась 70 — 80 проц.).

Верховное Главнокомандование неудачно распорядилось войсками. Задачу на оборону московского направления оно поставило лишь Западному фронту. Войска Резервного фронта, не получив конкретной задачи, оказались неготовыми к первому удару врага. Малообоснованной была и задача Брянского фронта. Она не отвечала характеру действий противника. И даже тогда, когда замысел врага стал уже ясен, Брянский фронт продолжал получать указания оборонять не тульское, а тамбовское и воронежское направления (ЦАМО, ф. 48А, оп. 1554, д. 91, лл. 348—349). По существу, войска этого фронта уводились с московского направления.

Недостаточно продуманным оказалось и построение обороны на московском направлении. Ее первый стратегический эшелон имел небольшую глубину и невысокую плотность сил и средств, а стратегический резерв (армии Резервного фронта) — неудачное расположение. Войска его частью сил находились в первом стратегическом эшелоне на флангах Западного фронта, а основными силами — в тылу последнего. Такое построение затрудняло организацию взаимодействия между фронтами, усложняло управление войсками Резервного фронта и сковывало маневр Западного. Было бы целесообразнее для каждого из них выделить самостоятельную полосу обороны.

Вообще оборона оказалась плохо подготовленной на всех фронтах. На это обстоятельство обратило внимание даже командование противника. В одном из донесений о ходе боевых действий в операции «Тайфун» отмечалось: «...русские войска, действовавшие по обе стороны Вязьмы, оказались измотанными во время предшествующих многодневных атак в направлении Смоленска» (Там же, ф. 500. оп. 12462, д. 548. л. 7). Маршал Г. К. Жуков объяснял это тем, что И. В. Сталин был «постоянным сторонником наступательных действий» (Маршал Жуков. Каким мы его помним. —М.: Политиздат, 1988. — С. 228). Приняв 27 сентября решение о переходе войск к обороне, Сталин не забыл упомянуть о возможности проведения частных наступательных операций для улучшения своих позиций. Более того, 29 сентября, когда до начала битвы оставались сутки, начальник Генерального штаба по его приказанию направил в войска директиву с указаниями о том, как готовить наступление (ЦАМО ф. 48А. оп. 1554, д. 91, лл. 288— 290). И командующие фронтами старались вовсю. Их распоряжениями соединения 22, 29, 19, 16, 24 и 43-й армий наступали даже в последней декаде сентября, группа генерала Ермакова—всю вторую половину его, а 13-я армия, по существу, весь месяц (Подсчитано по; ЦАМО, ф. 8, оп. 11627, д 92, лл. 8—30; там же, д. 226, лл. 1 — 15; там же, д. 237, лл. 50—140; там же, д. 247 лл. 3—103; там же. ф. 202. оп. 5, д. 44, лл. 1—4 и др.). Это отвлекало войска от организации глубоко эшелонированной обороны, не позволяло создать оборонительные группировки и в конечном итоге приводило к большим потерям личного состава. Так, группа Ермакова только лишь 27 сентября потеряла 4913 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести (ЦАМО. ф. 5. оп. 11462, Д. 105. л. 232).

Следует отметить и то, что директива Ставки появилась с большим опозданием. Это и явилось основной причиной ничем не восполнимого дефицита времени для всех фронтов, особенно Брянского. Вот почему подавляющую часть запланированных мероприятий командующим и штабам осуществить не удалось. Построить должным образом оборону фронты не смогли.

Однако просчеты, допущенные Ставкой, не снимают ответственности и с командующих фронтами, которые также совершили их немало. Особенно заметны их промахи в решении такой важной проблемы, как выбор решающего района обороны и сосредоточения там главных сил. В штабе Западного фронта, например, имелись довольно точные сведения о группировке противника. Было установлено, что против восьми дивизий 30-й и 19-й армий немцы развернули 17 своих

дивизий. В полосах других армий число противостоящих друг другу дивизий было примерно равным (Там же, ф. 208 оп. 2511, д 216, лл. 5— 6). Эти данные разведки прямо указывали на вероятное направление вражеского удара. Но поскольку Ставка считала, что главный удар противник будет наносить на смоленско-вяземском направлении, оборонявшемся 16-й и 20-й армиями, генерал И. С. Конев не решился отстаивать свою точку зрения. Искренняя вера в безошибочность суждений вождя заставила его безоговорочно принять необоснованное решение. И командующий Западным фронтом сосредоточил главные силы не там, где этого требовала обстановка, а там, где указал Сталин.

Не было в то время у генерала И. С. Конева умения предвидеть ход событий, противодействовать их неблагоприятному развитию. Не поощрял он этих качеств и у подчиненных. Так, 27 сентября ему на утверждение был представлен план обороны 16-й армии. В нем генерал К. К. Рокоссовский предусматривал вариант действий своих соединений в случае вынужденного отхода. Но молодой командующий фронтом не мог допустить даже в мыслях ведения обороны с возможным отходом вверенных ему войск. Они должны были стоять насмерть, но позиций не оставлять! И он тут же приказывает командарму 16-й: «Драться упорно. Всякое понятие подвижной обороны исключить... В соответствии с этим переработать план обороны» (Там же, д. 191, л. 54).

Не лучшим образом обстановка складывалась и на Брянском фронте. Разведка, правильно вскрыв подготовительные действия противника, выводы делала применительно к точке зрения своего командующего генерала А. И. Еременко. В итоге тот сосредоточил основные усилия на правом фланге фронта, в районе Брянска, хотя основная группировка противника была нацелена против левого крыла войск Брянского фронта. Как видим, и здесь командующий фронтом и его штаб допустили промах. И здесь замысел на оборону не отвечал обстановке. Все это привело к тяжелым последствиям.

Уже в первый день наступления противник прорвал ее на всех трех фронтах. На второй день оказались открытыми южный фланг Западного и северный Брянского фронтов. К тому времени пять из шести армий Резервного фронта, не успев изготовиться для контрудара, были скованы наступающим врагом. Это произошло вследствие их близкого расположения к переднему краю обороны и быстрого продвижения танковых группировок противника. Оставшись не задействованной, его 31-я армия свои дивизии через день передала на усиление соседних объединений. В целом стратегический резерв Ставки отведенной ему роли в обороне Москвы не сыграл. Его неудачное использование — одна из причин поражения.

Среди других причин следует назвать плохое управление войсками. Ставка в течение шести дней не могла вскрыть замысел неприятеля. Видимый успех частей Гудериана, захвативших 3 октября Орел, ввел ее в заблуждение относительно истинных целей и масштаба немецкого наступления. Вплоть до 5 октября основное внимание Верховного Главнокомандования было сосредоточено на действиях именно этих войск. Положение же на других участках Западного направления особой тревоги у него не вызывало. Вот почему обращения командующих фронтами с просьбой об отводе войск на тыловые рубежи оставались без внимания. Когда же Ставка ВГК разобралась в обстановке и отдала такой приказ, было уже поздно.

Неточно оценивалось положение и на фронтах. Решения принимались с большим опозданием. Связь работала неустойчиво. Все это отражалось негативно на действиях войск. Например, генерал А. И. Еременко в критические дни остался без шифровальных средств связи и был лишен возможности ознакомиться с содержанием ответа Генерального штаба по плану отвода армий. Его штаб полностью потерял связь со всеми соединениями. Дело дошло до того, что войсками Брянского фронта в течение почти 10 суток руководил Генеральный штаб, не зная в деталях складывавшейся там обстановки. Управление терялось и на других фронтах.

Таковы основные наиболее важные причины неудачного исхода начального этапа битвы под Москвой.

В последнее время, обращаясь к истории, наши читатели остро ставят вопросы, пытаясь разобраться в событиях прошлого. Попробуем так же прямо ответить на них.

Сколько же войск было окружено под Вязьмой и **Брянском? Есть ли новые данные об их количестве?**

Советские официальные источники приводят следующие сведения: «К 7 октября 19-я и 22-я армии Западного и 24-я и 32-я армии Резервного фронтов были окружены западнее Вязьмы... Армии Брянского фронта оказались расчлененными, а их тыловые коммуникации — перехваченными» (История второй мировой войны 1939—1948. — Т. 4. — С. 95—96). Вот и все, что было известно.

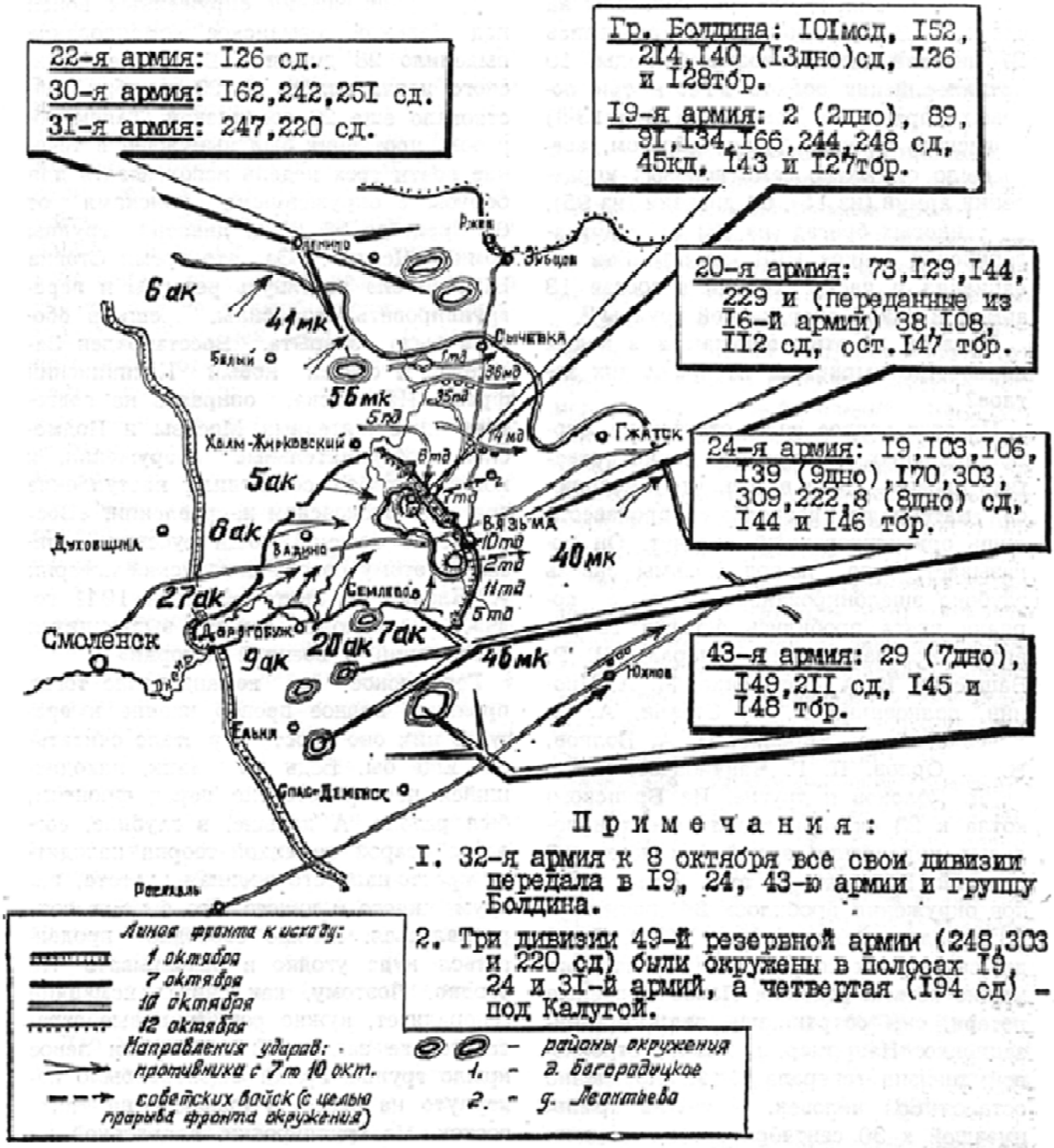
Последние исследования позволили уточнить и расширить эту информацию. Они показали, что под Вязьмой во вражеское окружение попали 37 дивизий, девять танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и четыре полевых управления вышеназванных армий. Эти войска входили в состав 22, 30, 19, 16, 20, 24, 43, 31, 32, 49-й армий и оперативной группы Болдина. Номера соединений и районы окружения показаны на схеме 1. В Брянском котле оказались 27 дивизий, две танковые бригады, 19 артиллерийских полков РГК и три полевых управления армий (50, 3 и 13-й) Брянского фронта. Таким образом, всего было окружено семь полевых управлений армий (из 15), 64 дивизии (из 95), 11 танковых бригад (из 13) и 50 артиллерийских полков РГК (из 64). Эти соединения и части входили в состав 13 армий и одной оперативной группы (Подсчитано по: ЦАМО. ф. 8 оп. 11627, д. 205. лл. 110—118: там же, д. 207, лл. 8— 38; там же. оп. 11373 д. 17. д. 181; там же, д. 24, л. 14; там же, д. 29 л. 126; там же. д. 31. л. 47; там же, ф. 208, оп. 2511, д 216, л. 44: там же, ф 1535. оп. 1 д. 1, л 28; там же. ф. 1603. оп. 2, я 1, лл. 15 — 29: там же, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 219).

Удалось ли этим войскам и в каком количестве вырваться из вражеских котлов?

На этот вопрос из-за отсутствия многих архивных документов точно ответить сложно. Дело в том, что имевшиеся материалы позволяют произвести лишь ориентировочный подсчет. Он показывает, что из-под Вязьмы сквозь глубоко эшелонированные боевые порядки врага пробились остатки 16 дивизий. Возглавляли их генералы В.Р. Вашкевич, К.А. Коваленко, М.А. Пронин, полковники В.Ф. Стенин, А.И. Утвенко, А.А. Борейко, И.А. Волков, Н.И. Орлов, П.Г. Чанчибадзе, майор Ф.Д. Яблоков и другие. Из Брянского котла к 23 октября вышли все три полевых управления армий и остатки 18 дивизий. Всего же из этих двух районов окружения пробилось 34 дивизии и 13 артиллерийских полков РГК (Там же). Правда, считать их соединениями и частями можно весьма условно. Понеся тяжелые потери, они сохранились лишь организационно. Например, в 248-й стрелковой дивизии генерала К. А. Коваленко остался 681 человек. В 13-й армии, имевшей к 30 сентября восемь дивизий и 169 танков, к 18 октября людей стало меньше, чем в одной дивизии, не было ни одного танка, а орудий не хватило бы на оснащение одного стрелкового полка. В 50-й армии осталось около 10 проц. людей и 2,4 проц. орудий и минометов (Подсчитано по; ЦАМО, ф. 8, оп. 11637, д. 205. лл. 111—114).

Сколько войск задействовал противник для ликвидации Вяземского и Брянского котлов? Как удалось советскому командованию восстановить стратегический фронт под Москвой?

Для уничтожения окруженных войск под Вязьмой германское командование выделило 28 дивизий. В районе Брянского котла вплоть до 23 октября действовало еще 20 соединений. Таким образом, противник был вынужден в течение



почти трех недель использовать для борьбы с окруженными войсками от 64 проц. до 35 проц. дивизий группы армий «Центр». За это время Ставка ВГК сумела подтянуть резервы и перегруппировать свои силы. Брешь в обороне была закрыта. Восстановлен Западный и создан новый Калининский фронт. Их войска, опираясь на подготовленные жителями Москвы и Подмосковья оборонительные сооружения, к концу октября остановили наступление врага на московском направлении. «Возрождение военной мощи русских, — писал по этому поводу английский историк А. Кларк в книге «Москва 1941 года», — ...одно из самых выдающихся достижений в военной истории»(Цит. по: От «Барбароссы» до «Термииала»: Взгляд с Запада Перевод. — м : Политическая литература, 1983, — С. 118).

Германское же командование тогда проявило полное пренебрежение к врагу. С ним оно просто перестало считаться. Еще бы. Ведь противник, находившийся непосредственно перед фронтом, был разбит. А дальше, в глубине, согласно старой немецкой теории находится просто-напросто военная пустота, вакуум: никого и ничего, кто бы мог сопротивляться. Можно свободно продвигаться куда угодно и захватывать что угодно. Поэтому, как считал немецкий генералитет, нужно решать новые стратегические задачи. В этой связи левое крыло группы армий «Центр» было повернуто на север, а правое — на юго-восток. Из группировки, нацеленной на Москву, были выведены две полевые армии и одна танковая группа. В результате оперативные плотности немецких войск снизились. Требуемого превосходства над советскими войсками они создать уже не могли. Темпы наступления резко снизились. Эти просчеты противника помогли советскому командованию остановить его наступление в 70 км к западу от Москвы. Для возобновления наступления на советскую столицу немецкому командованию пришлось провести длительную подготовку.

Правомерна ли точка зрения о том, что захватить Москву немцам помешала не Красная Армия, а неблагоприятные метеоусловия («генерал Грязь» и «генерал Мороз»)?

Да, но лишь в самой незначительной степени. Осенняя распутица лишила немцев превосходства в подвижности. Бездорожье уравняло маневренные возможности противоборствующих сторон и отрицательно повлияло на эффективность их действий. Но кому из них она нанесла больший урон? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Так, в своем докладе в штаб фронта командующий 16-й армией генерал К. К. Рокоссовский отмечал: «Состояние дорог настолько плохое, что создается угроза невозможности вывести материальную часть артиллерии и всех типов машин» (ЦАМО. ф. 208. оп. 2511, д. 318, л. 129). Во многом из-за грязи и бездорожья потеряли значительную часть своих орудий, автотранспорта и радиостанций части 3-й и 13-й армий Брянского фронта при выходе из окружения. В этом смысле распутица принесла советским войскам вред больший, чем немецким. У противника техника лишь застряла, а отступающие войска вынуждены были ее бросать или уничтожать. Снижение темпов наступления — это одно, а безвозвратные потери техники — совершенно другое. Бездорожье нарушило, например, всю систему снабжения Калининского фронта. А это в свою очередь привело к срыву планов советского командования по разгрому калининской группировки немцев. В данном случае распутица оказалась весьма полезной для врага.

Что касается влияния зимних холодов, то и здесь нет прямого ответа. Например, во второй половине ноября, когда немцы вели свое второе наступление на Москву, условия проходимости войск стали почти «идеальными». Замерзла почва. Довольно толстым льдом покрылись водохранилища, реки и озера. Снежный покров был еще неглубоким. Вражеская техника получила возможность двигаться вне дорог, совершать обходы и охваты. Резко возросло количество танкодоступных направлений, что создало дополнительные трудности для организации противотанковой обороны на фронте. По поводу влияния холода на действия войск американский корреспондент Г. Кэссиди, находившийся в ту пору в Москве, писал, что если бы «генерал Мороз» был генералом Красной Армии, то его надо было бы расстрелять за измену, ибо он сражался против русских точно так же, как и против немцев.

В чем особенности подготовки обороны фронтов в ноябре по сравнению с сентябрем?

В том, что советское командование работало гораздо вдумчивее и профессиональнее. Разведка сумела добыть достоверные сведения о противнике. Ставка ВГК и командование фронтов сделали правильные выводы из полученных данных. Они разгадали замысел, районы развертывания ударных группировок, направления главных ударов и примерный срок возобновления наступления врага. С учетом этого выбрали направления и районы сосредоточения основных усилий войск и построили оборону, придав ей ярко выраженный противотанковый характер.

Такое построение сделало оборону более устойчивой. Об этом, например, свидетельствует следующий показатель. Если в октябре войска Западного фронта под натиском превосходящих сил врага были вынуждены отступить на 230—250 км, а Брянского — на 360, то в ходе ноябрьской оборонительной операции глубина отхода сократилась до 80—100 км. Постоянно возраставшая сила сопротивления и массовый героизм советских воинов позволили к 4 декабря полностью остановить напор фашистской бронированной машины.

В некоторых публикациях о битве под Москвой говорится, что немцы, мол, получили приказ на отступление еще до начала контрнаступления советских войск. Достоверны ли эти сведения?

Нет, они не соответствуют действительности. Данную версию впервые выдвинул К. Симонов. «Сейчас в истории Великой Отечественной войны давно общеизвестен тот факт, — писал он, — что к началу нашего контрнаступления под Москвой немецкие войска уже получили приказ на отступление. В то время говорить об этом было не принято... Такое изложение подлинных событий казалось тогда менее героическим, и было принято говорить, что мы нанесли свой контрудар по немцам, еще продолжавшим рваться к Москве»(Цит. по: Маршал Жуков. Каким мы его помним. — С. 81—82).

В этом домысле писателя частный случай выдается за общую картину. А основывался он на приказе командующего 4-й немецкой армией генерала фон Клюге от 4 декабря, который Симонов неправильно истолковал. Дело в том, что осуществленный 1 декабря под Наро-Фоминском прорыв частей этой армии своего развития не получил. В районах к югу от Кубинки и западнее Апрелевки немцы были не только остановлены, но и понесли тяжелые потери, а местами— отброшены назад. В этой ситуации генерал Клюге приказал частям, участвовавшим в прорыве (они входили в состав четырех дивизий 20-го армейского и 57-го моторизованного корпусов), отойти на исходные позиции. В это время остальные 47 дивизий группы армий «Центр» продолжали еще либо рваться к Москве, либо, не выдерживая контрударов советских войск, самовольно переходить к обороне, либо оборонять уже подготовленные рубежи против центра Западного фронта. Что касается вышеупомянутого приказа германского командования об отступлении всей группы армий «Центр», то его, как показывает изучение немецких трофейных документов и опубликованных источников, к началу контрнаступления советских войск еще не существовало.

В начале декабря общее превосходство в силах и средствах было по-прежнему на стороне немецких войск. Но захватить или окружить Москву они не смогли. Какие факторы обеспечили срыв планов врага?

К 5 декабря наступил кризис вражеского наступления. Советские войска укротили германский «Тайфун» и остановили мощную группировку буквально у стен столицы.

Анализируя причины срыва планов гитлеровцев, Г. К. Жуков после войны отмечал, что «в ходе боев их силы оказались на пределе. И когда они уже подошли к каналу, к Крюкову, стало ясно, что они не рассчитали. Они шли на последнем дыхании... Для того чтобы выиграть сражение, им нужно было иметь там, на направлении главного удара, во втором эшелоне дивизий 10—12, то есть нужно было иметь там с самого начала не 27, а 40 дивизий. Вот тогда они могли бы прорваться к Москве. Но у них этого не было. Они уже истратили все, что у них было, потому что не рассчитали силу нашего сопротивления» (Там же. — С. 81).

А сопротивление неуклонно возрастало за счет огромных мобилизационных возможностей Советского государства и патриотизма нашего народа. Этот потенциал позволил Ставке ВГК в ходе отражения второго наступления немцев развернуть на подступах к столице и на рубежах обороны Москвы 58 расчетных дивизий. С учетом же перегруппировки войск, осуществленной в октябре, их количество составило 80 расчетных дивизий. Кроме того, к декабрю в районах Рязани, Ногинска и Ряжска, где сосредоточились 10, 26 и 61-я армии, находились еще 24 расчетные дивизии (Подсчитано по: ЦАМО ф. 8 оп 11627 д. 207, лл. 8—9, 13 20, 31—35, 55—56. 58. 61, 65. 67. 73; там же, ф. 208 оп 2511 д. 219. лл. 325 — 468; там же, д.222. лл. 242 245. В расчете две бригады приравнены к одной дивизии). Ставке ВГК, по существу, удалось создать новую стратегическую группировку, которая превысила состав группировки, начавшей оборонительные операции битвы под Москвой. Противник не смог преодолеть сопротивление той ее части, которую Ставка ВГК ввела в сражение к началу декабря. И конечно, те 10 — 12 дивизий, о которых говорил Г. К. Жуков, уже не обеспечили бы захват Москвы. Упустив выгодный момент в октябре, немцы окончательно утратили все шансы на успех к декабрю.

Срыву планов операции «Тайфун» способствовали действия советских войск на флангах стратегического фронта. Контрнаступление Красной Армии на тихвинском и ростовском направлениях не позволило германскому командованию усилить центральную группу армий за счет северной и южной групп. В ноябре на московское направление не поступило ни одной его дивизии.

Главную тяжесть в борьбе с врагом вынесли армии Западного фронта. Они отразили удары 51 вражеской дивизии. Калининский фронт, занимая выгодное охватывающее положение, создал угрозу флангу и тылу группы армий «Центр». Немцы были вынуждены держать здесь до 12 пехотных дивизий. Из-за этого 9-я полевая армия фактически не участвовала в ноябрьской операции. Войска правого крыла Юго-Западного фронта отразили наступление 10 дивизий 2-й немецкой армии. Активные действия партизан заставили немецкое командование дополнительно к четырем охранным дивизиям выделить еще и 56-ю пехотную дивизию (Там же, ф 500, оп. 12484. д. 668, л. 1; там же, Д. 699, л. 1). Важную роль в срыве планов врага сыграли Советские Военно-Воздушные Силы. За два месяца оборонительных сражений они совершили более 51 тыс. самолето-вылетов и впервые с начала войны завоевали здесь оперативное господство в воздухе (История второй мировой войны 1939— 1945. — Т. 4. — С. 108). Мужественно сражались с противником Войска ПВО страны. Вместе с формированиями МПВО столицы они не только защитили Москву от разрушения с воздуха, но и в кризисные моменты успешно отражали удары наземного противника.

Неоценима заслуга жителей Москвы и Подмосковья. Они строили оборонительные рубежи, добровольно вступали в рабочие батальоны, истребительные отряды, дивизии народного ополчения и другие формирования, сражаясь с врагом и на фронте, и в его тылу.

Одним из важнейших факторов, обеспечивших срыв планов противника, была напряженнейшая работа органов тыла. Достаточно сказать, что только объем воинских перевозок за период обороны составил 333,5 тыс. вагонов (военные сообщения Советской Армии в битве под Москвой. — М.: Воениздат, 1960. — С. 78). Самоотверженно трудился личный состав медицинской службы центра, фронтов, армий, соединений и частей. Его заботами большая часть раненых возвращалась в строй. День и ночь работали ремонтно-восстановительные части. Все они внесли свой вклад в срыв гитлеровских планов захвата Москвы.

Какие потери понесли стороны под Москвой за период с 30 сентября по 5 декабря?

В кровопролитных оборонительных боях под Москвой советские воины вывели из строя более 145 тыс. вражеских солдат и офицеров (Рассчитано по: Ренгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Пер. с нем. — М.- Воениздат, 1980. — С. 381). Но сами при этом потеряли еще больше. По нашим сведениям, число убитых, раненых и пропавших без вести советских воинов составляет 252,6 тыс. человек. Но здесь не учтены военнопленные. Если согласиться с немецкими данными о том, что под Вязьмой и Брянском они захватили 673 тыс. пленных (ЦАМО, ф. 500, оп. 12454, д. 227. л. 120), то общие потери войск достигнут 925 тыс. человек. По другим источникам наши безвозвратные потери равны 674,4 тыс., санитарные — 94,8 тыс., общие — 769,2 тыс. человек. Как видим, абсолютно точных сведений о потерях у нас до сих пор нет. Разница между двумя вышеназванными итогами довольно значительная. Однако обе цифры ужасающе велики. Они показывают, что только за 2 месяца оборонительных сражений мы потеряли сотни тысяч людей. Это та цена, которую заплатил советский народ на фронте, обороняя свою столицу. Большой кровью лучших своих людей тушил он пожар, полыхавший в Подмосковье.

Таким образом, к 4 — 5 декабря завершился оборонительный период битвы под Москвой. Советские войска ценой больших потерь отстояли свою столицу и создали предпосылки для перехода в контрнаступление с целью разгрома немецких захватчиков. А впереди их ждали новые тяжелейшие испытания.

Б. И. НЕВЗОРОВ, кандидат исторических наук, доцент

№8 1990 ОСУЖДЕНЫ ПО ЗАКОНУ

ЧИТАТЕЛЬ НАШЕГО ЖУРНАЛА В. Ф. Вербицкий из города Снегиревки Николаевской области обратился в редакцию с предложением. «Из некоторых публикаций я знаю, — пишет он, — что были и такие, кто был лишен звания Героя Советского Союза. Например, панфиловец Иван Добробабин. Могла бы редакция опубликовать материал по этому вопросу?..»

Письмо В. Ф. Вербицкого явилось, надо полагать, откликом на многочисленные публикации в печати, в первую очередь в газете «Правда» за 18 ноября 1988 года, а также телевизионный документальный фильм, авторы которых настаивали на реабилитации осужденного в послевоенные годы за измену Родине Ивана Евстафьевича Добробабина. Они призывали общественность бороться за восстановление доброго имени человека, явившегося якобы жертвой произвола и насилия, за возвращение ему высокого звания Героя Советского Союза. Но с другой стороны, было публичное заявление Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции А. Ф. Катусева о том, что И. Е. Добробабин после известного боя у разъезда Дубосеково в ноябре 1941 года стал пособником фашистских захватчиков. Столь серьезное противоречие заставило предположить: защитникам Добробабина нужна не истина; судьба «героя»-предателя их интересует лишь в той мере, в какой можно использовать его имя в спекулятивных целях.

За разъяснениями мы решили обратиться в Главную военную прокуратуру. Генерал-лейтенант юстиции А. Ф. Катусев согласился не только прокомментировать некоторые газетные выступления и упоминавшуюся телепередачу, но и предоставить редакции обстоятельный материал, в основу которого вошли архивные следственные и судебные документы (Комментарии помещены в конце публикации). Его мы и предлагаем читателям, открывая этой публикацией новую рубрику — «Осуждены по закону».

ЧУЖАЯ СЛАВА (Прикрывшись мертвыми панфиловцами)

ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО непростая история. У нее несколько начал и продолжений, так как Главной военной прокуратуре к делу И. Е. Добробабина приходилось возвращаться неоднократно. Последний раз мы занимались этим делом в 1988—1989 годах. С него-то, последнего расследования, и начнем разговор. А точнее — с заявления пенсионера Ивана Евстафьевича Добробабина в Военную коллегию Верховного суда СССР, датированного 21 июля 1988 года. Истец просил пересмотреть его дело **«на предмет полной реабилитации»** и напоминал, что был осужден в июне 1948 года военным трибуналом Киевского военного округа. **«В осуждающей меня части Приговора говорится,** — выражал Добробабин свой укор «неправому» правосудию, — **что, проживая в с [еле] Перекоп в июне 1942 г., я якобы добровольно поступил в немецко-фашистскую полицию, изменив Родине. Здесь верен лишь один факт моего временного пребывания в роли полицейского...»**

В этой вынужденной и «маскировочной» роли, по словам Добробабина, он оказался в силу крайних обстоятельств, грозивших ему отправкой в Германию. Поехать на работу в фашистскую Германию он, как «истинный патриот», естественно, отказался, поскольку «считал такую поездку изменой Родине, изменой присяге». Но вот взять из рук врага оружие и обеспечивать его интересы на оккупированной советской территории, всячески притесняя бывших односельчан, — это, по мнению Добробабина и его неистовых защитников, дело патриотическое и даже героическое.

Такую кощунственную трактовку предательства можно было бы отвергнуть довольно просто, но в заявлении содержалось очень острое обвинение в адрес следственных и судебных органов, которое вынудило провести дополнительное тщательное расследование. **«Все остальное в материалах следствия и в Приговоре, включая описание моих действий в роли сельского полицейского,** — клеймил позором Добробабин правоохранительные органы, — **представляет собой сплошную выдумку и фабрикацию. Причем следствие велось в худших традициях тех лет по хорошо известному сценарию, с грубейшим нарушением элементарных правовых норм, включая применение физических мер воздействия на меня, угрозы и запугивание свидетелей... Во всем этом следователь Бабочкин и другие весьма преуспели...»**[1].

Не успели в Главной военной прокуратуре осмыслить сполна поступившее заявление от И. Е. Добробабы (это настоящая фамилия нашего «героя», поэтому в авторском комментарии она будет звучать именно так), как почта донесла очередное изобличающее правосудие послание. На нем стояли штамп московской областной газеты «Ленинское знамя», подпись журналиста И. Мясникова и дата «18 августа 1988 года». Вот что содержалось в этом не терпящем возражений и отсрочек письме:

«Заместителю Председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майору юстиции товарищу Марову М. А.

С 1 по 10 августа с[его] г[ода] я в качестве специального корреспондента «Правды» (и по поручению «Ленинского знамени») находился в командировке в селе Перекоп Харьковской области — на родине последнего оставшегося в живых героя-панфиловца И. Е. Добробабина. Как известно из находящегося в Вашем распоряжении дела, И. Е. Добробабин служил некоторое время в старостате[2] села в период его оккупации,

Собранный мною в Перекопе материал свидетельствует о том, что И. Е. Добробабин ничем не запятнал себя перед сельчанами, делал все возможное для облегчения их участи во время оккупации. Есть в этих материалах и доказательства того, что в судьбе легендарного панфиловца подлую роль сыграли донос и озлобленность некоторых жителей Перекопа...»

Как все просто у корреспондента! Мужественный и бесстрашный сержант, проявивший геройство под Москвой, поступил не менее самоотверженно, устроившись на службу к врагу, поскольку, оказывая пособничество фашистам, помогал также и односельчанам. И как все это звучит кощунственно! Люди, которые во время оккупации ощущали двойной гнет и двойное унижение — от оккупантов и от их пособников, выходит, виноваты в своем справедливом гневе на изменника.

Поскольку в «заявлении» Добробабы, как уже упоминалось, прозвучало серьезное обвинение в адрес следствия и суда, дело было возбуждено производством по вновь открывшимся обстоятельствам. Об этом было сообщено как Добробабе, так и Мясникову. Но последнему не терпелось всколыхнуть общественность, придать огласке «факты о беззаконных действиях советского правосудия». 5 октября 1988 года ему было отправлено уведомление из Главной военной прокуратуры, а 25-го в «Московской правде» появилась его статья **«Один из двадцати восьми»**. Помимо того что она изобиловала значительными неточностями и фактическими ошибками, весь ее тон, воинствующий, наступательный, носил явно фальсификаторский характер. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые строки из этой статьи, препроводив их комментариями самого Добробабы в виде выдержек из протоколов его допроса.

Для Мясникова Добробаба — героическая личность. Каждый его период жизни, каждый поступок — геройство. Так, описывая службу Ивана Евстафьевича в тридцатых годах на Дальнем Востоке и участие в боях на Халхин-Голе, жур-

налист делится с читателями «Московской правды» вымышленными воспоминаниями своего героя: **«Я тогда пулеметчиком был... Там и получил первое боевое крещение. Вместе с первой контузией...»[3].**

Не берусь судить, о чем Добробаба рассказывал Мясникову во время их беседы, поскольку ни тот, ни другой, мягко говоря, не всегда привержены правде и только правде, но не думаю, чтобы Иван Евстафьевич после третьей контузии[4] смог позабыть номер полка, где совершил свой подвиг. Как бы там ни было, но в очерке Мясникова полк именуется 1077-м стрелковым. Мне же для уточнения факта остается прибегнуть к документам. Так, в одном из них от 25 апреля 1942 г., о котором уже шла речь, записано: **«...наградной лист на командира отделения 4-й роты 2-го батальона 1075 гсп[5] 8-й гв[ардейской] стрелковой дивизии имени Панфилова сержанта Добробабина Ивана Евстафьевича...»** Эта же выдержка из документа напрочь опровергает сообщение Добробабы, нашедшее место в очерке Мясникова, о его должности. В документе указано четко и определенно — командир отделения. Ну а в очерке Добробаба якобы говорит следующее: **«Тринадцатого и четырнадцатого ноября взвод, командиром которого я только что был назначен...»** Мясников, видимо, и не подозревает, что вот такое добробабское сообщение — это проверка «исторической памяти» историков и доверчивости журналистов. Ведь во всех многочисленных прежних публикациях о героях-панфиловцах, начиная с первых газетных статей журналиста А. Кривицкого, главная роль отводилась политруку Клочкову (Диеву). Вот как об этом, к примеру, писал Кривицкий в газете «Красная звезда» за 28 ноября 1941 года: **«...политрук Диев сгруппировал вокруг себя оставшихся товарищей, и снова завязалась кровавая схватка...»** В рассказе Добробабы Мясникову Клочков в бою тоже присутствует: **«Осталось нас двадцать восемь вместе с политруком Клочковым».** И все же командует почему-то не политрук, а сержант. **«Я дал команду»,—**сообщает о деталях боя журналисту Добробаба. Но чтобы «командовать», он решает повысить себя в должности с командира отделения до командира взвода. В перспективе — вообще «удалить» Клочкова с поля боя. Слава политрука не дает покоя сержанту. Он не желает делить ее на двоих. Позже он расскажет другим журналистам и историкам о бое у разъезда Дубосеково именно так, как ему хотелось. И те поверят выдумке. Нашла эта версия место и в следственных материалах. Чтобы понять, как Добробаба вырабатывал ее, представим в «развитии» амбициозную «стратегическую» ложь. Вот как говорилось о том в одном из документов, в котором, кстати, еще раз уточняется истинная должность Добробабы:

«НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» Спецсообщение

В декабре 1944 года в 5-м стрелковом полку 297-й стрелковой дивизии, входящей в состав фронта, нами установлен оказавшийся в живых один из 28 героев-панфиловцев сержант Добробабин Иван Евстафьевич, 1913 года рождения, уроженец села Перекоп Валковского района Харьковской области, украинец, беспартийный, образование 3 класса...

Из рапорта Добробабина, беседы с ним оперативного работника и его рассказов стало известно, что 16 ноября 1941 года по заданию политрука Клочкова, возглавляя, как командир отделения, одну из групп бойцов в числе 28 панфиловцев... он принял бой с немцами...

Начальник управления контрразведки «Смерш» 2-го Украинского фронта

Генерал-лейтенант (КОРОЛЕВ)

22 января 1945 года».

Приведу строки и из самого рапорта Добробабы в политотдел 297-й стрелковой Славянско-Кировоградской дивизии, датированного 31 августа 1944 года:

«Доношу, что я, сержант Иван Евстафьевич Добробабин, в первый год Отечественной войны сражался в рядах дивизии генерал-майора Панфилова в качестве командира отделения во взводе лейтенанта Шишкина... В нашей траншее по**явился политрук Клочков. Он сгруппировал вокруг меня около 30 бойцов... и возложил командование этой группой на меня...»**

Но уже в то время он, по всей видимости, прорабатывает вариант, по которому можно вообще «избавиться» от Клочкова. Так, в стенографической записи его рассказа, сделанной в том же году, он сообщает: **«...Панфилов был в штабе полка. Он вызвал меня с боевого охранения и говорит: «Надежно занять оборону и держать крепко» (мне часто приходилось говорить с Панфиловым на боевом рубеже)... Когда Панфилов вызывал меня, он находился в штабе полка в дер[евне] Петелино. Он сказал мне: «Ставлю вас на этот рубеж». Это был новый рубеж. Я был все время в боевом охранении. Ночью прибежал связной и вызвал к Панфилову. Был ли там командир полка, не помню. Я был в том доме несколько раз. Панфилов сказал: «На этом рубеже оборону надо держать крепко». По карте не показал...»** Трудно сказать, на кого рассчитан подобный рассказ, по крайней мере, не на военного человека, поскольку уж очень сомнительно, чтобы командир дивизии ставил задачу командиру отделения, минуя не только командиров взвода, роты, батальона, но и полка. Позже сюжет этого фронтового эпизода нашел свое отражение в книге Ф. Т. Селиванова «Панфиловцы» (М.: Политиздат, 1958.— С. 43, 44). Только там Панфилов сам приезжает на боевые позиции 4-й роты и ведет разговор с личным составом **«отряда истребителей танков»**. Но Добробаба все переиначил. Создается впечатление, что если бы его за предательство не лишили звания Героя Советского Союза и он имел возможность везде пропагандировать свои «подвиги», то со временем, чего доброго, сделал бы себя не только командиром взвода, но и полка, которого «не заметил» у командира дивизии. По крайней мере политрука Клочкова он пытался подменить настойчиво и основательно.

«В район разъезда Дубосеково наша дивизия пришла примерно в 20-х числах октября 1941 года, — показывал Добробаба на допросе 12 февраля 1948 года.— **Я был командиром отделения. Мое отделение было в боевом охранении у деревни Жданово. Затем мы отошли от Жданово, и мое отделение посадили в окопы недалеко от железнодорожной будки раз[ъезда] Дубосеково. Вправо в боевых порядках располагался взвод лейтенанта Шишкина... Клочков-политрук был в других траншеях, через дорогу...»** Таким образом Добробаба «выводит» свое отделение (пока еще отделение, не взвод!) из взвода лейтенанта Шишкина, а Клочкова отделяет от себя дорогой. На судебном заседании 9 июня 1948 года он уточнил: **«В траншее, в которой я вел бой, нас было 28 человек[3], затем после второй или третьей атаки к нам пришел политрук Клочков, который и руководил боем до последней минуты»**. Спустя пять лет в письме, датированном 24 июля 1953 года, тогдашнему министру Вооруженных Сил СССР Н. А. Булганину И. Е. Добробаба пишет из заключения: **«...вверенный мне взвод погиб 16 ноября 1941 года на разъезде Дубосеково»**. Словом, всецело берет на себя командование боем. Проходит еще 35 лет, и это его решение приобретает такую «убедительность», что, возможно, сам Добробаба стал верить в свой вымысел. В уже известном заявлении в Военную коллегию Верховного суда СССР от 21 июля 1988 года он утверждает (Мясников в своем очерке использует это утверждение как неоспоримый факт), что командование взводом было фактически вверено ему — помощнику командира взвода[7], поскольку **«командир взвода лейтенант Шишкин был переведен в командование ротой»**. На допросе же 14

ноября 1988 года он в отношении Клочкова выразился еще более определенно, полностью присваивая себе славу политрука.

Вот что показывал Добробаба в этот день: **«В протоколе[8] записано, что бойцами боевого охранения в бою 16 ноября 1941 года вначале командовал я, а затем якобы к нам прибыл политрук роты Клочков Василий, который якобы затем и стал руководить бойцами. Это неверно. Клочков был на командном пункте нашей роты и на позициях боевого охранения во время боя 16 ноября 1941 года, до потери мною сознания я его не видел. Бойцами командовал я до тех пор, пока не был контужен и не потерял сознание. Был ли после этого Клочков на наших позициях, я не знаю. В последующем я видел его тело за будкой разъезда Дубосеково[9]... Почему в суде я показал, что Клочков пришел на наши позиции и руководил бойцами в продолжавшемся бою, объяснить затрудняюсь. Видимо, я так прочел в газетах и в художественных книгах о роли в этом бою политрука Клочкова, поэтому и в суде так показал о нем»**.

Что и говорить, хитрит Иван Евстафьевич. Многочисленные противоречивые показания Добробабы об одном и том же событии невольно ставят под сомнение и другие его воспоминания. Вот хотя бы те, что использовал в своем очерке Мясников, сфальсифицировав многие факты [10]. На всех не стану останавливаться, поскольку предстоит еще разбор другого очерка (автор — доктор исторических наук профессор Г. А. Куманев) [11], опубликованного менее чем месяц спустя после мясниковского, но уже в газете «Правда» за 18 ноября 1988 года и сильно взбудоражившего общественность. Приведу только еще один примечательный пример. Мясников пишет о том, что Добробаба в бою 16 ноября 1941 года лично подбил **«4 танка и 3 бронемашины»**. По словам Мясникова, «герой» ему об этом не рассказывал (очевидно, посчитал «незначительным эпизодом» — вот какой Добробаба простой и скромный человек!), а он сам вычитал в спецсообщении начальника контрразведки 2-го Украинского фронта от 22 января 1945 года. Следует уточнить, что это спецдонесение составлено на основе уже упоминавшихся здесь собственноручном рапорте Добробабы в политотдел 297-й стрелковой дивизии и стенографической записи его беседы осенью 1944 года. Если Мясников действительно читал, а не слышал об этом документе от других, то не мог не заметить следующих строк в донесении: **«Из рапорта Добробабина, беседы с ним оперативного работника и его рассказов стало известно...»** Словом, Добробаба сам обо всем сообщил. Ну а ему никак нельзя доверять. В своих многочисленных показаниях он то умалчивал о «личном подвиге», то приводил самые различные цифры уничтоженных им боевых машин. Создается впечатление, что и Мясникову истина просто-напросто не нужна. Так, в упоминавшемся уже им и мною спецдонесении начальника управления контрразведки «Смерш» генерал-лейтенанта Королева журналист почему-то «не замечает», что Добробаба здесь называется командиром отделения, что возглавил он одну из групп бойцов, а не взвод по заданию политрука Клочкова, что в рапорте и стенограмме беседы Добробабы нет и намека на службу последнего в полиции. Он скрыл этот факт, боясь ответственности. Мясников знает об этом, как и о многих других грехах и обманных сведениях своего подопечного. И все же выставляет его как патриота, героя и невинную жертву советского суда и Советской власти.

Подобные выводы угадываются и в очерке Куманева.

«Бой закончился. Бойцы взвода сержанта Добробабина, его взвода», — подчеркивает доктор исторических наук, повторяя то ли нарочно, то ли по незнанию ошибку прежних авторов, повышая Добробабу в должности, а затем делает сомнительный вывод: **«И сейчас, спустя 47 лет... он помнит каждую деталь...»** Сомнительный, потому что Добробаба на один и тот же эпизод имеет по доброму десятку самых различных «деталей». Кроме того, на допросе 27 декабря 1988 года он заявил, что из-за давности лет многое забыл, что в материалах следствия сорокалетней давности объективности должно быть больше, поскольку **«в 1948 году я помнил события лучше»**.

Можно, конечно, обойти молчанием уже известные образные штампы, созданные Добробабой и его «пропагандистами» и используемые Куманевым: и тот же громкий свист-сигнал, и командование боем [12], и раненую ногу, и окровавленное лицо [13], и анекдотичного партизанского командира «Дядю Васю»[14], и многое другое. Но есть и ошибки, которые непростительны любому, взявшемуся за перо, а тем более доктору исторических наук, публикующему свою статью в такой газете, как «Правда». Если Мясников, к примеру, меняет нумерацию полка [15], то Куманев изменяет фамилию командира — полковника Капрова называет Карповым. О других ошибках читатель узнает из последующих показаний Добробабы, который «разоблачает» сам своего защитника. Сейчас же приведу один из самых, казалось бы, живописных и волнующих, а на самом деле самых лицемерных и кощунственных эпизодов из статьи ученого-историка.

Речь идет уже о «черной зависти» Добробабы к своему бывшему командиру дивизии генералу Панфилову. Похоже, что Ивану Евстафьевичу не давал покоя памятник, установленный в честь легендарного комдива в городе Фрунзе. Своими чувствами он настолько заразил Куманева, что тот воплотил их в волнующую до слез реальную сценку, нашедшую место и в прав-динской публикации. Привожу ее с некоторыми сокращениями:

«Поздней осенью 1945 года сержант Добробабин был демобилизован и вернулся в город Токмак...

— Выхожу из вагона, в солдатской шинели, с небольшим чемоданчиком,— вспоминает Иван Евстафьевич.— **Немного прошел по знакомой Кошчийской улице — и в глазах зарябило: читаю на табличке: «Улица И. Е. Добробабина». А в сквере у здания горсовета — большой чугунный памятник во весь рост, а на нем надпись: «Герою Советского Союза, одному из 28 панфиловцев Ивану Евстафьевичу Добробабину»**.

С помощью Куманева Добробаба откровенной ложью порочит память другого бывшего панфиловца. Автор очерка передает разговор, состоявшийся у него с Добробабой. На свой вопрос, что же сталось с памятником в Токмаке, он услышал от собеседника: **«Мою «голову» отрезали, а «голову» Дуйшенкула Шопокова — моего боевого друга и земляка, тоже одного из 28 панфиловцев, приварили, да так, что шов виден»**. Памятник после этого стал достопримечательностью города и местные жители якобы всем приезжим с горькой иронией говорили: **«Перед вами «тело» Добробабина, а «голова» — Шопокова»**. Потом, по словам Добробабы, этот памятник снесли.

Будем считать, что это всего-навсего лишь сон Ивана Евстафьевича, потому что в реальной жизни, по его же словам, ничего подобного не было. Об этом он заявил «а судебном заседании 9 июня 1948 года. Вот его показания: **«В городе Токмак со слов жителей мне стало известно, что было постановление о переименовании улицы, на которой я жил, в улицу имени Добробабина, а затем в горсаду мне должны были соорудить памятник, но улица НЕ БЫЛА ПЕРЕИМЕНОВАНА И ПАМЯТНИК НЕ ПОСТАВИЛИ** (выделено мной.— **Авт.)»**.

Но еще больше изобличил Добробаба своего защитника доктора исторических наук Куманева в фальсификации 30 декабря 1988 года. Об этом свидетельствует протокол допроса Добробабы. Вот выдержки из него:

«ВОПРОС. На допросе 29 декабря 1988 года вы показали, что заявление написано с ваших слов, но не лично вами. Так ли это?

ОТВЕТ. В июне— июле этого года, более точно припомнить не могу, я был приглашен в гости Куманевым Григорием Александровичем, с которым знаком с 1967 года. Помню, что познакомились мы с ним по поводу моего участия в бою под Дубосеково. В беседе со мной Куманев предложил мне поднять вопрос о своей реабилитации. Я согласился. Куманев расспросил меня об обстоятельствах боя, дальнейшей моей судьбе, сказал, что поможет составить от моего имени заявление. Через несколько дней он показал мне напечатанное на машинке заявление. Я его бегло прочел, не вникая в детали. Это заявление я подписал 21 июля 1988 года. Видимо, рассказывая Куманеву о своей службе в полиции, я допустил, возможно, какие-то неточности, возможно, что он меня по некоторым вопросам неправильно понял, поэтому в заявлении и появились факты, которые не отражали события так, как они происходили на самом деле... 18 ноября 1988 года в газете «Правда» была опубликована статья Куманева о моей судьбе. Эта статья также написана в основном с моих слов. Но в ней есть ряд неточностей, которые я бы хотел сразу же оговорить.

В статье указано, что в бою под Дубосеково я был ранен в левую ногу, затем якобы повредил, прыгая с поезда, и правую. Это не так. В бою я ранен в ногу не был. Рану получил несколькими днями раньше. Она немного зажила. В бою меня не беспокоила. Во время побега я, прыгая с поезда, повредил ту же левую ногу. Рана открылась... Правая нога у меня повреждена не была, иначе я не мог бы идти вообще.

В статье указано, что я по предложению старосты Зинченко вынужден был поступить в полицию, причем первоначально я якобы не знал, кем буду работать. Это не так. Староста Зинченко меня в тот период времени не вызывал. Его просто не было на этом посту в указанное время. В начале июня 1942 года я в ПОИСКАХ РАБОТЫ ОБРАТИЛСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ К СТАРОСТЕ СЕЛА (выделено мной. **— Авт.). Сейчас я вспомнил, что это был Половик... Понимаю, что во время исполнения своих служебных обязанностей полицейского, старшего полицейского, зам [естителя] и начальника полиции я не мог не затронуть интересов некоторых советских граждан. Кого-то и притеснил. Однако делал это не по своей воле, а по приказанию немецких властей...**

В статье указано, что в селе располагался сельский пост полиции. Это не совсем точно. В селе Перекоп была организована кустовая сельская полиция...

В статье указано, что я только сутки находился з марте 1943 года под арестом в органах контрразведки «Смерш». Не пишется и об обстоятельствах, при которых я остался на оккупированной территории. О том, как это происходило, я рассказывал и Куманеву. Дал подробные показания на допросах в этом году[16]. ОКАЗАВШИСЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ВТОРИЧНО, Я ДОБРОВОЛЬНО ВНОВЬ ПОСТУПИЛ НА СЛУЖБУ В ПОЛИЦИЮ (выделено мной. **— Авт.)...**

В статье указано, что в августе 1943 года я попал в колонну людей, которую гнали эсэсовцы, используя сторожевых собак, открывая огонь по каждому, кто пытался выбраться из нее. Это не так. Я действительно шел в колонне, уходя из мест, где меня знали. Я боялся, что, как полицейский, буду расстрелян передовыми частями Красной Армии. Колонна, в которой я шел некоторое время, не охранялась. Никакого конвоя из эсэсовцев, никаких сторожевых собак не было. Я такого Куманеву не говорил, почему так написано в статье, а также в моем заявлении, я не знаю. Ознакамливаясь со своим заявлением в июле 1988 года, я не придал значения, как был описан данный факт. Возможно, что Куманев меня не понял. В статье указано, что в 1944 году я все рассказал о себе... Это так. Единственно, что я скрыл... так это то, что служил в полиции. Говорить об этом я боялся... [17].

В статье пишется, что следствие по моему делу было ускоренное. Это не так. Следствие по моему делу проводилось около шести месяцев. Помню, что было допрошено много моих односельчан. Проводились очные ставки...

Автор статьи пишет, что легенда о моем преступлении якобы состряпана. Это не так. Я действительно служил в полиции, понимаю, что совершил преступление перед Родиной. Однако в ходе расследования не были установлены и допрошены лица, которым я помог...

В статье Куманева не указано, что во время службы в полиции я занимал пост старшего полицейского, зам [естителя] начальника и начальника кустовой сельской полиции. Имел на вооружении карабин с боевыми патронами к нему, наган. Об этом я говорил во время беседы с Куманевым. Почему это не отражено в статье, мне неизвестно.

Кроме того, в «Московской правде» за 25 октября 1988 года в статье «Один из двадцати восьми» автор Игорь Мясников допустил также ряд неточностей. Так, он пишет, что я якобы дал возможность скрыться раненому красноармейцу Семенову. Семенова же я не знаю и скрываться ему не помогал... В статье ошибочно указано, что мне якобы удалось оторваться от полевой жандармерии и уйти из колонны советских граждан, гнавшихся оккупантами. Это не так. Я по своей инициативе ушел вместе с отступающими немцами из этих мест, где меня хорошо знали...».

КОММЕНТАРИИ:

[1] Спустя пять месяцев на допросе (29 декабря 1988 г.) Добробаба опроверг это суровое обвинение. «Нет, этого я не подтверждаю, — заявил он следователю. — В ходе следствия по моему делу в 1947— 1948 годах я какому-либо физическому воздействию со стороны допрашивающих меня лиц не подвергался. Каких-либо угроз применить ко мне физическое воздействие также не было. Помню только, что несколько раз, когда я не подтверждал чьи-либо показания, следователь Бабушкин повышал на меня голос, требовал, чтобы я говорил правду и не скрывал факты своей преступной деятельности. Обещал, если я буду говорить неправду, то мой срок наказания будет увеличен. Одновременно он говорил, что если я искренне все буду рассказывать, то и срок наказания будет меньше... обмана со стороны следователя по отношению ко мне также не было. В основном мой допрос велся спокойно... В заявлении также неправильно указано, что в ходе расследования моего дела в 1948 году угрожали свидетелям, запугивали их. Это также неправда. Я такими фактами не располагал. Хочу сразу заявить, что заявление от 21 июля 1988 года написано по моей просьбе, с моих слов. Однако я сам его не читал, поверив написанному. Видимо, писавший это заявление частично что-то добавил от себя. В этой части я свое заявление не подтверждаю. Еще раз подчеркиваю, что меня в ходе следствия в 1948 году никто не бил, (мне) не угрожал. Претензии в этой части к следователю Бабушкину (а не как написано в заявлении — Бабочкину) я не имею...» Словом, Добробаба всю вину за оговор следствия взваливал на своего благодетеля-защитника. Впрочем, подобный шаг он проделывал не впервые. Для того чтобы отвести любую ответственность или неприятность от себя, он мог подставить под удар и даже предать кого угодно: сослуживцев, родных, земляков, благожелателей. Обладая незаурядными изворотливостью, воображением, напором, способностью находить контакт с людьми, как правило, с корыстной целью, умело расставлял ловушки для падких на сенсацию и чужую славу легковерных журналистов, общественников, меценатов. И те попадали в добробабские силки, с помощью «обиженного» клеветали на представителей Советской власти и правосудия, ставили под сомнение репутацию честных людей. А главное — добивались для человека, изменившего воинскому долгу и Родине, славы и почестей, которых тот не заслужил.

[2] Вот эта безобидная фраза: «...служил некоторое время в старостате...» — хитро задуманная Добробабой и подхваченная его защитниками уловка. Туманное слово «старостат» сразу же навевает мысль о некой административной конторе, где Добробаба «некоторое время» (неделю, месяц!) служил то ли истопником, то ли дворником, то ли сторожем. Когда все же Добробабе доводилось сознаваться, что служил он не в старостате, а в полиции, появлялся еще один отвлекающий термин — «полицейский пост»... Стоит себе на окраине села будочка со шлагбаумом, а может, и без него, где этакий герой-патриот сторожит покой (только кого и от кого — сельчан от немцев или последних от партизан?); глядишь, при случае и приютит кого-нибудь, вдову или сиротку, пригреет в мороз, чайком напоит, хлебушком поделится... Применялся еще и такой отвлекающий маневр-уловка в виде умаляющего вину словосочетания: «кустовая полиция». Тоже что-то второразрядное, безагрессивное, служащее больше народу, чем врагу. Подобный вывод и содержится в показаниях-заявлениях земляков Добробабы, которые Мясников приложил к своему письму. В них говорится только о «добробабинской полицейской доброте». Так, Василий Ефимович Колесник якобы написал: «...я знаю, что Иван Евстафьевич Добробабин предупреждал сельчан Перекопа и соседних сел об облавах немцев». Многие из этих писем были переиначены Мясниковым, что подтвердили их «авторы». Приведу, кроме того, лишь показания самого Добробабы, которые камня на камне не оставляют от защитительных речей. В уже упоминавшемся заявлении в Военную коллегию Верховного суда СССР есть такие строки: «Никаких облав на сбежавших в селе не организовывалось, и поэтому я не мог быть ни участником, ни распорядителем не проводившихся облав». Выходит, что и предупреждать не мог о том, чего не было... И все же облавы проводились. Причем, как показали многие свидетели, Добробаба не только о них знал, не только в них принимал участие, но и руководил ими, как заместитель начальника, а затем и начальник сельской полиции. Случалось, что и предупреждал кое-кого о предстоящих облавах. Но только близких знакомых, и, вероятнее всего, не бескорыстно. «Хочу сразу подчеркнуть, что я рисковал жизнью, предупреждая односельчан об отправках в Германию... Поэтому я предупреждал только тех, кого хорошо знал», — уточнил он на допросе 29 декабря 1988 г. Более определенно об этой «помощи» высказался на допросе 9 ноября 1988 г. Ф. Р. Дереза, бывший подчиненный И. Е. Добробабы по службе в полиции. «В период оккупации села я лично жил в страхе перед немцами... — показывал он. — Поэтому во время моей службы в полиции я лично боялся открыто проявлять свои симпатии кому-либо из односельчан. Если оказывал кому-либо помощь, то делал это таким образом, чтобы не было известно об этом моему начальству, в том числе и Добробабину. Думаю, что Добробабин если и оказывал кому-либо помошь, то делал это скрытно. Мне факты оказания Добробабиным помощи населению села в период его пребывания на службе в полиции неизвестны. В период нашей совместной работы Добробабин при мне никогда не призывал полицейских недобросовестно относиться к своим обязанностям, помогать уклоняться жителям села от угона в Германию... Хочу подчеркнуть, что во время нашей совместной службы в полиции села Перекоп Добробабин поводов считать его советским патриотом мне не давал. Я всегда полагал, что он добросовестно служит немецким оккупантам...» Словом, служил врагу и за страх, и за совесть. Боязнь за собственную жизнь подавляла все другие чувства.

[3] Видимо, Мясников здорово огорчился бы, ознакомившись со стенографической записью рассказа И. Е. Добробабы. сделанной, по его же словам, осенью 1944 г., поскольку значительно «понизил» в должности своего подзащитного. Тогда Добробаба утверждал, что «в 1939 году принимал участие в боях в Монголии в течение полутора месяцев; 24 августа... был контужен, лежал в госпитале. Я был в то время зам [естителем] политрука. Когда пулеметчик выбыл из строя, я подполз к пулемету, открыл огонь, дал одну очередь, хотел дать вторую очередь, но был контужен — чем, не знаю...» Но еще более мог бы расстроиться Мясников, когда бы услышал, как на допросе 10 января 1988 г. Добробаба сделал следующее уточнение: «Весной 1937 года... Томским горвоенкоматом я был призван на действительную военную службу. Службу я проходил в Забайкальском военном округе... в строительной роте стрелкового полка... Летом 1939 года... наш полк участвовал в боевых действиях против японских самураев в районе Халхин-Гола. Я тоже в составе своей роты 5 или 6 дней находился на боевых позициях, участвовал в перестрелках с самураями...» Итак, полтора месяца непрерывных боев сузились до пяти-шестидневного пребывания на боевых позициях в составе строительной роты (!) и эпизодической перестрелки с самураями. Не было ни героического заместителя политрука, ни бесстрашной замены выбывшего из строя пулеметчика. Тем более сам он не был пулеметчиком, о чем пишет Мясников, повторяя факт, изложенный Добробабой в уже упомянутом заявлении в Военную коллегию Верховного суда СССР. Добробаба являлся в то время военным строителем. Хотя можно подвергнуть сомнению и всю его службу на Дальнем Востоке. Повод для этого дает строка из наградного листа от 25 апреля 1942 г. на сержанта И. Е. Добробабу. Она свидетельствует, что представляемый к награде «в Советской Армии с июля 1941 года...». Еще более определенно излагается этот факт в другом наградном документе от 10 мая 1942 г., в котором в порядковой графе № 2 значится: «Добробабин Иван Евстафьевич... в Советской Армии с июля 1941 года... до 1941 года в боях не участвовал... ранее награжден не был...» Воображение и «забывчивость» Добробабы подводили не только его самого, не только Мясникова, но и многих других.

[4] По словам Добробабы, получается так, что он был подвержен одним лишь контузиям: в событиях на Халхин-Голе, в битве под Москвой, в боях под Яссами. Правда, иногда упоминается ранение в ногу, но похоже, что сам рассказчик при этом не разобрался, в какую именно — левую или правую. Установить это, конечно, нетрудно по шраму от пули. Видимо, потому Добробаба о ранении чаще всего (знает, когда, кому и что говорить) умалчивает. Для него проще и убедительнее контузия: следов на теле не остается и, кроме того, всегда можно, если в том есть нужда, «забыть», перепутать или извратить факты, сославшись на потерю памяти. К такому методу Иван Евстафьевич прибегал довольно часто и. надо отдать ему должное, делал это если не всегда с блеском, то довольно напористо.

[5] Гвардейский стрелковый полк.

[6] С количеством «подчиненных» в том бою у Добробабы тоже все неясно. Возможно, дают знать о себе частые контузии, подводит память. Иначе чем объяснить, что 9 июня 1948 г. он называет 28 человек, а на допросе 10 ноября 1988 г. показывает: «Вместе со мной в боевом охранении находилось 30 бойцов». Еще большее расхождение в цифрах встречается в протоколе допроса Добробабы от 12 февраля 1948 г.: «Я был командиром отделения... — сообщал он следователю капитану Бабушкину... — и мое отделение посадили в окопы... В окопах у разъезда Дубосеково, где я был, было всего нас человек 16—18, не больше...»

[7] На определенные размышления наводит еще один факт. Из протокола осмотра братской могилы и памятника 28 героям-панфиловцам (в деревне Нелидово), датированного 26 марта 1948 г. и составленного капитаном юстиции 3. М. Бабушкиным и оперуполномоченным участка пункта охраны МГБ станции Волоколамск гвардии младшим лейтенантом А. В. Копыловым, можно узнать, что на обелиске в списке удостоенных звания Героя Советского Союза под семнадцатым порядковым номером значится старший сержант Гавриил Митин. И если учесть, что Добробаба и в официальных документах, и в его личных показаниях той поры везде значится командиром отделения, то скорее всего

именно Митин, как старший по званию, мог являться помкомвзвода, а точнее — командиром группы истребителей танков. Тем более что в некоторых документах, которые после вторичного призыва Добробабы в Советскую Армию в марте 1944 г. составлялись с его слов, иногда звание последнего тоже указывается, как и Митина: «старший сержант». Не исключено, что поначалу Добробабу «мучила» слава Митина, а еще позже и Клочкова, поскольку и тот, и другой в живых уже не числились. Впрочем, скорее всего взвода как такового вообще не существовало. Вся 316-я стрелковая (позже 8-я гвардейская) дивизия сдерживала неистовый напор вражеских сил. Как свидетельствуют архивные документы, героизм был массовый. То на одном, то на другом участке вспыхивали ожесточенные схватки с наседавшими фашистами, оборону которых сдерживали группы бойцов, оказавшихся на то время вместе не по списочному составу подразделений и частей, а в силу сложившейся обстановки.

[8] Имеется в виду протокол судебного заседания от 9 июня 1948 г.

[9] Это сведение Добробабы, повторяющееся в его нескольких показаниях в различных вариантах, вызывает недоразумение и досаду. Скорее всего это тоже вымысел с целью не только присвоить себе чужую славу и взять на себя роль руководителя боя. но и опорочить честное имя политрука Клочкова. Добробаба, «обнаружив» мертвого Клочкова у железнодорожной будки, делает намек на то, что тот то ли не участвовал вовсе в бою, то ли скрывался от опасности. Вот что он рассказывал об этом эпизоде, причем сообщал о нем только в последние годы. По крайней мере в следственных материалах упоминание о найденном мертвом теле политрука впервые встречается в заявлении Добробабы в Военную коллегию Верховного суда СССР от 21 июля 1988 г. Описывая последующие после боя 16 ноября 1941 г. события, он извещал о помощи, которую ему оказали в первой железнодорожной будке. Ну а во второй — «железнодорожники мне сказали: «Здесь лежит ваш убитый политрук». Они мне показали тело Василия Клочкова...» Затем Добробаба подробно описывает труп и место, где тот лежал, ничего не говоря о том, как тело Клочкова оказалось у этой будки и почему его не захоронили. Странно, что и сам Добробаба, судя по его заявлению, не отдал последней почести боевому товарищу и командиру, оставив убитого там, где увидел. Но затем он остается верен себе, переиначивая собственные слова. Так, в протоколе допроса Добробабы от 10 ноября 1988 г. имеются следующие его показания: «Я полез в будку и влез в будку... Женщина обмыла меня и покормила. Затем она же мне сказала, что недалеко от сторожевой будки на разъезде Дубосеково убит политрук нашей роты Василий Клочков...» На этот раз он ведет речь о первой железнодорожной будке, где побывал после боя. Женщина же, которая ему оказывала помощь,— Надежда Васильевна Макарова. В то время она проживала на разъезде Дубосеково с мужем и семью детьми. Одна из ее дочерей — Барыкина (Макарова) Ольга Викторовна на допросе 1 декабря 1988 г. показала совершенно иное. В ноябре 1941 г. ей было пятнадцать лет, и она хорошо помнит, как во время боя их семья пряталась в убежище, как спустя несколько часов, когда все затихло, они, пробираясь через окопы к дому, видели там трупы наших бойцов, в том числе Клочкова. Барыкина также сообщила, что тела политрука и еще четырех красноармейцев они захоронили в одном из окопов только недели через две, поскольку боялись немцев. Добробаба же, сообщая в мельчайших подробностях с присущим ему богатым воображением и бесцеременной лживостью о «последней встрече с политруком» то у одной, то у другой железнодорожной будки, но только не на поле боя и преследуя свою кощунственную цель — отобрать чужую славу, по всей видимости, вовсе не видел тела Клочкова. Некоторые сомнения вызывают и последние показания Барыкиной (Макаровой). Последние — потому что есть еще одни, датированные 31 марта 1948 г. В нем нет ни слова, как и в показаниях ее матери и старшей сестры, опрошенных примерно в то же время, об эпизоде с мертвым политруком. Навряд ли они втроем не вспомнили бы такой примечательный факт. Еще более сомнительно, чтобы следователь не внес этот факт, если бы о нем шла речь, в протоколы свидетельских опросов. Не исключено, что подобные сведения о политруке Клочкове, появившиеся в последних показаниях Барыкиной (ее матери и старшей сестры уже нет в живых), Ольга Викторовна подсознательно почерпнула из многочисленных публикаций о панфиловцах, которые, по ее словам, она перечитала почти все. Так, в уже упоминавшейся книге Ф. Т. Селиванова подробно описывается гибель Василия Клочкова на поле боя.

[10] Уже упоминалось о том, что Мясников извратил факты, изложенные односельчанами Добробабы, о его пребывании в полиции в их заявлениях, которые писались и редактировались самим Мясниковым во время производимого им «частного дознания».

[11] Среди обилия публицистических, художественных и документальных материалов, посвященных героям-панфиловцам, обращает на себя внимание книга еще одного доктора исторических наук, известного своими противоречивыми выступлениями о И. В. Сталине, — А. М. Самсонова. Правильнее будет сказать, что она не только и не столько о панфиловцах, сколько о битве под Москвой. Более того, в 1956 г. Самсонов, в то время имевший кандидатскую степень, выпустил на эту тему брошюру «на правах рукописи», предназначенную для лекторов, в которой о панфиловцах даже не упоминалось. Но вот два года спустя брошюра превратилась в книгу, изданную Академией наук СССР под названием «Великая битва под Москвой. 1941—1942». Тут-то и отведено несколько страниц бою у разъезда Дубосеково. Самсонов, кроме того что неверно называет дату боя (18 ноября вместо 16-го), повторяет ошибки уже известных до его книги других публикаций, коверкает фамилию и нашего нынешнего «героя». Правда, при этом он цитирует еще одного остававшегося в живых участника боя — И. Р. Васильева со ссылкой на стенограмму беседы с последним от 22 декабря 1942 г. «Наши воины подпустили врага совсем близко, — передавал своими словами Самсонов рассказ Васильева,— и только тогда помощник командира взвода сержант Дуброварин подал команду». Сомнительно, чтобы Васильев не знал истинной должности Добробабы — Добробабина (командир отделения), а тем более настоящей фамилии своего непосредственного командира. Тут или автор книги перепутал фамилию, или же Добробаба просто не участвовал в этом бою. На последний вывод наталкивает и сообщение Васильева о Клочкове, противоречащее сведениям о нем Добробабы. «Начался бой с гитлеровскими танками, — читаем мы у Самсонова рассказ Васильева. — С правого фланга били из противотанкового ружья, а у нас не было противотанкового ружья. Приходилось выскакивать из окопа. Команду политрук подавал...» Заметьте, политрук, а не сержант, т. е. Клочков, а не Добробаба. О последнем здесь даже не упоминается, если не считать строки о «помкомвзводе Дуброварине». Правда, ради объективности следует привести версию о подобном замалчивании «подвига Добробабина» еще одного из активных защитников, вернее, защитницы Ивана Евстафьевича — А. С. Юрковой. Так, ссылаясь на книгу Ф. Т. Селиванова «Панфиловцы», она в своем заявлении Главному военному прокурору от 19 декабря 1967 г. приводит выдержку из этой книги, где указывается, что, когда противник приблизился к окопам стрелкового взвода (?) на 100—120 метров, над заснеженным полем раздался «молодецкий свист». «В этом издании книги 1955 г., — сетует Юркова, — Ф. Селиванов не указывает, что свистом подал команду сержант Добробабин, хотя в более ранних своих публикациях он указывал это. Сказалось, что Добробабин носит обвинение изменившего Родине...»

[12] Видимо, уловив буйную фантазию Добробабы и его способность иметь «семь пятниц на неделе», Куманев не описывает личного подвига своего героя, не называет количество подбитых сержантом танков, оставляет лишь хвастливую фразу Добробабы о том, что он «руководил боем с рассвета до полудня, поскольку связи с КП не было». Но здесь ученый-историк, на мой взгляд, не совсем искренен, как и другие, кто рьяно защищает «героя»-предателя. Видимо, склонность к обману и подлогу — болезнь заразная. Чтобы подчеркнуть свою самостоятельность в бою, Добробаба настойчиво утверждает, что связи с КП не было. Куманев соглашается с этим утверждением. Вместе с тем он в своем очерке делает ссылку на статью Кривицкого «Завещание 28 павших героев» от 28 ноября 1941 г. в газете «Красная звезда». Но ведь этот журналист развивал открытую впервые именно им тему «28 героев» и в последующие годы. Так, в газете «Известия» за 16 ноября 1966 г. в очерке «Дорогой наш политрук» Кривицкий описывает встречу комиссара полка Мухамедьярова с политруком Клочковым, торопившимся на передний край. Последний якобы сообщил, что в штаб поступило донесение о ранении командира взвода. Об этой публикации, как и о других ей подобных, Куманев не мог не знать, тем более что в тот же день (16 ноября 1966 г.) одновременно с Кривицким, но уже в другой газете — «Труд» опубликовал свою статью на ту же тему под названием «Бой, вошедший в историю». В последней же своей публикации («Правда» за 18 ноября 1988 г.), о которой идет речь, чтобы каким-то образом смягчить явную ложь своего героя, а заодно сшить белыми нитками выдумки Добробабы с сообщениями, вошедшими в уже известные публикации, начинает фантазировать сам. Так, он пишет: «Засыпанный землей и тяжело контуженный Добробабин уже не знал, что в расположение его подразделения прибыл политрук Василий Клочков». Где же ему знать, что непредсказуемый в откровениях Добробаба «увидит» тело политрука в стороне от поля боя. Хотя, как мы уже говорили, это сообщение впервые встретилось в заявлении Добробабы в Военную коллегию Верховного суда СССР. К составлению же этого заявления, по словам Добробабы, Куманев имел самое непосредственное отношение.

[13] Уже упоминалось о противоречивых показаниях Добробабы о своем ранении. То он утверждал, что был ранен в ногу во время боя, то за несколько дней до него, что пострадала то левая, то правая (в статье Куманева — левая) нога. В другой раз — ранения не было, но обе ноги были придавлены землей и шпалами и долгое время плохо слушались. Была еще одна версия в отношении ноги: повредил ее, когда выпрыгивал на ходу из поезда при побеге из плена. Особый разговор об «окровавленном лице», которое так живописует Куманев. Нечто подобное рассказывал Добробаба и следствию. Так, на допросе 10 ноября 1988 г. он показал: «...оглядевшись, я обнаружил, что на мне лежит убитый боец. У него была разорвана голова. На убитом лежало 6 шпал. Приложив усилие, я вылез из-под убитого и из-под шпал. На ноги я не мог стать, так как в результате придавления шпалами они не слушались меня... Я полез к будке и влез в будку. Увидев меня, женщина испугалась. Затем стала обмывать меня, так как я весь был в крови...» Но вот сама его спасительница, а именно Надежда Васильевна Макарова, на допросе 25 марта 1948 г. напрочь отвергла эти сведения. «Я помню, что после боя 16 ноября 1941 года... пришел к нам в будку Добробабин. Что это был Добробабин, я помню, потому что он называл свою фамилию, и потом с ним вся моя семья и я разговаривали... Помню, что мы его накормили, ранения у него не было...» Старшая дочь Н. В. Макаровой — Тамара Викторовна, допрошенная неделей спустя, в своих свидетельских показаниях уточнила, что Добробаба «ранен... не был и [на то], что контужен он был, также не жаловался, крови на нем не видно было». Это же подтвердила в тот самый день вторая дочь — Ольга Викторовна. «Ранений у него не было, — показывала она. — На контузию, боль в голове он не жаловался».

Правда, она запомнила, что у Добробабы были обморожены ноги и руки. В следственных материалах есть и другие показания, отрицавшие ранение Добробабы. На допросе в январе 1948 г. старший брат Ивана Евстафьевича — Григорий Евстафьевич Добробаба сообщал, что впервые после длительной разлуки увидел брата Ивана в селе Перекоп в марте «кажется, 3-го числа» 1942 г., что «он пришел к нам в Перекоп из плена» и «был он оборван, голодный, но ран у него не было». Любопытны показания одного из односельчан Добробабы, Дмитрия Моисеевича Довгаля. 15 января 1948 г. в беседе со следователем капитаном Бабушкиным он сообщил, что увидел Ивана Евстафьевича после его возвращения в село («уже в войну, когда у нас в селе были немцы... в марте 1942 года») в доме Добробабы Григория Евстафьевича. «При встрече он мне рассказал,— вспоминал Довгаль, — что воевал на фронте в панфиловской гвардейской дивизии, в бою под Москвой его привалило в окопе (здесь у Добробабы тоже было несколько вариантов: его привалило и в окопе, и в ячейке, и в блиндаже, и в дзоте; его привалило то землей, то шпалами, то балками перекрытия, то трупами, то всем вместе. — Авт.), а потом он вылез и попал в плен, откуда он добрался в Перекоп...» Как видим, ни подбитых танков и бронемашин, ни контузии и ранения, ни героического командования и поиска своих войск и партизан, ни подвигов в партизанских отрядах и т. п., что нашло место в многочисленных показаниях Добробабы и публикациях о нем, в том числе и в статье Куманева.

[14] Партизанская тема — одна из любимых в рассказах и показаниях Добробабы. Вместе с тем это одно из самых уязвимых мест в его деле. Выдумки о партизанской деятельности нужны были Добробабе для того, чтобы «заполнить» героизмом период с ноября 1941 г. до марта 1944 г., т. е. с боя у разъезда Дубосеково до вторичного призыва Добробабы в ряды Советской Армии. Уместно привести более подробно текст донесения помощника начальника Главного управления контрразведки «Смерш» генерал-лейтенанта Москаленко и начальника отделения этого управления подполковника Белова начальнику управления контрразведки «Смерш» 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанту Королеву. «Произведенной нами проверкой установлено, — отмечается в этом документе, — что Добробабин И. Е. в июле 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР по представлению Военного совета Западного фронта в числе 28 человек героев-панфиловцев посмертно награжден званием Героя Советского Союза. В действительности же во время боя под Москвой он был взят немцами в плен (а возможно, сдался добровольно) и некоторое время находился в концлагере. В начале 1942 г. уехал к себе на родину... Добробаба в ноябре и декабре 1944 г. в личных беседах с нач [альником] политотдела 7-й гвард [ейской] армии генерал-майором Зыковым и нач[альником] политуправления фронта генерал-лейтенантом Тевченковым рассказывал явно неправдоподобные сведения, вызывающие подозрение о его переброске немцами для шпионажа в частях Красной Армии. В своем рапорте в политотдел 297-й стр[елковой] дивизии и беседах с начальниками политорганов армии и фронта Добробаба скрывал свое пребывание на родине и указал, что все время скрывался в поселке Тарасовка Одесской области до освобождения частями Красной Армии». Донесение генералу Королеву направлялось в связи с тем, что, как указывалось в документе, «в настоящее время ...Добробабин И. Е. находится в 297-й стр[елковой] дивизии Вашего фронта», а также для того, чтобы внести в военный совет фронта предложение воздержаться от выдачи Добробабе наград до окончательной проверки фактов его предательства. Разыскивались и следы его «партизанской» деятельности. Но все они были противоречивы и, откровенно говоря, эфемерны. К примеру, отряд «дяди Васи». По словам Добробабы, это был генерал. И Добробаба взрывал железнодорожный мост то вдвоем с «дядей Васей», то с ними был еще молодой парень, то целая группа партизан. Спустя некоторое время железнодорожный мост был «заменен» небольшим шоссейным, а отряд — сомни-

тельной группой неизвестных людей. «Блуждая по лесу в районе Волоколамска, — показывал Добробаба на судебном заседании 8 июня 1948 г., — я попал в группу для меня неизвестных, не то партизанская, не то какая-то банда, возглавляемая «дядей Васей». Доктор же исторических наук Куманев «отливает» эту анекдотичную несуразицу в «строки-обоймы» правдинской статьи, которые звучат так: «Группа бойцов, которую выводил из окружения пожилой человек по имени «дядя Вася» в гражданской одежде, но с генеральскими лампасами». На одном из своих первых допросов после ареста 13 декабря 1947 г. Добробаба продолжал развивать «партизанскую тему». По его словам, после взрыва моста по приказу «дяди Васи» они рассредоточились и шли по лесу пересвистываясь. Добробаба вскоре услышал, что на его свист никто не откликается. Потом его схватили каратели, избивали, заключили в лагерь военнопленных. Он оттуда бежал и около месяца (январь—февраль 1942 г.) жил у «одного гражданина», фамилию которого запамятовал. К этому «гражданину», прослышав, что у него скрывается командир Красной Армии, приезжали «представители партизанского отряда» и пригласили к себе. «Я дал согласие, — не уступая в правдивости Мюнхгаузену, рассказывал Добробаба, — и ушел с ними в партизанские леса... В этом отряде я пробыл около 20 дней. За это время дважды принимал участие в боевых действиях этого отряда... Руководил боем офицер Красной Армии — «лейтенант», как мы его называли, а фамилию его не знал». 15 декабря на продолжавшемся допросе, сознавшись под неопровержимостью предъявленных ему улик в «безвинной службе рядовым полицаем шуцпоста в селе Перекоп», Добробаба продолжил свою «партизанскую одиссею». Когда немцы вторично занимали село Перекоп, он, дескать, «решил уехать». Чтобы «наверстать» время службы в полиции во второй раз, он изображает длительное путешествие через Полтавскую, Кировоградскую и Одесскую области: «Все это расстояние я в основном прошел пешком из села в село, где питался у местных жителей... Прибыл в село Тарасовку уже зимой, но в каком месяце, не помню, видимо, в конце 1943 года. В селе Тарасовка я прожил около трех месяцев... За это время я через жителя этого села Ивана по фамилии Тоя связался с партизанским отрядом, который действовал по тылам немецких войск. Дважды участвовал в боевых действиях против немцев... Кто командовал этим партизанским отрядом, я не помню. После прихода частей Красной Армии в этот район, примерно 14 марта 1944 года, я совместно с другими участниками этого отряда перешел на службу в 1055-й стрелковый полк 297-й стрелковой дивизии...». Конечно же, следствию не удалось разыскать тех, кто вместе с Добробабой «партизанил и перешел на службу в 1055-й полк», поскольку их не существовало в природе. Но вот Тоя Иван нашелся. Правда, он показания Добробабы в отношении его назвал выдумкой, поскольку не имел связи с партизанами и, естественно, никого не мог с ними свести. Главная военная прокуратура, связываясь с различными архивами, где содержались сведения о партизанских отрядах и их списочный состав, ни в одном из них не обнаружила фамилии Добробабы (Добробабина). Да ее и не могло быть там, поскольку она значилась в иных списках — фашистских. «Партизанил» все это время Добробаба не в патриотических отрядах, а в немецкой полиции. Когда этот факт был основательно доказан, Добробаба решил облагородить предательство. В этом ему охотно помогали «защитники». Так, уже известный Мясников писал в своем очерке, что, направляясь в село Перекоп, Добробаба имел твердое решение связаться там с партизанами. Журналист по этому случаю даже диалог соответствующий сотворил:

— Свяжи меня с партизанами, — попросил Иван брата.

— Да какие тут партизаны. Сам знаешь — лесов нет, село небольшое. Да и против кого партизанить? Немецкая комендатура — в Валках. Здесь лишь старостат из нескольких человек, — ответил якобы брат Григорий.

Но ответить так он не мог, поскольку село Перекоп довольно большое, (около 1000 дворов), да и леса вокруг имелись. Между братьями состоялся совсем иной разговор, о чем поведал сам Григорий Евстафьевич и что впоследствии подтвердил Иван Евстафьевич. Когда первый из них увидел, что отдохнувший и раздобревший на гостевых харчах Иван собирается и дальше сидеть на братовой шее, он предложил тому искать работу. Самая подходящая нашлась... в полиции. Ну а партизаны все-таки действовали в тех местах. В следственных материалах имеется выписка из партийного архива Харьковского областного комитета партии от 7 декабря 1988 г., где отмечается: «На территории области, временно оккупированной гитлеровцами в 1941 — 1943 гг., действовало более 40 партизанских отрядов. По территории Валковского района... 29—31 мая 1942 года проходили партизанские отряды под командованием С. О. Лобы и Героя Советского Союза И. И. Копенкина». Есть также показания о том, что полиция села Перекоп участвовала в облавах против партизан.

[15] Впрочем, Мясников, «перекомандировав» Добробабу из 1075-го стрелкового полка в 1077-й, сделал при этом в своем очерке ссылку на публикацию в газете «Труд» за 16 ноября 1966 г., автором которой являлся... Куманев. В ней извещалось о «небольшом подразделении» истребителей танков сержанта Ивана Добробабина из 1077-го стрелкового полка». Как говорится, одна ошибка рождает десять других, а случайная или нарочитая оговорка одного человека превращается в устойчивый, подобно легенде, вымысел десятков людей. Подобное произошло и с «подвигом» Добробабы на Дальнем Востоке. Мясников, как мы уже говорили, со слов своего героя прославил его как отважного пулеметчика. Куманев идет еще дальше. В его очерке, помещенном в «Правде», Добробаба тоже отважно сражается в течение месяца на Халхин-Голе. Причем получает за свой подвиг медаль «За отвагу». Мной уже приводились некоторые показания Добробабы, где он говорил, что находился в те годы в строительной роте, что на боевых позициях был всего несколько дней, что участвовал только в эпизодических перестрелках с самураями. Но чтобы окончательно развеять этот «дальневосточный миф», снова обращусь к протоколам его допроса. Так, 10 ноября 1988 г. он показал: «За участие в боях на Халхин-Голе я к правительственным наградам не представлялся, никаких медалей или орденов за бои на Халхин-Голе не получал и не имею». А вот что говорил об этом спустя четыре дня: «Протокол судебного заседания военного трибунала Киевского военного округа от 8—9 июня 1948 года прочитан мне... Мои показания в протоколе судебного заседания записаны в целом правильно, за исключением отдельных моментов... В судебном заседании я показывал, что за бои на Халхин-Голе в 1939 году якобы был награжден медалью «За отвагу», которую якобы потерял в 1941 году. Сейчас я этот факт подтвердить не могу, так как медаль «За отвагу» мне не вручалась и я ее не имел и не носил, поэтому в 1941 году и не мог утерять. Мне кто-то из сослуживцев говорил, что я награжден медалью... поэтому я, видимо, и сказал так».

[16] Показания Добробабы, о которых он упоминает, как всегда, самые противоречивые. Ну а речь идет о том, что село Перекоп дважды переходило из рук в руки — то его захватывали немцы, то оно освобождалось нашими войсками. В первый раз, в марте 1943 г., Добробаба вместе с другими полицейскими был арестован контрразведкой «Смерш» и, по его словам, был освобожден из-под ареста, когда наши части вынужденно покидали село. В материалах следствия (кстати, вопреки «защитникам» Добробабы, утверждавшим, что оно велось поверхностно, ускоренно и предвзято, изучение всех обстоятельств службы Добробабы в Советской Армии и в немецкой полиции велось с 1943 по 1948 г., т. е. до суда над ним, не считая нескольких этапов последующего расследования) имеются свидетельские показания жителя села Перекоп Ивана Васильевича Ткаченко от 13 января 1944 г. Последний показал, что в марте 1943 г. при

первом освобождении нашими войсками села Перекоп Добробаба, не успев отступить вместе с оккупантами, скрывался дома, а затем был арестован советской контрразведкой. При отступлении наших частей сумел бежать. Но сам Иван Евстафьевич на допросе 23 апреля 1948 г. дал иные сведения: «Я признаю, что в марте 1943 года я действительно эвакуировался с перекопской полицией, когда немецкие войска первый раз отступали. Ехали мы с полицейскими в тыл немцев...» Затем, по его словам, все местные полицаи, в том числе и он, возвратились в село Перекоп, где были арестованы советской контрразведкой. «Под арестом я был дня 4—5, — показывал Добробаба, — меня допрашивали, затем в группе арестованных полицейских конвоировали в Валки и на станцию Ковяги. В это время немцы снова стали наступать, во время обстрела конвоиры ушли, и мы (я в том числе) побежали кто куда...» А вот что рассказал об этом старший брат И. Е. Добробабы Григорий Евстафьевич: «В марте 1943 года... он был арестован особым отделом в Ковягах. Но он тоже после этого появился в Перекопе, когда еще не было немцев в Перекопе. Через Перекоп в это время отступали части Красной Армии, бомбили Перекоп, а Иван пришел в это время из особого отдела и был у меня дома, пока не пришли немцы... (после его прихода из особого отдела на второй день). Иван... сразу стал работать в полиции снова. Удрал он из особого отдела или его отпустили, точно не знаю, мне он про это ничего не рассказывал. Я его спросил: «Как ты отделался от особого отдела?» А он ответил: «Какое твое дело?..» Заставляют сделать определенные выводы показания Тихона Семеновича Семенова, данные им еще в начале декабря 1943 г. Он сообщил, что в марте этого года при отступлении наших войск из села Перекоп Валковского района Харьковской области он участвовал в боях в составе танковой части. Был тяжело ранен. Его укрывала у себя жительница села Перекоп Ольга Лукьяновна Дуброва. Но об этом узнала полиция. Семенова арестовали. Сделали это «Добробаба Иван Евстафьевич и еще один полицейский по имени Костя». Семенова заключили в лагерь военнопленных на станции Ковяги, откуда во время наступления советских войск заключенных эвакуировали в Полтавскую область. В пути Семенову удалось бежать, и он скрывался в селе Селещино Полтавской области до прихода наших войск. «Будучи в с[еле] Селещино, — рассказывал Семенов, — я повстречал эвакуированных граждан, среди которых ехала и перекопская полиция, как-то: Добробабин Иван Евстафьевич и второй по имени Костя, о чем я сейчас же заявил в особый отдел, и их при мне же задержали. И тут же Костю усадили на автомашину и куда-то увезли, а Добробабин остался в особом отделе... После этого я больше не видел их». Можно сделать предположение, что Добробаба арестовывался советской контрразведкой и второй раз (примерно в августе—сентябре 1943 г.), но, как и в марте, сумел избежать наказания. Все это, естественно, он отрицал, точно так же, как утверждал, что не только не арестовывал красноармейца Семенова, но и вообще его не знал. Хотя такое заявление Добробабы не помешало его защитникам объявить Добробабу «спасителем и освободителем Семенова».

[17] На допросе 29 декабря 1988 г. Добробаба показал по этому поводу: «Я хочу подчеркнуть, что о своей службе в полиции я никому в 1944 году не рассказывал. Скрыл это и при подаче заявления в партию. Скрыл этот факт и когда узнал, что посмертно награжден за бои под Дубосеково в 1941 году...»

(Окончание следует) Вероятно в №9, который отсутствует-Ю.З.

№9 1990 (Из областной библиотеки)

Окончание. См.: Военно-исторический журнал — 1990.—№ 8.

ГАЗЕТНЫЕ публикации об Иване Евстафьевиче Добробабе (Добробабине), а также передачи центрального телевидения, рассказывающие о фронтовых подвигах и послевоенной судьбе «опального героя», всколыхнули общественность. Во все инстанпии полетели сочувствующие и возмущенные отклики. Так, группа ветеранов Великой Отечественной войны и труда Алтайского края, обращаясь в Верховный Совет СССР по поводу этого дела, ссылается на газету «Правда» за 18 ноября 1988 года, где опубликована «статья доктора исторических наук, профессора Г. Куманева». Ветераны возмущаются «черствостью работников Военной коллегии Верховного суда СССР». Полностью поддерживают содержание «исследований Куманева» и требуют «принести извинения, также полностью реабилитировать героя-панфиловца» с восстановлением его в звании Героя Советско-го Союза. «Ведь он — наша гордость и честь...» — пишут они.

В отношении «нашей гордости и чести» в предыдущей публикации мы уже многое прояснили. Постараюсь привести убедительные факты в последующем. Немало сказано также об «исследованиях и выводах ученого», и если ветераны — авторы рассматриваемого письма «полностью поддерживают содержание» этого «научного исторического труда», то, значит, они способствуют, не ведая о том, распространению лжи Добробабы, интерпретированной Куманевым. Одному нужно приобрести чужую славу и соответствующие почести, другому — погреться в отблесках этой славы. Если это не так, то зачем предпринимается столь длительная назойливая осада «правоохранительных бастионов» с применением выдумки? Ведь ей, выдумке, распространяемой многомиллионными тиражами средствами массовой информации, в том числе такой авторитетной газетой, как «Правда», несведущие люди, как правило, честные, настроенные на милосердие и поиск истины, сами немало испытавшие в жизни, верят, не задумываясь. Подтверждением может служить письмо 11 членов совета ветеранов войны и труда Казанского производственного объединения «Теплоконтроль» во главе с Героем Советского Союза генерал-майором И. Кобяковым, направленное в редакцию «Правды», Президиум Верховного Совета СССР, Министерство обороны СССР. Его авторы также поддерживают Куманева, прося защитить Добробабу от произвола, а также «восстановить варварски уничтоженный памятник» и присвоить имя Добробабы «одному из многотоннажных кораблей заграничного плавания».

С памятником проще: нельзя восстановить то, что не существовало в природе, что явилось плодом фантазии Ивана Евстафьевича. Уже сообщалось, что «глубокое историческое исследование ученого Куманева» по этому вопросу основано на богатом воображении его подзащитного, который, по словам последнего, якобы слышал от земляков о решении построить ему памятник и назвать в его честь улицу. Но затем эфемерное решение превратилось в остросюжетный «исторический» анекдот, описанный в «Правде» Куманевым, как реальный факт.

С присвоением же имени предателя «одному из многотоннажных кораблей заграничного плавания» дело усложнилось после заграничной поддержки Добробабе. Да, публикация Куманева в «Правде», где, в частности, прославлялся героизм Ивана Евстафьевича в тридцатые годы на Дальнем Востоке, нашла для него искренних защитников и за рубежом. Сошлюсь на одно из таких посланий:

«Генеральному прокурору СССР т. Сухареву Александру Яковлевичу.

Дорогой Александр Яковлевич!

Шлю Вам горячий привет из далекой Монголии. Мотивом моего письма стала статья о судьбе одного из 28 героев-панфиловцев — Добробабина Ивана Евстафьевича, опубликованная в газете «Правда» от 18 ноября 1988 года.

Вы наверняка прочитали эту четвертую страницу 323-го номера «Правды». Я истинно переживаю за судьбу солдата, который сквозь все невзгоды и унижения прошел и еще остался живым.

Вы, Александр Яковлевич, тоже солдат, участник войны, познали, что такое война.

Иван Евстафьевич воевал за нашу Монголию, был ранен в 1939 году, а в 1941 году насмерть выстоял на подступах к Москве и еще продолжал служить своей Отчизне до конца Великой Отечественной войны. Как мог [он] стать изменником Родины и лишиться высокого звания, угодить за решетку? Это могло случиться в 40—50-х годах, но в наше время об этом забывать не можем, не можем сложа руки наблюдать со стороны. Поэтому прошу Вас под особым контролем изучать уголовное дело по Добробабину И. Е., если есть возможность восстановить доброе имя советского воина.

Это нужно сделать за кратчайший срок, пока он жив (лишь бы не умер в преддверии... 50-летия победы над японскими захватчиками на Халхин-Голе), и сообщить в «Правду»...

С коммунистическим приветом Ж. Эрдэнбаатар.

1988 —XI —23».

Так что введены в заблуждение ложью Добробабы не только его соотечественники. Нет, дорогой товарищ Эрдэнбаатар, Куманев в «Правде» излагает сущую неправду. Подвиг Добробабы на Дальнем Востоке, мягко говоря, — художественный вымысел. За Монголию кровь он не проливал, ранен не был, наград не удостаивался. Не находит документального подтверждения Ваш вывод о том, что после 1941 года он «продолжал служить своей Отчизне до конца Великой Отечественной войны» и не мог быть изменником Родины, незаслуженно был осужден. Увы, продолжительное время служил не Отчизне, а врагу, за что получил справедливое наказание. Скорее наоборот, к нему Советская власть и советское правосудие отнеслись благосклонно, значительно сократив срок заключения. Смягчающим обстоятельством послужило участие Добробабы в боях с немецко-фашистскими захватчиками, раздутое им до героизма, на самом же деле скромное, но все же — непосредственное. Причем следствие и суд учли как его фронтовую службу до сдачи в плен, так и после повторного призыва в Красную Армию в 1944 году, отмеченную боевыми наградами.

Но возвратимся к письмам. Одно из них — обращение к редакционой коллегии «Правды» «коллектива читателей», организованное Н. Ш. Атахановой. Оно содержит непреклонное требование репрессировать «повинных» в репрессии претив «героя». Подписали его около 30 человек. Та же самая Атаханова завизировала «по поручению» и коллективный читательский отзыв, адресованный «редакционной коллегии газеты «Правды», Прокуратуре СССР, министру обороны СССР тов. Язову Д. Т., в Президиум Верховного Совета СССР тов. Лукьянову А. И.». Здесь тоже — сплошное негодование, гнев, призыв к восстановлению справедливости и возмещению моральных и материальных потерь, требование «мести». Атаханова «по поручению читателей» строго вопрошает: «Кто позволил издеваться над одним из лучших воинов Великой Отечественной войны?..» Создается впечатление, что авторы как этого, так и других подобных эмоциональных писем склонны поддерживать, не разобравшись глубоко в существе вопроса, любую кампанию, раздуваемую в прессе. На этот раз они горячо откликнулись на призыв Куманева и Добробабы.

Разбирая эту обильную и разнообразную почту, хватало оснований не только огорчаться. Авторы многих писем представлялись чуткими, честными, мудрыми людьми, стремящимися к истине и справедливости.

«В Прокуратуру СССР. Отдел реабилитации, — читаем в одном из писем.— Газеты «Правда» и «Московская правда» в своих корреспонденциях ставят вопрос о реабилитации участника боев у разъезда Дубосеково... сержанта И. Е. Добробабина. У меня и других ветеранов войны напрашивается вопрос: разве в СССР отменили закон о наказании военных преступников в годы войны с фашистской Германией? Ведь даже ООН приняла конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечества, относящимся по международному праву к самым тяжким.

Если закон и конвенция действуют, то по какому закону хотят военного преступника — полицая И. Е. Добробабина реабилитировать и восстановить в звании Героя Советского Союза? Он в самые трудные и тяжелые годы борьбы с фашизмом верно служил врагам советского народа — фашистам. Вполне достаточно, что Военная коллегия Верховного суда СССР в 1955 г. снизила ему срок наказания.

Я, как участник боев за Москву в составе 16-й армии, куда входила и 316 сд, работал с архивными документами в ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны СССР). Исследуя документы армии и 316 сд, пришел к убеждению, что в корреспонденции в «Правде» Г. Куманева много написано неправды, но это лежит на его совести.

Наверно, каждый честный человек поймет, если бы знал в июне 1942 г. Г. К. Жуков, что Добробабин служит у фашистов (Именно в июне 1942 г., по словам давнего знакомого Добробабы, земляка, одноклассника еще по начальной школе, а затем сослуживца-полицая Ахтырского, в их районе к «облаве на партизан, что объявлялись в лесу под Левендаловкой» фашисты привлекли местную полицию. В это время, с начала июня 1942 г., Добробаба уже находился на службе у оккупантов. Вместе с тем автор письма в Прокуратуру СССР, выдержки из которого цитируются выше, допускает ошибку, считая, что представление на присвоение звания Героя Советского Союза Добробабе было подписано тоже в июне 1942 г. Ниже будет сделано соответствующее уточнение), то не поднялась бы его рука подписать реляцию (Автор письма, по всей видимости, введен в заблуждение Куманевым. Последний в известной уже публикации в «Правде» пишет, что эта «реляция», т. е. представление на звание Героя Советского Союза Добробабы, исходила от «командования панфиловской дивизии и командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова». Доктор исторических наук здесь допускает несколько неточностей. Во-первых, представление наркому обороны о присвоении звания Героя Советского Союза на всех 28 панфиловцев подписывал не только командующий войсками Западного фронта Жуков, но и член военного совета этого фронта Булганин. Во-вторых, таких представлений, т. е. от командования Западного фронта, имеется два: от 28 мая и 13 июля 1942 г. В-третьих, было еще одно, самое первое, датированное 10 мая того же года, но подписанное командующим войсками Калининского фронта генерал-полковником Коневым и членом военного совета этого же фронта корпусным комиссаром Леоновым), а М. И. Калинина — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Если будет Добробабину звание Героя, то это будет кощунство и осквернение погибших и живущих ветеранов Великой Отечественной войны. Тогда нужно реабилитировать предателя Власова (он тоже воевал и был даже командиром), власовцев, полицаев, служивших в зондеркомандах, и других предателей и изменников нашей Родины (Бывший подчиненный И. Добробабы по службе в полиции Ф. Дереза на допросе 23 декабря 1988 г. по этому поводу сказал так: «В газете «Правда» за 18 ноября 1988 года ставится вопрос о реабилитации Добробабина, несмотря на то, что он служил в полиции и даже возглавлял куст полиции в селе Перекоп. Видимо, в связи с этим я, подчиненный Добробабину полицейский, как и остальные рядовые полицейские села Перекоп, находившиеся в подчинении Добробабина, вправе рассчитывать на свою реабилитацию»)...

Ветеран войны и партии А. Евдокимов (Москва)».

На публикацию в «Правде» и обвинительно-защитительный очерк Куманева пришел отзыв и из села Перекоп

Харьковской области, где проявлял свое «геройство» один из «лучших воинов Великой Отечественной», как величает Добробабу Атаханова. Односельчанин же нашего «героя» Клименко, обращаясь к Генеральному прокурору СССР, рассказывает, как издевался Добробаба во время оккупации над его матерью — женой фронтовика, как унижал и ущемлял их семью, как его самого, в то время подростка, избил в поле, а затем силой отобрал корову. Бывшему завучу перекопской школы Клименко, долгие годы прививавшему ученикам любовь и уважение к отчему дому, семье, односельчанам, верность Родине, вообще чужды и непонятны суждения Куманева и других подобных защитников Добробабы о реабилитации предательства. В своем письме Д. И. Клименко пишет: «...ведь многие советские люди, даже попавшие в плен (Д. Карбышев, Я. Джугашвили и многие другие), с гневом отвергли предложение фашистов о сотрудничестве...»

Но к полицейской деятельности Добробабы мы еще вернемся, а сейчас закончим разговор о том, что служило «главным смягчающим обстоятельством» при его осуждении за предательство, «главным толчком» в неоднократных массовых кампаниях по его реабилитации. Разговор — о «геройском взводе сержанта И. Е. Добробабина» и «подвиге командира геройского взвода» у разъезда Дубосеково.

Как уже упоминалось в предыдущей публикации, такого взвода не существовало ни в документах, ни в бою. Точно так же, как Добробаба, вопреки утверждениям Юрковой, Мясникова, Куманева и других, плохо изучавших документы, никогда не был не только командиром взвода в 4-й роте 1075-го полка панфиловской дивизии, но и помощником командира взвода. Да и сам он на первом этапе следствия, а также до него (сороковые годы) говорил о том, что был командиром отделения. Впервые речь о взводе зашла, пожалуй, в июле 1953 года, когда в приемную тогдашнего министра обороны СССР Н. А. Булганина поступила жалоба от «посмертного — выражение автора жалобы — Героя Советского Союза Добробабина Ивана Евстафьевича». В ней были такие строки: «Вверенный мне взвод погиб 16 ноября 1941 года на разъезде Дубосеково...». Ну а в заявлении И. Е. Добробабы заместителю председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майору юстиции М. А. Марову, датированном 21 июля 1988 гола, должностная роль характеризуется уже более определенно: «...от пенсионера Добробабина Ивана Евстафьевича... бывшего командира взвода 28 панфиловцев...» В тексте дается следующее объяснение: «В этих боях командование взводом фактически вверено мне — помкомвзводу. Командир взвода лейтенант Шишкин был переведен в командование ротой».

Насколько все эти сведения сфальсифицированы, можно убедиться, если проследить всю цепочку «должностной карьеры» ходока в герои.

Распространение сообщения в печати о бое у разъезда Дубосеково началось 26 ноября 1941 года публикацией в газете «Комсомольская правда». Называлась она «Слава бесстрашным патриотам», а заканчивалась подписью «В. Чернышев» и пометкой: «Западный фронт, 25 ноября». В ней шла речь о том, что на некое гвардейское подразделение «наступало до 60 танков и несколько батальонов пехоты». Командир «группы гвардейцев» насчитал несколько десятков танков, за которыми, по его прикидке, двигалась пехота численностью примерно «до полка». Спецкор «Комсомольской правды» называл и фамилии — лейтенанта Безвременного и старшего политрука Калачева, которые вместе с другими гвардейцами сумели приостановить вражеский навал. «Получив основательную трепку, — писал Чернышев, — на этом участке обороны, противник решил взять реванш на другом участке». После жестокой и длительной схватки, которая длилась «весь день, всю ночь и весь следующий день», враг устремился на рубежи, которые занимала «группа красноармейцев во главе с политруком Диевым». Горсточка отчаянных храбрецов, по сообщению Чернышева, сдерживала натиск 54 танков более четырех часов.

Как видим, нет ни взвода, ни «помкомвзвода», а группа гвардейцев во главе с политруком. Правда, фамилия последнего названа не правильно. В последующем, видимо, для того, чтобы оправдать неточность журналиста, появилась своеобразная версия, хотя не исключено, что так было в действительности. Политрук имел фамилию Клочков. Он слыл общительным, живым и энергичным человеком, которого боец Бондаренко «перекрестил» на свой, украинский, манер — «Диев», т. е. «деятельный». С тех пор якобы не только в роте, но и во всем полку Клочкова называли Диев. Потому-то в историю из-за оплошности спецкора «Комсомольской правды» он вошел с двойной фамилией Клочков-Диев.

Сам же Чернышев допущенную им неточность, отвечая на вопросы следователя 17 апреля 1948 года, объяснял так: «В 1941 году, в ноябре месяце... мы вместе с корреспондентом газеты «Красная звезда» Коротеевым выезжали на фронт, когда бои с немцами шли под Москвой. То, что было написано потом мною в «Комсомольской правде», рассказал мне инструктор-информатор в штабе Панфиловской дивизии». По словам Чернышева, он проверять рассказ инструктора-информатора не стал, поскольку из-за тяжелых боев пробраться к месту событий и побеседовать с их непосредственными участниками не представлялось возможным. Этой же информацией воспользовался и Коротеев. «Я только перед отъездом в Москву,— показывал Чернышев, — еще раз говорил с инструктором (фамилию его не помню) и пытался установить фамилии сражавшихся с немецкими танками. Он в то время назвал мне фамилии лейтенанта Безвременного, старшего политрука Калачева и политрука Диева...»

Коротеев же в беседе со следователем, не отрицая того, что на место событий не выезжал, дал несколько иные объяснения. Он дополнил показания Чернышева следующими сведениями: «Примерно 23—24 ноября 1941 года я вместе с военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» Чернышевым был в штабе 16-й армии, которой в то время командовал Рокоссовский. Мы лично говорили с Рокоссовским, который познакомил нас с обстановкой... При выходе из штаба армии мы встретили комиссара 8-й, Панфиловской, дивизии Егорова, который рассказал также о чрезвычайно тяжелой обстановке, но сообщил, что независимо от тяжелых условий боев наши люди геройски дерутся НА ВСЕХ УЧАСТКАХ...»

Последние слова в показаниях Коротеева выделены мною не случайно. В них, на мой взгляд, и заложена БОЛЬШАЯ ПРАВДА БОЛЬШОГО ПОДВИГА, сфальсифицированная затем, считаю, преступно в «героизм взвода Добробабина». Массовый подвиг всей роты, всего полка, всей дивизии безответственностью не совсем добросовестных журналистов приуменьшили до масштабов мифического взвода. В результате нечистоплотный человек получил почести, которых не заслужил, заимел «оружие», с помощью которого в течение долгих лет третирует всех и вся, добиваясь привилегий и славы — ЧУЖИХ ПРИВИЛЕГИЙ! ЧУЖОЙ СЛАВЫ!

Но вернемся к показаниям Коротеева. «В частности, — сообщал военный корреспондент, — Егоров привел пример геройского боя одной роты с немецкими танками... В то время вопрос шел о бое пятой роты с танками противника, а не о бое 28 панфиловцев. Егоров порекомендовал нам написать в газете о героическом бое роты с танками...»

О чем написал Чернышев в «Комсомольской правде», уже сообщалось. Днем позже появилась публикация в «Красной звезде» за подписью В. Коротеева. Называлась она «Гвардейцы Панфилова в боях за Москву» и давала вполне справедливую и объективную оценку массового героизма советских бойцов. «Десять дней, не стихая, идут

жестокие бои на Западном фронте... На могиле своего погибшего командира генерал-майора Панфилова бойцы гвардейской дивизии поклялись, что будут еще крепче бить врага... Гвардейская дивизия имени генерал-майора Панфилова уничтожила около 70 танков противника и свыше 4000 солдат и офицеров...» Называлась здесь и 5-я рота Н-ского полка и особо отличившаяся группа бойцов этой роты (Вместе с другими неточностями, касающимися фактов, цифр, фамилий, Коротеев и здесь ошибается — **«особо отличившаяся группа бойцов»** входила в 4-ю роту. Более точен в этом случае был Чернышев). Но когда Коротеев возвратился в Москву, в редакцию, то допустил непростительную оплошность. Чтобы понять какую, послушаем его самого: «По приезде вечером... я доложил редактору Ортенбергу обстановку, рассказал о бое роты с танками противника. Ортенберг меня спросил, сколько же людей было в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30—40. Я сказал также, что из этих людей двое оказались предателями... 28 ноября в «Красной звезде» была написана передовая «Завещание 28 павших героев». Я не знал, что готовилась передовая, но Ортенберг меня еще раз вызвал и спрашивал, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось в передовой количество сражавшихся — 28 человек, т. к. из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя и, видимо, посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе... В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; этим делом занимался Кривицкий, который первый написал и передовую о 28 панфиловцах...»

Оплошность Коротеева заключалась в том, что он, не побывав на месте событий, не побеседовав с непосредственными участниками боя, не располагая точными данными, к тому же спровоцированный торопливой настойчивостью Ортенберга, назвал значительно приуменьшенную цифру. Перед боем рота старшего лейтенанта Гундиловича, а речь идет именно о ней, т. е. 4-я рота, насчитывала до 140 человек, после боя в ней осталось около 30. Погибло смертью героев более 100 человек. Коротеев, сам того не зная, исключает из числа не только героев, но и активных участников боя именно эту отчаянную стойкую сотню. Для Ортенберга и Кривицкого дальнейший «творческий» процесс оказался довольно простым и безответственным делом — все свелось к «профессиональной» журналистской и редакторской технике.

Коль никому из тех, кто приуменьшил настоящий подвиг сотни (да и не только сотни!) мужественных патриотов, не удалось побывать в те дни на передовой, обращусь к показаниям непосредственных участников описываемых событий. Вот о чем рассказал следователю 10 мая 1948 года бывший командир 1075-го стрелкового полка полковник в отставке Илья Васильевич Капров: «Формировалась дивизия в городе Алма-Ате. Примерно 50 проц. в дивизии было русских, проживавших в Средней Азии, а остальные 50 проц. были казахи, киргизы и небольшое количество узбеков. В такой же пропорции был укомплектован и полк, которым я командовал. Техникой дивизия была очень слабо насыщена, особо плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии — ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)... В первых числах октября 1941 года дивизия была переброшена под Москву и выгрузилась в г. Волоколамске, откуда походным порядком вышла на позиции в район г. Осташево. Мой полк занял оборону (совхоз Булычево — Федосьино — Княжево). Примерно в течение 5—6 дней полк имел возможность зарыться в землю, т. к. подготовленные позиции оказались негодными и нам самим пришлось укреплять оборонительные рубежи и, по существу, все переделывать заново. Мы не успели как следует укрепить позиции, как появились немецкие танки, которые рвались к Москве. Завязались тяжелые бои с немецкими танками, причем у немцев было превосходство в силах и технике. В этих тяжелых боях вся дивизия и мой полк под нажимом превосходящих сил противника отходили до ст[анции] Крюково под Москвой. Отход продолжался до первых чисел декабря 1941 года...»

Эта часть показаний, вернее отдельные конкретные детали в ней, изобличают Добробабу в неточностях и откровенной лжи, дают первое основание засомневаться в его участии в бою под Дубосеково. Когда, по словам Добробабы, Панфилов «лично ставил ему задачу», то сказал, что «насчет окапывания» беспокоиться не стоит, поскольку «там все саперы сделали». У него часто фигурируют «хорошо сделанные окопы в полный профиль с перекрытием из шпал наверху», «ячейки в полный рост, защищенные сверху», «глубокие траншеи», а также дзоты, блиндажи, землянки и другие инженерные сооружения, что командир полка Капров не подтверждает. Но гораздо более разоблачительной по отношению к противоречивым, путаным и зачастую неуверенным сведениям, преподносимым следствию Добробабой (еще более преувеличенным и лживым при беседе с журналистами), является та часть свидетельских показаний Капрова, где речь идет непосредственно о бое 16 ноября 1941 года. Так, он сообщает, что в этот день после мощного авиационного налета и сильной артиллерийской подготовки немцы предприняли первые наступательные действия на участке 2-го батальона только в 11 часов, основные же их силы обрушились на позиции полка спустя примерно три-четыре часа. А что утверждает Добробаба (заодно с ним Мясников, Куманев, Юркова и другие)? А вот что: «Этим боем я руководил несколько часов — с рассвета до полудня — до того, как меня контузило и засыпало землей». Подводит Добробабу и «боевая бухгалтерия». Только лично он в этом бою подбил 5—6 танков. Правда, это если верить ему, что делать, как уже сообщалось, весьма рискованно. Ведь на его счету то 4 танка и 3 самоходные артиллерийские установки, то 4 танка и 3 бронемашины, то «несколько танков», которые он якобы не считал. Ну а весь его «взвод», по словам Добробабы, только в начале боя поджег около 10 танков, а перед тем, как он сам «потерял сознание», Добробаба будто бы видел, что «вокруг нас горело 12 танков». По свидетельству Капрова, на счету всего полка за этот период числилось в два раза меньше подбитых танков. Впрочем, возвратимся снова к его показаниям, чтобы представить в деталях картину боя.

«К 16 ноября 1941 г., — свидетельствовал Капров, — полк, которым я командовал, был на левом фланге дивизии и прикрывал выходы из г. Волоколамска на Москву и железную дорогу. 2-й батальон занимал оборону: пос. Ново-Никольское — пос. Петелино и разъезд Дубосеково. Батальоном командовал майор Решетников, фамилии политрука батальона не помню (Военкомом 2-го батальона был политрук Трофимов); в батальоне было три роты: 4-я, 5-я и 6-я... Четвертой ротой командовал капитан Гундилович, политрук Клочков... Занимала она оборону — Дубосеково — Петелино. В роте к 16 ноября 1941 г. было 120— 140 человек. Мой командный пункт находился за разъездом Дубосеково у переездной будки примерно в 1,5 км от позиции 4-й роты. Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всем 2-м батальоне было только 4 противотанковых ружья. К 16 ноября дивизия готовилась к наступательному бою, но немцы нас опередили. С раннего утра 16 ноября 1941 г. немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке

батальона 10—12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою полк уничтожил 5—6 немецких танков, и немцы отошли... Около 14.00—15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15—20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, т. к. этот участок был наиболее доступен танкам противника (Судя по многочисленным показаниям Добробабы, он к этому времени уже несколько часов должен был «лежать без памяти», присыпанный то ли землей, то ли снегом, приваленный то ли шпалами, то ли трупами, то ли раненный, то ли контуженный, то ли в окопе, ячейке, блиндаже, траншее, дзоте, то ли еще где-то. Скорее всего во время утренних вражеских авиационного и артиллерийского налетов он покинул боевые позиции, суток двое слонялся по окрестным деревням, а затем добровольно сдался в плен. Его путаные и неправдоподобные сведения убеждают: в основных событиях в тот день он не участвовал, свидетелем их не был). В течение примерно 40—45 мин танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался за железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем уцелело человек 20—25, остальные все погибли. Остальные роты пострадали меньше...»

Что и говорить, потери были значительные. Причем показания Капрова подтверждаются документально материалами ЦАМО СССР, среди которых — политдонесение комиссара 1075 сп Мухамедьярова в политотдел 316 сд (в последующем 8-я гвардейская имени Панфилова), помеченное 18 ноября 1941 года. В нем указывается, что за два предыдущих дня в ходе тяжелых боев потери полка составили: убитыми — 400 человек, ранеными — 100, без вести пропавшими (по непроверенным данным) — 600. В архиве хранится и радиограмма Капрова (дата не указана, но, сопоставляя содержание радиограммы с рассказом командира полка, можно предположить, что она составлялась 16 ноября). Из нее следовало, что 1075 сп окружен и бойцы охраняют только командный пункт полка. Имеется также политдонесение начальника политотдела 316 сд Галушко в политотдел 16-й армии за 17 ноября 1941 года, в котором сообщалось, что, несмотря на самоотверженность личного состава 1075 сп в боях, 16 ноября противника остановить не удалось, поскольку противотанковая оборона оказалась весьма слабой; при этом в полку «пропало 2 роты».

«Несмотря на самоотверженность личного состава 1075 сп» и объективные причины отхода полка на новый оборонительный рубеж, что также подтверждают архивные документы, командир Капров и комиссар Мухамедьяров были привлечены за этот отход и большие потери к ответственности. Как следует из материалов, содержащихся в уголовном деле Добробабы, в частности из докладной записки старшего инструктора 4-го отдела Главного политического управления старшего батальонного комиссара Минина начальнику организационно-инструкторского отдела ГлавПУРа дивизионному комиссару Пронину (16 августа 1942 г.), и тот, и другой «были отстранены от занимаемых должностей и восстановлены после того, когда дивизия вышла из боя и находилась на отдыхе и доукомплектовании». Из докладной записки становится известным и то, что «о подвиге 28 ни в ходе боев, ни непосредственно после боя» в полку и в дивизии особых разговоров никто не вел, подвиг этот не пропагандировался, поскольку, как уже указывалось, героизм был массовым, людей погибло много.

Анализируя изложенные выше обстоятельства, нетрудно предположить двойственную позицию командира и комиссара полка после того, как в печати стал широко обсуждаться подвиг только 28 человек, особенно во время прибытия представителей «Красной звезды» и политотдела дивизии для составления поименного списка «особой группы». С одной стороны, Капров и Мухамедьяров восстановлены в должностях, так как действия полка и всей дивизии получили более объективную оценку (ведь и противник в тех боях понес ощутимые потери — 800 человек и 15 танков), с другой — чем черт не шутит, вдруг, если станут возражать, снова последуют репрессии.

Эти мучительные раздумья довольно неприкрыто звучат в показаниях Капрова 10 мая 1948 года. «В этот день у разъезда Дубосеково,— показывал он, — в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота и действительно дралась героически, причем из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали впоследствии в газетах. Никто из корреспондентов ко мне не обращался в этот период, я никому и никогда не говорил о бое 28 панфиловцев... В конце декабря 1941 г., когда дивизия была отведена на формирование, ко мне в полк приехал корреспондент «Красной звезды» Кривицкий вместе с представителями политотдела дивизии Галушко и Егоровым... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с немецкими танками. Я ему заявил, что с немецкими танками дрался весь полк и в особенности 4-я рота 2-го батальона... Комиссар дивизии Егоров мне приказал выехать на место боя 4-й роты вместе с Кривицким, Гундиловичем и др. Я вместе с группой выехал на место, к разъезду Дубосеково, показал место боя. Фамилии Кривицкому по памяти давал капитан Гундилович, который вел с ним разговор на эту тему... Меня о фамилиях никто не спрашивал. Впоследствии после длительных уточнений фамилий только в апреле 1942 г. из штаба дивизии прислали готовые наградные листы и общий список 28 гвардейцев ко мне в полк для подписи...»

Как «длительно» ни уточнялись списки, в них не попало множество действительно отличившихся бойцов. В то же время было внесено несколько случайных людей, например Д. А. Кужебергенов и И. Е. Добробаба, Первый (его тоже пытается «восстановить в звании Героя» Куманев, упомянувший о нем в уже известном очерке в «Правде», а также рассказавший о трудной судьбе Кужебергенова по Центральному телевидению еще в мае 1967 г.) сознался, что, попав в плен к немцам, в бою не участвовал, второй — претендует не только на роль «участника боя», но и на «главного героя».

Следует закончить и разговор о политруке Клочкове. Добробаба и в этом случае дает противоречивые показания. Клочков, по его словам, то «находился все время рядом со мной», то появился в окопах уже «в ходе боя», то, возможно, после того, «как я потерял сознание», то «куда-то ушел». Место гибели политрука Добробаба тоже указывает по-разному. В июле 1944 года, к примеру, стенографическая запись его рассказа запечатлела такие сведения: «Когда бой стих, я перелез в правую траншею. Клочков лежал там убитый. Гимнастерка разорвана и стала, как пиджак, и дыра в груди...» Четыре года спустя, во время суда над ним, Добробаба, отвечая на вопросы адвоката, категорично заявляет: «Во время стенографирования моего рассказа о бое мною были правильно изложены все обстоятельства боя до моей контузии». Но это не мешает ему излагать версию пребывания Клочкова на боевой позиции несколько по-иному. «...От траншеи до будки было метров 400... — рассказывал он в сорок четвертом году. — Я вышел на крыльцо. Там лежали боеприпасы. Я взял две коробки патронов и отправился бегом. Следом прибежал Клочков. Нас обстреляли немцы... Немцы идут на нас плечом к плечу — идет лава. Я дал свисток (я командовал всегда свистком) стрелять в немцев из всех видов оружия. Сам сел слева за станковый пулемет. Клочков был здесь...» Ну а на суде вот как: «В

траншее, в которой я вел бой, нас было 28 человек, затем после второй или третьей атаки к нам пришел политрук Клочков, который и руководил боем до последней минуты». Но проходит еще сорок лет, и он с той же категоричностью заявляет, что Клочкова в окопах не было, так как тот находился в отдалении от их боевой позиции, «на командном пункте». В бою Добробаба, дескать, его не видел, а только несколько суток спустя видел труп политрука за железнодорожной будкой (то за одной, то за другой). «Видимо, я так прочел в газетах и в художественных книгах о роли в этом бою политрука, — пытался он объяснить свою путаницу и «охоту» за славой Клочкова, — поэтому и в суде так показал».

Что ж, в этом объяснении есть немалая доля истины: как и Кужебергенов, сознавшийся в обмане, Добробаба творил легенду о своем героизме на основе многочисленных публикаций. Но настоящий героизм проявил не он, а Клочков, сражавшийся и вдохновлявший бойцов, до последнего дыхания остававшийся на поле боя. Как показала 26 марта 1948 года председатель Нелидовского сельского Совета Ирина Ивановна Смирнова, зима 1941/42 года была очень снежной, поэтому, когда в начале февраля 1942 года в Нелидово и Дубосеково приехали представители из Москвы и попросили местных жителей помочь разыскать трупы погибших, это из-за глубоких снежных заносов сделать было невозможно. Откопали только три трупа и с почестями похоронили их. «А затем, уже в марте 1942 года, — рассказывала Ирина Ивановна гвардии капитану юстиции Бабушкину, — когда стало таять, воинские части к братской могиле героев-панфиловцев снесли еще три трупа, в том числе и труп политрука Клочкова, которого опознали бойцы».

Поэтому утверждение Добробабы, что он находился на поле боя без сознания двое суток — ложь. В условиях столь суровой и снежной зимы вряд ли бы после такого испытания он остался жив. А спастись ему «помогли» уход с поля боя и сдача в плен, выжить — служба фашистам. Заметая следы первого и второго предательства, после того как в марте 1944 года снова оказался в Советской Армии, Добробаба придумывал всевозможные варианты героического пребывания в партизанских отрядах. Когда же ложь открылась, стал утверждать, что служба в полиций — маскировочная и тоже героическая. Убедительные факты заставили его сознаться в предательстве.

Куманев, по словам Добробабы, спровоцировал его написать заявление о реабилитации и восстановлении в «правах Героя», свалив всю вину на «жестокость и незаконность следствия». Тот же Куманев в газете «Правда» утверждал, что И. Е. Добробаба «и сейчас, спустя 47 лет... помнит каждую деталь». Сам же Иван Евстафьевич, отвергая злословия и навет на следствие сороковых годов, в частности на следователя Бабушкина, сознался, что в то время, первое послевоенное, у него была, естественно, свежее память, и события он помнил лучше. Так что нет никаких оснований отвергать обвинительное заключение 1948 года, где полицейскому, а затем и начальнику сельской полиции Добробабе вменялись в вину добровольная служба у оккупантов, участие в облавах на местных жителей и отправка их в принудительном порядке на работы в Германию, строгий контроль за соблюдением оккупационного режима, обыски в домах, конфискация в пользу германских войск имущества и продовольствия сельчан, преследование семей активистов и фронтовиков. Словом, всего не перечислить. Убедительным доказательством злодеяний фашистских оккупантов и их прислужников-полицаев в селе Перекоп, что на Харьковщине, может служить следующий документ:

«СПРАВКА

Настоящим Перекопский с[ельский] сов[ет] удостоверяет, что за период немецкой оккупации села Перекоп с октября 1941 года по сентябрь 1943 года немецкими оккупантами и оказавшими им содействие и помощь старостами и местной сельской полицией было:

1) угнано молодежи в Германию на каторжные работы — 170 человек;

2) угнано скота — до 100 голов;

3) сожжено... 120 домов колхозников...

5/II — 1948 г.»

В ходе нового расследования, проводимого Главной военной прокуратурой, глубоко и всесторонне изучены все обстоятельства дела И. Е. Добробабы. Только на 31 декабря 1988 года было установлено и допрошено 57 свидетелей, знавших этого героя газетных очерков и телевизионных передач по периоду его службы в полиции. Проведены многочисленные очные ставки. Изучены дополнительные архивные материалы. Итоги кропотливой работы заключены в словах самого Добробабы, сказанных им на допросе 27 декабря 1988 года: «Да, в полицию села Перекоп в 1942 году я поступил добровольно. Понимаю, что совершил самую большую ошибку в своей жизни». Спустя два дня к этому признанию он добавил другое: «Я понимаю, что в 1942 году я совершил преступление перед Родиной, поступив на службу к немецким оккупантам, что в 1948 году БЫЛ ПРАВИЛЬНО ОСУЖДЕН ЗА СВОЮ ПОСОБНИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ».

Думается, что сам искатель чужой славы дал исчерпывающий ответ всем своим вольным или невольным защитникам.

Судьба предателя Добробабы поучительна. Он, как и все ему подобные, в решающие для Родины дни промахнулся! Рассчитывал: конец Советскому Союзу, конец коммунистам. Но как все обернулось? У тех, кого он ненавидел и предавал, вынужден сегодня вырывать кусочек хоть каких-то привилегий. И потому, наверное, еще сильнее ненавидеть. Как оказалось, в его более чем сорокалетней давности раскаянии не было никакой искренности. Выходит — не раскаялся, а лишь затаился и все эти четыре десятилетия истаивал неудовлетворенной ненавистью. Но это всецело относится, так сказать, к «обычному» предательству. Случай же с Добробабой — уникальный. Ведь «геройство»-то его — официальное. Кроме того, он, по всей видимости, уловил в наших переменах и что-то такое, что позволяет деформировать в общественном сознании понятия добра и зла, истинную суть предательства и низких поступков подменять «общечеловеческими» критериями, рассуждениями о «демократии» и «гуманизме» Подталкиваемый безответственными исследователями типа Куманева, Добробаба безбоязненно включился в гласную борьбу против закона и правды. И все же хочется надеяться, что подобные ему борцы рано уверовали в праздник на улице предателей. Поддерживая моду на антикоммунизм и антипатриотизм, на массовое антисоветское злословие, они поторопились торжествовать. Но коль так открыто и дерзко поднимают головы Добробабы, то здоровым силам в стране тоже есть над чем подумать. Нет, это вовсе не значит, что нужно запугивать инакомыслящих и прибегать к репрессиям. Необходимо соблюдать законы народной Советской власти. Необходимо отстаивать правду и давать отпор тем, кто на нее покушается. Необходимо, наконец, ответить на злободневный вопрос: почему наше общество вдруг стало (по мнению Добробабы) пригодным по нравственному состоянию для возведения в ранг героев бывших полицаев, эсэсовцев, власовцев и многих других антикоммунистов и антисоветчиков, подбираемых на свалке истории представителями современного «нового» мира?

Генерал-лейтенант юстиции А. Ф. КАТУСЕВ

ПЕРСИДСКИЙ КОРИДОР

В РЕДАКЦИЮ поступает много писем с просьбой продолжить начатую тему о сотрудничестве союзников по антигитлеровской коалиции в рамках ленд-лиза, рассмотренную в работах кандидата исторических наук П. С. Петрова и американского ученого Джона Н. Хазарда, опубликованных в шестом номере нашего журнала. «Ваш журнал регулярно читаю с 1987 года, — пишет нам историк М. Копин из Москвы, — вы начали раскрывать «белые пятна» войны (1941—1945 гг.). Хотелось бы на страницах вашего журнала увидеть статью о советско-американском сотрудничестве в районе Персидского коридора».

Выполняя пожелания читателей, мы публикуем статью «Персидский коридор» капитанов 1 ранга А. В. Басова и Г. И. Гутенмахера, принимавших непосредственное участие в мероприятиях по обеспечению безопасности перевозок грузов в СССР через Иран из портов в Персидском заливе.

Как известно, с началом Великой Отечественной войны советские порты на Балтийском море были блокированы, а впоследствии захвачены противником. Подписание Турцией 18 июня 1941 года договора «о дружбе и ненападении» с Германией практически закрывало черноморские проливы Босфор и Дарданеллы для прохода кораблей и судов союзников в Черное море. Морской путь в северные советские порты Мурманск и Архангельск был опасен. Перевозки по нему сопровождались значительными потерями и проводились неритмично. Маршрут через Тихий океан в дальневосточные порты нашей страны был неудобен из-за своей большой протяженности. В этой связи союзники оказались вынуждены изыскивать дополнительные возможности для доставки в Советский Союз необходимых в борьбе против общего врага различных видов оружия, боевой техники, боеприпасов, снаряжения, продовольствия, средств транспорта и других грузов. Такой транспортной артерией был избран путь через Индийский океан к берегам Ирана и далее к советской границе.

1. Обстановка на Среднем Востоке в начале войны

ВЕСНОЙ 1941 года вооруженные силы Германии нацелились на страны Ближнего Востока. Высаженный в Ливии в феврале того же года корпус Роммеля вместе с итальянской армией образовал группу сил для захвата Египта, устремленную далее к Персидскому заливу. Вскоре Гитлер сделал попытку путем внутреннего переворота захватить Ирак. В марте премьер-министром в Багдаде стал Рашид-Али, находившийся в тесной связи с нацистами. 2 мая иракские войска напали на британскую воздушную базу Хаббания (в 50 км от Багдада). Бои продолжались пять дней, затем на помощь арабам пришли немцы. Тем не менее благодаря активным действиям английской авиации иракские войска потерпели поражение, и 27 мая Рашид-Али бежал в Иран. К власти в Ираке пришло проанглийское правительство (См.: Майский И. М. Воспоминания советского посла.— М.: Изд Института международных отношений, 1960.— С. 121).

Со второй половины 30-х годов в Иран, где с 1925 года господствовала буржуазно-помещичья диктатура Реза-шаха Пехлеви, началось проникновение фашистской Германии. Активно действовала немецкая агентурная разведка.

Летом 1941 года в этой стране сложилась весьма напряженная обстановка. Гитлеровское руководство вынашивало планы превратить ее в плацдарм для нападения на СССР. В Иран засылается большое количество фашистских агентов. На его территории ими были созданы склады оружия и боеприпасов. Под видом технических специалистов и туристов в страну прибыли сотни немецких офицеров. Положение шахского правительства стало весьма непрочным. В Тегеране чувствовалась близкая угроза инспирируемого немцами государственного переворота.

После нападения Германии на СССР советское руководство трижды обращало внимание иранского правительства на ту опасность, которую представляла для СССР и самого Ирана деятельность внутри этой страны немецких агентов.

Обстановка требовала выработки единой политической линии союзников в отношении Ирана, Ирака и Афганистана с целью предотвращения проникновения Германии или ее сателлитов в страны Среднего Востока, особенно в Иран, где положение было наиболее угрожающим.

8 июля 1941 года И. В. Сталин в беседе с послом Великобритании в СССР Криппсом поставил вопрос о ситуации на Среднем Востоке в связи с большим скоплением там немцев и их враждебными действиями в Иране и Афганистане, а также о необходимости совместных действий союзников с тем, чтобы «выгнать немцев из Ирана и Афганистана сейчас, так как потом это сделать будет трудно» (Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941 — 1945. — Т. 1. — М.: Политиздат. 1983, — С. 80).

К середине августа ситуация на Среднем Востоке и в самом Иране еще более обострилась, поэтому у союзников уже не было сомнений в необходимости принятия решительных мер по отношению к Ирану. 17 августа правительству Ирана была вручена совместная англо-советская нота. В ней содержалось требование о выезде из этой страны немецких специалистов, причем для большей части из них немедленном. Кроме того, на тех немцев, кто оставался на службе ввиду крайней в них необходимости, должен был быть представлен список. За ними предлагалось установить строгий контроль.

Иранское правительство выразило согласие удовлетворить англо-советские требования, но с таким большим количеством оговорок и условий, что его ответ в целом был признан неприемлемым. Поэтому решено было перейти к военным действиям. Советское правительство направило в Тегеран ноту, в которой указывалось на то, что если правящие круги Ирана не пресекут агрессивной деятельности германских агентов, то правительство СССР «вынуждено будет принять необходимые меры и немедленно осуществить принадлежащее ему в силу ст. 6 договора 1921 г. право — ввести временно, в целях самообороны, на территорию Ирана свои войска».

25 августа 1941 года советские и английские войска вступили на территорию Ирана. Эта акция никоим образом не была направлена против территориальной целостности и государственной независимости Ирана, а имела целью сорвать фашистский план превращения Ирана в плацдарм для военных действий против антигитлеровской коалиции. Последующее заключение англо-советско-иранского договора о союзе (29 января 1942 г.) открыло путь к сотрудничеству Ирана с государствами антигитлеровской коалиции в период второй мировой войны.

Более того, с вводом советских и английских войск в Иран обеспечивались также защита нефтяного района Баку и установление канала для поставок вооружения и военных материалов союзниками в СССР.

Очень длинный, со многими перегрузками, а потому нескорый и неудобный путь через Иран в 1942—1944 гг. сыграл все же значительную роль в доставке нужных СССР грузов и материалов.

2. Превентивные действия Советских Вооруженных Сил на южном направлении. Ввод британских и советских войск в Иран

ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ наших южных рубежей и, в частности, для прикрытия границы с Ираном и Турцией советским командованием в начале войны были приняты необходимые меры как на Закавказском, так и на Туркестанском направлениях. В конце июля 1941 года в Закавказском военном округе были сформированы четыре общевойсковые армии (44, 45, 46, 47-я), из которых две (44-я и 47-я) предназначались непосредственно для прикрытия границы с Ираном, а две (45-я и 46-я) — с Турцией. В Среднеазиатском военном округе в начале войны для этой цели была сформирована 53-я Отдельная Среднеазиатская армия. Предварительные оборонительные меры предпринимали также Войска ПВО и Каспийская военная флотилия.

С началом войны была усилена противовоздушная оборона Закавказья, особенно района Баку. На страже бакинского неба находился 3-й корпус ПВО. А на юге была организована радиолокационная завеса с целью своевременного обнаружения самолетов, летящих со стороны Ирана. На линии Красноводск — Ленкорань постоянно курсировали транспортные суда, на которых были установлены первые отечественные радиолокационные станции «РУС». Как уже отмечалось выше, 25 августа 1941 года войска 44-й армии под командованием генерал-майора А. А. Хадеева и 47-й армии под командованием генерал-майора В. В. Новикова вступили на территорию иранского Азербайджана.

Войска Среднеазиатского военного округа 27 августа перешли советско-иранскую границу на тысячекилометровом протяжении — от Каспийского моря до Зульфагара. Эту операцию выполняла 53-я Отдельная Среднеазиатская армия, которую возглавил командующий округом генерал-лейтенант С. Г. Трофименко. Войска армии вышли из Туркмении на территорию Северо-Восточного Ирана, имея задачу к 1 сентября войти в пункты: Бендер-Гяз, Горган, Шахруд, Себзевар, Мешхед (ЦАМО СССР, ф. 1184, оп. 484154. д. 1, 19).

Каспийская военная флотилия получила задание содействовать войскам Закавказского военного округа. 31 августа в районе иранской Астары был высажен десант в составе 105-го горнострелкового полка и артиллерийского дивизиона 77-й горнострелковой дивизии. В порты Пехлеви, Ноушехр, Бендер-Шах пришли советские канонерские лодки, которые стали нести стационарную службу. Всего было перевезено и высажено свыше 2,5 тыс. десантников, несколько сотен лошадей, более 20 орудий.

Британские войска вступили на территорию Ирана также 25 августа, двигаясь двумя колоннами: первая — из Басры на Абадан и нефтяные промыслы в районе Ахваза; вторая — из Багдада на нефтяные промыслы в районе Занекена и далее на север. Британские военно-морские силы с небольшой десантной группой войск были направлены к расположенному на берегу Персидского залива городу Бендер-Шахпур. Эти действия в целом встретили лишь незначительное сопротивление. 28 августа, когда шах отдал приказ о прекращении огня, Бендер-Шахпур уже был занят, северная колонна достигла своего намеченного рубежа в районе Керманшаха, а южная была всего лишь в нескольких километрах от Ахваза.

29 августа английские передовые части вошли в соприкосновение с советскими войсками в районе Сенендедж, а двумя днями позже другая группировка встретилась с нашими частями в нескольких километрах южнее Казвина.

Иранские войска серьезного сопротивления советским и британским войскам не оказали. Капитуляция иранской армии происходила 29—30 августа по приказу шаха. Сначала сложили оружие войска, действовавшие против англичан. На следующий день то же сделали войска, противостоявшие Красной Армии. Советские войска обосновались в городах гарнизонами, использовав казармы иранской армии. По докладам советского командования, народ Ирана в целом отнесся к вступлению Красной Армии спокойно, а отдельные представители местного населения пытались даже, пользуясь обстановкой, поделить земли помещиков между собой и отобрать у владельцев их предприятия.

С приходом союзных войск в Иран общая обстановка в стране улучшилась. Но шах и его правительство продолжали поощрять подрывные действия фашистской агентуры, проявлявшей особую активность в Тегеране. В связи с этим Советское и Британское правительства вопреки первоначальной договоренности решили ввести войска и в столицу. 17 сентября в Тегеран вступили: британская бригада, 39-я кавалерийская бригада 53-й армии и механизированная группа 47-й армии (Казаков М. И. Над картой былых сражений,— М.: Воениздат, 1971.— С. 73).

Еще до вступления в Тегеран союзных войск Реза-шах Пехлеви отрекся от престола. Преемником стал его сын, наследный принц. 9 сентября Иранское правительство разорвало отношения со странами Оси. Новый шах Ирана заявил о готовности сотрудничать с союзниками. Английские и советские представители заявили шаху, что вступление союзных войск в Тегеран является временной мерой, имеющей целью поставить немецкую колонию в Иране под строгий контроль и организовать охрану и улучшение коммуникаций в стране. После того как это будет выполнено, подчеркнули они, союзные войска из Тегерана будут выведены. (Одновременно началась подготовка к заключению официального договора между Англией, Советским Союзом и Ираном, который был подписан в конце января 1942 года). Когда же обстановка в Иране стабилизировалась, союзные войска были выведены из Тегерана. В октябре они уже заняли установленные для них зоны.

Присутствие союзных войск в Иране, изгнание оттуда немецко-фашистской агентуры, установление контроля над основными коммуникациями в стране существенно изменили военно-политическую обстановку на наших южных рубежах. Была снята угроза важнейшему нефтяному району — Баку, который давал около трех четвертей всей нефти, добываемой в СССР. Кроме того, военное присутствие союзников оказывало сдерживающее влияние на Турцию. А советское командование получило возможность снять часть сил с южных рубежей и использовать их на советско-германском фронте.

Осенью 1941 года, когда возникла опасность прорыва войск противника на Кавказ через Ростов и Керченский пролив, туда были выдвинуты 44-я и 47-я армии. В состав Южного фронта были направлены три стрелковые дивизии, две танковые бригады, несколько артиллерийских полков, две авиационные дивизии, большое число специальных частей и подразделений. 17-я и 24-я кавалерийские дивизии убыли на Западный фронт. 388-я стрелковая дивизии была перевезена в Севастополь. Еще в действующую армию направили семь дивизий, 327 маршевых рот, 756 танковых экипажей. В 1942 году войска 46-й армии были сняты с советско-турецкой границы и выдвинуты на перевалы Главного Кавказского хребта, где в августе—октябре они провели оборонительную операцию, не пропустив противника в Закавказье.

Из состава 53-й Отдельной Среднеазиатской армии из Ирана на советско-германский фронт убыли 18, 44 и 20-я кавдивизии, а затем 83-я горнострелковая Туркестанская дивизия и 4-й кавкорпус.

Остальные советские войска находились в Иране в течение всей войны, обеспечивая безопасность наших южных рубежей, а также функционирование и охрану транзитных коммуникаций в Иране, сыгравших важную роль в ходе войны.

3. Транспортировка грузов через Персидский коридор

ПРОПУСКНАЯ способность портов Персидского залива оценивалась всего в 97 тыс. т в месяц, что сдерживало поставки, которые первоначально туда должны были поступать ежемесячно на 15 судах, а затем на 20—30 судах. От портов Персидского залива к Тегерану и далее к порту Бендер-Шах на Каспийском море одноколейная железная дорога могла перевозить ежемесячно 39 тыс. т грузов. Пропускная способность шоссейных дорог оценивалась в 23 тыс. т.

Одному из авторов в те годы приходилось бывать в Иране и Ираке и наблюдать, сколь много труда было вложено, чтобы увеличить пропускную способность Персидского коридора. В конце 1942 года по этому пути перевозили ежемесячно 40 тыс. т грузов, а в декабре 1943 года уже 248 тыс. т, то есть в шесть раз больше.

Безопасен ли был морской путь в Персидский залив? В первый период второй мировой войны Индийский океан являлся наиболее удаленным от воюющих сторон и наиболее спокойным для судоходства. Тем не менее уже в 1940 году там появились немецкие надводные корабли, а затем и подводные лодки. Потери судов союзников становились все чувствительнее. Британское адмиралтейство вынуждено было ввести систему конвоев, увеличить в океане число крейсеров для перехвата рейдеров. После принятия этих мер обстановка в Индийском океане несколько стабилизировалась.

Грузопотоки из Великобритании в Восточную Африку, Персидский залив, Индию и обратно в течение всей войны составляли в среднем 6—12 проц., но и они требовали больших усилий ВМС союзников, учитывая их отдаленность от метрополии и военно-морских баз. За время войны потери тоннажа союзных и нейтральных стран от боевых действий противника в Индийском океане составили 385 транспортных судов (то есть 7,5 проц. общих потерь) (Блокада и контрблокада,— М.: Наука, 1967,— С. 689).

Вступление в войну Японии и успехи ее флота на Тихом океане создали серьезную угрозу судоходству и в Индийском океане. Тихоходные корабли Британского Восточного флота перешли в порты Восточной Африки для защиты коммуникаций, а быстроходные сосредоточились в восточной части океана с целью борьбы с японским флотом. В мае 1942 года англичане высадили десант в гавани Диего-Суарес на острове Мадагаскар, что имело важное значение в борьбе с подводными лодками и надводными рейдерами.

И все же суда, следовавшие близ мыса Доброй Надежды, оказались слабоохраняемыми. Немецкие и японские подводные лодки летом 1942 года потопили в этом районе 24 транспортных судна, что повлияло на перевозки оружия и других грузов на Ближний Восток, в Персидский залив и Индию.

Английский историк С. Роскилл пишет, что, хотя подводные лодки действовали в этом весьма отдаленном от баз районе в течение короткого промежутка времени, они добились немалого успеха, потопили судов больше, чем действовавшие здесь до них рейдеры, затратив при этом меньше усилий (Роскилл С. Флот и война.— Т. 2.— М.: Воениздат, 1970.— С. 251).

Британское адмиралтейство направило в Кейптаун 12 противолодочных кораблей, 6 эсминцев, 4 корвета и 209-ю эскадрилью гидросамолетов. Позднее туда же прибыли 18 противолодочных траулеров США. Очередная группа подводных лодок, встретив в районе мыса Доброй Надежды многочисленные противолодочные силы и понеся потери, покинула район и стала действовать вдоль восточного побережья Африки.

Потери транспортных судов союзных и нейтральных стран в Индийском океане в переломный период борьбы на океанах и морях составили: в 1942 году — 205 судов (724 485 т), в 1943 году — 82 судна общим тоннажем 486 324 т, что соответствует 9 и 15 проц. общих потерь союзных и нейтральных стран на морях и океанах (Блокада и контрблокада.— С. 687 — 688).

В дальнейшем вплоть до окончания войны союзное военно-морское командование продолжало сокращать силы в Индийском океане для усиления своих морских группировок в Средиземном море и Атлантике. В Индийском океане сил хватало лишь для конвоирования транспортных судов, но их не было для борьбы с вражескими подводными лодками. Поэтому число потопленных судов союзников в Индийском океане оставалось значительным и составляло чуть меньше половины судов, уничтоженных до конца войны в Атлантике (102 против 229) (Морисон С. Битва за Атлантику выиграна.— М.: Воениздат, 1959.— С. 322).

Анализ перевозок грузов в Персидский залив показывает, что первое судно с материалами для ведения войны прибыло на Средний Восток в конце ноября 1941 года. В 1942 году ежемесячно через Южную Атлантику и Индийский океан в Персидский залив приходило в среднем 10—12 судов, в 1943—1944 гг. — 20 судов, а до мая 1945 года — 2—3 судна. Всего из Западного полушария курсом в Персидский залив вышло 646 транспортных судов, на борту которых было 4,16 млн. т грузов. Незначительная часть из них — 26 судов (4 проц.) — была потоплена, при этом погибло 480 000 т грузов. Ушли на дно также и три советских судна из состава союзных конвоев.

За время войны по Персидскому коридору в СССР было направлено 23,8 проц. всех грузов, адресованных СССР. Из общего числа в порты Дальнего Востока — 47,1 проц., в Архангельск — 22,7 проц. и непосредственно в порты Арктики — 2,5 проц. В 1945 году открылось движение через Черноморские проливы в Одессу и другие южные порты, куда были доставлены 680 723 т грузов (3,9 проц.).

Доля поставок через Персидский коридор в 1943 году была наибольшая — 33,5 проц., в 1944 году — 1,79 млн. т (28,8 проц.).

Необходимо указать, что часть материалов, разгруженных в портах Ирана и Ирака, направлялась для удовлетворения нужд войск и миссий союзников. Иногда они равнялись 10 проц. всех поставок. Между тем на 105 транспортах грузы для СССР составили лишь незначительную долю.

Что же разгружалось с транспортных судов в портах Персидского залива? Согласно американским публикациям, союзники направили в порты Персидского залива 39 645 самолетов, 873 846 автомобилей, 70178 мотоциклов, тракторов и других машин, 144 361 т боеприпасов и взрывчатых веществ, 995 368 т продовольствия, 1248 517 т металла и металлоизделий, 45 068 т нефтепродуктов, 586 588 единиц дорожного оборудования, шин и других грузов.

До осени 1942 года работу портов, железнодорожных и других автомобильных магистралей в Иране и Ираке организовывали англичане. С увеличением объема перевозок коммуникации на территории Ирана становились тормозом всего южного пути. Недовольные этим американцы в октябре 1942 года взяли в свои руки контроль за работой портов, аэродромов, железных и шоссейных дорог. Состав войск армии США в Иране в 1944 году возрос до 30 тыс. человек. Однако англичане по-прежнему несли ответственность за южные районы Ирана (до Тегерана), а контроль за северной частью Ирана осуществлял Советский Союз.

К концу 1943 года в армии США в Персидском коридоре имелось свыше 41 тыс. гражданских служащих, в том числе 40 682 человека из местных жителей и 380 поляков. Из них 944 человека работало на сборке самолетов, 5448 — автомо-

билей, 1771 — на строительстве шоссейных дорог, 8039 — на других строительных объектах, 3309 — обслуживали склады, 1293 — осуществляли артиллерийское снабжение, 8722 — были заняты в автомобильной службе, 6463 — являлись рабочими портов, 549 — рабочими железных дорог, 419 — трудились в госпиталях, 4092 — занимались обеспечением снабжения.

Расходы союзников на строительство стационарных сооружений в Иране и Ираке в 1943—1945 гг. составили 98,2 млн. долларов (США — 61,8 млн. долларов, Великобритания — 36,4 млн. долларов), в том числе: на строительство шоссейных дорог — 54,1 млн. долларов, на строительство портов — 14,8 млн. долларов, на службу связи — 5,9 млн. долларов, автотранспортную службу — 4,6 млн. долларов, эксплуатацию железных дорог — 2,2 млн. долларов и др. (United States Army in World War II. The Middle East Theatre. The Persian Corridor and Aid to Russia. Vail Motter T. H. — Washington D. C, 1952).

Все это создавало условия для резкого увеличения потока грузов из портов Персидского залива в СССР. Путь по Персидскому коридору стал одной из важнейших коммуникаций второй мировой войны.

4. Организация перевозок Советским транспортным управлением (СТУ) через Иран в Советский Союз

ТРАНЗИТ вооружений, боевой техники и военных материалов через Иран и Ирак в Советский Союз, организация доставки самолетов, боеприпасов, порохов, автомобилей, продовольствия и прочего, по определению А. И. Микояна, были крупномасштабной инженерно-технической и перевозочной операцией с использованием железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта (См.: Зорин Л. И. Особое задание.— М.: Политиздат, 1987.— С, 175).

Всесоюзное объединение Ирансовтранс, существовавшее на территории Ирана с 1935 года, стало основным предприятием для организации всех транспортных операций. К 1943 году эта организация структурно изменилась ввиду образования новых отделов, служб, периферийных контор и агентств и получила наименование Советского транспортного управления (СТУ). В ее составе насчитывалось 1500 человек, в том числе 775 советских граждан. Многие службы возглавлялись офицерами Тыла Красной Армии, которые являлись специалистами по эксплуатации самолетов и автомобилей, железных и шоссейных дорог, снабжения и хранения боеприпасов, горюче-смазочных материалов и др.

Деятельностью СТУ в Иране руководил Тыл Красной Армии. Начальник Тыла А. В. Хрулев направлял работу этой магистрали через ВОСО, автодорожную и другие службы тыла. На территории СССР в перевозку грузов включились тылы Закавказского, Северокавказского и Туркестанского военных округов, Каспийская военная флотилия, Каспийское пароходство, порты Баку, Красноводска, Махачкалы, Закавказская и Ашхабадская железные дороги, многие автомагистрали.

СТУ занималось перевозками по территории Ирана. С согласия правительства Ирана оно проводило реконструкцию северных участков Трансиранской железной дороги и шоссейных дорог, занималось их эксплуатацией и ремонтом с целью обеспечения максимальной пропускной способности. СТУ в Иране несло на себе основную нагрузку по транспортировке грузов. Очень сложной была реконструкция железнодорожных и автомобильных магистралей.

Союзники наряду с реконструкцией портов построили на берегах Персидского залива крупные сборочные авиационные и автомобильные заводы, организовали полевые склады для комплектования грузов. Они реконструировали необходимые им шоссейные и железные дороги, построили аэродромы.

На четырех американских и двух английских автосборочных заводах и нескольких автосборочных станциях за неполные три года было собрано 191 075 автомобилей, в том числе 184 112 — для Советского Союза. Ежемесячно собиралось и отправлялось в СССР не менее трех тысяч автомобилей, которые организовывались в автоколонны по 40 — 50 машин и под вооруженной охраной перегонялись в нашу страну. Каждый шофер совершал не более одного рейса в месяц. Но количество собираемых машин в некоторые месяцы доходило до 10 тыс. Где взять или как подготовить такое большое количество шоферов? Было решено нанимать шоферов из местного населения, а также набирать желающих и обучать их вождению автомобилей. Организовали и краткосрочные курсы шоферов для иранских граждан.

Многие тысячи груженых «студебеккеров», «фордов», «шевроле» шли на север своим ходом. Командовали колоннами советские офицеры и сержанты. Шоферы — в большинстве иранцы и арабы, зачастую наспех обученные вождению машин. Охрану трассы южнее Тегерана несли в основном индийские воинские подразделения.

Специалист автодорожных войск П. Демченко вспоминает: «На всю жизнь запомнились мне те 2500 километров по узким горным дорогам, через крутые перевалы с бесчисленными слепыми поворотами, через раскаленную пустыню, окутанную густой пылью, которую не в состоянии пробить никакой свет фар. И все в темпе: быстрей, быстрей — фронт не ждет, там еще тяжелее. Едва сдали в Джульфе машины и груз, сразу же в обратный путь...

Были аварии, диверсии, бандитские налеты. Много наших могил осталось на том пути. Гибли также иранцы и арабы, помогавшие нам. Не обходилось без жертв и у западных союзников» (Правда.— 1988.— 1 декабря).

Много хлопот было с перегонкой самолетов. Часть самолетов направлялась в СССР в разобранном виде. Затем они собирались на советских авиационных заводах. Общим стремлением было как можно больше самолетов, и в первую очередь бомбардировщиков, гидросамолетов и транспортных машин, собирать на заводах, построенных союзниками в Иране и Ираке, и перегонять по воздуху на советские аэродромы.

Сборка самолетов поначалу велась в Маргиле и Шуайбе на территории Ирака, потом после создания авиабазы в Абадане — в Иране.

Специалистами Советских Военно-Воздушных Сил была тщательно разработана и определена трасса перегона самолетов вплоть до Кировабада с промежуточной базой в Тегеране, где летчики могли отдохнуть, а самолеты подвергались профилактическому осмотру и заправке. На сложной и незнакомой трассе, в частности в Султанабаде, Тегеране, Пехлеви и некоторых других пунктах, были установлены радиомаяки.

Для перегона самолетов был сформирован 6-й перегоночно-истребительный авиационный полк под командованием подполковника Пищенкова, а позднее еще один — 71-й полк под командованием подполковника Герасимова. Оба полка были укомплектованы опытными летчиками, имевшими за плечами фронтовой опыт.

В целях ускорения сборки и перегона самолетов в короткий срок была создана специальная авиационная база в Маргиле и промежуточная — в Тегеране. В Азербайджанской ССР были также подготовлены аэродромы для приема прилетавших боевых самолетов, их технического обслуживания, подготовки летчиков к боевому использованию американских и английских истребителей и бомбардировщиков. Сборка бомбардировщиков «Бостон» в Маргиле сначала осуществлялась силами английских военных специалистов. Работа начиналась в 3—4 часа утра и заканчивалась в 11 часов дня. В другое время работать было физически невозможно — машины так накалялись, что рабочие получали тепловые удары и ожоги. Такой распорядок дня установили для всех, в том числе и для советских специалистов. За два месяца до 1 мая 1942 года собрали 92 бомбардировщика вместо 100 по плану (См: Зорин Л. И. Указ. соч.— С. 121). Чтобы увеличить число собираемых машин, пришлось создать более мощную авиабазу. Подходящим местом оказался военный аэродром в Шуайбе, примерно в 20 милях от порта Басра в глубь Аравийской пустыни. Рядом с аэродромом в короткий срок возник советский военный лагерь, который пополнялся специалистами, авиационными техниками, мастерами, сборщиками, прибывавшими из Советского Союза.

До 1 апреля 1943 года советские представители приняли от американской администрации базы 1025 самолетов. С 1 июля 1943 года по 30 июня 1944-го удалось собрать и отправить в Советский Союз еще около 2900 самолетов (Там же.— С. 131).

Межгосударственное сотрудничество требует терпеливого согласования, уважения национального опыта, культуры, преодоления языкового барьера, а это — дополнительное время.

Тегеранская конференция способствовала улучшению взаимоотношений между союзниками в целом и военных поставок в частности. Но в основе коренного поворота в отношении союзников к СССР и его армии лежит все же не конференция, а изменение соотношения сил на советско-германском фронте. Если в 1941 — 1942 гг. союзники еще выясняли, как долго может продержаться Красная Армия и не попадут ли поставляемые товары в руки Германии, то после Курской битвы стало очевидно, что время неустойчивого равновесия сил миновало, преимущество прочно перешло к Красной Армии. Фактическое лидерство в антифашистской коалиции также перешло к СССР.

В выборе места встречи «большой тройки» много субъективного. И все же Тегеран — место не случайное и во многом символичное. Там должен был закончиться очередной этап агрессии вооруженных сил фашистской Германии на пути к завоеванию мирового господства. Там руководители антифашистской коалиции наметили совместные действия, обговорили в общих чертах послевоенное устройство мира. В то же время конференция способствовала улучшению функционирования южного маршрута на всех этапах пути из Америки в СССР.

10 февраля 1944 года Гарриман посетил наркома внешней торговли СССР А. И. Микояна, который выразил удовлетворение успешным поступлением грузов, идущих по южному маршруту через Персидский залив. После согласования между правительствами 15 апреля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа американских офицеров была награждена за организацию поставок продовольствия и материалов, большую помощь Красной Армии в борьбе с фашистскими захватчиками. Генерал Коннолли, ведавший всей этой работой, был удостоен ордена Суворова II степени.

Взаимопонимание, доверие и уважение лежали в основе совместной дружной работы военнослужащих и гражданских специалистов трех стран-союзниц по антигитлеровской коалиции.

После открытия союзниками второго фронта во Франции поставки в Советский Союз южным маршрутом пошли на убыль. В августе 1944 года в Басру пришло всего шесть транспортных судов, а в сентябре — лишь одно. Отправив груз с последнего судна, советская миссия Ирансовтранса 24 октября 1944 года покинула Басру. В то же время был закрыт английский сборочный автомобильный завод в Рафадайе. В середине октября перестал работать авиационный сборочный центр в Шуайбе. Советские специалисты выехали и из этого лагеря. Затем были ликвидированы агентства Ирансовтранса в Тануме и Ханнекене.

В ноябре 1944 года были собраны последние автомашины на самом большом сборочном заводе в Андимешке. Завод демонтировали, и советские специалисты уехали на север,

Второй после Хорремшехра порт Персидского залива Бендер-Шахпур в декабре 1944 года принял два последних судна с грузами для Советского Союза. Агентство Ирансовтранс было ликвидировано.

В помещенной выше таблице приведены данные о количестве грузов, перевезенных в СССР по Персидскому коридору.

Специальными автомашинами армии США перевезено 434 тыс. т, английскими — 36 тыс. т, иранскими — 221 тыс. т, советскими — 1615 тыс. т грузов.

В Андимешке, Хорремшехре, Бушире и Шуайбе (Ирак) была организована сборка и загрузка всех импортных автомобилей попутными военными товарами. Здесь формировались автоколонны, водители обеспечивались всем необходимым для долгого и трудного пути.

Американцы и англичане собирали поступающие частями боевые самолеты в Абадане, Маргиле и Шуайбе. В Ахвазе была организована приемка военных грузов, прибывавших на баржах по реке.

В работе крупного центрального профилактического пункта в Тегеране было велико участие американского военно-технического персонала. Здесь велись профилактика и ремонт импортных автомобилей, перегоняемых из Хорремшехра, Шуайбы, Андимешка и Бушира, учитывались и проверялись грузы, готовились водители из местного населения. Там же подвергались тщательной профилактике прибывшие самолеты, прежде чем следовать дальше до Кировабада.

В Тебризе, на советском пункте, осуществлялись профилактика, а иногда и ремонт после перегона из Тегерана импортных автомобилей, следовавших в иранскую Джульфу. Оттуда автомобили перегонялись через границу в советскую Джульфу специальным советским автобатом.

Приемка военных грузов была организована в порту Пехлеви на юге Каспийского моря, сюда поступали и боеприпасы, прибывшие из Казвина на автомашинах, велись их складирование и погрузка на суда Каспийского пароходства. После этого их ожидала отправка в советские порты.

Порт Ноушехр принимал грузы, горюче-смазочные материалы, стооктановый бензин в бочках и порох различных видов в герметических контейнерах, поступавших из портов Персидского залива по железной дороге (до станции Шахи).

На территории Ирана в приграничном пункте Баджигиране шла перевалка грузов, прибывавших из иранских городов Семнана и Мешхеда, в направлении на Ашхабад.

Установление коммуникаций между США, Англией и Советским Союзом через Персидский залив и Иран сыграло важную роль в беспрерывной доставке а СССР материалов и вооружения. Особенно это относится к переломному периоду в борьбе на морских коммуникациях и в целом в океанах — в 1942—1943 гг. В 1942 году этим путем было направлено 26,3 проц. всех грузов, а в 1943-м — 33,5 проц Всего за войну почти четверть всех грузов (23,8 проц.) поступило в Советский Союз этим южным маршрутом.

Группа советских войск в Иране несла охрану коммуникаций, которые вели из Южного Ирана к пунктам на советско-иранской границе и портам Каспийского моря. Уже после войны, 4 апреля 1946 года, между СССР и Ираном было достигнуто соглашение о выводе из Ирана оставшегося контингента советских войск. Вывод начался 24 марта 1946 года и закончился 9 мая того же года.

Англо-американское командование, зная о тяжелом положении в 1942 году на южном крыле советско-германского фронта, пыталось получить согласие Сталина на ввод английских войск и авиации в Закавказье. Но как известно, Советский Союз справился с ситуацией своими силами. Ставка перебросила в Закавказье из Средней Азии и других мест резервные формирования. Советско-турецкую границу прикрывала 45-я армия, а со стороны ирано-турецкой границы в готовности находился 15-й кавалерийский корпус, усиленный стрелковой дивизией и танковой бригадой. Для отражения угрозы в зоне Персидского залива, Ирана и Ирака союзники создали Средневосточное командование. Вокруг Персидского коридора, таким образом, образовались группировки вооруженных сил сторон, которые были готовы при определенных условиях вступить в вооруженную борьбу с гитлеровцами.

Капитан 1 ранга А. В. БАСОВ, доктор исторических наук: капитан 1 ранга Г. И. ГУТЕНМАХЕР

Авиационный ленд-лиз

Уважаемая редакция, — пишет наш постоянный читатель И. Н. Кулъбака из Владивостока, — с интересом прочитал публикацию в № 6 «ВИЖа» за 1990 год о ленд-лизе. Я давно занимаюсь изучением вопросов, связанных с советской авиацией в годы минувшей войны. Как мне представляется, поставки авиационной техники по ленд-лизу явились весьма весомым вкладом в дело достижения победы над фашистской Германией. Но в советской исторической литературе по данному вопросу существует большое разночтение. В этой связи хочу обратиться к вам с просьбой подробнее рассказать об авиационном ленд-лизе, типах поставленных нам самолетов, дать их тактико-технические характеристики в сравнении с советскими и немецкими боевыми машинами».

Ответить на поставленные вопросы мы попросили участника Великой Отечественной войны генерал-майора авиации Игоря Петровича Лебедева, который после Сталинградской битвы был послан для работы в Правительственную закупочную комиссию СССР в США и на авиазаводе в г. Оклахома Сити принимал бомбардировщики А-20 «Бостон». Беседу с ним провел редактор «Военно-исторического журнала» капитан 2 ранга В. Ф. Патрушев.

Игорь Петрович, не секрет, что долгое время вопрос о поставках по ленд-лизу оставался в тени, истинные данные о размерах этой помощи со стороны нашего союзника в войне умышленно искажались. Каковы, по вашему мнению, показатели поставок авиационной техники из США?

Действительно, после Великой Отечественной войны создавалось мнение, что поставки самолетов были незначительными, боевые характеристики машин слабые и вообще, мол, ленд-лиз играл незначительную роль в обеспечении Советских ВВС боевой техникой. На самом же деле поставки по ленд-лизу составляли от выпуска отечественной промышленности по фронтовым бомбардировщикам 20 проц., а по фронтовым истребителям—16—23 проц. В СССР поставлялись фронтовые бомбардировщики А-20 «Бостон» и В-25 «Митчел», фронтовые истребители Р-40 «Томагаук» и «Китихаук», Р-39 «Аэрокобра», Р-63 «Кингкобра», Р-47, «Тандерболт», «Харрикейн» и «Спитфайер», летающие лодки «Каталина» и военно-транспортные самолеты С-47 и С-46. В табл. 1 дан объем поставок в период с 1941 по 1945 год. Видно, что 76 проц. общего количества самолетов, направленных в нашу страну, составляли истребители. Основная масса авиатехники поступала с 1943 по 1944 год, т. е. после перелома в войне, когда советская военная промышленность уже наладила выпуск современных отечественных самолетов.

Каким образом американские самолеты доставлялись на территорию Советского Союза?

Перегонка самолетов осуществлялась вначале через Иран (г. Абадан), куда они поступали в разобранном виде на судах, которые обходили Африку, а с открытием так называемой «Северной трассы» — через Аляску (г. Фербенкс).

Кроме того, перевозка морем шла через Мурманск, Архангельск и Владивосток.

В № 9 нашего журнала за 1990 год редакция уже рассказала читателям о «героях люфтваффе». Сегодня хотелось бы поговорить о качественном состоянии самолетного парка советской авиации в сравнении с аналогичными парками боевых машин США и Германии. Каково ваше мнение по данному вопросу?

Война застала нашу авиацию в тот момент, когда перевооружение на самолеты, соответствующие по боевым качествам немецким машинам, еще только начиналось. Поэтому советская авиационная техника на первом этапе войны по своим показателям значительно уступала немецкой и американской. Уже в ходе боев, когда наша промышленность освоила выпуск боевых машин нового поколения, советские самолеты не только не уступали, а зачастую и превосходили по характеристикам аналогичные зарубежные образцы. Сравнительные тактико-технические данные авиационной техники приведены в табл. 2. Судя по показателям таблицы, фронтовые боевые самолеты, поступавшие по ленд-лизу, по своим тактико-техническим характеристикам в основном соответствовали требованиям времени и не уступали аналогичным образцам самолетов люфтваффе, фронтовые бомбардировщики США имели преимущества в бомбовой нагрузке и дальности полета, но несколько уступали немецким машинам в скорости. Американские фронтовые истребители имели большую дальность полета, соответственно больший, чем у немецких истребителей, запас горючего и, естественно, больший взлетный вес, в связи с этим они были тяжелее последних и уступали им в маневренности.

Удельный вес иностранных самолетов в боевом составе советской фронтовой авиации, действовавшей на всех фронтах, колебался от 1,4 проц. (25 истребителей в конце 1941 г.) до 11,2 проц. (в начале 1945 г. насчитывалось 1566 боевых самолетов иностранного производства, из которых 560 — бомбардировщики, а 1006 — истребители).

Завершая разговор, хочется сказать, что авиационный ленд-лиз сыграл существенную роль в боевых действиях нашей авиации на фронтах Великой Отечественной войны, не говоря о той моральной поддержке, которую ощущали советские воины видя, что и американцы участвуют в нашей борьбе против фашизма.

ВИЖ №2 1991
Окончание См.: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 10, 12, — 1990. — № 2.
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Мои воспоминания - *А. А. БРУСИЛОВ*

ЗАТЕМ ПРИЛАГАЮ написанное мною ответное письмо, которое я предполагал послать за границу через Тундутова и эмиссаров, назначенных правительством и мною. Троцкому этот проект ответа я пока не послал.

«Дорогие друзья! Мне, Вашему старому главнокомандующему, Ваше поручение передано. Тяжко Вам жить на чужбине, вдали от семей и родных. Я об этом давно догадывался. Но чем же я Вам могу помочь? Только могу просить и выхлопотать разрешение спокойно и безопасно вернуться на Родину, и верьте, что если я не был бы уверен и не заручился бы обещанием Советского правительства, что ни один волос с головы Вашей не упадет, то я Вам этого письма не послал бы. Но надо помнить твердо, отдать себе вполне отчет о положении Вашем относительно нашей многострадальной России. Я не хочу никого и ни в чем обвинять, но Вы же знаете, что я не согласен с Вашими нынешними вождями. Они издали не могут судить о современном положении России и во многом ошибаются. Я не бросил Родины, остался в России. Когда мать больна, ее не бросают. Мы все переживаем тяжелую болезнь вместе с Родиной — матерью нашей. Мы все были сбиты с толку массой тяжелых недоразумений между всеми нами. Трагическое положение русских людей за границей и здесь воистину ужасно. Одно я знаю верно: мы, люди, живем десятки лет, а жизнь страны считается веками. И не в первый раз Россия переживает большие потрясения, я глубоко верю, что ее ждет великое будущее. Я не участвовал в гражданской войне и в пролитии братской крови не повинен, я не боюсь ни клевет, ни кривотолков ни со стороны белых, ни со стороны красных, но я должен Вам сказать, что к старому возврата нет. За эти годы, что Вы пробыли на чужбине, в России многое изменилось, и надо с этим считаться. Вы не узнаете своих детей, они выросли из своих рубашонок, но вместе с тем у них открылись глаза, и они многое видят и понимают, о чем прежде и понятия не имели. Так вот и знайте, что в старом было столько дурного, что народ наш, значит, Ваши же братья, бросились к новому правительству и поддержали его. Я наблюдал это вблизи. Разве Вы не понимаете, что иначе ничего нельзя было бы сделать, если бы не было этой могучей народной поддержки. Идите же к братьям и семьям Вашим, возвращайтесь на родную землю и старайтесь понять, в чем тут дело и какой выход можно найти, чтобы прекратить междоусобицу и преступное пролитие братской крови. Жизнь сама научит Вас и вольет в берега разбушевавшуюся стихию, но для этого надо помогать друг другу, вникнуть глубоко в причину всего происшедшего и происходящего и верить, что крепкая любовь и вера в Родину все переживут и дадут бодрость духа, необходимую для достижения счастья русской земли. Мир и плодотворная, созидательная работа — вот что нам нужно на многие годы. Возвращайтесь же домой и будьте верными сынами своего Отечества. Все знающие меня знают, что я никогда не был коммунистом и никогда им не буду, но я подчинился стихийной воле народов, населяющих землю русскую, и полагаю, что не ошибся. Россия, которой угрожал при Временном правительстве и при вторжении чужеземцев полный распад, теперь через пять лет существует! Россия, которую я люблю превыше жизни!.. Границы наши, несмотря на отделение некоторых окраин, все же громадны. И ныне Россию защищает Красная Армия. Идите, становитесь в ее ряды, если хотите, и делайте то же самое или же возвращайтесь к мирным сельским работам, к семейной трудовой жизни. Я старик, мне ничего не надо лично для себя, но я люблю свою Родину и хочу для нее в будущем великого блага. Мои кости истлеют, а земля русская будет процветать. Не наше с Вами дело учить Провидение, ведущее все народы. Во многих бедствиях не оно, а мы сами виноваты и должны перенести данные нам испытания. Наши дети, внуки и правнуки только поймут, для чего все это нужно было нам пережить. Вот все, что считал долгом Вам сказать. И да поможет Вам Господь вернуться благополучно домой. Я же беру на себя трудную миссию выговорить Вам это право без малейшего риска для жизни Вашей. Говорю, трудную, т. к. для нашего правительства доныне Вы были врагами. Я же, седой и больной Ваш бывший главнокомандующий, люблю всех русских людей, все народы, населяющие Россию, одинаково, считаю Вас жертвами великих недоразумений и потрясений и приложу все усилия, чтобы всех Вас примирить, прекратить междоусобное пролитие крови и дожить до мира и благоденствия в страждущей стране нашей» [1].

Перечитав теперь этот проект письма, я теперь только вижу, насколько еще в 1922 году я был слеп относительно нашего правительства. Ну, да что уж об этом говорить!..

Через несколько дней ко мне приехал посланный от Троцкого — очень элегантный, молодой, бывший офицер по виду. Он мне сказал, что Лев Давыдович поручил ему передать, что благодарит меня, но что это теперь несвоевременно. Тундутова же ни под каким видом принять на службу нельзя.

Тундутов еще раз или два заходил ко мне. Я ему сказал, что ничего не выходит. Он как-то привел свою жену, очень хорошую, не то немочку, не то англичаночку. Через некоторое время она прибежала одна и рассказала, что их обоих арестовали, но ее скоро выпустили, а он сидит в тюрьме. Я наводил справки, расспрашивал, в чем дело, но никто в штабе мне ничего толкового не сказал. Спустя еще некоторое время я слышал, что Тундутов с женой выслан за границу, а другие говорили, что выслана только одна она, а он будто бы расстрелян, т. к. большевики имели неопровержимые доказательства, что он служил в английских войсках и приехал в Россию как английский шпион. Правда ли все это и в чем тут зарыта собака, до сих пор не знаю. Я с первого свидания с ним советовал ему уезжать скорее, удивлялся, как он решился привезти молоденькую жену в такую революционную страну. Я бы очень хотел знать, жив ли он и правда ли все это, что мне рассказывали.

Весной 1923 года приезжал в Москву А. В. С[вистунов], но не под своей фамилией, а под видом агента какой-то торговой фирмы. Я слышал, что он был на юге, когда еще белые не покидали России, но потом потерял его из виду. Поэтому, когда он приехал, я был рад его видеть, но очень просил скорее уезжать, не шутить с огнем. Он мне отвечал, что столько раз был между жизнью и смертью, что ничего теперь не боится. Он говорил, что приехал по поручению Кирилла Владимировича и разослал много прокламаций или скорее манифестов его.

Помню, что я ему определенно сказал, что Кирилл — это не то, что нам нужно теперь в России, и что если говорить о монархии, то кроме Николая Николаевича я ни за кем бы своею волею, охотно, не пошел. Но если бы случилось такое, по-моему, чудо, что Кириллу удалось бы прогнать наших захватчиков, то, конечно, я бы счел своим долгом быть полезным русскому делу под какой угодно фирмой. С[вистунов] еще раз или два заходил ко мне, и мои близкие все очень волновались за него и просили его уезжать. Он обещал прислать открытку, когда переедет границу, подписавшись «Шура». Но этой открытки мы не получили, и я очень боюсь за него, выбрался ли он живым от наших большевичков. Ничего не знаю.

В 1924 году я очень болел. Мне дали наконец отставку и назначили пенсию. Волокита была ужасная, опубликовали о назначении пенсии в 30 червонцев в марте, а начали выдавать, кажется, в июне или июле. Одновременно дали отставку и назначили такую же пенсию Павлу Павловичу Лебедеву, Это человек, который действительно работал много, будучи несколько лет начальником штаба Красной Армии, и, в сущности, создал все дело и поставил на рельсы весь механизм ее. Это чрезвычайно умный человек, и, собственно говоря, работал он, а главнокомандующий Каменев, как очень недалекий человек, был пешкой в его руках. Насколько оба они были корыстны, как говорили, этого я не знаю. Для того чтобы решиться уволить от дел такого человека, как Лебедев, нужны были серьезные причины. Одновременно с ним был уволен, а затем и арестован его правая рука — Г[еоргий] Н[иколаевич] Х[вощинский][2]. Должен сказать, что это исключительно энергичный и добрый человек, много помогавший «бывшим людям». По поводу их увольнения рассказывали, будто бы за их поручительством был устроен какой-то гродненский гусар, который оказался шпионом белых. Вообще, должен сказать, что так называемая «белогвардейская» пресса за границей много вредила своей болтовней тем, кто оставался в России. Постоянно арестовывались люди по ее намекам, а иногда и прямым указаниям. Одновременно с этими арестами и сокращениями много говорили о каких-то секретах, выданных за границу. Это повторялось периодически, арестовывалось множество людей, иногда без всяких видимых оснований. В один из таких разов похватали целыми группами в Петрограде и в Москве бывших преображенцев, между ними знаю, что свиты его величества генерала Гадона [3], кн. Ш[иринского-Шахматова] и Ш[тера] сослали, а бедный старик Навроцкий[4] так и умер в тюрьме. С Ш[иринским-Шахматовым] мы встречались часто до этого, то в церкви Левшинской, где он был усердным псаломщиком, то с тачкой на улице, перевозившим какие-то тяжести. В последнее время я как-то услышал от кн. Наталии Петровны Оболенской, что ему посылают посылки, что он пишет бодрые и интересные письма, просит денег ему не посылать, т. к. там они не нужны, а блестящие пуговицы, бусы, битые зеркала очень нужны, т. к. идут в обмен на рыбий жир и съестные продукты с местными жителями, чуть ли не дикарями.

В то же время, как расформировали инспекцию кавалерии, расформировали также несколько военных учреждений и школ. Сократили, «вычистили» множество народу, все бывших офицеров и генералов. Всюду их заменяли неучами «краскомами» (красный командир, краском — это кавалер, который грамоте выучился, превзошел все военные, элементарные науки в три года. Правда, которые в наше время давались после семи лет кадетского корпуса, двух лет военного училища и трех лет академии, краскомы получают в три года!).

В штабе никого из прежних не осталось, а представителей от ГПУ значительно прибавилось.

Во всей Москве стон стоял и царило отчаяние, т. к. не только в военном ведомстве, но и во всех решительно учреждениях выгоняли на мостовую, на полный голод множество людей. Эти сокращения штатов назывались «чисткою», т. к. считалось, что партия очищалась от буржуев и вообще бывших людей. Но так как все новые люди были полные неучи или юркие жидочки, то всюду царил беспорядок и застой в делах. Объяснили всю эту катавасию тем, что у правительства не хватает средств содержать всех служащих и одновременно вести всемирную пропаганду. Русские народные богатства и деньги уплывали по карманам коминтернов, а давать жалование самим русским не хватало средств. Я слышал о случае, когда две старые венгерские коммунистки были присланы в одно из учреждений. Им дали сразу места и большое содержание Они языка русского не знали да еще других служащих заставляли учить их русскому языку даром, в порядке служебной дисциплины. Эти дамы приходили с портфелями, сидели и молчали. Грязные, противные, все время чесались и скреблись. Когда служащие обратили на это внимание, то они объяснили:

— Мы много лет сидели в тюрьме и завшивели!..

И вот русских, знающих, толковых людей, лишали мест, а заменяли их такой дрянью.

И много-много приходилось слышать возмутительных подробностей из современной обывательской жизни.

На улицах интеллигентных русских лиц почти не встречалось. Все евреи, китайцы, японцы, кавказцы, всевозможные заезжие с Востока и Запада коммунисты или аферисты, физиономия Москвы превратилась в какой-то калейдоскоп чуждых нам людей. А москвичи или арестованы, или перебиты, или разъехались, или сосланы... или, запуганные, сидели по домам, вернее, по своим углам и койкам. Если кто хотел их видеть, то нужно было идти в церкви, все они были переполнены молящимися.

С пенсиями тоже происходили странные вещи: то давали их, то переводили пенсионеров на социальное обеспечение, то совсем отнимали и ничего не давали. Черт знает какая путаница, несправедливость, произвол царили всюду. Мне вначале удавалось выхлопатывать многим лицам пенсию, потом их отнимали и, когда я вновь начинал хлопотать, мне обещали, но не исполняли. Несколько раз я писал письма по поводу того или другого лица, мне просто не отвечали. Все это я пишу, чтобы подчеркнуть, насколько мне тяжело и противно было получать эти несчастные триста рублей в месяц, которые мне назначили «за особые заслуги». Это тоже было подчеркнуто, для радио, вероятно!

Курьезная вещь и тут произошла: спустя некоторое время я получил бумагу, в которой мне сообщалось, что я в отставку все же не выпущен и остаюсь при РВС с кличкой «по особо важным поручениям». Никаких поручений мне не дают, никогда я там не бываю и решительно не понимаю, зачем это им понадобилось. Знаю только, что по декретам, сообразно с большой персональной пенсией, жилищное товарищество тянет с меня за мою бывшую гостиную, разделенную аркой (считается две комнаты), со всеми «коммунальными услугами»: электричество, вода, отопление, всякие налоги — до 150 рублей в месяц, значит, мне с семьей остается только 150 рублей, а иногда и меньше. Кто-то даже сострил:

— Собственно, кто же пенсию получает, А. А. Брусилов или жилищное товарищество этого дома?!

Рядом по коридору в комнате живет рабфаковец (студент рабочего факультета), он платит, кажется, 60 копеек за комнату, положим, меньше моей, а в нижнем этаже есть еще пролетарии всех сортов, то по 50 к., по 70 к. платят там, где я десятки рублей плачу. Это, конечно, для пролетариев очень хорошо, и я ничего против этого не могу иметь. Но не надо только кричать, что я получаю громаднейшую пенсию, когда ее наполовину назад отбирают. Все преимущества и выгоды социалистическое безумное и преступное правительство дает для видимости пролетариям и рабочим, тем кружит им головы, а громаднейшую часть всевозможных выгод и преимуществ под шумок загребает себе, живет сладко, развратничает, пьянствует и возмущает даже своих же честных, идейных товарищей и сотрудников. Все сделано, чтобы устроить не рай, а ад на земле. Всех ограбили, всех измучили, всех перессорили в свою личную пользу. Кажется, рабочий начинает соображать, в чем тут дело, крестьяне в ближайших селах тоже.

Знаменитые жилищные товарищества и «управдомы» после того, как повыгоняли всю интеллигенцию, заменили ее всех сортов неучами — сделались очагом раздоров и возмутительного произвола. Умнейший и хитрейший человек их изобрел, т. к. более удачно насадить гражданскую войну для вящего торжества Советской власти в каждом доме мудре-

но. И ведь в каждом жилищном комитете существуют знаменитые «тройки» от ГПУ. Никому, даже ребенку в постель сделать, и то втихомолку нельзя, все известно, о каждом шаге все доносится, каждое слово и движение взвешивать нужно. Противно и тошно жить при сознании, что в Отечестве нашем такая масса подленьких, дрянных людишек! А расфранченные, раздушенные дамы и хлыщи, служащие в ГПУ!.. Да разве ж можно было в прежнее время додуматься до такого ужаса, догадаться, что живем мы среди такой мерзкой публики. Но нужно сказать, что когда ГПУ в последнее время стало насильно массами вербовать своих агентов-осведомителей, то находились и исключения. В зиму 1924—1925 гг. ко мне раз пять или шесть прибегали в ужасе молодые люди, мужья с женами и т. д. Рассказывали они, что им ставят условия жизни или смерти, в лучшем, ссылки, требуя стать агентами ГПУ. Я успокаивал их, насколько мог. И нужно сказать правду, что, очевидно, эта была уловка только, проба! Их оставляли потом в покое, когда они решительно отказывались от этой комбинации. А другие трусили, шли на эту удочку, а потом втягивались в сладкое житье и душили в себе совесть.

Отвлекшись в сторону и перечитывая последние страницы, вижу, что я совсем не коснулся большого события зимы 1924 г. — смерти Ленина. Но дело в том, что лично меня это событие совершенно не коснулось. Ни на каких демонстрациях по поводу этой смерти я не был. Я только сидел дома, на службу не ездил, морозы были большие. По вечерам ко мне, как всегда, стекалась публика, и я слушал все рассказы и впечатления ее. Возмутительных, преступных выходок со стороны большевиков было без конца. Детей замораживали и простужали, держа целыми часами на улицах в шеренгах, в очереди на поклонение «Ильичу». Гнали всех силком, и военных, и гражданских служащих. С риском потери службы и ареста люди шли поклоняться новоявленным мощам. На стенах ночью появлялись всевозможные стихи и пасквили, и остроты. Об этом обо всем большевики не писали в своих газетах, а лгали без конца, преувеличивая раздувая его популярность и значение *. И нужно признать, что сила внушения и гипноза сыграла большую роль. Подряд ежедневно с тех пор по сей день долбят, кричат, вопят на всех углах во всех газетах, журналах и книгах, во всех магазинах, собраниях — портреты, стихи, статьи, речи... Многие люди слушали, слушали и в конце концов поверили. В газетах читают и другим рассказывают: «Все граждане готовы были замерзать по шести часов на улице, только бы поклониться праху великого вождя». И теперь неинтеллигентный люд освоился с этим, привыкли люди к мысли, что Ленин великий человек. Народ заставили поверить, что Ильич — это их защитник и спаситель. Я, по крайней мере, совершенно поражен, почему его считают великим человеком. Идеи его, в сущности, не его, а мировые, давно известные истины, он ловко компилировал и красноречиво выхватывал понемногу от всех мудрецов и философов, живших до него. Идеи, что и говорить, великие, но неприменимые к повседневной, реальной жизни нынешнего человечества. То же, что принадлежало лично ему — «грабь награбленное» или «всякая кухарка может управлять государством» — это или преступление или детская нелепость. Ему везло, он ловко попал, вовремя появился, когда почва была подготовлена, и, кроме того, он был нужен! И императору Вильгельму для разрушения нашей армии, и врагам христианства, и большевикам и коммунистам, и просто аферистам. Он многим в то время был необходим, чтобы заварить кашу, которую Россия еще многие годы не расхлебает...

Анекдотов столько рассказывалось, что, вероятно, со временем целая книга выйдет их. Бывали очень остроумные. Мне запомнился рассказ, как старуху одну просвещали: «Ильич умер, а идеи его живы!» — «Ох, батюшка, то-то и беда, что он-то помер, а иудеи-то его остались живы!» Вот тут-то весь корень зла, и ничего с этим не поделаешь. Это слишком глубокая мысль, и в этом разберется только следующее незараженное поколение.

Врагам Христа Ленин необходим будет еще долго, и сообразно с этим рекламировать они его будут по своему усмотрению, так как антихристианство «Ильича» всем очевидно, если только он не был чьим-то слепым орудием...

И при таком пафосе если б хоть кто-нибудь у нас в точности был коммунистом и исполнял заветы «Ильича».

Ко мне являлись в те дни журналисты и просили и меня сказать что-нибудь о Ленине.

— Да я его не знаю, никогда не видел!

— Ну, все же, хоть словечко! — не отставали они от меня.

Я написал: «Я по своим убеждениям — националист, но относился с уважением к широким идеям покойного. Я никогда его не видел, никогда с ним не говорил, имел дело во время своей службы только с Л. Д. Троцким, С. С. Каменевым и П. П. Лебедевым. Я ценил возможность работать на пользу русского народа, невзирая на то, что не принадлежал к политической партии Ленина, так как во всю мою долгую жизнь я никогда политикой не занимался, это не моя сфера. Я признаю заслугой его и его партии то, что под каким бы то ни было названием Россия не была расчленена и осталась единой, за исключением нескольких западных губерний, которые рано или поздно должны будут с ней вновь соединиться. Совершенно очевидно, что при дряблом Временном правительстве этого никогда не могло бы быть!..» Но этой крохотной заметкой, вероятно, остались недовольны, т. к. она в печать не попала... и тем лучше!

Вот все, что вспомнил об этом времени. «Организовывать не сорганизованных масс» мне не приходилось, и я стоял вне всей этой шумихи. А это выражение, насмешившее меня, принадлежит одному юнцу, которому вместе с другими «товарищами» дали такое невыполнимое поручение во время похорон «Ильича». Юнец, бедняга, замерз, охрип, но ничего у него не вышло и он забрел к нам, где его моя жена отпаивала чаем. А теперь рассказывают, будто на спиритических сеансах Ленин сообщает, что за ним Петр Великий гоняется с дубинкой и что он умоляет вновь переименовать Ленинград в Петроград, что душа есть и загробный мир существует. И грустно, и смешно от всех этих глупостей, вернее трагических нелепостей, которыми тешились москвичи.

Да как не смеяться, вон поэт современный Есенин в пьяном виде, говорят, подал правительству прошение о том, чтобы все сочинения А. С. Пушкина подписывались его именем, основанием чего указывал на переименование Петрограда в Ленинград. Это, конечно, логика одна! Ведь большей нелепости никто никогда с сотворения мира придумать не мог.

* * *

ЗАВЕРШАЯ публикацию воспоминаний генерала А. А. Брусилова (2-й части), хотелось бы рассказать, сколь многотрудным и извилистым был путь этого документа к нашим читателям. Говоря о «белых пятнах» истории, мы не всегда достаточно ясно понимаем, что стоит за этими словами. В случае с воспоминаниями генерала А. А. Брусилова речь идет о целенаправленном сокрытии правды из-за нежелания избавиться от устойчивого мифа о герое первой мировой войны, добровольно пришедшем на службу в Красную Армию и истово ей служившем. О том, как нужен был Советской власти генерал А. А. Брусилов и его имя честного офицера, много говорится в воспоминаниях.

Хотелось бы добавить несколько деталей об уже изложенной истории, связанной с судьбой рукописи генерала А. А. Брусилова.

В ноябре 1945 года в Прагу для приема документов бывшего Русского заграничного исторического архива (РЗИА), подаренного чешским правительством СССР к юбилею АН СССР, выехала группа, состоящая из заместителя начальника ГАУ НКВД СССР генерал-майора И. И. Никитинского (руководитель группы), членов-корреспондентов АН СССР С. К. Богоявленского и И. И. Минца и старшего научного сотрудника Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) С. Б. Сутоцкого.

В донесении на имя наркома внутренних дел Берии в числе перечисляемых комплексов документов, направляемых после разработки в СССР, упоминается «Мемуарная часть архива генерала А. А. Брусилова», переданная в архив его родственницей Е. В. Желиховской. В отчете о работе комиссии, адресованном президенту АН СССР академику С. И. Вавилову, сказано о том, что в числе материалов «совершенно исключительного значения» находятся материалы генерала А. А. Брусилова: «рукопись воспоминаний с его правкой, переписка и т. п.»[5]. Кроме документов от родственницы А. А. Брусилова Е. В. Желиховской, в архив поступил оригинальный портрет генерала, написанный в 1916 году с натуры на фронте художником Киселевым.

Из отчета выясняется, что брусиловские реликвии сестра жены генерала согласилась уступить архиву за семь-восемь тысяч чешских крон.

Эта история имела продолжение. В марте 1946 года начальник ГАУ направил в НКВД письмо, в котором была высказана просьба перечислить в адрес сестры жены генерале А. А. Брусилова Елены Владимировны Желиховской, передавшей в дар АН СССР портрет генерала и ряд других документов и реликвий, 10 000 чешских крон. На документе резолюция заместителя министра МВД СССР генерал-лейтенанта Рясного: «Этого делать не следует» Так разрешился вопрос о денежной компенсации документов, переданных комиссии по приемке документов бывшего РЗИА родственницей А. А. Брусилова. Для сравнения можно отметить, что документы личного фонда Б. В. Савинкова были приобретены РЗИА за 22 000 франков.

В настоящий момент объединенный фонд Алексея Алексеевича и Надежды Владимировны Брусиловых хранится в ЦГАОР СССР. С 1987 года документы фонда, как и другие материалы Русского заграничного исторического архива, быпи рассекречены и стали доступны исследователям. Однако тщетно искать в фонде упоминаемую в донесении ГАУ НКВД СССР рукопись воспоминаний А. А Брусилова. Там имеются военные записки А. А. Брусилова за 1914—1917 гг. (2 экз. машинописного текста), первоначальный вариант начала текста военных записок (машинописные копии с пометками на полях рукописи, сделанные рукой Н. В. Брусиловой, записки А. А. Брусилова о турецкой войне 1877—1878 гг., а также воспоминания Н. В. Брусиловой, как рукописные, так и машинописные экземпляры, и материалы к ним). Отсутствие в составе фонда второй части воспоминаний генерала можно объяснить следующим.

...В октябре 1948 года в адрес министра внутренних дел СССР генерал-полковника С. Н. Круглова была направлена информация от начальника ГАУ МВД СССР генерал-майора В. Д. Стырова о поступившей в ГАУ МВД СССР рукописи воспоминаний генерала Брусилова. На документе имеется помета, что аналогичная информация была направлена 8 октября 1948 года И. В. Сталину. Из информации следует, что в июле 1948 года ГАУ МВД СССР получило одиннадцать папок и дел с историческими материалами и делами, обнаруженными среди трофейных материалов, захваченных советскими войсками на территории Германии. Среди этих документов оказалась рукопись генерала Брусилова «Мои воспоминания (Биографический очерк)». Попытки установить обстоятельства, при которых рукопись попала в распоряжение советских органов, предпринятые ГАУ МВД СССР, не увенчались успехом. Было установлено, что рукопись «Воспоминания А. А. Брусилове», содержащая описание его деятельности в 1917—1925 гг., была написана им совместно с супругой Н. Брусиловой в Карлсбаде (Карловы-Вары) в 1925 году.

Оценка рукописи, сделанная руководством ГАУ МВД СССР, была негативной из-за обнаруженных в ней резких выпадов генерала А. А. Брусилова «против большевистской партии, лично против В. И. Ленина и других деятелей нашей партии, против Советской власти и советского народа». Приговор был недвусмысленным: генерал обвинялся в двурушничестве и контрреволюционной подрывной деятельности, участии в заговорах против Советской власти и т. п. Нетрудно представить судьбу А. А. Брусилова, будь он к этому моменту жив.

В сообщении, направленном в сентябре 1948 года начальником ГАУ МВД СССР министру внутренних дел СССР генерал-полковнику С. Н. Круглову, сделано предположение о том, что рукопись могла быть использована немецкими фашистами а агитационных целях. В качестве аргументе, подкрепляющего подобное обвинение, приложена записка (перевод с немецкого) о заключении референта отделения II Министерства оккупированных восточных областей фон Беттихэра: «Надеюсь, вызвал интерес этими краткими выдержками из «Воспоминаний генерала Брусилова» к этой важной рукописи».

В упомянутом письме ГАУ МВД СССР сообщается о том, что по просьбе Главка научно-исследовательский институт криминалистики ГУМ МВД СССР подтвердил принадлежность «Воспоминаний» генералу А. А. Брусилову.

Результатом этого было предложение, высказанное ГАУ МВД СССР: снять с издания сборник документов А. А. Брусилова, находившийся к этому моменту в издательстве, а также исключить из подготовляемого к печати путеводителя по ЦГВИА СССР характеристику фонда «опального» генерала.

Конец истории, достойный пера Джорджа Оруэлла.

В. М. ШАБАНОВ,
Т. Ф. ПАВЛОВА, заместитель директора ЦГАОР СССР

[1] Проект обращения А А. Брусилова к эмигрантам. См.: ЦГАОР СССР, ф 5972, оп. 3, д. 169. лл. 1—2, Заверенная копия.

[2] Хвощинский Георгий Николаевич (1878— 1928 гг.). Из дворян. Генерал-майор. Окончил Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1914 г. — помощник начальника оперативного отделения штаба Северо-Западного фронта; в 1915 г. — начальник отделения в управлении генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта; в 1916 г. — командир 3-го Сибирского стрелкового полка, в 1917 г. — начальник штаба 1-го армейского корпуса. С февраля 1918 г — в РККА. С мая 1918 г. — начальник управлений окружных штабов военных округов, в 1919—1921 гг. — помощник начальника Полевого штаба РВСР. С февраля 1921 г.— в распоряжении начальника штаба РККА. В апреле 1924 г. демобилизован. В 1928 г. застрелился.

[3] Гадон Владимир Сергеевич (род. в 1860 г.). Из дворян. Генерал-майор. Окончил пажеский корпус. С 1878 г. служил

в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1904—1911 гг. — командир полка. С 1912 г. — в свите Николая II. С мая 1917 г. в отставке.

[4] Навроцкий Сергей Сергеевич (1862— 1923 гг.). Из дворян. Генерал-лейтенант. Окончил Александровское военное училище. С 1882 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку командиром роты, затем батальона. В 1905 г. — штаб-офицер для особых поручений при министре внутренних дел. С 1906 г. — генерал для особых поручений при министре внутренних дел. С апреля 1917 г. в отставке.

* Так, например, читаю в «Известиях» от 7 февраля: «Первой задачей является сооружение постоянной гробницы на том месте, где сейчас покоится тело Владимира Ильича. Трудность задачи поистине необыкновенна. Ведь это будет место, которое по своему значению превзойдет Мекку и Иерусалим.

Сооружение должно быть задумано и выполнено в расчете на столетия, на целую вечность!»

[5] ЦГАОР СССР, ф. 5972.

ВИЖ №2 1991
ФАРС И ТРАГЕДИЯ

«НИ МИРА, НИ ВОЙНЫ» - Из истории мирных переговоров в Брест-Литовске в 1918 г.

БОЛЕЕ 70 лет прошло с того дня, когда был подписан грабительский аннексионистский мирный договор в Брест-Литовске, выведший Советскую Россию из кровавого месива империалистической войны, но общественный интерес к этому событию не ослабевает. Ведь до сих пор в истории этого драматического эпизода отечественной Истории обнаруживаются «белые пятна». Особенно привлекает в связи с этим внимание общественности фигура Л. Д. Троцкого — первого народного комиссара по иностранным делам. В особенности много споров вызывает его позиция, сформулированная в знаменитом тезисе «ни мира, ни войны», которую нарком огласил на пленарном заседании мирной конференции в Брест-Литовске вечером 28 января (10 февраля) 1918 года. В итоге переговоры были сорваны, германские войска перешли в наступление по всему фронту. 3 марта мирный договор все-таки подписали, но уже на более тяжких условиях, чем ранее предлагалось немцами. Такова цена политической позиции народного комиссара по иностранным делам.

Сегодня в литературе имеются различные точки зрения на поступок Троцкого. Одни исследователи осуждают его, другие, наоборот, превозносят. В то же время широкому читателю неизвестны все подробности брест-литовских переговоров, поскольку многие документы были доступны только узкому кругу специалистов. Напомним вкратце цепь событий, предшествовавших этому трагическому финалу.

Выполняя решения II Всероссийского съезда Советов, изложенные в «Декрете о мире», правительство народных комиссаров 8 ноября обратилось к правительствам воюющих стран с предложением немедленно установить перемирие и начать мирные переговоры. Страны Антанты остались глухи к советским предложениям и стали на путь борьбы с мирной политикой Советской России. По-иному повели себя державы Четверного союза. И Германия, и Австро-Венгрия, не говоря уже о Болгарии и Турции, в значительной степени истощенные войной, согласились на переговоры с Советской республикой, рассчитывая улучшить свое военно-политическое и экономическое положение. Уже 2(15) декабря между Россией и Четверным союзом был заключен договор о перемирии, а 9 (22) декабря начались переговоры о мире. В их основу были положены две программы: советская — демократический мир «без аннексий и контрибуций» с одной стороны и захватническая — германского блока. В ходе переговоров перед советской делегацией встала дилемма: либо соглашаться на грабительские условия мира и тем самым получить мирную передышку для укрепления государства рабочих и крестьян, либо пойти на революционную войну с германо-австрийским блоком, заведомо зная, что армии для этого пока нет. 27 января (9 февраля) 1918 года немцы предъявили советской делегации ультиматум: подписать мир на германских условиях. О том, как проходили события на следующий день, рассказывается в нижеследующем отрывке из мемуаров участника брест-литовских мирных переговоров Генерального штаба подполковника Джона Гуговича Фокке, военного консультанта советской делегации.

COUP DE THEATRE ТРОЦКОГО*

* Театральный жест Троцкого

К развязке. — Торжественное заседание и мелочи красной практики. — Подкомиссия закончила работу. — Троцкий в амплуа тореадора. «Ни войны, ни мира». — Сцена из «Ревизора». — Но это обозначает войну. — Поклон спиной. — Отъезд Троцкого. —

Всем! Всем! Всем!

Последнее заседание политической комиссии 28 января (10 февраля) носило торжественный характер.

Немцы были подготовлены к тому, что большевики не подпишут мирного договора. Но, по-видимому, никто из них не отдавал себе отчета, что же все-таки произойдет.

Заседание началось мелочами.

Ф.-Кюльман возражал против приобщения к делам конференции уже известных нам материалов по национальному вопросу: декларации Мицкевича-Капускаса, заявления Побинского и Радека и др.

Генерал Гофман заявил протест против увеличения численности большевистских войск на территории Финляндии, что противоречило заключенному договору о перемирии.

Ф.-Кюльман в довольно настойчивом тоне потребовал объяснений по поводу опубликованного главковерхом Крыленко приказа, с целью распространения его среди германских войск, приказа, в котором русским войскам вменяется в обязанность агитировать среди германских солдат, подстрекая их к убийству германских же генералов и офицеров.

Троцкий заявил, что ему о таком приказе ничего неизвестно. А вот немецкие газеты, издаваемые на русском языке соответствующими учреждениями с целью распространения их среди русских военнопленных и на русском фронте, пытаются ниспровергнуть Советскую власть, распространяя ложные сведения об аресте большевистского верховного главнокомандующего прапорщика Крыленко и относительно того, что большинство городов России восстало против Советов.

Ф.-Кюльман пожимает плечами и предлагает перейти к порядку дня:

— Я предлагаю делегациям союзных держав ввиду серьезности сегодняшнего заседания отказаться от каких бы то ни было полемических приемов и строго ограничиться обсуждением вопросов, дающих нам возможность прийти к определенным практическим результатам.

Затем, возвращаясь к намеченному ранее плану работы, германский ст[атс]-секретарь напоминает, что на предыдущем заседании было решено заслушать отчет подкомиссии, созданной по делу о границе:

«Если г. председатель русской делегации ничего не имеет против, я попросил бы председателя подкомиссии по территориальным вопросам дать отчет о работе подкомиссии».

Доктор Грац докладывает:

— Не придя ни к какому соглашению относительно спорного вопроса о границах, подкомиссия сегодня закончила свою работу.

Ф.-Кюльман говорит тогда, обращаясь к Троцкому:

— Подкомиссия была образована вчера по обоюдному соглашению. Делегированные нами эксперты должны были рассмотреть вопросы прежде всего с их технической стороны. Насколько я понимаю, мы не уполномочивали подкомиссию представить нам свои окончательные заключения по затронутым вопросам. Поэтому я хотел бы спросить г. председателя русской делегации, не сообщит ли он нам свои соображения, которые помогли бы прийти к удовлетворительному

решению вопроса.

Троцкий встает, нервно подергивая свою мефистофельскую бородку. Глаза горят злым и удовлетворительным блеском. Горбатый нос и выступающий вперед острый подбородок сливаются в одно обращенное к противной стороне оскаленное острие.

Троцкий читает звонким металлическим голосом, отчеканивая каждое слово:

«Задачей подкомиссии, как мы ее понимаем, являлось ответить на вопрос, в какой мере предложенная противной стороной граница способна, хотя бы в минимальной степени, обеспечить русскому народу право на самоопределение.

Мы выслушали сообщения наших представителей, вошедших в состав подкомиссии по территориальным вопросам, и мы полагаем, что после продолжительных прений и всестороннего рассмотрения вопроса наступил час решения. Народы ждут с нетерпением результатов мирных переговоров в Брест-Литовске. Народы спрашивают, когда кончится это беспримерное самоистребление человечества, вызванное своекорыстием и властолюбием правящих классов всех стран. Если когда-либо война и велась в целях самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоих лагерей. Если Великобритания завладевает африканскими колониями, Багдадом и Иерусалимом, то это не есть еще оборонительная война. Если Германия оккупирует Сербию, Бельгию, Польшу, Литву и Румынию и захватывает Моонзундские острова, то это также не оборонительная война. Это борьба за раздел мира. Теперь это ясно, яснее, чем когда-либо.

Мы более не желаем принимать участие в этой чисто империалистической войне, где притязания имущих классов оплачиваются явно человеческой кровью. Мы с одинаковой непримиримостью относимся к империализму обоих лагерей, и мы больше не согласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого.

В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и народы наши из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство. Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру.

В то же время мы заявляем, что условия, изложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов. Эти условия отвергаются трудящимися массами всех стран, в том числе и народами Австро-Венгрии и Германии. Народы Польши, Украины, Литвы, Курляндии и Эстляндии считают эти условия насилием над своей волей. Для русского же народа эти условия означают постоянную угрозу. Народные массы всего мира, руководимые политическим сознанием или нравственным инстинктом, отвергают эти условия в ожидании того дня, когда трудящиеся классы всех стран установят свои собственные нормы мирного сожительства и дружеского сотрудничества народов.

Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора.

В связи с этим заявлением я передаю объединенным союзническим делегациям следующее письменное и подписанное заявление:

«Именем Совета Народных Комиссаров правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Л. Троцкий, А. Иоффе, М. Покровский, А. Биценко, В. Карелин».

Троцкий кончил.

Впечатление — взорвавшейся бомбы. Декларация грянула как гром среди ясного неба. Ничего подобного немцы не ждали. Безмолвно сидело все собрание, выслушав эти странные и столь дико звучавшие слова. Изумление было всеобщее. Ф.-Кюльман, пораженный, сумел, однако, быстро овладеть собой и обратился к Троцкому с просьбой дать возможность делегациям Четверного союза обсудить только что выслушанное заявление:

«Анализируя создавшееся положение, я прихожу к выводу, что Германия и Австро-Венгрия и их союзники находятся в настоящий момент в состоянии войны с Россией.

На основании договора о перемирии военные действия, несмотря на продолжающееся состояние войны, пока прекращены. При аннулировании же этого договора военные действия автоматически возобновятся. То обстоятельство, что одна из сторон демобилизует свои армии, ни с фактической, ни с правовой стороны ничего не меняет в данном положении. Самым характерным признаком состояния мира является существование международных сношений государств, а также правовых и торговых сношений. Прошу г. председателя русской делегации высказаться по вопросу о том: во-первых, намерено ли российское правительство заявить о прекращении состояния войны меж обеими сторонами; во-вторых, где именно в точности проходит внешняя граница российского государства? Ответ на эти вопросы является необходимым условием возобновления консульских, экономических и правовых сношений. И наконец, согласно ли правительство народных комиссаров возобновить торговые и правовые сношения в пределах, соответствующих прекращению состояния войны и наступлению состояния мира».

Троцкий подтвердил, что состояние войны со стороны российского правительства объявляется прекращенным и во исполнение этого решения им отдан приказ о полной демобилизации армии на всех внешних фронтах: «Что касается практических затруднений, вытекающих из создавшегося положения, то я не могу предложить никакой юридической формулы для их разрешения. Невозможно подыскать формулу, определяющую взаимоотношения российского правительства и Центральных держав». Ф.-Кюльман просил назначить на завтра пленарное заседание, на котором союзнические делегации могли бы высказать свою точку зрения относительно создавшегося положения.

Троцкий отвечает еще раз:

— Что касается нас, то мы исчерпали все полномочия, какие мы имеем и какие до сих пор могли получить из Петрограда. Мы считаем необходимым вернуться в Петроград, где мы и обсудим совместно с правительством Российской Федеративной Республики все сделанные нам союзническими делегациями сообщения и дадим на них соответствующий ответ.

После этого заявления все члены большевистской делегации встали из-за стола и, не попрощавшись, вышли из зала.

Ф.-Кюльман успел еще спросить Троцкого, каким образом в дальнейшем могла бы снестись немецкая делегация с советской.

Троцкий уже на ходу ответил, что до открытия мирных переговоров сношения велись по радио. Кроме того, в Петрограде в данное время находится делегация Четверного союза, имеющая возможность сноситься со своими правительствами. В настоящее время он, Троцкий, связан здесь, в Бресте, прямым проводом с Петроградом. Одним из этих способов можно сговориться о форме дальнейших сношений.

Взволнованный и потрясенный Ф.-Кюльман закрыл заседание в 6 ч 50 мин, оставив за собою право на свободу действий.

Отъезд русской делегации состоялся той же ночью.

Около часу ночи большая часть участников переговоров, кроме Иоффе и еще нескольких лиц... прибыла на вокзал.

На перроне никого, кроме коменданта штаб-квартиры, симпатичного майора Ф.-Камеке в сопровождении нескольких адъютантов.

С нами, военными экспертами, он был всегда более непринужденным. Мне майор сказал на прощание:

— Ну что же теперь будет? Неужели мы теперь будем с вами опять воевать?

Я в ответ пожал плечами. Экстренный поезд двинулся обратно по тому же пути, которым мы ехали около месяца назад.

Большевики держались уверенно, весело обмениваясь впечатлениями по поводу того, как они подкузьмили империалистов...

По возвращении в Петроград немедленно по распоряжению Троцкого большевистский главковерх прапорщик Крыленко обратился ко «Всем! Всем! Всем!» со знаменитым приказом о демобилизации.

Д. Г. Фокке. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров). Архив русской революции, издаваемый Г В. Гессеном. — Т. 20. — Берлин, 1930. — С. 203 — 207.

Публикацию подготовил В. А. АВДЕЕВ, кандидат исторических наук

ВИЖ №3 1991

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

В. И. ДАШИЧЕВ, ***доктор исторических наук***

Со второй половины 1940 г. гитлеровское командование приступило к конкретному политическому и стратегическому планированию войны против Советского Союза — главного и решающего этапа борьбы германского империализма за установление полного господства в Европе. Чтобы понять вопросы планирования этой войны, смысл важнейших стратегических решений руководства вермахта в этот период, необходимо рассматривать их в тесной связи, во-первых, с общей стратегической концепцией германского милитаризма и, во-вторых, с конкретной политической и стратегической обстановкой, сложившейся после агрессии фашистской Германии против Франции и других стран Западной Европы.

Военная кампания на Западе в мае — июне 1940 г. принесла фашистской Германии не только лавры быстрой победы. Она ознаменовалась, если иметь в виду общую стратегическую концепцию войны германского милитаризма, и первой серьезной неудачей вермахта, имевшей далеко идущие политические и стратегические последствия: гитлеровские стратеги оказались не в состоянии вывести Англию из войны и добиться всех предпосылок для решения центральной проблемы германской стратегии— устранения опасности ведения войны на два фронта, которая десятилетиями, как кошмар, владела умами германских милитаристов.

Поэтому после разгрома Франции перед гитлеровским военным руководством во весь рост встала дилемма: сосредоточить ли еще до нападения на СССР очередные усилия на выводе из войны Англии, чтобы до конца избавиться от всякой опасности с тыла в предстоявшем походе на Восток, или, оставив пока в стороне Британию, обрушить новый удар на Советский Союз.

Для решения этой проблемы руководству фашистской Германии пришлось взвесить целый ряд политических, экономических и военно-стратегических факторов. В первую очередь надо было установить:

— в состоянии ли вермахт осуществить быстрый военный разгром Англии, и если нет, то каковы возможности для сокрушения Советского Союза в стиле блицкрига?

— какую позицию займут в этом случае Соединенные Штаты и как скоро они смогут развернуть свой военный потенциал и активно вмешаться в войну на Европейском континенте?

— каковы возможности и условия использования «японского фактора» для совместной борьбы против Советского Союза и отвлечения сил Англии и США от Европейского континента?

— на каких военных союзников в Европе можно рассчитывать для войны против СССР?

Поиски выхода из создавшегося стратегического положения породили, как указывалось выше, определенные колебания в военном руководстве вермахта. Первое время оно стало серьезно готовиться к десантной операции против Англии. Но с самого начала эта операция внушала гитлеровскому генералитету большие сомнения. Его желанию самым надежным способом — вторжением — нейтрализовать Британские острова противостояли мрачные раздумья. Больше всего фашистские стратеги, имея в перспективе поход на Восток, опасались из-за слабости Германии на море понести крупные материальные и людские потери, а также утратить стратегическую инициативу в результате возможных осложнений и неудач при осуществлении высадки.

В итоге весьма длительных взвешиваний «за» и «против» в германских верхах возобладало мнение о необходимости прежде покончить с Советским Союзом, а потом с Англией. «Если Россия будет разгромлена, — говорил Гитлер на совещании в ставке 31 июля 1940 г., — Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована» (Гальдер Ф. Военный дневник, Т. II — М. 1970. — С. 80). Неудачный для фашистской Германии исход воздушного наступления на Англию вынудил гитлеровское руководство временно отказаться в середине сентября 1940 г. от планов вывода Англии из войны и целиком и полностью сосредоточиться на подготовке войны против Советского Союза. Нападение на СССР, по расчетам нацистских стратегов, сулило успех только в том случае, если бы удалось молниеносно разгромить Красную Армию еще до того, как Англия, а также, как можно было предполагать, США развернут широкие действия против Германии. Поэтому оценка возможной линии стратегического поведения англосаксонских держав приобретала для руководства вермахта особый смысл. Нацистская верхушка не могла не заметить, как на протяжении второй половины 1940 г. и первой половины 1941 г. Соединенные Штаты в ускоряющемся темпе совершали эволюцию от дружественного по отношению к Англии нейтралитета к позиции ее «невоюющего союзника». В августе 1940 г. в Лондоне состоялись «предварительные» англо-американские штабные переговоры, в сентябре была достигнута договоренность о передаче Англии 50 американских эсминцев. После переизбрания президента Рузвельта в ноябре 1940 г. на третий срок американское правительство, преодолевая сопротивление изоляционистов внутри страны, стало открыто проводить внешнюю политику под девизом «Спасем Америку, помогая Великобритании».

Важным шагом на пути формирования англо-американского союза явилось принятие 11 марта 1941 г. конгрессом США закона о «ленд-лизе». Он давал президенту неограниченные полномочия в предоставлении военной и прочей помощи странам, защита которых считалась «жизненно важной» для безопасности США. Выступление Рузвельта 17 марта по случаю вступления в силу этого закона было расценено командованием вермахта как, по существу, объявление войны Германии (KTB OKW. Bd. t.— S. 360, 363). Из 7 млрд. долл., первоначально предоставленных конгрессом на «ленд-лиз», большую часть администрация Рузвельта использовала на расширение базы американской военной промышленности (W. Hancock, M. Gowing. The British War Economy. London, 1949. p. 204), что должно было принести свои плоды лишь в будущем. Хотя четыре пятых помощи, полученной Англией в 1941 г., приходилось еще на поставки по системе «кэш энд керри» («плати и увози»), а не по «ленд-лизу», тем не менее в случае затяжной войны фактор военной мощи США мог проявиться в значительно более крупных масштабах и активных формах.

Другим важным мероприятием, направленным на углубление англо-американского военного сотрудничества в целях противодействия державам тройственного пакта, стали секретные англо-американские штабные переговоры, проходившие с 21 января по 29 марта 1941 г. В принятом 27 марта совместном докладе были заложены основы совместной глобальной стратегии США и Англии в войне против Германии и Японии (U. Mattoff. E. Snell. Strategic Planning for Coalition Warfare 1941—1942. Washington, 1953, p. 32). Главным противником была признана Германия и соответственно решающим театром войны — Европа и Атлантика. После разгрома Германии основные усилия предполагалось направить против Японии. Общие стратегические установки, зафиксированные в докладе, предусматривали оборону Британских островов как главной базы для развертывания в будущем военных действий против Германии, усиление блокады и воздушных налетов на Германию, захват плацдармов в бассейне Средиземного моря для осуществления десантных

операций на юге Европы, обеспечение американским флотом морских коммуникаций в Атлантике, перенесение главных усилий английского флота на Средиземное море и пр. На переговорах был также решен вопрос о создании англо-американских органов высшего стратегического руководства.

Характерно, что в совместных военных планах США и Англии первой половины 1941 г. Советскому Союзу не отводилось никакой роли, хотя государственный департамент еще в январе 1941 г. получил первые данные о готовившемся походе вермахта на Восток, а в последующем эти данные были значительно умножены (C. Hull. The Memoirs of CardeH Hull. vol. It. New York. 1948. p. 967; K. Dawsoп. The Decision to AM Russia 1941. Chapel Hill. 1956, p. 46). Такая позиция США и Англии объяснялась не только инерцией их антисоветской политики, но и очень низкой оценкой с их стороны военной мощи Советского Союза. 14 июня Объединенный разведывательный комитет сделал вывод, что Германии потребуется самое большее шесть недель, чтобы взять Москву (L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962. p. 150. Дж. Ватлер. Большая стратегия. Сентябрь 1935 — июнь 1941 — М., 1959, — С. 497). В докладе военного министра США Стимсона, представленном 23 июня Рузвельту, говорилось, что Германия сокрушит Советский Союз «по меньшей мере за один месяц, а вероятнее всего за три месяца» и поэтому в войне англосаксонских держав против Германии и Японии Россия будет лишь временным союзником, как Польша в 1939 г. или Франция в 1940 г.(R. Sherwood. Roosevelt and Hopkins. New York, 1950, p. 235).

По некоторым открытым акциям администрации Рузвельта нацистское военно-политическое руководство могло судить о медленном, но неуклонном вползании США в войну:

— 24 марта 1941 г. американское правительство предоставило Англии возможность ремонтировать свои военные суда на верфях США;

— 30 марта все немецкие и итальянские суда, находившиеся в американских портах, были конфискованы, объявлены собственностью США и через некоторое время переданы Англии;

— 10 апреля американское правительство объявило Красное море «невоенной зоной», чтобы беспрепятственно снабжать британские войска в Египте;

— 24 апреля «зона безопасности» США в Атлантике была расширена до 30° западной долготы, т. е. Исландии;

— 27 мая Рузвельт объявил «неограниченное чрезвычайное положение» в США;

— 14 июня было объявлено о «замораживании» немецкой и итальянской собственности на американской территории;

— 16 июня были закрыты немецкие консульства и бюро различных немецких агентств, действовавших в США.

Но наряду с этим развертывание вооруженных сил США проводилось медленными темпами и к осени 1941 г., имея 40 дивизий низкой боеспособности, они еще были не в состоянии активно участвовать в военных действиях на Европейском континенте (W. Linger. S. Gleason. The undeclared War 1940/1Я41. New York. 1953, p. 569: Дж. Батлер., Дж. Гуайер. Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942. — I*., 1967, — С. 123). Неуязвимость США позволяла им до поры до времени не торопиться с вступлением в войну, извлекая большие выгоды из своего положения «третьего радующегося».

Как же оценивало «фактор США» в преддверии нападения на Советский Союз гитлеровское руководство? Оно, бесспорно, учитывало очевидную возможность столкновения с Соединенными Штатами, однако полагало, что это произойдет не ранее 1942 г., а по всей вероятности, гораздо позже. Немецкий военный атташе в Вашингтоне генерал Беттихер доносил 11 марта 1941 г., что США лишь в 1942 г. достигнут полной готовности к войне (ADAP, Ser. D. Bd. XII. S. 266). В сообщении поверенного Германии в США от 16 мая говорилось: «Для Америки важно выиграть время, по возможности до 1945 г. Здесь имеется стремление оттянуть решение по крайней мере до 1942 г., когда военная промышленность будет полностью поставлена на военные рельсы» (A. Hillgruber. Hitlers Strategie Frankfurt a/M- 1965, S. 400). Этого мнения придерживался и Гитлер. 30 марта 1941 г. на совещании в ставке он заявил, что максимального уровня производства США достигнут только через четыре года (Гальдер Ф. Военный дневник. — Т. П. - С. 429). Такой срок нацистские стратеги считали вполне достаточным, чтобы не только сокрушить Советский Союз, но и подготовиться к глобальной схватке с англосаксами (См.: КТВ OK.W. Bd. I. — S. 107-108).

Что касается Англии, то она, по оценке гитлеровского командования, не могла быть на ближайшее время после нападения на СССР сколько-нибудь существенной помехой для Германии. К середине 1941 г. на территории английской метрополии находилось около 37 дивизий (Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942. — С. 21). Этих сил было недостаточно для развертывания крупных военных операций на Европейском континенте летом 1941 г. Тем более что Британия была связана своими имперскими интересами на Средиземном море, Ближнем Востоке и в других регионах. Однако в перспективе, и весьма недалекой, Англия была способна стать большой угрозой для стратегических позиций Германии в Западной и Южной Европе. Уже в 1940 и 1941 гг. она превзошла Германию или не уступала ей по производству самолетов, автомобилей, танков, самоходных орудий и некоторых других видов военной техники (Кулиш В. История второго фронта.— М., 1971. — С. 63). В 1941 г. английская промышленность выпустила 20 100 самолетов, немецкая — 11 030, танков соответственно 4855 и 5200 (Промышленность Германии в период войны 1939 — 1945 гг. — М„ 1956. — С. 270; B. Klein. Germany's Economic Preparations. Cambridge, 1959, p. 99). Кроме того, с марта по декабрь 1941 г. Англия получила из США по лендлизу 2400 самолетов (E. Stetiinlus. Lend-Lease. Weapon for Victory. New York, 1944, p. 93). У нее имелись большие возможности для наращивания своих вооруженных сил, в том числе сухопутных войск. Это ставило гитлеровское руководство перед необходимостью провести военную кампанию против Советского Союза в минимальные сроки.

В таких условиях чрезвычайно важное значение для фашистской Германии приобретала координация стратегических действий с ее союзниками — Японией и Италией. Это было главной целью заключенного 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта (См.: Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. — М.. 1967. — С. 86—90). Германская дипломатия предпринимала энергичные усилия, чтобы втянуть Японию в активные действия в Юго-Восточной Азии и создать в ее лице противовес Англии и США. Кроме того, нацистское руководство рассчитывало получить от нее поддержку в войне против Советского Союза, в том числе в форме вооруженного выступления на Дальнем Востоке.

17 декабря 1941 г. Гитлер приказал разработать директиву ОКВ относительно военного сотрудничества с Японией. В качестве «цели, к которой стремится Германия», он требовал предусмотреть в ней «по возможности скорейшее вовлечение Японии в активные действия на Дальнем Востоке». «Чем скорее Япония выступит, — говорил он, — тем более благоприятная военная обстановка возникнет для нее. Она должна овладеть Сингапуром и всеми источниками сырья, в которых нуждается для продолжения войны, особенно если в нее вступит Америка» (КТВ OKW, Bd. I, S. 328). Эти соображения легли в основу директивы ОКВ № 24 от 5 марта 1941 г. (Hitlers Weisungen, S. 103—105). В ней особо подчеркивалось, что операция «Барбаросса» создаст благоприятные политические и военные условия для экспансии Японии в

Юго-Восточной Азии.

На переговорах с министром иностранных дел Японии Мацуокой в Берлине в марте 1941 г. Гитлер уговаривал японцев ударить по позициям Англии. «Редко в истории, — говорил он, — можно было бы подвергаться меньшему риску, чем сейчас, когда в Европе свирепствует война, Англия связана там, Америка только начинает вооружаться, Япония является сильнейшей державой в восточно-азиатском пространстве, а Россия не может действовать, так как перед ее западными границами стоят 150 немецких дивизий. Такая возможность больше не повторится, она уникальна в истории» («Staatsmanner und Diplomaten bei Hitler 1939—1941» Hrsg. von A. Hillgruber. Frankfurt a/M., 1967, S. 507).

Гитлер заверял Мацуоку в том, что, если Россия станет угрожать Японии в случае продвижения последней в Юго-Восточной Азии, он не станет ни секунды медлить и нападет на нее. Тут же он добавил, что не верит в подобные действия со стороны России (Ibid., S. 510). Аналогичные гарантии Гитлер давал Мацуоке против Соединенных Штатов (1bid., S. 521—523). В конфиденциальных беседах с японскими представителями руководители третьей империи называли и желательный срок вступления Японии в войну против Англии — май 1941 г., на который первоначально было назначено нападение на Советский Союз (A. Hillgruber. Japan und der Fall «Barbarossa». — «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1968, № 6, S. 314).

По мере приближения начала операции «Барбаросса» в планах гитлеровского руководства все большее место стали занимать расчеты на привлечение Японии к непосредственному участию в агрессии против Советского Союза, чтобы вынудить его вести борьбу на два фронта. 5 июня японский посол в Берлине Осима сообщил в Токио о своей беседе с главою фашистской Германии: «Гитлер сказал, что он давно вынашивал мечту ликвидировать коммунистический Советский Союз и до сегодняшнего дня еще не оставил ее... Какую позицию займет Япония в германо-советской войне, — продолжал он, — целиком зависит от наших собственных желаний. Следовательно, для Японии оставляется открытой возможность вступить в войну лишь позже, после объявления Германией войны Советскому Союзу, если Япония захочет выступить на стороне Германии. Из его рассуждений явствовало, что Японию нельзя освободить от обязательств, вытекающих из союза. Он интересовался положением Владивостока, мощью советских подводных лодок и территориями, которые заняла Япония во время сибирского конфликта. Отсюда я пришел к выводу, что для него желательно японское участие» (A. Hillgruber. Japan und der Fall «Bar-barossa», S. 335; см. также: T. Kase. Eclipse of the Rising Sun. London, 1951, S. 160; E. Presseisen. Germany and Japan. A Study in totalitarian diplomacy 1933—1941. The Hague, 1958, p. 301; R. Butow. Toja and the Caming of the War. Princeton, 1961, p. 208; «Staatsmanner und Diplomaten bei Hitler 1939—1941», S. 598). Некоторые круги Японии были увлечены заманчивой перспективой похода на Россию, разрисованной гитлеровцами. Весьма одобрительно относился к подобной идее Мацуока. Он призывал императора Хирохито отменить начавшуюся с 16 апреля подготовку японского наступления в южном направлении и сначала напасть на Советский Союз, чтобы добиться «генерального решения русской проблемы» (H. Hupke. Japans Russlandpolitik 1939— 1941. Frankfurt a/M., 1962, S. 128). Однако это мнение не разделяли наиболее влиятельные круги японского империализма, заинтересованные прежде всего в южной экспансии и учитывавшие опыт Хасана и Халхин-Гола. Они с пониманием относились к предложениям их немецких союзников захватить Сингапур.

У гитлеровского руководства существовали определенные надежды, что быстрый разгром Советского Союза наряду с активным выступлением Японии на стороне Германии настолько изменят расстановку сил на мировой арене в пользу Тройственного пакта, что это вынудит Соединенные Штаты остаться в стороне от войны (См.: Гальдер Ф. Военный дневник. — Т. II. — С. 80; КТВ OKW, Bd. I, S. 257). В отчете о беседе с Риббентропом 4 июня Осима писал: «Относительно американской позиции в случае возникновения германо-советской войны здесь придерживаются взгляда, что Америка по рукам будет связана помощью Англии и в настоящее время не может оказать эффективной поддержки Советскому Союзу. Существует далее уверенность, что сокрушительная победа Германии над Советским Союзом может иметь своим следствием то, что Америка откажется вступить в войну на стороне Англии (A. Hillgruber. Japan und der Fall «Barbarossa», S. 331—332).

Стремления гитлеровской дипломатии втянуть Японию в войну против СССР не увенчались успехом. Японские правящие круги предпочитали не обострять отношений с Советским Союзом, чтобы иметь возможность развивать экспансию в сторону южных морей (Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Указ. соч. — С. 167). С этой целью 13 апреля 1941 г. они пошли на заключение с СССР пакта о нейтралитете, рассчитывая отказаться от него, как только это станет выгодным для Японии (DGFP, Ser. D. vol. XII, Doc. 436, 464). Руководители фашистской Германии особенно не возражали против подобного шага Японии, так как пребывали в твердой уверенности, что им удастся одним, без японского участия быстро покончить с Советским Союзом. Главное, чего они желали от Японии, — это нападение на Сингапур, чтобы отвлечь внимание Англии и США от Европы.

Гораздо большую заинтересованность гитлеровское руководство проявило к привлечению европейских стран к агрессии против Советского Союза. В первую очередь это касалось Румынии, Финляндии, Венгрии и Болгарии, расположенных близ советских границ. Нацистская дипломатия проявила большие усилия, чтобы втянуть эти страны в Тройственный пакт. И она добилась здесь крупных успехов. Кроме того, фашистская Германия искала сближения с Турцией на антисоветской почве. 18 июня 1941 г. был подписан германо-турецкий пакт «о дружбе и ненападении». Гитлеровцы стремились придать войне против СССР характер «крестового похода» и полностью подчинить ресурсы и политику союзников достижению своих стратегических целей. «Операции, — говорил Гитлер Антонеску 12 июня, — которые будут вестись в пространстве от Северного Ледовитого океана до Черного моря, нуждаются в центральном едином руководстве. Естественно, оно будет в наших руках. Мы должны избежать ошибок прежних коалиционных войн» (A. Hillgruber. Der Elnbau der Verbflndenten Armeen in die deutsche Ostfront 1941— 1944 — «Wehrwissenschaftliche Rundschau». 1960, № 12, S. 662).

В Западной Европе нацистское руководство не видело на ближайшее время серьезной угрозы для себя. Франция — этот традиционный политический и военный противовес Германии на европейской арене — была повержена, расчленена и бессильна что-либо предпринять, как отмечал Гитлер 9 января 1941 г. (КТВ OKW, Bd. I, S. 225). На случай возможных осложнений на Западе предусматривалось ввести в действие план «Аттила» — оккупацию вишистской части Франции. Скандинавия и Балканы находились под пятой «оси». Испания занимала позиции дружественного по отношению Германии нейтралитета.

В целом нацистское руководство оценивало глобальную и европейскую политическую ситуацию как исключительно выгодную для войны против СССР. «Ныне, — говорил Гитлер на совещании генералитета 30 марта 1941 г., — существует возможность разбить Россию, имея свободный тыл. Эта возможность так скоро не появится вновь. Я был бы преступником перед немецким народом, если бы не воспользовался этим» (P. Gosrony. Ober die Vorgeschichte des deutschen

Angriffs auf die Sowjetunion im Juni 1941.— «Allgemeine Schweizerische MilitSrzeitschrift», 1966. № 7, S. 400). Подобные политико-стратегические калькуляции, зыбкие и авантюристичные в своей основе, исходили из главной порочной предпосылки — неверной оценки политической прочности и военно-экономического могущества Советского Союза. Высшие инстанции политического и военного аппарате фашистской Германии в превратном свете представляли себе боеспособность Красной Армии. Выступая на совещании руководителей вермахта 9 января 1941 г., Гитлер говорил, что «русские вооруженные силы — глиняный колосс без головы» (KTB OKW, Bd. I, S. 257). Близки к этому мнению были и другие руководители вермахта (A. Hi11gruber. Hitlers Strategie. Politik und Kriegfflhrung. Frankfurt a/M.. 1965. S. 211). Браухич, например, так рисовал перед генералами на совещании 30 апреля 1941 г. картину военных действий на Восточном фронте: «Предположительно крупные приграничные сражения продолжительностью до 4 недель. В дальнейшем следует ожидать лишь незначительного сопротивления» (IMT, vol. XXXVI. Doc. 873-PS, p. 400).

Предвзятость, обусловленная фашистским идеологическим дурманом, классовая и национальная ненависть к Советскому Союзу оказали роковое воздействие на гитлеровскую стратегию, лишив ее возможности трезво учитывать совокупность основных факторов и условий ведения войны, взятых такими, какими они были в действительности. В фашистской Германии, как правильно подметил один западногерманский историк, господствовали «дурные приемы примитивной политической конъюнктурной борьбы — изображать противника слабым, ни на что не способным, достойным презрения, чтобы выставить самого себя в лучшем свете. Информация о Советском Союзе подвергалась цензуре и фильтровалась через предвзятое мнение, вместо того чтобы давать чисто деловую картину, как этого требовали самые насущные интересы. Особая опасность такого подхода заключалась в его слепоте перед реальностью...» (H. Uh1ig. Das Einwirken Hitlers auf Planting utid Ffihrune des Ostfeldzuges. — «Atls Politik ond Zeitgeschlchte», 16 M.1rz, 1960, S. 166).

Исходя из оценки общего стратегического положения и сил Советского государства, гитлеровское командование положило в основу планирования войны против Советского Союза требование максимально быстрого, молниеносного разгрома его Вооруженных Сил, до того как Англия и Соединенные Штаты сумеют прийти им на помощь. В одном из документов главного командования сухопутных войск вермахта указывалось, что военная цель «Восточного похода» должна состоять в «быстром выведении из строя одного противника в войне на два фронта, чтобы можно было с полной силой обрушиться на другого противника [Англию]» (KTB OKW, Bd. I, S. 1033). Характерно в этом отношении и высказывание фельдмаршала Кейтеля: «При разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке я исходил из следующих предпосылок:

а) исключительные размеры территории России делают абсолютно невозможным ее полное завоевание;

б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь от нефти;

в) для разрешения этой задачи необходим быстрый разгром Красной Армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможности возникновения войны на два фронта» (ВИЖ. — 1961. — № 9).

Нацистская стратегия придавала фактору времени столь большое значение, что Гитлер настаивал в июле 1940 г. напасть на Советский Союз осенью этого же года. Однако Кейтель и Йодль сочли этот срок совершенно нереальным, ввиду неподготовленности вооруженных сил, районов сосредочения и развертывания войск и не подходящим с точки зрения метеорологических условий.

22 июля Браухич после совещания у Гитлера дал указание генеральному штабу сухопутных войск начать разработку плана нападения на Советский Союз. По заданию Гальдера начальник отдела иностранных армий Востока полковник Кинцель занялся исследованием вопроса о наиболее целесообразном направлении главных ударов с точки зрения характера и численности группировки советских войск. Он пришел к выводу, что наступление следует вести в направлении Москвы с севера, примыкая к побережью Балтийского моря, чтобы затем, осуществив громадный стратегический охват на юг, заставить советские войска на Украине сражаться с перевернутым фронтом (G. Weinberg. Hitlers EntschluB zum Angrlff auf die Sowjetunion. — «Vierteljahreshefte fur Zeitgeschichte». 1957. H. 4, S. 309). Начальник оперативного отдела генерального штаба генерал Грейфенберг, напротив, считал, что главный удар следует наносить на юге советско-германского фронта.

1 августа начальники отделов генерального штаба, инспектора родов войск, командующий армией резерва, а также военный атташе в Москве получили указание представить, каждый в своей сфере деятельности, соображения о плане ведения замышляемой войны (A. Phi1ippi. P. Helm. Der feldzug gegen SowietruSland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962, S. 309). Еще ранее, в конце июля, начальнику штаба перебрасывавшейся на Восток 18-й армии генерал-майору Марксу было поручено разработать оперативно-стратегический план военной кампании против Советского Союза.

1 августа он сделал первый доклад генералу Гальдеру с изложением своих идей по плану операций. Они предусматривали развертывание боевых действий двумя крупными группировками войск на московском и киевском стратегических направлениях. Гальдер при этом указал на важность того, чтобы главное направление на Москву не ослаблялось из-за частных операций на соседних участках фронта. (Этот вопрос стал впоследствии предметом острых разногласий в командовании вермахта.)

5 августа Маркс представил Гальдеру законченную оперативно-стратегическую разработку, получившую наименование «План Фриц» (G. Forster. H. He1mert, H. 011 o, H. Schnitter. Der Barbarossaplan in Politik und Kriegfuhrung Hitlerdeutschlands 1940/41. — «Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft», 1959. № 3, S. 310). В ней намечались два основных стратегических направления — московское и киевское. «Главный удар сухопутных сил, — говорилось в разработке, — должен быть направлен из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву. Поскольку сосредоточение в Румынии невозможно, другого направления главного удара не существует. Попытка обходного маневра с севера лишь удлинила бы путь войск и в конечном счете привела бы их в лесистую область северо-западнее Москвы.

Ведущая идея наступления на основном направлении: прямым ударом по Москве разбить и уничтожить главные силы русской северной группы западнее, внутри и восточнее лесистой области; затем, овладев Москвой и Северной Россией, повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с немецкой южной группой занять Украину и в итоге выйти на рубеж Ростов — Горький — Архангельск» (Филиппи А. Припятская проблема. — М.. 1959. — С. 152. По мнению генерал-майора Маркса, для разгрома Красной Армии требовалось девять, а в самом неблагоприятном случае 17 недель. Гитлер же считал, исходя из заключения штаба ОКВ от 31 июля 1941 г., что для этого необходимо пять месяцев, т. е. 21—22 недели).

По плану Маркса против Советского Союза предполагалось развернуть группировку войск, насчитывающую 147 дивизий, объединенных в пять армий, из которых три должны были действовать севернее Припятских болот.

Когда с идеями Маркса ознакомили немецкого военного атташе в Советском Союзе генерала Э. Кестринга, он выразил несогласие с тем, что взятие Москвы будет иметь решающее значение для победы над Красной Армией. По его мнению, наличие сильной промышленной базы на Урале позволило бы Советскому Союзу продолжать активное сопротивление, искусно используя имеющиеся и вновь созданные коммуникации. В последующих спорах с ОКХ о ведении операций на Востоке эти соображения Кестринга заняли определенное место в аргументации Гитлера и других руководителей ОКВ.

5 августа верховное главнокомандование отдало директиву «Ауфбау ост», положившую начало широким мероприятиям по оборудованию театра военных действий для нападения на СССР. Предусматривалось строительство сети коммуникаций, аэродромов, складов, казарм и прочих военных объектов на территории Польши и Восточной Германии (T. Higgins. Hitler and Russia. The Third Reich in a two-front war 1937—1943. New York, 1966, p. 64; R. Seth. Operation Barbarossa. London, 1964, p. 94—95).

В начале сентября на первого обер-квартирмейстера и постоянного заместителя начальника генерального штаба генерал-майора Паулюса была возложена задача, основываясь на плане Маркса, разработать соображения относительно группировки войск для войны против Советского Союза и порядка их стратегического сосредоточения и развертывания. К 17 сентября он закончил эту работу, после чего ему поручили обобщить все результаты предварительного оперативно-стратегического планирования. Это вылилось в докладную записку Паулюса от 29 октября. На ее основе оперативный отдел генерального штаба составил проект директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию — «Ост».

Независимо от генерального штаба сухопутных войск по указанию Йодля в штабе оперативного руководства вооруженных сил с начала сентября велась работа по составлению собственного плана войны против СССР. 19 сентября Варлимонт представил этот план Йодлю. Он предусматривал использование трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг» соответственно на ленинградском, московском и киевском направлениях. Главный удар наносился на Москву по кратчайшему пути через Минск и Смоленск. После захвата последнего продолжение наступления на центральном направлении планировалось в зависимости от развития обстановки в полосе группы армии «Север». В случае ее неспособности решить поставленные задачи предполагалось приостановить наступление группы армий «Центр» и часть ее сил направить на помощь северному соседу (G. B1au. The German Campaign in Russia. Planning and Operations (1940—1942). Washington, 1955, p. 13). Эти идеи существенно отличались от планов ОКХ.

В ноябре — декабре генеральный штаб сухопутных войск продолжал уточнение и проигрывание на штабных учениях вопросов о главных стратегических направлениях, о распределении сил и средств для наступления, а также согласовывал результаты этой работы со штабом верховного главнокомандования и Гитлером. «Изучение всех этих вопросов, — писал генерал Филиппи, — подтвердило прежде всего мнение, что в ходе операций на все более расширяющейся, подобно воронке, к востоку территории не хватит немецких сил, если не удастся решающим образом сломить силу русского сопротивления до линии Киев — Минск — Чудское озеро» (A. Phi1ippi, F. Heim. Op. cit., S. 31: см. также: W. Gbr1itz. Paulus: Ich stehe hier auf Befehl. Frankfurt a/M., 1960, S. 114—115).

К середине ноября под руководством генерал-квартирмейстера генерального штаба были разработаны основы материально-технического обеспечения войск (из расчета: 3 млн. человек, 600 тыс. машин, 600 тыс. лошадей, горючее и запчасти на 700—800 км).

28 ноября начальники штабов групп армий, предусмотренных для ведения наступления, получили указания представить независимо друг от друга соображения по плану операций. В разработке начальника штаба группы армий «А» (позднее «Юг») генерала Зоденштерна от 7 декабря 1940 г. предлагалось провести наступление тремя ударными группировками. Ведущая идея этого плана заключалась в том, чтобы, сковав советские войска в центре фронта, основные наступательные операции предпринять на флангах и по достижении первой стратегической цели — рубежа Кременчуг — Киев — Могилев — Даугавпилс — нанести удар на Москву по сходящимся направлениям, осуществив тем самым гигантский охват всей западной части Советского Союза (C. Wegener. Heeresgruppe Sfld. Der Kampf im Sfiden der Ostfront 1941—1945. Bad Nauheim, 1970, S. 20). Зоденштерн считал, что временно следует отказаться от овладения окраинными областями на юго-востоке и северо-востоке Советского Союза, а прикрытие внешних флангов ударных группировок осуществлять заслонами, обращенными в сторону Ленинграда и Восточной Украины.

5 декабря генерал Гальдер изложил перед Гитлером основы планируемой военной кампании. Теперь уже окончательно вырисовывались три стратегических направления — ленинградское, московское и киевское. Главный удар Гальдер предлагал нанести севернее Припятской области из района Варшавы на Москву. Проведение операций намечалось силами 105 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий. Кроме того, предусматривалось использование вооруженных сил Румынии и Финляндии. Для сосредоточения и развертывания этих сил Гальдер считал необходимым восемь недель. Он указал, что с первых чисел апреля или самое позднее с середины этого месяца скрыть от Советского Союза подготовку Германии к войне станет уже невозможно.

Гитлер, одобрив в принципе этот план, заметил, что последующая задача состоит в том, чтобы после раскола советского фронта в центре и выхода к Днепру на московском направлении осуществить поворот части сил главной центральной группировки на север и разгромить во взаимодействии с северной группировкой советские войска в Прибалтике (КТВ ОКW, Bd. I, S. 982). Наряду с этим он предлагал в качестве первостепенной задачи разгром всей южной группировки советских войск на Украине. Только после выполнения этих стратегических задач на флангах фронта, в результате чего Советский Союз оказался бы изолированным от Балтийского и Черного морей и лишился бы важнейших экономических районов, он считал возможным приступить к взятию Москвы (Ibid., S. 996). По его мнению, для разгрома Советского Союза требовалось 130—140 дивизий.

Таким образом, еще в ходе планирования войны против СССР в германском командовании выявился разный подход к решению важнейших стратегических задач. Первую линию (концепция «концентрического наступления» на Москву) представлял генеральный штаб сухопутных войск, вторую (наступление по расходящимся направлениям), которой придерживался и Гитлер, — штаб ОКВ.

Генерал Филиппи писал, что разработанный в сентябре в ОКВ план содержал «опасную идею остановить войска в центре, повернуть подвижные силы на север, чтобы помочь дальнейшему продвижению застрявшего соседа еще до того, как будет предпринято наступление на Москву». «Можно полагать, — отмечал далее Филиппи, — что Гитлер прочно усвоил идею этого «поворота», подходившую как нельзя лучше к его стратегической концепции, хотя он ее совершен-

но иначе обосновывал» (См. также: A. Hi11gruber. Op. cit., S. 230). Для него решающее значение имел захват сырьевых и продовольственных ресурсов Советского Союза. Вероятно, и Геринг сыграл немалую роль в том, чтобы разжечь в Гитлере стремление к достижению военно-экономических целей. В качестве председателя совета министров по обороне империи он потребовал в ноябре 1940 г. от начальника военно-экономического управления штаба ОКВ генерала Томаса составить для него доклад, в котором выдвигалось требование быстрого овладения европейской частью России в связи с обострением продовольственного положения империи и ее трудностей с сырьем. Особенно в нем подчеркивалась необходимость «захватить неразрушенными ценные русские экономические районы на Украине и нефтяные источники Кавказа» (A. Ph11ippi. F. Helm. Op. dt., S. 43).

Так или иначе, точка зрения штаба ОКВ возобладала и нашла свое отражение в окончательной директиве № 21 верховного главнокомандования, подписанной Гитлером 18 декабря и получившей кодовое наименование «Барбаросса», которое как бы придавало войне символический смысл крестового похода.

В директиве говорилось, что после рассечения советского фронта в Белоруссии основной немецкой группировкой, наступающей из района Варшавы, создадутся «предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север с тем, чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности» (Hitlers Weisungen, S. 86).

На юге после уничтожения советских войск на южном фланге фронта планировалось «своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн».

17 декабря Гитлер в беседе с Йодлем по плану «Барбаросса» особо подчеркнул, что в 1941 г. вермахт должен решить «все континентальные проблемы в Европе, так как после 1942 г. США будут в состоянии вступить в войну» (КТВ OKW, Bd. I. S. 996).

Следовательно, основная цель плана «Барбаросса» состояла в том, чтобы разбить Советские Вооруженные Силы в одной скоротечной кампании. Директива № 21 требовала закончить подготовку к нападению на Советский Союз к 15 мая 1941 г.

Многие бывшие генералы вермахта и военные историки ФРГ пытаются выдать решение Гитлера наступать на Москву только после разгрома советских войск в Прибалтике и на Украине за основной и единственный порок плана «Барбаросса». Они называют это решение «несовместимым с оперативными требованиями».

Тот факт, что генеральный штаб сухопутных войск не отстоял еще при подготовке плана «Барбаросса» своей идеи нанесения главного удара на Москву, генералы вермахта объясняют тем, что, во-первых, Гитлеру, у которого отсутствовала необходимая «основа для доверия и понимания», трудно было что-либо доказать («Кому хотелось разъяснять диктатору, постоянно уклонявшемуся от деловых соображений, его ошибку?.. Гитлер был лишен фантазии, ограниченной специальными знаниями, он не мог трезво мыслить в оперативных делах, а в личном отношении был не способен довериться советам военного руководства»), во-вторых, Гальдер и Браухич, исходя из мысли Мольтке, что «ни один оперативный план не может с определенностью предугадать события, которые последуют за первым столкновением с главными силами противника», полагали, что после достижения линии Днепра проводить последующие операции можно будет исходя из конкретно сложившейся обстановки (A. Philippi. F. Heim. Op. cit., S. 47—48).

Ссылки на упрямство и недоверчивость Гитлера не могут служить сколько-нибудь веским алиби для германских милитаристов. Но дело даже не в этом. Нельзя сводить порочность плана «Барбаросса» только к вопросу о Москве (с тем же правом можно было бы сейчас сказать, что наступление на Москву представлялось невозможным без ликвидации угрозы со стороны фланговых стратегических группировок советских войск). Главное здесь заключается в том, что план «Барбаросса» был превыше сил вермахта, а потому оказался авантюристичным, порочным в своей основе. На совещании Гальдера с генералом Фроммом 28 января 1941 г. было установлено, что подготовленных людских резервов для восполнения потерь в войне против СССР хватит лишь до осени 1941 г., а снабжение горючим вызывает серьезные опасения. Войска совершенно не готовились к ведению действий в зимних условиях. Когда ОКХ представило в верховное главнокомандование свои соображения об обеспечении армии зимним обмундированием, Гитлер отклонил их на том основании, что «Восточный поход» должен закончиться до наступления зимы. Эти зловещие факты не получили правильной оценки со стороны германского генералитета. На совещании командующих группами армий и армиями у Гальдера 14 декабря 1940 г., где подводились итоги штабных игр по плану нападения на Советский Союз, был сделан единодушный вывод, что Красная Армия будет разбита в скоротечной кампании, которая займет не более 8—10 недель (G. Blau. Op. cit, p. 20).

31 января ОКХ отдало на основе плана «Барбаросса» директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию. Для ведения операций создавались три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». Перед ними была поставлена задача рассечь глубокими танковыми клиньями главные силы Красной Армии, находившиеся в западной части Советского Союза, и уничтожить их, воспрепятствовав отходу боеспособных войск в «глубину русского пространства». В качестве первой стратегической цели была намечена линия Днепра и Западной Двины. Основные прорывы планировалось осуществить вдоль магистральных шоссейных дорог: в полосе группы армий «Центр» — вдоль шоссе Брест — Минск, а на фронте группы армий «Юг» — вдоль шоссе Ровно — Киев.

Обращает на себя внимание существенная особенность: ОКХ приняло решение обойти Припятскую область с ее болотами и лесными массивами. Для этого внутренние фланги групп армий «Центр» и «Юг» должны были проскочить севернее и южнее этой области и действовать до выхода к Днепру изолированно друг от друга. В связи с этим генерал Филиппи отмечал: «...нельзя было забывать, что оперативная разобщенность внутренних флангов обоих прорывов могла поставить под угрозу и без того рискованный план кампании, если бы между главными клиньями появился боеспособный в оперативном отношении противник» (Филиппи указ. соч. — С. 5).

18 марта ОКБ приняло решение о некоторых изменениях плана «Барбаросса» в части, касающейся задач группы армий «Юг». Ранее последняя должна была наносить два удара на своих северном и южном флангах: из района Люблина на Киев и в нижнем течении р. Прут для глубокого охвата с двух сторон советских войск, действовавших в Молдавии и южной Украине. Трудности форсирования Днестра и низкая боеспособность румынских войск (H. Greiner. Die Oberste WehrmachtfQhrune 1939—1943 Wiesbaden. 1949, S. 364) побудили гитлеровское командование сосредоточить главные усилия группы армий на одном северном фланге — на киевском направлении, где, по его мнению, открывались более заманчивые оперативно-стратегические возможности. Соответственно был изменен текст директивы № 21: «Группа армий, действующая южнее Припятских болот, сосредоточивает свои силы, предназначенные для главного удара в

районе Люблина и южнее для наступления в общем направлении на Киев. Оттуда танковым войскам нанести глубокий удар в глубь вражеской территории, совершая охват русских войск вдоль нижнего течения Днепра. Смешанные немецко-румынские войска на юге имеют две задачи:

1) осуществлять оборону Румынии как базы и тем самым обеспечить непрерывность операций в южной части театра военных действий и

2) сковывать противостоящие силы противника во время наступления войск северного крыла группы армий.

В зависимости от развития обстановки смешанные войска, поддерживаемые частями военно-воздушных сил, должны вести преследование, чтобы воспрепятствовать организованному отходу советских войск через Днепр» (G. Blau. Op. cit., p. 34—35).

Для выполнения плана «Барбаросса» гитлеровское командование развернуло громадные вооруженные силы. К июню 1941 г. они насчитывали в целом, по данным, опубликованным в I томе дневника ОКВ, 7234 тыс. человек (KTB OKW, Bd. I, S. 978). Из них в сухопутных войсках и армии резерва было 5 млн. человек, в ВВС — 1 680 тыс., в ВМС — 404 тыс., в войсках СС — 150 тыс. человек.

С 1 сентября 1939 г. по 6 апреля 1941 г. число дивизий в действующих сухопутных войсках возросло с 88 до 190. К моменту нападения на СССР их было уже 209. Из них для выполнения плана «Барбаросса» гитлеровское командование выделило 152 дивизии и две бригады.

Кроме того, страны — сателлиты фашистской Германии выставили против СССР 29 дивизий (16 финских, 13 румынских) и 16 бригад (три финские, девять румынских и четыре венгерские), в которых числилось в общей сложности 900 тыс. солдат и офицеров (Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945. Краткая история.— М.. 1965. С. 33, В дневнике ОКВ приводятся другие данные: 35 дивизий и 14 бригад стран-сателлитов. (KTB OKW. Ed, I, S. 97E))

Следовательно, всего против СССР противник развернул 181 дивизию и 18 бригад.

Ударная сила «восточной армии» — танковые войска имели около 3500 танков и штурмовых орудий (к 10 мая 1940 г. их было в действующих войсках 2574 единицы, однако число танков в штате танковой дивизии с тех пор снизилось с 258 до 196, что позволило увеличить общее число этих дивизий) (A. Philippi. F. Heim. Op. cit. S. 37—38; Мюллер-Гиллебрандт Б. Сухопутная армия Германии. 1933 — 1945. Т. II. — М., 1958. — С. 144). В сухопутных войсках было 7200 орудий (G. Blau. Op. cit, p. 41).

Для проведения плана «Барбаросса» создавалась следующая группировка войск.

Группа армий «Север» (ленинградское направление) получала 26 дивизий, из них 20 пехотных, три танковые, три моторизованные.

Группа армий «Центр» (московское направление)— 50 дивизий, из них 31 пехотная, девять танковых, шесть моторизованных, одна кавалерийская.

Группа армий «Юг» (киевское направление) — 41 дивизию, из них 30 пехотных и горнострелковых, пять танковых, три моторизованные.

В резерве ОКХ оставались 28 дивизий, из них две танковые и две моторизованные.

Основные силы были сосредоточены в группе армий «Центр», которая имела задачу расколоть советский фронт стратегической обороны. Главная ставка делалась на сокрушающую мощь внезапного удара массированными силами танков, пехоты и авиации и на их молниеносный бросок к важнейшим центрам Советского Союза.

Для поддержки сухопутных войск, действовавших против Красной Армии, было выделено четыре воздушных флота, силы которых распределялись следующим образом (Ibid):

Для ПВО Германии и действий против Англии из состава ВВС оставлялось около 1500 самолетов. Кроме того, сателлиты фашистской Германии выставили против Красной Армии около 1000 самолетов (Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945. Краткая история. — С. 33).

Первый приказ ОКВ о дезинформации относительно войсковых перебросок с Запада на Восток был отдан 6 сентября 1940 г.(IMT, vol. XXV1I, Doc. 1229-PS). Сосредоточение немецких войск к исходным районам с помощью железнодорожного транспорта началось в январе. Постепенно нарастая, оно проводилось вплоть до июня пятью эшелонами. Для этих целей потребовалось 97 тыс. железнодорожных составов. К концу февраля в исходных районах находились 25 дивизий, в марте прибыло еще семь, в апреле— 13, в мае — 30 и до 22 июня — еще 51 дивизия (A. Philippi. F. Heim. Op. cit., S. 52). Сосредоточение военно-воздушных сил началось с 10 июня.

Для скрытия подготовки нападения на Советский Союз немецко-фашистское командование усиливало мероприятия по дезинформации. С этой целью Кейтель издал 15 февраля 1941 г. специальную директиву по дезинформации противника («Fall Barbarossa», S. 248—250). Проведение дезинформационных мероприятий разбивалось на два этапа. На первом, примерно до апреля 1941 г., предусматривалось создать ложное представление относительно намерений немецкого командования, акцентируя при этом внимание на планах вторжения а Англию и на подготовке операции «Марита» (против Греции) и «Зонненблюме» (в Северной Африке).

На втором этапе, когда скрыть подготовку к нападению на Советский Союз, как отмечалось в директиве, станет уже невозможно, стратегическое развертывание сил для операции «Барбаросса» должно было быть представлено в свете величайшего в истории войн дезинформационного маневре с целью «отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию». Для этого гитлеровское командование распорядилось сделать все возможное, чтобы сохранить даже среди личного состава собственных вооруженных сил впечатление, что подготовка к вторжению ведется в «совершенно новой форме», а войска, которые должны были участвовать в осуществлении операции «Зеелёве», лишь временно, до определенного момента отводятся в тыл. В директиве подчеркивалась необходимость как можно дольше держать в заблуждении относительно действительных планов даже те войска, которые предназначались для действий

непосредственно на Востоке. Чтобы создать иллюзию подготовки вторжения немецких войск в Англию, гитлеровское командование распространяло дезинформационные сведения о несуществующем «авиадесантном корпусе», прикомандировало к войскам переводчиков английского языка, отдало приказ напечатать в массовом количестве топографические материалы по Англии, подготовило «оцепление» определенных районов на побережье Ла-Манша, Па-де-Кале и в Норвегии, разместило на побережье ложные «ракетные батареи» и пр.

Кроме того, в конце второго этапа этой стратегической дезинформации были разработаны специальные операции «Хайфиш» и «Харпуне», чтобы усилить впечатление подготовки высадки десантов в Англию из Норвегии и Северной Франции.

30 апреля срок нападения на Советский Союз был перенесен с 15 мая на 22 июня (IMT, vol. XXVI, Doc. 873-PS, p. 399). К этому времени большая часть соединений вермахта, участвовавших 8 захвате Югославии и Греции, была переброшена в район действий «Барбаросса».

Развернутая против СССР группировка противника намного превосходила противостоявшие ей силы Красной Армии. На 21 июня в наших западных округах насчитывалось 2,9 млн. человек в составе всех видов вооруженных сил и родов войск (Гречко А. 25 лет тому назад // Военно-исторический журнал. — 1966. — № 6. — С. 10). Против них гитлеровское командование выставило в одних сухопутных войсках (с учетом армий сателлитов Германии) около 4,2 млн. человек. Группировка наших войск была в оперативном отношении крайне невыгодна для отражения удара превосходящих сил врага. Из 170 дивизий, входивших в состав Ленинградского округа, Прибалтийского, Западного, Киевского Особых округов и Одесского военного округа, в их первом эшелоне к утру 22 июня на фронте от Балтийского моря до Карпат имелось только 56 дивизий (32 процента) (Там же). Остальные дивизии, входившие в состав этих округов, находились на марше или в районах сосредоточения на общей глубине от 300 до 400 км от границ. Противник же имел в это время перед фронтом наших округов в первом эшелоне 63 процента всех соединений армии вторжения.

Таким образом, к моменту нападения на Советский Союз вермахт располагал громадными военными преимуществами перед нашими вооруженными силами. От советского народа потребовались большие жертвы и колоссальные усилия, чтобы лишить врага этих преимуществ и расстроить его планы блицкрига.

Правительству СССР - ЗАЯВЛЕНИЕ МЮЛЛЕРА

На Нюрнбергском процессе приведены всеобъемлющие и потрясающие доказательства нацистских преступлений против мира и зверских методов ведения войны. Все эти злодеяния достигли апогея в вероломном нападении на Советский Союз с нарушением существовавших договоров.

Как бывший немецкий генерал и участник этой войны считаю себя совиновником и поэтому обязанным содействовать раскрытию известных мне из моей деятельности подробностей подготовки и осуществления нападения на Советскую Россию.

В связи с этим прошу Правительство СССР принять мои показания и предоставить мне возможность открыто выступить по вопросу о нападении Германии на Советский Союз.

Подготовка к нападению на Советский Союз началась еще в июле 1940 года. (Здесь и далее выделено нами.— С. Б., А. К.). В то время я был 1-м офицером штаба армейской группировки «Ц» в Дижоне (Франция). Командующим был генерал-фельдмаршал фон Лееб. В состав этой армейской группировки входили 1, 2 и 7-я армии, являвшиеся оккупационными войсками во Франции. Кроме того, во Франции находились армейская группировка «А» (Рундштедт), имевшая задачей подготовку «Морского льва» (десант против Англии), и армейская группировка «Б» (фон Бок). В течение июля штаб армейской группировки «Б» был переведен на Восток (Познань). Штабу армейской группировки «Б» были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск): 12-я армия (Лист), 4-я армия (фон Клюге), 18-я армия (фон Кюхлер) и еще несколько корпусов и около 30 дивизий. Из этого числа несколько дивизий взято было из армейской группировки «Ц» (фон Лееб).

Непосредственно после кампании на западе ОКХ (верховное командование сухопутных сил) отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Приказ этот был отменен, и 20 дивизий не были демобилизованы. Вместо этого они по возвращении в Германию были уволены в отпуск и, таким образом, держались наготове на случай срочной мобилизации.

Оба мероприятия — перевод около 500 тыс. человек на границу с Россией и отмена приказа о роспуске около 300 тыс. человек - показывают, что уже в июле 1940 года существовали планы военных действий на Востоке.

Следующим приказом, свидетельствующим о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, явилось изданное в сентябре 1940 года письменное распоряжение ОКХ о формировании в Лейпциге новой армии (11-й), нескольких корпусов и около 40 пехотных дивизий и танковых дивизий. Формирование этих соединений производилось с сентября 1940 года командующим резервной армией (генерал-полковник Фромм) частично во Франции, главным же образом в Германии. К концу сентября 1940 года ОКХ вызвало меня в Фонтенебло. Обер-квартирмейстер 1 генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант (впоследствии фельдмаршал) Паулюс передал мне пока что в устной форме приказ о том, что мой штаб (штаб армейской группировки «Ц») должен быть к 1 ноября переведен в Дрезден, а штаб 2-й армии (генерал-полковник Вейхс), входивший в состав этой армейской группировки, — в Мюнхен (также к 1 ноября).

Задача заключалась в руководстве военной подготовкой вновь формируемых вышеуказанных 40 дивизий. Согласно этому приказу, подтвержденному впоследствии письменным приказом за подписью начальника генерального штаба Гальдера, перевод частей был проведен в срок. При нападении на Советский Союз эти 40 дивизий были введены в действие.

В начале декабря 1940 года начальник генерального штаба Гальдер прислал начальнику штаба армейской группировки «Ц» генерал-лейтенанту Бреннеке (начальнику моего штаба) **предварительный оперативный план наступления на Советский Союз.** Бреннеке должен был дать оценку этому плану. В середине декабря он должен был быть обсужден в ОКХ генерал-полковником Гольдером (Неточность в оригинале. Имеется в виду Гальдер) при участии начальников штабов армейской группировки «Б» (фон Бок) в Познани и армейской группировки «А» (фон Рундштедт) в Сен-Жермене около Парижа, т. е. генералов пехоты фон Зальмут и фон Зоденштерн.

По возвращении из ОКХ начальник моего штаба сообщил мне о том, что предстоит война с Советской Россией. В связи с этим и на основании обсужденного проекта был разработан план стратегического развертывания. Тогда уже было решено, что на первых порах армейская группировка Бока (Познань) будет стоять вдоль всей восточной границы, а впоследствии она будет согласно плану преобразована в армейскую группировку «Центр». Наш штаб впоследствии был переименован в армейскую группировку «Норд» и переведен в Восточную Пруссию. Армейская группировка Рундштедта, стоявшая еще во Франции, должна была быть переименована впоследствии в армейскую группировку «Зюд» и занять южный участок Восточного фронта. Что касается меня, то я должен был по приказу Гальдера немедленно отпра-

виться в Закопане (близ Кракова) с тем, чтобы сформировать там 17-ю армию, начальником штаба которой назначался я. Эта армия предназначалась для боев с Советской Россией. Впоследствии 17-я армия вошла в состав армейской группировки Рундштедта.

Ближайшей задачей 17-й армии являлась охрана границы по верхнему течению реки Сан и реки Буг на расстоянии примерно 600 км. На протяжении всей границы находилось всего только 2 корпуса (4 дивизии).

Корпус из 6 дивизий находился в 250— 300 км к западу, в Верхней Силезии. Тот факт, что основная масса войск находилась так далеко от границы, вытекал из общей тактики, имевшей целью ввести в заблуждение русских относительно наших планов и концентрации войск на восточной границе.

Поскольку действительной задачей армии являлась подготовка к нападению на Советскую Россию, то на первом плане стоял вопрос об обучении войск и офицеров генерального штаба в соответствии с этим планом.

В конце января 1941 года я был командирован телеграфным приказом начальника генерального штаба Гальдера на военные игры в Сен-Жермен (около Парижа) в армейскую группировку Рундштедта. Задачей военной игры было наступление из Румынии и южной Польши в направлении на Киев и к югу от него. Игра велась с расчетом на участие и румынских войск. В основном военная игра соответствовала условиям будущего приказа о стратегическом развертывании сил, к чему я еше вернусь ниже. Руководителем военной игры был начальник генштаба армейской группировки Рундштедт. Присутствовали: Рундштедт, Гальдер, начальники штабов: 6-й армии — полковник Гейм, 11-й армии — полковник Белер, танковой группы Клейста — полковник Цвиклер и несколько генералов танковых войск. Военная игра происходила в месте расположения армейской группировки Рундштедта примерно с 31 января по 2 февраля 1941 года. Игра доказала необходимость сильной концентрации танковых сил. В начале февраля, после моего возвращения из Франции, прибыл командующий — генерал пехоты фон Штюльпнагель Гейнрих, бывший до этого председателем комиссии по перемирию с Францией и лишь теперь получивший это новое назначение.

Примерно в то же время из штаба армейской группировки Рундштедта была получена первая директива по стратегическому развертыванию войск под названием «Барбаросса». Так условно называлась **подготовка к нападению на Советский Союз.** В целях более строгой конспирации внутри 17-й армии употреблялось условное число, в то время как обозначение «Барбаросса» употреблялось только в переписке с вышестоящими инстанциями.

Эта первая директива по стратегическому развертыванию войск, по существу,— первое задание, как основа разведки и других приготовлений (строительство дорог, мостов и пр.).

Затем стали поступать директивы генерал-квартирмейстера генштаба сухопутных войск о создании запасов для наступления. Склады должны были быть выдвинуты как можно ближе к русской границе, соответственно требованиям плана нападения.

В середине февраля 1941 года по распоряжению Рундштедта, все еще находившегося во Франции, штабу 17-й армии был придан рабочий штаб, выделенный 6-й армией, которая также стояла во Франции. Этот штаб занимался подготовительной организационной работой для 6-й армии, которая впоследствии в составе армейской группировки Рундштедта под командованием фельдмаршала фон Рейхенау сражалась против Советской России, дислоцируясь к северу от 17-й армии.

Рабочий штаб, возглавлявшийся 1-м офицером штаба 6-й армии полковником Фельтером, работал под моим наблюдением и прикрытием моего штаба для маскировки под обычную пограничную службу.

В середине апреля 1941 года в мой штаб поступила окончательная директива по стратегическому развертыванию сил «Барбаросса».

В то же время Рундштедт со своим штабом был переведен из Франции в Тарнов (Польша).

Полагая, что эта директива уже известна советским инстанциям, я считаю возможным подробно не останавливаться на этом. Однако до сих пор с военной точки зрения речь шла лишь о намерении вести наступательную войну против Советского Союза. Теперь же было принято решение об осуществлении этого намерения.

В связи с этим на основании имеющихся до сих пор фактов хочу коснуться и свободно высказаться по вопросу подготовки этой войны начиная с июля 1940 года, что для моего тогдашнего главнокомандующего генерала от инфантерии фон Штюльпнагеля (Гейнрих), для меня и других тогда, еще в апреле 1941 года, не подлежало сомнению, что речь идет о чисто наступательной войне. Это явствует из всех описанных мною здесь приготовлений, а именно: из переброски войск с запада на восток и из крупных новых формирований в Германии. Это видно также из характера охраны границ на востоке, где стояли лишь весьма слабые силы, тогда как главные силы стояли в 200— 300 км к западу.

Это видно из предварительного оперативного плана ОКХ от декабря 1940 года, который предусматривал цели, находящиеся в глубине России. Это видно из военной игры, проводившейся в Сен-Жермене, основной целью которой было завоевание Украины; это видно из того, что обучение строилось исключительно на наступлении. Это видно из методов маскировки и введения в заблуждение противника. И последнее — это директива «Барбаросса» от апреля месяца, которая подтверждала намеченные в предварительном оперативном плане первые дальние цели.

Я считаю важным в смысле подготовки к нападению на Советский Союз остановиться еще на следующих двух пунктах:

1. Директивой о стратегическом развертывании сил от апреля 1941 года было категорически приказано, что развертывание и подтягивание главных сил к границе должно произойти как можно позднее перед началом наступления. Это сам по себе общеизвестный принцип.

Но если в течение 9 месяцев утверждалось, как это делало ОКВ, что русские намерены напасть на нас и этим мотивировались наши приготовления, то этому резко противоречило крайнее откладывание срока военных операций, ибо это значило предоставить угрожающему нам противнику выигрыш времени и пространства.

2. Если **ОКВ вбивало нам в голову, что русские якобы нам угрожают,** мотивируя это утверждение сосредоточением на границе сильных частей Красной Армии, то этому резко противоречило накопление запасов вблизи границы, о чем уже говорилось выше. Накопление запасов производилось генерал-квартирмейстером сухопутных сил на основании директив ОКВ. Все это доказывает, что ОКВ целиком и полностью разделяло агрессивные планы нацистского руководства.

Но все эти военного характера доказательства нацистской агрессии превосходит политическая сторона вопроса. В начале сентября 1943 года проездом на фронт я в лесном лагере к западу от Смоленска беседовал с генерал-лейтенантом Кребсом, начальником штаба армейской группировки «Центр». В 1939 году Кребс был членом германской делегации при переговорах о заключении договора между Германией и Россией. Он рассказал мне, между прочим, о том, что Гитлер дал делегации указание идти во всем навстречу русским. Далее он рассказал, что Риббентроп вообще не проявлял никакого интереса к этнографическим и географическим условиям при проведении границ между Россией и оккупированной немцами Польшей.

Из выводов Кребса нельзя было не понять, что нацисты, заключая договора с Советской Россией, с самого начала не намеревались честно выполнять их и что этими договорами преследовалась лишь цель подготовить под их прикрытием агрессию против Советского Союза. У меня даже есть доказательство этого. В начале 1943 года я встретился на Полтавском аэродроме с адъютантом Гитлера и доверенным Кейтеля и Йодля — в то время полковником Шмундтом. Ввиду тяжелого положения моей армии я спросил Шмундта, была ли необходима эта война с Россией. Он ответил, что, по словам «фюрера», эта война должна была рано или поздно произойти и что после успехов Германии на западе легче было побудить к этому германский народ — пойти на войну против России.

Так тесная связь между бесчестным заключением договора, вероломным его нарушением и агрессией подтверждает общую вину нацистских руководителей, таких, как Риббентроп, Геринг, «колонизатор России» Розенберг, и их достойных пособников из ОКВ — Кейтеля и Йодля.

Навязанная Советской России война была захватнической, поэтому ей должны были сопутствовать определенные явления и зверства, которые были введены в систему нацистскими и военными агрессорами.

При вторжении в Россию Гитлер наряду с приказами о задачах СС по истреблению населения отдал также роковой приказ об отмене ответственности солдат за преступления и проступки против гражданского населения. Его военные советники в ОКВ поддерживали этот приказ. Нацистские «вожди» хотели колонизировать Россию. Имею и в этом отношении доказательства. Начальник штаба армейской группировки «Зюд» — генерал от инфантерии Зоденштерн — ездил в начале июня 1941 года по служебным делам в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. За обедом Гитлер заявил, что он собирает теперь всевозможные книги о методах колонизации с целью использования их при «колонизации России».

В заключение я хотел бы особенно упомянуть военного преступника Кейтеля, которому, видимо, еще недостаточно было завоеваний и пролитой крови. 5 мая 1944 года на конференции генералов в Зонтхофене (нацистская школа Орденсбург) он произнес речь перед 120 генералами, созванными из всей армии (среди них был и я) с целью воздействия на них в нацистском духе. О военной обстановке он, между прочим, сказал: «Потерянные на востоке русские плодородные земли мы вернем себе». Это намерение он подчеркнул в такой момент, когда разгром стоял на пороге, высказав при этом следующую угрозу: **«Офицеров, выражающих сомнение в победе, я буду расстреливать».**

Винценц МЮЛЛЕР,
генерал-лейтенант и бывший
командующий 12-м армейским
корпусом
Лагерь военнопленных 8.1.1946 г.
Верно: **майор А. Ипатов**
ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 103, лл. 98— 103, пер. с нем.

УКАЗАНИЯ ОКВ ОТ 6 СЕНТЯБРЯ 1940 Г.

Верховное главнокомандование. Штаб оперативного руководства Отдел обороны страны. № 33264/40.

Ставка фюрера, 6.9.1940. 7 экз. Экз. № 4.

Совершенно секретно. Только для командования.

Содержание: материалы для разведывательной службы.

Согласно: документу 3-го отдела управления военной разведки за № 398/40 от 26.8.1940 оперативному отделу генерального штаба сухопутных войск № 150231/40 от 2.9.1940. Управлению военной разведки и контрразведки.

В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте.

Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток. В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства.

Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать общую численность немецких войск на Востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижения войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на Севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания Западного похода противовоздушная оборона на Востоке серьезно усилилась и что зенитная оборона всех важных объектов укрепляется за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям.

В какой мере отдельные подлинные данные, например о нумерации полков, численности гарнизонов и т. п., могут быть переданы абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает главное командование сухопутных войск.

За начальника штаба верховного главнокомандования
Йодль
КТВ OKW. Bd. I. S. 973.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ЛОССБЕРГА - РУКОВОДИТЕЛЯ ГРУППЫ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

В ОПЕРАТИВНОМ ОТДЕЛЕ ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Штаб верховного главнокомандования вооруженных сил. Штаб оперативного руководства. Отдел обороны страны, оперативное отделение.

Группа сухопутных войск. № 905/40.
15.9.1940.
Совершенно секретно.
Только для командования.

Целью кампании против Советской России является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой, мог бы послужить удобным заслоном от ее азиатской части. При этом оперативное пространство России, где развернутся боевые действия на первом этапе, разделено Припятскими болотами на две части, так что локтевая связь между группами войск, действующими севернее и южнее болот, может быть установлена только в ходе преследования.

Предлагаемый *«План операции»* имеет целью изложить основные принципы ведения боевых действий на севере и на юге, акцентируя особое внимание на тех участках обоих оперативных пространств, где, исходя из общих соображений, целесообразно будет нанести главные удары.

В качестве приложений будут представлены наряду с картами также сведения о русских вооруженных силах и их боеспособности. Данными о русских укрепленных районах было решено пренебречь. Видимо, существуют лишь разрозненные укрепления полевого типа на старой и новой русских границах. Надежных сведений об этих укреплениях нет.

Карта в приложении 1 (Карты не публикуются) схематически показывает *группировку сил русских сухопутных войск* по данным на конец августа 1940 г. Следует, однако, учесть, что именно в России трудно получать более или менее достоверную информацию о нашем будущем противнике. Еще менее надежными будут эти данные о распределении русских сил к тому времени, когда по ту сторону границы обнаружат наши агрессивные намерения. На данный момент распределение русских сил может еще носить на себе следы предшествующих событий в Финляндии, лимитрофах и Бессарабии. Однако для любого варианта развертывания русской армии заслуживают внимания следующие характерные факторы:

1. В России, по-видимому, не осуществляется мобилизация в том виде, как в Германии, т. е. нет такого порядка, при котором боевые дивизии пополняются, а резервные формируются. Уже в настоящее время, вероятно, армия имеет приблизительно тот же состав, которым будет вести боевые действия, причем о степени боевой готовности и качестве различных соединений судить трудно.

2. Русское руководство обладает столь низкой оперативностью, а использование русской сети железных дорог военным командованием даст столь малый эффект, что всякая переброска войск к границе будет сопряжена с большими трудностями и займет соответственно значительное время.

3. При всяком возникновении напряженных отношений с Германией часть русских сил будет скована:

а) на границе с Финляндией — хотя бы уже потому, что немецкие войска имеются в Норвегии,

б) на румынской границе,

в) на Кавказе (ненадежное население, Турция, необходимость удержания нефтеносной области),

г) на Дальнем Востоке.

В войне против Германии у России есть в общем следующие три возможности.

I. Русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредоточиваться у границы немецким войскам.

II. Русские армии примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы, чтобы удержать в своих руках новые позиции, захваченные ими на обоих флангах (Балтийское и Черное моря).

III. Русские используют метод, уже оправдавший себя в 1812 г., т. е. отступят в глубину своего пространства, чтобы навязать наступающим армиям трудности растянутых коммуникаций и связанные с ними трудности снабжения, а затем, лишь в дальнейшем ходе кампании, нанесут контрудар.

Относительно этих трех вариантов можно сказать следующее.

Вариант I.

Представляется невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства, пока основная масса немецкой армии не скована на длительное время боевыми действиями на другом фронте. Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска. Более вероятны операции меньших масштабов. Они могут быть направлены либо против Финляндии, либо против Румынии. Однако удар по Финляндии при напряженных отношениях с Германией никак не улучшил бы стратегическое положение русских. Наоборот, силы русских, вторгшиеся в Финляндию, оказались бы в результате наступления северного крыла немецких армий вдоль побережья Балтийского моря в большой опасности и могли бы быть отрезаны от России.

По-иному сложилась бы обстановка в случае вторжения русских в румынские нефтеносные районы. Целью этого вторжения было бы разрушить одну из главных опор немецкой базы тылового обеспечения. При известных обстоятельствах было бы достаточно для достижения этой цели даже действий одной только русской авиации. А если наступательные действия развернутся также на земле, то можно ожидать использования сравнительно многочисленных и, как утверждают, хорошо обученных русских воздушно-десантных сил. Для ликвидации этой опасности целесообразно использовать немецкие «учебные части» и организовать противовоздушную оборону силами румын. В подготовке соответствующих оборонительных мер на указанный случай и будет состоять ближайшая задача немецкой военной миссии в Румынии. Эту миссию следует рассматривать как «передовой отряд» южного крыла немецких армий.

Вариант //.

Это решение представляется наиболее вероятным, поскольку нельзя предположить, что столь сильная военная держава, как Россия, без боя уступит свои богатейшие, в том числе и недавно завоеванные области. Кроме того, по имеющимся сведениям, русские развернули *западнее* Днепра особенно хорошо оборудованную сеть наземных сооружений военно-воздушных сил. При отступлении в глубь страны русские вскоре лишились бы этой сети.

Если русские остановятся на варианте II, то расположение их сил будет, видимо, иметь известное сходство с теперешним. При этом скорее всего еще более крупные силы сосредоточатся на территории Русской Польши, а главные резервы останутся в районе Москвы, что обусловлено уже хотя бы структурой русской железнодорожной сети.

Для нас такое решение, при котором противник уже на раннем этапе примет бой крупными силами, было бы благоприятным потому, что после поражений в приграничных сражениях русское командование вряд ли сможет обеспечить организованный отход всей армии.

Вариант III.

Если русские будут заранее строить свой план ведения войны на том, чтобы сначала принять удар немецких войск малыми силами, а главную свою группировку сконцентрировать в глубоком тылу, то рубежом расположения последней севернее Припятских болот может быть скорее всего мощный водный барьер, образуемый реками Двина [Даугава] и Днепр. Этот барьер имеет разрыв шириною всего приблизительно в 70 м — в районе южнее Витебска.

Такое неблагоприятное для нас решение следует также учитывать как возможное. С другой стороны, совершенно невероятно, что южнее Припятских болот русские без боя оставят почти незаменимые для них области Украины.

Что касается нижеследующего плана *боевых действий наших войск,* то они отражены на карте в Приложении 2 (см. Альбом приложений). На карте помечены возможные маршруты сосредоточения немецких и русских войск в предвоенный период и указаны соответствующие цифровые данные и пр. Для вооруженных сил Германии в основу этих данных положено полное осуществление «программы Отто» (строительства стратегически важных коммуникаций в Польше с целью обеспечить сосредоточение и развертывание немецких войск на Востоке). Данные о русских вооруженных силах следует рассматривать как приблизительные. Надо полагать, что приведены максимальные величины.

Необходимо учесть, что участки железных дорог в недавно захваченных Россией польских областях уже теперь частично переоборудуются на широкую колею и что разница в ширине колеи может поставить перед нами серьезные проблемы, особенно после овладения крупными пространствами. Следовательно, нам будет важно захватить достаточное количество русского подвижного состава и позаботиться о том, чтобы в последующем перешить некоторые русские железнодорожные линии на нашу колею.

В целом можно считать, что с немецкой стороны ежедневно смогут прибывать в пограничную полосу по семь дивизий, с русской стороны — по пять.

Особенностью русских железных дорог является то, что они сходятся к Москве и имеют мало линий, проходящих с севера на юг. Это последнее обстоятельство затрудняет рокадные переброски войск за линией фронта противника. Зато каждая операция германской армии должна будет в последующем опираться на обладающие достаточной пропускной способностью русские железные дороги, так как одних шоссейных дорог при большой глубине боевых действий будет для снабжения войск недостаточно.

Для проведения *операций своих войск* (см. карту-схему — приложение 3) необходимо прежде всего решить, где будет нанесен главный удар — севернее или южнее Припятских болот. А тот факт, что при превосходстве сил, которым обладает германская армия, следует вести боевые действия одновременно в обоих оперативных пространствах, представляется несомненным.

Решение нанести главный удар *на севере* может диктоваться следующими соображениями: здесь значительно лучше условия для сосредоточения войск (ср. пропускную способность железных дорог); важно было бы быстро отрезать русских от Балтийского моря, на всем пространстве имеются сравнительно хорошие русские железные дороги, направление которых совпадает с направлением движения войск; возможно взаимодействие с XXI группой немецких войск, силами которой следовало бы нанести удар через территорию Финляндии; можно было бы в скором времени овладеть Ленинградом и Москвой.

Решение нанести главный удар *на юге* может быть вызвано такими факторами, как: опасное положение Румынии; возможность снабжения немецких моторизованных соединений из румынской нефтеносной области, а позднее — из нефтеносных районов Восточной Галиции по сравнительно коротким коммуникациям; значение Украины. Впрочем, после пересечения русской границы коммуникации здесь будут плохими.

Предлагаемый план предусматривает нанесение главного удара *на севере* при следующем порядке проведения операций.

Наступление двумя группами армий с общего рубежа восточнее линии Варшава — Кенигсберг [Калининград]. Главное направление — в полосе южной группы армий, сосредоточенной в районе Варшавы и в юго-восточной Пруссии. В состав этой группы армий следует ввести основную массу танковых и моторизованных соединений. В течение зимы необходимо будет подготовить для них базу снабжения в районе сосредоточения.

Южная группа армий, нанося главный удар в промежуток между Днепром и Двиной [Даугавой], рассеет силы русских в районе Минска и затем будет наступать в общем направлении на Москву. Нанесению главного удара через Минск на Москву с участием мощных моторизованных соединений будет благоприятствовать то обстоятельство, что единственная до конца сооруженная русскими автомобильная магистраль ведет от Минска к Москве.

Северной группе армий предстоит наступать из Восточной Пруссии на рубеж Двины [Даугавы] и форсировать эту реку в ее нижнем течении.

Взаимодействие обеих групп армий должно осуществляться с учетом того, что главные силы южной группы будут, используя благоприятную обстановку, время от времени наносить удары в северном направлении — по возможности уже восточнее Двины [Даугавы], чтобы выйти в тыл русским войскам, расположенным перед фронтом нашего северного крыла. Огромные расстояния поведут при этом к *оперативным паузам,* обусловленным уже хотя бы необходимостью подтягивать грузы снабжения.

Группа XXI вместе с финской армией, которая предположительно будет нашим союзником, должны организовать выдвинутую вперед северную группировку. Ей будет поставлена задача: частью сил нанести удар из северо-восточной Норвегии по *Мурманску,* а главную массу войск сосредоточить под прикрытием финнов и, используя шведские и финские железные дороги, в Южной Финляндии; здесь сначала сковать русские войска, а затем — самое позднее при приближении северного крыла германских вооруженных сил — нанести удар по *Ленинграду,* может быть, даже по участку севернее Ладожского озера. Узким местом для переброски эшелонов к линии фронта будет перегон Хапаранда — Торнио. Этот одноколейный отрезок пути имеет в Швеции нормальную [узкую] колею, а в Финляндии — широкую Финны оценивают пропускную способность этого отрезка цифрой 12—16 эшелонов в сутки.

Для *операционного пространства южнее Припятских болот* осталось бы, учитывая необходимость выделения значительного количества соединений в *резерв главного командования сухопутных войск,* около одной трети всех сил, включая и соответствующие соединения повышенной маневренности. Действующей южнее Припяти группе армий была бы поставлена задача, охватив с обеих сторон войска противника на участке от Припятских болот до Черного моря, уничтожить их, овладеть в ходе преследования территорией Украины, форсировать Днепр и, выйдя на рубеж восточнее Припятских болот, установить непосредственное соприкосновение с северным крылом. Сколько войск придется выделить для установления этого соприкосновения, будет зависеть от силы сопротивления русских.

Главные удары следовало бы при проведении такой операции наносить на обоих флангах. Главная ударная группи-

ровка могла бы сосредоточиться в южной части генерал-губернаторства (район Люблина), сконцентрировав крупные силы на левом фланге. Она нанесла бы удар в направлениях на восток и юго-восток, а в ходе дальнейших операций продвигалась бы вдоль железной дороги Росно (северо-восточнее Лемберга [Львов]) — Екатеринослав [Днепропетровск], стремясь опереться открытым флангом на Припятские болота, позднее на Днепр.

Одновременно с началом наступления было бы целесообразно перебросить группу соединений, включая моторизованные, из Остмарка [Австрия] по железным и шоссейным дорогам через Венгрию в район севернее устья Дуная. При этом румынам, которые здесь рассматриваются как союзники, будет поставлена задача прикрывать переброску, а находящиеся в Румынии немецкие подвижные войска могли бы использоваться для удержания рубежа реки Прут. Задачей упомянутой группы соединений было бы прорваться — правда, по трудной из-за водных рубежей местности между Черным морем и Трансильванскими Альпами — на север и отрезать отход на восток русским силам, действующим южнее Припятских болот.

Важным преимуществом операций на юге будет то обстоятельство, что русские, видимо, вскоре столкнутся на Украине с внутренними политическими трудностями. Последние могут возникнуть, например, благодаря нарушению движения на тех немногочисленных железных дорогах, которые имеются в указанном районе. Диверсии организуются с этой целью отделом «Контрразведка II» управления разведки и контрразведки верховного главнокомандования вооруженных сил. А когда Украина будет оккупирована, то здесь, очевидно, окажется возможным в скором времени организовать в соответствии с нашими интересами подходящее «правительство», которое будет в состоянии облегчить нам надзор за обширным тыловым пространством.

Тяжелые, частично глинистые почвы Украины создадут в период распутицы трудности передвижения моторизованных соединений.

В ходе дальнейших операций необходимо будет *объединить действия обеих главных группировок* восточнее Припятских болот и принять решение о *конечной военной цели* кампании, т. е. определить, каким пространством должны будут овладеть наши вооруженные силы. Все это будет существенно зависеть от того, произойдет ли в России после первоначальных успехов немецких войск внутренняя катастрофа, и если да, то когда это случится. Потеряв свои западные территории и выходы к морям, Россия вряд ли сохранит боеспособность. Если даже учесть возможности русской военной промышленности, расположенной на Урале (территориальное распределение русских военных предприятий см. на карте, Приложение 4), то все равно следует заключить, что при этих условиях Россия вести войну не сможет. Поэтому достижение рубежа Архангельск — Горький — Волга (до Сталинграда) — Дон (до впадения в Черное море) можно считать весьма далеко поставленной задачей.

Боевые возможности немецких и русских *военно-воздушных сил* показаны на карте — Приложение 5; по ней можно получить данные о радиусе действия германских военно-воздушных сил, районах сосредоточения русских наземных авиационных сооружений (аэродромов) и зависящих от этого радиусах действия советской авиации. Относительно русских военно-воздушных сил нужно будет учитывать, что, несмотря на большое число самолетов, вряд ли можно ожидать их хорошо организованного боевого использования по единому плану и в крупных масштабах. Следует полагать, что боевые авиационные соединения ограничатся главным образом действиями в тактических рамках. Авиационная разведка сможет представить командованию лишь отрывочные сведения.

Задача германских военно-воздушных сил будет состоять в том, чтобы, подавляя русскую авиацию, поддерживать с воздуха операции германских сухопутных войск на главных направлениях, т. е. через Минск и далее на Восток, а также на обоих флангах южной группы армий. Нанося удары по русским железным дорогам, авиация должна будет учитывать их значение для наземных операций: часть железных дорог нужно будет парализовать, другие следует, наоборот, защитить от разрушения в наиболее важных точках (речные мосты!). Уязвимые пункты русских железных дорог обозначены на карте, см. Приложение 2.

В условиях России представляется возможным смело забрасывать парашютные и посадочные десанты и сосредоточивать их затем на важнейших участках (например, железные дороги № 2, 3 и 4, см. карту 2) значительно глубже в тылу противника, чем в условиях Запада. Налеты на объекты военной промышленности придется во время проведения главных операций прекратить. Лишь после того как эти операции будут завершены и войска выйдут на конечный рубеж, намеченный планом всей кампании, можно будет поставить вопрос о возобновлении налетов на военно-промышленные объекты, а именно — на объекты Уральского промышленного района.

Определяя порядок *боевых действий военно-морского флота,* следует учитывать, что Балтийское море носит характер своеобразного предполья европейского побережья (см. карту — Приложение 6), и это исключает активные наступательные действия наших надводных кораблей значительного водоизмещения против русского флота и его баз. Поэтому задача нашего военно-морского флота будет состоять главным образом в том, чтобы охранять прибрежные воды Германии и закрыть русским военно-морским силам выходы из Балтийского моря, чтобы они не могли из него вырваться.

Следует полагать, что транспортировка руды в Германию по Балтийскому морю будет сорвана многочисленными русскими подводными лодками и торпедными катерами; русский флот и его подводные лодки будут парализованы только тогда, когда наземные войска выйдут по суше к русским военно-морским базам, в том числе к Ленинграду. После этого можно будет осуществлять снабжение войск северного крыла также и морским путем; до этого момента нельзя рассчитывать на постоянную безопасность морских коммуникаций между Прибалтикой и Финляндией.

В заключение остается исследовать вопрос, может ли — и если да, то в каких размерах, — вестись практическая подготовка к кампании против России в наступающий осенне-зимний период даже и в том случае, если Англия еще не будет разбита. Важно достичь того, чтобы Россия вплоть до нашей победы над Англией не подозревала о грозящей опасности и не имела бы оснований для принятия контрмер (вторжение в Румынию, прекращение экономических поставок). Тех 35 дивизий, которые с конца октября будут находиться в распоряжении командования группы армий «Б», вполне достаточно, чтобы обеспечить безопасность наших восточных областей и оказывать на Россию определенное военно-политическое давление. Если расположенные на Востоке силы будут, сверх того, постоянно пополняться, русские почувствуют опасность и примут соответствующие контрмеры. С военной точки зрения у нас нет необходимости выдвигать на Восток новый эшелон и сосредоточивать его в этом районе до тех пор, пока срок начала боевых действий не приблизится вплотную. И плохие условия расквартирования в генерал-губернаторстве также служат лишним основанием для отказа от слишком раннего сосредоточения сил на Востоке. Правда, разместить большее, чем ныне, число соединений в немецких восточных провинциях в принципе возможно, но пользы от этого не будет. Немецкая сеть железных дорог превосходит русскую, особенно же важно, что ее внутренние ресурсы весьма высоки; таким образом, не имеет особого значения, где будут находиться предусмотренные для сосредоточения на Востоке войска — в Померании

— Бранденбурге — Силезии или в Западной Германии. Чем дальше мы держим свои силы от предстоящего района сосредоточения, тем внезапнее будет для русских начало этого сосредоточения, которое мы в состоянии провести гораздо быстрее, чем это мог бы сделать противник.

Зато было бы важно в рамках уже развертывающейся программы строительства «Восток» и на основе утвержденного в принципе плана операций немедленно начать осуществление всех тех подготовительных мер, которые послужат впоследствии интересам стремительного сосредоточения войск (пропускная способность железных дорог и шоссе, «программа Отто») и подвоза грузов снабжения (накопление запасов, создание баз горючего и смазочных материалов). Изучив сооружения, обеспечивающие работу железных и шоссейных дорог, необходимо теоретически продумать, а частично и практически принять все подготовительные меры по их обороне и восстановлению. Возможно, придется усилить железнодорожные войска.

В интересах *секретности* следует на первом этапе ограничить доступ к материалам, связанным с Восточным походом, возможно более узким кругом людей из состава высших и старших командных инстанций.

Приложения:

а) *Карты.*

1. Расположение соединений германских и русских сухопутных войск (по состоянию на август 1940 г.).

2. Немецкие и русские железные дороги, по которым может осуществляться переброска войск в направлении границы (пояснения см. в приложенной тетради).

3. Карта-схема предполагаемого хода боевых действий.

4. Русская военная промышленность.

5. а) Радиусы действия германской и русской авиации,

б) сеть германских и русских наземных авиационных сооружений (аэродромов и т. п.) и расположение русских авиационных соединений.

6. Обзорная карта Балтийского моря.

б) *Тетрадь* со сведениями упомянутого содержания.

«Fall Barbarossa», S. 126-134.

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В СТАВКЕ 5 ДЕКАБРЯ 1940 г.

Начальник генерального штаба сухопутных войск докладывает затем о планируемой операции на Востоке. Вначале он распространяется относительно географических основ. Важнейшие промышленные центры находятся, по его словам, на Украине, в Москве и Ленинграде. Кроме того, Украина является богатейшим сельскохозяйственным районом. Вся территория, на которой будут происходить операции, делится Припятскими болотами на северную и южную половины. В последней — плохая сеть дорог. Наилучшие шоссейные и железные дороги находятся на линии Варшава — Москва. Поэтому в северной половине представляются более благоприятные условия для использования большего количества войск, нежели в южной.

В районе севернее Припятских болот поэтому же, очевидно, находится больше войск, нежели южнее. Кроме того, в группировке русских намечается значительное массирование войск в направлении русско-германской демаркационной линии. Следует полагать, что сразу же за бывшей русско-польской границей располагается база снабжения русских, прикрытая полевыми укреплениями. Днепр и Западная Двина представляют собой самый восточный рубеж, на котором русские вынуждены будут дать сражение. Если же они будут отходить дальше, то они не смогут больше защитить свои промышленные районы. Вследствие этого замысел немцев должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек. Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву. Из предусматриваемых трех групп армий северную необходимо будет направить на Ленинград, а силами южной нанести главный удар в направлении Киева, причем одна армия последней должна наступать из района Люблина, вторая из района Львова и третья из Румынии. Конечной целью операции является Волга и район Архангельска. Всего должно быть использовано 105 пехотных, 32 танковые и моторизованные дивизии, из числа которых крупные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне.

Фюрер соглашается с изложенными оперативными замыслами и замечает по этому поводу еще следующее. Важнейшая цель — не допустить, чтобы русские отходили, сохраняя целостность фронта. Наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла больше совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных районов. Для этого необходимо добиться разгрома русских вооруженных сил и воспретить их воссоздание.

Уже первые удары должны быть нанесены такими силами, чтобы можно было уничтожить крупные силы противника. Поэтому подвижные войска следует использовать на смежных флангах обеих северных групп армий, где будет наноситься главный удар. На севере необходимо добиться окружения вражеских сил, находящихся в прибалтийских странах. Для этого группа армий, которая будет наступать на Москву, должна иметь достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север. Группа армий, наступающая южнее Припятских болот, должна выступить позже, причем, в зависимости от обстоятельств, частью сил из района Румынии, и добиться окружения крупных вражеских сил на Украине путем совершения охватывающего маневра с севера.

Сейчас, однако, еще невозможно решить, будет ли после уничтожения основной массы русских войск, окруженных на севере и на юге, нанесен удар на Москву или против района Москвы. Важно, чтобы русские не смогли вновь закрепиться восточнее. Предусмотренная для проведения всей операции численность войск в 130—140 дивизий достаточна.

KTB OKW, Bd. I, S. 981-982.

ИЗ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ ГЕНЕРАЛА ФОН ЗОДЕНШТЕРНА

Генерал пехоты фон Зоденштерн Начальник штаба группы армий «А» (отдел 1а, № 1780/40).

Штаб группы армий, 7.12.1940.

Отпечатано 3 экз.

Экз. № 3.

Совершенно секретно.

Только для командования.

Основание: Распоряжение начальника генерального штаба сухопутных сил (отдел 1-го оберквартирмейстера. № 88/40. Совершенно секретно. Только для командования, от 28 ноября 1940 г.).

Содержание: Оперативная разработка для кампании на Востоке.

а) *Оценка обстановки* Глубина театра военных действий дает русским неограниченные возможности уклоняться от боя и предоставляет в их распоряжение многочисленные мощные оборонительные рубежи на крупных и малых реках, протекающих в основном с севера на юг. Поэтому, чтобы обеспечить выполнение задач сухопутных войск («уничтожить русские войска в Западной России»), необходимы стремительные действия на обоих флангах. Следует также учесть, что перед центром немецкого фронта расположена область Припятсклх болот, труднопроходимая и малопригодная для операций большого масштаба.

[...]

С чисто оперативной точки зрения следует констатировать, что равномерное распределение наступающих немецких сил по всему фронту привело бы к тому, что русские были бы оттеснены перпендикулярно к направлению линии фронта на их мощные оборонительные рубежи, а немецким войскам пришлось бы вновь и вновь организовывать прорыв этих рубежей. Совершенно по-иному сложится обстановка, если наступать фланговыми группировками, нанося главные удары на юге северным, а на севере южным крылом. Тогда южная группа овладеет Украиной и сможет в дальнейшем, наступая по благоприятной в оперативном отношении местности к востоку от р. Днепр, выйти к главным авиационным базам русской армии. Северная же группа, обеспечив себе возможности снабжения по морю, могла бы наступать на Москву (здесь направление главного удара) и Ленинград. К тому же этот план дает возможность сразу после форсирования р. Днепр южной группой армий окружить в Припятской области русские силы, сковывающие центр немецкого фронта. Что касается действий наиболее сильной северной группы армий, то характер местности и недостаток коммуникаций весьма сужают полосу наступления, что в свою очередь должно привести к чрезвычайно глубокому эшелонированию войск на исходном положении. Однако перед лицом тех задач, которые предстоит решать в ходе наступления, это эшелонирование даст только положительные результаты.

...Если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их теперешней группировке, то оно находится в «Киевском особом военном округе». Вероятно, оно объясняется существовавшими ранее у русских наступательными намерениями и, конечно, может быть ими использовано в случае наступления немецких войск из Румынии и Венгрии. Это должно быть учтено при расчете сил немецкой южной группы армий.

Русских наступательных действий против центра немецкого фронта вряд ли следует опасаться. Вряд ли следует исходить из того, что русское командование сможет с достаточной оперативностью и целеустремленностью принять решение на отражение немецкого наступления. Скорее можно ожидать, что центр русских войск под давлением немецкого наступления на флангах уже на раннем этапе кампании будет стремиться отступить на восток...

б) *План проведения кампании*

1) аа) Предполагаемый ход боевых действий.

С рассветом 15 мая немецкие сухопутные силы пересекают русскую границу на всем фронте. Задача центра немецких войск (3-я группа армий) — сковать находящегося перед их фронтом противника. В то же время южная группа (2-я группа армий), нанося главный удар левым крылом, прорывается через р. Прут и р. Днестр на Украину. Ее первая оперативная задача — выход к р. Днепр на участке Кременчуг, Киев (здесь главное направление). Северная группа (1-я группа армий) выступает из района Варшавы, нанося правым крылом главный удар и наступая левым крылом через Литву. Ее первая оперативная задача — выйти на рубеж Могилев (здесь главное направление), Даугавпилс [Двинск].

Задача ОКХ — продолжать наступление с таким расчетом, чтобы группа армий «Юг» правым крылом нанесла удар в направлении на Харьков, одновременно окружив противника, действующего в Припятской области... а группа армий «Север» прорвалась правым крылом к «Москве и овладела ею... Цель указанных операций — после разгрома главных сил русской армии захватить русские авиационные базы и крупные военные предприятия в районах Москвы и Ленинграда и тем самым парализовать управление русскими войсками.

бб) Группировка сил.

вв) Задачи группам армий и армиям (танковым группам).

Задача 2-й группы армий: разбив предварительно силы противника в Северной Буковине и в районе Львова, обеспечить свободное форсирование р. Днестр.

...Затем, сосредоточив главные силы на левом (северном) крыле и обеспечив себя от ударов с юго-востока, выйти к р. Днепр на участке Кременчуг, Киев (первая оперативная задача). Переправы через р. Днепр необходимо удержать за собой для последующего продвижения новых сил в северовосточном направлении.

2-й танковой группе следует одновременно поставить задачу на прорыв в направлении Киева...

Задача 3-й группы армий на первом этапе кампании — сковать силы противника севернее и южнее р. Припять, на участке между р. Буг и р. Днепр, обеспечить северный фланг 2-й группы армий... и южный фланг 1-й группы армий... от воздействия противника из этой области и тем самым поддержать высокий темп наступления на направлениях главного удара обеих групп армий, т. е. вдоль южного и северного края Припятской области...

Задача 1-й группы армий: разбив предварительно силы противника в районах Минск, Вильнюс, Белосток, быстро овладеть Литвой и Латвией до р. Западная Двина, а также захватить плацдарм на правом берегу указанной реки у Риги.

Затем, сосредоточив главные силы на правом крыле и обеспечив себя от ударов с северо-востока (из района Ленинграда), выйти на рубеж Могилев, Витебск, Даугавпилс (первая оперативная задача). Подготовить дальнейшее наступление с главным ударом на московском направлении. Основные силы танковых и моторизованных соединений использовать с началом боевых действий на направлении Могилев, Витебск.

3-й танковой группе прорвать оборону противника в районе Белосток, Гродно и в тесном взаимодействии с 1-й танковой группой, решительно используя все свои возможности, выйти к р. Днепр на участке Могилев, Орша, захватить переправы и удерживать их до подхода пехотных дивизий.

В задачу танковой группы входят также действия по недопущению отхода противника на север.

1-й танковой группе быстро пройти юго-восточную часть Литвы (район Вильнюса) и в тесном взаимодействии с 3-й танковой группой прорваться на Витебск и южнее его. Если после прорыва фронта противника представится возможность, не подвергая опасности свой северный фланг, быстро овладеть в ходе преследования городом Смоленск и прилегающим районом, то такую возможность нужно будет использовать всеми имеющимися в распоряжении средствами...

[...]

фон Зоденштерн.

A Philippi. Das Pripjetproblem. Darmstadt, 1956.
Филиппи А. Припятская проблема. — М., 1959. — С. 147 — 153.

ПЛАН «БАРБАРОССА»

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами
Верховное главнокомандование вооруженных сил. Штаб оперативного руководства.
Отдел обороны страны № 33408/40. Сов. секретно.
Перевод с немецкого
Ставка фюрера
18.12.40 г.
9 экземпляров
9-й экземпляр

ДИРЕКТИВА № 21 ПЛАН «БАРБАРОССА»

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса»),

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры боевых действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии и особенно против ее морских коммуникаций отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны также и во время восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, поскольку они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга, Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й группы), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками.

Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначаемой для действий на Севере.

III. **Проведение операций**

А) **Сухопутные силы**. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне).

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с Северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

И только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й группы также и в течение восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (2—3 дивизии) из района Рованиеми и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно большее количество русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблин в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

На юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн.

На севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) **Военно-воздушные силы.** Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут в порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) **Военно-морской флот.** В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV. Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию в отношении нас.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальные сотрудники, привлечение которых необходимо, должны привлекаться к работе как можно позже и ознакамливаться только с теми частными сторонами подготовки, которые необходимы для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

V. Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Подписал: Гитлер Верно: капитан (подпись)

Расчет рассылки:

Главнокомандующий сухопутными войсками (оперативный отдел) 1-й экз.

Главнокомандующий военно-морским флотом (штаб руководства военно-морскими операциями) . 2 »

Главнокомандующий военно-воздушными силами (штаб оперативного руководства ВВС)..... 3 »

Верховное главнокомандование вооруженных сил:

Штаб оперативного руководства 4-й экз. Отдел обороны страны. 5—9 »

Верховное главнокомандование вооруженных сил.

Штаб оперативного руководства.

Отдел обороны страны (оперативный отдел)

Перевод с немецкого

Ставка фюрера

15.2.41 г.

13 экземпляров

№ 44142/41. Сов. секретно. 9-й экземпляр

Основание. Распоряжение верховного главнокомандования вооруженных сил. Штаб оперативного руководства. Отдел обороны страны № 22048/40 от 3.2.41 г. Сов. секретно.

ДИРЕКТИВА ПО ДЕЗИНФОРМАЦИИ ПРОТИВНИКА

Цель дезинформации заключается в том, чтобы скрыть подготовку к операции «Барбаросса». Эта главная цель и должна лечь в основу всех мероприятий по дезинформации противника.

В первый период времени, примерно **до** апреля месяца, необходимо по-прежнему поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших намерений. На следующем этапе подготовки к операции «Барбаросса», скрыть которые станет уже невозможно, должны быть представлены в виде ложных мероприятий, проводимых якобы с

целью отвлечения внимания от возможного вторжения в Англию. Ниже приводятся руководящие указания относительно средств дезинформации.

а) **На первом этапе.** Акцентирование предстоящего вторжения в Англию; широкая информация о новых средствах нападения на транспорты; преувеличение значения вспомогательных операций «Марита» (Marita), «Подсолнечник» (Sonnenblume), действий 10-го авиационного корпуса и количества сил, предназначенных для проведения этих операций.

Мотивировка стратегического сосредоточения и развертывания для операции «Барбаросса». Развертывание сил для операции «Барбаросса» проводить под видом обмена сил между Западом, Германией и Востоком, подтягивания тыловых эшелонов

для операции «Марита» или в конце концов под видом обеспечения тылового прикрытия со стороны России на случай перехода к обороне.

б) **На втором этапе.** Стратегическое развертывание сил для операции «Барбаросса» должно быть представлено в свете величайшего в истории войн дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию.

Данное мероприятие может иметь успех, так как первый удар по Англии благодаря интенсивнейшему использованию новых боевых средств и перевесу английских сил только на море может быть осуществлен сравнительно незначительными силами. В связи с этим основная масса немецких войск может быть использована для демонстративного маневра. Стратегическое развертывание против Англии, напротив, начнется только одновременно с нанесением первого удара.

Осуществление дезинформации: 1. Служба информации (руководит начальник разведки и контрразведки верховного главнокомандования вооруженных сил).

Основной принцип: осторожно пользоваться общей информацией, только строго по каналам, которые будут указаны начальником разведки и контрразведки. Последний руководит также передачей целесообразных дезинформационных сведений атташе в нейтральных странах и атташе нейтральных государств в Берлине. В общем дезинформация должна иметь форму мозаичной картины, которая определяется общими целями.

Для обеспечения согласованности практических мероприятий, проводимых командованиями видов вооруженных сил (главным образом переброска войск), с деятельностью службы информации верховного главнокомандования штаб оперативного руководства (отдел обороны страны) по договоренности с главными штабами видов вооруженных сил и управлением разведки и контрразведки верховного главнокомандования будет периодически, в зависимости от обстановки, пополнять имеющиеся общие инструкции новыми указаниями.

На первом совещании, которое будет созвано в ближайшем будущем, необходимо решить следующее:

а) на протяжении какого времени предполагаемые перевозки войск по железным дорогам следует показывать в виде нормального обмена войск между Западом, Германией и Востоком;

б) какие перевозки на Запад могут быть использованы при контршпионаже в качестве дезинформации «Вторжение» (например, замаскированный подвоз нового технического имущества);

в) следует ли и как распространять слухи о том, что военно-морской флот и авиация в последнее время воздерживались от действий согласно плану, независимо от метеорологических условий, для того, чтобы сберечь силы для большого наступления, связанного с вторжением в Англию;

г) каким образом должна проводиться подготовка к мероприятиям, которые предстоит начать по сигналу «Альбион».

Мероприятия главных штабов видов вооруженных сил:

1. Несмотря на значительное ослабление приготовлений к операции «Морской лев» (Seelowe), необходимо делать все возможное для того, чтобы внутри вооруженных сил сохранить впечатление, что подготовка к высадке в Англию ведется в совершенно новой форме и что подготовленные ранее для этой цели войска отводятся в тыл до определенного момента. Необходимо как можно дольше держать в заблуждении относительно действительных планов даже те войска, которые предназначены для действий непосредственно на Востоке.

2. Главному командованию сухопутных войск предлагается проконтролировать, возможно ли будет все мероприятия, связанные с подготовкой к операции «Барбаросса», как-то: введение в целях дезинформации максимального графика перевозок, запрета отпусков и тому подобные меры, увязать во времени с началом операции «Марита».

3. Особо важное значение имеет распространение дезинформационных сведений об авиадесантном корпусе, которые бы свидетельствовали о намерении использовать его против Англии (прикомандирование английских переводчиков, выпуск из печати новых английских топографических материалов и тому подобное). Главнокомандующему военно-воздушными силами предлагается заняться урегулированием соответствующих вопросов с начальником управления разведки и контрразведки верховного главнокомандования вооруженных сил.

4. Чем больше будет скопление сил на Востоке, тем более необходимо делать все для того, чтобы поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших планов. С этой целью главное командование сухопутных войск совместно с управлением разведки и контрразведки верховного главнокомандования вооруженных сил должно подготовить все необходимое для внезапного «оцепления» определенных районов на побережье проливов Ла-Манш и Па-де-Кале и в Норвегии. (Сигнал для начала действий — условное слово «Альбион»). При этом не столь важно провести оцепление полностью и вводить в действие крупные силы, сколько произвести сенсацию соответствующими мероприятиями. Проведением этой демонстрации, а также других мероприятий, как-то: установка технического имущества, которое неприятельская разведка может принять за неизвестные до сих пор «ракетные батареи», преследуется одна цель — создать видимость предстоящих «сюрпризов» против английского острова.

Чем шире будет проводиться подготовка к операции «Барбаросса», тем труднее станет поддерживать успех дезинформации. Тем не менее помимо сохранения в тайне проводимых мероприятий должно быть сделано все возможное в свете данной инструкции. Желательно, чтобы все инстанции, причастные к готовящейся операции, проявляли собственную инициативу и вносили свои предложения.

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил

Подписал: Кейтель

Верно: капитан (подпись)

Расчет рассылки

Главнокомандующий сухопутными войсками (оперативный отдел) 1-й экз.

Главнокомандующий военно-морским флотом (штаб руководства военно-морскими операциями) . 2 »

Главнокомандующий военно-воздушными силами (штаб оперативного руководства ВВС) . . 3 »

Верховное главнокомандование вооруженных сил

Штаб оперативного руководства 4-й экз.
Отдел обороны страны .... 5—9 »
Начальник отдела связи .... 10 »
Начальник отдела пропаганды верховного главнокомандования вооруженных сил .....11 »
Управление разведки и контрразведки .....12—13 »
Резерв ..... 14—15 »

Верховное главнокомандование вооруженных сил Штаб оперативного руководства. Отдел обороны страны (квартирмейстер IV) № 44125/41. Сов. секретно.

Основание. Директива штаба оперативного руководства (отдел обороны страны/1) № 33408/40 от 18.12.40 г. Сов. секретно.

Перевод с немецкого

Ставка фюрера 13.3.41 г.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ К ДИРЕКТИВЕ № 21 (план «Барбаросса»)

I. Район боевых действий и исполнительная власть

1. Не позднее чем за 4 недели до начала операций в Восточной Пруссии и в генерал-губернаторстве (Так именовались области Польши, присоединенные к Германии в 1939 году) вступают в силу все приказы и распоряжения по боевому обеспечению, изданные верховным главнокомандованием вооруженных сил. После согласования с главным командованием ВВС главнокомандующий сухопутными войсками должен представить свои соображения по этому вопросу.

Включение Восточной Пруссии и генерал-губернаторства в район боевых действий сухопутных войск не предусмотрено. Но на основании неопубликованных распоряжений фюрера от 19 и 21.10.1939 г. главнокомандующий сухопутными войсками имеет право проводить в жизнь все мероприятия, необходимые для выполнения военных задач и для обеспечения безопасности армии. Он может также передать эти полномочия командующим армиями и группами армий. Подобные мероприятия должны проводиться в жизнь раньше всех распоряжений, исходящих от гражданских властей.

2. Занимаемая в ходе военных действий русская территория должна быть, как только позволит обстановка, разделена согласно специальным указаниям на отдельные государства с самостоятельными правительствами.

Для этого следует:

а) По возможности ограничить глубину района боевых действий, который будет намечен, как только сухопутные войска перейдут имперскую границу и границы соседних с нею государств.

Главнокомандующий сухопутными войсками имеет право осуществлять свою власть на этой территории и уполномочивать на это командующих армиями и группами армий.

б) Для подготовки политического управления в районе боевых действий сухопутных войск рейхсфюрер СС получает специальное задание, которое вытекает из идеи борьбы двух диаметрально противоположных политических систем. В рамках этого задания рейхсфюрер действует самостоятельно и на свою ответственность. В остальном исполнительная власть главнокомандующего сухопутными войсками и подчиненных ему инстанций затронута не будет. Рейхсфюрер СС отвечает за то, чтобы выполнение его задач не нарушало хода боевых операций. Более подробно этот вопрос будет разработан главнокомандующим сухопутными войсками при согласовании с рейхсфюрером СС.

в) Как только район боевых действий достигнет достаточной глубины, он должен быть ограничен с тыла. На оккупированной территории, находящейся за районом боевых действий, будет организовано собственное политическое управление. Эта территория с учетом национальности ее народонаселения и в приблизительном соответствии с границами групп армий будет разделена вначале на области: Северную (Прибалтика), Центральную (Белоруссия) и Южную (Украина).

В этих областях политическая власть переходит к рейхскомиссарам, которые получают указания лично от фюрера.

3. Для проведения военных мероприятий в областях, находящихся вне района боевых действий, будут назначены командующие оккупационными войсками, подчиняющиеся непосредственно начальнику штаба верховного главнокомандования вооруженных сил.

Командующий является высшим представителем вооруженных сил и исполнителем военной власти в данной области. Он выполняет задачи командующего на данной территории и имеет права командующего армией или командира корпуса. На него возлагаются следующие задачи:

а) тесное взаимодействие с рейхскомиссаром, оказание последнему поддержки в решении его политических задач;

б) использование и охрана хозяйственных ресурсов страны для нужд немецкого хозяйства (см. пункт 4);

в) использование ресурсов страны для снабжения германских войск по требованию главного командования сухопутных войск;

г) вооруженная охрана всей территории, и прежде всего аэродромов, коммуникаций и складов, от попыток диверсии и на случай появления десантов противника или восстания населения;

д) регулирование движения по дорогам;

е) разрешение вопроса размещения и расквартирования войск, полиции, различных организаций и военно-полевых учреждений, если они остаются на данной территории.

По отношению к гражданским учреждениям командующий имеет право требовать проведения мероприятий, необходимых для выполнения военных задач. Его распоряжения в этой области должны быть выполнены прежде любых распоряжений других инстанций, в том числе и распоряжений рейхскомиссара.

Служебные указания, приказ на организацию соответствующих инстанций и распоряжение о выделении необходимого количества войск последуют особо.

Время передачи власти командующим оккупационными войсками будет указано особо, как только военная обстановка позволит провести это мероприятие без ущерба для хода боевых операций. До этого момента все инстанции, руководимые главным командованием сухопутных войск, осуществляют свою деятельность на основе указаний, данных для командующих оккупационными войсками.

4. Единое руководство хозяйственными инстанциями в районе боевых действий и на оккупированной территории фюрер поручил рейхсмаршалу, который перепоручил эту задачу начальнику управления военной экономики и промышленности. Особые распоряжения по этому вопросу будут изданы управлением военной экономики и промышленности верховного главнокомандования вооруженных сил.

5. Основная часть полиции будет подчинена рейхскомиссарам. Заявки на переподчинение частей полиции в районе

боевых действий должны быть заранее направлены от главного командования сухопутных войск в отдел обороны страны при верховном главнокомандовании вооруженных сил (штаб оперативного руководства).

6. Об отношении войск к населению и о задачах военного трибунала будут изданы особые распоряжения.

II. Транспорт, товарооборот и связь

7. К началу операции штабом оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженных сил будут изданы особые указания, необходимые для проведения мероприятий по ограничению сообщения, товарооборота и связи с Россией.

8. С началом военных операций главнокомандующий сухопутными войсками закрывает советско-германскую границу (в последующем тыловую границу района боевых действий) для всех гражданских лиц, для товарооборота и всех видов связи. Исключением являются полицейские органы, которые будут действовать по указанию рейхсфюрера СС с личного разрешения фюрера.

Размещением и снабжением этих органов ведает генерал-квартирмейстер главного командования сухопутных войск, который для этого может потребовать у рейхсфюрера СС выделения специальных офицеров связи.

Граница будет закрыта также для руководящих лиц и уполномоченных от имперских властей и партийных организаций. В соответствии с этим указанием штаб оперативного руководства оповестит **все** имперские власти и партийные организации. В исключительных случаях посещение этих районов может разрешаться только главнокомандующим сухопутными войсками или уполномоченными им учреждениями.

Исходя из особых распоряжений, изданных для полицейских органов рейхсфюрера СС, разрешение на въезд в Россию следует испрашивать только у главнокомандующего сухопутными войсками.

III. Указания для Румынии, Словакии, Венгрии и Финляндии

9. Верховное главнокомандование вооруженных сил, координируя свои действия с министерством иностранных дел, достигнет необходимого соглашения с этими государствами. Если в ходе операций возникнет необходимость расширения прав командующих немецкими войсками в этих странах, то последние должны обращаться по этому вопросу к верховному главнокомандованию вооруженных сил.

10. Разрешается применять полицейские меры, необходимые для обеспечения безопасности войск, не испрашивая на то особых полномочий.

Дальнейшие распоряжения по этому вопросу последуют позже.

11. Особые распоряжения по вопросам: доставки продовольствия и фуража, размещения войск и материальной части, закупки и отправки товаров, денежного обеспечения и выплаты содержания, возмещения убытков, почтово-телеграфной связи, железнодорожного сообщения и юрисдикции в этих странах — будут изданы позже.

Все требования воинских частей и инстанций, предъявляемые к правительствам этих стран, должны быть направлены в отдел обороны страны верховного главнокомандования вооруженных сил (штаб оперативного руководства) не позднее 27 марта 1941 года.

IV. Указания относительно Швеции

12. Так как Швеция может быть использована только для прохождения войск, никаких особых прав на этой территории для командующего немецкими войсками не предусмотрено. Но тем не менее он имеет право и обязан обеспечить охрану железных дорог от актов диверсий.

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил

Подписал: Кейтель

Верно: майор генштаба (подпись)

Главное командование сухопутных войск.

Генеральный штаб. Оперативный отдел.

№ 050/41 — документ командования. Сов. секретно

Перевод с немецкого

Ставка главного командования сухопутных войск. 31.1.41 г. 30 экземпляров

2-й экземпляр

ДИРЕКТИВА ПО СОСРЕДОТОЧЕНИЮ ВОЙСК (план «Барбаросса»)

1. **Общие задачи**. В случае если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии, следует в качестве меры предосторожности осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Операции должны быть проведены таким образом, чтобы посредством глубокого вклинения танковых войск была уничтожена вся масса русских войск, находящихся в Западной России.

При этом необходимо предотвратить возможность отступления боеспособных русских войск в обширные внутренние районы страны.

2. **Положение противника**. Следует считать наиболее вероятным, что русские, используя усиленные на отдельных участках полевые укрепления на новой и старой государственных границах, а также многочисленные удобные для обороны водные преграды, вступят в бой крупными соединениями западнее рек Днепр и Западная Двина. Русское командование будет придавать особое значение тому, чтобы по возможности дольше удерживать свои авиационные и морские базы в Прибалтийских провинциях и сохранять примыкание своего южного фланга к Черному морю посредством использования крупных сил.

При неблагоприятном развитии операций южнее и севернее Припятских болот русские будут пытаться остановить немецкое наступление на линии рек Днепр, Западная Двина.

Уже при ликвидации немецких прорывов, а также при возможных попытках отвести находящиеся под угрозой войска на линию Днепр, Западная Двина следует считаться с возможностью наступательных действий со стороны крупных русских соединений с использованием танков.

Подробно группировка противника приведена в приложении За—г и справке «Вооруженные Силы Союза Советских Социалистических Республик» от 1.1.1941 года.

3. **Замысел.** Первое намерение главного командования сухопутных войск в соответствии с вышеизложенной задачей состоит в том, чтобы расколоть фронт главных сил русской армии, сосредоточенных в западной части России, быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки вражеских войск.

Южнее Припятских болот группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта, используя стремительный удар мощных танковых соединений из района Люблина, отрезает советские войска, находящиеся в Галиции и Западной Украине, от их коммуникаций на Днепре, захватывает переправы через р. Днепр в районе Киева и южнее его и обеспечивает таким образом свободу маневра для решения последующих задач во взаимодействии с войсками, действующими севернее, или же выполнение новых задач на юге России.

Севернее Припятских болот наступает группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Введя в бой мощные танковые соединения, она осуществляет прорыв из района Варшава и Сувалки в направлении Смоленска; поворачивает затем танковые войска на север и совместно с группой армий «Север» (генерал-фельдмаршал фон Лееб), наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожает советские войска, находящиеся в Прибалтике. Затем войска группы армий «Север» и подвижные войска группы армий «Центр» совместно с финской армией и подброшенными для этого из Норвегии немецкими войсками окончательно лишают противника последних оборонительных возможностей в северной части России. В результате этих операций будет обеспечена свобода маневра для выполнения последующих задач во взаимодействии с немецкими войсками, наступающими в южной части России.

В случае внезапного и полного разгрома русских сил на севере России поворот войск на север отпадает и может встать вопрос о немедленном ударе на Москву.

Начало наступления будет отдано единым приказом по всему фронту от Черного до Балтийского моря (день «Б», время — «У») (Время «У» — время начала наступления).

Основой для ведения боевых действий в этой операции могут послужить принципы, оправдавшие себя в польской кампании. При этом, однако, следует учитывать, что наряду с сосредоточением сил на направлениях главных ударов необходимо атаковать противника также и на прочих участках фронта.

Только таким образом можно будет воспрепятствовать своевременному отходу боеспособных сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр, Зап. Двина. В еще большей степени, чем до сих пор, следует ожидать воздействия вражеской авиации по сухопутным войскам, тем более что немецкие воздушные силы не будут полностью привлечены для операций против России. Войска также должны быть готовы к тому, что противник может применить и химические отравляющие вещества.

4. **Задачи групп армий и армий**:

а) **Группа армий «Юг»** наступает своим усиленным левым флангом в общем направлении на Киев, имея впереди подвижные части. Общая задача — уничтожить советские войска в Галиции и Западной Украине еще к западу от р. Днепр и захватить своевременно переправы на Днепре в районе Киева и южнее, создав тем самым предпосылки для продолжения операций восточнее Днепра. Наступление следует подготовить и провести таким образом, чтобы подвижные войска были сконцентрированы для удара из района Люблина в направлении Киева.

В соответствии с этой общей задачей армии и танковая группа, руководствуясь непосредственными указаниями командования группы армий «Юг», должны обеспечить выполнение следующих задач:

11-я армия обеспечивает прикрытие румынской территории от вторжения советских войск, имея в виду жизненно важное значение Румынии для ведения войны. В ходе наступления войск группы армий «Юг» 11-я армия сковывает противостоящие ей вражеские силы, создавая ложное впечатление стратегического развертывания крупных сил, и по мере развития дальнейшей обстановки путем нанесения во взаимодействие с авиацией ряда ударов по отходящим войскам противника препятствует организованному отходу советских войск ва Днестр.

1-я танковая группа во взаимодействии с войсками 17-й и 6-й армий прорывает оборону войск противника, сосредоточенных близ границы между Рава-Русская и Ковель и, продвигаясь через Бердичев, Житомир, своевременно выходит на р. Днепр в районе Киева и южнее. В дальнейшем, не теряя времени, согласно указаниям командования группы армий «Юг» продолжает наступление вдоль Днепра в юго-восточном направлении с тем, чтобы воспрепятствовать отходу за р. Днепр вражеской группировки, действующей в Западной Украине, и уничтожить ее ударом с тыла.

17-я армия прорывает оборону противника на границе северо-западнее Львова. Быстро продвигаясь своим сильным левым флангом, она отбрасывает противника в юго-восточном направлении и уничтожает его. В дальнейшем эта армия, используя успешное продвижение войск танковой группы, без промедления выходит в район Винница, Бердичев и, смотря по обстановке, продолжает наступление в южном или юго-восточном направлении.

6-я армия во взаимодействии с соединениями 1-й танковой группы прорывает вражеский фронт в районе города Луцк и, прикрывая северный фланг группы армий от возможных атак со стороны Пряпятских болот, по возможности своими главными силами с максимальной быстротой следует на Житомир вслед за войсками танковой группы. Войска армии должны быть готовы по указанию командования группы армий повернуть свои главные силы на юго-восток западнее р. Днепр, с тем чтобы во взаимодействии с танковой группой воспрепятствовать отходу за Днепр вражеской группировки, действующей в Западной Украине, и уничтожить ее.

б) **Группа армий «Центр»**, сосредоточив свои главные силы на флангах, раскалывает вражеские силы в Белоруссии. Подвижные соединения, наступающие южнее и севернее Минска, своевременно соединяются в районе Смоленска и таким образом создают предпосылки для взаимодействия крупных сил подвижных войск с войсками группы армий «Север» с целью уничтожения сил противника, находящихся в Прибалтике и в районе Ленинграда.

В рамках этой задачи по указаниям командования группы армий «Центр» танковые группы и армии выполняют следующие задачи:

2-я танковая группа, взаимодействуя с 4-й армией, прорывает вражеские пограничные укрепления в районе Кобрин и севернее и, быстро продвигаясь на Слуцк и Минск, во взаимодействии с 3-й танковой группой, наступающей в район севернее Минска, создает предпосылки для уничтожения войск противника, находящихся между Белостоком и Минском. Ее дальнейшая задача: в тесном взаимодействии с 3-й танковой группой как можно скорее захватить местность в районе Смоленска и южнее его, воспрепятствовать сосредоточению сил противника в верхнем течении Днепра, сохранив тем самым группе армий «Центр» свободу действий для выполнения последующих задач.

3-я танковая группа во взаимодействии с 9-й армией прорывает вражеские пограничные укрепления севернее Гродно, стремительно продвигается в район севернее Минска и во взаимодействии с наступающей с юго-запада на Минск 2-й танковой группой создает предпосылки для уничтожения сил противника, находящегося между Белостоком и Минском. Последующая задача 3-й танковой группы: тесно взаимодействуя со 2-й танковой группой, ускоренными темпами достигнуть района Витебска и севернее, воспрепятствовать сосредоточению сил противника в районе верхнего течения Двины, обеспечив тем самым группе армий свободу действий в выполнении последующих задач.

4-я армия, нанося главный удар по обе стороны Брест-Литовска, форсирует р. Зап. Буг и тем самым открывает

дорогу 2-й танковой группе на Минск. Основными силами развивает наступление через р. Шара у Слонима и южнее, используя успех танковых групп, во взаимодействии с 9-й армией уничтожает войска противника, находящиеся между Белостоком и Минском. В дальнейшем эта армия следует за 2-й танковой группой, прикрывая свой левый фланг со стороны Припятских болот, захватывает переправу через р. Березину между Бобруйском и Березино и форсирует р. Днепр у Могилева и севернее.

9-я армия во взаимодействии с 3-й танковой группой наносит главный удар северным крылом по группировке противника, расположенной западнее и севернее Гродно, используя успех танковых групп, стремительно продвигается в направлении Лида, Вильнюс и уничтожает совместно с 4-й армией силы противника, находящиеся между Белостоком и Минском. В дальнейшем, следуя за 3-й танковой группой, выходит на р. Зап. Двина у Полоцка и юго-восточнее его.

в) **Группа армий «Север»** имеет задачу уничтожить действующие в Прибалтике силы противника и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить русский флот его баз. Вопросы совместных действий с мощными подвижными силами, наступающими на Смоленск и находящимися в подчинении группы армий «Центр», будут своевременно уточнены и доведены до сведения особо главным командованием сухопутных войск.

В соответствии с этой задачей группа армий «Север» прорывает фронт противника и, нанося главный удар в направлении на Двинск, как можно быстрее продвигается своим усиленным правым флангом, выбросив вперед подвижные войска для форсирования р. Зап. Двина, выходит в район северо-восточнее Опочки с целью не допустить отступления боеспособных русских сил из Прибалтики на восток и создать предпосылки для дальнейшего успешного продвижения на Ленинград.

В рамках этой задачи по указанию командования группы армий «Север» 4-я танковая группа и армии выполняют следующие задачи:

4-я танковая группа совместно с 16-й и 18-й армиями прорывает фронт противника между оз. Виштынецкое и дорогой Тильзит, Шауляй, продвигается к Зап. Двине в район Двинска и южнее и захватывает плацдарм на восточном берегу р. Зап. Двина. В дальнейшем 4-я танковая группа как можно быстрее достигает района северо-восточнее Опочки, чтобы отсюда в зависимости от обстановки продолжить наступление в северо-восточном или северном направлении.

16-я армия во взаимодействии с 4-й танковой группой прорывает фронт противостоящего противника и, нанося главный удар по обеим сторонам дороги Эбенроде, Каунас, стремительным продвижением своего сильного правого фланга за танковым корпусом выходит по возможности быстрее на северный берег р. Зап. Двина у Двинска и южнее его. В дальнейшем эта армия, следуя за 4-й танковой группой, быстро выходит в район Опочки.

18-я армия прорывает фронт противостоящего противника и, нанося главный удар вдоль дороги Тильзит, Рига и восточнее, быстро форсирует своими главными силами р. Зап. Двина у Плявинас и южнее, отрезает находящиеся юго-западнее Риги части противника и уничтожает их. В дальнейшем она, быстро продвигаясь к рубежу Псков, Остров, препятствует отходу русских войск в район южнее Чудского озера и по указанию командования группы армий «Север» во взаимодействии с танками в районе севернее Чудского озера очищает территорию Эстонии от противника.

Важно заблаговременно захватить главнейшие балтийские порты.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ народного комиссара обороны Союза ССР

Героя и Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г.

...III. Задачи боевой подготовки войск Красной Армии на 1941 учебный год

Для выполнения задач боевой подготовки 1941 года Красная Армия располагает всем необходимым. Она имеет самое основное — растущий командный состав, крепкое и устойчивое политико-моральное состояние войск и материальную базу.

1. ОБЩИЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК

1. На основе правильного сочетания методов воспитания и дисциплинарной практики обеспечить насаждение во всех звеньях армии действенной крепкой советской воинской дисциплины.

Дисциплина является главной силой армии. Недостаточно, чтобы наш боец бессознательно подчинялся требованиям дисциплины из-за боязни наказания. Он должен быть убежден, что дисциплина в армии необходима и что его начальники тоже подчиняются ей.

В основу дисциплины нужно положить в первую очередь воинское воспитание и личный пример командира.

Наряду с этим нужно создать в войсках такую обстановку, которая исключала бы возможность нарушения установленного в армии порядка. Всякое попустительство, всякие отступления от требований дисциплины нужно в корне изжить.

2. Укрепить единоначалие как основу управления войсками, всемерно поднять роль и значение командного состава армии, поднять авторитет командира.

Командир должен быть образцом и примером для своей части. Он должен быть на голову выше своих подчиненных.

Нужно неустанно работать над совершенствованием подготовки нашего командира, постоянно руководить и помогать ему в служебной работе.

3. Правильно воспитывать и обучать войска для современной войны. Успех в бою зависит не только от численности и выучки бойцов, от мощи и обилия технических средств, но и от моральных сил бойцов. Побежденной является не та сторона, которая понесла большие потери, а та, у которой иссякли моральные силы.

Воспитать и развить у каждого бойца и у каждого командира высокие моральные силы (твердость дисциплины, инициативность и активность, готовность к самопожертвованию), которые бы при любых боевых испытаниях остались неиссякаемыми, — составляет главную задачу всей нашей воспитательной работы.

Обеспечить приближение нашей повседневной учебы к современной боевой действительности. Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне, — основная организационная задача нашей подготовки.

4. Для успеха в современном бою и операции требуется четкая слаженность и взаимодействие всех родов войск с безудержным стремлением всех без исключения вперед, с целью во что бы то ни стало выполнить поставленные задачи.

Содержание в плену советских военнопленных. Свидетельства

ПОКАЗАНИЯ генерал-лейтенанта германской армии в отставке фон Остеррайха Курта, бывшего начальника отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа

От 28 декабря 1945 года

Моя деятельность на посту начальника отдела по делам военнопленных при штабе Данцигского военного округа началась с 1 февраля 1941 года. До этого я был командиром 207-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся во Франции.

Приблизительно в марте 1941 года я был вызван в Берлин, где в ставке верховного главнокомандования состоялось секретное совещание.

Руководил совещанием генерал-лейтенант Райнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при ставке.

На этом совещании присутствовало свыше двадцати человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры ставки. Фамилий этих офицеров я сейчас не помню.

Генерал Райнеке сообщил нам под большим секретом о том, что ориентировочно а начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте.

Все присутствовавшие на этом совещании начальники отделов по делам военнопленных получили конкретные задания о подготовке определенного количества лагерей для приема и размещения в них русских военнопленных.

Я лично получил от генерала Райнеке задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тысяч русских военнопленных.

В связи с ограниченным сроком генерал Райнеке приказал быстро провести все мероприятия по организации лагерей. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагеря с крытыми бараками, то устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Райнеке дал нам инструкцию об обращении с русскими военнопленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег.

Спустя примерно 8—10 дней после возвращения с указанного совещания в Данциг я получил совершенно секретный приказ ставки, подписанный генерал-лейтенантом Райнеке, в котором говорилось, что мне в соответствии с указаниями, данными на совещании в Берлине, надлежит организовать на территории Данцигского военного округа лагерь для военнопленных, присвоив ему номер 312-А.

В соответствии с этим приказом мною в гор. Торн на военном учебном плацу был организован стационарный лагерь под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Для сооружения этого лагеря я использовал английских военнопленных, содержавшихся в подчиненных мне шталагах XX-Б. Одновременно мною был подобран штат лагерной администрации.

Через некоторое время после получения упомянутого выше приказа я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Райнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к побегу. Кто подписал это распоряжение, я сейчас не помню.

В июне 1941 года через два дня после вторжения Германии на территорию Советского Союза я получил еще приказ ставки верховного германского командования, подписанный начальником управления по делам военнопленных генералом Райнеке.

В этом документе, т. н. «комиссарен-эрлас», именем фюрера немецким воинским частям, находившимся в походе, и администрации лагерей для военнопленных приказывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной Армии, коммунистов и евреев.

В последующих приказах ставки говорилось о том, что трупы расстрелянных указанных категорий военнопленных следует закапывать массами в ямах, а при возможности сжигать, снимая при этом с них опознавательные медальоны.

Полученные мною приказы ставки я передал для исполнения подчиненным мне комендантам шталагов XX-Б майору Зеегеру, полковнику Больману и подполковнику Дульнигу.

Подполковник Дульниг, выполняя этот приказ, сразу же расстрелял свыше 300 человек военнопленных — политических работников Красной Армии, коммунистов и евреев. Трупы расстрелянных были зарыты в массовых могилах на кладбище в районе расположения лагеря XX-С.

Выявленных среди военнопленных политработников Красной Армии, коммунистов и евреев в соответствии с указанием ставки верховного германского командования коменданты лагерей передавали в зондер-команды СД, где их расстреливали.

Так, комендантами шталагов Данцигского военного округа было передано зондер-команде СД для расстрела около 1200 человек советских военнопленных.

В конце 1941 года или начале 1942 года я опять был вызван в Берлин на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах.

Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных при ставке верховного главнокомандования генерал-майор фон Гревенитц.

На совещании обсуждался вопрос о том, как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений, истощений и болезней были непригодны для использования на работах.

По предложению Гревенитца по этому вопросу высказалось несколько присутствовавших офицеров, в том числе врачи, которые заявили, что таких военнопленных **надо концентрировать в одном месте — лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда.**

В результате обсуждения Гревенитц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять, используя для этого медицинский персонал лагерей.

Возвратившись в Данциг, я через Зеегера, Больмана и Дульнига проводил эти указания в жизнь, причем я предупредил их о том, чтобы умерщвление советских военнопленных производилось бы весьма осторожно, дабы это не стало известным за пределами лагерей.

Летом 1942 года я был командирован на Украину на должность начальника отдела по делам военнопленных при штабе армейской группы «Б». Прибыв к месту службы, я узнал, что способ умерщвления русских военнопленных ядами там уже применяется.

В октябре 1942 года во время посещения ДУЛАГа в районе Чира комендант лагеря доложил мне, что в течение только одной недели им было умерщвлено при помощи яда 30—40 истощенных и больных советских военнопленных.

В других лагерях неспособных к труду русских военнопленных просто расстреливали. Так, например, во время посещения летом 1942 года ДУЛАГа № 125 в гор. Миллерово комендант лагеря на мой вопрос о том, как он поступает с

нетрудоспособными русскими военнопленными, доложил, что в течение последних 8 дней им было расстреляно по указанным выше мотивам около 400 русских военнопленных.

Находясь на Украине, я получил из ставки совершенно секретный приказ, подписанный Гиммлером, о том, что с августа 1942 года должно производиться клеймение русских военнопленных определенными знаками.

Русские военнопленные содержались в лагерях в тяжелых условиях, питались плохо, терпели моральные унижения и умирали от холода и заболеваний.

Так, в шталагах Данцигского военного округа только вследствие истощения и болезней умерло свыше 40 тысяч человек, а в подчиненных мне шталагах на Украине 6—9 тысяч русских военнопленных, трупы которых зарывались массами или одиночками в ямах в районах расположения лагерей.

Особенно велика была смертность военнопленных, взятых на работу из лагеря в районе гор. Острогожска. Из этих военнопленных вследствие содержания их в окопах и ямах (октябрь 1942 г.), истощения и развития тяжелых желудочных и инфекционных заболеваний ежедневно умирали десятки и сотни людей.

Аналогичное положение русских военнопленных имело место и при этапировании их. Многие поступавшие ко мне военнопленные были в тяжелом физическом состоянии, обессилены и неработоспособны, в рваном обмундировании и без обуви вследствие того, что военнослужащие германской армии отбирали у военнопленных сапоги, обмундирование, белье и другие вещи.

Пленных привозили в крытых или открытых товарных вагонах, где им приходилось и оправляться. Десятки дней они не могли умываться из-за отсутствия воды, получали голодную норму пищи.

В начале 1942 года при следовании эшелона с русскими военнопленными с Украины в гор. Торн умерло приблизительно 75 человек, трупы которых не убирались и лежали в вагоне вместе с живыми людьми. В этих вагонах стоял зловонный трупный запах. Около 100 человек военнопленных, не выдержавших такого положения и пытавшихся бежать, были расстреляны.

За время моей деятельности в Данцигском военном округе ко мне поступило 12— 13 эшелонов по 1000—1500 русских военнопленных в каждом. В этих эшелонах в пути следования умирало приблизительно 50—100 человек русских военнопленных.

В октябре 1942 года в Харьков прибыл эшелон с русскими военнопленными. В Харькове выяснилось, что в этом эшелоне из 1500 человек недостает около 150. При выяснении оказалось, что 75 человек умерло в пути следования от голода, а их трупы находились не убранными в вагонах. Остальные 75 человек пытались бежать, но были схвачены охраной и расстреляны на месте.

Не лучше обстояло дело и в лазаретах для русских военнопленных. При посещении Харьковского лазарета для русских военнопленных я видел, что тяжелобольные были размещены в помещениях, где не было отопления и все окна выбиты, а больные не имели одежды и обуви. В результате в этом госпитале ежедневно умирало от истощения и эпидемических заболеваний 200—300 человек.

Должен также указать, что в подчиненных мне лагерях на Украине одновременно с военнопленными в отдельных бараках содержалось под арестом до 20 тысяч советских граждан, взятых в качестве заложников из ряда районов Украины, охваченных партизанским движением.

Кроме этого, около 30 деревень с проживавшими в них около 10 тысяч человек гражданского населения по тем же мотивам были взяты под арест.

Каждая из указанных деревень была оцеплена немецкими войсками. Проживавшее в них гражданское население никуда не выпускалось до момента подавления партизанского движения в прилегающих к этим деревням районах.

После подавления в указанных районах партизанского движения работоспособные советские граждане — мужчины и женщины от 17 до 40 лет были вывезены для работы в Германию. Насколько я помню, в Германию было вывезено свыше 10 тысяч человек.

Показания написаны мною собственноручно.

Остеррайх Курт

ПОКАЗАНИЯ ПРИНЯЛ: ОФИЦЕР КОНТРРАЗВЕДКИ майор КУЗЬМИШИН

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК лейтенант БУБНОВ

Перевел с немецкого военный переводчик лейтенант (БУБНОВ)

ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2. д. 103. лл. 137— 144,

ВИЖ №3 1991

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ: ДОКУМЕНТЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

ОДНО ИЗ ТЯЖКИХ наследий нашей недавней истории — репрессии против целых народов. Среди тех, кому довелось пережить такое, крымские татары. Сегодня, когда немало делается для восстановления справедливости, в том числе и в Крыму, многие задаются вопросом: а на чем вообще основывались обвинения крымских татар в массовом предательстве и переходе на сторону врага? Конечно, никакие самые чудовищные факты, не могут оправдать депортации всех поголовно, включая женщин и детей, но все же — на чем? В своих письмах читатели просят опубликовать соответствующие архивные материалы. Учитывая это, редакция решила познакомить вас с документами из Военного архива объединенной Германии при бывшем институте военной истории.

Командующий 17-й армией и командующий войсками вермахта в Крыму
Отделы оперативный и разведки № 1231"44
Совершенно секретно Только для командования
В группу армий «А»

1. Командование армии предлагает создать в Крыму местное правительство.

2. **Основания**

Выступая с таким предложением, армия исходит из следующего:

а) Принятое решение оборонять Крым создает такое положение, чтобы находящиеся здесь немецкие и румынские войска полностью использовали все возможности этой местности и населения. При этом имеется в виду, чтобы росло желание населения работать. В конечном итоге нужно использовать для нужд армии это желание не по принуждению, а добровольно.

б) Сильно возросшее бандитское движение, в основном в горах Яйлы, ввиду наших слабых возможностей можно разгромить только с помощью населения, и тогда бандиты не будут нашим третьим фронтом (1-й фронт — Керчь, 2-й — Перекоп, 3-й — партизаны.— **Пер**.). Это можно сделать только с таким населением, которое добровольно стоит на нашей стороне и связывает свою судьбу на горе и на радость с немецкими и румынскими войсками.

Созданные во многих селах вооруженные силы самообороны до сего времени показывали себя с лучшей стороны.

в) Создав местное правительство в Крыму, которое будет связующим звеном между немецкой военной администрацией (отдел VII) и местной властью районов, а также населенных пунктов, мы сможем сплотить сочувствующие нам силы, а также и равнодушных. Их будет легче охватить и привлечь к сотрудничеству, чем это делает сейчас военная администрация, ибо в конечном итоге национально-сознательные русские люди считают нас захватчиками в их стране.

Некоторые неприятные распоряжения и хозяйственные трудности воспринимаются населением как вражеские действия, а тогда за это будет нести ответственность местное правительство.

3. **Создание местного правительства**

Создание местного правительства предполагается провести на основании приложенного распоряжения. Предусмотрено прежде всего создать правительственную комиссию для разработки мероприятий из представителей главных национальных групп в Крыму (татары, русские, украинцы).

Какие задачи будет выполнять местное правительство, видно из приложения. В настоящее время военная администрация (отдел VII) имеет связь с районными управлениями или старостами, и получают они приказы от командующего войсками вермахта в Крыму, а после того как будет создано местное правительство, приказы будут поступать от правительства, а ценно это также из пропагандистских соображений.

4. Внешнеполитические последствия оценивать армия не может.

В проведении восточной политики создание местного правительства в Крыму будет означать поворот от действующих в настоящее время правил. Проведение в жизнь этого мероприятия требует разрешения вышестоящих инстанций. В армию не нужно направлять специалистов по этому вопросу, ибо положение в Крыму мы знаем лучше, чем кто-либо. Это мероприятие мы в состоянии провести сами.

5. В связи с этим армия сообщает еще следующее.

По полученным здесь сведениям Восточное министерство создало так называемый «Крымско-татарский руководящий отдел» под руководством господина Конельсена, куда входят также и эмигранты — крымские татары, и в том числе Миге Керимал. Последний направляет крымским татарам-руководителям сообщения постоянно о переговорах или вносит предложения в этот отдел и тем самым немецким служебным инстанциям в Германии. Он поставил в известность руководителей татар о том, что в случае нашего ухода из Крыма все татары будут эвакуированы со всем их имуществом. В связи с этим нужно поставить в известность Восточное министерство, что нужно по вопросу эвакуации из Крыма обращаться в армию, но этого не произошло.

Кроме того, в декабре 1942 года был обговорен в Восточном министерстве вопрос о создании муфтиата в Крыму.

Командование армии считает неприемлемым, когда крымские татары действуют через своих представителей-эмигрантов без постановки в известность об этом командования армии.

Чтобы исключить давление на взаимоотношения между эмигрантами и руководителями крымских татар, предлагаем «Крымско-татарской руководящей инстанции» или Восточному министерству постоянно информировать нас о результатах происходящих совещаний.

[Подпись]

Д WF-03/31227, лл. 286—289.

Приложение № 1231"44 от 8.03.1944 г.
Совершенно секретно Только для командования
Порядок создания местного правительства в Крыму

Создание местного самоуправления на уровне городов, районов и населенных пунктов в Крыму военной администрацией закончено.

Население Крыма снова высказывает желание создать местное правительство — центральный орган управления для Крыма и по этому вопросу обращалось к немецким властям. В знак отличного поведения населения Крыма также и

в период военного времени и чтобы естественно проводить дальнейшее развитие, Крым получает собственное местное правительство

§ 1

Крымское правительство является центральным органом управления на всей территории полуострова Крым.

§ 2

Крымское правительство выполняет свои задачи под профессиональным надзором немецкой военной администрации.

§ 3

В правительстве будут представлены все большие группы населения народов, которые живут в Крыму.

§ 4

Компетенцией местного органа управления являются следующие: орган внутренних дел, включая местную полицию; церковь, школы, образование, благотворительность, местные суды.

§ 5

Местное правительство действует в тесном контакте с немецкой военной администрацией.

§ 6

Это распоряжение вступает в силу с момента его провозглашения. Симферополь 1944 г.

Командующий военными силами Крыма

Д. WF-03/31527, ЛЛ. 290—291.

Копия

Приложение к дневнику военных действий № 389

Совершенно секретно Только для командования

Телеграмма В группу армий «Юг»

По согласованию с командованием группы армий «Юг» среди татар началась вербовка большого количества добровольцев. Они должны постоянно направляться в качестве стрелков в немецкие дивизии, чтобы пополнять боевые ряды ослабленных пехотных полков. Для этого подготовлено воззвание для поднятия татар против большевизма. Татары хотят вместе с немецкими войсками выступить на борьбу против большевизма для защиты народа и родины. Сообщение об этом предусмотрено дать при помощи плакатов и солдатского радиопередатчика от имени татарских и магометанских руководителей. При успехе желательна поддержка политическим и пропагандистским руководством рейха этого дела.

Таким образом, можно будет влиять на дивизии, в которых много представителей кавказских народов, предлагая им переходить с оружием, ссылаясь на пример татар, чтобы совместно сражаться за освобождение их родины от большевизма. Для поддержки этой большой акции просим верховное командование вермахта прислать листовки. Положение требует немедленного основательного разрешения предусмотренных армией мероприятий верховного руководства.

11-я армия, отдел разведки № 321/42

Совершенно секретно.

Только для командования

4.01.1942 г.

в 01 ч 15 мин

Д. WF-03/S823, Л. 261.

ИЗ ДНЕВНИКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИИ 11-й АРМИИ В КРЫМУ

Приложение в отделе разведки

Айнзатцгруппа «Д»

шефа полиции безопасности (СД).

Рекрутский набор крымских татар

Доклад о результатах добровольной вербовки, набор на военную службу и полученный опыт.

Положение на 15 февраля 1942 года

I План призыва армии

1) Передача айнзатцгруппе «Д»

2) Выполнение задания

II. Проведение вербовки и охват

1) Включение и помощь татар

Первые официальные переговоры с татарским комитетом в Симферополе

2) Организация вербовки

III. Результаты призыва

IV. Распределение призванных татар

V. Опыт:

1) При вербовке и охвате

2) При призыве

3) При боевом применении татарских охранных рот

4) Обобщение опыта

I. План призыва татар армией

1) Передача вопросов рекрутирования татар армией в айнзатцгруппу «Д».

2.01.1942 г. в отделе разведки армии состоялось совещание, где было заявлено, что Фюрер разрешил призыв добровольцев из крымских татар. Штаб армии передал эти вопросы рекрутирования айнзатцгруппе «Д». Целью этого призыва являются: охватить крымских татар, способных служить в армии, для действия на фронтах в Крымской армии на добровольной основе, а также создать татарские роты самообороны, которые совместно с айнзатцгруппой «Д» можно будет использовать для борьбы с партизанами. Призванных в армию татар необходимо распределить по дивизиям или особым подразделениям, но маленькими подразделениями в 2—3 человека.

Айнзатцгруппа «Д» создает татарские роты самообороны под командованием немецких командиров. Призванные в армию татары считаются служащими вермахта. Они получают одинаковое питание и денежное содержание, как и нем-

цы низкого ранга. Командование айнзатцгруппы «Д» принимает на себя руководство, питание и выдачу денежного содержания татарских рот самообороны через соответствующие немецкие подразделения вермахта. Посредниками вермахта действуют местные комендатуры (выдача денежного содержания), где будут дислоцироваться татарские роты. Отдел тыла армии получит соответствующие указания по вопросам обмундирования я вооружения. Обмундирование должно, по возможности, быть немецким, но без знаков отличия. Вооружение татарские роты получают только пехотное, но не автоматическое оружие. Айнзатцгруппа проводит призыв татар для армии по прилагаемому плану и одновременно создает татарские роты самообороны для борьбы с партизанами в важных районах. Дислокация и распределение призванных татар — на основании распоряжений отдела разведки армии.

2) **Задачи айнзатцгруппы «Д»:**

а) На основании данных этнографического распределения населения необходимо проводить эту работу б татарских селах, особенно в северной части Крыма. Для практического проведения в дальнейшем призыва необходимо разведать проходимость дорог и возможности проезда в далеко лежащие села.

б) Создать комиссии из представителей айнзатцгруппы «Д» и проверенных татар, чтобы провести призыв как можно лучше, проверить политическую лояльность и, наконец, провести соответствующую регистрацию.

Для вербовки в лагерях военнопленных согласовать вопросы с соответствующим отделом.

в) Тех татар, которые желают поступить в вермахт и будут распределены по частям, можно будет освободить от работы, сконцентрировать в удобных местах, откуда их смогут забрать представители частей вермахта.

г) Айнзатцгруппа «Д» проводит подготовку для распределения, направления в казармы, руководства и обучения ей подчиненных татарских рот самообороны. В особо опасных районах, где действуют партизаны, можно размещать повзводно татар в отдельных селах.

II**. Проведение вербовки и охват крымских татар**

1) **Включение и помощь татар**

Исходя из сознания того, что быстрая и действенная вербовка и охват возможны только с помощью татар, татары из Симферополя, а также в Евпатории, Бахчисарае, Ялте, Алуште, Карасубазаре, Старом Крыму и Судаке просят создать татарские комитеты и там, где их пока нет, а также собрать совещание 3.01.1942 г. для переговоров о практическом выполнении этой акции.

3.01.1942 г. в 10.00 началось официальное первое заседание татарского комитета в Симферополе, посвященное началу вербовки татар Крыма для общей борьбы против большевизма. Совещание проводилось в зале здания, где размещается айнзатцгруппа, под руководством шефа айнзатцгруппы «Д>.

Со стороны айнзатцгруппы «Д», кроме шефа СС-оберфюрера Олендорфа, принимали участие: СС-оберштурмбанфюрер Зейберт, СС-штурмбанфюрер доктор Брауне, СС-штурмбанфюрер Шульц, СС-оберштурмфюрер Шуберт и СС-унтерштурмфюрер Кек.

Со стороны татарского комитета присутствовали следующие лица: Абдурешидов — председатель, Керменчикли — зампредседателя, Османов — член правления и 9 других членов: Сетулла, Девлетов, Фазиль, лайбулла, Клсблеев, Шулик, Гафаров, Табиев и Мусафар.

Заседание открыл приветственным словом СС-оберфюрер Олендорф, в котором он приветствовал комитет и сказал, что он рад сообщить комитету, что армия их просьбу — защищать Родину против большевизма с оружием в руках — принимает. Он имеет задачу как можно быстрее провести вербовку и охват ею крымских татар. Татары, которые готовы с оружием выступить, будут рассматриваться как военнослужащие вермахта, получат такое же снабжение продовольствием и деньгами, как и немецкие солдаты.

Присутствующие татары эти слова восприняли с восторгом и бурно аплодировали, что их просьба командованием вермахта принята и они смогут помочь убрать большевистскую систему. Присутствующий здесь мулла мусульманского объединения Симферополя взял слово и заявил, что его религия и верования требуют принять участие в этой священной борьбе совместно с немцами, ибо окончательная победа для них не только означает уничтожение советского господства, но снова дает возможность следовать их религиозным и моральным обычаям.

После того как старейший из татар Эннан Сетулла заявил, что он сам с оружием готов выступить (Сетулле больше 60 лет), слово взял председатель татарского комитета Абдурешидов и сказал буквально следующее: «Я говорю от имени комитета и татар и знаю, что татары, как народ, полностью поддерживают то, что я скажу. Достаточно только призыва немецкой армии, и татары готовы выступить все на борьбу против общего врага. Для нас это большая честь под руководством Адольфа Гитлера, крупнейшего деятеля немецкого народа, получить разрешение сражаться. То, что нам доверяют, нам придает силы, чтобы мы все без сомнения выступили под руководством немецкой армии. Наши имена можно будет позже вспоминать с честью, что мы помогали освобождать порабощенные народы».

Как представитель татарской молодежи, второй председатель татарского комитета Керменчикли заявил, что он говорит от имени татарской молодежи, которая знает, что речь идет о лучшем будущем, что нас связала судьба совместной борьбы. Затем он сказал, что он сам пережил высылку и убийство большей части его семьи и родственников: «Каждый молодой татарин идет в бой с сознанием против злейшего врага, который одновременно является врагом немецкого народа».

Эти слова, заявил представитель старшего поколения Клеблеев Мухамеджан, вдохновляют, и он, несмотря на старость, все еще чувствует себя молодым и также готов воевать, чтобы передавать свой опыт молодым.

СС-оберфюрер Олендорф сказал, что высказывания присутствующих татар говорят о том, что он говорил с мужчинами, которые понимают необходимость совместной борьбы против системы безбожников. Он верит в то, что теперь нужно перейти к практическому проведению мероприятий по вербовке и охвату татар.

После длительных разговоров пришли к выводу провести следующие мероприятия:

1. В городе Симферополе, так же, как и в других районах Крыма, где проживают татары, были намечены округа и подокруга.

2. В каждый округ будут посланы одна или несколько комиссий, куда будут входить представители айнзатцкоманды «Д» и хорошие вербовщики из татар, которые немедленно начнут работу по вербовке.

3. Вербовку проводить таким образом, чтобы в части города или в деревне собирать татар на собрание. На таком собрании выступает один СС-фюрер и один татарин.

4. После выступления нужно сразу же начинать запись добровольцев.

5. Вербовка вне Симферополя также проводится под руководством командования айнзатцгруппы «Д» с помощью

местного татарского комитета. Туда, где это необходимо, нужно направлять одного хорошего пропагандиста из симферопольских татар, который будет агитировать за вербовку в армию.

6. В городе Симферополе проведение вербовки и собраний необходимо начать немедленно, а 5.02.1942 г, открыть вербовочное бюро.

После того как обо всем договорились, татары попросили это торжественное заседание и тем самым начало борьбы против неверных закончить молебном по их обычаю. Татары покрыли свои головы и, стоя, повторяя за муллой, произнесли три молитвы: 1-я молитва — за достижение быстрой победы и общих целей, а также за долгую жизнь фюрера Адольфа Гитлера; 2-я молитва — за немецкий народ и его доблестное войско; 3-я молитва — за погибших в боях немецких солдат. Шеф айнзатцгруппы «Д» после этого объявил о закрытии совещания.

2. **Организация вербовки**

Дается описание, как проводится вербовка: собираются татары старостами; перед ними выступают вербовщики; рассказывают об условиях. Как правило, записываются многие, чтобы бороться с большевизмом — старым врагом крымских татар. (Так пишут немцы, но конкретных лиц не называют.— **Пер**.).

III. Результаты рекрутирования татар

Вербовка татар-добровольцев практически закончена. Эти акции проводились в 203 населенных пунктах и в 5 лагерях военнопленных. Вот такие достигнуты результаты. Возможны некоторые изменения в сторону увеличения, ибо некоторые данные поступили пока по телефону.

(Даются данные по районам и с разбивкой по населенным пунктам.— **Пер**.)

1. Город Симферополь — 180 человек
2. Округ северо-восточнее Симферополя — 89 »
3. » южнее Симферополя — 64 »
4. » юго-западнее Симферополя — 89 »
5. » севернее Симферополя — 182 »
6. Район Джанкоя — 141 человек
7. » Евпатории — 794 »
8. » Зайтлер-Ички — 350 »
9. » Сарабуса — 94 »
10. » Биюк-Онлара — 13 »
11. » Алушты — 728 »
12. » Карасубазара — 1000 »
13. » Бахчисарая — 389 »
14. » Ялты — 350 »
15. » Судака (ввиду высадки десанта русских данные проверяются) — 988 »
16. Лагерь военнопленных в Симферополе — 334 »
17. » Биюк-Онларе — 22 »
18. » Джанкое — 281 »
19. » Николаеве —2800 »
20. » Херсоне — 163 »
21. Дополнительно в Биюк-Онларе — 204 »

Всего: 9255 татар

IV. Распределение рекрутированных татар

До 29.01.1942 года армия получила в свое распоряжение 8684 татарина, которые по мере вербовки учитывались и об этом докладывалось в отдел разведки армии.

ПРИМЕЧАНИЕ. Ввиду высадки десанта в Судаке результаты вербовки пересчитываются.

Айнзатцгруппа «Д» организовала концентрацию татар в одном месте сбора, а во многих случаях они передавались в воинские части, куда они предназначались. После их освидетельствования в воинских частях те татары, которые не подходили для службы в строевых частях, направлялись снова через айнзатцгруппу в свои деревни.

2) Айнзатцгруппа «Д» создала из призванного контингента добровольцев 14 татарских рот самообороны общей численностью 1632 татарина.

В особо опасных районах роты дислоцированы повзводно.

Численность и место дислокации рот:

1-я татарская рота численностью 100 человек размещена в Симферополе.
2-я » » » в Биюк-Онларе 137 » »
1-й взвод — Биюк-Янкое
2-й » — Битаке
3-й » — Теркунди
3-я » » » 60 » » в Бешуе
4-я » » 125 » » в Баксане
5-я » » » 150 » » в Молбае
6-я » » » 175 » » в Бий-Ели
1-й » —Бий-Ёли
2-й » — Коиерликое
3-й » — Кокташе
7-я » » » 100 > » в Алуште
1-й » —Корбеке
2-й » — »
3-й » — Демерджи
8-я » » » 85 » » в Бахчисарае
9-я » » » 100 » » Коуше
10-я » » » 175 » » в Ялте

11-я » » » 175 » » Сейчас в Ялте, а после обучения передислоцируется
12-я » » » 100 » » в Таракташе
13-я » » » 100 » » Пока в Таракташе. После обучения будет передислоцирована
14-я » » » 50 » » в Джанкое

V. При рекрутировании и уже применявшиеся в деле татарские роты.

Полученные первые результаты опыта

Уже при занятии войсками Крыма татары показывали свое дружелюбие к немцам. Они считали немецкие воинские части освободителями от большевистского ига, предлагали свою помощь и выражали дружелюбие. Эти высказывания, учитывая характер татар, а также еще и то, что у них живы воспоминания о братстве по оружию в период 1917—1918 годов, сравниваются с лояльным поведением немецких солдат и пережитым ими советским подавлением.

До 1926—1927 года советы как-то считались с татарскими традициями, но после того, как сюда начали поселяться евреи, татары начали протестовать, а это вызвало подавление татарских элементов, и особенно за то, что они упорно держались своей веры, языка, своей культуры, своего уклада жизни. Их религиозная деятельность беззастенчиво подавлялась. Это все является главным основанием того, что татары, в своей широкой массе крестьянское население, были чужды большевизму, а власть имущие советские господа считали их людьми низшего сорта.

После вступления немцев они все чаще предлагали свою помощь в борьбе против партизан и Красной Армии, как «системы неверных». В Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре и т. д. молились они за победу немецкого оружия, за Фюрера, посылали благодарственные письма Фюреру, а также писали письма, в которых просили разрешить им принять участие в борьбе с большевизмом.

Вербовка и создание подразделений, а также боевое применение татарских рот самообороны под командованием айнзатцгруппы «Д» дают примеры, что касается татар Крыма, считать: большинство татарского населения выражает практически готовность сражаться. Но в отдельных районах призыв к борьбе с оружием в руках не всегда находит должное понимание.

1) Опыт вербовки и охвата

Уже при вербовке и охвате татар было установлено некоторое различие того, как было принято ими обращение. Татары из западной части Крыма, особенно из районов Бахчисарая и ближайших пригородов Симферополя (особенно севернее города), несмотря на первоначальное большое воодушевление, все же не хотели, чтобы их использовали вне своих населенных пунктов, в то время как татары восточной части Крыма, особенно вокруг Карасубазара, Старого Крыма и Судака, и особенно сельских районов Северного Крыма почти все поголовно заявляли, что они готовы немедленно с оружием в руках бороться с общим врагом. Это имело место особенно в селах, полностью населенных татарами. Например, в селе, где было всего 26 мужчин, один 60-летний татарин никак не мог понять, почему его не берут в ряды сражающихся. Сдержаннее были татары в населенных пунктах, где проживало смешанное население или там, где ранее было большое влияние советских служащих или родственников партизан. Именно в этих населенных пунктах имели место случаи распространения партизанских листовок, и там татары часто не высказывались открыто о борьбе с большевизмом. В тех случаях, где действия этих вражеских кругов немедленно пресекались охранной полицией, там результаты вербовки очень скоро улучшались. Так же в селах, где не отмечались позитивно результаты вербовки, но при возникновении опасности (нападения партизан и т. д.) татары немедленно были готовы защищаться и не допускать проникновения партизан.

То обстоятельство, что в западной части Крыма рекрутирование в отдельных районах не давало ожидаемого успеха, объясняется следующими обстоятельствами:

а) Нежелание попасть на фронт. В связи с десантами русских население подумывает об эвакуации и бегстве.

б) В партизанских районах они согласны оставаться дома и защищать свои семьи от их набегов. Они даже не соглашаются на размещение их в казармах в рядом лежащих селах.

в) Призыв мужского населения в Красную Армию уменьшил количество мужчин, способных к призыву в армию. В горных деревнях их часто осталось 40—60 человек. Конечно, нельзя не учитывать и какое-то влияние большевизма. Это заметно в районе Бахчисарая, но в отдельных селах (таких, как Коккос, Фоти-Сала и Альбат) результаты вербовки были неплохие.

2) Опыт при призыве

Пример. В селах района Бахчисарай, где проживают в основном татары, практически все были охвачены, кроме мелких горных поселений. До 22.01.1942 года добровольно заявили о своей службе 565 татар. При проведении призыва были отмечены частые отказы в этом по различным причинам, а именно: 30.01.1942 г. таких оказалось 176 человек: больных — 74 человека, повреждения различных частей тела — 42 человека, работающих уже при воинских частях — 12 человек, не явились на призывной пункт — 48 человек. Из 565 добровольцев осталось 389 человек.

Многие из них оказались больны различными болезнями. Татарская рота в Бахчисарае. Из 9 сел района было призвано 80 татар. После тщательного врачебного досмотра из 80 человек осталось только 38 татар, годных для военной службы.

3) Полученный в настоящее время опыт применения татарских рот

Применение татарских рот в боевых действиях показывает, что они в основном действуют хорошо. Так, в Западном Крыму были задействованы 8-я и 9-я татарские роты Бахчисарая и Коуша и они показали себя в поиске отлично. Также и другие группы татар при айнзатцкоманде «Д» в вопросах разведки показали себя хорошо. В вопросах дисциплины и поведения на марше татарские роты вели себя хорошо. В стычках с партизанами татары действовали умело и они побеждали: много партизан уничтожено, другие бежали. Так было в районе Бахчисарая, а в районе Судака они действовали и против регулярных войск (десант). Об их боевых качествах указано также и в партизанских донесениях, где указано количество убитых и раненых.

Те подразделения из татар, которые еще не прошли достаточную подготовку, применяются для охранных мероприятий. Необходимо заметить, что там, где размещены татарские подразделения, партизаны не нападают на населенные пункты или нападают редко.

Татары также хорошо несут внутреннюю службу, стараются хорошо выглядеть, соблюдают чистоту и в этом смысле лучше выглядят по сравнению с теми русскими подразделениями, которые у нас на службе.

К сожалению, не хватает переводчиков при проведении занятий.

Вооружение татары получают из запасов армии. Проводится их обмундирование, они получили шинели и стальные каски.

Так как партизаны стараются так же одеваться, как татары, то необходимо с этим считаться. Нужно ускорить полное вооружение всех татар-добровольцев. В немецком госпитале в Симферополе открыто специальное отделение для татар, где имеются татары — врачи и сестры. Санитарная служба айнзатцгруппы «Д» обеспечила перевязочным материалом все татарские роты и подразделения.

Настроение в татарских ротах нужно считать хорошим. Немецкие воспитатели говорят, что татары очень горды тем, что им доверяется такая служба и уделяется им внимание или во время службы, или после нее. Они гордятся, что носят немецкую форму. Татары стараются изучать немецкий язык и очень гордятся, когда могут сказать по-немецки.

4) Общий опыт

Исходя из общего опыта нужно учитывать, что, как указано выше, скоро может возникнуть необходимость обратить внимание на татарский комитет, особенно в Симферополе, который, возможно, захочет использовать обстоятельство совместной борьбы в своих целях.

В кругах интеллигенции появляются попытки использовать эту ситуацию для более сильного влияния на различные стороны общественной жизни, о чем уже говорят среди населения. Кроме того, очень сильно проявляется, что главное для них — это их вера. В то время как они, с одной стороны, выступают против большевизма, евреев и цыган и часто пишут на них доносы, с другой стороны — своих, где только возможно, покрывают и защищают. В конечном итоге они видят прежде всего мусульман, в то время как молодежь в результате большевистского воспитания иногда идет на компромиссы, не то, что старики. А поэтому они стараются открыто не высказывать своего мнения, но лелеют надежду на будущее. Они думают о том, чтобы весь Крым находился под татарским влиянием и под немецкой защитой, и даже мечтают о гросрейхе (империи) всех мусульман вплоть до районов Кавказа.

Их централизованные домогательства выражаются в делах, которые снаружи и не видны. Например, они добиваются заполучить печать с надписью «Мусульманский комитет для Крыма». Этим попыткам таких домогательств нужно уделять большое внимание, особенно не допуская создания центрального руководства и тем самым проведения такой политики татарами. С другой стороны, не стоит и переоценивать такие явления. Русское население чувствует себя частично подавленным ввиду движения татар, и это совершенно естественная реакция, но это не повод для опасений, для серьезного напряжения между этими частями населения, хотя татары как народ всегда были врагами большевизма и ведут войну против России.

Д. WF-03/10435, лл. 013—930.

Перевел с немецкого и подготовил документы к публикации Г. А. ЛИТВИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ход боевых действий и причины возникновения советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. советской историографией замалчивались, Имела право на существование лишь официальная версия, характеризующая политику правительства Финляндии как отражающую глубокую враждебность к Советскому Союзу и призванную довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами. Документы же, отражающие события периода советско-финляндской войны, в Центральном государственном архиве Советской Армии в течение длительного времени лежали нетронутыми.

По сей день судьба многих бойцов и командиров, погибших и пропавших без вести в период с 30 ноября 1939-го по 13 марта 1940 года, остается неизвестной даже для их родственников.

Поводом для обращения к теме данной публикации послужил пришедший в ЦГАСА в октябре 1988 года запрос военного комиссариата Севастопольского района Москвы. В нем содержалась просьба установить судьбу полковника Волкова Онуфрия Иосифовича, бывшего начальника штаба 44-й дивизии имени Щорса, связь с которым прервалась в период декабря 1939-го — сентября 1940 года. Почти полвека вдова О. И. Волкова не имела сведений о муже. Пересмотр степени секретности архивных документов, расширение исторической базы позволили провести поиск. Он увенчался успехом. Однако многие документы, касающиеся истории советско-финляндской войны, еще ждут своих исследователей.

30 НОЯБРЯ 1991 года исполнится пятьдесят два года с того дня, как на северо-западе страны войска Красной Армии пересекли государственную границу и началась советско-финляндская война.

Бои развернулись на тысячекилометровом фронте от побережья Баренцева моря до Финского залива. Для руководства действиями советских войск, расположенных на участке Кандалакша — Кемь, было сформировано управление 9-й армии, перед войсками которой ставилась задача за короткий срок выйти через Финляндию к Ботническому заливу. В 9-ю армию наряду с другими частями и соединениями вошла 44-я стрелковая дивизия, прибывшая из Киевского военного округа.

Первоначальным вариантом оперативного плана 9-й армии предусматривалось нанесение удара на левом фланге (на ребольском направлении) силами 44-й и 54-й стрелковых дивизий, однако в связи с неустойчивым положением в центре (на ухтинском направлении), на участке 163-й стрелковой дивизии, 44-я стрелковая дивизия была переброшена на центральное направление действий армии. Дивизия получила задачу выдвинуться по дороге Важенвара — Суомуссалми и оказать помощь 163-й стрелковой дивизии в уничтожении группировки противника в районе Суомуссалми.

К 14 декабря 1939 года на станцию Кемь прибыли и разгрузились эшелоны 44-й стрелковой дивизии: управление, 305-й стрелковый полк, по два батальона 25-го и 146-го стрелковых полков, дивизион 122-го артиллерийского полка, отдельный танковый батальон, противотанковый дивизион и отдельный разведывательный батальон в половинном составе (ЦГАСА. ф. 34980, оп. 10, д. 658, л. 1).

Военный совет 9-й армии из-за нехватки автотранспорта принял решение перебрасывать прибывшие части дивизии комбинированным способом: на автомашинах и походным маршем. Это решение привело к тому, что части 44-й дивизии (сд) вступали в бой прямо с марша, без предварительного сосредоточения на исходном рубеже. Уже 16 декабря 3-й батальон 305 сп вступил в бой с противником на 25-м километре Важенварской дороги (Там же, оп. 5, Д. 42, л. 37), тогда как остальные части подтягивались к району оборонительной полосы противника до 1 января 1940 года. Причем, как отмечалось в последующих докладах прокуроров Главной военной прокуратуры и 9-й армии на имя заместителя наркома обороны СССР Л. 3. Мехписа о причинах поражения 44 сд, «отдельный разведывательный батальон, который должен был обеспечить глубокую разведку противника, и отдельный саперный батальон, который по местным условиям был совершенно необходим для расчистки придорожного леса, постройки блокгаузов, мостов и прочих сооружений, прибыли в самом арьергарде дивизии, вместо того чтобы быть впереди» (Там же, д. 45, л. 12).

В отдельных частях 44 сд из-за разновременности подхода подразделений к передовой линии также не было организовано их управление. Так, 1 сб 25 сп прибыл в Важенвара 19—20 декабря, 2 сб этого же полка — 25 декабря, 3 сб — только 27 декабря. В связи с этим 1 сб 25 сп первоначально был передан в подчинение командиру 305 сп, а затем вновь возвращен в состав 25 сп.

Как показали последующие события, ни командование, ни личный состав дивизии перед началом боевых действий в условиях лесисто-озерной местности не были ознакомлены с особенностями финского театра военных действий и тактики противника. Кроме того, в дивизии не хватало лыж (Недостаток лыж был характерен в целом для 9-й армии: так на 20 января 1940 г. части армии имели некомплект в 10 896 пар лыж, не было лыжных волокуш под пулеметы, лыжных установок под минометы, не хватало саней для обеспечения обоза (ЦГАСА, ф. 34980. ОП. 5, Д. 7. Л. 19), а лыжная подготовка, как следует из записи в «Журнале боевых действий 44 сд», была начата только в канун 1940 года (Запись в журнале боевых действий 44 сд от 31 декабря 1939 *г*). Личный состав полков мог передвигаться в основном только по дороге. Глубокий снег становился серьезным препятствием для передвижения и созершения каких-либо маневров.

Впоследствии вина за все упущения была возложена на командование дивизии. Однако следует отметить, что отсутствию должного опыта у командования 44 сд способствовала политика, проводившаяся в конце 30-х годов в отношении РККА в целом: в результате репрессий против командного состава быстро продвинулись по службе и заняли командные должности люди, не вполне соответствовавшие занимаемым постам и не имевшие необходимых знаний и опыта.

В этом отношении продвижение по службе командира и начальника штаба 44 сд являлось вполне типичным. Так, в послужном списке комдива-44 Алексея Ивановича Виноградова значилось, что в 1936 году он был майором, с июня следующего года командовал 143-м стрелковым полком, в феврале 1938-го досрочно получил звание полковник, в марте того же года был направлен в распоряжение Управления по командно-начальствующему составу РККА. Командиром 44 сд А. И. Виноградов был назначен в январе 1939 года, и тогда же ему было присвоено внеочередное воинское звание комбриг.

Начальником штаба 44 сд был Онуфрий Иосифович Волков, назначенный на эту должность 26 декабря 1933 года. Звание капитан ему было присвоено 30 декабря 1935 года, как окончившему три курса академии РККА имени М. В. Фрунзе, а уже 31 июля 1939 года он стал полковником.

Большинство личного состава 44 сд было слабо обучено и подготовлено к боевым действиям. Основная часть красноармейцев призвана накануне войны. Так, из 3229 человек красноармейцев 25-го стрелкового полка только 900 были кадровыми (Там же, д. 44, л. 37), т. е. менее 30 проц. всего личного состава.

Опыт боевых действий на финском фронте, в частности соседней 163 сд, ни командованием дивизии, ни штабом 9-й армии учтен не был, поэтому изучать условия войны и постигать партизанскую тактику финнов и командиры, и рядовые должны были непосредственно в процессе боевых действий.

Боевые операции 44 сд в период с 16 декабря 1939-го по 8 января 1940 года разворачивались следующим образом, 16 декабря передовые части, двигавшиеся по Важенварской дороге на запад в направлении на Суомуссалми, вошли в соприкосновение с противником, 3-й стрелковый батальон 305 сп занял позицию на 25-м километре этой дороги (Там же, д. 45, л. 54), получив задачу «наступать вдоль дороги на Суомуссалми и уничтожить противника, перерезавшего путь подвоза 759 сп 163 сд» (Там же, д. 46, л. 123), и далее выполнять ранее поставленную задачу — соединиться с подразделением 163 сд в районе Суомуссалми. В течение трех дней батальон вместе с приданными ему 312-м танковым батальоном и батареей полковой артиллерии 305 сп неоднократно пытался атаковать противника с фронта, однако успеха эти действия не имели. 20 декабря атака была начата вновь, уже под командованием прибывшего *в* район боевых действий командира 305-го стрелкового полка, но оказалась такой же безуспешной.

22 декабря на передовые позиции прибыл комбриг А. И. Виноградов, устроивший свой КП на 26-м километре дороги и вступивший в непосредственное командование боевыми действиями дивизии.

23 декабря финские лыжники внезапно напали на батарею пто 305 сп (Там же, д. 45. л. 55), где не было организовано боевого охранения, и вывели из строя значительное число людей, перебили лошадей. В последующие два дня, также пользуясь тем, что дорога не охраняется, финны устраивали на ней завалы и минировали ее.

24 декабря согласно приказу по 9-й армии № 08/оп от 23 декабря 1939 года А. И. Виноградов дважды намечал атаку, которую каждый раз приходилось откладывать из-за неподготовленности 759 сп 163 сд, наступавшего со стороны Суомуссалми. Неуспеху действий 19 — 24 декабря способствовало отсутствие глубокой разведки и незнание фактической обстановки и сил противнике.

В последующие дни (вплоть до 1 января) на фронте дивизии установилось относительное затишье, обе стороны накапливали силы для дальнейших действий. Атаки, назначенные военным советом 9-й армии на 28 и 31 декабря, им же были отменены (Там же, л. 68). В связи с завалами на Важенварской дороге уже к 29 декабря в частях 44 сд сложилось очень тяжелое положение с продовольствием и фуражом. В результате люди находились в полуголодном состоянии, а конский состав совершенно истощился (Там же. д. 43. л. 48; д. 45, л. 67),

К 1 января 1940 года в районе боевых действий сосредоточилась практически вся дивизия. Не подошли только гаубичный артиллерийский полк и разведывательный и саперный батальоны.

Прибывшие части разместились на небольшом участке дороги. Тыловое обеспечение было организовано слабо. Полки подтянули на свои участки весь транспорт и обозы. В результате маневренность их была сильно затруднена, а скопление людей и техники явилось удобной мишенью для противника.

На 1 января 1940 года передовые части дивизии занимали боевой участок по восточному берегу озер Куолаярви и Хатаола. Тылы соединения располагались на 19-м километре дороги. В течение дня противник четырежды переходил в наступление на участке 146 сп, но был отброшен. В ночь на 2 января отряд финских лыжников при поддержке танков вышел на Важенварскую дорогу в расположении 3-го дивизиона 122 an и после боя, овладев участком дороги между 22-м и 23-м километрами (Там же, д. 46, л. 134, 62; д. 43, л. 67 д. 44. л. 42), устроил там завал. Тылы дивизии были отрезаны.

Комдив А. И. Виноградов предпринял атаку, чтобы восстановить положение. Одновременно с востока к месту завала должен был выдвинуться отряд в составе части ОРБ и батальона пограничников, однако он был задержан финнами на 22-м километре, и атака с запада была отбита противником.

Атаки на прорыв и обход завала 2 — 4 января также успеха не имели. Выполняя приказ военного совета 9-й армии, части 44 сд неоднократно поднимались в атаку. Приказ командующего армией предусматривал совместные наступательные действия 44 сд и 3-го пограничного полка НКВД, высланного ей на помощь, а также поддержку атаки бомбардировкой расположения противника с воздуха. Однако бомбардировка не была произведена, полк НКВД к началу атаки опоздал, и в результате атаки ударной группы 44 сд были отбиты, противник перешел в контрнаступление и отрезал ударную группу дивизии (Там же, д. 46. л. 134).

Вечером 4 января самовольно покинул свои позиции 2-й батальон 146 сп, прикрывавший левый фланг дивизии. Этим не замедлил воспользоваться противник и перерезал Важенварскую дорогу между 24-м и 25-м километрами (Там же, л. 135). В донесении военному совету 9-й армии А. И. Виноградов вечером того же дня просил оказать ему помощь и разрешить отход частей дивизии, а также спрашивал, как быть с техникой и материальной частью.

В свою очередь командующий 9-й армией комкор В. И. Чуйков в 21.00 4 января в донесении наркому обороны СССР маршалу К. Е. Ворошилову сообщал о положении на фронте 44 сд, завалах на Важенварской дороге, нарушении с утра 2 января подвоза питания и давал следующую оценку сложившейся ситуации: «Считаю положение 44-й дивизии очень тяжелым и, если к 4.00 5 января очистить дорогу не удастся и давление противника с юга на стык дорог у 19-го км усилится, прошу разрешения части 44 сд отвести на новый оборонительный рубеж к востоку от 19-го км» (Там же, л. 114).

5 января в течение дня финские отряды атаковали части 44 сд на участке 28-го километра дороги в стык расположений 146-го и 25-го стрелковых полков. Со стороны 44 сд была предпринята очередная безрезультатная попытка овладеть завалом на 23-м километре, причем артподготовка отстала от начала атаки на 3 часа (Там же, д. 44, л. 49; д. 46, л. 22).

5—6 января отдельные группы противника постоянно атаковали части 44 сд на различных участках дороги вплоть до 5-го километра (Там же. д. 43, л. 67).

5 января в 23 часа военный совет 9-й армии отдал приказ, требуя выводить материальную часть и пробиваться к 19-му километру (Там же, д. 44, л. 25), полагая, что этот участок занят советскими частями, тогда как к этому времени он уже был занят противником.

6 января в 22 часа, получив через штаб дивизии в Важенваре разрешение от командующего армией «действовать по своей инициативе» (Там же, д. 44. л. 47; д. 46, лл. 77, 78), А. И. Виноградов отдал приказ на выход из окружения. Части дивизии были разбиты на две колонны: одна, как ударная, действовала вдоль дороги, другая — в качестве арьергарда. Бой продолжался с 22 часов до шести утра 7 января. Пробиться с техникой не удалось, и Виноградов принял решение, оставив матчасть, отводить людей лесами с северной стороны дороги в обход противника на Важенвара.

К вечеру 7 января первые группы из состава 44 сд, в том числе и командир дивизии, добрались до Важенвара. Еще несколько дней отступали разрозненные части и люди выходили из окружения. Вернулись далеко не все, кто перешел государственную границу в декабре 1939 года.

Только с 1 по 7 января 44 сд потеряла убитыми 1001 человек, ранеными 1430, обмороженными 82, без вести пропавшими 2243 человека. Всего 4756 человек (Там же, д. 46, л. 11; д. 45, л. 43).

За этот же период потери материальной части составили; винтовок различных образцов — 4340 штук, револьверов и пистолетов — 1235, ручных пулеметов — 251, станковых пулеметов — 97, 45-мм пушек — 30 шт., 76-мм пушек — 40 шт., 122-мм гаубиц — 17 шт., 82-мм минометов — 14 шт. и др.(Там же, л, 12).

За невыполнение поставленной перед дивизией задачи, значительные потери в личном составе и отступление без материальной части, которая практически полностью попала в руки противника, «трусость и паникерство» и «бездарное управление войсками» командование дивизии (А. И. Виноградов, О. И. Волков, начальник политотдела И. Т. Пахоменко) было осуждено военным трибуналом 9-й армии и приговорено к высшей мере наказания — расстрелу. В январе 1940 года приговор был приведен в исполнение перед строем личного состава 44 сд (Там же, д. 7, л. 8).

В последующий период военных действий, вплоть до окончания войны 13 марта 1940 года, 44 сд продолжала действовать на этом же участке фронта. После подписания мирного договора государственная граница между СССР и Финляндией в этом районе осталась на прежнем месте.

Приговором военного трибунала по делу командования 44 сд Виноградову, Волкову и Пахоменко вменялось в вину, что они «преступно игнорировали все приказы высшего командования Красной Армии и военного совета 9-й армии о постройке на коммуникациях дивизии оборонительных сооружений, блокгаузов, расчистке и разрядке леса по обеим сторонам шоссе... разбросали части дивизии на отдельные отряды и группы, между собой не связанные...», что, «спасая свою шкуру, позорно бежали с небольшой группой людей в тыл» (Там же, д. 218, лл. 34—36).

Аналогичная оценка действиям командования 44 сд была дана и в докладе наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на заседании Главного военного совета весной 1940 года, который сказал, что 44 сд «была блокирована вследствие трусости и предательства со стороны командования дивизии».

Однако в Центральном государственном архиве Советской Армии имеются документы, которые дают основание сомневаться в справедливости вышеназванного приговора военного трибунала, возложившего всю тяжесть вины за поражение 44 сд только на ее командование, а также считать, что неуспех действий не только 44 сд, но и других дивизий, действовавших к северу от Ладожского озера (54 и 163 сд в составе 9-й армии, 18 и 168 сд в составе 8-й, затем 15-й армии), был заложен в самом начале событий на северо-западных рубежах страны и определен как замыслами армейского командования по проведению наступательной операции, так и установками командования РККА и Наркомата обороны СССР по ведению советско-финляндской войны в целом.

В этом плане представляют интерес «Соображения по проведению операции 9-й армии» (Там же. д. 3. лл. 1—7), подготовленные в конце ноября 1939 года штабом армии (подписаны командармом М. П. Духановым, членом военного совета П. С. Фуртом и начальником штаба А. П. Соколовым) и представленные на рассмотрение военного совета Ленинградского военного округа. На основании сравнения количественного состава и обеспечения техникой частей РККА и финской армии на участке 9-й армии авторы «Соображений» сделали вывод о подавляющем преимуществе РККА над противником в живой силе, огне и технике и исходя из этого определили срок в 20 суток на проведение всей операции по выходу частей в район Оулу (Улеаборг) на побережье Ботнического залива.

Правда, при характеристике предполагаемого театра военных действий в названном документе говорилось о возможных попытках противника «дезорганизовать работу тыла налетами на коммуникации, которые ...будут растянуты на 140—160 км от границы и почти вдвое от баз снабжения», однако это обстоятельство не повлияло на составление оперативного плана 9-й армии. При определении средних темпов продвижения дивизий по финской территории в 22 км в сутки не были приняты в расчет сопротивление противника и то обстоятельство, что даже по советской территории дивизии подтягивались к границе в среднем только по 12—16 км в сутки с большой растяжкой частей и отставанием техники, главным образом артиллерии.

После ознакомления с «Соображениями» в оперативном отделе штаба Ленинградского военного округа был высказан ряд замечаний и предложений по усовершенствованию плана предстоящих действий 9-й армии. В частности, было замечено, что коммуникации дивизий «все будут перерезаны диверсионными группами противника», в результате чего соединения «могут оказаться без питания и боеприпасов, причем тактика финнов к этому в основном будет сводиться, так как открытого [боя] они, видимо, принимать не будут с большими нашими частями». Одновременно предлагалось до начала военных действий создать при дивизиях отряды из хороших лыжников и побеспокоиться об обеспечении лыжами всех дивизий, так как без лыж части «не смогут сойти с дорог и будут сбивать противника в лоб, что будет сильно задерживать движение». Однако военный совет Ленинградского военного округа при официальном одобрении и утверждении плана действий 9-й армии не учел рекомендации работников оперативного отдела. Было решено «действовать по тому плану, что есть», и темпов операции не сбавлять.

Ход боевых действий на советско-финском фронте к северу от Ладоги подтвердил правильность высказанных замечаний по «Соображениям». Уже в начале января 1940 года начальник штаба 9-й армии Д. Н. Никишев (назначен на должность 5 января 1940 г.) в докладе на имя наркома обороны СССР писал: «Наши части по своей организации и насыщенности техникой, особенно артиллерией, и обозом не приспособлены к маневру и действиям на этом театре, они тяжеловесны и зачастую прикованы к технике, которая следует только по дороге... действиям в особых условиях не научены — леса боятся и на лыжах не ходят...» (Там же, д. 296, л. 5).

Командующий войсками 9-й армии В. И. Чуйков по завершении военных действий с Финляндией в «Кратком отчете о боевых действиях 9-й армии» резюмировал: «...уставные нормы, по которым мы учились, оказались неприемлемыми на театре северной Финляндии...» (Там же, л. 7).

В публикуемых ниже документах — журнале боевых действий 44 сд и бюллетене последних известий за 8 января 1940 года — подробно освещается ход событий в районе Важенварской дороги и приводится оценка последних противной стороной. Журнал боевых действий 44 сд за период с 20 декабря 1939 года по 10 января 1940 года публикуется с небольшими сокращениями; опущены начальные записи на 1—19 декабря, в которых приведены сведения о последовательности переезда частей дивизии из Киевского особого военного округа на ст. Кемь и об их поочередном выступлении в район боезых действий, а также записи с 11 января по март 1940 года, освещающие дальнейшие события на участке 44 сд.

Из журнала боевых действий 44-й стрелковой дивизии
за 11 ноября 1939 г.—7 января 1940 г.

...20 декабря [1939 г.] ОГ штадива — Важенвара (погранзастава) прибыла... в 10.30, остальной состав штадива подтянулся к 15.00. Задача 44 сд на 20 декабря 1939 г.: продолжая сосредоточение главных сил передовых групп в составе

3-го [батальона] 305 сп и 1-го [батальона] 25 сп, полковой артиллерии 305 сп, танкового батальона и птд дивизии нанести удар с востока вдоль дороги на Суомуссалми [с целью] разгромить противника и овладеть переправами через озеро южнее Суомуссалми. В дальнейшем выставить небольшие заслоны в сторону Хюрюнсалми, развивать наступление на Вааяла-Кюре. Начало атаки в 12.00 20 декабря после налета авиации и артподготовки.

Результат атаки. Оперсводка № 1 к 17.00

20 декабря Важенвара: 3-й [батальон] 305 сп и 1-й [батальон] 25 сп достигли восточного берега реки, что южнее оз. Карпи-ярви.

1-й [батальон) 25 сп — восточный берег оз. Карпи-ярви; дальнейшее продвижение остановлено огнем ст[анковых] пул[еметов] и минометов с западного берега оз. Карпи-ярви.

3-й [батальон] 305 сп — восточный берег безымянной реки, что южнее оз. Карпи-ярви.

Атака захлебнулась в результате сильного пулеметного и минометного огня с западного берега.

Потери: убито 4, ранено 24, трофеев нет. Полк окопался на ночь. Ведет разведку. С соседом справа связи нет.

21 декабря. Задача 3-го [батальона] 305 сп, 1-го [батальона] 25 сп, батареи па и птд — наступать в направлении Раса и овладеть переправой южнее Суомуссалми, выставив заслон в направлении Хюрюнсалми и обеспечив свой левый фланг, и в дальнейшем наступать в направлении Вааяла-Кюре. Начало атаки в 11.00 21 декабря. С 10.30 до 11.00 21 декабря будет произведен налет бомбардировщиков на передний край противника. Противник: до роты, усиленный 4 станковыми пулеметами и минометом (боевой приказ 44 сд № 02 от 21 декабря. 0.30. Важенвара). 305 сп с танковым батальоном 44 сд (без птд — не успел подойти по состоянию матчасти) в течение 21 декабря остается без изменений на достигнутом рубеже. В связи с отсутствием эффективного действия нашей авиации и сильным пулеметно-ружейным огнем со стороны противника, не позволяющим подняться, атака не состоялась.

Потери: 1 убит, 6 ранено, 35 чел[овек] 1-го [батальона] 25 сп обморожены...

22 декабря... Положение 305 сп без изменений. В течение 22 декабря частям 305 сп подготовиться к наступлению на 23 декабря, особое внимание обратить на разведку (штаарм-9).

23 декабря. Наступление 305 сп отложено на 24 декабря. Полк в течение дня ведет подготовку к наступлению, имея разведку на флангах и командирскую [разведку] перед фронтом. В 15.00 группа противника силою до двух рот, по донесению командира 305 сп, выйдя с северного направления на дорогу на 17—21 км, открыла огонь и повела наступление на взвод, охраняющий тыл 305 сп. Взвод стал отходить и был поддержан огнем бойцов батареи птд, где и стал совместно с батареей птд удерживать наступающего противника. Противник стал угрожать флангам. Командиру 305 сп было приказано немедленно выбросить в свой тыл отряд силою с усиленную роту для поддержки батареи птд и стрелкового взвода. Кроме того, штабом дивизии был организован отряд из батальона связи и отставших бойцов 1-го [батальона] 25 сп в составе 80 человек, 4 станковых пулеметов, 2 машин зенитно-пулеметной роты, 2 45-мм орудий, которому была поставлена задача: зайдя во фланги противника, отрезать отход и уничтожить [его]. Отрядом командовал капитан Банников. Отряд был выброшен на 17 км на машинах. В результате боя противник произвел два завала дороги. К 5.00 24 декабря противник отошел в лес, оставив один станковый пулемет и много боевых патронов, лыжи, один автомат... Потери: убитых — 3, раненых — 4 (по неточным сведениям).

24 декабря. Атака назначена на 11.00, но ввиду того, что после ночного боя пришлось части приводить в порядок, комбриг атаку отложил на 40—45 минут, но и после этого времени части привести в порядок не удалось, срок атаки был назначен на 13.30. Ровно в указанное время части под прикрытием огня артиллерии и станковых пулеметов перешли в атаку; дойдя до речки, подразделения двигаться дальше не могли из-за сильного ружейно-пулеметного огня противника, где и залегли. По неточным данным, имеются 6 убитых и 21 раненый. Лошадей убитых и раненых — 16 шт.

За 23 и 24 декабря ниже даны дополнительные данные (Далее в журнале оставлено пустое место, которое в последующем заполнено не было).

25 декабря. Положение 305 сп без изменений. В 9.00 прошел Важенвара 3-й [батальон] 25 сп по направлению к фронту, прибудет ориентировочно к 16—17 часам. На подходе к Важенвара части 2-го [батальона] 25 сп, 146 сп. Противник продолжает производить нападения на дорогу Важенвара — Суомуссалми. Вчера у моста убит часовой. В 12.30 наша авиация кончила бомбежку расположения противника, одна авиабомба упала в расположение нашего боевого охранения, ранено 4 человека.

1-й [батальон] 25 сп пошел в обход правого фланга противника, начало атаки зависит от того, когда 1-й [батальон] 25 сп обойдет оз. Курмиярви и выйдет во фланг. 3-й [батальон] 305 сп к атаке готов.

2-й, 3-й [батальоны], штаб и спецподразделения 146 сп в 16.00 прибыли в Важенвара, где и остановились на ночевку. 2-й [батальон] 25 сп на машинах прибудет в Важенвара к 18—19.00 (ориентировочно).

26 декабря ...Атака, намеченная на 25 декабря, не состоялась ввиду того, что 1-й [батальон] 25 сп, выйдя на северо-восточный берег оз. Карпи-ярви, был встречен ружейно-пулеметным огнем противника (около роты) и завязал с ним бой. В результате боя убито 15 чел[овек], ранено 7 чел[овек]. Продвижения вперед не имеет. Занял оборону и повел разведку в западном направлении. 3-й [батальон] 25 сп, прибыв 25 декабря в 17.00 в район действий, имеет задачу выйти на правый фланг 1-го [батальона] 25 сп и быть в готовности к наступлению за 1-м [батальоном] 25 сп.

3-й [батальон] 305 сп выводится в полном составе в резерв комдива (за исключением батареи па, которая остается на месте и входит в подчинение командира 25 сп), [чтобы] 3-й [батальон] 305 сп привести в порядок и занять оборону в районе поляны в тылу птд и тб, обеспечив тыл 25 сп и технических подразделений [44] сд. Район обороны лично командиру 305 сп сдать 25 сп и к 20.00 26 декабря доложить комдиву.

146 сп — 2-й, 3-й [батальоны] 146 сп в 7.00 26 декабря выступили в район Важенвара с задачей к 15.00 26 декабря сосредоточиться и занять оборону в районах: одному батальону в расположении 19-го км на развилке дорог, заменив подразделения 25 и 305 сп, занять оборону и обеспечить тыл и фланг дивизии, одновременно вести разведку по дороге на Езкота, обеспечивая левый фланг дивизии. Отдельными группами в составе отд[елений] (на километр по одному) обеспечить бесперебойное движение транспорта с 19-го по 12-й км. Ответственность за охрану левого фланга возложена на командира 146 сп.

Одним батальоном занять опушку рощи перед озером в районе 23-го км, обеспечив тыл сд.

2-й [батальон] 25 сп на машинах подбрасывается в район боевых действий.

Остальные части дивизии остаются на своих прежних местах в районе боевых действий.

ДОП — Важенвара, штадив — Важенвара.

27 декабря 3-й [батальон] 25 сп сменил 3-й [батальон] 305 сп, закончил [смену] к 8.00 утра 27 декабря. 2-й [батальон] 25 сп указанного района еще не занял, находится в пути. 1-й [батальон] 25 сп продолжает обороняться, имея перед

собой до роты противника и проволочное заграждение в 2—3 кола. В 2.00 27 декабря половина 2-го батальона 25 сп убыла а направлении фронта. Перед фронтом 3-го [батальона] 25 сп проволочное заграждение в 2 кола. В 12.00 наша авиация бомбила расположение противника. С пулеметов наши самолеты обстреляли расположение 8-й стр[елковой] роты 25 сп, о потерях неизвестно (после выяснения не подтвердились). Разведкой установлено наличие 45-мм пушек у противника. В течение ночи в районе 12-го км было сделано противником 4 завала без минирования. Завалы убраны...

Задача 44-й стрелковой дивизии на 28 декабря 1939 г.

1. Противник силою до батальона занимал оборону по западному берегу реки между озерами Куоми-ярви и северным берегом оз. Хатиаола, имея проволочное заграждение в два кола.

2. Соседа справа и слева нет.

3. Дивизия прорывает в центре и охватом обоих флангов окружает и уничтожает противника в районе оз. Куоми-ярви, Суомуссалми, северный берег выступа оз. Хатиаола.

Атака пехоты в 10.00 28 декабря 1939 г. [Приказано:]

а) 25 сп с ротой танков Т-36, дивизионом птд наступать: 1-му [батальону] 25 сп обходом северного берега оз. Куоми-ярви в направлении Раси и далее совместно с 3-м [батальоном] 25 сп в направлении Суомуссалми. 3-му [батальону] 25 сп с ротой танков наступать в направлении Суомуссалми, седлая дорогу. Ближайшая задача — овладеть Раси и в дальнейшем южной переправой Суомуссалми. 2-й [батальон] 25 сп оставить в своем резерве, за 3-м [батальоном] 25 сп — группа поддержки пехоты от 1-го [дивизиона] 122 ап.

б) 146 сп: 2-й [батальон] наступает в направлении южного берега оз. Хаталло с задачей не допустить отхода противника на юг, овладеть стыком рокадных дорог южнее Суомуссалми. По овладении стыком дорог выставить усиленный заслон не менее стрелковой роты на юго-западном берегу оз. Хатаярви. Выход на исходное положение для атаки на линию южного берега оз. Хаталло [к] 9.30 28 декабря. 2-му батальону выполнить прежнюю задачу, оставаясь на месте. Сам комполка — на командном пункте на 25-м км.

в) 305 сп: 3-му батальону прочно прикрыть тыл 25 сп, оставаясь на своем месте. Артиллерия: артподготовка — 20 минут, артналет — 5 минут после бомбежки авиацией. Задача артиллерии: а) подавить огневые точки на переднем крае; б) подавить огневые точки южного берега озера; в) не допустить контратаки с направления Кюлмяля.

4. Вылет авиации и бомбардировка переднего края противника с 10.00 28 декабря 1939 г. Штадив — Важенвара, доп — Важенвара.

28 декабря. На основании приказа командующего 9-й армией наступление отложить до особого распоряжения, провести только артподготовку, усилить охрану флангов и тыла. Организовать активную разведку. В 22.30 разведрота, выполняя поставленную задачу по ведению разведки в направлении дороги, идущей на юг, в 2 км наткнулась на минированный завал, при разборке такового ранены 3 бойца.

29 декабря. Положение частей дивизии на 10.00 остается без изменений. Важенвара — ночевал кавэскадрон, бронерота — Наволок, 1-й [батальон] 25 сп отошел на юго-восточный берег оз. Куоми-ярви, где и занял круговую оборону.

30 декабря. Положение частей дивизии согласно схеме № 4 (К журналу боевых действий схемы не приложены). В Важенвара прибыла бронерота, кавэскадрон, сосредоточиваются на 10-м км. На... (В тексте пропуск, видимо, речь идет о завале на 25-м км Важенварской дороги) сделан завал. Было нападение на штаб 146 сп, нападение отбито. Убито 4 финна. Порвана связь в расположении 146 сп. Прибыл 1-й [батальон] 146 сп в 16.00. 2-й дивизион 122 ап — на подходе к Важенвара. 3-й дивизион 122 ап в 10.00 выступил из Вокнаволок. 2-й дивизион 122 ап — на огневых позициях. Полковая артиллерия 25 сп в 13.00 прошла Важенвара.

31 декабря. Положение дивизии согласно схеме № 4. Части приступили к выполнению приказа № 8, а также начали лыжную подготовку. На фронте — перестрелка.

Потери за 28 декабря. В 146 сп: убитых —15, раненых — 37, [пропавших] без вести — 4; в 25 сп: убитых — 13, раненых — 60.

29 декабря ранено 5 [человек]. 30 декабря в 146 сп убит 1, ранено 4; в 25 сп ранено 2[человека].

2-й дивизион 122 ап убыл на фронт.

В 12.00 на КП штадива сброшены три авиабомбы, которые разорвались в 500 м восточнее. Самолет ушел, зенитный огонь открыли поздно,

1 января 1940 года.

3-й дивизион 122 ап на огневых позициях (122 ап полностью). На подходе 1-й дивизион 179 гап. В ночь с 31 декабря на 1 января 1940 г. по тылу 2-го [батальона] 25 сп был открыт огонь артиллерии противника — шрапнелью, в результате один красноармеец ранен. Обстреливали 3 76-мм пушки. С 8.00 1 января 1940 г. на 2-й [батальон] 146 сп противник повел наступление силой от полутора до двух батальонов. Первая атака была отбита, после чего противник атаку повторил, но также был отбит. Не имея успеха, противник начал обход правого и левого флангов. Командир 146 сп для оказания помощи 2-му [батальону] 146 сп были направлены две роты 1-го батальона, с помощью которых 2-й батальон и отбил вторую атаку. После расширения флангом (Так в тексте) 2-м [батальоном] 146 сп противник был остановлен...

Штадив — Важенвара.

2 января в 24.30 противник начал обстрел расположения 1-го [батальона] 146 сп, тб 3-го [дивизиона] 122 ап, штаба 146 сп (23км) и в течение ночи повел наступление на 146 сп, производя завал на 21-м км. Одновременно обойдя 146 сп, противник его окружил и огнем автоматов нанес большой урон. В 3-м [дивизионе] 122 ап в двух батареях выведены полностью [из строя] весь конский состав и большое количество людского состава. О потерях за двое суток боя сведений не поступало. По сообщению командира танкового батальона, он находился в окружении, имея потери 3 танка и один поврежден[ный]. Взорвана одна бронемашина. На окружение и уничтожение противника было брошено: 2 роты 3-го пограничного полка (которые опоздали к началу общего отражения противника), два взвода 3-го батальона 146 сп, одна саперная рота осб, бронерота и спешенный кавэскадрон 146 сп к 23.00 2 января продолжает оставаться в окружении. Подвоз огнеприпасов и продуктов был отрезан. В танковом батальоне убито 3, ранено 7. На 2-й батальон 146 сп, оборонявший юго-восточный берег оз. Хатаола, днем было повторено противником наступление, которое было отбито.

В течение дня 9-я рота, находящаяся на 7-м км южнее 19-го км (Имеется в виду 7-километровая отметка просеки, отходящей на юг от 19-километровой отметки Важенварской дороги), также вела бой с группой противника. Все эти действия противника были произведены одновременно. Когда атаки на 2-й [батальон] 146 сп не удались, противник все внимание обратил на тыл 146 сп, который, начиная с ночи 2 января, подвергался безостановочным налетам, применял тактику партизанских действий. Положение 3-го [батальона] 305 сп — без изменений, из состава батальона была выдвинута рота для помощи 146 сп.

25 сп: 1-й батальон, находясь на правом фланге, вел перестрелку с противником численностью в роту с минометами и ст[анковыми] пул[еметами], противник отошел. Тылы 2-го [батальона] 25 сп были обстреляны батареей противника. 2 красноармейца ранены. Против 3-го [батальона] 25 сп противник действий не производил. По сообщению комполка, две роты 2-го [батальона] 25 сп им были выдвинуты в промежуток между 1-м и 3-м батальонами 25 сп и одна рота оставлена в резерве комполка.

По сведениям разведки, в районе действий 44 сд имеется до полка противника.

С 9.00 1 января 1940 г. на фронт выехали комбриг, начальник 1-й части, начальник 2-й части, начинж, начсан, начподив.

179 гап — в 20—60 км от Важенвара. В 11.20 самолет противника пролетел стороной от кп штадива.

По сообщению Виноградова (кодограмма), [на] 27-м км захваченные две батареи 3-го дивизиона 122 ап противник использует против нас. На 6-м км было нападение на автоколонну, ехавшую на фронт. На 12-м км было нападение на двигающуюся погранроту, которая быстрым движением отбросила мелкие группы противника.

24.00 2 января 1940 г. 146 сп продолжает находиться в окружении противника.

25 сп и 305 сп без изменений.

3 января ...В результате совместных действий наших отрядов с обеих сторон (комбригом был брошен батальон) последние к 18.00 овладели завалом, где и укрепились, продолжая бой на окружение и уничтожение противника. В 22.00 наши части в районе 23-го км продолжали бой с противником, засевшим на флангах завала.

Положение конского состава, находившегося в течение 5—7 суток без фуража (сена), плюс холода, в очень скверном положении.

Группа во главе с комбригом остается в расположении 25 сп.

Изменений на фронте 25 сп нет.

Соединение отрядов к 18.00 не подтвердилось (Подчеркнуто в тексте).

4 января ...В течение ночи продолжался бой за овладение завалом на 23-м км. Положение частей в районе 23-го км — смотри схему № 5 (Схема не приложена).

2-й батальон 25 сп с двумя ротами 146 сп с танками и артиллерией атаковал противника в ночь на 4 января, прорвав обороиу противника, и вышел на 22-й км, где устанавливает связь с передовыми частями орб (по сообщению Виноградова в 10.50).

2. орб, две роты пограничников и саперная рота после 25 минут артподготовки перешли в наступление, встречая редкий огонь противника. В 11.30 бронемашины подходили к завалу, рота погранполка еще не вышла на линию завала. При подходе к завалу огонь противника нарастает особенно сильно.

3. Связи с ротой 146 сп нет, выслана стрелковая рота с танком на помощь.

4. Взят один пленный на 19-м км (боевое донесение № 15 от 4 января 13.00).

На фронте 25 сп — без перемен.

Дивизия продолжает оставаться отрезанной от базы снабжения с 2, 3, 4 января 1940 г.

По сообщению штаарма—9, 4 января будет вылет 15 самолетов для подвоза продуктов; 3 бомбардировщика и 3 истребителя для сопровождения. Нашим самолетом У-2 сегодня сброшены продукты, но, конечно, очень мало, 150—200 кг.

Противник установил в районе завала 10—12 пулеметов и минометов.

3-й батальон 146 сп двумя стрелковыми ротами (без одного взвода), пулеметной ротой занимает круговую оборону на развилке дорог на 19 км (схема № 5).

9-я стрелковая рота, находясь в 7 км южнее развилки дорог, у озера, ведет сильный огневой бой с противником, неся большие потери. Связи с ней нет.

В 3.00 4 января начальник штаба дивизии выехал для руководства отрядом по овладению завалом, в 15.30 результатов еще нет.

На подходе к Важенвара 1-й дивизион 179 гап.

В 18.00, по донесению начальника боепитания 3-го погранполка, противник сделал завал на 20-м км и продолжает валить деревья. Шедшие машины были обстреляны пулеметным и автоматным огнем. Подготавливается выброска людей из состава 1-го дивизиона 179 гап на машинах в район 20-го км. Против 9-й стрелковой роты — до 100 человек противника, артиллерия на хуторе. Над 25 сп противник сбросил листовки в 19.00 4 января.

Наступление для захвата и разграждения завала на 23-м км началось в 11.00 4 января после 25-минутной артподготовки четырьмя батареями по подступам к завалу прямой наводкой. Отряд, наступая по сторонам дороги на удалении до одного км и по дороге спешенным эскадроном и бронеротой, подвергся сильному пулеметному и автоматному огню и [огню] минометов. К 16.00 отряд достиг завала, где был встречен особо метким огнем пулеметов и автоматов, и залег...

В 19.00 стало известно о действии группы противника в тылу отряда с возведением завалов и минированием дороги. К 24.00 4 января 1940 г. отряд, отойдя в исходное положение, перешел к круговой обороне под воздействием авто[матного] огня противника со всех сторон (боевое донесение начштаба-44).

5 января ...2-й батальон 146 сп в 18.00 4 января 1940 г. самовольно бросил район обороны на юго-восточном берегу озера Хатаиола и пришел в расположение 3-го батальона 305 сп, где занял оборону фронтом на юг. Свой отход комбат Пастухов мотивирует тем, что в течение четырех суток люди не ели.

Сведений от 9-й стрелковой роты 146 сп не поступило, рота продолжает вести бой в окружении. На помощь 9-й стрелковой роте выброшена 4 января 7-я стр[елковая] рота, но, пройдя 2,5 км, [она] встретила сильный пулеметный огонь с фронта, залегла и продвигаться дальше не может. В течение 5 января связи как с 9-й, так и с 7-й стр[елковыми] ротами нет. Высланная разведка в ночь с 4 на 5 января в составе двух взводов в направлении 7-й стр[елковой] роты также встречена огнем противника, продвигаться не может, ведет бой. Самолет со знаками красной звезды на крыльях в 11.00 5 января, пролетая над 19-м км, обстрелял расположение наших частей. Части, находящиеся на фронте, срочно требуют продфуража — люди истощали. Перед фронтом 25 сп противник проявляет активность. 4 января получен приказ командарма о переходе в атаку в 8.00 5 января, но ввиду позднего [его] получения атака отложена на 13.00. Задача: оставив перед фронтом до двух батальонов, применяя ложную артподготовку, остальными частями атаковать и уничтожить противника в районе 23 км. **Виноградов:** «Атаку начал в 13.00, успеха не имел. Полка НКВД нет. В связи с уходом 2-го [батальона] 146 сп из района обороны противник использует открытый фланг и перерезает оборону дивизии на 24-м км» (из донесения командующему 9-й армией).

Виноградов — **Пахоменко** в 19.50 5 января: «Положение дивизии тяжелое, особенно продфуража нет, люди обес-

силены, раненых 400 чел[овек], лошади дохнут, бензина нет, выбито большее количество конского состава, боеприпасы на исходе. Противник с фронта переходит в наступление ...Настроение людей плохое, часть командиров дезертирует с поля боя, прошу срочной помощи».

Командир 146 сп (подписи нет) в 21.45 5 января: «146 сп в результате боя понес большие потери, сил осталось мало, необходима помощь».

Виноградов — командующему армией в 19.30: «В связи с вытеснением 2-го батальона 146 сп из района обороны левый фланг остался открыт, заполнить его не удается. Противник сосредоточивает силы с задачей перерезать оборону дивизии. 8 связи с отсутствием продфуража настроение чрезвычайно плохое, лошади дохнут, бензин и боеприпасы на исходе».

6 января 1940 г.

В течение ночи с 5 на 6 января и весь день 6 января дивизия продолжала вести бой в окружении. Положение частей следующее: 146 сп на 23-м км ведет бой в окружении, имея большие потери.

Открытым текстом передано от 146 сп: «Дайте помощь, нас добивают, дайте помощь (в течение нескольких раз). Снаряды рвутся в расположении наших частей (Ивлев)».

«Дорога на 21—22-м км минирована и завал на 22-м км. Связи и сведений от 7-й — 9-й стрелковых рот нет. 25 сп сейчас окружен. Матчасть и раненых без помощи вывести не можем. Возможно, удастся пробиться пехоте. Спрашиваю, что делать с матчастью» (Виноградов). Связи телефонной нет ни с кем, даже с кордоном. При попытке ее восстановить в районе 1-го километра были обстреляны противником, где обнаружен завал. Штаб дивизии занял круговую оборону.

Виноградову передано: «Если не можете пробиться с матчастью к нам, то держитесь, помощь послана, держите связь. Чуйков, Фурт»,

Перед фронтом 3-го батальона 305 сп противник ведет наступление, обстреливая расположение части минометным и автоматным огнем (сообщение Виноградова). Танковый батальон вел бой в районе 25 сп. Разведывательный батальон вел бой в районе 18-го км, с 11.00 связь с ним прервалась.

Ударная группа в составе 2-го батальоне 25 сп, 1-го батальона 146 сп, роты 305 сп, 2-й роты 25 сп, в результате отхода 2-го батальона 146 сп, который своим отходом открыл левый фланг дивизии, ударная группа оказалась отрезанной от остальных частей дивизии, чем и воспользовался противник. КП 25 сп разбит. Много потерь. В настоящее время ударная группа связи со своими частями не имеет.

В распоряжении Виноградова остались 3-й батальон 25 сп, который занимает передний край обороны, и 1-й батальон 25 сп без одной роты, который прикрывает левый фланг.

«Положение тяжелое, помогите всеми средствами — путь отхода отрезан, пробиться не могу», — Виноградов — Пахоменко.

5.30. Противник ведет сильный огонь между 146 и 305 сп ([по донесению] из 146 сп). Полк 4-е сутки находится в окружении противника [силой] до батальона. Ведем активную борьбу, несем большие потери, боеприпасы на исходе, продфуража нет 5-е сутки. «146 сп — народ бежит, н[ач] состав» (Так в документе) — Виноградов. «Мы в окружении, дайте помощь» (без подписи), в 11.05 6 января.

7 января 1940 г.

Всю ночь шел бой во всех частях дивизии. Противник обстреливал мсб с полночи до 10—12 часов дня. Прибывшая рота запасного полка была брошена на выручку мсб и разграждение завала на нашей территории. Рота все время подвергалась обстрелу. Связь с кордоном прервана. Вышедшие для исправления линии связисты были обстреляны.

Дегазрота была выброшена 5 января в район 11-го км и возвратилась 7 января вечером.

В 2.00 7 января наша гаубичная батарея вела огонь по завалу и сторонам дороги. После обстрела высланным дополнительно взводом саперов завалы были разграждены. И медсанбат полностью был переброшен в Латвозеро.

С 14.00 стали прибывать отдельные группы бойцов со всех частей. Комбат-2 146 сп привел 200 человек. Начальник 2-й части дивизии — около 300 человек разных частей. Старший врач 146 сп тов. Соболев сообщил, что по озеру (8—9-й км) видел группу финнов в 200 человек, идущих на лыжах в направлении нашей границы.

Прибывшему из 163 сд 1-му [батальону] 305 сп в 14.30 7 января поставлена задача овладеть районом финского кордона на 4-м км и обеспечить выход идущим на Важенвара подразделениям. Три наших самолета пролетели над нами, один из них бросил две бомбы, которые разорвались в стороне. Находящиеся бойцы и зен[итчики] и с КП открыли огонь по самолетам, которые ушли в северо-восточном направлении.

8 января ...К утру пришел комбриг, начальник политотдела дивизии, начальники 1-го и 2-го отделов. Комиссара еще нет. Дивизия приводит себя в порядок, к 20.00 прибыло с фронта: среднего комначсостава — 75 чел[овек], младшего комсостава — 126 чел[овек], рядового состава —672 чел[овека],

9 января ...Части дивизии продолжают сосредоточиваться в Важенвара. В 1-м батальоне 305 сп незначительная перестрелка. Батарея 1-го дивизиона 179 гап вела огонь по мелким группам противника на левом фланге батальона.

10 января ...Дивизия занимает [оборону] и укрепляется на рубеже госграницы, устраивая завал впереди обороны на 250— 300 м, в готовности к наступлению. К 3.00 10 января 1940 г. дивизия имеет: старшего комначсостава — 58 чел[овек], среднего комначсостава — 701 чел[овек], младшего комначсостава — 1305 чел[овек], рядового состава — 6008 человек...

ЦГАСА. ф. 34980. оп. 10, д. 656, лл. 1—22. Подлинник.

Из бюллетеня последних известий на 8 января 1940 г., 22.00, № 36

ПАРИЖ. Агентство Гавас.

Хельсинки, Финские сообщения о сражении 7 января у Раати, в 36 км от Суомуссалми, говорят о сокрушающей победе финнов.

По дороге от Суомуссалми к границе финны уничтожили 44-ю русскую дивизию. Более 1000 человек взято в плен, захвачено громадное количество военных материалов. До сего времени из военной добычи учтено 102 пушки различных типов, 42 танка, 10 бронеавтомобилей, 20 тракторов, 278 автомобилей разных типов, из которых 16 с зенитными счетверенными пулеметами, 46 автоматических ружей, 1170 лошадей и 47 полевых кухонь. Финны продолжают очищение территории и подсчет добычи.

Хельсинки. Полученные подробные сообщения о сражении при Раати подтверждают важное значение этой добычи финнов.

После разгрома 44-й советской дивизии можно считать главные сипы неприятеля в этом секторе уничтоженными. После победы у Суомуссалми бои в последние дни происходили вдоль дороги, ведущей от Раати к советской границе. Эта дорога пересекает почти непроходимые места. Финны сейчас очищают отвоеванную территорию...

БЕРЛИН. Агентство Трансоцеан.

Хельсинки. Сражение у Саллы еще не пришло к определенному результату. Важность этого сражения и значительность финских потерь подтверждают 8-го утром в Хельсинки.

СТОКГОЛЬМ.

Финны сообщают о большой победе, одержанной на Восточном фронте 8-го после полудня над 44-й советской дивизией.

Русская дивизия, продвигавшаяся к Суомуссалми, была разгромлена вблизи Раати, где финны за день до того сосредоточили войска.

Операция, по-видимому, была подобна уничтожению 163-й русской дивизии, которая была окружена финнами в районе озера Кианта-ярви перед Рождеством.

Число убитых и раненых велико с обеих сторон. Военные материалы, захваченные финнами, представляют наиболее богатую добычу с момента начала враждебных действий.

ЦГАСА, ф. 34980. оп. 5 д. 9, лл. 29 30. Заверенная копия.

Публикацию подготовила

О. А. ДУДОРОВА, старший научный сотрудник ЦГАСА

ВИЖ №11 1991

ЗАПИСКИ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО СОВЕТНИКА (Египет 1967-1968)

Военно-политическая обстановке лета 1967 года, в условиях которой советские военные советники начали свою работу в Египте, была исключительно сложной и тяжелой.

Вооруженные силы Египта, за исключением флота, понесли тяжелое поражение. Почти вся авиация была уничтожена внезапными ударами по аэродромам. Все это вынудило сухопутные войска отойти на западный берег Суэцкого канала. Израильская армия стояла на восточном берегу канала в готовности начать наступление на Каир.

Основные задачи советников заключались в том, чтобы оказать всемерную помощь дружественному народу Египта в восстановлении вооруженных сил и организации надежной обороны страны.

О том, как решались эти задачи, каковы были формы и методы советнической работы, и рассказывает статья генерала армии П. Н. Лащенко, бывшего в 1967 году Главным военным советником в Египте.

ЛАЩЕНКО Петр Николаевич (р. 1910), генерал армии (1968), Герой Советского Союза (1943). Член КПСС с 1931 г. В Советской Армии с 1930 г. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1940 г., Военную академию Генерального штаба в 1951 г. В Великую Отечественную войну служил в штабах корпуса и армии, с 1942 г. — заместитель начальника штаба армии, с 1943-го — командир стрелковой дивизии. После войны был начальником ряда военных училищ, командиром дивизии и корпуса, командовал объединением, был 1-м заместителем командующего, а затем командующим войсками ПрикВО. В 1967 г. Главный военный советник в Египте. С 1968 по 1976 г. — 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками, с 1976 г. — в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ всегда оказывал всестороннюю бескорыстную помощь развивающимся странам. Немеркнущим символом советско-арабской дружбы навсегда останется сооружение Асуанского гидроэнергетического комплекса, явившегося огромным вкладом в развитие национальной экономики Египта (бывшей ОАР— Объединенной Арабской Республики, нынешней АРЕ).

Наша страна решительно поддержала июльскую революцию 1952 года, в результате которой в Египте был свергнут монархический строй и провозглашена республика.

СССР и другие социалистические страны сыграли решающую роль в пресечении израильской агрессии против арабских государств в июне 1967 года. Когда радиовещательные станции всех континентов еще передавали подробности о трагедии, постигшей арабские страны в войне с Израилем, к Советскому правительству обратился со специальным посланием Гамаль Абдель Насер. Известив о тяжелом поражении египетской армии, президент кратко изложил причины катастрофы и попросил оказать Египту немедленную военную помощь, в том числе направить советских военных советников, способных быстро помочь восстановить вооруженные силы и организовать надежную оборону страны.

Рассмотрев просьбу главы дружественного арабского государства, Советское правительство сочло возможным откликнуться на его просьбу. Было решено немедленно направить в Каир советскую военную делегацию во главе с Маршалом Советского Союза М. В. Захаровым. Задача ее состояла в том, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке, выяснить масштабы поражения и оказать содействие египетскому командованию в ликвидации последствий агрессии.

В период пребывания нашей военной делегации в Египте нас с маршалом М. В. Захаровым несколько раз приглашал к себе Гамаль Абдель Насер. Мы обстоятельно рассказывали ему, чем занимаются наши генералы и офицеры, как идут военные поставки из Советского Союза и ведутся работы по восстановлению египетских войск и строительству обороны. За две недели пребывания в Египте мы неоднократно имели беседы с главнокомандующим и начальником генерального штаба египетской армии. Рассматривались самые различные аспекты строительства вооруженных сил.

Несколько позже нам стало известно, что египетские генералы и офицеры в те дни вели в своем кругу острую полемику по вопросу о советниках. Одни всецело разделяли точку зрения президента о необходимости иметь в армии советников, другие решительно восставали против этого. Характерно, что представители высшего офицерства (впоследствии изгнанные из армии) категорически противились учреждению советнического аппарата, младшие же офицеры одобряли такой шаг президента. Что касается нас, то мы не теряли времени даром: занимались не только переговорами, но и помогали египтянам наводить порядок в их разрушенном военном хозяйстве. И наши практические усилия в этом направлении, пожалуй, лучше всяких слов агитировали в пользу учреждения советнического аппарата. В этом постепенно убеждалось все большее число египетских офицеров. Принял окончательное решение и президент.

Выполнив свои задачи, делегация, возглавляемая маршалом М. В. Захаровым, отбыла в Москву, а в Египте продолжала начатое дело группа товарищей из Генерального штаба, а также советские военные специалисты. Почти весь июль мы провели в войсках, в зоне Суэцкого канала.

11 июля в Каир прибыла вторая советская военная делегация. Она имела задачу (в соответствии с просьбой президента Насера) подготовить соглашение о посылке в Египет группы наших военных советников. В состав делегации входили представители всех видов Вооруженных Сил СССР, а также специалисты по юридическим, техническим, финансовым и другим вопросам. Возглавить делегацию было поручено мне.

Мы быстро убедились, что многие египетские генералы как огня боялись «коммунистического духа» и того идеологического влияния, которое могут оказать советники на нижних чинов и младших офицеров их армии. Ведя переговоры, они даже избегали слова «советник» и употребляли более нейтральные термины: «специалист», «эксперт», «консультант».

В процессе переговоров возникло много трудностей. Египетские высшие чины демонстративно недоброжелательно относились к советникам. Об этой недружелюбной позиции было доложено министру обороны СССР.

В результате было решено отложить подписание соглашения о советниках, но продолжать активно работать, дабы доказать той части египетского руководства, которая противилась введению статуса советников, ее неправоту.

Следует подчеркнуть, что в это время в Египте произошло событие, способствовавшее введению советников в египетских вооруженных силах. Речь идет об аресте группы заговорщиков из числа наиболее реакционно настроенных генералов и офицеров, возглавляемых маршалом Амером и бывшим военным министром генералом Бадраном. Именно эти лица особенно активно противились допуску в вооруженные силы Египта наших советников. С их арестом недружелюбие и откровенно клеветнические высказывания в адрес Советского Союза почти прекратились. Египетские генералы уже не считали, что советников им навязывают. При каждом удобном случае главком, военный министр да и сам

президент спрашивали у советского посла в Египте С. А. Виноградова, почему задерживается приезд советников? Египетский посол в Москве в свою очередь, получив соответствующие указания из Каира, начал выяснять это в МИДе СССР. В конце концов Гамаль Абдель Насер еще раз официально обратился с просьбой ускорить отправку советников.

Оценив перемену, происшедшую во взглядах руководства Египта по данному вопросу, Советское правительство решило удовлетворить его просьбу. В конце октября в Каир для подписания соглашения прибыла третья военная делегация во главе с заместителем министра обороны СССР генералом армии С. Л. Соколовым. После тщательного обсуждения соглашения о военных советниках генерал армии С. Л. Соколов и военный министр Египта А. Х. Хувейди скрепили его своими подписями.

И вот 3 ноября 1967 года первый Ил-18 доставил в Египет советников старшего звена. В последующие дни прибыли и остальные советники. Все прибывшие генералы и офицеры были ознакомлены с характером своей будущей деятельности, формами и методами работы, взаимоотношениями с египетскими военнослужащими, нормами поведения за границей. Серьезное внимание обращалось на вопросы бдительности и сохранения военной и государственной тайны.

Задачи советников усложнялись отсутствием учебно-материальной базы и необходимых руководств. Известно, как велика роль уставов и наставлений в обучении войск. Однако у египтян целого ряда уставов и наставлений не было вообще, некоторые находились в стадии разработки, третьи были в виде проектов или же безнадежно устарели, являясь копиями английских уставов тридцатилетней давности.

В ходе инструктажа советских генералов и офицеров подчеркивалось, что сотрудничество советников с военнослужащими Египта должно основываться на взаимопомощи и взаимном уважении. Египетские командиры и начальники обязаны предоставлять советникам необходимые им сведения и документы и вовремя информировать их о предстоящих задачах и состоянии своих войск. В свою очередь советники должны работать в тесном контакте с египтянами, вместе обсуждать все возникающие проблемы, совместно с ними разрабатывать боевые документы, готовить и проводить учения, военные игры, показные и другие занятия и учебные мероприятия.

Советники могли вносить предложения по самым различным вопросам в любой форме и в любое время, не дожидаясь, когда они потребуются. Генералы и офицеры Египта не должны были ограничивать их деятельность и инициативу и сводить все лишь к разработке каких-либо документов или выполнению технических операций. Всю свою деятельность советники строили на основе директив, планов, приказов, инструкций, уставов и наставлений, имеющихся в вооруженных силах. Они должны были регулярно посещать войска с целью изучения их состояния, уровня подготовки, умения использовать и сберегать оружие и боевую технику, разрабатывать рекомендации для соответствующих видов и родов вооруженных сил.

В процессе всесторонней подготовки прибывшие в Египет генералы и офицеры быстро сориентировались в обстановке, поняли своеобразие тех условий, в которых им предстояло трудиться, уяснили свои задачи и обязанности и отбыли в управления, соединения и части, чтобы приступить к практической работе. В последующем с приобретением опыта подготовка вновь прибывающих советников проводилась на 3—4-дневных сборах при штабе главного военного советника.

* * *

Известие о прибытии советских военных советников в Египет быстро распространилось в войсках, порождая разнотолки среди военнослужащих всех категорий. Тем не менее советских офицеров встретили в войсках вежливо, с традиционным арабским гостеприимством, а кое-где даже радушно. Объясняется это тем, что враждебно настроенное офицерство хотя и пользовалось в армии большим влиянием, но составляло численное меньшинство, и в данном случае «погоду» делали как раз не они, а здравомыслящие командиры — выходцы из средних слоев, настроенные более демократично. Многие командиры соединений встречали советников лично, знакомились, вводили в обстановку, представляли своим офицерам.

Прежде чем приступить к практической работе, нужно было основательно разобраться в особенностях обстановки на каждом участке обороны. В войсках, находившихся в зоне Суэцкого канала, требовалось, в частности, всесторонне изучить организацию и состояние обороны. Не располагая достаточно точными данными о численном составе и задачах частей, системе огня и инженерного оборудования, организации связи и управления, нельзя было, естественно, давать какие-либо рекомендации по совершенствованию важнейших элементов обороны и повышению боеготовности войск.

Такие сведения могли дать только египетские командиры. Однако многие из них весьма неохотно это делали. Отделываясь общими фразами, они явно приукрашивали положение дел у себя в частях и расхваливали подчиненных офицеров.

Как уже говорилось, в тот период немало офицеров питало недоверие к советникам, и теперь их подозрительность еще более усилилась. Им казалось странным, что русские с первых же шагов проявляют повышенный интерес к сведениям «секретного» порядка. Кроме того, египетские командиры опасались, как бы из докладов советников не узнали об их собственных недоработках и не использовали полученную информацию во вред им. Были и такие офицеры, которые по своей некомпетентности не могли дать нужных сведений и, скрывая это, напускали на себя таинственность и важность.

Разгадав мотивы скрытности должностных лиц, советники постарались успокоить их страхи, помочь преодолеть заблуждения и прежде всего доказать, что требуемые сведения являются той элементарной информацией, без которой вообще невозможно оказать какую-либо помощь египтянам. Приходилось вынуждать к откровенности даже ценой прямого «обмена» информацией. Советники досконально изучали все, что было известно о противнике, а также установили состав, вооружение и характер действий египетских частей. Они использовали всякую возможность, чтобы разъяснить египтянам, с какой задачей они к ним направлены, каковы их обязанности и как они намерены их выполнять. При этом подчеркивалось, что все они прибыли в Египет добровольно и как искренние друзья арабов готовы помочь им ликвидировать последствия агрессии, что у них есть боевой опыт и практика в строительстве вооруженных сил, в использовании современного оружия и боевой техники.

С каждым днем советники лучше узнавали египетских офицеров, расширяли круг знакомств, устанавливали более тесные связи, вживались в новый коллектив. Каждого, естественно, занимали вопросы: что за человек его подопечный, как найти к нему подход, завязать и укрепить отношения. Младшие офицеры охотнее отвечали взаимностью на взаимность. Весь процесс установления контактов был завершен в течение одной-двух недель. В последующем связи между советниками и командирами укреплялись непосредственно в ходе работы.

За короткое время советские офицеры основательно изучили положение дел в войсках, нередко знали его лучше самих египтян.

Следует заметить, что некоторые советники иной раз за работой забывали о необходимости постоянно считаться с настроениями подопечных, с их болезненной чувствительностью к замечаниям.

Своеобразие обстановки и задач на местах, особенности характера и мировоззрения египетских офицеров, различия военного и жизненного опыта, а также методического мастерства наших офицеров — все это влияло на характер и результаты деятельности советников, определяя подход к делу, приемы и результаты самой работы. И хотя предстояло в общем-то иметь дело с давно знакомыми вещами, требовалось искать новые, более эффективные пути и способы работы, творчески анализировать первые успехи и неудачи, чтобы учиться на тех и других. Процесс этот для каждого из наших советников протекал по-разному. Одни быстро находили себя в новой роли, другие тратили на это больше времени и сил. Труднее пришлось первым — они шли неизведанными тропами. Их опыт как раз и помог товарищам, прибывшим позже, избежать некоторых просчетов, быстрее войти в рабочую колею, используя в своей деятельности уже проверенные формы и методы труда.

Эффективнее была работа тех советников, которые находились в коллективе. Нередко ошибаясь, они помогали друг другу, получали инструкции от старших, устанавливали общую линию поведения и единые взгляды на те или иные вопросы. В таких коллективах (скажем, в масштабе бригады или дивизии) опыт лучших советников очень скоро становился достоянием всех, избавляя менее подготовленных от необходимости самим вырабатывать его. Индивидуальные поиски наиболее результативных форм и методов работы требуют больше сил и времени, не гарантируя от ошибок, особенно нежелательных для советников.

В худшем положении оказались офицеры, работавшие обособленно, пока не был налажен обмен опытом в централизованном порядке. Каждый советник в бригаде, дивизии составлял индивидуальный месячный план, в котором предусматривал свои специфические задачи. Главное внимание при этом обращалось на проведение инструкторско-методических, показных занятий и тактических учений, на практическую обработку приемов по стрельбе и вождению машин, оперативно-штабную подготовку офицеров и контроль за качеством учебного процесса. Личный план детально согласовывался и утверждался старшим советником.

Основная форма деятельности советника — прямое общение с подсоветным. В этом случае легче и проще добиться взаимопонимания, выяснить все пробелы в подготовке офицера и то, как усвоены и претворяются в жизнь выданные рекомендации. Тесные контакты с подсоветными нельзя заменить ничем. Вот почему наши офицеры большую часть времени расходовали на то, чтобы лично, с помощью инструктажа, беседы, справки и пр. поднять выучку египетских офицеров и штабов, подготовить их к занятиям и учениям, разъяснить порядок планирования боевой подготовки и отработки различных документов.

Общение между советскими и египетскими офицерами поддерживалось постоянно в ходе проведения занятий, при посещении войск, расположенных в обороне, разработке учебной и штабной документации, а также вне службы. В разговорах, например, затрагивались многие темы, не исключая личных. Такие беседы шли на пользу: чем ближе узнавали офицеры друг друга, тем больше возникало взаимной приязни и доверия, тем дружнее и продуктивнее работали.

Весьма действенной, особенно в первое время, оказалась и такая форма помощи, как письменные рекомендации. Ознакомившись с ними, подсоветные становились более подготовленными к устной беседе и практическим мероприятиям. Эти рекомендации составлялись нашими советниками квалифицированно, излагались доходчиво, так, чтобы каждый египетский командир мог досконально уяснить разработанный в них вопрос и решить его, руководствуясь предлагаемым.

Оправдала себя и другая форма передачи знаний и опыта — личный показ, демонстрация образцовых действий. Наилучшие возможности представляли для этого инструкторско-методические и показные занятия. Советники или сами выступали на них в качестве руководителей, или же готовили к этой роли египтян. Особое место в методике отводилось практике обращения с оружием, аппаратурой, боевой техникой. Присматриваясь к уверенным и сноровистым действиям советских офицеров, египтяне копировали их, стараясь добиться такого же мастерства.

При изучении обороны по западному берегу Суэцкого канала было вскрыто много недостатков. К примеру, огневые средства располагались по фронту равномерно, без учета обстановки, огневые позиции артиллерии выбирались крайне неумело, в бригадах первого эшелона резервы отсутствовали и пр. Следовало все это исправить, уточнить, изменить, чем советники и занимались.

Отлично зарекомендовала себя как метод воздействия и практическая работа советников в войсках. Она бывала так наглядна, что арабские офицеры легко подключались к начатому делу и завершали его сообща с нашими офицерами, перенимая у них полезные знания и навыки. Особенно часто приходилось прибегать к показу, чтобы приохотить подсоветных к тренировкам с оружием и различной аппаратурой, а также упорядочить эксплуатацию боевой техники. Помимо стремления ликвидировать вскрытые недостатки и повысить боеспособность своих частей, подразделений, в действиях некоторых командиров угадывалось и ущемленное самолюбие. Как же это так, советники водят танк, стреляют из орудий и знают автослужбу намного лучше их? Надо доказать и русским, и своим солдатам, что арабские офицеры тоже кое-что умеют.

Как видим, способы воздействия на подсоветных были различны. В деятельности советника исключительно важную роль играет то, каким авторитетом, уважением он пользуется у окружающих, а также его влиянием на них. Имея дело с людьми иной национальности, иного склада характера, образа мыслей и жизни, советник зачастую должен преодолевать не только языковой барьер и сословные препоны, но и многие другие препятствия чисто эмоционального порядка. Особую роль в завоевании и укреплении авторитета имеют примерные личные качества советника. Иной из арабских офицеров не мог оценить по достоинству ни представленные ему рекомендации, ни совместные занятия, ни уровень подготовки своего начальника. Он мог соглашаться или спорить с советником, ставить себя вровень, а то и выше его — тут многое зависит не от того, что представляет собой человек на самом деле, а от того, что он о себе думает. Другое дело, когда советник временно вставал на место своего подшефного и сам делал ту или иную работу, выполнял какой-то прием. Тогда все моментально вставало на свои места. Теоретический вопрос, казавшийся до этого не совсем понятным, прояснялся, облекаясь в практические действия. Спорная рекомендация оборачивалась вполне убедительными результатами, а высокая квалификация советника подтверждалась его отточенными навыками и сноровистыми действиями. Один образцовый показ стоит порой нескольких бесед и консультаций. Он воздействует на разум и не только учит, но и агитирует и убеждает.

Наши офицеры очень умело использовали личный пример во всех областях военного дела. Они не стремились к

тому, чтобы создать себе популярность в войсках какими-то другими выигрышными поступками или действиями. Они делали свое дело буднично и просто, хотя, разумеется, прекрасно знали цену высокому авторитету и понимали, как нужен он им для успешной их деятельности. Уважение к себе они завоевали прежде всего старательной работой, доброжелательностью и простотой в отношениях с людьми. Советские офицеры своим поведением снискали у египтян-военнослужащих глубокое уважение. Советники терпимо, с пониманием относились ко всем обычаям их страны, равно как и к религиозным убеждениям.

Выгодно отличали наших людей подтянутость и организованность. Что касается дисциплинированности советников, то тут наиболее наблюдательных арабских офицеров покоряла ее внутренняя сущность — самодисциплина, мерилом которой является совесть человека. Конечно, подшефные видели, что все указания советникам даются только один раз, что они выполняются тотчас и с полной отдачей сил, что советские офицеры контролируют сроки и качество своей работы сами, причем куда жестче, чем это сделал бы любой египетский командир, что обращаются они друг к другу по уставу, получают приказы и докладывают об их исполнении по всей форме.

Естественно, не все египтяне оценивали роль советников так высоко и отмечали их качества столь искренне. Многие офицеры, особенно в старшем звене, испытывали другие чувства. Тем не менее наше влияние в вопросах военного строительства становилось все более значительным. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассказать о некоторых мероприятиях, проведенных в вооруженных силах Египта по инициативе и с помощью советнического аппарата.

1. УПОРЯДОЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО РУКОВОДСТВА

Одним из основных недостатков, резко снижавших боеспособность египетских вооруженных сил, являлось отсутствие в них четкого определения функций высшего военного командования и органов управления. Многие должностные лица не знали своих прямых обязанностей и поэтому занимались несвойственными им делами, создавая параллелизм в работе.

Выполняя просьбу президента республики, советники разработали специальное Положение о командовании и органах управления вооруженными силами, в котором был четко определен круг функций президента республики как верховного главнокомандующего, военного министра, начальника генерального штаба, командующих видами вооруженных сил и родов войск, а также начальников центральных управлений и установлены четкий порядок подчиненности, права и обязанности.

Вторым документом, подготовленным советниками в целях упорядочения системы военного руководства в стране, стало Положение о Совете национальной обороны — высшем коллективном органе, учрежденном Насером. В нем указывалось, что, возглавляя Совет, президент не только определяет его состав, но и направляет всю его работу, а решения этого органа, также утвержденные президентом, имеют законодательную силу.

Советникам была оказана помощь в четком определении функций военного министерства республики. Разработанные ими положения отражали ценнейший опыт руководства Советскими Вооруженными Силами с учетом, разумеется, политических, национальных, психологических и организационных особенностей, существовавших в вооруженных силах Египта.

2. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕГИПЕТСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ

В ходе египетско-израильской войны ВВС Египта были полностью разгромлены. Поэтому советникам пришлось принимать самые энергичные меры, чтобы пополнить самолетный парк и создать техническую базу для возрождения египетских ВВС. В короткий срок они проделали огромную работу. Работая день и ночь, наши офицеры за период с 3 июня по 26 июля 1967 года собрали и облетали около 200 боевых самолетов, поступивших в разобранном виде из СССР. К 15 сентября египетские ВВС уже имели на целых 100 самолетов больше, чем до израильской агрессии.

Следует особо подчеркнуть, что благодаря исключительно большой и оперативной помощи Советского Союза в поставках авиационной техники и напряженной работе наших советников и авиаспециалистов по освоению поступавших самолетов и обучению египетских летчиков технике пилотирования, особенно тактике ведения воздушных боев в различной воздушной обстановке и правильной эксплуатации материальной части, ВВС Египта были очень скоро возрождены.

3. РЕОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПВО

Важнейшая задача советников в ходе строительства вооруженных сил Египта состояла в том, чтобы целиком преобразовать существовавшую систему противовоздушной обороны. Ибо, как показали драматические события шестидневной войны, она оказалась неспособной выполнить возложенные на нее задачи.

Работу по совершенствованию ПВО мы начали с того, что детальнейшим образом уяснили для себя все ее слабые стороны. Затем разработали предложения по повышению боевой готовности ПВО. Прежде всего потребовалось разделить войска ВВС и ПВО, выделив последние в самостоятельный вид вооруженных сил во главе с командующим, которому подчинялись зенитно-ракетные, радиотехнические войска и вся зенитная артиллерия. Но это было, разумеется, только началом становления ПВО Египта. В последующем потребовалось приложить еще больше усилий для того, чтобы практически реорганизовать противовоздушную оборону этой страны в свете современных требований.

4. ПОВЫШЕНИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ ВМФ

В конце 1967 и начале 1968 года нам пришлось очень много заниматься вопросами боевой готовности египетского военно-морского фпота. В количественном и качественном отношении он обладал довольно внушительной мощью, значительно превосходившей имевшуюся у противника. Тем не менее его силы непрерывно наращивались. В короткое время были введены в строй шесть подводных лодок. После отработки курсовых задач они могли серьезно воспрепятствовать вражеским морским перевозкам и вместе с тем обеспечить прикрытие приморских флангов своих сухопутных войск и побережий от ударов израильского флота. Много внимания уделяли советники-моряки и повышению оперативной и боевой подготовки кораблей.

5. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ АРТИЛЛЕРИИ

При активной помощи советников к весне 1968 года египетская артиллерия в количественном и качественном отношении и по своей подготовке могла обеспечить ведение оборонительных боев и операций. Ее части и штабы были в основном укомплектованы личным составом и боевой техникой, батареи и дивизионы научились вести огонь всеми

калибрами прямой наводкой по подвижным и неподвижным целям и осваивали стрельбу с полной подготовкой данных. Командиры батарей овладели способами поражения целей по наблюдению знаков разрывов и отработали ряд других задач курса стрельб.

О способности артиллерии успешно действовать в обороне свидетельствовал тот факт, что она наносила все больший урон противнику в перестрелках, периодически возникавших в зоне Суэцкого канала.

В последующем артиллерия готовилась к наступательным боям. Советники стремились научить артиллеристов в сжатые сроки совершать марши и перегруппировку, умело проводить огневую подготовку и осуществлять поддержку пехоты и танков при форсировании водных преград, быстро развертываться в боевой порядок в подготовленных и неподготовленных позиционных районах, надежно поражать массированным огнем живую силу и боевую технику противника.

6. РЕОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Занимаясь вопросами строительства, мы не могли, естественно, оставить без внимания серьезные недостатки, имевшие место в органах военной разведки. Их структура, укомплектованность людьми и снаряжением, подготовка личного состава находились в таком состоянии, что разведка не могла обеспечить египетское командование необходимыми сведениями о противнике не только в период активных наступательных действий войск, но и в обороне. Поэтому были разработаны предложения по улучшению деятельности разведывательных органов военной разведки. Военное руководство Египта признало целесообразным провести все эти предложения в жизнь. Слишком свежи тогда были в памяти просчеты разведки в канун и в ходе шестидневной войны. Короче говоря, в этой области наши рекомендации сравнительно быстро начали осуществляться на практике. Однако и в последующем советникам пришлось очень много поработать для того, чтобы органы разведки заняли подобающее им место в боевой деятельности египетских вооруженных сил.

7. МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ СВЯЗИ

Наряду с разведкой не менее слабым звеном в египетской армии была связь. Действующая ее система не могла обеспечить надежного и устойчивого управления войсками, что очень наглядно подтвердили события на Синае. Для наших советников, опытных в вопросах связи, не составило особого труда вскрыть все эти изъяны. Сложнее оказалось разработать рекомендации, позволявшие улучшить систему связи без больших затрат средств и увеличения численности личного состава. Такие предложения все же были представлены египтянам своевременно, они были приняты и проведены в жизнь.

8. РАЗВИТИЕ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

К моменту прибытия в Египет советников инженерные части и другие войска проделали значительную работу по созданию обороны на Суэцком канале. Однако имелись еще и крупные недостатки. На всех позициях, например, требовалось дооборудовать траншеи: в них почти не было перекрытий для защиты людей от напалма и пулеметного огня при воздушных налетах врага, а также уширений и ступенек на случай выхода в контратаки. Все ячейки и площадки требовалось приспособить к ночной стрельбе, а ходы сообщения к выполнению маневров силами и средствами и ведению круговой обороны. Многие недостатки объяснялись тем, что войска не знали объема и сроков выполнения земляных и других работ и испытывали острый недостаток как в средствах механизации, так и в специалистах, умеющих управлять инженерными машинами. Много было и других недостатков в деятельности инженерных войск.

Советники разработали рекомендации по развитию инженерных войск, принятые египетским командованием. В последующем качество работы инженерных войск постепенно улучшилось.

Кроме того, занимаясь строительством египетских вооруженных сил, у советников возникла необходимость в решении таких проблем, как упорядочение работы тыла, улучшение состояния автомобильной службы, подготовка кадров, повышение моральной стойкости личного состава войск, разработка и внедрение уставов в вооруженные силы, организация деятельности военной инспекции, упорядочение издания военных журналов и газет и др.

* * *

В любом деле, а в военном особенно, глубокие знания, разносторонние навыки и богатый опыт — залог особо плодотворной работы.

Одновременно со строительством вооруженных сил и организацией обороны Египта перед нашими советниками стояла важнейшая задача — выработать у египетских командиров и начальников передовой, эффективный стиль руководства войсками и штабами. Сложность этой задачи заключалась в том, что практические навыки, являющиеся основой такого стиля, у многих арабских офицеров были развиты чрезвычайно слабо. Одни из офицеров не были приучены к самостоятельности, Другие привыкли к безответственности, третьи не придерживались плановости в работе, были недостаточно организованы. Следовало выяснить причины низких деловых качеств офицерского состава вооруженных сил Египта. На наш взгляд, главной из них являлось многолетнее господство в египетской армии английских инструкторов и консультантов (до революции 1952 г.).

Советские советники стремились научить египетских офицеров работать творчески, организованно и по планам. Составлять их стали скоро, а вот выполнять, как это требуется, привыкали с большим трудом.

Советники старались египетским командирам передать и умение точно оценить результаты своей работы. Ведь без этого нельзя выявить ошибки, наметить пути их устранения, определить самые эффективные способы действий. Однако выработать объективный взгляд на вещи у арабских офицеров оказалось трудно. Дело в том, что выводы и заключения египетских и советских офицеров по вопросам боеспособности и порядка в частях и соединениях, как правило, существенно отличались. Из-за неспособности правильно оценивать реальную обстановку египтяне неверно докладывали об уровне выучки и боевых действиях своих подразделений и частей или вообще деятельности войск. Многие из командиров при этом считали, что дела у них идут неплохо. Сами заблуждались и вводили в заблуждение начальников.

Когда советники начали чаще напоминать о требованиях, которые предъявляет к подготовке войск современный бой, и попутно указывать командирам на все проблемы в обучении их частей и соединений, многим это не понравилось. Пришлось убеждать командиров и начальников в том, что всякое сокрытие происшествий и их причин является предпосылкой к повторению подобных явлений в будущем. Разъяснительная работа принесла пользу: информация о положении в войсках несколько улучшилась. Получили признание и расследования ЧП. После каждого из них высшее командо-

вание принимало соответствующее решение. Строже стали наказывать и за ложные доклады из войск.

Умение правильно и четко оценивать состояние дел в войсках, разумеется, нужное качество, однако одно оно еще не могло служить основой передового стиля работы. Командирам нужны глубокие знания и разносторонние навыки. Многие египетские офицеры чувствовали сами, что подготовлены слабо и не способны поэтому как следует обучать подчиненных. И все-таки вместо того чтобы всерьез заняться самообразованием, ликвидировать отставание, они уклонялись от занятий и бесед с солдатами и сержантами, не появлялись на командирских и других занятиях.

Советники много занимались с египетскими офицерами. Проводили с ними главным образом практические занятия, а лекции были сведены до минимума. При подготовке к ним оказывали египтянам всестороннюю помощь: консультировали, учили составлять конспекты, пользоваться справочной литературой, закреплять знания. Таким образом, делалось все, чтобы вооружить обучаемых теорией военного дела, дать им максимум знаний, необходимых для руководства войсками в современном бою.

Тем не менее большинство египетских офицеров очень слабо владели методикой проведения занятий. Они не видели разницы между тактико-строевыми занятиями и тактическими учениями, смешивали семинарские занятия с групповыми, использовали обычно только один метод — рассказ — и совершенно не разбирались ни в чем другом. Поэтому все занятия они перепоручали младшим офицерам и сержантам, которые проводили их настолько безграмотно, что все это превращалось в пустую трату времени.

Ни один из руководителей к занятиям не готовился, и это считалось нормой. Советники, естественно, задались целью научить египтян правильно подготавливать и проводить любые занятия, применяя при этом самые результативные формы и методы обучения. Помогая овладевать офицерам методикой, советники добивались, чтобы каждый из них выступал в роли руководителя. Ведь только так и можно приобрести методические навыки, опыт руководства учебным процессом, ибо, как говорится, нельзя научиться плавать, не ступая в воду.

Советникам приходилось, разумеется, и самим составлять личные методические разработки. Делалось это в присутствии египетских офицеров и даже вместе с ними, чтобы передавать им свой опыт в этом деле.

Слабость египетских командиров проявлялась и в том, что они не могли показать подчиненным, что и как нужно делать, поскольку сами не были обучены этому. В связи с этим особое значение в методической подготовке приобрели показные занятия. Их проводили по всем предметам — сначала советники, потом к ним подключались египтяне. Постепенно роль советников стала ограничиваться определением общих установок, а организовывали и проводили занятия сами командиры.

К сожалению, не везде сдвиги в лучшую сторону были заметны. Приходилось настойчиво бороться с предубеждениями одних командиров, тактично и постоянно принуждать самостоятельно действовать других, поддерживать советом и помощью третьих.

В итоге, методическая подготовка большей части офицеров качественно стала выше. Во многом способствовал этому и рост их практических навыков.

* * *

В заключение есть необходимость подчеркнуть, что под руководством советских военных советников в короткий период времени в сложных и трудных условиях были, по существу, вновь созданы в ОАР современные вооруженные силы, оснащенные новейшим оружием и боевой техникой.

Генерал армии П. Н. ЛАЩЕНКО, Герой Советского Союза

Линия фронта - Суэцкий канал

В июне 1967 года израильские войска силами 400 боевых самолетов и двенадцати пехотных и танковых бригад в течение шести дней разгромили на Синае полумиллионную египетскую армию, оснащенную большим количеством современного вооружения и военной техники. Президент Объединенной Арабской Республики (ОАР) Гамаль Абдель Насер направил послание советскому руководству, в котором просил оказать помощь в восстановлении боеспособности египетских вооруженных сил, продаже оружия и военной техники, С этой целью в середине июня в ОАР была направлена военная делегация во главе с начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршалом Советского Союза М. В. Захаровым. В ее состав был включен и командующий войсками Прикарпатского военного округа генерал-полковник П. Н. Лащенко, который после возвращения делегации в Москву остался в вооруженных силах ОАР Главным военным советником. Он стал руководить находящимися в Египте советскими военными специалистами. В числе гех, кто помогал египтянам создавать фактически новую армию, был и бывший первый заместитель начальника штаба Прикарпатского военного округа генерал-майор Е. И. Малашенко. Сегодня он делится своими воспоминаниями о том непростом и ответственном периоде службы в «горячей точке» планеты.

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

В конце октября 1967 года меня вызвали в Москву. Начальник Главного управления кадров Министерства обороны сообщил, что я назначен на должность старшего советника начальника главного оперативного управления генерального штаба вооруженных сил ОАР. После беседы в ЦК КПСС, Главном политическом управлении СА и ВМФ и в Генеральном штабе мне предстояло отправиться в Египет. Сборы были короткими.

3 ноября 1967 года первая группа советских военных советников вылетела с подмосковного военного аэродрома в Каир. Возглавлял ее генерал-лейтенант И. С. Катышкин, назначенный заместителем Главного военного советника - старшим советником начальника генерального штаба вооруженных сил ОАР. До этого он был начальником штаба Закавказского военного округа.

На каирском аэродроме нас встречали генерал-полковник П. Н. Лащенко, представители советского посольства, египетского командования, а также советские генералы и офицеры, работавшие в Египте.

Шла война. Мы ожидали увидеть, что Каир, будучи прифронтовым городом, готовится к обороне. Однако улицы города были многолюдны. О войне напоминали только мешки с песком, лежащие перед входами в дома и на окнах первых этажей. Предполагалось, что они защитят от ударов израильской авиации.

На следующий день после прибытия еще одной группы наших советников генерал-полковник П. Н. Лащенко подробно рассказал о сложившейся в стране ситуации. Вооруженные силы ОАР, отметил он, в результате первого же удара израильтян практически перестали существовать. Самолеты были уничтожены на аэродромах. Сухопутные войска, без боя оставив боевую технику на Синае, в беспорядке отошли на западный берег Суэцкого канала. Противовоздушная оборона оказалась не готовой к отражению ударов авиации. Штабы проявили неспособность управлять войсками. Лишь военно-морской флот не пострадал, так как в боевых действиях участия не принимал, хотя и имел почти в два раза больше кораблей, чем Израиль.

Петр Николаевич подчеркнул, что египетские вооруженные силы находятся в стадии восстановления, военной техникой и вооружением они укомплектованы на 30-60 проц., а в военно-воздушных силах ощущается острая нехватка летчиков. Серьезной проблемой являлась недостаточная подготовка личного состава, его неумение эффективно использовать вооружение и боевую технику. Слабо был подготовлен и командный состав.

Нас, старших советников, представили руководству вооруженных сил ОАР: начальнику генерального штаба генерал-лейтенанту Монейму Риаду, командующим видами вооруженных сил, родами войск и начальникам управлений генерального штаба.

Генерал Риад поблагодарил нас за желание помочь египетской армии в трудное для нее время, тепло отозвался о правительстве СССР и кратко изложил особенности предстоящей работы. При этом заметил, что не все египетские офицеры хорошо подготовлены в военном деле, но все потрясены поражением на Синае. Он также отметил, что египетские офицеры капризны, не всегда правильно воспринимают советы и рекомендации даже своих начальников, но обещал со своей стороны оказывать нам помощь в работе.

На приеме в советском посольстве. Слева направо: египетские генералы А. Исмаил, С. Мохсен, переводчик В. Федяев, генерал-майор Е. И. Малашенко, генерал М. Риад, генерал-лейтенант И. С. Катышкин. Каир. 1967 год.

Риад был энергичен, четко излагал своп мысли и произвел неплохое впечатление, но немного красовался, как, впрочем, многие арабы.

Генерал Лащенко представил меня начальнику генштаба, а также помощнику главкома вооруженных сил генералу С. Мохсену. Генералы дружески пожали мне руку, приглашая заходить к ним в любое время. Добрые отношения с М. Риадом и С. Мохсеном у меня сохранялись на протяжении всего времени моего пребывания в Египте.

Нас, старших военных советников, принял и советский посол в ОАР С. А. Виноградов. Он был искренне рад нам и не скрывал этого. Посол проанализировал поли-

тическую обстановку в ОАР, охарактеризовал международное и внутреннее положение республики и сообщил о принятом Советом безопасности ООН решении о выводе израильских войск с захваченных арабских территорий.

7 ноября в советском посольстве в Каире был устроен прием по случаю 50-летия Октября. Это была первая встреча, организованная иностранным посольством в ОАР со времени июньской войны. На ней присутствовал президент страны Насер. Он пробыл в советском посольстве больше часа.

В главном оперативном управлении генерального штаба меня встретили настороженно и не совсем дружелюбно.

Начальник управления генерал-майор Талат на вопросы отвечал уклончиво. Долго не решался допустить к оперативным документам, в том числе и к плану обороны страны на случай новой агрессии израильтян. Разумеется, мне пришлось искать подходы для установления более деловых и дружеских контактов. Спустя некоторое время я уже знал, что отдел оперативной подготовки управления, разрабатывая громоздкую директиву на 1968 год, стремился включить в план как можно меньше практических мероприятий - оперативных командно-штабных учений и тренировок. Состояния подготовки оперативных штабов отдел не знал, и контроль за проведением мероприятий полностью отсутствовал. Впрочем, в управлении недоставало многого другого, так необходимого для эффективной работы.

В отделе радиоэлектронного противодействия, например, вели многословную полемику о значительных радиопомехах израильтян во время боевых действий на Синае. В то же время офицеры отдела не знали, в каком состоянии находятся их собственные силы и средства РЭП и каковы их возможности, большая часть техники требовала ремонта, боевая подготовка в частях РЭП не проводилась. Было видно, что оперативное управление ведущей роли в генеральном штабе не занимало.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕГИПЕТСКОЙ АРМИИ

23 ноября 1967 года египетские радиостанции и телевидение транслировали программную речь президента Насера, с которой он обратился к Национальному собранию ОАР.

Касаясь причин поражения в июньской войне, президент сказал, что противник добился успеха, так как его возможности превосходили египетские (последнее не соответствовало действительности).

Основную тяжесть вины за поражение Насер возложил на командование ВВС республики, которое, по мнению президента, неверно оценило обстановку, что и явилось причиной июньской катастрофы, привело военные действия к известному концу.

Впервые в его выступлении были даны официальные цифры потерь войск ОАР в июньской войне: уничтожено около 80 проц. военной техники, убито 1500 офицеров и 10000 солдат, пленено 500 офицеров и 5000 солдат. В воздушных боях погибло 40 летчиков.

В конце ноября 1967 года Главный военный советник генерал-полковник П. Н. Лащенко, находясь на докладе у президента Насера, сообщил о прибытии новых групп советников, среди которых было немало летчиков. Все они уже включились в работу.

Президент в свою очередь объяснил, какие причины побудили его обратиться за помощью к Советскому Союзу. Просить Америку, по его словам, означало бы капитулировать перед Израилем, создать предпосылки для свержения в ОАР прогрессивного строя, предать забвению революционные завоевания, достигнутые в Египте. По этому пути, сказал Насер, мы пойти не могли, твердо решив продолжать борьбу с колониализмом, прежде всего с американским. Поэтому обратились за помощью к Советскому Союзу. Президент также отметил, что многим арабским союзникам он не верит, и подчеркнул, что важно не накопление оружия, а умение его применять. Исход боевых действии будет зависеть от авиации, и поэтому он думает просить добровольцев из Советского Союза и других социалистических стран.

Генерал-полковник П. Н. Лащенко информировал президента, что в настоящее время для повышения выучки войск ОАР разработаны проекты директив по боевой подготовке вооруженных сил на 1968 год. Главными задачами в них считаются достижение готовности египетских вооруженных сил к отражению внезапного нападения, подготовка войск к ведению активных, решительных и маневренных действий, а также их обучение умелому применению оружия. Изучается возможность увеличения количества египетских летчиков, направляемых на подготовку в Советский Союз. Насер одобрительно отозвался о намеченных мероприятиях.

В боевой подготовке мы основное внимание уделяли полевой выучке войск, а также изучению вооружения и техники, умению их применять в бою. Планировали проведение тактических учений с каждой бригадой и дивизией.

В советском посольстве: крайний слева И.С.Катышкин, в центре С.А.Виноградов, крайний справа Е.И.Малашенко.

В системе оперативной подготовки по нашему настоянию впервые предусматривалось проведение оперативно-стратегического учения с генеральным штабом, командующими и штабами видов вооруженных сил и родов войск, а также командно-штабные учения с армиями.

Однако, как выяснилось в последующем, многие поставленные задачи по оперативной и боевой подготовке выполнить не удалось. Египетские генералы и офицеры не смогли обеспечить их выполнение, сроки многих из намеченных учений неоднократно переносились, некоторые мероприятия были проведены упрощенно или вовсе отменены.

После изучения старшими советниками состояния египет-

ской армии мы с генерал-лейтенантом И. С. Катышкиным на основе их докладов разработали конкретный план развития вооруженных сил ОАР, определили основные мероприятия по восстановлению египетской армии, установили необходимую потребность в военной технике и вооружении, сроки осуществления основных мероприятий. Предусматривалось также упорядочить систему военного руководства, усовершенствовать противовоздушную оборону, возродить египетские военно-воздушные силы, повысить боеспособность флота, реорганизовать структуру военной разведки, усилить боеспособность артиллерии, определить мероприятия, направленные на улучшение системы управления, развитие инженерных войск, работы тыла, надежности автомобильной службы, провести ряд других мероприятий. По существу речь шла о восстановлении египетской армии. Надо отметить, что вся эта работа оказалась во многом непосильной для главкома и генерального штаба вооруженных сил ОАР. Они попросту не успевали выполнять наши рекомендации.

В сложившихся условиях в первую очередь требовалось коренным образом преобразовать систему египетской противовоздушной обороны. Наши предложения по улучшению деятельности сухопутных войск принимались и осуществлялись арабской стороной относительно спокойно, хотя и здесь приходилось убеждать главкома и военного министра в проведении необходимых мероприятий.

Иначе складывались дела в ВВС и особенно в ПВО, система которой была сложной и запутанной. Централизованного управления силами и средствами ПВО в вооруженных силах ОАР не существовало. Истребительная авиация подчинялась командующему ВВС, а зенитно-ракетные войска и зенитная артиллерия - командующему артиллерией. Командующий ВВС не отвечал за боевое применение последних. Из-за организационной неразберихи ВВС и ПВО не в состоянии были обеспечить защиту страны от ударов авиации противника, хотя имеющиеся силы и средства вполне позволяли им это сделать. Наше предложение о выделении войск ПВО в самостоятельный вид вооруженных сил не нашло поддержки со стороны командующего ВВС генерала Х. Хеннави и начальника генерального штаба генерала М. Риада.

В начале декабря М. Риад попросил меня высказать мнение о выделении ПВО в самостоятельный вид вооруженных сил, предварительно предупредив, что он старый зенитчик, хорошо знает систему ПВО и ему непонятны некоторые наши рекомендации.

Начальник генерального штаба был убежден, что основу противовоздушной обороны должна составлять истребительная авиация, а не зенитно-ракетные войска. Он считал, что противовоздушная оборона не изменится от того, кто ею будет командовать, и наши рекомендации воспринимал как неприемлемые. Он даже высказал мнение, присущее некоторым египетским генералам, что поражение в июньской войне явилось результатом не только плохой организации управления ПВО, но и следствием того, что египетские войска были вооружены «не тем, чем надо», так как не имели достаточно эффективных средств для борьбы с самолетами на малых высотах. Советские же зенитно-ракетные комплексы, самолеты МиГ-21 и радиолокационные станции обеспечивали только борьбу на больших и средних высотах. Я, возражая ему, говорил, что в египетской армии зенитных орудий и зенитных пулеметов было вполне достаточно, но они огня не открывали потому, что их расчеты при налетах израильской авиации разбегались. Аналогичная ситуация сложилась и с расчетами зенитно-ракетных комплексов, летчиками.

Египетская система ПВО, по мнению П. Н.Лащенко, была раздроблена, несовершенна и не обеспечивала эффективного использования имеющихся сил и средств, требовала коренной реорганизации.

Выслушав меня, Риад взял со стола рекомендации старшего советника ВВС генерала С. Д. Горелова и старшего советника ПВО генерала Н. М. Кондратова и указал на ряд несогласованных положении в этих документах. Получалось, что генерал Горелов только на словах поддерживал необходимость объединения всех сил и средств ПВО под единым командованием. На деле же считал основным средством ПВО истребительную авиацию, которая, по его мнению, способна вести борьбу с израильской авиацией. (Кстати, египетские летчики не сбили ни одного израильского самолета за всю войну.) Тем не менее он рекомендовал оставить истребительную авиацию в подчинении командующего ВВС, а также не передавать в ПВО средства радиолокационного обнаружения, оповещения и связи.

Старший советник ПВО считал зенитно-ракетные войска основным средством противовоздушной обороны, рекомендовал все средства ПВО объединить под единым командованием, но недооценивал зенитную артиллерию и полагал, что всю ее надо оставить в подчинении командующего артиллерией.

Я доложил об этом П. Н. Лащенко, который впредь запретил советникам давать письменные рекомендации без предварительного обсуждения со старшим советником генерального штаба и своим штабом и приказал мне и генералу Катышкину срочно представить рекомендации по совершенствованию ПВО, с которыми в последующем согласилось военное руководство республики.

В вооруженных силах ОАР первоначально была введена должность заместителя главкома вооруженных сил по ПВО, а затем появились как самостоятельный вид и войска ПВО.

КАК СОВЕРШЕНСТВОВАЛИ РАЗВЕДКУ

В египетской армии плохо обстояло дело с разведкой. Об этом мы неоднократно докладывали начальнику генерального штаба генералу Риаду, и он в этом вскоре убедился при посещении войск. Штаб армии и командиры дивизий не знали, какие части находятся перед их фронтом. Когда израильтяне построили высокую насыпь на восточном берегу канала, арабам было неизвестно, что происходит даже в ближайшей глубине обороны противника. Египетское командование не имело сведений о ее характере, расположении резервов и намерениях израильтян.

Египетские генералы и офицеры понимали важность разведки, но ничего практически не предпринимали по ее совершенствованию. Генеральный штаб вообще не имел своих органов разведки и не занимался их организацией. Штаб армии и командиры дивизий боялись вести разведку, чтобы не вызвать ответных действий израильтян.

По просьбе руководства генштаба я встретился с начальником разведуправления генералом М. Садеком. Он держался скрытно, неохотно рассказывал о структуре существующей системы разведки и ее возможностях. Но как выяснилось, разведуправление получением данных, необходимых для вооруженных сил, практически не занималось. В генштаб передавались сведения, полученные от агентуры, данные радиоперехвата, перевода зарубежной прессы, но они часто носили случайный характер.

Генерал М. Садек военной разведки не знал, не хотел ею заниматься, но воспротивился предложению о переподчинении разведывательного управления начальнику генерального штаба. Считал, что там должно быть другое управление или отдел, тесно контактирующий с разведывательными органами страны.

Генеральному штабу, полагал он, этот объем работы был бы просто не по силам, а разведуправление и без того перегружено своими делами и не следует на него возлагать еще и военную разведку.

Мы же считали, что в генеральном штабе надо иметь сильный разведывательный орган для руководства разведкой в интересах вооруженных сил, а не только для сотрудничества с другими разведорганами страны.

В беседах с генералами Риадом и Садеком мною был высказан также ряд предложений по активизации разведки, в том числе о необходимости систематического захвата пленных на восточном берегу канала и на Синайском полуострове, высадки разведгрупп с вертолетов и кораблей в тылу противника, постоянного ведения воздушной разведки не только визуальным наблюдением, но и фотографированием; осуществления пеленгации и перехвата всех радиостанций крупных оперативных штабов и пунктов управления вооруженных сил Израиля, а также получения данных от руководителей палестинского движения.

Старший советник при разведуправлении опыта самостоятельной работы по организации разведки не имел, по характеру был нерешителен. Он слишком долго готовил свой доклад и проект рекомендаций.

Прежде чем отправить эти документы египетскому командованию, генералу Катышкину и мне пришлось их неоднократно и тщательно дорабатывать.

П. Н. Лащенко при очередной встрече с президентом доложил наши предложения по реорганизации разведки. Насер с ними согласился. Так с нашей помощью была решена еще одна важная проблема вооруженных сил ОАР - создание разведки в генеральном штабе.

В ЗОНЕ СУЭЦКОГО КАНАЛА

В генеральном штабе имелся разработанный генералом Лащенко еще в июле 1967 года план обороны в зоне Суэцкого канала. Тогда на восточном берегу находилась значительная группировка израильских войск. Прошло время, обстановка изменилась, и требовалось уточнить этот план.

На западном берегу Суэцкого канала оборонялась 2-я полевая армия египтян, имея в первом эшелоне пять пехотных дивизий, две отдельные бригады, а во втором - танковую дивизию и одну бронегруппу. Последнюю позднее реорганизовали в танковую дивизию. В полосе армии четко вырисовывались два главных направления - Суэцкое и Приморское.

Теперь же против египетских войск в зоне Суэцкого канала находилось до трех-четырех пехотных бригад израильтян, а в ближайшей глубине, за перевалом Митла, располагались пехотная и танковая бригады. Так как израильтяне на восточном берегу Суэцкого канала имели незначительные силы, а основная группировка их войск, около 10 бригад, находилась на территории Израиля, часть египетских войск, до двух дивизий, целесообразно было вывести во второй эшелон. На каждом операционном направлении желательно было иметь армейское управление, а также требовалось усилить противовоздушную оборону войск за счет средств, расположенных в центральном районе страны. Предполагалось также совершенствовать оборону в инженерном отношении, активно проводить боевую подготовку войск. Наши предложения носили предварительный характер. Окончательное решение можно было принять лишь после выезда на место, в расположение обороняющихся войск. Начальник генерального штаба генерал Риад пригласил меня выехать с ним в зону Суэцкого канала. Главный военный советник решил поехать с нами.

К Суэцкому каналу мы направились по шоссейной дороге Каир - Исмаилия. Впервые увидел настоящую африканскую пустыню, которая произвела на меня гнетущее впечатление, даже в сравнении с нашей среднеазиатской.

Штаб 2-й полевой армии размещался в районе Касасино в полевых условиях. Нас встретил командующий армией генерал-майор Али Ахмед Исмаил - тучный, большого роста, со стеком в руке. Во время Синайских событий он был начальником штаба Восточного фронта. Приветствовал нас и начальник штаба генерал-майор Мухамед Гамаси, имевший настороженный вид.

Выпив традиционную чашку кофе, Риад попросил Исмаила изложить свои соображения по совершенствованию обороны. Генерал спокойно доложил по карте решение на оборону, являющееся точной копией имеющегося в генеральном штабе плана. Он сказал, что в зоне Суэцкого канала обороняются пять пехотных дивизий и две бригады в первом эшелоне, а также две танковые группы во втором. Оборона состоит из трех подготовленных полос, первая полоса проходит по западному берегу Суэцкого канала.

Командующий считал, что совершенствование обороны следует проводить за счет дальнейшего инженерного оборудования второй и третьей (армейской) полосы и вывода в резерв некоторых частей и подразделений. Других изменений группировки обороняющихся войск проводить не следует, так как почти все дивизии обороняются на широком фронте до 25-30 км.

Генерал Лащенко спросил, не много ли египетских войск на переднем крае? Израильтяне перед фронтом армии имеют всего три-четыре бригады. Исмаил ответил, что израильские войска могут быстро выдвинуться из глубины. Точными данными о войсках противника штаб армии не располагал.

Мне неудобно было расспрашивать командующего армией, пожилого, как мне казалось, человека в присутствии его начальника и подчиненных, поэтому я попросил разрешения задать несколько вопросов начальнику штаба армии. Генерал М. Гамаси, видимо, был не очень этим доволен. Отвечал неохотно, в его манере держать себя чувствовалась напряженность. Меня интересовали сведения о группировке израильских войск, расположении и составе резервов главных сил и сколько им времени потребуется на выдвижение к каналу с территории Израиля. Гамаси ответил, что в зоне канала обороняется от четырех до пяти бригад и несколько отдельных батальонов, расположение и состав резервов им неизвестны, но он думает, что они находятся за перевалом Митла. Времени, необходимого для подхода израильских войск к каналу, они не определяли. Армия не ведет разведки и не имеет сведений о противнике. Эти данные поступают от генерального штаба.

После доклада мы направились в район Исмаилии в дивизии, обороняющиеся на западном берегу канала. В городе мало что напоминало о его нахождении вблизи линии фронта. На улицах было многолюдно, бойко шла торговля. И только на восточной окраине, вблизи канала, мы увидели на позициях солдат с оружием. Обороняющиеся подразделения, проявляя беспечность, пренебрегали маскировкой.

Несмотря на то что войска полгода находились в обороне, а советники при командирах дивизии, бригад уже приступили к работе, по-прежнему оставалось много недочетов. В городе за домами стояла артиллерийская батарея для стрельбы с закрытых позиций, но с этого места она не могла вести огонь. Там же стояло несколько танков, их командиры, вероятно, тоже не думали о выполнении боевой задачи. На одном из участков переднего края вдоль высокой насыпи огневые средства располагались в нескольких десятках метров от канала и не могли обстреливать противоположные берег и водную гладь канала. На переднем крае было много солдат, которые и не думали заниматься оборудованием своих огневых позиций.

Первая позиция представляла собой траншеи, железобетонные колпаки и частично ходы сообщения, лишь в некоторых местах были установлены заграждения. Траншеи и позиции имели прямолинейный характер, отсутствовали огневые «мешки». Железобетонные колпаки устанавливались на поверхности земли для стрельбы стоя и почти не были зарыты, их было легко обнаружить. Ходы сообщения, выводящие из глубины на передний край, и запасные позиции не оборудовались якобы из-за больших физических и материальных затрат. Никаких занятий с личным составом не проводилось.

Такая картина выявилась на второй и третьей позициях. Командир 2-й пехотной дивизии и командиры бригад объясняли недочеты тем, что переход к обороне совершался поспешно, когда израильтяне уже вышли на восточный берег канала и у них не было времени на рекогносцировку и организацию системы огня.

Затем мы направились в Суэц. Проехав по городу, оказались на набережной. Как и в Исмаилии, здесь было много людей, работали магазины и кафе. На внешнем рейде стояло около 30 торговых судов различных государств. На противоположном берегу развевался бело-голубой израильский флаг.

Город не был подготовлен к обороне. Ходы сообщения во многих местах осыпались, виднелись плохо замаскированные танки и орудия.

Командиры обороняющейся дивизии и бригады считали, что у них мало сил и просили помочь артиллерией. Когда на соседнем участке началась перестрелка, ни один из них даже не поинтересовался, что там происходит, и не доложил нам об этом. Разведывательных сведении они не имели и разведку не вели, ссылаясь на отсутствие указаний.

При изучении обороны бросилось в глаза скопление большого количества войск на переднем крае, равномерное расположение по фронту огневых средств, неумелый выбор позиций для артиллерии и танков, а также полное отсутствие в бригадах первого эшелона резервов. Советники командиров бригад, прибывшие недавно, к этому времени уже ряд просчетов устранили. Однако важнейшие рекомендации египетские офицеры выполняли медленно, часто неохотно, словно их не волновал исход предстоящих боевых действий.

Генерал-лейтенант в отставке Е. И. МАЛАШЕНКО

(Окончание следует)

ВИЖ №5 1994

Окончание. См.:Воен.-истор. журнал. 1994. №4.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБОРОНЫ И ПОДГОТОВКА ВОЙСК

После поездки в зону Суэцкого капала нами были подготовлены предложения по совершенствованию обороны. На восточном берегу канала в первом эшелоне предусматривалось расположить три-четыре пехотные дивизии и две бригады, а одну-две дивизии вывести во второй эшелон. Предлагалось усилить противовоздушную оборону войск за счет переброски пяти-шести зенитно-ракетных дивизионов из центральной части страны. На двух операционных направлениях (суэцком и приморском) планировалось иметь по одной полевой армии. Все это позволяло не допустить форсирования противником Суэцкого канала, а в случае агрессии нанести ему поражение п создать благоприятные условия для окончательного разгрома. Намечалось активное использование всех видов вооруженных сил (ВВС, ПВО, ВМФ) и войск Центрального военного округа.

Кроме того, в целях усиления противовоздушной обороны Асуанской плотины предусматривалось увеличение количества средств ПВО, а также установка перед ней морских сетей для защиты от торпед и мин.

Работа но уточнению плана обороны показала слабую подготовку генералов и офицеров оперативного управления. Поэтому нам пришлось разрабатывать заново многие проекты документов.

Одновременно с совершенствованием обороны было начато создание новых соединений и частей. Вблизи Каира формировались две пехотные дивизии. Генерал-полковник П.Н. Лащенко пригласил меня посетить эти дивизии. Он хотел поговорить с командирами, чтобы уточнить укомплектованность частей личным составом, вооружением и военной техникой, познакомиться с ходом боевой подготовки.

Части 19-й пехотной дивизии располагались в местечке Дахшур (в 20 км южнее Каира), по существу, в пустыне. Условия для занятий, особенно по вождению боевых машин, огневой подготовке, тактических учений были хорошие.

Командир соединения пожаловался, что у него всего не хватает и он не знает, когда что поступит. Нас это удивило. Мы ведь знали, что в дивизии проблем с обеспечением оружием и техникой не было. Поинтересовались, как идет боевая учеба. Нам ответили, что все обстоит как нельзя лучше, что занятия идут непрерывно. Однако, когда мы прибыли в пехотную бригаду, перед нами предстала иная картина: подразделения ничем не занимались, отсутствовали даже расписания занятий. Нас заверили, что занятия проводятся в другой бригаде. Но и там учеба лишь обозначалась. Группы солдат по 25-30 человек в каждой выходили в пустыню, даже не взяв с собой оружия и снаряжения. Когда мы попытались уточнить темы этих «полевых занятий», то выяснилось, что офицеры и сержанты их не знали.

Побывали и на батальонном тактическом учении. Личный состав при поддержке танков атаковал противника на фронте 300 м и на глубину 500 м. «Бой» продолжался ровно час, а затем был дан «отбой». Разумеется, такие «учения» давали мало пользы.

Посетили мы и учебные центры танковых войск, артиллерии и инженерных частей вблизи Каира. Впечатление от увиденного было грустным. Центры оказались примитивно оборудованы, занятия с личным составом там также велись формально. Полевые выходы часто заменялись занятиями в классах и строевой подготовкой. Только в инженерном учебном центре шла напряженная учеба, проводился ремонт техники.

Советским Союз оказывал Объединенной Арабской Республике действенную военную помощь, поставляя вооружение и боевую технику в гораздо большем объеме, чем она имела их до синайских событии. Несмотря на это, египтяне всячески замалчивали размеры нашей помощи. В то же время о прибытии алжирской авиаэскадрильи и пехотных подразделений из Ирака и Кувейта местные газеты и радио сообщали целый месяц. Замечу, что египетские генералы и офицеры чрезмерно преувеличивали боевые качества оружия и техники израильской армии, особенно самолетов. Хотя сами имели о них весьма смутное представление. Многие, например, придерживались мнения о превосходстве самолетов Израиля над советскими.

Попытки разубедить их были безуспешными. Тогда Главный военный советник провел специальное совещание с участием командования египетских вооруженных сил. В своем выступлении он указал на слабое знание египетскими офицерами, особенно руководством ВВС, боевых возможностей советского вооружения и военной техники. Затем советники по ВВС генералы С.Д. Горелов н В.З. Скубилин дали подробную сравнительную характеристику всех боевых

возможностей МиГ-17, МиГ-21 и Су-7б, рассказали об эффективных способах использования этих машин в бою, проанализировали дальность их действия в зависимости от выбора высоты, воздействия средств ПВО.

При этом ссылались на успешный опыт вьетнамских летчиков, применявших машины таких типов против американских Ф-4 и Ф-105, а также на некоторых египетских летчиков - против израильских самолетов «Мираж» во время последних событий. Отмечались и эффективные действия Су-7б против танков.

Арабы слушали, соглашались, но держались своего. Более того, руководство генштаба неоднократно высказывало сомнение относительно указанной дальности полетов наших самолетов и досягаемости ими израильских объектов. Пришлось летчикам-советникам провести несколько специальных «показательных» полетов, чтобы убедить египтян в том, что они ошибаются. Казалось бы, проблему удалось решить. Но арабы самостоятельно действовать не торопились, боясь ответных ударов. (Кстати, от этой «болезни» они так и не излечились.)

О боевых возможностях нашего вооружения и военной техники говорили советники по войскам ПВО генерал Н.М.Кондратов и по бронетанковым войскам генерал В.В.Дикий. Надо сказать, что египтяне настойчиво просили Москву поставлять им как можно больше вооружения и боевой техники. В итоге на складах скопились их громадные запасы. Эта тенденция носила постоянный характер. Порой нам представлялись заявки, превышающие в 3-5 раз необходимые потребности. Египтяне стремились любыми путями и способами накопить побольше оружия. И нужно сказать, им это удавалось.

Однажды начальник генштаба неожиданно пригласил меня посмотреть тактическое учение пехотной бригады и частей «Рейнджерс», о проведении которого мы ничего не знали. Уже в пути генерал Риад пояснил, что на учении будет присутствовать президент Насер, поэтому подготовка проходила скрытно.

Учение началось с внезапной атаки воздушно-десантных частей и подразделении «Рейнджерс», высаженных с вертолетов. Подошедшая пехотная бригада при поддержке авиации с ходу атаковала опорный пункт в глубине обороны. Затем части продолжали стремительно развивать наступление. Руководил учением молодой энергичный генерал Аль-Шазли, командующий воздушно-десантными и специальными войсками.

Я находился сзади президента. Насер поверился ко мне и спросил: «Как, по-вашему, действуют войска в наступлении?» Я ответил: «Действуют неплохо, особенно десантники, но это учение, здесь нет реального противника». В момент одной из небольших пауз в ходе учения президент продолжил беседу и задал еще один вопрос: «Достаточно ли египетских войск для наступления?» «Генералам всегда войск мало, - сказал я. - Но немецкий фельдмаршал Э.Роммель, не имея превосходства в силах, успешно вел боевые действия в Африке».

Президент сообщил, что принял решение сформировать в этом году еще две дивизии, а затем спросил, сложно ли форсировать Суэцкий канал и смогут ли это сделать египетские войска. Пришлось объяснять, что форсирование канала дело сложное, но при тщательной подготовке и с помощью сильного артиллерийского обеспечения, надежного прикрытия от ударов с воздуха египетские войска смогут это сделать. Однако в данное время, подчеркнул я, у них, к сожалению, отсутствуют боевой опыт и необходимые морально-боевые качества. Насер поблагодарил меня и после учения тепло распрощался.

На очередной встрече с президентом Главный военный советник обсудил ряд вопросов, затронутых им на учении. И вскоре нами были подготовлены рекомендации по подготовке войск к наступлению с форсированием водной преграды.

Замечу, что египетские офицеры много говорили об освобождении Синая, но сами к этому не готовились, а о форсировании Суэцкого канала даже и не думали. Надо сказать, что канал являлся сложной водной прсградой (ширина до 200 м). Он имел глубину 12-15 м, бетонные берега, за которыми находилась высокая насыпь. Было принято решение срочно приступить к обучению войск форсированию, организовать сбор всех имевшихся переправочных средств и их ремонт, так как большая часть была неисправной, а также начать изготовление подручных переправочных средств.

Спустя некоторое время Петр Николаевич Лащенко рекомендовал египетскому командованию провести частную операцию по захвату плацдарма на восточном берегу Суэцкого канала, необходимую для активизации обороны и создания условий для наступления, но главнокомандующий; генерал Фавзи на это не решился.

В последних числах марта 1968 года с визитом в Каир прибыли министр иностранных дел СССР А.А.Громыко и министр обороны СССР маршал А.А.Гречко для ведения переговоров по политическим, экономическим и военным вопросам.

Тогда египетская сторона настойчиво ставила вопрос о расширении поставок вооружения и техники для двух дивизий. Кроме того, требовала увеличения числа летчиков, обучаемых в Советском Союзе, направления в ОАР летчиков-добровольцев из социалистических стран или советских авиационных частей и полков ПВО, а также предоставления лицензии на производство некоторых видов вооружения.

Реакция маршала А.А.Гречко была сдержанной. Министр отвечал, что все эти вопросы решать не просто, об их содержании он доложит советскому руководству. Отметил, что, по его мнению, сформировать и вооружить еще две дивизии в течение года весьма сложно, на это потребуется не менее двух лет. Количество же египетских летчиков, обучаемых в СССР, можно несколько увеличить. Относительно дополнительных поставок гусеничных машин было заявлено, что Советская Армия сама в них нуждается. Командирование летчиков-добровольцев в ОАР маршал Гречко считал нецелесообразным, а переброску целых частей из Советского Союза - вопросом большой политики. Что касается лицензии, подчеркнул министр обороны, то надо ориентироваться не на старое, а на современное оружие. Последнее было воспринято египетской стороной одобрительно.

А.А.Гречко побывал в зоне Суэцкого канала в одной из пехотных бригад, занимавшей оборону на третьей позиции. Он поинтересовался задачей бригады, ее составом, осмотрел район обороны, расположение огневых средств. Советский министр попросил египетского командира подать сигнал о выдвижении одного из подразделении на рубеж контратаки. По сигналу после небольшой заминки начали выдвижение всего три танка, а за ними медленно двинулись несколько групп пехоты (по 20-30 человек в каждой). Маршал недовольно покачал головой, сказав, что действовать нужно более энергично, стремительно выдвигаться на рубеж и контратаковать. Поинтересовался он и тем, как питается личный состав. Попросил одного из солдат показать ему «паек». И увидел хлебную лепешку и луковицу. В Порт-Саиде маршал А.А.Гречко беседовал с командирами пехотной и артиллерийской бригад об организации обороны. Но практически многие его вопросы остались без ответа.

На следующий день после этого министр обороны отбыл в Москву. Не успел он улететь, как египетские генералы стали досаждать вопросами о том, как решаются в Москве их просьбы, особенно об увеличении поставок оружия и боевой техники, распространять слухи о значительном их расширении.

Вскоре из Москвы пришло сообщение, что принято решение поставить ОАР в течение 1968-1969 гг. вооружения на

две дивизии, а также направить 100 боевых самолетов.

Между тем служба советских советников в Египте имела много особенностей, не всегда приятных. Сложные отношения с офицерами египетской армии являлись одной из них. Причиной тому были их самолюбие и гордость, доведенные до абсурда. Вот наглядные примеры, взятые из жизни.

В ходе стрельбы по движущимся целям наводчик танка вместо цели поразил танк-буксировщик. В результате погиб экипаж. Когда об этом доложили главнокомандующему генералу М.Фавзи, он возмутился и потребовал от генерала С.Мохсена объяснить, как такое могло произойти. Тот ответил, что «на стрельбах присутствовал советский эксперт, который требовал стрелять в любых условиях». То есть, снял вину с египетских офицеров и себя.

Другой случай. На тактическом учении пехотная бригада «атаковала» передний край обороны и, продвинувшись на километр, повернула влево, а затем назад. Причем все происходило днем, на открытой местности. Советник генерал Н.С..Стрекалов обратил на это внимание командующего округом генерала Мозгара. Последний пояснил, что все произошло из-за того, что у египетских офицеров советские компасы. Советник уточнил, что компасы английские. «Тогда не могу понять, почему они в дневное время с английскими компасами могли заблудиться», - развел руками командующий.

Египетские офицеры были слабо подготовлены. Из всех методов обучения признавали лишь один - рассказ. Сами к занятиям не готовились. В их среде царила сильная круговая порука. Виноватого было трудно найти. Многие из них к нашим специалистам относились с высокомерием, пренебрежительно. А некоторые вообще не хотели встречаться с советниками. Например, командир 2-й пехотной дивизии накануне их приезда умышленно убыл со своего командного пункта. Командир авиабазы бригадир С.Надим напоминание советского специалиста о необходимости устранения недостатков и выполнения рекомендации счел оскорблением собственного достоинства. Он вообще плохо относился к нашим офицерам, запрещал им посещать столовую части, не выделял автомобилей для поездки в город.

Командующий ВМФ контр-адмирал Зикри проявлял недовольство тем, что старший советник вице-адмирал Б. В. Сутягин без его разрешения посещает корабли и беседует с офицерами флота. Командующий ВВС генерал Х.Хеннави, чтобы не портить отношения со своими подчиненными, говорил им, что они работают хорошо, а затем зачитывал доклады советников, в которых те указывали на многие недочеты.

Президент Насер обещал принять необходимые меры для улучшения контактов египетских генералов и офицеров с советниками, но положительных сдвигов было мало.

В вооруженных силах ОАР наиболее боеспособной являлась одна полевая армия, в состав которой входили все войска, оборонявшиеся в зоне Суэцкого канала. На фронте протяженностью 150 км она действовала на двух разобщенных операционных направлениях - суэцком и приморском, что усложняло управление войсками.

Генерал-полковник П.Н. Лащенко предложил создать еще одну армию. После долгих дебатов египтяне согласились. Ее командующим стал генерал-майор Хассан, бывший командир дивизии. Разумеется, мы не могли не побывать в этой армии. Главный военный советник хотел познакомиться с командующим, оказать ему помощь и быстром слаживании соединений и частей, организации управления.

Генерал Хассан бойко доложил обстановку, состав, задачи и состояние войск армии, оборонявшейся на суэцком направлении. Но на вопрос, как будет уничтожаться прорвавшийся противник, командарм ответить не мог. Петр Николаевич спросил командующего, уверен ли он в прочности обороны. Тот не ответил, но попросил посодействовать, чтобы ему выделили еще одну дивизию и артиллерию. В этом особой необходимости не было. Армия по своему боевому составу вполне могла отразить наступление.

Затем мы направились в 4-ю танковую дивизию. Ее командир рассказал о ходе боевой подготовки и состоянии техники. Как и многие египетские офицеры, он смутно представлял роль и задачи дивизии в обороне и в операции по освобождению Синая. Более того, комдив вообще не верил в возможность проведения такой операции.

Тем не менее в соответствии с планом оперативной подготовки должны были проводиться армейские командно-штабные учения под руководством главнокомандующего генерала М.Фавзи.

Мы разработали план этого первого крупного оперативного учения со 2-й полевой армией, доложили начальнику генерального штаба. Тот его одобрил и попросил главнокомандующего принять нас, чтобы рассмотреть и утвердить. Генерал Фавзи встретил приветливо, внимательно выслушал доклад и сказал, что это почти готовый план операции по освобождению Синая.

Командно-штабные учения начались с заслушивания предложении руководящего состава армии о проведении предстоящей операции. Но конкретных, дельных предложений не было. Участники учений никак не могли от общих рассуждении перейти к практическим делам. Некоторые доклады носили пространный и подчас отвлеченный характер. П.Н. Лащенко разъяснил все это генералу Риаду, и тот по нашему совету поставил перед командующим и штабом армии ряд вопросов, которые надлежало продумать и решить к следующему заслушиванию. Увы, почти все они так и остались нерешенными. Например, вопросы преодоления бетонной стены канала и возвышающейся за ней насыпи.

Немало генералов и офицеров не понимало характера современных боевых действий, сводя все к подсчетам соотношения сил и средств сторон. На учении действовали лишь в дневное время. Как только наступала ночь, их работоспособность резко снижалась, все старались уйти поспать. Помнится, Петр Николаевич сказал мне, что, если я смогу заставить штаб армии работать ночью и переместить командный пункт в новый район, то он немедленно представит меня к награде. Несмотря на продуманные вводные и требования обстановки, ночью работала только дежурная смена, остальные отдыхали. Так что к награде меня представлять не пришлось.

Однако, несмотря на все недочеты, учение все же дало возможность командующему и штабу армии представить полный объем работы и получить первоначальные навыки по организации и ведению наступательной операции.

Учение с 3-й полевой армией прошло по подобному сценарию и принесло определенную пользу, но ее штаб был подготовлен еще слабее.

Возросший объем задач, стоявших перед советскими военными советниками и специалистами, потребовал увеличения численности личного состава штаба Главного военного советника и введения должности начальника штаба. В начале марта 1968 года я был назначен на эту должность. Штаб принимал активное участие в разработке и согласовании основных рекомендаций для вооруженных сил ОАР, разрабатывал замыслы и планы командно-штабных учений, проводил сборы и занятия с советниками, представлял расчеты на поставку вооружения и боевой техники. Важное значение имели подготовка п представление донесений, докладов и отчетов в Москву.

Летом 1968 года по просьбе египетского командования и в соответствии с подписанным межправительственным соглашением в ОАР прибыла большая группа (около 400 человек) советников при командирах батальонов, дивизионов и эскадрилий. Прежде чем приступить к практической деятельности, им надо было изучить штаты египетских частей и подразделений, программы их боевой подготовки, курс стрельбы и вождения и многие другие вопросы. Словом, нашим

офицерам требовалось «войти и врасти» в новую для них обстановку.

Надо отметить, что большинство прибывших советников в короткие сроки справилось с этой задачей. Командир 3-й пехотной дивизии бригадир Халил, например, говорил, что «за три недели русские советники разобрались лучше с организацией обороны, чем мы, создавая ее полгода». Многие наши советники, специалисты и переводчики трудились весьма успешно, отдавая все силы повышению боеготовности египетских частей и подразделений. Вместе с тем отдельные лица подбирались формально, по анкетным данным, без учета деловых качеств и оказались недостаточно подготовленными к сложной и ответственной работе военного советника.

В СОВЕТСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Посол Советского Союза в ОАР Сергей Александрович Виноградов стремился быть в курсе задач наших офицеров, часто присутствовал на докладах Главного военного советника президенту Насеру и содействовал решению многих вопросов.

С советниками посольства В.П. Поляковым, Е.М. Примаковым, В.И. Недосекиным и другими мне приходилось встречаться по службе. Мы обменивались мнениями об обстановке на Ближнем Востоке, о положении в ОАР и путях освобождения захваченных арабских территорий. Что касается военного атташе полковника В.И. Фурсова, то он относился к нам не очень доброжелательно, считая нас, по-видимому, виновниками того, что его данные о состоянии египетской армии с прибытием советников в Москве уже никого не интересовали.

Посол СССР С.А.Виноградов был последовательным сторонником расширения советского военного присутствия в ОАР и на Ближнем Востоке. В разговорах с нами он делился своими соображениями о необходимости направления наших войск в Египет.

П.Н. Лащенкоко доказывал послу, что он не прав, у египтян и вообще у арабов войск больше чем достаточно, они имеют двойное превосходство в силах над Израилем, а хотят, чтобы другие за них воевали и освобождали Синай.

Говорил Петр Николаевич и о том, что советские части не подготовлены к боевым действиям в ОАР, да и на всем Африканском театре военных действий, что здесь они столкнутся с большими трудностями. К тому же на стороне Израиля могут открыто выступить США и их союзники, и мы будем втянуты в крупномасштабную войну на Ближнем Востоке. Кстати, наши высшие политические руководители, посещавшие с визитами ОАР, также высказывали мнение о возможности посылки советских войск в Египет, зондировали почву о предоставлении нам военных баз. Прибывший в ОАР Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорный в беседе с советниками рассуждал о необходимости перехода к строительству социализма в ряде африканских государств.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЗОНЕ СУЭЦКОГО КАНАЛА

В период июньской войны египетский военно-морской флот, несмотря на двойное превосходство в силах, боевых действий не вел. Это было отмечено в одной из радиопередач Тель-Авива: «Египетский флот в период шестидневной войны вел себя хорошо. Поэтому авиация его не бомбила». На море позднее начались боевые действия, проводимые мелкими группами кораблей и катеров. Но значительным событием явилось лишь потопление египетскими ракетными катерами 21 октября 1967 года израильского эсминца «Эйлат» в Средиземном море.

Уже в начале июня 1968 года израильтяне активизировали воздушную разведку. Были засечены полеты нескольких самолетов-нарушителей. Затем они стали появляться над Каиром и даже пролетали перед окнами генерального штаба.

Тогда же в районе Исмаилии произошла крупная перестрелка с использованием всех видов оружия, продолжавшаяся полтора часа, в результате которой, по данным египтян, у израильтян было подбито шесть танков, уничтожены четыре противотанковых орудия. Периодически вспыхивали артиллерийские перестрелки в районе Суэца.

Египетские войска, несмотря на превосходство в огневых средствах, в ходе таких перестрелок не наносили ощутимого урона израильтянам и позволяли им безнаказанно обстреливать города, промышленные объекты и войсковые позиции. Артиллерия открывала огонь с опозданием и вела его по площадям, а не по разведанным целям. Командиры частей огнем не управляли. Стрельбу в основном осуществляла дивизионная и армейская артиллерия, расходовавшая большое количество боеприпасов; минометы, танки не использовались. Огонь израильтян был гораздо эффективнее. Они широко и умело применяли кочующие орудия и танки, быстро меняли огневые позиции. Личный состав, находившийся в укрытиях был почти неуязвим.

Египетские войска пытались активизировать ведение разведки. На противоположный берег канала высылались группы в составе 5-10 человек. Но действовали они не очень удачно.

В сентябре 1968 года израильтяне обстреляли из танков телевизионную вышку в Суэце. В соответствии с разработанным планом по распоряжению начальника генштаба около тысячи орудии и минометов открыли огонь по израильским позициям. Перестрелка продолжалась примерно три с половиной часа. По данным египетского командования, во время нее было убито до 500 человек, подбито 14 танков, 8 бронетранспортеров, уничтожено 28 огневых точек и подавлено 19 артиллерийских батарей.

Месяц спустя активизировались действия авиации ОАР. Дежурная четверка МиГ-21 сбила израильский самолет. В конце октября трижды возникали перестрелки по всему фронту. Они были спланированы арабской стороной. Во время перестрелки три египетские разведывательные группы переправились на восточный берег канала, но успеха не добились.

Штаб Главного военного советника вместе с советником по артиллерии генерал-лейтенантом В. Г. Чистяковым проанализировал результаты перестрелки и информировал начальника генштаба генерала Риада, что по-прежнему из-за неправильной оценки противника к ее ведению привлекается вся египетская артиллерия, что влечет большой расход боеприпасов - около 16 тыс. снарядов и мин, в том числе почти 6 тыс. снарядов крупного калибра.

Ввиду того что у израильтян на переднем крае оборонялось до четырех усиленных пехотных батальонов, египетским войскам не было необходимости иметь в первом эшелоне пять дивизий и создавать 4-5-кратное превосходство в артиллерии. Дальнейшее привлечение к перестрелке таких средств для ударов по слабой группировке противника являлось малоэффективным и расточительным.

Крупный и дерзкий диверсионный акт израильтяне провели в ночь на 1 ноября. Накануне пуска в действие линии электропередачи Асуан-Каир три израильских вертолета доставили диверсионную группу в район Наг Хаммади. Диверсанты, заложив взрывчатку, подорвали подстанцию. Им удалось вывести из строя три трансформатора и вызвать сильный пожар. Затем на вертолетах они перелетели в район города Кена, где подорвали мост и попытались разрушить ирригационную плотину. Затем безнаказанно улетели обратно.

Официальная же пресса ОАР сообщила, что разрушение подстанции и моста - следствие налета израильской авиации. Израильтяне якобы мстили за обстрел египетской артиллерией их позиций в зоне Суэцкого канала и причиненные им большие потери.

Осенью 1968 года авиация и части ПВО египтян начали активизировать действия и чаще сбивать израильские самолеты. Усилилась разведка. Иногда разведывательные группы переправлялись на восточный берег Суэцкого канала, уничтожая солдат и боевую технику. Однако оборонявшиеся войска и флот вели себя пассивно. А без активных боевых действий нельзя закалить войска, повысить их морально-боевые качества, всесторонне подготовить к наступлению.

Главный военный советник рекомендовал активизировать действия войск в обороне, держать под обстрелом все дороги, уничтожать огневые точки, немедленно подавлять артиллерию, а также проводить частные операции. Однако египтяне так и не провели ни одной такой операции. Свою нерешительность они объясняли превосходством израильской авиации, хотя это не соответствовало действительности.

Египетское командование пыталось усилить противовоздушную оборону войск, находящихся в зоне канала, выдвинув несколько зенитно-ракетных дивизионов, но израильтяне сразу их обнаруживали и ударами с воздуха выводили из строя.

Авиация противника вела эффективную разведку и бомбила районы Каира и дельту Нила, возможно, для того, чтобы египтяне не снимали оттуда части ПВО и не перемещали в зону канала.

Главный военный советник периодически встречался с военным министром ОАР Амином Хувейди. Эти встречи, как правило, проходили перед рассмотрением важных вопросов на заседании Совета национальной безопасности или обсуждением их с президентом Насером. П.Н. Лащенко информировал министра об участии советских военных советников в строительстве египетских вооруженных сил.

Военный министр заслушивал также старших советников видов вооруженных сил и родов войск. Он иногда содействовал ускорению решения вопросов размещения и обеспечения советников. Вместе с тем многие наши офицеры, работавшие в зоне Суэцкого капала, были вынуждены проживать и трудиться в плохих условиях. Египетская сторона не выполнила больше половины условий, предусмотренных соглашением.

Генерал армии П.Н. Лащенко убыл в Советский Союз в ноябре 1968 года. Вместо него был назначен его заместитель генерал-лейтенант И.С. Катышкин. Став Главным военным советником, он сразу же активно включился в работу, постоянно проводил совещания, давал указания и осуществлял контроль за деятельностью советников. Особое внимание стал уделять содержанию донесений в Москву. Иногда стремился вносить в подготовленные документы дополнения и поправки в целях преувеличения результатов работы советников и состояния боеготовности вооруженных сил ОАР. Нередко лично писал и отправлял шифротелеграммы подобного содержания.

В марте 1969 года произошло трагическое событие. Тогда нам стало известно, что готовится артиллерийский обстрел в зоне Суэцкого капала. Я зашел к начальнику генерального штаба Риаду, который обычно приглашал меня во все свои поездки в войска, чтобы уточнить время очередного выезда. Он сказал, что в ближайшее время, вероятно, поехать не сможет.

Однако ночью мне позвонил оперативный дежурный и сообщил, что генерал Риад два часа тому назад погиб в зоне канала по пути в Порт-Саид. Его автомобиль был уничтожен огнем израильского танка. Очень жаль этого незаурядного египетского генерала, видного военачальника, эрудированного и интеллигентного человека. Генерал-лейтенант Риад много сделал для укрепления египетской армии.

За время пребывания и работы в вооруженных силах ОАР мне часто приходилось встречаться с генералами Ахмет Исмаилом, Мухамедом Гамаси, Мухамедом Садеком, Аль Шазли. Они были наиболее подготовленными египетскими генералами и не случайно занимали высокие посты в армии. Помню, что командир авиабазы полковник Хосни Мубарак уже в то время являлся достойным кандидатом на должность начальника штаба ВВС. В последующем он стал не только начальником штаба, но и президентом страны.

Определенное влияние на последующие события на Ближнем Востоке и историю Египта оказала преждевременная смерть президента Гамаль Абдель Насера. Его сменил Анвар Садат, выдававший себя за «лучшего друга Советского Союза», сторонника строительства социализма в Египте.

Бывая в нашем посольстве, А.Садат в основном отмалчивался, но всегда много пил за дружбу наших народов и помощь в восстановлении египетской армии. К нему с настороженностью и неприязнью относились главнокомандующий М.Фавзи и министр иностранных дел М.Риад.

После прихода к власти Садата египетско-советские отношения стали заметно осложняться. А вскоре советские советники покинули Египет. Их роль была огромна. Они многое сделали для восстановления египетских вооруженных сил, организации обороны страны и обучения войск. Под руководством советских военных советников и при их непосредственном участии в короткий срок, в сложных условиях были, по существу, вновь созданы египетские вооруженные силы, оснащенные новым оружием и боевой техникой.

Многие египетские генералы и офицеры умело использовали наш ратный опыт и методы, которым их обучили советские военные советники. Об этом свидетельствовали успешные боевые действия египетской армии при форсировании Суэцкого канала в 1973 году. Значительная роль в достижении этих результатов принадлежит Главному военному советнику генералу армии П. Н. Лащенко, а также генерал-лейтенанту И. С. Катышкину.

К сожалению, не везде и не во всем были достигнуты желаемые результаты. Морально-боевые качества личного состава вооруженных сил ОАР за столь короткий период все же повысить не удалось.

Оказание военной помощи ОАР стоило огромного труда советскому народу и больших материальных затрат, что, конечно, оказало определенное влияние на состояние нашей экономики и благостостояния народа.

...В середине марта 1969 года было получено распоряжение о моем откомандировании в Москву. Накануне отъезда вечером ко мне пришли генералы Ахмед Исмаил, Салах Мохсен и Мухамед Садек. Мы долго и тепло прощались. Добрую память о них, о службе в ОАР я храню и сегодня.

Генерал-лейтенант в отставке Е.И. МАЛАШЕНКО

Фото из архива автора

Поклонимся и мертвым и живым (Блокада Ленинграда 1941-1944)

Фото 1944 г.

Полковник в отставке Олег Федотович Сувениров родился в 1917 г. В 1939 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. Учился в аспирантуре. С июня 1941 г. — в народном ополчении, с июля 1941 г. — в Вооруженных Силах СССР. В защите Ленинграда участвовала вся его семья: отец работал истопником, умер от голода в марте 1942 года, мать была учительницей, три младших сестры — две студентки и одна школьница — блокадницы, участницы Великой Отечественной войны. О. Ф. Сувениров участвовал в боях в период деблокады Ленинграда в январе 1943 г. и при окончательном снятии блокады в январе 1944 г. Был дважды ранен. Награжден многими орденами и медалями.

Суровые испытания, выпавшие на долю ленинградцев во время 900-дневной блокады города в 1941-1944 гг., уже в те военные дни никого не оставляли равнодушными. Все участники тех событий были преисполнены чувства ответственности. Они понимали, что защищают не только себя, свои семьи, но и святыню России. Осаждавшие город германские войска терялись в догадках, почему же он еще держится? Тогдашние наши союзники по оружию были потрясены и восхищены. Более того. И доныне все честные люди планеты гордятся беззаветным мужеством и легендарной стойкостью ленинградцев, и хочется верить, что будут помнить об этом всегда. И хотя о героической обороне Ленинграда за прошедшие полстолетия написаны десятки книг, тысячи статей, мне хотелось бы поделиться с читателями результатами своих исследований процесса обеспечения Ленинградского фронта людскими ресурсами в первую блокадную зиму.

Почему «людские ресурсы»? Да потому, что подвиг Ленинграда — это коллективный подвиг нескольких миллионов жителей города, многих тысяч воинов Ленинградского фронта, до последней капли крови оборонявших город.

Почему «первая блокадная зима»? Да потому, что это была в полном смысле слова «особая» зима. Мне довелось провоевать в составе войск Ленинградского фронта с первого блокадного дня до последнего. И я могу засвидетельствовать, что на протяжении всей блокады условия были действительно тяжелыми. Но тот, кто пережил зиму 1941-1942 гг. никогда не забудет, кому не довелось там быть — никогда полностью не поймет...

Неимоверными усилиями защитников города немецкие войска к концу сентября 1941 года были остановлены. Но эта первая победа досталась войскам Ленинградского фронта ценой жизни почти 300 тыс. человек. В течение зимы 1941-1942 гг. наши войска вели кровопролитные бои, в ходе которых несли новые большие потери (см. табл.).

Итак, на протяжении первых десяти месяцев войны общие потери войск Ленинградского фронта составляли в среднем почти 77 тыс. человек ежемесячно, а за каждые сутки — более двух с половиной тысяч человек. Некомплект в войсках достиг угрожающих размеров. На 10 января 1942 года в четырнадцати (из тридцати двух) дивизиях фронта при штатной численности 10 639 человек в каждой, некомплект составлял более 7000 человек, а в 85-й стрелковой дивизии 55-й армии — 7950 человек[2], стрелковые полки 56-й стрелковой дивизии были укомплектованы всего на 17-21 проц.[3] А в дивизиях 8-й армии, которая вела кровопролитные бои на левом берегу Невы, на 5 ноября 1941 года насчитывалось активных штыков: в 115 сд — 82, в 86 сд — 61, а в 265 сд — 60[4]. При штатной численности фронта около 700 тыс. человек, некомплект на 1 февраля 1942 года составлял 329 969 человек[5].

Была надежда на «Большую Землю». Но война тогда шла неудачно для нас на всех направлениях. Новые и новые пополнения как воздух были нужны на каждом фронте. В силу этого и ряда других причин в течение всей зимы 1941-1942 гг. войска Ленинградского фронта, находившиеся в блокадном кольце, получили на пополнение извне всего 25 тыс. человек[6]. Город мог спасти себя только сам. За счет сокращения тыловых частей и учреждений удалось направить в боевые части 17-18 тыс. человек, из строительных батальонов — около 6 тыс. человек. С кораблей Краснознаменного Балтийского флота за эти семь месяцев было отправлено на сухопутный фронт 30 277 военных моряков[7].

С 1 октября 1941 г. по 30 апреля 1942 г. с «Большой Земли», с кораблей КБФ, за счет перераспределения личного состава фронт получил около 80 тыс. человек. Но и этого было мало. Чем же еще мог помочь фронту город?

Ведь только за первые десять недель войны Ленинград с областью послали в армию и на флот 659 020 человек рядового и сержантского состава[8]. Это настолько исчерпало людские ресурсы, что в сентябре 1941 года, когда жаркие бои развернулись у самых стен города, когда противнику удалось прорваться к Лигово и опасность вторжения фашистов в городские пределы стала реальной, на фронт удалось дополнительно послать лишь 6213 солдат и сержантов. К этому времени все мало-мальски подготовленные в военном отношении резервы были исчерпаны.

Кроме того, с ноября 1941 года смертность населения Ленинграда стала небывалой. Как справедливо сказано в одном из дневников той поры: «Ужасы Ленинграда никто и никогда не изобразит с той реалистичностью, какая была изложена в литературе всех времен и народов. Слова не произнесутся, перо не напишет...» [9].

Официальные данные впервые были оглашены в Нюрнберге в 1946 году: «В результате голодной блокады в г. Ленинграде погибло 632253 человека»[10]. Через 18 лет в столь же официальном заявлении правительства СССР было сказано уже несколько иное: «...Никто не знает точно, сколько погибло людей в Ленинграде и в районе Ленинграда»[11]. Но то, что может не знать правительство, историки знать обязаны. Занимавшиеся этой проблемой ленинградские исследователи высказывают различные мнения. В.М. Ковальчук и Г.Л. Соболев считают, что погибло около 800 тыс. ленинградцев[12], а по расчетам С.П. Князева, М.П. Стрешинского, И.М. Франтишева, П.Р. Шевердалкина и Ю.Н. Яблочкина в Ленинграде и пригородных районах за все время блокады погибло не менее миллиона человек[13].

Эти точки зрения недостаточно документированы. Мне удалось в одном из ленинградских архивов найти документ на сей счет и в 1966 году даже опубликовать его, но только с грифом «секретно». Через 10 лет при подготовке 8-го тома 12-томной «Истории второй мировой войны» снова собирались реанимировать цифру, оглашенную в Нюрнберге. Я работал тогда главным редактором контрольной редакции этого издания и порекомендовал использовать выявленный мною документ. Фактический руководитель издания член-корреспондент АН СССР П. А. Жилин поддержал это предложение, но тогдашнее руководство Ленинградского обкома КПСС во главе с Г. В. Романовым решительно воспротиви-

лось публикации новых данных. Тогда главный редактор 8-го тома Е. П. Егоров столь же решительно отказался помещать в томе недостаточно обоснованные официальные цифры и вынужден был ограничиться совершенно абстрактным упоминанием о гибели «сотен тысяч жителей Ленинграда»[14]. Настало время сказать об упоминавшемся документе. Речь идет о выявленном в секретном фонде Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области докладе начальника управления предприятиями коммунального обслуживания исполкома Ленгорсовета А. Карпушенко «Год работы в условиях войны и блокады (с июля 1941 г. по июль 1942 г.)». В этом докладе изложены данные о масштабах работ по захоронению. За этот период, кроме индивидуальных, под захоронение было занято 622 братские могилы протяженностью 20 233 погонных метра; из них вынуто земли 160 135 куб.м. По данным всех кладбищ города за период с 1 июля 1941 по 1 июля 1942 года ими было захоронено 1 093 695 покойников[15]. Из этого количества, очевидно, необходимо вычесть похороненных на городских кладбищах военнослужащих, а также гражданских лиц, похороненных до ноября 1941 года, поскольку они умирали не от голода. Но к этому числу нужно прибавить 109925 трупов, кремированных в 1942 году в тоннельных печах 1-го кирпичного завода[16], и десятки тысяч ленинградцев, умерших от голода в ходе эвакуации или вскоре после нее*. Учитывая все это, мы неизбежно придем к выводу, что в результате фашистской осады только в течение первой блокадной зимы погибло от голода не менее одного миллиона жителей Ленинграда. И если в течение трех последних месяцев 1941 года из Ленинграда в армию еще удалось направить более 70 тыс. человек, то за последующие полгода — всего 30 тыс. человек. Город почти обезлюдел. В результате массовой смертности, эвакуации и дополнительных призывов в армию население Ленинграда за один год — с сентября 1941 по сентябрь 1942 года — уменьшилось на 1 837 тыс. человек и составляло лишь 707 тыс.[17] Основная масса пополнения, оказавшего решающую помощь в удержании фронта в эту зиму, поступила из фронтовых и армейских госпиталей за счет излеченных здесь раненых и больных (около 275 тыс.). Трагическая обстановка в Ленинграде в первую блокадную зиму сказывалась и на боеспособности войск фронта. Не говоря о частях и учреждениях, живших впроголодь по тыловой норме по крайней мере до конца 1942 года, и фронтовой нормы на переднем крае явно не хватало. «Голодная болезнь», или, как ее по-научному называли, «алиментарное истощение»**, поразила и войска фронта. За восемь месяцев (начиная с ноября 1941 г.) с таким мрачным диагнозом только в госпитали фронтового и армейского районов поступило более 62 тыс. военнослужащих, 12 416 из которых скончались[18]. А сколько солдат умирало от голода прямо на ходу. До конца своих дней не забуду, как в последних числах января 1942 года мне довелось присутствовать в Колпино на строевом смотре 942 сп 268-й стрелковой дивизии. И вдруг во время смотра один солдат упал. Подошли, стали поднимать. Оказалось, он мертв. А потомустановили ставший обычным по тем временам диагноз — алиментарное истощение. И вот такие люди до последнего своего вздоха вели бои.

Подвиг ленинградцев поразил всех. В передовой статье газеты «Нью-Йорк Тайме» за 31 января 1944 года говорилось: «Вряд ли в истории можно найти такой пример выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в анналах истории, как своего рода героический миф... Ленинград воплощает непобедимый дух народа России»[19].

Определенные уроки пыталось извлечь и командование войск противника. Когда пламя войны запылало у границ Германии, командующий группой войск «Висла» Генрих Гиммлер 19 февраля 1945 года разослал «для изучения» всем генералам и командирам дивизий группы секретную директиву под названием «Советские мероприятия, предпринятые для успешной обороны Ленинграда». В ней признавалось, что несмотря на все ужасы блокады «воля властей и населения не была сломлена», что «каждый дом был превращен в крепость... Все население, не исключая и женщин, было обучено и обучалось военному делу», что «ненависть населения стала важнейшим мотором обороны»[20].

Стоит в глазах оттепельный день 27 января 1944 года. Вместе с моим фронтовым другом Пашей Исаковым[21] весело топаем в валенках по городским лужам. А вечером был салют, о котором наша известная поэтесса А. А. Ахматова написала такие незабываемые строки:

И в ночи январской беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

Сыновний поклон всем землякам — ленинградцам военной поры: погибшим на поле боя и умершим от ран, умершим голодной смертью, всем, кто не дожил и кто «всем смертям на зло» дотянул до золотого юбилея окончательного снятия блокады Ленинграда.

[1] Таблица составлена по: Архив Военно-медицинского музея МО РФ, ф. 21, оп. 5725/3, лл. 2, 3; ф. 1, оп. 47174/9, ед. хр. 4, л. 4.

[2] ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 205346, д. 50, лл. 48, 49.

[3] Там же, оп. 100713, д. 14, лл. 12, 13.

[4] Там же, оп. 33885, д. 9, л. 91.

[5] Там же, оп. 203968, д. 2, л. 256.

[6] См.: *Сувениров О. Ф.* Помощь Ленинграда фронту людьми в первую блокадную зиму // Вторая мировая война: Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией. В 3 кн. М., 1966. Кн. 2. С. 159.

[7] Там же. С. 160.

[8] ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 204365, д. 9, лл. 17, 36.

[9] *Лукницкий П.* Ленинград действует. М., 1961. С. 682.

[10] Нюрнбергский процесс. Сборник документов. М., 1955. — Т. I. — С. 594.

[11] Красная Звезда. 1964. 28 июня.

[12] Вопросы истории. 1965. № 12. С. 194.

[13] *Князев С. П., Стрешинский М. П.*, *Франтишев И. М., Шевердалкин П. Р., Яблочкин Ю. Н.* На защите Невской твердыни (Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны). Л., 1965. С. 336.

[14] История второй мировой войны 1939-1945. М., 1977. — Т. 8. — С. 130.

[15] ГАОРСС ЛО, ф. 2076, оп. 4, ед.хр. 63, л. 184.

[16] Там же, л. 174.

[17] ГАОРСС ЛО, ф. 2076, оп. 4, ед. хр. 65, л. 24.

[18] *Сувениров О. Ф.* Помощь Ленинграда фронту... С. 164, 166.

[19] Цит. по: *Барбашин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П., Харитонов А. Д., Яковлев Б. Н.* Битва за Ленинград. 1941-1944. М., 1964. С. 569.

[20] ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 253351, д. 156, лл. 94-98.

[21] Исаков Павел Федорович (1920-1986), генерал-майор, начальник управления Института военной истории. Участник Великой Отечественной войны. Был политруком роты, помощником начальника политотдела армии по комсомольской работе на Ленинградском фронте.

Полковник в отставке О. Ф. СУВЕНИРОВ, доктор исторических наук

* В 1964 г. инженер-подполковник Ю. М. Позднеев рассказал мне, как, будучи учащимся 6-й специальной артшколы, он в начале 1942 г. вместе с товарищами эвакуировался из Ленинграда. Ехали школьники 28 суток; выехало из Ленинграда 347 человек, прибыло в Омск—48; остальные 299 человек умерли в пути. Из прибывших самостоятельно передвигаться могли только двое.

** От латинского «алиментум» — пища, корм.

Несколько сложнее обстоит дело с фотографиями. Наша попытка сначала найти и подготовить к печати все фотографии не увенчалась успехом. Поэтому мы продолжаем публиковать список в алфавитном порядке, рассчитывая на содействие наших добровольных помощников. Обещаем возвратить снимки и негативы, присланные в редакцию. Фотографии погибших и уточненные биографические сведения будем публиковать по мере их поступления, сохраняя при этом порядковые номера основного списка.

Кроме того, со временем редакция намерена приступить к публикации дополнительного списка, но только после тщательной проверки и уточнения сведений о военачальниках, которые по тем или иным причинам не были включены в основной список.

***

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг. В ОБЩЕМ СТРОЮ СРАЖАЛИСЬ И МАРШАЛЫ, И РЯДОВЫЕ.

О ВОИНСКОМ МАСТЕРСТВЕ, ТАЛАНТАХ И МУДРОСТИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ В ПРЕССЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ И НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА, СКАЗАНО НЕМАЛО, ПОДГОТОВЛЕНЫ И НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ.

*РЯДОВЫМ СОЛДАТАМ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ, ЧЕЙ ВКЛАД В ОБЩУЮ ПОБЕДУ ОКАЗАЛСЯ И МЕНЕЕ ЗАМЕТЕН, И ВСЕ ЕЩЕ МАЛО ИССЛЕДОВАН, МЫ ПОСВЯЩАЕМ ЭТУ ПУБЛИКАЦИЮ *.*

Побратимы А. Матросова

(начало)

Летопись Великой Отечественной войны хранит память о бесчисленных подвигах советских воинов, совершенных в борьбе за свободу и независимость Родины. С изумлением перед силой человеческого духа мы читаем: «...закрыл амбразуру вражеского дзота». Это было не просто проявлением мужества и героизма, а величайшим самопожертвованием советского человека во имя выполнения воинского долга, во имя победы над врагом.

...Рота поднялась в атаку, но сильвый огонь вражеского пулемета заставил бойцов залечь, и тогда солдат пополз вперед. Приподнявшись, он швырнул одну гранату, вторую. Пулемет смолк, но через мгновение застрочил вновь. Атака могла захлебнуться. В руках бойца не было ничего, чем можно выло бы нанести последний удар. И тогда он бросился вперед, закрыв огневую пасть своей грудью. Путь к наступлению был открыт.

Примерно так говорилось в наградных листах, боевых и политдонесениях о подвигах, которые не были актом бессилия и отчаяния, а являлись сознательным, глубоко прочувствованным действием воина, направленным на выполнение, даже ценой жизни, боевой задачи, на спасение командира и товарищей. Число подобных подвигов в годы войны достаточно велико (к настоящему времени их выявлено 215) [1].

Такой массовый боевой прием, часто решавший исход боя, был рожден сердцем, пламенно любившим Родину, а не взят из уставов и грозных приказов.

Вспоминается Александр Матросов, совершивший свой подвиг в суровом феврале 1943 года[2]. В ряде публикаций можно прочитать, что Матросов совершил подвиг, но совсем не тот, что описывался до сих пор[3]. Иногда ставится под сомнение целесообразность или необходимость именно таких действий солдата. Однако ни один из документов, составленных по горячим следам боев, не дает иного описания подвига Матросова и многих его предшественников. Да и кто может упрекнуть воинов за самоотверженный поступок, продиктованный военной присягой?

В те дни радио передало на весь мир слова приказа народного комиссара обороны СССР: «...Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова приказываю:

1. 254-му гвардейскому стрелковому полку присвоить наименование 254-й гвардейский стрелковый полк имени Александра Матросова.

2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского полка имени Александра Матросова»[4].

Это было первое зачисление павших Героев навечно приказом наркома обороны СССР в списки воинской части. Вот почему А. Матросов и был первым в когорте матросовцев. Долгое время в стране шли спектакли и показывались фильмы именно об Александре Матросове. Поэты, писатели, композиторы и художники создавали произведения на сюжет совершенного Матросовым подвига. По всей стране создавались музеи Александра Матросова и его имени. О людях же, совершивших аналогичные подвиги, долгое время умалчивали или говорили, что они повторили подвиг Матросова, хотя подобный подвиг был впервые совершен в гражданскую войну. В годы же Великой Отечественной войны первый такой подвиг, подтвержденный документально, совершил политрук танковой роты Александр Константинович Панкратов. Было это 24 августа 1941 года[6].

125-й танковый полк 28-й танковой дивизии, которой командовал полковник И. Д. Черняховский, вел тяжелые оборонительные бои в районе Новгорода. А. К. Панкратов входил в группу штурмующих Кирилловский монастырь, в котором фашисты устроили наблюдательный пункт и откуда корректировали огонь своих батарей. Необходимо было уничтожить корректировщика. Отряд начал штурм. Противник открыл бешеный огонь. Вражеский пулеметчик не давал возможности группе во главе с Панкратовым проникнуть на территорию монастыря. Политрук вырвался вперед и бросил гранату. Пулемет на время замолчал. Затем заработал снова. Тогда, израсходовав все патроны и гранаты, Панкратов бросился на вражескую амбразуру. Бойцы, вдохновленные подвигом политрука, поднялись в атаку и уничтожили наблюдательный пункт. 16 марта 1942 года А. К. Панкратов посмертно удостоен звания Героя Советского Союза[6].

Подвиг Панкратова повторили многие, Так, в 1941 году совершили такой подвиг 5 человек, в 1942-м — 31, а в 1943-м (до 27 февраля, когда Матросов закрыл собой амбразуру вражеского, дзота) — 8. Таким образом, у Матросова было 44 предшественника. До конца 1943 года аналогичные подвиги совершили еще 38 воинов, в 1944-м — 87, а в заключительных боях с немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами — 46.

В тылу врага бессмертный подвиг совершили партизаны Римма Шершнева и Михаил Белуш. В итальянской партизанской бригаде «Гуидо Боскалья» сражался гражданин Советского Союза Георгий Колозян. Летом 1944 года он героически погиб, закрыв собой вражеский пулемет. Правительство Италии наградило его посмертно «Бронзовой медалью за военную доблесть»[7].

А. К. Панкратов

В. В. Васильковский

Н. С. Шевляков

Я. Н. Падерин

Большинство такого рода подвигов (154) было совершено при освобождении советской земли. Так, на территории РСФСР их насчитывалось 90, на Украине — 29, в Белоруссии — 20, в Латвии — 7 и т .д.

В боях при освобождении Польши 24 человека закрыли своим телом амбразуры вражеских дзотов. Такие подвиги совершены и на землях Румынии и Венгрии, Чехословакии и Германии. В боях на улицах Берлина подобный подвиг совершил Архип Самойлович Манита. За два дня до боя он писал родителям, что воюет в Берлине, скоро войне конец и он вернется домой. Но вот в бою в районе Силезского вокзала фашистский пулемет приостановил наступление, и отважный воин пожертвовал собой ради приближения победы[8]. Аналогичные подвиги имели место и в ходе войны с Японией 1945 г. Их насчитывается 10.

Огромной была сила воздействия такого подвига на участников боя. Бывали случаи, когда под впечатлением только что совершенного подвига в этом же бою совершался другой, третий... Так, 29 января 1942 года в районе Новгорода прославили свои имена, закрыв в одном бою амбразуры дзотов, сержант Иван Герасименко, рядовые Александр Красилов и Леонтий Черемнов[9]. Такие же групповые подвиги совершили П. Л. Гутченко и А. А. Покальчук[10], И. Г, Войлоков, А. Д. Строков [11] и другие патриоты.

Не всегда в такой ситуации воины гибли. Некоторые, оправившись от ран, даже возвращались в свои части и продолжали сражаться. Остались живы А. А. Удодов, Т. Х. Райз, В. П. Майборский, Л. В. Кондратьев. Последний, совершив 30 октября 1942 года подвиг в бою севернее г. Туапсе, попал в госпиталь. Затем, вернувшись на фронт, воевал и погиб в апреле 1943 сода на Кубани. 31 марта 1943 года он был удостоен звания Героя Советского Союза [12].

Ни один из фашистских солдат, по имеющимся сведениям, не совершил подвиг, подобный подвигу названных героев. Только воин, ставящий свободу и независимость Родины превыше всего, даже собственной жизни, был способен пойти на такой шаг. Письма героев подтверждают эту мысль.

«Теперь я в Красной Армии, — писал бабушке Мане в Москву 6 октября 1942 года Владимир Ермак. — Через пять месяцев буду мстить фашистам за все, т. к. у меня есть личные счеты с гитлеризмом. Как поеду на фронт, постараюсь отомстить за Родину, родителей, потерянных товарищей и подруг и несколько лет молодости» [13]. «Всю жизнь я мечтал стать летчиком, — писал он в другом письме от 21 ноября того же года, — но я попал в артшколу. Здесь страна не спросила о желании и в критическую минуту приказала стать артиллеристом. Я же Родине обязан всем и не пожалею жизни за ее благо». Попав на фронт, В. И. Ермак в решающий момент боя бросился на амбразуру вражеского дзота и грудью защитил товарищей от смерти. Он сдержал слово, данное Родине — не пожалел жизни ради ее свободы[14].

Родина высоко оценила подвиги воинов: 134 из них присвоено звание Героя Советского Союза, почти все удостоены государственных наград. Истоки этих подвигов — в самом народе. Они уходят в глубь веков, когда русские чудо-богатыри мужественно защищали границы русских земель, громили немецких рыцарей на Чудском озере, сражались с монголо-татарскими ордами, проявляли чудеса героизма в войну 1812 года, в ходе обороны Севастополя. По всей стране и за

А. Е. Халин

И. С. Герасименко

А. С. Красилов

Л. А. Черемнов

ее пределами высятся в их честь памятники и обелиски. Населенные пункты, школы, теплоходы, улицы названы именами бессмертных героев. Но подвиг многих еще не увековечен, сведения о некоторых еще уточняются. Назовем поименно всех известных нам героев, приблизивших нашу Победу.

Н. В. БОРИСОВ, старший научный сотрудник Института военной истории

ПАНКРАТОВ Александр Константинович — младший политрук, политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Северо-Западного фронта. 24 августа 1941 года в бою за местечко Спас-Нередицы близ Новгорода бросился на пулемет и заслонил собой его огонь. 16 марта 1942 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1917 году в деревне Абакшино (ныне Вологодского р-на Вологодской области). Русский. Член КПСС. Работал мастером на заводе в Вологде. В армии — с 1938 года. В 1940 году окончил Смоленское военное политическое училище. Памятник установлен в Новгороде. В Новгороде и Вологде улицы названы его именем (1).

СОСНОВСКИЙ Николай — рядовой, стрелок 312-го сп 26-й сд 11-й армии Северо-Западного фронта. 24 сентября 1941 года в бою в р-не Дубровка — Каменная Гора — Ерушково Валдайского р-на Новгородской области, не имея другой возможности спасти товарищей от огня вражеского пулемета, закрыл его своим телом. Награжден орденом Ленина (посмертно). Родился в 1922 году. Русский. Член ВЛКСМ. В 1941 году была выпущена листовка «Легендарный подвиг комсомольца Сосновского» (фото не обнаружено)(2).

ВАСИЛЬКОВСКИЙ Вячеслав Викторович — сержант, стрелок 1319 сп 185 сд 30-й армии Калининского фронта. 6 декабря 1941 года в бою за деревню Рябинки юго-восточнее села Свердлово Калининской области закрыл амбразуру вражеского дзота. 12 декабря 1941 года награжден орденом Ленина (посмертно). Родился в 1915 году в Москве в семье музыканта. Русский. В армии — с 1939 года, участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Похоронен в деревне Рябинки, где ему установлен памятник(3).

ШЕВЛЯКОВ Николай Степанович — младший лейтенант, командир взвода 1174 сп 348 сд 30-й армии Калининского фронта. 25 декабря 1941 года в бою за село Новокобелево Старицкого р-на Калининской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 мая 1942 года (посмертно). Родился в 1913 году в селе Козловка Терновского района Воронежской области. Русский. Член КПСС. Работал заместителем директора МТС, председателем колхоза. В армии — с 1941 года. Похоронен в братской могиле в 15 км от г. Клина. Улица в г. Люберцы Московской области носит его имя(4).

ПАДЕРИН Яков Николаевич — рядовой, стрелок 1186 сп 355 сд 39-й армии Калининского фронта. 27 декабря 1941 года в бою в районе деревни Рябиниха Торжокского района Калининской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 5 мая 1942 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1901 году в деревне Еруново Кайского р-на (ныне Падерино Верхнекамского района) Кировской области. Русский. Член КПСС. Участник гражданской войны. Заведующий райфинотделом. В армии— с 1941 года. Похоронен в деревне Рябиниха, где ему установлен обелиск (5).

ХАЛИН Анатолий Евгеньевич — младший лейтенант, командир роты 3-й Коммунистической дивизии народного ополчения Москвы (затем 130, 53 гв. сд) Северо-Западного фронта. 22 февраля 1942 года в бою под с. Новая Русса бросился на амбразуру вражеского дзота и заглушил огонь пулемета. Родился в 1913 году в Москве. Русский. Член КПСС. Работал на заводе «Каучук» в Москве. В армии — с 1941 года, доброволец. Похоронен на месте боя. Его именем назван рыбоконсервный плавзавод (6).

ГЕРАСИМЕНКО Иван Саввич — сержант командир отделения 299 сп 225 сд 52-й армии Волховского фронта. 29 января 1942 года в бою на левом берегу реки Волхов у Новгорода, видя, что гибнут товарищи, он, А. С. Красилов и Л. А. Черемнов (см. ниже), закрыли грудью амбразуры вражеских дзотов. 21 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1913 году в селе Знаменка Новомосковского района Днепропетровской области. Украинец. Член КПСС. Работал в Норильске и Новокузнецке. В армии — с 1941 года. Памятники установлены в Новгороде и Новокузнецке (7).

КРАСИЛОВ Александр Семенович — рядовой, стрелок 299 сп 225 сд 52-й армии Волховского фронта. 29 января 1942 года в бою совместно с И. С. Герасименко и Л. А. Черемновым грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 21 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1902 году в селе Старая Тараба Кытмановского района Алтайского края. Русский. Кандидат в члены КПСС. Работал на Кузнецкстрое. В армии — с 1941 года. Памятники установлены в Новгороде и Новокузнецке. В этих же городах его имя носят улицы(8).

ЧЕРЕМНОВ Леонтий Арсеньевич — рядовой, стрелок 299 сп 225 сд 52-й армии Волховского фронта. 29 января 1942 года в бою совместно с И. С. Герасименко и А. С. Красиловым (см. выше) закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 21 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1913 году в селе Старая Тараба Кытмановского района Алтайского края. Русский. Кандидат в члены КПСС. Работал на Кузнецкстрое. В армии — с 1941 года. Памятники установлены в Новгороде и Новокузнецке. Там же улицы названы его именем(9).

источники

1 ЦАОВС ф 33. оп 793786. д. 36. лл. 133— 134- Правда. — 1966. — 24 августа (здесь и далее приняты следующие сокращения: гв. — гвардия, гвардейский; бат. — батальон; сп — стрелковый полк; сд. — стрелковая дивизия; ск. — стрелковый корпус; стр. — стрелковый).

2 ЦАОВС ф 312 сп. оп. 481172. п.1. л. 1: оп. 261229, д. 1, л. 2; ЦМВС, документальный фонд, № 4/22143.

3 ЦАОВС. ф 1319 сп. оп. 214365 п 1. п. 49; Красная звезда. — 1978. — 9 сентября.

4 ЦАОВС. ф 33. оп. 793756. д. 48. лл. 356— 360; Кировская правда. — 1967. — 8 мая; Шаги в бессмертие. — М.; Московский рабочий, 1965. — С. 64.

5. ЦАОВС, ф 33. оп. 793756. д. 33. лл. 133— 135; Кировчане — Герои Советского Союза. — С. 87—93; Советский патриот. — 1968. — 21 августа.

6. Московский большевик. — 1943. — 26 октября; О друзьях-товарищах: Сб. воспоминаний бойцов и командиров 3 МКСД. — М., 1966. — С. 32—36; Народное ополчение Городов-героев. — М.. 1974. — С. 192.

7. ЦАОВС. ф. 33. оп. 793756. д.10. лл. 326— 328; Правда. — 1967. — 31 января; Красная звезда. — 1968. — 20 февраля.

8 ЦАОВС. ф 33. оп. 793756. д. 24.ЛЛ. 170— 171; ЦМВС, документальный фонд, № 4/74486; Буров А. В. Твои герои, Ленинград. — Л.: Лениздат, 1970, — С. 177, 179, 249, 622.

9 ЦАОВС ф. 33. оп. 793756. д. 47. лл. 148— 149; ЦМВС, документальный фонд, № 4/74486; Новгородская правда. — 1971. — 20 января.

* К 20-летию Победы в Великой Отечественной войне в 5-м номере нашего журнала за 1965 г. был опубликован материал Н. В. Борисова о воинах, партизанах и участниках движения Сопротивления, которые в критическую минуту боя в целях выполнения боевой задачи и спасения жизни товарищей закрыли собой вражескую амбразуру. К моменту опубликования статьи автор собрал сведения о 159 героях, совершивших такой подвиг. Старший научный сотрудник Института военной истории Н. В. Борисов все эти годы продолжал поиск, и в его картотеке появились новые имена.

[1] Ведется дальнейшая работа над документами, в результате которой могут быть выявлены имена до сих пор неизвестных героев, найдены недостающие биографические сведения, фотографии. В нашей печати были опубликованы различные данные о количестве подвигов, аналогичных подвигу Матросова. К большому сожалению, они во многом друг другу противоречат. Так, журнал «Старшина—сержант» (№ 11 за 1963 г.) сообщал: «Их 200 человек...», а через год 12 июня 1964 г. «Правда» информировала: «Сейчас можно назвать 174 фамилии советских воинов, совершивших подвиг, подобный подвигу А. Матросова». В книге И. Т. Легостаева «Бросок в бессмертие» (Таллинн, 1978) приведен список, насчитывающий 284 фамилии воинов, закрывших амбразуру дзота. В сборнике «Бессмертные подвиги» (М., 1980) дана цифра 263. В январе 1985 г. «Правда» и «Красная звезда» сообщили новые количественные данные: первая — «двести с лишним героев-матросовцев», вторая — «около 400». В 1990 г. «Правда» и Воениздат вновь обратились к этой теме. И вновь расхождения. 5 апреля «Правда» в статье «Братья Матросова» сообщила, что их было 386, а книга «Бессмертное племя матросовцев» (М.. 1990) — 341. Причем в список воинов были включены те, кто совершил подвиг другого характера.

[2] Долгое время считалось, что подвиг совершен 23 февраля 1943 г. Об этом прямо говорилось в приказе наркома обороны И. В. Сталина № 269 от 8 сентября 1943 г. Так эта дата и вошла в школьные учебники, академические труды, энциклопедии, экспозиции музеев. Она выбита на всех памятниках Матросову. По документам же, в частности в политдонесениях (ЦАОВС ф. 1902, оп. 1, д. 2 лл. 29—30), списке безвозвратных потерь (ЦАОВС, оп. 18001. д. 1505, л. 22) и иных документах подвиг датируется 27 февраля 1943 г., а в наградном листе сказано, что на Калининский фронт А. М. Матросов прибыл 25 февраля.

[3] Родина. — 1991. — № 6—7, — С. 7,

[4] Навечно **в** строю. — Кн. 1, — М.; Воениздат. 1957, — С, 22,

[5] До 1965 г.. подвиг А. К. Панкратова датировался днем подписания наградного листа, т. е. 27 августа 1941 г. По картотеке потерь политсостава ЦАОВС действительная дата подвига — 24 августа 1941 г.

[6] ЦАОВС ф. 33. оп. 793756. д. 36 лл 133—134.

[7] Огонек. — 1966, № 12. — С. 8; Комсомолец (Ереван). — 1965. — 21 февраля.

[8] ЦАОВС, ф. 33, оп. 793756, д. 28. лл. 23— 24.

[9] Красная звезда. — 1968, — 20 февраля.

[10] ЦМВС. знаменный фонд, № 1б/11210.

[11] ЦАОВС ф. 25-й гв. сд. оп. 400371, д. 1, лл. 6, 9, 16, 22.

[12] Там же, ф, 33, оп. 793756. д. 22. л. 324; ф. 723-го СП, оп. 247888 д. 1, л. 10.

[13] Здесь и далее цитируются письма из архива автора.

[14] ЦАОВС. ф. 14-го бат.. оп. 22607. д. 2. лл. 209, 210, 218, 245.

(Продолжение следует)

ВИЖ №1 1994
Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 6-12; 1993. № 1, 2,4,9.

ПОБРАТИМЫ А. МАТРОСОВА

Пачулия Владимир Дигвович — рядовой, разведчик 876 сп 271 сд 18-й армии 1-го Украинского фронта. В ночь на 25 мая 1944 года в бою за село Ракивчик Коломыйского района Ивано-Франковской области закрыл амбразуру вражеского дзота. 14 июня 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1924 году в селе Поквеши Очамчирского района Абхазской АССР в семье крестьянина. Абхазец. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен на месте боя. Его именем была названа школа в родном селе, улицы в городах Очамчире и Коломые[1].

Ушков Дмитрий Константинович — ефрейтор, стрелок 98 сп 10 сд 23-й армии Ленинградского фронта. 13 июня 1944 года в бою у населенного пункта Мистолово (ныне Ушково) Приозерского района Ленинградской области грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 21 июля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 22 июня 1922 года в деревне Пантелеево Галичского района Костромской области в семье крестьянина. Русский. Кандидат в члены ВКП(б). Работал почтальоном в родной деревне, маляром в Москве. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен на кладбище в Парголове, ныне в черте Санкт-Петербурга. Его именем были названы улицы в городе на Неве, в Галиче[2].

Блохин Виктор Алексеевич — сержант, командир отделения 173 сп 90 сд 21-й армии Ленинградского фронта. 14 июня 1944 года в бою в районе города Выборга Ленинградской области закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 21 июля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 1 апреля 1922 года в селе Тютняре Кузнецкого района Пензенской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Работал в колхозе, затем механиком в деревне Находке Приморского края. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в городе Коскеле Ленинградской области[3].

Белуш Михаил Андреевич — партизан, подрывник отряда «Октябрь» Первомайской партизанской бригады Гродненской области. 16 июня 1944 года в бою у деревни Куписк Новогрудского района грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. Награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1928 году в деревне Рудне-Липичанской Кореличского района Гродненской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВЛКСМ. В партизанском отряде с момента его образования. Его имя носят улицы в городах Гродно и Кореличи[4].

Васильев Александр Николаевич — гвардии рядовой, стрелок 247 гв. сп 84 гв. сд 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. 23 июня 1944 года в бою за деревню Костино Дубровенского района Витебской области своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Награжден орденом Ленина (посмертно). Родился в 1925 году в городе Иссыке (ныне Энбекшиказахского района) Алма-Атинской области в семье рабочего. Русский. В 1966 году у деревни Костино ему был поставлен памятник[5].

Ильченко Иван Абрамович — гвардии младший лейтенант, командир взвода 95 гв. сп 31 гв. сд 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. 23 июня 1944 года в бою за поселок Осинторф Оршанского района Витебской области совместно с Барыем Шавалиевым закрыл амбразуру вражеского дзота. 8 июля 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1914 году в поселке Грицеве Шепетовского района Хмельницкой области в семье рабочего. Украинец. Член ВКП(б). Похоронен в поселке Осинторф. На могиле установлен обелиск (фото не обнаружено)[6].

Шавалиев Барый Ганиевич — гвардии старший сержант, командир отделения 95 гв. сп 31 гв. сд 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. 23 июня 1944 года в бою за поселок Осинторф Оршанского района Витебской области совместно с И. А. Ильченко закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 8 июля 1944 года награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно). Родился в 1925 году в деревне Нижний Тимерлек Рыбнослободского района Татарской АССР в семье крестьянина. Татарин. Член ВЛКСМ. Работал счетоводом колхоза. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в деревне Ольховке Оршанского района[7].

Искалиев Сундуткали — рядовой, автоматчик 556 сп 169 сд 3-й армии 1-го Белорусского фронта. В ночь на 24 июня 1944 года в районе деревни Лудчицы Быховского района Могилевской области своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1924 году в селе

Константиновка Чингирлауского района Уральской области в семье крестьянина. Казах. Член ВЛКСМ. Работал шофером. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в деревне Лудчицы. Имя его присвоено школе в родном селе, улицам в Минске и Быхове. Памятник герою был установлен в усадьбе совхоза «Алмазный» Чингирлауского района[8].

Колозян Георгий Агабекович — боец 23-й штурмовой бригады «Гуидо Боскалья» имени Гарибальди в Италии. 25 июня 1944 года в бою в районе населенного пункта Джерефалько-Ле-Карлине (Италия) грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. Правительством Италии награжден «Бронзовой медалью за военную доблесть». Родился в 1917 году в поселке городского типа Нор Баязет (Армения). Армянин. Работал учителем, заведующим библиотекой. Участвовал в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. Демобилизован, затем вновь призван в армию в 1941 году. Попав в плен, бежал и стал участником движения Сопротивления. Похоронен в провинции Ареццо (Италия)[9].

Ежков Иван Степанович — сержант, командир отделения 563 сп 153 сд 49-й армии 2-го Белорусского фронта. 26 июня 1944 года в бою за деревню Рудицы Шкловского района Могилевской области подполз к вражескому дзоту и своим телом закрыл амбразуру. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 года (посмертно). Родился 15 мая 1923 года в селе Большое Череватово Дивеевского района Горьковской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1940 года. Похоронен на месте боя. Площадь в городе Кулебаки Горьковской области и школа, в которой учился Герой, носят его имя (фото не обнаружено)[10].

Клюев Иван Васильевич — старшина, парторг роты 1072 сп 313 сд 32-й армии Карельского фронта. 26 июня 1944 года в бою за деревню Кумса-2 Медвежьегорского района Карельской АССР своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Родился в 1913 году в деревне Дубовый Умет Куйбышевской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б) (фото не обнаружено)[11].

Роман Сергей Демьянович — гвардии рядовой, стрелок 168 гв. сп 55 гв. сд 28-й армии 1-го Белорусского фронта. 26 июня 1944 года в бою у деревни Пружинище Октябрьского района Гомельской области закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 24 сентября 1917 года в городе Ейске Краснодарского края в семье рыбака. Русский. Член ВЛКСМ. Работал маляром. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в деревне Любани Октябрьского района. Улица в городе Ейске носит его имя[12].

Шомин Александр Константинович — старший сержант, помощник командира взвода 1090 сп 323 сд 3-й армии 1-го Белорусского фронта. 26 июня 1944 года в бою за деревню Старое Залитвинье Бобруйского района Могилевской области закрыл грудью амбразуру вражеского дзота и заглушил огонь пулемета. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 21 июня 1906 года в деревне Малое Аникино, ныне Ирбитского района

Свердловской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б). Работал в колхозе. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в деревне Хвойница Кировского района Могилевской области. На могиле установлен обелиск[13].

Зюльков Петр Маркович — лейтенант, командир взвода управления батареи 540-го минометного полка 49-й армии 2-го Белорусского фронта. 27 июня 1944 года в бою в районе деревни Трилесины Шкловского района Могилевской области грудью заслонил огонь пулемета противника. 22 августа 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 11 января 1924 года в деревне Коновка Кировского района Калужской области. Русский. Член ВКП(б). Работал весовщиком в колхозе. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в братской могиле в деревне Полыковичи Шкловского района[14].

Кутрухин Константин Прокофьевич — гвардии сержант, командир отделения 156 гв. сп 51 гв. сд 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. 27 июня 1944 года в бою за плацдарм на Западной Двине в районе деревни Ходаково ныне Ушачского района Витебской области бросился на амбразуру вражеского дзота и закрыл ее своим телом. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 1 февраля 1916 года в деревне Удельный Шумец, ныне деревня Удельная Юринского района Марийской АССР. Русский. Член ВКП(б). Работал в колхозе. В Красной Армии в 1936-1940 гг. и с 1941 года. Похоронен в деревне Дубровке Ушачского района. Памятник и мемориальная доска установлены в поселке городского типа Юрино. Улица в городе Йошкар-Оле была названа его именем[15].

ИСТОЧНИКИ

[1] ЦАМО РФ, ф. 11 ск, оп. 690155, д. И, л. 124; Заря Востока. 1964. 13 мая; Учит. газ. 1964. 28 июля.

[2] ЦМВС, док. ф. № Б-4/2189; *Парецкая Э. И.* Стойкость и мужество героев. Л.: Лениздат, 1985. С. 18; Сев. правда (Кострома). 1969. 12 июня.

[3] ЦАМО РФ, картотека личного состава, карта № М-4; Главное управление подготовки и распределения кадров МО РФ (ГУПИРК МО РФ), картотека Героев Советского Союза, карта на В. А. Блохина.

[4] Побратимы Александра Матросова. Минск: Беларусь, 1984. С. 196-201; Сов. Белоруссия. 1963. 25 окт.; Сельск. газ. (Минск). 1964. 20 июня.

[5] ЦАМО РФ, ф. 240, оп. 2656, д. 51, лл. 405-412; оп. 11289, д. 61, лл. 44-45; Газ. 84 гв. сд «За Родину» за 1943 г.; Письмо бывшего комиссара полка 84 гв. сд автору.

[6] ЦАМО РФ, ф. политотдела 3-го Белорусского фронта, оп. 11310, д. 61, л. 43; ЦМВС, док. ф. № 4/27368; Сов. Литва. 1957. 17 нояб.

[7] ЦАМО РФ, ф. политотдела 3-го Белорусского фронта, оп. 11310, д. 61, л. 43; ЦМВС, док. ф. № 4/27368; Сов. Литва. 1957. 17 ноября; Побратимы Александра Матросова. С. 73-79.

[8] ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 17, лл. 466-467; На смену (Свердловск). 1966. 24 дек.

[9] Правда. 1964. 28 марта. 28 июня. 23 авг.; 1966. 5 марта; Огонек. № 12. 1966. С. 16; Комсомолец (Ереван). 1965. 21 февр.

[10] ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 690155, д. 4847, л. 69; Навечно в сердце народном. Минск: Белорусская Советская Энциклопедия. 1984. С. 161.

[11] ЦАМО РФ, оп. 374220, д. 1, л. 91; Крас. звезда. 1975. 24 апр.

[12] ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 36, лл. 363-364; Навечно в строю. Кн. 7. М.: Вое-низдат, 1980. С. 110-117; Побратимы Матросова. Минск: Беларусь. 1984. С. 53-60.

[13] ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 49, лл. 291-292; Побратимы Матросова. С. 147-166; Урал. раб. 1967. 5 апр.

[14] ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 16, лл. 742-743; *Паленкой К. А., Хроменков Н. А.* Калужане — Герои Советского Союза. Калуга: Калуж. книж. изд-во, 1963. С. 136.

[15] ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 24, лл. 293-297; Марийск. правда. 1962. 9 мая.

Публикацию подготовил

Н. В. БОРИСОВ, старший научный сотрудник Института военной истории

Фото из архива автора

(Продолжение следует)

ВИЖ №3 1994

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. №6-12; 1993. №1, 2, 4, 9; 1994. №1.

Селезнев Михаил Григорьевич - сержант, командир отделения 1348 сп 399 сд 48-й армии 1-го Белорусского фронта. 30 июня 1944 года в бою за деревню Сычково Бобруйского района Могилевской области закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено знание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 18 ноября 1915 года в деревне Большая Кивара ныне Боткинского района Удмуртии в семье крестьянина. Русский. Жил в Новосибирске. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в деревне Сычково. На могиле установлен памятник. Сычковской школе и улице в Новосибирске присвоено его имя [1] .

Майборский Владимир Петрович - рядовой, пулеметчик 7 сп 24 сд 18-й армии 1-го Украинского фронта. 13 июля 1944 года в бою за село Черемхов Коломыйского района Ивано-Франковской области телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Будучи тяжело раненным, нашел в себе силы бросить гранату в амбразуру и взорвать дзот. Бойцы, наступавшие вместе с Майборским, считали его погибшим. Однако, вылечившись от ран, боец вернулся в родное село. 24 марта 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Родился 1 октября 1911 года в селе Зиньки Белогорского района Хмельницкой области в семье крестьянина. Украинец. Батрак, колхозник, грузчик Херсонского морского порта. В Военно-Морском Флоте с 1941 года. Участвовал в обороне Севастополя. Попал в плен, бежал. Сражался в партизанском отряде. Затем служил в стрелковых частях. Жил в родном селе. Умер 1 ноября 1986 года[2].

Мирошник Николай Владимирович - гвардии ефрейтор, стрелок 118 гв. сп 37 гв. сд 65-й армии 1-го Белорусского фронта. 15 июля 1944 года в бою в районе города Слонима Гродненской области грудью закрыл пулемет. 5 февраля 1986 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1925 году в селе Должик Золочевского района Харьковской области в семье крестьянина. Украинец. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в братской могиле в центре Слонима (фото не обнаружено)[3] .

Газин Василий Петрович - рядовой, стрелок 1293 сп 160 сд 70-й армии 1-го Белорусского фронта. 18 июля 1944 года в бою у хутора Береза Ратновского района Волынской области закрыл телом огневую точку противника. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1920 году в селе Шовское ныне Лебедянского района Липецкой области в семье крестьянина. Русский. Работал слесарем МТС, трактористом совхоза. В Красной Армии с 1939 года. В первых боях Великой Отечественной войны попал в плен, откуда бежал. До 1 апреля 1944 года

М.Г.Селезнев В.П.Майборский В.П.Газин Г.П.Кунавин

сражался в составе партизанского отряда, после чего вновь служил в действующей армии. Похоронен у деревни Язовня Ратновского района. Улицы его имени есть в городах Ратно и Липецке[4].

Крыжановский Дмитрий Евдокимович - старшин сержант, командир отделения 352-п разведроты 295 сд 5-й ударной армии 3-го Украинского фронта. 24 июля 1944 года во время разведки у населенного пункта Шерпены Новоаненского района Молдавской ССР грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 13 сентября 1944 года награжден орденом Отечественной воины I степени (посмертно). Родился в 1925 году в поселке Красноселье Александрийского района Кировоградской области в семье крестьянина. Украинец. Похоронен в братской могиле в селе Буторы Тираспольского района Молдавской ССР. Улица села Шерпены носит его имя. Зачислен навечно в списки войсковой части (фото не обнаружено)[5].

Кунавин Григорий Павлович - ефрейтор, помощник командира взвода 1021 сп 307 сд 50-й армии 2-го Белорусского фронта. 26 июля 1944 года в бою за деревню Герасимовиче (5 км восточнее польского города Домброва-Бялостоцка) телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) Родился 21 января 1903 года в селе Байны ныне Богдановичского района Свердловской области в семье крестьянина Русский. Работал на железной дороге. В Красной Армии **с** 1924 по 1927 год и с 1941 года. Похоронен в деревне Герасимовиче. Памятники ему установлены в деревне Герасимовиче и городе Каменск-Уральский, где его именем были названы школа и улица [6] .

Сухамбаев Агадил - рядовой, командир отделения 628 сп 174 сд 31-й армии 3-го Белорусского фронта. 31 июля 1944 года в бою в районе деревни Стшельцовизна (24 км северо-восточнее польского города Августов) грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 16 декабря 1920 года в поселке Актар ныне Карасу Свердловского района Джамбульской области в семье крестьянина. Казах. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1940 года. Похоронен в г. Друскининкае (Литва). Его именем названы школа, в которой он учился, колхоз в Казахстане и улица в Гродно[7].

Аксенов Виктор Иванович - младший сержант, заряжающий орудия 1515 сап 5 тк 2-го Прибалтийского фронта. В июле 1944 года в ходе разведки переднего края противника в районе поселка Догда Краславского района Латвийской ССР своим телом закрыл амбразуру. Награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1921 году в Горьком в семье рабочего. Русский. Похоронен на месте боя. Там же установлен памятник (фото не обнаружено)[8].

Липатов Николай Дмитриевич - рядовой, старший телефонист 6-й батареи 979-го артполка 160 сд 70-й армии 1-го Белорусского фронта. 13 августа 1944 года в бою в районе деревни Грабув, что в 4 км юго-восточнее города Глуш (Польша) своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота 26 октября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1916 году в деревне Тимошкино Высокогорского района (Татария) в семье крестьянина. Русский. Работал шофером в Казани. В Красной Армии с 1936 по 1938 год и **с** 1942 года. Похоронен в польском селе

А.Сухамбаев Н.Д.Липатов М.М.Холод П.И.Банников

А.Р.Шемигон А.Е.Шевченко

Грабщизна. Одна из московских школ и улица в поселке Деребёшкинский названы его именем. Навечно зачислен в списки войсковой части [9].

Холод Михаил Мефодьевич - рядовой, автоматчик моторизованного батальона 101-й танковой бригады 19-го танкового корпуса 1-го Прибалтийского фронта. 16 августа 1944 года в бою у населенного пункта Медыняй Биржайского района Литовской ССР заслонил собой огонь вражеского пулемета. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923 году в селе Малый Бурлук Бурлукского района Харьковской области в семье крестьянина. Украинец. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в городе Биржае [10].

Банников Петр Иванович - старший сержант, помощник командира взвода 59 гв. сд 46-й армии 3-го Украинского фронта. 20 августа 1944 года в бою за село Талмазы Суворовского района Молдавской ССР закрыл грудью амбразуру дзота. Награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился 11 января 1904 года в селе Красный Яр Астраханской области в семье крестьянина. Русский. Работал в уездном комитете комсомола в Астрахани, в городе Ярцево Смоленской области, затем на хозяйственной работе. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в селе Талмазы [11].

Санников Михаил Семенович - старший сержант, командир отделения 127-й отдельной стрелковой роты 46-й армии 3-го Украинского фронта. 20 августа 1944 года в бою за село Талмазы Суворовского района Молдавской ССР закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1921 году в Смоленске в семье рабочего. Русский. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен на месте боя (фото не обнаружено) [12] .

Шемигон Алексей Родионович - лейтенант, командир роты 468 сп 111 сд 52-й армии 2-го Украинского фронта. 20 августа 1944 года в бою за село Диптаны (севернее города Яссы, Румыния) закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1916 году в селе Виловка Змиевского (ныне Готвальдовского) района Харьковской области. Украинец. Работал слесарем Харьковского локомотивного депо. В Красной Армии с 1937 по 1942 год и с 1943 года. В 1943 году окончил Горьковское военно-политическое училище. Улица в Харькове и депо, где работал Герой, названы его именем [13] .

Шевченко Александр Евсеевич - сержант, командир отделения 21 сп 180 сд 27-й армии 2-го Украинского фронта. 20 августа 1944 года в бою за станцию Мовилени (20 км северо-западнее румынского города Яссы) закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 10 октября 1924 года в селе Молчановка Ракитнянского района Киевской области в семье крестьянина. Украинец. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен на станции Мовилени. Имя Героя носят колхоз и улица его родного села. Навечно зачислен в списки части [14].

ИСТОЧНИКИ

[I] ЦАМО РФ, ф.33, оп.793756, д.38, лл.519-520; *Кулемин И.Г., Сентенова Л.Ф., Ислантьева Р.А.* Герои Советского Союза - наши земляки. Ижевск: Удмуртия, 1985. С.142-143.

[2] ЦАМО, ф.33, оп.793756, д.27, л.35; *Сгибнев А.* По следам героев. М.: Госполитиздат, 1962. С.47-52; Красн. звезда. 1969. 31 мая.

[3] Сов. патриот. 1969.19 окт.; Гродненск. правда. 1967.9 мая; Сов. Белоруссия. 1981.28 марта.

[4] ЦАМО, ф.1293 сп, оп.75418, д.7, л.21; ф.160 сд, оп. 693535, д.3, лл.12-13; Краен, звезда. 1979.28 окт.

[5] ЦАМО, ф.33, он.690155, д.1533, л.15; Молодежь Молдавии. 1966. 6 июля; Сов. Молдавия. 1976. 21 апр.; Кировоград, правда. 1975. 17 апр.

[6] ЦАМО, ф.33, оп.793756, д.24, лл. 136-137; На смену (Свердловск). 1967. 26 июля; Золотые звезды свердловчан. Свердловск: Среднеуральск. книж. изд-во, 1975. С.157-159.

[7] ЦАМО, ф.33, оп.793756, д.42, лл.225-226; Фронтовой привет тебе, Казахстан. Алма-Ата:Казахстан, 1975. С.360-361; Гродненск. правда. 1959. 3 июля.

[8] Сов. Латвия (Рига). 1974. 15 сент.; 1975. 14 мая.

[9] *Ханин Л.* Герои Советского Союза - сыны Татарии. Казань: Татарск. книж. изд-во, 1963. С.318; Сов. Татария. 1965. 7 мая; Заря (Брест). 1967, 28 июня.

[10] ЦАМО, ф.33, оп.793756, д.51, лл.186-187; *Мильнер Р.И., Апальков А.К. и др.* Подвиг во имя Отчизны. Харьков: Прапор, 1985. С.623-624; Сов. Донбасс. 1968. 22 февр.

[11] ЦАМО, оп.11289, д.646, л. 186; Победа за нами. 1944. 22 авг.; Мол. коммунист. 1970. N5 4. С.61-66.

[12]Смена (Смоленск). 1963. 24 февр.; *Воробьев М.В., Титов В.Е., Храпченков А.К.* Смоляне -Герои Советского Союза. М.: Моск. рабочий, 1982. С.480-481.

[13] ЦАМО, ф.33, оп.793756, д.48, лл.462-463; Подвиг во имя Отчизны. Харьков: Прапор, 1985. С.660-661.

[14] ЦАМО, ф.33, оп.793756, д.48, лл.372-373; Боевые звезды киевлян. Киев: Политиздат Украины, 1983. С.466-468; Навечно в строю. Кн.1. М.:Воениздат, 1957. С.50-61.

Публикацию подготовил Н.В.БОРИСОВ,
старший научный сотрудник Института военной истории

Фото из архива автора

(Продолжение следует)

ВИЖ №5 1994

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 6-12; 1993. № 1, 2, 4, 9; 1994. № 1, 3.

Зарипов Хафиз Зарипович - гвардии сержант, командир пулеметного расчета 10-го отдельного батальона автомат-

чиков 1-го гвардейского укрепрайона 46-й армии 3-го Украинского фронта. В ночь на 22 августа 1944 года в бою при форсировании Царьградского устья Днестровского лимана у пос. Затока Белгород-Днестровского района Одесской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 11 октября 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1906 году в д. Новый Беликуль Алексеевского района Татарии в семье крестьянина. Татарин. В Красной Армии с 1942 года (фото не обнаружено)[1].

Бабин Иван Васильевич - гвардии младший сержант, командир саперного отделения 5 гв. кп 1 гв. кд, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Украинского фронта. 13 сентября 1944 года в бою в районе д. Конты (юго-западнее польского города Кросно) закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1899 году в с. Железинка (Павлодарская область) в семье крестьянина-батрака. Русский. Работал в колхозе счетоводом. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен на месте боя. Памятник Герою установлен в с. Железинка, где улица и школа носят его имя[2].

Паршин Михаил Артамонович - рядовой, телефонист батареи 1846-го истребительно-противотанкового артполка 31-й истребительно-противотанковой артбригады 53-й армии 2-го Украинского фронта. 18 сентября 1944 года в ночной разведке в районе станции Паулишу-Ноу в Румынии грудью заслонил амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году в с. Карпово Солонешенского района Алтайского края в семье крестьянина. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен на месте боя. Совхоз и школа в с. Карпово носят его имя[3].

Недвижай Иван Макарович - младший сержант, командир отделения разведки 897-го горно-стрелкового полка 242-й горно-стрелковой дивизии 18-й армии 4-го Украинского фронта. Совершил подвиг 19 сентября 1944 года во время наступления в районе с. Вислок-Вельски-Гурны (25 км юго-восточнее польского г. Санок). 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году в станице Новогригорьевское, ныне в черте г. Зеленокумска Ставропольского края в семье крестьянина. Русский. Окончил ремесленное училище в г. Грозном, работал в депо. В Красной Армии с 1942 года. Улица в Грозном названа его именем[4].

Прохоров Зинон Филиппович - гвардии лейтенант, командир взвода 235 гв. сп 81 гв. сд. 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта. 19 сентября 1944 года в бою у с. Ходош в Румынии закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 30 сентября 1909 года в д. Олыкъяны, ныне Волжского района (Марийская республика) в семье крестьянина. Мариец. Работал в колхозе, трактористом в МТС. В Красной Армии с 1937 по 1940 год и с 1940 года. Похоронен на месте боя. Улица в Йошкар-Оле носит его имя[5].

Лебедев Борис Алексеевич - гвардии младший лейтенант, командир взвода 14 гв. сп 7 гв. сд 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. 26 сентября 1944 года в бою за пос. Яунпилс Тукумского района (Латвия) закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году в д. Середнёво Галичского района Костромской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Окончил военное пехотное училище. Похоронен в пос. Яунпилс. В школе, где он учился, создан музей Героя. Улица в г. Галиче была названа его именем[6].

И. Д. Адаменко Н. В. Грибанов Т. Х. Райз Д. Каракулов

П. И. Куприянов В. П. Лоскутов Е. С. Белинский Н. П. Шапкин

Ольшевский Михаил Николаевич - гвардии рядовой, пулеметчик (2-й Украинский фронт). В сентябре 1944 года при форсировании Дуная в районе румынского города Турну-Северин, будучи тяжело раненным, закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Родился в пос. Чечельник Винницкой области в семье рабочего. Украинец (фото не обнаружено)[7].

Ивченко Михаил Лаврентьевич - гвардии ефрейтор, снайпер 28 гв. сп 10 гв. сд 14-й армии Карельского фронта. 7 октября 1944 года в наступательном бою у горы Малый Кариквайвиш близ г. Печенги Кольского района Мурманской области закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 2 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1916 году в с. Тимонино (Ачинский район Красноярского края) в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1940 года. Похоронен на месте боя. Морозильный траулер и совхоз, где он работал, были названы его именем[8].

Клепач Алексей Иванович - матрос, автоматчик 1-го батальона 12-й бригады морской пехоты Северного флота. 10 октября 1944 года в бою за высоту на хребте Муста-Тунтури (Мурманская область) закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно). Родился в 1924 году в с. Западинцы Лохвицкого района Полтавской области. Украинец. Навечно зачислен в списки воинской части (фото не обнаружено)[9].

Мустейкис Леонид Иванович - старший сержант, электрик-прожекторист 384-го отдельного пулеметного батальона морской пехоты Северного оборонительного района Северного флота. 10 октября 1944 года во время штурма хребта Муста-Тунтури (Мурманская область) закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 24 ноября 1944 года награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно). Родился в 1911 году в д. Усомле ныне Полоцкого района Витебской области в семье крестьянина. Русский. В Военно-Морском Флоте с 1941 года (фото не обнаружено)[10].

Асадов Герай Лятиф оглы - гвардии сержант, командир отделения 281 гв. сп 93 гв. сд 27-й армии 2-го Украинского фронта. 12 октября 1944 года в бою за г. Маргита в Румынии закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923 году в с. Шахсеван (Азербайджан) в семье крестьянина. Азербайджанец. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1942 года.Совхоз и средняя школа **в** родном селе носят имя Героя [11].

Попов Василий Григорьевич - сержант, помощник командира пулеметного взвода 349-го отдельного батальона морской пехоты Северного флота. 13 октября 1944 года в ходе десантной операции по освобождению порта Лиинахамари (Мурманская область) вместе с товарищами попал под пулеметный огонь. При подходе к дзоту был ранен, но, собрав последние силы, поднялся и бросился на амбразуру. Награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

Зачислен навечно в списки воинской части. Родился в 1924 году в д. Первое Краково Павинского района ныне Костромской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Военно-Морском Флоте с 1942 года (фото не обнаружено)[12].

Крамаренко Алексей Филиппович - сержант, командир отделения 349-го отдельного батальона морской пехоты Северного флота. 13 октября 1944 года в бою при освобождении порта Лиинахамари своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 24 октября 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1917 году в станице Черноярoвской ныне Приморско-Ахтарского района Краснодарского края. Русский. Работал в рыбколхозе «Октябрь» Приморско-Ахтарского района. В Красной Армии с 1939 года (фото не обнаружено)[13].

Кравцов Николай Никитович - лейтенант медицинской службы, фельдшер батареи управления 42-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Главного Командования 3-го Украинского фронта. 15 октября 1944 года в бою при освобождении здания телеграфа в Белграде (Югославия) закрыл амбразуру своим телом. Умер от ран 18 октября. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 8 марта 1921 года на хуторе Кулаково ныне Дары Ровеньского района Белгородской области в семье крестьянина. Русский. Жил в г. Чугуеве. В Красной Армии с 1939 года. В 1940 году окончил Харьковское военное медучилище. Похоронен на военном кладбище Белграда. Одна из белградских улиц была названа именем Героя[14].

Адаменко Иван Диомидович - гвардии старший сержант, помощник командира взвода 309 гв.сп 109 гв.сд 46-й армии 2-го Украинского фронта. 16 октября 1944 года но время разведки боем в районе д. Винчи, что близ Белграда, телом закрыл амбразуру дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 13 ноября 1923 года на хуторе Осенне-Буденновском Кущевского района Краснодарского края в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1941 года. Награжден орденом Славы III степени. Похоронен на месте боя[15].

Грибанов Николай Васильевич - младший сержант, командир отделения 423 сп 166 сд 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. 16 октября 1944 года в бою близ пос. Вайнёде Лиепайского района (Латвия) грудью закрыл вражеский пулемет. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 17 января 1925 года в д. Брыковке Духовницкого района Саратовской области в семье священнослужителя. Русский. Работал слесарем на теплоходе «Нарым» Средне-Волжского речного пароходства. В Красной Армии **с** 1944 года. Похоронен на военном кладбище в пос. Вайнёде в братской могиле. Его именем названы супертраулер, теплоход и улица в д. Брыковке. На здании школы установлена мемориальная доска[16].

Райз Товье Хаймович - гвардии сержант, командир отделения 45 гв. сп 17 гв. сд 39-й армии 3-го Белорусского фронта. 17 октября 1944 года в бою при переходе границы с Восточной Пруссией в районе г. Гумбиннена (ныне Гусев Калининградской области) закрыл своим телом пулемет противника. Получив ранение, остался жив. Награжден орденом Славы III степени. Родился 8 мая 1920 года в г. Кременце Тернопольской области в семье служащего. Еврей. В Красной Армии с 1942 года. Жил и работал в Москве. Почетным гражданин г. Кременца.Умер 2 апреля 1982 года[17].

Каракулов Джуман - гвардии рядовой, автоматчик 327-го горно-стрелкового полка 128-й гвардейской горно-стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. 18 октября 1944 года в бою при освобождении населенного пункта Звала (18 км северо-восточнее г. Снина, Словакия) закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 11 июня 1921 года в ауле, ныне поселок в Каракалпакии в семье крестьянина. Казах. Работал в хлопководческом колхозе. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в г. Звала. Школа в родном ауле, улица в г. Чимбае названы его именем[18] .

Григоросуло (имя и отчество не установлены) - лейтенант, командир взвода (3-й Белорусский фронт). В октябре 1944 года в наступательном бою в полосе фронта своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота (фото не обнаружено) .

Куприянов Петр Иванович - ефрейтор, разведчик 3-го мотострелкового батальона 53 мсбр 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии 1-го Прибалтийского фронта. 2 ноября 1944 года во время разведки боем в д. Никраце Кулдигского района (Латвия) закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1926 году в с. Жоднно Смолевичского района Минской области в семье крестьянина. Белорус. Работал в колхозе. С 1941 года связной, затем пулеметчик партизанского отряда «Родина». В Красной Армии с 1944 года. Похоронен на территории совхоза «Никраце», на могиле установлен памятник. Его имя носит улица в Автограде Минской области[20].

Цуюков Борис Иванович - гвардии младший сержант, комсорг роты 119 гв. сп 40 гв. сд 46-й армии 2-го Украинского фронта. 7 октября 1944 года, переплыв Дунай, в бою за плацдарм лично уничтожил 7 гитлеровцев. 13 ноября 1944 года в бою за с. Шольт (Венгрия) бросился на амбразуру вражеского дзота, что обеспечило выполнение боевой задачи. 29 сентября 1980 года награждан орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1925 году. Русский. В Красной Армии с 1944 года (фото не обнаружено)[21].

Г. П. Денисов А. Ф. Лебедев Д. А. Кузнецов В. А. Яковлев

А. В. Ростомян

В. И. Леваков

Н. В. Носуля

В. И. Пешехонов

Н. И. Ригачин

А. П. Исаев

Д. А. Ананченко

А. И. Каширин

Лоскутов Василий Павлович - старший сержант, командир отделения 1258 сп 378 сд 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. 23 ноября 1944 года в бою за хутор Зирнайи Салдусского района (Латвия) закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1918 году в г. Чердыни Пермской области в семье рабочего. Русский. Работал на одном из заводов Перми. В Красной Армии с 1939 года. Похоронен в г. Салдусе [22] .

Копанцев Алексей Петрович - младший сержант, командир отделения 1073 сп 316 сд 46-й армии 2-го Украинского фронта. 12 декабря 1944 года и бою за населенный пункт Малая Ерда в районе Будапешта (Венгрия) закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 22 февраля 1945 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1926 году в д. Плетневке Калужского района Калужской области в семье крестьянина. Русский (фото не обнаружено) [23]

Белинскнй Ефим Семенович - лейтенант, командир разведвзвода 133-го легкого артполка 32 сд 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. В ночь на 16 декабря 1944 года в предместье Клайпеды (Литва) своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году на станции Заозерная Рыбинского района Красноярского края в семье рабочего. Еврей. В Красной Армии с 1943 года. Окончил Киевское артучилище. Похоронен в г. Клайпеде. Его именем были названы улица в г. Прекуле и школа в поселке Северо-Енисейске Красноярского края[24].

Шапкин Николай Павлович - рядовой, курсант отдельной учебной стрелковой роты 163 сд 27-й армии 2-го Украинского фронта. 18 декабря 1944 года в бою на подступах к Будапешту своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 29 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1926 году в пос.Мучкапе, ныне поселок городского типа Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен в с. Шайосентпетер (13 км северо-западнее г. Мишкольца, Венгрия). Одна из улиц пос. Мучкапа носит его имя[25].

Денисов Григорий Панкратович - сержант, помкомвзвода 727 сп 219 сд 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта. 24 декабря 1944 года в бою за хутор Рудини Тукумского района (Латвия) закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. Награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1923 году в д. Кампишки Резекненского района (Латвия) в семье крестьянина. Русский. Работал в сельском хозяйстве. Был бойцом 3-й Ленинградской партизанской бригады. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен на кладбище хутора Бренчи Тукумского района[26].

Лебедев Александр Федорович - младший лейтенант, комвзвода 677 сп 409 сд 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, 6 января 1945 года в бою за населенный пункт Бела в 36 км юго-восточнее г. Нове-Замкн в Словакии бросился на амбразуру вражеского дзота и закрыл ее своим телом. 28 апреля 1945 года присвоено звание Героя

Советского Союза (посмертно). Родился в 1924 году в с. Буняковка Одесского района Омской области в семье крестьянина. Жил и учился в с. Александровском Томской области. Русский. Рабочий. В Красной Армии с 1942 года. Окончил курсы младших лейтенантов. Похоронен в с. Бела. Памятник установлен в с. Александровском, там же улица названа именем Героя[27].

Костючек Петр Васильевич - гвардии рядовой, телефонист взвода связи 218 гв. сп 77 гв. сд 69-п армии 1-го Белорусского фронта. 14 января 1945 года при прорыве обороны противника в районе д. Новы-Марянув (12 км западнее польского города Пулавы) бросился па амбразуру дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923 году в с. Рыбцы Пуховичского района Минской области в семье крестьянина. Белорус. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен на месте боя (фото не обнаружено)[28].

Кузнецов Дмитрий Аркадьевич - младший лейтенант, комсорг 23-го отдельного штурмового батальона 61 ск 69-й армии 1-го Белорусского фронта. 14 января 1945 года в бою за местечко Лагув (10 км восточнее г. Зволено, Польша) грудью заслонил амбразуру вражеского дзота. 6 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1922 году в селе Гагино Лукояновского района Горьковской области. Русский. Жил в с. Большом Маресьеве. Работал старшим пионервожатым, учителем, заведующим отделом Лукояновского РК ВЛКСМ, первым секретарем райкома комсомола. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в братской могиле в местечке Лагув. Школа в с. Большом Маресьеве, где он учился, носит его имя[29].

Яковлев Василий Артамонович - гвардии рядовой, снайпер 220 гв. сп 79 гв. сд 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. 14 января 1945 года в бою в районе деревни Липска Буда в Польше закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 29 сентября 1980 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1920 году на хуторе Чернявка Троицкого района Ворошиловградской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен на месте боя. В честь земляка разбит парк около г. Павловска[30].

Ходневич Станислав Дмитриевич - рядовой, разведчик 503 аи 227 сд 53-й армии 2-го Украинского фронта. 16 января 1945 года в бою за Будапешт (Венгрия) закрыл собой вражеский пулемет и погиб. 2 марта 1945 года награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно).Родился в 1926 году в с. Соколино Толочинского района Витебской области в семье крестьянина. Белорус. Работал в колхозе. В период немецко-фашистской оккупации был в партизанах. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен в Будапеште, где ему установлен памятник (фото не обнаружено)[31].

Ростомян Аповен Васильевич - гвардии сержант, командир отделения 44 гв. сп 15 гв. сд 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. 18 января 1945 года в бою за г. Жарки в Польше закрыл амбразуру вражеского дзота. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 15 февраля 1905 года в с. Болниси (ныне город в Грузии) в семье крестьянина. Армянин. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен в братской могиле в городе Кендзежен-Козье в Польше. Улица в г. Болниси носит его имя[32].

Барсуков Павел Кузьмич - сержант, комсорг стрелковой роты 174 сп 20 сд 28-й армии 3-го Белорусского фронта. 19 января 1945 года в бою в районе г. Гумбиннена (ныне г. Гусев Калининградской области) своим телом закрыл пулемет противника. 6 декабря 1945 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1926 году в д. Клилицино Починковского района Смоленской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен на месте боя (фото не обнаружено)[33].

Леваков Владимир Иванович - лейтенант, командир взвода 1006 сп 266 сд 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 20 января 1945 года в бою за г. Коло Познанского воеводства (Польша) грудью защитил товарищей от огня вражеского пулемета. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 31 мая 1925 года на железнодорожной станции Хреновая ныне Лискинского района Воронежской области в семье железнодорожника. Русский. Работал столяром, помощником машиниста. В Красной Армии **с** 1943 года. В 1944 году окончил офицерские пехотные курсы. Похоронен на военном кладбище в Варшаве. На доме, в котором жил, установлена мемориальная доска[34].

Носуля Николай Васильевич - сержант, командир отделения 1006 сп 266 сд 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 20 января 1945 года в бою на подступах к г. Коло Познанского воеводства в Польше закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1926 году в с. Алексеевка Константиновского района Донецкой области в семье крестьянина. Украинец. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в Варшаве. Улицы в городах Коло и Донецк носят его имя. Навечно зачислен в списки воинской части [35].

Пешехонов Василий Иванович - гвардии младший сержант, заместитель командира отделения роты ПТР 13-й гвардейской танковой бригады 4-го гвардейского танкового корпуса 1-го Украинского фронта. 20 января 1945 года в бою за населенный пункт Боленцин Краковского воеводства в Польше закрыл телом амбразуру вражеского дзота. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году в с. Аламасове Вознесенского района Горьковской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе, затем лесником. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в Боленцине. Навечно зачислен в списки воинской части. Имя его носит колхоз в с. Аламасове[36].

Ригачин Николай Иванович - гвардии рядовом, разведчик 287 гв. сп 95 гв. сд 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. 21 января 1945 года бросился на амбразуру вражеского дзота в бою па улице г. Крайцбурга, ныне Ключборк, Опольского воеводства в Польше. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 9 мая 1919 года в селе Задняя Медвсжьегорского района (Карелия). Русский. Работал сапожником. В Красной Армии с 1938 по 1941 год и с 1944 года. Похоронен с г. Ключборке. Памятник установлен на улице Ключборка и в с. Великая Нива. Аллея в Петрозаводске названа его именем[37].

Исаев Алексей Петрович - сержант, командир отделения автоматчиков 42 сп 180 сд 46-й армии 3-го Украинского фронта. В ночь на 22 января 1945 года в бою на подступах к Будапешту бросился на амбразуру вражеского дзота. 28 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1906 году в д. Малая ныне Зеленодольского района (Татария) в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе, на стройках Казани. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в Будапеште. Родная деревня названа его именем. Зачислен навечно в списки воинской части[38].

Ананченко Даниил Антонович - младший сержант, разведчик 28-й отдельной разведроты 5 сд 3-й армии 2-го Белорусского фронта. 23 января 1945 года в бою за г. Ортельсбург в Восточной Пруссии (ныне Щитно, Польша) своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в январе 1924 года в д. Рассухе Погарского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в братской могиле на месте боя. Его именем названа улица в поселке Погаре[39].

Каширин Алексей Иванович - младший сержант, командир отделения 1372 сп 417 сд 51-й армии 2-го Прибалтийского фронта. 23 января 1945 года в бою за г. Скуодас (Литва) грудью закрыл пулемет противника. 29 июня 1945 года

присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1926 году в д. Насурово Рязанского района Рязанской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в г. Скуодасе. В родном селе колхоз, а также школа в г. Чебаркуле носят его имя[40].

ИСТОЧНИКИ

[1]Горьковский рабочий. 1967. 24 июля.

[2]ЦАМ0 РФ, ф. 33, оп, 793756, д. 4, лл. 62-63; Вечерний Свердловск. 1963. 19 нюня; Ленинская смена (Алма-Ата). 1968. 23 февр.

[3]ЦАМО, ф. 1849 питан, оп. 196596, д. 1, л. 235; *Плесцов К. М.* Люди высокого подвига.М.: Воениздат, 1962. С. 143; Подвиги Героев Советского Союза. М.: Знание, 1984. С. 37-39.

[4]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 31, лл. 188-189; *Муриев Д. З.* Осетии отважные сыны. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книж. изд-во, 1974. С. 303-308; письмо родных автору от 25 нояб. 1973.

[5]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 35, лл. 550-551; Герои и подвиги. М.: Госполитиздат, 1958. С. 498-499; Наши герои. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во. С. 260-265; письмо секретаря парторганизации колхоза «Большевик» автору от 25 марта 1963 г.

[6]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 25, лл. 257-258; Немеркнущие звезды. Рига: Лиесма, 1970. С. 74-87; письмо родителем Героя актору от 19 нояб. 1963 г.

[7]Герои и подвиги. М.:, 1958. С. 94; ЦМВС, докум. ф. № А-5/3725/2.

[8]ЦАМО. Картотека личного состава, карта № Р-24; *Потемкин Л. А.* У северных границ. Мурманск: Мурманское книж. изд-во, 1963. С. 38; Красноярцы - герои Отечественной войны. Красноярск: Красноярское книж. изд-во, 1959. С. 248-249.

[9]Красная звезда. 1974.6 окт.; Сов. патриот. 1972. 9 апр.; Полярная правда (Мурманск). 1978. 22 окт.

[10]ЦВМА, ф. 3, оп. 1, д. 1059, лл. 46-47.

[11]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 3, лл. 160-161; Молодежь Азербайджана. 1967. 25 янв.

[12]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 35, лл. 251-252;*Дьячков Л. Г.* Герои Советского Союза - тамбовцы. Воронеж: Центрально-Черноземное книж. изд-во, 1974. С. 238-240; Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 1965. 3 апр.

[13]ЦВМА, ф. 3, оп. 1, д. 1021, лл. 824-825; Сов. патриот, 1980.5 нояб.

[14]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 24, л. 129; Правда. 1964. 20 сент.; Красная звезда. 1967. 20 окт.

[15]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 1, лл. 207-208; Сов. Кубань. 1962.23 февр.

[16]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 12, лл. 52-53; *Ягодинский Е. А.* Золотые Звезды речников. М.: Изд-во ДОСААФ, 1976. Вып. 2. С. 25-29; Речной транспорт, 1971. № 7. С. 21.

[17]ЦАМО, ф.39 А, оп. 900101, д. 130, л. 165; ф. 45 гв. сп, оп. 13748, д. 15, л. 44; ф. 17 гв. сд, оп. 686196, д. 1901, л. 227.

[18]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 18, лл. 397-398; письмо брата Героя автору от 25 сент. 1966 г.

[19]ЦАМО, ф. 241, оп. 2556, д. 53, лл. 289-300.

[20]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 24, лл. 160-161; Навечно в сердце народном. Минск: Белорусская Советская Энциклопедия, 1984. С. 250-251; письмо матери Героя автору от 15 апр. 1963 г.

[21]ЦАМО, ф. 1135, оп. 1, д. 3, л. 133; ф. 40 сд, оп. 2, д. 17, л. 196; Литературная газета. 1983. 22 июня.

[22]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 26, лл. 270-271; Золотые Звезды Прикамья. Пермь: Книж. изд-во. 1974. С. 238-239.

[23]ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 582, л. 42.

[24]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 5, лл. 109-110; Сов. Клайпеда, 1964. 15 дек.; 1965. 4 марта; Калининградская правда, 1980. 10 окт.

[25]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 48, лл. 140-141; *Дьячков Л. Г.* Указ. соч. С. 223-224; Тамбовская правда. 1961. 2 апр.

[26]ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 3278, л. 266; Сов. Латвия. 1965.16 окт.; Голос Риги. 1974. 8 окт.

[27]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 27, л. 159; Сов. Россия. 1963. 21 окт.; Красное знамя (Томск). 1964. 27 сент.

[28]ЦАМО, ф. 33, он. 793756, д. 23, л. 397.

[29]Там же, лл. 247-249; Речной транспорт. 1967. № 5. С. 9-10; письмо матери Героя автору от 20 септ. 1965 г.

[30]ЦМВС, докум. ф. № 4-А/5110; ЦАМО, ф. 79 гв. сд, оп. 44906, д. 1, л. 16; Красная звезда. 1965.17 янв.

[31]Побратимы Александра Матросова. Минск: Беларусь, 1984. С. 32-33; Красная звезда. 1984.16 мая; 1985, 7 септ.

[32]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 37, лл. 28-29; Книга о героях. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1985. С. 174-175.

[33]ЦАМО, ф. 26 сд, оп. 1, д. 46, л. 55; Калининградская правда. 1980. 10 окт.; Черноморская здравница (Сочи). 1972. 7 авг.

[34]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 25, лл. 308-309; ЦМВС, докум. ф. № 4/27661, 4/18773; Навечно в строю. Кн. 1. М.: Воениздат, 1957. С. 135-154.

[35]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 31, лл. 758-759. Кавалеры Золотой Звезды. Донецк: Донбасс, 1976. С. 717-718; Молодой ленинец (Волгоград). 1965. 21 апр.

[36]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 35, лл. 218-219; *ТюльниковЛ. К., БасовичЯ. И.* Герои Советского Союза - горьковчане. Волго-Вятское книж. изд-во, 1981. С. 203; Горьковская правда. 1966.17 сент.

[37]В наградном листе - Рыгачин. Правильно - Ригачин. ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 37, лл. 272-273; *Шутой В. Е.* Герои из Заонежья. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1961; Красная звезда. 1970.22 янв.

[38]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 17, лл. 421-422; Сов. Татария. 1975.15 апр.

[39]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 2, лл.151-152; Сов. патриот. 1965.30 мая; Калининградская правда, 1980.10 окт.

[40]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 19, лл. 19-20; Навечно в строю. М.: Воениздат, 1962. Вып. 2. С. 80-81; Сов. воин. 1962. № 22. С. 34-35; Комсомольская правда. 1963. 5 июля.

Публикацию подготовил Н. В. БОРИСОВ, старший научный сотрудник Института военной истории

Фото из архива автора

(Окончание следует)

№7 июль-август 1994

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1992 . № 6-12; 1993. №1, 2, 4, 9; 1994. № I, 3, 5.

Дернов Петр Сергеевич - гвардии рядовой, автоматчик 24 гв. кп 5 гв. кд 3-го гвардейского кавалерийского корпуса 2-го Белорусского фронта. 24 января 1945 года в бою на берегу р. Вадонг вблизи г. Ольштын в Восточной Пруссии (ныне в Польше) закрыл грудью вражеский пулемет. 24 марта 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 22 октября 1925 года на .хуторе Самбековский (ныне пос. Самбек в черте г. Новошахтинска) Ростовской области в семье шахтера. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен на берегу р. Вадонг, где ему установлен памятник. На доме, в котором жил Герой, имеется мемориальная доска. Одно из судов Министерства рыбного хозяйства, бригада Новошахтинского горнопромкомбината были названы его именем[1].

П. С. Дернов В. М. Сытник

Ф. Р. Горбач П. М. Зайцев

Сытник Владимир Михайлович - рядовой, сапер 58-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона 12-й штурмовой инженерно-саперной бригады 3-го Украинского фронта. 27 января 1945 года в уличном бою в Будапеште (Венгрия) закрыл телом вражеский пулемет. 28 апреля того же года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 25 апреля 1925 года в пос. Луганское Артемовского района Донецкой области в семье крестьянина. Украинец. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в Будапеште. Улица в родном поселке носит имя Героя. Навечно зачислен в списки воинской части[2].

Горбач Феодосий Родионович - гвардии младший сержант, командир отделения 2-го мотострелкового батальона 19-й гвардейской механизированной бригады 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта. 29 января 1945 года в бою у с. Найдорф (район г. Конин, Польша) закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 31 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1912 году в с. Ядуты ныне Борзнянского района Черниговской области в семье крестьянина. Украинец. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Школа и улица в с. Ядуты были названы именем Героя. В память о нем в селе установлена мемориальная доска. Навечно зачислен в списки воинской части[3].

Зайцев Павел Михайлович - старший сержант, командир отделения 359 сп 50 сд 52-й армии 1-го Украинского фронта. В ночь на 29 января 1945 года в бою при форсировании р. Одер у г. Бреслау (ныне г. Вроцлав, Польша) закрыл амбразуру вражеского дзота. 26 февраля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923 году в дер. Барачевка Выгоничского района Брянской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен в районе г. Болеславца на военном кладбище. Школа в с. Выгоничи носит его имя[4].

Борисов Леонид Николаевич - гвардии старший лейтенант, командир роты 228 гв. сп 78 гв. сд 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. 1 февраля 1945 года в бою в районе населенного пункта Бризен в Польше закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 27 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1915 году в г. Сестрорецке (ныне в черте Санкт-Петербурга) в семье рабочего. Русский. Работал слесарем на заводе имени К. Маркса. В Красной Армии с 1939 года. В 1941 году окончил курсы младших лейтенантов. Похоронен в населенном пункте Линден (ныне с. Липки в 5 км от г. Бжег, Польша). Мемориальная доска установлена в Санкт-Петербурге, где есть улица его имени[5].

Коваленко Сергей Анисимович - рядовой, стрелок 229 сп 225 сд 21-й армии 1-го Украинского фронта. 1 февраля 1945 года в бою в районе пос. Шургаст (ныне с. Хрусьцина, юго-западнее г.. Ополе, Польша) грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 27 ноября 1921 года в дер.Ульяновичи ныне Сенненского района Витебской области в семье священнослужителя. Белорус. С 1932 года жил в Могилеве. Работал слесарем «Сантехстроя». В Красной Армии с 1940 по 1941 год и с 1944 года. С 1943 по 1944 год был в партизанском отряде в Литве. На фронте сражались также два его брата и сестра, один брат погиб. Герой похоронен в г. Ключборке. Мемориальная доска установлена в Могилеве[6].

Абатуров Анфил Иванович - старший сержант, помощник командира взвода 787 сп 222 сд 33-й армии 1-го Белорусского фронта. 3 февраля 1945 года в бою за населенный пункт Буш-Форверк Бранденбургской провинции (Германия) закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом, обеспечив взводу продвижение вперед. 14 марта 1945 года награжден орденом Отечественной войны 1 степени (посмертно). Родился в 1924 году в дер. Каме Куйбышевского района Новосибирской области в семье крестьянина. Русский. Похоронен на месте боя (фото не обнаружено)[7].

Иванов Александр Иванович - младший лейтенант, комсорг батальона 811 сп 229 сд 21-й армии 1-го Украинского фронта. 3 февраля 1945 года в бою за пос. Шургаст закрыл грудью пулемет противника. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923 году в дер. Паршино Торопецкого района Калининской области в семье крестьянина. Русский. Работал счетоводом колхоза «Россия». В период оккупации помогал партизанам. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в г. Левин-Бжески (Польша). У здания правления родного колхоза была установлена мемориальная доска[8].

Вирко Сергей Васильевич - гвардии младший сержант, пулеметчик 252 гв. сп 83 гв. сд 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. 4 февраля 1945 года при штурме Кенигсберга (ныне Калининград) телом закрыл вражеский пулемет. 31 мая 1945 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1926 году в д. Ратайчицы Каменецкого района Брестской области в семье крестьянина. Русский. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен в братской могиле в пос. Цветково Гурьевского района Калининградской области. Родная деревня и улица в г. Каменце носят его имя (фото не обнаружено)[9].

Л. Н. Борисов С. А. Коваленко А. И. Иванов И. С. Солтыс

Солтыс Иван Сидорович - рядовой, пулеметчик 548 сп 116 сд 52-й армии 1-го Украинского фронта. 11 февраля 1945 года в бою у дер. Луизенталь (14 км севернее г. Болеславца, Польша) закрыл телом амбразуру вражеского дзота. 10 апреля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923

году в с. Кузьмин Каменского района Молдавской ССР в семье крестьянина. Молдаванин. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен на месте боя. Совхоз-техникум и школа родного села носят имя Героя .

Рытников Леонид Иванович - сержант, командир отделения 1159 сп 351 сд 4-го Украинского фронта. 15 февраля 1945 года в бою за населенный пункт Хыбе в Польше закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 29 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 24 марта 1915 года в Рязани. Жил в г. Мичуринске Тамбовской области. Русский. После учебы в железнодорожном училище работал мастером в вагонном депо станции Кочетовка Юго-Восточной железной дороги. В Красной Армии с 1937 года».

Колюжный Николай Александрович -младший лейтенант, командир взвода 828 сп 197 сд 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. 18 февраля 1945 года в бою за опорный пункт в районе г. Губена (ныне Губин, Польша) закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 27 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1918 году в с. Животиловка ныне в черте г. Новомосковска Днепропетровской области в семье крестьянина. Украинец. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в г. Губене. На могиле установлен памятник[12].

Павлов Николай - гвардии ефрейтор, стрелок 79 гв. сд. 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. В феврале 1945 года во время боя на территории Германии с призывом - «Товарищи! Мы скоро будем в Берлине!» - бросился на вражеский пулемет. Об этом рассказала газета 79 сд «За победу» в феврале 1945 года (фото не обнаружено)[13].

Коровин Сергей Артемович - рядовой, разведчик 90 отд. гв. разведроты 87 гв. сд 39-й армии 3-го Белорусского фронта. 1 марта 1945 года в бою за местечко Хоберт в районе Кенигсберга ныне пос. Переславское Зеленоградского района Калининградской области бросился на амбразуру вражеского дзота. 31 мая 1945 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1921 году в с. Верхний Шайтан ныне Пригородного района Свердловской области в семье крестьянина. Русский. Окончил Нижнетагильское ПТУ № 14 в 1939 году, был рабочим Уральского вагонного завода. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в братской могиле в пос. Переславское. Одна из улиц Нижнего Тагила названа его именем[14].

Молев Николай Георгиевич - рядовой, автоматчик 1-й отдельной моторизованной разведывательной роты разведотдела штаба 3-го Белорусского фронта. 1 марта 1945 года, действуя в группе захвата у д. Фрейбург на р. Бауда Ольштынского воеводства в Польше, закрыл телом амбразуру вражеского дзота. 29 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 27 января 1925 года в дер. Соколово Струнинского района Владимирской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в пос. Килен Ольштынского воеводства. В родной деревне установлен памятник. Зачислен навечно в списки воинской части[15] .

Юшков Михаил Афанасьевич - гвардии рядовой, разведчик 11-го гвардейского кавалерийского полка 4 гв. кд 2 гв. кк 1-го Белорусского фронта. 1 марта 1945 года в бою в районе населенного пункта Линде (южнее г. Франкфурта-на-Одере, Германия) грудью заслонил амбразуру вражеского дзота. 31 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 24 августа 1922 года в дер. Коряково Балахтинского района Красноярского края в семье крестьянина. Русский. Работал заведующим избой-читальней. В Красной Армии с 1944 года. Улица в Красноярске названа именем Героя[16].

Кундер Якоб Мартинович - лейтенант, командир взвода 300 сп эстонской сд 8 эстонского ск 2-го Прибалтийского фронта. В ночь на 18 марта 1945 года в бою за железнодорожную станцию Блидене Салдусского района (Латвия) телом закрыл амбразуру дзота. 15 мая 1946 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1921 году на хуторе Тыстамаа ныне Пярнуского района Эстонии в семье крестьянина. Эстонец. Работал кузнецом, токарем, милиционером. В 1941 году эвакуировался в Челябинскую область. В Красной Армии с 1942 года. Окончил Подольское военное пехотное училище. Похоронен в районе станции Блидене. На месте подвига восстановлен дзот-памятник. Именем Героя названы школа, в которой он учился, и одно из судов Министерства морского флота[17].

Савченко Василий Прокофьевич - гвардии рядовой, сабельник 36 гв. кп 10 гв. кд 4 гв. кк 1-й гвардейской конно-механизиро-ванной группы 2-го Украинского фронта. 28 марта 1945 года в бою за с. Федимеш (Словакия), израсходовав все боеприпасы, телом закрыл вражеский пулемет. Родился в 1921 году в станице Гулькевичи (ныне г. Гулькевичи) Кавказского района Краснодарского края в семье крестьянина. Украинец. Работал кочегаром паровоза. В Красной Армии с 1940 года. В одном из первых боев попал в плен. По освобождении из плена вновь был призван в ряды Красной Армии. Похоронен па окраине с. Федимеш (фото не обнаружено)[18].

Алексеев Алик Олимпиевич - рядовой, автоматчик 164 сп 33 сд 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 14 апреля 1945 года в бою за опорный пункт Рефельд (Германия) телом закрыл

И. Р. Бумагин Г. Е. Попов И. Н. Баторов В. С. Колесник

вражеский пулемет. 26 апреля 1945 года награжден орденом Отечественной воины I степени (посмертно). Родился в 1925 году в д. Леменешке Резекненского района (Латвия) в семье крестьянина. Русский. Работал в сельском хозяйстве. В Красной Армии с 22 января 1945 года. Похоронен на месте боя (фото не обнаружено) .

Зайцев Иван Степанович - сержант, командир отделения 1050 сп 301 сд 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 16 апреля 1945 года в бою за железнодорожную станцию Вербиг севернее г. Зелов (Германия) бросился на амбразуру вражеского дзота. 31 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 9 октября 1926 года в дер. Ченки Гомельского района Гомельской области в семье крестьянина. Белорус. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в г. Костшин в Польше. На здании ПТУ № 56 г. Гомеля установлена мемориальная доска, одна из улиц города носит имя Героя[20].

Манита Архип Самойлович - гвардии сержант, командир отделения 270 гв. сп 89 гв. сд 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 23 апреля 1945 года в уличном бою в Берлине за здание в районе Силезского вокзала, когда товарищам грозила гибель от огня фашистского пулемета, заслонил его своей грудью. 31 мая 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 14 октября 1922 года в с. Лозоватая Ульяновского района Кировоградской (ранее Одесской) области в семье крестьянина. Украинец. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1944 года. Похоронен в Берлине. Школа родного села названа его именем. На ее фасаде установлена мемориальная доска[21].

Бумагин Иосиф Романович - лейтенант, командир пулеметного взвода 396 сп 135 сд 59-й армии 1-го Украинского фронта. 24 апреля 1945 года во время уличного боя в г. Бреслау (ныне Вроцлав, Польша) закрыл амбразуру вражеского дзота. 27 июня 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 17 октября 1907 года в Витебске в семье рабочего. Еврей. Работал и жил в Биробиджане. Слесарь завода «Дальсельмаш». В Красной Армии в 1929-1933 гг. и с 1941 года. Окончил военное пехотное училище во Владивостоке. Похоронен в г. Вроцлаве. Мемориальная доска установлена на здании одного из цехов его родного завода. Улица в Витебске и микрорайон в Биробиджане названы его именем[22].

Попов Георгий Евдокимович - рядовой, автоматчик 98-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 106-го укрепрайона 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. 9 августа 1945 года в бою за высоту «Колпак» у приморской границы в Маньчжурии, израсходовав все боеприпасы, грудью закрыл товарищей от огня пулемета. 8 сентября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1900 году в с. Градище ныне Бондарского района Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. В 1935 году начальник ОРСа в Абакане, в 1937-м - начальник лесозавода судоверфи, в 1942-м -начальник лесопильного цеха ремонтно-эксплуатационной базы флота в г. Николаеве-на-Амуре. В Красной Армии с 1925 по 1927 год и с 1942 года. Похоронен в населенном пункте Фадеевка Октябрьского района Приморского края. Зачислен навечно в списки воинской части[23].

Баторов Иннокентий Николаевич - рядовой, парторг мотострелкового батальона 205-й танковой бригады 36-й армии Забайкальского фронта. 9 августа 1945 года в бою за гору Сяо-Гу под г. Хайларом (Маньчжурия) телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 6 мая 1965 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1922 году в улусе Курултуй ныне Нукутского района Иркутской области в семье крестьянина. Бурят. Работал в колхозе. В Красной Армии с июля 1941 года. Похоронен на месте боя. Школа в родном селе носит его имя[24].

Колесник Василий Степанович - ефрейтор, сапер 75-го отдельного пулеметного батальона 112-го укрепрайона 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта. 10 августа 1945 года в районе д. Шэбэнтунь (Южнее г. Мишань, Китай), попав с товарищами под сильный пулеметный огонь, не имея иных средств, закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. 8 сентября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1923 году в с. Боровая (ныне поселок городского типа Харьковской области) в семье крестьянина. Украинец. Работал трактористом. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в с. Турий Рог Ханкайского района Приморского края, где ему установлен памятник. Там же его именем названа улица. Зачислен навечно в списки воинской части[25].

Кравченко Леонтий Гаврилович - рядовой, пулеметчик 105-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 109-го укрепрайона 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта. 11 августа 1945 года при штурме высоты в укрепрайоне Хутоу на территории Маньчжурии закрыл грудью амбразуру вражеского дзота. Его подвигу посвящено несколько листовок, хранящихся ныне в фондах Центрального музея Вооруженных Сил РФ. Украинец (фото не обнаружено)[26].

А. Я. Фирсов А. Е. Буюклы

Фирсов Александр Яковлевич - младший сержант, пулеметчик 567 сп 384 сд 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта. 11 августа 1945 года в бою у г. Дуннин (Северный Китай) закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 8 сентября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1925 году в с. Поляки Путятинского района Рязанской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в пос. Полтавка Октябрьского района Приморского края. Именем Героя названы улицы во Владивостоке, Рязани и один из поселков в Хасанском районе Приморского края. Навечно зачислен в списки воинской части[27].

Буюклы Антон Ефимович - старший сержант, командир пулеметного расчета 165 сп 79 сд 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта. 14 августа 1945 года в бою у станции Котон (ныне Победино Смирныховского района,

М. Я. Патрашков Н. А. Вилков П. И. Ильичев В. П. Бульба

Южный Сахалин) грудью защитил товарищей от огня вражеского пулемета. 6 мая 1965 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1915 году в с.Александровка Акимовского района Запорожской области в семье крестьянина. Болгарин. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1941 года. Именем Героя были названы лесопромышленный комбинат, совхоз, поселок, железнодорожная станция на Сахалине. Памятники были установлены в с. Александровка и ряде городов Болгарии[28].

Патрашков Михаил Яковлевич - младший сержант, наводчик пулемета 254 сп 39 сд 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта. 14 августа 1945 года в бою за станцию Лишучцзян (Северный Китай) бросился на пулемет и закрыл его своим телом. 29 сентября 1980 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1925 году в д. Болкашино Свищевского района Пензенской области в семье крестьянина. Русский. Похоронен на восточной окраине станции Лишучцзян[29].

Вилков Николай Александрович - старшина 1-й статьи, боцман плавбазы «Север» Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота. 18 августа 1945 года в бою при освобождении о. Шумшу (Северные Курилы), будучи уже трижды раненным, закрыл собой одну из амбразур вражеского дзота. Вторую амбразуру заслонил своим телом матрос П. И. Ильичев. 14 сентября 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 2 января 1918 года в с. Илышское ныне Заволжского района Ивановской области в семье крестьянина. Русский. Работал помощником капитана парохода «Максим Горький» Восточно-Сибирского речного пароходства. В ВМФ с 1939 года. Похоронен на о. Шумшу. Памятник Герою был установлен у дома курсантов речного училища в Горьком (ныне Нижний Новгород). Мыс Башенный на Камчатке переименован в мыс Вилкова[30].

Ильичев Петр Иванович - матрос, рулевой сторожевого катера СК-253 6-го дивизиона сторожевых кораблей Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота. 18 августа 1945 года в бою на о. Шумшу Курильской гряды вместе с Н. А. Вилковым закрыл амбразуру вражеского дзота. 1 сентября 1958 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1927 году в д. Пугачевке Нижнеомского района Омской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В ВМФ с 1944 года. Похоронен на о. Шумшу, где был установлен обелиск Герою. Есть также памятник ему в родной деревне и в с. Паратунка на Камчатке. Навечно зачислен в списки воинской части[31].

Бульба Василий Прокопьевич - ефрейтор, стрелок 1034 сп 293 сд 36-й армии Забайкальского фронта. 18 августа 1945 года при штурме высоты Хайларского укрепленного района (Северный Китай) грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 14 декабря 1945 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился 7 мая 1921 года в пос. Ладане Прилукского района Черниговской области в семье крестьянина. Украинец. Работал слесарем на местном заводе. В Красной Армии с 1940 года. Похоронен в г. Хайларе. Улица в родном поселке была названа его именем .

ИСТОЧНИКИ

[1]ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 13, лл. 341-342; Калининградск. правда. 1967. 16 мая, 10 окт; Молот (Ростов-на-Дону), 1970. 19 марта.

[2]*Трокаев А. А.* Герои пламенных лет. Донецк: Донецк книж. изд-во, 1985. С. 483-484; Ленинск, знамя. 1968. 3 янв.

[3]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 11, лл. 294-295; Деснянск. правда (Бахмач). 1966. 27 авг.; Письмо брата Героя автору от 20 сент. 1964 г.

[4]*Михайлов Л. Н.* За тебя, Родина! М.: Воениздат, 1961; Герои и подвиги. М., 1958. С. 453-454; Брянск, рабочий. 1962. 21 янв.

[5]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 6, лл. 388-389; Черноморск. здравница (Сочи). 1976. 22 февр.; Письмо жены Героя автору от 30 ноября 1966 г.

[6]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 19, лл. 560-561; Навечно в сердце народном. Минск: Белорус. Сов. Энциклопедия, 1984. С. 209; Письмо сестры Героя автору от 30 мая 1969 г.

[7]Герои и подвиги. М.: Воениздат, 1958. С. 451; ЦМВСРФ, док. ф., № 4/22143, 4/18776; Письмо брата Героя автору от 17 марта 1965 г.

[8]ЦАМО, ф. 33. оп. 793756, д. 16, лл. 32-33; *Долгов А. И.* Золотые Звезды калининцев. М.: Моск. рабочий, 1969. С. 45.

[9]ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 173, л. 78; Побратимы Матросова. Минск: Беларусь, 1984. С. 31-35; Заря (Брест). 1965. 21 марта и 1966, 3 дек.

[10]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 41, лл. 31-32; *Кожемякин Г. М.* Солдаты Родины. Кишинев: Каменяр, 1985. С. 120-128; Сов. Молдавия. 1962. 22 февр.

[11]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 37, лл. 326; *Батуркин П. А., Николенко Л. П.* В огне войны. Рязань: Рязан. книж. изд-во, 1983. С. 142-144; Сов. патриот. 1968. 14 янв.

[12]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 20, лл. 353-354; И генерал и рядовой. Днепропетровск: Проминь, 1983. С. 246-247.

[13]ЦАМО, ф. 79 гв. сд, оп. 446406, д. 1, л. 9.

[14]Уральск. рабочий (Свердловск). 1963. 19 янв.; На смену (Свердловск). 1968. 3 дек.; 1969. 1 июля.

[15]ЦАМ0, ф. 33, оп. 793756, д. 30, лл. 103-104; Горьковск. правда. 1961. 13 июля; Призыв (Владимир). 1965. 21 марта и 1970.-11 марта.

[16]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 50, лл. 263-264; *Ханджанов С. Б.* Мои однополчане. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1985. С. 93-94.

[17]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 24, лл. 138-139; Герои войны. Таллинн: Ээсти Раамат, 1984. С. 194-196; Сов. патриот. 1964. 29 апр.

[18]ЦАМО, оп. 268525, д. 2, л. 97; оп. 375472, д. 1, л. 143; Плиев И. А. В боях за освобождение Венгрии, Румынии и Чехословакии. Орджоникидзе: Ир, 1971. С. 115-117.

[19]ЦАМО,ф. 317,оп. 4320, д. 58, лл. 214-216; ф. 3-й ударной армии, оп. 4320, д. 71, лл. 119-120; *Пятков В. К., Белов К. С., Фролов С. С.* Третья ударная: Боевой путь 3-й ударной армии. М.: Воениздат, 1976. С. 181.

[20]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 16, лл. 169-170; Сов. патриот. 1966. 19 окт.; Сов. Кубань. 1963. 9 мая.

[21]ЦАМО, ф. 33, Оп. 793756, д. 28, лл. 23-24; Сов. патриот. 1970. 8 марта.

[22]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 7, лл. 213-214; Биробиджанск. звезда. 1957. 23 февр.

[23]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 35, лл. 251-252; *Дьячков Л. Г.* Герои Советского Союза - тамбовцы. Воронеж: Центрально-Черноземн. книж. изд-во, 1974. С. 238-240; Тихоокеанск. звезда (Хабаровск). 1965. 3 апр.; Ленининск. знамя (Николаевск-на-Амуре). 1961. 11 авг.

[24]ЦАМО, ф. 32, оп. 440026, д. 89, л. 43; ф. 205 тбр, оп. 483326, д. 1, л. 2; *Внотченко Л. Н.* Победа на Дальнем Востоке. М.: Воениздат. 1971. С. 181; Красн. звезда. 1967. 20 дек.; Письмо брата Героя автору от 1 февр. 1967 г.

[25]Вечно живые. 1957. С. 158; Красн. звезда . 1958. 25 окт. и 1959, 25 окт.; Тихоокеанск. комсомолец. 1962. 23 февр.

[26]ЦМВС, док. ф, № 4/19844, А-5/5310. [27]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 45, лл. 556-557; На поле ратном. М.: Моск. рабочий, 1977. С. 391-392.

[28]*Лукаш Д.* Звезды ратной доблести. Днепропетровск: Проминь, 1980. С. 198-217; Сов. Сахалин. 1963. 17 окт. и 1965. 8 мая; Труд. 1963. 4 сент.

[29]ЦМВС, док. ф., № 4/33809; Суворовский натиск. 1964. 9 мая; Лит. газ. 1983. 22 июня.

[30]ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 53. л. 379; *Ягодинский Е. А.* Золотые Звезды речников. Вып. 1. М: Изд-во ДОСААФ. 1971. С. 5-12; Рабочий край (Иваново). 1965.19 авг.

[31]Навечно в строю. М.: Воениздат, 1962. С. 110-111; Красн. звезда. 1964. 11 июля; Камчатск. правда. 1959. 30 июля.

[32]ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 6716, л. 263; Красн. звезда. 1965. 5 июня; Сов. культура. 1975. 11 ноября.

Публикацию подготовил Н. В. БОРИСОВ, старший научный сотрудник Института военной истории

Фото из архива автора

ВИЖ №1 1994
Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 10-12; 1993. № 1-3, 5-8, 10-12.
ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛЬСКИЕ...

В июле 1941 года заместитель начальника 3-го Управления капитан госбезопасности А. Н. Клыков составил справку на заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. М. Буденного и представил ее наркому внутренних дел Л. П. Берии.

Чекистская школа «разоблачений» не знала каникул даже в тяжелые дни начального периода Великой Отечественной войны. В то время как Маршал Советского Союза С. М. Буденный, главнокомандующий Юго-Западным направлением, предпринимал огромные усилия, чтобы отразить наступление немецких войск на столицу Украины — Киев, органы безопасности продолжали поиск врагов среди своих.

СПРАВКА
Буденный Семен Михайлович
Заместитель народного комиссара обороны СССР

Показаниями ряда арестованных участников военно-фашистского заговора устанавливается, что Буденный является участником и членом руководства антисоветской организации правых в РККА, возглавляя как член руководства антисоветские формирования в коннице РККА и среди казачества.

Буденный еще в 1925 году, после назначения народным комиссаром военно-морских сил СССР Ворошилова К. Е., сблизился с бывшим тогда командующим БВО Егоровым А. И., а в последующие годы с Дыбенко П. Е. (в тот период начальник снабжения РККА) и вместе с ними возглавил антисоветскую организацию правых.

Правые взгляды Буденного складывались под влиянием Томского, с которым Буденный поддерживал личную связь все годы.

В 1931 году, как указывал в своем заявлении от 15 декабря 1935 года осужденный за антисоветскую деятельность Ливянт, Буденный был у Рыкова и выражал ему свое сочувствие. Буденный много говорил Рыкову о недовольстве крестьян коллективизацией и в конце разговора заявил: «Прикажи А. И. [Рыков. — Ред.], и я тебя поддержу — на Дону и Кубани мои ребята только и ждут моего приказа садиться на лошадей. Я, знаешь, человек военный».

В планах руководства военно-фашистского заговора Буденному была отведена роль руководителя антисоветского подполья среди казачества, как имеющего огромную популярность среди казаков и могущего возглавить антисоветское восстание, опирающееся на антисоветские казачьи кадры.

В своей антисоветской деятельности Буденный уличается показаниями Егорова А. И., Дыбенко П. Е., Левандовского М. К, Каширина Н. Д., Сердича Д. Ф., Грибова С. Е., Аквильянова М. М., Великанова М. Д., Седякина А. И., Федоренко Л., Верховского Б. К., Озолина К. И., Егоровой Г. А. и его бывшей жены Михайловой Ольги Степановны.

Арестованный Егоров А. И. при допросе 28 марта 1938 года показал: «Я, Егоров, вместе с Дыбенко и Буденным возглавлял руководство антисоветской организации правых в Красной Армии, имевшей своих участников в военных округах. Эта наша антисоветская организация была на особо законспирированном положении».

«Накануне назначения Ворошилова я беседовал с Буденным, который так же, как и я, был резко враждебно настроен к Ворошилову, считая его назначение неправильным, а мое удаление из РККА — ударом и по нему лично».

Егоров показывает о крайнем озлоблении Буденного против Ворошилова, доходившего до террористических высказываний. «Было какое-то озлобление у Буденного в отношении Ворошилова. Дело дошло до такого положения, когда Буденный прямо сказал, что не допустит, чтобы Ворошилов был наркомом и что он готов скорее его убить, чем согласиться с этим назначением... С Буденным меня связывала старинная дружба еще с 1919 года по Царицыну. Вся наша последующая работа до конца гражданской войны проходила под знаком полной гармонии в личных отношениях. Эта дружба... явилась началом нашей совместной антисоветской деятельности. И я, и Буденный относились с большой злобой к Ворошилову... Эти озлобленные настроения Буденного против Ворошилова я использовал для того, чтобы привлечь его на свою сторону в той борьбе, которую я вел против Советской власти».

Как показывает Егоров, с 1926 года к их группе присоединился Дыбенко, вошедший затем в руководство организации правых в РККА. «Дыбенко называл Буденного «генералом без армии», «неудачным Мюратом», что еще более настраивало Буденного против Ворошилова... Так, на протяжении 1925-1927 гг. сложилась наша «тройка», которая по мере обострения нашей борьбы с партией, по мере обострения классовой борьбы в стране стала центром военной организации правых».

Егоров подтверждает факт непосредственной связи Буденного с руководством правых: «Со слов Буденного мне известно, что он находился в личных близких отношениях с Томским... причем после открытого выступления правых против партии Буденный продолжал встречи с Томским... В беседах со мной Буденный ссылался на Томского и говорил мне, что политику правых разделяет и будет твердо и решительно ее защищать. Я доказывал Буденному необходимость для нас тактики двурушничества... Буденный согласился со мной...».

Руководство военной организации правых, по указаниям Рыкова, установило связь с военно-фашистским заговором в лице одного из его руководителей — Тухачевского. По этому вопросу Егоров показывает: «Об этой беседе с Тухачевским и установлении блока с военным заговором я в 1935 году имел подробный разговор с Буденным и Дыбенко, которые полностью и целиком одобрили этот шаг... внешне, для маскировки, я и Буденный продолжали выступать против него...»

Касаясь роли Буденного в антисоветской организации правых в РККА, Егоров показывает: «Имя, которое имеет Буденный в стране, увеличивало вес нашей организации... Буденный, входя в состав нашего центра и зная почти обо всем, что делала наша организация правых, имел от нашего центра специальное задание — возглавить антисоветские элементы конницы РККА. Именно он, Буденный, осуществлял связь с Кашириным, Апанасенко, Жлобой, которые проводили активную антисоветскую работу среди казачества. Они использовали создание специальных казачьих частей для подготовки своих контрреволюционных формирований... Во главе этих частей ими были поставлены свои люди, завербованные участники военного заговора и антисоветской организации правых. Из числа участников антисоветского подполья в коннице Буденный мне назвал Косогова (комкор), Шеко (комдив), Горячева (комкор), Сердича (комкор) и Федоренко (пом[ощник] инструктора кавалерии)». «Буденному удалось создать впечатление у многих командиров-конников, что Ворошилов кавалерию затирает... сам Буденный постоянно защищал кавалеристов, создавая себе рекламу отца кавалерии».

Егоров показывает, что Буденный разделял установки руководства правых о подготовке поражения РККА в будущей войне и был осведомлен о шпионских связях Егорова: «Буденный мне говорил, что он обратился к Томскому с просьбой разъяснить ему установки правых о тактике во время войны. Томский ему ответил, что сейчас тактикой правых во время войны и до войны может являться только установка на поражение РККА... Буденный мне передал, что Томский ему сказал следующее: «...для достижения цели все средства хороши». Я заявил Буденному: «Я тебе должен сказать прямо о том, что эту установку на военное время я уже начал по указанию Рыкова проводить в жизнь». На вопрос Буденного: «Каким образом?» — я ответил: «Когда я ездил в прошлом году в Карлсбад на лечение, я встретился в Варшаве с начальником польского генштаба, с которым разговаривал как представитель нашей организации в армии по вопросам военной поддержки во время переворота при захвате нами власти...». «Считаю это неизбежным, — ответил Буденный, приведя еще по этому поводу пословицу: назвавшись груздем, полезай в кузов».

Егоров далее показывает: «В то же время в плане популяризации нас как государственных деятелей я, Бубнов, Буденный стремились участвовать во всех банкетах. Мы стремились бывать там, где присутствовали военные атташе, послы и т. д. Жены наши — моя, Бубнова и Буденного — были душой этих банкетов, и таким образом мы завязывали личные связи с иностранными кругами».

Уточняя свои показания о Буденном, Егоров при допросе 11 мая 1938 года показал: «...в конце 1934 или в начале 1935 года Буденный пришел ко мне на службу и... мы разговорились о наших задачах... Я рассказал ему, что в 1931 году связался с германским генеральным штабом и что за помощь немцам я вынужден давать компенсацию в виде сведений о состоянии РККА и выполнять их задания по подготовке пораженческого плана. Я сказал Буденному: «...все это ведь для наших задач, за которые мы боремся». Буденный полностью согласился со мной и впоследствии знал о ходе моей шпионской работы в пользу немцев». «Вместе с ним я был у Тухачевского в конце 1935 года, когда мы обсуждали пораженческий план, заданный нам немцами на 1936-1937 гг.».

В связи с раскрытием антисоветского военного заговора Буденным, Егоровым и Дыбенко специально обсуждались вопросы их дальнейшей тактики. Егоров показывает: «Последние встречи и мой разговор с Буденным были на февральско-мартовском пленуме ЦК... Буденный мне прямо сказал: «...будет стоять вопрос о нашей «тройке», мне известно об этом, имей в виду, Саша, держаться твердо до конца и не выдавать никого, вряд ли нас тронут, так как ЦК еще не отказал нам в доверии... Это первый бой, и надо ею выиграть или решать каждому и поступать так, как мы условились после процесса над Тухачевским, — стреляться». «Ну разумеется», — ответил я.

На разборе дела в ЦК 21-22 января я, Буденный и Дыбенко проводили крепко свою позицию и не сознались в своей антисоветской деятельности».

Аналогичные показания об антисоветской деятельности Буденного дал также Дыбенко на допросе 15 марта 1938 года: «После смерти Фрунзе встал вопрос о новом наркоме и вновь возникла борьба между различными группировками в армии за продвижение на этот пост своих кандидатов... К этому же времени (1925-1926 гг.) относится мое сближение с Егоровым и Буденным... Я исходил здесь из следующих мотивов... Егорову и Буденному удавалось все годы спекулировать на том, что они в период гражданской войны воевали со Сталиным и близки к нему, причем все успехи на Южном фронте они приписывали себе. Егоров и Буденный были лично озлоблены против Ворошилова... пытаясь всячески дискредитировать его». «Моя поддержка Егорова и Буденного сблизила нас... нас даже называли в армии триумвиратам».

«В период 1926 года сложилась наша группа и мы начали подбирать своих сторонников в армии вначале под флагом групповой борьбы против Ворошилова... борьба начинает все больше обостряться и уже в период 1928-1929 гг. наша группа становится центром организации правых в РККА».

Подтверждает Дыбенко факт связи руководства правых в РККА с руководством гражданской организации правых: «Будучи в Москве, я посещал Егорова на его квартире, либо встречался с ним у Буденного, и он информировал нас о том, что Рыков и Бубнов считают необходимым активизировать нашу работу для того, чтобы в связи с «неизбежным крахом политики партии» выступить, как организованной силе... К концу XVI партсъезда я встретился с Буденным, который к этому времени поддерживал личную связь с Томским и был страшно недоволен позицией правых и резко критиковал Рыкова за его раскаяние. Буденный выразился следующими словами: «Нет у них армейской стратегии и тактики, нужна атака, а не слезы лить. ...При приезде в Москву из Германии я и Буденный собрались на квартире у Егорова, который проинформировал нас подробно о своих переговорах с Рыковым и Бубновым».

Дыбенко показывает, что Буденный был в курсе связи руководства правых в армии с военно-фашистским заговором и персонально с Тухачевским: «Мне Егоров рассказал, что он поделился с Буденным о встрече на его, Егорова, квартире с руководителями антисоветского военного заговора и указал на необходимость установления им, Буденным, нормальных отношений с Тухачевским, как с союзником в борьбе против Сталина и Ворошилова».

Дыбенко подтверждает тот факт, что Буденный, как член руководства военной организации правых, возглавлял антисоветское подполье среди конников: «Буденный, используя свое положение инспектора кавалерии, бывшего командарма Первой Конной и связи среди конников, имел специальную линию связи среди конников и партизан... Я знаю от Буденного, что он завербовал следующих лиц: Сердича (комкора 3-го кавалерийского корпуса), Зотова (помощника инспектора кавалерии РККА), Федоренко (помощника инспектора кавалерии РККА), Косогова (комкора в СКВО), Горячева (командира 6-го кавалерийского корпуса), Точенова (командира кавалерийской дивизии), Хацкелевича (начальника кавалерийской школы)».

Арестованный Левандовский М. К., бывший командующий Приморской группой ОКДВА, на допросе 28 мая 1938 года показал: «С Егоровым и Дыбенко на почве общих антисоветских взглядов я сошелся еще с 1926 года, затем эта наша связь крепла и приобрела характер организационной увязки нашей подпольной подрывной деятельности...». «От Егорова впервые я услышал в 1931 году, что им и его друзьями создан подпольный центр военной организации правых, действующий по указаниям правых в лице Рыкова... В состав центра военной организации правых входили, как рассказывали мне Егоров и Дыбенко, они оба, а также и Буденный». «Касаясь роли Буденного в антисоветской подпольной организации правых, Егоров и Дыбенко говорили, что он проводит вербовочную работу в коннице РККА, имея там серьезные правые связи».

Левандовский называет в числе [участников] антисоветских связей Буденного бывшего работника инспекции кавалерии РККА, работавшего затем в авиапромышленности, Беленковича, бывшего эсера.

«Беленкович при моих поездках в Москву и встречах у него на квартире рассказывал, что он поддерживает связь с эсерами через Фишмана и что он связан с руководством правых в РККА в лице Егорова и Буденного, с которыми близко сталкивается, как работник инспекции кавалерии РККА».

Арестованный Каширин, бывший командующий Северо-Кавказским военным округом, в своем заявлении от 17 фев-

раля 1938 года показал: «Вокруг маршала Егорова Александра Ильича сложилась группировка. Эта группировка являлась военной группой правых — особым их военным центром — и вела свою контрреволюционную деятельность одновременно с группой военного заговора во главе с Тухачевским, Якиром, Гамарником и другими... Во время разговоров со мной в июле 1932 года Егоров назвал своим сообщником и главной опорой Буденного Семена Михайловича. Общее политическое руководство группой Егорова, по его словам, осуществлялось центром правых во главе с Рыковым, Бухариным и Томским... По расчетам Егорова, антисоветское вооруженное восстание должна будет поддержать большая часть всей конницы РККА во главе с самим Буденным... Во главе Союза всех казачьих войск намечалось поставить Буденного с присвоением ему титула атамана всех казачьих войск. Такая предварительная наметка кандидатур была нужна для того, чтобы подготовить общественное мнение казачества заблаговременно и использовать имена выдвинутых кандидатур как известное знамя борьбы против Советской власти». «По некоторым отраслям моей контрреволюционной деятельности я имел прямые указания от Егорова, помогал мне своими действиями и Буденный».

Каширин показывает, что создание казачьих частей намечалось использовать руководством правых для того, чтобы их направить против Советской власти, опираясь на командиров этих частей — заговорщиков: «Казачьи дивизии использовались в общем контрреволюционном плане Егорова, в его расчетах на казачество... В своей основе казачьи части СКВО являются здоровыми частями Красной Армии и вот, учитывая это, я по указанию Егорова и при явной помощи Буденного проводил ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы казачьи части возглавить своим руководством. Командиром казачьего корпуса Буденный назначил Косогова — своего приближенного человека, бывшего белогвардейца, офицера, который командовал карательной ротой у белых и, кроме того, в прошлом активного троцкиста... Были расставлены свои люди и в штабах казачьих частей... Егоров использование конницы для повстанческих целей представлял возможным и вероятным потому, что в коннице руководство многими частями и соединениями было возглавлено хорошо преданными Буденному людьми, среди которых особенно культивировалась преданность Буденному и готовность пойти с ним на выполнение любых задач.

Работу по подготовке нужных для конницы заговорщических кадров проводили на протяжении ряда лет КУКС (Курсы усовершенствования командного состава. — Ред.), руководимые лично Буденным.

«Во главе КУКС несколько лет стоял явный монархист, бывший паж царя Баторский, затем его сменил также контрреволюционер Микулин. Среди главного преподавательского состава значительная или подавляющая часть была явно белогвардейская. Со слов Косогова мне было известно, что такой подбор на КУКС был не случайным... На КУКС... процветал и каждодневно прививался слушателям культ раболепского преклонения перед личностью Буденного. О Сталине и Ворошилове там можно было услышать редко и только в официальных случаях...». «Седякину были известны также, как и мне, расчеты Егорова по использованию казачества и конницы во главе с Буденным для осуществления антисоветского выступления».

Арестованный Седякин в своем заявлении от 10 февраля 1938 года показал, что Буденный в беседах с ним высказывал кулацкие взгляды, направленные против коллективизации. Так, он говорил Седякину: «Я, Буденный, казаков белых, конечно, бил, но я против того, чтобы их разорять... Теперь сплошная коллективизация... Зря погубили казачью конницу...». Буденный рассказал мне о своих покинутых, разрушенных и заброшенных кубанских станицах: «Каганович разрушил зря...». Тухачевский строил какие-то свои пораженческие расчеты на личности Буденного».

Седякин показывает далее, что в беседе с ним Тухачевский заявил: «Если Буденный встанет во главе казачьего восстания против Советской власти, я (Тухачевский) утверждаю, что большинство казаков пойдет за ним».

Арестованный Сердич, бывший командир 3-го кавалерийского корпуса, на допросе 25 апреля 1938 года показал: «Я вел борьбу со следствием, всячески пытаясь скрыть свою антисоветскую деятельность... Я был уверен, что... мои близкие приятели Егоров и Буденный сделают все для того, чтобы меня освободить. Эти люди сыграли большую роль в деле вовлечения меня в антисоветскую организацию правых... Апанасенко мне заявил, что линию правых разделяет Егоров и Буденный... Заканчивая беседу, Апанасенко сообщил мне о существовании в армии антисоветской организации правых во главе с Егоровым и Буденным».

Арестованный Федоренко в своем заявлении от 11 апреля 1938 года показал, что от Косогова, с которым он был связан по совместному участию в антисоветском военном заговоре, он знал об антисоветской роли Буденного. «В мае 1937 года... Косогов мне сказал, что им уже создан ряд повстанческих ячеек в частях корпуса, в частности в лагерях Прохладненском и Моздокском, а также, что оружие уже перебрасывается в районы комплектования эскадронов... Я высказал ему сомнение в успешности осуществления нашей заговорщической деятельности, так как нет гарантии от провала. Косогов успокоил меня, добавив при этом, что нам бояться нечего, так как обо всем этом знает Буденный Семен Михайлович, который нас всегда поддержит».

Арестованный Шейдеман А. С. показывает: «Летом 1925 года на квартире Горячева была выпивка по случаю возвращения Тимошенко из Венгрии. Присутствовали Буденный с его первой женой, Тимошенко, Горбачев, Сакен и я. Говорилось о результатах связи Тимошенко с белыми казаками. Буденный говорил, что эту силу надо нам привлечь, хотя вообще и своими средствами обойтись можно... Здесь же было высказано немало насмешек по поводу наркома товарища Ворошилова, причем Буденный высказывался о нем в резко оскорбительном тоне».

О группировании Егорова, Буденного и Дыбенко на базе борьбы против наркома обороны Ворошилова показывает также бывший командующий БВО Белов И. П.: «Я сообщал англичанам... о наличии среди высшего комсостава также группы Егорова, Буденного и Дыбенко, я указывал, что эта группа настроена против Ворошилова и крайне недовольна своим служебным положением в РККА» (протокол допроса Белова от 25 марта 1938 года).

Арестованный Аквильянов, бывший адъютант Буденного, на допросе от 5 марта 1938 года показал: «Когда Косогов посвятил меня в существование антисоветского военного заговора, я сразу же задал ему вопрос: «А как на это смотрит маршал Буденный?» Косогов ответил мне, что маршал все знает... Я пошел в заговор потому, что за Косоговым стоял авторитет маршала Буденного... Ряд лет работая вместе с маршалом Буденным и наблюдая за ним, я видел, что он постоянно был враждебно настроен к Ворошилову».

Аквильянов показывает, что Буденный подбирал на руководящие посты в кавалерии заговорщиков, белогвардейцев, людей, лично преданных Буденному.

«Если взять состав инспекции кавалерии РККА за ряд лет, начиная с 1924 года, то можно видеть, что он состоял главным образом из бывших белогвардейских офицеров. На смену одних приходили другие. Эти люди подбирались один за другим маршалом Буденным. Маршал Буденный... при подборе и расстановке кадров на более или менее ответственные должности делал ставку на «своих людей», которые слепо исполняли бы его волю.

Косогов неоднократно говорил, что заговорщики в кавалерии должны вести линию восхваления маршала Буденного... В наших антисоветских целях мы должны восхвалять маршала Буденного... Это средство было хорошо для воздействия на его слабые стороны, а именно на его любовь к тщеславию и прочему. Нами велось постоянное восхваление его как героя гражданской войны и вождя конницы.

В целях восхваления, возвышения Буденного лестью и угодничеством писались бесконечно сценарии, картины и т. д.».

Арестованный Верховской Б. К., бывший помощник инспектора кавалерии РККА, также показывает о создании системы угодничества и подхалимства по отношению к Буденному в служебных и внеслужебных отношениях.

В своем заявлении от 21 января 1938 года Верховской показал: «Система угодничества доводилась до того, что мы не только позволяли маршалу Буденному бить нас по лицу, но даже сами подставлялись под удары и затем в знак преданности целовали ему руки».

Далее Верховской показывает: «Маршал Егоров и Буденный, оба недовольные своим положением... на этом основании... объединились против наркома обороны... с этого времени... окончательно оформился негласный блок Егорова, Буденного, Дыбенко» (заявление от 15 февраля 1938 года).

Участие Буденного в антисоветском заговоре подтверждается также показаниями арестованного Озолина К. И.: «В 1934 году возвратился из ссылки троцкист Вардин, бывший начальник политуправления Первой Конной армии. С Вардиным я встретился на заседании бюро землячества. Вардину было поручено составить брошюру о роли Буденного в создании конницы... Мне сам Вардин, а также и Орловский заявили, что этот вопрос согласован с маршалом Буденным... Когда я ознакомился с этими документами, бросалось в глаза противопоставление Буденного Сталину и Ворошилову. Я вначале стал было возражать... но на это Вардин мне заявил, что все... согласовано с самим Буденным...

Вардин говорил, что необходимо в районах бывшего комплектования Первой Конной армии создать под видом земляческих групп конармейские отряды, которые в любой момент могли выполнить любое наше указание... Вардин при этом добавил: «Учтите, что предстоит смена правительства, а для этого понадобятся вооруженные силы...» Вардин мне указал, что обо всем этом знает Буденный, с которым он лично беседовал». «Дмитриев находился в очень близких отношениях с Буденным, от которого получал указания по своей антисоветской деятельности».

Арестованный Сабанин Андрей Владимирович, профессор международного права, на допросе 4 ноября 1937 года показал, что он, являясь итальянским шпионом, знал о том, что итальянский посол Аттолико проводит вербовки через свою жену. Он показывает: «Должен указать на целую группу советских граждан, которым Элеонора Аттолико на приемах старалась показать свое особое расположение и которые окружали [ее] и ухаживали за ней, пытаясь всегда быть с нею вместе. К таким лицам относится Крестинский, Стомоняков, Розенгольц, Курц, маршал Буденный, Карл Радек...».

Арестованная жена Егорова А. И. — Егорова-Цешковская Галина Антоновна — характеризует Буденного как сплачивавшего на антисоветской базе ряд командиров-конников РККА, человека с карьеристическими тенденциями. «Несколько другая публика была у Буденного. Здесь собирались соратники по Конной армии, ветераны походов во времена гражданской войны: Апанасенко, Косогов, Тюленев, Щаденко, Тимошенко, Городовиков, Кулик.

Десятки раз я слышала пересказы каждого о личной доблести и геройстве в походной жизни. Тщеславие. Наигранная поза, стремление быть на виду, ревность ко всему молодому, обгоняющему их, были характерными чертами этой компании.

Возглавлял ее (группу) Семен Михайлович Буденный. Он, как в зеркале, отражал в себе все недостатки и достоинства каждого из них и оберегал каждого человека от всякого рода посягательств.

Я знаю Семена Михайловича с 1920 года как человека приятного, веселого, себе на уме, как человека честолюбивого, тщеславного, человека позы и некоторой доли актерства. По мере роста политического и культурного Буденного уже не могла удовлетворять жизнь с простой казачкой (первая жена), неграмотной к моменту революции и малограмотной в период времени, о котором я говорю...

Казачка застрелилась. Об обстоятельствах самоубийства в семействе Буденного не принято говорить, а расспрашивать было неудобно. Только буквально на второй день самоубийства казачки в дом к Семену Михайловичу пришла Ольга Степановна...

И вдруг по истечении двенадцатилетней счастливой семейной жизни — арест Ольги Степановны...

Я впервые здесь услыхала от Буденного, что Ольга Степановна и Ольга Николаевна Бубнова рассказывают на допросе обо мне, как о главаре-руководителе шпионской группы, что я давала им шпионские поручения.

Буденный меня предупредил, чтобы и я была готова ко всяким неожиданностям...

Рядом со мной сидел подвыпивший Тюленев, он много говорил о доблестях конармейцев, как решающей силе в армии. В этом разговоре было следующее...

Нужно использовать и такую возможность, как пропуск через центральный аппарат под своим влиянием командиров с периферии. Взять [на] 1-2 года, подержать близ себя и пустить как своего человека опять вниз, так и создавать свои кадры. Помоги хоть ты ему разобраться, заставь делать то, что делают другие».

«Буденный — хитрый человек, он не пропустит ни одной инспекторской поездки, чтобы не совместить ее со своими целями по подбору и расстановке своих людей в округах...

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношениях Егорова и Буденного с группой Тухачевского, я заметила, что если раньше это были два постоянно враждующих лагеря, то последние годы положение резко изменилось».

Являясь польской шпионкой, Егорова-Цешковская информировала польского посла Лукасевича об антисоветских правых взглядах и связях Буденного. «Егоров поощрял мои постоянные выезды на банкеты, где присутствовали иностранные послы; он знал о моих дружеских отношениях с Лукасевичем.

Лукасевичу я рассказывала, [отвечая] на его вопросы об антисоветских взглядах Егорова, что эти взгляды разделяются также Бубновым и Буденным и что, как я поняла из разговоров Буденного, Бубнова и Егорова, все они сторонники Рыкова.

Я знала от Егорова, что Лукасевич использовал мою информацию для того, чтобы установить с ним какую-то нелегальную связь. Хотя Егоров и не посвящал меня в существо этой связи, однако я прекрасно понимала, что она носит изменнический характер...

Теперь я хочу к этому добавить о наших отношениях с советником французского посольства Пайяром... Я хочу здесь подчеркнуть, что в течение последних лет жена Пайяра настоятельно добивалась сближения с нашей семьей (со мной и с Егоровым). Постоянно предлагала организовать совместную встречу именно у нас на квартире с тем, чтобы обязательно присутствовал Буденный».

Антисоветская деятельность Буденного подтверждается также показаниями его бывшей жены Михайловой Ольги Степановны. «С Буденным я жила 12 лет и привыкла видеть в нем человека жестокого, ни перед чем не останавливающегося для осуществления своих целей. За 12 лет я пережила много побоев, самодурства, угроз и т. д. С. М. грозил мне убийством и выдачей органам ГПУ-НКВД как шпионки.

За 12 лет совместной жизни с Буденным у меня накопилось много фактов, свидетельствующих о том, что он вел какую-то нехорошую работу против руководителей нашей страны и в первую очередь против Сталина и Ворошилова.

Вскоре после нашей женитьбы как-то утром С. М. был в сильном возбуждении и необычно начал прощаться, начал говорить, что мы должны расстаться и надолго. Я начала умолять рассказать мне, что он думает делать. С. М. сказал мне, что он обижен, обойден по службе, что его затирают и ставят крест на всех его заслугах в период гражданской войны.

Оказалось, что причиной крайнего возмущения С. М. было то, что народным комиссаром военно-морских сил был назначен Ворошилов. Развивая дальше передо мной свои мысли, Семен Михайлович сказал, что он намерен постоять за себя и собирается ехать на Дон, собрать участников гражданской войны, с которыми воевал в первые годы революции, и либо выйдет победителем, заставив руководителей партии и страны вооруженной силой считаться с ним, либо потеряет голову. Я начала плакать и отговаривать его от этого поступка.

Несколько дней Семен Михайлович боролся с собой и наконец отложил предполагаемую поездку, но мысль свою о борьбе с руководством партии не оставил.

На протяжении всего периода совместного проживания с С. М. я замечала, что он ревностно относится к друзьям по Конной армии. Он старался все время приблизить их к себе и создавал им условия, заключающие установление ими каких-либо связей с другими видными армейскими работниками. К числу приближенных С. М. в первую очередь относятся Городовиков, Тюленев, Тимошенко, Сердич, Апанасенко, Зотов, Книга, Криворучко, Горячев.

Я помню такой случай в период острой борьбы с Троцким. Я спросила Семена Михайловича: «За кем мы с ним пойдем — за Сталиным или за Троцким?» Семен Михайлович сказал, что это острый вопрос и сломя голову бросаться в крайности здесь нельзя, надо немножко выждать, как будут развертываться события дальше, тогда и решать вопрос будем.

Из других командиров Красной Армии Буденный был близок к Александру Ильичу Егорову. Однажды на московской квартире я была невольной свидетельницей конца разговора между Буденным и Егоровым. Речь шла о назначении Тухачевского заместителем наркомвоенмора. Буденный с возбуждением, громко сказал фразу, которая врезалась мне в память: «Я, как пойду по лесам, так я им покажу к чертям жидовский Кремль».

У Семена Михайловича на Дону были какие-то темные связи. Я уже не помню, в каком это году мы с Семеном Михайловичем ехали в Москву, возвращались с курорта. Во Владикавказе мы сели в поезд, в вагоне с Семеном Михайловичем поздоровался какой-то железнодорожник. Семен Михайлович позвал его в купе, закрыл дверь и между ними произошел показавшийся мне странным разговор. Я лежала на верхней полке с закрытыми глазами и показывала вид, что сплю. Семен Михайлович прежде всего спросил, под какой фамилией живет этот железнодорожник в настоящее время, а затем за бутылкой вина, которую они распивали, железнодорожник долго рассказывал о своей борьбе с красными партизанами, как он со своим отрядом окружил красных, как он душил за горло партизанский отряд. Железнодорожнику Семен Михайлович дал свой московский адрес. После ухода железнодорожника, рассказ которого произвел на меня жуткое впечатление, я спросила Семена Михайловича, зачем он дал наш адрес такому ужасному человеку. Семен Михайлович мне ответил, что я ничего не понимаю, человек он хороший».

Подтверждает Михайлова факт сближения Буденного в последний период с руководством военно-фашистского заговора в лице Тухачевского и других. «Семен Михайлович всегда держался обособленно от Тухачевского, Якира, Уборевича и Корка. Отзывался о них со злобой и неприязнью. Однако в конце 1936 года или в начале 1937 года Буденный был на даче у Тухачевского. Вернувшись оттуда, Семен Михайлович мне сказал, что Тухачевский, Якир, Уборевич, он, Семен Михайлович, и еще кто-то, сейчас уже не помню, заключили между собой деловой договор, что они будут во всем помогать друг другу и не будут ссориться — одним словом дружба до гробовой доски. И действительно, отношение Семена Михайловича к Тухачевскому, Якиру и Уборевичу изменилось.

Семен Михайлович и Егоров зачастили к Тухачевскому на дачу, что резко бросалось в глаза.

Знаю, что Семен Михайлович давал указания своим приятелям — Апанасенко и Сердичу наладить отношения с Уборевичем.

После ареста группы Тухачевского Буденный очень просил меня, чтобы я не проболталась о его поездках на дачу к Тухачевскому и заключенном между ними договоре.

Последнее время перед арестом Тухачевского Семен Михайлович открыто при мне и моей племяннице сделал выпад против Иосифа Виссарионовича. В такой резкой форме я слышала его высказывания впервые об Иосифе Виссарионовиче. Раньше он рассказывал только сплетни.

В конце 1936 года в НКВД был прием иностранных послов. Вернувшись с этого приема изрядно выпивши, Семен Михайлович говорил, что он немцу проболтал какие-то важные секреты».

В своем повинном заявлении от 5 декабря 1938 года участник военного заговора Апанасенко в отношении Буденного указывает: «Горячев, как и Городовиков, крайне и постоянно был недоволен своим служебным положением и неоднократно высказывался резко против наркома товарища Ворошилова, но когда он доходил до крайнего раздражения, то вместе с руганью плакал и доказывал больше Буденному, что его не ценят, затирают по службе, а Буденный, подогревая в нем озлобленное настроение, говорил всегда, что нам не плакать надо, а действовать решительней: «Твои обиды справедливы, но я ничего не могу поделать один, кто мешает и стоит на нашем пути, нам известно всем, значит, не плакать, а действовать надо».

Заместитель начальника
3-го Управления НКО СССР
КЛЫКОВ

Кроме обвинений в участии в антисоветском заговоре, С. М. Буденному инкриминировался и шпионаж в пользу англичан, поляков, итальянцев, немцев. Правда, Клыков в конце справки от руки приписал: «Показания всех арестованных не перепроверены».

Л. Е. РЕШИН, В. С. СТЕПАНОВ

ВИЖ №1 1994
Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 10-12.

ВЕНГРИЯ, ГОД 1956-й

ОСОБЫЙ КОРПУС В ОГНЕ БУДАПЕШТА

ОПЕРАЦИЯ «ВИХРЬ»

Узлом сопротивления «Корвин», который включал кинотеатр, окружающие его дома и казарму «Килиана», должны были овладеть 71-й гвардейский танковый и 104-й гвардейский механизированный полки под командованием гвардии полковников Литовцева и Янбахтина. Эти опорные пункты представляли серьезную опасность. Здесь у гарнизона, насчитывающего свыше 1000 человек, имелись противотанковые орудия, танки, самоходные артиллерийские установки, станковые гранатометы, фауст-патроны. Проходы между домами и под арками были заминированы.

После артиллерийского налета в 15.00 штурмовые группы начали атаку. Узел сопротивления «Корвин» был окружен с трех сторон нашими танками, огонь которых заставил замолчать все противотанковые средства.

Затем была очищена и казарма «Килиана». К вечеру сопротивление повстанцев во всем квартале в основном прекратилось.

В этот же день подразделения 2-й гвардейской механизированной дивизии атаковали вооруженные отряды в северных районах города.

Подразделения 381-го гвардейского парашютно-десантного полка 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, усиленные танками, вели бои на подступах к Университетскому городку.

Части 128-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Н. А. Горбунова в течение дня продолжали вести бои в Буде. Особенно ожесточенными они были в районе площадей Москвы и Сены.

Мотоциклетному взводу под командованием старшего лейтенанта И. Я. Карпова было приказано установить расположение огневых средств и найти пути подхода.

Наткнувшись на баррикады и заминированные завалы, разведчики нашли проход, по которому на большой скорости устремились в сторону площади Москвы. Но как только они ее достигли, отовсюду — из окон и чердаков — ударили автоматные и пулеметные очереди. Бой оказался неравным.

Карпов был тяжело ранен и захвачен мятежниками. Его изрезали ножами, пробили голову, переломали руки, выкололи глаза. Почти все разведчики погибли, но данные о расположении огневых точек были добыты. Подразделения 315-го гвардейского стрелкового полка Никифорова, усиленные танками 128-го гвардейского танко-самоходного полка, приступили к уничтожению вооруженных отрядов.

Через несколько часов вся площадь была очищена. В ходе боя был захвачен командир отряда Янош Сабо.

Многие венгерские граждане помогали нам при ведении боевых действий. Они сообщали о расположении и действиях вооруженных групп, показывали пути подхода к объектам.

В течение 6 ноября соединения Особого корпуса продолжали выполнять задачи по уничтожению отдельных очагов сопротивления в Будапеште.

Войска генералов А. Х. Бабаджаняна и Х. У. Мамсурова успешно действовали в других городах и населенных пунктах Венгрии. Основные гарнизоны венгерских войск были блокированы, многие из них сложили оружие. Наши войска заняли все венгерские аэродромы и перекрыли основные дороги, ведущие к Будапешту, а также на австрийско-венгерской границе.

КТО РУКОВОДИЛ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ

Сегодня на страницах печати часто мелькают сообщения некомпетентных авторов, которые мало что знают о тех событиях. Они пишут, что советскими войсками в Венгрии командовали маршал Г. К. Жуков, генералы армии М. С. Малинин, П. И. Батов, генерал К. Е. Гребенник и другие.

ЛИЦО

■ Зверствующая толпа перед зданием горкома партии на площади Республики после штурма здания.

■ Расстрел восставшими молодых солдат после захвата горкома ВПТ на площади Республики.

В действительности нашими частями в Венгрии в октябре и их действиями в Будапеште в течение всего периода операции «Вихрь» руководил командир Особого корпуса генерал-лейтенант П. Н. Лащенко.

С 1 ноября общее руководство всеми советскими войсками в Венгрии осуществлял прибывший в Сольнок первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза И. С. Конев.

7 ноября в день годовщины Октябрьской революции на улицах Будапешта продолжались бои. Части дивизии генерала Г. И. Обатурова уничтожали вооруженные группы в центре города к югу от улицы Ракоци и овладели радиостанцией «Кошут». В районе пристани частями 2-й гвардейской механизированной дивизии были захвачены катера Дунайской флотилии. Полки 128-й гвардейской стрелковой дивизии штурмовали Королевскую крепость и дворец Хорти на Замковой Горе. В районе крепости действовало более 1000 человек, при их захвате было изъято 350 автоматов, столько же винтовок, несколько минометов, большое количество пистолетов и гранат. Используя господствующее положение местности, вооруженные группы обстреливали мосты через Дунай. По подземным ходам они проникали в окрестные кварталы, терроризировали население, занимались грабежом, совершали убийства.

7 ноября наши части начали штурм горы Геллерт, и к исходу дня, блокировав выходы из подъездов у ее подножья, овладели цитаделью.

8 ноября продолжалась борьба с вооруженными группами, засевшими в подземельях.

Части 128-й гвардейской стрелковой дивизии постепенно ликвидировали оставшиеся очаги сопротивления.

Подразделения 381-го гвардейского парашютно-десантного полка, прибывшего на усиление дивизии, получили задачу овладеть казармами Петефи.

100-й гвардейский танковый и 80-й гвардейский парашютно-десантный полки завершили очистку кварталов в треугольнике улиц Фиумэ, Непсинхаз, Ракоци.

Мне пришлось ставить задачи и организовывать взаимодействие десантников и танкистов, действовавших вдоль улиц Ракоци.

В боях по освобождению этого района успешно действовали десантники. Они стремительно врывались в дома, откуда вооруженные группы вели огонь, и решительными действиями очищали их, уничтожая или разоружая повстанцев. Проходы в баррикадах проделывались нередко огнем и тараном танков.

В это же время в Дунапентеле (50 км южнее Будапешта) наши войска ликвидировали сопротивление венгерского зенитно-артиллерийского полка и групп повстанцев, действовавших совместно с ним.

Имевшие место случаи жестоких расправ над венгерскими коммунистами и ранеными советскими военнослужащими вызывали возмущение наших солдат и офицеров.

Следует отметить, что к началу операции «Вихрь» личный состав советских войск был настроен решительно. Стало известно, что оказание Советским Союзом военной помощи Венгрии поддержано всеми социалистическими странами, в том числе Китаем и Югославией. Это способствовало выполнению нашего интернационального долга.

Расстрел повстанцами солдата–участника защиты здания горкома партии.

Так истязали повстанцы свои жертвы.

Сотрудница управления госбезопасности, убитая в ходе боев.

Фото из книги «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях» (М.:Иностр. лит., 1957.)

БУДАПЕШТ НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

В ноябре боевые действия проходили в более благоприятных условиях, чем в конце октября. Будапешт находился на военном положении, внезапные нападения вооруженным группам удавалось совершать реже, наши войска контролировали ситуацию на городских улицах. У нас сил и средств было больше, чем в октябре.

Войска не были связаны противоречивыми распоряжениями венгерского правительства (открывать огонь только при нападении, огня и боевых действий не вести и т. д.), затруднявшими действия наших войск и приводившими к лишним потерям.

Мы уже не планировали совместных действий с венгерскими частями. Положение облегчало и то обстоятельство, что в составе войск Особого корпуса в Будапеште насчитывалось около 30 тысяч человек, а вооруженные отряды повстанцев пополнения не получали.

Обретенный нашими частями небольшой опыт также способствовал более успешным действиям, а для поддержания непрерывной связи в Будапеште использовалась работающая городская телефонная сеть.

Зарубежная пропаганда, главным образом радиостанция «Свободная Европа», настойчиво призывала продолжать вооруженную борьбу как можно дольше. Но сопротивление, по сути, уже завершалось.

8 ноября нам сообщили, что на улице Барош заседает «Революционный рабочий совет Будапешта» и обсуждает мероприятия по активизации повстанческого движения. По указанию генерала армии М. С. Малинина для захвата членов комитета были направлены подразделения мотоциклетного батальона под командованием подполковника Добрунова. В период действий в Будапеште он успешно выполнил немало ответственных задач.

На сей раз разведчики, преодолевая сильный огонь, проникли в указанный район, но членов «ревкома» там уже не оказалось. Зато недалеко от этого места они разоружили штаб отряда «национальных гвардейцев», уничтожив несколько повстанцев, оказавших сопротивление.

В эти дни в районе Чепеля вооруженные отряды значительными силами продолжали оказывать сопротивление. Здесь действовало до 700 человек, имевших крупнокалиберные и станковые пулеметы, зенитные и противотанковые орудия. Высланный для разведки наш самолет был сбит огнем зенитных орудий. Командиру дивизии генералу Г. И. Обатурову было дано распоряжение 9 ноября к исходу дня очистить этот промышленный район. Но еще до получения приказа мотострелковые подразделения, усиленные танками, уже вступили в бой на северной окраине Чепеля, которая была забаррикадирована железнодорожными вагонами и прикрывалась огнем орудий.

Утром 9 ноября механизированный полк начал бои в районе металлургического комбината, где был встречен сильным огнем. Зенитными орудиями были подожжены четыре танка, значительные потери понесла и пехота.

Повторная атака после огневого налета вновь не имела успеха.

Генерал Г. И. Обатуров решил повторную атаку осуществить внезапно ночью силами механизированного полка, усиленного танками и самоходно-артиллерийскими установками.

К утру район Чепеля полностью был очищен.

100-й гвардейский танковый и 80-й гвардейский парашютно-десантный полки продолжали освобождать от вооруженных групп пригороды Кишпешт, Пештсентлеринц, а также улицу Юллеи.

Части 128-й гвардейской стрелковой дивизии в этот день завершили нейтрализацию вооруженных групп в районе Буды и на его окраинах, разоружили несколько зенитных батарей, пытавших оказать сопротивление.

В других районах города наши войска осуществляли охрану объектов, вели патрулирование, очищая районы от остатков вооруженных отрядов. Повстанцы постепенно стали складывать оружие.

ДЕПОРТАЦИЯ ПОВСТАНЦЕВ

Небольшие вооруженные группы, оставшиеся от разгромленных отрядов, уже не стремились удерживать отдельные здания, а стреляли из-за угла, быстро перемещаясь в другие места. Отмечались случаи, когда они по пути грабили универмаги, склады, магазины и гостиницы, многие из которых поджигали. Постепенно мятежники отходили на окраины города. Захватывая автомашины, стремились прорваться на запад. Остатки отряда Дудаша были разгромлены на пути в районе Тата. Бела Кирай со своим штабом в ходе боев в городе переместился из окрестностей Будапешта в Надьковачи и, по нашим данным, 9 ноября покинул территорию Венгрии.

Для ликвидации обнаруженной в лесном массиве группы повстанцев в районе Надьковачи были выделены подразделения 97-го механизированного полка. Они уничтожили до 30 и захватили 13 вооруженных лиц, 3 автомашины и несколько радиостанций штаба «национальной гвардии».

В информации о положении в Венгрии по состоянию на 9.00 9 ноября 1956 года в ЦК КПСС министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков сообщал: «В течение 8 ноября наши войска наводили порядок в Будапеште, прочесывали леса в отдельных районах страны, вылавливали и разоружали разрозненные мелкие группы мятежников, а также производили изъятие оружия у местного населения. В Будапеште созданы районные военные комендатуры... По предварительным данным потери советских войск за период боевых действий в Венгрии с 24 октября по 6 ноября с. г. составляют убитыми 377 чел[овек], ранеными — 881 чел[овек]. В том числе убито 37 и ранено 74 офицера. Нашими войсками разоружено 35 000 венгров. Захвачено в ходе боев и взято под охрану в результате разоружения большое количество оружия, боевой техники и боеприпасов, учет которых продолжается».

Командиры частей докладывали о захвате большого количества вооруженных лиц, не оказывающих сопротивления, которых разоружали и отпускали.

В один из ноябрьских дней было получено указание: всех захваченных в боях разоружать и направлять в Центральную военную комендатуру в распоряжение коменданта города генерала К. Е. Гребенника.

Но тут появились сложности. Выяснилось, что командиры частей преувеличивали количество захваченных вооруженных лиц. Те, кто оказывал сопротивление, гибли в боях, большинство же вооруженных лиц бросали оружие и разбегались. Захваченных было мало.

По распоряжению Серова свыше тысячи человек, в том числе арестованных сотрудниками и подразделениями нашего МВД при сомнительных обстоятельствах, погружались в вагоны и по железной дороге отправлялись в Закарпатье. Депортация соотечественников советскими органами КГБ вызвала справедливое возмущение в венгерском обществе. Через некоторое время многие заключенные были освобождены и возвратились, а некоторые из них переданы венгерским органам правосудия.

С разгромом вооруженных отрядов в Чепеле и Буде, по существу, были завершены боевые действия в Будапеште.

В результате действий Особого корпуса и других войск к 11 ноября вооруженное сопротивление было сломлено не только в венгерской столице, но и на всей территории страны. Прекратив открытую борьбу, остатки вооруженных отрядов ушли в подполье.

Для ликвидации групп, укрывшихся в лесах, прилегающих к Будапешту, наши части производили прочесывание этих районов.

Окончательная ликвидация оставшихся мелких групп и обеспечение общественного порядка осуществлялись нашими подразделениями совместно с созданными венгерскими офицерскими полками.

В городах была организована комендантская служба, велось патрулирование. Все это осуществлялось силами полиции и венгерских офицеров, что обеспечивало успешное выполнение задач. Венгерские подразделения совместно с нашими частями также охраняли важнейшие объекты: мосты, вокзалы и основные магистрали.

Западные радиостанции в те дни сообщали, что советские танки подавили революцию и восстановили коммунистическое правительство.

За период боев и после их окончания наши части захватили у вооруженных отрядов, групп и отобрали у населения более 44 тыс. единиц стрелкового оружия, в том числе около 30 тыс. винтовок и карабинов, 11 500 автоматов, около 2000 пулеметов, 1350 пистолетов, а также 62 орудия, из них 47 зенитных. Кстати, около двух тысяч винтовок, автоматов, пулеметов и пистолетов были иностранного производства послевоенного периода.

Количество захваченного и отобранного оружия свидетельствовало о том, что в вооруженном выступлении участвовало несколько тысяч человек, при этом большая часть действовала в Будапеште.

Операция «Вихрь» завершилась.

Советские воины проявили мужество, решительность, твердость, поэтому выступление повстанцев в короткие сроки было разгромлено.

Многие военнослужащие венгерской армии принимали участие в борьбе с вооруженными повстанческими группами и помогали нашим войскам. Да и в целом армия не встала на сторону восставших и не выступила против советских войск. Лишь некоторые ее части и подразделения перешли на сторону повстанцев. Так, в Будапеште поддержали повстанцев и оказали вооруженное сопротивление подразделения двух механизированных и одного стрелкового полка, несколько строительных батальонов, около десяти зенитных батарей.

Имели место столкновения и инциденты с венгерскими подразделениями в ряде районов Будапешта, а также в городах Дунапентеле, Дьер, Захонь, Капошвар, Сольнок и других. Это объясняется тем, что руководство венгерской армией было деморализовано происходящими событиями и не оказывало должного влияния на войска.

Под руководством Ференца Мюнниха и Дьюла Усти в начале ноября началось создание венгерских частей охраны общественного порядка. В Будапеште были созданы три революционных офицерских полка, формировались новые части и на периферии, их численность достигала 18 тыс. человек. Эти подразделения стали выполнять задачи по обеспечению и поддержанию порядка, явившись основой новой венгерской армии.

12 ноября боевые действия в Венгрии завершились, но политическая борьба продолжалась.

ПОТЕРИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

В ходе боевых действий в Венгрии советские войска понесли значительные потери. По моим подсчетам, они составили 2260 человек. Безвозвратные потери насчитывали 720 человек. Из них было убито и умерло от ран 669 человек, пропал без вести 51 человек.

Из этого количества больше половины потерь понесли части Особого корпуса преимущественно в октябре. Большие потери имели части дивизии генерала Обатурова. Им пришлось выполнять наиболее сложные задачи, действовать в центральном районе, более насыщенном вооруженными группами, и в первые дни они не всегда умело организовывали боевые действия. Части 7-й и 31-й гвардейских воздушно-десантных дивизий имели 85 убитых, 12 без вести пропавших и 265 раненых.

Было подбито и повреждено много наших танков, бронетранспортеров и другой боевой техники. Так, части 33-й гвардейской механизированной дивизии в Будапеште потеряли: 14 танков и САУ, 9 бронетранспортеров, 13 орудий, 4 БМ-13, 6 зенитных орудий, 45 пулеметов, 31 автомобиль и 5 мотоциклов.

Много жертв было среди венгерского населения. Только в Будапеште погибло около 2000 человек и свыше 12 тыс. были ранены. Около 200 тыс. человек покинули Венгрию.

Все это свидетельствует о том, что случившееся явилось трагедией как для венгерского, так и для советского народов.

Вооруженная борьба в Будапеште и других городах Венгрии носила ожесточенный характер. Боевые действия, обстановка, в которой они велись, были необычными, сложными.

Командир Особого корпуса, отдавая боевые приказы и распоряжения, по возможности, стремился избежать потерь и со стороны наших войск и со стороны венгерских граждан. Нетрудно представить, сколько могло погибнуть людей, даже если бы только один советский танк или пулемет открыл огонь по колонне демонстрантов или толпе митинговавших на площади.

Конечно, имела место и случайная гибель людей. В той сложной обстановке трудно было отличить повстанца, внезапно открывшего огонь по нашим солдатам и минуту тому назад бросившего оружие, от прохожего. Однако случаев бесчинств и зверств по отношению к венгерскому населению почти не было, их малейшие попытки немедленно пресекались.

Появление в последнее время в печати различных сообщений «очевидцев» о расстрелах венгерских граждан, а также о неповиновении командирам наших солдат и их расстреле, в том числе на территории советского посольства — гнусная клевета.

Правдой является то, что в те дни имели место случаи расправы над сотрудниками госбезопасности, партийными работниками и захваченными советскими военнослужащими, которые совершались повстанцами.

* * *

Разгул террора в ряде мест, стремление повстанцев захватить власть являлись явными признаками контрреволюции в Венгрии и могли привести к созданию в стране подобия хортистского режима.

Однако пресечь бесчинства восставших, вести борьбу с реакционными элементами, восстанавливать спокойствие и нормальную жизнь в своей стране все же должны были сами венгры.

Поддержка политического режима Гере, изначальная ставка на силовое решение возникшего кризиса привели к ошибочному решению о вводе наших войск в Будапешт, что вызвало усиление сопротивления, потребовало в последующем ввода значительных сил советских войск в Венгрию. Все это явилось прямым вмешательством Советского Союза во внутренние дела суверенного государства и противоречило нормам международного права.

Генерал-лейтенант в отставке Е. И. МАЛАШЕНКО

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, ГОД 1968-й

Шли на помощь друзьям

Генерал-лейтенант в отставке С. М. Золотов был членом военного совета — начальником политического отдела армии, дислоцировавшейся в Закарпатье. В октябре 1968 года он был назначен членом военного совета — начальником политуправления Центральной группы войск, созданной на территории ЧССР в соответствии с советско-чехословацким договором.

Мы публикуем фрагменты рукописи его книги, в которых рассказывается о событиях 1968 года, когда готовился и был осуществлен ввод в Чехословакию союзнических войск государств-участников Варшавского Договора.

Из печати и радиопередач было известно, что в Чехословакии неспокойно. В конце 1967 — начале 1968 года в Праге начались студенческие волнения и демонстрации молодежи. Как сообщалось в советской печати, они были спровоцированы правыми, контрреволюционными элементами и носили антисоциалистический характер. Говорилось также, что активизировалась антипартийная деятельность правых группировок и ревизионистов, направленная на подрыв Коммунистической партии Чехословакии и ее влияния в массах трудящихся.

В январе 1968 года состоялся пленум Центрального Комитета Компартии Чехословакии, на котором, в частности, было принято решение о разделении постов президента республики и первого секретаря ЦК КПЧ. Антонин Новотный, совмещавший ранее два поста, остался президентом ЧССР, а Александр Дубчек был избран первым секретарем ЦК КПЧ.

В конце марта 1968 года А. Новотный подал в отставку с поста президента ЧССР. Пленум ЦК КПЧ рекомендовал избрать на этот пост Людвика Свободу.

В ответ на телеграмму советских руководителей, поздравлявших его с избранием на высокий пост, Л. Свобода заявил: «..я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы заверить Вас в том, что чехословацкий народ никогда не забудет решающего участия братских народов Советского Союза в его освобождении от гитлеровского фашизма. Мы будем и впредь укреплять наши союзничество и дружбу с Советским Союзом и углублять всестороннее сотрудничество...»

Однако политики, выступавшие за рыночный путь развития экономики и буржуазно-демократические реформы, добились избрания И. Смрковского членом Президиума ЦК КПЧ, а Ч. Циссаржа — секретарем ЦК КПЧ. Было сформировано новое правительство ЧССР во главе с О. Черником, Национальный фронт Чехословакии возглавил представитель «правых» Фр. Кригель.

В печати, на телевидении и радио ЧССР появилось много материалов, порочащих социалистический строй, советско-чехословацкую дружбу, негативно характеризующих единство армий стран-участниц Варшавского Договора.

9 мая 1968 года чехословацкий народ торжественно отмечал 23-ю годовщину освобождения от немецко-фашистского ига. В ЧССР на празднества прибыла советская военная делегация, в том числе Маршалы Советского Союза И. С. Конев, К. С. Москаленко, маршал авиации А. И. Покрышкин и генерал-полковник авиации И. Н. Кожедуб, генералы армии Д. Д. Лелюшенко, А. С. Жадов и другие.

Они приняли участие в митингах и встречах с трудящимися и воинами Чехословацкой народной армии, которые прошли во многих городах страны. Так, жители г. Пардубице встретились с Героем Чехословакии Маршалом Советского Союза К. С. Москаленко и генерал-лейтенантом П. А. Горчаковым. В г. Кладно на митинге выступили Маршал Советского Союза И. С. Конев командовавший 1-м Украинским фронтом и генерал-полковник К. В. Крайнюков - бывший член военного совета фронта. В воинских частях ЧНА побывали А. С. Жадов, Д. Д. Лелюшенко, А. И. Родимцев.

Выступая на большом праздничном митинге в Праге, президент ЧССР напомнил что в трудные дни второй мировой войны Советская Армия принесла свободу народам Чехословакии и всей Европы. Он особо подчеркнул, что победа над гитлеровским фашизмом открыла чехословацкому народу путь к демократии и социализму.

Однако вскоре после праздничных мероприятий в нашей печати вновь стали появляться сообщения о дальнейшем нарастании напряженности в ЧССР, о планах антисоциалистических сил осуществить переворот и реставрировать буржуазный строй, опираясь на поддержку империалистических кругов. Негативно повлияло и заявление ТАСС по поводу событий в ФРГ. В нем говорилось, что политическая обстановка здесь приобретает все более опасный характер, нарастает волна неонацизма и шовинизма, идет наступление на демократические силы, разжигаются милитаризм и реваншистские настроения, в том числе и в отношении принадлежащей ЧССР Судетской области.

В середине мая 1968 года нас информировали, что в ближайшее время на территории Польши, ГДР, Чехословакии и Советского Союза состоится совместное учение войск государств - участников Варшавского Договора. Вопросы, связанные с его организацией и проведением, были обсуждены в ходе визита в эти страны главнокомандующего Объединенными вооруженными силами Маршала Советского Союза И. И. Якубовского[1]. Первоначально учение планировалось как войсковое с привлечением значительных воинских контингентов, однако по настоянию чехословацкой стороны проводилось как командно-штабное. Об этом я узнал, побывав в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота.

После майских праздников с группой товарищей из штаба и политотдела армии я выехал в один из гарнизонов, где изучал состояние воспитательной работы и воинской дисциплины. Здесь и застал нас приказ о приведении войск и органов управления армии в боевую готовность. Мне надлежало немедленно вернуться в штаб и по телефону ВЧ связаться с руководством политуправления округа.

Через несколько часов наш самолет приземлился в Ивано-Франковске. Полевое управление, части связи и подразделения обслуживания штаба армии были уже готовы к маршу. В состав армии вошли новые соединения, отдельные из них были пополнены личным составом, призванным из запаса. Обстановка напоминала боевую.

Все офицеры штаба и политотдела армии находились в войсках. Я встретился с политработниками недавно прибывших частей и соединений, обсудил с ними ряд практических вопросов. Договорились, в частности, о взаимном информировании на учении.

12 мая наши передовые части вышли в район государственной границы с ЧССР. В Ужгороде провели совещание по вопросам партийно-политической работы в полевых условиях и организации спецпропаганды на предстоящих учениях союзных армий.

В этот же день вечером командующий армией генерал-лейтенант А. М. Майоров обсудил с командирами соединений

и частей вопросы организации гарнизонной службы и деятельности военной автоинспекции. 23 мая мы побывали в Закарпатском обкоме партии, беседовали с его секретарями Ю. В. Ильницким и В. И. Белоусовым. Они ознакомили нас с обстановкой в области и рассказали о подготовке к предстоящему митингу советско-чехословацкой дружбы в районе Ужгорода.

В конце мая меня снова вызвали в Москву на инструктаж в связи с предстоящим учением на территории ЧССР, который проводили начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев[2] и другие ответственные работники ГлавПУ. Беседа была непродолжительной. Алексей Алексеевич дал ряд конкретных указаний по работе на учении, сформулировал требования к поведению советских воинов на территории ЧССР, предупредил о недопустимости какой-либо беспечности, потери бдительности.

Затем нас принял заместитель А. А Епишева генерал-полковник Н. А. Начинкин, которому было поручено возглавить партийно-политическую работу в период подготовки и проведения учения в Чехословакии.

Рано утром 18 июня 1968 года государственную границу ЧССР перешла оперативная группа полевого управления армии. Ей было поручено заблаговременно выйти в назначенный район и начать подготовку полкового тактического учения с боевой стрельбой. Возглавлял группу заместитель начальника отдела боевой подготовки полковник М. Г. Попов, старшим от политотдела был полковник К. А. Лебедев. На границе состоялся небольшой митинг дружбы. Словацкие друзья организовали теплую встречу советских воинов.

Через три дня советско-чехословацкую границу перешли главные силы армии, выделенные для участия в учении. Погода не благоприятствовала: всю ночь не переставая лил проливной дождь, грозовые разряды ослепляли водителей. Узкие извилистые горные дороги и большой поток встречных машин усугубляли положение, возникала опасность дорожно-транспортных происшествий. Колонна растянулась на десятки километров. Несколько машин отстали, три свалились в кювет. Однако все обошлось без человеческих жертв и серьезных последствий.

Уже с первых встреч на чехословацкой земле стало ясно, что в сознании и поведении значительной части словаков и чехов произошли перемены. Мы не почувствовали той братской теплоты, дружелюбия, которыми чехословацкие друзья отличались прежде, появилась настороженность.

В ночь с 22 на 23 июня наши войска сосредоточились в учебном центре Либава. Он располагался в 400 км от государственной границы с СССР. Весь день ушел на обустройство. Командующий армией подвел итоги марша по дорогам Словакии и Моравии, поставил дальнейшие задачи на период учения. Он потребовал от командиров, штабов и политорганов обеспечить достойное выполнение воинского долга и примерное поведение советских воинов на территории дружественной Чехословакии.

Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза И. И. Якубовский и штаб разместились в Миловице. Сюда вызвали командующего армией и меня, чтобы заслушать информацию о марше по дорогам Чехословакии и о готовности штабов и войск к учению. Тут же присутствовали начальник Штаба ОВС генерал армии М. И. Казаков, заместитель начальника ГлавПУ генерал-полковник Н. А. Начинкин.

Руководство, в частности, указало на недостаточное изучение обстановки в местах размещения войск, рекомендовало активнее заботиться об упрочении связей с чехословацкой стороной. Командующему армией генерал-лейтенанту А. М. Майорову вручили задание на командно-штабное учение, получившее кодовое наименование «Шумава». Мы узнали, что вместе с нами на учении будут действовать штабы и войска ЧССР, ПНР, ГДР и ВНР.

В ходе учения состоялось немало встреч и бесед советских воинов с чехословацкими друзьями. Они носили откровенный, нередко и полемический характер. Мы убедились в сложности и противоречивости обстановки в ЧССР. Так, 28 июля командарму и мне довелось встретиться с администрацией и трудящимися металлургического комбината в Новой Гуте. Эта встреча оставила тяжелый осадок. «Как могло случиться, что чехословацкий народ за короткое время стал неузнаваем, — записал я в своем дневнике. — В его сознании поколеблена идея дружбы с советским народом...»

Когда учения уже приближались к концу, в Миловице состоялась встреча политработников дружественных армий. На нее прибыли все руководители политорганов Объединенных вооруженных сил. Многие из них в своих выступлениях отмечали проявления недоброжелательства, а то и враждебности некоторых чехословацких граждан по отношению к воинам-союзникам. Имели место клеветнические выпады против них в печати и на телевидении. Особенно усердствовали в этом такие центральные газеты и журналы ЧССР, как «Млада фронта», «Литерарны листы», «Студент», «Смена», «Свободне слово», областная газета Средней Словакии «Смер». Последняя в одном из своих июньских номеров опубликовала большую статью о якобы недостойном поведении советских военнослужащих на учении «Шумава», изобразив их пьяницами, мародерами и насильниками. А под статьей было напечатано мелким шрифтом коротенькое сообщение, что проверкой, оказывается, установлено: факты не подтвердились. Такой подленький прием — вначале оклеветать, облить грязью, а затем как бы невзначай, мимоходом признать, что ничего подобного не было, — широко использовался тогда в чехословацких средствах массовой информации.

1 июля 1968 года командно-штабное учение завершилось. На следующий день состоялся его разбор. На него прибыли командование Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора, партийные и государственные руководители Чехословакии: Л. Свобода, А. Дубчек, О. Черник, И. Смрковский, министр национальной обороны генерал-полковник М. Дзур, военные атташе социалистических стран. Разбор учения проводил Маршал Советского Союза И. И. Якубовский.

Советская и зарубежная печать широко освещала это учение. Наряду с объективным его отображением в зарубежной печати встречались попытки представить подобные проводимые в рамках договорных обязательств мероприятия в качестве некоего «инструмента», с помощью которого СССР стремится «навязать союзникам свои стратегические концепции». Объективности ради надо признать, что в ходе учения проводилась отработка ряда вопросов, связанных с вводом союзных войск на территорию Чехословакии.

12 июля газета «Красная звезда» опубликовала передовую статью «Несокрушимое боевое содружество» об итогах командно-штабного учения армий социалистических стран. В ней, в частности, отмечалось, что КШУ имело целью «отработать вопросы взаимодействия союзных войск и управления ими при ведении современных операций, еще выше поднять боевую готовность войск и штабов, еще более укрепить дружбу братских народов и армий». Правда, кое о чем в статье умалчивалось...

Хотя поставленные на учение задачи фактически были выполнены, союзные войска пока так и не получили от командования Объединенных вооруженных сил приказ покинуть Чехословакию и вернуться в места постоянной дислокации. Дело в том, что в ближайшее время должны были состояться переговоры руководителей КПСС и КПЧ в Чиерне-над-

Тиссой. От их исхода зависели и сроки вывода войск стран-участниц Варшавского Договора. Не случайно Маршал Советского Союза И. И. Якубовский при разборе учения подчеркнул, что хотя формально оно и завершилось, но участники маневров пока не уходят с территории ЧССР. Не исключалась возможность того, что наше военное присутствие здесь будет длиться довольно долгое время.

События, однако, развивались вопреки задуманному «наверху» сценарию. Корреспондент одной из центральных советских газет, освещавший учение в ЧССР, поспешил передать сообщение о его окончании. Эта информация дала повод чехословацкой стороне выступить с протестом, на каком основании союзные войска продолжают оставаться в их стране, и потребовать скорейшего вывода частей и соединений.

22 июля в штаб нашей армии прибыла группа высших офицеров ЧНА во главе с начальником Главного управления Сухопутных войск генерал-поручиком Е. Благутом. От имени министра национальной обороны ЧССР они поставили перед нами вопросы: почему вопреки данному маршалом И. И. Якубовским обещанию вывести советские войска до 21 июля они до сих пор в районе учения; по каким причинам мы задерживаемся и каковы наши дальнейшие планы. Выразив готовность оказать всяческую помощь в скорейшем выводе войск армии и даже создать для этого специальную оперативную группу, чехословацкие товарищи в ультимативной форме потребовали незамедлительно ответить на поставленные ими вопросы. В частной беседе со мной генерал-поручик Е. Благут выразил недоумение по поводу нашего «длительного и бесцельного пребывания» на их территории и заявил, что «это стояние не служит делу нашей дружбы и укреплению взаимоотношений».

Мы оказались в затруднительном положении. Как раз в это время командующий армией генерал-лейтенант А. М. Майоров находился в Москве, куда он вылетел к министру обороны СССР за инструкциями в связи с нажимом, оказывавшимся чехословацким правительством.

24 июля командарм возвратился, и я узнал, что разрешено начать отвод войск, о чем мы и информировали представителей ЧНА. В то же время согласно полученным инструкциям было доведено до сведения чехословацких товарищей, что большое количество машин после многокилометровых маршей находится в плохом техническом состоянии, а это не может не сказаться на темпах обратного продвижения.

Совершая марш на Родину, наши военнослужащие по пути следования участвовали во встречах с чехословацкими трудящимися и воинами ЧНА.

Уже более двух месяцев личный состав находился в полевых условиях. Чувствовалась физическая и моральная усталость. С особенным нетерпением ожидали возвращения коренные жители Прикарпатья, призванные на учение из запаса. Ведь в разгаре была сельскохозяйственная страда.

1 августа в пути нам, наконец, стало известно, что встреча руководителей коммунистических партий СССР и ЧССР в Чиерне-над-Тиссой закончилась. Ее участники предложили провести в Братиславе в ближайшие дни совещание представителей всех социалистических стран. Это давало повод для некоторого оптимизма.

Возложив цветы и венки на могилы воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны и захороненных на Дарговском кладбище недалеко от города Кошице, мы ускоренным маршем пересекли государственную границу в районе Ужгорода и через несколько часов прибыли в свои гарнизоны.

В эти дни стало известно, что новым начальником Штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора назначен генерал армии С. М. Штеменко[3]. Его уважали в войсках за незаурядные организаторские способности и большой опыт, приобретенный в ходе Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Вместе с тем новое назначение Сергея Матвеевича, возглавлявшего в годы войны оперативное управление Генерального штаба и причастного к разработке важнейших операций Великой Отечественной, давало повод предполагать возможность проведения крупной операции в рамках ОВД.

Вскоре я получил команду вернуться на КП армии. Здесь предстояла большая работа по ознакомлению с новыми частями и соединениями, организацией в них боевой и политической подготовки, службы войск и партийно-политической работы. В соответствии с поступившими указаниями войска продолжали оставаться в полевых лагерях, сосредоточившись в Закарпатье. Помимо штатных соединений армии здесь уже находились переброшенные дивизии из других регионов. Вместе с командующим я побывал в этих соединениях, поговорил с людьми. Хотя о возможном броске через чехословацкую границу впрямую речь не вели, офицеры понимали, для чего создается столь мощная группировка войск в Закарпатье. Многие товарищи выражали неподдельную озабоченность развитием ситуации в ЧССР и, чувствовалось, внутренне готовились к решительным действиям.

12 августа к нам в войска прибыли министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко[4], начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев и главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский[5]. Они побывали в мотострелковом и танковом полках, встретились с личным составом.

На следующий день в Ужгороде состоялась встреча членов военного совета и командно-политического состава армии с руководством Министерства обороны СССР. Маршал Советского Союза А. А. Гречко говорил о наших проблемах и недостатках, неотложных задачах. Он, в частности, указал на необходимость в ближайшее время привести всю технику в боеготовое состояние, пополнить запасы материальных средств, быть в готовности к совершению многокилометрового марша в условиях горно-лесистой местности, обратить особое внимание на выучку механиков-водителей танков, БМП и БТР, водителей колесных машин, позаботиться о достижении взаимозаменяемости в отделениях, экипажах и расчетах. Министр обороны СССР предупредил, что в ближайшее время ожидается ввод наших войск в ЧССР. Помнится, кто-то из офицеров задал вопрос: как поступать, если будет оказываться вооруженное сопротивление, применять ли оружие?

«Чехословакия — дружественная страна. Мы идем к нашим братьям помочь им в защите социализма, —убежденно ответил А. А. Гречко. — Ни в коем случае нельзя допустить пролития крови словаков и чехов. Уверен, что ЧНА сопротивления не окажет. Однако не исключено, что с запада в ЧССР могут вторгнуться войска НАТО. Тогда придется действовать, исходя из обстановки».

Тревожное впечатление осталось от этой встречи. Возможно, в августе 1968-го мир в очередной раз балансировал на грани глобальной войны.

В воскресенье 18 августа мы с семьями поехали на отдых в горное курортное местечко Яремча. Однако в дороге нас встретил работник милиции и передал мне сообщение, что необходимо срочно вернуться. Поздно ночью со своими сослуживцами возвратился в Ужгород. Здесь мы узнали, что обстановка в ЧССР обострилась и получены распоряжения о подготовке войск к вводу в эту страну.

Необходимо было обеспечить высокую бдительность и боеготовность, не допустить беспечности и благодушия. С этой целью политотделом армии проводилась непрерывная и целеустремленная политико-воспитательная работа.

Накануне ввода союзных войск на территорию ЧССР в частях и подразделениях прошли митинги и собрания. Личному составу доводилось заявление ТАСС, в котором говорилось, что партийные и государственные деятели ЧССР обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами, что это обращение вызвано угрозой существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной конституцией государственности со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами. Заявление ТАСС было опубликовано в советской печати 21 августа 1968 года.

Советским воинам разъяснялось, что ввод союзных войск на территорию ЧССР вызван необходимостью защитить братский чехословацкий народ от происков внутренней и внешней контрреволюции. Разумеется, с позиций нынешнего времени чехословацкие события оцениваются по-другому. Но в то время происходившее в ЧССР воспринималось нами именно так, как было сказано в заявлении ТАСС, и предстоящая акция виделась мне и моим сослуживцам как неизбежная, адекватная возникшей угрозе мера. Мы верили, что идем на помощь друзьям.

«... В августе 1968 г. в Чехословакии сложилась обостренная контрреволюционная обстановка, страна очутилась на грани гражданской войны, — говорилось, в частности, в документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», который был принят на декабрьском (1970 г.) пленуме ЦК КПЧ. — На повестку дня со всей остротой встал вопрос «кто кого?» Либо контрреволюция, опирающаяся на поддержку международной реакции, завершит свое черное дело, либо социалистическим силам удастся отразить контрреволюцию и отстоять дело социализма... Вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию было актом интернациональной солидарности... Этот интернациональный акт спас жизнь тысяч людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны».

В 1.00 21 августа 1968 года части и соединения армии перешли государственную границу ЧССР. Лавина войск, оснащенных современной техникой и вооружением, двинулась на запад. До трех часов ночи мы вместе с командующим наблюдали за продвижением танков и автомашин, затем двинулся вперед командный пункт. С чехословацкой стороны никаких препятствий не было. Передовые части двигались стремительно. 250-300 км прошли за 8-10 часов. Мотострелковая дивизия генерал-майора Г. П. Яшкина прошла 120 км за четыре часа.

Поначалу марш протекал спокойно. Местные жители воспринимали большие колонны наших машин как идущие на очередное учение. И только когда по радио и телевидению ЧССР прозвучало сообщение о нарушении союзными войсками суверенитета Чехословакии, мы почувствовали, что затронуты национальные чувства чехов и словаков. На дорогах нас теперь уже встречали толпы возмущенных людей. Они что-то выкрикивали, бросали попавшиеся под руку предметы. На улицах и заборах появились оскорбительные надписи.

К исходу 21 августа войска армии выполнили поставленную перед ними задачу, своевременно вошли на территорию Словакии и Северной Моравии.

В ряде населенных пунктов советские войска взяли под охрану важнейшие объекты местных гарнизонов: штабы, командные пункты, узлы связи, аэродромы, парки боевых машин, склады военной техники и вооружения, боеприпасов, хранилища ГСМ и других материальных средств и т. п. Мы оперативно установили связи с местными властями и командованием ЧНА. По требованию генерал-лейтенанта Майорова штаб и полевое управление армии разместились в г. Тренчине Средне-Словацкой области, в одном помещении со штабом Восточного военного округа ЧНА. Несмотря на проявившиеся поначалу некоторые трения и несогласованность, командующий войсками округа генерал-поручик С. Кодай принял необходимые меры по размещению наших войск и штабов на территории военных городков Восточного военного округа. В соответствии с указаниями президента ЧССР и министра национальной обороны он отдал распоряжение своим войскам не оказывать противодействия советским воинам, способствовать им в выполнении поставленных задач. Его поддерживали начальник штаба округа генерал-майор Я. Пашек и начальник политуправления полковник Й. Ковачек.

В этот же день мы вместе с командующим армией имели беседу с руководителями г. Тренчина — первым секретарем РК КПЧ Турчаком (к сожалению, имя его не запомнилось) и председателем Национального комитета М. Андрисом. По нашей просьбе они выступили по радио с призывом к населению проявлять спокойствие, продолжать трудиться на своих рабочих местах, не создавать конфликтных ситуаций в городе.

22 августа появилось сообщение ТАСС, в котором говорилось об удовлетворении просьбы партийных и государственных деятелей ЧССР об оказании помощи братскому чехословацкому народу.

В этот же день в г. Тренчине по решению командующего армией была создана временная военная комендатура и введен комендантский час.

В те дни нас посетило несколько делегаций. Некоторые чехословацкие граждане приходили к нам, чтобы принести извинения за недостойное поведение тех своих соотечественников, которые последовали призывам безответственных политиков, толкавших население чехословацких городов и сел на опасное противостояние и конфликты с советскими войсками.

Как известно, предпринятые в рамках Организации Варшавского Договора меры в отношении Чехословакии вызвали крайне негативную реакцию в США и многих европейских странах, в ООН и других международных организациях. Они характеризовались как нарушение национального суверенитета ЧССР, как оккупация. В штабах НАТО зазвучали воинственные заявления, на территории ФРГ развернулись широкомасштабные маневры с отработкой различных сценариев начала европейской войны. Средства массовой информации Запада резко активизировали пропагандистскую кампанию. Все это сказывалось на настроениях чехословацких граждан и, естественно, на их отношении к советским воинам.

В первый день нашего марша по дорогам ЧССР случилась трагедия. На трассе между городами Прешов и Попрад путь танковой колонне преградила группа женщин и детей. Как потом стало известно, их вывели сюда экстремисты, рассчитывавшие спровоцировать инцидент с большими человеческими жертвами. Чтобы не наехать на людей, механик-водитель головной машины свернул круто в сторону, танк опрокинулся с обрыва и, упав на башню, загорелся. Два танкиста получили тяжелые травмы, один из них впоследствии скончался.

Всего же армия потеряла в августе 1968 года при вводе в Чехословакию 12 человек, 76 получили ранения различной тяжести.

7 боевых машин было подожжено, в той или иной степени повреждено более 300 автомобилей. Эти цифры привел на совещании 23 августа генерал-лейтенант А. М. Майоров. В то же время он потребовал проявить максимальную сдержанность и ни в коем случае не отвечать на провокации. Советские воины так и поступали. Об этом можно судить хотя бы по тому, что оружие не было применено военнослужащими армии ни разу. А ведь возникали и такие ситуации, в которых нервы могли сдать даже у закаленных суровой службой людей.

О напряженности обстановки свидетельствуют происшествия, случившиеся, например, в течение только одного дня — 25 августа. В г. Кромержище в штабе 3 мсд ЧНА распространялись антисоветские листовки с призывом к вооруженному сопротивлению союзным армиям. Под Жилином была совершена попытка покушения на жизнь советского часового, охранявшего склад артвооружения. В Попраде группа лиц в знак протеста против ввода союзных войск на территорию ЧССР взяла в заложники группу советских туристов. В Кошице хулиганствующая молодежь надругалась над бывшей советской гражданкой, женой чехословацкого офицера Белаша. Она публично выразила одобрение по поводу ввода союзных армий в ЧССР, и тогда с насмерть перепуганной женщины сорвали платье и обнаженную, облитую красными чернилами водили по людным местам города. Это происходило на глазах работников правоохранительных органов ЧССР.

Начальники политорганов соединений полковники А. А.Черкасов и А. И. Комаров доложили, что по улицам Остравы, Готвальдова и других населенных пунктов Северной и Средней Моравии бродят группы бесчинствующей молодежи, которые избивают лояльно настроенных к советским воинам чехословацких граждан, угрожают им расправой. Они пытаются познакомить наших солдат с девушками легкого поведения, с тем чтобы спровоцировать, а затем сфотографировать сцены насилия над ними.

Несмотря на подобные инциденты, мы надеялись, что кризис в наших отношениях все же будет преодолен.

В конце августа 1968 года в Москве состоялись советско-чехословацкие переговоры. В коммюнике по их итогам было сказано, что войска союзных стран, временно вступившие на территорию Чехословакии, не будут вмешиваться во внутренние дела ЧССР. Была достигнута договоренность об условиях их вывода по мере нормализации обстановки в стране.

В эти дни чехословацкие руководители вернулись из Москвы, некоторые из них выступили по радио и телевидению, рассказали о результатах переговоров в столице СССР. Они заявили, что в стране полностью возобновляется деятельность ЦК КПЧ, правительства, Национального собрания и Национального фронта. Президент Л. Свобода с удовлетворением отметил, что за последнее время в городах и селах не произошло серьезных инцидентов, выразил надежду, что в стране скоро начнется оздоровление обстановки.

Усиление связей с трудящимися ЧССР и воинами ЧНА, оказание помощи в работе по нормализации обстановки мы считали своей первоочередной заботой. Эти контакты со временем становились все более разнообразными. Сотрудничество с чехословацкой стороной проявлялось не только в сферах военно-политической, идеологической, культурной. Мы начали сообща заботиться о поддержании общественного порядка, взяли за правило помогать местному населению и в экстренных ситуациях, и в таких повседневных заботах, как, например, уборка урожая, ремонт машин и сельхозинвентаря.

...В один из октябрьских вечеров офицер для поручений лейтенант С. Сергеев разыскал меня и доложил, что мне приказано срочно прибыть в ГлавПУ. Вооружившись в спешном порядке необходимым справочным материалом и свежей информацией об обстановке в Чехословакии, вылетел в Москву.

Меня принял сначала начальник управления кадров Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-лейтенант Л. П. Вахрушев, а затем и начальник Главного политуправления.

В кабинете генерала армии А. А. Епишева, куда мы с Вахрушевым вошли, кроме него присутствовал заместитель начальника ГлавПУ генерал-полковник Н. А. Начинкин.

— Принято решение, — сказал А. А. Епишев, обращаясь ко мне, — назначить вас членом военного совета — начальником политуправления вновь создаваемой Центральной группы войск. Поздравляю.

Я поблагодарил начальника Главного политуправления за оказанное доверие и заверил, что постараюсь на деле оправдать его.

Алексей Алексеевич медленно поднялся из-за стола, подошел ко мне и положил руку на плечо. «Нелегкая предстоит тебе, Семен Митрофанович, работа. Обстановка в Чехословакии продолжает оставаться сложной, кризисные явления отрицательно влияют на политическую и экономическую жизнь страны, — сказал он. — Органы безопасности и Чехословацкая народная армия в значительной степени парализованы. Пока они слабо противостоят наскокам контрреволюционного подполья и диверсиям внешних врагов...»

Генерал армии А. А. Епишев высказал ряд советов по усилению интернационального воспитания советских воинов, укреплению дружбы с чехословацким народом. Особое внимание он обратил на разъяснение и глубокое усвоение личным составом сущности договора между СССР и ЧССР об условиях временного пребывания советских войск в Чехословакии, на необходимость обеспечить безукоризненное выполнение взятых нами договорных обязательств.

Из кабинета мы вышли вместе с генералом Вахрушевым.

— Теперь ко мне, — сказал он. — Займемся кадрами.

Предстояло сформировать политуправление группы войск, другие политорганы. Знакомясь у Вахрушева с предварительными наметками, я убедился, что в Главном политуправлении и политуправлении Сухопутных войск все организационные и кадровые вопросы были тщательно продуманы. На должность моего первого заместителя назначался генерал-майор М. Т. Морозов — опытный политработник, участник Великой Отечественной войны. Много лет он был начальником политотдела корпуса, затем заместителем начальника политуправления Приволжского военного округа.

С удовлетворением восприняля и назначение на должности в политуправление ЦГВ офицеров Л. Г. Горбунова, С. М. Рукшина, М. К. Лузина, К. А. Лебедева, А. И. Сиземова, Г. Г. Буйновского, В. В. Миссюры, А. П. Ефимова, В. И. Васильева. С ними вместе пришлось мне делать первые шаги в новой должности. И надо сказать, ни в ком не пришлось разочароваться.

В связи с назначением на должность члена военного совета — начальника политуправления ЦГВ меня принял министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Он высказал ряд рекомендаций по формированию и работе военного совета группы войск, укреплению боевого содружества советских и чехословацких воинов. А. А. Гречко в годы войны участвовал в освобождении Чехословакии, так что его советы оказались весьма полезны.

Пригласил меня на беседу и главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский. Разговор

с ним касался вопросов, связанных с поддержанием высокой боевой готовности, размещением и обустройством войск. Эти проблемы особенно волновали нас. Надвигалась зима, и хотя в тех местах она не столь уж сурова, однако морозы и там вскоре не заставили себя ждать. Между тем основная масса наших частей все еще располагалась в полевых условиях.

24 октября мы вместе с генерал-лейтенантом А. М. Майоровым возвратились в Чехословакию, а уже на следующий день он отдал приказ о своем вступлении в должность командующего ЦГВ и сформировании военного совета. Этот день и стали считать днем рождения Центральной группы войск. Она была создана в соответствии с Договором между правительствами Советского Союза и Чехословацкой Социалистической Республики, заключенным 16 октября 1968 года.

Не заостряя внимания на идеологических и политических аспектах договора, хочу подчеркнуть, что он, в частности, определял правовой статус советских воинов, членов их семей, рабочих и служащих Советской Армии. В нем содержались положения о невмешательстве во внутренние дела ЧССР, о согласовании с ее государственными органами численности и мест дислокации наших войск. Договор также определял порядок пользования казарменным и жилым фондами, складскими и другими помещениями, сетями связи и транспорта, полигонами и аэродромами, стрельбищами, учебными полями.

Забегая вперед, скажу, что военный совет группы войск, командиры и политработники всех степеней строго следили за неукоснительным выполнением каждого пункта Договора. За все время моей службы на территории Чехословакии я непомню ни одного случая серьезного нарушения советскими воинами порядка и правил пребывания, оговоренных в этом документе.

Так уж вышло, что в состав Центральной группы войск вошли ряд соединений и частей, в годы Великой Отечественной войны освобождавших Чехословакию. Например, гвардейская Иркутско-Пинская мотострелковая дивизия.

В бой с немецко-фашистскими захватчиками дивизия вступила 24 сентября 1941 года на р. Прут. Она обороняла рубежи на Днепре и Миусе, под Николаевом и Ростовом-на-Дону, брала Новороссийск и форсировала Керченский пролив, отличилась в Белорусской наступательной операции, участвовала в освобождении Польши, штурмовала Берлин. День Победы гвардейцы прославленного соединения встречали на подступах к Праге, идя на помощь восставшим горожанам. В состав Центральной группы войск вошли и другие соединения и части, отличившиеся при освобождении народов Европы от ига фашизма. Об этом с теплотой говорилось на официальном приеме, устроенном 25 октября 1968 года заместителем председателя правительства ЧССР Франтишеком Гамоузом по случаю образования на территории Чехословакии советской Центральной группы войск. Он запомнился мне по-особому.

На приеме с чехословацкой стороны присутствовали генералы Карел Русов — начальник генерального штаба ЧНА, Александр Муха — первый заместитель министра национальной обороны ЧССР, Франтишек Бедржих — начальник главного политуправления ЧНА, Мартин Корбела — уполномоченный чехословацкого правительства по делам временного пребывания советских войск в ЧССР. С нашей стороны здесь были первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник Н. В. Огарков[6], главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР генерал армии И. Г. Павловский, заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковник Н. А. Начинкин, старший представитель Штаба Объединенных вооруженных сил государств-участников Варшавского Договора генерал-лейтенант А. М. Ямщиков. Присутствовали также командующий ЦГВ генерал-лейтенант А. М. Майоров и я. Прием прошел в теплой, дружеской обстановке.

Здесь ко мне подошли генералы Карел Русов и Александр Муха. Улыбаясь, широко расставив руки, Русов проговорил:« Ну вот, товарищ Золотов, мы вновь с вами встретились. Помните нашу первую встречу?»

Мне довелось познакомиться с Русовым и Мухой еще в 1964 году на совместном командно-штабном учении «Спутник».

В 1964-м я впервые вступил на землю Чехословакии, увидел ее красоту, познакомился с приветливым, отзывчивым народом. Тогда до пограничной станции Чоп мы шли своим ходом. И там теплой летней ночью погрузились в воинский эшелон. На рассвете наш поезд пересек границу и мы оказались на территории дружественной страны. Из окон вагона любовались живописными картинами: склоны гор покрыты зеленым нарядом лесов, мелькают мосты, под которыми бегут зеркальной чистоты потоки горных рек. В долинах — ухоженные поля, сады, виноградники...

Но особенно запомнились встречи с людьми. Когда эшелон останавливался и мы выходили из вагонов, нас тут же окружали местные жители. Они приносили цветы, фрукты, дружески трясли руки, рассказывали о себе... Слышались смех, шутки. Стихийно возникали митинги в честь советско-чехословацкой дружбы. Иного и не могло быть — ведь встречались люди, спаянные братскими узами.

Поздно вечером наш эшелон прибыл в г. Оломоуц. Здесь мы выгрузились из вагонов. Дальше в район учений предстояло двигаться своим ходом. Оломоуц — один из крупных городов страны, раньше он был областным центром Средней Моравии. С большим интересом знакомились мы с этим старинным городом. И конечно, вспомнили, что по его улицам полтора века назад, в 1805 году, проходили солдаты М. И. Кутузова. Тогда Россия, входившая в антифранцузскую коалицию, послала в Австрию две армии, одной из которых командовал Михаил Илларионович. С ней должны были соединиться австрийские войска под командованием генерала К. Макка. Однако незадачливый Макк дал увлечь себя в ловушку, расставленную Наполеоном. Его войско было окружено под Ульмом и перестало существовать. А армия Кутузова оказалась один на один с французами, которые по численности примерно в четыре раза превосходили русских. Чтобы сохранить силы, Кутузов в октябре 1805 года совершил знаменитый марш-маневр от Браунау к Оломоуцу. Более 400 километров прошли тогда русские чудо-богатыри с тяжелыми боями.

И сейчас, знакомясь с достопримечательностями города, мы живо представляли себе, как усталые, запыленные, но не потерявшие присутствия духа, шли по улицам Оломоуца солдаты России. Прошлое тут смыкалось с современностью...

В районе учений нас тепло встретили чехословацкие офицеры. Наши начальники служб, офицеры штаба сразу же приступили к отработке рабочих документов, карт.

Неожиданно на командный пункт прибыли чехословацкие товарищи: генералы Ф. Шадек и А. Муха, полковники К. Русов, И. Новиседлак и другие. На правах добрых друзей они с шумом ворвались в наши палатки, по-братски обняли нас, вручили сувениры. Так я познакомился с Карелом Русовым и Александром Мухой. Мы посидели за дружеским столом, обменялись впечатлениями, выразили чехословацким товарищам признательность за заботу.

На другой день мы нанесли ответный визит командованию Чехословацкой народной армии, вручили памятные подарки. Трогательным было и прощание по окончании учения. Надолго запомнились эти встречи. В своем дневнике я тогда записал: «Это настоящие и верные друзья...»

Карел Русов, Александр Муха на приеме с теплотой вспоминали те дни, дружеские встречи с советскими офицерами и солдатами. Мне довелось убедиться, что они, также как и мы, верили: оказанная Советским Союзом военная помощь своевременна и необходима.

В первые месяцы существования нового войскового объединения особую озабоченность у военного совета вызывали вопросы размещения войск. Надвигалась зима, а личный состав многих соединений жил в палатках. Подобным же образом обосновались и штабы. Под открытым небом стояла боевая техника. Не хватало столовых, бытовых помещений.

Мы не раз обсуждали на военном совете эти вопросы, прикидывали, как ускорить процесс обустройства.

Было, в частности, решено создать свои собственные строительные подразделения в каждом соединении, полку. Эту инициативу одобрили министр обороны СССР и Генеральный штаб. Из Советского Союза начали поступать строительные материалы. Зиму 1968/69 года личный состав провел в быстро построенных сборно-щитовых казармах. В дальнейшем развернулось широкомасштабное строительство современных военных городков, жилья и объектов соцкультбыта.

Очень много сил и энергии в это дело вложил заместитель командующего по тылу генерал-майор А. И. Гребенников. На его плечи легла двойная нагрузка. Вначале в группе войск не было заместителя командующего по строительству и расквартированию. Александр Иванович выполнял и эти обязанности. Ему приходилось заниматься вопросами и снабжения, и строительства. Надо заметить, что материально-техническое обеспечение в период организационного становления группы войск имело первостепенное значение.

Вскоре у нас были введены должности заместителя командующего по строительству и расквартированию и начальника квартирно-эксплуатационной службы. На них были назначены полковник Ю. И. Волков и подполковник В. И. Варава — знающие и энергичные работники. К тому времени солдаты, сержанты и офицеры наших строительных подразделений приобрели определенный опыт, научились возводить объекты быстро и качественно. К тому же вскоре из Советского Союза к нам прибыло несколько сотен специалистов-строителей.

Во второй половине ноября 1968 года в Центральной группе войск побывал заместитель министра обороны — начальник Тыла Вооруженных Сил СССР генерал армии С. С. Маряхин[7]. Он приехал с большой группой генералов и офицеров, ведающих вопросами материально-технического снабжения и медицинского обслуживания войск. Они на месте определяли, какая именно помощь и в каких размерах требуется ЦГВ. Многое решалось тут же.

Мне довелось тогда наблюдать, как работал в войсках генерал армии С. С. Маряхин. Запомнилось, что Сергей Степанович, быстро оценивая общую обстановку, состояние дел в целом, вместе с тем детально вникал и в мелкие, на первый взгляд, но весьма существенные подробности. Он не ограничивался только заслушиванием докладов руководителей. Обязательно шел к людям, интересовался у солдат, сержантов, офицеров их заботами и нуждами. Ведь в конечном счете оценить, как поставлены в части, скажем, продовольственная или вещевая службы, можно лишь убедившись, как одет, обут солдат, как он накормлен.

Находясь в Центральной группе войск, генерал армии С. С. Маряхин особое внимание уделил медико-санитарной службе. Вместе с руководящими работниками Центрального военно-медицинского управления МО СССР генералами Д. Д. Кувшинским, А. А. Вишневским, Ф. И. Комаровым, начальником медицинской службы группы войск полковником Е. И. Европейцевым он, в частности, определил, в каких гарнизонах необходимо развернуть военные госпитали и поликлиники, какой емкости. Словом, работники Тыла Вооруженных Сил оказали большую помощь.

Центральная группа войск в достаточном количестве получала из Советского Союза продовольствие, снаряжение, горюче-смазочные и строительные материалы. Мы в полной мере ощущали заботу Родины. И абсолютное большинство воинов отвечало на нее ревностным отношением к службе, к выполнению тех задач, которые в то время аккумулировались в понятии «интернациональный долг».

Сегодня очевидно, что под этим термином подразумевалась защита геополитических интересов Советского Союза и стран Варшавского Договора, обусловленных идеологическим, политическим и военным противоборством с США и странами НАТО в ходе «холодной войны». Можно спорить о целесообразности ввода в ЧССР союзных войск, и о необходимости оставлять советский воинский контингент более чем на двадцатилетний срок. Несомненно одно: выполняя решение политического и государственного руководства СССР, советские воины сделали все, чтобы с честью выполнить возложенные на них задачи, сохранить традиционно добрые отношения народов-соседей, народов-братьев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Якубовский Иван Игнатьевич (1912-1976) — Маршал Советского Союза (1967), дважды Герои Советского Союза (январь, сентябрь 1944), Герой ЧССР. В 1967-1976 гг. первый заместитель министра обороны СССР — главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора.

[2] Епишев Алексей Алексеевич (1908-1985) — генерал армии (1962), Герой Советского Союза (1978). В 1962-1985 гг. начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

[3] Штеменко Сергей Матвеевич (1907-1976) — генерал армии (1968). В 1968-1976 гг. первый заместитель начальника Генерального штаба — начальник Штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора.

[4] Гречко Андрей Антонович (1903-1976) — Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1958, 1973), Герой ЧССР. В 1967-1976 гг. министр обороны СССР.

[5] Павловский Иван Григорьевич (р. 1909) — генерал армии (1967), Герой Советского Союза (1969). В 1967-1980 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР. В 1980-1992 гг. — в группе генеральных инспекторов.

[6] Огарков Николай Васильевич (1917-1994) — Маршал Советского Союза (1977), Герой Советского Союза (1977). В 1968-1974 гг. первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

[7] Маряхин Сергей Степанович (1911-1972) — генерал армии (1968). В 1968-1972 гг. заместитель министра обороны СССР — начальник Тыла Вооруженных Сил СССР.

Генерал-лейтенант С. М. ЗОЛОТОВ

Изобретатель боевой ракеты (прототип реактивного снаряда)

ЕГО ЖИЗНЬ ТЕСНО ПЕРЕПЛЕЛАСЬ С СУДЬБОЙ РОССИИ...

Доктор технических наук, профессор генерал-майор инженерно-технической службы И. П. Граве.

Имя Ивана Платоновича Граве (1874-1960) — российского и советского ученого-артиллериста, генерал-майора инженерно-технической службы, действительного члена Академии артиллерийских наук[1] — принято связывать прежде всего с созданием и развитием отечественной школы внутренней баллистики. Но еще в 1916 году этот ученый изобрел боевую ракету на бездымном порохе, явившуюся реальным прототипом нынешнего реактивного снаряда.

Российская военно-техническая наука уже в годы первой мировой войны стояла на пороге создания принципиально нового типа вооружений. Спустя два с лишним десятилетия появится легендарная «катюша». Позже — современные реактивные системы залпового огня «Град», «Смерч», «Ураган» и их зарубежные аналоги. И все они берут начало оттуда, из опытов и теоретических расчетов Ивана Платоновича Граве.

Судьба талантливого ученого складывалась драматически. Она во многом схожа с судьбами других представителей российской военной интеллигенции. О научном подвиге Ивана Платоновича, выпавших на его долю испытаниях, судьбе его изобретения рассказывает вдова ученого Д. И. Граве, которая сейчас готовит к печати книгу о муже. Выдержки из нее мы и предлагаем читателям.

...Это было в 1915 году. В Главном артиллерийском управлении в Петрограде собрался Артиллерийский комитет, чтобы рассмотреть необычное предложение преподавателя Михайловской артиллерийской академии полковника Граве.

Присутствовавшие с любопытством посматривали на довольно высокого плотного шатена в пенсне, с небольшими усиками, прикреплявшего к доске чертежи. Нахмуренные брови и жест, которым он то и дело поправлял волосы, выдавали его волнение.

Председатель Арткома ГАУ, открывая заседание, объявил: «Боевые ракеты на основе бездымного пироксилинового пороха и переносные станки к ним».

Так называлось изобретение полковника Граве. Его слушали учтиво, вроде бы внимательно. И все же он чувствовал, что никто глубоко не вникал в его доклад...

— Вопросы будут? — нарушил наступившую тишину председатель.

Кто-то из членов Арткома, может быть, больше ради приличия, переспросил, как все же устроены переносные станки.

— В виде желобов на катках, с подъемным механизмом для стрельбы ракетами, — пояснил изобретатель.

Желобы-направляющие с подъемным механизмом — именно они будут у «катюш»...

Не высказав возражений по существу изобретения полковника Граве, Артком ГАУ тем не менее его отклонил. Как писал в послереволюционные годы в своих записках Иван Платонович, «по соображениям маловероятной возможности использования его в первой империалистической войне, так как тогда считали, что война скоро закончится и предложение не успеют разработать до конца войны».

Чертежи боевой ракеты на бездымном порохе и станка для ее запуска, представленные преподавателем Михайловской артиллерийской академии полковником И.П.Граве в Артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления в 1915 году.

Надо ли говорить, как важно было российской армии в условиях, когда военные действия приняли в основном позиционный характер, получить такое оружие — мощное и маневренное. Ведь по замыслу Ивана Платоновича станки можно было перемещать в траншеях, быстро меняя огневые позиции, и устанавливать их прямо на скате бруствера. Это могло бы, вероятно, в немалой степени компенсировать количественное превосходство немцев в артиллерии. «Посредственности любят высказываться критически, — с горечью писал Граве о судьбе своего изобретения, — и никогда не жди, что ты будешь всеми правильно понят».

Иван Платонович решил продолжать начатые опыты по созданию нового оружия на свой страх и риск.

Наверное, иначе он, потомственный дворянин, поступить просто не мог. Предки его по мужской линии — выходцы из одной скандинавской страны, были, как правило, или учеными, или военными. Родившись в Казани, Иван Платонович окончил Симбирский кадетский корпус, затем Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. С 1904 года преподавал в Артакадемии и одновременно вел активную научную деятельность. Его диссертация «Опыт теоретического исследования закона развития давлений при горении пороха в неизменяемом пространстве» получила блестящий отзыв за рубежом. Она была напечатана во французском специализированном артиллерийском журнале «Мемориаль артиллери». За реактивной техникой он, как ученый, видел большое будущее. И потому обратился в правление Шлиссельбургских пороховых заводов с просьбой разрешить ему производить в заводской лаборатории опыты. Такое разрешение последовало.

Изобретатель получил в свое распоряжение двух рабочих и заводскую лабораторию.

Два года — 1915 и 1916 — в каникулы и свободное от лекций время, включая нередко и ночь, Граве проводил в лаборатории. К сожалению, не сохранились имена рабочих-энтузиастов, которые тоже не жалея сил и времени работали вместе с ним.

Дни бежали стремительно. Опыты, опыты, опыты... В результате было освоено прессование из пироксилиновой массы сплошных цилиндров диаметром 70 мм. В них по оси высверливалось отверстие. Оно заклеивалось с одного конца плоским кружком из той же массы. Получалась цилиндрическая шашка — заряд для боевых ракет. Преимущество его перед прежними зарядами из дымного пороха было бесспорным. Бездымный коллоидный порох втрое превосходил по силе дымный.

14 июля 1916 года Граве получил заявочное свидетельство № 746 на изобретение боевой ракеты на бездымном порохе. Впоследствии ему был выдан в СССР патент (авторское свидетельство № 122-с) на реактивные заряды из бездымного пороха.

Некоторые зарубежные историки военной техники изобретателем боевой ракеты называют французского инженера Бори. Но дело в том, что он подал аналогичное предложение в Парижскую академию наук только 1 февраля 1917 года!

Для испытаний зарядов-цилиндров изготовили стальные корпуса — камеры сгорания со сменными днищами. Был сконструирован и изготовлен по чертежам Граве и специальный станок. Оставалось лишь провести испытания. Для запуска ракет требовался полигон...

Граве снова пришел в Артиллерийский комитет, напомнил о своем предложении, рассказал об опытах, которые проделал, о полученном патенте.

— Ну, как же, помню, — подтвердил генерал. — Я же и тогда говорил, что все это очень интересно. Но... Поймите, не время ... — перейдя на доверительный тон, понизив голос, добавил. — У нас денег нет.

Опыты пришлось отложить. Все пороховые цилиндры вместе с изготовленными для них корпусами снарядов были в 1917 году переданы в военную лабораторию Главного артиллерийского полигона. И. П. Граве больше их не увидел...

В 1917 году, когда для многих людей в России наступил час выбора, Иван Платонович перешел на сторону Советской власти. Он продолжил свою деятельность, являясь заместителем начальника академии по учебной части.

Это были трудные, даже опасные дни. К офицерам относились враждебно. Одного из преподавателей разъяренные люди убили на улице, а тело его бросили в Мойку. Несколько дней Иван Платонович был вынужден ночевать в академии: по городу в офицерской форме просто невозможно было ходить. Пришлось Варваре Христофоровне, первой жене Граве, умершей в 1936 году, принести ему штатскую одежду.

Однако, несмотря на жизненные трудности, Иван Платонович и тогда много работал, занимаясь реорганизацией учебного процесса. Его требовалось кардинально изменить с учетом нового контингента. Ведь если раньше в академии учились представители привилегированных сословий, то потом пришли солдаты. И не все имели среднее образование.

Пришлось организовать два подготовительных класса. Иван Платонович вел в них физику и математику.

Одновременно Граве хлопотал об организации баллистической лаборатории (впоследствии он ее и возглавил), приступил к работе в КОСАРТОПе[2].

В ней он вместе с другими специалистами работал над увеличением дальности стрельбы орудий, занимался теоретическим исследованием основ ведения огня по воздушным целям.

В холодном и голодном Петрограде ученые-артиллеристы и инженеры намечали программы обширных опытов, обосновывали их теоретически и проводили точные расчеты для того, чтобы совершенствовать и развивать артиллерийскую науку.

Вот что вспоминал И. П. Граве о тех годах: «Участие в КОСАРТОПе с 1919 по 1926 год является периодом оживленной, интенсивной работы, которая не может быть сопоставлена с каким-либо аналогичным временным промежутком, предшествовавшим войне 1914-1918 гг. Общее количество выполнявшихся тогда научно-исследовательских работ, затрагивавших почти все злободневные и важные артиллерийские вопросы теоретического характера, является исключительным...»

Помимо исследовательских и переводных работ Иван Платонович создал в тот период три оригинальных труда, сыгравших немалую роль в дальнейшем развитии артиллерии: «О характеристике прогрессивных форм порохов» (1919 г.), «К вопросу о наивыгоднейшей форме пороха» и «О горении пороха на открытом воздухе» (обе 1920 г.) В КОСАРТОПе в 1919-1926 гг. развернулись работы и по созданию реактивной артиллерии. Граве подключил к ним своих учеников, выпускников артакадемии, оставшихся в ней преподавать: О. Г. Филиппова, С. А. Серикова и М. Е. Серебрякова, которые тоже интересовались проблемами порохов. А о своем собственном изобретении, т. е. о реактивном снаряде, Иван Платонович пишет начальнику артакадемии буквально следующее[3]:

«Относительно предпринятых мною шагов в отношении доведения до сведения заинтересованных кругов о моем предложении, сообщаю, что еще в 1921 году я, как только возник ОВИ[4], обратился туда со своим предложением, причем мне известно, что у ОВИ по этому вопросу была переписка сотрудника ОВИ т. Изенбека приступить[5] к разработке этого предложения, на что я тогда же согласился.

Дело, однако, не пошло, и в связи с этим мною была подана жалоба, дошедшая до Особого отдела, в который осенью 1924 года меня вызывали для дачи личных показаний (фамилия следователя, приезжавшего из Москвы, т. Горбачев).

После этого, зная, что и Реввоенсовету и Особому отделу хорошо известно о моем предложении, я никаких шагов делать не мог, а также не мог сам лично разрабатывать за непредставлением мне затребованных материалов. Позднее, в 1925 году, когда до меня через И. В. Стефановича[6] дошли слухи о том, что мое предложение кем-то разрабатывается при официальной поддержке, я заявил письменный протест бывшему председателю ОВИ В. А. Петрову, а также и начальнику артиллерии Ю. М. Шейдеману (последнему через его помощника Шафрова).

Далее, когда в 1926-1927 гг. после выхода положения о патентах дело дошло до присуждения мне патента[7], я, зная порядок прохождения всех заявок через Реввоенсовет, не имел никаких оснований считать, что мое предложение неизвестно последнему, и считал какие-либо обращения излишними по этому поводу, так как в записке, сопровождавшей мою первоначальную заявку, значение моего предложения было в достаточной мере разъяснено».

Таким образом, Иван Платонович знал, что его предложение не осталось без внимания и по нему кто-то что-то разрабатывает. Но почему без него? Он пытался найти объяснение этому.

«В чем дело? — пишет он в личных записках. — Почему к нам, в частности ко мне, такое нелепое отношение. Я много раз пробовал объяснить с личной точки зрения. Ну пусть я почему-то не мог завоевать симпатий, не сумел приобрести авторитет, пусть я даже антипатичен. Ну а другие? Ведь я же вижу, как к ним относятся... Всех нас обходят...

Вначале я думал, что партийцы боятся от нас заразиться, опасаются нашего «вредного влияния», как об этом как-то случайно проболтался один из комиссаров Коля Степанов. (Это он же сказал, что «мы старых специалистов выжмем, как лимон, и выбросим»). Но, конечно, это не объяснение. Вопрос более сложный. Тут и остатки начального исходного «спецеедства», тут и глубокое недоверие, тут и классовая вражда, особенно к старым военным, тут и результаты длительной агитации против «золотопогонников». Может быть, тут и расплата за чужие грехи.

Оглядываясь назад, крупных ошибок за собой не вижу. Может быть, ошибочно полагать, что в нашем положении достаточно оставаться честным и добросовестным? Но что можно сделать еще? Я пробовал еще говорить правду, но быстро убедился, что это, как и всегда, очень рискованно... Все могло быть иначе, если бы к нам отнеслись без ненависти (часто глубоко скрываемой), отнеслись по-деловому и использовали нас полностью».

Оказавшись фактически отстраненным от практических разработок по своему изобретению, Иван Платонович посвятил себя теории реактивных снарядов. Выходит в свет ряд его публикаций. В одной из них, озаглавленной «Современные вопросы в области внутренней баллистики», он размышляет над рядом проблем, связанных с конструированием реактивных снарядов. Однако то, что его, как автора и крупнейшего в этой области специалиста, «забыли» привлечь к «кровной» теме, значительно отодвинуло реализацию столь необходимого для обороны страны изобретения.

Видимо, сказалось на сроках и другое. В 1926 году покончил жизнь самоубийством В. М. Трофимов. Подверглись аресту многие сотрудники КОСАРТОПа, а затем последовала и его ликвидация.

В 1931 году по обвинению во вредительстве арестовывают и Ивана Платоновича. Обвинение столь же нелепое, сколь и смехотворное, не подтвердилось, и его спустя несколько месяцев выпустили.

4 октября 1932 года в «Красной звезде» публикуется большая, на целую газетную полосу статья И. П. Граве «Реактивный принцип в военной технике». Даже перечисление подзаголовков дает представление о содержании этой публикации, которая имела целью еще тогда привлечь внимание военных инженеров к работе по созданию реактивных снарядов. Вот они: «Основа реактивного принципа», «Летательные аппараты большой скорости», «Автомобили с пороховыми ракетами», «Проблема источника энергии», «Осветительная ракета», «Современный характер боевых ракет», «Реактивные пушки», «Орудия с дульными тормозами».

Примечательно, что в этой статье Иван Платонович предлагает и различные варианты «станков» для запуска реактивных снарядов (с направляющим желобом, с трубой, снабженной внутренними винтовыми нарезами), то есть конкретные конструкторские решения. Поэтому я считаю ошибочным мнение некоторых исследователей, утверждающих, что после нескольких неудачных объяснений с командованием Граве утратил интерес к конструированию.

В 1938 году реактивные снаряды поступили на вооружение советской авиации и вскоре были применены в боях на Халхин-Голе. И в июле же 1938-го Ивана Платоновича вновь арестовали. Вот что писал он впоследствии в записке, красноречиво озаглавленной им «На всякий случай»:

«Когда 19 января 1939 года я после семимесячного ареста сидел в кабинете начальника артакадемии комкора Сивкова и слушал замечания, которые он счел нужным сделать двум профессорам нашей академии, освобожденным одновременно со мной, то я задал начальнику вопрос о том, какие ошибки может он указать мне из моей прошлой служебной работы. На это комкор Сивков ответил, что по отношению ко мне у него никаких замечаний не имеется.

Я говорю об этом красноречивом эпизоде потому, что он является ярким и показательным для всей моей работы в Красной Армии. Я не могу похвастаться хорошим отношением ко мне командования и товарищей по службе. Ко мне относились недоверчиво и временами даже враждебно, чувствовалось, что мне что-то ставится в вину, но что именно мне никогда этого прямо и честно не говорили, и все мои попытки докопаться до корней этого отношения не привели ни к чему. И это создавало вокруг меня тяжелую атмосферу, которая заставляла меня мрачнеть и еще больше уходить в себя. Получался классический порочный круг...»

И все-таки Иван Платонович продолжал неустанно заниматься теоретическим обоснованием дальнейшего развития ракетной техники.

14 июля 1941 года под Оршей скопление фашистских войск накрыл залп батареи «реактивных минометов» — через 25 лет после получения Иваном Платоновичем авторского свидетельства. В 1942 году из Самарканда, куда была эвакуирована артакадемия, он пишет командующему гвардейскими минометными частями:

«...Проф. М. Е. Серебряков, который передаст Вам это письмо, имеет между прочим поручение собрать... некоторые опытные материалы, необходимые для намечаемой у нас работы по разработке методики проектирования реактивных снарядов. Так как тему выдвинул я, то я также присоединяю свой голос, прося вас оказать содействие по сбору нужных данных для возможно полного освещения вопроса.

Наверное, до Вас уже дошло мое предложение относительно М-8 и М-13. Надеюсь, что у Вас не будут выставлять против него каких-либо непреодолимых затруднений...

Надеюсь, что теперь, в 1942 году, не повторится того, что случилось в 1915 году, когда я начинал работать в этой области и когда старый Артком на мое предложение (с чертежами) применить реактивные средства в позиционной войне ответил постановлением (см. дела Арткома за 1915 год), что хотя предложение интересно и не вызывает возражений, но так как оно требует разработки, а война скоро(?!) кончится, то и использовать его не удастся.

Жизнь показала неосновательность этого постановления, и о нем теперь приходится вспоминать, как о фактическом анекдоте. Пользуясь случаем, сообщаю, что недавно я написал статью относительно добавочной скорости при стрельбе реактивными снарядами... которую Вы скоро получите из академии...»

В этом же году за фундаментальный труд «Баллистика полузамкнутого пространства» Граве получил Сталинскую премию I степени (единолично, без соавторов). Эта книга до сих пор является учебником.

Мой муж по натуре был человеком не тщеславным и даже не честолюбивым. Но притом он был легко ранимым. Ему было как-то неловко, что его ученики стали даже маршалами, а он все в звании генерал-майора[8]. Чья-то рука то и дело вычеркивала его из списков на звание генерал-лейтенанта (хотя представления посылались неоднократно).

Впрочем, однажды он понял, в чем дело. В 1944 году в Центральном Доме Красной Армии был устроен банкет по случаю праздника артиллерии. Приглашенные пришли с женами. Все сидели за длинными столами, которые были уставлены всевозможными яствами. Правительство для банкета не пожалело денег.

Ждали Сталина, как его называли «хозяина». А он вообще имел привычку появляться внезапно, и никто никогда не знал, будет он или нет. Мне же вдруг стало плохо. Возникла острая боль в пояснице. Муж обеспокоился и потребовал: «Поедем домой!»

Когда мы выходили, стало необыкновенно тихо, затем раздались громкие аплодисменты. Оказывается, момент нашего ухода совпал с появлением из другой двери Сталина. Начальство заметило наше якобы демонстративное исчезновение с праздника и, видимо, запомнило.

Ивана Платоновича так и не допустили к опытно-конструкторским работам по совершенствованию реактивной техники.

Он умер 3 марта 1960 года. Похороны устроили торжественные, и мне невольно вспомнились его слова: «У нас хоронить умеют». На Новодевичьем кладбище на могиле мужа ныне стоит обелиск из красного и черного порфира. Его венчает устремленная ввысь ракета. Этот памятник поставило Министерство обороны Советского Союза.

Имя И. П. Граве Международный астрономический союз присвоил одному из кратеров на обратной стороне Луны (то, что на обратной, мне кажется символичным). Его можно найти в любой энциклопедии, оно известно всем артиллеристам. Однако Граве почему-то отказано в праве называться изобретателем реактивных снарядов.

Между тем следует помнить, в каких муках рождалось у нас реактивное оружие. Академик Я. Б. Зельдович писал: «Это была большая драма идей и драма людей... В предвоенное время борьба была очень острой и непростой. Большое наше счастье, что у нас нашлись люди, которые бескомпромиссно, до конца защищали преимущество реактивной артиллерии. И первым среди них был Граве...»

А профессор М. Е. Серебряков в статье «Об отечественном приоритете в области артиллерии»[9] отмечал: «Наша страна является родиной реактивной артиллерии, и только косность и продажность царских чиновников явились причиной того, что это изобретение пришло на вооружение армии много лет спустя после своего рождения. В настоящее время в практике всех армий в основном применяется ракетный заряд, аналогичный указанному в патенте, выданном И. П. Граве».

[1] Академия артиллерийских наук (1946-1953) — высшее научное учреждение, объединявшее советских ученых, работавших в области развития и боевого применения артиллерии, изучения ее истории, подготовки научных кадров.

[2] КОСАРТОП — Комиссия особых артиллерийских опытов. Организована в декабре 1918 г. по постановлению военно-законодательного совета Советской республики. Ее председателем назначили В. М. Трофимова (бывшего начальника Главного артиллерийского полигона).

В работу КОСАРТОПа включились академики В. Н. Ипатьев, П. П. Лазарев, А. Н. Крылов, Н. П. Молчанов, профессора Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин, В. П. Ветчинкин. Из артиллеристов наряду с И. П. Граве в ней участвовали Г. А. Забудский, Н. Ф. Дроздов, Р. А. Дурлахов.

[3] Точной даты письма установить не удалось.

[4] ОВИ — Отдел военных изобретений.

[5] Так в оригинале.

[6] И. В. Стефанович — коллега И. П. Граве по артакадемии.

[7] В 1924 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР о патентах. В соответствии с ним все патенты на изобретения, выданные после 1909 г., признавались недействительными. Поэтому И. П. Граве обратился в Комитет по делам изобретений с соответствующей заявкой, и ему вновь вручили патент на «Боевую, или светящую ракету» (регистрационный номер 144/14, номер патента 122-с). Всего же И. П. Граве было получено девять патентов, семь из которых имели отношение к военной технике, причем четыре — к реактивному оружию и порохам.

[8] Звание генерал-майора инженерно-технической службы было присвоено Ивану Платоновичу Граве в 1942 г.

[9] Известия артакадемии. 1955. Т. 91.

Д. И. ГРАВЕ

Фото из архива автора

«Военно-исторический журнал » № 11 - 1989
Исследуя судебные материалы
Происшествие в НИИ-3*

Кто изобрёл «КАТЮШУ»

* Окончание См : Военно-исторический журнал. — 1989 — № 10.

Название статьи в оригинале «Происшествие в НИИ-3»; изменено на «Кто изобрёл «КАТЮШУ»», для удобства поиска материала - Ю.З.

В ПИСЬМЕ Сергея Павловича Королева встречается далеко не лестное суждение об Андрее Григорьевиче Костикове. Видимо, автор письма имел на то основания. Ведь выражал он свое мнение в очень ответственный для себя момент, когда каждое его неправильное или неискреннее слово могло обернуться против него же: заключенный безвестный инженер обращался к главе правительства, вождю партии и народа. При этом ссылался на выступления Костикова на партийных собраниях, несомненно, фиксируемые в протоколах, что нетрудно тогда было проверить. В то же время вполне объяснимы и моменты недостойного по отношению друг к другу поведения Клейменова, Лангемака, Глушко и Королева. Оказавшись после ареста под внезапным, оглушившим ум и душу тяжелым обвинением во вредительстве и антисоветизме, постоянно терпя издевательства и пытки, они то подтверждали подсовываемые им следователями оговоры друг друга, то отказывались от ранее данных показаний. Но как понять того же, скажем, Костикова, способного, образованного инженера (у нас нет оснований называть его псевдоинженером, псевдоконструктором и псевдоученым, что иногда встречается в других печатных органах), человека, окончившего училище связи и военно-воздушную академию, который, понимая истинную цену и перспективность работы коллег, высказывал им публично свое недоверие?

А может, Андрей Григорьевич действительно увидел в некоторых из своих сотрудников врагов и постарался их разоблачить?.. Не станем гадать, эмоции здесь неуместны. Существуют факты, которые наталкивают на мысль, что Костиков не всегда был искренен, оценивая работы своих талантливых коллег, т. е. попросту порой завидовал им. Отсюда публичные необоснованные и необдуманные обвинения.

Как уже сообщалось, Костиков работал над кислородным двигателем, не получившим практического осуществления. Вместе с тем имеются показания арестованного Лангемака, утверждавшего, что над этим проектом работал Глушко. Но вот что показал по этому поводу сам Глушко на допросе (уже в качестве свидетеля) 5 мая 1955 года. Отвечая на вопрос военного прокурора Главной военной прокуратуры майора юстиции Расторгуева о правильности фактов, содержащихся в архивно-следственном деле Г. Э. Лангемака, В. П. Глушко заметил: **«Не соответствуют действительности показания Лангемака и в отношении меня. Я никогда не занимался разработкой кислородных двигателей, а работал всегда над азотными двигателями, так что эти показания Лангемака были, видимо, вынужденными. Он, конечно, прекрасно знал, чем я занимался, и перепутать он никак не мог. Он у нас был научным руководителем института в целом... Эти двигатели были государственной комиссией приняты и в период окончания Отечественной войны нашли применение на 4 типах самолетов авиации. Отчет по государственным испытаниям этих двигателей был утвержден лично тов. Сталиным. В период Великой Отечественной войны эти двигатели находились в серийном производстве».**

Теперь, по истечении стольких лет, когда основных свидетелей нет в живых, трудно объяснить, почему следствие вынудило арестованного Лангемака дать якобы ложные показания о том, что Глушко занимался зашедшей в то время в тупик темой Костикова, тогда как в действительности сам он добился успеха, решая иную проблему...

Обращает на себя внимание и тот факт, что Королев, по его словам, длительное время трудился над созданием реактивного самолета, подобного которому в то время в мире еще никто не построил, а в Советском Союзе никто, кроме Королева, и не думал строить. Но только тогда, когда один инженер, автор блестящей идеи, годами в одиночку занимающийся расчетами и проектами, чтобы претворить ее в жизнь, оказывается в заключении, другой дает обещание создать новый реактивный самолет.

Заставляет задуматься также и другое. А. Г. Костиков — специалист по связи, политработник, а после окончания Военно-воздушной академии еще и инженер-механик ВВС (эти сведения почерпнуты из его автобиографии) — вдруг становится изобретателем реактивного артиллерийского оружия. Причем инженер-конструктор, от которого зависел успех этой работы, уже осужден.

Получается странное совпадение. Три талантливых ученых (Лангемак, Глушко, Королев) называются врагами народа и репрессируются, а четвертый спустя некоторое время включается в дальнейшую разработку важнейших проектов, над которыми раньше плодотворно работали осужденные. Что ж, возможно, это все-таки случайность!..

Как бы там ни было, но в тех ложках яда, которые оказались у следователей, долгое время пытались топить невинных людей, чьи знания и опыт были столь необходимы стране.

На определенные размышления наводят выдержки из писем матери В. П. Глушко лично И. В. Сталину и в Прокуратуру СССР (соответственно март 1938 г. и январь 1940 г.):

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! — так начинается первое из них. — Позвольте обратить Ваше внимание еще на один вид вредительства, проводимого в отношении молодого специалиста, беспредельно преданного Советской власти. Мой сын Валентин Петрович Глушко, рождения 1908 года, будучи студентом последнего курса Ленинградского государственного института, сделал представление своего изобретения, которое комиссия приняла и признала предложение оборонного значения. С того же времени мой сын зачислен на государственную службу в научно - исследовательский институт НКОП (Народный комиссариат оборонной промышленности) в Москве. Имеет несколько томов научных трудов (два издания, а остальные засекречены). Работая в означенном институте, сын нажил себе врагов в лице заместителя директора института гражданина Костикова, которому удалось вооружить против сына директора Слонибера и еще кое-кого. Они состряпали материал против сына, на основании которого мой сын 23/4 и был арестован по ордеру № 1607. За месяц до своего ареста сыном было подано заявление... о том, что против него ведется травля, что ему не дают работать, но почему-то до сего времени расследование произведено не было...»

И второе письмо:

«Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик. Прокурору отдела по спецделам т. Руденко. [от] Глушко Марты Семеновны...

Сын мой Валентин Петрович Глушко осужден 15 августа 1939 года особой сессией НКВД на 8 лет. Работает он под Москвой. В ноябре месяце я имела с ним свидание. Он спрашивал меня, не знаю ли я, за что он осужден, так как его не вызывали и ничего не спрашивали, ему лишь объявили приговор заочного суда...

Правосудие введено в заблуждение его врагами, в подчинении коих он находился на службе. Это Поеда (Так в документе. Правильно — Пойла) и Костиков...

За м[еся]ц до ареста они исключили его из секции инженеров и профсоюза...»

5. БИОГРАФИИ В ПИСЬМАХ И ЗАЯВЛЕНИЯХ

Частое цитирование различных документов, в том числе писем и заявлений безвинно арестованных и их родственников, преследует две цели: во-первых, таким образом изложению придается больше достоверности и убедительности; во-вторых, каждая подробность, любая деталь, извлеченные из того или иного письменного источника, являются примечательным штрихом, дополняющим портреты участников истории, вехами в их биографиях и судьбах. Взять те же письма матери Валентина Петровича Глушко. «Мой сын из крестьян, — сообщает она в уже известном письме И. В. Сталину. — Дедушка Леонтий, отец Петр Глушко родились на хуторе... Черниговской губернии Кролевецкого уезда Алтыновской волости. Дедушка батрак, а отец работает по найму с 12-летнего возраста в торговых предприятиях...» Насколько важна эта деталь при оценке объективности предъявляемых в ту пору обвинений ее сыну, можно судить, прочитав выдержку из постановления на возбуждение ходатайства о продлении срока предварительного следствия по делу В. П. Глушко.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ. г. Москва, 1939 года, января 28 дня, я, следователь Следственной части НКВД СССР, младший лейтенант государственной безопасности ПИЛЮГИН, рассмотрел материал следственного дела № 18102 по обвинению гражданина Глушко Валентина Петровича, 1908 года рождения, сына б[ывшего] помещика, б[ывшего] инженера научно-исследовательского института № 3 НКОП...»

Если крестьянский сын по мановению следовательской руки превращался в сына помещика и автоматически потенциального врага, то не так трудно понять, каким образом подобные ему жертвы клеветы и наговора становились на бумаге террористами, ярыми антисоветчиками.

А вот еще некоторые детали из писем Марты Семеновны.

Из письма прокурору Руденко (13 января 1940 г.):

«Мой сын работал 8 лет старшим инженером в научно-исследовательском институте № 3 НКОП. Товарищ Орджоникидзе работой сына очень интересовался, оградил сына от преследований его врагов-завистников тем, что лабораторию сына выделил в самостоятельную лабораторию (Не знала простодушная и доверчивая Марта Сергеевна, что Берия и его приспешники жестоко преследуют всех, кто был близок к Серго Орджоникидзе, не ведала, что своим признанием подставляет сына под еще больший удар).

После смерти Орджоникидзе сын опять попал в подчинение своих врагов. Но с этого момента Поеда (Так в документе) **и Костиков буквально преследовали его...»**

Из второго письма: (Под письмом не сохранились ни подпись, ни дата (оторваны). Но содержание письма и почерк дают основание утверждать, что его автор — М. С. Глушко. Проставленные на нем штампы свидетельствуют, что в приемную И. В. Сталина оно поступило 3 апреля, в Прокуратуру СССР — 27 апреля 1939 г., а в секретариат ЦК ВКП(б) — 3 ноября 1941 г.)

«Дорогой т. Сталин!

Ваше великое и бесконечно дорогое учение о живом человеке побудило меня после годичного терпения, мытарств и бесконечных количеств переживаний, невзирая на ту колоссально большую государственную работу, которую Вы ведете на благо всего человечества, тем не менее беспокоить Вас лично и просить Вас оказать соответствующую помощь...»

Далее Марта Сергеевна приводит множество примеров унижений, которым она подвергается, жалуется на то, что ее лишают крова.

«Мой отец, — продолжает она свое скорбное послание, — **бывший машинист Юго-Западной Ж[елезной] Д[ороги], детей было 12 душ, причем два брата были еще студентами повешены царским правительством за участие в революционном движении, сестра моя курсистка была сослана в Сибирь, где и погибла, мне лично полковник... жандармского Одесского управления два зуба выбил, и тем отделалась.**

Вот и исходя из такого рода воспоминаний проклятого прошлого я лично и воспитала своего сына в духе любви и преданности социалистическому государству.

Знаю только одно, что покойник т. Орджоникидзе его знал, лично много сыну помогал, относился к нему, как к сыну, и всегда говорил: «Знай, Валя, что наш Сталин всегда говорит, что если мы ближе к цели, тем больше вызываем бешенство наших врагов».

Известно мне еще и то, что его труды имели большое оборонное значение, в силу чего его обязали все его процессы работы докладывать такому прохвосту, каким оказался Тухачевский.

Мой сын уже год и два месяца как арестован, суда до сих пор не было, и мне это непонятно, так как просто юристы без помощи лиц соответствующей ученой квалификации разобраться не в состоянии.

Дорогой т. Сталин! в данном случае по этому вопросу я к Вам обращаюсь и прошу Вас не как мать, а как деловой человек, сугубо заинтересованный в оборонной способности нашей родины, Вашего оперативного вмешательства в это дело, так как враги народа крепко приложили руку к этому делу, поставив себе задачей во что бы то ни стало помешать закончить изобретение.

Таким образом, естественно, как советская мать, переживаю этот большой для меня удар, я в довершение всего выбрасываюсь прямо на улицу. Должна отметить, что большую часть квартиры взяли, я осталась в маленькой

комнатушке, и теперь меня домоуправление выбрасывает буквально на улицу, как, между прочим, даже на основании юридических законов, до окончательного решения суда над моим сыном это, казалось бы, не имели права делать, тем не менее, когда я весь этот вопрос разъяснила товарищу Швецову... и сказала, что же мне делать, повеситься или в реку Москву броситься, другого исхода нет, он мне ответил: «Делайте, что хотите, меня не касается».

Вот поэтому, видя такую бесчеловечность, забронированную столь ярым бюрократизмом, [вынуждена] искать помощи и защиты у Вас, товарищ Сталин».

Не желал смириться с жестокой несправедливостью, а главное — с невозможностью работать С. П. Королев. Его переписка (заявления и жалобы), хотя о переписке трудно говорить, поскольку все, что исходило от Сергея Павловича, чаще оставалось без ответа, тоже содержит немало автобиографических и других сведений, касающихся драматических событий в Реактивном институте.

Приводим некоторые выдержки из этих документов.

«Москва, Прокурору СССР гражданину Панкратову.

[от] Королева Сергея Павловича, 1906 г [ода] рождения, осужденного Особым Совещанием на 8 лет лаг [ерей]. Решением Особого Совещания НКВД от 10 июля сего г[ода] я приговорен к 8 годам заключения в лагеря за «вредительскую троцкистскую деятельность». Прошу Вас задержать исполнение решения Особого Совещания, само решение отменить, а дело мое снова передать на объективное расследование, т[ак] к[ак] я никогда и нигде не занимался вредительством, равно как и какой-либо антисоветской троцкистской деятельностью, в силу чего подобный приговор совершенно неправилен и глубоко несправедлив.

Более того, в настоящее время я вынужден очень и очень просить Вас уже лично и непосредственно вмешаться в мое дело, не ограничиваясь ни обычным запросом, ни докладом из вторых рук, т[ак] к[ак] я ясно вижу [и этому есть документальные и технические данные и живые свидетели), что имеет место следующее:

1. Исключительно важное и существенно необходимое для СССР оборонное дело — создание ракетных самолетов, резко превосходящих по своим летно-техническим данным лучшие винтомоторные современные образцы, — это дело замалчивается, презрительно игнорируется, ведется недопустимо медленно и плохо. Несмотря на всю вопиющую недопустимость такого положения, вот уже третий год как все мои заявления не только безрезультатны, но я не знаю даже их судьбы. Работы над ракетными самолетами в СССР были впервые организованы и велись мною. Аналогичных работ более не велось нигде. Но арестованные враги народа подлой клеветой ввели в заблуждение НКВД, в результате чего я был в 1938 г [оду] арестован и тогда же осужден Веенн[ой] коллегией] на 10 лет тюрьмы: гнусное поведение, ложь со стороны нескольких карьеристов, использовавших свое служебное и партийное положение, это все усугубляет.

2. Работа была для меня целью всей моей жизни, и я еще и еще раз заявляю, что она была полезной для СССР. Я мог создать впервые для СССР мощные ракетные самолеты, но вот уже 3-й год, как меня... пытаются изобразить вредителем, троцкистом, всячески уменьшают значение моих работ...

3. На следствии [19] 38 г [ода] меня подвергли репрессиям, добиваясь «признания» моей вины, хотя я ни в чем не виноват и хотя было ясно, что мой арест принесет лишь вред большому и нужному делу и есть результат лжи, клеветы, обмана. Но суд, не разбираясь в деле, осудил меня...

4. При повторном следствии устанавливается несостоятельность и просто ложность моих обвинений...

Я горячо еще и еще раз прошу Вас лично вмешаться в мое дело, уделить его рассмотрению хоть несколько минут, а по всем вопросам, которые требуют выяснения, прошу предоставить возможность дать показания, допросить свидетелей с моей стороны — профессора Пышкова, проф[ессора] Юрьева, инж[енера] Дрязгова, а также экспертов Щетинкова и Кисенко, дать мне очные ставки и пр.

Я могу доказать мою полную невиновность и прошу дать мне эту возможность. Я глубоко подавлен неправильным и несправедливым решением Особого Совещания, зачеркивающим всю мою жизнь и работу. Я уже писал Вам заявления 10 июня с[его] г[ода] из внутренней тюрьмы и 5 июля из Бутырской тюрьмы, а также прокурору гражданину Осипенко 2 июня сего года из внутренней тюрьмы и просил Вашего вмешательства, чтобы объективно выяснить истину.

Ниже кратко повторяю существо дела: Я авиаинженер и летчик. Ряд лет работал в авиапромышленности. Осуществил ряд своих оригинальных конструкций планеров и самолетов. С 1931 года заинтересовался ракеткой проблемой и был организатором этого дела в Москва, где в 1933 году при моем участии пускается первая жидкая ракета. Тогда же впервые в СССР я сдал работу над крылатыми ракетами и самолетом для полета человека. Одна из новых книг о полете на ракетах написана мною в 1934 году, а также ряд статей, сделай ряд докладов и пр. С 1935 г [ода] я без посторонней помощи практически веду работы, испытываю ряд ракет, делаю сотни опытов и пусков. Летом 1933 г[ода] я испытываю первый ракетный самолет, осуществленный по моему проекту мною же, и закончивший испытания с успехом уже без меня в [19] 40 г., как указывает экспертиза...

Я молодой беспартийный специалист и я честно работал над своим делом, не жалея своей жизни, был дважды ранен на работе и я не заслуживаю столь тяжких обвинений.

Прошу Вас отменить решение Особого Совещ[ания] и мое дело заново пересмотреть.

23 июля [19] 40 г [ода] с. Королев».

«Прокурору Союза ССР. Только лично [от] Королева Сергея Павловича, осужд[енного] Особым Совещанием НКВД к 8 годам Исправительных Т [рудовых] Л[агерей], Бутырская тюрьма, кам[ера] 66.

Прошу Вас вызвать меня для личных переговоров с представителем прокуратуры по всем важным вопросам, связанным с моим делом.

Я нахожусь под стражей третий год, будучи невиновным в предъявляемых мне обвинениях, м[ожет] б[ыть], хотя бы поэтому Вы не откажете в этой моей просьбе. До сих пор все мои заявления на Ваше имя оставались без ответа...

13.09. 1940 г [ода]. С. Королев».

НЕ СМИРИЛСЯ С ЧЕРНЫМ ПЯТНОМ В БИОГРАФИИ ОН И ПОЗЖЕ.

«В Главную военную прокуратуру СССР. г. Москва, ул. Кирова, N9 41.

[от] Королева Сергея Павловича, проживающего в г. Калининград[е], Московской области... 7 июня 1938 года я был арестован органами НКВД по обвинению в участии в антисоветской организации. Я обвинялся во вредительстве в области новой техники, в которой я в то время работал. Основанием для этого послужили, как мне было сказано на следствии, показания б[ывших] работников НИИ: И, Т. Клейменова, Г. Э. Лангемака и В. П. Глушко. Осенью того же года я был осужден Военной коллегией Верховного суда к тюремному заключению сроком на 10 лет. В 1939—[19] 40 гг. этот приговор был отменен и заочным решением Особое Совещание при НКВД СССР 10 июля 1940 г[ода] по ст[атьям] 17-58-7, 11 Уголовного К[одекса] осудило меня к 8 годам лишения свободы.

После этого я работал, будучи заключенным, конструктором в К[онструкторском] Б[юро] авиазавода, на производстве главным конструктором объекта по новой технике в системе 4-го спецотдела НКВД.

10 августа 1944 года по решению Президиума Верховного Совета СССР я был досрочно освобожден со снятием судимости...

В то время я был заместителем Главного конструктора ОКБ завода № 16 МАП (Министерство авиационной промышленности).

В сентябре 1945 года я был командирован в Советскую зону Германии для изучения новой техники. В августе 1946 года я был назначен Главным конструктором НИИ Министерства вооружения (ныне МОП)(Министерство оборонной промышленности). Здесь я работаю и в настоящее время.

Прошу Главную военную прокуратуру пересмотреть мое дело и полностью меня реабилитировать, так как я в никакой антисоветской организации никогда не состоял и ничего о существовании такой организации не знап и не подозревал.

Никаких действий антисоветского характера за И. Т. Клейменовым, Г. Э. Лангемаком и В. П. Гпушко я не замечал и не знал.

Если существовали какие-то показания этих или иных лиц, то все это есть результат вымысла с их стороны или какого-то огромного недоразумения. Во время следствия по моему делу я ничего не мог доказать и объяснить, так как следствие в то время велось в совершенно недопустимой форме и обстановке. Вернее было бы сказать, что никакого следствия по существу дела и предъявляемых обвинений в то время не производилось.

Меня обвинили во вредительстве в области новой техники, где я работал в то время.

Более неправдоподобного и нелепого обвинения трудно себе представить, так как работа в области новой техники была для меня целью всей жизни и любимым делом. Еще в 1929 году я познакомился с К. Э. Циолковским. С тех пор я посвятил свою жизнь этой новой области науки и техники, имеющей огромное значение для нашей Родины.

Мне пришлось участвовать в самых первых в СССР работах в этой области, а затем в 1938 году после моего ареста все было прервано на несколько лет и лишь с 1943 года я снова мог немного работать по специальности. Нельзя не отметить с удовлетворением, что [в] последние 10—12 лет ходом всего развития отечественной, а также мировой техники и промышленности были полностью подтверждены все положительные основы, которые были заложены более 23 лет назад в СССР в этой области.

В июле 1953 года партийная организация нашего предприятия приняла меня членом Коммунистической партии Советского Союза. С октября 1953 года я состою членом-корреспондентом Академии наук СССР в области техники, по отделению технических наук.

Еще раз прошу Главную военную прокуратуру пересмотреть мое дело и снять с меня пятно осуждения.

30 мая 1955 г [ода]. С. КОРОЛЕВ».

6. КТО ИЗОБРЕЛ «КАТЮШУ»?

Как уже отмечалось, к идее создания, делу конструирования и боевого внедрения легендарного гвардейского миномета и снарядов к нему в настоящее время «приписаны» многие фамилии. Мы не ставили целью восстановить во всех деталях фактическую или надуманную причастность каждого из называемых в энциклопедической справочной и мемуарной литературе инженеров-ученых. Хотим лишь на основе документов, которыми мы располагали, определить главное лицо или группу лиц, долго, настойчиво и плодотворно занимавшихся этими проблемами.

Вообще-то, следуя фактам, содержащимся в делах инженеров - “заговорщиков” из НИИ-3, различным показаниям, а также логике, причастность некоторых из лиц, фамилии которых называются, можно признать условной с немалой степенью достоверности. Скажем, Н. И. Тихомиров, Б. С. Петропавловский, И. Т. Клейменов, в разные годы возглавлявшие научные лаборатории и учреждения, в которых разрабатывались вопросы ракетной техники, конечно же, сделали определенный вклад в решение научно-технических вопросов, хотя бы даже по линии организационного и материального обеспечения. А если учесть, что все они были не только администраторами, но и инженерами, конструкторами, учеными, то весомость этого вклада еще больше возрастет.

Правда, не все сотрудники того же РНИИ одинаково оценивали вклад руководства в общее дело. Для примера приведем выдержки из протоколов допроса трех свидетелей, характеризующих деятельность директора Реактивного института в 30-е годы — И. Т. Клейменова.

Протокол допроса В. П. Глушко 5 мая 1955 года:

«ВОПРОС: вам предъявляется обзорная справка от 25 апреля 1955 г [ода] по арх[ивно]-сл[едственному] делу Лангемака. Прошу ознакомиться с ней и дать показания, что вам известно о деятельности НИИ-3 и лично Клейменова?

ОТВЕТ: примерно в 1928 г[оду] в Ленинграде была создана газодинамическая лаборатория. Она была создана для реактивной тематики. Я в эту лабораторию пришел работать в 1929 г[оду]. Нач[альником] лаборатории был Петропавловский. В конце 1932 г[ода] или в начале 1933 г [ода] в связи со смертью Петропавловского начальником лаборатории был назначен Клейменов. Он до этого, как мне позже стало известно, работал в Берлинском торгпредстве. К приходу в лабораторию Клейменова в ней было три отделения: одно отделение возглавлял я, второе — Лангемак и третье — Дудаков.

Нужно отметить, что до прихода Клейменова лаборатория была очень бедной организацией, средств нам отпускалось очень мало. Своих мастерских, если не считать небольшого помещения с одним станком, на полигоне не было. Реактивное дело тогда еще только начинало развиваться и большой поддержки со стороны правительства не имело, дело было совершенно новое. Так что наше существование, существование нашей лаборатории зависело от того, насколько мы продвинем вперед реактивное дело.

Такая же инициативная группа, ютившаяся в подвальном помещении, существовала при Осоавиахиме в Москве. В числе руководящей группы, вернее, даже начальником этой группы реактивного движения при Осоавиахиме был Королев.

Когда к нам на должность начальника Ленинградской газодинамической лаборатории прибыл Клейменов, он в нашу работу внес некую, как говорится, струю. Кроме того, что он был инженером и понимал дело, он еще имел хорошие организаторские способности (Выделены эти строки, как и последующие в показаниях свидетелей, авторами), Сразу же он добился выделения для нашей лаборатории помещения и мастерской, а также увеличения средств на конструкторскую работу. Глубокой осенью 1933 г [ода] по его инициативе правительством было издано постановление о создании на базе нашей лаборатории и группы изучения реактивного движения в Москве Реактивного научно-исследовательского института. Клейменов был назначен начальником] этого института. К концу 1933 г[ода] наша лаборатория из Ленинграда полностью переехала в Москву, где объединилась с группой Королева. Для института были выделены хорошие здания. **Я хочу подчеркнуть, что благодаря инициативе Клейменова научно-исследовательская работа в области реактивного дела была поставлена на хорошую производственную основу и у нас собственно организация стала настоящей».**

Несколько совпадает с оценкой В. П. Глушко мнение Ю. А. Победоносцева. 12 мая 1955 года на допросе он показал:

«С Клейменовым И. Т. я впервые познакомился в 1932 или 1933 году в Ленинграде, когда он был начальником] газодинамической лаборатории. После этого примерно в 1933 году был создан в Москве Реактивный институт. Начальником этого института был назначен Клейменов. С 1933 г[ода] до дня ареста Клейменова я работал с ним вместе в Реактивном институте. Он окончил академию им[ени] Жуковского. По специальности был инженер-авиационник. **Как начальник института он непосредственно вопросами изобретения и технического усовершенствования не занимался, а осуществлял только общее руководство всей деятельности института и организаторскую работу. Как организатор и руководитель Клейменов показал себя с положительной стороны...»**

Совершенно противоположный отзыв дает С. П. Королев при допросе его (как свидетеля) 16 мая 1955 года:

«...Клейменова я знал по совместной работе примерно с 1934 года до дня его ареста. Первоначально месяца 3 я был у него заместителем, потом мы с ним не сработались и я изъявил желание возглавлять один из конструкторских отделов.

Клейменова я могу характеризовать так: **он любил пожить, глубоко в дела института не вникал, особенными организаторскими способностями не отличался.** Самолюбив. Ничего другого отрицательного я за ним не замечал.

...Мне в Клейменове не нравились личные качества, — барство, пренебрежение к людям... Мне... казалось, что Клейменова за его барство и пренебрежение к людям никто не любил, поэтому о каких-то близких взаимоотношениях его с работниками института я ничего не замечал».

В числе участников создания «катюши» называют Ю. А. Победоносцева. Но он сам, отвечая на вопрос, «кто был автором этого оружия», полностью отрицает свою причастность. **«Автором реактивных снарядов «катюша»,** — объяснял Юрий Александрович, — **был целый коллектив инженеров: начиная от Артемьева, Лангемака, Петропавловского, Шварца и других]. Они разработали сами снаряд...»** Если учесть его скромность и то, что он мог себя отнести к числу тех, кого обозначил словом «других», то уж даже самый скромный человек не сказал бы, что разработали снаряд не «мы», а «они». Точно так же говорил и упоминаемый в энциклопедических справочниках и в показаниях того же Ю. А. Победоносцева В. А. Артемьев. Когда в феврале 1944 года зашла речь об истинных создателях «катюши», в частности, при выяснении вопроса о вращающихся системах, В. А. Артемьев сказал: **«Они настаивали потому, что они считались авторами этого дела...»** Снова не «МЫ», а «ОНИ». Человек сам признавал свою непричастность к **«этому делу».** Впрочем, приведем более подробно документ, из которого только что извлечена эта фраза. Вот он:

«ВЫПИСКА управление кадров ЦК ВКП(б).

Совещание о работе научно-исследовательского института-3 при СНК СССР

19 февраля 1944 года.

АРТЕМЬЕВ:... и вот первый год был приглашен работающий в то время у профессора ФИЛИППОВА ЛАНГЕМАК. Он в качестве подсобного работника работал для помощи во всякого рода вычислениях.

БУДНИКОВ: у профессора ФИЛИППОВА он кем работал?

АРТЕМЬЕВ: он был слушателем артиллерийской академии, он выполнял какую-то тему у профессора ФИЛИППОВА. ГАЙДУКОВ: когда получились снаряды М-8, М-152? (Так в документе. Правильно М-13 или 132 мм снаряд)

ГОЛОС: М-13 не было, а первый снаряд, который пошел на вооружение, появился в 1933 году. Это были первые образцы типа 8...

ГАЙДУКОВ: Лангемак на вращающихся настаивал?

АРТЕМЬЕВ: они настаивали потому, что они считались авторами этого дела, по-видимому, это служило одним из мотивов, они работали над ним около 3 лет.

ГАЙДУКОВ: кто же в то время (1932 г.) занимался 82-мм снарядами?

ОТВЕТ: ЛАНГЕМАК, ПОЙДА, ШВАРЦ.

ГАЙДУКОВ: какую роль сыграл ЛАНГЕМАК?

ОТВЕТ: ЛАНГЕМАК сыграл большую роль.

ГАЙДУКОВ: он был главным инженером?

ОТВЕТ: да, с 1934 года».

Итак, названы фамилии трех инженеров, вплотную занимавшихся созданием реактивных снарядов. Что касается Федора Николаевича Пойды, то он в дальнейшем или сам устранился от этой темы, или же его другие «отодвинули». По крайней мере, при его допросе (в качестве свидетеля) 26 февраля 1944 года речь шла только о присвоении Костиковым и Аборенковым чужого изобретения. Сам же Пойда к тему времени, судя по протоколу допроса, работал в другом научно-исследовательском институте. Леонид Эмильевич Шварц продолжал работать в НИИ-3 и после ареста И. Т. Клейменова и Г. Э. Лангемака. Хотя в показаниях арестованных, в частности Клейменова, он и назывался участником контрреволюционной группы, но к уголовной ответственности не привлекался. В 1944 году Шварц с группой конструкторов попал в авиакатастрофу и погиб. Участником создания «катюши» в те годы он тоже официально не считался. Точно так же, как и Георгий Эрихович Лангемак, названный первым, и вполне заслуженно, в этой тройке. Он

был артиллеристом, можно сказать, профессионалом, имел большой боевой и конструкторский стаж.

Военную службу Г. Э. Лангемак начал в 1916 году восемнадцатилетним юношей. В феврале 1917 года закончил мичманскую школу и более года служил артиллеристом в береговой обороне Финского залива. В 1919 году добровольно вступил в Красную Армию и в течение четырех лет прошел должности — командира батареи, дивизиона, бригады и помощника начальника артиллерии Кронштадтской крепости. Затем, обучаясь в артиллерийской академии, которую успешно закончил, вплотную занялся созданием реактивных снарядов. Вот что об этом сообщил на допросе в мае 1955 года его давний коллега В. П. Глушко:

«Лангемак — это талантливый инженер. Он окончил артиллерийскую академию в Ленинграде и всю свою работу посвятил разработке пороховых реактивных снарядов. Нужно сказать, что а этом направлении он проделал огромную работу. Так, в справке (Имеется в виду обзорная справка по делу осужденного и расстрелянного в январе 1938 г. Г. Э. Лангемака. которую В. П. Глушко предоставили для ознакомления) указано, что Лангемак вредил в изготовлении этих снарядов и в этих целях задерживал изготовление реактивных снарядов. Это, конечно, фантазия и нужно понимать так, что в действительности было все наоборот. 82-мм и 132-мм реактивные снаряды разрабатывались Лангемаком вместе с подчиненными ему работниками. **Автором этих снарядов являлся, по существу, Лангемак.** Так вот, к моменту ареста Лангемака эти снаряды были уже почти готовы. Их можно было сдавать в производство, так как еще сам Лангемак провел испытание их и они показали блестящие результаты. Эти снаряды мы знаем по Отечественной войне, как снаряды «катюша». К моменту ареста Лангемака, может быть, не была еще оформлена документация по конструкции этих снарядов, но основная работа была закончена. **Когда началась Отечественная война, то разработки Лангемака подняли, а поскольку не было автора этих снарядов, то новый директор института Костиков, ныне покойный, сдал их в производство.** Какое применение эти снаряды нашли в Отечественной войне и какие показали результаты, мы об этом знали из истории Отечественной войны, и, мне кажется, **Лангемак за это должен быть помянут хорошим словом. Это его заслуга, что он своим трудом обогатил артиллерийскую науку изобретением таких снарядов, как «катюша».**

Сведения В. П. Глушко уместно дополнить выдержкой из хранящегося в материалах документа, который сообщает, что **«приказом неродного комиссара оборонной промышленности СССР за № 0058 от 27 марта 1937 года Лангемак за лабораторную разработку, теоретическое обоснование и создание ракетных снарядов и бронебойных бомб премирован денежной премией 10 тысяч рублей».** Эти строки взяты из определения Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 ноября 1955 года.

* * *

Вот такое чрезвычайное происшествие случилось в НИИ-3 более чем 50 лет назад. Долгое время не предававшееся общественной огласке в деталях и на документальной основе, оно породило безнравственные поступки, неверное представление у многих как об инженерах-«заговорщиках», так и об их труде. Но на этом мы не ставим точку, поскольку история, приключившаяся в Реактивном институте, имеет продолжение. Есть документы, которые несколько по-иному освещают отдельные детали происшествия, дают им более объективную оценку. Как только представится возможность, редакция опубликует их. Очень надеемся мы и на отклики читателей, осведомленных о неизвестных фактах столь нашумевшего дела.

Полковник юстиции Н. Л. АНИСИМОВ, капитан 1 ранга В. Г. ОППОКОВ

№3 1991

ПРОИСШЕСТВИЯ после «Происшествия...»

ПРОШЛО более года после публикации в нашем журнале (1989.— № 10, 11) судебного очерка «Происшествие в НИИ-3», Напомним, что речь в нем шла о судьбе сотрудников Реактивного научно-исследовательского института И. Т. Клейменова (директор), Г. Э. Лангемака (заместитель директора), В. П. Глушко (инженер), С. П. Королева (инженер), арестованных органами НКВД в 1937—1938 гг., а также содержалось краткое исследование истории создания боевой реактивной установки («катюша») и снарядов к ней. Эта публикация вызвала широкий читательский отклик. Особенно возрос приток писем после того, как в газетах «Красная звезда», «Вечерняя Москва» и «Социалистическая индустрия» были помещены материалы, в которых необоснованно предлагалось «возвратить изобретательство» известного реактивного оружия А. Г. Костикову. Многих читателей ввело в заблуждение «высокое представительство» автора одного из таких материалов — Ю. Г. Демянко (а именно ему принадлежат печатные изыскания на страницах «Социалистической индустрии»), подписавшегося как председатель комиссии ЦК КПСС. Впоследствии стало известно, что эти полномочия несколько превышены, а пространные рассуждения Демянко в защиту Костикова недостаточно основательны. У части читателей вызывает удивление и заявление писателя Ярослава Голованова, выпустившего в свет известную хронику о конструкторе С. П. Королеве. В то время как «Военно-исторический журнал», обнародовав впервые письма Сергея Павловича Королева, в том числе и послание из заключения И. В. Сталину, получил своеобразный научный и исторический приоритет на эту важную публикацию, писатель спустя несколько месяцев ничтоже сумнящеся заявил о своем «первооткрывательстве» этих документов.

За минувший год произошли и более существенные происшествия. Так, газета «Социалистическая индустрия» приказала долго жить, а выводы комиссии Ю. Г. Демянко были признаны недостаточно компетентными. Впрочем, читатель сможет сам судить об этом, ознакомившись с содержанием публикуемых ниже документов.

РАПОРТ

Отп. 8 экз.:

№ 1 — тов. Сталину

№ 2 — тов. Ворошилову

№ 3 — тов. Молотову

№ 4 — тов. Рухимовичу

Экз. № 5 — тов. Мартиновичу

» № 6 — тов. Халепскому

» № 7— тов. Алкснису

» № 8 — НИИ № 3 НКОП (Народный комиссариат оборонной промышленности)

14.1.1937 г.

Научно-исследовательский институт № 3 Наркомата оборонной промышленности рапортует о новом достижении советской оборонной техники: успешно закончены полигонные (государственные) испытания разработанных НИИ-3 ракетных-осколочных 82-мм снарядов и орудийной установки к ним на самолете И-5.

Научно-исследовательский институт ВВС РККА, проводивший эти испытания, дал в своем отчете следующее заключение:

«Реактивные снаряды калибра 82-мм на самолете И-5, разработанные Реактивным научно-исследовательским институтом НКОП, ПОЛИГОННЫЕ ИСПЫТАНИЯ ВЫДЕРЖАЛИ и, учитывая, что Военно-Воздушные Силы РККА НЕ ИМЕЮТ НА ВООРУЖЕНИИ ОРУЖИЯ ПОДОБНОГО КАЛИБРА с лучшими характеристиками, чем РС, могут быть допущены к войсковым испытаниям».

Кроме того, НИИ ВВС отмечают следующие достоинства ракетных снарядов:

а) возможность вооружения истребителя типа И-5 оружием калибра 82-мм с боезапасом в 6 снарядов, не являющимся пределом даже для И-5;

б) возможность огневого нападения на воздушную цель, находясь за пределами поражаемой зоны мелкокалиберными пушками;

в) возможность эффективного обстрела живых и малоукрепленных наземных целей, а равно подлодок и мелких судов, при пикировании (при наличии бронебойного снаряда) с удаления до 4000 мт (Так в документе; имеется в виду — метров) и с бреющего полета до 1500 мт;

г) скорострельность установок неограниченная;

д) возможность комбинирования метода стрельбы как самой установкой (одиночная, серийная, залповая), так и шагом установки трубок (завеса, накрывающая группа и т. д.);

е) незначительный вес и габариты установки;

ж) простота в обращении, гарантирующая быструю подготовку личного состава,

На основании этих результатов Управление Воздушных Сил РККА приняло решение провести в 1937 г. войсковые испытания 82-мм ракетной установки на самолете И-15, а также полигонные и войсковые испытания 132-мм установки на самолетах Р-6 и СБ, для чего заказаны промышленности серийные партии этих снарядов.

Кроме того, по заданию наркома обороны Маршала Советского Союза тов. Ворошилова НИИ № 3 приступил к разработке 203-мм ракетной установки и снаряда для вооружения самолета ТБ-3.

Таким образом, наряду с успешным разрешением проблемы повышения мощности бомбометания путем создания ракетных авиационных бетонобойных и бронебойных бомб НИИ № 3 в 1936 г. закончил вторую задачу — вооружения авиации крупнокалиберными снарядами.

Это достижение тем более значительно, что ракетное вооружение может быть установлено и на любом самолете гражданского типа без какой бы то ни было переделки материальной части.

В разрешении проблемы авиационного ракетного вооружения принимали непосредственное участие:

Работники НИИ № 3:

военинженер 1 ранга тов. ЛАНГЕМАК Г. Э.,

военинженер 2 ранга тов. ГЛУХАРЕВ К.К.

инженер ПОБЕДОНОСЦЕВ Ю. А., инженер ПЕТРОВ Е. С, инженер АРТЕМЬЕВ В. А., военинженер 3 ранга тов. ШВАРЦ Л. Э., интендант 3 ранга тов. БУТОРИН Н. С. Работники ВВС РККА: военинженер 2 ранга тов. ЛОБАЧЕВ, военинженер 2 ранга тов. ГЛУЩЕНКО, интендант 1 ранга тов. ЗАНДЕР.

Директор НИИ № 3 — НКОП военинженер 1 ранга [подпись] (И. Клейменов)

Заместитель директора НИИ № 3 по научной части военинженер 1 ранга [подпись] (Г. Лангемак)

Ведущий инженер [подпись] (Ю. Победоносцев)

ПРИКАЗ по народному комиссариату оборонной промышленности № 0058

г. Москва 22 марта 1937 г.

За выдающиеся достижения, достигнутые научно-исследовательским институтом №3 — Четвертого Главного управления НКОП в разработке крупнокалиберного вооружения авиации, мощных авиационных бомб и создание 1-го в Советском Союзе ракетного двигателя на азотном топливе, приказываю:

1. Директора научно-исследовательского института № 3 тов. КЛЕЙМЕНОВА И. Т. за руководство институтом, обеспечившее выполнение правительственного задания, премировать трехмесячным окладом.

2. Заместителя директора НИИ № 3 тов. ЛАНГЕМАКА Г. Э. — военинженера 1 ранга — за лабораторную разработку, теоретические обоснования и создание основных конструкций по ракетным снарядам и бетонобойным бомбам премировать — 10 000 рублей.

3. ГЛУШКО В. И. — старшего инженера — за создание первого ракетного двигателя на азотном топливе премировать — 5000 рублей.

4. ПЕТРОВА Е. С. — инженера-конструктора — за разработку технологического процесса и рабочих чертежей на основе имевшихся конструкций премировать — 3000 рублей.

5. ПОБЕДОНОСЦЕВА Ю. А. — инженера — за успешное проведение государственных испытаний и разработку отдельных вопросов теорий ракетных снарядов — премировать двухмесячным окладом.

6. АЛЕКСАНДРОВА В. И. — военинженера 3 ранга — за успешное руководство всеми испытаниями и обеспечение сроков по выполнению всего задания премировать двухмесячным окладом.

7. ШВАРЦА Л. Э. — военинженера 3 ранга — за успешное проведение заводских испытаний премировать полуторамесячным окладом.

8. ГЛУХАРЕВА К. К. — военинженера 2 ранга — за активное участие в организационной работе по всем заданиям премировать полуторамесячным окладом.

Разрешить директору НИИ № 3 тов. КЛЕЙМЕНОВУ израсходовать 20000 рублей на премирование лучших стахановцев, ударников, рабочих, инженерно-технических работников и служащих, наиболее отличившихся в деле разработки новых образцов вооружения РККА.

п. п. Народный комиссар оборонной промышленности — Рухимович.

Верно: Ст. Инструктор 1-го Отдела НКОП [подпись] (Арсеенков)

Копия

В Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС

тов. Комарову П. Т.

Тов. Клейменова Ивана Терентьевича я знал с 1930 г. В течение восьми лет почти ежегодно он и погибший в Отечественную войну писатель Кудашев В. М. приезжали ко мне в ст[аницу] Вешенскую отдыхать и охотиться. Всех нас

связывала большая дружба, и как друзья мы всегда держались запросто, но никогда, ни разу за восемь лет я не слышал от Клейменова антипартийного слова или даже намека на него.

По моему глубочайшему убеждению, Клейменов, безгранично преданный партии и чистый коммунист, стал жертвой происков подлинных врагов народа.

В 1938 г. я ходил к Берия по делу Клейменова. Будучи твердо уверенным в том, что арест Клейменова — ошибка, я просил Берия о тщательном и беспристрастном разборе дела моего арестованного друга. Но Берия при мне, наведя по телефону справки, сказал, что Клейменов расстрелян вскоре же после ареста.

Верю, что, ознакомившись с «делом» Клейменова, Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС посмертно реабилитирует убитого врагами коммуниста Клейменова И. Т.

М. Шолохов Член КПСС с 1932 г. Партбилет № 02129309 Ст. Вешенская, Каменской обл. 4.III.1955 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

№ 28 от 15 ноября 1989 г. заседания Бюро Группы ветеранов ракетной техники Советского национального объединения историков естествознания и техники АН СССР

На заседании Бюро присутствовали 11 членов Бюро, отсутствовало 5 чел[овек]. Присутствовал также т[ов]. Попов А. С. (приглашенный)

Повестка дня

1. О корреспонденциях Ю. Бирюкова в газетах «Красная звезда» от 29.X.[19]89 г. и «Вечерняя Москва» от ЗО.X.[19]89 г. — «Конструктор «катюш».

При обсуждении статей выступили члены Бюро: Горбачев Н. П., Шитов В. К., Меркулов И. А., Андреев В. А., Козлов С. И., Галковский В. Н., Чичерин А. С., Костяшин П. И., а также ветеран ракетной техники Попов А. С.

Заслушав мнения и суждения указанных ветеранов р[акетной] т[ехники], работавших в РНИИ в период создания ракетных снарядов (М-13) и пусковой механизированной установки для них (БМ-13), которые свидетельствовали и утверждали, что А. Г. Костиков не принимал непосредственного участия в разработке конструкций указанных изделий, Бюро Группы ветеранов ракетной техники постановило: «Считать, что А. Г. Костиков не может называться создателем и конструктором «катюши».

За принятие постановления проголосовали все члены Бюро за исключением одного воздержавшегося т[ов]. Галковского В. Н.

Бюро поручило выступить по этому вопросу на заседании секции истории авиации и космонавтики т[ов]. Попову А. С, Шитову В. К., Горбачеву Н. П., Меркулову И. А., Чичерину А. С. Председатель [подпись] (Костяшин П. И.) Секретарь [подпись] (Калянова М. П.)

РЕКОМЕНДАЦИИ

объединенного заседания секции истории авиации и космонавтики и группы ветеранов ракетной техники Советского национального комитета по истории и философии науки и техники АН СССР от 20 ноября 1989 г.

Заслушав и обсудив доклады о научно-технической и организационной деятельности А. Г. Костикова (1899—1950 гг.) (Здесь имелись в виду не годы деятельности, а годы жизни), участники заседания считают возможным высказать следующие рекомендации:

1. Под «катюшей» следует понимать комплекс, состоящий из комплекта реактивных снарядов, механизированной пусковой установки и ряда других устройств. Поэтому нельзя считать автором «катюши» какого-либо одного человека или двух-трех человек. Правильнее считать, что это техническое средство является результатом многолетнего коллективного творчества ряда организаций и многих исследователей, конструкторов и изобретателей, работавших над этой проблемой на протяжении двух десятилетий.

Награды же, присвоенные А. Г. Костикову в рассматриваемый период (1939— 1942 гг.), были в соответствии с практикой того времени вручены ему как руководителю (в этот период) предприятия, которое внесло существенный вклад в создание нового вида вооружения и его внедрение в Красной Армии.

2. Поставить перед соответствующими организациями вопрос об ускорении публикации материалов по истории ракетной техники в нашей стране в 30—40-е годы, которые до настоящего времени были недоступны исследователям.

3. Обратиться в директивные органы с предложением о награждении (посмертно) Г. Э. Лангемака, Б. С. Петропавловского, И. Т. Клейменова и других лиц, сыгравших решающую роль в создании реактивных снарядов для первых образцов РСЗО (реактивных систем залпового огня. — Ред.) («катюш»).

4. Принять к сведению мнение бюро группы ветеранов советской ракетной техники о том, что А. Г. Костиков не может считаться ни изобретателем, ни конструктором «катюши».

5. Просить всех желающих, кто не успел выступить, представить в бюро секции свои соображения, связанные с рассматриваемым вопросом для включения их в материалы заседания, которые будут готовиться к публикации.

Председатель заседания академик [подпись] (Б. В. Раушенбах)

Копия 25 декабря 1989 г.

Секретарю ЦК КПСС тов. Бакланову О. Д.

Глубокоуважаемый Олег Дмитриевич!

Ознакомившись с письмом жены и дочерей И. Т. Клейменова, а также с любезно предоставленной Вами «Справкой комиссии по изучению обстоятельств, связанных с разработкой в СССР первых образцов реактивных систем залпового огня...» (Имеется в виду комиссия, возглавлявшаяся Ю. Г. Демянко), считаю необходимым высказать следующие соображения:

1. Основу для создания этого вида оружия составили исследования ГИРДа, ГДЛ и РНИИ, в результате которых были сконструированы и испытаны первые образцы реактивных снарядов. Лишь после этого и благодаря этому стала реальностью сама возможность установок залпового огня и могли появиться «заказ и ТЗ (Так в документе; нужно читать — техническое задание) ГАУ Наркомата обороны (НКО) СССР». По этой причине совершенно очевидно, что в случаях, когда речь идет о принципиально новой разработке (а именно так во второй половине 30-х годов обстояло дело с реактивным оружием), ссылки на даты заказов, ТЗ, подачи проекта технического решения и оформление из него заявки на изобретение не могут, как делают авторы «Справки», служить доказательством решающего вклада кого бы то ни было в создание рассматриваемого вида оружия. В обычных условиях упомянутая информация может тем не менее свидетельствовать о причастности людей к обсуждаемой разработке, но не в экстремальных условиях второй

половины 30-х годов, когда участники решающих этапов работы были репрессированы. В свете сказанного, мягко говоря, странным представляется и написанное в «Справке» (стр. 6 и 7) о том, что «при выдаче авторского свидетельства И. И. Гваю, А. Г. Костикову и В. В. Аборенкову и при их выдвижении на соискание Сталинской премии в 1940 г. никаких замечаний по поводу авторства не было». Хотелось бы спросить у составителей справки: «Кто в то время мог выступить за включение в авторский коллектив: И. Т. Клейменова, Г. Э. Лангемака и других, объявленных врагами народа?»

2. Учитывая обстановку тех трагических лет, при решении вопроса о вине А. Г. Костикова в аресте И. Т. Клейменова и других нельзя опираться только на показания органам НКВД как первых, так и вторых. Ведь хорошо известно, что в тех условиях «острая принципиальная борьба и с критикой И. Т. Клейменова и его сторонников за проведение неправильной (по мнению А. Г. Костикова и ряда других коммунистов) технической политики» становилась политическим приговором. «Оргвыводы» после этого не заставляли себя ждать. Вызывает удивление, что в «Справке» упомянутая борьба А. Г. Костикова и его сторонников, вклад которых в развитие реактивной техники проявился только после устранения их оппонентов — ученых и инженеров, роль которых уже оценила история, названа «принципиальной». Вызывает удивление и попытка комиссии поставить на одну доску с этой «принципиальной борьбой» письма С. П. Королева и ряда других сотрудников РНИИ в НКО СССР, на основании которых в 1934 г. М. Н. Тухачевским было принято (но не реализовано) решение о замене И. Т. Клейменова на посту директора РНИИ. Обстановка в стране до 1 декабря 1934 г. (дня убийства С. М. Кирова) и позднее различалась коренным образом. Поэтому упомянутые письма в НКО СССР и так называемая «принципиальная борьба» А. Г. Костикова и его коллег в 1934—1937 гг. не могут сопоставляться даже в одном контексте.

3. В свете сказанного выше выводы и предложения комиссии представляются необоснованными и наверняка не будут приняты научной общественностью. «Справка» в целом свидетельствует о некомпетентности комиссии, в составе которой к тому же оказались лишь люди, неизвестные в широких кругах специалистов. Приходится сожалеть, что по результатам работы комиссии в печати появились публикации, освещенные высоким статусом Комиссии ЦК КПСС.

В этой связи считаю целесообразным:

а) прекратить дальнейшие публикации членов комиссии, дезавуировав их статьи, уже появившиеся в печати;

б) распустить «Комиссию ЦК», как продемонстрировавшую свою несостоятельность, а вместо нее создать новую комиссию, включив в нее в обязательном порядке известных специалистов. Если будет признано целесообразным, готов принять участие в ее работе.

ПРИЛОЖЕНИЕ: копия письма супруги и дочерей И. Т. Клейменова и приложения к нему (на 8 стр.).

С уважением

Народный депутат СССР [подпись] (А. Н. Крайко)

Публикацию подготовила И. И. КЛЕЙМЕНОВА

ЗАПИСКИ ИСПЫТАТЕЛЯ РАКЕТ

Генерал–лейтенант
Калашников Алексей Сергеевич.
Февраль 1979 года.

В течение многих десятилетий западная пропаганда запугивала мир советской военной угрозой, прежде всего атомной. В этой беспрецедентной по своим масштабам идеологической кампании Советский Союз выглядел монстром, грозящим уничтожить планету ядерной дубинкой. При этом информация об атомном потенциале Соединенных Штатов Америки на Западе замалчивалась. Впрочем, не говорилось и о том, что создание Ракетных войск стратегического назначения для нашей страны было вынужденным и носило оборонительный характер, тогда как Соединенные Штаты Америки, уже испытавшие мощь своих атомных зарядов на мирных жителях японских городов Хиросима и Нагасаки, планировали нанесение ядерных ударов по советским городам. Появление в СССР ядерного оружия во многом сыграло стабилизирующую роль в «холодной войне», не дало ей возможности превратиться в третью мировую. О том, как создавался ядерный щит бывшего Союза ССР, и рассказывается в публикуемом материале.

Генерал-лейтенант в отставке Алексей Сергеевич Калашников родился в 1921 году на Кубани. Учился в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. В декабре 1941 года стал курсантом артучилища. Великую Отечественную войну закончил в Восточной Пруссии. В ноябре 1945 года поступил на 2-й курс Артиллерийской академии, по окончании которой в феврале 1950 года был направлен от Главного артиллерийского управления военным представителем при ОКБ, где главным конструктором являлся С. П. Королев. Проходил службу на полигоне Министерства обороны СССР старшим офицером-испытателем, заместителем начальника испытательного отдела, начальником испытательного отдела, начальником управления по испытаниям. С 1961 по 1981 год - на руководящих постах в Главном управлении ракетного вооружения, председатель научно-технического комитета Ракетных войск стратегического назначения. Кандидат технических наук, доцент.

Начиная с февраля 1950 года и до конца службы в Ракетных войсках стратегического назначения мне довелось работать непосредственно со всеми главными конструкторами, которые занимались в тот период созданием баллистических, крылатых ракет и ракетных комплексов в целом.

Впервые с С. П. Королевым[1] я познакомился в апреле 1949 года на полигоне МО, где наше учебное отделение проходило преддипломную практику. Там шли летные испытания ракеты Р-1. Несмотря на занятость, С. П. Королев уделил нам внимание, подробно рассказал об этой ракете, пытаясь сделать слушателей своими сторонниками. Ему это удалось. Слушая Сергея Павловича, я не мог предположить, что вскоре буду с ним работать.

А пока лето и осень 1950 года были насыщены работой. Заканчивались летные испытания первой отечественной ракеты Р-1, созданной главными конструкторами С. П. Королевым, Н. А. Пилюгиным[2], В. П. Глушко[3]. Активно велись работы по созданию ракеты Р-2. Изготавливались первые ракеты для огневых стендовых, летных конструкторских испытании, которые возглавлялись председателем межведомственной комиссии. Им являлся главный конструктор С. П. Королев. Членами комиссии были представители главных конструкторов двигателя, системы управления и других агрегатов и систем. Результаты подготовки рассматривались на заседании межведомственной комиссии в день проведения огневых испытаний.

Малейшая неудача воспринималась всеми остро. К тому же характер у Сергея Павловича был не из легких.

Помнится, в первых числах октября мы подготовили ракету к испытаниям. Из Москвы прибыли Д. Ф. Устинов[4] и М. И. Неделин[5]. Собралась межведомственная комиссия. С. П. Королев торопил, но перед заседанием комиссии на пульте пуска была проведена доработка. К сожалению, я об этом узнал слишком поздно. Ничего другого не оставалось, как выяснить причину происшедшего непосредственно в ходе работы комиссии. Оказалось, что и главный конструктор не был осведомлен об этом факте. Я предложил пуск отложить и тщательно во всем разобраться. Заседание комиссии приняло бурный характер. Королев метал громы и молнии: на площадке комиссия из Москвы - и вдруг отложить пуск! После долгих дебатов решили все же проводить испытания. Однако день выдался неудачный. Запуск. Двигатель набрал нужную тягу и устойчиво заработал, но вдруг на 47-й секунде выключился. Сергей Павлович и я почти одновременно бросились к ракете. Но раньше нас у двигателя оказался один из специалистов, который на наших глазах поставил аварийный контакт турбины (АКТ) в прежнее положение. Конечно, если бы мы сами не увидели, как был снова утоплен стебель АКТ, то пришлось бы долго ломать голову, прежде чем определить причину остановки. А тут сразу все стало ясно. Что-то случилось с турбонасосным агрегатом (ТНА), и главному конструктору В. П. Глушко надо было его доработать. А это требовало времени и траты нервов...

В ноябре 1950 года была принята на вооружение первая отечественная ракета Р-1. И тогда я решил поехать на полигон испытателем. Улучив удобный момент, обратился со своей просьбой к Митрофану Ивановичу Неделину. Моя первая встреча с ним произошла летом 1950 года на стендовых огневых испытаниях. Представляя меня, полковник А. Г. Мрыкин сказал, что я являюсь военным представителем и членом межведомственной комиссии и могу доложить, какие параметры двигателя и ракеты будут определены в результате испытаний. М. И. Неделин окинул меня строгим взглядом, спросил о моей предыдущей службе. Внимательно выслушав, потребовал: «А теперь доложите, какие и где расположены на ракете датчики!» Я доложил, показал. Словом, М. И. Неделин устроил мне форменное испытание, хотя вся работа тогда для каждого из нас представляла бесконечные экзамены. Но больше всего, конечно, доставалось главным конструкторам. Как сейчас помню встречу с М. К. Янгелем. Она произошла в октябре 1950 года в конструкторском бюро,

возглавляемом С. П. Королевым. По долгу службы я как представитель был обязан контролировать промежуточные, горизонтальные, вертикальные и огневые испытания ракет и их систем управления. Трудиться приходилось много, и, как правило, домой возвращались едва ли не за полночь.

Однажды, закончив очередные дела, я собрался уйти из цеха. Было около одиннадцати часов вечера. Вдруг ко мне подошел новый начальник отдела КБ. Представившись Янгелем Михаилом Кузьмичем[6], попросил продолжить испытания и, если все будет в порядке, оформить приемные документы на хвостовой отсек ракеты. Он тоже был с нами, пока мы не закончили работу, ни во что не вмешивался, но внимательно следил за результатами всех измерений...

В конце декабря 1950 года я убыл на полигон на должность старшего офицера-испытателя. Долго мы не встречались с М. К. Янгелем. Но в 1957 году началась подготовка к испытаниям его ракеты Р-12. В то время я уже возглавлял испытательное управление.

Изделие доставили на полигон в начале 1957 года. Надо отметить, что это была первая отечественная ракета, у которой несущей поверхностью являлись стенки баков окислителя и горючего. Кроме того, выход двигателя на режим осуществлялся без предварительной ступени по принципу так называемого пушечного пуска. В системе управления для стабилизации движения по заданной траектории также впервые были применены системы боковой стабилизации (БС) и нормальной стабилизации (НС).

Шла напряженная подготовка к пуску. Работали круглосуточно, с полной отдачей сил - и испытатели, и конструкторы. Конечно, атмосферу доброжелательности в коллективе сумел создать главный конструктор, всегда спокойный, располагающий к себе и терпеливо выслушивающий каждого работника, хотя оснований для тревог у М. К. Янгеля было немало. Много ему приходилось выслушивать предположений о возможных негативных последствиях пушечного запуска ракеты и непредсказуемом поведении стенок баков горючего и окислителя во время подъема.

И вот настал волнующий день первого пуска. Шли заключительные операции по подготовке Р-12 к старту. М. К. Янгель и я стояли на краю стартовой площадки и внимательно следили за работой боевого расчета. Он был составлен из опытнейших специалистов КБ и испытателей полигона. Разумеется, мы все понимали значимость и ответственность этого момента. По наступлении пятиминутной готовности ушли в бункер, где были установлены специальная аппаратура и перископы для наблюдения.

В те решающие минуты меня снова поразило спокойствие М. К.Янгеля. Прозвучали команды, и Р-12, отделившись от пускового устройства, взлетела. Это был успех.

Испытание ракеты проводилось поэтапно. Но уже после первых пусков мы убедились, что необходимо найти надежное техническое решение для того, чтобы после прохождения активного участка траектории отделение головной части Р-12 не влияло отрицательно на точность попадания в цель. И поиск начался. Я обратил внимание М. К. Янгеля на предложения молодого испытателя управления Ю. А. Борисевича. Внимательно изучив их, Михаил Кузьмич дал указание на внедрение.

Нам, испытателям, безусловно, было приятно, что главный конструктор охотно вникает в суть наших предложений и реализует их. Эта черта характера М. К. Янгеля в дальнейшем развилась настолько, что помогла ему создавать ракеты, которые являлись результатом совместного творческого труда военных специалистов и конструкторов.

Испытания Р-12 завершились в 1958 году, а 4 марта 1959-го ее приняли на вооружение.

Хочется еще раз подчеркнуть, что Михаил Кузьмич был весьма скромным и немногословным человеком. И это особенно ярко проявилось во время показа ракетной техники членам ЦК КПСС и советского правительства в сентябре 1958 года. Руководил им М. И. Неделин. Я отвечал за пуски всех баллистических и крылатых ракет, созданных к тому времени главными конструкторами, в том числе и для Военно-Морского Флота, а также за подготовку всех площадок, на которых выставлялась ракетная техника.

Мы понимали, что главное - это успешные пуски ракет. Нам удалось месяца за два до показа провести тренировочные запуски с интервалом пять минут по схеме, намечавшейся на день показа. В то время заканчивались испытания Р-12, и было принято решение начать демонстрацию нового оружия именно с ее пуска. Государственную комиссию возглавлял начальник полигона генерал В. И. Вознюк.

Но когда до показа ракетной техники оставались считанные дни, его свалил инфаркт, и обязанности председателя госкомиссии пришлось выполнять мне.

13 сентября 1958 года на вторую площадку полигона прибыли руководители партии и правительства. Их встречали М. И. Неделин, главные конструкторы. Мне было поручено находиться на площадке, готовить к пуску ракету, а по прибытии высоких гостей встретить их, доложить об Р-12 и работах, проводимых на старте, показать бункер, в котором размещалась пусковая аппаратура.

В запланированное время на стартовую позицию прибыли гости. Я встретил Н. С. Хрущева, который шел в сопровождении М. И. Неделина и М. К. Янгеля, представился и коротко доложил о работах на старте. Н. С. Хрущев задал ряд вопросов по ракете, комплексу в целом. Я старался подробно отвечать на них, но М. И. Неделин торопил меня. Ведь ракета, заправленная всеми компонентами топлива, находилась уже в 15-минутной готовности к старту. Поэтому очень скоро мы прошли в бункер: М. И. Неделин - в комнату с пусковой аппаратурой, куда пригласил Н. С. Хрущева, а мне поручил показать остальные отсеки группе маршалов. В одном из помещений было четыре перископа, и я предложил желающим воспользоваться ими, чтобы наблюдать пуск ракеты. На некоторых лицах заметил улыбку, а маршал В. Д. Соколовский сказал: «Полковник, мы лучше посмотрим пуск оттуда, с наблюдательного пункта».

И мне показалось, что даже среди военачальников еще есть недоверяющие ракетам, а значит, крайне важно провести пуски успешно. Мы вышли из бункера и снова прошли мимо ракеты. Н. С. Хрущев задал несколько вопросов, я ответил и, взглянув на часы, попросил разрешения убыть на командный пункт.

Прибыв туда, отдал необходимые команды. Проверил готовность всех служб.

В назначенное время прозвучала команда «Старт». Ракета медленно оторвалась от пускового устройства и, набирая скорость, стала уходить по заданной программе к цели на дальность 2000 км. Весь полет сопровождался комментарием по громкой связи. Последовали доклады: «Есть предварительная!», «Есть главная!», «Отделение!», и я о дальнейшем уже не беспокоился. Во время всех предыдущих пусков отклонения головной части от точки прицеливания были в абсолютной норме. И вдруг с поля падения прозвучало: «Видели. Отклонения: по дальности перелет 1100 метров, по направлению - влево 5400 метров».

Тут же связался с полем падения. Спросил: «Вы твердо уверены в своих показаниях? У нас ведь никогда не было отклонений, выходящих даже за километр, и на борту стоит система боковой стабилизации центра масс». Мне ответили, что тоже сомневаются, но проверят и в течение часа доложат. Я же должен был спешно решать, что делать дальше. Все

ожидали данных по точности. Внизу на площадке царило радостное оживление. Присутствовавшие находились под впечатлением пуска. Советоваться и обсуждать положение было не с кем. М. К. Янгель и М. И. Неделин занимались гостями. Взвесив все «за» и «против», объявил: «Ракета достигла заданной цели и отклонилась от точки прицеливания: по дальности - перелет 1100 метров, по направлению - влево 540 метров», сознательно занизив цифру отклонения.

Какое ликование началось на наблюдательном пункте! Руководители партии и правительства, военачальники горячо поздравляли, обнимали, целовали М. К. Янгеля. А у меня был другой настрой.

Хотелось быстрее доложить об отклонении ракеты, а затем выехать на стартовую площадку.

Между тем все покидали наблюдательный пункт. Первыми шли Н. С. Хрущев, М. И. Неделин и М. К. Янгель. Ближе ко мне оказался М. И. Неделин. Я подошел к нему и сообщил о случившемся.

Взглянув на меня, он сказал: «Не волнуйся, работай уверенно. Главное провести успешно пуски».

Прибыв на новый командный пункт, проверил готовность к пуску ракет, всех служб и полей падения. На расстоянии одного-полутора километров от данного КП были расположены стартовые позиции всех ракет, созданных к тому времени. С целью безусловного обеспечения пуска на стартовых позициях находились в 100 м друг от друга по две ракеты каждого типа в пятиминутной готовности.

Все пуски прошли успешно. Правда, заставили поволноваться две ракеты. У первой отрывной штекер не падал до десятой секунды, в силу чего двигатель главной ступени не включался в нужный момент. По инструкции на девятой секунде я обязан был дать команду «АВД» (аварийное выключение двигателя), но это могло привести к сгоранию ракеты на пусковом устройстве. Я решил немного выждать. Ракета ушла со старта. По всей вероятности, на трибуне задержку заметили, ибо почти сразу позвонил М. И. Неделин и спросил: «Что случилось?» Я объяснил, и он одобрил мое решение.

Старт другой ракеты Р-11 прошел нормально, но в конце активного участка (84,5 сек) она взорвалась. Конечно, это мог заметить специалист, ибо через доли секунды проходит отделение головной части.

Я не решился объявить о случившемся. Вдруг мне позвонил М. И. Неделин и спросил: «Что произошло?» Я доложил, прибавив, что в пятиминутной готовности находится резервная ракета и можно немедленно дать команду «Пуск». В ответ прозвучало: «Работай по плану».

Мы продолжали работать. После пуска последней ракеты мне вновь позвонил М. И. Неделин и сказал: «А теперь объяви, что Р-11 взорвалась, и запускай резервную». Повторный пуск прошел успешно. Ракета достигла цели.

В тот же день Н. С. Хрущев проводил разбор первого показа ракетной техники. Во время него он произнес знаменательную фразу, сказав, что ракеты могут быть грозным и надежным щитом Родины. Участники совещания расценили это как начало создания нового вида Вооруженных Сил.

Через несколько дней после показа меня вызвал М. И. Неделин и поставил ряд новых задач. Одна из них была необычной. Маршал сформулировал ее так: «Н. С. Хрущев дал задание проработать возможность размещения ракет в специальных шахтах. Поэтому, никого не привлекая, подумайте и подготовьте в общих чертах возможные конструктивные решения. Пуск ракеты должен проводиться из шахты. Первую, для ракеты Р-12, будем создавать здесь. М. К. Янгель знает об этом. С ним встречайтесь и советуйтесь. Через месяц прилечу сюда, и вы доложите».

Я тут же встретился с Михаилом Кузьмичем, и мы обсудили несколько вариантов. Остановились на трех:

1. Шахта для одной ракеты, установленной на пусковом устройстве, и рядом с ней сооружение, в котором размещаются технологические системы, проверочно-пусковая аппаратура и все оборудование, необходимое для подготовки и проведения пуска.

2. Четыре шахты, расположенные по углам квадрата (40х40 м), и одно сооружение с требующимися для подготовки и пуска технологическими системами, проверочно-пусковой аппаратурой и другим оборудованием.

3. Одна шахта, в которой на вращающемся пусковом барабане размещаются четыре ракеты.

Они последовательно подаются и запускаются через один выход. Сооружение с сопутствующими системами так же, как в двух других вариантах, располагается вблизи.

В конце ноября М. И. Неделин прибыл на полигон вместе с генералом А. И. Семеновым. Я доложил ему о всех возможных вариантах, а также необходимом объеме испытаний. После обсуждения он приказал начать подготовку к строительству одной шахты для проведения натурного эксперимента. Тогда же М. И. Неделин дал указание А. И. Семенову срочно привлечь к этой работе М. К. Янгеля и В. П. Бармина[7], оперативно провести рекогносцировку и выбрать место для будущего объекта.

Встретившись с М. К. Янгелем, я рассказал ему о поступивших вводных. Решили остановиться на первом варианте - создать шахту для одной ракеты.

Аппаратуру наметили разместить в бункере в 100-150 м от шахты. Устанавливать ракету предлагалось с помощью 25-тонного крана, а заправлять - с привлечением подвижных средств, расположенных на нулевой отметке.

Эти решения легли в основу технических данных первой экспериментальной шахтной пусковой установки. Детально же проект был выполнен КБ, возглавляемым В. П. Барминым, совместно с проектным институтом Министерства обороны.

В сентябре 1959 года был подготовлен и проведен первый пуск ракеты Р-12 из шахты. Боевой расчет состоял из испытателей полигона и специалистов из конструкторских организаций М. К. Янгеля и В. П. Бармина.

Р-12 свободно вышла из шахты, легла на расчетную траекторию. До 57-й секунды полет проходил нормально, а на 58-й ракета потеряла устойчивость и устремилась к земле. Как позже выяснилось, падение произошло из-за того, что при старте был срезан четвертый стабилизатор. Однако прав был Михаил Кузьмич, который еще при первом обсуждении вариантов говорил: «Главное, Алексей Сергеевич, проверить выход ракеты из шахты». Успех был колоссальный! Мы убедились, что ракеты можно размещать в шахтах, а значит можно обеспечить их защиту от всех видов оружия противника. Скажу больше, успешная проверка шахтного варианта стала этапной в ходе дальнейшего совершенствования Ракетных войск стратегического назначения. Причем ракеты типа Р-12, Р-14 и Р-16 разрабатывались М. К. Янгелем, а Р-9А - С. П. Королевым.

Стоит коротко рассказать об Р-14. Ее испытання начались в апреле 1960 года. Эта ракета была с дальностью полета в два раза больше по сравнению с Р-12, двухкомпонентная по топливу (горючее и окислитель, которые при контакте воспламенялись).

Безусловно, боеготовность этой ракеты была намного выше, чем у предшествующей. Упростилась и ее эксплуатация. Но при заправке горючим и окислителем требовалось соблюдение строжайших мер безопасности. Мною были разработаны и согласованы с М. К. Янгелем мероприятия, обеспечивающие безопасность труда личного состава. На-

пример, после комплексных испытаний все не участвующие в заправке ракеты специалисты в обязательном порядке покидали стартовую позицию. Оставались лишь начальник управления и расчет, ее осуществляющий. На заправленной ракете не допускалось проведения каких бы то ни было работ. Только неукоснительным соблюдением этих мер я могу объяснить, почему за 11 лет моего пребывания на полигоне в качестве испытателя, руководителя и организатора летных испытаний всех типов ракет, в том числе баллистических и крылатых, не произошло ни одной катастрофы и ни один испытатель не погиб.

В связи с этим нельзя не вспомнить один случай. Во время подготовки Р-14 к пуску на стартовой площадке находился М. И. Неделин. Он сидел на стуле недалеко от ракеты, стоявшей на пусковом устройстве. Как водится, его окружала большая группа офицеров, генералов, представителей главных конструкторов и ведомств, которые зачастую не имели отношения к подготовке к пуску. После команды «Подготовиться к заправке» я подошел к М. И. Неделину и попросил его оставить стартовую позицию. В ответ услышал гневную тираду. Но я продолжал настаивать.

- Митрофан Иванович, требовательность Алексея Сергеевича правильная, - сказал М. К. Янгель,- заправка ракеты всегда таит в себе неприятности.

Маршал взял стул, на котором сидел, и с недовольным видом ушел со стартовой площадки, за ним последовала и вся его группа.

...В конце лета 1960 года на полигоне для руководства страны был организован и подготовлен второй показ ракетной техники.

Главной его целью являлся выбор направления дальнейшего развития межконтинентальных ракет. Для этого на полигон доставили ракеты, находившиеся тогда в стадии разработки: Р-16 (межконтинентальная жидкостная) - конструкции М. К. Янгеля; Р-9А (межконтинентальная жидкостная) и РТ-1 (межконтинентальная твердотопливная) - обе С. П. Королева. Ракеты были установлены на площадке на пусковых устройствах. В монтажном корпусе находился космический аппарат «Восток» (обитаемый) и головные части для боевой ракеты Р-7А.

К пуску готовилась только одна ракета Р-12.

Как и прежде, я был назначен ответственным за подготовку и пуск ракеты, а также за подготовку всех образцов к осмотру на площадке и в монтажно-испытательном корпусе (МИК).

Первый день показа начался с осмотра техники в МИКе. По боевым головным частям к ракете Р-7А, разработанной С. П. Королевым, докладывал М. И. Неделин. Были выставлены первая головная часть, которая уже стояла на боевом дежурстве, и новая модернизированная. Последняя была почти в пять раз меньше по габаритам и имела более совершенную конструкцию. Н. С. Хрущев настойчиво пытал М. И. Неделина, почему получилась такая разница, кто не доработал и отчего так огромна первая головная часть. Кто же виновник - главный конструктор ракеты или главный конструктор боевого заряда?

М. И. Неделин отвечал, не называя фамилии. В конце концов Н. С. Хрущев недовольно взглянул на него, махнул рукой и направился к обитаемому космическому аппарату «Восток». Там ему докладывал С. П. Королев. Н. С. Хрущев осмотрел «Восток» и молча пошел к выходу. Однако С. П. Королев все-таки успел его спросить: «Никита Сергеевич, вам понравился спутник?» Хрущев же, не повернув в его сторону головы и ничего не ответив, устремился к площадкам, где стояли межконтинентальные ракеты. Сергей Павлович Королев как-то сразу сник, отстал от гостей и медленно пошел в сторону своих Р-9А и РТ-1. А ведь он интересовался мнением главы государства о знаменитом «Востоке», на котором в апреле 1961 года совершил свой полет Ю. А. Гагарин.

Мне запомнился доклад М. К. Янгеля. Он очень коротко сказал главное о ракете Р-16, ее конструкции, компонентах топлива, ожидаемой точности и боевой эффективности. Доклад понравился всем. Стоявший рядом с Н. С. Хрущевым А. Н. Туполев, обращаясь к нему, сказал: «Никита Сергеевич, ракета великолепная. Надо ее разрабатывать». Так, по сути дела, решилась судьба Р-16.

О межконтинентальных ракетах Р-9А и РТ-1 снова докладывал С. П. Королев. Н. С. Хрущев выслушал доклад, но эмоций не выразил и замечаний не высказал. Невозможно было понять, разрабатывать эти ракеты или нет. А ведь РТ-1 являлась первой отечественной твердотопливной ракетой. В дальнейшем по настоянию военных мы продолжили ее испытания, модернизировали и уже как РТ-2 испытали на северном полигоне, а затем приняли на вооружение.

Тогда же, в 1960 году, у меня сложилось мнение, что Н. С. Хрущев достаточно холодно отнесся к разработкам С. П. Королева. Это несомненно несколько лишило Сергея Павловича уверенности в себе.

На второй день показа был намечен пуск Р-12. Накануне мы установили ракету в шахте, заправили топливом. Ночью мне позвонил М. М. Катеринич, руководивший работами на шахте, и попросил разрешения прорвать мембрану окислителя. По инструкции это разрешалось за сутки до пуска.

Хотя Р-12 к тому времени и была принята на вооружение, но, к сожалению, еще имела ряд недостатков. Нас это волновало, и мы хотели убедиться, что в данном случае все в порядке. Поэтому я разрешил прорвать мембрану и сделать осмотр. Вскоре М. М. Катеринич доложил, что после срабатывания пиропатронов во фланцевом соединении появилась капельная течь. Я отдал команду произвести слив топлива из ракеты, вынуть ее из шахты и подготовиться к приему резервной.

Утром неожиданно на площадку прибыл М. И. Неделин в сопровождении генерала А. И. Семенова. Я встретил, доложил. Первое, что спросил главнокомандующий: «Кто дал команду прорвать мембрану?» Я объяснил ситуацию, подчеркнув, что действовал согласно инструкции. К тому же готовится к пуску резервная ракета. Главком уже более спокойно спросил: «А успеете?»

За два часа до пуска Р-12 на полигон приехал М. К. Янгель. Мы тогда уже закончили заправку. Я подробно рассказал ему о подготовке резервной ракеты. Замечаний по комплексной проверке не было. Вскоре прибыли В. М. Вознюк и А. Г. Мрыкин. Я предложил дать команду на прорыв мембраны. Она была подана. Оставалось осмотреть фланцевое соединение. Опустившись с одним из испытателей в шахту на уровень пускового устройства, я увидел, что капельная течь все же есть. Мы подсчитали, что каждые две секунды падает одна капля.

К тому времени герметичность штекерных соединений была еще недостаточной. Опасность состояла в том, что капли, попав на штекерный разъем, могли нарушить целостность электрической цепи, обеспечивающей запуск двигателей или управление рулями. Что делать? До пуска оставался час. Через 40 минут ожидалось появление на трибуне членов правительства, представителей Министерства обороны, оборонных отраслей промышленности. Выход был один - обмотать фланец. Не теряя времени, вылезли из шахты. Я поспешил к Янгелю, Мрыкину и Вознюку и доложил: «Капельная течь есть. Одна капля в две секунды». Положение создалось критическое. М. К. Янгель побледнел. Все стояли в растерянности - понимали, что пуск под угрозой срыва. Я предложил свой вариант решения проблемы. После короткой паузы его приняли.

Тут же объявил боевому расчету: «Ракету будем пускать. Времени в обрез - 40 минут до старта. Поднять ферму обслуживания».

Но беда одна не приходит. При подъеме фермы 25-тонным краном соскочил трос с направляющего колеса на стреле. А время идет. Трибуны уже заполнены! И уже ушел к гостям М. К. Янгель, пожелав удачного пуска. Но вдруг подбежал ко мне один из специалистов подполковник Н. И. Дехтярев и доложил: «Дрейф нулей систем НС и БС больше допустимого предела». Пришлось вновь перенацеливаться в работе. И все же к назначенному времени все успели сделать и Р-12 ушла в небо.

После пуска высокие гости решили осмотреть шахту. По пути кто-то из них пошутил: «А может, вы пустили ракету из-за бугра?» Недоверие к ракетам все еще оставалось.

Между тем в начале августа 1961 года было принято решение впервые осуществить пуски ракет Р-12 с головными частями (ГЧ), оснащенными боевыми зарядами. Эти операции проводились специальной комиссией. Я был назначен заместителем председателя этой комиссии.

Дело предстояло весьма сложное. Тем более что на меня, по существу, возлагалась вся ответственность за его успех. Понимая это, а также зная, что М. К. Янгель всегда очень скрупулезно относится к подготовке и пускам ракет, разработанным его КБ, я по ВЧ связи обговорил с ним все детали предстоящей работы, попросил в трудную минуту помочь мне.

И так уж случилось, что вскоре Михаил Кузьмич действительно оказал мне неоценимую помощь. Мой выезд на полевую стартовую позицию командование несколько задержало, и я прибыл к месту, когда председателя комиссии генерала Ф. П. Тонких и его заместителя генерала М. К. Никольского убедили, что ракетчики готовы к пуску первой ракеты.

Но детально ознакомившись с подготовкой боевого расчета стартовой позиции, я пришел к выводу, что необходимо хотя бы в течение четырех-пяти дней провести с ним практические занятия. В тот же вечер на заседании комиссии я высказал свое мнение. Но после бурных дебатов мое предложение не было принято. Более того, председатель комиссии разрешил сейчас же начать подготовку ракеты к пуску. Работами руководил М. М. Катеринич. Глубокой ночью мне позвонил Ф. П. Тонких и попросил срочно прибыть на позицию. Увиденное меня потрясло. Номера расчета сделали «крест», то есть штекер два включили в гнездо штекера три, расположенного на пусковом устройстве, а штекер три - в гнездо штекера два и подали напряжение. Словом, ракету «сожгли». Положение осложнялось еще и тем, что она была в единственном экземпляре. Правда, имелась еще одна, но для инертной головной части. Вот к чему привели амбиции некоторых специалистов, стремившихся как можно быстрее отрапортовать о пуске. Нужно было срочно спасать ситуацию. Я отдал распоряжение подготовить и отправить выведенную из строя ракету на завод, связался по ВЧ связи с М. К. Янгелем и попросил его переговорить с директором завода, чтобы тот немедленно отправил готовое изделие к нам. О том, как развивались дальнейшие события, можно рассказывать много, главное, что новая ракета на место пуска прибыла в срок. Операцию мы провели успешно,

В январе 1962 года нам удалось организовать и провести научно-техническую конференцию в управлении, которое я только что возглавил. На ней обсуждались важнейшие вопросы, от успешного решения которых зависело дальнейшее развитие боевых стартовых комплексов.

В работе конференции приняли участие председатель научно-технического комитета Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал-лейтенат Н. Н. Алексеев, его первый заместитель генерал Н. Н. Юрышев, начальники НИИ МО и ЦНИ МО, заместители начальников ряда военных академий, ведущие ученые многих институтов и академий, главные конструкторы и их первые заместители, начальники главков.

Опираясь на многолетний опыт испытаний всех ракет, созданных к тому времени, я в своем докладе обосновал необходимость резкого повышения боеготовности ракетных комплексов, а также живучести и эффективности наших ракетных группировок.

Разговор на конференции был острым. Но в конечном счете все ее участники признали не только актуальность поставленных вопросов, но и важность их решения. Особенно активно меня поддержали начальники проектных институтов и военные строители, объем работы у которых при создании групповых шахтных установок был огромным. Присутствовал на конференции и А. Г. Мрыкин. На следующий день после моего доклада он сообщил, что меня срочно вызывает начальник Главного управления ракетного вооружения генерал А. И. Семенов. А дальше произошло неожиданное. В кабинете генерала Семенова Мрыкин вдруг стал выдвигать обвинения в мой адрес: «Своими предложениями, высказанными на конференции, Калашников разрушает всю систему вооружения. Мы, Анатолий Иванович, останемся без ракетных комплексов, без ракет. Я требую закрыть конференцию!»

Я был ошеломлен. Меня обвиняли во вредительстве. «Прошу разрешить закончить конференцию,- обратился я к генералу. - В ней участвуют главные конструкторы, академики, крупнейшие военные специалисты». Тот задумался, а потом сказал: «Продолжайте». Я и сегодня вспоминаю этого человека с чувством глубокой благодарности.

В начале февраля 1963 года на совещании у Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова мне предложили доложить перспективы развития боевых стартовых комплексов (БСК). Обсуждение было бурным, С. С. Бирюзов понял, что единого мнения относительно внедрения одиночных стартов нет, и приказал на следующий день явиться к нему А. И. Семенову, А. Г. Мрыкину, Н. Н. Смирницкому и мне. Мы прибыли. Маршал, не приглашая сесть, обратился к каждому с такими словами: «Ваше мнение по предложению, изложенному вчера на совещании». Семенов, которого спросили первым, ответил, что проблема весьма сложная, требующая внимательного изучения. Остальные довольно резко высказались против. Я же стоял на своем. Не выразив своего мнения и не прокомментировав наши ответы, С. С. Бирюзов сказал: «Идите и подготовьте совместно согласованные предложения».

Примерно через час после разговора с маршалом мне позвонил А. Г. Мрыкин и передал, что С. С. Бирюзов приказал мне вылететь на полигон. Разумеется, чтобы лично присутствовать на пусках ракет. Они прошли нормально, что в немалой степени способствовало подтверждению наших предложений по шахтным пусковым установкам ОС.

22 февраля я, как всегда, находился на полигоне. Мне передали, что надо срочно позвонить С. С. Бирюзову. Выслушав мой доклад, маршал поздравил меня с присвоением генеральского звания и после небольшой паузы добавил: «Предложения по ОСам одобрены». Таким образом, был сделан кардинальный шаг в развитии ракетных комплексов.

В начале декабря 1964 года мне было приказано подготовить и провести несколько пусков Р-12 залпом из четырех ракет и один повторно с боевого объекта штатным расчетом, несущим боевое дежурство. Срок исполнения - в декабре. Было мне над чем призадуматься, ведь в июле 1963 года на другом полигоне подобная работа, проводившаяся под руководством Н. Ф. Червякова и Н. Б. Данкевича, завершилась трагически. Безусловно, это наложило определенный отпечаток на подготовку и проведение операции. В первый приезд на объект мы обследовали состояние техники и

подготовленность личного состава. Положение оказалось тяжелое. К тому же расчет, несущий боевое дежурство, не имел понятия о повторном пуске.

О состоянии дел на объекте доложил главнокомандующему Ракетными войсками стратегического назначения Маршалу Советского Союза Н. И. Крылову[9] по ВЧ связи и шифровкой, в которой предложил устранить недостатки в технике и тщательно подготовить личный состав. В конце февраля 1965 года я известил о готовности к проведению операции.

В ночь на 26 февраля на объект прибыл Н. И. Крылов с большой группой генералов. Пуски планировалось провести на следующий день, начав с 8 часов утра.

Операция прошла блестяще. Четыре ракеты ушли залпом с интервалом пять минут, а повторно через 24 часа. Не было ни одного отказа, ни одного пролива компонентов, ни одной травмы личного состава.

При создании межконтинентальных ракет приняли решение с целью повышения точности иметь кроме автономной системы управления еще и радиоуправление. Все мы, занимавшиеся боевыми стартовыми комплексами, не были от этого решения в восторге, ибо нововведение получалось очень дорогим и сложным и, на мой взгляд, должно было отрицательно повлиять на темпы развития инерционных систем наведения ракет на цель.

Мы не раз высказывали точку зрения М. К. Янгелю и В. Н. Челомею[10], но добиться своего так и не удалось. Вскоре на площадке полигона был создан командный пункт, на котором размещалась и новая система радиоуправления. Как мы и предполагали, она себя не оправдала. Все чаще на совещаниях, разборах пусков стали звучать голоса за ее исключение. Окончательное решение по этому вопросу приняли в июне 1966 года при следующих обстоятельствах.

По заданию правительства полигон готовился к встрече президента Франции Ш. де Голля. Маршалом Н. И. Крыловым на меня была возложена ответственность за подготовку и пуск ракеты Р-16 из шахтной пусковой установки. За день до прилета де Голля на полигон прибыли Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин и министр обороны Р. Я. Малиновский. Конечно, они с интересом знакомились с командными пунктами, шахтами, ракетами, оборудованием. В помещении, где была установлена сложнейшая аппаратура радиоуправления, мне удалось с согласия Н. И. Крылова высказать предложения о ее исключении из этого ракетного комплекса. После детального обсуждения проблемы Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин и Р. Я. Малиновский их одобрили.

Дальнейшее развитие ракетного вооружения показало, что такое решение было верным. Что же касается визита президента Франции на полигон, то он прошел успешно.

В октябре 1966 года при показе ракетной техники руководителям социалистических стран для надежности мы подготовили две ракеты. И надо же было случиться, что при нажатии кнопки пуска первой высветилось табло: «Запуск рулевых двигателей». Посоветовавшись, мы приняли решение воспользоваться резервной. Но и на ней оказалась неисправность. Напряжение возрастало. Шло время... И все же пуск прошел нормально. Конечно, на трибунах никто не заметил, что ушла резервная ракета. И я об этом рассказываю не для того, чтобы как-то очернить труд ракетчиков. Наоборот, подчеркнуть, насколько этот труд был напряженным, а их жизнь полна непредсказуемых ситуаций.

1969-1971 годы запомнились острыми обсуждениями возможных направлений развития ракетных комплексов. Причем именно в тот период резко обозначилась полярность взглядов среди не только главных конструкторов, но и военного руководства страны, военных специалистов разного ранга. Мы настойчиво добивались реализации новых перспективных технических решений, нацеленных на существенное повышение боевых и эксплуатационных характеристик систем вооружения. И прежде всего защищенности ШПУ и КП. Шла разработка системы прицеливания, способной функционировать с требуемой точностью в условиях ядерной войны, внедрение минометной схемы старта, позволяющей создать эффективную амортизацию изделия и других способов.

Мне повезло, что во время моей службы Ракетными войсками руководили М. И. Неделин, К. С. Москаленко, С. С. Бирюзов, Н. И. Крылов. Эти военачальники стремились достичь высочайшей боевой эффективности ракетного вооружения.

Можно ли было так оперативно создать групповые шахтные пусковые установки и сделать такой ошеломляющий скачок к ОСам, если бы не С. С. Бирюзов? Думаю, нет.

Я помню, как он неожиданно вызвал меня и приказал: «Немедленно выезжайте в Киев, идите лично к Н. В. Подгорному, доложите ему о тяжелом положении с поставкой заправочных и других систем на строящихся групповых шахтных пусковых установках, просите оказать помощь. Используйте меня как главкома, как Маршала Советского Союза, как члена ЦК, как депутата».

Я тут же убыл на Украину. Приехал к Н. В. Подгорному. Обратился к нему с просьбой. Он внимательно выслушал меня и спросил: «Вы куда сейчас поедете?» Я ответил, что в Донецк и далее в Жданов на завод тяжелого машиностроения. «Я позвоню», - сказал Николай Викторович, но сам ничего не записал. Это меня встревожило, думал, что забудет об обещании, но ошибся.

Моя командировка оказалась удачной. Оборудование стало поступать на объекты для монтажа. Групповые старты успешно создавались.

Уже являясь начальником Генерального штаба, С. С. Бирюзов иногда вызывал меня к себе и узнавал мое мнение относительно перспективы развития вооружения. Он стремился решить вопрос о проведении единой технической политики в интересах всех видов Вооруженных Сил.

Маршал Советского Союза Н. И. Крылов предложил мне должность председателя научно-технического комитета Ракетных войск стратегического назначения (НТК РВСН). Перед назначением вызвали в ЦК КПСС на собеседование, где меня принял Д. Ф. Устинов. Он знал меня как начальника испытательного управления и часто поддерживал. Знал и то, что я настойчиво предлагал разработку твердотопливных ракет и мобильных ракетных комплексов.

Поэтому он сразу же задал вопрос: «Как вы будете относиться к мобильным комплексам и твердотопливным ракетам, если станете председателем научно-технического комитета Ракетных войск?»

«Только положительно,- ответил я. - Кроме того, считаю необходимым приступить к разработке мобильных ракетных комплексов с твердотопливными ракетами средней дальности».

...Трудно было убедить главных конструкторов в необходимости создания комплексов с использованием последних достижений науки и техники, но еще сложнее - военных начальников. Доказывая нужность разработки мобильного межконтинентального ракетного комплекса главного конструктора А. Д. Назирадзе, я вдруг натолкнулся на возражение тогда еще первого заместителя главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковника В. Ф. Толубко. Он начал утверждать, что колоннами на марше управлять трудно, да и плохие дороги, а солдаты и офицеры в пути будут вести себя неправильно. Что делать? В. Ф. Толубко был танкист. У меня еще с фронта сложились хорошие отношения с командиром 2-го танкового корпуса Алексеем Семеновичем Бурдейным. В описываемое время он возглавлял одно из управлений Министерства обороны и убедил В. Ф. Толубко в необходимости иметь мо-

бильный межконтинентальный ракетный комплекс. Поэтому, став главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения, последний настоял на разработке мобильного ракетного комплекса с твердотопливной ракетой средней дальности. Новый комплекс вошел в историю ракетных войск как СС-20.

Долго доказывали и необходимость разработки бортовой системы прицеливания. Для этого мне вместе с Н. И. Крыловым пришлось выезжать в Ленинград.

Там мы многое посмотрели, оценили. Н. И. Крылов понял, что изобретение уникальное. Когда мы возвращались, он тем не менее спросил меня: «Что делать?» Я ответил: «Товарищ маршал, поручите подготовить письмо в ЦК о том, что нужно немедленно приступить к разработке бортовой системы прицеливания для ракет».

Утром он приказал подготовить такое письмо. А буквально перед смертью Николай Иванович настоял на разработке новой мощной твердотопливной ракеты.

Вспоминается совещание по вопросу о шахтных пусковых установках (ШПУ) сверхвысокой защиты. Я не ожидал конфликта, потому что проект данного решения был одобрен на самом высоком уровне, поддерживал его и Д. Ф. Устинов. Однако совещание вел А. Н. Комаровский [11]. Он стал призывать не разрабатывать ШПУ сверхвысокой защиты, мотивируя это тем, что в стране цемента марки 600 нет, создать бетон такой же марки невозможно и т. д. Ему начали поддакивать. Кто-то сообщил, что на совещании присутствует председатель НТК РВСН и надо выслушать его мнение. У меня были великолепные отношения с А. Н. Комаровским. Мы с ним часто летали на объекты. Он много говорил о своей прежней работе. И я решился сказать все, что думаю о мотивировке отказа. Речь моя свелась к следующему: цемент марки 600 есть и выпускается у нас в девяти городах; бетон этой марки использовался при строительстве шахты на калийных рудниках, метро в Ленинграде.

После моего выступления А. Н. Комаровский грохнул папкой по столу и заявил: «Пусть Калашников садится за этот стол и создает шахты сверхвысокой защиты. Я иду к министру обороны и доложу, что он не выполняет его приказ!» И ушел. Конечно, покинул совещание и я. Только вошел в свой кабинет, как зазвонил телефон. Генерал-полковник А. Г. Шевцов предупредил, что меня разыскивает начальник Генерального штаба генерал армии В. Г. Куликов. Я взял трубку: «Говорит Куликов. Вы почему не выполняете приказы министра обороны по разработке пусковых установок?»

«А такого приказа нет,- ответил я.- И вряд ли будет».

Мне не только удалось перехватить инициативу в разговоре, но и подробно доложить о прерванном совещании у А. Н. Комаровского, свой довод о возможности создания сверхвысокой защиты.

«Я вас понял и прошу, если у вас возникнут предложения, в любое время приехать ко мне, мы все обсудим»,- закончил беседу В. Г. Куликов.

Я тут же позвонил начальнику Главного штаба РВСН генерал-полковнику А. Г. Шевцову и доложил о разговоре с начальником Генерального штаба.

Он остался доволен его результатами.

Мне не раз приходилось информировать его о предложениях, касавшихся перспектив развития ракетных комплексов, создания системы командных пунктов, обеспечивающих высочайшую защищенность и устойчивость боевого управления в условиях мощного ядерного воздействия противника. И всегда чувствовал его интерес, поддержку. Именно А. Г. Шевцов возглавлял комиссию по командным пунктам и пусковым установкам, оказывал помощь в выборе конструктивных решений для создания командных пунктов.

Будучи начальником отдела, а затем начальником испытательного управления, мне довелось испытывать баллистические и крылатые ракеты главных конструкторов В. П. Макеева и В. Н. Челомея в интересах ВМФ, в том числе и с использованием уникального стенда, который создавал бортовую, килевую и комбинированную качку в момент старта. Но при этом мы создавали не ядерного монстра, а надежный щит своей Родины.

На протяжении всей работы по совершенствованию вооружения и военной техники РВСН мне удавалось трудиться в тесном контакте с Главным штабом и его отделами, разумно пользоваться их поддержкой, а также своевременно реализовать их предложения, направленные на повышение боевой эффективности систем вооружения Ракетных войск стратегического назначения.

К сожалению, ликвидация НТК в Генеральном штабе, на мой взгляд, снизила возможности по созданию вооружения высокой боевой готовности. Впрочем, сегодня время другое...

Генерал-лейтенант в отставке А. С. КАЛАШНИКОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Королев Сергей Павлович (1906-1966) - советский ученый, конструктор ракетно-космических систем, один из основоположников космонавтики, дважды Герой Социалистического Труда.

[2] Пилюгин Николай Алексеевич (1908 -1982) - советский ученый в области автоматики и телемеханики, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда.

[3] Глушко Валентин Петрович (1908 - 1988) - советский ученый в области физико-технических проблем энергетики, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда.

[4] Устинов Дмитрий Федорович (1908-1984) - государственный, военный и партийный деятель. Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда. В 1965-1976 гг. секретарь ЦК КПСС.

[5] Неделин Митрофан Иванович (1902-1960) - советский военачальник, Главный маршал артиллерии. Герой Советского Союза. С марта 1953 г. заместитель министра обороны СССР, с декабря 1959 г. одновременно и главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения.

[6] Янгель Михаил Кузьмич (1911-1971) - советский ученый, конструктор в области ракетно-космической техники, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда.

[7] Бармин Владимир Павлович (1909 - 1993) - конструктор в области техники машиностроения. Академик АН СССР, Герой Социалистического Труда.

[8] Бирюзов Сергей Семенович (1904-1964) - Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. С 1963 г. начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

[9] Крылов Николай Иванович (1903-1972) - советский военный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. С марта 1963 г. главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения.

[10] Челомей Владимир Николаевич (1914 -1984) - советский ученый в области механики **и** процессов управления, генеральный конструктор авиационной техники, дважды Герой Социалистического Труда.

[11]Комаровский Александр Николаевич (1906-1973) - советский военный деятель, генерал армии, доктор технических наук, профессор. С 1963 г. заместитель министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск.

Записки военного советника в Китае 1939-1940

Японская армия, спровоцировав 7 июля 1937 года инцидент под Пекином и сделав ставку на «молниеносную войну», начала мощное наступление с целью оккупации всей территории Китая. Рассчитывая на успех, агрессоры прежде всего принимали во внимание техническую отсталость китайской армии и отсутствие внутреннего политического единства. Помощь китайскому народу оказал Советский Союз. Предлагаем читателям главу из подготовленной к изданию книги «Командировка к спящему гиганту» советского добровольца в Китае К. М. Покровского, работавшего там в 1939-1940 гг. в составе аппарата военного атташе, а затем в штабе Главного военного советника СССР.

Чунцин-Куньмин-Чунцин

На пути в Куньмин. В центре – К. М. Покровский.

Не забывай прошлого, оно - учитель будущего (Китайская пословица)

Выполняя указание Главного военного советника комдива К. М. Качанова, мы двинулись в путь: я, сопровождавший меня офицер связи штаба Главного военного советника, переводчик Ху и шофер. Наш «форд»-полуторка, ведомый крепышом Ли, уверенно преодолевал километр за километром прифронтовых дорог Центрально-Южного Китая. Позади остались Сычуань, Хубей, Хунань, Цзянси. Были встречи и прощания с русскими военными советниками под Чанша, Наньчаном. Годом раньше, осенью 1938-го, здесь шли кровопролитные бои за Ухань. Китайская армия героически защищала подступы к этому городу и не только остановила противника, но и отбросила его.

Это были решающие бои, круто изменившие ход войны, начатой милитаристской Японией в 1937 году. Китайской стороне удалось достичь первых крупных успехов над войсками милитаристской Японии. Немалая заслуга в том была и советских военных советников.

За время боев были разрушены все местные дороги, но это не сказалось на нормальном обеспечении оборонявшихся боеприпасами: патроны на коромыслах регулярно доставляли носильщики.

Однако радость от одержанной победы омрачалась известием о том, что большой, с миллионным населением, г. Чанша сгорел дотла. Пожар явился результатом ошибочных действий руководства китайского военного гарнизона.Тем не менее враги не проникли в город.Японцы были остановлены на подступах к нему частями Тань Эньбо в ходе успешного контрнаступления, предпринятого при непосредственном участии нашего военного советника полковника Р. И. Панина и Главного военного советника комдива А. И. Черепанова.

Подводя итоги декабрьских событий 1938 года в Ухани, Черепанов, чьи рекомендации о проведении контрнаступления сыграли решающую роль, оценил состояние японской армии тех дней как критическое. Перед штурмом Чанша ее силы были на исходе. В начале войны японцы шагали по китайской земле, находясь под впечатлением легких побед, упиваясь сознанием своего военного превосходства и вооружившись бесцеремонным лозунгом «Молниеносная война - молниеносная победа!». После поражения под Чанша появились другие, более «скромные» формулировки: «наступать в удобный момент», «воевать сто лет».

Комдив Черепанов также придерживался мнения, что военные действия затянутся. И если японская оккупационная армия выдохлась, то китайская Народно-освободительная, наоборот, обрела второе дыхание. Главный советник и его соратники, удовлетворенные успешными результатами своих оперативных решений, поняли, что китайские войска способны сокрушить врага.

Понимая, что бездействие китайцев на руку противнику, Черепанов предложил Чан Кайши план: нанести главный удар по уханьской группировке японцев и одновременно провести серию отвлекающих ударов на других участках фронта.

Генералиссимус одобрил предложение Главного военного советника, согласился сделать перегруппировку сил и средств и, более того, отстранил от руководства по его просьбе некоторых военачальников. Кажется, реально назревали перемены к лучшему. Однако по ряду причин они замедлялись. Мой случайный ночной попутчик генерал китайской армии, бывший военный атташе Китая в Соединенных Штатах, как-то, когда мы плыли в Чанша по реке Сянцзян, объяснил мне происходящее с достаточной откровенностью.

- Я маленький человек, - начал он с традиционной в Китае фразы, - всего лишь начальник военного училища, но внимательно слежу за всеми событиями и нахожу, что сейчас, когда Советский Союз оказывает нам такую мощную поддержку вооружением и опытными советниками, пора смело переходить в наступление на японцев. Но наше командование медлит, теряет драгоценное время...

Это чувствовалось и теперь, на всем пути следования по прифронтовым дорогам: обстановка была спокойной, порой даже мирной.

Покидая дружную группу наших советников под Наньчаном, я выбрал дорогу, которая проходила через столицу провинции Гуанси Гуйлинь, и был готов к тому, что до Куньмина никого из соотечественников не встречу. Ведь начальник штаба полковник П. Ф. Батицкий сказал на прощание: «От Наньчана до Куньмина никого из наших не встретишь: там их нет».

Нет, так нет! Вот уже и шофер после дневного длительного перегона порядком устал. Пришло время подумать, где остановиться, чтобы переночевать.

Гуйлинь был основательно разрушен авиацией противника, но, на радость переводчика Ху, уцелела гостиница с рестораном. Значит, проблема жилья и питания решалась на этот раз просто, да к тому же европейская кухня нам, судя

Сотрудник штаба главного советника СССР в Китае в форме военнослужащего китайской армии.

по всему, была обеспечена. Ху выглядел очень довольным.

Появление в ресторане европейцев в гоминьдановской военной форме вызвало откровенный интерес публики, состоявшей, как мне показалось, из молодых коммерсантов.

Мы оба - сопровождавший меня офицер связи штаба Главного советника и я, - сильно проголодавшиеся и уставшие после трехсоткилометрового пути, присели к столу и терпеливо стали ждать обеда. А Ху тем временем хлопотал о нем, убеждая в чем-то боя. Тот, испуганно посматривая в нашу сторону, согласно кивал головой. Словом, Ху чувствовал себя, как всегда, в своей тарелке. В прошлом миллионер, разоренный японцами, он умел прихвастнуть и в любой обстановке чувствовал себя хозяином положения. В целом же это был аккуратный и инициативный труженик. Я не раз с благодарностью вспоминал Батицкого: он сам выбрал для меня Ху из всех переводчиков военного министерства Китая. Этот человек оказался надежным помощником. Правда, однажды в пути возник случай, по поводу которого я был вынужден выразить Ху откровенное неудовольствие, порицая его за чрезмерную инициативность.

На переправе через Юаньцзян в провинции Хунань нашу машину остановил военный патруль. Ху что-то объяснил патрульным, прыгнул в кузов, нырнул под брезентовый тент и крикнул шоферу: «Лайла!» - «Поехали!»

Мы тронулись. Но не успели проехать несколько метров, как позади грохнул выстрел. Подозревая неладное, я приказал остановить машину. И, как оказалось, вовремя, хотя Ху и повторял: «Поехали, поехали!»

Подбежал патрульный с бледным лицом, с винтовкой наперевес, и между ним и Ху началась словесная перепалка.

- Что произошло? - спрашиваю переводчика.

Но он так разгорячился, что меня уже не слышал и продолжал спор с солдатом. Лишь когда я, пренебрегая «дипломатическими нормами», прибавил «металла» в голосе - время было военное, - Ху повернулся ко мне.

- Я сказал ему, что сопровождаю советского военного советника, что у меня есть поручение генералиссимуса, а он, видите ли, не хочет слушать.

- Но ведь у нас есть документы. Почему вы их не показали? И потом, какое поручение генералиссимуса?

- Он плохо соображает, - увильнул Ху, - скорее всего, неграмотный. Он должен видеть, с кем разговаривает.

Чтобы успокоить патруль, я вынул из кармана свой документ военного министерства, сложенный, как это было принято, гармошкой, который свидетельствовал, кто я такой и куда направляюсь, и обратил его внимание на ярко-красную печать Чан Кайши. Такие печати заменяли в Китае личную подпись. Взмокший от волнения патрульный никак не мог прийти в себя. Он был перепуган внезапным поворотом событий, неожиданной встречей с иностранцем и, вконец растерявшись, держал удостоверение вверх ногами. Но вдруг задержал взгляд на моей фуражке с гоминьдановской кокардой и, слегка поколебавшись, вернул документ. Инцидент был исчерпан.

Я повернулся к переводчику.

- Вы могли бы дать гарантию, что вторая пуля не попала в кого-нибудь из нас?

Он молчал.

- Для нас обоих это плохой пример совместной работы, мистер Ху. А за резкий разговор извините.

Он не обиделся, стал после этого сдержаннее, но желание прихвастнуть, показать себя и свою близость к сильным мира сего его не покидало. Ничего не поделаешь, таков уж был характер у человека!

Впрочем, Ху действительно был близок к верхним эшелонам гоминьдана. Этого и не скрывал. За время нашего путешествия я узнал от него много интересного, причем о незаметном с первого взгляда для иностранца. Переводчик доверительно поделился, какого мнения Чан Кайши о советских советниках. «Это деловые, с большими военными знаниями и опытом люди, - говорил китайцам, выделенным для работы с чужеземцами, генералиссимус. - Они не любят праздности, и потому на китайских переводчиков возложена организация бытовых удобств для них, с тем чтобы создать им максимально творческую обстановку. Китай за советских советников платит золотом, об этом каждый переводчик должен помнить постоянно».

Эти наставления были внесены в служебную инструкцию для переводчиков, которую тоже писал лично Чан Кайши. Самое активное участие в ее составлении принимал и Ху. Что ж, если Петр I считал самым важным документом Воинский устав и потому писал его сам, то для Чан Кайши взаимоотношения с советскими военными советниками представлялись, очевидно, тоже определяющими тогда многое в жизни Китая.

Доверительность Ху следовало расценивать как еще один дружественный жест.

- Серьезный документ, - сказал я.

- Очень, очень!

- А что еще в нем, если это, конечно, не секрет?

Буквально одну-две секунды он думал, а потом на его худом лице появилась еле заметная хитрая улыбка, и я услышал:

- Генералиссимус лично включил такой пункт: «Если советник захочет женщину, переводчик обязан ему ее обеспечить, но все должно остаться без последствий. В противном случае будет отвечать переводчик».

- По-моему, это очень сурово, ведь у советника есть своя голова на плечах. Хотя такая у вас служба!

- Да, такая служба.

Ничего не скажешь, дружелюбная забота об иностранных волонтерах. Вскоре я ощутил ее на себе.

- Вы все один да один, - сказал мне однажды переводчик. - Хотите, я вас в Чунцине познакомлю с красивой женщиной? Она известная всей стране киноактриса, вы будете довольны.

- Она знает русский язык? - спросил я, улыбнувшись.

- Нет, но зачем вам это? - удивился он и рассмеялся.

Советники, ставшие на время войны холостяками - таковы законы войны, - отзывались на «любовную» тему сдержанно, но, как правило, не без доли юмора, а порой, когда разговор происходил в офицерском общежитии, дружным хохотом. Мы не были аскетами, но и не запятнали себя чем-то постыдным. Понятие нравственности у нас ценилось. К тому же «ворошиловский» срок командировки в Китай ограничивался полугодом, хотя практически он почти никогда не выдерживался - слишком был краток. Родина не забывала нас: к праздникам мы получали посылки с продуктами земли русской...

Позволив себе краткое отступление, возвращаюсь к основной теме. Почти фантастической из-за своей неожиданности, среди гомона хмельных гортанных голосов в ресторане, да еще так далеко от родной страны показалась русская речь. А ведь, повторюсь, Главный военный советник комдив К. М. Качанов, сменивший комдива А. И. Черепанова, и начальник штаба полковник П. Ф. Батицкий ни разу не обмолвились о том, что в Гуйлине есть представитель Советского Союза. Снова вспомнились слова начальника штаба: «От Наньчана до Куньмина никого из наших не встретишь...»

В голове моей роились разные мысли. Что же произошло? Забыли об одном из советников? Но это полностью исключается: и Качанов, и Батицкнй - люди высокой организованности и дисциплины, лично пришлось в этом убедиться. Да и все мы, приехавшие из СССР, ни на минуту не забывали, что находились и на виду, и «на слуху» в чужой, хотя и дружественной стране, и потому к себе были более требовательными, чем дома.

Невольно возникла настороженность: Китай был наводнен людьми различных национальностей из многих стран, в том числе эмигрантами из России. Между тем незнакомец, говоривший по-русски, и возник-то потому, что услышал родную речь, увидел наши лица.

- Русский русского везде узнает, где бы ни встретились, - произнес этот человек. Одет он был тоже в гоминьдановскую форму и тоже без знаков различия. «Значит, наш», - промелькнуло в мозгу. Незнакомец небрежно представился:

«Полковник Волков». (Сильно акцентировалось первое слово, второе было услышано скорее по догадке.)

Новый знакомый начал рассказывать о своем житье-бытье. В Гуйлине он совсем один. Приехал три месяца назад. Работает в военном училище. И добавил, еле заметно поморщившись: «Советником!» Проступало недовольство судьбой, которая несправедливо наделила полковника этим назначением.

Я вопросительно посмотрел на него, полагая, что за этим последует какое-то продолжение, но собеседник неожиданно спросил:

- Качанов мне ничего не передавал?

- Нет, ничего.

- А у Батицкого обо мне не было разговора? - внимательно глядя мне в глаза, задал он новый вопрос, скорее в тоне допроса. Впрочем, я был, наверное, вдвое моложе, мог понимать по-своему.

Разговор с полковником принимал странный оборот.

- И у Батицкого о вас тоже не было речи, - сказал я.

- Совсем?

- Совсем!

Кажется, это его не расстроило.

- Ну и хорошо. Давайте обедать. Если не возражаете, я переберусь к вам.

Тут же от столика были отлучены наши надежные помощники-переводчики. Они разместились где-то в углу зала, но в нашем поле зрения. Получилось некорректно. Переводчики как бы низводились до уровня «обслуги».

Режим одиночества, в котором оказался полковник, будучи оторванным от активной оперативной деятельности, вдали от линии фронта, от штаба советников, не мешал ему знать обстановку в Китае в целом. В этом ему помогал переводчик, делавший подборки из местных и центральных газет и представлявший информацию о событиях в жизни страны и местного района. Волков рассказал о деятельности тамошних властей, о военных формированиях. Поделился, что выработал предложения штабу и собирается направить их туда. Позже Батицкий сказал мне, что никаких предложений от Волкова в штаб не поступало.

Полковник стал между тем высказывать свои взгляды по некоторым вопросам, показавшиеся мне необычными. Они сильно отличались от наших общепринятых. Он считал, что советская военная помощь неэффективна, так как китайцы в силу «своего уровня развития в области военного искусства» не могут организовать оборону даже с помощью советников. Опыт предшествующего периода войны, по его мнению, доказал это: китайские генералы, соглашаясь с предложениями советских советников, тем не менее не всегда использовали их.

Так действительно бывало. «Однако, - заметил я, - если бы Советский Союз не оказал помощи, то вряд ли китайские войска сумели бы остановить продвижение японцев». Сами китайцы понимали: не было бы поддержки СССР, не удалось бы Китаю сохранить оставшуюся территорию свободной от оккупации. Это было совершенно очевидным.

Полковник в ответ на мои замечания промолчал.

За обедом обнаружилось пристрастие моего нового знакомого к напитку, подававшемуся в трогательных, милых сердцу русского человека маленьких фарфоровых чайничках. В России в таких заваривают чай. Их принесли по просьбе полковника, и до конца обеда чайнички не сходили со стола. Волков остался доволен действием сразившего нас напитка. Коварная сила рисовой водки «Маотай» оказалась велика.

Зашел разговор о китайцах, неграмотном и нищем тогда народе. Но вскоре он оборвался: у собеседника не было тепла к этим людям, его заменяло безразличие, порою даже пренебрежение к отсталости нации. И это удивляло: он приехал сюда по призыву именно этого народа.

Разговор не состоялся - каждый верил в свое. Ведь за время пребывания в Поднебесной я убедился, что китайцы не только очень трудолюбивы, но и дисциплинированны. Причем исполнительны не по слепоте душевной, а по дарованному им от младых ногтей сознанию ответственности за порученное дело. Кроме того, и это мы все высоко ценили, китайцы были всегда приветливы и доброжелательны.

Наконец, чтобы переменить тему беседы, я спросил полковника, есть ли в Гуйлине национальный театр, и рассказал, как Роман Лазаревич Кармен приобщал меня к китайской опере. С неослабевающим интересом мы оба следили за ходом непривычного для нас спектакля, действие которого разворачивалось во времена правления древних императоров.

Послушав, полковник вылил в оловянный стаканчик остатки водки, выпил и сказал, что был в таком театре, но дал себе зарок впредь больше туда не ходить: нормальному русскому там делать нечего - он ничего не поймет.

Тем временем на столе появился новый чайничек, а пустой исчез. И разговор перешел в другое русло. В Китае я

услышал об интересных обычаях племени яо, живущего в горах и сохранившего исключительную самобытность. Захотелось побольше узнать об этой удивительной народности. Поэтому я спросил полковника, что известно ему о людях яо и нет ли их поблизости. Он посмотрел на меня непонимающим взглядом и раздраженно махнул рукой, мол, зачем ему это.

Но теперь уже недоумевал я. Все наши советники и дипломаты, с которыми мне довелось работать в Китае, были чрезвычайно эрудированными людьми и проявляли искренний интерес к культуре этой страны. Такими были комдив А. И. Черепанов, посол А. С. Панюшкин, комбриг Н. П. Иванов, комдив К. М. Качанов, комбриг А. Н. Боголюбов, полковник Н. В. Славин, комбриг А. В. Благодатов. Поэтому я не мог понять и оправдать моего собеседника.

И снова вспомнил Романа Кармена, бесстрашно ползавшего с кинокамерой под пулями на передовой, для того чтобы запечатлеть на пленку китайских патриотов, защищавших родную землю. Приходил на память и известный русский корреспондент, чьи репортажи о борющемся Китае читались в СССР с большим интересом, -Владимир Рогов.

Для таких людей Китай стал частицей всей их последующей жизни, а его сложная судьба - личной болью. Все они, а следует еще обязательно упомянуть М. М. Бородина, П. А. Павлова, В. К. Блюхера и других участников революционного движения со времен Сунь Ятсена, неотделимы от китайской истории.

Полковник же из Гуйлиня не был похож ни на одного из них. Почти неприкрыто навязывал он нам мысль о национальной ущербности китайцев.

Волков не внял моему предложению ограничить число чайничков: они продолжали появляться на столе. Вскоре он захмелел настолько, что стал рассказывать все подробности личной жизни.

Подбором «напарниц»для полковника занимался переводчик. Делалось это почти в открытую, поскольку в Гуйлине в тот момент советских людей не было, стесняться не приходилось, а значит, не было и опасения, что репутация будет испорчена. Прояснилась и причина острого интереса Волкова к тому, имел ли место разговор о нем у Батицкого. Ведь если разговор не происходил, то в штабе ничего не знали о компрометирующих его фактах.

В тот вечер полковник успел посвятить нас во многие скабрезные детали своей личной жизни. А нам, молодым тогда ребятам, пришлось поневоле слушать его, старшего по возрасту и званию.

Было уже совсем поздно, когда я извинился и встал, дав понять, что встреча закончена. Соотечественник не возражал. Его проводили до выхода. Переводчик советника заверил, что доставит его домой, и увел. Уже в дверях советник оглянулся, прищурился, отыскал меня и по-приятельски помахал рукой.

Поднявшись в номер, я раскрыл окно. Под ним шумели подгулявшие посетители ресторана, громко торгуясь с рикшами. Несколько колясок отъехало от подъезда. Советника, признавшегося в слабости к рикшам с дорогой коляской, никелированными фарами и ковриками, там уже не было. Я этому радовался: не хотелось видеть соотечественника, погоняющего другого человека. Представил мощно сложенного Батицкого в коляске, которую будто бы поднимает в гору худой китаец. Стало смешно и грустно...

Нам часто недостает понимания того, что происходит вокруг нас и в чем мы участвуем. Осознать происходящее и сделать верный нравственный выбор помогают совесть (если она есть у человека) и святое чувство ответственности перед людьми (если это привито воспитанием). И уж совсем плохо, когда кто-то несется по жизни, полагаясь на волю ветрил, безо всякого разумения.

С такими мыслями я ехал в Куньмин, где порадовался царящей в группе наших соотечественников строгой деловой атмосфере. Там и дышалось совсем по-другому, чем в Гуйлине: будто оказался я не у «тропика Рака», а в родной России. Накануне город подвергся бомбардировке противника. В нем в это время находился Чан Кайши. Потерь не было, однако после разрыва одной из фугасок кусок породы попал в генералиссимуса, не успевшего вовремя укрыться, но все обошлось. Выполнив в Куньмине все необходимое, мы вернулись в Чунцин, но уже кратчайшей дорогой...

Окончен путь. Машина остановилась у подъезда резиденции Главного советника. С облегчением открыл дверцу кабины и лицом к лицу встретился с Батицким. Начальник штаба, верный привычке держать в руках все нити штабных событий и даже время, вычислил не только день, но и час моего прибытия в Чунцин. И вышел встречать.

И вот он уже внимательно слушает меня. А я подробно рассказываю о поездке. Все происшедшее в Гуйлине уже начинает казаться миражом. Захотелось не вспоминать о состоявшейся там неприятной встрече. Но желание очиститься от скверны все-таки победило.

В то время Павлу Федоровичу Батицкому было еще далеко до маршала. Не раз мы вели с ним доверительные разговоры и хорошо понимали друг друга. Поэтому я спросил прямо:

- Кто-нибудь из наших есть в Гуйлине? Лицо Батицкого стало настороженным.

Ответил коротко:

- Да, Волков. А что?

Слушал меня молча, хмуро, затем как бы про себя обронил: «С этим надо кончать!» И ушел. Из этой фразы можно было заключить, что «багаж» у гуйлинского полковника уже имелся, но теперь, видимо, потяжелел.

Вскоре начальник штаба пригласил меня к Главному военному советнику. Тот потребовал рассказать ему о гуйлинской встрече. Я снова почувствовал отвращение к этому делу. Но рассказал.

Вопрос был закрыт, меня в подробности начальство решило не посвящать. Позже поинтересовался все-таки, чем все закончилось.

Ответ был подобен артиллерийскому выстрелу:

- Он уже в Советском Союзе.

Прошло много лет. Закончилась Великая Отечественная война, совершилось много других значительных событий в стране и в мире, а воспоминания о Китае навсегда остались со мной, подобно белым цветам, символизирующим в этой стране чистоту человеческих отношений.

Однажды дома раздался телефонный звонок. Сотрудник Министерства обороны сообщил, что маршал Батицкий получил мое письмо и поручил ему обязательно организовать нашу встречу:

- Маршал сказал, что готов встретиться в ближайшие дни, и спрашивает, когда вы сможете.

Вместе с руководителем китайской группы Советского комитета ветеранов войны генерал-лейтенантом в отставке А. Я. Калягиным наметили вопросы, которые предстояло обсудить во время моей встречи с маршалом. Но она не состоялась. Гипертонический криз закончился уходом Павла Федоровича из жизни...

Не остается людей, помогавших Китаю в те далекие уже годы. Но память возвращает к временам, когда более трех с половиной тысяч русских добровольцев принимали активное участие в войне китайского народа против японских завоевателей. Многие из них в своих публикациях рассказали об опыте, накопленном в ходе той войны. Прояснились и кое-какие детали. К примеру, стало ясно, с каким полковником мне довелось встретиться в Гуйлине.

Генерал-лейтенант А. Я. Калягин работал у Чан Кайши старшим военным советником в тот же период, что и я. Однако в Китае мы не встречались, хотя наши жизненные пути пролегали рядом.

Из рассказов и рукописи воспоминаний генерала - он дал согласие на публикацию в моем материале некоторых своих данных - я узнал, что полковник Волков в декабре 1938 года получил назначение старшим военным советником во второй военный район, но через три месяца был отозван в Чунцин в связи с недостойным поведением. Поводом послужила его разгульная жизнь. Собрание советников единодушно осудило поведение Волкова и сочло дальнейшее его пребывание в Китае недопустимым.

Что же было дальше?

Генерал Калягин считает, что Волков был отправлен в СССР в июне 1939 года. Но, скорее всего, это не так. Сам советник в автобиографии впоследствии писал, что вернулся на Родину в декабре 1939 года. Один же из членов экипажа самолета В. В. Камонин вспоминает, что, кажется, в августе того же года его командир А. С. Пальчиков получил неожиданную команду вылететь в Чунцин, забрать пассажира и перевезти его в Гуйлинь. К удивлению экипажа, привыкшего поражать вражеские цели, а не возить пассажиров! Но команда, конечно, была выполнена.

Нынешние старики, те, по кому пришелся первый удар фашизма, несшего унижение и гибель нашей стране, до сих пор помнят ощущение первых минут войны - сжимающую до боли в сердце тревогу за Отечество. Главное, о чем думал тогда каждый, - устоит или нет страна против врага. Делали все, чтобы она устояла, проливали кровь за победу, в которую твердо верили, отдавая за нее жизнь. Но находилось все же ничтожно малое число низких людишек, для которых патриотизм был неведом. Таким вот в конце концов и стал генерал-лейтенант А. А. Власов, он же полковник Волков из Гуйлиня.

К. М. ПОКРОВСКИЙ

ВИЖ №2 1994

Миссия в Дамаск - (Заметки главного военного советника в Сирии)

Генерал–полковник в отставке М. Н. Терещенко.

6 октября 1973 года вспыхнул очередной арабо-израильский вооруженный конфликт. Сирия участвовала в нем до июня 1974 года.

Сирийские вооруженные силы понесли большие потери в личном составе и боевой технике. Тогда на помощь пришел Советский Союз. За счет его военных поставок удалось в короткий срок восстановить прежний уровень вооружений. Сирийским военнослужащим необходимо было овладеть новыми образцами советского оружия, повысить боевое мастерство. Немалую роль в этом деле сыграли советские военные советники и специалисты. Об их работе в сирийской арабской армии рассказывает генерал-полковник в отставке М. Н. Терещенко, который в 1974-1977 гг. был главным военным советником вооруженных сил - советником министра национальной обороны Сирии.

...Третий год я напряженно работал в должности начальника штаба Краснознаменного Прибалтийского военного округа. Необходимо отметить, что округ был уникальный. Он охватывал Эстонскую, Латвийскую, Литовскую республики и Калининградскую область РСФСР. На территории округа находились соединения Сухопутных войск, ПВО, ВВС. Это сотни тысяч солдат, сержантов и офицеров; тысячи танков, самолетов, орудий, много другой техники и вооружения. Войска округа взаимодействовали с Балтийским флотом, с пограничниками Прибалтийского и Западного пограничных округов, с соединениями двух армий ПВО, охранявших воздушное пространство всего региона.

Мне пришлось немало потрудиться, чтобы освоить обязанности начальника штаба такого крупного объединения. Это, видимо, учитывали при назначении меня главным военным советником вооруженных сил - советником министра национальной обороны Сирийской Арабской Республики (САР).

Для меня назначение было неожиданным. Я сознавал всю сложность и ответственность новой работы. Фактически предстояла и военная, и дипломатическая, и политическая деятельность.

После непродолжительной Подготовки и бесед с руководством Министерства обороны, МИД СССР и ответственными работниками аппарата ЦК КПСС 10 октября 1974 года отбыл в Сирию.

В Дамаске меня встречали командующий местным военным округом дивизионный генерал А. Наджар, начальник управления боевой подготовки министерства обороны дивизионный генерал С. Таян, шеф протокола бригадный генерал Х. Сабуни с группой офицеров, главный военный советник генерал-лейтенант В. А. Макаров с группой советских генералов и работников посольства Советского Союза.

На следующий день состоялись встречи с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Сирии Н. А. Мухитдиновым, с министром национальной обороны - заместителем верховного главнокомандующего армией и вооруженными силами САР дивизионным генералом Мустафой Тласом и начальником генерального штаба дивизионным генералом Хикматом аш-Шехаби.

На этих встречах, в частности, согласовывался порядок вступления в должность главного военного советника. Согласно ему я ознакомился с управлениями министерства обороны и генерального штаба, изучил оборону на Голанских высотах, побывал во всех крупных гарнизонах. Сирийцы проявили большую открытость и искреннюю заинтересованность в том, чтобы недавно назначенный главный военный советник как можно быстрее вошел в курс дела. Состоялись обстоятельные доверительные беседы по вопросам строительства вооруженных сил. Мне разъяснили особенности их структуры, боеготовности, оперативной и боевой подготовки.

Четвертая арабо-израильская война, получившая название Октябрьской освободительной войны, продолжившая ее «война на истощение» на Голанских высотах и в районе Джебель-Шейх легли тяжелым бременем на Сирию. Положение усугублялось нерешенностью палестинской проблемы, усилением экономических трудностей, острой внутриполитической борьбой. При этом Сирия оставалась воюющей страной, большая часть ее вооруженных сил находилась в непосредственном соприкосновении с израильскими войсками, несла боевое дежурство.

После войны 1973-1974 гг., выхода Египта из «фронта противостояния» в результате сепаратистских сделок с Израилем САР заняла место лидера в арабском мире. Она последовательно и настойчиво проводила линию на урегулирование конфликта, требуя вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, соблюдения законных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание суверенного государства.

Крайней напряженностью в тот период, как и раньше, отличались отношения Сирии и Ирака из-за разногласий внутри баасистского движения и различного подхода правящих кругов этих стран к поиску путей выхода из кризиса на Ближнем Востоке. В последующем возник и Ливанский кризис, в разрешении которого Сирия играла и продолжает играть важную роль. Такова была политическая ситуация, в которой нам предстояло работать.

Вместе с сирийским командованием мы проанализировали ход недавней вооруженной борьбы. Ее характерной чертой явилось применение большого количества новейших систем оружия и боевой техники с обеих сторон; при этом войска САР воевали лучше, чем в прошлых войнах. Сирийское командование проявило большую смелость и решительность. Сирийцы, солдаты и офицеры, по оценке многих наблюдателей, в целом показали себя мужественными бойцами.

Анализируя допущенные ошибки, мы пришли к выводу, что наиболее серьезно повлияло на исход боев отсутствие взаимодействия между частями и подразделениями различных видов вооруженных сил; между пехотой, танками и авиацией. Нередко они действовали разобщенно. Это не позволило закрепить достигнутый первоначально успех: под ударами превосходящих сил противника сирийцам пришлось отойти.

Недостаточно твердо осуществлялось руководство рядом соединений и частей, особенно при отступлении. Нередко командные пункты отставали от боевых порядков войск. Напрашивался вывод, что надо пересматривать систему управления войсками от генерального штаба до дивизии, бригады, полка.

Существенным недостатком оказалось незавершенное инженерное оборудование местности. Война показала, что хорошо оборудованные позиции с мощными огневыми средствами, системой ПТО (противотанковая артиллерия, комплексы ПТУР, минно-взрывные заграждения) на вероятных направлениях наступления противника должны составить основу стратегической обороны на Голанских высотах и в районе Джебель-Шейх. Обороняющиеся должны иметь высокую боевую готовность и тесно взаимодействовать с резервами, подходящими из глубины.

Опыт войны привел к выводу о необходимости пересмотра организационно-штатной структуры сирийских войск и сил флота с тем, чтобы придать соединениям большую компактность, повысить их огневую мощь. В коренном улучшении нуждалась система мобилизационной готовности. Необходимо было организовать заблаговременную подготовку и быстрый сбор резервистов, накопление достаточных запасов вооружения и военной техники, боеприпасов, снаряжения.

В этот период отношения Сирии и СССР, по оценке сирийского руководства, носили принципиально важный, стратегический характер и охватывали все области сотрудничества: политическую, экономическую, техническую, военную, культурную. С помощью Советского Союза были созданы современные вооруженные силы. Десятки лет в них напряженно трудились советские военные советники и специалисты, которые прибыли по просьбе сирийского правительства в соответствии с двусторонним соглашением между СССР и. САР. На них возлагались обязанности по оказанию практической помощи командному составу вооруженных сил республики в организации боевой подготовки в соединениях и частях, определении мер по повышению боевой и мобилизационной готовности войск и сил флота и совершенствованию их организационно-штатной структуры, а также в создании системы управления войсками и освоении советских образцов вооружения и военной техники.

Практика показала, что успех в работе военных советников зависел от их знаний, опыта, кругозора, организованности, тактичности и умения установить доверительные отношения с соответствующим командиром (начальником). Каждый советский генерал и офицер, безусловно, учитывал, что он контактирует с образованными людьми, патриотами, имеющими свои национальные обычаи, веру. Сознавали и то, что советовать - не поучать, что недопустимо в какой-либо форме задевать самолюбие, национальные и религиозные чувства сирийцев. Кто забывал об этом, тот возвращался на Родину досрочно. Так бывало, но, к счастью, очень и очень редко.

Состав военных советников определялся организационной структурой вооруженных сил САР. Напомню, что верховным главнокомандующим армией и вооруженными силами этой страны является президент. Он лично руководит военным строительством и обороной. Президенту непосредственно подчинены министр обороны (он же заместитель верховного главнокомандующего), начальник генерального штаба, командующие видами ВС, центральные управления (политическое, боевой подготовки, университетской подготовки, кадров, инспекции, музеев и ветеранов войны, тыла), бюро обеспечения армии.

Министр обороны руководит подготовкой и оснащением армии, выполняет административные функции.

Генеральный штаб - рабочий орган верховного главнокомандующего. Он ведает вопросами комплектования вооруженных сил Сирии и осуществляет оперативное руководство ими. Генштаб в то время включал оперативное, разведывательное, организационно-мобилизационное управления, а также связи, ракетных войск и артиллерии, химических и инженерных войск, автобронетанковое, РЭБ и ряд отделов.

Вооруженные силы Сирии состояли из сухопутных войск, объединенных военно-воздушных сил и ПВО, военно-морских сил. Соответственно коллектив советских военных советников и специалистов возглавлял главный военный советник вооруженных сил - советник министра национальной обороны САР. Этим обусловливалось его положение: советник при президенте - верховном главнокомандующем и одновременно при министре обороны. Он должен был поддерживать тесные контакты и с генштабом, командующими видами вооруженных сил и начальниками родов войск.

Главному военному советнику непосредственно подчинялись старшие советники при командующих ВМС, ВВС и ПВО, а также советники при тех управлениях министерства обороны, которые замыкались на верховного главнокомандующего. При нем работал штаб (небольшой по численности), возглавляемый начальником штаба - советником начальника генерального штаба армии и вооруженных сил, который руководил советниками при управлениях генштаба.

В войсках военные советники находились при командирах дивизий, бригад, отдельных полков, начальниках штабов и основных родов войск, а также при заместителях командиров по технической части и тылу.

Состав военных специалистов определялся количеством и сложностью поставляемого Советским Союзом вооружения и военной техники, их способностью обучить необходимое число сирийских военнослужащих и совместно с ними обеспечить поддержание техники в постоянной боевой готовности. Руководство военными специалистами осуществлял старший группы специалистов - заместитель главного военного советника по вооружению.

Таким образом, военные советники и специалисты из СССР находились во всех управленческих звеньях вооруженных сил Сирии.

Работать с сирийскими офицерами многим было нелегко, особенно на первых порах. Дело в том, что сирийцы в большинстве своем уже имели опыт сотрудничества с советскими военными, а наши офицеры, как правило, оказывались в новой для них роли без знания арабского языка.

Немало сирийских офицеров окончило высшие военно-учебные заведения в СССР и командно-штабную военную академию САР, где преподавали советские генералы и офицеры. У 80 проц. сирийских генералов и офицеров было среднее образование, а у 20 проц. - высшее. Причем генералы и старшие офицеры управлений генерального штаба, командиры дивизий, бригад и полков, их заместители и начальники штабов почти все имели высшее образование.

Коллектив военных советников и специалистов был укомплектован высококвалифицированными, опытными генералами и офицерами. Все они пришли с прямых должностей, например, советником командира полка назначался советский офицер - командир части, обычно прослуживший в этой должности три-четыре года. В коллективе преподавателей командно-штабной военной академии все советские офицеры имели стаж преподавательской работы до 10 лет, к тому же более 50 проц. из них являлись кандидатами военных наук.

Свою деятельность советники планировали на учебный год, период обучения и месяц. Главное внимание уделялось проведению инструкторско-методических и показных занятий (учений), отработке приемов владения оружием, боевым стрельбам, вождению танков и БМП, штабным тренировкам, командно-штабным и тактическим учениям, а также организации контроля за качеством учебы и содержанием боевой техники.

Мы пришли к выводу о необходимости регулярных встреч министра обороны и начальника генерального штаба Сирии с руководящим составом военных советников для ознакомления их с военно-политической обстановкой в стране и регионе и стоящими перед войсками и флотом задачами. Они приняли наше предложение. Такие встречи стали проводиться накануне летнего и зимнего периодов обучения и в конце года. Первый раз руководящий состав военных совет-

ников встретился с министром обороны дивизионным генералом М. Тласом в декабре 1974 года. Запомнилось, как проходила встреча с министром обороны 30 июня 1976 года. На ней кроме сирийских генералов и офицеров присутствовали посол СССР Н. А. Мухитдинов, советник посольства Б. С. Чумаков, военный атташе полковник Н. В. Осипов.

Генерал М. Тлас ознакомил присутствовавших со сложной военно-политической обстановкой в регионе, рассказал о развитии Ливанского кризиса, о том, что Сирия вновь вынуждена выдвинуть войска к границе Ирака в ответ на подобные же действия иракской стороны. Он подчеркнул, что различный подход этих стран к разрешению кризиса в Ливане едва не привел к вооруженному конфликту между ними. Поблагодарив военных советников и специалистов за их весомый вклад в повышение боевой готовности войск и сил флота, изложил задачи, поставленные верховным главнокомандующим, попросил помогать в совершенствовании боевой и мобилизационной готовности, инженерном оборудовании обороны, улучшении оперативной и тактической подготовки офицеров. Такие встречи позволяли налаживать совместную работу исходя из единого понимания целей и задач боевой подготовки, благотворно влияли на укрепление деловых связей между соответствующими командирами (начальниками) и военными советниками.

Главная задача повседневной деятельности всех категорий военных советников и заключалась в поддержании контактов. Для меня первоочередной заботой являлись систематические деловые встречи с министром обороны и начальником генерального штаба, командующими видами вооруженных сил, начальниками родов войск, с командующими военными округами и командирами соединений, с начальниками военно-учебных заведений.

Данные, приведенные в таблице, наглядно свидетельствуют об уровне и характере работы.

Советы давались устно, но по наиболее важным вопросам строительства вооруженных сил разрабатывались письменные рекомендации. Так, только в 1974-1977 гг. их было подготовлено свыше 500. Большинство внедрили в практику, что, безусловно, положительно сказалось на состоянии войск и штабов. Такие рекомендации предлагались после тщательного обсуждения методическим советом при главном военном советнике, который, являясь органом коллективного творчества, способствовал выработке оптимальных предложении. Сирийские офицеры прислушивались к ним и, как правило, стремились воплотить в жизнь. Принять или не принять совет было исключительным правом соответствующего командира (начальника). О недоработках с ними обычно говорили с глазу на глаз, так как в сирийской армии не принято показывать недостатки командиров в присутствии подчиненных, на общих совещаниях или разборах.

В частности, выявились пробелы в полевой выучке и в подготовке штабов. Войска в составе соединений не действовали, дивизионные тактические учения не проводились. Штабы были громоздкими, слабо обученными организации боя. Пункты управления постоянно отставали от войск. Все это, конечно, снижало уровень полевой выучки. Надо было срочно исправлять положение. Мы начали с упорядочения штабной подготовки. Совместно с сирийской стороной внедрили в практику систематические штабные тренировки, командно-штабные учения со средствами связи и обозначенными частями.

Следуя нашим советам, сирийское руководство стало перед началом каждого периода обучения проводить методические сборы с офицерами и унтер-офицерами, ежемесячные занятия по командирской подготовке.

Так, совместно с руководством генерального штаба нами была подготовлена и проведена тренировка с управлениями ГШ и со штабами видов Вооруженных Сил (1975 г.), а затем командно-штабное учение со штабами ВМС н Приморского военного округа (1976 г.). Это повысило уровень оперативной слаженности штабов.

Большой резонанс получила совместная работа по формированию и подготовке ракетной бригады, оснащенной оперативно-тактическим комплексом Р-17э (этот ракетный комплекс в западной печати получил название «СКАД»). Учебный процесс длился семь месяцев и включал пять периодов, в ходе которых готовились специалисты, отрабатывались действия боевых расчетов и контрольных групп. В последующем проводились тактико-специальные учения со стартовыми батареями и ракетными дивизионами.

Первое такое тактическое учение прошло как показное под руководством советника начальника ракетных войск и артиллерии генерал-майора С. В. Буцевицкого с участием группы военных советников и специалистов. Немалую работу по подготовке и проведению этого учения, как и в целом по обучению сирийских ракетчиков, проделали полковник Н. К. Савицкий - старший группы специалистов при соединении, подполковники Ю. П. Самсонов, В. Ф. Подкопников и Л. Ф. Ребрик, майоры В. Г. Сазонов, Г. К. Мясников, капитан М. В. Ходаковский, старший лейтенант Ю. Н. Шураков. В целом же все усилия по созданию ракетной бригады направлялись генерал-полковником Л. С. Сабковым (генерал-полковник Л. С. Сабков в тот период был первым заместителем командующего ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск), который периодически бывал в Дамаске, принимал участие в разработке всех организационных и методических рекомендации и пособий. В конце обучения состоялось трехсуточное тактическое учение с пуском боевой ракеты на полную дальность и точность. Перед ним военные советники с участием сирийских офицеров проверили технику, приняли зачеты по мерам безопасности и на допуск к работе личного состава стартовой и технической батарей, провели рекогносцировку района учения, мест расположения целей и смотр техники ракетного комплекса.

За пуском наблюдали президент и председатель совета министров, министр обороны, начальник генерального штаба и руководящий состав сирийских вооруженных сил. Цель была поражена с высокой точностью. Президент поблагодарил офицеров, унтер-офицеров и солдат, отметив, что арабский воин успешно осваивает современную боевую технику[2].

Оснащение оперативно-тактическими комплексами значительно увеличило ударную мощь сирийских сухопутных войск, что, несомненно, отразилось на военно-политической ситуации в регионе.

В подготовке военно-воздушных сил основное внимание уделялось освоению новых типов самолетов, повышению уровня воздушной и огневой выучки, поддержанию тесного взаимодействия с войсками ПВО, сухопутными войсками и ВМС, а также улучшению содержания и эксплуатации авиационной техники. Надо заметить, что сирийские летчики в войне 1973-1974 гг. показали высокую степень обученности, успешно вели борьбу с израильской авиацией. Большая заслуга в этом принадлежала старшему советнику командующего ВВС и ПВО генерал-майору К. А. Рябову. Он четыре года совместно с другими военными советниками и инструкторами готовил сирийские эскадрильи, обучал их мастерству воздушного боя. Под его руководством была разработана и внедрена технология ускоренного выполнения регламентных работ на самолетах новых типов и пусковых установках зенитных ракетных комплексов. В итоге сроки нахождения самолетов и ЗРК на такого рода профилактическом обслуживании сократились в полтора раза, коэффициент их технической готовности достиг 0,95. И все это благодаря совместным усилиям советских и сирийских специалистов.

Генерал К. А. Рябов пользовался заслуженным авторитетом, к нему с огромным уважением относились и руководство ВВС И ПВО Сирии, и командиры авиационных соединений, и рядовые летчики. Напряженно трудились советники авиабригад полковники Ю.Ф. Капустин, П. Е. Нездоров, В. Е. Ромазин, работавшие в эскадрильях подполковники Н. А. Заяц, В. В. Федосов, А. Н. Скопич, майор Ю. Т. Павлов. Немалый труд в подготовку летных кадров вложили летчики-инструкторы авиационного колледжа под руководством полковника А. Т. Кузнецова. Качественно обучали молодых летчиков майоры В. В. Замышляев, А. А. Гладыщук, С. Н. Федюнин, капитан В. И. Денисов. В войсках противовоздушной обороны творчески работали генерал-майор В. Ф. Колесников, полковники В. Г. Рыбак, Е. Н. Козлов, В. С. Карданов, Г. И. Головин, подполковники Б. И. Золотухин, М. И. Яненко.

Во многом благодаря бескорыстной всесторонней помощи Советского Союза, безупречной работе военных советников и специалистов в Сирии были созданы, а после понесенных в войне 1973-1974 гг. потерь заново восстановлены современные вооруженные силы.

Это признавал в те годы весь арабский мир. Например, в статье «Сирийская армия перед лицом восточного фронта», опубликованной 11 августа 1975 года в ливанском журнале «Аль-Усбуа Аль-араби», говорилось, что вооруженные силы Сирии не только полностью восстановили боевую мощь, но и значительно выросли в количественном и особенно качественном отношении. Они успешно осваивают новую боевую технику советского производства, резко повысили полевую выучку и способны вести современный бой. В подтверждение этого приводились такие данные: «Большинство в войне 1973 года составляли Т-54 и Т-55. Количество новых танков Т-62 в то время не превышало 7 проц... В настоящее время эти танки составляют 31 проц. Большая часть истребителей-бомбардировщиков была представлена самолетами МиГ-17. Сейчас авиация в основном укомплектована самолетами Су-7 (первоклассные самолеты) и располагает самолетами МиГ-23... Значительно выросла огневая мощь за счет приобретения батарей тяжелой артиллерии (130 мм) и оперативно-тактических ракет... Возросло количество тактических ракет... Сирия получила новые ПТУР... Увеличилось количество дивизионов ЗУР САМ различных типов... и количество ракет «Стрела» (САМ-7). Самым важным является то, что сирийская армия значительно повысила свой боевой и тактический уровень... Советские военные советники в Сирии самым активным образом участвуют в создании этой армии...»

Особая роль в этом принадлежала руководителям коллективов советников, таким, как генерал-майоры М. М. Савельев, А. А. Бирюков, Д. А. Леонов, С. Г. Яцук, П. П. Середин, А. И. Некрасов, А. И. Чистяков, И. В. Кириллов, Н. И. Луговской, И. П. Сокирко; полковники П. В. Рябков, В. А. Бабкин, А. П. Егоров, В. Н. Устинов.

Творчески и целеустремленно трудился коллектив штаба главного военного советника под руководством начальника штаба - советника начальника генерального штаба генерал-майора Якова Дмитриевича Дыбли. К несчастью, он трагически погиб в катастрофе на сирийской земле в 1977 году.

Президент Сирии Х. Асад в беседе с председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным во время его официального визита в САР в июне 1976 года подчеркнул, что боеготовность и качество боевой подготовки сирийских вооруженных сил за последние годы значительно возросли, чему способствует хорошая работа советских военных советников и специалистов. В том же году министр обороны дивизионный генерал М. Тлас, подводя итоги нашей работы, на официальной встрече говорил: «Я высоко оцениваю труд советских военных советников и специалистов, благодарю их от всего сердца за те усилия, которые они приложили к повышению боевой готовности вооруженных сил... Хочу отметить, что они в дополнение к этой работе вносят огромный вклад в укрепление дружбы между советскими и сирийскими народами, между советскими и сирийскими вооруженными силами...» Обращаясь к министру обороны СССР Маршалу Советского Союза Д. Ф. Устинову в сентябре 1976 года, он отметил, что советский военный и технический опыт неоценим. Он просил продолжать направлять военных советников и специалистов для работы в сирийской арабской армии.

Всесторонние оценки военного сотрудничества СССР и САР были даны президентом, министром обороны, начальником генерального штаба Сирии во время официального визита в Дамаск начальника Генерального штаба - первого заместителя министра обороны СССР генерала армии В. Г. Куликова (22-25 апреля 1975 г.).

Советские офицеры работали напряженно. А как они жили?

В Положении об условиях пребывания военных советников (специалистов) было оговорено, что советник (специалист) должен жить (иметь жилье, транспорт, оплату труда) в равных условиях с соответствующим сирийским командиром, при котором находится. Следует подчеркнуть, что обе стороны весьма точно выполняли взятые на себя обязательства по материальному обеспечению советских офицеров.

Помещения предоставляла Сирия. Жили военные советники, как правило, на частных квартирах, нанимаемых министерством обороны. Квартплата была высокой (500-800 сирийских фунтов в месяц, без учета взносов за обслуживание, воду и электроэнергию). В Дамаске, кроме частных квартир, был выделен современный благоустроенный 12-этажный дом. В других же гарнизонах, где было сложно с жильем, предоставлялись общежития.

Обеспечивались благоприятные условия для работы. Обычно рабочее место советника было рядом с местом соответствующего командира. Штаб главного военного советника размещался в особняке в центре сирийской столицы.

Что касается оплаты труда военных советников (специалистов), то она осуществлялась в сирийских фунтах советс-

кой стороной (финансовым органом главного военного советника). Размер денежного содержания колебался от 600 до 1600 сирийских фунтов, что равнялось оплате соответствующих категорий офицеров-сирийцев. Основой денежного содержания сирийского военного являлся оклад по воинскому званию: лейтенанта - до 600, майора - 800, полковника - 1100 и дивизионного генерала - 1600 фунтов Сирии. Много это или мало? Все связывалось с тогдашним прожиточным минимумом в стране и зависело от цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Я уже говорил о высокой квартплате. Дорогими были и продукты (мясо - 10, ветчина - 20, сыр - 8 фунтов САР за один килограмм). Стоимость пошива мужского костюма - 100, а женского платья - 60 фунтов САР. Из этого нетрудно представить материальное положение семьи советского офицера с окладом 600-1000 фунтов.

Советские военные в своих коллективах жили дружно, устанавливали хорошие, доброжелательные отношения с сирийскими офицерами, постоянно общаясь с ними как на работе, так и в семейном кругу.

В целях укрепления дружеских связей широко использовались массово-политические мероприятия по случаю государственных праздников Советского Союза и Сирии. Так, 1 августа 1977 года в республике праздновалась 31-я годовщина создания сирийской арабской армии. В соединениях и частях состоялись митинги, на которых выступили министр обороны, начальник генерального штаба, командиры соединений, офицеры и солдаты. В торжествах принимали участие и мы, советники. Вечером 1 августа президент САР Х. Асад устроил торжественный прием в дамасском Доме офицеров, на котором присутствовали высшие руководители страны и вооруженных сил, военные атташе многих государств. Я и мои заместители также приняли в нем участие. В знак уважения к народу СССР, его Вооруженным Силам президент Х. Асад сфотографировался с группой советских генералов.

Примечательным было торжественное собрание в дамасском театре армии по случаю 59-й годовщины Советской Армии. В нем участвовали министр обороны дивизионный генерал М. Тлас, начальники ряда управлений министерства обороны и генерального штаба, командиры многих сирийских соединений, посол СССР Н. А. Мухитдинов, руководящий состав военных советников. На собрании с приветствием выступили М. Тлас и Н. А. Мухитдинов.

Проведение таких мероприятий с ноября 1974 года стало традицией. Они были направлены на упрочение дружбы между народами двух стран и их воинами. Этому способствовали и торжественные церемонии передачи сирийской стороне новой боевой техники, ввод ее в строй. Так, в марте 1976 года сирийским ВМС передавался сторожевой корабль (СКР пр. 159 АЭ). Присутствовали командующий ВМС бригадный генерал флота Фадель Махмуд Хуссейн, начальник штаба бригадный генерал флота Мустафа Вазар Таяра, командиры соединений и кораблей. С советской стороны прибыл отряд военных кораблей под командованием контр-адмирала В. И.Акимова в составе крейсера «Дзержинский» и большого противолодочного корабля «Смышленый». Приняли участие в этом мероприятии главный военный советник, советник при командующем ВМС контр-адмирал Ю.Ф. Терещенко с группой флотских офицеров. Место торжественной церемонии украшали государственные флаги СССР и САР, транспаранты на арабском и русском языках в честь советско-сирийской дружбы. Был выстроен почетный караул, проведен митинг с исполнением государственных гимнов. На митинге выступили контр-адмирал В. И.Акимов и генерал флота Р. Муслимани. Командующий ВМС Ф. М. Хуссейн устроил торжественный обед, на котором выразил признательность Советскому Союзу за большую помощь в укреплении боевой мощи сирийских ВМС, отметил дружную работу сирийских и советских моряков.

В ходе таких встреч улучшалось взаимопонимание, мы ближе узнавали друг друга. Вообще, в этих целях делалось многое. В гарнизонах устраивались коллективные просмотры советских и сирийских кинофильмов, концерты художественной самодеятельности. Наши офицеры посещали музеи, Международную дамасскую выставку и другие достопримечательности страны.

И все же мы жили и работали в очень сложных условиях. Резкие обострения военно-политической обстановки в регионе незамедлительно отражались на наших отношениях с сирийцами. Крутым испытаниям они подверглись, в частности, в периоды противостояния Сирии и Ирака. Дважды, в 1975 и 1976 гг., с обеих сторон выдвигались войска к границе, арабский мир стоял на грани новой воины. Ухудшение положения произошло в июне 1976 года в связи с обострением Ливанского кризиса. Когда сирийские войска в составе межарабских сил вошли в Ливан, то Советский Союз, не одобрявший это вмешательство, временно приостановил поставки вооружения, Министерством обороны СССР решено было сократить количество военных специалистов и увеличить ставки возмещения за издержки их командирования. Это, конечно, повлияло на настроения военнослужащих сирийской армии и на их отношение к нам.

В те тревожные дни я прибыл для плановой работы в одну из танковых дивизий. Как обычно, на подходе к штабу меня встретил командир дивизии бригадный генерал М. Тауфик. Он запомнился как опытный и решительный командир. Генерал пользовался большим доверием руководства, как правило, положительно реагировал на предложения советников. Когда мы вошли в кабинет, меня удивило, что там уже находились заместители командира дивизии, командиры всех бригад и полков. Видимо, их пригласили заранее. Я поздоровался с каждым офицером и сказал, что мне приятна эта встреча с руководящим составом заслуженной дивизии. Завязалась беседа, и мне стал понятен настрой сирийцев.

«Товарищ главный военный советник, - обратился один из командиров бригад, - почему Советский Союз прекратил поставки оружия?» Ответил, что Советский Союз был и остается искренним другом Сирии. Это подтверждает наша совместная работа. Что касается поставок вооружения, то на этот вопрос могли бы лучше ответить наш советник по экономическим вопросам и начальник бюро обеспечения армии. Но мне известно, что на днях в портах Сирии вновь разгружались советские транспорты, доставившие вооружение из Советского Союза. «Скажите, товарищ генерал, - задал вопрос другой офицер, - почему Советский Союз поставляет старое оружие?» Это была явная передержка: сирийцам поступало если не новейшее, то, во всяком случае, отнюдь не устаревшее вооружение, ни в чем не уступавшее многим зарубежным образцам. Поэтому сказал, что советским оружием они одерживали победы в Октябрьской войне, как, например, генерал Наджми Джамиль, командующий ВВС. На истребителе МиГ-17 он сбил «Фантом» и стал героем Сирии. «Ваша дивизия имеет танки Т-62, ПТУР «Малютка» и другое первоклассное вооружение, - напомнил я далее. - Так обстоит дело в большинстве соединений». «Сейчас в Закавказском военном округе проводится учение «Юг», - продолжил беседу командир одного из полков. - Почему не приглашены сирийские представители?» Пояснил, что в соответствии с решением СБСЕ на учения такого масштаба принято приглашать наблюдателей из сопредельных государств. Кстати, командир дивизии бригадный генерал М. Тауфик в составе военной делегации посетит Советский Союз...

Долго продолжался этот, прямо скажу, не очень приятный, но полезный разговор. Он помог понять настроения в сирийской армии в связи с занятой СССР позицией. Со своей стороны я старался сделать все возможное, чтобы установившиеся теплые отношения не сменились холодом отчужденности.

В такой незаметной, на первый взгляд, но необходимой совместной работе мы находили общий язык, оптимальные решения возникавших проблем. Вспоминая те годы, испытываю чувство глубокого удовлетворения от сознания того, что

коллектив военных советников, специалистов и переводчиков в Сирии был сплоченным, сильным людьми требовательными и ответственными, умеющими ценить коллективный опыт и прислушиваться к мнению других. Их отличала высокая культура, широкая эрудиция, единство слова и дела, способность твердо отстаивать интересы Родины. Это были настоящие патриоты-интернационалисты.

Сейчас все они ветераны. Сегодня, спустя много лет, их деятельность заслуживает уважения и честной, независимой от конъюнктурных соображений оценки. Нуждается в серьезном изучении накопленный ими опыт международного военного сотрудничества. Трудом этих офицеров и генералов укреплялись взаимовыгодные дружеские отношения с Сирийской Арабской Республикой. Сирийцы запомнили Советский Союз как надежного, делового и принципиального партнера. Его репутация на арабском Востоке - доброе наследство и нынешней России.

Генерал-полковник в отставке М. Н. ТЕРЕЩЕНКО

[2] Сирийская газета «Аль-Баас» 28 ноября 1975 года писала: «Вчера президент Х. Асад, верховный главнокомандующий армией и вооруженными силами, присутствовал на практическом показе пуска ракет «земля-земля» дальнего действия, оснащенных боевыми головками... В результате ракеты с высокой точностью поразили цель (был произведен пуск только одной ракеты. - М. Т.). В заключение практического показа президент приветствовал офицеров, унтер-офицеров и солдат, которые выполняли задачу, и сказал, что арабский воин успешно осваивает современную боевую технику...»

О роли советских военных в Эфиопии в отражении сомалийской агрессии

Многие читатели обращаются в редакцию с просьбой больше рассказывать об участии наших военнослужащих в локальных войнах в Корее, Вьетнаме, Анголе, Индокитае и других странах. Например, участник Великой Отечественной войны, ветеран Вооруженных Сил генерал-майор в отставке А.В. Лукин из Сергиева Посада пишет: «Военно-историческому журналу» следовало бы опубликовать материалы об участии наших воинов в многочисленных вооруженных конфликтах в Азии, Африке, Латинской Америке. Причем дать материал правдивый, пусть суровый, без фальшивой патетики. Сегодня - это тоже военная история, уже военная история!» Выполняя пожелания читателей, предлагаем воспоминания генерал-майора в отставке П.А. Голицына о его командировке в составе советской делегации в Эфиопию в 1977 -1978 гг.

Осенью 1977 года меня командировали в Эфиопию в составе советской военной делегации. Нам предстояло ознакомиться с обстановкой после вторжения сомалийских вооруженных сил в Эфиопию и оказать помощь в повышении боеспособности эфиопской армии. В нашей делегации были генералы и офицеры от управлений Генерального штаба, представители видов Вооруженных Сил и родов войск.

18 ноября 1977 года состоялась встреча делегации с эфиопским руководством во главе с членом ВВАС[1] майором Адисом Тедла.В ней приняли участие министр обороны бригадный генерал Тайе Телахун, начальник генерального штаба полковник Хайле Георгие Мариам, постоянный секретарь министерства обороны капитан Хайле Вольде, командующий сухопутными войсками полковник Кэфелень Ибза, командующий ВВС полковник Фанта Беляйте, командующий ВМС капитан 1 ранга Тесфайе Берхану.

Министр обороны проинформировал нас об обстановке на фронте и высказал просьбу об оказании военной помощи Эфиопии, в том числе поставками вооружения и военной техники, снаряжения.

Затем началась практическая работа членов нашей делегации в войсках. 22 ноября 1977 года я встретился с начальником разведки эфиопской армии полковником Цегайе и начальником разведки сухопутных войск полковником Алему. Во встрече принял участие военный советник при начальнике разведки эфиопском армии подполковник Ю.М. Новиков.

Цегайе обрисовал состояние разведки в эфиопской армии, положение на фронте и высказал просьбу о помощи. Военные действия, развернувшиеся в Эфиопии в 1977 -1978 гг., можно разделить на три периода.

Первый - с 20 июля 1977 года - с вторжения сомалийских войск в область Огадена и их активного продвижения в глубь территории на северном, центральном и южном направлениях - по сентябрь, когда эфиопская армия остановила наступающего противника на подступах к городам Харар и Дире-Дауа[2] на Восточном фронте, Гинир и Негелли - на Южном.

Второй - с октября 1977 года по январь 1978 года. В этот период положение на фронтах стабилизировалось, особой активности в действиях противоборствующих сторон не наблюдалось, они стремились усилить свои войсковые группировки, создать условия для нанесения решающего удара. Правда, с 17 по 24 ноября сомалийцы вновь предприняли попытку овладеть городами Харар и Дире-Дауа, но она оказалась безуспешной.

Третий - с конца января по начало марта 1978 года - активные боевые действия эфиопских и кубинских[3] войск по нанесению контрударов южнее и севернее Харара, в районе Дире-Дауа, захват города Джиджига и освобождение Огадена.

Сомалийцы после вторжения в Эфиопию оккупировали 90 проц. территории Огадена. В руках эфиопов оставались лишь два крупных административных центра - города Харар и Дире-Дауа, захват которых был главном целью сомалийского руководства.

К середине января 1978 года группировка сомалийских войск на Восточном фронте насчитывала примерно 24 - 25 мотопехотных и пехотных бригад, около 120 - 130 танков, более 300 орудий и минометов, на Южном фронте - пять - шесть мотопехотных и пехотных бригад, до 150 орудии и минометов.

Эфиопские войска вместе с кубинскими подразделениями имели в своем составе 26 бригад (пбр - 6, бригад народной милиции - 13, пролетарских бригад - 6, тбр - 1), из которых пять находились на охране коммуникаций, около 230 танков, 180 орудий и минометов, 42 пусковые установки БМ-21.

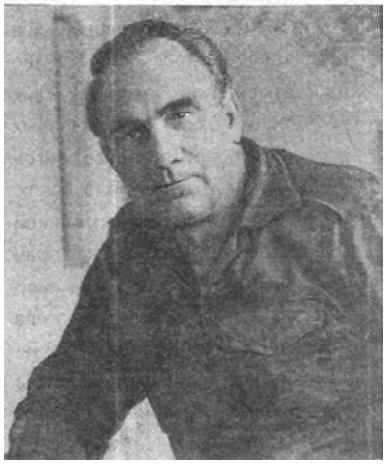
Таким образом, к середине января 1978 года соотношение сил, особенно в танках, начало складываться в пользу эфиопских войск. Кубинские и эфиопские ВВС насчитывали более 30 боевых самолетов, что дало возможность приступить к практическому осуществлению замысла по разгрому сомалийских войск в Огадене.

Полковник В.А.Пашковский (слева) и генерал-майор П.А.Голицын. Дире-Дауа. 1978 год.

С утра 24 февраля 1978 года после интенсивной авиационной и артиллерийской подготовки эфиопские и кубинские части и подразделения перешли в наступление южное Харара. Мы с руководителем нашей делегации и генерал-майором Е.А. Алещенко находились на командном пункте западнее Харара и наблюдали за боем. Несколько мин разорвалось около нашего КП.

2 и 3 февраля в результате операции в районе Дире-Дауа сомалийцы были отброшены на 40-45 км. С 8 по 12 февраля была проведена операция по уничтожению противника севернее Харара.

После трех последовательных


Генерал-лейтенант Г.У.Дольников. Дире-Дауа. 1978 год.

контрударов на Восточном фронте противник уже не мог оказывать организованное сопротивление. Было уничтожено и захвачено около 70 проц. сомалийских танков, более 80 проц. орудий полевой артиллерии и минометов.

4 марта началось наступление эфиопских войск на Восточном фронте, а к 13 марта территория Огадена была полностью очищена от сомалийцев.

К началу сомалийской агрессии в эфиопских вооруженных силах военной разведки, по существу, не было. На первом этапе боевых действий ввиду отсутствия штатных разведподразделений разведка велась в основном способом наблюдения силами пехотных и артиллерийских подразделений, а также народной милиции.

16 декабря я был принят министром обороны бригадным генералом Тайе Телахуном, которому доложил проект приказа о мерах по улучшению разведки и укреплению разведывательных органов частей и подразделений, изложил наши взгляды на организацию разведки всех видов в сложившейся обстановке. Наши предложения министр принял и 24 декабря подписал такой приказ, после чего началась конкретная работа по организации разведки, и прежде всего на Восточном фронте.

Войсковая разведка. В ходе боевых действий в течение января - февраля 1978 года во всех дивизиях и в 90 проц. бригад Восточного фронта были сформированы разведывательные роты и взводы. В Хараре готовился 51 человек войсковых разведчиков, в Рорэ - 20 и в Дире-Дауа - 30 человек для разведрот дивизий.

С появлением в войсках обученных разведчиков стала создаваться система наблюдения, а в ходе наступления начали высылаться разведдозоры на глубину 5-6 км. Попытки наших советников готовить и засылать разведывательные группы в тыл противника успеха не имели. Эфиопские солдаты и офицеры туда идти боялись. На Восточном фронте несколько раз проводилась разведка боем. В большинстве случаев ее результаты бывали положительными. Удавалось захватывать пленных и получать от них сведения, позволявшие командирам лучше узнавать противостоящего противника. Кроме того, удачная разведка боем вселяла в воинов уверенность в своих силах.

В ходе операции по освобождению Огадена для ведения разведки и захвата важных объектов высылались сильные разведывательные отряды. Например, с выходом 8 пд в район Сегага от нее был выслан отряд в составе двух механизированных батальонов для разведки маршрута Сегаг -Биркуль - Данан и захвата города Данан. Протяженность маршрута - 180 км. От 3-й танковой бригады кубинцев отряду в составе танкового и пехотного батальонов, артиллерийского дивизиона большой мощности была поставлена задача разведать маршрут Дагабур - Габредар и захватить город Габредар. Протяженность маршрута -200 км. Отряды численностью от роты до батальона высылались также от других соединений войск Восточного и Южного фронтов. Ввиду слабой подготовки и недостаточной оснащенности штатных разведподразделений высылка таких отрядов вполне себя оправдала.

В первом периоде боевых действий **артиллерийская разведка** велась пассивно: не было подготовленных разведчиков-артиллеристов, не хватало приборов наблюдения. С получением артиллерийских систем из СССР личный состав на фронте и в учебных центрах прошел ускоренную разведподготовку под руководством советских специалистов. В результате повысилось качество ведения артиллерийской разведки. При проведении операции севернее и южнее Харара, севернее и северо-восточнее Дире-Дауа на каждом из указанных направлений развертывалось от 24 до 30 артиллерийских наблюдательных пунктов и постов, а при общем наступлении в ходе боевых действий по освобождению Огадена были развернуты 54 наблюдательных пункта и поста.

К началу февраля 1978 года на Восточном фронте удалось сформировать батарею звуковой разведки с шестью звукоразведывательными постами, что позволило точнее определять координаты стреляющих батарей противника.

Во время боевых действий на Восточном фронте в качестве разведчиков-корректировщиков несколько раз пытались использовать вертолеты и легкие транспортные самолеты. Однако из-за отсутствия опыта взаимодействия между артиллерией и авиацией, надежной радиосвязи, единой кодированной карты и сигналов управления положительных результатов получить не удалось.

Воздушная разведка стала одним из основных способов получения информации о противнике на всю глубину его боевых порядков. Главные ее усилия направлялись на уточнение районов расположения основных группировок сухопутных и танковых войск, резервов противника, огневых позиции артиллерии на направлениях: Харар, Фин; Бабиле, Дола-Медо, Сегаг, Данан; Корэ, Джиджига, Харгейса; Джиджига, Дагабур, Габридахар; Араби, Джиджига; Дире-Дауа, Айша, а также базирования сомалийской авиации и средств ПВО на аэродромах Харгейса, Бурао, Бербера.

До декабря 1977 года воздушная разведка велась самолетами F-5 и «Канберра». Для разведки противника в ближайшей тактической глубине без перелета линии фронта использовались самолеты и вертолеты армейской авиации (до 12 - 15 единиц), что было недостаточно эффективно.

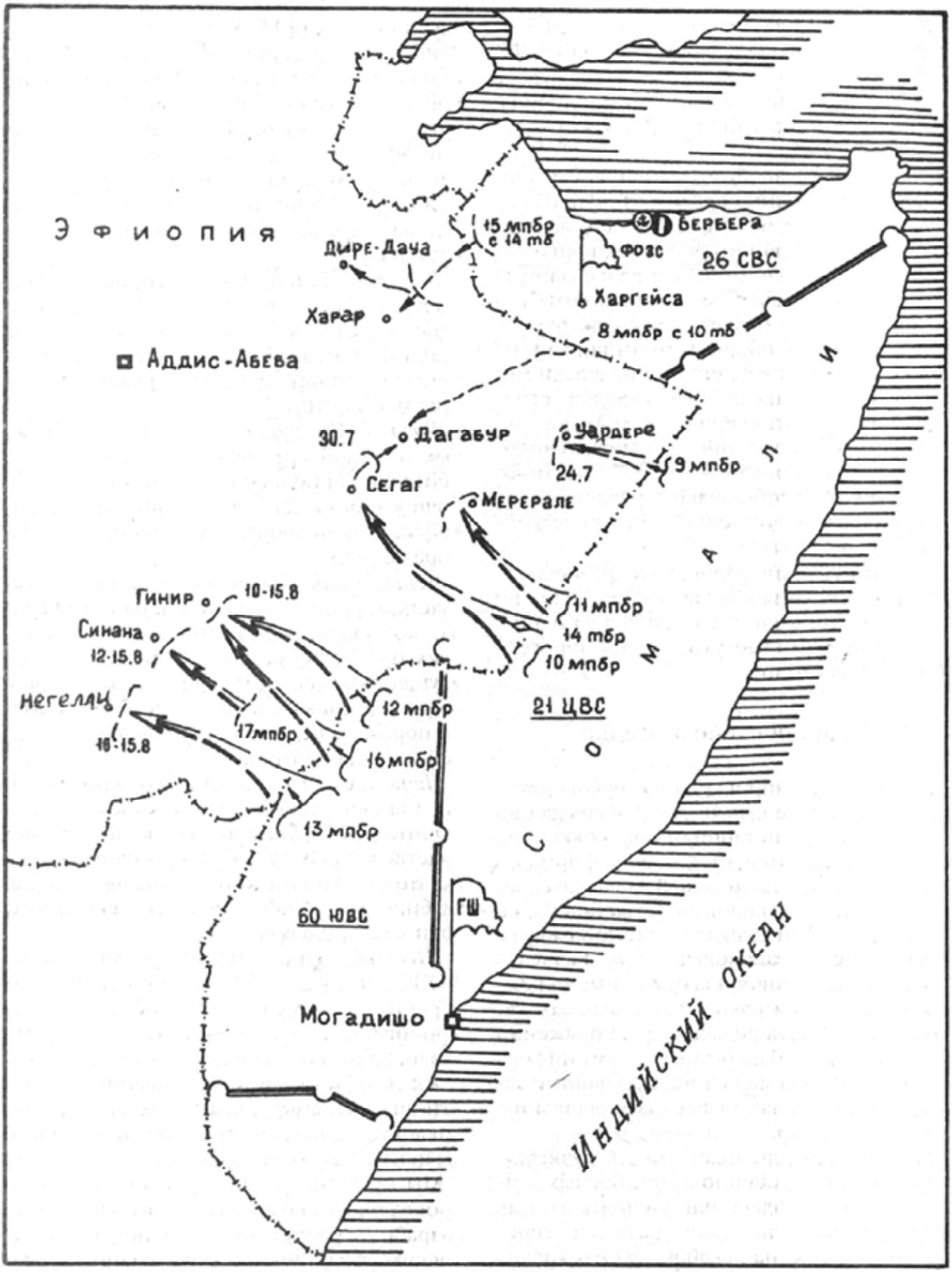
В декабре в Эфиопию прибыли советские специалисты-разведчики, летчики-инструкторы с двумя разведывательными самолетами МиГ-21р, кубинские летчики-разведчики и советский обслуживающий персонал фотолаборатории с оборудованием. Все это сразу же дало возможность по-новому организовать воздушную разведку.

За три месяца было совершено 120 боевых вылетов на воздушную разведку, из них 67 - на воздушное фотографирование. В особо напряженные дни войны летчики-разведчики совершали по четыре-шесть вылетов.

По данным устного опроса экипажей и результатам дешифровки материалов воздушной разведки были обнаружены 136 основных объектов. Из них батарей: боевых машин - 3, полевой артиллерии - 15, зенитной артиллерии - 1 и минометных - 6; аэродром с авиацией - 1, скоплений войск на железнодорожных станциях - 3, сосредоточений войск и боевой техники в поле -34, участков оборонительных сооружений -13, складов боеприпасов - 8 и т.д. На указанных объектах находилось 146 танков, 80 орудий, 83 БТР, 12 БМ, 8 зенитных установок и 230 специальных автомобилей. Командных пунктов было обнаружено три.

Радиолокационная разведка в ходе боевых действий велась непрерывно. Радиолокационные средства были развернуты в районах: П-15 и П-12 - 10 км севернее Дире-Дауа; П-15 и П-12 зенитно-ракетного комплекса дивизиона «Печора» - 3 км юго-западнее Дире-Дауа; П-35 - 5 км юго-западнее Коллуби.

Станции дежурили круглосуточно по графикам. Оповещение о воздушных целях осуществлялось через совмещенный командный пункт ВВС и ПВО в районе аэродрома Дире-Дауа. Такая система радиолокационной разведки в основном обеспечивала разведку воздушных целей в районе аэродрома Дире-Дауа на малых и средних высотах на дальность до 80 - 120 км и своевременное оповещение войск.



В дальнейшем при освобождении города Джиджига радиолокационный пост (П-12) был развернут в районе 5 км севернее Джиджига, что позволило расширить радиолокационное поле на 125 км в сторону противника, вплоть до государственной границы Сомали.

Однако зона боевых действий Восточного фронта не была прикрыта радиолокационным полем и, по существу, авиация противника могла действовать беспрепятственно, выходить к эфиопским войскам открыто. Но так как сомалийская авиация уже с самого начала войны понесла большие потери, она не сумела воспользоваться слабым радиолокационным прикрытием эфиопской армии.

Радиоразведка. С поступлением радиоразведывателыюй аппаратуры из Советского Союза в ноябре 1977 года удалось сформировать роту радиоперехвата и пеленгации, которая была передана Восточному фронту и развернута для работы на позициях в районе Харара.

В январе 1978 года при штабе Восточного фронта разместили нештатный приемный центр, а в штабах дивизий по одному -два приемных разведывательных поста. К началу операции по освобождению Огадена в войсках Восточного фронта круглосуточно работало 15 - 20 разведпостов радиоперехвата и два поста пеленгации.

Сомалийцы на всем протяжении боевых действий нарушали радиодисциплину и тем самым создавали благоприятные условия для ведения радиоразведки. Почти все команды, распоряжения, указания войскам давались по радио открытым текстом. Так же докладывались заявки на боеприпасы, горючее, продовольствие, маршруты возможного отхода, информация о действиях противника и т.д.

Радиоразведке удавалось вскрывать основные группировки сухопутных и бронетанковых сил противника, действовавших против Восточного фронта, узнавать войсковую нумерацию, проводившиеся перегруппировки. Например, радиоразведка определила время и направления отхода войск противника южнее Харара, в районе перевала Марда, отход войск на территорию Сомали по маршрутам: Марда - Джиджига - Харгейса; Бабили - Гахо - Ау-Калаф; Мидаголла - Фик - Данан, а также намеченные рубежи обороны перед сомалийско-эфиопской границей. Кроме того, удалось перехватить сообщение о решении сомалийского руководства о выводе войск из Огадена.

Однако из-за слабом подготовки операторов пеленгация работавших вражеских радиостанций не проводилась, осуществлялся только радиоперехват.

В штабах дивизий, роте радиоразведки, штабе фронта никто по-настоящему не руководил радиоразведкой, постам не ставились соответствующие задачи. В штабе фронта не было лица, ответственного за радиоразведку, обработку полученного материала, его анализ и доклад командованию. Такого рода информация обычно докладывалась в виде сообщений, непосредственно принятых из эфира.

Агентурная разведка. До начала вооруженного конфликта эфиопы не сумели создать агентурную сеть на территории Сомали, поэтому разведка оказалась в затруднительном положении и ее пришлось организовывать в ходе войны. В дивизиях и на фронтах агентурная разведка велась марш-агентами из числа местных жителей, подготовленными в очень короткие сроки. Во многих случаях их подготовка заключалась в небольшом инструктаже по выполнению поставленной задачи и маршруту движения.

Марш-агентами были в основном крестьяне с невысоким образованием или вовсе неграмотные, не имевшие военной подготовки и не знавшие боевой техники и вооружения. В связи с этим и разведданные были низкого качества. Марш-агенты решали задачи по разведке сосредоточения войск в глубине обороны противника и на дорогах, идущих к фронту, определяли места расположения штабов, складов, огневых позиции артиллерии, изучали моральное состояние сомалийских войск, личного состава формирования ФОЗС[4], местного населения. Способы ведения разведки-наблюдение, осведомление через родственников и знакомых.

При отсутствии радиосвязи разведывательные сведения докладывались лишь по возвращении агента, то есть через одни -пять суток, которые уходили на дорогу и сбор информации.

Планирование разведки

Уровень планирования и руководства разведкой также был низким. Разведка во всех военных инстанциях или совсем не планировалась, или это делалось формально. Работа шла самотеком. В разведке генерального штаба, видов вооруженных сил, фронта, дивизий взаимодействие между ее видами не организовывалось. Разведка каждого вида проводила отдельные мероприятия самостоятельно. Специальных каналов связи для передачи ей распоряжений и сбора сведений не было, поэтому информация поступала медленно, с большими задержками и докладывалась командованию несвоевременно.

Мы предложили планировать разведку, управлять ею, особенно в ходе боевых действии, ставить задачи или уточнять их. Для этого разработали планы разведки генерального штаба на декабрь 1977 и январь 1978 года, разведки Восточного фронта на операции, намечавшиеся на февраль и март 1978 года. Уточнялись планы в соответствии с обстановкой на фронте.

Некоторые тактические приемы действий сомалийских войск на Восточном фронте

Первый. Создание нейтральной полосы между противоборствующими сторонами глубиной от 5 до 15 км на всем протяжении фронта, что давало возможность сомалийцам исключить потери в живой силе и боевой технике от стрелкового, минометного и артиллерийского огня; вводить в заблуждение эфиопские войска относительно истинного нахождения переднего края и расположения своих основных группировок; усложнять противнику условия ведения разведки.

Второй. Использование горного рельефа для укрытия личного состава. Сомалийские войска, как правило, располагали главные силы за обратными скатами высот, применяя защитные и маскирующие свойства местности.

Третий. Оборудование временных огневых позиций артиллерии и минометов в нейтральной полосе и использование их в ночное время для поражения эфиопских войск, что позволяло увеличить глубину поражения.

Четвертый. Применение на некоторых участках фронта, особенно в районе Харара, кочующих минометных, артиллерийских орудий и батарей. Стрельба из них осуществлялась по заранее разведанным объектам и давала возможность более точно поражать цели, усилить моральное воздействие на противника.

Пятый. Сомалийцы широко использовали маневр силами и средствами вдоль фронта и в глубину для создания превосходства в силах на избранных направлениях, что было возможно благодаря большой глубине нейтральной полосы и скрытному расположению войск.

Шестой. Применение формирований ФОЗС в тылу для захвата узлов дорог, диверсии на коммуникациях, объектах тыла эфиопских войск, уничтожения средств связи. Действия таких формирований вынуждали эфиопское командование привлекать значительные силы для охраны коммуникаций и объектов, которые можно было бы использовать на фронте.

Мы принимали участие в подготовке и проведении операций (в рекогносцировке, разработке планов, оказании помощи эфиопским товарищам в организации боя и т.д.). Во время боевых действии находились на фронте, часто в боевых порядках частей.

Особо хотелось бы сказать о титанической работе, проделанной руководителем нашей делегации. Он постоянно находился в самых горячих точках боя или операции, был непосредственно в боевых порядках. Например, под Хараром кубинская бригада остановилась, ссылаясь на то, что впереди находится минное поле. Тогда руководитель сел в бронетранспортер и повел за собой бригаду в обход. Так же он действовал и при проведении операции по окружению сомалийцев под Дире-Дауа, когда лично вывел ударную танковую и мотопехотную группировку эфиопских и кубинских войск в тыл противника.

Донесения в адрес министра обороны СССР писал лично руководитель делегации. Помню, в Хараре я раскладывал перед ним карты боевых действий, а он записывал, иногда спрашивал меня номера попавших в окружение или уничтоженных сомалийских частей. Каждого из нас периодически посылал на какой-нибудь участок фронта, чтобы помочь остановить наступление сомалийцев. Так было, в частности, 22 января 1978 года, когда противник бросил все наличные силы, чтобы сорвать наступление эфиопских поиск н овладеть Хараром. Меня с эфиопским разведчиком капитаном Имамом руководитель делегации направил под Комбулчу, Г.С. Лутовинова и Е.А. Алещенко - на другие участки фронта.

Подъехав к переднему краю, мы увидели, что батальон эфиопов бросает окопы и в панике отступает. Вместе с ним отходят два танка. Капитан Имам, подняв над головой автомат, закричал: «С нами советский генерал, сюда идет подкрепление. Вперед, на сомалийцев!» Часть остановилась. Танки пошли вперед. Положение было восстановлено. В ходе боя эфиопы захватили в плен пять сомалийцев.

3 февраля 1978 года руководитель повел ударную группировку в обход сомалийских позиций под Дире-Дауа. Меня оставил с командующим фронтом полковником Мулату на подготовленном заранее КП, оборудованном траншеями, нишами, укрытиями. Сомалийцы, действовавшие перед нашим фронтом, перешли в наступление (пехота при поддержке артиллерии и танков). В этот момент министр обороны Тайе Телахун прилетел к нам на вертолете, ворвался на наш КП и закричал: «Голицын, сомалийцы наступают! Что делать?» Я ему спокойно ответил: «Расстреливать их с занимаемых позиций. Не отступать. Этим мы окажем содействие группе войск, направленных для окружения сомалийцев. И улетайте как можно быстрее!» Только министр поднялся в воздух, противник засек наш командный пункт и открыл по нему артиллерийский огонь. Вся земля была перепахана снарядами. Полковник Соловьев едва успел укрыться в нишу, как рядом раздался взрыв. Треть личного состава, находившегося на КП, погибли. Полковнику Соловьеву повезло, ом чудом остался жив. Причиной же гибели людей был прилет вертолета, сомалийцы хорошо вели разведку...

Периодически по приезде в Аддис-Абебу я готовил донесения в наше Министерство обороны. Тем не менее в марте в столицу Эфиопии прилетел генерал-майор С.П.Крахмалов.Я проинформировал его об обстановке и работе, проделанной по организации разведки.

Нельзя не вспомнить и совместную работу с генерал-лейтенантом авиации Г.У. Дольниковым. Интересно было говорить с человеком столь сложной судьбы. Хоть и скупо, но рассказал он о своих боевых летных делах на фронте, о плене, побеге из плена, о пребывании в партизанах и снова о фронтовых полетах п послевоенной службе. В то время мы получили сообщение о присвоении Г.У. Дольникову звания Героя Советского Союза за героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны.

В периоды затишья на фронте наша делегация размещалась в Аддис-Абебе сначала в бывшем дворце императора Эфиопии Хайле Селассие I, а затем в большой пристройке рядом с ним.

Дворец - красивое белокаменное сооружение. Огромные залы, галереи, жилые помещения, столовые, места отдыха внутри дворца поражали великолепием. Картины, гобелены, предметы роскоши, установленные в нишах, отдельные из которых были застеклены витражами, скульптуры, статуи, редчайшая мебель - все это производило неизгладимое впечатление. Но за пределами дворца царила жуткая нищета. Мы могли передвигаться по дворцу беспрепятственно в любом направлении, но всегда чувствовали за собой негласное наблюдение.

К сожалению, по-настоящему полюбоваться этим благодатным, солнечным краем нам не удалось. После окончания боев в Огадене по указанию руководителя делегации я один из ее состава остался еще на несколько дней в районе Харара, Джиджиги, выполняя его поручение по оказанию помощи эфиопам в организации разведки после выхода эфиопских войск к государственной границе с Сомали. Затем присоединился к группе в Аддис-Абебе.

Получив разрешение на возвращение, наша делегация в полном составе в начале мая 1978 года вернулась в Москву. На другой день после приезда я прибыл с докладом к генералу армии П.И. Ивашутину. Петр Иванович тепло принял меня, поблагодарил за выполнение задания и от имени правительства вручил мне орден Октябрьской Революции. Мой седьмой боевой орден. Все остальные члены делегации несколько позже тоже были удостоены государственных наград. Так окончилась для меня третья война, в которой мне довелось участвовать.

Генерал-майор к отставке П.А. ГОЛИЦЫН

[1] ВВАС - Временный военный административный совет. Образовался в результате антифеодальной, антимонархической революции после низвержения 12 сентября 1974 г. Хайле Селассие I (пост монарха упразднен в марте 1975 г.). В 1977 г. резко обострились отношения Эфиопии с Сомалийской Демократической Республикой. СДР выступила с территориальными притязаниями к Эфиопии и развязала военные действия. ВВАС объявил всеобщую мобилизацию и создал Национальное революционное командование под руководством председателя ВВАС.

[2] Названия населенных пунктов даются в той транскрипции, которая была принята в 1977 - 1978 гг.

[3] В период военных действий между Эфиопией и Сомали СССР, Куба и другие страны социалистического содружества оказывали Эфиопии как жертве агрессии военно-политическую поддержку и помощь.

[4] ФОЗС - фронт освобождения Западного Сомали - одна из военно-политических организаций сомалийцев.

[5] По просьбе руководителя советской делегации в Эфиопии его фамилия в материале не называется.

Американские военнопленные

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что начиная с 1918 года на территории нашей страны находилось не менее 24 360 американских военнопленных. Незначительное количество (около 20 человек) умерло в ее пределах. (Более подробные сведения см. в табл.) Подавляющее большинство из них благополучно возвратилось домой. И все же судьбы значительной части американских военнопленных остаются неизвестными и по сей день. Это, как правило, та категория лиц, которые, выполняя задания правительства и командования Соединенных Штатов, были заброшены в Советский Союз в качестве разведчиков, диверсантов или являлись членами экипажей сбитых разведсамолетов. По неполным сведениям, таких насчитывается 40 человек, включая дезертиров из армии США (см. док. 1).

На мой взгляд, было бы правильным создать не американо-российскую, а международную независимую комиссию по выяснению сведений о гражданах США, пропавших без вести в годы второй мировой войны и после нее. В такую комиссию должны войти представители всех государств, которые участвовали в войнах рассматриваемого периода: США, Китая, Вьетнама, Кореи, Таиланда, Лаоса и России, как правопреемницы СССР. Это позволило бы достаточно быстро выяснить судьбу пропавших без вести. И конечно, методика поиска должна быть несколько иной. За исходную точку я предлагаю брать время, когда в последний раз видели разыскиваемого. При этом я исхожу не только из своего личного опыта (хотя более 20 лет занимаюсь исследованием проблемы военнопленных и интернированных в истории СССР и других государств), но и анализа деятельности американо-российской комиссии. Мне кажется, работа, несмотря на некоторый успех, все же зашла в тупик и нуждается в корректировке направленности и организации поиска. Этого же мнения придерживаются и непосредственные члены комиссии подполковник Н. Троян (представитель американской стороны) и полковник В. Мазур (представитель России).

Укажу основные недостатки применяемой ныне методики розыска.

Во-первых, американская сторона допустила ошибку, передав российской список без вести пропавших (на 3752 человека), в котором, как позже выяснилось, указано более 25 проц. лиц, после плена и по другим причинам отсутствия возвратившихся домой. Это привело к пустой трате времени российской стороной и вызвало у нее негативную реакцию.

Во-вторых, на разыскиваемых не были сообщены полные установочные данные, хотя хорошо известно, что за океаном на каждого военнослужащего заводится досье с фотографией и полными данными на него и семью. Непонятно, почему до сих пор не создан необходимый банк данных о гражданах США, по тем пли иным причинам оказавшихся на территории СССР в качестве военнопленных, интернированных или осужденных.

Американские военнопленные в лагере в часы досуга.

Хотелось бы высказать ряд предложений, способных, на мой взгляд, реально активизировать деятельность комиссии.

Целесообразно, к примеру, американской стороне составить новый список без вести пропавших на основе их досье с указанием полных установочных данных, сведений о том, где и когда последний раз разыскиваемого видели официальные лица (командиры, начальники, сослуживцы), при каких обстоятельствах военнослужащий был внесен в список пропавших без вести, и предоставить его фото. Пути и места поиска сведении о военнопленных должны определяться на базе достоверных

данных, а не вымыслов. В противном случае это будет пустой тратой времени и сил.

В качестве примера можно привести доклад американо-российской комиссии от 27 сентября 1993 года «Перемещение американских военнопленных корейской войны в Советский Союз». Его текст не содержит достаточно серьезных аргументов для утверждения о том, что около 600 американских военнопленных были завезены на территорию СССР. Неясно, какими достоверными данными подкрепляется информация о том, что американские военнопленные содержались в Хабаровске, Чите, Иркутске и в лагерях ГУЛАГа. В последних действительно были граждане США, но осужденные за шпионаж. Среди них Кумиш Бильфред, Спаркс Сидней, Гершман Морис, Нобле Джан и другие. Эти сведения подкрепляются наличием на них уголовных и иных документов, находящихся в Российском центре хранения историко-документальных коллекций.

Итак, проработав более года (срок немалый), американо-российская комиссия так и не определила, сколько же осталось на сегодняшний день без вести пропавших граждан США. До настоящего времени не создан банк полных установочных данных, неизвестно, при каких обстоятельствах они были занесены в списки пропавших без вести.

В распоряжение комиссии российская сторона в 1992 году передала документ из архива ЦК КПСС о согласовании вполне конкретного вопроса с одной из туристических фирм ФРГ «Осттурист», которая просила чартерными рейсами «Аэрофлота» перевезти из Ханоя через Москву около 5000 человек. Возможно, в их числе были и американские военнопленные. Однако до сих пор не выяснено, перевозились последние «Осттуристом» или нет (см. док. 2).

Отношение к проблеме розыска без вести пропавших граждан США со стороны спецслужб США и России (и прежде всего США, как наиболее заинтересованной стороны), мне кажется, несколько настороженное и даже политизированное. Спецслужбы США в розыске без вести пропавших в большей мере преследуют цель установления характера и результатов работы спецслужб бывшего СССР в отношении американских военнопленных, оказавшихся на территории СССР. Безусловно, их можно понять. Но ведь перед комиссией стоит несколько иная задача: узнать о судьбах без вести пропавших граждан США без выяснения, кто из них был завербован. В пользу высказанного мнения свидетельствует и то, что сегодня между Соединенными Штатами и Россией сложились принципиально иные отношения, чем те, которые были между США и СССР.

Парадокс сложившейся ситуации состоит в том, что кое-кто в Америке не желает официально признать, что со стороны США в отношении СССР были в свое время недружественные акты и даже агрессивные действия: ведение активной воздушной, морской и наземной разведки с фактами нарушения неприкосновенности государственных границ СССР, заброска агентуры и диверсионных групп и т. д. Не лучше ли подняться над политическими и профессиональными амбициями, раз и навсегда отбросить все то, что мешает установить судьбу без вести пропавших? Необходимо дать возможно более точный ответ гражданам США и России, в чьи семьи не вернулись родные и близкие в результате участия в прошлых войнах, боевых заданиях и т. п. Войдем в их горестное положение, проникнемся их тревогами, болью и поможем им.

ДОКУМЕНТ 1.

Министерство иностранных дел СССР

В ночь со 2.8 с[его] г[ода] на 3.8 с[его] г[ода] рядовой американских вооруженных сил - Джонсон Карлос, 1927 года рождения, [из] штата Северная Каролина перешел демаркационную линию и явился в советскую военную комендатуру города Урфар.

В комендатуре Джонсон заявил, что он не хочет возвращаться на родину и просит советские власти в Австрии предоставить ему убежище, о чем написал письменное заявление. Джонсон заявил, что в армии находится с 1946 года с небольшими перерывами. Служил в американских войсках в Корее, дважды ранен. В Австрию прибыл в конце июня 1953 года. В июле прошел месячные курсы войсковых разведчиков.

Особый отдел группы войск производит допрос.

ИЛЬИЧЕВ

3.8[19]53

ДОКУМЕНТ 2.

Секретно

13 июня [19] 71

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности полагает возможным согласиться в принципе с предложением, изложенным в записке тов. Захарова М. В., об организации перевозок чартерными рейсами самолетами «Аэрофлота» при посредничестве туристической фирмы ФРГ «Осттурист» группы пассажиров из Ханоя через Москву в Париж.

Поскольку вся операция будет включать перевозку около 5000 человек и речь может идти об организации перевозок американских военнопленных, видимо, необходимо поручить МИД СССР проинформировать по существу вопроса МИД ДРВ и выяснить точку зрения правительства Демократической Республики Вьетнам.

Заместитель Председателя Комитета госбезопасности

В. ЧЕБРИКОВ

Публикация капитана 1 ранга В. П. ГАЛИЦКОГО, кандидата юридических наук, доцента

ВИЖ №2 1994
Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1994. №1.
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ

ОФИЦЕРСТВО И НАЦИЯ

Российскую нацию составляло около полутораста племен. Только одному племени -еврейскому- возбранялось вступление в корпус офицерства. Это не было проявлением расового пренебрежения - евреи из семьи, принявшей христианство, мог стать офицером и дослужиться до высоких должностей. Примеры: генералы Грулев[1], Цейль (командовал дивизией)[2], Адрианов (командовал корпусом) . Однако не только принадлежность к иудейской религии делала невозможным получение офицерского звания - люди иудейской веры, караимы, служили офицерами даже в Генеральном штабе, например генерал Хануков[4], и в гвардии. Ограничение караимов не касалось, потому что они не были талмудистами. Если бы евреи не придерживались Талмуда в дополнение к своей вере, то и они могли бы поступать в офицеры. Талмуд же исключал эту возможность. В Своде военных постановлений (кодекс законов о войске) предписания о порядке принесения присяги новобранцами были дополнены приложением, гласившим, что за еврейским раввином, читающим солдатам-евреям текст присяги, надо внимательно наблюдать, чтобы он не кашлянул или не сплюнул, потому что, согласно Талмуду, такое действие аннулирует присягу. Раз мораль еврея-талмудиста руководствовалась такими и им подобными трюками, то невозможно было ему доверить выполнение обязанностей офицера, требующих весьма высоких моральных качеств.

Закон не делал больше никаких исключений, и всякий россиянин имел право стать офицером независимо от племени, вследствие чего офицерство было всенациональным. В нем были представлены все племена (кроме, конечно, примитивных, живших полудиким образом и освобожденных даже от воинской повинности вследствие низкого уровня их развития).

Так, например, в составе 15-й артиллерийской бригады (ее стоянка была в Одессе) в период с 1911 по 1914 год было офицеров: великороссов - 19, малороссов - 12, поляков - 9, немцев - 6, французов - 2, греков - 2, татарин - 1, болгарин - 1. В лейб-гвардии Гренадерском полку служили офицеры разного происхождения: немецкого - 7, малороссийского - 5, шведского - 4, финского - 2, французского, швейцарского, татарского по 1, из кавказцев 3 и 1 караим; в общем это составляло 40 проц. офицерского состава данного полка.

Ни при поступлении в военное училище, ни при выпуске офицеров из него не делалось различия по племенам: высота экзаменационного балла давала право выбрать для службы ту пли иную войсковую часть. Только казачьи части комплектовались, в принципе, офицерами-казаками, но казаки имели эту привилегию не по племенному признаку, а в силу традиционного бытового уклада. Однако офицерами в казачью артиллерию зачислялись и не казаки, предварительно приписавшиеся к соответствующему казачьему войску.

Были, правда, войсковые части, созданные для удовлетворения племенных амбиций, как-то: Крымский конный ее величества полк , Дагестанский конный полк , Осетинский конный дивизион[7], комплектовавшиеся исключительно солдатами-добровольцами. Но офицерский состав этих войсковых частей укомплектовывался на общих основаниях. Ни по закону, ни на практике не существовало в офицерстве племенного различия. Даже в отношении иностранцев. Например, из двух греков в 15-й артиллерийской бригаде один был уроженцем Греции, но он дослужился до должности командира дивизиона, хотя и не мог вполне овладеть русским языком.

Если бы кадровым офицерам задать вопрос, каковы были в частях взаимоотношения между офицерами разных племен, то он не был бы понят: в офицерстве не обращали ни малейшего внимания на племенное происхождение. Случалось, в артиллерии за веселым ужином шутливо пререкались михайловцы с константиновцами (воспитанники Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ), но никогда не бывало шуток над армянином или чухонцем. Ни при приеме в военные училища, ни при несении офицером военной службы не имели никаких преимуществ ни великороссы, ни немцы, ни кто-либо иной. Если в офицерстве число великороссов было большим, чем число малороссов, и значительно большим числа иных, то это естественным образом соответствовало численному преобладанию великороссов в населении страны. Может быть, процент немцев в офицерстве был несколько более высок, чем в государстве, но этому есть объяснение: обезземелившиеся прибалтийские немцы давно из помещиков превратились в служилых людей, а служили они преимущественно в войске, потому что к нему чувствовали тяготение, будучи потомками рыцарских родов (Тевтонский [8] и другие ордена).

Принадлежность к тому или иному племени никогда и никак не влияла на служебное продвижение офицера. Только для поляков не было доступа в Академию, если они не рвали со своим польским происхождением, т. е. не отказывались от католичества. Это ограничение было пережитком старины: после последнего польского восстания [9] создалось недоверие к офицерам-полякам, потому что большое число их, состоявшее в российском Генеральном штабе, не выполнило присяги. Но, принимая в Академию поляков-некатоликов, начальство не ставило затем никаких препятствий их карьере: в 1914 году много генералов польского происхождения занимало высокие должности - генералы Мрозовский [10] и Сандецкий [11] командовали военными округами, а генерал Янушкевич[12] был начальником Генерального штаба.

В списке генералитета стояли фамилии: Гурко[13], Рагоза , Эверт[15], Келлер [16] , Флуг[17], Плеве[18], Каульбарс[19], Ван-дер-Флит[20], Дистерло[21], Ванновский 1-й[22], Ванновский 2-й [23] , Баратов[24], Алиев[25], Юзефович (татарин)[26], Драгомировы (из болгар) [7]. Гвардейским конным корпусом командовал Хан-Нахичеванский [28]. Российским генералом был сербский князь Арсений Карагеоргиевич[29], а болгарин Радко-Дмитриев[30] получил в командование VIII армейский корпус , а потом III армию. Эти примеры свидетельствуют, что в российском офицерстве национального вопроса не существовало: офицер, какая бы кровь ни текла в его жилах, имел все офицерские права и на войне все с одинаковым самопожертвованием проливали свою кровь.

ОФИЦЕРСТВО И РЕЖИМ

В период после Петра Великого гвардия не раз брала на себя роль вершительницы судеб государства, низвергая царей, возводя их на трон. Но при Екатерине Великой режим уже установился и в российском офицерстве окрепло сознание, что оно является оплотом режима, основными законами установленного. Это сознание побудило войско подавить мятеж декабристов и удержало армию в послушании царю в революцию 1905 года, за исключением нескольких заколебавшихся войсковых частей[31] вся армия способствовала прекращению революционных вспышек в народе.

Офицерство воспитывалось и воспитывало армию и флот в сознании, что войско является не только защитником

Отечества от врагов внешних, но и опорою царского строя от врагов внутренних. Вопреки общеупотребительной, но ошибочной формуле «армия вне политики», армия была инструментом государственной политики, воспитывая солдат, а через них и весь народ в преданности вере, царю и Отечеству. Но армия была вне партийности: офицер и солдат не смел ни принадлежать к какой-либо политической партии, ни принимать участие в проявлении партийной деятельности. Офицер не должен был склоняться к симпатизированию каким бы то ни было партийно-политическим идеям, хотя бы и близким к формуле «Вера, Царь, Отечество». Поэтому офицер не смел быть в связи с преданными режиму организациями, такими, как «Союз русского народа»[32] , и даже не мог состоять в гимнастической организации «Сокол», потому что последняя занималась развитием не только мышц, но и националистических настроений. Более того, офицеру предлагали уйти со службы, если узнавали, что его жена увлекается партийно-политическими идеями.

В послереволюционные годы офицерство подвергалось упрекам, да оно и само себя нередко упрекало за то, что изолированность от политико-социальной жизни народа сделала его безоружным против разлагающей пропаганды революционеров в 1917 году. Однако в то время кадровое офицерство уже не занимало должностей ниже полковых и батальонных, а непосредственное моральное воздействие на солдатскую массу оказывали командовавшие ротами и взводами офицеры запаса и офицеры военного времени. Это были люди, в своей довоенной жизни осведомленные в партийных и социальных вопросах. Однако и эта их «политическая вооруженность» оказалась бессильной против революционной демагогии. Против нее были беспомощны даже те офицеры, которые в своей гражданской жизни - до призыва - стали опытными политиками, будучи членами партий центра или монархических. Поэтому можно предполагать, что кадровые офицеры не остановили бы разложение войска даже в том случае, если бы они были политически образованы.

Как нельзя судить об уровне тактических познаний и способностей офицеров на основании кампании, протекавших в совершенно ненормальных условиях (например, кампания 1915 г., когда в Галиции наши войска терпели поражения от артиллерии Макензена[33], будучи почти безоружными), так точно нельзя судить о политической зрелости офицеров по ненормальной политической кампании 1917 года, когда отречение царя потрясло душу народа, истомленного к тому времени войной, весьма затянувшейся и крайне для России тяжелой, вследствие недобросовестности союзников. Судить надо по обстоятельствам не стихийного характера. В Маньчжурии действующая армия не заколебалась после отдачи Порт-Артура, Ляояна, Мукдена[34], в революцию 1905 - 1907 гг. она осталась в руках офицеров, в 1914 - 1916 гг. жертвенно дралась, невзирая на тяжелые потрясения. Следовательно, и в столь трудных условиях оказывалась достаточной та политическая «вооруженность» офицеров, которую им давало воспитание в военной школе и духовная обстановка в полку. Изолированность от политико-партийной жизни была в те времена не вредной, но скорее полезной (в нынешнее же время, когда партийность проникла во все решительно области деятельности и мышления человека, едва ли может офицер остаться в такой изолированности).

Политическая программа российского офицерства была проста и ясна. Перефразируя известное выражение «Человеческая душа - христианка», можно сказать: «Офицерская душа - монархистка». Офицер в России был монархистом не только потому, что понятие Отечества символизировалось в личности царя и не только потому, что в присяге сливались преданность Родине и царю, но и потому, что верховное руководство царем вооруженными силами страны соответствует по-воински простому пониманию вещей: мое право единоличного командования зиждется на моем подчинении единоличному вождю. Если вождь этот бывает поставлен и сменяем народными голосованиями, то воину нелегко подчиняться ему столь же безоговорочно, как лицу, становящемуся вождем в силу династического порядка.

Монархизм офицерства не проявлялся в каких-либо эффектных словах или экзальтированных актах, но он был составной частью души офицера и основой всей его деятельности. Когда занемогший офицер подавал установленной формы рапорт: «Заболев сего числа, службу его императорского величества нести не могу», то он действительно ощущал, что его служба есть служба его императорского величества.

Каждый гражданин имел право, в силу закона о свободе убеждений, желать тех или иных изменений в политике государства и даже желать ненасильственного изменения режима. Офицер, становясь таковым, отказывался от гражданских свобод и прав и брал на себя обязанность ничего от Отечества для себя не требовать, но всего себя отдать Отечеству. Гражданин мог делать разное в ущерб государству: тот не в меру наживался на казенных подрядах, тот ради своей, а не общей пользы изменял проект трассы железной дороги и т.д., офицер не извлекал никаких выгод от своего служения Отечеству, скупому на оплату его труда. Любовь офицера к Отечеству была бессребренной, бескорыстной, самоотверженной.

Что же касается еще одной основы офицерского миропонимания - веры, то и она влияла на поведение офицера . Не в том суть, что офицер был обязан не реже одного раза в год причащаться, что в казарме и лагере день завершался молитвой, что все военные торжества освящались молебном, предшествовавшим параду, что при воспитании вверенных офицеру солдат в них углублялось религиозное сознание [36], а в том была суть принадлежности офицера к вере, что он выполнял евангельский завет - «никого не обижайте». На основе этого завета офицерством были твердо усвоены моральные правила поведения на войне, сформулированные в императивных лозунгах: «жителя не обижай», «пленному - пощада», «воевать малой кровью», т. е. беречь кровь своих солдат и без надобности не усердствовать в пролитии крови врагов. Единственное в мире войско называлось христолюбивым - российское войско, ибо оно жило и воевало, памятуя христовы заветы.

Так слова «вера», «царь», «отечество» составляли содержание офицерского миропонимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Грулев Михаил Владимирович (1853-?) - военный публицист, генерал-лейтенант в отставке. Образование получил в Себежском уездном училище. Варшавском пехотном юнкерском училище и Николаевской академии Генерального штаба. Служил в Московском, Приамурском и Туркестанском военных округах. В период русско-японской войны 1904 - 1905 гг. командовал 11-м пехотным Псковским полком, был контужен, за боевое отличие награжден несколькими орденами и золотым оружием. В 1912 г. вышел в отставку. Публицистическую деятельность начал в 1880 г., редактировал газету «Туркестанские ведомости». Его корреспонденции о русско-японской войне публиковались в «Русских ведомостях» и журнале «Разведчик». Автор книг: «В штабах и на полях Дальнего Востока» в двух томах (1908), «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (1909), «Злобы дня в жизни армии» (1910) и др.

[2] Цейль Сергей Владимирович (1868 - 1915) - генерал-майор (1910). Обучался в Орловском Бахтина кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище и Николаевской академии Генерального штаба. В 1896 - 1900 гг. обер-офицер для особых поручений при штабе Туркестанского военного округа. В русско-японскую войну 1904 - 1905 гг. ис-

полнял должность начальника штаба 3-й пехотной дивизии. В первую мировую войну командовал пехотной дивизией.

[3] Адрианов Александр Александрович (1861-?) - генерал-майор (1907). Окончил 1-е военное Павловское училище и Александровскую военно-юридическую академию. Служил помощником военного прокурора, помощником военного следователя. Участвовал в русско-японской войне 1904 - 1905 гг. В 1906 - 1908 гг. военный судья московского, затем петербургского военно-окружных судов. В 1908 - 1912 гг. московский градоначальник.

[4] Хануков Александр Павлович (1867-?) - генерал-майор (1914). Образование получил в реальном училище, Михайловском артиллерийском училище и Николаевской академии Генерального штаба. В 1899 - 1903 гг. старший адъютант штаба 5-й пехотной дивизии, штаба Владивостокского корпуса. В 1905 - 1913 гг. начальник штаба 15-й пехотной дивизии, в 1913 - 1916 гг. командовал 131-м пехотным Тираспольским полком. С 1916 г. начальник штаба 41-го армейского корпуса.

[5] В 1784 г. из татар - жителей Крымского полуострова были сформированы «таврические дивизионы конного войска», которые несли службу на польской границе, вплоть до своего расформирования в 1796 г. В мае 1807 года были созданы конные татарские полки: Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский. Первые два полка в Отечественную войну 1812 г. в составе отряда казачьего атамана М. И. Платова принимали участие в Смоленском, Бородинском, Малоярославецком, Тарутинском сражениях. По окончании войны полки были распущены, однако в 1827 г. из татар, имевших опыт боевых действий, был сформирован лейб-гвардии Крымскотатарский эскадрон. В русско-турецкую войну 1828 - 1829 гг. эскадрон в составе лейб-гвардии Казачьего полка участвовал в осаде крепости Варна. В Крымскую войну 1853 - 1856 гг. часть эскадрона принимала участие в сражении на реке Черной. В мае 1863 года эскадрон был упразднен, а на его базе в составе его величества конвоя была создана команда лейб-гвардии Крымских татар. 12 июня 1874 г. эскадрон был сформирован вновь. Во время русско-турецкой войны 1877 -1878 гг. он нес службу на Крымском побережье. Одновременно с этим несколько дивизионов крымских татар участвовали в сражениях при Горном Дубняке, Ловче и Плевне. 21 февраля 1906 г. на базе эскадрона был развернут полк, получивший 31 декабря 1907 г. наименование Крымского конного. 10 октября 1910г. полк получил наименование Крымского конного ее величества государыни императрицы Александры Федоровны.

[6] Дагестанский конный полк вел свое начало от регулярной части «дагестанских всадников» (2 сотни), созданной в 1842 г. Первоначально он носил милиционный характер, а с 1894 г. стал регулярной частью, близкой по организации к казачьему полку. С момента своего образования принимал активное участие в Кавказской войне XIX века, участвовал в Мангышлакском (1870) и Хивинском (1873) походах. В период войны 1877 - 1878 гг. на его базе было развернуто 4 конных иррегулярных полка. В 1894 г. получил наименование Дагестанского конного. В период русско-японской войны полк послужил основой для формирования 2-го Дагестанского полка, принимавшего участие в боевых действиях.

[7] Осетинский конный дивизион был сформирован на Кавказе в 1890 г. из осетин, прикомандированных к 1-му Сунженско-Владикавказскому генерала Слепцова полку, и офицеров регулярных частей Терского и Кубанского казачьих войск.

[8] Тевтонский орден (Немецкий орден, орден крестоносцев) - католическая духовно-рыцарская организация, возникшая в Палестине в конце XII века во время крестовых походов. В XIII веке орден перенес свою деятельность в Прибалтику, обосновавшись на землях, захваченных у пруссов, литовцев и поляков. Разгромленный в Грюнвальдской битве 1410 г. польско-литовско-русскими войсками, с 1466 г. стал вассалом Польши. В 1525 г. его владения были превращены в светское герцогство Пруссия, которое с 1618 г. находилось в составе Бранденбургско-Прусского государства. В 1809 г. орден официально был закрыт. В 1834 г. - восстановлен в Австрии, имел небольшое число членов и не играл существенной политической роли. В такой форме существует и ныне.

[9] Восстание 1863 - 1864 гг. началось в ночь на 23 января 1863 г. нападениями на гарнизоны русских войск (в большинстве своем неудачными). Возглавивший его центральный национальный комитет целью восстания провозгласил достижение национальной независимости Польши. В феврале - августе 1863 г. это движение достигло своего апогея, охватив территорию Царства Польского, Литвы, частично Белоруссии и Правобережной Украины. К маю 1864 г. повстанцы были полностью разгромлены. Потери восставших доходили до 30 тыс. человек, в русских войсках составили 3343 человека. В восстании приняли активное участие члены Комитета русских офицеров - революционной организации, осуществлявшей свою деятельность в русских войсках, дислоцированных в Польше и западных губерниях России в 1861 - 1863 гг.

[10]Мрозовский Иосиф Иванович (1857-?) -генерал от артиллерии (1913). Окончил Полоцкую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Участник русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. В 1885 - 1902 гг. старший адъютант управления начальника артиллерии гвардейского корпуса, командир батареи лейб-гвардии артиллерийской бригады. В русско-японскую войну 1904 - 1905 гг. командовал артиллерийской бригадой, получил ранение, был награжден Георгиевским крестом. В 1906 - 1908 гг. начальник артиллерии Петербургского военного округа. В 1908 - 1916 гг. командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией, Гренадерским корпусом, войсками Московского военного округа.

[11] Сандецкий Александр Генрихович (1851-?) - генерал от инфантерии (1910). Образование получил в Полоцкой военной гимназии, 2-м военном Константиновском училище и Николаевской академии Генерального штаба. В 1883 - 1899 гг. штаб-офицер при командующем войсками Семиреченской области, начальник штабов: Карской крепости, 38-й пехотной и 1-й Гренадерской дивизий, войск Забайкальской области. В 1899 - 1912 гг. командовал пехотной бригадой и дивизией, Гренадерским корпусом, войсками Казанского военного округа. В 1912 - 1915 гг. член военного совета, в 1915 году вновь назначен командующим Казанским военным округом.

[12]Янушкевич Николай Николаевич (1868 -1918) - генерал от инфантерии. Окончил Николаевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Прошел все штабные должности, начиная с помощника старшего адъютанта штаба Виленского военного округа в 1898 г. до заведующего законодательным отделом канцелярии военного министра в 1910 г. В 1910 -1914 гг. экстраординарный профессор императорской Николаевской академии Генерального штаба и ординарный профессор (1911 - 1914) этой академии. В 1914-1915 гг. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего. После Февральской революции 1917 года в отставке.

[13]Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828 - 1901) - генерал-фельдмаршал (1894). Окончил Пажеский корпус (1846). В русско-турецкую войну 1877 - 1878 гг. командовал передовым отрядом русской армии, который совершил поход за Балканы, занял Софию и совместно с болгарскими и сербскими войсками разбил турок под Филиппополем (ныне Пловдив). В 1883 - 1894 гг. генерал-губернатор Привислинского края и командующий войсками Варшавского военного округа.

[14]Рагоза Александр Францевич (1858-?) - генерал от инфантерии (1914). Получил образование в Полоцкой военной гимназии, Михайловском артиллерийском училище и Николаевской академии Генерального штаба. Участник русско-

турецкой войны 1877 - 1878 гг. В 1883 - 1900 гг. старший адъютант штаба 3-й пехотной дивизии, начальник строевого отдела и начальник штаба Керченской крепости, начальник штаба 32-й и 5-й пехотных дивизий. В 1900 - 1904 гг. командовал 18-м пехотным Вологодским полком, бригадой 27-й пехотной дивизии. В 1904 - 1915 гг. начальник штаба 3-го армейского корпуса, комендант Усть-Двинской крепости, командир 19-й пехотной дивизии. В 1915 году назначен командующим 4-й армией.

[15]Эверт Алексей Ермолаевич (1857 - 1926) - генерал от инфантерии (1911). Окончил 1-й Московский кадетский корпус, 3-е военное Александровское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. В 1882 - 1901 гг. старший адъютант штаба 3-й пехотной дивизии, старший адъютант и штаб-офицер для особых поручений при штабе Варшавского военного округа, начальник штаба 10-й пехотной дивизии, командир 130-го Херсонского пехотного полка. В русско-японскую войну 1904 -1905 гг. начальник штаба 5-го армейского корпуса и генерал-квартирмейстер полевого штаба Главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии. В 1905 - 1908 гг. начальник полевого штаба 1-й Маньчжурской армии, начальник Главного штаба. В 1908 - 1915 гг. командовал 13-м армейским корпусом, войсками Иркутского военного округа, был войсковым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1915 г. назначен главнокомандующим армиями Западного фронта.

[16]Келлер Федор Эдуардович (1850 - 1904) - граф, генерал-лейтенант (1899). Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1876 г. иступил добровольцем в ряды сербской армии, отличился во многих сражениях с турецкими войсками, был отмечен серебряной медалью»За храбрость»и назначен начальником штаба русской добровольческой дивизии. После возвращения в Россию начальник штаба 1-й Гренадерской дивизии. В 1879 г. участвовал в работе международной комиссии в Константинополе по определению границ Болгарского княжества. В 1893 - 1899 гг. был директором Пажеского корпуса, проявил себя талантливым педагогом. С 1899 г. исполнял должность екатеринославского губернатора. В русско-японскую войну 1904 - 1905 гг. командовал 11-м Восточно-Сибирским корпусом, а затем Восточным отрядом. В боях проявил храбрость и мужество, геройски погиб 18 июля 1904 г. во время сражения на Янзеленском перевале.

[17]Флуг Василий Егорович (I860-?) - генерал от инфантерии (1914). Окончил военную гимназию в Санкт-Петербурге, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1890 - 1904 гг. начальник строевого отдела Владикавказской крепости, старший адъютант штаба Кавказской гренадерской дивизии, начальник штаба войск Квантунской области. В русско-японскую войну 1904 -1905 гг. генерал-квартирмейстер полевого штаба наместника на Дальнем Востоке и штаба 2-й Маньчжурской армии. В 1905 - 1915 гг. военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска, командир 37-й пехотной и 2-й гвардейской пехотной дивизий, помощник туркестанского генерал-губернатора и командующего Туркестанским военным округом. В 1915 г. назначен командиром 2-го армейского корпуса.

[18]Плеве Павел Адамович (1850 - 1916) - генерал от кавалерии (1907). Получил образование в Варшавской гимназии, Николаевском кавалерийском училище и Николаевской академии Генерального штаба. Участвовал в русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. В 1893 - 1907 гг. генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа, начальник Николаевского кавалерийского училища, командир 2-й кавалерийской дивизии, комендант Варшавской крепости, командир 13-го армейского корпуса. С 1909 г. - командующий войсками Московского военного округа.

[19] Каульбарс Александр Васильевич (1844 -1915) - генерал от кавалерии (1901). Образование получил в Школе гвардейских юнкеров (впоследствии Николаевское кавалерийское училище) и Николаевской академии Генерального штаба. Участник Кульджинской экспедиции (1871) и Хивинского похода (1873). В русско-турецкую войну 1877 - 1878 гг. начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии. В 1882 г. исполнял обязанности военного министра Болгарского княжества, а с 1883 г. - председателя совета министров этого государства. В 1891 - 1904 гг. командовал 15-й кавалерийской дивизией, 2-м кавалерийским корпусом, 2-м Сибирским армейским корпусом, войсками Одесского военного округа. В русско-японскую войну 1904 - 1905 гг. командующий 3-й, затем 2-й Маньчжурскими армиями. В 1907 - 1908 гг., будучи вновь командующим войсками Одесского военного округа, основал первый русский аэроклуб, сам многократно совершал полеты на аэростатах, дирижаблях и аэропланах в России, Франции и Англии. С 1909 г. член военного совета. Автор научных трудов по изучению Тянь-Шаня, отмеченных наградами Русского географического общества.

[20] Правильно не Ван, а Фан-дер-Флит Константин Петрович (1844-?) - генерал от артиллерии (1908). В 1867 - 1873 гг. адъютант командующего войсками Туркестанского военного округа. Участник русско-турецкой войны 1877 -1878 гг. В 1877 - 1890 гг. командир батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады. В 1890 - 1899 гг. командовал артиллерийской бригадой Кубанского казачьего войска, 1-й гренадерской и 37-й артиллерийской бригадами. В 1900 - 1905 гг. начальник артиллерии 1-го армейского корпуса. Участник русско-японской войны 1904 - 1905 гг. В 1905 - 1915 гг. инспектор артиллерии 1 -й Маньчжурской армии, начальник артиллерии гвардейского корпуса, помощник командующего войсками Одесского военного округа, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

[21] Дистерло Николай Александрович фон (1871-?) - барон, генерал-майор (1912). Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1898 -1915 гг. старший адъютант штаба 2-й и 8-й гвардейских пехотных и 1-й гвардейской кавалерийской дивизий, обер-офицер по особым поручениям при командующем войсками Варшавского военного округа, заведующий учебной частью офицерской кавалерийской школы, управляющий канцелярией генерал-инспектора кавалерии. С ноября 1915 г. командир 11-й кавалерийской дивизии.

[22]Ванновский Петр Семенович (1822 - 1904) - генерал от инфантерии (1883). Участник Венгерского похода (1849). В Крымскую войну 1853 - 1856 гг. командовал батальоном лейб-гвардии Финляндского полка. В 1857 - 1869 гг. был начальником стрелковой школы в Царском Селе, затем Павловского кадетского корпуса, преобразованного впоследствии в Павловское военное училище. В 1870 - 1877 гг. командовал 12-й пехотной дивизией, 12-м армейским корпусом. В русско-турецкую войну 1877 -1878 гг. начальник штаба, затем командир Рущукского отряда. В 1881 г. назначен управляющим Военным министерством, в 1883 - 1898 гг. военный министр. В 1901 г. назначен министром народного просвещения.

[23]Ванновский Сергей Петрович (1869-1915) - генерал-майор (1910). Получил образование в Пажеском корпусе и Николаевской академии Генерального штаба. Участник подавления боксерского восстания в Китае (1900 - 1901) и русско-японской войны 1904 - 1905 гг. В 1900 - 1907 гг. штаб-офицер для особых поручений при штабе 3-го Сибирского армейского корпуса, штаб-офицер в Главном штабе. В 1907 - 1915 гг. командир 20-го драгунского Финляндского полка, помощник начальника штаба Донского казачьего войска.

[24] Баратов Николай Николаевич (1860 -1932) - генерал-лейтенант (1916). Окончил Владикавказское реальное учили-

ще, 2-е военное Константиновское училище, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1891 - 1907 гг. старший адъютант штаба 13-й пехотной дивизии, обер-офицер для поручений при командующем войсками Кавказского военного округа, командир 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска. Участник русско-японской войны 1904 -1905 гг. В 1907 - 1912 гг. начальник штаба 2-го Кавказского армейского корпуса. В 1912 - 1915 гг. командовал 1-й Кавказской казачьей дивизией. С 1916 г. командир Кавказского кавалерийского корпуса.

[25]Алиев Эрис-Хан-Султан-Гирей (1855-?) -генерал от артиллерии (1913). Получил образование в Ставропольской гимназии, 2-м военном Константиновском училище, Михайловском артиллерийском училище и Михайловской артиллерийской академии. Участник русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. В 1895 - 1903 гг. командир артиллерийской батареи, затем артиллерийского дивизиона. В русско-японскую войну 1904 -1905 гг. командир 26-й артиллерийской бригады. В 1906 - 1916 гг. командовал 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, 2-м Сибирским армейским корпусом, 4-м армейским корпусом.

[26]Юзефович Яков Давидович (1872-?) - генерал-майор (1915). Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1900 - 1904 гг. офицер по особым поручениям и помощник старшего адъютанта штаба Варшавского поенного округа. В русско-японскую войну 1904 -1905 гг. штаб-офицер для поручений и старший адъютант управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии. В 1905 - 1915 гг. штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа, помощник, а затем начальник отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба. С 1916 г. начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса.

[27] Относительно происхождения русского дворянского рода Драгомировых существует и другая версия. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Брокгауз Ф. А, Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - СПб., 1893. Т. 21. С. 91) говорится, что Драгомировы произошли от польского дворянского рода Драгомирецких. Первым из них пустил корни в России Антон Иванович Драгомиров, принявший русское подданство в 1739 г. Наиболее яркие представители этой фамилии - военачальники и теоретики военного дела:

Драгомиров Михаил Иванович (1830 - 1905) - генерал от инфантерии (1891). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1856). В русско-турецкую войну 1877 - 1878 гг. командовал дивизией. В 1878 - 1889 гг. начальник Николаевской академии Генерального штаба, затем командовал Киевским военным округом. С 1903 г. член Государственного совета. Автор многочисленных трудов по военной истории, тактике, обучению и воспитанию войск;

Драгомиров Владимир Михайлович (1867-?) - генерал-лейтенант (1913). Получил образование в Пажеском корпусе и Николаевской академии Генерального штаба. В 1893 - 1904 гг. обер-офицер для особых поручений при штабе 9-го армейского корпуса, исполняющий должность заведующего передвижением войск Киевского района, начальник штаба 42-й пехотной дивизии. В русско-японскую войну 1904 - 1905 гг. в штабах 17-го и 1-го армейских корпусов. В 1906 - 1914 гг. командир лейб-гвардии Преображенского полка, генерал-квартирмейстер, а затем начальник штаба Киевского военного округа. В 1915 г. назначен командиром 8-го армейского корпуса;

Драгомиров Абрам Михайлович (1868-?) -генерал-лейтенант (1914). Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1893 - 1910 гг. старший адъютант штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии, обер-офицер для особых поручений при командующем войсками Кавказского военного округа, штаб-офицер при штабе 19-го армейского корпуса, начальник штаба 7-й и 10-й кавалерийских дивизий. В 1910- 1914 гг. командовал 9-м гусарским Киевским полком, отдельной кавалерийской бригадой. С 1914 г. командир 9-го армейского корпуса.

[28]Хан-Гусейн-Нахичеванский (1863-?) - генерал от кавалерии (1915). Участник русско-японской войны. В 1904 - 1916 гг. командовал 2-м Дагестанским конным, драгунским Нижегородским, лейб-гвардии Конным полками, отдельной кавалерийской бригадой, 2-й кавалерийской дивизией. С 1916 г. командир гвардейского кавалерийского корпуса.

[29] Карагеоргиевич Арсений Александрович (1859-?) - князь, генерал-майор (1914). Получил образование в Парижском лицее. Военную службу начал в 1886 г. Участвовал в русско-японской войне 1904 - 1905 гг., был награжден золотым оружием.

[30]Радко-Дмитриев (1859 - 1918) - генерал от инфантерии (1914). После вступления Болгарии в первую мировую войну на стороне Тройственного союза поступил на службу в русскую армию. В 1914- 1915 гг. командовал 8-м армейским корпусом, с 1916 г. командующий 12-й армией.

[31] В ходе событий 1905 - 1907 гг. под влиянием активной революционной пропаганды только в армейских частях произошло свыше 440 солдатских выступлений, из них 106 вооруженных. Наиболее крупные: в июне-июле 1905 г. на броненосце «Потемкин» и в Херсонском дисциплинарном батальоне; в октябре-декабре 1905 г. в Кронштадтском и Севастопольском гарнизонах, 1-м Ташкентском резервном батальоне, 3-й саперной бригаде в Киеве, 2-м гренадерском Ростовском полку в Москве; летом 1906 г. в Свеаборге, Ревеле и Кронштадте, на крейсере «Память Азова»; в октябре 1907 г. во Владивостоке.

[32] Союз русского народа (СРН) - общественно-политическая организация в России. Возникла в октябре 1905 г. в Петербурге для борьбы с революцией. Объединяла в своих рядах представителей различных социальных слоев: городской мелкой буржуазии, помещиков, интеллигенции, рабочих, духовенства и зажиточного крестьянства. Основатели: А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич. Союз русского народа выступал за единую и неделимую Россию, сохранение самодержавия, проповедовал великодержавный шовинизм и антисемитизм, спровоцировал еврейские погромы в некоторых городах России. В 1908 - 1910 гг. распался на несколько организаций: «Союз Михаила Архангела», «Союз русского народа», «Всероссийский дубровинский СРН в Петербурге» и др. После свержения самодержавия в феврале 1917 г. эти организации как черносотенные были запрещены.

[33]Макензен Август (1849 - 1945) - немецкий генерал-фельдмаршал (1915). Участвовал во франко-прусской войне 1870 - 1871 гг. В 1908 -1914 гг. командир 17-го пехотного корпуса, участвовал в боевых действиях начального периода первой мировой войны (сражение при Танненберге). В мае 1915 г. 11-я германская и 4-я австро-венгерская армии под общим командованием Макензена, используя подавляющее превосходство в артиллерии, прорвали русские позиции на линии Тарнув - Горлице и вытеснили русские армии из Галиции, а впоследствии из Польши.

[34] В ходе русско-японской войны 1904 -1905 гг. русская армия вследствие бездарного руководства со стороны высшего командования потерпела ряд поражений. Порт-Артур успешно оборонялся в течение почти всего 1904 г., по 20 декабря генералами А. М. Стесселем и А. В. Фоком был сдан японцам. 11-21 августа 1904 года произошло Ляоянское сражение. Несмотря на успешные действия русских войск, генерал А. Н. Куропаткин, неверно оценив обстановку, отдал приказ на отступление. В феврале 1905 г. под Мукденом произошло последнее крупное сражение этой войны, в ходе которого русская армия потерпела тяжелое поражение и отступила на заранее подготовленные Сыпингайские позиции (в 175 км севернее Мукдена).

[35] Некоторое представление о конфессиональной принадлежности офицерского и рядового состава дают следующие сведения. К концу 1902 года среди 1386 человек генералов русской армии 1183 (85,4 проц.) были православные христиане, 144 (10,4 проц.) - лютеране, 48 (3,5 проц.) - католики, 6 (0,4 проц.) - магометане, 5 (0,3 проц.) - армяно-григорианцы. Среди нижних чинов в этот же период православные составляли 75 проц., католики - 9 проц., магометане - 2 проц., лютеране -1,5 проц., другие - 12,5 проц., в том числе и не заявившие о своей конфессиональной принадлежности *(Режепо П.* Статистика генералов. СПб, 1903. С. 19-20).

[36] В Уставе внутренней службы одна из глав называлась «Религиозные обязанности воинских чинов», в которой регламентировалось выполнение религиозных обрядов военнослужащими -христианами и представителями других конфессий. Статья 549 Устава возлагала на командиров обязанность «оказывать содействие своим подчиненным, не исключая и прикомандированных, в исполнении религиозных обязанностей, налагаемых на них их вероисповеданием» (Устав внутренней службы. Высочайше утвержден 23 марта 1910 г. М.: Правоведение, 1916).

Публикация и примечания майора И. В. ОБРАЗЦОВА, кандидата социологических наук

ВИЖ №4 1994

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1994. N8 1 - 3.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОФИЦЕРА

Финансовые возможности офицера были ограничены, тогда как форма стоила достаточно дорого: мундир - 65 руб. (в коннице - дороже), китель - 25 руб., сапоги - 20 руб.Между тем подпоручик получал 70 руб., поручик - 80, штабс-капитан - 90, капитан -105; сверх того «квартирные», размер которых определялся разрядом города, где стоял полк. По I разряду - 25 руб. (Петербург), по IX - 8 (провинциальные городишки). В Киеве, Одессе квартирные равнялись 22 руб. 69 коп. Квартирных не полагалось, если офицер получал жилье при казарме. Некоторым должностным лицам выплачивались «столовые»: адъютанту - 8, командиру роты- 30, штаб-офицерам от 55 до 150 руб. в месяц; небольшие «столовые» получали и начальники команд разведчиков и службы связи. Жалованье капитана -офицера, прослужившего 20 -30 лет, равнялось 140 - 150 руб[1]. Надо сказать, что в те времена в таких городах, как Киев, Одесса, Харьков, снять квартиру из 3 - 4 комнат можно было за 30 - 50 руб., расходы на питание одного человека в семье составляли 15 руб.

В артиллерии сигнал трубы к офицерскому обеду остряки поясняли словами: «Офи-це-еры, господа! Есть котлеты! Есть котлеты! Есть котлеты!» Офицерство довольствовалось самой скромной пищей, потому что на разносолы не хватало жалованья. Некоторым подспорьем являлось то, что офицеру полагался денщик. Этого солдата нельзя считать бесплатной прислугой... он был и младшим братом, и другом, и «нянькой» офицера.

Во время пребывания в лагерях выплачивались небольшие «лагерные»; ежегодно выдавалось несколько рублей в качестве «дровяных» и «осветительных»; полагались «фуражные» тем, кому надлежало иметь собственного коня. Единственной ощутимой добавкой к скромному жалованью была доплата, которая распространялась на служивших в Туркестане, Забайкалье, Амурской и Тургайской областях; пробыв известное число лет на этих богом забытых стоянках, человек получал прибавку до конца своей службы. В военно-учебных заведениях офицеры имели и лекционное вознаграждение.

Денежное довольствие выдавалось не полностью: существовало немало обязательных вычетов - в пенсионный и эмеритурный капиталы (т. е. в казну)[2], в заемный капитал офицеров полка, в полковое собрание на его содержание и библиотеку при нем, а также в особый фонд для приобретения офицерского походного снаряжения (кровати, погребцы и т. д.). Были еще вычеты, которых ни законы, ни приказы не предусматривали, но совершенно неизбежные: обычай требовал, чтобы каждому сослуживцу при переводе, отставке делали небольшой подарок на память и провожали обедом или ужином; принято было отмечать войсковые торжества (например, полковые праздники). Это были не кутежи, а скромные трапезы дружной полковой семьи. Связанные с этим затраты раскладывались на всех офицеров части и несколько отягчали их бюджет. В больших городах, в столицах особенно, офицерскому собранию приходилось тратиться на представительство - угощение высоких гостей, посещавших полк, и иностранных военных делегаций. В петербургской гвардии эти расходы оказывались так велики, что равнялись жалованью. В армейских частях в больших городах обязательные вычеты достигали 10 - 15 рублей в месяц.

Офицерам следовало вести образ жизни, соответствовавший их достоинству: не ходить в рестораны II и III классов, не занимать в театрах (кроме императорских) места далее 5 ряда кресел, не носить на улице пакетов с покупками (оплачивать доставку их на дом); требовалось вращаться в обществе, т. е. в среде лиц соответствующего уровня, а это было связано с визитами, с приемом гостей, посещением балов, благотворительных базаров и т. д. Существовал обычай не скупиться на раздачу чаевых при выполнении этих общественных, светских обязанностей. В те времена офицер должен был приехать к знакомым с визитом в наемной пролетке, а не прийти пешком...

В малых городах тягота этих светских условностей была ощутима, в больших (Москве, Варшаве, Киеве, Одессе и т. д.) она возрастала значительно, а в Петербурге становилась непосильной для обычного офицерского бюджета. Поэтому при выпуске из военного училища, а в последующем при переводах из части в часть каждый считался с наличием «дорогих стоянок». Служба здесь обрекала офицера и его семью на экономию во всем ради удовлетворения ряда общественных и представительных обязанностей. В гвардию же юнкер не мог выйти, если его родители не обязывались перед полком поддерживать материально своего сына-офицера. В «дешевых» полках гвардии эта ежемесячная поддержка выражалась в 100 - 200 руб., но в «дорогих» возрастала до 500 и более руб. (лейб-гвардии гусарский полк)...

Офицерство гвардии принадлежало частью к богатым, частью к состоятельным кругам, но все огромное множество армейцев - к неимущим и жило на жалованье... Закон воспрещал молодым офицерам вступать в брак, создавать собственную семью.

Анкета, послужившая базой этого очерка, дала такие ответы на вопрос о количестве в полку богатых и состоятельных людей: 3 на 75 офицеров полка; не более 5 проц.; 3 богатых, 12 состоятельных, 41 неимущий, причем богатые стали таковыми вследствие женитьбы; все в полку жили на жалованье.

Разрешалось владеть поместьем или торговым, промышленным предприятием, но управлять им воспрещалось. Общество офицеров допускало, чтобы офицерская жена была преподавательницей гимназии, но служить, скажем, в конторе какой-либо фабрики она не могла.

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ОФИЦЕРСТВА

Программа военных училищ - двухлетняя для пехоты и конницы и трехлетняя для артиллерии и инженерных войск - давала и специальные познания, и надлежащее умственное развитие[4]. Эти учебные заведения могли быть отнесены к категории таких, как техникум: они были как бы между средними и высшими учебными заведениями.

У некоторой части российского народа, так называемой интеллигенции, существовало мнение об офицерах как о недоучках, которых нельзя включить в интеллигентский слой граждан. А между тем в этом слое полноправно числились люди, не имевшие образования, равного гимназическому: правительственные чиновники, в большинстве с шести- и восьмиклассным образованием, банковские служащие, имевшие 7 классов коммерческого училища, народные учителя из семинаристов... Офицеры же имели образование выше гимназического: от поступления в первый класс средней школы и до получения погон подпоручика они учились минимум 9 лет (корпус и двухлетнее военное училище) и максимум 11 лет (гимназия и трехлетнее специальное военное училище).

Называть офицеров неучами - значит клеветать. Ведь надо считать тогда совершенными невеждами чиновничество, финансовых, промышленных служащих и все купечество вместе с заводчиками и фабрикантами, ибо в этих общественных группах даже среднее образование было не очень распространено.

При каждом полку, артиллерийской бригаде непременно имелась библиотека, содержавшая не только все русские военные журналы и газеты, специальную отечественную литературу, но и немало французских и немецких военных трудов, а также книги беллетристические и научные. И эти библиотеки создавались не для украшения офицерского собрания, ими пользовались, в частности, подбирая материал для докладов, которые офицеры делали перед сослуживцами и которые входили в программу офицерских занятий, проводимых в каждом полку одним из старших штаб-офицеров. Изучали офицеры тактику, уставы, технику стрельбы, а в иных полках - историю, право и т. д.

Для расширения и углубления знаний офицеров пехоты прикомандировывали к саперным батальонам, они направлялись в фехтовально-гимнастические школы и на специальные курсы. Получение должности ротного и батальонного (в пехоте), эскадронного и дивизионного (в коннице), батарейного (в артиллерии) командира зависело от того, насколько успешно офицер заканчивал стрелковую, кавалерийскую или артиллерийскую школу, где было великолепно поставлено преподавание тактики и специальных дисциплин в соответствии с родом войск. По сравнению с нынешним временем, когда развитие техники привело к появлению множества новых специальностей, число курсов и школ в российской армии и на флоте кажется малым, но оно соответствовало требованиям времени и было вполне достаточным. Это доказывается опытом кампании 1914 года, когда все рода войск и флот по тактике оказались на высоте требований, а по искусству стрельбы - выше всякой похвалы (русские артиллеристы зарекомендовали себя лучшими в мире).

Таким образом, профессиональные познания офицерства были отличны, уровень образования - выше среднего уровня людей интеллигентных профессий. Что же касается офицеров с высшим военным образованием, то их нельзя считать ниже выпускников университетов и высших технических учебных заведений. Военно-медицинская академия[5] выпускала лучших в России врачей, которые занимали одну треть профессорских мест на кафедрах медицинских факультетов университетов страны. Военно-юридическая академия[6] давала более основательную подготовку, нежели юридические факультеты университетов. Артиллерийская[7] и инженерная академии имели право гордиться своими слушателями: иные из них стали светилами науки, а все окончившие эти вузы наряду с применением на войне артиллерии или инженерных войск отлично знали артиллерийско-производственное или фортификационно-инженерное дело. Ученые-артиллеристы и военные инженеры не уступали ни в чем дипломированным специалистам, которые прошли курс технологического и путейского институтов или института гражданских инженеров. Офицеры же, окончившие высшую военную школу, имели то преимущество перед штатскими лицами, что получали не только знания, но и соответствующее воспитание в дополнение к полученному уже в военном училище и полку...

Особняком стояла Императорская военная академия (Генерального штаба)[9], слушатели которой приобретали основательные познания в тактике, оперативном искусстве и стратегии. По умственному уровню среднего представителя Генерального штаба можно было сравнить с лучшими из получивших гражданское высшее образование.

Что же касается морального облика офицерства, то его нельзя не признать достойным уважения. Офицера воспитывали в кадетском корпусе, военном училище, полку, формируя и укрепляя у него чувство преданности царю и Родине и искореняя мысль о правах политических, праве на личное благосостояние и даже на собственную жизнь. Готовность умереть за Россию была характерна; достаточно сказать, что при составлении мобилизационного плана офицеры просили не назначать их на должности в тылу, запасных полках, во второочередных дивизиях, которые, «может быть, не успеют сформироваться, как разыграется генеральное сражение».

Офицер не мог разбогатеть (не в пример купцу, адвокату, инженеру), не имел права располагать собой, потому что его «для пользы службы» переводили из одного конца России в другой. В будни или в праздник, в любой час дня и ночи его вызывали, чтобы назначить в наряд, отправить в спешную командировку, приказать выступить с войсковой частью в целях прекращения беспорядков, спасения пострадавших от стихийного бедствия. Конечно, врачи рисковали собой во время эпидемий, инженеры спускались в шахты, руководя спасением засыпанных рабочих, но это рассматривалось ими если не как подвиг, то как действия особенные, в офицерском же сознании идти в атаку на пулеметы или скакать на батарею, стреляющую картечью, было делом совершенно естественным...

Чувство долга надо считать величайшей из добродетелей, желательно, чтобы оно было присуще каждому гражданину; оно необходимо и врачу, и священнику, но лишь у офицера выполнение долга [порой] равнозначно смерти... Это действительность, подтвержденная тем непреложным фактом, что большая часть кадрового офицерства полегла на войне 1914 - 1917 гг.[10], а оставшиеся в живых, за малым исключением, были многократно ранены. В лейб-гвардии гренадерском полку из 75 человек убито 64; в 21-м Туркестанском стрелковом убито 80 проц. кадрового состава. Эти два примера взяты наудачу, но все полки являют столь же страшную картину. Были части, которые, выступив в поход 1914 года под командой 60 кадровых военных, имели через год в строю только трех из них.

Нельзя сказать, что все офицеры были образцом во всех отношениях, но можно утверждать, что небрежных к службе, недобросовестных почти не встречалось, а если и находились такие, то им среди сослуживцев недолго было прослыть за ловчилу. К ловчению относилось неаккуратное посещение службы, уклонение от тягостных командировок или нарядов и т. д. Но если не обращать внимания на этих одиночек (в семье не без урода), то надо сказать, что офицерство несло службу ревностно, исправно, не было ни внешней, ни душевной расхлябанности. Этим оно отличалось от многих иных профессиональных групп, где внешняя небрежность не считалась зазорной... Даже та категория кадровых военных, которая в русско-японскую войну заслужила суровые упреки, - интенданты - в последующие годы была приведена в порядок и в войну 1914 - 1917 гг. оказалась на высоте этических требований.

Офицеры носили форму на службе, дома, в отпуске. Пребывание в мундире являлось непременным напоминанием, что они всегда на службе его величества. Офицер постоянно был при оружии, и это свидетельствовало, что он в любое время готов обнажить его, чтобы защитить честь и славу Родины.

В моральном отношении офицерский корпус не знал равных. Воспитанные в понятиях рыцарской чести, люди как

зеницу ока берегли честь мундира. В каждом полку был суд чести (существовали и особые суды чести для генералов), избиравшийся обществом офицеров полка. Избирали достойнейших. Суд чести всегда тактично и справедливо разбирал недоразумения и ссоры (кроме чисто служебных случаев, подлежащих рассмотрению в командном порядке), предписывал офицеру то или иное поведение при инцидентах с гражданскими лицами и самим своим существованием как бы служил постоянным напоминанием о необходимости вести себя с честью во всех случаях жизни - в войсковой среде и вне ее. Он примирял, заставлял провинившихся извиниться перед обиженным, оскорбленным или же находил необходимой дуэль. Для иных людей готовность стать под пулю - варварство, но для офицера, если это делалось ради защиты доброго имени (своего, взятого под защиту лица, полка или Родины) была доказательством чести[12].

Постановления суда чести являлись безапелляционными: никакая власть и никакой суд не могли отменить или изменить их. Это право принадлежало лишь верховному вождю - царю, но он им никогда не пользовался.

Суд чести судил офицера за проступки (не служебные) и, найдя его виновным, мог потребовать ухода из полка и даже с военной службы. Бесчестных офицерство не терпело в своей среде.

Нередко можно слышать мнение, что в офицеры шли или те, кого привлекала красота мундира, или те, кто не имел финансовой возможности получить какое-либо иное образование. Верно, встречались и те и другие, но военная школа, где воспитание было поставлено великолепно[13], полковая среда, продолжавшая это воспитание, и войсковой быт превращали и поверхностного человека - любителя формы, и бедняка, вынужденного пойти по пути бесплатного военного образования, в воина до мозга костей. Служба увлекала, захватывала. В годы Великой (первой мировой. -**Ред.)** войны в армию влились десятки тысяч студентов со всех, даже старших курсов университетов и высших технических учебных заведений. Они так прониклись духом войска, что даже в эмиграции не оторвались от кадрового офицерства, слились с ним. Многие стали настолько офицерами, что, невзирая на свои специальные, высшим образованием и приобретенной в эмиграции профессией обусловленные интересы, пошли в большом числе на Высшие военные курсы генерала Головина[14] (Париж и Белград в 30-х годах).

Какова бы ни была причина поступления молодого человека на военную службу (в предвоенные годы) - увлечение ли внешним блеском, финансовые обстоятельства, семейная традиция или сознательное влечение - все становились офицерами по призванию. Если и бывали исключения, то это компенсировалось тем, что с 1908 -1909 гг. появился тип офицера - энтузиаста... Энтузиазм не выветривался с годами. Всем известно, что в так называемом образованном обществе России заурядным явлением была духовная метаморфоза - переход от идеализма и радикализма в студенческие годы к бюрократизму и степенности в зрелые. В офицерской среде метаморфозы не бывало - ни годы, ни тяжесть службы не угашали любви к ней и жертвенного горения, с какими подпоручик, корнет или гардемарин поступал на службу его императорского величества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что моральный облик офицерства был привлекателен, оно подвергалось нападкам. В литературе, печати его изображали умственно ограниченным, морально примитивным. Если бы не цензурные поводья, аллюр прессы стал бы очень резвым. Наскоки же передовой интеллигенции и революционной полуинтеллигенции сдерживались тем, что человек, всегда бывший при оружии, мог расправиться с обидчиком чести (в таких случаях военный суд налагал на офицера малое наказание, при условии, однако, что применение оружия было немедленной реакцией на оскорбление).

Враждебность к кадровым военным выражалась словами «царские опричники», что показывает политико-партийный характер уничижительных суждений об офицерстве. Но, за исключением занимавшихся пропагандой интеллигентов и полуинтеллигентов, а также распропагандированных рабочих, народ относился к кадровому военнослужащему с уважением: дворяне, купцы, мещане и особенно крестьяне видели в нем человека, посвятившего себя Родине. Ни один слой общества не стоял так близко к народу, как офицерство. Сельский батюшка и народный учитель жили среди простых людей и поучали их, но не несли ответственности за жизнь паствы или школьников, офицер же должен был создавать такие взаимоотношения с солдатом, чтобы тот всецело доверился ему в смертельной опасности. 1,3 млн. детей из народа (на 90 проц. крестьянских) находилось в войске под опекой командира, и каждого из них он знал, его имущественное положение, семейные обстоятельства, душевный склад, настроения. Офицер не довольствовался служебными часами для общения с подчиненными: приезжал в казарму по вечерам, чтобы прочесть малограмотному письмо из дому и написать ответ (солдат предпочитал довериться человеку, который не разгласит семейных тайн); в свое свободное время руководил его чтением, рекомендуя в надлежащей последовательности книги из библиотеки[15], участвовал в организации любительских спектаклей и проведении спортивных игр, посещал танцевальные вечера в унтер-офицерских полковых собраниях...

Однако при такой близости к солдату офицер оставался для него барином. Сейчас это понятие устарело, но в те годы и самый либеральствующий интеллигент был барином в своем отношении к тем, за права которых он боролся. Для новобранцев офицер был таким же барином, как помещик, уездный начальник, земский врач и судья.

Правда, в то время как барин-работодатель (помещик, фабрикант, купец) видел в простолюдине лишь рабочую силу, а барин-администратор подведомственного ему обывателя, офицер считал солдата будущим своим боевым товарищем, а в настоящем членом воинской семьи. В строю он был машиной, управлявшей машинами-солдатами, вне службы - старшим братом или отцом, более умным, более развитым членом ротной, эскадронной, батарейной семьи.

В полку новобранца встречали без строгости, но заполняли его день от пробуждения до вечерней переклички уроками и работами, чтобы он не имел времени тосковать по дому. Через месяц новичок свыкался с казарменным бытом и начинал сближаться с войсковой семьей, с солдатами и офицерами, а через три года, покидая казарму, прощался с командиром, как с родным.

Дисциплина не была ни палочной, ни основанной на произволе, а была именно такой, какая необходима для организованной жизни в мирное и военное время, в бою же - для самопожертвования. Устав не разрешал оставлять проступки, упущения и преступления без взыскания, но и не допускал взыскивать несоответственно вине и обстоятельствам, при которых они произошли. Не было наказаний денежных, телесных или унижающих (если не считать унижением постановку «под ружье» на виду у всех)[16].

Офицеры, подпрапорщики и унтер-офицеры, несмотря на высокие воинские качества, были людьми, а людям свойственны ошибки. Бывали ошибочные, а поэтому и несправедливые решения и незаслуженные наказания. Никто (ни солдат, ни офицер) не мог жаловаться на строгость взыскания, но всякий имел право и возможность жаловаться на наложение незаслуженного или законом не предусмотренного наказания или же на неудовлетворение его тем, что по

закону полагалось (например, солдат заслужил Георгиевскую медаль, а ему не дали этой награды; смерть брата делала человека единственным кормильцем семьи, а его почему-либо не отпускали с военной службы; пища была хуже, чем положено по интендантской раскладке, и т. д.).

Существовало два пути обращения с жалобой. Солдат мог подать докладную записку, а офицер - рапорт непосредственному начальнику, который обязан был препроводить ее начальнику того ранга, на котором вопрос мог быть разрешен. Воспрещалось подавать жалобы коллективные и за другого. За явно лживую жалобу налагалось взыскание. Обоснованная же всегда удовлетворялась.

Конечно, не у каждого солдата было достаточно интеллекта и решимости для подачи письменной жалобы. Поэтому были установлены опросы претензий. Время от времени генерал объезжал подчиненные ему войсковые части и опрашивал всех, не имеютли они претензий (жалоб). Для этого войсковая часть выстраивалась. Подавалась соответствующая команда, и рядовые оставались на местах, а вперед выходили унтер-офицеры, подпрапорщики, обер-офицеры, образуя шеренги, удаленные одна от другой настолько, чтобы не было слышно голоса, когда генерал будет опрашивать стоящих. Командир части стоял на таком же удалении от штаб-офицерской шеренги. Никто не смел оборачиваться. Генерал обходил весь строй, начиная с солдат, и спрашивал претензии. Их записывал адъютант, а потом по приказанию генерала производилось расследование каждой жалобы.

Не было различия между дисциплинарными правилами для солдат и офицеров, но к офицеру предъявлялись более строгие требования. Он и в личной жизни был во власти дисциплины, причем от него требовалось выполнение таких правил поведения, которые давно уже потеряли смысл: в ресторане при входе старшего по чину полагалось спросить разрешения продолжать сидеть; в театрах требовалось стоять во время антрактов, в присутствии старшего воспрещалось курить без его на то разрешения; при встрече на улице с генералами, начиная от командира корпуса, офицер (пеший или конный) становился во фронт, нарушая движение пешеходов или экипажей. Но офицерство не противилось, находя, что некоторый консерватизм в соблюдении подобных правил способствует сохранению высоких, славных традиций полков и кораблей.

Одной из этих традиций была забота о солдате. Офицер заботился о его питании, исправности и даже щегольстве обмундирования, соответствующем ночлеге, о физическом здоровье, отдыхе, развлечении, душевном благополучии.

Солдат отвечал на это привязанностью, преданностью. Если это из-за малой экспансивности русского человека проявлялось в мирное время не ярким образом, то на войне солдат грудью прикрывал офицера от пуль и, рискуя жизнью, выносил его, раненого или погибшего, с поля боя.

Солдат любил офицера, потому что он (десятки тысяч их) реальнейшим, прекраснейшим образом воплощал нарисованный поэтом образ: «Слуга царю, отец солдатам».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для наглядности приведем данные об оплате труда офицеров русской и немецкой армий на рубеже XIX - XX вв. Русский подпоручик имел годовой доход в 677 руб., немецкий лейтенант (в пересчете с марок на рубли) - 895 руб.; поручик -695 (1071); штабс-капитан (командир роты) -1305 (1884); капитан, подполковник (командир батальона) - 1880 (3318); полковник (командир полка) - 4511 (4449); генерал-майор (командир бригады) - 4717 (5669); генерал-лейтенант (командир дивизии) - 6795 (8838); полный генерал (командир корпуса) - 10 595 (14 694) *(Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX - XX столетий, 1881 - 1903. М.: Мысль, 1973. С. 225).

[2] Эмеритура (от лат. emeritus - заслуженный) -в дореволюционной России специальная пенсия уволенным с государственной службы чиновникам, выплачиваемая из эмеритальных касс (их средства составляли обязательные отчисления из заработной платы служащих). С офицеров и чиновников военно-сухопутного ведомства вычеты в эмеритальную кассу начались в 1859 г., выплату эмеритальных пенсий стали производить с 1865 г. Основу эмеритального фонда составлял выделенный казной первоначальный капитал в 7 млн. 500 тыс. руб. в виде четырехпроцентного бессрочного долга государственного казначейства. Доходы эмеритальной кассы составляли ежегодная государственная дотация в 1 млн. 200 тыс. руб., проценты от прибыли принадлежащих кассе ценных бумаг и периодических шестипроцентных и единовременных пятипроцентных (вступительные взносы) платежей участников кассы. Эмеритальные пенсии назначались офицерам и чиновникам, которые состояли на государственной службе не менее 25 лет и участвовали в эмеритальной кассе не менее 20 лет.

При начислении пенсий сначала определялась сумма, выплачиваемая из эмеритальной кассы, а затем недостающая до установленной процентной нормы (50 проц. оклада за 25 лет и 80 проц. -за 35 и более лет выслуги), часть пенсии выплачивалась из казны. Например, вышедшему в отставку подполковнику с выслугой в 25 лет назначалась пенсия в 1075 руб. в год (645 руб. из эмеритуры и 430 руб. из казны).

[3] Под особым фондом подразумеваются ежемесячные вычеты (2,5 проц.) на госпитальное обслуживание и медикаменты.

[4] Программа военных училищ включала специальные дисциплины: тактику, военную историю, артиллерию, фортификацию, военную топографию, законоведение и военную администрацию (в кавалерийских училищах, кроме того, ипологию - науку о лошадях); общеобразовательные: закон божий, русский, французский и немецкий языки, механику и химию; «все отрасли военно-служебной подготовки» (строевая и физическая подготовка, воинские уставы и др.). В артиллерийских и инженерном училищах помимо этого преподавались специализированные курсы артиллерии или фортификации (в Николаевском инженерном училище последняя подразделялась на девять учебных дисциплин), а также математика, физика, черчение и некоторые другие науки.

[5] Императорский указ от 27 ноября 1838 г., установивший переход в подчинение военного ведомства Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, образованной в 1798 г., положил начало Императорской военно-медицинской академии. Обучались здесь пять лет (первые два курса - приготовительные, последующие три - специальные). На первый курс по конкурсу после сдачи вступительных экзаменов зачислялись выпускники средних учебных заведений, на второй и последующие - студенты медицинских факультетов университетов. При академии имелись клинический госпиталь, специальные лаборатории и институт усовершенствования врачей. Кроме преподавания нескольких специальных дисциплин, академия ничем не отличалась от медицинских факультетов гражданских вузов: военной подготовки не было, студенты жили на частных квартирах. Выпускники сдавали экзамен на звание лекаря. В стенах академии работали такие выдающиеся ученые, как И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, С. П. Боткин, Н. В. Склифосовский, И. М. Сеченов, В. В. Пашутин, К. Н. Виноградов, И. Р. Тарханов, Ф. Н. Заварыкин, Е. И. Богдановский и др.

[6] В 1866 г. в ходе подготовки военно-судебной реформы при аудиторском училище были учреждены офицерские классы, переименованные в 1867 г. в Военно-юридическую академию. В 1868 г. аудиторское училище преобразовано в

военно-юридическое, предназначенное для подготовки военных чиновников-юристов. После ликвидации в 1878 г. этого училища Военно-юридическая академия была реформирована по типу высших военных заведений с 3-летним курсом обучения, ее статус определен как «высшего учебного заведения для доставления военно-юридического образования офицерам армии и флота, поступающим на службу в военно-судебное ведомство». В младший класс академии по конкурсу после сдачи вступительных экзаменов принимались офицеры, окончившие средние или высшие учебные заведения, в старший - офицеры, окончившие первый курс юридических факультетов университетов или Императорское училище правоведения. Программа обучения отличалась от университетской отсутствием римского и торгового права и статистики, содержала специальные предметы: военно-уголовные законы, военно-уголовное судопроизводство, историю военного законодательства и др. В академии преподавали ведущие в области юриспруденции ученые: К. Д. Кавелин, Н. М. Коркунов, Н. А. Неклюдов, С. А. Бершадский, Н. Д. Сергеевский, В. Д. Кузьмин-Караваев, Ф. Н. Платонов и др.

Наряду с обер-офицерами в этом учебном заведении обучались штаб-офицеры и даже генералы. Первый выпуск состоялся в 1868 г. С 1880 г. к приему допускались офицеры болгарской и сербской армий. С 1891 г. набор составлял 15 человек. За 42 года (до 1910 г.) академию, которой с 21 декабря 1908 г. было присвоено наименование Александровской в память основателя - Александра II, окончили 902 офицера.

[7] Михайловская артиллерийская академия была образована 30 августа 1855 г. на базе офицерских классов при Михайловском артиллерийском училище (создано в 1820 г.). В 1863 г. выведена из подчинения главного начальника военно-учебных заведений и передана в ведение генерал-фельдцейхмейстера. Состояла из теоретического и практического классов и пополнялась офицерами из числа окончивших курс Михайловского артиллерийского училища и артиллерийские отделения кадетских корпусов, а также из зачислявшихся непосредственно после производства в офицеры. С 1893 г. академия готовила офицеров для артиллерийских частей (после окончания двух курсов обучения по второму разряду) и для технических частей артиллерийского ведомства (после окончания дополнительного третьего класса, право на обучение в котором давало окончание первых двух курсов по первому разряду).

В академии наряду со специальными военными дисциплинами изучались: теория вероятности, металлургия, теория сплавов, механическая технология, пороха и взрывчатые вещества, теоретическая и прикладная механика, гидравлика, сопротивление материалов, паровые машины и двигатели внутреннего сгорания, электротехника и др. Для практических занятий слушатели направлялись на Ижорский, Обуховский, Путиловский и Тульский заводы, в артиллерийские арсеналы. В 1910 г. число обучавшихся увеличилось с 60 до 100 офицеров. С академией была связана деятельность выдающихся ученых-артиллеристов: П. В. Маиевского, П. М. Альбицкого, А. В. Габолина, Д. К. Чернова, А. Н. Крылова, Н. А. Забудского. Л. Н. Гобято, В. С. Барановского, И. П. Граве и др. С 1820 по 1910 г. академию окончили 1625 человек.

[8] Николаевская инженерная академия была образована в 1855 г. на базе офицерских классов Главного инженерного училища, основанных в 1810 г. В 1863 г. передана из подчинения главного начальника военно-учебных заведений генерал-инспектору по инженерной части. В 1867 г. введен дополнительный третий класс. Его выпускники направлялись в корпус военных инженеров, остальные возвращались для продолжения службы в строевые инженерные части. Правом поступления в дополнительный класс пользовались только те, кто окончил два предшествующих класса по первому разряду. Кроме обязательных военных дисциплин в академии изучались: геодезия, архитектура, земляные и бетонные работы, материаловедение, гидравлика и водоснабжение, тепловые двигатели и электротехника, морские и речные сооружения, дороги и мосты, воздухоплавание и др. Одновременно в этом учебном заведении обучалось 110 человек, его окончили выдающиеся военные инженеры и полководцы: Э. И. Тотлебен, Ф. Ф. Радецкий, А. Е. Струве, Р. И. Кондратенко, С. А. Рашевский, А. 3. Теляковский, К. И. Величко, Д. М. Карбышев и др. В Николаевской инженерной преподавал Д. И. Менделеев.

[9] Императорская Николаевская военная академия была образована 28 ноября 1832 г. по инициативе генерал-адъютанта А. Жомини под названием Императорской военной академии. В 1856 - 1862 гг. в нее принималось до 150 и более офицеров, с 1883 г. - не свыше 70 человек. В 1861 г. учебное заведение получило наименование Николаевской академии Генерального штаба. В 1863 г. оно передано из ведомства военно-учебных заведений в подчинение генерал-квартирмейстера Главного штаба. В 1866 г. для выпускников учрежден специальный знак. С 1883 г. для поступающих установлен срок выслуги в 3 года (из них 2 года в строю). 4 августа 1909 г. академия переименована в Императорскую Николаевскую военную академию. Штат обучающихся офицеров (в двух основных и дополнительном классах и геодезическом отделении) был установлен в 314 человек. Окончившие причислялись к Генеральному штабу (бывали, однако, исключения из этого правила) и имели преимущества в службе по сравнению с другими офицерами. Начальниками академии в разные годы были выдающиеся полководцы, военные деятели и теоретики генералы И. О. Сухозанет, М. И. Драгомиров, Г. А. Леер, Н. 11. Сухотин, В. Г. Глазов, П. П. Михневич, Д. Г. Щербачев и др.

[10] Потери России в первой мировой войне оцениваются в 7917 тыс. человек: 1300 тыс. убитыми, 4200 тыс. ранеными (из них умерло 350 тыс.) и 2417 тыс. пленными. При этом потери в офицерском составе оценивались в 90 тыс. убитыми и ранеными и в 17 тыс. пленными и пропавшими без вести *(Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне: В 2 т. Париж, 1939. Т. I. С. 160).

[11] Суды чести были учреждены «для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания». На них возлагалось рассмотрение проступков офицеров, связанных с нарушениями этики, разбор ссор в офицерской среде. Суд мог принять решение об оправдании подсудимого, ограничиться вынесением ему порицания или же ходатайствовать перед командованием об увольнении в отставку. При рассмотрении дел о ссорах в офицерской среде ему давалось право вынесения решений о примирении или же неизбежности поединка. Эти решения нельзя было пересмотреть или отменить. Офицер, не выполнивший постановления суда чести, например, о необходимости участия в дуэли, подлежал увольнению со службы. Суды чести существовали в каждом полку. Избиралось пять постоянных членов. Положение о судах чести было закреплено в главе XIV Дисциплинарного устава.

[12] С 1894 по 1910 г. в русской армии состоялось 322 поединка, из них 256 по постановлению суда чести. В 315 случаях использовалось огнестрельное оружие (с дистанции от 12 до 50 шагов), в остальных - холодное. С 1894 по 1913 г. в дуэлях участвовали: 4 генерала, 14 штаб-офицеров, а также 187 капитанов и штабс-капитанов, 367 поручиков, подпоручиков и прапорщиков, 72 гражданских лица. Смертью или тяжелым ранением завершилось 39 поединков, в остальных один или оба участника получили легкие ранения. Ни одно такое дело не было доведено до судебного разбирательства.

[13] «Положение о военно-учебных заведениях» определяло цели военного воспитания юнкеров следующим образом: «1) глубокое укоренение чувства долга - верноподданического и воинского; 2) образование честного, строго исполнительного и мужественного характера; 3) развитие и упрочение сознания высокого значения воина, призванного к защите (так

в оригинале. - Ред.) престола и Отечества; 4) прочное усвоение воинской дисциплины и чинопочитания; 5) поддержание между воспитывающимися юнкерами духа доброго товарищества с должною в порядке службы подчиненностью старшим из них по званию».

[14] Зарубежные высшие военно-научные курсы профессора генерала Н. Н. Головина (ЗВВНК), просуществовавшие с 1927 по 1944 год, были созданы в эмиграции по типу Николаевской военной академии на основе работавших в 1922 - 1927 гг. в местах расселения русских войск кружков военного самообразования. 22 марта 1927 года ЗВВНК начали свою работу в Париже. В то время они назывались «Обществом русских комбатантов по изучению мировой войны и ее последствий». В 1931 г. был открыт филиал ЗВВИК в Белграде. Занятия проводились два раза в неделю с 21 до 23 ч - во время, свободное от основной работы преподавателей и слушателей, по 800-часовой учебной программе. Курс обучения был рассчитан на 50 - 52 месяца (3 класса), наряду с вечерним существовали заочное отделение и военно-училищные курсы. В 1936 г. при белградских ЗВВНК создан Русский военно-научный институт, а в 1938-м при парижских - Институт по исследованию проблем войны и мира. В 1936 -1938 гг. белградским РВПИ издавался журнал «Осведомитель».

Парижские военно-научные курсы и Институт по исследованию проблем войны и мира просуществовали до сентября 1939 г., за 11,5 лет через них прошло свыше 400 офицеров, из которых 82 получили высшее военное образование. Белградские военно-научные курсы и Русский военно-научный институт функционировали вплоть до 1944 года и за 13 лет осуществили шесть выпусков слушателей. Здесь обучалось около 200 офицеров, из которых полный курс закончили 77 человек. Выпускникам вручался академический знак, и они причислялись к российскому Генеральному штабу.

Бывшими преподавателями и слушателями этих учебных заведений после второй мировой войны была образована общественная организация, занимавшаяся исследованием научного наследия своего учителя и научными разработками по военным проблемам: Институт по исследованию проблем войны и мира имени профессора генерала Н. Н. Головина в Париже и в Нью-Йорке с южноамериканским отделом в Буэнос-Айресе (сотрудниками последнего и была написана настоящая работа). Последнее официальное упоминание о деятельности данной общественной военно-научной организации относится к 1976 г.

[15] В приложении 14 Дисциплинарного устава говорилось, что в полках помимо общей библиотеки части с читальней желательно иметь и ротные (эскадронные, сотенные) библиотеки с разделами: духовно-нравственным, военным, беллетристическим, историческим, географическим, естественно-научным, сельскохозяйственным, медицинским и ветеринарным.

[16] Для нижних чинов существовало три вида ареста: простой, строгий и усиленный, различавшиеся условиями содержания на гауптвахте (светлый или темный карцер, различный режим питания и отдыха). В случаях, когда содержание под арестом не представлялось возможным (в ходе учений, пребывания войск в полевых лагерях и т. п.), простой арест заменялся назначением на хозяйственные работы, а арест в строгой и усиленной формах - постановкой провинившегося «под ружье» в полной боевой походной амуниции (взамен каждого дня усиленного ареста - на два часа, взамен строгого за каждый день - два раза в день по два часа с перерывом для отдыха не менее двух часов). Эги же правила соблюдались и в кавалерии, кроме случаев нахождения части в походе. Тогда вместо ареста нижние чины обязаны были следовать пешком в полной боевой походной амуниции за казначейским ящиком (ст. 19 Дисциплинарного устава).

[17] На офицеров и военных чиновников налагались следующие дисциплинарные взыскания: замечания и выговоры, объявляемые словесно, в предписании, на собрании офицеров, в приказе (признавались как напоминание начальником подчиненному его обязанностей); арест домашний и на гауптвахте сроком до одного месяца; отказ в назначении на вышестоящую должность согласно выслуге лет или на вакантную впредь до снятия взыскания; отстранение от должности или командования частью. Кроме того, если наложенные взыскания не приносили результатов, офицера могли уволить со службы в дисциплинарном порядке (ст. 33, 34 Дисциплинарного устава).

На рядовых и ефрейторов налагались следующие дисциплинарные взыскания: воспрещение отлучаться «из казармы или со двора» на срок не свыше одного месяца; назначение в наряд на службу или на работы вне очереди (не более 8 нарядов); простой арест (доодного месяца); строгий (не более 20 суток); усиленный (до 8 суток); лишение ефрейторского или бомбардирского звания и «смещение на низшие степени и меньшие оклады» (ст. 13 Дисциплинарного устава).

Публикация и примечания майора И. В. ОБРАЗЦОВА, кандидата социологических наук

МЕХЛИС: «УНИЧТОЖАТЬ, КАК БЕШЕНЫХ СОБАК»

В своем выступлении на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года начальник Политического управления РККА Л.З.Мехлис, касаясь репрессии, обрушившихся на военные кадры в 1937-1938 гг., с пафосом заявил: «Грязь, накипь мы будем смывать каждый день, врагов и изменников будем уничтожать, как бешеных собак. Подлый заговор кучки шпионов никогда не повторится в Рабоче-Крестьянской Красной Армии!»[1]

Мехлис был достаточно здравомыслящим человеком, чтобы за риторикой о военно-фашистских заговорах не видеть апофеоза борьбы Сталина за утверждение в стране полного единовластия. Тем не менее он включился в общий хор. Такова была внутренняя логика тоталитарной системы. Каждый, к ней принадлежавший, прежде всего из вознесенных Сталиным на олимп власти, повязывался, как это обычно бывает, кровью. Внутренняя закономерность развития такой системы не освобождает, однако, вовлеченного в нее от ответственности за личные проступки. В противном случае - здесь следует присоединиться к высказанному в литературе взгляду - мы впали бы в антиисторизм, списывая все преступления сталинизма на одного Сталина[2].

Что касается Л.З.Мехлиса, то выражение «уничтожать, как бешеных собак» было для него не просто хлестким сравнением, но определяло жизненное кредо, линию поведения по отношению к тем, кто был или считался противником «хозяина», а заодно и его собственным.

Соучастником в проведении репрессий против военных кадров Мехлис стал еще тогда, когда к Вооруженным Силам прямого отношения не имел. Будучи редактором «Правды», в январе 1937 года он получил письмо ее корреспондента в Берлине А.Климова, в котором утверждалось, что в Германии «среди высших офицерских кругов упорно говорят о связи и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. В этой связи называется имя Тухачевского». Мехлис направил это письмо И.В.Сталину, став одним из проводников дезинформации германской разведки[3].

Таким же надежным распространителем дезинформации, но уже поступавшей от руководства страны, он являлся и в последующем. 9 июня 1937 года закончилось следствие по делу об «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии». Поздно вечером вслед за А.Я.Вышинским, выступавшим на процессе государственным обвинителем, Сталин, Молотов и Ежов приняли Мехлиса. Последний, получив соответствующий инструктаж, 11 июня опубликовал в «Правде» сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу М.Н.Тухачевского и других военачальников, которые, как указывалось там, обвиняются в «нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В действительности повинны в этом они не были.

11 июня 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР на закрытом заседании рассмотрело дело. Хватило одного дня, чтобы разобраться в существе вопроса, а точнее - проштамповать решение, принятое Сталиным.

О «расстрельном» приговоре, об инспирированных вождем митингах, выражавших «народную волю», которые прошли по всей стране, «Правда» «информировала» подробно. Фактически же она дезинформировала советских людей о положении в Красной Армии.

Расстрел восьми военачальников, по сути, поднял волну репрессий против военных кадров. Уже через девять дней после этого суда по обвинению в участии в военном заговоре было арестовано 980 командиров и политработников . Затем последовали все новые и новые аресты. Теперь Л.З.Мехлис выступал уже в новом качестве. В январе 1938 года он стал начальником Политического управления РККА. Действуя заодно с другими «кадровиками» (начальником управления Наркомата обороны по начсоставу Е.А.Щаденко и заведующим отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г.М.Маленковым), он вершил судьбы подчиненных политработников. С благословения этой «тройки» были репрессированы члены военных советов Сибирского, Северо-Кавказского, Уральского военных округов Н.А.Юнг, К.Г.Сидоров, А.В.Тарутинский, старший инспектор ПУРККА дивизионный комиссар Я.Г.Индриксон, заместитель начальника политуправления Северо-Кавказского военного округа корпусной комиссар А.М.Битте и другие[5].

Характерно, что именно с борьбы против инакомыслящих начал армейский комиссар деятельность на посту главы ПУРККА. Его назначение состоялось 5 января 1938 года, а уже 14-го он направил директиву выкорчевать из армейских рядов участников белорусско-толмачевской «группировки» - робкой «оппозиции» Ворошилову, существовавшей еще с 1928 года в Военно-политической академии имени Н.Г.Толмачева и политуправлении Белорусского военного округа.

Начальник Политуправления РККА Л.З.Мехлис. Халхин-Гол. 1939.

Не дождавшись энергичного содействия политработников на местах, Мехлис 17 февраля шлет им «жесткую» телеграмму:

«Всем начпуокрам, начмуармам.

Выясняется, что многие руководящие работники не знакомы с директивой ПУРККА от 14 января об участниках антипартийной армейской белорусско-толмачевской группировки. Считаю это ненормальным и обязываю вас ознакомить с этой директивой всех коммунистов РККА» .

Начальнику ПУРККА не откажешь в последовательности и настойчивом стремлении довести дело до конца. 5 июля 1938 года он, находясь на Дальнем Востоке, телеграфирует своему заместителю:

«Москва. ПУРККА. Кузнецову.

Назначьте комиссию для обследования и изучения преподавательских кадров академии [имени] Ленина. Если сохранились участники толмачевской группировки, изъять до последнего...»

Эту телеграмму армейский комиссар 2 ранга отправил из Хабаровска, куда вместе с заместителем наркома Внутренних дел М.П.Фриновским прибыл во главе солидной комиссии по проверке кадров. Здесь подозрительность и жестокость Мехлиса проявились в полной мере. О масштабах репрессий, обрушившихся на местных военных, свидетельствует следующая его телеграмма:

«Товарищу Сталину.

Член военного совета Брянского фронта Л.З.Мехлис. 1943 г.

Уволил 215 политработников, значительная часть из них арестована. По очистка политаппарата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена. Думаю, что уехать из Хабаровска, не разобравшись хотя бы вчерне с комсоставом, нельзя...»[8]

И еще одно авторитетное свидетельство «плодотворной деятельности». В неопубликованных фрагментах книги «На службе военной» главный маршал артиллерии Н.Н.Воронов, в частности, писал: «Значительное число опытных командиров было уволено и уничтожено по сфабрикованным обвинениям. Довольно неприглядную роль в этом сыграли тогдашние начальник Политического управления РККА Л.З.Мехлис и заместитель наркома внутренних дел М.П.Фриновский. Они безответственно расправились с командными кадрами и поставили наши войска на Дальнем Востоке в очень трудное положение»[9].

На совести Л.З.Мехлиса и жизнь Маршала Советского Союза В.К.Блюхера. Во время событий на Хасане Мехлис и Фриновский находились рядом с ним, вмешивались в действия командующего Дальневосточным фронтом. По воспоминаниям вдовы Блюхера Глафиры Лукиничны, между маршалом и эмиссарами из центра возникли чрезвычайно неприязненные отношения.

Справедливости ради следует отметить, что В.К.Блюхер действовал на Хасане неудачно. По мнению маршала И.С. Конева, он к 1937 году оставался человеком, чьи познания и представления не слишком обновились со времен гражданской войны. «Во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил»[10].

Однако претензии, которые предъявили В.К.Блюхеру на заседании Главного военного совета РККА 31 августа 1938 года, носили прежде всего не военный, а политический характер. Командующего Дальневосточным фронтом обвинили в «сознательном пораженчестве», «двуличии, недисциплинированности и саботировании вооруженного отпора японским войскам»[11]. Приказом К.Е.Ворошилова по результатам заседания Главного военного совета В.К.Блюхер от должности командующего был отстранен, вскоре арестован и погиб в тюрьме от истязаний.

Расправам над конкретными людьми сопутствовало массовое «промывание мозгов». В соответствии с директивой Л.З.Мехлиса от 26 мая 1938 года в учебные планы военных и военно-политических училищ, курсов, военных академий, дивизионных партийных и комсомольских школ, окружных домов партийного образования вводился специальный курс «О методах борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры»[12]. А каждый судебный процесс над этой самой «агентурой» предварялся и сопровождался шумной пропагандистской кампанией в армейской печати, проводившейся в соответствии с многочисленными указаниями начальника ПУРККА[13].

Накопленный «опыт» пригодился Мехлису и позже, после его вторичного, в начале Великой Отечественной войны, прихода начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии (так назывался с июня 1940 по июль 1941 г. ПУРККА).

По наблюдению Константина Симонова, «последним трагическим аккордом того отношения к кадрам, которое сложилось у И.В.Сталина до войны, были обвинения в измене и предательстве, выдвинутые им летом (1941 г. - Ю.Р.) против командования Западного фронта - Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских и ряда других генералов, среди которых, как потом выяснилось, были и люди, погибшие в первых боях, и люди, до конца непримиримо державшие себя в плену»[14]. Участие же Мехлиса как в репрессиях 1937-1938 гг., так и в расправе над генералами Д.Г. Павловым, В.Е. Климовских и их сослуживцами, - это звено одной цепи.

Расправляясь с командованием Западного фронта, И.В.Сталин отводил критику от себя. 30 июня он приказал Г.К.Жукову вызвать командующего фронтом генерала армии Д.Г. Павлова в Москву. В тот же день ГКО на первом заседании принял решение отстранить Павлова от командования войсками.

Однако одной жертвы вождю было мало. К председателю ГКО был вызван армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис, который тут же получил указание срочно отбыть на Западный фронт в качестве члена военного совета. Ему предстояло избрать новые жертвы.

Мехлис хорошо знал «хозяина». Вскоре на одном из служебных совещаний он заявил, что в ближайшее время станут известны имена военачальников, из-за измены и предательства которых Красная Армия в первые дни войны потерпела поражение[15] . А уже 6 июля 1941 года армейский комиссар послал Сталину такую телеграмму[16]:

«МОСКВА, КРЕМЛЬ, СТАЛИНУ Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение. Военный совет решил:

1) Арестовать быв. начальника штаба фронта Климовских, быв. заместителя командующего ВВС фронта Тодорского и начальника артиллерии фронта Клич[а].

2) Предать суду военного трибуна [ла] командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42 сд Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

Просим утвердить арест и предание суду перечисленных лиц.

3) Нами арестованы - начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин.

4) Предаются суду помначотделения АБТУ Беркович, командир 8-го дисциплинарного батальона Дыкман и его заместитель Крол, начальник Минского окружного санслада Белявский, начальник окружной военветлаборатории Овчинников, командир дивизиона артполка Сбиранник.

Тимошенко, Мехлис, Пономаренко»[17].

В тот же день последовал ответ:

«Тимошенко, Мехлису, Пономаренко Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Тодорского и других и приветствует эти мероприятия, как один из верных способов оздоровления фронта. 6 июля 1941 г.

И.Сталин»[18].

До сих пор не ясны все обстоятельства ареста Д.Г.Павлова. Однако негативная роль Л.З.Мехлиса в нем несомненна. Вот что свидетельствует полковник в отставке Дмитрий Степанович Гусев, ставший непосредственным очевидцем происшедшего, накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны являвшийся начальником Гомельского областного управления госбезопасности: «В два часа ночи 1 июля 1941 года в моем кабинете зазвонил телефон. Голос был незнакомый, немного приглушенный:

- С вами разговаривает Мехлис. Я из Смоленска. Вы знаете командующего Западным фронтом генерала армии Павлова, встречались с ним?

- Да, знаю, - ответил я.

- Он теперь едет к вам в Гомель из Могилева. Вам надлежит выехать в городской поселок Довск и арестовать его. Вам все ясно?

- Да, - ответил я...

Чувство тревоги не покидало меня по дороге из Гомеля в Довск. Я прибыл туда на рассвете 1 июля и вздохнул с облегчением, так как увидел группу ответственных работников контрразведки из Москвы...

Через некоторое время появилась машина, в которой ехал командующий войсками Западного фронта генерал армии Павлов. Один из ответственных работников контрразведки остановил машину, подошел к ней и сказал: «Товарищ генерал армии, вас срочно вызывает Смоленск. На проводе Мехлис. Пожалуйста, пройдите в почтовое отделение». «Не может быть, что за чертовщина. Я ведь совсем недавно с ним разговаривал!» - воскликнул Павлов. Этот же человек ответил ему: «Не могу знать, сами позвоните и выясните». Командующий нехотя вышел и медленными шагами подошел к почтовому отделению. Внутри этого небольшого здания Павлову предъявили ордер на арест»[19].

После короткого суда (точнее сказать судилища) командующий Западным фронтом Павлов, начальник штаба фронта Климовских, начальник связи фронта Григорьев, командующий 4-й армией Коробков, а чуть позднее командующий артиллерией фронта Клич были приговорены к высшей мере наказания и в тот же день - 22 июля - расстреляны. Мехлис же вскоре вернулся в Москву.

Еще один документ. Он касается судьбы заместителя начальника Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) армейского комиссара 2 ранга В.Н.Борисова. Буквально через три недели после начала войны Мехлис докладывал руководству.

«Товарищу Сталину

Товарищу Молотову

11 июля с.г. я совместно с тов. Листковым (работник ЦК, занимавшийся армейскими кадрами. - Ю.Р.) беседовал с заместителем начальника Главного управления ППКА армейским комиссаром 2 ранга Борисовым В.Н. в связи с поступившими материалами о его прошлом.

В ответ на прямо поставленные вопросы Борисов признал, что он:

1. Скрывал добровольное вступление в белую армию и службу в 111-м белом Бузулукском стрелковом полку в течение года.

2. Скрывал свой арест ВЧК в 1919-1920 гг.

3. Скрывал, что его отец был священником (везде писал учитель).

4. Скрывал, что учился в реальном училище, ибо часть реалистов Бузулука ушла к белым...

До начала военных действий Борисов... был командирован тов. Запорожцем (накануне войны руководил ГУППКА. - Ю.Р.) в Прибалтику. Военные действия захватили его на месте. С наступлением трудностей Борисов растерялся и самостоятельно приехал в Москву. Рассказывал о положении на Северо-Западном фронте в таких, по сути, пораженческих тонах, что я вынужден был крепко призвать его к порядку.

На основании всего этого мной дано указание Борисова арестовать. Арест произведен. Предварительно по этому вопросу я позвонил тов. Молотову.

Л.Мехлис

11 июля 1941 г.

Участь заместителя Мехлиса была решена. Вменив Борисову в вину сокрытие своего прошлого и обман тем самым партии и Советского правительства, Военная коллегия Верховного суда приговорила его к лишению свободы в ИТЛ сроком на пять лет с лишением воинского звания.

Увы, это была не последняя жертва сверхподозрительности армейского комиссара 1 ранга Л.З. Мехлиса.

[I] *Мехлис Л.З.* Речь на XVIII съезде ВКП(б) 14 марта 1939 г. М.: 1939. С. 12

[2] См., например: *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина: В 2 кн. Кн.1, ч.Н. М., 1989. С. 164; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. Сб.

[3] Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов /Под общ. ред. А.Н.Яковлева. М.:По-литиздат, 1991.С.ЗОЗ.

[4] Там же. С.299.

[5] Там же. С.ЗОО.

[6] РГВА, ф.9, оп.40, д.55, л. 15.

[7] ЦАМО РФ, ф.5, оп. 176703, д.21,л.16.

[8] Там же, л.68.

[9] Личный архив В.Н.Воронова.

[10] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М.: Изд-воАПН, 1988. С.394.

[II] Воен.-истор. журнал. 1990. № 1. С.85.

[12] РГВА, ф.9, оп.40, д.54, л.20.

[13] Там же, д.55,л.2О.

[14] *Симонов К.М.* Указ. соч. С.ЗОО.

[15] Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 124.

[16] Документ обнаружен доктором исторических наук В.А.Анфиловым.

[17] Родина. 1991. № 6-7. С.31.

[18] Там же.

[19] Слава и честь (газета ОдВО). 1992. 10 апр.

[20] ЦАМО, ф.32,оп.11309, д.63, лл.61-62.

Подполковник Ю.В.РУБЦОВ

«Благодаря товарищу Мехлису справляемся...»

Однажды на Красной площади у Кремлевской стены под мемориальной доской с фамилией Л. З. Мехлиса увидел бумажку, на которой было написано: «Не снимайте шапку, проходя мимо урны с прахом Мехлиса. Он уничтожал командные кадры в 1937-1940 годах, лично расстреливал офицеров и генералов в годы войны».

Подошел милиционер и сорвал записку. На мое предложение послать ее в Институт военной истории лишь улыбнулся. А мне было не до улыбок.

С Л. З. Мехлисом мне приходилось встречаться на Волховском фронте осенью 1942 года. Наш 849-й артиллерийский полк 294-й стрелковой дивизии занимал позиции в районе станции Назия. Мы вели активные боевые действия, сдерживая наступление противника к южному берегу Ладоги, и даже пытались выйти к Неве и прорвать блокаду Ленинграда. В то время мне шел двадцать первый год и был я начальником артвооружения полка в звании старшего техника-лейтенанта. Одной из важнейших моих задач было обеспечение полка боеприпасами. Работать приходилось ночью, когда бездействовала немецкая авиация. В моем распоряжении было две полуторки, артиллерийские склады находились под Волховом. В ту ночь моросил дождь, было очень темно, и появление самолетов исключалось. Мы ехали с включенными фарами, хотя я знал, что это запрещалось.

На повороте из разрушенного села Путилово луч света упал на броневик и два легковых автомобиля, возле одного стояли пять-шесть человек в плащ-накидках. Кто-то из них поднял руку, требуя остановиться. Едва я вышел из кабины, ко мне подошел офицер и закричал: «Пособник Гитлера! Освещаешь машины фронтового командования!»

Я не успел ничего сказать в свое оправдание, как раздался выстрел, меня обдало жаром, оглушило. Чуть было не выхватил из кобуры пистолет, но услышал голос:

- Товарищ армейский комиссар, успокойтесь... Он понял...

- Иди впереди машины и указывай дорогу! - крикнул мне стрелявший.

Я мгновенно нырнул в темноту, а перепуганный водитель так рванул машину, что чуть не сбил меня.

Едва мы отъехали, как легковые автомобили включили яркие огни и, развернувшись, поехали в тыл. До переднего края оставалось пять-шесть километров.

Только в 1959 году я случайно узнал, что стрелял в меня Мехлис, а спас - начальник штаба Волховского фронта генерал М. Н. Шарохин. А произошло это так.

Однажды мне довелось быть с генерал-полковником М. Н. Шарохиным в командировке в Ленинграде. Вечерами в гарнизонной гостинице мы вспоминали бои за Ленинград, и я рассказал Михаилу Николаевичу тот случай под Путилово.

- Вот кого, оказывается, спас той ночью... Не отведи я своевременно руку Мехлиса, он запросто убил бы тебя. Ты нарушил важный приказ военного совета о мерах маскировки. Тем более это было у линии фронта...

Я не стал уточнять, что до переднего края было далеко. Шел дождь, да и ночь была темная.

- Тебе повезло,- сказал генерал. - А вот, помню, в ту же осень мы выехали на наблюдательный пункт, чтобы посмотреть наступление двух дивизий. С нашего наблюдательного пункта ничего не было видно. Наступление затормозилось. Прервалась связь. Вижу, бегут два офицера. Я не успел сказать Мехлису, что это посыльные из дивизий. Он выскочил из окопа и, подбежав к одному из них, застрелил. Я схватил Мехлиса за руку, стал успокаивать, а он кричит: «Смерть паникерам!»

Ночью, как рассказывал генерал-полковник, позвонил И. В. Сталин. Командующий Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков отдыхал. К телефону подошел М. Н. Шарохин. «Что это у вас там Мехлис офицеров стреляет?» - спросил Сталин. Не смог начальник штаба фронта сказать правду и доложил: «Все в должном порядке. Недоразумений нет. Боевая обстановка сложная, но благодаря товарищу Мехлису справляемся...»

«Ну, смотрите там...» - послышался хриплый голос в трубке специальной связи.

«А что я мог сказать И. В. Сталину, если Мехлис стоял рядом», - словно оправдывался генерал Шарохин. И я в те годы не смог высказать свое мнение рассказчику.

Так случилось, что в 1970 году мне довелось быть литературным редактором мемуаров маршала И. С. Конева. Когда мы работали над главой, в которой рассказывалось о Степном фронте, я напомнил, что членом военного совета фронта был Мехлис. «Я об этом палаче слышать не хочу. В моих мемуарах не должно быть о нем ни одного доброго слова. Самая темная личность. Это по его спискам в 1937-1940 годах, когда он был начальником Главного политического управления РККА, уничтожались политработники всех рангов, без суда и следствия. Десятки тысяч преданных комиссаров».

Конев рассказал мне, как в 1943 году на Степном фронте Мехлис, будучи членом военного совета, писал докладные Сталину, обливая грязью многих командиров и политработников. И даже о том, что в каком-то полку повар дал солдатам по две порции каши... Так он того повара отправил в штрафной батальон.

Поскольку шифровки в Ставку подписывал только командующий фронтом, Конев сказал Мехлису, что он не будет подписывать на имя Сталина такую чепуху. Через день позвонил Сталин: «Вы не будете возражать, если мы уберем от вас Мехлиса? Я имею сведения, что вы не сработались». Иван Степанович был по натуре резковат, но справедлив. Он мог, например, сказать Сталину, когда (не без помощи Мехлиса) Верховный Главнокомандующий сделал ему замечание, что он груб с генералами-артиллеристами: «А у меня не девичий монастырь, а фронт. И генералы не святые отцы, чтоб нельзя их обругать, если заслужили...» И на этот раз он ответил Сталину: «Да, Мехлис у меня путается под ногами и мешает...»

Однажды маршал Конев рассказал мне: «Мехлис и Берия еще до войны приносили пухлое дело на меня лично И. В. Сталину. Но тот в моем присутствии указал на папку и сказал: «Уберите! Я верю Коневу. Оставьте его в покое».

Маршал Конев был скуп на рассказы. Не любил детализировать. Вспомнил только, как Мехлис расстрелял начальника артиллерии (так называлась тогда должность командующего артиллерией) 34-й армии генерала Гончарова. Я уже знал об этом от своего сослуживца по Институту военной истории, бывшего работника Главного политического управления полковника Н. Г. Цирульникова. Ему довелось быть свидетелем варварской расправы над невинным генералом. Это произошло в сентябре 1941 года, когда события на Северо-Западном направлении развивались весьма драматично. После незначительного успеха в полосе действий 34-й и 11-й армий в августе немецкое командование перебросило большие силы против них и вынудило отойти за реку Ловать. Противник получил возможность направить 39-й моторизованный корпус и авиацию в район Чудово для наступления на Ленинград. Обстановка резко осложнилась. Ставка Верховного Главнокомандования в сентябре 1941 года назначила командующим Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова. В армии Северо-Западного направления выехали представители Ставки. В 34-ю армию приехал Л. З.

Мехлис. Ни командующего, ни начальника штаба армии на месте не оказалось. Они были в войсках. Мехлис зашел в землянку начальника артиллерии армии. Генерал Гончаров обедал. На столе стояла бутылка водки. Это нам - офицерам и солдатам - старшина наливал черпачком по сто граммов в котелки, а генералам давали положенные «наркомовские» в бутылках.

Мехлис рассвирепел: «В армии паническое настроение, все на переднем крае, а ты, генерал артиллерии, водку пьешь!..»

Тут же приказал арестовать генерала и повел его на лужайку.

Гончаров несколько раз просил выслушать его, что-то хотел сказать, но Мехлис кричал: «Молчать!»

Никакого приговора трибунала не было. Мехлис сам подал команду: «По изменнику Родины, огонь!» Гончаров успел показать бойцам комендантского взвода на свое сердце, раздался залп. Расстрел на устрашение других совершился...

Вот так же для устрашения других в нашем 849-м артиллерийском полку расстреляли лейтенанта Оганезова. Он повздорил с командиром батареи, отказался идти пешком на наблюдательный пункт, требуя верховую лошадь. Командир батареи посадил за это лейтенанта в отдельную землянку и приставил охрану. О своих действиях доложил командиру дивизиона, а тот - командиру полка. Подключились особисты. На следующий день нас - офицеров полка - построили в лесочке, вывели Оганезова и поставили перед строем. Все думали, что ему объявят строгое взыскание. Однако прокурор дивизии еле слышно произнес: «За невыполнение приказа в боевой обстановке военный трибунал приговорил лейтенанта Оганезова к расстрелу...» Вышли из строя три комиссара дивизионов, приказали Оганезову снять гимнастерку, и по команде раздались три выстрела. Лишь одна пуля попала в плечо. Девятнадцатилетний лейтенант присел и по-мальчишески, плачущим голосом крикнул: «Простите меня, я больше не буду!..» К нему торопливо подбежал особист и выстрелил в упор.

Расстрел начальника артиллерии 34-й армии сказался и на судьбе командующего армией генерал-майора К. М. Качанова. Он был освобожден от должности.

Ярко характеризует Льва Мехлиса еще один малоизвестный случай, о котором мне рассказал бывший сотрудник Генерального штаба полковник в отставке Н. Е. Терещенко.

В период работы над мемуарами Г. К. Жуков много раз посещал архив. Однажды он искал документ о присвоении И. В. Сталину звания генералиссимуса. Этот документ подписали все бывшие командующие фронтами за исключением Г. К. Жукова. И не потому, что он не захотел этого делать, ему просто не дали документ на подпись. Причиной, видимо, послужил следующий эпизод. Перед выходом на трибуну мавзолея все члены политбюро и военачальники собирались в зале за Кремлевской стеной. Там на длинном столе стояли закуски и вина.

Через несколько минут должен был начаться самый важный парад - Парад Победы... Сталин, держа в руке бокал вина, прохаживался по залу. Все сидели. Неожиданно он заговорил:

- Есть мнение присвоить товарищу Сталину звание генералиссимуса. Но что это даст товарищу Сталину?

Все присутствовавшие горячо поддержали это мнение. Г. К. Жуков молчал. Тогда к нему подскочил Мехлис и грубо спросил:

- А ты почему молчишь? Может, ты хочешь быть генералиссимусом?

Жуков спокойно ответил:

- Обдумываю: в нашей армии пока нет такого звания...

- Это не проблема,- сказал Сталин. - Установим. Но зачем?..

Вновь послышались голоса одобрения.

Когда нашли тот документ за подписью командующих фронтами, Георгий Константинович даже поднялся из кресла: «Вот видишь,- обратился он к полковнику Терещенко,- нет здесь моей подписи. А вот Мехлис не командовал фронтом, а подписал...»

Быть может, когда-нибудь историки объяснят, почему И. В. Сталин прощал Л. З. Мехлису самоуправство, но пока это остается загадкой.

В процессе работы над своими книгами мне неоднократно приходилось бывать в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске. Интересовался, как оформлялись расстрелы, что сообщалось родным. Оправдан ли кто после войны? Однако следы обрывались с последним выстрелом...

Полковник в отставке А. Д. ЖАРИКОВ, член международной ассоциации писателей-баталистов

Н. С. Хрущев: «Сам я не слышал, но мне говорили...»

На экзамене по отечественной истории в декабре 1991 года студент заявил, что Красная Армия не смогла бы первой вступить в Берлин, если бы Эйзенхауэр по просьбе Сталина не остановил свои войска. «Где вы прочитали это?» - спросил я. «В мемуарах Хрущева»,- недоуменно посмотрев на меня, ответил экзаменуемый.

Публикация в уважаемом многими журнале «Вопросы истории»(См.: Вопросы истории. 1990. №2-12; 1991. № 1-12; 1992. № 1-3, 6-9, 11-12; 1993. № 2-10; 1994. №1.) названных мемуаров поначалу привлекла и мое внимание, так как материал был неизвестен. Но как только автор дошел до изложения событий второй половины 30-х годов и войны, спокойно относиться к написанному стало невозможно. Я вынужден был взяться за перо, потому что делу воспитания подрастающего поколения и познания им исторического прошлого эти мемуары могут нанести большой вред. Более того, они вводят в заблуждение и международную общественность, так как изданы за рубежом на многих языках. В настоящее время мемуары пропагандирует в США сын Н. С. Хрущева - Сергей Никитич, долгие годы готовивший их к печати и, по его словам, сроднившийся с ними.

«Пройдет время,- пишет Н. С. Хрущев в прологе, - и буквально каждое слово людей, живших в наше время, станет «на вес золота». И далее: «Я хочу быть очень правдивым и буду ссылаться на факты так, чтобы будущее поколение (а я пишу для него) могло их проверить»(Вопросы истории. 1990. № 2. С. 81).

Давайте проверим «золотое», «правдивое» слово Хрущева на примере, который привел студент. «Сталин говорил,- пишет автор, - что когда мы наступали на Берлин, то если бы со стороны союзников был не Эйзенхауэр, а какой-то другой верховный командующий их войсками, мы бы, конечно, Берлин не взяли, просто не успели бы. Его бы заняли раньше нас американцы... Сталин обратился к Эйзенхауэру с письмом, в котором говорилось, что, согласно межсоюзническому договору и с учетом крови, которая пролита нашим народом, мы хотели бы, чтобы наши войска вошли первыми в Берлин, а не союзные. Как говорил Сталин, Эйзенхауэр тогда придержал свои войска и прекратил наступление. Он предоставил нашим войскам возможность разбить немцев и занять Берлин»(Там же. 1991. № 9-10. С. 67).

Как же было в действительности? Прежде всего заметим, что в письмах И. В. Сталина Д. Эйзенхауэру подобного нет. В противном случае его давно бы ввели в научный оборот, если не мы, так американцы. Уверен, что и И. В. Сталин ничего подобного не говорил Н. С. Хрущеву.

В освобожденном Львове.

Н. С. Хрущев и Р. Я. Малиновский на улицах Ростова–на–Дону в день освобождения города.

Чтобы объективно показать, как развивались события вокруг Берлина, используем материалы, написанные на основе документов: мемуары У. Черчилля и исследования американского ученого, бывшего в то время сотрудником военно-исторического управления армии США, Ф. Погью. «...Эйзенхауэр в конце марта, - пишет он, - пришел к выводу о необходимости нанести основными силами удар... в направлении Эльбы...» (Важнейшие Решения /Пер. с англ. М., 1964. С.314) 28 марта через военную миссию в Москве он информировал о своем замысле начальника Генерального штаба А. И. Антонова, попросив сообщить об этом И. В. Сталину. Последний в свою очередь уведомил Д. Эйзенхауэра о том, что Красная Армия нанесет главный удар на Берлин приблизительно во второй половине мая.

Решение Д. Эйзенхауэра вызвало возражение У. Черчилля, который 5 апреля 1945 года обратился с посланием к Ф. Рузвельту: «Если они (русские) возьмут также и Берлин, то не создастся ли у них впечатление, что они внесли наибольший вклад в общее дело победы над Германией?.. С политической точки зрения нам необходимо продвинуться на восток как можно дальше, и если обстановка сложится таким образом, что Берлин окажется в пределах досягаемости наших войск, то его обязательно надо взять.(Там же. С. 315-316)

Ф. Рузвельт высказал это пожелание Д. Эйзенхауэру, который,

встретившись с У.Черчиллем, заверил его, «что если столица Германии окажется в орбите союзников, то честь взятия города будет предоставлена в равной степени как американским, так и английским войскам». «...Если у меня будут возможности взять Берлин...- сообщил он также Б. Монтгомери,- я его возьму»(Там же. С. 316, 318).

Тем временем американские армии продвигались к Магдебургу, Лейпцигу и Байрету. 12 апреля передовые части заняли два плацдарма на Эльбе в районе Магдебурга, однако через два дня с одного из них были сброшены.

Пока советские войска не перешли в наступление, берлинский вопрос среди союзников поднимался еще раз. В этой связи Д. Эйзенхауэр говорил, что американцам готовиться к немедленным действиям против Берлина было бы глупо. Верно то, что англо-американские войска захватили небольшой плацдарм за Эльбой, но следует помнить, что на эту реку вышли только их передовые части; основные же силы находились далеко позади (См.: Важнейшие решения. С. 313 - 318). Лишь 19 апреля 1945 года вышеуказанные города были захвачены союзниками. «Западные союзники, по-видимому, в данный момент не в состоянии прорваться в Берлин,- писал У. Черчилль в тот день А. Идену, находившемуся в Вашингтоне. - У русских сосредоточено на участке фронта перед [Берлином] два с половиной миллиона солдат. У американцев есть только авангардные войска, скажем, двадцать пять дивизий, которые растянуты на огромном фронте и во многих пунктах ведут бои с немцами» (Черчилль У. Вторая мировая война. Т. VI. И. Воениздат, 1955. С. 487).

16 апреля, по словам У. Черчилля, «на месяц ранее обещанного Сталиным срока» советские войска начали наступление на Берлин. 21 апреля они завязали бои в городе, а подвижные соединения обходили его, стремясь окружить берлинскую группировку. В тот день Д. Эйзенхауэр, сообщив А. И. Антонову, что союзные войска вынуждены задержаться на занимаемых позициях на несколько недель ввиду растянутости коммуникаций, предложил назначить рубеж встречи на линии рек Эльба и Мульде. 24 апреля А. И. Антонов от имени И. В. Сталина дал на это согласие. На следующий день советские войска завершили окружение берлинской группировки и вышли на Эльбу (В апреле 1945 г. англо-американские войска взять Берлин не могли. 16 апреля 1945 г. главные силы советских войск, участвовавших в Берлинской операции, находились в 60 км от Берлина, а англоамериканским войскам только передовыми частями удалось выйти на рубеж Эльбы в 100 - 120 км от Берлина). Вот как было в действительности. А ведь этот факт для истории чрезвычайно важен.

«Я сейчас мало читаю мемуары военных лиц,- пишет Н. С. Хрущев. - Я не хочу, не могу их читать, не могу равнодушно переносить неправду. Очень много существует искажений в описании проведенной войны, много вранья, много неправильного. Видимо, есть люди, которые заинтересованы в этом. Вот они и подтасовывают факты так, как им выгодно, с тем чтобы показать собственное Я: какие они были умные, как они все предвидели. Но ведь не пишут о том, как они «все предвидели», а мы оказались неподготовленными к войне, хотя эти люди и тогда сидели в штабах и формировали по своей линии политику в вопросах обороны страны».

Эти слова Н. С. Хрущева в полной мере относятся к его собственным воспоминаниям. «...Сумасбродный Мехлис... подбросил Сталину идею о том, что нужно разрушить старые оборонительные рубежи: Киевский укрепленный район и другие, - утверждает автор. - Надо, потому что военные ориентируются здесь защищать страну и мало делают и думают о том, как разбить противника на новых границах. Эти железобетонные доты были разрушены, артиллерия и пулеметы извлечены из них. Это же нужно дойти до такого! - восклицает Н. С. Хрущев. - ...Я хочу, чтобы меня правильно поняли. То, о чем я сейчас говорю, не требует доказательств. И говорю я для будущих поколений как свидетель, который находился в гуще народа и стоял рядом со Сталиным...» (Вопросы истории. 1990. № 8. С. 65-66).

Насколько правдивы такие свидетельства, можно убедиться. Вопрос об укрепленных районах дважды обсуждался на Главном военном совете - в феврале и марте 1941 года. В связи с острым недостатком уровского вооружения заместители наркома обороны Г. И. Кулик и Б. М. Шапошников предложили снять часть артиллерии со старых укрепрайонов (УР) и перебросить ее для вооружения строящихся дотов на новой границе. Нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков не согласились с этим. Спор разрешил И. В. Сталин, поддержав предложение первых. УРы на старой границе никто не разрушал, их законсервировали и в основном сохранили. Исключение представляли доты, построенные в 1929-1935 гг., которые, естественно, обветшали. Что же касается УРов постройки 1938-1939 гг., то 8 апреля 1941 года в отношении их командующим войсками военных округов Генеральным штабом были даны следующие указания: «Впредь до особых указаний Слуцкий, Себежский, Шепетовский, Изяславльский, Староконстантиновский, Остропольский укрепленные районы содержать в консервации»(Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. I. М.: Изд-во АПН, 1990. С. 333-335). К сожалению, ход боевых действий не позволил за редким исключением использовать старые укрепрайоны.

Так же неверно судит Н. С. Хрущев и о группировке наших войск к началу войны. «Это был самый сильный участок нашей обороны,- говорит он о Западном Особом военном округе. - На втором месте тогда был Киевский Особый военный округ, а на третьем - Одесский» (Вопросы истории. 1990. № 8. С. 69). «Правильно было определено, что главное направление, главная опасность - по дороге через Минск на Москву, хотя Сталин думал иначе» (Там же. 1990. № 9. С. 90).

Раз И. В. Сталин думал иначе, значит, так оно и было. Поэтому самым сильным был не Западный Особый военный округ, а Киевский. И.В. Сталин настоял на том, чтобы в случае вторжения врага наши войска переходили в контрнаступление на люблинско-варшавском направлении. Поэтому в КОВО было сосредоточено свыше 4000 танков и большое количество артиллерийских систем. Весной туда выдвигались дополнительно две армии (16-я - генерала М. Ф. Лукина и 19-я - генерала И. С. Конева), которые затем в сложных условиях пришлось перебрасывать на западное направление. Третьим по численности войск был Прибалтийский Особый военный округ, а не Одесский, который был наименьшим из всех западных округов.

Одним из убедительных свидетельств того, что Н. С. Хрущев перепутал все события войны, является освещение им эпизодов приезда на Юго-Западный фронт Г. К. Жукова и С. М. Буденного и вступление самого Никиты Сергеевича в должность члена военного совета главнокомандования Юго-Западного направления. «Не помню сейчас, на какой день войны позвонил мне Сталин,- пишет Н. С. Хрущев. - Он сказал: «К вам прилетит Жуков, и вам следует вместе с Жуковым выехать к войскам, в штаб». Я ответил: «Хорошо, жду Жукова». Жуков прилетел в тот же или на следующий день... Не помню, сколько пробыл Жуков у нас: день, два или три»,- заключает автор (Вопросы истории. 1990. № 9. С. 88-89).

Уж что-что, а первый день войны каждому, пережившему его, врезался в память и оставил глубокий след. А вот Н. С.Хрущеву, оказывается, нет. Именно в тот день к вечеру по распоряжению И. В. Сталина Г. К. Жуков прилетел в Киев для оказания помощи командующему фронтом в подготовке и осуществлении фронтового контрудара, который по замыслу должен был перерасти в контрнаступление.

Так получилось у автора мемуаров и с изложением приезда С. М. Буденного. «Буденный приехал к нам еще в ходе упорных боев за Киев,- указывает Н. С. Хрущев вслед за рассказом о посещении им штаба 37-й армии, которая была

образована 10 августа. - ...Зачем Буденный приехал, трудно сказать... [Он] вскоре уехал от нас. В войска он не ездил, вернулся в Москву. С какими заданиями приезжал... мне было неизвестно, он мне этого не сказал. Просто поговорили с ним, он заслушал обстановку, заслушал командующего войсками и начальника оперотдела штаба Баграмяна»(Там же. 1990. № 9. С. 97-98). Так в качестве кого же приезжал Маршал Советского Союза С. М. Буденный в штаб Юго-Западного фронта «в ходе упорных боев за Киев», которые велись с 15 июля до середины сентября?

С 22 июня по 10 июля он находился в составе главнокомандования войск Западного направления вначале в должности командующего группой резервных армий, а со 2 июля - заместителя командующего Западным фронтом. Следовательно, до 10 июля приезжать на Юго-Западный фронт он не мог, к тому же «жаркие бои за Киев» еще не велись. 10 июля С. М. Буденного назначили главнокомандующим войсками Юго-Западного направления, а Н. С. Хрущева - членом военного совета. Постановление Государственного Комитета Обороны было опубликовано в центральных газетах на следующий же день. По-видимому, Никита Сергеевич газет регулярно не читал, так как и о своем назначении длительное время не знал. «Однажды в конце июля или в начале августа 1941 года мне позвонил из Москвы в Киев Сталин и сказал, что создан штаб Юго-Западного направления (уверен, что И. В. Сталин звонил 10 или 11 июля. - Авт.),- повествует Н. С. Хрущев. - Командующим войсками Юго-Западного направления назначили Буденного... Сталин сказал мне: «Буденный в Полтаве один, и мы считаем, что вам надо было бы к нему поехать. Мы утвердим вас членом военного совета... и вы с Буденным будете командовать двумя фронтами... Командующим же оставить Кирпоноса (вопрос о его освобождении от командования Юго-Западным фронтом никогда не стоял. - Авт.)... А вы немедленно снимайтесь и выезжайте к Буденному. Будете там командовать вместе...»(Там же. №10. С. 82-83). Заметим, что члены военных советов в годы войны выполняли ответственные политические и оперативно-стратегические функции вплоть до выработки и принятия решения на операции. Распоряжения войскам имел право давать только их командующий. Это была только его прерогатива. Случаи вмешательства членов военных советов в командование войсками к добру не приводили. Этим особенно, как известно, злоупотреблял Л. З. Мехлис.

Прочитав воспоминания Н. С.Хрущева, я подумал, что одной из основных целей рассматриваемых мемуаров является умаление роли Г. К. Жукова в достижении победы в войне. На их страницах мелькают фактики об ошибках Георгия Константиновича, при помощи которых автор пытается доказать, что никаких выдающихся способностей у него не было. Об этом он говорил еще на позорном судилище маршала в октябре 1957 года. «Сам я не слышал,- утверждал тогда Н. С. Хрущев,- но мне говорили, что товарищ Жуков не раз заявлял: «Я за время войны не имел ни одного поражения». Ну, товарищи, а кто же имел поражения, как мог быть без поражения маршал, который был начальником Генерального штаба всей нашей армии, когда началась война и наша армия откатывалась к Москве, к Сталинграду? А товарищ Жуков говорит, что поражения он не имел. Кто же тогда их имел?» - спрашивает Н. С. Хрущев (Цит. по.: Гласность. 1991. 17-23 окт).

Г. К.Жуков до начала войны находился на посту начальника Генерального штаба всего лишь четыре месяца, а поэтому сделать многого в подготовке страны и ее Вооруженных Сил к войне не мог, а что намеревался сделать в вопросах повышения боевой готовости войск западных приграничных округов, то пресекалось И. В. Сталиным. Во время войны он был на этом посту один месяц, поэтому в отступлении войск к Москве и уж тем более к Сталинграду не повинен. За последнее-то как раз и несет ответственность сам автор мемуаров вместе с И. В. Сталиным и С. К. Тимошенко. Поэтому и хочет свалить все с больной головы на здоровую.

«И я могу сказать,- продолжает Н. С. Хрущев,- что многие маршалы и генералы могут поспорить с товарищем Жуковым по своим военным знаниям и умению управлять войсками, организовать их»(Там же).

Обвиняя Г. К. Жукова за поражение наших войск в первые дни войны, Н. С. Хрущев тщится также доказать, что и в окружении 6-й и 12-й армий в районе Умани повинен маршал. Вразброс излагая отдельные эпизоды этой трагедии, он пишет: «Это была, конечно, глупость, что фронт лишили инициативы в использовании войск по своему усмотрению. Вмешательство Генерального штаба получилось таким же, как у бравого солдата Швейка: все было хорошо, пока не вмешался Генеральный штаб»(Вопросы истории. 1990. № 9. С. 87) .

Что же за вмешательство имеется в виду? «...Мы увидели, что против 6-й армии Музыченко и 12-й армии Понеделина почти никаких оживленных действий со стороны противника не ведется. (Это не так. Противник наносил главный удар по войскам правого фланга 6-й армии, которые вели с первого дня войны напряженнейшие бои. -Авт.)... Но они (немцы) надеялись... окружить наши войска и уничтожить эти две армии. Поэтому мы с командующим решили (не они решили, а Ставка 30 июня отдала приказ отвести войска на старые укрепленные районы. - Авт.) вывести 6-ю армию, штаб которой находился во Львове, а сама она располагалась на границе севернее Перемышля. (Это неверно. Там находилась не 6-я, а 26-я армия, 99-я стрелковая дивизия которой вела бои за Перемышль. - Авт.) Ее войска стали отходить (не ее, а 26-й армии. - Авт.)... и вдруг мы получаем резкое указание из Москвы - нахлобучку за то, что отвели войска. Поступил приказ - вернуть войска, чтобы они заняли линию границы, как занимали ее раньше... и мы это сделали». Был такой приказ, но поступил он в войска до 27 июня и предназначен был 26-й, а не 6-й армии. «Мне было очень обидно и горько так поступать,- пишет Н. С. Хрущев. - У меня сложилось впечатление, что эти две армии (кстати, о 12-й армии там и вовсе речь не шла. - Авт.) могут погибнуть... Я полагал тогда (сейчас не помню, не сам ли Жуков звонил из Москвы по этому вопросу?), что Жуков тут неправ. Я носил при себе свою мысль все годы, и когда Жукова освобождали от должности в 1957 году, а я выступал с критикой его деятельности, то вернулся к этому моменту первых дней войны, к запрещению отвести армии из района Перемышля и Львова... А сейчас я не знаю конкретного инициатора того приказа и, следовательно, реального виновника гибели этих двух армий...» - заключает он (Там же. С. 93).

«Реальные виновники» окружения и гибели этих армий - военные советы двух фронтов и главнокомандование Юго-Западного направления, в том числе и Н. С. Хрущев. Командующий 6-й армией генерал И. Н. Музыченко 9 июля обратил внимание военного совета фронта на неудачную разграничительную линию между 5-й и 6-й армиями. «Новая граница, - указывал он, - по-прежнему разрезает боевой порядок армий на две изолированные группы, не могущие управляться...»(ЦАМО РФ, ф. 334, оп. 3949, Д. 6, л. 172). Однако М. П. Кирпонос и Н. С. Хрущев не приняли это во внимание. В результате самое опасное направление наступления группы армий «Юг» по-прежнему проходило по стыку двух армий. Вот в чем одна из существенных причин. Что касается Г. К. Жукова, то в июле, будучи начальником Генерального штаба, он настойчиво требовал от М. П. Кирпоноса к утру 9 июля отвести войска в укрепленные районы на старую границу и закрепиться в них. Чтобы не допустить прорыва противника с юга в тыл Юго-Западного фронта, 9 июля маршал телеграфировал командующему Южным фронтом генералу И. В. Тюленеву: «Вам нужно смотреть в сторону Бердичева, прикрывая свой правый фланг крепкой противотанковой обороной». Подобные распоряжения отдавались им и позже, вплоть до его назначения 30 июля командующим Резервным фронтом. В то же время военный совет фронта с 9 по 15 июля

отдавал приказы с требованием «продолжать выполнять ранее поставленную задачу», т. е. прочно оборонять рубеж старой государственной границы.

Сознательно или по незнанию путая события войны, Н. С. Хрущев в то же время проявляет щепетильность в отношении к мемуарам военачальников. Особенно возмутили его воспоминания К. С. Москаленко. Кирилл Семенович упомянул два эпизода, в которых фигурировало имя Н. С. Хрущева. Он писал, что когда «в военном совете Юго-Западного фронта, рассматривался план действий войск весной и летом 1942 года... С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущев... считали, что наши войска на юге в состоянии разгромить противостоящую группировку врага, освободить Харьков и этим создать условия для изгнания захватчиков из Донбасса». «...Н. С. Хрущев заявил, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин сам поставил перед войсками фронта эту задачу и что уже одно это является гарантией успеха», - констатировал К. С. Москаленко (Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., 1969. С. 183, 177). Но Н. С. Хрущева возмутила его ссылка на мемуары Г. К. Жукова, в которых сказано о том, что ни С. К. Тимошенко, ни Н. С. Хрущев не вскрыли своевременно опасности со стороны противника, что привело к харьковской трагедии в мае 1942 года (Там же. С. 199). Со ссылкой на И. Х. Баграмяна Н. С.Хрущев называет книгу К. С. Москаленко гадкой, а самого маршала «заговорщиком», «приспособленцем», «беспринципным человеком». «Его беспринципность особенно поразила меня во время истории с отставкой Жукова в 1957 году, -пишет Н. С. Хрущев. - Я с доверием относился к Жукову во время войны и многое сделал для поднятия его репутации и авторитета в глазах Сталина. Когда в 1957 году обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты (до подобного рода оценок и квалификации «ошибок» в деятельности Г. К. Жукова на октябрьском Пленуме ЦК КПСС никто не доходил. - **Авт.),** то Москаленко активно выступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, тогда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью(?), с его солдатской прямотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: «Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!»(Вопросы истории. 1991. № 9-10. С. 89).

О какой встрече «в узком кругу» могла идти речь, когда ему, Н. С. Хрущеву, стыдно было бы смотреть в глаза Г. К. Жукову? Маршал же, как потом сам рассказывал, приехал с Пленума домой, принял снотворное и, периодически вставая, спал две недели, чтобы как-то забыться от кошмара, который на него обрушился. А если бы К. С. Москаленко действительно говорил нечто подобное Г. К. Жукову в присутствии Н. С. Хрущева, то разве бы в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Георгий Константинович стал упоминать его несколько раз добрым словом. Наверное, маршал нашел бы возможность подчеркнуть отрицательные стороны действий К. С. Москаленко. Г. К. Жуков же, наоборот, отмечает положительные качества волевого и храброго командарма. «На командном пункте 1-й гвардейской армии мы встретились с В. Н. Гордовым [командующим фронтом] и К. С. Москаленко. Их доклады, как и они сами, произвели на нас отрадное впечатление,- указывает Г. К. Жуков. - Чувствовалось, что оба они хорошо знают силу противника и возможности своих войск»(Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 296). Если К. С. Москаленко действительно был «заговорщиком» и «приспособленцем», то почему Н. С. Хрущев оставил его на посту командующего войсками МВО (Московский военный округ. - **Авт.)** и вскоре выдвинул на должность главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения?

Н. С. Хрущев много пишет о репрессиях в целом и командных кадров в частности. «Мы бы легче справились с фашистами, - указывает он, - если бы в 30-е годы не были уничтожены наши... кадры. Кадровый состав командиров Красной Армии был истреблен в очень большой степени» (Вопросы истории. 1991. N° 9-10. С. 68). На нескольких страницах рассказывается о военачальниках, которые были уничтожены в 30-е годы.»Теперь всем вернули доброе имя. Это сделано после XX съезда партии... - акцентирует внимание Н. С. Хрущев с целью показать свою роль в этом деле. - Нет, прежний покров будет содран, и Сталин будет показан перед советским народом нагим, займет именно соответствующее ему место в истории» (Там же. С. 70).

Он не писал и, по-видимому, не желал, чтобы рядом с вождем поставили и его соратников, в том числе и самого автора мемуаров, который, как неоднократно указывается в воспоминаниях, «был рядом с И. В. Сталиным», а поэтому и сам причастен к репрессиям. «Многие руководители районов относились к Н. С. Хрущеву отрицательно,- говорит бывший председатель Моссовета В. П. Пронин, назначенный на этот пост, по его же словам, в значительной мере благодаря Н. С. Хрущеву. - И вот почему. Н. С. Хрущев малограмотный человек был, в этом его беда. Он активно способствовал репрессиям. Дело в том, что над ним висел дамоклов меч. В 1920 году Н. С. Хрущев голосовал за троцкистскую платформу. И поэтому, очевидно, боясь расправы, сам особенно усердно «боролся» с беспечностью, утерей политической бдительности, политической слепотой и т. д. Н. С. Хрущев санкционировал репрессии большого количества партийных и советских работников. При нем почти все секретари райкомов города и области были арестованы, все секретари МК и МГК, заведующие отделами, даже его помощник,- указывает В. П. Пронин. - Н. С. Хрущев, будучи уже на Украине, на Политбюро в 1938 году настаивал на репрессиях и второго состава руководителей Московского горкома партии. Он один только остался в МК целым».

Эту работу Н. С. Хрущев «успешно» продолжал не только в Киеве, но и по возвращении в Москву в 1949 году. «Сталин встретил меня очень хорошо... начал рассказывать ...У нас плохо обстоят дела в Москве и очень плохо - в Ленинграде, где мы провели аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве... Мы хотим, чтобы Москва была опорой ЦК партии, поэтому вам полезнее работать здесь. Я, конечно, поблагодарил за доверие. Сказал, что с удовольствием приеду в Москву» (Вопросы истории. 1991. № 11. С. 44).

Судя по этому описанию, с восторгом встретил он предложение вождя возвратиться в Москву. А через несколько строк пишет: «Такие наступали опять времена. После войны мы постепенно как бы возвращались к мясорубке 1937 года, к методам тогдашней «работы» (Там же. С. 45). Даже по тому, что Н. С. Хрущев пишет, можно сделать вывод о его активном участии в этом процессе. «Сталин поручил Берии, Маленкову и мне втроем допросить Лихачева (бывшего директора Московского автозавода. - Авт.). Вызвали Лихачева, стали его допрашивать... [И. А. Лихачев] разахался и упал в обморок»,- констатирует Н.С.Хрущев (Там же. С. 49).

Без сожаления пишет он о своей причастности к «ленинградскому делу». «Со мною о «ленинградском деле» Сталин никогда не говорил,- полунамеками сообщает автор. -...Не зная подробностей этого дела, допускаю, что в следственных материалах по нему может иметься среди других и моя подпись. Происходило это обычно так: когда заканчивалось дело, Сталин, если считал необходимым, тут же на заседании Политбюро подписывал бумагу и вкруговую давал подписывать другим,- оправдываясь, указывает Н. С. Хрущев. - Те, не глядя, а опираясь лишь на сталинскую информацию, тоже подписывали. Тем самым появлялся коллективный приговор»(Там же. С. 51). За этот «коллективный приговор» миллионам неповинно репрессированных должно отвечать все окружение И. В. Сталина, в том числе и Н. С. Хрущев.

«Когда я вновь перешел работать в Москву, для меня, конечно, было большой честью работать непосредственно под руководством Сталина и напрямую общаться с ним,- умиленно вспоминает он. -Я сказал бы, что это было полезно и для работы. Ведь от Сталина мы набирались и немало полезного, потому что он являлся крупным политическим деятелем... Скажу правду, что я высоко ценил его и крепко уважал»,- к концу своей жизни признался Н. С. Хрущев (Там же. С. 54), хотя на XX съезде партии говорил прямо противоположное.

Приложил руку к репрессиям Н. С. Хрущев и в Киеве. Вот, например, документ, подписанный командующим войсками Киевского военного округа С. К. Тимошенко и членом военного совета, секретарем ЦК КП(б) У Н. С. Хрущевым 26 марта 1938 года. «В итоге беспощадного «выкорчевывания» троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов,- говорится в нем,- ...выполняя указания тт. Сталина и Ворошилова, военный совет округа провел большую работу по очищению кадров командного начсостава не только высшей, но и средней и старшей группы от всех враждебных и политически неустойчивых элементов и эту работу продолжает в дальнейшем»(Воен.-истор. журнал. 1989. № 3. С. 46-47).

Нередко можно услышать вопрос: почему Н. С. Хрущев - один из активнейших разоблачителей «врагов народа» - решил выступить на XX съезде с докладом о культе личности? Во-первых, видимо, висевший дамоклов меч разоблачения вынудил его заблаговременно отмежеваться от И. В. Сталина и его дел, пользуясь самой высокой властью в стране. Во-вторых, в связи с приходом к власти решил повысить свой авторитет показом бездарности и преступности предшественника, избрав для этого самую запутанную сторону его деятельности, в которой принял участие сам.

Однако он многого не учел. Как только Н. С. Хрущева отстранили от власти, в печати стали появляться нелестные для него сравнения и оценки, авторов которых в своих мемуарах Никита Сергеевич назвал «сталинистами». «Сталинисты (эта кличка станет позднее, я знаю, самой оскорбительной, самой ругательной) сегодняшнего дня лакируют Сталина как гения и как вождя, - раздраженно пишет он. - Это вреднейшие люди. Они, вольно или невольно, не только прикрывают преступления, которые были совершены, но и прокладывают путь в будущее таким же методам, которыми пользовался Сталин. Открыл это «движение» сталинистов с середины 60-х годов маршал Захаров. По его пути идет маршал Конев, а за ними плетется в хвосте Гречко на своих длинных ходулях. Это позор! - восклицает обиженный Н. С. Хрущев. - У Захарова мог иметься какой-то личный осадок по отношению ко мне, хотя у меня никогда не было с ним столкновений и я никогда ему не сказал ни одного плохого слова во время войны, да и от него не слышал. Шедший тогда к маршалу за подписью, а Н. С. Хрущев ему: «Либо ты подпишешь, либо покинешь пост главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора и пойдешь в отставку вслед за Г. К. Жуковым». Так что Н. С. Хрущев действовал теми же сталинскими методами, которые осуждал.

Досталось от мемуариста и его выдвиженцу А. А. Гречко. «А Гречко? Это - КВД (то есть куда ветер дует). Я много приложил усилий, чтобы его приподнять. Тот же Конев распространял слухи о том, что Хрущев покровительствует Гречко, выдвигает его, поддерживает его, что именно Хрущев предложил присвоить ему звание Маршала Советского Союза уже после войны и пр. А потом с Гречко произошло удивительное превращение! Я многих видел, перед моими глазами прошел не один Гречко, и могу сказать, что в ряду людей-хамелеонов он тоже типичный хамелеон» (Там же).

Волюнтаристские методы работы с кадрами делали некоторых людей действительно хамелеонами. Н. С. Хрущев после отставки Г. К. Жукова не по заслугам выдвинул А. А. Гречко сначала на пост главнокомандующего Сухопутными войсками, а затем, в 1960 году, все-таки «дожав» И. С. Конева, назначил на его место. Л. И. Брежнев же, когда умер Р. Я. Малиновский, после долгих колебаний сделал А. А. Гречко министром обороны. Служа новому хозяину, он стал бросать камешки в огород прежнего. Именно это и не понравилось Н. С. Хрущеву. «Да, господа хорошие,- взывает он к ним,- какой бы вы пост ни занимали, какие бы у вас ни имелись личные заслуги, нельзя становиться на ложный путь, история этого не прощает»(Там же). Это заключение прежде всего относится к самому Никите Сергеевичу!

Таковы по содержанию еще не полностью опубликованные в журнале «Вопросы истории» мемуары Н. С. Хрущева. Хотел было порекомендовать редакции публиковать подобные материалы с комментариями, а потом раздумал. Такие «труды» не поддаются научному комментированию, как и рецензированию. Думается, что публиковать их массовым тиражом нецелесообразно, так как широкого читателя они вводят в заблуждение, что убедительно показал вышеуказанный случай на экзамене.

В.А. АНФИЛОВ, доктор исторических наук, профессор

ВИЖ №5 1994

«КАК ГЕРМАНЦЫ, МЫ НИКОГДА НЕ ПОЙМЕМ СЛАВЯН»

Из дневника Й. Геббельса

Дневники Й. Геббельса - одного из ближайших сообщников Гитлера, рейхсминистра пропаганды - в последнее время привлекают большое внимание исследователей, а также широкого круга людей, стремящихся самостоятельно найти корни и осмыслить проявления фашистской идеологии. Ведь Геббельс фактически был главным идеологом нацистского режима, руководил морально-психологической обработкой населения Германии и вермахта, распространением дезинформации, вводившей в заблуждение будущие жертвы агрессии и мировую общественность, сеявшей страх и панику.

На русском языке пока опубликована незначительная часть дневников Геббельса. Из его неизвестного отечественному читателю обширного рукописного наследия мы выбрали записи 1940 - первой половины 1941 года - периода победного шествия фашистских орд по Европе и активной подготовки к нападению на Советской Союз (они вошли в IV том дневников, изданных в 1987 г. Институтом современной истории в Мюнхене*).

Сокращенный перевод на русский язык (с соблюдением особенностей языка и стиля автора) осуществлен специально для «Военно-исторического журнала».

*Goebbels J. Die Tagebucher (Samtliche Fragmente. Aufzeichnunger 1924-1941) Heraugegeben von Elke Frbhlich in Auftrag des Instituts fur Zeitgeschich-te und In Verbindung mit dem Bundesarchiv. Munchen - New-Jork - Paris - Oxford. K. G. Saur., 1987.

1940 год

1 января. В политике и в ведении войны - новогоднее затишье. Фюрер обратился с воззванием к партии и вермахту по случаю Нового года. Он дал обзор событии истекшего года, подчеркнув: наши противники хотели войны, они ее получили. У мировой общественности нет теперь сомнений в том, кто в этом виноват. С новогодней речью, которая передавалась по радио, выступил и я.

3 января. В своем обращении по радио к народу Испании Франко атаковал Англию и евреев. По крайней мере, хоть что-то в благодарность за наши деньги, самолеты и пролитую нами кровь[2]... Получено донесение о возвращении с Волыни лиц немецкой национальности. Русские ведут себя очень прилично. Вот только украинцы несчастны - попали к большевикам... Вновь появились слухи о миротворческих усилиях Ватикана н нейтральных стран. Мы на это не обращаем никакого внимания... Между Москвой и Токио появились в отношениях первые признаки примирения: достигнуто временное урегулирование вопросов, связанных с рыболовством. Хорошо, если бы между ними воцарилось согласие... В Финляндии русские увязли прочно. У них никаких перспектив на продвижение вперед... Фритче излишне литературен и не понимает значения повторения в пропаганде. Нужно в меняющихся формах говорить вечно одно и то же. В своей основе народ консервативен. Постоянное повторение наших идеи поможет ему проникнуться ими, они прочно у него осядут, только тогда наше дело станет надежным.

...Вальдегг[3] прибыл в отпуск с минного тральщика, находящегося в Северном море. Настроение там у моряков хорошее, по им хотелось бы наступать пли иметь какую-то ясность... Французы ломают головы по поводу наших тайных радиопередатчиков. Будем продолжать маскировать их всеми средствами[4]... Муссолини прислал очень теплую личную и одновременно обстоятельную в политическом плане телеграмму фюреру, тем заметнее холодный тон телеграммы ему от короля Италии.

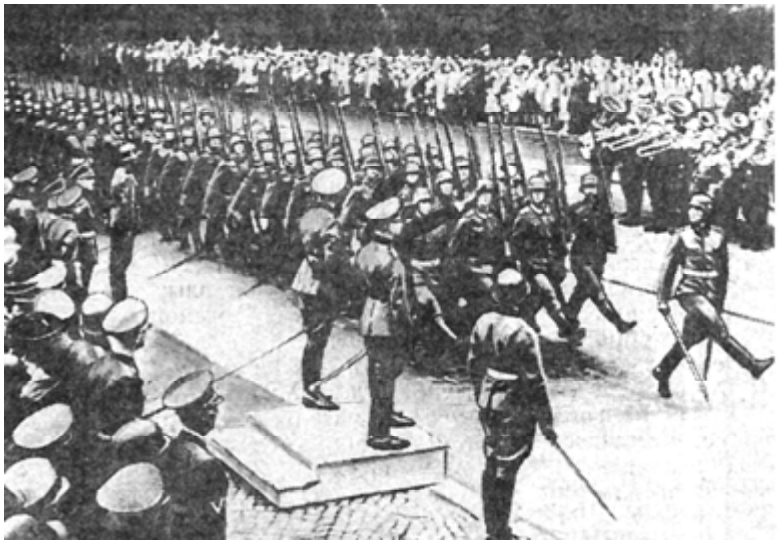
4 января. В Лондоне циркулируют слухи о мире. Мы ничего не делаем ни за, ни против... Говорят о слабости немецкой пропаганды в Голландии и Бельгии, но у меня нет денег для ее улучшения.

5 января. Русские никак не могут двинуться вперед в Финляндии. Кажется, Красная Армия в деле стоит очень мало. Лондон все резче атакует в печати Москву. Нам только на пользу. Русские вынуждены будут этим заниматься, а Англии, похоже, всегда не хватало врагов, и она их искала.

6 января. Мороз 20°. Такая погода не подходит для операции войск. Сейчас русские в Финляндии поняли это. Лондон и Париж открыто угрожают там вмешательством. Мы выступаем с протестами. Мы должны активизировать свою политику в Скандинавии.

9 января. Шуленбург[5] прислал из Москвы обзор, характеризующий отношения в высших эшелонах власти в России. Реальным самодержцем там является Сталин... Мною создан комитет по астрологии и наследию Нострадамуса[6]. Комитет должен дать нужный пропагандистский материал... Отлично работают наши тайные радиопередатчики, вещающие на Францию. Они хорошо замаскированы, французы ищут их буквально ощупью и в темноте. Наши противники совершили большую ошибку, заявив о своих целях в войне, о том, что они намерены в будущем разделить Германию на части. Это полностью освобождает фюрера от проявления к ним какого-либо участия. Господа из Лондона и Парижа еще горько пожалеют о своей ошибке. Фюрер очень хвалит нашу радиопропаганду... Я обсудил с полковником Шмундтом вопрос о слушании зарубежных радиопередач в частях вермахта. Мы прекратим это, будет под-

Гитлер и министр иностранных дел И.фон Риббентроп, вернувшийся в Берлин после подписания германо–советского договора о ненападении. Рейхсканцелярия. 24 августа 1939 г.



Прелюдия агрессии – военный психоз.

готовлен соответствующий указ фюрера.

11 января. У многих очень плохие впечатления о России. Страна, где не слышно смеха. Все в мрачных красках. Пустыня… В Японии усилились прогерманские настроения. Но она занята войной с Китаем. Китай очень жизнеспособен… Вечер провел в клубе прессы с командирами рот пропаганды. Обменялись опытом. Достигнуто немало.

12 января. В Англии отмечается рост пораженческих настроении... Кейтель[8] и Йодль[9] высказались против слушания иностранных радиопередач в частях вермахта.

13 января. Потрясающее донесение из Львова о том, как в нем хозяйничают советские русские. Пощады они не знают. Войска не обучены, плохо вооружены. Большевизм в чистом виде. Фюрер считает, что большевизм как государственная организация подходит славянству. Так или иначе, Россия не способна на что-то большее. Сталин - это современный Иван Грозный или, пожалуй, также Петр Великий. А что в стране не смеются, так ведь в ней н при царе не смеялись. Лишь правящий верхний слой исчез с тех пор и был заменен типичными славянами. Они и не могли бы сделать больше, чем, исходя из способностей, сделали к настоящему дню. Очень хорошо это для нас. Слабый партнер предпочтительнее в качестве соседа, да еще такой хороший договор о союзе. Если бы соблюдались все договоры, которые когда-либо и кем-либо заключались, то человечество сегодня уже бы не существовало. История не для того, чтобы на ней учились. Каждое время и каждый человек должны приобретать свой опыт. И это совсем не прискорбно. Иначе как могли бы проявить себя великие личности и расцветать гении? В этом фюрер, конечно же, прав. Как большевизм сегодня заменил царизм, так...[10] Формы меняются, и поколения с ними!..

14 января. Из-за войны наша партия оказалась немного в обороне. Ее надо вытащить из этого состояния. Она призвала больше руководить народом, который должен сильнее ощущать ее руководство, быть ведомым... Новое пастырское послание католической церкви нас не устраивает». Мы его пропустили, но конфисковали типографии, в которых оно печаталось. На длительный срок нам, конечно, не обойтись в этой области без предварительной цензуры.

Выпущенный геббельсовским ведомством пропаганды рекламный плакат, прославляющий боевые достоинства немецкого бомбардировщика "Хейнкель–111". 1940 г.

16 января. В сотрудничестве со специальными службами распространяем во Франции и в нейтральных странах предсказания Нострадамуса. Кое в чем это поможет нам... В Бельгии и Голландии запрещены отпуска военнослужащим. В мире это сенсация. Они хотят таким способом выведать наши планы. Но мы не реагируем. Я запретил всякие комментарии в прессе[12]. Радио поторопилось и допустило ошибку. Пришлось мне исправлять ее. В этом отношении мы должны быть осторожны до безумия, чтобы не раскрыть наши карты раньше времени. К тому же для наступления нам необходима хоть сколько-нибудь хорошая погода. Фюрер говорит, что мы не имеем права проиграть эту войну. Именно из этого должны исходить все наши помыслы и дела. Фюрер вспомнил Бисмарка. Какие ответственные решения ему приходилось принимать! А Фридрих Великий? Он вообще возвышается над всеми личностями в прусско-германской истории. Он превратил Пруссию в историческое понятие. Все мы должны преклоняться перед его величием, пасть ниц. Величие гения в истории определяют не условия, в которых он действует, а мужество и смелость, с которыми он преодолевает опасности. Наше боевое время даст тому много примеров. Фюрер всегда более велик в несчастье, нежели в счастье... Сербы и хорваты отпраздновали в Загребе свое примирение. Кто знает, как долго оно сохранится?

17 января. Лондон и Париж очень на меня нападают. Это большая честь для меня. По всем данным, наши передачи на Англию действуют великолепно. Мы руководствуемся принципом: капля камень точит... Сообщения об успехах люфтваффе не всегда правдивы. На это следует обратить внимание, иначе наши сводки перестанут восприниматься как достоверные... Фюрер работает над наступательной операцией, проверяет и продумывает все до мелочей. Поэтому она удастся... Религиозные дела: протестантские церкви нужно предоставить самим себе, единая церковь не в наших интересах. В этих вопросах нужен реформатор, но фюрер таковым себя не видит и занимается лишь политическими вопросами. Впрочем, борьба с церковью неизбежна, можно с уверенностью сказать, что она будет очень длительной. Имперский архи-

Немецкие солдаты расчищают завалы на пути к Осло. Апрель 1940 г.

епископ Мюллер полезного принес нам немного. Но и по отношению к нему допущены несправедливости со стороны соперничающего католического духовенства. Для нас лучше не вмешиваться в эти вопросы, по крайней мере, временно. К сожалению, руководство вермахта еще очень набожно. Что же делать - солдату необходимо что-то поддерживающее его духовно, а вместо религии пригодной замены пока нет еще... Работаю над своей речью об обстановке. Сейчас необходимо тщательно взвешивать каждое слово. Просмотрел фильмы о потоплении военных кораблей «Граф Шпее» и «Шарнхорст»[13]. Очень трагично и захватывающе. Использовать внутри страны нельзя, может быть, за рубежом.

18 января. Беспокойство в Голландии несколько спало. Оно явно было следствием паники, вызванной в стране сознательно... Гиммлер рассказал о переселенцах немецкой национальности, прибывших с Волыни. Они имеют очень много детей, в расовом отношении производят хорошее впечатление.

19 января. Мороз 25°. При этом сибирском холоде русские застряли в Финляндии очень прочно. Бояться войны на два фронта нам в обозримом будущем не приходится.

20 января. Шум в прессе Бельгии и Голландии о нашем [предстоящем] нападении на них полностью утих. Из Швеции поступили блестящие отзывы о наших передачах для шведов.

22 января. Очень пессимистичные донесения о положении дел в Советской России. Москва весьма немного стоит как боевая сила. Русские, кажется, в положении человека, стоящего в воде по горло... Вечером мы с Магдой и детьми[14] были у фюрера. Разговор о детях. Девочки наследуют в большинстве способности отцов, мальчики - матерей. Сын гения поэтому гением не становится. Это еще один аргумент против сохранения наследственной монархии... Фюрер решительно настроен на ведение большой войны с Англией, как только это позволят погодные условия. Англия должна быть выброшена из Европы, а Франция лишена ранга и положения великой державы. Германия установит тогда свою гегемонию, а Европа получит мир. Такова наша великая цель. После ее достижения фюрер на несколько лет останется у власти, чтобы осуществить социальные реформы и свои архитектурно-строительные планы, а затем уйдет в отставку. Пусть другие продолжат его дело. Он же, как добрый дух, будет витать над политикой, напишет обо всем, что занимает его ум сегодня. Своего рода евангелие национал-социализма. Мы проговорили до глубокой ночи. Фюрер давно уже не был так взволнован. Пресса Москвы оказывает нам огромную помощь против Лондона.

23 января. Черчилль выступил с речью, в которой содержались угрозы в адрес нейтральных государств, что вызвало большую сенсацию во всем мире. Старый лис опять допустил этой речью серьезную ошибку... Париж ищет места, где находятся наши тайные передатчики... Принял посла Японии. Дипломатический ноль. В настоящее время мы не можем ждать от Японии многого... Поход в Финляндию и прежде всего нынешние военные неудачи очень повредили России. Особенно глупость с правительством Куусинена[15].

24 января. Угрозы Черчилля вызвали негодование у нейтралов. Мы, однако, не реагируем, не хотим поддерживать маленькие, карликовые государства. Они заслуживают того, чтобы вообще исчезнуть... Состоялась обстоятельная беседа с адмиралом Канарисом[16] о шпионаже и контрразведке. У нас тут еще масса работы. Государственная измена широко распространена. В моем ведомстве сохранение секретов обеспечено хорошо, но очень много болтают военные. В большинстве это лишь проявление мании величия... На фирме Круппа один из мастеров совершил предательство и передал в Польшу сведения о многих видах оружия. Что творится в этой области, даже трудно представить. Мы должны решительно противодействовать и путем соответствующего разъяснения требований о сохранении секретов, и наложением жесточайших наказаний.

25 января. Обсудил **с** фюрером русские проблемы. Русские становятся все более лояльными по отношению к нам. Тому есть причины. Они не могут выбраться из конфликта с Финляндией, допустили в нем серьезные тактические ошибки. Фюрер полагает, что через несколько месяцев русские все же разобьют финнов. Англия финнам помочь не может и не хочет. У нее много своих забот... Мы переименовали строящийся крейсер «Дойчланд» в «Лютцов»[17] и продали его русским. Для себя строим только подводные лодки. Они принесут наибольшие результаты в войне на море.

27 января. В Кёльне беседовал с гауляйтером Флорианом. Его область переполнена солдатами. Флориан не очень доверяет генералу Рейхенау[18]. Мне же он понравился. Совсем не пораженец. Откровенен в разговоре о предстоящем наступлении. Считает, что нельзя его начинать при морозной погоде. При наличии же хороших, хотя бы на 50 проц., погодных условии уверен, что прорыв будет завершен за 14 дней. Может быть... излишне оптимистичен. Все ожидают приказа о наступлении. Оно было уже назначено фюрером, но офицер, летевший с планами, совершил вынужденную посадку в Бельгии. Планы стали известны бельгийцам. Только этого недоставало. Опять мы должны ждать... Здесь все злы на Голландию. Торгаши, толстосумы, стоят нам поперек дороги. Был в роте пропаганды. Отличные люди, образцовое техническое оснащение... Говорил с солдатами в Рейдте[19]. Все ждут приказа на марш.

28 января. Риббентроп побывал в Риме. Муссолини прислал личное послание фюреру. У Италии имеются сомнения по поводу нашей русской политики... На аэродроме Рейндален осмотрел новые самолеты «Мессершмитт». Их скорость почти 700 километров в час - сумасшедшее зрелище. Рихтгофен и особенно Оберниц - он здесь непосредственный начальник летчиков - очень гордятся этим... За день мы потопили суда противника тоннажем 20 тыс. тонн.

31 января. Фюрер хвалит нашу радиопропаганду. Она достигла новых успехов в передачах на зарубежные страны. В новостях мы делаем ставку на объективность. Это действует очень эффективно... Фюрер выступил с речью во дворце спорта, в ней резко рассчитался с Лондоном и Парижем. Он выразил нашу решимость достичь победы и самую полную уверенность в этом.

Весь зал восторженно встретил речь. Фюрер очень доволен.

1 февраля. Речь фюрера нашла отклик и имеет успех во всем мире... В руки к нам попало письмо английского дипломата, в котором открыто и грубо сказано, что целью войны является уничтожение Германии. Это письмо мы используем... Епископ Фрейбурга Гребер обратился к прихожанам с речью, содержание которой представляет откровенную государственную измену. Это ему даром не пройдет... Раскрыто несколько попыток покушении на фюрера... Весьма успешными были действия нашей авиации против английских караванов судов. Фюрер считает нашу авиацию просто сказочной. Она сейчас самое лучшее наступательное оружие и самое надежное в обороне. На вспомогательных ролях, как и была, остается артиллерия ПВО. В авиации мы лихорадочно продвигаемся вперед в ее вооружении. Для англичан это станет однажды сюрпризом... Вечером мы с фюрером поехали ко мне, к Магде и детям. Я сказал, что опасаюсь покушении на него. Он ответил, что, в отличие от прошлого, им теперь владеет чувство полной безопасности. Чтобы завершить начатое дело, он должен жить.

4 февраля. Фюрер издал секретный указ о мероприятиях в занятых нами областях. В них должна обеспечиваться строжайшая дисциплина. Иначе положение может стать опасным. Важно сохранить проведение мероприятий в тайне, а не обеспечить их быстрое выполнение. На участке фронта у Страсбурга выявилась неприязнь французов к англичанам. Это мы умело используем. Вообще настроения в Англии и Франции не из лучших. Сильны пораженческие течения. Нам следует их больше использовать. Сильный пропагандистский удар мы нанесли по англичанам, напомнив им о войне, которую они вели с бурами... В личном письме американцу бывший император Германии Вильгельм II заявил о своей поддержке финнов. Неизлечимый идиот!.. Для Западного фронта мне нужно 4 000 радиоприемников, но взять их негде.

6 февраля. Деятельность министерства иностранных дел мешает министерству пропаганды в работе. Никакое лояльное сотрудничество с Риббентропом невозможно... Беседа с фюрером: древняя Священная Римская империя германской нации[21] была величайшим государственным образованием всего периода истории после империи Рима. Свой имперский характер она и получила как наследие после Рима, а «третий рейх» взял его уже у нее. Основываясь на высокой организации, присущей немцам как нации, их избранности, мы вправе когда-то получить мировое господство. На пути к нему среди препятствий стоит и церковь. Она не хочет отказаться от претензий на господствующее положение в мире, которое она имела еще в древней священной империи, так как духовно руководила ее подданными, отдав государственному аппарату роль сборщика налогов. Сейчас борьба за влияние на людей продолжается, мы должны ее в конце концов выиграть, и когда-то мы этого добьемся. Эти перспективы фюрер обрисовал в самых общих чертах. Когда он излагает свою политическую философию, он буквально поднимается выше самого себя, слушать его можно часами... Военному командованию я еще раз изложил основные принципы ведения пропаганды. Это встретило большое понимание с его стороны.

8 февраля. Обсудил с Фритче проблемы, стоящие перед прессой. Ему недостает подлинной системы в работе. Пропаганда - это повторение, вечное повторение, повторение до тех пор, пока наши лозунги поймет и усвоит самый последний и самый глупый, к кому они обращены. В остальном Фритче работает хорошо. У него также есть трудности в отношениях с нашим министерством иностранных дел... Англичане откровенно говорят о целях, которые ставят себе в войне. Это хорошо для нас, для пропагандистской работы, наряду с использованием трудностей англичан в Индии и казни двух ирландцев в Бирмингеме... Просмотрел большевистский кинофильм «Петр Великий» («Петр Первый». - П.Б.). Типично по-русски поставлен: слишком много панславизма и эмоций. По своему содержанию фильм совсем не большевистский... В части вермахта надо послать ораторов партии, чтобы, выступая в войсках, они противодействовали там церковной пропаганде, но закосневшие генералы не хотят этого.

9 февраля. В сводках верховного [главнокомандования вермахта сообщается, что с начала войны наш противник и нейтральные страны уже потеряли торговые суда общим тоннажем 1,5 млн. тонн.

11 февраля. Руководство вермахта хочет, чтобы его представители выступали перед гражданским населением. Я запретил. Пусть вермахт заботится о своих делах. Отставные генералы и адмиралы меньше всего подходят для бесед с народом. Только гауляйтеры имеют право на проведение собраний населения... Наши люфтваффе потопили 5 английских кораблей, подводная лодка - суда тоннажем 38 тыс. тонн.

13 февраля. По отношению к нам турки ведут себя дерзко... В Белфасте массовые демонстрации против англичан. Теперь нам надо аккуратно раздувать там этот огонь... Самым вредным для нас пропагандистом во вражеском стане является Раушнинг[22]. Его книга «Беседы с Гитлером» написапа чрезвычайно искусно и представляет огромную опасность.

14 февраля. С Москвой подписан торговый договор с очень большим размахом. Будем надеяться, что кое-что получим от русских. Подписание договора вызвало широкое международное эхо.

15 февраля. Пропаганда, которую мы ведем во Франции, оказывает разрушительное воздействие. В нейтральных странах этого не получается. Там у нас мало друзей. Однако положение улучшится, как только начнутся активные военные действия и мы будем побеждать... В Германии настроение отличное... Потоплены торговые суда тоннажем 58 тыс. тонн.

16 февраля. Женщины тоже воюют. Тем, что рожают детей. Нам нужно проявлять заботу о беременных женщинах.

17 февраля. За один день наши подводные лодки потопили суда тоннажем 75 тыс. тонн. Серьезные дебаты с руководством вермахта о военно-научном обществе. Его работа теперь будет подчинена партии. Наконец-то наши докладчики будут выступать в вермахте... Риббентроп представил фюреру письменную жалобу на меня, но был холодно отвергнут. Ему хотелось бы всем государством командовать, все подчинить внешней политике...

18 февраля. Война, война, закончится она, мы победим и все трудности легко преодолеем и разрешим... Сегодня 30°. От анонимных отправителей к солдатам, находящимся на передовой, поступают письма о том, что жены в тылу им изменяют. Это особо мерзкий вид пораженчества.

19 февраля. Несмотря на протесты Норвегии, по приказу Черчилля английские военные корабли атаковали в норвежских территориальных водах, во фьорде, безоружное немецкое судно «Альтмарк», стреляли и по спасательным шлюпкам. По этому случаю мы устроили настоящий адский концерт[23]. Все наши газеты и радио действуют в нужном направлении. Это азбучный пример произвола англичан. Норвежское правительство направило робкий протест, а нам принесло свои извинения. Злость в немецком народе неописуема. В Норвегию от нас поехали иностранные журналисты.

20 февраля. Нейтральные страны возмущены нападением на «Альтмарк». Капитан «Альтмарка» дал очень удачное интервью. Случай с этим судном стал темой, которая обсуждается во всем мире. В своем заявлении министр иностранных дел Норвегии придерживается нашей точки зрения на случившееся... Русские имеют успехи на линии Маннергейма

в Финляндии... Из рейда вернулась наша подводная лодка, утопившая судно тоннажем 28 тыс. тонн.

24 февраля. Сообщения из Франции говорят о распространенности сильных пораженческих настроений... Наши подводные лодки потопили суда тоннажем 38 тыс. тонн.

1 марта. В прессе мы ведем решительную борьбу с фантастическими слухами о мире, которые приходят из Лондона... В Мюнстере мне продемонстрировали наши самые современные самолеты. Они как раз вернулись на базу после налета на Англию. Чудо немецкой техники. Пояснения давал замечательный молодой офицер. Говорил с генералами и офицерами. Наши офицеры замечательны.

6 марта. В вермахте отмечается небольшое ослабление дисциплины. Это следствие долгого ожидания начала военных действий. Нужно что-то предпринять для поддержания дисциплины.

9 марта. Финляндия ведет с Россией переговоры о мире. В Лондоне известие об этом произвело весьма ошеломляющий эффект. Мы пока находимся в ожидании развития событий.

10 марта. Переговоры между Россией и Финляндией быстро переходят в решающую стадию. Мы очень серьезно в них участвуем, выступаем как посредники. Все сохраняется в строжайшей тайне. Наша пресса хранит по этой проблеме полное молчание. В Лондоне разбушевались. Конфликт в Финляндии им хотелось бы распространить на всю Скандинавию. Мы же должны обеспечить себе надежный тыл в борьбе с Англией.

11 марта. Состоялась моя краткая беседа со Свеном Гединым[24]. Он твердо верит в нашу победу. Он знает англичан и ненавидит их. Его желание - непродолжительная война. Беспокоит его судьба Финляндии... В Богемии нам надо вести себя тверже. Как народ господ мы должны управлять, а не искать соглашений.

13 марта. Погода улучшилась. Начинает просыхать земля. В недалеком будущем начнутся операции на фронте. Удар будет нанесен с невероятной мощью. За 14 дней [продвинемся] до М[25]... Затем пауза, и последует второй удар... Как сообщают, русские очень потешные солдаты. Нет и следа дисциплины. Перед Берлином они, однако, испытывают страх. Большевики - азиаты, ими и останутся. Тем лучше для нас. Сталин все больше становится настоящим панславистом... Переговоры в Москве между Россией и Финляндией заметно продвигаются вперед. Финны должны будут во многом уступить, зато дело идет к миру. В настоящее время это для нас хорошо. Чемберлен[26] предложил помощь Финляндии, если она о ней попросит. Это вызвало громкий смех в международной прессе. Ни одному слову англичан больше не верят... Мы должны раздвинуть границы Германии и на востоке, и на западе. Иначе немецкому народу в конце концов мало что останется.

14 марта. Подписан мир [между СССР и Финляндией]. Это наша крупная дипломатическая победа.

15 марта. Мир между Россией и Финляндией оставляет в тени все другие события международной жизни. Повсюду он воспринят как тяжкое поражение западных стран. Париж и Лондон неистовствуют, бормочут бессмысленные злобные измышления, совершая при этом одну глупость за другой. Плутократия разоблачает этим сама себя. На ее открытые раны мы непрерывно сыплем соль. Удары попадают в цель! Настроение в Лондоне и в Париже катастрофическое... Япония крепко впилась в Китай. Но дальнейшего продвижения вглубь нет больше. Слишком велики там пространства. Чан Кайши - крупный, выдающийся деятель[27].Пока он у власти, Китай не капитулирует. Он может выжидать. У Японии такой возможности нет, а заключить с Китаем мир, не потеряв своего политического лица, она не может. Об участии Японии в каком-то другом вооруженном конфликте не может быть и речи... О России говорят как о безрадостной стране, где не слышно смеха, нет веселья. Несмотря на это, Сталин пользуется популярностью. Он единственная надежда, наследник Петра Великого, представитель панславизма. Как германцы, мы никогда не поймем славян. Для русских Сталин - батюшка. Словно заботливый садовник, который ежегодно подравнивает высокие побеги, выросшие в живой зеленой изгороди, он «убирает» генералов и журналистов. Это показывает, что он не хочет рядом иметь великих. Это заложено в большевизме и диаметрально противоположно нашей политике. Мы поощряем, культивируем рост каждой крупной личности. И если Сталин расстреливает своих генералов, то у нас делать это совсем не нужно. Ликвидирует ли постепенно Сталин евреев? Может быть, он называет их троцкистами, чтобы ввести мир в заблуждение. Кто знает? Во всяком случае, мы в союзе с Россией и имели до сих пор только выгоды от него. Сталина фюрер увидел в каком-то кинофильме и сразу проникся к нему симпатией. Это, собственно, и положило начало коалиции с Россией... Очень хорошо, что немецкие специалисты больше не работают в России. Без немецкого руководства русские никогда не будут опасны для Германии.

18 марта. В Париже заговорили о необходимости установления во Франции некоторого рода военной диктатуры. Хорошо бы! В общем-то военные - самые близорукие и глупейшие из политиков, каких только можно представить... Наша дипломатия стремится сблизить Рим и Москву, что сразу дало бы нам огромный успех. Все нейтралы оказались бы тогда на нашей стороне. Итальянцы излишне болтают о начале крупных операции. Нельзя им доверять секреты. У нас же они строго сохраняются [28] ... Наши самолеты заблудились в воздушном пространстве России. К сожалению, один самолет был сбит... Наша авиация совершила налет на Скапа-Флоу[29]. Нанесены тяжелые повреждения трем английским линейным кораблям... Внимательно просмотрел английские и французские журналы. Сделаны очень плохо.

20 марта. Полным успехом завершились переговоры между фюрером и дуче в Бреннере. Дуче пойдет с нами до конца.

21 марта. Йодль доложил фюреру о налете английской авиации на остров Зильт[30].У нас никаких существенных потерь... Чемберлен вынужден признать, что при этом налете часть бомб упала на территорию Дании. Конечно, это желанное кушанье для нашей пропаганды... Мы энергично опровергли все попытки англичан преуменьшить свои потери в Скапа-Флоу... Я запретил все книги о России, и позитивные, и негативные. Они в настоящее время могут принести лишь вред.

22 марта. Во Франции сформирован новый состав правительства. Поль Рейно[31], взявший на себя также министерство иностранных дел, сменил на посту премьера Э.Даладье[32], который сохранил за собой пост министра обороны. Создано правительство тех, кто явно настроен на разжигание войны. Это совершенно однозначно. Таким мы это правительство и представим нашему народу... Необходимо энергично отвергать продолжающиеся попытки склонить Германию к миру. Мы хотим сражаться до победы... Фюрер иронизирует над англичанами. Они попали в безвыходное положение, в отчаянную ситуацию. Французы также. Они не имеют никакого плана и ясной цели, сами не знают, чего хотят... Фюрер много говорил о проблеме значимости на войне человека и материала. Первостепенен человек, затем материал: его можно заменить, а человека нельзя... Наша авиация потопила суда тоннажем 42 тыс. тонн. Славный успех... Следует ли полностью запретить в Германии выступления нагих танцовщиц? Нет, лишь в случаях, если их выступления неэстетичны. Каждое выступление надо оценивать отдельно...

23 марта. Иностранные журналисты посетили по моей просьбе остров Зильт. Там они убедились, что разрушений на

наших объектах, о чем так кричали англичане, нет. Пресса Нью-Йорка полностью признала это. Таким образом, мы выиграли пропагандистскую битву у английской системы обмана. Эта работа доставляет удовольствие... Рейно усиливает военное напряжение. Это хорошо. Чем противник жестче, тем лучше для нас, для того, чтобы быстрее расстаться с иллюзиями... Я разрешил прессе напасть на комичный нейтралитет Швейцарии - кратко, но резко и оскорбительно. Этот народ старших официантов и гостиничных портье с его комплексом неполноценности постепенно становится невыносимым.

24 марта. Кажется, что США хотят остаться в стороне от участия в войне, по крайней мере, временно.

27 марта. Мир признал нашу полную победу над средствами информации Англии по уровню объективности в сообщениях о налете на остров Зильт. Наши, а не английские данные подтвердились... Радиопередачи предназначаются у нас для народа. Они должны стать еще популярнее, в них надо постоянно повторять главные лозунги. Мы пишем и говорим для народа, а не для интеллектуалов. Все должно быть совсем примитивно. Народ хочет, чтобы в первую очередь обращались к его чувствам, а не к рассудку. Наши образованные слишком легко об этом забывают. Всегда повторять главное и никогда не снижать интенсивности, именно в этом вся суть пропаганды. Фюреру нравится наша пропаганда. Особенно за то, что направлена [она] на примитивные инстинкты.

28 марта. Тираж изданий нашей порнографической пропаганды поднялся до 6 млн. экз. Продолжается, кроме того, пропаганда на сигаретной бумаге. Призыв «Против плутократии!» будет раздаваться и впредь. Он уже принес нам действительно триумфальные успехи. Рейно это еще почувствует на своей шкуре... Зорин отозван из Парижа[33]. Франция больше не хочет принимать его в качестве дипломатического представителя. Москва протестовала, но мягко. Надеемся, что тут не находит выражения никакое, даже едва заметное, взаимопонимание. Оно было бы чревато неприятностями.

29 марта. Лондон и Париж не намерены более строго соблюдать нейтралитет норвежских территориальных вод - сенсация во всем мире. Мы в своей печати бьем тревогу по этому поводу и подчеркиваем важность соблюдения своего нейтралитета Бельгией и Голландией. В сводках верховного главнокомандования вермахта постоянно указываются случаи его нарушения самими этими странами, что уже начинает привлекать внимание мировой общественности.

30 марта. В Лондоне заседал высший военный совет: прочный союз Лондона и Парижа, никаких отдельных особых переговоров, война не на жизнь, а на смерть. Рейно даст о себе знать. На войну нацелена также и вся вражеская пресса. Сейчас мы можем это хорошо использовать, так как в Германии все уже стали думать, что на Западе обойдется без военных действий. Эти «иллюзионисты» получат сейчас самый лучший урок. Англичане продолжают кормить народ сказками и ложью. Газеты Франции и Англии все громче говорят о расширении войны на Скандинавию. Конечно, мы соответственно отвечаем на это... Был у фюрера. Он опять очень доволен работой министерства пропаганды. Особенно нашей работой на Францию. Рассказал ему о брошюре о Нострадамусе. Это его очень интересует. В конце беседы он сказал, что так или иначе, но он разобьет Англию. Я также непоколебимо убежден в этом... Атака в прессе против лицемерного нейтралитета Швейцарии, который беспримерно лжив, продолжается.

31 марта. В Москве выступил Молотов. Главное содержание его речи: поддержание дружбы с нами, резкая критика западных держав, недопущение никаких пактов в Северной Европе, предупреждение Румынии по поводу Бессарабии, сдержанность по адресу Японии. В общем мы можем быть довольны его выступлением. Лондон, однако, вопреки всему и в этой речи хочет найти для себя что-то приятное... Публикация документов, найденных в министерстве иностранных дел Польши в Варшаве, произвела эффект разорвавшейся бомбы во всем мире и прежде всего в США. Рузвельт, заикаясь, пытается защищаться. Лондон все дерзко отрицает. Малые нейтральные страны молчат... Планы Парижа по расширению войны резко отвергнуты нейтральными государствами. В дипломатических отношениях наше положение в настоящее время превосходно. С растущим напряжением каждый в мире ожидает начала решительных действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Геббельс Йозеф (1897-1945). Родился в Рейдте (Вестфалия) в мелкобуржуазной семье. Обучался в 1917-1922 гг. в Гейдельбергском университете, в 1922 г. получил ученую степень доктора философии. В 1924 г. начал политическую деятельность с тесного сотрудничества с одним из основателей фашистского движения Грегором Штрассером. В эти же годы сблизился с Адольфом Гитлером и с 1926 г. вошел в его ближайшее окружение. С осени 1926 г. - гауляйтер НСДАП в Берлине, с 1927 г. издатель берлинской газеты НСДАП «Дер Ангрифф» («Атака, нападение, наступление»). С марта 1933 г. - рейхсминистр народного просвещения и пропаганды. С июля 1944 г. генеральный уполномоченный рейха по тотальной военной мобилизации. 1 мая 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

[2] Геббельс имеет в виду поддержку Германией франкистского режима в Национально-революционной войне испанского народа 1936-1939 гг.

[3] Фритче и Вальдегг - сотрудники министерства пропаганды Германии.

[4] Геббельс называет так радиостанции, скрытно расположенные в разных пунктах подвластной Германии территории, вещавшие якобы от имени других государств, коммунистических и иных антифашистских организаций. Передачи велись на языке страны, на которую направлялись, с целью дезинформировать и деморализовать ее армию и население.

[5] Шуленбург Фридрих Вернер фон (1875-1944) — граф, посол Германии в СССР в 1934-1941 гг., сторонник сохранения мира с СССР. В июле 1944 г., после покушения на Гитлера, был арестован, казнен 10 ноября 1944 г. В кругах заговорщиков считался подходящей фигурой на пост министра иностранных дел, предполагалось, что заключение сепаратного мира со Сталиным будет одним из первых его шагов после устранения Гитлера.

[6] Нострадамус - известный астролог французского средневековья. Стихи-предсказания Нострадамуса, как считают их различные толкователи, свидетельствуют о предвидении им многих исторических событий, в том числе революций во Франции и России, мировых войн и т.д.

[7] Шмундт — один из приближенных Гитлера, его адъютант.

[8] Кейтель Вильгельм (1882-1946) - генерал-фельдмаршал (1940), с 1938 г. начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Ближайший военный советник Гитлера, подписал Акт о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

[9] Йодль Альфред (1890-1946) - генерал-полковник (1944). С 1939 г. начальник штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта, главный военный советник Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам. Один из виновников массового уничтожения мирного населения. Постоянно информировал Геббельса о военном положении. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

[10] Геббельс оставляет предложение неоконченным.

[11] Гитлер и Геббельс рассматривали католическую и протестантские церкви в Германии, к которым принадлежало абсолютное большинство верующих в стране, как преграду на пути полного господства идеологии нацизма. Гитлер не предпринимал, однако, крутых мер против духовенства, которое в целом поддерживало его режим, откладывая их на будущее. В вермахте существовала военно-церковная служба. Штатный священник имелся на каждые три тысячи военнослужащих. Военно-церковная служба призывала к «крестовому походу на Восток», к «священной войне против коммунизма». Священники в военной форме заявляли, что «Христос вернулся в лице фюрера». Однако некоторая часть духовенства активно участвовала в движении Сопротивления.

[12] В Бельгии и Голландии стало известно о готовящемся вторжении. Об этом свидетельствовали документы командования вермахта, при загадочных обстоятельствах попавшие к бельгийцам. Известный английский военный историк Б. Лиддел Гарт в книге «Вторая мировая война» отмечает, что эта история упоминалась в многочисленных вариантах. Он передает ее в изложении главнокомандующего воздушно-десантными войсками Германии генерала Штудента: «10 января майор, назначенный мною в качестве офицера связи во 2-й воздушный флот, вылетел из Мюнстера в Бонн... При себе он имел полный оперативный план наступления на Западе». (Это преувеличение. Бельгийцам попали в руки лишь 10 частично сожженных листов, среди них инструкция 1-му воздушному флоту Германии по действиям против Бельгии, указания по подготовке наступления 10-го армейского корпуса на Голландию, а 7-й воздушно-десантной дивизии - по подготовке десантирования с целью захвата мостов через р.Маас в Бельгии. См. журнал «Вервисеншафтлихе Рундшау». 1955. №2. С.68.-П.Б.) По словам Штудента, из-за морозной погоды и сильного ветра над занесенным снегом Рейном пилот сбился с курса. Он пересек границу Бельгии и сделал вынужденную посадку. «Майор (его фамилия Рейнбергер. — П.Б.) не смог сжечь важный документ, следовательно, общее содержание немецкого плана наступательных действий па Западе стало достоянием бельгийцев... Гитлер хотел нанести удар немедленно, но потом решил полностью отменить первоначальный план и вместо него принял план Манштейна» *(Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война /Пер. с англ. В.В.Борисова, П.Н.Видуэцкого и Е.Л.Цылева; Под ред. и с предисловием О.Л.Ржешевского. М.: Воениздат, 1976. С.51).

План Манштейна предусматривал нанесение главного удара в Арденнах в направлении Седана, что, по его мнению, позволяло избежать повторения памятного всем плана Шлиффена, по которому Германией осуществлялись начальные операции первой мировой войны.

[13] «Граф Шпее» и «Шарнхорст» - боевые корабли ВМС Германии, которые с началом второй мировой войны начали действовать в качестве рейдеров на коммуникациях в Атлантике. «Карманный» линкор «Граф Шпее» с сентября по декабрь 1939 года потопил торговые суда общим тоннажем 50 тыс. тонн. Затонул, получив повреждения в бою с англичанами 18 декабря 1939 г. у берегов Уругвая.

Говоря о потоплении линкора «Шарнхорст», Геббельс допустил неточность: этот германский рейдер не погиб в описываемый период. Он уничтожен британскими ВМС 26 декабря 1943 г. у мыса Нордкап уже после того, как перебазировался на север Норвегии для действий против союзных конвоев, направлявшихся в порты СССР.

[14] Магда Геббельс (Квандт) - супруга Йозефа Геббельса с 1931 г., мать шестерых детей, пользовалась большим вниманием Гитлера. Покончила жизнь самоубийством 1 мая 1945 г. вместе с мужем, предварительно умертвив своих детей.

[15] Имеется в виду правительство под председательством финского деятеля Коминтерна О. Куусинена, сформированное в начале советско-финляндской войны на территории Финляндии, занятой в ходе боев частями РККА.

[16] Канарис Фридрих Вильгельм (1887-1944) -адмирал (1940). В 1935-1944 гг. начальник управления разведки и контрразведки (абвера). Казнен за участие в заговоре против Гитлера в 1944 г.

[17] Переименование было произведено по указанию Гитлера, который посчитал, что потопление корабля с названием «Дойчланд» (Германия), если бы таковое случилось, имело бы нежелательный морально-психологический резонанс.

[18] Рейхенау Вальтер (1884-1942) - генерал-фельдмаршал (1940), в то время генерал-полковник, командующий 6-й армией. В последующем участвовал в агрессии против СССР. Проводил политику массового уничтожения советских военнопленных.

[19] Рейдт — небольшой город в Вестфалии, вблизи Кёльна, родина Геббельса.

[20] Рихтгофен, Оберниц командовали соединениями германских ВВС. Рихтгофен в тот период был командиром 8-го воздушного корпуса люфтваффе.

[21] Священная Римская империя (с конца XV в. - Священная Римская империя германской нации) существовала с 962 по 1806 г. Основана германским королем Оттоном I. В разные эпохи включала в себя Италию, Нидерланды, Чехию, французские и швейцарские анклавы и др. Императоры вели агрессивную политику, в том числе и на севере, частью истребив, частью онемечив полабских славян и захватив их земли. Постепенно власть императоров становилась номинальной; занимавшая господствующее положение в империи, Германия распадалась на самостоятельные княжества. Идея возрождения Священной Римской империи неизменно служила германским императорам (Карлу V особенно) оправданием попыток установить гегемонию в Европе и удержать под своей властью завоеванные земли. Вестфальский мир 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну 1618-1648 гг. в Европе, закрепил превращение империи в конгломерат независимых государств. Полностью она прекратила свое существование в ходе наполеоновских войн, когда последний император Франц II в 1806 г. отрекся от престола.

[22] Раушнинг — член НСДАП с 1926 г., глава сената в Данциге (1933 г.), сложил полномочия из-за конфликта с гауляйтером Форстером. Был близок к Гитлеру. В 1936 г. эмигрировал в Швейцарию, где издал книгу «Беседы с Гитлером». Умер в 1979 г. в США.

[23] Инцидент с немецким судном «Альтмарк», подвергшимся нападению англичан в норвежских территориальных водах, вызвал обмен дипломатическими нотами между Норвегией и Англией. Поднятая по указанию Геббельса пропагандистская шумиха вокруг этого случая отличалась особым цинизмом, поскольку на «Альтмарке» находились английские военнопленные. Об этом факте сообщает норвежский писатель С. Хартман *{Хартман* С. В сетях шпионажа. М.:Воениздат, 1965. С.218).

[24] Гедин Свен Андерс (1865-1952) - шведский путешественник, известный исследователь Центральной Азии (Тибет, Синьцзин, Восточный Туркестан, Монголия). Симпатизировал нацистам, не раз встречался с руководителями «третьего рейха».

[25] Геббельс зашифровал буквой «М», по-видимому, реку Маас, преодолеть которую в ее среднем течении вскоре предстояло гитлеровским войскам в ходе вторжения во Францию.

[26] Чемберлен Невилл (1869-1940), английский государственный и политический деятель, консерватор, премьер-ми-

нистр Великобритании в 1937-1940 гг. Сторонник политики «умиротворения» фашистских держав, подписал мюнхенское соглашение 1938 г.

[27] Чан Кайши (Цзян Цзеши) (1887-1975) - с 1927 г. глава гоминьдановского режима в Китае, свергнутого революцией 1949 г.

[28] По-иному отзывался о строгости сохранения в тайне мероприятий по подготовке к действиям вермахта в Европе В.Шелленберг, возглавлявший тогда одно из ведущих управлений главного имперского управления безопасности Германии. В частности, характеризуя в мемуарах обстановку, в которой проходила подготовка к вторжению в Данию и Норвегию (кодовое название операции «Учения на Везере»), он отмечает, что у противника не было даже необходимости в опытных агентах, чтобы разузнать о цели этой экспедиции. По словам Шелленберга, для него так и осталось загадкой, почему вражеская разведка с таким промедлением узнала о подготовке к «Учениям на Везере», в результате чего английский флот с опозданием пришел в Норвегию *(Шелленберг В.* Мемуары. М.:Прометей, 1991. С.91).

Скапа-Флоу — закрытая бухта на Оркнейских островах (Великобритания), служила главной операционной базой английского флота во вторую мировую войну.

[30] Зильт - небольшой остров у западного побережья полуострова Ютландия.

[31] Рейно Поль (1878-1966) -глава правительства Франции в марте-июне 1940 г.

[32] Даладье Эдуард (1884-1970) - глава правительства Франции в 1938 - марте 1940 гг. Подписал мюнхенское соглашение 1938 г.

[33] Зорин Валериан Александрович (1902-1986) - советский дипломат, в разные годы посол СССР во Франции, Чехословакии, ФРГ, заместитель министра иностранных дел, постоянный представитель СССР в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций.

Перевод и примечания П.В.БАХАРА

Публикуемые фотографии демонстрировались на выставке, подготовленной к 50-летию нападения Германии на СССР. Берлин. Июль 1991 г. Публикуются по каталогу выставки «Война против Советского Союза 1941-1945» (Берлин: Аргон. 1991).

(Продолжение следует)

ВИЖ №6 1994

1940 год

1 апреля. Мы опубликовали документы министерства иностранных дел Польши, чем вызвали сенсацию в мире. Они сильно компрометируют дипломатическую службу США и лично Рузвельта [1]. Ими уже даются различные опровержения, но это мало помогает. Сразу же резко активизировались в США изоляционисты[2]. Теперь Рузвельту будет труднее вмешаться в войну в Европе. Именно в этом и состояла цель нашей операции с польскими документами. Еще одно сражение выиграно нами... Черчилль выступил с речью. Ложь и резкие нападки на нейтральные страны. Но тут же признание, что война предстоит жестокая и тяжелая. Похоже, что он кое-что начал понимать. У него стиль человека с большим дарованием, но не имеющего твердости и настоящего характера. Своего рода опустившийся гений. Как таковой, он не слишком опасен.

2 апреля. Польские документы остаются сенсацией. Мы комментируем их очень сдержанно с позиции стороннего наблюдателя. Я готовлю для провинциальных изданий краткое популярное изложение сути документов. Народ иначе их не поймет. Дипломаты говорят на языке, непонятном для человека с улицы... Прочитал книгу о самом себе: изобилие низкопробной лжи, но и почтения ко мне вполне достаточно, а это уже кое-что значит... Некоторые книги и иностранные газеты решено запретить. Сейчас надо быть чертовски внимательным, чтобы не допустить проникновения в народ никакой отравы...

В Париже неожиданно появился генерал Вейган [3]. Похоже, что Рейно серьезно думает о расширении военных действий. Наш ответ будет своевременным.

3 апреля. В Лондоне резкие нападки на Чемберлена со стороны лейбористов. Мы им помогаем тем, что в печати и на радио подчеркиваем социальную напряженность в английском обществе. Ведь плутократия наиболее уязвима именно с этой стороны. Мы должны без устали наносить по ней удары... Подлинность документов из польского МИДа оспаривает теперь только Лондон. Шумиха во всем мире. Москва присоединилась к нашей точке зрения... Ведущие государственные деятели Турции подкуплены Англией. Они резко враждебны к нам, пресса коррумпирована, однако простой народ страны в подавляющем большинстве на нашей стороне... Наши позиции так хороши сейчас, как и мечтать было нельзя... В радиопередачах следует больше популяризировать высших военачальников. Первая попытка с Рундштедтом[4] не удалась: получилось слишком сухо, в генштабовском стиле. Я внесу сюда порыв и воодушевление... США продолжают попытки опровергнуть польские документы. Мы отвергаем их... Угрозы Лондона и Парижа о расширении войны становятся дерзкими, но мы воспринимаем это спокойно.

4 апреля. Французская газета «Л'Иллюстрацион» напечатала фотографию: Поль Рейно и Самнер Уэллес[5] на фоне карты новой Европы, где Германия и Италия представлены расчлененными на части. Для пропаганды бесценная находка, сделанная итальянским журналистом Фариначчи. Итальянская пресса уже накинулась на нее. Мы делаем то же, но в более грозном тоне. Я поручил подготовить для иностранных журналистов увеличенные копии фотографии с картой. В радиопередачах даем обширные комментарии. Эта фотография чрезвычайно кстати после публикации документов польского МИДа. Используем ее в полной мере... Наши противники совершают глупость за глупостью. Англичане ведут очень неумную пропаганду... О выступлениях нагих танцовщиц на сценах рейха: фюрер также считает, что полный запрет не нужен. Запрету подлежат лишь выступления пошлого характера... Геринг издал распоряжение, по которому граждане, непосредственно не участвовавшие в войне, не получат права занимать после ее завершения политические должности. Фюрер установил, что к сотрудникам моего министерства это не относится. Я работаю с молодыми специалистами. Они незаменимы, половина моих сотрудников уже в вермахте. Мы участвуем в войне... Налет нашей авиации на Скапа-Флоу не принес больших успехов... Фюрер полагает, что Италия скоро вступит в войну. Дай-то Бог! ...Жены фронтовиков получают больше, чем вдовы погибших на фронте. Это несправедливо и должно быть устранено.

5 апреля. Английское правительство реорганизовано. Мечта Черчилля о сосредоточении в его руках всех вопросов руководства вооруженными силами осуществилась. Безусловно, это стабилизирует и усилит британское военное руководство. Наша пропагандистская атака по поводу фотографии в «Л'Иллюстрацион» развернулась в полном объеме. Париж и Лондон дают неубедительные, легковесные опровержения, обвиняют даже фотографа. Жалкие отговорки!

Наши обвинения, напротив, выглядят солидно и обоснованно. Всемирная сенсация первого ранга. Невнимательному французскому цензору, пропустившему снимок в печать, следовало бы поставить памятник. Он его от нас заслужил... С. Уэллес дал самое глупое опровержение. Мы его не печатаем, так как не хотим комментировать.

7 апреля. Широко публикуем материалы о планах Лондона и Парижа по расширению войны. Их много, распределяем по разным газетам. Нам не следует раньше времени раскрывать собственные планы... Лондон грозит Норвегии и Швеции дипломатическими нотами. Осло отчаянно возражает. Мы настроены очень резко и агрессивно. Дело идет к взрыву. Надеемся, что в решающий час Муссолини будет действовать как серьезный политик... Министр Франции по организации блокады Монне сделал заявление об ужесточении ее. [Он, в частности, сказал:] «Безразлично, будут ли при этом страдать немецкие женщины и дети». Такие заявления - поразительная глупость, льют воду на нашу мельницу. Голландия заключила соглашение с Англией об участии в блокаде Германии. За такое решение ей придется расплатиться. В пропаганде это также используем.

8 апреля. Великолепная весна. Мир полон сообщений о планах Англии и Франции по расширению войны. Мы приложили к этому свою руку. Для нас удобный трамплин... Опровержения Рейно по поводу карты новой Европы вызывают лишь насмешки. Наша пресса замечательно работает, но я дал указание не рисовать все в черном свете, иначе такие публикации вызовут в немецком народе вместо решимости сражаться ненужный пессимизм. Надо использовать все глупые заявления противников для того, чтобы вызвать ненависть к нему, злость и возмущение... Лондон наглеет с планами расширения войны. Для плутократии - опасная игра, если она думает об этом всерьез. Нам же было бы лишь на руку.

9 апреля. Париж и Лондон направили лицемерные ноты Норвегии о своем намерении минировать норвежские территориальные воды. Это мера против немецкого судоходства, но и тот трамплин, который нам нужен. Итак, вперед! Кое-что я пока притормаживаю в прессе и на радио. Избегаем излишних резкостей, нельзя сбрасывать маску раньше времени... В Лондоне же сделали еще ряд явных глупостей. Похоже, что в английском правительстве сейчас собрался самый тупоумный сброд, который когда-либо освещали божественные солнечные лучи... Они попытались воспрепятствовать нашему судоходству на Дунае с помощью затопления на фарватере нескольких барж. Мы сорвали этот замысел... Фюрер [вчера] во время прогулки в парке рассказал о своем решении начать в 5 часов 15 минут операцию по оккупации Дании и Норвегии[6]. Англичане своей нотой о минировании помогли нам. В акции будут участвовать около 250 тыс. человек. Артиллерия и боеприпасы большей частью уже скрытно доставлены в нужные места пароходами-углевозами. О сопротивлении не можетбыть и речи. Что предпримет Америка? Нас теперь это не интересует. Материальная помощь от нее прибудет нашим противникам месяцев через 8, а людьми -года через полтора. Мы же должны победить в этом году. Иначе преимущество в ресурсах у противной стороны стало бы слишком уж большим, да и в психологическом отношении длительную войну перенести трудно. Начав операцию, обрушим на мир поток моральных рассуждений, как это сделали бы наши противники, если бы начали первыми. В итоге мы приобретем две страны, базу для наступления (против Англии. - П.Б.), скуем силы Англии... Действия в Дании и Норвегии начнут подразделения горных егерей с родины фюрера... В Осло встревожены, но пока в полном неведении. И сейчас главное сохранить [приготовления] в тайне; а после начала действий все будет решать их четкость. Фюрер в наилучшем настроении и похвалил англичан за близорукость. Внезапность - это все... Наш флот задействован почти целиком. Это самое смелое мероприятие в современной военной истории. Оно связано с гигантским риском, высочайшей отдачей сил, но и с огромными шансами. Если до наступления темноты все сохраним в тайне, то уже наполовину обеспечим успех операции. Наши войска придут в эти страны с мирными намерениями. Среди населения будут распространены листовки с разъяснениями защитной функции оккупации. Однако любое сопротивление будет сломлено. В листовках подчеркивается, что мы обеспечиваем нейтралитет Дании и Норвегии, не будем вести с их территории никаких боевых операции, в том числе и против Англии.

10 апреля. В Дании акция идет беспрепятственно. В Норвегии сопротивление совсем слабое. Копенгаген в наших руках. Из-за тумана не удалось посадить наши самолеты с десантом в Осло. В обеих странах активно действуют наши роты пропаганды... Лондон и Париж до самого начала акции были в полном неведении, а потом проснулись и стали предлагать свою помощь, но это пустые угрозы. Всем смешно... Был у фюрера. К середине дня нашу акцию можно уже рассматривать как в целом удавшуюся. Выявляются невероятные подробности. Придет время, когда эти события будут рассматриваться, как самая безумно смелая дерзость в истории... Лондон и Париж проявляют растущую нервозность. Чемберлен в палате общин[7] сделал лживое заявление о том, что Англия не планировала оккупации и военных акции против Скандинавских стран. Англия направила в район военных действий вермахта соединение своего военно-морского флота. По нему нанесли удар 88 наших бомбардировщиков. Девять попаданий бомб в корабли, одни крейсер потоплен. Ответ! Нейтралы совсем умолкли, поняли, что час пробил. Рим и Москва оказывают нам хорошую помощь своими публикациями... Фюрер очень счастлив, все развивается по плану. Он рассматривает эту операцию как один из наибольших успехов нашей политики, а также ведения войны... Гесс не знал о начале операции, лежал больной в постели, услышал об этом в известиях по радио... Правительство Норвегии ушло в отставку. К власти пришел Квислинг[8], наш сторонник. Он призвал сохранять спокойствие и порядок... Все произошло за одни день. Лондон ошеломлен. США заявили о незаинтересованности в событиях. Слишком много счастья! Я даже начинаю бояться, как бы Бог не стал нам завидовать.

11 апреля. Норвежцы потопили наш прекрасный «Блюхер»[9]. Они дорого за это заплатят... Удар по планам Лондона и Парижа достиг цели. Америка ведет себя сдержанно, нейтралы молчат, настроение в Германии прекрасное - все ждут развития событии. Полемика с враждебной стороной в прессе и на радио идет блестяще. Делаем так, чтобы Лондон почувствовал всю глубину унижения и потерю своего престижа в мире, [происшедшую] всего лишь за два дня... Фюрер сожалеет о наших жертвах, но без них нет успехов. Политический и военный выигрыш неоценим. О будущем Дании и Норвегии фюрер сказал: не протекторат, а северогерманский союз государств. Единая внешняя, экономическая, таможенная политика. Мы получим в собственность важнейшие военные базы, возьмем на себя вооруженную защиту Дании и Норвегии, которые откажутся от собственных вооруженных сил. Подтвердилось, что Англия также собиралась действовать в Скандинавии. Мы опередили. Черчилль и на этот раз был не в состоянии противостоять фюреру. Восхищает понимание фюрером обстановки в мире, его концепция: сначала действовать, потом рассуждать. Старая, многократно испытанная древнеримская мудрость еще раз оправдалась... Великолепно действовала наша авиация. Взаимодействие вермахта и всех государственных структур было образцовым. В сводках командования сообщается не только об успехах, но и о потерях. Это укрепляет доверие к нашей информации... В сражении у берегов Норвегии англичане потеряли семь крейсеров, У нас тоже большие потерн. Пока нет точных данных. Положение там неясно. Капитан «Блюхера» Хан спасся. Потери в команде невелики. Удар норвежцев по «Блюхеру» был абсолютно бессмысленным.

12 апреля. Масса лживых сообщений из Лондона о Норвегии. Большинство из них нельзя опровергнуть, не раскрывая наших военных секретов. На бумаге англичане имеют успех в боевых действиях, утверждают, что овладели Бергеном[10] и Нарвиком. Эти бумажные победы производят в мире впечатление. Надо нам и здесь перейти в наступление... Потерн флота значительны, но совсем не чрезмерны. Указание прессе: самообладание, ясность, никаких отговорок, наступательный характер в информации. Разъяснить народу, что без потерь успехов не достичь. Наши военные руководители понятия не имеют об информационной политике. Йодль представил мне доклад о военном положении... Разговор с фюрером. Он с крайним неуважением относится к лживой английской информации. Мы далее не станем молчать. Мир узнает истинное состояние дел... Фюрер относится к действиям старого норвежского правительства, как к несерьезным. Но Квислинг пока еще не утвердился у власти. Он неверно оценивал внутреннее положение в стране. Но теперь в любом случае можно сказать, что сопротивление в Норвегии сломлено... В Бергене мы захватили пять английских транспортов с оружием. Сводка верховного [главно]комамдования вермахта составлена в психологическом отношении очень искусно. Сначала сообщается об успехах войск, затем о речи Черчилля в палате общин, где он признал тяжелые потери английского флота: потоплены еще два крейсера, тяжелые повреждения от бомб получили линкор и авианосец.

13 апреля. Фюрер настроен против нейтралов. Чем меньше страна, тем она нахальнее. Малые страны не имеют права пережить эту войну... В Норвегии еще не все ясно, но фюрер не видит там ничего серьезного. У нас повсюду прочные позиции. Англичане ничего сделать не могут. В Дании все спокойно... Квислинг действует очень неуклюже. Ему необходим хороший руководитель пропаганды. Я бы охотно поехал наладить ее, но мое пребывание в Норвегии сразу же бросится в глаза и превратит военную операцию там в событие особой важности... Пропагандистская атака даст результаты. Очень заметен поворот в мировом общественном мнении в нашу пользу.

14 апреля. Военное положение хорошее, все тверже закрепляемся в Норвегии. Сопротивления почти нет, но правительство Квислинга пока не может утвердиться... Особенности нашей пропаганды: в Дании -максимум сдержанности, такта, никакой назойливости и речей о протекторате, подчеркивание национального своеобразия датчан и их прав. Напротив в Норвегии: показ бессмысленности сопротивления, Германия хочет мира, но совершившиеся события никакой ревизии не подлежат... Квислинг был у фюрера. Он, пожалуй, лучше, чем мы думали, надо его поддержать... Шведы наглеют и наглеют. Швейцарская пресса стала опять сверхнаглой. Ее или подкупили, или она по характеру еврейская.

15 апреля. Английские сообщения о потере нами семи кораблей у Нарвика в общем подтвердились. Но и мы нанесли им тяжелый урон, потопив крейсер класса «Йорк» н подводную лодку. Нарвик мы удерживаем, но положение там неопределенное... Пресса Москвы и Рима надежно поддерживает нас».

16 апреля. Фюрер с неуважением отозвался о характере норвежцев: трусливый, ищущий наслаждений господствующий слой и очень бедный народ. Этим и объясняется любовь [норвежцев. - П.Б.] к Англии... Наши потери у Нарвика значительны. Сможем ли мы там удержаться? Англичане прилагают здесь много сил для достижения престижного успеха. Войска [Германии] сражаются героически, а поведение немецкого народа просто сказочное.

17 апреля. Борьба за Нарвик продолжается. Англичане находятся во фьорде, мы - полк и 2100 морских пехотинцев - на побережье. Главная задача здесь- нарушить пути подвоза из Швеции железном руды для Англии - в значительной степени решена, но наше положение затруднительно, и в Нарвике мы вряд ли удержимся... Главное в том, что мы... прочно удерживаем Южную и Центральную Норвегию... Мы потеряли 10 эсминцев... Я начал готовить речь ко дню рождения фюрера.

18 апреля. Фюрер не выступает с речью об обстановке, ждет наиболее благоприятного момента. Он отмечает расцвет наших военно-воздушных сил, которые революционизировали весь процесс ведения боевых действий. Линкоры долго не продержатся, не смогут противостоять авиации. У нас имеется сейчас превосходство над противниками в развитии ВВС, следует постараться сохранять его и в будущем. Когда же все начнется на Западном фронте? Это во многом зависит от погодных условий. Сейчас они не благоприятствуют действиям авиации. Мы должны осуществить наступление решительно и энергично... Йодль считает полезным расширить сводки главнокомандования вермахта, более пространно рассказывать о боевых действиях, даже если они не всегда благополучны. Это народ в состоянии перенести. Ему нужно время от времени говорить правду... Тауберт[12], которым был свидетелем гибели «Блюхера», доложил, что поведение солдат десанта и команды, их дисциплинированность были образцовыми. В первую очередь у десанта. Моряки все-таки больше думали о своей жизни. Последний из солдат десанта, оставшийся на уходящем в пучину моря «Блюхере», приветствуя спасшихся товарищей, стоял по команде «Смирно» и кричал «Ура!» в честь фюрера. Творится великая героическая история... Принимаю меры по усилению режима секретности в моем министерстве. Слишком много болтовни... У фюрера сохраняется хорошее мнение о Квислинге. Я его не разделяю. Квислинг в своей стране считается предателем.

19 апреля. В сводке главнокомандования вермахта дается абсолютно правдивое описание морского боя нашего эсминца. Это правильно. Я приказал дать в прессе соответствующие комментарии. О военных моряках слагают песни. Героизм флотских экипажей войдет в немецкую историю... У Нарвика положение не ясно, в других местах хорошо. На Западном фронте незначительная боевая деятельность, погода мешает авиации... Муссолини ведет планомерную подготовку к вступлению Италии в войну. Зарубежная печать стала относиться к нам лучше. Туман из пустых фраз и лживых сообщении из Лондона рассеялся. У них [англичан. - П.Б.] настроение, как с похмелья. Я ждал этого.

20 апреля. День рождения фюрера. Новые попытки англичан высадиться в Норвегии сорвались. Наши части укрепляют позиции, сражаются с легендарным героизмом. Дальнейшее их продвижение в Норвегии идет по плану... В Англии и Франции заметно отрезвление во взглядах и оценках, усилились голоса скептиков и пессимистов. Мы отмечаем это с удовлетворением. Получено донесение о настроении населения во Франции. Оно очень понизилось, почти пораженческое. Напротив, в Германии настроение по-прежнему на вполне высоком уровне, проявляется понимание неизбежности жертв. Сбор металла принес около 60 млн. кг, то есть в три раза больше, чем ожидалось. Великолепный результат... Написал сердечное послание фюреру ко дню рождения. Был у него. Он очень много работает, но свеж и полон жизненных сил. Военные действия в Норвегии близки к завершению, тогда Англии придется кое-что пережить... Фюрер получает подарки - автомобиль «Фольксваген» повышенной проходимости... В Риме состоялись итало-германские военные переговоры. Весь мир в тревоге... Я выступил с речью по радио по случаю дня рождения фюрера. Думаю, что с большим успехом, хотя при выступлении на радио это точно установить нельзя.

21 апреля. Вчера был день рождения фюрера. На Вильгельмплац[13] с раннего утра [была] масса народа, неиствующего от восторга и овации. Вся пресса и радиопередачи посвящены этому праздничному дню. Магда с детьми еще утром посетила фюрера... Днем у него был обед для широкого круга. Разговоры шли об охоте. Позже в самом узком кругу обсуждалась большая политика. Италия, кажется, готова вступить в войну, сделать иначе она не может. Англия не

понимает серьезности своего положения. Фюрер готовит против нее нокаутирующий удар, но и сегодня согласен на мир с ней. Условия: Англия должна совсем уйти из Европы, отказаться здесь от своих позиций, к нам должны вернуться все бывшие наши колонии, несколько округленные. Фюрер не хочет уничтожать Англию и ее империю, но и мы должны быть спокойны за свое будущее... При этих условиях не пришлось бы опасаться новой войны. Норвегию мы превратили бы в сверх-Сингапур[14], а тогда у Лондона пропало бы желание воевать. Фюрер считает: получилось хорошо, что Италия в сентябре 1939 года не начала воевать вместе с нами. Иначе Англия могла бы воздержаться от объявления нам войны. И тогда через 3-5 лет все бы началось заново. При условиях уже несравненно более благоприятных для Лондона. Если уж [начинать войну.-П.Б.], то теперь... Фюрер отметил, что прогресс в авиации революционизировал процесс ведения [вооруженной борьбы. - П.Б.]. В этом мы явно впереди противников. Если бы не было войны, мы полностью осуществили бы неверную военно-морскую программу, сейчас же стало ясно: крупные надводные корабли теряют былую роль и не смогут в будущем противостоять авиации. Фюрер за быстрейшее начало действий на Западном фронте. Мы не хотим и не можем долго ждать... Наши летчики потопили английский крейсер и транспорт в 15 тыс. тонн -это их подарок ко дню рождения фюрера.

22 апреля. В политике абсолютным штиль. Наша авиация потопила два английских крейсера, четыре транспортных судна. Тяжелый удар по Англии.

23 апреля. Англичане продолжают попытки высадиться в Норвегии, но это удается только мелким группам и нас не волнует. Сами норвежцы сражаются мужественно, но они не обучены, действуют необдуманно. Мы легко их побеждаем... Я устранил несколько излишнюю политизацию радиопередач. Надо давать больше развлекательных программ, музыки. Народ хочет этого. Кроме того, значительно шире станут комментарии к новостям... Был у фюрера. Он смеется над английской пропагандой, над тем, что у англичан победы лишь на бумаге. Фюрер занят разработкой планов для Норвегии. Позднее он хотел бы создать там что-то вроде сверх-Сингапура, вечную базу против Англии, с подземными сооружениями, которые впервые в истории будут неуязвимы от ударов авиации. Далее фюрер сказал, что нам надо руководствоваться классической схемой: обучение в образовательных школах, а затем профессиональные училища. Треугольник Спарта - Афины - Рим продемонстрировал в простой форме основы политического устройства: Спарта - народное расовое государство, Афины - торговое и культурное государство, Рим - государство с имперской властью. Из этого нами должен быть найден синтез. Тогда германское государство будет существовать вечно. Я счастлив, что в словах фюрера отразились и мои взгляды. Поддерживает их и Гиммлер. Фюрер говорил далее о католицизме, о том, что он приходит во все большее противоречие с точными науками и тем ускоряет свой конец. Протестантство - это в известной степени свидетельство затухания созидательного начала в католицизме.

24 апреля. В Норвегии убит американский военный атташе, но Вашингтон, кажется, не обратил на это внимания. Гесс все еще болен, выглядит очень плохо.

25 апреля. Территория, занятая нашими войсками в Норвегии, продолжает расширяться, их положение улучшается... Фюрер сообщил, что у взятых в плен в Норвегии англичан обнаружены важные документы, подтверждающие, что Англия собиралась оккупировать эту страну, в том числе соответствующие приказы и распоряжения. Речь шла не о днях, а буквально о часах. Мы избежали большой опасности. А Черчилль вместо сообщений о высадке английских десантов неожиданно узнал, что и в Норвегии появились «эти проклятые германцы». Фюрер еще раз проявил свой безошибочный инстинкт в предвидении событий, счастье оказалось на его стороне. Фюрер изложил своп планы: Франция должна быть разгромлена. Тем самым Англия потеряет на материке свой меч и станет бессильной. Разгром Франции - это акт исторической справедливости. Колониальные заморские владения Англии отбирать у нее не следует. Это не в интересах Европы. Италия в мирное время нам как союзник будет еще нужнее, чем в военное. Хорошо, если она сейчас вступит в войну, но после нее Италия нужна нам против Франции. Англия получит мир при условии, если полностью уйдет из Европы и возвратит нам наши колонии и кое-что в дополнение к ним. Это станет, однако, возможным, если мы ей нанесем действительно нокаутирующий удар. Я интересуюсь: могут ли Париж и Лондон, исходя из существующего положения дел, наступать? Фюрер в ответ смеется: «Никогда!» Судьба идет своим чередом, начало главных событий зависит сейчас лишь от погоды и наибольшей целесообразности для нас... Из Осло прибыл Мюллер[15] и доложил, что положение в Норвегии сложное, но все проблемы можно успешно разрешить. Квислинг фактически никакой роли больше не играет. Норвежский народ можно быстро привлечь на сторону Германии. Они - люди нордической расы. Фюрер сказал, что их можно сравнить со львом, мечтающим в клетке зоосада об африканских пустынях. Однако норвежские государственные мужи сплошь мелкие обыватели. Наше министерство иностранных дел с его молодыми сотрудниками полностью провалилось в Норвегии, зато войска и военные власти показали себя с лучшей стороны и этим завоевывают сейчас симпатии у населения. Норвегию нельзя сравнивать с Польшей. Здесь нужны совсем иные методы управления. Это делает сейчас Тербовен [16]. Мюллер рассказал о подлинно героических подвигах вермахта, вписавшего новую страницу славы в немецкую историю... Мы опубликовали итоговые данные о том, что с начала войны нами выведены из строя или потоплены 61 боевой корабль английского военно-морского флота. Сообщение встречено в мире как сенсационное... Фюрер очень хвалил деятельность рот пропаганды. Они понесли большие потери. Когда-нибудь мы расскажем о них, о проведенной ими работе... Брошюра о Нострадамусе и его предсказаниях издана в Голландии и Швейцарии и имеет там большую читательскую аудиторию.

26 апреля. Французы бешено ругаются по поводу антианглийских порнографических открыток, сброшенных [германской. -П.Б.] авиацией над их территорией. Значит, задуманный удар достиг цели... Наше итоговое сообщение о потерях английского флота напечатали все ведущие газеты мира. Мы правильно поступили, повлияли на общественное мнение в нужном направлении... Норвежцы больше почти не оказывают организованного сопротивления. Население лояльно. Распространение отвратительных небылиц о нас благодаря принятым мерам почти прекратилось. Никаких жестких мер с нашей стороны, как и прежде, не предпринимается, однако личные радиоприемники у населения будут конфискованы. У Квислинга много желания что-то сделать, но почти нет умения осуществить это. Норвежский народ находится в глубокой апатии после пережитого сейчас военного поражения и из-за того, что история страны закончилась... Фюрер оценивает военное положение как чрезвычайно благоприятное для нас. Из захваченных английских документов видно, что Англия шла на все. Для штабов намеревались использовать больницы, личный состав маскировали под спортсменов, каждому выдавали по пятьдесят патронов. Этого материала хватит нашей пропаганде на неделю.

27 апреля. В Лондоне распространяется настроение глубокого пессимизма. Из Рима сообщают, что Муссолини твердо решил воевать, но ждет своего часа. После встречи с фюрером в Бреннере[17] он убежден в победе Германии... Агенство Рейтер признало, что в Норвегии Англия потерпела поражение, заявив: Англия проиграла первый раунд, но второй она выиграет, так как время работает на нее... Взят в плен племянник Черчилля. Он доставлен вместе с другими пленными

офицерами в Берлин. Мы опубликуем данные допросов... Фюрер рад приходу весны: зимой на Западном фронте наступать нельзя. Снег и мороз - союзники обороняющейся стороны, а мы - наступающая. Ждем подходящего момента. Невозможно быть равнодушным, надо действовать! И скоро, иначе время станет союзником других!.. Хорваты ведут себя нагло. Фюрер считает, что будущее Югославии мрачно.

28 апреля. Муссолини направил телеграмму Рейно о том, что не видит необходимости вести с ним дискуссию о фашизме, нет основании и для личной встречи и беседы. Муссолини заявил далее, что верен союзу с Германией и желает ей победы. Телеграмма секретная. Это пощечина для ни на что не способных деятелей с берегов Сены. Беседа [с Гитлером. - П.Б.] в Бреннере окончательно определила позицию Муссолини как союзника Германии. Фюрер убедительно показал ему пути к победе и наши шансы... Фюрера развлекла книга Зощенко «Спи скорей, товарищ!»[18] . Я читал ему из нее анекдоты. Мы вместе очень смеялись... В Лондоне и Париже признают неотвратимость поражения англичан в Норвегии. Нейтралы также. Оно будет иметь большое значение прежде всего в психологическом отношении... Морально-боевые качества норвежских солдат не очень высоки. Больше сражаться они не хотят. Очередная сводка нашего командования и опубликованные вместе с ней захваченные английские документы привлекли всеобщее внимание. Они действительно чрезвычайно тревожны и показывают истиннее лицо и намерения английского руководства. Отговорки западных политиков носят пустой и глупый характер... Наша авиация нанесла повреждения двум английским крейсерам и двум транспортам. Мир удивлен нашими успехами. Все это делает меня счастливым!.. Кнут Гамсун[19] написал обращение к народу Норвегии, в котором он выступает полностью на нашей стороне. Рекомендует согражданам сложить оружие, резко выступает против англичан, бросивших Норвегию в беде, говорит о бежавшем короле и его личном правительстве. Это смелый, мужественный призыв, который делает Кнута Гамсуна, его автора, мне еще дороже. Однако я пока запретил публикацию призыва, жду более подходящего момента, кроме того, пусть сначала он будет напечатан в Осло... Наши ВВС потопили три английских транспорта и крейсер - новый большой боевой успех.

30 апреля. Послом Италии в Германии назначен Альфиери. Это настоящий фашист. Фюрер просил Муссолини о его назначении. Бывший посол Италии был слишком слаб, чрезмерно предан католицизму и не отвечал нашим потребностям... Англия в трудном положении. Сейчас она охотно приняла бы предложения фюрера о мире, сделанные в августе 1939 года. Тогда, не приняв их, Англия поставила на карту Британскую империю, не имея никакой надежды что-либо выиграть... Фюрер очень хвалит обращение Кнута Гамсуна к норвежцам. К. Гамсун - большой ум... Просмотрел очередной выпуск кинохроники «Недельное обозрение». Нам надо, чтобы народ больше знал о героических делах военнослужащих вермахта... Фритче был в Норвегии в войсках, находящихся на передовых позициях. По его мнению, англичане сражались против нас умело и мужественно. К ним надо относиться как к серьезному противнику. Следует больше говорить населению Германии о трудностях войны в Норвегии, о том, какие значительные усилия потребовались от личного состава вермахта, чтобы достичь поставленных целей. Хорошо проявил себя немецкий генералитет... Обстановка в стране спокойная, актов саботажа нет. В Осло все почти как в мирное время, однако норвежские женщины очень сдержанно относятся к нашим военнослужащим. В Дании же совсем по-другому: между нашими солдатами и молодыми датчанками уже завязались братско-сестринские отношения, хотя датские власти препятствуют этому.

1 мая. У нас нет намерений с помощью пропаганды создавать для народа иллюзии, скрывать трудности войны... Берндт доносит с Западного фронта, что войска находятся в ожидании, нетерпение и напряжение растут. Скоро там начнутся события... Был у фюрера, ему доложили об акции по ликвидации душевнобольных. Это так необходимо и теперь уже осуществляется, по пока еще втайне, возникло немало трудностей... Наконец-то установлено соприкосновение между частями вермахта, высадившимися у Осло, и десантом, действовавшим в районе Тронхейма. Фюрер чувствует себя счастливым. Это поистине сказочный успех... Фюрер хочет, чтобы я установил особые отношения с новым послом Италии Альфиери. Его назначение к нам вызвало тревогу в Лондоне и в Париже... Радиоприемники у граждан Норвегии решено не отбирать. Благодаря этому мы будем лучше выглядеть в глазах норвежцев. Я уже дал соответствующее распоряжение Тербовену.

2 мая. Военно-воздушные силы вермахта потопили один крейсер и три транспорта... В очень ярком и проникновенном обращении фюрер выразил благодарность личному составу войск в Норвегии. В Лондоне и Париже чувствуется глубокое разочарование ходом событий и признание своего поражения в Норвегии. Газеты, выходящие в Нью-Йорке, пишут об одержанной нами победе, делают льстивые заявления о достоинствах нашего политического и военного руководства. Римская пресса оценивает события почти одинаково с нашей, берлинской. Только Ватикан выступает против участия Италии в войне, но это на Муссолини не повлияет... Опубликовано обращение Кнута Гамсуна к соотечественникам-норвежцам. Оно сразу же привлекло всеобщее внимание.

3 мая. Один одичавший американский еврей установил вознаграждение в миллион за голову фюрера. Чисто по-еврейски и в то же время еще одно доказательство того, как плохо евреям в настоящее время... В Лондоне и Париже тяжелый кризис, вызванный поражением в Норвегии. В Лондоне идут разговоры о замене Чемберлена, о том, что во главе правительства должен стать Ллойд Джордж[20] . Но и он не в состоянии помочь. В первую мировую войну он привел Англию к победе, но тогда ему противостоял Вильгельм II, германский император, а не Адольф Гитлер. Премьер Франции Рейно? Бедный болтливый интеллектуал, которого вообще нельзя принимать всерьез как государственного руководителя... Очередная сводка командования вермахта сообщает о паническом бегстве англичан в районе Ондальснеса[в Норвегии -П.Б.]. Их там накрыла наша бомбардировочная авиация. Поражение для них полное. В своих военных сводках англичане попросту врут. Американская пресса теперь стала полагаться на военные сводки немецкого командования... Чемберлен выступил в палате общин и в уклончивых выражениях признал поражение своих войск в Норвегии, заявил также, что Ондальснес будет оставлен. Приятно слышать! Наши войска еще вчера вступили в этот город, а англичане в панике убегали из него. Немецкая авиация достигла больших успехов в борьбе с английским военно-морским флотом. Виктория!

4 мая. Фюрер рассматривает современные события как второй акт мировой войны 1914-1918 гг. Тогда у Германии были все мыслимые предпосылки для победы, но победительницей стала неправая сторона. В той слабости мы повинны сами и должны сейчас исправить положение. Нынешняя война станет последней в Европе. После нее наступит эра абсолютной германской гегемонии на этом континенте... Фюрер отметил героизм, проявленный частями вермахта в Норвегии. Они там преодолели серьезнейшие трудности... Поражение англичан и заявление Чемберлена в палате общин по этому поводу восприняты в мире как удар грома. Такого несуразного признания, какое сделал Чемберлен, еще никто не слышал. На него мы в прессе отвечаем с насмешками и сарказмом, который присущ тем, кто уверен в своем превосходстве... В Америке полностью разделяют нашу оценку обстановки. Нейтральные страны выступают единодушно против Лондона. Фюрер оценивает сложившееся военное положение весьма оптимистично, но от англичан можно ждать всего. Черчилль совершенно непредсказуем. Трудно понять глупость английской пропаганды, которая представ-

ляет собой сплошную ерунду, распространяемую в газетах и по радио... В Осло все спокойно. Норвежские девушки начали уже поглядывать на наших солдат. Это прогресс решающего значения. Имеются трудности с изданием газет, показом кинофильмов. Мы направим в Осло все необходимое самолетами. Пока норвежцы не проявляют интереса к газетам... Обсудил с Гиммлером вопрос о ротах пропаганды в войсках СС. У нас с ним полное согласие по всем проблемам.

5 мая. Англичане вынуждены очистить Намсус. Теперь вся южная и центральная части Норвегии в наших руках. У Нарвика сделал заявление о капитуляции перед нами командир норвежской дивизии, которую поставили в тяжелое положение англичане. Они ушли со своих позиции, ничего не сказав об этом своим соседям и союзникам - норвежцам. Чисто по-английски. Мы распространили заявление об этой капитуляции норвежской дивизии по всему миру. Престижу англичан нанесен еще одни серьезный удар. Пусть знают: мы не подарим им ничего, а сами используем все. В Нью-Йорке безграничное восхищение боевым мастерством частей вермахта. Сейчас военная и моральная оценка достоинств «третьего рейха» стоит в мире выше всех... К западу от Намсуса наши пикирующие бомбардировщики всего за 33 секунды потопили тяжелый английский крейсер класса «Йорк», что равнозначно для Англии потере целой армии. Еще одно доказательство превосходства современной авиации над военными кораблями. Один английский публицист проповедует необходимость ведения неограниченной воздушной войны. Я поручил дать ему в нашей прессе резкий ответ... В последнее время газеты обсуждают английские планы расширения войны, называют район Средиземного моря и Балканский полуостров. Это то, что нам нужно сейчас.

6 мая. Верховное [главно]командование вермахта сообщило, что с начала войны потери торгового флота наших противников составили 2,3 млн. тонн регистрового тоннажа. В прессе нейтральных государств идет обсуждение наших военных успехов. Совсем не высказываются больше сомнения в том, что в условиях современной войны военно-воздушные силы имеют превосходство над военно-морским флотом.

7 мая. Все в ожидании большого наступления. К сожалению, погода в эти дни не благоприятствует применению авиации. Итак, еще несколько дней. Время, время! Напряжение постепенно становится непереносимым. Какое счастье жить в такие годы! На Западном фронте мы должны быть абсолютно готовы к действиям в любую минуту. На первом месте, как и всегда, психологическая подготовка. Сейчас мы усиленно отвлекаем внимание от района предстоящих действий, но это не очень-то удается... Фюрер познакомил меня с донесением, характеризующим Муссолини. Он - фашист, твердо стоит на стороне Германии, будет идти с нами до конца, когда наступит решающий час, не остановится ни перед чем. Нынешняя война имеет для него и Италии судьбоносный характер. Муссолини не придаст значения разговорам о том, что Италия подпадет под гегемонию Германии. Не нарушит нашего союза и проблема, кто будет господствовать в Средиземном море, пусть это будет делом будущих поколений. О фюрере Муссолини говорит с восхищением. Ватикан выступает против Муссолини. Папа Римский целое воскресенье провел в слезной молитве. Это старое мошенничество, мы его достаточно знаем. Не понимаю, почему Муссолини не запрещает выпуск «Оссерваторс Романо», газеты Ватикана[21]. Она же открыто проповедует пораженческие настроения. Фюрер считает, что у дуче тактические соображения в этом вопросе.

8 мая. Наше положение в районе Нарвика безрадостно. Фюрер обдумывает возможность использовать там парашютно-десантные подразделения. Даже сам генерал Дитль не верит больше, что наши части смогут продержаться. Тогда они уйдут на территорию Швеции. Однако американцы по-прежнему отдают все шансы на успех все-таки нам. Мы почти полностью молчим о событиях в Нарвике. Нельзя позволить Англии придать им особо престижный характер. Фюрер оценивает английских солдат как очень плохих. Нет в Британии пригодного к использованию человеческого материала. В Норвегии они вели себя позорно, отбирали у норвежцев бомбоубежища, грабили и опустошали все... Потери в ротах пропаганды должны возмещаться только боевыми офицерами, а не тыловиками. Иначе мы вырастим там никому не нужный тип офицера с узким кругозором... Перед магазинами в Берлине появились не радующие глаз очереди. Это следствие упущений в организации снабжения. Я сделал серьезный упрек властям города. В ответ у них лишь пустые отговорки. Надо принимать меры.

9 мая. В Средиземноморском регионе и на Балканах отмечается растущая нервозность. Дело медленно, но пошло. Это-то нам сейчас и нужно!.. Положение в Нарвике ухудшилось. Удержимся ли мы там? Но, кроме Нарвика, положение в Норвегии абсолютно ясно. Страна принадлежит только нам. Кто-нибудь пусть попробует отнять ее у нас! В противоположность тому, что было в Польше, за период войны в Норвегии не отмечено ни единого случая пакостных действий против вермахта со стороны норвежцев. Все-таки они германцы, а поляки -это какая-то халтурная частица Азии. Фюрер намеревается дать указание об освобождении норвежских военнопленных. Это станет важным и действенным жестом с нашей стороны... Лишился своего руководящего поста Ворошилов. В чем дело? Явно, из-за неудач в войне, которая велась с Финляндией... Против Чемберлена и его политики очень остро выступил Ллойд Джордж, но он слишком стар для того, чтобы возглавить правительство. Великая проблема демократии... Усилили свой натиск и лейбористы, но неясно, будет ли свергнут Чемберлен, хотя его речь в палате общин воспринята как явное признание свершившейся катастрофы. Пока преемника премьеру не видно. Английский парламент бурлит. Опять мы можем спать спокойно... В Голландии усиливаются настроения беспокойства и тревоги. Мы дали обстоятельное и четкое опровержение... Муссолини выступил с большой речью. По содержанию она очень хороша для нас. Он полностью за союз с Германией и за вступление Италии в войну.

10 мая. Пока Чемберлен остается на посту премьера правительства Англии. Это отвечает нашим интересам. Судя по сообщениям с Ближнего Востока, армия, которой командует генерал Вейган, несколько переоценивалась нами... В районе Нарвика мы пытаемся высадить роту горных стрелков. Фюрер очень хочет избежать там поражения и идет на все ради этого... Народ Италии в моральном отношении готов к войне, но в военном и экономическом еще нет. Однако Муссолини твердо решил воевать, как только подойдет для этого время. Есть в Италии и склочные группировки, связанные с королевским двором или с Ватиканом и настроенные против участия страны в войне на стороне Германии. Но народ Италии и простое сельское духовенство думают по-другому. Это хорошо... В театре посмотрел постановку пьесы «Кавур»[22], которую написал сам Муссолини. Он делает историю лучше, нежели в качестве драматурга ее описывает... Наконец-то фюрером принято окончательное решение о времени начала решающей операции на Западном фронте. Конкретный час сохраняется в строгой тайне, но все готово.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Из опубликованных в германской печати секретных документов польского МИДа, о которых пишет Геббельс, явствовало, что правящие круги США подталкивали польское правительство занять жесткую, неуступчивую позицию в отношении требований Германии (возврат Данцига, отошедшего к Польше по Версальскому мирному договору 1919 г., предос-

тавление права строить экстерриториальные автостраду и железную дорогу в т.н. «польском коридоре» и др.). В случае фашистской агрессии американская дипломатия обещала польскому правительству эффективную помощь. Невыполнение этих обещаний США, равно как и союзнических обязательств Англией и Францией, стало одной из причин поражения Польши.

В отношении подлинности найденных документов до сих пор существуют различные версии. Одни исследователи считают, что они - от начала и до конца фальшивка, состряпанная в рейхе с целью скомпрометировать правительство США и президента Рузвельта. Преобладает, однако, мнение, что документы такие существовали, тем более что и американская сторона не представила мировому общественному мнению в 1940 г. каких-либо аргументов, убеждающих в обратном. Некоторые историки не исключают, что в обнаруженные в польском МИДе материалы фашистскими спецслужбами были внесены некоторые изменения и дополнения, выгодные Гитлеру, благодаря чему геббельсовская пропаганда и развернула вокруг них скоординированную кампанию.

[2]Изоляционизм - направление во внешней политике и общественное движение в США в XVIII - первой половине XX века. Изоляционисты выступали за неучастие в европейских политических делах, против вмешательства Соединенных Штатов в вооруженные конфликты за пределами американского континента. Изоляционизм использовался правящими кругами США для сохранения «свободы рук» в международных делах и зачастую служил оправданием лицемерной, беспринципной политики. Проведенное под флагом невмешательства в европейские дела законодательство о нейтралитете (1935-1937) было использовано американской реакцией в целях «умиротворения» фашистских агрессоров и тем самым способствовало развязыванию второй мировой войны.

[3]Вейган Максим (1867-1965) - французский армейский генерал. В первую мировую войну член высшего военного совета, с 1918 г. - начальник штаба верховного главнокомандующего. В 1920-1922 гг. - глава французской военной миссии в Польше. В 1930-1935 гг. - начальник генерального штаба, вице-председатель высшего военного совета, инспектор армии. С 19 мая 1940 г. начальник штаба национальной обороны и главнокомандующий французскими вооруженными силами. В июле-сентябре 1940 г. министр национальной обороны марионеточного профашистского правительства, возглавлявшегося маршалом Л. Ф. Петеном.

[4]Рундштедт Карл Рудольф Герд фон (1875-1953) - генерал-фельдмаршал (1940) немецко-фашистской армии. Участник первой мировой войны, начальник штаба корпуса. С 1919 г. служил в рейхсвере. Командовал группой армий «Юг» в 1939 г. при нападении на Польшу и группой армий «А» в 1940 г. при нападении на Францию. В период агрессии против СССР до ноября 1941 г. возглавлял группу армий «Юг». С 1942 по июль 1944 г. и с сентября 1944 г. главнокомандующий немецкими войсками на Западе. После войны до 1949 г. находился в английским плену.

[5]Уэллес Самнер - заместитель госсекретаря США в 1937-1943 гг. В качестве эмиссара президента США Рузвельта весной 1940 г. посетил столицы ряда европейских государств, встречался с их политическими лидерами. 3 марта 1940 г. имел аудиенцию у Гитлера (См.: *Хайэм Г.* Торговля с врагом/Пер, с англ. М.: Прогресс, 1985. С.195).

В беседе с Рейне 4 апреля 1940 г., о которой упоминает Геббельс, Уоллес говорил о предстоящем наступлении немцев на Западном фронте.

В опубликованных в 1947 г. мемуарах Рейно писал: «16 марта 1940 г. Чиано (министр иностранных дел Италии. - П.Б.) сообщил господину Самнеру Уэллесу, что крупное наступление на Запад близится... Риббентроп, прибыв в Рим... сказал Муссолини и ему самому (г-ну Чиано)... что Германия решила осуществить в самое ближайшее время тотальное военное наступление, что она не предусматривает никакого мирного решения, которому не предшествовала бы победа Германии, и что после победы мир будет продиктован немцами... Немецкое правительство предусматривает сначала разгром Франции, а затем, вскоре после этого, развал Англии» *(Reynaud P.* La France a sauve l'Europe. Vol. 2. Paris, 1947. P. 55. Цит. по: *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1972. С. 135-136).

[6]Норвежская операция (9 апреля - 10 июня 1940 г.) проведена вооруженными силами Германии с целью захвата Дании и Норвегии. Против их малочисленных сил (11 дивизий неполного состава, 34 надводных корабля, 9 подводных лодок) Германия сосредоточила 9 полнокровных дивизий и 1 бригаду, 31 надводный корабль, в том числе 2 линкора, 7 крейсеров, а также 35 подводных лодок и около 1300 самолетов. 9 апреля фашисты оккупировали Данию, правительство которой призвало население не оказывать сопротивления. Одновременно были высажены десанты в различных пунктах Норвегии, главный - в районе столицы страны Осло. Угроза английским морским коммуникациям заставила англо-французское командование направить в Норвегию свои и польские войска (до четырех дивизий), которые высадились в период с 14 по 17 апреля в ее северной (район Нарвика) и центральной частях. После неудачных попыток наступления в Центральной Норвегии основные силы союзников были переброшены на север страны, к Нарвику. Бои за этот важный в стратегическом отношении порт (через него осуществлялся вывоз железной руды из Швеции в Англию и другие страны) продолжались до начала июня и завершились победой немцев. В центре страны норвежские войска капитулировали еще 3 мая. 5-8 июня союзники эвакуировались из Норвегии.

Вот как отзывался о военных действиях в Норвегии Черчилль: «Превосходство немцев в планировании, командовании и энергичности было очевидным. Они неуклонно осуществляли свой план операции. Они умели мастерски использовать все возможности, которые давало им применение крупных сил авиации. К тому же превосходство немецкого солдата, особенно в мелких стычках, было очевидным. В Нарвике пестрый по составу, наспех сформированный отряд в 6 тыс. человек на протяжении шести недель держал под угрозой союзные войска, насчитывавшие более 20 тыс. человек. В этой Норвежской операции действия наших лучших войск, шотландской и ирландской гвардии, были парализованы энергичными, находчивыми и хорошо обученными молодыми солдатами Гитлера» (Цит. по: *Типпельскирх К.* История второй мировой войны/Пер. с нем. Н. А. Захарченко и Л. К. Комоловой. М.: Иностр. лит., 1956. С.65).

[7]Палата общин - нижняя палата парламента Великобритании.

[8]Квислинг Видкун (1887-1945) -организатор и лидер крайне националистической, фашистской партии в Норвегии. Сын священника. Получил военное образование, майор норвежской армии. В апреле-декабре 1918 г. военный атташе в Петрограде, в 1931-1933 гг. военный министр Норвегии. В мае 1933 г. организовал фашистскую партию «Национальное объединение». Содействовал захвату страны Германией в 1940 г., 1 февраля 1942 г. стал премьер-министром марионеточного правительства Норвегии. Жестоко расправлялся с патриотами. После освобождения страны казнен по приговору норвежского суда как военный преступник. Его имя стало нарицательным для предателей своего народа.

Примечательно, что резидент немецкой разведки (абвера) в Норвегии майор Бенеке на основании имевшейся у него информации сделал вывод о том, что Квислинг не способен руководить правительством. Характеризуя ведущих норвежских политиков, он доносил в Берлин о Квислинге: «Известен как фанатик, не играет никакой роли». 13 апреля 1940 г. Бенеке подготовил рапорт о новом «главе правительства», где не сказал о Квислинге ни одного положительного слова (В сетях шпионажа/Пер, с англ. и норвеж. М.: Вое-низдат, 1965. С.290-291).

[9] «Блюхер» - тяжелый немецкий крейсер, назван в честь главнокомандующего прусской армией в битве при Ватерлоо (1815) генерал-фельдмаршала Г. Блюхера. Потоплен в апреле 1940 г. в Осло-фьорде норвежскими береговыми батареями. «Блюхер» попал под обстрел потому, что военно-морское командование не учло предупреждения абвера о риске прохождения судами наиболее узкой части Осло-фьорда близ форта «Дрёбак».

[10]Берген, Тронхейм, Намсус, Ондальснес - портовые города в Южной и Центральной Норвегии.

[11] 10 апреля 1940 г. «Правда» опубликовала полный текст меморандума германского правительства правительству Норвегии, зачитанный по радио министром пропаганды Й. Геббельсом, в котором оправдывалась агрессия против норвежского народа и вся вина за эскалацию военных действий возлагалась на Англию и Францию. «Вопреки искреннему стремлению германского народа и его правительства жить в мире и дружбе с английским и французским народами и несмотря на отсутствие всякого разумного основания для взаимных споров, правители Лондона и Парижа объявили германскому народу войну, - говорится, в частности, в меморандуме. - Развязав давно подготовлявшуюся (так в тексте. - П.В.) ими агрессивную войну против прав Германской империи и самого существования германского народа, Англия и Франция открыли одновременно морскую войну против нейтральных стран, посредством которой они пытались, полностью пренебрегая международным правом, осуществить голодную блокаду против германских женщин, детей и стариков... Английское и французское правительства открыто заявили, что они намерены военным путем вмешаться в конфликт между Советским Союзом и Финляндией... Германское правительство заявляет норвежскому королевскому правительству, что Германия не намерена нарушать территориальную целостность и политическую независимость норвежского королевства ни сейчас, ни в будущем» (Правда. 1940. 10 апреля).

Меморандум Германии вызвал ответную реакцию в Англии и Франции, Чемберлен и Рейно выступили с резкими заявлениями по поводу него. Но тексты их заявлений не публиковались в советской печати того периода.

Нейтральная позиция, занятая Советским Союзом в европейском конфликте, обусловила то, что в советской прессе 1940 года не найти каких-либо собственных комментариев по поводу фашистской агрессии против Дании и Норвегии. Однако сообщения о военных событиях на Скандинавском полуострове, переданные из Берлина, сводки германского верховного главнокомандования занимают в «Правде» и «Известиях» за апрель 1940 г. газетной площади больше, чем из Лондона, Парижа и Осло, вместе взятых. Значительное место отведено сообщениям из Рима о политической поддержке Италией действий фашистской Германии против Скандинавских стран.

С началом военных действий на севере Европы ряд газет Запада (американская «Нью-Йорк Таймс», английская «Дейли Телеграф», шведская «Афтонбладет» и др.) сообщили о том, что германские войска, оккупировавшие Нарвик, прибыли туда через Ленинград и Мурманск, что Германия просила разрешения у Советского правительства использовать для их переброски в район боевых действий Мурманскую железную дорогу и Мурманский незамерзающий порт. 12, 14 и 15 апреля ТАСС опроверг эти сообщения, как совершенно несоответствующие действительности, провокационные вымыслы.

[12] Тауберт, Фритче, Берндт - сотрудники министерства пропаганды Германии.

[13] Вильгельмплац - площадь в центре Берлина. Здесь находилась имперская канцелярия - официальная резиденция Гитлера.

[14] Сингапур - остров в Юго-Восточной Азии и одноименное государство, расположенное на нем и прилегающих мелких островах, самостоятельное с 1965 г. С 1819 г. Сингапур был английской колонией, в XX веке - крупной военно-морской базой Великобритании. В 1942-1945 гг. оккупирован Японией.

[15] Мюллер Генрих - личный представитель Геббельса при рейхскомиссаре оккупированной Норвегии с 21 апреля 1940 г.

[16] Тербовен Йозеф (1898-1945) - деятель нацистской партии, гауляйтер Кёльна, с 21 апреля 1940 г. рейхскомиссар Норвегии, хотя формально она и не была объявлена протекторатом Германии.

[17] Бреннер - перевал в Восточных Альпах, в пограничном между Австрией и Италией районе (в тот период - между Германией и Италией). Место нескольких встреч Гитлера и Муссолини. Свидание фашистских лидеров, о котором упоминает Геббельс, состоялось 18 марта 1940 г.

[18] Зощенко Михаил Михайлович (1895-1958) — русский советский писатель-сатирик. Во многих его рассказах, фельетонах, пьесах разоблачается психология мещанства, показываются некоторые уродливые черты быта. В 40-50-е годы писатель подвергся чрезвычайно острой, разгромной критике, вызванной неприятием его творчества частью руководителей КПСС и Советского государства.

Переведенный в Германии сборник произведений Зощенко, о котором пишет Геббельс, получил название по заглавию рассказа «Спи скорей», созданного писателем в 1935-1937 гг.

[19]Гамсун (псевдоним, настоящая фамилия Педерсен) Кнут (1859-1952) - норвежский писатель. Сын деревенского портного, с 14 лет вел скитальческую жизнь, менял профессии. С 1877 г. начал литературную деятельность. В 1920 г. за роман «Соки земли» получил Нобелевскую премию. О художественной силе и оригинальности лучших книг Гамсуна не раз писал Максим Горький.

В годы оккупации Норвегии сотрудничал с гитлеровцами, за что после разгрома Германии был осужден и подвергся бойкоту норвежской общественности. В современной Норвегии проводят грань между предательской позицией Гамсуна в годы оккупации и его литературно-художественным наследием.

К творчеству Гамсуна был неравнодушен Й. Геббельс, находил его ярким писателем.

[20]Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945) - один из лидеров либеральной партии, в 1916-1922 гг. премьер-министр Великобритании.

[21]"Оссерваторе Романо» («Римский обозреватель») - ежедневная газета на итальянском языке, официальное издание Ватикана, выходит с 1861 г.

[22]Кавур Камилло Бенсо (1810-1861) - итальянский либеральный политический деятель. В 1852-1858 и 1860-1861 гг. премьер-министр Сардинского королевства, провел буржуазные и антиклерикальные реформы. Стремился объединить Италию вокруг Сардинии путем династических и дипломатических сделок. После объединения Италии в 1861 г. глава итальянского правительства.

Перевод и примечания П. В. БАХАРА

(Продолжение следует)

«ПЕРЕДЕЛ МИРА ПО-НОВОМУ, КТО ОПОЗДАЕТ, НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТ...» - Из дневника Й. Геббельса

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1994. № 5, 6.

1940 год

11 мая. Правительствам Бельгии, Голландии, Люксембурга вручены меморандумы: поскольку они нарушают нейтралитет, Германия вынуждена взяться за оружие. Мы требуем не оказывать сопротивления, наша цель - защита нейтралитета этих стран. В божественное время рассвета немецкие войска [вчера] перешли границы. До последнего момента все удалось сохранить в тайне[1]. В 8 часов утра я зачитал текст меморандума по радио. Одновременно мы опубликовали пространный доклад верховного главнокомандования вермахта с перечнем фактов нарушения нейтралитета этими странами... Весь мир затаил дыхание. Для Парижа это как гром среди ясного неба... Фюрер приказал освободить военнопленных-норвежцев. Как и ожидалось, Бельгия и Голландия оказали сопротивление. Особенно у крепостей, по реке Маас и на канале Альберта[2]. Нам надо остерегаться преждевременного оптимизма. Йодль доложил мне предполагаемый ход операции. ВВС будут действовать лишь по военным целям, у ВМС - ограниченные задачи, на сухопутные войска ложится основное[3]. Нельзя рассчитывать на подобие польской кампании. Фюрер издал приказ по Западному фронту: час настал, эта борьба определит историю Германии на тысячу лет, исполняйте свой долг. Нужна особая сдержанность в информации, пока не станет ясным ход событий... Голландия и Бельгия обратились за помощью к Англии и Франции. Глупо! Первые военные успехи: Маастрихт, Мальмеди в наших руках, в нескольких местах преодолен канал Альберта. Загадочен для нас Льеж[4]. Я запретил повсеместно танцы. Полностью перестроена музыкальная программа [радио]... Французы бомбили Фрейбург. Убито 24 человека. Фюрер заявил: мы ответим ударами в пять раз сильнее... Рузвельт выразил надежду, что Америка останется нейтральной. Мы тоже надеемся, во всяком случае до выборов президента, а до этого мы кое-что, а возможно, уже все выиграем[5].

12 мая. Операция развивается по плану, намеченные цели достигнуты. Сопротивление такое, как ожидали. Чудеса творит авиация. Противник потерял в воздухе 120, на земле 130 самолетов, мы - 11. Сенсацией стали действия наших десантных подразделений. Захвачен сильнейший форт крепости Льеж, взята тысяча военнопленных. В северной части Голландии мы вышли к морю. США остаются нейтральными. Рузвельт ругается по нашему адресу, но нам не больно. Мы не спешим сообщать об успехах. Это вводит противника в заблуждение. Хорошо действуют роты пропаганды. Я направил своих сотрудников в Голландию, чтобы установить контроль над радиотехническими заводами фирмы Филипс[6], как только они окажутся в наших руках... В радиопередачах на Бельгию и Голландию требуем от народа повиновения...

13 мая. Чемберлен ушел с поста премьера, но остался в кабинете. Старый идиот, но для наших планов он очень подходил. Все в рукахЧерчилля. Французы пока еще не разгадали наш замысел и направление главного удара[7]. И дальше бы так! Они сами готовят себе поражение. Наши военные сводки очень скупы и нарочно запаздывают с информацией о захваченных городах. Не хотим вносить ясность противнику, который сейчас, как путник, бредущий ощупью в темноте. Невероятные слухи о наших парашютистах. Французы сами вводят себя в заблуждение. Мы ничего не опровергаем. Умолчание сейчас - лучшее пропагандистское оружие... Быстрый захват форта Эбен Эмаель крепости Льеж вызвал высочайшее восхищение в мире.

14 мая. Обстановка на фронте складывается хорошо. Продвигаемся вперед удивительно быстро. В Бельгии, конечно, заметно труднее, чем в Голландии. Мир полон сообщений о таинственном новом оружии вермахта. Мы молчим, как и по поводу бессмысленных сообщений о так называемой «пятой колонне». Сам противник создает панику... Крупные радиозаводы в городе Эйндховене в наших руках... Рейно грозится расстреливать всех наших парашютистов. Мы резко протестуем, заставим взять это заявление обратно. Льеж пал, 18 тыс. пленных. Королева Голландии Вильгельмина[9] и ее правительство бежали в Лондон... Мы ведем активную подрывную радиопропаганду. Она имеет успех.

15 мая. Галифакс[10] произнес лживую речь в парламенте - грязные небылицы о германских парашютистах. Французская пресса полна ненависти к нам. Это показатель слабости противника. В психологическом плане наше положение весьма благоприятно. Нейтральный мир полон восхищения. Какая большая разница по сравнению с 1914 годом! Продолжаем подчеркивать, что войну начали не мы, а Лондон и Париж. Им и расхлебывать... Граница Франции войсками пройдена, форсирована река Маас, пал Седан, Роттердам в наших руках. Прорыв удался. Фантастическое поражение вражеских сил, его последствия невозможно предвидеть. Америка замерла от удивления. Вермахт увенчан венком непобедимого, а это тоже важное оружие на войне... Позвонил фюрер, действия войск превзошли его ожидания. Очень доволен эффективностью нашей пропаганды, интересовался настроением в народе. Конечно, чудесное после таких успехов. Фюрер сказал, что наступление продолжится, пока это возможно... Тяжелое положение в Нарвике, против английских бронетанковых сил там долго не продержаться. На остальных участках все хорошо... Наш лозунг: сражаться и работать, цель - победа! Есть только один грех - трусость.

16 мая. Ночью поступило сообщение о капитуляции армии Голландии. Это произвело шоковое впечатление на наших врагов... В Бельгии, несмотря на жесткое сопротивление, двигаемся вперед. Взяты два форта крепости Намюр. Это история, которая пишется сейчас железом и кровью... Мы стараемся создать у противника впечатление, что хотим провести в жизнь только план Шлиффена[11]. Надеемся, что он попадется на этом. Радио и пресса в Германии почти все внимание уделяют этому плану операции...

У Седана прорвана линия Мажино, она потеряла свой нимб[12]... За 14 мая уничтожено двести вражеских самолетов. Наше господство в воздухе продолжает упрочиваться... Впечатление от побед растет: в Италии одни дифирамбы, в США - восхищение... Когда же Италия перейдет от слов к действиям?!

17 мая. Во вражеской прессе сумбур. Мы им умело пользуемся. Паузу в действиях войск заполняем сообщениями об успехах, достигнутых ранее. Не допускаем победных фанфар. Народ не должен считать, что разгром противника произойдет по мановению руки. Тяжелые бои еще предстоят... Хорошая пресса из Рима и Москвы, используем ее для разложения врага[13]... Войска сражаются с неслыханной отвагой, вступили в Гаагу и Амстердам. Сбито 98 самолетов... Противник признал, что танки вермахта сумели вклиниться во внутреннюю линию французских укреплений. Рейно выступил с драматической речью. Постепенно во Франции начинают понимать, перед какой катастрофой они стоят... Рузвельт требует от Конгресса денег на вооружение, вину за расходы возлагает на нас. Старый обманщик... Бывший германский император[14] остался как гражданское лицо в Доорне. Он имеет право на свободное передвижение, однако никаких почестей ему оказано не будет...

18 мая. Пресса Швейцарии пышет ненавистью к рейху. Придет очередь и этих хиреющих портье. Мы заткнем им глотку... Муссолини выступил с сильной речью. Рим не может выжидать вечно... Наши ВВС добились сенсационных успехов в борьбе с английским флотом. Паника в западных странах растет. Мы с помощью тайных радиопередатчиков раздуваем ее. Я при этом навожу подозрение на бежавших из рейха евреев как на немецких шпионов. Пусть почувствуют войну... Враг во многих местах бежит, не может противостоять танкам и пикирующим бомбардировщикам вермахта, их психологическому воздействию, ослабляющему нервную систему... Бельгийское правительство переехало в Остенде. Черчилль был в Париже, хочет спасти, что еще возможно. Голландцы рады, что для них война закончилась... Уделяю большое внимание радиопередачам, здесь нельзя допускать психологических ошибок: по вечерам все немцы у радиоприемников. Они получают через них заряд бодрости и поучения... Битва продолжается, решаются судьбы народов. Фюрер на фронте. Боже, сохрани его жизнь!.. Наша пропаганда работает мастерски. Я устал как собака, хоть несколько часов сна!

19 мая. Военная обстановка быстро развивается исключительно в нашу пользу... С 1938 года мы завоевали в Европе семь стран. Самое невероятное достижение в истории, какое вообще можно представить. Замешательство у противника полное. Подрывная пропаганда приносит плоды. Беженцы переполнили города, заняли дороги. Гамелен [15] приказал войскам: «Победа или смерть!» Вот как дело пошло. Мы этого и ожидали. В нас самих господствует неописуемое чувство триумфа...

21 **мая.** Пояс крепостей у Льежа и Намюра весь в наших руках. Развернулась битва на реке Сомме, в местах, памятных по мировой войне. Сбито 143 вражеских самолета... Из главной квартиры фюрера сообщают, что он лично руководит операциями, дела идут блестяще, он не упускает ни одной благоприятной возможности[16]... Париж и Лондон оценивают положение как «очень серьезное и угрожающее»... Наши радиопередачи, открытые и тайные, направлены на усиление паники во Франции. Я сам пишу большинство сообщений. Нужно непрерывно наносить все новые удары по врагу... Французы ищут выход из котла у Седана, англичане пытаются удалиться к морю, но и те и другие в железном кольце окружения... Посол Италии Альфиери нанес мне первый визит. Он считает, что Италия скоро выступит. Дуче решил твердо и ждет самого удобного момента.

22 мая. Настроение у противной стороны совершенно катастрофическое... Нам удалось завершить окружение, готовятся новые Канны. Вышли на побережье у Абвиля. Лаон, Аррас, Амьен в наших руках. Битва на уничтожение невиданных ранее масштабов. 9-я французская армия распалась. Ее командующий генерал Жиро[17] и его штаб взяты в плен. На волосок от плена был Петен[18]. Беспримерный триумф... Радиопередачи действуют подавляюще, новейший козырь передач на Францию - церковная служба с сильной пацифистской направленностью. Мы стремимся создать у французов настрой против англичан. Паника в Париже быстро нарастает. Мы подливаем масла в огонь. Нам надо расплатиться за то зло, что они причинили Германии в 1918 году[19]. Мне доставляет особое удовольствие причинять французам неприятности в отместку за то, что тогда перенес беззащитный немецкий народ... Потоплен транспорт, 43 тыс. т. Виктория!

23 мая. Настроение в Лондоне и особенно в Париже идет дальше ко дну. Вейган в качестве надежды на выход из кризисного положения потерял привлекательность[20]. Растет критика поведения англичан. Так бы и дальше!.. Гигантский контингент сидит в ловушке, но еще будут жестокие бои... 120 самолетов сбито... Звонил фюрер: наша цель - Париж. Никакой паузы для передышки. Голландия и Бельгия должны остаться суверенными государствами, хотя бы из-за своих колониальных владений. Это совершенно правильно. Иначе туда влезут Япония, Америка или еще кто-то. В окружении находятся лучшие соединения французов, вероятно, большая часть моторизованных. Каковы же будут трофеи?! Как показывают военнопленные, французы уже чувствуют себя разбитыми, но англичане в своем большинстве сражаются все еще очень мужественно... Английское правительство получило от парламента далеко идущие чрезвычайные полномочия. Мой заголовок к этому сообщению - «Слишком поздно!»

24 мая. В моральном плане противная сторона несколько пришла в себя. Трубят тревогу. Выступили Д.Купер[21] и Эттли[22]. В Париже очень плохо. Здесь наша подрывная пропаганда действует особенно сильно. Рейно вынужден давать опровержения... В котле тяжелейшие бои, мы вышли к Булони, но не сообщаем об этом. Французы и в первую очередь англичане делают попытки прорваться... Через нейтральную прессу распространились слухи о мире, пущенные мной. Неразбериха в информации нам будет долгое время только полезна. Нужно использовать все средства, чтобы поддерживать самообладание и мораль немецкого народа. Он должен знать правду о тяжести боев... Панические новости идут по всему миру, невозможно понять, где правда, где ложь. Это неважно, царит беспокойство, и это главное... Наши зенитчики с 10 по 18 мая сбили 342 вражеских самолета. Это достижение вызывает гордость...

25 мая. В Лондоне фактически установлена полная диктатура Черчилля. Все надежды теперь связываются с США, но Рузвельт ограничивается пустыми протестами в наш адрес... Сражение продолжается, у французских войск проявляется сильная усталость, хотя они еще отчаянно сопротивляются, находясь в окружении... В тайных радиопередачах мы широко используем предсказания Нострадамуса[23]. Нам предстоят тяжелые дни, но наш мощный удар увенчается успехом... В Лондоне и Париже отчаянно борются с пораженческими настроениями. Сам Бернард Шоу[24] заявил, что лучше уж «умрет в последнем окопе», нежели даст совет капитулировать.

26 мая. Рейно в заявлении для общественности всю вину за катастрофу возложил на военных. Очень дешево и просто... Рейно сместил Гамелена и еще 16 генералов. Это невозможно понять... Франция идет к катастрофе. Это суд истории за тиранию против Германии, длившуюся столетиями... Из США слышны разные голоса, частью восхищенные, частью переполненные ненавистью. В Америке растет страх перед нами и за судьбу Англии. Париж очень любезен в отношениях с Римом, но без успеха... Бензина при самом большом расходе у нас хватит на полгода, но каучука, которого было мало, оказалось в достаточном количестве в Голландии... Из главной квартиры фюрера сообщили, что Кале окружен. 45 тыс. пленных - первая порция. Драма спешит к своему завершению. Перед нашими солдатами можно испытывать только глубокое уважение. В котле сумасшедший разгром...

27 мая. Моральное состояние личного состава вермахта великолепное... Из Парижа к фронту идут подкрепления, но мы подготовлены ко всему. Наши ВВС впервые нанесли бомбовый удар по английским аэродромам. Он ошеломил англичан... Мы используем большую радиостанцию Люксембурга в качестве тайного радиопередатчика. Особенно действуют на французов передаваемые нами призывы к срочной эвакуации.

28 мая. Битва продолжает бушевать. В котле окруженные части сражаются еще упорно, пытаются прорваться, но все больше признаков их близкой капитуляции... Из Нарвика прибыл офицер флота и рассказал о героических делах наших солдат под командованием генерала Дитля. Потрясает их мужественность, человеческое величие, смелость. Таков наш немецкий народ. Он теперь проснулся и призван показать всем народам пути выхода из хаоса, вести их за собой... Рузвельт ведет пустую болтовню, но с подлыми выпадами против нас. О вступлении в войну нет и речи... Король

Бельгии Леопольд[25] предложил нашему командованию капитуляцию всей бельгийской армии. Наше требование - немедленное разоружение. Первая историческая победа на Западе близка...

29 мая. Сообщение о капитуляции бельгийской армии подтверждено. Решение принято королем вопреки мнению правительства, которое намерено вести войну дальше. Речь идет приблизительно о 500 тыс. солдат. В Париже полный шок. Рейно в своей речи грубо оскорбил короля Бельгии. Мы раздуваем панику... Общественное мнение в Лондоне очень удрученное, но англичане намерены сражаться дальше... Положение окруженных войск союзников безнадежное... Фюрер приказал обеспечить приличное отношение к бельгийской армии. Король будет пока находиться в одном из замков... Продолжаются жестокие бои, у нас существенные потери. Атаки наши ведутся с отчаянной смелостью... Англичане мстят, совершают бессмысленные налеты на города в западной Германии... Фюрер удовлетворен ходом событий, оценивает положение чрезвычайно оптимистично, считает, что уничтожение окруженных войск не будет трудным... В Италии высшее напряжение, но Муссолини не спешит. Чиано, кажется, несколько впал в немилость за свою сдерживающую позицию... Геринг настроен на жесткие меры против пленных французских офицеров, так как летчики вермахта во французском плену подвергаются плохому обращению. Фюрер издал резкий указ, который подействует на французские власти... Черчилль выступил с дерзкой речью, но в ней чувствуется страх. Он считает положение Англии весьма серьезным.

30 мая. В народе много говорят о потерях, преувеличивают их. Поэтому мы публикуем точные данные о потерях в Норвегии. Они, сверх ожиданий, невелики. На Западном фронте они ниже тех, какие можно считать приемлемыми... Вражеские войска в котле сжаты так, что буквально стоят друг на друге. Англичане долго не продержатся. Судьба французской армии в Артуа предрешена. Но - горькая пилюля! - англичане вторглись в Нарвик... Сталин отправил Стаффорда Криппса[26] обратно в Лондон. Не подходит для торговых переговоров. Страшный позор для Англии. Империя перед распродажей... Французы зверски относятся к нашим военнопленным. Мы должны сделать из этого выводы. Потребуется несколько дней.

31 мая. Москва нанесла удар в лицо английской плутократии. Ее козырь - развал советско-германских отношений - оказался несостоятельным. Началось наше пропагандистское наступление на Францию всеми средствами, направление - революционно-националистическое, цель - паника и революция во Франции, особенно в Париже. На тайные коммунистические передатчики я послал своих людей, там тайные советники и прочие чиновники не подходят, нужны настоящие нацисты... Вся ведущая американская пресса уверена в победе вермахта. Газеты пишут, что английские солдаты, прибывшие в Дувр из Франции, рассказывают, что они вырвались из подлинного ада... В Бельгии празднества. Решение короля о капитуляции отвечает желанию народа. Фюрер предоставил королю 50 млн. франков. Бельгийцы не подходят для солдатской службы. Они говорят: «Хайль, Гитлер!» и, напевая и радуясь, отправляются домой к своим матерям... Создается новая Европа, преграды падают. В тяжелых муках рождается юная часть Земли.

1 июня. Мы усиливаем пропагандистский нажим на Францию... Дюнкерк держится из последних сил. Англичане превратили участок площадью 10х15 км в болото, чем затруднили наше продвижение и прикрыли свое трусливое бегство. У англичан подорвался на мине линейный корабль «Нельсон», но они не сообщают об этом[27]. Наши дивизии освобождаются для новых задач. Наступление не заставит себя ждать... На Англию надвигается бедствие. Весь мир понимает это, но без особого участия. Вообще в этой войне участие в чужой судьбе - редкое явление... В Америке началась предвыборная борьба. Рузвельт, по-видимому, будет добиваться избрания. До президентских выборов вступления США в войну ожидать не следует... Донесение из Москвы: здесь не очень подчеркивают успехи вермахта, чтобы не так плачевно на победном фоне выглядел собственный поход в Финляндию. Но никаких знаков ухудшения советско-германских отношений. Сталин твердо остается с нами, несмотря на все попытки Лондона. Однако определенная часть партийной бюрократии нас не любит... Англичане пытаются представить свое поражение во Фландрии как смелую военную операцию. Но ни один человек в мире этому больше не верит. Для господ плутократов дело обстоит плохо. Продолжать их атаковать!

2 июня. Пресса и радио у нас строго выполняют мои указания. Отлично! В США еврейская пресса публикует панические сообщения о том, что мы якобы хотим завоевать Европу и задушить Америку голодом... Англичане бегут через пролив. Французы их прикрывают. Наши катера потопили много транспортных судов. К сожалению, погода препятствует использованию ВВС. Сбито 84 самолета. По сообщениям из Фландрии, англичане дрались мужественно, французы не многого стоят. У врага великолепные танки, но их слишком мало, не хватает и самолетов. Ни физически, ни морально враг не выдерживает наши бомбовые удары. Англия остается твердым орешком. В эту войну все должно решиться, иначе жертвы напрасны. Европа должна получить успокоение, но это возможно, если ее возглавит сильнейшая, могущественнейшая и самая многочисленная нация. Такая нация - это мы. Поэтому надо стиснуть зубы и идти на все. Все это мы видим совсем иначе, чем в 1914 году... Опубликовано по моему указанию сообщение об успехах зенитной артиллерии, иначе она стала, совсем незаслуженно, предметом шуток и насмешек... Муссолини решил начать войну 5 июня. Фюрер обсудит это с военными и даст дуче окончательный сигнал. Надо избрать такой день, когда удар со стороны Италии был бы для Парижа уничтожающим.

3 июня. Англичане пытаются вывезти войска из Дюнкерка на любых судах. Наша авиация собирает кровавую жатву. Сообщения об этих событиях полны ужаса. Это Божий суд! Наши трофеи необозримы, их трудно оценить даже приблизительно. В Нарвике наши части держатся, несмотря на значительное превосходство врага. А у Дюнкерка нам приходится сражаться за каждый метр земли... Бывший коммунист Торглер разрабатывает для тайных передатчиков коммунистические материалы для вещания на Францию... Хипгшер[28] был в боях. Он отмечает мужество англичан и деморализацию французов... Иден[29] заявил, что Англия спасла четыре пятых своих войск...

4 июня. Англичане говорят о гордой победе во Фландрии... Их победа в действительности самое катастрофическое поражение, известное истории[30] . Мы стараемся всеми средствами разъяснить это общественности... Число военнопленных, с учетом голландцев и бельгийцев, около 1,5 млн. Англичане только на транспортных судах потеряли около 100 тыс. человек. Наши потери с учетом достигнутых успехов можно назвать удивительно низкими. В армии пока 10 тыс. убитых, однако очень высок процент потерь среди офицеров. Войска сражались не только мужественно, но умело и осмотрительно... Фюрер три дня провел в районе боев, сейчас он в своем бункере в Эйфеле. В ближайшие дни последует новый удар. Фюрер считает, что в 6-8 недель Франция будет повержена... Фюрер распорядился освободить голландских военнопленных. В Голландии большое воодушевление. Пока захвачено в плен 300 тыс. французских и английских солдат... Проведены бомбардировки Марселя и Парижа. Едва не погиб посол США Буллит[31].

5 июня. В налете на Париж участвовало 1000 самолетов. Только по военным целям. Париж признает это, а Лондон кричит о варварстве и требует возмездия. В США возмущение, но не такое сильное, как ожидали. В этой войне все наоборот. Посол Буллит позволяет превозносить себя как героя. Глупость. Бомбардировка Парижа произвела огром-

ный психологический эффект, так как была неожиданной. Удар получился жестоким. Наши потери 8 самолетов, у французов 79.., Час Италии еще не наступил, но близится.

6 июня. Был у фюрера. Он рассказал, что осмотрел старые окопы, в которых воевал в мировую войну... С евреями после войны мы справимся быстро. Церкви же будет тотчас грубо сказано, что в государстве может быть лишь один авторитет - само государство... Резкий разговор с Риббентропом. Я ему сказал, что у него голова идет кругом. Такое он редко о себе услышит. Он сразу сделался маленьким и некрасивым. Противный человек, у него нет друзей...

7 июня. Под впечатлением нашего наступления усилился скептицизм во Франции. Она идет навстречу страшной катастрофе. Собираются защищать Париж. Тем самым его судьба предрешена. Англичане все больше уходят с континента, оставляя Францию на произвол судьбы... Нейтралы едят теперь только из наших рук. Лишь Швейцария ведет себя дерзко, сбили два наших самолета, но мы у них - четыре. Кроме того, они получат от нас резкую ноту... Французы жестоко вели себя с нашими пленными и бельгийцами-националистами. Собачья нация! Наказание за это не заставит долго ждать... Вторглись в среднем на 15 км в линию Вейгана[32], она блеф, но сопротивление пока сильное... Я активизирую работу тайных передатчиков. Мы должны подготовить французскую революцию. Я считаю это в обозримом будущем вполне возможным... В Дюнкерке 58 тыс. пленных.

Налет на французские и английские аэродромы. Враг потерял 143 самолета. Весь мир напряженно ожидает решения Муссолини... Рейно реорганизовал свой кабинет. Даладье ушел: он хотел мира. Рейно выступил с речью-заклинанием, призвал французов вспомнить о национальной морали, своего рода крик о помощи покорного судьбе человека. Но ему больше уже ничто не поможет. Сейчас он полностью зависит от Лондона.

8 июня. Чудо, которое обещал Рейно, не свершилось. Это понятно даже глупцам. 80 проц. ведущих американских газет убеждены в нашей победе. Мы прорвались за линию Вейгана на 30-40 км. Опять надо замаскировать направление нашего главного удара. Газета «Франкфуртер Альгемайне» сделает фальшивый выпуск, где «раскроет» наши намерения, за это будет серьезно предупреждена на пресс-конференции. Может быть, французы попадутся на этом... Бомбили английские аэродромы, англичане - наши западные города, но без заметного успеха... 10 июня, выступая с балкона дворца, Муссолини объявит о вступлении в войну. Планы у Италии большие: Египет, Мальта, Корсика... Хотят показать свою храбрость и венгры, но фюрер возразил: нам нужен мир на Балканах. Они должны были думать раньше... Стокгольм хотел бы быть посредником между нами и англичанами, но сейчас уже поздно... Чемберлен справедливо объявлен ответственным за катастрофу во Фландрии, такой вялый политик был нам полезен... Разработаны великолепные листовки о мире. Они будут сброшены на линии боев для французов.

9 июня. Ситуация во Франции драматично обостряется. Наши части далеко за линией Вейгана, но мы, как и ранее, не сообщаем о занятых пунктах. Однако французы после поражения во Фландрии поумнели. Мы для них приготовили новые подобные сюрпризы. Итальянская пресса сама фабрикует наши победные новости, заражает этим нейтралов и приносит мне массу хлопот. У нас в Германии слишком многие не видят трудностей в достижении побед, легко их воспринимают. Я всеми публицистическими средствами борюсь с этим, с иллюзиями... Готовим демонстрацию населения Берлина у посольства Италии после ее вступления в войну... Во Франции заговорили впервые о мире. У них, у свиней этих, дрожат колени. Мы заставим их сложить оружие, как было с нами в 1918 году, а тогда поговорим... В Дюнкерке уже 88 тыс. пленных... Вечером Париж в драматических тонах сообщил, что немцы, сражаясь, как их легендарные предки кимвры и тевтоны[33], прорвали укрепленные позиции, французские войска отступают. Такие вести из стана врага волнуют сердце. Великолепный германский народ! Ты призван заново перестроить Европу.

10 июня. Прорыв в основном завершен. Французские войска частично уже обратились в бегство. Вейган призывает к последнему сопротивлению. Над Францией нависло страшное поражение. В Лондоне и Париже паническое настроение[34]. Мы его усиливаем... Фюрер передвинул свою ставку в оккупированные области и готовит новые удары. Введена [еще одна] свежая армия. Сообщения нашего верховного главнокомандования по-прежнему сдержанны. Направления ударов и занятые пункты не раскрываются. Прорыв быстро увеличивается по фронту и в глубину... Морское сражение у Нарвика. Нами потоплен английский авианосец «Глориос» и транспорт, 20 тыс. т... Торглер[35] великолепно работает на тайном передатчике...

11 июня. Нервозность в Париже и Лондоне увеличивается. Поведение Италии остается для них загадкой... Прогресс на фронте огромен, до Марны и Сены. При слове Марна[36] наши сердца стучат громче. Также и у Седана продвижение на юг... Норвегия капитулировала. Англичане оставили Нарвик. Король Хокон[37] бежал в Лондон. Над Нарвиком развевается знамя со свастикой. Наша грандиозная победа. Командование вермахта по-прежнему очень скромно в своих сообщениях... Дуче выступил с речью. Великолепно и умно. Он многому научился у фюрера. Настоящий оратор. Настроение у собравшихся на площади Венеции в Риме восхитительное: Англии и Франции объявлена война. Пролетарские народы выступают против плутократии. Италия не намерена оставаться пленницей в пределах своего моря. Привет и благодарность фюреру. Мы победим! К оружию! Речь заняла 12 мин, но захватила всех... Выступление Рейно - неудержимый плач и моралистские фразы, признание отступления и отчаяния[38]. Выступил и Рузвельт, но для западных стран у него только симпатии, а против пикирующих бомбардировщиков с ними ничего не сделаешь.

12 июня. Орды беженцев оставляют Париж, сообщают о страшных сценах на улицах и вокзалах... Речь Рузвельта не привлекла внимания. Он обещает любые материальные поставки, но до этого Франция уже будет разгромлена. Париж собираются защищать. Это было бы самым страшным преступлением, которое может совершить Рейно [39]. Его правительство переехало в Тур... Две французские армии рассеяны... Враг местами бежит. Сопротивление падает. Англия помогает только подбадривающими заявлениями. В стране сильнейшая деморализация. Наши войска уже вблизи Парижа... Дуче возглавил верховное командование. Король Италии сделал очень позитивное обращение к войскам. Памятная записка об итальянской экономике: длительного участия в войне страна не выдержит. Еще один довод за то, что надо возможно скорее довести войну до победы... Итальянцы бомбили Мальту.

13 июня. В Америке бесчестная травля нас. Но теперь, если бы и захотел Рузвельт вмешаться, уже поздно. Судьба Франции, кажется, предрешена. Мы всемерно раздуваем панику в Париже. Торглер работает превосходно. Кажется, что в Париже вспыхнет революция... Эттли выступил с речью против Италии. Это только укрепляет нашу дружбу с Италией... Командование вермахта впервые сообщило о форсировании Сены в нижнем течении. Реймс, Ком-пьен наши. У Сент-Валери окружены вражеские войска, наступило время боев за Париж. Это радость для всей немецкой нации.

14 июня. Париж объявлен открытым городом, он полностью деморализован распадом и паникой. Французы отступают по всей линии. Рейно обратился с драматическим призывом о помощи к Рузвельту[40], но получил холодный отрицательный ответ. Черчилль обещает помощь, но ее что-то нигде не видно... Париж почти окружен. Марна форсирована во многих местах. Заняты Шалон, Гавр, Ле Бурже. Положение линии Мажино скоро станет безнадежным, взято еще 100 тыс. пленных. Итальянцы бомбили Тулон и Бизерту. Почти все готово для завершающего удара по Франции.

Настроение в нашем народе отличное... Турция заявила о полном нейтралитете и заключила с нами торговый договор... Браухич[41] чересчур много рекламирует себя. Это надо несколько притормозить... Во Дворце спорта собрание женщин Берлина. Я выступил под гром аплодисментов. Какой чудесный у нас народ!

15 июня. Победа за победой. Опубликовано сообщение командования вермахта о завершении победоносного норвежского похода. Наши войска вступили в Париж. Обращение Рейно к Рузвельту воспринято в мире как предсмертный вздох. Холодный отклик Вашингтона лишь усилил это впечатление... После падения Парижа мы перенесли коммунистические лозунги во французскую глубинку, но главные лозунги сейчас: «Долой оружие!» и «Рейно в отставку!» ...Разговор с фюрером: сопротивление французов сломлено на всем Северном фронте, начаты действия на линии Мажино. Мы на вершине военного триумфа. Фюрер счастлив, но собирается громить французов, пока они не станут умолять о мире. Они объявили нам войну, а теперь мы их заставим скулить о мире... Зарубежные страны или восхищены нами, или ощущают себя совершенно подавленными нашими победами... Фюрер приказал везде вывесить государственные флаги, в церквях три дня звонить в колокола в честь победы. Мы ею обязаны фюреру.

16 июня. Мир под впечатлением падения Парижа. Франция в шоке. Волна слухов о сепаратном мире или капитуляции, в том числе и в рейхе. Я дал опровержение, иначе могут быть плохие последствия. Англия заявила, что продолжит борьбу и без Франции... Мы не заинтересованы в пустом соглашении. Франция должна быть сначала полностью разгромлена. Фюрер усилил мое опровержение. Это вызвало большую сенсацию. Он не хочет слухов о мире. Нужно поставить французов на колени. Затем посмотрим, что будет делать Англия. На многое она больше не способна. Фюрер изучает церемонии прекращения огня в мировую войну (Компьенское перемирие 1918 г. - П.Б.) и подписания Версальского мира. Они будут моделью для нас, и это правильно, Рузвельт заявил, что Америка не признает никаких территориальных отторжений от Франции. Но это у нас бессонницы не вызовет... В [работе] тайных передатчиков мы приостановили пропаганду мира. Франция должна быть уничтожена... Линия Мажино прорвана на широком фронте. Захвачены два форта крепости Верден[42], затем сама крепость и город. В мировую войну мы потеряли здесь сотни тысяч солдат. Историческая победа. Революционный режим празднует свой триумф. Мир в безграничном восхищении следит за успехами нашего оружия. Мы могли бы сейчас завоевать всю планету... Литва приняла русский ультиматум о размещении в стране частей Красной Армии. Все живут за счет наших побед. Передел мира по-новому. Кто опоздает, ничего не получит... Похоже, Москва хочет там смести все старое. Самое умное, что можно сейчас сделать...

17 июня. Президент Литвы и министры бежали через нашу границу. Деликатное обстоятельство, в котором мы ведем себя очень тактично. Американская пресса ругает нас, но пока они не пошлют танки, это вполне терпимо. Хорошую речь в поддержку изоляционизма Америки произнес Линдберг[43]. Он единственный здравомыслящий во всей банде... Широко публикуется заявление фюрера, что он не намерен разрушать английскую мировую империю. Америка принадлежит американцам, Европа - европейцам... Мы вновь опровергаем слухи о сепаратном мире с Францией. Она начала войну и должна отвечать за это... Дал указание прессе щадить итальянцев. Их военные сводки выглядят по сравнению с нашими уж очень жидкими. Мы должны проявить больше такта... Военная обстановка на всем фронте от Швейцарии до Ла-Манша великолепная. Выше всех ожиданий... Французское правительство заседает в Бордо... Москва направила ультимативные требования правительствам Эстонии и Латвии, как было ранее с Литвой[44].

18 июня. Решающий день[45]. Французское правительство возглавил Петен, министр обороны Вейган. Это означает, что капитуляция на пороге. Весь французский фронт развалился, армия в состоянии распада... Луара форсирована. Орлеан взят. На этот раз Орлеанская дева не помогла[46]... Петен обратился к народу с взволнованной речью. У нас он просит прекращения огня и оглашения условий мира[47]. Фюрер позвонил мне, чтобы сообщить о капитуляции. Он глубоко взволнован. Но еще должны быть переговоры. Фюрер намерен провести их в Компьене... Великий исторический час, я едва в состоянии высказать фюреру мои поздравления. Сообщение о капитуляции, переданное нами по радио с большой церемонией, вызвало бурю восторга. Массы народа собираются на Вильгельмплац и поют национальный гимн... Вечером выступил Черчилль и заявил, что намерен бороться дальше и достичь победы... Эстония и Латвия приняли ультиматум Москвы... Тем временем фюрер и дуче находятся на пути в Мюнхен. Там будет основана новая Европа.

19 июня. Речь Черчилля была неслыханно дерзкой[48]. Английская пресса вовсю ему подпевает. Бодуэн[49] значительно ограничивает согласие Франции на капитуляцию. Мы отбрасываем сентиментальности и идем дальше. Война продолжается. Французы хотят избежать ужасных последствий разгрома... Я дал прессе строжайшее указание: перо на этот раз не должно испортить то, что хорошо сделал меч. Мы в глазах всего мира на вершине военного триумфа. Операции продолжаются. Французы обращаются в бегство везде, где видят наших солдат. 100 тыс. пленных за один день. Бельфор, Мец, Дижон, Ле-Крезо в наших руках... Черчилль предлагает образовать государственный союз Англии и Франции. Это дикая идея, которая могла возникнуть только в мозгу сумасшедшего. Выступая в палате общин, Черчилль признал, что сохранил в Англии все дивизии и оставил Францию практически в одиночестве. Он сильно оскорбил честь итальянских вооруженных сил. Речь психопата, но для нас сейчас очень полезна. Мы дадим к ней острейший комментарий, используем ее, чтобы пробудить в народе злость к Англии, желание воевать против нее, рассчитаться с ней... Фюрер и дуче договорились обо всем за три часа. Там все хорошо. Там основана новая Европа.

20 июня. Англичане хотят получить французский флот. Нас хотят обмануть ничего не значащим прекращением огня на фронте. Просчитаются... В Америке явное разочарование. Изоляционисты берут верх. Рузвельту очень трудно... Крупный налет на Англию. Англичане бомбили наши объекты в западной части страны и в первый раз с заметным успехом. Злоба против англичан достигла предела. Виноват Черчилль, произнесший такую речь... Условия для Франции будут такими, какие нужны нам. Жестокими, но справедливыми. Парад в Париже запланирован на 26 июня[50]. В остальном спешить не будем. Сначала надо разгромить Францию полностью. У фюрера и дуче полное единодушие. Фюрер не хочет иметь какое-то французское правительство в Северной Африке. Посмотрим, удастся ли нам получить французский флот. Франция снова запрашивает наши условия. Ответ: назовите своих представителей - мы назначим место и время... Бордо считает, что война продолжается, мы не оспариваем. Шербур в наших руках, Нанси тоже, приближаемся к Лиону... Над собором в Страсбурге развевается наше знамя... Я дал поручение заново переработать либретто старых опер и оперетт.

21 июня. Правительство в Бордо чувствует себя увереннее. Лишь Петен выступил с речью, в которой изложил причины военного краха и невозможности дальнейшего сопротивления. Очень трогательно. Но на наши очерствевшие души больше не действует. Война продолжается: Брест взят, Луара преодолена от Нанта до Тура, бои идут на линии Мажино, за прошлый день взято 200 тыс. пленных... Первый большой налет наших бомбардировщиков на центр военной промышленности Англии Бирмингем. Господа англичане должны почувствовать войну... Французы пытаются не отдать нам флот и боевые самолеты. Но мы воспрепятствуем этому... Сообщение из главной квартиры фюрера: пере-

говоры с французами в Компьенском лесу в пятницу, краткая демонстративная церемония. Руководит лично фюрер. Я предлагаю массу деталей по проведению процедуры... Итальянцы опасаются, что французы хотят вбить клин между Италией и Германией. Я отвергаю их опасения. Италия явно не имеет большого желания воевать без нас.

22 июня. В Компьене все готово... Франция на грани полного развала. Проблема эвакуации беженцев оказалась более катастрофической, нежели военная. Под ней страна рухнула окончательно... Парламентарии, имеющие намерение воевать дальше, бегут за границу. Господствуют паника и анархия. Каков Божий суд над народом, который предался наслаждениям и забыл о собственном предназначении!.. По политическим причинам продвижение вермахта приостановлено. Занят Лион, бои на линии Мажино, бомбежка Бордо и устья реки Гаронны... Рузвельт ввел в свой кабинет двух врагов Германии[51]. Если его переизберут, то, очевидно, он начнет войну против нас. Но теперь он не много может сделать, и это главное... Переговоры с французами состоялись в Компьене, в салон-вагоне, в котором была унижена 11 ноября 1918 года Германия. Французская делегация[52] была как громом поражена, когда увидела фюрера. Он не сказал ни слова. Кейтель зачитал преамбулу условий. Мы не руководствуемся чувствами мести и ненависти, но бесчестье 1918 года необходимо устранить. Поэтому проводится вся эта церемония. Наши условия продиктованы интересами безопасности Германии. После этого фюрер покинул салон-вагон[53]. Кейтель вручил французам условия. Французские представители хотели лететь для доклада в Бордо, но им была предоставлена лишь телефонная связь. Они долго совещаются, упираются руками и ногами, не соглашаются. После трех часов переговоры прекращаются. Наутро они должны дать ответ: принимают наши условия или нет... Фюрер считает, что у них нет иного выхода, кроме принятия наших условий. Он рассказал мне о драматической сцене переговоров. Он принял решение салон-вагон и большой камень-памятник триумфа Франции в мировой войне перевезти из Компьена в Берлин, памятник Фошу оставить на месте. Это лучшее, что можно придумать. Унижение Германии должно быть стерто из истории[54]. Мы будем как новорожденные... Фюрер -это величайший гений. Служить ему - высокая честь. После Компьена французские представители направятся для принятия условий Италии в Рим. Незавидная миссия. Но таков Божий суд.

23 июня. Переговоры в Компьене продолжаются. Французы очень упорны и искусны в них. Согласны на наши требования, но не на итальянские, авторы которых кое в чем слишком ненасытны. Муссолини хотел, чтобы их условия вошли в наши. Фюрер отказал ему. Свои требования Италия должна предъявлять сама... В Германии престиж итальянцев упал до нуля. Они ничего не сделали, предоставили все боевые операции нам. Фюрер тоже не испытывает от этого никакого удовлетворения. Можно только желать иметь когда-нибудь таких смелых и надежных союзников, как французы, которые истекали кровью за такой сброд, как англичане! Французы говорят нам: «Вы победили, ваши условия мы обязаны принять, но итальянцы даже не начинали воевать». Муссолини в отличие от фюрера не солдат. Он позволяет уговорить себя генералам и специалистам, что с фюрером никогда не бывает. Кейтель очень хорошо ведет переговоры... Во Франции еще 200 тыс. пленных, захвачено 260 новых неиспользовавшихся самолетов. Сильные налеты на индустриальные центры Англии... Днем ведущие итальянские газеты сообщили, что в Компьене состоялось подписание документов. Эти горе-вояки хотят еще и украсть у нас славу и раструбить на весь мир первыми о нашей великой победе, хотя еще ничего не подписано. Я устроил итальянцам скандал. Газеты были немедленно конфискованы, редакторы строго наказаны... Наконец-то в 18 ч 50 мин подписание документов в Компьене состоялось. Кейтель воздает честь павшим с обеих воевавших сторон. Очень достойно. Соглашение о прекращении боевых действий вступит в силу, однако, только через 6 ч после подписания аналогичных документов Италией и Францией. До передачи этого сообщения по радио мы даем особое сообщение о капитуляции французских войск на линии Мажино. Полмиллиона пленных... Позвонил фюрер. Он очень счастлив. Все превосходно. Франция повержена полностью. Он намерен помочь Италии, чтобы она получила, что хочет, хотя едва ли это заслужила своими боевыми делами. Я рассказываю фюреру о бомбардировке Берлина и прошу об ответных действиях против Англии. Этого требует весь наш народ. Фюреру пока в этом вопросе не все ясно. Вряд ли Черчилль в последний момент капитулирует. Но подождем!.. Сообщение о подписании документов в Компьене даем по всем радиоканалам, с благодарственной молитвой, очень возвышенно и празднично. Затем заключительный репортаж из Компьена. Даже чуточку страшно перед таким историческим величием. Большинство американских газет считает Англию уже проигравшей войну. Нам тоже хочется так думать. Но сегодня мы хотим быть просто счастливыми... Москва дала большое и очень симпатичное опровержение по поводу неверной американской информации об ухудшении советско-германских отношений[55]... Тайные передатчики сделали свое дело во Франции, теперь мы их нацелим на Англию, подошла ее очередь...

24 июня. Война продолжается. Сен-Назер и Ла-Рошель в наших руках... Все ругают Италию. В немецком народе растет настоящая злость против нее. Черчилль обратился к французскому народу с призывом продолжать борьбу. Я запускаю пропагандистскую машину против Англии на полный ход. Народ поддерживает это... В Америке наша победа по-прежнему главная сенсация. Наши политические акции поднимаются, английские падают... В Бордо положение сомнительное. Петен просил не занимать город нашими войсками, мы пошли ему навстречу. Лаваль[56] вошел в состав кабинета. Лондон разорвал дипломатические отношения с Францией. Это последняя беспричинная подлость, какую мог совершить Черчилль. Англия все больше противопоставляет себя Европе, которой угрожает блокадой и голодом. Ну подождите! Ведущий в Лондоне агитацию за продолжение войны французский чудо-генерал де Голль[57] лишен правительством в Бордо всех прав и полномочий... В Риме начались переговоры между Италией и Францией. Русские дают более резкие опровержения попыткам проведения политики, враждебной Германии. Это производит глубокое впечатление. Мы препятствуем любой попытке англичан взломать наш фронт... Мне прислали требования Италии к Франции. Территориальные требования отложены до заключения мирного договора. Условия перемирия близки к нашим, хотя наши не столь агрессивны и более гуманны. Я все же считаю, что французы согласятся... Лаваль стал вице-премьером. Петен в краткой речи резко атакует Черчилля, который не имеет права оскорблять честь Франции. Черчилль не знает ужасов войны, но сейчас он и его страна близки к ним. Лондон отвечает тем, что больше не признает правительства Петена и создает у себя Комитет действия во главе с де Голлем. Превосходно для нас. Лондон становится политическим убежищем для правительств и суверенов без стран.

25 июня. Черчилль своими заявлениями превращает всю Францию в своего врага... У нас настроение народа единое: Англия должна быть разбита. Но, возможно, найдутся в Лондоне в последнюю минуту трезвые политики. Это было бы некстати, так как в этом случае она хоть и пострадала бы, но в значительной степени сохранила бы свою мощь, что было бы для будущего совсем нерадостно... Ждем завершения переговоров в Риме. Муссолини предложил Франции вместо итальянской оккупации спорных территорий их демилитаризацию... В 19 ч 10 мин соглашение подписано. Я потрясен величием минуты. Победа, которую не могла бы представить самая смелая фантазия, достигнута. Звонил фюрер, сказал, что исключительно счастлив, хвалил нашу пропагандистскую работу за ее вклад в успех. Он еще не знает, как быть с выступлением против Англии. Ее империю надо сохранить. Если она распадется, то наследство

достанется другим и даже враждебным странам, а не нам. Фюрер готов на мир на следующей основе: Англия лишается всех своих позиций в Европе, нам возвращаются наши бывшие колонии и кое-что еще в качестве компенсации за причиненный Германии после мировой войны ущерб. Фюрер намерен через Швецию и Испанию выяснить возможность ведения переговоров. Удастся ли это, неизвестно. Нужно подождать. Во всяком случае мы продолжаем свои действия. Нельзя допустить, чтобы Англия отделалась синяком. Лондон через де Голля нападает на соглашение о прекращении огня. Петен в ответ обвиняет Лондон за то, что англичане везде опаздывали и подводили Францию в ходе боев... Сталин сообщил Шуленбургу, что намерен действовать против Румынии. Это вопреки договоренности. Военное положение кое в чем изменится. Но в целом этот вопрос как-то отошел на задний план.

26 июня. Я выразил благодарность и признательность своим сотрудникам. Наш вклад тоже стал достоянием истории... Изменит ли Англия политический курс? Пока никаких верных признаков... Визит Альфиери с поздравлениями, чувствуются опасения, что мы не станем активно действовать против Англии. Италии очень хотелось бы, чтобы мы воевали за ее интересы. Но пусть сначала сами атакуют Англию, если уж так торопятся... Пропасть между Англией и Францией становится глубже. Сейчас это можно лишь приветствовать... Прекращение огня на фронте отмечено сигналом трубы и сумасшедшей радостной пальбой из оружия.

27 июня. Условия прекращения огня опубликованы в печати[58]. По сравнению с первоначальными изменений почти нет. Французы не воспринимают их как особо тяжкие... Большой воздушный налет на Англию отменен, проведен средний.

28 июня. Идеи угрожает. Черчилль заставляет прессу и радио хвалиться победами, но за этим скрывается смутный страх... Имеются две партии: последовательная партия войны и партия мира. Каждая стремится одержать верх. Акции Черчилля нехороши. Через Швецию и Испанию мы нащупываем почву. Выступая в рейхстаге, фюрер сделает последнее предложение, если же последует отказ или наглый ответ, то мы сразу же нанесем воздушный удар изо всех сил... Мартин доложил о попытках окружения Браухича сделать из него Наполеона. Мартин должен помочь устранить это. Москва предъявила Бухаресту давно ожидаемый ультиматум[59]. Трусливый король Кароль[60] попал в трудное положение, просит помощи. Сталин использует свой час. Мародерство! Все на наших успехах, они обеспечивают себе легкие победы другим... Наши войска вышли на атлантическое побережье Франции. Англичане делают демонстративные попытки высадки в самых малых масштабах, мы легко их отражаем. В этом подлинный характер Черчилля.

29 июня. Румыния безоговорочно уступила нажиму Москвы. Бессарабия и Северная Буковина отошли к России. Это неприятно для нас. Русские использовали современную ситуацию. Господа большевики и господа [итальянские] фашисты достигают побед легче, чем мы... Опубликовали информацию, в которой сопоставили вражескую ложь в печати в период кампании во Франции с объективными сообщениями верховного главнокомандования вермахта. Я поручил написать еще хороший комментарий. Очень убедительно действует... Наши части достигли франко-испанской границы. Яркие сцены нашего братства... В прессе заметны слухи о мире. Англичане бомбят города на западе Германии. Фюрер пока не реагирует на эти провокации Черчилля. Решение о войне или мире скоро будет принято фюрером.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гитлеровскому руководству не удалось сохранить в тайне сроки проведения операции. Французская разведка получила в начале мая от агентов сообщения: «Немецкая армия осуществит нападение между 8 и 10 мая по всему фронту, включая линию Мажино», «Атака 10-го на рассвете» (Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1960. № 5. S.274). Цит. по: *Проэктор Я.М.* Агрессия и катастрофа. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1972. С. 136. Начальник штаба абвера полковник Остер накануне наступления проинформировал голландского военного атташе полковника Г.Саса о том, что ожидает Голландию, но его телеграмме там не придали значения, как и ряду других сообщений (см.:*Фест И.* Гитлер. Биография: В 3 т. Пер. с нем. Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993. Т.3. С.209)

[2] Канал Альберта в Бельгии соединяет реки Маас (у Льежа) и Шельду (у Антверпена). Длина канала 130 км, 6 шлюзов. Открыт для судоходства в 1939 г. Накануне гитлеровской агрессии предполагалось, что канал явится серьезным препятствием для частей вермахта, если его придется форсировать.

[3] Имеется в виду французская кампания 1940 г., проводившаяся вермахтом с 10 мая по 24 июня с целью уничтожить войска западных союзников, оккупировать Бельгию, Нидерланды, Люксембург, принудить Францию к капитуляции, а Великобританию к подписанию выгодного для Германии мира. Группы немецких армий «А», «Б» и «Ц» (136 дивизий, 2580 танков, 7378 орудий, 3824 самолета) разгромили войска противника (147 дивизий, около 3100 танков, свыше 14 500 орудий, около 3800 самолетов).

[4] Льеж - административный центр одной из провинций Бельгии, расположен на реке Маас, с 1886 г. - крепость. В 1914 г. ее стойкая оборона задержала на 12 дней прорыв германских в.ойск через Бельгию во Францию, потери немцев составили тогда около 25 тыс. человек.

[5] В соответствии с конституцией президентские выборы в США в 1940 г. состоялись 5 ноября. Победил со значительным перевесом Ф.Рузвельт.

[6] Филипс Глуилампенфабрик - нидерландская радио- и электротехническая монополия. Основана в 1891 г.

[7] Союзники считали, что главный удар вермахт нанесет через равнины Бельгии, в соответствии с этим планировали свои действия. Они никак не ожидали, что противник решится бросить крупные танковые силы через горно-лесистый массив Арденн. Черчилль впоследствии писал: «Решающий удар противника мыслился не в форме обходных движений с фланга, а в форме прорыва главного фронта. Этого не предвидел никто из нас и никто из французов, занимавших ответственные командные посты» (Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М.: Политиздат, 1990. С.38).

[8] Эбен Эмаель - самый мощный форт крепости Льеж, господствовавший над всем укрепрайоном. Считался неприступным. К.Типпельскирх писал: «Тщательно подготовленный захват форта Эбен-Эмаэль [Эбен-Эмаель] воздушным десантом увенчался полным успехом. Обороняющиеся были буквально ошеломлены, когда 78 специально отобранных и подготовленных пилотов в 5 ч 32 мин бесшумно посадили свои планеры на форт. Лишь несколько пулеметчиков успели открыть огонь. Подрывными зарядами были немедленно уничтожены наблюдательный пункт, выходы из казематов и орудийные стволы, выступавшие из бронеколпаков, а боевой дух гарнизона был сломлен угрозой подорвать заряды, спущенные в вентиляционные колодцы. Таким образом, этот мощный форт, построенный лишь в 1935 г., не мог уже оказать никакой помощи войскам, обороняющим канал Альберта... Отважные десантники потеряли убитыми всего пять человек» *(Типпельскирх К.* История второй мировой войны / Пер. с нем. Н.А.Захарченко и Л.К.Комоловой; Под ред. генерал-лейтенанта В.Ф.Воробьева. М.:Иностр. лит., 1956. С.75).

«Правда» 15 мая 1940 г. писала, что, по сообщению парижского корреспондента газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост», «основную роль в захвате бельгийской крепости Эбен-Эмаель сыграли танки с огнеметами и парашютисты, которые сообщали по радио сведения о расположении обороны бельгийцев».

[9] Вильгельмина (1880-1962) - королева Нидерландов в 1890-1948 гг. В период немецкой оккупации страны была в эмиграции. В 1948 г. отреклась от престола в пользу дочери Юлианы.

[10] Галифакс Эдуард (1881-1959) - в 1938-1940 гг. министр иностранных дел Великобритании, сторонник политики «умиротворения» агрессоров.

[11] Шлиффен (Шлифен) Альфред фон (1833-1913) - генерал-фельдмаршал (1911), начальник генерального штаба Германии в 1891-1905 гг., автор плана ведения войны против Франции и России (разработан в 1905 г.). По нему намечалось ударом через Бельгию на Париж глубоко охватить главные силы французской армии, прижать последнюю к франко-швейцарской границе и разгромить, затем перебросить силы на восток для разгрома России. В 1914 г. план не был полностью осуществлен, во многом из-за решительных действий русских армий в Восточной Пруссии. В несколько модернизированном виде он взят за основу и для кампании 1940 года на западном фронте, но об этом стало известно союзному командованию. Группе генералов вермахта (Манштейн, Гудериан и др.) удалось убедить Гитлера принять предложенный ими план нанесения главного удара танковыми соединениями через Арденны. Был достигнут элемент внезапности, поскольку французское командование, никак не ожидавшее проведения здесь крупномасштабной танковой операции, держало на этом участке фронта относительно слабые силы. Как раз на это и был рассчитан план Манштейна. Выполняя его, вермахт быстро добился решающего успеха.

[12] Линия Мажино - система французских долговременных укреплений на границе с Германией, Люксембургом и частично с Бельгией. Названа по имени военного министра Франции А.Мажино. Сооружалась в 1926-1940 гг. Протяженность по фронту около 500 км, глубина 6-8 км, имела около 5,6 тыс. различных долговременных огневых сооружений.

[13] 16 мая 1940 г. в «Правде» была опубликована редакционная статья «Новый этап войны в Западной Европе», в которой фактически оправдывается германская агрессия против Бельгии, Голландии и Франции. В статье, в частности, говорится: «Вовлечение Голландии и Бельгии в войну против Германии давно уже входило в планы англо-французского блока. Лондон и Париж всеми силами стремятся расширить плацдарм начатой ими войны. Эти замыслы встречали и раньше сочувствие у тесно связанных с англо-французским капиталом буржуазных кругов Голландии и Бельгии... После того, как потерпели неудачу планы англо-французских правящих кругов на Скандинавском полуострове, где Германия, опередив союзников, пытавшихся зайти ей в тыл, заняла выгодные для себя стратегические позиции и нанесла поражение англо-французским войскам, Лондон и Париж резко усилили свой нажим на Голландию и Бельгию, чтобы ускорить вступление последних в войну против Германии... Германия и на этот раз опередила своих противников, тем самым опрокинув их расчеты и поставив себя на новом театре войны в более выгодные условия... уже сказываются преимущества, полученные Германией в результате того, что ею захвачена инициатива наступления... Теперь ясно, какую ответственность взяли на себя империалисты Англии и Франции, отвергнув в свое время мирные предложения Германии и развязав тем самым вторую империалистическую войну в Европе».

[14] Вильгельм II Гогенцоллерн (1859-1941) -германский император и прусский король (1888-1918). Свергнут Ноябрьской революцией (1918) в Германии.

[15] Гамелен Морис Гюстав (1872-1958) - армейский генерал, в 1931 -1938 гг. начальник генерального штаба сухопутной армии, в 1938-1939 гг. начальник генерального штаба национальной обороны Франции, в 1939-1940 гг. главнокомандующий французскими сухопутными силами и одновременно английскими экспедиционными войсками во Франции, поддерживал капитулянтскую политику, один из виновников поражения Франции во второй мировой войне.

[16] По-иному оценивал поведение Гитлера находившийся с ним в ставке начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер: «Фюрер ужасно нервничает. Он боится собственного успеха, не хочет ничем рисковать и охотнее всего задержал бы наше дальнейшее продвижение. Предлог - озабоченность левым флангом!» (*Гальдер Ф.* Военный дневник /Под. ред. и с предисл. В.И.Дашичева. М.: Воениздат, 1968. Т. 1.С. 404).

[17] Жиро Анри Оноре (1879-1949) -французский политический и военный деятель, во вторую мировую войну командующий армией, с ноября 1942 г. командующий французскими войсками в Алжире.

[18] Петен Анри Филипп (1856-1951) - маршал Франции (1918), с 1917 г. главнокомандующий французской армией в Европе, в 1934 г. военный министр, в 1940-1944 гг. глава государства и одновременно глава правительства (до апреля 1942) профашистского режима Виши. В 1945 г. верховным судом Франции приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

[19] Имеются в виду итоги первой мировой войны.

[20] Имеется в виду назначение на пост главнокомандующего союзными войсками генерала Вейгана вместо генерала Гамелена. Последний сдал свои полномочия 20 мая *(см.:Типиельскирх К.* Указ. соч. С.77).

[21] Купер Дафф Альфред (1890-1954) - военный министр Великобритании в 1935-1937 гг., министр информации с мая 1940 г. по июль 1941 г.

[22] Эттли Клемент Ричард (1883-1967) - лидер лейбористской партии Великобритании в 1935-1955 гг., член военного кабинета, лорд-хранитель печати и заместитель лидера палаты общин с 10 мая 1940 г.

[23] Подробнее об этом рассказывает шеф политической разведки Германии В.Шелленберг: «Вместе со специалистом из министерства пропаганды необходимо было развернуть как можно более широкую пропаганду против Франции, се-ящую замешательство... Наши [радио]передачи были основаны частично на информации наших французских агентов, а частично на произвольных, но очень эффективных выдумках... Примером того, как мы смогли направлять в нужном для нас направлении поток беженцев... является изготовленная нами невзрачная с виду брошюра, содержащая мрачные прорицания средневекового астролога Нострадамуса. Эта брошюра распространялась среди французского населения через наших агентов по радио и забрасывалась с самолетов. Мы выбрали те цитаты, в которых Нострадамус предсказывал появление «машин, изрыгающих дым и огонь», которые с грохотом будут пролетать над городами, неся ужас и уничтожение людям. От себя мы добавили «пророчество» о том, что только юг и юго-восток Франции спасутся от этих бедствий. После этого охваченные паникой массы беженцев двинулись в подсказанном нами направлении. Тем самым немецкие войска получили желаемую свободу передвижения, тогда как коммуникации французских армий были парализованы *(Шелленберг В.* Мемуары. М.: Прометей, 1991. С. 94).

[24] Шоу Джордж Бернард (1856-1950) - английский писатель, лауреат Нобелевской премии (1925).

[25] Леопольд III (1901 -1983) - бельгийский король в 1934-1951 гг. 28 мая 1940 г. подписал акто капитуляции Бельгии перед Германией и добровольно объявил себя военнопленным, в 1944 г. властями союзных держав вывезен за пределы Бельгии. Возвращение его в 1950 г. вызвало всеобщую забастовку протеста (29-30 июля 1950), после чего он отрекся от престола в пользу своего сына Бодуэна I.

[26] Криппс Стаффорд (1889-1952) - один из руководителей лейбористской партии, сторонник единства всех левых сил, посол Великобритании в СССР в 1940-1942 гг.

Советское правительство в мае 1940 г. отказалось принять его в качестве специального и чрезвычайного уполномоченного английского правительства для ведения англо-советских торговых переговоров (сообщение ТАСС от 30 мая 1940 г.), заявив, что переговоры должен вести посол Англии. После этого Криппс был назначен послом вместо Сидса, и 14 июня того же года его принял В. М. Молотов.

[27] Военно-морской флот Великобритании перед войной имел следующий основной корабельный состав: линкоров - 12, линейных крейсеров - 3, авианосцев - 7, тяжелых крейсеров - 15, легких крейсеров - 49, эскадренных миноносцев - 184, подводных лодок - 58, тральщиков - 42 *(Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 20).

[28] Хипплер, Мартин - сотрудники министерства пропаганды Германии.

[29] Иден Антони (1897-1977) - министр иностранных дел Великобритании (1935-1938, 1940-1945, 1951-1955 гг.), министр по делам колоний (1939-1940), а с мая по декабрь 1940 г. военный министр Великобритании.

[30] К.Типпельскирх пишет: «В ночь с 3 на 4 июня последние английские арьергардные части покинули европейский материк... Среди спасенных 338 226 солдат находились 90 тыс. французов. Все оснащение девяти английских дивизий пришлось бросить. Но... обученные кадровые войска были сохранены.

К этому казавшемуся невероятным результату привели не только неудовлетворительные действия немецкой авиации и запрещение немецкого командования использовать танковые дивизии. Англичане тоже внесли сюда свой вклад... Английские войска сохраняли исключительную дисциплину. Команды спасательных судов всех классов бесстрашно продолжали эвакуацию войск даже во время самых интенсивных налетов авиации... Английская авиация прилагала все усилия, чтобы беспрерывными активными действиями, которые нередко прерывались только для заправки горючим, сковать силы немецкой авиации... Англичане по праву гордились тем, что они совершили» *(Типпельскирх К.* Указ. соч. С.83).

Выступая в парламенте 4 июня, Черчилль заявил: *«Нам нужно весьма остерегаться того, чтобы не приписывать этому избавлению атрибутов победы. Эвакуациями войны не выигрывают* (выделено в тексте. - П. Б.). Но в самом этом избавлении заключается победа, которую следует отметить. Она была завоевана военно-воздушными силами» (Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. Указ. соч. С.58).

В остановке немецких танков перед Дюнкерком, которая фактически и позволила союзным войскам беспрепятственно эвакуироваться, и по сей день много неясного. Известно, что приказ остановиться был дан с устного согласия Гитлера после того, как командующий армейской группой «А» заявил ему о необходимости передышки. По его словам, требовалось перегруппировать танковые дивизии и подготовить их к дальнейшему наступлению. Но, по мнению ряда историков, решающую роль сыграли политические причины - нежелание Гитлера обострять конфликт с Великобританией в расчете на заключение с ней после разгрома Франции выгодного для Германии мира (см.: Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. С.42; *Фест И.* Указ. соч. Т.3. С.221).

[31] Буллит Уильям (1891-1967) - посол США в СССР в 1933 -1936 гг. и во Франции в 1936-1940 гг.

[32] Линия Вейгана состояла в основном из укреплений полевого типа, наспех подготовленных по рекам Сомма и Эна уже в ходе кампании 1940 г. *(см. Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 84).

[33] Тевтоны и кимвры — германские племена. Во втором веке до н.э. вторглись в пределы Древнего Рима, но были разбиты полководцем Г. Марием. Тевтонами начали позже называть германцев вообще, когда надо было подчеркнуть их воинственность.

[34] В приказе по армии, изданном после начала германского наступления и обнародованном во Франции, Вейган писал: «Противник понес значительные потери. Скоро его усилия истощатся. Бьет последний час. Держитесь крепко!»

Однако бравурным широковещательным заявлениям главнокомандующего мало кто верил. По Парижу в эти дни ходили панические слухи, основанные на свидетельствах «очевидцев», что на поле боя, превратившемся в «огромный ад», «действуют 10 тысяч германских танков». Это в четыре раза превышало их общее число в ходе всей кампании во Франции (см.: *Армстронг Г.* Падение Франции. М.:Госполитиздат, 1941. С.69, 66).

[35] Торглер Эрнст (1893-1963) - депутат рейхстага (1924-1933) от Коммунистической партии Германии, в ! 933 г. был обвинен в организации поджога рейхстага вместе с Г.Димитровым и другими коммунистами, исключен из КПГ в 1935 г. за антипартийное поведение.

[36] Битва на Марне - встречное сражение между англо-французскими и германскими войсками с 5 по 12 сентября 1914 г. В ходе ее продвижение немцев к Парижу было приостановлено, они оказались вынуждены отойти за р.Эну, что знаменовало собой перелом в кампании 1914 г. «Чудо на Марне», спасшее Францию в эти дни, было во многом обусловлено тем, что германскую армию на западном фронте ослабила переброска двух корпусов и кавалерийской дивизии на восточный фронт для отражения наступления русских войск в Восточной Пруссии.

[37] Хокон VII (1872-1957) - норвежский король (с 1905). В годы оккупации Норвегии находился в Великобритании.

[38] Рейно, в частности, заявил: «Франция... прошла через более суровые испытания и всегда в таких случаях находила силы для победы... Впереди тяжелые времена, но мы к ним готовы и не склоним свои головы» *(Армстронг Г.* Указ. соч.С.71).

[39] Рейно заявил: «Мы будем воевать на подступах к Парижу; мы будем воевать за Парижем; мы закрепимся в одной из наших провинций для того, чтобы продолжать борьбу...» (там же. С. 72). Рейно просил Рузвельта прислать через Атлантический океан «тучи военных самолетов», подчеркивая, что это «новый и последний призыв» (там же. С. 81).

[41] Браухич Вальтер фон (1881-1948) - генерал-фельдмаршал (1940), в 1938-1941 гг. главнокомандующий сухопутными войсками вермахта, после поражения немцев под Москвой уволен Гитлером в отставку.

[42] Верден - город-крепость (с 17 в.), прикрывавшая пути к Парижу. С 21 февраля по 18 декабря 1916 г. здесь шли напряженные бои, в ходе которых потерпел крушение стратегический план немецкого командования по выводу Франции из войны. Из-за больших людских потерь (Германия - до 600 тыс., Франция - 358 тыс.) это сражение получило название «Верденской мясорубки».

[43] Линдберг Чарльз (1902-1974) - американский воздухоплаватель. В 1927 г. совершил первый беспосадочный перелет через Атлантический океан из США во Францию.

[44] 17 июня 1940 г. было опубликовано сообщение ТАСС об отношениях СССР с Эстонией и Латвией. Советское правительство потребовало от правительств Прибалтийских республик строгого выполнения договорных обязательств, вытекавших из заключенных ими в 1939 г. с Советским Союзом пактов, а также немедленного пропуска на их территорию частей Красной Армии в количестве, достаточном для обеспечения выполнения этих пактов в части, касающейся безопасности границ СССР (см.:Правда. !940. 17 июня).

[45] 16 июня французское правительство провело обсуждение положения в стране и обстановки на фронте. 13 членов кабинета проголосовали за обращение к Германии для получения от нее условий перемирия, 11 - против. После этого Рейно, как сторонник продолжения войны, подал в отставку. Президент Франции Лебрен поручил сформировать новое правительство Петену (см.: *Армстронг Г.* Указ. соч. С.89-90).

[46] Жанна д'Арк (Орлеанская дева) (ок.1412-1431) — народная героиня Франции. Из крестьянской семьи. Возглавила борьбу французского народа против английских захватчиков в ходе Столетней войны, в 1429 г. войска под ее предводительством освободили Орлеан от английской осады. Захваченная в плен англичанами, была обвинена в колдовстве и сожжена на костре.

[47] Выступая по радио, Петен, в частности, заявил, что «Франция больше не имеет сил продолжать войну «против противника, превосходящего ее численно и в вооружении»... Я обратился к нашему противнику, чтобы узнать, готов ли он подписать с нами, как полагается солдатам после войны, почетные условия прекращения военных действий» *(Армстронг Г.* Указ. соч. С.92).

[48] В палате общин 18 июня Черчилль сказал: «...французское правительство упустит большие возможности и поставит под удар свое будущее, если оно не будет продолжать войну в соответствии со своими договорными обязательствами, от которых мы не считаем возможным его освободить» (там же. С.97).

[49] Бодуэн Поль - секретарь военного кабинета, государственный статс-секретарь по иностранным делам, министр иностранных дел Франции с июня по октябрь 1940 г. (Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Карделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. Указ. соч. С.531).

Вступление немецко-фашистских войск в Париж. Июнь 1940 г.

[50] Парад германских войск в Париже летом 1940 г. по ряду причин был отменен. Некоторые историки полагают, что Гитлер решил пощадить национальные чувства французов. Кроме того, Геринг докладывал, что он не в состоянии гарантировать безопасность участников и гостей парада от удара английской авиации. Но, видимо, главная причина была в том, что Гитлер не знал, как будут реагировать на проведение этой акции английские политики. Он не хотел до предела обострять отношения с Великобританией, рассчитывая возобновить переговоры о мире *(Фест И.* Указ.соч. Т.3. С.221).

[51] Рузвельт назначил Генри Стимсона военным, а Франка Нокса - морским министром. Оба они были республиканцами. Их назначение президентом-демократом означало фактически создание коалиционного кабинета. Стимсон и Нокс решительно поддерживали внешнюю политику Рузвельта.

[52] Французскую делегацию возглавлял генерал Шарль Хюнтцингер. В нее входили вице-адмирал М.Лелюк, генерал авиации Бержере и бывший посол Франции в Польше Ноэль.

[53] И.Фест пишет: «Еще до того как дело дошло до текста самого договора, Гитлер поднялся, отсалютовал поднятой рукой и покинул вагон. Снаружи военный оркестр играл германский национальный гимн и «Хорст Вессель» *(Фест И.* Указ. соч.Т. 3. С. 219).

[54] Гитлер издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Исторический вагон, мемориальный камень и памятник триумфа французов доставить в Берлин. Все остальные признаки событий в Компьенском лесу уничтожить, кроме памятника Фошу, который будет оставлен на прежнем месте» (Правда. 1940. 23 июня).

[55] 23 июня 1940 г. было опубликовано сообщение ТАСС по поводу распространяемых слухов об ухудшении отношений между СССР и Германией в связи с успехами последней на Западе. В нем опровергаются утверждения, что на литовско-германской границе СССР якобы сосредоточил 100-150 дивизий. В конце сообщения говорится, что «добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения пакта о ненападении, нельзя поколебать какими-либо слухами... ибо эти отношения основаны не на преходящих мотивах конъюнктурного характера, а на коренных государственных интересах СССР и Германии» (Правда 1940.23 июня).

[56] Лаваль Пьер (1883-1945) - премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1931-1935 гг. (с перерывами). В 1942-1944 гг. глава правительства коллаборационистского режима (Виши) во Франции, казнен французами как изменник.

[57] Голль Шарль де (1890-1970) - французский государственный, политический и военный деятель. В мае 1940 г. командир танковой дивизии, затем помощник военного министра. Противник капитуляции Франции, основатель движения «Свободная Франция» (с 1942 - «Сражающаяся Франция»). В 1958-1969 гг. президент Франции.

[58] Условия перемирия Франции с Германией включали 24, а с Италией — 26 пунктов. Предусматривались прекращение военных действий, разоружение и демобилизация французских воо-

«Странная война» в Европе. Развлечения французских солдат на линии Мажино. 1939 г.

руженных сил, оккупация 2/3 территории Франции. Территориальные претензии откладывались до заключения мирного договора. Флот Франции передавался под контроль Германии и Италии.

По поводу заключенного перемирия Черчилль заявил, что правительство Англии «с горем и изумлением узнало, что условия, продиктованные немцами, были приняты французским правительством в Бордо. Нельзя поверить в то, что эти или подобные условия могли бы быть приняты любым французским правительством, обладающим свободой, независимостью и конституционной властью» *(Армстронг Г.* Указ.соч. С. 123).

[59] Имеется в виду заявление ТАСС о мирном разрешении советско-румынского конфликта по вопросу Бессарабии и Северной Буковины, в котором сообщалось, что указанные территории переданы после соответствующих переговоров Советскому Союзу. В 12 часов 28 июня войска РККА перешли границу для занятия Черновцев, Кишинева и Аккермана в соответствии с заявлением В.М. Молотова, сделанным им 26 июня румынскому послу в Москве (Правда. 1940. 29 июня).

[60] Кароль II (1893-1953) - король Румынии в 1930-1940 гг. из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. В 1938 г. установил личную диктатуру, запретил партии и профсоюзы.

Перевод и примечания П.В. БАХАРА

№8 1991

ДНЕВНИК НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА

В ПРЕДЛАГАЕМЫХ вниманию читателей журнала выдержках из дневника офицера вермахта (Редакция продолжает печатать документы личного происхождения солдат и офицеров вермахта, сохранившиеся в советских архивах. Ранее уже публиковались дневниковые записи немецкого лейтенанта «Мы готовы. Все погружено. Завтра выступаем» — о первом этапе Великой Отечественной войны, подготовленные А. С. Прокопенко («Военно-исторический журнал» 1990, № 1, с. 19—26)) 1943 год недаром назван «самым черным годом во всей немецкой истории». Оснований для такого вывода было немало: разгром группировок немецко-фашистских войск под Сталинградом, на Курской дуге, освобождение от гитлеровцев Левобережной Украины и Донбасса, падение фашистского режима Муссолини, капитуляция и выход из войны такого, казалось бы, «надежного» сателлита Германии, как Италия. Военные неудачи на восточном фронте дополнялись массированными бомбардировками англо-американской авиации крупных немецких городов, что влекло огромные жертвы среди гражданского населения и сильные разрушения. Эти и связанные с ними события, постоянно упоминаемые в дневнике, не оставляли у немцев и следа от былых надежд. Над фашистской Германией зримо нависла тень предстоящей катастрофы.

Вместе с тем мощь немецкой военной машины далеко еще не была сломлена, сопротивление ее оставалось упорным и жестоким.

В годы войны подобные документы являлись еще и «оружием», трофейным оружием в идеологической, пропагандистской и психологической борьбе с врагом. Немецкие документы личного происхождения специально собирались на полях сражений, изымались у пленных. Некоторая их часть сохранилась.

Таким образом к нам попал и ныне публикуемый дневник немецкого офицера. Судя по нему, подразделение лейтенанта К. Ф. Бранда входило в состав б-й армии группы армий «Юг», действовавшей в районе Донбасса. Передний край глубоко эшелонированной обороны противника проходил по рекам Северский Донец и Миус. Нам неизвестна дальнейшая судьба Бранда: был ли он убит, пленен, пропал без вести. Не знаем также, живы ли его родственники... Но поскольку с той поры, когда делались эти записи, прошло почти полвека, нам думается, что мы вправе распорядиться ими по собственному усмотрению. Мы хотим, чтобы их смогли прочесть все, ибо увиденное и пережитое немецким лейтенантом никогда не должно повториться.

28.V1.1943 г.

Прекрасное время года протекает без каких-либо крупных операций. Надеюсь, русский не использует эти долгие месяцы для преждевременного наступления.

Со вчерашнего дня на нашем участке происходят большие передвижения танковых дивизий.

Может быть, это приведет к образованию хотя бы местного окружения, В садах и полях здесь все пышно цветет. Тыква, капуста, картофель, подсолнечники здесь такие, каких мы в Германии никогда не видели...

30.VI.

На нашем участке продолжаются большие передвижения войск. Танковые дивизии направляются к северу, в район Харькова. Трудно сказать, подготавливается ли немецкое наступление или только ожидают крупного наступления русских: по-видимому, все же последнее... (Видимо, речь идет о стягивании крупных сил вермахта, включая 4-ю танковую армию группы армий «Юг», в район севернее Харькова перед началом операции «Цитадель», план которой гитлеровское командование разработало еще в первой половине апреля 1943 г. Наступление немцев, начавшееся 5 июля, имело целью ликвидацию выступа в районе Курска, получившего название Курской дуги, с окружением и уничтожением оборонявших выступ войск Центрального и Воронежского фронтов).

1.VII.

Из ожидавшегося в течение нескольких дней контрнаступления русских, по-видимому, пока ничего не вышло. Но передвижения немецких войск продолжаются. Сегодня вечером ожесточенный налет русских самолетов на нашу деревню.

Итак, снова полгода прошли почти в полном бездействии.

Мы еще долго не оправимся от зимних потерь. Крупные военные действия с нашей стороны вряд ли возможны, так как во всем ощущается недостаток. К тому же англичанин разрушает один немецкий город за другим (Главы двух государств — премьер-министр Англии У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт — на конференции, состоявшейся в Вашингтоне (22 декабря 1941 — 14 января 1942 г., кодовое название «Аркадия»), выработали совместный план действий против Германии, которую участники конференции признали противником в войне. В частности, согласованный курс англо-американской стратегии намечал усиление воздушных налетов на Германию, согласно которому английская и американская авиация осуществляла массированные бомбардировки с воздуха крупнейших немецких городов — Берлина. Гамбурга, Ганновера, Дрездена, Кёльна и др.). Положение в самой Германии тяжелое. На улучшение его надеяться трудно. Меня каждый раз охватывает ужасная ярость, когда я думаю, с каким результатом мы пришли на четвертый год войны. Без сомнения, многого можно было бы избежать, если бы в наших рядах и среди нашего руководства не было столько глупости и зазнайства. Меня душит злоба, когда я вспоминаю все дурацкие утверждения, сделанные за последние годы. Мы попались на удочку своей же пропаганды. И это при наличии таких блестящих военных успехов, при таком героизме и готовности жертвовать собой. Теперь мы снова шатаемся, как в первую мировую войну, и улучшения ждать не приходится. А идеи, желания и начинания были хорошими. Над Европой поднималась немецкая весна. Но проведение в жизнь всех планов все больше попадало в руки мещан и бюрократов. Посредственность расцвела пышным цветом и перестала поэтому выносить какую бы то ни было критику. А теперь она стоит накануне банкротства и не знает, что делать. Великая же идея пострадала от этого и постепенно гибнет. Теперь предстоит последняя борьба за немецкую мечту, за чаяния доброго тысячелетия.

2.VII.

Прекрасный летний день. Цветут подсолнухи, но нет радости. Кёльн снова сильно пострадал. Похоже, будут уничтожены все старинные немецкие культурные ценности... А мы только можем выполнять свой долг — каждый на своем месте и время от времени предостерегающе возвышать наш голос; главное же — беспрестанно призывать к выдержке и стараться увеличивать силу нашего сопротивления.

Я часто смотрю на карточку сына. Как сложилась его жизнь? Захочет ли он стать солдатом?

3.VII.

Часто я задумываюсь о борьбе этих двух великих мировоззрений — национал-социализма и большевизма. Неужели абсолютно необходимо, чтобы они растерзали друг друга? Неужели они не могли ужиться вместе? Были ли проти-

воречия между ними на самом деле так велики? Не придется ли будущим поколениям с[о] страшным трудом выискивать в этом нагромождении лжи действительно существовавшие противоречия?

Неужели в этой войне на самом деле идеализм будет окончательно похоронен? Неужели одержит верх материализм американского или европейско-русского толка? Я никогда в жизни не поверю этому. Мир тогда потеряет свою последнюю прелесть, а жизнь свой смысл.

4.VI1.

Я повторил сегодня в дивизионной школе доклад об истории Германии. Присутствовали командующий и господа из дивизии. Эсэсовская дивизия «Викинг» опять с нами. Очевидно, скоро все же начнется наше наступление. Я полагаю, в ближайшие дни мы должны будем уступить им место в Метчебеловке (Точное название этого населенного пункта — Мечебиловка).

5. VII.

«Викинги» настаивают и торопят. Длительные переговоры с их нахальными квартирьерами. Мы уйдем, разумеется, только если нам это прикажут. Думаю, это будет уже завтра.

6.VII.

...Вчера началось наше наступление севернее Харькова. Так по крайней мере рассказывают эсэсовцы из дивизии «Викинг», которые снова расположились здесь два дня тому назад. Надеюсь, что это правда. Нам в этом году достаточно досталось. Пора что-то предпринимать.

Офицеры из дивизии СС удивляются пессимизму, царящему в нашей дивизии. Они при этом всегда забывают о том, насколько лучше по сравнению с нами условия, в которые они поставлены. Сам вид их возбуждает у наших уставших, измотанных солдат чувство подлинной классовой ненависти. В наши войска входят те жалкие остатки, которые еще можно было наскрести в Германии. Они же собрали лучший человеческий материал в Европе.

Каждый их ефрейтор у нас был бы фельдфебелем. Притом они пьют, кутят, а наши солдаты часто самым настоящим образом голодают.

Тем не менее СС бесстыднейшим образом грабят и отбирают все у местных жителей, в то время как мы все время проповедуем, а также проводим на деле дружбу с украинцами.

У нас сурово наказывается каждый маленький проступок, даже офицеров (как недавно) сразу заключают в крепость, а СС всегда остаются безнаказанными.

Поэтому русский никого так сильно не ненавидит, как эсэсовцев.

9.VII.

После обеда посетил эсэсовскую дивизию «Викинг». Будь я на 5 или 10 лет моложе, я бы, пожалуй, пошел в СС, был бы СС-фюрером. Конечно, они очень ограниченны и чрезмерно оптимистичны, но все же в них живет новая молодая Германия.

При более строгой дисциплине и более сильном упоре на немецкие этические основы из их превосходного человеческого материала можно сделать очень многое...

Первые русские листовки о нашем наступлении севернее Харькова. Они содержат в общем и целом искаженные сообщения наших сводок с неоднократно уже повторяющейся угрозой устроить нам новый Сталинград.

10.VII.

Вчера и сегодня сильный дождь, частые грозы. Надеюсь, это не повредит немецкому наступлению. Эсэсовская дивизия «Викинг» вчера вечером выступила, предполагаю, для того, чтобы принять участие в военных действиях.

12.VII.

Десант американцев в Сицилии (10 июля 1943 г. англичане и американцы высадили десант на остров Сицилия. Несмотря на превосходство в живой силе (255 тыс. солдат и офицеров, сосредоточенных в 10 итальянских и двух немецких дивизиях, против 160 тыс. человек союзников), преимущество в артиллерии (соответственно 1800 орудий против 1500), итало-немецкие войска, оборонявшие побережье, острова, практически не оказали десанту сопротивления). Надо надеяться, что их удастся скоро сбросить. Мы должны удержать Италию, если хотим отстоять Балканы...

16.VI1.

...Мы снова а боевой готовности и ждем. Днем и ночью мимо нас катятся танковые дивизии. Все преисполнены беспокойства и ожидания. У нас так же, как и у русских, сразу за линией фронта происходят крупнейшие передвижения войск. Положение между Белгородом и Орлом до сих пор еще неопределенное.

17.VII.

Вчера началось большое русское наступление на участке нашей дивизии (Дневниковая запись, видимо, рассказывает о контрнаступлении советских войск Юго-Западного фронта). Главный удар был направлен на южный фланг между Петровской и Изюмом, Там наш 457-й полк после первого же удара был сильно разбит. Русские наступали с севера тремя-четырьмя дивизиями, перейдя через Донец по двум мостам и вброд. Повсюду им удалось глубоко вклиниться в наше расположение. Они окружили несколько населенных пунктов и рот. Бои были жестокими, положение чрезвычайно серьезным. Мой 466-й полк вначале был позади, как находящийся в резерве армии, и первый удар его не затронул. К полудню положение стало еще более серьезным, и нас ввели в бой.

Тяжелые бои продолжаются беспрерывно. Уже поступают сведения о первых потерях. Весь день действуют крупные соединения немецких самолетов. Эсэсовская дивизия «Викинг» снова переведена на наш участок в качестве резерва. Весь день ужасная неразбериха, переговоры, телефонные звонки и приказы. Наш батальон прикрывает КП дивизии, который подвергается серьезной опасности. Бросили в бой даже роту выздоравливающих, которая только вчера прибыла из Германии. (По одной винтовке на троих.)

После полудня переговоры между нашим оперативным отделом и оперативным отделом дивизии «Викинг», которая не хочет наступать как следует, хотя русский все больше укрепляется. Их поведение меня неприятно поражает. Посмотрим, какая обстановка будет завтра.

18.VII.

День и ночь продолжаются ожесточенные бои. Сильные соединения русских самолетов атаковали нас, а также бомбардировали все тыловые позиции. Произошло много воздушных сражений. Русский получил подкрепление и снова атаковал упорно и массированно. У него очень большие потери, но и у немцев так же. Многие знакомые и друзья уже убиты. Это был для нашей дивизии второй очень тяжелый день, который, к сожалению, закончился не так успешно, как мы все надеялись. Местные прорывы русских, правда, всюду ликвидированы, но противник все время получает подкрепления и дерется упорно и ожесточенно. В нашей дивизии нет больше резервов. Введено в действие все, до последнего подразделения. Дивизия «Викинг» атаковала сперва только танками, 466-й полк расформирован, остатки

влили в 457-й полк. Будем надеяться, завтра полегчает. Так как вследствие наших тяжелых потерь в офицерском составе я не считаю свою должность адъютанта батальона остро необходимой, я попросил полковника отозвать меня...

19.VII.

Снова день переменных боев. Тяжелые потери среди офицеров, унтер-офицеров и солдат. И наш полевой запасной батальон также понес большие потери. Последние резервы штаба батальона со всем обозом двинуты на передовые. Ночью проходим через Грушеваху и Камышеваху, которые подвергаются сильнейшей бомбардировке. Обоз располагается в Петро-полье. Сильный артиллерийский огонъ, четыре лошади убиты. Идут настоящие воздушные бои...

20.VI1.

Утром установлена связь с 457-м полком. Полевой запасной батальон, несмотря на громадные потери, понесенные вчера, остается в бою... Танковая атака русских. Отбита, но с большими потерями для нас...

21.VII.

Рано утром началась большая русская атака с танками. Обоих командиров дивизии не было. Русские шли с востока, с юга и с запада. Мне удалось успокоить и образумить кучку наших пехотинцев и заставить несколько бронебойщиков вернуться к своим орудиям... Так как русские, видимо, боялись контрудара с нашей стороны, то они весь день сегодня обстреливали нас из артиллерийских орудий. У нас, к сожалению, были тяжелые потери. Мне тоже осколки снарядов попали в руку и в заднюю часть.

И несмотря ни на что, жизнь снова доставляет удовольствие. Знаешь, для чего ты здесь и что все это имеет смысл.

22. VII.

Беспрерывные ожесточеннейшие артиллерийские обстрелы наших позиций. Много прямых попаданий. К сожалению, у нас почти нет укрытий. Мы лежим, распластавшись на земле, как рыбы на песке. Русский расходует огромное количество боеприпасов... К сожалению, у нас опять большие потери...

23.VII.

Беспрерывный дождь, что с беспрерывным артиллерийским и минометным обстрелом действует подавляюще. Пытаемся укрыться в земле, твердой как камень. Это нелегко.

Снова очень большие потери. На смену нечего надеяться, так как все части дивизии находятся в бою (даже тыловые службы) и почти все они сильно потрепаны. Эсэсовская дивизия «Викинг» тоже постепенно просочилась для подкрепления в наши ряды и поэтому не является уже резервом. К сожалению, у нас недостаточно сил, чтобы очистить весь участок, и поэтому мы не выходим к Донцу, В нашем распоряжении нет абсолютно никаких резервов. И все же положение ни в коем случае не было критическим, так как наши люди сражались превосходно. Серьезно повредила нам неустойчивость на отдельных участках, например, недавно, слева от нас, слабость нервов у некоторых командиров.

Поздно вечером сильное наступление русских справа и слева после убийственной артиллерийской подготовки. Русский часами пытался отрезать нас от тыла. Мы, как кулаком, бьем по его позициям. В такие критические моменты я всегда благодарен судьбе, что я офицер, имею власть над людьми и могу действовать на них успокаивающе или, как сегодня, угрожаю им.

Русские несут большие потери, но людей у них больше, чем у нас, и чудовищное количество боеприпасов.

Такого огня, как в эти дни, я не видел за всю войну. О, если бы у нас была наша армия 1941 года!

24.VII.

Сильные артиллерийские атаки, русских танков немного. Он [русский] стреляет без устали. Целый день переговоры с артиллеристами и подготовка к контрудару. За несколько минут до начала таинственная черная женщина на ничьей земле. Шпион или шпионка?..

28.VII.

Снова большие потери в результате обстрела. Убитые и раненые. От тесноты в блиндажах и окопах настроение у всех раздраженное (у офицеров также). Наконец в 9 часов смена...

1.VIII.

Как всегда после больших переживаний, у меня наступает нечто вроде похмелья, Я думаю о наших громадных потерях, о множестве убитых из нашего батальона, которых мы в большинстве случаев не могли даже похоронить.

С ужасом я только в последний день вспомнил, что ни одного из них мы не проводили добрым словом или молитвой. Мы не в состоянии больше установить, где лежит каждый из них, потому что часто мы не могли даже взять у них ни солдатской книжки, ни опознавательного знака. У нас не было даже воды, чтобы смыть с себя трупный яд.

А мучения раненых! Но нашей первой обязанностью было сражаться и отражать атаки русских. Русского тоже сильно потрепали, Но он в состоянии сейчас выставить огромное количество техники.

Если бы наша собственная армия не растаяла бы так страшно за две зимы! Сколько бессмысленных жертв! Сейчас как раз наступило время, когда можно было бы закончить восточный поход, но теперь у нас для этого нет войск. Особенно велики потери среди офицерского состава дивизии...

Только необходимость и сознание долга поддерживает нас. Отчаяние придает нам несокрушимую силу. Как счастливы погибшие в Польше и во Франции — они верили в победу...

2. VIII.

...Итальянская трагедия разворачивается неслыханно быстро. Ее ожидали давно, но не думали, что итальянцы отнесутся к ней так спокойно. К Муссолини я всегда питал некоторые симпатии, но его отставку я не совсем понимаю (В Италии после военных неудач среди правящей верхушки и военно-промышленных кругов образовались две группы заговорщиков решивших устранить Б. Муссолини от власти, 24 июля 1943 г. вопреки желанию дуче в Риме состоялось чрезвычайное заседание Большого фашистского совета, на котором руководители заговорщиков большинством голосов протащили свою резолюцию. На следующий день, 25 июля, на аудиенции у короля Виктора-Эммануила III Муссолини узнал о своей отставке с поста премьер-министра и при выходе от короля был арестован. В тот же вечер по радио было объявлено о падении фашистского режима в Италии и создании военного правительства во главе с П. Бадольо). Диктатор, который в конце концов отступает, мне отвратителен. Разглагольствовать в течение десятилетий, а затем бросить свой народ в величайшей беде — это подло. Теперь итальянцы, наверное, забросают его камнями, но через несколько лет будут снова чествовать его, а через несколько десятилетий попытаются снова осуществить его программу. Для нас падение Муссолини— это тяжелый удар. «Le commencement de la fin» («Начало конца»)...

3.VIII.

Наши потери понятны, если вспомнить, что мы должны были выдерживать ураганный огонь по крайней мере 40

батарей и полка минометов. К тому же ежедневно около 100 вражеских самолетов. Мы вправе гордиться нашей обороной. Но все же впервые русские решились наступать летом.

4.VIII.

До 1933 года Россия была второстепенной державой. И только в результате столкновения с нами она достигла своего современного величия и силы. Если русским удастся нас выбросить из своей страны, а мы уже теперь занимаем, в сущности говоря, только ее окраины, то сила России еще возрастет. Мы сами дали ей возможность приобрести такое значение в Европе. Если русские отразят это наступление, то никто не сможет с ними справиться в течение многих десятилетий. Если же счастье будет на нашей стороне, то мы укрепимся на обширных пространствах, расположенных между нашей границей и собственно русской территорией. Но возникает вопрос, не могли ли бы мы получить их с помощью умелой политики более дешевой ценой, без войны и без этих колоссальных жертв. Во всяком случае, 22 июня 1941 года мы сделали Германию на десятилетия, если не на столетия неоплатным должником России,

Вечером большой налет русских бомбардировщиков. Один «юнкерс» был подбит и сгорел.

Опять сильная бомбардировка Гамбурга, Это уже слишком!

Очевидно, 1943 год хочет стать самым черным годом во всей немецкой истории.

5.VIII.

Издалека снова слышна канонада. Кроме того, оживленнейшая деятельность русских самолетов, Надеюсь, противник не будет больше наступать. Мы слишком ослаблены. Вдобавок мрачные новости: сдали Орел (В один и тот же день, 5 августа 1943 г., были освобождены два старинных русских города — Орел и Белгород. В ознаменование этого события в Москве впервые за время Великой Отечественной войны был произведен салют в честь войск Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов). Около двух лет тому назад я участвовал во взятии этого города. Я получил тогда Железный крест II степени. Какая ирония, именно сегодня мне дали Железный крест I степени! Почти два года моя старая дивизия после отступления 1941—1942 гг. защищалась в этом городе. Оставление или, вернее говоря, сдача его является для нас тяжелым ударом. Число поражений все растет, а выхода не видно.

6.VIII.

Эсэсовская дивизия «Викинг» снова проходит по нашему участку. На этот раз в Харьков. Они идут с Миуса. Так в течение недель немногие наши резервы перебрасываются непосредственно за линией фронта то туда, то сюда. Для того чтобы предпринять что-нибудь серьезное, у нас больше нет достаточных сил...

7.VIII.

Утром русские бомбили наши позиции и проходящие части СС. Страшная картина: раненые, убитые. Пронзительные крики, дикое смятение, кругом пожары и воронки. Это повторялось каждые 2—3 часа. Вечером я побывал в дивизии, в полку и в старом батальоне. На всех путях и дорогах картина одна и та же. Не раз приходилось нам останавливать нашу машину и искать убежища в канавах. На этот раз у русских везде были хорошие попадания. На нашем пути нам встречаются только растерянные солдаты и гражданские...

8.VIII.

Беспрерывно воздушные налеты. Не решаешься высунуться из землянки, Сегодня я, несмотря на это, пошел купаться и провел в воде во воемя налета ужасных полчаса. Проходящие СС тоже сильно пострадали. Преступная безответственность: никакого прикрытия, они движутся четвертый день без сопровождения зениток. Политическое и военное положение по-прежнему очень печально. Как давно мы уже не слышали хороших известий! После Орла — Белгород. К тому же снова ожесточенные сражения за Харьков. И на других участках восточного фронта опять вспыхнули бои. Потери русских, наверное, огромны, но и мы жестоко страдаем.

14.VIII.

10.VIII согласно приказу по дивизии я переведен снова в полк...

...Русский ведет сильный артиллерийский и минометный обстрел. Позиции у нас хорошие, но заняты незначительными силами. Солдаты держатся мужественно, но мысли их на родине. В ближайшие дни ожидается новое крупное наступление русских.

Но все это ничтожно по сравнению с тем, что происходит на родине. Я уже много недель не могу отделаться от мысли об этом. Гамбургу приходилось страдать больше всех. Видимо, такая же участь ждет Берлин, и мы не в состоянии ни спасти его, ни помочь. Это невероятно угнетает всех нас, парализует всю нашу энергию. Германия, несмотря на наши успехи в обороне, находится в тяжелом состоянии.

15.VIII.

...На фронте несколько тревожнее, чем обычно... русский сбрасывает каждую ночь фосфорные бомбы... Хорошая погода настраивает людей на мысли о мире. Мне редко приходилось слышать так много слухов и предположений, как сейчас. Каждый старается убедить себя в близости благополучного конца войны. Мы ведем политику страуса и все еще сами себя обманываем. Впрочем, я тоже не верю, что война будет продолжаться еще четыре года. Но какой будет конец? Каким он может быть? Политика теперь занимает всех. Одного волнует судьба Германии, другого— потери его личного имущества, третий думает об ужасных опустошениях на родине, четвертый — об уничтожении культурных ценностей.

Англичане и американцы уничтожили до сих пор в Германии и Италии больше произведений искусства и культуры, чем все, что оба эти народа, вместе взятые, произвели и когда-нибудь произведут в этой области.

Для Германии решающим вопросом теперь будет: в состоянии ли она сохранить себя и свою самобытность, хотя бы в разбитом виде, в тисках между большевизмом и американизмом.

15—16.VIII.

На дворе беспрерывный дождь. Бедные солдаты в их землянках. Но еще несчастней жертвы бомбежек, блуждающие по всему свету без всякого имущества. Опять меня берет безумная злоба, которая переходит даже в ненависть к правителям. Бедный наш народ! Мы все разучились смеяться. Но все-таки мы должны выстоять, и мы выстоим. Народ, который переносит такие трудности и лишения, который способен на такие жертвы, не приходя при этом в отчаяние, не может не жить, если только эти круглые дураки не погубят его окончательно...

18.VIII.

Началось наступление у Изюма. В первые два дня русский даже добился некоторых успехов. На этот раз, говорят, пехота русских была значительно лучше. Возникает большой и решающий вопрос: сознательно ли он придерживает свои лучшие силы для зимнего наступления или действительно они у него истощились и хороший материал попадается у него только в виде исключения? Но я боюсь, что от него можно ожидать всего на свете. В этом отношении мы не должны обольщать себя ложными надеждами.

Если бы только у нас была наша армия 1941 года! Битва в России приближалась бы теперь к концу. Если бы мы

сумели продержаться всю зиму, то к весне у нас могли бы быть кое-какие перспективы. Все зависит от нашей выдержки и от родины.

Сицилия оставлена (Англо-американские войска успешно завершили операцию по захвату Сицилии: 17 августа 1943 г. они вошли в последний крупный город острова — Мессину), это, правда, не неожиданность, но все-таки тяжелый удар, потому что остров относится уже к Европе. Серьезнейшими вопросами будущего остаются: что станет с Италией и с Балканами, сможем ли мы их удержать, сможем ли мы положить конец бомбардировкам родины, выдержит ли родина? Наконец-то получил письмо от Элизабет. Все ее имущество погибло. То, что еще осталось, подвергается сильнейшей опасности. При этом нам, как и прежде, дорог каждый предмет. Мысли всех солдат все время обращены к родине, заботы их снедают. И все же они сохраняют мужество и выдержку. Если уверенность в победе и невелика, то все же остается желание выдержать до последнего. В этом гарантия вечного существования нашего народа. С такими бойцами Германия никогда не погибнет.

19.VIII.

Чувствую себя сейчас очень одиноко и испытываю настоящую тоску по родине. К тому же вечное беспокойство о семье и имуществе, а еще больше о Германии и ее будущем...

Русский относительно спокоен, но все же у нас ежедневно выбывает из строя 1—3 человека.

23.VIII.

Русский стал беспокойнее. Наш батальон снова участвует в ожесточеннейших оборонительных боях и несет большие потери...

Сегодня утром русские ликовали в своих окопах. При этом они размахивали красными флагами, так что мы решили, что они готовятся к атаке. Но ничего не произошло. Оказывается, мы сдали Харьков (23 августа 1943 г. войска Степного фронта при содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов освободили Харьков. Взятием Харькова завершилась одна из крупных битв Великой Отечественной войны — битва на Курской дуге). Еще один тяжелый удар. А бои на всех участках фронта продолжаются с неослабевающей силой. Солдаты даже говорят, что и Сталино будто бы оставлено. Атмосфера сгущается. 1943 год, очевидно, будет самым ужасным годом немецкой истории. Когда приходилось одному народу в такой короткий срок пережить столько поражений и тяжелых потерь! А бомбардировки Германии продолжаются. Нигде не видно ни луча надежды для немцев. При этом еще далеко не все разбираются в событиях. Жутким вырисовывается перед нами будущее нашего народа.

24.VIII.

Все мы наслаждаемся последними прекрасными летними днями. О зиме никто не хочет думать, хотя мы уже готовимся к ней. Потеря Харькова должна отразиться и на нашем участке фронта. К югу, под Изюмом, идут ожесточенные бои. И у нас русский весьма неспокоен. Воздушные налеты снова усилились. Кроме того, бомбардировки Берлина придавили всех. Элизабет и я можем легко оказаться нищими после этой войны. К тому же мы привязаны к вещам. Может быть, я слишком пессимистически настроен? Если бы можно было хоть чем-нибудь помочь или хоть что-нибудь изменить! Страдания достигают необычайных размеров, а правительство вынуждено взирать на это в бездействии. Вот Германия после десяти лет национал-социалистского строя и после четырех лет войны! Право, мы хотели другого.

25.VIII.

Гиммлер — министр внутренних дел! Все развивается по программе. Мы продолжаем идти по предначертанному пути. «Конца судьбы не избежать». Сомнение в том, действительно ли это назначение способно придать бодрости миллионам пострадавших от бомбардировок и побудить их к дальнейшей стойкости, теперь может стать опасным... В то же время наш народ никогда еще не был так полон готовности бороться и приносить жертвы и не воодушевлен такой твердостью, как на пороге пятого года войны. Теперь же лучше совсем не говорить о политике и о своей тревоге за Германию. Но разве этим можно на самом деле отогнать от себя тревожные думы. Здесь русский очень неспокоен. У Изюма начались контратаки немцев, поддерживаемые пикирующими бомбардировщиками. Слышна сильная стрельба. У нас выбывает из строя несколько человек. Наш обоз мы передвинули дальше в тыл и принимаем меры предосторожности на тот случай, если нам придется все же [отступить].

25—26.VIII.

Опять сильная стрельба. Русский снова работает с фосфором. Впервые за долгое время оживилась и наша артиллерия. Так как за последние дни много частей выбыло, наша артиллерия усиленной стрельбой старается, видимо, создать впечатление плотного фронта. Удивительно, что в то время как на севере и на юге от нас все пылает и грохочет, как раз на нашем участке фронта относительно спокойно. Для того чтобы убить время, я продолжаю писать. Но только ли потому я это делаю? По правде говоря, это уже давно стало для меня приятным ежедневным занятием. У меня никого нет, с кем бы я мог поделиться своими мнениями и своими заботами. Многие, даже умные люди считают малейший намек на подобные мысли чем-то опасным, чуть ли не государственным преступлением. Меня же что-то толкает думать до конца, понять причину. Но самые последние выводы я не решаюсь доверить даже дневнику... 1.IX.

Четыре года тому назад началась эта драма. Она становится трагедией. Меня поставили во главе полкового обоза: 100 человек и 180 лошадей, я нахожусь в 30 км от фронта. 4.IX.

Дни здесь, в тыловом районе, проходят быстро. Много работы и беспокойства. Я должен был руководить размещением, снабжением и распределением, создавать комендатуры, устраивать охоты на партизан, переехать из Рыжова в Червонный Шпиль и по-новому организовать местную оборону. При этом два дня подряд шел дождь, так что дороги совершенно размыло, а вчера и сегодня нам пришлось выдержать тяжелые воздушные налеты русских... В политике только печальные известия. Англичане высадились в Италии (3 сентября 1943 г, войска 8-й английской армии высадились на юге Италии в районе Реджо-ди-Калабрия и начали продвижение на север. В сентября союзное командование обнародовало соглашение о капитуляции Италии). После Орла и Харькова — Таганрог (30 августа 1943 г, войска Южного фронта разгромили немецкую группировку в районе Таганрога и освободили город). В Сталино-Славянске идет подготовка к эвакуации, даже Полтава, говорят, находится под угрозой. Снова бомбили Берлин. Да будет судьба милостлива к нам...

На нашем участке продолжается перемещение в тыл всех подразделений, не принимающих участие в боях, и эвакуация гражданского населения. Хотя фронт еще держится, но все принимает характер бегства. Действительно необходимые предупредительные меры проводятся слишком поспешно. Сельскохозяйственные руководители должны сдавать инвентарь до того, как кончат жатву и молотьбу. Таким образом, немного получит Германия. Дороги кишат беженцами, со всем их скарбом и семейством. Удобное время для партизан и бродяг. Немцев, проживающих в Рыжове и расположенных вокруг него местах, мы подвезли к железной дороге и переправили на ту сторону Днепра. По этому случаю я побывал в Беспализеве, где видел потрясающие картины. Мир пылает от Волги до Атлантики.

5.IX.

Из этой борьбы против русской земли и русской природы едва ли немцы выйдут победителями. Сколько детей, сколько женщин, и все рожают, и все приносит плоды, несмотря на войну и грабежи, несмотря на разрушения и смерть! Здесь мы боремся не против людей, а против природы. При этом я снова вынужден признаваться сам себе, что эта страна с каждым днем становится мне все милее. И коммунистическая идея не утратила еще окончательно своей притягательной силы, это я замечаю время от времени у отдельных солдат и ежедневно у русских. Это — месть пространства, которой я ожидал с самого начала войны. По селу разносятся протяжные жалобные крики. И здесь производится эвакуация населения. Взять с собой они могут очень немного. Какая жалость, что на полях остается неубранный хлеб!

7.IX.

Печальные известия учащаются. Мы сдали Славянск. За ним последуют Сталино и Горловка. Очевидно, мы потеряем всю Восточную Украину с Донбассом. Предмостные укрепления на Кубани тоже не удается удержать, и снова начнется битва за Крым. То, что мы теперь теряем, мы не вернем никогда. Неужели мы собираемся отдать обратно всю завоеванную нами территорию в России? Есть ли в этом необходимость? Не лучше ли бы было предложить ее без борьбы Сталину в качестве платы за мир? Это половинчатые меры. Фронт здесь мы непременно удержали бы. До декабря или января, в сущности говоря, никакая опасность нам не грозит. Уже сейчас очень дает себя чувствовать второй фронт. К тому же создается впечатление, будто англичане могут овладеть Южной Италией без борьбы. Мы везде отступаем и пока можем еще это делать. Но скоро и мы дойдем до границы. К тому же беспрерывные бомбардировки Германии. Все сейчас надеются на одно: на давно возвещенный удар по Англии. Хотя бы только он совершился! Если этого не случится, конец. Тогда нам действительно не остается ничего, кроме надежды на чудо.

8—9.IX.

...Гражданское население деревни эвакуировано, а наш обоз переводится на 120 км в тыл, ближе к Днепру. Странное это чувство — неожиданно оказаться одному в покинутой местности. Воют собаки и кошки, потому что они подыхают от голода, бродят наседки с цыплятами. Курочек и петушков мы всех перерезали. Их было даже слишком много. Весь урожай остался на полях. Вокруг столько подсолнечников, что можно было бы маслом обеспечить небольшой город. Жалко пропадающую напрасно рожь, картофель, кукурузу. Вдобавок еще огурцы, помидоры, лук и тысячи тыкв. В деревне амбары полные овса, ячменя, ржи и проса. Все обмолочено, но вывезти не удастся.

Тем, что здесь брошено, можно прокормить в течение года Берлин. Сердце обливается кровью, когда проезжаешь по полям.

Гражданское население может взять с собой только крохи своего имущества. Им и так забиты все дороги. Часть населения прячется в кукурузе, они не хотят уходить. Во всей этой суматохе русские самолеты легко находят для себя цели. Страдания гражданского населения очень велики. Далеко вокруг слышны стоны женщин и плач детей. Они плачут и одновременно поют монотонно жалобные песни. Немцы, слушая эти жалобы, думают о Германии, у которой еще более тяжелые переживания. Сколько там разрушено ценного. Мои мысли с тревогой все возвращаются к нашей берлинской квартире. Ведь у нас было столько прекрасных вещей, картин, мебели, книг...

9.IX.

Я отправляю последнее военное имущество с наших складов и очень сожалею, что не имею транспорта для продовольствия. Но фронт приближается. После сдачи Сталино (8 сентября 1943 г. войска Южного фронта освободили центр Донбасса — Сталино) трудно сдержать натиск русских. При этом наши позиции выгодные, и русский наступает вовсе не крупными силами. Кто бы мог подумать, что его летнее наступление может оказаться таким успешным! Бедная Германия. Тяжелые удары судьбы следуют стремительно один за другим. Пора бы наступить перемене...

Ах, когда же человечество или по крайней мере старая Европа обретет покой для мирного труда! Когда же наконец мы сможем снова начать строить свои дома и сажать сады?..

Только что получили известие о безоговорочной капитуляции Италии. Светит солнце, но я хотел бы, чтобы земля покрылась мраком... Последнее действие трагедии началось. Нам предстоит мрачная и тяжелая зима. Теперь начнутся чересчур поспешные отступления...

Бедная Германия! Такой конец после такой борьбы? Этого не должно быть. Надо было давно прогнать наших бездарных политиков. Мы расплачиваемся за их глупость и чванство. Но Германия должна жить и сохранить все свои права. Мы должны продержаться любой ценой. Германия, наша родина! Каким прекрасным и манящим был мир, когда мы были еще преисполнены надежд на прекрасное будущее нашей страны. В Европе наступила весна народов, и Германия выдвинула новую большую идею... Но успехи развратили немцев. Они стали тщеславными и заносчивыми, а наши правители потеряли всякое чувство меры.

Гитлер — крупная личность. Но ему не хватает глубины и проницательности. Он дилетант почти во всех областях... Может быть, только в политике он дошел до конечных выводов. Но и здесь ему помешали его догматические установки. По-видимому, он плохо разбирается в людях, и поэтому его сбивали с пути византийцы и льстецы. Роковым для него было то, что он не нашел рассудительных, обладающих широким кругозором и способных сотрудников.

Геринг, пожалуй, самый популярный из всех наших фюреров. Он не теоретик и не догматик, а человек практики и здравого смысла. На него и на его энергию можно положиться. Но и он шагает через трупы. Во время войны он отошел далеко на задний план. Восходит ли его звезда или закатывается, это зависит от многих обстоятельств и людей.

Гиммлер — не чистый лист бумаги, как кажется некоторым простачкам. Его дела говорят за себя. О его убеждениях и цепях можно судить по его внешности. Его не следует упускать из виду. Его путь будет в течение продолжительного времени тесно связан с путем, которым следует Германия.

Геббельс — очень умен и очень хитер. Изворотлив, как интеллигент старого толка. Но это мелкая личность, а не выдающийся гений. Он часто поступает против своей совести и убеждений — политик черного хода, представитель третьего сословия. Пролетаризированный Талейран (Талейран-Перигор Ш. (1754—1838) — выдающийся французский дипломат, министр иностраных дел, мастер тонкой дипломатической интриги, беспринципный политик).

Руст — посредственный член совета народного просвещения и более чем посредственный министр. Поза, манера держаться и говорить — а-ля Гитлер, но без собственных мыслей, всем известный паникер, незначительная личность.

Функ — замечательный хозяйственник. Не совсем арийский облик, неуклюж и некрасив. Вряд ли в такой оболочке может скрываться прекрасная душа. Его финансовая экономическая политика — типичная азартная игра. Далеко не загадывает. Можно предположить, что его преступное легкомыслие и ура-оптимизм были причиной войны.

Лей внешне напоминает Функа, к тому же тщеславен и самовлюблен. Очевидно, из того же теста. Умственные способности довольно примитивны. Весьма посредственный организатор и очень плохой оратор.

Риббентроп — господин комильфо третьего рейха. Пустой фасад и мало содержания. Безусловно, плохо образован. Он не имеет никакого понятия о великих комплексах вопросов в Восточной и Южной Европе, а что касается Запада и англосаксонских государств, то тут он абсолютно ничего не смыслит. Парвеню, который кое-чему научился в Англии, но человек без настоящего воспитания и глубины.

Кроме них, целая куча посредственных помощников и бюрократов, которые всячески подражают «великим» и ухаживают за ними. На этом поколении ужасающе сказываются тяжелые, кровавые жертвы первой мировой войны. Да и на военном поприще — ни одного крупного человека, кроме Роммеля (Роммель Э. (1891 — 1944) — генерал-фельдмаршал (1942) немецко-фашистской армии; в 1941 —1943 гг. — командующий немецкими экспедиционными силами в Северной Африке и группой армий «Б» в Северной Италии, в 1943 —1944 гг. — командующий группой армий «Б» во Франции, Был связан с руководителями антигитлеровского заговора 1944 г. Покончил жизнь самоубийством). Все-таки наш народ здоров (силен), готов к самопожертвованию и сумеет пережить и подобные эпохи засилья посредственности и беспомощного топтания на месте. Он должен только выдержать войну. Да будет милостива к нему судьба. Не мешало бы, чтобы нам тоже когда-нибудь улыбнулось счастье.

Если бы у нас хватило сил, чтобы смелым контрударом сбросить в Средиземное море американцев и начать наконец давно обещанные операции против Англии! Тогда положение снова изменилось бы коренным образом и весной мы могли бы отважиться на новый удар в Донецкой области.

Тогда мало было бы рассчитывать на выгодный мир к будущей осени. Вопрос только в том, есть ли у нас столько сил.

10. IX.

Повсюду пылают села, деревни. Какое несчастье, что мы не смогли удержать этот плодородный край, хотя бы еще на месяц. Наш обоз мне удалось, несмотря на все трудности, благополучно передвинуть на 150 км дальше в тыл, и я теперь сам готов в любую минуту следовать за ним, когда поступит приказ.

Мы в Николаевске, большой деревне колонистов, недалеко от Ново-Московска. До Днепропетровска теперь тоже недалеко. Это была для меня захватывающая и одновременно мучительная поездка. Плодороднейшие пашни и цветущие поселки, Затем снова бесконечные колонны беженцев, а также уже многочисленные отступающие полки. Иногда встречались дикие картины бегства и беспорядка. Отступление всегда стоит больше крови и материальных потерь, чем наступление. Зачем такая поспешность? До нового года для нас никакой опасности не было, а сохранить мы здесь сможем едва ли одну дивизию. Пройдет еще много времени, пока соединения будут приведены в порядок. В Лозовой мы видели наше начальство — фон Маккензона. Славы он там себе не стяжал. Он выехал из города в тот момент, когда на другом его конце русские попытались произвести первую танковую атаку. Я редко видел такую неразбериху, хотя для обороны послали тысячи солдат, множество офицеров и даже генерала. Мы тоже хотели пробраться туда, но увидели танки и вернулись. У нас слишком неравные силы. Затем наш обоз хотели задержать для местной обороны, и мне стоило больших трудов добиться, чтобы мне вернули опять людей и повозки...

12. IX.

Период дождей начался очень рано, и это может привести всю южную армию к катастрофе. 62-я дивизия совершенно разгромлена. Мы наталкиваемся на ее остатки. Наш юго-восточный фланг почти совершенно обнажен. Может быть, дорога на Днепропетровск будет для нас отрезана уже через несколько дней. Надеюсь, наша дивизия благополучно преодолеет все это. Потерь так или иначе будет достаточно.

16. IX.

13-го мы выехали днем. По глубокой грязи и слякоти проехали через Ново-Московск, а поздно вечером прибыли в Днепропетровск, где остановились на западной окраине города. 14-го утром я переехал обратно через Днепр и доставил 2-ю колонну из Николаевска. 15-го утром мы обходными путями прибыли на наше новое месторасположение, приблизительно в 100 км западнее Днепропетровска. Со вчерашнего вечера мы разместились в маленьком местечке Алферово.

Поездка временами была очень приятна. В Ново-Московске я видел красивый, выкрашенный в красное и синее девяти-главый собор. 14-го днем и вечером я был в Днепропетровске и мог осмотреть город.

Многие дома выстроены почти в классическом стиле вильгельмовской эпохи, как было принято при царизме, большевики тоже много построили. Есть несколько великолепных зданий и много новых поселков, даже очень красивых. Колонны беженцев, рогатый скот и лошади запрудили все дороги. Отступление обоза на этот раз происходило гораздо организованней. Все же много повозок было разбито. Мы собрали сюда далеко не все...

22. IX.

...По-прежнему отступление на всех фронтах. И в Италии после освобождения Муссолини не будет больших изменений. Он теперь все равно мертвый человек. Песенка Савойской династии наконец спета. Для нас дело может идти только о том, чтобы спасти все, что можно еще спасти для империи. Наше общее положение из-за отпадания Италии существенно ухудшилось. Но постепенно становишься равнодушным и к судьбе Германии. Вчера я читал речи Гитлера за 1940 — 1941 годы. Они меня потрясли и в то же время сильно отрезвили. Пожалуй, нет книги, которая бы так быстро устарела и которая с такой силой свидетельствует против своего автора. Он не пророк и также, пожалуй, весьма посредственный политик. Но осознать это тяжело после того, как я в течение долгих лет обожал его, и еще тяжелее прийти к этому мнению на пятом году войны. Куда ни взглянешь, нигде нет просвета. Нам сейчас важно только отстоять и использовать изменения в отношениях между великими державами. Рассудок мне подсказывает, что надежды у нас очень слабые, но чувство твердит, что Германия не может погибнуть. Только все будет не так, как мы надеялись и желали.

Отступление нашей дивизии здесь, на юге, все больше принимает для людей, животных и техники характер катастрофы, хотя и производится в образцовом порядке. Во время отступлений, правда, это обычное явление...

27. IX.

24-го был с моторизованным обозом в Днепропетровске, который как раз эвакуировался. Много горя. Крупные взрывные работы. Расформирование обоза, возвращение в полк.

...Третий батальон расформирован. Не хватает снабжения. Говорят, что так в каждом полку. Зловещие признаки множатся — обозы и тыловые части пухнут... Я вчера встретил полковой обоз, который насчитывал не менее 950 человек. Полковника следовало бы арестовать. Ведь во всем нашем полку нет столько людей. И все тащат с собой баб и барахло. Несчастная Германия! Во многих отношениях сейчас хуже, чем в 1914 — 1918 гг. Наша боевая сила пропала, а русские день от дня становятся все сильнее. Генерал только за сегодняшний день предал полевому суду 9 человек из нашего батальона, которые трусливо убегали. Убегали от русских! Куда мы пришли на пятый год войны! Кто же осмелится поднять камень при виде всего этого горя и страданий? Меня охватывает глубочайшая жалость к каждому

солдату, Да, похоже, к каждой русской старухе, которая вынуждена теперь оставить свое жилище. Несчастный мир, несчастное человечество, уничтожившее всякую человечность! Несчастная родина, которой приходится выносить такие ужасы! Мы должны выдержать. Мы не имеем права распускаться и должны оставаться твердыми, иначе плотина прорвется и начнется ужас. Русские со вчерашнего дня захватили предмостное укрепление на нашей стороне Днепра. Уже два дня они отбивают наши сильные контратаки, нанося нам тяжелый урон. Только и слышим об убитых и раненых. Он [русский] по-прежнему вводит в дело колоссальное множество тяжелых орудий и самолетов. Но завтра утром он, несмотря ни на что, должен быть окончательно отброшен. Будем надеяться!

28.IX.

Ожесточеннейшие бомбардировки. О сне нечего и думать. Русская артиллерия очень сильна и разбивает все. Наши атаки захлебываются, так как русский с противоположного берега реки поливает каждого отдельного солдата ожесточеннейшим огнем. Большие разногласия между полковником и генералом. Танковые атаки и пикирующие бомбардировщики также мало помогают. Пехота сильно ослаблена большими потерями. От первого батальона осталось немного... Порядочная неразбериха. Контратаки откладываются с часу на час или захлебываются... По всем подсчетам на этом берегу не больше двухсот или четырехсот русских. Если бы только у них не было так много артиллерии и самолетов!

Русские стреляют как безумные. Растет груда убитых и раненых. Я пишу последние строчки и отправляюсь на позиции. Немногих я там найду. Батальон растаял. Мы окончательно зашли в тупик. Родина истекает кровью из тысячи ран. Кажется, всюду захватили руководство бездарности. В величайшей нужде Германия взывает к своим последним сыновьям. Однако большинство не хочет следовать этому зову. Но именно теперь нужно делать все, что в наших силах, хотя выполнение долга становится все труднее. Между нами и родиной громоздятся горы. Многие пытаются их обойти. Жизнь манит, и родина манит, и никто не умирает легко или охотно. Все же мы продолжаем следовать тяжелым путем долга. Он действительно нелегок. Ведь и я страстно люблю жизнь. Но мы — немцы, и мы хотим жить, а если это нужно, то и умереть, как немцы. Попытаемся штурмом взять те высокие горы, которые отделяют нас от родины и от близких. Все чаще разрывы снарядов. Я собираюсь на передовую. Да здравствует Германия! И я знаю, что она будет жить вечно...

29.IX.

Прекрасный вечер и темная ночь. Я принял первую роту. В ней было только несколько человек. Во всем батальоне осталось 26 солдат. Тяжелейший русский огонь длится часами. Каждый дом горит, каждый угол пронизывается насквозь. Наше наступление приостановилось. С имеющимся небольшим количеством людей — это настоящая бойня. Сделать ничего нельзя. Очень тяжелые потери... Утром получили приказ свезти весь обоз в одно место, прочесать его и собрать всех отставших. Об участии батальона в боевых действиях не может быть и речи. В нем всего лишь два или три отделения, которыми командуют три офицера... После полудня страшные крики, прорыв фронта, откатывание всех частей и наконец дикое бегство. Я стоял в маленькой деревне и безрезультатно пытался остановить бегущих. Страшная картина распада. Одному молодому офицеру я был принужден дать пинок в задницу. Успеха это не возымело. Путем угроз и прочего удалось собрать не более десяти человек.

В конце концов я отошел с нашими конюхами на высоту и организовал оборону. Мрачный день!

1.X.

...После тяжелых потерь мы смогли наконец оторваться от русских. Наши жалкие остатки теперь — резерв полка. В бой бросаются новые дивизии. Ничтожные успехи немцев.

Лейтенант Ян пропал без вести, капитан Штурм лишился обеих ног, а Ридель убит во время контратаки. Я больше не могу писать, я любил его больше всех: так молод и должен был так рано погибнуть! Несчастная Германия, у которой отнимают эту молодежь, несчастная родина...

3.X.

Я командую 1, 2 и 3-й ротами. В действительности все три роты составляют кучку, не более 30 человек. Правда, сегодня или завтра нам обещают пополнение. Но пока мы с ними сработаемся, пройдет, наверное, еще некоторое время. Надеюсь, новеньких не сразу бросят в бой.

Немецкое контрнаступление мало-помалу развивается. Все-таки пройдет еще по крайней мере несколько дней, пока предмостное укрепление будет ликвидировано. Капитан Зонтаг убит. Второму нашему батальону тоже не везет.

В нашей роте были два близнеца из Эльзаса, которые, видимо, стали перебежчиками и теперь обращаются к нам по радио. Бывший денщик офицера К. тоже передает привет своей жене и детям. Наш народ теперь уже не тот, каким он был. Воодушевление и порыв переходят на сторону русских.

6.X.

Вчера наконец пришло пополнение, и я составил совершенно новую 1-ю роту. Нас уже 35 человек, из них один офицер и один унтер-офицер. Почти все пожилые, главным образом рабочие и крестьяне. Я надеюсь, что все будет хорошо. Вчера мы прилежно занимались обучением их обращению с оружием. Большинство, к сожалению, не знакомо еще с новым пулеметом — 42 (видимо, пулемет МГ-42. — Ред.).

... Переписка с родственниками погибших. Удивительно, как быстро многие утешаются. В трех письмах жены требуют выслать им перочинные ножи или бритвенные приборы погибших.

7.X.

Незадолго до полуночи мы сменились и заняли позицию у Воеводского, у самого Днепра. Ночь была очень неспокойной, так как русский, очевидно, заметил наши перемещения. Его артиллерия и минометы стреляли оживленно. Немецкая артиллерия отвечала время от времени довольно удачно».

8.X.

У одного товарища оказалась испанская газета со всевозможными интересными сообщениями. Но утешительных очень немного. Я прочел также несколько совершенно новых мнений о Гессе (Заместитель А. Гитлера по партии Р. Гесс в мае 1941 г. совершил полет в Великобританию с целью заключить соглашение о перемирии и склонить реакционных политических деятелей страны к совместной борьбе против СССР; потерпел неудачу в своей миссии и был интернирован как военнопленный). (Поручение Гитлера склонить Англию к борьбе против России.) Это хорошо подходит к нашей чрезвычайно тупой политике. Скорее противоположное — установление прочных договорных отношений с Советами — привело бы к союзу с Англией. Правильность этого утверждения еще следует проверить. Дети и дураки творили политику, они рядились в макиавеллиевскую одежду (Имеется в виду ведение политики, пренебрегающей нормами морали, с широким использованием вероломства и предательства. От имени Н. Макиавелли (1469—1527), итальянского политического деятеля, дипломата, историка, писателя, который в целях упрочения государства считал

допустимыми любые средства), что, по существу, им совершенно не подходит. Флорентинец ведь требовал прежде всего величия, ясности, сознательности и последовательности. В политическом отношении англичане нас все еще превосходят. С 1939 года мы все время не понимали и недооценивали их фанатической воли к уничтожению. Еще и теперь наш народ закрывает глаза на неминуемую опасность, грозящую ему с Востока и с Запада. Следствие этого — разрушенная Германия. Мы слишком долго играли с огнем и думали, что он будет гореть только для нас. Это — последствия пропаганды Геббельса, жертвой которой сделался скорей наш народ и правительство, чем заграница. Нам так долго преподносили искаженное представление о мире и обо всех вещах, что мы стали принимать наши иллюзии за правду.

Русский вчера и сегодня ночью вел себя очень неспокойно. Это был, в истинном смысле этого слова, ад. Вот уже два дня, как мы бешеными темпами роем землянки и строим позиции. Но от артиллерии и множества русских минометов они нас не защищают. К сожалению, снова выбыло из строя три человека.

10.X.

Вчера поздно вечером большое наступление русских. Нас сильно обстреливали артиллерия и минометы. Русская пехота совсем не показывалась, но наши солдаты вели себя очень неспокойно и сами стреляли как сумасшедшие, даже когда ничего не было видно. Эта идиотская привычка привита им прежними приказами по батальону. Я вынужден был переползать от землянки к землянке для того, чтобы хоть немного образумить и успокоить солдат.

Сегодня оживленная артиллерийская деятельность по направлению к Запорожью. Говорят, мы там начали все взрывать и отдали наше предмостное укрепление. Только не это! Тогда наше положение здесь станет еще более критическим. И где же мы в конце концов будем зимой? ведь катящийся вал где-то должен остановиться, и это должно быть здесь, на Днепре!..

15.X.

Вчера утром у меня было столкновение с Массенбахом, так как я не хотел производить ненужных разведок. Я ему сообщил все мои наблюдения относительно русских позиций, а он хотел еще раз получить подтверждение. Наконец мы договорились послать разведку с моим участием. Но когда я довел его до наших последних позиций, он приказал выслать разведку без меня. В ярости я вынужден был ему подчиниться. И это с моими зелеными новичками. Я подготовил все самым основательным образом и против своего желания послал их. С половины дороги я следил с пулеметом за дальнейшими событиями. Как я ожидал и предсказывал, они вскоре попали под вражеский огонь. Мой лучший пулеметчик упал, тяжело раненный, все остальные бегом помчались обратно. С рекрутами ведь ничего не поделаешь.

Сегодня в 2 часа ночи ударная операция 2-го батальона перед участком моей роты. Мы давали огневое прикрытие. Это продолжалось добрых полтора часа и снова оказалось безрезультатным. Подобные истории только влекут за собой ненужные жертвы, приносить которые мы не имеем больше права. Доверие у людей подрывается быстро. Кроме того, всякое действие, предпринятое с солдатами пятого года войны, весьма рискованно. Они плохо дерутся, их почти невозможно заставить идти в атаку. Они очень деморализованы.

Запорожье сдано (10—14 октября 1943 г. войска Юго-Западного фронта ликвидировали плацдарм немецко-фашистских войск на левом берегу Днепра и освободили город Запорожье). Наше положение чрезвычайно ухудшилось. Теперь у русского освободится еще большее количество артиллерии и минометов. Он и так очень неспокоен. Если бы у меня был по крайней мере хоть один-единственный хороший унтер-офицер!

18.X.

С позавчерашнего дня я, кроме моей части, командую еще соседней ротой, расположенной справа от нас. После тяжелых потерь, понесенных нами, недостаток офицеров очень чувствуется... К сожалению, у меня совсем нет унтер-офицеров, а те немногие, которые еще имеются, почти никуда не годятся. Поэтому я все должен делать сам. Одного, фельдфебеля, надо уговаривать, когда начинается стрельба, другой, санитар, и переведен лишь из-за проступка [согласно] § 175. Из трех моих унтер-офицеров один каптенармус, другой писарь, третий четыре года войны просидел в управлении в Познани. В течение нескольких дней русский постепенно передвигал фронт вперед и теперь сидит в кукурузном поле, приблизительно метрах в 200 от нас. Он беспрерывно подвозит новые силы и укрепляется. Поэтому пора было бы снова уничтожить предмостное укрепление. Но пока на это вовсе не похоже. Артиллерия и минометы у него опять очень сильны. Мы уже слышим шум танков на этом берегу.

22.X.

У нашего соседа справа русскому удалось прорваться. Для ликвидации прорыва мне пришлось ввести в бой мои последние резервы. К сожалению, не обошлось без потерь.

Соседняя рота, приданная мне, причиняет мне много хлопот, так как там не только не хватает унтер-офицеров, но и солдаты необычайно индифферентны и ленивы. Даже во время большого наступления я мог заставить бодрствовать только часть из них. Конечно, сам я при таких обстоятельствах и думать не могу ночью о сне.

По сообщению перебежчиков, на нашем предмостном укреплении находится уже около пяти русских дивизий, которые теперь получают подкрепления и вновь собираются наступать. Они тратят бесчисленное множество боеприпасов и обстреливают нас с утра до вечера так, что мы не можем высунуть головы из землянок. Как слышно, на ликвидацию предмостного укрепления в этом году рассчитывать не следует. При тех потерях, которые мы несем ежедневно, мы можем высчитать, когда наша часть будет окончательно уничтожена. С раннего утра и до поздней ночи я бегаю по позициям, подгоняю, подбадриваю. Мы должны продержаться и продержимся. Но как мы выйдем из этой рощи, я почти не представляю...

23.X.

В 11 часов утра, после наблюдавшейся в течение нескольких часов подготовки, которой мы старались помешать, русский начал большое наступление...

У нашего соседа справа ему удалось прорваться на широком фронте. Начала также поддаваться правая половина приданной мне роты. Русские наступали тесными рядами. От продолжительной стрельбы некоторые наши пулеметы отказали.

Кое-какие солдаты испугались и побежали обратно. Русские толпами бросились в наш лес, прежде чем я с 2—3 солдатами сумел этому помешать. Внезапно мы обнаружили также, что и впереди, не дальше как в 30—50 м от нас, находятся русские. Под защитой танков они лихорадочно рыли узкие траншеи и укрытия. Положение вследствие этого стало исключительно критическим. Я радовался лишь тому, что в этот грозный момент смог сам появиться на правом фланге и начать действовать. Руганью, криками мне удалось загнать нескольких солдат в землянки, так что мы удержали по крайней мере опушку леса.

Соседней роте меньше повезло. Ее правый фланг до сих пор обнажен. Русские прорвали правый фланг на широком фронте. К тому же у нас в тылу залегло около сотни русских. На востоке и на юге — Днепр, дорога на запад отрезана. Рассчитывать на крупные контратаки нельзя — не хватает резервов. Так родина все больше удаляется от нас. Ночь опять очень темная. Надеюсь, русский не будет больше наступать. Только что получен приказ возможно скорее бросить все, что мы не можем захватить с собой. Значит, опять наступление!

Несчастная Германия. Это слишком. Почти невозможно это перенести. Все имеет свои границы. О, эти идиотские политики, которые на пятом году войны причиняют нашему народу и армии такие страдания! Как это изматывает, и сколько жертв это снова стоит!

Несчастная родина, кто же тебя спасет?

Публикацию подготовили Н. А. СИДОРОВ, старший научный сотрудник ЦПА ИТИС ЦК КПСС, В. Н. ШЕПЕЛЕВ, кандидат исторических наук

«Во всяком случае, 22 июня 1941 года мы сделали Германию на десятилетия, если не на столетия, неоплатным должником России».

(Из дневника немецкого офицера, 4 августа 1943 г.)

№8 1991

ВЕРНИТЕ ДЕНЬГИ («Германия - неоплатный должник России»)

ПЯТЬДЕСЯТ лет тому назад, 22 июня 1941 года, началась самая жестокая из всех войн. Неисчислимые и невосполнимые жертвы унес огонь этой наиболее идеологизированной войны. Прошедшие полстолетия показали, что еще не все точки поставлены над «i» в освещении вопроса о судьбах жертв войны.

Количество только учтенных жертв, как со стороны Германии, так и со стороны СССР, появившихся вследствие боевых и иных действий на советско-германском фронте, исчисляется миллионами. Советскими войсками в период с 22 июня 1941 года по июнь 1945 года было пленено и интернировано 2 661 232 человека немецкой национальности: 2 389 560 военнопленных и 271 672 интернированных, из которых в СССР умерло по разным причинам 423 168 человек (356 687 военнопленных и 66 481 интернированных (ЦГА СССР, ф. 1п, оп. 01е, д. 35, 46, 70; оп. 23а, д. 2; ф. 4л, оп. 13а, д. 1)).

Республика	РСФСР	УССР	БССР	Лит. ССР	Молд. ССР	ЭССР	Латв. ССР
Кол-во	1 906 661	2 102 234	399 374	160 019	84 475	74 226	67 098

По далеко не полным данным, только с временно оккупированной территории Советского Союза было насильно угнано на работы в Германию 4 794 087 советских граждан, так называемых «остарбайтеров». В таблице приведены сведения по республикам, временно оккупированным фашистами в годы войны. Кроме того, в фашистском плену в Германии оказалось 5 734 528 солдат и офицеров, из которых 3,3 млн. умерло и было уничтожено (по данным германского историка Х. Штрайта) (См.: Штрайт Х. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные. 1941 — 1945 — М.: Прогресс, 1979. — С. 5—7, 86, 99, 104. (По подсчетам генерала армии М. А. Гареева («Военно-исторический журнал». — №4. — С. 48), за годы войны в фашистском плену находилось примерно 4 млн. советских военнослужащих.— Ред.)). К сожалению, число умерших и погибших в фашистской неволе советских гражданских лиц, до сих пор неизвестно. Перепроверенные результаты исследования Х. Штрайта дают основание утверждать, что они достаточно точны и им можно верить. В подтверждение сказанному привожу некоторые данные из отчета управления уполномоченного СМ СССР по делам репатриации, которым только на октябрь 1945 года было учтено оставшихся в живых 2 016 480 советских военнопленных солдат и офицеров, захваченных в плен гитлеровскими войсками (ЦГАОР, ф. 9526, оп. 4а, д. 1).

Следовательно, по неполным данным, в фашистской неволе находилось более 10 528 615 советских граждан (военнопленных и гражданских лиц). Все они, кто в большей, кто в меньшей степени, использовались на каторжных работах в Германии. Их труд был безвозмездный, работали по 14—18 часов в сутки, получали плохое питание. В официальном секретном циркуляре за № 42006/41 Хозяйственного штаба германского командования на Востоке 4 декабря 1941 года были даны указания по использованию рабочей силы из числа советских граждан: «Следует использовать русских людей главным образом для дорожного строительства, строительства железных дорог и уборочных работ, разминирования и устройства аэродромов. Следует расформировать немецкие строительные батальоны (например, военно-воздушного флота). Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существуют русские... При применении мер поддержания порядка решающим соображением является быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда» (Там же, л. 6). Основываясь на этих и других людоедских указаниях, администрация немецких лагерей, где содержались советские люди, выдавала им в сутки по 150—250 граммов суррогата (Там же), называемого хлебом, и миску баланды из отбросов. Рабский физический труд, скотские условия быта катастрофически отразились на здоровье советских военнопленных и интернированных, в том числе и тех, кто выжил и возвратился домой. По официальным данным, на Родину, возвратилось лишь 5 352 963 человека военнопленных и интернированных (Там же, л. 2). Какой-либо компенсации за труд в фашистской Германии никто из них не получал и не получил до сих пор. Это является грубым нарушением требований Гаагской конвенции о защите жертв войны, заключенной в 1907 году, и Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 года (раздел IV. О труде), действовавших в то время и ратифицированных Германией. Согласно названным конвенциям военнопленные и интернированные, как жертвы войны, имеют право на справедливое вознаграждение за свой труд у неприятеля. Оплата этого труда должна быть такой же, как и труда гражданских рабочих той местности, где они работают. Денежные вознаграждения, оставшиеся на их кредитах, должны быть выплачены им перед репатриацией. В случае смерти денежное вознаграждение пересылается законным наследникам. Следует также подчеркнуть, что аналогичные требования содержатся и в Женевских конвенциях об обращении с военнопленными (ч. III. ст. 49—57, 62, 123) Я о защите гражданского населения во время войны (ст. 40 и др.) от 12 августа 1949 года.

В СССР труд военнопленных и интернированных немцев также использовался. Однако их трудовое использование и продовольственное обеспечение существенно отличалось от положения, в котором находились советские люди в фашистской неволе. Справедливости ради надо сказать, что и для немецких военнопленных и интернированных, содержащихся в лагерях на территории СССР, рая никто не создавал. Вместе с тем питание было вполне нормальным и достаточным (в годы войны и до 1948 г. они питались во многих случаях даже лучше, чем многие советские граждане) и в среднем в сутки на одного человека выдавалось 600 граммов хлеба, 40 граммов мяса, 120 граммов рыбы или сельди, 20 граммов сахара и т. п. (ЦГА СССР, ф, 1 п, оп. 5а. д. 2, лл. 294—295); с каждым военнопленным и интернированным был осуществлен полный расчет перед репатриацией (на руки выдавались все заработанные деньги за вычетом на содержание). Таким образом, компенсация за трудовое использование в Советском Союзе была произведена.

В настоящее время в Советском Союзе живы бывшие советские военнопленные и гражданские лица, находившиеся в неволе в Германии (всего около 2,8 млн. человек, из них около 800 тыс. бывших военнопленных и около 2 млн. гражданских лиц, бывших «остарбайтер»). К нашему стыду, учет этих лиц начало вести в последние годы лишь общество «Мемориал». Судьба советских военнопленных и интернированных, вернувшихся из фашистской неволи, сложилась не лучшим образом: часть из них отправили к месту постоянного жительства, другие были незаконно репрессированы

(в большей степени это коснулось бывших военнопленных), третьи — высланы на спецпоселение я в так называемые трудовые армии. Для многих из них реабилитация наступила лишь после 1956 года, когда было издано совместное постановление ЦК ВКП(б) и СМ СССР № 898—490 с от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» (приложение).

После репатриации советских граждан из Германии Советское правительство приняло ряд мер по оказанию им помощи в устройстве на работу, приобретению жилья и необходимого имущества. В частности, только по постановлению СНК СССР № 478-136 с от 14 марта 1945 года на расходы по приему и устройству советских граждан, репатриированных из Германии, на 1945 год было утверждено по союзному бюджету 270 млн. рублей и по республиканскому — 39 млн. 580 тыс. рублей (Там же, оп. 4а, д. 1, л. 232), а на саму репатриацию по состоянию на 1 марта 1946 года израсходовано 1 094 554 116 рублей (ЦГАОР, ф. 9526, оп. 7е, д. 2, а. 104). Репатриированным советским военнопленным и интернированным по прибытии на место постоянного жительства выдавались долгосрочные ссуды в сумме 5 —10 тыс. рублей сроком на 5 — 10 лет. Бывшие военнопленные имели такие же льготы, как и демобилизованные воины Красной Армии. Однако вопрос об оказании материальной и иной помощи репатриантам не всегда находил поддержку у местных руководителей. В связи с имевшимися недостатками в устройстве бывших военнопленных и интернированных Оргбюро ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 4 августа 1945 года отмечало: «Отдельные партийные и советские работники встали на путь огульного недоверия к репатриированным советским гражданам, Надо запомнить, что возвратившиеся советские граждане вновь обрели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни» (Там же, д. 7, л. 146).

Многие из побывавших в фашистской неволе советских граждан так и не получили должной компенсации за все свои страдания и тяжелый труд ни от Германии, ни от Советского правительства. В современных условиях их материальное положение еще больше усугубляется. По моему мнению, было бы справедливым установить пофамильно всех, кто использовался в 1941 —1945 гг. в Германии на принудительных работах, и

выплатить положенную им компенсацию. Это имеет не только политическое, но и нравственное значение, во-первых, это позволит укрепить правовые нормы сотрудничества государств на современном этапе и реально выполнить требования международных конвенций по защите жертв войны, во-вторых, каждое государство, стремящееся к агрессивным войнам, должно помнить о том, что рано или поздно все равно придется расплачиваться за содеянное.

Капитан 1 ранга В. П. ГАЛИЦКИЙ, кандидат юридических наук, доцент

Приложение

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС и СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

Постановление от 29 июня 1956 г. № 898—490 с Москва, Кремль

Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечают, что во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период были допущены грубые нарушения советской законности в отношении военнослужащих Советской Армии и Флота, оказавшихся в плену или в окружении противника.

Советские воины в Великой Отечественной войне героически сражались с фашистскими захватчиками, честно и самоотверженно выполнили свой долг перед Родиной. Однако в силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все возможности к сопротивлению, оказалось в плену у противника. Многие военнослужащие попали раненными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев или при выполнении боевых заданий в тылу врага.

Советские воины, оказавшиеся в плену, сохранили верность Родине, вели себя мужественно и стойко переносили тяготы плена и издевательства гитлеровцев. Многие из них, рискуя жизнью, бежали из плена и сражались с врагом в партизанских отрядах или пробивались через линию фронта к советским войскам. Несмотря на это и в нарушение советских законов по отношению к бывшим военнопленным проявлялось огульное политическое недоверие, широко применялись необоснованные репрессии и незаконно ограничивались их права.

Военнослужащие, выходившие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись для проверки в специальные лагеря НКВД, где содержались почти в таких условиях, как и лица, содержавшиеся в ис-. правительно-трудовых лагерях.

Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, в результате применения при проверке во многих случаях незаконных, провокационных методов следствия было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену.

Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались весь период войны денежных пособий и других льгот, независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих.

Серьезным нарушением законности являлась практика разжалования без суда в рядовые офицеров, бывших в плену или окружении противника, и направления их в штурмовые батальоны.

Военнослужащие, совершившие геройский побег из плена или показавшие образцы мужества и стойкости в период пребывания в плену, никак не поощрялись.

С 1945 года все освобожденные и репатриированные военнопленные, даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятия угольной и лесной промышленности, находящиеся в отдаленных районах.

Органы госбезопасности в послевоенный период продолжали необоснованно привлекать к уголовной ответственности бывших военнопленных, причем многие из них были незаконно репрессированы. Широкое распространение получили различные незаконные ограничения в отношении бывших военнопленных и их родственников в области трудового устройства, общественной деятельности, при поступлении на учебу, при перемене местожительства и т. п.

Неправильное отношение к бывшим военнопленным сказывалось также и при решении вопроса об их партийности. Многим членам КПСС, проявившим мужество и стойкость в боях с врагом и ничем не запятнавшим себя в плену, отказывали и нередко отказывают и теперь в восстановлении в рядах КПСС.

Грубые нарушения советской законности, допущенные по отношению к бывшим военнопленным, имели место прежде всего в результате преступной деятельности Берия, Абакумова и их сообщников, насаждавших массовый произвол и репрессии. Нарушениям законности способствовали также и пробелы в советском законодательстве по вопросу о военнопленных.

Все это в корне противоречит основам нашего социалистического строя, советской Конституции, ленинским принципам внимательного и чуткого отношения к советским людям. Допущенные нарушения наносят большой морально-политический ущерб нашей партии и государству. Обстановка недоверия и подозрительности по отношению к бывшим военнопленным порождает среди них и членов их семей настроения обиды и недовольства. Такое отношение к бывшим военнопленным широко используется врагами нашего государства в пропаганде среди советских граждан, еще находящихся за границей, с целью удержания их от возвращения на Родину и вовлечения их в антисоветскую деятельность.

В целях устранения грубых нарушений советской законности, допущенных в отношении бывших военнопленных и членов их семей, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства.

Обязать партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные органы полностью устранить имеющие место в практике их работы разного рода ограничения в отношении бывших военнопленных и членов их семей, в частности:

а) рассмотреть вопрос о трудоустройстве указанных лиц и принять меры к предоставлению им работы по специальности;

б) не чинить им препятствий при поступлении в высшие и средние учебные заведения и на курсы.

2. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам, райкомам КПСС и Главному политическому управлению Министерства обороны СССР пересмотреть дела о партийной принадлежности бывших военнопленных, необоснованно исключенных из рядов КПСС в связи с пребыванием в плену.

3. Внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР вопрос о распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 —1945 гг., на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен противнику, отбывших или отбывающих наказание.

4. Министерствам юстиции союзных республик и Прокуратуре СССР при пересмотре судебных дел на бывших военнослужащих Советской Армии и флота, находившихся в плену, выявить и обеспечить в установленном законом порядке реабилитацию тех из них, которые попали в плен в условиях, вызванных боевой обстановкой, и необоснованно осуждены как изменники Родины.

5. Юридической Комиссии при Совете Министров СССР, Прокуратуре СССР и Министерству обороны СССР внести на рассмотрение Совета Министров СССР предложения о необходимых уточнениях и дополнениях статей Положения о воинских преступлениях, определяющих ответственность военнослужащего за сдачу в плен и за преступления, совершенные во время пребывания в плену, не допуская при этом смягчения наказания за добровольную сдачу в плен.

6. Установить, что время пребывания в плену, в окружении и на спецпроверке, если пленение не было добровольным и если военнослужащий, находясь в плену, не совершил преступлений против Родины засчитывается в срок службы в армии, а также в обший трудовой и непрерывный стаж работы.

7. Обязать Министерство внутренних дел СССР (т. Дудорова) и Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (т. Серова) пересмотреть и отменить все ранее изданные НКГБ и НКВД приказы и инструкции в отношении бывших военнопленных, противоречащие настоящему постановлению.

8. Министерству обороны СССР (т. Жукову):

а) пересмотреть в персональном порядке все дела бывших военнопленных из числа офицеров, лишенных воинских званий без решения судебных органов, и во всех необходимых случаях восстановить их в офицерских званиях, а имеющим право на пенсионное обеспечение назначить пенсии;

б) представить к награждению бывших военнопленных, имеющих ранения или совершивших побег из плена, но не отмеченных правительственными наградами:

в) внести на рассмотрение Совета Министров СССР предложения о необходимых изменениях и дополнениях в Положение о денежном довольствии военнослужащих за время нахождения в плену, а также о пенсионном обеспечении этих военнослужащих и их семей;

г) рассмотреть вопрос о внесении в действующие уставы Советской Армии и Военно-Морского Флота соответствующих дополнений, определяющих отношение советского воина к плену.

9. Министерству культуры СССР (т. Михайлову) по согласованию с Министерством обороны СССР включить в тематические планы издательств, киностудий, театров и культурно-просветительных учреждений подготовку художественных произведений, посвященных героическому поведению советских воинов в фашистском плену, их смелым побегам из плена и борьбе с врагом в партизанских отрядах.

Публиковать в партийной, советской и военной печати статьи, рассказы и очерки о подвигах советских воинов в фашистском плену.

10. Обязать Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР через «Комитет за возвращение на Родину» и Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР довести мероприятия Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства, изложенные в настоящем Постановлении в отношении бывших военнопленных, до сведения советских граждан, находящихся за границей, с целью ускорения возвращения их на Родину.

Секретарь Центрального Комитета КПСС Н. ХРУЩЕВ

Председатель Совета Министров Союза ССР Н. БУЛГАНИН

К приложению

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 —1945 гг.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ добился больших успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего укрепления своего социалистического государства.

Учитывая это, а также прекращение состояния войны между Советским Союзом и Германией и руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР считает возможным применить амнистию в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941 —1945 гг. по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

В целях предоставления этим гражданам возможности вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами социалистического общества Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осужденных на срок до 10 лет лишения свободы включительно за совершенные в период Великой Отечественной воины 1941 —1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные статьями 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик.

2. Сократить наполовину назначенное судом наказание осужденным на срок свыше 10 лет за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа.

3. Освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку.

4. Не применять амнистии к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан.

5. Прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами о преступлениях, совершенных в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., предусмотренных статьями 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик, за исключением дел о лицах, указанных в статье четвертой настоящего Указа.

6. Снять судимость и поражение в правах с граждан, освобожденных от наказания на основании настоящего Указа.

Снять судимость и поражение в правах с лиц, ранее судимых и отбывших наказание за преступления, перечисленные в статье первой настоящего Указа.

7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941 —1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе.

Председатель Президиума Верховного Ссвета СССР К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. ПЕГОВ

Москва, Кремль. 17 сентября 1955 г.

От Бисмарка до... («Славная» история Германии. Знать историю!-Ю.З.)

В ЖУРНАЛЕ № 9 за 1990 г. в рубрике «Страничка главного редактора» мое внимание привлекла идея о замене любых и всяких военных блоковых систем в мире на единую биоцентрическую, в которой, кроме ведущих держав, поддерживающих баланс сил при определенном их взаимоограничении, остальные государства, вверив свою защиту одной из этих двух, вообще полностью бы разоружились.

Но публикация заставила подумать и вот о чем. Беседуя об объединении Германии с очень разными людьми в различных городах и селах, я пришел к ужаснувшему меня выводу: как слабы исторические и географические знания в нашем народе, причем даже элементарные, даже о недавнем прошлом, не говоря уж о такой, например, «узкой» области, как демографическая география! Отсюда и «логика» размышлений многих — какая-то однобокая, деформированная, которую и логикой-то трудно назвать.

И невольно вспоминаешь новую историю Германии. Начинается эта история не с третьего рейха Гитлера, а со второго, созданного Отто Бисмарком. Его политика, но только в гораздо меньшей степени, чем позже, опиралась на все возраставшую экономическую мощь Пруссии, нуждавшейся в новых рынках сбыта и сырья, на юнкеров-помещиков, монополизировавших офицерский корпус и требовавших все новых и новых поместий для своих многочисленных отпрысков, и на вечно сюсюкавших и лебезивших (но и тогда настроенных резко антиславянски) либералов, мечтавших лишь о национальном объединении раздробленной еще со времен феодализма Германии. Вот тогда-то были заложены в основу ее государственности и внешней политики циничнейшие вероломные взгляды на договор как на ширму, скрывающую многое.

Начал Бисмарк с Австрии; ее надо было исключить из числа претендентов на роль собирателя рейха. Для этого с ней заключается союз, и уже вместе с Австрией («я, мол, не одна, это дело всех немцев, дело — правое!») Пруссия нападает на... ничего не ведающую Данию и отбирает у нее Шлезвиг-Гольштейн (чтобы строить там Кильский канал и по нему быстро из моря в море перебрасывать будущий военный флот!). Затем вместо того, чтобы разделить добычу, как предлагала Австрия, Бисмарк наносит по своему союзнику мощный удар. Разбитая пруссаками (под командованием перетянутого на прусскую службу датчанина Мольтке) в битве при Садова Австрия соглашается на все требования (весьма, впрочем, умеренные из-за боязни потерять «союзника» на будущее). И уже походя (война же) Пруссия присоединяет к себе самостоятельные Ганновер, Гассель и Нассау, неприкосновенность которых ранее обещала обеспечить.

Через четыре года, доведя отношения с Францией до крайности, Бисмарк спровоцировал объявление ею войны, что заставило и не входившие в созданный им «Северо-германский союз» южные германские государства выступить тоже на его стороне — по националистическим и историческим мотивам (память о Наполеоне I была еще свежа). Французские армии были разбиты, а союзники — Бавария, Саксония, Вюртемберг и другие были включены («вместе ж воевали, и впереди еще ждут бои!») в состав уже новой единой Германской империи, той, что разбойничала на земном шаре вплоть до 1918 года.

И в 1914 году, когда Гитлер был еще простым солдатом и, случалось, получал от лощеных, с моноклем офицеров пинки в зад, эти методы, прозванные потом гитлеровскими, уже широко применялись империей. Объявив войну России и предоставив сдерживать ее медленно мобилизующиеся ввиду огромных пространств страны силы битой союзнице Австрии (теперь уже Австро-Венгрии), Германия бросила 5/6 своих сил во Францию через... ничего не подозревавшую Бельгию. Ведь ей надо было быстро, зайдя с тыла, огромными превосходящими силами расплющить французские армии на границе, в Эльзасе и Лотарингии. Вот это только и требовалось империи. Вот в чем истина.

— На основании чего германские войска вторглись в Бельгию», с которой Германия незадолго до этого подписала договор о ненападении?— запросил Карл Либкнехт правительство в рейхстаге.

— А что такое договор? — ответил канцлер Бетман-Холльвег.— Бумажка!

Подписывая с истощенной, истекающей кровью Россией грабительский Брестский договор о мире (от нас отходила вся Прибалтика, почти вся Белоруссия, Житомирщина), оголтелая германская военщина потребовала включения в договор и пункта о признании независимости Украины и спешно сформированного там буржуазного правительства во главе с Винниченко. Ей пошли навстречу и в этом. Подписав же договор, Германия вопреки всем его статьям ввела свою 500-тысячную армию на всю территорию Украины, захватила даже Ростов и, сбросив, кстати, Винниченко с Петлюрой, посадила на гетманский «трон» своего человека — царского генерала Павла Скоропадского, женатого на немке. А большую часть войск с Восточного фронта, опять же проигнорировав статью договора о неиспользовании их на Западе, Гинденбург с Людендорфом направили именно

туда и с таким мощным пополнением развернули в 1918 году ряд внушительных наступлений на Западном фронте.

Первым шагом Гитлера после введения всеобщей воинской повинности, ремилитаризации Рейнской зоны, начала строительства запрещенных Версалем подлодок и танков (все это при попустительстве Англии и в первую очередь Франции с ее довольно сильным тогда союзником — Польшей) было объявление «гарантированной неприкосновенности» Австрии (осколка Австро-Венгерской империи), что преподносилось его прессой как «крупнейший вклад в дело мира».

К концу февраля 1938 года словоблудие прекратилось, а 12 марта фюрер ввел в Австрию 100-тысячную армию и объявил о слиянии своей родины (он там родился) с третьим рейхом. Гитлер разъезжал по всей стране, бахвалясь, что произвел указанную операцию «за один день и без единого выстрела! Это ли не достижение в борьбе за мир?!».

И тут же начал глобальную разнузданную кампанию «за освобождение от славянской эксплуатации несчастного немецкого меньшинства в Чехословакии». А отмобилизованные германские дивизии, постоянными передвижениями вдоль границ этой страны с лета и до середины осени 1938 года все больше и больше взвинчивали национал-истерию, пока наконец «мудрые» Чемберлен и Даладье не подписали «Мюнхен». По этому позорному соглашению 1/3 территории Чехии вдоль высокогорных удобно обороняемых границ отходила к Германии. Оставшейся части этой страны четверо «миролюбивцев» давали «полную гарантию неприкосновенности».

Давал ее и Гитлер: мол, конечно, зачем ему остальное?! Это было в октябре 1938 года, а уже в марте следующего года он неожиданно для всего мира оккупировал всю Чехию. И кстати, не теряя времени, и тоже без единого выстрела забрал себе район Мемеля (ныне Клайпеды).

И тут же началась дипломатическая я агитационная кампания против Польши. Договор с ней о ненападении Гитлер не нарушил, а сделал по-другому: незадолго до нападения нарочно разорвал его для большего эффекта, требуя «совсем небольшого»: «Отдай Данциг, отдай Коридор, отдай Померанию, отдай Познань!» Но тупая хунта магнатов, правившая Польшей и всегда отказывавшаяся от сотрудничества со Страной Советов, уверовав в силу «гарантий» (опять!) Англии и Франции, решила ничего не уступать и... потеряла все!

За декаду до нападения на Польшу Германия заключила договор о ненападении с СССР. Заключение этого договора было с нашей стороны абсолютно правильным шагом, так как Германия на нас в тот момент не напала бы, имея в тылу объявившую ей (по договорным обязательствам с Польшей) войну Францию. В дальнейшем эти державы должны были схватиться всеми наличными силами и обессилить себя; мы же за это время могли хорошо подготовиться, да еще на позициях, выдвинутых намного вперед. Договор для нас был хорош, но было ясно, что он не вечен и по исчезновении двух первых указанных факторов будет обязательно нарушен. Надо было быть настороже.

На Западе же в то время все пошло по уже отработанному сценарию: германские вооруженные силы волной вкатывались то в ту, то в другую страну Европы, причем с каждой из них Германия имела договор о ненападении. Так случилось с Данией, которую вермахт прошел в одночасье. Так было с Норвегией: во все ее порты немцы высадились одновременно, не оставив Англии почти ничего для контрдесантов и отбросив своей авиацией британский флот к его базам. Так стало с Бельгией, Люксембургом, а заодно и с не воевавшей никогда ни с кем Голландией. По территории этих стран немцы прошли за неделю и именно тогда окружили и уничтожили все лучшие мобильные и танковые части Франции (через три недели Франция вообще капитулировала) и фактически всю английскую армию, бросившую здесь свое вооружение. Та же участь весной 1941 года ожидала и «союзника», присоединившегося к германо-итальянскому союзу (но не пожелавшего воевать с соседями), — Югославию, разгромленную вдесятеро превосходящими силами, тут же ринувшимися через ее территорию ка беззащитную, по сути, Грецию, все силы которой были заняты отражением агрессии Италии.

И, наконец, 22 июня!

Сегодня тоже многие искренне уповают на договоры, заключенные в последние годы...

М. А. КРУПНОВ-ДЕНИСОВ, архивариус

В предпринимаемых сегодня попытках по-новому взглянуть на историю Великой Отечественной войны отчетливо видна тенденция к подмене глубокого и серьезного исследовательского подхода субъективистскими оценками, конъюнктурными выводами, а подчас и откровенной фальсификацией. Разумеется, каждое государство вправе вписывать в свою историю неизвестные или незаслуженно забытые страницы. Но это нужное дело не должно быть подвержено какой бы то ни было политической конъюнктуре. Главное - нести людям правду о прошлом. К сожалению, так происходит не всегда. Например, вторжение гитлеровских войск стало иногда расцениваться как «освободительная миссия». Что же было на самом деле, какие цели преследовал новый германский порядок, говорить излишне. Его испытали на себе миллионы советских людей. Впрочем, испытали и те, кто активно содействовал приходу фашистских войск. В этом убеждает и публикуемый документ-меморандум «Фронта литовских активистов», все содержание которого сводится к типичной просьбе - жалобе. А жаловаться так называемым активистам было на что. Уже на третий месяц гитлеровской оккупации они поняли, что вместо желанной свободы и независимости в стране установилась фашистская диктатура. Вполне понятно недоумение авторов документа: за что же тогда они боролись, к чему развязывали террор против собственного народа?!

Отсюда становится понятным, почему в сегодняшней Литве определенным кругам невыгодно афишировать этот меморандум. Слишком многое он проясняет, на многое открывает глаза тем, кто по-настоящему дорожит историей своей страны, кто хочет знать правду о Великой Отечественной войне.

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ?

КАК НЕМЕЦКАЯ ВЛАСТЬ ОБИДЕЛА «ФРОНТ ЛИТОВСКИХ АКТИВИСТОВ»

МЕМОРАНДУМ

о положении в Литве в связи с созданием в Литве немецкой гражданской власти

«Фронт литовских активистов» создался во время большевистской оккупации как военная организация, задачей которой было восстановление независимости Литвы с помощью вооруженного восстания. ФЛА для этой цели завязал контакт с немецким военным командованием. Основой сотрудничества между ФЛА и немецким военным командованием являлось то, что последнее признавало главную цель ФЛА - борьбу за независимость Литвы. В присяге литовских добровольцев, которую они давали немецкому военному командованию, говорится: «Принимая добровольно на себя задание по освобождению моей родины Литвы, добровольно обязуюсь перед Богом и моей совестью выполнять это задание сознательно, не жалея своего здоровья и жизни».

После начала войны ФЛА совместно с остатками частей литовской армии начали восстание и совершили целый ряд заданий, согласованных с немецким военным командованием. В восстании участвовало около 100 тысяч партизан. Число молодежи Литвы, погибшей в борьбе с большевиками, превосходит 4000 человек.

ФЛА и вся молодежь Литвы считали, что в борьбе с большевизмом цель литовского и немецкого народов одна. ФЛА и молодежь всей Литвы считали, что Германия не будет искать никакой территориальном экспансии за счет Литвы. Вся благоприятно настроенная в отношении Германии молодежь Литвы, уважая и высоко оценивая национальный принцип, доминирующий в немецкой политике, считала и считает, что в основе национальной идеи лежит и уважение другой национальности.

ФЛА, а с ним и вся литовская нация в связи с созданием в Литве немецкой гражданской власти переживает очень больной период.

ФЛА просит разрешить ему изложить свои заботы вождю великой Германии Адольфу Гитлеру и его смелой армии, надеясь, что кровь молодежи Литвы, пролитая в борьбе с большевизмом, разрешает ему откровенно сказать то, что он не смог бы сделать при других обстоятельствах.

1. После начала борьбы с большевиками ФЛА создал правительство Литвы, которое, несмотря на большие трудности, выполнило целый ряд организационных задач; не решив их, марш немецкой армии через Литву был бы значительно затруднен. Несмотря на это, не предъявляя работе правительства Литвы по существу никаких претензий, его работа против его воли была остановлена. Литве был назначен генеральный комиссар, который в скором времени взял власть в свои руки. Определяя территориальную компетенцию генерального комиссара, 28 июня (Так в документе. Остланд (Восточный край) был образован 17 июля 1941 г.) этого года в своем послании к литовцам комиссар рейха по делам Остланда объявил, что он назначен «в область бывшего независимого литовского государства».

Литовская нация не считала присоединение Литвы к СССР правомерным и накладывающим на нее какие-либо обязательства, потому что присоединение было совершено с помощью сфабрикованных выборов против воли всей нации. Но если кто и считал бы присоединение Литвы к СССР правомерным, то и в этом случае Литва не прекратила существования как суверенная республика, которая имеет право в любой момент выйти из СССР (см. ст. 15 и ст. 17 Конституции СССР). Литовское правительство 23 июня этого года объявило восстановление литовской независимости и тем самым рассеяло все сомнения о принадлежности Литвы к СССР. СССР против этого акта литовского правительства не протестовал.

В связи с тем что Литву считать частью СССР нельзя, а с другой стороны, никаким международным актом Литовская республика не была отменена, становится непонятно, почему комиссар рейха по Остланду в своем послании литовцам от 28 июля говорит [о Литве] как об «области бывшего независимого литовского государства».

Выходит так, что большевики, против которых литовцы воевали вместе с немецкими солдатами, признают Литовскую республику, вышедшую из СССР, как независимое государство, а Германия, которой Литва помогла бороться с большевиками, считает Литовскую республику бывшим государством.

2. После вступления немецкой армии в Литву она нашла здесь повсюду благожелательные ей литовские органы власти, а не учреждения большевиков. Части литовской армии и партизаны Литвы везде, как смогли, помогали наступающей через Литву немецкой армии. Литва воевала вместе с Германией, а не против Германии. Но, несмотря на это, органы немецких властей рассматривают Литву как оккупированную территорию противника. Сложилось такое положение, что «Фронт литовских активистов» объявил борьбу против СССР, боролся вместе со всей литовской молодежью

против Советского Союза, а в результате этой борьбы Литву считают такой же территорией противника, как государства, воевавшие против Германии.

3. Немецкая нация объявила крестовый поход против большевизма. ФЛА также считал борьбу с большевиками и большевизмом одной из важнейших своих задач.

Отмена частной собственности и частной инициативы в области хозяйства в глазах литовцев являлись ненавистными чертами советского строя. Понятно, что как и литовский хозяин, так и мещанин нетерпеливо ждали конца большевистской власти в Литве, чтобы как можно скорее опять начать творческую хозяйственную и культурную работу. Условиями такой творческой работы в глазах каждого литовца являются частная собственность и свобода частной инициативы, которые могут быть раскованы настолько, насколько этого требует общественный интерес. Литовское правительство, начав свою работу, немедленно приняло все меры к тому, чтобы вернуть законным собственникам частное имущество, изъятое большевистской властью. Городские дома, предприятия, земельные наделы должны были быть возвращены тем, кому все это принадлежало до вторжения в Литву большевиков. Тем самым немецкие гражданские власти в Литве, остановившие работу литовского правительства, начали уничтожать все то, что было сделано для возвращения национализированного имущества законным собственникам. Имущественные отношения приводятся в такое положение, в каком они были, когда в Литве правили большевики. Мало того, указ генерального комиссара в Каунасе от 20 августа настоящего года об уборке урожая и севе делает имущественные отношения еще более неустойчивыми, чем они были в большевистские времена. Хотя большевистскими актами во время национализации земля и была признана собственностью государства, но каждый, кому она была оставлена, владел ею вечно. Если это и не была собственность, то все равно каждый знал, что владеет землей по праву вечного пользования. Указом генерального комиссара и то вечное пользование, которое признавалось законами большевиков, становится иллюзорным. Кроме того, целый ряд людей, у которых и большевики не считали нужным отнять землю, по этому указу лишается ее, так как они не утверждаются законными хозяевами своей земли. Например, те, которые по какой-либо причине во время большевистской оккупации сами землю не обрабатывали, а давали ее напрокат или пенсионерам для обработки. По указу земли должны лишиться и так называемые нехозяева. Указ, правда, не говорит, кого он считает нехозяевами. Но можно предвидеть, что нехозяином по указу будет пониматься каждый, кто кроме хозяйства занимается другом работой: такими профессиями, как, например, учитель, профессор или занимающий другие общественные должности. Большевики тоже хотели эту категорию людей лишить земли, но этого не сделали, столкнувшись с большой народной оппозицией, так как лишение земли этой категории хозяев означало не что другое, как выталкивание из деревин в основном самых сильных и образованных хозяев. Сложилось такое положение, что то, что плохими законами хотела сделать большевистская власть, по непонятным причинам сделала немецкая гражданская власть в Литве. Тысячи хороших хозяев, которые продержались в сельском хозяйстве в большевистские времена, хотят вытолкнуть из сельского хозяйства по совсем непонятным причинам. Имущественные отношения, которые были расстроены большевистской властью, еще больше разрушаются.

4. То, что указ генерального комиссара по уборке урожая мало руководствуется хозяйственными соображениями, видно из положения в так называемых советских хозяйствах (совхозах). Большевистская власть отняла у лучших хозяйств землю, не оставив ни одного гектара и не отдав эту землю безземельным и малоземельным крестьянам, а эксплуатировала ее как большие хозяйственные единицы. Владельцами таких хозяйств в основном являлись лучшие крестьяне Литвы, которые умели образцово распоряжаться хозяйством. Все эти хозяйства немецкая гражданская власть оставила в своем распоряжении, не вернув их собственникам, несмотря на то, что худшие хозяйства, которые не были оставлены для эксплуатации как совхозы, возвращены владельцам. Понятно, что никакая государственная администрация не сможет производить в этих хозяйствах столько, сколько могли бы производить настоящие собственники тех хозяйств, примерные крестьяне, хорошо знающие производственные возможности своих хозяйств. Тем самым в некоторых хозяйствах ведут работу в основном мало подготовленные завхозы, оставшиеся с большевистских времен. Владельцы хозяйств, которые в основном вложили немалый в условиях Литвы капитал и еще больше труда, теперь живут как бездомные у своих соседей или должны искать какую-то другую работу, к которой они меньше подготовлены только потому, что они очень хорошие хозяева и их хозяйства понравились власти большевиков, которая сделала из них так называемые совхозы.

Экономическое и моральное положение складывается непоправимое.

Генеральный комиссар в начале своего устного приказа резервирует за собой право упорядочить имущественные отношения позднее. Так как все крестьяне Литвы считают себя хозяевами той земли, которую власть большевиков у них отняла, то один тот факт, что положение этих хозяйств будет объектом обсуждения позже, уже только это наполняет беспокойством сердца всех хозяев, что, конечно, не увеличивает производственной мощи края.

Сложилось такое положение, что в Литве гражданская немецкая власть реставрирует или поддерживает такие институты Советской власти, как национализация земли, национализация торговых н промышленных предприятий, национализация жилых домов, институт государственных хозяйств, профессиональные союзы с их задачами в сфере социального страхования и труда, советское социальное страхование и т.д.

5. Частная инициатива в хозяйственной области также преследуется, как преследовалась во время большевистской оккупации.

Положение парадоксальное: немецкая армия воюет с большевизмом, а немецкая гражданская власть в Литве против воли литовцев принуждает их жить в рамках советского строя. Если сказали бы, что в период войны не время производить какие-либо реформы, то надо заметить, что большевистский строй в Литве не имел никакого фундамента, что придерживаться его литовцам было гораздо труднее, чем вернуться к тому же строю, который был перед приходом большевистской власти и значительную часть которого литовское правительство уже возродило.

Понятно, что большевистские инстанции хотели навязать литовцам Советскую власть, но литовцам совершенно непонятно, почему немецкая гражданская власть в Литве хочет руководить их жизнью большевистскими принципами.

6. После вступления немецкой армии в Литву был объявлен обязательным курс русского рубля: 1RM-10Rb. Что такой курс русского рубля в Литве неоправдан экономически, неоднократно указывали литовское правительство, хозяйственные организации, генеральные советники немецкой гражданской власти. Каждый собственник марок, а такими являются только немецкие солдаты и люди гражданской немецкой администрации, может приобрести любой продукт литовского и заграничного производства почти даром. Такой курс рубля нечто иное, как наложение контрибуции на Литву. Эта контрибуция приобретает особое значение, если вспомним, что таможенной стены между Литвой и Советским Союзом нет. Из России в Литву везут бумажные деньги и превращают их в Литве в ценные товары... Выходит так, что Литва должна платить контрибуцию за весь Советский Союз. Почему? Потому, что Литва была включена в состав Советского

Союза против собственной воли [?] Или потому, что литовская молодежь вместе с немецкими солдатами воевала против большевиков [?] В глазах литовского народа создается парадоксальное и никакими мотивами не оправдываемое положение.

Полная распродажа литовских товаров происходит и из-за установленных цен на литовские продукты немецким гражданским правительством в Литве, особенно цен на литовские промышленные товары. Вся промышленность Литвы обязана продавать свои товары. Результатом такой политики может быть только всестороннее разрушение литовской промышленности или возникновение огромной ее задолженности. Все это настолько противоречит интересам литовского народа и хозяйствам Литвы, так неоправданно по некоторым рациональным соображениям, что литовский народ следит за распоряжением немецкого гражданского правительства в области экономики с большой озабоченностью. Все более вызывает озабоченность тот факт, что актуальные проблемы хозяйства Литвы целыми месяцами не были решены:

а) сельское хозяйство не поставляет продуктов питания, при отсутствии доверия к рублю, так как вопрос валюты остается открытым;

б) торговля работает с ущербом, потому что не переоборудована огромная большевистская система торговли, хотя количество товаров каждый день уменьшается;

в) продовольственная норма для жителей города установлена такая маленькая, что они должны или голодать, или взяться за спекуляцию;

г) неупорядоченный до сих пор транспорт парализует обращение хозяйского добра и тем самым весь процесс производства;

Двигаясь дальше по этой дороге, литовское хозяйство будет абсолютно разрушено и тем самым [будет] нанесен ущерб не только Литве, но и Германии.

7. Право жить и работать в своем крае каждый литовец считает своим неоспоримым правом. Если власть большевиков была так ненавистна в Литве, так это между прочим потому, что она пробовала силой выселять нежелательных себе литовцев в дальние земли России. То насильственное переселение литовцев оставило на все времена незабываемое впечатление. Одни из приказов комиссаров рейха Восточного края напомнил литовцам недавние и трагичные переживания, связанные с насильственным выселением множества тысяч литовцев из Литвы. Мы имеем в виду распоряжение комиссара рейха Восточного края от 15 августа сего года по использованию рабочей силы. В параграфе того распоряжения говорится:

«Для важных и поспешных работ органы наемного труда могут подходящие этим работам силы за соответственную доплату использовать и в другом месте, не на месте их постоянного жительства».

Так как это распоряжение издано комиссаром рейха Восточного края и таким образом касается не только Литвы, но и других стран, руководство которыми входит в компетенцию комиссара рейха Восточного края, то это распоряжение интерпретируется таким образом, что, судя по этому распоряжению, литовцев хотят посылать для работы в другие страны, находящиеся в ведении комиссара рейха Восточного края.

Если такая интерпретация этого распоряжения была бы правильной, то надо иметь в виду, что литовцы не чувствуют никаких обязанностей по отношению к Советскому Союзу, тем более обязанности участвовать в работе по его восстановлению. Если в отношениях Литвы с Советским Союзом есть какие-то обязанности, то все они являются обязанностями Советского Союза по отношению к Литве, и прежде всего вернуть разграбленные в Литве богатства и возместить нанесенный ущерб. Любой перевоз литовцев в Россию под одним или другим предлогом, разумеется, будет встречен в Литве с такими же чувствами, с какими был встречен таком же вывоз, совершенным перед войной властью большевиков.

8. С этим вопросом перекликается еще один. Это вопрос о литовцах, которые бежали во время большевистской оккупации в Германию. Избегая преследования большевистской власти, множество литовцев было вынуждено искать приюта в других странах. Большинство литовцев воспользовались гостеприимством Германии. Литовский народ с благодарностью будет всегда вспоминать эту помощь. Но надо заметить, что положение литовцев, бежавших в Германию, становится все труднее. Многие из них имеют в Литве имущество, легко могли бы получить здесь работу и опять стать полезными гражданами Литвы, но по неизвестным соображениям их возвращение всячески затрудняется. Положение становится все более странным, в среде беженцев есть очень много людей, известных всей Литве, которым помощь, оказанная Германией, по неизвестным причинам была заменена принудительным задержанием в рамках Германии, хотя эти люди очень необходимы Литве.

9. Один из вопросов, очень взволновавших литовским народ, это вопрос высшего образования в Литве. В высших школах Литвы учится около 5 000 человек. Литва никогда так не нуждалась в дополнительных кадрах врачей, учителей, правоведов и т.д., как после трудных большевистских оккупационных лет. Но в то же время, когда вся Литва ждет самой интенсивной работы высших школ, немецкая гражданская власть в Литве не только не разрешает прием новых студентов в высшие школы, но и останавливает деятельность высших семестров (курсов), исключая последние. В Литве никто не понимает этих действий немецкой гражданской власти иначе, как действий по остановке культуры и экономического развития литовского народа. Литовцам трудно подумать, что органы немецкой администрации в Литве добивались подавления литовского народа, но должны констатировать факт, что культурная и народная жизнь литовцев теперь всячески подавляется:

а) литовцам в Литве нельзя иметь ни одной газеты на литовском языке, потому что приказано в литовских ежедневниках помещать статьи на немецком языке;

б) с начала войны немецкая цензура не разрешила выпуск ни одной литовской книги в Литве (даже научный словарь литовского языка, отпечатанный перед войной, не появился на книжном рынке);

в) в радиофонах (Так в документе. Имеется в виду радио) Литвы все более вытесняется литовский язык или его разрешается употреблять только рядом с немецким языком;

г) в радиофонах Литвы не разрешается исполнять национальный гимн Литвы;

д) в одном из самых почитаемых мест Литвы, в каунасском военном музее, колокола звонили... властью русского царя запрещенную песню «Литовцами мы родились, литовцами хотим и быть». Музыку для этой песни написал известный литовский композитор Стасис Шинкус, а слова песни написаны в конце XIX века большим другом литовцев немецким ученым Зауервейном. Администрацию военного музея попросили эту песню больше не исполнять;

ж) в самом святом месте для всех литовцев - на горе Гедимина в Вильнюсе снят Литовский национальный флаг;

з) не разрешается праздновать литовские народные праздники.

«Фронт литовских активистов» считает, что если в Литве есть организации или просто представители общественности, обязанные информировать немецкую гражданскую власть о создавшемся положении в Литве, то «Фронт литовских активистов», как организация, работавшая все время в контакте с немецкими военными властями, имеет такую же обязанность в отношении командования немецкой армии и их великого вождя Адольфа Гитлера. Вместе с тем ФЛА осмеливается обратить внимание высшего руководства на то, что указанные в меморандуме ненормальные явления литовской жизни могли бы исчезнуть, если бы было признано дальнейшее существование литовского государства и если бы государственной жизнью страны руководило литовское правительство. Таково горячее желание и просьба всего литовского народа.

Приложение:

1. Памятная записка о правовом положении и о действительном положении в Литве после окончания большевистской оккупации.
2. Копия письма зам. премьер-министра Юозаса Амбразявичюса генеральному комиссару в Каунасе.
3. Памятная записка сельскохозяйственной палаты Литвы, касающаяся распоряжения господина генерального комиссара по обеспечению сохранности сельскохозяйственного урожая.
4. Памятная записка генерального совета по экономике о проблемах цен в Литве.
5. Памятная записка генерального совета по сельскому хозяйству генеральному комиссару в Каунасе.
6. Копия меморандума руководства литовских университетов по вопросу деятельности высших школ Литвы.
7. Копия письма литовских общественных организации генеральному комиссару в Каунасе по поводу приема студентов на первый семинар высших школ Литвы.

Каунас, 1941 г. сентября месяца 15[-го]д[ня].

Руководство «Фронта литовских активистов»

(расписались)

Прапуолянис Л.; Мочекас М., полк. ген. штаба; Пундзявичюс Ст., ген.дивизии; ДамушисА., доктор, инженер; Вебра И., полк. доктор, инженер; Нагюс-Нагявичюс, генерал; Таутвилас Н., полк. -лейт. ген. штаба; ВенцюсК., доктор; Талявичюс З., полковник; Амбразявичюс И., доктор; АндрюнасА., майор; Толиушис, адвокат, доктор; Миежялис М., генерал; Наукайтис М.; Подольскис Пр., докт[ор]; Краунайтис Из., полк.-лейт. ген. штаба, интендант; Декснис И. Вайнорас Ст.; Янкаускас И., полк.-лейт. ген.штаба, интендант; Рудокас И.; Малинаускас П.; Зостаутас И.; Жукаускас П.; Бобялис И., полковник; Катинаускас И.; Вилютис П.; Багдонавичюс И.; Тинджиулис П., капитан; Баронас П.; Пячялюнас М.

Копия настоящая: Декснис И. - начальник административного отдела.

Публикацию подготовил В.П. ЯМПОЛЬСКИЙ, кандидат юридических наук

О том, как началась Великая Отечественная война, написано много. Достаточно полно исследованы и освещены события, предшествовавшие гитлеровской агрессии против СССР и, в частности, связанные с сосредоточением фашистских войск у западных границ Советского Союза в 1940-1941 гг. В тот период в Москву из разных источников и по различным каналам шли тревожные сообщения о надвигающейся угрозе. Москве буквально кричали о скорой войне, но военно-политическое руководство страны, зная о надвигающейся угрозе, фактически бездействовало. Публикуемые документы еще раз убедительно свидетельствуют о том, что прорыв войсками вермахта 22 июня 1941 года наших западных рубежей для советского руководства не мог быть неожиданным.

МОСКВЕ КРИЧАЛИ О ВОЙНЕ

Из докладной записки заместителя наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии о сосредоточении немецких войск вблизи советской границы

14 июля 1940 г.

По данным Белорусского пограничного округа, с 1 по 7 июля с. г. в г. Варшаву и его окрестности прибыло семь дивизий немецких войск. Прибывшие войска заняли все казармы и часть учреждении г. Варшавы. Кроме того, части войск отмечены в Новом Дворе, Рембертуве, Гродиске, Корчеве и других пунктах в радиусе 60 км от Варшавы.

Вокруг Варшавы производятся фортификационные работы. На шоссейных дорогах сооружаются противотанковые препятствия.

Пехота, артиллерия и танки из Люблина (80 км от границы) направляются в сторону советской границы походным порядком.

Против участка Шепетовского и Брестского пограничных отрядов немецкая пограничная полиция снимается с охраны границы и отводится в тыл. Охрану границы несут полевые части германской армии.

По данным пограничных войск Украинской ССР, отмечается прибытие в пограничную полосу в направлении г.Перемышля германских пехотных и танковых частей и переброска войск из этого района в северном направлении.

За последнее время отмечены вновь прибывшие части германской армии: в г. Кросно (65 км юго-восточнее Перемышля) -пять пехотных полков; в г. Ярослав (20 км севернее Перемышля) - 39-й пехотный и 116-й артиллерийский полки; в г. Жешув (60 км северо-западнее Перемышля) -129-й пехотный, [а также] зенитный и артиллерийский полки; в г. Пшеворск (40 км северо-западнее Перемышля) - 192-й пехотный, 44-й тяжелоартиллерийский полки и 16-й отдельный станковопулеметный батальон.

7 июня 1940 г. в г. Ярослав прибыло три эшелона немецких войск с 70 танками. Отмечено прибытие танковой части в г. Люблин (100 км юго-западнее Брест-Литовска).

11 июня 1940 г. в г. Ланцут (145 км северо-западнее Перемышля) расположился штаб в составе трех генералов и 30 офицеров.

Начиная со второй половины июня с. г. против участка 90-го пограничного отряда отмечается передвижение частей германской армии в северном направлении через пункты Красностав-Замостье-Влодава.

Продолжаются работы по строительству укреплений: против участка Любомльского пограничного отряда в районе Серебрица, Берлине, Дубенка, Холм (45-60 км северо-западнее Владимир-Волынского) строятся огневые точки; против участка Рава-Русского пограничного отряда в районе Цешанув-Дзыкув (85 км северо-западнее Львова) производятся работы по отрытию окопов и установке проволочных заграждений; против участка Перемышльского пограничного отряда в районе Жешув - Пшеворск, Яворник-Польский, Дынув производится отрытие окопов и устанавливаются мины. На работах занято около 2500 солдат и несколько экскаваторов.

В различных местах пограничной полосы производится ремонт шоссейных дорог...

Из сообщения агента берлинской резидентуры НКГБ СССР «Корсиканца»[1] о подготовке Германии к войне с СССР

Не позднее 8 февраля 1941 г.

Военно-хозяйственный отдел статистического управления Германии получил от верховного главнокомандования распоряжение о составлении карт расположения промышленных предприятий СССР по районам.

Такие же карты Англии были изготовлены перед войной с ней в целях ориентировки при выборе объектов воздушном бомбардировки.

Руководитель русского сектора отдела иностранной литературы министерства просвещения Сиелл получил от военных властей уведомление о том, что в случае необходимости он будет мобилизован в качестве русского переводчика в один из военных трибуналов...

Недавно состоялось совещание руководящих референтов министерства хозяйства Германии (Так в документе), на котором заведующий русским отделом министерства Тер-Неден сделал в общих чертах сообщение о заключенном советско-германском торговом соглашении и отметил при этом, что ряд пунктов не удовлетворяет германскую сторону. Эти пункты следующие:

- по настоянию советской стороны экспорт Германии в СССР ограничивается, как и раньше, машинами и станками, тогда как немцы намеревались включить в соглашение вывоз менее дефицитных товаров;
- не устраивает германскую сторону также пункт о квартальной проверке состояния соотношения между советскими и германскими поставками;
- большую заботу германской стороне доставляет пункт договора о поставке Советскому Союзу кобальта, которого в настоящее время в Германии нет, немцы рассчитывают получить кобальт из французского Марокко, но нет твердой уверенности в том, что это им удастся сделать...

Телеграмма турецкого посла в Москве министерству иностранных дел Турции

26 марта 1941 г.

Судя по заслуживающему внимания донесению, которое шведский посланник в Берлине послал своему правительству и копию которого мне удалось получить, сомневаюсь в том, что отгрузка различных получаемых в настоящее время

из России товаров будет продолжаться... учитывая быстрые темпы подготовки Красной Армии... немцы считают, что акция против России стала настоятельной необходимостью. Этим и объясняется значительное усиление германских войск, находящихся на русской границе. Окончательно установлено, что за последние 2-3 недели на русской границе производится значительная концентрация войск. Шведские инженеры, работающие в окрестностях Варшавы, лично констатировали, что к русской границе каждую ночь направляются в большом количестве германские моторизованные части.

Политические круги Берлина полагают, что нападение на Россию будет произведено сухопутными силами, а на Англию - крупными воздушными соединениями и подводным флотом; говорят даже, что для этого нападения готовятся три армейские группы: Варшавская группа под командованием маршала фон Бока, Кенигсбергская группа под командованием маршала фон Рунштедта, Краковская группа под командованием маршала фон Лееба. Для обеспечения быстрой победы над советскими армиями будет применен план молниеносного наступления из трех вышеупомянутых пунктов. Целью этого наступления будет Украина; возможно также, что оно распространится до Уральских гор.

Сообщая вам вышеизложенную информацию, которая заслуживает доверия, как и другие распространявшиеся здесь за последнее время сведения о том, что немцы готовятся напасть на Россию, прошу держать их в секрете.

Хайдар Актай

(посол Турции в СССР. - В. П.)

Из письма Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии № 660351 в НКГБ СССР с оценкой полученных разведывательных данных о переброске германских войск на восток

29 марта 1941 г.

Ваши данные о переброске за последнее время германских войск и воинских грузов к границам СССР правдоподобны. Они подтверждаются рядом наших источников. Сведения о переброске двух танковых дивизий в Триполи также вполне правдоподобны...

Телеграмма турецкого посла в Москве министерству иностранных дел Турции

7 апреля 1941 г. Конфиденциально.

1. Из тех же источников [2] поступают сведения о том, что немцы готовятся к нападению на Россию. Югославский посол позавчера в Кремле после подписания договора о дружбе беседовал со Сталиным и сделал ему некоторые заявления в духе тех, о которых я сообщал в вышеуказанной телеграмме.

Сталин выслушал его заявление с большим интересом и, дважды поблагодарив посла за информацию о сроках возможного нападения немцев, сказал: «Мы готовы, если им угодно - пусть придут».

2. Английский посол, узнав из белградских источников о том, что месяца два тому назад во время свидания принца Павла с Гитлером последний сказал Павлу, что собирается напасть на Советский Союз, по телеграфу из Афин попросил Идена проверить правильность этих слухов. Иден в своем ответе указал, что он через короля Георга навел справку у принца Павла и что Павел подтвердил, что Гитлер ему действительно сказал о том, что он решил начать наступление на Россию в середине июня.

Хайдар Актай

Телеграмма из Кенигсберга японскому послу в Москве

31 мая 1941 г.

1. В течение последней недели несколько дней подряд из Мемельского порта была направлена в Финляндию часть расположенных в Мемельской области войск. В Мемельском порту, точно так же и в порту Пиллау стоит большое количество военных транспортов.

2. Как уже сообщалось, сейчас в этом районе происходит концентрация войск, в качестве примера этого можно привести такой факт: пассажирский поезд, который вышел из Берлина утром 29 мая и прибыл сюда в тот же день вечером, на пути разминулся с 38 порожними воинскими составами. Военные перевозки по линии Познань - Варшава проходят более оживленно, чем в этом районе.

3. 30 мая мною было замечено, что между всеми пунктами восточнее Кенигсберга проведен полевой телефон, по всем шоссейным дорогам беспрерывно шло большое количество военных автомобилей. Вдоль шоссейной дороги между Тильзитом и Эйдкуненом несколько десятков тысяч рабочих поспешно ведут строительство газолиновых складов и возводят площадки для установки тяжелых пулеметов и мортир. На всех главных улицах в Тильзите на расстоянии 50 м друг от друга насыпаны кучи песка размером 50 куб. м; кроме того, не только на всех площадях внутри города, но даже и в узких переулках стоит большое число автомобилей. Все это наводит на мысль о начале войны. Телеграфировал в Берлин, Москву.

Сугихара

Сообщение НКВД СССР № 1798/Б в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о полученных пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР сведениях относительно военных приготовлений немцев вблизи границы с СССР

2 июня 1941 г.

Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашова и Лежайска сосредоточиваются две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в м. Улянув (85 км юго-западнее Люблина) и штаб армии в фольварке Усьмеж (45 км юго-западнее Владимира-Волынского), командующим которой является генерал Рейхенау (требует уточнения).

25 мая из Варшавы в направлении Люблин - Холм и Люблин - Замостье - Грубешов отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполя) было доставлено сто бомбардировщиков.

25 апреля из Болгарии в Восточную Пруссию прибыла 35-я пехотная дивизия.

В мае отмечено инспектирование частей германских войск в Восточной Пруссии и на территории генерал-губернаторства и рекогносцировка в пограничной полосе высшими чинами германской армии.

5-7 мая Гитлер в сопровождении Геринга и Редера присутствовал на маневрах германского флота в Балтийском море, в районе Геттенгафен (Гдыня). В средних числах мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и с 22 мая начал инспектирование войск в Восточной Пруссии.

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Ренхенау - в районе м. Ульгувек (27 км восточнее Томашова и 9 км от линии границы); 18 мая генерал с группой офицеров - в районе Белжец (7 км юго-западнее Томашова, вблизи границы) и 23 мая генерал с группой офицеров производил рекогносцировку и осмотр военных сооружений в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов.

Продолжаются работы по устройству оборонительных сооружении вблизи границы, главным образом в ночное время.

Отпуска военнослужащим из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР в районы Воловец (Венгрия) и Сучава-Ботошаны (Румыния).

Основание: телеграфные донесения округов.

Сообщение агента берлинской резидентуры НКГБ СССР «Старшины»[3] о готовящемся нападении фашистской Германии на СССР

11 июня 1941 г.

В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении Германии на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены предварительно какие-либо требования к Советскому Союзу, неизвестно, и поэтому следует считаться с возможностью неожиданного удара.

Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен явиться в новое место расположения своей штаб-квартиры. Воздушные силы второй линии к этому же сроку должны быть переведены из Франции в район Познани.

Переговоры о совместных действиях между германским, финским и румынским генштабами ведутся в ускоренном порядке.

В ежедневных разведывательных полетах над советской территорией принимают участие также и финские летчики.

По документам, проходящим через руки источника, видно, что объектами главного удара первоначально является Мурманск, Мурманская железная дорога, Вильно, Белосток, Кишинев и что германское командование будет стремиться путем обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии создать клещи, которые постепенно будут сжиматься в целях окружения Красной Армии, расположенной на границе генерал-губернаторства.

Дополнительно в качестве объектов бомбардировок штабом авиации намечены также авиазаводы в Москве и ее окрестностях, порты Балтийского моря и Беломорский канал.

Из докладной записки начальника 90-го пограничного отряда

Не ранее 22 июня 1941 г.

21 июня в 21.00 на участке Сокальской комендатуры был задержан солдат, бежавший из германской армии, Лисков Альфред. Так как в комендатуре переводчика не было, я приказал коменданту участка - капитану Бершацкому - грузовой машиной доставить солдата в г. Владимир - штаб отряда.

В 0.30 22.6 [19]41 г. солдат прибыл в г. Владимир-Волынск. Через переводчика примерно в 1 час ночи солдат Лисков показал, что 22.6 на рассвете немцы должны переходить границу. Об этом я немедленно доложил ответственному дежурному штаба войск - бригадному комиссару Масловскому. Одновременно сообщил по телефону лично командующему 5-й армией генерал-майору Потапову, который к моему сообщению отнесся подозрительно, не приняв во внимание мое сообщение. Я лично твердо также не был убежден в правдивости сообщения солдата Лискова, но все же вызвал всех комендантов участков и приказал усилить охрану госграницы, выставить специально слухачей (Так в документе) к речке Буг и в случае переправы немцев через реку не допустить и уничтожить их огнем. Одновременно приказал, если что-нибудь подозрительное будет замечено (движение какое-либо на сопредельной стороне), немедленно докладывать лично мне. Я находился все время в штабе.

Коменданты участков в 1.00 22.6 доложили мне, что ничего на сопредельной стороне не замечено, все спокойно.

Ввиду того что переводчики в отряде слабые, я вызвал из города учителя немецкого языка, отлично владеющего немецким языком, и Лисков вновь повторил то же, т.е. что немцы готовятся наступать на СССР на рассвете 22.6.[19]41 г. Назвав себя коммунистом, [он] заявил, что прибыл специально предупредить по личной инициативе. Не закончив допроса солдата, услышал в направлении Устилуг (первая комендатура) сильный артиллерийский огонь. Я понял, что это немцы открыли огонь по нашей территории, что и подтвердил тут же допрашиваемый солдат. Немедленно стал вызывать по телефону коменданта, но связь была нарушена.

Докладная записка начальника Ломжинского оперативного пункта разведывательного отдела штаба Западного Особого военного округа уполномоченному особого отдела НКВД Западного фронта о работе этого пункта перед началом войны и во время войны

4 января 1942 г.

С марта 1941 года агентура пункта стала доносить о концентрации германских войск на территории Восточной Пруссии и бывшей Польши вдоль советской границы.

По данным секретного сотрудника «Феликса» в марте 1941 года в Польше и Восточной Пруссии было сосредоточено больше 100 пехотных и 8-10 танковых дивизий.

Данные агентом получены от германского офицера, работавшего в комендатуре г. Варшавы. За эти данные офицер попросил 1000 американских долларов и обещал дать полную дислокацию германской армии.

Материал «Феликса» был доложен РО (РО - разведывательный отдел) штаба ЗапОВО, после чего был вызван «Феликс» к начальнику РО - полковнику Блохину.

На беседе присутствовали начальник РО - полковник Блохин, заместител[и] начальника РО - подполковники Ивченко и Ильницкий и начальник отделения информации майор Самойлович. После беседы данные «Феликса» были названы

дезинформацией, а пункту было указано, что немцы на этом фронте имеют 25-40 дивизии.

«Феликс» был назван аферистом, в результате ему уплатили 100 злотых и отправили в Варшаву. Больше «Феликс» на пункт не возвращался.

Отдел часто упрекал пункт за разведдонесения, в которых, по мнению отдела, преувеличена численность германских войск.

В апреле 1941 года на пункт поступили данные от двух резидентур - «Арнольд» и «Висла» - о том, что немцы сосредоточивают свои войска на территории Польши и Восточной Пруссии, а немецкие офицеры открыто стали заявлять, что скоро будут воевать с русскими. Особенно развернулась большая агитация за войну против СССР белогвардейскими организациями в Варшаве, Лодзе, Праге (Русский, Белорусский и Украинский национальные комитеты).

Резидент «Арнольд» принес нам карту, изданную в Германии, на которой в состав Германии включалась вся Прибалтика, вся Украина, Белоруссия и западная область до Можайска. Карта немедленно была направлена в РО.

В апреле 1941 года, по данным резидентов «Арнольда», «Вислы» и «Почтового», вдоль советской границы было сосредоточено до 1,5 млн. войск, о чем было немедленно доложено РО, но на нашем донесении была наложена резолюция заместителем начальника РО подполковником Ильницким следующего содержания: «Такую глупость можно ожидать только от Ломжинского пункта». По данным РО, немцы в это время имели 25-40 дивизий. Эта стандартная цифра фигурировала в разведсводках отдела больше года.

Пункту были даны указания доносить только о тех войсковых частях, номер которых установлен.

28 мая 1941 года без вызова прибыл резидент «Арнольд», я выехал на встречу, на заставе спросил его, почему прибыл раньше срока (срок его был 20 июня), он ответил, что есть важное сообщение, и доложил следующее:

1. Немцы готовят наступление, и в середине июня начнется война против СССР. О наступлении ему удалось узнать от разведцентра Сикорского и от некоторых английских разведчиков, а также из личного наблюдения.

2. Немцы сосредоточили от 1,5 до 2 млн. войск на восточном фронте.

3. В Праге закончена подготовка белогвардейцев-диверсантов в количестве 10 тыс. человек, которые перед началом и в момент войны будут выбрасываться небольшими десантными группами для взрыва мостов, дорог, [совершения] террористических] актов и указания целей для авиации и т. д.

4. План немецкого нападения: решительный удар на Белоруссию и на 8-й день должен быть занят Минск, а на 21-й день - Москва.

Резидентом было указано несколько аэродромов, на которые прибыли самолеты и подтягивались к границе танки и артиллерия.

На мой вопрос, не паника ли это, «Арнольд» ответил, что за эти данные он отвечает головой. После такого категорического заявления утром 28 мая я донес шифровкой РО содержание доклада «Арнольда» и попросил разрешения командировать «Арнольда» в РО.

Ответ получил 29 мая, в котором было приказано доставить «Арнольда» в Минск к вечеру 29 мая, что мною и было выполнено. С «Арнольдом» беседовали Блохин, Ильницкий и Самойлович - в заключении отметили: Ломжа всегда преподносит сенсации, лучше бы давали номера частей. «Арнольду» прямо было сказано, что материал неправдоподобен, что это выдумка английской разведки. «Арнольд» ответил: «Вы можете меня расстрелять, но за правдоподобность информации я отвечаю головой. Я выполнил свой долг перед Советским государством, а вы можете мне верить или не верить, дело ваше. Война начнется в середине июня».

4 июня я его проводил через границу, и больше «Арнольд» не появлялся.

Можно ли было верить «Арнольду»?

Исходя из следующих данных, ему можно было верить.

1. За 2 месяца до занятия немцами Румынии он предупредил нас, что немцы в Румынию направляют свои войска и Румыния будет оккупирована. Также за месяц-полтора он сообщил, что немцы направляют в Югославию 12 пехотных и 6 бронетанковых дивизии и что в ближайшее время Югославия и Греция будут заняты.

2. «Арнольд» дал полные данные о наличии белогвардейских организаций, комитетов и войсковых организаций.

3. В подтверждение своей информации о дислокации воинских частей он приносил документы: приказы и фотоснимки.

4. По его данным, было арестовано органами НКВД несколько немецких шпионов и диверсантов.

В последнее время он работал над планом раскрытия белогвардейского центра в Вильно. Центр находился под руководством германской разведки и ставил своей задачей поднять восстание в Прибалтике. Восстание должно было быть поддержано прусскими гарнизонами.

5. Данные «Арнольда» перепроверялись несколькими источниками и подтверждались. Об этом хорошо знал РО Западного ОВО.

После отправки «Арнольда» за рубеж 8 и 9 июня я был в Минске в РО. Подполковник Ильницкнй спросил: «Ну как, успел уйти «Арнольд», не застала его война в Ломже?» Я ответил, что [он] послан за рубеж, а насчет войны - вам виднее, но обстановка на границе не спокойная. Ильннцкий улыбнулся и говорит: «И ты попал на удочку английской разведки». Я ничего не ответил, и он дальше продолжал, что информация «Арнольда» неверная, что нет никаких данных о подготовке к наступлению. В этот же день я встретил из отделения информации старшего лейтенанта Чубакова, который мне сказал: «Такого агента, как «Арнольд», я вижу впервые, очень способный и серьезный разведчик, но наше начальство боится смелой информации, и поэтому всякое сообщение долго залеживается в отделе, а в худшем случае совсем никуда не посылается. Данные «Арнольда» редактировались в отделе пять дней, а потом выхолощенная сводка была направлена в Москву». После беседы с «Арнольдом» пункт от РО особых указаний не получил и продолжал работать обычно.

В начале июня на участках 87-го и 88-го погранотрядов немцы начали перебрасывать диверсионные группы по 3-5 человек со взрывВеществами. О каждой задержанной группе немедленно докладывалось в РО с выводами: поскольку противник пустил в ход активную разведку, видимо, готовится наступление.

Прибывающая агентура из-за рубежа сигнализировала о готовящемся наступлении. Все это своевременно докладывалось в РО, но какие меры принимал отдел, не знаю, но пункт особых заданий не получал, даже по активной разведке пункту особых указаний не было.

Стиль работы РО перед войной.

С 1941 года на агентурную работу отпускалось очень мало средств ин[остранной] валюты. Дело дошло до того, что мы вынуждены были у польского населения покупать злотые, мелочь, для того, чтобы дать 20-30 злотых посылаемому агенту. В 1940 году мной через агентуру было обменено в варшавском банке более 100 тыс. злотых, но эти средства

были забраны в РО, и мы оказались без средств. Способные агенты от нас уходили потому, что мы их не могли обеспечить.

В феврале 1941 года был послан резидент «Шульц» с радиостанцией, и на 2 месяца ему выдали только 250 марок, за это время он задолжал и вернулся назад в СССР. Резидент «Глушко» задолжал несколько сот марок и, не уплатив долга, вернулся в СССР.

В отделе все внимание было сосредоточено на том, чтобы каждый пункт ежедневно присылал разведдонесение.

В апреле 1941 года заместитель начальника РО подполковник Ивченко советовал мне не посылать большие сводки, а разбивать данные на несколько частей и ежедневно малыми частями посылать в РО. Я возразил ему, заявив, что это очковтирательство и я на это не пойду. Он мне ответил, что начальник Брестского пункта майор Романов так делает и его пункт стоит на первом месте. По моему мнению, в РО процветали карьеризм, подхалимство, а не деловая работа.

Капитан Кравцов

* * *

Последний документ многое объясняет, наглядно показывая, с каким недоверием относились к сообщениям о планируемом вторжении гитлеровских войск даже должностные лица разведорганов в приграничных округах, как впрочем и в Москве. В высших эшелонах власти ценнейшую информацию о предстоящей вооруженной агрессии Германии против Советского Союза считали лживой, провокационной. Именно такой, по сути, преступный подход к оценке исключительно важных сведений, касавшихся безопасности государства, и явился одной из причин сокрушительного поражения Красной Армии в первые дни войны.

Документы также свидетельствуют, что И. В. Сталин предчувствовал надвигавшуюся угрозу со стороны Германии, близость войны, но надеялся с помощью дипломатических маневров оттянуть ее начало на более поздние сроки. Какую цену заплатил наш народ за игнорирование руководством страны разведданных о сроках начала войны и «дипломатические» маневры И. В. Сталина, его тактику выжидания, хорошо известно.

[1] «Корсиканец» - Арвид Харнак, доцент Гессенского университета, один из ценных агентов советской внешней разведки. В 1940-1941 гг. сообщил обширные данные о военных приготовлениях Германии, о проводившейся аэрофотосъемке советской территории, передал документы по вопросам внешней торговли Германии, документальный доклад о подготовке Германии к захвату Югославии и Греции с целью утверждения своего господства на Балканах. В 1942 г. казнен по приговору суда после ликвидации отдельных звеньев советской разведывательной сети в Европе, известной на Западе под названием «Красной капеллы». Посмертно награжден орденом Боевого Красного Знамени.

[2]См. документ от 26 марта 1941 г.

[3] «Старшина» - Шульце-Бойзен Харро, обер-лейтенант, сотрудник германского генерального штаба ВВС, один из ценных агентов советской внешней разведки. 31 августа 1942 г. арестован гестапо. 22 декабря 1942 г. Шульце-Бойзен Харро, его жена Либертас и несколько других членов ликвидированных звеньев советской разведывательной сети в Европе, известной на Западе под названием «Красная капелла», по приговору имперского военного суда Германии были казнены.

Публикацию подготовил В. П. ПАВЛОВ

Бездействовал ли Сталин в первые дни войны?

О чем поведала секретная тетрадь из приемной вождя

Версия, согласно которой И. В. Сталин, узнав о нападении фашистском Германии на Советский Союз, был так поражен, что впал в прострацию и, уединившись на даче, фактически самоустранился от руководства государством, не нова. Она давно утвердилась в научных работах некоторых отечественных и зарубежных историков. Не обошли ее вниманием и отдельные авторы художественных и документальных произведений, отдала ей должное и периодическая печать. Не остались в стороне и создатели недавно демонстрировавшихся по российскому телевидению документально-публицистических фильмов «Монстр» и «Гитлер и Сталин: наследие ненависти», рассказав в них о «болезни» И. В. Сталина, его «преступном» бездействии в первые дни войны.

Публикация сведений из обнаруженных в архивах бывшего ЦК КПСС тетрадей записи лиц, принятых И. В. Сталиным с 1927 по 1953 год, связана со стремлением к объективному освещению истории и никоим образом не преследует цель обелить И. В. Сталина, совершившего ошибки как накануне, так и в первые месяцы войны. Тетради велись дежурными в приемной вождя, фиксировавшими фамилии посетителей и время их пребывания в сталинском кабинете в Кремле. Каждый из них по-своему производил запись, что видно из документа. Судя по записям, И. В. Сталина в течение восьми дней - с вечера 21 по 28 июня 1941 года (следующая запись сделана 1 июля 1941 г.) посещали члены Политбюро ЦК ВКП(б), высшие военачальники Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР, государственные и политические деятели, в числе которых были В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов и многие другие широко известные в стране деятели. Вместе с тем в те напряженнейшие июньские дни и ночи И. В. Сталин принимал и менее известных людей: руководителей наркоматов, военных, ученых, точные данные о которых выявить не так просто. Вот почему документ публикуется без каких-либо поправок и пространных комментариев. Он начисто опровергает устоявшуюся версию о болезни и бездействии И. В. Сталина в июньские дни 1941 года. Непредвзятый анализ списка посетителей дает возможность понять, что уже с первых часов боевых действий на советско-германском фронте И. В. Сталин активно руководил государством, участвовал в организации обороны страны.

21 ИЮНЯ 1941 г.
1. т. Молотов 18.27 - 23.00
2. т. Ворошилов 19.05 - 23.00
3. т. Берия 19.05-23.00
4. т. Вознесенский 19.05 - 20.15
5. т. Маленков 19.05-22.20
6. т. Кузнецов[1] 19.05 - 20.15
7. т. Тимошенко 19.05 - 20.15
8. т. Сафонов 19.05 - 20.15
9. т. Тимошенко 20.50 - 22.20
10. т. Жуков 20.50-22.20
11. т. Буденный 20.50 - 22.00
12. т. Мехлис 21.55 - 22.20
13. т. Берия 22.40-23.00

Последние вышли в 23.00

22 ИЮНЯ 1941 г.
1. т. Молотов вход в 5.45 м. выход 12.05 м.
2. т. Берия вход в 5.45 м. выход 9.20 м.
3. т. Тимошенко вход в 5.45 м. выход 8.30 м.
4. т. Мехлис вход в 5.45 м. выход 8.30 м.
5. т. Жуков вход в 5.45 м. выход 8.30 м.
6. т. Маленков вход в 7.30 м. выход 9.20 м.
7. т. Микоян вход в 7.55 м. выход 9.30 м.
8. т. Каганович вход в 8.00 м. выход 9.35 м.
9. т. Ворошилов вход в 8.00 м. выход 10.15 м.
10. т. Вышинским вход в 7.30 м. выход 10.40 м.
11. т. Кузнецов вход в 8.15 м. выход 8.30 м.
12. т. Димитров[2] вход в 8.40 м. выход 10.40 м.
13. т. Мануильский вход в 8.40 м. выход 10.40 м.
14. т. Кузнецов вход в 9.40 м. выход 10.20 м.
15. т. Микоян вход в 9.50 м. выход 10.30 м.
16. т. Молотов вход в 12.55 м. выход 16.45 м.
17. т. Ворошилов вход в 11.40 м. выход 12.05 м.
18. т. Маленков вход в 11.30 м. выход 12.00 м.
19. т. Ворошилов вход в 12.30 м. выход 16.45 м.
20. т. Микоян вход в 12.30 м. выход 14.30 м.
21. т. Вышинский вход в 13.05 м. выход 15.25 м.
22. т. Шапошников вход в 13.15 м. выход 16.00 м.
23. т. Тимошенко вход в 14.00 м. выход 16.00 м.
24. т. Жуков вход в 14.00 м. выход 16.00 м.
25. т. Ватутин вход в 14.00 м. выход 16.00 м.
26. т. Кузнецов вход в 15.20 м. выход 15.45 м.
27. т. Кулик вход в 15.30 м. выход 16.00 м.
28. т. Берия вход в 16.25 м. выход 16.45 м.

Последние вышли в 16 ч. 45 м.

23 ИЮНЯ 1941 г.
1. т. Молотов вход в 3.20 м. выход 6.25 м.
2. т. Ворошилов вход в 3.25 м. выход 6.25 м.
3. т. Берия вход в 3.25 м. выход 6.25 м.
4. т. Тимошенко вход в 3.25 м. выход 6.10 м.
5. т. Ватутин вход в 3.30 м. выход 6.10 м.
6. т. Кузнецов вход в 3.30 м. выход 5.25 м.
7. т. Каганович вход в 4.30 м. выход 5.20 м.
8. т. Жигарев вход в 4.35 м. выход 6.10 м.

Последние вышли в 6 ч. 25 м.

23 ИЮНЯ 1941 г.
1. т. Молотов вход в 18 ч. 45 выход 1 ч. 25
2. т. Жигарев вход в 18 ч. 25 выход 20 ч. 45
3. т. Тимошенко вход в 18 ч. 50 выход 20 ч. 45
4. т. Меркулов вход в 19 ч. 10 выход 19 ч. 25
5. т. Ворошилов вход в 20 ч. выход 1 ч. 25
6. т. Вознесенский вход в 20 ч. выход 1 ч. 25
7. т. Мехлис вход в 20 ч. *55* выход 22 ч. 40
8. т. Каганович вход в 23 ч. 15 выход 1 ч. 10
9. т. Ватутин вход в 23 ч. 55 выход 0 ч. 55 м.
10. т. Тимошенко вход в 23 ч. 55 выход 0 ч. 55
11. т. Кузнецов вход в 23 ч. *55* выход 0 ч. 50
12. т. Берия вход в 24 ч. выход 1 ч. 24

Последние вышли в 1 ч. 25 м.

24 ИЮНЯ 1941 г,
1. т. Малышев 16.20 - 17.00
2. т. Вознесенский 16.20 -17.05
3. т. Кузнецов 16.20 - 17.05
4. т. Кизаков (Лен.)[3] 16.20 - 17.05
5. т. Зальцман 16.20 - 17.05
6. т. Попов[4] 16.20- 17.05
7. т. Кузнецов (Кр. М. Фл.)[5] 16.45 - 17.00
8. т. Молотов 17.05 - 21.30
9. т. Ворошилов 17.30 - 21.10
10. т. Тимошенко 17.30 - 20.55
11. т. Ватутин 17.30 - 20.55
12. т. Шахурин 20.00- 21.15
13. т. Петров 20.00 - 21.15
14. т. Жигарев 20.00 - 21.15

15. т. Голиков 20.00 - 21.20
16. т. Щербаков 18.45 - 20.55
17. т. Каганович 19.00 - 20.35
18. т. Супрун 20.15-20.35
19. т. Жданов 20.55 - 21.30
Последние вышли в 21.30 м.

25 ИЮНЯ 1941 г.
1. т. Молотов 1 ч. 00 - 5.50
2. т. Щербаков 1 ч.05 - 4.30
3. т. Пересыпкин [6] 1 ч. 07 - 1.40
4. т. Каганович 1 ч.10 - 2.30
5. т. Берия 14.15 - 5.25
6. т. Меркулов 1 ч.35 - 1.40
7. т. Тимошенко 1 ч.40 - 5.50
8. т. Кузнецов 1 ч.40 - 5.50
9. т. Ватутин 1 ч.40 - 5.50
10. т. Микоян 2 ч.10 -5.30 11. т.Мехлис 1ч.20-5.20
Последние вышли В 5 ч.50 мин.

25 ИЮНЯ 1941 г.
1.т. Молотов вход 19.40 м. выход 1.15 м.
2. т. Ворошилов вход в 19.40 м. выход 1.15 м.
3. т. Малышев вход 20.05 м. выход 21.10 м.
4. т. Берия вход в 20.10 м. выход 21.10 м.
5. т. Соколов вход 20.10 м. выход 20.55 м.
6. т. Тимошенко вход в 20.20 м. выход 24.00 м.
7. т. Ватутин вход в 20.20 м. выход 21.10 м.
8. т. Вознесенский вход 20.25 м. выход 21.10 м.
9. т. Кузнецов вход 20.30 м. выход 21.40 м.
10. т. Федоренко[7] вход 21.15 м. выход 24.00 м.
11. т. Каганович вход 21.45 м. выход 24.00 м.
12. т. Кузнецов вход 21.50 м. выход 24.00 м.
13. т. Ватутин вход 22.10 м. выход 24.00 м.
14. т. Щербаков вход 23.00 м. выход 23.50 м.
15. т. Мехлис вход в 20.10 м. выход 24.00 м.
16. т. Берия вход 00.25 м. выход 1.15 м.
17. т. Вознесенский вход 00.25 м. выход 1.00 м.
18. т. Вышинский вход в 00.35 м. выход 1.00 м.
Последние вышли в 1 ч. 00 м.

26 ИЮНЯ 1941 г.
1. т. Каганович 12 ч. 10 выход 16 ч. 45
2. т. Маленков 12 ч. 40 выход 16 ч. 10
3. т. Буденный 12 ч. 40 выход 16ч. 10
4.т. Жигарев 12 ч. 40 выход 16 ч. 10
5. т. Ворошилов 12 ч. 40 выход 16 ч. 30
6. т. Молотов 12 ч. 50 выход 16 ч.50
7. т. Ватутин вход 13 ч. выход 16 ч. 10
8. т. Петров 13 ч. 15 выход 16 ч. 10
9. т. Ковалев [8] 14 ч. выход 14 ч. 10
10. т. Федоренко 14 ч. 10 выход 15 ч. 30
11. т. Кузнецов 14 ч.50 выход 16 ч. 10.
12. т. Жуков 15 ч. выход 16 ч. 10
13. т. Берия 15 ч.10 выход 16 20
14. т. Яковлев 15 ч. 15 выход 16 ч.
15. т. Тимошенко 13 ч. выход 16 10
16. т. Ворошилов 17 ч. 45 выход 18 ч. 25
17. т. Берия 17 ч.45 выход 19 ч.20
18.т. Микоян 17 ч.50 выход 18 ч. 20
19. т. Вышинский 18 ч. выход 18 ч. 10
20. т. Молотов 19 ч. выход 23 ч. 20
21. т. Жуков 21 ч. выход 22 ч.
22. т. Ватутин 21 ч. выход 22 ч.
23. т. Тимошенко 21 ч. выход 22 ч.
24. т. Ворошилов 21 ч. выход 22 ч. 10
25. т. Берия 21 ч. выход 22 ч. 30
26. т. Каганович 21 ч. 05 выход 22 ч. 45
27. т. Щербаков 22 ч. выход 22 ч. 10 м.
28. т. Кузнецов 22 ч. выход 22 ч. 20
Последние вышли в 23 ч. 20 мин.

27 ИЮНЯ 1941 г,
1. т. Вознесенским 16.30 - 16.40
2. т. Молотов 17.30 - 18.00
3. т. Микоян 17.45- 18.00
4. т. Молотов 19.35 - 19.45
5. т. Микоян 19.35-19.45
6. т. Молотов 21.25 - 24.00
7. т. Микоян 21.25 - 2.35
8. т. Берия 21.25-23.00
9. т. Маленков 21.30 - 0.47
10. т. Тимошенко 21.30- 23.00
11. т. Жуков 21.30-23.00
12. т. Ватутин 21.30 - 23.50
13. т. Кузнецов 21.30 - 23.30
14. т. Жнгарсв 22.05 - 0.45
15. т. Петров 22.05 - 0.45
16. т. [фамилия неразборчива] (Предположительно Н. А. Соколов-Соколенок) 22.05 - 0.45
17. т. Жаров 22.05-0.45
18. т. Никитин 22.05-0.45
19. т. Титов 22.05 - 0.45
20. т. Вознесенский 22.15 - 23.40
21. т. Шахурин 22.30-23.10
22. т. Дементьев 22.30-23.10
23. т. Щербаков 23.25-24.00
24. т. Шахурин 0.40-0.50
25. т. Меркулов 1.00-1.30
26. т. Каганович 1.10.-1.35
27. т. Тимошенко 1.30-2.35
28. т. Голиков 1.30-2.35
29.т. Берия 1.30-2.35
30. т. Кузнецов 1.30-2.35
Последние вышли в 2 ч. 40 мин.

28 ИЮНЯ 1941 г.
1. т. Молотов вход в 19.35 м. выход 00.50 м.
2. т. Маленков вход 19.35 м выход 23.10 м.
3. т. Буденный вход 19.35. выход 19.50 м.
4. Меркулов вход 19.45 м. выход 20.05 м.
5. т. Булгаиин вход 20.15 м. выход 20.20 м.
6. Жигарев вход 20.20 м. выход 22.10 м.
7. т. Петров вход 20.20 м. выход 22.10 м.
8. т. Булганин вход 20.40 м. выход 20.45 м.
9. т. Тимошенко вход 21.30 м. выход 23.19 м.
10. т.Жуков вход 21.30 м. выход 23.10 м.
11. т. Голиков вход 21.30 м. выход 22.55 м.
12. т. Кузнецов вход 21.50 м. выход 23.10 м.
13. т. Кабанов вход 22.00 м. выход 22.10 м.
14. т. Стефановский вход 22.00 м. выход 22.10 м.
15. т. Супрун вход в 22.00 м. выход 22.10 м.
16. т. Берия вход 22.40 м. выход 00.50 м.
17. т. Устинов вход в 22.55 м. выход 23.10 м.
18. т. Яковлев[9] из ГАУ НКО вход 22.55 м. выход 23.10 м.
19. т. Щербаков вход 22.10 м. выход 23.30 м.
20. т. Микоян вход 23.30 м. выход 00.50 м.
21. т. Меркулов вход 24.00 м. выход 00.15 м.
Последние вышли в 00.50 м.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Видимо, Кузнецов Николай Герасимович — нарком ВМФ СССР.

[2]Димитров Георгий - деятель болгарского и международного рабочего и коммунистического движения. На Лейпцигском процессе (сентябрь-декабрь 1933 г.) превратил трибуну суда в трибуну разоблачения фашизма. СССР предоставил Г. Димитрову советское гражданство. 22 июня 1941 года Г. Димитров возглавил Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

[3]Так в документе. Правильно Казаков Николай Степанович. В 1941 году нарком тяжелого машиностроения СССР.

[4]Видимо, Попов Маркиан Михайлович - командующий Ленинградским военным округом.

[5]Видимо, Кузнецов Николай Герасимович.

[6]Пересыпкин Иван Терентьевич. В 1941 году нарком связи СССР.

[7]Видимо, Федоренко Яков Николаевич. В 1940-1942 гг. начальник Автобронетанкового управления.

[8]Видимо, Ковалев Михаил Прокофьевич - командующий Забайкальским военным округом.

[9]Видимо, Яковлев Александр Сергеевич, советский авиаконструктор. В 1940-1946 гг. заместитель наркома авиационной промышленности.

Публикацию подготовил В. П. ЯМПОЛЬСКИЙ, кандидат юридических наук

Окончание См.- Военно-исторический журнал.— 1990.— № 8.

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ: ОТКУДА, КУДА И ПОЧЕМУ?

Подготовка Германии к вторжению в Советский Союз, создание базы для разведывательно-подрывной деятельности

С 1939 года фашистская Германия, вынашивая планы нападения на СССР, приступила в соответствии с апробированной тактикой к созданию в приграничных районах Советского Союза своих разведывательно-подрывных позиций. Однако еще в 1935—1936 гг. с этой целью германские разведслужбы развернули активную работу по привлечению к сотрудничеству руководителей и членов белоэмигрантских и антисоветских зарубежных организаций. Наиболее тесные контакты гитлеровская разведка поддерживала с руководителями украинских националистов, в том числе проживавшими в буржуазной Польше. При этом активно использовалось неравноправное по сравнению с поляками положение украинцев в этой стране. В итоге помимо ОУН фактически на содержании фашистских спецслужб перед войной оказались и другие антисоветские формирования украинских националистов: УНО— Украинское национальное объединение; УЦК — Украинский центральный комитет.

Только абвер для ведения разведки против СССР еще в довоенные годы создал ряд крупных разведывательных центров — Кенигсберге, Бреслау, Штеттине, Гамбурге, Берлине, Вене. Для политического руководства белоэмигрантами в 1935 году были созданы специальные комитеты — «фертраценсштеллен», с помощью которых германская разведка подбирала еще и кадры в разведшколы.

Задолго до принятия плана «Барбаросса» фашистская разведка тщательно следила за антисоветскими эмигрантскими организациями (украинскими, грузинскими, туркменскими и другими), намереваясь использовать их в подрывных целях. Гитлеровцы и сами формировали националистические организации из зарубежных антисоветских элементов и изменников Родины, которые должны были с началом войны стать ядром бандитско-повстанческой деятельности в национальных республиках СССР. Именно так возникли «Туркестанский легион», группа «Идель-Урал», разведывательно-диверсионный батальон «Эрна», сформированный из офицеров бывшей эстонской армии.

Наряду с агентурной разведкой для сбора информации спецслужбы Германии активно использовали и легальные возможности. С этой целью широко практиковался метод разведывательного опроса, которому подвергались все немцы, прибывшие в Германию (переселенцы из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики, технические специалисты и др.). Для организации работы было создано специальное управление по делам возвращающихся на родину.

Одновременно фашистская разведка вела активную националистическую пропаганду в среде проживавших в СССР немцев. Ее агенты организовывали сбор и направление за границу провокационных писем с клеветническими измышлениями о голоде в СССР, о хозяйственном развале в районах проживания немцев и т. п. Тем же целям служила и различного рода «благотворительная» помощь советским гражданам немецкой национальности, которая преподносилась как забота «великой Германии о своих сыновьях».

Идейно-политическая обработка проживавших в Советском Союзе немцев проводилась путем разжигания национализма, который в рассматриваемый период приобрел характер расизма. При этом тесно сочетались националистические концепции с церковно-религиозными догмами. После фашистского переворота и прихода к власти Гитлера в январе 1933 года в Германии были изданы директивы, призывающие максимально активизировать фашизацию населения Советского Союза, прежде всего немецкого.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ КГБ СССР (Грамматические особенности источников сохранены).

Из ориентировки НКВД УССР об использовании германскими консульствами немецких общественных организаций на территории Бессарабии и Северной Буковины в качестве прикрытия разведывательной деятельности против СССР (от 10 июля 1940 года)

...Установлено, что на территории Бессарабии и Северной Буковины среди проживающих немцев-колонистов проводится большая работа германскими консульствами в городах Черновцах и Галауе по сколачиванию лиц немецкой национальности вокруг германского правительства.

С этой целью в 1934 году румынское правительство разрешило организовать среди немцев-колонистов т. н. «Немецкое народное управление».

Всего на территории Румынии имелось пять областных управлений. В Бессарабии, село Тарутино Аккерманского уезда, возглавлял Бронеске Отто Готфридович; в Буковине, г. Черновцы, возглавлял Фабрициус (известный германский резидент), он же являлся руководителем всех этих областных центров в городах Добрудже и Банате.

Каждая из областных организаций разбита на секторы: общественно-культурный, по работе среди молодежи, по работе среди женщин, по работе общественного обеспечения, хозяйственный.

Общественно-культурный сектор организует работы культурно-просветительских учреждений, выпускает газеты «Фолькс-блатт» (общенародная газета) и «Югенд» (молодежная газета). Руководит мужскими и женскими немецкими гимназиями, организует клубы по селам и т. п. ...

Наиболее распространенное влияние имеет хозяйственный сектор, который вклинился во все хозяйственные организации Бессарабии и Буковины, имея ряд мелких и средних предприятий...

Указание НКВД СССР Народному комиссару внутренних дел Литовской ССР о мерах по усилению противодействия германской разведке (10 сентября 1940 года)

По присланным НКВД Литовской ССР материалам усматривается, что существующие на территории Литвы под различными прикрытиями как легальные, так и нелегальные немецкие организации («Культурфербанд», «Гитлерюгенд», «Арбайтс-фронт», «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия», «Союз немцев рейха», «Национал-социалистический союз женщин», «Союз германских девушек», спортивные клубы, религиозные союзы и т. п.) активно ведут профашистскую агитацию и шпионскую работу по указаниям германских разведывательных органов...

Из спецсообщения УГБ Литовской ССР в НКВД СССР об оперативной работе по немецкой линии (22 февраля 1941 года)

Стремление Германии к захвату Литвы начало осуществляться еще до начала первой империалистической войны, но особенная активность была проявлена со времени прихода к власти национал-социалистов.

Территориальная близость, хорошо налаженные пути сообщения с Литвой и другие предпосылки дали возможность Германии быстро внедриться в экономику, занять доминирующее положение на транспорте, в главнейших отраслях промышленности, в энергетическом хозяйстве и заселить Литву национальными кадрами— немцами.

По неполным данным, к моменту прихода частей Красной Армии в Литве имелось около 300 немецких предприятий, в том числе 49 мастерских и фабрик, лесопильные и кирпичные заводы, электростанции, автомобильные базы, 88 торговых точек и т. п.

Наряду с влиянием, направленным на захват ведущих отраслей экономики, была широко развернута сеть культурно-просветительских националистических учреждений, спортивных и религиозных обществ и организаций. Например, имелось 24 библиотеки, 6 интернатов, 2 гимназии, 10 народных школ, спортивные клубы и т. п. Все эти экономические, культурные, религиозные, спортивные и другие националистические организации, официально зарегистрированные литовским правительством, помогали германской разведке в насаждении массовой агентуры по всей территории Литвы и проникновении в государственный аппарат, армию, полицию и другие важнейшие государственные органы.

(По данным за 1934 г. контрразведки Литовского генерального штаба в тот период было выявлено более 400 немецких агентов, большинство из которых ко времени прихода частей РККА продолжали проживать в Литве...

С июня 1940 г. по май 1941 г. НКГБ Литовской ССР было вскрыто 75 подпольных националистических формирований и групп, готовившихся с началом нападения фашистской Германии на СССР к вооруженному выступлению против советского строя).

...Массовому насаждению агентуры способствовали легально существовавшие националистические немецкие организации, и в особенности «Культурфербанд», под прикрытием которого работали и военная разведка, и гестапо.

Руководители «Культурфербанд» в значительном большинстве осуществляли и руководство его отдельными звеньями...

«Культурфербанд» и скрытые в нем нелегальные германские организации, такие, как «Маннщафт», «Гитлерюгенд» и другие, в период репатриации еще более активизировали свою деятельность и наряду с выполнением разведывательных задач под прикрытием подготовки к репатриации среди своих членов развернули широкую националистическую пропаганду.

Так, руководство «Культурфербанд» в своей практической работе, направленной к подрыву среди своих членов авторитета советских органов, усиленно разъясняло немцам, что они и их имущество находятся под защитой германского рейха.

Германское посольство выдало ряду лиц, которые опасались репрессий со стороны органов НКВД, документы о том, что данные лица находятся под опекой германских органов (у арестованного бывшего начальника уголовной полиции Патамайтиса был обнаружен подобный документ)...

Из «Сообщения НКГБ СССР в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об аресте в Латвии группы агентов германской разведки» (8 апреля 1941 года)

НКГБ Латвийской ССР в результате успешно проведенных мероприятий в марте 1941 г. вскрыты и ликвидируются резидентура германской разведки в Латвии и связанная с ней антисоветская организация латышских буржуазных националистов «Тевияс саргс» («Страж отечества»).

По делу арестовано 73 человека — агенты немецкой разведки, руководители и активисты организации «Тевияс саргс», ее филиалов и местных групп. В числе арестованных — резидент немецкой разведки Шинке Ганс, германский подданный, бывший владелец фирмы в г. Риге и представитель германских машиностроительных трестов.,.

При арестах было изъято 18 боевых гранат «Мильса», 7 малокалиберных винтовок, немецкий карабин, 620 патронов, 3 револьвера, 2 флакона с препаратами для изготовления слезоточивого газа, шапирограф, ротатор, пишущая машинка, типографский шрифт и нелегальные издания «Тевияс саргс», 200 фунтов стерлингов и 120 американских долларов (золотыми монетами).

У Шинке изъяты документы шпионского характера (секретные наставления РККА, карты Риги и Виндавы с нанесенными военными объектами, аэродромами и др.), шифрованная переписка, а также копия донесения Шинке в Германию о возможностях ведения антисоветской работы через нелегальную организацию «Тевияс саргс»...

Собранные резидентурой шпионские сведения пересылались в Германию через сотрудников немецкой репатриационной комиссии, с которой Шинке был тесно связан...

По показаниям арестованного Витиньша, руководство организации «Тевияс саргс» было информировано через Шинке в феврале 1941 г. о том, что через 2 месяца политическая ситуация изменится, Латвия будет оккупирована Германией и после 25 марта, когда окончится репатриация и комиссия вернется в Германию, начнутся активные военные действия германских войск, которые предпримут одновременное наступление с юга (Украина) и с севера (Финляндия)...

Из «Сообщения НКГБ СССР в ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКО СССР и НКВД СССР о военных приготовлениях Германии на оккупированной территории Польши» (5 мая 1941 года)

По сведениям, полученным за последние дни из различных источников, установлено:

1. Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о деле, уже решенном. Война якобы должна начаться после окончания весенних полевых работ. Немецкие солдаты, со слов своих офицеров, утверждают, что захват Украины немецкой армией якобы обеспечен изнутри хорошо работающей на территории СССР «пятой колонной».

Из инструкции гестапо отделам государственной полиции и пограничным комиссариатам Германии по работе с возвращенцами из России (5 августа 1939 года]

...Возвращенцы из России должны быть допрошены по возможности подробно, так как после закрытия немецких консульств в Советском Союзе они представляют собою в настоящее время важный источник информации об этой стране...

Был ли возвращенец из России членом ВКП(б), компартии «Секция Германии» или «Секция Австрии», комсомола... Где и когда принимал участие в организованных немецким посольством и консульствами мероприятиях? Был ли членом Немецкого клуба?..

По отношению к возвращенцам из России — немцам направление в лагеря для перевоспитания не применяется...

Следует арестовывать при пересечении границы возвращенцев из России — немцев, которые лишены германского гражданства, а также и эмигрантов. Об их аресте необходимо срочно информировать по телеграфу отделение А1 реферата II гестапо, которое дает дальнейшие указания.

Попытки фашистской Германии сформировать на территории СССР «пятую колонну»

В предвоенный период фашистская разведка пыталась проводить вербовочную работу среди проживавших в различных районах нашей страны советских граждан немецкого происхождения. После заключения в 1939 году с Германией договора о ненападении шпионская работа осуществлялась фашистской разведкой через посольство, а также комиссию по репатриации немцев из СССР в Германию. В соответствии с советско-германским соглашением немцев, оставшихся в прибалтийских республиках и на Волыни осенью 1939 и летом 1940 года, переселили в оккупированную фашистами часть Польши.

Немецкие переселенческие комиссии имелись во многих городах Прибалтики (Риге, Таллинне, Нарве и др.), во Львове, Станиславе, Черновцах. Они были укомплектованы бывшими работниками германских дипломатических учреждений в прежних буржуазных республиках, в том числе сотрудниками разведывательных органов фашистской Германии, которые действовали весьма активно. Так, через работников репатриационной комиссии в г. Черновцы офицеров абвера Ферстнера и Шпрингера буковинскому областному «проводу» ОУН в ноябре 1940 года были переданы оружие и радиостанция. Последней националисты пользовались до февраля 1941 года, передавая гитлеровцам военно-политическую информацию.

Органы госбезопасности в тот период провели большую работу по ликвидации буржуазно-националистического подполья и агентуры немецко-фашистской разведки. Был уничтожен ряд подпольных националистических групп и организаций, таких, как «Шаулистский батальон смерти», «Комитет свободной Литвы», «Гвардия обороны Литвы», «Комитет спасения Литвы», «Пятая колонна» и др.

Одновременно с оперативной работой наших органов по борьбе с подрывной деятельностью германской разведки Советским правительством были предприняты меры по ограничению легальных возможностей шпионажа и проникновения немецкой агентуры на территорию СССР. В 1933 году из страны выслали миссионеров немецкой евангелической церкви, проводивших нацистскую пропаганду. В 1938 году было закрыто большинство германских консульств, торговых представительств, ликвидированы концессии, до минимума сокращены количество и срок пребывания в Советском Союзе немецких специалистов. Эти мероприятия существенным образом ограничили возможности германской разведки по использованию советских граждан немецкой национальности в подрывной работе. По тем же соображениям было выдворено за пределы нашей страны значительное количество германских граждан, длительное время проживавших на ее территории.

В это же время в условиях шпиономании и насаждаемой сталинским режимом взаимной подозрительности, к сожалению, изменилось и отношение к немецкому населению Советского Союза в целом. В определенной мере этому способствовали страхи перед «пятой колонной». По этой причине в 1938 году у нас без каких-либо оснований были закрыты немецкие национальные школы, ликвидированы немецкие национальные районы (14) и сельсоветы (около 700), репрессиям подверглось значительное число советской немецкой творческой и технической интеллигенции, деятелей науки, военачальников.

Спустя неделю после начала войны с Советским Союзом Гитлер приказал службе связи с немецкими национальными меньшинствами «принять срочные меры в целях учета лиц немецкой национальности в оккупированной части Советского Союза для последующего выдвижения надежных из них на руководящую работу в местные органы немецкого государственного аппарата». Однако на практике из этого у оккупантов ничего не получилось. Как отмечается в книге Л. де Йонга «Немецкая «пятая колонна» во второй мировой войне», в 1941 году в Берлин был послан официальный доклад, в котором, в частности, говорилось, что «местные немцы, даже если они не являются коммунистами, имеют совершенно неправильное представление о взаимоотношениях внутри рейха, а также о национал-социалистических лидерах. Представителям интеллигенции непонятно чувство дискриминации. К евреям они, как правило, относятся безразлично. Показательным является тот факт, что после вступления немецких войск местные немцы не принимали совершенно никаких мер против евреев; более того, они считали евреев безобидными людьми, не внушающими никаких опасений». В августе 1942 года положение немецкого национального меньшинства на оккупированной Украине описывалось таким образом: «Они продолжают голодать. Их обложили двойными налогами. Немецкие школы закрыли. Нет никаких признаков оживления национальной деятельности».

Так, уже в начальный период Великой Отечественной войны обнаружился крупный просчет германской верхушки. Ей не удалось организовать тотальную разведку в Советском Союзе, создать на его территории «пятую колонну», развалить тыл. Некоторые из этих провалов открыто признавались самими нацистами, а затем и западными исследователями истории второй мировой войны.

В нашей стране гитлеровская разведка не смогла опереться на помощь немецкого национального меньшинства в немалой степени потому, что, как отмечают западные исследователи, советские немцы, особенно молодежь, «сочувствовали коммунизму».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ КГБ СССР

Из плана мероприятий УНКГБ и УНКВД по г. Москве и Московской области по обеспечению государственной безопасности в г. Москве в связи с начавшимися военными действиями с Германией. (22 июня 1941 года)

...22 июня провести интернирование всех германских подданных.

Лиц без гражданства немецкой национальности при наличии компрматериалов арестовывать.

Выдачу разрешений иностранцам на передвижение их по СССР прекратить.

Из директивы НКГБ СССР о выявлении агентуры немецкой разведки (28 июня 1941 года)

Усильте изучение бывших военнопленных, находившихся в плену в Германии, бывших солдат германской и австрийской армий, которые после русско-германской войны остались в СССР.

При наличии материалов, позволяющих подозревать в диверсии, шпионаже, пораженческих настроениях, их немедленно арестовывать и на следствии выявлять германскую агентуру.

Из директивы НКВД СССР и НКГБ СССР о мероприятиях по выселению социально опасных элементов с территорий, объявленных на военном положении (4 июля 1941 года)

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года п. 3«з» военные власти имеют право на территориях, объявленных на военном положении, принимать решение о выселении лиц, признанных социально опасными.

В случае вынесения такого решения выселение этой категории лиц должно быть возложено на органы НКГБ—НКВД.

В связи с этим предлагаем провести соответствующую подготовительную работу, взяв на учет всех лиц вместе с их семьями, пребывание которых на территориях, объявленных на военном положении, будет признано нежелательным...

К внесению на учет подходите осторожно, предварительно проверяя имеющиеся у вас материалы...

Нетрудоспособные мужчины и женщины старше 60 лет выселению не подлежат.

Из докладной записки УНКВД по Амурской области в Хабаровский крайком ВКП(б) (24 октября 1941 года)

...Нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало активизацию враждебной деятельности немцев, проживающих в Амурской области...

В Тамбовском районе вскрыта группа немцев, участники которой ведут пропагандистскую агитацию, восхваляют изверга Гитлера, клевещут на руководителей ВКП(б), с нескрываемой радостью отмечают захват фашистами наших городов...

Участники группы... разлагают в колхозах трудовую дисциплину, саботируют уборку урожая и срывают мобмероприятия путем умышленного затягивания ремонта автомашин, предназначенных для Красной Армии...

В то же время советские немцы-патриоты активно включились в борьбу с фашизмом.

Из докладной записки НКВД Украинской ССР в НКВД СССР о работе немецкой разведки на территории Украины (21 декабря 1941 года)

...Как установлено следствием, школа для подготовки разведчиков-террористов существует в г. Полтаве. Заслуживает серьезного внимания тот факт, что в указанные школы разведчиков-террористов направляются антисоветские элементы из местных немцев-колонистов...

Разведка противника в подборе лиц... Активно использует местных немцев (как наводчиков, так и осведомителей), знающих и связанных с антисоветскими элементами в захваченных немецкими войсками местностях...

Участие советских немцев в борьбе с фашистскими захватчиками

К началу войны на действительной военной службе в Красной Армии находились десятки тысяч солдат и офицеров из числа советских немцев. Они были и среди тех, кто принял на себя первый удар германского фашизма в июне 1941 года. В Бресте вступили в бой с гитлеровцами командир 125-го стрелкового полка А. Дулькейт, лейтенанты Кролл и Шмидт, военврач Вебер и другие.

Тысячи советских немцев мужественно сражались с оккупантами на фронте и в партизанских отрядах. Вот только некоторые факты. Одиннадцатилетний мальчик из далекой сибирской деревни Саша Айхман убежал на фронт и в качестве разведчика воевал на Курской дуге, под Сталинградом, на Ленинградском фронте.

Партизанским разведчиком стал Кляйн, удостоенный за свои подвиги звания Героя Советского Союза. Этой же высокой наградой отмечены подвиги танкиста П. Миллера, артиллериста С. Волькенштейна.

П. Шмидт, уроженец села Люксембург (с. Больниси) в Грузии, как и многие другие советские немцы, был направлен в марте 1942 года в «трудармию». Оттуда бежал и, взяв имя и фамилию своего друга-азербайджанца Али Ахмедова, был зачислен в Красную Армию, дошел до Берлина. После окончания войны при поддержке маршала Жукова Паулю Шмидту были возвращены его настоящие имя и фамилия.

10 августа 1941 года в центральной печати был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы фронтовиков. Ордена Красного Знамени был удостоен А. Шмидт — командир 2-го танкового батальона 35-го танкового полка 18-й танковой дивизии 7-го мехкорпуса. Этим же Указом орденом Ленина награжден полковник Гаген, отличившийся в боях под Витебском.

Немецкое население страны. Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года

Немецкое население Советского Союза 1939 году (в границах до 17 сентября 1939 г.) составляло 1 млн. 427 тыс. человек, или 0,8 проц. всего населения нашей страны (170 млн. 557 тыс. человек). АССР Немцев Поволжья имела население численностью в 606,5 тыс. человек, из них немцы составляли около 60 проц. (336,7 тыс. человек), русские — 25 проц. (156 тыс.), украинцы — 10 проц. (57 тыс.). Партийная организация насчитывала 10 229 человек, в том числе немцев — 5178. Территория области составляла 28 тыс. кв. км и делилась на 22 района (кантона).

Промышленность была представлена десятками предприятий. Практически все крестьянские хозяйства были объединены в колхозы. В них насчитывалось 220 тыс. голов крупного рогатого скота, 118 тыс. свиней, 34 тыс. лошадей, 290 тыс. овец и коз. Уровень механизации сельскохозяйственных работ составлял 83 проц.

В республике к тому времени было 5 вузов, 17 техникумов и училищ, национальный детский театр, 3 республиканских и 3 колхозных театра, 660 колхозных клубов и Домов культуры. 52 кинотеатра. Издавалось 29 газет (20 на немецком языке). Радиовещание на 80 проц. велось на немецком языке, а немецкоязычное издательство выпустило несколько миллионов книг. В 1936 году от республики было избрано в Верховный Совет СССР 13 депутатов.

За достижения в развитии народного хозяйства в 1934 году республика была награждена орденом Ленина.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 28 августа 1941 года
О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, прожигающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике Немцев Поволжья или прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и выделить переселяемым немцам Поволжья землю и угодья в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года 15 районов (кантонов) республики Немцев Поволжья со столицей г. Энгельс общей территорией 20 тыс. кв. км были включены в состав Саратовской области, а 6 районов с территорией 8 тыс. кв. км — в состав Волгоградской области.

Некоторые причины, обусловившие переселение немцев из бывшей АССР Немцев Поволжья и Саратовской области в восточные районы СССР

О событиях, предшествовавших принятию Указа от 28 августа 1941 года, имеются свидетельства отдельных лиц. Согласно им Молотов и Берия в июле 1941 года выезжали в г. Энгельс (столицу АССР Немцев Поволжья). На заседании партаппарата и представителей Красной Армии они обратили внимание присутствовавших на опасность, которую, по их мнению, представляли в этот период для государства немцы Поволжья, а также необходимость принятия репрессивных мер, оправданных, по их словам, с точки зрения внутреннего положения страны.

В мемуарах польского генерала Андерса (отдельные части его армии в свое время располагались на территории республики) имеются не подтвержденные какими-либо иными свидетельствами указания, что в июле 1941 года некоторое количество парашютистов Красной Армии, переодетых в фашистскую форму, якобы было сброшено на территорию АССР Немцев Поволжья. Население, по воспоминаниям Андерса, встретило парашютистов соответствующим образом, и только своевременное прибытие отряда сотрудников НКВД позволило десанту уцелеть от расправы.

Показательно, что и по материалам архива УКГБ по Саратовской области, контрразведывательным отделом не велось (с начала года до марта 1941 г.) ни одного дела по «немецкому шпионажу».

В то же время, как свидетельствуют архивные документы, тогдашнее руководство НКГБ СССР настойчиво указывало на необходимость вскрытия националистических, повстанческих формирований, готовящих кадры для действий в тылу Красной Армии в случае войны СССР с Германией.

Таким образом, в рекомендациях центра просматривалась явная тенденциозность в требовании во что бы то ни стало вскрывать связь немецкого населения республики с германской разведкой.

В начале войны, по оперативным и официальным данным, общее политическое настроение населения республики оставалось здоровым. Имел место ряд случаев недовольства, особенно со стороны молодежи, по поводу отказов им в призыве в Красную Армию. Фактов открытых враждебных проявлений не было.

С 22 июня по 10 августа 1941 года в республике Немцев Поволжья было арестовано 145 человек, в том числе по обвинению в шпионаже — 2 человека; террористических намерениях — 3; диверсионных намерениях — 4; участии в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях — 36; в распространении пораженческих и повстанческих высказываний — 97. Сегодня нам хорошо известна цена многих такого рода дел. Однако в любом случае речь идет о единичных фактах.

Поэтому не вызывает сомнения вывод о необоснованности и преступности распространения на немецкое население республики утверждений о том, что оно представляло собой «сплошную сеть диверсантов и шпионов».

Выселение немецкого населения с территории АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей

27 августа 1941 года НКВД СССР издал приказ «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) (Текст постановления не обнаружен) о переселении немцев из республики Немцев Поволжья и Саратовской области предлагалось осуществить следующие мероприятия:

— командировать на место оперативную группу НКВД СССР во главе с заместителем наркома внутренних дел СССР Серовым;

— ответственность за подготовку и проведение операции возложить на оперативные группы в составе:

в республике Немцев Поволжья — начальника ГУЛАГа ст. майора ГБ Наседкина, наркома внутренних дел республики Немцев Поволжья майора ГБ Губина, начальника отдела СПУ капитана ГБ Ильина и начальника отдела транспортного управления капитана ГБ Поташова;

в Саратовской области — заместителя начальника КРУ ст. майора ГБ Райхмана, начальника Саратовского УНКВД ст. лейтенанта ГБ Викторова, заместителя начальника СПУ капитана ГБ Дроздецкого.

Ответственным лицам предписывалось организовать участковые тройки по проведению операции, которую предлагалось осуществить с 3 по 20 сентября 1941 года по прилагаемой к приказу инструкции (см. далее).

Для проведения операции приказом предусматривалось командировать:

в республику Немцев Поволжья — 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев во главе с комбригом Кривенко;

в Саратовскую область — 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции, 2300 красноармейцев под командованием полковника Воробейкова.

Перед операцией по переселению предлагалось на основании оперативных материалов арестовать антисоветски настроенных лиц, провести разъяснительную работу об уголовной ответственности глав семейств и репрессиях других

родственников, если отдельные члены семьи попытаются перейти на нелегальное положение, а также в случае отказа выезжать к месту расселения.

В случае антисоветских выступлений предписывалось принимать решительные меры к их ликвидации.

Координация всей работы по переселению, перевозкам и расселению возлагалась на группу в составе: Чернышова — заместителя наркома внутренних дел, Федотова — начальника КРУ, Синегубова — начальника транспортного управления. Для организации переселения немецкого населения была разработана инструкция, тональность которой свидетельствует о том, что переселяемые лица не являются опасными для государства личностями.

ИНСТРУКЦИЯ по проведению переселения немцев, проживающих в АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях

1. Переселению подлежат все жители, по национальности немцы, проживающие в городах и сельских местностях АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях.

Члены ВКП(б) и ВЛКСМ переселяются одновременно вместе с остальными.

2. Немцы, проживающие в указанных районах, выселяются на территорию Казахской ССР, Красноярского и Алтайского краев, Омской и Новосибирской областей.

3. Члены семей военнослужащих Красной Армии и начальствующего состава подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах расселения преимущество, в первую очередь в хозяйственном и бытовом устройстве.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

1. Утвержденные приказом НКВД СССР областные оперативные тройки комплектуют и утверждают участковые оперативные тройки, в состав которых должны войти: начальник РО НКВД, начальник милиции и секретарь райкома ВКП(б) из тех районов, где больше всего населенных пунктов с немецким населением.

2. Участковые тройки комплектуют из оперативных работников местных органов НКВД, а также прибывших на пополнение чекистов оперативные группы в составе: оперативного работника, работника милиции, бойца войск НКВД, представителя от советско-партийных организаций и лица, отвечающего за опись и приемку имущества.

3. Для составления списков подлежащих переселению оперативные группы выезжают в колхозы, поселки, деревни и в города, где проживает немецкое население, и заполняют учетные карточки на каждую семью, подлежащую выселению, с перечислением всех членов семьи.

4. При составлении учетной карточки главу семьи переселяемых предупреждают, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи.

5. После заполнения учетных карточек участковые оперативные тройки составляют план проведения операции, в котором предусматривают количество семей, подлежащих переселению, количество членов этих семей, наличие подвод и автотранспорта у переселяемых; намечают маршруты движения к станциям погрузки и производят распределение наличного оперативного состава.

Участковые оперативные планы утверждаются областными оперативными тройками.

6. За несколько дней до операции начальники оперативных участков по указанию областных оперативных троек извещают переселяемых о необходимости отправки, разъясняя им порядок переселения. При этом ни в коем случае не допускать никаких собраний и коллективных обсуждений вопросов, связанных с переселением.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В НЕМЕЦКИХ СЕМЬЯХ, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОТОРЫХ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО

1. В семьях, где глава семьи (муж) не является по национальности немцем, а жена — немка, в таком случае семья не выселяется.

2. В том случае, если отдельные члены семьи, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (находятся в больнице, командировке и т. п.), то такие лица берутся на учет органами НКВД для последующего направления к новому месту жительства семьи.

ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

1. Разрешить переселяемым брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивается, ценности также). Общий вес всех вещей, одежды и инвентаря не должен превышать одной тонны на семью. Громоздкие вещи брать с собой не разрешается.

2. Переселяемым предоставляется определенный срок для сбора и упаковки имущества.

Городским жителям разрешается оставшееся лично им принадлежащее имущество реализовать через доверенных лиц, которые в 10-дневный срок продают его и вырученные деньги направляют владельцу по новому месту его жительства.

3. Оставшееся недвижимое имущество переселяемых подлежит переписи представителями советских организаций. При этом переселяемым объявляется, что это имущество: сельскохозяйственные орудия, продовольствие (зерно-фураж) и скот, кроме лошадей, подлежит оставлению колхозу, колхознику и единоличнику по квитанциям, выданным при описи, за вычетом полного покрытия по обязательным поставкам 1941 г. и недоимок прошлых лет.

4. Предупреждать переселяемых, чтобы на упакованных вещах делались бирки с надписью фамилий.

5. Предупреждать переселяемых, чтобы брали с собой запас продовольствия из расчета не менее чем на один месяц.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ К СТАНЦИЯМ ПОГРУЗКИ

1. Для перевозки переселяемых к станциям погрузки участковым тройкам учесть весь наличный авто- и гужтранспорт колхозов и районов и распределить с таким расчетом, чтобы все подлежащие вывозу могли взять с собой полагающееся им по весу имущество.

В случае недостатка авто- и гужтранспорта у переселяемых договориться с советско-партийными организациями о дополнительном выделении транспорта.

2. Оперативные группы, проводящие переселение, должны выступить из колхоза или района к пункту погрузки с таким расчетом, чтобы двигаться общей колонной оперативного участка.

3. Областные опертройки к каждой станции погрузки заблаговременно прикрепляют по одному работнику транспор-

тных органов для организации приема и посадки прибывающих переселенцев, а также и отправки эшелонов по установленному графику.

4. На станциях погрузки старший колонны из оперативного состава передает один экземпляр списков начальнику погрузочного пункта, на которого возлагается ответственность за погрузку людей и имущества и отправление эшелонов по установленному графику.

5. В местах погрузки в случае скопления большого количества переселяемых начальник пункта погрузки должен предусмотреть размещение и элементарное обслуживание переселяемых до прибытия подвижного состава.

ПЕРЕВОЗКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ И ВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ

1. Областные оперативные тройки должны составить график подачи вагонов и водного тоннажа по участкам, исключив при этом простой подвижного состава. Также необходимо составить график подхода переселяемых с таким расчетом, чтобы всегда был резерв переселенцев, подлежащих перевозке.

На каждый эшелон выделить начальника эшелона из числа начсостава войск НКВД и 21 человек караула.

2. Для оперативного обслуживания переселяемых в каждый эшелон выделить одного оперативного работника.

3. Поезд должен быть составлен таким образом, чтобы 7—9 вагонов оставалось для погрузки имущества переселяемых, один — санитарный и один вагон для караула.

4. Питание переселяемых в пути следования производится в специально установленных пунктах — в железнодорожных и водных буфетах. Горячая пища выдается один раз в сутки и кипяток два раза. Оплату за питание производит начальник эшелона.

5. На расходы за питание переселяемых НКВД—УНКВД выдают начальникам эшелонов аванс, исходя из продолжительности нахождения эшелона в пути.

6. По договоренности с местными органами власти на каждый эшелон выделить врача и двух медсестер с необходимым инструментарием и медикаментами.

7. В дни проведения операции органам НКВД выставить милицейские заслоны на перекрестках дорог для задержания лиц, укрывающихся от переселения.

* * *

Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года из Саратовской области было переселено:

всего немцев — 46 393 (семей — 11 385). Из общего числа переселенных: мужчин — 10 751, женщин — 14 719, детей до 16 лет — 20 650.

Из г. Саратова переселено 11 330 человек (мужчин 3091, женщин 4343, детей 3S98), семей 3427.

По районам Саратовской области всего переселено немцев 35 063 (мужчин 7660, женщин 10 376, детей 16 752), семей 7958.

Всего отправлено 20 эшелонов, из них:

в Новосибирск — 5 эшелонов — 11 440 чел., семей 3211;

в Омск — 6 эшелонов — 14 810 человек, семей 3363;

в Акмолинск — 1 эшелон — 1705 человек, семей 540;

в Павлодар — 7 эшелонов — 16 966 человек, семей 3855;

в Кустанай — 1 эшелон — 1072 человека, семей 237.

Из граждан немецкой национальности не были переселены, в связи с тем что являются членами русских семей, 1487 человек. Из них по г. Саратову — 307 человек, по районам области — 680 человек.

За время проведения мероприятий по переселению немцев отделами УНКВД и райотделениями арестовано 110 человек. Открытых антисоветских проявлений, отказов от выезда в г. Саратове и в области не отмечалось.

Мероприятия по выселению немцев из бывшей республики Немцев Поволжья продолжалось с 3 по 20 сентября 1941 года.

Всего было выселено 376 717 человек, в том числе семей — 81 771, мужчин — 81 106, женщин — 116 917, детей — 178 694.

Переселенцы отправлены в 158 эшелонах.

На 21 сентября 1941 года в пределах бывшей республики осталось 1488 немцев: по болезни — 341 человек, в командировке — 23 человека и 1094 человека, главы семей которых являлись русскими.

За время операции было арестовано 192 человека. Организованных антисоветских выступлений со стороны немцев не наблюдалось.

На основании Инструкции СНК СССР от 30 августа 1941 года скот колхозов и колхозников республики Немцев Поволжья подлежал передаче вновь прибывающим колхозникам на условиях продажи его в кредит (по балансовой стоимости) со сроком погашения в 7 лет.

Для временного ухода за скотом Саратовский и Сталинградский облисполкомы должны были выделить по 15 тыс. колхозников из каждой области. Для временного обслуживания скота в порядке трудовой повинности привлекались колхозники из русского населения республики Немцев Поволжья.

Наркоммолмяспром и Наркомсельхозов в местах вселения в течение года обязывались выдать колхозникам и колхозам, переселенным из республики Немцев Поволжья, скот в количестве сданного ими государству (сверх мясопоставок) на месте выселения.

Взамен сданных колхозам республики Немцев Поволжья лошадей было предписано выдавать им на месте вселения денежные средства на приобретение лошадей. Размер выдачи определяли Наркомзем совместно с Наркомфином.

Всего в местах расселения к зиме 1941 года было сосредоточено 1 млн. 120 тыс. советских немцев (или 80 проц. численности 1939 г.). Можно предположить, что большинство из недостающих 276 тысяч являлись мужским населением призывных возрастов и находились на службе в Красной Армии. В дальнейшем, правда, и они в соответствии со специальными указаниями Генерального штаба РККА были демобилизованы и направлены в места выселения.

О ходе переселения в НКВД составлялись ежедневные сводки.

Из сводки № 5 от 5 октября 1941 года (по Алтайскому краю): «Готовых жилых домов имеется 10 202 на 34 586 человек. Домов, подлежащих ремонту, имеется 3982 на 9365 человек. Выявлено общественных зданий, пригодных для жилья, 189 на 2798 человек. В порядке изъятия освобождено 12 747 квартир на 53 408 человек. Всего можно разместить по краю около 100 тыс. человек.

4 октября 1941 года проведено совещание начальников райотделов НКВД и председателей райисполкомов. Для оказания помощи начальнику РО НКВД командировано в районы расселения 55 сотрудников Управления НКВД. В пунктах разгрузки переселенцев приступили к организации питания».

Из сводки № 9 от 12 сентября 1941 года (по Алтайскому краю).

11 сентября на ст. Барнаул прибыл эшелон № 875 в количестве 2358 человек. В пути следования было два случая смерти: умерла больная туберкулезом девочка 16 лет (которая была взята из больницы) и ребенок 22 дней (от роду). Эшелон на ст. Барнаул перегружен на 3 баржи и отправлен водным путем.

(По Красноярскому краю)

В разгрузочных пунктах подготовлены помещения для временного размещения прибывших. Организованы медпункты. На местах разгрузки организованы пункты питания. Отремонтированы, проверены кубовые для бесперебойной подачи кипятка.

В пути следования эшелонов с немцами-переселенцами в Южно-Казахстанскую, Джамбульскую, Павлодарскую, Актюбинскую, Алма-Атинскую, Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Семипалатинскую области Казахской ССР и Новосибирскую обл. (около 110 тыс. человек):

отстало от эшелонов 557 человек;
бежало — 8;
умерло — 437;
родилось — 143;
были сняты с поезда по болезни — 77.

Переселение советских немцев фашистскими оккупантами. Возникновение проблемы разрозненных семей

В период наступления немецко-фашистских войск многие советские немцы не были эвакуированы из западных районов страны. После расправы гитлеровцев с активистами из их числа остальные были объявлены «фольксдойче» («этническими» немцами, формально — гражданами рейха).

Уже в январе 1942 года началось первое переселение немцев из прифронтовых областей Ленинграда. Эта акция переселения в Германию имела пропагандистское значение и называлась «возвращением немцев на свою родину, к своему народу, в Великий третий Рейх».

Около 4400 человек поэтапно переселили в Западную Пруссию. С февраля по сентябрь 1943 года было переселено в район Лодзи более 10 тыс. немцев из Белоруссии, Смоленской, Орловской и других прилегающих областей. Административное переселение охватило также восточную часть Волыни, Бессарабию, Южную Украину, Крым и Кавказ. Кроме того, 350 тыс. советских немцев были вывезены из СССР в период отступления немецко-фашистских войск.

По окончании войны на основании Ялтинских соглашений свыше 200 тыс. немцев — уроженцев СССР было репатриировано в Советский Союз из восточных зон оккупации и направлено на спецпоселение. Около 120 тыс. советских немцев, оказавшихся в западных зонах оккупации, остались жить за рубежом. Так возникла проблема «воссоединения семей», которая использовалась в последующие годы в качестве предлога для стимулирования в среде советских немцев эмиграционных настроений.

Нахождение советских немцев на спецпоселении и в трудармии

В соответствии с постановлениями ГКО от 10 января 1942 года, от 14 февраля 1942 года, от 2 августа 1943 года, от 19 августа 1943 года и постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 года значительное число выселенных немцев, в том числе женщин, было мобилизовано в трудармию. В соответствие с постановлением ГКО от 7 октября 1942 года туда же были мобилизованы немцы, не подвергавшиеся выселению.

В годы войны на стройках и производствах НКВД СССР были сформированы Наркоматом обороны рабочие батальоны из бывших военнослужащих, изъятых из армии по политическим мотивам и национальному признаку. Наряду с этим в соответствии с постановлением ГКО о привлечении к работе на промышленных предприятиях страны лиц — граждан СССР национальностей воюющих с СССР стран (немцев, финнов, румын, венгров, итальянцев) в течение 1942—1944 гг. НКВД СССР было проведено несколько мобилизаций этих контингентов.

Мобилизованные направлялись главным образом на добычу угля и нефти, а также в распоряжение наркоматов, производящих вооружение, боеприпасы, цветные и черные металлы.

В некоторых местах расселения при лагерях НКВД СССР (Ивдельлаг, Богословлаг, Севураллаг, Актюбинлаг) из переселенных граждан немецкой национальности формировались строительные батальоны, реорганизованные в дальнейшем в рабочие колонны. Содержание их в зоне лагеря не допускалось. Немцы не являлись лагерным контингентом и должны были использоваться как строительные рабочие.

Продолжительность рабочего дня для рабочих колонн и оплата выполненных работ устанавливались как и для вольнонаемных лагеря. Несовершеннолетних детей и стариков рекомендовалось использовать на подсобных работах. Питание и вещевое довольствие отпускалось из лагерных фондов за плату.

В дальнейшем ГКО обязал НКВД СССР создать из мобилизованных рабочие колонны и отряды, установить в них дисциплину, обеспечить высокую производительность труда и высокие производственные нормы. Этим же постановлением НКВД было поручено привлекать к ответственности мобилизованных за нарушение дисциплины, отказ от работы и дезертирство с рассмотрением дел в Особом совещании и применением к наиболее злостным нарушителям высшей меры наказания.

Размещение трудовых колонн и отрядов было произведено в отдельных лагерных пунктах, обнесенных проволочным заграждением и обеспеченных охраной. Устанавливался строгий воинский порядок, вывод людей на работу и возвращение осуществлялись строем. К нарушителям трудовой дисциплины применялись взыскания от выговора перед строем до ареста. Наиболее злостных нарушителей водворяли на специально созданные штрафные участки на срок до трех месяцев.

За время войны было привлечено к уголовной ответственности 8543 мобилизованных немца, из них осуждено 6918 человек.

На 1 октября 1949 года на спецпоселении находилось 2 134 188 человек, из них немцев — 1 099 758.

В последующие годы был принят ряд решений, регулирующих правовое положение спецпоселенцев, в том числе и лиц немецкой национальности. В частности:

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, установивший уголовную ответственность за самовольный выезд с места поселения в виде наказания каторжными работами на срок до 20 лет (отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1954 г.);

— постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года о снятии некоторых ограничений в правовом положении, которым предоставлялось право выезда в служебные командировки без получения разрешений в органах МВД, а также ослаблен режим спецпоселения;

— постановление Совета Министров СССР от 13 декабря 1955 года о снятии ограничений по спецпоселению с невыселявшихся немцев;

— постановление ЦК КПСС от 9 мая 1955 года о снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС и их семей;

— постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года о снятии ограничений с находящихся на спецпоселении граждан, награжденных орденами и медалями СССР, участников Великой Отечественной войны, преподавателей, членов семей погибших на фронте, состоящих в браке с неспецпоселенцами женщин, с женщин других национальностей, выселенных в составе семей немцев, с одиноких и престарелых инвалидов, не могущих обеспечить свое существование;

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года о снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, предусматривающий, что снятие ограничений не влечет возврата конфискованного при выселении имущества и не дает права на возвращение к прежним местам жительства.

В 1957 году Государственным комитетом СМ СССР по вопросам труда и заработной платы было издано секретное разъяснение об исчислении трудового стажа бывшим спецпоселенцам, мобилизованным в период Великой Отечественной войны в рабочие колонны (от 12 января 1957 г.). В нем, в частности, говорилось, что время нахождения в составе рабочих колонн засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности. Это время включалось также в непрерывный трудовой стаж, если между временем увольнения и поступления на работу проходило не более трех месяцев. При этом говорилось, что приведенный порядок исчисления трудового стажа применяется при назначении пособий и пенсий, при установлении надбавок и вознаграждений за выслугу лет.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года внес изменения в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года в части огульных обвинений в отношении всего немецкого народа;

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 года отменил действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года в части ограничения права на выбор места жительства.

Согласно переписи 1989 года в СССР проживает более двух миллионов немцев. Народными депутатами СССР избраны 10 человек, 5 человек являются Героями Советского Союза, более 30 — Героями Социалистического Труда. Около 80 тыс. граждан немецкой национальности — члены КПСС.

Таким образом, необоснованные обвинения с советских немцев сняты, однако их права и государственность до сих пор не восстановлены.

Подполковник А. Н. КИЧИХИН

Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.)

2 сентября 1945 года закончилась вторая мировая война. В ходе ее сотни тысяч военнослужащих с обеих сторон попали в плен. В настоящей статье приводятся документальные данные, неизвестные широкому кругу читателей. Автор не претендует на всю полноту освещения вопроса о военнопленных периода второй мировой войны.

Эта проблема еще ждет комплексного исследования.

Развязанная в сентябре 1939 года Гитлером вторая мировая война и особенно агрессия фашистской Германии против СССР расколола мир на две враждебные коалиции, из которых каждая утверждала, что в этой войне вся совокупность права, правды и морали находится на ее стороне. Вторая мировая война в самый момент ее возникновения приняла неслыханные размеры и грозила участвовавшим в ней народам истреблением.

Эти обстоятельства неминуемо отразились на положении военнопленных во всех воевавших странах. В частности, установившийся в международной практике взгляд на военнопленного как на обезоруженного воина, имеющего право на содержание в условиях быта военнослужащих государства пленения, подвергся значительным изменениям, а в некоторых случаях и грубейшим нарушениям международных конвенций об обращении с военнопленными. В этом отношении большое значение имел тот факт, что одновременно с содержанием громадных масс военнослужащих и гражданского населения воевавшие стороны оказались вынужденными содержать и огромные массы военнопленных, материальное обеспечение которых в условиях быта своих военнослужащих являлось на практике совершенно неосуществимым. Воевавшие страны не успевали обслуживать собственные армии надлежащими помещениями, одеждой и продовольствием. Естественно, что военнопленные обеспечивались по остаточному принципу, который наиболее полно нашел применение в фашистской Германии. Об этом достаточно обстоятельно написал западногерманский исследователь Кристиан Штрайт в книге «Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные 1941— 1945 гг.» (Штутгарт, 1978). В Советском Союзе наиболее остро проблема военнопленных встала во второй половине 1942 года, когда вражеские военнослужащие стали захватываться советскими войсками в массовом количестве.

Изучение хода военных действий на советско-германском фронте в период с июня 1941 по май 1945 года показывает, что число военнослужащих фашистской Германии и ее союзников (Венгрии, Румынии, Финляндии, Италии и др.), захватываемых в плен советскими войсками, было неодинаковым и нарастало с приближением победы над Германией. Так, на 1 августа 1941 года армейскими приемными пунктами Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР) было принято от боевых подразделений Советской Армии 2385 вражеских военнопленных; на 10 августа 1941 года в советских тыловых лагерях для военнопленных содержалось 1990 человек, из них 1016 румын и 974 немца. В числе румынских военнопленных был 21 офицер, 277 сержантов и 718 рядовых, немецких — 28 офицеров, 572 унтер-офицера и 374 рядовых. На 20 августа того же года армейскими приемными пунктами (АПП) всех фронтов было принято 4018 вражеских военнопленных, на 31 августа — 5093, а на 1 октября через АПП прошло уже 6681 человек (ЦГА СССР. ф. 1п. оп. 23а. д. 6, л. 29; ф. 4п оп, 1. д. 1, лл. 10—11). Результаты обобщения количества военнопленных, принятых АПП в течение 1942 года, показали, что действующей армией только в ноябре — декабре было передано в АПП свыше 70 тыс. военнопленных, а в течение января— февраля 1943 года уже свыше 150 тыс. Особенно напряженная обстановка с военнопленными сложилась в районе Сталинграда, где сталинградскими лагерями только до 3 февраля было принято 35 тыс., а на 4 февраля в них содержалось 76 тыс. человек. Всего же, по данным на 25 февраля, в системе УПВИ НКВД СССР числилось 256 918 вражеских военнопленных, из них работоспособных было только 199 090, а остальные 57828 человек — больные и раненые. При этом только в трех лагерях для военнопленных прифронтовой полосы (Бекетовский, Хреновской и Новохоперский) находилось 110 563 военнопленных, в их числе 3775 человек офицерского состава и 106 788 — рядового и унтер-офицерского состава (Там же, ф. 1п. оп. 23а, д. 6. л. 39; оп. 37а, д 2, л. 52).

Учитывая сложившуюся обстановку, Управление Тыла Советской Армии распоряжением от 4 февраля 1943 года дало указание начальнику тыла Донского фронта организовать дополнительные лагеря для военнопленных в районе Сталинграда. К 20 февраля в них было сосредоточено до 9000 военнопленных, нуждавшихся в госпитализации (из них 2775 человек обмороженных), а к 22 февраля — свыше 90 тыс. военнопленных. Более трети из них находились в тяжелом физическом состоянии, явившимся результатом длительного нахождения в окружении в зимних условиях. Из этого числа военнопленных начиная с февраля и по 10 июня 1943 года было госпитализировано 35 099 человек (Там же, оп. 37а, д. 2, л. 40).

Систематизация общего количества вражеских военнопленных в СССР с 22 июня 1941 по 20 января 1945 года по конечным результатам наиболее крупных операций позволила выяснить и сгруппировать эти данные (табл. 1).

За этот же период по разным причинам в плену в СССР умерло 220 316 человек. Наиболее высокий процент смертности наблюдался среди военнопленных, захваченных после ликвидации окруженных группировок противника в районе Сталинграда, Воронежа и др. Эти военнопленные поступали сильно истощенные физически и психически, с разными формами дистрофии, а также различного рода заболеваниями типа сыпной тиф, холера, воспаление легких и т. п., что фактически не позволило спасти их от неминуемой смерти.

По данным учетных подразделений УПВИ НКВД СССР установлено, что в период с 22 июня 1941-го по 1 октября 1944 года количество военнопленных по фронтам и отдельным армиям распределялось так, как показано в табл. 2.

Изучение документов, отражающих заключительный этап Великой Отечественной войны, показывает, что большой объем работы, связанной с приемом и эвакуацией вражеских военнопленных, проделан в мае — июле 1945 года. В этот период девятью

фронтами было отправлено в тыл страны 1 031 350 человек, для чего потребовалось 358 железнодорожных эшелонов: Ленинградским фронтом — 140 тыс. военнопленных (58 эшелонов), 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским — 101 тыс. (45 эшелонов), 2-м Белорусским — 119 тыс. (58 эшелонов), 1-м Белорусским — 75 500 (34 эшелона), 1-м Украинским — 88 500 (42 эшелона), 4-м Украинским — 88 105 (38 эшелонов), 2-м Украинским — 293 450 (130 эшелонов) и 3-м Украинским — 126 796 человек (62 эшелона).

Из выше приведенных статистических данных следует, что через фронты прошло значительное количество вражеских военнопленных и это, естественно, потребовало от тыловых подразделений Советской Армии значительных усилий по их содержанию и эвакуации из зон активных боевых действий, а также по оказанию неотложной медицинской помощи раненым, больным, физически ослабленным, нервно и психически истощенным. В этом плане определенный интерес представляет анализ приказов и директив советского командования, и прежде всего начальника Тыла Советской Армии А. В. Хрулева. Несмотря на то что непосредственно за содержание военнопленных во фронтовых условиях (начиная с АПП) отвечало УПВИ НКВД СССР, нельзя считать, что командование фронтов стояло в стороне от проблем содержания и эвакуации вражеских военнопленных. В связи с этим целесообразно кратко рассмотреть организацию приема, эвакуации и содержания военнопленных в СССР вообще.

Согласно мобилизационным планам 1941 года в случае войны НКВД СССР развертывало армейские приемные пункты (АПП) военнопленных, основной задачей которых было: прием военнопленных от боевых частей Советской Армии, их содержание и передача конвойным войскам НКВД СССР для эвакуации в тыловые лагеря. Доставка вражеских военнопленных на АПП осуществлялась силами войск действующей армии. В своей деятельности АПП руководствовалось Временным положением о приемных пунктах военнопленных от 1939 года, Положением о военнопленных, утвержденным постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 года. Учитывая, что такая система приема, содержания и эвакуации военнопленных во фронтовых условиях оказалась малоэффективной, приказом НКВД СССР от 5 июня 1942 года во фронтовых условиях кроме АПП были созданы лагеря-распределители (всего шесть). Временное положение о лагерях-распределителях вводилось в действие приказом НКВД СССР от 5 июня 1942 года. Порядок обеспечения лагерей-распределителей (в том числе и АПП) всеми видами довольствия определялся директивой штаба Тыла Советской Армии от 17 мая 1942 года.

В результате совместных действий НКВД СССР и штаба Тыла к концу 1942 года количество АПП возросло до 44, а лагерей-распределителей — до 15 (Там же, ф. 1п. оп. 23а. д. 6, л. 11). В то время при каждом начальнике тыла фронта существовала должность уполномоченного НКВД СССР по делам военнопленных, т. е. во фронтовых условиях впервые был создан институт уполномоченных по делам военнопленных. С учетом массового поступления вражеских военнопленных в январе—феврале 1943 года Приказом НКВД СССР от 18 февраля при начальниках войск НКВД по охране тыла фронта были созданы отделения по делам военнопленных, которые непосредственно стали заниматься всем комплексом вопросов, связанных с приемом, содержанием и эвакуацией во фронтовых условиях. Вместе с тем приобретенный опыт в период 1941— 1942 гг. показал, что целесообразно вновь пересмотреть систему приема, содержания и эвакуации военнопленных во фронтовом тылу. Поэтому приказом НКВД СССР в 1943 году лагеря-распределители реорганизуются во фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ). Таких было создано 11. Однако и система «АПП—ФППЛ» являлась недостаточно совершенной, и поэтому приказом НКВД СССР от 26 сентября того года создается промежуточное звено между АПП и ФППЛ — сборные пункты (СП) военнопленных.

В деле совершенствования организации эвакуации военнопленных и их обеспечения всеми видами довольствия важную роль сыграл ряд приказов Советского Главнокомандования. Так, начальником Тыла Советской Армии издан приказ в 1943 году «Об устранении недочетов в эвакуации военнопленных и их обеспечении», который оказал существенное влияние на эффективность обслуживания военнопленных во фронтовых условиях. Но несмотря на это, продолжали иметь место отдельные недостатки в этом вопросе. Для улучшения работы НКВД СССР издал приказ № 0388 от 6 октября того же года, которым объявлялась инструкция «О санитарном обеспечении военнопленных и спецконтингента при поступлении на приемные пункты и во фронтовые при-

емно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках».

В целях улучшения организации эвакуации военнопленных и сокращения расстояний при их пешей эвакуации приказом НКО СССР № 098 от 23 апреля 1944 года за подписью Маршала Советского Союза А. М. Василевского «Об упорядочении эвакуации военнопленных из войсковых районов» были впервые четко определены оптимальные расстояния между АПП — СП — ФППЛ: АПП дислоцировались на расстоянии 25—30 км от переднего края, СП — не далее 50— 70 км и ФППЛ — 100—120 км. Этим же приказом предписывалось в ходе наступательных операций создавать в тыловых районах дивизий первого эшелона пункты сбора военнопленных, размещая их в 10— 12 км от переднего края. В дополнение к приказу была издана совместная директива УПВИ НКВД, Управления конвойных войск и Главного управления НКВД по охране тыла фронтов за № 28/1/8975 от 29 апреля 1944 года, основной целью которой являлось координирование усилий по эвакуации военнопленных из фронтового тыла в глубь страны. Но наиболее существенное значение в деле взаимодействия имела специальная директива начальника Тыла Советской Армии и народного комиссара внутренних дел СССР № 20/1151156 сс от 31 июля, согласно которой начальники тылов фронтов обязывались брать под контроль прием, обеспечение и эвакуацию вражеских военнослужащих во фронтовых условиях с момента их захвата боевыми подразделениями и до передачи во фронтовую систему УПВИ НКВД СССР. В результате принятых мер положение значительно улучшилось. Количество точек по приему военнопленных к концу 1944 года увеличилось: в то время действовало 12 фронтовых отделов (Отделения по делам военнопленных при начальниках войск НКВД по охране тыла фронта, в январе 1944 г. были реорганизованы во фронтовые отделы согласно совместному приказу НКВД СССР и начальника Тыла Красной Армии № 0077/007 от 27 января), 12 фронтовых лагерей, 49 сборных пунктов и 72 армейских приемных пункта (ЦГА, ф. In, on. 23а, д. 6, л. 72). Командование, военные советы фронтов уделяли серьезное внимание организации содержания военнопленных. Питание военнопленных как в тыловых лагерях, так и во фронтовых осуществлялось по трем основным нормам суточного довольствия (утверждены постановлением СНК СССР № 1782 — 79 сс от 30 июня 1941 г. и распоряжением СНК СССР № 4735 рс от 6 августа 1941 г.): основная; для находящихся в лечебных заведениях лагерей и приемных пунктов; для находящихся в оздоровительных командах.

В соответствии с требованиями международных конвенций об обращении с военнопленными было определено также и денежное довольствие, нормы которого объявлены приказом НКВД СССР № 001155 от 5 июня 1942 года. Они составляли: 10 рублей — для рядового и унтер-офицерского состава, 15 — для среднего командного состава, 25 — для старшего командного состава и 50 рублей — для высшего командного состава. Это денежное довольствие выдавалось единовременно на все время нахождения военнопленных в лагерях-распределителях. Следует сказать, что по причине неорганизованности и нераспорядительности положенное военнопленным денежное довольствие выдавалось не везде и не всегда регулярно. В этом деле были недостатки и упущения.

Согласно «Положению о военнопленных» от 1 июля 1941 года больные и раненые приему в лагеря НКВД СССР от частей Советской Армии не подлежали. Для их лечения были созданы специальные госпитали в системе НКО СССР и Наркомздрава СССР. Режим содержания военнопленных в этих госпиталях и их охрана возлагались на УПВИ НКВД СССР.

Нормы суточного довольствия военнопленных в начале 1943 года были уточнены и объявлены приказом НКВД СССР № 00488 от 16 марта 1943 года «О порядке обеспечения лагерей НКВД военнопленных и спецконтингентов». Согласно этому приказу нормы суточного довольствия военнопленных стали дифференцированными. В них входили все необходимые продукты: хлеб, мясо, рыба, овощи, специи, чай, крупы, масло, сахар и т. п. (всего не менее 20 наименований). Разным категориям военнопленных выдавалось и соответственное количество продуктов. Для примера приведем суточные нормы хлеба, выдаваемого военнопленным (табл. 3).

Необходимо отметить, что добровольно сдавшимся в плен военнослужащим противника выдавалось хлеба на 100 г больше, чем остальным. Нормы суточного довольствия нашего кадрового состава лагерей предусматривали хлеба на одного человека в сутки 700—800 г зимой и 600—700 г — летом (Там же. оп. 37а, д. 2, л. 72).

Безусловно, во фронтовых условиях случалось, что обстановка не позволяла регулярно обеспечивать вражеских военнопленных положенными по приказу НКВД СССР № 00488 от 16 марта 1943 года нормами суточного довольствия, но в основном эти нормы соблюдались.

Командование и военные советы фронтов постоянно уделяли внимание не только организации содержания военнопленных (обеспечение питанием, медицинское обслуживание, эвакуация и т. п.), но и культурно-просветительной работе среди них, которая организовывалась, как правило, начиная с АПП. Наиболее полно такая работа проводилась во фронтовых и тыловых лагерях. Содержание ее сводилось к ин-

формированию военнопленных о положении на фронтах, в их странах, в мире в целом. Осуществлялась она в форме лекций, бесед (групповых и индивидуальных), митингов. Когда представлялась возможность, то военнопленным демонстрировались советские кинофильмы. При каждом лагере для военнопленных работали небольшая библиотека, радиоузел. Особое внимание уделялось доведению до всех содержания руководящих документов Советского правительства по вопросам содержания военнопленных (положение о военнопленных, приказы Верховного Главнокомандования о льготах для добровольно сдавшихся в плен и т. д.). Всем предоставлялась возможность для отправления религиозных культов.

Изучение архивных документов показывает, что командованием Советской Армии в некоторых случаях самостоятельно осуществлялась репатриация вражеских военнопленных во фронтовых условиях без предварительного направления их в тыловые лагеря. Этим подтверждается гуманное отношение советского военного командования к вражеским военнопленным как жертвам войны. Так, уже к началу 1945 года командованием фронтов было отпущено домой из фронтовых лагерей и АПП свыше 200 тыс. военнопленных румын, венгров, чехословаков, словенов и других, а в период завершения Маньчжурской стратегической наступательной операции и до конца 1945 года — 64 888 человек японской армии (Там же. оп. 01е, д. 46 лл 192 —194). Всего же за период войны советское командование освободило из плена непосредственно на фронтах (без направления в тыловые лагеря) 680 тыс. человек разных национальностей и государственной принадлежности, среди которых было отпущено домой 183 619 человек без оформления на них каких-либо документов (Там же, оп. 32 б. д. 2 лл. 8 — 9).

Как видно из документов, в плену в СССР оказалось значительное число военнослужащих фашистской Германии, ее союзников и милитаристской Японии. Военнопленные активно участвовали в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства СССР, в возмещении ущерба, нанесенного агрессорами. Безусловно, захват миллионных масс вражеских военнослужащих в плен является заслугой советских солдат и офицеров. Однако эта славная страница боевой деятельности Советских Вооруженных Сил до сих пор не исследована и не доведена до широкой советской и зарубежной общественности. Поэтому не случайно, что ни в одном из энциклопедических изданий, ни в одном учебнике по военному искусству, ни в одном издании по истории второй мировой войны мы не найдем данных об общем количестве захваченных советскими войсками военнослужащих противника. И в этом я вижу вину советских военных историков. Автору после долгих поисков удалось найти документ, в котором начальник Военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал-полковник Покровский письмом от 2 октября 1959 года запросил у тогдашнего руководства МВД СССР данные о точном количестве военнопленных в СССР. К сожалению, в этом ему было отказано. Объективных причин отказа установить не удалось.

Сегодня мы живем в другое время — время гласности. В результате изучения и анализа документов автором установлено, что с 22 июня 1941 по 2 сентября 1945 года советскими войсками захвачено, а учетными подразделениями УПВИ (а затем ГУПВИ) НКВД — МВД СССР зарегистрировано и поставлено на учет как военнопленных 4 126 964 человека военнослужащих вражеских армий периода второй мировой войны (табл. 4).

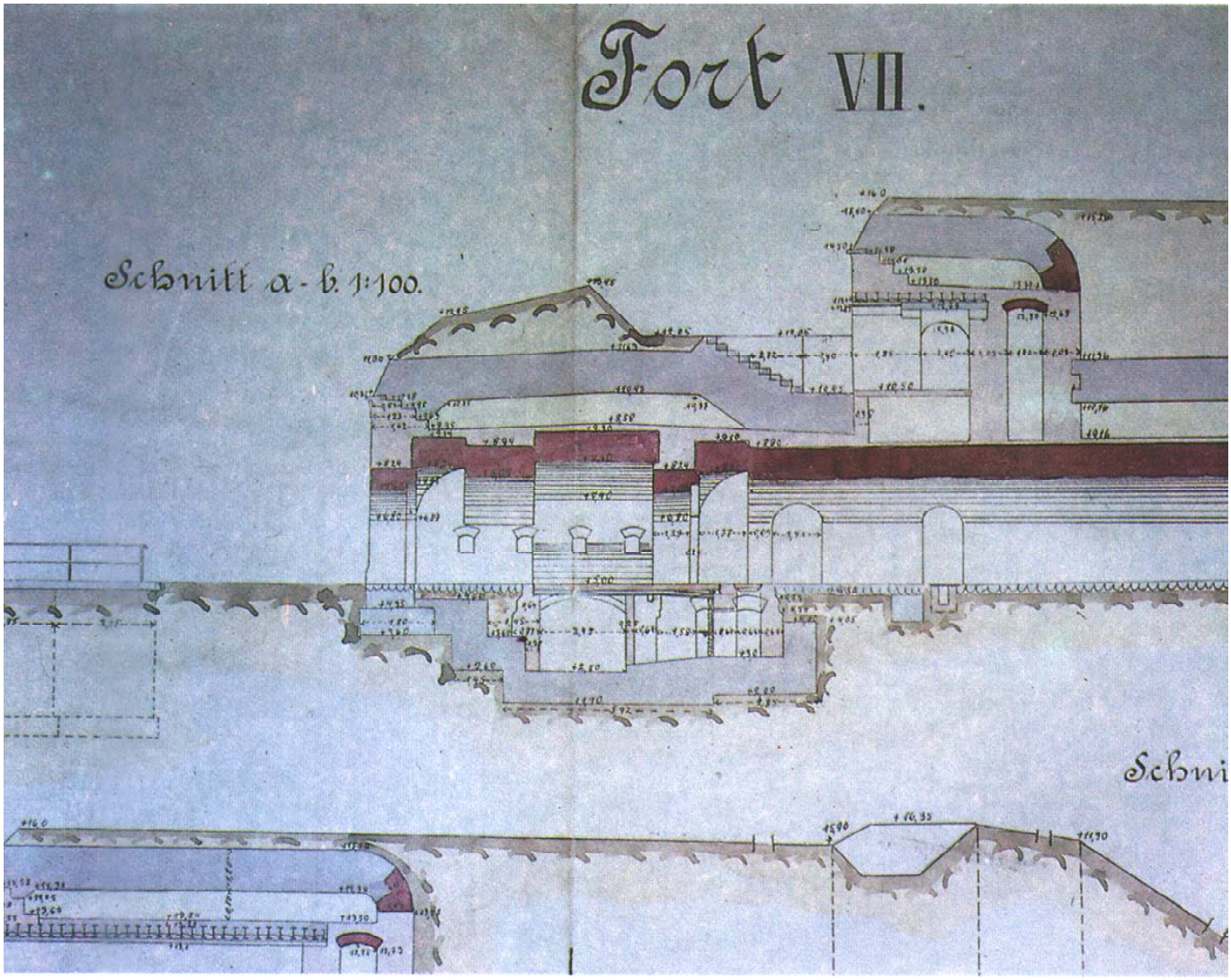
Результаты исследования показывают, что в плену в СССР по разным причинам умерло 580 548 военнопленных. Анализ медицинских освидетельствований, актов о смерти, отчетов медицинских учреждений, докладных записок администрации лагерей свидетельствует, что основными причинами смерти военнопленных в СССР были: раны и болезни, связанные с участием в боевых действиях; длительное нахождение в окружении; старость (среди военнопленных было много лиц старше 50 лет, особенно среди генералов и старших офицеров); самоубийства; несчастные случаи на производстве и в быту; приведение в исполнение приговора суда о высшей мере наказания за зверства и злодеяния против СССР и его народа; гибель при попытке к бегству из мест содержания во фронтовых условиях и в тылу. Все умершие военнопленные похоронены в соответствии с требованиями международного права, приказов Реввоенсовета Союза ССР № 959 от 21 сентября 1925 года и № 169 от 5 сентября 1932 года, Положения о военнопленных от 1 июля 1941 года.

Безусловно, за десятилетия после окончания войны многие места захоронения военнопленных по разным причинам не сохранились (в результате стихийных бедствий, строительства водохранилищ, промышленного и жилищного строительства и т. п.). Однако часть кладбищ, где похоронены военнопленные, сохранилась, например в Иркутске, Хабаровске, Находке, Баку и других местах. Вместе с тем предстоит серьезная работа по восстановлению мест захоронения военнопленных и предоставлению возможностей родственникам умерших посетить эти места.

Национальный состав и государственная принадлежность попавших в плен военнослужащих армий фашистской коалиции были самыми разнообразными (табл. 5).

Безусловно, рамки одной статьи не позволяют обстоятельно рассмотреть все стороны содержания, трудового и иного использования и репатриации военнопленных, содержавшихся в плену в СССР. Эти вопросы требуют дальнейшего глубокого и комплексного исследования.

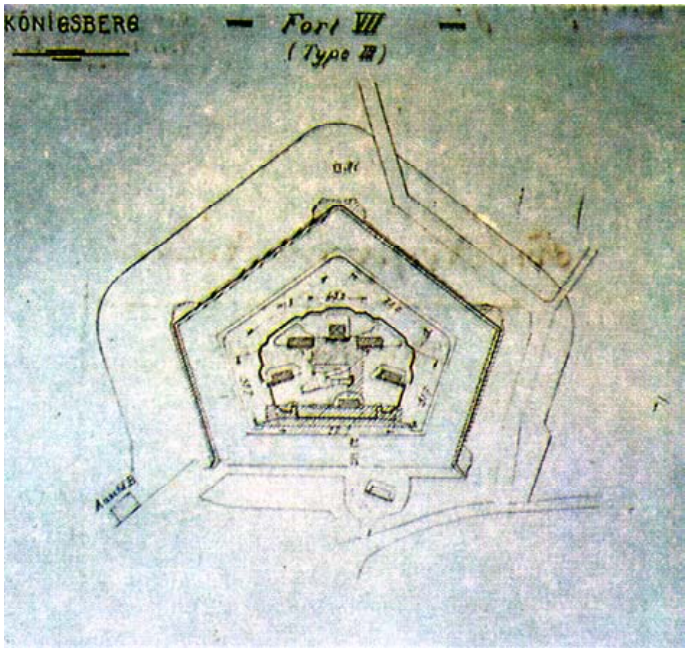
Капитан 1 ранга В. П. ГАЛИЦКИЙ, кандидат юридических наук, доцент



ВИЖ №9 1990

В ФОРТАХ КЕНИГСБЕРГА

О фортах Кенигсберга, нынешнего Калининграда, знают и те, кто никогда не бывал в этом городе. Причина не только в немалой крови, которой стоил нашим войскам штурм прусской твердыни в сорок пятом. Многих занимает тайна калининградских подземелий, в том числе подземной части фортов. Есть основания полагать, что, предчувствуя неизбежность своего краха, гитлеровцы спрятали там немалые материальные ценности. Целые заводы были укрыты в Кенигсберге от воздушных налетов многометровой бетонной и земляной толщей. Где-то там, по слухам и предположениям, может покоиться похищенная у нас фашистскими грабителями знаменитая Янтарная комната.



Раз есть тайна, есть и энтузиасты, стремящиеся ее разгадать. Десятки лет идут поиски, но идут разрозненно и почти вслепую. Однако недавно в редакцию работниками одного из архивов была передана папка, которая, похоже, может существенно продвинуть работу. В папке — трофейные схемы фортов Кенигсберга (фрагмент одной из них публикуем сегодня). И что особенно ценно — на схемах подробное изображение подземной части укреплений. По мнению ученых из Военно-инженерной академии имени В. Куйбышева, которых редакция привлекла в качестве экспертов, обнаруженные документы позволяют эффективно вести поисковую работу в фортах.

Редакция с помощью Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, соответствующих служб и частей Прибалтийского военного округа и Балтийского флота намерена организовать экспедицию. В случае успеха о ее ходе мы будем подробно рассказывать читателям журнала.

Капитан 2 ранга С. Г. ИЩЕНКО

Два взгляда: из 1941 и 1945

Разгром! Взгляд из 1945 года. Ошеломленный. Растерянный. Полный ненависти. Пленный, конечно, не согласен. Может, вспомнил нашу Вязьму, нашу сестричку. Как она смотрела глазами, полными презрения и достоинства.

(Фото из французского архива)

Наша сестричка. Ей 19 лет. Район Вязьмы. Фашистский фотограф остановил мгновение плена. Не сохранилось ни имени, ни фамилии — только пленительный и дорогой облик. Нет, такие не сдавались! Может быть, кто-то узнает в этой девушке свою подругу, дочь, мать, бабушку, очень хочется, чтобы сестричка дожила до Победы.

(Фото из немецкого архива)

ВИЖ №6 1991
ВПЕРВЫЕ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ

НОТА министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года

СЕГОДНЯ ШИРОКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЛУЧИЛО МНЕНИЕ О ТОМ, БУДТО В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ НЕПОСРЕДСТВЕННО ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, НАША ПАРТИЯ В УГОДУ ГИТЛЕРУ ПРЕКРАТИЛИ ВСЯКУЮ ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ БОРЬБУ С ФАШИЗМОМ, ПРЕДАВ ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИЗМА, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ. МНОГО СПОРНОГО И ЛЖИВОГО В ПОМЕЩЕННОМ НИЖЕ МЕМОРАНДУМЕ ПУБЛИКУЕТСЯ ОН У НАС ВПЕРВЫЕ. ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ, НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ. НО УЖЕ СЕЙЧАС МОЖНО ГОВОРИТЬ О ТОМ, ЧТО БОЛЬШЕВИКИ, КОММУНИСТЫ ВЕЛИ С ФАШИЗМОМ НЕПРИМИРИМУЮ БОРЬБУ, ОТСТАИВАЯ ИДЕАЛЫ СОЦИАЛИЗМА И МИРА. ОНИ НЕ ПРЕДАВАЛИ ИДЕАЛОВ ДОБРА, БРАТСТВА, СВОБОДЫ.

МЕМОРАНДУМ

Когда правительство рейха, исходя из желания прийти к равновесию интересов Германии и СССР, обратилось летом 1939 года к Советскому правительству, оно отдавало себе отчет в том, что взаимопонимание с государством, которое, с одной стороны, представляет свою принадлежность к сообществу национальных государств со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями, а с другой — будучи руководимым партией, которая как секция КОМИНТЕРНА стремится к распространению революции в мировом масштабе, то есть к уничтожению этих национальных государств, вряд ли будет легкой задачей. Подавляя в себе серьезные сомнения, порожденные этим принципиальным различием в политической ориентации Германии и Советской России и острейшим противоречием между диаметрально противоположными мировоззрениями НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА и БОЛЬШЕВИЗМА, Германское правительство все же предприняло такую попытку. При этом оно руководствовалось тем соображением, что обусловленное взаимопонимание между Германией и Россией, исключение вероятности войны и достижимое таким образом удовлетворение новых жизненных потребностей обоих издавна считающихся дружественными народов, будет лучшей защитой от дальнейшего распространения коммунистических доктрин международного еврейства в Европе. Эта мысль была подкреплена тем, что определенные события в самой России и некоторые меры русского правительства на международной арене по меньшей мере позволяли считать возможным отход от этих доктрин и от прежних методов разложения народов. Реакция Москвы на это предложение немецкого правительства и готовность СССР заключить дружественный пакт с Германией вполне подтверждали вероятность такого поворота.

Таким образом, 23 августа 1939 г[ода] был подписан Пакт о ненападении, а 28 сентября 1939 г[ода] — Договор о дружбе и границах между обоими государствами.

Суть этих договоров состояла в следующем:

1) В обоюдном обязательстве государств не нападать друг на друга и состоять в отношениях добрососедства;

2) в разграничении сфер интересов путем отказа германского рейха от любого влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, в то время как территория бывшего Польского государства до линии Нарва — Буг — Сан по желанию Советской России оставлялась за ней.

Действительно, правительство рейха, заключив с Россией пакт о ненападении, СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНИЛО СВОЮ ПОЛИТИКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К СССР и с этого дня заняло дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу. Оно строго следовало букве и духу подписанных с Советским Союзом договоров. Более того, усмирило Польшу, а это значит, ценою немецкой крови способствовало достижению Советским Союзом наибольшего внешнеполитического успеха за время его существования. Это стало возможным лишь благодаря доброжелательной политике Германии по отношению к России и блестящим победам вермахта.

Поэтому правительство рейха по праву полагало, что оно может надеяться на соответствующее отношение Советского Союза к рейху, особенно во время переговоров министра иностранных дел рейха фон Риббентропа в Москве. Советское правительство и в других случаях неоднократно отмечало, что эти договоры являются основой для длительного уравнивания двусторонних интересов Германии и Советской России и что оба народа, уважая государственный строй каждой стороны и не вмешиваясь во внутренние дела партнера, придут к длительным отношениям добрососедства. К СОЖАЛЕНИЮ, ОЧЕНЬ СКОРО ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕЙХА СИЛЬНО ОШИБЛОСЬ В СВОИХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯХ.

II.

И действительно, сразу после заключения германо-русских договоров Коминтерн активизировал свою деятельность во всех областях.

Это относится не только к одной Германии, но и дружественным ей или нейтральным государствам и территориям Европы, занятым германскими войсками. Чтобы открыто не нарушать договоры, менялись лишь методы и старательней, утонченней проводилась маскировка. Постоянным разоблачением так называемой «империалистической войны Германии» в Москве, очевидно, надеялись компенсировать результаты заключения пакта с национал-социалистской Германией. В результате предпринятых полицией эффективных контрмер Коминтерн вынужден был проводить свою подрывную и разведывательную деятельность против Германии окружными путями через свои центры в соседних с Германией странах. Для этого прибегали к услугам бывших немецких коммунистических деятелей, которые должны были проводить в Германии ПОДРЫВНУЮ РАБОТУ и подготовку саботажных акций. Комиссар ГПУ Крылов постоянно занимался обучением и подготовкой кадров по этому вопросу. Наряду с этим проводилась подрывная деятельность на занятых Германией территориях, особенно в протекторате и в занятой Франции, а так же против Норвегии, Голландии, Бельгии и т. д.

Представительства Советской России, особенно генеральное консульство в Праге, оказывали а этом вопросе эффективную помощь. С использованием радиотехнических средств приема и передачи усердно велась разведка, что является неопровержимым доказательством работы Коминтерна, направленной против рейха. О всей прочей подрывной и разведывательной работе Коминтерна имеется обширный документальный материал показаний свидетелей и письменный материал. Кроме этого, создавались диверсионные группы, имевшие собственные лаборатории, в которых производились зажигательные и взрывные устройства для проведения диверсионных акций. Такие диверсии были, к примеру, проведены по меньшей мере против 16 немецких кораблей.

Наряду с этой подрывной диверсионной работой велся ШПИОНАЖ. Так, переселение немцев из Советской России использовалось для того, чтобы самыми грязными средствами склонить этих немецких людей работать на ГПУ. Не только мужчин, но и женщин самым бесстыдным образом принуждали давать согласие на сотрудничество с ГПУ. Даже посольство Советской России в Берлине во главе с советником посольства Кобуловым не постеснялось бесцеремонно использовать право экстерриториальности для шпионских целей. Затем сотрудник русского консульства в Праге Мохов организовал центр русской шпионской сети, охватившей весь протекторат. Другие случаи, в которых полиции удалось своевременно вмешаться, дают ясную и однозначную картину об обширных происках Советской России. Картина в целом ясно свидетельствует о том, что Советская Россия широко проводила против Германии нелегальную подрывную деятельность, диверсии, террор и направленный на подготовку к войне политический, военный и экономический шпионаж.

Что касается подрывной деятельности Советской России за пределами Германии в Европе, то она распространилась почти на все дружественные Германии или занятые ею государства Европы, Так, к примеру, в РУМЫНИИ с цепью создания антигерманского настроения коммунистическая пропаганда в листовках, переправленных из России, обвиняла Германию во всех трудностях. С лета 1940 года то же самое отчетливо проявилось в ЮГОСЛАВИИ. Там листовки призывали к протесту против заключения пакта режимом Цветковича с империалистическими правительствами в Берлине и Риме. На собрании деятелей коммунистической партии в Аграме весь юго-восток Европы от Словакии до Болгарии обозначался русским протекторатом в случае, как они надеялись, ослабления Германии в военном отношении. В советской миссии в Белграде германским войскам попало в руки документальное доказательство тому, что эта пропаганда исходила от Советской России. В то время как коммунистическая пропаганда в Югославии использовала националистические лозунги, в Венгрии она действовала прежде всего среди русинского населения, которое она пленила надеждами освобождения Советской Россией. Особенно активной была антигерманская травля в Словакии, где открыто велась агитация за присоединение к Советской России.

В ФИНЛЯНДИИ действовало пресловутое «Объединение за мир и дружбу с Советским Союзом», которое во взаимодействии с радиостанцией «Петроской» стремилось разложить эту страну и работало в крайне враждебном по отношению к Германии духе.

Во ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ и ГОЛЛАНДИИ население натравливали на германские оккупационные власти. Такая же травля, только с национальной и панславистской окраской, велась и в ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ. Едва германские и итальянские войска заняли ГРЕЦИЮ, как пропаганда Советской России и здесь принялась за работу. Общая картина свидетельствует о систематически проводимой во всех странах кампании СССР против попыток Германии установить стабильный порядок в Европе. Наряду с этим против усилий германской политики проводится прямая контрпропаганда, которая пытается выдать эти усилия за антирусские и перетянуть различные страны на сторону Советской России, настроив их против Германии, В БОЛГАРИИ велась агитация против вступления в Тройственный пакт и за гарантийный договор с Россией. В Румынии 23 января 1941 года была устроена попытка путча, за которым стояли большевистские агенты Москвы, путем внедрения в Железную гвардию и подстрекательства ее руководства, в частности, румына Гроза. У правительства рейха имеются соответствующие неопровержимые доказательства.

Что касается ЮГОСЛАВИИ, то правительство рейха располагает документами, свидетельствующими о том, что югославский посланец Георгевич уже в мае 1940 года после беседы с господином Молотовым пришел к выводу, что там Германию считают «грозным врагом завтрашнего дня». Еще более однозначным было отношение Советской России к изложенным сербскими военными просьбам о поставке оружия. В ноябре 1940 года начальник генерального штаба Советской России заявил югославскому военному атташе: «Мы дадим все необходимое и немедленно». Право установления цен и порядка оплаты предоставлялось белградскому правительству, и ставилось только одно условие: ДЕРЖАТЬ В ТАЙНЕ ОТ ГЕРМАНИИ. Позднее, когда правительство Цветковича сблизилось с государствами оси, в Москве начали затягивать поставки оружия; об этом было коротко и ясно заявлено в военном министерстве Советской России югославскому военному атташе. Организация белградского путча 27 марта этого года была кульминационным моментом этой подпольной деятельности сербских заговорщиков и англо-русских агентов против рейха. Сербский организатор этого путча и руководитель «Черной руки» господин Зимич до сих пор находится в Москве и в тесном контакте с органами пропаганды Советской России и сейчас развертывает там активную деятельность против рейха,

Вышеуказанные факты являются лишь небольшой частью неслыханной широкомасштабной пропагандистской деятельности СССР в Европе против Германии. Правительство рейха решило опубликовать имеющиеся в его распоряжении обширные материалы, чтобы представить на суд мировой общественности общую картину деятельности служб Советской России в этом направлении после заключения германо-русских договоров. В целом правительство рейха вынуждено констатировать [следующее]:

При заключении договоров с Германией Советское правительство неоднократно и недвусмысленно заявляло, что оно не намерено прямо или косвенно вмешиваться в дела Германии. При заключении договора о дружбе оно торжественно заявляло, что будет сотрудничать с Германией, чтобы в соответствии с подлинными интересами всех народов как можно быстрее положить конец войне между Германией с одной и Англией и Францией с другой стороны. В свете вышеуказанных фактов, особенно проявившихся в дальнейшем ходе войны, соглашения и заявления Советской России ОКАЗАЛИСЬ УМЫШЛЕННЫМ ОБМАНОМ. Даже все преимущества, достигнутые лишь благодаря дружественной позиции Германии, не смогли побудить Советское правительство к лояльному отношению к Германии.

Более того, правительство рейха пришло к убеждению, что тезис ЛЕНИНА, еще раз четко изложенный в «Директиве Коммунистической партии Словакии» от октября 1939 года, согласно которому «возможно заключение договоров с другими странами, если они служат интересам Советского правительства и обезвреживанию противника», использовался и при заключении договоров 1939 года. Таким образом, заключение договоров о дружбе было для Советского правительства лишь тактическим маневром. Единственной целью для России было заключение выгодных ей соглашений и одновременно создание предпосылок для дальнейшего усиления влияния Советского Союза. Главной идеей было ослабление небольшевистских государств, с тем чтобы легче было их разложить и в подходящий момент разгромить. Это было с жесткой ясностью отражено в русском документе, найденном после оккупации в советской миссии в Белграде, в котором говорится: «СССР отреагирует лишь в подходящий момент. Государства оси еще больше распылили свои вооруженные силы, и поэтому СССР внезапно нанесет удар по Германии».

III.

Если пропагандистская подрывная деятельность Советского Союза в Германии и *в* Европе вообще не оставляет никакого сомнения в его позиции по отношению к Германии, то ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Советского правительства после заключения германо-русских договоров носит еще ярче выраженный характер. В Москве во время разграничения сфер влияния правительство Советской России заявило министру иностранных дел рейха, что оно не намеревается занимать, большевизировать или аннексировать входящие в сферу его влияния государства за исключением находящихся в состоянии разложения областей бывшего польского государства. В действительности же, как показал ход событий, политика Советского Союза направлена исключительно на одно, а именно: В ПРОСТРАНСТВЕ ОТ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ДО ЧЕРНОГО МОРЯ ВЕЗДЕ, ГДЕ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНО, ВЫДВИНУТЬ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКВЫ НА ЗАПАД И РАСПРОСТРАНИТЬ БОЛЬШЕВИЗАЦИЮ ДАЛЬШЕ В ГЛУБЬ ЕВРОПЫ.

Развитие этой политики характеризуется следующими этапами:

1. Началом развития этой политики явилось заключение так называемых договоров о взаимопомощи с ЭСТОНИЕЙ, ЛАТВИЕЙ и ЛИТВОЙ в октябре и ноябре 1939 года и возведение военных баз в этих странах.

2. Следующий ход Советской России был сделан по отношению к ФИНЛЯНДИИ. Когда требования Советской России, принятие которых грозило бы потерей суверенитета свободному финскому государству, были отклонены финским правительством, Советское правительство распорядилось о создании коммунистического псевдоправительства Куусинена. И когда финский народ отказался от этого правительства, Финляндии был предъявлен ультиматум, и в ноябре 1939 года Красная Армия вошла на территорию Финляндии. В результате заключенного в марте финско-русского мира Финляндия вынуждена была уступить часть своих юго-восточных провинций, которые сразу подверглись большевизации.

3. Спустя несколько месяцев, а именно а июле 1940 года, Советский Союз начал принимать меры против ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ. Согласно первому Московскому договору Литва относилась к сфере германских интересов. В интересах сохранения мира, хотя и скрепя сердце правительство рейха во втором договоре по просьбе Советского Союза отказалось от большей части территории этой страны, оставив часть ее в сфере интересов Германии. После предъявления ультиматума от 15 июня Советский Союз, не уведомив об этом правительство рейха, занял всю Литву, т. е. и находившуюся в сфере влияния Германии часть Литвы, подойдя таким образом непосредственно к границе Восточной Пруссии. Позднее последовало обращение к Германии по этому вопросу, и после трудных переговоров, пойдя еще на одну дружественную уступку, правительство рейха отдало Советскому Союзу и эту часть Литвы. Затем таким же способом, в нарушение заключенных с этими государствами договоров о помощи, были оккупированы Латвия и Эстония. Таким образом, вся Прибалтика вопреки категорическим заверениям Москвы была большевизирована и спустя несколько недель после оккупации сразу аннексирована. Одновременно с аннексией последовало сосредоточение первых крупных сил Красной Армии во всем северном секторе плацдарма Советской России против Европы.

Между прочим, Советское правительство в одностороннем порядке расторгло экономические соглашения Германии с этими государствами, хотя по Московским договоренностям этим соглашениям не должен был бы наноситься ущерб.

4. По вопросу о разграничении сфер влияния на территории бывшего Польского государства Московскими договорами было ясно согласовано, что о границах сфер влияния не будет вестись никакая политическая агитация, а деятельность обеих оккупационных властей ограничится исключительно лишь вопросами мирного строительства на этих территориях. У правительства рейха имеются неопровержимые доказательства того, что, несмотря на эти соглашения, Советский Союз сразу же после занятия этой территории не только разрешил антигерманскую агитацию в польском генерал-губернаторстве, но и одновременно поддержал ее большевистской пропагандой в губернаторстве. Сразу же после оккупации и на эти территории были переброшены крупные русские гарнизоны.

5. В то время как германская армия на Западе вела боевые действия против Франции и Англии, последовал удар Советского Союза на БАЛКАНАХ. Тогда как на московских переговорах Советское правительство заявило, что никогда в одностороннем порядке не будет решать бессарабский вопрос, правительство рейха 24 июня 1940 года получило сообщение Советского правительства о том, что оно полно решимости силой решить бессарабский вопрос. Одновременно сообщалось, что советские притязания распространяются и на Буковину, то есть на территорию, которая была старой австрийской коронной землей, никогда России не принадлежала, и о которой в свое время в Москве вообще не говорилось. Германский посол в Москве заявил Советскому правительству, что его решение является для правительства рейха совершенно неожиданным и сильно ущемляет германские экономические интересы в Румынии, а также приведет к нарушению жизни крупной местной немецкой колонии и нанесет ущерб немецкой нации в Буковине. На это господин Молотов ответил, что дело исключительной срочности и что Советский Союз в течение 24 часов ожидает ответ правительства рейха. И на этот раз [правительство Германии] во имя сохранения мира и дружбы с Советским Союзом решило вопрос в его пользу. Оно посоветовало румынскому правительству, обратившемуся за помощью к Германии, пойти на уступку и рекомендовало ему отдать Советской России Бессарабию и Северную Буковину. Наряду с положительным ответом румынского правительства Германия передала Советскому правительству просьбу румынского правительства о предоставлении ему времени для эвакуации населения с этих больших территорий и для обеспечения жизни и сохранности имущества местных жителей. Однако Советское правительство снова предъявило Румынии ультиматум и еще до истечения его срока — 28 июня начало оккупацию части Буковины, а затем и всей Бессарабии до Дуная. И эти территории были тотчас аннексированы Советским Союзом, большевизированы и этим самым фактически разорены.

Оккупация и большевизация Советским правительством территории Восточной Европы и Балкан, переданных Советскому Союзу правительством рейха в Москве в качестве сферы влияния, полностью ПРОТИВОРЕЧАТ МОСКОВСКИМ ДОГОВОРЕННОСТЯМ. Несмотря на это, правительство рейха даже тогда заняло по отношению к СССР более чем лояльную позицию. Оно проявило полный нейтралитет в финской войне и прибалтийском вопросе, поддержало позицию Советского правительства по отношению к румынскому правительству и смирилось, хотя и скрепя сердце, с реалиями, сложившимися в результате действий Советского правительства. Кроме того, чтобы с самого начала исключить возможность разногласия между обоими государствами, оно предприняло широкую акцию по переселению в Германию всех немцев с занятых СССР территорий. Правительство рейха считает, что вряд ли можно было представить более веское доказательство своего желания к длительному примирению с СССР.

IV.

Экспансия России на Балканах вызвала территориальные проблемы в этом районе. Летом 1940 года Румыния и Венгрия обратились к Германии с целью урегулирования их спорных территориальных вопросов, после того как в конце августа из-за этих разногласий, разжигаемых английскими агентами, возник острый кризис.

Румыния и Венгрия находились на грани войны между собой. Германия, которую Венгрия и Румыния неоднократно просили о посредничестве в их споре с целью сохранения мира на Балканах, совместно с Италией пригласила оба

государства на конференцию в Вену, и по их просьбе 30 августа 1940 года состоялось решение Венского арбитража. В результате этого была установлена новая венгерско-румынская граница, а Германия и Италия, стремясь помочь румынскому правительству разъяснить своему народу причины понесенных им территориальных жертв и исключить в будущем любые столкновения в этом районе, приняли на себя обязательства ГАРАНТОВ румынского государства в теперешних его границах. Так как русские претензии в этом районе были удовлетворены, эти гарантии никак не могли быть направлены против России. Несмотря на это, Советский Союз обжаловал это решение и вопреки своим прежним заявлениям о том, что с присоединением Бессарабии и Северной Буковины его претензии на Балканах удовлетворены, заявил о своих дальнейших интересах на Балканах, не определив их пока конкретно.

С этого момента все четче вырисовывается направленная против Германии политика Советской России. Правительство рейха получает теперь все более конкретные сообщения о том, что переговоры английского посла Криппса в Москве, тянущиеся уже очень долго, развиваются в благоприятной атмосфере. Одновременно правительство рейха овладело документами, свидетельствующими об интенсивных военных приготовлениях Советского Союза во всех областях. Эти документы подтверждаются и найденным недавно в Белграде отчетом югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 года, в котором, между прочим, дословно говорится: «По данным, полученным из советских кругов, полным ходом идет перевооружение ВВС, танковых войск и артиллерии с учетом опыта современной войны, которое в основном будет закончено К АВГУСТУ 1941 ГОДА. ЭТОТ СРОК, ОЧЕВИДНО, ЯВЛЯЕТСЯ И КРАЙНИМ (ВРЕМЕННЫМ) ПУНКТОМ, ДО КОТОРОГО НЕ СЛЕДУЕТ ОЖИДАТЬ ОЩУТИМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ».

Несмотря на недружественную позицию Советского Союза в балканском вопросе, Германия прилагает новые усилия к улучшению взаимопонимания с СССР, и министр иностранных дел рейха в письме к господину Сталину дает широкое изложение политики правительства рейха после московских переговоров. В письме особенно подчеркивается следующее: при заключении Тройственного пакта Германия, Италия и Япония единодушно исходили из того, что этот пакт никоим образом не направлен против Советского Союза, а дружественные отношения трех государств и их договоры с СССР вообще не должны затрагиваться этим соглашением. В Тройственном пакте, подписанном в Берлине, это зафиксировано и документально. Одновременно в письме выражается желание и надежда государств Тройственного пакта на дальнейшее улучшение дружественных отношений с Советским Союзом и придание им конкретной формы. С целью дальнейшего обсуждения этих вопросов министр иностранных дел рейха приглашает господина Молотова в Берлин.

Во время визита господина Молотова в Берлин правительство рейха вынуждено было установить, что Россия готова к действительно дружественному сотрудничеству с государствами Тройственного пакта, и в особенности с Германией, лишь в том случае, если она готова выполнить поставленные Советским Союзом условия. Эти условия заключаются в дальнейшем проникновении Советского Союза на Север и Юго-Восток Европы. В Берлине и на последующих дипломатических переговорах с германским послом в Москве господин Молотов выдвинул следующие требования:

1. Советский Союз хочет предоставить Болгарии гарантии и в добавление к этому заключить с этим государством договор о взаимопомощи по образцу договоров о взаимопомощи в Прибалтике, т. е. с военными базами, в то время как господин Молотов заявляет, что это не коснется внутреннего режима Болгарии. С этой целью русский комиссар Соболев посетил в это время Софию.

2. Советский Союз требует заключения договора с Турцией с целью создания базы для сухопутных и военно-морских сил на Босфоре и Дарданеллах на основе долгосрочной аренды. В случае если Турция не согласится с этим, Германия и Италия должны присоединиться к русским дипломатическим мероприятиям по принуждению ее к выполнению этих требований. Эти требования сводятся к господству СССР на Балканах.

3. Советский Союз заявляет, что он вновь ощущает угрозу со стороны Финляндии и поэтому требует полного отказа Германии от Финляндии, что практически означает оккупацию этого государства и истребление финского народа.

Естественно, Германия не могла принять эти русские требования, выполнение которых Советское правительство считало предварительным условием присоединения к государствам Тройственного пакта. Этим самым усилия государств Тройственного пакта по достижению взаимопонимания с Советским Союзом потерпели фиаско. В результате этой германской позиции Россия усилила уже более открыто направленную против Германии политику, а ее все более тесное сотрудничество с Англией становилось очевидным. В январе 1941 года эта отрицательная русская позиция впервые проявилась и в дипломатической сфере. Когда в этом месяце Германия предприняла в Болгарии определенные контрмеры против высадки британских войск в Греции, русский посол в Берлине в официальном демарше указал на то, что СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЧИТАЕТ ТЕРРИТОРИЮ БОЛГАРИИ И ЗОНУ ОБОИХ ПРОЛИВОВ ЗОНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР И ЧТО ОН НЕ МОЖЕТ РАВНОДУШНО ОТНОСИТЬСЯ К СОБЫТИЯМ В ЭТИХ РАЙОНАХ, УГРОЖАЮЩИМ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ. ПОЭТОМУ СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ОТ ПОЯВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРИИ И В ЗОНЕ ОБОИХ ПРОЛИВОВ.

В ответ на это правительство рейха дало Советскому правительству исчерпывающие разъяснения причин и целей военных мер Германии на Балканах. Оно указало на то, что Германия всеми силами и средствами будет препятствовать закреплению Англии в Греции, но она не намеревается занимать проливы, а будет уважать суверенитет Турции. Проход германских войск через территорию Болгарии не может считаться ущемлением интересов безопасности Советского Союза, правительство рейха, напротив, полагает, что эти операции служат и советским интересам. После проведения операций на Балканах Германия выведет оттуда свои войска.

Несмотря на это заявление правительства рейха, Советское правительство в свою очередь сразу же после ввода германских войск опубликовало в адрес Болгарии заявление ЯВНО ВРАЖДЕБНОГО АНТИГЕРМАНСКОГО ХАРАКТЕРА, смысл которого сводился к тому, что присутствие германских войск в Болгарии служит не делу мира на Балканах, а интересам войны. Объяснение этой позиции дали правительству рейха участившиеся к этому времени сообщения о все более тесном сотрудничестве между Советской Россией и Англией. Несмотря на это, Германия и на этот раз не отреагировала. К этой же категории относится и обещанное в марте 1941 года Советским Союзом Турции прикрытие с тыла в случае, если она вступит в войну на Балканах. Это было, как стало известно правительству рейха, результатом англо-русских переговоров во время визита Британского министра иностранных дел в Анкару, усилия которого были направлены на то, чтобы таким путем глубже втянуть Россию в английскую игру.

V.

С возникновением Балканского кризиса в начале апреля этого года усиливающаяся с этого времени агрессивная политика Советского правительства по отношению к германскому рейху и до сих пор в некоторой степени завуалированное сотрудничество между Советским Союзом и Англией становятся очевидными всему миру. Сегодня однозначно установлено, что путч, затеянный в Белграде после присоединения Югославии к Тройственному пакту, был устроен Англией

с согласия Советской России. Уже давно, а именно с 14 ноября 1940 года, Россия тайно вооружала Югославию против государств оси. Бесспорным доказательством этому являются документы, попавшие в руки правительства рейха после занятия Белграда, которые раскрывают каждую фазу этих русских поставок оружия Югославии. После удавшегося путча РОССИЯ 5 АПРЕЛЯ ЗАКЛЮЧАЕТ С НЕЗАКОННЫМ СЕРБСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СИМОВИЧА ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ПАКТ, который должен был укрепить позиции путчистов и помочь своим весом сплочению совместного англо-югославо-греческого фронта. 6 апреля 1941 года помощник американского госсекретаря господин САМНЕР УЭЛС, неоднократно встречавшийся до этого с советским послом в Вашингтоне, с явным удовлетворением констатирует в связи с этим: «ПРИ ИЗВЕСТНЫХ УСЛОВИЯХ РУССКО-ЮГОСЛАВСКИЙ ПАКТ МОЖЕТ ИМЕТЬ ОГРОМНОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ОН ЗАТРАГИВАЕТ МНОГОСТОРОННИЕ ИНТЕРЕСЫ, И ИМЕЮТСЯ ОСНОВАНИЯ ПОЛАГАТЬ, ЧТО ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ТОЛЬКО ЛИШЬ ПАКТ О ДРУЖБЕ И НЕНАПАДЕНИИ».

Итак, в то время, когда германские войска были сосредоточены на территории Румынии и Болгарии против массированной высадки английских войск в Греции, Советский Союз, теперь уже в явном сговоре с Англией, пытается нанести Германии удар в спину, а именно:

1) открыто поддерживает Югославию, политически и тайно оказывает ей военную помощь;

2) заверяя Турцию в поддержке, пытается побудить ее к занятию агрессивной позиции по отношению к Болгарии и Германии и к вводу турецких войск во Фракию в весьма неблагоприятной военной обстановке;

3) сам сконцентрировал крупные военные силы на румынской границе, в Бессарабии и у Молдовы;

4) внезапно в начале апреля заместитель народного комиссара иностранных дел Вышинский в беседах с румынским посланником Гафеску в Москве предпринимает попытку начать политику быстрого сближения с Румынией с целью побудить ее к отходу от Германии. Английская дипломатия при посредничестве американцев в Бухаресте предпринимает усилия в этом же направлении.

Согласно англо-русскому плану по германским войскам в Румынии и Болгарии планировалось нанесение удара с трех сторон, а именно: из Бессарабии, Фракии и Сербии—Греции. Лишь благодаря лояльности генерала Антонеску, реалистической позиции турецкого правительства и прежде всего оперативному вмешательству Германии и решающим победам германской армии этот англо-русский план был сорван. Как стало известно правительству рейха из сообщений, почти 200 югославских самолетов с советскими и английскими агентами, а также с сербскими путчистами под руководством господина Зимича частично отправлены в Россию, где эти офицеры служат сегодня в русской армии, а частично — в Египте. Уже один этот факт представляет в особом свете тесное сотрудничество Англии и России с Югославией.

Советское правительство напрасно пыталось всячески замаскировать истинные цели своей политики. Советское правительство, поддерживая в последнее время экономические сношения с Германией и предприняв ряд отдельных мер, хотело продемонстрировать всему миру якобы нормальные или даже дружественные отношения с Германией. Сюда следует отнести высылку им несколько недель тому назад норвежского, бельгийского, греческого и югославского посланников, обход молчанием британской прессой германо-русских отношений, организованный британским послом Криппсом по согласованию с Советским правительством, и, наконец, опубликованное недавно опровержение ТАСС, изображавшее отношения между Германией и Советской Россией вполне корректными. Эти отвлекающие маневры, находящиеся в вопиющем противоречии с действительной политикой Советского правительства, не смогли ввести в заблуждение правительство рейха.

Враждебная по отношению к Германии политика Советского правительства в военной области сопровождалась ПОСТОЯННО УСИЛИВАЮЩЕЙСЯ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ ВСЕХ РАСПОЛАГАЕМЫХ РОССИЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО ЧЕРНОГО МОРЯ. Уже в то время, когда Германия основное внимание уделяла французской кампании на Западе и когда на Востоке находилось лишь незначительное количество германских войск, русское верховное командование начало систематическую переброску крупных контингентов войск к восточной границе рейха, причем сосредоточение основных сил было установлено у границ Восточной Пруссии и генерал-губернаторства, а также на границе с Румынией в Бессарабии и Буковине. Постоянно усиливались и русские гарнизоны на границе с Финляндией. Дальнейшими мероприятиями в этом направлении была переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа на территорию европейской части России. После того как советское правительство в свое время заявило, что, к примеру, в Прибалтику оно введет лишь небольшое количество войск, только в этом районе после его оккупации оно постоянно увеличивало там концентрацию своих войск, насчитывающих сегодня 22 дивизии. Этим самым складывается впечатление, что русские войска все ближе подходили к германской границе, хотя с германской стороны не предпринимались никакие военные меры, которыми можно было бы мотивировать такие действия русских. И лишь эти действия русских вынудили германские вооруженные сипы к принятию контрмер. Кроме этого, отдельные части русских сухопутных сил и ВВС выдвинулись вперед, а на аэродромах вдоль германской границы сконцентрированы крупные части ВВС. Следует также отметить неоднократные нарушения в начале апреля границы и участившиеся случаи пролета русских самолетов над территорией германского рейха. По сообщениям румынского правительства такие же случаи имели место и в румынских приграничных районах Буковины, Молдовы и Дуная.

Верховное главнокомандование вермахта с начала года неоднократно указывало внешнеполитическому руководству рейха на возрастающую угрозу территории рейха со стороны русской армии и при этом подчеркивало, что причиной этого стратегического сосредоточения и развертывания войск могут быть только агрессивные планы. Эти сообщения Верховного главнокомандования вермахта со всеми подробностями будут доведены до общественности.

Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то они были полностью развеяны сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий.

Результаты наблюдения за последние дни свидетельствуют о том, что созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых соединений, позволяет Верховному Главнокомандованию России в любое время начать агрессию на различных участках германской границы. Донесения об усилившейся разведывательной деятельности, а также ежедневные сообщения о происшествиях на границе и стычках между сторожевыми охранениями обеих армий дополняют картину крайне напряженной, взрывоопасной военной обстановки. Поступающая из Англии информация о переговорах английского посла Криппса с целью дальнейшего укрепления сотрудничества между политическим и военным руководством Англии и Советской России, а также воззвание бывшего всегда врагом Советов лорда Бивербрука о всемерной поддержке России в будущей борьбе и призыв к Соединенным Штатам сделать то же самое неопровержимо свидетельствует о том, какую судьбу уготовили немецкому народу.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ИЗЛОЖЕННЫХ ФАКТАХ ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕЙХА ВЫНУЖДЕНО ЗАЯВИТЬ:

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВОПРЕКИ СВОИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ И В ЯВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ СО СВОИМИ ТОРЖЕСТВЕННЫМИ ЗАЯВЛЕНИЯМИ ДЕЙСТВОВАЛО ПРОТИВ ГЕРМАНИИ, А ИМЕННО:

1. ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ПРОТИВ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЫ БЫЛА НЕ ПРОСТО ПРОДОЛЖЕНА, А С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ ЕЩЕ И УСИЛЕНА.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТАНОВИЛАСЬ ВСЕ БОЛЕЕ ВРАЖДЕБНОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГЕРМАНИИ.

3. ВСЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ БЫЛИ СОСРЕДОТОЧЕНЫ И РАЗВЕРНУТЫ В ГОТОВНОСТИ К НАПАДЕНИЮ.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДАЛО И НАРУШИЛО ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ. НЕНАВИСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЫ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМУ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗУМА. БОЛЬШЕВИЗМ — СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОСКВА ГОТОВА НАНЕСТИ УДАР В СПИНУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ, ВЕДУЩЕЙ БОРЬБУ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ НЕ МОЖЕТ БЕЗУЧАСТНО ОТНОСИТЬСЯ К СЕРЬЕЗНОЙ УГРОЗЕ НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ. ПОЭТОМУ ФЮРЕР ОТДАЛ ПРИКАЗ ГЕРМАНСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ОТВЕСТИ ЭТУ УГРОЗУ. НЕМЕЦКИЙ НАРОД ОСОЗНАЕТ, ЧТО В ПРЕДСТОЯЩЕЙ БОРЬБЕ ОН ПРИЗВАН НЕ ТОЛЬКО ЗАЩИТИТЬ РОДИНУ, НО И СПАСТИ МИРОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ ОТ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА И РАСЧИСТИТЬ ДОРОГУ К ПОДЛИННОМУ РАСЦВЕТУ В ЕВРОПЕ.

Берлин 21 июня 1941 года.

НАСТУПЛЕНИЕ БАТАЛЬОНА В ПУСТЫНЕ

ПУСТЫНИ —это крайне засушливая часть земного шара. Они занимают в общей сложности 15—20 млн. кв. км площади суши и характеризуются суровыми климатическими условиями с резкими годовыми (до 90°С) и суточными (до 40°С) колебаниями температуры, большой сухостью воздуха при остром дефиците воды, слабо пересеченным равнинным рельефом, почти полным отсутствием растительности и ярко выраженных ориентиров, сильными ветрами, вызывающими песчаные бури, наличием труднопроходимых песчаных, каменистых, глинистых участков и солончаков; далеко расположенными друг от друга оазисами, обжитыми районами и слабо развитой сетью дорог; малым количеством топлива, строительных материалов и других местных ресурсов, а также неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановкой.

НЕ ТОЛЬКО исторический опыт, но и практика боевой подготовки войск показывает, что влияние физико-географических условий пустыни на подготовку и ведение наступления батальоном неоднозначно. Открытая равнинная местность имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, она открывает возможности для быстрого передвижения и широкого маневра, но затрудняет достижение скрытности и внезапности. Ее равнинный рельеф благоприятствует своевременному обнаружению авиации противника и поражению ее на предельных дальностях стрельбы зенитных средств, повышая тем самым их эффективность по прикрытию подразделений от ударов с воздуха. Вместе с тем авиация противника, действующая на всех (в том числе и предельно малых) высотах, может быстрее обнаружить подразделения ПВО и прикрываемые ими объекты.

Мы не будем в настоящей статье рассматривать особенности подготовки наступления в пустыне, это тема отдельного разговора. Хотелось бы только отметить, что специфические условия пустынь требуют от командира и штаба батальона проведения целого комплекса дополнительных мероприятий, направленных на сохранение высокой боеспособности личного состава.

Наступление батальона на обороняющегося противника в пустыне осуществляется, как правило, с ходу на более широком, чем обычно, фронте, по одному из наиболее доступных направлений. Условия местности и характер обороны противника дают широкую возможность для применения охватов и обходов открытых флангов и нанесения ударов с тыла. Это подтверждает и опыт минувших войн. Так, например, в Маньчжурской операции (август 1945 г.) подразделения 662-го стрелкового полка 124-й стрелковой дивизии 39-й армии, действуя на солуньском направлении, смело обходили опорные пункты японцев и наносили удары там, где их не ожидали. Застигнутые врасплох гарнизоны опорных пунктов не смогли оказать должного сопротивления и были уничтожены. Наши войска захватили все вооружение, боеприпасы и продовольствие, а сами понесли незначительные потери (Людников И. И. Через Большой Хинган. — М.: Воениздат, 1967. — С. 75).

Способ перехода в наступление с ходу с выдвижением из исходного района не только позволяет достичь внезапности действий, но и в наибольшей степени обеспечивает скрытность подготовки к наступлению, а главное — наименьшую уязвимость от ударов авиации и артиллерии противника, что особенно важно при действиях на открытой равнинной местности.

Западные военные специалисты считают, что из-за ограниченности условий маскировки в пустыне движение и развертывание батальона надлежит совершать в высоком темпе. При этом дистанции между машинами в колонне должны быть увеличены, так как поднимаемая ими пыль и песок затрудняют наблюдение и ориентирование.

Однако на местности с преобладанием сыпучих песков, барханов и солончаков низкие скорости движения техники не всегда позволят батальону своевременно и организованно выдвинуться из исходного района на рубеж перехода в атаку. Как показал опыт учений, на выдвижение затрачивалось времени в 1,5—2 раза больше, чем в обычных условиях. Воспользовавшись этим, противник может нанести ряд последовательных огневых ударов по выдвигающемуся батальону и сорвать его организованный переход в атаку. Поэтому, чтобы снизить степень огневого воздействия противника, необходимо либо приблизить исходный район для наступления к рубежу перехода в атаку (если проведенные мероприятия по маскировке и защитные свойства местности позволяют это сделать), либо начинать огневое поражение переднего края с началом выдвижения батальона из исходного района, занимаемого на большей, чем обычно, глубине и в стороне от направления наступления.

Так как в пустыне движение колонн и даже одиночных машин легко обнаруживается по образовавшемуся облаку пыли с наземных наблюдательных пунктов, расположенных на расстоянии до 30 км, а пыль при безветрии долго не рассеивается, то для введения противника в заблуждение можно использовать эту особенность. В ряде случаев предлагается на ложное направление выделить несколько единиц техники со специальным оборудованием для пылеобразования, чтобы создать впечатление о выдвижении большой колонны.

Возможен и другой вариант. Чтобы пыль, поднятая техникой, могла служить своеобразной маскирующей завесой, целесообразно при благоприятных погодных условиях проводить выдвижение батальона мелкими колоннами и по большому количеству маршрутов. Поднятая техникой пылевая завеса дает возможность скрыть элементы боевого порядка выдвигающегося батальона, снизить потери в живой силе и технике от огневых ударов при выдвижении на рубеж перехода в атаку и сократить продолжительность огневой подготовки. Однако в этом случае нужно обязательно указывать каждой колонне азимут и временные показатели движения, иначе блуждание подразделений в пыли будет неизбежным, и в том, и в другом случае подавление огнем и ослепление дымами командных и наблюдательных пунктов противника обязательны. Не исключается и сочетание указанных вариантов.

На направлении, где подразделения осуществляют обход или охват противника, в период огневой подготовки в первую очередь подавляются опорные пункты, расположенные на открытых флангах. Продолжительность огневой подготовки в этом случае должна обеспечить выход обходящих подразделений на рубежи атаки.

Определенную трудность представляет проделывание проходов в минно-взрывных заграждениях противника. Особенно усложняется эта задача на участках сыпучих песков, где мины могут быть занесены песком, при этом на всхолмленной местности применять минные тралы или удлиненные заряды практически невозможно.

В этих случаях проходы в минных полях проделываются вручную, а обнаруженные мины уничтожаются на месте накладными зарядами или стаскиваются за границы прохода «кошками».

Зарубежные военные специалисты утверждают, что начинать атаку переднего края целесообразно под прикрытием

огневой подготовки с выдвижения подразделений батальона и последовательного развертывания их на рубежах. При этом атака должна проводиться стремительно в высоком темпе и осуществляться в бронированном боевом порядке, так как малейшая задержка и нерасторопность наступающих на открытой местности могут привести к большим потерям и даже к срыву атаки. Это утверждение правомерно при условии надежного подавления противотанковых средств противника. Так, опыт боевых действий в пустынях Синайского полуострова показал, что «**при ведении наступательных операций обеими сторонами основная роль отводилась танковым соединениям, составлявшим главную ударную силу группировок сухопутных войск... Танки наступали массированно в первых эшелонах боевых порядков, нередко без поддержки пехотных подразделений. Именно поэтому воюющие стороны несли большие потери в технике**» (Военная мысль. — 1974. — № 3. — С. 83) (выделено мной. — Е. Л.).

Анализ учений показывает, что наибольшего успеха батальон достигает, нанося удар частью сил с фронта и стремительным выходом на фланги и в тыл противнику. Это позволяет ввести противника в заблуждение, отвлечь его силы с направления сосредоточения основных усилий.

Глубокие охваты и обходы открытых флангов врага приводят к наибольшему успеху, но, к сожалению, такой маневр не всегда можно применять из-за того, что отдельные участки местности труднопреодолимы. В случае невозможности применения такого маневра наступающий батальон будет вынужден прорывать оборону противника с фронта. В этих условиях целесообразно, чтобы мотострелковые роты при прорыве обороны атаковали в пешем порядке вслед за танками, а БМП, заняв огневые позиции, вели огонь в промежутки между подразделениями по живой силе и огневым средствам противника, находящимся на переднем крае обороны. В отличие от обычных условий в пустыне мотострелки при первой же возможности должны использовать БМП или бронетранспортеры для быстрого продвижения в глубь обороны противника.

Прорвав оборону, подразделения действуют, как правило, на боевых машинах. Наступательный бой в глубине обороны принимает высокоманевренный характер и ведется по направлениям, иногда значительно удаленным друг от друга.

После ликвидации противника в одном опорном пункте мотострелковые подразделения обычно свертываются в колонны и в предбоевые порядки, обходят сильно укрепленные очаги сопротивления и, атакуя частью сил обороняющегося в них врага во фланг и тыл, уничтожают его. При этом умело сочетаются действия подразделений в пешем порядке и на боевых машинах.

Основная задача наступающих подразделений — не допустить отхода противника в оазис или на новый рубеж, окружить и уничтожить его в пустыне.

В ходе наступления приданная батальону артиллерия частично может переподчиняться ротам. Открытые фланги наступающих подразделений обеспечиваются ведением разведки и усилением наблюдения на угрожаемых направлениях, а также продвижением резерва батальона ближе к угрожаемому флангу.

В успешном развитии наступления и выполнении батальоном боевой задачи важную роль играет хорошо организованная разведка. Она дает возможность командиру батальона своевременно принять решение, наиболее отвечающее сложившейся обстановке.

Темп наступления батальона в пустыне крайне неравномерен. Об этом свидетельствует опыт учений и боевые действия в ходе арабо-израильской войны. Так, в военных действиях на Ближнем Востоке, как отмечают зарубежные военные обозреватели, наступление обычно планировалось «со среднесуточным темпом в 20—25 км, но реально он был значительно ниже 10—15 км в сутки...

Наибольшего оперативно-тактического успеха достигали те соединения и части, которые действовали решительно, нешаблонно, широко применяли маневр силами и средствами и избегали фронтальных атак. В ходе наступления той и другой стороной часто засылались в тыл диверсионные отряды и группы с целью дезорганизации управления и срыва материально-технического обеспечения» (Там же. — С. 83—84).

Разумеется, маневр — дело непростое, и, чтобы проводить его, необходимо помимо всего прочего хорошо знать местность, умело пользоваться картой, постоянно поддерживать связь со старшим командиром. В противном случае маневр может не достигнуть своей цели.

Общевойсковой резерв в ходе наступления перемещается более рассредоточенно по фронту и в глубину, что уменьшает вероятность его обнаружения и поражения. Ввод в бой общевойскового резерва проводится так же, как и в обычных условиях.

При развитии наступления в глубину после выполнения батальоном боевой задачи в случае необходимости от него может дополнительно высылаться новый обходящий отряд.

Наступление батальона в пустыне отличается сложностью и своеобразием. Это требует применения соответствующих способов подготовки и ведения боя, а также специальных мероприятий по обеспечению подразделений. Недооценка командиром батальона этих особенностей может привести к неполному или неудачному использованию боевых возможностей батальона и отрицательно сказаться на исходе боя. Для того, чтобы принять обоснованное решение и в короткие сроки организовать бой, он должен обладать всесторонними знаниями, в каждом отдельном случае детально, до мелочей изучить физико-географические условия района боевых действий.

Полковник Е. А. ЛЕБЕДЕВ, кандидат военных наук

Авиаполевые дивизии вермахта на советско-германском фронте в 1942 —1945 гг.

В военно-исторической литературе при описании боевых действий на советско-германском фронте в 1942—1945 гг. неоднократно встречается упоминание об авиаполевых дивизиях вермахта. Однако до сих пор нигде не рассматривалась в целом история их создания и боевого применения. В предлагаемой статье сделана попытка частично восполнить этот пробел.

Оговоримся, что не будут рассматриваться другие полевые части и соединения, созданные из личного состава ВВС Германии.

СОЗДАНИЕ авиаполевых дивизий непосредственным образом связано с разгромом немецко-фашистских войск в зимней кампании 1941/42 года. Огромные потери в личном составе сухопутных войск не покрывались текущим пополнением и переброской войск с Запада. Поэтому встал вопрос об изъятии людских ресурсов из других видов вооруженных сил, в том числе и ВВС.

К этому времени из-за больших потерь в воздушных боях сложилась некоторая диспропорция между численностью летного и наземного персонала ВВС (Zeitschrift fur Militargeschichte. - 1969. № 2. — S. 198).

«Лишний» личный состав, по мнению командования сухопутных войск, можно было передать в армейские части, где они смогли бы пройти необходимую общевойсковую подготовку. Однако руководство ВВС, отстаивая свои, так называемые особые интересы, пошло по пути создания отдельных авиаполевых дивизий, подчиненных сухопутным войскам только оперативно. При этом необходимо учитывать, что на Восточном фронте уже действовали некоторые полевые части ВВС. Речь идет о так называемых полевых батальонах люфтваффе, которые с осени 1941 года формировались для охраны аэродромов. Уже 20 декабря 1941 года несколько из них были брошены в бой на фронте группы армий «Центр»(Ibid. — S. 197). В начале января 1942 года ВВС получили приказ сформировать еще 20 таких батальонов, которые затем также были вовлечены в боевые действия. Часть батальонов, объединенных в авиаполевые полки, составили бригаду, а затем — дивизию «Мейндл» (этим соединением командовал генерал Мейндл), действовавшую в районе демянского выступа. В своем приказе от 30 октября 1943 года Геринг прямо указывает, что дивизия «Мейндл» послужила образцом для авиаполевых дивизий (Denzel E. Die Luftwaffenfelddivisionen 1942—1945. Sowie die Sonderverbande der Luftwaffe im Kriege 1939/45 — Nechargemund, 1963. — S. 32, 45).

Официально же формирование авиаполевых дивизий (апд) началось 17 сентября 1942 года, когда Геринг обратился к личному составу люфтваффе с призывом добровольно вступать в эти соединения (Ibid. — S. 8). Приказ не оставлял сомнений в побудительных мотивах акции. В нем говорилось: «Фюрер дал указания создать из личного состава люфтваффе боеспособные соединения, задачей которых будет участие в борьбе на Восточном фронте». Согласно этому приказу комплектование рядовым и офицерским составом производилось за счет наземных служб ВВС и зенитной артиллерии. Рядовые и унтер-офицеры имели, как правило, хорошую физическую и специальную подготовку, но не имели практических навыков общевойскового боя. То же можно сказать и об офицерах, за исключением небольшого числа, прибывшего из парашютно-десантных войск и зенитной артиллерии.

Численность личного состава и огневых средств апд приблизительно соответствовала возможностям пехотной дивизии двухполкового состава (при штатной организации). Однако реально дела обстояли значительно хуже. Первые восемь апд не имели первоначально полкового звена, а состояли из 4 полевых батальонов и артиллерийского дивизиона. В 1 и 2 апд к тому же не было органов тыла.

По существу, это были скорее бригады, чем дивизии. Правда, недостаток тяжелого вооружения в известной степени компенсировался наличием значительного количества зенитных орудий (по штату полагалось 12 — 88-мм и 39 — 20-мм зенитных пушек). На штатную организацию соединений сухопутных войск все авиаполевые дивизии были переведены летом 1943 года.

Всего была сформирована 21 авиаполевая дивизия. Большинство формировалось в учебных центрах Германии или оккупированных стран Европы. Исключение составили 15 апд, сформированная из личного состава 4-го воздушного флота непосредственно во фронтовом тылу, и 21 апд — этот номер получила дивизия «Мейндл», действовавшая в составе группы армий «Север».

На советско-германском фронте в боях участвовали 14 авиаполевых дивизий, из них на северо-западном участке фронта — шесть, на центральном — четыре, на южном — четыре (Ibid. — S. 25-32). Германское командование, реально оценивая боеспособность авиаполевых дивизий, направляло их на более или менее спокойные участки фронта, где они могли получить время на боевую подготовку и сколачивание подразделений. Поэтому большинство авиаполевых дивизий зимой 1942/43 года было направлено в группы армий «Север» и «Центр». Когда же советское наступление на юге вынудило бросить и туда только что сформированные дивизии, результат оказался плачевным: две (7-я и 8-я) из четырех авиаполевых дивизий были разгромлены и расформированы (Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1939—1945. — Т. III. — Война на два фронта: Пер. с нем. — М.: Воениздат, 1976. — С. 128).

После завершения зимней кампании 1942/43 года выяснилось, что наличные людские резервы ВВС не в состоянии обеспечить восполнение потерь существующих дивизий. Поэтому командование ВВС обратилось с предложением расформировать 5 авиаполевых дивизий, с тем чтобы за их счет довести численность остальных до 12 тыс. человек. Однако к этому времени руководство вермахта пришло к выводу о нецелесообразности сохранения обособленных авиаполевых соединений. Директивой ОКВ от 20 сентября 1943 года эти дивизии переданы в состав сухопутных войск, за исключением 6 тыс. специалистов и 10 тыс. солдат, направленных для формирования парашютно-десантных частей. Также не подлежали передаче офицеры летной и инженерно-авиационной службы. Зенитно-артиллерийские дивизионы остались в подчинении ВВС. Авиаполевые дивизии были переименованы в полевые дивизии люфтваффе(Zeitschrift fur Militargeschichte. - 1969. - № 2. - S. 206).

Командование сухопутных войск планировало повысить боеспособность полевых дивизий люфтваффе за счет направления в них офицеров, имеющих боевой опыт и достаточную подготовку. Однако к тому времени сухопутные войска вследствие понесенных потерь сами испытывали нехватку офицерских кадров и мало чем могли помочь. Кроме того, предполагалось унифицировать организацию полевых дивизий с обычной (3-полковой) пехотной дивизией. Перейти на новые штаты удалось только 4 соединениям, так как зимой 1944 года Советская Армия разгромила восемь других полевых дивизий люфтваффе (1, 2, 3, 5, 9, 10, 13 и 15-ю) (Мюллер-Гиллебранд Б. указ. соч. — С. 391 —393).

Пополненные личным составом разбитых дивизий (4, 6, 12 и частью 21-й) соединения люфтваффе стали иметь 3 егерских и 1 артиллерийский полк и другие части, соответствующие организации пехотной дивизии по штату 1944 года (Denzel E. Die Luftwaffenfelddivisionen 1942—1945. Sowie die Sonderverbande det Luftwaffe im Kriege 1939/45. — S. 5).

Летом 1944 года в Белоруссии были уничтожены 4-я и 6-я, а в Прибалтике разгромлена 12-я полевая дивизия люфтваффе. 21-я дивизия до 9 мая 1945 года находилась в курляндском «котле», где и капитулировала. Этому соединению выпала судьба начать и завершить бесславную историю авиаполевых дивизий Германии (Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. — С. 392).

По мнению западных военных историков, опыт применения авиаполевых дивизий на советско-германском фронте показал ошибочность самой концепции создания таких соединений. Сформированные из плохо обученного личного состава, они, как правило, не выдерживали сильного удара советских войск. Разгром в Невельской операции 2 апд в октябре 1943 года, после пребывания на относительно спокойном участке фронта, — яркий пример недостатков в боеспособности соединения (История Великой Отечественной войны Советского Союза. — Т. 3. — М.: Воениздат, 1961. — С. 373; Heikamper O. Witebsk Kampf und Untergang der 3. Panzerarmee.— Heidelberg, 1954. — S. 24).

Как считало гитлеровское командование сухопутных войск, усугублению положения способствовало подчинение авиаполевых соединений командованию воздушных флотов, что осложняло материально-техническое снабжение и пополнение личным составом, взаимодействие с соседними частями.

Передача авиаполевых дивизий в состав сухопутных войск, отмечают западные военные специалисты, была мерой явно запоздалой, принятой к тому же накануне большого советского наступления.

Таким образом, попытки усиления вермахта посредством создания авиаполевых дивизий для осуществления авантюрных завоевательных планов на советско-германском фронте потерпели крах.

Р. И. ЛАРИНЦЕВ

АФГАНИСТАН: КАК ПРИНИМАЛОСЬ РЕШЕНИЕ

Более двух лет прошло с того момента, когда последний советский солдат покинул землю Афганистана, но «афганская» тема не потеряла своей актуальности, не сходит со страниц советской и зарубежной печати.

В 1989 году руководство Министерства обороны СССР приняло решение обобщить опыт 40-й армии, выполнявшей интернациональный долг в Афганистане. Для этой работы в Генеральном штабе была создана группа во главе с генералом армии В. И. Варенниковым. В ее состав вошли генерал-лейтенант В. А. Богданов, полковники А. М. Дроздов, Ю. А. Кузьминов, А. С. Лазаренко, Л. В. Лужков, Е. Г. Никитенко, Е. А. Пешков, П. П. Ровный, В. А. Славкин, В. Н. Сумятин, подполковник В. А. Афанасьев, ставшие авторами публикуемого материала.

Следует отметить, что во время войны в Афганистане, боевые действия советских войск постоянно исследовались, обобщались по видам Вооруженных Сил, родам войск и служб. Теперь же создается основанный на документальных материалах труд, аккумулирующий в себе всю предварительную работу. С его некоторыми положениями мы знакомим сегодня наших читателей.

СОВЕТСКО-АФГАНСКОЕ военное сотрудничество имеет большую историю. Дипломатические отношения между нашими странами были установлены 10 июля 1919 года. В том же году Советская республика безвозмездно передала Афганистану, который подвергся агрессии со стороны Великобритании, миллион рублей золотом, стрелковое оружие, боеприпасы и несколько самолетов.

В 1924 году советское правительство вновь оказало военную помощь Афганистану, поставив ему стрелковое оружие и самолеты. В военно-учебных заведениях Ташкента прошла подготовку первая группа афганских военнослужащих.

На регулярной основе советско-афганское военное сотрудничество осуществляется с 1956 года, после подписания соответствующего соглашения. На Министерство обороны СССР были возложены задачи по подготовке национальных военных кадров на месте и в СССР, а с 1972 года — и по командированию в вооруженные силы Афганистана советских военных консультантов и специалистов (до 100 человек).

С Апрельской революцией в Афганистане начался новый этап в развитии советско-афганского сотрудничества, в том числе и по военной линии. В мае 1978 года было подписано межправительственное соглашение о военных советниках. Был изменен их статус (вместо консультантов — советники), задачи и численность (количество советников доводилось до 400 человек).

В декабре того же года в Москве между СССР и Демократической Республикой Афганистан был заключен договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Статья этого Договора гласила:

«Высокие договаривающиеся Стороны, действуя в традициях дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих Сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих Сторон».

В последующем, ссылаясь на этот договор, афганское руководство неоднократно обращалось к Советскому правительству с просьбой ввести войска в их страну. В декабре 1979 года Договор стал основанием для советского руководства при принятии решения на ввод наших войск в Афганистан.

До сих пор бытует мнение, что вооруженное сопротивление в Афганистане возникло только после появления в этой стране советских войск. Это не так.

Приблизительно в те же годы, когда создавалась НДПА (оформлена как партия 1 января 1965 г.), в Афганистане приобрело организационные формы движение исламских фундаменталистов (выступали за возрождение фундаментальных основ ислама, за очищение его от поздних наслоений). В 1968 году они объединились в союз «Мусульманская молодежь». С самого начала эта организация ставила перед собой задачи борьбы с правящим в стране королевским режимом, который якобы потворствовал модернизации ислама и проникновению в страну коммунистических идей и влияния. Одновременно она предпринимала любые меры по расколу прогрессивных сил, внесению в их ряды разногласий и неприязни.

В июне 1975 года фундаменталисты попытались свергнуть правительство М. Дауда, начав повстанческие действия в ущелье Панджшер (100 км севернее Кабула) и в ряде провинций страны. Однако правительственные войска сравнительно легко подавили их выступление. «Мусульманская молодежь» была разгромлена. Многие активные ее члены эмигрировали из страны, большей частью в Пакистан.

В Пакистане фундаменталисты получили полную свободу и вступили в тесное взаимодействие с пакистанскими спецслужбами, которые были заинтересованы в установлении с ними контактов с целью расширения своей агентуры в Афганистане. Администрация Бхутто, а затем Зия-уль-Хака пошла на создание на своей территории сети баз и центров подготовки афганской оппозиции, что превратило фундаменталистов в орудие пакистанских спецслужб, направленное против режима М. Дауда.

Там же, в Пакистане, лидеры «Мусульманской молодежи» создали в 1976 году из числа своих уцелевших сторонников новые партии: «Исламскую партию Афганистана» (ИПА) и «Исламское общество Афганистана» (ИОА). Эти партии в последующем и составили передовой отряд и основную силу афганской контрреволюции.

Видимо, нет необходимости подробно описывать сложившуюся на конец 1979 года военно-политическую обстановку в Афганистане. Об этом журнал подробно рассказал в статье кандидата исторических наук В. Г. Сафронова «Как это было», напечатанной в пятом номере за 1990 год. Напомним лишь, что во второй половине 70-х годов в стране произошло три военных переворота: в августе 1973 года был свергнут монарх и к власти пришел М. Дауд; 27 апреля 1978 года (по мусульманскому календарю это месяц саур) власть перешла в руки НДПА, главой государства и премьер-министром стал Н. М. Тараки; в сентябре 1979 года власть узурпировал Х. Амин. Все перечисленные события сопровождались массовым террором в отношении противников нового режима. Х. Амин, как, впрочем, и его предшественники, начал свое правление с избиения лиц, когда-либо выступавших против него и выражавших недовольство его деятельностью.

Репрессии коснулись и армии, что привело к падению ее морального и боевого духа, вызвало массовое дезертирство и даже переход целых подразделений на сторону оппозиции.

В этих условиях советское руководство не могло пойти на полный разрыв с афганским режимом, так как были серьезные опасения, что без нашего влияния он повернется лицом к США, которые после антишахской революции в 1979 году вынуждены были покинуть Иран и искали вблизи южных границ СССР другой район для размещения своих разве-

дывательных центров. Были все основания полагать, что в случае отхода правительства Х. Амина от СССР тогдашняя американская администрация легко и быстро переориентировалась бы от поддержки оппозиции на поддержку руководства ДРА. Это вполне вероятно, так как американцы понимали, что никакой разницы между иранскими и афганскими фундаменталистами практически нет.

С учетом всего этого было принято решение не отказываться от сотрудничества с Х. Амином и возглавляемым им правительством, советским советникам и специалистам продолжать выполнять свои обязанности в вооруженных силах ДРА, но ни под каким предлогом не принимать участия в репрессивных действиях диктатора против неугодных ему лиц, если для этого будут привлекаться части, в которых находятся наши советники.

Начиная с апреля 1979 года Н. М. Тараки и Х. Амин неоднократно просили направить в Афганистан советские войска. Это в первую очередь объяснялось нарастанием агрессивности оппозиции, которая уже базировалась на территории Пакистана. До сведения советского руководства эти просьбы доводились через наших представителей в Кабуле: посла, главного военного советника в ДРА, представителя КГБ СССР (так назывался советник при МГБ ДРА). Просьбы высказывались и тем советским руководителям, которые посещали Кабул.

Всего таких обращений было около двадцати, семь из них Х. Амин направил уже после устранения им Н. М. Тараки. В связи с этим хотелось бы отметить следующее. В том, что такие просьбы были, теперь ни у кого нет сомнения. Однако сам факт направления их через наших представителей в Кабуле некоторыми средствами массовой информации трактуется весьма своеобразно. Например, Д. Муратов («Комсомольская правда» от 27 декабря 1990 г.) считает, что именно наши представители в Кабуле «выпросили» ввод советских войск в Афганистан, докладывая о просьбах афганского руководства. Он, очевидно, не понимает, что сокрытие подобного рода информации является должностным преступлением.

Представители СССР в Кабуле также иногда предлагали направить в Афганистан небольшие подразделения наших войск (до двух батальонов) на аэродромы для обеспечения эвакуации советских граждан, если возникнет реальная угроза их жизни в условиях эскалации гражданской войны в стране.

Министерство обороны СССР по процедуре принятия решения на ввод войск в Афганистан какими-либо документами не располагает. Не поступал в Министерство обороны и Указ Президиума Верховного Совета СССР или другой какой-либо правительственный документ, которым бы ставились задачи на ввод войск и определялись цели таких действий. Все указания политического руководства до Министерства доводились через министра обороны СССР Д. Ф. Устинова только устно. Единственный правительственный документ, касающийся пребывания наших соединений и частей в ДРА, поступил в Министерство обороны спустя почти два месяца после ввода войск. Это было постановление Совета Министров СССР от 19 февраля 1980 года, которое определяло порядок финансирования и предоставления льгот личному составу войск, находившихся в Афганистане.

Комитет Верховного Совета СССР по международным делам в конце декабря 1989 года, проанализировав все имеющиеся материалы по вопросу, относящемуся к вводу войск в Афганистан, назвал тех, кто был ответственен за это решение. Это Л. И. Брежнев, Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко.

В некоторых публикациях утверждается, что, принимая решение на ввод советских войск в Афганистан, тогдашние наши лидеры не учли всех негативных последствий такого решения. По нашему мнению, это не соответствует действительности. Они хорошо представляли себе эти последствия. Именно ими они аргументировали ранее свои отказы в удовлетворении просьб Тараки относительно направления в ДРА советских контингентов. Принимая столь ответственное решение, они исходили из своего представления о жизненно важных для Советского Союза интересах в этом регионе.

Апрельская революция в Афганистане в 1978 году была совершена при отсутствии революционной ситуации в ее классическом виде. Успех революции, в значительной мере обусловленный слабостью правящего даудовского режима, вскружил головы афганским руководителям, в практической деятельности которых сразу же возобладали левацкие тенденции.

Для советского политического руководства того времени было заманчиво видеть Афганистан таким, каким его представляли Тараки и Амин. Государственный переворот в сентябре 1979 года, приход к власти Амина и устранение, а затем и убийство Тараки заставили советское руководство по иному взглянуть на афганскую проблему.

В принятии решения на ввод войск в ДРА военные специалисты участия не принимали.

Окончательное решение на ввод советских войск было принято Л. И. Брежневым, как Председателем Верховного Совета СССР, Верховным Главнокомандующим. Председателем Совета Обороны СССР, 12 декабря 1979 года, однако уже с 10 декабря Д. Ф. Устинов начал отдавать Генеральному штабу распоряжения на создание группировки войск (очевидно, он был уверен, что другого решения Л. И. Брежнев не примет).

Возникла потребность в координации деятельности представителей всех советских ведомств в Афганистане, войск 40-й армии, советнических аппаратов. Правительством СССР такой координатор определен не был. Для того чтобы в какой-то мере восполнить этот пробел, Министерство обороны СССР вынуждено было почти постоянно держать в Кабуле свою Оперативную группу.

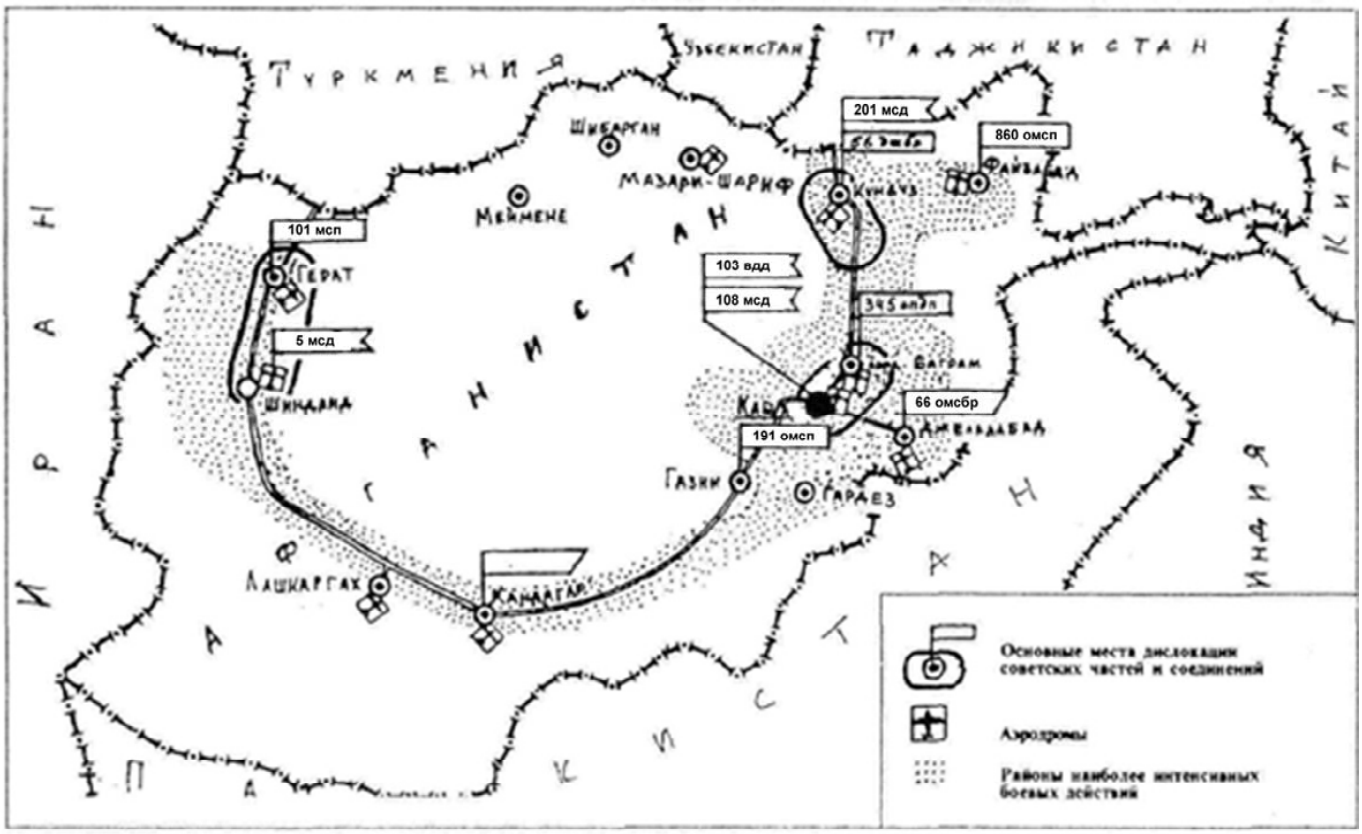
13 декабря была сформирована Оперативная группа Министерства обороны СССР во главе с первым заместителем начальника Генерального штаба генералом армии С. Ф. Ахромеевым. Позднее ее возглавил первый заместитель Министра обороны Маршал Советского Союза С. Л. Соколов. 14 декабря Оперативная группа приступила к работе в Туркестанском военном округе.

Общая директива на отмобилизование и приведение в готовность не отдавалась. Войска приводились в готовность отдельными распоряжениями после получения соответствующих устных указаний Д. Ф. Устинова. Всего за три недели (до 31 декабря) было отдано более тридцати таких распоряжений. Тыловые и ремонтные части и органы развертываемой 40-й армии отмобилизовывались в последнюю очередь (некоторые уже в ходе начавшегося ввода войск).

Всего было развернуто и доукомплектовано до полного штата около 100 соединений, частей и учреждений. На их укомплектование было призвано из запаса более 50 тыс. офицеров, сержантов и солдат. Для Туркестанского и Среднеазиатского военных округов это было самое крупное мобилизационное развертывание за послевоенное время.

24 декабря министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов провел совещание с руководящим составом, на котором присутствовали заместители министра, главнокомандующие Сухопутными войсками, ВВС и войсками ПВО, командующий ВДВ, некоторые начальники главных и центральных управлений. На совещании министр обороны объявил о принятом решении ввести войска в Афганистан. Надежды на то, что этого все-таки не произойдет (на что рассчитывали генералы и офицеры Генерального штаба) окончательно развеялись.

В тот же день министр обороны СССР подписал директиву на ввод наших войск. В ней говорилось: «Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию



Афганская война. *1979—1989*

Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств». Задача для командиров всех степеней, прямо скажем, весьма неопределенная.

Участие советских войск в боевых действиях на территории ДРА директивой не предусматривалось, так как политическим руководством боевые задачи перед Министерством обороны поставлены не были. Более того, не был определен порядок применения оружия даже в интересах самообороны. Имелось в виду, что советские войска станут гарнизонами и возьмут под охрану объекты, высвободив тем самым афганские части для активных действий против оппозиции, а также против возможного внешнего противника.

Время перехода государственной границы министром обороны СССР было установлено 15.00 московского времени (16.30 кабульского) 25 декабря. В распоряжении командиров всех степеней для организации марша оставалось меньше суток.

В 15.00 25 декабря 1979 года на кабульском направлении начала переправу по понтонному мосту, наведенному в тот же день через реку Амударья, и марш на Кабул мотострелковая дивизия, развернутая в Термезе. В это же время границу пересекли самолеты военно-транспортной авиации с личным составом и боевой техникой воздушно-десантной дивизии, которая посадочным способом десантировалась на аэродром Кабул.

К середине дня 27 декабря в Кабул и Баграм были переброшены основные силы воздушно-десантной дивизии и отдельного парашютно-десантного полка. К этому же времени в Кабул вошли передовые части мотострелковой дивизии, совершавшие марш своим ходом. Прибывшие советские части усилили охрану важнейших административных объектов (ЦК НДПА, Совета Министров, министерств обороны, внутренних дел, безопасности и др.), а также аэродромов, радио, телевидения.

В ночь на 28 декабря в Афганистан вошла еще одна мотострелковая дивизия, ранее развернутая в Кушке. К середине января 1980 года ввод основных сил 40-й армии практически был завершен. На территории ДРА были полностью сосредоточены три дивизии, бригада и два отдельных полка. В первой половине 1980 года эта группировка была усилена еще дивизией и двумя отдельными полками. Общая численность советских войск достигла 81,8 тыс. человек (в том числе в боевых частях Сухопутных войск и ВВС — 61,8 тыс.).

В последующие годы (до 1986 г. включительно) боевой состав советских войск уточнялся, проводилось переформирование некоторых частей с целью повышения их боевых возможностей. В результате окончательный состав ограниченного контингента советских войск в Афганистане (ОКСВ) стал следующим: дивизий — 4, бригад — 5, отдельных полков — 4, отдельных батальонов — 6, авиационных полков — 4, вертолетных полков — 3, тыловые, медицинские, ремонтные, строительные, квартирно-эксплуатационные и другие части и учреждения.

Максимальная численность советских войск в Афганистане была в 1985 году 108,8 тыс. человек (106 тыс. военнослужащих), в том числе в боевых войсках — 73 тыс. человек.

Ввод советских войск на территорию ДРА первоначально был воспринят афганским населением, особенно бедняками, доброжелательно. Люди охотно шли на контакты с нами, проявляли интерес к жизни в Советском Союзе. Зажиточные же слои населения к войскам относились настороженно, в контакты не вступали. Имели место и отдельные враждебные проявления.

Введенные в Афганистан войска по согласованию с правительством этой страны совместно с афганскими соединениями и частями выполняли самые разнообразные задачи. Они охраняли все основные автомобильные дороги, обеспечивали проводку автомобильных колонн с разнообразными грузами (военными и народнохозяйственными) в интересах ОКСВ, вооруженных сил ДРА, министерств и ведомств республики, непосредственно для населения Афганистана.

Были взяты под охрану многие объекты советско-афганского экономического сотрудничества, на которых жили и работали наши специалисты. Советские войска обеспечивали охрану и бесперебойное функционирование девяти аэродромов, в том числе международного в Кабуле. Путем размещения советских гарнизонов поддерживались органы государственной власти в 21 провинциальном и во многих уездных и волостных центрах и оказывалось содействие в их укреплении.

Важнейшей задачей войск было ведение совместно с афганскими частями и подразделениями боевых действий различного масштаба по разгрому наиболее опасных, агрессивных отрядов и групп вооруженной оппозиции, а также борьба с караванами, доставлявшими оружие и боеприпасы в ДРА из Пакистана и Ирана.

Весь период пребывания советских войск в Афганистане можно условно разделить на четыре этапа по приоритетному выполнению тех или иных задач.

1-й—декабрь 1979—февраль 1980 г.

Ввод советских войск в Афганистан, размещение их по гарнизонам, организация охраны пунктов дислокации и различных объектов.

2-й — март 1980 — апрель 1985 г.

Ведение активных боевых действий, в том числе широкомасштабных, совместно с афганскими соединениями и частями. Работа по реорганизации и укреплению вооруженных сил ДРА.

3-й — апрель 1985 — январь 1987 г.

Переход от активных действий преимущественно к поддержке афганских войск советской авиацией, артиллерией и саперными подразделениями. Применение мотострелковых, воздушно-десантных и танковых подразделений ОКСВ главным образом в качестве резервов и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск. Подразделения спецназначения продолжали вести борьбу по пресечению доставки оружия и боеприпасов из-за рубежа. Оказание помощи в развитии вооруженных сил ДРА. Частичный вывод советских войск на Родину.

4-й — январь 1987 — февраль 1989 г.

Участие советских войск в проведении афганским руководством политики национального примирения. Активная деятельность по укреплению режима. Завершение становления вооруженных сил ДРА. Продолжающаяся поддержка боевой деятельности афганских войск. Подготовка советских войск к выводу и полный их вывод.

Важно отметить, что и в последние два периода пребывания ОКСВ в Афганистане афганское руководство не раз просило привлекать советские войска к боевым действиям. В связи с этими просьбами частям и подразделениям 40-й армии приходилось участвовать в разгроме особо опасных и агрессивных группировок противника, с которыми самостоятельно афганские войска справиться не могли. Боевые действия в эти периоды характеризовались сильной напряженностью, значительным привлечением сил и средств, охватом больших территорий в одной операции.

Ввод советских войск в Афганистан не привел к спаду вооруженного сопротивления оппозиции правящему в стране режиму, на что определенно надеялось руководство СССР. Появление в стране наших войск стало новым пропагандистским козырем в руках фундаменталистов. «В страну вошли чужие с оружием. Теперь исламу угрожает не только собственное безбожное правительство, но и неверные — чужеземцы» — такие заявления оказывали сильное воздействие на фанатично настроенное религиозное население, и первоначально дружелюбное отношение к советским войскам сменилось недоброжелательностью.

Главным объединяющим идеологическим и политическим лозунгом фундаменталистов стал призыв к «священной войне с иностранными оккупантами — империалистическими колонизаторами». Он нашел определенное понимание у значительной части афганского населения, чему способствовали серьезные ошибки руководства этой страны и умелая пропаганда оппозиции, направленная на придание лозунгу патриотического, религиозного и в известном смысле социально-классового звучания.

После ввода советских войск в Афганистан с начала 1980 года администрация США, а вслед за ней и руководство Египта, Саудовской Аравии, некоторых государств Персидского залива, Ирана и КНР открыто заявили о своей поддержке и практической помощи афганской оппозиции. Фактически помощь оппозиции оказывалась и раньше, но она осуществлялась скрытно и ограниченно. С января же 1980 года это стало делаться открыто.

На первом этапе пребывания в Афганистане советские войска, находясь в гарнизонах, не принимали участия в боевых действиях, однако обстрелам со стороны оппозиции подвергались. Даже не принимая участия в боях, наши подразделения несли потери и вынуждены были вести ответный огонь.

Определенная часть афганских военнослужащих, главным образом офицеров, считала, что в условиях, когда в стране находятся советские войска, вся ответственность за судьбу революции должна лежать на Советском Союзе. Такие настроения выражал и Б. Кармаль, который с самого начала просил руководство Оперативной группы Министерства обороны СССР (с 3 января находившейся в Кабуле) о привлечении наших войск к активным боевым действиям, поскольку он не надеялся на свою армию.

В конце концов просьбы афганского руководства опять возымели действие. Командованию советских войск в Афганистане было приказано начать боевые действия совместно с афганскими частями. С марта 1980 года такие действия были начаты операцией в пограничной **с** Пакистаном провинции Кунар.

После того как стало ясно, что советские войска остаются в Афганистане на неопределенный срок, Министерством обороны СССР было принято решение заменить всех призванных военнообязанных запаса кадровыми офицерами, сержантами и солдатами срочной службы.

Вся боевая деятельность ОКСВ и афганских войск строилась на основе ежемесячных планов, утверждаемых министром обороны СССР. Их разработка осуществлялась командующим войсками ТуркВО совместно с главным военным советником (ГВС) под общим руководством Оперативной группы Министерства обороны СССР в Кабуле. В основу планов ложилась оценка обстановки в стране и отдельных ее районах, пожелания Председателя Ревсовета ДРА (позже президента Республики Афганистан) и афганского военного командования.

Утверждение ежемесячных планов в Москве существенно не меняло характер и содержание работы штаба армии и аппарата ГВС по планированию и организации боевых действий. Однако это в определенной мере ограничивало самостоятельность и инициативу командования армии. Кроме того, утверждение планов в Москве давало повод руководству

ДРА сваливать на нас ответственность за неудачи самостоятельной боевой деятельности афганских войск, что неоднократно официально и неофициально высказывал В. Кармаль.

Одной из важнейших обязанностей советских войск в Афганистане была охрана так называемых режимных зон и коммуникаций. Режимные зоны были созданы решением руководства ДРА вокруг аэродромов, электростанций, гарнизонов советских и афганских войск, а также вокруг важных административных центров в целях обеспечения безопасности и общественного порядка, предупреждения и пресечения враждебной деятельности сил оппозиции.

В этих зонах был установлен особый порядок жизни и деятельности населения. Поддержание порядка в них возлагалось на органы МВД, МГБ ДРА и на афганские части.

Однако главная роль в охране режимных зон и особенно коммуникаций принадлежала советским войскам, которые выполняли эту задачу, выставляя постоянные сторожевые заставы. Всего силами армии было создано 862 сторожевые заставы, на которых несли службу 20,2 тыс. человек. Заставы оборудовались для длительного проживания и несения службы. Для их сооружения использовались различные постройки (вернее, их развалины). Каждая подготавливалась к круговой обороне. Многие создавались на голом месте с использованием подручных материалов. Здесь проявлялась широкая инициатива и выдумка командиров застав и всего личного состава.

Подразделения, несущие службу на сторожевых заставах, менялись через шесть месяцев.

Охрана и оборона объектов советско-афганского экономического сотрудничества (их было около 20) нашими подразделениями организовывалась в соответствии с распоряжениями Совета Министров СССР. Их охрана осуществлялась в общей системе режимных зон, а также выставлением специальных сторожевых постов и караулов. Большинство объектов имело двойную охрану: внутреннюю и внешнюю, с привлечением подразделений советских и афганских войск.

Ответственность за организацию охраны и обороны аэродромов возлагалась на начальников советских гарнизонов. Она организовывалась по трем рубежам: на дальних подступах сторожевыми заставами, входящими в систему охраны режимных зон; по периметру аэродрома (также сторожевыми заставами); внутренняя охрана аэродромных объектов (караулами). Всего для охраны десяти аэродромов было создано 140 сторожевых застав. Кроме того, 224 заставы выполняли двойную задачу: стояли на дорогах, проходящих через режимные зоны аэродромов и входили как в систему охраны дорог, так и в систему охраны режимных зон.

Советские военные городки охранялись по тому же принципу, что и аэродромы (в системе охраны режимных зон, собственными сторожевыми заставами и постами по периметру и караулами, охранявшими конкретные объекты). Одной из важнейших и сложнейших задач советских войск в Афганистане была проводка автомобильных колонн с запасами материальных средств. По основным дорогам, на которых были размещены наши постоянные сторожевые заставы, движение автомобильных колонн осуществлялось без войскового прикрытия, только с собственной постоянной охраной.

Проводка же колонн по тем дорогам, где не было сторожевых застав, рассматривалась как специфические боевые действия и заранее тщательно готовилась. Выделялись боевые подразделения советских и афганских войск, артиллерия и авиация. Боевые подразделения блокировали определенные участки дорог и пропускали по ним автотранспорт.

В зависимости от протяженности маршрута, конкретных условий местности, обстановки, количества выделенных на операцию боевых подразделений блокированию подвергался участок на 1—2 суточных перехода или вся дорога целиком. В первом случае блокирующие подразделения, пропустив транспорт с материальными средствами, перемещались на новый участок во время отдыха транспортной колонны. Так, перекатами, они доводили колонну до цели. Если протяженность маршрута была небольшой, а выделенных сил достаточно, осуществлялись блокирование сразу всей дороги и ее охрана до полного завершения транспортной операции.

Охранные задачи, которые выполнялись в Афганистане нашими войсками, для командиров всех степеней, от командира взвода до командарма включительно, были новыми. Ни знаний, ни опыта таких действий накоплено не было, поскольку в процессе подготовки офицеров и подразделений Советской Армии выполнение таких функций не предусматривалось и не предусматривается. Рекомендаций уставов и наставлений по этим вопросам нет (за исключением сторожевой службы и службы полевых караулов, что не могло быть в полной мере использовано в Афганистане). Командирам всех степеней пришлось на практике, методом проб и ошибок, постигать искусство организации и выполнения охранных задач.

Наши командиры были новичками в организации и ведении боевых действий по проводке транспортных колонн с материальными средствами через территорию, контролируемую отрядами противника. Этот вид боевой деятельности в Афганистане также осваивался командирами, штабами и подразделениями непосредственно на практике.

Как уже отмечалось, с марта 1980 года советские войска приступили к активным боевым действиям против наиболее опасных отрядов вооруженной афганской оппозиции. Причин, почему мы вступили в боевые действия, много. Главная заключалась в слабости афганской армии и непрестанных просьбах руководства ДРА, в первую очередь Б. Кармаля (что бы он сейчас ни говорил), оказывать непосредственную военную помощь.

Почти все боевые действия советские войска вели совместно с афганскими частями армии, МВД или МГБ. Условно их можно подразделить на плановые (т. е. предусмотренные утвержденным министром обороны СССР ежемесячным планом) и неплановые. Плановые боевые действия, как правило, были широкомасштабными, т. е. охватывали значительные районы страны, были относительно продолжительными по времени, в них участвовало большое количество войск. Неплановые боевые действия в основном были значительно скромнее по всем показателям (о них речь идет ниже).

Боевые действия (операции) планировались и проводились с целью разгрома особо больших и опасных группировок противника и ликвидации его баз с запасами оружия и боеприпасов. Как правило, итогом каждой такой операции было резкое снижение активности оппозиции в определенном районе.

За годы пребывания в Афганистане советские войска участвовали в 416 плановых операциях, большинство которых было действительно широкомасштабными.

Характерными боевыми действиями по нанесению поражения противнику в **изолированной горной долине** были операции советских и афганских войск **в ущелье реки Панджшер** против отрядов ИОА. Следует отметить, что на протяжении девяти лет в этой долине и ранее не раз велись боевые действия. Войска в целом успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. Однако результаты не закреплялись руководством Республики Афганистан комплексом политических и социально-экономических мероприятий, не организовывалась соответствующая разъяснительная работа среди местного населения. В результате после операции войска уходили в пункты дислокации, а через некоторое время лидеры оппозиции восстанавливали свое влияние в этих районах, пополняли бандформирования людьми или создавали новые отряды и группы взамен разгромленных.

К маю 1982 года в ущелье Панджшер оппозиция создала оборудованную в инженерном отношении оборону с систе-

мой огня и управлением своими формированиями, действовавшими как в самой долине, так и за ее пределами, в том числе и в Кабуле. Заграничным руководством ИОА Панджшер был превращен в крупную базу этой партии.

По согласованию с Б. Кармалем было принято решение подготовить и провести в ущелье операцию с целью разгрома группировки ИОА, уничтожения базы оппозиции и ликвидации угрозы, нависшей над Кабулом.

Планирование и организацию операции осуществляли командующий войсками ТуркВО генерал-полковник Ю. П. Максимов и командующий 40-й армией генерал-лейтенант В. Ф. Ермаков под руководством Оперативной группы МО СССР. Непосредственным руководителем боевых действий был назначен начальник штаба 40-й армии генерал-майор Н. Г. Тер-Григорьянц. Для проведения операции выделялось 36 батальонов (16 советских, 20 афганских).

Боевые действия начались в ночь на 16 мая 1982 года. Советские подразделения внезапно захватили все господствующие высоты у входа в ущелье и на глубине до 10 км от входа в него. Затем началась высадка воздушных десантов, которые расчленили всю группировку противника на четыре изолированные части. На соединение с десантами в пешем порядке по высотам справа и слева от ущелья и на боевой технике по его дну двинулись советские и афганские батальоны.

Несмотря на сильное сопротивление противника, советские и афганские войска выполнили поставленную задачу. В ходе боевых действий было уничтожено и захвачено 203 огневых сооружения, 25 минометов, 120 крупнокалиберных пулеметов, около тридцати складов **с** оружием и боеприпасами, взорвано около 100 пещер, приспособленных к обороне.

Успех этой операции был предопределен хорошими разведывательными данными и массовым применением воздушных десантов (до 1/3 всех участвовавших в операции сил).

Примером боевых действий **в изолированном горном районе** может служить операция по разгрому крупного базового района оппозиции в **районе Дарзаб** (на границе провинций Джауздждан **и** Фарьяб), проведенная с 15 по 19 февраля 1982 года. Район служил опорным пунктом оппозиции в борьбе с правительственными органами на севере страны. Все попытки афганского руководства стабилизировать здесь обстановку путем разгрома отдельных оппозиционных групп кардинального улучшения положения не приносили. В связи с этим было принято решение уничтожить основную базу противника.

Было выделено четыре советских батальона и столько же афганских. Руководителем операции назначен начальник штаба 40-й армии генерал-майор Н. Г. Тер-Григорьянц.

С утра 15 февраля в условиях почти нелетной погоды с вертолетов на окружавшие Дарзаб высоты был высажен десант в составе четырех батальонов (советских — 2, афганских — 2), что явилось полной неожиданностью для противника. Одновременно с севера и юга вышли на Дарзаб остальные советские и афганские подразделения.

К 17 февраля противник был полностью блокирован и совместными действиями десанта и подошедших подразделений разгромлен, его база уничтожена, что способствовало определенной стабилизации обстановки в северных провинциях ДРА, снижению здесь активности оппозиции.

Основной особенностью операции по разгрому базы Дарзаб является то, что 50 проц. участвовавших в ней подразделений было высажено непосредственно в район базы вертолетами.

В конце января — начале февраля 1982 года была проведена операция по разгрому формирований оппозиции **в широкой долине** — в зеленой зоне **Джабаль-Уссарадж, Чарикар, Махмудраки.** По данным разведки, в этой зоне действовали формирования ИПА. Они постоянно обстреливали аэродром Баграм, гарнизоны войск и органы власти в Джабаль-Уссарадж и Чарикаре, грабили афганский автотранспорт, совершали диверсии против советских сторожевых застав и колонн. Наличие крупной группировки ИПА вблизи столицы оказывало дестабилизирующее влияние и на Кабул. Эта зеленая зона площадью около 800 кв. км представляет собой почти сплошную застройку, прорезана густой сетью оросительных каналов и большей частью покрыта виноградниками с рядами высоких валов (в этом районе виноградная лоза не подвязывается к столбам, а опирается на 1,5—2-метровые глиняные валы). Все это создавало серьезные препятствия для действий войск. Кроме того, отряды оппозиции имели здесь развитую систему обороны, которая включала приспособленные к бою дома, глинобитные крепости, глухие дувалы, валы виноградников и даже специально построенные долговременные огневые сооружения с подземными укрытиями.

Для проведения операции было выделено 10 советских батальонов и 10 афганских. Руководил операцией заместитель командующего 40-й армией генерал-майор В. Г. Винокуров.

К исходу 25 января 1982 года советские подразделения внезапно блокировали район. На некоторых участках кольца окружения из-за недостатка сил для сплошного блокирования самостоятельно действовали мобильные бронегруппы батальонов (бронетранспортеры и боевые машины пехоты, на которых были оставлены по 2—3 члена экипажа). Сотрудниками МВД и МГВ ДРА были организованы фильтрационные пункты.

В последующие дни кольцо окружения постепенно сжималось, оказывающие сопротивление группы противника уничтожались, разрушались все оборонительные сооружения, осуществлялся поиск складов (к этой работе привлекались и выявленные на фильтропунктах мятежники, которые указывали сотрудникам МВД и МГБ ДРА места складирования оружия), осуществлялись мероприятия по спецпропаганде.

5 февраля операции по прочесыванию зеленой зоны были завершены. Противник понес большие потери. Только на фильтропунктах было выявлено и взято в плен более 1600 человек. Обстановка в провинциях Кабул, Парван и Каписа значительно улучшилась, что положительно повлияло на ситуацию в столице и на магистрали Хайратон—Кабул.

Обстановка в Афганистане складывалась так, что иногда требовалось оказать воздействие на противника в **разных зонах одного обширного района одновременно**. Примером являются боевые действия, проведенные в октябре 1985 года под руководством командующего армией генерал-лейтенанта И. Н. Родионова по разгрому отрядов оппозиции, их складов и баз **в провинциях Баглан, Каписа, Парван** и в мае 1986 года под руководством командующего армией генерал-майора В. П. Дубинина **в провинциях Логар, Нангархар, Пактия.**

В обоих случаях было привлечено 28 батальонов со средствами усиления (по 14 советских и афганских). В соответствии с планами боевые действия охватывали более 10 районов. Одновременно бои велись в 5—7 районах, а затем переносились в другие зоны (провести их одновременно, что было бы наиболее правильным, не представлялось возможным из-за отсутствия достаточного количества сил и средств). В каждом районе действовало по 1 — 2 советских батальона и столько же афганских. Для быстрого перемещения войск широко применялись вертолеты.

В такого рода операциях роль общего руководителя и его штаба сводилась к непрерывной оценке обстановки в каждом отдельном районе и своевременной поддержке действий подразделений боевой авиацией и артиллерией.

В первой половине 1986 года в округе Хост была проведена одна из крупнейших операций по разгрому базового

района ИПА Джавара («Волчья яма»). Эти боевые действия вначале планировалось провести только силами афганских войск при поддержке советской авиации. Для выполнения задачи военно-политическое руководство Афганистана выделило 41 батальон. Руководителем действий был назначен заместитель министра обороны ДРА генерал-лейтенант Мухаммад Наби Азими.

Уже в ходе операции стало ясно, что по ряду причин самостоятельно афганские войска не смогут решить задачу, а это приведет к дальнейшему падению их морального духа и авторитета. В связи с этим руководство ДРА обратилось к начальнику Оперативной группы Министерства обороны СССР генералу армии В. И. Варенникову с просьбой привлечь к операции советские войска. Просьба была удовлетворена.

Было решено ввести в боевые действия дополнительно несколько советских батальонов, руководство которыми поручалось начальнику штаба 40-й армии генерал-майору Ю. П. Грекову. Одновременно руководителем афганских войск в операции стал заместитель начальника Генерального штаба ВС ДРА генерал-майор Абдул Гафур. Афганская группировка была усилена еще тринадцатью батальонами (это было связано с низкой укомплектованностью ее частей).

На местности был уточнен план дальнейших боевых действий, проведена подготовка афганских войск и пополнение запасов материальных средств. После этого войска приступили к активным боевым действиям.

Советские подразделения непосредственного участия в штурме базы не принимали. Они прикрывали фланги и тыл афганской группировки, продвигались за боевыми порядками афганцев, поддерживая их огнем своих средств. Советская авиация уничтожила огневые точки на подходе к базе.

19 апреля база Джавара была взята. Два дня афганские войска вывозили с нее вооружение, боеприпасы, различное имущество и оборудование. Все, что невозможно было вывезти (из-за отсутствия достаточного количества транспорта), взрывалось на месте. После окончательного разрушения базы в целях исключения ее восстановления остатки сооружений были заминированы советскими саперами.

Для того чтобы использовать взятие Джавары в политических целях, правительство ДРА направило туда большую группу журналистов. Вместе с ними прибыли и советские корреспонденты, аккредитованные в Кабуле. Афганским войскам, возвращавшимся из Джавары, была устроена торжественная встреча в Кабуле с митингом и парадом на центральном аэродроме, а также в тех гарнизонах, где они постоянно дислоцировались. Это имело большое значение для поднятия морального духа войск и населения. Перед народом и войсками выступил Наджибулла.

Одной из последних крупнейших совместных операций в Афганистане были боевые действия под кодовым названием «Магистраль» по **деблокированию дороги Гардез — Хост и проводке автомобильных колонн с запасами матери-альных средств для населения и гарнизона Хост.** Наряду с военными эта операция преследовала и политические цели: срыв замыслов руководства оппозиции по отторжению округа Хост от Республики Афганистан и размещения на его территории своего «правительства».

Для проведения операции была создана группировка, включавшая 14 советских батальонов, подразделения шести афганских соединений, а также 11 батальонов МВД и четыре батальона МГБ РА.

Руководил боевыми действиями командующий 40-й армией генерал-лейтенант Б. В. Громов, начальником штаба был полковник Д. А. Турлайс. Координацию действий советских и афганских войск осуществляла Оперативная группа МО СССР.

С утра 23 ноября советские и афганские войска начали продвижение к перевалу Сатекандав, уничтожая опорные пункты противника. К исходу 28 ноября войска выполнили первую часть задачи и овладели перевалом, который господствовал над всем горным массивом и большей частью дороги. Дальнейшее продвижение, как и предусматривалось планом, было приостановлено.

С 30 ноября начались переговоры через органы МГБ РА с авторитетами племени джадран, а также общим руководителем отрядов ИПА в этом районе Джелалутдином (выходцем из племени джадран) с целью добиться мирного пропуска афганских автоколонн с запасами материальных средств. В переговорах принимал участие и начальник Оперативной группы Министерства обороны СССР.

В этот период в Кабуле проходила Лойя Джирга, которая также обращалась к авторитетам племени джадран. Однако переговоры, встречи и обращения ни к чему не привели. Под давлением лидеров оппозиции авторитеты племени отказались пропустить грузы в Хост. В связи с этим Джирга приняла решение продолжать операцию по деблокированию дороги и поручила президенту отдать соответствующий приказ войскам.

С 16 декабря боевые действия были продолжены. Подразделения, действуя с перевала Сатекандав и из района Хост навстречу друг другу, последовательно захватили господствующие высоты, овладели «неприступным» (как полагали мятежники) районом и обеспечили охрану всей магистрали.

К исходу 30 декабря 1987 года дорога Гардез—Хост была полностью деблокирована, очищена от мин, фугасов и завалов, взята под охрану советскими и афганскими войсками. Безопасность движения по ней была обеспечена, и афганские автомобильные колонны с материальными средствами пошли на Хост.

Подача материальных средств для населения и гарнизона таким образом производилась до 19 января 1988 года. За период с 30 декабря было проведено в Хост 18 автоколонн, перевезено свыше 24 тыс. т. различных грузов, главным образом продовольствия и горючего.

Было уничтожено и захвачено 19 ПЗРК, 167 минометов и безоткатных орудий, 156 крупнокалиберных пулеметов и другого вооружения. На 218 складах обнаружено 25 730 реактивных снарядов, 12 012 инженерных мин и фугасов, несколько миллионов штук различных боеприпасов. Снято и обезврежено 1576 мин и фугасов. Большие потери понес противник и в живой силе.

Для проведения широкомасштабных операций требовалось привлекать значительные контингента войск. С учетом того, что большое количество боевых батальонов было задействовано на выполнении охранных функций, для участия в крупных операциях приходилось создавать сводные группировки за счет различных соединений и частей, имевших в данное время свободные от выполнения других задач подразделения. Руководство в таком случае осуществлялось: при участии в операции подразделений от различных полков одной дивизии — командир или заместитель командира дивизии, при участии подразделений от различных дивизий — командующий армией или заместитель командующего.

Как правило, в ходе крупномасштабных боевых действий нам не удавалось создавать решительного превосходства в людях над противником. Однако подавляющее число операций заканчивалось для советских войск успешно, несмотря на то что зачастую отряды оппозиции оказывали упорное сопротивление на подготовленных оборонительных рубежах. Сказывались тщательная подготовка операций, превосходство в боевой технике и вооружении, высокий морально-боевой дух солдат и сержантов, профессионализм и инициатива командиров и штабов. В основу планирования и ведения боевых действий был положен важнейший принцип — не допускать потерь, беречь людей.

Наряду с крупномасштабными, как правило, предусмотренными ежемесячными планами, операциями советские войска в Афганистане почти непрерывно вели и неплановые боевые действия против вновь вскрытых или внезапно появившихся опасных отрядов противника. Эти операции в основном были ограниченными по привлекаемым силам и средствам и по времени. Их результаты были всегда скромнее крупномасштабных операций, однако значение для обеспечения безопасности населения, органов власти, народнохозяйственных объектов и гарнизонов они имели большое. При этом использовались самые свежие разведывательные данные, на подготовку отводились короткие сроки.

К неплановым относились так называемые частные боевые действия (операции) соединений и частей, рейдовые действия усиленных батальонов, боевые действия дежурных подразделений в зонах ответственности, засадные действия на караванных маршрутах и путях перемещения противника внутри страны, досмотры караванов, налеты, самостоятельные боевые действия авиации по поражению группировок и отдельных объектов противника.

Частные боевые действия проводились по решению командования ОКСВ или по решениям командиров соединений и частей. В зависимости от достоверности данных и характера выявленных объектов противника боевые действия начинались через 1—3 дня после обнаружения целей.

Они были наиболее эффективными, если проводились на удалении не более 10—15 км от пунктов дислокации, **с** выдвижением в район ночью. В этом случае противник не успевал отреагировать на полученные данные о начале боевых действий. Однако зачастую войскам приходилось действовать и на гораздо большем удалении от пунктов дислокации.

По тактическим приемам частные боевые действия не отличались от крупномасштабных операций. Если требовала обстановка, применялись обходящие отряды, высаживались десанты, противник окружался, блокировались населенные пункты и т. п.

Всего в Афганистане проведено более 220 частных операций различного масштаба (по 2—3 ежемесячно). Основным методом действия при этом являлось блокирование советскими подразделениями определенных районов, населенных пунктов, объектов и их прочесывание афганскими войсками. В условиях отсутствия сплошного фронта этот метод был единственно приемлемым, и командиры широко применяли его почти во всех видах боевой деятельности.

Рейдовые действия.

Система разведки противника 40-й армией начала создаваться уже после ввода в Афганистан. На первом этапе соединения и части имели только свои штатные разведывательные подразделения, которые могли обеспечивать штабы информацией о противнике лишь в районах, непосредственно примыкающих к пунктам дислокации. Основные данные об обстановке в стране, в отдельных ее регионах, о расположении и деятельности противника и его планах командиры и штабы получали через советских военных советников у афганских разведывательных органов. Однако эти данные во многих случаях совершенно не отвечали действительности. Численность противника обычно намеренно завышалась (для того, чтобы показать, что афганские части сами с противником справиться не могут и необходимо для его разгрома привлекать советские войска). К сожалению, были даже случаи, когда разведывательные данные оказывались просто ложными и если бы наносились огневые удары без перепроверки, то могли привести к тяжелым последствиям для населения.

В этих условиях в 1980 году, особенно в его первой половине, основным способом действий советских войск по уничтожению групп и отрядов оппозиции являлись рейды усиленных батальонов совместно с подразделениями ВС ДРА. Рейды заключались в выдвижении подразделений по определенному маршруту, поиску в назначенном районе отрядов противника и уничтожении их. При этом командиры рейдовых отрядов пользовались общими данными об обстановке на маршруте и о противнике, полученными от афганских войск, уточняя их в ходе выполнения задачи своими силами, путем опроса местных жителей и допроса пленных. Иногда пользовались проводниками из МВД и МГБ ДРА.

Рейды проводились в районах предполагаемого расположения противника и сводились в основном к действиям вдоль дорог, по долинам и другим направлениям, позволявшим применять боевую технику. Эффективность в значительной мере определялась ответными действиями противника — там, где он шел на открытое вооруженное сопротивление (т. е. проявлял себя), по нему наносились огневые удары бронегрупп и авиации. Если же противник рассыпался, скрывался среди местного населения или уходил в горы, эффективность рейдовых действий была незначительной.

Как правило, рейдовый отряд состоял из одного-двух советских батальонов на БМП или БТР, разведывательного подразделения, саперов, усиливался артиллерией. Обязательно совместно действовали афганские подразделения. Рейдовые отряды поддерживали боевые и транспортно-боевые вертолеты, а также самолеты боевой авиации.

Методы действий рейдового отряда непосредственно по цели были те же, что и при проведении частной операции, — доразведка объекта, блокирование его советскими подразделениями, действия афганцев внутри блока.

Боевые действия дежурных подразделений.

Со второй половины 1980 года деятельность разведывательных органов 40-й армии активизировалась. Разведывательные данные стали более достоверными и конкретными. В связи с этим начался переход от рейдовых действий (результаты которых были в значительной мере непредсказуемы) к действиям по точным разведывательным данным против конкретных групп и отрядов противника.

Уже 3 июля 1980 года командующий 40-й армией отдал приказ об организации в соединениях, частях и отдельно стоящих батальонах дежурства боевых подразделений для немедленного реагирования на полученные разведывательные данные решением соответствующих командиров. Поскольку в Афганистане советские подразделения могли действовать только совместно с афганскими, в ближайших афганских гарнизонах также имелись соответствующие дежурные силы.

Для достижения внезапности в зависимости от конкретной обстановки применялись различные приемы. Например, дежурное подразделение выдвигалось к объекту действий ночью на своей штатной технике. За 3—5 км от объекта бронегруппа останавливалась и укрывалась в складках местности. Вместе с ней оставались в укрытии и афганцы. Советские подразделения спешивались и продолжали движение в пешем строю. Приблизившись к объекту, они скрытно занимали господствующие высоты, организовывали круговую оборону, осуществляли блокаду объекта.

С утра в согласованное заранее время или по сигналу командира блокирующего подразделения бронегруппа с афганскими военнослужащими на борту начинала движение к объекту действий. Обычно мятежники, заслышав шум подходящей техники, пытались уйти из кишлака в горы и попадали под огонь блокирующего подразделения. Бронегруппа усиливала блокаду, а афганские подразделения осуществляли поиск укрывшихся среди населения мятежников и их схронов с оружием. Выполнив задачу, дежурные подразделения обычно в тот же день возвращались в пункты дислокации.

Во многих случаях выход на блокирование объектов осуществлялся и днем. Для достижения внезапности принима-

лись меры по введению противника в заблуждение относительно объекта действий. Организовывался, например, ложный дозор, который демонстративно вел разведку в стороне от намеченного объекта, расспрашивал местных жителей о дороге и расположении населенных пунктов в другой стороне. Основные же силы дежурного подразделения внезапно меняли направление движения и с ходу приступали к выполнению задачи. Такой способ требовал тщательной подготовки, достоверных данных о противнике вне кишлака с тем, чтобы блокирующие сами не попали в засаду или не оказались ниже противника в горах. Как правило, решение на такой способ действий принималось тогда, когда удавалось взять пленного и получить от него достоверные сведения.

Хорошие результаты в плане достижения внезапности давали и действия дежурных подразделений на вертолетах. В этом случае они высаживались непосредственно на заранее выбранные высоты, что позволяло в короткие сроки блокировать объект.

В принципе деятельность дежурных сил была похожа на рейдовые действия. Их отличало только одно — дежурные силы не искали противника, они были нацелены на совершенно конкретный объект, положение и состав которого были точно известны, а рейдовые отряды вынуждены были сами искать противника, имея о нем лишь общие данные.

В среднем дежурные подразделения соединений и частей 40-й армии выходили на выполнение задач по реализации разведывательных данных 20—25 раз в месяц (240—300 выходов в год), что вместе с плановыми и неплановыми операциями и другими задачами требовало большого напряжения физических и моральных сил.

К сожалению, этот вид боевой деятельности не документировался в полном объеме из-за скоротечности подготовки и самого боя, а обычно отражался только в журналах боевых действий соединений и частей и в общем виде — в итоговых (за месяц) донесениях. В связи с этим мы лишены возможности привести конкретные примеры боевых действий дежурных подразделений.

Одним из специфических видов боевых действий в Афганистане был **досмотр караванов,** который осуществлялся главным образом дежурными подразделениями, действовавшими на вертолетах. В случае обнаружения какого-либо каравана подразделение вылетало в указанный район. Оно принуждало караван остановиться (ракетами, голосом через мегафон, стрельбой и т. д.), высаживало десант. Специально выделенные офицеры и солдаты производили проверку людей и грузов с целью обнаружения оружия, боеприпасов, военного имущества или наркотиков.

Обнаруженное оружие загружалось в вертолеты (сколько возможно), все остальное, а также боеприпасы, наркотики и машины уничтожались на месте. Караванщиков, если они не оказывали сопротивления, брали в плен. Затем их передавали в МГБ ДРА или отпускали. Сложнее обстояло дело с караванами мирных торговцев, которые, рассматривая оружие как обычный товар и имея на нем большую прибыль, перевозили его вместе с другими грузами без какого-либо конкретного адресата. В этом случае оружие изымалось, а дальнейшую судьбу торговцев решали на месте представители МВД или МГБ ДРА. Как правило, им разрешалось продолжать путь, если конечный пункт лежал в контролируемой правительством зоне.

Зачастую досмотровую группу встречал огонь охраны каравана. Естественно, это вызывало ответное применение оружия и разгром (как правило, без высадки десанта).

Досмотровая деятельность как один из способов ведения боевых действий получил широкое распространение в войсках 40-й армии в связи с интенсивными перебросками противником из-за рубежа оружия и боеприпасов. При этом организаторы доставки оружия в Афганистан во многих случаях использовали светлое время суток, маскируя свои караваны под мирные. Существующими в Советской Армии уставами и наставлениями такой вид боевых действий не предусмотрен. Поэтому тактика при досмотре караванов отрабатывалась непосредственно в боевых условиях. С наступлением темноты в связи с существовавшим запретом правительства ДРА на передвижение любых групп населения ночью вне разрешенных маршрутов уничтожались без предупреждения любые караваны, следовавшие и обнаруженные на нетрадиционных путях перемещения населения.

Засадные действия.

С целью воспрещения пополнения отрядов мятежников оружием и боеприпасами из Пакистана и Ирана, а также недопущения передвижения отрядов противника внутри Афганистана советские войска вели и засадные действия в зоне своей ответственности.

Засады устраивались или по данным разведки против конкретных караванов, или на караванных маршрутах, часто используемых противником.

В принципе организация и построение засад в Афганистане не отличались от рекомендаций, которые даются нашими уставами и наставлениями. Однако имелись и некоторые особенности. Они заключались в том, что командир засадного подразделения мог вызвать для поддержки авиацию и огонь артиллерии, для чего имел авиационного наводчика и артиллерийского корректировщика. Применялись значительное количество инженерных мин как для поражения противника, так и для прикрытия самой засады. Противник при проводке караванов также оценивал местность, стремясь предугадать место возможной засады. Подозрительные места обычно им обстреливались, все встречные местные жители опрашивались, высылались вперед разведка, дозоры, использовались даже дети, которых посылали на высоты для проверки и наблюдения.

Новое советское руководство взяло курс на разрешение афганской проблемы мирными средствами и на создание условии для возвращения наших войск на Родину. В течение 1985 года с Б. Кармалем и другими афганскими лидерами были проведены встречи и беседы. СССР настойчиво добивался существенного прогресса в деле политического урегулирования вокруг Афганистана,

Первым практическим шагом в этом направлении был вывод в октябре 1986 года из Афганистана 6 полков: танкового, двух мотострелковых и трех зенитных. Организация, обеспечение и осуществление вывода представляли собой своеобразную репетицию. Основным политическим итогом акции явилось то, что Советский Союз показал мировой общественности добрую волю и готовность к полному выводу войск из Афганистана.

С избранием в 1986 году Генеральным секретарем ЦК НДПА и Председателем Ревсовета ДРА Наджибуллы в партии и стране начали происходить определенные позитивные изменения. В условиях примерного равновесия сил между центральным правительством и оппозицией, которое сложилось к началу 1987 года, возникла насущная необходимость поиска новых форм политического урегулирования. В ходе проработок и консультаций с учеными, старейшинами племен постепенно формировалась и складывалась программа национального мира, которую можно было бы реализовать путем переговоров.

3 января 1987 года была принята Декларация Ревсовета ДРА «О национальном примирении», согласно которой вооруженные силы должны были прекратить боевые действия и ограничиться только охраной границы, жизненно важных объектов, обеспечением проводки колонн, выполнением других сугубо оборонительных и экономических задач.

Специальным указом были освобождены из тюрем лица, давшие слово не совершать враждебных действий против режима. Объявлено о готовности передать часть министерских постов в правительстве представителям оппозиции. НДПА выразила готовность «поделиться властью» с леводемократическими силами.

Непримиримая оппозиция не приняла такую политику. Она все еще надеялась на свержение режима вооруженным путем. В результате напряженность боевых действий не уменьшилась.

И все же был дан новый сильный импульс афгано-пакистанским переговорам по вопросам урегулирования отношений между двумя странами, которые велись через личного представителя Генерального секретаря ООН Д. Кордовеса начиная с 1982 года, но долгое время были безрезультатными.

Большую позитивную роль в этих переговорах сыграли перестройка в Советском Союзе, новое политическое мышление, улучшение отношений между СССР и США, а также наметившаяся усталость Пакистана от войны.

К планированию вывода ОКСВ на территорию Советского Союза Генеральный штаб приступил еще в 1987 году, пользуясь проектами Женевских соглашений. Штаб 40-й армии такую работу начал в феврале 1988 года. 7 апреля того же года министр обороны подписал директиву на вывод войск, которая предусматривала:

— вывод войск осуществить в два этапа;

— начало вывода — 15 мая 1988 года, завершение его — 15 февраля 1989 года;

— в первые три месяца вывести 50 проц. войск;

— вывод начать с дальних гарнизонов востока, юга и запада страны.

К началу вывода советские войска насчитывали в своем составе около 106 тыс. человек. Они размещались в 25 гарнизонах, имевших 179 военных городков. В подготовительный период решением командующего армией был ликвидирован ряд отдельных мелких гарнизонов, а размещенные в них подразделения выведены в основные пункты дислокации.

С 15 мая 1988 года в соответствии с графиком начался вывод войск из Джелалабада. Вывод первых колонн был произведен торжественно. Перед началом марша проводились митинги **с** участием местного провинциального партийного и государственного руководства, жителей, представителей общественных организаций и афганской армии. Для освещения вывода прибыли советские и иностранные журналисты, многие из которых выразили желание пройти на советских боевых машинах часть пути. Это был первый случай, когда иностранные корреспонденты совершали марш в составе советских воинских колонн по дорогам Афганистана.

Утром 16 мая колонна торжественно выступила из Кабула. Здесь ее провожал Наджибулла, который вручил всем советским воинам медали «10 лет Саурской революции» и «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

С этого времени вывод советских войск из Афганистана стал повседневной работой командования и войск 40-й армии и Оперативной группы Министерства обороны СССР.

Вывод советских войск не сопровождался особыми осложнениями. Силы оппозиции, строго предупрежденные и получившие в 1986 году при выводе наших 6 полков тяжелый урок, не препятствовали уходу частей ОКСВ. Ее лидеры прекрасно понимали, что им все равно не удастся сорвать вывод войск, а в случае враждебных действий их отряды и группы понесут серьезные потери (хотя некоторые руководители «Альянса-7» настаивали на организации «кровавой бани»).

Через Афганистан в составе ограниченного контингента советских войск и советнического аппарата прошло 525,5 тыс. офицеров, сержантов и солдат, рабочих и служащих Советской Армии.

По состоянию на 15 февраля 1989 года наши потери составили:

убитыми и умершими от ран — 13 833 человека;

в том числе офицеров — 1979;

ранеными — 49 985 человек;

в том числе офицеров — 7132.

За героизм и мужество, самоотверженное исполнение своего воинского долга Указами Президиума Верховного Совета СССР награждено орденами и медалями СССР 200,2 тыс. военнослужащих, рабочих и служащих ОКСВ (в т. ч. посмертно — 10,9 тыс.).

66 военнослужащим из состава ОКСВ присвоено звание Герой Советского Союза (в том числе 23 — посмертно).

Участие во внутреннем вооруженном конфликте в Афганистане было наиболее длительным и крупным применением наших войск за пределами Советского Союза в мирное время. Нам противостоял сильный противник, поддерживаемый многими странами Запада, Среднего Востока и др., насчитывавший на территории страны свыше 180 тыс. человек, сведенных в более чем 4500 отрядов. Он был в состоянии контролировать большую территорию Афганистана (в основном сельскую местность).

Соединения и части 40-й армии в Афганистане являлись решающей силой, обеспечивающей удержание власти **в** руках правительства ДРА. Они почти непрерывно вели активную боевую деятельность, в том числе и операции различного масштаба.

С момента, когда последний советский солдат покинул территорию Афганистана, прошло более двух с половиной лет. Вопреки многим предсказаниям о неизбежной и скорой военной победе оппозиции сразу после ухода советских войск — этого не произошло. Созданные с нашей помощью афганские вооруженные силы самостоятельно и довольно успешно противостоят контрреволюционным силам, не позволяя свергнуть существующий в стране режим вооруженным путем.

Это и есть главный итог нашего военного присутствия в Афганистане.

Гонорар за эту статью перечисляется на счет № 700344 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

Кавказ. 1942—1943 годы: ГЕРОИЗМ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Начальнику Главного политического
управления Красной Армии
тов. ЩЕРБАКОВУ

Донесение политического отдела Северной группы войск Закавказского фронта

В составе Северной группы войск Закавказского фронта имеется 7 национальных дивизий, из них 2 грузинские, 3 азербайджанские и 2 армянские. Кроме этого, почти в каждой дивизии имеется значительная прослойка красноармейцев и младших командиров нерусской национальности, особенно народностей Кавказа и Средней Азии. В некоторых соединениях имеются целые батальоны, дивизионы и эскадроны национальные.

Бойцы и младшие командиры нерусской национальности в своем подавляющем большинстве не знают русского языка, а некоторая часть из них совершенно неграмотна. Больше половины личного состава нерусской национальности призвана в армию 4—5 месяцев тому назад. А многие из них в боях еще не участвовали или участвуют впервые.

До последнего времени партийно-политическая и воспитательная работа среди бойцов и командиров нерусской национальности в большинстве частей, как в национальных, так и во всех остальных, была запущена. Командиры и политработники не учли всех национальных особенностей этих бойцов, обычаев и уклада их жизни, а поэтому в подходе к ним и в работе с ними часто допускали формализм, а порой и бездушие, грубое отношение.

В результате запущенности воспитательной работы с личным составом, плохого изучения и знания людей, в результате отсутствия элементарной работы по боевому сколачиванию подразделений и подготовки их к участию в боях состояние большинства национальных дивизий до последнего времени было плохое. В частях этих дивизий имелись массовые случаи дезертирства, членовредительства и измены Родине. Две национальные дивизии — 89-я армянская и 223-я азербайджанская — по своей боевой подготовке и политико-моральному состоянию личного состава были признаны небоеспособными и отведены во второй эшелон.

223-я дивизия, не вступив еще в бой и только находясь на марше для занятия участка обороны, показала свою небоеспособность. На этом марше из частей дивизий дезертировало 168 человек одиночками и группами, унеся с собой оружие и боеприпасы.

89-я дивизия с первых же дней боев при незначительном столкновении с противником дрогнула, растеряла много людей, техники и оружия и также показала себя неспособной выполнить хоть сколько-нибудь серьезную задачу. Несмотря на то что дивизия имела 10 месяцев для боевой учебы, это время было использовано нерационально. Вместо кропотливой и упорной работы по повышению боевой выучки личного состава и подготовки его к предстоящим боям здесь занимались бесплодной шумихой и парадностью. Командно-политический состав, от командира дивизии подполковника Саркисяна, его заместителя по политической части ст[аршего] батальонного комиссара Айропетяна до командира взвода и командира отделения, вместо жесткой требовательности к своим подчиненным культивировали круговую поруку, панибратство и стали на путь замазывания и скрытия недостатков и имеющихся безобразий. Партийно-политическая работа в частях дивизий находилась на грани развала. Начальник политотдела ст[арший] батальонный комиссар Киркисян не знал действительного положения дел в частях. С людьми не работали, их не воспитывали и об их бытовых нуждах не беспокоились. Были случаи, когда бойцы на передовых позициях днями не имели питьевой воды, не получали горячей пищи. Поэтому не удивительно, что большая часть их попала под влияние враждебных элементов, безнаказанно орудовавших в дивизии.

В первом бою много командиров взводов, рот и батальонов потеряли управление своими подразделениями. Разведки организовано не было, взаимодействия и взаимной связи между подразделениями в бою не было. В результате этого дивизия понесла большие потери. Много бойцов разбежалось, а более 400 человек перешли на сторону противника. После того как дивизия была отведена во второй эшелон, на протяжении нескольких дней находилась там группа работников политотдела во главе с моим заместителем старшим батальонным комиссаром Левченко, которая оказала большую практическую помощь партполитаппарату в перестройке партийно-политической работы согласно требованиям дня.

Аналогичное положение вскрыто сейчас и в 392-й грузинской дивизии. В этой дивизии только за 4 дня, с 9 по 13 октября, изменили Родине и перешли на сторону врага 117 красноармейцев и командиров.

В 392 сд находится сейчас группа работников политотдела 37-й армии во главе с начальником политотдела полковым комиссаром тов. Осадчим для дополнительного глубокого изучения причин, породивших такое состояние, и принятия конкретных мер на месте.

Практика показала, что там, где командиры и политработники достаточно уяснили себе всю важность политического воспитания бойцов и командиров нерусской национальности, там, где об этих людях проявляют настоящую заботу и где с ними работают, там они не поддаются никаким уловкам врага, воюют умело, храбро и бесстрашно. В частях группы имеется немало фактов проявления героизма и отваги в боях бойцами и командирами нерусской национальности, достаточно привести несколько таких примеров, чтобы подтвердить, насколько мужественно дерутся с немецкими захватчиками сыны грузинского, армянского, азербайджанского, узбекского и других народов Кавказа и Средней Азии.

Командир взвода 57 осбр мл[адший] лейтенант узбек Алиев Ислам 28 сентября во время боя за выс. 489 первым ворвался на эту высоту и с группой бойцов закрепился на ней. На следующий день противник крупными силами пехоты атаковал высоту, пытаясь вернуть свои утраченные позиции. Но группа бойцов под командованием Алиева дралась до последнего дыхания с превосходящими силами врага, но не пропустила его через свой рубеж обороны. Все они пали смертью храбрых на высоте, и среди трупов своих боевых товарищей остался один Алиев. И, оставшись один, он стойко продолжал сражаться против сотни гитлеровских бандитов до тех пор, пока вражеская пуля не пронзила сердце пламенного патриота-героя.

Сержант 535 сп 2 гв. сд азербайджанец Аморпиряев с бойцами своего подразделения зашел в тыл противнику в районе горы Хара-Хора и смелым броском выбил его со стратегически важной высоты...

Только за последние 8 дней, с 5 по 13 октября, из частей группы перешли или пытались перейти на сторону врага 160 человек, из них 119 грузин и 14 узбеков. Из 85 человек, дезертировавших за это время, — 30 узбеков, 20 азербайджанцев, 4 лезгина, 3 осетина, 3 кабардинца и 2 чеченца. Командование и партполитаппарат все еще мало общаются с бойцами нерусской национальности, плохо изучают их нравы и обычаи, их запросы и требования, не научились еще индивидуально подходить к каждому из них. Противник в национальные дивизии больше, чем в какие-либо другие час-

ти, засылает своих агентов, забрасывает листовки и применяет ряд других методов распространения своей пропаганды. А политработники часто не умеют вскрыть и своевременно разглядеть действия вражеских элементов, не всегда умело противопоставляют этой контрреволюционной агитации нашу контрподготовку.

Начальник политического отдела Северной группы войск Закавказского фронта бригадный комиссар НАДОРШИН

18 октября 1942 г.

ЦАМО, ф 209, оп. 1019, д. 39, лл. 3—8.

Члену военного совета Закавказского фронта
бригадному комиссару
тов. ЕФИМОВУ

Согласно вашим указаниям доношу, что в 37-й армии военнообязанных красноармейцев 858 [человек] горных национальностей [кабардинцев и балкарцев]. В том числе райвоенкоматы КБ АССР призвали и передали на укомплектование наших частей, главным образом тыловых, 639 чел[овек], как-то: в 238-ю гужтранспортную роту — 266 чел[овек], в 201-й азсп — 153 человека] и т. д.

Кабардинцы и балкарцы, служа в частях 37-й армии, пользуясь знанием районов Кабардино-Балкарии и близостью местожительства, частью дезертируют. Так, с 10 сентября по 20 октября дезертировало 33 красноармейца — кабардинцев и балкарцев и 2 перешли на сторону противника, часть из дезертировавших ушла с оружием в горы, организовывая банды и вступая в них.

Кроме того, 20—23 сентября при марше на пополнение в 160-ю гужтранспортную роту 100 чел[овек] кабардинцев, необмундированных, в разное время дезертировали 40 чел[овек].

Прошу вашего решения об откомандировании из армии красноармейцев-кабардинцев и балкарцев в части, не находящиеся на территории Кабардино-Балкарской АССР.

Начальник политического отдела 37-й армии полковой комиссар ОСАДЧИЙ

21 октября 1942 г.

ЦАМО. ф. 444, оп. 8900, д. 17, л. 367.

ОСОБОГО внимания заслуживает вопрос действий банд в Кабардино-Балкарской АССР, Адыгейской автономной области, Чечено-Ингушской АССР. Ведь они имели трагические последствия для местных жителей, причем как во время войны (много людей гибло в ходе борьбы с бандами), так и после нее.

Начальнику политического управления Закавказского фронта бригадному комиссару
тов. СОРОКИНУ

Донесение об активизации банд в селениях Средней Балкарии КБ АССР

С наступлением противника и занятием районов КБ АССР и г. Нальчика банды активизировались. По ряду данных, из ранее организованных партизанских отрядов, из партийного и советского актива, при выдаче им оружия часть их примкнула к бандам.

Также в силу засоренности советского и партийного аппарата в ряде районов и отдельных областных организаций в банды ушли бывшие ответственные работники. Ушедший в банду в августе этого года пом[ощник] прокурора республики, по имеющимся данным, сейчас немецкими властями назначен министром Кабардино-Балкарии. Председатель горсовета гор. Нальчика с работниками горсовета ушел из города при его занятии противником, но впоследствии вернулся в гор. Нальчик и, по данным, является бургомистром города.

Активизация банд ярко выразилась в районе сел Средней Балкарии. С уходом 16 ноября штаба армии из с. Мухол бандиты выступили открыто, захватив ряд населенных горных сельских пунктов, обстреливали проходившие подразделения наших частей, терроризируя преданную Советской власти часть населения. Свое выступление ознаменовали поджогом и уничтожением общественных и государственных зданий, выстроенных за время Советской власти, грабили имущество, принадлежащее государству, а также захватили часть имущества, продовольствия и автомашины, принадлежащие частям 11 сд НКВД. Чувствуя свое превосходство, бандиты дошли до того, что захватили зенитное орудие 772 ап ПВО с расчетом, который под силой оружия заставили вести огонь по нашим подразделениям, [бойцы] не выполнили требование бандитов, и те уничтожили расчет, 2 красноармейца убежали от расправы бандитов.

По данным, вооруженному выступлению сопутствовало объединение самых различных элементов: уголовников, кулаков и дезертиров из Красной Армии кабардинцев и балкарцев. По предварительным данным, бандитская группа в районе Балкарии насчитывала свыше 206 человек, а также часть населения, не действующая в организованных бандах, оказывала бандитам всяческое содействие.

Возрождение бандитизма в ряде районов Кабардино-Балкарии явилось результатом плохой постановки партийно-политической работы с местным населением в период довоенного времени и в особенности в период войны. Враждебные элементы, агитируя против Советской власти, привлекали на свою сторону часть преданных Советской власти местных жителей, которые из-за отсутствия с ними политической работы шли за враждебными элементами.

Засоренность партийных и советских органов в ряде районов и даже в отдельных областных организациях привела к тому, что пробравшиеся на руководящие посты, ведя антигосударственную деятельность, впоследствии ушли в банды.

Недостаточная велась борьба органов НКВД с проявлением бандитских выступлений в период Отечественной войны, а с приближением противника к районам Кабардино-Балкарии не велось решительной борьбы с открытым бандитизмом и в особенности с контрреволюционно-бандитским вооруженным выступлением в период наступления противника на территорию Кабардино-Балкарии.

Начальник политического отдела 37-й армии полковник ОСАДЧИЙ

ЦАМО. ф. 444, оп. 8900, Д 18, лл. 31—32

Начальнику политического управления Северо-Кавказского военного округа
полковнику тов. БОДРОВУ
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Несмотря на ряд проводимых мер борьбы с бандитско-контрреволюционными элементами со стороны местных партийных и советских организаций, все же в ряде горных районов республики продолжают действовать бандитско-контрреволюционные элементы, в Шатоевском, Итум-Калинском, Чеберлоевском, Шароевском и др[угих] р[айона]х.

Действия бандитско-контрреволюционных элементов характеризуются следующими фактами:

1. 12.8.43 г. группа бандитов вошла в райцентр Ачалукского р-на, вооруженная автоматами, винтовками, [бандиты] подняли стрельбу, напали на квартиру милиционера Бистова, открыли по окнам стрельбу, Бистову удалось бежать, а 14-летняя дочь была убита. В завязавшейся перестрелке был убит из группы бандитов Воделов, у которого при обыске были обнаружены под рубашкой две гранаты «РГД».

2. 18.8.43 г. из колхоза им. «2-я пятилетка» Ачалукского района бандитами уведены колхозные лошади.

3. 18.8.43 г. в районе сел. Буты вооруженная банда до 30 человек напала на обоз с грузом Шароевского сельпо, [бандиты] ограбили последний.

4. 19.8.43 г. группа вооруженной банды **в** Киринском сельсовете угнала до 300 голов овец, принадлежащих колхозу.

5. В Ачхой-Мартановском р-не 13.8. 43 г. в сел. Чу-Жи-Чу убит группой бандитов председатель сельсовета т. Ларсонова.

6. В Итум-Калинском р-не в первых числах августа бандиты угнали колхозный скот, при помощи военных частей около ста голов скота было отбито, остальной скот банде удалось угнать.

7. Чеберловский райвоенком лейтенант Карпов в политдонесении сообщает: 18.3.43 г. на территории Даиского сельсовета командированная работница райздравотдела была встречена бандитами. Бандиты задали вопрос: «Как дела обстоят на фронте?» Она ответила: «Красная Армия бьет немцев». Бандиты ее избили, сняли одежду, отпустив, сказали ей: «Красная Армия бьет немцев, **а** мы будем бить вас».

8. 7.8.43 г. Председатель сельсовета Уандои т. Гаммиев ехал в райцентр с призывниками 1926 года рождения на приписной пункт, по пути встречен был бандитами и избит.

9. 22.8.43 г. группа бандитов до 25 человек по дороге из села Татой в Чеборлой напала на подводу с товарами, принадлежащими селу, последние разграблены.

Имеется ряд случаев увоза бандитами колхозного хлеба с токов (Атагинского, Шатоевского, Урус-Мартановского р[айо]нов).

Все эти факты свидетельствуют о некоторой напряженной обстановке в республике, и особенно в горных районах.

В настоящее время проводятся меры по ликвидации контрреволюционных бандитских групп в республике.

Начальник политического отдела военного комиссариата ЧИ АССР подполковник ИВАНОВ

ЦАМО, ф. 144, оп. 13199. д. 33, лл. 117—120.

В ГОДЫ ВОИНЫ принимались активные меры по наведению порядка в прифронтовой полосе, вплоть до операций по проверке всех населенных пунктов, поездов, вокзалов и прилегающей местности. Вот, например, отчет о такой проверке в период с 20 по 26 июля 1943 года.

Командующему Северо-Кавказского военного округа
генерал-лейтенанту тов. КУРДЮМОВУ
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

В целях задержания шпионов, диверсантов, дезертиров из Красной Армии, нелегалов, уголовно-преступного элемента и изъятия оружия с 20 по 26 июля 1943 года во всех районах Ставропольского края и [на] магистралях Орджоникидзевской и Ворошиловской жел[езных] дорог (за исключением Кизлярского округа, Прикумских районов и Карачаевской автономной области, где проходят войсковые операции по специальному плану) была проведена 5-дневная операция по проверке всех населенных пунктов, поездов, вокзалов, жел[езно]дорожных станций, будок, домов, казарм, бараков, квартир разыскиваемых, притонов, нелегальных ночлежных домов, МТС, совхозов, полевых бригад, скотоводческих кошар, лесных сторожек, цыганских таборов и проческе отдельных лесных массивов, зарослей и камышей, балок, оврагов и т. п.

Для организации и проведения операции краевым управлением НКВД было командировано в районы 36 опытных оперативных работников.

В операции принимало участие 10 125 чел[овек]. Из них: работников территориальных и транспортных органов НКВД и милиции — 1143 человека], совпартактива — 3160 чел[овек], бойцов и командиров войск НКВД и Красной Армии — 2389 чел[овек], бойцов истребительных батальонов — 2971 чел[овек], допризывников 462 человека.

Проверено.

За 5 дней проверено 685 населенных пунктов, 2713 притонов и квартир разыскиваемых, 296 поездов, 101 жел[езно]-дор[ожная] станция и вокзал, 3255 единиц автогужевого транспорта, прочесано 654 лесных массива, балки, оврага, заросли камышей и т. п.

В результате операции ликвидировано 8 бандитско-дезертирских групп, арестовано — 563 чел[овека], из них: диверсантов — 1, шпионов — 3, подозреваемых в шпионаже — 5. изменников родины — 5, полицейских — 6, старост — 4, бандитов — 14, банд[итских] пособников — 4, дезертиров из Красной Армии — 267, скрывавшихся от призыва — 41, уголовных преступников — 148, спекулянтов — 51, мародеров—1, нарушителей военно-учетных правил — 18, беспризорников — 5.

Кроме того, задержано и передано военкоматам для направления в части Красной Армии—211 человек, отпущено под подписку — 68 человек, привлечено к административной ответственности и оштрафовано — 337 человек.

Изъято огнестрельного оружия: пулеметов — 4, автоматов — 7, винтовок — 66, обрезов— 1, пистолетов и револьверов — 10, охотничьих ружей — 4, гранат — 3, патронов — 1397.

Изъято материальных ценностей: предметов разного военного обмундирования — 119 единиц, предметов другого имущества 2701 единица, зерна, муки и крупы — 306 пудов, керосина 4,5 тонны, шерсти 2 центнера, промтоваров и вещей на 160 тысяч рублей и наличными деньгами— 151 тыс[яча] рублей.

Начальник управления НКВД по Ставропольскому краю комиссар госбезопасности ТКАЧЕНКО

3 августа 1943 г.

ЦАМО, ф. 144. оп. 13199. д. 33. лл. 26—2В.

В СИЛУ известных причин в годы войны было принято много жестких решений. Одно из них явилось следствием напряженной обстановки на Северном Кавказе и прекрасно иллюстрируется следующим документом:

Командующему Северо-Кавказского фронта
генерал-полковнику тов. МАСЛЕННИКОВУ

В соответствии с директивой наркома внутренних дел Союза ССР, генерального комиссара государственной безопасности тов.Берия от 21 апреля 1943 г. № 11 889 о выселении неблагонадежных элементов с территории края в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза от 22 июня 1941 г. просим разрешить выдворить в административном порядке следующие категории лиц:

1. Членов семей, ушедших добровольно с немцами;
2. Членов семей изменников Родины и предателей, осужденных **к** лишению свободы;
3. Членов семей бандитов и пособников;
4. Лиц, подозрительных по шпионажу, **в** отношении которых не добыто достаточных данных для ареста (отбор и документация в индивидуальном порядке).

Секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) СУСЛОВ
Нач. управления НКВД по Ставропольскому краю комиссар госбезопасности ТКАЧЕНКО
5 мая 1943 г.
ЦАМО. ф. 51, оп. 926, д. 13, л.140.

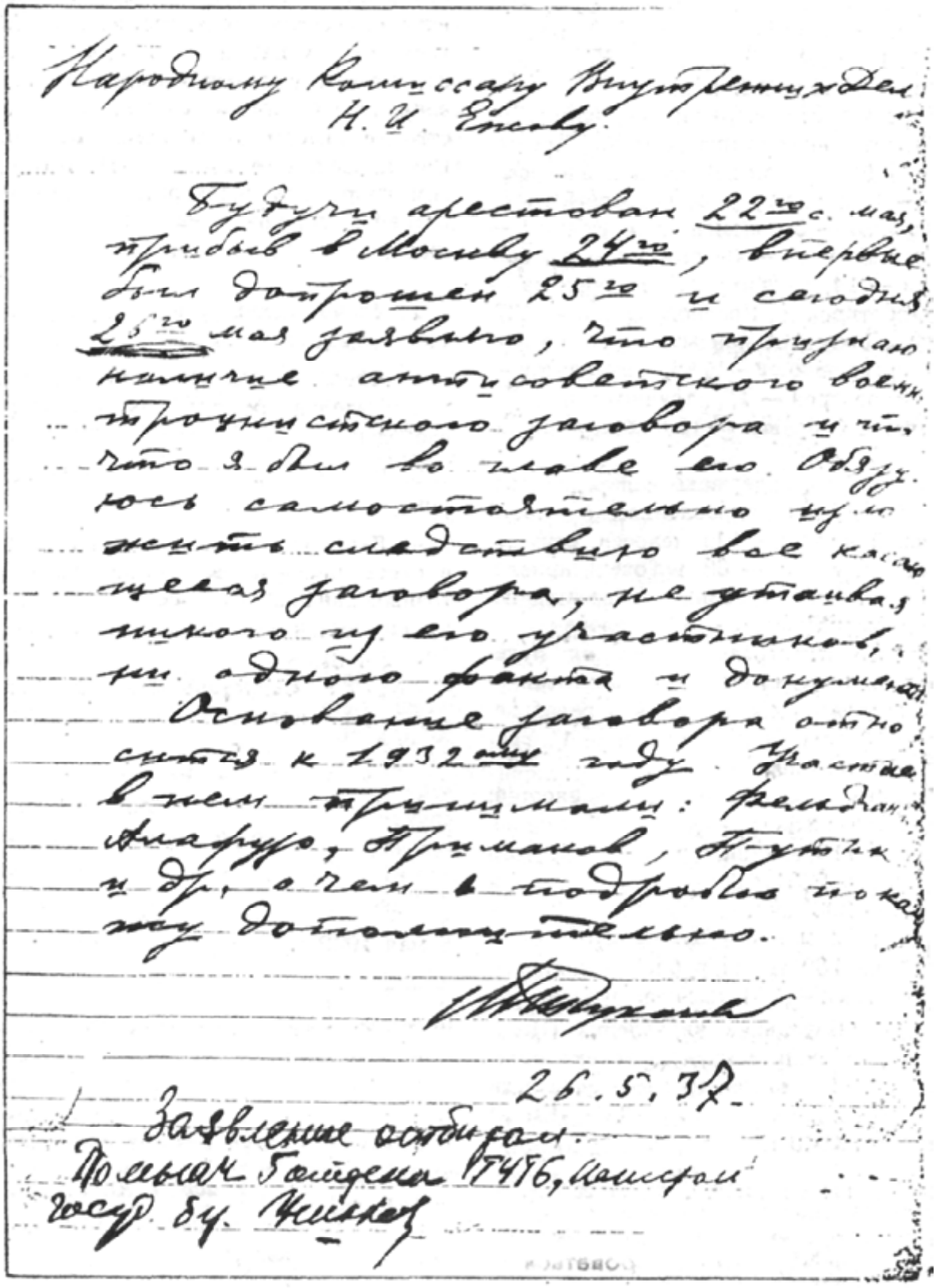
Публикацию подготовили полковник Ю. Н. СЕМИН, майор О. Ю. СТАРКОВ

1937. ПОКАЗАНИЯ МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

СТРАСТИ вокруг «дела» маршала М. Н. Тухачевского и всего, что с ним связано, казалось, отшумели на заре гласности и перестройки. Многочисленные, похожие друг на друга газетные и журнальные публикации вроде бы поставили точку в массовом сознании. Всем все стало ясно.

Полагаем, после обнародования материалов уголовного дела Тухачевского, переданных Комитетом государственной безопасности в нашу редакцию, страсти способны вспыхнуть вновь. Поэтому заявляем: мы не ставили своей задачей ответить на вопрос, что Тухачевский писал по доброй воле, а что выколотили из него в НКВД. Ощущение при чтении таково, что, наверное, немало добыли путем давления. Особенно в той части, где речь идет, собственно, об организации военного заговора, о том, как с легкостью необыкновенной и не особенно таясь Михаил Николаевич лично вербовал заговорщиков.

Однако именно эта часть материалов не показалась нам достаточно интересной. В отличие от второй, названной «План поражения» (имелся в виду план, по которому следовало вести Красную Армию к поражению в будущей войне). Думается, вряд ли найдутся скептики, которые усомнятся, что Тухачевский сам писал эти страницы. Кроме разве что



Народному Комиссару Внутренних Дел
Н. И. Ежову.

Будучи арестован 22-го с. мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня 25-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932-му году. Участие в нем принимали: Геккер, Алафуз, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно.

Тухачевский

26.5.37 г.

Заявление отобрал.
Полковник Гайденко 17476, помощник гос. бр. Ежов

названия самого документа да еще некоторых фрагментов о вредительстве. Для столь глубокого анализа обстановки в Европе нужны были кругозор, эрудиция и осведомленность замнаркома обороны, а не помощника начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД капитана госбезопасности Ушакова, чья подпись часто заключает протоколы.

Зачем Тухачевскому в тюремной камере было писать все это, да еще и пояснять приложенными картами? Хотел показать Сталину, что он крупнейший военный теоретик, что без него не обойдутся? Помочь стране и армии сориентироваться в будущей военной политике? Понравиться следователю и судьям? Кто ответит...

С нашей точки зрения, показания маршала Тухачевского дают возможность представить, какой виделась высшему политическому и военному руководству Советского Союза в 1937 году предвоенная Европа, каким представлялся расклад сил, характер будущей мировой войны. А это в свою очередь позволяет по-иному взглянуть на некоторые внешнеполитические и военные шаги Сталина, предпринятые в 1939 и 1940 годах.

II. ПЛАН ПОРАЖЕНИЯ

Центр антисоветского военно-троцкистского заговора тщательно изучал материалы и источники, могущие ответить на вопрос: каковы оперативные планы Гитлера, имеющие целью обеспечение господства германского фашизма в Европе?

Основной для Германии вопрос — это вопрос о получении колоний. Гитлер прямо заявил, что колонии, источники сырья, Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты.

Опыт войны 1914—1918 гг. учит Германию тому, что без обеспечения себя основными видами сырья, в особенности железной рудой, нефтью и хлебом, ей невозможно участвовать в большой и длительной современной войне. Все эти виды сырья на Украине и в Румынии, частично в Чехословакии.

Если подойти к вопросу о возможных замыслах Гитлера в отношении войны против СССР, то вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум, на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий. И такая задача очень трудна и сколько-нибудь серьезно может мыслиться только в войне СССР на два фронта: на западе и на Дальнем Востоке. При этом успехи социалистической экономики СССР из года в год настолько велики, что и эти ограниченные военные цели Германии и Японии станут скоро вообще неосуществимыми.

Итак, немцы должны будут поставить перед собой ограниченную цель войны — отторгнуть часть территорий от СССР и отстоять обладание этой частью территории до конца войны. Немецкие военные теоретики очень высоко ценят такой метод войны, считая творцом его Фридриха Великого (Семилетняя война). Этот вид войны с ограниченной целью очень обстоятельно рассматривает и Клаузевиц. Само собою понятно, что подобного рода война с ограниченной целью ведет свои операции именно на той территории, которой она должна в конце концов овладеть. Необходимо поэтому проанализировать возможные театры войны гитлеровской Германии против СССР с экономической точки зрения, т. е. с точки зрения удовлетворения колониальных аппетитов Германии.

Немцы, безусловно, без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и с занятого плацдарма начать наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной их части) областей. Финляндия, вероятно, пропустит через свою территорию германские войска. Затруднения, которые немцы встретили бы при этой операции, были бы следующие: во-первых, железнодорожная сеть Эстонии, Латвии и Литвы слишком бедна и отличается слишком малой провозоспособностью, чтобы она могла обслужить действия крупных сил. Потребовалось бы либо вложение крупных капиталов в железные дороги этих стран в мирное время, либо развитие этих дорог во время войны, что сильно сковало бы и осложнило действия германских армий. Во-вторых, СССР не позволил бы Германии безнаказанно занять Прибалтийский театр для подготовки в нем базы для дальнейшего наступления в пределах СССР. Однако с военной точки зрения такая задача может быть поставлена, и вопрос заключается в том, является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст. Многомиллионный город Ленинград с хозяйственной точки зрения является большим потребителем. Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват, — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой, зато с экономической — ничтожный. Не могут немцы не учитывать и того, что Ленинград, как центр военной промышленности, уже не играет для нас той решающей роли, которую он играл до переноса военной промышленности к востоку.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье, украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и за Белоруссию, т. е. связано оно с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Германии исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение Правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру германской колонией. В стремлениях к Украине среди германских военных кругов играет немаловажную роль и тот факт, что немцы в 1918 году оккупировали Украину, но были оттуда выбиты, т. е. стремление к реваншу.

Итак, территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий.

Очень часто имеют предположения, что Германия не захочет значительно удаляться своими армиями от своей территории. Это зависит исключительно от политических задач, которые будут поставлены перед армией. Если этой задачей будет захват советской территории, то германская армия не может не стремиться на эту территорию.

Только в том случае, если политической целью Германии была бы ограниченная задача поддержки Польши в войне с нами, только в этом случае можно допустить, что германские армии не уйдут далеко от своих границ. Но даже и в этом случае надо учитывать принципы германского генерального штаба, доказанные ходом войны 1914—1918 гг., заключающиеся в том, что германский генеральный штаб не занимается политиканством, а бросает свои армии туда, куда потре-

буют стратегические соображения. Так, например, немцы неоднократно бросали свои войска на территорию Австро-Венгрии для борьбы с Сербией, Румынией и Италией. Поэтому не следует обольщать себя надеждами на то, что немцы не уйдут далеко от своих границ.

Однако вывод, который только что сделан в отношении германских намерений насчет Украины, является относительным. Дело в том, что даже если Германия и поставила бы перед собой задачу вести войну с ограниченной целью, то все же эта война не может не превратиться в большую и длительную войну, причем как минимум создались бы два фронта: белорусский и украинский. СССР слишком силен, чтобы согласиться даже на малейшую территориальную уступку. Длительная же война с СССР, несомненно, может вовлечь в войну с Германией и Францию, и Англию. Другими словами, война, цель которой ограничивается захватом одной только Украины, превращается в войну большую, которая требует все того же предварительного решения сырьевой проблемы.

В силу этого мне представляется весьма вероятным, что Германия до войны с нами постарается захватить Чехословакию и Румынию. Не исключена такая обстановка в Европе, когда ни одна из стран не сможет вовремя поддержать Чехословакию против Германии. Если только нападение Германии на Чехословакию будет поддержано с юга ударом венгерской армии, что весьма вероятно, то участь Чехословакии может быть решена очень быстро. Следует еще учесть, что в Чехословакии орудуют германские фашистские организации, которые могут дезорганизовать оборону страны. Имеются разведывательные данные, говорящие о том, что немцы разрабатывают план захвата Чехословакии в трехдневный срок. Действительно, положение вытянутой с запада на восток Чехословакии, находящейся под ударами с запада, севера, юга и, наконец изнутри, является чрезвычайно тяжелым. Если даже речь будет идти и не о трехдневном сроке, то во всяком случае о столь же коротком, в который заинтересованные страны могут и не успеть принять какие-либо решительные контрмероприятия.

Что касается войны Германии поотив Румынии, то со стратегической точки зрения немцы хорошо знают как можно оккупировать территорию этой страны. Опыт 1916 года немцами хорошо изучен.

Что же может дать немцам оккупация Чехословакии и Румынии в экономическом отношении? Статистика говорит о том, что Румыния экспортирует ровно столько хлебных злаков, сколько Германия импортирует их в мирное время (до гитлеровских ограничений). Румыния добывает, если память мне не изменяет, 14 миллионов тонн нефти. Румыния и Чехословакия богаты многими металлами. Наконец, утверждение германского капитала в Румынии означало бы его монополию на Балканах, в Турции и выход его опять-таки в Черное море. Только железная руда по-прежнему являлась бы узким местом германского народного хозяйства и требовала бы захвата Криворожья. Не исключена возможность того, что немцы, правильно поставив разведку недр, сумеют найти железную руду и в Румынии. Таким образом, захват Германией Чехословакии и Румынии может обойтись без большой войны, зато для большой войны этот захват значительно упорядочивает сырьевой вопрос в германском народном хозяйстве, уменьшает зависимость Германии от Польши при войне против СССР, и, наконец, исходный базис для войны против СССР со стратегической точки зрения становится гораздо более выгодным.

В конечном счете можно сделать вывод, что независимо от того, будет ли предшествовать войне против СССР война Германии с Чехословакией и Румынией или не будет, все равно **главные интересы гитлеровской Германии направлены в сторону Украины. Из этого должен исходить, это должен учитывать наш оперативный план. Однако наш оперативный план этого не учитывает. Он построен все так же, как если бы война ожидалась с одной только Польшей.**

Рассмотрим теперь западные наши границы и западные театры войны, исходя из политической задачи «бить противника на его территории».

На ближайший отрезок времени, пока существует Чехословакия и Румыния, **«бить противника на его территории» практически означает бить польско-германские силы на польской территории.** Со значительной долей вероятности дело будет обстоять именно так. Вряд ли в Прибалтийские страны немцы пошлют более одного-двух экспедиционных корпусов.

Решающее значение операции должны принять тогда, когда с поражением польско-германских сил должна будет пасть буржуазная Польша. Такое сражение может иметь место в районе Кенигсберг — Львов — Краков — Данциг. Каковы же пути движения наших армий для того, чтобы выйти в этот район в наиболее выгодной группировке и с наиболее широкой охватывающей базой?

Стратегически наиболее выгодным путем является быстрый разгром армиями вторжения вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы с тем, чтобы выход наших главных сил, действующих севернее Полесья, на линию Кенигсберг — Брест — Литовск произошел в условиях, когда эти главные силы будут иметь за собой широкий, охватывающий тыл, обеспечивающий организацию наиболее бесперебойного транспорта и наиболее удобного боевого размещения авиации на аэродромах. Этот вариант, к сожалению, натолкнулся на трудно преодолимые в политическом отношении затруднения, а именно на то, что лимитрофы (Лимитрофы — в 20—30-х гг. XX в. общее название буржуазных государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи после 1917 г. (Латвия, Литва, Эстония, Польша, Финляндия)) могут сохранить нейтралитет. **Так как повторение «Бельгии» признается недопустимым, то от этого плана пришлось отказаться.** Вот почему не прав Корк, когда говорит, что агрессивная роль прибалтов вредительски затушевывалась. Наоборот, агрессивная политика прибалтов позволила бы нам воспользоваться наилучшим вариантом стратегического решения. Не агрессия, а нейтралитет прибалтов сорвал применение наиболее решительного плана, и отмена последовала не ведомственным военным решением, а решением правительства. Я в дальнейшем еще вернусь к этому варианту, так как в связи с вероятным нападением на нас немцев и огромным значением, которое будет играть Восточная Пруссия, при нашем движении в глубь Польши, а также учитывая то, что мы строим на Балтике большой военно-морской флот, — этот вариант будет иметь в будущем еще более решающее значение.

Нейтралитет прибалтов играет для нас очень опасную роль. Если, скажем, он продолжится даже только две недели, то и тогда он сыграет свою вредную для нас роль. В силу сохраняемого нейтралитета мы должны будем отказаться от наиболее выгодного варианта и через две недели, если нейтралитет будет прибалтами нарушен, исправить дело будет уже невозможно, т. е. невозможно в процессе стратегического сосредоточения. В ходе операций, конечно, многое можно будет выправить.

Однако, считаясь с политическими требованиями в отношении уважения нейтралитета, надо искать другие, хотя бы и менее выгодные в стратегическом отношении пути.

Севернее Полесья остается один путь, между Латвией и Литвой с севера и самим лесисто-болотистым Полесьем с юга. Этот стратегический коридор, и без того узкий, продольно разбивается как бы еще на две части лесисто-болотис-

тым районом верховья Березины, Налибакской пущей, средним течением Немана и Беловежской пущей. Помимо того, он имеет и поперечные преграды: р. Вилия, вернее, течение Немана, Неман и Шора на участке Гродно — Слоним, Нарев, Ясельда, Западный Буг. Однако самым слабым местом «белорусского коридора» являются его выходы на территорию этнографической Польши. Армии, наступающие по этому коридору, будут находиться в этом районе в очень тяжелом положении. Коснусь этих положений.

Напрасно стали бы мы ждать, как это делает у нас Генеральный штаб, что немцы первые нарушат нейтралитет Литвы. Это им невыгодно. В этом случае немцы имели бы в Литве слишком плохо обеспеченный путями сообщения тыл. Между прочим, во время одной из полевых поездок, кажется в 1911 году, Мольтке, как это описывает Форстер в своей книге «За кулисами германского генерального штаба», обсуждал вопрос о возможности направить наступление германских армий из В. Пруссии в направлении на Вильно и пришел к выводу о том, что это исключено ввиду слабости железнодорожной сети на территории Литвы. Характерно и то, что Гитлер сам предложил Литве заключить пакт о ненападении. Таким образом, раз немцы не будут нарушать нейтралитет Литвы, то нашим армиям придется своим правым флангом, двигаясь через Гродно и далее на запад, подвергаться опасности удара с севера, из Восточной Пруссии. Но это еще не все. В том случае, если главные силы Белорусского фронта форсируют Неман у Гродно и южнее, немцы могут нарушить нейтралитет Литвы, имеющей каких-нибудь три дивизии, и накоротке выйти в тыл Белорусского фронта в направлении Ковно— Вильно. Если глубокое вторжение в Белоруссию через Литву для немцев было бы опасно с точки зрения организации тыла, то операция с коротким замахом является вполне закономерной.

В дальнейшем Белорусский фронт должен будет искать взаимодействия с Украинским фронтом в направлении Брест-Литовска, стремиться к поражению польско-германских сил на варшавском направлении, обеспечивать свой фланг со стороны В. Пруссии и свой тыл со стороны Ковно — Вильно.

Совершенно очевидно, что решать все эти задачи одновременно невозможно. Командование Белорусским фронтом должно будет наметить определенную последовательность в разрешении этих задач.

Весьма возможно, что прежде всего обстановка заставит приступить к радикальному решению задачи обеспечения своего правого фланга, т. е. к разгрому германских сил в В. Пруссии. В этом случае было бы крайне важно для нас пройти по территории Литвы, что, может быть, можно будет и не считать нарушением нейтралитета, т. к. по договору между Литвой и РСФСР от 1920 года район Молодечно — Лида — Гродно также входит в состав Литвы и, следовательно, Красная Армия уже ходом вещей будет действовать на литовской территории.

Не исключена возможность, что, организовав прочное обеспечение своего правого фланга и тыла путем выставления сильного заслона для обороны, Белорусский фронт атакует противника на главном направлении совместно с Украинским фронтом. Однако в этом, последнем случае главные силы Белорусского фронта будут, во-первых, значительно ослаблены выделением крупных сил на обеспечение своего фланга и тыла, а во-вторых, все же немцы могут нанести поражение флангу и тылу Белорусского фронта путем организации удара из В. Пруссии как непосредственно на юг, так и через Литву на Ковно — Вильно. Эта угроза особенно реальна потому, что В. Пруссия обладает богато развитой железнодорожной сетью, позволяющей в сутки подвозить не менее шести пехотных дивизий. Столько же можно перебрасывать и по шоссейным путям В. Пруссии на автотранспорте.

Наконец, особенно опасным может стать положение Белорусского фронта, если произойдет разрыв между ним и подходящим к району Брест-Литовска Украинским фронтом. Тогда возможна концентрическая атака главных сил Белорусского фронта. Главное Командование должно организованно вывести в этот район внутренние фланги обоих фронтов.

Итак, Белорусский фронт при своем выходе на границу этнографической Польши должен расширять полосу своих действий, в то время как тыл его остается все в том же узком коридоре. До прихода Гитлера к власти Вост. Пруссия являлась для правого фланга Белорусского фронта надежным прикрытием. Так это было и в 1920 году. Но с установлением гитлеровского режима картина резко изменилась. Задачи Белорусского фронта стали неизмеримо сложнее, силы, которые он встретит в решительном сражении, вырастут, вероятно, вдвое и в то же самое время цели, которые были поставлены фронту, и силы, ему предоставленные, остались без изменения. В этом несоответствии задач и средств кроются большие опасности, грозящие при стечении неблагоприятных условий серьезным поражением армиям Белорусского фронта.

Получается такое положение, что в самый тяжелый момент армиям Белорусского фронта придется наступать раструбом из узкого стратегического коридора. Все преимущества перегруппировок будут на стороне врагов. Кроме того, немцы и поляки будут иметь по сравнению с Белорусским фронтом огромные преимущества в отношении широкого и глубокого размещения авиации, а также в отношении охватывающего и выгодного рассредоточенного расположения тылов. В самом деле, «белорусский коридор» имеет тесно сжатые железнодорожные коммуникации и столь же тесно сжатые шоссейные пути.

Точно так же и скученное размещение авиации, исключающее широкий маневр по передислокации по фронту авиационных соединений, будет иметь следствием больший урон нашей легкой авиации по сравнению с потерями врагов на их аэродромах. Немцы, имея полную возможность рассредоточивать свою авиацию по Вост. Пруссии и Северной Польше, будут иметь преимущества в авиационном маневре.

Наши стесненные коммуникации будут нести от авиации большие потери, будут давать перебои, будут задерживаться с восстановлением разрушений и т. д.

Рассмотрим теперь стратегический путь между лесисто-болотистым Полесьем с севера и границами Румынии и Чехословакии с юга. Этот путь также представляет собой стратегический коридор, вполне доступный для наступления крупных сил, хотя и перерезан поперек целым рядом не слишком крупных речных преград и имеет отдельные районы, неудобные для действий, как, например, Дубненский район.

Нависание над левым флангом Украинского фронта границы Румынии в стратегическом отношении сходно со значением Латвии для Белорусского фронта. Однако дальше идет граница Чехословакии, и в этом отношении удобства глубокого наступления находятся на стороне Украинского фронта. В самом деле, границы Румынии с СССР надежно прикрыты системой укрепленных районов, а северный участок границ Румынии с Польшей гористый, неудобен для действий больших войсковых масс и крайне беден железными дорогами. В этом районе сравнительно нетрудно организовать прочную оборону, выставив надежный заслон в сторону Румынии. В 1920 году Румыния сыграла неприятную роль. Она притягивала к себе встревоженное внимание Главного Командования, а это последнее оттягивало к границам Румынии силы из главной группировки юго-западного фронта. Во всяком случае организация надежного прикрытия своего фланга и тыла со стороны Румынии является несравнимо более простой задачей, чем прочное обеспечение фланга Белорусского фронта.

При выходе Украинского фронта примерно на линию Брест-Литовск — Львов перед его командованием встанет основная задача нанесения главным силам противника удара совместно с главными силами Белорусского фронта. В этом случае левый фланг будет прикрыт чехословацкой территорией и все внимание войск фронта может быть сосредоточено на главных силах противника. Только в том случае, если по ходу операций к моменту выхода правого фланга Украинского фронта в район Ковель — Люблин образовался бы между ним и Белорусским фронтом разрыв, только в этом случае могла бы создаться угроза удара противника во фланг со стороны Брест-Литовска. Роль Главного Командования должна заключаться в том, чтобы не допускать разрыва между фронтами.

Вопрос с размещением авиации и тылов для армий, наступающих в «украинском коридоре», отличается теми же трудностями и неудобствами, с которыми армии встречаются и в «белорусском коридоре». В этом отношении «украинский коридор» имеет только одно преимущество, заключающееся в том, что, когда армии Украинского фронта подойдут в район последнего решающего столкновения, немцы и поляки не будут иметь того охватывающего положения над внешним флангом, какое они имеют со стороны Вост. Пруссии.

Таким образом, театр наступления южнее Полесья является выгодным для наступления к району решающего столкновения в центре Польши. Однако наступление в одном лишь направлении южнее Полесья не может дать решения генеральной операции и генерального сражения. Необходимы согласованные действия обоих фронтов. Вопрос заключается лишь в том, которому из фронтов дать преимущественно решающее значение. При варианте первоочередной ликвидации лимитрофов — все преимущества за белорусским направлением. Эти преимущества сохраняются при условии нейтралитета Германии. Зато при условии нахождения Германии в составе врагов, а с другой стороны, при условии дружественной позиции Чехословакии — все преимущества сосредоточения главных сил переходят к украинскому направлению.

Выгоды украинского направления особенно должны сказаться, если Чехословакия будет участвовать в войне с Германией. Конечно, помощь Чехословакии будет очень небольшой, т. к. ее западная половина будет быстро ликвидирована немцами и венграми. Но тем не менее восточная часть Чехословакии, гористая и неудобная для действий крупных войсковых масс, может упорно обороняться и обеспечивать левый фланг наших армий. Помимо того не исключена возможность наступления чехословаков с самого начала войны на Краков, находящийся очень близко от чешской границы. Если этот крупнейший железнодорожный узел будет хотя бы на время выведен из эксплуатации, то переброски польско-германских сил на украинском направлении будут основательно расстроены и поведут к опозданию окончательного сосредоточения этих сил. При этих условиях, между прочим, не исключена возможность захвата Львова силами армии вторжения. Даже временное овладение этим пунктом и разрушение его крупнейшего железнодорожного узла опять-таки поведут к замедлению сосредоточения главных польско-германских сил.

Надо отметить, что только при условии избрания украинского направления как главного можно в какой-то степени использовать помощь чехословацкой армии. Во всех прочих случаях Чехословакия будет раздавлена совершенно отдельно, не принеся никакой пользы для наступления Красной Армии.

Чтобы сделать анализ стратегического положения более конкретным, необходимо обратиться к рассмотрению возможного соотношения сил сторон.

Польша (цифры привожу по памяти) выставляет по мобилизации 55 пехотных дивизий и еще 6 пехотных дивизий формирует в первые месяцы войны.

Германия утраивает свои 36 пехотных дивизий по мобилизации, т. е. выставляет 108 пехотных дивизий. Помимо того Германия развернет ландверные (Ландвер (нем. Landwehr, от Land — страна и Wehr — защита) — категория военнообязанных запаса 2-й очереди и второочередные войсковые формирования. В фашистской Германии (по закону 1935 г.) в ландвере состояли военнообязанные в возрасте 35—45 лет) дивизии, число и сроки развертывания которых я сейчас не помню. Сверх того Германия имеет несколько десятков бригад штурмовиков, которые вряд ли годятся для полевой войны, но которые безусловно могут быть использованы для обороны тыла, отдельных участков укреплений и т. п.

Генеральный штаб РККА, исчисляя те силы, которые Германия сможет выдвинуть против СССР, правильно исходит из предпосылок, что Франция может оказаться к началу войны в таком состоянии, что не сможет выполнить своих договорных обязательств и не выступит против Германии.

Предположим также, что Германия не предпринимала агрессии против Чехословакии, хотя на самом деле для нее выгоднее было бы сразу же захватить Чехословакию, чтобы быстро высвободить свои силы и не разбрасывать их на выставление заслонов. Исходя из таких предпосылок, положим, что Германия оставит в полосе своих укрепленных районов на французской границе 30 пехотных дивизий, на границах с Чехословакией 7 пехотных дивизий и в резерве главного командования еще 10 пехотных дивизий, не считая ландверных. Допустим, что Польша на чехословацкой границе оставит 5 пехотных дивизий. Тогда Красная Армия может встретить перед собой на польской территории 61 германскую и 50 польских пехотных дивизий, а всего 111 пехотных дивизий.

В авиации мы имеем превосходство над немцами, но, во-первых, потребности Дальнего Востока всегда могут оттянуть часть авиации с запада, во-вторых, как было показано выше, мы по мере углубления в Западную Белоруссию и в Западную Украину будем находиться в невыгодных аэродромных условиях по сравнению с польско-германской авиацией, и, в-третьих, все же в сухопутных операциях практически расчет должен вестись по числу пехотных дивизий, артиллерии и танков.

Наши механизированные соединения, несомненно, сильнее польско-германских, но при этом следует учесть, что и поляки, и немцы непрерывно развивают свои механизированные соединения, вводя на вооружение пушечные танки, что немцы уже сформировали пять механизированных дивизий, примерно соответствующих нашим механизированным корпусам, что поляки формируют механизированные бригады и, наконец, что немцы, а за ними и поляки вводят на вооружение большое число противотанковых пушек в пехотных дивизиях, что резко повышает их способность вести бой с механизированными частями. Таким образом, наше преимущество в механизированных соединениях над немцами и поляками хотя и имеется, но это преимущество не может служить основанием для самоуспокоения по поводу нехватки у нас достаточного числа стрелковых дивизий.

Точно также не может изменить этого положения и наше преимущество над врагами в отношении конницы. Конница будет нести очень тяжелые потери от авиации и химии противника.

На изложенных выше соображениях о том громадном значении, которое имеет число пехотных дивизий независимо от преимущества в авиации, механизированных соединениях и коннице, потому приходится так подробно останавливаться, что этими вреднейшими и опаснейшими рассуждениями организационный отдел Генерального штаба РККА добивался торможения в развитии числа пехотных дивизий, развертываемых по мобилизации.

Каково же было то реальное число стрелковых дивизий, которое по нашему действующему оперативному плану двигалось в глубину территории Польши для того, чтобы бить противника на его территории. Точно я этого числа не знаю, но приблизительно оно должно быть около девяноста стрелковых дивизий, может быть, на несколько дивизий больше. Остальное число стрелковых дивизий из числа 150, развертываемых по мобилизации, идет на обеспечение Дальнего Востока, границ с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, на охрану границ Кавказа и Средней Азии.

Получается странная картина. Наши Белорусский и Украинский фронты должны втянуться в глубину территории Польши, втянуться в самых неблагоприятных обрисованных выше условиях и своими 90, пусть даже 100 стрелковыми дивизиями должны разбить 111 пехотных дивизий противника, на стороне которого остаются все преимущества маневра, использования авиации и организации тыла. К этому еще надо добавить, что поляки, как этому учит опыт 1920 года, дерутся у себя дома очень хорошо.

Клаузевиц считает, что для надежного поражения противника над ним надо иметь по крайней мере полуторакратное общее превосходство в силах. Этот коэффициент во всяком случае не преувеличен. Однако возьмем меньшее число потребных стрелковых дивизий, например 140, а не 166 (полуторакратное превосходство). В этом случае число дивизий в РККА должно быть значительно большим. Положим, что на Дальнем Востоке надо иметь не менее 35 стрелковых дивизий (во время войны), на границах с Финляндией — 7, на границах Эстонии и Латвии — 7, на границах с Румынией — 8, на Кавказе — 3, в Средней Азии — 2, в резерве Главного Командования — 5 стрелковых дивизий. Тогда общее число потребных для РККА стрелковых дивизий поднимется до 207. На самом деле эта потребность значительно выше. Германия во время войны 1914—1918 гг. подняла число своих пехотных дивизий до 248. Борьба на два фронта требует большого числа войск и для нас значительно большего, чем для Германии, т. к. наши расстояния и железнодорожные условия не позволяют нам производить те переброски сил с востока на запад и обратно, которые с таким успехом проводили немцы в прошлую империалистическую войну.

Мы же разворачиваем всего только 150 стрелковых дивизий.

К этому нашему недостатку в числе стрелковых дивизий надо еще добавить исключительно слабое развитие артиллерийского и танкового резерва Главного Командования для усиления стрелковых дивизий и корпусов на решающих направлениях. Дело в том, что для подготовки атаки против боеспособного, хорошо вооруженного и прочно укрепившегося противника требуется до 80 орудий на один километр фронта атаки. Участие танков не снижает этой артиллерийской нормы. Англичане и французы даже при наличии танков количество артиллерии на один километр фронта доводили до 130 и более орудий.

Между тем по условиям ввода в атаку пехоты главный удар стрелковой дивизии не может быть уже двух километров, т. е. своими артиллерийскими средствами стрелковая дивизия может обеспечить лишь до 40 орудий на километр, откуда следует, что для крупных операций требуется удвоение артиллерии дивизий.

Собственной артиллерии стрелковой дивизии хватит только в условиях очень подвижной войны, когда противник не успевает как следует укрепиться.

Так же точно и собственных танков стрелковой дивизии не хватит при выполнении сложных и ответственных наступательных операций. Для усиления войск, действующих на главных направлениях, организуется артиллерийский и танковый резерв Главного Командования. Однако этот резерв организован у нас в совершенно недостаточном размере, что не позволяет создать необходимого качественного усиления на участках решающих сражений. Вовсе нет у нас пулеметного резерва Главного Командования для усиления стрелковых дивизий, занимающих оборонительные фронты. Французы такой пулеметный резерв имеют.

Как же будут развиваться операции Белорусского и Украинского фронтов в соответствии с ныне действующим планом, если принять во внимание несоответствие между силами и средствами и теми решительными целями, которые ставит этот план?

Положим, что Белорусский фронт получает 55, а Украинский фронт 35 стрелковых дивизий (не считая дивизий, стоящих в укрепленных районах на границе с Румынией). Силы Белорусского фронта закончат свое сосредоточение примерно в 15 дней, а Украинского — в 20 дней.

Значительное наше замедление в перевозках позволяет польско-германским силам упредить нас в сосредоточении и, применяя польскую терминологию, «выпадовыми действиями» дезорганизовать район нашего сосредоточения и заставить нас отнести таковой несколько глубже на нашу территорию. Обратная картина развертывания на наших западных границах большого числа механизированных, кавалерийских и стрелковых соединений в штатах, близких к штатам военного времени, а также размещения в БВО и КВО крупных авиационных сил. Эти мероприятия позволили нам в свою очередь поставить вопрос о том, чтобы сразу же после объявления войны вторгнуться в Западную Белоруссию и на Украину и дезорганизовать район сосредоточения противника, отнеся таковой глубоко в тыл, примерно на линию Гродно — Львов.

Если война вспыхнет неожиданно и поляки не будут иметь в своем распоряжении предмобилизационного периода, то действия наших армий вторжения будут носить еще более решительный характер, т. к. по польскому плану мобилизации призываемое в приграничных с нами районах население перебрасывается в тыл для укомплектования расположенных в этнографической Польше частей. Само собой понятно, что быстрые действия армии вторжения, поддержанные сильной авиацией, могут сорвать эти мобилизационные перевозки и поставят мобилизуемую польскую армию в очень тяжелое положение.

Далее, операции вторжения дезорганизуют аэродромную полосу приграничной полосы противника, заставляя его отнести развертывание своей авиации в глубину, сокращая тем самым радиус полезного воздействия его легкой авиации на наши железнодорожные перевозки, осуществляющие стратегическое сосредоточение.

Таким образом, операции вторжения срывают сроки сосредоточения противника, если война началась без предмобилизационного периода, что наносит ощутимый удар по польской мобилизации; наконец, операции вторжения наиболее надежно обеспечивают собственное стратегическое сосредоточение.

Уборевич указывает на то, что вредительством являются операции вторжения, если они имеют разрыв во времени с окончанием сосредоточения главных сил. Это неправильное, ошибочное заключение. Операции вторжения именно потому и предпринимаются, что запаздывает стратегическое сосредоточение и его надо обеспечить заблаговременным вторжением. В зависимости от успехов сосредоточения на том или другом фронте части армий вторжения могут быть поддержаны соединениями из состава главных сил и смогут обеспечить этим последним более удобные рубежи развертывания. Однако же если такое удержание за собой территории противника армиям вторжения и не удастся, то их задачу следует считать выполненной, если они расстроят и оттеснят назад сосредоточение противника и тем самым

обеспечат бесперебойность собственного стратегического сосредоточения.

Само собой понятно, что армии вторжения, выполняя свои операции, неизбежно понесут потери. Конница будет быстро таять от воздействия авиации и химии. Вообще конь трудно защитим от авиахимического нападения. Гужевые парки, обозы и пр. будут нести еще большие потери, чем конница. Механизированные соединения будут напряженно расходовать свои моторесурсы. Поэтому ответственнейшей задачей фронтового и Главного Командования будет определение того предела использования армий вторжения, который диктуется как интересами окончания сосредоточения, так и состояния войск армии вторжения, т. е. их моральными и физическими силами и материальными ресурсами. Безусловно, неправильный пример использования успеха армии вторжения имел место на стратегической военной игре в январе месяце с. г., когда Белорусский фронт пачками вводил в наступление эшелоны главных сил до окончательного их сосредоточения только для того, чтобы развить частный успех армии вторжения.

Что касается указаний Уборевича на то, что им разрабатывался вредительский план овладения Барановичским укрепленным районом конницей, поддержанной лишь слабовооруженными механизированными бригадами, без всякого участия пехоты, то это служит лишь примером того, как проводилось вредительство в оперативном плане, но никак не служит доказательством вредности операций вторжения.

В результате операций вторжения в соответствии с нашим оперативным планом мне кажется весьма вероятным, что линия польско-германского развертывания будет оттеснена на рубеж Гродно — Слоним — Лунинец — Львов. Вряд ли полякам удастся отстоять Виленский укрепленный район. Строительство Виленского и Барановичского укрепленных районов поляками относится к тому времени, когда у нас не было армий вторжения.

Наше стратегическое развертывание, может быть, с некоторым опозданием, но примерно к тому же сроку закончится вдоль государственной границы. Поэтому первые крупные сражения произойдут на польской территории. Как же будут развиваться оперативные действия к северу и к югу от Полесья?

Публикацию подготовил В. К. ВИНОГРАДОВ

ВИЖ №9 1991

Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1991 — №8.

Положим, что из 111 пехотных польско-германских дивизий 50 будет противопоставлено Белорусскому и 55 Украинскому фронтам, при оставлении 6 пехотных дивизий в резерве.

Белорусский фронт, нанеся поражение целому ряду польских частей еще в период операций вторжения, имея некоторый общий перевес в силах, значительный перевес в механизированных соединениях и в авиации и, наконец, находясь примерно в одинаковых условиях театра военных действий с поляками и немцами между Литвой и Полесьем, может быть, и имеет кое-какие шансы на наступление с конечным выходом к границам этнографической Польши. Но зато с подходом к этим границам положение Белорусского фронта резко меняется в худшую сторону. Об этом уже говорилось выше. Тыл Белорусского фронта вытягивается в узком и длинном коридоре, стесняющем маневр войск, размещение авиации и работу коммуникаций.

Основное же затруднение встанет перед командованием белорусского фронта в смысле выбора направления дальнейших действий. Несомненно, немцы будут оборонять район Гродно — Осовец, прикрывая пути в Вост[очную] Пруссию и готовя из этой последней удар во фланг и тыл главным силам Белорусского фронта в случае их движения на Белосток и Брест-Литовск.

Оборона немцев в этом районе будет очень прочна, т. к. августовские леса, целая сеть озер между Неманом и восточной Пруссией, болотистые берега Нарева и Мазурские озера с крепостью Летцен создают исключительные удобства обороны этого района как по фронту, так и на всю его значительную глубину. Если к этим природным условиям, обеспечивающим оборону, добавить еще систему железобетонных укреплений из быстротвердеющего цемента, то прочность германской обороны в этом районе будет исключительно серьезной.

С другой стороны, поляки могут превратить в труднoодолимый оборонительный район систему р. Ясельда с очень широкой и болотистой долиной и Беловежской пущей.

Командующему Белорусским фронтом придется решить вопрос о последовательности действий: преодолеть ли сначала оборону поляков на р. Ясельда и, овладев Брест-Литовском, войти во взаимодействие с армиями Украинского фронта, выставив на это время прочный заслон против восточной Пруссии или, наоборот, сначала овладеть хотя бы Мазурскими озерами Восточной Пруссии и лишь после этого обратить главные силы фронта на Брест-Литовск.

Слабым местом первого решения является то, что, удаляясь к Белостоку и Брест-Литовску, Белорусский фронт растягивает свои коммуникации, оставляя их в непосредственной близости от фронта возможного перехода немцев в наступление из восточной Пруссии. Если только немцы коротким ударом овладеют районом Гродно-Волковыск, то пути отхода и подвоза для Белорусского фронта фактически будут отрезаны. Поэтому такое решение заставило бы выделить в заслон против В[осточной] Пруссии столь большие силы, что для выполнения задач стоящих в главном направлении, потребных там сил уже не оказалось бы.

Второе решение, т. е. первоначальный удар в направлении Восточной Пруссии, потребует слишком много времени и войск. Этих войск Белорусский фронт, как и в первом случае, в своем распоряжении не имеет.

Итак, наличных сил Белорусского фронта недостаточно для того, чтобы решить стоящую перед ним задачу поражения польско-германских сил в глубине польской территории. Положение Белорусского фронта, вышедшего на подступы к Белостоку и на рубеж р. Ясельда, легко может стать угрожающим, если немцы бросят свои резервы через Восточную Пруссию в направлении Гродно и Волковыска, а может, и на Вильно через Ковно. Ежедневно, как это уже указывалось выше, железные д[ороги] В[осточной] Пруссии могут перебрасывать шесть пехотных дивизий и примерно столько же дивизий можно перебросить на автомобилях по шоссейной сети В[осточной] Пруссии. Использовав это свое колоссальное преимущество, путем ли подачи стратегических резервов или путем временной переброски сил с украинского направления, немцы могут нанести тяжелое поражение Белорусскому фронту.

Останавливаясь на 1-м и 2-м оперативных вариантах, приведенных в показаниях Уборевича, необходимо заметить, что они отличаются один от другого лишь тем рубежом, на котором польско-германские силы переходят в решительное наступление. По первому варианту немцы переходят в наступление на Лида — Барановичи с целью захвата Минска и Слуцка. Этот вариант Уборевича вытекает из хода стратегической военной игры в апреле 1936 года. В этой игре Уборе-

вич увлекся наступлением в вильно-ковенском направлении, сосредоточив на нем свои главные силы, и получил удар главными польско-германскими силами в свой левый фланг, в минском направлении. Это вполне возможный вариант, однако не основной. Дело в том, что Генеральный штаб РККА в порядке руководства военной игрой предложил германскому командованию нарушить нейтралитет Литвы, что вряд ли будет иметь место на самом деле, и потому Уборевич, ошибочно полагая, что немцы двинут в Литву основную массу своих войск, и сам двинул на Вильно — Ковно свои главные силы и за эту ошибку получил удар во фланг основной группы польско-германских армий.

Что касается указаний Уборееича насчет моих советов о движении главных сил Белорусского фронта севернее или южнее Немана, то должен сказать, что на все случаи оперативной обстановки трудно дать общий совет, надо ли двигать главные силы Белорусского фронта севернее или южнее Немана. Такой вопрос нельзя решать предвзято. Правильным и неправильным может оказаться и то, и другое движение, если оно не будет отвечать конкретно складывающейся обстановке. Решение такого вопроса, между прочим, будет связано и с той задачей, которую поставит перед собой командующий в отношении обеспечения своих действий со стороны В[осточной] Пруссии. Как правильное руководство действиями фронта, так и вредительское обязательно должно учитывать конкретную обстановку.

Второй оперативный вариант Уборевича предусматривает отход польско-германских сил на Белосток — Пружаны и удар главных германских сил из Восточной Пруссии в общем направлении Гродно. Этот вариант весьма вероятный, и я его изложил выше. В стратегической военной игре в январе текущего года Уборевич, увлекшись наступлением в брест-литовском направлении, подставил свой фланг и тыл в районе Гродно под удар немцев из Восточной Пруссии. Положение было выправлено вмешательством главного руководителя военной игры.

Соображения, приводимые Уборевичем, в отношении преимуществ оперативного размещения германской авиации *по* сравнению с нашей вполне справедливы, как я выше это отметил.

Соображения о вероятности поражения конницы ипритом вполне правильны. Нельзя забывать, что теперь имеются и несравнимо более мощные накожные отравляющие вещества.

Совершенно правильны замечания Уборевича в отношении превосходства немцев в отношении моторизованных дивизий и автотранспорта. Мы пока не имеем мотодивизий, хотя оперативная потребность в них очень велика. Не следует помимо оперативных требований упускать из виду и то обстоятельство, что мы практически не умеем ни организовать мотодивизию, ни наладить ее обучение, когда подходим к созданию импровизированных мотосоединений. Необходимо иметь постоянные мотодивизии, учиться вводу их в бой, регулировке движения и т.п. моментам, которых не знают общевойсковые командиры. В отношении автотранспорта основное преимущество немцев заключается в том, что они имеют постоянно существующую организацию фашистского азтомобильного корпуса. Этот корпус по нескольку раз в год тренируется в массовых перебросках войск и фашистских организаций на далекие расстояния. Мы же хотя и получаем по мобилизации большое количество автотранспорта, но даем ему импровизированную, не сколоченную организацию и не предусматриваем крупных автомобильных соединений. В силу этого мы не имеем опыта в эксплуатации больших автомобильных масс в полевой обстановке.

Обратимся теперь к рассмотрению условий наступления наших армий на Украинском фронте.

Соотношение сил Украинского фронта и действующих против него польско-германских армий, как это показывают приводившиеся выше расчеты, крайне невыгодно для нас. В самом благоприятном для самого Украинского фронта случае против него могут быть выставлены равные ему силы. Это в том случае, если польско-германское командование обратит свои гпавные силы сначала против Белорусского фронта. Даже в этом, наиболее для него благоприятном случае Украинский фронт вряд ли сможет выполнить поставленную ему задачу войти во взаимодействие с Белорусским фронтом в районе Брест-Литовска, т. к. при равных силах нельзя надеяться на глубокое продвижение по территории противника. В случае же, если польско-германское командование бросит свои главные силы на украинское направление, а этот вариант все равно неизбежен, даже в том случае, если первый удар наносится Белорусскому фронту, положение Украинского фронта становится очень тяжелым. Он не только не сможет выполнить стоящей перед ним задачи войти во взаимодействие с левым флангом Белорусского фронта, но и сам может подвергнуться серьезному поражению.

Из приводившегося выше расчета видно, что против Украинского фронта без труда может быть выставлено 55 польско-германских пех[отных] дивизий, а если к этому добавить и неприятельские резервы, то всего будет около 60 пех[отных] дивизий, т. е. почти двойное превосходство по сравнению с силами Украинского фронта.

Решающее сражение может произойти, учитывая результаты операции вторжения, примерно на полпути между линией наших укрепленных районов и Львовом. В результате атаки превосходящих сил неприятеля Украинский фронт должен будет начать отход и достигнет линии своих укрепленных районов примерно к тому сроку, к которому Белорусский фронт в случае своего успеха может достигнуть линии Гродно — Пружаны. В этом расхождении фронтов, разделенных широкой полосой лесисто-болотистого Полесья, кроется благодаря недостатку в силах огромная опасность последовательного поражения обоих фронтов.

Достигнув рубежа наших укрепленных районов на Украине, польско-германское командование может применить два способа действий. Во-первых, начать методическую подготовку к атаке Летичевского и южной части Житомирского укрепленных районов и, возможно, к вспомогательной атаке Новоград-Волынского укрепленного района. Овладение этими отдельными участками укрепленных районов требует некоторого времени и крупных артиллерийских средств. На этот период польско-германское командование могло бы перебросить часть своих сил с юга на север для нанесения частного поражения Белорусскому фронту, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, польско-германское командование может форсировать овладение укрепленными районами и сразу же начать наступление по Правобережной Украине.

Второй вариант позволяет польско-германскому командованию быстро развить свои операции в направлении Киева и в направлении Криворожья. Воспрепятствовать этому продвижению нам будет очень трудно, т. к. подавляющее превосходство германских и польских сил может обеспечить нанесение армиям Украинского фронта серьезного поражения. В результате этого поражения польско-германские армии могут начать операции по последовательному занятию территории.

Однако оперативный план немцев и поляков вряд ли ограничится только этим. Следует ожидать развития немцами и поляками успеха в направлении примерно на Мозырь — Жлобин, в глубокий тыл Белорусского фронта Задача эта нелегкая. Придется преодолеть лесисто-болотистые пространства, овладеть Мозырским укрепленным районом, форсировать Припять и т. д., но тем не менее эта задача оперативно вполне разрешима и стратегически чрезвычайно расширяет возможный масштаб поражения наших армий.

Как я показывал уже в первом разделе, во время этой стратегической военной игры в апреле 1936 года я по вопро-

сам оперативного положения наших армий обменивался мнениями с Якиром и Уборевичем. Учитывая директиву Троцкого о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала Рундштедта, что подготовку поражения надо организовать на Украинском фронте, я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин. В случае сдачи Летичевского района немцы легко могли обойти Новоград-Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и, таким образом, опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв железнодорожных мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Аппога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников. Самые объекты подрывов не уточнялись.

Само собой понятно, что подрыв ж[елезно]д[орожных] мостов в тылу Белорусского фронта неизбежно повлечет зашивку и без того перегруженных и сжатых в тесном коридоре коммуникаций, которые благодаря своему положению будут непрерывно находиться под воздействием авиации противника. Учитывая, что подрыв ж[елезно]-дорожных мостов во время напряженных операций может быть осуществлен не только диверсиями, но и воздушной бомбардировкой, а также выброской парашютистов-подрывников, необходимо принять ряд радикальных мер для того, чтобы обеспечить непрерывность работы железно-дорожных мостов во все периоды операции. Одним из существенных мероприятий является отрывка еще в мирное время подъездных путей на уровень летних вод реки, заготовка ряжевых или бетонных устоев для наводки простейшими способами двутавровых балок (возможны, кажется, 22-метровые пролеты при двутавровых балках метрового сечения; пока их у нас не изготовляют, но производство их необходимо наладить). Таких запасных мостов на пониженном уровне должно быть по крайней мере два около каждого наиболее ответственного моста, Подъездные пути должны быть отлогого профиля во избежание слишком замедленного движения поезда. У крупных мостов с каждой стороны у начала подъездных путей к временным мостам должны быть организованы разъезды, что позволит избежать излишних задержек в движении. Мосты на пониженном уровне, даже в случае их подрыва, очень быстро восстанавливаются. Помимо того, при наличии у моста зенитных средств противник будет менее настойчив в атаках моста, т. к. он будет видеть резервные возможности в железнодорожной переправе, а сам будет подвергаться напрасным потерям.

У крупных ж[елезно]дорожных мостов придется постоянно держать плотничьи с механизированным инструментом команды, а также запас заготовленных ряжей как для восстановления мостов на пониженном уровне, так и для укрепления каменных устоев в случае, если они дадут трещины от попадания авиабомб в воду. Эти исправления можно будет производить очень быстро.

Помимо того, с обеих сторон крупных железнодорожных мостов необходимо подготовить сильно развитые станции с тем, чтобы можно было перебрасывать войска и грузы на автомобилях от станции до станции в случае повреждения моста. В случае повреждения ряда мостов такие переброски придется делать иногда на значительные расстояния. Отсюда приходится сделать вывод, что вдоль основных ж[елезно]дорожных путей следует прокладывать шоссейные дороги и иметь в важнейших узлах резерв автомобильного транспорта.

Помимо мостов на пониженном уровне в некоторых пунктах необходимо построить железнодорожные участки, позволяющие в случае капитального разрушения моста передачу составов на другое направление. Так, например, к Полоцку подходят три железные дороги, а от Полоцка по направлению к фронту идет лишь одна, пересекая у самого города Западную Двину на очень высоком уровне. Подрыв ж[елезно]дорожного моста и систематическое его бомбардирование могут поставить армии, базирующиеся на Полоцк, в очень тяжелое положение. Поэтому совершенно необходимо проложить двухпутный участок Полоцк — Витебск по южному берегу Зап[адной] Двины. Конечно, этот участок надо соединить с Лепелем и далее вести на м. Березино — Минск — Слуцк — Новоград-Волынский — Жмеринка. При наличии такой железной дороги вывод из строя ж[елезно] д[орожной] переправы, например, через Березину у Борисова не мог бы воспрепятствовать подаче эшелонов из Орши в Минск через Лепель, конечно, при условии развития необходимой пропускной и провозной способности этой железной дороги и т. д. Для Белорусского фронта чрезвычайно важна ж[елезно]д[орожная] переправа через Днепр у Жлобина. Поэтому весьма важно до предела развить основную рокаду фронта: Витебск — Орша — Жлобин — Мозырь — Жмеринка. Само собою разумеется, что такие же мероприятия надо провести по линии Украинского фронта. В частности, железные дороги, идущие от Днепропетрсвска и Запорожья на Казатин и Жмеринку, должны быть развиты, т. к. днепровские ж[елезно]д[орожные] мосты этих дорог наиболее удалены от противника и наименее подвергаются опасности ежедневных налетов.

Итак, рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства. Само собою понятно, что проявление вредительства даже в отдельных звеньях фронтового и армейского управления резко повышает шансы на поражение. Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить в первую очередь ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба РККА (Алафузо) осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий на Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва главного командования.

Каковы же те силы, которые нужны Белорусскому фронту для того, чтобы он мог выполнить поставленную ему задачу ведущего, решающего значения? Здесь можно сделать прикидку следующего порядка. Если бы польско-германское командование по ходу обстановки решило главные силы сосредоточить против Белорусского фронта, то против Украинского ему было бы достаточно оставить 30—35 пехотных дивизий, т. е. на белорусском направлении могло бы сосредоточиться до 76—81 пех[отных] дивизий (из всех 111). Отсюда ясно, что только для того, чтобы не потерпеть отдельного поражения при настойчивом продвижении в глубь Польши, Белорусский фронт должен иметь по крайней мере столько же стр[елковых] дивизий, а для того, чтобы получить возможность нанести противнику поражение, число дивизий, входящих в его состав, должно значительно вырасти.

Конечно, использовать столь большое число стр[елковых] дивизий в полосе до Гродно — Кобрин Белорусскому фронту нелегко. Слишком узок «белорусский коридор», и слишком беден он даже грунтовыми путями. Однако к западу от меридиана Гродно возможности и необходимость использования этих сил значительно возрастают. Наилучшие оперативные условия для использования этих масс создались бы при упомянутом выше варианте первоочередного и стремительного разгрома лимитрофов. При этом варианте и более крупные силы можно было бы концентрически под-

вести к фронту Тильзит — Гродно — Брест-Литовск. Если же пользоваться только «белорусским коридором», то, по всей вероятности, придется применить оперативное эшелонирование с тем, чтобы в нужную минуту подвести к фронту все эшелоны. Но тыл при этом варианте был бы перенапряжен до крайности и потребовалась бы организация массового автомобильного транспорта и широкой постройки автомобильных дорог.

Каковы же должны быть те силы, которые необходимо предоставить Украинскому фронту для выполнения последним поставленной ему задачи? Как видно было из сделанных выше подсчетов, польско-германское командование может выставить против Украинского фронта около 60 пех[отных] дивизий. Надо оговориться, что эти расчеты могут касаться лишь 1937 года, не позже, т. к., несомненно, в 1938 году германская армия, выставляемая по мобилизации, значительно вырастет; даже в 1937 году за счет ландверных дивизий германская армия будет несколько сильнее, чем это выше взято в расчет. Очевидно, что, имея против себя около 60 пех[отных] дивизий, Украинский фронт также должен их иметь не меньше 60. На самом деле, учитывая активные задачи, стоящие перед фронтом, его силы должны быть значительно большими.

Итак, из сравнительного рассмотрения возможных группировок противника и потребных нашим фронтам сил выяснилось, что без пересмотра основных установок ныне действующего оперативного плана Белорусскому фронту требуется около 80 дивизий, а Украинскому — около 60, а всего 140 стр[елковых] дивизий. Рассмотрим, как могли бы развиваться при наличии таких сил совместные действия Белорусского и Украинского фронтов. При производстве подсчетов предполагалось, что если главный удар немцы будут наносить на Украине, то они выставят на этом направлении до 60 пех[отных] дивизий. Очевидно, что при наличии в составе Украинского фронта также 60 стрелковых дивизий можно предположить бои с переменным успехом на территории противника между Полесьем и румынской границей. Может быть, даже Украинский фронт будет иметь преимущественный успех, т. к., вероятно, он будет сильнее германо-поляков в отношении механизированных соединений. В этом случае на белорусском направлении германо-поляки смогут выставить около 50 пех[отных] дивизий. Совершенно очевидно, что Белорусский фронт при наличии 80 стр[елковых] дивизий может нанести польско-германским армиям поражение и постепенно установит оперативное взаимодействие с Украинским фронтом в районе Брест-Литовска.

Возьмем другой вариант, когда польско-германское командование бросает против Белорусского фронта до 80 пехотных дивизий, оставляя на украинском направлении до 30—35 пех[отных] дивизий. Совершенно очевидно, что Украинский фронт своими 60 дивизиями нанесет польско-германским армиям поражение и, содействуя Белорусскому фронту в общем направлении на Брест-Литовск, в конце концов оттянет на себя часть неприятельских сил, обеспечит наступление своего северного соседа, и в дальнейшем оба фронта, находясь во взаимодействии и имея общее превосходство в силах над противником, нанесут ему общее поражение.

Итак, расчеты, безусловно, доказывают, что Белорусский и Украинский фронты, имеющие в своем составе около 90 стр[елковых] дивизий, подвергаются опасности последовательного поражения при выполнении ими активных задач, которые ставятся им оперативным планом. Эти задачи посильны будут этим фронтам только в том случае, если Германия не выступит на стороне Польши. При войне против нас Германии и Польши и при наличии в составе Белорусского и Украинского фронтов около 90 стр [елковых] дивизий активные наступательные задачи по поражению противника на его территории для этих фронтов заведомо непосильны. С другой стороны, расчеты показывают, что эти задачи могут быть выполнены при условии увеличения состава обоих фронтов до 140 стр [елковых] дивизий.

Трудности в выполнении этого необходимейшего условия нашего боевого успеха заключаются в двух направлениях: в формировании кадров и накапливании материальной части для новых 50 стр [елковых] дивизий, разворачиваемых по мобилизации, и в развитии железнодорожных и шоссейных путей для своевременного сосредоточения дополнительных сил к границам. Однако, несмотря на запущенность того и другого вопроса, они являются вполне разрешимыми, и за их разрешение необходимо взяться немедленно и с величайшей энергией.

Необходимо, чтобы все стр[елковые] дивизии были одинаково вооружены. Опыт войны 1914—1918 гг. показал, что в ходе войны все равно дивизии разделяются как бы на два класса: на наступательные и оборонительные. Наступательные дивизии сильнее вооружены артиллерией и имеют более мощные тыловые службы, способные обеспечить маневр дивизии. Оборонительные дивизии сильно оснащаются пулеметами, зато в артиллерийском отношении слабее и тылы имеют в сокращенном составе. Очевидно, часть новых дивизий можно будет сформировать как оборонительные дивизии. Это облегчит формирование с точки зрения потребности в материальной части артиллерии.

В отношении количественных показателей нашего командного состава запаса эти формирования особых трудностей не встретят. В качественном отношении уровень командиров запаса очень низок, но, будучи призваны в армию, эти командиры быстро повысят уровень своей подготовки.

Ускорение сосредоточения достижимо путем внеочередной автоблокировки ж[елезно] д[орожных] линий, осуществляющих стратегические перевозки. Проводя автоблокировку и развивая соответствующим образом разъезды, можно добиться почти удвоения провозной способности ж[елезной] дороги.

Это мероприятие можно провести очень быстро. Помимо того, необходимо, конечно, строить и новые железные дороги.

Ускорения сосредоточения можно достигнуть и путем расположения парков, обозов и проч[его] тылового имущества частей, подлежащих переброске в тех укрепленных районах, в направлении которых они направляются по плану оперативных перевозок. При тщательной организации хозяйства и при условии разрешения командирам дивизий инспектировать имущество, принадлежащее их дивизиям, необходимый порядок может быть соблюден.

Мне кажется, что даже эти два мероприятия помогут уложить стратегические перевозки в нужные сроки. Если к этому прибавить постройку новых железных дорог, то, быть может сроки сосредоточения удастся даже сократить, что крайне желательно и даже, более того, совершенно необходимо.

Начавшееся строительство автострад на Минск и Киев также должно быть использовано для ускорения сосредоточения путем применения автотранспорта.

После всего вышеизложенного, где было обосновано положение, что мы не имеем на сегодняшний день достаточных сил, чтобы выполнить задачи, поставленные оперативным планом, встает, естественно, следующий вопрос: каковы же должны быть те задачи, которые оперативно следует поставить Белорусскому и Украинскому фронтам, учитывая те силы, которые они реально могут получить в 1937 году?

Должен прямо сказать, что этот вопрос мною ни разу не прорабатывался. Опять-таки повторяю, что если в войне будет участвовать одна Польша, то действующий оперативный план соответствует наличным силам и средствам. Потребуется только принять действительные меры обеспечения фронта со стороны Восточной Пруссии. Что же касается

плана действий против соединенных польско-германских сил, то на этот вопрос ответить гораздо труднее. Я думаю, что надо серьезно проработать этот вопрос, однако сейчас постараюсь высказать общие соображения на эту тему.

Операции вторжения должны остаться в силе. Они обеспечивают выигрыш времени, дезорганизуя районы намечаемого противником сосредоточения. Помимо того, операции вторжения сразу же переносят военные действия на территорию врага. Наконец, в случае вынужденного отхода войска армии вторжения, усиленные необходимыми техническими средствами, будут капитально разрушать за собой железные дороги и шоссе, что будет влиять на расстройство тыла противника. Более того, армии вторжения могут захватить значительную часть пограничной территории противника, например, для белорусского направления вполне возможен захват района Вильно — Лида — Барановичи. Эти действия армии вторжения должны быть поддержаны войсками главных сил с тем, чтобы неприятель не мог без серьезных боев возвращать свою территорию. В упорных боях противник будет углубляться по двум описанным выше коридорам: белорусскому и украинскому со всеми проистекающими отсюда трудностями и неудобствами, т. е. ослаблением своих сил на обеспечение флангов в сторону соседних государств, сужением площади размещения авиации, затруднениями в организации маневра войсковых соединений, в перенапряжении работы коммуникаций и пр. Наши армии, наоборот, приближаясь к своим базам, будут получать преимущества в маневрировании, в использовании авиации и в работе тылов. Помимо того, Белорусский и Украинский фронты, отходя к основным железнодорожным заходам на нашей территории, получают возможность как взаимной поддержки, так и поддержки со стороны главного командования, в то время как фронты польско-германских армий, все более разделяемые Полесьем и отрывающиеся от своей хорошо налаженной железнодорожной сети, все более и более лишаются возможности поддерживать друг друга, и потому в конце концов может наступить момент, когда главное командование сможет принять решение о нанесении одному из фронтов противника (южнее или севернее Полесья) отдельного поражения. Для этого потребуется накопить крупный резерв главного командования. Полагаю, что такой вариант возможен, т. к. польско-германские силы в свою очередь не обладают достаточным превосходством над силами Белорусского и Украинского фронтов для совершения глубокого наступления (111 дивизий против 30—100 дивизий) и будут, конечно, ослаблены и истощены этим глубоким наступлением. В такой обстановке при наличии достаточного резерва главного командования, поданного в нужный момент на один из контрфронтов и направленного в наиболее ослабленный фронт противника, может оказаться возможным последовательное поражение противника сначала на одном направлении, а далее на другом.

Повторяю, что этот вариант мною совершенно не проработан, и я здесь пока высказываю лишь самые предварительные соображения.

Вновь возвращаясь к варианту первоочередного разгрома прибалтов, хочу сказать, что именно этот вариант особенно благоприятствует вести активную оборону на территории врага. Захват территории Эстонии, Латвии и Литвы и захват армией вторжения Белорусского фронта территории Западной Белоруссии до линии Гродно — Слоним позволил бы нашим армиям, опираясь на свою охватывающую базу, упорно обороняться, а в случае наступления противника — ставить его в труднейшее положение, когда ему придется развивать свои действия по эксцентрическим направлениям.

Между прочим, этот вариант станет совершенно необходимым, когда нами будет построен на Балтике большой линейный флот. Такой флот во время войны не может базироваться ни в Кронштадте, ни на Лужской губе. Ему потребуются базы в открытом море, и эти базы имеются на территории Эстонии и Латвии: Ревель, Рига, Виндзва, Либава. Вопроса о Финляндии я в разрезе анализа плана первоочередного поражения лимитрофов касаться не буду, т. к. война с Финляндией представляет для нас совершенно самостоятельную проблему, в достаточной степени сложную.

Ожидая с наибольшей вероятностью наступления главных германских сил на украинском направлении, ни в каком случае не следует считать исключенным наступление немецких армий как на белорусском направлении, так и на территории прибалтов. Оперативный план должен предусматривать и отдельные, частные варианты.

Что касается нашего стратегического положения, в случае если Германия еще до войны с нами захватит Чехословакию и Румынию, то этот вопрос требует специального изучения, и в первую очередь требует такой постановки агентурной работы, чтобы мы, действительно знали о всех конкретных мероприятиях германского генерального штаба, направленных к подготовке этого захвата.

Система укрепленных районов, построенная от Карельского перешайка через Полоцк до Летичева и Тирасполя включительно, в общем и целом вполне отвечает интересам развертывания армии. В связи с увеличением германской угрозы я думаю, что следовало бы построить Слуцкий укрепленный район в Белоруссии, а на Украине крайне важно было бы развить Летичевский укрепленный район в глубину и закрыть промежуток между ним и Житомирским укрепленным районом. Летичевское направление является наиболее решительным для немцев. С проломом на этом направлении дальнейшие действия немцев и поляков по развитию успеха на Правобережье становятся значительно более легкими. В связи с возможностью решительных действий германских армий необходимо возвратить Киевскому и Мозырскому укрепленным районам их прежнее крупное значение и внимание, которое за последние годы понемногу забыли.

Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военно-троцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения на фронтах сражений с германскими и польскими армиями в целях поражения наших красных армий.

Я уже показывал, что, изучив условия возможного развертывания операций немцев и поляков против БВО и КВО во время апрельской военно-стратегической игры 1936 года и получив незадолго до этого установку от германского генерального штаба через генерала Рундштедта на подготовку поражения на украинском театре военных действий, я обсудил все эти вопросы сейчас же после игры с Якиром и Уборевичем, а в общих чертах и с прочими членами центра. Было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо не был обеспечен необходимыми силами. Наступление Белорусского фронта с приближением, а тем более с переходом этнографической границы Польши должно было стать критическим и с большой долей вероятности опрокидывалось ударом немцев или из В[осточной] Пруссии в направлении Гродно или через Слоним на Минск.

Украинский фронт в первую очередь или после нанесения удара немцами на севере также, по всей вероятности, потерпит неудачу в столкновении со значительно превосходными силами польских и германских армий.

В связи с такой обстановкой на Уборевича была возложена задача так разрабатывать оперативные планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж[елезно]-д[орожных] перевозок, перегрузкой тыла и группировкой войск еще более перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана.

На Якира были возложены те же задачи, что и на Уборевича, но, кроме того, через Саблина он должен был организовать диверсионно-вредительскую сдачу Летичевского укрепленного района.

И Уборевич, и Якир должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические мероприятия,

вытекающие из этих вредительских установок. Что успели сделать штабы БВО и КВО во исполнение этого задания, мне неизвестно, так как (о чем я уже показывал раньше) в связи с арестом ряда видных участников заговора летом 1936 года центром заговора решено было временно прекратить всякую практическую работу. Об отдельных вопросах вредительских разработок, известных мне, я покажу дальше. В связи с временным прекращением работ заговора я не согласовывал с генералом Кестрингом намеченных центром заговора оперативных мероприятий по подготовке поражения наших армий, это согласование я должен был сделать по окончании практических оперативных разработок в БВО и КВО.

Каменев С. С. должен был разработать по своей линии мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в БВО и КВО и тем внести расстройство как в стратегическое сосредоточение армий, так и в работу последующих снабженческих и оперативных перевозок.

Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся в штабах БВО и КВО, мне известны нижеследующие: разработка плана снабжения с таким расчетом, чтобы не подвозить для конных армий объемистого фуража со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время как такового заведомо на месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжелым проводам, что неизбежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка вопросов организации станций снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался. Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации.

Что касается Дальнего Востока, то оперативный ппан последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКДВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что Путна и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКДВА. В дальнейшем эту работу проводил Лапин. Эти работники стремились расшатать субординацию в ОКДВА путем дискредитации командования.

Лапин усиленно пропагандировал а ОКДВА теорию о том, что действия крупноорганизованными массами, состоящими из разных родов войск, для ОКДВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна, мол, особая горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны. Лапину удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь.

Лапин не обеспечит непрерывную боевую готовность авиации ОКДВА на аэродромах, что было бы очень просто сделать, если бы он добивался введения сменных экипажей на самолеты.

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через КНР в направлении Читы и кругобайкальской железной дороги. В этом отношении ни ОКДВА, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки ж[елезно]д[орожного] пути от Байкала, хотя бы до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении КНР будет чрезвычайно тяжелым.

С точки зрения организационной Гамарником было проведено на Дальнем Востоке решение о расформировании строительных частей после объявления мобилизации для целей пополнения кадровых частей. Это, конечно, неправильно, т. к. строительные части выгоднее развернуть как второочередные дивизии, а кадровые части содержать в штатах, более близких к военному времени, чтобы до минимума сократить потребность в подвозе пополнений. Наши силы на Дальнем Востоке крайне слабы, и надо использовать всякую дополнительную возможность к увеличению числа войсковых соединений.

Показания о вредительской работе будут изложены мною дополнительно.

Публикацию подготовил В. К. ВИНОГРАДОВ

В. П. ПРОНИН

ВИЖ №10 1991

«Сталин не помышлял сдавать Москву»

ПОЛВЕКА МИНУЛО - И КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. СНОВА, КАК И В 1941 ГОДУ, СУДЬБА ДЕРЖАВЫ РЕШАЕТСЯ В МОСКВЕ. ЧТО БУДЕТ С НАМИ ЗАВТРА? КТО ЗНАЕТ? НО КРОВАВОЙ И МЕРТВЕННО-БЕЗНАДЕЖНОЙ ОСЕНЬЮ И ЗИМОЙ СОРОК ПЕРВОГО У СТЕН СТОЛИЦЫ МЫ ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ. ПАМЯТЬ О ТЕХ ДНЯХ И НОЧАХ МОЖЕТ ДАТЬ СИЛЫ И НЫНЧЕ. КАК ЭТО БЫЛО? ДАВАЙТЕ ВЗГЛЯНЕМ НА МОСКОВСКУЮ БИТВУ НЕ С КОМАНДНОГО ПУНКТА КОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ ИЛИ АРМИЕЙ, А ИЗ МОССОВЕТА. НА ВОПРОСЫ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА КАПИТАНА 2 РАНГА С. Г. ИЩЕНКО ОТВЕЧАЕТ ВАСИЛИЙ ПРОХОРОВИЧ ПРОНИН, БЕССМЕННЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МОССОВЕТА С АПРЕЛЯ 1939 ПО 1945 ГОД.

— Василий Прохорович, мне известно, что вы стали главой Советской власти в столице в возрасте 33 лет. Даже с поправкой на те годы, когда и наркомы разъезжали на мотоциклах, это выглядит весьма необычно. Как случилось ваше назначение?

— В значительной мере благодаря Хрущеву. Он обратил внимание на меня, когда я работал секретарем парткома на 2-м часовом заводе в 1937 году, рекомендовал на пост секретаря Ленинградского райкома партии Москвы. В апреле 1939 года неожиданно для беседы пригласил Молотов. Поздоровался, однако ничего объяснять не стал, сказал, что разговор будет в другом месте. Мы перешли в кабинет Сталина. Это была моя первая встреча с Иосифом Виссарионовичем. Сталин подробно расспросил о проблемах Москвы, о провале завоза овощей и картофеля осенью 1938 года. Тогда столичные власти сумели запасти всего 40 процентов необходимой продукции, виновные в срыве заготовок были осуждены. Сообщив, что меня рекомендуют председателем Моссовета, Сталин жестоко предупредил на будущее: лучше уничтожить двух-трех безответственных работников, чем подвергнуть лишениям миллионы советских людей. Это прозвучало угрозой и для меня.

— В беседе мы, очевидно, не раз будем касаться фигуры Сталина. Вам приходилось часто встречаться с ним. Каково ваше представление об этом человеке! Как оцениваете все то, что пишут о нем сегодня?

— Это очень сложный вопрос. По характеру работы мне действительно часто приходилось встречаться со Сталиным. Так, как пишут о нем многие историки и публицисты, — ничего похожего. В одном правы все: Сталин виноват в том, что он создал в стране режим своей диктатуры, беззакония, что много в его время было истреблено невинных людей. Советское общество не простит ему эти преступления.

Но Сталин не дурак и не больной. Ленин в своем завещании охарактеризовал его неточно. Видимо, он не смог в полной мере оценить Сталина. Сталин был не только груб, но и жесток. Очень жесток.

— И вы лично его боялись?

— Сталина? Конечно. Но он умный и начитанный человек. Очень скрупулезно влезал в дела. В 1939—1940 годах был такой порядок. Шла интенсивная застройка столицы. Сталин еженедельно ездил по стройкам Москвы. И часто я его сопровождал. Он сам назначал, куда едем. Садимся в одну машину. Часто другой, с охраной, не было. Рядом с шофером начальник личной охраны генерал Власик, на втором сиденье я, рядом Сталин, позади Щербаков, Жданов или Молотов. Это бывало обычно под вечер. Приезжаем на место. Сталин выходит из машины, начинаем ходить по стройке, обсуждаем планировку, застройку и т. д. Народ собирается. Помню, на Ленинском проспекте Сталин в такой ситуации говорит людям: «Товарищи, здесь же не митинг, мы по делу приехали». Власик, весь потный, бегает кругом, никого из охраны больше нет.

Вообще, делами Москвы Сталин занимался очень много. Помню, крепко от него досталось Кагановичу за снос Зубовского бульвара. Или когда переходили в столице на бессезонность в строительстве (до этого зимой отделкой домов не занимались, не позволяла технология), он очень подробно интересовался этим. Бывало, показываем, как делаем, — слушал часами.

— А Хрущев? Какие воспоминания остались о нем?

— Взаимоотношения с Никитой Сергеевичем у меня были нормальными. Он очень поддерживал нас — молодых. Хрущев много сделал для благоустройства Москвы. Он способный практический работник, быстро схватывал предложения специалистов, старался их осуществить, но сам предложений, как правило, не вносил.

Многие руководители районов относились к Хрущеву отрицательно. И вот почему. Хрущев малограмотный человек был, в этом его беда.

Он активно способствовал репрессиям. Дело в том, что над ним висел дамоклов меч. В 1920 году Хрущев голосовал за троцкистскую платформу. И поэтому, очевидно, боясь расправы, сам особенно усердно «боролся» с беспечностью, утерей политической бдительности, политической слепотой и т. д. Хрущев санкционировал репрессии большого количества партийных и советских работников. При нем из 23 секретарей райкомов города почти все были арестованы. И почти все секретари райкомов области. Были репрессированы все секретари МК и МГК партии: Кацеленбоген, Марголин, Коган, Корытный... Все заведующие отделами, включая помощника самого Хрущева. Хрущев, будучи уже на Украине, на Политбюро в 1938 году настаивал на репрессиях и второго состава руководителей Московского городского комитета партии.

Мы, тогда молодые работники, удивлялись: как же нас Хрущев воспитывает насчет бдительности, если все его окружение оказалось врагами народа? Он же один только остался в МК целым.

— Вы полагаете, что масштаб репрессий в Москве личная «заслуга» Хрущева?

— В значительной мере. Ведь после осени 1938 года, после прихода к руководству горкомом Щербакова, никто из работников Моссовета, МК и МГК, райкомов не пострадал. Я знаю, что когда на Политбюро в июле 1940 года возник вопрос о снятии Щербакова с работы за плохую работу авиазаводов, то обвиняли его и в том, что он очень неохотно и очень редко давал согласие на репрессии. Мало того. В моем присутствии на секретариате горкома по предложению Щербакова начальник следственного отдела НКВД был исключен из партии за необоснованные аресты.

— Василий Прохорович, мы несколько отошли от основной темы. Скажите, как вы в Москве ощущали приближение войны?

— Начиная с января 1940 года ЦК партии круто повернул нас к подготовке к войне, к оборонным вопросам. С этого

времени началось перепрофилирование многих десятков заводов столицы на выпуск военной продукции. ЦК и Сталин нетерпеливо и жестко требовали освоения производства оружия и техники. Москва имела большую авиапромышленность. Поэтому особой заботой Моссовета стала помощь авиационным заводам. Эти вопросы не раз обсуждались в ЦК, меня приглашали на заседания. Однажды в июле 1940 года за недостаточную разворотливость в оказании помощи производственникам Политбюро поставило на вид всему составу бюро МГК партии.

Начиная с финской войны большие требования были предъявлены к укреплению ПВО и МПВО столицы. Этим по решению ЦК занимался и Моссовет. Работа велась огромная. Под бомбоубежище приспосабливали станции метро. Для этого прокладывали по тоннелям водопроводы, телефонный и электрокабели, устраивали вентиляцию. Строилось около 2000 новых бомбоубежищ, уличное освещение перестраивалось на централизованное управление. На Кировской улице было построено здание штаба ПВО, два командных пункта. Из москвичей до войны было создано и обучено 19 тысяч команд МПВО, в которых готовилось к войне более 600 тысяч человек, в большинстве — женщины. Только в 1940 году на эти мероприятия по линии Моссовета было затрачено более 200 миллионов рублей.

Приближающаяся война заставила по-иному взглянуть на проблемы города, которые, надо сказать, были немалыми. Ведь население Москвы тогда ежегодно увеличивалось на 150 тысяч человек. Обострилась транспортная проблема. Отсутствие сквозных проездов без пересечения других магистралей приводило к огромным пробкам. Узкие москворецкие мосты обветшали, по ним стало опасно ездить. И совершенно невозможно проехать танкам. Вот почему за пятилетие было построено 12 широких мостов через Москву-реку и Яузу, 45 километров гранитных набережных и проездов по ним в двух уровнях без пересечений и т. д.

К середине 30-х годов назрел серьезный кризис водоснабжения города. Москва-река к 1937 году была выпита до дна. Она давала лишь 60 миллионов ведер воды в сутки, в то время как требовалось около 100 миллионов. В центре города в домах вода не поднималась выше пятого этажа. Постройка канала Москва — Волга вдвое увеличила поступление воды в столицу. За три предвоенных года к тому же было построено 350 километров разводящей водопроводной сети, проведены другие мероприятия. В результате потребление воды в расчете на одного жителя увеличилось с 84 до 250 литров в сутки.

Большие усилия были приложены к развитию теплосети. К началу войны мощность московской теплосети стала второй в мире.

Строилось огромное количество хлебозаводов, холодильников.

Все это позволяло решать не только чисто городские проблемы, но и готовить столицу к военным испытаниям, удовлетворять нужды растущей оборонной промышленности.

— И вот война началась...

— Катастрофа на фронте в первые дни войны поломала все наши мобилизационные планы. Нужно было срочно спасать фронт вооружением, боеприпасами и вещевым имуществом. Поэтому задание предприятиям по сравнению с довоенными мобпланами пришлось увеличить в несколько раз. При этом учтите: производство пришлось налаживать в условиях, когда из Москвы на фронт ушли сотни тысяч человек.

В считанные недели множество предприятий было переведено на производство оборонной продукции. Почти ежедневно мы получали задание Государственного Комитета Обороны по увеличению производства для фронта. Швейные, обувные и текстильные предприятия сравнительно легко удалось перевести на выпуск военной продукции. Сложнее было с теми, кому предстояло освоить выпуск оружия и техники.

В начале июля 1941 года мы получили от ГКО задание на производство реактивной артиллерии и реактивных снарядов. К их выпуску было подключено более 50 заводов Москвы, была создана кооперация между ними. Контроль за нашей работой осуществлял заместитель Председателя Совнаркома Вознесенский.

Сравнительно легко удалось наладить производство реактивных установок на заводе «Компрессор». А вот снаряды... Крыльчатки, сопла и другие детали требовали очень высокой точности обработки, от этого зависела меткость попадания в цель. Почти ежедневно мы с директорами заводов собирались у Вознесенского, проверяли, как идет освоение, почти ежедневно выезжали на место. Одна деталь для характеристики масштаба возникших проблем. Трубы для реактивных снарядов с Урала в Москву пришлось доставлять самолетами.

Фронту нужны были автоматы. Мне довелось присутствовать при телефонном разговоре Сталина с командиром кавалерийского корпуса Беловым, который защищал Каширу. Сталин в заключение спросил, чем помочь кавалеристам. Белов попросил хотя бы сотню автоматов на корпус. Сотню — на целый-то корпусl

Двадцать предприятий мы подключили в Москве к выпуску автоматов. Головными стали автозавод имени Лихачева и завод «Искра». Уже в 1943 году Жукову и Василевскому был вручен миллионный автомат ППШ, изготовленный москвичами.

Котельный завод стал производить двухтонные авиабомбы. 11 авторемонтных заводов перешли на ремонт танков. Всего за время войны они отремонтировали и вернули в строй более двух тысяч боевых машин.

В октябре 1941 года в Моссовет позвонил Жуков, командовавший тогда Западным фронтом, и попросил помочь автотранспортом. Он, помню, пояснил, что фронт растянулся от Яхромы до Тулы, а осуществлять маневр войсками не на чем. Наши работники вместе с милицией обошли все закоулки столицы, все предприятия и изъяли около двух с половиной тысяч неисправных автомашин. Правительство помогло с запасными частями, и через несколько дней все автомобили были переданы Западному фронту.

Второй раз командование Западного фронта обратилось к нам с просьбой помочь поднять утонувшие в реках и болотах танки. Из оставшихся в городе после мобилизации специалистов мы создали отряды, оснастили их всем необходимым. Первые 19 танков, утонувших в реке Угре, подняли в августе сорок первого, а всего этими отрядами за годы войны было поднято на поверхность 1200 утонувших танков.

Приведу еще несколько цифр, характеризующих вклад трудовой Москвы в Победу. Несмотря на эвакуацию многих предприятий на восток, на отсутствие тысяч ушедших в армию специалистов, на тяжелейшее положение с электроэнергией и топливом, Москва произвела для фронта 19 тысяч боевых самолетов, 3745 реактивных артустановок, 3,5 миллиона автоматов, 9 тысяч артиллерийских тягачей, 34 миллиона снарядов и мин, 10 миллионов шинелей и т. д.

— Было бы несправедливо умолчать в таком разговоре и о другом подвиге москвичей. Ведь миллионы из них ушли в народное ополчение. Сегодня, когда многие охмелевшие от гласности отечественные очернители истории оплевывают наши святыни, давайте подробно расскажем и об этой странице битвы за Москву.

— В ночь на 2 июля 1941 года мне позвонил секретарь ЦК Маленков и попросил ночью приехать к нему на совещание. Я тогда оказался занятым вопросами укрепления ПВО столицы, поэтому поехал мой первый заместитель Королев.

На совещании присутствовали все секретари горкома и райкомов. Заявление секретаря ЦК было таким: «Над Родиной нависла смертельная опасность, надо срочно создавать народное ополчение».

В городе и в районах были созданы соответствующие штабы. Последовал невиданный жертвенный, патриотический порыв населения. Только за первые пять дней в народное ополчение в Москве записалось свыше 300 тысяч рабочих, служащих, ученых. Среди них оказалось более 100 тысяч коммунистов и около 150 тысяч комсомольцев. Многие заводы формировали целые батальоны и роты. К примеру, в МГУ записалось добровольцами свыше 1000 преподавателей и студентов. Полагаю, если бы сегодня наблюдалось хоть отдаленное подобие того патриотического настроя, той всепоглощающей любви к Родине, перестройка была бы завершена в 1—2 года и без серьезных трудностей.

Мы не могли всех желающих отправить на фронт, иначе жизнь в городе остановилась бы. Поэтому отобрали 120 тысяч человек, сформировали 12 дивизий народного ополчения. Тяжело было с вооружением и обмундированием, склады Московского военного округа оказались пустыми. Пришлось поднимать всю московскую промышленность. Проверили все свои хранилища. Срочно отремонтировали 15 тысяч учебных винтовок, заводы обеспечили ополченцев гранатами и бутылками с горючей смесью. Роль дивизий народного ополчения в защите Москвы была огромной. Сейчас приходится слышать: а была ли вообще необходимость в ополчении? Стоило ли посылать навстречу танковой армаде едва обученных солдатскому делу людей? Двух мнений быть не может, без этих дивизий Москва бы не устояла. Все помнят катастрофу первых дней войны. В первые же недели боев враг захватил почти все армейские запасы. Одних винтовок, если память не изменяет, в руки гитлеровцев попало несколько миллионов. На фронте образовались бреши, закрыть которые нам было нечем. Поэтому мы все обязаны склонить голову перед подвигом ополченцев.

— **А когда началась непосредственная подготовка столицы к обороне?**

— Практически с началом войны. Москвичи строили две линии оборонительных сооружений.

Первая линия обороны прикрывала ближайшие подступы к столице на Малоярославском, Волоколамском, Можайском и Калужском направлениях. Решение ГКО о ее сооружении было принято в июле 1941 года. Вторую линию укреплений (ее называли Московской) строили в октябре — ноябре. Она проходила в 20—30 км от города. Имела несколько оборонительных полос, в том числе три — в самой столице. Несмотря на то, что основные работы здесь пришлись на время эвакуации Москвы, на строительство нами было направлено более 100 тысяч жителей города. Райисполкомы организовали работу, инструменты, транспорт, связь, питание. Люди были расселены в палатках, школах, избах колхозников. Причем на строительстве работали в основном женщины — две трети от общего числа. Особо подчеркну: не было ни одного случая дезертирства со строительства укреплений.

10 октября я был назначен членом военного совета Московской зоны обороны и Московского военного округа. Поэтому принимал участие в разработке всех основных планов защиты столицы. Из коммунистических, а потом рабочих батальонов Моссовет вместе со штабом округа сформировали 4 дивизии. Город обеспечил их кое-каким обмундированием, вооружением — винтовки отобрали у военизированной охраны. С помощью штаба МВО готовили к уличным боям 6 полков и 26 районных батальонов МПВО. Одновременно в самом городе возводили три линии укреплений. Первая — по окраинам, вторая — по окружной железной дороге, третья — по Москве-реке.

— **В качестве члена военного совета Московской зоны обороны вам приходилось принимать участие в заседаниях ГКО. Было ли среди высшего руководства страны единство в решении до последней возможности защищать Москву?**

— Нет, такого единства не было. Когда в ночь на 19 октября нас пригласили на заседание ГКО, там предстояло обсудить один вопрос: будем ли защищать Москву? Вначале, как обычно, все члены ГКО собрались в здании правительства в Кремле: Берия, Маленков, Молотов и другие.

— **А кто из военных?**

— Из военных один командующий МВО генерал Артемьев. Жуков был на фронте.

— **Выходит, защищать Москву, или не защищать, решали главным образом люди гражданские?**

— Выходит, так. Когда собрались в комнате, откуда предстояло идти в кабинет Сталина, Берия принялся уговарить всех оставить Москву. Он был за то, чтобы сдать город и занять рубеж обороны на Волге. Маленков поддакивал ему. Молотов бурчал возражения, остальные молчали. Причем я особенно запомнил слова Берия: «Ну с чем мы будем защищать Москву? У нас же ничего нет. Нас раздавят и перестреляют как куропаток».

Потом вышли через главный выход, пошли к Никольским воротам в кабинет Сталина. Вошли. Было нас человек десять. Сталин ходил, как обычно, по кабинету со своей трубкой. Когда расселись, спросил:

— Будем ли защищать Москву?

Все угрюмо молчали. Он выждал некоторое время и повторил вопрос. Опять все молчат.

— Ну что же, если молчите, будем персонально спрашивать.

Первым обратился к сидевшему рядом Молотову. Молотов ответил: «Будем». Так ко всем обратился персонально. Все, в том числе и Берия, заявили: «Будем защищать».

Тогда Сталин говорит:

— Пронин, пиши.

Я взял бумагу и карандаш. Сталин принялся диктовать: «Сим объявляется...» Потом приказал постановление ГКО немедленно передать по радио. Сам подошел к телефону, связался с восточными округами и стал по маленькой записной книжке диктовать командующим номера дивизий, которые следовало срочно направить в Москву. Кто-то, кажется, с Урала, заявил, что можем по тревоге такую-то дивизию погрузить, но нет вагонов. Сталин ответил:

— Вагоны будут. Здесь сидит Каганович, головой отвечает за то, чтобы подать загоны.

Так что сам Сталин и не помышлял сдавать Москву.

— **И все же полной уверенности, что Москву удастся удержать, видимо, не было ни у кого. Ведь многие важные объекты были подготовлены к взрыву?**

— 20 октября мы со Щербаковым по этому вопросу были в НКВД у Берии. Заминированы были электростанции, важнейшие предприятия, мосты, многие НИИ. Всем командовал Берия, в его распоряжение был выделен для минирования специальный полк.

Когда немцы подошли к Кашире, секретарь горкома позвонил Щербакову с просьбой разрешить взорвать городскую электростанцию. А у нас тогда за пределами Москвы оставались только две работающие электростанции — Каширская и Шатурская. И те работали наполовину мощности из-за частичного демонтажа и эвакуации оборудования. Щербаков позвонил Сталину. Тот взрывать запретил, хотя немцы были в 4 километрах от Каширы. И станция продолжала исправно работать.

Так что готовили к взрыву многое, но ничего взрывать, к счастью, не пришлось.

— А как проходила эвакуация из Москвы? На сей счет тоже ходит немало всяких разговоров. Будто массовая паника была, будто бежали толпами, давили людей на вокзалах.

— Все чушь. Никакой массовой паники не было. Наоборот, 12 октября было принято решение о срочной эвакуации 500 заводов Москвы и области, специалистов, высококвалифицированных рабочих, некоторых учреждений и учебных заведений. К сожалению, мы не успели провести соответствующую разъяснительную работу. И на некоторых заводах рабочие стали просто препятствовать эвакуации, считая это предательством и дезертирством. Серьезное возмущение было на автозаводе, на артиллерийском заводе, на 2-м часовом заводе. На шоссе Энтузиастов рабочие по своей инициативе организовали заслон, не пропускали машины, идущие на восток. Таково было тогда настроение основной массы москвичей.

Были ли случаи паники и настоящего дезертирства? Конечно, отдельные были. В один из дней ко мне приехал известный работник ЦК Ярославский. Его брат Губельман работал начальником ЖЭКа на улице Горького. Перед этим тоже был у меня, просил эвакуировать его в Горький. Я запретил. Накануне в «Вечерке» было опубликовано постановление Моссовета, запрещавшее эвакуацию всем работникам городского хозяйства. Население-то надо обслуживать, Москву защищать надо!

Губельман пожаловался брату. Ярославский потребовал намедленно отправить его на восток. У нас состоялся очень крупный, острый разговор. Ярославский заявил: «Какое право вы имеете оставлять людей на истребление?» Я ему, помнится, ответил: «Весь президиум Моссовета остается здесь, в Москве, все работают на защите Москвы, кто на строительстве оборонительных сооружений, кто на укреплении ПВО, кто на производстве боеприпасов для фронта. Мы все остаемся. Не для истребления, а чтобы остановить врага. И Губельмана для этого оставляем, и других».

Сам Ярославский через три дня все же сбежал, уехал в Куйбышев. А Губельмана мы-таки оставили.

Между прочим, тогда же из столицы сбежал на восток и Микоян. А узнал я об этом так. 18 октября, часов в 12 дня, мне позвонил Сталин. Грубо ругая работников Наркомвнешторга и Микояна, который в качестве заместителя Председателя Совнаркома ведал работой этого ведомства, Сталин сообщил, что эти люди покинули Москву и бросили на таможне несколько сот тонн редких металлов: молибдена, вольфрама и т. д. Сталин спросил, не может ли Моссовет организовать погрузку этих металлов и какое время для этого необходимо. Я ответил: минут 30—40. Сталин, приняв сказанное за неудачную шутку, вспылил. Пришлось пояснить, что у нас на казарменном положении шесть полков МПВО, я могу по тревоге любой из них поднять, подвезти к складам. Сколько потребуется, столько и будем работать.

В течение двух дней ценные металлы были отправлены на восток.

Сталин ничего не забывал. Когда в 1952 году Микояна исключали из состава Политбюро, он ему этот случай припомнил.

— Но поговаривают, что и сам Сталин готовился оставить Москву на случай, если бы ситуация еще больше обострилась.

— Я слышал такие разговоры. Думаю, подобную версию распространили те, кто сам струсил и сбежал. Для оправдания в своих глазах и в глазах своих детей. Мы после войны с бывшим наркомом Военно-Морского Флота Кузнецовым (рядом жили, поэтому часто встречались) и с Поскребышевым час за часом, день за днем восстановили каждый поступок, каждый шаг Сталина в дни битвы за Москву, начиная с 5 октября и по конец этого месяца. И не обнаружили нигде и ничего, что свидетельствовало бы о желании Сталина уехать на восток.

Второе. Я был одним из руководителей ПВО Москвы. Где-то я читал, будто Сталин в критические дни даже вроде ходил по какому-то вокзалу, хотел уехать. Неправда. Ведь в это время над Москвой часто появлялись немецкие самолеты. Без прикрытия нашими истребителями правительственный поезд не выпустили бы из столицы, тем более днем. Командование же ПВО ни разу не получало команды быть готовым прикрыть какой-либо поезд.

Третье. Жив генерал-полковник Грачев, командовавший в то время особой авиагруппой, обслуживавшей правительство. Его самолеты базировались на Ходынке. Так вот, и Грачев не получал приказа готовить самолеты для Сталина. Но если бы даже и получал — все равно нам пришлось бы поднимать истребители, все равно мы бы знали об этом.

— В заключение, позвольте, Василий Прохорович, задать вам такой вопрос. Вы имеете большой опыт руководства столь сложным хозяйством, как Москва. Да еще в тяжелейшей обстановке, в предвоенные годы и в войну. Как вы оцениваете сегодняшнюю столичную власть?

— Деятельность любой власти оценивается по проделанной работе, по ее результатам. А результаты в Москве не радуют. Городская промышленность сегодня работает плохо. Строительство жилья и культурно-бытовых учреждений срывается, бытовое обслуживание населения, несмотря на чрезмерное удорожание, ухудшилось. О торговле надоело и говорить, настолько она запущена. Всюду грязь, разруха. Урожай прошлого года остался в основном на полях. Однако вместо помощи в уборке урожая Моссовет занимался митингами и реорганизациями.

Опять наступила осень — время уборки и завоза овощей и картофеля в город. И снова идет очередная реорганизация управления столицей.

В наше время с нас строго спрашивали за снабжение москвичей овощами и картофелем. Каждую осень (за исключением 1941 года) члены исполкома Моссовета выезжали в сельские районы для оказания помощи в отгрузке в Москву овощей и картофеля. Председатель Моссовета выезжал в Орловскую, Тульскую, Рязанскую области и Украинскую ССР. Нас и в отпуск-то не отпускали, впервые я воспользовался отпуском только в 1946 году.

А возьмите тяжелейшие военные годы. Моссовет и тогда находил время и силы для мирного строительства и благоустройства города. Так, в 1943—1944 годах были построены 3-я и 4-я очереди метрополитена. В 1942—1943 годах было восстановлено несколько сот разрушенных воздушными налетами домов. В том числе почти заново построены крупные здания на Старой площади, театра имени Вахтангова, восстановлен пострадавший от бомбы Большой театр.

В 1943 году взамен обветшалых были построены новые путепроводы на Ленинградской, Волоколамской и Серпуховской магистралях и реконструировано шоссе Энтузиастов. В 1944 году было начато строительство первого в стране газопровода Саратов — Москва. В военные годы расширялись и реконструировались заводы в городе.

Сами можете сопоставить эти факты с тем, как работает нынешняя столичная власть.

— Спасибо, Василий Прохорович, за беседу.

О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны

ПРЕДСТАВИТЬ достаточно полную картину начального периода войны без знания документов невозможно. Сегодня известно все или почти все о планировании в Берлине вторжения в СССР, так называемом плане «Барбаросса». В то же время широкие круги читателей, к сожалению, мало что знают о советском военном планировании в 1941 году.

Хотя прошло полвека после событий первого года войны, вопросы планирования советской стороной возможных действий с ее началом историками серьезно не исследовались — информация по данной проблеме была закрыта. До 70-х годов были живы люди, принимавшие непосредственное участие в стратегическом планировании и не заинтересованные в огласке документов, свидетельствующих о серьезных просчетах в организации обороны страны.

Долгое время неудачи советских войск в начале войны объяснялись, и не без основания, внезапным нападением агрессора, его качественным превосходством в вооружении и технике, боевым опытом, незавершенностью технического перевооружения Красной Армии и рядом других факторов объективного характера.

Однако наряду с этими, довольно известными причинами есть и другие. Рассмотрим созданную к началу войны группировку советских войск.

Маршал М. В. Захаров, который перед войной был помощником начальника Генерального штаба, в книге «Накануне великих испытаний» приводит сведения о том, что к 24 марта 1938 года начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым был разработан доклад народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову «Об основах стратегического развертывания РККА». В нем предусматривались два варианта действий наших главных сил: к северу от Полесья и к югу от него. Докладная записка по данному вопросу была рассмотрена 13 ноября 1938 года Главным военным советом и одобрена им.

В середине 1940 года в связи с изменением международной обстановки был разработан новый вариант «основ стратегического развертывания РККА». Войскам, развернутым севернее реки Сан, ставилась задача прочно укрепить новые западные границы Советского Союза и не допустить вторжения германских войск в пределы нашей страны, одновременно быть готовыми к нанесению поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы.

Разработка плана стратегического развертывания Вооруженных Сил была окончательно завершена в сентябре 1940 года. Доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Красной Армии на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.» за подписями народного комиссара обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба К. А. Мерецкова был представлен 18 сентября 1940 года на рассмотрение Сталина и Молотова.

Документ был написан в одном экземпляре лично заместителем начальника оперативного управления А. М. Василевским [1]. В нем, в частности, определялось, что главные силы Красной Армии на Западе в зависимости от обстановки могли быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с задачей мощным ударом в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау на первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз, или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Нельзя не заметить, что сентябрьский (окончательный) вариант плана имел существенное отличие от предыдущего. В нем на первое место выдвигались наступательные задачи главных сил Красной Армии.

Теперь следует сказать еще об одном черезвычайно важном документе, позволяющем лучше понять события начала войны и наши крупные неудачи в этот период — Проекте доклада НКО Председателю СНК СССР И. В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией и ее союзниками, сведений о котором в выше названной книге М. В. Захарова нет. Важно отметить, что документ датирован 15 мая 1941 года. М. В. Захаров же с июля 1940 года уже находился в Одесском военном округе. Понятно, почему он не упомянул указанный проект в своей книге.

Последние перед войной «соображения...» написаны в одном экземпляре от руки А. М. Василевским и подписаны наркомом С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба Г. К. Жуковым. Об основном содержании этого документа можно судить по следующей цитате: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест-Демблин и выход к 30 дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага Центра и северного крыла Германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшей задачей — разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на реки Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезать Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью сковывания Варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовым к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона»[2].

Месяцем раньше 10 апреля 1941 года А. М. Василевским была составлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. В частности, для ЗапОВО в ней определялось: «Основные задачи: с переходом ЮЗФ — ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец-Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника.

Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла...

Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»[3].

Автор не располагает данными, позволяющими судить о реакции Сталина на проект. На заседании Главного военного совета, состоявшегося 7 июня 1941 года, на котором шло обсуждение проекта директивы «О задачах политической пропаганды Красной Армии на ближайшее время», член Политбюро А. А. Жданов сказал: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»[4]. Далее в проекте директивы, обсуждаемой на Совете, также подчеркивалось, что задачи, поставленные перед Красной Армией, требуют решительного поворота в пропагандистской работе в духе постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага[5].

Таким образом, анализ приведенных документов дает возможность сделать вывод, что советское руководство пыталось создать наступательную группировку.

Но следует особо оговориться: все сказанное отнюдь не означает, что геббельсовское пропагандистское прикрытие фашистской агрессии легендой о якобы «превентивном ударе» имеет под собой хоть какое-либо основание. Наступательные намерения Советского Союза были лишь возможным вариантом отражения угрозы со стороны Германии, угрозы, спланированной и предрешенной задолго до первого залпа пушек.

Основная группировка советских войск на западных границах была сосредоточена в Киевском особом военном округе, откуда намечалось нанести главный удар. Во львовском выступе сосредоточились две общевойсковые армии (6-я и 26-я), три механизированных корпуса (4, 8 и 15-й), кроме того, три механизированных корпуса находились в глубине, но на этом же направлении. Эта группировка насчитывала 4200 танков, из которых 761 единицу составляли танки новых марок (Т-34 и КВ). Для сравнения скажем, что в Западном военном округе танков новых марок было 383, а Прибалтийском— всего 109.

Высокая концентрация войск была создана и в белостокском выступе, в границах Западного особого военного округа. Здесь помимо войск 10-й армии были сосредоточены четыре механизированных корпуса (6, 11, 13 и 14-й), а два мехкорпуса (17-й и 20-й) находились в глубине по оси Белосток — Новогрудок — Минск также на этом направлении.

В мае — начале июня проводятся крупные мобилизационные мероприятия, в результате которых было призвано из запаса 800 тыс. военнообязанных. 13 мая начинается выдвижение в приграничные округа 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управлений (16, 19, 21 и 22-й армий). Две армии должны были войти в состав КОВО, две другие— в состав ЗапОВО. В Могилев прибыло управление 13-й армии[6].

В пользу наступательной группировки говорят и такие факты, как значительное количество мобилизационных запасов в приграничной полосе, ставших позднее в большинстве своем трофеями противника, и отсутствие подготовленных рубежей обороны в глубине, за исключением частично демонтированных укрепленных районов по старой государственной границе.

Важно отметить еще одно обстоятельство, заключающееся в том, что в «соображениях по стратегическому развертыванию» планам прикрытия государственной границы отводилась обеспечивающая роль. Они рассматриваются в 6-й части, в самом конце документа, что вполне соответствовало нашим взглядам на начальный период войны. Считалось, что с началом военных действий в приграничной полосе будут задействованы небольшие силы обеих сторон в течение 10—15 дней. Главные же силы Красной Армии в это время должны были завершить мобилизацию и продолжать развертывание под прикрытием первого оперативного эшелона (армий прикрытия).

Согласно этой концепции незачем было иметь много войск в составе армий прикрытия. Отсюда и большая растянутость последних по фронту, и как следствие чрезвычайно низкие оперативные плотности войск. Так, в ПрибОВО они составляли около 40 км на дивизию первой линии, в ЗапОВО—36 км, в КОВО — до 60 км. Напомним, что по проекту Полевого устава 1941 года дивизия могла нормально обороняться в полосе 8—10 км. Готовность же укрепленных районов, на которые должны были опираться полевые войска к началу войны, не превышала 25 проц.[7].

За счет решительного массирования сил и средств противник создал компактные группировки и нанес ими мощные удары под основания выступов, в которых, как уже отмечалось, находилось большое количество войск двух приграничных округов. В полосе Северо-Западного фронта наиболее сильный удар пришелся по его левому крылу, где против пяти развернувшихся полков 11-й армии наступали одиннадцать пехотных и три танковые дивизии немецко-фашистских войск[8]. Противник обладал здесь восьмикратным превосходством. Поэтому при всем героизме и самопожертвовании советских воинов сдержать врага они не смогли. Уже в первый день войны продвижение неприятельских войск на этом направлении составило 60 км.

«Сопротивление оказывалось отдельными разобщенными группами, — указывается в отчетных документах 3-й танковой группы Гота, действовавшей на этом направлении. — Многочисленные укрепления были недостаточно обеспечены гарнизонами или же не имели их вовсе.

Там, где противник встречался, он оказывал ожесточенное и храброе сопротивление, стоял насмерть» [9].

Главный удар в полосе Юго-Западного фронта противник нанес по северному фасу львовского выступа в стык 5-й и 6-й армий. Здесь ему также удалось достичь подавляющего превосходства. Трем советским дивизиям противостояли тринадцать пехотных и два танковых соединения врага. Глубина вражеского продвижения на этом направлении в первый день составила 30 км[10].

Такое же положение создалось и в полосе Западного фронта, где уже 22 июня к концу дня создалась угроза глубокого охвата обоих его крыльев, оценить которое из-за потери управления командование фронта не сумело.

Таким образом, противник упредил советские войска в развертывании и нанес удары по наиболее уязвимым местам в их группировке.

Задачи, поставленные директивой наркома обороны № 3 от 22 июня, являлись попыткой привести в действие наступательный план, разработанный перед войной. Как известно, эта директива потребовала от войск перехода на главных направлениях к наступательным действиям с целью разгрома ударных группировок врага и перенесения боевых действий на его территорию. В частности, войскам Северо-Западного и Западного фронтов приказывалось силами механизированных корпусов нанести сосредоточенный удар из районов Каунас и Гродно в направлении Сувалки, окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и 24 июня к исходу дня овладеть районом Сувалки.

Войска Юго-Западного фронта должны были силами 5-й и 6-й армий с привлечением не менее пяти механизированных корпусов нанести удары по сходящимся направлениям на Люблин, окружить и уничтожить группировку противника, наступавшую на фронте Владимир —Волынск — Крыстынополь, и 24 июня к концу дня овладеть районом Люблина [11].

Однако в первый день войны советское руководство не имело объективной информации о событиях на фронте и

поэтому оценивало сложившуюся ситуацию как не вызывающую особой тревоги. В вечерней оперативной сводке Генерального штаба за первый день, в частности, отмечалось, что «германские регулярные войска в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии, атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника» [12].

Реально складывающаяся обстановка, однако, не давала оснований для столь оптимистических выводов. Глубокие прорывы противника не только не позволили перейти к решительным действиям, как этого требовала директива № 3, но и задержать врага в приграничной полосе.

Уже на второй день войны события начали приобретать катастрофический характер. В стыке Северо-Западного и Западного фронтов образовалась брешь шириной 130 км, в которую хлынула лавина танков Гота. По существу, на этом направлении противник получил возможность беспрепятственного продвижения в глубь нашей страны: 56-й моторизованный корпус Манштейна из состава 4-й танковой группы, совершив стремительный бросок к Западной Двине, у Даугавпилса, с ходу форсировал ее в районе этого города. Темп продвижения корпуса составил свыше 60 км в сутки. Лишь ввод соединений второго стратегического эшелона позволил замедлить наступление врага.

Многие просчеты высшего военного руководства по организации обороны страны списывали на внезапность нападения агрессора, да и сейчас этот тезис живуч. Ни в коей мере не отрицая влияния этого фактора на неудачи начального периода войны, отметим, что внезапность не явилась решающим фактором первоначальных успехов врага.

Да, нападение немецко-фашистского вермахта было в известной мере внезапным для советских войск. Причем наибольшая степень внезапности была достигнута на тактическом уровне, что затем самым отрицательным образом отразилось на других — оперативном и стратегическом. Была внезапность и для 136 тыс. в основном невооруженных строительных рабочих, оборудовавших укрепленные районы по западной границе. Судьба их по-истине трагична и практически не нашла отражения в военно-исторической литературе. Безоружные люди против лавины немецких танков, конечно, не могли оказать организованного сопротивления и составили первый массив военнопленных.

Известны попытки вооружить этих людей. Так, начальник штаба Северо-Западного фронта генерал П. С. Кленов в 7 ч 15 мин первого дня войны телеграфировал командующему 8-й армией генералу П. П. Собенникову: «Сегодня из Риги в Шяуляй будет доставлено машинами 10 тыс. английских винтовок и 2 млн. к ним патронов. Вооружайте стройбаты, оружие давать только безусловно преданным бойцам»[13].

В полной мере внезапность ощутили на себе многие соединения, входившие в состав армий прикрытия и вынужденные занимать свои районы обороны под сильным огневым воздействием противника или же вступать в бой непосредственно в местах постоянной дислокации. Вражеское нападение было неожиданным и для советского народа, дезориентированного заявлением ТАСС от 14 июня 1941 года, в котором говорилось, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». В первую очередь ударам вражеской авиации подверглись жители приграничной полосы и население городов в зоне ее досягаемости (Риги, Вильнюса, Бреста, Львова и др.).

Небезынтересен также взгляд противника на наши действия в первый день войны и проблему внезапности. В журнале боевых действий группы армий «Север» за 22 июня сделана запись, что можно сделать вывод, в оперативном отношении противник был подготовлен к немецкому наступлению, в тактическом был застигнут врасплох. В отчетных документах 3-й танковой группы Гота, наносившей главный удар группы армий «Центр», говорится: «На всех участках фронта противник оказал слабое сопротивление, нигде не отмечались действия его артиллерии. Было захвачено лишь небольшое количество пленных, находившихся в полном неведении относительно начала войны и частной оперативной обстановки. Перед командованием танковой группы встал вопрос, либо немецкое наступление действительно оказалось полной неожиданностью для Красной Армии, либо противник оттянул свои силы из района между границей и Неманом в восточном направлении» [14].

Фактор внезапности и его пагубные последствия для Красной Армии в начальный период войны отрицать невозможно, однако наши неудачи нельзя объяснить лишь крупными просчетами в стратегическом планировании и развертывании Вооруженных Сил.

Как известно, военная наука, особенно после репрессий военных кадров в 1937—1938 гг., полностью подлаживалась под сталинские установки. Непомерно большое место в военно-теоретических исследованиях занимал опыт гражданской войны, что мешало изучению практики ведения боевых действий в региональных войнах, предшествовавших второй мировой войне, и их теоретическому осмысливанию.

Официальная точка зрения, а иметь другую, было не принято да и опасно, заключалась в том, что враг окажется разбитым в приграничном сражении, и боевые действия быстро переместятся на территорию противника и закончатся полной нашей победой, не потребующей больших жертв.

Хотя в условиях культа личности деятельность Наркомата обороны, Генерального штаба и руководящих военных кадров была скована, некоторые военачальники, несмотря на строжайшие запреты, нашли в себе мужество привести подчиненные войска в боевую готовность.

Мало кому известно, что ряд соединений накануне нападения немецко-фашистских войск был выведен в районы, предусмотренные планом прикрытия. Документальных подтверждений этих фактов немного, так как приказы на вывод войск отдавались устно и нигде не фиксировались. Например, известно, что 18 июня командующий ПрибОВО генерал-полковник Ф. И. Кузнецов отдал устный приказ на вывод первого эшелона 8-й армии (три стрелковые дивизии) на границу. Помимо воспоминаний командующего этой армией генерал-майора П. П. Собенникова имеются и документальные подтверждения этому, в частности шифровка командира 125-й стрелковой дивизии генерал-майора П. П. Богайчука командующему войсками ПрибОВО от 20 июня 1941 года следующего содержания: «Части дивизии пришли в район предполья, прошу указаний, можно ли выдавать средства химической защиты НЗ на руки» [15].

Становятся известными и другие случаи заблаговременного приведения ряда соединений в полную боевую готовность. Так, на «круглом столе», проведенном 30 марта 1989 года в Институте военной истории по начальному периоду войны, генерал армии П. Н. Лащенко, занимавший перед войной должность помощника начальника оперативного отдела штаба 35-го стрелкового корпуса в Одесском военном округе, сообщил, что накануне нападения командир 176-й стрелковой дивизии полковник В. Н. Марцинкевич вывел подчиненное ему соединение без разрешения в полосу обороны. Точно так же поступил и командир 95-й стрелковой дивизии генерал-майор А. И. Пастревич. «Я не знаю, что бы было с командирами дивизий, если бы война не началась, — сказал Петр Николаевич. — Вероятно, их бы расстреляли. Но они заняли оборону, и война началась. Про это забыли».

В Киевском военном округе в боевую готовность были приведены части 41-й стрелковой дивизии генерал-майора Г.

Н. Микушева[16]. 87-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. Ф. Алябушева еще 14 июня была выдвинута к государственной границе и заняла свою полосу обороны. К сожалению, 20 июня по приказу из 5-й армии она была отведена от границы и расположена в лагере восточнее Владимира-Волынского [17].

Как видим, несмотря на запреты, случаи приведения соединений первого эшелона в боевую готовность были. Однако о них мало известно еще и потому, что они плохо вписываются в концепцию внезапного нападения противника.

Противник, как известно, глубокие прорывы осуществлял танковыми группами, путем их решительного массирования на главных направлениях. Почему же мы, имея значительно больше танков, оказались столь беспомощными в применении механизированных корпусов? Ведь в составе трех западных приграничных округов (ПрибОВО, ЗапОВО и КОВО) насчитывалось свыше 8000 танков (из них 1250 КВ и Т-34) [18], а в армии вторжения имелось 4300 танков.

Низкую эффективность использования мехкорпусов нельзя объяснить внезапностью нападения противника, так как они составляли второй эшелон армий прикрытия и не попали под первый удар его группировки.

Конечно, на использование крупных танковых соединений отрицательным образом сказалась низкая укомплектованность их материальной частью, особенно танками новых марок. Мехкорпуса имели много устаревшей техники, выработавшей установленный моторесурс и нуждавшейся в капитальном и среднем ремонте. В известной мере на их применении отразилась и нехватка квалифицированных командных кадров. Все это так. И все же главная причина неудачного применения мехкорпусов опять же просматривается в просчетах стратегического планирования. Вопрос применения механизированных корпусов в оборонительном сражении серьезно не рассматривался и не был перед войной основательно проработан. То же можно сказать и в целом о группировке советских войск. Она была не готова к решению оборонительных задач и при сложившихся неблагоприятных условиях вступления в войну оказалась не способной противостоять массированным ударам вермахта.

Можно полностью согласиться с мнением маршала К. К. Рокоссовского, что «если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны» [19].

Последствия неудач начального периода войны были для нас поистине катастрофическими. В конце октября 1941 года враг стоял у Москвы.

В неимоверно тяжелых условиях голода и холодной зимы сражался осажденный Ленинград. Страна потеряла значительную территорию с развитой экономикой. Десятки миллионов советских людей оказались в оккупации. Возможности Советского государства уменьшились. Осталось лишь 8 проц. той кадровой армии, с которой мы вступили в войну. Какой еще народ смог бы выдержать подобные испытания и преодолеть столь кризисную ситуацию. Феномен как раз и заключался в том, что советский народ, глубоко поверивший в идеал социализма, в завоевания Октября, несмотря на все деформации общественного развития, нашел в себе силы изменить ход вооруженной борьбы и в конечном итоге сломать хребет гитлеровской военной машины. Военно-стратегические просчеты, допущенные накануне и в ходе войны, в конце концов были исправлены советским народом и его армией ценой колоссальных жертв.

Полковник В. Н. ПЕТРОВ, кандидат исторических наук

От редакции. С этого номера журнала мы начинаем публиковать до сей поры практически никому неизвестные довоенные совершенно секретные особой важности планы стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил.

[1] В своих мемуарах маршал А. М. Василевский останавливается на некоторых деталях этого плана, связанных главным образом с оценкой советским руководством намерений Германии, а также на процедуре доклада Сталину. Василевский А М. Дело всей жизни. — Изд. 2-е. — М.: Политиздат, 1975. — С. 101. 106.

[2] ЦАМО СССР, ф. 16 оп 2951. д. 237. лл. 1 — 15.

[3] Там же, л. 50.

[4] Там же. ф. 32, оп. 11302, д. 2. л. 84.

[5] Там же, л. 47.

[6] История второй мировой войны 1938— 1945. — Т. 3. — М.: Воениздат. 1974. — С. 440.

[7] Инженерные войска Советской Армии 1918—1945. — М.: Воениздат, 1985. —С. 187.

[8] История Прибалтийского военного округа. — Рига: Изд. штаба и политического управления ПрибВО, 1968. — С.92.

[9] ЦАМО ф. 500, оп. 12478, д. 231, лл. 5—6.

[10] Военно исторический журнал — 1988. — № 8. — С. 37.

[11] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 - Т 2 — М : Воениздат, 1961. — С. 30.

[12] Там же. —С. 29.

[13] ЦАМО. ф. 500, оп. 12459. д. 50. л. 83,

[14] Там же, оп. 12478, д. 231 п. л. 3.

[15] ЦАМО, ф. 221. оп. 1394. д. 2, л. 39.

[16] Военно-исторический журнал. — 1959. - № 4. — С. 65.

[17] Краснознаменный Киевский. Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа. — Изд. 2-е. — Киев: Политиздат, 1979 — С. 147—148.

[18] Военно-исторический журнал. — 1989. — № 4. — С. 42.

[19] Там же. — С. 55.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР « ___» _____19___г.
№ _____
Особо важно
Совершенно секретно
Только лично
ЦК ВКП[б]
тов. СТАЛИНУ тов. МОЛОТОВУ

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы.

I. НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫЕ ПРОТИВНИКИ

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами — с целью реванша— Финляндию и Румынию, а возможно, и Венгрию.

При вероятном вооруженном нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами. Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно, и Турцией и на востоке — против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение,

II. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКОВ

Основным, наиболее сильным противником является Германия.

Германия в настоящее время имеет развернутыми до: 200 пехотнььх дивизий, 15 танковых дивизий, 5—7 легких дивизий, 10 моторизованных дивизий, 8 горных дивизий, 2—3 авиадесантные дивизии.

Всего до 240—243 дивизий с общей численностью до 8 миллионов человек, 13 900 самолетов и до 9—10 тысяч различного типа танков.

Сложившаяся военная обстановка в Западной Европе позволяет немцам перебросить большую часть сил против наших западных границ.

При неоконченной еще войне с Англией предположительно можно считать, что в оккупированный странах и областях Германией будут оставлены до 50 дивизий и в глубине страны до 20 дивизий.

Таким образом, из указанных выше 243 дивизий до 173 дивизий, из них до 138 пехотных, 15 танковых, 10 моторизованных, 5 легких и 3 авиадесантные дивизии и до 12 000 самолетов будет направлено против наших границ.

Финляндия сможет выставить против Советского Союза 15 пехотных дивизий.

Румыния в настоящее время имеет до 45 пехотных дивизий, 4 кавалерийские дивизии и около 1100 самолетов, из них можно ожидать, что против Советского Союза будет использовано до 30 пехотных дивизий, 3 кавалерийские дивизии и до 900 самолетов.

Венгрия сможет выставить против СССР до 15 пехотных дивизий, 2 танковых дивизий и 2 кавалерийских бригад.

Всего, с учетом указанных выше вероятных противников, против Советского Союза на Западе может быть развернуто:

Германией — 173 пех. див., 10 000 танков, 12 000 самолетов; Финляндией — 15 [пех. див.]; — [танков]; 400 [самолетов]; Румынией — 30 [пех. див.]; 250 [танков], 900 [самолетов], Венгрией — 15 [пех. див.], 300 [танков], 600 [самолетов]. Всего — 233 пех. див.; 10 550 танков; 13 900 самолетов.

ПРИМЕЧАНИЕ. Как указано выше, Италия и Турция не считаются прямыми противниками и в таблицу не включены.

На Востоке Япония, ведущая сейчас войну с Китаем, мобилизовала почти всю свою армию, развернув 49 пехотных дивизий, 4 кавалерийские бригады, 2 мотомехбригады, до 1570 танков и 3420 самолетов.

При нападении на СССР Япония большую, часть своих сил направит в Северную Маньчжурию, оставив в Китае для оккупации захваченных областей около 10 пехотных дивизий, 1—2 кавалерийские бригады и часть смешанных бригад.

Таким образом, в Северной Маньчжурии и Корее, а также в экспедициях на Сахалин и Камчатку можно ожидать до 39 пехотных дивизий, до 2500 самолетов, до 1200 танков и 4000 орудий. Армия Манджоу-Го (Так в оригинале) в расчет не принимается, как имеющая второстепенное значение.

Итак, при войне на два фронта СССР должен считаться с сосредоточением на его границах около 270 пехотных дивизий, 11750 танков и до 16 400 самолетов.

III. ВЕРОЯТНЫЕ ОПЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ ПРОТИВНИКОВ

Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб КА не располагает.

Наиболее вероятными предположениями, стратегического развертывания возможных противников могут быть:

...На Западе

Германия вероятнее всего развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем чтобы из Восточной Пруссии через Литву нанести и развить главный удар в направлениях на Ригу, на Ковно, Вильно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать ударов на фронт Белосток, Брест с развитием их в направлении Барановичи, Минск. Развитие операций на Ригу будет сочетаемо: 1) с высадкой десантов на побережье Балтийского моря в районе Либавы с цепью действий во фланг и тыл нашим армиям, оперирующим на нижнем Немане и 2) с захватом Моонзундского архипелага и высадкой на территории Эстонской ССР с целью наступления на Ленинград.

Вполне вероятен также, одновременно с главным ударом немцев из Восточной Пруссии, их удар с фронта Холм, Грубешов, Томашев, Ярослав на Дубно, Броды с целью выхода в тыл нашей львовской группировке и овладения Западной Украиной.

Если Финляндия выступит на стороне Германии, то не исключена поддержка ее армии германскими дивизиями для атаки Ленинграда с северо-запада.

На юге возможно ожидать одновременного с германской армией перехода в наступление из районов Северной Румынии в общем направлении на Жмеринку румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

При изложенном предположительном варианте действий Германии можно ожидать следующего развертывания и группировки ее сил:

— к северу от устья р. Сан немцы могут иметь на фронте Мемель—Седлец до 123 пехотных и до 10 танковых дивизий и большую часть своих самолетов:

— к югу от устья р. Сан — до 50 пехотных и 5 танковых дивизий с основной группировкой их в районе Холм, Томашев, Люблин.

Не исключена возможность, что немцы с целью захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа сосредоточат свои главные силы к югу от устья р. Сан в районе Седлец, Люблин с направлением главного удара на Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии, как указывалось выше.

При этом варианте действий Германии надо ожидать, что немцы выделят для действий на юге 110—120 пехотных дивизий, основную массу своих танков и самолетов, оставив для действий на севере 50—60 пехотных дивизий, часть танков и самолетов.

Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья. Примерный срок развертывания германских армий на наших западных границах — 10—15-й день от начала сосредоточения.

Окончания развертывания 30 румынских пехотных дивизий на нашей границе с Румынией, с главной группировкой их — до 18 пех[отных] дивизий — в районе Ботошани, Сучава, можно ожидать на 15—20-й день.

В отношении финской армии предполается следующее ее развертывание:

1. на фронте от Финского залива до Савонлинна до 6 пехотных дивизий, поддержанных 3—4 дивизиями немцев;
2. для прикрытия направления Куопио, Иоэнсу — на фронте Онкамо, Иломантаи, Нурмес — до 3 пехотных дивизий;
3. для прикрытия Улеаборского направления на фронте Кухмониеми, Суомуссалми — до 2 пехотных дивизий;
4. в района Меркярви — до 2 пехотных дивизий и
5. в районе Петсамо — до 2 пехотных дивизий.

Окончательного развертывания финской армии по указанному варианту можно ожидать на 20—25-е сутки.

Вероятность сосредоточения значительных сил финской армии на выборгско-ленинградском направлении, поддержанных здесь немецкими дивизиями, предопределяет возможность активных действий противника на этом направлении.

В дальнейшем на этом театре не исключена возможность вспомогательных ударов противника на петрозаводском и кандалакшском направлениях.

Наиболее вероятными действиями морских флотов противников будут:

Немецкий флот: а) блокада в Балтийском море;

б) обеспечение и высадка десантов в районе Либавы и захват Моонзундского архипелага;

в) стремление прорваться в Финский залив и заставить наш флот уйти к востоку;

г) в Северном море возможно развитие немцами крейсерских операций и действий подводных лодок по блокаде наших портов в Мурманске и в Архангельске.

Итальянский флот свои основные действия будет иметь в Черном море.

На Востоке — как указывалось выше, можно ожидать сосредоточение против нас со стороны Японии до 39 японских пехотных дивизий, до 2500 самолетов, до 1200 танков и до 4000 орудий.

Можно предполагать, что к концу первого месяца сосредоточения японцы будут иметь против СССР и МНР полностью сосредоточенными 25—26 пехотных дивизий, при этом основная масса сухопутных войск, большая часть авиации и танков в первый период войны, а морской флот и морская авиация на всем протяжении войны будут сосредоточены против Приморья. Это подтверждается наличием против Приморья уже в настоящее время четырех японских армейских управлений, семи пехотных дивизий и интенсивными работами по подготовке театра на этом направлении.

Одновременно против наших восточных берегов и портов будут направлены действия сильного морского флота Японии.

IV. ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

В данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на два фронта необходимо считать основным фронтом Западный, здесь и должны быть сосредоточены наши главные силы.

На Востоке, учитывая вероятность появления против нас значительных японских сил, необходимо назначить такие силы, которые полностью гарантировали бы нам устойчивость положения.

Остальные наши границы должны быть прикрыты минимальными силами, а именно:

а) на охране Северного побережья остаются 88-я стрелковая дивизия, запасные части и погранохрана;

б) на охране берегов Черного моря от Одессы до Керчи кроме Черноморского флота остаются 156-я стрелковая дивизия, запасные части, береговая охрана и погранохрана;

в) на охране побережья Черного моря от Керчи до Сухуми — 28-я горная стрелковая дивизия и погранохрана;

г) Закавказье обеспечивается оставлением 6 стрелковых дивизий, из них 4 горных, 2 кавалерийских дивизий и 2 танковых бригад;

д) границы в Средней Азии обеспечиваются 2 горно-стрелковыми дивизиями, 4 кавалерийскими дивизиями и погранохраной.

Всего на северных и южных границах из полевых войск оставляются: 11 стрелковых дивизий, из них 7 горных, 6 кавалерийских дивизий и 2 танковые бригады.

Для действий на Востоке, против Японии, необходимо назначить: 26 стрелковых дивизий, из них 3 мотодивизии; 4 кавалерийские дивизии; 3 отдельные стрелковые бригады; 3 авиадесантные бригады; 8 отдельных танковых бригад, а всего 3268 танков; 43 авиационных полка, в составе 2778 самолетов и 692 самолета Тихоокеанского флота, а всего 3470 самолетов.

Всего оставляется на северных, южных и восточных границах СССР:

37 стрелковых дивизий, 10 кавалерийских дивизий, 3 отд[ельные] стрелковые бригады, 3 авиадесантные бригады, 16 танковых бригад, 65 полков авиации, с учетом авиации ПВО Москвы, Баку и Ленинграда.

Для ведения операций на Западе назначаются:

143 стрелковые дивизии, из которых 23 со сроком готовности от 15 до 30 дней и 6 национальных прибалтийских, 8 моторизованных дивизий, 18 танковых дивизий, 10 кавалерийских дивизий, 14 отд[ельных] танковых бригад, 172 полка авиации, а всего 10 320 самолетов,

V. ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА ЗАПАДЕ

Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья.

На юге активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии.

Основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир, для чего развернуть:

Северо-Западный фронт — основная задача — по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней.

В составе фронта иметь 8-ю и 11-ю армии.

8-я армия развертывается на фронте Поланген, Юрбург в составе:

10 стрелковых дивизий, из них 2 Латвийской ССР,

(2 танковых дивизий, 1 мотодивизии,) - мехкорпус из ЛВО

1 танковой бригады,

4 мотострелковых дивизий,

4 стрелковых бригад,

2 танковых дивизий,

4 кавалерийских дивизий,

8 танковых бригад,

47 полков авиации.

Докладывая основы нашего стратегического развертывания на Западе и на Востоке, прошу об их рассмотрении.

Приложение: особо важн[ая] схема № 1.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
(С. ТИМОШЕНКО)
Начальник Генерального штаба КА
Маршал Советского Союза
(Б. ШАПОШНИКОВ)

1940 года

Написано в одном экземпляре. Исполнитель: заместитель начальника опер[ативного] упр[авления] генерал-майор Василевский

ЦАМО СССР, ф. 16, оп. 2851. д. 239. с. 1—14. 37.

Публикацию подготовил полковник Е. И. ЗЮЗИН, кандидат исторических наук

Готовил ли СССР превентивный удар?

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ почта журнала — барометр общественного мнения. Оно психологически точно отражает состояние умов наших соотечественников. Смятение и вера, душевная боль и надежда на лучшие времена — эти сложные чувства рождаются под воздействием не только нынешних процессов в стране, но и исторической памяти народа.

Любые попытки под тем или иным предлогом поставить под сомнение нашу победу, опорочить тех, кто пролил кровь на полях сражений, ковал оружие победы, кормил страну и ее армию, циничны и кощунственны.

В то же время бесспорно и то, что для подготовки к отражению агрессии не были использованы все возможности. Журнал продолжает публиковать новые материалы, позволяющие судить о планах строительства и подготовки Красной Армии, ее стратегического и мобилизационного развертывания, оперативного применения. В целом они подтверждают, что Советский Союз, делая, по словам Молотова, выбор в пользу «наступательной политики», не ставил перед собой агрессивных целей, не провоцировал Германию на «превентивную войну». Внешняя, а также военная политика СССР в конце 30-х годов была обременена серьезными концептуальными издержками. Исторически это можно объяснить двумя главными причинами: приверженностью партийно-государственного руководства страны идее «мировой социалистической революции» и ограниченным пониманием проблем безопасности СССР. Узкодогматический взгляд на эти и другие аспекты международного положения СССР предопределил крупные просчеты в политической стратегии, военно-политических и стратегических концепциях, и области военного строительства.

АКТ
о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.

При приеме Наркомата Обороны тов. Тимошенко (Маршал Советского Союза С К. Тимошенко возглавил Наркомат обороны СССР 7 мая 1940 года) от т. Ворошилова в присутствии тт. Жданова, Маленкова и Вознесенского заслушали доклады Начальников Центральных Управлений и установлено следующее:

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА

1. Действующее положение о Наркомате Обороны, утвержденное Правительством в 1934 году, устарело, не соответствует существующей структуре и не отражает современных задач, возложенных на Наркомат Обороны. Вновь созданные управления: Главное Управление Красной Армии, Управление Военно-Технического снабжения, Управление снабжения, Управление продовольственного, обозного и вещевого снабжения, Управление стрелкового и минометного вооружений, Управление высших военно-учебных заведений, Управление снабжения горючим и Управление Начальника пехоты существуют по временным положениям. Структура других управлений (Генштаб, Арт. Управление, Управление Связи, Строительно-квартирное Управление, Управление ВВС и Инспекции) изменена, причем положения об этих изменениях не утверждены.

Наркому Обороны подчинено непосредственно 34 самостоятельных Управления и отдела. При этом положении и недостаточно четком распределении обязанностей между Заместителями Наркома часто имела место задержка в разрешении вопросов, возникающих в управлениях НКО.

2. В разработке и издании уставов, наставлений и руководств, регламентирующих жизнь и деятельность войск, нет твердой системы. В армии имеется до 1080 наименований действующих уставов, наставлений и руководств, из них много временных и устаревших, требующих переработки. Основные уставы: полевой службы, боевые уставы родов войск, внутренней службы, дисциплинарный — также устарели и требуют переработки.

Наряду с наличием большого количества уставов и наставлений — отсутствуют: наставление по вождению крупных войсковых соединений (армий), наставление по атаке и обороне укрепленных районов и наставление для действий войск в горах.

3. Организация Красной Армии в развернутом виде по всем родам войск была утверждена Комитетом Обороны 1 декабря 1939 года и дополнена отдельными формированиями, вызванными войной с белофиннами.

Наличный состав Красной Армии превышал утвержденную Правительством после войны с белофиннами численность на 686 000 человек, подлежащих увольнению в запас с 1 июля.

Большинство войсковых частей существуют по временным штатам, не утвержденным Народным Комиссаром. Штатное и табельное хозяйство запущено. Около 1403 штатов и табелей, по которым войска живут и снабжаются, никем не утверждены и изданы для руководства, как временные.

4. Вопросы военного законодательства и систематизации приказов Наркома Обороны не налажены. Имеется много приказов, требующих отмены или переработки, как устаревших и затрудняющих руководство войсками.

5. Контроль за исполнением отданных приказов и решений Правительства был организован недостаточно. Не было живого действенного руководства обучением войск. Поверка на местах, как система, не проводилась и заменялась получением бумажных отчетов.

ОПЕРАТИВНАЯ ПОДГОТОВКА

1. К моменту приема и сдачи Наркомата Обороны оперативного плана войны не было по Западу — в связи с занятием Западной Украины и Западной Белоруссии; по Закавказью — в связи с резким изменением обстановки; по Дальнему Востоку и Забайкалью — ввиду изменения состава войск — существующий план требует переработки. Генеральный штаб не имеет точных данных о состоянии прикрытия госграницы.

2. Руководство оперативной подготовкой высшего начсостава и штабов выражалось лишь в планировании ее и даче директив. Народный Комиссар Обороны и Генеральный штаб сами занятий с высшим начсоставом и штабами не проводили. Контроль за оперативной подготовкой в округах почти отсутствовал. Наркомат Обороны отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне. Твердо установленных взглядов на использование танков, авиации и авиадесантов нет.

3. Подготовка театров военных действий к войне во всех отношениях крайне слаба. В результате этого:

а) в железнодорожном отношении театры военных действий не обеспечивают быстрое сосредоточение войск, их маневр и снабжение;

б) пропускная способность железных дорог к новым западным границам низка и не обеспечивает требования обороны границ;

в) положения об управлении железными дорогами на театре войны, четко определяющего функции органов НКПС и органов ВОСО, а также порядок перевозок, нет;

г) строительство шоссейных дорог идет медленно и ведется многими организациями (Гуждор, Главдорупр, Гулаг НКВД), что приводит к распылению сил и средств и отсутствию общего плана дор. строительства;

д) строительство связи по линии НКС сильно отстает, а по линии НКО в 1940 г. сорвано совершенно, вследствие позднего представления Генштабом и Управлением Связи заявок на строительные материалы и неотпуска таковых. Каблирование и использование уплотненных бронзовых проводов ведется в крайне ограниченном размере;

е) в аэродромном отношении крайне слабо подготовлена территория Западной Белоруссии, Западной Украины, ОДВО и ЗакВО;

ж) ясного и четкого плана подготовки театров [военных действий] в инженерном отношении, вытекающего из оперативного плана, нет. Основные рубежи и вся система инж[енерной] подготовки не определены;

з) план строительства УРов в 1940 г. не утвержден. Исчерпывающих директив по строительству УР в 1940 г. округам к моменту приема Наркомата не дано.

Система предполья окончательно не разработана, и в округах этот вопрос решается по-разному.

Нет окончательного решения и указаний НКО и Генштаба о содержании в боевой готовности старых укрепрайонов и укрепрайонов строительства 1938—1939 гг., которые должны быть использованы как сильно укрепленный тыловой рубеж.

Новые укрепленные районы не имеют положенного им вооружения, а именно недостает; коробов НПС — 3, пулеметных — 1114, ДОТ — 4, для 45-мм пушек — 80, для пушек Л17 — 222, заслонов для ручных пулеметов — 940, ружейных заслонов — 2451; установок: пулеметных — 1208, 45-мм пушек — 520, пушечных Л17 — 543. 4. В топографическом отношении театры военных действий подготовлены далеко недостаточно и потребность войск в картах не обеспечена.

УКОМПЛЕКТОВАНИЕ И УСТРОЙСТВО ВОЙСК

1. Точно установленной фактической численности Красной Армии в момент приема Наркомат не имеет по вине Главного Управления Красной Армии, [учет] находится в исключительно запущенном состоянии.

Личный состав войск состоял из кадрового и приписного состава; план увольнения приписного состава находится в процессе разработки.

2. Оргмероприятия по стрелковым дивизиям не закончены. Дивизии не имеют новых штатов и существуют по старым, не оправдавшим себя, штатам.

3. Рядовой и младший начсостав Красной Армии по своей обученности разнообразен, в связи с наличием призванных из запаса и призванных в армию лиц различных национальностей. При укомплектовании армии лицами отдельных национальностей западные округа (КОВО, ЗапОВО и ОДВО) были перенасыщены лицами, не знающими русского языка, что затрудняло их обучение.

4. Положение о прохождении службы рядового и младшего начсостава, изданное в 1931 году, устарело, для руководства непригодно и никто им не пользуется. Нового положения, определяющего порядок прохождения службы, не составлено.

5. По устройству войск — нет положений об управлении частями (полками), соединениями (дивизиями и бригадами). Положение о войсковом хозяйстве устарело и требует переработки. Не разработано положение о полевом управлении войск.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА

1. В связи с войной и значительным передислоцированием войск мобилизационный план нарушен. Нового мобилизационного плана Наркомат Обороны не имеет.

Мероприятия по отмобилизованию распорядительным порядком полностью не разработаны.

2. Наркомат Обороны не устранил еще следующие недостатки мобилизационного плана, вскрытые при проведении частичной мобилизации в сентябре 1939 года:

а) крайняя запущенность учета военнообязанных запаса, т. к. переучет не проводился с 1927 года;

б) отсутствие единого учета военнообязанных и существование обособленного специального учета железнодорожников, водного транспорта и НКВД;

в) слабость и неналаженность работы военкоматов;

г) отсутствие очередности в отмобилизовании частей, что привело к перегрузке первых дней мобилизации;

д) нереальность планов размещения войск при отмобилизовании;

е) неотработанность плана снабжения обмундированием при мобилизации;

ж) неравномерность подъема по мобилизации военнообязанных, конского состава и автотранспорта;

з) отсутствие твердо установленного порядка в бронировании рабочей силы на военное время;

и) нереальность и неудовлетворительное состояние учета лошадей, повозок, упряжки и автотранспорта.

3. В числе военнообязанных запаса состоит 3 155 000 необученных людей. Плана обучения их Наркомат Обороны не имеет. В числе обученного состава состоят на учете военнообязанные запаса с недостаточной подготовкой и по ряду специальностей мобилизационная потребность в специалистах не покрывается. Плана переобучения специалистов и переподготовки слабо обученного состава Наркомат Обороны также не имеет.

4. По данным Наркомата Обороны, некомплект автотранспорта на военное время составляет 108 000 автомашин, причем это положение вызвано установленными Наркоматом Обороны завышенными нормами обеспечения войск автотранспортом.

5. Наставления по мобилизационной работе в войсках и военкоматах, признанные устаревшими, не переработаны.

СОСТОЯНИЕ КАДРОВ

Некомплект начсостава в армии составляет 21 проц. к штатной численности. Этот некомплект вызван не только увеличением численности армии, но явился также результатом недооценки Наркоматом Обороны вопроса подготовки командного состава. Установлено, что ежегодные выпуски из военных училищ за последнее десятилетие едва покрывали естественную убыль, не создавая резервов для обеспечения роста армии и образования запасов. Детально разработанного плана покрытия некомплекта не имеется.

Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68 проц. имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно, вследствие недоброкачественности программ, неорганизованности занятий, недостаточности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки. Усовершенствование командного состава кадра должным образом не организовано. Недостатком программ подготовки командиров в военно-учебных заведениях является: проведение занятий преимущественно в классах, недостаточность полевых занятий, насыщение программ общими предметами в ущерб военным.

В вопросах присвоения военных званий нет твердо установившейся системы и в ряде случаев имела место кампанейщина. Этому способствовало отсутствие периодического аттестования начсостава. Существующий порядок аттестования не выявляет деловых качеств командира и работы командира по боевой подготовке своей части. Происходит это потому, что командный состав недостаточно привлекается к аттестованию, последнее в большинстве случаев проводится политсоставом.

Учет начсостава поставлен неудовлетворительно и не отражает командного состава, имеющего боевой опыт. Кандидатские списки отсутствуют.

При назначении командного состава не участвуют начальники соответствующих родов войск и служб, вследствие чего недостаточно учитывается специальная подготовка комсостава.

Нормы убыли начсостава на военное время не разработаны. Не имеется начсостава запаса на первый год ведения войны. Учет и подготовка начсостава запаса находится в неудовлетворительном состоянии.

По данным Наркомата Обороны, для полного отмобилизования армии по военному времени недостает 290 000 человек комсостава запаса. На учете подлежащих призыву имеется 195 000 человек. Недостаток комсостава запаса, не считая потери во время войны, составляет 95 000 человек. Плана подготовки и пополнения комсостава запаса нет.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙСК

Боевая подготовка войск имеет крупнейшие недочеты. Ежегодно издаваемые Народным Комиссаром приказы о задачах боевой подготовки в течение ряда лет повторяли одни и те же задачи, которые никогда полностью не выполнялись, причем не выполнявшие приказ оставались безнаказанными.

Воинская дисциплина не на должной высоте и не обеспечивает точного выполнения войсками поставленных им боевых задач.

Главнейшими недостатками в подготовке войск являются:

1) Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота—взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава.

2) Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений.

3) Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

4) Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками.

5) Войска не обучены лыжному делу.

6) Применение маскировки отработано слабо.

7) В войсках не отработано управление огнем.

8) Войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек.

Причинами этого являются:

1) Неправильное обучение и воспитание войск.

В боевой подготовке войск допускается много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий.

Войска мало обучаются в поле практическому выполнению всего необходимого для боя. Недостаточно воспитывается и прививается выносливость, физическая закалка и стремление выполнять приказ беспрекословно, точно и быстро, несмотря ни на какие трудности, и преодолевая их.

Вместо этого зачастую допускается ложный демократизм, подрыв авторитета командира, особенно младшего.

2) Неправильно построены программы и планы боевой подготовки, приводящие к тому, что рода войск занимаются изолированно, периоды обучения и боевые стрельбы их тождественных подразделений не совпадают по времени и недостаточно обеспечиваются материально.

3) Отсутствует живое руководство и контроль за ходом боевой подготовки со стороны Наркомата Обороны и Управления боевой подготовки Красной Армии.

СОСТОЯНИЕ РОДОВ ВОЙСК

1. **ПЕХОТА**. В Наркомате Обороны до 1939 года существовало неправильное мнение о том, что пехоту легче подготовить, чем другие технические рода войск. Вследствие этого:

а) вопросам организации, вооружения и подготовки пехоты не уделено должного внимания;

б) пехота подготовлена слабее всех других родов войск;

в) накопление подготовленного запаса пехоты недостаточно;

г) всякие формирования легче всего проводятся за счет пехоты, что вызывает большую текучесть в пехоте;

д) командный состав пехоты плохо подготовлен и имеет большой некомплект;

е) пехотное вооружение отстает от современных требований боя и не обеспечено минометами и автоматами.

2. **ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ**. Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии отстает по скоростям, мощностям моторов, вооружению и прочности самолетов от авиации передовых армий других стран. Наркомат Обороны (Управление Военно-Воздушных Сил) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление Военно-Воздушных Сил не определяло направления развития военной авиации, а приспосабливалось к Наркомату авиационной промышленности. По этой причине ВВС не имеют пикирующих бомбардировщиков и отстают во внедрении современных типов самолетов. По вооружению отстает внедрение крупнокалиберного оружия.

Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно.

Состояние учета самолетов и моторов неудовлетворительное, а качественный учет совершенно не организован и не ведется.

Авиационные части имеют общий некомплект самолетов 10 проц., в числе имеющихся в частях самолетов 24 проц. составляют устаревшие типы, требующие замены.

Военно-воздушные силы недостаточно обеспечены средствами подогрева и заправки, подвижными ремонтными мастерскими и наиболее ходовыми запасными частями.

Склады авиамеханического имущества недостаточны и не удовлетворяют потребности авиационных частей.

Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей и развитие ее отстает от роста Военно-воздушных сил.

Организация Военно-воздушных сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии).

Существующая организация авиабаз не обеспечивает обслуживания передовых оперативных аэродромов и содержания их в рабочем состоянии в течение круглого года.

Летно-технический состав недостаточно подготовлен в бомбометании, в полетах в сложных метеорологических условиях и в стрельбе.

Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных, главным образом, на старой материальной части, и вследствие этого молодых летчиков приходится переучивать в частях.

Вопросы прохождения службы летно-техническим составом не отработаны, в результате чего существует неправильное положение, когда красноармейцы действительной военной службы, после годичного обучения в школах младших специалистов, выпускаются по категории среднего начальствующего состава.

Несмотря на большой некомплект штурманов, подготовка их не организована.

Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания ими материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы.

3. **АВИАДЕСАНТНЫЕ ЧАСТИ** не получили должного развития.

Существующая двойственность подчинения — по линии УБП (боевая подготовка) и по линии ВВС (снабжение) спец[иальным] имущ[еством] и обесп[ечение] (самолетами) отрицательно сказывается на управлении и боевой подготовке авиадесантных частей.

Организация воздушно-десантных частей (маломощные бригады) отстает от современных требований и требует пересмотра в сторону создания более сильных соединений. Внимание к парашютному спорту и его развитие ослаблены.

4. **АВТОБРОНЕТАНКОВЫЕ ВОЙСКА**. Развитие механизированных и танковых войск в обшей системе вооруженных сил отстает от современных требований массированного применения танков в бою и операции.

Существующие танковые бригады не подкреплены достаточным количеством моторизованных частей. Наркомат Обороны в деле развития танковых и механизированных войск проявил совершенно недопустимую осторожность, вследствие чего удельный вес механизированных войск является низким, а количество танков в Красной Армии недостаточным.

Вооружение танковых частей в своем развитии также отстает от современных требований, в результате чего современные толстоброневые танки внедряются исключительно медленно.

Наличный автобронетанковый парк в течение последних двух лет подвергался напряженной эксплуатации в боевых условиях (Халхин-Гол, поход в Западную Украину и Западную Белоруссию и война с белофиннами), вследствие чего в значительной своей части требует капитального и среднего ремонта. Однако ремонт этих машин, при наличии достаточной ремонтной базы, затягивается из-за отсутствия необходимых запасных частей.

Существующие ремонтные комплекты как по количеству, так и по своей спецификации составлены неудачно. Наиболее ходовые детали в них изготовлены в малых количествах и не обеспечивают потребности.

Вопросы организации ремонта боевых машин в полевых условиях разрешены неправильно. По существующему порядку предусматривается отправка боевых машин для ремонта в тыловые мастерские, что задерживает ремонт и не обеспечивает своевременный ввод их в строй.

Эксплуатация существующего автомобильного и тракторного парка поставлена неудовлетворительно, вследствие чего в армии имеется большое количество машин, требующих ремонта.

Существующий тракторный парк недостаточен и не обеспечивает полностью подъема материальной части артиллерии на мехтяге.

5. **АРТИЛЛЕРИЯ**. Наличие материальной части артиллерии по средним и мелким калибрам обеспечивает развертывание артиллерийских частей, но отстает по крупным калибрам. Обеспеченность по 152-мм гаубицам и пушкам составляет 71—78 проц., по 203-мм гаубицам — 44 проц. Обеспеченность более крупными калибрами (280-мм и выше) совершенно недостаточна. Между тем опыт прорыва линии Маннергейма показал, что для уничтожения и разрушения современных ДОТ 203-мм гаубицы являются недостаточно мощными.

Мелкокалиберные зенитные пушки на вооружении армии до сих пор отсутствуют, обеспеченность ими составляет всего 5,6 проц.

По боеприпасам — потребность армий по средним системам обеспечивается только до полутора месяцев, а по тяжелым всего лишь на $^2/_3$ месяца войны. Специальные артиллерийские выстрелы (бронебойные, зажигательные в др.) имеются в крайне недостаточном количестве.

Приборами управления, биноклями артиллерия обеспечена недостаточно.

Наличие хранилищ не обеспечивает полностью хранение имеющихся запасов. К моменту приема из-за недостатка хранилищ находилось на открытом воздухе до 14600 вагонов вооружения и боеприпасов, в то же время некоторые склады загружены ненужным материалом.

СТРЕЛКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ. Внедрение современных образцов стрелкового вооружения (пистолеты-пулеметы и самозарядные винтовки) Наркоматом Обороны производится с опозданием и крайне медленно.

По количеству винтовок мобилизационная потребность развернутой армии обеспечивается на 108 проц. без резерва. Убыль винтовок и новые формирования во время войны полностью не обеспечиваются.

Перевооружение армии самозарядными винтовками проходит медленно и затягивается.

МИННО-МИНОМЕТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ. Наркоматом Обороны не придавалось значения минно-минометному вооружению. В результате, Красная Армия оказалась необеспеченной минометами и неподготовленной к их использованию.

К моменту приема Наркомата, Красная Армия еще не обеспечена полностью минометами. В частях имеется большой некомплект минометов, а минометы крупных калибров существуют только в образцах.

Совершенно неотработанными остаются вопросы использования и применения пехотных и противотанковых мин. Производство и изготовление этих мин не организовано и имеются только опытные образцы.

6. **ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА** — по своей организации и вооружению отстают от общего развития других родов войск.

Обеспеченность существующих инженерных частей основными видами инженерного вооружения, лесозаготовительными и дорожными средствами, средствами водоснабжения, маскировки и электротехники составляет всего 40—60 проц. Новейшие средства инженерной техники: окопокопатели, средства глубокого бурения, новые дорожные машины — имеются только в образцах и не внедрены на вооружение инженерных войск.

Переправочные средства по количеству недостаточны, особенно по тяжелым паркам.

Исключительно низкая обеспеченность инженерных войск по колючей проволоке, составляющая по голодной норме всего 6 проц. потребности.

В подготовке и в вооружении инженерных войск не получили развития и выпали вопросы минного заграждения и разграждения.

7. **ВОЙСКА СВЯЗИ** — в настоящее время на своем вооружении имеют много устаревших типов телеграфно-телефонных аппаратов и радиосредств. Внедрение новых средств радиотехники проходит крайне медленно и в недостаточных размерах. Войска плохо обеспечены почти по всем видам имущества связи.

Большим недостатком войск связи является отсутствие быстродействующих и засекречивающих приборов.

Организация войск связи и их численность в мирное время не обеспечивают развертывания на военное время и работоспособности частей связи.

Существующее отставание в развитии техники связи и нечеткость организации связи привели к тому, что во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию, а также во время войны с белофиннами войска связи не имели устойчивой и непрерывно действующей связи.

8. **ХИМИЧЕСКИЕ ВОЙСКА**. Образцы химического вооружения полностью не утверждены. Из 63 предметов химического вооружения утверждены и приняты на вооружение 21 предмет, а 42 предмета представлены к рассмотрению, но Народным Комиссаром не просмотрены.

Под влиянием последних боевых действий на Западе внимание к химическому оружию в Наркомате Обороны ослаблено и им крайне мало интересуются.

Существующие дегазационные средства не обеспечивают по своему количеству и качеству предъявляемые к ним требования. Дегазационные машины, состоящие на вооружении (АРС и АХИ-5), мало проходимы, а из дегазаторов существует только хлорная известь.

Существующие средства химического нападения не имеют норм вооружения и нет разработанных норм тактического использования.

Химические войска на сегодня не имеют удовлетворительных образцов машин для газопуска, заражения и дегазации в сфере огня противника.

Химическая подготовка войск поставлена неудовлетворительно, что объясняется недооценкой значения химических средств нападения со стороны общевойсковых командиров.

Научно-исследовательская работа по развитию химического вооружения поставлена слабо и разработанные новые образцы внедряются в армии медленно.

9. **КОННИЦА**. Состояние и вооружение конницы удовлетворительные. Отмечается слабость и недоработанность штатной организации горно-кавалерийских частей.

СОСТОЯНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Вопросы организации разведки являются наиболее слабым участком в работе Наркомата Обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется.

Отрыв развед [ывательной] работы от Генерального Штаба и непосредственное подчинение ее Наркому Обороны привели к слабому руководству разведывательной службой. Наркомат Обороны не имеет в лице Разведывательного Управления органа, обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке и развертывании иностранных армий. К моменту приема Наркомат Обороны такими развед [ывательными] данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены.

ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА

Вопросы противовоздушной обороны войск и страны находятся в запущенном состоянии ввиду отсутствия твердой организации, руководства и ответственности за ее подготовку. Существующее положение по ПВО, утвержденное в 1932 году, устарело и не отвечает современным требованиям.

Вооружение активных средств ПВО зенитной артиллерией недостаточное. До сих пор на вооружении зенитной артиллерии имеются устаревшие образцы зенитных пушек обр. 1915 года. Совершенно недостаточна обеспеченность приборами управления зенитной артиллерии. Дальномеры, состоящие на вооружении, не обеспечивают стрельбу на высотах более 6,2 км, а приборы ПУАЗО несовершенны.

Подготовка зенитных частей неудовлетворительная и тренировка их ведется с устаревшими типами самолетов. Нет практики с современными самолетами.

Слабо развиты прожекторные части, не все объекты обеспечены прожекторами, и вследствие этого имеющаяся в них зенитная артиллерия способна отражать воздушного противника только днем.

Служба ВНОС плохо организована, слабо подготовлена, плохо вооружена и не обеспечивает своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радио-перехватывающие средства (РУС и РЕДУТ) имеются только в отдельных образцах. Нет ясности, кому подчиняется служба ВНОС: командующему ВВС или отделу ПВО.

Наркоматом Обороны не выполнено постановление Правительства о введении в приграничных округах помощников Командующего войсками по ПВО.

Руководство Наркомата Обороны работой местных пунктов ПВО неудовлетворительное и слабое.

При существующем состоянии руководства и организации ПВО должная защита от воздушного нападения не обеспечивается.

УСТРОЙСТВО И СЛУЖБА ТЫЛА

1. Руководство организацией тыла и тыловой подготовкой начальствующего состава и тыловых учреждений отсутствует. За последние два года в армии не было ни одного специального тылового учения, не было учебных сборов командиров службы тыла, хотя приказом Наркома предлагалось ни одного учения без проработки тыловых вопросов не проводить. Устав тыла засекречен и комначсостав его не знает. Устав требует переработки.

Непосредственное подчинение начальников отдельных снабженческих служб командованию и начальнику штаба приводит к тому, что командование не имеет времени заниматься каждой службой в отдельности, по-настоящему тылом не руководит и не контролирует его.

2. Территории, отошедшие к СССР в 1939—40 гг., в отношении устройства тыла не подготовлены.

3. Мобилизационная заявка 1937—38 гг., переданная в К[омитет] О [бороны] при СНК, в настоящее время нереальна и мобилизацию промышленности не обеспечивает.

Фактически плана мобилизации в промышленности не имеется.

В связи с этим плана подачи боевого имущества и интендантского довольствия на военное время нет.

4. План вооружения и снабжения на 1940 г. в округа до сих пор по вине ГУКА не спущен, что не дает возможности отработать обеспеченность войск на мирное и военное время.

5. Учет количественный и качественный в центральных довольствующих управлениях поставлен плохо и не дает возможности правильно определить обеспеченность войск.

6. Мобфонды продфуража, израсходованные в зимний период 1940 г., не восстановлены, а на Камчатке, Сахалине и в МНР они вовсе отсутствуют.

Дислокация мобфондов требует уточнения.

7. Финансовые сметы на 1-й месяц войны устарели, непригодны и требуют переработки.

ВОЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 9 августа 1935 года по приведению войскового хозяйства и всего дела военно-хозяйственного снабжения армии в образцовый порядок не выполнено.

Войсковое хозяйство продолжает оставаться в запущенном состоянии. Учет и отчетность по имуществу не налажены. В боевых операциях 1939—40 гг. армейский и войсковой тыл работали неудовлетворительно.

Кадры военных снабженцев и хозяйственников не созданы.

1. **ОРГАНИЗАЦИЯ И СИСТЕМА СНАБЖЕНИЯ**. Организация и система обозно-вещевого и продовольственного снабжения и квартирного обеспечения Красной Армии мирного времени совершенно не были приспособлены на военное время.

Действующие типовые штаты армейских и фронтовых органов снабжения военного времени оказались негодными.

Введенные в 1936 г. помощники старшин рот и ротные писаря вскоре были сокращены. Вновь они восстанавливаются лишь с конца 1939 года, когда учет имущества был запутан во всех низовых звеньях.

Штатное и табельное хозяйство в НКО крайне запущено. Действующие штаты с табелями (насчитывают свыше 3000) беспрерывно изменяются, дополняются, переиздаются. В НКО нет общего хозяина над штатами и табелями.

Действующие нормы снабжения, особенно вещевым имуществом, устарели или негодны. Некоторые нормы занижены (санхозимущество), некоторые, наоборот, завышены (спецодежда и др.).

Нет правильного распределения отдельных номенклатур имущества между действующими управлениями-заготовителями (лыжи, музинструменты и др.).

Красная Армия испытывает огромные затруднения из-за несовершенства законоположений, инструкций и руководств по различным видам военно-хозяйственного снабжения и войскового хозяйства.

По вопросам снабжения и ведения хозяйства войска руководствуются огромной массой приказов НКО, вышедших за истекшие два десятилетия. Большое количество частей, особенно из числа сформированных за последние годы, этих приказов не имеют. Кодификацией и разработкой законоположений, затрагивающих деятельность всей армии, в НКО никто не занимается.

Нет закона о правах, обязанностях и персональной ответственности командиров частей и соединений за хозяйственное состояние части, за утрату, порчу, разбазаривание и незаконное использование государственных средств...

3. **ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ**. Текущее снабжение войск продовольствием и фуражом проходит без перебоев. Имеющиеся в войсках неснижаемые переходящие запасы продфуража обеспечивают всю армию по основным продуктам на 15—30 дней.

Наркомат Обороны и промышленность не были подготовлены к войне для изготовления сухарей и концентратов. Упродснаб и Генштаб недооценили этих продуктов на случай войны.

Неблагополучно с размещением мобилизационных фондов. По мясу и жирам из-за недостатка холодильных помещений дислокация мобфондов построена главным образом исходя из наличия холодильников, а не из потребности. Особенно плохо с размещением фондов для 1-й и 2-й ОКА и ЗабВО.

Отсутствие руководящих указаний по учету продовольствия и фуража в военное время привело к большому перерасходу продфуража в период войны с Финляндией.

4. **ВЕЩЕВОЕ СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ**. Войска не были своевременно обеспечены вещевым имуществом по зимнему плану 1939—40 гг. Отпуск обмундирования частям затянулся до января 1940 года. Вопросы обеспечения теплыми вещами (ушанки, перчатки, валенки) не были проработаны и не ставились своевременно Наркоматом Обороны.

По летнему плану 1940 г. округам к 1 мая недодано более 1 миллиона комплектов обмундирования, выдача которого будет закончена лишь в июне месяце.

Мобилизационная обеспеченность армии по основным предметам (головные уборы, шинели, летнее обмундирование, белье и обувь) крайне низкая. Возимые запасы для частей, переходящие запасы для полскладов не созданы.

Неудовлетворительное состояние вещевого снабжения объясняется плохой работой УВС, хроническими недопоставками продукции от промышленности, выделением для НКО фондов без учета сезонности снабжения армии — равномерно в течение всего года.

Опыт войны показал, что Военные Советы и Начснабы округов не знают действительной обеспеченности и потреб-

ностей частей в вещевом имуществе. Поэтому части отправлялись на фронт необеспеченными или обеспеченными сверх нормы по преувеличенным заявкам и бросали имущество при наступлении.

Хранение обмундирования и обуви в окружных складах и особенно в складах частей поставлено неудовлетворительно. Были случаи хищения, порчи и незаконных выдач имущества.

Обращение с обмундированием небрежное, ремонт поставлен плохо, отчего обмундирование не всегда выдерживает сроки носки.

Учет имущества запущен. В период больших учебных сборов во многих частях имущество НЗ было смешано с имуществом текущего довольствия. За время войны с Финляндией с учетом наличия обозно-вещевого имущества в частях и довольствующих управлениях окончательно запутались. Имелись случаи, когда части, отправляясь на фронт, оставляли имущество НЗ для других формирований без всякого надзора. Учет по приказу НКО № 12—1940 г. в войсках еще не заведен.

Банно-прачечное обслуживание запущено и находится сейчас в ведении 4-х управлений. В мобилизационном отношении банно-прачечное обслуживание армии со стороны НКО не подготовлено, запасов мыла и соды не создано.

5. **ОБОЗНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ**. Затруднено размещение в промышленности мехагрегатов и спец[иального] обоза. Нет отработанного плана производства и поставки промышленностью обозного имущества на год войны. Действующий план материальными ресурсами не обеспечен.

Производство колесного обоза систематически уменьшается...

Внедрение в шорно-седельном и др. производствах кожзаменителей (пост. СНК № 039—1935 г.) проводится слабо, консерватизм в этом вопросе еще не сломлен.

Отсутствие складских помещений и даже навесов для обоза и мехагрегатов (в том числе и для НЗ) является одной из причин преждевременной порчи этого имущества.

Недостатки и маломощность окружных обозно-ремонтных мастерских не обеспечивают ремонта на месте в округах обоза и мехагрегатов в потребном для частей количестве. Недостаток фурнитуры тормозит производство для армии конского снаряжения.

6. **КВАРТИРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК**. На 1 января 1940 г. НКО занимает 104 620 зданий общей кубатурой 235 млн. кубометров. Отапливаемая площадь составляет 19 млн. кв. метр[ов]. Из них фактически жилой площади в казармах для красноармейского состава 7 млн. кв. метр[ов] и 6,4 млн. [кв. метров] в домах начсостава. За период с 1925 г. фонд НКО вырос на 308 проц.

НКО эксплуатирует специальных сооружений: котельных — 2500, электростанций— 600, водопроводных и насосных станций — 700, станций телефонной связи и пожарно-постовой сигнализации — 1300, паровых кухонь и механизированных прачечных — 800. Эксплуатация этого фонда находится на низком уровне.

Опыт боевых действий 1939—1940 гг. показал совершенную неприспособленность и неподготовленность квартирно-эксплуатационных органов к обслуживанию действующих армий.

ВОПРОСЫ СНАБЖЕНИЯ ГОРЮЧИМ

1. Запасы горючего крайне низки и обеспечивают армию лишь на $^1/_2$ месяца войны.

2. Строительство бензоемкостей и накопление запасов горючего выполнены в совершенно недостаточных размерах, вследствие систематического невыполнения Наркомстроем плана строительства бензоскладов.

3. Войска исключительно слабо обеспечены тарой под горючее на военное время.

Транспортировка горючего с баз производства в места потреблений крайне затруднена из-за недостатка тары, средств перевозки, заправки и железнодорожных цистерн. Вероятные театры военных действий не имеют в достаточном количестве баз горючего, особенно для авиации.

4. Отмечается отсутствие бережного отношения к сбору и регенерации отработанных масел. Так, например, из авиамасел, полученных в 1939 году, было собрано и сдано на регенерацию только 2331 тонна, что составляет 30 проц. подлежащего сдаче на регенерацию.

Борьба за экономное расходование горючего ведется слабо, вследствие чего имеется недостаток горючего.

ФИНАНСОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Смета НКО на 1939 год по плану заказов составлена с большим резервом. Наличие больших остатков свидетельствует о недочетах, имеющих место в Наркомате Обороны в области финансового и материального планирования.

Финансовое планирование не связано с планированием материальных фондов, ввиду отсутствия в НКО единого органа, объединяющего вопросы сводного материального планирования.

Контроль за финансированием выполнения плана заказов организован неудовлетворительно.

ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ

1. Кадры руководящего политсостава армии от начальника Политотдела и выше преимущественно пожилых возрастов — от 36 до 45 лет. Их имеется в армии 63 проц.

Политические руководители, выдвинутые из зам. политруков и призванные из запаса, не имеют достаточной военной и политической подготовки.

Общая и военно-политическая подготовка многих руководящих политработников неудовлетворительная.

Большая часть политсостава армии (73 проц.) не имеет военной подготовки. Политуправление не определило, какими военными знаниями должен обладать политсостав разных степеней, и до последнего времени не организовало военной подготовки всего политсостава.

В программе Военно-политической Академии на военные дисциплины времени отведено недостаточно.

2. Указание Всеармейского совещания политработников 1938 г., утвержденное ЦК ВКП(б) о ликвидации в двухмесячный срок «вридства» в политсоставе, Политуправление не выполнило.

Политуправление с 1938 г. не выполняет установленный порядок ежегодного делового и политического аттестования политсостава и подменило его получением справок НКВД и сбором чисто формальных отзывов от коммунистов.

3. Общую потребность в политсоставе для мобилизуемой армии на первый год войны Политуправление исчислило в 153 000 человек. Потребность же по родам оружия Политуправление не определило и поэтому планирования подготовки политсостава кадра и запаса по родам оружия нет. Большая часть (77 проц.) политсостава запаса не имеет военного образования. Аттестованием кадров политсостава запаса Политуправление не занималось. Приписка политсоста-

ва запаса в связи с войной была нарушена, однако Политуправление недопустимо задерживает пересмотр приписки политсостава запаса и внесение в нее необходимых изменений.

4. В армии на 01.01.40 г. имеется кандидатов партии с просроченным стажем 64 797 чел., из них с 8-летним кандидатским стажем 3135 чел. и с 10-летним стажем — 226 чел.

5. Политуправление нарушает установленный ЦК ВКП(б) порядок выдачи в 10-дневный срок партдокументов принятым в ВКП(б), и затягивает эту выдачу на срок до года. До сих пор не выдано еще 9166 партбилетов и 16 729 кандидатских карточек. Политуправление нарушило трехмесячный срок отчетности и не отчиталось перед ЦК ВКП(б) за 211 000 выданных партдокументов.

6. В политзанятиях с красноармейцами и начсоставом Политуправление упускало изучение сопредельных стран и их армий.

В директиве об осенней проверке политзанятий 1939 года Политуправление предложило оценку их производить по группам, причем давать оценку всем группам «отлично», если в группе имеется не менее 25 проц. отличных, 35 проц. хороших, 30 проц. посредственных и не более 10 проц. плохих оценок. Такое указание по существу неправильное и толкает на путь снижения требований.

Политуправление не уделяло достаточного внимания работе среди войск и населения противника.

7. По решению ЦК ВКП(б) в Политуправлении создано отделение по кадрам Осоавиахима. Это отделение по Осоавиахиму почти ничего не делает и привлекается Политуправлением для выполнения других работ.

САНИТАРНОЕ И ВЕТЕРИНАРНОЕ СОСТОЯНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Санитарная служба в Красной Армии, как показал опыт войны с белофиннами, оказалась недостаточно подготовленной к большой войне, не хватало медицинских кадров, особенно хирургов, медико-санитарного имущества и автомобильно-санитарного транспорта.

Санитарное Управление в центре и Санитарные Отделы в округах слабо привлекались к работе по мобилизационному обеспечению санитарных органов.

Полевая подготовка медсостава кадра и запаса, особенно по вопросам военно-полевой хирургии, организации и тактики санитарной службы, оказалась неудовлетворительной.

В ветеринарной службе отмечаются недостаточная организованность лечебной работы конского состава и низкая обеспеченность ветлазаретами войск Красной Армии.

ВОЕННО УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Существующая сеть высших военно-учебных заведений (16 военных академий и 9 военных факультетов) и сухопутных военно-учебных заведений (136 военных училищ), находящихся в ведении Управления высших военно-учебных заведений и Управления военно-учебных заведений, по количеству должна удовлетворять потребность в командном составе, за исключением отдельных специальностей, по которым существующая сеть школ не обеспечивает потребность армии в командном составе. Качество подготовки как в академиях, так и в военных училищах, вследствие слабого состава преподавательских кадров и необеспеченности достаточной материальной базой, требует улучшения.

В программах военных академий отмечается чрезмерная дробность и множественность профилей (112 профилей), что отражается на качестве подготовки. Разработанная Управлением высших военно-учебных заведений новая номенклатура специальностей с января месяца 1939 года находилась у Народного Комиссара и не получила утверждения.

В связи с частыми реорганизациями высших военно-учебных заведений и резким увеличением военных училищ, нет стабильности учебных процессов и часть программ, разработанных Управлением, никем не утверждена.

Низка материальная база военных академий и военных училищ. Новые образцы вооружения у них отсутствуют. В военных академиях и училищах отмечается низкая требовательность, имеет место завышение оценок.

Подготовка слушателей в военных академиях и курсантов в военных училищах имеет ряд существенных недостатков, из коих главными являются:

а) недостаточное знание материальной части;

б) недостаточность практических навыков;

в) слабое знание иностранных языков.

ВОЕННОЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО

Военное изобретательство, выделенное в самостоятельный отдел Наркомата Обороны, оторвано от Управлений, ведающих вопросами вооружения и технического снабжения. Вследствие этого ценные изобретения задерживаются внедрением в армию и своевременно не реализуются.

Отдел изобретений занимается только рассмотрением поступающих изобретений, не имея возможности самостоятельно реализовать их.

Управления НКО по своей специальности не уделяют должного внимания поступающим изобретательским предложениям.

ПО УПРАВЛЕНИЮ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

1. Воениздат не обеспечивает начальствующий состав Красной Армии необходимой военной литературой. План выпуска книг выполняется за счет менее трудоемкой в производстве перепечатки произведений классиков художественной литературы. Не издается литература по актуальнейшим вопросам боевой подготовки армии: тактике мелких подразделений, службе штабов, службе тыла и по армиям сопредельных с нами стран. Не издается военная энциклопедия, нет справочной литературы для начсостава специальных родов войск.

2. В Воениздате мало высококвалифицированных военно-редакторских кадров. Больше половины редакторов не имеют высшего образования.

Убытки Воениздата в 1939 году составили 722 000 рублей, из которых 300 тысяч уплачено гонорара за неизданные и недоброкачественные рукописи.

* * *

Существующая громоздкая организация центрального аппарата, при недостаточно четком распределении функций между управлениями, не обеспечивает успешное и быстрое выполнение задач, возлагаемых на Наркомат Обороны, по-новому поставленных современной войной.

Вследствие этого в разработке ряда вопросов ведения современной войны и во внедрении в достаточном количестве в армию современных образцов вооружения — имеется в Наркомате Обороны отставание. Лучшие образцы артиллерии, танков, самолетов и других технических средств борьбы разрабатываются и вводятся на вооружение крайне медленно.

Широкое применение системы условностей в обучении и воспитании войск создало в войсках неправильное представление о суровой действительности войны.

Эти недостатки в руководстве и подготовке войск, при наличии молодых и недостаточно опытных кадров, привели к отставанию в ряде вопросов подготовки армии к войне.

СДАЛ —

Председатель КО при СНК Маршал Советского Союза

(К. ВОРОШИЛОВ)

ПРИНЯЛ —

Народный Комиссар Обороны СССР Маршал Советского Союза

(С. ТИМОШЕНКО)

Председатель комиссии секретарь ЦК ВКП(б) (ЖДАНОВ)

Секретарь ЦК ВКП(б) (МАЛЕНКОВ) ЧЛЕНЫ: Зам. пред. СНК СССР (ВОЗНЕСЕНСКИЙ)

ЦАМО, ф. 32, оп. 11309, д. 15, лл. 1—31.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ
народного комиссара обороны Союза ССР Героя и Маршала Советского Союза С. К. ТИМОШЕНКО на военном совещании 31 декабря 1940 г.
О ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ

1. Извлечения из опыта последних войн

1. Опыт последних войн и особенно западноевропейской войны 1939—1940 гг. показывает, что в области военного искусства происходят большие сдвиги, обусловленные применением новых и усовершенствованием известных ранее боевых средств вооруженной борьбы.

2. В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового. Но в области оперативного искусства, в области фронтовой и армейской операции происходят крупные изменения.

Прежде всего важно отметить, что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными и посадочными десантами и массовой авиацией, обеспечило помимо прочих причин высокий темп и силу современного оперативного наступления.

Наступательные операции во время войны 1914—1918 гг. захлебывались только потому, что темпы наступления и темпы подхода оперативных резервов обороны были одинаковы. Обороняющийся при прорыве всегда успевал организовать новое сопротивление в глубине.

Немецкие танковые дивизии в 1939— 1940 гг. упредили подтягивание этих резервов. И в том, что они первыми бросались вперед, сами создавали проходы в оборонительных полосах противника и сами развивали прорыв, есть свой определенный смысл.

Не случайно немцы применили новое построение для прорыва с танковыми дивизиями впереди. Их к этому принудила безнадежность попыток прорыва в войну 1914—1918 гг. Они правильно учли, что сила и успех современного наступления — в высоком темпе и непрерывности наступления.

3. Как показывает опыт современных операций, база пехотной массы осталась такой же широкой и мощной, но роль пехоты при атаке изменилась. Из ударного средства она превратилась в основание бронированного ударного клина, который острием танковых дивизий врезывался в глубину территории противника.

Самостоятельность действий скоростных подвижных групп, состоявших из различного типа соединений (танковых, механизированных, моторизованных, мотоциклетных), обусловливалась их организационной структурой.

4. Операции на Западе выявили, что глубокий удар, основанный на системе взаимодействия авиации, скоростных мотомеханизированных соединений и главной пехотной массы армии, имеет одно опасное звено, заключающееся в возможности разрыва между действиями авиации и скоростных соединений. Вопрос нашел свое эффективное разрешение в применении воздушных десантов, которые заполняют разрыв, образуемый между атакой авиации и подходом скоростных соединений.

5. Важно также отметить, что если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно.

В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными полосами укреплений.

Несмотря на это, и в настоящее время еще имеется возможность обходить эти укрепления.

Так, например, германская армия не отважилась атаковать и прорвать линию Мажино. Не надеясь на успешный прорыв, она предпочла обойти французскую линию Мажино, не считаясь с нейтралитетом Голландии и Бельгии.

Однако могут быть случаи, когда обход долговременных железобетонных укрепленных полос будет невозможен, и войну придется начинать с прорыва современной долговременной укрепленной полосы.

Так было на Карельском перешейке в 1939—1940 гг., когда Красная Армия впервые в истории войн успешно прорвала современную железобетонную полосу, сильно развитую в глубину, показав тем самым единственный на сегодняшний день пример прорыва современной обороны, на котором и нужно учиться сложному искусству прорыва укрепленных районов.

Исходя из изложенного, Красная Армия и наше высшее командование должны быть подготовлены как к действиям в маневренных условиях, так и к прорыву современных железобетонных оборонительных полос с самого начала войны, с тем чтобы сравнительно быстро развить этот прорыв, выйти на маневренный простор и полностью использовать преимущества подвижных соединений в маневренной войне.

Для этого Красная Армия располагает всеми необходимыми средствами борьбы.

Опыт показал, что для осуществления прорыва современной обороны типа линии Маннергейма необходимо:

а) искусное управление, специальная выучка и правильное воспитание войск, сочетаемые с героизмом и отвагой бойцов и командиров;

б) двойное, тройное превосходство сил на главном направлении, особенно в средствах подавления;

в) массированное использование артиллерии, танков и авиации на поле боя и четкое их взаимодействие;

г) развитие тактического прорыва в оперативно-стратегический путем ввода в прорыв крупных подвижных соединений и высадки авиадесантов.

Прорыв линии Маннергейма должен рассматриваться главным образом как акт величайшего героизма и самоотверженности Красной Армии и как итог достижений военной техники и военного искусства в нашей стране.

Здесь нашли свое применение все новейшие и наиболее мощные системы артиллерийского вооружения, обладающие огромной ударной силой и способные разрушать бетонированные огневые точки, созданные из специального бетона, и бронированные купола из специальных сталей.

Здесь же нашли применение и все наиболее современные типы танков с утолщенной броней, которые действовали в тесном взаимодействии с пехотой.

В процессе прорыва линии Маннергейма все рода войск поддерживались мощной тяжелой артиллерией и бомбардировочной авиацией. Вся линия Маннергейма была с тыла изолирована действиями воздушных сил.

Наступление велось методически, но непрерывно и с неослабевающей мощью. В атаку были брошены специально подготовленные войска. Огнеметные танки атаковали прямо на казематы и направляли струю горящей жидкости в амбразуры. Саперы, включенные в состав штурмовых отрядов, следовали непосредственно за огнеметными танками и производили механические разрушения.

6. Огромное значение в успехах германской армии в войне 1939—1940 гг. имела тщательная подготовка театров предстоящих военных действий и операций: развитие автомобильных и рельсовых путей; создание аэродромной сети как на своей территории, так и агентурное ее обеспечение на территории противника; массовое насаждение агентуры в полосе предстоящих операций (создание паники среди населения, быстрая информация о группировках войск или важных передвижениях); подготовка передовых баз материально-технического обеспечения; накопление восстановительных средств путей сообщения.

7. Большое значение в успехе наступательных операций на Западе играл моральный фактор: твердость дисциплины, большая инициативность и активность командиров всех рангов и готовность войск к самопожертвованию.

Таковы вкратце первые извлечения из опыта последних войн.

Главный вывод из них:

а) Высокий темп операции является решающим условием успеха операции.

б) Высокий темп операции обеспечивается массированным применением мотомеханизированных и авиационных соединений, используемых для нанесения первого удара и для непрерывного развития удара в глубину.

в) Решающий эффект авиации достигается не в рейдах в далеком тылу, а в соединенных действиях с войсками на поле боя, в районе дивизии, армии.

II. Краткая оценка наших оперативных взглядов

1. Красная Армия располагает отличным личным составом и всеми новейшими средствами вооруженной борьбы, вопросы оперативного и тактического вождения войск у нас должны также отвечать всем современным требованиям.

При изучении армейской и фронтовой операции нам необходимо постоянно учитывать реальную материальную базу, с прогнозом на будущее, в связи с ростом экономики нашей страны.

2. Все доклады и выступления на данном совещании показывают почти сходное и в основном правильное понимание всех основных оперативных и тактических форм боевой деятельности войск.

Всеми без исключения, в большей или меньшей мере, трезво учитывается опыт последних войн.

Взгляды на операцию — вполне современные.

Под наступлением понимается массовое применение современных ударных средств, поражающих всю оперативную глубину обороны противника и действующих в глубоком оперативном построении.

Оборона же считается возможной лишь только как оборона противотанковая, способная сломить удар крупных подвижных группировок, способная противостоять артиллерийскому и авиационному воздействию, т. е. оборона как тактически, так и оперативно глубокая.

Нужно отметить одну принципиальную ошибку, допускаемую многими выступавшими здесь на совещании. Она состоит в разрыве оценки возможностей современных средств борьбы и методов применения, что в конечном итоге приводит к ограниченному их использованию.

3. После этой краткой оценки нашей оперативной мысли перехожу к рассмотрению наших взглядов по отдельным видам операций.

Прежде чем рассматривать наступательные операции фронта и армии, надо посмотреть, что представляет из себя современная оборона.

III. Характер современной оборонительной операции и оборонительного боя

1. Все выступления по докладам об армейской обороне и об оборонительном бое показывают правильное в основном понимание сущности современной обороны. Однако многие из высказанных здесь положений нуждаются в более точных определениях и существенных поправках.

2. Прежде всего о праве обороны на существование в связи с неудачным опытом ее в последних войнах.

Ряд успешно проведенных на Западе прорывов в войне 1939—1940 гг. породил у некоторых исследователей мысль о кризисе современной обороны. Такой вывод не обоснован. Его нельзя делать из того, что ни на польском, ни на французском фронтах немцы не встретили должного отпора, который мог бы быть им оказан при надлежащем использовании противниками существующих средств обороны (механизация оборонительных работ, разнообразный арсенал инженерных средств, мощные огневые противотанковые средства).

Оборонительная линия Вейгана, например, будучи наспех и не совсем по-современному оборудована, в добавление к этому не имела подготовленной оперативной глубины. И все же, несмотря на свое многократное превосходство, немцы потратили более недели на преодоление с боем только этого препятствия.

3. Опыт войны показывает, что современная оборона не может ограничиться одной тактической зоной сопротивления, что против новых глубоких способов прорыва необходим второй и, пожалуй, третий оперативный эшелон обороны, состоящий из оперативных резервов, специальных противотанковых частей и других средств, опирающийся на подготовленные в тылу оборонительные противотанковые районы или рубежи.

При этих условиях оборона приобретает вновь свою устойчивость и сохраняет все права гражданства и в будущем.

4. Перехожу к определению сущности обороны и рассмотрению условий ее ведения в современной обстановке.

Под «обороной» («оборонительной операцией», «оборонительным боем») мы будем понимать совокупность способов боевых действий войсковых соединений или частей, применяемых для противодействия наступлению противника путем удержания занимаемого рубежа или района и основанных на использовании заранее организованной системы огня, подготовленной местности и контрударов живой силы.

5. Оборона не является решительным способом действий для поражения противника, последнее достигается только наступлением. К обороне прибегают тогда, когда нет достаточных сил для наступления, или тогда, когда она выгодна в создавшейся обстановке для того, чтобы подготовить наступление.

6. Основным соображением для применения обороны как способа действий является создание крупных масс для удара на решающем направлении за счет экономии сил, путем оборонительных действий на второстепенных участках.

Но не только на второстепенных фронтах может иметь место оборона. В современной обстановке могут быть случаи, когда придется прибегать к обороне и на главных направлениях...

7. Оборона сама должна носить в себе идею маневра.

Во всех случаях оборона должна преследовать цель: заставить наступающего противника принять бой в невыгодных для него условиях, с тем чтобы, используя заранее выбранную и подготовленную местность, организованную систему огня всех видов, нанести противнику наибольший урон, сломить его наступление и тем самым подготовить предпосылки для собственного перехода в наступление. Если к этому еще добавить отсутствие постоянного шаблона в построении и ведении обороны и стремление каждый раз найти новые приемы и способы борьбы, то в этом, по существу, будет заключаться идея маневра в обороне.

8. Главным врагом современной обороны, опирающейся на серьезные укрепленные пункты, является артиллерия. Это лишний раз показал опыт прорыва линии Маннергейма.

Вторым врагом является танк с хорошей броней, применяемый в массовом масштабе...

Третьим врагом современной обороны оказался самолет ближнего действия — бомбардировщик, штурмовик, истребитель, с большой эффективностью применяющийся и для разрушения оборонительных сооружений, и для непрерывного сопровождения атаки, и для подавления глубины обороны...

10. Чем же обороняющийся может ответить на эти условия? Какие требования должны быть заложены в основу организации обороны?

Организация обороны должна отвечать следующим условиям:

а) Оборона должна быть прежде всего противоартиллерийской, рассчитанной на сохранение живой силы и огневых средств от поражения массовым артиллерийским огнем, особенно в период первого артиллерийского удара, характеризующегося тщательной заблаговременной подготовкой.

б) Оборона должна быть, во-вторых, противотанковой, рассчитанной на отражение массовой танковой атаки на решающих участках — порядка 100—150 танков на километр фронта.

в) Оборона должна быть противосамолетной, способной противостоять сильному авиационному воздействию наступающего. Здесь имеется в виду не только активная зенитная оборона, но прежде всего оборона при помощи массовой истребительной авиации и целая сумма мероприятий, рассчитанная на специальный характер постройки и оборудования оборонительных сооружений и на их тщательную маскировку.

г) Оборона должна быть многоэшелонной, многополосной, глубокой, с нарастающим в глубине сопротивлением.

Поскольку при современных методах атаки маневр и всякие передвижения на поле боя во время атаки становятся для обороняющегося затрудненными благодаря быстроте развития танковой атаки, сопровождаемой массой самолетов и артиллерийским шквалом, оборона должна заблаговременно заложить в свой боевой порядок и осуществить еще в подготовительный период все мероприятия, обеспечивающие ее живучесть и устойчивость.

Оборона во всех случаях должна быть упорной и активной, постоянно готовой перейти от обороны к наступлению. Залог победы обороны — величайшее упорство, активность и решительность действий, заключающиеся в постоянном стремлении войск не только отразить наступающего, но и нанести ему сокрушительный удар.

11. Ведение современной обороны против мощных ударных средств наступления переросло за рамки тактики, стало делом оперативного порядка, делом армий и фронтов.

Наиболее полное выражение характер современной обороны находит в рамках армейской оборонительной операции.

До сего времени мы подразделяли оборону, в зависимости от задач, сил и средств, на оборону упорную и оборону подвижную. Такая терминология неточна, так как всякая оборона должна быть упорной...

IV. Наступательная операция

1. Современная операция наиболее полно развертывается во фронтовом масштабе.

Она ведется усилиями нескольких армий во взаимодействии с подвижными группами войск, с крупными воздушными силами ближнего действия, а в отдельных случаях и с морскими силами.

2. В докладах и выступлениях на совещании иногда сквозило стремление перенести без должного анализа и серьезной критики образцы фронтовых операций Западной Европы в условия нашего Западного театра. Такие попытки ошибочны.

Наш Западный театр обладает особенностями и по характеру местности, и по развитию дорожной сети, т. е. такими, которые особенно влияют на характер фронтовых операций.

Больше того, мы имеем несколько театров возможной войны, кроме Западного, такие, как Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный, Прибалтийско-Скандинавский, и на каждом из них действия войск в тактическом и оперативном разрезе будут иметь свои особые отличительные черты.

Соответственно этому наша теория по оперативно-тактическим вопросам помимо общих положений должна охватывать особенности в действиях войск на различных театрах, в разнообразных географических условиях.

3. С развитием современной авиации, военной техники, с созданием крупных быстроподвижных соединений, требующих особенно четкой организации взаимодействия, фронтовая инстанция не может рассматриваться лишь как организация стратегическая, осуществляющая общее планирование операций армий на данном стратегическом направлении и ведающая распределением сил между армиями. Фронт превратился в организацию оперативно-стратегическую, включающую в свои функции и планирование боевых усилий армий, и непосредственное руководство ими в процессе разви-

тия операций (установление взаимодействия между ВВС и наземными войсками, руководство подвижными соединениями, проведение комбинированных операций).

4. В современную эпоху, при вооруженной борьбе большого масштаба, редко удается путем одной решительной операции сразу достичь конечной военной цели (цели войны или кампании). К достижению этой конечной стратегической цели по большей части предстоит идти путем достижения ряда промежуточных целей, из которых каждая может оказаться настолько значительной, что явится содержанием особой фронтовой операции — содержанием целого стратегического этапа.

В свою очередь каждая фронтовая операция распадается на ряд этапов. В каждом из них будут разрешаться отдельные промежуточные задачи данной операции. В рамках каждого такого этапа требуется поставить частные задачи армиям и организовать между ними оперативное взаимодействие.

5. Возможный размах фронтовых операций зависит от совокупности целого ряда данных: соотношения сил сторон, качества войск и командования, технического оснащения войск, свойства театра военных действий, степени его оперативно-инженерной подготовки, развития путей сообщения, наличия резервов и быстроты их подхода к фронту и т. д.

Опыт современных войн показывает, что размах крупных фронтовых операций весьма разнообразен и выражался следующими показателями: ширина полосы наступления 80—150—300 км; глубина одной операции 60—250 км, а ряда последовательных операций — значительно больше; темп наступления в операциях достигал 10—15 и более км в сутки.

6. От указанных выше условий зависит и длительность фронтовых операций. На длительность фронтовой операции кроме перечисленных обстоятельств влияет и время, необходимое для ее подготовки.

Подготовка фронтовой операции на новом стратегическом этапе требует десятки дней — месяцы. Подготовка последующей операции в рамках одного этапа может исчисляться днями, максимум — неделями.

7. Фронтовая операция по своей схеме, в своем внутреннем и внешнем выражении исключительно многообразна. Шаблон здесь абсолютно не терпим.

При современном войсковом и техническом насыщении фронтов основным видом наступательной операции является прорыв.

8. Опыт войн XX столетия наиболее полно выявил три типичные формы оперативного прорыва:

Первая из них: когда в масштабе фронта может быть применен единый удар сосредоточенными силами нескольких армий на одном сравнительно узком участке фронта с задачей: пробить брешь и затем ее широко развернуть (примером такого прорыва является мартовский прорыв в 1918 г. тремя германскими армиями на фронте до 70 км).

Эта форма прорыва позволяет нанести мощный, сокрушительный удар сосредоточенными силами фронта. Она обеспечивает пропуск в тыл противника крупных конно-механизированных объединений.

Вместе с тем маскировка подготовки такого удара в ограниченной полосе затрудняется; также возникают трудности со снабжением войск ударной группы фронта, особенно на театрах со слабо развитой сетью путей сообщения. Особо отрицательной стороной этой формы прорыва является то, что контрманевр резервами обороны наиболее прост и, как показал опыт, такие операции быстро захлебывались. Удар на узком участке, хотя и проведенный на всю глубину оперативной обороны, захватывает весьма незначительную часть неприятельских сил.

Другая форма прорыва: когда несколько ударных армий, построенных на широком ударном фронте, громят оборону противника на всем фронте наступления (например, германское наступление на реке Сомма в июне 1940 г. — удар нескольких ударных армий на фронте в 200 км).

Эта форма прорыва современна, она очень эффективна, но обязательные условия, в которых она может быть осуществлена, — это весьма хорошее развитие на театре путей и средств сообщения. Без этого такая операция не будет материально обеспечена.

И третья форма предусматривает нанесение нескольких взаимно увязанных ударов и образование отдельных армейских прорывов на нескольких операционных направлениях (прообразом такой формы прорыва является Брусиловское наступление в 1916 г.; немцы применили ее при наступлении в Польше).

Эта форма прорыва также вполне современна. Она применима при наличии относительно крупных сил и средств, достаточных для того, чтобы обеспечить производство каждого из оперативных прорывов до необходимых размеров.

Эта форма прорыва более соответствует театрам с относительно слабо развитой сетью путей сообщения. Она облегчает скрытность подготовки, сокращает перегруппировки; наступление развивается на широком фронте, в пределах которого противник будет потрясен и скован, резервы его разгромлены и наступающему облегчается ведение концентрического удара, благоприятствующего окружению противника.

Надо иметь также в виду возможность одновременного проведения на театре войны двух, а то и трех наступательных операций различных фронтов с намерением стратегически, как можно шире, потрясти всю обороноспособность противника...

12. Подвижная группа в наступательной операции фронта призвана решить задачу создания условий, обеспечивающих перерастание успеха тактического в оперативный, а иногда и в оперативно-стратегический. Эту задачу она решает совместно с авиацией и во взаимодействии с другими армиями фронта. Подвижная группа по своему составу должна быть способной не только наносить удары накоротке, но и захватить определенный район, с тем чтобы держать его в своих руках, раскалывая при этом фронт противника на части, создавая условия, благоприятствующие окружению и полному его разгрому.

13. Глубина удара подвижной группы измеряется глубиной оперативной обороны противника (до 100—120 км), длительностью действий, состоянием и качеством материальной части и ремонтных средств.

14. О порядке использования подвижных групп в современной операции говорилось выше. Они могут вводиться в проделанные для них ворота или сами себе пробивать брешь в обороне.

В одних условиях из подвижных соединений фронта могут быть созданы одна или две подвижные группы, которые и будут вводиться в прорыв распоряжением фронта.

В иных условиях будет более предпочтительно создать сильные подвижные группы ударных армий.

Выбор того или иного варианта использования подвижных соединений зависит от структуры фронтовой операции, от характера театра военных действий (горный район, равнина), от развития путей сообщения, от качества противника, от степени оперативного обеспечения действий подвижных соединений, от качества материальной части.

Во всех случаях порядок ввода в прорыв подвижных соединений должен быть регламентирован инстанцией, вводящей в прорыв подвижную группу.

15. Переходя к рассмотрению вопроса о роли ВВС в современных операциях, необходимо подчеркнуть, что борьба за господство в воздухе, учитывая массовость авиации и согласованность с действиями пехоты, должна осуществляться в рамках фронтовой и армейской операции.

Борьба за господство в воздухе начинается с мирного времени. Успешность ее ведения есть результат подготовки кадров, количества и качества материальной части, наличия богатой сети аэродромов. Она организуется на основе указаний фронтового и главного командования.

Использование ВВС в операциях фронта и армий будет идти в порядке последовательного выполнения следующих задач:

1) Подавление воздушного противника, материальное и моральное истощение его наземных сил; одновременно с этим прикрытие своих войск и тыла с воздуха.

2) Непосредственное содействие войскам в прорыве тактической обороны противника; одновременно с этим — действия против ближних оперативных резервов и дальнейшее подавление авиации противника.

3) Содействие наземным войскам в преследовании и разгроме отходящего противника; одновременно с этим — продолжение борьбы с ВВС противника и обеспечение высадки и действий воздушных десантов.

16. В отношении использования ВВС в операциях мы имеем большой накопленный опыт, но, как отмечалось на совещании, этот опыт до сих пор не обобщен и не изучен. Больше того, а это может быть особенно чревато тяжелыми последствиями, у нашего руководящего состава ВВС нет единства взглядов на такие вопросы, как построение и планирование операций, оценка противника, методика ведения воздушной войны и навязывание противнику своей воли, выбор целей и т. д.

В этой области нужно навести порядок, и чем скорее, тем лучше.

17. Весьма важной проблемой в вопросах использования ВВС в современных операциях является достижение необходимых оперативно-тактических результатов даже при отсутствии количественного превосходства авиации.

Над этой проблемой надлежит постоянно работать...

Касаясь вкратце вопросов управления, необходимо отметить следующие основные вопросы:

1. Важнейшей задачей командования и штабов армий и фронта является создание подавляющего превосходства сил на главном направлении, организация их взаимодействия и обеспечение этих вопросов в процессе боя и операции путем маневра массой артиллерийского огня, танков и авиации, своевременного ввода резервов и согласования усилий между соседями в интересах главного удара.

Растаскивание ударной группировки не должно быть допущено никоим образом.

2. Операции современных армий, насыщенных артиллерией, танками, авиацией и другими техническими средствами борьбы, утратили свою прямолинейность и тягучесть. Они стали сложными, динамичными, насыщенными столкновениями крупных подвижных соединений и значительных масс авиации в резко меняющейся маневренной обстановке.

В ходе фронтовой операции на одном направлении может развиваться встречное сражение, на другом — прорыв, на третьем возможен переход к обороне. Борьба будет вестись в разнообразных формах, на широком фронте и большой глубине. Она потребует большого напряжения, мобильности, умелого и гибкого управления, а главное — высокой подготовки твердых практических навыков высшего командного состава и штабов.

Искусство управления современной операцией заключается в умении высшего командного состава и штабов предвидеть ход операции, ее формы, трения, для того чтобы всегда иметь на направлении главного удара подавляющее превосходство сил и средств и правильно организовать их взаимодействие...

ОБ ИТОГАХ И ЗАДАЧАХ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ

I. Опыт последних войн

1. Опыт последних войн показывает, что для успешного ведения операций необходимо:

а) четкое и смелое управление войсками, хорошие закаленные кадры, высокая выучка войск и правильное их воспитание;

б) двойное, тройное превосходство сил на главном направлении при наступлении и непрерывная борьба за превосходство сил на главном направлении в ходе операции;

в) тщательная и заблаговременная подготовка операции и хорошо организованная разведка;

г) искусное применение больших масс артиллерии, танков и авиации в сочетании с мотомеханизированными войсками и воздушными десантами;

д) четкая организация материально-технического снабжения войск и непрерывное питание операции.

2. В успехе наступательных операций большое значение имел моральный фактор (твердость дисциплины, большая инициативность и активность всех бойцов и командиров, готовность войск к самопожертвованию) и четкая организация взаимодействия родов войск (пехоты, танков, артиллерии и авиации).

3. Быстрый темп операции предъявил большие требования пехоте: совершать организованно скоростные и длительные марши (до 50 км), быстро грузиться на автотранспорт и широко использовать последний, а для прорыва укрепленных районов потребовалась специальная подготовка пехоты для штурма.

4. Массовое применение авиации и танков потребовало особенно тщательной и искусной организации ПВО, ПТО и принятия мер маскировки при всех действиях войск.

Война потребовала исключительного внимания мотору как в воздухе, так и на земле, ввиду быстрого его появления и внезапного действия.

Потребовалось зенитные средства и противотанковые орудия иметь в постоянной боевой готовности. Так, где этим пренебрегали, расплачивались кровью.

На особо принципиальную высоту операция прорыва поставила вопрос взаимодействия пехоты, авиации, танков и артиллерии.

II. Состояние боевой подготовки войск Красной Армии

1. Война с белофиннами выявила всю пагубность нашей системы боевой подготовка — проводить занятия на условностях, кабинетным методом. Наши командиры и штабы, не имея практического опыта, не умели по-настоящему организовать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное, не умели по-настоящему командовать.

Младший командный состав и красноармейцы учились всему условно: и атаке, и наступлению, и форсированию рек.

На деле оказалось, что нужны не условности и не рассказы о войне, а требуется умение по-настоящему, серьезно воевать.

2. Летний период этого года явился переломным моментом в вопросах воспитания и обучения армии в условиях, приближающихся к боевым. Мой приказ № 120 четко определил, чему учить войска. Однако проведенные осенние смотровые учения выявили, что войска еще полностью не перестроились. Во всех округах оказались живучими еще старые, порочные методы работы.

Нужно открыто и честно признать, что работа по перестройке системы учебы (как это требовалось моим приказом № 120) требует длительного времени и упорного труда.

3. Боевая подготовка и сегодня хромает на обе ноги. Сигналы о неорганизованности учебы с новобранцами в ряде округов свидетельствуют, что некоторые командиры частей и соединений не серьезно подходят к делу и не точно выполняют мои указания...

III. Задачи боевой подготовки войск Красной Армии на 1941 учебный год

Для выполнения задач боевой подготовки 1941 года Красная Армия располагает всем необходимым. Она имеет самое основное: растущий командный состав, крепкое и устойчивое политико-моральное состояние войск и материальную базу.

1. ОБЩИЕ ЗАДАЧИ ДЛЯ ВСЕХ РОДОВ ВОЙСК

1. На основе правильного сочетания методов воспитания и дисциплинарной практики обеспечить насаждение во всех звеньях армии действенной крепкой советской воинской дисциплины.

Дисциплина является главной силой армии. Недостаточно, чтобы наш боец бессознательно подчинялся требованиям дисциплины из-за боязни наказания. Он должен быть убежден, что дисциплина в армии необходима и что его начальники тоже подчиняются ей.

В основу дисциплины нужно положить в первую очередь воинское воспитание и личный пример командира.

Наряду с этим нужно создать в войсках такую обстановку, которая исключала бы возможность нарушения установленного в армии порядка. Всякое попустительство, всякие отступления от требований дисциплины нужно в корне изжить.

2. Укрепить единоначалие как основу управления войсками, всемерно поднять роль и значение командного состава армии, поднять авторитет командира.

Командир должен быть образцом и примером для своей части. Он должен быть на голову выше своих подчиненных.

Нужно неустанно работать над совершенствованием подготовки нашего командира, постоянно руководить и помогать ему в служебной работе.

3. Правильно воспитывать и обучать войска для современной войны. Успех в бою зависит не только от численности и выучки бойцов, от мощи и обилия технических средств, но и от моральных сил бойцов. Побежденной является не та сторона, которая понесла большие потери, а та, у которой иссякли моральные силы.

Воспитать и развить у каждого бойца и у каждого командира высокие моральные силы (твердость дисциплины, инициативность и активность, готовность к самопожертвованию), которые бы при любых боевых испытаниях остались неиссякаемыми, составляет главную задачу всей нашей воспитательной работы.

Обеспечить приближение нашей повседневной учебы к современной боевой действительности. Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне, — основная организационная задача нашей подготовки.

4. Для успеха в современном бою и операции требуются четкая слаженность и взаимодействие всех родов войск с безудержным стремлением всех без исключения вперед, с целью во что бы то ни стало выполнить поставленные задачи...

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В АРМИИ

Центральный Комитет нашей партии, Советское правительство и лично товарищ Сталин потребовали от нас коренной перестройки обучения и воспитания Красной Армии, изгнания устаревших и несоответствующих форм и методов боевой подготовки и политического воспитания войск.

Решающим мероприятием по осуществлению этих задач явилось практическое проведение в жизнь полного единоначалия и насаждения советской воинской дисциплины в Красной Армии.

Переход к полному единоначалию был совершенно необходим, ибо обучить Красную Армию в духе новых требований, подготовить ее к успешному ведению современной войны и научить побеждать не только слабых, но и сильных врагов было бы невозможно без полновластного командира-единоначальника.

Всякое умаление авторитета командира, всякое ограничение полноты его власти неизбежно ведет к ослаблению дисциплины, а следовательно, и к ослаблению боеспособности Красной Армии.

Без полного единоначалия невозможно руководить войсками Красной Армии в современных условиях.

Чтобы навести настоящий порядок в Красной Армии, нужно дать нашему командиру всю полноту власти и возложить не него ответственность за все стороны жизни части — за боевую подготовку и политическое воспитание подчиненных.

Органы политической пропаганды, партийные организации должны были всей системой своей работы помочь командованию в укреплении единоначалия, в повышении авторитета командира — полновластного руководителя войск. Однако не все поняли это важнейшее требование и не проявили достаточной инициативы и настойчивости в выполнении этой важнейшей задачи.

Прошел достаточный срок, чтобы подвести первые итоги перестройки в системе партийно-политической работы.

Органы политической пропаганды и вся масса политработников провели большую работу по разъяснению смысла и значения проводимых мероприятий в Красной Армии, по укреплению единоначалия, насаждению строжайшей воинской дисциплины и повышению качества боевой выучки войск.

И там, где политработники поняли эти новые требования и своевременно перестроили свою работу, они сумели добиться больших успехов в боевой подготовке, в дисциплине и в укреплении единоначалия.

А там, где политработники и партийные организации не поняли этих важнейших задач и не перестроили свою работу, там успехи воспитательной работы еще крайне незначительны. В партийно-политической работе еще много формализма и канцелярщины. Вместо живой, конкретной работы в массах многие политработники занимаются администрированием, чрезмерным увлечением бумажным руководством, а часть политработников, не понимая существа проводимых

мероприятий в Красной Армии, встала на позицию нейтральных наблюдателей и очень несмело, робко включается в дело политического воспитания бойцов и командиров. Некоторые из них Постановление об укреплении единоначалия расценили как ограничение их функций и умаление своей роли. Были и такие факты, когда отдельные политработники в связи с проведением единоначалия встали даже на путь противодействия этим мероприятиям.

Решительные мероприятия Главного управления политической пропаганды Красной Армии, направленные на ликвидацию этих крупных недостатков, привели к тому, что за последнее время таких настроений со стороны наших политработников становится все меньше и меньше.

Одной из важнейших задач в деле повышения боеспособности Красной Армии является политическое воспитание всей массы бойцов в духе беспредельной преданности партии Ленина—Сталина, в духе постоянной боевой готовности и умения с оружием в руках защищать свою социалистическую Родину.

Пора понять всем — и командирам, и политработникам, — что без решительного усиления политической пропаганды, без конкретной живой работы среди масс, без надлежащего воспитания бойцов и командиров нельзя успешно осуществить все намеченные нами мероприятия по дальнейшему укреплению единоначалия, дисциплины и повышению боевой выучки войск.

Мы должны создать и поднять во всем личном составе Красной Армии высокие моральные качества, веру в свое оружие и боеспособность частей.

Мы обязаны воспитать бойца Красной Армии мужественным и смелым, настойчивым и выносливым, всегда стремящимся только вперед, несмотря ни на какие преграды и трудности.

Надо добиться такого положения, чтобы каждый боец и командир считал своей честью и своим долгом беспрекословно выполнить любое боевое задание, невзирая ни на какие лишения.

Мы все, как один, должны запомнить, что чем выше и крепче моральные качества воинов Красной Армии, их политико-моральное состояние, тем сильнее и более могучей становится наша армия, тем скорее и лучше мы выполним задания, поставленные перед нами правительством и партией.

Особо важно
Совершенно секретно
Только лично
Народный комиссар обороны Союза ССР 18 сентября 1940 г.
№ 103202/06
ЦК ВКП[б)
тов. СТАЛИНУ
тов. МОЛОТОВУ

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы.

1. НАШИ ВЕРОЯТНЫЕ ПРОТИВНИКИ

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

Это воруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также с целью реванша — Финляндию и Румынию.

При вероятном вооруженном нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение.

2. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКОВ

Основным, наиболее сильным противником является Германия.

В настоящее время Германия имеет развернутыми 205—226 пехотных дивизий (в том числе до 8 моторизованных) и 15—17 танковых дивизий, а всего до 243 дивизий, 20 000 полев[ых] орудий всех калибров, 10 000 танков и от 14 200 до 15 000 самолетов, из них 4500 — 5000 бомбардировщиков, 3500 — 4000 истребителей, 400 — 600 разведчиков, 3000 транспортных и 2800 — 3300 учебно-тренировочных самолетов.

Из указанного количества дивизий до 85 пехотных и до 9 танковых сосредоточены на востоке и юго-востоке.

Сложившаяся военная обстановка в Западной Европе позволяет немцам перебросить большую часть сил против наших зап[адных] границ.

При неоконченной еще войне с Англией предположительно можно считать, что в оккупированных странах и областях Германией будут оставлены до 56 дивизий и в глубине страны до 20 дивизий.

Таким образом, из указанных выше 243 дивизий до 173 дивизий, из них до 140 пехотных, 15—17 танковых, 8 моторизованных, 5 легких и 3 авиадесантных, и до 12 000 самолетов будет направлено против наших границ.

Финляндия сможет выставить против Советского Союза 15—18 пехотных дивизий.

Румыния в настоящее время имеет до 45 пехотных дивизий и около 1100 самолетов, из них можно ожидать, что против Советского Союза будет использовано не менее 30 пехотных дивизий, 3 кавалерийских дивизий и около 1100 самолетов.

Венгрия сможет выставить против СССР до 15 пехотных дивизий, 2 танковых дивизий и 2 кавалерийских бригад.

Всего, с учетом указанных выше вероятных противников, против Советского Союза на Западе может быть развернуто: Германией—173 пех[отные] див[изии], 10 000 танков, 13 000 самолетов; Финляндией — 15 пех[отных] див[изий], 400

самолетов; Румынией — 30 [пехотных дивизий], 250 [танков], 1100 [самолетов]; Венгрией — 15 [пехотных дивизий], 300 [танков], 600 [самолетов]. Всего — 253 пех[отные] див[изии], 10 550 танков, 15 100 самолетов.

Примечание. Как указано выше, Италия и Турция не считаются прямыми противниками и в таблицу не включены.

На Востоке Япония, ведущая сейчас войну с Китаем, имеет в составе армии 49 пех[отных] дивизий, около 5600 полевых орудий, до 1570 танков и танкеток и 3420 сухопутных и морских самолетов.

В случае войны в ближайшие годы Япония сможет увеличить свою армию до 63 пех[отных] дивизий.

Для действий против СССР японское командование может выставить до 50 пехотных] дивизий, из коих до 30 пех [отных] дивизий, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий и 3000 самолетов (1500 сухопутных и 1500 морских) может быть сосредоточено к границам СССР в течение 25—30 дней.

Армия Манджоу-Го (Так в документе) в расчет не принимается, как имеющая второстепенное значение.

Итак, при войне на два фронта СССР должен считаться с возможностью сосредоточения на его границах около 280—290 пехотных дивизий, 11 750 танков, 30 000 полевых орудий средних и тяжелых калибров, 18 000 самолетов.

3. ВЕРОЯТНЫЕ ОПЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ ПРОТИВНИКОВ

Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб К[расной] А[рмии] не располагает.

Наиболее вероятными предложениями стратегического развертывания возможных противников могут быть:

На Западе —

Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлениях на Ригу, на Ковно и далее на Двинск — Полоцк или на Ковно — Вильно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать вспомогательных концентрических ударов со стороны Ломжы и Бреста с последующим развитием их в направлении Барановичи — Минск.

Развитие операции на Ригу будет сочетаться: 1) с высадкой десантов на побережье Балтийского моря в районе Либазы с целью действий во фланг и тыл нашим армиям, оперирующим на нижнем Немане, и 2) с захватом Моонзундского архипелага и высадкой на территории Эстонской ССР с целью наступления на Ленинград.

Вполне вероятен также одновременно с главным ударом немцев из Восточной Пруссии их удар с фронта Холм, Грубешов, Томашев, Ярослав на Дубно, Броды с целью выхода в тыл нашей Львовской группировке и овладения Западной Украиной.

Если Финляндия выступит на стороне Германии, то не исключена поддержка ее армии германскими дивизиями для атаки Ленинграда с северо-запада.

На юге возможно ожидать одновременного с германской армией перехода в наступление из районов Северной Румынии в общем направлении на Жмеринку румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

При изложенном предположительном варианте действий Германии можно ожидать следующих развертывания и группировки ее сил:

— к северу от устья р. Сан немцы могут иметь на фронте Мемель — Седлец до 123 пехотных и до 10 танковых дивизий и большую часть своей авиации;

— к югу от устья р. Сан — до 50 пехотных и 5 танковых дивизий с основной группировкой их в районе Холм, Томашев, Люблин.

Не исключена возможность, что немцы с целью захвата Украины сосредоточат свои главные силы на юге, в районе Седлец, Люблин, для нанесения главного удара в общем направлении на Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии, как указывалось выше.

При этом варианте действий Германии надо ожидать, что немцы выделят для действий на юге 110—120 пехотных дивизий, основную массу своих танков и самолетов, оставив для действий на севере 50—60 пехотных дивизий, часть танков и самолетов.

Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т. е. с развертыванием указанных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан.

Примерный срок развертывания германских армий на наших западных границах — 10—15-й день от начала сосредоточения.

Окончания развертывания 30 румынских пехотных дивизий на нашей границе с Румынией, с главной группировкой их — до 18 пех[отных] дивизий — в районе Ботошани, Сучава, можно ожидать на 15—20-е сутки.

В отношении финской армии предполагается следующее ее развертывание:

1. на фронте от Финского залива до Савонлина до 6 пех[отных] дивизий, поддержанных 3—4 дивизиями немцев;
2. для прикрытия направления на Куопио, Иоэнсу на фронте Онкамо, Иломантси, Нурмес — до 3 пех[отных] дивизий;
3. для прикрытия Улеаборгского направления на фронте Кухмониеми, Суомуссалми — до 2 пех[отных] дивизий;
4. в районе Меркярви — до 2 пех[отных] дивизий и
5. в районе Петсамо — до 2 пех[отных] дивизий.

Окончательного развертывания финской армии по указанному варианту можно ожидать на 20—25-е сутки.

Вероятность сосредоточения значительных сил финской армии на выборгско-ленинградском направлении, поддержанных здесь немецкими дивизиями, предопределяет возможность активных действий противника на этом направлении.

В дальнейшем на этом театре не исключена возможность вспомогательных ударов противника на петрозаводском и кандалакшском направлениях.

Наиболее вероятными действиями морских флотов противников будут:

Немецкий флот — а) блокада в Балтийском море;

б) обеспечение и высадка десантов в районе Либава и захват Моонэундского архипелага;

в) стремление прорваться в Финский залив и заставить наш флот уйти к востоку;

г) в Северном море возможно развитие немцами крейсерских операций и действий подводных лодок по блокаде наших портов в Мурманске и в Архангельске.

Итальянский флот свои основные действия будет иметь в Черном море.

На Востоке —

как указывалось выше, можно ожидать сосредоточения против нас со стороны Японии до 50 пехотных дивизий, до

1200 танков и до 3000 самолетов, причем указанные танки и самолеты и до 30 пехотных дивизий могут быть сосредоточены течение 25—30 дней, с этого момента и можно ожидать перехода в общее наступление японской армии.

Считаю, что японское командование, вероятнее всего, ближайшей целью своих действий сухопутных и морских сил поставит овладение нашим Приморьем. Это подтверждается наличием против Приморья уже в настоящее время 4 японских армейских управлений, 7 пехотных дивизий и интенсивными работами по подготовке театра на этом направлении.

При подготовке действий против Японии необходимо также учитывать действия против наших восточных берегов и портов сильного морского флота Японии.

4. ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

В данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на два фронта необходимо считать основным театром Западный, здесь и должны быть сосредоточены наши главные силы.

На Востоке, учитывая вероятность появления против нас значительных японских сил, необходимо назначить такие силы, которые полностью гарантировали бы нам устойчивость положения.

Остальные наши границы должны быть прикрыты минимальными силами, а именно:

а) на охране Северного побережья остаются 88-я стрелковая дивизия, запасные части и погранохрана;

б) на охране берегов Черного моря от Одессы до Керчи, кроме Черноморского флота, остаются 156-я стрелковая дивизия, запасные части, береговая оборона и погранохрана;

в) на охране побережья Черного моря от Керчи до Сухуми — 28-я горная стрелковая дивизия и погранохрана;

г) Закавказье обеспечивается оставлением 6 стрелковых дивизий, из них 4 горных, 2 кавалерийских дивизий и 2 танковых бригад;

д) границы в Средней Азии обеспечиваются 2 горно-стрелковыми дивизиями, 4 кавалерийскими дивизиями и погранохраной.

Всего на северных и южных границах из полевых войск оставляются:

11 стрелковых дивизий, из них 7 горных;

6 кавалерийских дивизий и

2 танковые бригады.

Для действий на востоке, против Японии, необходимо назначить:

28 стрел [новых] дивизий, из них 4 мотодивизии;

2 танковые дивизии;

4 кавалерийские дивизии;

3 отдельные стр[елковые] бригады;

3 авиадесантные бригады;

8 танковых бригад, и всего 5741 танков и танкеток;

44 авиационных полка, в составе 2655 самолетов и 692 самолетов Тихоокеанского морского флота, а всего 3347 самолетов.

Всего оставляется на северных, южных и восточных границах СССР:

39 стрел [ковых] дивизий;

2 танковые дивизии;

10 кавалерийских дивизий;

3 отдельные стрел[ковые] бригады; 3 авиадесантные бригады;

10 танковых бригад;

69 полков авиации.

Для ведения операций на Западе назначаются:

142 стрел [ковые] дивизии, из них 6 национальных—прибалтийских;

7 моторизованных дивизий;

16 танковых дивизий;

10 кавалерийских дивизий;

15 танковых бригад;

159 полков авиации, имеющих на 15.09 — 6422 самолета.

5. ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА ЗАПАДЕ

Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта.

Первый вариант—развертывание к югу от Брест-Литовска.

Основами этого развертывания должны быть:

1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск;

2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер;

3. В процессе операции прочно прикрывать границы Северной Буковины и Бессарабии;

4. Активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом минское и псковское направления.

Удар наших сил в направлении Краков, Братислава, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное политическое значение.

Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши.

При развертывании вооруженных сил СССР по этому—основному варианту предлагается следующая группировка.

Непосредственно на Западе развернуть три фронта — Северо-Западный, Западный и Юго-Западный, с границами:

— между Северо-Западным и Западным по линии Полоцк, Ошмяны, Друскеники, Аленштейн;

— между Западным и Юго-Западным — р. Припять, Пинск, Влодава, Ивангород.

Северо-Западный фронт — основные задачи:

1. Обороняя побережье Балтийского моря, совместно с Балтфлотом не допустить высадки морских десантов противника;

2. Прочно прикрывать минское и риго-псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию;

3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки;

4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии.

В составе фронта иметь — 8-ю и 11-ю армии.

8-я армия — развертывается на фронте Поланген, Юрбург, в составе:

6 стрел [ковых] дивизий;

1 танковой бригады.

11-я армия — первоначальный фронт развертывания Юрбург, Друскеники в составе:

9 стрел [ковых] дивизий;

1 танковой бригады.

В непосредственном распоряжении фронтового командования иметь:

1 стрел [ковую] дивизию на обороне побережья в районе Либавы;

1 стрел[ковую] дивизию — в районе Митавы;

мехкорпус (из ЛВО) — за 8-й армией;

мехкорпус (ПрибОВО) — за 11-й армией.

Всего в составе Северо-Западного фронта иметь:

17 стрел[ковых] дивизий;

4 танковые дивизии;

2 мотострелковые дивизии;

2 танковые бригады;

20 полков авиации.

В резерве Главного Командования за Северо-Западным и Западным фронтами иметь: 3 стрел [ковые] дивизии в районе Двинск, Полоцк, Минск.

Западный фронт — основная задача — прочно прикрывая минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Аленштейн сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера.

В составе фронта иметь четыре армии — 3, 10, 13 и 4-ю.

3-я армия — развертывается на фронте Гродно, Щучин, в составе:

5 стрел [ковых] дивизий;

1 танковой бригады.

10-я армия — развертывается на фронте Щучин, Остров, в составе:

10 стрел [ковых] дивизий;

1 отд[ельной] танковой дивизии;

3 кавалерийских дивизий;

1 танковой бригады.

13-я армия — развертывается на фронте Остров, Дрогичин, в составе:

5 стрел [ковых] дивизий.

4-я армия — развертывается на фронте Дрогичин, Брест-Литовск, Пинца, в составе:

12 стрел [ковых] дивизий;

2 танковых дивизий;

1 мотострелковой дивизии;

2 танковых бригад;

Пинской речной флотилии.

Кроме того, в непосредственном распоряжении фронтового командования иметь:

3 стрел[ковые] дивизии— в районе Волковыск, Слоним.

Всего в составе Западного фронта иметь:

35 стрел [ковых] дивизий;

3 танковые дивизии;

1 мотострел[ковую] дивизию;

3 кавалерийские дивизии;

4 танковые бригады;

39 полков авиации.

Таким образом, от побережья Балтийского моря до Брест-Литовска (вкл) по этому варианту к развертыванию предназначены:

55 стрел [ковых] дивизий;

7 танковых дивизий;

3 мотострел[ковые] дивизии;

3 кавалерийские дивизии;

6 танковых бригад;

1 авиадесантная бригада;
59 полков авиации.

Юго-Западный фронт — основная задача — прочно прикрывая граница Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлениях на Кельце, Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце, Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер.

В составе фронта иметь 6 армий — 5, 19, 6, 12, 18 и 9-ю.

5-я армия — развертывается на фронте Шаук, Владимир-Волынский, в составе:
12 стрел [ковых] дивизий;
1 танковой дивизии;
1 танковой бригады.

19-я армия — развертывается на фронте Владимир-Волынский, Любыча, в составе:
7 стрел [ковых] дивизий.
Командование и штаб армии — от СКВО.

6-я армия — развертывается на фронте Любыча, Сенява, Суроков (вост. Ярослава), в составе:
15 стрел [ковых] дивизий;
2 кавалерийских дивизий;
1 танковой бригады.

12-я армия — развертывается на фронте Суроков, Перемышль, иск. Тырава-Волоска (12 км юго-вост[очнее] Бирча), в составе:
15 стрел[козых] дивизий;
(2 ТАНКОВЫХ ДИВИЗИЙ; 1 МОТОСТРЕЛ[КОВОЙ] ДИВИЗИИ) 2-й мехкорпус из ОдВО.

18-я армия — развертывается на фронте Тырава-Волоска, Липканы, в составе:
12 стрел[ковых] дивизий, из них не менее 7-ми иметь на правом крыле армии для удара на Тарнув.
Командование и штаб армии — от ХВО.

9-я армия — развертывается на фронте Липканы, по р. Прут, до побережья Черного моря, в составе:
8 стрел[ковых] дивизий, из них одна (156-я) — на обороне побережья Крыма;
3 кавалерийских дивизий, из них две из СКВО.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
/С. ТИМОШЕНКО/
НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА К. А. ГЕНЕРАЛ АРМИИ
/К. МЕРЕЦКОВ/

18 сентября 1940 г. Написано в одном экземпляре. Исполнитель заместитель начальника оперативного управления Генерал-майор Василевский

ЦАМО СССР, ф. 16. оп. 2951, д. 239, с. 197—216, 244.

Публикацию подготовил полковник Е. И. ЗЮЗИН, кандидат исторических наук

ВИЖ №4-5 1992

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

14 мая 1941 г. № 503920/сс/ос

Экземпляр № 2

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Карта 1 :1 000 000

С целью прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск Прибалтийского особого военного округа к 30 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

а) детальный план обороны государственной границы Литовской ССР от Паланга до иск. Капчямиестис, план противодесантной обороны побережья Балтийского моря к югу от залива Матсалу и островов Даго и Эзель;

б) детальный план противовоздушной обороны.

I. Задачи обороны:

1. не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

2. упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа;

3. обороной побережья и островов Эзель и Даго совместно с КБФ не допустить высадки морских десантов противника;

4. противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить бесперебойную работу железных дорог и сосредоточение войск округа;

5. всеми видами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

6. активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушать и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

7. не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника;

8. оборону эстонского побережья от Нарвского залива до залива Матсалу и острова Вормси с первого дня мобилизации передать командованию Ленинградского военного округа. Одновременно передать в состав войск ЛВО 65-й стрелковый корпус с 16-й и 11-й стрелковыми дивизиями и 4-ю авиационную дивизию.

Разработка плана прикрытия по этому участку обороны возлагается на командование ЛВО.

II. Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими основными указаниями:

1. В основу обороны положить упорную оборону создаваемых укрепленных районов и полевых укреплений по линии госграницы с использованием всех сил и возможностей... Обороне придать активный характер действий. Всякие попыт-

ки противника к прорыву обороны немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов.

2. Особое внимание уделить противотанковой обороне. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьбу с ними и ликвидацию прорыва осуществить непосредственным распоряжением командования округа, для чего прежде всего использовать противотанковые артиллерийские бригады, механизированные корпуса и авиацию. Задача противотанковых бригад — на подготовленных рубежах встретить танки противника мощным артиллерийским огнем и совместно с авиацией удержать их до подхода и контрудара наших мотомехкорпусов. Задача мехкорпусов — развертываясь под прикрытием противотанковых бригад, мощными фланговыми и концентрическими ударами совместно с авиацией нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв.

3. Особо ответственными направлениями считать:

а) Мемель, Тельшяй;

б) Тильзит, Шяуляй;

в) Гумбинен, Каунас;

г) Сувалки, Олита.

4. При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов.

III. Правее Ленинградский военный округ с основной задачей обороны Ленинграда. Передаваемый в его состав 65-й стрелковый корпус организует оборону от Нарвского залива до залива Матсалу. Штаб корпуса — Тюри.

Граница с ЛВО — иск. Осташков, иск. Остров, Выру, иск. Вильянди, острова Эзель и Даго (включительно).

Левее Западный Особый военный округ. Штаб с 3-го дня мобилизации — Барановичи. Его правофланговая 3-я армия организует оборону на фронте Капчямиестис, Щучин. Шт[аб] арм[ии] — Гродно.

Граница с ЗапОВО — иск. Полоцк, иск. Ошмяны, иск. Друскининкай, Маргграбова, иск. Летцен.

IV. Для выполнения поставленных задач иметь три района прикрытия. Район прикрытия № 1 — 27-я армия Состав:

Управление 27-й армии; 67-я стрелковая дивизия; 183-я стрелковая дивизия; 3-я отдельная стрелк[овая] бригада; береговая оборона побережья и островов Эзель и Даго; пограничные части.

Начальник района — командующий 27-й армией.

Штаб арм(ии] — Рига. Граница слева — Мажейкяй, иск. Паланга.

Задачи: а) оборона побережья от залива Матсалу до Паланга (иск.) и островов Эзель и Даго...

Приложение — схема прикрытия войск ПрибОВО на карте 1 :1 000 000 в одном экземпляре (только при экземпляре № I).

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

Начальник Генерального штаба КА генерал армии Г. ЖУКОВ

Верно: заместитель начоперупра Генштаба КА генерал-майор [А.] ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАОВС, ф. 16. оп. 2951. Д. 237, лл. 33—3?. 47.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

УТВЕРЖДАЮ:

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР

Маршал Советского Союза

ТИМОШЕНКО

« » июня 1941 года

Экземпляр № 1

ПЛАН ПРИКРЫТИЯ ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВОЙСК ОКРУГА

(Карта 500 000)

I. Соображения о возможностях противника

Территория Восточной Прусии как театр военных действий хорошо подготовлена для оборонительных и наступательных операций. Наличие Балтийского моря обеспечивает немцам ведение совместных боевых действий сухопутных и морских сил и высадку крупных десантов.

По своим физическим свойствам и объему Восточная Пруссия позволяет использовать все рода войск в крупном масштабе. Железнодорожная сеть с общей пропускной способностью до 300 поездов в сутки, из которых до 200 может быть использовано для оперативных перевозок, обеспечивает уже на 12-й день мобилизации сосредоточение до 40 усиленных пехотных дивизий, а развитая сеть грунтовых дорог и наличие автострады допускают переброску моторизованных и механизированных войсх, количество которых против ПрибОВО может быть определено до шести танковых и двух-трех моторизованных дивизий. Противник может использовать и морские перевозки через порты Мемель, Кенигсберг и другие.

Аэродромная сеть восточной Пруссии (до пятидесяти аэродромов и большое число посадочных площадок) позволяет развернуть до 20—24 эскадр авиации.

Наиболее вероятными для противника операционными направлениями будут:

а) Тильзит, Шяуляй, Рига (или Шяуляй, Даугавпилс) с вспомогательным направлением на Мемель, Тельшяй или Мемель, Шяуляй, для последующих действий, или на Псков — в тыл ЛВО, или совместных действий с каунасской группировкой;

б) Гумбинен, Каунас, Вильно с последующим ударом на Минск;

в) Сувалки, Алитус, Лида (или Гродно) для воздействия на правое крыло и тыл Западного фронта;

г) частный удар от Сувалки через Калвария на Каунас.

Вероятными районами высадки морских десантов являются:

а) острова Хиума (Даго) и Сааремаа (Эзель),

б) прибрежная полоса от мыса Колкасраг до Паланга в пунктах Вэнтспилс, Павилоста, Лиепая.

Действий морских сил противника надо ожидать по форсированию Ирбенского пролива для овладения Рижским заливом и проливов Соэла-вяйн, Муху-вяйн для овладения острогами Даго и Эзель.

II. Задачи прикрытия:

а) не допустить вторжения как наземных, так и воздушных сил противника на территорию ПрибОВО;

б) упорной сбороной по линии госграницы и рубежу создаваемых укрепленных районов отразить наступление про-

тивника и обеспечить отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа;

в) обороной побережья и острогов Даго и Эзель совместно с КБФ не допустить высадки морских десантов противника, действиями маневренных групп и авиации ликвидировать воздушные десанты противника, не допуская прорыва морских сил в Ирбенский пролив и устье Финского залива;

г) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить бесперебойную работу железных дорог, сосредоточение войск округа и работу складов;

д) завоевать господство в воздухе и ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам, группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

е) во взаимодействии с погранвойсками ликвидировать бандитские и диверсионные группы, не допустить сбрасывания и высадки на территорию округа воздушных десантов противника;

ж) организовать охрану важнейших объектов и восстановление разрушений, которые могут быть произведены авиацией противника;

з) всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника, в первую очередь его мотомеханизированных частей, и направление их удара...

Командующий войсками ПрибОВО генерал-полковник КУЗНЕЦОВ

Член военного совета ПрибОВО корпусной комиссар ДИБРОВА

Начальник штаба ПрибОВО генерал-лейтенант КЛЕНОВ

№ 0030

Исполнено в двух экземплярах. 2.6.41.

Исполнитель генерал-майор ТРУХИН

ЦАОВС, ф. 16. ол. 2951. Д. 242, лл. 1—5, 23—25. 35.

Публикацию подготовил полковник Е. И. ЗЮЗИН, кандидат исторических наук

ВИЖ №12 1991

Японский дневник А. Н. Куропаткина

ПУБЛИКУЕМЫЙ отрывок из хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР дневников военного министра царского правительства Алексея Николаевича Куропаткина представляет несомненный интерес. Он содержит впечатления А. Н. Куропаткина о Японии во время его пребывания там летом 1903 года.

Военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке в то время характеризовалась обострением противоречий между крупнейшими империалистическими державами — Россией, Англией, Германией, США, Францией и Японией, ведущими ожесточенную борьбу за экономическое и стратегическое превосходство в Китае и Корее. После заключения англо-японского союза [1], направленного на защиту интересов обеих стран в азиатско-тихоокеанском регионе от экспансионистской политики других держав, прежде всего России, для царского правительства стала очевидной необходимость разрешения проблем, накопившихся в отношениях между Петербургом и Токио. Главным являлся вопрос о Корее и Маньчжурии. Япония рассчитывала на признание Россией своих преимущественных прав в Корее, а также на обеспечение со стороны царского правительства условий для экономического проникновения в Маньчжурию, фактически оккупированную русскими войсками в ходе подавления антиимпериалистического народного восстания 1899—1901 гг.

Используя в качестве предлога нарушение царским правительством ранее согласованных сроков вывода войск из Маньчжурии, средства массовой информации и общественность Японии развернули весной 1903 года мощную антирусскую кампанию, возвещавшую приближение войны между двумя государствами. В этих условиях Николай II решает направить в Японию А. Н. Куропаткина с миссией, преследовавшей ряд конкретных целей. Глава российского военного ведомства должен был ознакомиться с экономическим потенциалом Страны восходящего солнца, а также провести дипломатический зондаж позиции Японии по военно-стратегической ситуации на Дальнем Востоке.

22 (9) марта 1903 года А. Н. Куропаткин через японского посланника в Петербурге Курино запросил императорское правительство о возможности посетить Японию во время своей инспекционной поездки в Маньчжурию. Заинтересованные в окончательном прояснении целей и планов России на берегах Тихого океана японские правящие круги согласились принять эмиссара Николая II.

Глава российского военного ведомства находился в Японии в период с 10 июня (28 мая) по 28 (15) июня 1903 года. Переговоры и встречи А. Н. Куропаткина с членами правительства и другими официальными лицами сопровождались различными мероприятиями по ознакомлению высокого гостя с японской армией. 14 (1) июня А. Н. Куропаткин присутствовал на параде войск столичного гарнизона, а на следующий день посетил Центральную кадетскую школу и военное училище в Токио. Японская администрация стремилась представить свою боевую мощь. От внимательного и вполне компетентного взгляда военного министра России не укрылись как недостатки, так и достоинства японской армии. Отметив в качестве недостатка слабость кавалерии, к числу достоинств он, как явствует из дневниковых записей, отнес высокий моральный дух и самоотверженность военнослужащих, тщательную и хорошо организованную боевую и строевую подготовку войск, молодость и инициативность командного состава, особенно низшего и среднего, большую мобильность японской армии. Отмечая высокую степень подготовленности Японии к войне, А. Н. Куропаткин на страницах дневника выступает за мирный диалог со Страной восходящего солнца.

Визит А. Н. Куропаткина и выдвинутые им мирные предложения способствовали удачному началу переговоров России с Японией, проходивших в августе 1903 — январе 1904 года. Однако бездарная внешняя политика, проводимая под влиянием так называемой «безобразовской клики», свела на нет усилия военного министра, и, к сожалению, во внешней политике возобладала тенденция к силовому решению дальневосточного вопроса, логически приведшая оба государства к войне 1904 — 1905 гг.

Предлагаемые вниманию читателей дневниковые записи публикуются впервые. Они взяты из двух рукописных тетрадей, хранящихся в личном фонде А. Н. Куропаткина. Текст передается составителями по современной орфографии, при сохранении всех языковых и стилистических особенностей оригинала. Все даты дневника приводятся по старому стилю. Авторские сноски даются в подстрочных примечаниях. К тексту прилагаются краткие комментарии, помогающие читателю разобраться в исторических реалиях того времени.

27 мая 1903 г.

4 мая я получил от Государя Императора в Никольске Уссурийском депешу, в которой указывалось, что мне вслед будет прислана копия с депеши, посланной одновременно адмиралу Алексееву, и предлагалось задержаться в Приморской области, дабы дождаться К. А. Вогака, который ознакомит меня с предначертаниями Государя. В депеше затем указывалось, что в Порт-Артур посылается статс-секретарь Безобразов с выработанными существенными изменениями по журнальному постановлению по совещанию 26 марта.

Из полученной 6 мая копии с депеши адмиралу Алексееву я увидел:

1) что на него под непосредственным руководством самого Государя предположено возложить высшее и ответственное управление по всем ведомствам;

2) он должен был в крупных чертах наметить форму, в которую это новое положение может быть облечено;

3) указывалось, что Государь принял окончательное решение точно исполнить договор 26 марта 1902 года;

4) указывалось, что одною из задач адмиралу Алексееву ставилось безотлагательное принятие мер, чтобы не допустить проникновения в Маньчжурию иностранного влияния в каком бы то ни было виде, для чего признавалось необходимым:

В минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в равновесие с нашими политико-экономическими задачами. Дать очевидное для всех доказательство решимости отстоять наше право на исключительное влияние в Маньчжурии и далее дословно: «Дать широкое развитие деятельности русских предпринимателей в Маньчжурии при полной поддержке центральных управлений и местных властей, в особенности в районах, представляющихся важными в политическом и военном отношениях.

Для выполнения первого пункта поручаю Вам совместно с военным министром выяснить истинное положение государственной обороны на Дальнем Востоке и наметить необходимые военные мероприятия.

Для выполнения второго пункта Вам надлежит совместно с статс-секретарем Безобразовым установить сущность наших политико-экономических задач в Маньчжурии и на берегах Тихого океана и составить план их целесообразной постановки.

Вполне рассчитываю на Вашу опытность, знание дела и испытанную преданность Престолу и Отечеству для выполнения этого поручения, которому придаю первостепенное государственное значение.

Николай».

Объединение власти на Дальнем Востоке в руках адмирала Алексеева в Маньчжурии представлялось мне настоятельным, особенно после ознакомления на месте с сим вопросом. Представлялось необходимым и положить конец нашим уступкам на Востоке. Эти уступки, однако, были роковым образом связаны с первым не соответственным интересам России шагом: с правительственным сообщением о том, что мы ничего не хотим взять у Китая, что мы с ним не воевали и что мы Маньчжурию возвратим. Все остальные наши уступки вращались около этого коренного ошибочного шага. Никто этого шага от нас не требовал. Напротив, все были глубоко убеждены, что мы, выставив 220 тыс. войск, пролив кровь 2000 человек, истратив массу миллионов, возьмем себе всю или часть Маньчжурии. Китай на нас напал и вместо сантиментов с ним, вместо закрывания глаз на то, что, в сущности, мы вели борьбу не с боксерами, а с правительством, мы, к удивлению всего мира, делали вид, что помогаем правительству Китая в борьбе с восстанием. Дальнейшее развитие этой комедии выразилось в договоре 26 марта 1902 года. Наши попытки получить что-то задним числом не удались. Дипломаты тотчас отступили перед японцами.

Между тем писали мы одно, а собирались делать другое.

Мои упорные настояния не отдавать Северной Маньчжурии и не выводить оттуда войска начали получать осуществление. Государь Император всегда сочувственно относился к моей борьбе с Ламсдорфом и Витте, дабы жертвы, принесенные Россиею, не оказались бесплодными, дабы магистраль проходила по русским владениям (хотя и не присоединенным к России на общих правах). В этом году Витте и Ламсдорф признали наконец необходимость оставить наши войска в этой части Маньчжурии, и Государь соизволил на это.

И вдруг указание в депеше Алексееву, что мы должны **точно** выполнить договор 26 марта.

Этот пункт депеши адмиралу Алексееву меня более всего и тревожил. Я видел резкое противоречие поставленной цели со средствами.

Целью ставилось не допускать проникновения в Маньчжурию **иностранного влияния в каком бы то ни было виде.** Дабы эту цель выполнить, надо быть хозяевами в Маньчжурии. Иметь право ставить таможенные линии, иметь свои позиции, иметь право выдворять вредных иностранцев, иметь право ставить свою вооруженную силу всюду, куда мы захотим. В общем, дабы выполнить эту задачу в Маньчжурии, мы должны по отношению к иностранцам в этой стране иметь **большие права,** чем мы имеем таковые в России. Увы, в России мы не можем на основании трактатов не допускать иностранного влияния в **каком бы то ни было виде**. Иностранцы могут свободно проживать в России, торговать в России, приобретать миллионные имущества, вкладывать сотни миллионов в предприятия. Значительные отделы русской промышленности, напр[имер] нефтяное дело, хлопчатобумажное и угольное в Царстве Польском, в сущности, находятся в иностранных руках. Послы, посланники, консулы энергично охраняют интересы своих соплеменников, давая хороший, но до сих пор бесполезный урон нашим дипломатам. Таким образом, если бы Маньчжурия была присоединена к России и составила составную ее часть, то и тогда мы не могли бы закрыть доступ туда иностранного влияния «в каком бы то ни было виде».

Но для меня совершенно непонятно: каким образом мы можем выполнить это при **точном** выполнении договора 26 марта 1902 года. По этому договору мы выводим свои войска из Маньчжурии, прекращаем введенный в ней правительственный надзор, возвращаем Китаю все права на эту провинцию с небольшими оговорками, остаются лишь соглашения по Восточно-Китайской железной дороге.

Мне ставилась тяжкая задача определить вместе с Алексеевым необходимые военные мероприятия, которые должны быть:

1) в равновесии с нашими политико-экономическими задачами на Дальнем Востоке;

2} они должны давать нам право на исключительное влияние в Маньчжурии.

Эти мероприятия становятся для меня крайне неясными при условии точного соблюдения договора 26 марта 1902 года.

Очищая Северную Маньчжурию, мы теряем базу для наших войск и в то же время теряем средства скоро помочь оторванному Квантуну.

Как бы для меня ясны были депеши Государя, если бы в них было указано оставить ту или другую часть Маньчжурии за Россиею территориально. Отдавая же Маньчжурию китайцам территориально, нам отстаивать лишь политико-экономические интересы в этой стране представляется для меня невыполнимым и невыгодным для престола и Родины делом.

Прежде всего какие это такие экономические интересы мы теперь имеем в Маньчжурии? Совершенно незначительные, ибо и вся торговля наша с Китаем по вывозу туда обидно мала.

Безобразов все старается об организации эксплуатации богатств Маньчжурии. Но стоит ли это дело ставить для России превыше всего? Наша Россия, Кавказ, Сибирь еще полны огромными естественными богатствами, и все это лежит пока без движения за недостатком знания, энергии и капитала. Мы недостаточно культурны, чтобы воспользоваться богатствами, лежащими у нас под носом, а нас призывают отвоевывать у иностранцев богатства в Маньчжурии. Кому это нужно? России? Совсем нет. России много дела и у себя дома, и много задач предстоит решить, и задач тяжких, кои много важнее «лесного предприятия на р. Ялу». Кому же тогда пойдут на пользу эти предприятия? Небольшой кучке людей, которые будут основывать предприятия или на казенные, или на иностранные деньги. Работать будут иностранцы. Некоторые предприятия окажутся дутыми. Разорят многих людей. Многие второстепенные и третьестепенные агенты наживут состояния... за все заплатит или русский мужик, или иностранец. Русский капиталист на эти неверные дела не пойдет. И вот из-за таких сомнительных для России выгод мы должны быть готовы к разрыву не только с Японией, но с Европою. Я много наслышался о предприятиях Вонлярского на Аляске и не доверяю таким же новым предприятиям. Там тоже собирались отстаивать русское дело, а теперь уже впускают 300 американцев — разведчиков золота и хотят и просят пустить еще 200. Туземцам повезут водку, оснуют компанию, привлекут иностранные капиталы и затем, как думают во Владивостоке, лопнут, прикарманив часть иностранных денег.

Вчера приехал Вогак, и я с ним занимался утром и вечером.

Я продолжаю питать к нему доверие и симпатию. Он работал со мною в Главном штабе и уже тогда, с 89-го года, у нас установились добрые отношения. Это умный и даровитый работник, но, прослужив непрерывно 11 лет на Дальнем Востоке, он сузил свой горизонт и стал, конечно, придавать преувеличенное значение тому, что видел, и тому, что перечувствовал.

Вогак, кроме изустных разъяснений, передал мне следующие письменные документы:

свою записку, которой Государь придал серьезное значение, под заглавием:

1) значение договора 26 Марта 1902 года в развитии вопроса о Маньчжурии;

2) отчет об особом совещании 7 мая 1903 года под Высочайшим Государя Императора председательством;

3) записку адмирала Абаза к совещанию 7 мая;

4) программу для Японии.

Записка Вогака составлена очень хорошо, и под нею, за исключением последней страницы, можно подписаться. Он прав в большинстве случаев там, где делает диагноз положению. Он не прав там, где (на последней странице) предлагает лекарство от болезни.

Лекарствами он считает:

1) прекращение политики уступок, которая опасна именно потому, что может привести нас к войне;

2) надо дать понять державам, что, очищая Маньчжурию согласно договору 26 марта 1902 года, Россия не намерена, однако, уступать там кому-либо своего места и что мы готовы поддержать это решение с оружием в руках;

3) но готовность эта должна быть действительною, и к немедленному установлению таковой должно направить все наши усилия. Неизбежные при этом жертвы сторицею окупятся.

Когда я попросил Вогака определеннее высказаться о нашей боевой готовности на Дальнем Востоке и определить, хотя приблизительно, что же мы должны сделать, дабы поднять нашу готовность на требуемую высоту, то Вогак оказался не приготовленным к этому вопросу. Никаких подсчетов сил наших и сил наших противников он не делал и указать мне, какое же число батальонов, батарей и сотен нам надо еще прислать на Дальний Восток, не мог или не хотел сказать. Последнее маловероятно. Ему казалось, однако, совершенно правильно, что положение Порт-Артура пока не обеспечено, и, кроме того, он высказывал мысль, что японцы не могут сделать высадки одновременно всеми силами и что потому мы должны стремиться иметь достаточные силы для отражения первых эшелонов.

Я долго с ним говорил о задачах военного ведомства не только на Дальнем Востоке, но и на западе. Указал на тяжкие наши недочеты на западе, указал, что опасность России и Императорскому трону грозит с запада, а не с востока, что с запада собираются грозные тучи, что и в России не спокойно, что поэтому при ограниченности денежных средств, коими военное министерство будет располагать в следующее пятилетие, я не выполню своего долга перед Государем и Родиной, если не буду горячо отстаивать увеличение нашей боевой готовности на западе, как то уже было преднамечено самим Государем. Что расходование сил и средств, кои нужны России, чтобы твердо стать на Висле, Нареве, Немане, в юго-западном крае, будет роковой ошибкой, за которую мы можем тяжко расплатиться. Что нельзя нам играть в руки вероятных врагов наших. Что Вильгельм и вся Германия радуются каждой новой затрате России на Дальнем Востоке, ибо, ослабляя себя этим на западе, мы вместе с сим теряем постепенно право на голос в европейских делах, подобающий России, как великой европейской, а не азиатской державе. Но восторг Германии, Англии, Америки, Австрии, Италии, Швеции, Турции будет неописуем, если мы ввяжемся в войну с Японией. Одним ударом получится два важных результата: ослабление России и ослабление Японии. Мы, конечно, выйдем победителями, но жертвы, нами принесенные, будут так громадны, что мы на западе станем тоже очень ослаблены и с нами можно будет перестать стесняться.

30 мая, г. Токио

28 мая мы высадились в Симоносеке на японскую почву. Утро было несколько туманное, но тем не менее поездками по заливу можно было выяснить, что Симоносек серьезно укреплен, как военный порт. 29-го утром выехали курьерским поездом по обычному для сего поезда расписанию и сделали 1000 верст в 27 часов времени. Временами по узкоколейной дороге шли со скоростью до 60—65 верст.

Несмотря на прочитанные мною описания, поражен культурою проеханных мною местностей. Несомненно, что в отношении культуры масса населения опередила нас, русских, весьма значительно. Обработка полей изумительна. Порядок в деревнях, по-видимому, большой, насколько то можно было судить из окна вагона.

Проехали в экипаже город Кобе. Производит сильное впечатление порядок, чистота, значительные постройки сего города и спокойная, полная чувства собственного достоинства уличная толпа. То же впечатление вынес я сегодня, разъезжая с визитами к разным лицам по Токио. Завтра представляюсь японскому Императору.

31 мая

Сейчас возвратились из дворца, где представлялись и завтракали у Императора... В ожидании приема у Императора познакомились со старшими государственными и придворными чинами, приглашенными вместе с нами к Императорскому завтраку. Отмечу следующих: 1) министр-президент генерал граф Кацура (бывший военный министр). Успел переговорить с ним по многим пунктам привезенной мне Вогаком программы. Относится сочувственно к необходимости установить определенные с Россиею отношения. Сознает, что многим державам выгодно ссорить Россию с Японией. Говорил, что Император и в правящих кругах иначе смотрят на дело, чем пресса и горячие головы. «Армия, — сказал Кацура, — не хочет войны с Россией. Не хочет войны и народ, ибо это было бы разорением страны».

Я успел ему, между прочим, сказать, что мы в Маньчжурии принесли такие жертвы, что имеем право на преобладающую в ней роль. 2) Маршал Ямагата, член Верховного военного совета, был министром-президентом. Начальствовал над одною из армий в войне с Китаем. Стар, но еще бодр. Говорил о дружественных отношениях в Печили между русскими и японскими войсками. 3) Начальник Главного штаба маршал маркиз Ояма. Старый, обрюзгший. Похож на скопца. Старого направления. 4) Военный министр, ген[ерал]-лейт[енант] Тераучи. Очень симпатичное производит впечатление. Энергичное, нервное лицо. Я знал его в 1884 году на больших маневрах во Франции (бассейн Луары, 17-й корпус Леваля). Правая рука не действует от раны, полученной во время гражданской войны. Смотрит на военное дело трезво и по-европейски. Сторонник соглашения с русскими. 5) Министр иностранных дел барон Комура, бывший в Петербурге, хотя и недолго, посланником. Встретились как старые знакомые. Он в 1900 году был у меня в Мисхоре, когда откланивался Государю по случаю назначения в Пекин.

Рядом со мною сидел двоюродный брат Императора, принц Фусими, начальник 1-й дивизии. Интеллигентное лицо. Спокойные манеры. Несколько говорит по-французски. Успел и с ним сказать несколько слов о необходимости более спокойного отношения к нашим делам на Дальнем Востоке. Во время завтрака Император несколько раз обращался ко мне с вопросами о путешествии. Особенно интересовал его вопрос о том, во сколько дней с окончанием постройки дороги можно будет приехать из Петербурга в Токио? Спрашивал про проезд морем. Благодарил за заботы и внимание к японским офицерам в Петербурге. Он много говорил с Фусими. Несколько раз негромко смеялся, голос властный, но негромкий. После завтрака, подозвав меня к себе, Император удостоил довольно продолжительною беседою. Прежде всего он сказал:

— Прошу Вас передать Государю мои чувства искреннего к нему расположения и симпатии.

— Много слышал через Мурата о том, какой хороший прием находят в России японские офицеры. Прошу Вас об этом и на будущее время.

— Что Вы увидите в Токио? Сколько пробудете дней?

— Мало.

— Желательно, чтобы Вы лучше ознакомились с нашей страною.

Ответил:

— Достаточно, чтобы укрепить мои симпатии и к стране, и к обитателям.

— Очень, очень нужно, чтобы мы и русские чаще видели друг друга.

— Да, Ваше Величество, тогда легче будет установить правильные, основанные на взаимном доверии отношения.

Видя, что Император несколько раз с относительным оживлением кивал мне головою, я взял смелость без всяких на то полномочий высказать пожелание, чтобы наследник японский побывал в России. Принято это было с хорошею улыбкою, причем Император сказал:

— Быть может, это и состоится. Отпуская меня, Император сказал:

— Познакомился с Вами, известным военным человеком, с большим удовольствием. Желаю Вам долго так же доблестно служить Вашему Государю и Родине, как это Вы делали до сих пор.

Сказав эти лестные для меня слова, Император стал ко мне несколько боком, что и обозначило конец аудиенции.

1 июня, воскресенье

Вчера был парадный обед у военного министра гл. л-та Тераучи. Были два императорских принца. Помещение казенное, довольно скромное. Обед европейский, хорошо сервированный, хорошо поданный.

Воспользовался длинным обедом, чтобы поговорить с Тераучи по пунктам данной мне программы.

В Тераучи мы имеем убежденного сторонника мира. Я указывал ему на ряд уколов, делаемых нам в Маньчжурии, на травлю в прессе и пр. Несколько раз возвращался к вопросу о результатах военного столкновения России с Япониею. Он согласился со мною, что даже победоносная Япония будет совершенно обессилена. Он откровенно признался, что Япония не имеет денег для большой войны.

После обеда я долго беседовал с адмиралом Ито, победителем китайцев в морском бою у Ялу. Относительно высокого роста, плотный, с приятным энергичным лицом настоящего морского волка, Ито производил очень хорошее и благоприятное впечатление. Очень популярен во флоте и пользуется влиянием и ныне. По словам нашего морского военного агента Русина, Ито очень горячий партизан мирного соглашения с Россиею. Много говорил с ним. Он со своей стороны помнит всех наших агентов и подчеркивал свое хорошее к ним отношение. Звал его в Петербург.

Смотр войскам гарнизона в Токио (1 июня, воскресенье)

На смотр были собраны: 1, 2 и 4-й гвардейские полки, 1-й и 3-й пехотные полки 1-й пехотной дивизии (1-й полк без 1-го бат[альона]), гвардейский и 1-й кав[алерийский] полки (по 3 эскадрона), 13-й полевой артил[лерийский] полк (6 батарей). Всего: 15 батальонов, 6 эскадронов, 30 орудий. В ротах было по 42—43 ряда, в эскадронах по 35 рядов.

Смотр производился для меня принцем Фусими, начальником 1-й дивизии.

Строевое батальонное учение прошло очень хорошо. Батальонный был выбран отборный. Учил батальон хорошо. Ружейные приемы сложнее наших, но делались очень дружно. Ходили стройно и в ногу. При захождениях все части, кроме ведущей, пристраивались беглым шагом. Несмотря на довольно жаркий день, запыхавшихся не видел.

Ученье с тактическим предположением (противник обозначался забором) прошло тоже гладко, но некоторые ошибки я отметил. Их же заметил и мой коллега — японский военный чин.

Ошибками я признал отсутствие мер для освещения местности на флангах и отсутствие поддержки за левым флангом...

В общем войска японские произвели впечатление надежных войск. Нижние чины имеют военное самолюбие. К войску население относится с большой любовью. Слабее стоят вопросы: унтер-офицерский, офицерский и конский.

2 июня, понедельник

Центральная кадетская школа (Ионен-Гакко). Начальник школы полковник Изаки. Около 400 учеников. Курс трехлетний. Поступают из шести подготовительных кадетских школ три старших класса. По окончании курса выпускаются унтер-офицерами в войска, где служат один год, после чего поступают в военное училище.

Кроме этой школы, по сведениям полковника Самойлова, есть еще частная школа с программою и правами Ионен-Гакко, около 600 учеников.

Помещение деревянное, простое, но вполне удовлетворительное. Осталось до 240 человек, ибо недавно был выпуск.

При вторжении нашем в Японию там нас встретит народная война. Японцы — горячие патриоты, мужественны и в своих школах ведутся ныне в военно-патриотическом направлении.

Люди, долго жившие в Японии, думают, что в народной войне примут участие даже женщины.

4 июня. Киото (японская Москва)

...1 июня имел важное совещание с японским министром иностранных дел бароном Комура по порученным мне вопросам.

Я, имея перед собою карту, объяснил, что в то время, когда Япония еще не выходила на путь цивилизации и силы ее не принимались на Дальнем Востоке в расчет, мы уже получили границу в Маньчжурии до 2400 верст по прямым линиям и в России уже явилось сознание в необходимости искать выхода к теплому морю. Затем в крупных чертах я указал сделанные нами затраты по Маньчжурии в последние 10 лет. Определил их в 800 млн. руб. (400 млн. — дорога; 400 млн. — флот, Порт-Артур, сухопутные силы). Указал затем, что результаты получились нежелательные для России. Добровольное желание наше увести войска привело к требованиям, чтобы мы уходили. Нас как бы гонят и при этом грозят. Китайцы подняли голову и способны сделать наше положение в Маньчжурии с уводом войск нестерпимым. Вместо ожидавшихся экономических выгод построенная железная дорога, если мы не примем мер, будет работать на пользу местного населения иностранцев и во вред нам. Наши товары оттеснят к Байкалу, наши селения в молодом Приамурском крае обеднеют, ибо не в силах конкурировать с дешевою китайскою мукою и зерном, перевозимыми по Уссури и Сунгари. В Маньчжурии возникнут водочные заводы, которые уменьшат акцизные сборы и пр. По всем этим причинам Россия не может допустить продолжения такого порядка вещей и, вероятно, будет вынуждена принять меры, кои найдет нужными, дабы твердо отстоять в Маньчжурии свои интересы.

А. Н. Куропаткин. Дневник № 17а. ЦГВИА

Публикацию подготовили И. В. КАРПЕЕВ, Е. Ю. СЕРГЕЕВ, научные сотрудники ЦГВИА

[1] Союз Англии с Японией заключен 17 (30) января 1902 г. сроком на 5 лет. Договор гарантировал «специальные интересы» Англии в Китае, а Японии в Корее. Союзники предусматривали соблюдение нейтралитета при вступлении одной из сторон в войну с любым государством. А в случае ведения войны одновременно с двумя и более странами предусматривалось оказание союзнической военной помощи.

КТО КОМУ ДОЛЖЕН? (Освобождение Польши)

В мае 1991 года агентство ПАП (Пельское агентство печати) распространило доклад министерства охраны окружающей среды, природных ресурсов и лесного хозяйства, в котором приводятся астрономические суммы якобы причиненного Польше ущерба, связанного с деятельностью советских войск, размещенных в этой стране. Например, в докладе утверждается, что потребуется около 20 триллионов злотых (почти 2 млрд. долларов США по действующему в стране курсу) для нейтрализации загрязнения почвы, вызванного деятельностью советских войск. Экологический ущерб, причиненный советскими войсками лесам, оценивается в 10 триллионов злотых (около 1 млрд. долларов), а реконструкция здании, которые будут приняты от Советской Армии, потребует примерно 1,5 триллиона злотых (около 150 млн. долларов).

Не ввязываясь в длительный и, надо полагать, бесплодный спор о том, кто кому должен, мы все-таки хотели бы напомнить польской стороне, какую цену заплатили Советские Вооруженные Силы за освобождение Польши от фашизма. Какими деньгами можно измерить то, что в боях за освобождение Польши мы потеряли почти полмиллиона убитыми и более полутора миллионов искалеченными? Наглядное же представление о наших материальных затратах можно получить из публикуемой ниже справки, подготовленной в свое время Военно-научным управлением Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Полковник Б. Н. ПЕТРОВ, кандидат исторических наук

СПРАВКА
о потерях в личном составе, вооружении, боевой технике и расходе материальных средств Советскими Вооруженными Силами в период освобождения Польши

В освобождении Польши за период с июля 1944 г [ода] по март 1945 г [ода] принимали участие войска 3, 2, 1-го Белорусских, 1-го и 4-го Украинских фронтов, а также Балт[ийский] флот.

Всего в составе перечисленных фронтов на 1 января 1945 г[ода] состояло 3 246 000 советских солдат и офицеров и около 80 000 солдат и офицеров 1-й армии Войска Польского.

В ходе операции по освобождению Польши Советская Армия понесла следующие потери:
— в людях — безвозвратных — 477 295 чел[овек], санитарных — 1 636 165 чел[овек], всего — 2 113 460 человек;
— в самолетах — 2692 единицы, стоимостью 963 620 000 руб.;
— в танках и САУ — 2966 един[иц], [стоимостью] 688 557 000 [руб.];
— в арт[иллерийском] вооружении — 3960 вагонов*, [стоимостью] 714 896 030 [руб.];
— в автотранспорте — 7605 единиц, [стоимостью] 100 385 000 [руб.].

В ходе этих операций было израсходовано: — боеприпасов 69161 вагон, стоимостью 10 319 000 000 руб.;
— авиационных бомб — 27 412 тонн, [стоимостью] 137 060 000 руб.;
— авиационн[ых] патронов и снарядов 24 792 т[онны], стоимостью 137 196 000 руб.;
— горюче-смазочных материалов — 992 906 тонн, стоимостью 697 668 000 руб.;
— медицинского имущества на 150 000 000 [руб.]:

Потери Балтийского флота:
— людей — 560 человек;
— самолетов — 129, стоимостью 187 700 000 [руб.].
— бронекатеров — 10 единиц, стоимостью 13 000 000 [руб.];
— подводных лодок — 1, [стоимостью] 18 000 000 [руб.].

Затраты на восстановление польских железных дорог за период 1944 — 1945 гг. — 211 335 000 руб.

Кроме того, израсходовано на денежное содержание личного состава советских войск, участвовавших в освобождении Польши, его продовольственное и вещевое довольствие и коммунальные затраты — 12 млрд. руб.

Таким образом, общие затраты вооружения и материальных средств в денежном выражении за период освобождения Польши составляют — 26 720 959 тыс. рублей.

Генерал-полковник ПОКРОВСКИЙ 12 ноября 1956 года

ЦАМО СССР, ф. 15. оп. 725588, д. 30.
* Так в документе.

ВИЖ №12 1991
ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Приблизительно с октября 1989-го в кашей печати неоднократно появлялись статьи, воспоминания участников события 37-летней давности — войскового учения с реальным применением атомной бомбы.

В этом номере мы публикуем воспоминания генерал-полковника Б. П. Иванова, участника учения, занимавшего в то время должность заместителя командира 12-й механизированной дивизии. По плану учения дивизия действовала на главном направлении, в одной из ее задач было преодоление эпицентра ядерного взрыва.

АТОМНЫЙ ВЗРЫВ У ПОСЕЛКА ТОЦКОЕ

ДВА С ПОЛОВИНОЙ месяца я принимал участие в подготовке механизированной дивизии к учению и почти месяц после его окончания находился в районе атомного взрыва и действий войск.

Вначале остановлюсь на фактах, приводимых участниками учений и очевидцами, которые, считаю, сильно искажены или вообще не имели места.

Возьмем статьи в «Известиях» за 14 октября 1989 г. «Сентябрь 1954-го: учения под атомным грибом» и в газете «Труд» за 6 января 1990 г. «Жаркий сентябрь 1954-го», где приводятся воспоминания В. Я. Бенцианова.

«Неожиданно... нам всем, солдатам и офицерам, приказали сбрить волосы на голове».

В те годы солдату срочной службы не разрешалось иметь длинные волосы, обязательной в соответствии с уставом была стрижка «под машинку». Поэтому необходимости брить голову за несколько месяцев до учения не возникало.

Забегая вперед, отмечу, что маршал Г. К. Жуков в первый приезд после проверки готовности войск на разборе сделал замечание: «Вы слишком запугали людей мерами безопасности. Придется теперь вам их «отпугивать».

Цитирую дальше из указанных статей: «По окопам, вырытым в двух с половиной километрах от эпицентра, прошел академик И. Курчатов, посоветовал солдатам замазать все деревянное глиной...» В такой близости от эпицентра будущего взрыва солдат в окопах не было. Окопы (траншеи) для наступающих войск отрывались не ближе 5 км от предполагаемого эпицентра взрыва и то на небольшом участке, а в основном — в 6 — 7 км. Кроме того, перед взрывом весь личный состав из первой траншеи был отведен во вторую и размещен в укрытиях. Обороняющиеся же отрывали траншеи не ближе 10 км от эпицентра.

Далее. «13 сентября. 20.00. Только легли отдыхать... боевая тревога. Надели поверх маек и трусов кальсоны и рубашки — это в 30 градусов жары. Отбой. 22.00». Это вечером 30 градусов жары?

На следующий день, 14 сентября, как описывает В. Бенцианов, вечером, где-то в 22.10 — 22.15, ему приказали бежать на передовой пост: «Тяжело. Жара под 40 градусов». В июне—июле, пожалуй, могло быть и под сорок, и не один день. Но 13 и 14 сентября такой жары не было, тем более вечером. Я специально привел эти факты, чтобы показать, как автор, мягко говоря, преувеличивает, драматизирует события.

А вот впечатления от взрыва атомной бомбы: «И вдруг — удар. Как сваю в землю вбили. Только со страшной силой. И сразу — звук. Ни на что не похожий. Страшный. Ни в одном наставлении о таком — ни слова. Треск, скрежет...»

В этой связи довелось бы поделиться, так сказать, своим впечатлением.

Во время взрыва я был в семи километрах от его эпицентра. Чтобы быстрее выскочить и увидеть ядерный «гриб», перед взрывом я вышел из блиндажа и встал между внутренней и наружной выходными дверями. Толщина последней была 15 см.

Взрыв ощутил легкой подвижкой земли, как будто под ногами она дернулась в сторону и сразу встала на место. В то же мгновение раздался свист — это воздух сквозь щели в двери ворвался в тамбур. Сразу открыл дверь (специально держал руку на запорной ручке) и выскочил в траншею. В этот момент услышал звук, похожий на раскаты далекого грома — глухой и какой-то растянутый...

В. Бенцианов уделяет много внимания эпицентру атомного взрыва, связывая с ним свои действия: «Мне приказали бежать на передовой пост, что недалеко от эпицентра... Помочь ребятам смотать кабели на катушку... Побежал. В полной выкладке». А вот из статьи в газете «Труд»: «...дали команду на боевое построение и каждому поставили боевую задачу: кому связь смотать, что почти от самого эпицентра тянется, кому приборы помочь с постов вынести... Над нами — снаряды, ракеты несутся, а где-то совсем недалеко впереди все это разрывается. А ты бегом к эпицентру...»

Должен сказать, что никакой связи у действующих войск, «что тянулась почти от самого эпицентра», не было и быть не могло. Более чем за пять суток до начала учения в запретную зону, которая со стороны войск ограничивалась первой траншеей, вход был запрещен, что обеспечивалось специальной охраной. Никакой связи, а тем более постов действующие войска вблизи эпицентра не имели и не могли иметь, так как дальше первой траншеи в сторону эпицентра никого не было и быть не могло. Тем более он не мог бежать к эпицентру, когда над ним «снаряды, ракеты несутся», потому что атака началась только после окончания артиллерийской подготовки. Вот тогда войска пошли к эпицентру. Кстати, в эпицентр из войск никто не попал. Это подтверждают люди из состава спецподразделения, работавшие после взрыва в районе эпицентра еще до прибытия войск.

Я встречался с одним из руководителей специальной группы, которая обеспечивала работу в районе цели и первой до прихода войск была в районе эпицентра и в нем самом сразу после взрыва. Так вот, одним из первых из спецгруппы в этом районе был полковник Куптиль Алексей Владимирович, который наблюдал подход войск. Он мне сказал, что ближе чем на 500 — 600 м от эпицентра никто не проходил. Да и вообще в этом районе заблудился мотострелковый батальон, Куптиль помог командиру батальона разобраться, куда идти. А заблудиться было нетрудно, так как местность в районе эпицентра резко изменилась. Если раньше здесь рос дубовый лес, деревья достигали высоты 15 — 20 м, то после взрыва в радиусе более 1 км от него ничего не осталось, а поверхность земли покрылась затвердевшей песчаной корочкой толщиной 1 — 1,5 см.

Командир дивизии приказал мне найти танковый полк, который, используя результаты атомного удара, должен был развивать наступление в глубину обороны в соответствии с требованиями действовавшего тогда Полевого устава.

В этом полку (командир полковник Суздалов) находился и представитель руководства от Генштаба генерал-майор Шапошников. Но когда я прибыл в район эпицентра, то установил, что полк здесь не проходил, видимо, тоже заблудился

по причине больших изменений на местности, так как до этого на тренировках он проходил точно через намеченный эпицентр.

Попутно сказку, что если в радиусе 1 — 1,5 км от эпицентра ничего не осталось от леса, то непосредственно в эпицентре сохранились обугленные стволы деревьев толщиной 2 — 3 см, образовавшие конус диаметром 15 — 20 м и высотой 6 — 7 м.

В заключение по статьям в «Труде» и «Известиях» хотелось бы сказать следующее. Авторы попытались показать, насколько ужасны последствия атомного взрыва да и самого этого учения. Чего стоят только слова Бенцианова: «Все эти 35 лет я боролся и за здоровье, и за достоинство... Вместе с немногими, кто остался в живых».

Или: «Первые необычные ощущения начались уже через год после взрыва. Головные боли, ломота в позвоночнике, боли в суставах, в костях, нелады со зрением».

Выходит, что из участников учения и в живых-то осталось немного. Откуда такие данные? И надо полагать, причина многочисленных смертей — радиация. От взрыва атомной бомбы, так, во всяком случае, получается.

Лишь немногие пораженные во время аварии на Чернобыльской АЭС ощутили симптомы, приводимые Бенциановым. Ярко выраженная лучевая болезнь проявилась в первую очередь у тех, кто получил не десятки, а по крайней мере сотни рентген гамма-облучения. В конце статьи я приведу мощности и динамику роста и спада радиации на земле и в атмосфере, замеренные после атомного взрыва в ходе учения. Они не идут ни в какое сравнение с тем, что было на Чернобыльской АЭС, и по мощности, и по продолжительности воздействия.

Что же касается высказывания: «Бывалые офицеры, участвовавшие в штурме Берлина, потом говорили, что такого не видывали...» — отмечу следующее. Мне довелось быть на войне с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945-го. Могу сказать, что Курскую битву на белгородском направлении по воздействию на психику человека даже сравнить нельзя с учением в районе Тоцкого, хотя там и была взорвана атомная бомба. Мне пришлось пройти всю войну в должности командира танковой роты и танкового батальона. Я видел ее своими глазами и ощущал своим телом, трижды был ранен.

Много мне пришлось повидать и пережить страшного, и каждому человеку присуще чувство страха, что, в общем-то, нормально, но не все это чувство могут в себе подавить. Не хвалюсь, но скажу, что на учении никаких ужасов не испытывал, да и на лицах солдат и офицеров не видел какого-то особого страха. И ни перед учением, ни в ходе его, ни после. По дороге вблизи эпицентра в первый день проезжал дважды, а это в 30 м, не больше. На второй день ездил еще раз и наблюдал, как в эпицентре делали замеры уровней радиации.

Ну, а насчет «немногих оставшихся в живых» из тех людей, у кого такой же год рождения, как у меня, и кто был на фронте, то надо сказать: их осталось в живых по три человека из ста. И этот факт отмечен в нашей печати.

Считаю необходимым отдельно остановиться на статье в «Комсомольской правде» за 14 сентября 1990 г. «Репетиция апокалипсиса». Заголовок бьет не в бровь, а в глаз. Апокалипсис — если не конец света, то смерть всеобъемлющая, всеохватывающая, если не сейчас, то потом. Даже из воздушного взрыва сделали «надземный ядерный взрыв» (очевидно, имея в виду наземный). Спасибо, хоть мощность взрыва уменьшили до 10 кт, так сказать, спасибо «неофициальным данным», как говорится в статье.

«Очевидцы утверждают, что после взрыва прошло года четыре, прежде чем природа стала залечивать страшную язву на своем теле — нанесло ветром семян, затянуло травкой», — говорится в статье. А до меня доходили данные от очевидцев, побывавших через год-два в районе эпицентра, что там буйно разрослась растительность, причем в увеличенных размерах.

Говорится в статье и о «строгой секретности». Людей отселили, составили опись недвижимого имущества у каждой семьи для возмещения ущерба. Значит, масштабы последствий не скрывали. А что касается того, «можно ли жить в селах, над которыми проплыло радиоактивное облако? Почему стали болеть и умирать от неизвестных болезней жители?», то этого никто не знал, была уверенность, что опасности нет, потому и «секретить» было нечего. Ну, и откуда взято утверждение, что чаще стали болеть и умирать от неизвестных болезней люди, автор не сообщает.

Правда, автор предполагает, что секретность нужна была для людей, оказавшихся в непосредственной близости к эпицентру, чтобы у них не возникло потом лишних вопросов. Как же они могли оказаться в непосредственной близости?! Автор противоречит себе сам, несколькими абзацами ниже говоря об эвакуации жителей даже из близлежащих деревень задолго до начала учения. В словаре у С. И. Ожегова четко прослеживается разница между «непосредственной близостью» и «близлежащим».

Интересны с точки зрения реальности воспоминания Ф. И. Колесова, который во время учений был председателем Тоцкого райисполкома: «...видим — огненный столб стоит огромный, страшный. По нему били из орудий, летали в него тройками самолеты, бросали бомбы — им желательно было его разорвать. Ныряли в него и вылетали черные...»

Что можно сказать об этом? Артиллерия вела огонь только по наземным целям. Вести огонь по «столбу» ядерного гриба и по целям, предназначенным для поражения атомной бомбой, запрещалось. Ведь в противном случае невозможно было бы разобраться, что сделал атомный взрыв, а что — снаряды артиллерии.

Относительно полетов самолетов в «столб». Авиация начала работу после окончания артиллерийской подготовки, то есть через 25 — 30 минут после взрыва. «Столба» уже не было, и радиоактивное облако было абсолютно белым, неотличимым от других облаков ни по цвету, ни по размеру.

Летчики имели задачу ни в коем случае не залетать в радиоактивное облако в целях безопасности, и они старались ее выполнять. Доказательством последнего, по моему мнению, служит ошибка командира эскадрильи МиГ-15, который, боясь попасть в радиоактивное облако, стараясь уклониться от всех встречаемых облаков, потерял ориентировку по наземным целям и, вместо удара по назначенной цели нанес удар по похожему району около 10 км в сторону, по расположению второго эшелона дивизии — полку (командир полковник Плеходанов). Командир дивизии генерал-майор М. И. Лященко приказал мне выехать туда. По прибытии обнаружил, что, к счастью, никто и ничто не постралало: ни люди, ни техника.

Вот так разрывали «столб» от ядерного гриба и даже «черные вылетали». Да и зачем, собственно, разрывать «столб»?

Описание взрыва, сделанное другим очевидцем — Н. Б. Кураповым, участником войны, офицером, «скрупулезнее», как говорит автор, чем остальными:

«В ушах свист, звук со скрежетом... Гриб был — ножка черная, а шляпка красная. Как из трубы в морозный день — все перемешалось в ней — клубы дыма, пыли, обломки. Температура была огромная».

Хочу теперь рассказать, каким увидел гриб я. Когда выскочил из тамбура (об этом я писал выше), то увидел на высоте около 300 — 400 м белое облако, которое какое-то время, не более полминуты, пронизывали языки желтого пламени. Облако имело форму выпуклой шляпки гриба, а снизу в направлении к земле вытягивалась ножка чисто бело-

го цвета. Навстречу ножке от гриба с земли поднимался светло-серый вытянутый конус, похожий на перевернутый на 180 градусов смерч. Через некоторое время образовался столб. Нижняя половина его серого цвета, а верхняя белого. Общая форма точь-в-точь как на рисунках с изображением ядерного гриба.

Во время артподготовки поднялась сильная пыль, и, как ликвидировался столб, увидеть не удалось. Через 25 минут после взрыва, когда кончилась артподготовка, ядерное облако уже не отличалось практически от других, только форма оставалась еще похожей на шляпку гриба.

Далее Н. Б. Курапов говорит: «Взрыв был надземный, с поверхности поднялась радиоактивная пыль и из образовавшегося облака по его ходу выпадала на села, поля, леса. Никто до сих пор точно не знает, каким путем шло облако и до какой точки...»

Поскольку взрыв был воздушный, а не «надземный», то с поверхности земли поднялись радиоактивные частицы в результате наведенной активности на земле потоками нейтронов в момент атомного взрыва. Основными продуктами активации почвы в этом случае были натрий-24 с периодом полураспада 14,9 часа, кремний-31 с периодом полураспада 2,62 часа, марганец-56 с периодом полураспада 2,6 часа, остальные продукты распадаются в течение минут. Причем мощности их излучений весьма невелики. Поэтому то, что поднялось с земли, можно вообще не учитывать как фактор загрязнения земли по следу облака [1]. Теперь об утверждении, что никто не знает до сих пор, как двигалось облако. Могу заверить, что контроль за движением велся и войсками, и специальными подразделениями, по ходу движения облака делались замеры радиоактивности на земле и в воздухе. О результатах замеров до 200 км дальности движения облака скажу ниже.

Затем, по Н. Б. Курапову: «Жители близлежащих сел в радиусе 20 км заблаговременно были эвакуированы...» Это абсолютно неправильно — эвакуация людей, скота и фуража производилась из зоны до 8 км от эпицентра в районы не ближе 15 км, а в зоне 8 — 12 км население оставалось на месте. Оно было проинструктировано, и весьма тщательно, с выдачей письменных инструкций о порядке поведения во время взрыва.

Далее в статье утверждается, что люди с разрешения военного начальства вернулись в свои зараженные радиацией дома, вдыхали радиоактивную пыль, ели «грязные» овощи со своих огородов, пили молоко коров, поедавших «грязную траву».

Во-первых, отселенные размещались во вновь отстроенных домах. Поэтому никто никуда не возвращался, никуда не эвакуировался. Во-вторых, вся территория, где жили люди, была проверена, противопоказаний для жизни обнаружено не было.

А картина загрязнения в статье описана, по всей видимости, с зоны загрязнения в районе Чернобыльской АЭС. Но изотопы, осевшие в результате взрыва реактора на АЭС, не идут ни в какое сравнение ни по количеству, ни по длительности и мощности воздействия с продуктами атомного взрыва.

Расчеты показывают, что даже после наземного взрыва ядерного устройства такой мощности, как на учении под Тоцким, через две-три недели от следа облака практически ничего не остается. А если сравнивать с загрязнением чернобыльской аварии, это совсем другие осколки, другие изотопы.

Хочется высказаться и еще по одному факту, приведенному в статье: «Подробности о тоцком взрыве я услышал впервые от нашего учителя начальной военной подготовки полковника Николая Ивановича Пастухова. В 54-м он был еще молодым офицером. Его подразделение накануне 14 сентября получило задачу выдвинуться к эпицентру и занять позицию километрах в 15 — 17 от него. После взрыва наш будущий учитель и его солдаты проследовали через зараженную местность». И дальше следует вопрос автора: «Кому и зачем это было нужно?»

Действительно, зачем надо было искажать реальность, приводить «факт» о выдвижении на 15 — 17 км к эпицентру? Вся дивизия, а это больше десяти тысяч человек, находилась в районе 5 — 12 км от эпицентра, не дальше. Возникает вопрос: а что делал Пастухов с солдатами на расстоянии 15 — 17 км? Да еще после проследовал с солдатами через эпицентр.

Вообще у авторов всех статей какая-то тяга к эпицентру: все шли туда и все через него проходили. Если бы это было так, то, очевидно, там все было бы вытоптано, перепахано гусеницами танков и колесами машин и уж, наверное, кто-нибудь и автограф свой не преминул бы оставить в таком уникальном месте.

Поверьте, дорогой читатель я уже говорил, что был там и на второй день, когда проезд в зону взрыва был закрыт, но эпицентр и местность вокруг него на имели никаких следов массовых посещений, ни пешком, ни на каких-либо видах техники.

И совсем уж фантастически, по-моему, выглядит следующий эпизод: «Об одной из первых жертв бомбы рассказал мне И. Е. Кутайков:

— Сосед наш, 14 лет ему было, на крыше сидел во время взрыва, одеялом накрылся. А после вылез из-под одеяла: «Ой, голова! Не вижу ничего! — шумит. — Вяжите меня, голова рассыпается!» Брали длинное полотенце, обматывали ему вокруг головы и закручивали палкой. Через три месяца умер...»

Думаю, если голову обернуть полотенцем и затягивать его, закручивая палкой, то вряд ли кто это выдержит. Видимо, бедный парень лишь по молодости продержался три месяца. Однако остается вопрос: от чего он все-таки умер? От радиации или от усердия «лекарей»?

Даже дрова, по свидетельству очевидцев были «атомными» и горели каким-то неестественным светом. По этому поводу могу сказать следующее: при таком атомном взрыве по дальности тепловое воздействие значительно превышает радиоактивное воздействие взрыва. Мы уже отметили, что на расстоянии около 1200 м от леса не осталось никаких следов, на месте бывшей дубовой рощи, на поверхности земли — лишь песчаная корка. Вот результат высокой температуры — все испарилось или сгорело. Только по этому можно сделать вывод, что никаких дров в радиусе 1200 м от эпицентра остаться не могло, за исключением головешек в эпицентре на площади радиусом 15 — 20 м! Таким образом, все возможные «атомные» дрова, если бы они и были, сгорели.

Что касается радиоактивности, то через час после взрыва на расстоянии 850 м от эпицентра было только 0,1 рентгена, а через 9 часов 0,1 рентгена было на расстоянии 600 м. Отсюда видно, что радиоактивных дров далее 1200 м быть не могло, так как там к моменту прибытия заготовителей «на-шармачка», как пишется в статье, был нормальный радиоактивный фон.

А теперь о горении «атомных» дров неестественным светом. Наша часть располагалась недалеко от предприятия «Маяк» на Южном Урале, где большой район местности был загрязнен отходами ядерного производства и уровни радиоактивного загрязнения местных предметов в десятки и сотни раз превышали уровни под Тоцким. Отопление в части было печное, и никто не отмечал при горении неестественного света. Я четырежды побывал в этой части на загряз-

ненных территориях и два раза был на «Маяке». Довелось слышать многое: и о реальных фактах, и о фантазиях, ничто, как говорится, не чуждо человеку, но вот о горении «атомных» дров неестественным светом, увы, не слышал.

Позвольте поделиться и теми записями, которые я вел во время учения.

Считаю, что их достоверность выше того, что написано по памяти.

Основное внимание уделяю мерам безопасности на учении, так как думаю, это и будет ответом на изложенное в газетных статьях.

Меры безопасности:

— выбор направления ветра, обеспечивающий наиболее оптимальный вариант времени сброса и взрыва бомбы с целью абсолютной безопасности людей (гражданских и военных);

— сброс планировался со второго захода (проверка всех расчетов в реальных условиях);

— маршрут полета проходил вне крупных населенных пунктов в удалении от войск не менее 5 км;

— сопровождали два самолета-бомбардировщика Ил-28 для контроля расчетов носителя;

— по маршруту полета зажигались дымовые шашки оранжевого цвета для визуального контроля полета;

— точкой прицеливания для сброса являлся квадрат с крестом в центре, стороны квадрата и полосы креста были высыпаны белым мелом;

— видимость по высоте — 900 м и 50 — 60 км — по дальности; менее 7,5 км от эпицентра личный состав размещался в долговременных укрытиях, а далее 7,5 км — в траншеях на дне, лежа или сидя;

— нормы допустимого загрязнения местности для действий войск предусматривались в четыре раза меньше, чем в наставлении ПЗВ (противоатомной защиты войск);

— участки в случае загрязненности свыше 25 Р/ч были запретными, в ходе наступления их предписывалось обходить;

— территория учения была разбита на зоны, в каждой зоне назначен ответственный командир;

— зона делилась на районы, в которых назначались коменданты из числа командиров частей, расположенных в них;

— на старшего в зоне возлагалось обеспечение знания людьми мер безопасности, сигналов атомной тревоги личным составом и контроль за исполнением мер безопасности;

— к моменту взрыва личный состав находился только со своими командирами и в одном месте;

— запретная зона, где никто не имел права находиться, была в 8 км от центра цели, а для наступающей стороны — в 5 км;

— на границе зоны за несколько суток до начала учений была выставлена специальная охрана; с выходом войск накануне дня учения охрана усиливалась, каждый пост охраны имел дозиметрические приборы;

— не принимавшие участия в учениях до взрыва выводились из зданий и размещались в щелях и укрытиях, им были выданы противогазы и защитные очки;

— здания военных городков были специально подготовлены: двери сняты с петель, оконные рамы выставлены.

Кроме того, были предусмотрены меры на случай наземного взрыва — учение отменялось, население с возможного следа выпадения радиоактивных осадков планировалось эвакуировать. Из зоны радиусом 8 км от центра цели все население, скот и движимое имущество вывозилось в населенные пункты не ближе 15 км от центра.

По рассчитанному направлению движения радиоактивного облака в секторе шириной от 10 до 20 км и на глубину 50 км за двое суток были выставлены дозиметрические офицерские посты для замера радиоактивных осадков, которые могли выпасть из облака атомного взрыва.

Были созданы эвакуационные отряды, обмывочные пункты, усилены врачебные и фельдшерские участки для обеспечения гражданского населения. Ограждением зоны опасного загрязнения и определением эпицентра взрыва занималось специальное подразделение. Выполнение задачи планировалось не позднее чем через час после взрыва.

Оповещение до командира взвода по радио.

Питание: усиление мясом 50 г на человека, два раза в день — завтрак перед учением, обед после учения. Во фляги — крепкий чай, в подразделениях — термосы с водой.

Папиросы, махорка, спички были изъяты — курение во время учения запрещалось.

После взрыва было запрещено принимать пищу до разрешения. Под хлеб, мясо и другие продукты были изготовлены специальные ящики, кузова машин тщательно закрывались брезентом, запасы воды находились только в закрытых емкостях.

Случаев загрязнения продуктов и воды радиоактивными веществами не было.

Для питания населения в случае необходимости были предусмотрены запас продуктов и походные кухни. Всем выдавались индивидуальные противохимические и перевязочные пакеты. Предусмотрены запасы верхней одежды для населения.

Кроме того, были развернуты два военных госпиталя.

Весь личный состав обеспечен накидками, чулками, перчатками, защитной одеждой. На очки противогазов выдавалась защитная пленка.

Наступающая сторона — личный состав из первой траншеи был отведен во вторую и размещен в убежищах и укрытиях.

14 сентября. 9.33 — взрыв на высоте 285 м. Специальная группа была в эпицентре через 40 минут.

Через час в эпицентре было 50 Р/ч; в 300 м — 25 Р/ч; в 500 м — 0,5 Р/ч; в 850 м — 0,1 Р/ч.

Граница зоны была обозначена через 1,5 часа, т. е. до выхода войск.

Около 12.00 в район взрыва вышел первый эшелон 41 мп. Командир полка полковник Федчик с одной из рот 1 мсб прошел вблизи эпицентра.

Личный состав роты после прохождения эпицентра был проверен специальными подразделениями, следов загрязнения радиоактивными веществами не обнаружено. Да и не могло быть обнаружено, так как они прошли по местности, где было всего 0,1 Р/ч, или 100 миллирентген в час.

39 тп (командир полковник Суздалов, в полку также находился представитель Генштаба генерал-майор Шапошников) должен был пройти через эпицентр, но фактически прошел стороной.

Зафиксированы данные войсковой разведки на удалении около 400 м от эпицентра через 1,5 часа после взрыва не более 0,1 Р/ч.

Продуктов деления атомной бомбы на местности не обнаружено, воздух не загрязнен, радиоактивность воды значительно меньше допустимой нормы.

Эпицентр

В первые 15 — 20 минут — 100 Р/ч; через час — 50 Р/ч; через 6 часов — 26 Р/ч; через 21 час — 10 Р/ч; через 33 часа — 6 Р/ч; через двое суток — 3 Р/ч через трое суток — 0,85 Р/ч.

Радиоактивная пыль. Проверялись атмосфера и местность в секторе от эпицентра шириной 10 км и далее на глубину 200 км, шириной 28 км. Результаты: 0,02 млР/ч, или 20 мкР/ч на местности. В 4 — 5 км от района взрыва загрязненности атмосферы не было. Радиоактивная пыль была поднята на большую высоту раскаленной массой воздуха при сильном ветре.

На расстоянии 10 км через 30 минут было 0,005 Р/ч, через 50 минут на расстоянии 25 км было 0,1 рентгена, а через 1,5 часа на удалении 70 км было тоже 0,1 Р/ч, а через два часа (после взрыва) на расстоянии 120 — 130 км стало 0,05 Р/ч.

Уровень загрязнения местности в этом секторе не требовал защиты. Для индивидуального контроля облучения на отделение, расчет, экипаж полков первого эшелона выдавалась одна, а остальным — камера [2] на роту.

За два часа до взрыва все люди были размещены в укрытиях, наличие проверено по спискам. Всякое движение было прекращено за 10 минут по сигналу «Молния», укрытия закрыты. Часовые находились в щелях, а те, кто был вне укрытий, легли на землю лицом вниз. Экипажи — в машинах, в прицелы смотреть не разрешалось.

Наступление

Впереди химдозоры, уровни с 0,1 Р/ч обозначаются указками. При подходе к местности, где до 25 Р/ч, надеваются средства защиты. Свыше 25 Р/ч местность обходится. Было запрещено садиться, ложиться без необходимости, пить, курить, есть.

Если личный состав загрязнен, то прием пищи разрешался только после санобработки. Продукты подлежали проверке.

* * *

Вот такая обстановка в радиационном отношении сложилась в районе Тоцкого после атомного взрыва.

В статье «Репетиция Апокалипсиса» предполагается, что «день 14 сентября 1954 года рано или поздно будет вписан в историю в одном ряду с 6 и 9 августа 1945 года, 26 апреля 1986 года — датами атомных трагедий Хиросимы, Нагасаки, Чернобыля».

Как уже сказано выше, я был участником учения в Тоцком, свидетелем трагедии в Чернобыле. Видел все своими глазами и прочувствовал физически. Получил в Чернобыле дозу гамма-облучения не менее 60 рентген, дышал и цезием-137, и изотопами циркония. И рубидий, и еще кое-что в щитовидку «набрал», правда, немного — всего 30 бэр.

Но, по-моему, ставить в один ряд учение в Тоцком и трагедию в Чернобыле безнравственно, более того, это кощунство по отношению к жертвам Хиросимы, Нагасаки, Чернобыля.

Генерал-полковник Б. П. ИВАНОВ, Герой Советского Союза

[1] Выходящие потоки воздуха поднимают столб пыли, который может соединяться с радиоактивным облаком, в течение нескольких минут облако взрыва видоизменяясь, превращается в своеобразное кучевое облако, достигая высоты 10—20 км, а в последующем рассеивается. Однако и к этому времени оно остается еще сильно насыщенным радиоактивными веществами. Излучения, испускаемые из облака, не оказывают поражающего действия на объекты (Защита от ядерного оружия. — М.; Воениздат. 1964.- С. 21- 22).

[2] Камера — прибор радиационной разведки.

Август 1991 года: документы свидетельствуют

Нет ли у вас, читатель, ощущения, что все это было давным-давно: баррикады у «Белого дома» и танки на московских улицах в августе 1991 года? Во всяком случае, многим кажется — прошли не месяцы, а годы. Что тому причиной? Трагикомизм происшедшего, истоки которого еще предстоит вскрыть суду, или груз повседневных проблем, придавивший каждого из нас, заставивший забыть об августовском вулкане страстей? Дождемся вердикта судей. Но уже и сегодня, не боясь ошибиться, можно заявить: армию в очередной раз подставили, попытавшись снова сделать ее инструментом для разрешения проблем, порожденных самим ходом нашей жизни. Так было в свое время в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. По такому же сценарию события развивались и в Москве 19—21 августа 1991 года.

За концертами и митингами охваченных эйфорией победителей и поспешными газетно-журнальными мемуарами защитников баррикад как-то забылось многими: а что пережили в те дни солдаты и офицеры, посланные для «поддержания порядка» на улицы столицы?

Неудавшийся августовский переворот сквозь триплексы боевой машины пехоты отражают публикуемые сегодня документы — одни из многих, легших в основу многотомного уголовного дела бывшего ГКЧП.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ
по поводу инцидента личного состава 1 мсб в/ч 73881 с гражданскими лицами, происшедшего в ночь с 20 на 21 августа 1991 года

В соответствии с отданным Вами распоряжением провел административное расследование по поводу инцидента личного состава 1 мсб в/ч 73881 с гражданскими лицами, происшедшего в ночь с 20 на 21 августа 1991 года. Командир в/ч 73881 — подполковник Налетов А. Т., и. о. командира 1 мсб — капитан Суровикин С. В., командир 3 мср — старший лейтенант Михайлов С. В.

Выполняя приказ коменданта г. Москвы о введении комендантского часа в г. Москве, командир в/ч 73881 подполковник Налетов А. Т. отдал письменный приказ № 2 от 20.08.[19]91 года «О реализации приказа командира соединения на введение комендантского часа на территории города», в соответствии с которым командиру 1 мсб предписывалось выставить 11 комендантских постов по Садовому кольцу от площади Маяковского до Смоленской площади. Приказом определен порядок выставления постов, места их размещения, силы и состав постов, порядок действий личного состава поста, порядок применения оружия.

Около 22.30 20.08 батальон под командованием и. о. командира 1 мсб капитана Суровикина С. В. в составе 20 БМП-1 и одного БРДМ-2 начали выдвижение по маршруту аэродром Центральный, Ленинградское шоссе, площадь Маяковского, Смоленская площадь. Выставив несколько постов на маршруте выдвижения, батальон около 24.00 20.08 головой колонны подошел к перекрестку Садового кольца с Калининским проспектом, где встретил заграждение из двух рядов автомашин с песком и с обеих сторон улицы толпу возбужденных людей, которые криками и бросанием камней, железных прутьев, бутылок в личный состав пытались остановить воинскую колонну. Раздвинув заграждение боевыми машинами, батальон преодолел его и, продолжая движение, вошел в тоннель под Калининским проспектом. Командир батальона приказал экипажам закрыть люки и продолжать выполнять поставленную задачу.

Выйдя из тоннеля, батальон встретил новое заграждение из 3—5 троллейбусов. Первые 10—12 боевых машин, расталкивая троллейбусы, прошли через заграждение, а остальным путь был прегражден другими машинами и троллейбусами, выдвинутыми из соседних переулков. Толпа людей, среди которых было много пьяных, ринулась на остановившиеся БМП. Командир батальона, понимая всю сложность обстановки, зная, что у него в БМП боеприпасы, ручные гранаты, неся ответственность за сохранность личного состава и техники, делает два предупредительных выстрела из пистолета вверх и словесно обращается к толпе людей не подходить к технике и не мешать продвижению машин вперед. По радио отдает приказ личному составу батальона не подпускать гражданских лиц к технике во избежание захвата оружия и боеприпасов. Его машина застревает, он с группой управления переходит на другую машину, преодолевает завал и уходит вперед, оставив за себя у баррикады капитана Лапина Е. А. Разорванная колонна БМП остановилась у заграждения в составе 8 машин (бортовые «номера: 516, 517, 520, 521, 528, 535, 536, 537).

На остановившиеся БМП ринулась разъяренная толпа, разбивая железными прутьями навесное оборудование, набрасывая на смотровые приборы брезент, тряпки, разбивая их. В сумятице происходящего машины № 536, 535, 537 пытались прорваться через баррикаду; механики-водители этих машин, не видя ничего, пытались вырваться из засады, двигая машины вперед-назад с находящимися на корпусе машин гражданскими лицами. Кто-то из гражданских лиц облил бензином (огнесмесью) БМП № 536, машина загорелась. Пять человек экипажа машины стали задыхаться от дыма и пламени (командир машины сержант Семеняга Ю. А., механик-водитель рядовой Булычев М. В., командир отделения младший сержант Вахрушев В. П., автоматчик рядовой Нурбаев Ш. Д., рядовой Баймуратов К. Т.). На механике-водителе рядовом Булычеве М. В. вспыхнула одежда. Видя, что экипаж может погибнуть от огня или взрыва боекомплекта, командир машины сержант Семеняга Ю. А. отдал приказ о выходе экипажа из машины. Экипаж, покинув машину, был окружен гражданскими лицами, которые бросали камни, прутья, угрожали расправой. Солдаты, предупреждая людей об опасности взрыва машины, о применении оружия, боясь расправы, открыли стрельбу из автоматов и пистолетов вверх, отошли к соседней машине № 520 и укрылись за ее броней.

Экипажи других семи БМП находились внутри машин с закрытыми люками. Все эти действия продолжались до 2.30 21.08. Около 3.00 ночи капитану Лапину Е. А., оставшемуся по приказу командира батальона с этой группой машин, защитниками «Белого дома» было предложено освободить тоннель и колонной выйти к «Белому дому». Капитан Лапин Е. А. подчинился этим требованиям и вывел эту группу машин к зданию бывшего СЭВ, где по просьбе перекрыл ими дорогу от здания бывшего СЭВ до противоположной стороны улицы. Этот маневр был закончен к 6.00 утра. В последующем, днем 21.8, группа этих машин была выведена по Ленинскому проспекту к МКАД (московская кольцевая автомобильная дорога. — Ред.), где соединилась с подразделениями своего полка и к 21.00 прибыла в ППД (пункт постоянной дислокации).

В результате инцидента капитан Лапин Е. А., сержант Шаныгин, сержант Асауленко, рядовой Сапетов, прапорщик Будетский получили ранения и травмы головы и рук, две БМП получили повреждения. Личный состав батальона действовал в строгом соответствии с приказом командира полка, в сложной обстановке проявил выдержку, мужество, не допустил захвата оружия и боеприпасов, военной техники, применяя оружие только для стрельбы вверх, только для

самообороны, и пресек своими действиями возможные дальнейшие напрасные жертвы со стороны военнослужащих и гражданских лиц.

В своих показаниях личный состав утверждает, что жертв со стороны гражданских лиц ими не наблюдалось.

Административное расследование не исчерпывает юридической глубины, его политический характер и может быть продолжено.

Расследование инцидента провели 21—22.08.91 г.: генерал-майор В. ГУБКИН, полковник Л. КНЯЗЕВ, полковник П. ЗИНЧЕНКО

СПРАВКА
о трагическом происшествии в 23.30 20.8.1991 г.

Колонна из 14 БМП 3 мср 1 мсб в/ч 73881 выдвигалась к Новоарбатскому виадуку. Когда колонна проходила под мостом и первая машина командира батальона капитана Суровикина Сергея Владимировича (БМП № 601) вышла из-под моста, ее сверху забросали камнями, прутьями. Все, кто находился на этой машине (а они ехали по-походному), получили ранения различной тяжести (капитан Лапин Евгений Алексеевич — перелом пальца на руке; сержант Асауленко Николай Михайлович, командир БМП № 602, — рассечение левой брови; прапорщик Будетский Валерий Николаевич — ранение в голову).

Колонну остановили перегородившие дорогу в три ряда троллейбусы.

Командир батальона принял решение двумя колоннами по 7 БМП слева и справа проделать проходы и пройти.

Справа из семи БМП шесть прорвалось. Гражданские лица краном стали сдвигать вновь троллейбусы, и одна БМП № 536 попала между ними. Подбежавшая толпа стала забрасывать БМП бутылками с бензином. Кто-то забрался на БМП и закрыл тентом приборы наблюдения. Водитель рядовой Булычев Николай Иванович потерял ориентировку, машину остановил. Потом он попытался открыть люк. Когда открыл, гражданские лица облили механика-водителя бензином и подожгли. Загорелась и БМП. Экипаж начал высаживаться из машины. Когда они высадились, толпа набросилась на них. Сержант Семеняга применил оружие, стрелял из автомата двумя очередями вверх, а рядовой Булычев Н. И., который стоял рядом, произвел два выстрела вверх из пистолета ПМ. (У него ожог обеих кистей рук I и II степени.) Толпа после выстрелов отошла, и они пересели в другую БМП — № 520.

Слева семь БМП не смогли прорваться. Командира батальона на БМП № 601 при обходе завалов опрокинуло набок. Комбат с экипажем пересели в другую машину (№ 602) и снова начали пробиваться. Но у БМП № 602 слетела гусеница, и на эту машину упали троллейбусные высоковольтные провода, машина загорелась.

Когда комбат с экипажем пересаживались в БМП № 602, разъяренная пьяная толпа начала забрасывать их камнями, прутьями, горящими досками. (Гражданским в этот момент раздавали ящики с водкой.) Сержант Шаньгин Юрий Иванович, заместитель командира взвода связи, произвел несколько выстрелов вверх, толпа отошла. В этот момент они пересели из БМП № 602. Командир батальона дал команду находиться всем в машинах, по-боевому, с закрытыми люками.

Номера БМП, которые не прорвались: № 601, 602, 535, 536 (сожжена), 520, 516, 517, 524.

Командир полка подполковник НАЛЕТОВ Александр Тимофеевич,
командир батальона капитан СУРОВИКИН Сергей Владимирович,
командир роты старший лейтенант МИХАЙЛОВ Станислав Михайлович
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ДИВИЗИИ полковник А. ПАПАКИН

Публикацию подготовил А. П. ИВАНОВ

ВИЖ №1 1992

НРАВСТВЕННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЛЕНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

МОЖЕТ ли военнослужащий Советских Вооруженных Сил попасть в плен? Более 70 лет этот вопрос имел у нас, скорее, риторический характер. И довоенные, и послевоенные воинские уставы, в частности 1946 года, даже не затрагивали столь «провокационную» тему. На нее было наложено строжайшее табу. И только в ныне действующем Уставе внутренней службы есть статья, согласно которой «ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить военнослужащего Вооруженных Сил СССР сдаться в плен» (ст. 3). Значит, тема закрыта? Так ли это?

Доныне трагическая история судеб советских пленных во многом замалчивается. Даже по сей день неизвестно точное количество советских солдат, попавших в плен в годы минувшей войны. Какие же уроки мы должны извлечь из собственной истории? Сможем ли мы, приступая к проведению военной реформы, избежать ошибок, допущенных в прошлом. Достаточен ли наш исторический «багаж» для раскрытия такой больной темы, как плен? Будет ли найдена альтернатива категорическому отрицанию плена?

Объективно плен — это всегда поражение, проигрыш сражения, войны, позор для солдата. Поэтому предпочтение смерти в бою плену — давняя традиция российских воинов. По-прежнему ответное движение души вызывают гордые слова, сказанные великим предком нашим князем Святославом Игоревичем накануне решающей битвы: «Так не посрамим Земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые сраму не имут».

Вместе с тем также давно выработалось на Руси умение различать сдачу в плен по трусости, слабодушию или по уважительным причинам, например ввиду физической невозможности продолжать борьбу. Как известно, в одном случае пленника ожидал позор, презрение боевых товарищей и соотечественников, в другом — сострадание и помощь.

Довольно долго такое отношение к плену находило и юридическое выражение в правовых актах Русского государства, в которых предусматривались возможности вызволения соотечественников из неволи и различные компенсации за перенесенные в ней тяготы и лишения. К примеру, в 944 году в договоре Руси с Византией был установлен определенный порядок выкупа пленных (ст. 7), а в Соборном Уложении 1649 года этому уже посвящалась специальная глава (VIII), в которой, в частности, указывалось: «Полоняником на окуп збирати денги ежегод з городов всего Московского государства, с посадских дворов и с ямщиков и со всяких жилецких людей... чтобы в том денежном зборе никто в ызбылых не был, занеже таковое искупление общая милостыня нарицается, и благочестивому царю и всем православным християном за то великая мзда от бога будет... Христос же, не токмо сребра, но и душю свою повелевает по братии положити. И того ради христова слова благочестивым царем и всем православным християном не токмо пленных окупати, но и душю свою за них пологати достойно, да сторичныя мзды во он день сподобятся» (ст. 1)(Российское законодательство X—XX веков. — Т. 3. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 97-98).

Соборное Уложение также устанавливало правило, согласно которому холопы и крепостные крестьяне после плена становились свободными: «А будет чьего холопа возмут в полон в ыную в которую землю, а после того тот холоп ис полону выйдет, и он старому боярину не холоп, и жену его и дети для полонского терпения отдати ему» (гл. XX, ст. 34) (Там же. — С. 213),

Однако наиболее полно и всесторонне проблема плена в русском праве впервые была освещена Петром I в знаменитом Артикуле Воинском 1715 года. С одной стороны, в нем регламентировался порядок обращения с вражескими военнопленными. Причем под страхом сурового наказания запрещалось их убивать: «Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убити, ниже без ведома генерала и позволения освобождать, под потерянием чести и живота» (арт. 115). С другой стороны, в этом старом документе очень интересно и, пожалуй, более прогрессивно, чем в современном советском праве, решался вопрос об ответственности своих военнослужащих, попавших в плен: «Притчины, которых ради комендант, офицеры и салдаты извинены быть могут, когда крепость здастся, суть следующия: (1) Крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питатися может, имея наперед всевозможную в пище бережность; (2) Когда аммуниции ничего не останется, которая також со всякою бережью трачена; (3) Когда людей так убудет, что оборонитися весьма не в состоянии будут (а во всю осаду оборонялися храбро), сикурсу получить не могут, и что крепости уже по всем видам удержать будет невозможно; (4) Однакож сии пункты суть тем, кои особливого указа не имеют. А которые имеют указ до последняго человека оборонятися, то никакой нужды ради не капитулировать с неприятелем, и крепости не отдавать» (арт. 123) (Там же, — Т, 4. — М.: Юриздат. 1986. -С, 348-349).

Уважительное, сочувственное отношение к пленным имело место и в первые годы после Октябрьской революции. Правда, это касалось в основном 2,7 млн. военнопленных первой мировой войны, ибо они по своему классовому происхождению представляли интерес для новой власти. Так, 4 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял специальное «Приветствие русским военнопленным, находящимся в различных местах», в котором говорилось: «Пятый съезд Советов шлет горячий привет нашим пленным, томящимся на чужбине, и с нетерпением ждет возвращения братьев-солдат, которые займут свое место в борьбе за Советскую Россию и за социализм.

Пятый съезд Советов считает совершенно неотложной задачей организацию всесторонней помощи нашим пленным, съезд клеймит позором те группы, которые пытались задержать посылку сухарей нашим военнопленным, стремясь вызвать на этой почве голодные погромы.

Пятый съезд постановляет:

Все губернские Совдепы обязаны создать специальные отделы по организации помощи военнопленным. Эти отделы должны тесно связаться с Центропленом и всю свою работу вести в тесном контакте с ним. Отделы помощи военнопленным должны немедленно приступить к сбору хлеба и других предметов первой необходимости для военнопленных. Пусть все Советы на местах немедленно поставят этот вопрос на очередь. Советская власть обязана и при самых трудных условиях сделать все возможное для обеспечения братьев-военнопленных.

Съезд постановляет послать уполномоченному РСФСР в Германии двадцать пять миллионов рублей специально для организации на месте помощи нашим братьям, еще находящимся в плену на чужбине» (Декреты Советской власти.— Т. II.— М.: Политиздат, 1959. — С. 525—526).

Вместе с тем в годы гражданской войны взаимоотношения противоборствующих сторон отличались крайней жестокостью, что привело к тому, что человек, попавший в плен, оказывался вне закона.

В 20—40-х годах по мере сгущения атмосферы подозрительности, шпиономании в стране окончательно оформилось негативное отношение к пленным. Был выдвинут тезис о том, что «военнослужащий РККА, попавший в плен, —

предатель Родины». Это определение нашло поддержку у руководства страны и армии, которое считало, что массовое пленение советских войск маловероятно, а боевые действия в основном будут вестись на чужой территории.

С точки зрения юриспруденции этого периода проблема плена выглядела следующим образом. Основным правовым документом являлся Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (с последующими изменениями и дополнениями), который делал различия между военнопленными иностранных армий и военнопленными Советских Вооруженных Сил. К примеру, в первом случае статья 193 предусматривала довольно суровую уголовную ответственность за «дурное обращение с пленными»: лишение свободы до трех лет.

Во втором же случае статья 193, которая называлась «Самовольное оставление поля сражения» и имела несколько составов преступлений, предусматривала ответственность за «сдачу в плен врагу, не вызывавшуюся боевой обстановкой». Такое деяние квалифицировалось как измена Родине и влекло за собой высшую меру наказания — расстрел с конфискацией имущества.

С началом Великой Отечественной войны военно-политическое руководство СССР убедилось в ошибочности установки на ведение боевых действий малой кровью и только на чужой территории. Как известно, Красная Армия была вынуждена неоднократно отступать, вести тяжелые оборонительные бои и при этом несла значительные потери в живой силе, в том числе и по причине плена. За годы войны миллионы военнослужащих Советских Вооруженных Сил попали в плен, из них только в 1941 году — около 3 млн. человек. В этой связи вышеназванная формулировка статьи 193 потребовала уточнения и конкретизации, что и было сделано в целом ряде подзаконных актов. Так, уже 16 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление, которое следовало «прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, авиаэскадрильях». В нем, в частности, указывалось:

«ГКО устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей. Однако наряду с этим ГКО должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником. Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, ГКО считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины являются нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии...

ГКО требует от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов на великие подвиги, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезертирам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины».

Однако этого оказалось недостаточно, и в развитие постановления ГКО Ставка Верховного Главнокомандования 16 августа 1941 года в приказе № 270 потребовала: «1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава. 2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам. Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи».

Если оценивать эти документы с точки зрения морали, нравственности, то требование в трудный для Родины час исполнять свой воинский долг до конца, безусловно, следует признать справедливым. Поэтому в определенной мере они сыграли положительную роль, о чем имеются многочисленные свидетельства.

В то же время, на наш взгляд, следует ясно понимать, что постановление ГКО и приказ Ставки ВГК нанесли немало вреда, так как эмоциональные призывы «железной рукой карать трусов и изменников», не подкрепленные точными юридическими формулировками, привели к массовым репрессиям, о чем прямо было сказано в приказе наркома обороны СССР № 0391 от 4 октября 1941 года: «За последнее время наблюдаются частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению к своим подчиненным... Подобные нетерпимые в Красной Армии факты извращения дисциплинарной практики, превышения предоставленных прав и власти, самосудов и рукоприкладства объясняются тем, что:

а) метод убеждения неправильно отодвинули на задний план, а метод репрессий в отношении подчиненных занял первое место;

б) повседневная воспитательная работа в частях в ряде случаев подменяется руганью, репрессиями и рукоприкладством;

в) заброшен метод разъяснений и беседы командиров, комиссаров, политработников с красноармейцами, и разъяснение непонятных для красноармейцев вопросов зачастую подменяется окриком, бранью и грубостью;

г) отдельные командиры и политработники в сложных условиях боя теряются, впадают в панику и собственную растерянность прикрывают применением оружия без всяких на то оснований;

д) забыта истина, что применение репрессий является крайней мерой, допустимой лишь в случаях прямого неповиновения и открытого сопротивления в условиях боевой обстановки или в случаях злостного нарушения дисциплины и порядка лицами, сознательно идущими на срыв приказов командования.

Командиры, комиссары и политработники обязаны помнить, что без правильного сочетания метода убеждения с методом принуждения немыслимо насаждение советской воинской дисциплины и укрепление политико-морального состояния войск.

Суровая кара по отношению к злостным нарушителям воинской дисциплины, пособникам врага и явным врагам должна сочетаться с внимательным разбором всех случаев нарушения дисциплины, требующих подробного выяснения обстоятельств дела.

Необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправства и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Восстановить в правах воспитательную работу, широко использовать метод убеждения, не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием и репрессиями.

2. Всем командирам, политработникам и начальникам повседневно беседовать с красноармейцами, разъясняя им необходимость железной воинской дисциплины, честного выполнения своего воинского долга, военной присяги и приказов командира и начальника. В беседах разъяснять также, что над нашей Родиной нависла серьезная угроза, что для разгрома врага нужны величайшее самопожертвование, непоколебимая стойкость в бою, презрение к смерти и беспощадная борьба с трусами, дезертирами, членовредителями, провокаторами и изменниками Родины.

3. Широко разъяснять начальствующему составу, что самосуды, рукоприкладство и площадная брань, унижающая звание воина Красной Армии, ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира и политработника.

4. Самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми язлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов.

Приказ объявить всему начальствующему составу действующей армии до командира и комиссара полка включительно».

Однако, пожалуй, особенно сильный протест вызывает распространение уголовной ответственности на членов семей военнослужащих, попавших в плен. 24 июня 1942 года Государственный Комитет Обороны счел необходимым еще раз вернуться к этому вопросу и принял специальное постановление «О членах семей изменников Родины», в котором, в частности, говорилось: «Установить, что совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), осужденных судебными органами или Особым Совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по ст. 58-1 УК РСФСР и соответствующим ст. УК других союзных республик за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, за переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории и за попытку к измене Родине в изменнические намерения, подлежат аресту и ссылке, в отдаленные местности СССР на срок в пять лет». Постановление уточняло, что «членами семьи изменника Родины считаются отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родины или находились на его иждивении к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны». В то же время указывалось, что «не подлежат аресту и ссылке семьи тех изменников Родины, в составе которых после должной проверки будет установлено наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказавших в период оккупации содействие Красной Армии, а также награжденных орденами и медалями Советского Союза».

Конечно, справедливости ради следует оговориться, что так называемый институт «объективного вменения», предусматривающий привлечение к ответственности лиц, практически не виновных в совершении какого-либо преступления, появился в советском уголовном праве не в годы Великой Отечественной войны, а гораздо раньше. К примеру, еще 8 июня 1934 года ЦИК СССР принял закон «Об измене Родине», одно из положений которого устанавливало, что «совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживающие или находящиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет» (ст. 58-1 УК РСФСР).

На наш взгляд, следует также отметить, что отношение к военнослужащим Красной Армии, попавшим в годы минувшей войны в плен или окружение, различалось в зависимости от обстановки. Например, в условиях военного времени большинство военнослужащих, вышедших из окружения или освобожденных из плена, как правило, после соответствующей проверки в специальных сборно-пересыльных пунктах, созданных по решению ГКО от 22 декабря 1941 года, направлялись в действующую армию. Так, на 1 октября 1944 года из 354 592 человек указанного контингента в Красную Армию были возвращены 249 416 человек, арестовано органами СМЕРШ только 11 556, а остальные переданы для работы на производство и т. д.

Однако уже после окончания войны большинство из освобожденных из плена советских солдат, а таких насчитывалось около одного миллиона, направлялись в места лишения свободы, где использовались как бесплатная рабочая сила.

Какие же уроки мы извлекли из опыта прошлого и в чем заключаются новые подходы к рассматриваемой проблеме?

Прежде всего в Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР включено положение, обязывающее военнослужащего «до конца выполнять в бою свой воинский долг перед Советской Родиной. Ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить военнослужащего Вооруженных Сия СССР сдаться в плен (ст. 3). Вместе с тем ныне действующие нормы уголовного права предусматривают ответственность только за «добровольную сдачу в плен по трусости или малодушию». За указанное деяние виновные «наказываются смертной казнью или лишением свободы сроком на пятнадцать лет» (ст. 264 УК РСФСР и соответствующие ст. УК союзных республик).

Ведь прежде всего правовая неурегулированность вопроса о советских военнослужащих, попавших в плен в Афганистане, явилась серьезным тормозом в деле их вызволения из лагерей моджахедов. Не последнюю роль при этом сыграла и политика в отношении плененных.

Новые проекты законодательных актов по проблемам воинской службы в большей степени гуманны. В частности, в проекте Закона «О статусе военнослужащего» записано, что за военнослужащими, захваченными в плен, а также интернированными в нейтральных странах, сохраняется статус военнослужащего СССР. Военному командованию вменяется в обязанность принять меры в соответствии с нормами международного права по защите их прав.

В проекте нового Устава внутренней службы Вооруженных Сил СССР также несколько смягчается отношение к военнослужащим Советских Вооруженных Сил, попавшим в плен, и предусматривается освобождение их от ответственности в случае, если те получили ранение или контузию.

Без преувеличения можно считать крупным шагом вперед в осмыслении и практической реализации гуманных норм международного права в Вооруженных Силах СССР приказ министра обороны СССР № 75 от 16 февраля 1990 г., которым объявляются для руководства Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. Министр обороны СССР потребовал: «В повседневной практической деятельности командиры

(начальники) всех степеней, воспитывая личный состав в духе гуманизма и человечности, соблюдения нравственных норм в процессе общения между людьми, должны опираться на общепризнанные принципы международного права». Думается, однако, что в настоящее время этого уже явно недостаточно и проблема плена заслуживает более глубокого историко-юридического исследования. При разработке соответствующих законопроектов следует полнее учитывать имеющийся отечественный и зарубежный опыт в целях обеспечения более гуманного отношения к нашим соотечественникам, оказавшимся в беде. Тогда можно будет избежать крайностей, подобно решению об амнистии в отношении всех без разбора совершивших преступление бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане. Видимо, пришло уже сейчас время решить вопрос и об исключении пункта 17 из анкеты личного дела, которую мы не раз на протяжении жизни вынуждены заполнять. Кого и зачем сегодня интересует вопрос, были ли вы или ваши ближайшие родственники в плену или интернированы в период Отечественной войны, где, когда, при каких обстоятельствах освобождены?

Генерал-лейтенант Л. Г. ИВАШОВ, кандидат исторических наук;
полковник А. С. ЕМЕЛИН, кандидат юридических наук

ВИЖ №4-5 1992
ПЕРЕД МЮНХЕНОМ

Вооруженные силы Германии и Чехословакии и планы сторон к осени 1938 г.

С ВЕСНЫ 1938 года после аншлюса Австрии Чехословакия, занимающая выгодное стратегическое положение в Центральной Европе, стала объектом притязаний фашистской Германии. Обладавшая значительным военно-промышленным потенциалом и сильной армией, которая считалась одной из лучших в Европе, эта страна была в состоянии оказать достойное сопротивление агрессору. В предлагаемой читателям статье не рассматриваются хорошо известные мотивы политического предательства Чехословакии англо-французскими «умиротворителями», а исследуются военно-экономический потенциал и вооруженные силы этого государства, степень эффективности его сопротивления в случае военных действий, помощь со стороны СССР, на которую можно было рассчитывать, и, наконец, некоторые особенности немецких вооруженных сил, степень их подготовленности и возможные действия.

Вопрос о подготовке к военному нападению на Чехословакию был решен Гитлером вскоре после неудачной попытки оккупировать чехословацкие приграничные районы этой страны. 30 мая 1938 года был утвержден план «Грюн», в соответствии с которым сосредоточение наступательных сил предполагалось завершить к концу сентября. Массовый призыв резервистов начался в середине августа (Крал Вацлав. Дни, которые потрясли Чехословакию: Пер. с чешск. — М.: Прогресс, 1980. — С. 292). Численность армии возрастала, а фактическая мобилизация замаскировывалась периодическими увольнениями в запас с одновременным набором резервистов. В войсках проводились учения по преодолению преград и укреплений, подобных тем, какие имелись в Чехословакии.

Гитлер, учитывая, что общественное мнение пока всецело не на его стороне, решил начать военные операции не ранее конца сентября, ибо в указанном месяце должен был состояться съезд нацистской партии. К тому же армейское командование, требуя выделить длительное время на подготовку к войне, предупреждало Гитлера о риске всеобщего европейского конфликта. Начальник генштаба сухопутных войск рейха генерал Бек в меморандуме от 3 июня 1938 года выражал сомнение в быстром проведении операции: «Здравый смысл, — указывал он,— говорит за то, что успех внезапного нападения не может быть достигнут...»(Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. — Т. 1. - М.: Наука. 1973. — С. 247). Это заявление шло вразрез с требованием Гитлера как можно быстрее завершить военные действия. На совещании в Нюрнберге 9—10 сентября 1938 года Гитлер подчеркнул: «...из политических соображений необходим быстрый успех операции. Первые 8 дней боевых действий являются в политическом отношений решающими...» (Там ж е. — С. 276). Гальдер изложил суть плана «Грюн»: «Задача: воспрепятствовать отходу чешской армии из района Моравии—Богемии. Разбить ее. Добиться быстрого исхода операции» (Там же. — С. 275).

Таким образом, ставка делалась на использование почти всех имевшихся сил и фактора внезапности. Главной целью намечалось уничтожение чешской армии.

К тому времени имелся и план обороны Чехословакии. Он был представлен полномочному представителю СССР в этом государстве С. С. Александровскому в ходе его беседы с Э. Бенешем 18 мая 1938 года (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. — Т. 3. Июнь 1934 — март 1939. — М. Наука. 1978.— С. 419—423). Считалось, что с севера и с юга указанная страна неплохо защищена укреплениями. Больше всего опасались потерять армию. Планировалось использовать три оборонительные линии: основную — на р. Влтаве, где предполагалось дать сражение за Прагу главными силами, а также на Чешско-Моравском нагорье и моравско-словацкой границе. «Мы все-таки будем драться, пробиваясь на восток, для соединения с Красной Армией... Если понадобится, чехи не посчитаются для спасения своей армии ни с какими чужими границами и территориями», — заявил Бенеш.

Немецкое же командование намечало направить удар 14-й и 12-й армий, наступающих из Австрии, на Брно, а 2-й армии — на Оломоуц, чтобы затем, соединившись, они преградили путь к отступлению на восток основной группировке чехословацкой армии, находящейся в районе Праги, с тем чтобы в дальнейшем принудить ее к капитуляции или разгромить (Там же: Дашичев В. И. Указ. Соч. — Т. 1. — С 275).

Сведения о вооруженных силах обоих государств и наиболее важных их компонентах см. в табл. 1. Они достаточно красноречивы, чтобы уяснить смысл происходившего.

В числителе указывается общая численность имевшихся в армиях сил, в знаменателе — численность армии вторжения (для Германии), численность армии отражения агрессии (для Чехословакии). Цифры, определяющие количество авиации сторон, округлены.

После объявления чехословацкой стороной мобилизации немецкая пресса получила указание замалчивать ее. Позднее армейское командование потребовало не публиковать никаких положительных материалов о моральном состоянии чехословацкой армии. Печать должна была трубить о ее разложении, о хаосе в ней и большевизации. В секретных же донесениях немецкого военного атташе в Праге Р. Туссена отмечался хороший боевой дух отмобилизованной чехословацкой армии. Высокоразвитая военная промышленность обоих государств поставляла своим вооруженным силам современные образцы оружия. Вместе с тем следует отметить превосходство Германии в области авиации.

Чехословацкая авиапромышленность производила довольно много легких одномоторных самолетов: истребителей и разведчиков. Типичными были B-534 фирмы «Авиа» и S-328 фирмы «Летов» (S-328, предназначавшийся для разведки, мог выполнять функции истребителя (скорость 325 км/ч) или легкого бомбардировщика (грузоподъемность до 400 кг бомб). Sore1 V.: Letadia ceskoslovenskych plotu. — Praha. — 1986. — S. 35).

B-534 являлся стандартным истребителем чехословацких ВВС, неплохим представителем своего класса. В первой линии насчитывалось 326 истребителей этого типа. Всего успели выпустить 445 таких машин, причем 272 принадлежали к четвертой, последней модификации, имевшей улучшенные боевые характеристики. До ноября 1938 года ВВС успели получить 35 самолетов Вк-534, вооруженных 20-мм пушкой (Nemecek V.: Ceskoslovenska letadia (1918— 1945). — Svazek 2. — Praha. — 1983. — S. 128, 129).

Истребительная авиация Германии не превосходила по уровню истребительную авиацию Чехословакии. Ме-109, серийное производство которого началось в 1939 году, не получил еще распространения в люфтваффе. Было выпушено лишь несколько небольших партий, причем серии Д, В, С (выпуск малой партии относится к 1937 г.) значительно уступали по характеристикам широко известной модификации Е (Neustadt R., Kopenhagen W,: Das grose Flugzeugtypenbach. — Berlin, — 1984, — 131). К тому же почти все новые машины немцы перебрасывали в Испанию для испытаний в боевых условиях. То же самое произошло и с первыми 20 машинами серии Е, которые были направлены туда осенью 1938 года (то есть непосредственно в рассматриваемый период).Немцы располагали самолетами Не-112, более скоростными и аэродинамичными, чем Ме-109. Они являлись основными конкурентами самолетов Мессершмитта, но их количество было незначительным: самолеты этого типа Не-100 обладали весьма низкой живучестью. Система охлаждения, расположенная в крыльях, выходила из строя при наличии хотя бы одной пулевой пробоины. Из машин более раннего выпуска имелись Не-51, которые предполагалось использовать как учебные в процессе поступления Ме-109Е и Аг-68, которые год спустя входили в состав одной из тринадцати истребительных авиагрупп люфтваффе (Kozaczuk W. Wehrmacht 1933—1939. Warszawa. — 1985, - S. 383). В целом (еще раз следует это подчеркнуть), несмотря на количественное превосходство, немецкая истребительная авиация не имела значительного преимущества в качестве своих машин по сравнению с чехословацкими. ВВС Чехословакии являлись для военно-воздушных сил Германии сильным противником. Чтобы одержать над ним победу, требовались значительные усилия. Тактико-технические характеристики истребителей сторон представлены в табл. 2.

По-иному складывалось соотношение сил в бомбардировочной авиации сторон. Если устаревшие бомбардировщики (тип МВ-200) составляли 1/3 всех бомбардировщиков Чехословакии, то в тридцати бомбардировочных авиагруппах люфтваффе большая часть из 235 устаревших самолетов типа М-86 была выведена из первой линии и заменена на современные по тому времени До-17 и Не-111 (Das grose Fiugzeugtypenbuch. — S. 124). Характеристики бомбардировщиков военно-воздушных сил Германии и Чехословакии указаны в табл. 3.

Чехословакия имела опытные образцы бомбардировщиков собственной конструкции, но серийный их выпуск не освоила. С 1935 года заводы этой страны производили самолет Блох-200 по французской лицензии. Когда же стало ясно, что он устарел, встал вопрос о его замене. Помощь в этом оказал Советский Союз. Представители ВВС Чехословакии, выбирая для себя новый бомбардировщик, остановились на новейшем для того времени самолете СБ-2. В марте 1937 года Чехословакия получила лицензию на его производство. Кроме того, СССР передал в распоряжение чехословацких ВВС 61 самолет СБ, изготовленный на советских авиазаводах. На трех авиазаводах Чехословакии (Летов, Авиа и Аэро) было выпущено более 160 экземпляров лицензионного самолета с маркой СБ-71. К осени 1938 года в частях имелось уже около 100 самолетов данного типа (Nemecek V.: Ceskoslovenska letadia. Svazek 2. - Praha. — 1983. — S. 157-168).

Характерно, что помощь СССР в деле усиления чехословацкой авиации, т. е. в том, в чем особенно нуждалась тогда Чехословакия, могла бы оказаться весьма эффективной. В составе ВВС Чехословакии было 6 авиаполков, насчитывавших 55 боевых эскадрилий (21 истребительную, 13 бомбардировочных, 21 разведывательную). Всего же имелось 1514 самолетов всех типов, из них в полной боевой готовности: истребителей — 326, бомбардировщиков — 155, разведчиков — 320. В то же время 12 авиабригад СССР на западных границах включали около 2000 самолетов, причем из них были подготовлены к переброске 548 машин, расположенных в Киевском и Белорусском округах (246 бомбардировщиков и 302 истребителя) (Nemecek V.: Ceskoslovenska letadia, Svazek 2. — Praha, 1983, — S. 11).

По мнению чехословацкого генерального штаба, уровень подготовки немецких летчиков в целом был невысок. «Хотя Германия значительно превосходила нас по количеству самолетов, большинство пилотов прошло только трех-четырехмесячное обучение»(Крал Вацлав. Дни, которые потрясли Чехословакию. — С. 176), — отмечалось в одном из его документов. Несмотря на заявления гитлеровской пропаганды, что немецкая авиация способна уничтожить все европейские столицы, последняя была готова лишь к взаимодействию с наземными войсками, а не к стратегическим бомбардировкам тыла. Сами немцы считали, что внезапность действий ВВС может быть сорвана в случае плохих погодных условий (Webster Ch. Munich Reconsidered // Loewenheim F. L. Peace or Appeasement? — Boston, 1965. — P. 189).

ВВС Чехословакии тоже имели слабые стороны. Сказывалась нехватка современных для того времени бомбардировщиков, а также то, что большое количество аэродромов располагались довольно близко от границы (23 из них находились на отторгнутых впоследствии территориях). «Наиболее уязвимой частью чехословацкой армии была авиация, и только советская помощь могла возместить этот пробел. Французское командование тогда буквально тряслось от страха перед нацистской авиацией, и Чехословакия не могла рассчитывать на помощь Франции» (Крал Вацлав. Дни, которые потрясли Чехословакию. — С. 179), — считает известный чехословацкий историк Вацлав Крал.

Если в области развития авиации Чехословакия во многом уступала Германии, то в сфере оснащения армии бронетанковой техникой положение

было прямо противоположным. В 1938 году чехословацкая армия имела четыре мобильные дивизии, в состав которых входили танковые и кавалерийские бригады, моторизованная пехота и артиллерия. В период мобилизации эти четыре мобильные дивизии составляли резерв главнокомандующего и сосредоточивались в Средней Моравии. 14 дивизий было моторизовано полностью, 13 стрелковых — частично (Там же. — С. 35). Начиналось формирование танковых дивизий. Г. Гудериан писал в мемуарах, что чешские танки оказались хорошими и оправдали себя во время польской и французской кампаний. Войска располагали 348 легкими танками (7,5—10,5 т), 70 танкетками (2,5 т) и 75 бронеавтомобилями (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. — С. 217). Основным танком чехословацкой армии являлся легкий танк Т-35, выпускавшийся на заводах Шкода. В частях насчитывалось до 300 таких танков. Лучшим чехословацким легким танком и одним из лучших в мире предвоенных легких танков был TNнpS (ЧКД), последняя модель этой машины полностью отработана до оккупации страны. Захваченные в результате оккупации страны чехословацкие танки к моменту нападения на СССР составляли 1/4 танкового парка вермахта.

В 1938 году гитлеровские танковые дивизии были укомплектованы танками с пулеметным вооружением (три модификации танка Т-I) и в очень небольшом количестве танками Т-II (Мостовенко В. Д. Танки: Очерки из истории зарождения и развития бронетанковой техники. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Воениздат. 1958. — С. 133). Впервые немецкая танковая техника применялась в 1936 году во время гражданской войны в Испании. Танки Т-I, имевшие только пулеметное вооружение, были совершенно беспомощными перед машинами республиканцев, вооруженных пушками. Жесткая подвеска и плохая обзорность снижали их боевые качества. В конце 1936 года на вооружение принимается танк Т-II. Он являлся основным немецким танком даже в 1940 году, во время кампании во Франции, несмотря на исключительно слабое даже для конца 30-х годов вооружение — одну 20-мм пушку. Средние танки Т-III и Т-IV в 1938 году еще только запускались в серийное производство.

По основным параметрам чехословацкие танки в 1938 году превосходили немецкие. Поэтому даже более чем двукратное превосходство в числе машин (720 против 348) не позволяло германским танковым соединениям вести успешную борьбу с чехословацкими в случае боевых действий.

Чехословацкая армия располагала значительным количеством первоклассной артиллерии отечественного производства (после оккупации Чехословакии немцы захватили 2675 орудий всех типов). В предвоенное десятилетие в стране было выпущено немало разных автомобилей, в том числе и армейских. Грузовики строились фирмами «Шкода», «Татра», «Прага», «Вальтер». Все эти машины могли найти применение в ходе военных перевозок в 1938 году. Ведущие чехословацкие автозаводы начали выпуск автомобилей повышенной проходимости. Одним из лучших среди них был тип RV, которым пользовались польская, румынская и югославская армии. Первые серии автомобиля типа RV автозавод «Прага» выпустил уже в 1935 году. Конструкция автомобиля считалась по тому времени самой современной.

Чехословацкая военная промышленность могла обеспечить армию своей страны всем необходимым. Однако представители ее промышленных кругов были заинтересованы скорее в экспорте оружия. Их мало занимало то, что собственная армия испытывала затруднения в отдельных видах вооружений. Отечественная военная промышленность, удельный вес которой на мировом рынке оружия составлял тогда 40 проц., давала для своей армии лишь 20 проц. ежегодной продукции.

Большую роль в отражении агрессии могло сыграть и советско-чехословацкое военное сотрудничество. С момента подписания договора о взаимной помощи 16 мая 1935 года был накоплен опыт обмена информацией, заключен ряд договоров о поставках оружия, состоялись визиты представителей Министерства национальной обороны Чехословакии в СССР. Только в 1938 году состоялось несколько важных встреч. В начале года Генеральный директор федерации заводов Шкода инженер Громадко подписал соглашение о взаимных поставках оружия. В середине года в Прагу прибыла советская военная делегация, которая неоднократно встречалась с представителями МНО и осмотрела приграничные укрепления. Советские специалисты дали рекомендации по их использованию. К концу июля в Москву прибыл чехословацкий авиационный атташе Пекарж, и состоялся обмен информацией о состоянии советской и чехословацкой авиации. В августе 1938 года в Москву снова прибыл Громадко. Он провел серию переговоров о дальнейшем сотрудничестве (Страны Центральной и Юго Восточной Европы во второй мировой войне — С. 224). В августе в СССР по приглашению прибыл командующий чехословацкими ВВС генерал Я. Файфр. В ходе переговоров обсуждался план обороны Чехословакии с помощью Красной Армии. Однако Бенеш и генерал Сыровы высказывались против присутствия Красной Армии на территории Чехословакии. Последний цинично заявил: «Мы будем воевать с немцами либо сами, либо вместе с вами (то есть англичанами) и французами. Мы не хотим, чтобы русские были здесь»(Крал В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша: Пер. с чешек. — М.: Изд-во иностранной литературы. 1955. — С. 205). Антисоветизм явно брал верх над здравым смыслом.

Руководство буржуазной Чехословакии отдало страну на растерзание гитлеровских оккупантов. При надлежащей организации обороны чехословацкая армия могла, действуя самостоятельно, если не задержать, то нанести тяжелый урон захватчикам, а возможно, и сорвать их планы оккупации страны. В случае же обращения за помощью к Советскому Союзу появлялась возможность разгрома и поражения агрессора. Но руководство Чехословакии позорно капитулировало, предало национальные интересы и ввергло страну в более чем шестилетнюю оккупацию, принесшую чешскому и словацкому народам неисчислимые бедствия и страдания.

А. С. СТЕПАНОВ

Присяга Сталина

Партийные вожди, руководители государства и Вооруженных Сил СССР.
Кто из них принимал и как выполнял военную присягу?
Публикуемый документ дает читателю повод к размышлению.

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Подпись И. Сталин

Звание Член Главного Военного Совета РККА

Имя, отчество и фамилия Иосиф Виссарионович СТАЛИН

Наименование части, управления, учреждения _____

23 февраля 1939 г.

(Факсимильная копия)

Оборона Ленинграда. 1941 год

(Документы и комментарии)

В ПЛАНАХ гитлеровского командования Ленинград рассматривался как один из первоочередных объектов, которым соединения вермахта должны были овладеть во что бы то ни стало. В овладении городом Гитлер и его генералы видели ключ ко всей «русской кампании». К северу от Ленинграда были развернуты две финские полевые армии. Основные события на северо-западном направлении с началом войны развернулись в Прибалтике. На северном участке противник перешел в наступление в конце июня 1941 года.

Никто из политического и военного руководства Германии не сомневался в том, что наступление на Ленинград будет проведено быстро, без каких-либо существенных осложнений.

4 июля в связи с угрозой прорыва противника в районе Острова и Пскова и для создания глубоко эшелонированной обороны на дальних подступах к Ленинграду Ставка приказала привлечь для защиты города часть сил Северного фронта:

«Военному совету Северного фронта.

В связи с явной угрозой прорыва противника в районе Остров, Псков немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи.

На этом рубеже и на предполье глубиной 10—15 км создать сплошные заграждения и минные поля, оставив лишь пути для войск Северо-Западного фронта. Собрать больше противотанковых пушек и поставить их в качестве орудий ПТО. Разрешается снять часть дивизионов с противовоздушной обороны округа, включительно до снятия ее с Выборга и других объектов.

Иметь в виду возможность действий мехкорпусов с Ленинграда в южном направлении.

Донесите, какие оборонительные работы фактически проведены по р. Луга и какие части находятся на этом рубеже.

№ 91/НГШ — 4.7.1941 года.

ЖУКОВ».

ЦАОВС, ф 48а, оп. 1554, д. 9. л. 165.

На следующий день из Генерального штаба поступила еще одна директива:

«Военному совету Ленинградского военного округа.

Для прикрытия города Ленинграда и важнейших направлений с юго-запада и юга: Гдов—Кингисепп—Ленинград, Луга—Ленинград, Новгород—Ленинград, Вышний Волочек—Ленинград построить оборонительный рубеж на фронте (иск.) Кингисепп, Толмачево, Огорели, Бабино, Кириши и далее но зап[адному] берегу р. Волхов. Отсечную позицию — на рубеже Луга, Шимск.

Наиболее прочно прикрыть направление Гдов—Ленинград, Луга—Ленинград, Шимск—Ленинград.

Рубеж должен состоять из предполья и дивизионных полос. В дивизионной полосе сооружения строить из местных материалов — дерево-земляные и каменно-земляные, исходя из штатного количества огневых средств стрелковых полков и батальонов. [В] первую очередь строить противотанковые препятствия [с] одновременным строительством сооружений полевого типа.

Для тактико-технического руководства строительством выделить командный и инженерно-технический состав.

Просить Ленинградский областной Совет депутатов трудящихся и Ленинградский областной комитет ВКП(б) за счет строительных организаций и местного населения гор. Ленинграда и Ленинградской области обеспечить строительство рубежа рабочей силой, транспортом, механизмами, инструментом и стройматериалами.

[К] строительству рубежа приступить немедленно. Окончание строительства 15.7.[19]41 г.

ЖУКОВ»

ЦАОВС, ф 48а, оп. 1554, д. 9. л. 165

Руководство боевыми действиями Северного, Северо-Западного фронтов и Балтийского флота с 10 июля по 29 августа 1941 года осуществлялось Главным командованием Северо-Западного направления во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым. 10 июля перешла в наступление финская армия на Онежско-Ладожском перешейке против 7-й армии Северного фронта. Она достигла побережья Ладожского озера, продвинулась на петрозаводском, олонецком и сортовальском направлениях. Но активная оборона советских войск заставила противника приостановить наступление.

Одновременно ударные соединения группы армий «Север» с рубежа Псков, р. Великая без оперативной паузы устремились к Луге и Новгороду, чтобы прорваться к Ленинграду и взять его с ходу. Начались ожесточенные бои на дальних подступах к городу.

8-я армия Северо-Западного фронта, сражавшаяся с первого дня войны с ударными соединениями группы армий «Север», вынуждена была отойти на территорию Эстонии и, по существу, вышла из полосы действий Северо-Западного фронта. Учитывая это, командующий Северо-Западным направлением маршал Ворошилов отдал приказ:

«Командующему Северным фронтом.
Командующему Северо-Западным
фронтом. Командующему
Краснознаменным Балтийским
Военно-Морским флотом.
Копия — для Ставки.

В связи с изменившейся обстановкой приказываю:

1. 8-ю армию передать с 24.00 13.7 [19] 41 в подчинение командующего Северным фронтом с задачей упорно оборонять территорию Эстонской ССР, включая Моонзундские острова.

2. Установить между фронтами следующую границу: Бологое, Новгород, Похонь, Псков — все включительно для Сев[еро]-Зап[адного] фронта.

3. 41 ск передать в подчинение командующего Северным фронтом с 24.00 13.7[19]41. С этого же времени ответственность за оборону направлений Луга, Псков и Гдов возлагаю на командующего Северным фронтом, которому при-

нять все необходимые меры к приведению частей корпуса в боеспособное состояние (Так в документе).

4. Краснознаменному Балтийскому флоту перейти в мое непосредственное подчинение с 24.00 13.7 [19] 41. Задачи оставить прежние.

Главнокомандующий
Северо-Западным направлением
Маршал Советского Союза
К. В. ВОРОШИЛОВ.
Начальник штаба
генерал-майор ЗАХАРОВ»
(ЦАОВС. ф. 249. оп. 3053. д. 1, л, 33).

С выходом немецких войск к лужскому оборонительному рубежу и захватом двух плацдармов на правом берегу реки Луга обстановка резко обострилась. В приказе от 14 июля главнокомандующего войсками Северо-Западного направления подчеркивалось, что над Ленинградом нависла прямая опасность вторжения врага:

«...Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Над городом Ленина — колыбелью пролетарской революции — нависла прямая опасность вторжения врага.

В то время как войска Северного фронта мужественно бьются с озверелыми фашистско-шюцкоровскими (Шюцкор - военизированная организация в Финляндии. Создана в 1921 р. В 1940 г. вошла в состав ВС Финляндии, принимала участие в боях против советских войск. Распущена в 1944 г.) полчищами на линии от Баренцева моря до Ханко и Таллинна, героически защищают каждую пядь нашей родной советской земли, войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение, чем еще больше поощряют обнаглевшего врага. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают паники, не организуют и не ведут свои части в бой, но и своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта.

Обнаглевший враг продолжает продвигаться вперед. Мною даны указания провести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и старые заслуги, предать суду полевых военных трибуналов с применением самого сурового наказания, вплоть до расстрела.

Этим и другим фактам позорного поведения на поле боя противостоит вызывающая восхищение всего мира доблесть и отвага многих наших героических бойцов и политработников, которые с яростью и подобающим честным советским патриотам и воинам мужеством уничтожают наглого врага.

Товарищи, враг не только должен быть приостановлен, но и уничтожен на подступах к нашему великому Ленинграду.

Чтобы нанести сокрушительный удар фашистской сволочи, необходимы воля к победе, энергия, упорство в борьбе и священная большевистская ненависть к гнусному врагу, которого мы обязаны уничтожить во что бы то ни стало и, разумеется, обязательно уничтожим. Сила и мощь нашей Красной Армии должны быть развернуты полностью, необходимо использовать до конца мужество, смелость и геройство, свойственные нашему великому советскому народу.

Приказываю:

1. Командирам корпусов, дивизий и полков навести воинский порядок в частях на фронте и в тылу, положить конец безволию, нерешительности и медлительности в действиях.

Не останавливаться перед крайними мерами, уничтожать трусов и паникеров на месте, если они тем или иным способом будут срывать боевую дисциплину и порядок на фронте.

2. Не отступать ни шагу назад без приказа старшего командира.

3. Командиры, политработники, коммунисты и комсомольцы обязаны своим поведением в бою служить образцом примерного выполнения боевых приказов.

4. Всеми мерами борьбы приостановить дальнейшее вторжение врага на нашу территорию, драться с ним, не щадя своих сил и самой жизни, бить фашистских разбойников там, где они очутились. Наша земля должна стать могилой гитлеровскому фашизму.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, я знаю, я верю, что вы выполните свой священный долг перед Родиной и советским народом!

Мужественно защищайте свою родную советскую землю и славный город Ленина! За вами трудящиеся Ленинграда, за вами весь наш советский народ! За наши боевые успехи! За социалистическую Родину, за нашу честь, за свободу! За великого Сталина! Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, авиаэскадрильях и кораблях, штабах, учреждениях и заведениях.

Главнокомандующий войсками
Сев[еро]-Зап[адного] направления.
Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ.
Член военного совета
А. ЖДАНОВ»
(ЦАОВС. ф. 217. оп. 1221 д. 220 лл. 183 —191).

Напряженные события развернулись на новгородском направлении, где наступал 56-й моторизованный корпус Манштейна. 13 июля его передовые части захватили Сольцы, а на следующий день вышли в районе Шимска к реке Мшага на левый фланг Лужской оперативной группы. Создалась реальная угроза прорыва противника к Новгороду, а затем и к Ленинграду.

Главнокомандующий войсками Северо-Западного направления маршал Ворошилов приказал 11-й армии нанести контрудар по прорвавшемуся противнику. В результате контрудара 8-я танковая дивизия 56-го моторизованного корпуса была окружена, а остальные соединения корпуса вынуждены были отойти. Об этих событиях свидетельствует следующий документ.

«Командующему 27 А.
Копии: Командующему 11 А.

Главкому [войсками]
Северо-Западного направления.
Начальнику Генерального штаба КА.
Штаб СЗФ № 012 Новгород
16.7[19]41, 17 ч. 45 мин.

Первое. Противник силами до одной тд и одной мд окружен и уничтожается в районах Пески, Пирогово, Волоцко, Бараново, Заборовье.

В границах фронта установлено: до двух-трех тд, трех-четырех мд, трех-четырех пд.

Второе. Армии фронта, завершая разгром окруженного противника в районе Сольцы и прочно удерживая рубеж, занимаемый центром и левым флангом 27 А, остальными силами переходят в наступление [и] концентрическими ударами в направлениях Воровичи, Ямкино, Карамышево и Кудяево, Шахново, Славковичи уничтожают порховскую группировку противника.

Третье. 27 А, прочно удерживая фронт по р. Великая, ст. Ващагино, Высоцкое, Репиново, Шумиха, своей подвижной группой в составе 21 мк с 163 мд с рубежа Ратово, Сево, Жукова нанести удар в общем направлении Славковичи и к исходу 17.7 выйти в район Подсевы, Славковичи, Веретени. В дальнейшем нанести удар во фланг и тыл порховско-сольцской группировки противника.

Начало наступления с указанного рубежа — 21.00 16.7[19]41.

В случае выхода 163 мд в район Тирева дальнейшее наступление 163 мд начать с занимаемого рубежа.

Четвертое. Справа действуют части 22 ск.

Пятое. Авиации обеспечить сосредоточение и развертывание подвижной группы, по требованию командира 21 мк вести работу на поле боя и не допустить подхода новых сил противника с островского направления на восток.

Шестое. Станция снабжения — до выхода 21 мк в район Сево, Кудяево, Заблудовка — ст. Сущево, после — ст. Дно. Части подвижной группы обеспечить боеприпасами, горючим, продовольствием до нормы.

За командующего войсками СЗФ
генерал-лейтенант Н. ВАТУТИН.
Член военного совета СЗФ
генерал-майор БОЧКОВ.
За начальника штаба СЗФ
генерал-майор СУХОМЛИН»
(Там же, ф. 221 оп. 3928. д. 1. л. 43).

19 июля немецкое командование приказало войскам группы армий «Север» прекратить наступление на Ленинград и возобновить его только после подтягивания к лужскому рубежу соединений 18-й армии и приведения в порядок 4-й танковой группы, которая потеряла к этому времени до 50 проц. материальной части. В то же время гитлеровцы решили активизировать действия своей авиации. Об этом говорится в директиве Ставки ВГК № 00413 от 18.7[19]41 года о мерах по предотвращению воздушного нападения на Ленинград:

«Главнокомандующему [войсками]
Северо-Западного направления,
командующему Балтийским
Военно-Морским Флотом,
командующим фронтами:
Северным и Северо-Западным,
командующему ВВС Красной Армии.

По показаниям пленных немецких летчиков, немцы готовят большое воздушное нападение на Ленинград.

Ставка Верховного Командования приказывает:

1. Вести систематическую разведку в расположении противника на глубину до 300 км, начиная с 18.7[19]41. Разведкой своевременно выявить подготовку операции, районы сосредоточения ВВС немцев.

2. Подготовить удар по аэродромам противника перед началом его операции с целью истребления его самолетов.

3. Организовать взаимодействие истребительной авиации ПВО Северного и Северо-Западного фронта, ВВС, КБФ с зенитными средствами как днем, так и ночью на подступах Ленинграда.

4. Организовать тщательный контроль за состоянием службы ВНОС и всей системы ПВО. Обеспечить свободу маневра истребительной авиации ПВО, фронтовой и ВВС КБФ, выводом бомбардировочной авиации с аэродромов зоны ПВО.

ЖУКОВ»
(Там же, ф. 217. оп. 2970. д. 16. л. 95).

Важную роль в срыве вражеских планов по овладению Ленинградом с ходу сыграли войска 8-й армии, оборонявшиеся в Эстонии. Немецко-фашистское командование рассчитывало, что 8-я армия не сможет оказать серьезного сопротивления. Поэтому для действия в Эстонии оно направило только две пехотные дивизии 26-го армейского корпуса и части 58-й пехотной дивизии. Однако противнику не удалось в короткий срок выйти на побережье Финского залива и овладеть Таллинном. Враг оказался вынужденным с 17 июля приостановить свое наступление; для его возобновления потребовалось перебросить в Эстонию еще три пехотные дивизии.

22 июля противник возобновил наступление против 8-й армии. С 23 по 25 июля продолжались ожесточенные бои. Попытки противника развить успех в направлении Пайде были отражены частями 10-го стрелкового корпуса. Зато на направлении Пыльтсама, Муствэ вражеские войска почти не встречали сопротивления. Они быстро продвигались на восток и к 25 июля достигли западного побережья Чудского озера в районе Муствэ. 11-й стрелковый корпус оказался отрезанным от главных сил армии. В этот же день командование Северного фронта направило военному совету 8-й армии шифрограмму следующего содержания:

«Сов. секретно. Шифром.

Расшифровать и вручить немедленно. Военному совету 8-й армии

1. Перед фронтом вашей армии действуют дивизии резервного 26-го корпуса, имеющие чрезвычайно растянутые и пустые тылы.

Противник действует дерзко, нахально, выходя небольшими частями на наши коммуникации, создавая лишь видимость окружения.

Этот противник при умелом активном руководстве нашими войсками может и должен уничтожаться. Однако вместо активных действий командование всех степеней крайне болезненно реагирует на появление в своем тылу небольших группировок противника и отводит войска, вместо того чтобы их организовать для активного разгрома противника, выходящего на тылы.

2. Главком Ворошилов требует от нас организации четкого и волевого управления войсками, чтобы направить их усилия на разгром врага, где бы он ни появлялся.

3. Во исполнение указаний главкома приказываю:

1) Прекратить необоснованный отход войск, не допускать оборону кордонным расположением и перейти к активным действиям ударными группировками по флангам и тылам прорывающегося противника.

2) На участке 10 ск создать ударную группу с целью противодействия прорывам противника и его решительного подавления.

Ваша задача: объединить и организовать войска, отводимые вами на рубеж Ст. Педья, Логовезь, создать из них ударную группировку в районе Педья, усилив ее подаваемым вам пополнением, и решительными действиями 27—28.7[19]41 в южном и юго-восточном направлениях, во фланг и тылы 254 пд немцев, уничтожить ее. Руководство этой операцией возлагаю на вас. Одновременно с этим, создав ударную группу частей 10 ск, активно действовать по флангам и тылам противника, последовательно и по частям уничтожать его.

4) Для усиления 8-й армии вам придается три маршевых батальона, две батареи, рота танков и бронемашин, батальон морской пехоты. Кроме того, на аэродром в районе Таллинна распоряжением адмирала Исакова для взаимодействия с вами подсаживается эскадрилья штурмовиков.

Перечисленное прибудет к вам в течение 25—26.7[19]41.

Станция выгрузки в вашем распоряжении.

5) Отданные распоряжения и план операции донести 25.7 [19]41 22.00 шифром.

№ 5053.

ПОПОВ, НИКИШЕВ, КЛЕМЕНТЬЕВ»

(Там же, оп. 1221. д. 220, лл. 232—234).

Командующий Северным фронтом, учитывая сложность обстановки в полосе 8-й армии, во избежание разгрома ее соединений по частям 1 августа приказал командующему армией отвести войска на линию Мяннику (65 км южнее Таллинна), Кихме (25 км юго-запад [нее] Тапа), Сауэаугу (14 км юго-вост[очнее] Раквере) и прочно удерживать этот рубеж.

Немецкие войска, перегруппировав свои силы, возобновили наступление. Соединения 8-й армии, оборонявшиеся на направлении Тапа, Кунда, подверглись сильным ударам авиации и артиллерии противника и не смогли препятствовать его продвижению. К исходу дня 7 августа противник вышел к побережью Финского залива в районе Кунда. 8-я армия оказалась разобщенной на две изолированные части. 10-й стрелковый корпус совместно с Краснознаменным Балтийским флотом и ее управление продолжали вести бои на нарвско-ленинградском направлении. Три документа, представленные ниже, отражают эту обстановку.

«Серия Г

Особой важности.

Командующему 8-й армией

генерал-лейтенанту тов. Пшенникову

Копия: Главкому [войсками]

Северо-Западного направления.

Ваше решение на отход на рубеж р. Кунда считаю неправильным и не отвечающим обстановке.

Перед Вами поставлена активная задача по уничтожению и разгрому впереди стоящего противника. Эту задачу Вы должны выполнить во что бы то ни стало.

Выдвижение Вами значительного количества войск 118 и 208 сд в оборону говорит за Ваш отказ от активных действий.

Приказываю:

1. Прочно удерживая рубеж р. Лобу, не допустить противника в северо-восточном и восточном направлении.

2. Частями созданной ударной группировки (118, 268 сд и 10 ск) выполнить ранее поставленную перед Вами задачу по уничтожению противника в районе Тапа.

Ваше решение донести немедленно. № 105/оп.

ПОПОВ, КЛЕМЕНТЬЕВ, ГОРОДЕЦКИЙ»

(Там же, л. 246).

Генерал-лейтенант М. М. Попов — командующий Северным фронтом (24.6.41 г. — 26.8.41 г.); корпусной комиссар Н. Н. Клементьев — член военного совета фронта (24.6.41 г. — 26.8.41): генерал-майор Д. Н. Никишев — начальник штаба СФ (24.6.41 г. — 23.8.41 г.): полковник Н. В. Городецкий — начальник штаба СФ (23.8.41 г. — 26.8.41 г.).

«Шифром

ОКА Пшенникову

Копия: Начальнику штаба

главкома [войсками]

Сев[еро]-Зап[адного] направления.

1. Шифровки Ваши получены [в] 7.30 сегодня. Из них понял, что Вы не выполняете указаний главкома, мотивируя это сложившейся обстановкой, т. е. попыткой противника окружить Вашу группировку в районе Раквере.

2. Считаю дальнейший отход как ракверевской группировки, так и Николаева недопустимым и преступным, ибо создаются благоприятные условия для противника, дающие ему возможность бить вас по частям.

3. Боевой порядок ракверевской группировки построен без учета выполнения указаний главкома по разгрому ракверевской группировки. Это надо немедленно перестроить. Для чего необходимо:

а) рубеж р. Кунда как можно серьезнее укрепить и занять его остатками 11 ск;

б) 118 и 268 сд собрать для удара с целью разгрома противника, который уже серьезно потрепан предыдущими боями. Сейчас группировка этому не отвечает, 118 и 268 сд связаны и к тому же 268 сд может быть зажата в лесу, т. е. не выйдет для контрудара;

в) 10 ск должен не отходить на Таллинн, а наступать на восток, с тем чтобы содействовать Вам в разгроме противника. Если Вы этого не организуете, то положение для Вас резко ухудшится и Вы противнику развяжете руки.

4. Командующий фронтом требует от Вас плана действий на ближайшее будущее, точное положение противника и своих войск.

Эти данные передать не позднее 17 часов сегодня.

НИКИШЕВ № 67 7.8. 41 г.

(Там же, лл. 247—248).

Публикацию подготовил полковник Б. Н. ПЕТРОВ, кандидат исторических наук

(Окончание следует)

ВИЖ № 6-7 1992

Окончание. См. Военно-исторический журнал. — 1992. — № 4—5.

«Шифром

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 67

Командующему 8-й армией

Штаб Севернбго фронта

7.8.[19]41 г. 23.45

карта 100 000

1. Изучив обстановку фронта армии, военный совет признает Ваши действия неправильными и идущими вразрез с указаниями Главкома и командующего фронтом.

Ваши приказы на непрерывный отвод войск не направлены на то, чтобы беспощадно бить зарвавшегося и уже потрепанного врага, а наоборот, могут вселить в войска неуверенность в своих силах.

Считаю, что Ваша оценка состояния войск ошибочна. Войска при твердом руководстве и политическом обеспечении могут и должны уничтожать противника.

2. Приказываю:

1) в течение ночи на 8.8. [19] 41, днем 8.8. [19] 41, восстановить положение на участке 118 сд и силами восточной группы армий занять и прочно оборонять рубеж по восточному берегу р. Кунда;

2) принять все меры к созданию в кратчайший срок на оборонительном рубеже противотанковых и противопехотных препятствий;

3) оборону на р. Кунда рассматривать как исходный рубеж для последующего перехода к решительным действиям против тапа-ракверевской группировки противника;

4) потребовать от 10 ск активных действий против противника, действующего на его левом фланге, с целью разгрома противника по частям и нанесения ему максимального урона.

Командиру 10 ск вынести свой командный пункт в район ударной группы и лично руководить боевыми действиями корпуса;

5) Вам лично с членом военного совета возглавить руководство действиями частей восточной группы армии, для чего с оперативной группой командиров штаба выехать ближе к войскам, примерно в район Сайда, имея прочную связь с основным штабом.

Одному из членов военного совета армии с группой политработников находиться непосредственно в частях 118 сд;

6) разъяснить всему личному составу войск армии важность и ответственность задач, возложенных на армию по разгрому тапской группы противника.

На основе этого и примерах боевых действий частей армии поднимать боевой дух бойцов и командиров и волю к победе над зарвавшимся врагом;

7) о принятых мерах и отданных распоряжениях немедленно донести.

Командующий войсками Северного фронта генерал-лейтенант ПОПОВ

Член военного совета СФ дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ

Начальник штаба СФ генерал-майор НИКИШЕВ»

(ЦАОВС, ф. 217. оп. 1221, д. 220. лл. 248—250)

С выходом противника на южный берег Финского залива наши морские коммуникации оказались под ударами вражеской авиации, базировавшейся на обоих его берегах. Корабли Балтийского флота с войсками на борту совершили исключительный по трудности прорыв через заминированный Финский залив из Таллинна в Кронштадт.

Вынудив противника 19 июля прекратить наступление на лужском рубеже, советские войска выиграли некоторое время для организации обороны на ближних подступах к Ленинграду, а также для подтягивания туда свежих сил.

Однако немецкое руководство по-прежнему верило в реальность своих замыслов о захвате города на Неве. В гитлеровской ставке детально спланировали очередное наступление на Ленинград, наметив его на конец июля — начало августа. В свою очередь Ставка Верховного Главнокомандования планировала контрнаступление. В нем должны были участвовать войска Северо-Западного и Северного фронтов для окружения и разгрома готовившейся к наступлению на Ленинград группировки противника на новгородском направлении. В дальнейшем предполагалось, овладев рубежом Псков, Остров, выйти на р. Великая. Наступление намечалось на 3—4 августа, но потом было перенесено на 12 августа. Приводим документ, относящийся к этой операции,

«Особо важная

Экз. единств [енный] Командующему Северо-Западным фронтом

Командующему Резервным фронтом

Командующему Западным фронтом

Главкому [войсками] Северо-Западного направления

6 августа 1941 г.

2 час. 20 мин.

В целях проведения операции на порховском направлении Ставка приказывает:

1. 34-ю армию Резервного фронта с 20 часов 6.8, в составе 254-й, 245-й, 262-й и 257-й стрелковых дивизий, 25-й и 54-й кавалерийских дивизий, 264, 644 кап, 171, 759 ап ПТО, 16-го и 59-го бронепоездов передать в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом.

2. Армию не раздергивать (Так в документе) по частям, а иметь как ударный кулак для проведения указанной операции.

3. Разгранлиния между Северо-Западным, Западным и Резервным фронтами — Лихославль, север, берег оз. Селигер, ст. Нарва.

4. Получение подтвердить. Командующему Сев[еро]-Зап[адным] фронтом представить план на Порхов, Псков.

Ставка Верховного Командования

И. СТАЛИН

В. ШАПОШНИКОВ»

(Там же, ф. 132 А, оп. 2642, д. 29, л. 42)

Наиболее мощный удар по Ленинграду гитлеровцы нанесли с Юга и Юго-Запада. Противнику удалось прорвать Лужскую линию обороны. В этих трудных условиях главное командование Северо-Западного направления силами 34-й и 11-й армий осуществило контрудар под Старой Руссой. При поддержке дальней бомбардировочной и фронтовой авиация советские войска продвинулись на 60 км и создали угрозу тылу группировки противника, наступавшей на Новгород.

Командование вермахта вынуждено было перебросить в район Старой Руссы две моторизованные дивизии из-под Новгорода и Луги, 39-й моторизованный корпус со смоленского направления и сосредоточить здесь усилия 8-го авиационного корпуса. Под натиском этих сил советские войска к 25 августа отошли на реку Ловать, причем только что созданная 34-я армия отходила неорганизованно, потеряв около 60 проц. личного состава и свыше 80 проц. боевой техники (Там же, ф. 221. оп. 3928, д. 51, л. 256).

За незавершенность операции Ставка возложила вину на армейское и фронтовое командование. Командовать Северо-Западным фронтом вместо генерал-майора П. П. Собенникова стал генерал-лейтенант П. А. Курочкин, были понижены в должности командующие 34-й и 48-й армиями, а несколько командиров дивизий отданы под суд.

16 августа противник овладел западными районами Новгорода и попытался с ходу захватить восточную часть города. По этому случаю из Ставки была послана телеграмма:

«Командующему СЗФ и Ватутину

(с 30.07-НШСЗФ) 18.8[19]41.

3 час. 40 мин.

Ставка считает, что наиболее опасное направление противника — восточное направление в сторону западнее Чудово, Мал. Вишера и далее через р. Волхов.

Ликвидировать эту опасность вполне возможно, т. к. у немцев сил здесь немного, подброшенные нами три дивизии при умелом руководстве могли бы ликвидировать эту опасность.

Ставка приказывает:

1. Собрать в кулак части действующие и подошедшие дивизии и вышибить противника из Новгорода.

2. Не допускать перехода и распространения противника на восточный берег р. Волхов, прочно удерживать за нами район Новгород, Чудово, Тосно.

№ 001030

По поручению Ставки ШАПОШНИКОВ, ВЫШИНСКИЙ»

(Там же, оп. 2467. д. 20, л. 71)

Однако обстановка продолжала ухудшаться. Линия фронта неумолимо приближалась к Ленинграду. 20 августа немецкие войска заняли станцию Чудово и перерезали железную дорогу, связывающую Ленинград с Москвой. И военный совет войск Северо-Западного направления принимает такие меры:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ВОЙСК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОЕННОГО СОВЕТА ОБОРОНЫ Г. ЛЕНИНГРАДА

№ 38 24 августа 1941 г.

В целях мобилизации всех сил г. Ленинграда для организации обороны города против непосредственной угрозы со стороны немецко-фашистских войск военный совет войск Северо-Западного направления постановляет:

1. Создать военный совет обороны г. Ленинграда в составе: тт. Ворошилов К. Е., Жданов А. А., Кузнецов А. А., Попков П. С., Субботин А. И., Капустин Я. Ф.

2. Все решения и распоряжения военного совета обороны г. Ленинграда подлежат беспрекословному выполнению всеми партийными, советскими и хозяйственными организациями г. Ленинграда и всеми гражданами.

Главнокомандующий войсками

Северо-Западного направления

Маршал Советского Союза

К. ВОРОШИЛОВ

Член военного совета войск Северо-Западного

направления А. ЖДАНОВ»

(Там же. ф. 249. оп. 33408. д. 1. л. 83)

Тяжелая обстановка сложилась и на северных рубежах обороны Ленинграда. 15 августа финны, сломив сопротивление 115-й стрелковой дивизии 23-й армии, вышли к р. Вуокса и форсировали ее в районе восточнее Выборга. Над выборгской группировкой советских войск нависла угроза окружения. 24 августа противник южнее Выборга высадил десант и перерезал приморскую железную дорогу и шоссе. В результате выборгская группировка наших войск была обойдена с юга и юго-востока. В связи с обострившейся обстановкой командование Ленинградского фронта отдало следующие указания:

«Военному совету 23-й армии
25 августа 1941 г.

1. Противник силами не менее пехотной дивизии, форсировав р. Вуокса 18—19.8 [19] 41, безнаказанно развивал наступление в направлении ст. Хейниоки и к исходу 23.8. [19] 41 вышел на фронт Муккамяки, Савастила, ст. Хейниоки, Туокна.

24.8. [19] 41 противник форсировал р. Салменкайта и центр оз. Яюрянян-Ярви и занял передний край тылового оборонительного рубежа армии, южнее р. Салменкайта. К исходу 24.8.[19]41 и в ночь на 25.8. [19] 41 противник высадил десант на полуостров Лиханиеми и район Кайелахти без какого бы то ни было сопротивления наших войск.

2. Контрнаступление 23-й армии силами 115-й и 123-й дивизий 24.8.[19]41 ожидаемых результатов не дало, и дивизии с утра 24.8. [19] 41 топчутся на месте. Должного и стремительного отпора противнику на р. Салменкайта организовано не было, а также принято надлежащих мер на побережье Финского залива.

3. Такое положение больше является нетерпимым. Совершенно недопустимыми являются действия командира 43 сд генерал-майора Кирпичникова, безнаказанно допустившего противника на ближайшие подступы к Выборгу.

Приказываю:

1. Прочно удерживать занимаемый рубеж 43 сд в районе Выборг и предупредить командира и комиссара 43 сд, что они несут персональную ответственность по законам военного времени за малейший отход на своем участке.

2. Выбить десант противника из Кейслахти и с полуострова Лиханиеми. Установить связь береговой обороны и немедленно организовать оборону побережья.

3. Перейдя к обороне на участке ст. Пилкула, Моккюля, произвести перегруппировку за счет 115 сд и нанести короткий удар 123 сд и овладеть Кокряла и ст. Хайниоки, выйдя на линию озер Яюряпян-Ярви, Люкксюля, где немедленно приступить к закреплению.

4. Во что бы то ни стало отбросить противника к утру 25.8. [19] 41 на сев[ерный] берег р. Салменкайта и сев[еро]-зап[адный] берег в центре оз. Яюряпян-Ярви.

5. Прочно удерживать и неустанно укреплять оборонительный рубеж по р. Тайпален-Иоки, оз. Суванто-Ярви, оз. Вуокса, обратив особое внимание на удержание и оборону переправ через р. Тайпален-Иоки у Кивиниеми и у Юмеменапайка, и ликвидировать всякую попытку противника переправиться на южный берег этой водной системы.

Для этой цели к утру 26.8[19]41 сформировать подвижной истребительный отряд силой до роты, с пулеметами и минометами на автомашинах.

6. Военный совет фронта обращает внимание на недопустимо слабую организацию разведки, следствием чего безнаказанным до настоящего времени остался противник в районе р. Салменкайта, оз. Куса.

7. Требуем разъяснить всему личному составу, что мы вступили в самый решительный этап борьбы. В этой борьбе на личный состав 23-й армии возложена ответственная задача обеспечения северных подступов к Ленинграду. Личный состав должен напрячь все свои силы и мужество и дать достойный отпор врагу.

8. События последних дней показывают, что военный совет 23-й армии и штаб армии не проявляют достаточной гибкости в управлении и настойчивости в организации по проведению операции и не ощущают всей остроты борьбы, завязавшейся на ближних северных подступах к Ленинграду.

Военный совет фронта требует от военного совета 23-й армии четкого и беспрекословного выполнения всех задач, возлагаемых на армию.

ПОПОВ, ГОРОДЕЦКИЙ, КЛЕМЕНТЬЕВ»

(Там же, ф. 217. оп. 1221, д. 220, лл. 143—145)

Генерал-лейтенант М М. Попов — командующий Ленинградским фронтом, полковник Н. В. Городецкий — начальник штаба, Н Н. Клементьев — корпусной комиссар, член военного совета фронта

На южных подступах к Ленинграду противник 28 августа занял Тосно, что вызвало крайнее беспокойство Ставки, так как до Ленинграда оставалось менее 50 км.

Недовольство Сталина действиями командования Ленинградского фронта было выражено в требованиях Ставки:

«Командующему Ленинградским
фронтом Попову, члену военного совета
28 августа 1941 г.

Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всяческими ужасами насчет прорывов, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а будете только статистом, передающим жалобы армий, Вам придется тогда через несколько дней сдавать Ленинград, но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предложениям.

Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает Вам оголять Лужскую губу и отдавать ее противнику. Если даже придется 8-й армии чуточку отступить, то она все же во что бы то ни стало должна прикрыть Лужскую губу вместе с полуостровом.

Ставка требует, чтобы Вы наконец перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую Вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск.

СТАЛИН, ШАПОШНИКОВ»

(Там же, ф. 132, оп. 2642. д. 41. л. 49)

В конце августа в Ленинград из Москвы прибыла комиссия во главе с В. М. Молотовым, которая наряду с оказанием практической помощи по организации обороны города должна была определить, можно ли оставлять Ворошилова (с 5 сентября — командующего Ленинградским фронтом) в качестве руководителя обороны Ленинграда. И она пришла к однозначному выводу — нельзя. В Ленинград срочно направляется Жуков, сменивший Ворошилова на этом посту:

«Главкому Ленинградским фронтом
Командующему Резервным фронтом
11 сентября 1941 г. 19 час. 10 мин.

1. Освободить Маршала Советского Союза тов. Ворошилова от обязанностей главнокомандующего Ленинградским фронтом.

2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии тов. Жукова с освобождением его от обязанностей командующего Резервным фронтом.

3. Тов. Ворошилову сдать дела фронта , а тов. Жукову принять в течение 24 часов [начав отсчет] с часа прибытия в Ленинград тов. Жукова.

Генерал-лейтенанта Хозина назначить начальником штаба Ленинградского фронта.

СТАЛИН, Б. ШАПОШНИКОВ»

(Там же, д. 30, л. 35)

Посылая Жукова в Ленинград, Сталин не был уверен в возможности отстоять город. Уже были подготовлены к уничтожению корабли Балтийского флота.

«...**ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ НА СЛУЧАЙ ВЫНУЖДЕННОГО ОТХОДА ИЗ ЛЕНИНГРАДА ПО КОРАБЛЯМ И СУДАМ**

1. Общие положения

1. В случае вынужденного отхода из Ленинграда все корабли военного флота, торговые, промысловые и технические суда подлежат уничтожению.

2. Уничтожение производится с целью:

а) не дать возможность использовать их противнику;

б) исключить возможность плавания противнику в районе Кронштадт—Ленинград и использования им фарватеров, рейдов, гаваней и каналов.

3. Уничтожение производится с максимально возможными разрушениями на возможно длительный период, т. е. объекты и корабли взрываются и топятся.

4. Уничтожение производится по строго последовательному плану с момента дачи сигнала Главным Командованием...» (Там же, д. 225. лл. 83—85. Документ написан от руки. Публикуется не полностью. На титульном листе резолюция: «Утверждено. 13.9.41. И. Сталин»)

8 сентября немецкие войска овладели Шлиссельбургом (Петрокрепостью). С выходом противника к Ладожскому озеру и верховью Невы Ленинград оказался плотно блокированным вражескими войсками. Еще 4 сентября немцы начали обстрел Ленинграда крупнокалиберными 240-мм орудиями. Через четыре дня фашистская авиация совершила первый массированный налет на город. Бомбардировке подверглись главным образом гражданские объекты.

6 сентября была подписана директива № 35, по которой командованию группы армий «Север» совместно с войсками юго-восточной армии финнов предлагалось полностью завершить окружение Ленинграда и не позднее 15 сентября передать значительную часть подвижных соединений и авиации группе армий «Центр».

Наступление противника началось 9 сентября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Захватив Дудергоф и Красное Село, немцы 13 сентября вышли к Пулковскому оборонительному рубежу. Линия фронта вплотную приблизилась к Ленинграду. В связи с угрозой противника прорваться туда через Урицк командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г. К. Жуков отдал командующему 42-й армией генерал-майору И. И. Федюнинскому следующий приказ:

«Командующему 42-й армией.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 0054 ШТАБ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

16.9.41 г. 23 ч. 50 м.

1. Задачи армии на 17.9 — не допустить противника к Финскому заливу в направлении Урицк, Петергоф и захвата Пулковских высот.

Приказываю:

а) перемалывать противника в районах Старо-Паново, Каупилово—Горелово, Константиновка, Финское Койрово артиллерийским огнем и систематическим воздействием авиации, подготавливая тем самым условия для ликвидации прорвавшейся к Ленинграду группировки противника и восстановления положения;

б) 21 сд выделить на рубеж отм. 10,5, отм. 16,2, Ново-Койрово, отм. 20,3, Кискино передовые отряды с задачей не допустить прорыва противника вдоль Литовского канала;

в) в течение ночи районы Урицк, Сосновая Поляна, Ивановка очистить от мелких групп противника и освободить дорогу Ленинград — Стрельна.

2. Правее 8-я армия восстанавливает положение на своем левом фланге.

Левее 55 А, закрепившись на занимаемых рубежах, имеет задачей не допустить прорыва противника в направлении Александровка, Шушары и вдоль Московского шоссе.

Граница с ней: Рыбацкое, Пулково, Рехколово, (иск.) Тайцы, Поккизенкурсково.

3. Командующему Балтийским флотом, командующему ВВС и начальнику артиллерии Лен[инградского] фронта разработать план взаимодействия сил и средств в соответствии с задачей, поставленной перед армией, и дать необходимые указания.

4. О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

Командующий Ленинградским
фронтом генерал армии ЖУКОВ
Член военного совета ЛФ
секретарь ЦК ВКП(б)
ЖДАНОВ»

(Там же, ф. 217. оп. 201172, д. 93. лл. 66—67)

Генерал армии Жуков, считая ситуацию исключительно опасной, стремился прежде всего вернуть войскам уверенность в своих силах и возможностях. Начало моральному перелому положил суровый приказ военного совета фронта 42-й и 55-й армиям:

«Военным советам 42-й и 55-й армий

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 0064 ШТАБА ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

17.9. [19] 41 г. Карта 100 000

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа: Лигово, Кискино, Верх. Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12.00 18.9.[19]41.

Командующий войсками Ленфронта
Герой Советского Союза
генерал армии ЖУКОВ
Член военного совета ЛФ
секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ
Член военного совета ЛФ дивизионный комиссар
КУЗНЕЦОВ
Начальник штаба Ленфронта генерал-лейтенант ХОЗИН»
(Там же, оп. 1221, д 220, л. 307)

Угроза сурового наказания была выполнена лишь в единичных случаях. Большинство воинов сражалось мужественно, стояло насмерть. О накале борьбы в эти дни свидетельствует донесение Жукова Сталину:

«Шифром
Народному комиссару обороны тов. Сталину И. В.
Карта 100 000

В течение 17.9. [19] 41 шли упорные бои на всем фронте, южнее Ленинграда. Особенно ожесточенные бои шли в районе Разбегай, Стрельна, Урицк. Здесь противник в дополнение к пяти ранее наступавшим дивизиям ввел в бой еще одну пехотную дивизию (58 пд). В результате левый фланг 8 А был оттеснен противником к Стрельна. Правофланговые части 42 А оставили было Урицк, но потом контратакой вновь овладели этим пунктом. Продолжается очистка от мелких групп противника района Иваново, Сосновая Поляна.

Противник также вел настойчивые атаки в направлении Пушкин, где дополнительно к ранее наступавшим четырем пехотным и одной танковой дивизиям ввел в бой еще одну пехотную и одну танковую дивизии.

В результате ожесточенных боев части 55-й армии были потеснены и к концу дня вели бои в северо-восточной части Пушкин и вдоль шоссе на Путролово.

Авиация противника действовала главным образом на поле боя, особенно активно на фронте 55-й армии, где участвовало до 200 самолетов. Произведены также три авианалета на правый берег р. Нева в районе Пороги. Наша авиация штурмовала и бомбила скопления войск противника и подходящие его колонны.

Войскам фронта на 18.9. [19] 41 поставлены задачи: 8-й армии — силами не менее пяти дивизий нанести удар с рубежа Хавони, Павкуля на Красное Село; 42-й армии — упорно оборонять занимаемый рубеж; 55-й армии — восстановить утраченное положение.

ЖУКОВ, ЖДАНОВ»
(Там же, оп. 2970. д. 6, л. 310)

С выходом противника к пос. Володарского и Урицку левый фланг его ударной группировки оказался растянутым. Учитывая это, Жуков решил силами 8-й армии нанести контрудар во вражеский фланг. Однако, осуществив перегруппировку, противник 20 сентября силой до четырех дивизий начал наступление против левофланговых войск 8-й армии, наносивших контрудар. Врагу удалось не только остановить продвижение наших войск, но и оттеснить их. 22 сентября Жуков направил командованию 8-й армии телеграмму следующего содержания:

«Молния. Шифром
ЩЕРБАКОВУ, ЧУХНОВУ, ШЕВАЛДИНУ, КОКОРЕВУ

Если 8-я армия допустит захват немцами Петергофа, немцы нам разгромят Кронштадт.

8-я армия своими действиями не только подводит Ленинградский фронт, но играет предательскую роль. В то время как 23, 42, 55 А блестяще отражают все атаки немцев, нанося им громаднейшие потери, 8-я армия, имея против себя 3—4 тысячи немцев с 10—20 танками, позорно разбегается при первом выстреле. Военный совет бездействует, настроен больше на эвакуацию, а не на упорный бой. Такой военный совет вполне заслужил суровой кары, вплоть до расстрела.

Я требую: Щербакову, Чухнову, Кокореву выехать в 2 дно, 11 сд, 10 сд и лично вести их в бой. Шевалдину и Кокореву предупредить командиров всех степеней, что они за самовольное оставление Петергофа и оборонительных позиций южнее Петергофа будут расстреляны, как трусы и изменники. Всем объявить — НИ ОДНОГО ШАГУ НАЗАД.

Командующий фронтом ЖУКОВ
Член военного совета ЖДАНОВ»
(Там же, оп. 1221, д. 220 л. 389)

В заключение вниманию читателей предлагается и документ, составленный лично Сталиным.

«Ленинград
ЖУКОВУ, ЖДАНОВУ, КУЗНЕЦОВУ, МЕРКУЛОВУ

Говорят, что немецкие мерзавцы, идя на Ленинград, посылают впереди своих войск делегатов от занятых ими районов — стариков, старух, женщин и детей — с просьбой к большевикам сдать Ленинград и установить мир.

Говорят, что среди ленинградских большевиков нашлись люди, которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам. Я считаю, что если такие люди имеются среди большевиков, то их надо уничтожать в первую очередь, ибо они опаснее немецких фашистов.

Мой ответ: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам. Война неумолима, и она приносит поражение в первую очередь тем, кто проявил слабость и допустил колебания. Если кто-либо в наших рядах допустит колебания, тот будет основным виновником падения Ленинграда.

Бейте во всю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, костите врагов, все равно являются ли они вольными или невольными врагами. Никакой пощады ни немецким мерзавцам, ни их делегатам, кто бы они ни были.

Просьба довести до сведения командиров и комиссаров дивизий и полков, а также до военного совета Балтфлота и командиров и комиссаров кораблей.

И. СТАЛИН 21 сентября 1941 г. 4 ч. 10 м.

Продиктовано по телефону т. Сталиным в 4 часа 21 сентября.

Б. ШАПОШНИКОВ»

(Там же, ф. 132, оп. 2642, л. 38)

Почти весь сентябрь 1941 года немцы предпринимали яростные атаки, пытаясь прорваться к Ленинграду, но так и не смогли это сделать.

25 сентября командующий группой армий «Север» фельдмаршал Лееб вынужден был сообщить в ставку, что имеющимися силами продолжать наступление не может. Под Ленинградом впервые в ходе войны немецкие войска были вынуждены перейти от стратегического наступления к длительной позиционной осаде. И главная ставка уже делалась на то, чтобы задушить Ленинград в тисках полной блокады.

Полковник Б. Н. ПЕТРОВ, кандидат исторических наук

От редакции. Для более полного представления событий, описанных в статье полковника Б. Н. Петрова, публикуем воинские звания, фамилии и инициалы командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, упоминающихся в документах и участвовавших в боевых действиях при обороне Ленинграда.

Командующие армиями:

34-я — генерал-майор К. М. Качанов.

11-я — генерал-лейтенант В. И. Морозов.

48-я — генерал-лейтенант С. Д. Акимов.

23-я — генерал-лейтенант П. С. Пшенников, до 6.8.41. — генерал-лейтенант М. Н. Герасимов, до 8.9.41 г.

42-я — генерал-майор В. И. Щербаков до 1.9.41 г. — генерал-лейтенант Ф. С. Иванов до 15.9.41 г.

55-я — генерал-майор И. Г. Лазарев.

8-я — генерал-лейтенант Ф. С. Иванов до 24.7.41 г. — генерал-майор И. М. Любовцев до 1.8.41 г. — генерал-лейтенант П. С. Пшенников до 1.9.41 г.

Командир корпуса:

10-й ск — генерал-майор И. Ф. Николаев.

Командиры стрелковых дивизий:

254-я — генерал-майор П. Н. Похазников.

245-я — полковник В. Н. Ничушкин.

262-я — полковник М. С. Терещенко.

257-я — генерал-майор В. К. Урбанович.

115-я — генерал-майор В, Ф. Коньков.

123-я — полковник Е. Е. Цуканов. 21-я — полковник П. В. Гнедин.

10 сд — генерал-майор И. И. Фадеев.

2 дно — генерал-майор И. М. Любовцев.

11-я — генерал-майор Н. А. Соколов.

118-я — генерал-майор Н. М. Гловацкий до 19.8.41 г. — полковник А. И. Сафронов до 27.9.41 г.

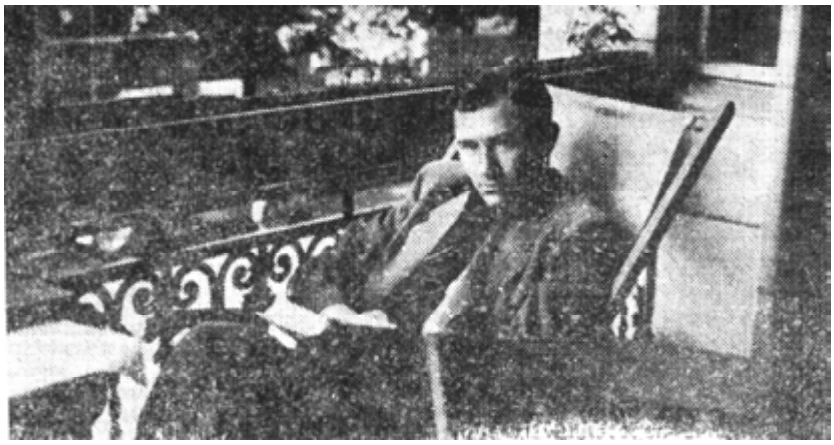
Командиры кавалерийских дивизий:

25-я — комбриг Н. И. Гусев.

54-я — полковник Ю. В. Вальц.

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ (1937-1941)

В этом номере «Военно-исторического журнала» мы познакомим читателей с воспоминаниями легендарного советского разведчика подполковника в отставке Николая Максимовича Зайцева, который в предвоенные годы работал в Германии. Он награжден четырьмя орденами Отечественной войны, орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В очень трудное время Зайцев честно выполнил свой долг советского разведчика.



Таким был разведчик Н. М. Зайцев в 1940 году.

ВМЕСТЕ С АЛЬТОЙ

Дежурный комендант

В БЕРЛИН я прибыл в марте 1937 года в качестве дежурного коменданта торгпредства. Он мне показался обычным капиталистическим городом со множеством магазинов, в которых от безделья скучали продавцы из-за отсутствия покупателей, обилием полицейских, транспорта. Но это впечатление было чисто внешним. Уже через несколько дней, присмотревшись, понял, что в городе идет напряженная внутренняя жизнь. Часто натыкался на объявления, в которых сообщалось, что такой-то за коммунистическую и антинародную деятельность приговорен к смерти и приговор приведен в исполнение. В городе огромная масса плакатов: в метро, в трамваях, в автобусах, на витринах магазинов, призывающих к бдительности: «Осторожно! Враг прислушивается!» Если в общественном месте по радио исполнялся гимн, то немцы, став по команде «смирно», обязаны были вытянуть вперед правую руку и обязательно спеть его. Невыполняющих ритуал ожидали побои. Несколько раз я сам, не исполнив ритуала, избежал избиения лишь потому, что показал полицейскому свой советский паспорт, и отделался только оскорблением.

В те годы наше торгпредство, консульство и посольство жили в обстановке травли в печати, киножурналах, а особенно — в газетах. В торгпредстве было много гестаповских ищеек в лице представителей торговых фирм, преподавателей немецкого языка, которые пытались выявить среди нас разведчиков. В те годы работники торгпредства — советские граждане — проживали в одной гостинице. Когда же в Берлин прибывали «высокие» гости, например Муссолини, у нас в номерах обязательно проводились обыски.

Подробнее остановлюсь на деятельности гестаповских агентов, и в первую очередь преподавателей немецкого языка. Языку нас обучали три сестры, которые от нас не скрывали своего знания русского языка в отличие от преподавателя-мужчины. Он обучал языку только руководящих работников и отличался весьма изощренными методами работы с нами. Одна из сестер пыталась узнать о нашей работе в Советском Союзе, другая — о деятельности в Германии, а третья больше занималась вербовочной работой. Мужчина-преподаватель был у них руководителем. Но в те годы мы об этом только догадывались.

Сестры всегда знали, где я был вчера вечером, каким транспортом пользовался, в каких магазинах и что покупал. Этими данными они потом пользовались на занятиях, чтобы уличить нас во лжи. Весьма искусно за нами было организовано и внешнее наблюдение. Иногда в городе нас сопровождал один человек до возвращения домой, но существовало и квартальное наблюдение, когда меня по пути следования несколько раз передавали другому сопровождающему. Это делалось для того, чтобы усыпить нашу бдительность. Должен признаться, что в первые месяцы мне удавалось замечать лишь одиночное наблюдение, но уже через год-два и квартальное. Когда мне необходимо было оторваться от сопровождения, я это успешно делал, но на следующем занятии меня ждал настоящий допрос.

Так мы жили в Германии до августа 1939 года, до заключения Пакта о ненападении и торгового соглашения. После сообщения об этом в газетах у здания торгпредства собрались толпы немцев с цветами. Наших работников, выходящих из торгпредства, носили на руках, качали. Началось буквально паломничество представителей торговых фирм, заводчиков и фабрикантов. Все они стремились заключить с нами торговые соглашения. С этого времени наша жизнь и работа стали значительно интенсивнее, хотя наблюдение за нами усилилось.

Расскажу о нашей деятельности после того, как в Берлин приехала торговая делегация во главе с наркомом судостроительной промышленности Тевосяном. В комиссию входили лучшие советские специалисты в области науки и техники, летчики, танкисты, моряки, химики, конструкторы. Согласно заключенному договору немцы обязаны были показать нам по нашему требованию любую продукцию, фабрики и заводы, изготавливающие ее, в том числе и военные. Однако немцы стремились показать нам устаревшую продукцию и сбыть ее, получив за это стратегическое сырье и золото. Нам же нужно было увидеть больше фабрик и заводов, узнать секреты изготовления той или иной продукции и как можно меньше купить. Как же были удивлены и даже испуганы немцы, когда наша делегация не без помощи торгпредских работников составила список для посещения новейших немецких фабрик и заводов, изготавливающих современную, в том числе и секретную военную технику и вооружение. Мне же пришлось здесь сыграть далеко не последнюю роль.

С делегацией прибыла большая группа переводчиков, но слабо знающая практически немецкий язык. В торгпредстве не было советских переводчиков, и работники выходили из положения, пользуясь своим знанием языка. По требованию Тевосяна наш торгпред вынужден был направить к нему меня, так как к тому времени я лучше всех в торгпредстве знал язык. Меня подключили к одной из групп. Было известно, что Германия в последние годы добилась высоких результатов в развитии химической промышленности путем применения различных заменителей, которые в значительной степени повышают качество продукции. Узнать секреты изготовления химической продукции, имеющей военное значение, было одной из основных задач комиссии.

Однажды комиссия выехала в город Шену, где находился крупнейший завод по изготовлению синтетического каучука, свойства которого были выше нашего. Комиссии необходимо было выяснить один из компонентов, входящих в смесь. Чтобы выполнить стоящую перед нами задачу, мы решили рассредоточиться и, разомкнув таким образом кольцо сопровождавших нас немцев, проникнуть в другие цехи. Это нам удалось. В результате я оказался в огромном цехе, нашел дверь с надписью «Вход воспрещен», вошел в нее и по лестнице поднялся на второй этаж, где увидел, как рабочие в большие воронки в полу сыплют определенными дозами желтый порошок. Я поприветствовал одного из рабочих и спросил, что это такое? Он произнес какое-то слово. Я его запомнил и быстро спустился вниз, где меня уже разыскивали. Когда мы прибыли в гостиницу, я, к своему ужасу, понял, что забыл слово. Товарищи меня успокоили и отправили отдохнуть. Проснувшись через несколько часов, я вспомнил это слово, разбудил руководителя делегации и сообщил его. Он быстро составил химическую формулу, и секрет был открыт.

В другом месте мы знакомились с производством искусственной канифоли. Выявить рецепт ее изготовления нам помогли сами же немцы. Тактика при осмотре была та же — рассредоточение. Оставшись наедине с одним из сотрудников лаборатории, который нам симпатизировал, я без умысла задал ему вопрос, из чего они изготовляют канифоль. Впрочем, не надеялся на правильный ответ. Но он, оглянувшись по сторонам и убедившись, что около нас нет сопровождающих гестаповцев, на крышке банки написал цветным мелом химическую формулу.

На одном из заводов нам пытались продать большую партию лака, который не горит и употребляется для покрытия самолетов. Показали эксперимент. На квадрат натянутого полотна, покрашенного лаком, лили бензин, поджигали, бензин сгорел, а лак остался на полотне. Как и прежде, я был возле рабочих, и они мне подсказали, чтобы мы этот лак не покупали, потому что он утяжеляет самолеты и на их покрытие не идет. Кроме того, добавили, что эта же фирма изготавливает другой лак, который значительно легче, и указали место, где он хранится. Я передал информацию руководителю комиссии. Он потребовал показать лак и обещал купить большую партию. Немцы вынуждены были показать нам лак и продать его. Но, видимо, они догадались о моей работе, потому что после этого не выпускали меня из поля зрения.

Такую же работу проводили и другие комиссии, которые больше изучали, чем покупали. Проработав в Берлине несколько месяцев и выполнив свою задачу, торговая делегация выехала в Москву, а я вернулся к исполнению своих прямых обязанностей в торгпредстве. Теперь я уже занимал должность начальника АХО — помощника, или, как меня там называли, заместителя торгпреда по хозяйственным вопросам. Жизнь вошла в свое обычное русло.

К 1940 году внешний облик жизни Германии, и особенно Берлина, резко изменился. Если в 1937 — 1939 годах жизнь, если можно так выразиться, кипела, часто в Берлине организовывались демонстрации, факельные ночные шествия, парады, по воскресеньям на площадях целый день военные духовые оркестры играли бравурные военные марши с барабанным боем и средства пропаганды на все лады восхваляли Гитлера, Геринга, Геббельса, Гесса, то в 1940-м барабанного боя, помпезности стало меньше. Берлин был уже изрядно потрепан английскими бомбардировщиками. Население бродило по улицам города сонное, так как почти каждую ночь приходилось проводить в бомбоубежищах без сна. В пивных и барах немецкие бюргеры позволяли себе ехидно прокатываться по адресу Геринга, заявившего когда-то, что ни один вражеский самолет не появится над Германией. «Геринг был прав, — говорили они, — по одному-то самолеты не летают». Не чувствовалось особого восхищения немцев и от сообщений о захвате Польши, об оккупации других стран Европы, хотя немецкая пресса и радио трубили об этом постоянно.

Упоенный успехами, Гитлер решил с ходу захватить и Англию. Немцы раскупали газеты, и мальчикам-продавцам не надо было даже кричать, зазывая покупателей. Настроение было приподнятым, но длилось это не долго.

...Немцы встретили Молотова с подобающими почестями, а министр иностранных дел Риббентроп дал ему на время пребывания в Германии свою автомашину, стекла которой не пробивались пулей. Но я вспоминаю о банкете, или приеме, который устроил ему Гитлер. К тому времени я уже в совершенстве владел немецким языком, и наш торгпред, не владея им, часто пользовался мной как переводчиком. На прием он взял меня с собой, хотя присутствовали только семь человек от торгпредского руководства и несколько человек от нашего посольства и консульства. Прием был устроен в лучшем отеле Берлина «Кайзерхофе», что означает «Королевский двор», в котором останавливались только высшие государственные персоны. Зал, в котором проходил прием, находился на втором этаже, куда вела лестница, устланная дорогой ковровой дорожкой. На верхней площадке перед дверью в зал стояли и встречали гостей Гитлер, Геринг, Геббельс и Риббентроп. Всех прибывающих они приветствовали рукопожатием. Одним из последних в положенное время прибыл Молотов со своим окружением.

На этом приеме я видел Гитлера, Кальтенбруннера, Канариса. Но особенно зловещими фигурами мне показались Гиммлер и Кальтенбруннер с их холодными и стеклянными глазами. Канарис выглядел добродушным, разговорчивым человеком. Гитлер на приеме говорил о том, что двум великим народам мира нужно жить в дружбе, и этой фразе он придавал особое значение. Затем сказал о развитии экономических и культурных связей. Но самое главное, в речах были здравицы. Если Гитлер закончил свою речь словами: «Я пью этот бокал за народ Советской России и его вождя Иосифа Сталина», то Молотов сказал: «Я пью бокал за немецкий народ и его истинного вождя». Мы боялись, что Молотов затем назовет вождем Гитлера, и реакции последнего. Но этого не произошло. Прием прошел внешне дружественно. Однако, приехав к себе в торгпредство, мы долго обсуждали случившееся и ждали последствий. Я не знал, как шли переговоры, но когда в здании посольства Молотов делал ответный прием перед своим отъездом в Москву, на него из руководителей Германии прибыл лишь один Риббентроп. Речи Молотова и Риббентропа были официальными, а сам прием длился всего лишь 30 минут. В этот вечер англичане как никогда усердно бомбили центр Берлина, в том числе центральную улицу и дворец в Тиргартене, в котором находилась резиденция Молотова.

Период с марта до начала войны был для нас еще тяжелее. Наши взаимоотношения с немецкими фирмами ухудшились, а наблюдение за нами усилилось. В Берлин участились визиты Муссолини, Хорти и других друзей немецкого рейха, в наших квартирах чаще проводились обыски. Нам очень помогало затемнение Берлина. С наступлением сумерек город погружался в темноту, и нам можно было гулять беспрепятственно.

Как мы ни были осведомлены о готовности гитлеровских войск к нападению на нашу Родину, 22 июня застало нас врасплох. Вечером в субботу мы пошли в наш советский клуб, где играли в волейбол, смотрели художественный фильм, а к 24 часам ночи разъехались по своим квартирам. Перед тем как лечь спать, я позвонил в торгпредство. Дежурный комендант сообщил, что все в порядке, только у здания группами собираются немцы. Я велел ему предупредить дежурного шифровального отдела, который находился в торгпредстве в секретном от немцев месте с решетками на окнах, за железными стенами и дверью. Таким образом, хотя все и было приведено в боевую готовность, о войне как-то не думалось. В 4.15 утра к нам в гостиницу ворвались гестаповцы и стали ломиться в двери номеров с криками «Ауфмахен!» («Открыть дверь»). Ко мне в номер вошли несколько гестаповцев и приказали: «Одеваться! Взять с собой пару белья, сигареты и питание на два дня, спускаться вниз!» То же самое происходило и в других номерах. Некоторые пытались

оказать сопротивление, были изрядно избиты и спускались вниз в синяках и кровоподтеках. Когда я остался в номере только с одним гестаповцем, я спросил его, в чем дело, на что он мне ответил: «Война». Гестаповцы стали совать по карманам ценные вещи, начался грабеж. Прежде чем спуститься вниз, я попросился в туалет. Меня проводили до кабины, в унитаз я выбросил кое-какие записи из блокнота и ключи от сейфа. Внизу меня уже ждали, так как дежурные немцы по гостинице заявили, что ответственным здесь являюсь я. К гостинице гестаповцы прислали автобусы, на которых можно было разместить около двух тысяч человек, по количеству проживающих в гостинице. Когда всех рассадили, то оказалось, что тысячи человек недостает. Произошел следующий диалог:

— Где ваши люди? Почему их только тысяча, а прописано и должно быть две тысячи?

— Остальные проживают в пансионатах и на частных квартирах Берлина. Многие находятся в командировках в других городах, — ответил я.

— Как это проживают в пансионатах и других квартирах, если они прописаны здесь? Вы за этот обман будете отвечать!

— Нет, — ответил я, — у меня есть разрешение полицайпрезидента, в котором сказано, что мне разрешается прописывать людей в гостинице с правом жительства по любому адресу в Берлине.

Он прочел письмо, швырнул меня в последний автобус, с которым я и прибыл в управление гестапо, где уже были все наши работники. Среди них было много белогвардейцев, которые вели среди нас шпионско-вербовочную работу. Так в первый день войны мы оказались в концлагере. К вечеру в лагерь были доставлены коменданты и шифровальщики, которым пришлось очень туго.

Они нам рассказали, что в 4 часа утра гестаповцы начали ломать железную решетку, которой на ночь закрывалась входная дверь в торгпредство. Дежурный комендант дал сигнал тревоги. По нему все шифровальщики и коменданты, жившие в помещении торгпредства, прибежали в шифровальный отдел и стали сжигать секретную документацию в электрических печах. Но вскоре электричество отключили, и жечь документы пришлось на полу, разжигая костры, дым от которых выходил в окна. Через два часа гестаповцам удалось войти в помещение шифровального отдела, открыв железную дверь с помощью автогенной сварки. Ворвавшись туда, гестаповцы зверски избили всех шифровальщиков и комендантов. Их привезли в лагерь в бесчувственном состоянии, окровавленных, обгоревших.

Не буду описывать лагерную жизнь, длившуюся одиннадцать дней. Она была очень тяжелой. Мы испытали там и голод, и холод, и побои, и оскорбления. Содержали нас как скотину, так и кормили. Не поддались мы и на агитацию гестаповцев и белогвардейцев, которые призывали нас не возвращаться домой, говорили, что Москва будет взята в ближайшие дни.

На 12-й день утром нас посадили в автобусы и повезли в Берлин. Затем в вагонах на Восток под усиленной охраной гестаповцев с автоматами, которые не разрешали нам даже высунуться из окон, хотя была невыносимая жара. Мы проехали Австрию, Чехословакию, Югославию, Болгарию, прибыли на болгаро-турецкую границу.

Когда наш эшелон проезжал по территории Чехословакии, машинисты паровозов, повстречавшись с нами, показывали нам пришитые к подкладке пиджаков красные звезды или серп и молот в знак солидарности. Это вдохновило нас, придало уверенности в своих силах. В Югославии на одной из станций наш эшелон остановился против немецкого воинского эшелона. На нем на открытых платформах были танки, на которых лежали, греясь на солнце, немецкие солдаты. Один из них долго смотрел на нас, обросших и тощих, и, не выдержав, спросил:

— Кто вы и куда едете?

— Мы советские граждане, служили в Германии, а теперь возвращаемся в Москву, — ответил я ему.

— Как в Москву? В Москву едем мы, и она уже взята нашими войсками!

— Нет, — ответил я, — этого не может быть!

— Ну, тогда до встречи в Москве, — сказал он.

— Не советую! — ответил я. Наш состав тронулся, но я успел увидеть, как разозлились солдаты, услышав мой ответ.

В столице Югославии нас по неизвестным причинам задержали надолго. Вечером напротив нас остановился пассажирский состав. Его окна были открыты, из них была слышна приятная музыка. Напротив моего окна к окну подошли два человека и закурили. От желания закурить у меня начала кружиться голова. Эти двое решили со мной заговорить. Разговор долго не получался, так как мы говорили на разных языках. Я перешел на немецкий. Один из них меня понял, и я рассказал ему коротко нашу историю. Когда они узнали, что мы советские люди, находились в концлагере, а теперь измученные и голодные возвращаемся на Родину, к нам из окон стали бросать фрукты, бутылки с соками и вином, сигареты. Охранявшие нас гестаповцы бегали, кричали, чтобы мы закрыли окна, началась даже стрельба из автоматов. Потом наш поезд отвели от пассажирского состава. Мы, конечно, быстро съели фрукты, выпили вино и сок, спрятали по карманам сигареты. Когда гестаповские солдаты пошли по вагонам, чтобы отобрать у нас все, они ничего не нашли.

В Софии на платформе мы увидели столы, накрытые белыми скатертями, с тарелками, рюмками, бутылками. Кругом сновали официанты, которыми командовал военный, видимо болгарин, с белой повязкой и красным крестом на рукаве. Когда наш состав остановился, военный пошел навстречу офицерам гестапо, вышедшим из вагона.

— Что здесь происходит? — спросил болгарина гестаповский офицер.

— Мы встречаем наших друзей — русских, — ответил ему болгарин.

— Они не могут быть вашими друзьями, если они являются нашими пленниками, — с апломбом заявил ему гестаповский офицер. В результате из вагонов нас не выпустили, а накормили лишь болгарским борщом. На болгаро-турецкой границе нас продержали два-три дня. Наконец настала церемония передачи нас на турецкую территорию. По 20 человек нас вели к турецкой границе, где находилась палатка. В ней были наш и турецкий послы, гестаповский офицер, который вручал паспорт турецкому послу. Тот поздравлял нас с освобождением и передавал паспорт нашему послу, который, сверив паспорт с фотографиями и нашими лицами, вручал их владельцу и поздравлял с освобождением. В Стамбуле нас поместили на советский пароход «Сванетия», где мы несколько дней восстанавливали силы. 27 июля мы прибыли в Москву.

Разведчик

Но, конечно же, в торгпредстве я не просто исполнял должность коменданта. Для этого не требовалось заканчивать офицерскую школу, глубоко знать немецкий язык. Никто из советских людей не должен был знать, что я офицер и... разведчик.

Первые полгода все служебное и свободное время я совершенствовал язык, много ездил по городу, изучая маршруты движения всех видов транспорта. Пришлось узнать расположение магазинов, пансионов и гостиниц, кафе и ресторанов, варьете, театров и кино. Особенно важны были для меня те из них, которые имели входы с разных улиц.

Эти полгода пролетели быстро. Совершенно неожиданно я встретился с моим будущим руководителем, который объявился, назвав пароль во время игры с ним в клубе в бильярд. Он проверил мои знания языка, спросил, для проверки, как проехать в назначенное им место.

Через полтора года я свободно говорил по-немецки, в лицо знал почти всех гестаповцев и работников органов контрразведки, методы их слежки за нами — советскими людьми. Однажды я заметил слежку и решил пошутить. Завернул за угол одной из улиц и, пройдя метров 15—20, перешел на другую сторону, пошел обратно и, конечно, встретился с сопровождающим. Он был крайне удивлен, а я просто посмотрел ему в глаза, он вынужден был отвернуться от меня.

В августе 1939 года мне был предоставлен отпуск, и я на два месяца выехал в Москву. Но на отдых мне выпало очень мало времени. Немцы напали на Польшу. Меня телеграммой срочно вызвали в Москву. Началась усиленная подготовка к моему возвращению в Германию, где меня ожидала настоящая работа.

...Целыми днями я изучал личное дело Эльзы Штебе по кличке Альта. Наизусть выучил биографию, часами всматривался в ее фотографию. Изучил дела и других разведчиков, из которых была составлена так называемая группа «Альта». В нее входили работавший в штабе ВВС Геринга офицер немецкой армии, через которого поддерживалась связь с группой ученых, изучавших атомную энергию и способы создания атомной бомбы. В числе этих разведчиков был даже один из приближенных министра иностранных дел Риббентропа. Его завербовали в Польше для работы на англичан, и по своим убеждениям он был ярым врагом Советского Союза.

Возвращение в Германию было намечено на конец сентября. Сначала в мою задачу входило наладить связь с Эльзой, которая перед нападением Германии на Польшу вместе со всеми немцами посольства выехала в Германию. О встрече с ней в Германии договориться не удалось. Мне предстояло через ее мать, жившую в Берлине, узнать адрес Эльзы. Пароля для встречи установлено не было, и нужно было назвать несколько прежних паролей, чтобы убедить ее признать меня.

К тому времени с Германией был заключен торговый договор, по которому она обязалась экспортировать в СССР военную технику и оборудование по нашему выбору. В Берлин готовилась выехать правительственная комиссия, руководили которой крупные ученые и конструкторы. Мой выезд совпал с отправкой в Германию вагона с золотом в слитках, упакованных в 100 ящиков, общим весом 7 тонн. Сопровождение вагона поручили мне, а моим помощником был банковский работник.

Наш первый маршрут был намечен через Одессу в Турцию, далее по Черному и Средиземному морям до берегов Италии и через нее в Берлин. Но так как в Черном море и особенно в Средиземном было много подводных лодок, встреча с которыми была нежелательна, маршрут отменили и наметили другой — через Латвию, Литву, Данцигский коридор в Восточную Пруссию и Кенигсберг и оттуда — в Берлин.

До границы с Латвией вагон сопровождали автоматчики, а мы ехали в соседнем. На границе нам сообщили, что сопроводительные документы составлены не по форме, в документах не указано, кто сопровождает груз и какие везутся драгоценные металлы. Связались с Москвой. Оттуда дали ответ, что груз сопровождает Зайцев, а драгоценные металлы — оставить без расшифровки. Наконец паровоз прицепил один вагон с золотом и повез на границу. Там нас уже ждали вооруженные солдаты и таможенные служащие. Каждая из стран знала о пути следования вагона, за это им были заплачены крупные суммы денег, и они отвечали за груз. Но при въезде в страну таможенные чиновники находили сотни придирок.

До польской границы мы доехали без приключений. Но в Данцигском коридоре железнодорожные пути были разобраны. Нас ожидал большой грузовик, куда были погружены наши ящики без счета и проверки пломб. Мы прибыли в Кенигсберг, где уже ждал скорый поезд. На берлинском вокзале нас встречал торгпредский представитель. Им оказался мой очень хороший знакомый по работе. На автомашинах мы наконец доехали до берлинских казематов, где хранились фашистские драгоценности и золото.

Через несколько дней я был готов к работе — восстановить связь с Эльзой. Задача была не из легких. Сильно волновался. Сначала несколько раз прошел около дома, в котором проживала мать Эльзы. Затем раза два — по лестнице мимо квартиры. И уже потом, успокоившись, смело подошел к двери, нажал кнопку звонка и на чистейшем немецком языке с берлинским произношением попросил фрау Штебе. Увидев пожилую женщину, открывшую мне дверь, понял, что передо мной мать Эльзы. Она мне сказала, что Эльза временно проживает в Бреслау, назвала ее адрес.

Итак, предстояла поездка в Бреслау. Первая попытка оказалась неудачной, так как в вагоне я увидел гестаповца с полицейским, проверявших документы у пассажиров и наличие у них разрешения на право поездки в Бреслау. Город в то время был прифронтовым, так как находился недалеко от границы с Польшей. Мне ничего не оставалось делать, как показать мой паспорт. Я ответил им, что еду в Бреслау по делам торгпредства, и сразу понял, что встреча не состоится, нужно возвращаться в Берлин, чтобы не привести к Эльзе за собой хвост.

Следующая поездка была удачной. Когда я подошел к ограде сада и нажал на кнопку звонка, из дома вышла Эльза, которую я сразу узнал. Но не было пароля, она могла отказаться разговаривать со мной. Я назвал ей пароль встречи с нашим человеком в Польше, она поверила, попросила подождать и вскоре вышла ко мне. Мы прошлись по пустынным улицам окраины Бреслау, она сообщила мне, что скоро получит разрешение на жительство в Берлине и приедет туда. Передал ей указания о строгой бдительности, снабдив деньгами на подбор соответствующей квартиры в Берлине, и мы расстались, условившись о встречах.

Так началась моя деятельность разведчика. Когда была налажена связь с Эльзой, а она связалась с другими немецкими разведчиками, работавшими на нас, к нам потекла информация о военной промышленности, технике и даже о состоянии разработки атомной энергии. Через Арийца, такова была кличка этого разведчика, полагавшего, что он работает на англичан, поступала информация о дипломатической интриге немцев с западными европейскими странами, в том числе с англичанами и американцами.

Для получения более точной информации мы снабдили разведчиков миниатюрными фотоаппаратами и микропленкой. Все они работали на нас из идейных соображений, так как ненавидели фашизм и в Советском Союзе видели единственную силу, способную его уничтожить. Другое дело Ариец. Он давал ценную информацию только за американские доллары, которые переправлял за границу.

Строгая конспирация, систематическая смена мест встреч позволили нам с Эльзой работать без срывов и перебоев. Сейчас мне кажется невероятным то, что мы делали. Когда приходилось слушать Эльзу 15—20 минут, запомнить информацию, а на следующий день прибыть в наше посольство, опять же нелегально, встретиться с военным атташе, изложить все на бумаге для шифровки в Москву.

Так продолжалось до марта 1941 года. Одно из последних сообщений от Эльзы было о том, что на 22— 24 июня 1941 года намечено нападение Германии на Советский Союз. В марте я получил указание о передаче этой группы другому

разведчику. Мне предстояла работа по восстановлению связи с немецкими разведчиками, которая была прервана в 1933—1935 годах, потому что среди них оказались предатели.

Будучи уже в Москве и работая начальником школы разведки, я не мог забыть Эльзу, изредка справлялся о ее деятельности.

И только много позже узнал, что в сентябре 1942 года гестаповские ищейки напали на ее след и арестовали по подозрению. Путем вычислений записанных из эфира закодированных наших радиошифровок гестаповцам удалось определить фамилию разведчика, похожую на Штебе. Через адресный стол они собрали до 50 похожих на Штебе фамилий и начали изучать их владельцев. Подобрались к Эльзе. За ней началась слежка, которую она сразу заметила, но предпринять ничего не могла, лишь прекратила встречи с разведчиками своей группы. После ареста Эльзы для доказательств ее виновности к ней на квартиру была посажена женщина — агент гестапо, которая два месяца ждала, что кто-нибудь придет на связь. За это время на квартире часто звонил телефон, но на вопросы никто не отвечал и вешал трубку. Ведь никому, кроме меня и Эльзы, не было известно, что телефонный звонок без разговора означает вызов ее на срочную встречу в условном месте.

На встречу никто не приходил, звонок повторялся. Тогда звонивший Эльзе разведчик принял решение идти к ней на квартиру и совершил роковую ошибку. Вместо того чтобы спросить Эльзу Штебе, он сказал, что хотел бы видеть Альту. Гестаповцам стало ясно, что Эльза Штебе и есть разыскиваемая ими разведчица по кличке Альта. На первом же допросе Эльзы гестаповец сказал ей, что она Альта. Пытками и истязаниями им удалось вырвать у нее несколько фамилий разведчиков, которые также были схвачены. Арестован был и Ариец. Ему документально показали, что он работал на советскую разведку. Гестаповцами было арестовано более 400 человек. Столько разведчиков у нас, конечно, не было. Значит, гестаповцы хватали любого просто по подозрению. Эту группу разведчиков гестаповцы назвали «Красной капеллой». Все арестованные и обвинявшиеся в государственной измене были расстреляны, а у Эльзы Штебе специальным указом Гитлера была отрублена голова. Из сохранившихся архивов гестапо известно последнее письмо Эльзы матери. В нем говорилось: «...мама, я знала, на что шла. Я боролась за счастье немецкого народа, а поэтому виновной себя не считаю. Мама, прошу выполнить мою последнюю просьбу — после моей смерти считай меня живой, а поэтому не надевай черного платья».

Мать Эльзы умерла вскоре после смерти дочери. В живых остался только брат Эльзы, которому за героический подвиг сестры был вручен орден Отечественной войны I степени.

С тех пор прошло много времени, но Эльза навсегда осталась в моей памяти. Это был человек огромной воли, обаяния. Она была журналисткой, а как разведчик отдавала работе себя всю без остатка. В то время ей было около 30 лет. Она посвятила себя борьбе с фашизмом, отдала жизнь за счастье своего народа.

Но вернусь к марту 1941 года. Работа разведчиков в это время значительно усложнилась. В торговых отношениях наступил холод, посредники фирм и их владельцы все реже и реже появлялись в торгпредстве. А для разведчиков наступила горячая пора. Немцы открыто перешли к переброске зойск на восток, к нашим границам с севера на юг. Нами было установлено, что по всем железнодорожным магистралям перебрасывались составы с войсками и в большом количестве — по автостраде.

Активизировало свою работу и гестапо. Все настойчивее и более открыто они сопровождали нас по городу. Все чаще и чаще в ночные часы завывали сирены воздушной тревоги. Иногда по нескольку ночей кряду нужно было отсиживаться в убежище.

Однако нам такая обстановка была на пользу. К тому же я пользовался автомашиной. На ней выезжал в один конец города, оставлял ее на тихой улице, незаметно проходил через двор и в последний момент садился в электричку или автобус, чтобы доехать по нужному адресу. По материалам, имевшимся у военного атташе, я предварительно изучал этих разведчиков, и первым, с кем решил восстановить связь, был человек, сын которого после испанских событий посетил Советский Союз. У меня не было пароля для встречи с ним, а был лишь его адрес и старые пароли. Первая же встреча оказалась удачной во всех отношениях. При встрече назвал пароль. Сообщил ему, что его сын жив и здоров, спросил о его готовности продолжать работу. Он согласился без колебаний. Условившись о следующей встрече, мы расстались.

Для работы с нашей помощью он приобрел мотоцикл, а в качестве постоянной базы для рации была использована его дача в местности, где не было электричества. Доставка ему передатчика, аккумуляторов была делом не из легких. Нужно было незаметно взять все это у военного атташе, привезти в торгпредство, а оттуда — разведчику. Очень помогло то, что за мной была закреплена автомашина. Ее передали нам после того, как было закрыто торгпредство в Австрии. Машина имела серо-зеленый цвет, как и все немецкие военные машины. Днем, когда я ехал по городу, полицейские перекрывали движение и предоставляли мне право проезда.

Вспоминается такой случай. В апреле, в день рождения Гитлера, утром я ехал в посольство и должен был проезжать Бранденбургские ворота. Впереди — пробка, полицейский, увидя мою автомашину, дал мне знак рукой, чтобы я проезжал вперед. И дальше полицейские поступали так же. Только у самых ворот мне показали на объезд. Следуя указаниям полицейских регулировщиков, я оказался у здания имперской канцелярии — резиденции Гитлера, когда он бывал в Берлине. На площади перед канцелярией полно народу. В тот момент Гитлер как раз вышел на балкон. Народ кинулся к зданию, и я застрял в толпе, оказавшись невольным свидетелем «торжества». Гитлер вышел на балкон в коричневой форме, с прилизанными волосами на голове, с благодарной улыбкой. Эта комедия длилась примерно 10 минут. Я подумал о том, что если бы мне была дана команда, то уничтожил бы его мгновенно, как снайпер. Но и разъяренная толпа могла растерзать меня за то, что я не приветствовал их фюрера. В посольстве от атташе получил выговор, так как забыл о предупреждении, что-бы мы в этот день на улице не показывались.

Итак, работа с разведчиком была налажена. Мне предстояло восстановить связь с квартирой. После соответствующих паролей хозяйка меня признала и выразила сожаление, что квартирой давно никто не пользовался. Это вызвало у нее материальные затруднения. Заплакав, она сообщила, что недавно похоронила мужа и осталась одна. На первое время я вручил ей некоторую сумму денег, предупредил об экономном их расходовании, чтобы соседям не бросилось в глаза появление у нее большой суммы денег. Затем тщательно осмотрел квартиру. Здесь почти все предметы имели секретные места, куда можно было положить донесение. Например, паркетный пол, в котором несколько дощечек открывались при нажатии в определенном месте. За висевшей картиной находился вмонтированный в стену сейф, совершенно незаметный на обоях, его нельзя было определить даже простукиванием. Одежная щетка и та имела тайник.

Таким образом, к середине июня 1941 года я выполнил все свои задачи. 18 июня меня освободили от работы в торгпредстве и дали две недели для сборов на выезд в Москву. Помню свою последнюю официальную встречу с воен-

ным атташе, который заявил, что я с честью выполнил все задания и по указанию из Москвы он сделал представление о награждении меня орденом Красного Знамени. Мы с ним простились. 5 июля был намечен мой выезд на Родину. Но увы...

22 июня к вечеру вместе с работниками торгпредства я оказался в концлагере. Опасаясь опознания меня как разведчика, я сбрил с головы волосы, а лицо оставил небритым. Через 3—4 дня даже работники торгпредства перестали меня узнавать. Немецкие разведчики, с которыми я встречался, знали меня только как Бине. Интуиция подсказывала, что Бине они могут искать и здесь. И я не ошибся.

Гестаповское руководство лагеря ежедневно по нескольку раз выстраивало нас в два ряда и устраивало смотр. Потом приезжали какие-то лица, каждому из нас они смотрели в глаза. Создавалось впечатление, что кого-то ищут. И вдруг однажды прозвучала команда на построение. Вместе с другими выхожу и я. На восьмой день пребывания в лагере трудно было ходить, так как я обессилел, ибо не мог есть их баланду. После каждой выдачи похлебки помойные бочки оказывались полными. Немецкая охрана посмеивалась, заявляя, что свиньи будут благодарить русских.

В строй я всегда становился ближе к концу, рассчитывая, что к середине внимательность гестаповцев притупится, а в самом конце вновь может усилиться. Когда мы уже стояли в строю, из комендатуры вышли несколько офицеров, а с ними двое гражданских. И — о ужас! Один из них был тот, с кем я встречался. Не могу сказать, что испугался. Нет. Я понял, что должен взять себя в руки и не выдать своего волнения.

Смотр начался. Они искали своих врагов, и в частности меня. Чтобы не взглянуть случайно в глаза подлецу гражданскому, внимательно смотрел в лицо одному из офицеров. Он не выдержал моего взгляда, отвернулся, а потом оглянулся и еще раз на меня посмотрел.

Немцы ушли в комендатуру. Раздалась команда разойтись. От сердца отлегло. Я понял, что дуэль с предателем выиграл. Мы разошлись по своим блокам. И вдруг команда: «Зайцева в комендатуру!» Товарищи помогли мне встать. Проводили пугливыми и удивленными взглядами. Стараясь идти твердой походкой, пошел в комендатуру. Открыл дверь. Увидел коменданта и переводчика, который спросил, куда я дел ключи от автомашины, которая им теперь нужна. Ответил, что ключи нужно искать в торгпредстве. Меня отпустили. Этот вызов остался для меня загадкой.

На этом закончу рассказ о работе в Германии в предвоенные годы. Конечно, сделано было гораздо больше, но многое за прошедшее время забылось. Но тогда мы стремились сделать все от нас зависящее, чтобы довести до Москвы сведения о замыслах и происках фашистской Германии против Советского Союза.

Н. М. ЗАЙЦЕВ

«РАЗВЕДКА СЫГРАЛА ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ РОЛЬ»

Известно, что советская разведка оказала неоценимую помощь ученым СССР в создании отечественного ядерного оружии. В частности, Клаус Фукс, о подвиге которого мы рассказали в № 12 за 1990 г. и в № 1 за 1991 г.

Однако добыванием «атомных» секретов были заняты многие сотрудники наших спецслужб. Сегодня мы публикуем новые подробности этой страницы «холодной войны», ставшие известными в связи с рассекречиванием части архивов КГБ.

В 1944 году в одном из подразделений американской армии на Аляске появился новобранец — житель Нью-Йорка Моррис Коэн. Сослуживцы знали о нем не очень много. Видели лишь, что Коэн очень скучал по молодой красавице жене, ждавшей его в Нью-Йорке. Лишь каждодневная работа отвлекала солдата: Моррис Коэн был занят важным делом — обеспечением поставок в СССР по ленд-лизу американского оружия и снаряжения, шедших по маршруту Аляска—советский Дальний Восток—Центр. А оттуда поставки распределялись по всем фронтам, шли в резервы.

В редкие свободные минуты рядовой Коэн обращал свои взоры к туманному Берингову проливу. Там, всего в нескольких десятках миль, лежала огромная загадочная страна, служение которой член Компартии США Коэн сознательно сделал смыслом своей жизни. Попав сюда, к дальневосточным границам России, он оказался отрезанным от нелегальной советской резидентуры в США, в работе которой принимал деятельное участие. А потом Коэна перебросили в Англию, затем в Нормандию, где разгорелись бои союзников с бошами, и жена Морриса, Леонтина, потеряла с ним всякую связь. Письма от него перестали приходить...

В документальной повести писателя Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» есть такие слова: «Кто-то нам сильно помог с атомной бомбой. Разведка сыграла очень большую роль... Но мы об этом не должны говорить».

В 1961 году в Лондоне состоялся судебный процесс по делу английского бизнесмена Гордона Лонсдейла. В то время его фамилия долго не сходила со страниц западных изданий. Материалы о нем выходили под броскими заголовками: «Вызывает Москва!», «Один из обвиняемых — русский!», «Обвинение утверждает о прямой радиосвязи с Москвой!»

Под именем Лонсдейла на Западе действовал наш разведчик полковник К. Т. Молодый. Впоследствии Конон Трофимович так говорил о своей работе: «Я не воровал секреты, а методами и средствами, которые оказались в моем распоряжении, пытался бороться против военной угрозы моей стране»(Лонсдейл Г. Моя профессия — разведчик: Воспоминания офицера КГБ. — М., 1990. — С. 3).

Мы имеем некоторое представление о разведывательной работе К. Т. Молодого по прошедшему у нас с большим успехом фильму «Мертвый сезон». Но за кадром в фильме осталось нечто весьма существенное: в Англии вместе с Лонсдейлом были арестованы Питер и Элен Крогер, выдававшие себя за новозеландцев. На самом деле это были американцы муж и жена Моррис и Леонтина Коэн, работавшие у Лонсдейла связниками.

Ни на судебном процессе, ни во время девятилетнего тюремного заключения (а приговорили их к 20 годам) Моррис и Леонтина не поддались сильнейшему психологическому нажиму, не выдали никаких секретов советской разведки. Как память о том нелегком периоде жизни в квартире Коэнов и по сей день хранится большой плюшевый медведь. Его сделал своими руками и подарил Моррису один из заключенных — участник нашумевшего в Англии и за ее пределами «ограбления века», когда из почтового поезда была похищена огромная сумма денег...

И тем не менее британской Фемиде удалось установить американское происхождение супругов Крогер и подтвердить их причастность к деятельности советской разведки на территории не только Англии, но и США (по делу известного разведчика Р. И. Абеля). Теперь уже можно сказать, что Моррис Коэн был в свое время связником у Рудольфа Абеля (подлинная фамилия — В. Г. Фишер).

Только в 1969 году Моррис и Леонтина Коэн вернулись в Москву. Они на пенсии, живут в обычной московской квартире. И только сейчас пришло время рассказать об их работе в США, направленной в конечном счете на создание атомного паритета с ведущей державой Запада. Для нашей страны в послевоенное время это было крайне необходимо, так как США, первыми став обладателями атомной бомбы, стремились использовать ее для военно-политического давления на СССР.

...Сотрудник центра общественных связей Межреспубликанской службы безопасности полковник Владимир Чиков с волнением открыл дело № 13676, более полувека хранившееся в секретном сейфе. В этом деле — семнадцать томов, более шести тысяч страниц. Лишь немногие из высшего руководства КГБ имели доступ к материалам этого дела, гриф секретности с которого снят только в 1991 году. На документах — резолюции Л. П. Берии, В. Н. Меркулова, В. С. Абакумова, И. А. Серова, А. Н. Шелепина, В. Е. Семичастного, Ю. В. Андропова... В карточку-заместитель Владимир Матвеевич Чиков вписывает и свою фамилию. Указывает цель — подготовка документальной книги — с санкции руководства.

Первые сведения о том, что США активно ведут работы по созданию атомной бомбы, советская разведка получила тревожной осенью 1941 года, когда враг стоял у порога Москвы. А в марте 1942 года развернутая информация об атомных исследованиях США и Англии легла на стол И. В. Сталина. Тогда же по указанию Берии руководителю советского атомного проекта И. В. Курчатову выделили в Кремле маленькую комнатку, где он и знакомился с разведдонесениями по атомной проблематике.

О том, как оценивал Курчатов поступившую из-за океана информацию, свидетельствует следующий (ныне рассекреченный) документ:

«Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР т. Первухину М. Г.

Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технологических путях ее разрешения.
Зав. лабораторией профессор Курчатов
г. Москва
7.03.43
Экз. единств.»

В резидентуры Нью-Йорка и Лондона регулярно уходили шифрованные запросы по тем или иным интересовавшим Курчатова проблемам.

Сталин лично поставил задачи нашей резидентуре в США:

следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и не пошли бы против СССР;

добывать сведения о планах Гитлера в войне против СССР, которыми могут располагать американские спецслужбы и военное ведомство;

выяснить секретные цели и планы англо-американцев в этой войне и по возможности установить, когда они намереваются открыть второй фронт;

отслеживать информацию о развитии военной техники, создаваемой в США, появлении новых видов и типов вооружений.

Особое внимание Верховный просил обратить на получение разведданных о разработке американцами урановой бомбы. Нам будет нужна, подчеркивал он, и такая информация, которая позволит судить об истинных намерениях США в связи с созданием ими атомного оружия...

Наши разведчики сумели найти ответы на поставленные вопросы. Главную роль в этом сыграли супруги Моррис и Леонтина Коэн. Член Компартии США Моррис Коэн, в прошлом воин-интернационалист, сражавшийся на стороне республиканцев в Испании, был привлечен к сотрудничеству советской разведкой в 1938-м «на идейной основе». Вот что он рассказывает в своей автобиографии:

«Мои родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Таращи, что под Киевом. Жили они в Нью-Йорке, в районе Гарлема, на Ист-Сайде. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привезенные с собой пластинки, пели народные песни... У меня возникло желание хоть одним глазком увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом все более укреплялось во мне.

Россия в самом деле была не похожа ни на какую другую страну, она являла собой эталон нового, справедливого общества, и поэтому многие обращали к ней свои взоры. Да и как было не обращать, если весь Запад впадал тогда в состояние глубочайшей экономической депрессии, а юная Русь набирала обороты, смело приступала к осуществлению геркулесовского плана первой пятилетки. Россия была привлекательна для меня еще и потому, что в ней работа предоставлялась всем, а у нас в Америке, наоборот, процветала безработица. Поэтому, как и многими другими мыслящими людьми Запада, мною в те годы тоже сильно владели идеи социализма...»

Моррис Коэн завербовал работавшего в секретном американском атомном центре Лос-Аламос ученого-физика Артура Филдинга (он жив и по сей день, поэтому фамилия изменена. — В. Р.). Вот как описывает вербовочную беседу сам Коэн в отчете, хранящемся в его личном деле:

«— Объясни мне, пожалуйста, Артур, как это ты решился на передачу другому государству секретных данных об атомной бомбе?

— Я думаю, тебе, Моррис, будет нетрудно меня понять. Во-первых, я совершенно не согласен с теми, кто считает ошибкой истории появление социалистического государства. Но еще больше я не согласен с теми, кто рассчитывает на возможность исправления этой ошибки с помощью германского фашизма, развязавшего вторую мировую войну.

Мне однажды довелось присутствовать на узком совещании ученых американского происхождения, на котором генерал от Пентагона Гровс однозначно заявил: он не питает никаких иллюзий относительно того, что Россия является врагом Америки номер один и что Манхэттенский проект строится на этой базе. По-моему, этим все сказано.

Мое же личное отношение к изготовлению урановой бомбы начало меняться после поражения немцев под Сталинградом и Курском, когда стало очевидным, что Гитлер проигрывает войну. Я понял тогда, что атомная бомба теперь не нужна, что следовало бы сворачивать дальнейшие работы по ее конструированию, но профессиональные политики и военные, наоборот, стали усиленно подталкивать нас к завершению этих работ.

Главный довод военных заключался в том, что еще не разбита Япония и что обладание атомной бомбой позволит Соединенным Штатам спасти жизнь огромному количеству американцев, так как это приблизит победу на тихоокеанском фронте. Ученые-эмигранты, которым запрещалось выезжать за пределы Лос-Аламоса и Санта-Фе, не знали, что Япония потенциально уже проиграла войну. Не знали они и того, что борьба против фашизма не была основной задачей высших эшелонов политической и военной власти и что бомба станет орудием устрашения, которое должно усилить влияние Америки после войны. А фактически оно будет направлено против России.

Поэтому я считаю, что надо немедленно довести атомную проблему до сведения русских, поделиться с ними секретными разработками нового вида оружия. Я уверен, что советские ученые тоже смогут создать свою бомбу. И не через двадцать лет, как рассчитывает генерал Гровс, а гораздо раньше. Не надо нам умалять их высоких достижений в ядерной физике.

Я очень хочу, чтобы не только мы владели таким страшным оружием, но и Советский Союз. То есть должно действовать стратегическое равновесие.

Пусть лучше будет худой мир, чем хорошая ссора. Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, Моррис, почему я решился на поиски контактов с русскими?»

История о том, как жена Морриса Коэна, Леонтина, обманув бдительность спецслужб, сумела пробраться в район, прилегавший к секретному атомному центру, забрать материалы у Артура Филдинга и вывезти их, похожа на захватывающий детектив. И кто знает, может быть, сейчас, после обнародования данных фактов, по этому «сценарию» кто-то снимет потрясающий фильм.

Сами герои этой истории довольно скромно оценивают результаты своей работы, признавая, что без самоотверженного труда советских ученых, инженеров, рабочих создать атомное оружие было бы невозможно. В этой связи хотелось бы напомнить слова академика И. В. Курчатова: заслуги нашей разведки и ученых в создании атомной бомбы находятся в соотношении пятьдесят на пятьдесят.

Создав в нашей стране атомное оружие, мы остудили пыл заокеанских стратегов, разрушив их планы нанесения атомных ударов по Советскому Союзу (а их было несколько). Ведь Соединенные Штаты приняли решение в дальнейшем «устрашать» Россию применением ядерного оружия. Подобная концепция основывалась на уверенности американского военно-политического руководства в том, что русские не смогут догнать США. тем более добиться ядерного превосходства над ними в течение ближайшего десятилетия, а то и больше.

Но Москва лишила США возможности монопольно обладать ядерным оружием. А достижение в последующем ядерного паритета можно считать нашим историческим завоеванием. Вклад в него наших разведчиков бесспорен. Сегодня можно и нужно говорить об этом.

Полковник В. Т. РОЩУПКИН

В ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДВОЕННЫЕ

Генерал-майор Л. Г. ИВАШОВ, кандидат исторических наук

К СОЖАЛЕНИЮ, объективности освещения страниц истории зачастую мешает тенденциозный, односторонний подход некоторых авторов к событиям и процессам. Так, наблюдается явный крен к выпячиванию негативных моментов в военном строительстве в предвоенные годы, в подготовке Советских Вооруженных Сил к отражению империалистической агрессии. У читателей, постоянно интересующихся этой тематикой, и особенно у людей, знающих обстановку в армии накануне войны только из публикаций и кинофильмов, может сложиться мнение, что репрессии предвоенных лет парализовали жизнь армии и она оказалась полностью неподготовленной к войне.

Безусловно, истребление (иначе и назвать трудно) в 20-е — 30-е годы военных кадров нанесло невосполнимый урон боевой готовности Вооруженных Сил, снизило их боевой и интеллектуальный потенциал, что сказалось на результатах сражений, особенно в начальный период Великой Отечественной войны.

Однако если трезво и объективно оценивать события предвоенных лет, то правильным является вывод о том, что армия, как и вся страна в целом, целеустремленно готовилась к войне. Личный состав Вооруженных Сил настойчиво осваивал технику и вооружение, способы и приемы боевых действий. Высоким был и моральный дух советских воинов.

Советские конструкторы создали эффективное оружие и в целом значительно опередили всех своих конкурентов в теории конструирования и освоении образцов вооружения и техники. И этот факт также трудно отрицать, как и то, что к началу войны против СССР противник не имел существенного превосходства в количестве и качестве вооружения, достаточного (при других равных условиях) для разгрома первого стратегического эшелона советских войск.

В чем же причины наших неудач, особенно первых дней минувшей войны? Прежде всего их следует искать в политических просчетах и нерешительности военного руководства. Противнику удалось застать врасплох наши части и соединения, захватить или уничтожить основные арсеналы и базы западных приграничных военных округов и разгромить на земле в первые часы войны большую часть самолетного парка. Крайне напряженное положение с обеспечением действующей армии оружием и боеприпасами сложилось не потому, что отечественная оборонная промышленность не сумела это сделать в предвоенные годы, а прежде всего потому, что уже к декабрю 1941 года их потери составили 75 проц. всего наличия к началу агрессии.

В ходе подготовки к войне в экономическом обеспечении обороны страны делалось почти невозможное. Самые общие и общеизвестные цифры, если вдуматься в них глубоко и серьезно, убедительно подтверждают это. За 10 предвоенных лет среднегодовое производство увеличилось: стрелкового вооружения — в 7 раз, орудий и минометов — в 25, танков — в 4, самолетов — в 9,5 раза (см. табл. 1).

Таблица 1 *
Производство оружия и боевой техники в СССР в 1930—1940 гг.

Наименование вооружения и боевой техники	Среднегодовое			
	1930—1931 гг.	1935—1937 гг.	1939 г.	1940 г.
Винтовки и карабины, тыс.	174	256	1503	1375
Пулеметы, тыс.	40,9	30,8	73,5	52,2
Орудия и минометы, тыс.	1,9	5,0	21,4	49,6
Танки, ед.	740	3139	2986	2789
Самолеты, ед.	860	3578	10348	8331

* Составлена по материалам:
ЦГАОР (ф. 5446, оп. 32, д. 280, 282) и ЦАМО СССР (ф. 81, оп. 12076. д. 2, л. 245).

За три с половиной предвоенных года капиталовложения в развитие оборонной промышленности составили более 25 проц. всех капиталовложений в индустрию страны, а темпы роста ее продукции были в 3 раза выше, чем всей промышленности Советского Союза, При этом около 20 проц. военной продукции давали заводы, развернутые в восточных районах страны.

Непрерывным нарастающим потоком поступала в войска новая техника и вооружение. В связи с началом 1 сентября 1939 года второй мировой войны и возрастанием угрозы военного нападения на СССР был принят ряд дополнительных крупных мер по дальнейшему повышению уровня технической оснащенности армии и флота, повышению их ударной мощи и маневренности.

В 1939 — 1940 гг. промышленность приступила к производству значительного количества новых образцов вооружения и военной техники. В связи с освоением новых образцов общий выпуск некоторых видов боевой техники, например танков и самолетов, в 1940 году снизился. Промышленность Страны Советов накануне нападения фашистской Германии на СССР осваивала технологию производства новых типов танков, самолетов, артиллерийских систем, автоматического оружия. Позже они составили прочную основу вооружения в годы Великой Отечественной войны. Несомненно, это сыграло исключительно важную роль в деле достижения военно-технического превосходства нашей армии над немецкой армией и успешного завершения войны.

Именно благодаря принятым мерам к началу войны удалось создать мощную базу по производству современных видов вооружения и боевой техники. Безусловно, были узкие места в производстве отдельных видов вооружения и боеприпасов, но решающего значения в деле успешного обеспечения армии всем необходимым они не имели.

Могла ли страна задействовать больше и средств, и мощностей для производства военной продукции? По всей видимости, нет. Даже те меры, о которых говорилось выше, включали элементы милитаризации экономики, и поэтому без серьезного ущерба развитию народного хозяйства и политических издержек продолжать наращивать военное производство было бы невозможно. Вот почему рассуждения о том, что в плане экономического обеспечения обороны государства делалось в тот период недостаточно, несостоятельны.

В подтверждение приводим свидетельства тех, кто по долгу службы и роду деятельности непосредственно занимался анализом развития вооружения и организацией его производства.

«Следует сказать, — писал Д. Ф. Устинов, — что две трети образцов артиллерийских орудий, находившихся к началу войны в производстве, были созданы в 1938—1940 гг. В них были учтены последние достижения науки и техники, а также опыт боевых действий в различных регионах мира. Советские орудия по мощности, начальной скорости снаряда, темпу огня, маневренности, степени внедрения автоматики в большинстве случаев превосходили лучшие зарубежные образцы» (Устинов Д. Ф. Во имя Победы. — М.: Воениздат, 1938. — С. 120).

А ряд документов из архива Генерального штаба позволяет проследить обеспеченность некоторых военных округов орудиями и минометами. Эти сведения приведены в табл. 2.

Таблица 2

Военный округ	Обеспеченность орудиями и минометами на 1 мая 1941 г., ед.		
	наземная артиллерия	зенитные пушки	минометы
Киевский особый военный округ	6814	1225	2409
Западный особый военный округ	5776	2031	2735
Прибалтийский особый военный округ	5776	504	883
Одесский военный округ	2250	1005	4167

Непростым является вопрос о танках. По общему их числу мы значительно превосходили немецкую группировку, предназначенную для вторжения в пределы СССР. По архивным данным, в Советской Армии на 22 июня 1941 года насчитывалось 23 457 танков всех типов. Однако к этой цифре следует относиться осторожно, и вот почему. Во-первых, противостояли немецкой группировке вторжения только танки западных приграничных военных округов. Во-вторых, точно не установлено, сколько боеготовых машин было способно вступить в бой, какой процент от общего числа они составляли. Документы говорят о том, что по армии в целом боеготовых машин было около 30 проц. Вместе с тем следует отметить, что тех танков, которые имелись в западных приграничных округах, было бы достаточно для организации надлежащего отпора агрессору при эффективном их использовании совместно с другими родами войск (см. табл. 3).

Таблица 3 *

Военный округ	Количество танков, ед.		
	Общее	КВ	Т-34
Киевский особый военный округ	4772	320	694
Западный особый военный округ	2136	117	268
Прибалтийский особый военный округ	1421	79	108

* Данные на 22 июня 1941 г.

Хотелось бы заострить внимание читателя и на том, что в указанных военных округах на вооружении находилась значительная часть из имеющихся 636 КВ и 1225 Т-34, которые по своим боевым и эксплуатационным характеристикам во многом превосходили немецкие машины. Знаток военной техники немецкий генерал Э. Шнейдер писал: «Танк Т-34 произвел сенсацию. Этот 26-тонный русский танк был вооружен 76,2-мм пушкой... снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5—2 тыс. метров, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую или кормовую части танка Т-34» (Итоги второй мировой войны. Сборник статей. — М.: Воениздат, 1957,— С.302).

Возникает вопрос, почему, имея превосходную по тем временам технику, мы не смогли эффективно ее использовать. Беда, на наш взгляд, состояла не только в недостаточном количестве машин новых типов. Если не учитывать политические просчеты в оценке сроков войны, то главная ошибка заключалась в том, что в преддверии войны была затеяна грандиозная ломка организационных форм бронетанковых и механизированных войск (БТ и МВ).

К маю 1940 года реорганизация БТ и МВ завершилась лишь в основном. Были сформированы 39 танковых бригад (по 258 танков в легких и по 156 — в тяжелых бригадах) и 4 моторизованные дивизии (по 275 танков в каждой). Кроме того, имелось 20 танковых полков в составе кавалерийских дивизий и 98 отдельных танковых батальонов в стрелковых дивизиях.

Однако уже в июне 1940 года принимается решение о формировании механизированных корпусов (свыше 1000 танков в каждом из них). Новые организационные формы были приняты поспешно, без опытной проверки, а темпы формирования корпусов предусматривались очень высокие. В 1940 году намечалось создать 9, а в первой половине 1941 года еще 21 корпусное управление. Маршал Жуков вспоминал: «Для полного укомплектования новых мехкорпусов требовалось 16,6 тыс. танков только новых типов, а всего около 32 тыс. танков. Такого количества машин в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда» (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М.; Изд-во АПН. 1969. — С. 213). Поэтому в механизированные корпуса спешно были включены все танковые соединения и части, в том числе танковые батальоны стрелковых дивизий.

Таким образом, стрелковые соединения лишились основной ударной силы. Танки оставались лишь в кавалерийских дивизиях и воздушно-десантных корпусах.

Помимо этого, к началу Великой Отечественной войны было развернуто 29 управлений мехкорпусов, неукомплектованных, слабо управляемых, не защищенных от воздушного противника, личный состав которых имел слабую боевую выучку, и подготовка командных кадров для них находилась на низком уровне. Стрелковые соединения, как уже отмечалось, принявшие удар бронированной германской военной машины, остались без танков.

Ход боевых действий в последующем убедительно показал, что наиболее рациональными организационными формами танковых соединений явились танковые корпуса, имеющие в составе 200—250 танков, обеспечивающие развитие тактического успеха в оперативный. Но стало также очевидным, что для прорыва тактической обороны противника и создания своей устойчивой обороны в стрелковых соединениях необходимы танковые части. Значительное преимущество гитлеровской военной машины в первые дни войны создалось и за счет авиации. По сути дела, с момента агрессии против СССР немцы обеспечили себе господство в воздухе. Причин, на наш взгляд, можно выявить несколько.

Таблица 4

Марки самолетов	Количество
МиГ-3 Як-1 ЛАГГ-3	1946
Пе-2	458
Ил-2	249

Это и просчеты в оценке стратегической обстановки накануне войны, и тяжелые потери авиационной техники в результате первых налетов люфтваффе (к полудню первого дня войны в воздушных боях было сбито 300 и уничтожено на аэродромах 900 советских самолетов), и то, что ВВС наших приграничных округов находились в стадии перевооружения и переучивания на новые типы машин. Названные факторы общеизвестны.

Однако существовали причины и другого плана. Сошлюсь на А. С. Яковлева, выдающегося советского авиаконструктора, встретившего войну в должности заместителя наркома авиационной промышленности. «Одной из ошибок, — вспоминал он, — было предпочтение конструированию тяжелых многомоторных машин... Между тем господство в воздухе, как это показали «малые войны» 30-х годов и первые годы второй мировой войны, невозможно без сильной количественно и качественно истребительной авиации. Существенно было также и то, что до конца 30-х годов в нашей стране имелось лишь два мощных конструкторских бюро: одно — по бомбардировочной, другое — по истребительной авиации, и каждое из них являлось монополистом в своей области» (Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. — Изд. 5 е. — М.: Политиз-издат, 1987. — С. 208). Война в Испании, события на реке Халхин-Гол и в районе озера Хасан потребовали пересмотра наших взглядов на авиацию.

Углубленный анализ состояния авиационной техники СССР, Германии, Англии, США выявил наше явное отставание в этой области, и прежде всего от фашистской Германии. Был принят ряд радикальных мер для исправления создавшегося положения. Ситуация в авиационной промышленности стала коренным образом меняться. В срочном порядке развертывались новые конструкторские бюро и усиливались прежние, совершенствовалась их производственная и испытательная база, ужесточались сроки создания и запуска в серию новых образцов авиационной техники. Решительную поддержку получали молодые талантливые конструкторы, организаторы производства. Было укреплено и руководство наркомата авиационной промышленности: Л. М. Каганович был снят с должности наркома, а вместо него назначен А. И. Шахурин. Развитие авиационной техники и наращивание ее выпуска в предвоенные годы находилось под постоянным контропем Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И. В. Сталина.

Советские специалисты приступили к изучению техники вероятного противника, в том числе непосредственно в Германии. С этой же целью ряд новых образцов немецких самолетов был закуплен и доставлен в СССР. В исключительно короткие сроки удалось создать новые современные боевые машины, налаживалось их производство. И все же время было упущено.

В 1940 году было произведено всего 64 истребителя Як-1, 20 истребителей МиГ-3 и 2 пикирующих бомбардировщика Пе-2. И тем не менее надо признать, что в стране делалось многое, чтобы лишить противника качественного превосходства в области авиационной техники. В таблице 4 показано количество самолетов, выпущенных с 1940 до середины 1941 года.

Несомненно, количественное соотношение по авиации к началу войны было на нашей стороне. Но использовать его мы не сумели, точно так же, как и по другим видам вооружения и техники. Вместе с тем напряженный труд советских людей по созданию и производству высококачественной боевой техники и оружия в предвоенные годы не пропал даром, именно благодаря ему был заложен фундамент победы.

Военное искусство, развитие вооружения и военной техники опирались на экономические возможности страны, на достижения науки и техники. В предвоенные годы шел активный поиск новых приемов и способов ведения боевых действий, подготовки штабов, соединений, частей и подразделений, их организационных форм, совершенствовалась политическая работа, укреплялась воинская дисциплина, хотя, безусловно, и тогда имелись изъяны и недостатки.

В заключение предлагаем читателям проанализировать названия приказов народного комиссара сбороны СССР 1940 года, выдержки из заключительной речи наркома обороны на военном совещании 31 декабря 1940 г., а также один из приказов того времени. Думается, что эти документы в какой-то мере помогут передать обстановку в армии и на флоте в последний предвоенный год.

Заключительная речь народного комиссара обороны С. К. Тимошенко объемом 327 страниц включала в себя вступ-

ПЕРЕЧЕНЬ
приказов народного комиссара обороны СССР за 1940 год

Номер и дата приказа	Наименование (содержание) приказа
001 11.1.1940 г.	О назначении комиссии для проведения решения правительства по реорганизации Красной Армии.
008 14.3.1940 г.	О подготовке летно-технических кадров ВВС Красной Армии в 1940 году.
037 14.3.1940 г.	Мероприятия по улучшению работы аэроклубов Осоавиахима.
052 26.3.1940 г.	О введении в действие: 1) Временного положения об управлении полевой связи НКС в Красной Армии; 2) Временного положения об инспекторате полевой связи НКС в Красной Армии.
0328 21.11.1940 г.	О проведении в 1941 году в войсковых частях подготовки начальствующего состава запаса.
0357 18.12.1940 г.	О случаях извращения Дисциплинарного устава в 10-м строительном батальоне ЗабВО. Привлечение виновных к ответственности.
0360 20.12.1940 г.	О подготовке войск связи.
0362 22.12.1940 г.	Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии.
0367 27.12.1940 г.	О маскировке аэродромов и материальной части Военно-Воздушных Сил.
0368 27.12.1940 г.	О реорганизации Управления противовоздушной обороны Красной Армии в Главное управление противовоздушной обороны Красной Армии.

ление и три раздела. Предоставляем читателям возможность ознакомиться с наиболее интересными, на наш взгляд, выдержками из этого документа:

КРАТКАЯ ОЦЕНКА ЗНАЧЕНИЯ И ИТОГОВ СОВЕЩАНИЯ

1. Настоящее совещание, проведенное Главным военным советом, по своему содержанию и по своему значению является новым знаменательным этапом в жизни Красной Армии.

2. Итоги совещания огромны. Они настолько огромны, что нет даже возможности подвести их сейчас полностью.

3. Итоги совещания прежде всего показывают, что мы начинаем создавать новые основы, новые предпосылки для дальнейшего роста Красной Армии, что мы углубляем и расширяем ту перестройку в Красной Армии, которую стали осуществлять по директиве товарища Сталина полгода тому назад.

СОСТОЯНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ

1. Война с белофиннами выявила всю пагубность нашей системы боевой подготовки — проводить занятия на условности, кабинетным методом. Наши командиры и штабы, не имея практического опыта, не умели по-настоящему организовать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное — не умели по-настоящему командовать.

Младший командный состав и красноармейцы учились всему условно — и атаке, и наступлению, и форсированию рек.

На деле оказалось, что не нужны условности и рассказы о войне, а требуется умение по-настоящему серьезно воевать.

2. Летний период этого года явился переломным моментом в вопросах воспитания и обучения армии в условиях, приближающихся к боевым. Мой приказ № 120 четко определил, чему учить войска. Однако проведенные осенние смотровые учения выявили, что войска еще полностью не перестроились. Во всех округах оказались живучими еще старые, порочные методы работы.

Нужно открыто и честно признать, что работа по перестройке системы учебы (как

это требовалось моим приказом № 120) требует длительного времени и упорного труда.

3. Боевая подготовка и сегодня хромает на обе ноги. Сигналы о неорганизованности учебы с новобранцами в ряде округов свидетельствуют, что некоторые командиры частей и соединений несерьезно подходят к делу и неточно выполняют мои указания.

Вот факты безобразного отношения командиров частей и соединений к учебе новобранцев:

ЗАПОВО (Западный особый военный округ. — Л. И.) — 24 сд в течение месяца занималась без винтовок и без учебных приборов (лежали на складах и не были розданы).

КОВО (Киевский особый военный округ. — Л. И.) — 81 мд, 41 и 139 сд — командиры частей и дивизий, а также и их штабы не руководят и не контролируют хода боевой подготовки новобранцев (ограничились только отдачей приказов).

Эти факты свидетельствуют, что наследие старой расхлябанности не изгнано и живет вблизи больших руководящих начальников и их штабов. Во время войны такие начальники будут расплачиваться кровью своих частей. Поэтому мы должны сейчас же пресечь в корне всякое попустительство и потребовать точного выполнения приказов.

ЗАДАЧИ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ НА 1941 УЧЕБНЫЙ ГОД

Общие задачи для всех родов войск

1. На основе правильного сочетания методов воспитания и дисциплинарной практики обеспечить насаждение во всех звеньях армии действенной крепкой советской воинской дисциплины.

Дисциплина является главной силой армии. Недостаточно, чтобы наш боец бессознательно подчинялся требованиям дисциплины из-за боязни наказания. Он должен быть убежден, что дисциплина в армии необходима и что его начальники тоже подчиняются ей.

В основу дисциплины нужно положить в первую очередь воинское воспитание и личный пример командира.

2. Укрепить единоначалие как основу управления войсками, всемерно поднять роль и значение командного состава армии, поднять авторитет командира.

Далее в заключительном слове С. К. Тимошенко ставятся задачи родам войск: пехоте, коннице, артиллерии, автобронетанковым войскам, авиации, воздушно-десантным, инженерным и тыловым. Кроме того, большое внимание уделяется подготовке штабов (всех категорий), высшего командного состава, вопросам политической пропаганды в армии. Для примера приводим выдержки из этого раздела.

Пехота

1. Быстрый темп современных операций предъявляет большие требования к пехоте.

Упорные бои в суровых условиях Карельского перешейка потребовали от войск умелых действий и большого напряжения физических и моральных сил.

2. Извлекая уроки из опыта последних войн, в том числе и войны с белофиннами, нам нужно прийти к выводу, что наша пехота требует к себе большего внимания, чем мы уделяли ей до сих пор.

Нам пришлось на своем собственном опыте убедиться, что без хорошей пехоты в современной войне победы не достигнешь. Пехотинец должен быть храбр и решителен, самостоятелен и упорен в бою.

Эти качества мы должны внедрять неустанно всему личному составу пехоты и, в первую очередь, ее командному составу.

Автобронетанковые войска

1. Успешные наступательные операции на Западе в большей мере были обусловлены активными действиями танков в больших массах. Мехвойска явились средством прорыва и средством развития прорыва.

Война потребовала от мехвойск умения самостоятельно решать некоторые боевые задачи, вплоть до прорыва укрепленной полосы, и наряду с этим умелого взаимодействия с авиацией, артиллерией и пехотой.

2. В боевой подготовке автобронетанковых войск нам необходимо обратить внимание:

— на подготовку мехсоединений к самостоятельным действиям во всех видах боя, при поддержке авиации и во взаимодействии с воздушными десантами; отработку ведения наступательного боя и ввод в прорыв во взаимодействии со стрелковыми корпусами и авиацией.

ПРИКАЗ Народного комиссара обороны Союза ССР

СОДЕРЖАНИЕ: О сформировании Прибалтийского военного округа, расформировании Калининского военного округа и переименовании Белорусского особого военного округа в Западный особый военный округ.

№ 0141. 11 июля 1940 года. Москва

1. Приказываю сформировать к 1 августа 1940 г. Управление Прибалтийского военного округа с дислоцированием г. Рига.

2. Управление Прибалтийского военного округа формировать по штатам, установленным для Ленинградского военного округа...

3. Командующим войсками Прибалтийского военного округа назначается генерал-полковник Локтионов А. Д., начальником Штаба округа генерал-лейтенант Кленов П. С.

4. В состав Прибалтийского военного округа включить войсковые части, учреждения и заведения, дислоцируемые на территории Латвийской и Литовской республик, а также Западной части Калининской области в составе Опочецкого округа и районов: Ашевского, Бежецкого, Великолукского, Куньинского, Локнянского, Невельского, Ново-Сокольнического, Октябрьского, Плоскошского, Серетинского, Торопецкого и Холмского.

5. Расформировать Управление Калининского военного округа с обращением личного состаза на укомплектование Прибалтийского военного округа.

6. В состав существующих военных округов дополнительно включить:

а) Ленинградскому военному округу — войска и учреждения, находящиеся на территории Эстонской республики;

б) Белорусскому особому военному округу — Смоленскую область — войска, учреждения и заведения, находящиеся на территории Смоленской области;

в) Московскому военному округу — Калининскую область без Опочецкого округа и районов, указанных в п. 4 настоящего приказа, с войсками, учреждениями и заведениями, находящимися на этой территории.

7. Переименовать Белорусский особый военный округ в Западный особый военный округ.

8. Начальнику Генерального штаба Красной Армии дать перечень частей, учреждений и заведений:

а) включаемых в состав Прибалтийского военного округе;

б) передаваемых из состава Калининского военного округа в состав Западного и Московского военных округов.

9. О сформировании Прибалтийского военного округа командующему войсками донести 31 июля 1940 г.

10. Приказ ввести в действие по телеграфу.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

Николай Николаевич ВОРОНОВ - главный маршал артиллерии

Полковник В. Н. ВОРОНОВ, кандидат военных наук

ОТЦА И МАТЬ ясно помню с шести-семи лет. Отец тогда заканчивал учебу в Военной академии имени М. В. Фрунзе, куда он, будучи командиром артиллерийского дивизиона в Белорусском военном округе, был направлен, как отличившийся на опытном учении.

Общежитие слушателей на улице 25 Октября (бывшая Никольская). Многочисленные комнаты в длинных коридорах. Наша ничем не отличается от других, только разве постоянно поддерживаемой чистотой, в чем заслуга моей матери Любови Михайловны, уроженки Риги. Она всегда любила порядок в доме и успешно приучила к нему отца и в меньшей степени меня. У нас многое напоминало о профессии отца: настольная лампа из корпуса снаряда, бинокль, шпоры, планшетка с компасом. По вечерам часто видел, как отец склонялся над тетрадями или лежал на полу среди топокарт, нанося обстановку.

В свободное время он всецело отдавался футболу. С юношеских лет и до окончания академии много играл, а затем стал заядлым болельщиком. Благодаря своему росту постоянно занимал излюбленное место в воротах. Всегда испытывал удовольствие от игры. Напротив, моя мать ужасалась его виду после каждого матча и сразу же начинала накладывать ему разные примочки и смазывать йодом его травмы. Вратарь лишь отделывался шуточками и давал очередное обещание, что повреждений больше не будет и что он постарается играть осторожнее. Но каждому понятно — футбол без столкновений и травм невозможен.

В сборной футбольной команде академии играющим тренером был Б. Аркадьев, в 40-е и 50-е годы возглавлявший знаменитую команду ЦДКА. Как-то Борис Андреевич откровенно сказал отцу: «Вы были не выдающимся, но надежным игроком». Это прозвучало как похгала. Надо заметить, на хорошие оценки этот тренер был скуп...

ПОДХОДИЛ к концу 1930 год. Тогда мы всей семьей любили гулять в Александровском саду возле Кремля. Отец чаще бывал в форме: френче с петлицами и двумя шпалами на них, при ремне с портупеей и в сапогах со шпорами. Однажды на безлюдной тропинке навстречу нам вышел человек в полувоенной форме, небольшого роста, с темными пушистыми усами, за которым позади следовала фигура в кожаной тужурке с наганом на боку. Отец, увидев приближающихся людей, как-то сразу подтянулся, быстро повернул голову в их сторону и четко отдал честь. Усатый, скользнув по нас быстрым взглядом, неторопливо прошел мимо, направляясь к Боровицким воротам.

— Это Буденный? — допытывался я, вспомнив фотографию легендарного полководца гражданской войны, имевшуюся в нашем альбоме.

— Нет, — отвечал отец. — Сталин. Мне эта фамилия тогда ничего не говорила. Но вскоре «человек с пушистыми усами» стал вершителем судьбы моего отца.

Помню, как вечерами отец торопливо исписывал страницу за страницей, работая над воспоминаниями о гражданской войне. Он часто повторял мне, как важен любой, даже небольшой эпизод, относящийся к войне, в которой лично участвовал, и насколько трудно ему спустя десять лет вспоминать все ее детали. И теперь у меня перед глазами эта стопка тоненьких тетрадей, исписанных размашистым, но аккуратным отцовским почерком с характерным наклоном влево.

С отъездом отца в перзую заграничную командировку в Италию на военные маневры связаны другие яркие воспоминания. Отъезд оказался неожиданным для нас. Однако как было интересно слушать потом бесконечные увлекательные рассказы об этой стране. Делиться впечатлениями он умел!

Наша военная делегация была представлена королю Италии Виктору Эммануилу III и «дуче» итальянских фашистов— Муссолини, который чванливо вещал об особой «миссии» Италии в бассейне Средиземного моря. И как мы смеялись, когда узнали, какие трудности испытывал отец из-за своей бритой головы, ведь в Италии ее бреют только больным или заключенным. Поэтому отец там вынужден был все время носить шляпу...

В 1934 ГОДУ отца назначили начальником ленинградского артиллерийского училища имени Красного Октября, старейшего и именитого учебного заведения, бывшего Константиновского. Помню большую кружку с красивым вензелем «К», оставшуюся от прежнего юнкерского училища. Отец очень гордился тем, что вступил в командование учебным заведением, где сам учился в 1918 году и получал первоначальное артиллерийское образование (тогда зто были 2-е советские Петроградские командные артиллерийские курсы). Петроград являлся родным городом отца. Здесь прошло его трудное детство в Лесном и Удельном. Здесь сн учился в реальном училище. Здесь жили коренной житель этого города наш неугомонный дедушка Николай Терентьевич, сестра отца Варвара Николаевна и немногочисленные более дальние родственники... Учеба курсантов на полигоне в Луге была насыщена полевыми занятиями, тренировками на местности, артиллерийскими стрельбами, большинство из которых находились под неослабным наблюдением начальника училища. В любой момент он мог принять участие в них. Отец строго придерживался личного плана своей работы, где по минутам были расписаны его служебные дела. Всегда удивлялся его пунктуальности, но она очень помогала ему проводить в жизнь все намеченное. В годы войны он не изменял ей. И даже незадолго до кончины (28 февраля 1968 г.) на его рабочем столе лежал блокнот с пометками, когда и кого принять, с кем встретиться, куда поехать выступить с докладом.

НЕЗАМЕТНО подступил 1936 год с его грозными событиями. Несмотря на хвастливые заверения итальянских фашистских главарей в скорой победе, отважные абиссинцы нанесли ряд чувствительных ударов агрессорам. Через год судьба сведет отца с итальянцами уже не на поле маневров, а в боях под Гвадалахарой в Испании. Пройдет еще шесть лет, и он будет участвовать в разгроме отборной 8-й армии в сражении за Сталинград. Так успешно он завершит «знакомство» с итальянскими войсками, длившееся десять лет.

Между тем на страницах газет замелькали города Бильбао, Картахена, Кадис, Аликанте. Для нас настали тревожные дни. И вдруг внезапный ночной вызов отца в Москву. Мы с мамой живем в постоянной тревоге. Ведь начались массовые аресты в стране. Они коснулись и наших друзей. Мать совсем поседела. Прислушиваемся к каждому звонку и стуку в дверь. Что с отцом? Жив ли он? На эти вопросы знакомые пожимают плечами и разводят ручами, как могут, успокаивают. Где-то через месяц Р. Хмельницкий (порученец Ворошилова) сообщает нам по телефону, что отец в длительной командировке на Дальнем Востоке и с ним все в порядке. Понятно, наши волнения не улеглись.

COMITÉ EJECUTIVO POPULAR

Salvoconducto

Autorizamos para circular por la zona de guerra de la provincia de TERUEL al camarada Coronel Voltar.

con el coche marca matrícula cuyo mando es el ejército de nuestra causa en el frente de Zaragoza.

y durará ... días.

Rogamos a todas las autoridades civiles, militares y sindicales le faciliten su marcha para mejor desempeño de su misión.

Valencia 21 de diciembre de 1936

EL DELEGADO

CONTROL

VALENCIA

Фронтовой пропуск Н. Н. Воронова — полковника Вольтера (декабрь 1936 г.)

Вскоре получаем письмо в заграничном конверте, надписанном отцом. Он сообщал, что жив и здоров, много работает и надеется на скорую встречу. Ничего конкретного между строк не угадывалось. Но, любуясь лощеной бумагой, я невольно посмотрел ее на свет и увидел надпись водяным шрифтом — «Валенсия». Все стало ясно, но тревоги не убавилось, хотя мы понимали, что отец находится там, где фашизм встретил мужественный отпор трудового народа. Потом письма пошли чаще. Заходили знакомые, интересовались. Все — очень осторожно, и разговоры велись только дома.

Наконец долгожданная встреча с отцом! Около года его не было дома. К перрону Московского вокзала медленно подходит «Красная стрела». На подножке вагона — высокий мужчина в сером берете. Так это мой отец! Стремительно бросаемся друг к другу и никого не замечаем кругом. Отец увлекательно говорит о тех, с кем исколесил не одну сотню километров по дорогам Астурии и Каталонии, кто был рядом с ним в ожесточенных боях на реке Эбро, кому благодарен за добрые советы и поддержку в кризисные дни обороны Мадрида.

С уважением называл имена Якова Смушкевича, Павла Батова, Петра Иванова, Дмитрия Павлова, Николая Кузнецова и других, которые, став его боевыми соратниками, вошли затем в его жизнь большими друзьями. Несмотря на отдельные неудачи, связанные с недостаточным количеством средств разведки, слабой подготовленностью орудийных расчетов, ненадежным подвозом боеприпасов, отец был удовлетворен тем, что он успел сделать в Испании. Он сумел воплотить в боевой обстановке ряд своих идей, в частности, целиком оправдала себя практика массирования огня артиллерии на решающих направлениях.

Вскоре узнаем волнующую новость. За отличное выполнение специального задания в Испании отец награждается орденами Ленина и Красного Знамени. В июне 1937 года он выдвигается на ответственную должность начальника артиллерии Красной Армии. Тогда же ему присваивают внеочередное воинское звание комкор. Партия и Советское правительство доверили моему отцу в 38 лет возглавить один из важнейших родов войск нашей армии — артиллерию. В продолжение 13 лет, как в беспокойное мирное время, так и в суровый военный период, он отдавал свои силы и знания армии, находясь на этом посту.

ПОЧЕМУ отец стал военным?

Совсем недавно удалось узнать кое-что из родословной Вороновых. По одной версии, в Первомайском районе Горьковской области находится деревня Лапша, где большинство жителей носит фамилию Вороновы, и среди них упорно держится мнение, что предки главного маршала артиллерии родом из их села. Вблизи этой деревни располагалось имение сына знаменитого русского историка Н. Карамзина — Александра Карамзина, заводчика. В тех краях верят, что многие Вороновы породнились с потомками Карамзиных.

По другой версии, наша родословная восходит ко времени Дмитрия Донского. Его сподвижник Волынский-Бобров имел двух детей. От старшего сына Бориса образовалась ветвь Волынских. От младшего Давида — Вороных, Вороновых.

Глядя на ворон, отец любил говорить: «Наши родственники! Доподлинно известно, что они являются старожилами лондонского Тауэра и находятся под покровительством королевской власти».

Суровая обстановка 1918 года подсказала отцу, что свое будущее он должен завоевывать с оружием в руках. Поэтому без колебаний становится он в ряды защитников молодой Советской республики. Почему выбор пал на артиллерию? Дело случая! До революции вся семья часто на лето выезжала за город в район Луги, где однажды подслушанный разговор двух артиллеристов об их службе привлек внимание юноши. Любопытство переросло в настоящее влечение, «нержавеющую» любовь к этому роду войск.

БОЛЬШЕ всего забот у отца на новой работе вызывало внедрение эффективных образцов артиллерийского и минометного вооружения. Драматически сложилась судьба реактивного оружия в нашей армии.

Летом 1938 года проводились полигонные испытания наземных реактивных установок, на которых присутствовал Воронов. Мнение Ворошилова было однозначно: «Я еще не верю этому оружию, требующему длительного совершенствования». Воронова также настораживало его большое рассеивание. Явная недооценка реактивного оружия привела к тому, что, когда началась война, мы имели сформированной одну-единственную реактивную батарею под командованием капитана И. Флерова. Первый ее залп 14 июля 1941 года под Оршей убедительно показал, насколько грозным является новое оружие. Срочно пришлось бросать силы и средства на создание реактивных подразделений и частей. Уже в августе под Москвой формируются первые восемь реактивных полков. Только подумать! К концу войны число реактивных дивизионов на фронтах достигло 457!

Не все обстояло гладко с развитием тактики применения реактивной артиллерии. Обособленность нового рода войск привела к тому, что его начальник военный инженер В. Аборенков, не сведущий в тактических и оперативных вопросах, своими действиями затруднял применение артиллерии, не организуя с ней взаимодействие и пытаясь самостоятельно решать непосильные задачи.

Сталин уполномочил Маленкова лично установить «надзор» за гвардейскими минометными частями (ГМЧ). Членами военного совета ГМЧ становятся заведующий оборонным отделом ЦК партии Л. Гайдуков и секретарь МК партии Н. Фирюбин.

Отец по-прежнему пытался препятствовать отделению ГМЧ от артиллерии, но постановление ГКО, принятое в сентябре 1941 года, о создании управления ГМЧ не оставляло, казалось бы, ему никаких шансов на успех.

Нужно было знать отца! Не смирился он с подобной несуразицей, а — может быть, его подогревало еще чувство вины за то, что когда-то не сумел он своевременно оценить боевые качества перспективного оружия. Но благодаря настойчивым усилиям Вороноза в Ставке ГМЧ с апреля 1943 года подчинили командующему артиллерией Красной Армии. Правда, какой ценой! Он приобрел в лице Маленкова непримиримого противника до конца войны. Считал его виновником того, что артиллерия оказалась без вертолетов, которые требовались в качестве артиллерийских корректировщиков. В 1944 году Маленков отказал в просьбе Воронова выделить завод и кадры для их производства.

Однажды дело дошло до взыскания. Придравшись, что Воронов, выполняя задачи представителя Ставки на Западном фронте в начале 1944 года, затратил излишнее количество материальных средств, Маленков добился объявления

Командарм 2 ранга Н. Н. Воронов (Бессарабия, 1940 г.). Публикуется впервые

ему выговора. А ведь Воронов получил задание от Верховного любыми способами и средствами воспрепятствовать переброске резервов противника на другое важное направление, не считаясь с затратами. Пришлось пережить и это...

В АВГУСТЕ 1939 года мы опять провожали отца, на этот раз в Монголию. В районе Халхин-Гола развернулись тяжелые бои с японскими агрессорами. Они проходили в сложных условиях и явились серьезным испытанием для наших артиллеристов. Яростные действия фанатичного противника вынудили наши войска проявить волю и умение, чтобы одолеть упорного врага. Тогда японская артиллерия считалась ведущей среди артиллерий других зарубежных стран. Однако советские артиллеристы показали себя лучше, умело действуя как в обороне, так и а наступлении. Впервые ими было осуществлено планирование и управление артиллерией в масштабе армейской группы войск, в чем немалая заслуга Воронова. На Халхин-Голе впервые встретились и действовали сообща Воронов и Жуков. Оба комкора удачно дополняли друг друга характерами и привычками. На сохранившихся фотографиях П. Трошкина они показаны в работе над картой, у трофейной техники, на отдыхе. Их дальнейшее сотрудничество и дружба непрерывно длились во время Великой Отечественной войны и выдержали не одно испытание. Помню, как в 1940 году Георгий Константинович, командуя Киевским особым военным округом, приезжал несколько раз в Москву. Он любил останавливаться у нас. Мама всегда устраивала ему постель на диване, хотя он настаивал на том, чтобы спать на полу. Узнав, что у меня ладится с учебой в школе, подарил небольшие ручные часы. Я их бережно носил всю войну.

Отец вернулся в Москву, довольный проделанной работой и ее результатами. Но из победы также следовало извлечь уроки. Предстояло крепко подумать, в каком масштабе организовывать контрбатарейную борьбу, как централизовать управление крупной массой артиллерии. Теперь мы живем в Доме правительства — мрачном сером здании у кинотеатра «Ударник», которое все больше пустеет с каждой ночью. Идут повальные аресты. Повсюду делается все тревожнее. Мама стала как лунь седой. А тут еще автомобильная катастрофа, в которую попал отец...

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ к началу советско-финляндской войны отец оправился после автокатастрофы, был снова в полной готовности. Запомнилась беспощадная зима 1939 года, когда ртутный столбик опус-кзлся до минус 40 градусов. На улице было трудно дышать, обжигало словно огнем. Думалось, а как там нашим бойцам на Карельском перешейке? По утрам люди набрасывались на газеты, читая лаконичные строки оперативной сводки штаба Ленинградского военного округа. Шли сборы отца в очередную фронтовую поездку. Вот он берет с собой кожаное пальто с меховой подкладкой и, стараясь как-то отвлечь нас от грустных мыслей, шутит: «Антиобледенитель!»

— Скоро вернусь! — говорит на прощание.

К сожалению, так тогда думало большинство наших военачальников, не ожидая упорного сопротивления противника. Вместо скоротечной кампании завязались затяжные, кровопролитные бои. На многие уставные положения пришлось взглянуть другими глазами. По городу ползли слухи о непробиваемости финских долговременных сооружений из-за их особого резинового покрытия, от которого якобы рикошетировали наши снаряды. Действительно, наступление наших войск заглохло. Причина же крылась не в резиновых покрытиях, имевшихся у противника, а в том, что опыт прорыва долговременных оборонительных позиций был недостаточен. Стоило наладить артиллерийскую разведку и взаимодействие артиллерии с пехотой и танками (и не только это), как дело пошло на лад.

Наслышанные о вражеских снайперах-«кукушках» и минах-«сюрпризах», мы очень беспокоились за отца. Но как он любил говорить, возвращаясь к нам: «Даже не царапнуло!»

Мог ли я предположить, что спустя пять лет сам буду воевать на Карельском перешейке в должности командира взвода 280-мм мортир. Тогда я убедился, насколько важную роль играла наша артиллерия в советско-финляндской войне, увидев в журнале «Суомен-Кувалехти» статью с портретом отца. В ней подчеркивалось, что «комкор Воронов со своими пушками является опасным врагом для Суоми», Более лестной оценки нашим артиллеристам и не придумаешь!

А ТЕПЕРЬ я хочу вернуться ко времени Великой Отечественной, ее исполненным высочайшего трагизма событиям.

Осенью 1941 года отец, как представитель Ставки, находится в блокадном Ленинграде. Смертельная опасность нависла над городом. Боль в его сердце оставили виденные им страдания ленинградцев, зияющие раны площадей и улиц.

Представитель Ставки остро переживал неудавшийся прорыв блокады в октябре-ноябре 1941 года. Слишком мало сил нашлось для прорыва, чтобы разорвать кольцо окружения. Много просчетов допустили артиллеристы. Отец считал себя виновным в случившемся. Ведь все надежды были связаны с пробитием бреши у Невской Дубровки.

После все его помыслы были направлены на борьбу с артиллерией и авиацией противника. Надо было активно противодействовать артиллерийским и воздушным налетам, чтобы обезопасить город. Воронов начал увязывать усилия артиллерии Ленинградского фронта и береговой и корабельной артиллерии Балтийского флота. Следующий шаг был сделан в расчете на повышение эффективности контрбатарейной борьбы. В этих целях прежде всего налаживалась разведка, способная быстро и точно давать разведданные о батареях противника.

Предстояло решить и самый главный вопрос как подавить артиллерию противника, не имея над ней численного превосходства?

Воронову пришел на помощь труд известною артиллерийского теоретика 30-х годов Ю. Шейдемана по контрбатарейной борьбе. Этот автор утверждал, что с батареями противника можно успешно бороться, поражая его наблюдательные пункты, как бы «ослепляя» их. При наличии же сильной артиллерийской группировки врага, когда для ее уничтожения требуется большое количество артиллерии и боеприпасов, по его мнению, достаточно было поразить систему наблюдательных пунктов и средств управления, чтобы парализовать на определенное время артиллерию противника.

Воронов решил организовать надежное управление огнем артиллерии, используя самые высокие точки города: Дом Советов, мясокомбинат, элеватор. Чтобы успешно корректировать огонь по самолетам, создали пункт управления зенитной артиллерии на куполе Исаакиевского собора. Срочно принятые меры значительно ослабили огневую мощь уда-

ров по городу. Тем самым были спасены многие тысячи человеческих жизней, хотя тиски блокады продолжали сжимать Ленинград, отрезая его от всей страны.

В письмо, присланном из осажденного Ленинграде, отец с грустью и болью писал о погибших родственниках. Оборвалась жизнь тети Симы после разрыва вражеского снаряда, Серафимы Андреевны, которая заменила отцу в раннем детстве его мать Валентину Андреевну, рано ушедшую из жизни. Муж сестры отца Иван Ефимович Зверев погиб во время перехода кораблей Балтийского флота из Таллинна в Кронштадт. Несмотря на настойчивые уговоры, наотрез отказался покинуть город отец отца — народный учитель Николай Терентьевич Воронов. «Останусь здесь со всеми!» — решительно заявил он и продолжал всю блокаду учительствовать на Выборгской стороне.

Отец был ошеломлен известием о расстреле начальника артиллерии Западного фронта Н. Клича вместе с Д. Павловым и другими работниками управления фронта за неудачи наших войск в первые дни войны. Отец хорошо знал Николая Александровича, сменившего его на посту военного советника в Испании и гнусно обвиненного в трусости и паникерстве. Но что он мог тогда сделать?..

С НАСТУПЛЕНИЕМ лета 1943 года центральным становится курское направление. Еще до начале Курской битвы было известно, что гитлеровское командование опять делает ставку на танки, в том числе на тяжелые танки и штурмовые орудия: «тигр», «пантера» и «фердинанд».

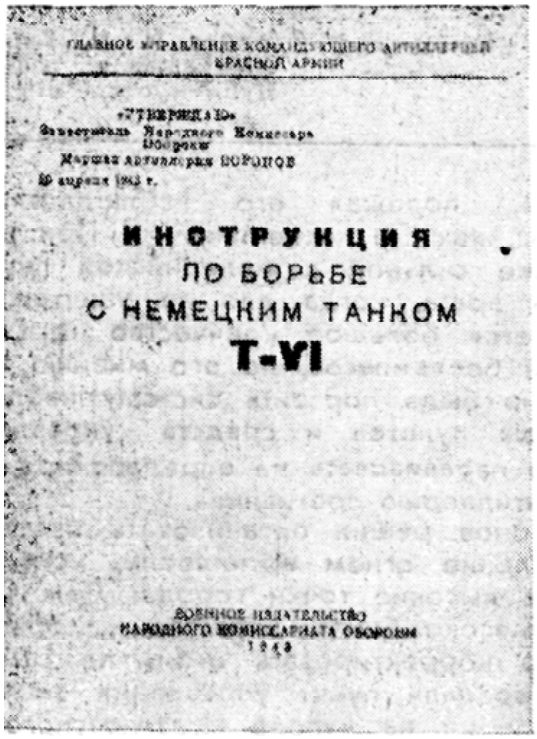
Наше командование предвидело возможный ход событий. Штаб артиллерии РККА оперативно разработал инструкцию по борьбе с немецким танком T-VI («тигр»), которую 20 апреля 1943 года утвердил заместитель народного комиссара обороны маршал артиллерии Воронов.

За скупыми строчками инструкции просматривалась непреложная истина: основным средством борьбы с танками врага вновь будет артиллерия. Появление тяжелых танков перед позициями наших войск не вызывало паники. Борьба с ними велась умело.

Артиллеристы начали подготовку в учебных центрах в мае. Руководили учебными сборами Н. Н. Воронов и его высокообразованный начальник штаба Ф. А. Самсонов. В ходе сборов проводились командно-штабные учения по теме предстоящей операции с личным составом управлений четырех артиллерийских корпусов.

Вечером 4 июля Воронова срочно вызвали в Ставку. Поступили сведения, что противник на рассвете 5 июля должен перейти в наступление по всему фронту в районе Курского выступа. Отцу предстояло немедленно выехать туда и оказать помощь командованию Брянского фронта в предстоящем сражении. Колонна машин представителя Ставки после недолгих сборов тронулась в путь. С ней выехали порученец А. Стеганцев, старший адъютант А. Митерин и адъютант И. Соколов. По прибытии требовалось сразу связаться с разведчиками и операторами, чтобы получить необходимую информацию для Воронова. Этим всегда успешно занимался Стеганцев. Он слыл искусным специалистом по обработке нужных сведений. Много хлопот было и у Александра Ивановича Митерина: через него передавались и принимались распоряжения и доклады. Горячий и порывистый, он поспевал всюду. Отец в письме, в частности, матери писал: «Ценю очень Митерина, это клад, без него просто пропадешь...» Что касается Игоря Александровича Соколова, он являлся полной противоположностью старшему адъютанту. Вдумчивый человек, всегда спокойно принимающийся за выполнение любого задания. А их было так много! Подготовить транспорт, организовать рабочие места, отдых, охрану, питание и немало другого, что не предусматривает ни один устав. Нельзя не упомянуть о водителях автомашин Воронова — невозмутимом А. Орлове и заядлом охотнике В. Семенове. Откуда только они черпали свои силы? Бессонными ночами под обстрелом и бомбежками одним чутьем находили шоферы пути-дороги и даже в грозных ситуациях не теряли чувства юмора. Со всеми этими людьми Воронов делил свои фронтовые заботы, радости и огорчения.

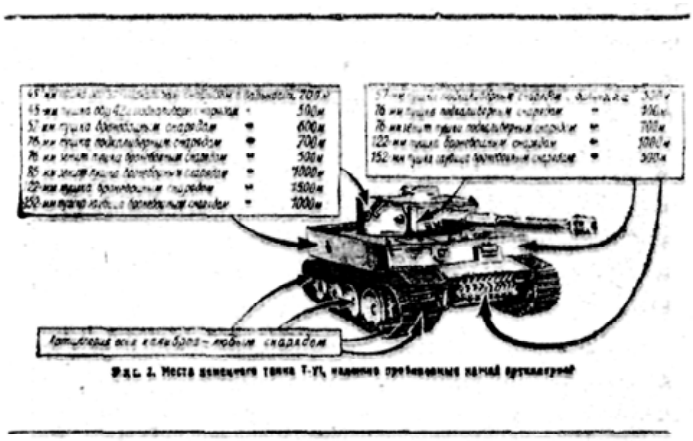
Машины двигались всю ночь. Воронов не сомкнул глаз. Он вообще имел привычку спать в машине, а тут мозг сверлила неотступная мысль о том, как с контрподготовкой. Успела открыть огонь артиллерия или опоздала? Приближаясь к фронту, Воронов заметил зарево на горизонте. Оттуда доносилась орудийная канонада. Непонятно было только, чья бьет артиллерия — врага или наша. Беспокойство не оставляло представителя Ставки. Тем не менее едва забрезжил рассвет, колонна благополучно достигла расположения командного пункта Брянского фронта. И вот уже командующий фронтом М. Попо в спешит навстречу Воронову. Следует доклад. Выбор момента открытия огня на соседнем Центральном фронте оказался своевременным и контрподготовка значительно ослабила силу главного удара противника и резко


ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО АРТИЛЛЕРИЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

«УТВЕРЖДАЮ»
Заместитель Народного Комиссара Обороны
Маршал артиллерии ВОРОНОВ
20 апреля 1943 г.

ИНСТРУКЦИЯ
ПО БОРЬБЕ
С НЕМЕЦКИМ ТАНКОМ
T-VI

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
1943



Титульный лист инструкции
и рисунок немецкого танка из нее

снизила темпы его наступления. Надо сказать, отец всегда от души радовался успехам артиллерии. Так было и в этот раз. Он гордился своей профессией артиллериста, которой никогда не изменял, несмотря на заманчивые предложения.

Например, в 1940 году наотрез отказался от должности командующего Белорусским особым военным округом...

СПУСТЯ некоторое время отец снова выехал на фронт. Теперь путь представителя Ставки лежал на Калининский фронт, где его подстерегала смертельная опасность. Только личное мужество и находчивость спасли ему жизнь.

Ехали на «виллисах» из одной армии в другую с целью проверки готовности войск к наступлению. Воронова одолевало беспокойство в связи с тяжелым положением с боеприпасами и горючим, несвоевременный подвоз которых задерживал начало операции. Видимо, не обойтись без отсрочки перехода в наступление, что грозило большими неприятностями со стороны Сталина. Миновали густой лес и очутились в лощине, вдоль которой протянулась небольшая роща. Сочная и пахучая зелень напоминала, что лето еще в разгаре. Николай Николаевич знал и ценил природу, ведь в юности он мечтал стать агрономом. Когда ему удавалось побывать на охоте или рыбалке, прежде всего наслаждался общением с природой. Любуясь пышными кронами деревьев, старался отвлечься от невеселых мыслей.

Внезапно мирную тишину разорвала длинная автоматная очередь, за ней последовали другие. Стреляли с опушки рощи. Пули вздымали фонтанчики земли на дороге и дырявили обшивку «виллисов», Воронов тотчас остановил движение и крикнул, чтобы все укрылись за машинами. Затем он приказал адъютанту И. Соколову, который прикрывал его с солдатами охраны, блокировать рощу и попытаться захватить стреляющих живыми, выхватил из заднего кармана «вальтер» и залег у колеса машины. Нечасто приходилось на войне маршалам быть на огневом рубеже, ведя стрельбу по врагу. Отцу было видно, как охранники перебежками обходят рощу. Вскоре стрельба прекратилась, и к нему под конвоем подвели трех дюжих молодцов, одетых в советскую форму младших лейтенантов с документами работников «Смерш». Первый же допрос показал, что эта диверсионная группа имела задачу уничтожать наших крупных военачальников на фронте, что являлось частью обширного плана гитлеровского командования на этот счет. Диверсанты стояли потупя головы, понимая, что их ждет незавидная участь. Пленных отправили в ближайший штаб армии.

Воронов, благодаря Соколова за сноровистые действия, в шутку добавил, что у него особый нюх на злоумышленников. О покушении на Воронова быстро забыли.

Но весной 1944 года нечто схожее произошло в другом месте, *с* другим военачальником. Тогда тяжело ранило командующего 1-м Украинским фронтом генерала Н. Ватутина. Через некоторое время он в мучениях скончался. Страна потеряла талантливого полководца. Это произошло потому, что не были приняты надежные меры безопасности.

В ТЕ ГОДЫ не только боевые испытания выпадали на долю многих людей. Однажды Берия срочно вызвал Воронова к себе на Лубянку и между ними произошел такой диалог:

— У тебя есть сын? — вкрадчиво начал говорить Берия.

— Да, офицер, — не понимая, к чему клонит «всемогущий», отвечал Воронов.

— Где он сейчас?

— Воюет на Ленинградском фронте, — спокойно отвечал отец.

— А ты уверен, что он там? — перешел на резкий тон Берия.

— Три дня назад получил от него письмо, — сказал Воронов.

— Странная история, — загадочно усмехнулся Берия, а потом раскрыл карты.

— На 1-м Белорусском фронте попал в плен к немцам командир батареи старший лейтенант Воронов. Выдал себя за твоего сына. Его на самолете отправили в Берлин. Знаешь, чем это пахнет для тебя? — медленно, с расстановкой произнес Берия, сверкнув пенсне.

Воронов на какой-то миг оторопел. В голове пронеслось: «Володя на Ленинградском. Если что, сообщили бы без промедления». И твердо ответил вопрошающему:

— Сын, командир взвода, воюет на Карельском перешейке под Ленинградом.

Берия, не прощаясь, показал жестом, что Воронов может ехать.

И все-таки отцу стало тревожно. Воронов срочно созвонился с Г. Одинцовым, командующим артиллерией Ленинградского фронта, и, только поговорив с ним, успокоился: «С сыном все в порядке».

Впрочем, были у отца и «отдушины» от повседневных забот, хотя и нечасто, и то лишь к концу войны. В часы досуга отец преображался. Как-то стихийно у нас дома состоялся импровизированный концерт новых друзей — артистов Московского театра оперетты. Первым, засучив рукава, решительно сел за рояль Серафим Михайлович Аникеев. Его поддерживает чарующий лирический тенор Михаила Арсеньевича Качалова. Не может удержаться и отец. Берет в руки сложенную пополам газету, словно ноты, и как заправский баритон начинает: «Ах, зачем эта ночь так была хороша...» Заключительный куплет они поют уже втроем под шумные аплодисменты. Не остается в долгу и Григорий Маркович Ярон, уморительно показывая клиента в парикмахерской, которому делают обжигающий компресс. Его притворные конвульсии вызывают гомерический хохот...

Бригадный генерал Шарль де Голль и главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов (Волгоград, Мамаев курган, 1966 г.)

В НАЧАЛЕ декабря 1944 года в Москву прибыл председатель Временного правительства Французской Республики генерал Шарль де Голль с сопровождающими лицами для заключения договора о союзе и взаимной помощи между СССР и Францией. Пере-

говоры проходили напряженно, часто заходили в тупик из-за расхождения во мнениях относительно будущего устройства Польши. Рослый, с проницательными глазами, де Голль внешне походил на Воронова. Они познакомились на переговорах в Кремле и легко нашли общий язык, так как Воронов прилично изъяснялся на французском, лишь изредка прибегая к помощи превосходного переводчика Б. Подцероба. На одной из встреч Воронов не удержался и спросил у де Голля, каково его мнение о современной артиллерии. Тот ответил, что по призванию он танкист, а вот для А. Жюэна артиллерия давнее увлечение. Генерал Жюэн (будущий маршал Франции) включился в беседу и сказал, что раньше русские артиллеристы приезжали во Францию учиться своему делу, а теперь французы вынуждены ехать сюда, чтобы перенять опыт советских артиллеристов.

После войны Воронов, будучи во Франции, получил в подарок от президента его «Военные мемуары». Любопытно, что в третьем томе (в СССР он не издавался) в главе «Шеренга» есть авторская характеристика Сталина: «Он (Сталин) обладал огромной волей. Утомленный жизнью заговорщика маскировать свои мысли и свою душу, не считаться с иллюзиями, жалостью, искренностью, видеть в каждом человеке препятствие или опасность, все у него выражалось ухищрением, недоверием и упрямством» (Charles de Gaulle Memoires de guerre. Le salut 1944—1946. — Plon, 1965.— P. 60—61). Это небезынтересная зарисовка человека, о котором мемуарист судит по первому впечатлению.

Описывает де Голль и торжественный прием в Георгиевском зале Кремля для французской делегации: «Сталин провозглашал здравицы в честь партийных и государственных деятелей, генералов и должностных лиц... с пафосом перечислял их заслуги и обязанности, совмещая похвалу с угрозой. Обращаясь к начальнику артиллерии, произнес: «Воронов, за твое здоровье! У тебя задача развернуть на полях сражений всю систему наших калибров. Благодаря ей противник подавляется по фронту и в глубину. Дави смелее своими орудиями!» В адрес Новикова, начальника ВВС, сказал: «Наши самолеты — это ты, который их применяешь. Если ты плохо управляешься, то должен знать, что тебя ждет!» Называя начальника тыла, грозно предупредил: «Его обязанность доставлять на фронт грузы и людей. Ему нужно делать все, как надо, иначе он будет повешен, как это практикуется в нашей стране!» (Ibid. — P. 74—75).

Отец говорил, что де Голль, конечно, сгустил краски, но атмосфера приема передана достаточно правдиво.

ВО ВРЕМЯ Первомайского парада в 1946 году к Воронову на трибуне Мавзолея подскочил Н. Власик, начальник личной охраны Сталина, сказал, что его хочет видеть «хозяин». Генералиссимус стоял немного в стороне от других. Когда отец подошел к нему, он повернулся и спросил: «Что вы можете сказать о Жукове?» Воронов сразу понял, что над Георгием Константиновичем сгустились мрачные тучи. Но, мужественно сохраняя присутствие духа, ответил: «Знаю его продолжительное время, уважаю как талантливого полководца, волевого и решительного». А в июле Жукова сняли с должности главнокомандующего Сухопутными войсками и направили в Одесский военный округ. Видимо, вопрос задавался, когда судьба Жукова в принципе была решена. Но что-то недоставало для окончательного определения его нелегкой участи.

После Первомайского парада 1947 года состоялся прием для его участников в Кремле. Сверкающий огнями Георгиевский зал. Ровными рядами расставлены столы вдоль одного длинного стола, протянувшегося через весь зал. Над всем возвышается помост, который служит сценой. Отец взял меня с собой «в первую шеренгу» перед главным столом. Сижу так близко от Сталина, Молотова, Маленкова, Вознесенского, Берии, Булганина, что становится не по себе. Лица у них землисто-серого цвета, какие-то неестественные, Сталин оказался человеком небольшого роста, худощавым, с редеющими седыми волосами и заметной лысинкой Часто посматривает в программу вечера, так как идет концерт. Ни с кем не разговаривает, и его никто не беспокоит. Ему понемногу подливают темно-красного вина. Молотов, слегка заикаясь, произносит тосты в честь участников парада, Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Мы сидим за небольшим столом, заставленным различными яствами. Бесшумно снуют официанты, убирая и подносия блюда. Напротив, откинувшись назад, сидит маленький М. Шкирятов, один из руководителей партийного контроля, подтрунивает над отцом по поводу остановки тягача с орудием на параде, при спуске к Москве-реке. Рядом — «всесильный» угрюмый В. Абакумов, правая рука Берии, с одутловатым лицом и бесцветными глазами. Зорко посматривает по сторонам и руководит своими приближенными только жестами. Вдруг он встрепенулся, вскочил и угодливо наклонил голову перед худощавой невысокой и рыжеватой девушкой — Светланой Сталиной. В 1954 году его расстреляют за совершенные им злодеяния. По краям стола замечаю молодых людей в одинаковых штатских костюмах. Пьют разве лишь «Нарзан», по наивности подумал — сидят передовики производства, но потом понял: они здесь на работе,

Неожиданно Сталин поднимает рюмку и внимательно смотрит на нас. Отец быстро наполняет бокал чем попало и спешит чокнуться с ним. Значит, речь пойдет об артиллерии, ее успехах. У меня возникают сложные впечатления от обстановки, ее напряженности и общей скованности.

В заключение хочется упомянуть еще о двух моментах. Берия не мог простить Воронову то, что он часто пренебрегал им как членом ГКО, «курировавшим» артиллерийское производство и осуществлявшим контроль за деятельностью ГАУ, что он действовал самостоятельно, выходя напрямую на Верховного. Как стало известно в ходе процесса над изувером В. Абакумовым и его подручными в 1954 году в Ленинграде, на котором присутствовал Воронов, Берия дважды после войны фабриковал на отца дела. В этих подготовленных «материалах» говорилось о его якобы связях с английской разведкой «Интеллидженс сервис» и тесных контактах с ленинградским руководством. Сталин вначале не верил, но, поскольку несколько раз докладывают, значит, «что-то, видимо, есть», и отстранил Воронова от должности. Мотивировка обычная в таких случаях: «Ослабление руководства артиллерией».

Полгода отец не находил места, томясь в неизвестности и переживая несправедливость. Уединился, похудел до неузнаваемости, подолгу вышагивал по набережным Москвы-реки. Налисал обстоятельное письмо Сталину, но ответа не получил. Для Сталина Воронов перестал существовать! Лишь поздней осенью 1950 года его тайным голосованием абсолютным большинством (и одним голосом против) избрали президентом Академии артиллерийских наук.

Несмотря на горечь и обиду, отец понимал, что от него на новом посту ждут больших научных результатов в создании теоретической базы для бурно развивающейся ракетной техники и дальнейшего совершенствования современной артиллерии.

В 1966 ГОДУ отец в последний раз приехал в Ленинград, сопровождая де Голля в его поездке по стране. Он сумел вырваться на пару часов к нам на Ординарную улицу, пока президент находился на религиозной службе в католическом соборе. Увлеченно рассказывал о де Голле. Даже внуки Женя и Леночка приумолкли и внимательно слушали дедушку. К примеру, де Голль спрашивал у отца, есть ли у него продолжатель рода, и, узнав об артиллеристе-преподавателе, сказал, что он также имеет сына Филиппа, правда, не танкиста, каким он был сам в прошлом, а моряка — командира крейсера.

Шарль де Голль уезжал из Советского Союза, и эта встреча отца с ним оказалась последней. В день кончины отца де Голль прислал трогательную соболезнующую телеграмму: «С большим волнением я узнал о смерти прославленного маршала Воронова, которого я знал в течение длительного времени и к которому я питал исключительное уважение...»

Он переживет отца почти на три года.

№6-1989

ЭПОХА В АВТОБИОГРАФИЯХ - Н.Н. ВОРОНОВ

ВОРОНОВ Николай Николаевич (1899 — 1968), главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965). Член КПСС с 1919 года. В Советской Армии с 1918 года. Участник гражданской войны. В 1924 году окончил Высшую артиллерийскую школу комсостава, Военную академию имени М. В. Фрунзе (1930). В 1937—1940 гг.— начальник артиллерии Советской Армии, участвовал в советско-финляндской войне. В 1940—1941 гг. — заместитель начальника Главного артиллерийского управления. В начале Великой Отечественной войны был начальником Главного управления ПВО страны, затем с июля 1941 года — начальником артиллерии Советской Армии — заместителем наркома обороны СССР. С марта 1943 года — командующий артиллерией Советской Армии и командующий ПВО страны. Неоднократно был представителем Ставки ВГК на фронтах. Осуществлял общее руководство операцией по ликвидации окруженной под Сталинградом немецко-фашистской группировки. Один из инициаторов разработки вопросов артиллерийского наступления, борьбы с танками, создания крупных артиллерийских соединений, развития артиллерии резерва ВГК. С 1946 года — командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР. В 1950—1953 гг. — президент Академии артиллерийских наук. В 1953—1958 гг. — начальник Военной артиллерийской командной академии. Депутат Верховного Совета СССР в 1946 — 1950 гг. Награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, орденом Красной Звезды. Урна с прахом — в Кремлевской стене.

РОДИЛСЯ в гор [оде] Ленинграде 5 мая 1899 года в семье конторского служащего. Отец Воронов Николай Терентьевич до Октябрьской революции работал счетоводом в сберкассе, Тульском земельном банке и одно время артистом.

Мать Валентина Андреевна занималась домашним хозяйством. Умерла в 1908 г[оду], В данное время отец работает сельским учителем в Ленинградской области, станция Чолово, колхоз «Красный Бор», он в 1937 г[оду] получил звание народного учителя. Моя жена Шадурская Любовь Михайловна родилась в гор [оде] Риге, с детского возраста со всей семьей жила в гор[оде] Пскове, происходит из рабочей семьи. Ее отец умер в гор[оде] Пскове в 1919 г [оду], мать умерла в 1921 г[оду] там же. Брат жены Шадурский Петр Михайлович, находясь в рядах армии, умер в 1921 году от тифа, другой брат — Борис Михайлович — после службы рядовым красноармейцем и участия в гражданской войне работает тракторным механиком в одном из совхозов под Ленинградом. Единственная моя сестра Воронова Варвара Николаевна до Октябрьской революции училась, после работала продавщицей в Ленинградской области и гор [оде] Ленинграде. В данное время замужем за членом ВКП (б) с 1919 года Зверевым Иваном Ефимовичем (начпродснабжения артиллерии береговой обороны, остров Русский).

За границей я и моя жена никаких родственников не имели и не имеем.

Самостоятельно жить и работать стал на 17-м году своей жизни. С 1916 г[ода] до Октябрьской революции работал писарем у частного присяжного поверенного на Бассейной ул. в гор [оде] Ленинграде, в то же время продолжал учиться на общеобразовательны» курсах в городе Ленинграде.

Мое общее образование: 4 класса реального училища, сдал экстерном в 1916 г [оду] экзамены при Петроградском учебном округе за 6 классов гимназии и в 1917 г[оду] сдал экзамены там же за 8 классов по всем предметам за исключением латинского языка.

Военное образование: в 1918 г[оду] 18 сентября окончил вторые Советские петроградские артиллерийские курсы (ныне первое Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище), в 1924 году окончил годичный курс АККУКС, с 1927 г [ода] учился и окончил Академию им[ени] Фрунзе а 1930 году по первому разряду.

Принимая участие в Февральской резолюции 1917 г [ода], в Ленинграде с рабочими Выборгской стороны громили арсенал, уничтожали полицейские участки, их канцелярии и т. д. С Февральской революции и до Октябрьской продолжал работу у частного присяжного Фирсова на ул. Бассейной в Ленинграде и учиться на общеобразовательных курсах для взрослых. В начале октября 1917 г[ода] был уволен с работы, остался без заработка, ища работы, простудился и заболел воспалением легких. Октябрьская революция застала меня больным в постели, в результате чего участия [в ней] не принимал. По выздоровлении пошел работать в госбанк на место саботирующих чиновников.

В члены ВКП(б) был принят 15 апреля 1919 г[ода] на фронте под Псковом в парторганизации второй гаубичной батареи 10-й стрелкозой дивизии. Партбилет № 0471724. В других партиях не состоял, никогда ни в каких антипартийных, контрреволюционных организациях не состоял. В антипартийной белорусско-толмачевской группировке не участвовал. За 19,5 года пребывания [в] рядах ВКП(б) имею одно партийное взыскание — выговор за притупление классовой бдительности (при наличии сигнала не сумел вскрыть врага народа Андриашева), до этого не имел даже каких-либо замечаний. За все время работы в рядах ВКП(б) всегда боролся за генеральную линию партии, неоднократно избирался в секретари низовых парторганизаций, члены партбюро, члены райкомов ВКП(б) городов Москвы и Ленинграда. Никогда не состоял ни в каких антисоветских, заговорщицких, шпионских, фашистских, националистических — контрреволюционных организациях. Всегда работал и работаю честно и добросовестно, был, есть и всегда буду верен делу Ленина—Сталина.

В старой армии не служил, в белой армии, армии интервентов и других антисоветских армиях тоже не служил. В Красную Армию вступил добровольно 1 марта 1918 г[ода] (курсант вторых Артиллерийских советских командных курсов (март — сентябрь 1918 г[ода]), командир взвода и помощник командира батареи до 1920 г[ода] в 10-й стрелковой диви-

зии на фронтах гражданской войны; командир батареи 10-й стрелковой и 27-й стрелковой дивизии 1920—1924 гг.; командир линейного, а затем учебного артиллерийского дивизиона 1924—1927 гг., в 27-й стрелковой дивизии; слушатель Академии им[ени] Фрунзе — с 1927 по 1930 г.; командир-комиссар артполка Московской Пролетарской дивизии с 1930 по 1933 год; начальник и комиссар 1-го Ленинградского Краснознаменного училища с 1934 по 1937 г[од], с 21 июня 1937 г[ода] — начальник артиллерии РККА. Активно участвовал в боях на Петроградском и Западном фронтах. Зз участие в боях дважды представлялся к ордену Красного Знамени, награжден в 1919—1922 гг. револьвером № 40572 и биноклем. В 1927 году РВСР награжден именным огнестрельным оружием и грамотой. В 1936 г [оду] за успехи в боевой и политической учебе награжден орденом Красной Звезды. В 1937 г [оду] награжден партией и правительством орденом Красного Знамени и орденом Ленина. За особые заслуги перед Родиной присвоено звание комкор.

В 1920 г., будучи командиром 1-й батареи 10-й стрелковой дивизии, попал в плен к белополякам, где пробыл около 9 месяцев. Во время отхода к Варшаве и попыток прорыва из полного окружения 83-й стрелковый полк с в[веренной] мне батареей ввязался в бой с окружившими нас белопопяками у деревни Юзефов в районе Ново-Минска. Малочисленный полк, поддержанный артиллерийским огнем батареи, после некоторых успехов рассеялся в пространстве, оставив беззащитной батарею. Батарея была окружена противником, отбиваясь «на картечь» в упор, нанесла большой урон противнику, находясь под огнем, понесла потери в людях и конском составе, была захвачена противником. В этом бою, оставляя последним орудия (приводил [их] в негодность для немедленного боевого использования), я был тяжело контужен вблизи разорвавшимся снарядом и с параличом обеих ног и частично речи был захвачен в плен. Около 9 месяцев переносил тяжелый плен, семь с половиной месяцев не вставал с госпитальных коек в Варшаве и Тухоле, пролежни, голодная жизнь, перенес там тиф, воспаление легких, рожистое воспаление лица, сильное истощение. По выздоровлении сидел в лагере военнопленных в гор [оде] Тухоле около месяца, затем был признан негодным для службы в армии и в апреле 1921 г [ода] с одной из первых партий инвалидов был обменен на станции Негорелое.

Все время в плену значился у них рядовым красноармейцем. Под судом и следствием не был.

Начальник артиллерии РККА комкор ВОРОНОВ

25 октября 1938 года. Москва

ОТ РЕДАКЦИИ: В одном из ближайших номеров планируется опубликовать отрывки из книги о главном маршале артиллерии Н. Н. Воронове «Рядом с отцом», которая готовится к печати в Политиздате. Ее автор — сын маршала, полковник, кандидат военных наук, участник Великой Отечественной войны.

«ХРАБРЫЕ ДЕЛА ВАШИ НИКОГДА НЕ БУДУТ ЗАБЫТЫ ПОТОМСТВОМ»

- К 280-летию Полтавского сражения

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА (1700—1721) — одна из ярких страниц боевого прошлого нашего народа. Она продолжалась 21 год и закончилась блестящей победой русского оружия. Ее исход был предрешен на полях Украины. Здесь, на берегу реки Ворсклы, близ Полтавы, 27 июня (8 июля) 1709 года русские полки нанесли сокрушительный удар прославленной шведской армии. В честь знаменитой полтавской победы воздвигались монументы и обелиски, строились гражданские и культовые сооружения, чеканились наградные и памятные медали. О сражении под Полтавой слагались сказания и легенды, его воспевали лучшие поэты, писатели и художники России. Кто не помнит знаменитой народной песни, начинавшейся словами: «Было дело под Полтавой, дело славное, друзья! Мы дрались тогда со шведом под знаменами Петра!»

Историческое значение «Преславной Виктории» высоко оценивали ее современники и позднейшие поколения. «Не много таковых побед в памятях народных, в книгах исторических обретается» — такими словами выразил общее мнение просвещеннейший человек новгородский архиепископ Феофан Прокопович (Осипов К. Разгром шведских интервентов войсками Петра I. — М.: Воениздат, 1951. — С. 100), Грандиозному сражению под Полтавой посвятил свои бессмертные строки А. С. Пушкин, о нем как о битве «за существование целого народа, за будущность целого государства» отзывался В. Г. Белинский (Белинский В. Г. Полн собр соч. — Т. VII. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 418), Да и сам Петр I называл 27 июня 1709 года днем воскресения для России, началом благополучия и спасения. По воспоминаниям современников, царь ежегодно праздновал викториальный день колокольным звоном и пушечной пальбой, надевая полтавский мундир и простреленную в бою шляпу.

Полтавская победа вызвала горячий отклик в Саксонии, Польше, в странах южных славян. Иначе восприняли известие о поражении шведов в европейских дипломатических кругах. Там долгое время не верили тому, что русские разгромили «непобедимую» армию шведского короля. В Гааге удивлялись, в Лондоне впали в меланхолию, в Берлине приходили в ужас, в Дрездене и Копенгагене искренне радовались. Французские журналы советовали читателям не доверять сомнительным сообщениям о победе русских. Однако факты были слишком убедительны, и пришлось скрепя сердце их признать.

ПОБЕДА ПОД ПОЛТАВОЙ ПРОРВАЛА ЗАВЕСУ, ОТДЕЛЯВШУЮ РОССИЮ ОТ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Исход многолетней Северной войны был предрешен. Вдохновенно и сильно на поле битвы прозвучало обращение Петра I к российскому воинству: «...сыны отечества, чады мои возлюбленные! Без вас государству, как телу без души, жить невозможно. Вы, имея любовь к отечеству, славе и ко мне, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши никогда не будут забыты потомством...» (Осипов К. Указ. соч. — С. 91).

Торжественно встречала Москва армию-победительницу. Специально для встречи были выстроены триумфальные ворота, их украсили флагами, картинами и скульптурой. 21 декабря состоялось торжественное вхождение войск в столицу. В конном строю с распущенными знаменами шли гвардейские полки, за ними следовали артиллерия, пленные, подводы с трофеями, взятыми в сражениях под Полтавой, при Лесной и Переволочне. Колокольным перезвоном и пушечной стрельбой салютовала в те дни героям Полтавы древняя столица.

Тяжелые испытания выпали на долю России в начале XVIII века. Петровские преобразования разбудили и привели в движение колоссальные силы народа, определив пути развития страны на многие десятилетия. Более 20 лет билась Россия молодая за свою свободу и независимость, возводя города и верфи, строя корабли, прорубая «окно в Европу». Многовековой спор двух стран решился на полях Полтавы. Следствием этой победы явились решительное утверждение всех начинаний Петра I на Балтийском море, рост международного авторитета России. В сражении под Полтавой был заложен фундамент последующего военного могущества России, продемонстрированы выдающиеся достижения русского военного искусства, ярко проявился полководческий талант Петра Великого. На традициях Полтавы, как матери многих замечательных побед, воспитывались последующие поколения русских полководцев. П. А. Румянцев, А, В. Суворов, М. И. Кутузов, П. И. Багратион, А. А. Брусилов и многие другие справедливо считали себя учениками Петра I. Славная победа русских навсегда осталась грозным уроком для захватчиков. Она и сегодня — пример воинской доблести, богатырской силы, ратной славы.

8 июня 1787 года на поле битвы в присутствии Екатерины II состоялись маневры войск, повторявшие Полтавское сражение. Руководили ими Г. А. Потемкин и А. В. Суворов. Принимал в них участие и будущий победитель Наполеона — М. И. Кутузов, История сохранила слова, сказанные императрицей: «Смотрите, от чего зависит жребий государств. Один день, несколько часов решают их судьбу. Одна легкомысленная самонадеянность уничтожила всю славу, все успехи Карла XII. Тот, кто приводил в ужас Германию, тот самый побежден и бежал с поля Полтавского; а без того и нас бы здесь не было...» (Бодянский П. И. Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год. — Полтава 1865. — С. 84).

Пришло время, когда напомнили о Полтаве и Наполеону. Для переговоров о мире в июне 1812 года к нему был послан личный адъютант Александра I генерал А. Д. Балашов (1770—1837). На вопрос французского императора, каким путем можно идти на Москву, Балашов, не задумываясь, ответил: «Туда есть несколько дорог... Есть одна, которая ведет через Полтаву» (Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений — Т. 69. — № 274. — СПб.. 1847. — С. 166—167). Наполеону удалось войти в древнюю столицу, но его поражение было не менее сокрушительным, чем разгром шведского короля Карла XII в 1709 году. Так развеялся миф о непобедимости еще одного полководца. Враг был разбит и изгнан из России. Под ликующие звуки победных маршей русская армия-освободительница вошла в Париж.

НЕ РАЗ ЕЩЕ ВСПОМИНАЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ О ПОЛТАВЕ

16 сентября 1817 года на историческом поле в присутствии Александра I вновь проходили маневры войск, повторявшие знаменитое Полтавское сражение. Командовал ими генерал-фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли. Грандиозными были и торжества, посвященные 200-летию победы под Полтавой в 1909 году. Военными парадами и смотром войск, радостным перезвоном церквей и пушечной пальбой, благодарственными службами в церквях и возложением венков отмечал наш народ тогда день памяти героев Полтавы. Славе русского оружия посвящались торжественные

слова петровского гимна, прозвучавшие у братской могилы в исполнении лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков.

После Великой Октябрьской социалистической революции наследие Полтавы и Петра предано было забвению. Его не просто взрывали, сносили, переплавляли, его «выжигали» из сознания людей печатными буквами авторитетных изданий. В старых городах России взрывались выдающиеся памятники культового, гражданского и оборонного характера. Осмеивались, оплевывались, уничтожались многовековые народные традиции. Расхищались музеи и библиотеки, картинные галереи, частные коллекции и собрания. Национальные сокровища России шли с молотка. Забывались лучшие традиции русской армии — традиции Петра I, А. В. Суворова, М. И. Кутузова. Вспомнили о них, когда над Родиной нависла серьезная опасность — началась Великая Отечественная война и понадобилось бросаться под танки. Вспомнили о русском патриотизме. Александр Невский и Дмитрий Донской, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Петр Великий и Александр Суворов сыграли неоценимую роль в моральной подготовке к отпору фашистским захватчикам. Боевые подвиги наших пращуров поднимали народный дух и звали на борьбу, вселяли веру в торжество правого дела. Понадобился разгром 6-й армии Паулюса под Сталинградом, чтобы вновь вспомнить о Полтаве. Сравнивая два события, две даты — 1942 и 1709 годы, немецкий генерал Дёрр писал: «Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России— ее величайшей победой. Под Полтавой (1709 г.) Россия добилась права называться Великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав» (Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. — М. Изд-во АН СССР, 1959. — С. 10).

ПОТОМКИ ГЕРОЕВ ПОЛТАВЫ — СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ СОВЕТСКОЙ АРМИИ, ЗАЩИЩАВШИЕ И ОСВОБОЖДАВШИЕ ГОРОД РУССКОЙ СЛАВЫ —ОКАЗАЛИСЬ ДОСТОЙНЫМИ СЫНАМИ ПЕТРА

В боях с гитлеровскими захватчиками они проявили стойкость и массовый героизм. 21 сентября 1943 года войска Степного фронта под командованием И. С. Конева вышли с боями к левому берегу Ворсклы. В обращении военного совета фронта к советским воинам говорилось: «Доблестные воины армии, герои Белгорода и Харькова! Перед вами — Полтава. Город, овеянный славой исторической победы русского оружия. Здесь, на полях Полтавы, в 1709 году русские войска, предводительствуемые Петром Первым, наголову разбили шведских завоевателей. Храбрые и верные сыны Отечества! В этот час решительной битвы за освобождение Полтавы помните, что, сражаясь за Полтаву, вы сражаетесь за Москву, за свободу и независимость нашего народа. Сильнее натиск на врага! В сражении за Полтаву прославим еще раз наши боевые знамена. С нами победа!» (Волосков В. Ф. Полтава. Путеводитель — Харьков Прапор, 1987 — С. 154—155).

Обращения царя-полководца и советского генерала к своим войскам — как они созвучны и похожи, как близки и одинаково дороги русскому сердцу! Со словами «Родина», «Россия», «Отечество» шли в атаку солдаты всех поколений. С ними громили вооруженного до зубов врага. С ними умирали и побеждали.

Успешно развивая наступление, войска Степного фронта форсировали Ворсклу в местах переправы армии Петра I перед генеральным сражением. 23 сентября 1943 года Полтава была освобождена, и Москва салютовала доблестным воинам-освободителям. Двенадцать особо отличившихся частей и соединений получили наименование Полтавских. В память преемственности ратного подвига на высоком правом берегу Ворсклы, на месте переправы русской и советской армий, навечно застыли каменные стражи-обелиски.

Городом славы русского оружия вошла Полтава в историю, отзываясь в веках бессмертным пушкинским: «И грянул бой, Полтавский бой!» Поэтический венок во славу блистательной победы после Пушкина дополнили новые имена.

Традиции патриотические и героические— наша сила и наше оружие. О них надо помнить, говорить в полный голос и напоминать забывчивым. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»,—писал А. С. Пушкин (Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. — М.: Международные отношения, 1984. — С. 437).

Время не властно над памятью! Мы хорошо знаем этот закон. Созвучная современности эпоха преобразований первой четверти XVIII века несет на себе печать высокой гражданственности, столь необходимой каждому честному человеку. Петровское начало — это русский патриотизм, это мужество царя-полководца и простого солдата, уравненных в своем героизме и охваченных единым патриотическим порывом. «Победу, — говорил Петр, — решает военное искусство, храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита и крепость Отечеству» (Россию поднял на дыбы. — Т. 2. — М.; Молодая гвардия. 1987. — С. 569).

Мы помним 19 ноября 1700 года — день суровых испытаний под Нарвой и «Преславную Викторию» 27 июня 1709 года. Помним горькие потери и поражения русской армии, жестокие уроки шведских «учителей» в военном деле и победный петровский кубок, поднятый за их здоровье. Помним заветы Великого Петра и постоянное стремление России к справедливому и прочному миру, подписанному 30 августа 1721 года в Ништадте.

«Памятник шведам от русских», поставленный к 200-летию битвы, — свидетельство величия и благородства русского народа, его рыцарского отношения к северному соседу на Балтике. Только русский характер оказался способным великодушно и достойно оценить воинскую доблесть своего противника. Со времени Полтавы наша Родина прошла большой и славный исторический путь, полный суровых испытаний. Память о Полтавском сражении живет в сознании советских людей, напоминая о величии подвига русских солдат, чья беззаветная храбрость и самоотверженность сыграли решающую роль в битве за существование целого народа, за будущность целого государства. «Такие фактические воспоминания великого события, — отмечал В. Г. Белинский, — исполненные высокой поэзии, заставляют быстрее и огненнее обращаться кровь в жилах народа, заставляют сильнее биться народное сердце. Они роднят теснее народ с его историею и образуют в нем национальное самосознание. А воинство? Ничто так могущественно не воспитывает в нем дух благородного мужества, как подобные события» (Белинский В. Г. Указ. соч. — Т. IV. — С. 7—8).

Обращаясь к одной из самых ярких страниц истории нашей Родины, мы вспоминаем волнующие и сейчас слова, ставшие девизом для русских патриотов: «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего» (Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 505). Подлинными преемниками героев Полтавы должны стать сегодня идущие в ногу со временем революционные силы нашей страны, призванные партией действовать решительно, настойчиво и уверенно. Призыв к нам, проникнутый высоким гражданско-патриотическим чувством и верой в могучие силы народа, властно продиктован настоящим и обращен к будущему.

В. И. МАКСИМОВ

№ 7 1989

О СОСТАВЕ РУССКОЙ И ШВЕДСКОЙ АРМИЙ В ПОЛТАВСКОМ СРАЖЕНИИ

В ИЮНЕ 1709 года на помощь осажденной шведами крепости Полтава Петр I привел регулярную армию, в которой были представлены все основные рода войск: пехота, кавалерия и артиллерия, прошедшие хорошую военную школу в Прибалтике и Польше, испытавшие радость побед при Эрестфере, Гуммельсгофе, Калише и Лесной.

Пехоту представляли 3 дивизии, в каждой было по 3 бригады различного состава (по 2—5 полков) и отдельная бригада ездящей пехоты (гвардейские и отборные пехотные полки, посаженные на коней), состоявшая из четырех полков. Всего в сражении 27 июня (по старому стилю) 1709 года участвовало 40 пехотных полков (включая гарнизон Полтавы), в том числе 2 гвардейских и 4 сводных гренадерских. К тому времени полки не имели единой организации. Часть из них в 1708 году перешла на новый штат (окончательно введен только с 1711 г.), согласно которому полк состоял из 2 батальонов или 8 рот (по 4 в батальоне) и насчитывал вместе с нестроевыми чинами 1497 человек, в том числе: штаб-офицеров — 3, обер-офицеров — 40, унтер-офицеров — 80, рядовых — 1120, по одному священнику, доктору, фискалу (чиновник, наблюдавший за соблюдением законности), комиссару (лицо, ведавшее снабжением полка одеждой), провиантмейстеру, аудитору (судье) и обозному (лицо, отвечающее за обоз полка), музыкантов — 27, мастеровых — 24, по 8 профосов (полицейский служитель и полковой палач), писарей и цирюльников, по 86 извозчиков (при обозе) и денщиков (Масловский Д. Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы — М., 1883. — Табл.2. — С. 2). Одна из рот являлась гренадерской, а остальные семь — фузелерными. Каждая такая рота состояла из 4 плутонгов (взводов) и имела по 150 строевых чинов (6 капралов и 144 рядовых). В наступлении она строилась в четыре шеренги, образовывая 36 рядов (по 9 рядов в плутонге). Однако многие солдатские полки сохраняли еще прежнюю организацию, имея в 2 батальонах одну гренадерскую и 9 фузелерных рот (т. е. по 5 рот в батальоне). Полковник Н. П. Поликарпов в статье «О войсковых частях, принимавших участие в «Генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям)» пишет, что из 5 ротных батальонов состояли полки: Белогородский, Псковский, Копорский, Троицкий, Фихтенгейма и Апраксина (Военный сборник. — 1909 — № 7 — С. 238—240; № 9. — С. 253, 256, 261). Четыре полка (Ингерманландский, Нарвский, Киевский, Московский) имели по 3 батальона вместо двух (Там же. — 1909. — № 7. — С. 242, 243, 245; согласно Н. П. Поликарпову, по 3 батальона имели Белогородский. Пермский и Ивангородский полки (в последнем один батальон был сверхштатным). — См.: указ. статья//Военный сборник — 1909 —№ 8 — С. 239; № 9 — С. 258, 261). Численный состав пехотных полков был, как правило, ниже штатного. Так, например, в двух батальонах Ямбургского солдатского полка в день битвы насчитывалось всего 682 человека, а в одном из батальонов полка Фихтенгейма — 309 (ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), кабинет Петра Великого, отд. II, 1709, кн. 14. л. 382 и об.).

Четыре гренадерских полка, образованных в 1708 году из гренадерских рот, выделенных различными солдатскими полками, были двухбатальонными и назывались по именам своих командиров: бригадиров Бука и де Боа (Боена), полковников Буша и Ласси (Лэси).

Организация гвардейских полков отличалась от армейских. Лейб-гвардии Преображенский полк, например, состоял из 4 батальонов, в каждом было по 4 роты фузелеров, а также по одной гренадерской и одной бомбардирской роте, не входивших в состав батальонов. По штату 1704 года фузелерные роты имели по 196 человек, гренадерская — 197 и бомбардирская— 183, а весь полк насчитывал 3552 человека, включая нестроевых (История лейб-гвардии Преображенского полка. — Ч. I. — СПб., 1883. — С. 493—494). Лейб-гвардии Семеновский полк состоял из трех батальонов (по 4 фузелерных роты в каждом), а также из гренадерской и бомбардирской рот.

Перед началом сражения 6 пехотных полков (12 батальонов, насчитывавших 4730 человек) занимали редуты между Яковецким и Будищенским лесами, остальные находились в укрепленном лагере («ретражаменте»), сооруженном в 5 км северо-восточнее Полтавы. Из этого лагеря в ходе сражения был выслан отряд в составе 5 батальонов (2486 человек) под командованием генерал-лейтенанта С. фон Ренцеля против отрезанных от шведской армии частей генерала К. Г. Рооса (ЦГАДА. кабинет Петра Великого, отд. II, 1709, кн. 11, л. 382 и об.). Главные силы пехоты, возглавляемые генерал-фельдмаршалом графом Б. П. Шереметевым, в составе 42 батальонов, расположенных в две линии (в первой — 24, во второй — 18), построились в поле для генеральной баталии. Точную численность этих войск определить невозможно, так как соответствующая ведомость среди архивных документов пока не обнаружена. Однако на основании данных особой записки Б. П. Шереметева от 26 июня 1709 года можно установить приблизительную их численность. Согласно этому документу в 17 батальонах, находившихся на редутах и в отряде Ренцеля, насчитывалось 7216 человек, т.е. в среднем по 425 в батальоне. Значит, в 42 батальонах могло быть 17 850 человек, в том числе около 10 тыс. в первой линии. В лагере оставались в резерве 9 батальонов, и 3 батальона еще раньше были посланы из лагеря для занятия Крестовоздвиженского монастыря близ Полтавы. Гарнизон крепости, возглавляемый отважным комендантом полковником А. С. Келиным, составляли 7 батальонов пехоты (Тверской и Устюжский полки и по одному батальону полков Апраксина, Фехтенгейма и Пермского). Кроме того, в сражении приняли участие Переяславский и Ивангородский солдатские полки, попавшие в плен в Веприке еще 7 января 1709 года и освободившиеся в ночь на 14 июня под Старыми Сенжарами, а также два батальона Пермского полка (кроме находившегося в гарнизоне Полтавы). С учетом всех этих частей в составе русской армии под Полтавой 27 июня 1709 года было 87 батальонов пехоты (около 37 тыс. человек).

Основным огнестрельным оружием пехотинца (фузелера и гренадера) была кремневая гладкоствольная фузея, а холодным — короткая шпага. Гренадер, кроме фузеи и шпаги, имел ручные гранаты, носимые в особой сумке. Часть пехотинцев была вооружена пиками. Эти солдаты (пикинеры) в одних полках составляли треть рядовых, а других — одну восьмую.

Русская кавалерия состояла из 27 драгунских полков (в том числе трех конно-гренадерских) и трех «шквадронов» (эскадронов). Согласно сохранившейся в архиве ведомости в день сражения она насчитывала 20 106 человек (Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ), ф. 83, карт. 11 д. 222 б, л. 1). В эту ведомость, однако, не вошли Ростовский и Белогородский драгунские полки, чье участие в сражении было установлено Н. П. Поликарповым, а также 2 шквадрона (Домовый генерал-фельдмаршала графа Шереметева и Козловский), которые, как и прочие драгунские шквадроны, являлись «партикулярными» и до 1711 года содержались не казной, а на личные средства

сформировавших их военачальников (Поликарпов Н. П. Указ. статья // Военный сборник. — 1909. — № 5, — С. 242 — 243, 247; № 6. — С. 221 — 223).

Каждый драгунский полк состоял из 5 эскадронов (по 2 роты в каждом) и насчитывал 1200 человек, а отдельный шквадрон — из 5 рот (600 человек). В полку было 9 фузелерных и 1 гренадерская роты. В 1708 году из гренадерских рот, выделенных из своих полков, образовали три конно-гренадерских полка 10-ротного состава, а взамен выбывшей в каждом драгунском полку была воссоздана новая гренадерская рота. В сражении под Полтавой полки и шквадроны драгун не достигали штатного состава — самым многочисленным был Смоленский полк (992 всадника) и самым слабым — Владимирский (427 человек) (ЛОИИ, ф 83, карт. 11, д. 222б, л. 1). В начале сражения большая часть драгун (17 полков) расположилась позади линии передовых редутов, где и встретила атакующую шведскую кавалерию. По окончании сражения, вечером того же дня, для преследования шведов Петр I послал бригаду ездящей пехоты и 10 драгунских полков во главе с генералом от кавалерии А. Д. Меншиковым. Этот отряд 30 июня настиг остатки неприятельской армии у Переволочны (на Днепре) и принудил их к сдаче.

Драгуны предназначались для ведения боя как в конном, так и в пешем строю. В первом случае они строились в три шеренги, а во втором действовали так же, как обычная пехота. Вооружение рядового драгуна состояло из драгунской фузеи (несколько облегченной по сравнению с пехотной), однолезвийного прямого палаша (вместо него могла быть сабля или кавалерийская шпага), а также одного или двух седельных пистолетов. Драгунские гренадеры, кроме того, были вооружены ручной мортиркой.

Артиллерия русской армии состояла из одного полка, сформированного в 1701 году в составе четырех пушкарских (канонирских) рот, четырех бомбардирских команд и инженерной роты (инженеры тогда еще не были выделены в отдельный род войск). Твердый штат полк получил только в 1712 году. По подсчетам советского историка Е. Е. Колосова, на 4 мая 1709 года полевая русская артиллерия насчитывала 362 человека (14 офицеров, 27 унтер-офицеров, 84 бомбардира и канонира, 199 фузелеров, 4 барабанщика, 34 нестроевых) и 32 орудия. Кроме полевой артиллерии при пехоте имелось 57 полковых орудий, а при драгунских полках 13 пушек, каждую из которых обслуживали 3 человека (1 канонир и 2 фузелера). Пушки перевозились в конской упряжке, передвигаясь по полю боя так же быстро, как и драгуны (Колосов В. Е. Артиллерия в Полтавском сражении: Сборник статей. — Полтава, М., 1959. — С. 96). Всего в «генеральной баталии» участвовали 102 русских орудия, из которых 87 к началу сражения располагались в укрепленном лагере. В момент решающей схватки на равнине в боевом порядке находилось 68 полковых орудий, в том числе 13 конных. В ходе сражения артиллеристы сделали 1471 выстрел (не считая орудий бригады Голицына и конных пушек), нанеся шведам огромный урон.

Общая численность русской армии в Полтавском сражении достигала 60 тыс. военнослужащих, потери ее составили 4635 человек.

Шведская армия Карла XII по своему составу не была однородной, что объяснялось существованием в Швеции двух систем комплектования: поземельная воинская повинность (так называемая «индельта») и вербовка наемных солдат. Ее большую и лучшую часть составляли постоянные войска индельты, носившие ярко выраженный национальный характер (Система индельты существовала в шведских и финских провинциях королевства, которые были разделены на участки (индельты).

Крестьянские дворы, входившие в каждую индельту, обязаны были выставлять одного пешего или конного солдата, предоставив ему земельный надел («торп»), дом, обмундирование, а также дополнительные продукты. Оружие и снаряжение солдату выдавалось государством.). Под Полтавой войска Карла XII составляли 12 пехотных полков (20 батальонов), насчитывавших (без больных и раненых) 9270 человек (Karl XII pa slagfaltet. Knrolinsk slaglednint; sedd mot hakgqundcn av taktikens utveckling. d. 3 - Stockholm. 1919. — S 787.

Приведенную в этом капитальном труде шведского генштаба цифру косвенно подтверждает трофейная ведомость (табель), согласно которой 3 марта 1709 г. 12 полков шведской пехоты имели 8109 человек в строю, 2923 больных и обмороженных (ЦГАДА, кабинет Петра Великого, отд. II. 1709 г. кн. 10, л. 576).). Каждый полк по штату состоял из 8 рот по 150 строевых чинов (6 капралов и 144 рядовых). Рота делилась на 6 дивизионов по 25 человек (1 капрал и 24 рядовых), причем два дивизиона состояли из пикинеров, а остальные — из мушкетеров и гренадеров (22 мушкетера и 2 гренадера). Четыре роты составляли батальон из 600 человек, а всего в полку было 1200 солдат (Karl XII pa slagtaltet, d. 1.—— Stockholm, 1918. — S. 222).

Лейб-гвардии пехотный полк имел (с 1703 г.) 4 батальона по 6 рот в каждом. Три батальона (I, II и III) состояли из мушкетеров и пикинеров, а четвертый — из гренадеров. Кроме батальонов в полку была одна отдельная рота, которая все время оставалась в Стокгольме для охраны королевского дворца. По штату гренадерская рота была меньше армейской (3 офицера, 6 унтер-офицеров, 103 рядовых и 3 музыканта) и делилась на 6 дивизионов (по 18 рядовых): 2 — пикинерных (36 человек) и 4 мушкетерских (72 человека). В гренадерской роте все дивизионы состояли из гренадеров.

Накануне русского похода Карла XII (в мае 1708 г.) лейб-гвардии пехотный полк насчитывал 2592 рядовых (по 648 в батальоне), а общая его численность, включая офицеров, унтер-офицеров, музыкантов и нестроевых, составляла 3000 человек.

Надо отметить, что к моменту Полтавского сражения шведские полки сильно поредели вследствие боевых потерь, болезней и других причин. Несмотря на то что они были пополнены в октябре 1708 года за счет пехоты корпуса Левенгаупта, разбитого в сражении под Лесной, их численность к июню 1709 года настолько сократилась, что пришлось 6 полков из двухбатальонного состава свести в однобатальонный. Численность лейб-гвардейского полка сократилась до 1800 человек, Упландского — до 690, Вестербеттенского — до 600.

Для нападения на русский лагерь утром 27 июня 1709 года Карл XII направил 18 батальонов пехоты (8170 человек) четырьмя колоннами, из которых две правофланговые (4-я и 3-я) имели по четыре батальона, а две левофланговые (2-я и 1-я) — по пять. Командовал пехотой генерал граф А. Л. Левенгаупт. В земельных укреплениях (шанцах) под стенами Полтавы был оставлен отряд, насчитывавший около 1100 человек.

В начале сражения от колонн пехоты оказались отрезанными 6 батальонов под командой генерал-майора К. Г. Рооса (около 2600 человек). Понеся большие потери, этот отряд, сократившийся до 400—500 пехотинцев, был окружен частями генерала Ренцеля и в 9 ч 45 мин сложил оружие. Остальная пехота, прорвавшись между русскими редутами, двинулась навстречу главным силам Петра I, развернувшимся в боевой порядок на равнине перед лагерем. По шведским данным, эта пехота (12 батальонов) с учетом понесенных ранее потерь насчитывала около 5500 человек, причем из-за недостатка она построилась в одну, предельно растянутую линию (1450 м по фронту).

Кавалерия была любимым родом войск Карла XII. Под Полтавой он имел 22 полка (11 рейтарских и 11 драгунских), которые вместе с корпусом лейб-драбантов составляли более 58 проц. всей армии короля (Ibid d. 3. — S. 787). В числе рейтарских полков индельты было 6 шведских и 3 финских, каждый из которых состоял из 2 эскадронов четырехротного состава (всего 8 конных рот), и только лейб-регимент имел 3 эскадрона (12 рот) (Иногда эскадроны называли батальонами а роты — эскадронами, По-шведски слово эскадрон (skvadron) звучит как «швадрон» — отсюда встречающийся в русской кавалерии Петра I термин «шквадрон»). В одной роте полагалось по штату 125 человек (124 рядовых и 1 трубач). Организационно она делилась на 3 взвода по 3 отделения в каждом.

В состав рейтарской кавалерии кроме частей индельты входили два конных полка «дворянских знамен» (adelsfanon), набранных богатыми вельможами Швеции и Лифляндии в своих владениях. Первый из них состоял из 8 рот по 100 человек (всего 800 рейтар), а второй — из 4 рот такой же численности (в русском походе 1708— 1709 гг. приняли участие только 2 роты Лифляндских «дворянских знамен»).

Драгунские полки Карла XII имели такой же штат, что и рейтарские индельты, однако, по некоторым источникам, Сконский драгунский полк к началу русского похода был увеличен на 2 роты и имел 10 рот (1250 человек). Лейб-драгунский полк состоял из 12 рот и насчитывал по штату 1500 всадников. Шесть других драгунских полков вербовались из немецких наемников и назывались по именам своих шефов; три из них имели по 10 рот (1250 человек строевого состава), а остальные — по 12 (1500 драгун). В октябре 1708 года к главной армии Карла XII присоединились два лифляндских вербованных драгунских полка, состоявших каждый из 8 рот по 75 рядовых (всего 600 человек).

Корпус лейб-драбантов (телохранителей Карла XII) целиком состоял из дворян, причем сам король являлся капитаном этого подразделения. По штату корпус имел 150 рядовых драбантов, каждый из которых был в звании ротмистра. В день Полтавского сражения он представлял собой одну конную роту численностью 100 человек, из которых 16 находились при страдавшем от раны короле и охраняли его носилки.

Численность рейтарских и драгунских полков из-за понесенных во время похода потерь к началу сражения была ниже штатной. Кроме них на службе у Карла XII находился один гусарский иррегулярный, носивший название Валашского, состоявший из 12 рот (или хоругвей) и насчитывавший около 2000 всадников (к июню 1709 года его численность сократилась до 1000 человек).

В сражении под Полтавой Карл XII использовал лишь часть своей кавалерии, направив для атаки русского лагеря 109 конных рот (около 7800 человек), распределенных между шестью колоннами, из которых три (1, 2 и 3-я) составили правое крыло (53 роты), а три других (4, 5 и 6-я) — левое крыло (56 рот). Около 3100 шведских кавалеристов не принимали участия в Полтавском сражении, находясь при обозе у д. Пушкаревки (2064), под стенами Полтавы (230 человек) и в 3 наблюдательных отрядах на Нижней Ворскле (около 1800).

В армии Карла XII под Полтавой имелся один вербованный **полк полевой артиллерии,** состоявший из штаба, восьми рот, минерной команды, походной лаборатории и службы тыла (150—200 человек). На его вооружении находилось 41 орудие (30 пушек, 2 гаубицы, 8 мортир и 1 дробовик), однако в сражении использовались только 4 трехфунтовые пушки, предназначенные для подачи боевых сигналов. В начале сражения они были отрезаны вместе с батальонами Рооса, а затем захвачены русскими войсками.

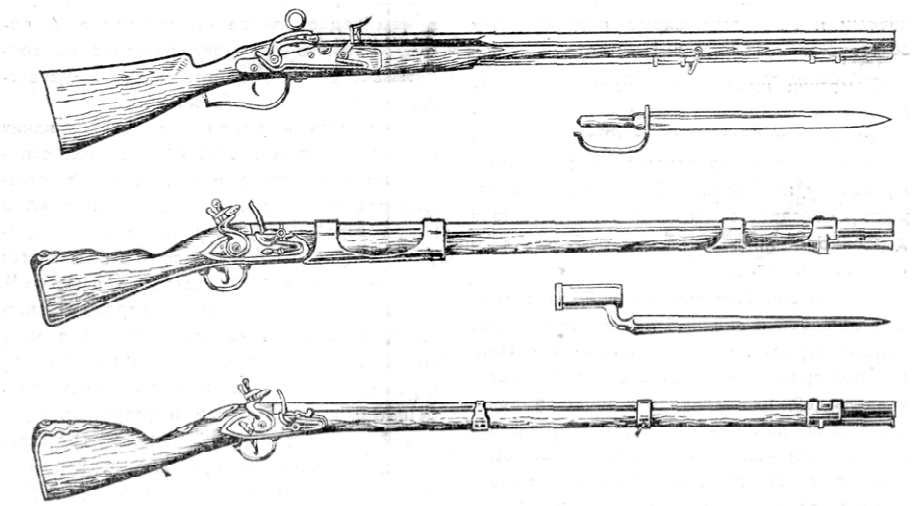
В шведской армии имелось еще одно подразделение, не принадлежавшее ни одному роду войск, — рота одноконных повозок (150 человек). Шведские источники упоминают ее в составе главной армии Карла XII на Украине, но в архивах Швеции не сохранилось никаких сведений о ее организации и назначении.

Общая численность армии Карла XII под Полтавой, по шведским источникам, достигала 27 тыс. человек (включая 1850 офицеров, 2250 больных и раненых унтер-офицеров и рядовых), из которых непосредственное участие в сражении приняло около 17 тыс. (16 тыс. шведов и 1000 валахов). Войска союзников: украинские казаки гетмана И, С. Мазепы (около 3000), запорожцы (около 7000) — не участвовали в сражении, их главные силы находились у Пушкаревки, а другая часть—при осадных шанцах под Полтавой и на верхней Ворскле (между Крестовоздвиженским монастырем и селением Нижний Млын). **Всего же вместе с казаками Карл XII имел около 37 тыс. человек (не считая гражданских лиц и нестроевых)** (Karl XII pa slagfaltet, d. 3. - S. 787-789).

Некоторые отечественные авторы преувеличивают численность армии Карла XII, доводя ее до 48 тыс. (в том числе около 37 тыс. собственно шведов). По их подсчетам получается, что в самой баталии участвовало около 30 тыс. шведских солдат, при этом, как правило, неточно указывается число батальонов и рот (эскадронов) в колоннах, наступавших на редуты, неверно приводится боевой порядок шведской армии в момент главного столкновения и т. д. (См., например: Порфирьев Е. И. Полтавское сражение 27 июня 1709 г. — М.: Воениздат 1959. — С. 56, 64, 69, 71—72, 76). Не явился исключением и последний труд советских историков о Северной войне, вышедший в 1987 году (История Северной воины 1700—1721 гг. — М.: Наука, 1987. — С. 84—85). На наш взгляд, при выявлении тех или иных сведений о составе и численности войск Карла XII следует прежде всего использовать шведские источники (документы, воспоминания участников и т. п.), в то же время подобная работа по армии Петра I должна главным образом базироваться на русских архивных материалах.

Изучение Полтавской «преславной баталии» отнюдь не закончено. Многие ее аспекты требуют более детального, кропотливого исследования с привлечением всех источников, как русских, так и зарубежных.

А. А. ВАСИЛЬЕВ, старший архивист ЦГВИА СССР



Русская фузея 1701 г. с багинетом
Русская фузея 1710 г. с трехгранным штыком
Русская фузея 1723 г.

Статья и схема из: Битвы России / Н.А. Шефов. — М: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 704 с., 40 л. ил. — (Военно-историческая библиотека).

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА (Северная война, 1700—1721).

Генеральное сражение у Полтавы 27 июня 1709 г. между шведской армией под командованием короля Карла XII (30—35 тыс. чел.) и русской армией под командованием царя Петра I (42 тыс. чел.). Строевые части шведов (не считая запорожцев, раненых, обслуживающий персонал и т. п.) насчитывали примерно 24 тыс. чел. В бой же пошло, по некоторым данным, 8,2 тыс. чел. пехоты и около 8 тыс. чел. кавалерии, к которой присоединилось до 3 тыс. запорожцев (остальные находились с И.С. Мазепой в обозе). Командовать шведскими войсками Карл XII, раненный накануне в ногу при перестрелке на аванпостах, поручил фельдмаршалу К.Г. Реншильду. Для битвы у шведов имелись всего 4 действующих орудия (остальные 28 пушек без боеприпасов остались в обозе). Русские располагали 72 орудиями.

Битва началась в 3 часа ночи атакой шведов на редуты, построенные накануне между Будищинским и Яковецким лесами для прикрытия пути в русский лагерь. Упорный бой за редуты, в котором шведам пришлось преодолевать губительный огонь, длился несколько часов. Ценой больших потерь шведам удалось захватить 2 редута. Прорыв шведов сквозь редуты вызвал в стане Петра замешательство. Есть свидетельства, что русские стали даже запрягать телеги, собираясь отступать.

В этот критический момент боя положение исправила кавалерия во главе с князем А.Д. Меншиковым. Она решительно атаковала прорвавшихся солдат и временно восстановила равновесие. Шведская конница обошла редуты и устремилась к русскому лагерю, но повернула обратно, опасаясь быть отрезанной от своей пехоты, которая застряла в районе редутов. В ходе боя часть шведских батальонов под командованием генерала Рооса (1,5 тыс. чел.) из-за плохого знания местности заблудилась и была разгромлена русской пехотой под командованием генерала С. Ренцеля. Остатки отряда Рооса пробились к Полтаве, где были ликвидированы вышедшим из города гарнизоном. Разведывательный отряд генерала В.А. Шлиппенбаха также сбился с пути и попал в плен.

Тем временем пробившиеся сквозь редуты с левой стороны шведские пехотинцы под командованием генерала А.Л. Левенгаупта (чуть более 4 тыс. чел.) вышли навстречу главным силам уже построенной к бою русской армии. К ним присоединились 52 эскадрона конницы под командованием генерала Крейца. Так закончился первый этап сражения. После этого наступило временное затишье.

В 9 часов утра шведские пехотинцы решительно двинулись на центр русского войска (22 тыс. чел.). Незадолго до этой решающей схватки Петр I обратился к войскам со знаменитыми словами, выразившими суть его натуры: «Воины! Пришел тот час, который должен решить судьбу Отечества. Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, благочестие и благосостояние ее!»

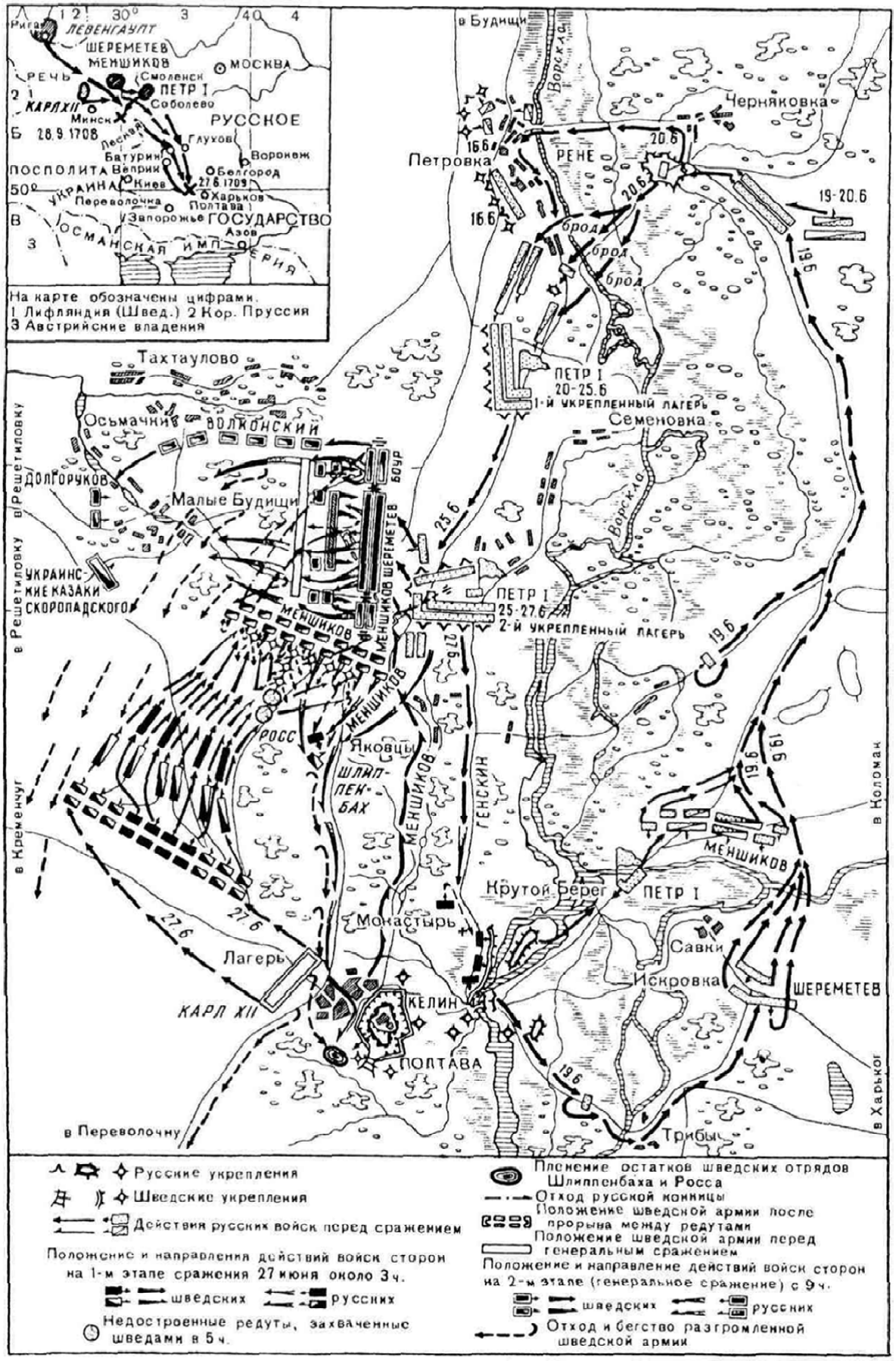
Сближение сторон продолжалось 9 минут. За это время ряды атакующих косил огонь русской артиллерии, которая, по подсчетам шведских историков, произвела в тот день 1471 выстрел (из них третья часть — картечью). «Уму человеческому непосильно вообразить было, что хоть одна душа из всей нашей ничем не защищенной пехоты живой выйдет», — писал впоследствии о той знаменитой атаке руководивший ею генерал Левенгаупт.

После яростной схватки шведские ветераны сумели смять первый батальон новобранцев Новгородского полка. В этот критический момент Петр, дравшийся, как Дмитрий Донской на Куликовом поле, вместе со своими воинами, сам повел в бой батальон второй линии Новгородского полка, который смял атакующих. Во время схватки одна пуля прострелила царю шляпу, другая попала в седло. Редкий пример неустрашимости и отваги в тот день показал и главный противник царя — Карл XII. Он велел нести себя на носилках в гущу боя, чтобы воодушевлять воинов.

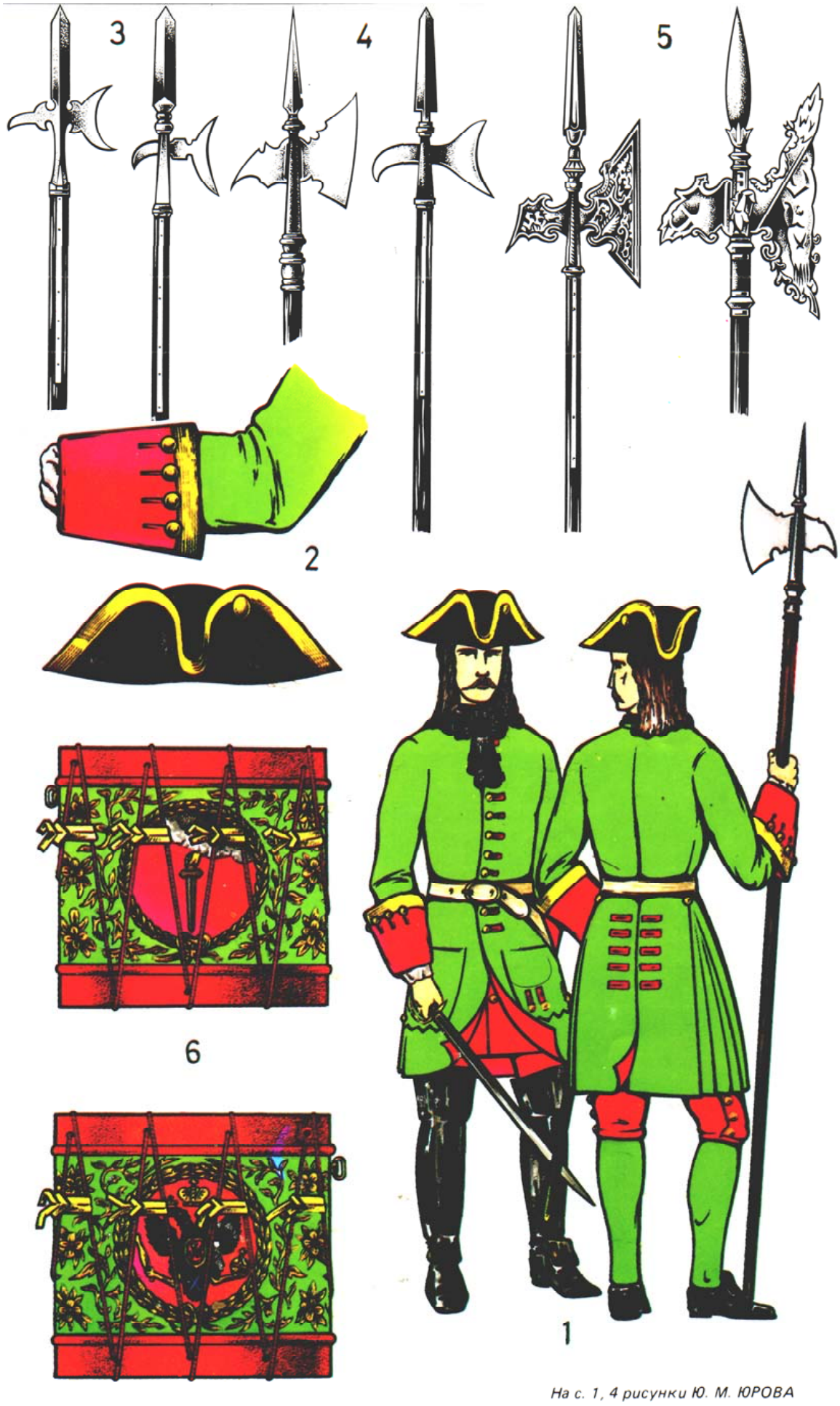
Рукопашная схватка длилась не более получаса. Недостаток пороха у шведов лишал их пехоту грозного оружия против кавалерии. Когда русские конные полки ударили с флангов в тыл шведским пехотинцам, те не выдержали и побежали. Шведская конница Крейца, отбитая огнем русских гренадер, уже ничем не могла помочь своей потерявшей строй пехоте. Под Карлом XII ядром раздробило носилки, и он упал на землю. Солдаты решили, что король убит. Весть о его гибели привела их в шок.

Произошел моральный надлом, и ничто уже не могло остановить бегства непобедимых шведов, которые, по словам Петра, «хребет показали». Король, лежа на земле, криками «Шведы! Шведы!» отчаянно пытался остановить бегущих, но тщетно. Никто больше не слушал полководца. Ему самому едва удалось спастись. Поднятый с земли солдатами, он был посажен на лошадь, которая вынесла его с поля боя. Солдаты были уже неподвластны приказам командиров, которых, кстати, почти не осталось. Из десяти батальонных командиров, возглавлявших последнюю атаку, смертельный огонь сразил семерых, остальные трое получили ранения.

К 11 часам утра битва завершилась страшным разгромом шведского войска. Оно потеряло 9234 чел. убитыми и 2874 пленными (примерно половина участников сражения). Русские потеряли в Полтавской битве 1345 чел. убитыми и 3290 ранеными. На следующий день состоялись торжественные похороны павших в сражении русских воинов. На их могиле Петр водрузил крест с надписью: «Воины благочестивии за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня». За эту победу генералы получили деревни и вотчины, офицеры — портреты царя с алмазами и золотые медали, рядовые — годовое не в зачет жалованье и серебряные медали «За Полтавскую баталию» (см. *Переволочна).* Полтавская битва относится к числу тех сражений, которые решают судьбы народов. Отныне военная мощь Швеции была сокрушена, а Россия вошла в число великих держав. Эта победа утвердила Россию в качестве доминирующей силы на востоке Европы. По оценке американского политолога П. Кеннеди, «потрясающая победа России над шведами при Полтаве поставила все прочие державы перед фактом превращения когда-то отдаленного и в значительной степени варварского Московского государства в участника европейского расклада сил. Теперь Западу было исключительно трудно, может быть, даже невозможно завоевать ее». Битва под Полтавой открыла путь к выдающимся российским победам XVIII столетия. Она сыграла огромную роль в развитии самосознания русского солдата, который на полтавских полях впервые ощутил себя одним из первых в Европе.



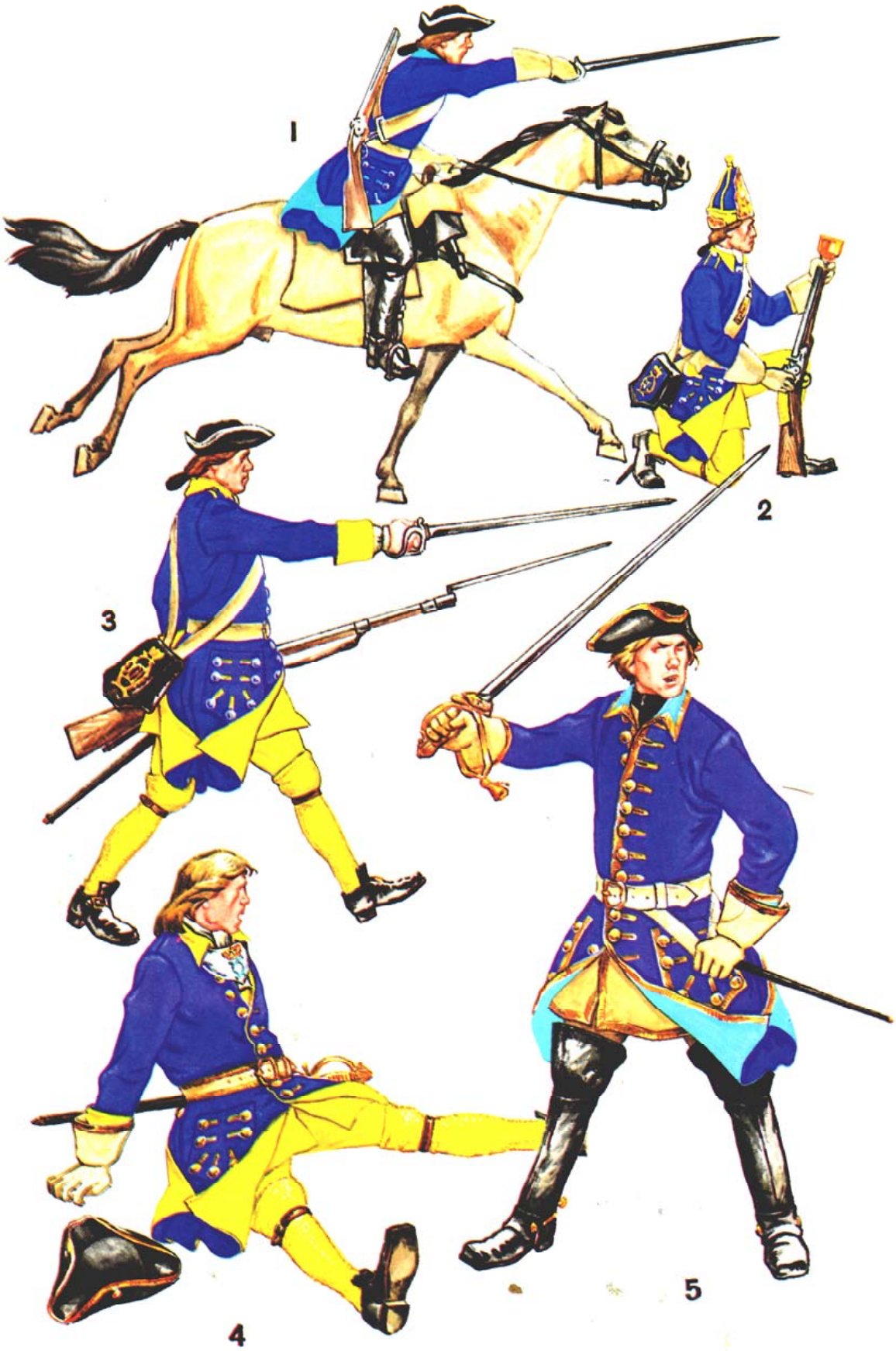
Полтавская битва. *1709*



На с. 1, 4 рисунки Ю. М. ЮРОВА

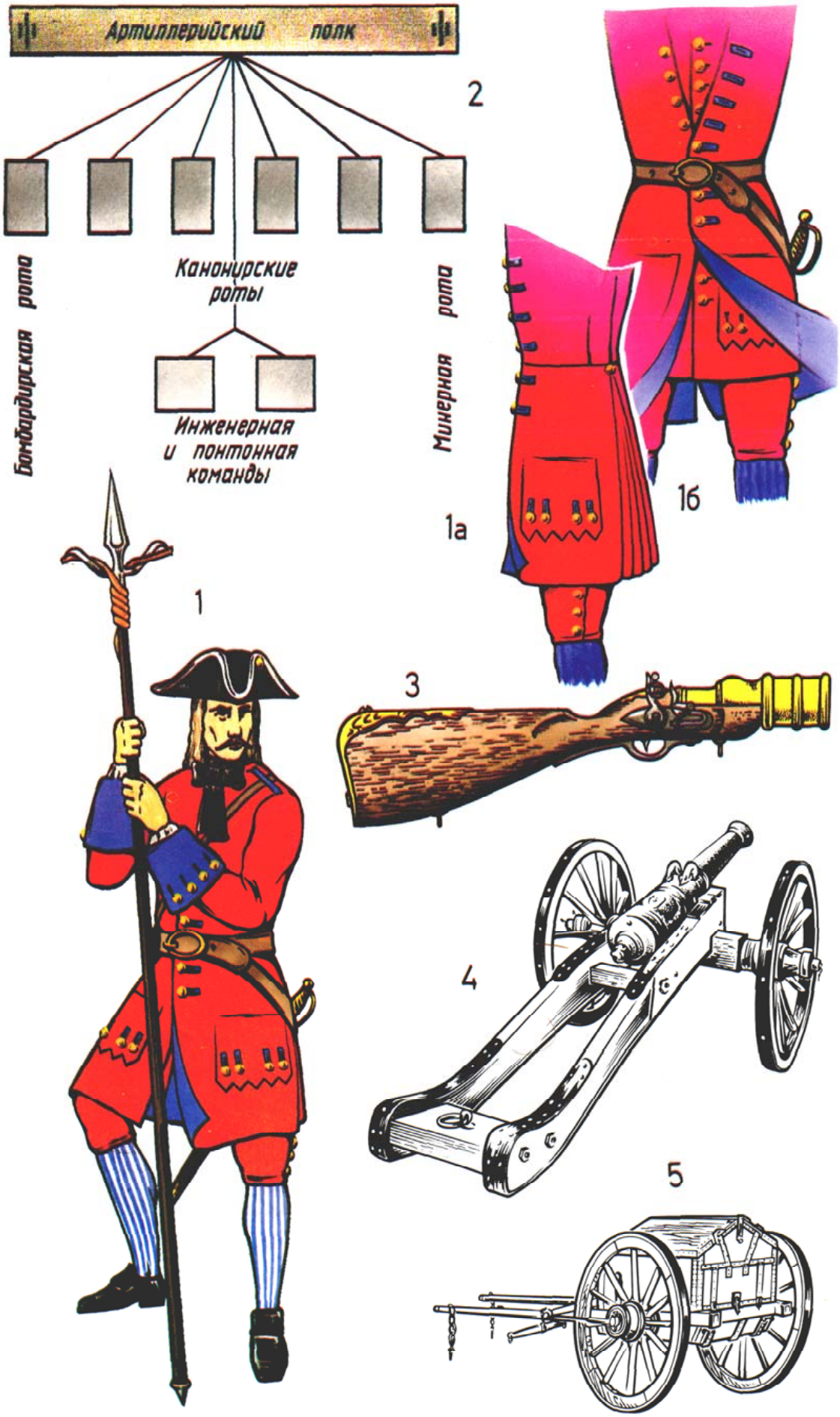
На вклейке:

С. 1. 1 — сержанты лейб-гвардии Преображенского полка 1700 года: 2 — шляпа и рукавный обшлаг с унтер-офицерским галуном: 3 — алебарды фурьерские 1700 — 1733 гг.; 4— алебарды каптенармусов 1700—1732 гг.; 5 — алебарды сержантские 1700 —1732 гг.; 6 — барабан лейб-гвардии Преображенского полка.



С.2. Шведская армия: 1 — драгун; 2 — гренадер лейб-гвардии пехотного полка; 3 — мушкетер лейб-гвардии пехотного полка; 4 — лейтенант лейб-гвардии пехотного полка в полевой форме; 5 — рядовой корпуса лейб-драбантов.

С. 3. Русская армия: 1 — фузелер драгунского полка; 2 — сержант лейб-гвардии Преображенского полка; 3 — фузелер лейб-гвардии Семеновского полка; 4 — гренадер пехотного полка; 5 — гренадерская сумка и шапка гвардейского гренадера; 6 — канонир артиллерийского полка; 7 — обер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка.



С. 4. Артиллерия русской армии: 1 — канонир; 1а — канонир (вид сбоку); 1б — канонир (в расстегнутом кафтане); 2 — организация артиллерийского полка; 3 — ручная мортира обр. 1712 года; 4 — парадная пушка для салюта в честь Полтавской победы: 5 — зарядный ящик полевой артиллерии.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ — БОЕВОЙ ОФИЦЕР

МИХАИЛ Юрьевич Лермонтов родился 10(22) октября 1814 года в семье военного. Отец был капитаном пехоты, а дед — артиллерийским поручиком. По их стопам пошел и Михаил Лермонтов, кадровая военная служба которого началась 14 ноября 1832 года, когда его зачислили в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. После окончания школы (22 ноября 1834 г.) он был определен корнетом седьмого эскадрона лейб-гвардии Гусарского полка, а в следующем году уже значился в четвертом эскадроне. Командовал лейб-гвардии Гусарским полком с 1834 по 1839 год генерал-майор М. Г. Хомутов, позже ставший наказным атаманом Войска Донского.

Военную службу М. Ю. Лермонтов нес довольно исправно до 27 января 1837 года, когда у Черной речки под Петербургом на дуэли был смертельно ранен А. С. Пушкин. Потрясенный этим известием, он пишет страстное стихотворение «На смерть поэта». Это резко изменило его судьбу. 25 февраля военный министр граф А. И. Чернышев сообщил шефу жандармов графу А. Х. Бенкендорфу высочайшее повеление: «Лейб-гвардии Гусарского полка корнета Лермонтова за сочинение известных вашему сиятельству стихов перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк, а губернского секретаря Раевского за распространение сих стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу — по усмотрению тамошнего гражданского губернатора» (Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в четырех томах. — Т. 4. — М.: Госиздат художественной литературы. 1958 — С. 568 — 569).

Нижегородский драгунский полк находился в Грузии (под Тифлисом). Вместо того чтобы поспешить в свой полк, Лермонтов подал рапорт с просьбой послать его в отряд генерала А. А. Вельяминова, готовившегося к экспедиции против горцев за Кубань. Видимо, поэт рассчитывал, что участием в опасных боевых действиях ускорит конец своей ссылки. Начальник штаба Кавказской линии генерал-майор П. И. Петров охотно удовлетворил просьбу, и вскоре Лермонтов оказался на Таманском полуострове, в довольно беспокойном тогда районе. Однако планы верховного командования к этому времени изменились, и 29 сентября 1837 года он получает предписание отправиться в Нижегородский драгунский полк.

Первая ссылка на Кавказ оказалась недолгой—не более пяти месяцев. Неугомонная бабушка Михаила Юрьевича Е. А. Арсеньева добилась смягчения его участи. Приказом Николая I от 11 октября прапорщика Лермонтова перевели в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк корнетом. Полк дислоцировался в живописных окрестностях Новгорода. Но с отъездом из Тифлиса поэт не особенно спешил. Из письма к С. А. Раевскому видно, что он в Грузии общался с сосланными туда декабристами, служившими рядовыми в действующих частях: «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные» (Там же. — С. 450).

По пути в Гродненский полк М. Ю. Лермонтов в начале 1838 года останавливался в Петербурге. К этому времени он уже был широко известен как автор знаменитого стихотворения «Бородино», а также «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и других поэтических вещей. В конце февраля он приехал в свой полк и поселился вместе с Н. А. Краснокутским в доме для холостых офицеров. Поэт близко сошелся с молодыми офицерами-гродненцами, отличавшимися известной долей свободомыслия и независимости суждений. Вокруг него вскоре сформировался кружок из однополчан, из которых выделялось несколько литературно одаренных молодых офицеров.

Исправная служба Лермонтова в полку и громкая литературная слава вынудили шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа внять постоянным просьбам А. Е. Арсеньевой и исходатайствовать у Николая I полное прощение поэта. Императорским приказом от 9 апреля 1838 года корнета возвратили в прежний, лейб-гвардии Гусарский полк. 14 мая он прибыл в Царское Село и возобновил службу в том же седьмом эскадроне под командованием полковника Н. И. Бухарова. Служба проходила успешно, и вскоре его произвели из корнетов в поручики.

Но вот в феврале 1840 года у М. Ю. Лермонтова состоялась дуэль с сыном французского посланника в Петербурге Э. де Барантом. «Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом и в понедельник на страстной неделе 8 апреля получил казенную квартиру в третьем этаже Санкт-Петербургского Ордонансгауса, а оттуда перемещен на Арсенальную гауптвахту, что на Литейной» (Русское обозрение. — Кн 8. — М., 1890. — С. 478—479). За дуэль с де Барантом поручика М. Ю. Лермонтова 13 апреля 1840 года вновь исключили из гвардии и перевели в Тенгинский пехотный полк, дислоцированный в Закубанском крае, в Причерноморье. Чтобы понять, почему именно в этот полк его зачислил царь, обрисуем кратко сложившуюся тогда военную обстановку на Кавказе вообще, а на Черноморской береговой пограничной линии в особенности.

Горцы, вооруженные англичанами и турками, сумели к этому времени захватить у русских почти все прибрежные форты. Дислоцированный на этой территории Тенгинский полк в частых схватках с горцами понес большие потери. Донесение об этом командующего Черноморской береговой линией генерала Н. Н. Раевского (он сменил умершего в 1838 г. генерала А. А. Вельяминова) Николаем I было получено 11 апреля, а спустя два дня царским приказом Лермонтов зачисляется в Тенгинский полк, лишившийся многих боевых офицеров.

М. Ю. Лермонтов выехал из Петербурга к новому месту службы в начале мая, а 10 июня был уже в Ставрополе — главной квартире командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-адъютанта П. Х. Граббе. К. П. Белевич, служивший в то время в чине майора в Тенгинском полку, а позже старательно собиравший материалы по его истории, писал: «В формулярном списке Лермонтова значится, что он прибыл в Тенгинский полк, принадлежавший к 1-й бригаде 20-й дивизии, 13 июня 1840 года.., но недолго оставался в полку... вследствие последовавшего из штаба командующего войсками распоряжения о прикомандировании его для военных действий к Чеченскому отряду, он вскоре туда отправился» (Семенов Л. П. Новые документы о Лермонтове // Горская мысль. — Кн. 3. — Владикавказ. 1922. — С. 39—40, 161 — 162).

Таким образом, Лермонтова командировали на левый фланг Кавказской линии для участия в экспедиционном отряде генерал-лейтенанта А. В. Галафеева, командира 20-й пехотной дивизии. «Войска Чеченского отряда состояли из двух рот, двух батальонов пехотного его светлости (ныне 84-го пехотного Ширванского) полка, батальона Мингрельского и трех батальонов Куринского егерских полков при 14-ти орудиях и 1400 человек казаков» (Командиру Отдельно-

го Кавказского корпуса господину генералу от инфантерии и кавалеру Головину 1-му от командующего отрядом на левом фланге Кавказской линии генерал-лейтенанта Галафеева рапорт // Русская старина. — 1891. — № 8. — С. 356).

В письме от 17 июня 1840 года А. А. Лопухину из Ставрополя М. Ю. Лермонтов сообщал: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг, в Чечню, брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья, этот пророк!.. Я здесь, в Ставрополе, уже с неделю и живу вместе с графом Ламбертом, который также едет в экспедицию... Я здесь от жару так слаб, что едва держу перо» (Лермонтов М.Ю. Указ. соч. — Т. 4. — С. 464).

18 июня Лермонтов выехал из Ставрополя в крепость Грозную— передовой оплот русского командования в борьбе против мюридизма. Из крепости Грозной отряд генерал-лейтенанта А. В. Галафеева отправился в Малую Чечню в начале июля, где совершил две экспедиционных кампании (первую — с 6 по 14 июля и вторую—с 27 октября по 6 ноября). Обе они сопровождались кровопролитными боями с войском имама Шамиля (1797—1871) — руководителя освободительного движения народов Дагестана и Чечни. Благодаря блестящим организаторским способностям и сильной воле Шамилю удалось объединить широкие массы горцев в борьбе против царских войск. В конце 1830 — начале 1840 года Шамиль оказал упорное сопротивление русским войскам, в частности в ходе организованной экспедиции 1840 года под начальством генерал-лейтенанта А. В. Галафеева (Апполон Васильевич Галафеев (1793 — 1853) происходил из дворян Тамбовской губернии. Получил образование в первом кадетском корпусе в Петербурге. Участвовал в войне 1812 г.. сражаясь в отдельном корпусе графа П. Х. Витгенштейна. С 6 декабря 1832 г. — командир 20-й пехотной дивизии. Принимал участие с этой дивизией в экспедиции генерал-адъютанта П. Х. Граббе в Дагестан против войск Шамиля).

В ходе первой экспедиции жестокий бой произошел 11 июля при реке Валерик (приток Сунжи, впадающей в Терек), в котором принял непосредственное участие поручик Тенгинского полка М. Ю. Лермонтов, исполнявший обязанности одного из адъютантов генерал-лейтенанта А. В. Галафеева. В журнале военных действий отряда так описывается место этого боя: «Впереди виднелся лес, двумя клиньями подходивший к обеим сторонам к дороге. Речка Валерик, протекая по самой опушке леса, в глубоких совершенно отвесных берегах, пересекала дорогу в перпендикулярном направлении, делая входящий угол к стороне Ачхой. Правый берег был более открыт, по левому тянулся лес, который был около дороги порублен на небольшой ружейный выстрел, так что вся местность представляла нечто в виде бастионного фронта с глубоким рвом» (Русская старина. — 1891. — № 8. С.360). Шамиль выбрал весьма выгодную позицию для обороны, надеясь не только остановить здесь русских, но и разбить их. Естественные преграды и искусственные завалы в несколько рядов делали невозможной переправу отряда через речку Валерик. Вот тут и разгорелся кровавый бой, который Лермонтов подробно и красочно описал в стихотворении «Валерик»:

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес ...
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили
(Лермонтов М. Ю. Указ. соч — Т 1, 1957. — С. 57 — 58).

12 сентября 1840 года в письме к А. А. Лопухину М. Ю. Лермонтов сообщал об этом бое: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убито 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте... вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела пахло кровью» (Там ж е. — Т 4. — С. 465).

По отзывам участников Чеченской экспедиции, поручик М. Ю. Лермонтов в этом бою показал неустрашимость, действовал как одаренный боевой офицер, соединяя хладнокровие со смелостью: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы» (Там же. — С. 381).

Намереваясь помешать Шамилю собрать новые силы и нанести ему окончательное поражение, генерал-лейтенант А. В. Галафеев 17 июля 1840 года выступил со своим отрядом на поиск Шамиля. В течение двух месяцев отряд искал его, но безрезультатно и вынужден был возвратиться. А тем временем генерал-майор Ф. К. фон Клюгенау (начальник левого фланга Кавказской линии, командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии) в Аварии столкнулся 14 сентября 1840 года с войском Шамиля под Гимрами и наголову разбил его. С остатками своих войск Шамиль ушел в Герменчук для пополнения. Получив эти сведения, А. В. Галафеев выступил 27 сентября из Грозной по Хандальскому ущелью и через два дня подошел к Герменчуку и осадил его. 10 октября он с отрядом направился к селу Авруры. В окружавших лесах сосредоточились мюриды Шамиля. Здесь-то и разгорелся смертельный бой, в котором поручик М. Ю. Лермонтов командовал казачьей сотней, к тому времени поредевшей и насчитывавшей всего 40 человек. Эту сотню он принял еще 10 октября, после ранения ее командира Р. И. Дорохова, помощником которого он был в ту кампанию. «Я хорошо помню Лермонтова, — писал один из его современников, — и, как сейчас, вижу его перед собой то в канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет с откинутым надворотником и переброшенной через плечо черкесской шашкой, как обыкновенно рисуют его на портретах. Он был среднего роста, со смуглым или загорелым лицом и с большими карими глазами. В кругу своих товарищей — гвардейских офицеров, участвовавших вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого они были направлены. Он был отчаянно храбр, удивлял своей удалью даже старых кавказских джигитов» (Мамацев К. Х. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1970. — С. 257 —258).

В аттестационном списке представляемых к наградам отличившихся в бою офицеров в осеннюю кампанию 1840 года о поручике М. Ю. Лермонтове говорилось следующее. «Во всю экспедицию в Малую Чечню с 27 октября по 6 ноября (1840 г.), — доносил Голицын, — поручик Лермонтов командовал... отлично во всех отношениях: всегда первый на коне и последний на отдыхе» (Военная Энциклопедия. — Т. 14. — М.: 1914. — С. 589).

А. В. Галафеев представил М. Ю. Лермонтова за первое дело к ордену Св. Владимира IV степени с бантом, а за

последующие подвиги подал рапорт от 9 декабря 1840 года с приложением наградного списка поэта и ходатайством об обратном переводе в гвардию с тем же чином и со старшинством. Но в Петербурге отказано было во всех наградах и велено никуда из полка не отпускать. Это «высочайшее повеление» уже не застало М. Ю. Лермонтова в живых.

11 декабря военный министр А. И. Чернышев сообщил командиру отдельного Кавказского корпуса о том, что «государь император по всеподданнейшей просьбе госпожи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, высочайше повелеть соизволил: офицера сего, ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в Санкт-Петербург сроком на два месяца» (Семенов Л. П. Указ. соч. — С. 44). 14 января 1841 года М. Ю. Лермонтову выдается отпускной билет на два месяца, и в этот день он выехал из Ставрополя в Петербург, куда прибыл 7 или 8 февраля. В свой последний приезд в Петербург (во время двухмесячного отпуска) в начале 1841 года М. Ю. Лермонтов позировал художнику К. А. Горбунову в форме Тенгинского полка для портрета, заказанного ему редактором «Отечественных записок».

В начале апреля окончился отпуск. Петербургские власти воспротивились его продлению, и М. Ю. Лермонтов направился в свой Тенгинский полк. Князь Владимир Федорович Одоевский вручил ему записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее всю исписанную. Князь В. Одоевский 1841, апреля 13-е. СПБург» (Лермонтов М.Ю. Указ. соч. — Т. 4.- С. 586).

9 мая 1841 года М. Ю. Лермонтов приехал в Ставрополь и на другой день отбыл в крепость Щуру (ныне город Буйнакск), где стоял Тенгинский полк, но, почувствовав себя плохо, из Георгиевска поехал в Пятигорск, куда прибыл 13 мая. На другой день подал пятигорскому военному коменданту полковнику В. И. Ильяшенко рапорт о болезни. Получив позволение временно остаться здесь, поселился с А. А. Столыпиным (Монго) в домике под соломенной крышей, принадлежавшем капитану И. И. Гиляеву. Полковник В. И. Ильяшенко 24 мая сообщил в штаб войск Кавказской линии о прибытии поручика Тенгинского полка Лермонтова для лечения «на водах». В середине июня из штаба последовало предписание отправить поручика М. Ю. Лермонтова в военный госпиталь в Георгиевск для обследования. 18 июня Лермонтов подает рапорт о своей болезни и о «необходимости пользоваться водами для совершенного излечения», приложив к нему врачебное заключение (Семенов Л. П. Указ. соч. — С. 45). Комендант отправил рапорт в штаб, и М. Ю. Лермонтов стал ждать ответа.

13 июля у него произошло столкновение с отставным майором Н. С. Мартыновым на вечере у Верзилиных, а 15 июля между шестью и семью вечера между ними состоялась дуэль. М. Ю. Лермонтов не стрелял, спокойно стоял, подняв вверх пистолет, ожидая выстрела противника, пуля которого поразила его насмерть. На третий день после дуэли, а фактически убийства (17 июля 1841 года) М. Ю. Лермонтова похоронили на Пятигорском кладбище по христианскому обряду и с военным оркестром. Товарищи по оружию проводили поэта в последний путь, оплакивая его бессмысленное убийство. Через год его тело в свинцовом гробу перевезли в село Тарханы (ныне Лермонтово), где оно покоится и теперь. М. Ю. Лермонтов был похоронен в мундире поручика Тенгинского пехотного полка, им он и остался в памяти сотоварищей.

М.Я. ПОПОВ, кандидат исторических наук, доцент

О сестре милосердия, награжденной орд. св. Георгия

...Не ради наград, но ради токмо родного народу

18 сентября 1915 года Петроградское телеграфное агентство распространило следующее сообщение: «В 105-м пехотном полку сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, невзирая на уговоры офицеров и брата, полкового врача, все время работала под огнем, перевязывая раненых солдат и офицеров десятой роты. Когда все офицеры были убиты, она собрала к себе солдат и бросилась с ними на окоп, который взяла, и тут же, раненная, скончалась»[1].

А в январе 1916 года в ряде изданий появилась информация, что «государю было благоугодно за столь беспримерный подвиг, увенчавшийся полным успехом, содеянный сестрой милосердия Риммой Михайловной Ивановой, запечатленный ее смертью, наградить доблестную погибшую офицерским орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени»[2].

Это была сенсация. Больше сотни лет, со времен Отечественной войны 1812 года, когда Георгиевским кавалером впервые стала знаменитая «кавалерист-девица» Надежда Дурова, женщины не удостаивались подобной награды. Газеты и журналы наперебой приводили подробности из жизни героини: родилась в небольшом губернском городе Ставрополе в семье служащего местной консистории, окончила там же гимназию, воспитывалась в патриотическом духе. Работала учительницей в школе первой ступени степного села Петровского[3]. С началом войны поступила на курсы сестер милосердия, затем добровольно ушла в действующую армию[4].

Любопытно одно обстоятельство. Подвиг был совершен 9 сентября 1915 года. Почему же награждение так задержалось? Судя по всему, факт героической гибели сестры милосердия армейское командование пыталось скрыть. Журналисты узнали о нем только после того, как германские газеты опубликовали протест председателя кайзеровского Красного Креста генерала Пфюля [5]. Ссылаясь на конвенцию о нейтралитете медицинского персонала, генерал заявлял, что сестрам милосердия «не подобает совершать воинские подвиги».

Солдаты любили двадцатилетнюю девушку и потребовали от командования предоставления специального вагона, «дабы предать тело героини земле в ее родном городе Ставрополе-Кавказском». Прах патриотки был поездом доставлен в Ставрополь, где торжественно, при огромном стечении народа, захоронен в ограде нынешнего Андреевского кафедрального собора.

Вокруг имени девушки началась шумиха. Протоиерей Симеон Никольский выпустил в свет брошюру «Памяти героини долга», в которой проводил мысль о причислении Ивановой к лику святых Русской Православной Церкви[6]. Великий князь Николай Николаевич прислал на могилу Риммы серебряный венок, перевитый Георгиевской лентой.

Конец кампании положил отец девушки — Михаил Павлович, решительно заявив в губернской печати о том, что дочь пошла на фронт «не ради наград, не ради почестей родительских, но ради токмо родного народу»[7].

С годами о сестре милосердия, вынесшей из-под огня около шестисот русских раненых воинов, забыли.

В литературном музее Ставрополя сохранилось два подлинных снимка девушки-героини, ее похорон. А совсем недавно случай свел меня с жителем краевого центра Ю. Д. Панкратьевым. Его семья дружила с семьей Ивановых. После смерти Елены Никаноровны — матери героини часть ее архива перешла к тетке Панкратьева, а затем к нему. Он и предоставил фотографию Риммы, заверенную печатью и подписью начальницы местной Ольгинской гимназии.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Божіею милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Въ воздаяніе подвиговъ, мужества и храбрости, оказанныхъ сестрою милосердія Риммой Ивановой 9 сентября сего года, когда она, состоя при 105-мъ пѣхотномъ Оренбургскомъ полку, все время перевязывала раненыхъ подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, а затѣмъ, узнавъ, что командиръ и офицера 1-ой роты сего полка убиты, собрала къ себѣ солдатъ, бросилась съ ними на непріятельскій окопъ и взяла его, но тутъ же, получивъ смертельную рану, скончалась, запечатлѣвъ своею смертью безпримѣрный для женщинъ боевой подвигъ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожаловали МЫ ее указомъ въ 17-й день сентября 1915 г. Капитулу данныхъ, Кавалеромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Военнаго Ордена НАШЕГО Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія четвертой степени.

Грамоту сію во свидѣтельство подписать, Орденскою печатью укрѣпить и самые Орденскіе знаки вмѣстѣ съ грамотою повелѣли МЫ Капитулу Россійскихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и Царскихъ Орденовъ препроводить къ подлежащему начальству награжденной для выдачи законнымъ наслѣдникамъ покойной, а при неимѣніи оныхъ для направленія на храненіе въ 105-й пѣхотный Оренбургскій полкъ.

Дана въ Петроградѣ въ 7-й день января 1916 года. № 1006

Грамота за надлежащими печатью и подписями.

[1] Искры. 1915.11 окт. № 40.

[2] Памяти героини долга сестры милосердия Риммы Михайлов-

Р. М. Иванова. 1913 г.

ны Ивановой. Ставрополь, 1915. С. 2.

[3] Ныне город Светлоград Ставропольского края.

[4] Памяти героини долга... С. 4.

[5] Там же. С. 18,38.

[6] Северо-Кавказское слово. 1916. 26 сент.

[7] Там же. 4 окт.

Ю. Н. ХРИСТИНИН, заслуженный работник культуры Российской Федерации